

Антон Чехов

Литературное наследство

Литературное наследство

ЧЕХОВ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

РЕДАКЦИЯ
И. И. АНИСИМОВ, А. С. БУШМИН,
В. В. ВИНОГРАДОВ (ГЛАВ. РЕД.), А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Ю. Г. ОКСМАН и М. Б. ХРАПЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 0

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ЧЕХОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 0

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

СЛОВО О ЧЕХОВЕ*

Конст. Федин

Весь мир славит имя Антона Чехова.

На родине писателя в Российской федерации, во всех союзных Советских республиках, повсюду в социалистических странах и в странах старого мира, на Востоке и Западе — везде в эти дни почитатели, ценители чеховского искусства заполняют аудитории, театры, клубы и залы, чтобы воздать честь памяти глубокого, обаятельного художника, открывшего новые страницы в истории реалистического рассказа, в истории новейшей драмы.

Это международное чествование художника слова приобрело воистину необыкновенный размах, исполнено редчайшей любви и яркого желания проявить сердечность, где бы ни происходило празднество во славу Чехова — в стенах заслуженного университета, или в скромной сельской школе, на сцене прославленного театра, или на подмостках любительского кружка в рабочем клубе.

Организация Объединенных Наций, одобрившая решение ЮНЕСКО провести юбилей Чехова во всемирном масштабе; по всем странам прозвучавший призыв Всемирного Совета Мира отпраздновать памятную чеховскую дату; десятки общественных и государственных комитетов по чествованию писателя в странах Европы, Азии, Америки; книги, ученые работы, тысячи статей в журналах, газетах; с каждым часом возрастающее число радиопередач; каждый день умножаемые известия о новых постановках чеховских спектаклей; демонстрация на киноэкранах фильмов по чеховским произведениям; а наряду с этим — стихийно развертывающаяся самодеятельность масс, желающих отметить силами своих дарований 100-летие со дня рождения любимого писателя — вот факты этих дней, посвящаемых во всем мире нашему Чехову.

Да и неверно сказать — «этих дней», потому что во многих странах 1960 год провозглашен годом Чехова.

Перед лицом этого события в советской и международной культурной жизни нельзя не задаться вопросом — почему в современную нам бурную эпоху непрерывно растет слава писателя, изображавшего самых обыкновенных русских людей в самых обыденных условиях конца прошлого века?

Чехов еще при жизни завоевывал себе читателя, зрителя, завоевывал почетное признание крупнейших и великих писателей-современников. Но тогда же, при его жизни, насаждалась известной частью критиков легенда о мнимой непримечательности его таланта, якобы отданного воспеванию серых будней безвременья.

Это была борьба двух толкований Чехова, из которых одно состояло в признании исключительного гуманистического значения его творчества, другое — в утверждении, что творчество Чехова лишено какого-

* Речь в Большом театре СССР на открытии торжественного вечера в ознаменование 100-летия со дня рождения А. П. Чехова.

либо идеала. В плане моральном спор, длившийся годами, не принес лавров тем, кто хотел бы окрестить Чехова выразителем общественного уныния. Борьба часто сводилась к стремлению реакции отказать в правоте прогрессивному взгляду на Чехова как на великого жизнелюбца, отдавшего всего себя и свой гений народному счастью.

К недавнему 50-летию со дня смерти Чехова стало уже очевидно, что легенде о нем как певце безвременья почти повсеместно наступил конец. Победило высказанное после смерти Чехова воззрение Льва Толстого, который назвал Антона Павловича «несравненным художником... художником жизни...» и сказал, что «... достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное».

Это главное восторжествовало.

Оценивая значение Чехова для художественного развития человечества, писатели старших поколений и наши современники измеряют это значение наивысшей мерою.

Английская писательница Кэтрин Мэнсфилд говорит о рассказе Чехова «Степь», что это «одно из самых великих произведений мировой литературы — своего рода „Илиада“ или „Одиссея“». Американец Артур Миллер считает, что Чехов «ближе к Шекспиру, чем кто бы то ни было другой». Французский романист и драматург Франсуа Мориак пишет: «Для меня Чехов олицетворяет театр, как Моцарт олицетворяет музыку».

Удивительно поэтично сказал знаменитый писатель-ирландец Шон О'Кейси: «Чехов пришел в Ирландию, туда, где я жил, и нашел широко открытой дверь каморки бедняка, его приняли с ирландским радушием и усадили на лучшее место у камина». Можно повторить эти слова, сказав, что Чехову открыли дверь все страны и усадили его на лучшее место.

Художники несхожих убеждений и вкусов сближаются в своих представлениях о Чехове благодаря неоспоримости того «главного», что отметил Лев Толстой и что заключено в основе чеховского творчества — его человечности.

Как бы ни были различны мастера культуры, они все согласны с тем, что Чехов произведениями своими подготовлял мир к лучшей жизни, более прекрасной, более справедливой, более разумной. Мы находим это признание и в словах немецкого романиста Томаса Манна, и у китайского писателя Лу Синя, или у англичан Джона Голсуорси и Джона Бойнтона Пристли, или у француза Веркора.

Но было бы мало, если бы дело шло только о том, что гений Чехова сближает в толковании своего творчества разных писателей. Гораздо знаменательнее, что произведения Чехова ведут мировое общественное мнение через его искусство к источнику, которым оно вдохновлено — к русскому человеку, к русскому народу. И едва ли не лучше многих выразил эту мысль французский критик и публицист Андре Вюрмсер: «Нельзя,— сказал он,— любить и почитать Антона Павловича Чехова, не понимая, что Россия, им описанная, что русские, несчастье которых он показал в своих произведениях, должны были превратиться в эту новую страну, в этих новых людей, которых мы видим сейчас».

Это действительно так, ибо это означает, что, с болью и горечью обличая ленивую, косную, несчастную Россию царских времен, Чехов ясно видел в своем народе здоровых, трудолюбивых, смелых людей и в них находил постоянную опору своему убеждению, что русская жизнь непременно станет прекрасной и счастливой.

Она стала такой. Великий Октябрь превратил нас в новых людей, былую Россию — в новую страну социализма, строящую коммунистическое общество будущего.

Если Антон Чехов в своей красивой мечте о счастье для всех, о высокой культуре для родного народа чего-нибудь не мог предвидеть — так это небывалой быстроты, с какой народ опрокинул все старое, что ему мешало на дороге к новой жизни.

Как же отвечаем мы на вопрос — почему продолжает расти слава Чехова, изображавшего обыденную жизнь теперь уже отдаленного прошлого? Чем он столь дорог нашей современности?

Он дорог нам своею человечностью, пронизывающей все его художественное творчество и его личность. И он дорог нам своим глубоким сознанием того, что прекрасное может и должно быть создано только трудом.

Алексей Максимович Горький, добрый товарищ Чехова, сказал об этом его жизненном и творческом сознании: «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович».

Человек и труд — вот созидательная основа нашей современности. Человек и труд — вот творческий девиз Чехова. Поэтому Чехов неотделим от современности.

Чехов был, есть и будет с нами и со всем миром.

ЧЕХОВ-ХУДОЖНИК

Максим Рыльский

В не так давно опубликованной статье о Чехове К. И. Чуковский замечательно рисует его щедрость, его гостеприимство — он не мог жить без людей, дом его всегда был полон друзьями, знакомыми и полузнакомыми,— его жизнелюбие, его жизнерадостность, его склонность к дружеским шуткам, к веселым выдумкам... И это говорится о «певце хмурых людей» и поистине хмурой эпохи 80-х годов, это говорится об авторе страшных рассказов «Мужики» и «В овраге», бесконечно печальных произведений — «Ионыч», «Три сестры», «Архиерей», это говорится о том, кто, по справедливому выражению В. Воровского, «добрый, мягкий, нежный в личной жизни... был ядовит, жесток, безжалостен перед лицом господствующей пошлости».

М. Горький и другие друзья и современники вспоминают о его чрезвычайной деликатности, о его скромности и простоте, о его отвращении ко всяким «высоким», патетическим словам, за которыми часто чувствовалась фальшь и неискренность.

Его нежно любили Лев Толстой, Бунин, Куприн, Станиславский, Немирович-Данченко, все, я полагаю, артисты Художественного театра. Именно *нежно* любили. Любили и ценили в нем великого художника, который принес в русскую и мировую литературу подлинно новое слово.

Его называли аполитичным. В самом деле, он и в период своего высшего духовного расцвета оставался на общедемократических позициях. В самом деле, он не вошел ни в одну из современных ему политических партий. Однако термин «аполитичный» выбран не слишком удачно.

Объяснение некоторой невыразительности общественных взглядов и идеалов Чехова можно искать в условиях его воспитания, в особенностях среды, в которой он вырос и формировался. Но непреложным остается факт, что беспощадная критика современной Чехову действительности неотделима от его таланта художника, мыслителя, который жил жизнью народа, от глубокого демократизма всего его творчества и мировоззрения.

Чехов-художник не любил ставить точки над и. Он предпочитал, чтобы это делали читатели. Разве то, что Чехов не говорит прямо о кулачестве и купечестве, как классах, в рассказе «В овраге», о темноте, бесправии, забитости села в «Мужиках», в «Новой даче», о мелочности интересов, карьеризме и угодничестве чиновников в «Анне на шее» и целом ряде других рассказов, о тупости и духовном убожестве помещиков в рассказе «Печенег», в «Дочери Альбиона»,— разве это хоть немного притупляет острие его сатиры? Разве не видно, куда это острие направлено?

Современники любили противопоставлять Чехову Щедрина. Тот, дескать, знает, для чего и о ком пишет. Чехов якобы не знал. Впрочем, те же современники причисляли Чехова к странной для нашего слуха троице — Альбов, Чехов, Баранцевич. Кто знает теперь Альбова? Кто пом-

нит Баранцевича? И кто не согласится, что у сатирика Щедрина и сатирика Чехова один и тот же объект сатиры, да и оружие их не всегда было таким различным, как казалось современникам?

Подумалось мне о сопоставлении Чехова с Гоголем, и вот почему. Гоголь начал романтикой и поэтичностью «Хуторов», и только потом, поднявшись к вершинам героики в «Тарасе Бульбе», он, уже заметив вокруг себя пошлость Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки, подлость Ивана Ивановича и тупость Ивана Никифоровича, раскрыл читателям уродливый мир Чичиковых и Ноздревых, Собакевичей и Коробочек, Хлестаковых и Сквозник-Дмухановских — мир мертвых душ, из которого титаническим усилием вырывался он в неожиданную патетику Русь-тройки...

Чехов, в котором небезосновательно видели вначале юмориста, сотрудника «Осколков», соратника Лейкина, вскоре вырвался из объятий не только Лейкина, но и Суворина и с неменьшей, чем Гоголь, жестокостью раскрыл читателям страшный мир унтеров пришибеевых, хамелеонов, людей в футлярах — современных ему мертвых душ. Но именно в последний и самый высокий период своего творчества, объятый печалью, мучимый тяжелой болезнью, он обращает взор — особенно в своей драматургии — к светлому, к чистому, к хорошему в людях. Эта линия идет еще от задушевной, чудесной «Степи». Пусть Чайка — Нина Заречная — гибнет, пусть Треплев, зайдя в тупик, стреляется, пусть тоска трех сестер по Москве вызывает у нас улыбку, но есть на свете чистота Ани и Трофимова, душевное благородство дяди Вани и мечта Сони о счастье — мечта самого Чехова. Недаром же во время своей поездки на Сахалин, которая сама по себе была не только данью любви Антона Павловича к путешествиям, но и высоким гражданским подвигом,— недаром же тогда в письме к сестре он писал: «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!»

Чехов сказал в литературе новое слово. На этом сходились его современники, среди которых был и Максим Горький. Язык его не похож ни на язык Толстого с огромными «циклопическими» его периодами, ни на страстную, удивительно богатую интонационно прозу Достоевского, ни на повествование любителя всяческих словесных раритетов Лескова, ни на деловитую пространную манеру Гончарова, ни на красивые округленные фразы и длинные описания Тургенева. Лучшие чеховские рассказы своей скупостью и сжатостью в определенной степени представляют поворот к Пушкину с его лаконичной «Пиковой дамой», к «Тамани» Лермонтова («Тамань», кстати, Чехов очень высоко ценил). Но исключительную роль играют у Чехова умело подобранные характерные детали, и в этом, собственно, то стилистически новое, что внес он в литературу. Все помнят то место из «Чайки», где Треплев жалуется: «Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня...» Эти «приемы», эти художественные средства Тригорина — средства самого Чехова, хотя в Тригорине, как известно, рисовал он не себя. Называли это «импрессионизмом», теперь перестали называть,— но дело не в термине, а в бесспорно новом явлении, новой стилевой манере. Она выражается в предельно-скупом отборе самых нужных выразительных средств.

Правда, начинал Чехов — «Чехонте» — с «описательства», от которого затем решительно отошел.

«Муха средней величины забралась в нос товарища прокурора, надворного советника Гагина. Любопытство ли ее мучило, или, быть может, она попала туда по легкомыслию, или благодаря потемкам, но только

нос не вынес присутствия инородного тела и подал сигнал к чиханию».

Смешно, но и только. Подобное читатели уже видели. У Гоголя, у Щедрина оно даже сильнее получалось.

Приведенный отрывок взят из одного раннего чеховского рассказа. А вот зрелый Чехов:

«Село Уклеево лежало в овраге, так что с шоссе и со станции железной дороги видны были только колокольня и трубы ситценабивных фабрик. Когда прохожие спрашивали, какое это село, то им говорили:

— Это то самое, где дьячок на похоронах всю икру съел».

Вот и готов портрет села, портрет, где вся суть, собственно, в одной случайной, мелкой и вместе с тем синтетической черте,— в этом вот дьячке, который съел когда-то, бедняга, на поминках четыре фунта икры: читатель уже понимает, какая темная, безрадостная, скучная, однообразная жизнь должна быть там, в овраге, если незначительное, смешное, микроскопическое событие десятки лет держится в памяти людей и служит характеристикой села. И, конечно, это символ всего тогдашнего сельского прозябания в России. Уклеево — это тысячи уклеевых. Художественная деталь приобретает идейную функцию. Если Чехов бесконечно далек от словоохотливости на старинный лад, от длиннейших описаний, выступлений и отступлений, если на все смотрит он по-своему и каждый раз освещает вещи с неожиданной для нас стороны, то не менее характерна для него ненависть ко всему внешне красивому, манерному, претенциозному, нарочито оригинальному... Много тире во фразе — претенциозно, а значит и плохо; много ставит молодой писатель точек, многоточий,— и уже готово у Антона Павловича: «У вас точек как пуговиц на мундире у городничего»; название вещи должно быть кратким, лучше всего из одного слова, лучше всего из существительного, в пьесах прежде всего нужно избегать «театрального языка, в котором нет поэзии»... Такова поэтика автора «Ионыча».

Самое большое впечатление на современников производила его драматургия. Станиславский называл его пьесы гениальными; Толстой говорил, что он не умеет писать пьес. Публика вначале не воспринимала их, а потом сходила с ума от восторга. Странно было, в самом деле, читать (и слушать со сцены) людям, воспитанным, скажем, на Островском, такое окончание «Чайки»:

«Д о р н (*перелистывая журнал, Тригорину*). Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... (*Берет Тригорина за талию и отводит к рампе*) так как я очень интересуюсь этим вопросом... (*Тоном ниже, вполголоса*) Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился».

В драматургии своей Чехов, быть может, был еще большим новатором, чем в своих рассказах и повестях. Но и здесь предельно скупой отбор самых нужных выразительных средств остается ведущим принципом.

* * *

Я говорил о любви к Чехову его современников. Можно было сказать и о связях с творчеством Чехова творчества Коцюбинского и всей новейшей украинской литературы, всей литературы советской. Следовало бы сказать, может быть, и о популярности Чехова в Европе, в Америке, о высоком признании, которым окружали его крупнейшие современные мастера слова. Но я не собирался написать широкое историко-литературное исследование. И закончить хочу одним: уверен, что нет нигде более благодарных читателей Чехова, чем у нас, в Советском Союзе. А для меня лично самым дорогим, на всю жизнь пленившим меня произведением Чехова была и остается его благоуханная «Степь».

СВЕТЛАЯ ВЕРШИНА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мухтар Ауэзов

На жизненном пути человека есть перевалы, с которых глубже и проникновеннее познается окружающий мир, красота и поэзия, вера и любовь в человека. Для меня таким перевалом явилось сердечное, круто изменившее всю мою жизнь, знакомство с русской литературой. Той самой литературой, перед которой в свое время был в долгу Абай и который сполна возвратил ей долг изумительной поэзией, проложившей к его родному народу широкие пути благодарной дружбы.

Как человек, для которого русский язык являлся не родным, я еще в пору обучения в русской школе страстно тянулся к русской языковой культуре. Я стал постигать богатство литературы, языка, на котором творили классики, и воспринял их как свою академию. Обучаясь в русском университете в Ленинграде, я с огромным увлечением и радостью открыл для себя сокровищницу русской художественной литературы. Новыми мирами открывались для меня классики XIX столетия, великие мастера русской прозы. И великим миром, особой притягательной силы, явился в моих представлениях Антон Павлович Чехов.

Что для меня необычайно великого в наследии Чехова, звучащем гимном человеку, вере и любви к нему?

Мне кажется, что можно учиться и в известной мере стать учеником на своей национальной литературной почве Тургенева, Толстого, Горького и даже Достоевского. А вот стать учеником Чехова, только опираясь на огромную к нему любовь, трудно, почти невозможно. Для этого надо родиться сходным по своей творческой природе, родственным по внутреннему, глубоко лирическому строю души. Я начинаю свои размышления с этой проблемы, потому что все литераторы советского Востока, да и вообще всех народов мира, у которых художественно-творческая культура письменной литературы приобретает все новые качества, обогащаются благодаря восприятию всего того передового, что есть в традициях мировой классической литературы, в центре которой высится великая наставница — русская литература.

Трудно учиться у Чехова, даже глубоко чувствуя огромную властную силу его гения, но нельзя восприятие его творческой культуры понимать как вид непосредственной учебы. Это художник особой палитры, многокрасочного, неяркого, но необычайно богатого колорита, у которого тональность душевных состояний, людских отношений не резка, не ярка, но тем более ощутительна в нем и легкая ирония, и мягкий юмор, и сочувствие к человеку, где любовь, грусть, печаль волнения о всяческих неустроенностях русского человека, народа находили в его душе горячий отзвук, будили веру в новые силы общества. Однажды рассмотрев, почувствовав переходные тона его нежнейших красок, уловив задушевную мелодию пронизывающих душу напевов, мы уже не в силах расстать-

ся с ними, забыть их. Обаяние Чехова затрагивает все лучшие чувства человека, пробуждает красоту его мыслей, порывов, желаний.

Светлый чеховский гуманизм, внимание к судьбам «обыкновенного» человека насыщали его рассказы живым человеческим теплом.

Это был художник широкого диапазона, отобразивший социально-психологическую жизнь русского общества, обнаживший ее до самых корней и потаенных глубин. Среди его персонажей мы встречаем множество людей — хороших и дурных, благородных и озлобленных, мудрых и глуповатых. И нас поражает чеховское отношение к персонажам, в котором ничто не навязано, но освещено изумительно тонким, обостренным чувством меры. Сказочным волшебством своего слова он дает нам почувствовать, что следует быть на стороне доктора Астрова, что вы должны глубже понять Ирину — одну из трех сестер. Тонкая умная ирония говорит о глубокой гражданской взволнованности светлой души художника за судьбу народа, родины.

Читая «Мужиков», «В овраге», видишь как писатель совестью и кровью своей связан с народом, потому так потрясает его печаль о доле русского мужика. Не прямыми призывами, декларацией, а как бы обнажив кровоточащие раны народных бед, он приковывает внимание читателя к судьбам русского народа.

С волшебным мастерством,только ему присущим,он поет о русской природе, неповторимо сочетая поэтичность пейзажей с философско-психологическим обрамлением. Тонкий аромат чеховской «Степи» пронизал всю русскую литературу, нежные лепестки из «Вишневого сада» задели самые разноречивые чувства, белоснежные крылья «Чайки» рассекли застой, породили свежий ветер гнева за скорбные судьбы людей искусства.

Через все творчество Чехова проходят поучительное неизбывное чувство любви к людям из народа, к добрым его сынам из интеллигенции, скорбные думы о незавидной доле русского человека, опутанного несправедливостями, уродливыми общественными порядками. Обогащаясь то мягким лиризмом, то грустным юмором, усиливаясь и нарастая, проходят они лейтмотивом его поисков, его художественных обретений.

Чехов немыслим без его понимания идеалов красоты, смысла жизни, мудрости любви, назначения искусства. Они противопоставлены им пошлости, тупости, противоборствуют в жизненных конфликтах различных человеческих судеб. Он славил труд и считал, что «без труда не может быть чистой и радостной жизни».

Я читаю и перечитываю его книги, напоенные удивительно душевной красотой писателя, глубоко поэтичные по своему художественному строю, и, может быть, поэтому Чехов представляется мне светлой вершиной, озаренной утренним солнцем, которую природа наделяет невесомой прозрачной синевой, словно усиливая ее красоту и притягательность, неповторимую игру нежных полутонов. Восхищенными взорами тянутся к ней люди разных народов, многоязычно выражая свое удивление перед гением художника, столь страстно и целомудренно выразившего свою любовь к человеку.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том «Литературного наследства», подготовленный редакцией в связи со столетием со дня рождения А. П. Чехова, содержит новые материалы и исследования о жизни и творчестве писателя.

Собирание рукописного наследия Чехова было начато вскоре после смерти писателя М. П. Чеховой, которая приступила и к его публикации. Особенно интенсивная и плодотворная разработка архива Чехова стала возможной после Великой Октябрьской социалистической революции, когда (в 1921 г.) О. Л. Книппер-Чехова и М. П. Чехова передали его в государственную собственность. Созданный таким образом фонд Чехова в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина стал доступен для исследователей жизни и творчества писателя. Кроме Библиотеки им. В. И. Ленина, чеховские материалы находятся в других крупнейших государственных хранилищах Советского Союза, а также во многих частных собраниях.

Многочисленные труды о Чехове советских исследователей создали прочную основу для подготовки научного собрания его сочинений. В 1944—1951 гг. Гослитиздатом было осуществлено «Полное собрание сочинений и писем» Чехова в двадцати томах. Однако, несмотря на огромный труд, вложенный в это издание, его нельзя назвать исчерпывающим. Уже после окончания работы над этим собранием сочинений было обнаружено несколько неизвестных творческих рукописей Чехова, установлено его авторство в отношении ряда ранних юмористических рассказов, найдено немало не вошедших в издание писем и дарственных надписей.

Редакция «Литературного наследства», готовя чеховский том, поставила перед собой в качестве одной из основных задач собрать тексты Чехова, не вошедшие в Полное собрание сочинений 1944—1951 гг. В соответствии с этим были организованы поиски в московских, ленинградских и периферийных архивохранилищах, а также в частных коллекциях. Сверх этого, редакции удалось получить некоторые чеховские материалы (письма, книги с дарственными надписями) от лиц, проживающих за границей (в США и во Франции). После использования эти документы были переданы «Литературным наследством» в Отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина.

Первый раздел тома посвящен художественным произведениям Чехова. Открывающая книгу публикация двух рукописных редакций пьесы «Три сестры» впервые дает возможность изучить творческую историю этого произведения на последних, завершающих этапах работы писателя над ним. В предпосланной этим материалам статье автор публикации прослеживает историю создания «Трех сестер» и дает анализ тех поправок и изменений, которые Чехов-художник счел необходимым внести в текст пьесы уже после передачи ее театру. Далее публикуется беловая рукопись рассказа «Невеста», поступившая недавно в Библиотеку им. В. И. Ленина. Вместе с известными уже исследователям текстами чернового автографа и двух корректур публикуемый текст дает возможность изучить почти полностью процесс творческой работы Чехова над рассказом. В первом разделе тома печатается также ряд неизвестных ранних юмористических произведений Чехова, а также сообщения о новонайденных автографах «Юбилея» и «Попрыгуньи» и о неизвестных фрагментах рукописей «Дамы с собачкой» и «Вишневого сада».

Поиски в государственных архивах и в частных собраниях, проведенные редакцией «Литературного наследства» и рядом исследователей, позволили обнаружить сто сорок семь писем Чехова, не вошедших в Полное собрание сочинений и писем. Их публикация начинает собой второй раздел тома. Кроме того, редакции удалось обнаружить автографы еще девяноста девяти писем Чехова, которые были напечатаны не всегда исправно, по копиям или прежним публикациям. Справка об этих автографах печатается в виде приложения к письмам Чехова.

В этот же раздел тома входит публикация неизвестных дарственных подписей Чехова на фотографиях и книгах. Представленные в томе надписи, помимо их литературного значения, дают в ряде случаев возможность дополнить биографию Чехова новыми данными о его связях с деятелями литературы и искусства. Всего в томе публикуется более ста тридцати дарственных надписей.

В данном разделе тома редакция «Литературного наследства» продолжает публикацию писем к Чехову. Многие из этих писем являются ценным источником для исследования биографии и творчества Чехова, а также литературной и художественной жизни конца XIX—начала XX вв. Впервые публикуемые тридцать шесть писем Плещеева, примыкающие к напечатанным в 1914 г. шестнадцати его письмам к Чехову, содержат материал для изучения сотрудничества Чехова в «Северном вестнике»,

а также для выяснения обстоятельств, при которых произошел кризис в редакции журнала и последующее изменение его литературно-общественного направления.

Здесь же печатаются письма к Чехову А.И. Куприна и И. А. Бунина, в которых отразилась история знакомства начинающих тогда писателей с Чеховым, их дружеского и творческого общения с ним. Особый интерес представляют письма к Чехову В. Э. Мейерхольда. Как известно, письма Чехова к Мейерхольду (за исключением одного) остаются неизвестными, и потому публикуемые письма являются единственным источником, дающим представление о том, чем был Чехов для Мейерхольда и какую роль пьесы Чехова сыграли в творческой биографии Мейерхольда.

На материалах архива Чехова построена и заключающая данный раздел статья, в которой собраны и подвергнуты анализу письма к Чехову разных лиц, объединенные темой студенческого революционного движения 1899—1902 гг. Эти письма дают возможность понять, под влиянием каких именно общественных событий в сознании Чехова совершался решительный сдвиг, вызванный назреванием революционной ситуации в России на рубеже XIX и XX вв.

В третьем разделе тома собраны отрывки из дневников современников Чехова. Не останавливаясь здесь на характеристике каждой публикации, отметим лишь значение записей о Чехове, извлеченных из неопубликованных дневников В. Г. Короленко. Для изучения сценической истории чеховских пьес представляют интерес отрывки из дневника В. А. Теляковского.

Четвертый раздел занимают воспоминания о Чехове. Из большого числа остающихся неопубликованными воспоминаний для настоящего тома отобрано пятнадцать. В них отражены различные этапы жизни Чехова — от детства (воспоминания Н. П. Чехова, М. Д. Дросси-Стейгер) до последних лет жизни (воспоминания И. Н. Альтшуллера). Среди лиц, вспоминающих о своих встречах с Чеховым, в томе представлены художники К. А. Коровин, З. Е. Пичугин и А. А. Хотяинцева, артистки К. А. Каратыгина и М. К. Заньковецкая, писатели Н. В. Голубева, А. С. Яковлев и др. Специально для настоящего тома написаны воспоминания Е. П. Пешковой. Здесь же печатаются имеющие мемуарный характер разделы из незавершенной книги о Чехове И. А. Бунина, опубликованной посмертно его вдовой.

«Чехов за рубежом» — таково название пятого раздела. Включая эту тему в план тома, редакция «Литературного наследства» исходила из понимания того, насколько назрела в наше время задача всестороннего научного исследования судьбы чеховского творчества в разных странах, истории его оценок писателями и критиками, изучения влияния, которое оказывал и продолжает оказывать Чехов на развитие мировой литературы. Печатаемые в томе обзоры по трем странам (Франция, Чехословакия, США) могут рассматриваться как начальный вклад в решение названной задачи. Авторами двух из этих обзоров являются зарубежные исследователи — С. Лаффит (Франция) и Т.Г. Виннер (США), приславшие свои работы по приглашению редакции. По своему характеру они различны: французский обзор богаче по материалу, он дает более живое и конкретное представление о том, как развивалось понимание Чехова во Франции, в то время как обзор Виннера имеет преимущественно значение библиографического свода. Но в обоих этих обзорах, как и в обзоре по Чехословакии, исследователи найдут обширный материал, который облегчит дальнейшую работу по созданию обобщающих трудов о мировом значении творчества Чехова. К названным обзорам примыкает публикация избранных высказываний английских писателей и критиков о Чехове. Эта публикация убедительно свидетельствует о высокой оценке творчества Чехова в Англии и о его значительном влиянии на многих английских писателей.

В разделе «Чехов за рубежом» читатель естественно встретится с рядом мнений и оценок, не всегда соответствующих нашему, советскому пониманию Чехова. В одних случаях эти суждения имеют известную историческую ценность, отражая уже пройденные этапы в истолковании чеховского творчества, в других — читатель встретится с мыслями, еще и сейчас бытующими в зарубежной критике. Знакомство с последними побудит советских исследователей к более аргументированным выступлениям против субъективных оценок Чехова некоторыми западными критиками.

В последнем разделе тома печатаются ряд документальных сообщений о Чехове и аннотированная библиография воспоминаний о писателе.

В томе помещено свыше двухсот иллюстраций, большая часть которых до сих пор не воспроизводилась в печати.

В предлагаемый вниманию читателей том удалось поместить далеко не все, что было собрано и подготовлено редакцией. В книгу не вошли многие письма к Чехову, подборка свидетельств о Чехове, извлеченных из неизданной переписки современников, большое количество воспоминаний о писателе, библиография писем к Чехову и др. Эти материалы редакция предполагает напечатать в одном из очередных томов.

В собирании материалов для тома и первоначальной редакционной обработке их ближайшее участие принимала Н. А. Роскина, ею же был произведен подбор иллюстраций. В редакционной работе по отдельным разделам тома участвовали К. П. Богаевская, Л. Р. Ланский и Н. Д. Эфрос.

ДВЕ РАННИЕ РЕДАКЦИИ ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ»

Статья и публикация А. Р. Владимирской

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ТРЕХ СЕСТЕР»

1

До 1953 г. в работах исследователей творчества Чехова и комментаторов его собраний сочинений не было упоминаний о рукописях пьесы «Три сестры». Не были обнаружены эти рукописи и в литературных архивах Москвы и Ленинграда. Они молчаливо признавались утраченными, как и большинство рукописей чеховских произведений. А между тем в переписке Чехова есть ряд указаний, дающих основание полагать, что рукописи могли сохраниться либо в личном архиве Немировича-Данченко, либо в архиве Московского Художественного театра.

Чехов закончил пьесу в Ялте, в середине октября 1900 г. 16 октября он пишет Горькому: «Можете себе представить, написал пьесу. Но так как она пойдет не теперь, а лишь в будущем сезоне, то я *не переписывал ее начисто* (курсив наш.— *А. В.*). Пусть так полежит» (XVIII, 406).

Чехов неоднократно повторял в письмах, что намерен дорабатывать пьесу и предназначает ее лишь для будущего сезона. «...Решусь ли я ставить ее в этом сезоне, сие неизвестно» (XVIII, 392); «В этом сезоне „Трех сестер“ не дам» (XVIII, 400); «...играть ее ⟨пьесу⟩ не будут» (XVIII, 405). «В Москве, вероятно, буду переписывать свою новую пьесу начисто» (XVIII, 402).

Но для молодого Художественного театра постановка новой чеховской пьесы в ближайшем сезоне была насущной необходимостью. «...будет пьеса, будет и сезон, не будет пьесы — театр потеряет свой аромат»,— так характеризовал положение Станиславский (К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. Сочинения, т. I. М., «Искусство», 1954, стр. 234).

23 октября 1900 г. Чехов приехал из Ялты в Москву, и 29 октября пьеса в черновой ялтинской редакции была прочитана труппе Московского Художественного театра. Вскоре после читки Чехов начал «переписывать свою новую пьесу начисто». «...Теперь сижу и переписываю пьесу»,— пишет Чехов В. А. Гольцеву 10 ноября (XVIII, 410). В течение ноября и первых дней декабря 1900 г. Чехов переписал первый и второй акты. Начал, по-видимому, и третий и даже рассчитывал закончить его в Москве, до отъезда за границу. «Заезжал ⟨...⟩ за вторым и третьим актами»,— говорится в коротенькой записке Немировича от 8 декабря («Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I, М., 1946, стр. 132). Значит, первый акт в новом виде театр к этому времени уже получил.

11 декабря Чехов уехал за границу, успев передать театру доработанными только два первых акта. 14 декабря Чехов прибыл в Ниццу и на другой же день взялся за переработку третьего и четвертого актов.

Театр, не желая задерживать постановку, начал репетировать пьесу по черновой ялтинской редакции. Следовательно, текст этой редакции мог сохраниться в архиве МХАТ.

В Ницце работа шла быстро. 17 декабря Чехов сообщает О. Л. Книппер: «Вчера послал в Москву III акт пьесы, а завтра пошлю IV. В III я изменил лишь кое-что,

а в IV произвел перемены крутые. Тебе прибавил много слов» (XVIII, 425). 18 декабря Чехов шлет добавление к третьему акту: «В III акте последние слова, которые произносит Соленый,суть: (г л я д я н а Т у з е н б а х а) „Цип,цип,цип...".Это прибавь,пожалуйста» (XVIII, 426). 20 декабря Чехов отправил в театр и четвертый акт. А 23 декабря состоялась, по выражению Станиславского, «генеральная, очень черновая репетиция первых двух актов» («Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I, стр. 212). «Переписали для вас роли? Или же читаете по старым тетрадкам?»— спрашивает Чехов 30 декабря (XVIII, 437). Все это указывает на то, что и переработанная рукопись могла сохраниться в архиве МХАТа.

Так и оказалось. В ноябре 1953 г. нами было обнаружено, что беловая рукопись «Трех сестер» действительно хранится в особом сейфе Музея Московского Художественного академического театра. В картонной папке лежали две толстые тетради в черных клеенчатых обложках — с первым и вторым актами. Третий и четвертый акты, присланные из Ниццы, написаны на листках тонкой почтовой бумаги. Сохранился и конверт, в котором была прислана рукопись четвертого акта. Рукою Чехова написан адрес по-русски и по-французски: «Москва. Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко. Каретный ряд, Художественный театр. Monsieur W. J. N.-Dantschinko. Moscou. Russie». На обороте почтовые штемпели: «Nice Place Grimaldi. 2 Janv. 01. Москва, почтамт. 24 дек. 1900» и надпись рукою Чехова: «A. Tchekhoff, 9 rue Gounod».

Директор Музея Ф. Н. Михальский пояснил, почему об этом автографе до сих пор не было известно: он принял Музей совсем недавно. Его предшественник, ныне покойный Н. Д. Телешов, получивший в свое время рукопись от Немировича-Данченко, сделал на папке надпись: «Без разрешения директора Музея выдаче не подлежит». Телешов, будучи человеком преклонного возраста, мог и забыть об этой папке, а в инвентарных книгах Музея рукопись «Трех сестер» не значилась.

Сличение текста беловой рукописи с последним прижизненным изданием (второе дополненное изд. седьмого тома, «Пьесы»,— Собр. соч. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1902) позволило выявить довольно много незначительных расхождений, касающихся и пунктуации, и отдельных слов, и даже целых фраз. В чеховском автографе оказались две карандашных правки, сделанных рукою помощника режиссера театра И. А. Тихомирова. В первом акте реплика Ирины: «Куда ты?» передана Ольге; в третьем акте дополнена реплика Соленого в соответствии с упомянутым выше письмом Чехова от 18 декабря.

В том же сейфе, где был обнаружен автограф пьесы, хранилась тоже не опубликованная, но хорошо известная историографам театра режиссерская партитура «Трех сестер», разработанная Станиславским. Это большие развернутые листы; на одной стороне — машинописный текст пьесы; на другой, чистой стороне и на полях Станиславский вписывал свою режиссерскую экспозицию каждой сцены, чертил схемы декораций, мизансцен и т. п. Первый акт в партитуре не сохранился. Однако копия его, сделанная рукой В. Л. Мчеделова и отосланная в 1906 г. Станиславским в Прагу в связи с готовившейся там постановкой «Трех сестер», сохранилась в архиве режиссера Пражского Национального театра Я. Квапила; фотокопия этого документа была прислана в 1950 г. из Праги в Музей МХАТ'а (см. об этом подробнее в статье Ш. Ш. Богатырева «МХТ и Пражский Национальный театр начала XX века. Из истории русско-чешских театральных связей».— «Ежегодник МХАТ, 1953—1958 гг.». Печатается).

Текст чеховской пьесы испещрен в режиссерском экземпляре многочисленными исправлениями и вставками, вписанными от руки. В некоторых местах первоначальный текст заклеен и поверх него рукой Тихомирова вписан другой. Это редкий, пожалуй единственный, в истории литературы случай, когда работа драматурга отразилась, как в зеркале, в рабочем экземпляре режиссера.

Текст пьесы в режиссерском экземпляре со всеми вклейками и правками («верхний слой») соответствует беловой рукописи. Незначительные расхождения с рукописью явились, по-видимому, результатом небрежности: в режиссерский экземпляр не всегда внесены мелкие по объему правки, не меняющие смысла, но завершающие архи-

тектонику реплики, делающие фразу сочней или стройней и благозвучней. Так, во втором акте в реплике Наташи: «А Ольги и Ирины до сих пор нет. Не пришли. Все трудятся бедняжки»— не вставлено: «Не пришли». В реплике Соленого в том же втором акте вместо текста беловой рукописи: «От черемши такой же запах, как от чеснока»— осталась первоначальная редакция: «От черемши так же воняет, как от чеснока» и т. п. Отсутствует последний монолог Ирины в четвертом акте.

Очевидно, машинописный текст соответствовал той первоначальной, привезенной из Ялты редакции, которая читалась труппе Художественного театра 29 октября 1900 г. «Нижний слой» второго и частично третьего акта можно было легко прочитать. Четвертый акт, где Чехов произвел «перемены крутые», был заклеен новыми текстами почти сплошь, и первоначальная редакция прочтению не поддавалась.

Но текст первоначальной редакции, написанный на ремингтоне, мог иметь копии. В архиве театра хранится довольно много текстовых материалов, относящихся к первой постановке «Трех сестер». Это — суфлерские и «помрежевские» экземпляры. Просмотр этих экземпляров результатов не дал — их текст был идентичен беловой рукописи, если не считать незначительных отклонений, вызванных условиями постановки. Например, в реплике Тузенбаха во втором акте вместо «Сегодня мне придется играть *на пианино...*» стояло «*на рояле*»; в четвертом акте, в реплике Наташи вместо «Велю прежде всего срубить эту *еловую* аллею» стояло «*березовую* аллею»; Вершинин во втором акте говорил: «Я *седой*» вместо «Мои волосы *седеют*» и т. п. Происхождение этих отклонений подтверждала музейная экспозиция первой постановки «Трех сестер»: в декорации первого и второго актов стоял рояль, а не пианино; в четвертом акте были березы, а не ели; Станиславский, в то время уже совершенно поседевший, играл Вершинина без парика и не мог говорить: «Мои волосы седеют».

Там же, в Музее, под стеклом витрины был выставлен напечатанный на машинке экземпляр пьесы «Три сестры» с надписью на титульном листе: «К представлению дозволена. С.-Петербург. 18 декабря 1900 года». Далее следовала подпись цензора драматических сочинений и печать Главного управления по делам печати.

Но ведь новая редакция четвертого акта, судя по почтовому штемпелю на конверте, прибыла из Ниццы в Москву только 24 декабря. Значит, пьеса была прочтена цензурой и «дозволена к представлению» по ее первоначальному тексту. Станиславский, не желая, вероятно, задерживать постановку, отдал пьесу перепечатать и послал ее в цензуру до окончательной доработки автором. Уже при беглом просмотре цензурного экземпляра бросились в глаза незнакомые фразы: Маша твердит не «У лукоморья дуб зеленый», а знаменитую суворовскую депешу: «Слава богу, слава нам, Туртукай взят и мы там»; Чебутыкин вместо «Тарара бумбия» поет: «Ах вы, Сашки, канашки мои, разменяйте вы бумажки мои»; вся конструкция четвертого акта иная; отсутствует сцена Маши с Чебутыкиным («Сидит себе здесь, посиживает...» и т. д.); отсутствуют заключительные монологи Ирины и Маши...

Ясно, что это и была машинописная копия первоначальной, ялтинской редакции «Трех сестер». Почему никто до сих пор не перелистал тетрадку, лежавшую на виду, не прочел и не обнародовал неизвестную редакцию чеховской пьесы? Сказать трудно. Вероятно, не обращали внимания на несоответствие дат цензурного разрешения и отправки Чеховым из Ниццы четвертого акта пьесы.

2

Сопоставление ялтинской редакции с беловой рукописью московско-ниццской редакции позволяет полно и точно восстановить последнюю стадию работы Чехова над пьесой, когда развитие сюжета и образы определились, но не обрели еще полного художественного выражения; мы можем изучить теперь те последние штрихи мастера, то «чуть-чуть», которое завершает художественное произведение. Чрезвычайно интересны даже самые небольшие правки — где Чехов, по его словам, «изменил лишь кое-что». В приведенных ниже сценах I акта реплики, вставленные Чеховым при доработке пьесы, напечатаны курсивом (то же и в последующих примерах).

О л ь г а ⟨...⟩ Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно.

Ч е б у т ы к и н. Черта с два.

Т у з е н б а х. Конечно, вздор.

Маша задумавшись над книжкой, *тихо* насвистывает песню.

. . . . . .

И р и н а. Уехать в Москву. Продать дом, покончить здесь все и в Москву. *Чебутыкин и Тузенбах смеются.*

. . . . . .

О л ь г а ⟨...⟩ Все хорошо, все от бога, но мне кажется, что если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше (пауза). Я бы любила мужа.

Т у з е н б а х (*Соленому*). *Такой вы вздор говорите, надоело вас слушать.* (Входя в гостиную). Забыл сказать. Сегодня у вас с визитом ⟨...⟩ и т. д.

Добавлены как будто случайно доносящиеся обрывки постороннего разговора. Смысл этих вставок в «подтексте» — во втором плане, который возникает в стыке этих фраз и реплик мечтающих сестер. Это с самого начала предвещает разлад между мечтой и пошлостью окружающей жизни, который станет основной темой пьесы.

Фразам, врывающимся в мечты сестер, посвящены целые страницы в работе В. В. Ермилова «Драматургия Чехова». Ермилов отмечает, что «грубые голоса реальной жизни звучат издевкой над мечтами сестер», что реплики «введены для своеобразной переклички с репликами сестер — это звучит грубый смех жизни над иллюзорными, несбыточными надеждами».

В этих маленьких правках с особой яркостью выступает неповторимое чеховское уменье вложить в простую фразу второй план, подтекст,— большую, не выраженную в словах мысль.

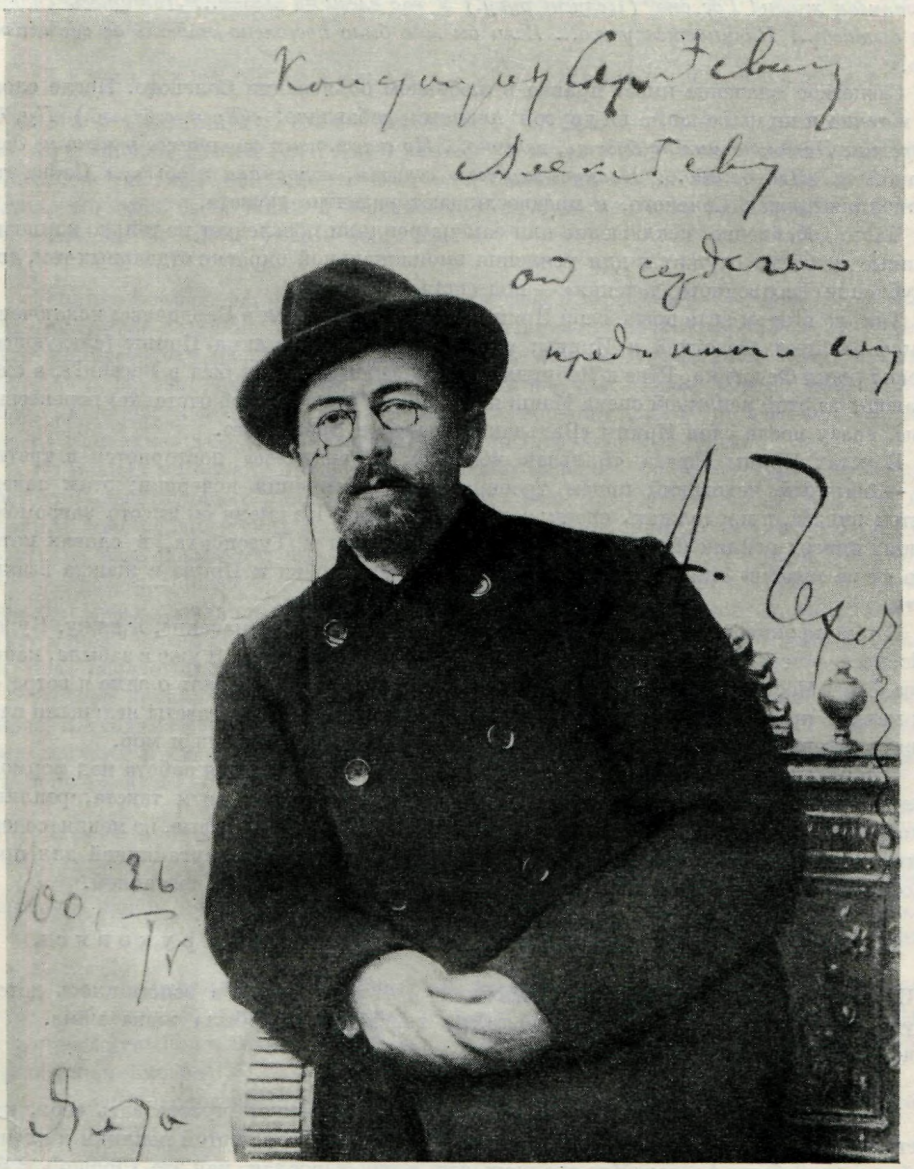
Подобные же правки преображают сцену Маши, Вершинина и Тузенбаха во втором акте.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
М а ш а ⟨...⟩ Или знать, для чего живешь, или погибнуть. (Пауза.) У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!	М а ш а ⟨...⟩ Или знать, для чего живешь, *или же все пустяки, трын-трава.*
Т у з е н б а х. Ну вас!	В е р ш и н и н. *Все-таки жалко, что молодость прошла.*
В е р ш и н и н. Все-таки жалко, что молодость ушла.	М а ш а. У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!
	Т у з е н б а х. *А я скажу: трудно с вами спорить, господа! Ну вас совсем...*

Во всей сцене спора Тузенбаха и Вершинина исправления имеют важное смысловое значение: убрана тема обреченности человека на страдание (самые слова «страдание», «страдать» исключены из текста). Отсюда в Машином утверждении слово «погибнуть» заменено на: «все пустяки, трын-трава». Реплика Вершинина встала на место — вслед за темой «для чего живешь», перекликаясь теперь с его монологом из первого акта — о жизни начерно и набело. Связаны реплики Маши и Тузенбаха («У Гоголя сказано» — «А я скажу»).

В третьем акте, во время пожара, Кулыгин ищет Машу, ушедшую на зов Вершинина. Его реплики обрамляют «покаяние» Андрея: «Маши здесь нет?» «Где Маша?»— и к этим репликам добавлено: «*Это странно!*» «*Удивительное дело!*» За этими словами как бы скрывается смущение Кулыгина, пытающегося представить перед окружающими «странным» отсутствие Маши, о причине которого сам он, быть может, давно уже догадался.

Чудесный, музыкальный монолог, добавленный Тузенбаху в третьем акте, создает поэтическую перекличку с первым актом, раскрывает красоту души Тузенбаха, всю силу его любви и нежности к Ирине. Вместе с тем монолог пронизан тончайшим настроением несбывшихся надежд и какой-то «светлой печали», присущей Тузенбаху.



ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Константину Сергеевичу Алексееву от сердечно преданного ему А. Чехова 1900. 26/IV. Ялта»

Музей Художественного театра, Москва

«Я гляжу на вас теперь и вспоминается мне, как когда-то давно, в день ваших именин, вы, бодрая, веселая, говорили о радостях труда... И какая мне тогда мерещилась счастливая жизнь! Где она? (Целует руку.) У вас слезы на глазах... Ложитесь спать, уже светает... Начинается утро... Если бы мне было позволено отдать за вас жизнь свою!»

Сюжетное значение имеет правка в любовном объяснении Соленого. После слов: «... и точно я не на земле, а на другой планете» добавлено: «(*Трет себе лоб.*) *Ну, да все равно. Насильно мил не будешь, конечно... Но счастливых соперников у меня не должно быть. Не должно... Клянусь вам всем святым, соперника я убью...*» Слова эти и дополняют образ Соленого, и предвосхищают развитие сюжета.

Часто добавление, исключение или замена реплики преследует не только композиционные цели, но служит и для усиления эмоциональной окраски отдельных тем, для углубления «подводного течения» — подтекста.

Так, во втором акте после слов Ирины «Бальзак венчался в Бердичеве» исключены четыре реплики Федотика и Ирины; исключена также реплика Ирины (следующая за репликами Федотика, Роде и Чебутыкина): «А зачем Бальзак был в России?», а следовавшая за этой репликой сцена Маши и Тузенбаха (разговор об отставке) перенесена выше, сразу после слов Ирины «Бальзак венчался в Бердичеве».

В устах Ирины фраза «Бальзак венчался в Бердичеве» повторяется в третий раз — обычный чеховский прием троекратного повторения исчерпан; этим завершается эпизод, и продолжать сцену должна не Ирина. На смену ей вместо загромождавших эпизод реплик Федотика вступает «дуэт» Маши и Тузенбаха, в словах которого «я не красив» опять отдаленно звучит тема его любви к Ирине и жажда взаимности.

В том же эпизоде радостное восклицание Ирины: «Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве» — перенесено ниже, после слов Маши: «Надоела зима. Я уже и забыла, какое лето». Тема Москвы выступает в безотрадном обрамлении: после слов о зиме и ветре — как мечта о крае, где вечная весна, — и перед выхваченными из газеты нелепыми словами о далеком неизвестном Цицикаре, где свирепствуют болезни и мор.

Одновременно с развитием «подводного течения» производится работа над формой: усиливается поэтическое звучание и более четким становится ритм текста, реплики приобретают большую свободу и разговорность. Есть правки, которые, не меняя содержания фразы, делают ее более точной, легкой, благозвучной, органичной для произносящего ее персонажа и по-особому, по-чеховски, неуловимо поэтичной.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Ирина <...> почувствовала радость, такую радость, как в детстве когда-то... точно жива еще мама.	Ирина <...> и вспомнилось детство, когда еще была жива мама.

Ирине исполнилось сегодня двадцать лет; она не может чувствовать себя, как в детстве, а ей может только «вспоминаться» детство. В конце этой реплики в ялтинской редакции была фраза: «Мне двадцать лет, я уже взрослая, как это хорошо!» В беловой рукописи фраза эта убрана Чеховым, но немного ниже реплика Ирины: «Не говори, Оля, не говори...» (ялтинская редакция) заменена: «*Ты привыкла видеть меня девочкой — и тебе странно, когда у меня серьезное лицо. Мне двадцать лет!*»

Все начало акта идет под знаком приближающейся какой-то новой жизни, но крайней мере для Ирины: ей двадцать лет, она «взрослая», готовится переезд в Москву, где ждет настоящее дело, потому-то Ирина и ощущает себя «на парусах».

Чехов иногда придает новую окраску действию и взаимоотношениям персонажей в эпизоде изменением одного слова. «Оставь, Андрюша, завтра объяснимся»,— говорит уставшая, измученная Ольга брату, который пришел с ненужным «выяснением отношений», пришел лгать перед ними и перед собой, опустившийся, неискренний, знающий это и страдающий. В слове «объяснимся» в беловой рукописи изменена лишь грамматическая форма: «объяснишься». И этим вскрыта далеко зашедшая отчужденность

во взаимоотношениях Андрея с сестрами: они не будут участвовать в «объяснениях» с ним ни сейчас, ни завтра.

В маленьком монологе Маши из второго акта объединены почти все виды стилистических правок.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Маша. Счастлив тот, кто не замечает или не различает времен года, кто и зимой улыбается так же, как летом. Мне кажется, что если бы я жила в Москве, то не замечала бы, лето теперь или зима.	Маша. Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде.

Реплика сокращена, облегчена, облагозвучена и «оразговорена». Для этого: устранено ненужное созвучие слов «замечает» и «различает»; оборот «времен года» заменен более конкретным и разговорным: «лето теперь или зима»; устранена ненужная литературность образа: «кто и зимой улыбается так же, как летом»; убрано «что» во избежание книжности оборота; во избежание повторений слова «не замечала бы, лето теперь или зима» заменены: «относилась бы равнодушно к погоде».

Из мелких по объему правок следует особо выделить такие, которые акцентируют состояние действующего лица в той или иной сцене. Так, добавлено три эпизода, подчеркивающие нервный смех Маши во втором акте. Вершинин, по тексту беловой рукописи, три раза повторяет, что он хочет чаю, так как ничего не ел с утра. Это создает не только троекратное повторение темы, о котором говорилось выше, но и делает значительнее неожиданный уход Вершинина, вызванного запиской дочери, как раз в тот момент, когда подали чай. В новых монологах Маши в четвертом акте развивается тема перелетных птиц.

Другие правки выполняют еще более многогранную функцию: они и развивают образ, и придают речи музыкальность и поэтичность, и связывают между собой отдельные реплики и сюжетные эпизоды. Вот, например, как переделана реплика Ирины из первого акта:

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Ирина <...> Нас, трех сестер, заглушает жизнь, как сорная трава.	Ирина <...> У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава...

Здесь на первый план выступает усиление поэтического звучания текста; кроме того, добавленные слова — «жизнь не была еще прекрасной» — связывают фразу и с предыдущей репликой Тузенбаха и с началом монолога Ирины («Вы говорите: прекрасная жизнь»).

Не менее интересны правки другого рода. Вот, например, как выглядел конец монолога Андрея во втором акте:

Андрей <...> Громадная у меня память, с этакой памятью другой на моем месте давно бы протянулся поперек всей Москвы, как канат... Поперек всей России... Я думаю, ничто не дает выше и слаже наслаждения, чем слава... (Звонок.) Да, дела... Мечтал когда-то о славе... Да... (Потягивается.) И она была так возможна... (Не спеша уходит к себе.)

В беловой рукописи Чехов устраняет «лобовые» тексты, слишком прямолинейно выражающие мысль:

Андрей <...> Громадная у меня память, и с этакой памятью другой на моем месте давно бы протянулся поперек всей Москвы, как этот твой канат... Поперек всей России... Ступай... (Пауза.) Он ушел. (Звонок.) Да, дела... (Потягивается и не спеша уходит к себе.)

Еще пример такого же рода правки из того же второго акта:

Т у з е н б а х ⟨...⟩ Хоть один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться на постель и уснуть тотчас же. (Уходя в залу.) Я сплю неважно.

Любопытно, что реплика исправлялась уже в беловой рукописи. После ремарки: «(Уходя в залу)»— зачеркнута фраза: «*Сплю я неважно*». Вместо нее: «*Рабочие, должно быть, спят крепко!*»

Изменения в тексте любовных сцен Маши и Вершинина, Ирины и Тузенбаха усиливают оттенки взаимоотношений каждой пары: обреченность и нескладицу любви Маши и Вершинина и безнадежную, но радостную любовь Тузенбаха.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
В е р ш и н и н (вполголоса). Я люблю, люблю, люблю вас...	В е р ш и н и н (вполголоса). Я люблю, люблю, люблю... *Люблю ваши глаза, ваши движения, которые мне снятся... Великолепная, чудная женщина!*
М а ш а (закрывает лицо руками). Не повторяйте... (Вполголоса.) Что делать? Я не знаю, не знаю, что мне делать теперь... Не повторяйте, не надо. Сюда идут...	М а ш а (тихо смеясь). *Когда вы говорите со мной так, то я почему-то смеюсь, хотя мне страшно...* Не повторяйте, *прошу вас...* (Вполголоса.) *А впрочем, говорите, мне все равно...* (Закрывает лицо руками.) *Мне все равно...* Сюда идут, *говорите о чем-нибудь другом.*
Т у з е н б а х ⟨...⟩ Немецкого у меня осталось мало, разве одна только терпеливость, упрямство, с каким я дожидаюсь собственного счастья. Вас я жду уже четыре года и готов ждать еще хоть десять.	Т у з е н б а х ⟨...⟩ Немецкого у меня осталось мало, разве только терпеливость, упрямство, с каким *я надоедаю вам. Я провожаю вас каждый вечер.*
И р и н а. Как я устала.	И р и н а. Как я устала.
Т у з е н б а х. И все десять лет я каждый день по вечерам буду приходить на телеграф и провожать вас домой.	Т у з е н б а х. *И каждый вечер* буду приходить на телеграф и провожать вас домой, *буду десять — двадцать лет, пока вы не прогоните...*

В беловой рукописи в дополнительных придаточных предложениях и в косвенной речи всюду убрано слово «что», например: «Думают, [что] я доктор», «Казалось, [что] горит весь город» и т. п. «В пьесах надо осторожнее с этим „что“»,— писал Чехов А. М. Федорову (XIX, 158).

Такие, казалось бы, мелкие и незначительные по объему правки рассыпаны по всему тексту; они придали не совсем еще завершенному произведению художественную законченность и красоту формы.

Характеры персонажей на глазах становятся рельефнее, живее, темпераментнее, углубляются намеченные в них черты, появляются новые. Проследим эволюцию отдельных образов.

Образ Ольги в общем не претерпел значительных изменений и не приобрел качественно новых черт; совсем небольшие правки углубляют черты ее деликатности и чуткости. Ольга не может говорить о брате, что он «растолстел»; это исправлено на «*располнел*»; не может, как это было в ялтинской редакции, сказать Наташе о зеленом поясе, что это «безвкусно» — и Чехов в беловой рукописи исправляет на деликатное «*как-то странно*».

Из правок другого рода интересна следующая:

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Ольга <...> Здесь холодно и комары.	Ольга <...> Здесь холодно и... комары.

Это многоточие придает совершенно другую интонацию реплике Ольги. Ей неприятны похвалы городу, который она ненавидит, из которого рвется в Москву и где все для нее плохо, а не только конкретные «комары» и холод. В паузе, обусловленной многоточием, угадывается, как Ольга ищет слово, чтоб выразить это свое чувство.

Особенно преобразился в новой редакции образ Маши, которая в ялтинской редакции была намечена как несколько эксцентричная, не стесняющаяся в выражениях, немного даже вульгарная «дочь полка». В беловой рукописи Маша стала намного мягче, женственнее, сложнее и лиричнее.

Вместо слов суворовской депеши: «Слава богу, слава нам, Туртукай взят и мы там» — Маша повторяет: «*У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том*».

Реплика Маши по поводу неплатежа Чебутыкина за квартиру: «Молодец доктор», звучавшая «гусарски», почти вульгарно,— заменена: «*Как он важно сидит!*» и снабжена ремарками: «(*смеется*)», «(*все смеются*)»,— что создает атмосферу общего дружеского подсмеивания над Чебутыкиным.

Тема ее любви к Вершинину усложнилась, приобретая элементы страдания и мучительных колебаний и вместе с тем характерной для Маши резковатой прямоты.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Маша <...> (Тихо). Я люблю Вершинина... люблю, люблю...	Маша <...> (Тихо). *Это моя тайна, но вы все должны знать... Не могу молчать...* (Пауза.) Я люблю, люблю... *Люблю этого человека... вы его только что видели... Ну, да что там! Одним словом, люблю Вершинина.*

Особенно интересен в этом смысле четвертый акт, где Маше Чехов «прибавил много слов». В беловой рукописи написана большая сцена Маши с Чебутыкиным, начинающаяся со знаменательных реплик:

Маша. <...>*Вы любили мою мать?*
Чебутыкин. *Очень.*
Маша. *А она вас?*
Чебутыкин *(после паузы). Этого я уж не помню.*

Маша, изменившая мужу, ищет оправдания в тайне своей матери: любовь к ней Чебутыкина была взаимной — это мы угадываем и по многозначительной его паузе, и по его странному ответу.

Дальше Маша страстно и зло говорит о своем потерянном счастье, о боли за опускающегося брата, на которого возлагалось столько надежд. Ей добавлен монолог: «*Так вот целый день говорят, говорят...*», передающий ее внутреннее смятение и продолжающий симфоническую тему перелетных птиц. После прощания с Вершининым ей добавлены подытоживающие слова: «*Неудачная жизнь...*» Ей дан, наконец, финальный монолог, где опять — в последний раз — звучит сопровождающая Машу со второго акта тема перелетных птиц, органически вплетающаяся в ее лирическую прощальную тему. (Монолог этот печатается во всех изданиях «Трех сестер» в сокращенном виде. Он сокращен по просьбе О. Л. Книппер — см. «Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 288).

Лирическая тема перелетных птиц пронизывает всю пьесу с первого акта. Интересно то, что она присуща не одной только Маше, а развивается в репликах Ирины, Чебутыкина, Тузенбаха.

Так же развивается и другая лирическая тема, такая дорогая Чехову — тема деревьев. В четвертом акте она звучит в устах Ирины и Тузенбаха в их прощальном диалоге — у Ирины как выражение непонятных, пугающих ее предчувствий, а у Тузенбаха, идущего на смерть, как просветленное прощание с природой.

Тему деревьев неожиданно завершает в пьесе реплика Наташи: «Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... *По вечерам* он такой *страшный*, некрасивый...» Чехов, который говорил: «Если бы каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!»— ввел для характеристики ненавистного ему человека отвратительную черту — непонимание красоты природы, готовность ее уничтожить.

В образе Ирины правки углубляют две основные черты: стремление в Москву и жажду труда.

Тема Москвы начинает звучать с первых же реплик пьесы, значительно усиленная и опоэтизированная правками беловой рукописи.

О л ь г а 〈...〉 И только *растет и* крепнет одна мечта...
И р и н а. *Уехать в Москву.* Продать дом, покончить здесь все — и в Москву.

Реплика обрамляется ударными словами: «В Москву», что делает ее более крепкой ритмически и одновременно усиливает лейтмотив — стремление в Москву.

Реплика Ирины: «Вот подполковник Вершинин. Он из Москвы» — заменена одной фразой, динамичной и эмоциональной, несущей интонацию неожиданной радости: «*Подполковник Вершинин, оказывается, из Москвы*».

В третьем акте, когда Ирина признается в крушении мечты: «Я все ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий, я мечтала о нем, любила...» — Чехов добавляет: «*Но оказалось, все вздор, все вздор...*».

В начале пьесы Ирина говорит: 〈...〉 и я знаю, как надо жить. *Милый Иван Романыч, я знаю все!*»

Эта восторженная фраза как бы подчеркивает наивность и непосредственность Ирины и освежает старую истину: «Человек должен трудиться...» и т. д. В устах Ирины, какой она является в I акте, эта сентенция звучит как ее собственное открытие смысла жизни. Во втором акте, при первом соприкосновении с трудом, Ирина падает духом: «Нет, не люблю я телеграфа, не люблю... Труд без поэзии, без мыслей...» В третьем акте она заявляет: «Не могу я работать, не стану работать». Это еще детски-капризный тон. А в четвертом акте, потеряв Тузенбаха, прочувствовав и осмыслив пустоту жизни, не наполненной полезным трудом, она, словно сразу выросшая, говорит в добавленном ей финальном монологе о своей будущей работе в спокойном, трезвом и убежденном тоне: «*Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она нужна*».

Более многогранное развитие получил образ Тузенбаха. Как уже отмечалось выше, развита линия его любви и восторженной нежности к Ирине; подчеркнуто теплое, дружеское отношение к товарищам.

При полном сохранении основного смысла правка придает совершенно новое звучание фразе Тузенбаха о труде.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Тузенбах. Мне так понятно это томление, тоска по труде.	Тузенбах. Тоска по труде — о боже мой, как она мне понятна!

Фраза приобрела экспрессию, темперамент, разговорный характер и является теперь великолепным вводом в монолог-исповедь Тузенбаха. Ниже у Тузенбаха в первой редакции монолога была фраза: «Меня оберегали от труда, но не уберегли от влияния этой надвигающейся на всех нас громады, этой славной, здоровой бури...» Тузенбах единственный во всей пьесе принимает какое-то решение для изменения своей судьбы, и поправки Чехова, подчеркивая это еще не принятое решение, доводят мысль до предельной ясности:

«Меня оберегали от труда. *Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря...*»

И после тирады о надвигающейся буре: «*Я буду работать*». И это решение изменить свою судьбу делает предчувствие надвигающейся бури интимной, заветной, глубо-

ко продуманной мыслью о неизбежности общественных сдвигов и бурь: если ты не хочешь, чтобы эта буря вместе с ленью и скукой смела бы и тебя самого — измени жизнь, начинай какое-то общественно полезное дело. Новая фраза «*Я буду работать*» подготовляет решение Тузенбаха выйти в отставку, о котором мы узнаем во II акте.

В роли Чебутыкина до третьего акта нет значительных исправлений. В третьем же акте, в монологе опьянения, добавлена важная деталь: «*В прошлую среду лечил на Засыпи женщину — умерла, и я виноват, что она умерла*». Врач, который убил пациентку! Это уже посерьезнее, чем не знать, кто такой Добролюбов и не читать Шекспира и Вольтера. Это — тягчайшая вина, много прибавляющая к моральному облику Чебутыкина.

В этом же монологе добавлена фраза: «*В голове пусто, на душе холодно*». И, как бы в развитие этих страшных слов, в ответ на замечание Ирины, что разбитые им часы — часы их покойной мамы, Чебутыкину даны слова, полные цинизма и душевной опустошенности: «*Может быть. Мамы, так мамы*» — это о женщине, которая была его единственной любовью.

В четвертом акте Чебутыкин еще раз, в ответ на прямой вопрос Маши, признается в своей любви к матери Прозоровых, и он же произносит циничные слова о женихе Ирины, любимой им больше всех из сестер Прозоровых: «*Барон хороший человек, но одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно? Пускай!*»

В текст роли Вершинина внесены поправки, усиливающие безразличие к собеседнику и его мыслям. В ответ на слова Тузенбаха «об известном нравственном подъеме, которого уже достигло общество», Вершинин вместо «Пожалуй, это правда» (по ялтинской редакции) произносит «*Да, да, конечно!*», что, являясь безразличным вежливым согласием, не содержит и следа внимания к словам собеседника и раздумья над ними, как в первом варианте.

То же и в других случаях: внимание Вершинина к словам собеседника уменьшено до предела. Его краткое, почти рассеянное «Да-с» всюду служит водоразделом между непосредственной реакцией на чужие слова и собственным монологом, перейти к которому Вершинину явно не терпится. (В первоначальной редакции эта черта Вершинина была лишь намечена в эпизоде второго акта, когда на слова Маши, рассказывающей ему о своем неудачном браке, он отвечает: «Мне пить хочется. Я бы выпил чаю».)

«*Много, очень уж много я говорил, — и за это простите, не поминайте лихом*», — добавлено Вершинину в четвертом акте. И это признание своего недостатка примиряет нас с Вершининым.

Некоторые правки служат одновременно и более глубокому раскрытию образа говорящего, и характеристике того, о ком говорят. Так, слова, добавленные Тузенбаху — «... жена, теща и две девочки. *При том женат во второй раз*» — вносят еще одну черту для характеристики нелепой, неудачно сложившейся семейной жизни Вершинина.

Прием такой косвенной характеристики широко использован Чеховым для раскрытия образа Соленого.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Соленый. Все это философистика, эта ваша софистика, мистика, извините, не стоит гроша медного. Все это брандахлыстика.	Соленый. *Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика; если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет — потяни меня за палец.*
Маша. Что вы хотите этим сказать?	Маша. Что вы хотите этим сказать, *ужасно страшный человек?*

Измененная реплика Соленого и три слова, добавленные к реплике Маши, ярко дополняют образы их обоих. Соленый хочет казаться циником и знатоком женщин; Маша же в иронических словах «*ужасно страшный человек*» снижает его позу и его напускную демоничность.

Переделанная и расширенная реплика Тузенбаха: «*Странный он человек. Мне и жаль его, и досадно, но больше жаль. Мне кажется, он застенчив... Когда мы вдвоем с ним, то он бывает очень умен и ласков, а в обществе он грубый человек, бреттер*» — много прибавляет, с одной стороны, к образу Тузенбаха, еще раз подчеркивая его доброжелательность и проницательность; с другой стороны, раскрывается некоторая двойственность натуры Соленого; и, наконец, слово «*бреттер*» подводит к теме дуэли.

Соленому придана в беловой рукописи важная черта — его претензия походить на Лермонтова. Этот мотив раскрывается и словами Чебутыкина в четвертом акте: «*Соленый воображает, что он Лермонтов, и даже стихи пишет*», и словами самого Соленого: «*... У меня характер Лермонтова. Я даже немножко похож на Лермонтова*». В четвертом акте он цитирует Лермонтова: «*А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой*».

Реплика Соленого в четвертом акте, в сцене перед дуэлью, в первоначальной редакции была такой:

С о л е н ы й. А барон что делает, пишет завещание? Прощается с милой, клянется ей в вечной любви, или уже на месте сражения? (Пауза.) Я его все-таки подстрелю, как куренка... (Уходят. Слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»)

В беловой рукописи Чехов переделывает эту реплику:

С о л е н ы й. Старик волнуется... Я его все-таки сейчас подстрелю, как вальдшнепа. (*Пауза.*) *А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой. Черт* [*его*] [*меня*] *знает... Я не Соленый, а Мятежный в сущности...* (*Уходит с Чебутыкиным; слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»*)

Чехов зачеркивает «его», пишет сверху «меня», зачеркивает все и пишет реплику заново:

С о л е н ы й. Старик волнуется напрасно. Я позволю себе немного, я только подстрелю его, как вальдшнепа. (*Пауза.*) *Помните стихи? А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой...*

Ч е б у т ы к и н. Да. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел... (*Уходит с Соленым; слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»*

Правка касается и второстепенных персонажей. У Анфисы — медленные, старческие движения, неторопливая, ласковая речь; все правки углубляют ее речевую характеристику, создавая «уютный», неторопливый ритм.

«Пойдем, *батюшка Ферапонт Спиридоныч. Пойдем...*» (Уходит с Ферапонтом.)

«Милые, полковник незнакомый! Уж пальто снял, *деточки*, сюда идет. *Аринушка, ты же будь ласковая, вежливенькая...*»

В ее наставлении Ирине — забота о благовоспитанном поведении своей питомицы, забота, проистекающая от непривычки к тому, что Ирина уже взрослая.

Ферапонту в третьем акте, в сцене пожара, добавлены слова: «*В двенадцатом году Москва тоже горела — господи ты боже мой! Французы удивлялись*». Эта вставка перекликается с репликами Ферапонта: во втором акте — о канате, неизвестно зачем протянутом «поперек всей Москвы»; о купце, который «помер», съевши «не то сорок, не то пятьдесят» блинов; в четвертом — о морозе «в двести градусов», развивая особенность натуры Ферапонта, его привычку по каждому случаю выкладывать свои познания.

3

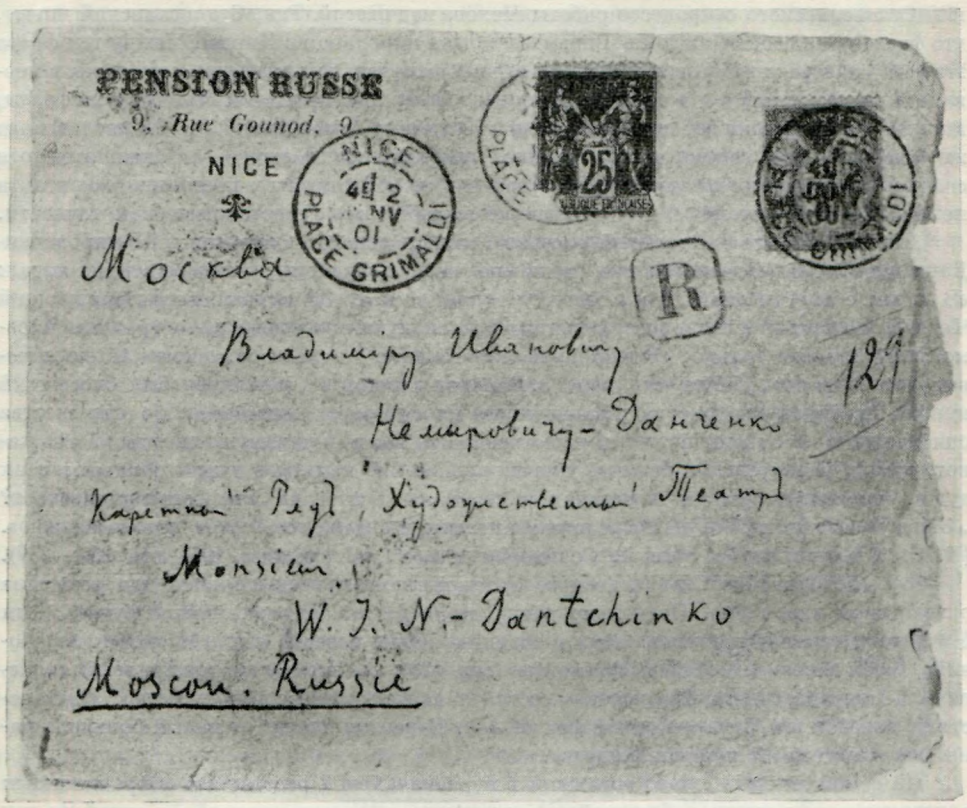
Какие изменения произошли в тексте пьесы за репетиционный период?

В начале января 1901 г. Станиславский подробно сообщает Чехову о ходе подготовки спектакля и просит изменить финальную ремарку:

«IV ⟨акт⟩ еще недостаточно определился... Монологи финальные сестер, после всего предыдущего, очень захватывают и умиротворяют. Если после них сделать вынос

тела (Тузенбаха), получится конец совсем не умиротворяющий. У вас написано: «вдали проносят тело», но у нас нет дали в нашем театре, и сестры должны увидеть мертвеца. Что им делать? Как ни нравится мне этот пронос, но при репетиции начинаю думать,что для пьесы выгоднее закончить акт монологом» («Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I. М., 1946, стр. 213).

«Вы тысячу раз правы,— отвечал ему Чехов,— тело Тузенбаха не следует показывать вовсе; я это сам чувствовал, когда писал, и говорил вам об этом, если вы помните» (XIX, 20).



КОНВЕРТ, В КОТОРОМ ЧЕХОВ ПРИСЛАЛ МХАТ'у РУКОПИСЬ 4 АКТА «ТРЕХ СЕСТЕР»

Автограф

Музей Художественного театра, Москва

Из заключительной ремарки были устранены слова: «В глубине сцены шум, видна толпа, которая смотрит, как несут убитого на дуэли Тузенбаха».

В письме от 22 января Немирович-Данченко предлагает Чехову сократить заключительные монологи сестер:

«Относительно IV акта. Необходимы купюры. Сейчас пошлю тебе телеграмму, а подробнее — вот что: три монолога трех сестер — это нехорошо. И не в тоне, и не сценично. Купюра у Маши, большая купюра у Ирины. Одна Ольга пусть утешает и ободряет. Так?» (В. И. Немирович-Данченко. Избранные письма, т. 2. М., «Искусство», 1954, стр. 208).

О том же просит Чехова О. Л. Книппер: «Ничего, если я в последнем моем финальном моноложке сделаю купюру? Если мне трудно будет говорить его? Ничего ведь?» (Переписка Чехова и Книппер, т. I, стр. 288).

Финальный монолог Маши был сокращен—из него исключены слова: «(*Смотрит вверх.*) Над нами перелетные птицы, летят они каждую весну и осень, уже тысячи лет, и не знают, зачем, но летят и будут лететь еще долго, долго, много тысяч лет — пока наконец бог не откроет им тайны».

По указанию Чехова добавлены две фразы: Соленому (XVIII, 426) и Кулыгину (XIX, 28).

4

Текст первоначальной редакции показывает ошибочность некоторых утверждений Станиславского о процессе работы Чехова над пьесой. Так, Станиславский пишет, что фраза «Бальзак венчался в Бердичеве» была прислана из Ниццы. Между тем фраза эта есть уже среди заготовок к «Трем сестрам» на отдельном листочке, есть она и в первоначальной редакции и в беловой рукописи. Из Ниццы присланы были другие фразы, которые Чехов просил добавить Соленому и Кулыгину (см. выше). Для Станиславского же было не очень важно, какую именно фразу прислал Чехов,— ему важно было в своих воспоминаниях воссоздать атмосферу творческой дружбы и постоянного контакта между Чеховым и театром, и он меньше всего заботился о текстологической точности.

Другой, не менее известный рассказ Станиславского, повторенный Немировичем-Данченко в его воспоминаниях, тоже не подтверждается. Станиславский писал: «В связи с постановкой „Трех сестер“ вспоминается еще случай, характеризующий Чехова. Во время генеральных репетиций мы получили от него из-за границы письмо... Оно гласило только: «Вычеркнуть весь монолог Андрея в последнем акте и заменить его словами: „Жена есть жена“». В рукописи автора у Андрея был блестящий монолог, великолепно рисующий мещанство многих русских женщин: до замужества они хранят в себе налет поэзии и женственности, но, выйдя замуж, спешат надеть капот, туфли, безвкусные и богатые уборы; в такие же капоты и туфли облачаются их души. Что сказать о таких женщинах и стоит ли долго на них останавливаться? „Жена — есть жена!“ Тут посредством интонации актера все может быть выражено». (К. С. Станиславский. Сочинения, т. 1. М., «Искусство», 1954, стр. 236—237).

Это высказывание Станиславского цитировалось во всех случаях, где речь шла о чеховском лаконизме. Насколько распространена эта легенда, можно судить хотя бы по тому, что она приведена даже в сборнике «День поэзии» (изд. «Московский рабочий», 1956), в статье В. Инбер «Краткость» (стр. 179): «... Чехову же принадлежит классическое определение: „Краткость — сестра таланта“. Автор „Трех сестер“ сам блестяще доказал это, заменив одной фразой — „Жена есть жена“ — целый большой, ранее им написанный монолог Андрея».

На самом же деле существовавший в первоначальной редакции и сохранившийся в окончательном тексте небольшой монолог Андрея, не содержащий ни одной из тех мыслей, о которых говорит Станиславский, был в беловой рукописи лишь слегка переработан и в начало его добавлена фраза: «Жена есть жена». Обширного же монолога «страницы в две», о котором говорит Станиславский, нет ни в первоначальной редакции, ни в беловой рукописи, ни в режиссерском экземпляре. Не обнаружено и письма Чехова, о котором упоминает Станиславский.

5

Как мы видели, первоначальная ялтинская редакция и беловой автограф «Трех сестер» представляют безусловный интерес для исследователя творчества Чехова. Они позволяют глубже проникнуть в творческую лабораторию Чехова-драматурга, понять особенности его работы над образами пьесы, над ее языком и стилем. Вместе с тем новонайденные материалы, особенно беловая рукопись, позволяют поставить текстологический вопрос — о пересмотре канонического текста «Трех сестер» и об освобождении его от ряда ошибок и искажений. Для этого мы должны напомнить основные факты из истории печатного текста пьесы.

«Три сестры» были впервые напечатаны во втором номере журнала «Русская мысль» 1901 г., вскоре после премьеры в Московском Художественном театре.

Обстоятельства сложились таким образом, что пьеса появилась на страницах журнала не прокорректированная автором. Редактор «Русской мысли», В. М. Лавров, в конце января 1901 г. выслал Чехову корректуру в Ниццу. Чехов же 26 января выехал из Ниццы в Италию, побывал в Пизе и Флоренции и только в первых числах февраля приехал в Рим. В Риме и догнала его корректура.

«Так как теперь уже 7 февраля,— пишет Чехов Лаврову,— то пьеса не поспеет для февральской книжки. Сегодня я уезжаю в Ялту, откуда и вышлю ее, а ты пока вели выслать мне „действующих лиц", которых нет в корректуре и которых нет у меня» (XIX, 37).

15 февраля Чехов приехал в Ялту, а 22 февраля вышел номер «Русской мысли», где была напечатана пьеса.

Небрежность журнальной публикации обнаруживается с первой же страницы — уже в списке действующих лиц не были помещены имена, отчества, военные звания, не было указано, что Анфиса — «нянька, старуха 80 лет» и что Ферапонт — «сторож из земской управы, старик». По-видимому, в «Русскую мысль» был дан не авторский список действующих лиц, а театральный, репетиционный. Полный список был в ялтинской редакции; в беловую рукопись Чехов его не перенес, так как в нем не было исправлений. В самой же пьесе оказалось множество нарушений и искажений чеховского текста; наряду с мелкими пунктуационными были и значительные — пропуски фраз и целых реплик, искажения и пропуски слов и ремарок.

Были и такие нарушения текста, которые искажали смысл и порой даже уничтожали его. Например, в реплике Ольги в первом акте вместо: «Андрей *был бы* хорош»— напечатано: «*был* хорош», в реплике Тузенбаха вместо: «*Пришло* время, надвигается на всех нас громада» было напечатано: «*Прошло* время», в реплике Вершинина вместо: «с которой мы *так* миримся» — «*там* миримся» и т. п.

Всех отступлений от текста беловой рукописи в «Русской мысли» насчитывается около трехсот пятидесяти, из них в последующие издания перешло свыше ста.

Естественно, что Чехов был недоволен журнальной публикацией своей пьесы. 26 февраля он пишет Книппер: «„Русская мысль" напечатала „Трех сестер" без моей корректуры, и Лавров-редактор в свое оправдание говорит, что Немирович „исправил" пьесу...» (XIX, 42).

Что именно говорил Лавров в свое оправдание, неизвестно — он был в это время тоже в Ялте и поэтому письменных свидетельств не могло быть, но ссылка его на Немировича-Данченко имела некоторый резон. Ведь беловая рукопись, по которой можно было проверить текст, была в распоряжении Немировича-Данченко, и, конечно, Лавров мог получить пьесу только из Художественного театра или непосредственно от Немировича-Данченко.

Недавно обнаруженное в ЦГАЛИ письмо Немировича-Данченко Лаврову от начала января 1901 г. подтверждает это: «Происходит какая-то путаница,— пишет Немирович. — Экземпляра „Трех сестер" у меня *нет совсем*. Теперь я заказал для „Рус〈ской〉 мысли". Дня через два будет готов. А тот, который Чехов хотел отдать тебе, он увез с собой. И я думал, что он сам вышлет вам. ...Так или иначе, дня через два экземпляр у тебя будет...» (ЦГАЛИ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 141, л. 3).

Копия для «Русской мысли» снималась, по-видимому, с автографа, так как в журнальной публикации пьесы обращает на себя внимание одна ошибка, которая могла возникнуть только при копировании автографа. Вместо фразы Вершинина во втором акте: «Видите, мои волосы седеют» в «Русской мысли» напечатано: «Все, даже мои волосы седеют» — явная нелепость, которая не могла возникнуть даже по небрежности корректора. В рукописи слово «Видите» перенесено: «Ви-дите», причем, при копировании мелкого, «кружевного» почерка Чехова, первую часть слова можно было прочесть как «Все», вторую как «даже», а маленькую косую черточку переноса принять за запятую. Другое объяснение этой ошибки найти трудно, тем более, что в текстах, сохранившихся в театре, это место читалось так: «Я седой» (см. первую главу настоящей работы).

Не располагая наборным текстом «Трех сестер», мы не можем судить, насколько точно он был скопирован и чему следует приписать ошибки журнальной публикации —

невнимательности переписчика или небрежности корректоров «Русской мысли». Последнее предположение кажется нам наиболее вероятным. Как видно из писем Чехова, он неоднократно высказывал недовольство работой корректоров и вел с ними борьбу, в которой далеко не всегда оказывался победителем.

Так, в 1899 г. Чехов писал Ю. О. Грюнбергу, сотруднику А. Ф. Маркса: «Еще раз позвольте пожаловаться на изумительную медленность, с какою посылается мне корректура, на совершенное игнорирование моих писем и проч. и проч.» (XVIII, 231).

В 1900 г.— В. А. Поссе: «За опечатки я сердился не на вас, а на типографию... Надо бороться и с опечатками, и со шрифтом, и проч., и проч.; иначе мелкие назойливые промахи станут привычными... А бороться, по-моему, можно только одним способом: постоянно заявлять о замеченных ошибках» (XVIII, 337).

Еще письмо в издательство Маркса: «Корректуры я прочитываю всякий раз внимательно, но типография ваша часто остается к моим поправкам совершенно равнодушной, ошибки остаются неисправленными,— и почему это так, понять не могу» (XVIII, 397).

Приведенные высказывания Чехова ни в коей мере не подтверждают широко распространенного мнения, что раз Чехов держал корректуру, следовательно он принял текст и тем самым «канонизировал» его со всеми возможными в нем ошибками. Следует учитывать еще, что автор всегда плохой контролер своего произведения, так как он порой видит то, чего в тексте нет, но что было или должно было бы в нем быть.

А. П. Скафтымов, комментируя пьесу для полного собрания сочинений, пишет: «Журнальный текст был исправлен в 1902 г. для нового издания 7-го тома собрания сочинений» (XI, 588). Это сказано неточно: журнальный текст был исправлен не в 1902, а в 1901 г. и не для нового издания 7-го тома, а сначала для отдельного издания пьесы у Маркса.

Чехов исправил большинство смысловых искажений журнального текста, но многие лексические и стилистические нарушения остались им незамеченными. Напомним, что первую корректуру для Маркса Чехов правил на память — рукопись была в Москве, в Художественном театре, а черновики свои он обычно уничтожал.

Пьеса вышла отдельным изданием, с портретами исполнительниц ролей трех сестер на обложке, в мае 1901 г. А осенью того же года (15 октября) сотрудник А. Ф. Маркса А. Е. Розинер писал Чехову: «Ваша драма „Три сестры“ появилась уже после выхода 7-го тома („Пьесы“) и была поэтому издана отдельно. Теперь мы имеем в виду приступить к печатанию нового издания 7-го тома. Можно ли включить в этот том и пьесу „Три сестры“?» (XIX, 466)

Чехов ответил согласием.

«В издании „Три сестры“,— писал он Розинеру 18 октября 1901 г.,— было сделано много опечаток, а потому не откажите выслать мне корректуру» (XIX, 148).

Подготовляя «Три сестры» для второго издания, Чехов во многих случаях отменил свою правку, сделанную в первом издании. Была в том числе восстановлена реплика Маши: «Выпью рюмочку винца! Эх-ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала!» При этом ремарка «стучит вилкой по тарелке», вставленная в первом издании для реплики «Господа, я желаю сказать речь», по недосмотру осталась и перешла во все последующие издания. Эта ремарка была устранена только в 1955 г., при подготовке нами к печати «Трех сестер» для 12-томного собрания сочинений Чехова (Гослитиздат, 1955—1956).

Для подписчиков, которые уже приобрели первое издание 7-го тома, где не было ни «Трех сестер», ни переделанного водевиля «Свадьба», издательство Маркса выпустило сборник пьес, куда вошли «Три сестры» и водевили «Свадьба» и «Юбилей», переработанные Чеховым. Сборник этот вышел в марте 1902 г. и являлся как бы дополнением к уже вышедшему 7-му тому собрания сочинений. Текст пьесы был дан в нем с теми поправками, которые Чехов внес для второго издания 7-го тома.

Текст этого второго, дополненного издания 7-го тома (1902 г.) почти не содержит

разночтений по сравнению с текстом сборника. Есть только один случай: в третьем акте в реплику Наташи: «Вообще нужно помогать бедным людям» вставлено слово «поскорее (помогать)». Если эта правка сделана Чеховым, то он, по-видимому, имел в виду вернуться к варианту ялтинской редакции: «Нужно поскорее помочь бедным».

Второе издание 7-го тома является последней прижизненной публикацией пьесы.

Его текст перепечатывался во всех последующих изданиях: во втором полном собрании сочинений Чехова в изд. Маркса, в полном собрании сочинений 1932 г. под ред. А. В. Луначарского и С. Д. Балухатого и, наконец, в Полном собрании сочинений. В самое последнее, 12-томное собрание сочинений нами на основании белового автографа было внесено несколько поправок, устраняющих искажения «Русской мысли», но, к сожалению, по условиям подготовки этого массового издания не было возможности довести работу по очищению текста до конца.

При следующем издании собрания сочинений Чехова текст «Трех сестер» должен быть подвергнут тщательной проверке с привлечением всех рукописных и печатных вариантов; каждое обнаруженное разночтение должно быть проанализировано в соответствии с опытом советской текстологической науки. Не претендуя здесь на полное и окончательное решение этой задачи, мы ограничиваемся приведением далее лишь некоторых наиболее очевидных примеров искажений текста, допущенных в «Русской мысли» и перекочевавших из нее во все последующие издания пьесы.

По первому акту:

В первой реплике Ольги: «ты уже в белом, лице твое сияет...» — напечатано: «в белом платье». Слово «платье» придает излишнюю конкретизацию, нарушает ритм и лишает фразу поэтического, «чеховского» звучания. Вспомним аналогичное построение фразы в «Чайке»: «Отчего вы всегда ходите в черном?» — спрашивает Медведенко Машу. «Всегда в черном... Ее любит учитель...»,— записывает Тригорин очередной «сюжет для небольшого рассказа».

В реплике Чебутыкина: «А я не буду работать» — было пропущено «А». Фраза утратила вызывающий оттенок, приобрела характер простого сообщения.

В последней фразе монолога Вершинина: «И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже страшно грешной» — вместо «так» было напечатано «там» (это было исправлено Чеховым) и вышло слово «страшно».

В реплике Ирины: «Николай Львович, дорогой, не говорите мне о любви» — пропущено «дорогой».

По второму акту:

В диалоге:

Тузенбах <...> Я провожаю вас каждый вечер.

Ирина. Как я устала!

Тузенбах. И каждый вечер буду приходить на телеграф и провожать вас домой...

— слово «вечер» (во втором случае) было заменено на «день».

Соленый, объясняясь в любви Ирине, говорит: «Вы одна, только вы одна можете понять меня». Начальные слова: «Вы одна» — выпали в «Русской мысли».

По третьему акту:

В первой реплике Анфисы: «Сидят теперь внизу, под лестницей... А говорю — пожалуйте наверх, нешто, говорю, можно так — плачут» — «А» было заменено на «Я».

Во фразе Наташи: «Или я тебя не понимаю, или же ты не хочешь меня понять» — пропущено «тебя», необходимое по смыслу.

После фразы Наташи: «Нам нужно уговориться, Оля» — были пропущены слова: «раз навсегда».

В монологе пьяного Чебутыкина после слов: «... а теперь ничего не помню. Ничего» — в рукописи фраза: «В голове пусто, на душе холодно». Фраза эта, ярко характеризующая Чебутыкина, в «Русской мысли» была пропущена и никогда не печаталась.

Во фразе Тузенбаха: «Марья Сергеевна, например, играет на рояли чудесно» — вместо «например» было напечатано «по-моему», что придает фразе не тот смысл: ведь

Тузенбах говорит о возможности устроить концерт («Можно бы устроить, если бы захотеть»), а не о своих музыкальных вкусах.

Во фразе Ольги: «Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг» — пропущено слово «только».

В сцене «покаяния» Маши, после слов Ольги: «Какие бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу» — в реплике Маши было напечатано: «Э, глупая ты, Оля» вместо «чудна́я» (как у Чехова). «Э, глупая ты Оля» — это редакция первоначального текста, где Чехов заменил «глупая» на «чудна́я» по вполне понятным соображениям: во избежание соседства двух однокоренных слов в разной грамматической и смысловой функции.

В монологе Андрея перед фразой: «Наташа прекрасный, честный человек» — пропущены слова: «Если желаете знать» — необходимые для вызывающего тона, которым Андрей уверяет прежде всего себя в том, в чем он хочет уверить сестер.

По четвертому акту:

После слов Ирины: «Когда я держала экзамен на учительницу, то даже заплакала от радости...» — напечатано: «от благости». Эти слова остались от первоначальной редакции, в которой реплика кончалась словами: «от благости, которая наполнила меня всю» — незначительная по объему купюра, сделанная Чеховым, не была перенесена в театральный текст и не попала в «Русскую мысль».

В сцене прощания Ирины и Тузенбаха пропущены реплики (после фразы Тузенбаха: «Скажи мне что-нибудь»):

Ирина. Что? Что? Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молчат... (Кладет голову ему на грудь.)

Тузенбах. Скажи мне что-нибудь.

Фраза Ирины о деревьях откликнется в прощании Тузенбаха с природой («Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы...»), а произнесенное еще раз: «Скажи мне что-нибудь» — создает вместе с двумя имеющимися в печатном тексте характерное для «Трех сестер» троекратное повторение.

В реплике Маши, увидевшей Кулыгина в фальшивых усах и бороде: «А в самом деле похож на вашего немца» — пропущено «А».

Во фразе Наташи о клене: «По вечерам он такой страшный, некрасивый» — пропущено «страшный».

Как уже говорилось выше, Чехов, исправляя ялтинскую редакцию, почти во всех случаях изъял слово «что» в косвенной речи и в дополнительных придаточных предложениях. Но в «Русской мысли» все эти «что» напечатаны. Может быть, виноват педант-корректор, считавший недопустимыми разговорные формы в печатном тексте.

Вот эти случаи:

В третьем акте: «Кулыгин 〈...〉 Казалось, [что] горит весь город»; «Чебутыкин 〈...〉 Думают, [что] я доктор»; «Тузенбах 〈...〉 Уверяю вас, [что] Мария Сергеевна играет великолепно...»; «Кулыгин 〈...〉 кажется, [что] венчались только вчера».

В четвертом акте: «Кулыгин 〈...〉 думал, [что] по-латыни написано»; «Кулыгин 〈...〉 Говорят, [будто] Соленый влюблен в Ирину»; «Чебутыкин 〈...〉 Если кто спросит меня, Андрюша, то скажешь, [что] я сейчас».

Разговорная форма в ряде случаев устранена и в написании отчеств: «Сергеевич», «Романович», «Игнатьевич» вместо «Сергеич», «Романыч», «Игнатьич».

* * *

Ниже публикуется по цензурному экземпляру первоначальная ялтинская редакция «Трех сестер». Исправления, сделанные Чеховым при доработке пьесы в Москве — Ницце, даны по тексту беловой рукописи. В первом, втором и третьем актах эти варианты отмечаются в подстрочных примечаниях; слова и фразы, зачеркнутые в рукописи, даются в квадратных скобках [ ]. Четвертый акт печатается полностью по тексту каждой из обеих редакций.

«ТРИ СЕСТРЫ»

‹ЯЛТИНСКАЯ РЕДАКЦИЯ›

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Андрей Сергеевич Прозоров.
Наталья Ивановна, его невеста, потом жена.
Ольга, Маша, Ирина } его сестры.
Федор Ильич Кулыгин, учитель гимназии, муж Маши.
Александр Игнатьевич Вершинин, подполковник, батарейный командир.
Тузенбах Николай Львович, барон, поручик.
Соленый Василий Васильевич, штабс-капитан.
Чебутыкин Иван Романович, военный доктор.
Федотик Алексей Петрович, подпоручик.
Роде Владимир Карлович, подпоручик.
Ферапонт, сторож из земской управы, старик.
Анфиса, нянька, старуха 80 лет.

Действие происходит в губернском городе.

I

В доме Прозоровых. Гостиная с колоннами, отделяющими ее от зала. Полдень; на дворе солнечно, весело. Видно, как в зале накрывают стол для завтрака. Ольга в синем форменном платье учительницы женской гимназии, Маша в черном платье, со шляпкой на коленях, сидит и читает книжку, Ирина в белом платье стоит задумавшись.

Ольга. Отец умер в прошлом году[а] как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не перенесу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко, ты уже в белом, на лице твоем улыбка[б]...

Часы бьют двенадцать.

И тогда также били часы.

Пауза.

Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем был дождь тогда. Сильный дождь и снег.

Ирина. Зачем вспоминать!

В зале около стола показываются[в] барон Тузенбах, Чебутыкин и Соленый.

Ольга. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору в Москве уже все в цвету, тепло, все залито солнцем. Одиннадцать лет прошло, а я помню там все, как будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня

а *Вместо*: в прошлом году — ровно год назад
б *Вместо*: на лице твоем улыбка — лицо твое сияет
в *Вместо*: показываются — показывается

утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно...[а].

Маша, задумавшись над книжкой[б], насвистывает песню.

О л ь г а. Не свисти, Маша. Как это ты можешь!

Пауза.

Оттого, что я каждый день в гимназии и потом даю уроки до вечера, у меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась... И в самом деле, за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и сила[в] и молодость. И только[г] крепнет одна мечта.

И р и н а. [д] Продать дом, покончить здесь все и в Москву.

О л ь г а. Да. Скорей в Москву[е].

И р и н а. Брат, вероятно, будет профессором, он все равно не станет жить здесь. Только вот остановка за бедной Машей!

О л ь г а. Маша будет приезжать в Москву на все лето, каждый год...

Маша ([ж] насвистывает песню).

И р и н а. Бог даст, все устроится. (*Глядит*[з] *в окно.*) Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душе так светло. Сегодня утром вспомнила, что я именинница, и вдруг почувствовала радость, такую радость, как в детстве когда-то... точно жива еще мама[и]. И какие чудные мысли волновали меня, какие мысли! Мне двадцать лет, я уже взрослая, как это хорошо![к]

О л ь г а. Сегодня ты вся сияешь, кажешься необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей был бы хорош, только он растолстел[л] очень, это к нему не идет. А я постарела, похудела сильно, оттого должно быть, что сержусь в гимназии на девочек. Вот сегодня я свободна, я дома, и у меня не болит голова, я чувствую себя моложе, чем вчера. И в самом деле[м], мне двадцать восемь лет, только. Все хорошо, все от бога, но мне кажется, что если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше.

Пауза.

Я бы любила мужа.

Т у з е н б а х[н] (*входя в гостиную*). Забыл сказать. Сегодня у вас с визитом будет наш новый[о] батарейный командир Вершинин... (*Садится за*[п] *пианино.*)

О л ь г а. Ну что ж? Очень рада.

И р и н а. Он старый?

Т у з е н б а х. Нет, ничего. Самое большое, лет сорок, сорок пять.

а *Далее*: Ч е б у т ы к и н. Черта с два. — Т у з е н б а х. Конечно, вздор.

б *Далее*: тихо

в *Вместо*: сила — силы

г *Далее*: растет и

д *Далее*: Уехать в Москву.

е *Далее ремарка*: Чебутыкин и Тузенбах смеются *и зачеркнутая реплика Соленого, перенесенная затем ниже* (см. прим. [в] к стр. 21).

ж *Далее*: тихо

з *Вместо*: Глядит — Глядя

и *Вместо*: такую радость ~ мама — и вспомнилось детство, когда еще была жива мама.

к *Вычеркнуто*: Мне ~ хорошо!

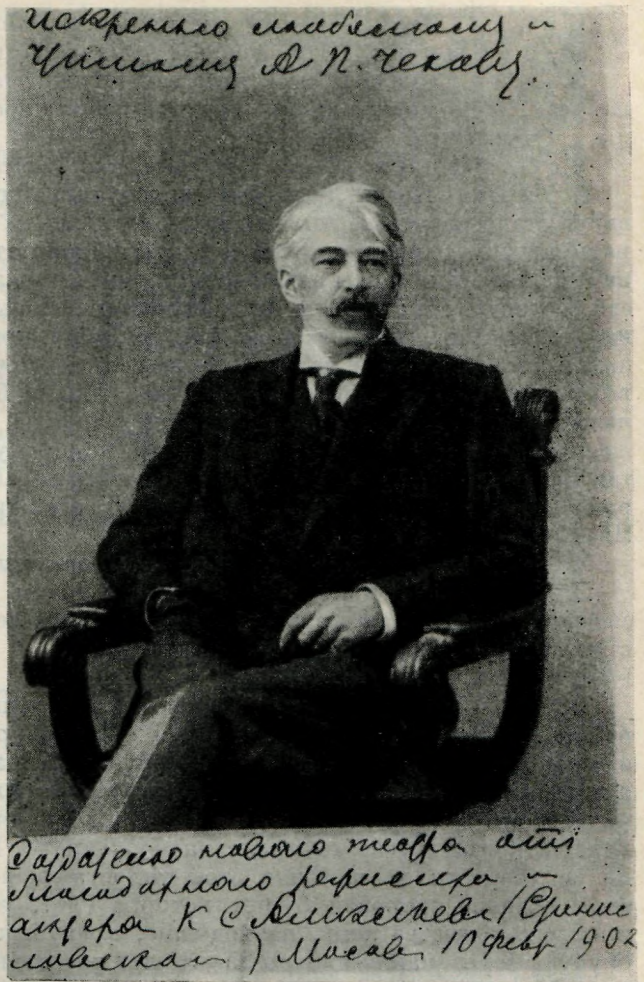
л *Вместо*: растолстел — располнел

м *Отсутствует*: И в самом деле

н *Далее*: (Соленому) Такой вы вздор говорите, надоело вас слушать.

о *Отсутствует*: новый

п *Вместо*: за — у



К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Искренно любимому и чтимому А. П. Чехову. Создателю нового театра от благодарного режиссера и актера К. С. Алексеева (Станиславского). Москва, 10 февр. 1902»

Дом-музей Чехова, Ялта

(*Тихо наигрывает.*) По-видимому, славный малый. Не глуп, это несомненно. Только говорит много.

И р и н а. Интересный человек?

Т у з е н б а х. Да, ничего себе, только жена, теща и две девочки[а]. Он делает визиты и везде говорит, что у него жена и две девочки. И здесь скажет. Жена какая-то полоумная с длинной девической косой, говорит одни высокопарные вещи[б] и часто покушается на самоубийство, очевидно, чтобы насолить мужу. Я бы давно ушел от такой, но он терпит и только жалуется.

Ч е б у т ы к и н (*входя из залы в гостиную с Соленым*). И эта пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов, сыплете туда и, когда увидите на дне пузырьки... [в]

[а] *Далее*: При том женат во второй раз.

[б] *Далее*: философствует

[в] *Вместо*: Ч е б у т ы к и н ~ пузырьки — С о л е н ы й (входя из залы в гостиную с Чебутыкиным). Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пудов. Из этого я заключаю, что два человека сильнее одного не вдвое, а втрое, даже больше... Ч е б у т ы к и н (читая на ходу газету «Свет»). При выпаде-

И р и н а. Иван Романыч, милый Иван Романыч!

Ч е б у т ы к и н. Что, девочка моя, радость моя?

И р и н а. Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы... Отчего это? Отчего?

Ч е б у т ы к и н (*целуя ее*[а] *обе руки, нежно*). Птица моя белая...

И р и н а. Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мне вдруг стало казаться, что для меня все ясно на этом свете, и я знаю, как надо жить[б]. Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключаются смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге... Боже мой, не то что человеком, лучше быть волом, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно! В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать. И, если я не буду рано вставать и не буду трудиться, то откажите мне в вашей дружбе, Иван Романыч!

Ч е б у т ы к и н (*нежно*). Откажу, откажу...

О л ь г а. Отец приучил нас вставать в семь часов. Теперь Ирина просыпается в семь и по крайней мере до девяти лежит и о чем-то думает, и с таким серьезным лицом![в]

И р и н а. Не говори, Оля, не говори...[г]

Т у з е н б а х. Мне так понятно это томление, тоска по труде[д]. Я не работал ни разу в жизни. Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. Помню, когда я приезжал домой из корпуса, то лакей стаскивал с меня сапоги, я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивлялась, когда другие смотрели на меня иначе. Меня оберегали от труда, но не уберегли от влияния этой надвигающейся на всех нас громады, этой славной здоровой бури[е], которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду и[ж] гнилую скуку[з]. Через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!

Ч е б у т ы к и н. А я не буду работать[и].

С о л е н ы й. Не в обиду будь сказано, через 25 лет вас уже не будет на свете, слава богу[к].

нии волос ... Два золотника нафталина [растворяются] на полбутылки спирта ... Растворить и употреблять ежедневно ... (Записав в книжку, Соленому.) Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка ... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов ..

а *Вместо*: ее — ей

б *Далее*: Милый Иван Романыч, я знаю все!

в *Вместо*: и с таким серьезным лицом — А лицо серьезное!

г *Вместо*: Не говори, Оля, не говори ... — Ты привыкла видеть меня девочкой — и тебе странно, когда у меня серьезное лицо. Мне двадцать лет!

д *Вместо*: Мне так понятно это томление, тоска по труде — Тоска по труде — о, боже мой, как она мне понятна!

е *Вместо*: но не уберегли ~ бури — Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря

ж *Отсутствует*: и

з *Далее*: Я буду работать, а

и *Далее*: Т у з е н б а х. Вы не в счет.

к *Вместо*: не в обиду ~ богу — Через 25 лет вас уже не будет на свете, слава богу. Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб.

Чебутыкин (*смеется*). А я в самом деле никогда ничего не делал, честное, благородное слово... [а] Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал одни только газеты. (*Вынимает из кармана газету*[б].) Вот... Знаю по газетам, что был, положим, Белинский[в], а что он там писал, не знаю, честное слово[г]... Ничего не делал всю жизнь, и всю жизнь мне было некогда почему-то.[д]

Стук в пол из нижнего этажа.

Вот видите... Зовут меня вниз, кто-то ко мне пришел... Я сейчас приду... погодите. ([е] *Уходит, расчесывая бороду.*)

Ирина. Это он что-то выдумал.

Тузенбах. Да. Ушел с торжественной физиономией, очевидно, принесет вам сейчас подарок.

Ирина. Как это неприятно.

Ольга. Да, это ужасно. Он всегда делает глупости.

Маша. Слава богу, слава нам, Туртукай взят и мы там[ж]... (*Встает и напевает тихо.*)

Ольга. Тебе грустно, Маша?[з]

Маша (напевая, надевает шляпу).

Ирина. Куда ты?

Маша. Домой.

Ирина. Странно.

Тузенбах. Уходить с именин!

Маша. Все равно. Приду вечерком... Прощай, моя милая[и], моя хорошая... (*Целует Ирину.*) Желаю тебе еще раз, будь здорова, будь счастлива. В прежнее время, когда был жив отец, к нам на именины приходило всякий раз по тридцать — сорок офицеров, было шумно, а сегодня[к] тихо, как в пустыне... Я уйду... Сегодня я в мерлехлюндии, не весело мне, и ты не слушай меня. (*Сквозь слезы смеясь*[л].) После поговорим, а пока прощай, моя милая, пойду куда-нибудь.

Ирина (*недовольная*). Ну, какая ты...

Ольга (*плачет тихо*)[м].

Соленый. Все это философистика, эта ваша софистика, мистика, извините, не стоит гроша медного. Все это брандахлыстика[н].

Маша. Что вы хотите этим сказать[о]?

Соленый. Ничего. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел.

Пауза.

[а] *Отсутствует*: честное благородное слово

[б] *Вместо*: газету — «Новое время»

[в] *Вместо*: Белинский — Добролюбов

[г] *Отсутствует*: честное слово; *далее*: бог его знает...

[д] *Отсутствует*: почему-то

[е] *Далее*: торопливо

[ж] *Вместо*: Слава богу ~ там — У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... Златая цепь на дубе том...

[з] *Вместо*: Тебе грустно, Маша? — Ты сегодня невеселая, Маша.

[и] *Отсутствует*: моя милая

[к] *Далее*: только полтора человека и

[л] *Вместо*: Сквозь слезы смеясь — Смеясь сквозь слезы

[м] *Вместо*: Ольга (плачет тихо). — Ольга (со слезами): Я понимаю тебя, Маша.

[н] *Вместо*: Все это ~ брандахлыстика — Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика; если же философствует женщина, или две женщины, то уж это будет — потяни меня за палец.

[о] *Далее*: ужасно страшный человек?

М а ш а (*Ольге сердито*). Не реви!

Входят А н ф и с а и Ф е р а п о н т с тортом.

А н ф и с а. Сюда, батюшка[а]. Входи, ноги у тебя чистые. (*Ирине.*) Из земской управы, от Протопопова Михаила Иваныча... Пирог...

И р и н а. Спасибо... Поблагодари... (*Принимает пирог*[б].)

Ф е р а п о н т. Чего?

И р и н а (*громче*). Поблагодари!

О л ь г а. Нянечка, дай ему пирога. Ферапонт, иди, там тебе пирога дадут.

Ф е р а п о н т. Чего?

А н ф и с а. Пойдем[в]. (*Уходит с Ферапонтом.*)

М а ш а. Не люблю я этого Протопопова. Ты не пригласила его, это хорошо[г].

Входят Ч е б у т ы к и н и солдат с серебряным самоваром, гул изумления и недовольства.

О л ь г а (*закрывает лицо руками*). Самовар! Это ужасно! (*Уходит в залу к столу.*)

И р и н а. Голубчик, Иван Романович, что вы делаете!

Т у з е н б а х (*смеется*). Я говорил вам!

М а ш а. Иван Романыч, у вас просто стыда нет![д]

Ч е б у т ы к и н. Милые мои, хорошие мои, вы у меня единственные, дороже всего на свете...[е] Мне скоро шестьдесят лет[ж], я старик, одинокий, поганый[з] старик... ничего ни во мне, ни у меня нет[и] хорошего[к], и если бы не вы, то я, должно быть, спился бы уже, или просто-напросто пустил бы себе пулю в лоб...[л] (*Ирине.*) Милая, деточка моя, я знаю вас со дня вашего рождения... носил на руках... Я любил покойницу мать...[м]

И р и н а. Но зачем такие дорогие подарки!

Ч е б у т ы к и н (*сквозь слезы, сердито*). Дорогие, дорогие...[н] Ну, вас совсем! (*Денщику.*) Неси самовар туда![о]

Денщик уносит самовар в залу.

А н ф и с а (*проходя в залу*[п]). Милые, полковник незнакомый!.. Уж пальто снял[р], сюда идет... Красавец, батюшки светы...[с]

Т у з е н б а х. Это[т] Вершинин, должно быть.

Входит В е р ш и н и н.

а *Далее*: мой

б *Вместо*: пирог — торт

в *Далее*: батюшка Ферапонт Спиридоныч. Пойдем . . .

г *Вместо*: Не люблю ~ хорошо — Не люблю я [этого] Протопопова, этого Михаила Потапыча, или Иваныча. Его не следует приглашать. *Далее*: И р и н а. Я и не приглашала. М а ш а. И прекрасно.

д *К трем последним репликам ремарка*: Вместе

е *Вместо*: дороже всего на свете — вы для меня самое дорогое, что только есть на свете

ж *Отсутствует*: лет

з *Вместо*: поганый — ничтожный

и *Вместо*: ничего ни во мне, ни у меня нет — ничего во мне нет

к *Далее*: кроме этой любви к вам

л *Вместо*: то я ~ в лоб — то я бы давно уже не жил на свете . . . (Оглядываясь.) К чему мне все это? К чему?

м *Вместо*: мать — маму

н *Вместо*: Дорогие, дорогие — дорогие подарки

о *Далее*: (Дразнит.) Дорогие подарки . . .

п *Вместо:* в залу — через гостиную

р *Далее*: деточки

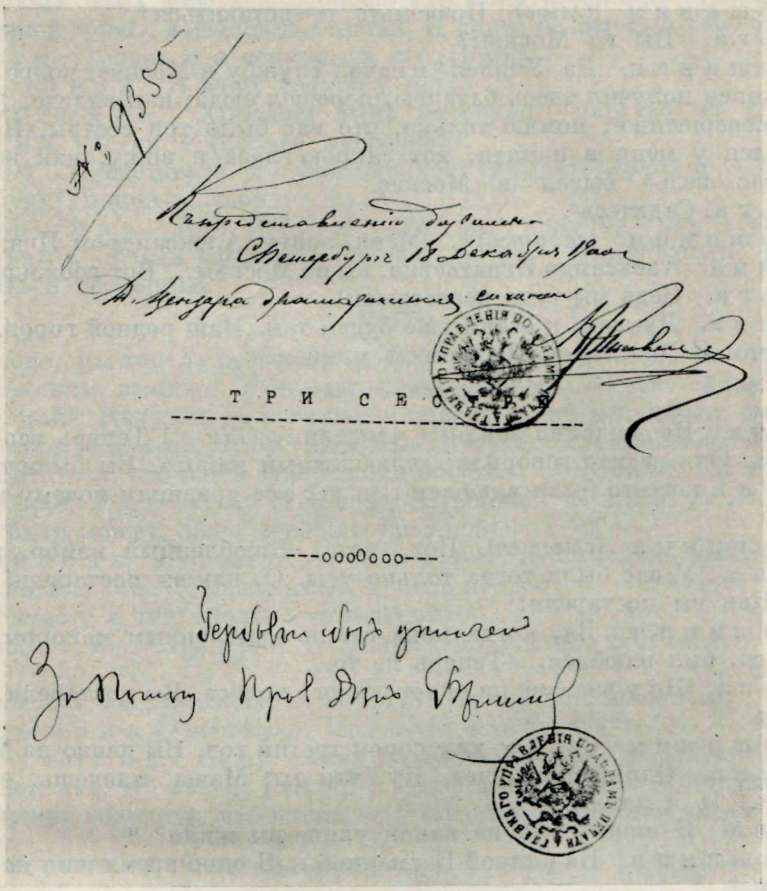
с *Вместо*: Красавец, батюшки светы . . . — Аринушка, ты же будь ласковая, вежливенькая . . . (Уходя.) И завтракать уж пора, господи . . .

т *Отсутствует*: это

Т у з е н б а х. Подполковник Вершинин!

В е р ш и н и н (*Маше и Ирине*). Честь имею представиться: Вершинин. Очень, очень рад, что, наконец, я у вас. Какие вы стали! Ай, ай!

И р и н а. Садитесь, пожалуйста. Мы очень рады[а].



ЦЕНЗУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ»
Лист первый
Сверху цензорское разрешение постановки от 18 декабря 1900 г.
Музей Художественного театра, Москва

В е р ш и н и н (*весело*). Как я рад, как я рад! Но ведь вас три сестры. Я помню, три девочки... Лиц уже не помню, но что у[б] полковника Прозорова были три маленьких девочки, я отлично помню и видел их[в]... Как идет время!..[г]

Т у з е н б а х. Александр Игнатьевич из Москвы.

И р и н а. Из Москвы? Вы из Москвы!

В е р ш и н и н. Да, оттуда. Ваш покойный отец был там батарейным командиром, а я офицером в той же бригаде[д]. (*Маше.*) Вот ваше лицо немножко помню, кажется.

а *Вместо:* Мы очень рады — Нам очень приятно.
б *Далее:* вашего отца
в *Вместо:* их — собственными глазами
г *Далее:* Ой, ой, как идет время!
д *Вместо:* а я офицером в той же бригаде — а я в той же бригаде офицером.

М а ш а. А я вас — нет!

И р и н а. Оля! Оля! (*Кричит в залу.*) Оля, иди же!

О л ь г а входит из залы в гостиную.

И р и н а. Вот подполковник Вершинин. Он из Москвы[а].

В е р ш и н и н (*Ольге*). Позвольте представиться[б].

О л ь г а. Вы из Москвы?

В е р ш и н и н. Да. Учился[в] и начал службу в Москве, долго служил там, наконец получил здесь батарею, перешел сюда, как видите. Я вас не помню совершенно[г], помню только, что вас было три сестры. Ваш отец сохранился у меня в памяти, вот закрою глаза и вижу, как живого... Я у вас ведь[д] бывал в Москве.

О л ь г а. Садитесь[е].

В е р ш и н и н (*садится*)[ж]. Меня зовут Александром Игнатьичем.

И р и н а. Александр Игнатьевич, вы из Москвы... Вот неожиданность!

О л ь г а. Ведь мы туда переезжаем!

И р и н а. Думаем, к осени уже будем там. Наш родной город, мы родились там... На Старой Басманной улице...

Обе смеются от радости.

М а ш а. Неожиданно земляка увидели... (*Живо.*) Теперь вспомнила! Помнишь, Оля, у нас говорили: «влюбленный майор». Вы были тогда поручиком и в кого-то были влюблены, и вас все дразнили почему-то майором...

В е р ш и н и н (*смеется*). Вот, вот... Влюбленный майор, это так.

М а ш а. У вас были тогда только усы. О, как вы постарели! (*Сквозь слезы.*) Как вы постарели!

В е р ш и н и н. Да, когда меня звали влюбленным майором, я был еще молод, был влюблен... Теперь не то...

О л ь г а. Но у вас еще ни одного седого волоса. Вы постарели, но еще не стары.

В е р ш и н и н. Однако уже сорок третий год. Вы давно из Москвы?

И р и н а. Одиннадцать лет. Ну, что ты, Маша, плачешь, чудачка. (*Плачет*[з].) И я заплачу.

М а ш а. Я ничего. ⟨А на какой улице вы жили?⟩[и]

В е р ш и н и н. На Старой Басманной... Я одно время жил на Немецкой улице[к].

О л ь г а. Это близко.

В е р ш и н и н. С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит... Одинокому становится грустно на душе.

Пауза.

А здесь какая широкая, какая богатая река! Чудесная река!

а *Вместо*: Вот подполковник ~ из Москвы — Подполковник Вершинин, оказывается, из Москвы.

б *Вместо*: Позвольте представиться — (Ольге.) Вы, стало быть, Ольга Сергеевна, старшая . . . А вы Мария . . . А вы Ирина — младшая . . .

в *Далее:* в Москве

г *Вместо*: совершенно — собственно

д *Отсутствует*: ведь

е *Вместо*: Садитесь — Мне казалось, я всех помню, и вдруг . . .

ж *Ремарка отсутствует.*

з *Вместо*: Плачет — Сквозь слезы

и *Этой фразы, необходимой по смыслу, в цензурном экземпляре нет — вероятно, она была пропущена при перепечатке. Восстанавливаем ее по беловой рукописи.*

к *Вместо*: Я одно время жил на Немецкой улице — Одно время я жил на Немецкой улице.

О л ь г а. Да, но только холодно. (*Вздрагивает*[а].) Здесь холодно и[б] комары.

В е р ш и н и н. Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река... и здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить. Только странно, вокзал железной дороги в двадцати верстах. И никто не знает, почему это так[в].

О л ь г а. Теперь и я вспомнила вас. Помню.

В е р ш и н и н. Я вашу матушку знал.

Ч е б у т ы к и н. Хорошая была женщина[г], царство ей небесное.

И р и н а. Мама в Москве погребена[д].

М а ш а. Представьте, я уже начинаю забывать ее лицо... Так и о нас не будут помнить, забудут.

В е р ш и н и н. Да. Забудут[е]. То, что кажется нам серьезным, значительным, очень важным,— придет время,— будет забыто, или будет казаться неважным.

Пауза.

И интересно, мы теперь совсем не можем знать, что собственно будет считаться высоким, важным, и что жалким, смешным... Разве открытие Коперника, или[ж] Колумба не казалось в первое время ненужным, смешным, а какой-нибудь пустой вздор, написанный чудаком, не казался истиной? И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, не достаточно чистой, быть может, даже страшно грешной!..

Т у з е н б а х. Кто знает? А, быть может, нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, нашествий, но вместе с тем сколько страданий![з]

С о л е н ы й. Страдания... Например, клопы кусаются... (*конфузится*).

О л ь г а (*сконфуженная, в сторону*). Он говорит пошлости.

В е р ш и н и н (*Тузенбаху*). Пожалуй, это правда[и].

Ч е б у т ы к и н. Нашу жизнь назовут высокой, но люди-то, голубчик, низенькие. (*Встает.*) Глядите, какой я низенький. А для моего утешения нужно говорить, что жизнь моя высокая. Понятное дело[к].

За сценой игра на скрипке.

М а ш а. Это Андрей играет, наш брат.

а *Ремарка отсутствует.*

б *Далее многоточие.*

в *Далее*: С о л е н ы й. А я знаю, почему это так. (Все глядят на него.) Потому что если бы вокзал был близко, то не был бы далеко, а если он [не близко, то, значит] далеко, то, значит, не близко. (Неловкое молчание.) Т у з е н б а х. Шутник. Василий Васильич.

г *Отсутствует*: женщина

д *Далее*: О л ь г а. В Ново-Девичьем ...

е *Далее*: Такова уж судьба наша, ничего не поделаешь.

ж *Далее*: положим

з *Далее*: С о л е н ы й (тонким голосом). Цип, цип, цип ... [(сердито)] Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать. Т у з е н б а х. Василий Васильич, прошу вас оставить меня в покое... (Садится на другое место.) Это скучно, наконец. С о л е н ы й (тонким голосом). Цип, цип, цип ... Т у з е н б а х (Вершинину). Страдания, которые наблюдаются теперь, — их так много! — говорят все-таки об известном нравственном подъеме, которого уже достигло общество. В е р ш и н и н. Да, да, конечно!

и *Отсутствуют три последние реплики — Соленого, Ольги, Вершинина.*

к *Вместо*: Нашу жизнь ~ дело — Вы только что сказали, барон, нашу жизнь назовут высокой; но люди все же низенькие... (Встает.) Глядите, какой я низенький. Это для моего утешения нужно говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь ...

И р и н а. Он у нас ученый. Должно быть, будет профессором. Папа был военным, а его сын избрал себе ученую карьеру. Впрочем, это по желанию папы[а].

О л ь г а. Мы сегодня его задразнили. Он, кажется, влюблен немножко.

И р и н а. В одну здешнюю барышню. Сегодня [б] будет у нас, по всей вероятности.

М а ш а. Как у нас в провинции еще одеваются, не то что [в] некрасиво, не модно, а просто жалко. Какая-то странная [г], желтоватая юбка с этакой пошленькой бахромой и красная кофточка. И щеки такие вымытые, вымытые! Андрей не влюблен [д], а просто [е] так, дразнит нас, дурачится. Слышно [ж], она выходит за Протопопова, председателя здешней управы... И прекрасно. (*В боковую дверь.*) Андрей, поди сюда! На минуточку! [з]

Входит А н д р е й.

О л ь г а. Это мой брат, Андрей Сергеевич.

В е р ш и н и н. Вершинин.

А н д р е й. Прозоров. (*Вытирает вспотевшее лицо.*) Вы к нам батарейным командиром?

О л ь г а. Можешь представить, Александр Игнатьевич из Москвы.

А н д р е й. Да? Ну, поздравляю, теперь мои сестрицы не дадут вам покою.

В е р ш и н и н. Я уже успел надоесть вашим сестрам.

И р и н а. Посмотрите, какую рамочку для портрета подарил мне сегодня Андрей. (*Показывает рамочку.*) Это он сам сделал.

В е р ш и н и н (*глядя на рамочку и не зная, что сказать*). Да... Вещь...

И р и н а. И вот ту рамочку, что над пианино, он тоже сделал.

Андрей машет рукой и отходит.

О л ь г а. Он у нас и ученый, и на скрипке играет, и выпиливает разные штучки, одним словом, мастер на все руки. Андрей, не уходи! У него манера — всегда уходить. Поди сюда!

Маша и Ирина берут его под руки и со смехом ведут назад.

М а ш а. Иди, иди!

А н д р е й. Оставьте, пожалуйста!

М а ш а. Какой смешной! Александра Игнатьевича называли когда-то влюбленным майором, и он нисколько не сердился.

В е р ш и н и н. Нисколько!

М а ш а. А я хочу тебя назвать: влюбленный скрипач!

И р и н а. Или влюбленный толстяк![и]

О л ь г а. Он влюблен! Андрюша влюблен!

И р и н а (*аплодируя*). Браво! Браво! Бис! Андрюшка влюблен!

Ч е б у т ы к и н (*подходит сзади к Андрею и берет его обеими руками за талию*). Для любви одной природа нас на свет произвела! (*Хохочет, садится и читает газету, которую вынул из кармана.*)

[а] *Отсутствует*: Впрочем ~ папы. *Далее*: М а ш а. По желанию папы.

[б] *Далее*: она

[в] *Вместо*: Как у нас ~ не то что — Вы москвич, вы поймете. Я не могу видеть, как здесь одеваются, меня просто оскорбляют здешние щеголихи. Не то что бы

[г] *Далее*: яркая

[д] *Далее*: я не допускаю, все-таки у него вкус есть

[е] *Далее*: он
Вместо: Слышно — Я вчера слышала

[з] *Вместо*: На минуточку! — Милый, на минутку!

[и] *Вместо*: толстяк — профессор

Андрей. Ну, довольно, довольно... (*вытирает*[а] *лицо*). Я всю ночь не спал и теперь, как в тумане[б]. До четырех часов читал, потом лег, но ничего не вышло... Думаю[в] о том, о сем...[г] Хочу за лето, пока буду жить[д] здесь, перевести одну книгу с английского.

Вершинин. А вы читаете по-английски?

Андрей. Да, отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием. Это смешно и глупо, но в этом все-таки надо сознаться, после его смерти

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Фотография с дарственной надписью Чехову:
«Талантливейшему из современных драматургов Ант. Павл. Чехову — постоянный в своем увлечении Вл. Немирович-Данченко»

Дом-музей Чехова, Ялта

я стал полнеть и вот растолстел[е] в один год, точно мое тело освободилось от гнета. Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и анг-

---

а *Вместо*: вытирает — утирает

б *Вместо*: как в тумане — немножко не в себе, как говорится

в *Вместо*: Думаю — Думал

г *Далее*: а тут ранний рассвет, солнце так и лезет в спальню. Чуть ли не во втором часу...

д *Отсутствует*: жить

е *Вместо*: растолстел — располнел. *Далее зачеркнуто*: как говорится, разбух

лийский языки, а Ирина знает еще и[а] по-итальянски. Но чего это стоило!

М а ш а. В этом городе знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придаток, вроде шестого пальца. Мы знаем много лишнего.

Пауза[б].

В е р ш и н и н. Лишнего? Кто знает! Кто из нас обладает достаточно правильной точкой зрения, чтобы отличать лишнее от того, что необходимо? Мне кажется, что нет[в] и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образованный человек. Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собою разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы; в течение вашей жизни, мало-помалу[г], должны будете уступить и затеряться в стотысячной толпе, вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока, наконец, такие, как вы, не станут большинством. Через двести — триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец. (*Смеется.*) А вы жалуетесь, что знаете много лишнего.

М а ш а (*снимает шляпу*). Я остаюсь завтракать.

И р и н а (*со вздохом*). Право, все это следовало бы записать.

Андрея нет, он незаметно ушел.

Т у з е н б а х. Через много лет, вы говорите, жизнь на земле будет прекрасной, изумительной. Но чтобы участвовать в ней теперь, хотя издали, предвкушать ее[д], нужно приготовляться к ней, нужно работать.

В е р ш и н и н. Да[е].

Т у з е н б а х. Конечно, не иначе[ж].

Пауза.

В е р ш и н и н[з]. Я часто думаю: что если бы начать жить сначала, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, как говорится, начерно, другая — начисто? Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мере создал бы для себя иную обстановку жизни[и]. У меня, например[к], жена, две девочки[л]... притом жена дама нездоровая и так далее, и

а *Отсутствует*: и...

б *Отсутствует ремарка.*

в *Вместо*: Лишнего? ~ что нет — Вот-те на! Во-первых, едва ли кто-нибудь из нас обладает достаточно правильной точкой зрения, чтобы отличать лишнее от того, что в самом деле необходимо. И во-вторых, мне кажется, нет

г *Далее*: вы

д *Отсутствует*: предвкушать ее

е *Вместо*: Да — (Встает.) Да. Сколько, однако, у вас цветов! (оглядываясь) И квартира чудесная. Завидую. А я всю жизнь мою болтался по квартиркам с двумя стульями, с одним диваном, и с печами, которые всегда дымят... [Вот именно] У меня в жизни не хватало именно вот таких цветов... (потирает руки) Эх! [Впрочем, так вышло] Ну, да что!

ж *Вместо*: Конечно, не иначе — Да, нужно работать! Вы небось думаете: расчувствовался немец! Но я, честное слово, русский и по-немецки даже не говорю. Отец у меня православный...

з *Далее:* [ходит по сцене]

и *Далее*: устроил бы себе такую квартиру с цветами, с массою света...

к *Отсутствует*: например

л *Вместо*: две девочки — двое девочек

так далее, ну, а если бы начать[а] жить сначала, то я не женился бы... Нет, нет!

Входит К у л ы г и н в форменном фраке.

К у л ы г и н (*подходит к Ирине*). Дорогая сестра, позволь мне поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать искренно, от души, здоровья и всего того, что можно пожелать девушке твоих лет. И позволь поднести тебе в подарок вот эту книгу[б] (*Подает книжку.*) История нашей гимназии за пятьдесят лет[в]. Feci quod potui, faciant meliora potentes. (*Целует Машу.*)

И р и н а. Но ведь ты на пасху[г] уже подарил мне такую книжку.

К у л ы г и н (*смеется*). Не может быть! В таком случае отдай назад, или вон[д] лучше отдай полковнику. Возьмите, полковник. Когда-нибудь прочтете от скуки.

В е р ш и н и н. Благодарю вас. (*Встает, чтобы уйти.*)[е] Я чрезвычайно рад, что познакомился...

О л ь г а. Вы уходите? Нет, нет!

И р и н а. Вы останетесь у нас завтракать. Пожалуйста!

О л ь г а. Прошу вас.

В е р ш и н и н (*кланяется*). Я, кажется, попал на именины... Простите, я и[ж] не знал, не поздравил вас... (*Уходит с Ольгой в залу.*)

К у л ы г и н. Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, будем же отдыхать, будем веселиться каждый сообразно со своим возрастом и положением. Ковры надо будет убрать на лето и спрятать до зимы. Персидским порошком, или нафталином... Римляне были здоровы, потому что умели трудиться, умели и отдыхать, у них была mens sana in corpore sano. Жизнь их текла по известным формам... Главное во всякой жизни это ее форма. Что теряет свою форму, то кончается. И в нашей обыденной жизни то же самое. (*Берет Машу за талию, смеясь.*) Маша меня любит! Моя жена меня любит! И оконные занавески тоже туда с коврами. Сегодня я весел, в отличном настроении духа. Маша, в четыре часа сегодня мы у директора. Устраивается прогулка педагогов и их семейств.

М а ш а. Я не пойду[з].

К у л ы г и н (*огорченный*). Милая Маша, почему?

М а ш а. Хорошо. Только отстань пожалуйста[и]. (*Отходит.*)

К у л ы г и н. А затем вечер проведем у директора. Несмотря на свое болезненное состояние, этот человек старается прежде всего быть общественным. Превосходная светлая личность! Великолепный человек! Вчера после совета он мне говорит: «Устал, Федор Ильич! Устал!» (*Смотрит на стенные часы, потом на свои.*) Ваши часы спешат на семь минут. Да, говорит, устал!

За сценой игра на скрипке.

О л ь г а. Господа, милости просим, пожалуйте завтракать! Пирог!

а *Вместо*: начать — начинать

б *Вместо*: книгу — книжку

в *Далее*: написанная мною. Пустяшная книжка, написал от нечего делать, но ты все-таки прочти. Здравствуйте, господа! (Вершинину.) Кулыгин, учитель здешней гимназии. Надворный советник. (Ирине.) В этой книжке ты найдешь список всех, окончивших курс в нашей гимназии за эти пятьдесят лет.

г *Вместо*: Но ведь ты на пасху — Но ведь на пасху ты

д *Вместо:* вон — вот

е *Вместо*: встает, чтобы уйти — собираясь уйти

ж *Отсутствует*: и

з *Вместо*: Я не пойду.— Не пойду я.

и *Вместо*: Хорошо ~ пожалуйста — [Хорошо] После об этом.(Сердито.) Хорошо, я пойду, только отстань, пожалуйста . . .

К у л ы г и н. Ах, милая моя Ольга, милая моя!.. Я вчера работал с утра до одиннадцати часов вечера, устал и сегодня чувствую себя счастливым. (*Уходит в залу к столу.*) Милая моя!..

Ч е б у т ы к и н (*кладет газету в карман, причесывает бороду*). Пирог? Великолепно!

М а ш а (*Чебутыкину строго*). Только вы ничего не пейте! Вам вредно[а].

Ч е б у т ы к и н. Эва! У меня уже два года запоя не было. Прошло[б].

М а ш а. Все-таки не смейте пить[в]. (*Сердито, но так, чтобы муж не слыхал*[г].) Опять, черт побери[д], скучать целый вечер у директора!

Т у з е н б а х. Так не ходите![е]

Ч е б у т ы к и н. Конечно[ж].

М а ш а. Да, не ходите... Эта жизнь проклятая!.. Невыносимая. (*Идет в залу.*)

Ч е б у т ы к и н (*идет за ней*). Ну-у!

С о л е н ы й. Ты все пела, это дело, ну теперь же попляши. (*Идет в залу.*)[з]

К у л ы г и н (*весело*). Ваше здоровье, полковник! Я педагог, я вот Машин муж, свой человек...[и]

В е р ш и н и н (*смеясь*). Я не знаю, отчего мне так весело[к].

В гостиной остаются только Ирина и Тузенбах.

И р и н а. Маша сегодня не в духе. Она вышла замуж восемнадцати лет, когда он казался ей самым умным человеком... А теперь не то. Он самый добрый, но не самый умный.

О л ь г а (*нетерпеливо*). Андрей, иди же наконец!

А н д р е й (*за сценой*). Сейчас! (*Входит и идет к столу.*)

Т у з е н б а х. О чем вы все[л] думаете?

И р и н а. Так. И зачем этот Соленый пришел сегодня![м] Он говорит только[н] глупости.

Т у з е н б а х. Он, бедняга, очень застенчив. Когда мы вдвоем с ним, то он очень умен и ласков[о]. Не ходите, пусть пока сядут за стол. Дайте мне побыть около вас. О чем вы думаете? (*Пауза.*) Вам двадцать лет, мне нет еще тридцати. Сколько лет нам осталось впереди, длинный, длинный ряд дней, полных моей любви к вам.

И р и н а. Николай Львович, дорогой, не говорите мне о любви.

Т у з е н б а х (*не слушая*). У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда, и эта жажда в душе слилась с любовью к вам, Ирина, и, как нарочно, вы прекрасны, и жизнь мне кажется такой прекрасной! О чем вы думаете?

а *Вместо*: Только ~ вам вредно — Только смотрите: ничего не пить сегодня. Слышите? Вам вредно пить.

б *Вместо*: У меня ~ прошло — У меня уже прошло. Два года как запоя не было.

в *Далее*: Не смейте!

г *Вместо*: чтобы муж не слыхал — чтобы не слышал муж

д *Вместо*: побери — подери

е *Вместо*: Так не ходите! — Я бы не пошел на вашем месте. Очень просто.

ж *Вместо*: Конечно — Не ходите.

з *Вместо*: Ты все пела ~ (Идет в залу.) — (Проходя в залу.) Цип, цип, цип... *Далее*: Т у з е н б а х. Довольно, Василий Васильич! Будет. С о л е н ы й. Цип, цип. цип...

и *Вместо*: я вот ~ человек — а здесь в доме свой человек, Машин муж... Она добрая, очень добрая...

к *Вместо*: (Смеясь.) ~ весело — Я выпью вот этой темной водки... (Пьет.) Ваше здоровье... (Ольге.) Мне у вас так хорошо

л *Отсутствует:* все

м *Вместо*: И зачем ~ сегодня! — Я не люблю и боюсь этого вашего Соленого.

н *Вместо*: только — одни

о *Вместо*: Он, бедняга ~ ласков — Странный он человек. Мне и жаль его, и досадно, но больше жаль. Мне кажется, он застенчив... Когда мы вдвоем с ним, то он бывает очень умен и ласков, а в обществе он [бреттер] грубый человек, бреттер.

И р и н а. Вы говорите: прекрасная[а] жизнь...[б] Но если она только кажется такой. Нас, трех сестер, заглушает жизнь, как сорная трава[в]... Текут у меня слезы... Это не нужно... (*Быстро вытирает лицо, улыбается.*) Работать нужно, работать. Оттого нам не весело и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда. Мы родились от людей, не знавших труда[г].

Н а т а л ь я И в а н о в н а входит, она в розовом платье с зеленым поясом.

Н а т а ш а. Там уже завтракать сели[д]... Я опоздала... (*Мельком глядит в зеркало, поправляется.*) Кажется, причесана ничего себе. (*Увидав Ирину.*) Милая Ирина Сергеевна, поздравляю вас. (*Целуется крепко и продолжительно.*) У вас много гостей, мне, право, совестно... Здравствуйте, барон!

О л ь г а (*входя в гостиную*). Ну, вот и Наталья Ивановна! Здравствуйте, моя милая!

Целуются.

Н а т а ш а. С именинницей... У вас такое большое общество, я смущена ужасно.

О л ь г а. Полно, у нас все свои! (*Вполголоса испуганно.*) На вас зеленый пояс. Милая, это не хорошо!

Н а т а ш а. Разве есть примета?

О л ь г а. Нет, просто не идет... безвкусно[е].

Н а т а ш а (*плачущим тоном*). Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый... (*Идет с*[ж] *Ольгой в залу.*)

В зале садятся завтракать; в гостиной ни души.

К у л ы г и н. Желаю тебе, Ирина, жениха хорошего. Самая пора тебе выходить[з].

Ч е б у т ы к и н. Наталья Ивановна, и вам женишка хорошего[и] желаю.

К у л ы г и н. У Натальи Ивановны уже есть женишок...

Смех[к].

М а ш а. Выпью рюмочку винца... (*Басом.*) За ваше здоровье![л]

К у л ы г и н. Ты ведешь себя на три с минусом[м].

Ч е б у т ы к и н (*хохочет*). Для любви одной природа нас на свет произвела!

Смех.

А н д р е й (*сердито*). Перестаньте, господа! Не надоело вам...

Ф е д о т и к и Р о д е входят с большой корзиной цветов.

Ф е д о т и к. Однако уже завтракают.

а *Вместо*: прекрасная — прекрасна

б *Далее*: Да

в *Вместо*: Нас ~ трава — У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава

г *Вместо*: не знавших труда — презиравших труд.

д *Вместо*: сели — садятся

е *Вместо*: безвкусно — и как-то странно

ж *Вместо*: с — за

з *Вместо*: Самая пора тебе выходить — Пора уже тебе выходить

и *Отсутствует:* хорошего

к *Отсутствует ремарка.*

л *Вместо*: (Басом.) За ваше здоровье! — Эх-ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала! Эх-ма!

м *Далее*: В е р ш и н и н. А наливка вкусная. На чем это настоено? С о л е н ы й. На тараканах. И р и н а (плачущим голосом). Фу! Фу! Какое отвращение! О л ь г а. За ужином будет жареная индейка и сладкий пирог с яблоками. Слава богу, сегодня целый день я дома, вечером — дома... Господа, вечером приходите... В е р ш и н и н. Позвольте и мне прийти вечером... И р и н а. Пожалуста! Н а т а ш а. У них попросту.

Р о д е (*громко и картавя*). Завтракают? Да, уже завтракают...

Ф е д о т и к. Погоди минуточку[а]... (*Снимает фотографию.*) Раз! Погоди еще[б]... (*Снимает другую фотографию.*) Два! Теперь готово...

Берут корзину и идут в залу, где их встречают с шумом.

Р о д е (*громко*). Поздравляю, желаю всего, всего. Погода сегодня очаровательная, одно великолепие![в]

Ф е д о т и к. Ирина Сергеевна, вы сегодня замечательно интересны! (*Снимает фотографию.*)[г]

М а ш а. Слава богу, слава нам, Туртукай взят и мы там[д]. (*Плаксиво.*) Ну, зачем я это говорю? Привязалась ко мне эта фраза с самого утра... (*Трет себе лоб.*)[е]

К у л ы г и н. Тринадцать за столом!

Р о д е (*громко*). Господа, неужели вы придаете значение предрассудкам?

Смех.

К у л ы г и н. Если тринадцать за столом, то, значит, есть влюбленные. Уж не вы ли, Иван Романович[ж], чего доброго...

Смех.

Ч е б у т ы к и н. Я старый грешник, а вот отчего Наталья Ивановна сконфузилась, решительно понять не могу...

Громкий смех, Наташа выбегает из залы в гостиную, за ней Андрей.

А н д р е й. Полно, не обращайте внимания! Погодите... постойте, прошу вас...

Н а т а ш а. Мне стыдно... Я не знаю, что со мной делается, а они поднимают меня на смех. То, что я сейчас вышла из-за стола, неприлично, но я не могу, не могу... (*Закрывает лицо руками.*)

А н д р е й. Дорогая моя[з], не волнуйтесь...[и] Они ведь[к] шутят, они от доброго сердца... Дорогая моя, моя хорошая, они все добрые, сердечные люди, и любят меня и вас. Идите сюда к окну, нас здесь не видно им... (*Оглядывается.*)

Н а т а ш а. Я так не привыкла бывать в обществе.

А н д р е й. О, молодость, чудная, прекрасная молодость! Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь так... Верьте мне, верьте... Мне так хорошо, душа полна любви, восторга... О, нас не видят! Не видят...[л] Дорогая моя, хорошая, чистая, будьте моей женой! Я вас люблю... люблю... как никого никогда!... (*Поцелуй.*)

Два офицера входят и, увидев целующуюся пару, останавливаются, изумленные[м].

а *Вместо:* минуточку — минутку

б *Далее:* немного

в *Далее:* Сегодня все утро гулял с гимназистами. Я преподаю в гимназии гимнастику.

г *Вместо:* Ирина Сергеевна ~ (Снимает фотографию.)— Можете двигаться, Ирина Сергеевна, можете! (Снимает фотографию.) Вы сегодня замечательно интересны. (Вынимает из кармана волчок.) Вот между прочим волчок. Удивительный звук. И р и н а. Какая прелесть!

д *Вместо:* Слава богу ~ мы там — У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... Зла<та>я цепь на дубе том...

е *Ремарка отсутствует.*

ж *Вместо:* Романович — Романыч

з *Далее:* Прошу вас, умоляю

и *Далее:* Уверяю вас

к *Отсутствует:* ведь

л *Далее:* За что, за что я полюбил вас, когда полюбил — о, ничего не понимаю!

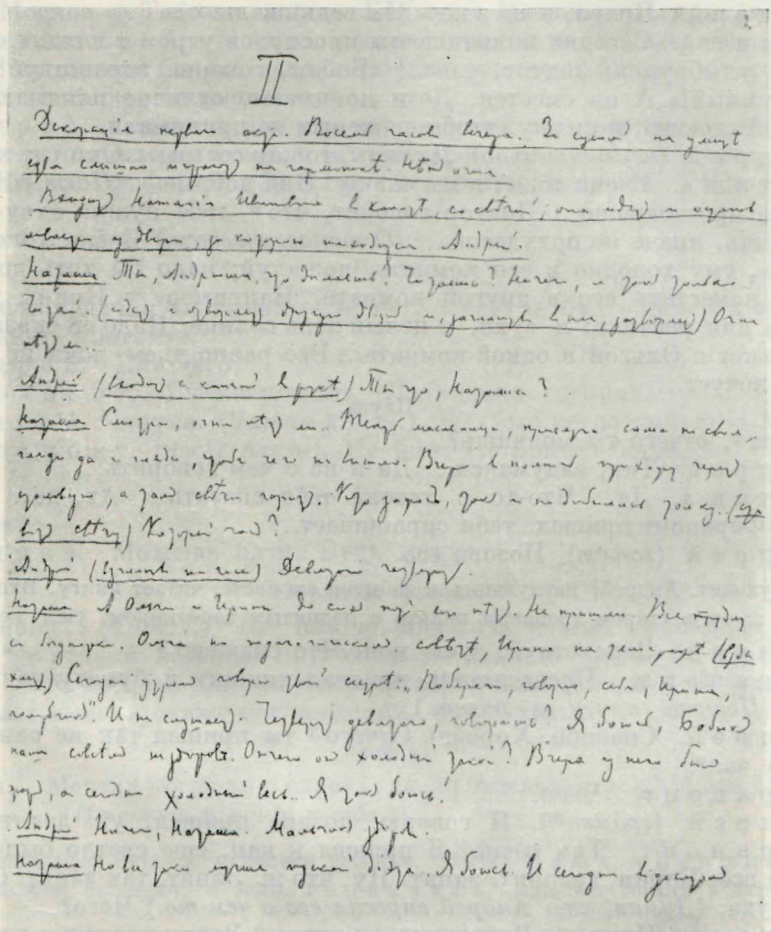
м *Вместо:* изумленные — в изумлении

II

Декорация 1-го акта. Восемь часов вечера. За сценой на улице едва слышно играют на гармонике. Нет огня.

Входит Наталья Ивановна в капоте, со свечой, она идет и останавливается у двери, за которой находится Андрей.

Наташа. Ты, Андрюша, что делаешь? Читаешь? Ничего, я так только... Читай. (*Идет и отворяет другую дверь и, заглянув в нее, затворяет.*) Огня нет ли...



БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ», 1900 г.
Автограф. Начало второго акта
Музей Художественного театра, Москва

Андрей (*входит с книгой в руке*). Ты что, Наташа?

Наташа. Смотрю, огня нет ли... Теперь масленица, прислуга сама не своя, гляди да и гляди, чтоб чего не вышло. Вчера в полночь прохожу через столовую, а там свеча горит. Кто зажег, так и не добилась толку. (*Ставит свечу.*) Который час?

Андрей (*взглянув на часы*). Девятого четверть.

Наташа. А Ольги и Ирины до сих пор нет[а]. Всё трудятся бедняжки. Ольга на педагогическом совете, Ирина на телеграфе... (*Вздыхает.*) Сегодня утром говорю твоей сестре: «Побереги себя, говорю, Ирина, голубчик»[б]. И не слушает. Четверть девятого, говоришь? Я боюсь, Бобик наш совсем не здоров. Отчего он холодный такой? Вчера у него был жар, а сегодня холодный весь... Я так боюсь!

Андрей. Ничего, Наташа. Мальчик здоров.

Наташа. Но все-таки лучше пускай диета... Я боюсь... И сегодня в десятом часу, говорили, ряженые у нас будут, лучше бы они не приходили, Андрюша.

Андрей. Право, я не знаю. Их ведь звали.

Наташа. Сегодня мальчишечка проснулся утром и глядит на меня, и вдруг улыбнулся: значит, узнал! «Бобик, говорю, здравствуй! Здравствуй, милый!» А он смеется. Дети понимают, отлично понимают. Так, значит, Андрюша, я скажу, чтобы ряженых не принимали.

Андрей (*нерешительно*). Да ведь это как сестры... Они тут хозяйки.

Наташа. И они тоже, я им скажу. Они добрые... (*Идет.*) К ужину я велела простокваши... Доктор говорит, что[в] тебе нужно одну простоквашу есть, иначе не похудеешь... (*Останавливается.*) Бобик холодный... Я боюсь, ему холодно в его комнате, пожалуй; надо бы хоть до теплой погоды поместить его в другой комнате. Например, у Ирины комната как раз для ребенка: и сухо, и целый день солнце. Надо ей сказать, она пока может с Ольгой в одной комнате... Все равно днем дома не бывает, только ночует...

Пауза.

Андрюша[г], отчего ты молчишь?

Андрей. Так, задумался... Да и не о чем говорить.

Наташа. Да... Что-то я хотела тебе сказать... Ах, да... Там из управы Ферапонт пришел, тебя спрашивает...

Андрей (*зевает*). Позови его.

Наташа уходит. Андрей, нагнувшись к забытой ею свече, читает книгу. Входит Ферапонт; он в старом трепаном пальто с поднятым воротником, уши подвязаны.

Андрей. Здравствуй, душа моя. Что скажешь?

Ферапонт. Председатель прислал книжку и бумагу какую-то... Вот... (*Подает книгу и пакет.*)

Андрей. Спасибо. Хорошо. Отчего[д] ты пришел так не рано? Ведь девятый час[е].

Ферапонт. Чего?

Андрей (*громко*[ж]). Я говорю, поздно пришел, уж девятый час.

Ферапонт. Так точно. Я пришел к вам, еще светло было, да не пускали всё. Барин, говорят, занят. Ну, что ж. Занят, так занят. Спешить мне некуда. (*Думая, что Андрей спросил его о чем-то.*) Чего?

Андрей. Ничего. (*Рассматривая книгу.*) Завтра пятница, у нас нет присутствия, но я все равно приду... позаймусь. Дома скучно.

Пауза.

Милый дед, как странно меняет[з], как обманывает жизнь! Сегодня от скуки, от нечего делать, я взял в руки вот эту книгу — старые университетские

[а] *Вместо*: до сих пор нет — до сих пор еще нет. Не пришли.
[б] *Вместо*: побереги ~ голубчик — побереги, говорю, себя, Ирина, голубчик.
[в] *Отсутствует*: что
[г] *Вместо*: Андрюша — Андрюшканчик
[д] *Вместо*: Отчего — Отчего же
[е] *Далее*: уже
[ж] *Вместо*: громко — громче
[з] *Вместо*: меняет — меняется

лекции, и мне стало смешно. Боже мой, я секретарь земской управы, той управы, где председательствует Протопопов, я секретарь и самое большее, на что я могу надеяться,— это быть членом здешней [а] земской управы... Мне быть членом здешней земской управы, мне, которому снится каждую ночь, что я профессор Московского университета, знаменитый ученый, которым гордится русская земля!

Ферапонт. Не могу знать... Слышу-то плохо.

Андрей. Если бы ты слышал, как следует, то я, быть может, и не говорил бы с тобой. Мне нужно говорить с кем-нибудь, а жена меня не понимает, сестер я боюсь почему-то, боюсь, что они засмеют меня, застыдят. Я не пью, трактиров не люблю, но с каким удовольствием я посидел бы теперь в Москве у Тестова, или в Большом Московском, голубчик мой!

Ферапонт. А в Москве, в управе давеча рассказывал подрядчик, какие-то купцы ели блины, один, который съел сорок блинов, будто помер. Не то 40, не то 50. Не упомню.

Андрей. Сидишь в Москве, в громадной зале ресторана, никого не знаешь и тебя никто не знает, и в то же время не чувствуешь себя чужим. А здесь ты всех знаешь и тебя все знают, но чужой, чужой... Чужой и одинокий...

Ферапонт. Чего?

Пауза.

И тот же подрядчик сказывал — может, и врет — будто поперек всей Москвы канат протянут.

Андрей. Для чего?

Ферапонт. Не могу знать. Подрядчик говорил.

Андрей. Чепуха. (*Читая книгу.*) Ты был когда-нибудь в Москве?

Ферапонт (*после паузы*). Не был. Не привел бог.

Пауза.

Мне идти?

Андрей. Можешь идти. Будь здоров.

Ферапонт уходит.

Будь здоров... (*Читая.*) [б] Все помню, ничего не забыл. Громадная у меня память, [в] с этакой памятью другой на моем месте давно бы протянулся поперек всей Москвы, как [г] канат... Поперек всей России... Я думаю, ничто не дает выше и слаже наслаждения, чем слава...

Звонок.

Да, дела... Мечтал когда-то о славе... да... (*Потягивается.*) И она была так возможна... (*Не спеша уходит к себе.*) [д]

За сценой поет нянька, укачивая ребенка. Входят Маша и Вершинин. Пока они беседуют, в зале горничная зажигает лампу и свечи.

Маша. Не знаю. [е] Конечно, много значит привычка. После смерти отца, например, мы долго не могли привыкнуть к тому, что у нас уже нет денщиков. Но и помимо привычки, мне кажется, говорит во мне просто справедливость. Может быть, в других местах и не так, но в нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди — это военные.

а *Отсутствует*: здешней

б *Далее*: Завтра утром придешь, возьмешь тут бумаги. . . Вот видишь,

в *Далее:* и

г *Далее*: этот твой

д *Вместо*: Я думаю ~(Не спеша уходит к себе.) — Ступай. . . (Пауза.) Он ушел. (Звонок.) Да, дела. . . (Потягивается и не спеша уходит к себе.)

е *Далее*: (Пауза.) Не знаю.

В е р ш и н и н.[а] Я бы выпил чаю.

М а ш а (*взглянув на часы*). Скоро дадут. Меня выдали замуж, когда мне было семнадцать[б] лет, и я своего мужа боялась, потому что он был учителем,а я тогда едва кончила курс. Он казался мне тогда ужасно ученым, умным и важным. А теперь уже не то, к сожалению...

В е р ш и н и н. Так[в].

М а ш а. Про мужа я не говорю, к нему я привыкла, но между штатскими вообще так много людей грубых, не любезных, невоспитанных. Меня волнует, оскорбляет грубость[г], страдаю, когда вижу, что человек недостаточно тонок, недостаточно мягок, любезен. Когда мне случается быть среди учителей, товарищей мужа, то я просто страдаю.

В е р ш и н и н. А[д] мне кажется, все равно[е], что военный, что штатский[ж], одинаково неинтересно, по крайней мере в этом городе. Надоели[з]. Если послушать здешнего интеллигента[и], то с женой он замучился, с именем замучился, с лошадьми замучился. Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Почему?

М а ш а. Почему?

В е р ш и н и н. Почему?[к] Почему он с детьми замучился, с женой замучился? А почему жена и дети с ним замучились?

М а ш а. Вы сегодня не в духе.

В е р ш и н и н. Может быть. Я сегодня тревожен[л]. У меня дочь больна немножко. Но дело не в болезни. Когда они, девочки, болеют[м], то мною овладевает тревога, меня мучает совесть за то, что у них такая мать. О, если бы вы видели ее сегодня! Что за ничтожество! Олицетворенная пошлость!

Пауза.

Простите, что я начал об этом. Мне так сладко жаловаться вам![н] Кроме вас одной, у меня нет никого, никого...

Пауза.

М а ш а. Какой шум в печке! У нас незадолго до смерти отца гудело в трубе. Вот точно так.

В е р ш и н и н. Вы с предрассудками?

М а ш а. Да.

В е р ш и н и н. Странно это. (*Целует руку.*) Какая чудная, великолепная женщина[о]. Здесь темно, но я вижу блеск ваших глаз...

М а ш а (*садится на другой стул*). Здесь светлей.

В е р ш и н и н (*вполголоса*). Я люблю, люблю, люблю вас[п]...

а *Далее:* Мне пить хочется.

б *Вместо:* семнадцать — восемнадцать

в *Далее:* Да.

г *Далее:* я

д *Вместо:* А — Да-с... Но

е *Далее:* Все равно.

ж *Вместо:* что военный, что штатский — что штатский, что военный

з *Вместо:* Надоели — Все равно!

и *Далее:* штатского или военного

к *Отсутствует:* Почему?

л *Вместо:* Я сегодня тревожен — Я сегодня не обедал, ничего не ел с утра.

м *Вместо:* Но дело ~ болеют — Когда болеют мои девочки

н *Вместо:* Олицетворенная пошлость! ~ жаловаться вам — Мы начали браниться с шести часов утра, а в девять я хлопнул дверью и ушел. (Пауза.) Я никогда не говорю об этом, и странно, жалуюсь только вам одной. (Целует руку.) Не сердитесь на меня.

о *Вместо:* Какая чудная, великолепная женщина — Вы великолепная, чудная женщина. Великолепная, чудная!

п *Вместо:* вас — Люблю ваши глаза, ваши движения, которые мне снятся... Великолепная, чудная женщина!

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ» (СПб., 1901)

Обложка с портретами участников первого представления пьесы. Сверху (слева направо): М. Г. Савицкая — Ольга; О. Л. Книппер — Маша; М. Ф. Андреева — Ирина. Внизу: В. В. Лужский — Андрей Прозоров

Маша (*закрывает лицо руками*). Не повторяйте... (*Вполголоса.*) Что делать? Я не знаю, не знаю, что мне делать теперь... Не повторяйте, не надо. Сюда идут[а]...

Ирина и Тузенбах входят через залу.

Тузенбах. У меня тройная фамилия. У меня фамилия[б] Тузенбах-Кроне-Альтшауер, но я русский, православный, как вы. Немецкого у меня осталось мало, разве одна[в] только терпеливость, упрямство, с каким я дожидаюсь собственного счастья[г]. Вас я жду уже четыре года и готов ждать еще хоть десять[д].

Ирина. Как я устала.

Тузенбах. И все десять лет я каждый день по вечерам[е] буду приходить на телеграф и провожать вас домой![ж] (*Увидав*[з] *Машу и Вершинина, радостно.*) Это вы? Здравствуйте!

а *Вместо:* (Закрывает лицо руками) ~ идут... — (Тихо смеясь.) Когда вы говорите со мной так, то я почему-то смеюсь, хотя мне страшно... Не повторяйте, прошу вас... (Вполголоса.) А впрочем, говорите, мне все равно... (Закрывает лицо руками.) Мне все равно... Сюда идут, говорите о чем-нибудь другом...

б *Вместо:* У меня фамилия — Меня зовут барон

в *Отсутствует:* одна

г *Вместо:* дожидаюсь собственного счастья — надоедаю вам.

д *Вместо:* Вас я ~ десять — Я провожаю вас каждый вечер.

е *Вместо:* И все ~ по вечерам — И каждый вечер

ж *Далее:* буду десять — двадцать лет, пока вы не прогоните...

з *Вместо:* Увидав — Увидев

И р и н а. Вот и я дома, наконец. (*Маше.*) Сейчас приходит одна дама, телеграфирует своему брату в Сарагов, что у нее сегодня сын умер, и никак не может вспомнить адреса. Так и послала без адреса, просто в Саратов. Плачет. И я ей нагрубила ни с того ни с сего. «Мне, говорю, некогда!» Так глупо вышло. Сегодня у нас ряженые?

М а ш а. Да.

И р и н а (*садится в кресло*). Отдохнуть... Устала[а]. Нет, не люблю я телеграфа, не люблю.

М а ш а. Ты как-то[б] похудела и посуровела[в]... (*Посвистывает.*)[г]

И р и н а. Надо поискать другую должность, а эта не по мне. Нет в ней именно того, чего я так хотела[д]... Труд без поэзии, без мыслей...

Стук в пол.

Доктор стучит[е]. (*Стучит в пол.*)[ж] Сейчас придет... Надо бы принять какие-нибудь меры. Вчера доктор и наш Андрей были в клубе и опять проигрались. Говорят, Андрей 200 рублей проиграл.

М а ш а (*равнодушно*). Что ж теперь делать?

И р и н а. Две недели назад проиграл, в декабре проиграл... Скорее бы все проиграл, быть может уехали бы из этого города. Не город, а жалкий городишка[з]... Господи боже мой, мне Москва снится каждую ночь, я как помешанная[и]... Мы переезжаем туда в июне, а до июня осталось еще февраль, март, апрель, май... почти полгода!

М а ш а. Надо только, чтобы Наташа не узнала как-нибудь о проигрыше.

И р и н а. Ей, я думаю, все равно.

Ч е б у т ы к и н[к] входит в залу и причесывает бороду, потом садится за стол и вынимает из кармана газету.

М а ш а. Вот, пришел. Он заплатил за квартиру?

И р и н а (*смеется*). Нет... За 8 месяцев — ни копейки[л].

М а ш а. Молодец доктор[м].

И р и н а (*Вершинину*). Что вы молчите, Александр Игнатьевич?

В е р ш и н и н. Не знаю. Чаю хочется.[н]

Ч е б у т ы к и н. Ирина Сергеевна.

И р и н а. Что вам?

Ч е б у т ы к и н.[о] Venez isi.

Ирина идет и садится с ним рядом[п].

Я без вас не могу.

Ирина раскладывает пасьянс.

а *Далее*: Т у з е н б а х (*с улыбкой*). Когда вы приходите с должности, то кажетесь такой маленькой, несчастненькой... (Пауза.) И р и н а. Устала.

б *Отсутствует*: как-то

в *Отсутствует*: и посуровела

г *Далее*: И помолодела, и на мальчишку стала похожа лицом. Т у з е н б а х. Это от прически.

д *Вместо*: Нет ~ хотела — Чего я так хотела, о чем мечтала, в ней-то именно и нет.

е *Далее*: (Тузенбаху.) Милый, постучите... Я не могу... Устала... Т у з е н б а х

ж *Далее*: И р и н а

з *Отсутствует*: Не город ~ городишка...

и *Вместо*: я как помешанная — я совсем как помешанная. (Смеется.)

к *Далее*: — только что вставший с постели — он отдыхал после обеда —

л *Вместо*: ни копейки — ни копеечки. *Далее*: Очевидно, забыл.

м *Вместо*: Молодец доктор — (смеется). Как он важно сидит! *Далее*: (Все смеются; пауза)

н *Далее*: Полжизни за стакан чаю! С утра ничего не ел...

о *Далее*: Пожалуйте сюда.

п *Вместо*: с ним рядом — за стол

Вершинин. Что ж[а]. Давайте хоть пофилософствуем, Николай Львович[б].

Тузенбах. Давайте. О чем?

Вершинин. О чем? Давайте помечтаем. Например, давайте поговорим[в] о той жизни, какая будет после нас, лет через 200—300.

Тузенбах[г]. После нас будут летать на воздушных шарах, изменится одежда[д], откроют, быть может, шестое чувство и разовьют его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайн и счастливая. И через тысячу лет человеку будет так же тяжко жить, как теперь[е], и, вместе с тем, точно так же, как теперь, он будет болеть[ж] и не хотеть смерти.

Вершинин. Не думаю. Всё, все должно измениться на земле[з] мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через 200—300, наконец тысячу лет,— дело не в сроке,— настанет новая, счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы живем теперь для нее[и], работаем[к], страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье[л]. Не я, то хоть потомки потомков моих[м]. Я кончил там же, где и вы, в академии я не был, читаю я много, но выбирать книг не умею и читаю, быть может, совсем не то, что нужно, а между тем, как мне[н] хочется знать. Видите, мои волосы седеют. Я почти старик[о], но знаю мало, ах, как мало[п]. Все же, мне кажется, что[р] самое главное и настоящее я знаю, крепко знаю. И как бы мне хотелось доказать вам, что счастья нет, не должно быть и не будет для нас и мы не должны тратить времени и сил на погоню за ним[с]. Мы должны только работать и страдать[т], а счастье — это удел наших далеких потомков[у].

Федотик и Роде показываются в зале, они садятся и напевают тихо с гитарой «Поймешь ли ты души моей волненье»[ф]

Тузенбах. Не понимаю. Мы должны работать и страдать[х]. Но если я не страдаю[ц], если я счастлив! Поймите же, что я счастлив![ч]

Вершинин. Нет.

Тузенбах (*всплескивает руками и смеется*).[ш] Ну, как вас убедить?[щ] Мы должны жить[э] настоящею жизнью, будущее будет жить своею жизнью —

а *Далее*: Если не дают чаю, то

б *Отсутствует*: Николай Львович

в *Отсутствует*: давайте поговорим

г *Далее*: Что ж?

д *Вместо*: изменится одежда — изменятся пиджаки

е *Вместо*: человеку ~ теперь — человек будет так же вздыхать: «ах, тяжко жить!»

ж *Вместо*: болеть — бояться

з *Вместо*: Не думаю ~ на земле — (Подумав.) Как вам сказать? Мне кажется, все на земле должно измениться

и *Вместо*: живем теперь для нее — для нее живем теперь

к *Далее*: ну,

л *Далее*: Маша (тихо смеется). Тузенбах. Что вы? Маша. Не знаю. Сегодня весь день смеюсь, с утра. Вершинин

м *Отсутствует*: Не я, то хоть потомки потомков моих.

н *Вместо*: как мне — чем больше живу, тем больше

о *Далее*: уже

п *Далее*: Но

р *Отсутствует*: что

с *Отсутствует*: и мы ~ за ним

т *Вместо*: страдать — работать

у *Далее*: (Пауза.) Не я, то хоть потомки потомков моих.

ф *Отсутствует*: «Поймешь ли ~ волненье».

х *Вместо*: и страдать — работать и даже не мечтать о счастье.

ц *Отсутствует*: если я не страдаю

ч *Отсутствует*: Поймите ~ счастлив!

ш *Далее*: Очевидно, мы не понимаем друг друга.

щ *Вместо*: Ну, как вас убедить? — Ну, как мне убедить вас?

э *Вместо*: должны жить — живем своею

каждому свое[а]. Жизнь будет такая же[б], как и была, она не меняется и[в] остается такою же, какою была всегда[г] следуя своим собственным законам, до которых вам дело <!>[д] и[е] которых вы никогда не узнаете. Перелетные птицы, журавли, например, летят и летят, и какие бы мысли, высокие или малые, ни бродили в их головах, все же будут лететь и не знать, зачем и куда. Они летят и не могут остановиться[ж], и пускай думают, что[з] хотят, лишь бы летели...

Маша. А[и] смысл?

Вершинин[к]. А[л] смысл? Вот снег идет. Какой смысл?

Пауза.

Маша. Мне кажется, человек должен быть верующим, или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста. Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети рождаются[м], для чего человечество[н]... Или знать, для чего живешь, или погибнуть[о].

Пауза.

У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!

Тузенбах. Ну вас![п]

Вершинин. Все-таки жалко, что молодость ушла[р].

Чебутыкин (*читая газету*). Бальзак венчался в Бердичеве.

Ирина напевает тихо.

Чебутыкин. Даже запишу себе это в книжку. (*Записывает.*) Бальзак венчался в Бердичеве... (*Читает газету.*)

Ирина (*раскладывает*[с] *пасьянс, задумчиво*). Бальзак венчался в Бердичеве.[т]

а *Вместо:* каждому свое — точно такою же, как наша — ни лучше, ни хуже... *Далее:* Маша (тихо смеется). Тузенбах (показывает ей палец). Смейтесь!(Вершинину.) Не то что через двести или триста, но и через миллион лет

б *Вместо:* будет такая же — останется такою же

в *Отсутствует:* и

г *Вместо:* такою же, какою была всегда — постоянною

д *Вместо:* дело — нет дела

е *Вместо:* и — или по крайней мере

ж *Вместо:* не могут остановиться — будут лететь, какие бы философы ни завелись среди них

з *Вместо:* думают, что — философствуют, как

и *Вместо:* А — Все-таки

к *Вместо:* Вершинин — Тузенбах

л *Отсутствует:* А

м *Вместо:* рождаются — родятся

н *Вместо:* человечество — звезды на небе

о *Вместо:* или погибнуть — или же все пустяки, трын-трава (пауза). *Далее:* Вершинин. Все-таки жалко, что молодость прошла. Маша.

п *Вместо:* Ну вас! — А я скажу: трудно с вами спорить, господа! Ну вас совсем...

р *Отсутствует реплика Вершинина.*

с *Вместо:* раскладывает — раскладывая

т *Далее:* Тузенбах. Жребий брошен. Вы знаете, Мария Сергеевна, я подаю в отставку. Маша. Слышала. И ничего я не вижу в этом хорошего. Не люблю я штатских. Тузенбах. Все равно... (Встает.) Я не красив, какой я военный? Ну, да все равно, впрочем... Буду работать. Хоть один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться в постель и уснуть тотчас же. (Уходя в залу.) [Сплю я неважно] Рабочие, должно быть, спят крепко! Федотик (Ирине). Сейчас на Московской у Пыжикова купил для вас цветных карандашей... И вот этот ножичек... Ирина. Вы привыкли обращаться со мной, как с маленькой, но ведь я уже выросла... (Берет карандаши и ножичек, радостно.) Какая прелесть! Федотик. А для себя я купил ножик... вот поглядите... нож, еще другой нож, третий, это в ушах ковырять, это ножнички, это ногти чистить...

Федотик мешает ей карты. [а]

И р и н а (*сердито*). Что вы делаете?

Ф е д о т и к. Ндраву моему не препятствуй.

И р и н а. Надоели вы с вашими шутками.

Ф е д о т и к. Все равно не вышел бы пасьянс. Я покажу вам сейчас другой... (*Раскладывает пасьянс.*) [б]

Р о д е (*громко*). Доктор, сколько вам лет?

Ч е б у т ы к и н. Мне? Тридцать два.

Смех [в].

И р и н а (*глядя в карты*). А зачем Бальзак был в России?

Пауза.

Т у з е н б а х. Жребий брошен. Вы знаете, Мария Сергеевна, я подаю в отставку.

М а ш а. Слышала. Не люблю я штатских.

Т у з е н б а х. Все равно, я не красив. (*Встает.*) Я не красив, ну, да все равно. Буду работать. Хоть один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться на постель и уснуть тотчас же. (*Уходя в залу.*) Я сплю неважно [г].

Подают самовар, А н ф и с а около самовара; немного погодя приходит Н а т а ш а и тоже суетится около стола, приходит С о л е н ы й и, поздоровавшись, садится за стол.

И р и н а. Выйдет пасьянс, я вижу... Не верю пасьянсам, но захватило дух от радости. Будем в Москве.

Ф е д о т и к. Нет, не выйдет пасьянс. Видите, осьмерка легла на двойку пик. (*Смеется*). Значит, вы не будете в Москве [д].

В е р ш и н и н. Однако какой ветер!

М а ш а. Да. Надоела зима. Я уже [е] забыла, какое лето.

Ч е б у т ы к и н (*читает газету*). Цицикар. Здесь свирепствует оспа...

А н ф и с а (*подходя к Маше*). Маша, чай кушать, матушка. Пожалуйте, ваше высокоблагородие [ж].

М а ш а. Принеси сюда, няня. Туда не пойду.

И р и н а. Няня!

А н ф и с а. Иду-у!

Н а т а ш а [з]. Грудные дети прекрасно понимают... «Здравствуй, говорю, Бобик. Здравствуй, милый!» Он взглянул на меня как-то особенно. Вы думаете, во мне говорит только мать, но нет, нет [и]. Это необыкновенный ребенок [к].

С о л е н ы й со стаканом идет в гостиную и садится в угол [л].

а *Отсутствует ремарка.*

б *Последние четыре реплики отсутствуют.*

в *Далее:* Ф е д о т и к. Я сейчас покажу вам другой пасьянс. (Раскладывает пасьянс.)

г *Последние четыре реплики отсутствуют.*

д *Последние две реплики отсутствуют.*

е *Вместо:* Я ~ лето — Я уже и забыла, какое лето. *Далее:* И р и н а. Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве. Ф е д о т и к. Нет, не выйдет. Видите, осьмерка легла на двойку пик. (Смеется.) Значит, вы не будете в Москве.

ж *Далее:* Простите, батюшка, забыла имя отчество.

з *Далее:* (Соленому.)

и *Далее:* уверяю вас!

к *Далее:* С о л е н ы й. Если бы этот ребенок был мой, то я изжарил бы его на сковороде и съел бы.

л *Вместо:* Соленый ~ в угол — Идет со стаканом в гостиную и садится в угол. *Далее:* Н а т а ш а (закрыв лицо руками). Грубый, невоспитанный человек!

М а ш а. Счастлив тот, кто не замечает или не различает времен года[а], кто и зимой улыбается[б] так же, как летом[в]. Мне кажется, что[г] если бы я жила[д] в Москве, то не замечала бы, лето теперь или зима[е].

В е р ш и н и н. На днях я читал дневник одного французского министра, писанный в тюрьме. Министр был осужден за Панаму. С каким упоением, восторгом упоминает он о птицах, которых видит в тюремном окне и которых не замечал раньше, когда был министром. Теперь, конечно, когда он выпущен на свободу, он уже по-прежнему не замечает птиц. Так же и вы не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней. Счастья у нас нет и не бывает, мы только желаем его.

Т у з е н б а х (*берет со стола коробку*). Где же конфеты?

И р и н а. Соленый съел.

Т у з е н б а х. Все?

А н ф и с а (*подавая чай*). Вам письмо, ваше высокоблагородие[ж].

В е р ш и н и н. Мне? (*Берет письмо.*) От дочери... (*Читает.*) Да, конечно... Я, извините, Мария Сергеевна, уйду потихоньку... Чаю не буду пить... (*Встает взволнованный.*) Вечно эти истории...

М а ш а. Что такое? Не секрет?

В е р ш и н и н (*тихо*). Жена опять отравилась... Надо идти. Я пройду незаметно. Ужасно неприятно все это... (*Целует Маше руку.*)[з] Славная, хорошая вы[и] женщина... Я здесь пройду потихоньку... (*Уходит.*)

А н ф и с а. Куда же он? А я чай подала. Экой какой...

М а ш а (*рассердившись*). Отстань! Пристает[к] тут, покоя от тебя нет. (*Идет с чашкой*[л].) Надоела ты мне, старая!

А н ф и с а (*тихо*)[м]. Чего ж[н] ты обижаешься? Милая!

Г о л о с А н д р е я. Анфиса!

А н ф и с а (*дразнит*). Анфиса! Сидит там... (*Уходит.*)

М а ш а (*в зале у стола, сердито*). Дайте же мне сесть! (*Мешает на столе карты.*) Расселись тут с картами. Пейте чай.

И р и н а. Ты, Машка, злая.

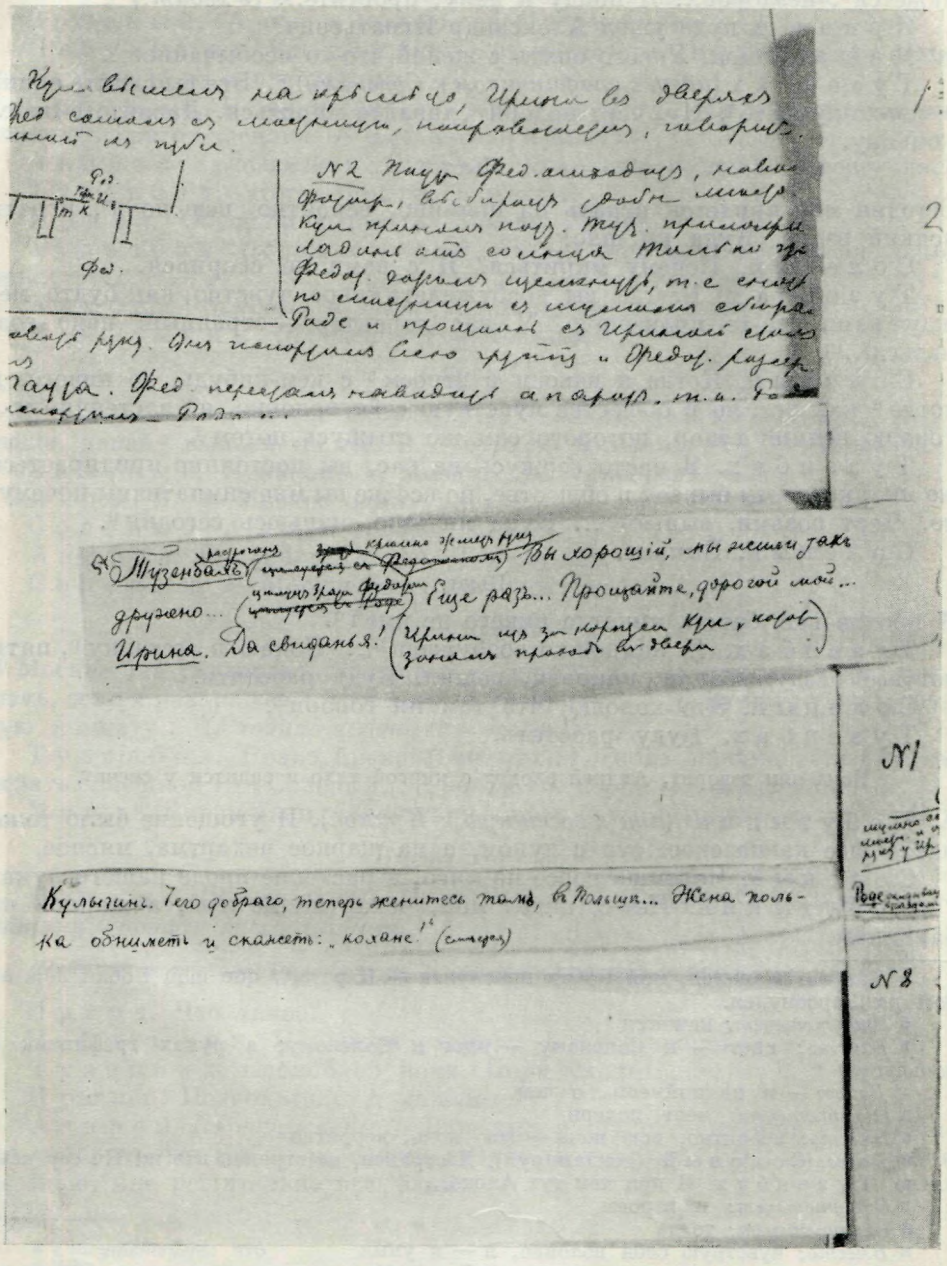
М а ш а. Раз я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня.

Ч е б у т ы к и н (*смеясь*). Не трогайте ее, не трогайте...

М а ш а. Вам шестьдесят лет, а вы, как мальчишка, всегда городите черт знает что[о].

Ч е б у т ы к и н (*в изумлении*). Славная моя, милая моя... Хорошая моя[п].

а *Вместо*: или ~ года — лето теперь, или зима.
б *Зачеркнуто*: кто и зимой улыбается
в *Отсутствует*: так же, как летом.
г *Отсутствует*: что
д *Вместо*: жила — была
е *Вместо*: не замечала бы ~ зима — относилась бы равнодушно к погоде
ж *Вместо*: ваше высокоблагородие — батюшка
з *Далее*: милая моя
и *Отсутствует*: вы
к *Вместо*: пристает — пристаешь
л *Далее*: к столу
м *Ремарка отсутствует.*
н *Вместо*: Чего ж — Что ж
о *Далее*: Н а т а ш а (вздыхает). Милая Маша, к чему употреблять в разговоре такие выражения? При твоей прекрасной наружности в [све] приличном светском обществе ты, я тебе прямо скажу, была бы просто очаровательной, если бы не эти твои слова. Je vous prie, pardonnez moi, Marie, mais vous avez des manières un peu grossières. Т у з е н б а х (сдерживая смех). Дайте мне... Дайте мне... Там, кажется, коньяк...
п *Реплика отсутствует.*



ВКЛЕЙКИ К РЕЖИССЕРСКОМУ ЭКЗЕМПЛЯРУ «ТРЕХ СЕСТЕР»

Текст верхней вклейки написан рукой К. С. Станиславского, двух нижних — рукой И. А. Тихомирова

Музей Художественного театра, Москва

Наташа. Кажется, мой Бобик проснулся[а]. Он у меня сегодня, кажется[б], нездоров... Я пойду к нему, простите... (*Уходит.*)

Ирина. А куда ушел Александр Игнатьевич?

Маша. Домой. У него опять с женой что-то необычайное...

Тузенбах (*идет с графинчиком к Соленому*)[в]. Все вы сидите один, о чем-то думаете[г]. Ну, черт подери[д], давайте мириться. Давайте выпьем коньяку.

Пьют.

Сегодня мне придется играть на пьянино, вероятно, всю ночь[е], играть всякий вздор. Куда ни шло!

Соленый. Почему мириться? Я с вами не ссорился.

Тузенбах. Всегда вы возбуждаете такое чувство, как будто между нами что-то произошло. У вас характер — странный, надо сознаться...[ж]

Соленый. Когда я вдвоем и втроем[з] с кем-нибудь, то ничего, я тогда[и] как все, но в обществе чувствую себя неловко, я[к] застенчив и... говорю всякий вздор, которого сам же стыжусь потом[л].

Тузенбах. Я часто сержусь на вас, вы постоянно придираетесь ко мне, когда мы бываем в обществе, но все же вы мне симпатичны почему-то. Черт возьми, выпьем[м]... Куда ни шло, напьюсь сегодня[н].

Соленый. Выпьем.

Пьют.

Я против вас, барон, никогда ничего не имел[о].

Тузенбах. Я немножко возбужден[п]... Подаю в отставку[р], пять лет все раздумывал и, наконец, решил. Буду работать.

Соленый. Это хорошо, что там ни говори[с].

Тузенбах. Буду работать.

Пока они говорят, Андрей входит с книгой тихо и садится у свечи.

Чебутыкин (*идя в гостиную с Ириной*). И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое чехартма, мясное.

Соленый. Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

Чебутыкин. Нет-с, ангел мой, чехартма не лук, а жаркое из баранины.

а *Вместо:* Кажется, мой Бобик проснулся — Il paraît, que mon Бобик déjà ne dort pas, проснулся.

б *Отсутствует:* кажется

в *Вместо:* идет ~ к Соленому — идет к Соленому; в руках графинчик с коньяком

г *Далее:* — и не поймешь, о чем.

д *Отсутствует:* черт подери

е *Вместо:* вероятно, всю ночь — всю ночь, вероятно

ж *Далее:* Соленый (декламируя). Я странен, не странен кто ж! Не сердись, Алеко. Тузенбах. И при чем тут Алеко...

з *Отсутствует:* и втроем

и *Отсутствует:* тогда

к *Вместо:* чувствую себя неловко, я — я уныл

л *Отсутствует:* которого ~ потом. *Далее:* Но все-таки я честнее и благороднее очень, очень многих. И могу это доказать.

м *Отсутствует:* Черт возьми, выпьем...

н *Далее:* Выпьем!

о *Далее:* Но у меня характер Лермонтова. (Тихо.) Я даже немножко похож на Лермонтова.

п *Отсутствует:* Я немножко возбужден...

р *Далее:* Баста!

с *Вместо:* Это хорошо, что там ни говори — (Декламируя.) Не сердись, Алеко... Забудь, забудь мечтания свои... *Далее ремарка:* (Пока они говорят, Андрей входит с книгой тихо и садится у свечи)

т *Отсутствует ремарка.*

Соленый. А я вам говорю, что[а] черемша лук.

Чебутыкин. А я вам говорю, что[а] чехартма баранина.

Соленый. А я вам говорю, что[а] черемша лук.

Чебутыкин. Что же я буду с вами спорить! Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

Соленый. Не ел, потому что терпеть не могу... От черемши так же воняет[б], как от чеснока. А на Кавказе я был![в]

Андрей (*умоляющим голосом*[г]). Довольно, господа! Прошу вас!

Тузенбах. Когда придут ряженые?

Ирина. Обещали к девяти. Значит, сейчас.

Тузенбах (*обнимая Андрея*). Ах вы, сени мои, сени, сени новые мои...

Андрей (*пляшет и поет*). Сени новые, кленовые...

Чебутыкин (*пляшет*). Решетчаты-и[д]...

Смех.

Тузенбах (*целует Андрея*). Черт возьми, давай[е] выпьем... Андрюша, давай[е] выпьем на ты. И я с тобой в Москву[ж], в университет...

Соленый. В какой? В Москве два университета.

Андрей. В Москве один университет.

Соленый. А я вам говорю, два.

Андрей. Пускай хоть три. Тем лучше.

Соленый. В Москве два университета...

Ропот и шиканье.

В Москве два университета: старый и новый. А если вам не угодно слушать, если я раздражаю[з], то я могу не говорить... Я даже могу уйти в другую комнату... (*Уходит в одну из дверей*).

Тузенбах. Браво, браво! (*Смеется*). Господа, начинайте, я сажусь играть. Смешной этот Соленый... (*Садится за пианино и играет вальс.*)

Маша[и]. Барон пьян, барон пьян, барон пьян! (*Танцует вальс одна*[к].)

Входит Наташа.

Наташа (*Чебутыкину*). Иван Романыч! (*Говорит о чем-то Чебутыкину, потом тихо уходит*).

Чебутыкин трогает Тузенбаха за плечо и шепчет ему о чем-то; он встает[л].

Ирина. Что такое?

Чебутыкин. Нам пора уходить. Будьте здоровы.

Тузенбах. Спокойной ночи. Пора уходить...

Ирина. Позвольте... А ряженые?

Андрей (*сконфуженный*). Ряженых не будет... видишь ли[м], Наташа говорит, что Бобик не совсем здоров, и поэтому... Одним словом, я не знаю, мне решительно все равно.

а *Отсутствует:* что

б *Вместо:* так же воняет — такой же запах

в *Отсутствует:* А на Кавказе я был!

г *Вместо:* умоляющим голосом — умоляюще

д *Вместо:* Решетчаты-и — Решетчасты-е!

е *Вместо:* давай — давайте

ж *Вместо:* в Москву — Андрюша

з *Вместо:* я раздражаю — мои слова раздражают вас

и *Далее:* (Танцует вальс одна.)

к *Ремарка отсутствует.*

л *Отсутствует:* он встает

м *Далее:* моя милая

И р и н а (*пожимает плечами*). Бобик нездоров!

М а ш а. Где наша не пропадала! Уходить, так[а] уходить. (*Ирине.*) Не Бобик болен, а она сама... вот! (*Стучит пальцами*[б] *по лбу.*) Мещанка!

Андрей уходит в правую дверь к себе, Чебутыкин идет за ним; в зале прощаются.

Ф е д о т и к. Куда же я теперь пойду с гитарой?[в]

Р о д е.[г] Я сегодня после обеда нарочно выспался[д], думал, что всю ночь буду танцевать. Ведь теперь только девять часов!

М а ш а. Выйдем на улицу. Там потолкуем. Решим, что и как.

Слышно: «Прощайте! Будьте здоровы». Слышен веселый смех Тузенбаха. Все уходят. Анфиса и горничная убирают со стола, тушат огни. Слышно, как поет нянька. А н д р е й в пальто и шляпе и Ч е б у т ы к и н тихо входят.

Ч е б у т ы к и н. Жениться я не успел, потому что жизнь промелькнула, как молния[е], и потому что безумно любил вашу[ж] матушку, которая была замужем. Вы говорите, жениться не нужно, потому что скучно[з]. Так-то оно так, да одиночество... Ведь одиночество страшно, голубчик[и].

А н д р е й. Пойдемте скорей.

Ч е б у т ы к и н. Чего же спешить? Успеем.

А н д р е й. Я боюсь, как бы жена не остановила[к].

Ч е б у т ы к и н. А!

А н д р е й. Сегодня я играть не буду, а[л] только так посижу... Нездоровится. Что мне делать, Иван Романыч, от одышки?

Ч е б у т ы к и н. Не знаю, голубчик. Все позабыл[м].

А н д р е й. Пройдем кухней.

Уходят.

Звонок, потом звонок опять, слышны голоса, смех.

И р и н а (*входит*). Что там?

А н ф и с а (*шопотом*). Ряженые!

Звонок.

И р и н а. Скажи, нянечка, дома нет никого. Пусть извинят.

Анфиса уходит. Ирина в раздумье ходит по комнате, она взволнована; входит С о л е н ы й.

С о л е н ы й[н]. Никого нет. А где же все?

И р и н а. Ушли домой.

а *Вместо*: Уходить, так — Гонят, стало быть надо

б *Вместо*: пальцами — пальцем

в *Вместо*: Куда же ~ с гитарой? — Какая жалость! Я рассчитывал провести вечерок, но если болен ребеночек, то, конечно . . . я завтра принесу ему игрушечку...

г *Далее*: (Громко.)

д *Вместо*: Я сегодня ~ выспался — Я сегодня нарочно выспался после обеда

е *Далее*: да

ж *Вместо:* вашу — твою

з *Отсутствует*: Вы ~ скучно. *Далее*: А н д р е й. Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно. Ч е б у т ы к и н

и *Вместо*: Ведь ~ голубчик — Как там ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой.

к *Вместо*: как бы жена — жена бы

л *Вместо*: не буду, а — не стану

м *Вместо*: Не знаю ~ позабыл — Что спрашивать! Не помню, голубчик . . . Не знаю . . .

н *Далее:* (в недоумении)

ЧЕХОВ

Фотография Ф. О. Опитца, 1901 г.

Музей Художественного театра, Москва

Соленый. Странно. Вы одни тут?

Ирина. Одна.

Пауза.

Прощайте.

Соленый. Я вел себя давеча так не умно, так мелко[а]. Но вы не такая, как все, вы высоки и чисты, вам видна вся[б] правда и[в] вы одна[г], одна, можете понять меня. Я люблю, глубоко, бесконечно люблю...

Ирина. Прощайте... Уходите...

Соленый. Я не могу жить без вас... (*Идя за ней.*) О, мое блаженство. (*Сквозь слезы.*) О, счастье. Какие[д] роскошные, чудные, изумительные глаза[е], какое выражение лица, неземное, высокое выражение[ж]. Первый раз я говорю о любви к вам, и точно я не на земле, а на другой планете[з]. О, чудная!

Наташа проходит со свечой.

Наташа (*заглядывает в одну дверь, в другую и проходит мимо двери в комнату мужа*). Тут Андрей. Пусть читает. Вы простите, Василий Васильевич, я не знала, что вы здесь, я по-домашнему...

Соленый. Ничего... Впрочем я, само собою разумеется... понятно... Я ухожу[и]... Прощайте... (*Уходит.*)

Наташа. А ты не[к] устала, милая, бедная моя девочка? (*Целует Ирину.*) Ложилась бы спать пораньше...

Ирина. Бобик спит?

Наташа. Спит. Но не спокойно спит[л]. Милая, я хотела тебе сказать, да все не успеваю[м]. Бобику в теперешней детской, мне кажется, холодно[н], сыро. А твоя комната такая хорошая для ребенка... Милая, родная, переберись пока к Оле.

Ирина (*не понимая*). Куда?

К дому подъезжают на тройке[о] с бубенчиками.

Наташа. Ты с Олей будешь в одной комнате, пока что, а твою комнату Бобику. Он такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобик, ты мой! Мой!» А он на меня смотрит своими глазеночками...

Звонок.

Должно быть Ольга. Как она поздно.

Горничная подходит к Наташе и шепчет ей на ухо.

[а] *Вместо*: Я вел ~ мелко — Давеча я вел себя недостаточно сдержанно, нетактично

[б] *Отсутствует*: вся

[в] *Отсутствует*: и

[г] *Далее*: только вы

[д] *Отсутствует*: Какие

[е] *Далее*: каких я не видел ни у одной женщины

[ж] *Отсутствует*: какое ~ выражение. *Далее*: Ирина (холодно). Перестаньте, Василий Васильич. Соленый

[з] *Далее*: (Трет себе лоб.) Ну, да все равно. Насильно мил не будешь, конечно... Но счастливых соперников у меня не должно быть. Не должно... Клянусь вам всем святым, соперника я убью...

[и] *Вместо*: Ничего ~ ухожу — Мне все равно...

[к] *Отсутствует*: не

[л] *Далее*: Кстати

[м] *Вместо*: не успеваю — то тебя нет, то мне некогда

[н] *Далее*: и

[о] *Вместо*: подъезжают на тройке — подъезжает тройка

Н а т а ш а. Протопопов? Какой странный[а]... Приехал Протопопов, зовет меня покататься[б] на тройке... (*Смеется.*) Какие странные эти мужчины...

Звонок.

Кто-то там пришел. Поехать разве покататься[в] на четверть часика[г]... (*Горничной.*) Скажи, сейчас...

Звонок.

Впусти... там Оля[д], должно быть. (*Уходит.*)

Горничная убегает; Ирина сидит, задумавшись; входят К у л ы г и н, О л ь г а, за ними В е р ш и н и н.

К у л ы г и н. Вот тебе и раз! А говорили, что у них будет вечер.

В е р ш и н и н. Странно, я ушел недавно, полчаса назад, и ждали ряженых.

И р и н а. Все ушли.

К у л ы г и н. И Маша ушла?[е] А зачем Протопопов внизу ждет на тройке? Кого он ждет?

И р и н а. Не задавайте вопросов... Я устала. (*Закрывает лицо руками.*)[ж]

О л ь г а. Совет только что кончился. Я замучилась... Наша начальница больна, теперь я вместо нее... Голова, голова болит, голова... (*Садится.*) Андрей проиграл вчера в карты двести рублей... Весь город говорит об этом.

К у л ы г и н. Да, и я устал на совете... (*Садится.*)

В е р ш и н и н. Жена моя сейчас едва не отравилась. Все обошлось, и я рад, отдыхаю теперь. Стало быть, надо уходить? Что ж, позвольте пожелать всего хорошего. Федор Ильич, поедемте со мной куда-нибудь! Я дома не могу оставаться, совсем не могу. Поедемте.

К у л ы г и н. Устал. Не поеду. *Встает.*) Устал. Жена домой пошла?

И р и н а. Должно быть.

К у л ы г и н. (*Целует Ирине руку.*) Прощай! Завтра и послезавтра целый день отдыхать. Всего хорошего. (*Идет.*) Чаю очень хочется. Рассчитывал провести вечер в приятном обществе и — o fallacem hominum spem! Винительный падеж при восклицании... (*Уходит с Вершининым.*)[з]

О л ь г а. Голова болит, голова... Андрей проиграл... весь город говорит... Пойду лягу... (*Идет.*) Завтра я свободна... О, боже мой, как это приятно! Завтра свободна, послезавтра свободна. Голова болит, голова... (*Уходит.*)

И р и н а (*одна*). Все ушли. Никого нет.

На улице гармоника; нянька поет песни.

Н а т а ш а (*в шубе и шапке идет через залу, за ней горничная*). Через полчаса я буду дома. Только проедусь немножко... (*Уходит.*)

И р и н а (*оставшись одна, тоскует*). В Москву! В Москву! В Москву!

а *Вместо*: странный — чудак
б *Далее*: с ним
в *Отсутствует*: покататься
г *Далее*: прокатиться
д *Вместо*: Оля — Ольга
е *Далее*: Куда она ушла?
ж *Далее*: К у л ы г и н. Ну, капризница...
з *Отсутствует ремарка. Далее*: В е р ш и н и н. Значит, один поеду. (Уходит с Кулыгиным, посвистывая.)

III

Комната Ольги и Ирины. Налево и направо постели, загороженные ширмами. Третий час ночи. За сценой бьют в набат по случаю пожара, продолжающегося уже давно. Видно, что в доме еще не ложились спать. На диване лежит Маша, одета[а], как обыкновенно, в черное платье. Входят О л ь г а и А н ф и с а.

А н ф и с а. Сидят теперь внизу под лестницей... Я[б] говорю — «Пожалуйте наверх, нешто, говорю, можно так» — плачут. «Папаша, говорят не знаем где. Не дай бог, говорят, сгорел». Выдумали! И на дворе какие-то... тоже раздетые!

О л ь г а (*вынимает из шкафа платья*). Вот это серенькое возьми... И вот это... Кофточку тоже... И эту юбку бери[в]... Что же это такое, боже мой! Кирсановский переулок весь сгорел[г], очевидно... Это возьми... Это возьми. (*Кидает ей на руки платье*[д].) Вершинины бедные напугались... их дом едва не сгорел... Пусть у нас переночуют, домой их нельзя пускать... У бедного Федотика все сгорело[е].

А н ф и с а. Ферапонта позвала бы, Олюшка, а то не донесу...

О л ь г а (*звонит*). Не дозвонишься... (*В дверь.*) Подите сюда, кто там есть!

В открытую дверь видно окно, красное от зарева; слышно, как мимо дома проезжает пожарная команда.

Какой это ужас![ж]

Входит Ф е р а п о н т.

О л ь г а. Вот возьми, снеси вниз... Там под лестницей стоят барышни Колотилины... отдай им... И это отдай...

Ф е р а п о н т. Слушаю[з]. (*Уходит.*)

О л ь г а. Нянечка милая, все отдавай! Ничего нам не надо, все отдавай, нянечка... Я устала, едва на ногах стою. Вершининых нельзя отпускать домой!.. Девочки лягут в гостиной, а[и] Александра Игнатьевича вниз, к барону... Федотика тоже к барону, или пусть у нас в зале... Доктор, как нарочно, пьян[к] и к нему никого нельзя. И жену Вершинина тоже в гостиной...

А н ф и с а. Олюшка милая, не гони ты меня! Не гони!

О л ь г а. Глупости ты говоришь, няня. Никто тебя не гонит.

А н ф и с а (*кладет ей голову на грудь*). Родная моя, золотая моя, я тружусь, я работаю... Слаба стану, все скажут: пошла! А куда я пойду? Куда? Восемьдесят лет. Восемьдесят второй год...

О л ь г а. Ты посиди, нянечка... Устала ты, бедная... (*Усаживая*[л] *ее.*) Отдохни, моя хорошая. Побледнела как!

Наташа входит.

а *Вместо*: одета — одетая
б *Вместо*: Я — А
в *Далее*: нянечка
г *Вместо*: весь сгорел — сгорел весь
д *Вместо*: платье — платья
е *Далее*: ничего не осталось
ж *Далее*: И как надоело!
з *Далее*: В двенадцатом году Москва тоже горела — господи ты боже мой. Французы удивлялись. О л ь г а. Иди... Ступай. Ф е р а п о н т. Слушаю.
и *Отсутствует*: а
к *Далее*: ужасно пьян
л *Вместо*: усаживая — усаживает

Другу детства Александру Леонидовичу Вишневскому от автора А. Чехов

ТРИ СЕСТРЫ.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Андрей Сергѣевичъ Прозоровъ.
Ольга
Маша } его сестры.
Ирина
Ѳедоръ Ильичъ Кулыгинъ, мужъ Маши.
Наташа, невѣста Андрея, потомъ жена.
Александръ Игнатьевичъ Вершининъ, подполковникъ, командиръ батареи.
Иванъ Романовичъ Чебутыкинъ, врачъ.
Баронъ Тузенбахъ.
Соленый.
Родэ.
Федотикъ.
Анфиса.
Ферапонтъ.
Офицеры.
Прислуга.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Въ домѣ Прозоровыхъ. Гостиная съ колоннами, отдѣляющими ее отъ зала. Полдень; на дворѣ солнечно, весело. Видно, какъ въ залѣ накрываютъ столъ для завтрака. Ольга въ синемъ форменномъ платьѣ учительницы женской гимназіи, Маша въ черномъ платьѣ, со шляпкой на колѣняхъ, сидитъ и читаетъ книжку, Ирина въ бѣломъ платьѣ стоитъ задумавшись.

Ольга.—Отецъ умеръ ровно годъ назадъ, какъ разъ въ этотъ день, пятаго мая, въ твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шелъ снѣгъ. Мнѣ казалось, я не переживу, ты лежала въ об-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА ПЬЕСЕ «ТРИ СЕСТРЫ» (ОТТИСК ИЗ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ», 1901, № 2):

«Другу детства Александру Леонидовичу Вишневскому от автора. А. Чехов». А. Л. Вишневский—первый исполнитель роли Кулыгина в пьесе «Три сестры»

Собрание А. А. Вишневского, Москва

Н а т а ш а. Там говорят, поскорее нужно составить общество для помощи погорельцам[а]. Прекрасная мысль![б] Нужно поскорее[в] помочь бедным[г], это обязанность богатых. Бобик и Софочка спят себе, спят, как ни в чем ни бывало. У нас так много народу везде, куда ни пойдешь, полон дом. Теперь в городе инфлуэнца, боюсь, как бы не захватили дети.

О л ь г а (*не слушая ее*). В этой комнате не видно пожара, тут спокойно...[д]

Н а т а ш а. Да... Я, должно быть, растрепалась[е]. (*Перед зеркалом.*) Говорят, я пополнела... И не правда![ж] А Маша спит, утомилась, бедная... (*Анфисе, холодно.*) При мне не смей сидеть! Встань! Ступай отсюда!

Анфиса уходит; пауза.

И зачем ты держишь эту старуху, не понимаю.

О л ь г а (*оторопев*)[з]. Я тоже не понимаю...

Н а т а ш а. Ни к чему она тут. Она крестьянка, должна в деревне жить... Что за баловство! Я люблю в доме порядок. Лишних не должно быть в доме. (*Гладит ее по щеке.*) Ты, бедняжка, устала! Устала наша начальница! А когда моя Софочка вырастет и поступит в гимназию, я буду тебя бояться...

О л ь г а. Не буду я начальницей.

Н а т а ш а. Тебя выберут, Олечка. Это решено.

О л ь г а. Я откажусь. Не могу... Это мне не по силам... (*Пьет воду.*) Ты сейчас так грубо обошлась с няней... Прости, я не в состоянии переносить...[и] В глазах потемнело.

Н а т а ш а (*взволнованно*). Прости, Оля, прости. Я не хотела тебя огорчить.

Маша встает, берет подушку и уходит, сердитая.

О л ь г а. Пойми, милая, мы воспитаны, быть может, странно, но я не переношу этого. Подобное отношение угнетает меня, я заболеваю... я просто падаю духом...

Н а т а ш а. Прости, прости... (*Целует ее.*)

О л ь г а. Всякая, даже малейшая грубость, неделикатно сказанное слово волнует меня.

Н а т а ш а. Я часто говорю лишнее, это правда, но согласись, моя милая, она могла бы жить в деревне.

О л ь г а. Она уже тридцать лет у нас.

Н а т а ш а. Но ведь теперь она не может работать. Или я[к] не понимаю, или же ты не хочешь меня понять. Она не способна к труду, она только спит или сидит.

О л ь г а. И пускай сидит.

Н а т а ш а (*удивленно*). Как пускай сидит? Но ведь она же прислуга. (*Сквозь слезы.*) Я тебя не понимаю, Оля. У меня нянька есть, кормилица есть, у нас горничная, кухарка... Для чего же нам вот[л] эта старуха? Для чего?

Бьют в набат.

а *Далее*: Что ж?
б *Далее*: Вообще
в *Отсутствует*: поскорее
г *Вместо*: помочь бедным — помогать бедным людям
д *Вместо*: спокойно — покойно
е *Вместо*: растрепалась — растрепанная
ж *Далее*: Ничуть!
з *Далее*: Извини
и *Далее*: даже
к *Далее*: тебя
л *Вместо*: вот — еще

О л ь г а. В эту ночь я постарела на десять лет.

Н а т а ш а. Нам нужно уговориться, Оля [а]. Ты в гимназии, я — дома, у тебя ученье, у меня — хозяйство. И если я говорю что насчет прислуги, то знаю, что говорю, пожалуйста, не вмешивайся [б]. И чтоб завтра же не было здесь этой старой воровки, старой хрычевки (*стучит ногами*), ведьмы!.. Не сметь меня раздражать! Не сметь! (*Спохватившись.*) Право, если ты не переберешься вниз, то мы всегда будем ссориться. Это ужасно!

Входит К у л ы г и н.

К у л ы г и н. Где Маша? [в] Пора бы уже домой. Пожар, заметно, стихает [г]. Сгорел только один квартал, а ведь был ветер, вначале казалось, что [д] горит весь город. (*Садится.*) Утомился [е]. Замучился. (*Прислушивается.*)

О л ь г а. Что?

К у л ы г и н. Как нарочно у доктора запой, пьян он ужасно. Как нарочно! (*Встает.*) Вот он идет сюда, кажется... Слышите? Да, сюда. (*Смеется.*) Экий какой, право... Я спрячусь. (*Идет к шкафу и становится в углу.*) [ж]

О л ь г а. Два года не пил, а тут вдруг взял и напился... (*Уходит* [з] *с Наташей в глубину комнаты.*)

Ч е б у т ы к и н входит; не шатаясь, как трезвый, проходит по комнате, останавливается, смотрит, потом подходит к рукомойнику и начинает мыть руки.

Ч е б у т ы к и н (*угрюмо*). Черт бы всех побрал... подрал. Думают, что [и] я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню... решительно ничего.

Ольга и Наташа, незаметно для него, уходят.

Ч е б у т ы к и н. Черт бы побрал [к]... Кое-что я [л] знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню [м]. Может быть, я и не человек, а только вот [н] делаю вид, что у меня и руки и ноги... и голова, может быть, я не существую вовсе, а только кажется мне, что я хожу, мыслю [о], сплю... (*Плачет.*) О, если бы не существовать! (*Перестав плакать, угрюмо.*) Черт знает!.. Третьего дня говорят [п] в клубе [р]: Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице своем изобразил, как будто [с] читал.

а *Далее*: Раз навсегда.
б *Вместо:* пожалуйста, не вмешивайся — я знаю, что го-во-рю . . .
в *Далее:* Нам
г *Далее ремарка:* (Потягивается.)
д *Отсутствует:* что
е *Далее:* Олечка моя милая, я часто думаю: если бы не Маша, то я на тебе бы женился, Олечка. Ты очень хорошая.
ж *Вместо:* Идет к шкафу и становится в углу — Идет в угол к шкафу. *Далее:* Этакий разбойник
з *Вместо:* уходит — идет (*исправлено из* уходит).
и *Отсутствует:* что
к *Далее:* В прошлую среду лечил на Засыпи женщину — умерла, и я виноват, что она умерла. Да . . .
л *Отсутствует:* я
м *Далее:* Ничего . . . В голове пусто, на душе холодно.
н *Отсутствует:* вот
о *Вместо:* мыслю — ем
п *Вместо:* говорят — разговор
р *Далее:* говорят
с *Вместо:* изобразил, как будто — показал, будто

И другие тоже, как я...[а] Стало на душе криво, гадко, мерзко... пошел, запил...

Ирина, Вершинин[б], Тузенбах входят; на Тузенбахе пиджак и серые брюки[в].

И р и н а. Здесь посидим. Сюда никто не войдет.

В е р ш и н и н. Если бы не солдаты, то сгорел бы весь город. Молодцы! (*Потирает от удовольствия руки.*) Золотой народ! Ах, что за молодцы!

К у л ы г и н (*подходя к ним*). Который час, господа?

Т у з е н б а х. Уже четвертый час. Светает.

И р и н а. Все сидят в зале, никто не уходит. И вот этот[г] Соленый сидит... (*Чебутыкину.*) Вы бы, доктор, шли спать.

Ч е б у т ы к и н. Ничего-с. Благодарю-с. (*Причесывает бороду.*)

К у л ы г и н (*смеется*). Назюзюкался, Иван Романыч! (*Хлопает по плечу.*) Молодец! In vino veritas,— говорили древние.

Т у з е н б а х. Меня[д] просили[е] устроить концерт в пользу погорельцев.

И р и н а. Не с кем[ж].

Т у з е н б а х.[з] Марья Сергеевна, по моему, чудесно играет на рояли[и].

К у л ы г и н. Чудесно играет!

И р и н а. Она уже забыла. Три года не играла[к].

Т у з е н б а х. Здесь в городе решительно никто не понимает музыки, ни одна душа, но я, я понимаю и честным словом уверяю вас, что[л] Мария Сергеевна играет великолепно, почти талантливо.

К у л ы г и н. Вы правы, барон. Я ее очень люблю, Машу. Она славная.

Т у з е н б а х. Уметь играть так роскошно и в то же время сознавать, что тебя никто, никто не понимает!

К у л ы г и н (*вздыхает*). Да... Но прилично ли ей участвовать в концерте?

Пауза.

Я ведь, господа, ничего не знаю. Может быть, это и хорошо будет. Должен признаться, наш директор хороший человек, даже очень хороший, умнейший, но у него такие взгляды... Конечно, не его дело, но все-таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю с ним.

Чебутыкин берет в руки фарфоровые часы и рассматривает их.

В е р ш и н и н. На пожаре я загрязнился весь, ни на что не похож[м]. Вчера я мельком слышал, будто нашу бригаду хотят перевести куда-то далеко. Одни говорят в Царство Польское, другие — будто в Читу.

Т у з е н б а х. Я тоже слышал. Что ж? Город тогда совсем опустеет.

И р и н а. И мы уедем!

Ч е б у т ы к и н (*роняет часы, которые разбиваются*). Вдребезги!

Пауза; все огорчены и сконфужены.

а *Далее*: Пошлость, низость! И та женщина, что уморил в среду, вспомнилась... и все вспомнилось, и

б *Далее:* и

в *Вместо:* пиджак и серые брюки — штатское платье, новое и модное.

г *Вместо:* вот этот — ваш этот

д *Далее:* все

е *Вместо:* просили — просят

ж *Вместо:* Не с кем — Ну, кто там...

з *Далее:* Можно бы устроить, если бы захотеть.

и *Вместо:* по-моему ~ на рояли — например играет на рояли чудесно

к *Далее:*... или четыре.

л *Отсутствует:* что

м *Далее ремарка:* Пауза.

О. Л. КНИППЕР

Фотография с дарственной надписью Чехову ко дню его рождения: «Поздравляю, милый мой! 17-ое янв. 1903 г.»

Дом-музей Чехова, Ялта

К у л ы г и н (*подбирает осколки*). Разбить такую дорогую вещь,— ах, Иван Романыч, Иван Романыч! Ноль с минусом вам за поведение.

И р и н а. Это часы нашей матери[а].

Ч е б у т ы к и н.[б] Может я не разбивал, а только кажется, что разбил. Может быть, только нам[в] кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет. Ничего я не знаю, никто ничего не знает. (*У двери.*) Что смотрите? У Наташи романчик с Протопоповым, а вы не видите... Вы вот сидите тут и ничего не видите, а у Наташи романчик с Протопоповым. (*Пауза.*)[г] Не угодно ль вам этот финик[д] принять. (*Уходит.*)

В е р ш и н и н. Да... (*Смеется.*) Как все это в сущности странно.

Пауза.

Когда начался пожар, я побежал скорей домой; подбегаю[е], смотрю — дом наш цел и невредим и вне опасности, но мои две девочки стоят у порога в одном белье, матери нет, суется[ж] народ, бегают лошади, собаки, и у девочек на лицах тревога, ужас, мольба, не знаю что; сердце у меня сжалось, когда я увидел эти лица. Боже мой, думаю, что придется еще пережить[з] этим девочкам в течение долгой жизни. Я хватаю их, бегу и все думаю

а *Вместо:* нашей матери — покойной мамы
б *Далее:* Может быть. Мамы, так мамы.
в *Вместо:* только нам — нам только
г *Вместо:* (Пауза.) — (Поет.)
д *Вместо:* вам этот финик — этот финик вам
е *Вместо:* подбегаю — подхожу
ж *Вместо:* суется — суетится
з *Вместо:* еще пережить — пережить еще

одно: что им придется пережить[а] на этом свете[б]. Прихожу сюда, и[в] мать здесь, кричит на меня[г], сердится...

Маша входит с подушкой и садится на диван.

В е р ш и н и н. И когда[д] девочки стояли у порога в одном белье[е], и улица была красной от огня, был страшный шум, то я подумал, что нечто похожее происходило много лет назад, когда набегал неожиданно враг, зажигал, грабил[ж]... Между тем, в сущности, какая разница между тем, что есть и что было! Пройдет же[з] еще немного времени, каких-нибудь двести-триста лет, и на нашу теперешнюю жизнь[и] будут смотреть и со страхом, и с насмешкой, все нынешнее будет казаться и угловатым, и тяжелым[к], и странным. О[л], какая это будет жизнь, какая жизнь![м] Как жаль, что не доживут до той поры мои девочки! Это особенные существа, и я все силы свои трачу на то, чтобы они были прекрасны и кротки[н]. Таких, как вы, в городе теперь только три, но[о] в следующих поколениях будет[п] больше, все больше и больше[р], придет время, когда все изменится по-вашему, жить будут по-вашему, а потом и все устареет[с], народятся люди, которые будут лучше вас... (*Смеется.*)[т] Как мне хочется жить, если б вы знали[у].

М а ш а. Трам-там-там?

В е р ш и н и н. Там-там...

М а ш а. Тра-ра-ра?

В е р ш и н и н. Тра-та-та. (*Смеется.*)[ф]

Входит Соленый.

И р и н а. Нет, пожалуйста, уходите, Василий Васильевич[х]. Сюда нельзя[ц].

В е р ш и н и н. Надо уходить, в самом деле... Как пожар?

С о л е н ы й. Говорят, стихает...[ч]

В е р ш и н и н. Трам-там?

М а ш а. Трам-там.

а *Далее:* еще

б *Далее:* (пауза).

в *Вместо:* и — а

г *Отсутствует:* на меня

д *Далее:* мои

е *Далее:* босые

ж *Вместо:* зажигал, грабил — грабил, зажигал

з *Вместо:* Пройдет же — А пройдет

и *Далее:* также

к *Далее:* очень неудобным

л *Далее:* наверное

м *Далее:* (Смеется.) Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа. Мне ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроение. (Пауза.) Точно спят все. Так я говорю: какая это будет жизнь! Вы можете себе только представить... Вот

н *Отсутствует:* Как жаль ~ и кротки.

о *Отсутствует:* но

п *Отсутствует:* будет

р *Далее:* и

с *Вместо:* все устареет — вы устареете

т *Далее:* Сегодня у меня какое-то особенное настроение.

у *Вместо:* Как ~ знали — Хочется жить чертовски... *Далее:* (Поет.) Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны... (Смеется.)

ф *Далее:* (Федотик входит.) Ф е д о т и к (пляшет). Погорел! Погорел! Весь дочиста! (Смех.) И р и н а. Что ж за шутки! Все сгорело? Ф е д о т и к (смеется). Все дочиста. Ничего не осталось. И гитара сгорела, и фотография сгорела, и все мои письма... И хотел подарить вам записную книжечку — тоже сгорела.

х *Вместо:* Васильевич — Васильич

ц *Далее:* С о л е н ы й. Почему же это барону можно, а мне нельзя?

ч *Далее:* Нет, мне положительно странно, почему это барону можно, а мне нельзя.

В е р ш и н и н (*смеется*[а]). Пойдемте в залу...[б] (*Уходит с Соленым.*)[в]

И р и н а[г] (*в недоумении*). Барон спит! Барон! Барон!

Т у з е н б а х (*очнувшись*). Устал я[д]... Кирпичный завод... Это я не брежу, а в самом деле, скоро поеду на кирпичный завод работать[е]. (*Ирине нежно.*) Вы такая бледная... прекрасная[ж]... Ваша бледность, как свет[з], проясняет темный воздух[и]... О! поедемте со мной, поедемте работать вместе...

М а ш а. Николай Львович, уходите отсюда...

Т у з е н б а х (*смеясь*). Вы здесь? Я не вижу... (*Целует Ирине руку.*)[к] Пойду...[л] (*Уходит.*)

М а ш а (*ложась*). Ты спишь, Федор?

К у л ы г и н. А?

М а ш а. Шел бы домой!..

К у л ы г и н. Милая моя Маша, дорогая моя Маша!..

И р и н а. Она утомилась... Дал бы ей отдохнуть, Федя.

К у л ы г и н. Сейчас уйду... Жена моя хорошая, славная... Люблю тебя, мою единственную.

М а ш а (*сердито*). Amo, amas, amat, amamus, amatis, amant...

К у л ы г и н (*смеется*). Нет, право, она удивительная. Женат я на тебе семь лет, а кажется, что[м] венчались только вчера. Честное слово. Нет, право, ты удивительная женщина. Я доволен, я доволен, я доволен.

М а ш а[н] (*встает и говорит сидя*)[о]. Просто возмутительно...[п] Не могу я[р] молчать... Андрей[с] заложил[т] этот дом в банке, и все деньги забрала его жена, а ведь дом принадлежит не ему одному, а нам четверым! Он должен это знать, если он порядочный человек.

К у л ы г и н. Охота тебе, Маша! На что тебе? Андрей[у] кругом должен, ну, и бог с ним.

М а ш а. Это во всяком случае возмутительно. (*Ложится.*)

К у л ы г и н. Мы с тобой не бедны. Я работаю, хожу в гимназию, потом уроки даю... Я честный человек...[ф] Omnia mea mecum porto, как говорят[х].

а *Далее:* Соленому

б *Далее:* С о л е н ы й. Хорошо-с, так и запишем. Мысль эту можно б боле пояснить, да боюсь, как бы гусей не раздразнить . . . (Глядя на Тузенбаха.) Цип, цип, цип. . . (Уходит с Вершининым и Федотиком.)

в *Отсутствует ремарка.*

г *Далее:* Как накурил этот Соленый . . .

д *Далее:* однако. . .

е *Далее*: Уже был разговор

ж *Далее:* обаятельная. . . Мне кажется,

з *Отсутствует:* как свет

и *Далее:* как свет . . . Вы печальны, вы недовольны жизнью...

к *Далее:* Прощайте, я

л *Далее:* Я гляжу на вас теперь и вспоминается мне, как когда-то давно, в день ваших именин, вы, бодрая, веселая, [радостная] говорили о радостях труда. . . И какая мне тогда мерещилась счастливая жизнь! Где она? (Целует руку.) У вас слезы на глазах. . . Ложитесь спать, уже светает. . . Начинается утро. . . Если бы мне было позволено отдать за вас жизнь свою! М а ш а. Николай Львович, уходите. Ну что, право. . . Т у з е н б а х. Ухожу. . .

м *Отсутствует*: что

н *Далее*: Надоело, надоело, надоело. . .

о *Далее*: И вот не выходит у меня из головы. . .

п *Далее*: Сидит гвоздем в голове

р *Отсутствует*: я

с *Вместо*: Андрей — Я про Андрея.

т *Далее*: он

у *Вместо*: Андрей — Андрюша

ф *Далее*: простой. . .

х *Вместо*: говорят — говорится

М а ш а. Мне ничего не нужно, но меня возмущает несправедливость.

Пауза.

Ступай, Федор!

К у л ы г и н (*целует ее*). Ты устала, отдохни с полчасика, а я там посижу, подожду... Спи... (*Идет.*) Я доволен, я доволен, я доволен... (*Уходит.*)

И р и н а. В самом деле, как измельчал наш Андрей, как он выдохся и постарел около этой женщины. Когда-то готовился в профессора, а вчера хвалился, что попал, наконец, в члены земской управы. Он член управы, а Протопопов председатель... Весь город говорит, смеется, и только он один ничего не знает[а]... И вот все побежали на пожар, а он сидит у себя в комнате и никакого внимания. Только на скрипке играет. (*Нервно.*) О, ужасно, ужасно, ужасно! (*Плачет.*) Я не могу, не могу переносить больше. Не могу, не могу...

Ольга входит, убирает около своего столика.

И р и н а (*громко рыдает*). Выбросьте меня, выбросьте. Я больше не могу.

О л ь г а (*испугавшись*). Что ты? Что ты? Милая!

И р и н а (*рыдая*). Куда? Куда все ушло? Где оно? О, боже мой, боже мой! Я все забыла, забыла, у меня перепуталось в голове... Я не помню, как по-итальянски окно или вот потолок. Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходит и никогда[б], никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не поедем...

О л ь г а. Милая, милая!..

И р и н а (*сдерживаясь*). О, я несчастная!.. Не могу я работать, не стану работать. Довольно, довольно! Была телеграфисткой, теперь служу в городской управе и ненавижу и[в] презираю труд[г]... Мне уже двадцать четыре года[д], работаю уже пять лет[е], и мозг высох, похудела, подурнела, постарела и ничего, ничего, никакого удовлетворения, а время идет и все кажется, что уходишь от настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, в какую-то пропасть. Я в отчаянии[ж], и как я жива, как не убила себя до сих пор, не понимаю...

О л ь г а. Не плачь, моя девочка, не плачь... Я страдаю.

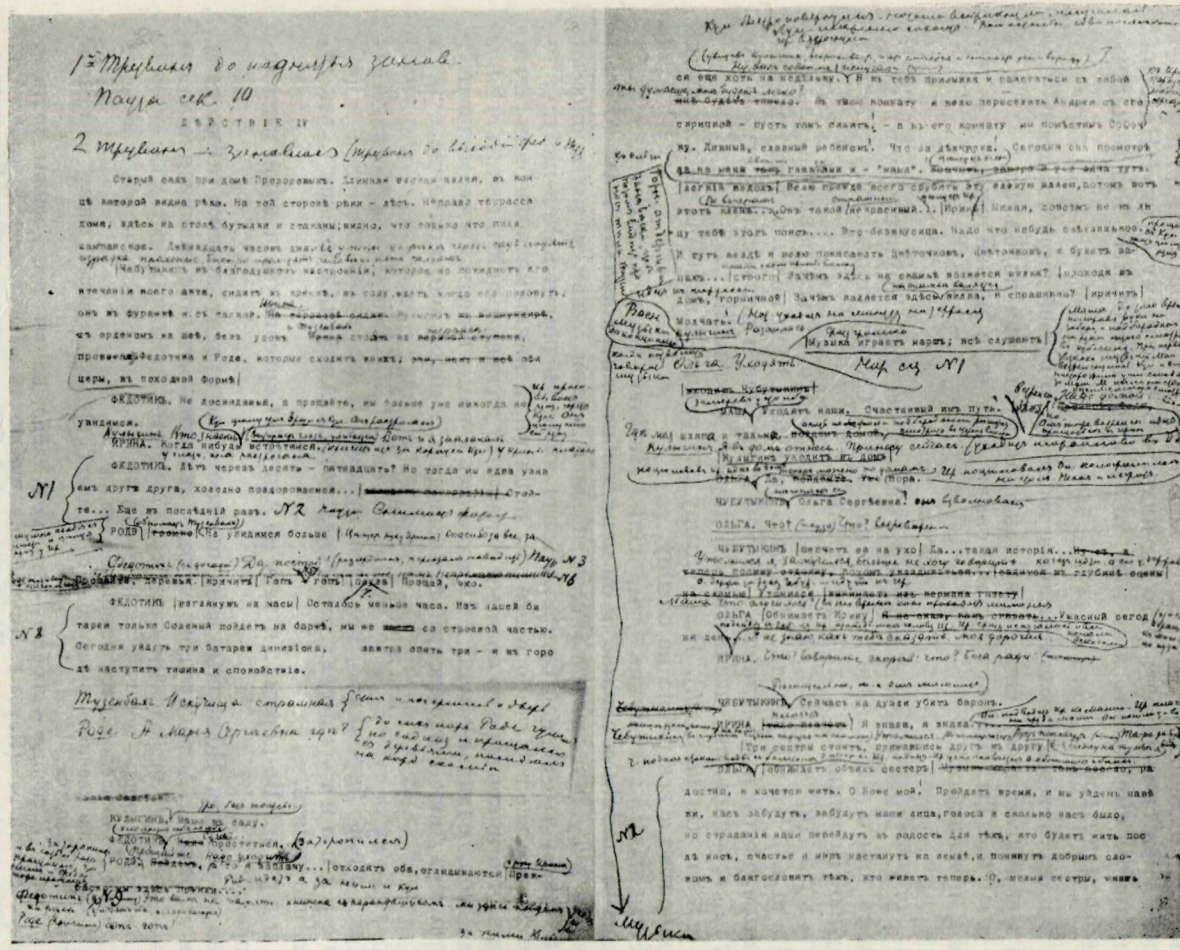
И р и н а. Я не плачу, не плачу... Довольно... Ну, вот я уже не плачу. Довольно... Довольно!..

О л ь г а. Милая, говорю тебе, как сестра, как друг, если хочешь моего совета, выходи за барона.

Ирина плачет.

О л ь г а (*тихо*)[з]. Ведь ты его уважаешь, высоко ценишь. Он, правда, некрасивый, но он такой порядочный, чистый... Ведь замуж выходят не из любви, а[и] для того, чтобы исполнить свой долг... Я по крайней мере так думаю, и я бы вышла без любви. Кто бы ни посватал[к], все равно

а *Далее*: и не видит
б *Далее:* не вернется, никогда,
в *Отсутствует:* и
г *Вместо:* труд — все, что только мне дают делать...
д *Вместо:* двадцать четыре года — двадцать четвертый год
е *Вместо:* пять лет — давно
ж *Далее*: я в отчаянии!
з *Отсутствует ремарка.*
и *Далее*: только
к *Вместо*: посватал — посватался



РЕЖИССЕРСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР «ТРЕХ СЕСТЕР»

Правка рукой И. А. Тихомирова

Музей Художественного театра, Москва

бы вышла[а], лишь бы порядочный человек... Даже за старика бы пошла...

И р и н а. Я все ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий, я мечтала о нем, любила...[б]

О л ь г а (*обнимая сестру*). Милая моя, прекрасная сестра, я все понимаю. Когда барон Николай Львович оставил военную службу и пришел к нам в пиджаке, то показался мне таким некрасивым, что я даже заплакала... Он спрашивает: «Что вы плачете?» Как я ему скажу! Но если бы бог привел ему жениться на тебе, то я была бы счастлива. Тут ведь другое, совсем другое...

Наташа со свечой проходит молча через сцену из правой двери в левую[в].

М а ш а (*садится*). Она ходит так, как будто она подожгла.

О л ь г а. Ты, Маша, глупая, самая глупая в нашей семье это ты, извини, пожалуйста.

Пауза.

М а ш а. Мне хочется каяться, милые сестры. Томится душа моя. Покаюсь вам и уж больше никому никогда... Скажу сию минуту. (*Тихо.*) Я люблю Вершинина... люблю, люблю...[г]

О л ь г а (*идет к себе за ширмы*). Оставь это. Я все равно не слышу.

М а ш а. Что же делать! (*Берется за голову.*) Он казался мне сначала странным, потом я жалела его... потом полюбила и полюбила я его[д] с его голосом, его словами, несчастиями, двумя девочками...

О л ь г а (*за ширмой*). Я не слышу все равно. Какие бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

М а ш а. Э, э, глупая[е] ты, Оля. Люблю — такая, значит, судьба моя, значит доля моя такая... и он меня любит... страшно все это[ж]. (*Тянет Ирину за руку, привлекает к себе.*) О, моя милая... как-то мы проживем нашу жизнь, что из нас будет... Когда читаешь роман какой-нибудь, то кажется, что все это старо и все так понятно, а как сама полюбишь, то и видишь, что никто ничего не знает[з], каждый должен решать сам за себя... Милая моя, славная[и] моя... Призналась[к] вам, теперь буду молчать... буду теперь, как гоголевский сумасшедший: молчание, молчание...

А н д р е й[л], за ним Ф е р а п о н т.

А н д р е й (*сердито*). Что тебе нужно? Я не понимаю.

Ф е р а п о н т (*в дверях, нетерпеливо*). Я, Андрей Сергеевич[м], уж говорил раз десять.

А н д р е й. Во-первых, я тебе не Андрей Сергеевич[м], а ваше высокоблагородие.

Ф е р а п о н т. Пожарные, ваше высокородие, просят, позвольте[н] на реку садом проехать. А то кругом ездиют, ездиют — чистое наказание!

а *Вместо*: вышла — пошла

б *Далее*: Но оказалось, все вздор, все вздор...

в *Вместо*: со свечой ~ в левую — со свечой проходит через сцену из правой двери в левую, молча.

г *Вместо*: Я люблю ~ люблю — Это моя тайна, но вы все должны знать... Не могу молчать... (Пауза.) Я люблю, люблю... Люблю этого человека... вы его только что видели... Ну, да что там! Одним словом, люблю Вершинина.

д *Отсутствует*: я его

е *Вместо*: Э, э, глупая — Э, чудна̀я

ж *Вместо*: страшно все это — Это все страшно? Да? Не хорошо это?

з *Далее*: и

и *Вместо*: славная — сестра

к *Напечатано*: признаюсь — *очевидная ошибка машинистки.*

л *Вместо*: Андрей — входит Андрей

м *Вместо*: Сергеевич — Сергеич

н *Вместо:* позвольте — дозвольте

А н д р е й. Хорошо, скажи, хорошо!

Ферапонт уходит.

Надоели! Где Ольга?

О л ь г а выходит[а] из-за ширмы.

Я пришел к тебе, дай мне ключ от шкафа, я затерял свой! У тебя есть такой маленький ключик.

Ольга подает ему молча ключ. Ирина идет к себе за ширму; пауза.

А н д р е й. А какой громадный пожар! Теперь стал[б] утихать. Черт знает, разозлил меня[в], я сказал ему глупость...ваше высокоблагородие.

Пауза.

Что же ты молчишь, Оля?

Пауза.

Пора уже оставить эти глупости и не дуться так, здорово живешь... Ты, Маша, здесь, Ирина здесь, ну вот прекрасно, объяснимся на чистоту, раз навсегда. Что вы имеете против меня? Что?

О л ь г а. Оставь, Андрюша, завтра объяснимся. (*Волнуясь.*) Какая мучительная ночь!

А н д р е й. Не волнуйся, я совершенно хладнокровно вас спрашиваю: что вы имеете против меня? Говорите прямо.

Голос Вершинина: «Трам-там-там».

М а ш а (*встает, громко*). Тра-та-та! (*Ольге.*) Прощай, Оля, господь с тобой. (*Идет за ширму, целует Ирину.*) Спи покойно... Прощай, Андрей. Уходи, они утомлены, завтра объяснимся[г]. (*Уходит.*)

О л ь г а. В самом деле, Андрюша, отложим до завтра... (*Идет к себе за ширму.*) Спать пора.

А н д р е й. Я[д] скажу и уйду[е]. Во-первых, вы имеете что-то против Наташи, моей жены, и это я замечаю с самого дня моей свадьбы[ж]. Наташа прекрасный, честный человек, прямой и благородный — вот мое мнение. Свою жену я люблю и уважаю[з] и требую, чтобы ее уважали так же другие. Повторяю, она честный, благородный человек, а[и] все ваши неудовольствия, простите, это просто капризы[к] старых дев. Старые девы никогда[л] не любят своих невесток — это правило.

Пауза.

Во-вторых, вы как будто сердитесь за то, что я не профессор, не занимаюсь наукой. Но я служу в земстве, я член земской управы и это свое служение считаю таким же святым и высоким, как служение науке. Я член земской управы и горжусь этим, если желаете знать.

Пауза.

а *Вместо*: выходит — показывается
б *Вместо*: стал — стало
в *Далее*: этот Ферапонт
г *Вместо*: объяснимся — объяснишься
д *Вместо*: Я — Только
е *Далее*: Сейчас...
ж *Далее*: Если желаете знать
з *Далее*: понимаете? — уважаю
и *Вместо*: а — и
к *Далее*: или, еще лучше, капризничанья
л *Далее*: не любили и

В-третьих... я еще имею сказать... я заложил дом, не испросив у вас позволения... в этом я виноват, да, и прошу меня извинить. Меня побудили к тому долги — 35 000. Я уже не играю в карты, давно бросил, но главное, что могу сказать в свое оправдание, это то, что вы женского пола[а], вы получаете пенсию, я же не имел... заработка, одним словом[б]...

Пауза.

К у л ы г и н (*в дверь*). Маши здесь нет? (*Встревоженно.*) Где она?[в] (*Уходит.*)

А н д р е й. Не слушают. Наташа превосходный, чистый человек. (*Ходит по сцене молча, потом останавливается.*) Когда я женился, я думал, что мы будем счастливы, все счастливы... Но, боже мой![г] (*Плачет и*[д] *уходит.*)

К у л ы г и н (*в дверь встревоженно*). Где Маша? Здесь Маши нет?[е] (*Уходит.*)

Набат; сцена пуста.

И р и н а (*за ширмами*). Оля! Кто это стучал[ж] в пол?

О л ь г а. Это доктор Иван Романович[з]. Он пьян.

И р и н а. Какая беспокойная ночь!

Пауза.

Оля! (*Выглядывает из-за ширм.*) Слышала? Бригаду берут от нас, переводят куда-то далеко.

О л ь г а. Это слухи только.

И р и н а. Останемся мы тогда одни, Оля!

О л ь г а. Ну?

И р и н а. Милая,дорогая, я уважаю, я ценю барона, он прекрасный человек, я выйду за него, согласна, только поедем в Москву, умоляю тебя, поедем! Лучше Москвы ничего нет[и] на свете! Поедем, Оля, поедем!

IV

Старый сад при доме Прозоровых. Длинная еловая аллея, в конце которой видна река. На той стороне реки — лес. Направо терраса дома; здесь на столе бутылки и стаканы, видно, что только что пили шампанское. Двенадцать часов дня.

Ч е б у т ы к и н в благодушном настроении, которое не покидает его в течение всего акта, сидит в кресле, в саду, ждет, когда его позовут; он в фуражке и с палкой. На террасе сидит К у л ы г и н в вицмундире, с орденом на шее, без усов. И р и н а стоит на верхней ступени, провожая Ф е д о т и к а и Р о д е, которые сходят вниз, они, как и все офицеры, в походной форме.

Ф е д о т и к. Не до свиданья, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся.

И р и н а. Когда-нибудь встретимся.

Ф е д о т и к. Лет через десять-пятнадцать? Но тогда мы едва узнаем

а *Вместо*: что ~ пола — что... это то, это то, что вы, так сказать, прекрасного пола

б *Вместо*: одним словом — так сказать

в *Вместо*: Где она? — Где же она? Это странно...

г *Далее*: (Плачет.) Милые мои сестры, дорогие сестры, не верьте мне, [я лгу, лгу] не верьте...

д *Отсутствует*: плачет и

е *Далее*: Удивительное дело!

ж *Вместо*: стучал — стучит

з *Вместо*: Романович — Романыч

и *Вместо:* ничего нет — нет ничего

друг друга, холодно поздороваемся... (*Снимает фотографию.*) Стойте... Еще последний раз.

Роде (*громко*). Не увидимся больше. (*Окидывает взглядом сад.*) Я сегодня разбил свою гитару, больше уже негде играть, да и нет охоты. Прощайте, деревья! (*Кричит.*) Гоп-гоп!

Пауза.

Прощай, эхо!

Федотик (*взглянув на часы*). Осталось меньше часа. Из нашей батареи только Соленый пойдет на барже, мы же идем со строевой частью. Сегодня уйдут три батареи дивизиона, завтра опять три — и в городе наступит тишина и спокойствие.

Ирина. Алексей Петрович, что вчера было на бульваре около театра? Скажите откровенно.

Федотик. Ничего не было.

Ирина. Честное слово?

Пауза.

Федотик. Ничего не было... Так, пустяки... Все обойдется. А где Мария Сергеевна?

Кулыгин. Маша в саду.

Федотик. Надо проститься.

Роде. Пойдем, а то я заплàчу...

Отходят оба, оглядываются.

Прекрасно мы здесь пожили... (*Кричит.*) Мария Сергеевна! Гоп-гоп! (*Уходят.*)

Ирина. Ушли... (*Садится на нижнюю ступень террасы.*)

Чебутыкин. Я ухожу завтра. Да... Еще один денек осталось. Через год дадут мне отставку, опять приеду сюда и буду доживать свой век около вас... Мне до пенсии только один годочек осталось... (*Вынимает из кармана газету.*) Приеду сюда к вам и изменю жизнь коренным образом... Стану таким тихоньким, благо... благоугодным, приличненьким...

Ирина. А вам надо изменить жизнь, голубчик. Надо бы как-нибудь.

Чебутыкин. Да. Чувствую. (*Тихо напевает.*) Тарара... бумбия... сижу на тумбе я...

Кулыгин сходит вниз.

Ирина. Федор сбрил себе усы. Видеть не могу.

Кулыгин. А что?

Чебутыкин. Я бы сказал, на что теперь похожа ваша физиономия; да не могу.

Кулыгин. Что ж! Так принято, это modus in rebus. Директор у нас с выбритыми усами и я тоже, как стал инспектором, побрился. (*Смеется.*) Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволен. С усами я, или без усов, а я одинаково доволен... (*Садится.*)

В глубине Андрей провозит колясочку со спящим ребенком.

Ирина. Иван Романович, голубчик, родной мой, я страшно обеспокоена. Вы вчера были на бульваре, скажите, что произошло там?

Чебутыкин. Что произошло? Ничего. Пустяки. (*Читает газету.*)

Кулыгин. Так рассказывают, будто Соленый и барон встретились вчера на бульваре около театра... Соленый стал придираться к барону, а тот не стерпел, сказал ему что-то обидное...

Чебутыкин. Не знаю. Чепуха все.

К у л ы г и н. Говорят, в какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха», а ученик прочел «реникса» — думал что по-латыни написано... (*Смеется.*) Смешно удивительно... Говорят, будто Соленый влюбился в Ирину и, говорят, возненавидел барона... Это понятно... Когда я был женихом Маши, то ходил просто, как безумец, как пьяный, и нес чепуху, реникcу... Я и тут счастлив, а тогда от счастья ничего не помнил. Ну и барон, вероятно, тоже...

В глубине сада за сценой: «Ау! Гоп-гоп!».

И р и н а (*вздрагивает*). Меня как-то все пугает.

Пауза.

У меня уже все готово, я после обеда отправляю свои вещи. Мы с бароном решили так: завтра венчаемся; завтра же уезжаем на кирпичный завод, и послезавтра я уже в школе, начинается новая жизнь. Как-то мне поможет бог! Когда я держала экзамен на учительницу, то даже заплакала от радости, от благости, которая наполнила меня всю.

Пауза.

Сейчас приедет подвода за вещами...

К у л ы г и н. Это хорошо. От души тебе желаю.

Ч е б у т ы к и н (*в умилении*). Славная моя, хорошая... Золотая моя... Далеко вы ушли... Ни вас не догонишь, ни науки не догонишь, остался я позади, точно журавль, который состарился и не может лететь... Летите, милые, летите с богом!

Пауза.

Напрасно, Федор Ильич, вы сбрили усы.

К у л ы г и н. Будет вам.

Ч е б у т ы к и н. Теперь ваша жена будет вас бояться.

К у л ы г и н. Ничего. Вот сегодня уйдут и все пойдет по-старому. Что бы там ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу... Судьба у людей разная... Тут в акцизе служит некто Козырев. Он учился со мной, его уволили из пятого класса гимназии за то, что никак не мог понять ut conjunctivum. Теперь он ужасно бедствует, болен и я, когда встречаюсь, то говорю ему: «Здравствуйте, ut conjunctivum!» «Да,— говорит,— именно conjunctivum», а сам кашляет... А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею орден и сам теперь другим преподаю это ut conjunctivum. Конечно, я умный человек, умнее очень многих, но счастье не в этом.

Пауза.

Странная судьба у людей.

В доме играют на рояли «Молитву девы».

И р и н а. А завтра вечером я уже не буду слышать этой «Молитвы девы», не буду видеть своей противной комнаты, не буду встречаться с Протопоповым. А Протопопов пришел и сегодня, сидит там в гостиной...

К у л ы г и н. Начальница еще не приехала?

И р и н а. Нет. За ней послали. Если б только знали, как мне трудно жить здесь одной, без Оли... Она живет в гимназии, она начальница, целый день занята делом, а я одна, мне скучно, нечего делать, и ненавистна комната, в которой живу... Я так и решила, что если мне не суждено быть в Москве, то так тому и быть. Значит, судьба... Ничего не поделаешь... Все в божьей воле, это правда: Николай Львович сделал мне предложение, и я решила наконец... Он хороший человек, удивительно даже, такой хо-

роший... И у меня вдруг точно крылья выросли на душе, я повеселела, стало мне легко и опять захотелось работать, работать... Только вот вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной...

М. Г. САВИЦКАЯ

Фотография с дарственной надписью Чехову:
«Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову. М. Савицкая. 17-го янв. 1904 г.»
М. Г. Савицкая — первая исполнительница роли Ольги в пьесе «Три сестры»
Литературный музей, Москва

Чебутыкин. Реникса. Чепуха.
Наташа (*в окно*). Начальница!
Кулыгин. Приехала начальница. Пойдем.

Уходит с Ириной в дом.

Чебутыкин (*читает газету*). Да, что ни говори, Иван Романович, а переменить образ жизни давно пора. (*Тихо напевает.*) Ах, вы

Сашки, канашки мои, разменяйте вы бумажки мои... А бумажки все новенькие...

Андрей везет колясочку.

Андрей. И когда, наконец, в доме все успокоится? Такой шум.

Чебутыкин. Скоро. Раньше чем через час. (*Смотрит на часы.*) У меня часы старинные, с боем... (*Заводит часы.*) Первая, вторая и пятая батареи уйдут ровно в час.

Пауза.

А я завтра.

Андрей. Навсегда?

Чебутыкин. Они навсегда, а я не знаю. Может, через год вернусь.

Андрей. Опустеет город. Заглохнут наш дом и сад.

Пауза.

Скажите, что произошло вчера около театра?

Чебутыкин. Пустяки. Так, недоразумение... Соленый вызвал барона на дуэль. В половине первого за рекой, в казенной роще, вон в той, что отсюда видна, за рекой... (*Смотрит на часы.*) Гишпанцы, подумаешь, гидальго...

За садом крик: «Ау! Гоп-гоп!».

Подождешь... Это Скворцов кричит, секундант... В лодке сидит... (*Зевает.*) В моей жизни это уже седьмая дуэль...

Андрей. По-моему, и участвовать на дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безнравственно...

Чебутыкин. Это только кажется... Нас нет, ничего нет на свете, мы не существуем, а только кажется, что существуем.

Андрей. Это вздор.

Пауза.

Опустеет наш дом. Уедут офицеры, уедете вы и барон, сестра замуж выйдет, и останусь в доме я один. Жену я не считаю за человека.

Входит Ферапонт с бумагами.

Чебутыкин. Почему?

Андрей. Она честная, порядочная, ну добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, паршавого животного. Быть может я несправедлив, но ничего, пусть я буду несправедлив; говорю вам, как другу, единственному человеку, которому могу это сказать. Я люблю Наташу, горячо люблю, но иногда она кажется мне удивительно пошлой, и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее...

Чебутыкин (*встает*). Я, брат, завтра уезжаю, может никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи... уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше.

Соленый проходит в глубине сцены с двумя офицерами; увидев Чебутыкина, он поворачивает к нему, офицеры идут дальше.

Соленый. Доктор, пора! Уже половина первого. (*Здоровается с Андреем.*)

Чебутыкин. Сейчас. Надоели вы мне все. (*Андрею.*) Если кто спросит меня, Андрюша, то скажешь, что я сейчас... (*Вздыхает.*) Охо-хо-хо!

Соленый (*идет с ним*). Что вы кряхтите?

Чебутыкин. Э!

Соленый. Не спал? Как здоровье?

Чебутыкин (*сердито*). Как масло коровье...

Соленый. А барон что делает, пишет завещание? Прощается с милой, клянется ей в вечной любви или уже на месте сражения?

Пауза.

Я его все-таки подстрелю, как куренка...

Уходят. Слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»

Андрей и Ферапонт.

Андрей. О, где оно, куда ушло мое прошлое, когда я был молод, весел, умен, когда я мечтал и мыслил изящно, когда и настоящее и будущее мое озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны... Город наш существует уже 200 лет, в нем — шутка сказать! — сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного подвижника, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему... Только едят, пьют, спят, потом умирают; родятся другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетет детей — и искра божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери... (*Ферапонту.*) Что тебе?

Ферапонт. Чего? Бумаги подписать.

Андрей (*охваченный нежным чувством*). Милые мои сестры, чудные мои сестры!

Ферапонт (*подавая бумаги*). Сейчас швейцар из казенной палаты рассказывал. Будто, говорят, зимой в Петербурге мороз был в двести градусов. Две тысячи людей померзло. Народ, говорит, ужасался. Не то в Петербурге, не то в Москве — не упомню.

Андрей. Теперь каждую ночь под утро я просыпаюсь и думаю... Думаю о том, как через два-три года я, наконец, влезу в неоплатные долги, стану бедняком, дом этот продадут, жена покинет меня — вдруг душе моей становится так легко, так просторно, и вдали забрезжит свет, я предчувствую свободу, и тогда хочется мне бежать к моим трем сестрам, бежать к ним, закричать: сестры, я спасен, я спасен!

Наташа (*в окно*). Ты громко разговариваешь тут, Андрюша, Софочку разбудишь. (*Рассердившись.*) Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку с ребенком кому-нибудь другому. Ферапонт, возьми у барина колясочку!

Ферапонт. Слушаю. (*Берет колясочку.*)

Андрей (*сконфуженно*). Я говорю тихо.

Наташа (*за окном лаская своего мальчика*). Бобик! Шалун Бобик! Дурной Бобик!

Андрей (*оглядывая бумаги*). Я сейчас пересмотрю всю эту галиматью и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять в управу.

Уходит в дом, читая бумаги; Ферапонт везет колясочку; в глубине сада показывается Ирина и Тузенбах, барон одет щегольски, в соломенной шляпе.

Наташа (*за окном*). Бобик, как зовут твою маму? Милый, милый А это кто? Это тетя Оля. Скажи тете: здравствуй, Оля!

Входит Кулыгин.

К у л ы г и н (*Ирине*). Где Маша?

И р и н а. Где-то в саду.

К у л ы г и н. С утра ее не вижу... Сердита она сегодня... (*Покачивает головой.*) А скамейки опять не выкрасили! Экие, право... (*Кричит.*) Ау, Маша, ау! (*Уходит в сад.*)

Т у з е н б а х. Это, кажется, единственный человек в городе, который рад, что уходят военные.

И р и н а. Это понятно.

Пауза.

Наш город опустеет теперь.

Т у з е н б а х (*поглядев на часы*). Милая, я сейчас приду.

И р и н а. Куда ты?

Т у з е н б а х. Мне нужно в город, затем... проводить товарища.

И р и н а. Неправда. Николай, отчего ты такой рассеянный сегодня?

Пауза.

Что вчера произошло около театра?

Т у з е н б а х (*нетерпеливое движение*). Через час я вернусь и опять буду с тобой. (*Целует ей руки.*) Ненаглядная моя... (*Всматривается ей в лицо.*) Уже шесть лет прошло, как я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мне все прекраснее. Какие прелестные, чудные волосы! Какие глаза! Я увезу тебя завтра, мы будем работать, будем богаты, мечты мои оживут, но только вот одно, только одно: ты меня не любишь!

И р и н а. Это не в моей власти. Я буду твоей женой и верной и покорной, но любви нет, что же делать! (*Плачет.*) Я не любила ни разу в жизни. Чувствую страстную жажду любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт и ключ потерян.

Пауза.

У тебя беспокойный взгляд.

Т у з е н б а х. Я не спал всю ночь. В моей жизни нет ничего такого страшного, что могло бы испугать меня, и только этот потерянный ключ терзает мою душу, не дает мне спать... Скажи мне что-нибудь.

Пауза.

Скажи мне что-нибудь.

И р и н а. Что? Что? Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молчат... (*Кладет голову ему на грудь.*)

Т у з е н б а х. Скажи мне что-нибудь.

И р и н а. Что сказать? Что?

Т у з е н б а х. Что-нибудь! Что-нибудь! (*Хватает себя за голову.*)

И р и н а. Полно. Полно.

Пауза.

Т у з е н б а х. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет... Какие красивые деревья, и в сущности какая должна быть около них красивая жизнь!

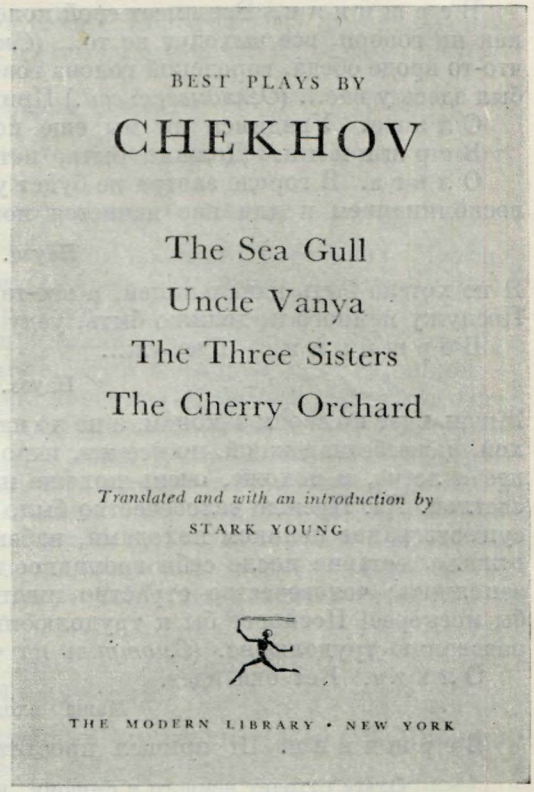
Крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Надо идти, уже пора... Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так мне кажется, если я умру, то все же буду участвовать в жизни, так или иначе.

Бродяги-музыканты, мужчина и девушка, играют на скрипке и арфе.

Прощай, моя милая... (*Целует руки.*) Твои документы, что ты мне дала,

АМЕРИКАНСКОЕ ИЗДАНИЕ
ПЬЕС ЧЕХОВА
Нью-Йорк, 1956
Обложка



лежат у меня на столе, под календарем... (*Идет, на аллее останавливается.*) Ирина!

И р и н а. Что?

Т у з е н б а х. Я не пил сегодня кофе. Скажи, чтобы мне сварили.

Быстро уходит. Ирина стоит задумавшись, выходят из дома О л ь г а, В е р ш и н и н и А н ф и с а.

О л ь г а. Наш сад, как проходной двор, через него и ходят и ездят. Няня, дай этим музыкантам что-нибудь. Пусть уходят.

А н ф и с а (*подает музыкантам*). Уходите с богом, сердечные.

Музыканты кланяются и уходят.

Горький народ. От сытости не заиграешь. (*Ирине.*) Здравствуй, Ариша! (*Целует ее.*) И-и, деточка, вот живу! Вот живу! В гимназии на казенной квартире, вместе с Олюшкой — определил господь мне на старости лет. Отродясь я, грешница, не жила так и отродясь не думала... Квартира большая, казенная, и мне целая комнатка и кроватка. Проснусь ночью и — о господи, матерь божия, счастливей меня человека нет! Да и нету, и нету!

В е р ш и н и н. Сейчас уходим, Ольга Сергеевна. Мне пора.

Пауза.

Я желаю вам всего, всего... Где Мария Сергеевна?

И р и н а. Она в саду где-то... Я пойду, поищу ее.

В е р ш и н и н. Будьте добры. Я тороплюсь.

А н ф и с а (*кричит*). Машенька, ау! (*Уходит вместе с Ириной в глубину сада.*) Ау!

В е р ш и н и н. Все имеет свой конец. Вот и мы расстаемся. Впрочем, как ни говори, все выходит не то... (*Смотрит на часы.*) Город давал нам что-то вроде обеда, городской голова говорил речь; я ел и слушал, а душой был здесь у вас... (*Оглядывает сад.*) Привык я к вам.

О л ь г а. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

В е р ш и н и н. Должно быть, нет.

О л ь г а. В городе завтра не будет уже ни одного военного; все станет воспоминанием и для нас начнется новая жизнь...

Пауза.

Я не хотела быть начальницей, и все-таки сделалась ею. Не по мне это... Послужу немного и, должно быть, уеду в Москву.

В е р ш и н и н. Где уж...

Пауза.

Жизнь идет по своим законам, а не по нашим. Да. Она представляется глухой, даже безнадежной, но все же, надо сознаться, она становится все яснее и легче, и похоже, очень похоже на то, что скоро она станет совсем светлой. Да. Прежде человечество было занято войной, заполняя все свое существование целиком походами, набегами, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить; человечество страстно ищет и, конечно, найдет. Ах, только бы поскорее! Поскорее бы к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие. (*Смотрит на часы.*) Мне пора.

О л ь г а. Вот она идет.

Маша входит.

В е р ш и н и н. Я пришел проститься.

Ольга отходит немного в сторону, чтобы не помешать прощанию.

М а ш а (*смотрит ему в лицо*). Прощай...

Продолжительный поцелуй.

О л ь г а. Будет! Будет!

Маша сильно рыдает.

В е р ш и н и н. Пиши мне!.. Не забывай! Пусти меня!.. Мне пора... Ольга Сергеевна, возьмите ее, мне уже пора... опоздал... (*Растроганный, целует руки Ольге, потом еще раз обнимает Машу и быстро уходит.*)

О л ь г а. Будет, Маша! Перестань, милая...

Входит К у л ы г и н.

К у л ы г и н (*в смущении*). Ничего, пусть поплачет, пусть... Хорошая моя Маша, добрая моя Маша... Ты моя жена, и я счастлив, что бы там ни было... Я не жалуюсь, не делаю тебе ни одного упрека... Вот и Оля свидетельница. Начнем жить опять по-старому, и я тебе ни одного слова, ни намека.

М а ш а (*сдерживая рыдания*). Слава богу, слава нам. Туртукай взят и мы там... Я с ума схожу... Туртукай.

О л ь г а. Успокойся, Маша... Успокойся... Дай ей воды.

М а ш а. Я больше не плачу... Туртукай взят и мы там. Англичане напали... турки напали... Черт побери, я путаю. (*Пьет воду.*) Ничего мне не нужно... Я сейчас успокоюсь... Все равно... Туртукай взят и мы там. В голове путаются мысли.

Входит И р и н а, слышно, как далеко на улице играют арфа и скрипка.

О л ь г а. Успокойся, Маша. Пойдем в комнату.

Маша. У меня прошло. Теперь ничего. (*Улыбается.*) Значит, судьбе так угодно, ничего не поделаешь... (*Рыдает и тотчас же останавливается.*) Будет.

Слышен далекий выстрел.

Ирина (*вздрагивает*). Пойдемте в сад, вглубь, посидим вместе, молча...

Слышен далекий выстрел, входит Наташа.

Наташа (*горничной*). Что? С Бобиком посидит Протопопов, Михаил Иваныч, а Софочку пусть покатает Андрей Сергеевич. Столько хлопот с детьми... (*Ирине.*) Ирина, ты завтра уезжаешь, — такая жалость! Останься еще хоть на недельку!Я к тебе привыкла и расстаться с тобой мне будет тяжело. В твою комнату я велю переселить Андрея с его скрипкой — пусть там пилит! а в его комнату мы поместим Софочку. Дивный, славный ребенок! Что за девчурка! Сегодня она посмотрела на меня так глазками и «мама»! Значит, завтра я уже одна тут... (*Легкий вздох.*) Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... Он такой некрасивый... (*Ирине.*) Милая, совсем не к лицу тебе этот пояс... Это безвкусица. Надо что-нибудь светленькое. И тут везде я велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах... (*Строго.*) Зачем здесь на скамье валяется вилка? (*Проходя в дом, горничной.*) Зачем валяется здесь вилка, я спрашиваю? (*Кричит.*) Молчать!

Музыка играет марш; все слушают.
Входит Чебутыкин.

Маша. Уходят наши. Счастливый им путь! (*Мужу.*) Принеси, Федя, шляпу и тальму, пойдем домой.

Кулыгин уходит в дом.

Ольга. Да, пойдемте. Уже пора.

Чебутыкин. Ольга Сергеевна!

Ольга. Что?

Чебутыкин (*шепчет ей на ухо*). Да... такая история... Ну-с, а теперь посижу, отдохну, потом укладываться... (*Садится в глубине сцены на скамью.*) Утомился. (*Вынимает из кармана газету.*)

Ольга (*обнимает Ирину*). Я не знаю, как сказать... Ужасный сегодня день...

Ирина. Что произошло? Скажи мне, что? Я не паду духом, не паду. Я все снесу...

Чебутыкин. Сейчас на дуэли убит барон.

Ирина (*тихо плачет*). Я знала, я знала...

Три сестры стоят, прижавшись друг к другу.

Ольга (*обнимает обеих сестер*). Музыка играет так весело, радостно, и хочется жить. О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем. Если бы знать, если бы знать!

Музыка играет все тише и тише; в глубине сцены шум, видна толпа, несут убитого на дуэли барона; Кулыгин несет тальму и шляпу, Андрей везет колясочку.

Ольга. Если бы знать, если бы знать!

Занавес

⟨БЕЛОВАЯ РЕДАКЦИЯ⟩

IV

Старый сад при доме Прозоровых. Длинная еловая аллея, в конце которой видна река. На той стороне реки — лес. Направо терраса дома; здесь на столе бутылки и стаканы; видно, что только что пили шампанское. Двенадцать часов дня. С улицы к реке через сад ходят изредка прохожие; быстро проходит человек пять солдат.

Чебутыкин в благодушном настроении, которое не покидает его в течение всего акта, сидит в кресле, в саду, ждет, когда его позовут; он в фуражке и с палкой. Ирина, Кулыгин [в вицмундире] с орденом на шее, без усов и Тузенбах, стоя на террасе, провожают Федотика и Роде, которые сходят вниз [по террасе], офицеры в походной форме.

Тузенбах (*целуется с Федотиком*). Вы хороший, мы жили так дружно... (*Целуется с Роде.*) Еще раз... Прощайте, дорогой мой...

Ирина. До свиданья!

Федотик. Не до свиданья, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся.

Кулыгин. Кто знает! (*Вытирает глаза, улыбается.*) Вот я и заплакал.

Ирина. Когда-нибудь встретимся.

Федотик. Лет через десять-пятнадцать? Но тогда мы едва узнаем друг друга, холодно поздороваемся... (*Снимает фотографию.*) Стойте... Еще в последний раз...

Роде (*обнимает Тузенбаха*). Не увидимся больше... (*Целует руку Ирине.*) Спасибо за все, за все!

Федотик (*с досадой*). Да постой!

Тузенбах. Даст бог, увидимся. Пишите же нам. Непременно пишите.

Роде (*окидывает взглядом сад*). Прощайте, деревья! (*Кричит.*) Гоп-гоп!

Пауза.

Прощай, эхо!

Кулыгин. Чего доброго, теперь женитесь там, в Польше... Жена полька обнимет и скажет: «Коха́не [мой]!» (*Смеется.*)

Федотик (*взглянув на часы*). Осталось меньше часа. Из нашей батареи только Соленый пойдет на барже, мы же со строевой частью. Сегодня уйдут три батареи дивизионно, завтра опять три — и в городе наступят тишина и спокойствие.

Тузенбах. И скучища страшная.

Роде. А Марья Сергеевна где?

Кулыгин. Маша в саду.

Федотик. [Надо] С ней проститься...

Роде. Прощайте. Надо уходить, а то я заплачу. (*Обнимает быстро Тузенбаха и Кулыгина, целует руку Ирине.*) Прекрасно мы здесь пожили...

Федотик (*Кулыгину*). Это вам на память... книжка с карандашиком... Мы здесь пойдем, к реке...

Отходят оба, оглядываются.

Роде (*кричит*). Гоп-гоп!

Кулыгин (*кричит*). Прощайте!

В глубине сцены Федотик и Роде встречаются с Машей и прощаются с нею; она уходит за ними.

Ирина. Ушли. (*Садится на нижнюю ступень террасы.*)

Чебутыкин. А со мной забыли проститься.

Ирина. Вы же чего?

Ч е б у т ы к и н. Да и я как-то забыл. Впрочем скоро увижусь с ними. Ухожу завтра. Да... Еще один денек остался. Через год дадут мне отставку, опять приеду сюда и буду доживать свой век около вас. Мне до пенсии только один годочек остался. (*Кладет в карман газету, вынимает другую.*) Приеду сюда к вам и изменю жизнь коренным образом. Стану таким тихоньким, благо... благоугодным, приличненьким...

И р и н а. А вам надо бы изменить жизнь, голубчик. Надо бы как-нибудь.

Ч е б у т ы к и н. Да. Чувствую. (*Тихо напевает.*) Тарара... бумбия... сижу на тумбе я...

К у л ы г и н. Неисправим Иван Романыч. Неисправим.

Ч е б у т ы к и н. Да, вот к вам бы на выучку. Тогда бы исправился.

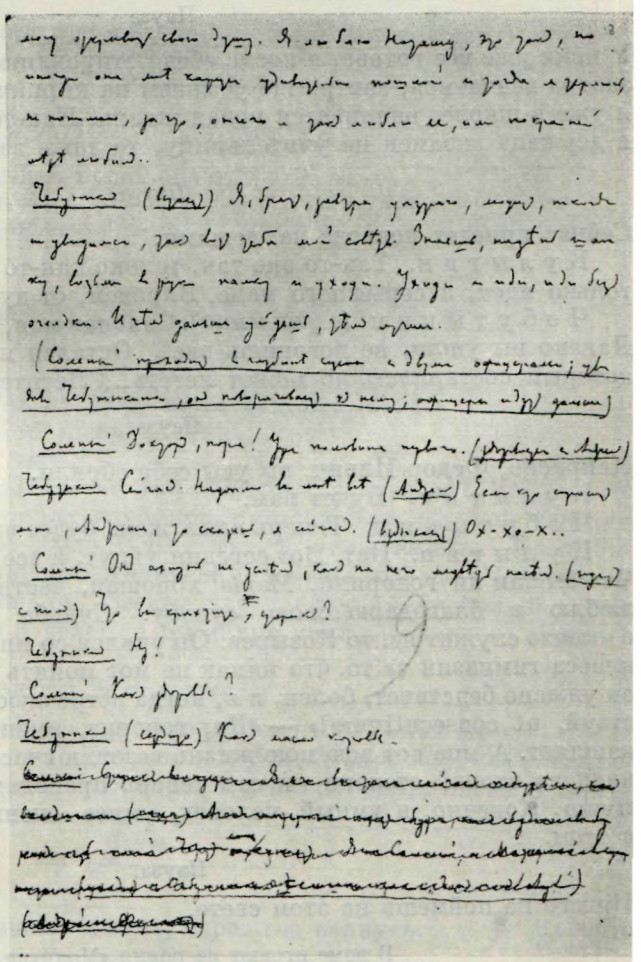
И р и н а. Федор сбрил себе усы. Видеть не могу.

К у л ы г и н. А что?

Ч е б у т ы к и н. Я бы сказал, на что теперь похожа ваша физиономия, да не могу.

К у л ы г и н. Что ж! Так принято. Это modus vivendi. Директор у нас с выбритыми усами, и я тоже, как стал инспектором, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволен. С усами я или без усов, а я одинаково доволен. (*Садится.*)

В глубине сцены Андрей провозит в колясочке спящего ребенка.



БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ» 1900 г.

Автограф

Отрывок из четвертого акта

Музей Художественного театра, Москва

И р и н а. Иван Романыч, голубчик, родной мой, я страшно обеспокоена. Вы вчера были на бульваре, скажите, что произошло там?

Ч е б у т ы к и н. Что произошло? Ничего. Пустяки. (*Читает газету.*)

К у л ы г и н. Так рассказывают, будто Соленый и барон встретились вчера на бульваре около театра...

Т у з е н б а х. Перестаньте! Ну, что право... (*Машет рукой и уходит в дом.*)

К у л ы г и н. Около театра... Соленый стал придираться к барону, а тот не стерпел, сказал что-то обидное...

Ч е б у т ы к и н. Не знаю. Чепуха все.

К у л ы г и н. В какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха». А ученик прочел «реникса» — думал, по-латыни написано. (*Смеется.*) Смешно удивительно. Говорят, Соленый влюблен в Ирину и будто возненавидел барона. Это понятно. Ирина очень хорошая девушка. Она даже похожа на Машу, такая же задумчивая. Только у тебя, Ирина, характер мягче. Хотя [у] и у Маши впрочем тоже очень хороший характер. Я ее люблю, Машу.

В глубине [сцены] сада за сценой: «Ау! Гоп-гоп!»

И р и н а (*вздрагивая*). Меня как-то все пугает сегодня.

Пауза.

У меня уже все готово, я после обеда отправляю свои вещи. Мы с бароном завтра венчаемся, завтра же уезжаем на кирпичный завод, и послезавтра я уже в школе, начинается новая жизнь. Как-то мне поможет бог! Когда я держала экзамен на учительницу, то даже заплакала от радости...

Пауза.

Сейчас приедет подвода за вещами.

К у л ы г и н. Так-то оно так, только как-то все это не серьезно. Одни только идеи, а серьезного мало. Впрочем, от души тебе желаю.

Ч е б у т ы к и н (*в умилении*). Славная моя, хорошая... Золотая моя... Далеко вы ушли, не догонишь вас... Остался я позади, точно журавль, который состарился, не может лететь... Летите, милые, летите с богом!

Пауза.

Напрасно, Федор Ильич, вы усы себе сбрили.

К у л ы г и н. Будет вам.

Ч е б у т ы к и н. Теперь ваша жена будет вас бояться.

К у л ы г и н. Нет. Вот сегодня уйдут, и все опять пойдет по-старому. Что бы там ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу. Судьба у людей разная. Тут в акцизе служит некто Козырев. Он учился со мной, его уволили из пятого класса гимназии за то, что никак не мог понять ut consecutivum... Теперь он ужасно бедствует, болен, и я, когда встречаюсь, то говорю ему: «Здравствуй, ut consecutivum!» — «Да, говорит, именно consecutivum». А сам кашляет. А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею даже Станислава второй степени, и сам теперь преподаю другим это ut consecutivum. Конечно, я умный человек, умнее очень многих, но счастье не в этом.

Пауза.

Ничего не поймешь на этом свете.

В доме играют на рояли «Молитву девы».

И р и н а. А завтра вечером я уже не буду слышать этой «Молитвы девы», не буду встречаться с Протопоповым...

Пауза.

А Протопопов сидит там в гостиной; и сегодня пришел...

К у л ы г и н. Начальница еще не приехала?

В глубине сцены тихо проходит М а ш а, прогуливаясь.

И р и н а. Нет. За ней послали. Если б только знали, как мне трудно жить здесь одной, без Оли. Она живет в гимназии; она начальница, целый день занята делом, а я одна, мне скучно, нечего делать, и ненавистна комната, в которой живу. Я так и решила: если мне не суждено быть в Москве, то так тому и быть. Значит, судьба. Ничего не поделаешь. Все в божьей воле, это правда... Николай Львович сделал мне предложение... Что ж? Подумала и — решила. Он хороший человек, удивительно даже, такой хороший... И у меня вдруг точно крылья выросли на душе, я повеселела, [стал] стало мне легко и опять захотелось работать, работать... Только вот вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной.

Ч е б у т ы к и н. Реникса. Чепуха.

Н а т а ш а (*в окно*). Начальница!

К у л ы г и н. Приехала начальница. Пойдем... (*Уходит с* [*Наташей*] *Ириной в дом.*)

Ч е б у т ы к и н (*читая газету*). Да, что ни говори, Иван Романыч, а изменить образ жизни давно нора. (*Тихо напевает.*) Тара... ра.. бумбия... сижу на тумбе я...

Маша подходит. В глубине Андрей провозит колясочку.

М а ш а. Сидит себе здесь, посиживает...

Ч е б у т ы к и н. А что?

М а ш а (*садится*). Ничего...

Пауза.

Вы любили мою мать?

Ч е б у т ы к и н. Очень.

М а ш а. А она вас?

Ч е б у т ы к и н (*после паузы*). Этого я уж не помню.

М а ш а. Мой здесь? Так когда-то наша кухарка Марфа говорила про своего городового: мой. Мой здесь?

Ч е б у т ы к и н. Нет еще.

М а ш а. Когда берешь счастье урывочками, по кусочкам, потом его теряешь, как я, то мало-помалу грубеешь, становишься злющей, как кухарка... (*Указывая себе на грудь.*) Вот тут у меня кипит... Кого бы я отодрала хорошенько, так это Андрюшку, нашего братца. Чучело гороховое. Все надежды пропали. Тысячи народа поднимали колокол, потрачено было много труда и денег, а он вдруг упал и разбился... Вдруг, ни с того, ни с сего...

Андрей везет колясочку.

А н д р е й. И когда, наконец, в доме успокоятся. Такой шум.

Ч е б у т ы к и н. Скоро. (*Смотрит на часы, потом заводит их; часы бьют.*) У меня часы старинные, с боем... Первая, вторая и пятая батареи уйдут ровно в час...

Пауза.

А я завтра.

А н д р е й. Навсегда?

Ч е б у т ы к и н. Не знаю. Может, через год вернусь.

Слышно, как где-то далеко играют на арфе и скрипке.

А н д р е й. Опустеет город. Точно его колпаком накроют.

Пауза.

Что-то произошло вчера около театра, все говорят, а я не знаю.

Ч е б у т ы к и н. Ничего. Глупости. Соленый стал придираться к барону, а тот вспылил и оскорбил его, и вышло так, в конце концов, что Соленый обязан был вызвать его на дуэль. (*Смотрит на часы.*) Пора бы, кажется, уж. В половине первого, [за рекой] в казенной роще, вот в той, что отсюда видать, за рекой... Пиф-паф! (*Смеется.*) Соленый воображает, что он Лермонтов, и даже стихи пишет. Вот шутки шутками, а уж у него третья дуэль.

М а ш а. У кого?

Ч е б у т ы к и н. У Соленого.

М а ш а. А у барона?

Ч е б у т ы к и н. Что у барона?

Пауза

М а ш а. В голове у меня [все] перепуталось... Все-таки, я говорю, не следует им позволять, [это может кончиться дурно] он может ранить барона[a] или даже убить.

Ч е б у т ы к и н. Барон хороший человек, но одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно? Пускай.

За садом крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Подождешь. Это Скворцов кричит, секундант... В лодке сидит. (*Зевает.*)

А н д р е й. По-моему, и участвовать в дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безнравственно.

Ч е б у т ы к и н. Это только кажется. Ничего нет на свете, нас нет, мы не существуем, а только кажется, что существуем.

М а ш а. Так вот целый день говорят, говорят... (*Идет.*) Живешь в таком климате, того гляди снег пойдет, а тут [эти] еще эти разговоры... (*Останавливается.*) Я не пойду в дом, я не могу туда ходить... Когда придет Вершинин, скажете мне... ([*Уходит*] *идет по аллее.*) А уж летят перелетные птицы...(*Глядит вверх.*) Лебеди или гуси... Милые мои, счастливые мои... (*Уходит.*)

А н д р е й. Опустеет наш дом. Уедут [у] офицеры, уедете вы, сестра замуж выйдет, и останусь в доме я один.

Ч е б у т ы к и н. А жена?

Входит Ферапонт с бумагами.

А н д р е й. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакого шаршавого животного. Во всяком случае она не человек. Быть может, я несправедлив, но ничего, пусть я буду несправедлив; говорю вам, как другу, единственному человеку, которому могу открывать свою душу. Я люблю Наташу, это так, но иногда она мне кажется удивительно пошлой и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее, или по крайней мере любил...

Ч е б у т ы к и н (*встает*). Я, брат, завтра уезжаю, может, никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи. Уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше.

Соленый проходит в глубине сцены с двумя офицерами; увидев Чебутыкина, он поворачивает к нему; офицеры идут дальше.

---

[a] он может ранить барона — *вписано сверху (вместо зачеркнутого).*

С о л е н ы й. Доктор, пора! Уже половина первого. (*Здоровается с Андреем.*)

Ч е б у т ы к и н. Сейчас. Надоели вы мне все. (*Андрею.*) Если кто спросит меня, Андрюша, то скажешь, я сейчас. (*Вздыхает.*) Ох-хо-х...

С о л е н ы й. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. (*Идет с ним.*) Что вы кряхтите, старик?

Ч е б у т ы к и н. Ну!

С о л е н ы й. Как здоровье?

Ч е б у т ы к и н (*сердито*). Как масло коровье...

«ТРИ СЕСТРЫ» НА ПОЛЬСКОЙ СЦЕНЕ. (КАРТИНА ИЗ 1-ГО АКТА)
Постановка Бронислава Домбровского в театре им. Словацкого, Краков, 1949 г.

[С о л е н ы й. Старик волнуется... Я его все-таки сейчас подстрелю, как вальдшнепа. (*Пауза.*) А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой. Черт [его] [меня][a] знает... Я не Соленый, а Мятежный в сущности... (*Уходит с Чебутыкиным.*)

Слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»

А н д р е й и Ф е р а п о н т]

С о л е н ы й. Старик волнуется напрасно. Я позволю себе немного, я только подстрелю его, как вальдшнепа.

Пауза.

Помните стихи? А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой...

Ч е б у т ы к и н. Да. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел... (*Уходит с Соленым.*)

Слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»

А н д р е й и Ф е р а п о н т.

Ф е р а п о н т. Бумаги подписать...

---

[a] меня — *вписано над зачеркнутым* его *и тоже зачеркнуто.*

А н д р е й (*нервно*). Отстань от меня! Отстань! Умоляю! (*Уходит с колясочкой.*)

Ф е р а п о н т. На то ведь и бумаги, чтоб их подписывать... (*Уходит в глубину сцены.*)

Входят И р и н а и Т у з е н б а х в соломенной шляпе; К у л ы г и н проходит через сцену, крича: «Ау! Маша, ау!»

Т у з е н б а х. Это, кажется, единственный человек в городе, который рад, что уходят военные.

И р и н а. Это понятно.

Пауза.

Наш город опустеет теперь.

Т у з е н б а х (*поглядев на часы*). Милая, я сейчас приду.

И р и н а. Куда ты?

Т у з е н б а х. Мне нужно в город, затем... проводить товарищей.

И р и н а. Неправда... Николай, отчего ты такой рассеянный сегодня?

Пауза.

Что вчера произошло около театра?

Т у з е н б а х (*нетерпеливое движение*). Через час я вернусь и опять буду с тобой! (*Целует ей руки.*) Ненаглядная моя. (*Всматривается ей в лицо.*) Уже пять лет прошло, как я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мне все прекраснее. Какие прелестные, чудные волосы! Какие глаза! Я увезу тебя завтра, мы будем работать, будем богаты, мечты мои оживут. Ты будешь счастлива. Только вот одно, только одно: ты меня не любишь!

И р и н а. Это не в моей власти. Я буду твоей женой, и верной, и покорной, но любви нет, что же делать! (*Плачет.*) Я не любила ни разу в жизни. О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт, и ключ потерян.

Пауза.

У тебя беспокойный взгляд.

Т у з е н б а х. Я не спал всю ночь. В моей жизни нет ничего такого страшного, что могло бы испугать меня, и только этот потерянный ключ терзает мою душу, не дает мне спать... Скажи мне что-нибудь.

Пауза.

Скажи мне что-нибудь.

И р и н а. Что? Что? Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молчат... (*Кладет голову ему на грудь.*)

Т у з е н б а х. Скажи мне что-нибудь.

И р и н а. Что сказать? Что?

Т у з е н б а х. Что-нибудь.

И р и н а. Полно! Полно!

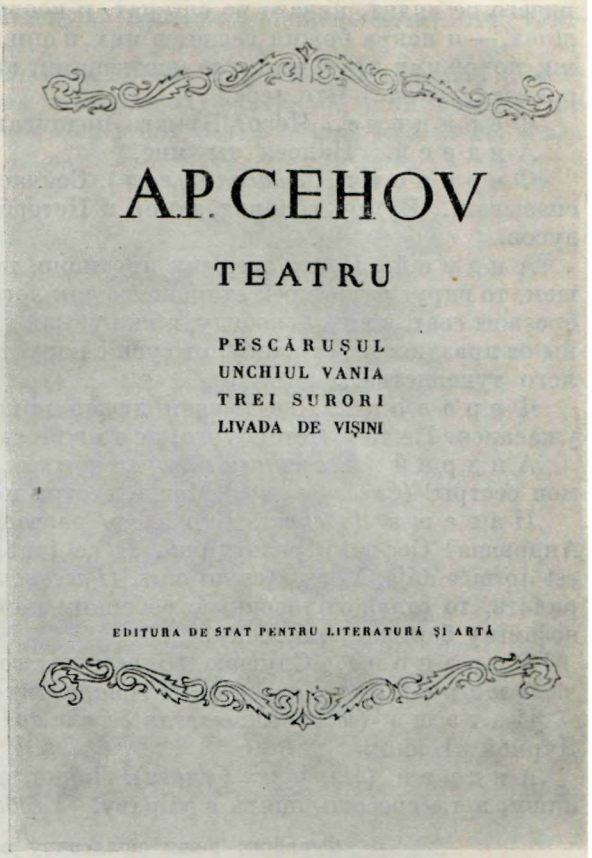
Пауза.

Т у з е н б а х. Какие пустяки, какие глупые мелочи иногда приобретают в жизни значение, вдруг ни с того, ни с сего. По-прежнему смеешься над ними, считаешь пустяками и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нет сил остановиться. О, не будем говорить об этом! Мне весело. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет. Какие красивые деревья, и в сущности какая должна быть около них красивая жизнь!

Крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Надо идти, уже пора... Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участ-

РУМЫНСКОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕС ЧЕХОВА
Бухарест, 1956
Титульный лист



вовать в жизни, так или иначе. Прощай, моя милая... (*Целует руки.*) Твои бумаги, что ты мне дала, лежат у меня на столе, под календарем...

И р и н а. И я с тобой пойду...

Т у з е н б а х (*тревожно*). Нет, нет! (*Быстро идет, на аллее останавливается.*) Ирина!

И р и н а. Что?

Т у з е н б а х (*не зная, что сказать*). Я не пил сегодня кофе. Скажешь, чтобы мне сварили...

Быстро уходит; Ирина стоит, задумавшись, потом уходит в глубину сцены и садится на качели; входит А н д р е й с колясочкой, показывается Ф е р а п о н т.

Ф е р а п о н т. Андрей Сергеич, бумаги-то ведь не мои, а казенные. Не я их выдумал...

А н д р е й. О, где оно, куда ушло мое прошлое, когда я был молод, весел, умен, когда я мечтал и мыслил изящно, когда и настоящее и будущее мое озарялись надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны, несчастны... Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть, или страстное желание подражать ему... Только едят, пьют, спят, потом умирают; родятся другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что

ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетет детей, — и искра божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери... (*Ферапонту сердито.*) Что тебе?

Ферапонт. Чего? Бумаги подписать.

Андрей. Надоел ты мне.

Ферапонт (*подавая бумаги*). Сейчас швейцар из казенной палаты сказывал... Будто, говорит, зимой в Петербурге мороз был в двести градусов.

Андрей. Настоящее так противно, но зато, когда я думаю о будущем, то вдруг душе моей становится так легко, так просторно; и вдали забрезжит свет, я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои становимся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...

Ферапонт. Две тысячи людей померзло будто. Народ, говорит, ужасался. Не то в Петербурге, не то в Москве — не упомню.

Андрей (*охваченный нежным чувством*). Милые мои сестры, чудные мои сестры! (*Сквозь слезы.*) Маша, сестра моя...

Наташа (*в окне*). Кто здесь разговаривает так громко? Это ты, Андрюша? Софочку разбудишь. Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormée déjà. Vous êtes un ours. (*Рассердившись.*) Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку с ребенком кому-нибудь другому. Ферапонт, возьми у барина колясочку!

Ферапонт. Слушаю. (*Берет колясочку.*)

Андрей (*сконфуженно*). Я говорю тихо.

Наташа (*за окном, лаская своего мальчика*). Бобик! Шалун Бобик! Дурной Бобик!

Андрей (*оглядывая бумаги*). Ладно, пересмотрю и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять в управу. (*Уходит в дом, читая бумаги.*)

Ферапонт возит колясочку в глубине сада.

Наташа (*за окном*). Бобик, как зовут твою маму? Милый, милый! А это кто? Это тетя Оля. Скажи тете: здравствуй, Оля.

Бродячие музыканты, мужчина и девушка играют на скрипке и арфе; из дому выходят Вершинин, Ольга и Анфиса и с минуту слушают молча; подходит Ирина.

Ольга. Наш сад, как проходной двор; через него и ходят, и ездят. Няня, дай этим музыкантам что-нибудь...

Анфиса (*подает музыкантам*). Уходите с богом, сердечные.

Музыканты кланяются и уходят.

Горький народ. От сытости не заиграешь. (*Ирине.*) Здравствуй, Ариша! (*Целует Ирину.*) И-и, деточка, вот живу! Вот живу! В гимназии на казенной квартире, золотая, вместе с Олюшкой — определил господь на старости лет. Отродясь я, грешница, так не жила. Квартира большая, казенная, и мне цельная комнатка и кроватка. Все казенное. Проснусь ночью и — о господи, матерь божия, счастливей меня человека нету!

Вершинин (*взглянув на часы*). Сейчас уходим, Ольга Сергеевна. Мне пора.

Пауза.

Я желаю вам всего, всего... Где Мария Сергеевна?

Ирина. Она где-то в саду. Я пойду, поищу ее.

Вершинин. Будьте добры. Я тороплюсь.

А н ф и с а. Пойду и я поищу... (*Кричит.*) Машенька, ау! Ау! (*Уходит с Ириной в глубину сада.*)

В е р ш и н и н. Все имеет свой конец. Вот и мы расстаемся. (*Смотрит на часы.*) Город давал нам что-то вроде завтрака, пили шампанское, городской голова говорил речь, я ел и слушал, а душой был здесь, у вас. (*Оглядывает сад.*) Привык я к вам.

РУМЫНСКОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕС ЧЕХОВА
Бухарест, 1956
Шмуцтитул к «Трем сестрам». Гравюра С. Сандуловичи

О л ь г а. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

В е р ш и н и н. Должно быть, нет.

Пауза.

Жена моя и обе дочери [останутся здесь] проживут здесь еще месяца два; пожалуйста, если что случится... если что понадобится...

О л ь г а. Да, да, конечно. Будьте покойны.

Пауза.

В городе завтра не будет уже ни одного военного, все станет воспоминанием, и, конечно, для нас начнется новая жизнь.

Пауза.

Все делается не по-нашему... Я не хотела быть начальницей, и все-таки сделалась ею. В Москве, значит, не быть...

В е р ш и н и н. Ну...

Пауза.

Спасибо вам за все... Простите мне, если что не так. Много, очень уж много я говорил — и за это простите, не поминайте лихом.

О л ь г а (*утирает глаза*). Что же это Маша не идет...

В е р ш и н и н. Что же вам еще сказать на прощанье? О чем пофилософствовать? (*Смеется.*) Жизнь тяжела, она представляется [всем нам] многим из нас глухой и безнадежной, но все же надо сознаться, она становится все яснее и легче и, по-видимому, не далеко время, когда она станет совсем ясной. (*Смотрит на часы.*) Пора мне, пора! Прежде человечество было занято войнами, заполняя все свое существование походами, набегами, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить; человечество страстно ищет и, конечно, найдет. Ах, только бы поскорее!

Пауза

Если бы, знаете, к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие... (*Смотрит на часы.*) Мне, однако, пора.

О л ь г а. Вот она идет.

Маша входит.

В е р ш и н и н. Я пришел проститься...

Ольга отходит немного в сторону, чтобы не помешать прощанию.

М а ш а (*смотрит ему в лицо*). Прощай...

Продолжительный поцелуй.

О л ь г а. Будет! Будет!

Маша сильно рыдает.

В е р ш и н и н. Пиши мне... Не забывай... Пусти меня... пора... Ольга Сергеевна, возьмите ее, мне уже пора... опоздал... (*Растроганный целует руки Ольге, потом еще раз обнимает Машу и быстро уходит.*)

О л ь г а. Будет, Маша! Перестань, милая!..

Входит Кулыгин.

К у л ы г и н (*в смущении*). Ничего, пусть поплачет, пусть. Хорошая моя Маша, добрая моя Маша. Ты моя жена, и я счастлив, что бы там ни было... Я [уж] не жалуюсь, не делаю тебе ни одного упрека... Вот и Оля свидетельница. Начнем жить опять по-старому, и я тебе ни одного слова, ни намека.

М а ш а (*сдерживая рыдания*). У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... златая цепь на дубе том... Я с ума схожу... У лукоморья дуб зеленый...

О л ь г а. Успокойся, Маша. Успокойся. Дай ей воды.

М а ш а. Я больше не плачу.

К у л ы г и н. Она уж не плачет... она добрая...

Слышен глухо далекий выстрел.

М а ш а. У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... Кот зеленый... дуб зеленый... Я путаю... (*Пьет воду.*) Неудачная жизнь, ничего

мне теперь не нужно. Я сейчас успокоюсь... Все равно. Что значит — у лукоморья? Почему это слово у меня в голове? Путаются мысли...

Входит Ирина.

О л ь г а. Успокойся, Маша. Ну, вот умница... Пойдем в комнату.

М а ш а (*сердито*). Не пойду я туда! Отстань! (*Рыдает, но тотчас же останавливается.*) Я в дом уже не хожу... И не пойду...

И р и н а. Давайте, посидим вместе, хоть помолчим. Ведь завтра я уезжаю...

Пауза.

К у л ы г и н. Вчера в третьем классе у одного мальчугана я отнял вот усы и бороду... (*Надевает усы и бороду.*) Похож на учителя немецкого языка. (*Смеется.*) Не правда ли? Смешные эти мальчишки.

М а ш а. А в самом деле, похож на вашего немца.

О л ь г а (*смеется*). Да.

Маша плачет.

И р и н а. Будет, Маша!

К у л ы г и н. Очень похож...

Входит Наташа.

Н а т а ш а (*горничной*). Что? С Софочкой посидит Протопопов, Михаил Иваныч, а Бобика пусть покатает Андрей Сергеич. Столько хлопот с детьми... (*Ирине.*) Ты завтра уезжаешь, Ирина, —такая жалость! Останься еще хоть на недельку... (*Увидев Кулыгина, вскрикивает; тот смеется и снимает усы и бороду.*) Ну вас совсем, испугали. (*Ирине.*) Я к тебе привыкла и расстаться с тобой, ты думаешь, мне будет легко? В твою комнату я велю переселить Андрея с его скрипкой — пусть там пилит!— а в его комнату мы поместим Софочку. Дивный, чудный ребенок! Что за девчурочка! Сегодня она посмотрела на меня своими глазками и — «мама!»

К у л ы г и н. Прекрасный ребенок, это верно.

Н а т а ш а. Значит, завтра я уже одна тут. (*Вздыхает.*) Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... По вечерам он такой страшный, некрасивый... (*Ирине.*) Милая, совсем не к лицу тебе этот пояс... Это безвкусица. Надо что-нибудь светленькое... И тут везде я велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах... (*Строго.*) Зачем здесь на скамье валяется вилка? (*Проходя в дом, горничной.*) Зачем здесь на скамье валяется вилка, я спрашиваю? (*Кричит.*) Молчать!

К у л ы г и н. Разошлась.

За сценой музыка играет марш; все слушают.

О л ь г а. Уходят.

Входит Чебутыкин.

М а ш а. Уходят наши. Ну, что ж... Счастливый им путь... (*Мужу.*) Надо домой... Где моя шляпа и тальма...

К у л ы г и н. Я в дом отнес... Принесу сейчас... (*Уходит в дом.*)

О л ь г а. Да, теперь можно по домам. Пора.

Ч е б у т ы к и н. Ольга Сергеевна!

О л ь г а. Что?

Пауза.

Что?

Ч е б у т ы к и н. Ничего... Не знаю, как сказать вам... (*Шепчет ей на ухо.*)

О л ь г а (*в испуге*). Не может быть!

Чебутыкин. Да... такая история... Утомился я, замучился, больше не хочу говорить...

Маша. Что случилось?

Ольга (*обнимает Ирину*). Ужасный сегодня день... Я не знаю, как тебе сказать, моя дорогая...

Ирина. Что? Говорите скорей: что? Бога ради! (*Плачет.*)

Чебутыкин. Сейчас на дуэли убит барон...

Ирина. Я знала, я знала...

Чебутыкин (*в глубине сцены садится на скамью*). Утомился... *Вынимает из кармана газету.*) Пусть поплачут... (*Тихо.*) Тара-ра... бумбия... сижу на тумбе я...

Три сестры стоят, прижавшись друг к другу.

Маша. О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем навсегда, мы остаемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Я буду жить, сестры! Надо жить... (*Смотрит вверх.*) Над нами перелетные птицы, летят они [уже] каждую весну и осень, уже тысячи лет, и не знают, зачем, но летят и будут лететь еще долго, долго, много тысяч лет — пока, наконец, бог не откроет им тайны...

Ирина (*кладет голову на грудь Ольги*). Придет время, всё узнают и никаких не будет тайн, а пока работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она нужна. Теперь осень, скоро прийдет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...

Ольга (*обнимая обеих сестер*). Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить... О боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно и, кажется,— еще немного — и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если б знать, если б знать!

Музыка играет все тише и тише; в глубине сцены шум, видна толпа, которая смотрит, как несут убитого на дуэли барона; Кулыгин, веселый, улыбающийся, несет шляпу и тальму; Андрей везет другую колясочку, в которой сидит Бобик.

Чебутыкин (*тихо напевает*). Та-ра... ра... бумбия... сижу на тумбе я... (*Читает газету.*)

Ольга. Если бы знать! Если бы знать!

Занавес

БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ РАССКАЗА «НЕВЕСТА»

Статья и публикация Е. Н. Коншиной

Беловая рукопись рассказа Чехова «Невеста» поступила в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина весной 1957 г. как дар Бориса Петровича Сацердотова, кандидата биологических наук, доцента по кафедре ботаники Пензенского Государственного Педагогического института. Рукопись была найдена им в Петрограде, в 1917/1918 г., в бытность его студентом Петроградского лесного института, под переплетом одной из книг по его специальности, купленных на рынке.

Конверт с оттиском штампа «Журнал для всех», в котором лежала рукопись Чехова, и приобретенная одновременно книга рассказов Леонида Андреева с дарственной надписью автора Виктору Сергеевичу Миролюбову, редактору «Журнала для всех», свидетельствовали, что и книга и рукопись попали на рынок из одного источника, т. е. из архива В. С. Миролюбова.

Сацердотов, пензяк по происхождению, вскоре вернулся в Пензу. Он бережно хранил рукопись «Невесты» и очень дорожил ею, будучи поклонником творчества Чехова, но был далек от мысли о крупном значении приобретенной им рукописи. Только прочитав в комментариях к рассказу в собрании сочинений Чехова, что беловая рукопись «Невесты» отсутствует в фонде Чехова, он сообщил Марии Павловне Чеховой о своем желании прислать ей хранящуюся у него рукопись, предоставляя ей право поступать с ней в дальнейшем так, как она найдет нужным. М. П. Чехова поручила составить ответное письмо ему с выражением благодарности и с указанием, что рукопись будет переслана ею в Библиотеку имени В. И. Ленина, где хранится весь принадлежавший ей архив писателя. Скоропостижная смерть М. П. Чеховой не дала ей возможности лично подписать заготовленный ответ, он был отправлен Б. П. Сацердотову новым директором ялтинского Дома-музея Чехова. Но все было выполнено в дальнейшем по желанию Марии Павловны, и через некоторое время автограф «Невесты» был доставлен в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (история поступления этого автографа в Рукописный отдел подробно изложена нами в «Записках Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 20. М., 1958).

Несомненно, что находкой Б. П. Сацердотова была та самая рукопись, о которой Чехов писал В. С. Миролюбову 20 февраля 1903 г.: «Рассказ уже готов. Переписывать я буду его и исправлять при этом дней пять; стало быть 25 февраля вышлю вам, а вы получите 2 марта» (XX, 51); затем 23 февраля: «... три дня я был нездоров, не писал вовсе; только сегодня начну как следует переписывать. Работаю вообще туго; но уверяю вас честным словом, рассказ давно уж готов, остановка только за перепиской» (XX, 54); и наконец 27 февраля: «... на два дня надул вас: кончил не 25, как писал, а только вечером 27-го ⟨...⟩ Корректуру пришлите, ибо надо исправить и сделать конец. Концы я всегда в корректуре делаю» (XX, 59).

Рукопись представляет собою перебеленный автограф Чехова, имеющий, однако, ряд его собственноручных исправлений — зачеркнутых мест и надписанных или переделанных слов.

Рассказ написан на двадцати шести полулистках разорванной по продольному сгибу почтовой бумаги, пожелтевшей от времени. Текст расположен только на одной

стороне листков. На первом листке — заглавие «Невеста», на последнем, под текстом — четкая подпись «Антон Чехов». В верхнем правом углу первого листа имеется надпись карандашом рукою Миролюбова: «Набрать и послать корр⟨ектуру⟩ Ялта Антону Павловичу Чехову».

Текст беловой рукописи «Невесты» близок к исправленному тексту черновика, но имеет немало изменений по сравнению с ним, что, естественно, соответствует цитированной выше фразе писателя: «Переписывать я буду его ⟨рассказ⟩ и *исправлять при этом* дней пять...» (XX, 51. Курсив наш.— *Е. К.*). Исправленный текст беловой рукописи, за исключением ошибок наборщика, совпадает с текстом, набранным в гранках первой корректуры.

Хотя тексты и черновика, и корректурных гранок рассказа давно уже известны исследователям творчества Чехова, находка белового автографа имеет большое значение.

Во-первых, эта рукопись представляет огромную ценность как *новый автограф* Чехова, к тому же автограф его *художественного произведения*. Таких автографов в его рукописном наследии сохранилось очень мало.

Во-вторых, появление этой рукописи прибавило еще одно звено в цепи последовательных этапов творческой работы над рассказом «Невеста». Надо иметь в виду, что данный рассказ является теперь единственным из произведений Чехова, к которому сохранились рукописи, отражающие почти все этапы его создания:

1) черновой автограф, в котором легко установить редакции первоначальную и исправленную (ЛБ, ф. 331.1/14); он был дважды полностью опубликован: в «Сборнике II Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (М., 1929, стр. 31 — 60) и в Полном собрании сочинений и писем Чехова (IX, 505—527);

2) беловой автограф с исправлениями, публикуемый ниже (ЛБ, ф. 331.79/1);

3 и 4) гранки первой и второй корректуры «Журнала для всех»,1903, № 12, с очень большой авторской правкой, о которой Чехов предупреждал Миролюбова в письме от 27 февраля 1903 г. (ИРЛИ, ф. Миролюбова; использованы в комментарии к рассказу «Невеста»,— IX, 641—678).

Сохранились еще отдельные наброски и заметки к концу рассказа на листке, вырванном из блокнота (ЛБ, ф.331.1/14, они опубликованы вместе с черновой рукописью). В записной книжке Чехова 1891—1904 гг. имеется также заметка, включенная в черновую и беловую рукописи, но вычеркнутая в корректуре,— слова, будто бы сказанные Бисмарком, о русском народе: «Медленно запрягать, но быстро ездить — в характере этого народа» (XII, 263). И, наконец, слово «дзыга», употребленное Чеховым в обеих рукописях как прозвище, данное прислугой бабушке, и тоже выпущенное в корректуре, взято им из записи в той же записной книжке самостоятельного сюжета о надоедливом человеке (XII, 255).

Сопоставление правленого текста второй корректуры с журнальным текстом свидетельствует, что была еще третья корректура, вероятно, в верстке, тоже выправленная автором, но не дошедшая до нас. Текст ее легко установить,— правленый текст второй корректуры соответствует набранному тексту третьей корректуры, а ее исправления вошли в журнальный текст.

Сверка всех последовательных текстов рассказа, включая и тексты беловой рукописи и третьей корректуры (установленные по косвенным показателям), произведена И. С. Ежовым в комментариях к «Невесте» (IX, 617—678).

Несмотря на то, что текст беловой рукописи мог быть реконструирован, факт ее находки важен, в-третьих, еще и потому, что только подлинная авторская рукопись до конца раскрывает процесс творческой работы писателя. Наиболее показательными бывают в этом отношении черновые рукописи. Но и собственноручная переписка автором своего произведения набело обычно не обходится без переработки.

Во вступительной статье к первой публикации черновой рукописи нами были указаны основные приемы работы Чехова (см. «Сборник» II.— Цит. изд., стр. 27—30). В работе над беловой рукописью они остались в основе теми же. Здесь нет работы над сюжетом, сюжетная схема в своих главных линиях была выношена автором и ясна ему до начала писания. Поэтому, и приступая впервые к работе над новым рассказом, и от-

делывая его в последний—шестой или седьмой раз в последней корректуре, он не меняет этой схемы.

Не вносит Чехов изменений и в архитектонику рассказа. От черновой редакции до окончательной рассказ делится на шесть глав, и каждая из них на всем протяжении работы над произведением сохраняет вложенное в нее содержание, четко деля фабулу. В первой главе изображен вечер в доме Шуминых и дана экспозиция всех действующих лиц и их взаимоотношений. Центром главы является разговор Саши с Надей, в котором он старается разбудить в ней критическое отношение к окружающему. Во второй главе — бессонная ночь Нади, бродящие в ее голове беспокойные, но еще неясные мысли, следующий день полной праздности, второй разговор с Сашей, вечер, похожий на вчерашний и на все предыдущие, и вторая бессонная ночь Нади. В третьей — вершина призрачного благополучия и пошлости — шитье приданого Нади, осмотр с женихом нового дома, приготовляемого для молодоженов, и снова вечер с собирающимися гостями. Четвертая глава — новая тревожная ночь. Напряженное душевное состояние Нади достигает предела. Попытка Нади найти выход из невыносимого для нее положения в обращении к матери терпит неудачу, и это толкает Надю на решение бросить все и уехать из дому. Саша с радостью поддерживает ее и берется довезти ее до Москвы. В пятой главе — отъезд Нади под видом проводов Саши на вокзал. В шестой — беглый рассказ о Наде в Петербурге на курсах, ее поездка на летние каникулы в родной город, попутное свидание в Москве с Сашей, встреча с родными, быстрое утомление от пошлости провинциальной жизни, весть о смерти Саши и отъезд навсегда из ставшего ей чужим города.

Четыре первых главы и бóльшая часть пятой дошли в своих основных чертах без перемен от черновика до последней редакции.

Конец пятой главы в беловой рукописи был переработан по сравнению с черновиком. Иначе была описана поездка Нади и Саши, его поведение в вагоне, разговоры с пассажирами и расставание их в Москве. Но в первой же корректуре весь этот конец главы был опущен.

Шестая глава почти без изменений фабулы перешла из черновика в беловую рукопись. В обеих рукописях она начинается приездом матери Нади в Петербург, сходно описывается свидание Нади с Сашей в Москве и домашняя жизнь Нади с посещениями Андрея Андреевича, его неизменной скрипкой, его безнадежной любовью к Наде и просьбами не лишать его надежды. В первой же корректуре начальная сцена (Нина Ивановна в Петербурге) была вычеркнута и внесена в виде краткого рассказа Нади об этом при встрече с Сашей в Москве. Во второй корректуре и этот рассказ сокращается, а слова о том, как перенесла бабушка тайный отъезд Нади, переносятся в разговор Нади с матерью уже при их встрече дома. Исчезает в первой же корректуре и текст о посещении Андреем Андреевичем дома бабушки после отъезда Нади.

Других сдвигов и изменений в отдельных эпизодах повествования на всем протяжении работы Чехова над рассказом не наблюдается.

Интересно, однако, отметить, что слова Саши, сделавшиеся в окончательной редакции центральными для основной идеи рассказа,— слова о том, что главное — это «перевернуть жизнь»,— вводятся Чеховым только во второй корректуре: «Когда перевернете вашу жизнь, то все изменится. Главное перевернуть жизнь, а все остальное не важно»,— говорит Саша в конце четвертой главы, в последнем решающем разговоре с Надей. В первой корректуре только в конце шестой главы была намечена эта мысль в беглом упоминании о размышлениях Нади перед окончательным отъездом из города: «Настоящее, как казалось ей, уже перевернуто вверх дном, беспокойство останется до конца дней, что бы там ни было, куда бы судьба ни занесла...» При чтении второй корректуры эта фраза была Чеховым вычеркнута и заменена словами: «Она ясно сознавала, что жизнь ее перевернута, как хотел того Саша...» Добавлена во второй корректуре, в московском разговоре Саши с Надей (в его рассказе о жене приятеля, с которым он собирался ехать на Волгу), фраза: «Хочу, чтоб жизнь свою перевернула».

Говоря о неизменности сюжетной схемы рассказа, начиная с черновой редакции до окончательной, нельзя не упомянуть об эпизоде, приводимом в воспоминаниях Вересаева. Он рассказывает, что ему довелось слушать чтение Чеховым «Невесты»

в корректуре. Он вынес впечатление, что автор намекает на уход Нади в революцию. С точки зрения Вересаева это было обрисовано неудачно, и он откровенно высказал свое мнение: «Не так девушки уходят в революцию. А такие девицы, как ваша Надя, в революцию не идут». Чехов ответил ему на это: «Туда разные бывают пути» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 528).

Излагая далее этот эпизод, Вересаев рассказывает, что, перечитывая «Невесту» много позднее, он с изумлением нашел, что для вывода об уходе Нади в революцию рассказ не содержит никаких данных и что сама Надя представляет собой всего лишь «типичную безвольную чеховскую девушку». Естественно возникший у него недоуменный вопрос: «В чем тут дело? Я ли напутал или Чехов переработал рассказ?» Вересаев пытается разрешить предположением, что при сравнительном изучении корректуры рассказа с его окончательным текстом возможно обнаружатся следы его переделки Чеховым. Это свое предположение Вересаев основывает на словах из полученного им письма Чехова: «Рассказ „Невеста“ искромсал и переделал в корректуре» (там же).

Как видно из доступных теперь исследователям обеих корректур «Невесты», предположение Вересаева ими не подтверждается: ни в одной из них нет варианта с *прямым указанием* на уход Нади в революцию, да этого и нельзя было ждать в 1903 г. в рассказе, предназначенном для подцензурного журнала. И тем не менее первое восприятие Вересаевым рассказа было исторически оправданным и естественным в такой же мере, в какой неоправданным и неисторичным было его толкование «Невесты» через 25 лет, т. е. в конце 20-х годов нашего века. В условиях приближения революционного взрыва 1905 г., когда все явственнее обозначался рост недовольства народных масс и их готовность выступить на борьбу за свои права, когда революционное брожение охватило широкие массы учащейся молодежи, рассказ Чехова должен был восприниматься и воспринимался передовым читателем, особенно молодежью, как предвестие той «новой, ясной жизни, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным». На это наталкивала читателя прежде всего сама тема ухода героини из семьи, ее поступления на курсы — ведь для многих девушек той поры уход на курсы бывал первым этапом на пути в революцию. Кроме того, многие места в рассказе легко могли тогда восприниматься как намеки на будущую революцию и на преображенную революцией жизнь (например, мысль о том, что надо «перевернуть жизнь», мечты Нади, что впереди для нее «разворачивалось громадное будущее» и др.).

В текстах обеих корректур, по одной из которых рассказ был прочитан Чеховым Горькому и Вересаеву, таких намеков, дающих право понять судьбу Нади как уход в революцию, было больше. Так, в четвертой главе Саша убеждал Надю, что «надо идти за меньшинством»; в шестой главе, во время последней встречи в Москве, он говорил еще определеннее: «Ну, пусть вы будете жертвой, но ведь так надо, без жертв нельзя, без нижней ступени лестницы не бывает. За то внуки и правнуки скажут вам спасибо!» Упоминая о приятеле, с которым он собирался поехать на Волгу, Саша говорил о своих спорах с ним: «Говоришь ему, положим, что мне хочется есть, что я оскорблен глубоко, задавлен насилием, что мы вырождаемся, а он мне в ответ на это толкует о великом инквизиторе, о Зосиме, о настроениях мистических...» При исправлении второй корректуры Чехов вычеркнул все эти места. Но и без них его рассказ звучал как призыв к «новой жизни», свободной и прекрасной.

Сохраняя неизменными сюжетную схему и основные линии развития фабулы, Чехов много и кропотливо работал на каждом этапе над художественной тканью рассказа, исправляя и изменяя мелкие детали содержания, строй фразы, добиваясь ее живописующей четкости и музыкального звучания. Отсюда те бесчисленные исправления, которые мы находим и в черновой, и в перебеленной рукописи, и в обеих корректурах, широчайшие поля которых местами сплошь заполнены, но не цельными кусками, заменяющими одно место другим, а филигранной выправкой отдельных слов, влекущих за собою иное синтаксическое построение.

В беловой рукописи опущено многое, что есть в черновой, причем одни места Чехов просто опускал при переписке, сразу отказываясь от них, другие он переносил в беловой текст, а потом вычеркивал. Поскольку все вычеркнутые места приводятся

ниже, в подстрочных примечаниях к публикации автографа, нет нужды перечислять их здесь. Но на одно из этих мест обратим внимание. В третьей главе беловой рукописи вычеркнута фраза, перенесенная из черновой, о том, как Надя при осмотре новой квартиры «замечала только, что у жениха очень мягкие руки с короткими пальцами, что на нем очень новые, хорошо выглаженные брюки». В первой корректуре Чехов

ЧЕХОВ
Рисунок И. К. Крайтора, 1902—1904 гг.
Местонахождение оригинала неизвестно
Воспроизводится с фотогелиогравюры

снова вносит характеристику рук жениха, но прямо противоположную, которая вошла в окончательную редакцию: «и его рука, обнимавшая ее талию, казалась ей жесткой и холодной как обруч».

Из опущенных Чеховым мест в первой главе хочется обратить внимание на мысли Нади об отце, которого она почти не помнила. В день, с которого начинается рассказ, он упорно вспоминался ей, как он носил ее на руках, при мыслях о свадьбе он тотчас приходил на память, и она все думала: «Если бы он был жив!» В первой же главе опущены некоторые подробности о матери Саши.

Во второй главе опущены слова о том, что уговоры Саши не надоедали Наде, несмотря на то, что они продолжались уже несколько лет, только потому, что ей бывало

до слез жаль Сашу; опущены некоторые подробности в описании утра Нади и Нины Ивановны, гуляющих в саду.

В главах третьей и четвертой опущены очень мелкие детали, в пятой главе — речь Саши в вагоне: «Надо работать,— говорил он.— Должен ли человек вообще что-нибудь свершить, это мне неизвестно, но что он должен работать, чтобы не есть чужого хлеба и не заедать чужого века, это для меня не подлежит сомнению». Остальная часть описания его поведения в вагоне заменена. В шестой главе опущены тоже только мелочи.

Что касается наборного текста первой корректуры, то он не идентичен беловой рукописи, в нем имеется несколько расхождений. Это странно, так как рукопись должна была стать наборной, как это можно заключить по приведенной выше редакторской надписи, сделанной на ее первом листе. Других признаков, характерных для наборных рукописей, на ней нет — ни следов типографской краски, ни разметок для наборщика, ни его фамилии. Расхождения немногочисленны, и бросается в глаза, что большею частью заменяющие слова сходны по начертанию со своим оригиналом, что замены в сущности являются словами, прочтенными неверно, хотя и осмысленно, т. е. что они шли не от автора, а от наборщика, читавшего неправильно, но... при чтении корректуры автором были не замечены или приняты им и вошли в окончательную редакцию. Вот основные из них:

Во второй главе при описании сада — в рукописи: «На *дальних* деревьях кричат сонные грачи», в корректуре: «На *далеких* деревьях»;

в рукописи: «Закашлял *густым* басом Саша», в корректуре: «*грубым* басом»;

в рукописи: «толпы в том смысле, в каком она *есть* теперь, тогда не будет», в корректуре: «*еще* теперь».

В главе третьей бабушка Саше — в рукописи: «Хотел ведь у нас до сентября *по*жить», в корректуре: «*про*жить»;

Андрей Андреевич при осмотре новой квартиры — в рукописи: «Каково?— сказал он и *за*смеялся», в корректуре: «*рас*смеялся».

В главе четвертой Нина Ивановна Наде во время ночного разговора — в рукописи: «Ты и твоя бабка мучаете меня!—сказала она *вспыхнув*», в корректуре: «*всхлипнув*».

Подобным ошибочным прочтением наборщика следует, вероятно, объяснить единственный случай расхождения журнального текста «Невесты» с текстом первого Полного собрания сочинений в томе XI и вследствие этого во всех последующих изданиях. В приведенных выше центральных словах Саши о необходимости перевернуть жизнь Чеховым в правке второй корректуры вписано: «а все остальное *не важно*» (курсив наш.— *Е. К.*). Так дано в журнальном тексте, в Полном же собрании сочинений вместо этого стоит: «*не нужно*». По смыслу должно быть именно «не важно», потому что «перевернутая» жизнь делает нужными много других изменений, но они придут сами по себе, вызванные новым направлением. Сказанным, разумеется, не исчерпывается материал беловой рукописи, позволяющей судить о творческой работе Чехова над его последним рассказом. Но для полного анализа этой работы необходимо привлечь все имеющиеся рукописи и корректуры рассказа, что должно быть предметом самостоятельного исследования.

* * *

Ниже мы полностью публикуем выправленный текст беловой рукописи. Все зачеркнутые в ней места вынесены в подстрочные примечания. Если в тексте зачеркнутых мест имеются поправки и несколько слоев исправлений, то первоначально зачеркнутые слова мы даем в квадратных скобках [ ]. Добавленные части слов даются в угловых ломаных скобках ⟨ ⟩.

Неразобранные слова отмечаются в ломаных угловых скобках ⟨нрзбр.⟩ с указанием, если возможно, сколько слов или строк остались неразобранными.

В орфографии и пунктуации Чехова имеются некоторые особенности, систематически соблюдаемые в его письмах и рукописях. Так, он всегда пишет: «ушол», «пришол» и т. п.; многоточие всегда обозначает не тремя, а двумя точками («. .»). В публикации «Невесты», как и других текстов Чехова в настоящем томе, эти особенности не соблюдаются.

НЕВЕСТА

I

— Ступай наверх скорей, там дзыга зовет! — крикнула горничная со злобой.

Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, как хлопали дверью на блоке; в саду около дома пахло жареной индейкой. Было уже часов десять вечера, и над садом светила полная луна. В доме Шуминых только что кончилась всенощная, которую заказывала бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде — она вышла в сад на минутку — видно было, как в зале накрывали стол для закуски, как в своем пышном шелковом платье суетилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чем-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой; возле стоял сын отца Андрея, Андрей Андреич, и внимательно слушал.

В саду было тихо, прохладно, и темные покойные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то далеко, очень далеко, должно быть, за городом, кричали лягушки. Чувствовался май, милый[а] май! И так хотелось думать, что здесь, под небом, над деревьями и далеко за городом, в полях и лесах, развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию грешного человека.

Надя думала: ей уже 23 года, с 16 лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь, наконец, она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял за окном; он ей нравился, и свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи спала она плохо, и веселье пропало... Почему-то все представлялось теперь таким неясным, неполным! Отчего? Почему?

Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце; это Александр Тимофеич, или попросту Саша, гость, приехавший из Москвы дней десять назад. Когда-то давно к бабушке хаживала за подаяньем ее дальняя родственница Марья Петровна, обедневшая дворянка-вдова, маленькая, худенькая, больная, которая постоянно сердилась, всех презирала и умерла, как говорили, от раздражения[б]. У нее был сын Саша. Почему-то про него говорили, что если бы учить его живописи, то из него вышел бы прекрасный художник, и бабушка ради спасения души отправила сироту в Москву в Комиссаровское училище; года через два перешел он в Училище живописи, пробыл здесь лет десять и кончил по архитектурному отделению с грехом пополам, но архитектурой все-таки не занимался, а служил в одной из московских литографий[в]. Почти каждое лето приезжал он к бабушке[г], чтобы отдохнуть и поправиться[д]. На нем[е] был черный застегнутый сюртук и поношенные парусинковые брюки, стоптанные внизу. И сорочка была неглаженная[ж], и весь он имел какой-то не свежий вид. Очень худой, с большими глазами, с длинными худыми пальцами, бородатый, темный. К Шуминым он относился, как к родным, и у них чувствовал себя, как дома. И комната, в которой он жил здесь, называлась Сашиной комнатой.

Стоя на крыльце, он увидел Надю и пошел к ней.

[а] *Далее вычеркнуто*: месяц
[б] *Вместо зачеркнутого слова*: злости.
[в] *Далее вычеркнуто*: и [дома] рисовал у себя дома образцы для обоев
[г] *Далее вычеркнуто*: очень больной
[д] *Вычеркнуты начальные слова*: И теперь
[е] *Далее вычеркнуто*: так же, как в прошлые годы
[ж] *Далее вычеркнуто*: неаккуратная

— Хорошо у вас здесь, — проговорил он, стоя возле Нади. — Пожил у вас с неделю, а уже чувствую — силы прибавилось!

— И чудесно. Но ведь вы сбежите, Саша![а] Вам бы здесь до осени пожить.

— Да, должно, так придется. Пожалуй, до сентября у вас проживу. Хорошо у вас тут, славно.

Он засмеялся без причины и сел рядом.

— А я вот сижу и смотрю отсюда на маму, — сказала Надя. — Она кажется отсюда такой молодой! Да и на самом деле она еще молода. У моей мамы, конечно, есть слабости, но все же она необыкновенная женщина.

— Да, хорошая... — согласился Саша. — Каждому человеку его мать кажется необыкновенной. — Он подумал и продолжал: — Ваша мама по-своему, конечно, и очень добрая, и милая женщина, но... как вам сказать? Сегодня утром рано зашел я к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы, грязь... То же самое, что было двадцать лет назад, никакой перемены. Ну, бабушка, бог с ней, на то она и бабушка, а ведь мама небось[б] по-французски говорит, в спектаклях участвует!

Когда Саша говорил, то вытягивал перед слушателем два длинных, тощих пальца[в].

— Мне все это как-то дико с непривычки, — продолжал он. — Нина Ивановна, бабушка и вы не делаете решительно ничего. И жених Андрей Андреич тоже ничего не делает. Он хороший человек, славный, спора нет, и умный там, что ли, только чем он занимается, никак не пойму.

Надя слышала это и в прошлом году и[г] знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это[д] было только смешно, но почему-то ей стало неприятно и скучно. Да и холодно было[е].

Оба встали и пошли к дому. Она высокая, красивая, стройная казалась теперь рядом с ним очень здоровой и нарядной, она чувствовала это и ей было[ж] жаль его[з] и почему-то неловко.

— Очевидно, моего Андрея вы не знаете, — сказала она, чтобы продолжить разговор.

— Моего Андрея... А мне вот молодости вашей жалко!

Вошли в зал; там уже садились ужинать[и].

Бабушка, или, как ее называли в доме, бабуля, очень полная, некрасивая, с густыми бровями и с усиками, говорила громко и уже по ее голосу и манере говорить было заметно, что она здесь старшая в доме. Ей принадлежали торговые ряды на ярмарке и старинный дом с колоннами и с садом, но она каждое утро молилась, чтобы бог спас ее от разоренья, и при этом плакала. И ее невестка, мать Нади, Нина Ивановна, белокурая, сильно затянутая, в pince-nez и с бриллиантами на каждом пальце; и отец Андрей, старик, худощавый, беззубый и с таким выражением, будто собирался

[а] *Далее вычеркнуто*: наверное сбежите

[б] *Далее вычеркнуто*: молодая

[в] *Далее вычеркнуто*: и глаза его не мигали, и говорил он убедительно тихим баском.

[г] *Далее вычеркнуто*: она

[д] *Далее вычеркнуто*: только

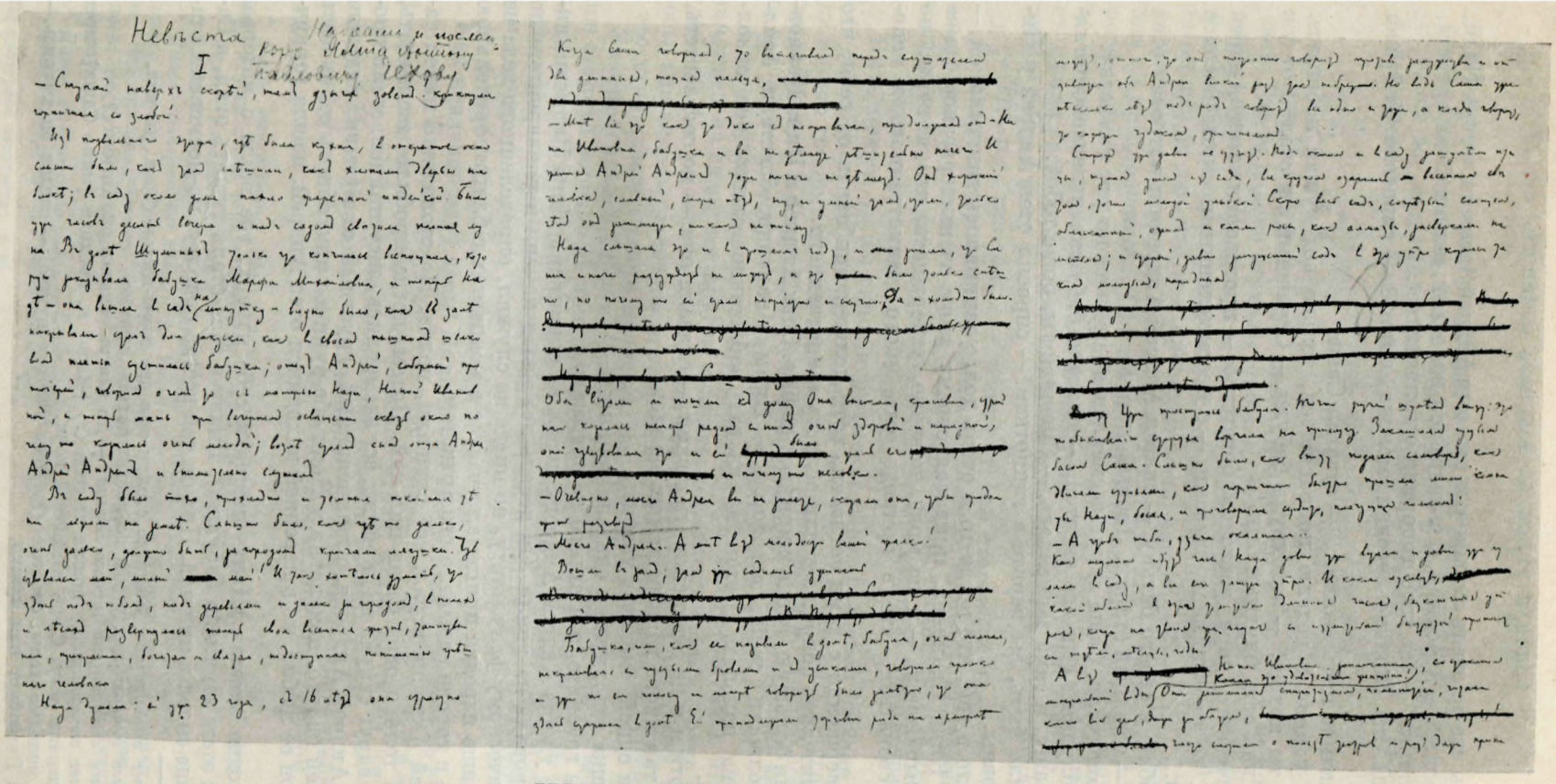
[е] *Далее вычеркнуты два абзаца*: Внизу в кухне гулко зазвенели тарелки, должно быть уронила горничная или нянька.

— Ну-у! — проговорил Саша и засмеялся.

[ж] *Вместо вычеркнутого*: вдруг стало

[з] *Далее вычеркнуто*: так жаль, что даже захотелось плакать.

[и] *Далее вычеркнут абзац*: — В молодые годы учиться нужно, — проговорил Саша тихо, садясь с Надей за стол. — Учиться нужно бы. В Петербург бы вам!



БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ РАССКАЗА «НЕВЕСТА»

Листы первый, четвертый и восьмой

На листе первом сверху надпись рукой В. С. Миролюбова: «Набрать и послать корр. Ялта Антону Павловичу Чехову»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

рассказать что-то очень смешное; и его сын Андрей Андреич, жених Нади, 33 лет, полный и красивый, с вьющимися волосами, похожий на артиста, или художника, — все трое говорили о гипнотизме[а].

— Саша, ты сколько сегодня молока выпил? — спросила бабушка громко.

— Стаканов пять выпил... — ответил Саша.

— Ты у меня в неделю поправишься, только вот кушай побольше. И на что ты похож! — вздохнула бабуля. — Страшный ты стал! Вот уж подлинно как есть блудный сын.

— Отеческого дара расточив богатство, — проговорил отец Андрей медленно, со смеющимися глазами, — с бессмысленными скоты насохся окаянный...

— Люблю я своего батьку, — сказал Андрей Андреич и потрогал отца за плечо. — Славный старик. Добрый старик.

Все помолчали. Саша вдруг засмеялся и[б] прижал ко рту салфетку.

— А блудный сын все смеется, — сказала бабушка и ласково поглядела на Сашу, и сама засмеялась. — Смешной ты, бог с тобой.

— Стало быть, вы верите в гипнотизм? — спросил отец Андрей у Нины Ивановны.

— Дело в том, что когда-то я очень долго занималась гипнотизмом, — ответила Нина Ивановна, придавая своему лицу очень серьезное, даже строгое выражение, — и не могу, конечно, утверждать, что я верю, но должна сознаться, что в природе есть много таинственного и непонятного.

— Совершенно с вами согласен, хотя должен прибавить от себя, что вера значительно сокращает нам область таинственного.

Подали большую, очень жирную индейку. Отец Андрей и Нина Ивановна продолжали свой разговор. У Нины Ивановны блестели бриллианты на пальцах, потом на глазах заблестели слезы, она заволновалась.

— Хотя я и не смею спорить с вами, — сказала она, — но согласитесь, в жизни так много неразрешимых загадок!

— Ни одной, смею вас уверить.

Бабушка вздохнула и сказала громко:

— Вы говорите, а я ничего не понимаю!

После ужина Андрей Андреич играл на скрипке, а Нина Ивановна аккомпанировала на рояли. Он десять лет назад кончил в университете по филологическому факультету, но нигде не служил, определенного дела не имел и лишь изредка принимал участие в концертах с благотворительною целью; и в городе называли его артистом.

Андрей Андреич играл, все слушали, молча. На столе тихо кипел самовар, и только один Саша пил чай. Потом, когда пробило двенадцать, лопнула вдруг струна на скрипке; все засмеялись, засуетились, стали прощаться. Андрей Андреич, взволнованный, грустный от музыки, надевши в передней пальто, поцеловал у Нади обе руки и хотел обнять ее, сказать ей, как он ее любит, но в передней находился отец Андрей, вошла горничная...[в]

Проводив жениха, Надя[г] пошла к себе наверх, где жила с матерью (нижний этаж занимала бабушка). Внизу в зале стали тушить огни, а Саша все еще сидел и пил чай. Пил он чай всегда подолгу, по-московски, ста-

---

[а] *Далее вычеркнуто*: Были за столом еще две дамы-гостьи <?> и дьякон.

[б] *Далее вычеркнуто*: чтобы не расхохотаться громко

[в] *Далее вычеркнуто начало абзаца*: —До завтра! сказал он. Потом <?>

[г] *Далее вычеркнуто*: пошла к себе <?> [Надя] и, проходя [мимо Саши] через залу, пожелала [ему] Саше спокойной ночи.

— В молодые годы, светлые <?> годы учиться нужно! — сказал он хмурясь.— Да . . . В Петербург вам нужно.

Она

канов по семи в один раз. Наде, когда она разделась и легла в постель, долго еще было слышно, как внизу убирала прислуга, как сердилась бабуля. Наконец все затихло и только слышалось изредка, как в своей комнате внизу покашливал басом Саша.

II

Когда Надя проснулась, было, должно быть, часа два, начинался рассвет. Где-то далеко стучал сторож. Спать не хотелось, лежать было очень мягко, неловко. Надя, как и во все прошлые майские ночи, села в постели и, обняв колени, склонив на них голову, стала думать, думать... А мысли были все те же, что и в прошлую ночь, однообразные, ненужные, неотвязчивые, мысли о том, как Андрей Андреич стал ухаживать за ней и сделал ей предложение[а]... Она согласилась и[б] оценила этого красивого, доброго, умного человека. Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше месяца, она стала испытывать страх и беспокойство. Если бы отложили свадьбу до осени или даже до зимы! Тогда бы она имела бы время все обдумать...[в]

— Тик-ток, тик-ток... — лениво стучал сторож. — Тик-ток...

В большое старое окно виден сад, дальние кусты густо цветущей сирени, сонной и вялой от холода; и туман белый, густой тихо подплывает к сирени, хочет закрыть ее. На дальних деревьях кричат сонные грачи.

— Боже мой, отчего мне так тяжело!

Быть может, то же самое испытывает перед свадьбой каждая невеста. Кто знает! Или тут влияние Саши, и все это, быть может, оттого, что он постоянно говорит против замужества и отзывается об Андрее всякий раз так небрежно. Но ведь Саша уже несколько лет подряд говорит все одно и то же, а когда говорит, то кажется чудаком, оригиналом...

Сторож уже давно не стучит. Под окном и в саду зашумели птицы, туман ушел из сада, все кругом озарилось весенним светом, точно молодой улыбкой. Скоро весь сад, согретый солнцем, обласканный, ожил, и капли росы, как алмазы, засверкали на листьях; и старый, давно запущенный сад в это утро казался таким молодым, нарядным[г].

Уже проснулась бабуля. Точно ручей шумел внизу: это по обыкновению старуха ворчала на прислугу. Закашлял густым басом Саша. Слышно было, как внизу подали самовар, как двигали стульями, как горничная быстро прошла мимо комнаты Нади, босая, и проговорила сердито, плачущим голосом:

— А чтоб тебе, дзыга окаянная...

Как медленно идут часы! Надя давно уже встала и давно уже гуляла в саду, а все еще тянется утро. И какое лукавство[д], какой обман в этих томительно длинных часах, бесконечных утрах, когда на твоих же глазах с изумительной быстротой проносятся недели, месяцы, годы!

А вот[е] Нина Ивановна, заплаканная, со стаканом минеральной воды. Какая это удивительная женщина!.. Она занималась спиритизмом, гомео-

---

[а] *Далее вычеркнуто*: как раз в то время, когда она уже считала себя старой девой, и уже стала терять надежду — ведь ей 23 года!

[б] *Далее вычеркнуто*: ма <?>

[в] *Далее вычеркнуто*: и, пожалуй, еще сильней полюбила бы жениха.

[г] *Далее вычеркнут абзац*: А Надя все сидела в постели тревожная, точно больная. Все бы, казалось ей, было хорошо, благополучно, да что-то очень важное было недосказано, что-то еще недоделано, не приготовлено, а что именно, она боялась, не хотела думать.

Внизу

[д] *Далее вычеркнуто одно неразобранное слово.*

[е] *Далее вычеркнуто*: гуляет по саду

патией, читала книги весь день, даже за обедом[а], часто спорила о пользе театров и раз даже принимала участие в спектакле, после которого тяжело дышала всю ночь и потом весь день. Любила она говорить о сомнениях, которым была подвержена, и от нее часто слышали фразу:

— Нас убивает религиозный индифферентизм!

И эти слова, казалось Наде, заключали в себе глубокий, таинственный смысл. Теперь Надя поцеловала мать и пошла с ней рядом.

— О чем ты плакала, мама? — спросила она.

— Вчера на ночь стала я читать повесть, в которой описывается старик и его дочь. Старик служит где-то в присутственном месте, ну и в дочь его влюбился начальник. Я не дочитала, но там есть такое одно место, что трудно было удержаться от слез, — сказала Нина Ивановна и отхлебнула[б] из стакана[в]. Сегодня утром вспомнила и тоже всплакнула.

— Милая мама, отчего мне все эти дни так невесело? — спросила Надя. — Отчего я не сплю по ночам?

— А когда я не сплю ночью, то закрываю глаза крепко-крепко и[г] рисую себе Анну Каренину, как она ходит и говорит, или рисую Лаврецкого, или кого-нибудь из истории...

Наде стало досадно, тоскливо[д], она почувствовала, что мать не понимает ее и не может понять[е], но тотчас же она обняла мать, и обе пошли в дом и сели за рояль играть в четыре руки.

В два часа сели обедать[ж]. Была среда, день постный, и потому бабушке подали постный борщ[з], Нине Ивановне, которая всегда лечилась, подали бульон, Саше и Наде — скоромный рассольник.

— Наш город, говорили, губернией хотят сделать, — сказала бабушка.

— Да, ваш город хотят столицей сделать! — усмехнулся Саша. — Великолепный город! Ни одной лавочки нет, где бы не обвешивали, ни одного нет чиновника, который не облысел бы преждевременно от картежной игры и от водки. На улицах грязь, пыль, вонь. Взаймы берут — не отдают, книги зачитывают[и]... Кканальи!

— Замолол и сам не знает про что, — вздохнула бабушка; она любила Сашу и жалела, но подозревала, что он в Москве и выпивал, и в карты играл[к], отчего и был болен, и о чем бы он ни говорил, всякий раз вздыхала[л].

— Город мертвый, люди в нем мертвые, — продолжал Саша, — и если бы, положим, он провалился, то об этом было бы напечатано в газетах всего три строчки и никто бы не пожалел.

— Ешь! — крикнула бабушка.

Наступило молчание. Бабушке подали леща, начиненного кашей, остальным — соус из курицы.

[а] *Далее вычеркнуто*: была любительницей театров, концертов, благотворительных балов

[б] *Слово* отхлебнула *написано в рукописи дважды и первое вычеркнуто*

[в] *Далее вычеркнуто*: который держала в руках

[г] *Далее вычеркнуто*: лежу неподвижно

[д] *Далее вычеркнуто вторично вписанное слово*: досадно

[е] *Далее вычеркнуто*: и вдруг сама прижала [мать] ее;

[ж] *Вычеркнуты первые слова фразы*: Так как

[з] *Далее вычеркнуто*: запах которого потом стоял во всех комнатах до самого вечера

[и] *Далее вычеркнуто*: А послушай этих господ в клубе или на именинах где-нибудь, так только и разговор, что о пессимизме, о том, что жизнь не дает им ничего радостного, светлого. Кканальи!

[к] *Далее вычеркнуто*: и вел себя вообще нехорошо.

[л] *Далее вычеркнуто*: Ты, блудный сын, ел бы, — сказала она.

— Отсталый город, — заговорил Саша опять. — Бисмарк сказал: медленно запрягать, но быстро ездить — в характере русского народа. А город этот, по правде сказать, только еще собирается запрягать.

Чтобы подразнить бабушку, Саша ел и постный борщ, и леща. Он шутил, но шутки у него выходили громоздкие, непременно с расчетом на мораль, и выходило совсем не смешно, когда он перед тем, как сострить, поднимал вверх свои очень длинные, исхудалые, точно мертвые пальцы, и когда приходило на мысль, что он очень болен и, пожалуй, недолго еще протянет на этом свете. Становилось не по себе, когда он, рассказывая что-нибудь смешное, начинал хохотать до слез, но мало-помалу смех заражал, и слушатели его тоже начинали смеяться.

После обеда бабушка ушла к себе в комнату отдыхать, Нина Ивановна недолго поиграла на рояли и потом тоже ушла.

— Ах, милая Надя, — начал Саша свой обычный послеобеденный разговор, — если б вы послушались меня и поехали учиться! Если бы! Только просвещенные и святые люди интересны и нужны; остальные же[а] толпа, стадо[б]. Наше дело стараться изо всех сил, чтобы число таких людей росло и росло, авось и настанет когда-нибудь царствие божие на земле. А что ж? От вашего города тогда мало-помалу не останется камня на камне, все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству, и — кто знает? — будут тогда здесь, быть может, громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, чудесные люди... Бедных, больных, жалких тогда не будет вовсе, потому что среди много знающих искренних людей их не должно быть. Но главное не это. Главное то, что толпы в нашем смысле, в каком она есть теперь, тогда не будет. Милая, голубушка, поезжайте! Покажите всем, что эта неподвижная, серая, грешная жизнь надоела вам! Покажите это хотя себе самой!

— Нельзя, Саша. Я выхожу замуж.

— Э, полно! Кому это нужно!

Вышли в сад, прошлись немного.

— И, как бы там ни было, надо работать, надо делать что-нибудь, продолжал Саша. — Так нельзя. Если вы ничего не делаете, то, значит, на вас работает кто-то другой, вы заедаете чужой век! Как не понять этого!

Перед вечером пришел Андрей Андреич и долго играл на скрипке. Он был неразговорчив и любил скрипку, быть может, потому, что во время игры можно было молчать. В одиннадцатом часу, уходя домой, уже в пальто, он обнял Надю и стал жадно целовать ее лицо, плечи, руки[в].

— Дорогая, милая моя, прекрасная... — бормотал он. — Если б ты только могла понять, как я счастлив! Я безумствую от восторга!

И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где-то... Наконец, он простился и вышел.[г]

В зале Саша сидел у стола и пил чай, поставив блюдечко на свои длинные пять пальцев; бабуля раскладывала пасьянс, Нина Ивановна читала. Трещал огонек в лампадке, и все, казалось, было тихо, благополучно. Надя простилась и пошла к себе наверх, легла и тотчас же уснула. Но, как и в прошлую ночь, едва забрезжил свет, она уже проснулась. Спать не хотелось, на душе было непокойно, тяжело. Она сидела, положив голову на колени, и думала о женихе, о том, какой[д] он[е] добрый, красивый,

---

[а] *Далее вычеркнуто:* это

[б] *Слова*: остальные же толпа, стадо *вписаны вместо вычеркнутого*: остальные же — толпы, во все века одинаковые и безразличные *⟨1 слово нрзбр.⟩* Наше

[в] *Далее вычеркнуто*: Кроме его и Нади, в передней не было ни души.

[г] *Далее вычеркнуто*: В зале Са⟨ша⟩

[д] *Переделано из слова*: как

[е] *Далее вычеркнуты слова*: нравится ей. *Фраза первоначально составлялась из слов*: как он нравится ей, *а потом была переделана в другую*: какой он добрый . . .

образованный[а], думала о свадьбе... Вспомнила она почему-то, как по утрам плачет Нина Ивановна и как от плача сводит у нее руки и ноги. И почему-то Наде вдруг стало досадно, и уж она, как ни думала, не могла сообразить, почему до сих пор она видела в этом плаче что-то особенное, необыкновенное...[б]

И Саша не спал внизу, слышно было, как он кашлял. Это человек, думала Надя, с определенными убеждениями, с определенными правилами[в], крепко уверенный в справедливости того, что он говорит; он повторяется и уже, по-видимому, стал прискучать, утомлять, и в то же время в словах его столько прекрасного[г], что едва она только вот подумала о том, не поехать ли ей учиться, как все сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, надежды.

— Но лучше не думать, лучше не думать... — шептала она. — Не надо думать об этом.

— Тик-ток, — стучал сторож где-то далеко, — тик-ток... тик-ток...

III

Саша как будто поздоровел и повеселел, но в середине июня[д] стал вдруг скучать и засобирался в Москву.

— Не могу я жить в этом городе! — говорил он мрачно. — Ни водопровода, ни канализации. Я есть за обедом брезгаю, в кухне грязь невозможнейшая. А главное, надоело, работать надо!

— Да погоди, блудный сын! — убеждала бабушка почему-то шепотом. — Седьмого числа свадьба!

— Не желаю.

— Хотел ведь у нас до сентября пожить!

— А теперь вот не желаю. Мне работать нужно!

Лето выдалось сырое и холодное, деревья были мокрые, все в саду глядело неприветливо, уныло, хотелось в самом деле работать. В комнатах, внизу и наверху, слышались незнакомые женские голоса, стучала у бабушки швейная машина, то и дело приносили из магазинов картонки, ящики, узлы, и утомленная, встревоженная бабушка рассказывала всем, что она потеряла память; это спешили с приданым. Одних шуб за Надей давали шесть, и самая дешевая из них, по словам бабушки, стоила триста рублей! Суета раздражала Сашу, он сидел у себя в комнате и сердился, но все же его уговорили остаться и взяли с него слово, что уедет он не раньше первого июля.

Время шло быстро. На Петров день после обеда Андрей Андреич пошел с Надей на Московскую улицу, чтобы еще раз осмотреть дом, который наняли и давно уже приготовили для молодых. Дом двухэтажный, но убран был пока только верхний этаж. В зале блестящий пол, выкрашенный под паркет, венские стулья, рояль, пюпитр для скрипки... Пахло краской. На стене в золотой раме висела большая картина, написанная красками: нагая дама и около нее лиловая ваза с отбитой ручкой.

— Чудесная картина, — проговорил Андрей Андреич и из уважения с минуту простоял перед нею молча. — Это художника Шишмачевского...

Дальше была гостиная с круглым столом, диваном и креслами, обитыми ярко-голубой материей. Над диваном большой фотографический портрет отца Андрея в камилавке и в орденах. Потом вошли в столовую

[а] *Далее вычеркнуто*: человек

[б] *Далее вычеркнуто*: видела [точно священнодействие] какую-то высшую тайну, которой постичь не могла.

[в] *Далее вычеркнуто*: не мечтающий

[г] *Далее вычеркнуто*: чудесного, обворожительного

[д] *Далее вычеркнуто*: он

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «НЕВЕСТА»
Акварель Д. А. Дубинского, 1952—1953 гг.
Дом-музей Чехова, Москва

с буфетом, потом в спальню; здесь в полумраке стояли рядом две кровати, рукомойник, большое зеркало в блестящей раме, и похоже было, что когда обставляли спальню, то имели в виду, что всегда тут будет очень хорошо и иначе быть не может. Андрей Андреич водил Надю по комнатам и все время держал ее за талию, а она чувствовала себя слабой, виноватой, ненавидела все эти комнаты, кровати, кресла, ее мутило от нагой дамы. Для нее уже ясно было, что она разлюбила Андрея Андреича или, быть может, не любила его никогда, но как это сказать, кому сказать и для чего, она не понимала и не могла понять, хотя думала об этом все дни, все ночи... Он держал ее за талию, говорил так ласково, скромно, так был счастлив, расхаживая по этой своей квартире, а она видела во всем одну только пошлость, глупую, наивную, невыносимую пошлость[а]. И каждую минуту она готова была убежать, зарыдать, броситься в окно. Андрей Андреич привел ее в ванную и здесь дотронулся до крана, вделанного в стену, и вдруг потекла вода.

— Каково? — сказал он и засмеялся. — Я велел сделать на чердаке бак на сто ведер и вот мы с тобой теперь будем иметь воду.

Прошлись по двору, потом вышли на улицу, взяли извозчика. Пыль носилась густыми тучами и, казалось, вот-вот пойдет дождь.

— Тебе не холодно? — спросил Андрей Андреич, щурясь от пыли. Она промолчала.

— Вчера Саша, ты помнишь, упрекнул меня в том, что я ничего не делаю, — сказал он, помолчав немного. — Не то, чтобы упрекал, а так, намекал. Что ж, он прав! Бесконечно прав! Я ничего не делаю и не могу делать. Дорогая моя, отчего это? Отчего мне так противна даже мысль о том, что я когда-нибудь нацеплю на лоб кокарду и пойду служить? Отчего мне так не по себе, когда я вижу адвоката, или учителя латинского языка, или члена управы? О матушка Русь, как еще много ты носишь на себе праздных и бесполезных, таких, как я, многострадальная!

И то, что он ничего не делал, он обобщал и видел в этом знамение времени.

— Когда женимся, — продолжал он, — то пойдем вместе в деревню, дорогая моя, будем там работать! Мы купим себе небольшой клочок земли с садом, рекой, будем трудиться, наблюдать жизнь... О, как это будет хорошо!

Он снял шляпу и волосы развевались у него от ветра, а она слушала его и думала: «Боже, домой хочу! Боже!» Почти около самого дома они обогнали отца Андрея.

— А вот и отец идет! — обрадовался Андрей Андреич и замахал шляпой. — Люблю я своего батьку, право, — сказал он, расплачиваясь с извозчиком. — Славный старик. Добрый старик[б].

Вошла Надя в дом сердитая, нездоровая, думая о том, что весь вечер будут гости, что надо занимать их[в], улыбаться, слушать музыку, говорить только о[г] свадьбе. Бабушка важная, пышная в своем шелковом платье, надменная, какою она всегда казалась при гостях, сидела у самовара, и

[а] *Далее вычеркнуто*: и замечала только, что у жениха очень мягкие руки с короткими пальцами, что на нем очень новые, хорошо выглаженные брюки.

[б] *Вычеркнуто начало абзаца*: Он любил своего отца и всегда восторгался им, а Наде это казалось странным. Как не знать, что в городе все считают отца Андрея очень богатым, скупым, хитрым, как не знать, [что он например] что он никогда не платит извозчикам, не платит прислугам <?> *<несколько слов нрзбр.>* и об этом так любят говорить в городе! ни одна душа не говорит о нем хорошо, и как любят говорить об этом в городе, за двадцать пять рублей обвенчает кого угодно, готов на все!

[в] *Далее вычеркнуто*: разговаривать

[г] *Далее вычеркнуто*: своей

Надя, взглянув на нее, почему-то только теперь сообразила, что дзыгой в доме называют именно ее, бабушку. Вошел отец Андрей со своей улыбкой.

— Имею удовольствие и благодатное утешение видеть вас в добром здоровье, — сказал он бабушке, и трудно было понять, шутит это он или говорит серьезно.

IV

Ветер стучал в окна, в крышу, слышался свист, и что-то невидимое, суровое то жалобно напевало, то начинало рычать и бегать по саду. Был первый час ночи. В доме все уже легли, но никто не спал, и Наде все чуялось, что внизу играют на скрипке или смеется отец Андрей. Послышался стук, что-то упало на землю, и Наде показалось, что это сорвалась ставня. Через минуту послышались шаги, вошла Нина Ивановна в одной сорочке, со свечой.

— Что это застучало, Надя? — спросила она.

— Не знаю[а].

Мать, с большими глазами, бледная, с волосами, заплетенными в одну косу, с робкой улыбкой, в эту бурную ночь казалась старше, некрасивее, меньше ростом. Наде вспомнилось, как еще недавно она считала свою мать необыкновенной и с гордостью слушала слова, какие она говорила, а теперь никак не могла вспомнить этих слов; все, что приходило на память, было так слабо, не нужно.

Надя села в постели и вдруг схватила себя крепко за волосы и зарыдала.

— Мама, мама, — проговорила она, — родная моя![б] Прошу тебя, умоляю, позволь мне уехать! Умоляю!

— Куда? — спросила Нина Ивановна, не понимая, и села на кровать. — Куда уехать?

Надя долго плакала и не могла выговорить ни слова.

— Позволь мне уехать из города! — сказала она наконец. — Свадьбы не должно быть и не будет, пойми! Я не люблю этого человека... И говорить о нем не могу.

— Нет, родная моя, нет, — заговорила Нина Ивановна быстро. — Ты успокойся, это у тебя от нерасположения духа. Это пройдет. Это бывает. Вероятно, ты повздорила с Андреем, но милые бранятся, только тешатся. Спи!

— Ну, уйди, мама, уйди! — зарыдала Надя[в].

— Да, — сказала Нина Ивановна, помолчав. — Давно ли ты была ребенком, девочкой, а теперь уж невеста. В природе постоянный обмен веществ. И не заметишь, как сама станешь матерью и старухой, и будет у тебя такая же строптивая дочка, как у меня. Доживу ли я до того времени! Где там, едва ли! Ведь я умру от аневризмы.

Надя молчала, отвернувшись к стене. Нина Ивановна посидела немного и спросила:

— Что же ты молчишь?

Она подождала еще немного[г] и встала.

— Что же? Ты не хочешь говорить с матерью? — сказала она обиженным тоном. — И не нужно, не говори. Послал бы мне бог поскорее смерть! Ид для чего я живу! Для чего я живу!

[а] *Далее вычеркнут абзац*: Как будто с крыши железный лист упал. Какая буря, я даже боюсь.

[б] *Далее вычеркнуто*: милая! <?>

[в] *Далее вычеркнуто*: и укрылась с головой <?>

[г] *Вместо вычеркнутого*: минуту

[д] *Далее вычеркнуто*: я умру. Так и знайте, умру!

Она всхлипнула[а] и ушла к себе. Надя прислушалась, потом встала и пошла за ней. Казалось, что мать не расслышала или не поняла[б], иначе бы помогла советом, лаской... Да так ли это? И буря шумела на дворе, мешала соображать. Нина Ивановна уже лежала в постели, укрывшись голубым одеялом, и держала в руках книгу.

— Мама, выслушай меня! — проговорила Надя. — Я тебе все объясню, только выслушай меня, бога ради![в] Андрея Андреича я не люблю и не могу любить, не могу! Пойми, не могу! Раньше он нравился мне, пусть так, но теперь мне все ясно, я понимаю этого человека. Ведь он же не умен, мама! Господи боже мой! Пойми, мама, он глуп!

Нина Ивановна порывисто села и застучала босыми ногами о пол.

— Ты и твоя бабка мучаете меня! — сказала она, вспыхнув. — Я жить хочу! Жить! — повторила она и раза два ударила кулачком по груди. — Дайте же мне свободу! Я еще молода, я жить хочу, а вы из меня старуху сделали!

Она горько заплакала, легла и свернулась под одеялом калачиком, и показалась такой маленькой, жалкой. Надя пошла к себе, оделась и, севши у окна, стала поджидать утра. А кто-то со двора все стучал в ставню и насвистывал...

[г]Бабушка жаловалась, что в саду ночью ветром посбивало все яблоки и сломало одну старую сливу. Утро было серое, тусклое, безотрадное, хоть огонь зажигай, все жаловались на холод, и дождь стучал в окна. После чаю Надя вошла к Саше и, не сказав ни слова, стала на колени в углу у кресла и опустила на него голову.

— Что? — спросил Саша.

— Не могу! — проговорила она и встряхнула головой. — Как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю! — продолжала она, глядя на Сашу большими воспаленными глазами; лицо у нее было бледное, тощее. — О боже мой, еще немного и я, кажется, с ума сойду... я упаду!

Она опять склонила голову на кресло и продолжала, стараясь говорить тише, чтобы не услышали в зале:

— Жениха я презираю, себя презираю, бабушку презираю, маму презираю... Я погибла!

— Ну, ну... — проговорил Саша тихо и засмеялся. — Это ничего... хорошо. Значит, вам уехать надо... Ну, что ж![д]

И Саша опять засмеялся и начал притоптывать туфлями, как бы танцуя от радости.

— Чудесно, — сказал он, потирая руки. — Завтра, значит, вы поедете на вокзал меня провожать...[е] Так... Я багаж ваш заберу в свой чемодан и билет вам возьму, и когда третий звонок, вы войдете в вагон, мы и поедем. Паспорт у вас есть?

— Есть, — сказала она, поднимаясь и поправляя волосы[ж].

— Хорошо... Так...

На глазах у нее заблестели слезы.

— [з]Клянусь вам, вы не пожалеете и не раскаетесь[и], — сказал Саша,

---

[а] *Вместо вычеркнутого*: заплакала

[б] *Далее вычеркнута строка, оставшаяся неразобранной.*

[в] *Далее вычеркнуто*: торопилась она и сама не знала, о чем <?> говорить.

[г] *Вычеркнуто первое слово фразы*: Утром

[д] *Далее вычеркнуто*: Завтра утром вы уедете со мной, я довезу вас до Москвы, а там вы сами доедете до Петербурга. Что ж!

[е] *Далее вычеркнуто*: так сказать

[ж] *Далее вычеркнуто*: Давно уж есть

[з] *Вычеркнуто начало речи Саши*: Мы живем в грубое невежественное время, надо идти за меньшинством,— сказал Саша, помолчав.

[и] *Далее вычеркнута первоначальная фраза*: Уходите же учиться, *и исправленная*: Увезу вас, будете учиться.

помолчав. — Увезу вас, будете учиться, а там пусть вас носит судьба! Итак, значит, завтра поедем?

— О да! Бога ради!

Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у нее тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придется страдать и мучительно думать, но едва она пришла к себе наверх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканным лицом, с улыбкой, до самого вечера.

V

Послали за извозчиком. Надя, уже в шляпе и пальто, пошла наверх, чтобы еще раз взглянуть на мать, на все свое; она постояла в своей комнате около постели, еще теплой, осмотрелась, потом пошла тихо к матери. Нина Ивановна спала, в комнате было тихо... Надя поцеловала мать и поправила ей волосы, постояла минуты две... Потом, не спеша, вернулась вниз...

На дворе шел сильный дождь. Извозчик с крытым верхом, весь мокрый, стоял у подъезда.

— Не поместишься с ним, Надя, — сказала бабушка, когда прислуга стала укладывать чемоданы. — Оставалась бы дома. Ишь ведь дождь какой!

Надя хотела сказать что-то и не могла. Вот Саша, говоря что-то бабушке, которая стояла в дверях заплаканная и крестила отъезжавшего, подсадил Надю, укрыл ей ноги пледом. Вот и сам он поместился рядом.

— В добрый час! Господь благословит! — кричала с крыльца бабушка. — Ты же, Саша, голубчик, смотри, не пей в Москве!

— Да я не пью, бабуля!

— В Москве нельзя не пить! Сохрани тебя царица небесная!

— Ну, погодка! — проговорил Саша.

Надя теперь только заплакала. Теперь уже для нее ясно было,что она уедет непременно, чему она все-таки не верила, когда прощалась с бабушкой, когда глядела на мать. Прощай, город! И все ей вдруг припомнилось: и Андрей, и его отец, и новая квартира, и нагая дама с вазой, и все это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило все назад и назад. А когда сели в вагон и поезд тронулся, то все это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось в комочек, и разворачивалось громадное, широкое будущее, которое до сих пор было так мало заметно. Дождь стучал в окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволоках, и радость вдруг перехватила ей дыхание, она вспомнила, что она едет на волю, едет учиться, а это все равно, что когда-то очень давно называлось уходить в казачество. Она и смеялась, и плакала, и молилась...

Проехав три станции, послали домой телеграмму. Потом Саша всю дорогу пил чай и говорил без умолку[a]. Обыкновенно, напившись чаю, он начинал беседовать с пассажирами, с кондукторами, рассказывал смешное, ходил по вагонам, изумлялся и все говорил Наде, хватая себя за бока:

— Ну, публика, доложу я вам!

А потом опять принимался за чай. Даже под конец скучно стало.

На другой день перед вечером приехали в Москву. Саша около вокзала побранился с извозчиком и сильно закашлялся, и когда Надя, прощаясь пожимала ему руку, то он никак не мог удержаться от кашля, был бледен, и говорил, что дорога утомила его. Он остался в Москве, а Надя поехала дальше в Петербург.

---

[a] *Вместо вычеркнутого слова*: конца

VI

В Петербурге Надя получала почти каждый день телеграммы и письма; пришли деньги, посылка с платьем. В октябре не надолго приезжала Нина Ивановна; лицо у нее было виноватое, испуганное, как будто она ожидала, что Надя нагрубит ей или спросит, зачем она приехала.

— А я в Петербурге еще не была. Хороший город! — сказала она, как бы желая дать понять, что самое тяжелое, самое страшное уже пережито и что лучше не говорить обо всем этом.

Напившись чаю, она рассказала, что в то утро поджидали Надю до обеда и не беспокоились, но когда пришла телеграмма, то все поняли, все стало ясно[а], и бабушка упала, три дня лежала без движения и только стонала, а потом все молилась богу, плакала, воздевала руки (а горничные, глядя на нее, посмеивались) и с того времени как-то вся осунулась, присмирела и стала неправильно произносить слова.

— На тебя она не сердится, — рассказывала Нина Ивановна, — все ходит в твою комнату и крестит стены и твою постель. А в меня точно гром ударил. Я уже не та, что была.

Все время она не отрывала глаз от Нади, точно только теперь узнала ее. За обедом ела много, а ночью не спала, лежала тихо. И так пожила дней пять и уехала.

[б]Прошла осень, за ней прошла зима. Надя уже сильно тосковала и каждый день думала о матери, о бабушке, о своей постели. Письма из дому приходили тихие, добрые, и казалось, все уже было прощено и забыто. В мае[в] после экзаменов она поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы повидаться с Сашей. Он был все такой же, как и прошлым летом, бородатый, с всклоченной головой, все в том же сюртуке и парусинковых брюках, но вид у него был нездоровый, замученный, он и постарел, и похудел, и все покашливал.

— Ах, вы приехали![г] — сказал он весело и засмеялся[д]. — Боже мой, Надя приехала! Голубушка!

Посидели в литографии, поговорили, потом поехали в ресторан завтракать; он ел, много говорил и все покашливал, а она не могла есть и только со страхом смотрела на него, боясь как бы он не свалился здесь в ресторане и не умер.

— Саша, дорогой мой, — сказала она,[е] — вы больны!

— Нет, я здоров.

— Сегодня же увезу вас к себе[ж]. Непременно!

— Нельзя, — сказал Саша и засмеялся. — Я в будущем году к вам приеду, а теперь мы завтра едем на Волгу, я да еще тут один парень. Парень хороший, только из Санкт-Петербурга, вот беда! Говоришь ему, положим, что мне хочется есть, что я оскорблен глубоко, задавлен насилием, что мы вырождаемся, а он мне в ответ на это толкует о великом инквизиторе, о Зосиме, о настроениях мистических, о каких-то зигзагах грядущего — и это из страха ответить прямо на вопрос. Ведь ответить прямо на вопрос — страшно! Это все равно как при столпотворении смешение языков: один просит — дай топор, а другой ему в ответ — поди к черту.

Вместо вычеркнутого слова: понятно

б *Вычеркнута первая фраза абзаца*: Саша присылал письма, и буквы в них казались веселыми, танцующими.

в *Вместо вычеркнутого*: В начале м⟨ая⟩

г *Последнее слово вместо вычеркнутого*: из Санкт-Петербурга!

д *Далее вычеркнуто*: Ну, что нового в вашем Санкт-Петербурге удивительном?

е *Далее вычеркнуто*: но ведь

ж *Далее вычеркнуто*: Поедемте

Поговорили о Петербурге, о новой жизни, и Саша все приходил в восторг и радовался.

— Отлично, превосходно,— говорил он,— я очень рад. Вы не пожалеете и не раскаетесь, клянусь вам. Ну, пусть вы будете жертвой[а], но ведь так надо, без жертв нельзя, без нижних ступеней лестниц не бывает. Зато внуки и правнуки скажут спасибо!

Потом поехали на вокзал. Саша угощал чаем, яблоками, а когда поезд тронулся и он, улыбаясь, помахивал платком, то даже по ногам его видно было, что он очень болен.

Приехала Надя в свой город в полдень. Когда она ехала с вокзала домой, то улицы казались ей очень широкими, а дома маленькими, приплюснутыми; людей не было и только встретился настройщик Швабе в рыжем пальто[б]. Бабушка, совсем уже старая, по-прежнему полная и некрасивая, охватила Надю руками и долго плакала, прижавшись лицом к ее плечу, и не могла оторваться. Нина Ивановна тоже сильно постарела и подурнела, как-то осунулась вся, но все еще по-прежнему была затянута, и бриллианты блестели у нее на пальцах.

— Милая моя! — говорила она.— Милая моя!

Потом сидели все трое и молча плакали. Видно было, что и бабушка, и мать чувствовали, что прошлое потеряно навсегда и безвозвратно, нет уже ни положения в обществе, ни прежней чести, ни права приглашать к себе в гости; так бывает, когда среди легкой, беззаботной жизни вдруг нагрянет ночью полиция, сделает обыск и хозяин дома, окажется, растратил, подделал — и прощай тогда на веки, легкая, беззаботная жизнь!

Надя пошла наверх и увидела ту же постель, те же окна с белыми наивными занавесками, а в окнах тот же сад, залитый солнцем, веселый, шумный! Она потрогала свой стол, постель, посидела, поплакала. И обедала хорошо, и чай с вкусными, жирными сливками. Вечером она легла спать, укрылась и все время улыбалась; почему-то было смешно лежать на этой теплой, очень мягкой постели. А будет ли стучать ночью сторож?

Пришла на минутку Нина Ивановна, села.

— Ну, как, Надя? — спросила она, помолчав.— Ты довольна? Очень довольна?

— Довольна, мама[в].

Нина Ивановна встала и перекрестила Надю и окна.

— А я, как видишь, стала религиозной,— сказала она.— Знаешь, и книжек уже не читаю.

— Отчего?

— Так. Не читается. Жизнь моя уже кончена, я так понимаю. Ну, спи, господь с тобой.

Она ушла.

— Тик-ток... — стучал ночью сторож.— Тик-ток, тик-ток...

На другой день вечером приходил Андрей Андреич, все такой же тихий, молчаливый, и играл на скрипке очень долго, с чувством, и Наде казалось, что ему больше уже ничего не оставалось на этом свете, как только играть. Он робко говорил Наде *вы*, но все еще[г] любил и[д] как будто не верил себе, своим глазам; вот, казалось ему, проснется, и все окажется сном...

[а] *Далее вычеркнуто*: пусть личная жизнь ваша нехороша

[б] *Далее вычеркнуто*: черная тощая собака жевала траву

[в] *Далее вычеркнуто*: Конечно, когда я поступала на курсы, то думала, что достигла всего, уж не захочу ничего больше, а вот как походила, поучилась, то открылись впереди новые планы, а потом опять новые, и все как будто шире и шире, и кажется, нет и не будет конца ни работе, ни мечтам <?>

[г] *Далее вычеркнуто*: надеялся

[д] *Далее вычеркнуто*: чего-то ждал

Прошел май, начался июнь. Надя уже привыкла к дому. Хлопоты бабушки за самоваром, глубокие вздохи, Андрей Андреич, игра на скрипке по вечерам стали прискучать ей. Она ходила по саду и улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе все давно уже состарилось, отжило и все только ждет не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О если бы поскорее наступала эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза, сознавать, что ты прав, быть веселым, свободным! Будет же время, когда бабушкин дом, где все так устроено, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте,— будет же время, когда от этого дома не останется и следа, и о нем забудут, никто не будет помнить!

Пришло из Саратова письмо от Саши. Своим веселым, танцующим почерком он писал, что путешествие по Волге ему удалось вполне, но что в Саратове он прихворнул немного и теперь лежит в гостинице. «Замучил меня спутник, одолел!— писал он.— Жалуюсь ему на кашель, а он мне про великого инквизитора». А дня через три, утром Надя, сойдя вниз, застала бабушку в сильном горе: она плакала и не могла выговорить ни одного слова. На коленях у нее лежала телеграмма. Надя догадалась, не стала спрашивать... Она долго ходила по комнате, слушая, как плачет бабушка, потом взяла телеграмму, прочла[а]. Сообщалось, что вчера утром в Саратове от чахотки скончался Александр Тимофеич, или попросту Саша. И представилось ей, как Саша лежит мертвый и на лице у него добрая, хитрая улыбка...

Бабушка и Нина Ивановна пошли в церковь заказывать панихиду, а Надя долго еще ходила по комнатам и думала. Ей стало вдруг скучно, томительно скучно, и она уже чувствовала, сознавала, что ей в этом городе нельзя оставаться, что она здесь одинокая, чужая, все прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело, и пепел разнесся по ветру. Она вошла в Сашину комнату, постояла тут[б].

— Прощай, милый Саша!— думала она и впереди ей рисовалась жизнь трудовая, широкая, чистая.

Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром уехала.

Антон Чехов

Автограф. ЛБ, ф. 331, карт. 79, ед. хр. 1.

[а] *Далее вычеркнуто*: Так и есть
[б] *Вместо вычеркнутого*: здесь

РАННИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЧЕХОВА

ШУТОЧНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ЗРИТЕЛЬ»

Публикация Н. И. Гитович

В № 21—26 «Зрителя», от декабря 1881 г. печаталось шуточное объявление о подписке на этот журнал. Объявление было подписано редактором-издателем журнала — В. В. Давыдовым. Между тем, Давыдов не был автором этого объявления. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях М. П. Чехов:

«... В типографии у Давыдова случилась презабавная история. Кто-то печатал у него свой перевод романа польского писателя Крашевского „Король и Бондаривна", но так как денег на расплату за печатные работы и за бумагу у переводчика не оказалось и эти книги нечем было выкупить, то все 2000 экземпляров так и остались у Давыдова на складе<...> Переводчик не являлся за своим заказом более года, так что уже и отчаялись в том, что он когда-нибудь выкупит своих „Короля и Бондаривну". Решили продать книги на пуды. Но тут я, гимназист, проявил свою сообразительность. Я спросил у Давыдова: почему бы этих самых „Короля и Бондаривну" не дать в качестве премии к журналу „Зритель" для привлечения подписчиков? Брат Антон одобрил этот план, В. В. Давыдов пришел в восхищение, замахал руками и в увлечении воскликнул:

— А что бы вы думали — фюить! их у меня всего только 2000 экземпляров, но ведь и подписчиков у меня больше не будет! А если их у меня, кроме розницы, будет 2000, то я буду миллионером. Фюить!

Решено и подписано. Брат Антон сочинил рекламу, и „Король и Бондаривна"... так и остались в редакции в штабелях составлять постель для сторожа Алексея, ибо подписки не было никакой» (М. П. Чехов. Вокруг Чехова. М.—Л., 1933, стр. 82—83).

Таким образом, принадлежность «рекламы» Чехову можно считать установленной.

Указанием на этот текст мы обязаны покойному А. Б. Дерману.

Возможно, что Чехову принадлежит также текст объявления о подписке на журнал «Зритель» на 1883 г. (см. публикацию Н. А. Подорольского — газ. «Советская Россия», 1960, № 24, от 29 января).

О ПОДПИСКЕ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ЗРИТЕЛЬ» НА 1882 ГОД

Лесоводство, скотоводство, рыболовство, чума в Мессопотамии, политическая экономия, собрание парламента в Каире — *не входят в программу нашего журнала*. Семь древних мудрецов, Архимед, Платон и «*быстрые разумом Невтоны*» — не наши сотрудники. Серебро и золото не входят в число красок, которыми мы раскрашиваем наши рисунки. Даем заранее честное и благородное слово, что мы не откроем ни одной Америки и не будем иметь ни малейшего влияния на умы Европы...

Мы будем смеяться и плакать по следующей программе.

1. Оригинальные и переводные романы, повести, рассказы, сцены, стихотворения, бытовые очерки из жизни народов, описания выдающихся исторических моментов и достопримечательных местностей, биографии выдающихся деятелей.

2. Известия и обозрения искусств: театра, музыки, живописи и проч. с критической в нужных случаях оценкой.

3. Обозрение русских и иностранных книг и периодических изданий.

4. Фельетон и хроника общественной жизни.

5. Смесь.

6. Иллюстрация рисунками текста журнала и рисунки юмористического содержания.

7. Карикатуры.

8. Почтовый ящик.

9. Объявления и рекламы.

В издании нашем примут участие: *в литературном отделе* — В.Н.Андреев-Бурлак, Антаев (псевдоним), В.П. Буренин, И.Вязмитин (псевдоним), Л. И. Гуляев, Герсон, А. М. Дмитриев, А. Единицын (псевдоним), Измайлов (Икс), Киевский (псевдоним), В. А. Крылов, Н. П. Киреев, А. В. Круглов, Д. Д. Минаев, И. И. Мясницкий, А. Ф. Моод, Вас. И. Немирович-Данченко, П. М. Невежин, Н. П. Орлов, Л. И. Пальмин, А. С.Размадзе, Сергей Атава, М. П. Садовский, Н. С. Стружкин, Д. И. Саргин, Г. А. Хрущов-Сокольников, Антоша Ч. (псевдоним), Шайтан (псевдоним), М. Г. Ярон и многие другие; в художественном — Н. А. Богданов, А. И. Лебедев, В. Г. Перов, Н. Е. Рачков, К. А. Трутовский, Я. П. Турлыгин, Н. П. Чехов и многие другие.

«Зритель» выйдет в 1882 году *сто раз*. Два раза в неделю ваша горничная будет отворять дверь почтальону и получать от него наш журнал. Между прочим, рисунков раскрашенных и не раскрашенных, карикатур, портретов и проч., помимо мелких иллюстраций, мы дадим более *трехсот*. Текста тоже очень много: годовое издание будет состоять приблизительно из *1000 страниц* большого формата, в 2 и 3 столбца самой убористой печати, что составит в итоге более *2500* столбцов.

И кроме того...

Следуя моде, мы тоже дадим премию. Мы дешево ценим олеографии, а потому и не дадим их. Каждый *годовой* подписчик получит в премию роман (известного польского писателя) Крашевского «*Король и Бондаривна*» (в переводе, конечно), иллюстрированный художником Г. Богатовым, стоющий в отдельной продаже два рубля. Премия изготовлена и будет разослана нами вместе с первым номером.

Мы возьмем с каждого подписчика:

С доставкой и пересылкой	Без доставки и пересылки
За год..... *только* 8 р.	За год ..... *не более 7 р.*
» полгода... » 5 р.	» полгода ... 4 » 50
» 3 месяца... » 3 р.	» 3 месяца ... 2 » 75

Подписка принимается: В Москве: В конторе редакции на Страстном бульваре в доме гр. Мусина-Пушкина, в писчебумажном магазине Д. Н. Попова у Иверских ворот, в здании Присутственных мест; в книжных магазинах Д. И. Преснова, Кольчугина, Центральном и магазине «Нового времени»,— на Никольской улице; в книжном магазине Васильева на Страстном бульваре; в магазинах: книжном Мамонтова и картинном Дациаро на Кузнецком мосту.

Иногородные благоволят адресоваться непосредственно в контору редакции в Москве.

Редактор-издатель В. В. Давыдов

ПЕСТРЫЕ СКАЗКИ

ДВА ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ФЕЛЬЕТОНА ЧЕХОВА и В. В. БИЛИБИНА

Публикация Н. И. Гитович

В письме к Н. М. Ежову от 2—3 января 1887 г. А. С. Лазарев-Грузинский писал, что Чехов говорил ему «о сотрудничестве в „Новом времени“» его, Чехова, и В. В. Билибина в «Пестрых сказках». «Билибин все робеет писать в „Новое время“, хотя вместе с Чеховым они уже писали там по воскресеньям „Пестрые сказки“ — плата 12 копеек, т. е. за десять строк 1 р. 20 к., а за *сто* строк 12 рублей!!!» (ЦГАЛИ, ф. 189, оп. 1, ед. хр. 7).

Раздел юмористического фельетона под названием «Пестрые сказки» в воскресных номерах «Нового времени» начал появляться (нерегулярно) с начала 1886 г. Об участии в нем Чехова до сих пор ничего известно не было.

В письмах от февраля и марта 1886 г. Чехов рекомендовал Билибину писать в «Новое время». 14 марта Билибин отвечает Чехову: «Лейкин все *обещает* „пристроить“ меня в „Новое время“. Может быть, что-нибудь я и писал бы, хотя мне, знаете ли, при моем жанре, довольно трудно много писать. Но деньги нужны. Ах, как нужны!» 6 апреля он снова пишет Чехову: «Как вы смешно спрашиваете, отчего я не пишу в „Новое время“. Не приглашают. А самому навязываться не хочется...»

25 апреля 1886 г. Чехов приезжает в Петербург и, как будет показано ниже, за время пребывания там, до 7 мая 1886 г., он совместно с Билибиным написал в «Новое время» два фельетона для раздела «Пестрые сказки».

В воскресных номерах «Нового времени» (№ 3648 и 3655) от 27 апреля (9 мая) и 4(16) мая 1886 г. появляются два фельетона за подписью «Два Аякса». А 1 июня 1886 г. Билибин писал Чехову: «...Кстати насчет „Нового времени“ (оттуда меня „прогнали“[1]): если вам выслали оттуда гонорар и за май и прислали счет, то не значатся ли в вашем счете и мои анекдоты:

№ 3468—44 стр.
№ 3655—68 стр. } №№ очевидно навраны»[2].

27 июня 1886 г. Билибин снова пишет Чехову: «Вчера был у Леонтьихи[3]. Гонорар вам будет выслан сегодня. На ваш счет поставлены „Пестрые сказки“ целиком. Поэтому считаю приятным долгом вычесть из вашего осколочного гонорара за июнь 13 р. 44 к., если вы ничего не имеете против этого (расчет 44+68=112, 112×12=13 р. 44 к.). Если да, то пришлите на отдельном лоскутке документ для подклейки в книгу:

„Прошу Билибина из причитающегося мне за июнь гонорара удержать в свою пользу 13 р. 44 к. Ан. Чехов“»[4].

Таким образом, выясняется, что фельетоны «Пестрые сказки» в № 3648 и 3655 написаны Чеховым совместно с Билибиным, причем в № 3648 из 69 строк — 44 строки принадлежат Билибину и 25 строк Чехову, а в № 3655, из 100 строк — 68 строк Билибину и 32 строки Чехову.

Определить, какие именно строки написаны Чеховым, трудно: подсчет строк отдельных отрывков ничего не дает, так как цельного отрывка, составляющего 25 и 32 строки нет, а комбинации, составляющие эти числа, могут быть различны.

Остается неясным, кому принадлежит статейка «Исторические каламбуры», напечатанная в первом фельетоне ниже подписи «Два Аякса». Она содержит еще 17 строк*.

[1] Билибин писал Чехову 11 мая 1886 г.: «Нарочно ждал воскресенья, чтобы написать вам, ждал, появятся ли в „Новом времени" мои „Пестрые сказки". Нет!» По-видимому, сотрудничество Билибина, не подкрепленное помощью Чехова, было «Новым временем» отклонено.

[2] «*Наврап*» № 3468 — следует 3648.

[3] *Леонтьиха* — П. Я. Леонтьева, сотрудница конторы «Нового времени», выписывавшая авторский гонорар.

[4] Имеется в виду авторский гонорар Чехову по журналу «Осколки».

1

ПЕСТРЫЕ СКАЗКИ

МЫСЛИ И ОТРЫВКИ

«Мамаша» играет огромную роль в жизни женщины:

Семи лет девочка угрожает обидевшему ее мальчику Ване: «Я мамаше скажу!»

Семнадцати лет девушка говорит бородатому, но неосторожному Ивану Ивановичу: «Поговорите с мамашей!..»

Двадцати лет женщина говорит своему мужу (рабу Иоанну): «Я к мамаше уйду!»

Один профессор, возвратясь домой, произнес следующий монолог:

— Гм... Два опрокинутых стула... на полу осколки вазы... зеркало разбито... в кухне плачет в свой передник Матрена... а моя жена не здоровается со мной, уселась перед окном и глядит куда-то вдаль... Гм... Если совокупность всего этого взять за посылку и сделать логичный вывод... (*глубокомысленно размышляет две минуты*) ... то, кажется, можно почти безошибочно придти к заключению... (*размышляет еще две минуты, потом, обращаясь к жене*): Анюта! Кажется, почти наверное я могу утверждать, что перед моим приходом ты немножко рассердилась...

Поцелуй изобретен в глубокой древности одною хитрой и умной женой, которая целовала своего мужа всякий раз, когда он поздно ночью возвращался домой,— с целью узнать: не выпил ли?

Баня, это — место, где царствуют *свобода, равенство и братство.*

---

* Приводим эту заметку полностью:

Исторические каламбуры

В свое время довольно известный литератор, но довольно бесталанный, написавший много стихов и исторических драм, барон Розен свидетельствует («Сын Отеч.», 1847, № 6), что Пушкин говаривал:

—Public a du bon sens, mais en fait du goût a fait souvent — ни гугу!

А. И. Кошелев, известный сначала как откупщик и землевладелец, потом как славянофил, а в конце жизни как западник, так сострил однажды, в письме к А.Н. Попову («Рус. Арх.», 1886, № 3), на счет западников:

«Вы не можете себе вообразить все козни западников: уж действительно *западники*, т. е. так и расставляют *западни*».

«РЕДАКЦИОННЫЙ ДЕНЬ „БУДИЛЬНИКА“»
Рисунок М. М. Чемоданова (Лилина)
Второй слева (стоит) Чехов
«Будильник», 1885, № 12

Новое правило для играющих в винт:

«Языком болтай, рукам воли не давай».

Зеркало одинаково необходимо и женщине и мужчине, с тою однако разницею, что женщина смотрится в зеркало ежедневно, а мужчина — преимущественно с похмелья.

Женщины — большие рукодельницы! Они не только мастерски владеют иголкой, но также отлично умеют подпускать шпильки!

В десятой заповеди женщина поставлена рядом с волом, ослом и рабом, потому что в жизни ей приходится иметь дело только с этими животными: вол ее кормит, осла она надувает, раб же считает себя ее господином.

В каждом запутанном уголовном деле прежде всего — «ищи женщину».
В каждом запутанном гражданском деле — ищи адвоката.

Три задачи для взрослых детей:

Доктор Захарьин берет за визит сто рублей. Смерть за визит берет жизнь. Жизнь же по Суворову — копейка. Спрашивается, во сколько раз Захарьин берет дороже смерти?

Письмоводитель врачебной управы получал в год 900 руб. Из них проживал он ежегодно 850 руб. Спрашивается, сколько лет прожил письмоводитель, если после его смерти осталось 123 000 руб.

Московские адвокаты берут за развод обыкновенно 4000 руб. Из четырех две тысячи они оставляют себе. Куда деваются остальные 2000?

Два Аякса

2

ПЕСТРЫЕ СКАЗКИ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

Чиновник финансов. Что же это вы Давыдова отпускаете?

Чиновник театральный. А что с ним поделаешь? Как за сыном ухаживали.

Чиновник финансов. Будто? Газеты не то говорили.

Чиновник театральный. Ах, эти газеты! Что им за дело? Им надо бы запретить писать о театральной администрации — вот и все... Пусть о пьесах пишут...

Чиновник финансов. Ишь чего захотели! Почему же это вам такую привилегию? Нашего министра вон как щелкают, а у вас начальника департамента и секретаря не тронь. Мы тогда все в театральное ведомство захотим поступить, потому что это очень приятно, когда о тебе никто пикнуть не смеет. Полная воля.

Чиновник театральный. Да наше ведомство особое. Ведь вот же не пишут о нашем конюшенном управлении.

Чиновник финансов. Так чего же вам? Чтоб избавиться от печати, переходите в конюшенное ведомство...

Чиновник театральный (*укоризненно смотрит и закуривает папироску*). А погода кажется поправляется... (*Уходят.*)

МЫСЛИ И ОТРЫВКИ

«Volapüc», всемирный язык,— вовсе не новость для женщин. Они уже давно выдумали «всемирный язык», на котором одинаково свободно могут объясниться: француженка — с русским, итальянка — с немцем и шведка — с французом, а именно: женщины умеют *говорить глазами*.

Примечание. Хотя «язык глаз» очень древний язык, однако в классических гимназиях он не преподается.

Некий кулак, открыв в деревне кабак, сказал:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа.

Отрывок из письма женатого господина к другу:

... «Стояло прелестное весеннее утро. Все в природе улыбалось: даже моя теща»...

Луна служит по министерству народного просвещения.

Немецкий принц посетил проездом маленький городок и присутствовал на спектакле в местном театре, занимая среднюю ложу. Антрепренер, желая угодить принцу, распорядился расположить зрителей так, что лысые головы господ, сидевших в партере перед ложей принца, составили из себя его вензель.

Чем дальше в казенный лес... тем меньше дров.

России нечего бояться за недостаток топлива: в случае оскудения дров и каменного угля, можно будет еще долгое время пробиваться канцелярскими архивами.

Известно, что в мае маются. Отметим одну подробность, на которую, кажется, еще не было обращено внимания. В мае очень маются учителя женских учебных заведений, у которых сердце есть. Май — время нежных чувств, и тот же май — время экзаменов. Суровый долг педагога и грозного экзаменатора с одной стороны, и розовый ротик, синие, карие, допустим даже серо-зеленые глазки — с другой. Педагог, подчиняясь влечению сердца, хотел бы предложить экзаменующейся розу и, обняв за талию, унестись вальсом в небеса или, по крайней мере, на цветущие поля, а он должен сделать строгие глаза и свирепо спрашивать: «А скажите нам, г-жа Иванова, что вы знаете о походах Артаксеркса». Тяжелые моменты бывают в жизни педагога женских учебных заведений.

И учащиеся девы маются. И учащиеся юноши маются. Не даром кто-то сказал, что в мае все зеленеет: даже гимназисты и гимназистки. Вообще так и надо заметить насчет гимназиста: если он сделался совсем зелен, значит он созрел в науке и может получить аттестат зрелости. С другими фруктами бывает иначе.

Нынешний май дебютирует очень эффектно: выставкой роз в Адмиралтействе. Выставку роз прекрасно было бы соединить с выставкой хорошеньких женщин. Когда-нибудь и до этого додумаются, на радость женскому вопросу.

Два Аякса

ЮМОРЕСКИ ИЗ ЖУРНАЛА «ЗРИТЕЛЬ»

Публикация Б. Д. Челышева

В 1957 г. мною совместно с Б. И. Хлестуновым были обнаружены два неизвестных письма Чехова к Г. П. Кравцову, публикуемые ниже в настоящем томе. В одном из этих писем (от января 1883 г.), упоминая, что он работает в шести-семи московских и петербургских изданиях, Чехов сообщал свои псевдонимы: *А. Чехонте*, *М. Ковров*, *Человек без селезенки*. Второй из этих псевдонимов Чехова ранее известен не был. Как нам удалось установить, псевдонимом *М. Ковров* подписаны три иллюстрированные юморески, помещенные в журнале «Зритель»: «Скоморох», «Калиостро, великий чародей, в Вене» и «Женевьева Брабантская» («Зритель», 1883, № 2, 3 и 10).

Во всех трех заметках говорится о спектаклях театра М. В. Лентовского, которому Чехов в восьмидесятых годах посвятил немало строк в своих московских фельетонах.

Первая из них написана по поводу псевдоисторической пьесы «Смерть Ляпунова» С. А. Гедеонова, поставленной в театре Лентовского «Скоморох». Пьеса эта была написана в 1846 г. и получила в свое время отрицательную оценку Тургенева (см. И. С. Тургенев. Собр. соч., т. XI. М., 1956, стр. 55—70). Рецензия Тургенева, вероятно, не была известна Чехову, однако он, как и Тургенев, язвительно высмеял трескучий патриотизм и надуманность пьесы.

Вторая заметка написана Чеховым по поводу постановки в «Новом театре» Лентовского комической оперы «Калиостро, великий чародей, в Вене». Жизнь знаменитого мистификатора и авантюриста Калиостро послужила материалом для создания ряда произведений, в частности оперетты «Калиостро в Вене». Музыка к этой опереттe была написана Штраусом (в 1875 г.). Либретто оперетты отличалось редким безвкусием.

Третья заметка посвящена постановке буффонады «Женевьева Брабантская» (перевод с французского), с каламбурами и переодеваниями в купеческом вкусе (автор либретто — Этьенн Трефе). Премьера этого спектакля состоялась 27 января 1883 г.; вероятно, тогда его и видел Чехов.

I

«СКОМОРОХ» — ТЕАТР М. В. Л<ЕНТОВСКОГО> (3-е ЯНВАРЯ)

Начну прямо с начала. В коридорах темно и жутко, как в инквизиционных подвалах. Лишние лампочки не мешает поставить. Цена умеренная, всем видно, контролем не надоедают, публика аплодирует — значит, хорошо. Но чертовски холодно. Зуб на зуб не попадает, нос зябнет самым неприличным образом.

Когда мы вошли в театр, стоящие около вешалок предложили нам раздеться.

— А у вас тепло? — спросили мы.

— Тепло-с.

Мы поверили этим лгунам и заплатили по двугривенному. Заплатили даром, потому что через пять минут пришлось опять облечься в шубы. Нехорошо надувать. Коли холодно, так говорите, что холодно, а не берите двугривенных. Гг. капельдинеры, надевая на нас шубы, поздравили нас с Новым годом. Это после двугривенных-то. Вежливо, но — некрасиво. Народный обычай поздравлять — может не иметь места в народном театре.

В буфете все есть, но нечем закусывать после водки: ни килек, ни селедки.

Выход ужасен. Нужно отворять две половинки двери, а не одну, а то приходится выходить поодиночке, гуськом, что скучно и неудобно. Тесноту нужно избегать по многим причинам.

Мы глядели «Смерть Ляпунова», драму Гедеонова. Пьеса старинная, холодная, трескучая, тягучая, как кисель, но мы почти ничего не имеем против ее постановки на сцену «Скомороха». Пусть малознающая публика хоть за четвертак поучится истории. Это во-первых, а во-вторых, подобные пьесы понятны каждому, не тенденциозны и трактуют далеко не о пустяках... А этого, пожалуй, достаточно. При нынешней дороговизне и за это спасибо.

О труппе можно сказать весьма мало по весьма уважительной причине: видели ее только раз. Г. Рахимов ничего себе. Картавящий г. Пальм («князь П'енский... Говою тебе... д'юг д'югу»...), Осетров, Протасов годятся как для пьес, так и для сцены. Глядя на них, узнаешь тетку-провинцию. Г-жа Савина много ныла, много руками махала, энергично белками вращала, но ничего не вышло. Что-нибудь из двух: или она плохая актриса, или же озябла...

Думаем, что и то и другое.

М. Ковров

II

КАЛИОСТРО, ВЕЛИКИЙ ЧАРОДЕЙ, В ВЕНЕ (В «НОВОМ ТЕАТРЕ») М. и А. Л⟨ЕНТОВСКИХ⟩

1. —Слышали? А? Граф Калиостро дает такие капли, что если выпьешь, то помолодеешь... Ежели тебя не любят, так и против этого есть у него капли. Колдун! Золото делает, сквозь карман письмо читает! и т. д.

2. *Северин.* Не верьте, господа! Вздор! и т. д.

3. Приезжает Лоренца Феличиани (г-жа Волынская) и слабым голоском уверяет, что это правда. Около нее граф Принценштейн (г. Леонидов) и маркиз Центифоли (г. Вальяно) поднимают ноги выше головы, но тем не менее влияния на ход событий не имеют. Оба лишние.

4. *Граф Калиостро.* Интендант, кассир: большой приятель Рыкова. Вытащит деньги из воспитательного дома, не падая в обморок на бульваре... Превзошел изобретателя мази Иванова: изобрел элексир долгой жизни и любовный напиток. Шельма!.. Вечен — хочет жениться на миллионе тетушкиной племянницы, любящей барона Ливена. Доказывает ей, что барон ей неверен, и за доказательство ему обещали руку и сердце, и проч.

Надо отдать справедливость г. В⟨аль⟩цу. Это самый лучший фокус Калиостро. Поднимается стена, и надуваемые видят эффектнейшую картину. Феличиани помогает Калиостро. Она его жена, что видно из брачного свидетельства, хранящегося у Калиостро. Она не любит мужа и готова его полюбить с тем только условием, чтоб он позволил ей удрать от него.— «Помогай мне, говорит он, и я заплачу тебе отпуском во все четыре стороны!» Она и не знает, что свидетельство подложно и что их венчал

не священник, а лакей Калиостро... Она любит Штенерека (не за голос) и надувает его поневоле.

5. Гг. *Шеромов* и *Стрешнев*. Возмутительные тенора. Слушая их, заболеваешь изжогой. Изображают двух сиятельных балбесов, графа Штенерека и барона Ливена. Первый влюблен в Феличиани, второй — в Эмилию, тетушкину племянницу. Оба пьют любовный напиток, но, увидев, что Калиостро их надувает, начинают хорохориться и помогать добру побеждать зло и т. д.

6. Дочь швейцара, которую Калиостро выдавал за 70-летнюю старуху, хватившую капель через меру. Плакала хорошо, за что и вкусила сладость аплодисментов.

7. Тетушка выпивает капли, и лакей Калиостро, одетый маркизом, делает вид, что влюблен в нее... За это Калиостро получит племянницу с миллионом... Но все имеет свой конец.

8. Лакей крадет у барина брачное свидетельство и продает его. Все открывается. Но Калиостро не робеет. Когда в доме тетушки Ливен требует, чтобы он расписался мошенником, Калиостро дает понюхать букет и Ливен засыпает. Приходит ясновидящая Феличиани, и т. д. Графу шах и мат.

9. Калиостро бежал из Вены с позором. Теперь он морочит уже не венских дур. Так добро побеждает зло.

10. Арбенин и Волховской были хороши, Волынская эффектна, оперетка тоже, но... в залах ужасно холодно! Около вешалок сквозной ветер.

С подлинным верно:
Н. Чехов
М. Ковров

III

ЖЕНЕВЬЕВА БРАБАНТСКАЯ

БУФФОНАДА В 4-х ДЕЙСТВИЯХ И 9 КАРТИНАХ

Маркграф Сифроа, герцог Кюрассо (г. Волховской). Женат на Женевьеве (г-жа Вельская). Глуп и туп, как двенадцать дюжин пробок. Несчастлив тем, что не имеет наследника. Когда-то, где-то колдун наложил на его родительские способности заклятье. Поет петушком и играет в куклы. Г. Волховской мастер изображать дураков. Всегда недурен.

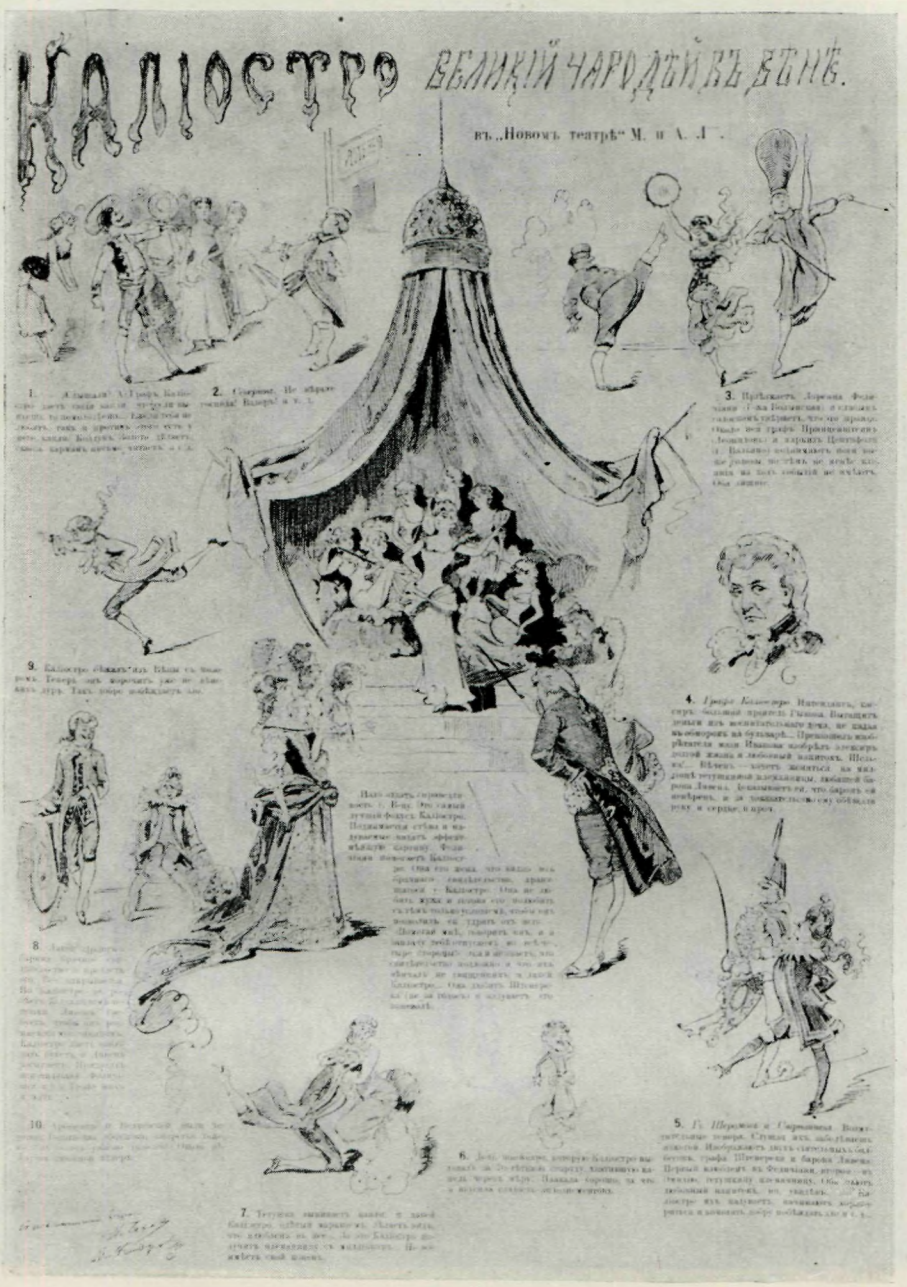
Дроган, поваренок; маленький, но симпатичный голосок (г-жа Рюбан). Влюблен по уши в Женевьеву. Поет перед ее окнами.

Сей паштет был испечен поваренком, который, желая пробраться в пажи, врет, что покушавший этого паштета освобождается от ига колдунского. Ему,— увы! — верят, едят паштет, делают поваренка пажем... И что же?

Герцог объедается, чувствует в себе всевозможные чувства и объясняется в комнате Женевьевы в пламенной любви... Во время объяснения он хватается за живот. Приходится объяснение отложить до другого раза и бежать от поэзии к прозе. Дроган берется утешить бедную Женевьеву, которой «ничего не удается». За ними подсматривает:

Каналья *Голо*, первый министр герцога, его главный советник и составитель речей. Этот несчастный влюблен в герцогиню и мечтает о герцогской короне. Злой демон оперетки. Одна из неудачных ролей. Г. Леонидов хорошо делал, что слишком шаржировал.

Герцог, объевшийся и держащийся за живот, лежит у себя в спальне на кровати. Стонет и слезно ерундит. Является Голо и извещает его об из-



СТРАНИЦА ИЗ ЖУРНАЛА «ЗРИТЕЛЬ» (№ 3, 1883), С ФЕЛЬЕТОНОМ ЧЕХОВА «КАЛИОСТРО, ВЕЛИКИЙ ЧАРОДЕЙ, В ВЕНЕ»

Напечатан под псевдонимом М. Ковров

Иллюстрации Н. П. Чехова

не далеко, кажется, то время, когда всякіе Шиповниковы, Львовы — Лаврентьевы, Сахаровы — взлезутъ на Парнасъ и, какъ крыловскія животныя, возомнятъ, что «ихъ пѣніе пріятно народу»...

Это будетъ такъ!

Теперь вся эта братія колѣнопреклоняется предъ Веденскими и Морозовыми, — а потомъ она и себя возомнитъ — «прояви».

Это — внѣ всякаго сомнѣнія.

О, не дай Богъ дожить до этого времени!...

Шкроберъ.

Женевьева Брабантская.

Буффонада въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 9 картинахъ.

Маркграфъ Сифроа, герцогъ Кюрассо (г. Волховской). Женатъ на Женевьевѣ (г-жа Бѣльская). Глупъ и тупъ, какъ двѣнадцать дюжинъ пробокъ. Несчастливъ тѣмъ, что не имѣетъ наслѣдника. Когда-то, гдѣ-то колдунъ наложилъ на его родительскія способности заклятье. Поетъ пѣтушкомъ и играетъ въ куклы. Г. Волховской мастеръ изображать дураковъ. Всегда не дуренъ.

Дроганъ, поваренокъ; маленькій, но симпатичный голосокъ (г-жа Рюбанъ). Влюбленъ по уши въ Женевьеву. Поетъ передъ ея окнами.

Сей паштетъ былъ испеченъ поваренкомъ, который, желая пробраться въ пажи, вретъ, что покушавшій этого паштета освобождается отъ ига колдунскаго. Ему, — увы! — вѣрятъ, ѣдятъ паштетъ, дѣлаютъ поваренка пажемъ... И что-же?

Герцогъ объѣдается, чувствуетъ въ себѣ всевозможныя чувства и объясняется въ комнатѣ Женевьевы въ пламенной любви... Во время объясненія онъ хватается за животъ. Приходится объясненіе отложить до другаго раза и бѣжать отъ поэзіи къ прозѣ. Дроганъ берется утѣшить бѣдную Женевьеву, которой «ничего не удается». За ними подсматриваетъ:

Каналья *Голо*, первый министръ герцога, его главный совѣтникъ и составитель рѣчей. Этотъ несчастный влюбленъ въ герцогиню и мечтаетъ о герцогской коронѣ. Злой демонъ оперетки. Одна изъ неудачныхъ ролей. Г. Леониловъ хорошо дѣлалъ, что слишкомъ шаржировалъ.

Герцогъ, объѣвшійся и держащійся за животъ, лежитъ у себя въ спальнѣ на кровати. Стонетъ и слезно ерундитъ. Является Голо и извѣщаетъ его объ измѣнѣ жены. Герцогъ приказываетъ: Дрогана укокошить а Женевьеву закопать живой въ землю. Ужасно! По уходѣ Голо Сифроа видитъ въ окно тѣнь Дрогана.

— Я оболью его! говоритъ онъ, и выливаетъ за окно кувшинъ воды. Вода льется не на Дрогана, а

на могущественнаго повелителя, *Карла Мартела*, большаго и толстаго человѣка съ жестянкой изъ подъ керосина на головѣ. За внезапною болѣзнью г. Чернова сію роль изображалъ... не помню кто. (Нигдѣ такъ часто и такъ скоропостижно не заболѣваютъ, какъ за занавѣсомъ — тема для докторской диссертаціи). Мартель

ФЕЛЬЕТОН ЧЕХОВА «ЖЕНЕВЬЕВА БРАБАНТСКАЯ. БУФФОНАДА В 4-х ДЕЙСТВИЯХ И 9 КАРТИНАХ» («ЗРИТЕЛЬ», № 10, 1883)

Первая страница

Напечатан под псевдонимом М. Ковров

Иллюстрации Н. П. Чехова

ность, бранится и приказываетъ своему вассалу, герцогу, слѣдовать за нимъ: онъ хочетъ въ Палестину драться съ Сарацинами. Трубные звуки. Собирается народъ. Герцогъ плачетъ и спрашиваетъ каждаго: что бы вы сдѣлали, будучи на моемъ мѣстѣ, если бы вамъ измѣнила жена, бѣжалъ бы у васъ животъ и васъ тащили бы на драку съ Сарацинами?»

Поднимается декорація, чтобы уступить мѣсто другой.

На сценѣ поѣздъ пушій въ Палестину. Свистъ и шипѣнье. Сифроа врываетъ бразды правленія канальѣ Голо. Маршъ. Садятся въ вагонъ. Свистокъ. Аѳиша.

Женевьева, пристыженная Голо, бѣжитъ въ Брюгге съ ихъ общимъ другомъ Дригайлемъ. Въ пути черезъ бытовой дебрь Грюа. Ихъ арестуютъ

Жандармы (гг. Родичъ и Васьянъ), посланные Голо, хотятъ сжечь Женевьеву. Голо сочиняетъ телеграммы о смерти герцога и хочетъ завладѣть короной. Дригайль зоветъ и хочетъ зарѣзать Женевьеву. Гроздь собирается ихъ повѣсить. Стефанида жандармамъ освѣщаетъ дѣло. Голо. Тьюпингтонъ прикалываетъ съ тора пусть. Хочу положить на... Поклонись немного, они понимающе... (указывая... то есть, указывая и т. п.) маршируетъ, ретируется.

Поѣздъ не доходитъ до Палестины. По случаю ненастной погоды онъ останавливается около резиденціи Карла Мартела. Въ резиденціи колоссальный кутежъ. Голо отправляется Дротанъ съ прядью волосъ Женевьевы. Канканъ и пьянство. Сифроа въ вихрѣ канкана забылъ все: и корону, и отечество.

ФЕЛЬЕТОН ЧЕХОВА «ЖЕНЕВЬЕВА БРАБАНТСКАЯ. БУФФОНАДА В 4 х ДЕЙСТВИЯХ И 9 КАРТИНАХ» («ЗРИТЕЛЬ», № 10, 1883)

Вторая страница

Напечатан под псевдонимом М. Ковров

Иллюстрации Н. П. Чехова

и намѣну Женевьевы... Входитъ Дрогань въ костюмѣ жандарма и, подавая прядь волосъ, объявляетъ, что Женевьева скончалась. Сифроа не печалится. Тогда жандармъ разсказываетъ ему про воины Голо. Герцогъ собирается домой.

Одѣвшись Турками, герцогъ и могущественный повелитель идутъ пѣшкомъ въ Кюрассо. Дорогой встрѣчаютъ они среди скалъ Женевьеву. Герцогъ недоумѣваетъ. Онъ видитъ умершую жену и сто разъ увѣряетъ, что онъ уже умеръ. Когда же я успѣлъ умереть?—спрашиваетъ онъ, Супруги мирятся.

Голо объявляетъ себя брабантскимъ герцогомъ. Въ самый моментъ объявленія входитъ герцогъ и... добро пожаловать зло. Голо—вонъ и хать а Дрогань и Женевьева, обѣ вмѣстѣ, не выходятъ изъ объятій герцога. Канканъ.

Декораціи великолѣпны, исполненіе хорошее, антре выше всякой критики, но... опять таки около вѣшалокъ до безобразія холодно! И сами вѣшалки безобразны. Пространство занимаемое каждой изъ нихъ такъ мало, что приходится болѣе чѣмъ тѣсниться. Публика беретъ сама платье, несетъ его черезъ головы, пачкаетъ... Кто то кого то мазнулъ калошей по лицу.

Обратите вниманіе!

М. Ковровъ.

И то и сѣ.

Самъ Гилярычъ нашъ задумчивый
Съ любознательностью изумчивой
Въ нѣбѣ радугу ведетъ...
Чистымъ якоремъ перевязаны,
Такъ вѣтки ея замазаны,
Что самъ чертъ не разберетъ.

Л

Любознательность и газеты.

Газеты какъ-то разбирая,
Любознательность отыскалъ
И, повертѣвъ въ рукахъ, сказалъ:
—Газетина пустая!
Не стоитъ и смотрѣть! Какой для насъ въ ней прокъ?"
Ужъ лучше почитать родимый нашъ листокъ.
Онъ Гофеса, положимъ, не захлѣбнёшь,
Но волосъ сплетнёй

У. къ.

Портретъ.

Взявши въ руки уголь карандашъ,
Сталъ чертить я на бумагѣ,
И отчета себѣ не отдавъ
Предъ тобой, словно въ сказочной сагѣ,

Вереницею пестрой мелькнутъ
Всѣ знакомыя, разныя лица
Что на улицахъ вѣчно снуютъ.
Такъ богата жизнь ими столица

Вотъ три черточки, можно узнать
Въ нихъ готовясь ко взысканья взоръ.
Онъ искусно умѣлъ торговать,
Но счастливо избѣжалъ позора.

И теперь, не повѣрите вы,
Онъ считается въ свѣтѣ приличномъ,
Что ему то стоустой молвы,
Что его не поймали съ поличнымъ.

Вотъ широкій, неправильный кругъ.
Въ немъ вы видите сразу купчину.
Отчего онъ богатымъ сталъ вдругъ...
Не узнать никогда вамъ причину...

Говорятъ, что онъ гдѣ то стянулъ,—
Но какое намъ дѣло до слуховъ,—
Онъ для насъ ужъ теперь не акулъ,
А Осодулъ Стратилатовичъ Плюсовъ!

Вотъ теперь передъ нами квадратъ.
Вмѣсто глазъ я поставилъ въ немъ точку.
И представился въ мигъ адвокатъ
Заключенный въ своемъ оболочку.

Хоть квадратна его голова,
Но въ ней умъ заключается хлесткій.
У него вмѣсто рта слова.
Вмѣсто мысли—одинъ подлогъ.

Все за деньги онъ сдѣлать готовъ,
Обмануть даже петра онъ смѣлъ,
И попомнитъ рутинныхъ словъ
Очернить онъ честнѣйшее дѣло.

Инкогнито.

Исчезнувшему другу.

Не говори, о другъ, что я тебя забылъ!
Любимецъ ты мной, какъ и въ былые годы.
Твой образъ и теперь мнѣ милъ!
А помнишь, разъ, въ дни невзгоды,
По дружбѣ, у меня ты взялъ пятьсотъ рублей,
Чтобъ уладить свои похожденія!
И съ нимъ нанесетъ исповѣдь ты злодѣя!
И этотъ долгъ давно ужъ вычеркнулъ изъ книжки.

Въ радуетъ мы съ тобой хоть долгіе года,
Хоть десять лѣтъ—какъ я твоей не вижу розы.
Но я клянусь тѣмъ, что мнѣ—ты, другъ, былъ всегда,
А деньги утишь—сталъ и тотъ—"другъ".

Злой добрякъ.

Современныя молитвы.

Аполлонъ.—Проклинаю!

Актеръ, музѣ комедіи.—Молить тебя кончившій курсъ въ консерваторіи и бравшій уроки у Рубинштейна! Пѣть ли у тебя матушка, гдѣ нибудь на примѣтъ мѣстечка тапера въ богатомъ купеческомъ домѣ? Научи меня также сочинять пріятно-комичныя польки и кадрили! А впрочемъ не можешь-ли ты связать съ мѣста нашу первую гитару? Пора бы мнѣ перестать быть второй... *Голосъ изъ публики*. Комиссіонеръ—ты!" Напрасно!

Трагикъ, музѣ исторіи (молящійся робко оглядывается, конфузится и тихо).—А что тамъ она вертится? (громко) Не пала-ли обложить сборомъ плакаты и конечно? Развѣ-ль и постарайся! Процентъ получишь. *Голосъ изъ публики*. А все таки она не вертится!

Полишинель, музѣ смѣха.—Хочется мнѣ, муза, перебраться изъ сферы въ буффъ, да какъ-то знаешь неловко... А въ буффъ дороже платятъ и слава тамошняя захватливѣй... Возьми отъ меня почтительность! Исторіи голоса моихъ товарищей, дабы я былъ лучше ихъ, поселя среди нихъ интригу и сокрушая репутаціи! *Голосъ изъ публики*. Спойте что нибудь, жалкій человѣкъ!

Каллиопа, музѣ эпической поэзіи.—Убавь во мнѣ поэтическаго жара, огнями у меня тема, учителя цензуру, отполоти меня дѣлай что хочешь со мной, но только сробавь мнѣ по контрамарочкѣ на строчку! Вразуми, о муза, плодящихъ!

Мельпомена, музѣ трагедіи.—Отдай намъ наши бенефисы, безстыдница! Купчихъ побольше! Антрепризу!

Эратона, музѣ эротической поэзіи.—Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ тебѣ молиться, эротика, не одно мое стихотвореніе не было покорено. Нѣтъ прошли Грозные Тропаки! Нѣтъ пока молитвенно! Но... все таки недовольна поэзія земная, не въ ладу бунтуетъ Вразуми поэтессу! *Голосъ изъ публики*. Да здравствуетъ Салонъ де Варіете!

Терпсихора, музѣ танцевъ.—Наполни первые ряды пѣвчими, безтѣлыми спиралями, разсади ихъ холодную кровь! Упразднь драму, комедію и трагедію и регенерируй предъ нами балеты! *Голосъ изъ публики*. Канканъ! Выходи на сцену, Пепъ! Пепъ!

Талія, музѣ комедіи.—Не нужно мнѣ славы Островскаго. Нѣтъ! Не сошлешь сюжетъ изъ безсмертія! Дай ты мнѣ силу и мощь Виктора Александрова, пишущаго по десяти комедій въ вечеръ! Девять-то сколько, матушка!

Кліо, музѣ исторіи.—(Голосъ изъ публики: Мимо! Не замѣчай насъ! Чего славнаго въ нашей жизни? Не видали никогда безобразій что-ли?

Бегущу к Вечеру.—Вашему руку! Мести-съ! Честь и мѣсто!

Ч. безъ с.

Дозволено цензурой Москва, 6 февраля 1883 г.
Типографія В. Давыдова. На Тверскомъ бульварѣ, д. Фальковской.

Редакторъ-Издатель В. Давыдовъ.

ФЕЛЬЕТОН ЧЕХОВА «ЖЕНЕВЬЕВА БРАБАНТСКАЯ. БУФФОНАДА В 4-х ДЕЙСТВИЯХ И 9 КАРТИНАХ» («ЗРИТЕЛЬ», № 10, 1883)

Третья и последняя страница

Напечатан под псевдонимом М. Ковров

Иллюстрации Н. П. Чехова

мене жены. Герцог приказывает: Дрогана укокошить, а Женевьеву закопать живой в землю. Ужасно! По уходе Голо Сифроа видит в окно тень Дрогана.

— Я оболью его! — говорит он, и выливает за окно кувшин воды. Вода льется не на Дрогана, а на могущественного повелителя, *Карла Мартела*, большого и толстого человека с жестянкой из-под керосина на голове. За внезапною болезнью г. Чернова сию роль изображал... не помню кто (нигде так часто и так скоропостижно не заболевают, как за занавесом — тема для докторской диссертации). Мартел поет, бранится и приказывает своему вассалу, герцогу, следовать за ним: он едет в Палестину драться с сарацинами. Трубные звуки. Сбегается народ. Герцог плачет и спрашивает каждого: «Что бы вы сделали, будучи на моем месте, если бы вам изменила жена, болел бы у вас живот и вас тащили бы на драку с сарацинами?»

Поднимается декорация, чтобы уступить место другой.

Женевьева, преследуемая Голо, бежит из Брабанта с пажем Дроганом. Бегут через большой лес. Гроза. Их преследуют жандармы (гг. Родон и Вальяно), посланные Голо. Кстати сказать, Голо сочиняет телеграммы о смерти герцога и хочет завладеть короной. Жандармы ловят и хотят зарезать Женевьеву. Дроган одевается клоуном и приказывает суеверным жандармам оставить Женевьеву. Те повинуются, прокалывают с горя друг другу подмышки, падают... Повалявшись немного, они поднимаются, острят (умывальница... то бишь, усыпальница и т. п.), маршируют, ретируются.

На сцене поезд, идущий в Палестину. Свист и шипенье. Сифроа вручает бразды правления каналье Голо. Марш. Садятся в вагон. Свисток. Adieux.

Поезд не доходит до Палестины. По случаю ненастной погоды он останавливается около резиденции Карла Мартела. В резиденции колоссальный кутеж. Туда отправляется Дроган с прядью волос Женевьевы. Канкан и пьянство. Сифроа в вихре канкана забыл все: и корону, и отечество, и измену Женевьевы... Входит Дроган в костюме жандарма и, подавая прядь волос, объявляет, что Женевьева скончалась. Сифроа не печалится. Тогда лжежандарм рассказывает ему про козни Голо. Герцог собирается домой.

Одевшись турками, герцог и могущественный повелитель идут пешком в Кюрассо. Дорогой встречают они среди скал Женевьеву. Герцог недоумевает. Он видит умершую жену и его уверяют, что он уже умер. — Когда же я успел умереть? — спрашивает он. Супруги мирятся.

Голо объявляет себя брабантским герцогом. В самый момент объявления входит герцог и... добро побеждает зло. Голо — шах и мат, а Дроган и Женевьева, оба вместе, не выходят из объятий герцога. Канкан.

Декорации великолепны, исполнение хорошее, антре выше всякой критики, но... опять-таки около вешалок до безобразия холодно! И сами вешалки безобразны. Пространство, занимаемое каждой из них, так мало, что приходится более чем тесниться. Публика берет сама платье, несет его через головы, пачкает... Кто-то кого-то мазнул калошей по лицу.

Обратите внимание!

М. Ковров

ПРИЛОЖЕНИЕ

«МОЯ СЕМЬЯ» — ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ФЕЛЬЕТОН ЧЕХОВА

Просматривая комплекты журнала «Зритель», мы обратили внимание на небольшую юмористическую заметку под заглавием «Моя семья» (1883, № 19). Заметка эта не подписана. В оглавлении вместо имени автора обозначены три заглавные буквы: *С. Б. Ч.*

Писателя, фамилия, имя и отчество которого начинались бы с этих букв (в различных сочетаниях), мы не знаем. В юмористических журналах того времени такой подписи нам больше не встретилось.

Между тем известно, что молодой Чехов подписывал некоторые из своих рассказов псевдонимом «Человек без селезенки» или сокращенно — «Ч. без с.». А рассказ «Патриот своего отечества» в журнале «Мирской толк», 1883, № 8, от 25 февраля, он подписал тремя начальными буквами этого псевдонима: *Ч. Б. С.* Можно предположить, что инициалы, которыми обозначен автор «Моей семьи», представляют тот же криптоним, написанный в обратном порядке. Такое предположение кажется тем более вероятным, что «Моя семья» по содержанию и стилю весьма близка к другим произведениям Чехова этих лет (ср., например, рассказ «Мои жены»); основу его составляет перечисление характерных черт персонажей.

Не противоречит предположению об авторстве Чехова и язык «Моей семьи».

МОЯ СЕМЬЯ

(БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ПРОШЕНИЮ О ВСПОМОЩЕСТВОВАНИИ)

Тесть: Емельян Сидорович, отставной гардемарин. Мал ростом, худ, морщинист, но внушителен. Рожден в Кронштадте. Говорит, что купался в океане. Будучи в Константинополе, видел султана. Со времен отставки ищет место управляющего домом или имением. Не любит беспорядков и вечно читает мне нотации за нечистоплотность. Встает в четыре часа и сам чистит себе сапоги. Ложится в восемь часов. Спит в гостиной. Вечером дол-

го молится в моем кабинете, причем приказывает мне стоять и не курить. Искусства любит, но наук не признает. Ждет, что меня арестуют за то, что я читаю газеты. По праздникам будит меня к заутрене. В день ангела получает визитную карточку от друга детства, капитана 2-го ранга П. А. Дромадерова. Вечно трется в кухне около бочки с квасом. Часто плачет.

Теща: Глафира Кузьминична. Бабища шестидесяти лет, слезливое, богомольное, нравственное и вместе с тем в высшей степени ядовитое создание. Жалуется всем и каждому, что ее бог обидел зятем. Любительница цикорного кофе, сливок и рыбки. Мяса не ест: обет дала. Давно уже собирается умирать, но не умирает. Ежедневно ходит в гости. Хвастает, что ее старичок не употребляет горячих напитков. Сваха, дает деньги на проценты и скупает рухлядь. Меня величает «окаянным». Меня?! Я ли ее не кормлю? Я ли не выношу ее целодневных толков о том, что она чай без хлеба кушает? Я ли не даю ей денег на мазь Иванова, которой она по ночам натирает себе поясницу? Дрянь ты этакая!

Брат моей жены: Иван Емельянович. Брандмейстер, изгнанный со службы за неумеренное употребление спиртных веществ. Ищет должности и хочет жениться на нравственной девушке. В женщинах прежде всего признает «ум». Собственноручно режет кур, гусей и уток. Ходит на базар за харчами. Верит в спиритизм. Со мной в ссоре. Клянется, что из меня не

выйдет толку. Впрочем ссора не мешает ему курить мой табак и по целым дням валяться на моей кровати. Хочет купить себе ружье. Родителей не почитает.

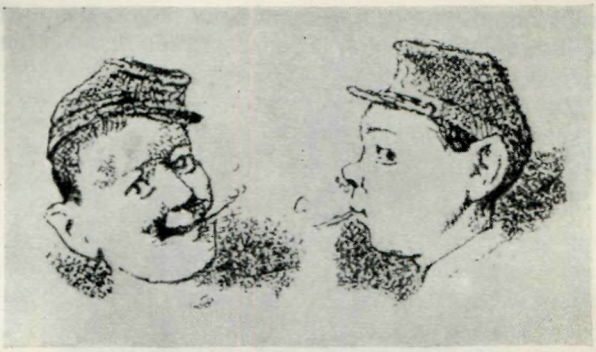
Пантелей: другой брат моей жены. Служит кочегаром на железной дороге. Ходит к нам по субботам ночевать и всю ночь играет на гармонике. Обещает починить мне портсигар. Два раза судился у мирового судьи за буйство и два раза по настоянию Ивана Емельяныча подавал на апелляцию. Бьет Митю по голове. Умоляет меня, чтобы я его остриг. Пьяница.

Костька: третий брат моей жены. Фельдшер, еженедельно пускает отцу кровь. Имеет в нашем околотке большую практику, но все зарабатываемое пропивает. Любит читать романы и выписывает газету Гатцука, которую никому не дает читать, боясь чтобы ее не запачкали. Рябой. Жениться не хочет, потому что в женщине видит причину всех зол. Дает от кашля детскую присыпку, приказывая употреблять ее внутрь на водке. Был в Москве на выставке и купил себе там прибор для показывания фокусов. Родителей не признает за их невежество. Меня не любит за то, что я не позволяю ему ставить на мой стол бутылки с лекарствами. Пьяница. Ворует у матери деньги и поедает ее варенья.

Моя жена: Агаша. Маленькое, пришибленное, безгрудое, курносое, сутуловатое, но крикливое существо. На лице постоянное выражение испуга. Боится родителей, братьев, мужа, мышей, лягушек, тараканов, больших мух... Ежегодно родит. В детстве была переехана пожарными лошадьми. Пять лет тому назад я купил ей серебряные часы, но она их не носит и не заводит, боясь испортить. Читает, но писать не умеет. Плачет каждый день. Стирает пеленки — это ее специальность.

Моя мамаша: Мавра Степановна, маленькая, согнутая старушенция. День и ночь боится воров и то и дело ходит посмотреть: заперта ли дверь? Вываривает из кроватей клопов и оклеивает стены картинками. Повитуха и костоправка. Опасный конкурент Костьки. Горячие напитки не отрицает.

Тетенька: (моя или женина; чья именно, не знаю). Заживо умершая. День и ночь лежит на печи, откуда никогда не слезает. Питается одним только чаем.



Митя и Ваня: мои сыновья, близнецы. Гимназисты первого класса. Усерднейшие потребители единиц и двоек. За поведение имеют тройку. Курят и на заборах пишут скверные слова. Пробегая по улице, дергают за звонки и срывают с дверей визитные карточки. Секу их ежедневно.

Зойка: моя дочь. Копается около печи в золе. Друг кошки и собаки, с которыми спит. По ночам плачет и не дает мне спать, за что бывает жестоко бита.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЕ РУКОПИСИ ЧЕХОВА

БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ ПЬЕСЫ-ШУТКИ «ЮБИЛЕЙ»

Сообщение Н. А. Роскиной

Одноактная шутка Чехова «Юбилей» воспроизводится в Полном собрании сочинений по печатным источникам. Рукописи пьесы до сих пор оставались неизвестными.

Написанный в декабре 1891 г., водевиль «Юбилей» был в феврале 1892 г. издан литографией С. Ф. Рассохина. При подготовке собрания сочинений в издании А. Ф. Маркса Чехов переработал водевиль, и текст, включенный в т. VII (изд. 2, 1902), а затем и в Полное собрание сочинений (XI, 129—142), значительно отличается от первого литографированного издания (см. комментарии А. П. Скафтымова, XI, 554—558).

Обнаруженная нами в Театральном музее им. А. А. Бахрушина беловая рукопись «Юбилея» легла в основу текста рассохинского издания, и, следовательно, можно предполагать, что она относится к декабрю 1891 г. Там же хранится и писарская копия с этой рукописи. О высылке рукописи Чехов писал С. Ф. Рассохину 17 декабря 1891 г. (см. публикацию этого письма ниже в настоящем томе).

В рукописи имеется ряд вычерков. Так, в реплике Кистунова (в редакции 1902 г. он назван Шипучиным), начинающейся словами «Благодарю, мой дорогой!» (стр. 4 литографированного издания), в рукописи вместо вычеркнутого слова «порядочное» вписано: «полезное». После реплики Хирина: «А я вот не понимаю, за что вы их так любите? (*Пауза*)» (стр. 5 того же издания), в рукописи вычеркнут следующий текст:

Кистунов: За что... Гм... Женщина, батенька, это... такая штука. Это нечто... Это аромат жизни. Однако пишите, мой дорогой. Надо торопиться.

Хирин. Ароматы разные бывают. (*Пауза.*)

К стр. 13. В рукописи зачеркнуты слова Хирина: «Удивительно противная!», стоявшие перед словами: «Но ведь вам, кажется, было сказано русским языком: здесь банк!»

К стр. 18. После реплики Хирина: «Вон отсюда!» в рукописи была заклеена часть страницы. Текст, написанный ранее, несколько отличается от того, что был написан на наклеенном куске бумаги. Приводим первый вариант:

Кистунов: Не ее, а вот эту... вот эту! Впрочем, обеих... всех! Вот! (*Вскакивает.*) Вот!

Хирин (*Татьяне Алексеевне*). Вон отсюда! (*Топает ногами.*) Вон пошла!

Тат. Алекс. Что? Что? Как вы смеете?

Кистунов (*Щукиной* *). Вон! (*наступая на нее*) Вон!

Хирин (*Татьяне Алексеевне*). Вон! Искалечу! Исковеркаю! Преступление совершу! **

Татьяна Алекс. (*бежит от него, он за ней*). Да как вы смеете? Вы нахал! (*кричит*) Андрей! Спаси! Андрей! (*взвизгивает*).

Кистунов (*бежит за Щукиной*). Вон отсюда! Гоните ее! Ловите!

Как мы видим, новонайденный текст дает незначительные варианты. Однако будущее академическое издание сочинений Чехова должно учесть эту беловую рукопись — одну из немногих дошедших до нас рукописей Чехова.

---

* В редакции 1902 г. Щукина названа Мерчуткиной.

** Далее приводится текст, зачеркнутый на обороте этого листа рукописи.

БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ РАССКАЗА «ПОПРЫГУНЬЯ»

Сообщение Н. И. Гитович

В коллекции А. Е. Бурцева (ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 2, ед. хр. 1) обнаружена беловая рукопись рассказа «Попрыгунья». Эта рукопись была послана Чеховым В. А. Тихонову для журнала «Север» 30 ноября 1891 г. (см. XV, 273). Первоначальное название этого «маленького чювствительного романа для семейного чтения» было «Обыватели», но, посылая рассказ в журнал, Чехов изменил название на «более подходящее» — «Великий человек». Так и назван рассказ в найденной рукописи. Заглавие было снова изменено Чеховым уже после просмотра корректуры. 14 декабря он писал В. А. Тихонову: «Право, не знаю, как быть с заглавием моего рассказа. „Великий человек" мне совсем не нравится. Надо назвать как-нибудь иначе — это непременно. Назовите так — „Попрыгунья". Итак, значит „Попрыгунья". Не забудьте переменить» (XV, 289—290).

То обстоятельство, что Чехов внес в корректуру новое заглавие, не изменив при этом содержания рассказа, позволяет сделать вывод о неосновательности имеющегося в некоторых трудах о Чехове утверждения, будто раннее заглавие «Великий человек» относилось к Дымову. Снятая в корректуре фраза: «Ей казалось, что, если бы она увидела настоящего великого человека, например, Пушкина или Глинку, то она умерла бы от наслаждения, и она надеялась, что, рано или поздно, она встретит такого человека», дает некоторое основание предполагать, что заглавие «Великий человек» имело в виду постоянно владевшую сознанием Ольги Ивановны мечту о встрече с великим человеком.

Как известно, современники Чехова находили, что в рассказе «Попрыгунья» отражен роман С. П. Кувшинниковой с И. И. Левитаном. В действительности же сходство это только внешнее. Возможно, что некоторые изменения в корректуре были сделаны Чеховым с целью устранения и этого чисто внешнего сходства.

Так, вместо «*пейзажист* Рябовский» в рассказе появилось: «*жанрист, анималист, пейзажист*». Соответственно появилось несколько правок, напоминающих о том, что Рябовский пишет не только пейзажи. В рукописи: «Помнишь, на правом плане лес, а на левом — *дорога*»; в печатном тексте: «Помнишь, на правом плане лес, а на левом — *стадо коров и гуси*». К фразе «Рябовский готовит к выставке нечто поразительное»— в печатном тексте добавлено: «*смесь пейзажа с жанром, во вкусе Поленова*». Во внешности Рябовского подчеркнуто, что он был «с голубыми глазами» (в отличие от черноглазого Левитана); во внешности Ольги Ивановны Чехов подчеркнул деталь — «*льняные волосы*»,— отличающую ее от Кувшинниковой.

В комментариях к рассказу «Попрыгунья» в Полном собрании сочинений (VIII, 517—519) имеются данные только о тех незначительных изменениях, которые внес Чехов в текст рассказа при включении его в сборник: Антон Чехов. Повести и рассказы, изд. Сытина. М., 1894, а также при подготовке собрания сочинений в издании Маркса, в 1900 г. Теперь же, после сличения рукописи с первой публикацией в журнале «Север», 1892, № 1 и 2, можно установить и те изменения, которые внес Чехов в текст рассказа при просмотре корректуры, посланной ему редакцией «Севера» около 10 декабря 1891 г.

Ниже печатаются все места, подвергшиеся в корректуре изменению. Вставленные или исключенные Чеховым части текста, а также слова и выражения, подвергнутые замене или переделке, выделены курсивом.

В рукописи	В первой публикации
Частная практика его была ничтожна, рублей на *семьсот* в год.	Частная практика его была ничтожна, рублей на *пятьсот* в год.
〈...〉 затем несколько художников и во главе их *пейзажист* Рябовский, очень красивый белокурый молодой человек, имевший успех на выставках и продавший свою последнюю картину за *тысячу* рублей;	〈...〉 затем несколько художников и во главе их *жанрист, анималист, пейзажист* Рябовский, очень красивый белокурый молодой человек, *лет 25*, имевший успех на выставках и продавший свою последнюю картину за *пятьсот* рублей;
〈...〉 литератор, молодой, но уже известный, писавший *повести и рассказы.*	〈...〉 литератор, молодой, но уже известный, писавший *повести, пьесы и рассказы.*
Артист говорил Ольге Ивановне, что *в своем венчальном платье* она очень похожа на стройное вишневое деревцо〈...〉	Артист говорил Ольге Ивановне, что *со своими льняными волосами и в венчальном наряде* она очень похожа на стройное вишневое деревцо〈...〉
〈...〉 Дымов по целым дням и ночам дежурил *около него.*	〈...〉 Дымов по целым дням и ночам дежурил *около его постели.*
〈...〉 увешала все стены *всплошь*〈...〉	〈...〉 увешала все стены *сплошь* 〈...〉
В столовой она *развесила на стенах лубочные картины, лапти и серпы,* поставила в углу косы и грабли, *а на полках простую глиняную посуду* 〈...〉	В столовой она *оклеила стены лубочными картинами, повесила лапти и серпы,* поставила в углу косы и грабли 〈...〉
〈...〉 начинала жадно искать новых и новых великих людей, находила и опять искала. Для чего? *Ей казалось, что если бы она увидела настоящего великого человека, например, Пушкина или Глинку, то она умерла бы от наслаждения, и она надеялась, что, рано или поздно, она встретит такого человека.*	〈...〉 начинала жадно искать новых и новых великих людей, находила и опять искала. Для чего?
Ольга Ивановна испугалась, *а он* кротко улыбнулся и сказал 〈...〉	Ольга Ивановна испугалась. *Он* кротко улыбнулся и сказал 〈...〉
〈...〉 вслед за нею с большим зонтом и складным стулом вошел Рябовский.	〈...〉 вслед за нею с большим зонтом и складным стулом вошел *веселый, красощекий* Рябовский.
— Хорошо, *мама.*	— Хорошо.
Ах, я *ничего* не знаю..	Ах, я *ничего, ничего* не знаю...
Ольга Ивановна сидела за перегородкой на кровати и воображала себя то в гостиной, то в спальне 〈...〉	Ольга Ивановна сидела за перегородкой на кровати и, *перебирая пальцами свои прекрасные льняные волосы,* воображала себя то в гостиной, то в спальне 〈...〉
Помнишь, на правом плане лес, а на левом — *дорога*	Помнишь, на правом плане лес, а на левом — *стадо коров и гуси.*
Она вдруг почувствовала себя *глубоко оскорбленной* 〈...〉	Она вдруг почувствовала себя *оскорбленной* 〈...〉
«Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик *не страдал*» 〈...〉	«Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик *не стонал*» 〈...〉
〈...〉 Рябовский готовит к выставке нечто поразительное, отчего все, кто бывает в его мастерской, приходят в восторг〈...〉	〈...〉 Рябовский готовит к выставке нечто поразительное, *смесь пейзажа с жанром, во вкусе Поленова*, отчего все, кто бывает в его мастерской, приходят в восторг 〈...〉

И вспоминала она также, что в последний раз он приходил к ней в каком-то *синем пиджачке* и в новом галстуке и спрашивал томно: «Я красив?» И в самом деле, он был очень красив ⟨...⟩

Один из докторов нечаянно *тронул клавиш у рояля*, и как-то странно и робко *прозвучала нота* ⟨...⟩

Уже... *Признак не того... не благоприятный.* И сердце неважно работает.

Шрек, грек, *дрек*, врек... крек... Шрек, грек, *дрек*...

⟨...⟩ это был в самом деле *редкий, необыкновенный* и, в сравнении с теми, кого она знала, великий человек.

И вспоминала она также, что в последний раз он приходил к ней в каком-то *сером сюртучке с искрами* и в новом галстуке и спрашивал томно: «Я красив?» И в самом деле, он, *изящный, со своими длинными кудрями и с голубыми глазами*, был очень красив ⟨...⟩

Один из докторов нечаянно *чему-то засмеялся* и как-то странно и робко *прозвучал этот смех* ⟨...⟩

Уже... И сердце неважно работает.

Шрек, грек, врек... крек... Шрек, грек...

⟨...⟩ это был в самом деле *необыкновенный, редкий* и, в сравнении с теми, кого она знала, великий человек.

СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ РАССКАЗА «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

Сообщение К. М. Виноградовой

Работа над рассказом «Дама с собачкой» почти не нашла отражения в письмах Чехова. Немногие упоминания об этом рассказе относятся лишь к срокам окончания работы и присылки рукописи в редакцию. По этим письмам можно установить, что Чехов работал над рассказом осенью 1899 г. в Ялте. Основная работа шла, по-видимому, в сентябре — октябре 1899 г., а 30 октября рукопись уже была отослана Чеховым В. А. Гольцеву.

В рассказе использованы три записи из записной книжки Чехова. Одна из них, содержащая рассуждения о тайне, очень отдаленно вошла в рассказ своей философской темой. Две другие записи касаются незначительных деталей, не связанных органически с основным сюжетом. Это упоминание о губернаторской дочке в ложе провинциального театра и сравнение кружев на дамском белье с чешуей.

Рассказ «Дама с собачкой» дошел до нас в двух редакциях: первопечатный текст в журнале «Русская мысль» 1899 г., № 12, и позднейший текст 1903 г. (А. П. Чехов. Собрание сочинений, т. XII. СПб., изд. Маркса, 1903). Обе редакции существенно отличаются друг от друга.

Все изменения, осуществленные писателем, углубляют главную мысль рассказа. Даже небольшие текстовые исправления усиливают идейную и художественную значимость рассказа. Наиболее значительная правка произведена Чеховым во второй и третьей главах рассказа. В первой главе сделаны лишь мелкие стилистические изменения.

В общей композиции рассказа, в художественном раскрытии его идейного замысла вторая глава является наиболее значительной. Центральной, глубоко лирической темой проходит в ней тема Анны Сергеевны. Дама с собачкой, с вульгарной лорнеткой в руках (которую она, кстати сказать, теряет в первой же прогулке с Гуровым), становится бесконечно трогательной в своей любви: «От нее веяло чистотой порядочной, наивной, мало жившей женщины» (IX, 361). Гуров же смотрит на свое сближение с Анной Сергеевной как на весьма обычное для него увлечение: спокойно, равнодушно, даже несколько презрительно. Разница в переживаниях героев раскрывается в первом же их серьезном разговоре. Небольшая сценка эта, построенная на контрастах душевного состояния Анны Сергеевны и Гурова, подвергается изменениям при подготовке рассказа для собрания сочинений.

Так, в картину душевного состояния Анны Сергеевны после сближения с Гуровым, данную в журнальном тексте глазами Гурова, Чехов вносит всего лишь два слова: «очень серьезно», которые меняют интонацию этой фразы.

«Анна Сергеевна, эта „дама с собачкой", к тому, что произошло, отнеслась как-то особенно, *очень серьезно*, точно к своему падению,— так казалось, и это было странно и некстати»*.

---

* Здесь и в последующих примерах вставки Чехова выделены курсивом; зачеркнутые им части текста даются в прямых скобках.

Перенеся сюда стоявшие в журнальном тексте в следующей фразе слова: «она стала серьезной» и несколько изменив их: «отнеслась... очень серьезно», Чехов подчеркнул глубину переживаний Анны Сергеевны.

Душевному смятению и тревоге Анны Сергеевны противопоставлено в рассказе спокойное, равнодушное, граничащее с пошлостью, поведение Гурова. В тот именно момент, когда Анна Сергеевна «задумалась в унылой позе, точно грешница на старинной картине», Гуров спокойно подходит к столу, на котором был арбуз, отрезает себе ломоть. В позднейшей редакции Чехов добавил еще одну выразительную деталь: «На столе стоял арбуз. Гуров отрезал себе ломоть *и стал есть не спеша*. Прошло по крайней мере полчаса в молчании».

Чехов исключает слова Анны Сергеевны: «Это больше никогда не повторится. Клянусь!» — и заменяет их предельно лаконичным восклицанием, которое передает смятение Анны Сергеевны: «Это ужасно».

Существенно изменяется Чеховым разговор Анны Сергеевны с Гуровым. В журнальном тексте Гуров прерывает взволнованную исповедь Анны Сергеевны грубоватыми репликами, в которых сквозит эгоизм самодовольного мужчины, избалованного успехом у женщин, и полное безразличие к душевному состоянию Анны Сергеевны. В позднейшем тексте Чехов сильно сокращает рассказ Анны Сергеевны и целиком исключает все реплики Гурова, обличающие его. После эпизода с арбузом они уже не нужны, так как все уже выражено одной этой деталью. Диалог превращается таким образом в монолог Анны Сергеевны.

Журнальный текст

Вы должны выслушать меня. Я расскажу вам, отчего это произошло.

— Мне ничего не нужно знать, решительно ничего!

— Но позвольте мне рассказать, мне станет легче...

— После, милая! — сказал он и поправил ее волосы.— Зачем делать такое серьезное, умное лицо? Это, извини, даже немножко неумно, потому что не соответствует обстоятельствам.

— Нет, вы должны меня выслушать. Прошу вас. Я вам уже говорила, что я вышла замуж и поехала с мужем в С. Живут же другие в провинции, отчего мне не жить? Но мне С. стал противен с первой же недели: как выгляну в окно, а там серый забор — о боже мой! Ложилась в девять часов спать и только развлечения, что в три часа обед, а в девять спать.

Текст собрания сочинений

Чем мне оправдаться? Я дурная, низкая женщина, я себя презираю и об оправдании не думаю. Я не мужа обманула, а самое себя. И не сейчас только, а уже давно обманываю.

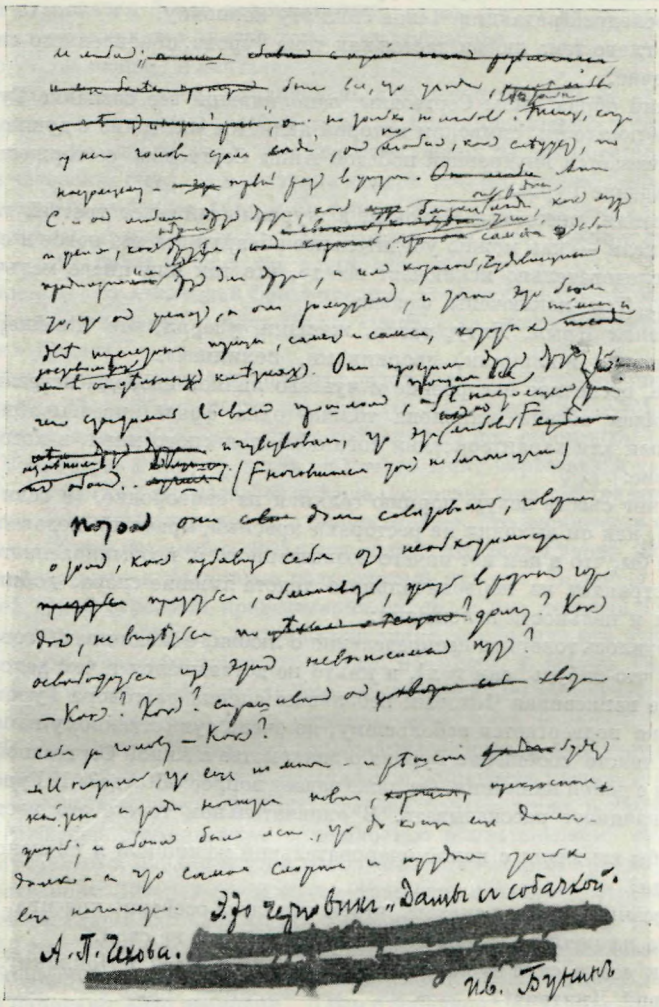
В окончательном тексте Чехов снимает и ту восторженную характеристику, которую дает Гурову Анна Сергеевна. «Я чувствую, вы добрый, вы хороший человек,— говорила она. — Я вас мало знаю, но почему-то вы мне кажетесь таким добрым, порядочным, умным, вы не такой, как все, и поймете меня».

Теперь, после сцены с арбузом, эта характеристика становится неуместной, внутренне не мотивированной. То, что интуитивно уже почувствовала в Гурове Анна Сергеевна, пока еще не ясно читателю. До эпизода с поездкой в Ореанду Чехов оставляет Гурова таким, каким он сам привык воспринимать себя и каким видел его читатель.

Сложный процесс внутреннего пробуждения Гурова, обновленного любовью, наступает позднее, и Чехов с большой психологической тонкостью постепенно раскрывает его перед читателем. Подлинный строй души Гурова раскрывается в поэтической, полной глубокого смысла, поездке Анны Сергеевны и Гурова в Ореанду. Этой прогулкой начинается перелом в мироощущении Гурова. Любовь молодой красивой женщины, картины южной природы, не смолкающий шум моря — все это заставило Гурова задуматься о смысле жизни, о том, «как в сущности все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем *о высших целях бытия*, о своем человеческом достоинстве» (IX, 363).

Выделенные слова отсутствовали в журнальном тексте.

Все изменения, внесенные Чеховым во вторую главу, направлены к тому, чтобы подчеркнуть значение поездки в Ореанду в раскрытии основной идеи рассказа. Так, Чехов исключает следующий отрывок: «Гуров наслаждался, хотя и сознавал, что эти впечатления ему ни к чему, совсем не нужны, так как его жизнь не была ни прекрасной ни величавой и не было желания, чтобы она когда-нибудь стала такой». Это были мысли



ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ РАССКАЗА «ДАМА С СОБАЧКОЙ» (ОСЕНЬ 1899 г.
Последний лист рукописи. Внизу надпись И. А. Бунина
Литературный музей, Москва

прежнего Гурова, Гурова до встречи с Анной Сергеевной. Теперь же любовь к Анне Сергеевне открывала ему другой мир и тем самым разбудила в нем способность воспринимать прекрасное.

С большой последовательностью Чехов и здесь вычеркивает излишне восторженную характеристику, данную Гурову Анной Сергеевной: «Еще немного и я увлеклась бы вами серьезно. Вы такой хороший, такой милый, чудный, редкий человек. Вас так легко полюбить! Но зачем любовь? Она разбила бы мою жизнь. Любить вас тайком, скрываться от всех — разве это не ужасно».

Глава заканчивается лирическим раздумьем Гурова, возвращающегося после отъезда Анны Сергеевны. Гуров, растроганный и грустный, анализируя свое отношение к Анне Сергеевне, испытывает легкое раскаяние. «Ведь эта молодая женщина, с которой он больше уже никогда не увидится, не была с ним счастлива... она называла его добрым, необыкновенным, возвышенным; очевидно, он казался ей не тем, чем был на самом деле, значит невольно обманывал ее...» (IX, 364).

В журнальном тексте эти думы Гурова заканчивались словами: «и теперь ему было неловко». В последней редакции Чехов снял эту концовку.

В третьей главе тема любви дается как тема Гурова, обновленного своим чувством к Анне Сергеевне.

Поэтический образ Анны Сергеевны, заполнивший все сознание Гурова, сталкивается с миром пошлости, символом которой является «осетрина с душком». Это столкновение заканчивается внутренней победой Анны Сергеевны, ее торжеством — происходит перерождение Гурова.

Все изменения, внесенные Чеховым в журнальный текст третьей главы, направлены к одной цели — как можно убедительнее обнаружить это новое в облике Гурова.

Чехов последовательно исключает все то, что так или иначе мельчит и снижает образ Гурова. Так исключены фразы:

«... он бранил Крым, Ялту, татар, женщин, уверял, что Швейцария лучше».

«... ссорился с жильцами, дворниками, полицией».

«... легкое, беспечное настроение и чувство личной свободы исчезли».

В следующем абзаце оставлена только одна фраза, чрезвычайно лаконичная и выразительная для характеристики того обывательского мира, в который окунулся Гуров в Москве:

«Уже он мог съесть целую порцию селянки на сковородке, [и если бы Анна Сергеевна видела, как он выходил из ресторана красный, мрачный, недовольный, то быть может поняла бы, что в нем нет ничего возвышенного и необыкновенного]».

Чехов устраняет из первоначального текста лишние слова, добиваясь большей сдержанности и цельности изложения:

«И приходилось говорить неопределенно о любви, о женщинах, [говорил он долго, просил спеть что-нибудь, сам пел], и никто не догадывался в чем дело».

Блестяще написанная Чеховым небольшая сценка разговора Гурова с партнером по клубу тоже подвергается небольшому, но очень существенному изменению. В первоначальном тексте сообщение Гурова о знакомстве с Анной Сергеевной встречено его собеседником с долей внимания. Он даже задает вопрос: «Когда?» И Гуров, ободренный вниманием, начинает рассказывать. В окончательном тексте это место вычеркнуто.

— Если бы вы знали с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

[— Когда?

— Этой осенью. Нельзя сказать, чтобы она была особенно красива, но впечатление она произвела на меня неотразимое. Я до сих пор сам не свой.]

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и [окликнул] воскликнул:

— Дмитрий Дмитрич!

— Что?

— А давеча вы были правы: осетрина-то [была не свежая!] с душком!

В позднейшем варианте слова Гурова не вызывают даже минутного интереса у собеседника, который весь поглощен сытным ужином. В ответ Гуров слышит лишь оскорбившую его и прозвучавшую таким контрастом его мыслям и чувствам фразу об «осетрине с душком». В журнальном тексте было: «осетрина-то не свежая». Изменяя фразу, Чехов усиливает ее бытовую обывательскую интонацию.

Этот разговор, прежде показавшийся бы Гурову таким обычным, теперь открыл ему глаза на всю пошлость окружающей его жизни. «Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры всё об одном» (IX, 366). Дальше в журнальном тексте стояло: «Не хотелось никуда идти, ни о чем говорить. А в ушах раздавались слова: „Осетрина была не свежая!“».

В позднейшей редакции Чехов снял это второе упоминание об осетрине. Оно стало уже лишним. Теперь не только «осетрина», а вся обывательская сущность окружающей действительности начинает давить Гурова. Гуров старается бежать, уйти от этой пошлости. Он, неожиданно для себя самого, едет в С., к Анне Сергеевне, но и там видит ту же серую пошлость: серый, запыленный номер гостиницы, длинный серый забор у дома Анны Сергеевны, серую провинциальную публику в театре с его плохим оркестром и дрянными скрипками. Некоторые фразы этого отрывка подвергаются стилистической правке и становятся более лаконичными:

«[Действительно], как раз против дома тянулся забор».

«Думал [о своей любви] и мечтал».

«Он соображал [о том, что]: сегодня день неприсутственный».

Встретив здесь, в обывательской обстановке провинциального театра, Анну Сергеевну, Гуров впервые «понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека; она〈...〉 наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя» (IX, 368). Шумная театральная толпа перестала для него существовать. Он весь отдался этой короткой встрече, и думал: «Господи! К чему эти люди, этот оркестр...».

В журнальном тексте последней фразе предшествовали слова: «Как это мучительно, тягостно!!..». В окончательном тексте Чехов снимает их, устраняя излишнюю аффектацию в мыслях Гурова.

Процесс обновления Гурова передан еще одной деталью, которую писатель настойчиво подчеркивает. Первый раз, когда он, приехав в С., ходил возле дома Анны Сергеевны, «у него вдруг *забилось сердце*, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица» (IX, 367). Второй раз в театре, когда он увидел Анну Сергеевну в партере, «*сердце у него сжалось*». И третий раз, когда он и Анна Сергеевна шли «бестолково» по коридорам, по лестнице театра, у Гурова «*сильно билось сердце*». Это забившееся сердце Гурова и было торжеством Анны Сергеевны, было тем новым, что дала Гурову любовь. Пошловатый роман превратился в подлинное человеческое чувство. Большая любовь обыкновенных людей стала огромной нравственной силой, и она помогла Гурову освободиться от той пошлости, которая, подобно ржавчине, отравляла его душу.

Однако авторский замысел рассказа не был исчерпан. В жизни Анны Сергеевны и Гурова назревает новый конфликт: любовь, обогатившая их высокими человеческими чувствами, приходит в столкновение с условной мещанской моралью.

Этот новый конфликт и составляет содержание четвертой, заключительной главы рассказа. Рассказ о любви становится рассказом о сложности жизни, о ее противоречиях. Все лучшее, человеческое — любовь, красота, благородство, возвышенные мысли и чувства — неизбежно сталкиваются с пошлостью обывательского существования, и создается запутанный и сложный узел отношений, из которых трудно найти выход.

В Государственном Литературном музее хранится последняя страница черновой рукописи четвертой главы рассказа «Дама с собачкой». Это страница почтовой бумаги размером 22×14 см. Текст написан на одной стороне черными чернилами, в нем много вставок, зачеркиваний. Рукопись ранее принадлежала И. А. Бунину. В конце страницы его рукой написано: «Это черновик „Дамы с собачкой“ А. П. Чехова». Дальше две строчки тщательно им зачеркнуты и ниже стоит подпись: «Ив. Бунин».

Черновые рукописи художественных произведений Чехова и в особенности рукописи его последних рассказов (кроме полной рукописи рассказа «Невеста») остаются неизвестными, поэтому каждая найденная страница чернового чеховского текста представляет большую ценность. Воспроизводим этот текст:

... не любил; [а лишь сбивал с пути, потом развлекался и все более презирал] было все, что угодно [кроме любви и те из «низшей расы»] 〈от?〉 но только не любовь. И только теперь, когда у него голова стала седой, он полюбил, как следует, по-настоящему — [и это] первый раз в жизни. [Они люби〈ли〉] Анна С. и он любили друг друга, как [муж] очень родные близкие люди, как муж и жена, как нежные друзья, [им казалось, что они] [и свыклись как будто] точно сам[ой]а судьба предназнач[ены]ила их

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДАМА С СОБАЧКОЙ»
Акварель Кукрыниксов, 1945—1946 гг.
Третьяковская галерея, Москва

друг для друга, и им казалось чудовищным то, что он женат, а она замужем, и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых [посадили] поймали и заставили жить в отдельных клетках. Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, [и] прощали все в настоящем, [жалели друг друга] и чувствовали, что эта [их] их любовь (начавшаяся так неблагополучно) [сделала] изменила их обоих... [лучше] [к лучшему].

Потом они [сове] долго советовались, говорили о том, как избавить себя от необходимости [прятаться] прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видеться по [целым месяцам?] долгу? Как освободиться от этих невыносимых пут?

— Как? Как? спрашивал он, [и хватал себя] хватая себя за голову — Как?

И казалось, что еще немного и решение [дальше] будет найдено и тогда начнется новая, [хорошая] прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко — и что самое сложное и трудное только еще начинается.

Рукопись наглядно свидетельствует о том, с какой тщательностью писатель работает над образом Гурова, как он выбирает слова и выражения для характеристики Гурова, обновленного любовью к Анне Сергеевне; как настойчиво и последовательно устраняет Чехов в обрисовке Гурова слова и отдельные выражения, уместные для его характеристики в первые дни знакомства с Анной Сергеевной, но уже не соответствующие тому новому Гурову, каким он становится в конце рассказа.

Написанная первоначально в черновой рукописи фраза «а лишь сбивал с пути, потом развлекался», а также мысли о женщинах как о «низшей расе» — то, что было воз-

можно для Гурова до его встречи с Анной Сергеевной, устраняются Чеховым. Позднее Чехов выбрасывает и слова: «и все более презирал».

Чехов подчеркивает значительность чувства Гурова, настойчиво противопоставляя его любовь к Анне Сергеевне многочисленным прежним его увлечениям. Так, в следующем абзаце добавляются слова, усиливающие эту мысль:

«*И только* теперь, когда у него голова стала седой, он *по*любил, как следует, по-настоящему — [и это] первый раз в жизни».

Чехов постепенно вводит нужные слова, отвечающие авторскому замыслу.

«[Они любили] Анна С. и он любили друг друга, как [муж] очень родные близкие люди, как муж и жена, как нежные друзья».

Как видно из рукописи, в процессе работы в эту фразу вливаются слова: «родные», «близкие люди», «муж и жена», «нежные друзья».

Работая над продолжением этой фразы, Чехов еще более усиливает свою мысль:

[и свыклись, как будто]

[им казалось, что они] точно сам[ой]а судьба предназнач[ены]ила их друг для друга».

В отработанном виде эта фраза приобрела предельную четкость и лаконизм: «точно сама судьба предназначила их друг для друга».

Значительные в идейном и художественном плане дополнения внесены Чеховым в заключительную часть этой же фразы: «И точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых [посадили] поймали и заставили жить в отдельных клетках».

Первоначальное слово: «посадили» Чехов тут же в рукописи заменяет более сильным и образным: «поймали и заставили жить».

Следующая фраза: «Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом [и] прощали все в настоящем [жалели друг друга]».

Слова: «жалели друг друга» исключаются автором, и вся фраза становится более сдержанной, компактной и строгой: «Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали все в настоящем».

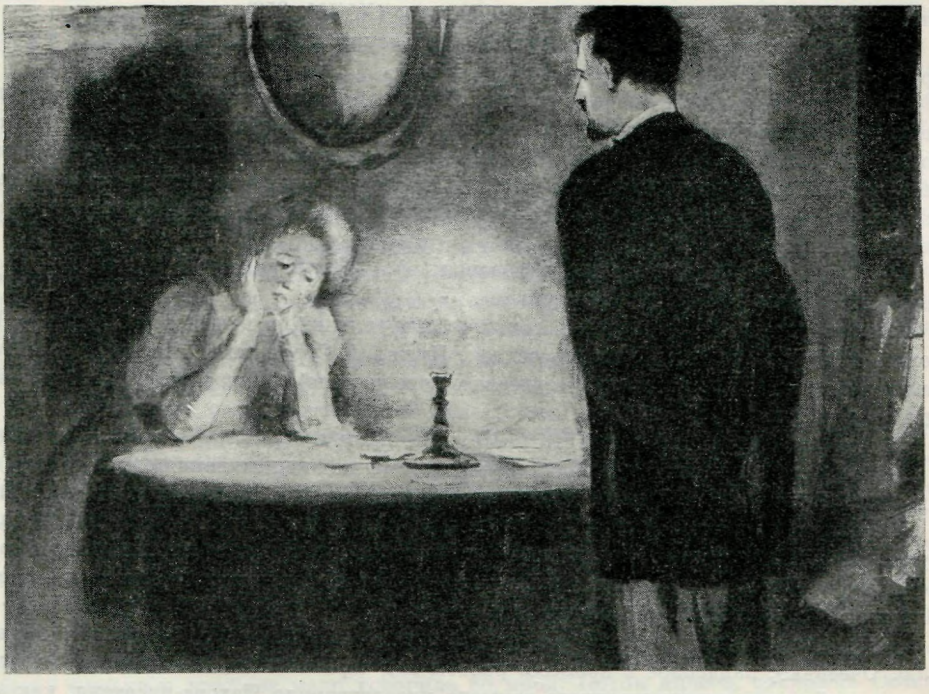


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

Акварель Кукрыниксов, 1945—1946 гг.

Третьяковская галерея, Москва

Не сразу был найден Чеховым и конец этой фразы. Рукопись иллюстрирует эти настойчивые поиски нужного словесного материала.

[их] их изменила
И чувствовали, что эта любовь [начавшаяся так неблагополучно] [сделала] их
[к лучшему]
обоих... [лучше].

В отработанном тексте эта строка читалась: «И чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих».

Считая, что главная задача художника — ставить правильно вопрос, Чехов из первоначальных вариантов чернового текста — «эта любовь сделала их обоих лучше», «изменила их обоих» — оставляет только одну мысль: «изменила их обоих», предоставляя читателю самому сделать заключение.

Раскрывая работу Чехова над последним абзацем рассказа, черновая рукопись показывает, как тщательно Чехов обдумывает конец рассказа, его заключительную интонацию и настойчиво ищет точных слов для выражения своей мысли.

Чехов в процессе работы исключает слово: «дальше», сохраняя более решительную интонацию: «будет найдено». В этой же фразе, характеризуя новую жизнь, Чехов заменяет недостаточно точное слово «хорошая» более сильным определением «прекрасная». В итоге вся фраза зазвучала более утвердительно, весомо: «И казалось, что еще немного и решение будет найдено и тогда начнется новая, прекрасная жизнь».

Посылая рассказ в журнал «Русская мысль», Чехов настойчиво просит В. А. Гольцева о присылке ему корректуры. 30 октября 1899 г. он пишет ему: «Посылаю заказною бандеролью рассказ для „Русской мысли". Пришли поскорее корректуру, я пошлифую его малость» (XVIII, 249).

13 ноября 1899 г. Чехов, возвращая корректуру в редакцию, пишет Гольцеву: «Посылаемое отправь в типографию, и пусть мне пришлют опять корректуру в исправленном виде. Надо еще раз прочесть. Исполни сию мою великую просьбу. Время терпит, так как до декабря или января еще далеко» (XVIII, 258).

Таким образом, Чехов дважды читал корректуру рассказа и вносил в нее исправления.

Сличение страницы черновой рукописи четвертой главы с журнальным текстом позволяет установить два весьма существенных изменения, сделанных Чеховым. Это, во-первых, включение следующего текста: «Прежде, в грустные минуты он успокаивал себя всякими рассуждениями, какие только приходили ему в голову, теперь же ему было не до рассуждений, он чувствовал глубокое сострадание, хотелось быть искренним, нежным...

— Перестань, моя хорошая,— говорил он.— Поплакала — и будет... Теперь давай поговорим, что-нибудь придумаем».

Включение этих строк идет в том же направлении, в каком осуществлена Чеховым и вся работа над текстом рассказа. Прежний Гуров легко отмахнулся бы пустыми рассуждениями от всяких серьезных переживаний. Теперешнему Гурову, очищенному от пошлости любовью, естественно быть прежде всего человечным.

Второе изменение касается того места, в котором говорится о том, что он женат, а она замужем. В черновой рукописи эта тема дается как переживания самих героев, от их лица. В журнальный текст вводятся дополнительные слова: «было непонятно».

Редактируя рассказ для собрания сочинений, Чехов снимает слова: «Это было чудовищно», и вся фраза освобождается от элемента личных переживаний героев, она перестает принадлежать только им, а становится одновременно и мыслью самого Чехова, выраженной в мягкой чеховской манере.

Остальной текст этой главы в собрании сочинений сохраняет журнальную редакцию. Очевидно, найденное в процессе работы над черновым текстом словесное воплощение идейного и художественного замысла удовлетворило Чехова-писателя, как это показано выше, весьма существенно переработавшего вторую и третью главы.

Это обстоятельство заставляет с особым вниманием отнестись к публикуемой страничке черновой рукописи рассказа.

АВТОГРАФ ДОБАВЛЕНИЙ КО ВТОРОМУ АКТУ «ВИШНЕВОГО САДА»

Сообщение А. Р. Владимирской

Известная беловая рукопись «Вишневого сада» содержит текст, несколько отличный от обеих прижизненных публикаций пьесы (сб. «Знание», 1903, кн. 2, СПб., 1904, и отдельное издание А. Ф. Маркса. СПб., 1904). Наиболее значительны разночтения начала и конца второго действия.

В архиве Музея МХАТ хранится авторская рукопись этих фрагментов, к которой восходит печатный текст. При ней — сопроводительная бумага на бланке Канцелярии Главного управления по делам печати от 15 января 1904 г. следующего содержания:

«Канцелярия Главного управления по делам печати препровождает при сем проживающему в г. Москве директору Московского Художественного театра Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко добавление ко второму действию, дозволенной драматическою цензурою к представлению на сцене, пиесы под названием: „Вишневый сад“».

Автограф начала и конца второго действия дает нам источник композиционных и текстовых исправлений, а также уточняет дату этих исправлений.

Чехов приехал из Ялты в Москву в первых числах декабря 1903 г. В Художественном театре шли в это время репетиции «Вишневого сада». Спустя десять лет, в 1914 г., Станиславский рассказывал об этом периоде: «Пьеса долго не давалась. Особенно второй акт ⟨...⟩ после нескольких первых спектаклей Чехов изменил конец этого акта, вычеркнув бывшую раньше заключительную сцену, следовавшую за кончающей теперь акт сценою Пети Трофимова и Ани» («Речь», 1914, № 177, от 2 июля).

Однако, судя по дате цензорского документа и тексту автографа, Чехов изменил композицию второго акта не «после первых спектаклей», а до премьеры (состоявшейся 17 января 1904 г.) и монолог Шарлотты из заключительной сцены не вычеркнул, а перенес в начало акта, конец же акта был им написан заново. Изменения эти были настолько серьезны, что потребовали отдельного цензурного разрешения.

Вот как начинался второй акт в беловой рукописи.

Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно означается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце*. Яша и Дуняша сидят на скамье, Епиходов стоит возле. Из усадьбы по дороге проходят Трофимов и Аня.

Аня. Бабушка одинока, очень богата. Она не любит мамы. В первые дни мне было тяжело у нее, она мало говорила со мной. Потом ничего, смеялась. Обещала прислать денег, дала мне и Шарлотте Ивановне на дорогу. Но как это жутко, как тяжело чувствовать себя бедной родственницей.

---

* *Текст*: Поле ~ солнце *совпадает с печатным текстом.*

Трофимов. Тут кто-то есть, кажется... Сидят. В таком случае пойдемте дальше.

Аня. Три недели я не была дома. Так соскучилась! (*Уходят*).

Дуняша (*Яше.*) Все-таки какое счастье побывать за границей!

В публикуемом ниже тексте автографа начала второго акта слова, вычеркнутые Чеховым, взяты в прямые скобки; разночтения с печатным текстом приведены в подстрочных примечаниях. Пунктуационные расхождения с печатным текстом не оговариваются.

Шарлотта, Яша и Дуняша сидят на скамье, Епиходов стоит возле. Епиходов играет на гитаре, все сидят задумавшись[а]. Шарлотта в старой фуражке; она сняла с плеч ружье и поправляет пряжку на ремне...

Шарлотта ([*задумчиво*] *в раздумье*). У меня нет настоящего паспорта, я не знаю, сколько мне лет, и мне все кажется, что я молоденькая. Когда я была маленькой девочкой, то мой отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, очень хорошие. А я прыгала salto-mortale и разные штучки. И когда папаша и мамаша умерли, меня взяла к себе одна немецкая госпожа и стала меня учить. Хорошо. Я выросла, потом пошла в гувернантки. А откуда я и кто я,— не знаю. Кто мои родители, может, они не венчались... Не знаю... (*Достает из кармана огурец и ест.*) Ничего не знаю. (*Пауза.*) Так хочется поговорить, а не с кем... Никого у меня нет...

Епиходов (*играет на гитаре и поет*). «Сколько счастья, сколько муки ты, любовь, несешь с собой...»[б] Как приятно играть на мандолине!

Дуняша. Это гитара, а не мандолина.

Епиходов. Для безумца, который влюблен, это мандолина. (*Напевает.*) «В час свиданья, в час разлуки...»[в] (*Яша подпевает.*)

Шарлотта. [Фуй как] Ужасно поют эти люди... фуй! Как шакалы.

Дуняша (*Яше*). Все-таки какое счастье побывать за границей!

Яша. Да, конечно. Не могу с вами не согласиться. (*Зевает, потом закуривает сигару.*)

Епиходов. Понятное дело, за границей всё давно уже в полной комплекции.

Яша. Само собой.

Епиходов. Я развитой человек, читаю разные [ученые] замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне собственно хочется, жить мне, или застрелиться, собственно говоря, но тем не менее я всегда ношу при себе револьвер. Вот он... (*Показывает револьвер.*)

Шарлотта. Кончила... Теперь пойду... (*Надевает ружье.*) [Ужинать дома не буду, скажете, чтоб не ждали (*идет*). Не с кем мне поговорить, никто меня не слушает, все одна, одна... Пойду.] Вы[г], Епиходов, очень умный человек и [необыкновенно умный, только нужно одну минуту послушать вас, чтобы стало противно] очень страшный. Вас[д]

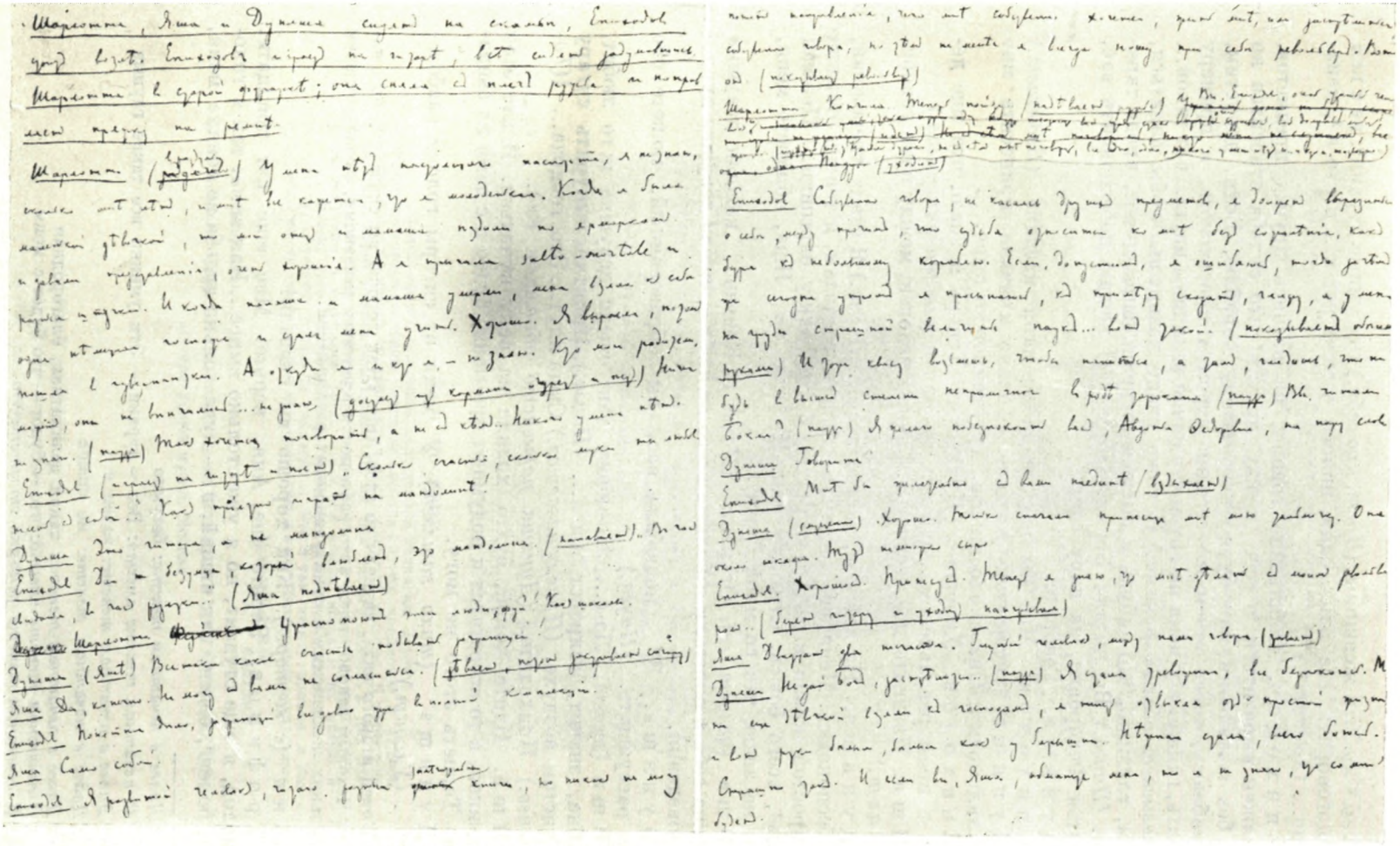
а *В печатном тексте вместо:* Епиходов ~ задумавшись—Епиходов стоит возле и играет на гитаре.

б *В печатном тексте вместо:* Сколько~собой—Что мне до шумного света, что мне друзья и враги...

в *В печатном тексте вместо:* В час ~ разлуки — Было бы сердце согрето жаром взаимной любви...

г *В печатном тексте вместо:* Вы — Ты.

д *В печатном тексте вместо:* Вас — Тебя.



А ТОГРАФ ДОБАВЛЕНИЙ КО ВТОРОМУ АКТУ «ВИШНЕВОГО САДА»

Лист 1 и 1 об.

Музей Художественного театра, Москва

должны[а] любить женщины. (*Идет, про себя.*) Все умные дураки[б], не с кем мне поговорить, все одна, одна, никого у меня нет и... и кто я[в], неизвестно... (*Уходит*[г].)

Епиходов. Собственно говоря, не касаясь других предметов, я должен выразиться о себе, между прочим что судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю, Если, допустим, я ошибаюсь, тогда зачем же сегодня утром я просыпаюсь, к примеру сказать, гляжу, а у меня на груди страшной величины паук... вот такой... (*Показывает обеими руками.*) И тоже квасу возьмешь, чтобы напиться, а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана. (*Пауза.*) Вы читали Бокля? (*Пауза.*) Я желаю побеспокоить вас, Авдотья Федоровна, на пару слов.

Дуняша. Говорите.

Епиходов. Мне бы желательно с вами наедине. (*Вздыхает.*)

Дуняша (*смущенно*). Хорошо. Только сначала принесите мне мою тальмочку. Она около шкафа. Тут немножко сыро.

Епиходов. Хорошо-с. Принесу-с. Теперь я знаю, что мне делать с моим револьвером... (*Берет гитару и уходит наигрывая.*)

Яша. Двадцать два несчастья. Глупый человек, между нами говоря. (*Зевает.*)

Дуняша. Не дай бог, застрелится... (*Пауза.*) Я стала тревожная, все беспокоюсь. Меня еще девочкой взяли к господам, я теперь отвыкла от простой жизни и вот руки белые, белые, как у барышни... Нежная стала[д], всего боюсь. Страшно так. И если вы, Яша, обманете меня, то я не знаю, что со мной будет[е].

Яша (*целует ее*). Огурчик! (*Пауза.*)[ж] Конечно, каждая девушка должна себя помнить, и я больше всего не люблю, ежели девушка дурного поведения.

Дуняша. Я[з] полюбила вас, вы образованный, можете обо всем рассуждать... (*Пауза.*)

Яша (*зевает*). Да-с... По-моему так: ежели девушка кого любит, то она, значит, безнравственная... (*Пауза.*) Приятно выкурить сигару на чистом воздухе. (*Прислушивается.*) Сюда идут... Это господа... [(*Торопливо.*) Приходите.] (*Дуняша порывисто обнимает его*).

Яша. Идите домой, будто ходили на реку купаться. Идите этой дорожкой, а то встретятся и подумают про меня, будто я с вами на свидании. Терпеть этого не могу.

Дуняша (*тихо кашляет*). У меня от сигары голова разболелась... (*Уходит.*)

Конец второго акта, начиная со слов Ани: «Как хорошо вы сказали», был написан Чеховым заново; текст автографа почти идентичен печатному, за исключением нескольких лексических и пунктуационных расхождений.

Аня (*в восторге*). Как хорошо вы сказали!

Трофимов. Верьте мне, Аня, верьте! Мне еще нет тридцати, я молод, я еще студент, но я уже столько вынес... Как зима, так я голоден, болен[и], беден, как нищий, и — куда только судьба не гоняла меня,

---

[а] *Далее в печатном тексте:* безумно

[б] *В печатном тексте вместо:* Все ~ дураки — Эти умники все такие глупые

[в] *Далее в печатном тексте:* зачем я

[г] *Далее в печатном тексте:* не спеша

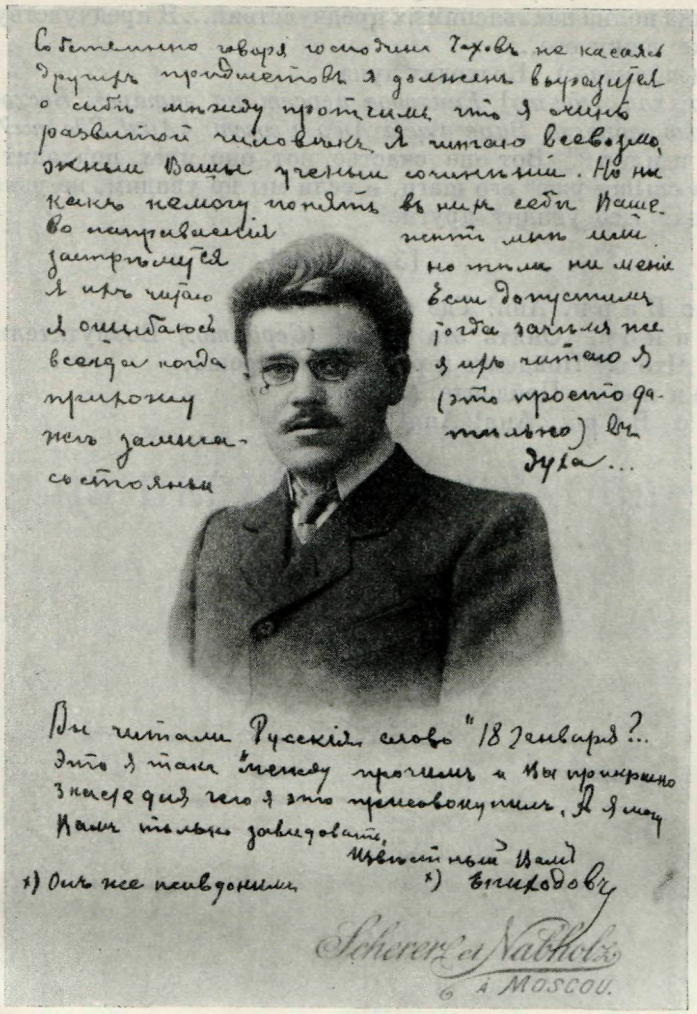
[д] *Далее в печатном тексте:* такая деликатная, благородная

[е] *В печатном тексте вместо:* что ~ будет — что будет с моим

[ж] *В печатном тексте ремарка отсутствует.*

[з] *Далее в печатном тексте:* страстно

[и] *Далее в печатном тексте:* встревожен,



И. М. МОСКВИН

Фотография с шутливой дарственной надписью Чехову: «Собствинно говоря господин Чехов не касаясь других придметов я должен выразится о сибе между протчим что я очинь развитой чиловек. Я читаю всевозможныи Вашы ученыи сочинении. Но ни как немогу понять в них себе Вашево направления жить мне или застрелится но тем ни мение я их читаю. Если допустим я ошибаюсь тогда зачем же всегда когда я их читаю я прихожу (это просто даже замичательно) в состояньи духа...
Вы читали «Русския слово» 18 генваря?... Это я так между прочим и Вы прикрасно знаете для чего я это присовокупил. А я могу Вам только завидовать.

Известный Вам
* Епиходов

* Он же псивдоним».

И.М. Москвин — первый исполнитель роли Епиходова в пьесе «Вишневый сад»

Литературный музей, Москва

где я только не был, и все же душа моя всегда, во всякую минуту, и днем и ночью была полна неизъяснимых предчувствий... Я предчувствую счастье, Аня, я уже вижу его...

А н я (*задумчиво*). Восходит луна...

Слышно, как [где-то] Епиходов играет на гитаре[а]. *Восходит луна. Где-то около тополей Варя ищет Аню и зовет: «Аня! Где ты?»*

Т р о ф и м о в[б]. Вот оно счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я слышу уже[в] его шаги, и если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!

[*З а н а в е с*]

Г о л о с В а р и. Аня! Где ты?

Т р о ф и м о в. Опять эта Варя! (*Сердито.*) Возмутительно!

А н я. Что ж? Пойдемте к реке. Там хорошо.

Т р о ф и м о в. Пойдемте. (*Идут.*)

Г о л о с В а р и. Аня! Аня!

З а н а в е с

а *Далее в печатном тексте*: все ту же грустную песню.

б *Далее в печатном тексте*: Да, восходит луна. (Пауза.)

в *В печатном тексте вместо*: слышу уже — уже слышу

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЧЕХОВА

НОВОНАЙДЕННЫЕ И НЕСОБРАННЫЕ ПИСЬМА ЧЕХОВА

М. Н. АЛЬБОВУ, И. Н. АЛЬТШУЛЛЕРУ, Л. Н. АНДРЕЕВУ, П. А. АРХАНГЕЛЬСКОМУ, Ю. К. БАЛТРУШАЙТИСУ, К. С. БАРАНЦЕВИЧУ, ЕЛИЗАВЕТЕ БИЛЕ, В. В. БИЛИБИНУ, И. Э. БРАЗУ, Р. Ф. ВАЩУК, М. Г. ВЕЧЕСЛОВУ, А. Л. ВИШНЕВСКОМУ, И. С. ВОЛОГДИНУ, В. А. ГОЛЬЦЕВУ, В. М. ДОРОШЕВИЧУ, Н. П. ДУЧИНСКОМУ, А. М. ЕВРЕИНОВОЙ, А. П. ЕВТУШЕВСКОМУ, С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКОМУ, М. К. ЗАНЬКОВЕЦКОЙ, А. И. ИВАНЕНКО, К. П. ИВАНОВУ, К. А. КАРАТЫГИНОЙ, К. Л. КНИППЕРУ, О. Л. КНИППЕР, М. М. КОВАЛЕВСКОМУ, И. М. КОНДРАТЬЕВУ, В. О. КОНОНОВИЧУ, Я. А. КОРНЕЕВУ, Г. П. КРАВЦОВУ, А. Е. КРЫМСКОМУ, В. М. ЛАВРОВУ, Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ, Н. А. ЛЕЙКИНУ, П. С. ЛЕФИ, Ю. И. ЛЯДОВОЙ, В. А. МАКЛАКОВУ, А. П. МАНТЕЙФЕЛЮ, Д. Л. МАНУЧАРОВУ, А. Н. МАСЛОВУ (БЕЖЕЦКОМУ), В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ, А. А. МИХАЙЛОВУ, Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ, М. К. ПЕРВУХИНУ, А. А. ПЕТРОВУ, М. Ф. ПОБЕДИМСКОЙ, Е. Я. ПОЛИТКОВСКОЙ, БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ, С. Ф. РАССОХИНУ, П. Г. РОЗАНОВУ, И. Н. САХАРОВУ, В. Н. СЕМЕНКОВИЧУ, А. П. СЕРГЕЕНКО, П. А. СЕРГЕЕНКО, К. М. СТАНЮКОВИЧУ, Л. А. СУЛЕРЖИЦКОМУ, Е. А. СЫСОЕВОЙ, И. Д. СЫТИНУ, В. С. ТЮФЯЕВОЙ, А. И. УРУСОВУ, А. М. ФЕДОРОВУ, О. И. ФЕЛЬДМАНУ, С. Н. ФИЛИППОВУ, Н. Н. ХМЕЛЕВУ, М. М. ЧЕМОДАНОВУ, Ф. А. ЧЕРВИНСКОМУ, Г. М. ЧЕХОВУ, И. П. ЧЕХОВУ, М. П. ЧЕХОВОЙ, П. Е. и Е. Я. ЧЕХОВЫМ, М. А. ЧЛЕНОВУ, Е. М. ШАВРОВОЙ, Ф. И. ШАЛЯПИНУ, Д. И. ЭФРОСУ, В. И. ЯКОВЕНКО, А. С. ЯКОВЛЕВУ, НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ, СЕРПУХОВСКОЙ УЕЗДНОЙ ПЕРЕПИСНОЙ КОМИССИИ

ПРИЛОЖЕНИЯ: I. ПИСЬМО ЧЕХОВА В ЗАПИСИ Л. А. АВИЛОВОЙ. II. НОВОНАЙДЕННЫЕ АВТОГРАФЫ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ ЧЕХОВА. III. ДРУГИЕ АВТОГРАФЫ ЧЕХОВА

Публикация Ш. Ш. Богатырева, В. П. Вильчинского, Н. И. Гитович, М. П. Гриельской, Е. Н. Дунаевой, И. С. Зильберштейна, М. Т. Колодочко, Е. Н. Коншиной, Ю. М. Миркиной, В. П. Нечаева, Э. А. Полоцкой, Н. А. Роскиной, М. В. Теплинского, И. В. Федорова, В. Е. Хализева, Б. Д. Хлестунова и Б. Д. Челышева

В настоящий раздел включены письма Чехова, не напечатанные в Полном собрании сочинений и писем. Бóльшая часть писем печатается впервые, другая часть опубликована в разное время в различных сборниках и периодических изданиях.

Первое из предлагаемых 145 писем относится к 1878 г., еще до начала литературной деятельности Чехова, последнее — написано за полтора месяца до смерти.

Большинство писем Чехова, адресованных близким друзьям и родственникам, дошло до нас полностью (или почти полностью) и опубликовано в Полном собрании сочинений и писем. Однако, например, в большой серии писем Чехова Лейкину были пробелы. Теперь эта часть корреспонденции Чехова пополняется семью новыми письмами.

Среди адресатов Чехова впервые появляются новые имена: ученый М. М. Ковалевский, участник революционного движения М. Г. Вечеслов, начинающая писательница-дилетантка Р. Ф. Ващук, журналист В. М. Дорошевич, врач И. Н. Альтшуллер, начальник острова Сахалина В. О. Кононович, издатели Н. П. Дучинский и Е. А. Сысоева, художник М. М. Чемоданов и другие.

По письмам чешского переводчика Борживоя (Бориса Федоровича) Прусика было известно, что существовал ряд писем к нему Чехова: редакция «Литературного наследства» получила из Литературного архива Национального музея в Праге фотокопии с автографов писем Чехова, которые и печатаются в настоящем разделе.

Большая часть писем печатается по автографам, хранящимся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, Государственном Литературном музее, Государственном Историческом музее, Государственном Русском музее, Институте русской литературы АН СССР (Пушкинском Доме), Центральном государственном архиве литературы и искусства, Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центральном государственном историческом архиве Дальнего Востока, а также у частных лиц: В. А. Евтушевского, И. Ф. Шаляпиной, Ю. Г. Оксмана, Б. А. Привалова, И. М. Саркизова-Саразини, покойной В. Ф. Шехтель-Тонковой.

Письма, тексты которых приводятся в воспоминаниях К. А. Каратыгиной, А. П. Сергеенко, Л. К. Федоровой и А. С. Яковлева, печатаются в тексте этих воспоминаний, в соответствующем разделе тома; в данном разделе обозначены лишь их номера (по хронологии).

Письмо к Л. А. Авиловой, автограф которого не сохранился, а текст воспроизведен адресатом по памяти, дается в первом приложении к разделу писем Чехова. Записку, приведенную по памяти, см. также в воспоминаниях З. Е. Пичугина.

Редакции «Литературного наследства» удалось обнаружить ряд автографов писем Чехова, напечатанных в собрании сочинений по копиям. Некоторые автографы позволяют восстановить купюры, сделанные М. П. Чеховой при первой публикации писем Чехова и затем повторенные при включении писем в двадцатитомное издание. Таковы, например, купюры в письмах Чехова к В. В. Билибину, текст которых впервые печатается ниже по автографам. Список вновь найденных автографов опубликованных писем дается во втором приложении к настоящей публикации. В третьем приложении печатается справка о других автографах Чехова, не являющихся собственно письмами и потому не включенных в данный раздел.

* * *

Чрезвычайно интересны литературные советы, которые Чехов давал своим собратьям по перу и начинающим писателям. Так, драматургу А. М. Федорову Чехов пишет: «Чувствуется сильное пристрастие к эффектам, эффект опережает мысль, и порой кажется, что сначала автор придумал эффекты, а около них уже потом стал лепить мало-помалу и пьесу». И в следующем письме: «...Название „Стихия" недостаточно просто, в нем чувствуется претенциозность. Кое-где выползает мастерство, а не искусство; так, подделка под декаданс...» Это письмо опытному уже литератору и драматургу перекликается с письмом совсем юной девушке, впервые пробующей силы в литературе,— Р. Ф. Ващук: «Что касается „Сказки", то, мне кажется, это не сказка, а набор таких слов, как гномы, фея, роса, рыцари,— все это фальшивые бриллианты, по крайней мере на нашей русской почве, по которой никогда не ходили ни рыцари, ни гномы, и на которой едва ли сыщете человека, могущего представить себе фею, обедающую росой и лучами. Бросьте это; надо быть искренней...» Требование искренности и простоты выражено и в письме Мейерхольду, где идет речь о театре (об игре актера, исполняющего роль Иоганнеса в пьесе Г. Гауптмана «Одинокие»): «Не следует подчеркивать нервности, чтобы невропатологическая натура не заслонила, не поработила того, что важнее, именно одинокости, которую испытывают только высокие, притом здоровые (в высшем значении) организации». Эта фраза очень важна и для актеров, исполняющих роли героев пьес Чехова; она перекликается со многими другими высказываниями Чехова о «нервности» и об «авторском спокойствии», например, с печатаемым ниже отзывом Чехова о рассказах Леонида Андреева: «„Иностранец" мне очень понравился. И „Иностранец" и „В тумане" — это два серьезные шага вперед. В них уже много спокойствия, авторской уверенности в своей силе, в них мало авторской нервности». О том же свойстве таланта — быть внешне холодным при большом внутреннем накале — пишет Чехов и Федорову, анализируя образ героини его пьесы «Стихия»: «Лидия художница, очень талантлива, а потому и холодна, у вас же она кое-где истерична, истерична в своем страдании». Эти суждения очень важны для понимания эстетических взглядов Чехова, они помогают опровергнуть представления о нем, как о художнике безразличном к предмету своего описания; совершенно ясно, что здесь идет речь лишь о форме выражения чувств художника, которая, как считал Чехов, должна быть «спокойной» и не должна быть «истеричной».

Встречаются в письмах Чехова и высказывания о собственном творчестве. Интересно признание Чехова, что его творческая деятельность стеснялась цензурой. Это признание касается повести «Моя жизнь» и сделано в письме к М. Г. Вечеслову, который надеялся получить у Чехова — для шведского переводчика — экземпляр без цензурных купюр. «Когда повесть „Моя жизнь" печаталась в „Приложениях Нивы", то цензура обрезала ее в нескольких местах; в книгу же («Рассказы: 1) „Мужики" 2) „Моя жизнь"») она вошла вся. Понятно, что повесть, даже напечатанная in toto, должна производить впечатление урезанной, так как когда я писал ее, то не забывал ни на минуту, что пишу для подцензурного журнала».

Интересна в этом отношении также и более ранняя переписка с Лейкиным, где имеется несколько новых свидетельств о вмешательстве цензуры в чеховские рассказы (и вмешательстве Лейкина, предупреждающем цензуру).

Во многих письмах содержатся суждения Чехова о литераторах и их произведениях. Так, например, в письме Билибину 1886 г. дана интересная характеристика Лейкина: «Как фирма, для „Осколков" он необходим, ибо известный редактор лучше, чем неизвестный. Человечество ничего не потеряет, если он перестанет писать в „Осколках" (хотя его рассказы едва ли можно заменить чем-нибудь лучшим за отсутствием пишущих людей), но „Осколки" потеряют, если он бросит редакторство. Помимо популярности, где вы найдете другого такого педанта, ярого письмописца, бегуна в цензурный комитет и проч.?»

Многие широко известные черты чеховской личности проявляются в публикуемых письмах. «Вы пишете: „...может быть, наша масть вам уже не под стать". Этакие слова грех писать. Неужели вы думаете, что я уже успел сделаться скотиной? Нет-с, подождите немножко, теперь еще пока рано, еще не испортился, хоть и начал жить. Да и в будущем я едва ли буду делить людей на масти». Эта скромность Чехова, его внимание к людям, проявляется во многих из печатаемых писем. Он сообщает писателю Лазаревскому, что прочел хорошую рецензию на его произведения, посылает в журнал повесть начинающего писателя Грекова, заботится о приезжающих в Ялту больных, платит в гимназию за незнакомого мальчика, лечит десятки и сотни людей.

Внимание читателя привлечет серия писем, посланных Чеховым на Сахалин, после возвращения из поездки. В них отразились те моральные обязательства, которые добровольно взял на себя Чехов по отношению к жителям Сахалина. Он вникает во все детали работы сахалинских школ, во все их нужды, организует посылку книг, с присущей ему добросовестностью собственноручно переписывает списки отправляемых книг.

История поездки Чехова на Сахалин и связанных с нею наблюдений дополняется и публикуемыми письмами Чехова к Д. Л. Манучарову. В них идет речь о брате адресата — Иване Львовиче Манучарове, народовольце, переведенном после отбытия десятилетней каторги на поселение на Сахалин. В одном из этих писем мы впервые находим у Чехова характеристику положения на Сахалине политических ссыльных.

Письма Чехова ранних лет поражают полнокровностью, кипучестью, за ними ощущается разносторонняя деятельность живущего напряженной жизнью человека. Чехов трудится в поте лица («ложишься в пятом часу утра»,— пишет он в 1883 г.), занимаясь на медицинском факультете, «работая в 6—7 изданиях», встречаясь с друзьями. Он полон литературных замыслов («с удовольствием написал бы юмористическую медицину в 2—3 томах! Перво-наперво рассмешил бы пациентов, а потом бы уж и лечить начал»), мечтает о путешествиях (на Волгу, на юг). И в одном из последних писем, в 1904 г., он выражает желание поехать в Норвегию (что, вероятно, связано, с его последним замыслом — написать пьесу, героями которой должны были быть участники полярной экспедиции). Но самый тон поздних писем сильно меняется; они кратки, в них часто встречаются жалобы на плохое самочувствие, болезнь и проскальзывает сознание безнадежности своего состояния.

Среди печатаемых писем есть письма к переводчикам произведений Чехова на иностранные языки. Так, много лет продолжалась связь Чехова с чешским переводчиком Борживоем Прусиком, который перевел много рассказов и пьес Чехова. В Чехословакии же переводила Чехова и Елизавета Била. Из переписки

с М. Г. Вечесловым, высланным за организацию социал-демократического кружка и жившим в Швеции, мы узнаем об интересе к Чехову шведских переводчиков. С М. М. Ковалевским Чехов переписывается по поводу перевода своих произведений на французский язык. Переводчик русских писателей на греческий язык П. С. Лефи присылает Чехову сборник своих переводов, в который включены и рассказы Чехова.

Печатаемые письма дают много ценных дополнений для изучения биографии и творчества Чехова. В них мы находим неизвестные суждения о новых произведениях литературы, о современных ему литераторах, о героях своих и чужих произведений. Мы получаем дополнительные сведения о том, какое энергичное участие принимал Чехов в общественной жизни, сколько времени, сил и средств отдал он общественному труду — лечению крестьян, помощи ссыльным, распространению книг на Сахалине. Мы еще раз убеждаемся в большом интересе, вызванном уже в те годы произведениями Чехова за рубежом.

* * *

В подготовке настоящей публикации принимали участие следующие лица:

Ш. Ш. Богатырев — письма к Елизавете Биле и Борживою Прусику.

В. П. Вильчинский — письма к Е. А. Сысоевой.

Н. И. Гитович — письма к М. Н. Альбову, И. Н. Альтшуллеру, Л. Н. Андрееву, В. В. Билибину (от 22 февраля 1892 г.), А. Л. Вишневскому (от 10 июня 1903 г.), В. А. Гольцеву, А. М. Евреиновой, С. Я. Елпатьевскому, М. К. Заньковецкой, А. И. Иваненко, К. Л. Книппер, М. М. Ковалевскому, Н. А. Лейкину (от 17 июня 1884 г., 17 июля 1885 г. и 21 февраля 1889 г.), Б. А. Лазаревскому, В. Э. Мейерхольду, М. К. Первухину, П. Г. Розанову, В. Н. Семенковичу (от 25 мая и 23 сентября 1896 г. и 24 июля 1897 г.), К. М. Станюковичу, И. Д. Сытину, О. И. Фельдману, Н. Н. Хмелеву, М. П. Чеховой (телеграмма и письмо от 4 июня 1901 г.), П. Е. и Е. Я. Чеховым, В. Н. Яковенко (от 31 июля 1893 г.).

М. П. Гриельская — письма к М. Г. Вечеслову, И. М. Кондратьеву, П. С. Лефи, А. А. Михайлову, Г. М. Чехову, М. А. Членову, М. М. Чемоданову.

Е. Н. Дунаева — письма к Н. П. Дучинскому и А. Е. Крымскому.

И. С. Зильберштейн — письма к И. Э. Бразу и А. Н. Маслову (Бежецкому).

М. Т. Колодочко — письмо к А. П. Евтушевскому.

Е. Н. Коншина — письма к О. Л. Книппер, Н. А. Лейкину (от 24 апреля 1897 г.), М. Ф. Победимской, И. Н. Сахарову, М. П. Чеховой (28 августа 1900 г.), И. П. Чехову.

Ю. М. Миркина — письма к А. Л. Вишневскому (от 21 октября 1899 г.), Я. А. Корнееву, Н. Н. Оболонскому (октябрь 1892 г.), П. А. Сергеенко (от 30 декабря 1901 г.), В. Н. Семенковичу (от 16 августа 1897 или 1898 г.), Е. М. Шавровой, Д. И. Эфросу.

В. П. Нечаев — письма к К. С. Баранцевичу, А. А. Петрову, В. С. Тюфяевой.

Э. А. Полоцкая — письма к Р. Ф. Ващук и Д. Л. Манучарову.

Н. А. Роскина — письма к Ю. К. Балтрушайтису, К. П. Иванову, В. М. Лаврову, В. А. Маклакову, Н. Н. Оболонскому (1890-е гг., С. Ф. Рассохину, П. А. Сергеенко от 30 июня 1903 г.).

М. В. Теплинский — письма к И. С. Вологдину, В. М. Дорошевичу и В. О. Кононовичу.

И. В. Федоров — телеграмма А. И. Урусову.

В. Е. Хализев — письма к В. И. Яковенко (кроме письма от 31 июля 1893 г.).

Б. Д. Челышев и Б. Д. Хлестунов — письма к Г. П. Кравцову.

Остальные письма подготовлены редакцией «Литературного наследства», в том числе письма к В. В. Билибину, Н. А. Лейкину (от 20 мая и 11 августа 1884 г. и 29 августа 1895 г.), Ф. А. Червинскому, автографы которых были любезно предоставлены Ю. Г. Оксманом, за что редакция приносит ему глубокую благодарность.

1

П. Е. и Е. Я. ЧЕХОВЫМ

〈Таганрог. 20 июня 1878 г.〉

Дозволено цензурой, с тем, чтобы по отпечатании в цензурный комитет было доставлено узаконенное число экземпляров.

Цензоры: Папа Лев XII
Бисмарк
Осман Паша
Архимандрит Феофилакт с братиею
Иван Чехов. Грек Злое мое произволение
Шах Наср-Эдин, Барон фон Горой его положь
Музиль. Наутилус. Абдул-Гамид.

Автограф. ЛБ, ф. 331, 81/82.

Это — приписка на письме тетке Чехова Ф. Я. Долженко к родителям Чехова (о Долженко — см. в воспоминаниях Н. П. Чехова в настоящем томе). Дата поставлена рукой М. П. Чеховой.

2

Г. П. КРАВЦОВУ

〈Москва. Конец декабря 1880 или 1881 г.〉

Глубокоуважаемый
Гавриил Павлович!

Имею честь я, Антон Чехов, поздравить вас и все ваше уважаемое добрейшее семейство с Новым годом и пожелать вам всего лучшего. Как вы поживаете? Я поживаю хорошо: сыт, одет, здоров. Поклон Наталье Парфентьевне [1], мальчикам [2], вашим двум девочкам, Зое и Нине, и лесу. Потрудитесь передать поклон Пете и напомнить ему о моем грешном существовании. В Москве весело. Если хотите осчастливить строчкой, то пишите в университет. Полный приятнейшего воспоминания о вашем радушнейшем гостеприимстве[3], имею честь быть покорнейший слуга

Чехов

Господам Цветковым поклон. Если хотят, чтобы я выслал им семян, то пусть пришлют письмо с обозначением имен и количества семян [4]. Кстати, нужно ли вам цветочной дребедени? Могу выслать. Паве поклон. Я от него осенью имел удовольствие получить письмо [5].

Автограф. Хранится у Б. Д. Челышева (г. Шахты). (Впервые опубликовано в журнале «Дон», 1957, № 7, стр. 157).

Гавриил Павлович *Кравцов* — владелец хутора Рагозина Балка, отец Пети Кравцова, которого Чехов, будучи гимназистом старших классов, готовил в юнкерское училище.

[1] *Наталья Парфентьевна* — жена адресата, сестра Г. П. Селиванова, купившего в 1876 г. дом Чеховых в Таганроге.
[2] *Мальчики* — Павел и Алексей, младшие сыновья Г. П. Кравцова.
[3] Чехов гостил у Кравцовых на хуторе весной 1878 г.
[4] *Цветковы* — соседи Кравцовых.
[5] Это письмо неизвестно.

3

ЕМУ ЖЕ

〈Москва.〉 29 января 〈1883 г.〉

Добрейший
Гавриил Павлович!

Ваше любезное письмо получил вчера ночью и прочел его с удовольствием. Тысячу раз благодарю, что не забываете нас грешных. Напрасно вы благодарите за журналы [1]. Это мне ничего не стоит, и я рад был бы хоть чем-нибудь отблагодарить вас за ваше гостеприимство.

Летом, может быть, у вас побываю, если позволите. Вы пишете: «... может быть, наша масть вам уже не под стать». Этакие слова грех писать. Неужели вы думаете, что я уже успел сделаться скотиной? Нет-с, подождите немножко, теперь еще пока рано, еще не испортился, хоть и начал жить. Да и в будущем я едва ли буду делить людей на масти.

Написал в Велюнь письмо [2].

Живется сносно, но здоровье уже — увы и ах! Работаешь, как холуй, ложишься в пятом часу утра. Пишу в журналы по заказу, а нет ничего хуже, как стараться поспеть к сроку. Деньги есть. Ем прекрасно, пью тоже, одеваюсь недурно, но... уж нет лишнего мясца! Говорят, я похудел до неузнаваемости. Ну, и женщины...

Работаю в Питер и в Москву, известен стал, знаком со всеми... живется почти весело. Летом поеду на юг поправлять здоровье. Кланяюсь Алеше, Саше [3], Зое и Нине, а Наталье Парфентьевне, которую я помню во всех чертах (у нее хорошее лицо), посылаю поклон нижайший. Вам жму руку и остаюсь постоянным слугою

А. Чехов
или: А. Чехонте
М. Ковров [4]
Человек без селезенки

Так я подписываюсь, работая в 6—7 изданиях. Получаю по 8 коп〈еек〉 за строку. Расходы ужасные. В день на извозчика больше рубля сходит.

Мой адрес: Москва, Сретенка, Головин пер〈еулок〉, д〈ом〉 Елецкого, А. П. Чехову, или же в любую редакцию. Но лучше по первому: дома я бываю чаще, чем в редакциях.

Автограф. Хранится у Б. Д. Челышева (г. Шахты). (Впервые опубликовано в журнале «Дон», 1957, № 7, стр. 157—158).

Год установлен по письму Г. П. Кравцова от 22 января 1883 г., на которое Чехов отвечает.

[1] Чехов посылал Кравцовым журналы: «Европейская библиотека», «Зритель» и «Спутник».

[2] Письмо Пете Кравцову, находившемуся в Донском казачьем полку в г. Велюни, Калишской губернии.

[3] *Саша* — Александра Львовна Селиванова, племянница Н. П. Кравцовой, бывшая ученица Чехова.

[4] Псевдоним Чехова *М. Ковров* ранее известен не был. Публикуемое письмо дало возможность установить авторство Чехова в отношении трех фельетонов, напечатанных в «Зрителе» под псевдонимом *М. Ковров* (см. выше в настоящем томе). «Миша Ковров» как сотрудник журнала «Зритель» и товарищ автора фигурирует в рассказе Чехова «Коллекция», подписанном: *Человек без селезенки* (II, 149).

4

Н. А. ЛЕЙКИНУ

⟨Москва. 18⟩84, 20/V

Многоуважаемый Николай Александрович!

Получил и письмо, и вложение. Письмо прочел и отвечаю, вложение же препроводил по принадлежности с советом создать что-нибудь из таможенной жизни [1].

ЧЕХОВ
Акварель В. А. Серова, 1901—1902 гг.
Дом-музей Чехова, Москва

Поездка в Питер — моя давнишняя мечта. Дал себе слово поехать в ваш царствующий град в начале июня, а теперь возвращаю себе это слово обратно. Дело в финансах, черт бы их подрал. На поездку нужно 100—150 рублей, а я имел удовольствие на днях прокатить сквозь жизненный строй все мои акции. Отвалил полсотни за дачу, отдал четверть сотни за слушание лекций, столько же за сестру на курсы и проч. и проч. и проч. Если же к сему вы прибавите всю плохость моих заработков за последнее время, то поймете мои карманы. К первому июню рассчитываю на свободную полсотню, а на эти деньги далеко не уедешь. Придется отложить поездку

на неопределенное время и довольствоваться вояжем на дачу и обратно. Вместе со мной собирался и дикий Пальмин [2]. Мы с ним условились поехать 2—3 июня, но... является он ко мне на днях и, покачивая головою, заявляет, что ехать в Петербург он не может. Его терзает какая-то муть, выражающаяся в каких-то крайне неопределенных для наблюдателя воспоминаниях: «Детство... юность...» и прочее... Точно он убийство в Петербурге совершил. Долго он излагал мне причины антипатии к своему родному городу, но я ничего не понял. Или он хитрит, боясь издержек (он, между нами говоря, скуповат), или же в самом деле есть что-то такое особенное в его петербургском прошлом. В пятницу он приедет ко мне обедать... Мы выпьем, поедем к ночи в Петровско-Разумовское на его дачу и, вероятно, кутнем. В самый момент, когда он поднимет вверх свой жилистый палец и начнет говорить мне о «бгатстве, гавенстве и свободе», когда умиление его достигнет своего acme*, я заговорю с ним о прелестях путешествия на Валаам и стану его убеждать... Авось удастся. Если мы вдвоем поедем, то нам, вероятно, и по сто рублей хватит — это тоже аргумент. А ему, действительно, необходимо проветриться. Если этого не требует его хороший талант, то этого настойчиво добивается гигиена. Он ужасно много пьет — это неизлечимо, но зато излечимо очень многое другое. Он живет черт знает как... Ужасно одет, не видит света, не слышит людей. Я никогда не видал его обедов, но готов держать пари, что он питается чепухой. (Его супруга не дает впечатления мудрой хозяйки.) В общем, мне кажется, что он скоро умрет. Его организм до того расшатан, что можно удивляться, как это в таком больном теле может сидеть такая стихотворная натура. Непременно нужно проветрить этого человека. Он говорил мне, что поедет по Волге, но плохо верится его словам. Дальше своей сарайной дачи он не пойдет. О результатах беседы, имеющей быть в пятницу, сообщу вам. Если сам не поеду, то хоть его спроважу.

Завтра у меня последний экзамен, а послезавтра моя особа будет изображать то, что толпа величает «доктором» (если, конечно, выдержу завтрашний экзамен). Заказываю вывеску «доктор» с указующим перстом, не столько для врачебной практики, сколько для устрашения дворников, почталионов и портного. Меня, пишущего юмористическую дребедень, жильцы дома Елецкого величают доктором, и у меня от непривычки ухо режет, а родителям приятно; родители мои — благородные плебеи, видевшие доселе в эскулапах нечто надменно-суровое, официальное, без доклада не впускающее и пятирублевки берущее, глазам своим не верят: самозванец я, мираж или доподлинно доктор? И такое мне уважение оказывают, словно я в исправники попал. Они мнят, что в первый же год я буду ворочать тысячами. Такого же мнения и мой терпеливый портной Федор Глебыч. Придется разочаровать бедняг.

Экзамены кончились, а потому мне уже ничто не мешает подать прошение о приеме меня в число *считанных*. Что-нибудь да буду присылать к каждому номеру. Теперь пока не вошел еще в норму, денька же через четыре подниму глаза к небу и начну придумывать темы. Летом буду жить в Новом Иерусалиме и буду пописывать. Боюсь только благородной страсти. Это для меня хуже всяких экзаменов. На сей раз шлю «Дачную гигиену» [3]. Штука сезонная... Если понравится, то изображу еще что-нибудь в этом роде: «Охотничий устав», «Лесной устав» и проч. Мне хочется написать для «Осколков» статистику: народонаселение, смертность, промыслы и проч. Немножко длинно выйдет, но если удастся, то бойкий фельетон выйдет. (Я зубрил недавно медицинскую статистику, которая дала мне идею.) Я теперь с удовольствием написал бы юмористическую медицину в 2—3 томах! Перво-наперво рассмешил бы пациентов, а потом бы уж и

* расцвета (греч.).

лечить начал. Погода в Москве дождливая: в летнем пальто холодно, в зимнем жарко. Здоровье мое не из блестящих: то здоров, то стражду. Пью и не пью... Определенного пока еще ничего не видно.

Сажусь читать. Прощайте.

Ваш сотрудник, уважающий А. Чехов

Правда ли, что «Дело» отживает свой век? Если правда, то добрый путь! Не любил этого журнала, грешный человек. Злил он меня. Впрочем, при нынешней журнальной бедности и «Дело» бы сгодилось [4].

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва).

Николай Александрович *Лейкин* (1841—1906) — издатель-редактор «Осколков», плодовитый писатель-юморист.

[1] Письмо Лейкина от 18 мая 1884 г. К нему был приложен рассказ «Поправил дело» Ал. П. Чехова. В письме Лейкин просил передать Ал. П. Чехову, служившему в таможне, чтобы он написал что-нибудь из таможенной жизни.

[2] Лиодор Иванович *Пальмин* (1841—1891) — поэт. В 1863—1868 гг. был одним из ближайших сотрудников сатирического журнала «Искра». После закрытия «Искры» сотрудничал в самых разнообразных изданиях: в «Будильнике», «Деле», «Стрекозе», «Осколках», «Русской мысли» и др.

В 1880-х годах Пальмин был одним из самых близких знакомых Чехова. В 1882 г. через Пальмина Чехов знакомится с Лейкиным и так же, как и Пальмин, становится постоянным сотрудником «Осколков». В письме к Лейкину от 23 октября 1886 г. Чехов писал о Пальмине: «Поэт он оригинальный и, несмотря на однообразие, стоит гораздо выше и читается охотнее, чем десятки поэтиков, жующих злобу дня» (XIII, 238). Более подробно о Пальмине Чехов писал Билибину 1 февраля 1886 г. (см. ниже).

[3] Окончательное название рассказа, появившегося в № 21 «Осколков», от 26 мая 1884 г.,— «Дачные правила» (III, 225—226).

[4] «*Дело*»—«литературно-политический» журнал, издававшийся в Петербурге с 1866 по 1888 г. (основан Г. Е. Благосветловым после запрещения «Русского слова»). Журнал подвергался неоднократным цензурным преследованиям. В 1884 г. редактором его был В. П. Острогорский, издателем — К. М. Станюкович. В 1884 г. он был временно прекращен, но вскоре возобновился. О «журнальной бедности» Чехов говорит, вероятно, в связи с закрытием в том же 1884 г. «Отечественных записок».

5

ЕМУ ЖЕ

⟨Москва.⟩ 17, 6, ⟨188⟩4

Многоуважаемый Николай Александрович!

После трудных экзаменов, как и следовало ожидать, разленился я ужасно. Валяюсь, курю и функционирую, остальное же составляет тяжелый труд. Трудно в особенности писать фельетоны. Погода, если не считать ежедневных дождей, великолепная.. Не до работы...

Третьего дня я послал вам свою новорожденную книжицу «Сказки Мельпомены» [1]. Издал эту книжицу экспромтом, от нечего делать, спустя рукава...

Послал я вам один экземпляр и для «Петербургской газеты», в кою и прошу вас оный препроводить... Хотелось бы мне и объявленьице сочинить в «П⟨етербургскую⟩ газету», но, увы, денег нет свободных... Есть у меня в Питере приятели, для которых это объявление было бы не лишним: прочли бы и по 75 коп⟨еек⟩ прислали; посему не походатайствуете ли об объявлении в кредит? В кредит и, по возможности, с уступкой. Уплатить можете вы им даже из моего гонорара. Совсем я разорился и кричу караул... Если вам некогда возиться с моими объявлениями и если неудобно, то, ради Христа, не церемоньтесь и «наплюве». Это не бог весть как важно...

Еду завтра на все лето в Воскресенск [2], куда в случае надобности и прошу адресоваться: «*Воскресенск* (*Московской губ⟨ернии⟩*), *А. П. Ч.*». Вот и весь адрес... Сюда же шлите и гонорар.

Еще одна покорнейшая просьба. В Воскресенске семья живет «на книжку», расплата же с лавочниками производится первого числа. Просрочка нежелательна обеими сторонами... Распорядитесь, голубчик, выслать мне гонорар по возможности раньше. Денежная почта приходит в Воскресенск только по понедельникам и пятницам... Первый июльский понедельник будет 2-го числа... Если, стало быть, вы вышлете гонорар 30 июня, то вы попадете в самую центру.

Пальмин наотрез отказался ехать в Питер. Собирается ехать по Волге, но едва ли поедет... Слова, слова и слова...

Объявление для «Петерб〈ургской〉 газеты» прилагаю. Напечатать 5 раз, на 4-й странице, в размере прилагаемого объявления в рамочке...

В «Осколках» объявление не печатайте [3]... У вас и так тесно, да и книжка моя не в духе «Осколков». Подождем собрания юмористич〈еских〉 рассказов, если таковое будет когда-нибудь...

Не напишете ли вы мне, где и как продают книги? Я совсем профан в книжной коммерции. Не послать ли кому-нибудь в Питер десятка два экземпляров? Всех у меня 1200. Продать не тщусь... Продастся — хорошо, не продастся — так тому и быть... Издание стоит 200 руб〈лей〉. Пропадут эти деньги — плевать... На пропивку и амуры просаживали больше, отчего же не просадить на литературное удовольствие?

Зачем вы в письме Акима Данилыча (в «Брожении умов») вставили фразу: «А все из-за стаи скворцов вышло» [4]... Соль письма ухнула... Городничему вовсе неизвестно, из-за чего бунт вышел, да и нет ему надобности умалять свои администраторские подвиги такими ничтожными причинами, как скворцы... Он никогда не объяснит бунта скворцами... Ему нужна «ажитация»... Впрочем, все это пустяки... Это к слову...

Поздравления с окончанием курса, празднования и житье в душной Москве совсем расстроили мою телесную гармонию... Слаб.

1 июля нужно мне быть в Москве, 2-го опять на даче... В июле вы приедете в Москву... Как бы нам свидеться?

Пока прощайте... Будьте здравы, невредимы купно со своим приемышем... [5]

Уважающий А. Чехов

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 289, оп. 2, ед. хр. 19, лл. 1—2 об.

[1] Первая книга Чехова, в которую вошли шесть рассказов: «Он и она», «Трагик», «Барон», «Месть», «Два скандала», «Жены артистов», издана под псевдонимом: А. Чехонте.

[2] Лето 1884 г. Чехов провел на даче в Воскресенске, где его брат И. П. Чехов служил школьным учителем.

[3] В «Петербургской газете» объявление о выходе сборника «Сказки Мельпомены» не появилось. Оно было напечатано в «Осколках» № 27, от 7 июля 1884 г. Приводим его текст полностью: «Вышла в свет и поступила в продажу новая книжка: „Сказки Мельпомены". Шесть рассказов из жизни артистов и артисток А. Чехонте. Цена 60 к., с пересылкой 75 к. Книгопродавцам обычная уступка. Склад издания: Москва, Петровка, типография А. А. Левенсон. Иногородние могут адресоваться в редакцию „Новостей дня"».

[4] Рассказ Чехова «Брожение умов» напечатан в журнале «Осколки», 1884, № 24, от 16 июня. По поводу вставленной фразы Лейкин ответил Чехову 22 июня 1884 г.: «Это нужно было сделать. Только благодаря ей рассказ и был дозволен к печати. Надо было выяснить, что из-за скворцов. Иначе было непонятно. Да и заглавие „Брожение умов" вводило в заблуждение... Иначе б можно было думать, что скворцы сами по себе, а брожение умов само по себе, что толпа собралась вовсе не из-за скворцов, а из-за чего-то другого. Я искал места, где бы можно было вклеить эту фразу, кроме письма, но при всем моем навыке к отысканию местов, такого подходящего места не оказалось, иначе бы пришлось переделывать весь разговор толпы».

Вставленную Лейкиным фразу Чехов снял при перепечатке рассказа в сборнике «Пестрые рассказы» (СПб., 1886).

[5] Лейкин взял на воспитание подкинутого ему грудного ребенка.

6

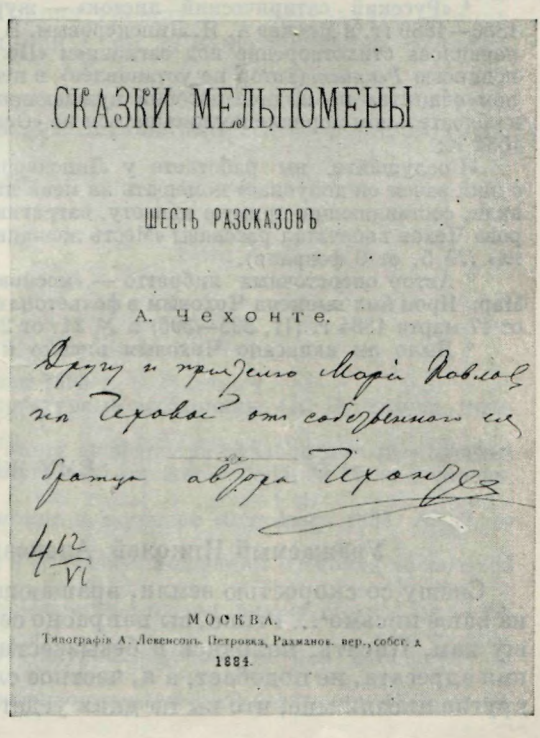
ЕМУ ЖЕ

VIII, 11, <1884 г.> Воскресенск [1]

Многоуважаемый Николай Александрович!

Шлю купно с большим поклоном плохой фельетон [2]. Фельетон плох в квадрате, до степени «увы и ах!», но я не виню себя. Тем нет совершенно, а все то, что есть, донельзя мелко и противно. Другой на моем месте пал бы в уныние, а я ничего, привык... Рассказ в 60 строк написал, но до того скверный, что посылать жутко. Подожду до завтра: авось переменю свой взгляд на него или напишу что-нибудь другое. Впереди у меня еще целых 2 дня [3]...

Теперь насчет «Сатирич<еского> листка» [4]. В этом листке я не работаю (для первых номеров дал несколько крох, а теперь — ни-ни) и оного не читаю. Что в нем пишется и что творится, мне неведомо, а ежели бы ведал, то поспешил бы сообщить вам обо всем, что вас касается. Сообщаемому вами не удивляюсь. Не удивлюсь также, если завтра меня, хорошего знакомого Липскерова, обзовут в этом «Листке» так или иначе каким-нибудь поносным именем. Всего можно ожидать от этих господ, и всякая выходка их естественна... Надо вам сказать, что «еврюга» Липскеров едва ли знает о том, что вы обруганы в его журнале. Он ленив, лежебока, ни во что не вмешивается и знать ничего не хочет. Еврюга добрый, не ехидный и покладистый. Делами этого сатрапа правят секретари. В «Листке» заправляет Марк Ярон... (выдаю редакционную тайну!), мстящий вам за то, что я дважды обругал его в «Осколках» [5]. Ярон человек нехороший, способный на всякую мерзость... но и он, вероятно, не автор и не виновник пасквиля. Пасквиль, как и все статьи, попал в «Листок» без ведома редактора и секретаря: печатают, что и как попало, без разбора и что подешевле. Ведется


СКАЗКИ МЕЛЬПОМЕНЫ

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

А. Чехонте.

Другу и приятелю Марии Павловне Чеховой от собственной ее братца автора Чехонте. 4 12/VI

МОСКВА.
Типографія А. Лекенсонъ. Петровка, Рахманов. пер., собст. д.
1884.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА КНИГЕ «СКАЗКИ МЕЛЬПОМЕНЫ» (М., 1884)

«Другу и приятелю Марии Павловне Чеховой от собственного ее братца автора Чехонте. 4 12/VI»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

этот «Листок» до того похабно и халатно, что в нем можно напечатать пасквиль даже на самого Липскерова.

Буду в Москве, узнаю все, а пока напишу Липскерову письмо, в котором обзову его скотиной [6]. Писал пасквиль, вероятно, какой-нибудь московский мелюзга, писал за неимением материала и по глупости. У этих господ ни такта, ни чувства меры...

Целый день льет дождь. У меня благодаря скверной погоде ногу ломит. Скучно ужасно. Третьего дня ездил в Звенигород на именины, вчера ловил в пруде линей, а сегодня не знаю, куда деваться от скуки. Хочу сесть писать — к постели тянет, лягу — писать хочется. Так бы взял да и высек свою лень!

Как нарочно, брат, посылаемый на почту, стоит возле и торопит... Судьба уж моя такая! Всегда довожу дело до последней минуты.

За приглашение в Петербург спасибо. Уехал бы к вам с наслаждением, но... в карманах кондукторские и полицейские свистки... Хоть шаром покати! Семья живет на даче со мной на моем иждивении, а дачная жизнь... ву компрене, кусается. Имей я лишние 50 руб⟨лей⟩, имей даже кредит долгосрочный (у тетеньки или бабушки) на эту сумму, я не долго бы думал... Погожу до зимы.

Прощайте. Рассказов пришлю, а насчет подписей помыслю.

Ваш А. Чехов

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва).

[1] Ответ на письмо Лейкина от 8 августа 1884 г.

[2] Фельетон «Осколки московской жизни», напечатанный в № 33 «Осколков», от 18 августа 1884 г.

[3] Судя по количеству строк, указанных Чеховым, речь идет о рассказе «Ярмарочное „итого“», появившемся не в журнале Лейкина, а в «Развлечении», 1884, № 36, от 13 сентября за подписью *Человек без селезенки*. Лейкину Чехов послал рассказ «Невидимые миру слезы», напечатанный в № 34 «Осколков», от 25 августа 1884 г.

[4] «Русский сатирический листок» — журнал, издававшийся в 1882—1884 и 1886—1889 гг. в Москве А. Я. Липскеровым. В № 26 этого журнала, от 15 июля 1884 г. появилось стихотворение под заглавием «По голубиной почте (из Петербурга)», за подписью *Реалист* (автор не установлен), в нем утверждалось, что Лейкин, став членом общества по выдаче пособий нуждающимся, требовал от получающих пособие в обязательном порядке подписываться на «Осколки». Лейкин писал Чехову 8 августа 1884 г.:

«Послушайте, вы работаете у Липскерова, скажите ему, то есть поговорите с ним, зачем он допускает помещать на меня пасквили в „Сатирическом листке“, пасквили, составляющие прямую клевету, затрагивающие мою честь». В журнале Липскерова Чехов напечатал рассказы «Месть женщины» (№ 4, от 2 февраля 1884 г.) и «Ванька» (№ 5, от 9 февраля).

[5] Автор опереточных либретто — «московский поэт, жирный и малодушный» Марк Ярон был высмеян Чеховым в фельетонах «Осколки московской жизни» — № 11, от 17 марта 1884 г. (II, 395—396) и № 21, от 26 мая 1884 г. (II, 407).

[6] Было ли написано Чеховым письмо к Липскерову — не установлено.

7

ЕМУ ЖЕ

⟨Бабкино. 17 июля 1885 г.⟩

Уважаемый Николай Александрович!

Спешу со скоростью земли, вращающейся вокруг своей оси, дать ответ на ваше письмо[1]... Primo, вы напрасно сердитесь на меня за то, что я не пишу вам. Писать, находясь в безызвестности относительно местопребывания адресата, не подобает, а я, честное слово, не знал, где вы. Вы и многие другие писали мне, что вы на днях уедете; таким образом, я мнил, что вас

в Питере не было, и приехавший Аг⟨афопод⟩ Един⟨ицын⟩ удивил меня, когда сказал, что вы дома.

Secondo, о месяцах, конечно, писать я буду. Пропустил я июнь и по лености, и сам не знаю почему. Вероятно, виновато тут такое обстоятельство: приехал как-то раз из Питера Алоэ [2] и, выругав меня за мои филологические измышления [3], сказал, что «там» (т. е. в Питере, у вас) удивляются, что я занялся такой скучищей и сушью, как месяцы и народные праздники... Врал Алоэ или нет, не знаю, но его слова сильно подшибли мой кураж. Сей раз посылаю июнь и июль [4], соединенные в одно целое. Насколько удалось это соединение, предоставляю судить беспристрастной критике.

Ваше разрешение не писать летом Московских заметок [5] принимаю как всемилостивейший манифест. Писать фельетон в то время, когда можно ловить рыбу и шляться, ужасно тяжело... А рыба ловится великолепно. Река находится перед моими окнами — в 20 шагах... Лови, сколько влезет, и удами, и вершами, и жерлицами... Сегодня утром вынул из одной верши щуку, величиной с альбовский [6] рассказ, к⟨отор⟩ый, не говоря худого слова, тяжел и неудобоварим, как белужья уха. Недалеко от меня есть глубокий (семиаршинной глуб⟨ины⟩) омут, в к⟨отор⟩ом рыбы чертова гибель... В общем, охота в этом году удачна. Охота на птиц не менее удачна. На днях в один день мои домочадцы съели 16 штук уток и тетеревов, застреленных моим приятелем художником И. Левитаном. Грибов нет. Все сохнет.

Брат Николай поразителен. Бежал от меня в П⟨етербург⟩, там ничего не сделал... Где он теперь? Ох!

Александр сейчас у меня на даче. Через час уезжает в свой Новороссийск.

Не знаю, что написать вам относительно подписей к рисункам? Как я вижу, вы упорно отказываетесь считать меня неспособным по части выдумывания тем, а я в 1001-й раз утверждаю эту свою неспособность. Думаю я, думаю... думаю, думаю. Голова трещит и в результате — ноль. К понедельнику пришлю 2—3 подписи [7], но за качество их не ручаюсь. С подписями пришлю и рассказ [8].

Погода у нас стоит жаркая. Нередки дни с 29° по Р⟨еомюру⟩ в тени. Обливаемся пóтом. В воздухе стоял дым от пожара в Клину; теперь дымно от горящего где-то торфа.

Однако прощайте. Нужно провожать единоутробного брата. Кланяюсь вам и жму руку.

Ваш А. Чехов

85. VII, 17.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 289, оп. 2, ед. хр. 19, лл. 4—5.

[1] Письмо Лейкина Чехову от 11 июля 1885 г.

[2] *Агафопод Единицын* и *Алоэ* — литературные псевдонимы Ал. П. Чехова, старшего брата Чехова.

[3] В «Осколках» напечатаны были к этому времени три «филологические» заметки Чехова: «О марте» — 1885, № 11, от 16 марта, «Об апреле» — 1885, № 14, от 6 апреля, «О мае» — 1885, № 18, от 4 мая.

[4] Заметка «Об июне и июле» напечатана в журнале «Осколки», 1885, № 30, от 27 июля.

[5] С середины 1883 г. Чехов посылал в «Осколки» фельетоны «Осколки московской жизни (московское обозрение)».

[6] О *М. Н. Альбове* — см. ниже в примечаниях к письму к нему Чехова от 14 декабря 1891 г.

[7] Эти подписи Чехова к рисункам в журнале «Осколки» нам установить не удалось.

[8] Вероятно, рассказ «В вагоне. Разговорная перестрелка» («Осколки» 1885, № 30, от 27 июля).

8

П. Г. РОЗАНОВУ

⟨Москва. Начало октября 1884 г.⟩

Вывеска заказана. Благоволите прислать это письмо купно с вашей карточкой и звенигородскими новостями. Стало быть, более подробные известия Вы получите после 15 октября.

А. Чехов

Автограф ЛБ, ф. 331, 50/1.

Павел Григорьевич *Розанов* (1853—?) — врач. Работал в земской больнице Подольского уезда, затем уездным врачом в Звенигороде. С 1886 г.— в московских больницах. Розановым напечатано свыше 250 работ по вопросам медицины.

С Чеховым познакомился в 1884 г., когда они вместе работали в Звенигородской больнице. В Полном собрании сочинений Чехова опубликовано 9 писем П. Г. Розанову 1884—1887 и 1899 гг. В Архиве Чехова (ЛБ) имеется 11 писем к нему Розанова 1884—1887, 1897—1900 гг. Розанов написал воспоминания о Чехове (рукопись, хранится в ЦГАЛИ).

Письмо написано на пустой странице письма Чехову Н. А. Лейкина от 29 сентября 1884 г. На первой странице рукой Чехова написано: «См. на обороте». На обороте же подчеркнуты следующие строки письма Лейкина: «В пятницу я был в заседании Думы. Ходил в комиссию Общественного здравия и кой у кого справлялся, будут ли лекарские вакансии в петербургских больницах. Вакансии будут. Все будет зависеть от С. П. Боткина и В. И. Лихачева, как председателей двух отделов комиссии. Боткин в Петербурге. Сегодня видел его на улице, но Лихачев еще за границей и вернется в Петербург не ранее как к 15 октября. С Боткиным я знаком шапочно, но с Лихачевым знаком хорошо, значит как он вернется, то я узнаю от него всю подноготную относительно местов и сообщу вам».

Письмо это Розанов вернул Чехову со своим ответом: «Буду ждать „известий“ с нетерпением. Удивляюсь, что вы не получили еще моей карточки, посланной, если не ошибаюсь, в воскресенье. За заказ благодарю. Новостей в Звенигороде никаких. П. Розанов».

Таким образом, выясняется, что запрос о лекарских вакансиях в Петербурге был сделан Чеховым, вероятно не для себя, как указано в комментариях к письму Чехова Лейкину от 7 октября 1884 г. (XIII, 448), а для П. Г. Розанова.

9

В. В. БИЛИБИНУ

⟨Москва. 18⟩86, II, 1[1]

Добрейший из юмористов и помощников присяжн⟨ого⟩ пов⟨еренного⟩, бескорыстнейший из секретарей * Виктор Викторович! Пять раз начинал писать вам и пять раз отрывали меня от письма. Наконец пригвоздил себя к стулу и пишу⟨...⟩ ** разобидевший меня и вас, с вашего позволения объявляю законченным, хотя в Москве он еще не начинался. Писал о сем Лейкину и получил разъяснение... Сейчас только что вернулся от известного поэта Пальмина [2]. Когда я прочел ему из ваших писем относящиеся к нему строки, он сказал:

— Я уважаю этого человека. Он очень талантлив!

За сим Его Вдохновение подняли вверх самый длинный из своих пальцев и изволили прибавить (конечно, глубокомысленно):

— Но «Осколки» развратят его!! Не хотите ли настойки?

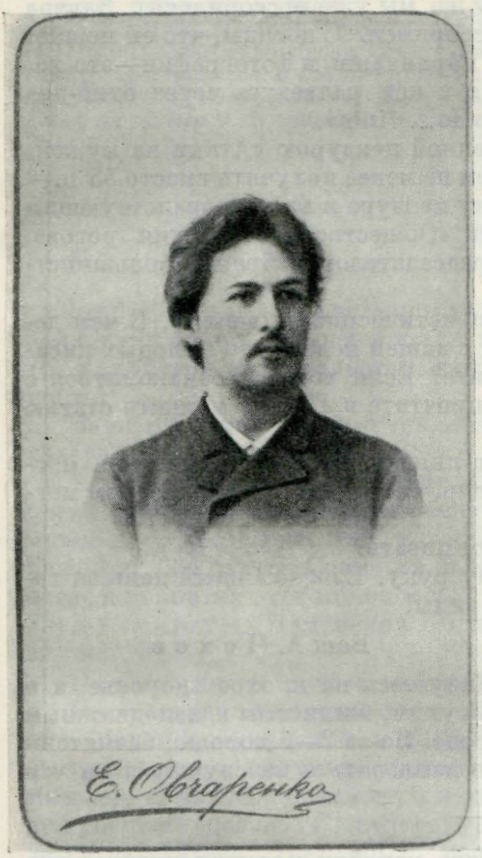
Говорили мы долго и о многом. Пальмин — это тип поэта, если вы допускаете существование такого типа... Личность поэтическая, вечно восторженная, набитая по горло темами и идеями... Беседа с ним не утомляет. Правда, беседуя с ним, приходится пить много, но зато можете быть уверены, что за все 3—4 часа беседы вы не услышите ни одного слова лжи, ни одной пошлой фразы, а это стоит трезвости...

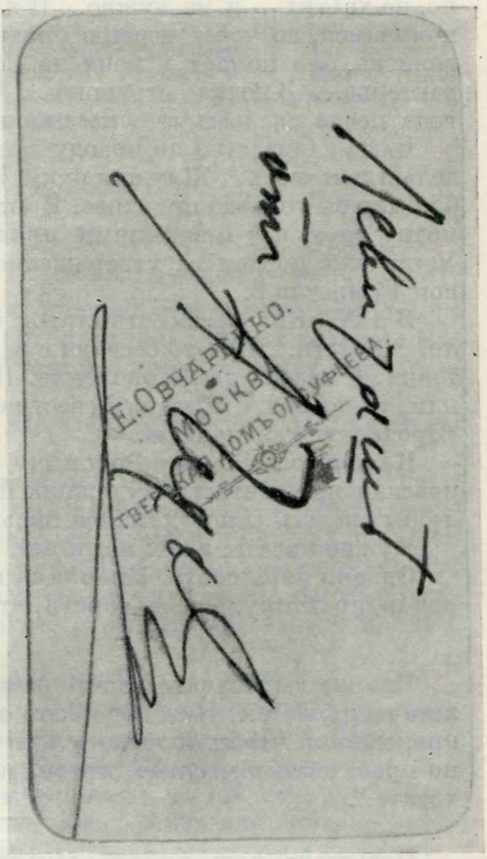
---

* Мысль: секретари консисторий наверное не завидуют секретарям редакций. — *Прим. Чехова.*

** Далее зачеркнуто несколько слов.

Между прочим, выдумывал я с ним название для моей книжки. Долго мы ломали мозги, но кроме «Кошки и караси» да «Цветы и собаки» ничего не придумали. Я хотел было остановиться на заглавии «Покупайте книгу, а то по морде!», или «Пожалуйте, что покупаете?», но поэт, подумав, нашел это избитым и шаблонным... Не придумаете ли вы название? Что касается меня, то, по моему мнению, все эти названия, имеющие (грамматически) собирательный смысл, очень трактирны... Я бы предпочел то, что





ЧЕХОВ
Фотография 1885 г., подаренная И. И. Левитану
На обороте надпись: «Левиташе от А. Чехова»
Дом-музей Чехова, Москва

хочет и Лейкин, а именно: «А. Чехонте. Рассказы и очерки» — больше ничего... хотя такие заглавия к лицу только известностям, но не таким — ∞, как я... Годилось бы и «Пестрые рассказы»... Вот вам два названия... Выберите из них одно и сообщите Лейкину. Полагаюсь на ваш вкус, хотя и знаю, что, затрудняя ваш вкус, я затрудняю и вас... Но вы не сердитесь... Когда бог даст у вас будет пожар, я пришлю вам свою кишку [3].

За ваши хлопоты по вырезке и высылке мне оригинала большое спасибо. Чтобы не быть у вас в долгу (денежно), шлю вам за пересылку марку 35-тикопеечного достоинства, которую вы когда-то прислали мне с гонораром и которую я никак не мог сбыть с рук. Мучайтесь теперь вы с ней.

Теперь о невесте и Гименее... С вашего позволения откладываю эти

две штуки до последующего раза, когда буду свободен от вдохновения, сообщенного мне беседой с Пальминым. Боюсь сказать лишнее, т. е. чепуху. Когда я говорю о женщинах, которые мне нравятся, то обыкновенно затягиваю свою беседу до nec plus ultra, до геркулесовых столбов — черта, оставшаяся у меня еще со времен гимназии. Невесту вашу поблагодарите за память и внимание и скажите ей, что женитьба моя вероятно — увы и ах! Цензура не пропускает... Моя *она* — еврейка. Хватит мужества у богатой жидовочки принять православие с его последствиями — ладно, не хватит — и не нужно... И к тому же мы уже поссорились... Завтра помиримся, но через неделю опять поссоримся. С досады, что ей мешает религия, она ломает у меня на столе карандаши и фотографии—это характерно... Злючка страшная... Что я с ней разведусь через один-два года после свадьбы, это несомненно... Но... finis[4].

Ваше злорадство по поводу запрещенной цензурою «Атаки на мужей» делает вам честь [5]. Жму вам руку. Но тем не менее получить вместо 55 р.— 65 было бы гораздо приятнее. В отместку цензуре и всем злорадствующим моему горю я с приятелями придумал «Общество наставления рогов». Устав уже послан на утверждение. Председателем избран я большинством 14 против 3.

В 1 № «Колосьев» есть статья «Юмористические журналы». В чем дело? [6] Кстати... Как-то беседуя с вами и с вашей невестой о молодых писателях, я назвал вам Короленко. Помните? Если хотите познакомиться с ним, то возьмите «Северный вестник» и прочтите в IV или V книге статью «Бродяги». Рекомендую.

Кланяйтесь Роману Романычу [7]. На днях у него был мой посол, московская знаменитость, художник Шехтель, сказавший ему более, чем могло бы сказать самое длинное письмо.

Нужно писать, а тем нет и нет. О чем писать?

Однако пора спать. Кланяюсь и жму руку. Езжу каждый день за город на практику. Что за овраги, что за виды!

Ваш А. Чехов

Что же вы молчите насчет дачи? Жалуетесь на плохое здоровье, а о лете не думаете... Нет, надо быть очень сухим, жилистым и неподвижным крокодилом, чтобы просидеть лето в городе! Из-за 2—3 хорошо, безмятежно проведенных месяцев, право, можно наплевать и на службу и на что хотите...

Пятьдесят пять рублей семьдесят две копейки получил сполна, что подписом и приложением печати удостоверяю.

Вольнопрактик⟨ующий⟩ врач А. Чехов[8]

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва). В Полном собрании сочинений напечатано с купюрами по тексту «Писем» (см. XIII, 168).

Виктор Викторович *Билибин* (1859—1908) — фельетонист и драматург, в это время секретарь редакции «Осколков». 4 января 1886 г. Чехов писал о нем брату Александру: «Познакомился я с Билибиным. Это очень порядочный малый, которому в случае надобности можешь довериться *вполне*. Года через 2—3 он в питерской газетной сфере будет играть видную роль. Кончит редакторством каких-нибудь „Новостей“ или „Нового времени“» (XIII, 157).

[1] Ответ на письмо Билибина от 22—23 января 1886 г.

[2] Билибин просил Чехова кланяться Пальмину, которому он очень симпатизировал, и сообщить ему, что хотел бы с ним повидаться.

[3] В письме, на которое отвечает Чехов, Билибин сообщал, что пишет во время пожара, охватившего соседний дом.

[4] Билибин с живым интересом отозвался на сообщение Чехова о его предстоящей женитьбе и требовал подробностей о невесте. Кто была невеста Чехова — неизвестно. Возможно, речь идет о Евдокии Исааковне Эфрос (в замужестве Коновицер).

[5] По поводу рассказа Чехова «К сведению мужей (научная статья)», посланного им в «Осколки», Билибин шутливо восклицал в своем письме: «„Атаку-то жен“ цензор не пропустил! А?.. Так вам и надо. А еще жениться собирается».

[6] В № 1 ежемесячного петербургского научно-литературного журнала «Колосья» была напечатана статья А. Владимирова «Наши юмористические журналы». В ней резко осуждались «Осколки» и даны были более чем нелестные характеристики как их редактора Лейкина, так и отдельных сотрудников, среди которых упоминался и Билибин («Игрек»), фельетоны которого названы были в статье «безграмотными, грубыми и притязательно задорными».

[7] *Роман Романыч* — Голике, издатель «Осколков» и владелец типографии, в которой печатался журнал.

[8] Отметим, что в публикации письма Чехова к Билибину от 18 января 1886 г. (XIII, 162—165) пропущены следующие строки, восстанавливаемые нами по автографу, хранящемуся в собрании Ю. Г. Оксмана: «Не говорите пока Лейкину: меня пригласили в „Новое время“. Когда начну работать там, не знаю. Пишите мне... Я в долгу не останусь. В заключение кланяюсь вам и вашей невесте».

10

ЕМУ ЖЕ

⟨Москва.⟩ 14 (26) февраля ⟨18⟩86 г.

Sire! Умоляю вас, реставрируйте ваш ужаснейший почерк! Верьте, он даже хуже моего... Ваши *к* и *з* до того богопротивны, что их повесить мало. Удивляюсь правительству: как вас с таким почерком терпят в департаменте!

Ваше последнее письмо так мило [1], что заслуживает быть написанным гораздо лучшим почерком.

Я жив и здоров, что Пальмин объясняет тем, что я себя не лечу. Работы очень много. Некогда даже обедать... Сейчас только что кончил сценумонолог «О вреде табака» [2], который предназначался в тайнике души моей для комика Градова-Соколова [3]. Имея в своем распоряжении только $2^1/_2$ часа, я испортил этот монолог и... послал его не к черту, а в «Пет⟨ербургскую⟩ газ⟨ету⟩». Намерения были благие, а исполнение вышло плохиссимое...

Не слыхали ли вы чего-нибудь о моей книге?

Вы советовали нарещи ее во св. крещении не псевдонимом, а фамилией... Зачем вы уклонились от мотивировки вашего совета?.. [4] Вероятно, вы правы, но я, подумав, предпочел псевдоним и не без основания... Фамилию и свой фамильный герб я отдал медицине, с которой не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придется расстаться. Во-вторых, медицина, которая мнит себя быти серьезной, и игра в литературу должны иметь различные клички...

Впрочем Суворин телеграммой просил позволения подписать под рассказом фамилию [5]. Я милостиво позволил и таким образом мои рассуждения de facto пошли к черту.

Не понимаю вас: почему это для публики Ан. Чехов приятнее, чем А. Чехонте? Не все ли ей равно?

Публике, о которой вы пишете, что она нетерпеливо ждет появления в «Новом времени» моих рассказов, скажите, что я уже послал туда один рассказ на тему «Старая дева» [6].

Григоровичем польщен. Это единственный человек, который оценил меня!! Скажите всем знаменитым писателям, в том числе, конечно, и Лейкину, чтобы они брали с него пример.

Пальмин записал ваш адрес, чтобы выслать вам свою карточку и медвежью шубу. Стихи на смерть Аксакова действительно хороши [7], но жаль, что у нашего поэта тратится слишком много точек... Все его стихи состоят из каких-то обрывков, из незаконченных мелодий...

Впрочем, подальше критику...

Едете в Финляндию! Когда из вашего медового месяца получится в Ф⟨инляндии⟩ мороженое, то помяните тогда мое приглашение и ругните себя за свое малодушие... Сколько вам будет стоить поездка в эту дикую Ф⟨инлянди⟩ю? Рублей 100? А за эти деньги отлично можно съездить на юг, или, по крайней мере, ко мне в Московию...

Надо мной сейчас играет свадебная музыка... Какие-то ослы женятся и стучат ногами, как лошади... Не дадут мне спать...

О моей женитьбе пока еще ничего неизвестно...

Получил от Голике письмо [8]. Поклонитесь ему.

Кланяйтесь вашей невесте. Пригласите меня в шафера.

Были ли вы когда-нибудь шафером? Я был...

Под каким псевдонимом вы пишете в «Новостях»? [9] Скажите Альбову и Баранцевичу, что вдвоем они могли бы написать что-нибудь более лучшее и менее плохое... [10]

Давайте вместе напишем водевиль в 2-х действиях!.. Придумайте 1-е действие, а я 2-е... Гонорар пополам... [11]

Пишите, заклинаю вас прахом Цезаря...

Ci devant * А. Чехов

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва). В Полном собрании сочинений напечатано с купюрами по тексту «Писем» Чехова (XIII, 173).

[1] Письмо Билибина от 3 февраля 1886 г.

[2] «О вреде табака (сцена-монолог)» появилась в «Петербургской газете», № 47 от 17 февраля 1886 г. (в 1903 г. Чеховым была написана еще одна «Сцена-монолог» под тем же названием).

[3] Леонид Иванович *Градов-Соколов* — московский актер, игравший в театре Корша.

[4] В своем письме Билибин советовал Чехову в связи с готовившимся к печати сборником «Пестрые рассказы»: «Не пишите на книге *А. Чехонте*, подпишитесь *Ан. П. Чехов*. Почему? Не знаю. Для меня лично, по крайней мере, будет лестнее читать книгу с такой оболочкой. Думаю, что и покупателю приятнее покупать. Вам нечего, конечно, стыдиться подписаться двумя руками под вашей книгой. Вас положительно все хвалят. Лейкин говорит, что Григорович вас на днях хвалил и говорил (т. е. это уже Григорович), что вас „мало ценят“». «Пестрые рассказы» вышли в свет с обозначением автора: «А. Чехонте (Ан. П. Чехов)».

[5] «*Панихида*» — первый рассказ Чехова, появившийся в «Новом времени» (1886, № 3581, от 15 февраля). Он подписан *Ан. Чехов*.

[6] Речь идет, по-видимому, о том же рассказе «Панихида», в котором по совету Суворина было изъято окончание; это заставило Билибина в ответном письме от 16 февраля 1886 г. заявить: «Прочитал *с удовольствием* ваш рассказ в „Новом времени“, только не нашел там „старой девы“, о которой вы сообщали. Жду: верно будет еще». Отметим, что написать рассказ о «старой деве» посоветовал Чехову именно Билибин (в письме от 3 февраля 1886 г.).

[7] В письме от 25 января 1886 г. Билибин сообщил Чехову, что Лейкин очень хвалит стихи Пальмина на смерть И. С. Аксакова, напечатанные в № 6 «Осколков», от 8 февраля 1886 г.

[8] Это письмо Р. Р. Голике не сохранилось.

[9] Билибин ответил Чехову: «В „Новости“ я ничего не посылаю, поэтому и никак там и не подписываюсь». «Новости» — петербургская газета, издававшаяся в 1871—1880 гг. С середины 1880 г. объединилась с «Биржевой газетой» и выходила по 1906 г. под названием «Новости и Биржевая газета» (изд.-ред. О. К. Нотович).

[10] Речь идет о совместном юмористическом романе М. Н. Альбова и К. С. Баранцевича «Вавилонская башня. История возникновения, существования и падения одного фантастического общества», который печатался в 1886 г. в воскресных приложениях к газете «Новости и Биржевая газета». Отдельное издание романа в двух томах. М., 1896. О М. Н. *Альбове* — см. ниже в примечаниях к письму Чехова к нему от 14 декабря 1891 г., о К. С. *Баранцевиче* — см. ниже в примечаниях к письму к нему Чехова от 27 декабря 1899 г.

[11] Это предложение Чехова реализовано не было. О совместной литературной работе Чехова с Билибиным см. выше в публикации фельетонов «Пестрые сказки».

* На днях я познакомился с очень эффективной француженкой, дочерью бедных, но благородных буржуа. Зовут ее не совсем прилично: M-lle Sirout... *Прим. Чехова.*

11

ЕМУ ЖЕ

Москва. <18>86, II, 28.

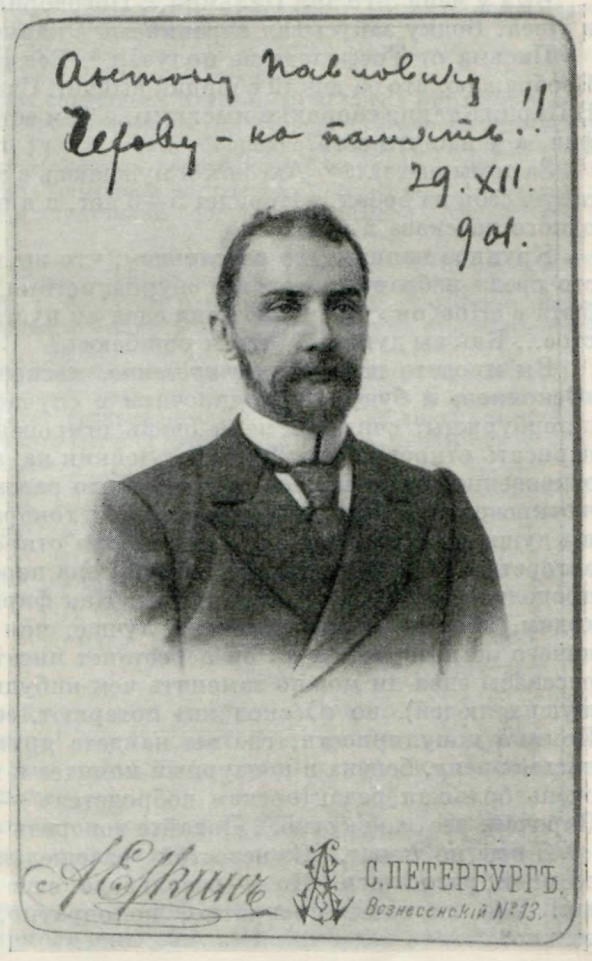
Добрейший Виктор Викторович!

Я только что поужинал, чего и вам желаю.

Лейкин, когда пишет мне письмо, то считает нужным выставить на заголовке не только год и число, но даже час ночи, в который он, жертвуя сном, пишет ленивым сотрудникам. Буду подражать ему: сейчас 2 часа ночи... Цените!

Давно уж собирался ответить на ваше милое письмо [1], но простите: занят по горло! Со мной черт знает что делается... Работы не бог весть сколько, а копаюсь я в ней, как жук в навозе, с антрактами и хождениями из угла в угол... Близость весны сказывается! А летом и весной я обыкновенно бываю ленив...

Пишу и лечу. В Москве свирепствует сыпной тиф. Я этого тифа особенно боюсь. Мне кажется, что, раз заболев этой дрянью, я не уцелею, а предлоги для зараженья на каждом шагу... Зачем я не адвокат, а лекарь? Сегодня вечером ходил к девочке, заболевшей крупом, а ежедневно бываю у <...> гимназиста, которого лечу от болезни Наны — оспы [2].



В. В. БИЛИБИН

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Антону Павловичу Чехову — на память!! 29.XII.901»

Литературный музей, Москва

Я опять о псевдониме и фамилии... Вы напрасно публику припутываете... Откуда публике знать, что Чехонте псевдоним? И не все ли ей равно?

Сегодня послал Суворину поздравительную телеграмму[3]. Что бы там ни говорили, а он хороший, честный человек: он назначил мне по 12 коп. со строки... Сколько вам платил Нотович? Честный он или нет? Жаль, что с «Новостями» у вас расклеилось. Лишние 50—100 р. вам, как будущему отцу семейства, пригодились бы, да и талант бы ваш имел, выражаясь языком учителей физики, гораздо более «лошадиных сил», чем он имеет теперь... Я не лгун и не комплиментщик, а потому говорю прямо, как понимаю: вы талантливый и образованный фельетонист; если я среди беллетристов 37-й, то вы среди русских фельетонистов — второй. Когда подохнет Буква [4], вы будете первый... Если вам угодно верить моему чутью и пониманию вещей, то спешите пригвоздиться к какой-нибудь газетине. Отчего вам не работать в «Новом времени»?

На московские газеты пока плохая надежда. У нас есть единственная приличная и платящая газета — это «Русские ведомости», но газета, битком набитая, сухая, стерегущая свой несуществующий тон и признающая в людях прежде всего фирму и вывеску... И к тому же в этой газете нет подходящего для вас отдела... Можно еще работать в «Будильнике», но эта инфузория платит мало...

Отчего вы не попробуете что-нибудь по части беллетристики?

Был у меня 3-го дня Пальмин... Поговорил о высоких материях, выпил и ушел. Водку закусывал варениками с капустой.

Письма от Трефолева не получал [5]. Без письма же ничего не пошлю. Воображаю, что за дикий сборник выйдет! Сдается мне, что он не выйдет... В Париже такие сборники мыслимы... Там есть и фотографии, и цинкографии, а у нас что есть?

За темы mercі... [6] Ах, как я нуждаюсь в темах! Весь исписался и чувствую себя на бобах... Пройдет 5—6 лет, и я не в состоянии буду написать одного рассказа в год...

Крупное напишу, но с условием, что вы найдете этому крупному место среди избранных толстой журналистики... Надо полагать, после дебюта в «Нов⟨ом⟩ времени» меня едва ли пустят теперь во что-нибудь толстое... Как вы думаете? Или я ошибаюсь?

Вы просите написать *откровенно*, насколько необходим Лейкин для «Осколков» и будут ли подписчики в случае и т. д. Должно быть, вы, петербуржцы, считаете меня очень откровенным человеком! Вы просите написать откровенно о Лейкине, Лейкин на днях в P. S. просил, чтобы я откровенно изложил свое мнение об его рассказах, Суворин пишет, чтоб я откровенно сообщил ему, доволен ли я гонораром, и т. д. Этак вы все струны души моей истреплете! Если хотите откровенности, то: провинция об авторстве Лейкина никакого мнения; она перестала уже читать его, но он продолжает еще быть популярным. Как фирма, для «Осколков» он необходим, ибо известный редактор лучше, чем неизвестный. Человечество ничего не потеряет, если он перестанет писать в «О⟨сколк⟩ах» (хотя его рассказы едва ли можно заменить чем-нибудь лучшим за отсутствием пишущих людей), но «О⟨скол⟩ки» потеряют, если он бросит редакторство. Помимо популярности, где вы найдете другого такого педанта, ярого письмописца, бегуна в цензурный комитет и проч.? Есть у него одна еще очень большая редакторская добродетель — он ровен и прямолинеен... Впрочем, все это скучно... Давайте говорить о браке.

Я еще не женат. С невестой разошелся *окончательно*. То есть она со мной разошлась. Но я револьвера еще не купил и дневника не пишу. Все на свете превратно, коловратно, приблизительно и относительно.

Что слышно о моей книге? Предатель вы этакий! Лейкин ужасно обиделся, что с вопросом о книге я обратился к вам, а не к нему. Он очень ревнив... Не пробовали ли вы его щекотать?

Пишет он, что приглашен сегодня на юбилейный вечер к Суворину. Не слыхали ли вы чего-нибудь про этот вечер? Напишите...

Как ваше здоровье? Чем лечитесь? Мне думается, что вам не мешало бы попринимать мышьяку... Я могу прислать рецепт бесплатно... О мышьяке я серьезно. Единственная вещь, помогающая несмотря ни на какие условия жизни... Пробовали ли вы также бромистые препараты?

Напишите мне о ваших болезнях... Скажу вам по секрету, что я не такой плохой врач, как вы думаете...

Однако прощайте... Пойду спать... Кланяйтесь вашей невесте, Голике и Лейкину.

Ваш А. Чехов

Да, Суворин великий человек... 12 копеек![7] И вы не завидуете? Какой я однако сквалыга и грошовик! Раз 20 о деньгах упомянул..

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва). В Полном собрании сочинений напечатано с купюрами, по тексту «Писем Чехова» (XIII, 179—181).

[1] Письмо Билибина от 16 февраля 1886 г.

[2] В романе Э. Золя «Нана» героиня умирает от оспы.

[3] Поздравительная телеграмма Чехова Суворину в связи с десятилетним юбилеем «Нового времени» (28 февраля 1886 г.) неизвестна.

[4] *Буква* — псевдоним И. Ф. Василевского (1850—1920), фельетониста и многолетнего редактора юмористического журнала «Стрекоза».

[5] 16 февраля 1886 г. Билибин спрашивал Чехова: «Приглашал вас Трефолев дать автографическую статейку для проектируемого им сборника? Если не приглашал, то пригласит». Приглашение это участвовать в «Сборнике автографов и рисунков писателей и художников» в пользу «Общества попечения о неимущих детях в Москве» Чехов вскоре получил и ответил Трефолеву согласием (XIII, 182—184), однако ни произведения его, ни автограф в двухтомном сборнике, вышедшем в свет в 1887 г., не появились.

[6] В своем письме Билибин писал: «Я вам изредка буду давать темы для статей, которыми (темами) вы можете распоряжаться по личному усмотрению. Даю:

1) Две маменьки, из простых, беседуют (мещанки?). Одна со слезами радости рассказывает, как ее сын пристроился в альфонсы, а другая, что на ее дочке женился старый, но богатый мозгляк.

2) Умный, ученый молодой человек попал на вечер с танцами (профессор?). За неимением «кавалеров», хозяйка затащила его танцевать кадриль. Его глупое положение: молчит, путается, завидует распорядителю — одному из своих учеников — балбесу, которому решает поставить высший балл на экзамене. Понимаете, в общем этакий глупый трагизм положения».

[7] Суворин, приглашая Чехова сотрудничать в «Новом времени», предложил ему значительно увеличенный по сравнению с тем, что Чехов получал в других изданиях, гонорар — 12 копеек за строку.

12

ЕМУ ЖЕ

<18>86, III, 11.

Есть надежда, что в грядущие дни я буду по горло занят, а потому отвечаю на ваше письмо теперь[1], когда имеется час свободный, уважаемый Виктор Викторович! (Не подумайте, что слово «свободный» относится к вам: перед ним нет запятой).

Primo... Ваши похождения в драматической цензуре подействовали на меня, как Майн Рид на гимназистов: сегодня я послал *туда* пьесу в 1 действии[2].

Напрасно вы хлопотали о том, чтоб мне в «Осколках» прибавили. Если ради 10 р., которые прибавлены вам, Лейкин будет писать в каждом

№ 2 сценки (для уравнения бюджета), то сколько сценок придется ему написать, если и мне прибавят? Помилуйте! Пожалейте человека!

Пальмина я не видел.

С невестой разошелся до nec plus ultra. Вчера виделся с ней, поговорил о чёртиках (чёртики из шерсти у нас в Москве модная мебель), пожаловался ей на безденежье, а она рассказала, что ее брат ⟨...⟩ нарисовал трехрублевку так идеально, что иллюзия получилась полная: горничная подняла и положила в карман. Вот и все. Больше я вам не буду о ней писать.

Быть может, вы правы, говоря, что мне рано жениться... Я легкомыслен, несмотря даже на то, что только на один (1) год моложе вас... Мне до сих пор иногда снится еще гимназия: невыученный урок и боязнь, что учитель вызовет... Стало быть, юн.

Как метко попали «Колосья»![3] Вы грубы! Как раз наоборот... Весь ваш недостаток — ваша мягкость, ватность... (от слова «вата» — простите за сравнение). Если вы не пугаетесь сравнений, то вы как фельетонист подобны любовнику, которому женщина говорит: «Ты нежно берешь... Грубее нужно!» (A propos: женщина та же курица — она любит, чтобы в оный момент ее били). Вы именно нежно берете...

За тему — mercі вас [4]. Утилизирую.

«Ведьма» в «Новом времени» дала мне около 75 р.— нечто, превышающее месячную ренту с «Осколков».

Читаю Дарвина[5]. Какая роскошь! Я его ужасно люблю. «Женитьбу» Стулли [6] не читал... Сей Стулли был учителем истории и географии в моей гимназии и жил на квартире у нас... Коли увидите его, напомните ему жену учителя франц⟨узского⟩ языка Турнефора, которая (т. е. жена), почувствовав приближение родов, окружила себя свечами.

Ваша фамилия напоминает мне степной пожар. Когда-то во времена оны, будучи учеником V класса, я попал в имение графа Платова в Донской области... Управляющий этим именьем Билибин, высокий брюнет, принял меня и угостил обедом. (Помню суп, засыпанный огурцами, начиненными раковой фаршью.) После обеда, по свойственной всем гимназистам благоглупости, я, сытый и обласканный, запрыгал за спиной Билибина и показал ему язык, не соображая того, что он стоял перед зеркалом и видел мой фортель... Час спустя прибежали сказать, что горит степь... Б⟨илибин⟩ приказал подать коляску, и мы поехали... Не родственник ли он вам? Если да, то mercі за обед...

Тем совсем нет. Не знаю, что и делать.

В Москве свирепствует тиф (сыпной), унесший в самое короткое время *шесть* человек из моего выпуска. Боюсь! Ничего не боюсь, а этого тифа боюсь... Словно как будто что-то мистическое...

Я знаю, «Ведьма» не в вашем характере, да и многим она не понравилась... [7] Но что делать! Нет тем, да и черт толкает под руку такие штуки писать.

Но однако пора спать.

Ваш А. Чехов

Отчего вы первый не напишете Пальмину? Ведь он мертвецки ленив.

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва). В Полном собрании сочинений напечатано с купюрами по тексту «Писем Чехова» (XIII, 187—188).

[1] На письмо Билибина от 2—3 марта 1886 г.

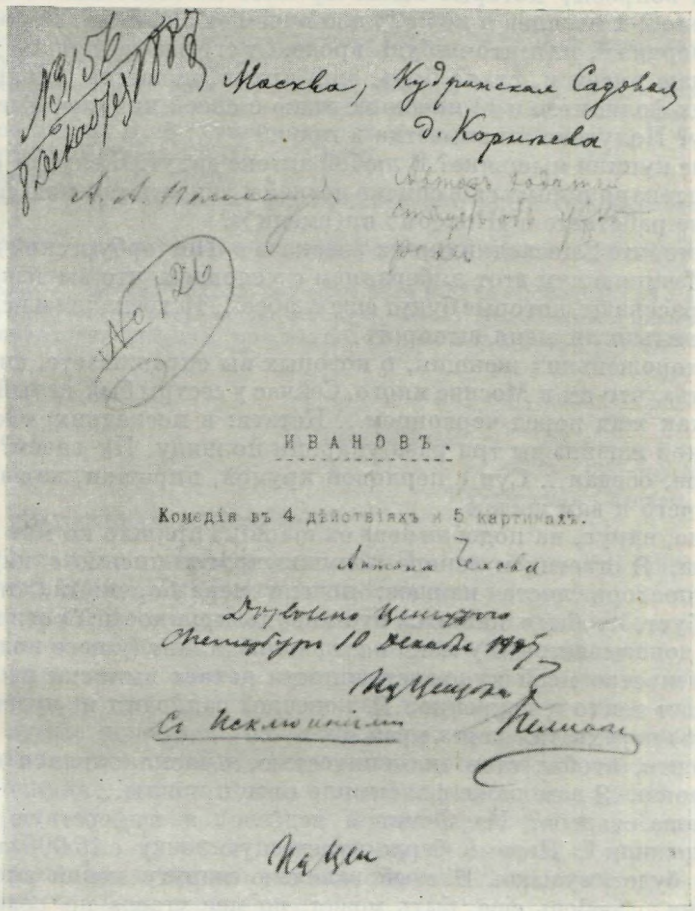
[2] Билибин сообщал в своем письме, что Театрально-литературный комитет забраковал водевиль, переведенный им и его невестой с французского. «Пьеса в одном действии», упоминаемая Чеховым, по-видимому, «О вреде табака».

[3] О статье в «Колосьях» см. в прим. 6 к письму от 1 февраля 1886 г.

[4] В своем письме Билибин предложил Чехову следующую тему для рассказа:

«Молодой начальник (из правоведов), только что назначенный, боится своего подчиненного — крысу, проевшего зубы на бумагах, и думает, во время доклада, что подчиненный над ним все время смеется и пр.». Тема эта Чеховым использована не была.

[5] Чехов был знаком с трудами Ч. Дарвина еще в студенческие годы. В письме к Ал. П. Чехову от 17 или 18 октября 1883 г. он писал, что «приемы Дарвина» ему «ужасно нравятся» (XIII, 58), имея в виду, очевидно, книгу «Происхождение человека и половой отбор» (русский перевод И. М. Сеченова. СПб., 1871). Из письма



ЭКЗЕМПЛЯР ПЬЕСЫ ЧЕХОВА «ИВАНОВ», ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В ЦЕНЗУРУ 8 ДЕКАБРЯ 1887 г.

Титульный лист. В правом верхнем углу — адрес, написанный рукой Чехова; ниже — пометы цензоров

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

к М. П. Чеховой от 23 апреля 1890 г. известно, что в это время у Чехова находилась другая книга Дарвина: «Путешествие вокруг света на корабле „Бигл“» (русский перевод А. Н. Бекетова. СПб., 1865; 2-е изд.: СПб., 1871). О какой именно книге Дарвина Чехов пишет в настоящем письме, установить не удалось.

[6] Федор Степанович *Стулли* (1834—1907) — сотрудник «Вестника Европы» и др. изданий. Его повесть «Моя женитьба» напечатана в «Вестнике Европы», 1885, № 10 и 11.

[7] Билибин писал Чехову по поводу «Ведьмы», напечатанной в № 3600 «Нового времени», от 8 марта 1886 г., что в рассказе много таланта, но резко отрицательно высказался о «крайне чувственных картинах, граничащих» с «заграничными картинками». При включении рассказа в сборник «В сумерках» Чехов изъял из него некоторые натуралистические подробности.

13

ЕМУ ЖЕ

<Москва, 18>86, IV, 4

Дорогой Виктор Викторович!

Отвечаю на ваше письмо немедленно [1], с условием, что вы поспешите ответить на вопросы, которые вы почерпнете из всего нижеследующего.

Уже около 2-х месяцев я не получаю писем от Лейкина. Вероятно, сердится за Сверчка [2], или что-нибудь вроде. От его гнева терплю я двояко: a) не получаю писем и, стало быть, мой архив лишается лишних 2—3-х драгоценных фолиантов и b) *ничего* не знаю о своей книжке. Где она, что, как, почему? Получена ли виньетка и проч.?

Отчего не купили мышьяка? В любой аптеке дадут. В случае сомнений, заставьте аптекаря порыться в списке врачей и увидеть там мою фамилию...

Отчего не работаете в «Нов<ом> вр<емени>»?

Вы пишете, что 2 последних моих рассказа в «Пет<ербургской> газ<ете>» слабы... [3] Извиняю вам этот либерализм с условием, что вы извините мне следующие рассказы, которые будут еще слабее... Истрепался и исписался... Слушайте, нельзя ли меня выпороть?

Насчет хорошеньких женщин, о которых вы спрашиваете, спешу «констатировать», что их в Москве много. Сейчас у сестры был целый цветник, и я таял, как жид перед червонцем... Кстати: в последних «Ос<колк>ах петербургской жизни» вы три раза ударили по жиду. Ну зачем?

Пишу сие, обедая... Суп с перловой крупой, пирожки, каша жареная и котлеты, чего и вам желаю.

Нечаянно, вдруг, на подобие deus ex machina пришло ко мне письмо от Григоровича. Я ответил и вскоре получил другое письмо с карточкой [4]. Письма в полтора листа каждое; почерк неразборчивый, старческий; старик требует, чтобы я написал что-нибудь крупное и бросил срочную работу. Он доказывает, что у меня *настоящий* талант (у него подчеркнуто) и в доказательство моей художественности делает выписки из моих рассказов. Пишет тепло и искренно. Я, конечно, рад, хотя и чувствую, что Г<ригорович> перехватил через край.

Вы просите, чтобы, став знаменитостью, я раскланивался с вами на улице. Хорошо. Я вам даже факсимиле свое пришлю...

Когда ваша свадьба? На Фоминой нед<еле> я шаферствую у двоих: доктор и художник [5]. Первый берет купеческую дочку с 15 000 приданого. На свадьбе будет музыка. В моей зале сию минуту некий юрист [6] поет: «Я вас любил... любовь еще, быть может, во мне угасла не совсем». Поет тенором. У адвокатов преимущественно тенор...

Г-н секретарь, поспешите выслать гонорар! В кармане 4 руб. — только.

30-го апреля я еду на дачу. Летом буду вероятно на юге. У меня опять было кровохарканье.

Батенька, неужели нам уже скоро 30 лет? Ведь это свинство! За 30-ю идет старость...

Я не ждал от «Кошмара» [7] успеха. Трудно попасть в жилку! «Гриша» [8] — ваша тема. Помните? Mercі.

«Кошмар» дал мне 87 рублей.

Отчего бы вам летом не соорудить что-нибудь крупное, зажигательное?

Погода великолепная. Не слыхали ли чего-нибудь про Худекова? Где он? Хочу просить прибавки.

Часто ли вы бываете в бане?

Пальмин и царь-колокол здравствуют.

Кланяюсь вашей невесте. А за сим будьте здоровы и прощайте.

Ваш А. Чехов

С тех пор, как я стал знаменитостью, мой почерк заметно изменился к худшему.

Вы ужасно пишете! От вашего почерка умереть можно.

Что вы делаете в департаменте?

Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва). В Полном собрании сочинений напечатано с купюрами по тексту «Писем Чехова» (XIII, 199—200).

[1] На письмо Билибина от 2—3 апреля 1886 г.

[2] В юмористическом журнале «Сверчок» 1886 г., № 10, был напечатан рассказ Чехова «Шуточка» (вышел 12 марта).

[3] По-видимому, речь идет о рассказах «Весной (сценка)» и «На реке (Весенние картинки)» («Петербургская газета», 1886, № 81 и 88, от 24 и 31 марта).

[4] Первое письмо Д. В. Григоровича от 25 марта 1886 г. Второе — от 2 апреля 1886 г. Ответы Чехова — XIII, 191—194.

[5] *Художник* — А. С. Янов.

[6] *Юрист* — Д. Д. Орлов, студент юридического факультета Московского университета.

[7] «*Кошмар*» — рассказ, напечатанный Чеховым в «Новом времени», 1886, № 3621, от 29 марта.

[8] «*Гриша*» — рассказ Чехова, напечатанный в № 14 «Осколков» от 5 апреля 1886 г. Написан на следующую тему, предложенную Чехову Билибиным в письме от 14 марта 1886 г.: «Психология ребенка, маленького (2—3—4 л.) Федя? (рассказцом)».

14

Е. А. СЫСОЕВОЙ

7/11 ⟨1887 г.⟩ Москва,
Кудринская Садовая, д. Корнеева

Милостивая государыня!

Вчера я получил через редакцию «Нового времени» ваше любезное письмо. Очень сожалею, что расстояние лишает меня возможности воспользоваться вашим приглашением — зайти к вам и лично поблагодарить вас за те лестные выражения, из которых состоит ваше письмо.

На вторую часть вашего приглашения — работать в «Роднике», я спешу ответить согласием [1], хотя тут же должен откровенно сознаться, что я едва ли сумею исполнить ваше желание: во-первых, я никогда еще не писал рассказов для детей и, во-вторых, я вовсе не знаком с программой и целями «Родника», хотя и слышал о нем от взрослых и детей много хорошего... Я рад поработать для детей; в свободный час попробую себя на новой специальности. Думаю, что это случится в самом скором времени после того, как покороче познакомлюсь с вашим журналом.

С почтением имею честь быть

А. Чехов

Автограф. ИРЛИ, ф. 260, № 38.

Ответ на письмо Е. А. Сысоевой от 2 ноября 1887 г.

Екатерина Алексеевна *Сысоева* (урожд. Альмединген, 1829—1893) — писательница и переводчица, соиздательница журнала для детей «Родник», выходившего в 1880—1910-е годы в Петербурге.

[1] Сысоева предлагала Чехову сотрудничество в своем журнале (XIII, 387 и 525). Как видно из следующего письма Чехова, сотрудничество его в «Роднике» не состоялось.

15

ЕЙ ЖЕ

⟨Москва.⟩ 2 ноября ⟨1888 г.⟩

Уважаемая Екатерина Алексеевна!

Простите, что я запаздываю ответом на ваше письмо. В последнее время у меня было много нелитературных хлопот, так что все имеющее отношение к литературе пришлось отложить недели на две [1].

Я не сдержал свое обещание — не прислал в «Родник» рассказ по причинам, от меня не зависящим. Как мне ни грустно сознаться, но я сознаюсь: моя голова отяжелела и бедна сюжетами. За полгода я никак не мог придумать подходящего сюжета, а давать в детский журнал обычную поденщину, дебютировать с этого, мне не хотелось и не хочется. Говорю это искренно и уверяю вас, что о нежелании моем работать у вас не может быть и речи. Все лето я путешествовал, теперь спешу отработать авансы. Когда я почувствую себя свободным от долгов — их немного,— я стану придумывать сюжет для «Родника», теперь же прошу у вас прощения и снисхождения [2].

Почтение г. Альмединген[3].

Уважающий А. Чехов

Автограф. ИРЛИ, ф. 260, № 38.

Ответ на письмо Е. А. Сысоевой от 20 октября 1888 г., в котором она снова просила Чехова прислать рассказ для «Родника».

[1] С мая по сентябрь 1888 г. Чехов жил в городе Сумы, откуда совершил несколько поездок по Украине, Крыму и Кавказу.

[2] Ни одного рассказа Чехова в «Роднике» напечатано не было. Отметим, что в журнале был опубликован рассказ «Полтораста верст (История одного путешествия)», принадлежащий Михаилу Чехову («Родник», 1889, № 7—8, стр. 133—154; псевдоним «А. Богемский»). Псевдоним этот не отмечен, в «Словаре псевдонимов» И. Масанова значится только М. Богемский (возможно, что в журнале опечатка). Рассказ написан под впечатлением лета, проведенного на Украине, и близок по теме чеховской «Степи». Е. А. Сысоева просила Чехова: «Неужели ⟨...⟩ вы не подарите „Роднику“ хоть зимнюю картинку, достойную соперницу вашей очаровательной „Степи“, которой я просто бредила. Читая описания мальчика, ехавшего на возу, я с завистью думала: „О! если бы со временем у нас в „Роднике“ появилось нечто такое же очаровательное, как эта картина!..“». Возможно, что это пожелание Сысоевой и натолкнуло Чехова на мысль посоветовать брату написать «Полтораста верст».

[3] Алексей Николаевич *Альмединген* (1855—1908) — педагог и драматург (псевдоним: «Ал. Ген.»); был издателем-редактором журнала «Воспитание и обучение» (1881 г.) и журнала «Родник» (с 1882 г.).

16

А. Н. МАСЛОВУ-БЕЖЕЦКОМУ

⟨Москва. Середина октября 1888 г.⟩

Отвечаю на ваше второе письмо. «Севильский обольститель» написан стихами, требует специальных декораций и костюмов и, во всяком случае, не 2—3 репетиций, а больше; поэтому Коршу он не ко двору. У него в ходу легкие пьесы водевильного свойства в 3—4 акта с гостиными, с террасами, выходящими в сад, с острящими лакеями и неизбежными вдовушками. Актер Градов-Соколов, пользующийся в театре Корша генерал-губернаторской властью, имел дерзость поставить «Тартюфа». Когда его спросили, зачем он это делает, он сказал: «Что ж поделаешь, голубчик? Пресса этого хочет»...

К тому же Петипа, которого ошикала Москва, собирается уезжать в Петербург.

Вы напишите легкую комедию в 3—4-х актах из жизни интеллигентных людей среднего полета. Военный элемент (за исключением отставных) цензурою вычеркивается. Если у вас нет времени заняться большой пьесой, то напишите что-нибудь одноактное. В этот сезон у меня пойдут две одноактных штуки: одна у Корша, другая на казенной сцене. Обе написаны между делом. Театра я не люблю, скоро утомляюсь, но водевили люблю смотреть. Верую я в водевиль и как автор: у кого есть 25 десятин земли или 10 сносных водевилей, того я считаю обеспеченным человеком — вдова его не умрет с голоду.

Когда вы напишете что-нибудь, то вот вам самый короткий и скорый путь к лаврам: пьесу вы отсылаете в цензуру с письмом М. П. Федорова, который знаком с Крюковским, секретарем драмат⟨ической⟩ цензуры. Взяв из цензуры, вы немедленно отдаете экземпляр Базарову (Графский пер., Театральная библиотека) для литографии и рассылки по провинции; одновременно же высылаете мне копию с этого экземпляра, скрепленную подписью цензора, дабы я мог поставить пьесу у Корша; как только выйдет афиша, я запишу вас в члены Драмат⟨ического⟩ общества, а оно к Новому году вышлет вам 63 р. 33 коп., и вы будете приятно удивлены, когда увидите, что ваша пьеса шла в Саратове, в Новороссийске, в Иркутском офицерском собрании, в Шклове, в Карсе...

Кто жует пьесы, бог их ведает, но только в прошлый сезон Общество собрало авторских около 85 000 р. В этом году соберет около 100 т⟨ысяч⟩, причем на долю Щегловских «Гор Кавказа» пришлось около тысячи и придется в этом году столько же.

Если водевиль выйдет плох, то не стесняйтесь и валяйте псевдоним. Провинция все скушает. Старайтесь только, чтобы роли были. Чем проще обстановка и чем меньше действ⟨ующих⟩ лиц, тем чаще идет водевиль.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов

Копия. Собрание И. С. Зильберштейна (Москва).

Автографы трех писем Чехова к А. Н. Маслову-Бежецкому были приобретены П. Е. Щеголевым в начале 1929 г.

Два из них, где Чехов резко отзывался о «Русской мысли» и ее руководителях, Щеголев напечатал в связи с двадцатипятилетием со дня смерти писателя («Чехов и либералы в 1888 году» — «Красная нива», 1929, № 29). Третье письмо осталось неопубликованным. После смерти Щеголева (22 января 1931 г.). архив его распылился и след автографов трех писем Чехова затерялся: по крайней мере, как гласит справка, полученная нами недавно из Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде, где находится значительная часть бумаг Щеголева, «в документальных материалах личного фонда П. Е. Щеголева писем А. П. Чехова к А. Н. Маслову (Бежецкому) не обнаружено». Неизвестными остались автографы этих писем и редакторам Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова, которые перепечатали тексты двух писем Чехова к Маслову из публикации «Красной нивы», а о третьем письме совсем не знали. И лишь благодаря снятой нами в 1929 г. копии этого письма, мы имеем возможность опубликовать его.

Всю свою долгую жизнь Алексей Николаевич Маслов провел на военной службе. Боевое крещение он получил во время Хивинской экспедиции. После возвращения из похода Маслов поступил в Николаевскую инженерную академию. Его пребывание там было прервано в связи с началом русско-турецкой войны: он был откомандирован в действующую армию и принимал участие в ряде сражений, в том числе на Аладжинских высотах, в осаде Карса, в штурме Эрзерума. Весной 1878 г. вернулся в старший класс академии, которую в следующем году и окончил. В дальнейшем он до конца жизни преподавал в этой академии. Свою литературную деятельность Маслов начал в конце 1876 г., напечатав в журнале «Пчела» ряд военных корреспонденций; с лета 1877 г. его корреспонденции стали появляться в «Новом времени». Вскоре он становится постоянным сотрудником этой газеты и систематически печатает здесь под псевдонимом «А. Бежецкий» статьи и заметки по различным вопросам, главным образом по военным. В том же «Новом времени» Маслов выступил впервые и с произведениями беллетристическими. С середины 1880-х годов его военные корреспонденции, путевые очерки, повести и рассказы издавались отдельными книгами, но большого успеха они не имели. (Фактические данные о Маслове почерпнуты нами из его автобиографии, хранящейся в Отделе рукописей ИРЛИ, и из его биографии, напечатанной в издании: Н. И. Афанасьев. Современники (Альбом биографий), т. I, СПб., 1909, стр. 168—171.)

Чехов положительно относился к сочинениям Маслова на военные темы, называя «превосходными» его очерки «Военные на войне» (XIV, 31), отдавал должное его человеческим качествам, причисляя Маслова к кругу «очень хороших и не узких людей» (XIV, 70). Впоследствии Чехов высказывался еще определеннее: «Мне Маслов очень симпатичен» (XV, 131). Бывали даже случаи, когда Чехов переубеждал своих приятелей, первоначально относившихся к Маслову плохо: «На днях ближе сошелся с Масловым и беру свои слова назад — он очень симпатичен и глубок, когда познакомишься

с ним ближе, но это не всегда удается»,— писал И. Л. Щеглов-Леонтьев 29 мая 1888 г. Чехову.

Доброе отношение Чехова к себе Маслов нередко использовал в различных целях, преимущественно обращаясь к нему с просьбами о содействии на литературном поприще. Так было в марте 1888 г., когда Маслов попросил Чехова способствовать напечатанию его беллетристических произведений в «Русской мысли»,— два опубликованных письма Чехова к Маслову и являются «отчетом» об этих хлопотах. В сентябре того же года Чехов хлопочет о привлечении Маслова к участию в «Северном вестнике» (XIV, 172—173). Спустя несколько дней — в начале октября 1888 г.— Чехов в письме к Суворину спрашивал, нет ли у Маслова пьесы, добавляя, что ее можно было бы устроить в театре Корша. Маслов сразу откликнулся на этот запрос и сообщил Чехову, что у него есть пьеса «Севильский обольститель», в которой «главная роль в жанре Петипа» (письмо Маслова получено Чеховым, судя по его пометке, «88, X, 11»). По этому поводу Маслов еще раз писал Чехову (второе письмо, отправленное вслед за первым, не сохранилось). Публикуемое нами письмо Чехова и является ответом Маслову.

Выполнить совет Чехова и «заняться большой пьесой» Маслов отказался, уведомив его об этом письмом от 18—20 октября (также не сохранилось), в котором, по-видимому, продолжал настойчиво просить помочь в устройстве «Севильского обольстителя» у Корша. Чехов ответил, очевидно, согласием и просил прислать экземпляр пьесы с разрешением цензуры (письмо утрачено). В архиве Чехова сохранилось письмо Маслова, датированное 27 октября, в котором он сообщает, что завтра получит в цензуре экземпляр пьесы и срочно перешлет его в Москву Чехову «курьерским поездом, с кондуктором». В том же письме Маслов, сообщая об изменениях, внесенных в пьесу цензурой, заранее соглашается и со всем тем, что потребует переделать в пьесе театр; все же дальнейшие многочисленные хлопоты по устройству пьесы у Корша он взваливает на плечи Чехова: «Предоставляю вам вполне распоряжаться у г. Корша 〈...〉 Сокращения пусть делает с *вашего* согласия». По-видимому, в день получения пьесы Чехов прочитал ее и написал Маслову письмо (оно утрачено) с некоторыми критическими замечаниями по поводу пьесы и с предложением сделать в ней небольшие сокращения. Это можно заключить из ответного письма Маслова от 1 ноября 1888 г., которое начинается так: «Получил ваше письмо, уважаемый Антон Павлович, и отвечаю. Как видно, вы относитесь с пренебрежением к видению девушки и даже советуете кончать вторую картину второго акта на том месте, где Жуан и Альвар дерутся». Далее в письме говорится: «Что же касается других сокращений, то предоставляю их вашему усмотрению. Я не думаю, что их придется делать очень много: пьеса не велика». А в конце письма Маслов соглашается еще с одним предложением Чехова: «Мысль начать первый акт со сцены Педро с трактирщиками — *одобряю*».

Конечно, пьесы Маслова были чужды Чехову, но «Севильский обольститель» произвел на него в общем не плохое впечатление. «„Севильский обольститель“ Бежецкого недурная пьеса,— писал Чехов после ее прочтения.— Она стоит того, чтобы ее поставили» (XIV, 222). А другому корреспонденту Чехов тогда же объясняет, почему он так хлопочет о ее постановке: «Пьесу Маслова читает Петипа 〈...〉 Играть некому, никто не слушается, все кричат, спорят... По-видимому, обстановочная, костюмная пьеса будет с ужасом отвергнута 〈...〉 А мне хотелось бы, чтоб „Обольстителя“ поставили. Я не ради Маслова хлопочу, а просто из сожаления к сцене и из самолюбия. Надо всеми силами стараться, чтобы сцена из бакалейных рук перешла в литературные руки, иначе театр пропадет» (XIV, 218—219). В дальнейших письмах Чехова имеются десятки упоминаний об этой пьесе, из которых можно заключить, как много времени он потратил на то, чтобы пьеса была показана в театре Корша. Но хлопоты Чехова результатов не дали, и пьеса в этом театре поставлена не была. И лишь в сезоне 1890—1891 г. «Севильский обольститель» был впервые показан на сцене Малого театра. Как раз в то время началась дружба Чехова с руководителями Малого театра А. П. Ленским и А. И. Сумбатовым-Южиным; в том же сезоне 1890—1891 г. в Малом театре шло «Предложение» Чехова, а за год до этого ему удалось устроить в Малом театре пьесу Суворина «Татьяна Репина». И если пьеса Маслова увидела свет рампы в Малом театре, то этим он был, конечно, обязан Чехову.

В публикуемом нами письме Чехова обращает на себя внимание фраза: «Театр я не люблю, скоро утомляюсь...» Пояснить ее можно следующими словами писателя о современном ему театре, высказанными в то же время: «Современный театр — это сыпь, дурная болезнь городов. Надо гнать эту болезнь метлой, но любить ее — это нездорово. Вы станете спорить со мной и говорить старую фразу: театр — школа, он воспитывает и проч. А я вам на это скажу то, что вижу: теперешний театр не выше толпы, а наоборот, жизнь толпы выше и умнее театра» (XIV, 223). После того, как корреспондент, к которому было обращено письмо, не согласился с такой оценкой, Чехов ответил ему: «Вы хотите спорить со мной о театре 〈...〉 Современный театр — это мир бестолочи, Карповых, тупости и пустозвонства. На днях мне Карпов похвастал, что в своих бездарнейших „Крокодиловых слезах“ он пробрал „желторотых либералов“, и что потому-то его пьеса не понравилась и обругана. После этого я еще больше возненавидел театр и возлюбил тех фанатиков-мучеников, которые пытаются сделать из него

МОСКВА, ОХОТНЫЙ РЯД

Фотография из альбома «Виды Москвы...», 1880-е гг.

МОСКВА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ

Фотография из альбома «Виды Москвы...», 1880-е гг.

что-нибудь путное и безвредное» (XIV, 228). Эти высказывания Чехова бросают известный свет на фразу в его письме к Маслову о нелюбви к театру.

Что же касается оценки творчества Маслова в целом, то лишь в конце жизни Чехов без преувеличения высказался по этому поводу. И если в 1888 г. он называл Маслова в ряду таких писателей, как Гаршин и Короленко, заявляя, что «только» они среди беллетристов этого поколения «имеют цену для него» (XIV, 70), то за полгода до смерти, в конце 1903 г., Чехов так отзывался о Маслове: «А Бежецкий, про которого вы пишете, уже забыт, как оно и должно быть по-настоящему» (XX, 182).

Этот небольшой эпизод из области взаимоотношений Чехова со своими литературными современниками еще раз обнаруживает, с какой удивительной энергией и душевной щедростью поддерживал он своих товарищей по искусству, даже самых скромных и заурядных.

17

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

〈Москва. 11 декабря 1888 г.〉

...В таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский. Если сей Бобчинский умрет или спятит с ума, или женится на ведьме, или будет взят живым на небо, или станет государственным канцлером, или уйдет в «Новости» — одним словом, если волею судеб он очутится за тридевять земель от вас, то забудьте его. Впрочем раз в год, прочитав эти строчки и зевнув, вспомните нечаянно, что он любил вас всем сердцем и глубоко уважал.

А. Чехов

88 $\frac{11}{XII}$.

Автограф (без начала). ГПБ, кн. пост. № 14/1949 г.

18

А. М. ЕВРЕИНОВОЙ

〈Москва.〉 8 февр〈аля 1889 г.〉

Уважаемая Анна Михайловна, обращаюсь к вам с просьбой. Будьте добры, распорядитесь, чтобы корректура моего «Иванова»[1] была выслана возможно скорее и не менее как в трех экземплярах. Два экземпляра нужны для переписки: большие требования из провинции. Театральная библиотека [2] будет рассылать рукописные экземпляры.

В великом посту великий драматург обратится в скромного беллетриста и примется за рассказ для «Сев〈ерного〉 вестника». Драматургия с ее шумом выбила меня из колеи, но теперь, слава создателю, я начинаю приходить в норму и жить по-человечески.

Насчет «Иванова» я буду писать вам еще раз. Постараюсь, чтобы эта пьеса надоела не одному только мне.

Поклонитесь Марии Дмитриевне [3] и Алексею Николаевичу [4], которые мне неизменно симпатичны, как очень добрые люди. Вам я тоже кланяюсь и шлю привет от чистого сердца. Будьте здоровы и небом хранимы.

Ваш А. Чехов

Каждую ночь мне снятся миллионы, которые я так легкомысленно проэевал [5]. Нельзя ли посвататься по телеграфу? Меня невеста может видеть в фотографии Шапиро.

Простите, бога ради. Когда кончил письмо, заметил, что этот лист уже испачкан. Неприлично посылать такое письмо. Вся надежда на ваше снисхождение. Переписал бы, да некогда и, откровенно говоря, бумага вся вышла.

Печатается по журналу «Голос минувшего», Париж, 1926, апрель. Местонахождение автографа неизвестно.

Анна Михайловна *Евреинова* (1844—1919) — в 1889—1890 гг. редактор журнала «Северный вестник».

[1] В «Северном вестнике» (1889, № 3) печаталась пьеса Чехова «Иванов».

[2] «Театральная библиотека» С. Ф. Рассохина выпускала литографированные издания театральных новинок.

[3] *М. Д. Федорова* — сотрудница редакции «Северного вестника».

[4] А. Н. Плещеев был редактором беллетристического отдела «Северного вестника». См. ниже публикацию его писем к Чехову.

[5] Намек на шутливый совет друзей Чехова — жениться для поправления своих материальных дел на вдове миллионера, А. М. Сибиряковой.

19

ЕЙ ЖЕ

〈Москва.〉 17 февр〈аля 1889 г.〉

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Я зол на вашу типографию, как аспид. У меня было в проекте провести масленицу в деревне [1], и я рассчитывал, что корректуру «Иванова» я получу в воскресенье или понедельник и затем буду свободен, но вышло иначе: типография высылала мне корректуру по маленьким дозам, через час по столовой ложке, сегодня пятница (вечер), а четвертого акта и конца третьего я еще не получил и не читал — и таким образом всю неделю я прожил в Москве в ожидании корректуры. Добро бы я был неисправен и задерживал корректуру, а то ведь я спешил на всех парах, не щадя живота и высылая листы обратно в день получения их... Право, поневоле социалистом сделаешься и возропщешь на порядки.

Излив свой справедливый гнев, я прошу вас извинить меня за то, что я так часто надоедаю вам своим «Ивановым».

Я мало-помалу прихожу к убеждению, что авторам читать корректуру положительно необходимо.

Мои шлют вам поклон. Желаю вам всего хорошего и пребываю, как всегда, искренно преданным.

А. Чехов

В воскресенье я послал вам с кондуктором корректуру I и $^1/_2$ II акта и письмо на имя Крюковского [2]. Получили ли?

Печатается по журналу «Голос минувшего», Париж, 1926, апрель. Местонахождение автографа неизвестно.

[1] Чехов предполагал уехать в Бабкино к Киселевым, у которых семья Чехова жила на даче летом 1885, 1886 и 1887 гг.

[2] Аркадий Федорович *Крюковский* — цензор драматических сочинений.

20

Н. А. ЛЕЙКИНУ

〈Москва.〉 21 февр〈аля 1889 г.〉

Добрейший Николай Александрович, я бежал из Питера не простившись с вами[1]. Это, конечно, не совсем вежливо с моей стороны, но если вы постараетесь вообразить себя бегущим, то поймете, почему я у вас не побывал.

Ну-с, поздравляю вас с великим постом, с капустой и со скукой. Скоро весна и на дачу ехать. Вы счастливец, у вас есть свой угол, а мне нужно еще искать и портить много крови. По всем видимостям, весна будет ранняя, а лето теплое.

«Иванов» купно с «Медведем» дал мне тысячу или тысячу без нескольких рублей [2]. Да из Общества драматических писателей придется получить сотни две или три. Писать пьесы выгодно, но быть драматургом беспокойно, и мне не по характеру. Для оваций, закулисных тревог, успехов и неуспехов я не гожусь, ибо душа моя ленива и не выносит резких повышений и понижений температуры. Гладкое и не шероховатое поприще беллетриста представляется моим душевным очам гораздо симпатичнее и теплее. Вот почему из меня едва ли когда-нибудь выйдет порядочный драматург.

У меня нет вашего «Пожарного кума» [3], а для коллекции не мешало бы иметь его. Нет и новой вашей книги [4]. Экземпляр «Пожарного кума», присланный вами мне, отдан Коршу и принадлежит теперь не мне.

Приедете ли вы в град Москву? На какой неделе?

Насчет «Пестрых рассказов». Я просил у Голике рассчитаться со мной не раньше 1 апреля [5].

Как живут ваши таксы? Как я жалею, что не побывал у Худекова раньше вас и не взял у него такса! Правда, я поступил бы не по-приятельски, но ведь собаки такие милые, что можно даже грех на душу взять. Воображаю, как недовольны присутствием таксов Рогулька и ее супруг! Грызутся небось?

Поклонитесь Прасковье Никифоровне, Феде и Худековым [6]. Жена Худекова очень симпатичная женщина. Будьте здравы и небесами хранимы. Сегодня вечером у меня кислая капуста.

Ваш А. Чехов

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 289, оп. 2, ед. хр. 19, лл. 6—7.

[1] Чехов был в Петербурге с 19 января по 2 февраля 1889 г.

[2] В 1889 г. пьеса Чехова «Иванов» шла в петербургском Александринском театре, а водевиль «Медведь»—в театре Ф. А. Корша (Москва). В ответном письме от 23 февраля Лейкин писал Чехову:

«Вы пишете, что „Иванов" принес вам около 1000 р. с казенной сцены. Он принес куда бы больше, если бы пьеса была поставлена в начале сезона. „Иванов" имел несомненный успех. О нем говорили, да и посейчас говорят. Он очень понравился литературной братии (литературной, а не журналистам), непричастной к сцене, то есть не драматическим писателям. Старые же драматических дел мастера, видя в вас соперника, ругают „Иванова". Из драматургов восторгается один Щеглов. Ругают и актеры. И знаете за что? За то, что будто бы вы умышленно урезали у них эффекты при так называемых „уходах". В начале февраля был у меня вечер и собралось несколько актеров, игравших в вашей пьесе, и вот они почти все в один голос жаловались, что нет „уходов" в пьесе, чтобы с хлопками уйти со сцены. Говорили так: литература литературой, а сцена сценой; тут каждому актеру нужен такой выигрыш, который в „Иванове" подпущен только единожды, в сцене вдовы с графом и управляющим. Киселевский кипятился больше всех и говорил, что пьеса имела успех только благодаря заранее рекомендованному заранее имени автора. Он сильно обижен, что роль графа не досталась ему».

[3] Речь идет о книге Лейкина «Кум пожарный. Шуточные сценки в одном действии» СПб., 1888.

[4] *Новая книга* — «Голубчики» (СПб., 1889).

[5] Сборник «Пестрые рассказы» вышел в издании журнала «Осколки» в 1886 г.

[6] *Прасковья Никифоровна* — жена Лейкина. *Федя* — его приемный сын. *Худековы* — Сергей Николаевич, издатель «Петербургской газеты», и его жена, Надежда Алексеевна.

21

П. А. АРХАНГЕЛЬСКОМУ

<Москва. 1880-е годы>

Уважаемый Петр Александрович!

Приходите к нам немедленно. Есть урок. Не опоздайте.

Ваш Чехов

Автограф. ЛБ, ф. 331, 70/99. Впервые опубликовано в журнале «Москва», 1958, № 10, стр. 236.

Петр Александрович *Архангельский* (1864—1945) — товарищ Чехова по университету. Позднее главный врач земской больницы в Юрьевце.

22

С. Н. ФИЛИППОВУ

〈Москва.〉 8 ф〈евраля 18〉90

Добрейший Сергей Никитович!

Я приехал. Приехал и Суворин. Остановился он в Славянском базаре, № 25. Завтра утром я смотрю с ним «Федру»[1], а в пятницу вечером зеваю на балу у Общества искусств и литературы — вот все, что мне пока известно о тех часах, в какие Суворина нельзя будет застать дома. Нового ничего нет. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов

Автограф. ГПБ, кн. пост. № 199/1948 г.

Сергей Никитич *Филиппов* (1857—1911) — литератор, бывший редактор «Русского курьера», сотрудник «Русских ведомостей» с 1889 г. Чехов невысоко ценил его, но, по-видимому, содействовал публикованию его рассказов в «Новом времени».

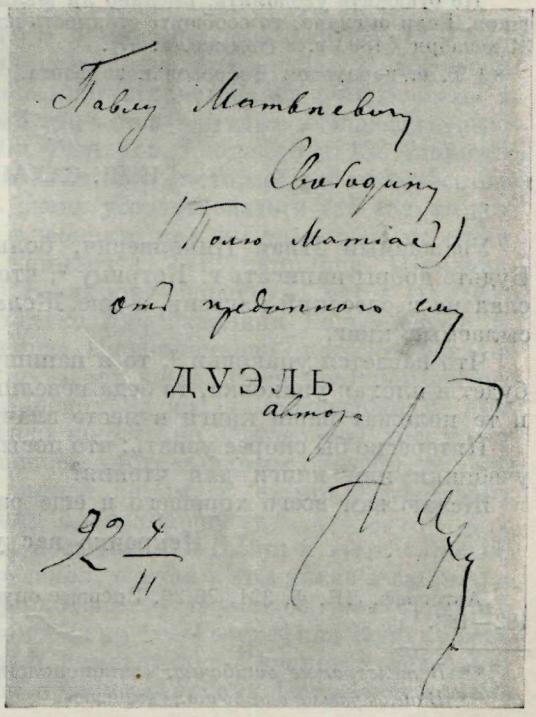
[1] Чехов вернулся в Москву из Петербурга 8 февраля. В этот же день утром он смотрел в Малом театре «Федру». 9 февраля «Федра» не шла; очевидно, Чехов допустил в письме описку.

23

Ф. А. ЧЕРВИНСКОМУ

〈Москва.〉 12 апр〈еля〉 1890 г.

Уважаемый Федор Алексеевич, я уезжаю 17 или 18-го, т. е. в среду или в четверг на будущей неделе [2]. Если успею, то рад служить. Если же не успею теперь, то погодите декабря, когда я буду в Петербурге.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА ПЕРВОМ ОТДЕЛЬНОМ ИЗДАНИИ ПОВЕСТИ «ДУЭЛЬ» (СПб., 1892)

«Павлу Матвеевичу Свободину (Полю Матиас) от преданного ему автора А. Чехов. 92, 4/II»

Собрание В. Г. Лидина, Москва

Буде угодно вам знать мнение актеров, то обратитесь к Ленскому или Южину, с которыми, если вам угодно, я поговорю перед отъездом. Только поспешите написать мне.

Желаю вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва).

Федор Алексеевич *Червинский* (1864 — ?) — поэт и литератор, автор воспоминаний о Чехове («Понедельник „Народного слова"», 1918, № 4).

[1] Ответ на письмо Червинского от 10 апреля 1890 г., в котором он просил сообщить, когда Чехов уезжает на Сахалин. Он надеялся, что Чехов успеет прочесть его новую комедию.

[2] Чехов выехал из Москвы на Сахалин 21 апреля 1890 г.

24

В. О. КОНОНОВИЧУ

(ТЕЛЕГРАММА)

Из Москвы. 5 янв⟨аря⟩ 1891 г.

Сахалин. Начальнику острова.

Программы училищные, законоположения* высылаются почтой. Книги привезет апреле Добровольцем [1]. Стоимость определяется приблизительно восемьсот руб⟨лей⟩. Постараюсь дешевле**. Еду Петербург, буду оттуда телеграфировать.

Чехов

Писарская копия. ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 505, л. 43.

Генерал-майор Владимир Осипович *Кононович* занимал должность начальника острова Сахалина. Чехов считал его «интеллигентным и порядочным человеком» (XV, 126).

Ответ на следующую телеграмму:

«Петербург. Редакция „Нового времени". Чехову.

Не откажите уведомить, выслано ли Малышевым все, что касается сахалинских школ. Если выслано, то сообщите стоимость платежа. Кононович. Отправлено 31 декабря ⟨1890 г.⟩» (там же, л. 47).

[1] Т. е. пароходом Добровольного флота.

25

И. Н. САХАРОВУ

⟨Москва.⟩ 16 февраля ⟨1891 г.⟩

Уважаемый Иван Николаевич, большое спасибо вам за хлопоты [1]. Будьте добры написать г. Кетрицу [2], чтобы пояснительное письмо он послал не в одесский магазин, а мне. Желательно иметь полный список посылаемых книг.

Что касается упаковки [3], то я напишу о ней в магазин. Впрочем, если будет и плохая упаковка, то беда невелика: я напишу офицерам парохода, и те положат наши книги в месте злачнем, в месте покойнем [4].

Интересно бы скорее узнать: что посылает П⟨етер⟩бургский комитет — учебники или книги для чтения?

Желаю вам всего хорошего и еще раз благодарю.

Искренно вас уважающий А. Чехов

Автограф. ЛБ, ф. 331, 70/26. Впервые опубликовано в «Записках», вып. 16, стр. 182—183.

** *В телеграмме ошибочно:* «законоположению».

** *В телеграмме ошибочно:* «дешевое».

Иван Николаевич *Сахаров* — московский присяжный поверенный, с 1890 г. секретарь Московского комитета грамотности (комитет этот был закрыт в 1895 г.), знакомый Чехова.

[1] Речь идет о хлопотах по пересылке книг для сахалинских школ.

[2] Бернард Эрнестович *Кетриц* (1849—1923?) — мировой судья, в 1891 г. состоял секретарем Петербургского комитета грамотности (см. также прим. 4 к письму 26).

[3] Сахаров писал Чехову, что для доставки книг на пароходе требуется особо тщательная упаковка их, чтобы они не промокли.

[4] *...в месте злачнем, в месте покойнем* — слова из заупокойной молитвы.

26

В. О. КОНОНОВИЧУ

19 февраля <1891 г.>, Москва

Многоуважаемый Владимир Осипович!

Начну с телеграммы, которую я по поручению вашего превосходительства послал 30 июля брату. Она не застала в Москве ни брата, ни инспектора училищ Малышева: первый был переведен во Владимир, второй—в Орел. Была она получена братом в августе и к тому же еще с опечаткой, которая делала ее непонятною: вместо «150 учеников», было написано «150 учебников». Брат решил ждать возвращения моего из Сахалина и написал в Москву, чтобы вам пока была выслана программа народных училищ, и вам выслали программу училищ, кажется, Звенигородского уезда. Вернувшись домой, я прежде всего послал вам свод законоположений, относящихся к народным училищам и учительским семинариям (Аннин) [1], и программы петербургских городских, московских городских и клинских земских училищ. Теперь посылаю школьный отчет и программы Лужского уезда Петербург<ской> губ<ернии>. (Этот отчет, помнится, по ошибке положен мною в пакет, предназначенный для Рыковского.) Посылая не одну, а несколько программ, я руководствовался тем соображением, что сахалинские учителя, быть может, пожелают подробнее ознакомиться с требованиями и общим тоном существующей школьной системы.

Посылаю учебники. Они куплены в книжном магазине А. С. Суворина [2], который предлагает сахалинским школам кредит с платежом в какие угодно сроки. При покупке книг я советовался с педагогами и, главным образом, с братом, который считается опытным и знающим педагогом. Расчет был сделан на 300 учеников младшего и 150 старшего отделения. Так как мы не знали maximum'а, который вы можете отпустить на учебники, то мы боялись очень усердствовать и где только возможно было урезывали, и потому учебники, как вы усмотрите из счета, посылаются далеко не в полном комплекте. Так, например, «Букварь» Тихомирова посылается на 50 экз<емпляров> меньше, II часть «Родного слова» не 300 экземп<ляров>, а только 200, задачник Гольденберга не 150, а только 100. А «Богослужение» Пшеничникова, которое указано в программе по закону божию, не посылаем вовсе. Незнание упомянутого maximum'а, отсутствие в сах<алинских> школах определенной программы и то обстоятельство, что у вас в школах не 3 отделения, как у нас, а только 2, приводили нас в смущение, и это, главным образом, служит причиной того, что первый блин вышел комом, т. е. что я на первых порах не угодил ни вам, ни Даниилу Александровичу [3].

Для заведующего училищами я посылаю «Подробный план занятий» Баранова. Для учителей всех шести школ, считая в том числе и закрытую Дербинскую, я посылаю по одному экземпляру «Руководство к букварю» Тихомирова, «Руководство к „Родному слову“», «Географию» Пуциковича, «Методику» Евтушевского, «Военную гимнастику» Верикова, «Методику русского письма» Гербача и «Полную пропись» Гербача. Посылаю учителям

также «Методику русского языка» Солонина 3 экз⟨емпляра⟩ и «Как учить» Тихомирова тоже 3 экз⟨емпляра⟩, итого 6 экз.— пусть Даниил Александрович поделит. Второй части «Методики» Солонина в продаже нет. Книги, посылаемые для учителей, должны составлять собственность школьных библиотек. Кстати о школьных библиотеках. Чтобы положить им основание, Комитет грамотности, состоящий при Вольном экономическом обществе, посылает в ваше распоряжение 1470 книжек для 5 северных школ по 294 кн⟨ижки⟩ на каждую [4]. Для школы в п⟨осту⟩ Корсаковском посылает библиотеку Московский Комитет грамотности, состоящий при Сельскохозяйственном обществе [5]. Для школьных же библиотек г. Суворин посылает по 6 экз⟨емпляров⟩ следующих сочинений:

1. Пушкин. Сочинения.
2. Грибоедов. «Горе от ума».
3. Фонвизин. Две комедии.
4. Анекдоты.
5. Хемницер. Басни.
6. Капнист. «Ябеда».
7. Марлинский. «Амалат Бек».
8. Диккенс. «Оливер Твист».
9. Данилевский. «Украинские сказки».
10. Шекспир. «Гамлет».
11. Его же. «Король Лир».
12. Его же. «Отелло».
13. Его же. «Ричард III».
14. Его же. «Кориолан».
15. Белецкий. «Сражение».
16. Лесков. «Инженеры-бессребренники».
17. Ломоносов. Избранные сочинения.
18. Эзоп. Избранные басни.
19. Чехов. «Детвора».
20. Карамзин. «История госуд⟨арства⟩ российского».
21. Байрон. «Невеста Абидосская».
22. «Поход Аргонавтов».
23. Екатерина II. Избранные сочинения.
24. Достоевский. «Бедные люди».
25. Лесков. «Повести».
26. Антонов. «Общедоступная гигиена».
27. Кайгородов. «Черная семья».

Он же пожертвовал по 1 экземпляру для Александровской школы:

1. Беккер. Древняя история, I и II части.
2. Жизнь Гете.
3. Беккер. «Выброшенные морем».
4. Иллюстрированная история П⟨етра⟩ В⟨еликого⟩.
5. Иллюстрированная история Екатерины В⟨еликой⟩.
6. Исторические рассказы и анекдоты.
7. Карнович. «Замечательные богатства ⟨частных лиц в России⟩».
8. Леббок. «Муравьи, пчелы и осы».
9. Лейкснер. «Наш век».
10. Стивенсон. «Странная история ⟨доктора Джикиля⟩».
11. Твен. «Принц и нищий».
12. Флоринский. «Домашняя медицина».
13. Фурман. «Гравер».
14. Штерн. «Всеобщая история ⟨литературы⟩».
15. Пыляев. «Старый Петербург».
16. Шиллер. Его жизнь.

17. Пыляев. «Забытое прошлое ⟨окрестностей⟩ Петербурга».
18. Костомаров. «Черниговка».

Баронесса В. И. Икскуль [6] посылает по шесть экземпляров своих изданий для каждой школы по одному:

1. Успенский. «Взбрело в башку».
2. Его же. «Живые цифры».
3. Его же. «Про счастливых людей».
4. Короленко. «Лес шумит».
5. Кузьминская. «Бешеный волк».
6. Потапенко. «В потемках».
7. Станюкович. «Между своими».
8. «Четвертая Пчелка».
9. «Про обезьяну мартышку ⟨и про медведя мишку⟩».

Г. Ватсон [7] посылает по шесть экземпляров:

1. Надсон. Сборник журнальных статей.
2. Грант Аллен. «Из странных рассказов».

Затем следует посылка известного издателя г. Павленкова [8].

1. Бажина. «Блуждающие огоньки». 2 экз.
2. Диккенс. «Два города».
3. Его же. «Тяжелое время».
4. Его же. «Крошка Доррит».
5. Его же. «Мартин ⟨Чезлвит⟩».
6. Его же. «Николай Никльби».
7. Его же. «Холодный дом».
8. Робинзон. 2 экз.
9. Лойола.
10. Крылов.
11. Мицкевич.
12. Конфуций.
13. Лессинг.
14. Дарвин.
15. Линней. 4 экз.
16. Данте. 5 экз.
17. Линкольн. 2 экз.
18. Свифт.
19. Шопенгауэр.
20. В. Гюго. 2 экз.
21. Крамской.
22. Гумбольдт.
23. Гоголь.
24. Галилей.
25. Кювье.

Его издания «Жизнь замечательных людей».

При распределении по школьным библиотекам книг, присланных в 2 или 3 экзем⟨плярах⟩, Даниилу Александровичу, вероятно, придется отдавать преимущество Александровской школе, затем ближайшей к ней Корсаковской, затем — Новомихайловской и т. д.

Известный педагог В. П. Острогорский [9], не желая уступить ни бар⟨онессе⟩ Икскуль, ни Павленкову, посылает свои сочинения:

1. «Црини», 2. «Роланд», 3. «Король Лир», 4. «Вильгельм Телль», 5. «Зимняя сказка», 6. «Родные поэты», 7. «Гончаров», 8. «Русские писатели».

Д. И. Тихомиров [10], автор букваря, глава фирмы «Начальная школа», посылает для Александровской школы библиотеки свои сочинения:

1. «Школа грамотности». 2. «Азбука правописания», I и II части. 3. «Букварь для совместного обучения» и 4. «Опыт плана и конспекта». Им же пожертвовано:

1. Толстой. «Кавказский пленник».
2. Его же. «Бог правду видит».
3. Его же. «Упустишь огонь, не потушишь». 2 экз.
4. Его же. «Чем люди живы». 2 экз.
5. Его же. «Где любовь, там и бог». 2 экз.
6. Его же. «Свечка».
7. Его же. «Две сказки».
8. Немирович-Данченко. «Махмудкины дети». 2 экз.
9. Его же. «Забытый рудник».
10. «Не в богатстве сила». 2 экз.

Посылаются также еще:

1. Канаев. «Арифметика».
2. «Лошадь в крестьянском хозяйстве» в 3 экз.
3. Меморский. «Арифметика».
4. Фелье. «Жизнь знатных римлян».

Остальные книги, не названные здесь, прошу вас передать Арсению Михайловичу Бутакову [11] для Рыковского. По счету за учебники следует уплатить 666 руб⟨лей⟩ — число апокалипсическое. Со всей суммы, кроме платы за доставку до Одессы и 15 руб⟨лей⟩, следующих за «Краткий катехизис», Суворин сделал 10% скидки.

Так как кроме учебников, на покупку которых я был уполномочен, я посылаю много и других книг, то я почел себя вправе обратиться в комитет Добровольного флота с просьбой, чтобы книги от Одессы до Сахалина были доставлены бесплатно.

Образцы больничной отчетности и всего, что относ⟨ится к⟩* медицинской части, я не посылаю. Я хочу побывать сна⟨чала⟩ в земской больнице и на месте собрать все, что ну⟨жно для⟩ полности картины. В больнице я буду на первой ⟨неделе⟩ поста.

Простите, в Петербурге я не был у доктора Иванова и не ⟨испол⟩нил вашего поручения [12]. В Петербурге я не принадле⟨жал⟩ самому себе, меня разрывали на части; я замучен был ⟨бес⟩прерывно ходить по визитам, принимать у себя и без умо⟨лку⟩ говорить [13]. Изображал я из себя грибоедовского францу⟨зика⟩ из Бордо. Разумеется, больше всего приходилось говори⟨ть⟩ о Сахалине. О Сахалине говорил я, между прочим, с А. Ф. Кони [14]. Были у меня гг. Коковцев [15] и Каморский [16], у г. Галкина-Враского [17] я не был. Тюремной выставкой публика осталась недовольна. Если, исполняя поручение, не угодил ⟨вам⟩ и Даниилу Александровичу, то прошу вас на сей ⟨раз⟩ великодушно извинить меня. Теперь уж у меня есть некоторый опыт, и если вам угодно будет дать мне еще поручение, то я, надо думать, исполню его лучше.

Летом мой адрес будет такой: Феодосия, А. С. Суворину для передачи мне. Извините, что это мое письмо имеет исключительно деловой характер и что я не могу вам ⟨сообщить⟩ ничего интересного. Сегодня я утомлен, и у меня голова болит.

Вашего радушия и гостеприимства и просвещенного участия я никогда не забуду. Когда я рассказываю литераторам, которые вообще не избалованы хорошими приемами, о том, какой прием был оказан мне на Сахалине, то они не верят, что я явился на Сахалин не имея ни одного письма, ни даже карточки. Прошу вас засвидетельствовать мое почтение вашему семей⟨ству⟩ и принять уверение в искреннем моем уважении и преда⟨нности⟩.

А. Чехов

Писарская копия. ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 490, лл. 67—70.

* Копия повреждена. Здесь и ниже поставленное в угловые скобки восстанавливается по смыслу.

МОСКВА, САДОВАЯ УЛИЦА

Фотография из альбома «Виды Москвы...», 1880-е гг.

После того, как письма к Кононовичу были нами найдены и подготовлены к печати, они появились в журнале «Сибирские огни», 1958, № 7, где опубликованы с грубыми искажениями (см. «Литература и жизнь», № 9, от 21 января 1959 г.).

[1] П. А. *Аннин* — крупный чиновник Министерства народного просвещения, составитель «Свода главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях».

[2] Счет книжного магазина «Нового времени» хранится в том же деле, где и публикуемое письмо Чехова — ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 490, л. 64—64 об.

[3] Д. А. *Булгаревич* — сахалинский чиновник.

[4] В архиве Чехова сохранилось следующее письмо к нему от 21 февраля 1891 г. секретаря Комитета грамотности Кетрица: «Иван Николаевич Сахаров из Москвы передал нам вашу просьбу о помощи 5 школам на Сахалине. Поэтому С.-Петербургский Комитет грамотности посылает через одесский книжный магазин «Нового времени» на Сахалин 1470 книжек (по 294 книжки в каждую из пяти школ)» (ЛБ, ф. 331, 54/64).

[5] По инициативе Чехова Комитет грамотности при Московском обществе сельского хозяйства решил послать в Корсаковскую школу библиотеку. Комитет обратился к писателю с вопросом о способах отправки книг и о составе библиотеки.

[6] Баронесса В. П. *Икскуль* (1854—1929) — знакомая Чехова. В 1890-х годах она занималась изданием дешевых книжек для народа.

[7] М. В. *Ватсон* (1853—ум. в начале 1930-х гг.) — поэтесса и переводчица.

[8] Ф. Ф. *Павленков* (1839—1900) — книгоиздатель. Среди многих книг, изданных Павленковым, видное место занимает серия «Жизнь замечательных людей». Часть книг из этой серии была послана на Сахалин.

[9] В. П. *Острогорский* (1840—1902) — известный педагог и методист, автор многих методических пособий по преподаванию литературы. Перечисляя сочинения, посланные Острогорским на Сахалин, Чехов, прежде всего, имеет в виду его книгу «Из мира великих преданий», куда вошли пересказы для юношества «Црини» (по Кёрнеру), «Роланд» (из французской эпической поэмы), «Король Лир» (по Шекспиру), «Вильгельм Телль» (по Шиллеру), «Зимняя сказка» (по Шекспиру).

[10] Д. И. *Тихомиров* (1844—1915) — педагог, видный деятель в области народного образования. В 1891 г. Тихомиров помогал Чехову собирать книги для Сахалина (см. XV, 159).

[11] А. М. *Бутаков* — начальник Тымовского округа на Сахалине (с. Рыковское—центр округа). 14 декабря 1891 г. он писал Чехову: «Большое спасибо за ту часть книг, высланных вами, которая выпала на долю школ и народа Тымовска и округа».

[12] О каком поручении идет речь — неизвестно.

[13] Несколько ранее, 27 января 1891 г., Чехов писал: «Поездке моей на Сахалин придали значение, которого я не мог ожидать: у меня бывают и статские и действительные статские советники. Все ждут моей книги и пророчат ей серьезный успех, а писать некогда!» (XV, 156).

[14] О беседах с А. Ф. Кони (1844—1927) — известным судебным деятелем — см. в письмах Чехова (XV, 154—156) и в воспоминаниях Кони о Чехове (сб. «А. П. Чехов». изд. «Атеней», Л., 1925).

[15] В. Н. *Коковцев* (1853—1943), будущий министр финансов, в 1890-е годы был чиновником тюремного ведомства.

[16] *Каморский* — инспектор тюрем Приамурского края. Чехов познакомился с ним на Сахалине. Упоминания о Каморском есть в книге «Остров Сахалин» (X, 203, 288).

[17] М. Н. *Галкин-Враский* — в то время начальник Главного тюремного управления. Несмотря на просьбы Чехова, он не только не помог ему в поездке на Сахалин, но и всячески мешал в осуществлении этого замысла. В дальнейшем Галкин-Враский стремился помешать опубликованию книги «Остров Сахалин». Чехов отмечает, что после возвращения из сахалинского путешествия он не отправился к Галкину-Враскому с визитом.

27

ЕМУ ЖЕ

〈Москва.〉 27 февраля 1891 г.

Многоуважаемый Владимир Осипович!

В дополнение к моему большому письму имею честь препроводить вашему превосходительству письмо, полученное мною от секретаря Петербургского Комитета грамотности г. Кетрица [1].

Комитет Добровольного флота уведомил меня, что книги будут доставлены на Сахалин бесплатно.

Новостей нет никаких. Поэт Плещеев получил наследство в два миллиона и занят теперь такими широкими планами, как будто ему не 70, а 18 лет [2]. За ведение дела Плевако [3] получил с него 20 тысяч. Тот же Плевако получил в Варшаве с Бартенева 10 тысяч, т. е. по 1250 руб. за каждый год восьмилетней каторги [4]. Глеб Успенский болен и, говорят, опасно [5]. Актеров осыпают цветами и носят их на руках. Средство Коха провалилось в России окончательно [6].

Все обстоит благополучно, так что, подобно надзирателям в Дуэ, можно на каждом шагу докладывать: все обстоит благополучно. О Сахалине я не напечатал еще ни одной строки и печатать не буду, пока не напишу своей книжки.

Каморский говорил мне, что ему поручено организовать из сс〈ыльно〉-каторжных железнодорожный баталион, кажется, в две тысячи человек. При постройке сибирской железной дороги каторжные будут получать деньгами более 30 коп. в день.

Позвольте пожелать вам всего хорошего и пребыть искренно уважающим и преданным.

А. Чехов

Писарская копия. ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 490, лл. 71—72.

[1] См. выше прим. 4 к письму Чехова к В. О. Кононовичу от 19 февраля 1891 г. В описи, приложенной к письму, упоминаются книги Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, Гаршина, Короленко, «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу, «Робинзон Крузо» Дефо, учебники и т. д. (Копия. ЦГА РСФСР ДВ, ф.1133, он. 1, ед. хр. 490, лл. 65,66).

[2] А. Н. *Плещеев* получил двухмиллионное наследство в 1890 г. См. об этом в письме Чехова к Суворину от 17 декабря 1890 г. (XV, 135).

[3] Ф. Н. *Плевако* (1843—1908) — популярный адвокат.

[4] Имеется в виду нашумевший в свое время судебный процесс в Варшаве об убийстве офицером А. М. Бартеневым его любовницы актрисы М. Висновской. Материалы этого процесса легли в основу рассказа И. А. Бунина «Дело корнета Елагина». Ф. Н. Плевако выступал защитником Бартенева (см. сб. «Судебные речи известных русских юристов» М., 1956, стр. 325—346. См. также упоминание об этом деле в одном из писем Чехова — XV, 210).

[5] Первые признаки душевного заболевания Г. И. Успенского относятся к концу 1880-х годов.

[6] *Средство Коха* — туберкулин. Как лечебное средство против туберкулеза не оправдало себя, но впоследствии легло в основу диагностики туберкулеза.

28

И. С. ВОЛОГДИНУ

(ТЕЛЕГРАММА)

〈Москва.〉 8 марта 〈18〉91 г.

Книги посланы 666 руб. пароходом без наложенного платежа, погодите высылать деньги до июля. Чехов

ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 505, л. 55. На телеграфном бланке — помета: «Доложить его превосходительству».

И. С. Вологдин — правитель канцелярии начальника острова Сахалина. В ЛБ хранится несколько писем его к Чехову и телеграмма:

«Телеграфируйте, какую сумму приобретено Суворина учебников школ Сахалина, деньги будут переведены получении вашего уведомления сумме всех расходов и снятии наложенного платежа, если заказ послан почтой. Вологдин. Отправлено 6 марта 〈18〉91 г.»

29

ЕМУ ЖЕ

(ТЕЛЕГРАММА)

〈Москва.〉 13 ноября 〈18〉91 г.

Книги отправлены весной пароходе Петербург. Чехов

ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 505, л. 64.

Ответ на следующую телеграмму Вологдина от 11 ноября 1891 г.: «Петербург. Редакция „Нового времени". Суворину для Чехова. Прошу сообщить когда каком пароходе отправлены Сахалин выписанные учебники для школ острова. Счет получен, книги не получены. Правитель канцелярии. Вологдин».

30

М. Н. АЛЬБОВУ

〈Москва.〉 14 дек〈абря 1891 г.〉

Уважаемый Михаил Нилович!

Некий Ив. Греков, молодой человек, прислал мне из Воронежа свою повесть «Нищие духом» с просьбой переслать ее в «Северный вестник» и протежировать ему.

Сегодня я послал вам повесть. Адрес автора вы найдете на обертке [1].

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов

Копия. ЛБ, ф. 331, 21/20. Впервые опубликовано в «Записках», вып. 17, стр. 117. Местонахождение автографа неизвестно.

Михаил Нилович *Альбов* (1851—1911) — писатель-беллетрист; с 1891 г. редактор журнала «Северный вестник».

Год установлен на основании письма Грекова Чехову от 12 декабря 1891 г.

[1] Иван Сергеевич *Греков* — воронежский учитель. Чехова познакомил с ним его товарищ Д. Т. Савельев. По поводу повести Грекова «Нищие духом» Чехов писал 3 декабря Суворину: «...какой-то, по-видимому, очень молодой человек прислал мне из Воронежа рукопись листов в 40, мелко исписанную. Роман. Название очень новое: „Нищие духом". Умоляет юный автор прочесть и написать ему свое мнение. Можете себе представить мой ужас! Стал я ночью перелистывать роман, а там все честное прошлое, служение народу, общность интересов, заходящее солнце...» (XV, 278).

Письмо Чехова Грекову по поводу повести «Нищие духом» в печати неизвестно, но содержание его можно отчасти узнать из ответного письма Грекова от 12 декабря 1891 г. «В вашем мнении о моей повести большая доля правды. Но я, впрочем, нисколько не огорчаюсь этим 〈...〉 Однако вы мне все ж таки *советуете* писать! Что это — деликатность или искренний совет? Если позволите, то я вам пришлю еще две-три свои рукописи (не бойтесь — небольшие), которые также попрошу просмотреть и, если можно, помочь мне отдать их в какой-либо журнал. Но... все ж таки мне немножко жаль „Нищих духом". Антон Павлович, вы, как я чувствую, человек добрый, а потому и исполните мою просьбу: если вы вполне не убеждены в том, что повесть моя не годится для напечатания, то передайте ее в „Северный вестник" 〈...〉 Вы пишете: „Если вы желаете, то я пошлю вашу повесть в „Северный вестник" и мое мнение не помешает мне оказать вам *протекцию*". Вот об этом-то я и хочу вас попросить».

31

С. Ф. РАССОХИНУ

⟨Москва.⟩ 17 декабрь ⟨1891 г.⟩

Уважаемый Сергей Федорович!

Будьте добры, прикажите переписать прилагаемый водевиль в двух экземплярах и отправьте его в цензуру.

Уважающий А. Чехов

Мал⟨ая⟩ Дмитровка, д⟨ом⟩ Фирганг.

Автограф. ГИМ, ф. 1, ед. хр. 228, л. 126.

Сергей Федорович *Рассохин* — основатель и издатель «Театральной библиотеки» в Москве (см. прим. 2 к письму 18).

Письмо, по-видимому, было послано вместе с беловой рукописью «Юбилея», которая находится в Театральном музее им. А. А. Бахрушина (см. выше в настоящем томе сообщение Н. А. Роскиной об этой рукописи).

32

М. К. ЗАНЬКОВЕЦКОЙ

⟨Москва.⟩ 12 январь ⟨1892 г.⟩

Вчера вечером, уважаемая Мария Константиновна, я был у вас и не застал.

Посылаю свою «Дуэль» [1] и письмо Коробки [2], которое я получил вчера. Проект костюма бродячей цыганки [3] будет прислан вам художником в самом скором времени.

14-го я уезжаю к голодающим [4], а 23-го буду у вас с Сувориным [5].

Искренно уважающий и преданный

А. Чехов

Малая Дмитровка, д⟨ом⟩ Фирганг.

Автограф. Гос. музей театрального искусства Украины (Киев). Впервые опубликовано в газ. «Вечерняя Москва», 1954, № 164, от 13 июля.

Мария Константиновна *Заньковецкая* (1860—1934) — выдающаяся украинская драматическая артистка. См. ниже в настоящем томе ее воспоминания о Чехове.

[1] Повесть Чехова «Дуэль» вышла отдельной книжкой в издании Суворина в конце 1891 г.

[2] Вероятно, письмо педагога и литературоведа Николая Ивановича *Коробки*. В архиве Чехова оно не сохранилось.

[3] Заньковецкая должна была играть роль цыганки Азы в одноименной пьесе М. П. Старицкого.

[4] Чехов уехал 14 января 1892 г. в Нижегородскую губернию по делам организации помощи голодающим.

[5] Встреча Чехова с М. К. Заньковецкой состоялась 27 января 1892 г.

33

В. В. БИЛИБИНУ

⟨Москва.⟩ 22 февраля ⟨1892 г.⟩

Милый Виктор Викторович, простите, что так долго не отвечал на ваше письмо [1]. Только недавно вернулся из Воронежской губ. и по самое горло занят покупкой имения. Купчая уже написана и пошла к старшему нотариусу на утверждение. Через неделю буду уже знать, помещик я или нет.

Но увы! Я изменил хохлам и их песням. Волею судеб покупаю угол не в Малороссии, а в холодном Серпуховском уезде в 70 верстах от Москвы [2]. И покупаю, сударь, не 10—20 десятин, как хотел и мечтал, а 213. Хочу быть герцогом. За это удовольствие я буду платить процентов в год

490 руб. Утешаюсь расчетом, что за квартиру и за дачу я платил гораздо дороже. Лесу 160 десятин. Дров-то, дров! Не хотите ли в подарочек сажень дров?

Вашу новую жизнь с Анной Аркадьевной я апробую и приветствую с легким сердцем, что мне симпатично, и я рад за вас[3]. Ваше мнение, что будто многие осудят вас, имеет своим источником мнительность.

ЧЕХОВ
Портрет маслом работы Н. И. Кравченко, 1895 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Сейчас был у меня некий Черский, таинственный незнакомец, и про сил денег на билет до Петербурга. Я дал ему 9 рублей. Он сказал, между прочим, что работает в «Осколках» под псевдонимом «Чих» и что ему приходится от вас кое-что получать[4]. В обеспечение своего долга, дал он мне прилагаемое письмо. Если он не врет, то удержите из его гонорара 9 рублей и пришлите их мне через Лазарева или Ежова, при ихнем гонораре.

В свое монрепо переезжаю 1 марта. В деревне засяду за работу и буду писать с ожесточением, ибо денег у меня — увы и ах! Даже штанов нет.

Напишите мне что-нибудь интересное. Будьте здоровы. Анне Аркадьевне поклон и пожелания всего хорошего.

Ваш А. Чехов

Автограф. Рукописный фонд Азербайджанской ССР. Опубликовано в «Трудах Института литературы им. Низами», Баку, 1946, т. I, стр. 81—82.

[1] Ответ на письмо Билибина от 30 января 1892 г.

[2] 2 февраля Чехов подписал договор на покупку в Серпуховском уезде у художника Сорохтина имения при селе Мелихово. В тот же день он уехал в Воронежскую губернию для организации помощи голодающим. Вернулся в Москву 12 февраля.

[3] Билибин писал Чехову: «Я живу теперь не один, а вместе с Анной Аркадьевной. Весьма вероятно, что многие меня за это осудят».

[4] В письме от 26 февраля 1892 г. Билибин ответил Чехову: «Черский в „Осколках", извините, не сотрудничает. Может быть, он намерен сотрудничать. Псевдоним Чих, кажется, видел в „Стрекозе". Всего вероятнее, что этот молодой человек вас нагло надул».

34

Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

<Октябрь? 1892 г.>

Моя добрая знакомая, учительница Лидия Федоровна Михайлова просила меня рекомендовать ее вам [1].

Наши кланяются. Всего хорошего!

Ваш А. Чехов

На конверте: Тверская,
Долгоруковский переулок, дом Лобачева.
Доктору Николаю Николаевичу Оболонскому.

Автограф (визитная карточка). ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 241, л. 9.

Николай Николаевич *Оболонский* — московский врач.

[1] Л. Ф. Михайлова, московская учительница, отдыхала вместе с Чеховым в Сумах. 5 ноября 1892 г. Чехов писал Оболонскому: «Хотел я также поблагодарить вас за Лидию Федоровну. Она мне с восторгом говорила о вас» (XV, 443). По-видимому, Михайлова стала лечиться у Оболонского.

35

В. И. ЯКОВЕНКО

<Мелихово. 31 июля 1893 г.>

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Я не знаю, принимаете ли вы амбулантных больных, но, тем не менее, все-таки решаюсь направить к вам фабриканта Кочеткова [1], алкоголика. Его жалоба: «Пью водку и никак не могу уняться».

Я воспользовался коротким временем, какое было в моем распоряжении, и собрал «предварительные сведения», касающиеся этого больного. Быть может, они понадобятся.

Искренно уважающий А. Чехов

Ст. Лопасня $\frac{31}{VII}$ 93.

Автограф. Гос. Лит. музей. Факсимильно воспроизведено в журнале «Невропатология и психиатрия», 1951, т. XX, № 4, стр. 63.

Владимир Иванович *Яковенко* (1857—1923) — известный врач, автор многих трудов по психиатрии, основатель и директор лучшей в России конца XIX века психиатрической лечебницы, находившейся в селе Мещерском Подольского уезда. В юности Яковенко принимал участие в народническом революционном движении, работал соредактором газеты «Черный передел», собирал средства для заключенных. Позднее, во время революции 1905 г., он выступал на митингах работников больницы и окрестного населения и разъяснял политические вопросы крестьянам-ходокам. В 1906 г. Яковенко по требованию губернатора был уволен с поста директора больницы за политическую деятельность. Проработав некоторое время учителем в Москве, он переехал на родину, в Миргородский уезд, где прожил последний период своей жизни.

Познакомившись в первые годы мелиховского житья с Яковенко, Чехов живо заинтересовался психиатрической лечебницей в Мещерском и в письме к Суворину от 9 мая 1894 г. поделился впечатлениями от нее (XVI, 145). Он несколько раз бывал на собраниях врачей в Мещерском, которое находилось в 17 верстах от Мелихова, и неодно-

кратно обращался к Яковенко с просьбами поместить в его лечебницу больных, запрашивал затем о состоянии их здоровья. Яковенко подробно сообщал в ответных письмах о ходе болезни тех, о ком беспокоился Чехов.

В переписке Чехова и Яковенко затрагивались и политические проблемы, волновавшие их обоих. Так, в письме Яковенко от 10 февраля 1897 г. говорится о происшедших во время общероссийской переписи выступлениях жителей одной из губерний Польши против царской администрации, когда были вызваны войска и произведены аресты. Яковенко возмущается нелепыми, раздражающими и оскорбляющими народ «приказаниями, циркулярами и распоряжениями» властей и просит писателя содействовать преданию этих фактов гласности. Неизвестно, как откликнулся Чехов на это письмо и что сумел он сделать для выполнения просьбы Яковенко. Но нет никаких сомнений, что писатель, утверждавший, что «пора земским врачам и вообще земским деятелям перестать презирать общую печать» (XVI, 130), с горячим сочувствием отнесся к намерению публично выступить против произвола царской администрации.

[1] Степан Егорович *Кочетков* — владелец небольшой ситценабивной фабрики в селе Крюкове возле Мелихова.

36

П. П. ЧЕХОВУ

(ТЕЛЕГРАММА)

〈Москва. 12 января 1894 г.〉

Потапенко, Гольцев, Лавров, Немирович, Ремезов завтра обедаем. Буду двенадцать часов. Поклон Соне [1]. Антуан

Телеграфный бланк. ЛБ, ф. 331, 70/42/2. Впервые опубликовано в «Записках», вып. 16, стр. 186.

Число и год проставлены в телеграмме, месяц установлен по тому, что именно в январе этого года в Москве находились и Гольцев, и Чехов.

[1] *Соня* — Софья Владимировна Чехова, жена И. П. Чехова.

37

Е. М. ШАВРОВОЙ

〈Москва. 16—17 ноября 1894 г.〉

Ответ пришлю завтра, когда поищу у себя «Каштанку»[1].

На конверте: Ее высокоблагородию
Елене Михайловне Шавровой.

Автограф (визитная карточка). ЛБ, ф. 331, 25/9.

Елена Михайловна *Шаврова-Юст* (1874—1937), писательница. Была знакома с Чеховым с 1889 г. (см. о ней в настоящем томе в сообщении П. С. Попова «Чехов в работе над рукописями начинающих писателей»).

[1] Речь идет о рассказе Е. М. Шавровой «Каштанка». В письме к Чехову от 16 ноября (рукою Чехова надписано: 1894) она просила вернуть находящиеся у него ее рассказы «Михаил Иванович», «Каштанка» и др. 22 ноября 1894 г. Чехов писал Шавровой: «Зарежьте меня, повесьте, но рассказов ваших у меня нет» (XVI, 184).

38

Г. М. ЧЕХОВУ

29 декабря 〈не ранее 1894 г.〉[1]

Милый Жоржик, поздравляю тебя, твою маму, сестер и Володю с праздником и с Новым годом, шлю сердечные пожелания.

Будь здоров и благополучен.

Жму руку. Твой А. Чехов

Иринушке поклон и поздравление [2].

Автограф. Гос. Лит. музей.

Георгий Митрофанович *Чехов* (1870—1943) — двоюродный брат писателя, сын Митрофана Егоровича Чехова. См. о нем в настоящем томе в сообщении Е. З. Балабановича «Чехов в письмах М. П. Чехова».

[1] Точный год письма установить не удалось. Можно полагать, что письмо написано после смерти Митрофана Егоровича Чехова (сентябрь 1894 г.), так как в перечне членов семьи, которым Чехов передает приветы, имя Митрофана Егоровича отсутствует.

[2] *Мама* — мать адресата, тетка Чехова, Людмила Павловна Чехова. *Сестры* — Александра Митрофановна и Елена Митрофановна Чеховы, *Володя* — Владимир Митрофанович, брат адресата. *Ириншка* — няня в семье Митрофана Егоровича.

39

О. И. ФЕЛЬДМАНУ

<Петербург. 13 февраля 1895 г.>

Многоуважаемый Осип Ильич, возвращаю альбом с просьбой извинить меня. Я не придумал ничего подходящего. Я начал одну страницу (41), когда встретимся, прибавлю еще что-нибудь, теперь же голова отказывается думать [1].

Желаю вам всего хорошего. Посланному дайте записку, удостоверяющую, что альбом вами получен, иначе я буду беспокоиться.

Преданный А. Чехов

13 февр<аля>*

Хотел было сам привезти альбом, но нельзя: меня пишет художник [2].

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1188, оп. 1, ед. хр. 64 (альбом О. И. Фельдмана), л. 74 об.

Осип Ильич *Фельдман* (1862—1910 или 1911) — врач-гипнотизер, коллекционер.

[1] Альбом с автографами знаменитых людей, которые собирал адресат; на стр. 41 альбома — портрет Чехова с его подписью «Антон Чехов 12 февр<аля> 1895 г.».

[2] Чехов позировал художнику Н. Кравченко, сотруднику «Нового времени». Портрет находится в музее ИРЛИ. См. его воспроизведение на стр. 191.

40

В. И. ЯКОВЕНКО

28 февр<аля 1895 г.> Ст. Лопасня

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Студент Владимир Саблин [1] (сын М. А. Саблина [2], одного из пайщиков «Русских ведомостей»), избирающий своею специальностью психиатрию, весьма желает послужить у вас в Мещерском в качестве младшего надзирателя, чтобы на практике познакомиться с уходом за психическими больными. Должность надзирателя он хочет занимать в течение всего будущего лета, с мая по осень. Человек он здоровый, трезвый, серьезный, не избалованный; знает языки; может переводить, вести отчетность, смотреть за постройкой — постольку, поскольку сие к психиатрии относиться может.

В случае вашего согласия, не откажите написать мне, куда и когда должен явиться г. Саблин, чтобы представиться вам. Само собою разумеется, что, поступая к вам в качестве младшего надзирателя, он вполне подчинится установленному порядку [3].

Если вам известен адрес Ольги Петровны [4], то сообщите мне его.

Почтение Надежде Федоровне [5] и всей вашей семье. Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов

На конверте: Ст. Молоди Моск. Курс.
Его высокоблагородию
Владимиру Ивановичу Яковенко.
Покровско-Мещерское

* *Рукой другого лица приписано*: 95 г.

Автограф. Собрание Б. А. Привалова, Москва.

[1] Владимир Михайлович *Саблин* — впоследствии книгоиздатель и переводчик.

[2] Михаил Алексеевич *Саблин* (1842—1898) — статистик и публицист, в 1890-е годы член редакции «Русских ведомостей».

[3] В ответном письме от 2 марта 1895 г. Яковенко выразил готовность выполнить просьбу Чехова и взять В. Саблина на работу в свою больницу.

[4] *Ольга Петровна* — Кундасова, близкая знакомая семьи Чеховых.

[5] *Надежда Федоровна* — жена В. И. Яковенко.

41

ЕЛИЗАВЕТЕ БИЛЕ

Ст. Лопасня Моск⟨овско⟩-Курск⟨ой⟩ д⟨ороги⟩.
⟨22 апреля 1895 г.⟩

Милостивая государыня!

В последние пять-шесть лет я ничего не писал для театра; если напишу что-нибудь в будущем, то сочту долгом уведомить вас.

Что касается беллетристики, то в конце прошлого года вышла моя новая книжка «Повести и рассказы», изд⟨ание⟩ Сытина, Москва. В январской и февральской книжках «Русской мысли» напечатана моя новая повесть «Три года».

С истинным почтением имею честь быть вашим покорным слугою.

А. Чехов

$95\frac{22}{IV}$.

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея в Праге. (Впервые опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 57.)

Баронесса Елизавета *Била* — чешская переводчица с русского языка. Это — ответ на письмо Е. Билы от 9(21) апреля 1895 г., в котором она просит писателя сообщить о его последних произведениях, в частности о пьесах; она выражает желание перевести их и поставить на сцене Пражского Национального театра.

О ее переводах произведений Чехова см. в настоящем томе в обзоре Ш. Ш. Богатырева «Чехов в Чехословакии».

42

Н. А. ЛЕЙКИНУ

⟨Мелихово.⟩ 29 авг⟨уста 1895 г.⟩

Милый Николай Александрович, давно уже я не писал вам, между тем пора уже написать, что Хина, которую я запирал весною с Бромом [1], родила настоящих таксов: одного живого, другого — дохлого; живой — сучка, очень красивая; прозвана Селитрой; теперь уже ей второй месяц, и на будущей неделе она будет отправлена на ферму к гр. Орлову-Давыдову.

Теперь огородные дела. Из бамий взошла только одна и та засохла [2]. Тыквы ваши грандиозны, так что трудно поднять; посолили в них огурцы. Репа тоже большая, какой мы никогда не видали. Теперь я понимаю, почему на выставках вам дают медали. Сестра вас благодарит и низко кланяется. Лето вообще было удачное, у нас все дозрело, даже баклажаны, не говоря уже о томатах и кукурузе. Яблоки были обильные и великолепные. Розы цвели буйно все лето и цветут до сих пор.

Я не совсем здоров. 8 августа я был у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и, вероятно, простудился у него или на обратном пути [3]; 9 авг⟨уста⟩ у меня заболели волосы и кора правой половины головы, затем боль шла все crescendo и 15—16-го у меня начались сильные нервические боли в правом глазу и в правом виске. Поехал я в Серпухов, вырвал зуб, принял чертову пропасть антипирина, фенацетина, хины и проч. и проч.— и ничего не помогло. Только после 20-го боль стала сдаваться, и вот я уже могу

писать и чувствую только боль в коре головы и в волосах, когда до них дотрагиваешься. Такое свинство. В результате: хохлацкая лень и эта болезнь сделали то, что летние месяцы у меня прошли прахом, я ничего не писал ни великого, ни малого, и если бы не те два рассказа, которые я написал весной, то пришлось бы начинать сезон с пустыми руками. Впрочем, ленился я только для литературы. Все-таки немножко полечивал, немножко возился в саду и — наконец — победил трудности французского языка, пройдя весь курс его. Теперь уж я не буду чувствовать себя в Париже дураком. Все-таки сумею спросить помощь и поблагодарить гарсона.

Урожай у нас хороший. Болезней летом не было, и было похоже, точно тифы и дифтерит стали вырождаться.

Поклон нижайший Прасковье Никифоровне и Феде. Желаю вам всяких благ, наипаче же здоровья. В Петербург приеду зимой или к зиме. Так как буду жить долго, то остановлюсь не у Суворина, а где-нибудь поближе к Невскому, в номерах. Никак не могут придумать, в каких номерах мне остановиться.

Фамилия моя шлет вам привет и приглашает в Мелихово.

Ваш А. Чехов

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва).

[1] Собаки *Хина* и *Бром* были подарены Чехову Лейкиным.

[2] *Бамия* — однолетнее растение семейства мальвовых. Незрелые плоды употребляются в пищу как овощи. Произрастает в Закавказье и на Северном Кавказе.

[3] Чехов пробыл у Толстого два дня — 8 и 9 августа.

43

Д. Л. МАНУЧАРОВУ

Ст. Лопасня Моск⟨овско⟩-Курск⟨ой⟩ д⟨ороги⟩.
⟨5 марта 1896 г.⟩

Милостивый государь Давид Львович!

На Сахалине не осталось уже никого из моих знакомых, но все-таки я постараюсь похлопотать о вашем брате при первой возможности [1]. Когда буду в Петербурге, то, быть может, встречу человека, имеющего власть, влияние или связи на Сахалине, и тогда поговорю с ним. Письмо, если понадобится, пошлю сам, а вас своевременно уведомлю.

Брата успокойте, напишите, что и на Сахалине есть добрые люди, которые не откажут ему и в совете и в помощи.

Желаю вам всего хорошего.

Готовый к услугам
А. Чехов

96 5/III.

Автограф. Хранится у Е. Д. Манучаровой (Москва).

Давид Львович *Мануча́ров* (1867—1942) — техник, в год переписки с Чеховым работал помощником начальника дистанции на Раненбург-Павелецкой железной дороге.

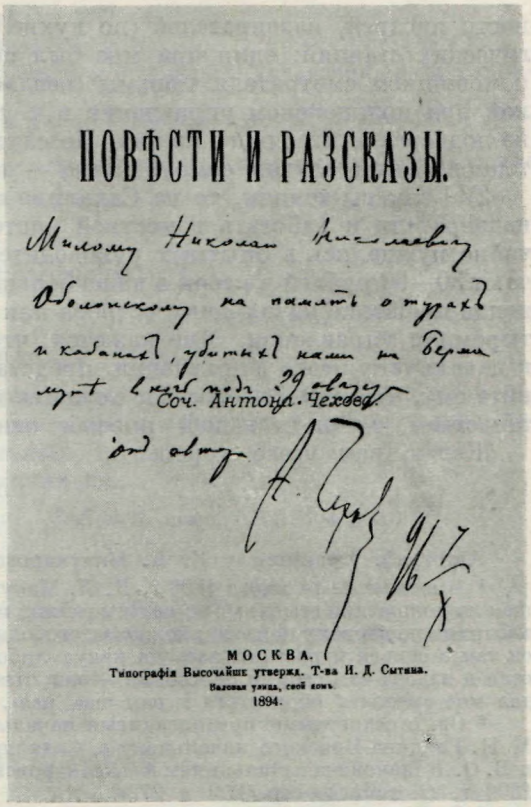
Иван Львович *Мануча́ров* — брат Д. Л. Манучарова (Ованес Асланович Манучарьянц, 1861—1909) — народоволец. По приговору Одесского военно-окружного суда 19 декабря 1885 г. был осужден на смертную казнь, которая заменена была десятилетней каторгой в Шлиссельбургской крепости (с января 1886 г. по декабрь 1895 г.). В 1896 г. он был переведен на поселение на о. Сахалин. В 1904 г. вышел на свободу в звании крестьянина. Последние годы жизни работал корреспондентом газеты «Амурский край» в Благовещенске (см.: И. Л. Мануча́ров. Мой процесс.— «Былое», 1906, № 7, стр. 48—54; его же. Из Шлиссельбурга на Сахалин. — «Былое», 1907, № 8/20, стр. 31—42).

[1] В своем первом письме к Чехову от 26 февраля того же года адресат писал: «Брат мой, Иван Асланович Манучаров, после десятилетнего одиночного заключения в

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА КНИГЕ «ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ» (М., 1894)

«Милому Николаю Николаевичу Оболонскому, на память о турах и кабанах, убитых нами на Бермамуте в ночь под 29 августа, от автора. А. Чехов 96 $\frac{7}{X}$».

Литературный музей, Москва


ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Милому Николаю Николаевичу Оболонскому на память о турах и кабанах, убитых нами на Бермамуте в ночь под 29 августа. Соч. Антона Чехова

МОСКВА.
Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.
Валовая улица, свой домъ.
1894.

Шлиссельбургской крепости, отправляется в первых числах марта поселенцем на о. Сахалин. Если вы можете, в виду ваших там связей, помочь ему рекомендацией или чем-нибудь подобным, не откажитесь сделать это. Брат — бывший студент Петербургского университета, общих гражданских или уголовных преступлений не совершал, и нравственная чистота таких людей вам должна быть известна».

Отвечая Д. Л. Манучарову, что на Сахалине не осталось никого из его знакомых, Чехов нисколько не преувеличивал. Его переписка с сахалинцами относится, в основном, к 1891—1892 гг. К 1896 г. одни уехали из Сахалина (как С. А. Фельдман), другие умерли (А. М. Бутаков), третьи перестали писать (как Д. А. Булгаревич). Уже после переписки с Д. Л. Манучаровым Чехов неожиданно получил письмо из Владивостока от И. М. Эриксона, бывшего в 1890 г. старшим офицером на ледоколе «Байкал». «Со времени вашего пребывания на Сахалине,— писал Эриксон,— там было уже много переворотов, ничего не осталось старого, новый начальник (теперь военный губернатор острова Сахалина) и чиновье, но нельзя сказать, чтобы все было к лучшему» (27 июня 1896 г.).

44

ЕМУ ЖЕ

Лопасня Моск⟨овской⟩ губ⟨ернии⟩.
⟨18⟩96 21/III

Милостивый государь Давид Львович!

Отвечаю на ваши вопросы[1]:

1) Бывший приамурский ген⟨ерал⟩-губ⟨ернатор⟩ барон Корф разрешил мне посещать тюрьмы и поселения с условием, что я не буду иметь никакого общения с политическими — я должен был дать честное слово [2]. С политическими мне приходилось говорить очень мало и то лишь при свидетелях — чиновниках (из которых некоторые играли при мне роль шпионов), и мне известно из их жизни очень немногое. На Сахалине политические ходят в вольном платье, живут не в тюрьмах, несут обязан-

ности писарей, надзирателей (по кухне и т. п.), смотрителей метеорологических станций; один при мне был церковным старостой, другой был помощником смотрителя тюрьмы (негласно), третий заведовал библиотекой при полицейском управлении и т. д. При мне телесному наказанию не подвергали ни одного из них. По слухам, настроение духа у них угнетенное. Были случаи самоубийства — это опять-таки по слухам [3].

2) Если вы техник, то на Сахалине вы можете занять место старшего надзирателя и работать в местной мастерской, где в мое время чрезвычайно нуждались в опытных руководителях. Старшие надзиратели получают 50—60 рублей в месяц и даже больше. Место это вы можете получить, подав прошение начальнику острова или побывав в Петербурге в Главном тюремном управлении. Мне кажется, что если вы обратитесь с просьбой к начальнику этого Управления, представите ему свои документы, объясните ему, что желаете жить и служить на Сахалине по семейным обстоятельствам, то он к вашей просьбе отнесется вполне доброжелательно.

Желаю вам всего хорошего.

Готовый к услугам
А. Чехов

Автограф. Хранится у Е. Д. Мануччаровой (Москва).

[1] В письме от 14 марта 1896 г. Д. Л. Мануччаров осведомлялся у Чехова: «На общем ли положении ссыльные из политических; подвергаются ли они тоже телесным наказаниям по первому капризу; можно ли свободному человеку, например мне, поселиться там с семьей и рассчитывать на какую-либо работу в области техники? Простите, если я надоел вам своими просьбами — ваш ответ (его душевность) на первую просьбу дал мне смелость обратиться к вам еще раз».

[2] Ср. с секретными предписаниями начальника Главного тюремного управления М. Н. Галкина-Враского начальнику о. Сахалин В. О. Кононовичу за январь 1890 г. и В. О. Кононовича начальникам Александровского и Тымовского округов от 30 июля 1890 г. (Летопись, стр. 252 и 272).

[3] Это единственная характеристика жизни политических ссыльных, сделанная Чеховым после поездки на Сахалин. До обнаружения этого письма мы располагали лишь беглыми упоминаниями писателя об этом. Еще по дороге на Сахалин он писал родным о писарях-поляках, сосланных в Сибирь после польского восстания 1863 г. (см. XV, 77 и 82); в книге «Остров Сахалин» упоминается «привилегированный ссыльный», бывший мичман, который неофициально заведовал метеорологической станцией и одновременно исправлял должность церковного старосты — это был И. П. Миролюбов, автор книги «Восемь лет на Сахалине». СПб., 1901 (см. X, 125 и 539; упоминания о политических ссыльных см. также на стр. 53 и 124). Как видно из публикуемого письма, Чехов — несмотря на запрет — обратил внимание на многие обстоятельства, характеризующие положение политических ссыльных.

45

Я. А. КОРНЕЕВУ

⟨Мелихово. 14 апреля 1896 г.⟩

Дорогой Яков Алексеевич, податель сего, литератор Николай Михайлович Ежов [1], свидетель тех прекрасных дней, которые я прожил в Кудрине в вашем доме [2]; у него больна жена (он женат уже второй раз; первая жена умерла от tubercul⟨esis'a⟩). Будьте ласковы, помогите ей — и простите меня за беспокойство.

В Строгановском видел Марию Яковлевну [3]. Как она выросла! Низко кланяюсь вам и всем вашим и прошу не забывать искренного почитателя вашего

А. Чехова

Лопасня Моск⟨овской⟩ губ⟨ернии⟩ 96 $\frac{14}{IV}$.

На обороте: Его высокоблагородию
Якову Алексеевичу Корнееву.
Девятинский пер⟨еулок⟩, д⟨ом⟩ Ускова.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 232, л. 1.

Яков Алексеевич *Корнеев* — московский врач.

[1] Н. М. *Ежов* (1862—1942) — беллетрист и журналист, сотрудник ряда юмористических журналов.

[2] Дом № 6 на Садово-Кудринской улице в Москве, где теперь находится Дом-музей Чехова. Чехов прожил в нем с 1886 по 1890 г.

[3] М. Я. Корнеева, дочь Якова Алексеевича, училась в московском Строгановском училище технического рисования.

46

В. Н. СЕМЕНКОВИЧУ

⟨Мелихово. 25 мая 1896 г.⟩

Многоуважаемый Владимир Николаевич!

По долгу доброго соседа, извещаю вас, что в нашей и в соседних волостях на лошадях influenza. Не позволяйте впускать в табун чужих лошадей и изолируйте подозрительных.

Желаю вам всяких благ и кланяюсь.

Добрый сосед А. Чехов

96 $\frac{25}{V}$.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1086, оп. 2, ед. хр. 153, л. 22.

Владимир Николаевич *Семенкович* — инженер, владелец имения Васькино, вблизи Мелихова.

47

В. И. ЯКОВЕНКО

⟨Мелихово. 23 июня 1896 г.⟩

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Посылая предварительные сведения насчет Ольги Толоконниковой из Угрюмова [1], считаю не лишним добавить следующее:

1) Муж и сын ранее уже привозили ее в Мещерское, и она не была принята потому будто бы, что муж ее живет в Москве. По справке, родилась она в Серпуховском уезде и в настоящее время живет с младшими детьми в Угрюмове, в доме мужа, и считается угрюмовскою. Почти все Угрюмово состоит из Толоконниковых, которые все считают себя в дальнем родстве.

Живут они не бедно; один из Толоконниковых имеет ситценабивную фабрику и состоит гласным и членом санитарного совета.

2) Больная содержится на цепи не потому, что она буйна; родные боятся ее, так как она постоянно грозит им и срамит их на улице. Люди они богатые, солидные, и им стыдно, что больная рассказывает про них на улице всякий вздор. Не нанимают сиделки, потому что жалеют денег. Ходит за больной сестра, старуха, личность для больной крайне несимпатичная. Уход небрежный, цепь короткая.

Все собираюсь к вам. В Киеве не был, потому что испугался весенних холодов; 4 июня не приехал к вам, потому что у меня был парижский корреспондент [2], которого неловко было оставить. Будете ли вы в июле дома?

Желаю вам всего хорошего и низко кланяюсь.

Ваш А. Чехов

23 июнь 96 года.

Лопасня Моск⟨овской⟩ губ⟨ернии⟩

Автограф. Собрание Б. А. Привалова (Москва).

[1] Ольга *Толоконникова* — жена фабриканта, жившего в селе Угрюмове неподалеку от Мелихова. «Предварительные сведения» о ней, присланные вместе с публикуемым письмом, не сохранились. Живя в Мелихове, Чехов установил с Толоконниковыми добрососедские отношения. Он советовался с ними по хозяйственным вопросам, содействовал устройству сына одного из них в московский пансион, лечил членов этой большой семьи и, в частности, принял самое живое участие в судьбе душевнобольной Ольги Толоконниковой.

Как устанавливается письмом Яковенко от 21 июля 1896 г., Чехов запрашивал о Толоконниковой Московскую городскую управу и 9 июля снова писал о ней Яковенко. И то и другое письма не сохранились.

[2] *Парижский корреспондент* — Исаак Яковлевич Павловский (1852—1924), сотрудник газеты «Новое время», земляк Чехова. В семидесятые годы — участник революционного движения, затем — ренегат.

48

В. Н. СЕМЕНКОВИЧУ

<Мелихово. 23 сентября 1896 г.>

Многоуважаемый Владимир Николаевич, мне нужно бы повидаться с вами по весьма важному делу [1], но я немножко нездоров, не могу ехать по тряской дороге. Не найдете ли вы возможным побывать у меня на сих днях вечерком?

Например, хотя бы сегодня?

Евгении Михайловне и деткам нижайший поклон.

Ваш А. Чехов

$96\frac{23}{IX}$.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1086, оп. 2, ед. хр. 153, л. 23.

[1] Чехов хотел поговорить с Семенковичем по поводу сооружения шоссейной дороги от ст. Лопасни до Мелихова.

49

А. П. ЕВТУШЕВСКОМУ

<Мелихово. 27 ноября 1896 г.>

Многоуважаемый Андрей Павлович!

Я написал о вас П. Ф. Иорданову [1], как вы того пожелали, о чем и спешу сообщить вам. Кланяюсь вашим детям и желаю, чтобы ваши хлопоты и заботы увенчались полным успехом.

Искренно вас уважающий

А. Чехов

27/XI 96 г.

Отметки вашего сына мне очень понравились; я хуже учился [2].

Автограф. Хранится у В. А. Евтушевского (Таганрог).

Андрей Павлович *Евтушевский* — брат жены М. Е. Чехова — Людмилы Павловны. Евтушевский был частым гостем Чеховых в Таганроге. В 1861 г. семья Чеховых некоторое время жила в его доме. Не порывал он связи с Чеховыми и после переезда их в Москву. Письма его к Чехову хранятся в ЛБ. По словам Мих. П. Чехова, описание железнодорожных злоключений Евтушевского было положено Чеховым в основу его рассказа «Холодная кровь».

[1] Павел Федорович *Иорданов* — санитарный врач и член Таганрогской городской управы. Чехов деятельно переписывался с ним. По просьбе Евтушевского, добивавшегося в Таганроге какой-либо должности «по городским делам», Чехов 24 ноября 1896 г. обратился к Иорданову с письмом, в котором рекомендовал ему Евтушевского (XVI, 404). Влиятельное ходатайство Чехова возымело действие, и Евтушевский получил желаемую должность.

[2] Сын А. П. Евтушевского — Вениамин Андреевич, в это время ученик Таганрогской гимназии. Чехов вскоре принял на себя расходы по обучению в гимназии этого способного мальчика, который, окончив университет, стал популярным в Таганроге врачом (в годы Великой Отечественной войны заведовал госпиталем; ныне пенсионер, майор медицинской службы в отставке). Публикуемое письмо хранится у него, так же, как присланная ему Чеховым в октябре 1890 г. книга с дарственной надписью (см. ниже в настоящем томе, стр. 272).

Г. М. Чехов писал М. М. Андрееву-Туркину 20 января 1935 г.: «Антон Павлович не любил себя афишировать, был чрезвычайно скромным и деликатным человеком с большой отзывчивой душой, и я приведу следующий факт, по Таганрогу нигде еще не отмеченный.

Антон Павлович через меня, пока я жил в Таганроге, посылал плату за учение в гимназию за одного ученика Е⟨втушевского⟩, а ему, т. е. ученику и отцу, объявляли в гимназии об освобождении от платы.

Быть может, это осталось до сих пор инкогнито для бывшего ученика, а потому я пока не называю фамилии. Он давно уже доктор. В Харьков посылал за ученика некоего Харченко.

Кроме того, в Ялте Антон Павлович оказывал туберкулезным больным студентам возможную помощь, уплачивал за комнаты или за стол; и это делалось так, чтобы не было намека на то, что это исходило от него.

Я тогда, в 1902 г., из Одессы был переброшен на работу в Ялтинский порт, и было сидим в кабинете или в саду на даче, приходит какой-нибудь бедный студент или курсистка и жалуется на свои недостатки: Антон Павлович записывает адрес — и только. По уходе их Антон Павлович говорит: надо бы помочь, справься, сколько платят за комнату или за стол и передай, что следует, хозяйке, или поручал это сделать одной из его поклонниц таланта, жене врача, С. П. Бонье» (Автограф. Таганрогский музей Чехова.— Сообщено А. С. Долининым).

50

А. И. УРУСОВУ

(ТЕЛЕГРАММА)

Лопасня. 1 декабря 1896

Крепко жму руку, дорогой Александр Иванович, поздравляю. Завидую тем, кто сегодня имеет возможность приветствовать вас лично. Я всегда высоко ценил ваши дарования, изящный ум, художественный вкус, доброе сердце.

Антон Чехов

Телеграфный бланк. ЦГАЛИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 313, л. 4.

Александр Иванович *Урусов* (1848—1900) — известный юрист, театровед и литератор, приятель Чехова и восторженный поклонник его таланта.

Поздравление послано по случаю двадцатипятилетия адвокатской и тридцатилетия общественной деятельности Урусова, отмечавшихся в 1896 г.

51

К. М. СТАНЮКОВИЧУ

(ТЕЛЕГРАММА)

⟨Мелихово. 22 декабря 1896⟩

Шлю сердечный привет. Низко кланяюсь глубокоуважаемому юбиляру. Антон Чехов

Телеграфный бланк. ЦГАЛИ, ф. 441, оп. 1, ед. хр. 9, л. 35.

Константин Михайлович *Станюкович* (1843—1903) — известный писатель, беллетрист и публицист. 22 декабря 1896 г. в колонном зале гостиницы «Эрмитаж» состоялся обед по случаю тридцатипятилетия его литературной деятельности. Телеграмма Чехова, посланная по адресу: Петербург Эрмитаж Станюковичу, была оглашена на этом обеде.

52

В. И. ЯКОВЕНКО

⟨Мелихово. 2 января 1897 г.⟩

Многоуважаемый Владимир Иванович, давно уже собираюсь к вам и душевно рад вашему приглашению[1], но 6 меня, вероятно, не пустят дела и гости. Поздравляю вас и вашу семью с Новым годом, желаю счастья.

Ваш А. Чехов

$97\frac{2}{I}$.

На обороте: Мещерское Москов⟨ской⟩ губ⟨ернии⟩.
Его высокоблагородию
Владимиру Ивановичу Яковенко.

Автограф. Собрание Б. А. Привалова (Москва).

[1] Речь идет о приглашении, посланном Чехову Яковенко 31 декабря 1896 г., приехать к нему в гости 6 января 1897 г. В этот день силами местных любителей драматического искусства в Мещерском должен был исполняться водевиль Чехова «Медведь».

53

М. М. ЧЕМОДАНОВУ

Лопасня. Моск⟨овской⟩ губ⟨ернии⟩
⟨18⟩97 $\frac{17}{I}$

Многоуважаемый Михаил Михайлович, немножко промедлил ответом на ваше письмо, потому что был в Москве и вернулся лишь вчера. Будьте добры, передайте Григорию Аветовичу, что я согласен вполне. Только, пожалуйста, напишите, к какому сроку нужен рассказ и какой нужен рассказ — новый, или же уже бывший в печати?[1]

Мать благодарит вас за память. Она рада бы приехать в Москву, да все нездоровится и старость берет свое — трудно двинуться с места.

Желаю вам всего хорошего и крепко жму руку.

Ваш А. Чехов

Мы пустили в ход старую пружинку; новая осталась. Не прислать ли ее вам?[2]

Автограф. Гос. Лит. музей.

Михаил Михайлович *Чемоданов* (1856—1908) — художник-карикатурист и крупный врач-одонтолог. В 1880-х годах начал сотрудничать в юмористических журналах; автор серии политических карикатур, за которые впоследствии — в 1906 г.— привлекался к судебной ответственности.

[1] В письме от 10 января 1897 г. (в подлиннике ошибочно: 1896), на которое отвечает Чехов, Чемоданов просил его принять участие в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», который издавался по инициативе сотрудника «Русских ведомостей», либерального публициста Григория Аветовича Джаншиева. В 1898 г. в этом сборнике был напечатан рассказ Чехова «На подводе», впервые опубликованный в «Русских ведомостях», 1897, № 352, от 21 декабря.

Публикуемое письмо Чемоданов, видимо, показал Г. А. Джаншиеву, который, благодаря Чехова за согласие, писал ему: «Очень бы желательно иметь что-нибудь новое, но в крайнем случае был бы благодарен и за разрешение перепечатки» (письмо от 31 января 1897 г.).

[2] Речь идет о зубном протезе, который М. М. Чемоданов делал для Е. Я. Чеховой.

ЧЕХОВ

Репродукция с портрета маслом работы И. Э. Браза, 1898 г.
На листе надпись: «Марье Павловне Чеховой на добрую память от автора. Браз»
Литературный музей. Москва

54

В Серпуховскую уездную переписную комиссию

⟨Мелихово. 25 января 1897 г.⟩

Имею честь покорнейше просить выдать для счетчиков Бавыкинской волости Серпуховского уезда 1600 листов формы А и 30 перечневых листов для монастыря Давидовой Пустоши.

По поручению заведующего переписного участка

А. Чехов

25 января 1897 г.

с. Мелихово.

P. S. Посылаю нарочного.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 2, ед. хр. 8, л. 1. Впервые опубликовано в журнале «Красный архив», 1939, № 6, стр. 178—179.

Об участии Чехова в переписи — см. «Летопись», стр. 450—453.

55

А. А. МИХАЙЛОВУ

⟨Мелихово. 6 февраля 1897 г.⟩

Многоуважаемый Алексей Антонович!

Посылаю 5 р. 75 к. Счет с подписью Андрея Иванова приобщите к прочим счетам. Посылаю «Новости дня», 7 шарфов для старшего отделения и платки для девочек. Вашей дочери скажите, что я привезу ей платок из Москвы. За план благодарю, хотя вы и не написали, сколько аршин в каждой стене в отдельности [1]. Ведь землемер так поймет, что училище в поперечнике сделано из 9-арш⟨инных⟩ бревен.

Сегодня уезжаю. Желаю всего хорошего.

Уважающий вас

А. Чехов

6 февр⟨аля⟩

На земскую бумагу я ответил. Когда будете в Управе, то попросите, чтобы вам дали прочесть мой ответ.

Автограф. Гос. Лит. музей.

Алексей Антонович *Михайлов* (1860—1917) — учитель Талежской земской школы, попечителем которой был Чехов.

Ответ на письмо А. А. Михайлова от 6 февраля 1897 г., писавшего: «При сем посылаю я вам план, который, как умел, написал... Будьте так добры, если можно, пришлите почтовой бумаги и конвертов, а также „Новости дня“».

[1] Речь идет о плане школы в селе Талеже, выстроенной Чеховым в 1896 г. По типу Талежской школы Чехов в 1897 г. строил школу в селе Новоселки, для чего и потребовался план.

56

В. М. ЛАВРОВУ

⟨Мелихово. 27 февраля 1897 г.⟩

Здравствуй, милый Вукол! Шлю тебе и твоим спутникам привет и пожелание счастливого, веселого пути. У нас — 27 февраля. Мороз

небольшой, но пронзительный ветер, в комнатах холодно, и я завидую тебе.

Нового ничего нет. Будь здоров.

Твой А. Чехов[1]

Лопасня Москов⟨ской⟩ г⟨убернии⟩.

На обороте: Italia Sicilia Palermo
fermadi posta
al Vucol Lawrow.

Копия. Сделана в 1934 г. А. И. Роскиным при посещении С. Ф. Лавровой в Старой Рузе. Местонахождение автографа неизвестно.

Вукол Михайлович *Лавров* (1852—1912) — издатель «Русской мысли».

[1] Об этом письме Лавров писал Чехову 9 марта 1897 г.: «Я и без того собирался написать тебе, но твое милое письмо, которое я получил сегодня на палермской почте, побудило меня сделать это тотчас же».

57

Р. Ф. ВАЩУК

⟨Москва. 18⟩97, 22/III.
Большая Московск⟨ая⟩ гостиница, № 5

Милостивая государыня!

Приехав вчера в Москву[1], я получил от вас письмо, в котором вы выражаете желание прислать мне ваши рукописи. Я рад служить вам; рукописи прочту с удовольствием и искренно[2] выскажу свое мнение.

Пробуду в Москве до субботы.

А. Чехов

Автограф. Гос. Лит. музей (поступило в 1947 г. от Р. Ф. Ващук). Впервые опубликовано в журнале «Молодая гвардия» (1957, № 1, стр. 208).

Римма Федоровна *Ващук* (по мужу Нейштадт, 1881—1958) весной 1897 г. училась в Москве на курсах, готовясь стать преподавательницей истории и литературы. Обращаясь за помощью к Чехову, она сообщала, что пишет «уже много лет».

[1] Из публикуемого письма видно, что Чехов приехал в Москву 21 марта (это подтверждается и дневником П. Е. Чехова), а не 22 марта, как указано в «Летописи» на основании письма Чехова к Л. А. Авиловой от 24 марта, где, по-видимому, Чехов допустил неточность.

Как сказано в письме, Чехов предполагал пробыть в Москве до субботы, т. е. до 29 марта, но из-за легочного кровотечения, случившегося 22 марта, пролежал в клинике Остроумова до 10 апреля.

[2] В своем первом письме Ващук писала: «Если бы вы были так добры позволить прислать вам какую-нибудь мою вещь и по прочтении написали бы о ней, не щадя моего самолюбия, искреннее мнение» (письмо, как и остальные письма Ващук, без даты).

58

ЕЙ ЖЕ

⟨Москва. 27 марта 1897 г.⟩

Милостивая государыня!

Ваш рассказ «В больнице» я прочел в клинике, где я теперь нахожусь. Отвечаю вам лежа. Рассказ очень хорош, начиная с того места, которое я отметил красным карандашом. Начало же банально, не нужно. Продолжать вам следует, конечно, при условии, что писание доставляет вам удовольствие,— это во-первых, во-вторых, при условии, что вы еще молоды и что вы научитесь правильно и литературно ставить знаки препинания.

Что касается «Сказки», то, мне кажется, это не сказка, а набор таких слов, как гномы, фея, роса, рыцари,— все это фальшивые бриллианты,

по крайней мере на нашей русской почве, по которой никогда не ходили ни рыцари, ни гномы и на которой едва ли сыщете человека, могущего представить себе фею, обедающую росой и лучами. Бросьте это: надо быть искренней художницей, писать только то, что есть или что, по вашему мнению, должно быть, надо писать картины.

Возвращаюсь к первому рассказу: не следует много писать о себе; вы пишете о себе, впадаете в преувеличения и рискуете остаться на бобах; вам или не поверят, или холодно отнесутся к вашим излияниям.

Желаю всего хорошего.

А. Чехов

97. 27/III.

Девичье поле. Клиника проф. Остроумова.

Автограф. Гос. Лит. музей. Впервые опубликовано в журнале «Молодая гвардия», 1957, № 1, стр. 209.

59

ЕЙ ЖЕ

⟨Москва. 28 марта 1897 г.⟩

Вместо того чтобы сердиться, вы повнимательнее прочтите мое письмо [1]. Я, кажется, ясно написал, что ваш рассказ *очень хорош*, кроме начала, которое производит впечатление лишней пристройки. Позволять вам писать или не позволять — не мое дело; я указал вам на молодость, потому что в 30—40 лет уже поздно начинать; указал на необходимость выучиться правильно и литературно ставить знаки препинания, потому что в художественном произведении знаки зачастую играют роль нот, и выучиться им по учебнику нельзя; нужны чутье и опыт. Писать с удовольствием — это не значит играть, забавляться. Испытывать удовольствие от какого-нибудь дела — значит любить это дело.

Простите, мне трудно писать; я все еще лежу.

Прочтите еще раз мое письмо и перестаньте сердиться. Я был вполне искренен, и вот пишу вам опять, потому что искренно желаю вам успеха ⟨...⟩*

А. Чехов

28 марта.

Автограф. Гос. Лит. музей. Впервые опубликовано в журнале «Молодая гвардия», 1957, № 1, стр. 209—210.

[1] Получив отзыв о своих рассказах, Ващук — 27 или 28 марта — отправила Чехову длинное письмо, в котором писала, что «ожидала больше сердца и великодушия», что после холодной воды, которую он вылил на ее «жаркие мечтанья», она откажется от этого «милого удовольствия» и т. д. В следующем письме она просила у него извинения за эту резкость.

60

А. С. ЯКОВЛЕВУ

⟨Конец марта 1897 г.⟩

См. в настоящем томе воспоминания А. С. Яковлева о Чехове.

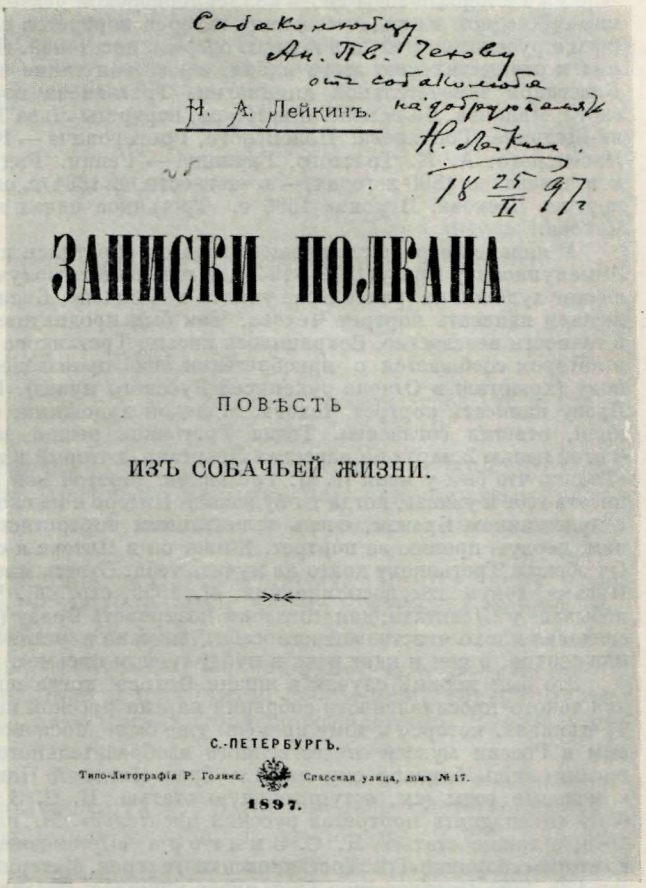
---

* Далее густо зачеркнуто несколько слов.

«ЗАПИСКИ ПОЛКАНА» Н. А. ЛЕЙКИНА (СПб., 1897) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ЧЕХОВУ:

«Собаколюбцу Ан. Пв. Чехову от собаколюба на добрую память. Н. Лейкин. 18 25/II 97 г.»

Литературный музей Чехова, Таганрог


Собаколюбцу
Ан. Пв. Чехову
отъ собаколюба
Н. А. Лейкинъ. на добрую память
Н. Лейкин.
18 25/II 97 г.

ЗАПИСКИ ПОЛКАНА

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ СОБАЧЬЕЙ ЖИЗНИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Р. Голике. Спасская улица, домъ № 17.

1897.

61

И. Э. БРАЗУ

〈Москва.〉 4 апр〈еля 1897 г.〉

Многоуважаемый Иосиф Эммануилович.

У меня, по определению докторов, процесс в легочных верхушках. Крови уже нет, я хожу свободно и 10 апреля уеду к себе в Лопасню, но будущее мое неопределенно. Возможно, что во второй половине мая меня пошлют на кумыс, а осенью куда-нибудь на юг. Во всяком случае буду изо всех сил гнуть к тому, чтобы быть в Петербурге 5—10 мая. Если это не удастся и если я летом буду здоров (относительно), то поеду на родину в Таганрог. Из Таганрога рукой подать в Херсонскую губ., где вы будете находиться. Если вы будете расположены работать летом, то сообщите мне ваш херсонский адрес — и я приеду.

Пейзажист Левитан серьезно болен. У него расширение аорты. Расширение аорты у самого устья, при выходе из сердца, так что получилась недостаточность клапанов. У него страстная жажда жизни, страстная жажда работы, но физическое состояние хуже, чем у инвалида.

От всей души благодарю вас за письмо и ваше сочувствие. Желаю всего хорошего и крепко жму руку.

Искренне вас уважающий и преданный

А. Чехов

Автограф. Государственный Русский музей. Отдел рукописей.

Уже в первые годы своей коллекционерской деятельности П. М. Третьяков поставил себе одной из задач создание галереи портретов своих современников — выдающихся русских людей, и в первую очередь писателей. С конца 1860-х годов он приступил к осуществлению этого плана, заказывая такие портреты лучшим художникам. Благодаря замечательной инициативе Третьякова портреты Достоевского, Островского, Майкова, Даля исполнил Перов, портреты Льва Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Гончарова, Полонского, Григоровича — Крамской, портреты Тургенева, Писемского, А. К. Толстого, Гаршина — Репин. Ряд портретов писателей Третьяков заказал в 1890-х годах,— в частности, в 1894 г. он предложил Серову написать портрет Лескова. В конце 1896 г. Третьяков начал подумывать о заказе портрета Чехова.

В январе-феврале следующего года он обратился к молодому живописцу Иосифу Эммануиловичу Бразу (1872—1936), за год до этого получившему в Академии художеств звание художника (ранее Браз учился в Мюнхене, Берлине и в Голландии), с предложением написать портрет Чехова. Чем был продиктован такой выбор художника,— в точности неизвестно. Сохранилось письмо Третьякова к Бразу от 21 января 1897 г., в котором сообщается о приобретении его произведения, понравившегося Третьякову (хранится в Отделе рукописей Русского музея). В те же недели он предложил Бразу написать портрет Чехова. Молодой художник, польщенный таким предложением, ответил согласием. Тогда Третьяков решил заручиться согласием Чехова. С этой целью 2 марта он навестил Левитана, который в тот же день сообщил писателю: «Только что был у меня П. М. Третьяков, дорогой мой Антон Павлович, и просил написать тебе и узнать, когда ты будешь в Питере и на сколько времени. Он договорился с художником Бразом, очень талантливым портретистом, получившим, между прочим, первую премию за портрет. Живет он в Питере и страстно желает писать с тебя. Он обещал Третьякову долго не мучить тебя. Ответь мне скорей» (И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания. М., 1959, стр. 66). Чехов через день — 4 марта,— побывав у Левитана, дал согласие позировать Бразу (в это же посещение Чехов обследовал плохо чувствовавшего себя Левитана и установил у него тяжелое заболевание сердца, о чем и идет речь в публикуемом письме).

Это был первый случай в жизни Чехова, когда портрет его заказывали, да еще для такого прославленного собрания картин русской школы живописи, как собрание Третьякова, которое к тому времени уже было Московской городской галереей и первым в России музеем отечественного изобразительного искусства. До этого Чехова писали лишь близкие ему люди — брат Николай Павлович, Левитан, притом еще в молодые годы (см. вступительную статью И. С. Зильберштейна к альбому «Двенадцать портретов русских писателей». М., изд. Гос. Литературного музея, 1940, а также статью Л. С. Зингера «Прижизненные портреты А. П. Чехова» во втором сборнике «Гос. Третьяковская галерея. Материалы и исследования». М., 1958, стр. 179—208). Предложение Третьякова пришлось писателю по душе, но все же он предварительно осведомился о Бразе у своего друга архитектора Ф. О. Шехтеля, который ответил Чехову 9 марта: «Этот художник появился на выставках лишь с прошлого года и сразу зарекомендовал себя выдающимся портретистом, впрочем, выбор П. М. Третьякова достаточно говорит за него». Получив это письмо, Чехов решил списаться с Бразом, и в первом же письме, отправленном 11 марта, сообщал ему: «...для портрета я могу все бросить и приеду, когда прикажете» (цитируем по автографу в Отделе рукописей Третьяковской галереи; в Полном собрании сочинений (XVII, 42 и 415) указано, что письмо «печатается по подлиннику», однако оно напечатано неряшливо, с пропусками; в частности, цитируемые нами слова также пропущены).

Публикуемое письмо Чехова к Бразу — единственное остававшееся неизвестным в печати звено их переписки. Письмо относится к тому времени, когда писатель из-за болезни был вынужден отложить ранее назначенное время сеансов. В июле 1897 г., через три месяца после отправки настоящего письма, художник получил возможность приняться за работу. Но, несмотря на его несомненные старания, портрет не удался,— он не понравился ни Чехову, ни Бразу (который, по-видимому, вскоре и уничтожил это полотно). Тот портрет, который мы знаем, был написан в Ницце в марте—апреле 1898 г. Но и на этот раз художника постигла неудача, несмотря на то, что он сумел в какой-то степени передать сходство. В письме к художнице А. А. Хотяинцевой Чехов дал шутливую оценку портрета: «Говорят, что я и галстук очень похожи, но выражение, как в прошлом году, такое, точно я нанюхался хрену» (XVII, 249). Несколько месяцев спустя Чехов еще резче отозвался о портрете, утверждая, что он «по общему отзыву, не похож, написан Бразом неинтересно, вяло» (XVII, 399).

Когда же несколько лет спустя актерам МХАТ'а была подарена репродукция этого портрета, Чехов охарактеризовал его предельно отрицательно: «Зачем, зачем портрет работы Браза? Ведь это плохой, это ужасный портрет, особенно на фотографии (...) Ах, если бы вы знали, как Браз мучил меня, когда писал этот портрет! Писал один портрет 30 дней — не удалось; потом приехал ко мне в Ниццу, стал писать другой, писал и до обеда и после обеда, 30 дней — и вот если я стал пессимистом и пишу мрачные рассказы, то виноват в этом портрет мой» (XIX, 247). Так и осталось это полотно, никак не передающее внутренней сущности Чехова, единственным капиталь-

ным его портретом, которому к тому же было суждено стать самым популярным изображением писателя. И приходится пожалеть, что в силу каких-то обстоятельств Третьяков не предложил этого заказа Серову — лучшему портретисту того времени: ему безусловно в большей степени, чем Бразу, было под силу решить такую трудную и многогранную задачу, как создание портрета Чехова.

62

А. С. ЯКОВЛЕВУ

〈3—4 апреля 1897 г.〉

См. в настоящем томе воспоминания А. С. Яковлева о Чехове.

63

Н. А. ЛЕЙКИНУ

Лопасня, Москов〈ской〉 губ〈ернии〉.
97. 24/IV

Дорогой Николай Александрович! Ваши подарки — «Записки Полкана» и «В гостях у турок»[1] получил и посылаю вам искреннюю, сердечную благодарность. Кстати заодно посылаю и запоздалое поздравление с праздником [2].

У меня ничего нового, жизнь течет по-старому. По-прежнему я не богат, не женат, пишу мало. В марте хворал, лежал в клинике, теперь же чувствую себя недурно и считал бы себя совершенно здоровым, если бы не медикаменты, которые мне прописаны. Погода у нас чудесная, жаркая, изредка перепадают дожди, цветут гиацинты, тюльпаны, завтра будем сажать картофель (в поле); овес посеяли еще до праздника. Береза уже зеленеет.

Как вы поживаете и что у вас нового? Когда я лежал в клинике, мне присылали каждый день много газет, в том числе и «Петербургскую газету», и я с живым интересом следил за выборами [3]; читал ваши рассказы — одним словом, был в курсе ваших дел, теперь же я опять серпуховской обыватель и в качестве обывателя не слежу за новостями, так как приходится читать, главным образом, только московские газеты.

Бром и Хина [4] блаженствуют и жиреют от праздной жизни. Был у меня дворняга Шарик, заслуженный пес, сторож; недавно гончий перегрыз ему горло, он околел, и теперь я без сторожевой собаки.

Нет ли чего нового в литературном мире?

Не состоите ли вы членом писательского союза? Если да, то напишите мне, какие формальности я должен соблюсти, чтобы тоже стать членом оного союза[5]; идее его я весьма сочувствую. Сочувствую и суду чести.

Позвольте поблагодарить вас еще раз и пожелать вам, Прасковье Никифоровне и Феде всего хорошего. Крепко жму вашу руку и прошу не забывать меня.

Ваш А. Чехов

Теперь у меня 36 ваших книг.

Автограф. ЛБ, ф. 331, 70/27. Впервые опубликовано в «Записках», вып. 16, стр. 179—180.

[1] Книги Н. А. Лейкина «Записки Полкана. Повесть из собачьей жизни» (СПб., 1897) и «В гостях у турок. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых через славянские земли в Константинополь» (изд. 2. СПб., 1897) Чехов получил от него с дарственными надписями.

[2] Чехов поздравляет Лейкина с праздником Пасхи, которая в 1897 г. приходилась на 13 апреля.

[3] *Выборы* — в Петербургскую городскую думу, где Лейкин уже много лет состоял гласным и активно участвовал в предвыборной борьбе.

[4] См. выше прим. 1 к письму Чехова к Лейкину от 29 августа 1895 г.

[5] Имеется в виду Союз взаимопомощи русских писателей и ученых. 29 апреля 1897 г. Лейкин ответил Чехову, что он состоит членом Союза, является одним из его учредителей и что Чехову достаточно написать письмо с выражением желания вступить в Союз. Чехов был избран членом Союза 31 октября 1897 г.

64

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

<Мелихово. 26 или 27 мая 1897 г.>[1]

Многоуважаемый Борис Федорович!

Мою краткую биографию можно найти в Чешском энциклопедическом словаре[2]. Перечень изданных мною книг пришлю вам вместе с фотографией. Я давно уже не снимался; на этих днях будет у меня один фотограф-любитель, я попрошу его снять меня и, если фотография окажется сносной, пришлю вам немедля. «Дуэль» на чешском языке получил[3]. Как роскошно вы издали ее! Желаю всего хорошего.

А. Чехов

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР». М., 1957, № 22, стр. 50.

Борживой *Прусик* (Bořivoj Prusík, псевдоним — Щербинский, 1872—1928) — чешский литератор, критик, корреспондент русских журналов «Север», «Театр и искусство», переводчик на чешский язык произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Горького, Андреева и др. Весьма посредственный переводчик, движимый, в основном, коммерческими интересами, Прусик, тем не менее, сыграл положительную роль в распространении и популяризации у себя на родине произведений выдающихся русских писателей, в особенности Чехова, с которым он состоял в регулярной переписке. В одной из статей Прусик писал: «Есть у меня в России доброжелатель, заботами которого я время от времени получаю бесплатно книги молодых авторов. Эту незаслуженную честь оказывает мне А. П. Чехов» (Česká revue, R. V, 1902, březen, č. 2, str. 541). Переписка Чехова и Прусика длилась с 1896 по 1904 г. До нас дошла лишь часть писем. В ЛБ хранится 40 писем Прусика к Чехову. Из ответных писем Чехова известны пока лишь 12, из которых 10 были опубликованы (с отдельными пропусками) самим Б. Прусиком в чешско-русском журнале «Zvěsti» (R. II, 1904, 26 září, č. 7, str. 1), выходившем в Праге. Во введении к своей публикации Прусик писал:

«Преждевременно умерший писатель Антон Павлович Чехов неоднократно писал мне в связи с моими переводами его произведений. Некоторые письма Чехова я подарил его здешним почитателям, остальные передам в Чешский королевский музей. Думаю, что будет небезынтересно их напечатать».

Письма, переданные Прусиком в музей, были обнаружены И. Сватоневой в Литературном архиве Национального музея в Праге (фонд Б. Прусика) и напечатаны ею в чешском переводе в пражском журнале «Sovětská literatura» (1954, č. 4, str. 517—521). О Б. Прусике и его деятельности, связанной с Чеховым,— см. также в настоящем томе, в обзоре Ш. Ш. Богатырева «Чехов в Чехословакии».

[1] Датировано по московскому почтовому штемпелю: 27 мая 1897 г.

Ответ на письмо Прусика от 20 мая (1 июня) 1897 г. (см. «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 50). Прусик извещал Чехова, что готовит статью о нем для журнала «Květy», и просил указать, где он мог бы найти нужные ему материалы: биографические сведения, перечень произведений и фотографию писателя.

[2] *Чешский энциклопедический словарь* — «Ottův Slovník Naučný». В начале января 1892 г. составители обратились к издателю московских журналов «Театрал» и «Артист» Ф. А. Куманину с просьбой дать биографические сведения о Чехове для V тома словаря, выходящего в том же году. Куманин по этому поводу написал Чехову (12 января 1892 г.), и писатель сообщил ему свою краткую биографию (XV, 310—311). Однако до Праги эти сведения, по-видимому, так и не дошли. В V томе чешской энциклопедии помещена небольшая статья о Чехове, но в ней дан лишь перечень произведений и их характеристика. Биографические сведения отсутствуют, если не считать неверного утверждения, будто Чехов начал литературную деятельность во второй половине 1880-х годов.

Чтобы сильные не порабощали слабых, чтобы меньшинство не было для большинства паразитом, или насосом, высасывающим из него хронически лучшие соки, то есть нужно, чтобы всѣ безъ исключенія,

Моя жизнь.

Повѣсть **Антона Чехова.**

(Продолженіе.)

VI.

Въ одно изъ воскресеній ко мнѣ неожиданно явился докторъ Благово. Онъ былъ въ кителѣ поверхъ шелковой рубахи и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ.

— А я къ вамъ! — началъ онъ, крѣпко, по-студенчески, пожимая мнѣ руку.—Каждый день слышу про васъ и все собираюсь къ вамъ потолковать, какъ говорится, по душáмъ. Въ городѣ страшная скука, нѣтъ ни одной живой души, не съ кѣмъ слово сказать. Жарко, Мать Пречистая!—продолжалъ онъ, снимая китель и оставаясь въ одной шелковой рубахѣ.—Голубчикъ, позвольте съ вами поговорить!

Мнѣ самому было скучно и давно уже хотѣлось побыть въ обществѣ не маляровъ. Я искренно обрадовался ему.

— Начну съ того,—сказалъ онъ, садясь на мою постель,—что я вамъ сочувствую отъ всей души и глубоко уважаю эту вашу жизнь. Здѣсь въ городѣ васъ не понимаютъ, да и некому понимать, такъ какъ, сами знаете, здѣсь, за весьма малыми исключеніями, все гоголевскія свиныя рыла. Но я тогда же на пикникѣ сразу угадалъ васъ. Вы—благородная душа, честный, возвышенный человѣкъ! Уважаю васъ и считаю за великую честь пожать вашу руку!—продолжалъ онъ восторженно.—Чтобы измѣнить такъ рѣзко и круто свою жизнь, какъ сдѣлали это вы, нужно было пережить сложный душевный процессъ, и, чтобы продолжать теперь эту жизнь и постоянно находиться на высотѣ своихъ убѣжденій, вы должны изо дня въ день напряженно работать и умомъ, и сердцемъ. Теперь, для начала нашей бесѣды, скажите, не находите ли вы, что если бы силу воли, это напряженіе, всю эту потенцію вы затратили на что-нибудь другое, напримѣръ, на то, чтобы сдѣлаться со временемъ великимъ ученымъ, или художникомъ, то ваша жизнь захватывала бы шире и глубже и была бы продуктивнѣе во всѣхъ отношеніяхъ?

Мы разговорились, и когда у насъ зашла рѣчь о физическомъ трудѣ, то я выразилъ такую мысль: нужно, ~~чтобъ~~ и сильные и слабые, богатые и бѣдные — равномѣрно участвовали въ борьбѣ за существованіе, каждый самъ за себя, а въ этомъ отношеніи нѣтъ лучшаго нивелирующаго средства, какъ физическій трудъ въ качествѣ общей, для всѣхъ обязательной повинности.

— Стало-быть, по-вашему, физическимъ трудомъ должны заниматься всѣ безъ исключенія?— спросилъ докторъ.

Ежемѣсячныя литерат. приложенія Ноябрь 1896 г.

ПОВЕСТЬ ЧЕХОВА «МОЯ ЖИЗНЬ». КОРРЕКТУРНЫЙ ЛИСТ ИЗ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ» К «НИВЕ», № 10 ЗА 1896 г.

Рукою Чехова восстановлены цензурные купюры

Центральный архив литературы и искусства, Москва

«Искренно благодарю вас, что ответили на мой вопрос,— писал Прусик Чехову 4/16 июня 1897 г.— Воспользуюсь данными в „Ottově Slovníkě"* и в «Севере» 〈Подразумевается статья Д〈едлова〉: «Антон Павлович Чехов», напечатанная с портретом писателя в журнале «Север», 1892, № 15 от 12 апреля, стр. 791—795〉, но мне хотелось знать что-нибудь из самого последнего времени. Надолго ли вы в Лопасне? Чем, кроме писательства, занимаетесь, и т. д., вопросы, которые так интересуют публику. За вашу фотографию вам очень обязан. За любительскую больше, чем за другую, потому что я сам любитель и знаю, что на них всегда выходит все лежернее ** и натуральнее. А то даю в фотографии скопировать ваш портрет из „Севера"». Через несколько дней Прусик получил от Чехова письмо с интересовавшими его биографическими сведениями. К письму была приложена фотография писателя, относящаяся к 1893 г. (VII, 48). О себе Чехов писал:

«Я учился в Таганроге в гимназии, затем окончил медицинский факультет в Москве. В 1890 году путешествовал по острову Сахалину, а теперь живу в своем небольшом имении в 70 верстах от Москвы. И это все.

Вы спрашиваете, чем я занимаюсь помимо литературы. Занимаюсь медициной. Медицину считаю своей законной женой, а литературу своей любовницей, которая мне милее, чем жена».

Этот отрывок несохранившегося письма Чехова, который дается в обратном переводе с чешского языка, взят нами из статьи Прусика «Антон Павлович Чехов», напечатанной в журнале «Květy», 1897, 1 října, č. 10, str. 484, 485. Здесь же помещена и присланная Чеховым фотография.

Прусик, приведя цитированное письмо Чехова, оценил его в своей статье как автобиографию настоящего художника, скромного до крайности. «Читайте,— писал он,— обстоятельные, утомляющие многочисленными деталями автобиографии, в которых тенденция к самовосхвалению тщетно прикрывается цитированием суждений других, и читайте это: учился, путешествовал, уединялся, и больше ничего». Далее Прусик предсказывал, что в будущем «о жизни Чехова выйдут толстые книги».

Один экземпляр своей статьи Прусик послал Чехову. «Получен чешский журнал с твоим портретом и статьей „Anton Pavlovič Čechov" и визитная карточка Dr. Boris Prusík»,— сообщила М. П. Чехова брату в Ниццу (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954, стр. 41). В ответ Чехов писал: «Если на карточке Прусика есть его адрес, то пришли ее. Надо благодарить, так как, очевидно, это он автор статьи обо мне» (XVII, 148). На визитной карточке адреса не было, и Мария Павловна послала Чехову одно из последних писем Прусика (см. цит. изд., стр. 49). Получив адрес, Чехов написал Прусику.

[3] 20 мая 1897 г. Прусик писал Чехову: «Наконец-то вышла ваша „Дуэль", будьте столь любезны принять высланную книжку на память». Это чешское издание «Дуэли» с надписью: «Глубокоуважаемому Антону П. Чехову на добрую память от чешского поклонника др. Б. Ф. Прусика-Щербинского» находится в Ялте в Доме-музее Чехова.

65

В. Н. СЕМЕНКОВИЧУ

〈Петербург. 24 июля 1897 г.〉

Многоуважаемый Владимир Николаевич, книжный магазин «Нового времени» соглашается купить ваши книги, но с уступкой 50%. Если хотите получить деньги теперь же, то благоволите написать Федору Ивановичу Колесову (магазин «Нового времени», Невский 38), управляющему. Напишите ему, что вы согласны или несогласны на 50% и что вы можете продать лишь с уступкой 45%, и что, если я еще в Петербурге [1], то чтобы выслали в Лопасню. При продаже вы должны будете подписать какое-то обязательство. Эту формальность я возьму на себя, буде пожелаете.

Нового ничего нет. Погода чудесная. Нижайший поклон Евгении Михайловне и дачницам.

Ваш А. Чехов

24 июля 1897.

Вместо письма можно послать Колесову телеграмму.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1086, оп. 2, ед. хр. 153, л. 20.

[1] Чехов находился в Петербурге с 23 по 27 июля 1897 г.

* Склонение чешского названия по русскому образцу.

** непринужденнее (от франц. léger).

66

И. П. ЧЕХОВУ

⟨Ницца. 29 сентября 1897 г.⟩[1]

Посылаю тебе билет всемирной выставки 1900 г. [2] Пусть Соня переведет, ты узнаешь, что пользуешься на все время выставки большими правами и, кроме того, начиная с тиража 25 окт⟨ября⟩ этого года (смотри liste des tirages*) до 25 окт⟨ября⟩ 1900 года, ты по 6 раз в год будешь рисковать выиграть 100 или 500 тысяч франков. Это билеты солидные, гарантированные франц⟨узским⟩ правительством. Твой номер я записал и буду следить и, если выиграешь хотя 100 франк⟨ов⟩, телеграфирую.

Посылаю кое-какие пустяки. Тебе галстуки и носки. Кнопки отдай Маше. О получении уведомь. Мой адрес: France. Nice. Pension Russe, à Mr Antoine Tchekhoff**.

Билета не потеряй. Помимо возможности выиграть и разных льгот на время выставки, он в 1900 г. будет стоить дорого.

Карты отдай мамаше.

Все обстоит благополучно. Я здоров. Поклон Соне и Володе. Жму руку.

Твой А. Чехов

Автограф. ЛБ, ф. 331, 70/32/1. Впервые опубликовано в «Записках», вып. 16, стр. 186—187.

[1] Датировано по письму к М. П. Чеховой, посланному одновременно.
[2] Выигрышный билет всемирной выставки в Париже.

67

М. Г. ВЕЧЕСЛОВУ

⟨Ницца.⟩ 7 ноября ⟨1897 г.⟩

Милостивый государь!

Когда повесть «Моя жизнь» печаталась в «Приложениях „Нивы“», то цензура обрезала ее в нескольких местах; в книгу же («Рассказы: 1) „Мужики“, 2) „Моя жизнь“») она вошла вся [2]. Понятно, что повесть, даже напечатанная in toto***, должна производить впечатление урезанной, так как, когда я писал ее, то не забывал ни на минуту, что пишу для подцензурного журнала.

Рукопись уничтожена.

Переводить мою повесть разрешаю и, конечно, с большим удовольствием; что же касается условий — о них вы пишете,— то, право, не знаю, что ответить вам. У нас конвенции нет, и условия определяются не авторами, а переводчиками. На случай, если ваш знакомый [3] пожелает прислать мне на память свой напечатанный перевод, благоволите сообщить ему мой адрес: Лопасня, Моск⟨овской⟩ губ⟨ернии⟩, А. П. Чехову. В Ницце я пробуду до января [4]. Извините, что пишу на открытом бланке. У меня нет марки, а идти за ней поздно: воскресенье, вечер, и почта заперта.

Желаю вам всего хорошего.

А. Чехов

На обороте: Monsieur Studeranden M. Wetschesloff.
Universitet Upsala Suède.

Автограф (почтовая открытка). Дом-музей А. П. Чехова (Москва).

---

* Список тиражей (франц.).
** Франция. Ницца. Русский пансион, г-ну Антону Чехову (франц.).
*** полностью (лат.).

Михаил Георгиевич *Вечеслов* (1869—1934) — врач. В 1890-х годах, будучи студентом Казанского университета, входил в социал-демократический кружок. После разгрома кружка был исключен из университета, посажен в петербургскую тюрьму Кресты, потом выслан в Гельсингфорс. Учился на медицинском факультете в Гельсингфорсе и позже в Швеции (г. Упсала). Здесь, в Упсале, он прожил около двух лет (с осени 1896 г. до 1898 г.). К этому времени и относится его переписка с Чеховым о переводах произведений Чехова на шведский язык.

Высланный из Швеции за революционную деятельность, Вечеслов окончил Берлинский университет. В Берлине он вошел в Союз русских социал-демократов за границей, встречался с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом и позднее примкнул к «Искре», организовав в Берлине группу содействия ленинской газете. В эти годы Вечеслов встречался и переписывался с Лениным, помогая транспортированию «Искры» через Финляндию.

Вернувшись в Россию в 1909—1910 гг., Вечеслов работал санитарным инспектором в Петербурге. После Октябрьской революции был членом Коллегии Наркомздрава. Последние годы жизни работал врачом Общества старых большевиков.

[1] Публикуемое письмо — ответ на следующее письмо Вечеслова:

Милостивый государь!

Один мой знакомый швед хотел бы перевести ваш рассказ «Моя жизнь», но я и он думаем, что цензура несколько изменила его содержание. Не будете ли вы так добры и не найдете ли возможным дать ваш рассказ в неизмененной форме для шведской публики, которая не привыкла читать между строк. Почти все ваши рассказы уже переведены на шведский язык и высоко ценятся публикой. Мне было бы очень досадно, если теперь будет преподнесено шведам сочинение цензурного комитета.

Будьте так добры, ответьте, пожалуйста, и сообщите условия, на которых вы согласились бы переслать вашу рукопись.

Уважающий вас М. В е ч е с л о в

P. S. Мой адрес: Studeranden M. Wetschesloff. Universitet. Upsala (Suède).

[2] В ЦГАЛИ хранится оттиск из «Литературных приложений» к «Ниве», № 10—12 за 1896 г., где рукою Чехова вставлены цензурные купюры (см. стр. 211).

[3] Речь идет о Стадлинге. См. ниже комментарий к письму Чехова от 18 декабря 1897 г.

[4] Чехов жил в Ницце с 23 сентября 1897 г. по 11 апреля 1898 г.

68

ЕМУ ЖЕ

<Ницца. 18 декабря 1897 г.>

Милостивый государь!

Я сегодня же напишу г. Stadling [2], и вы со своей стороны, пожалуйста, напишите ему, что его желание перевести мои рассказы «Печенег» и «В родном углу» для меня очень лестно, и я спешу ответить полным согласием, и что впредь пусть он не спрашивает моего согласия, а переводит все, что угодно, лишь известив меня своевременно, чтобы я не дал своего согласия кому-нибудь другому.

Желаю вам всего хорошего.

Уважающий вас А. Ч е х о в

18/XII.

Pension Russe, Nice.

Автограф (почтовая открытка). Дом-музей А. П. Чехова (Москва).

[1] Публикуемое письмо является ответом на следующее обращение Вечеслова.

Upsala. 13/XII 97

Милостивый государь!

С переводом ваших рассказов («Мужики» и «Моя жизнь») вышла у моего знакомого неудача: одна из издательских фирм выпустила уже объявление о скором выходе перевода ваших рассказов, и теперь они появились уже в продаже (как я мог понять из письма моего знакомого Стадлинга).

Стадлинг (Stadling), близкий знакомый Л. Н. Толстого, вследствие своих принципов не хотел начинать перевода ранее, чем вы дадите на это разрешение, и поэтому,

дожидаясь долгое время ответа из России на вопрос о вашем адресе, пропустил интересную для него работу.

Он пишет мне сегодня, прося спросить вашего позволения на перевод двух ваших рассказов, появившихся на столбцах «Русск〈их〉вед〈омостей〉»: «Печенег» и «В родном углу». Сам он вам писал в Ниццу, но, как говорит, ответа не получил.

Stadling бывал в России и даже вместе с Л. Н. Толстым принимал участие в раздаче хлеба голодающим крестьянам, затем он интересуется русской жизнью и даже написал книгу о России, напечатанную на английском и шведском языках. Все это говорит за успех его перевода.

С другой стороны, он известный литератор, принимающий близкое участие в редакции одной из распространенных газет в Швеции («Aftonbladet»).

ПРОГУЛКА НА ИЗВОЗЧИКЕ В НИЦЦЕ

Шарж (акварель) А. А. Хотяинцевой, 1897 г.

В коляске на переднем сидении Чехов, напротив него М. М. Ковалевский и сама художница

Дом-музей Чехова, Москва

Мне кажется, он хочет поместить ваши рассказы в «Aftonbladet». За их литературный перевод я могу поручиться.

Будьте так добры, ответьте.

Уважающий вас М. Вечеслов

P. S. Мой адрес: Studeranden M. Wetschesloff. Universitet, Upsala.

Адрес моего знакомого — Literatoren J. Stadling. Döbelensgaten, 5, Stockholm.

[2] Письмо Чехова Ионасу Стадлингу неизвестно. Ионас Стадлинг (1847—1935) — шведский писатель и переводчик.

69

М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

〈Ницца. Декабрь 1897 г.〉[1]

Дорогой Максим Максимович, здравствуйте. Гольцев в своем письме велит передать вам, что в своем иностранном обозрении, в декабрьской книжке «Русской мысли» он будет говорить о ваших успехах в Париже [2].

Ф. Батюшков, редактор русской части «Cosmopolis'a» [3], пишет [4]: «Перед М. М. Ковалевским я несколько виноват в том, что не написал ему, пообещав это сделать Ив. Ив. Янжулу [5]. Но это не вполне от меня зависело, так как я не знал наверное, где он». Оный Батюшков прислал мне

русский отдел за весь год, со словами: «чтобы вас потом не обременять сим багажом, может быть, вы передадите его Максиму Максимовичу в „наказанье“ за то, что он получает „Cosmopolis“ без русского отдела». В. И. Якоби [6], который грозит уехать завтра, посылает вам картину; ее найдете вы sous ce pli *.

Я обленился, избаловался и работаю очень, очень туго. Я рантье.

Все мы скучаем по вас и ждем. О поездке в Африку я мечтаю денно и нощно [7]. Когда приедете?

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов

Четверг.

Я снимался; вышло скверно. Пожалуйста, снимитесь в Париже и дайте мне вашу карточку на память.

Суворин писал мне о том, что виделся с вами в Париже. Много очень хороших слов по вашему адресу.

Машинописная копия, сделанная наследниками Ковалевского с оригиналов, хранящихся в Париже. Архив АН СССР, моск. отд., разр. IV, оп. 1, ед. хр. 114.

Максим Максимович *Ковалевский* (1851—1916) — юрист, историк и социолог. В 1887 г. был уволен из состава профессоров Московского университета и эмигрировал в Париж, где в 1901 г. основал Высшую русскую школу социальных наук. О знакомстве с Чеховым Ковалевский рассказал в воспоминаниях, опубликованных в газете «Биржевые ведомости», 1915, № 15185, от 2 ноября.

[1] Датировано по сопоставлению с упоминаемыми письмами В. А. Гольцева и Ф. Д. Батюшкова. Даты, имеющиеся в копиях писем к Ковалевскому, в ряде случаев вызывают сомнения. Здесь и в последующих письмах к Ковалевскому мы указываем правильные даты, установленные по содержанию писем и другим основаниям.

[2] В декабрьской книжке «Русской мысли» 1897 г., в отделе «Иностранное обозрение», стр. 180, сообщалось о «выдающемся успехе М. М. Ковалевского, который читает теперь лекции в Париже в Collège libre des sciences sociales. Предметом чтения служит Россия, социальная и экономическая». Далее приведен был отзыв известного французского критика Сарсе, присутствовавшего на первой лекции и передавшего свои впечатления в журнале «Les Annales politiques et littéraires». Сарсе удивляется бескорыстию Ковалевского, который без всякого вознаграждения, из одной лишь любви к науке, взял на себя чтение лекций. «Слушатели буквально упивались словами лектора,— писал Сарсе,— а по окончании лекции многие из них приблизились к оратору и попросили дать им несколько дополнительных сведений. Я вышел из аудитории, положительно восхищенный всем тем, что видел и слышал».

[3] «*Cosmopolis*» — основанный в Париже в 1896 г. международный журнал, издававшийся на четырех языках. «Русский отдел» выходил в Петербурге с 1897 г., под редакцией Ф. Д. Батюшкова.

[4] Приводится отрывок из письма Ф. Д. Батюшкова от 1 декабря 1897 г.

[5] Иван Иванович *Янжул* (1845—1914) — профессор политической экономии.

[6] Валериан Иванович *Якоби* (1834—1902) — художник.

[7] Чехов и Ковалевский собирались вместе поехать в Алжир. Поездка эта не состоялась. См. ниже письмо Чехова к М. М. Ковалевскому от 20 января 1898 г. и примечания к нему.

70

ЕМУ ЖЕ

<Ницца.> 20 января <н. ст.> 1898

Ваше письмо, дорогой Максим Максимович, меня весьма огорчило, ибо, во-первых, я бредил Алжиром, и мне каждую ночь снилось, что я ем финики, и, во-вторых, досадно, что вы больны и что, по-видимому, в Париже живется вам невесело [1]. Но что у вас? Ревматизм или подагра? Или то и другое вместе? Мне кажется, что лучше бы всего вам приехать теперь же в Beaulieu и пожить на солнце, которое уже начинает припекать по-весеннему.

* в этом же конверте (франц.).

Мне скучновато. Работаю вяло, как ленивый хохол. В Монте-Карло не бываю (почти) и уже давно не играл. Игра меня утомляет физически, так как приходится все стоять и потеть.

Приехал Коротнев. Юрасов [2] хворает, у него почечные колики. Вот и все наши новости. «Pension russe» уже полон.

Мне, конечно, лестно, что хотят перевести «Мою жизнь». В настоящее время (т. е. вечером 20 янв⟨аря⟩) у меня нет ни одной моей книжки. Завтра я побываю у сладчайшего Мордухая Розанова [3] и возьму у него книжку с «Моей жизнью», если она у него есть, и завтра же вышлю вам.

Послал в «Cosmopolis» рассказ [4] и уже получил от редактора благодарственную телеграмму[5], хотя рассказ не того, подгулял — как мне кажется.

Вам, как интересующемуся экономическим положением России, вероятно, будет приятно узнать о новом важном мероприятии в области сельского хозяйства: в минувшем декабре учрежден нагрудный знак для корреспондентов отдела сельской статистики. Этой новостью исчерпывается все.

По вечерам холодно, днем же погода очаровательная. Напишите, когда приедете.

Крепко жму руку и паче всего желаю здоровья.

Ваш А. Чехов

Мне писали, что у Иванюкова [6] будто бы туберкулез в кости. Он в клинике.

Машинописная копия. Архив АН СССР, моск. отд., разряд IV, оп. 1, ед. хр. 114. В подлиннике, с правой стороны письма, сверху, рисунок Чехова пером: изображение двух дам. Под рисунком надпись: «O fallacem hominum spem» *.

[1] Чехов отвечает на письмо М. М. Ковалевского (дата поставлена рукой Чехова: «98. I»):

Дорогой Антон Павлович!

Нашему путешествию, видимо, не состояться, я пролежал с неделю в остром ревматизме сочленений и инфлюэнце, а теперь приходится еще неделю-другую просидеть в кресле. За это время пришло письмо, которое я распечатал, не заметив, что оно, собственно, предназначается вам. Вы простите мне эту невольную ошибку.

Ваш переводчик Roche взял у меня «Мою жизнь» и до сих пор не вернул, а между тем я получил от сотрудника «Temps» — Bonnier, недавно ездившего в Россию для свиданий с Толстым и печатающего ныне статьи о нем в «Temps», просьбу сообщить имя издателя, так как в одной из распространенных здесь молодых Revues — «Revue blanche» охотно бы напечатали перевод «Моей жизни». Не помня, где вышла «Моя жизнь», я не мог дать никакого ответа, да, признаюсь, и желал сперва снестись с вами, чтобы узнать, как сами вы смотрите на это дело. Французы имеют право переводить нас без спроса, как мы их, но все же недурно бы заручиться хорошим переводчиком. Бонье уверял меня, что Roche не столько неверный переводчик, сколько плохой французский стилист («il écrit un français plat» **— таковы его подлинные слова). Не откажитесь, если у вас есть экземпляр «Моей жизни», выслать мне его, но только в том случае, если вы пожелаете быть напечатанным в «Revue blanche».

В «Revue de Paris» недавно появился ваш «Черный монах», и это обстоятельство мешает ближайшему напечатанию в ней чего-либо носящего вашу подпись. А мне так и пришлось прервать свой курс: теперь собираюсь его печатать. Преданный вам Максим Ковалевский.

[2] Алексей Алексеевич *Коротнев* (1854—1915) — зоолог, профессор Киевского университета. Николай Иванович *Юрасов* — русский вице-консул в Ментоне, жил постоянно в Ницце, был литератором-дилетантом.

[3] *Розанов* — директор «Русского агентства в Ницце».

[4] Рассказ «У знакомых» напечатан в журнале «Cosmopolis», 1898, т. IX, № 2.

[5] Телеграмма Ф. Д. Батюшкова в архиве Чехова не сохранилась.

[6] Иван Иванович *Иванюков* (1844—1912) — видный буржуазный экономист, в 1890-х годах деятельный сотрудник «Русских ведомостей» и «Русской мысли». Чехов познакомился с ним, вероятно, в период своего сотрудничества в этом журнале.

* О лживая надежда людей (лат.— Цицерон. «Оратор», гл. III, § 2).

** он пишет плоским французским языком (франц.).

71

ЕМУ ЖЕ

⟨Ницца.⟩ 10 февраля ⟨н. ст.⟩ 1898 г.

Здравствуйте, дорогой Максим Максимович! С приездом![1] Жажду видеть вас, весьма жажду, но днем не еду к вам, потому что боюсь помешать, а вечером холодно, не выхожу. Говорят, что в субботу русский обед; значит скоро увидимся.

Вы спрашивали у Н. И. Юрасова, правда ли, что я женюсь. Увы, я не способен на такое сложное, запутанное дело, как женитьба. И роль мужа меня пугает, в ней есть что-то суровое, как в роли полководца. По лености своей, я предпочитаю более легкое амплуа.

Вчера у Николая Ивановича были блины, очень вкусные.

Итак, до свидания!

Ваш А. Чехов

В ваше отсутствие имел удовольствие познакомиться с герром Бибергаль [2].

Машинописная копия. Архив АН СССР, моск. отд., разряд IV, оп. 1, ед. хр. 114.

[1] Ковалевский вернулся из Парижа на свою дачу в Болье.

[2] Кто это — неизвестно.

72

ЕМУ ЖЕ

⟨Ницца.⟩ 6 марта ⟨н. ст. 1898 г.⟩

Дорогой Максим Максимович, мы приедем к вам обедать в среду [1]. Желаю всего хорошего и крепко жму руку.

Ваш А. Чехов

Понедельник.

Машинописная копия. Архив АН СССР, моск. отд., разряд IV, оп. 1, ед. хр. 114.

[1] Среда после 6 марта 1898 г. приходилась на 8 число.

73

ЕМУ ЖЕ

⟨Ницца.⟩ 10 апреля ⟨н. ст. 1898 г.⟩[1]

Дорогой Максим Максимович, вчера приехали В. А. Морозова и В. М. Соболевский[2]. Завтра, в понедельник, они обедают в «Pension russe». Не приедете ли вы пообедать вместе?

Потапенко уехавши. Третьего дня на портрете вы были похожи на гоголевского «дядю Митяя», теперь же, по словам художника, дело вышло на лад, он торжествует [3]. До свиданья.

Ваш А. Чехов

Воскресенье

Машинописная копия. Архив АН СССР, моск. отд., разряд IV, оп. 1, ед. хр. 114.

[1] Год установлен по сопоставлению с письмом к М. П. Чеховой от 28 марта 1898 г. (XVII, 250).

[2] Василий Михайлович *Соболевский* — редактор «Русских ведомостей». Варвара Алексеевна *Морозова* — его жена.

[3] Портрет М. М. Ковалевского писал И. Э. Браз.

ЧЕХОВ В РАЗДУМЬЕ НАД МЕНЮ В РУССКОМ ПАНСИОНЕ В НИЦЦЕ

Шарж (акварель) А. А. Хотяинцевой, 1897 г.

Дом-музей Чехова, Москва

74

В. В. БИЛИБИНУ

14 май ⟨1898 г.⟩

Лопасня Москов⟨ской⟩ губ⟨ернии⟩

Здравствуйте, милый Виктор Викторович! Я вернулся восвояси [1]. Будьте добры, напишите мне, как поживаете вы, Анна Аркадьевна [2] и дети, и пришлите мне вашу книгу [3], о которой я читал, когда жил в Ницце (из ваших книг, кстати сказать, у меня есть только «Юмор и фантазия» и пьесы, которые я вырезал из «Театрала»: «Приличия», «Иван Иванович виноват» и «Милый юноша»); я же вышлю вам своих «Мужиков»[4].

За сим, если это не скучно, напишите мне, имеете ли в виду вы, Главное управление, ввести в скором времени colis postales *? Этот вопрос меня очень интересует. За границей мне говорили, что Россия вводит у себя colis postales с 1 июля сего года. Правда ли это?[5]

Будьте здоровы и благополучны; вашей семье передайте привет и тысячу пожеланий.

Ваш А. Чехов

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва).

[1] Чехов приехал в Мелихово из-за границы 8 мая 1898 г.

[2] *Анна Аркадьевна* — жена Билибина.

[3] Речь идет об одной из двух вышедших в 1898 г. в Петербурге комедий Билибина «Юмористические узоры» или «Говорящий немой».

[4] Книга Чехова «Рассказы: 1) Мужики. 2) Моя жизнь» — вышла в Петербурге в июле — августе 1897 г.

[5] Билибин ответил Чехову 22 мая 1898 г.

---

* почтовые посылки (франц.).

75

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

<Мелихово. 20 июля 1898 г.>

Милый Виктор Александрович!

Девять десятых рассказа для августовской книжки уже готово [1], и если ничто не помешает благополучному окончанию сего рассказа, то 1 августа ты его получишь из собственных моих рук [2]. Размеры: около печатного листа,— несколько менее, пожалуй.

Вчера получил из Ессентук письмо [3]. Будь здрав и невредим. До свиданья!

Твой А. Чехов

20 июль.

На обороте: Москва
Его высокоблагородию
Виктору Александровичу Гольцеву.
Шереметевский пер., редакция «Русской мысли»

Автограф. ЛБ, ф. 331, 19/39—40.

Виктор Александрович *Гольцев* (1850—1906) — журналист, редактор «Русской мысли».

[1] Чехов написал для августовской книжки «Русской мысли» рассказы «Крыжовник» и «О любви». О каком из них идет речь, неясно.

[2] 1 августа Чехов приехал в Москву. Рассказы в «Русскую мысль» он послал раньше, 28 июля, написав Гольцеву: «...посылаю тебе заказною бандеролью два рассказа для августовской книжки. Хотел написать еще третий, очень небольшой, да помешали гости...» (XVII, 288).

[3] Письмо В. М. Лаврова от 14 июля 1898 г., в котором Лавров приглашал Чехова приехать в Ессентуки.

76

К. П. ИВАНОВУ

Лопасня Моск<овской> губ<ернии>
7 авг<уста 1898 г.>

Многоуважаемый Константин Пименович!

Спешу сообщить вам, что Е. В. Любимова не соглашается занять место в Талежском училище. Она говорит, что ей не хочется уходить далеко от Старого Спаса, где проживают ее родные.

Сегодня я написал А. И. Анисимовой (Чирковской учительнице), чтобы она подала прошение. Вы и И. В. Рубцов отзывались о ней с большой похвалой, я тоже считаю ее прекрасной учительницей [1].

Помещение для Мелиховского училища уже есть, мебель заказана. К постройке училища приступим в начале будущего года.

Позвольте пожелать вам всего хорошего и пребыть искренно вас уважающим.

А. Чехов

Печатается по журналу «Экран», 1929, № 27, стр. 11, где воспроизведено факсимильно. Местонахождение автографа неизвестно.

Константин Пименович *Иванов* — инспектор Серпуховского городского высшего начального училища.

[1] А. И. *Анисимова* действительно заняла место учительницы в Талежском училище. Иван Васильевич *Рубцов* — инспектор народных училищ.

77

В. Н. СЕМЕНКОВИЧУ

⟨Мелихово.⟩ 16 авг⟨уста 1898 г.⟩[1]

Многоуважаемый Владимир Николаевич, если попадете сегодня в Москву, то благоволите опустить эти два письма в почтовый ящик на станции или в Москве — с расчетом, чтобы они пошли сегодня же. Если же вы поедете не сегодня утром, то письма возвратите подательнице сего.

Желаю вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 2, ед. хр. 10, л. 1.

[1] Среди опубликованных писем Чехова за 1897 г. нет двух писем, датированных 16 августа; в 1898 г. этим числом датировано письмо к В. М. Соболевскому, в котором говорится о письме, отправленном одновременно В. А. Морозовой. Этими данными косвенно подтверждается, что публикуемое письмо относится к 1898 г.

78

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

⟨Ялта. 2 октября 1898 г.⟩

Многоуважаемый Борис Федорович!

Простите, послать вам свои последние рассказы не могу, так как в настоящее время я нахожусь в Ялте, а здесь их достать негде. Пришлю после, когда возвращусь домой [1]. Кстати сообщаю свой крымский адрес: Ялта, А. П. Чехову.

О представлении «Чайки» напишите мне 2—3 строчки и, если найдется, пришлите мне ваш перевод — это на память.

Искренно вас уважающий
А. Чехов

2 окт⟨ября⟩.

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 51.

[1] Ответ на письмо Прусика от 22 сентября (4 октября) 1898 г., в котором он просил Чехова прислать для перевода рассказы «Крыжовник», «Любовь» (т. е. «О любви») и «Человек в футляре», а также сообщал о предстоящей премьере «Чайки» на чешской сцене.

79

К. А. КАРАТЫГИНОЙ

⟨Октябрь 1898 г.⟩

См. в настоящем томе воспоминания К. А. Каратыгиной о Чехове.

80

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕРУ

⟨Ялта. 27 ноября 1898 г.⟩

Cher monsieur!

Auriez vous l'obligeance de venir chez moi. Je garde le lit.

Votre dévoué A. Tchechoff*

* Милостивый государь! Не окажете ли мне любезность посетить меня. Я лежу в постели. Преданный вам А. Чехов (франц.).

Захватите с собой, молодой товарищ, стетоскопчик и ларингоскопчик.

27 ноябрь.

На обороте: Речная улица, д⟨ом⟩ Иванова.

Доктору И. Н. Альтшуллеру.

Автограф. ЛБ, ф. 331.

Автографы писем Чехова к И. Н. Альтшуллеру получены редакцией «Лит. наследства» от сына адресата — Г. И. Альтшуллера, живущего в Нью-Йорке, и переданы в Рукописный отдел Библиотеки СССР им. Ленина (Москва).

Год установлен по воспоминаниям И. Н. Альтшуллера.

Исаак Наумович *Альтшуллер* (1870—1943) — бывший земский врач, специалист по туберкулезу. С 1898 г. жил в Ялте, лечил Чехова и Л. Н. Толстого. О своем знакомстве с Чеховым рассказал в воспоминаниях, публикуемых в настоящем томе.

81

А. С. ЯКОВЛЕВУ

⟨Конец ноября 1898 г.⟩

См. в настоящем томе воспоминания А. С. Яковлева о Чехове.

82

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

⟨Ялта. 25 декабря 1898 г.⟩

Многоуважаемый Борис Федорович!

Приношу вам сердечную благодарность за приятное известие и за афишу, которую я сохраню на память [1]. Благодарю и за поздравления с Новым годом и в свою очередь поздравляю вас и желаю всего хорошего.

В Ялте я проживу до весны. Вообще адресуйтесь в Ялту до тех пор, пока я не напишу вам о перемене адреса. Быть может, я здесь совсем поселюсь.

Еще раз благодарю и крепко жму вам руку. Искренно вас уважающий и преданный

А. Чехов

Ялта. 25 дек⟨абря⟩.

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 52.

[1] Ответ на письмо Прусика от 14/26 декабря 1898 г., в котором сообщалось о «громадном, необыкновенном» успехе «Чайки» в театре Шванды (премьера состоялась 14/26 декабря, т. е. за три дня до премьеры в Художественном театре). Посылая афишу спектакля, Прусик обещал также выслать Чехову экземпляр чешского издания пьесы, когда она выйдет из печати. Оценка успеха «Чайки» в Праге была весьма преувеличена и объяснялась в значительной степени желанием обрадовать автора. Чехов переслал В. И. Немировичу-Данченко письмо Прусика и просил отправить в Прагу афишу постановки «Чайки» в Художественном театре, чтобы он «не думал и не печатал в чешских и немецких газетах, что „Чайка“ шла на казенной сцене» (XVIII, 16).

Очевидно среди материалов, посланных Прусиком Чехову вместе с письмом или несколько позднее, была вырезка из чешской газеты или журнала, где неверно сообщалось, что в Москве «Чайка» шла на императорской сцене. Интересно, что на обороте титульного листа чешского издания «Чайки», вышедшей в 1899 г., мы также читаем, что пьеса «с великим успехом поставлена в январе 1899 г. на царской сцене в Москве».

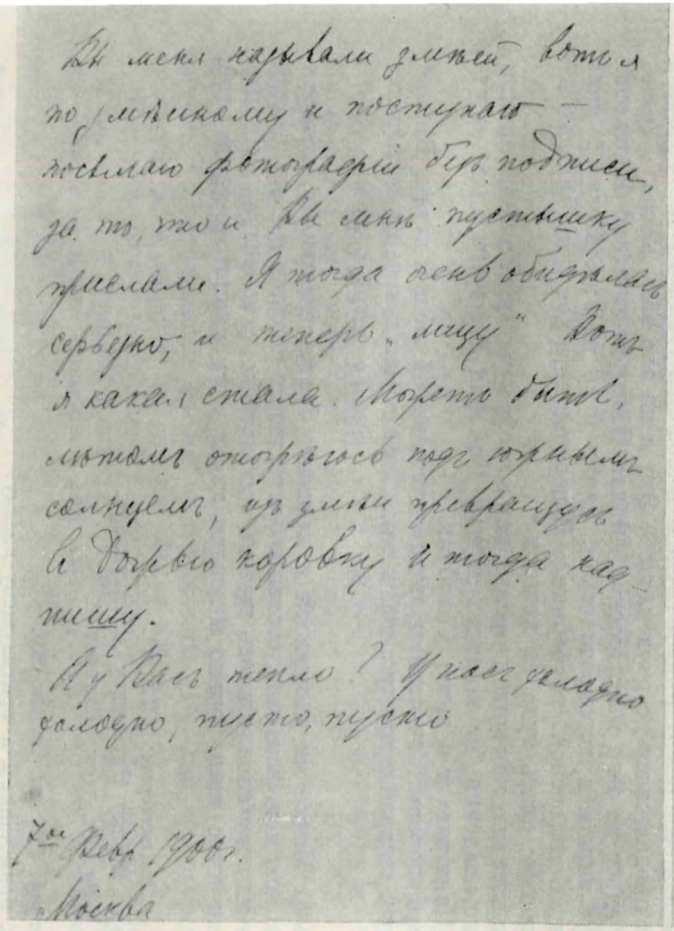
83

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕРУ

⟨Севастополь. 10 апреля 1899 г.⟩ [1]

Милый доктор, я забыл сказать вам, что:

во 1-х) в доме Солоникио ⟨?⟩ имеются небольшие квартиры, очень удобные и недорогие; если одной мало, то можно врозь две рядом и



Вы меня называли змеей, вотъ я
по змеиному и поступаю —
посылаю фотографіи безъ подписи,
за то, что и Вы мнѣ пустышку
прислали. Я тогда очень обидѣлась
серьезно, и теперь „мщу“. Вотъ
я какая стала. Можетъ быть,
лѣтомъ отогрѣюсь подъ южнымъ
солнцемъ, изъ змеи превращусь
въ божью коровку и тогда над-
пишу.
А у Васъ тепло? У насъ холодно
холодно, пусто, пусто

7-ое февр. 1900 г.
Москва

О. Л. КНИППЕР

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Вы меня называли змеей, вот я по змеиному и поступаю — посылаю фотографии без подписи, за то, что и Вы мне пустышку прислали. Я тогда очень обиделась серьезно, и теперь „мщу“. Вот я какая стала. Может быть летом отогреюсь под южным солнцем, из змеи превращусь в божью коровку и тогда надпишу. А у Вас тепло? У нас холодно, холодно, пусто, пусто. 7-ое февр. 1900 г. Москва».

Дом-музей Чехова, Ялта

во 2-х) вы обещали изредка писать мне, как здоровье Коробовой [2]. Мой адрес: Москва, М⟨а⟩л⟨ая⟩ Дмитровка, д⟨ом⟩ Владимирова.

Если что понадобится, то пишите. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов

10 апр⟨еля⟩.
Севастополь.

На обороте: Ялта
Доктору Исааку Наумовичу Альтшуллеру.
Речная, д⟨ом⟩ Иванова.

Автограф. ЛБ (см. письмо 80).

[1] Письмо написано по пути в Москву из Ялты.

[2] Екатерина Ивановна *Коробова* — жена доктора Н. И. Коробова, товарища и однокурсника Чехова; в Ялте лечилась от туберкулеза.

84

ЕМУ ЖЕ

⟨Москва.⟩ 24 апр⟨еля 1899 г.⟩

Милый доктор, я все жду от вас письма насчет Коробовой: как ее здоровье? [1]

В Москве, когда я приехал сюда, было холодно, шел снег, потом стало тепло, а теперь опять холодно. Квартира московская мне не понравилась, пришлось переезжать на другую [2]; посетителей тьма-тьмущая, разговоры бесконечные — и на второй день праздника от утомления я едва двигался и чувствовал себя бездыханным трупом. Вчера был у Федотовой на ужине, который продолжался до двух часов [3]. Это я на зло вам.

Мой адрес до 1-го мая: Москва, Малая Дмитровка, д⟨ом⟩ Шешкова. Квартира вполне аристократическая, нанял я ее на год. После 1 мая: Лопасня, Моск⟨овской⟩ г⟨убернии⟩. В деревне еще холодно, деревья не распускались; ехать туда не хочется [4].

Напишите мне, как ваше здоровье, как вы себя чувствуете и целы ли мои крымские владения, не завладел ли ими Николай Макарыч в мое отсутствие. Напишите и о m-me Голубчик.

Будьте здоровы и счастливы, поклонитесь вашей жене и детям. В июне я приеду с сестрой и приду с ней к вам. Пока до свиданья, не забывайте.

Ваш А. Чехов

А В. С. Миров не удержался и прислал брату телеграмму, которая испугала всю мою фамилию; сестра и брат едва не поехали в Ялту. И для чего это Мирову понадобилось шутить так жестоко, решительно не понимаю. Напрягаю мозг, думаю и все никак не могу уяснить смысла этой шутки [5].

На конверте: ⟨Ялт⟩а*.
⟨Док⟩*тору Исааку Наумовичу Альтшуллеру.
Речная, д⟨ом⟩ Иванова.

Автограф. ЛБ (см. письмо 80).

[1] См. примечание 2 к предыдущему письму.

[2] Чехов приехал в Москву 12 апреля и остановился в квартире сестры, жившей на Малой Дмитровке, в доме Владимирова. 16 апреля он переехал на новую квартиру в доме Шешкова по той же улице.

[3] У Гликерии Николаевны *Федотовой* (1845—1925).

---

* Край конверта оторван

[4] Чехов должен был ехать в Мелихово в связи с делами по постройке школы.
[5] Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — издатель и редактор «Журнала для всех», бывший певец Большого театра, выступавший под фамилией Миров. По поводу телеграммы, посланной Миролюбовым Ивану Павловичу Чехову (содержание остается неизвестным),— И. Н. Альтшуллер ответил Чехову: «На Мирова вы напрасно так жестоко обрушились: я тоже думаю, что он поступил чересчур поспешно и немного бестактно, но не могу допустить и мысли о какой-нибудь „шутке", это просто „любви избыток"».

85

О. Л. КНИППЕР

⟨Мелихово, 17 июня 1899 г.⟩

Здравствуйте, последняя страница моей жизни, великая артистка земли русской. Я завидую черкесам, которые видят вас каждый день.

Нового ничего нет и нет. Сегодня за обедом подавали телятину, значит, кусаются не телята, а наоборот, мы сами кусаем телят [1]. Комаров нет. Смородину съели воробьи.

Желаю вам чудесного настроения, пленительных снов.

Я дал Маше адрес: Михайловская 233[2]. Так? Попробую еще написать в Мцхет, дача Берга.

Напишите, когда будете в Ялте.

Автор

Автограф. ЛБ, ф. 331. Впервые опубликовано в «Записках», вып. 21, стр. 235.

Это письмо — приписка в письме М. П. Чеховой к О. Л. Книппер от 17 июня 1899 г. По дате его следовало бы считать вторым письмом Чехова к Книппер, но окончание письма — «Попробую еще написать в Мцхет ⟨...⟩» — заставляет думать, что оно написано ранее, так как письмо от 16 июня (XVIII, 172) адресовано: «Мцхет, д. Берга». Возможно, что неувязка объясняется ошибкой М. П. Чеховой, датировавшей свое письмо 17 июня.

[1] Шутка о «кусающихся телятах» связана с посещением О. Л. Книппер Мелихова в мае 1899 г. Она повторяется и у М. П. Чеховой, и в ответном письме Книппер, и в письме Чехова от 16 июня.
[2] Адрес брата О. Л. Книппер в Тифлисе.

86

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕРУ

⟨Москва.⟩ 26 июнь ⟨1899 г.⟩

Милый доктор, не писал я так долго, потому что мне казалось, что скоро я буду в Ялте и мы увидимся. Да и писать не о чем, говоря по правде. Жизнь проходит монотонно, неинтересно.

Приеду я в Ялту около 15 июля [1]. Не нужно ли привезти вам что-нибудь или исполнить в Москве поручение? Если нужно, то пишите поскорее по адресу: Москва, Мал⟨ая⟩ Дмитровка, д⟨ом⟩ Шешкова. Если для вашей жены или для детей нужны какие-нибудь материи (например, сарпинки), то сестра могла бы выбрать и купить. Вообще не церемоньтесь, пожалуйста, и давайте поручения, какие вам угодно.

Недавно был у меня Витте [2]. Он выглядит гораздо лучше, чем был в Ялте. Видел и Ивана Ивановича [3]. Горький пишет, что была у него Мария Ивановна и что произвела она на него «жалкое» впечатление [4].

Ну, будьте здоровы.

Ваш А. Чехов

Как здоровье Средина?[5]

На конверте: Ялта.
Доктору Исааку Наумовичу Альтшуллеру.
Речная, д⟨ом⟩ Иванова.

Автограф. ЛБ (см. письмо 80).

[1] Чехов приехал в Ялту 20 июля 1899 г.

[2] Иван Германович *Витте* (1854—1905) — земский врач-хирург Серпуховского городского медицинского участка.

[3] Иван Иванович *Орлов* (1851—1917) — земский врач. Заведовал больницей Московского губернского земства близ ст. Подсолнечной.

[4] Горький писал Чехову 24 июня 1899 г. о Марии Ивановне Водовозовой — редакторе беллетристического отдела журнала «Начало»: «...какая она жалкая при всем своем великолепии в экономических книжках» (Соч., т. 28, стр. 84).

[5] Леонид Валентинович *Средин* (1860—1909) — врач, живший по болезни в Ялте. Близкий знакомый Чехова и Альтшуллера.

87

А. П. МАНТЕЙФЕЛЮ <?>

<Ялта.> 2 сентября <1899 г.>

Многоуважаемый Александр Петрович!

А. Рофе в Ялте[1] — фирма серьезная — предлагает 20% скидки членам кассы взаимопомощи. Будьте добры, сообщите об этом кому или куда следует, а мне не откажите написать, что я должен ответить г-ну Рофе. Члены кассы в Ялте — не редкие гости, некоторые проживают здесь подолгу — и предложение г. Рофе заслуживает внимания.

Позвольте пожелать вам всего хорошего. Искренно вас уважающий, преданный

А. Чехов

Ялта.

Автограф. Собрание И. М. Саркизова-Серазини (Москва); ныне — Гос. Лит. музей.

Александр Петрович *Мантейфель* — гласный губернского земства, помещик и мировой судья Серпуховского уезда, по словам Чехова, «с претензиями на литераторство» (XVI, 255).

Речь идет о кассе взаимопомощи литераторов и ученых, имевшей свои отделения в разных городах.

[1] *А. Рофе́* — фирма, содержавшая ванное заведение.

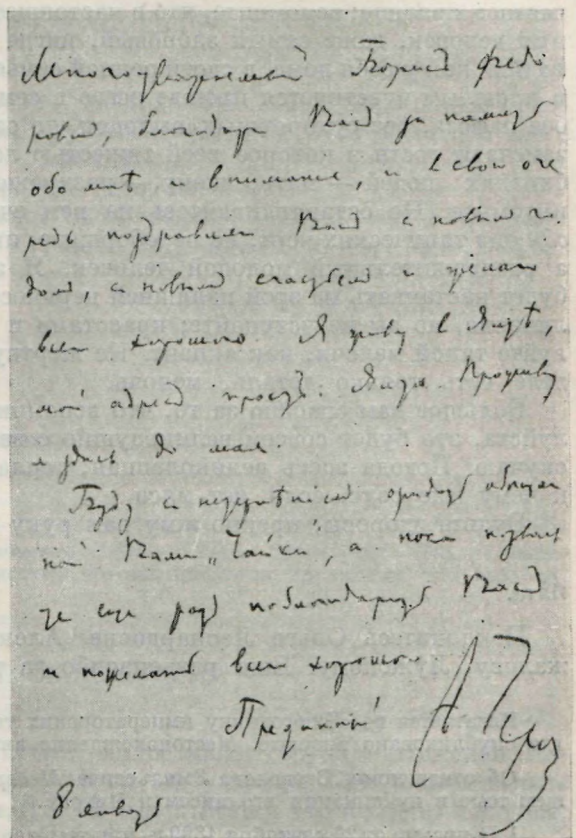
ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ПИСЬМА ЧЕХОВА К Б. ПРУСИКУ ОТ 8 ЯНВАРЯ 1900 г. С АДРЕСОМ

Литературный архив Национального музея, Прага

АВТОГРАФ ПИСЬМА ЧЕХОВА К Б. ПРУСИКУ ОТ 8 ЯНВАРЯ 1900 г.

Написано на почтовой открытке

Литературный архив Национального музея, Прага



88

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

〈Ялта. Начало октября 1899 г.〉

Дорогой Всеволод Эмильевич, у меня нет текста под рукой, и о роли И〈оганнеса〉 я могу говорить только в общих чертах [1]. Если пришлете роль, то прочту ее, возобновлю в памяти и буду подробен, теперь же скажу только то, что может иметь для вас ближайший практический интерес. Прежде всего И〈оганнес〉 интеллигентен вполне; это молодой ученый, выросший в универс〈итетском〉 городе. Совершенное отсутствие буржуазных элементов. Манеры воспитанного, привыкшего к обществу порядочных людей (как Анна) человека; в движениях и в наружности мягкость и моложавость, как у человека, выросшего в семье, избалованного семьей и все еще живущего под крылышком у маменьки. И〈оганнес〉 немецкий ученый, и потому с мужчинами он солиден. С женщинами же, наоборот, становится женственно нежным, когда остается с ними. В этом отношении очень характерна его сцена с женой, где он не может удержаться от ласок, хотя уже любит или начинает любить Анну. Теперь о нервности. Не следует подчеркивать нервности, чтобы невропатологическая натура не заслонила, не поработила того, что важнее, именно одинокости, которую испытывают только высокие, притом здоровые (в высшем значении) организации. Дайте одинокого человека, нервность же покажите постольку, поскольку она указана самим текстом. Не трактуйте эту нервность как

частное явление; вспомните, что в настоящее время почти каждый культурный человек, даже самый здоровый, нигде не испытывает такого раздражения, как у себя дома, в своей родной семье, ибо разлад между настоящим и прошлым чувствуется прежде всего в семье. Раздражение хроническое, без пафоса, без судорожных выходок, то самое раздражение, которого не замечают гости и которое всей тяжестью ложится прежде всего на самых близких людей — мать, жену,— раздражение, так сказать, семейное, интимное. Не останавливайтесь на нем очень, покажите его лишь, как *одну* из типических черт, не переборщите, иначе выйдет у вас не одинокий, а раздражительный молодой человек. Я знаю, Константин Сергеевич [2] будет настаивать на этой излишней нервности, он отнесется к ней преувеличенно, но вы не уступайте; красотами и силою голоса и речи не жертвуйте такой мелочи, как акцент. Не жертвуйте, ибо раздражение в самом деле есть только деталь, мелочь.

Большое вам спасибо за то, что вспомнили. Напишите мне еще, пожалуйста, это будет совсем великодушно с вашей стороны, так как я очень скучаю. Погода здесь великолепная, теплая, но ведь это только соус, а к чему мне соус, если нет мяса.

Будьте здоровы, крепко жму вам руку и желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов

Ялта.

Поклонитесь Ольге Леонардовне, Александру Леонидовичу [3], Бурджалову, Лужскому. Еще раз спасибо за телеграмму [4].

Печатается по «Ежегоднику императорских театров», 1909, вып. V, стр. 10—11, где опубликовано впервые. Местонахождение автографа неизвестно.

Об отношениях Всеволода Эмильевича *Мейерхольда* с Чеховым — см. в настоящем томе в публикации его писем к Чехову.

[1] В письме от 29 сентября 1899 г. (см. там же) Мейерхольд просил Чехова помочь ему в работе над ролью Иоганнеса в пьеса Гауптмана «Одинокие», которую готовил к постановке Художественный театр.

[2] *Константин Сергеевич* — Станиславский.

[3] *Александр Леонидович* — Вишневский.

[4] Телеграмма Мейерхольда не сохранилась.

89

А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

⟨Ялта. 21 октября 1899 г.⟩

Дорогой Александр Леонидович, податель сего Д. И. Эфрос желает быть на первом представлении «Дяди Вани»! Не найдете ли вы возможным оказать ему содействие?

Желаю всего хорошего, крепко жму руку.

А. Чехов

21 окт⟨ября⟩.

На обороте: А. Л. Вишневскому.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 217, л. 1.

Написано на визитной карточке, вложенной в письмо к Д. И. Эфросу от 21 октября 1899 г. (XVIII, 245—246).

А. Л. *Вишневский* (1861—1943) — артист Московского Художественного театра, первый исполнитель роли дяди Вани в одноименной пьесе Чехова, товарищ Чехова по Таганрогской гимназии.

Д. И. *Эфрос* — о нем см. ниже примечания к письму Чехова от 7 января 1904 г.

90

К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

⟨Ялта. 27 декабря 1899 г.⟩

Милый Казимир Станиславович, поздравляю тебя и твою семью с новым годом и с новым счастьем, дружески жму тебе руку и желаю всего хорошего. Мать и сестра тебе кланяются.

Как поживаешь? Как здоровье? Что нового?

Непременно пришли мне свою фотографию, какую-нибудь поновее.

Я о тебе часто вспоминаю, хотелось бы повидаться. Ну, будь здоров, обнимаю тебя.

Твой А. Чехов

27 дек⟨абря⟩ 99.
Ялта.

На обороте: Петербург.
Казимиру Станиславовичу Баранцевичу.
Пески, 3-я улица, 4, кв. 8.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 188, л. 6-а (альбом А. А. Измайлова).

Казимир Станиславович *Баранцевич* (1851—1927) — беллетрист. Чехов познакомился с ним в 1887 г. Характеристику его как писателя, сделанную Чеховым, см. XVI, 160.

91

Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

⟨Петербург. 1890-е годы?⟩

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Николай Николаевич. Я хожу в Милютин ряд [1] и ем там устрицы. Мне положительно нечего делать, и я думаю о том, что бы мне съесть и что выпить, и жалею, что нет такой устрицы, которая меня бы съела в наказание за грехи.

Печатается по книге: В. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, стр. 181. Здесь читаем: «В Москве был наш общий любимый писатель, врач Н. Н. Оболонский. Недавно его вдова доставила мне неопубликованное письмо Чехова (из г. Петербурга)»; далее следует текст письма. Местонахождение автографа неизвестно.

[1] *Милютин ряд*, или Милютины лавки — большой гастрономический магазин в Гостином дворе в Петербурге.

92

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

⟨Ялта. 8 января 1900 г.⟩

Многоуважаемый Борис Федорович, благодарю вас за память обо мне и внимание и, в свою очередь, поздравляю вас с Новым годом, с новым счастьем и желаю всего хорошего. Я живу в Ялте, мой адрес прост: Ялта. Проживу я здесь до мая.

Буду с нетерпением ожидать обещанной вами «Чайки», а пока позвольте еще раз поблагодарить вас и пожелать всего хорошего.

Преданный А. Чехов

8 января.

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 52.

В письме от 30 декабря 1899 г. Прусик писал Чехову: «Хочу вам выслать „Чайку" не знаю куда». Чехов выехал из Ялты в начале апреля 1899 г. и возвратился в конце

августа. За это время Прусик несколько раз писал Чехову в Ялту, посылал ему чешское издание «Чайки», афишу ее постановки и т. д. «Получили ли вы мой перевод вашей „Чайки", экземпляр которого я вам послал,— спрашивал Прусик в письме от 8/20 ноября 1899 г.— С полгода я не мог узнать ваш адрес». По всей вероятности, Прусик имел в виду экземпляр «Чайки» с надписью: «В добрую память от вашего переводчика Б. Ф. П.», который ныне хранится в Ялте, в Доме-музее Чехова. Но Чехов, видимо, еще не знал об этом. Спустя несколько дней Прусик выслал в Ялту еще один экземпляр пьесы. «Вместе с этой открыткой,— писал он 15(27) января 1900 г.,— посылаю вам „Чайку", которая пойдет в феврале на сцене театра Шванды, где она еще год назад имела большой успех». Этот экземпляр чешского перевода хранится в Таганроге, в Музее Чехова. На нем надпись: «Глубокоуважаемому Антону Пав⟨ловичу⟩ Чехову в знак искренней преданности. Вор. П р у с и к, 26.I.1900 г.».

93

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

(Т Е Л Е Г Р А М М А)

Ялта, 26 января 1900

Москва, «Русская мысль».

Журналу, 20 лет выражавшему лучшие стремления русской интеллигенции, и ее благородному представителю Виктору Александровичу, нашему другу, милому, доброму, родному человеку шлю поздравления, сердечные пожелания счастья. Ч е х о в

Телеграфный бланк. ЛБ, ф. 331, 19/53.

Поздравление в связи с двадцатилетним юбилеем «Русской мысли» — умеренно-либерального журнала, выходившего в это время под редакцией В. А. Гольцева. В этом журнале в 1880—1890-х годах печатались Чернышевский (под псевдонимом Н. Андреев), Шелгунов, Горький, Короленко, Мамин-Сибиряк, Г. Успенский и Чехов, опубликовавший на страницах «Русской мысли» многие из своих произведений.

94

В. С ТЮФЯЕВОЙ

⟨Ялта.⟩ 29 апреля ⟨1900 г.⟩

Благодарю, благодарю вас, многоуважаемая Вера Сергеевна, дай бог вам и здоровья, и счастья, и хорошего жениха. Я ем ваши конфекты два дня и все придумываю, что бы такое сладенькое написать вам! Но разве придумаешь? Сто лет вам жить! Двести тысяч вам выиграть!

В Ялте уже совсем весна, тепло, зелено, а я удираю в Москву на недельку, очень соскучился по цивилизации [1]. Через две-три недели опять буду в Ялте. Нового нет ничего, все старо, извините за выражение.

Был здесь Моск⟨овский⟩ Художественный театр, играл и уехал — и теперь опять пусто [2]. Здесь ли Абаринова [3], не знаю, так как был нездоров, был занят с актерами, был в Севастополе и проч. и проч., так что совсем угорел и ничего не помню, и ни о чем не знаю [4].

Будьте здоровы и счастливы, да хранят вас ангелы небесные. Карточка ваша великолепна, мне она очень нравится, большое вам спасибо, тысячу раз спасибо![5] Желаю вам всего самого лучшего на свете и еще раз благодарю.

Ваш А. Ч е х о в

На конверте: Петербург.
Вере Сергеевне Тюфяевой.
Гончарная, 10, кв. 1.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1674, оп. 1, ед. хр. 28, лл. 2—4 об.

Вера Сергеевна *Тюфяева*, в замужестве *Пассек*, впоследствии—*Чоглокова* (родилась в 1882 г.) — дочь известной писательницы-шестидесятницы А. Н. Пешковой-Толиверовой. В настоящее время занимается литературной работой.

В начале марта 1900 г. Тюфяева приезжала в Ялту, где и познакомилась с Чеховым, доставив ему по поручению М. О. Меньшикова рукопись С. Воскресенского

(см. XVIII, 358). Она «страшно похожа на вашу Мисюсь из „Дома с мезонином“. Мне очень бы хотелось, чтобы вы посмотрели на нее»,— писал Меньшиков о В. С. Тюфяевой («Летопись», стр. 616). Впоследствии Тюфяева неоднократно виделась с Чеховым в Ялте. Публикуемое письмо и письмо от 7 декабря 1902 г. (см. ниже) были переданы В. С. Тюфяевой в ЦГАЛИ. В ЛБ хранятся два письма Тюфяевой к Чехову от 1900 и 1901 гг.

[1] А. П. Чехов находился в Москве с 6 по 17 мая 1900 г.

[2] С 7 по 24 апреля происходили гастроли Московского Художественного театра в Севастополе и Ялте.

[3] Антонина Ивановна *Абаринова* (1842—1901) — актриса Александринского театра. Играла в пьесе Чехова «Чайка» (1896 г.).

[4] 10 апреля А. П. Чехов приехал в Севастополь на гастроли Московского Художественного театра, а 13 апреля, почувствовав себя больным, не дождавшись спектакля «Чайки», принужден был уехать.

[5] Имеется в виду фотография В. С. Тюфяевой, присланная ею по просьбе Чехова вместе с конфетами.

95

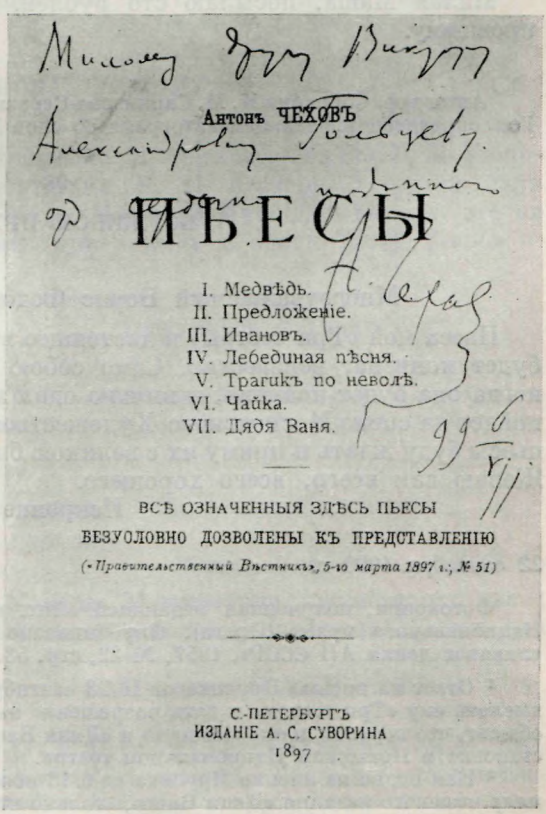
В. М. ДОРОШЕВИЧУ

(ТЕЛЕГРАММА)

‹Ялта. 30 апреля 1900 г.›

Приехать не могу. Рассчитывайте на оправдательный приговор. Он будет и должен быть.

Печатается по газете «Русь», 1904, № 341 от 21 ноября (4 декабря), где приведено в хронике «Дело В. М. Дорошевича». Датируется по телеграмме Дорошевича Чехову от 29 апреля 1900 г.: «Десятого мая мое дело в Одессе все сроки вызова свидетелей пропустил, должен вызывать сам очень прошу если можно приехать свидетелем телеграфируйте ответ... Д о р о ш е в и ч».


Милому другу Виктору
Александровичу Гольцеву.
Антонъ ЧЕХОВЪ
ПЬЕСЫ
I. Медвѣдь.
II. Предложеніе.
III. Ивановъ.
IV. Лебединая пѣсня.
V. Трагикъ по неволѣ.
VI. Чайка.
VII. Дядя Ваня.
99 6/VII
ВСѢ ОЗНАЧЕННЫЯ ЗДѢСЬ ПЬЕСЫ
БЕЗУСЛОВНО ДОЗВОЛЕНЫ КЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЮ
(«Правительственный Вѣстникъ», 5-го марта 1897 г., № 51)
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1897

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА КНИГЕ «ПЬЕСЫ» (СПб., 1897)

«Милому другу Виктору Александровичу Гольцеву от сердечно преданного А. Чехова. 99 $\frac{6}{VII}$».

Собрание Ю. С. Гольцевой, Москва

Влас Михайлович *Дорошевич* (1864—1920) — журналист, весной 1897 г. был на Сахалине и осенью поместил в «Одесском листке» ряд очерков, где описывал сахалинские порядки, в частности, деятельность смотрителя дуйской тюрьмы А. С. Фельдмана. Фельдман, живший в это время в Херсоне, обвинил Дорошевича в клевете («О Сахалине г. Дорошевича (письмо в редакцию)». «Новороссийский телеграф», 1897, № 7321 от 2 декабря). Судебный процесс длился несколько лет и закончился в 1904 г. оправданием Дорошевича.

96

М. П. ЧЕХОВОЙ

<Ялта.> 28 авг<уста 1900 г.>

Милая Маша, ты пишешь, чтобы я выслал денег, а не пишешь, сколько. Посылаю двести рублей; если этого мало, то пришлю еще.

Все благополучно. Мать здорова. У меня каждый день Ладыженский [1], который приехал дней 10 назад. Пьесу писать, конечно, нельзя [2].

Нового ничего. Будь здорова.

Твой А. Чехов

Автограф. ЛБ, ф. 331, 70/64. Впервые опубликовано в «Записках», вып. 16, стр. 185.

Год установлен по сопоставлению с письмом от 2 сентября 1900 г. (XVIII, 384).

[1] Владимир Николаевич *Ладыженский* (1859—1932) — поэт, земский деятель, знакомый Чехова, после революции — эмигрант.

[2] Чехов писал в это время пьесу «Три сестры».

97

ЕЙ ЖЕ

<Ялта.> 5 сент<ября 1900 г.>

Милая Маша, посылаю сто рублей. Все обстоит благополучно, по-прежнему.

Твой А.

Автограф. Собрание И. М. Саркизова-Серазини (Москва); ныне — Гос. Лит. музей. Год определен владельцем автографа со слов М. П. Чеховой.

98

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

<Ялта. 22 сентября 1900 г.> [1]

Многоуважаемый Борис Федорович!

Пьеса моя «Три сестры» в настоящее время еще только пишется. Когда будет кончена, неизвестно. Само собою разумеется, что я напишу вам, когда она будет кончена, и вышлю один экземпляр ее после того, как она пойдет на сцене Московского Художественного театра. Вами переведенные пьесы буду ждать и приму их с великою благодарностью [2]. Будьте здоровы. Желаю вам всего, всего хорошего.

Искренне вас уважающий
А. Чехов

22 сентября 1900 г.

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 53.

[1] Ответ на письмо Прусика от 16/28 сентября 1900 г., в котором Прусик просил выслать ему «Три сестры» и дать разрешение на перевод пьесы. Одновременно он сообщает, что перевел пьесы «Иванов» и «Дядя Ваня» и что «Дядя Ваня» готовится к постановке в Пражском Национальном театре.

[2] Как видно из письма Прусика от 6/18 ноября 1900 г., он послал Чехову экземпляр чешского издания «Дяди Вани», «только что вышедшего из типографии».

99

М. К. ПЕРВУХИНУ

〈Ялта. Конец сентября — начало октября 1900 г.〉

Я, нижеподписавшийся, Антон Павлов сын Чехов и пр. и пр. сим клятвенно обязуюсь впредь юным плагиаторам не покровительствовать, для «Крымского Таймса» никаких поэтических и прозаических произведений неведомых мне авторов не рекомендовать.

Печатается по тексту воспоминаний М. К. Первухина. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 344.

Михаил Константинович *Первухин* (1870—1928) — журналист, в конце 1899 г. по болезни поселился в Ялте и с 1900 г. стал фактическим редактором газеты «Крымский курьер». В 1908 г. в качестве корреспондента «Русского слова» уехал в Италию, где и оставался до конца жизни. Воспоминания, из которых извлечена настоящая записка Чехова, датированы в рукописи 1915 годом.

Первухин рассказывает, что по рекомендации Чехова он напечатал в своей газете «маленькую крымскую легенду», доставленную Чехову какой-то нуждавшейся в заработке актрисой. Вслед затем живший в Ялте литератор А. Я. Бесчинский указал Первухину на то, что эта легенда уже была напечатана в одном из старых путеводителей по Крыму. «Чтобы не огорчать сильно тогда прихварывавшего Чехова,— продолжает Первухин,— я так и не сказал ему об этом казусе, но каким-то образом он сам проведал о случившемся и прислал мне записку с извинениями. Записка была в шутливом тоне».

Крымская легенда «Злое сердце» напечатана в «Крымском курьере», 1900, № 208, от 17 сентября. В соответствии с этим и определена нами предположительная дата публикуемой записки.

100

А. П. СЕРГЕЕНКО

〈Ялта. 9 октября 1900 г.〉

См. в настоящем томе воспоминания А. П. Сергеенко о Чехове.

101

М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

〈Ницца. 17 декабря 1900 г.〉

Многоуважаемый Максим Максимович. Я виделся сегодня с Л. Л. Гиршманом [1] и мы вместе, в присутствии Н. И. Юрасова, решили быть у вас [2] в среду к $6^1/_2$ час〈ам〉 вечера. Николай Иванович сказал, что он тоже будет и что, по его мнению, приглашать к обеду В. И. Якоби — не следует.

Вот и все. Желаю вам всего хорошего.

Преданный А. Чехов

Воскресенье.

Машинописная копия. Архив АН СССР, моск. отд., разряд IV, оп. 1, ед. хр. 114.

[1] Леонард Леопольдович *Гиршман* (1834—1921) — окулист, профессор Харьковского университета.

[2] На даче у Ковалевского в Болье.

102

ЕМУ ЖЕ

〈Ницца. 3 января н. ст. 1901 г.〉

Простите, многоуважаемый Максим Максимович, я обманул вас [1]; причины тому две: сильная боль в спине и холод. Сижу дома. Желаю вам всего хорошего.

Преданный А. Чехов

Четверг.

Машинописная копия. Архив АН СССР, Моск. отд., разряд IV, оп. 1, ед. хр. 114.

[1] Чехов должен был поехать на дачу к Ковалевскому в Болье (см. выше письмо Чехова М. М. Ковалевскому от 17 декабря 1900 г.).

103

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕРУ

<Ницца. 8 января н. ст. 1901 г.>[1]

Милый Исаак Наумович, с Новым годом, с новым счастьем! Желаю вам всего хорошего и интересного, чтобы не было скучно! Передайте мое поздравление вашей семье.

Ваш А. Чехов

9 rue Gounod.
Nice.

На обороте: Доктору Исааку Наумовичу Альтшуллеру
Ялта.
Jalta. Russie.

Автограф (почтовая открытка). ЛБ (см. письмо 80).

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Ницца. 8 janv. 01; ялтинский почтовый штемпель: $19\frac{1}{I}01$.

104

А. М. ФЕДОРОВУ

<Ялта.> 25 марта 1901

См. в настоящем томе воспоминания Л. К. Федоровой о Чехове.

105

В. В. БИЛИБИНУ

<Ялта.> 7 апреля 1901

Милый Виктор Викторович, большое вам спасибо за то, что вспомнили и прислали письмо [1]. Мне оно доставило большое удовольствие, напомнило мне многое, и к тому же еще ваш почерк нисколько не изменился, и вышло похоже на то, как будто наша переписка не прекращалась. Хотя праздники пришли уже к концу, но все же поздравляю вас и Анну Аркадьевну с праздником и шлю сердечные пожелания. Желаю вам разбогатеть и перестать лечиться от неврастении, быть совершенно здоровым.

Что касается меня, то я жив и почти здоров, еще не женат, седеть начал было и перестал. Живу в Крыму, живу скучно; недавно, впрочем, вернулся из-за границы, где прожил зиму довольно весело.

Скоро буду в Петербурге и непременно побываю у вас, если только к тому времени вы не уедете на дачу. Очень хочется повидаться с вами.

Н. А. Лейкину и Р. Р. Голике мой нижайший поклон и привет.

Пришлите мне ваши пьесы, которых у вас теперь немало. А я вам пришлю свои, когда получу от Маркса.

Анне Аркадьевне низко кланяюсь и желаю ей всего хорошего, здоровья, спокойствия; и детям шлю привет, хотя и не знаком с ними.

Крепко жму руку, не забывайте!

Ваш А. Чехов

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксмана (Москва).

[1] Письмо Билибина от 30 марта 1901 г.

М. П. ЧЕХОВА В САДУ В МЕЛИХОВЕ
Фотография, 1890-е гг.
Дом-музей Чехова, Москва

106

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

⟨Ялта.⟩ 21 апреля 1901 г.

Многоуважаемый Борис Федорович, позвольте принести вам сердечную благодарность за письмо и за «Meziaktí», полученные мною на этих днях. Я вернулся из-за границы и нашел у себя письмо, в котором вы поздравляете меня с Новым годом,— спасибо вам большое [1].

В настоящее время я нахожусь в Ялте и здесь пробуду, вероятно, до зимы. Поеду в Москву и на Волгу, но ненадолго.

Позвольте еще раз поблагодарить вас, пожелать вам всего хорошего и пребыть искренно вас уважающим и преданным

А. Чехов

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 52.

[1] Ответ на письмо Прусика, в котором он сообщал о постановке «Дяди Вани» в Пражском Национальном театре 7/20 апреля 1901 г.

«Дядя Ваня» вызвал значительный интерес у чешской публики и почти одновременно был поставлен в нескольких чешских театрах. «Спешу вам сообщить,— писал Прусик Чехову в письме от 2/15 января 1901 г. (датируется по пражскому почтовому штемпелю), что ваш „Дядя Ваня", принятый уже с июля на сцену Национального театра в Праге, игрался в этих днях в городском театре в Пильзене с огромным успехом». Судя по другому письму Прусика, эта пьеса шла с успехом также в городах Часлав, Нимбурк и Градец Кралове. Однако самым значительным событием в чешской театральной жизни явилась постановка «Дяди Вани» на сцене крупнейшего театра страны, Пражского Национального театра.

В 1900 г. в Национальном театре сменилось руководство. Новое руководство, в отличие от прежнего, взяло более твердый курс на постановку реалистических пьес, в том числе и выдающихся произведений русской драматургии. За короткое время были поставлены «Власть тьмы» Л. Толстого (1900 г.), «Дядя Ваня» Чехова (1901 г.), «Мещане» Горького (1902 г.). Премьера «Дяди Вани» состоялась 7/20 апреля 1901 г. В тот же день Прусик в самых восторженных выражениях писал Чехову о «феноменальном успехе» постановки, об актерском исполнении, которое «выше всяких похвал», о критике, отзывавшейся «с крайним восхищением» о пьесе, и т. п. Одновременно Прусик послал Чехову также экземпляр театрального журнала «Meziaktí» («Антракт»), № 167, от 20 апреля 1901 г. с программой спектакля и своей статьей «Д-р Антон Павлович Чехов и его „Дядя Ваня"» (этот номер журнала находится в Музее Чехова в Таганроге).

107

М. П. ЧЕХОВОЙ

⟨Аксеново.⟩ 4 июня ⟨1901 г.⟩

Милая Маша, твое письмо, в котором ты советуешь мне не жениться, прислано мне сюда из Москвы вчера [1]. Не знаю, ошибся я или нет, но женился я, главным образом, из того соображения, что, во-первых, мне теперь более 40 лет, во-вторых, у Ольги добродетельная родня и, в-третьих, если понадобится разойтись с ней, то я разойдусь ничтоже сумня⟨ше⟩ся, как будто и не женился; ведь она самостоятельный человек и живет на свои средства. Затем, важно соображение, что эта женитьба нисколько не изменила образа жизни ни моего, ни тех, кто жил и живет около меня. Все, решительно все останется так, как было, и я в Ялте по-прежнему буду проживать один.

Твое желание приехать сюда, в Уфимскую губ⟨ернию⟩, порадовало меня очень [2]. Если бы ты в самом деле решилась и приехала сюда, то это было бы чудесно. Приезжай сюда в первых числах июля; здесь поживем, попьем кумысу и потом поедем вместе по Волге до Новороссийска, оттуда в Ялту. Сюда ехать лучше всего через Москву, Нижний и Самару. Это дальше, но, в конце концов, все-таки выйдет ближе дня на два и даже на

три. Когда я сказал Книппиц, что ты приедешь, то она очень обрадовалась. Сегодня она уехала в Уфу за покупками. Здесь скучновато, но кумыс вкусный, жарко и кормят недурно. На днях поедем удить рыбу.

Посылаю чек на 500 р. Если этих денег покажется много и не захочется держать их дома, то часть положи в государств⟨енный⟩ банк на свое имя. Как это сделать, научит Синани [3]. С собой, когда поедешь, возьми рублей сто плюс деньги на билеты; у меня есть деньги, я тебе дам на обратный путь.

Адрес для телеграмм: Аксеново Чехову. Если решишь поехать к нам, то телеграфируй одно слово: приеду.

С А. И. Чеховой [4] проживает здесь девушка 17 лет, дочь покойной Лизы; по-видимому, очень хорошая девушка.

Когда будешь подавать телеграмму «Аксеново Чехову», то внизу на телеграмме сделай черту и под ней подпиши: Самаро-Златоустовской.

Так:

Самаро-Златоустовской.

Это у нижнего края.

Кумыс не расстраивает мой желудок. По-видимому, я буду переносить его хорошо.

Нижайший поклон и привет мамаше. Передай Варваре Константиновне [5], что я благодарю ее за телеграмму. Ну, будь здорова и покойна. Пиши почаще, пожалуйста.

Твой А н т о н

Автограф. ЛБ, ф. 331, 70/66. Год проставлен карандашом перед началом письма рукой М. П. Чеховой.

Это письмо не было включено М. П. Чеховой в изданные ею в 1912—1916 гг. «Письма Чехова». Подлинник письма был передан ею в Отдел рукописей ЛБ в 1951 г., при этом она сделала на нем надпись: «Прошу не печатать. М. Чехова». В связи с этим запрещением письмо не было включено в Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова. В 1954 г. М. П. Чехова сочла уже возможным опубликовать свое письмо к Чехову от 24 мая 1901 г., ответом на которое является настоящее письмо. Отвечая на полушутливые строки письма Чехова от 20 мая о намеченной им поездке на кумыс («Уж я не знаю, что мне делать, как быть. Ехать одному скучно, жить на кумысе скучно, а везти с собой кого-нибудь было бы эгоистично и потому неприятно. Женился бы, да нет при мне документов, все в Ялте, в столе...» — XIX, 88), М. П. Чехова писала ему: «Теперь позволь мне высказать свое мнение насчет твоей женитьбы. Для меня лично свадебная процедура ужасна! Да и для тебя эти лишние волнения ни к чему. Если тебя любят, то тебя не бросят, и жертвы тут никакой нет, эгоизма с твоей стороны тоже нет ни малейшего. Как это тебе могло прийти в голову? Какой эгоизм?! Окрутиться же всегда успеешь. Так и передай твоей Книппиц. Прежде всего нужно думать о том, чтобы ты был здоров ⟨...⟩ Во всяком случае, действуй по своему усмотрению, быть может, я и пристрастна в данном случае» (М. П. Ч е х о в а. Письма к брату А. П. Чехову, М., 1954, стр. 182—183).

Свадьба Чехова и О. Л. Книппер состоялась 25 мая 1901 г., затем они выехали в Аксеново Уфимской губернии. Перед отъездом Чехов телеграфировал матери о своей женитьбе (XIX, 92). Догадываясь, что это известие взволновало его родных, Чехов 2 июня, еще до получения письма от сестры, написал ей успокоительное письмо, в котором подчеркивал, что женитьба «нисколько не изменит» его жизни и его отношений с родными (XIX, 95). Одновременно с настоящим письмом Чехов послал сестре телеграмму, текст которой публикуется ниже.

После получения публикуемого письма тревога М. П. Чеховой за брата рассеялась, о чем свидетельствует ее письмо к нему от 16 июня 1901 г. (назв. изд., стр. 186—187).

[1] Как всегда, сдержанный во всем, что касалось его внутреннего мира, Чехов и в настоящем письме приводит для объяснения своей женитьбы житейские мотивы и умалчивает о более глубоких причинах, определивших это его решение. Полушутливый тон в этой части письма должен был, очевидно, способствовать разрядке создавшейся в семье писателя напряженности.

[2] Это намерение М. П. Чеховой не осуществилось.

[3] Ялтинский книготорговец И. А. Синани постоянно консультировал Чеховых по разным деловым операциям.

[4] Анна Ивановна Чехова—жена М. М. Чехова, двоюродного брата Чехова (см. XIX, 95).

[5] *Варвара Константиновна* Харкеевич, начальница ялтинской женской гимназии.

108

М. П. ЧЕХОВОЙ

(ТЕЛЕГРАММА)

⟨Аксеново, 4 июня 1901 г.⟩ [1]

Чеки получил. Спасибо. Посылаю письмо, в котором предлагаю проехаться вместе по Волге. Здоров. Напрасно волнуешься, все остается по-старому. Привет мамаше. Пиши.

Антон

Печатается по копии М. П. Чеховой, присланной ею в Гослитиздат в период подготовки Полного собрания сочинений.

См. выше письмо Чехова к Марии Павловне от 4 июня 1901 г.

109

М. А. ЧЛЕНОВУ

⟨Москва.⟩ 18 сентября 1901 г.

Я в Москве!! Мой адрес: Спиридоновка, д⟨ом⟩ Бойцовой, во дворе, или, вернее, в глубине двора, направо в деревянный домик [1].

Ваш А. Чехов

На обороте: Здесь.
Доктору Михаилу Александровичу Членову.
Мясницкая больница.

Автограф. Гос. Лит. музей.

Михаил Александрович *Членов* (1871—1941) — московский врач.

[1] Чехов приехал из Ялты в Москву накануне, 17 сентября.

110

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

⟨Москва.⟩ 27 сентября 1901 г.

Многоуважаемый Борис Федорович!

Обращаюсь к вам с большой просьбой. В Московском Художественном театре в скором времени пойдет пьеса Немировича-Данченко; в этой пьесе, между прочим, действующим лицом является один ученый путешественник, по происхождению чех [1]. Так как наши артисты никогда не видят чехов, то могут произойти затруднения и даже недоразумения в гриме, и во избежание этого дирекция Художественного театра поручила мне обратиться к вам с покорнейшей просьбой — выслать несколько фотографий чешских лиц, которых вы находите типичными. Исполнением этой просьбы очень обяжете и театр, и меня [2].

В настоящее время я в Москве. Мой адрес: Москва, Спиридоновка, д⟨ом⟩ Бойцова. Через месяц же я опять буду в Ялте.

Позвольте пожелать вам всего хорошего и пребыть искренно вас уважающим и преданным.

А. Чехов

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 53).

М. П. ЧЕХОВА, Е. Я. ЧЕХОВА и О. Л. КНИППЕР
Снято М. Т. Дроздовой в Ялте, 1900 г.
Собрание В. П. Дроздовой, Москва

[1] Чехов имеет в виду пьесу Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах». Ее премьера состоялась 21 декабря 1901 г. Роль Никласа Бокача исполнял А. Л. Вишневский. Чехов, считавший пьесу в целом «мещанским произведением», интересовался, однако, исполнением этой роли и писал по этому поводу Вишневскому (см. XIX, 198, 216, 220).

[2] Прусик, как видно из его ответа от 6/19 октября 1901 г., поспешил выполнить просьбу Чехова, послав ему фотографии чешских путешественников, а также ряд других лиц (писателя, помещика, ученого и поэта). Одновременно он просил дать ему разрешение на перевод всех рассказов Чехова, издаваемых Марксом, и прислать что-нибудь из новых произведений писателя — рассказ или пьесу. Он просил также, чтобы дирекция Художественного театра прислала ему для перевода пьесы, которые шли в театре, объясняя эту просьбу желанием «познакомить чешскую публику со всем, что есть выдающегося в России». См. ниже письмо Чехова к нему от 11 октября 1901 г.

111

ЕМУ ЖЕ

⟨Москва.⟩ 11 октября 1901 г.

Многоуважаемый Борис Федорович!

Позвольте принести вам сердечную благодарность за фотографии, которые я уже вручил артистам Художественного театра. Фотографии превосходны [1].

Вы спрашиваете у меня разрешения перевести все мои рассказы по изданию Маркса, между тем, это разрешение имеется у вас давно. Я позволю себе еще только воспользоваться случаем, чтобы сердечно поблагодарить вас за ваши превосходные переводы и пожать вам руку [2].

У меня есть пьеса «Три сестры», которую я написал последней. Если у вас нет ее, то напишите, я вышлю [3]. Новые повести и рассказы я начну печатать не раньше будущего года.

Дирекция Художественного театра пока не имеет новых пьес. Она ставит Гауптмана, Ибсена, а из русских — одного меня. На днях окончил пьесу («Около жизни») Вл. И. Немирович-Данченко, прислал пьесу («Мещане») Максим Горький. Обе пьесы пойдут в Художественном театре. Как только они будут разрешены цензурой и напечатаны, я вышлю вам [4].

Пока я живу в Москве, но скоро, вероятно, в конце октября, опять поеду в Ялту, где проведу всю зиму. Желаю вам всего хорошего.

Искренно преданный А. Чехов

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 54.

[1] См. прим. 1 и 2 к письму Чехова от 27 сентября 1901 г.

[2] Чешского языка Чехов не знал и оценить достоинства переводов Прусика не мог; слова его лишь дань вежливости. В действительности качество переводов оставляет желать много лучшего.

[3] Возможно, что Чехов послал тогда Прусику оттиск «Трех сестер» из «Русской мысли». Прусик, однако, перевел и издал эту пьесу лишь в 1907 г.

[4] Заслуживает внимания факт, что Прусик первый в Чехии узнал о драматическом дебюте Горького (первая заметка о «Мещанах» в чешской печати относится лишь к 1 ноября 1901 г.). После этого сообщения Чехова Прусик, заручившись согласием пражского издателя Б. Шимачека на издание горьковской пьесы, попытался раздобыть ее для перевода. Он обращался в Художественный театр и непосредственно к Горькому, но безуспешно. Ему удалось получить экземпляр «Мещан» лишь после выхода пьесы в «Знании», и возможно, что он получил его именно от Чехова, обещавшего ему прислать пьесу. Уже через полтора месяца вышло чешское издание «Мещан». (Подробнее об этом см. статью Ш. Ш. Богатырева «Первые постановки „Мещан" на чешской сцене». Сб. «Горьковские чтения 1953—1957». М., 1959, стр. 556—559).

112

П. П. ДУЧИНСКОМУ

<Москва.> 18 окт<ября> 1901

Милостивый государь
Николай Полиевктович!

Напечататься в числе сотрудников журнала значит дать определенно и наверно обещание сотрудничать в этом журнале, я же, повторяю, определенных обещаний в настоящее время давать не могу, так как нездоров и, стало быть, рискую не сдержать этих обещаний. Простите пожалуйста. Я уже многих издателей и редакторов обманул, сам того не желая, а это неприятно.

Желаю вам всего хорошего.

Искренно вас уважающий
А. Чехов

Автограф. Гос. Лит. музей.

Николай Полиевктович Дучинский (1873—1932) — педагог, автор учебников и учебных пособий по русской истории, издатель.

Письмо Чехова, очевидно, является ответом на просьбу Дучинского разрешить поставить имя писателя в списке будущих сотрудников проектировавшегося им журнала. В конце 1902 г. Дучинский начал издавать в Петербурге журнал «Природа и жизнь» (ежемесячное приложение к еженедельному журналу того же названия).

Журнал имел умеренно-прогрессивный характер без политической окраски. В числе сотрудников литературного отдела редакцией были названы К. С. Баранцевич, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. Н. Потапенко, давшие в 1903—1904 гг. в журнал по два-три рассказа, и А. И. Куприн и К. М. Станюкович, в журнале не печатавшиеся. В основном беллетристический отдел пополнялся произведениями третьестепенных авторов.

113

А. Е. КРЫМСКОМУ

〈Ялта. 21 ноября 1901 г.〉

Сердечно благодарю за присланные переводы моих произведений. Будьте любезны, напишите г-же М. Грушевской, что, насколько я понимаю, переводы сделаны ею очень хорошо, если бы я знал ее адрес, то поспешил бы поблагодарить ее самое.

Желаю вам всего хорошего.

Глубоко вас уважающий А. Чехов

21.XI.1901.

Печатается по тексту журнала «Літературно-науковий вістник», Львов, 1902 г., т. XVII, кн. III, раздел «Хроника и библиография», стр. 27. Местонахождение автографа неизвестно.

Публикуемое письмо Чехова адресовано Агафангелу Ефимовичу *Крымскому* (1871—1941), известному ученому — востоковеду и слависту. В 1898—1918 гг. А. Е. Крымский был профессором Лазаревского института восточных языков по кафедре арабской словесности и истории мусульманского Востока, с 1901 г. — секретарем Восточной комиссии Московского археологического общества. А. Е. Крымский выступал также как украинский писатель, его художественные произведения и переводы печатались в львовских журналах и издательствах.

По так называемому Эмскому указу 1876 г. царским правительством был запрещен ввоз в Россию книг на украинском языке, в том числе и переводов произведений русских писателей. Этим запрещением объясняется посылка переводов произведений Чехова, изданных во Львове, через Крымского, который по этому поводу писал Чехову: «Посылаю книги по поручению редакции „Літературно-наукового вістника“ и по просьбе также переводчицы (жены профессора малорусской истории в Львовском университете — Грушевского): в виду запрещения, наложенного на малорусскую литературу в России, они боялись, что книги, отправленные прямо на ваше имя, не дойдут, а я имею право на получение книг без цензуры» (ноябрь 1901 г.).

До 1901 г. во Львове было опубликовано несколько переводов произведений Чехова, сделанных Марией Грушевской. Из письма Крымского известно, что не был выслан перевод «Мужиков», вышедший в 1898 г. в «Літературно-науковом вістнике» (т. II, кн. 4, стр. 65—99). Очевидно, Чехов получил остальные переводы — рассказы: «Злоумышленник», «Произведение искусства», «Канитель», «Винт», «Тоска», «Дома», «Ванька» («Літературно-науковий вістник», 1899, т. V, кн. 2, стр. 97—129), повесть «Моя жизнь» (там же, 1899, т. VII, кн. 8 и 9, стр. 220—252, 323—382), отдельное дешевое издание «Каштанки», Львов, 1901 г., в типографии Наукового товариства имени Шевченка.

Публикуемое письмо Чехова, являющееся ответом на посылку книг и записку Крымского, было напечатано журналом «Літературно-науковий вістник» в переводе на украинский язык. Автограф письма, очевидно, погиб вместе с личным архивом Крымского в Киеве в годы Великой Отечественной войны.

Печатается в обратном переводе на русский язык.

В 1941 г. в киевской газете «Советская Украина» (№ 127, от 1 июня) была напечатана статья А. Шеметова «А. П. Чехов об Украине», в которой автор излагал содержание своей беседы с академиком А. Е. Крымским. Рассказав эпизод с посылкой переводов, Шеметов приводит далее следующий текст письма Чехова:

«Я глубоко тронут этим знаком внимания со стороны зарубежных украинцев. Насколько я могу судить, перевод сделан очень изящно и передает дух моего рукописного оригинала. Могу себя считать счастливым, что зарубежная Украина оказывает такое внимание моему писательскому творчеству. Украина дорога и близка моему сердцу. Я люблю ее литературу, музыку, ее чудесную украинскую песню, полную чарующей мелодии. Я люблю украинский народ, который дал миру такого титана, как Тарас Шевченко».

В 1952 г. это письмо было перепечатано в львовской газете «Вільна Україна» (№ 53, от 2 марта) в переводе на украинский язык с добавлением следующей фразы: «Російський і український народи завжди були, є й будуть найкращими друзями». В этом варианте публикация Шеметова была использована в научных исследованиях и юбилейных выступлениях (см.: «Курортная газета», Ялта, № 141, от 16 июля 1954 г.; «Братерство культур», Киев, 1954, стр. 195; І. Пильгук. Т. Г. Шевченко — основоположник української літератури, — «Радянська школа», Киев, 1954, стр. 311).

Нельзя, однако, не согласиться с аргументами главного библиографа Гос. Публичной библиотеки АН УССР А. М. Гимельфарб, приведенными ею (в ее письме в редакцию «Лит. наследства») в доказательство недостоверности текста письма Чехова, введенного в оборот Шеметовым. Прежде всего обращает на себя внимание

несоответствие стиля этого письма эпистолярному стилю Чехова. Некоторые выражения вообще необъяснимы: почему говорится «рукописный оригинал» о произведениях напечатанных?

Вместе с тем письмо это очень близко к записи речи Горького, сделанной Крымским в декабре 1916 г. на встрече с украинскими писателями в редакции журнала «Украинская жизнь» и опубликованной им 24 июня 1940 г. в газете «Советская Украина» в статье «Незабываемый вечер» (см. также сб. «Братерство культур», 1954, стр. 231). В записи речи А. М. Горького встречаются такие места: «Я люблю чарующие мелодии украинской народной песни, волнующую красоту украинской музыки, прекрасный украинский язык, чудесную его народную речь... Русский народ является другом и братом украинского народа».

114

А. А. ПЕТРОВУ

<Ялта. Конец ноября — начало декабря 1901 г.>

Уважаемый Александр Адрианович,

На днях у меня будет Алексей Максимович [1]. Приходите — познакомлю. Податель сего — мой человек — передаст вашу рукопись [2]. О рассказе поговорим после. Желаю не скучать и наслаждаться всеми благами красавицы Ялты.

Ваш А. Чехов

Печатается по копии, хранящейся в ЦГАЛИ (ф. 1378, оп. 1, ед. хр. 291, л. 2). Копия снята самим Петровым, сделавшим на ней помету: «Копия с письма А. П. Чехова, адресованного мне на редакцию „Крымский курьер“ в Ялте в 1901 г. Письмо утеряно давно».

Александр Адрианович *Петров* (1877—1944) — литератор, журналист, участник Суриковского кружка. В 1898 г. начал сотрудничать в газете «Орловский вестник» под псевдонимом Молодой Ельчанин. Печатался в газетах «Биржевые ведомости», «Крымский курьер», «Одесский листок» и др. Знакомство его с Чеховым состоялось в июле 1901 г., когда Петров, будучи сотрудником «Крымского курьера» в Ялте, принес писателю для просмотра свое стихотворение в прозе «Народное горе». В 1919 г. в однодневной газете «День печати» А. А. Петров опубликовал свои воспоминания под псевдонимом Бич-Булат. В них Петров так описывал свои дальнейшие взаимоотношения с Чеховым: «После первого моего визита я стал бывать запросто у Антона Павловича каждую неделю, но долго никогда не задерживал его — самое многое на полчаса. Я приносил ему свои рассказы и небольшие статейки, и он мелкие тут же исправлял, а большие произведения, страниц в двадцать и более, оставлял у себя для просмотра...» (ЦГАЛИ, ф. 1378, оп. 2, ед. хр. 35, тетрадь 11).

В 1902 г. Петров переехал в Москву, где сблизился с писателями из народа Е. Е. Нечаевым, П. А. Травиным и Ф. С. Шкулевым. С А. П. Чеховым он больше не встречался. После Октябрьской революции Петров принимал активное участие в издании газет «Сарапульская трудовая коммуна» и «Известия Сердобского совета».

[1] В ноябре 1901 г. Горький приехал в Ялту и остановился временно у Чехова, так как по распоряжению полиции его в городе нельзя было прописать. Петров так описывает в своих воспоминаниях разговор с Чеховым о Горьком: «Однажды Чехов меня встретил такими словами: — Что же вы вчера не приходили? А у меня был Горький! Я бы познакомил вас с ним. Он — славный такой.

И близорукие глаза Антона Павловича как-то радостно блеснули и от слов и тона его голоса — впервые повеяло на меня чем-то милым, дорогим! Задушевным!

— Горький? — переспросил я.

— Да. И знаете, какую картину я наблюдал? Все время, пока находился у меня Алексей Максимович,— у ограды дачи ходил взад и вперед жандарм» (ЦГАЛИ, ф. 1378, оп. 2, ед. хр. 35, тетрадь 11).

Петров не воспользовался приглашением Чехова. Знакомство Петрова с Горьким произошло в конце 1901 г. в Олеизе, куда он поехал брать интервью у писателя.

[2] В воспоминаниях Петров поясняет, что речь идет о рукописи рассказа «Филантропы», заглавие которого Чехов предложил изменить на «Благотворители» (ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 2, ед. хр. 35, тетрадь 11).

115

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

3 (16) дек<абря> 1901 г. Ялта

Многоуважаемый Борис Федорович!

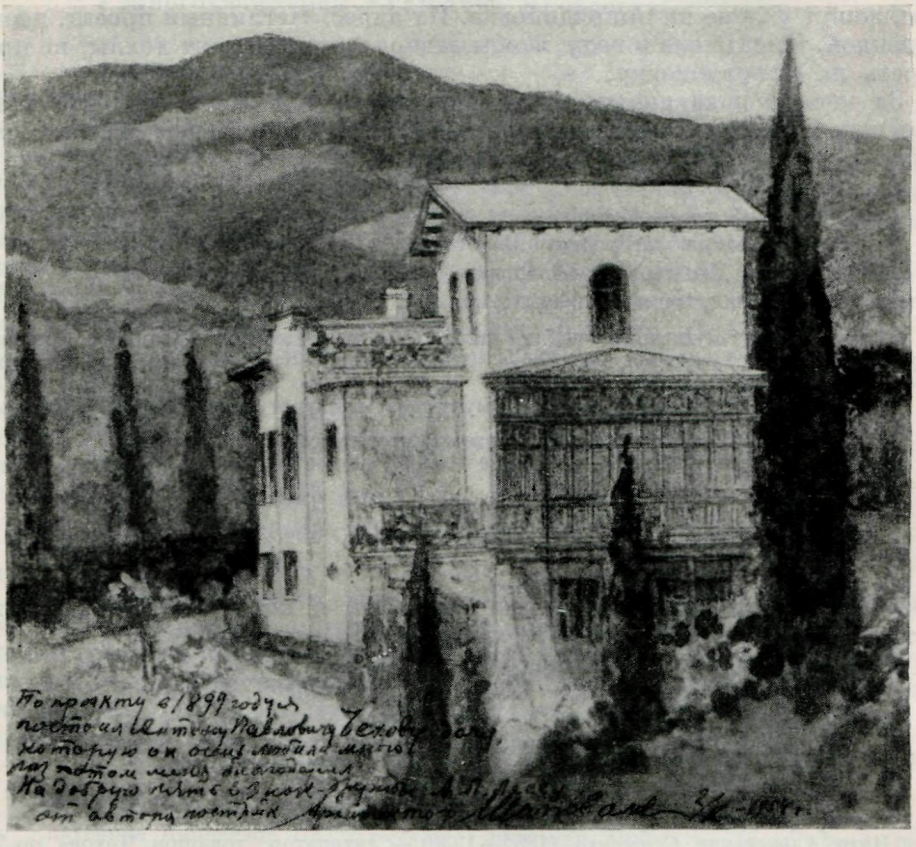
Я получил книжку рассказов [1], получил и две афиши (из Часлава и

Нимбурка), а также афишу Нац⟨ионального⟩ театра [2], приношу вам мою сердечную благодарность.

В Ялте я пробуду, вероятно, всю зиму и потому благоволите адресоваться в Ялту.

Искренно преданный
А. Чехов

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архива Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 56.



ДАЧА ЧЕХОВА В ЯЛТЕ

Акварель архитектора Л. Н. Шаповалова

В левом углу — дарственная надпись: «По проекту в 1899 году я построил Антону Павловичу Чехову дачу, которую он очень любил и много раз потом меня благодарил. На добрую память в знак дружбы А. Л. Лессу от автора постройки. Архитектор Шаповалов. 2/IV 1954 г.»

Собрание А. Л. Лесса, Москва

[1] Ответ на письмо Прусика от 26 ноября (9 декабря) 1901 г. (датируется по пражскому почтовому штемпелю), в котором Прусик сообщал, что высылает экземпляр своего перевода первого тома рассказов Чехова и что вышлет второй том, как только он выйдет. Это, очевидно, книга ранних юмористических рассказов Чехова — «Rozmarné humoresky». В Таганроге, в Музее Чехова, находятся два тома этого издания с надписью переводчика (это издание рассказов Прусик подарил и О. Л. Книппер-Чеховой в 1906 г., во время гастролей Художественного театра в Праге, с надписью: «Глубокоуважаемой г-же О. Книппер на добрую память от искренного поклонника ее изящного искусства Б. Ф. Прусика. 1906, 4. IV». — ЛБ).

[2] Прусик писал в том же письме: «Вместе высылаю афиши Национального театра в Праге, где играли в моем переводе вашу „Лебединую песню“ с огромным успехом.

Хлопочу, чтобы сыграли все ваши одноактные пьесы. Афиши о „Дяде Ване", игранном в городах Часлав, Нимбурк и Градец Кралове, вы получили».

В Ялтинском Доме-музее Чехова хранится экземпляр журнала «Meziaktí» за 1901 г., № 78, в котором помещена статья В. Прусика «„Лебединая песня" А. П. Чехова»— по поводу ее постановки в Пражском Национальном театре (премьера в декабре 1901 г.).

116

А. И. ИВАНЕНКО

⟨Ялта. 6 декабря 1901 г.⟩ [1]

Милый Александр Игнатьевич, спешу исправить ошибку, вкравшуюся в ваше письмо [2]: Маша и Ольга, у которых вы хотите быть перед отъездом, живут уже не на Спиридоновке. Их адрес: Неглинный проезд, д⟨ом⟩ Гонецкой. Имейте сие в виду, чтобы задарма (как говорят хохлы) не проперть на Спиридоновку.

За письмо и за память большое вам спасибо! Когда увидите вашу матушку и сестру, то передайте им мой поклон и привет. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов

На обороте: Москва.
Его высокоблагородию
Александру Игнатьевичу Иваненко.
С⟨тарая⟩ Басманная, д⟨ом⟩ Моревых, кв. 1.

Автограф. Музей истории средней школы № 2 им. Чехова в Таганроге. Впервые опубликовано в сб. «Антон Павлович Чехов. Статьи, исследования, публикации». Ростов н/Д., 1954, стр. 207—208.

Александр Игнатьевич *Иваненко* — музыкант, флейтист, знакомый семьи Чеховых.

[1] Датировано по ялтинскому почтовому штемпелю.
[2] Письмо А. И. Иваненко в архиве Чехова не сохранилось.

117

П. А. СЕРГЕЕНКО

⟨Ялта. 30 декабря 1901 г.⟩

Милый Петр Алексеевич, для больного, о котором ты писал, уже есть у меня 35 р⟨ублей⟩ [1]. Это хватит почти на месяц.

Ну, будь здоров. Желаю всего хорошего.

Твой А. Чехов

30 дек⟨абря⟩ 1901.

На обороте: Луховицы Рязанск⟨ой⟩ губ⟨ернии⟩.
Петру Алексеевичу Сергеенко.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 256, л. 3.

Петр Алексеевич *Сергеенко* (1854—1930) — литератор, товарищ Чехова по Таганрогской гимназии.

[1] Ответ на письмо Сергеенко от 22 декабря 1901 г., в котором он просил устроить некоего Гриневича (выдававшего себя за студента-медика) в Ялте после перенесенной операции, за счет благотворительного общества или в частном пансионе. Чехов ответил Сергеенко 29 декабря, сообщая, что нашел место в частном пансионе. На следующий день он дополнительно послал публикуемое письмо. Гриневич умер в марте 1902 г. (об этом см. в письме Н. В. Алтухова к Чехову — напечатано в настоящем томе в статье А. Н. Дубовикова «Письма к Чехову о студенческом движении 1899—1902 гг.»).

118

С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКОМУ

⟨Ялта, 1900—1901 гг.⟩

Прочтите и возвратите. Это от знаменитого Жбанкова [1]. Должно быть, он с ума сошел. Мы давно знакомы, а называет меня вдруг ни с того ни с сего Карловичем!

А. Чехов

Автограф. ИРЛИ. Р. III, оп. 2, № 486.

Дмитрий Николаевич *Жбанков* (1852—1932) — врач, видный общественный деятель народнического направления.

[1] Речь идет, вероятно, об одной из брошюр Жбанкова против телесных наказаний, присланной Чехову с авторской надписью. В личной библиотеке Чехова брошюра эта не сохранилась.

119

Е. Я. ПОЛИТКОВСКОЙ

〈Ялта.〉 12 янв〈аря〉 1902 [1]

Многоуважаемая Екатерина Яковлевна!

Насколько мне известно, в Ялтинской санатории кн. Барятинской и в доме Благотворительного общества все места заняты и уж записаны, так что неизвестно, когда будут вакансии. У кн. Барятинской берут, кажется, по 25—30 р. в месяц, а в доме Благотворительного общества — по 50 р. Больные, приезжающие в Ялту, проживают обыкновенно на частных квартирах, столуются, где придется, у частных лиц. Жизнь обходится в зимнее время в 50—100 р. в месяц, а в летнее дороже. Если ваш больной располагает 50—60 р. в месяц, то он может ехать в Ялту — когда угодно. За советом, как устроиться, пусть он, т. е. ваш больной, приехав в Ялту, обратится к кому-либо из членов Благотворительного общества, например, к Софье Павловне Бонье [2], живущей в собственном доме, кажется, на Речной улице. Я живу не в Ялте, а за городом, в уезде [3], так что предложить своих услуг не могу.

Какие бы ни были погоды в Ялте, больной должен ехать сюда, раз он решил. Пароходы отходят из Севастополя во вторник, пятницу и воскресенье в 12 час〈ов〉 дня.

Желаю вам всего хорошего.

Искренне вас уважающий и преданный
А. Чехов

Из Севастополя можно ехать и на лошадях, но зимою это скучно и для больного небезопасно, можно простудиться. Больной приедет в Ялту вечером; пусть он остановится в гостинице «Ялта», а на другой день отправится к г-же Бонье, с которой я поговорю предварительно. В первый месяц больным живется в Ялте невесело, но потом — превосходно; они, за немногими исключениями, поправляются здесь очень скоро.

Автограф. ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 2191.

Екатерина Яковлевна *Политковская* — знакомая Чехова по Звенигороду, писательница.

[1] Ответ на письмо Политковской от 8 января 1902 г., в котором она просила сообщить, как устроиться в Ялте ее знакомому, больному туберкулезом.

[2] С. П. *Бонье* — вдова казанского врача, знакомая Чехова. Она состояла членом Ялтинского благотворительного общества и принимала активное участие в устройстве приезжавших в Ялту туберкулезных больных.

[3] Верхняя Аутка, где жил Чехов, в то время считалась пригородом Ялты.

120

И. М. КОНДРАТЬЕВУ

〈Ялта.〉 27 марта 1902

Многоуважаемый Иван Максимович!

Будьте добры, сделайте распоряжение о высылке мне гонорара по адресу: Ялта. В прошлый раз мне был выслан гонорар по телеграфу

через Общество взаимного кредита. Если и на этот раз благоволите выслать переводом, то лучше устроить это через Государственный банк (в Ялте казначейство), переводом не по телеграфу, а по почте. Это несравненно дешевле.

Желаю вам всего хорошего.

Искренне вас уважающий
А. Чехов

Автограф. Гос. Лит. музей. На письме почерком не установленного лица сделаны денежные расчеты:

3 апреля 1902

Расчетные листы
от 31 декабря 1901 № 1213 на 1619 р. 17½
— 4 апреля 1902 № 186 на 1175 р. 33¾
2794 р. 51¼

Отослано ⟨1 нрзб⟩ 5-го апреля
Сверху в левом углу: 1091 28

Иван Максимович *Кондратьев* — секретарь Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, основанного в 1874 г. в Москве А. Н. Островским и Н. Г. Рубинштейном.

Все сохранившиеся письма Чехова к Кондратьеву имеют чисто деловой характер — в них речь идет о высылке гонораров, счетов и т. п.

121

Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

(ТЕЛЕГРАММА)

⟨Ялта. 30 октября 1902 г.⟩

Милого академика сердечно поздравляю [1].

Чехов

Телеграфный бланк. Хранился у покойной В. Ф. Шехтель-Тонковой. Местонахождение его в настоящее время неизвестно. Датировано по дате приема телеграфом.

Франц Осипович *Шехтель* (1859—1926) — художник и архитектор, друг Чехова, Николая Чехова и Левитана.

[1] Поздравление с избранием Шехтеля в академики архитектуры.

122

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

⟨Москва. 31 октября 1902 г.⟩

Многоуважаемый Борис Федорович, до 10 декабря адрес мой: Москва, Неглинный, д⟨ом⟩ Гонецкой. После же 10 декабря я опять буду в Ялте.

Максим Горький, или Алексей Максимович Пешков, живет в Нижнем Новгороде, его адрес: Нижний Новгород, редакция газеты «Нижегородский листок».

Заранее приношу вам благодарность за фотографии. Будьте здоровы, желаю всего хорошего [1].

Искренно преданный А. Чехов

31 окт⟨ября⟩ 1902 г.

Фотокопия, полученная редакцией «Лит. наследства» из Литературного архив Национального музея (Прага). Опубликовано в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 56.

[1] В письме от 23 октября (5 ноября) Прусик просил Чехова сообщить его точный адрес, а также адрес Горького, так как заведующий литературной частью Пражского Национального театра Ярослав Квапил хотел выслать им фотографии пражских постановок «Дяди Вани» и «Мещан». Эти фотографии, видимо, так и не были посланы. В настоящее время известна лишь фотография Э. Вояна в роли Астрова и фотографии И. Мошны и Э. Вояна в ролях Перчихина и Тетерева.

123

А. М. ФЕДОРОВУ

〈Ялта. Октябрь 1902 г.〉

См. в настоящем томе воспоминания Л. К. Федоровой о Чехове.

Ф. И. ШАЛЯПИН

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Дорогому, любимому Антону Павловичу Чехову на память. Федор Шаляпин».

Слева помета неизвестной рукой: «в Москве 3/X 902»

Дом-музей Чехова, Ялта

124

И. Д. СЫТИНУ

〈Москва.〉 25 ноября 〈1902 г.〉[1]

Многоуважаемый Иван Дмитриевич, с великими извинениями посылаю вам три места для отправки в Ялту большой скоростью Чехову. Не

сердитесь очень. За рогожи и пересылку уплачу вам при свидании, которое, надеюсь, произойдет сегодня или завтра.

Желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов

Вчера я поджидал вас и Дорошевича весь день.

Автограф. Музей МХАТ.

Иван Дмитриевич *Сытин* (1853—1934) — московский книгоиздатель.

[1] Год установлен по почтовому штемпелю.

125

Ф. И. ШАЛЯПИНУ

<Москва. 26 ноября 1902 г.>

Дорогой Федор Иванович, все ждал Горького, чтобы вместе отправиться к вам, и не дождался. Недуги гонят меня вон из Москвы [1]. Первого марта приеду опять и тогда явлюсь к вам, а пока — да хранят вас ангелы небесные!

Фотографию пришлите в Ялту [2].

Крепко жму руку и целую вас.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов

26 ноября (на своей карточке я написал 27 — ну, да это все равно) 1902.

Автограф. Собрание И. Ф. Шаляпиной (Москва). Впервые опубликовано: «Огонек», 1954, № 28.

[1] Чехов уехал из Москвы в Ялту 27 ноября.

[2] Получив письмо и фотографическую карточку Чехова, Шаляпин в тот же день (26 ноября 1902 г.) ответил ему: «Дорогой мой Антон Павлович! Адски досадно мне, что не пришлось еще разок посидеть с вами, проклятая „бенефисная" работа затрепала всякую мою свободную минуту. Жалко, жалко, но что же поделаешь. Сердечное спасибо вам за портрет. Я очень счастлив, что получил его. Уверяю, что это было в „мечтах моих". В свою очередь посылаю вам мой, похожий на „бандуру". Лучшего, к сожалению, не нашлось. Дай бог вам счастья и здоровья. Клянусь, что люблю вас сердечно, искренно и так же крепко, как люблю,— целую. Ваш Федор Шаляпин».

На присланной Шаляпиным фотографии надпись: «Дорогому, любимому Антону Павловичу Чехову на память. Федор Шаляпин». Фотография находится в ялтинском Доме-музее Чехова, письмо Шаляпина — в ЛБ.

126

В. С. ТЮФЯЕВОЙ

<Ялта.> 7 декабря 1902 г.

Многоуважаемая Вера Сергеевна, или, как вы сами себя называете, — неизвестная Пассек! [1] Вы не можете себе представить, какое удовольствие доставили вы мне вашим письмом, и как жаль, что письмо ваше совсем уж деловое и нет ни строчки о том, как вы поживаете, как здоровье и проч. и проч. Ну, да бог с вами! В Петербурге я буду, но не раньше великого поста [2], и тогда дам ответ на ваше деловое письмо, теперь же определенно сказать ничего не могу, так как занят, очень занят и похварываю. Если почему-либо я не попаду в Петербург весной, то после пасхи напишу вам.

Вы называете «Новое дело»[3] близким вам. А помнится, вы были не то чтобы против, а держали себя в сторонке от журналов.

Желаю вам всего хорошего, низко кланяюсь и благодарю, что вспомнили. Если видите Михаила Осиповича [4], то передайте ему мой сердечный привет и поклон.

Преданный вам А. Чехов

В Ялте теперь чудесная теплая погода, но скука адская.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1674, оп. 1, ед. хр. 28, л. 5—5 об.

[1] В. С. Тюфяева была замужем за Сергеем Владимировичем Пассеком, внуком Т. П. Пассек, автора известных воспоминаний «Из дальних лет».

[2] Чехов приехал в Петербург 14 мая 1903 г.

[3] «*Новое дело*» — ежемесячный литературный журнал, издававшийся матерью В. С. Тюфяевой — А. Н. Пешковой-Толиверовой. В письме от 2 декабря 1902 г. Тюфяева просила Чехова участвовать в этом журнале и дать рассказ для первого номера, который должен был выйти 5 января 1903 г.

[4] *Михаил Осипович* — Меньшиков.

127

А. С. ЯКОВЛЕВУ

〈Конец декабря 1902 г.〉

См. в настоящем томе воспоминания А. С. Яковлева о Чехове.

128

Л. Н. АНДРЕЕВУ

〈Ялта.〉 2 января 1903 г.

...«Иностранец»[1] мне очень понравился. И «Иностранец» и «В тумане»[2] — это два серьезные шага вперед. В них уже много спокойствия, авторской уверенности в своей силе, в них мало авторской нервности. Беседа отца с сыном «В тумане» сделана спокойно, и за нее меньше не поставишь, как 5.

Печатается по кн.: В. Л. Львов-Рогачевский. Две правды. Книга о Леониде Андрееве. СПб., 1914, стр. 65, где приведен отрывок из письма.

Автографы писем Чехова к Леониду Николаевичу Андрееву (1871—1919) — неизвестны. Судя по ответным письмам, их было, вероятно, два. В письме, которое Чехов пометил: «1903, I», Андреев приглашал Чехова участвовать в литературном сборнике.

Вероятно, в ответном письме Чехов и написал публикуемые строки, содержащие оценку двух рассказов Андреева.

[1] Рассказ Л. Н. Андреева «Иностранец» напечатан в «Русском богатстве», 1902, № 12, стр. 51—64.

[2] Рассказ его же «В тумане» напечатан в «Журнале для всех», 1902, № 12, стр. 1411—1450. Об этом рассказе Чехов писал О. Л. Книппер 12 февраля 1903 г.: «„В тумане“ очень хорошая вещь, автор сделал громадный шаг вперед; только конец, где распарывают живот, сделан холодно, без искренности» (XX, 33; ср. XIX, 187 и 315).

Л. Н. Андреев писал В. С. Миролюбову в феврале 1903 г.: «... Получил много писем с излиянием восторженных чувств. Очень приятно письмо Ан. П. Чехова: находит, что „В тумане“ серьезный шаг вперед...» (ИРЛИ, ф. В. С. Миролюбова).

129

М. Ф ПОБЕДИМСКОЙ

〈Ялта.〉 5 февр〈аля〉 1903

Милостивая государыня Марианна Федоровна!

Ваше мнение насчет Елены Андреевны совершенно справедливо [1]. Только вот мне кажется, что это письмо вы получите после 9 февраля [2]. Ваше письмо, посланное 30 января, я получил только сегодня. Быть может, Елена Андреевна и кажется неспособной ни мыслить, ни даже любить, но когда я писал «Дядю Ваню», я имел в виду совершенно другое.

Желаю вам всего хорошего.

Уважающий вас А. Чехов

На конверте: Голта Херсонской губ〈ернии〉.
Ее высокоблагородию
Марианне Федоровне Победимской.

Автограф. ЛБ, ф. 331, 70/39. Впервые опубликовано в «Записках», вып. 16, стр. 182.

Марианна Федоровна *Победимская* — жена врача, исполнительница роли Елены Андреевны в «Дяде Ване» (постановка драматического кружка в с. Голте. Херсонской губ.).

[1] Чехов отвечает на письмо Победимской от 30 января 1903 г., в котором она писала: «Покорнейше прошу вас, милостивый государь и глубокоуважаемый автор этой пьесы, ответить хотя бы в двух строках: Елена Андреевна, жена профессора — тип средней интеллигентной женщины, мыслящей и порядочной, или же это женщина апатичная, ленивая, неспособная ни мыслить, ни даже любить? Прошу вашего слова не ради пустого любопытства. Я не могу примириться со вторым мнением режиссера и смею надеяться, что мое понимание этой женщины как человека разумного, мыслящего и даже несчастного от неудовлетворения своей настоящей жизнью — правильно».

[2] 9 февраля должен был состояться спектакль с участием Победимской.

130

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕРУ

⟨Москва. 29 апреля 1903 г.⟩

Эти шесть рублей получил я от Нины Федоровны Корш [1], собравшей их в пользу Благотворительного о⟨бщест⟩ва. Если пожелаете послать ей квитанцию, то вот ее адрес: Москва, театр Корша.

Нового ничего нет. В Москве было жарко, а теперь очень холодно. Сижу дома безвыходно и читаю корректуру [2].

10 или 12-го поеду в Петербург дня на два [3]. Не надо ли вам чего-нибудь? Всякое поручение ваше исполнил бы с удовольствием.

Всего вам хорошего, крепко жму руку.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов

29 апрель 1903.

Номера книжки не сообщаю, потому что книжка без номера.

На конверте: Ялта.

Доктору Исааку Наумовичу Альтшуллеру.

Автограф. ЛБ (см. письмо 80).

Письмо написано на бланке «Отрезной купон».

[1] Дочь владельца театра Ф. А. Корша. К письму приложен «отрезной купон», на котором написано: «6 руб.— от А. П. Чехова. Москва, Петровка, д⟨ом⟩ Коровина».

[2] Чехов читал вторую корректуру рассказа «Невеста», печатавшегося в «Журнале для всех».

[3] Чехов поехал в Петербург 12 мая для переговоров с А. Ф. Марксом о расторжении или изменении заключенного с ним договора, по которому к Марксу перешло право литературной собственности на произведения Чехова.

131

А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

⟨Наро-Фоминское.⟩ 10 июня 1903

Милый Александр Леонидович, вы уже по опыту знаете, как вредны для вас возбуждения, те самые, которые вы описываете в вашем письме ⟨...⟩[1].

Я в Наре [2], здесь очень хорошо. Погода жаркая. Поеду завтра или послезавтра в Новый Иерусалим [3], но адрес мой все-таки остается прежний, т. е. Наро-Фоминское Москов⟨ской⟩ губ⟨ернии⟩. Здоровье мое не ахти вот уж целую неделю. Ослабел и кисну. Ольга здорова, весела, о театре и не думает. Здесь река очень хорошая, глубокая, но рыба по-

чему-то ловится очень плохо. До сих пор еще не поймал ни одной рыбины.

Если напишете мне еще письмо, то очень обяжете, я буду рад. Поклонитесь Москвину, Качалову [4]. Пиво смеется надо мной. Здесь ужаснейшее пиво, по моей просьбе стали брать Вальдшлесхен, но и это пиво оказалось мочой, настоенной на сургуче. Продавец мошенник разливает в бутылки пиво собственного производства.

Ну, будьте здоровы и веселы.

Ваш А. Чехов

Автограф. ЛБ, ф. 331, 21/19/23. Впервые опубликовано в «Письмах Чехова», т. VI. стр. 297.

[1] Письмо Вишневского от 4 июня 1903 г. из с. Пальна.

[2] Лето 1903 г. Чехов с женой жили в Наро-Фоминском, Брянской ж. д., в имении М. Ф. Якунчиковой.

[3] 12 июня Чехов и О. Л. Книппер-Чехова уехали в Звенигород, а оттуда 13 июня в Новый Иерусалим, чтоб осмотреть продававшиеся имения.

[4] И. М. *Москвин* и В. И. *Качалов* гостили вместе с Вишневским в имении А. А. Стаховича, в с. Пальне, возле г. Ельца.

132

В. А. МАКЛАКОВУ

<Наро-Фоминское.> 18 июня 1903

Дорогой Василий Алексеевич, вот вам отчет. Осматривал я имение в 20 десятин, что около вас; здесь почти совсем нет воды, дороги ужасны. Осматривал я кое-что в самом Воскресенске; там мне понравился небольшой участок с домом у самой реки, но хозяева дерут нос, заломили цену ужасную. Ничего не приобрел в конце концов, даже надежды нет, что приобрету когда-нибудь, но все же чувствую себя звенигородским помещиком. Из Нары я поехал на лошадях, был в Звенигороде, был в Новом Иерусалиме и так утомился, что уже не хватило сил заехать к вам. В середине июля буду свободен, поедемте тогда удить рыбу. Крепко жму руку и желаю всяких благ.

Ваш А. Чехов

Жена шлет поклон.

На конверте: Москва
Василию Алексеевичу Маклакову
Новинский бульв<ар>, д<ом> Плевако.

Автограф. ГИМ, ф. 31, ед. хр. 69, лл. 1—2.

Василий Алексеевич *Маклаков* (1870—1957) — известный адвокат, впоследствии член Государственной думы, кадет. После 1917 г. эмигрировал. У Маклаковых было имение под Воскресенском. Летом 1903 г. Чехов предполагал там поселиться, а затем купить имение неподалеку. Намерение это осуществлено не было.

133

П. А. СЕРГЕЕНКО

<Наро-Фоминское. 30 июня 1903 г.> [1]

Уезжаю в Ялту 6 июля, пробуду там до сентября. Будь здоров.

Твой А. Чехов

На обороте: Луховицы
Рязанск<ой> губ<ернии>.
Петру Алексеевичу Сергеенко.

Автограф (почтовая открытка с видом Успенского собора в Таганроге). ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 256, л. 1. В полном собрании сочинений Чехова опубликовано неисправно и с ошибочной датой: 10 июня 1893 г. Мелихово (см. XVI, 68).

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

134

Н. П. ДУЧИНСКОМУ

Ялта. 9 окт⟨ября⟩ 1903

Многоуважаемый
Николай Полиевктович!

Я уже ознакомился с вашим журналом и, скажу откровенно, охотно бы принял в нем участие, но в настоящее время я ничего не делаю (о чем вероятно вам уже сообщила моя жена), так как нездоров. Теперь мне остается только просить вас обождать, когда обстоятельства изменятся к лучшему, и не сердиться на меня очень.

Желаю полного успеха вам и вашему журналу и остаюсь искренно вас уважающий

А. Чехов

В декабрском «Журнале для всех» будет напечатан мой рассказ «Невеста». Этот рассказ уже давно написан[1].

Автограф. Гос. Лит. музей.

Речь идет о журнале «Природа и жизнь», издававшемся Дучинским в 1902—1904 гг. (см. о нем выше, прим. к письму Чехова от 18 октября 1901 г.).
Произведения Чехова в этом журнале не появлялись.

[1] О рассказе «Невеста» — см. выше статью Е. Н. Коншиной «Беловая рукопись рассказа „Невеста“».

135

ВЛ. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

(ТЕЛЕГРАММА)

⟨Ялта. 7 ноября 1903 г.⟩

Срочная. Москва, Художественный театр. Немировичу. Шарлотта — Муратова, Аня — Лилина, Варя — Андреева.

Чехов[1]

Телеграфный бланк. Музей Чехова в Таганроге.

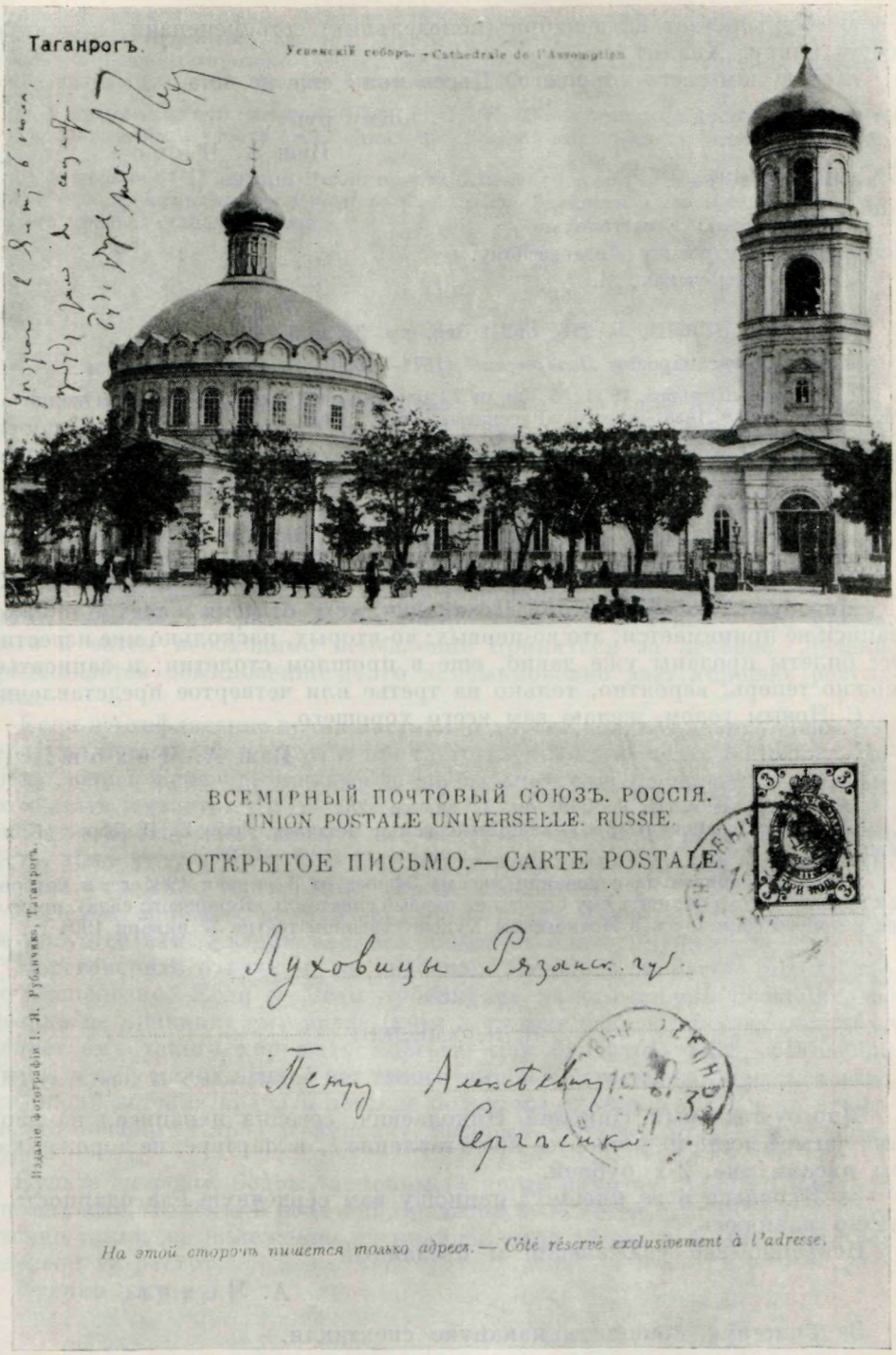
[1] Телеграмма о распределении трех женских ролей в пьесе «Вишневый сад». В тот же день Чехов писал О. Л. Книппер-Чеховой: «Немирович прислал телеграмму срочную с просьбой прислать в ответ срочную же телеграмму — кому играть Шарлотту, Аню и Варю. Против Вари стояли три фамилии — две неизвестные и Андреева. Пришлось выбрать Андрееву. Это хитро устроено» (XX, 178).

136

Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ

⟨Москва. 29 декабря 1903 г.⟩

Многоуважаемый Борис Александрович, с Новым годом, с новым счастьем, с новыми рассказами!



АВТОГРАФ ПИСЬМА ЧЕХОВА к П. А. СЕРГЕЕНКО ОТ 30 ИЮНЯ 1903 г.
Написано на почтовой открытке с изображением Успенского собора в Таганроге
Центральный архив литературы и искусства, Москва

В «Курьере» от 29 декабря (понедельник) есть рецензия, критикует вашу книгу. Хвалит [1].

Желаю вам всего хорошего. Пьеса моя [2] еще не шла.

Жму руку.

Ваш А. Чехов

29 дек⟨абря⟩ 1903.

На обороте: Севастополь.
Борису Александровичу Лазаревскому.
Чесменская, 24.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 278, оп. 1, ед. хр. 3, л. 5.

Борис Александрович *Лазаревский* (1871—1936) — юрист и писатель.

[1] В газете «Курьер», 1903, № 300, от 29 декабря напечатана рецензия за подписью М. С. на книгу Лазаревского «Рассказы». СПб., 1903.
[2] «Вишневый сад».

137

Д. И. ЭФРОСУ

⟨Москва.⟩ 7 янв⟨аря 1904 г.⟩ [1]

Многоуважаемый Дмитрий Исаакович, увы! от меня в театре никакой записи не принимается, это во-первых; во-вторых, насколько мне известно, *все* билеты проданы уже давно, еще в прошлом столетии; и записаться можно теперь, вероятно, только на третье или четвертое представление.

С Новым годом, желаю вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 281, л. 3.

Дмитрий Исаакович *Эфрос*—знакомый семьи Чеховых, брат Е. И. Эфрос (Коновицер).

[1] Год установлен на основании письма Эфроса от 5 января 1904 г., в котором он просил Чехова оставить ему билеты на первый спектакль «Вишневого сада», премьера которого состоялась в Московском Художественном театре 17 января 1904 г.

138

Н. Н. ХМЕЛЕВУ

⟨Москва.⟩ 17 янв⟨аря⟩ 1904

Многоуважаемый Николай Николаевич, сегодня я записал на ваше имя четыре места на четвертое представление [1], в партере, не дороже, как вы писали мне, 2-х рублей.

За Яковлева и за письмо [2] приношу вам сердечную благодарность и низко кланяюсь.

Искренно вас уважающий и преданный

А. Чехов

За билетами пришлите накануне спектакля.

Печатается по газете «Красный Курган» (г. Курган), 1955, № 182, от 13 сентября, в котором адресатом письма Чехова ошибочно назван известный этнограф Н. Н. Харузин, умерший за несколько лет до написания этого письма (в 1900 г.). Автограф хранится у автора публикации В. П. Бирюкова (г. Курган).

Николай Николаевич *Хмелев* — земский деятель, знакомый Чехова по общественной работе в Серпуховском уезде. В 1890-х годах Хмелев был председателем Сер-

пуховской земской управы. В начале 1890-х годов заведовал экономическим бюро Московского губернского земства. Известно два письма Чехова к Хмелеву. Одно из них ошибочно датировано 1899 г. (XVIII, 75—76): по связи с письмом Хмелева от 29 января 1900 г. его следует датировать 1900 г.

[1] В письме от 15 января 1904 г. Н. Н. Хмелев просил достать ему билеты в Художественный театр на одно из ближайших представлений «Вишневого сада».

[2] В письме от 11 января Чехов просил Хмелева перевести в другую школу учителя Петра Александровича Яковлева (XX, 207); 15 января Хмелев ответил Чехову, что его просьба удовлетворена.

139

К. Л. КНИППЕРУ

⟨Москва.⟩ 4 февр⟨аля⟩ 1904

Дорогой Константин Леонардович, сейчас я и дядя Карл Иванович [1] говорили по поводу вашего письма к Ольге. Из этого письма мы поняли очень немного, но все-таки, в конце концов, решили, что я тотчас же после нашей беседы напишу вам. Если предположить самое худшее, что только возможно, у Левы [2], то это туберкулез позвонков, болезнь нередкая в детском возрасте и, к счастью, излечимая. Необходимо тотчас же телеграфировать в Тифлис, чтобы Леву немедленно везли в Москву; здесь мы покажем его известному детскому врачу Корсакову и потом, по всей вероятности, повезем в Крым. Необходимо поставить диагноз — это прежде всего и затем необходимо немедленно приняться за лечение. Лечение продолжается обыкновенно долго и обыкновенно дает хорошие результаты.

Если же тифлисские врачи поставили другой диагноз, если у Левы температура нормальна и проч. и проч., тогда можно не везти в Москву. По-моему, вашей жене с детишками давно бы следовало перебраться в Ялту — это кстати сказать.

Оля здорова, настроение у нее недурное. Я скоро, на первой неделе поста, тоже уеду в Ялту [3]. В Петербург я не поехал по той причине, что там мне угрожало чествование, вроде юбилейного [4].

С Левой, конечно, волнуйтесь, но не очень. Беда не так велика, как это рисуется вам. Уверяю вас, все обойдется благополучно.

Переговорить с врачом, не видевшим больного, конечно, можно, но это бесполезно. Если у Левы туберкулез какого-нибудь позвонка, то поездка не причинит ему вреда (хотя и утомит его), к тому же никто не сделает ему такого хорошего корсета, или бандажа, как московский Швабе, и ни у каких врачей нет такого широкого опыта, как у московских, ведь наши детские врачи и детские больницы славятся! Если не верите мне, то поверьте Карлу Ивановичу, который, быть может, и сам напишет вам.

Будьте здоровы, бодры, покойны, и когда находят дурные мысли, то вспоминайте, что всякий родитель, имеющий 3—4 детей, непременно бывает в точно таком же положении по крайней мере 12 раз в жизни. Дети без болезней не растут.

Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов

На конверте: Петербург.
Его высокоблагородию
Константину Леонардовичу Книппер
Невский, 77, кв. 5.

Автограф. ЛБ, ф. 331, 70/82.

Константин Леонардович *Книппер* (1866—1924) — инженер-путеец, старший брат О. Л. Книппер-Чеховой.

[1] *Карл Иванович* Зальца — врач, брат матери К. Л. и О. Л. Книперов.

[2] *Лева* — сын К. Л. Книпиера, впоследствии известный советский композитор Л. К. Книппер (р. 1898 г.).

[3] Чехов уехал в Ялту 15 февраля.

[4] 17 января 1904 г. в Московском Художественном театре, на первом представлении «Вишневого сада» чествовали Чехова в связи с двадцатипятилетием его литературной деятельности.

140

Ю. К. БАЛТРУШАЙТИСУ

<Москва. 13 февраля 1904 г.>

Многоуважаемый Юрий Казимирович, очень жалею, что вы не застали меня; в первый раз меня не было дома, вечером же, когда пришло ваше письмо, я был у себя. Насчет поездки в Норвегию мы успеем еще поговорить, так как возвращусь я в Москву не позже мая. Спасибо вам за «Весы», буду читать их по дороге в Ялту, и вообще спасибо вам за доброе расположение. В воскресенье уезжаю.

Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

Преданный А. Чехов

13 февр<аля> 1904.

Печатается по тексту «Писем Чехова», т. VI, стр. 362. Местонахождение автографа неизвестно.

Юргис Казимирович *Балтрушайтис* (1873—1944) — поэт-символист, переводчик, основатель (вместе с С. А. Поляковым) «Скорпиона», сотрудник «Весов», «Северных цветов» и других изданий.

Когда состоялось знакомство Чехова с Балтрушайтисом — не установлено. В своем первом письме к Чехову от 20 августа 1903 г. Балтрушайтис, желая получить рекомендацию к Стриндбергу (она, как явствует из его следующего письма, была написана Чеховым, но остается нам неизвестной), пишет: «... если только вы помните меня и знакомы с моими переводами». Во время пребывания Чехова в Москве в январе — феврале 1904 г. он встречался с Балтрушайтисом. Публикуемое письмо Чехова — ответ на записку Балтрушайтиса от 12 февраля 1904 г., в которой представляют интерес следующие строки: «Я по-прежнему готов поехать с вами в Скандинавию, если, конечно, будет во мне надобность. Беда только в том, что меня могут потребовать в строй, так как я числюсь прапорщиком запаса <...> В таком случае мне останется поделиться лишь моими сведениями о Швеции и Норвегии. <...> Посылаю вам номер наших „Весов“, смысл которых причиняет мне много огорчений. Мое здесь — все, подписанное „Р. М.“ и „Ю. Б.“».

141

П. С. ЛЕФИ

Ялта. <22 февраля 1904 г.>

Милостивый государь Павел Спиридонович!

Присланный вами сборник я получил здесь, в Ялте, приношу вам мою глубокую благодарность [1]. Когда-то, живя в Таганроге, я понимал греческий язык, говорил немного по-гречески, теперь же все позабыл; вот, просматривая вашу книгу, буду припоминать язык и, быть может, кое-что вспомню. Во мне ваша книга, ее греческий шрифт, вызвала во мне <!> много воспоминаний, и между прочим я не мог не вспомнить о том, как я и братья мои учились в Таганроге в греческой школе.

Еще раз от всей души благодарю вас и шлю вам лучшие пожелания.

Искренне вас уважающий
А. Чехов

22 февр<аля> 1904.

Автограф. Гос. Лит. музей.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ЧЕХОВА к В. А. МАКЛАКОВУ от 26 МАРТА 1904 г.
Написано на почтовой открытке с изображением здания окружного суда в Таганроге
Исторический музей, Москва

Павел Спиридонович *Лефи* — составитель сборника переводов произведений русских писателей на греческий язык. В «Сборник» были включены переводы некоторых произведений Чехова и дана краткая характеристика его творчества.

[1] Ответ на письмо Лефи из Одессы от 8 февраля 1904 г.

142

В. А. МАКЛАКОВУ

〈Ялта. 26 марта 1904 г.〉[1]

Христос воскрес! Поздравляю вас с праздником и по поручению Маши сообщаю вам, что она не телеграфировала вам по той причине, что здесь, в Ялте, все время была дурная погода. Марии Алексеевне передайте поклон и поздравление.

Ваш А. Чехов

На обороте: Москва.
Василию Алексеевичу Маклакову.
Новинский бульв〈ар〉, д〈ом〉 Плевако.

Автограф. ГИМ, ф. 31, ед. хр. 69, л. 3 — 3 об.

[1] Датируется по ялтинскому почтовому штемпелю.

143

БОРЖИВОЮ ПРУСИКУ

〈Ялта.〉 6 апреля 1904 г.

... Извините... У меня нет в настоящее время ни одного экземпляра «Вишневого сада», но пьеса эта в скором времени появится в печати, тогда я вышлю вам ее [1]. Желаю вам всего хорошего.

Искренно вас уважающий
А. Чехов

Печатается по журналу «Zvěsti», R. II, 1904, 26 září, č. 7, где приведено Прусиком вместе с другими письмами Чехова. Местонахождение автографа неизвестно.

[1] Ответ на письмо от конца марта (ялтинский почтовый штемпель — 5 апреля 1904 г.), в котором Прусик писал: «У меня сегодня к вам две большие просьбы: 1) Позвольте мне любезно перевести ваш „Черешневый сад" в чешский язык и 2) Одолжите мне любезно на 14 дней только один экземпляр печатный. Я выписал книгу из С.-Петербурга — но никак не могу ее достать. И мне ужасно хочется как возможно скорее перевести вашу пьесу». Прусик, видимо, вскоре получил «Вишневый сад», так как уже через несколько месяцев пьеса в его переводе успешно шла на чешской сцене.

144

В. А. МАКЛАКОВУ

<Москва. 26 мая 1904 г.>[1]

Дорогой Василий Алексеевич, давно не видел вас. Если будете проезжать мимо, то загляните хоть на минуточку. Сегодня я читал в газетах, что мобилизация в Москве и вспоминал про вас.

Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов

26 мая 1904.

На обороте: Здесь. Василию Алексеевичу Маклакову.
Новинский бульв<ар>, д<ом> Плевако.

Автограф. ГИМ, ф. 31, ед. хр. 69, л. 4.

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

145

Н. Н. АЛЬТШУЛЛЕРУ

<Москва.> 26 мая 1904

Дорогой Исаак Наумович, я как приехал в Москву, так с той поры все лежу в постели, и днем и ночью, ни разу еще не одевался [1]. Поручение, которое вы дали мне насчет Хмелева, я, конечно, не исполнил. Да и если бы я был здоров, то и тогда едва ли сделал бы что-нибудь. Хмелев теперь очень занят, видеть его трудно [2].

<...> Третьего дня заболел какой-то инфекцией, после обеда поднимается температура, и потом не спишь всю ночь. Кашель слабее. 3 июня уезжаю за границу в Шварцвальд [3], в августе буду в Ялте.

<...> Кофе уже дают, и я пью с удовольствием, а яйца и мягкий хлеб воспрещены.

Крепко жму руку. Теперь я лежу на диване и по целым дням от нечего делать все браню Остроумова и Щуровского. Большое удовольствие.

Ваш А. Чехов

Сегодня первая ночь, которую я проспал хорошо.

Автограф ЛБ (см. письмо 80).

[1] Чехов приехал в Москву 3 мая уже больным.

[2] О Н. Н. *Хмелеве* — см. выше в примечаниях к письму Чехова к Н. Н. Хмелеву от 17 января 1904 г. Дело касалось участия московского земства в устройстве санатория для больных, приезжавших из действующей армии.

[3] 3 июня Чехов с женой уехали за границу, в Баденвейлер (Шварцвальд).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПИСЬМО ЧЕХОВА В ЗАПИСИ Л. А. АВИЛОВОЙ *

В ЦГАЛИ хранится авторизованная машинописная копия воспоминаний Лидии Алексеевны *Авиловой* (1864—1943) — писательницы, знакомой Чехова и его многолетней корреспондентки. Воспоминания озаглавлены «А. П. Чехов в моей жизни»

Л. А. АВИЛОВА
Фотография, начало 1880-х гг.
Собрание Н. С. Авиловой, Москва

(ф. 549, оп. 1, ед. хр. 325). Они были впервые опубликованы в первом издании сборника «Чехов в воспоминаниях современников» (М., 1947) и в последующих изданиях перепечатывались без обращения к подлиннику. Между тем обращение к подлиннику показывает, что при первой публикации рукопись подверглась основательной редакционной правке. Многие высказывания Чехова, приведенные Авиловой, были сокращены;

* Сообщение Н. А. Роскиной.

целиком выпущена целая глава воспоминаний, посвященная переживаниям Авиловой в связи с женитьбой Чехова (и следующая за ней— о смерти Чехова). В выпущенной главе Авилова приводит письмо Чехова, до сих пор неизвестное в печати. История этого письма в изложении Авиловой такова.

Когда М. П. Чехова готовила издание писем Чехова, Авилова передала ей копии всех имевшихся у нее чеховских писем — всех, кроме одного. Это письмо, текст которого приведен в воспоминаниях, показалось Авиловой слишком интимным, чтобы передать его сестре писателя и тем более — чтобы обнародовать.

Все хранившиеся у Авиловой автографы писем Чехова, как и автографы других писателей — Горького, Бунина,— погибли. Они были украдены у нее еще в 1919 г., по ее предположению, из-за красивого ящичка, в котором хранились.

Письмо это написано по следующему поводу. Узнав о женитьбе Чехова, Авилова решила его поздравить и сделала это в такой форме: «Я написала записочку, в которой передавала просьбу нашей общей знакомой, А. А. Луганович, переслать ее письмо П. К. Алехину *, адрес которого Антону Павловичу наверное известен. Письмо Луганович я положила в отдельный конверт. Луганович писала Алехину, что узнала о его женитьбе и горячо, от всего сердца желает ему счастья. Она писала, что и сама успокоилась и, хотя вспоминает его часто, вспоминает с любовью, но без боли, так как в ее личной жизни много радостей и удовольствий. Она счастлива и очень хотела бы знать, счастлив ли также и он. Потом она благодарила его за все, что он ей дал. „Была ли наша любовь настоящая любовь? Но какая бы она ни была, настоящая или воображаемая, как я благодарна вам за нее! Из-за нее вся моя молодость точно обрызгана сверкающей, душистой росой. Если бы я умела молиться, я молилась бы за вас. Я молилась бы так: Господи! Пусть он поймет, как он хорош, высок, нужен, любим. Если поймет, то не может не быть счастлив". И Анна Алексеевна получила ответ от Алехина через мое посредство:

„Низко, низко кланяюсь и благодарю за письмо. Вы хотите знать, счастлив ли я? Прежде всего, я болен. И теперь я знаю, что очень болен. Вот вам. Судите, как хотите. Повторяю, я очень благодарен за письмо. Очень.

Вы пишете о душистой росе, а я скажу, что душистой и сверкающей она бывает только на душистых, красивых цветах.

Я всегда желал вам счастья и, если бы мог сделать что-нибудь для вашего счастья, я сделал бы это с радостью. Но я не мог.

А что такое счастье? Кто это знает? По крайней мере я, лично, вспоминая свою жизнь, ярко сознаю свое счастье именно в те минуты, когда, казалось тогда, я был наиболее несчастлив. В молодости я был жизнерадостен — это другое.

Итак, еще раз благодарю и желаю вам и т. д.

А л е х и н"».

Текст этого письма восстановлен Авиловой по памяти; уверенности в его дословной точности у нас нет; однако общий тон и содержание переданы ею, надо думать, достаточно верно.

Приводим предисловие к воспоминаниям Авиловой, не вошедшее в печатное издание и отсутствующее в машинописном тексте ЦГАЛИ (получено от родственницы автора — Н. С. Авиловой):

«„А.П.Чехов в моей жизни" не прибавит ничего в его облике как писателя, общественного деятеля и мыслителя. Эта страница, оставшаяся до сих пор совершенно белой, о том, как протекала его сердечная жизнь, о том, как он относился к любви, к семье, к женщине. Это роман, о котором никогда никто не знал, хотя он длился целых десять лет. Это „наш роман".

Прошли десятки лет со дня смерти Антона Павловича, и только теперь я решилась написать о том, что так празднично осветило и так мучительно осложнило мою жизнь.

---

* Луганович и Алехин — персонажи рассказа Чехова «О любви», взаимоотношения которых, как думала Авилова, отражают историю любви ее и Чехова.

Я рассказываю о моих встречах с Антоном Павловичем, о тех встречах, которые имели для нас большое значение и оставили след навсегда. Я рассказываю о моих встречах с Антоном Павловичем, о том, что я ярко помню и что в некоторых случаях может быть подтверждено фактами. Ни одного слова выдумки в моем романе нет. Мне пришлось много писать о себе, о своих мыслях и чувствах, пришлось очень односторонне представить своего мужа, но иначе я поступить не могла или не сумела? Не знаю.

Все время, пока я писала, я чувствовала себя связанной страхом увлечься своей фантазией, мечтой, предположением, догадкой и этим исказить правду. Слишком священна для меня память Антона Павловича, чтобы я могла допустить в воспоминаниях о нем хотя какую-нибудь неточность. Из-за этого страха, боюсь, мой роман похож на протокол.

Огорчает меня и то, что Чехов в нем герой почти без речей. Получается впечатление, будто я не ценила в нем того большого человека, которым он был, и относилась к нему, как ко всякому другому, которого бы я полюбила.

Но это не верно. Антон Павлович имел на меня громадное влияние, хотя я и не записывала его слов. Записывать его слова было невозможно. Он не любил говорить и говорил мало. Его отношение к жизни, к людям проскальзывало в беседах как-то между прочим и часто выражалось в коротком замечании, даже в выражении лица.

Я слышала беседы Льва Николаевича Толстого; их действительно можно было записывать. Но он никогда не убеждал меня так, как один взгляд, брошенный Чеховым *.

Он никогда не говорил в обществе, даже избегал высказываться, когда разговор был общий. И это происходило не только из-за его скромности и застенчивости. В „умных" разговорах он чутко улавливал фальшь и предвзятость**, и, мне казалось, ему тогда хотелось ответить словами Володи-маленького из его же рассказа: „Отчего это вам так захотелось науки? а, может, севрюжины с хреном?"

Одним словом, я написала свой роман, как могла, как он был на самом деле, как он остался в моей памяти. Мне приходилось слышать от тех, кто занимался исследованиями его жизни: „Удивительно! нет женщины, нет любви...".

Заключали: „Он был холоден, сух, черств. Он не мог любить".

Так, вероятно, и будут писать в его биографии. Мой роман, возможно, дополнит отчасти этот пробел, и поэтому он, и без умных разговоров, покажется значительным и интересным.

Ничего не утверждая, я предоставляю тем, кто прочтет его, решить самим, был ли Антон Павлович сух и холоден? Действительно ли в его жизни не было любви?»

Печатаемые в настоящем сообщении материалы оставались неизвестными И. А. Бунину, который был другом Авиловой. Но и не зная их, а прочитав лишь печатный текст ее воспоминаний, Бунин сделал из них вывод о значительной роли, которую сыграла Авилова в жизни Чехова (см. его книгу «О Чехове». Нью-Йорк, 1955).

II. НОВОНАЙДЕННЫЕ АВТОГРАФЫ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ ЧЕХОВА

В Полном собрании сочинений напечатано 4200 писем Чехова. Из них 3583 письма напечатаны по подлинникам. Остальные 617 писем — по первым публикациям и по копиям, хранившимся в архиве М. П. Чеховой.

Редакции «Литературного наследства» удалось обнаружить автографы еще 99 писем; автографы эти приобретены государственными хранилищами или находятся в частных собраниях Москвы и Ленинграда.

Мы даем перечень этих автографов, сообщая о некоторых наиболее существенных пропусках и разночтениях, которые выявлены при сличении в опубликованных письмах.

---

* *Далее вычеркнуто*: это была внутренняя, духовная сила, которую он берег для образов, а не для разговоров.

** *В рукописи остался невачеркнутым вариант*: притворство.

В ЦГАЛИ (Москва) хранится 42 письма Чехова Н. А. Лейкину: после 17 апреля 1883 г., 26 мая 1883 г., 25 декабря 1883 г., 22 января 1884 г., 25 июня 1884 г., 27 июня 1884 г., 23 августа 1884 г., 28 апреля 1885 г., 14 сентября 1885 г., 12 октября 1885 г., 19 января 1886 г., 16 февраля 1886 г., 4 марта 1886 г., 8 марта 1886 г., 24 июня 1886 г., 20 сентября 1886 г., 7 октября 1886 г., 23 октября 1886 г., 22—24 ноября 1886 г., 24 декабря 1886 г., 12 января 1887 г., 25 февраля 1887 г., 28 марта 1887 г., 30 марта 1887 г., 17 апреля 1887 г., 4 июня 1887 г., 9 июня 1887 г., 7 октября 1887 г., 4 ноября 1887 г., 15 ноября 1887 г., 27 декабря 1887 г., 5 октября 1888 г., 5 ноября 1888 г., 24 февраля 1889 г., 27 марта 1889 г., 10 апреля 1889 г., 7 ноября 1889 г., 31 марта 1890 г., 2 декабря 1891 г., 13 июля 1892 г., 28 января 1893 г., 1 апреля 1893 г.

Там же хранится одно письмо Б. А. Лазаревскому от 22 февраля 1904 г., при публикации которого был сделан пропуск:

Вы напрасно написали мне, потому, во-первых, что вы не умрете и, во-вторых, потому, что в «Знании» я никакой силы и никакого влияния *не имел* и не имею. *Вы напишите ваше завещание и пошлите его в «Знание», я же откажусь.*

Когда вы приедете во Владивосток, там как раз будет весна, разгар войны, вам будет очень интересно. Вы не пожалеете, что решили порвать с Севастополем.

С дороги пишите мне.

Крепко жму руку *и желаю всего, всего хорошего.*

Ваш А. Чехов*.

В письме Н. А. Лейкину от 4 марта 1886 г. слова: «не разберете буки и мыслете...» следует читать: «не разберете *буки от мыслете*», в письме ему же от 10 апреля 1889 г. слова: «... буду лечить литературную публику» следует читать: «...буду лечить минеральную публику».

В Институте русской литературы (Ленинград) хранится 14 писем Чехова к Ал. П. Чехову: 8 ноября 1882 г., 25 декабря 1882 г., 17 или 18 апреля 1883 г., 15—20 октября 1883 г., 25 февраля 1890 г., 5 июня 1890 г., 4 апреля 1893 г., 20 января 1897 г., 4 марта 1899 г., 30 марта 1899 г., 4 или 5 июня 1899 г., 25 января 1900 г., 17 марта 1900 г. и 15 апреля 1902 г.

В письме Ал. П. Чехову от 4 апреля 1893 г. перед фразой: «нервы скверные до гнусности» пропущены слова: «*Детство отравлено у нас ужасами*».

В Государственном театральном музее имени А. А. Бахрушина хранится письмо Чехова А. А. Плещееву от 19 октября 1903 г. и телеграмма А. А. Санину от 14 января 1900 г.

В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (кн. пост. № 199/1948) хранится письмо неустановленному лицу от 15 декабря ⟨1902⟩, опубликованное (XIX, 328) с неверной датой 28 августа 1902 г.

Письмо С. Крамареву от 8 мая 1881 г. хранится в Черниговском Историческом музее.

Помимо перечисленных писем, имеются еще подлинники писем в различных частных коллекциях: Н. А. Лейкину от 19 сентября 1883 г.— в собрании И. С. Наумова (Ленинград); Н. А. Лейкину от 26 февраля 1888 г. — в собрании М. П. Сокольникова (Москва); А. И. Сумбатову-Южину, конец декабря 1889 г.,— в собрании В. Г. Данилевского (Москва); И. Л. Щеглову от 26 декабря 1890 г.— в собрании Э. Ф. Ципельзона (Москва); Н. А. Лейкину от 7 апреля 1895 г.— в собрании К. В. Пигарева (Москва); Е. П. Карпову от ⟨29 сентября 1896 г.⟩ — в собрании покойного С. Н. Дурылина (ныне принадлежит его вдове И. А. Дурылиной. Москва); Н. Н. Хмелеву — от 11 февраля 1899 г. и 11 января 1904 г.— в собрании В. А. Брендера (Ленинград); Н. Д. Телешову от 11 августа 1899 г.— в собрании А. Н. Телешова; А. Р. Кугелю от конца января 1904 г.—в собрании покойного Е. В. Тарле; Е. Н. Чирикову от 9 февраля 1904 г.— в собрании М. С. Лесмана (Ленинград).

* Здесь и далее курсивом выделены пропущенные слова.

В собрании В. А. Десницкого (Ленинград) находились три письма: М. Н. Альбову от 20 ноября 1891 г., Н. А. Лейкину от 12 января 1886 г. и от 23 апреля 1888 г. Ныне эти письма поступили в ИРЛИ.

В собрании Ю. Г. Оксмана (Москва) имеются автографы восемнадцати писем: к Лейкину от 31 декабря 1883 г., середины июля 1884 г., 15 сентября 1884 г., 7 октября 1884 г., 4 ноября 1884 г., 22 марта 1885 г., 24 или 25 сентября 1885 г., 17 марта 1886 г., 31 марта 1886 г., 8 декабря 1886 г., 8 февраля 1887 г., 17 июля 1887 г., 19 октября 1887 г., 11 мая 1888 г., 12 августа 1888 г., 22 декабря 1888 г., 23 декабря 1888 г. и 12 октября 1891 г.; к С. Н. Филиппову 2 февраля 1890 г. и к В. Е. Ермилову 26 мая 1897 г. В публикации этих писем имеются некоторые неточности. Так, например, в письме Лейкину от середины июля 1884 г. вместо напечатанного «хвалил не по чину» в подлиннике «*хватил* не по чину». В письме ему же от 24—25 сентября 1885 г. «в тамошнем почтамте объявление» — в подлиннике: «*заявление*».

В этом же собрании имеется серия писем Чехова к В. В. Билибину, опубликованных с купюрами, сделанными в свое время М. П. Чеховой в изданном ею собрании писем Чехова. Семь писем с наиболее значительными купюрами нами печатаются полностью (см. их выше, в разделе писем Чехова). Кроме этих писем, у Ю. Г. Оксмана имеются автографы еще четырех писем к Билибину: от 18 января 1886 г., от 18 января и 2 апреля 1895 г. и от 1 ноября 1896 г. В этих письмах также имеются купюры и пропуски, хотя и менее значительные. Так, например, в письме от 18 января 1886 г. после слов: «Чего мне не следовало бы сообщать Лейкину? Совсем загадка!» должен быть текст: «*Очевидно, вам Лейкин наврал что-нибудь, как брату Агафоподу наврал про меня... Объяснитесь!*»

В письме от 2 апреля 1895 г. после слов: «...и я засяду за них, когда потеплеет» в подлиннике идет абзац: «*Мне стали высылать „Осколки“. Это последствие визита, какой нанес мне Н. А. Он (т. е. Н. А., а не визит) опустился физически, обрюзг и по-видимому проживет еще не долго. Стал добрее и мягче*». После подписи в этом письме приписано: «*Молодой человек, кончивший университет, юрист, коллежский секретарь, податной инспектор, желал бы поступить в почтмейстеры приличного города. Что он должен для этого сделать? Какими качествами обладать?*»

Разумеется, поиски автографов Чехова должны продолжаться, и нет сомнения, что в различных периферийных архивохранилищах и у частных лиц будут обнаружены десятки и сотни писем Чехова, которые дадут возможность будущему академическому изданию представить эпистолярное наследие Чехова максимально полно по научно выверенным текстам.

III. ДРУГИЕ АВТОГРАФЫ ЧЕХОВА

Редакция располагает также рядом других неопубликованных автографов Чехова, не являющихся собственно письмами. Все подобные автографы оставлены за пределами тома. Это разного рода деловые записки, расписки в получении денег, доверенности, заявления и т. д., хранящиеся в разных архивах и частных собраниях. Так, например, в Доме-музее Чехова в Ялте, в Отделе рукописей ЛБ и в частном собрании П. С. Попова (Москва) хранятся четыре однотипных документа: заказы в садовые заведения «Синоп» и Л. П. Симиренко (под Киевом) и семеноводство с просьбой выслать семена и растения (даты документов — 17 марта 1899 г., 20 февраля 1900 г. и 21 марта 1904 г.). В «Записках Отдела рукописей» (вып. 16. М., 1954) среди писем Чехова опубликованы две записки И. П. Чехову с перечислением предметов, которые нужно привезти в Мелихово (от 13 марта 1896 г. и 14 мая 1898 г.). В том же Отделе рукописей хранятся две записки к М. П. Чеховой такого же содержания, без даты (ф. 331, 70/29 и 70/82).

В ЦГИАЛ, в архиве управления ленинградских академических театров (ф. 497, оп. 10, ед. хр. 581, лл. 2 и 62) хранятся два письма и одна телеграмма Чехова с просьбой выслать ему гонорар (5 января, 21 марта и 15 мая 1897 г.). Речь идет о пьесе

«Чайка»; выплата гонорара Чехову была задержана из-за того, что А. С. Суворин затерял «условие», т. е. договор.

В частном собрании И. М. Саркизова-Серазини (Москва) имеется расписка от 20 мая 1892 г. в получении гонорара за «Палату № 6» от редакции «Русского обозрения» (впоследствии Чехов вернул этот гонорар и передал «Палату № 6» в «Русскую мысль») и расписка в получении гонорара, выданная Чеховым Обществу русских драматических писателей 29 июля 1897 г.

В этом же собрании хранится заявление, поданное Чеховым в Московское отделение кассы взаимопомощи литераторов и ученых,— с просьбой принять его в число членов кассы — от 25 апреля 1899 г. (и заявление и упомянутые выше две расписки ныне переданы в Гос. Лит. музей).

В Гос. Литературном музее имеется медицинское свидетельство, выданное Чеховым дочери учителя М. А. Михайловой в том, что ей была привита оспа.

Ряд деловых бумаг сохранился в ЦГАЛИ. Среди них — заявление Правлению Московского страхового от огня общества с просьбой прислать устав общества (от 5 декабря 1896 г.; ф. 549, оп. 1, ед. хр. 239). Имеются также бумаги, связанные с продажей Мелихова,— прошение в Серпуховское уездное казначейство (просьба удостоверить, что за Мелиховым не числится недоимок — от 22 июня 1899 г.; там же, ед. хр. 44) и черновик «купчей на счет покупателя» (там же, ед. хр. 198).

В ЦГАЛИ хранятся и недатированные записки: одна, по-видимому, Н. Н. Оболонскому (на визитной карточке написано: «Когда же к нам?».— Оп. 1, ед. хр. 241, л. 10) и неустановленному лицу (текст ее: «Я ухожу по важному делу и возвращусь к $10^1/_2$ и самое позднее — к $11^1/_4$. Подождите меня, пожалуйста; умоляю, не торопитесь возвращаться в Ваганьково. — А. Чехов.— После $11^1/_4$ до 7 ч. в вашем распоряжении».— Там же, ф. 763, оп. 1, ед. хр. 29, л. 149. Записка вклеена в альбом К. И. Званцева).

В ЦГАЛИ же хранится следующая недатированная записка для памяти, сделанная Чеховым для кого-то, кто интересовался правом на постановку какой-то пьесы Горького: «Горький есть „Член Общества драматических писателей" и потому, как говорит Антон, спрашивать у него позволения не нужно; нужно только попросить позволения у Главного управления, так как пьеса эта для провинции разрешена условно: разрешают отдельно, всякому просящему разрешения» (там же, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 198, л. 1).

Наконец, в ЦГАЛИ имеется черновик недатированной записки М. П. Чеховой к Софье Павловне ⟨?⟩: «Многоуважаемая Соф⟨ья⟩ Павл⟨овна⟩. К великому огорчению, я не могу завтра быть в Кремле, ибо у меня еще настолько опасно болит горло, что брат-доктор не решается меня отпустить. Жму руку. М. Чехова. P. S. Кланяюсь вашему мужу». На обороте Чехов написал свой шутливый вариант этой записки: «Мой брат-доктор (который никак не может простить вашему мужу женитьбы на вас) запретил мне завтра идти в Кремль, находя это вредным для моего горла; все эти дни у меня болит горло. Не знаю, насколько прав мой брат, но ослушаться его я не решаюсь. Извините, что я и Лидия Устахиевна не будем сегодня в вашей молочной доить коров. Любящая вас Машка Каналья» (там же, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 198, л. 2 об.).

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ И ФОТОГРАФИЯХ

Предисловие и примечания Н. А. Роскиной*

О. Д. АГАЛИ, Н. В. АЛТУХОВУ, А. П. АНДРУШКЕВИЧУ, А. А. АНСЕРОВУ, Ф. Д. БАТЮШКОВУ, ЛЕЛЕ БЕССЕР, И. А. БУНИНУ, С. И. БЫЧКОВУ, ВАСИЛИЮ ФЕОДОРОВИЧУ, А. Л. ВИШНЕВСКОМУ, П. А. ГАЙДЕБУРОВУ, Р. Р. ГОЛИКЕ, В. А. ГОЛЬЦЕВУ, И. Я. ГУРЛЯНДУ, В. Н. ДАВЫДОВУ, М. М. ДЮКОВСКОМУ, В. А. ЕВТУШЕВСКОМУ, Н. И. ЗАБАВИНУ, К. А. КАРАТЫГИНОЙ, В. И. КАЧАЛОВУ, М. В. КИСЕЛЕВОЙ, А. С. КИСЕЛЕВУ, В. И. КИСЕЛЕВУ, М. В. КЛЮКИНУ, А. И. КНИППЕР, В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ, Е. И. КОНОВИЦЕР (ЭФРОС), С. П. КУВШИННИКОВОЙ, В. М. ЛАВРОВУ, В. Н. ЛАДЫЖЕНСКОМУ, А. С. ЛАЗАРЕВУ-ГРУЗИНСКОМУ, В. Д. ЛЕВИНСКОМУ, И. И. ЛЕВИТАНУ, А. П. ЛЕНСКОМУ, Л. М. ЛЕОНИДОВУ, М. П. ЛИЛИНОЙ, А. А. ЛУГОВОМУ, В. В. ЛУЖСКОМУ, И. И. и Ю. И. ЛЯДОВЫМ, Р. А. МЕНДЕЛЕВИЧУ, Л. С. МИЗИНОВОЙ, М. П. МОРОЗОВОЙ, В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО, Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ, Е. В. ОМУТОВОЙ, Ф. П. ПОКРОВСКОМУ, И. Е. РЕПИНУ, Г. И. РОССОЛИМО, М. А. САМАРОВОЙ, А. А. САНИНУ, П. М. СВОБОДИНУ, А. Л. СЕЛИВАНОВОЙ-КРАУЗЕ, М. Р. СЕМАШКО, А. П. СЕРГЕЕНКО, СЕРПУХОВСКОЙ ЗЕМСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ, С. Г. СКИТАЛЬЦУ, А. И. и Ал. И. СОЛОВЬЕВЫМ, Л. В. СРЕДИНУ, К.С. СТАНИСЛАВСКОМУ, В. Д. СТАРОВУ, Н. И. СТЕПАНОВУ, А. И. СУМБАТОВУ-ЮЖИНУ, И. Д. СЫТИНУ, ТАГАНРОГСКОЙ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ, В. С. ТЮФЯЕВОЙ, Г. Н. ФЕДОТОВОЙ, Ф. Ф. ФИДЛЕРУ, В. К. ХАРКЕЕВИЧ, А. А. ХОТЯИНЦЕВОЙ, А. И. ЧАЙКИНУ, З. В. ЧЕСНОКОВОЙ, М. П. ЧЕХОВОЙ, В. М., И. П., М. Е. и М. П. ЧЕХОВЫМ, Л. Н. ШАПОВАЛОВУ, Ф. О. ШЕХТЕЛЮ, А. С. ШИШКОВУ, В. А. ЭБЕРЛЕ, Ф. Ф. ЭРИСМАНУ, А. И. ЭРТЕЛЮ, П. Ф. ЯКУБОВИЧУ, И. И. ЯСИНСКОМУ

Художественная ценность писем Чехова была понята его адресатами задолго до того, как письма Чехова стали появляться в печати. А после выхода в свет первого собрания чеховских писем они стали рассматриваться как материал для изучения не только биографии и мировоззрения писателя, но и как явление определенного литературного жанра, в котором своеобразно выражалась творческая личность великого мастера прозы. Несмотря на то, что многие письма Чехова еще не разысканы или же признаны утраченными, опубликованные письма — число их значительно превышает четыре тысячи — дают нам полное представление об особенностях эпистолярного жанра Чехова и об эволюции чеховского эпистолярного мастерства. Таким образом, можно считать, что судьба писем Чехова сложилась в общем счастливо.

Этого нельзя сказать об автографах другого рода, близкого к эпистолярному — о дарственных надписях, сделанных Чеховым на книгах и фотографиях. Эти автографы не только не изучались с точки зрения литературного жанра и не использовались для изучения биографии писателя, но и просто не собирались.

Первый опыт публикации этих автографов был предпринят редакцией Полного собрания сочинений Чехова. В двадцатом томе этого издания напечатано 107 надписей на книгах и фотографиях, обнаруженных составителями в архивах, музеях и частных собраниях Москвы, Ленинграда и Таганрога. Однако, как мы увидим, значительное число подобных автографов осталось неизвестным составителям. Поиски, предпринятые редакцией «Литературного наследства», выявили много новых дарственных надписей Чехова.

Кроме того, многие надписи печатались в собрании сочинений не по автографам, а по копиям, либо по печатным источникам (сборники, воспоминания и т. д.). Обра-

* В разыскании новых дарственных надписей Чехова на книгах и фотографиях приняли участие И. Е. Гитович, Н. И. Гитович, М. П. Гриельская, И. С. Зильберштейн, М. Т. Колодочко, А. Л. Лесс, В. П. Нечаев, Э. А. Полоцкая, Н. А. Роскина, В. Д. Седегов, И. В. Федоров, А. К. Шард, Н. Д. Эфрос.

щение к автографам позволило исправить ряд искажений текста, неточных датировок, неверных указаний на место хранения и т. д. Эти надписи мы печатаем заново. Так, например, обращение к подлинникам позволило установить неточности и пропуски в надписях И. И. Левитану, А. Л. Селивановой-Краузе, А. С. Лазареву-Грузинскому и другим.

Среди автографов, публикуемых впервые, внимание читателя, несомненно, привлечет ряд надписей,— например, надпись, сделанная на книге, подаренной П. Ф. Якубовичу. Писатель, вернувшийся из путешествия на Сахалин, воочию увидевший все ужасы царской каторги, дарил свою книгу, скромно названную «Остров Сахалин», революционеру, отбывшему каторгу, живущему на поселении и написавшему воспоминания («В мире отверженных. Записки бывшего каторжника». СПб., 1896).

Известный артист, петербуржец П. М. Свободин был в частой дружеской переписке с Чеховым. Чехов любил и ценил его. Но хотя до нас дошли многочисленные интересные письма Свободина, ни одно письмо Чехова к Свободину в печати не известно. Поэтому две публикуемые надписи Чехова на книгах, подаренных Свободину,— единственные сохранившиеся письменные обращения его к другу.

Сохранилось всего одно письмо Чехова к И. Е. Репину. Вторым письмом, лаконичным, но запечатлевшим глубокое уважение Чехова к таланту Репина, можно считать публикуемую ниже надпись.

Иногда в надписи содержится целая история взаимоотношений Чехова с адресатом. Например, надпись на фотографии Вишневскому. Здесь и оценка его артистической деятельности («великолепный Дорн»), и связывающие их воспоминания таганрогской юности — общее увлечение театром, и некая сердечная, но чуть насмешливая снисходительность, которая всегда сквозила в отношении Чехова к Вишневскому.

Среди адресатов Чехова — и крупные литераторы, и деятели медицины, и актеры, и просто знакомые, не имеющие прославленного имени — фельдшерица, учитель, студент-попутчик. И Чехов всем стремился написать по-разному, делая это с интересом, с удовольствием — так же, как писал письма.

В самом тоне надписи, как в тоне письма, можно многое прочесть. Надписи Чехова Л. С. Мизиновой выдержаны в шутливом стиле их переписки: их не спутаешь ни с какими другими. Надписи Горькому сердечны и уважительны; Левитану — нежны и поэтичны; надпись Ясинскому суха. Некоторые надписи обогащают биографию Чехова новыми фактами, вводят в нее ранее неизвестные имена.

Нет никаких сомнений, что огромное количество подаренных Чеховым книг, фотографий, оттисков еще не выявлено. Сошлемся, в частности, на письмо Чехову его брата Александра от 4 октября 1887 г., в котором он извещал о получении шестнадцати экземпляров «Невинных речей», четырнадцать из которых предназначались для подарков («Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова». М., 1939, стр. 176). Подобных указаний на еще не разысканные книги и фотографии — очень много.

В письмах к Чехову есть много просьб о книгах и фотографиях с автографами. Чаще всего Чехов такие просьбы удовлетворял. Во многих письмах идет речь об уже полученных книгах и фотографиях.

Думается, сказанного достаточно, чтобы подчеркнуть целесообразность собирательской работы в этой области — работы, которая еще предстоит участникам будущего академического издания сочинений Чехова. Однако и то, что уже удалось собрать, дает интересный материал для исследователя.

В публикацию включены также две шуточные записи, сделанные Чеховым в альбомах и не включенные в Полное собрание сочинений, а также надпись, выгравированная по заказу Чехова на золотом брелоке, подаренном В. И. Немировичу-Данченко.

Надписи печатаются в алфавитном порядке адресатов.

* * *

Редакция благодарит лиц, предоставивших автографы Чехова из своих личных собраний: В. Н. Бунину (Париж), А. А. Вишневского, Ю. С. Гольцеву, И. А. Груздева, В. А. Евтушевского (Таганрог), В. Ф. Земскова, Ю. Л. Леонидова, В. Г. Лидина, Н. П. Смирнова-Сокольского, Э. Ф. Ципельзона.

О. Д. АГАЛИ

〈1880 г.〉

Одному из незабываемых таганрогских друзей от будущего нездоровых дел мастера Антона Чехова.

На фотографии. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по письму В. П. Гуцевич к М. П. Чеховой от 30 октября 1948 г.: «У моей тетки Олимпиады Дмитриевны Агали были два интересных письма 1880 и 1881 гг. студенческой поры А. П.— но она тогда не разрешила дать их для опубликования, а в 1919 г. при выезде из Таганрога они у нее пропали. У нее же была карточка А. П. первокурсником, та, что помещена вами в I томе писем, с надписью: „Одному из незабываемых таганрогских друзей от будущего нездоровых дел мастера Антона Чехова". Все это пропало. Письма были веселые, в обычной для того времени шутливой форме. Жаль, что все это пропало» (ЛБ, ф. 331, 89/12).

Олимпиада Дмитриевна *Агали* — знакомая Чехова по Таганрогу.

Н. В. АЛТУХОВУ

〈Ялта. 30 апреля 1902 г.〉

Николаю Владимировичу Алтухову на добрую память от автора. Антон Чехов. 30 апреля 1902 г. Ялта.

На книге: Антон Чехов. Остров Сахалин. (Из путевых записок.) Собр. соч., т. X. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 〈1902〉. Собрание В. Г. Лидина (Москва).

О Николае Владимировиче *Алтухове* — см. в настоящем томе статью А. Н. Дубовикова «Письма к Чехову о студенческом движении 1899—1902 гг.».

А. П. АНДРУШКЕВИЧУ

〈Москва. 25 июня 1899 г.〉

Александру Петровичу Андрушкевичу на добрую память. А. Чехов. 25 июня 1899. Москва.

На фотографии В. Чеховского (Москва). Дом-музей А. П. Чехова, Москва.

Александр Петрович *Андрушкевич* (1878—1915) родился в Серпухове в семье земского служащего. По окончании гимназии, не имея средств продолжать образование, в течение года работал в Москве конторским служащим. Затем, в начале 1900-х годов поступил в Ветеринарный институт в Юрьеве. Чехов, зная стесненное материальное положение Андрушкевича, систематически высылал ему деньги. Несколько надписанных Чеховым купонов от денежных переводов поступили в Музей вместе с указанной фотографией. Помощь Чехова дала возможность Андрушкевичу получить высшее образование. Он погиб во время первой мировой войны в 1915 г.

А. А. АНСЕРОВУ

〈Мелихово. 15 апреля 1897 г.〉

Александру Алексеевичу Ансерову от автора Антона Чехова на добрую память. 97 $\frac{15}{IV}$.

На книге: Антон Чехов. Остров Сахалин. (Из путевых записок.) М., 1895. Отдел редких книг ЛБ.

Врач Александр Алексеевич *Ансеров* (1856—1913) лечил Чехова в 1897 г., когда тот лежал в клинике профессора Остроумова. По выздоровлении Чехов послал Ансерову эту книгу.

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

〈Мелихово. 28 апреля 1897 г.〉

Федору Дмитриевичу Батюшкову на добрую память от автора. А. Чехов. 97 $\frac{28}{IV}$.

На книге: Антон Чехов. Хмурые люди. Рассказы. Изд. 6. СПб., 1896. Собрание В. Г. Лидина (Москва).

Федор Дмитриевич *Батюшков* (1857—1920) обратился к Чехову с письмом от 16 апреля с просьбой прислать рассказ для журнала «Cosmopolis», в котором он редактировал русский отдел. Чехов ответил согласием и вскоре же выслал Батюшкову книгу с публикуемой надписью. Впоследствии их переписка продолжалась до смерти Чехова.

ЛЕЛЕ БЕССЕР

〈Ницца. 12 марта 1898 г.〉

Леле Бессер на память о докторе, лечившем у нее ухо. А. Чехов. Ницца. 98, 12/III.

На книге: Антон Чехов. Каштанка. Изд. 5. СПб., 1897. Собрание В. Г. Лидина (Москва). См. воспроизведение на стр. 271.

Семья *Бессер* — знакомые Чехова по русскому пансиону в Ницце (см. XVII, 220).

И. А. БУНИНУ

〈Ялта. 19 февраля 1901 г.〉

Милому Ивану Алексеевичу Бунину от коллеги Антона Чехова. 1901, II, 19.

На фотографии. Собрание В. Н. Буниной (Париж). См. воспроизведение на стр. 395.

О взаимоотношениях Чехова с *Буниным* — см. в настоящем томе в публикации писем Бунина к Чехову и в воспоминаниях Бунина о Чехове.

С. И. БЫЧКОВУ

Семену Ильичу Бычкову от автора. Антон Чехов. 25 марта 1897 г. На добрую память.

На книге: Повести и рассказы. Соч. Антона Чехова. М., 1894. Собрание Э. Ф. Ципельзона (Москва).

С. И. *Бычков* — служащий (официант) Большой московской гостиницы. См. о нем XV, 598.

ВАСИЛИЮ ФЕОДОРОВИЧУ

〈Ялта. 24 мая 1900 г.〉

Отцу Василию Феодоровичу на добрую память Антон Чехов. 1900, V, 24.

На фотографии. Дом-музей Чехова в Ялте.

Духовное лицо, которому адресована публикуемая надпись, не установлено.

А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

〈Ялта. 5 марта 1900 г.〉

5 марта 1900 г. в Ялте при составлении анонса — Александру Леонидовичу Вишневскому от автора.

На оттиске из журнала «Жизнь», 1900, № 1: «В овраге». Собрание А. А. Вишневского (Москва).

Об Александре Леонидовиче *Вишневском* — см. выше в примечании к письму Чехова от 21 октября 1899 г.

Готовясь к поездке в Ялту, руководители Художественного театра послали Вишневского подготовить гастроли на месте. Чехов писал об этих днях: «Был Вишневский. Он пробыл здесь 4 дня и все это время сидел у меня за столом и сочинял своему начальству телеграммы 〈...〉 Уже выпустили анонс, и Синани продает билеты. Если Немирович раздумает, то будет скандал» (XVIII, 348).

Оттиск сохранился в переплетенном виде, вместе с двумя другими оттисками, подаренными Вишневскому,— «Дама с собачкой» и «Три сестры» (см. ниже автографы на этих оттисках).

ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Другу детства, товарищу по гимназии, ныне артисту Александру Леонидовичу Вишневскому от Антона Чехова, июнь 1902, Москва»

Собрание А. А. Вишневского, Москва

〈Ялта. 5 марта 1900 г.〉

Дяде Ване от а в т о р а на добрую память. 5 марта 1900 г. Ялта.

На оттиске из журнала «Русская мысль», 1899, № 12: «Дама с собачкой». Собрание А. А. Вишневского (Москва).

〈Не ранее конца февраля 1901 г.〉

Другу детства Александру Леонидовичу Вишневскому от автора. А. Ч е х о в.

На оттиске из журнала «Русская мысль», 1901, № 2: «Три сестры». Собрание А. А. Вишневского (Москва). См. воспроизведение на стр. 53.
В «Трех сестрах» Вишневский играл роль Кулыгина.

〈б. д.〉

Другу детства, милому человеку, великолепному Дорну, земляку и однокашнику, современнику *Петрарки и Жоржа*, ныне талантливому и уважаемому артисту Александру Леонидовичу Вишневскому, на добрую память от автора и ученика Таганрогской гимназии А. Ч е х о в а

На фотографии 1899 г. Печатается по изданию: А. Л. В и ш н е в с к и й. Клочки воспоминаний. Л., 1928, стр. 21—22.
Дорн — роль в «Чайке», сыгранная А. Л. Вишневским. *Петрарка* — машинист Таганрогского городского театра, впускавший Вишневского и Чехова бесплатно на раек, *Жорж* — театральный афишер, оповещавший гимназистов о ближайшем репертуаре.
В ялтинском Доме-музее Чехова хранится фотография Вишневского со схожей надписью: «Другу детства, однокашнику, дорогому человеку, великому писателю. От ученика Таганрогской гимназии Александра Вишневского. 17 января 1904 г.»

〈Москва. Июнь 1902 г.〉

Другу детства, товарищу по гимназии, ныне артисту Александру Леонидовичу Вишневскому от Антона Ч е х о в а, июнь 1902. Москва.

На фотографии 1902 г. Собрание А. А. Вишневского (Москва). См. воспроизведение на стр. 269.
Эту фотографию, сделанную фотографом Ф. О. Опитцем, Чехов очень хвалил. 31 октября 1902 г. он писал А. Ф. Марксу: «В этом году я снимался в московской фотографии Опитца, портрет получился очень хороший, похожий» (XIX, 368).

П. А. ГАЙДЕБУРОВУ

〈Мелихово? Петербург? Декабрь 1892 г.〉

Павлу Александровичу Гайдебурову от искренно уважающего Антона Ч е х о в а.

На фотографии. Собрание А. Л. Лесса (Москва). См. воспроизведение на стр. 543.
Эта фотография находилась в альбоме, подаренном редактору газеты «Неделя» Павлу Александровичу *Гайдебурову* (1841—1903) к его юбилею (историю этого альбома см. в статье: А. Л. Л е с с. Рассказы народного артиста.— Журн. «Москва», 1958, № 5, стр. 203). Незадолго до юбилея, в июле 1892 г. Чехов опубликовал в «Книжках „Недели“» рассказ «Соседи».

Р. Р. ГОЛИКЕ

〈Петербург. 7 мая 1886 г.〉

Милому Роману Романовичу. 7 мая 86 г. А. Ч е х о в.

На книге: А. Ч е х о н т е (Ан. П. Ч е х о в). Пестрые рассказы. СПб., 1886. Отдел редких книг ГПБ.
Роман Романович *Голике* (1849 — ?) — издатель. Надпись сделана во время поездки Чехова в Петербург, где он часто встречался с Голике.

〈Петербург. 10 декабря 1887 г.〉

Милейшему человеку и хорошему приятелю Роману Романовичу Голике от его почитателя автора. А. Чехов. 87 $\frac{10}{XII}$

На книге: Ан. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. СПб., 1887. Библиотека Гос. Лит. музея.

〈б. д.〉

Роману Романовичу Голике, милейшему человеку и приятелю, от автора. А. Чехов

На книге: Антон Чехов. Рассказы. Изд. 3. СПб., 1889. Собрание И. А. Груздева (Ленинград).

〈б. д.〉

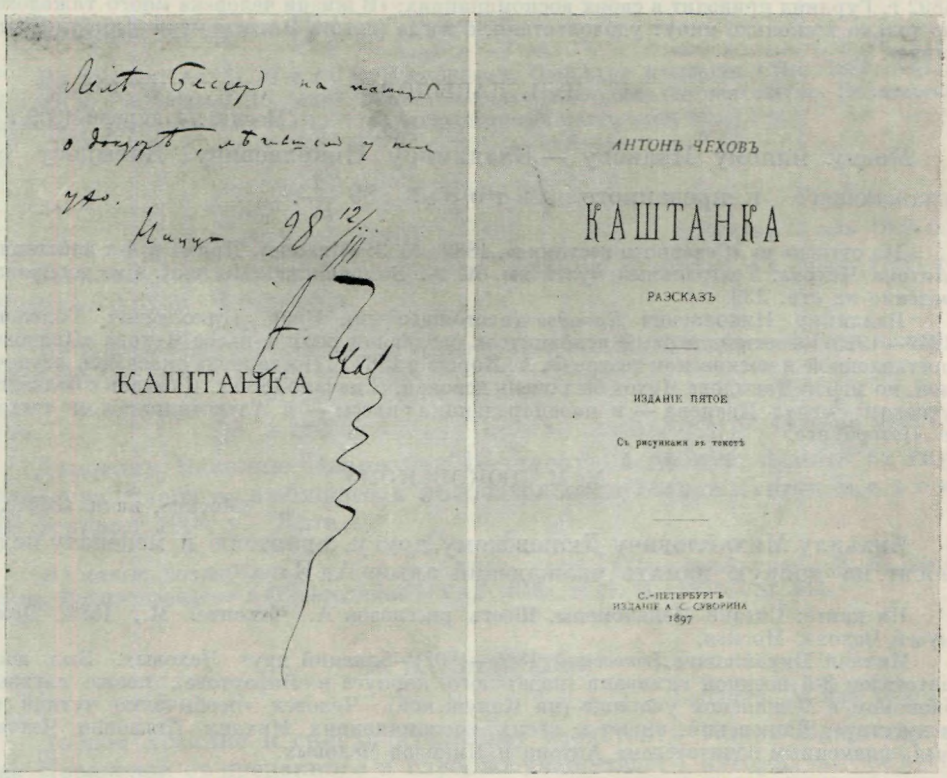
Ромаше Голике от знаменитого писателя на память о его великих делах.

На книге: Антон Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. Изд. 3. СПб., 1889. Собрание И. А. Груздева (Ленинград .

〈Ялта. 1 января 1902 г.〉

Милому другу Роману Романовичу Голике от сотрудника «Осколков» А. Чехова на добрую память о нашей старой постоянной дружбе. 1 янв〈аря〉 1902.

На фотографии 1901 г. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии Гос. Лит. музея.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА ОТДЕЛЬНОМ ИЗДАНИИ РАССКАЗА «КАШТАНКА» (СПб., 1897)

«Леле Бессер на память о докторе, лечившем у нее ухо. Ницца. 98, 12/III. А. Чехов».

Собрание В. Г. Лидина, Москва

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

〈Москва. 6 июля 1899 г.〉

Милому другу Виктору Александровичу Гольцеву от сердечно преданного А. Чехова. 99. 6/VII.

На книге: А. Чехов. Пьесы. СПб., 1897. Собрание Ю. С. Гольцевой (Москва). См. воспроизведение на стр. 231.

Приехав 6 июля 1899 г. в Москву из Мелихова, Чехов увиделся с Виктором Александровичем *Гольцевым* (см. о нем выше в примечаниях к письму Чехова от 20 июля 1898 г.) и подарил ему эту книгу.

И. Я. ГУРЛЯНДУ

〈Ялта. 9 августа 1889 г.〉

Илье Яковлевичу Гурлянд от автора. А. Чехов. Ялта. 89, VIII, 9.

На книге: Антон Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. Изд. 3. СПб., 1889. Библиотека ИМЛИ.

Илья Яковлевич *Гурлянд* (1863 — ?) — юрист, автор многочисленных книг по истории права. В 1900—1904 гг.— профессор административного права в Демидовском лицее (Ярославль). Со студенческих лет Гурлянд печатал в различных периодических изданиях (под псевдонимами: Арс. Г., Арсений Г., Гуров, Арсений) свои рассказы, стихи, пьесы, статьи и пр. О своем знакомстве с Чеховым он написал воспоминания («Театр и искусство», 1904, № 28, стр. 520—522). В 1907 г. Гурлянд стал во главе правительственного официоза «Россия», в котором печатал свои публицистические статьи.

Письма Чехова к Гурлянду остаются неизвестными. Одну фразу из письма Чехова 1892 г. Гурлянд приводит в своих воспоминаниях: «В жизни человека много тяжелого, но только несколько минут удовольствия, а тогда (лето в Ялте) у меня было удовольствие».

В. Н. ДАВЫДОВУ

〈Москва. 1 апреля 1889 г.〉

Моему милому Иванову — Владимиру Николаевичу Давыдову от уважающего и преданного автора. 89 $\frac{1}{IV}$.

На оттиске из «Северного вестника», 1889, № 3: «Иванов». Драма в 4-х действиях Антона Чехова. Театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва). См. воспроизведение на стр. 339.

Владимир Николаевич *Давыдов* (настоящее имя Иван Николаевич Горелов, 1849—1925) — актер, первый исполнитель заглавной роли в пьесе Чехова «Иванов», поставленной в московском театре Ф. А. Корша в 1887 г. Постановка оказалась неудачной, но игрой Давыдова Чехов был очень доволен. В начале 1889 г. Давыдов с большим успехом сыграл Иванова — в новой редакции пьесы — в Александринском театре в Петербурге.

М. М. ДЮКОВСКОМУ

〈Москва, июль 1884 г.〉

Михаилу Михайловичу Дюковскому, другу, приятелю и меценату подносит на добрую память уважающий автор А. Чехов.

На книге: Сказки Мельпомены. Шесть рассказов А. Чехонте. М., 1884. Дом-музей Чехова, Москва.

Михаил Михайлович *Дюковский* (1860—1902)—близкий друг Чеховых. Был воспитателем 3-й военной гимназии (кадетского корпуса в Лефортове), позже служил экономом в Мещанском училище (на Калужской). Человек «необычайно чуткий к искусству», Дюковский, пишет в своих воспоминаниях Михаил Павлович Чехов, был «пламенным почитателем» Антона и Николая Чеховых.

〈Москва. 8 ноября 1887 г.〉

Михаилу Михайловичу Дюковскому от А. Чехова. 87.8/XI.

На книге: Невинные речи А. Чехонте (А. П. Чехова). М., 1887. Дом-музей Чехова, Москва.

В. А. ЕВТУШЕВСКОМУ

〈Ялта. 7 октября 1900 г.〉

Вениамину Андреевичу Евтушевскому на добрую память и в знак дружеского расположения от автора А. Чехова

На книге: Антон Чехов. Повести и рассказы. СПб., изд. Маркса, 〈1900〉. Хранится у В. А. Евтушевского (Таганрог).

О Вениамине Андреевиче *Евтушевском* — см. выше в примечаниях к письму Чехова от 27 ноября 1896 г. к Андрею Павловичу Евтушевскому.

Н. И. ЗАБАВИНУ

〈Мелихово. 20 августа 1897 г.〉

Николаю Ивановичу Забавину на добрую память от автора. 97 $\frac{20}{VIII}$.

На книге: Антон Чехов. Рассказы. СПб., 1897. Собрание В. Г. Лидина (Москва).

Николай Иванович Забавин учительствовал в школе, выстроенной Чеховым в Новоселках, недалеко от Мелихова. Школа строилась летом 1897 г., и между Чеховым и Забавиным шла частая деловая переписка. Из дневника П. Е. Чехова видно, что 22 августа Забавин был у Чехова («Летопись», стр. 479). Возможно, он посетил Чехова и 20 августа.

К. А. КАРАТЫГИНОЙ

〈Одесса. Начало июля 1889 г.〉

Великой Артистке Земли Русской.

На книгах: Ан. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. СПб., 1887; Антон Чехов. Рассказы. СПб., 1888. Местонахождение оригиналов неизвестно. Печатается по тексту воспоминаний К. А. Каратыгиной (см. в настоящем томе).

В. И. КАЧАЛОВУ

〈Москва. 12 мая 1903 г.〉

Василию Ивановичу Качалову на добрую память. 12 мая 1903 г. Москва. Антон Чехов.

На фотографии 1901 г. Семейный архив В. И. Качалова. Воспроизведено в «Ежегоднике МХАТ 1948», т. II. М., 1951, стр. 65.

〈Ялта. 26 февраля 1904 г.〉

Дорогому Василию Ивановичу Качалову на добрую память от глубоко уважающего, любящего и признательного автора. Антон Чехов. 26 февраля 1904 г., Ялта.

На книге: Антон Чехов. Соч., т. I. СПб., 〈1899〉. Семейный архив В. И. Качалова. Воспроизведено в «Ежегоднике МХАТ 1948», т. II. М., 1951, стр. 435.

М. В. КИСЕЛЕВОЙ

〈Бабкино. 24 мая 1886 г.〉

Доброй хозяйке и снисходительному ассистенту Марии Владимировне Киселевой от преданного и глубоко уважающего автора. А. Чехов. 86, V, 24.

На книге: А. Чехонте (Ан. П. Чехов). Пестрые рассказы. СПб., 1886. Библиотека ИМЛИ.

Мария Владимировна *Киселева* (рожд. Бегичева, ум. в 1921 г.) — жена А. С. Киселева (см. ниже), детская писательница.

〈5 июля 1895 г.〉

Марии Владимировне Киселевой на добрую память от искренно уважающего А. Чехова. 95 $\frac{5}{VII}$.

На книге: Антон Чехов. Остров Сахалин. (Из путевых записок). М., 1895. Библиотека ИМЛИ.

А. С. КИСЕЛЕВУ

〈б. д.〉

Бесплатная премия из литературной лавочки А. П. Чехова Алексею Сергеевичу Киселеву.

На оттиске из «Северного вестника», 1889, № 11: «Скучная история (из записок старого человека)». Библиотека ИМЛИ.

Алексей Сергеевич *Киселев* — владелец имения «Бабкино», где Чеховы проводили лето в 1886—1887 гг. Возможно, что оттиск был подарен А. С. Киселеву в феврале 1890 г. в Москве, где Чехов, как это видно из его письма к М. В. Киселевой от 28 января (XV, 11), предполагал с ним увидеться.

В. И. КИСЕЛЕВУ

〈Ялта. Первая половина августа 1901 г.〉

Василию Ивановичу Киселеву на добрую память о нашем знакомстве в Андреевской санатории — от автора. Антон Чехов. Август 1901 г.

На книге: Антон Чехов. Рассказы. СПб., 1901. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии. Собрание Н. А. Роскиной (Москва). См. воспроизведение на стр. 465.

Василий Иванович *Киселев* (р. в 1874 г.) — впоследствии врач, а тогда студент, связанный с революционным движением, лечился в Андреевском санатории, где Чехов жил в июне 1901 г.

«С его 〈Чехова〉 книгой, присланной мне, случился казус. Он прислал мне книгу „Хмурые люди" со своею надписью в Екатеринодар, но, к сожалению, эту книгу у меня украли, и я вынужден был писать Антону Павловичу о том, чтобы он снова выслал мне книгу с надписью на память, указав, что присланную им книгу у меня украли; он выслал вторую книгу, но на ней не было уже названия „Хмурые люди"» (из письма В. И. Киселева к А. И. Роскину от 8 октября 1940 г. При этом письме и была выслана фотокопия публикуемой надписи).

М. В. КЛЮКИНУ

〈Москва. 31 октября 1893 г.〉

Максиму Васильевичу Клюкину от автора. 93 $\frac{31}{X}$.

На книге: А. П. Чехов. Пестрые рассказы. Изд. 4. СПб., 1893. Собрание В. Ф. Земскова (Москва).

Максим Васильевич *Клюкин* — издатель и книготорговец.

А. И. КНИППЕР

〈Москва. 17 октября 1901 г.〉

Милой теще, матери моей сердитой жены. 17 октября 1901. А. Чехов.

На фотографии 1899 г. Музей МХАТ.

Фотография подарена Анне Ивановне Книппер (1850—1919), матери О. Л. Книппер, профессору Московской филармонии.

В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

Ялта. 3 августа 1900 г.

Вере Федоровне Комиссаржевской на память об Ялте 3 августа 1900 г. от преданного ей Антона Чехова.

На фотографии. Театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

Е. И. КОНОВИЦЕР (ЭФРОС)

〈Москва. 17 января 1888 г.〉

Зрительнице (шикавшей) от автора 17 января 1888 года.

На литографированном издании: «Иванов. Комедия в 4 действиях и 5 картинах Антона Чехова». Изд. Е. Н. Рассохиной. Получено редакцией «Лит. наследства» от Н. Е. Коновицера (Франция) и по его желанию передано в Отдел рукописей ЛБ.

ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Леониду Мироновичу Леонидову 17 января 1904 на добрую память! Антон Чехов»

Собрание Ю. Л. Леонидова, Москва

Евдокия Исааковна *Эфрос* (в замужестве Коновицер, 1861—1943) была приятельницей М. П. Чеховой по курсам Герье (см. о ней выше, прим. 4 к письму Чехова к Билибину от 1 февраля 1886 г.). Сын Е. И. Коновицер Николай Ефимович, живущий ныне во Франции, сообщил нам, что она погибла в феврале 1943 г. в концентрационном лагере, куда была вывезена фашистами из дома для престарелых в Париже. В детстве Н. Е. Коновицер часто видел Чехова; он вспоминает, между прочим, что Чехов уговари-

вал его писать: «„Ты писать умеешь, ну так пиши!" — А когда я его спрашивал, что писать — „что хочешь, а особенно все, что видишь, и когда ты будешь большой, ты станешь писателем, но пиши каждый день"».

<Мелихово. 1 мая 1896 г.>

Евдокии Исааковне Коновицер на память о том, как она скучала и зябла в Мелихове у автора А. Чехова 96 1/V.

На книге: Ан. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. Изд. 8. СПб., 1895. Получено редакцией «Лит. наследства» от Н. Е. Коновицера (Франция) и по его желанию передано в Отдел рукописей ЛБ.

С. П. КУВШИННИКОВОЙ

<Москва. 18 декабря 1891 г.>

Софье Петровне Кувшинниковой от опального, но неизменно преданного автора. А. Чехов. 91 18/XII.

На книге: Антон Чехов. Дуэль. Повесть. СПб., 1892. Библиотека ИРЛИ.

О Софье Петровне *Кувшинниковой* — см. в настоящем томе в сообщении Н. И. Гитович «Беловая рукопись рассказа „Попрыгунья"».

ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ В. М. ЛАВРОВА

<Москва. 5 ноября 1893 г.>

Я ночевал у И. И. Иванюкова в квартире В. М. Соболевского и проспал до 12 часов дня, что подписом удостоверяю. Ноября 5 1893 г. Антон Чехов.

Печатается по копии А. И. Роскина (собрание Н. А. Роскиной). Местонахождение автографа неизвестно.

Запись относится к тому времени, когда Чехов, приехав из Мелихова в Москву, «прожил две недели в каком-то чаду», среди «сплошного ряда пиршеств и новых знакомств», не имея собственной квартиры (XVI, 97). Юмористический смысл этой записи подчеркивается и тем, что она была сделана после записи Владимира Соловьева:

Время и Смерть царят на земле,
Ты владыками их не зови!
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

(См. А. И. Роскин. Заметки о реализме Чехова — «Лит. критик», 1938, № 7; сб.: А. Роскин. А. П. Чехов. Статьи и очерки. Составитель Н. А. Роскина. М., 1959, стр. 132).

В. Н. ЛАДЫЖЕНСКОМУ

<Мелихово. 29 августа 1898 г.>

Господину инспектору Владимиру Николаевичу Ладыженскому, присутствовавшему на молебне и всех очаровавшему своим обращением, от скромного автора.

1898, 29 авг.

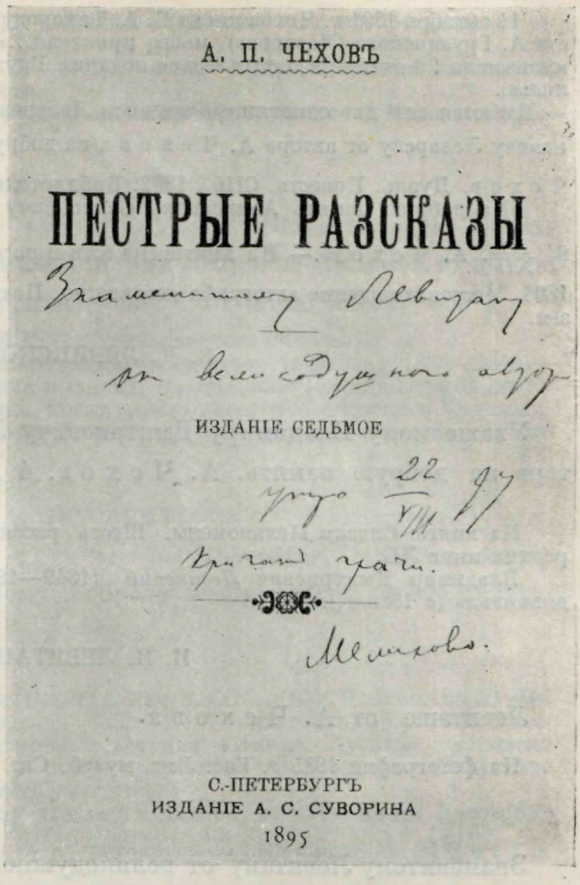
Название книги, на которой сделана надпись, и местонахождение ее неизвестны. Печатается по тексту, приведенному в статье: Вл. Ладыженский. Памяти Чехова. — «Современный мир», 1914, № 6, стр. 116.

О Владимире Николаевиче *Ладыженском* — см. выше в прим. к письму Чехова от 28 августа 1900 г. Ладыженский присутствовал 29 августа 1898 г. на молебне в мелиховской школе («Летопись», стр. 516).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА СБОРНИКЕ «ПЕСТРЫЕ РАССКАЗЫ» (СПб., 1895)

«Знаменитому Левитану от великодушного автора. Утро 22/VIII 97. Кричат грачи. Мелихово»

Литературный музей, Москва


А. П. ЧЕХОВЪ

ПЕСТРЫЕ РАЗСКАЗЫ

Знаменитому Левитану
от великодушного автора

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ

Утро 22/VIII 97
Кричат грачи.
Мелихово.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1895

А. С. ЛАЗАРЕВУ-ГРУЗИНСКОМУ

〈Москва. 13 сентября 1887 г.〉

Собрату по оружию (не огнестрельному — примечание для его начальства), Александру Семеновичу Лазареву-Грузинскому от автора. А. Чехов. 87 $\frac{13}{IX}$.

На книге: Ан. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. СПб., 1887. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии Гос. Лит. музея. Воспроизведено факсимильно в кн.: А. Роскин. Чехов. М., 1939, стр. 137.

Александр Семенович *Лазарев* (псевд. Грузинский, 1861—1927) — в те годы начинающий писатель, сотрудник юмористических журналов. С Чеховым познакомился 31 декабря 1886 г. Упоминая в надписи о «начальстве», Чехов имел в виду службу Лазарева в качестве учителя в г. Киржаче Владимирской губ. В своих воспоминаниях о Чехове (см. сб. «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 135) Лазарев-Грузинский цитирует эту надпись, не упоминая о других книгах, полученных им в подарок от Чехова. Ниже печатаются еще три надписи Чехова на подаренных ему книгах.

〈Москва. 29 сентября 1891 г.〉

Александру Семеновичу Лазареву и его музе от автора. А. Чехов. 91 $\frac{29}{IX}$.

На книге: А. П. Чехов. Пестрые рассказы. Изд. 2. СПб., 1891. Библиотека Гос. Лит. музея.

11 октября 1891 г. Чехов писал В. А. Тихонову: «Недавно я видел юного беллетриста А. Грузинского (Лазарева), моего приятеля...» (XV, 248). Вероятно, эта встреча произошла 29 сентября, когда Чехов подарил Грузинскому книгу с публикуемой надписью.

Имеются еще две однотипные надписи Лазареву-Грузинскому: «Александру Семеновичу Лазареву от автора А. Ч е х о в а на добрую память. 91 $\frac{18}{12}$». На книге: Антон Ч е х о в. Дуэль. Повесть. СПб., 1892. Библиотека Гос. Лит. музея.

«На добрую память Александру Семеновичу Грузинскому-Лазареву от автора. 94 $\frac{23}{XII}$. А. Ч е х о в».— На книге: Повести и рассказы. Соч. Антона Ч е х о в а. М., 1894. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии Гос. Лит. музея.

В. Д. ЛЕВИНСКОМУ

<Москва. 9 июня 1884 г.>

Уважаемому Владимиру Дмитриевичу Левинскому от сотрудника-автора на добрую память. А. Ч е х о в. 4 $\frac{9}{VI}$.

На книге: Сказки Мельпомены. Шесть рассказов А. Чехонте. М., 1884. Отдел редких книг ЛБ.

Владимир Дмитриевич *Левинский* (1849—1917) — фактический редактор «Будильника» (с 1883 г.).

И. И. ЛЕВИТАНУ

<Не ранее 1885 г.>

Левиташе от А. Ч е х о в а.

На фотографии 1885 г. Гос. Лит. музей. См. воспроизведение на стр. 163.

<Мелихово. 22 августа 1897 г.>

Знаменитому Левитану от великодушного а в т о р а. Утро $\frac{22}{VIII}$ 97. Кричат грачи. Мелихово.

На книге: А. П. Ч е х о в. Пестрые рассказы. Изд. 7. СПб., 1895. Библиотека Гос. Лит. музея. См. воспроизведение на стр. 277.

Письма Чехова к Исааку Ильичу Левитану (1861—1900) после смерти Левитана были, по его завещанию, уничтожены. Известны лишь три надписи: надпись на фотографии (см. выше) и две надписи на книгах (вторая — на «Острове Сахалине» — см. XX, 335).

Судя по записи в дневнике П. Е. Чехова, Левитан уехал из Мелихова 21 августа («Летопись», стр. 479). Кто ошибся в дате — Чехов в надписи или его отец в своем дневнике — установить не удалось.

А. П. ЛЕНСКОМУ

<Москва. 8 апреля 1888 г.>

Александру Павловичу Ленскому от автора. А. Ч е х о в. 88 $\frac{8}{IV}$.

На книге: Ан. П. Ч е х о в. В сумерках. Очерки и рассказы. СПб., 1887. Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского (Москва). См. воспроизведение на стр. 331.

Александр Павлович *Ленский* (1847—1908) — актер Малого театра. Публикуемая надпись — первый по времени документ его знакомства с Чеховым: наиболее раннее из писем к нему Чехова написано на полгода позже.

Л. М. ЛЕОНИДОВУ

<Москва. 17 января 1904 г.>

Леониду Мироновичу Леонидову 17 января 1904 г. на добрую память! Антон Ч е х о в.

На фотографии. Собрание Ю. Л. Леонидова (Москва). См. воспроизведение на стр. 275.

Леонид Миронович *Леонидов* (1873—1941) — актер Художественного театра, исполнитель ряда ролей в пьесах Чехова.

Надпись, вероятно, сделана во время празднования дня рождения Чехова в Художественном театре.

М. П. ЛИЛИНОЙ

〈Ялта. 19 апреля 1900 г.〉

Милой Соне и милой Маше, милой Марии Петровне Лилиной от автора ею игранных пьес, очарованного Антона Чехова. Ялта, 900 $\frac{19}{IV}$.

На фотографии 1899 г. Дом-музей К. С. Станиславского (Москва).

Мария Петровна *Лилина* (рожд. Перевощикова, по мужу Алексеева, 1866—1943)—жена К. С. Станиславского—исполняла в пьесах Чехова роли Сони («Дядя Ваня») и Маши («Чайка»). Надпись сделана в дни, когда группа актеров Московского Художественного театра гостила у Чехова в Ялте. В те же дни сделано и еще несколько публикуемых ниже надписей актерам.

А. А. ЛУГОВОМУ

〈Петербург. 13 января 1896 г.〉

Алексею Алексеевичу Луговому, собрату по профессии от его почитателя. А. Чехов. 96 $\frac{13}{I}$.

На книге: Антон Чехов. Дуэль. Повесть. Изд. 5. СПб., 1895. Библиотека ИРЛИ.

Алексей Алексеевич *Луговой* (Тихонов) (1853—1914) — писатель, брат В. А. Тихонова. С июня 1895 г., начав редактировать журнал «Нива», Луговой пригласил Чехова сотрудничать в журнале. С этого времени и началось их знакомство и переписка, преимущественно делового характера.

В библиотеке ИРЛИ хранятся еще две книги Чехова, подаренные им Луговому:

«Алексею Алексеевичу Луговому от А. Чехова. 96 $\frac{13}{I}$». На книге: Антон Чехов. Палата № 6. Изд. 4. СПб., 1895;

«Алексею Алексеевичу Луговому от автора. 1896 $\frac{13}{I}$». На книге: А. П. Чехов. Пестрые рассказы. Изд. 7. СПб., 1895.

В. В. ЛУЖСКОМУ

〈Ялта. 19 апреля 1900 г.〉

Василию Васильевичу Лужскому от А. Чехова. 900, IV, 19.

На фотографии. Музей МХАТ.

С Василием Васильевичем *Лужским* (настоящая фамилия Калужский, 1869—1931) Чехов не переписывался, но имя его часто встречается в переписке Чехова с О. Л. Книппер и актерами Художественного театра. Лужский играл во всех пьесах Чехова.

И. И. и Ю. И. ЛЯДОВЫМ

〈Москва. 25 декабря 1880 г.〉

Чехов № 3 имеет честь и удовольствие поздравить уважаемых дядюшку, тетушку, Ивана Ивановича и Юлию Ивановну, с праздниками и пожелать всего хорошего. Это поздравление и пожелание имеют силу и на 1 января 1881 г. А. Чехов. 80 $\frac{25}{XII}$ года.

На фотокарточке. ЛБ, 331 70/86.

Иван Иванович *Лядов* — шуйский купец, дальний родственник Чехова со стороны матери. *Юлия Ивановна* — его дочь, в замужестве Терентьева.

Р. А. МЕНДЕЛЕВИЧУ

‹Ялта. 5 мая 1900 г.›

Родиону Абрамовичу Менделевичу 900, V, 5 от уважающего Антона Ч е х о в а.

На фотографии. ИРЛИ.

Родион Абрамович *Менделевич* (1867—1927) — автор нескольких книжек стихов, после революции — сотрудник редакции «Правды». В своих «Клочках воспоминаний» («Раннее утро», 1914, № 151) он пишет: «Когда я уезжал из Ялты, Чехов подарил мне свой последний портрет с теплой надписью».

Л. С. МИЗИНОВОЙ

‹Москва. Март 1890 г.›

Лидии Стахиевне Тер-Мизиновой, живущей в доме армянина Джанумова, от автора Тер-Чехианца — на память об именинном пироге, которого он не ел.

На книге: Антон Ч е х о в. Рассказы. Изд. 3. СПб., 1889. Печатается по дневнику С. М. Иогансон, тетки Л. С. Мизиновой (ГПБ. Запись от 25 марта 1890 г.).

‹Москва. Март 1890 г.›

Лидии Стахиевне Тер-Мизиновой от ошеломленного а в т о р а.

На оттиске из «Северного вестника», 1889, № 11: «Скучная история (из записок старого человека)». Печатается по дневнику С. М. Иогансон (ГПБ. Запись от 25 марта 1890 г.).

М. И. МОРОЗОВОЙ

‹Мелихово. 26 августа 1895 г.›

Милой тете Марфочке на память об А. Ч е х о в е. 95 $\frac{26}{VIII}$. Мелихово.

На фотографии. Таганрогский музей Чехова. Марфа Ивановна *Морозова*, рожд. *Лобода* — жена И. Я. Морозова, дяди Чехова с материнской стороны, пользовалась большой симпатией писателя.

В Таганрогском музее хранится еще одна книга с теплой надписью: «Милой тете Марфе Ивановне Морозовой от любящего и уважающего ее автора сей книги. А. Ч е х о в. 95 26/X». На книге: Антон Ч е х о в. Остров Сахалин (из путевых заметок). М., 1895. Там же хранится подаренная ей фотография Чехова с надписью: «Марфе Ивановне Морозовой на добрую память от автора Чехова» (б. д.).

В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

‹Ялта. Апрель 1900 г.›

Ты дал моей «Чайке» жизнь, спасибо.

Выгравировано на золотом брелоке (в виде книги: А. П. Ч е х о в. Чайка. Дядя Ваня), который Чехов подарил Немировичу-Данченко во время гастролей Художественного театра в Ялте. Брелок хранится в музее МХАТ.

Оставить данную надпись за пределами нашей публикации мы не сочли возможным ввиду ее значительности и поэтому печатаем ее среди надписей на книгах и фотографиях.

Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

‹Москва. 30 марта 1889 г.›

Николаю Николаевичу Оболонскому от а в т о р а. 89 $\frac{30}{III}$.

На литографированном издании. Антон Ч е х о в. Лебединая песня (Калхас). М., 1888. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 174.

О Николае Николаевиче *Оболонском*—см. в примечаниях к письму Чехова к нему от октября 1892 г. Весной 1889 г. доктор Оболонский лечил больного Николая Павловича Чехова.

Е. В. ОМУТОВОЙ

〈Москва. 20 ноября 1887 г.〉

Евгении Викторовне Омутовой, спасшей мою пьесу.

На книге: Антон Ч е х о в. Пестрые рассказы〈СПб., 1886?〉. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по письму Е. В. Омутовой Чехову от 18 января 1904 г.

И. Е. РЕПИН

Рисунок М. П. Чеховой, конец 1880-х гг.

Надпись сделана С. М. Чеховым

Собрание С. М. Чехова, Москва

Евгения Викторовна *Омутова* — актриса московского театра Ф. А. Корша. Без репетиций исполнила роль Сарры на втором представлении пьесы Чехова «Иванов», заменив Н. Д. Рыбчинскую. На следующий день после спектакля, состоявшегося 19 ноября 1887 г., Чехов через брата Михаила послал ей книгу с публикуемой надписью. Книга эта затерялась, и Омутова — через шестнадцать лет — написала Чехову, прося его восстановить надпись. Просьба эта, как явствует из второго письма Омутовой — от 23 января 1904 г., — была исполнена.

Омутова просила прислать ей не только книгу, но и фотографию Чехова, также с надписью. Вероятно, Чехов выслал ей и фотографию, но местонахождение ее, как и содержание надписи, остается неизвестным.

Ф. П. ПОКРОВСКОМУ

<Мелихово. 19 февраля 1896 г.>

Протоиерею Федору Платоновичу Покровскому от глубоко уважающего, благодарного ученика, автора. А. П. Чехов. 96 $\frac{19}{II}$.

На книге: Антон Чехов. Хмурые люди. СПб., 1896. Таганрогский музей Чехова.

Федор Платонович *Покровский* был законоучителем Таганрогской гимназии. Среди других учителей он выделялся своей культурой и гуманным отношением к ученикам.

В Таганрогском музее имеется еще одна книга с надписью ему же: «Протоиерею Ф. П. Покровскому на добрую память от автора. Антон Чехов. 96 19/II». На книге: Антон Чехов. Палата № 6. СПб., 1895.

23 февраля в Таганрог из Мелихова уезжал двоюродный брат Чехова Г. М. Чехов («Летопись», 410): вероятно, с ним и были посланы книги Покровскому.

И. Е. РЕПИНУ

<Мелихово. 10 января 1897 г.>

Илье Ефимовичу Репину на добрую память и в знак глубокого уважения от автора. Антон Чехов. 10/I—1897 г.

На книге: А. Чехов. Пьесы. СПб., 1897. Научный архив Академии художеств СССР (Ленинград).

Илья Ефимович *Репин* (1844—1930) до сих пор считался адресатом лишь одного письма Чехова, хотя несомненно, что их было больше: в архиве Чехова сохранилось четыре письма Репина, и, конечно, Чехов отвечал на них. Репина он высоко ценил.

Публикуемая надпись сделана на книге, посланной Репину по почте, так как в это время он находился в Петербурге.

Г. И. РОССОЛИМО

<б. д.>

Григорию Ивановичу Россолимо от товарища А. Чехова на добрую память!!!

На фотографии 1895 г. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии Гос. Лит. музея.

Григорий Иванович *Россолимо* (1860—1928) — товарищ Чехова по университету, профессор-невропатолог.

М. А. САМАРОВОЙ

<Ялта. 22 апреля 1900 г.>

Марии Александровне Самаровой от давнего знакомого и почитателя Антона Чехова. 1900, IV, 22.

На фотографии. Театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва). См. воспроизведение на стр. 837.

Среди актеров Московского Художественного театра, приехавших на гастроли в Ялту, была и Мария Александровна *Самарова* (1852—1919) — артистка, высоко ценимая Чеховым, исполнительница ряда ролей в его пьесах.

А. А. САНИНУ

<Москва, 1898 (?)>

Александру Акимовичу Санину, прапорщику запаса и старшему офицеру Художественной-Общедоступной Баттареи Гренадерской Драматической бригады от субалтерн-драматурга, автора. А. Чехов.

На добрую память и в знак особой субординации.

На книге: Антон Чехов. Рассказы. 1. Мужики. 2. Моя жизнь. изд. СПб., А. С. Суворина, 1897. Театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

Об Александре Акимовиче *Санине* — см. в настоящем томе в сообщении «Толстой о Чехове».

П. М. СВОБОДИНУ

‹Петербург. 4 января 1892 г.›

Павлу Матвеевичу Свободину на память о наших отличных отношениях преподношу сию книжицу 1892 г. 4 января. Почитатель оного П. М. Свободина А. Чехов.

На книге: Антон Чехов. Хмурые люди. Рассказы. Изд. 3. СПб., 1891. Библиотека Гос. Лит. музея. Воспроизведено факсимильно в кн.: А. Роскин. Чехов. М., 1939, стр. 136.

Павел Матвеевич *Свободин* (настоящая фамилия Козиенко, 1850—1892) — актер Александринского театра, друг Чехова; неоднократно играл в его пьесах. Ни одно письмо Чехова к Свободину в печати неизвестно (между тем, их было около ста — судя по ответным письмам Свободина); тем ценнее публикуемые две надписи.

«Нет ли у вас под рукой того экз‹емпляра› „Дуэли“, который вы мне обещали, да „Хмурых людей“? Тогда захватите их с собой, к обеду, к котор‹ому› жду вас сегодня»— писал Свободин Чехову в начале января 1892 г., когда Чехов был в Петербурге («Записки», вып. 16, 1954, стр. 230).

Публикуемая надпись дает возможность датировать эту записку Свободина 4 января.

‹Петербург. 4 января 1892 г.›

Павлу Матвеевичу Свободину (Полю Матиас) от преданного ему автора. А. Чехов. 92 $\frac{4}{II}$.

На книге: Антон Чехов. Дуэль. Повесть. СПб., 1892. Собрание В. Г. Лидина (Москва).

Датировка публикуемой надписи вызывает затруднения. Как можно убедиться по факсимильному воспроизведению на стр. 181, написанные Чеховым две черточки, обозначающие месяц, могут означать либо ноябрь (11), либо февраль (II). Но в октябре 1892 г. Свободин умер, а 4 февраля этого года Чехов находился в Воронеже и встретиться со Свободиным не мог. Трудно также предположить, чтобы Чехов посылал Свободину книжку из Воронежа.

Как отмечено в комментарии к предыдущей надписи, 4 января Чехов обедал у Свободина и подарил ему, по его просьбе, сборник «Хмурые люди». Но Свободин просил также принести ему и «Дуэль». Остается предположить, что Чехов ошибся в дате, а Свободин не обратил на это внимания.

Поль Матиас — шутливый перевод имени и отчества Свободина — Павел Матвеевич — на французский язык.

А. Л. СЕЛИВАНОВОЙ-КРАУЗЕ

‹Москва. 5 января 1895 г.›

Rp. Kalii bromati 10,0
Aq. destill. 170,0
D. S. Через 2 часа по столовой ложке гг. несчастным, влюбленным в госпожу Краузе. Чехов. 95 $\frac{5}{I}$

На книге: Антон Чехов. Дуэль. Повесть. СПб., 1895. Библиотека Гос. Лит. музея. См. воспроизведение на стр. 673.

Александра Львовна *Селиванова*, в замужестве Краузе, таганрогская знакомая Чехова, племянница Г. И. Селиванова.

М. Р. СЕМАШКО

‹Москва. 25 марта 1889 г.›

Милому Семашечке за его уменье водить смычком по струнам моего сердца. А. Чехов. 89 $\frac{25}{III}$. На добрую память.

На фотографии. Гос. Лит. музей.

Мариан Ромуальдович *Семашко* — московский знакомый семьи Чеховых, виолончелист.

А. П. СЕРГЕЕНКО

〈Ялта. 29 сентября 1900 г.〉

Милому Алексею Петровичу Сергеенко на добрую память. Ялта, 29 сентября 1900 года. А. Чехов.

На книге: Антон Чехов. Соч., т. II. СПб., 1900.

Местонахождение оригинала неизвестно. Об А. П. Сергеенко и обстоятельствах, при которых была подарена эта книга, см. воспоминания А. П. Сергеенко, публикуемые в настоящем томе.

В СЕРПУХОВСКУЮ ЗЕМСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

〈Мелихово. 5 марта 1896 г.〉

В Серпуховскую земскую библиотеку от автора врача Мелиховского (ныне упраздненного) участка. А. Чехов. 96 $\frac{5}{III}$.

На книге: Антон Чехов. Каштанка. Изд. 4. СПб., 〈б. г〉. Серпуховский историко-художественный музей.

В Серпуховском музее хранятся еще три книги, подаренные Чеховым Серпуховской земской библиотеке с тождественными надписями: «В Серпуховскую земскую библиотеку от автора. А. Чехов»: 1) А. П. Чехов. Пестрые рассказы. Изд. 7. СПб., 1895 (дата—5 марта 1896 г.); 2) А. Чехов. Рассказы. 1896 (дата—17 марта 1897 г.); 3) Антон Чехов. Рассказы. 1. Мужики. 2. Моя жизнь. СПб., 1897 (дата — 26 июля 1898 г.).

С. Г. СКИТАЛЬЦУ

〈Москва. 3 июня 1902 г.〉

Степану Гавриловичу Петрову-Скитальцу на добрую память о встречах в Ялте и в Москве в 1902 г. от автора. Антон Чехов. 3 июня 1902 г. Москва.

На книге: Антон Чехов. Рассказы. СПб., 〈1901〉 ЦГАЛИ, ф. 484, оп. 2, ед. хр. 121. См. воспроизведение на стр. 285.

Степан Гаврилович *Петров* (псевдоним Скиталец, 1868—1941)—писатель, участник «Среды», подолгу жил в Ялте.

А. И. и АЛ. И. СОЛОВЬЕВЫМ

〈Петербург. 21 января 1889 г.〉

Уважаемым Анне Ивановне и Александре Ивановне Соловьевым на добрую память от автора. А. Чехов. 89 $\frac{21}{I}$.

На книге: А. Чехонте (Ан. П. Чехов). Пестрые рассказы. СПб., 1886. Библиотека Гос. Лит. музея.

Анна Ивановна *Соловьева* служила в редакции «Осколков». Александра Ивановна — по-видимому, ее сестра, сведениями о которой мы не располагаем.

Л. В. СРЕДИНУ

〈Мелихово. 2 мая 1897 г.〉

Леониду Валентиновичу Средину на добрую память от автора А. Чехова. 97 $\frac{2}{V}$.

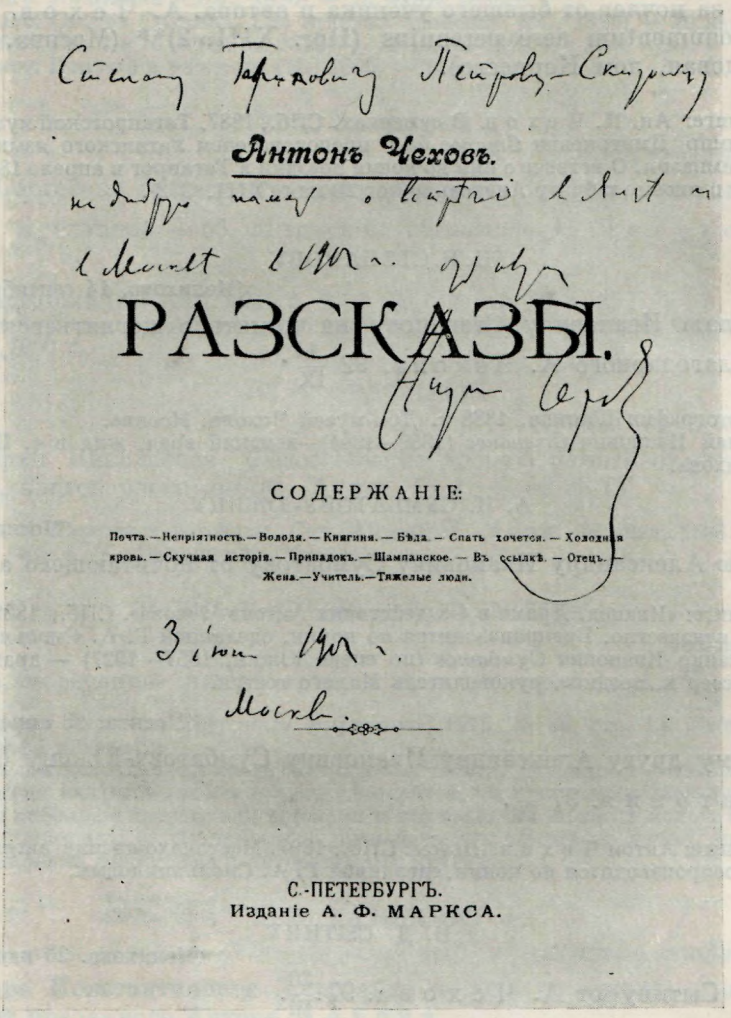
На оттиске из журнала «Русская мысль», 1897, № 4: «Мужики». Библиотека ос. Лит. музея.

О Леониде Валентиновиче *Средине* — см. выше в прим. 5 к письму Чехова к И. Н. Альтшуллеру от 26 июня 1899 г.

В тот же день Чехов написал Средину письмо, в котором писал: «Крепко жму вам руки и — чем богат, тем и рад — посылаю оттиск своего последнего рассказа» (XVII, 78).

В Библиотеке Гос. Лит. музея хранятся еще две книги с надписями Средину:

«Леониду Валентиновичу Средину от сердечно расположенного автора. А. Чехов. 4 янв〈аря〉 1900». На оттиске «Русской мысли», 1899, № 12: «Дама с собачкой»;
«Леониду Валентиновичу Средину на память от преданного А. Чехова. 22 февраля 1900. Ялта». На оттиске из журнала «Жизнь», 1900, № 1: «В овраге».



Степану Гавриловичу Петрову-Скитальцу

Антонъ Чеховъ.

на добрую память о встрѣчѣ в Ялтѣ и в Москвѣ в 1902 г.

3 іюня 1902 г.

Москва.

РАЗСКАЗЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Почта.—Непріятность.—Ведьма.—Княгиня.—Бѣда.—Спать хочется.—Холодная кровь.—Скучная исторія.—Припадокъ.—Шампанское.—Въ ссылкѣ.—Отецъ.—Жена.—Учитель.—Тяжелые люди.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА СБОРНИКЕ «РАССКАЗЫ» (СПб., 1901)

«Степану Гавриловичу Петрову-Скитальцу на добрую память о встречах в Ялте и в Москве в 1902 г. от автора. Антон Чехов. 3 июня 1902 г. Москва»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

〈Ялта. 26 апреля 1900 г.〉

Константину Сергеевичу Алексееву от сердечно преданного ему А. Чехова. 900, $\frac{26}{IV}$. Ялта.

На фотографии. Музей МХАТ. См. воспроизведение на стр. 5.

В. Д. СТАРОВУ

‹Москва. 15 октября 1887 г.›

Владимиру Дмитриевичу Старову за Салюстия, Овидия, Тита Ливия, Цицерона, Виргилия и Горация, за ut consecutivum, antequam и priusquam* и за ночлег от бывшего ученика и автора. А. Чехов. 87, 15/X. Exegi monumentum aere perennius (Hor. XIII, 2)** (Москва, Кудринская Садовая, дом Корнеева).

На книге: Ан. П. Чехов. В сумерках. СПб., 1887. Таганрогский музей Чехова.
Владимир Дмитриевич *Старов* был преподавателем латинского языка в Таганрогской гимназии. О встрече с ним во время поездки в Таганрог в апреле 1887 г. Чехов упоминает в письме к брату Александру от 20 мая (XIII, 332).

Н. И. СТЕПАНОВУ

‹Мелихово. 14 сентября 1892 г.›

Николаю Ивановичу Степанову на память о щеглятьевских субботах от благодарного А. Чехова. 92 $\frac{14}{IX}$.

На фотографии Шапиро, 1888 г. Дом-музей Чехова, Москва.
Николай Иванович *Степанов* (1869—1944)—земский врач, жил в с. Щеглятьеве, близ Мелихова.

А. И. СУМБАТОВУ-ЮЖИНУ

‹Москва. 1889 г.›

Князю Александру Ивановичу Сумбатову от почитающего автора.

На книге: «Иванов. Драма в 4-х действиях Антона Чехова». СПб., 1889. Местонахождение неизвестно. Воспроизводится по копии, сделанной Г. А. Смольяниновым.
Александр Иванович *Сумбатов* (по сцене Южин, 1857—1927) — драматург, актер, режиссер и, позднее, руководитель Малого театра.

‹Москва. 23 апреля 1897 г.›

Милому другу Александру Ивановичу Сумбатову-Южину от иеромонаха Антония. 97 $\frac{23}{IV}$.

На книге: Антон Чехов. Пьесы. СПб., 1897. Местонахождение автографа неизвестно. Воспроизводится по копии, сделанной Г. А. Смольяниновым.

И. Д. СЫТИНУ

‹Мелихово. 20 июня 1897 г.›

И. Д. Сытину от А. Чехова. 97 $\frac{20}{VI}$.

На фотографии. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии. Собрание И. В. Федорова (Москва).
Об Иване Дмитриевиче *Сытине* — см. выше в примечаниях к письму Чехова от 20 ноября 1902 г

В ТАГАНРОГСКУЮ ГОРОДСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

‹б. д.›

В Таганрогскую городскую библиотеку от автора. А. Чехов.

Чехов, как известно, всю жизнь заботился о пополнении библиотеки своего родного города. Книги с такой надписью хранятся в Таганрогском музее Чехова. Приводим названия книг и даты надписей.

---

* Грамматические термины, обозначающие определенные синтаксические обороты латинского языка.

** Памятник воздвиг себе прочнее меди (Гор‹аций› XIII, 2 (лат.)— первая строка знаменитой оды Горация.

На книгах: В сумерках (СПб., 1889), Рассказы (СПб., 1889), Детвора (СПб., 1890) и Хмурые люди (СПб., 1890) — 19 апреля 1890 г.

На книгах: Russische Leute (Leipzig, 1890) и Дуэль (СПб., 1892) — 22 декабря 1891 г.; экземпляр «Дуэли» с аналогичной надписью имеется также в Гос. Лит. музее.

На книге: Именины (М., 1894) — 25 февраля 1895 г.

На книге: Каштанка (СПб., 1895) — 15 марта 1895 г.

На книге: Остров Сахалин. (Из путевых записок) (М., 1895) — 20 июля 1895 г.

На книге: Палата № 6 (СПб., 1895) — 15 марта 1896 г.

На книге: Повести и рассказы (М., 1895) — без даты.

В. С. ТЮФЯЕВОЙ

〈Ялта, 2 апреля 1900 г.〉

Вере Сергеевне Тюфяевой на добрую память об Ялте, о дорогом обеде, о дожде, а главное — об ялтинском обывателе А. Чехове. $900\frac{2}{IV}$. Ялта.

На фотографии 1899 г. ЦГАЛИ, ф. 1674, оп. 1, ед. хр. 28, л. 1.

О Вере Сергеевне *Тюфяевой* — см. выше в примечаниях к письму Чехова к ней от 29 апреля 1900 г.

Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

〈Москва. 28 апреля 1899 г.〉

Гликерии Николаевне Федотовой на добрую память от глубокоуважающего, благодарного автора. Антон Чехов. 99 28/IV.

На книге: Повести и рассказы. Соч. Антона Чехова. Москва, 1898. Театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ Ф. Ф. ФИДЛЕРА

〈Москва. 1892 г.〉

Слово «изречение» пишется через е, а не через ѣ. А. Чехов.

Печатается по тексту «Журнала журналов», 1915, № 36, стр. 13. Местонахождение автографа неизвестно.

Запись сделана Чеховым после следующего текста, вписанного в альбом А. С. Сувориным: «Так как ваш альбом только начинается, то я желаю от всей души, чтобы в нем было побольше людей, над именами и изречениями которых можно было задуматься. А. Суворин». Ф. Ф. *Фидлер* — преподаватель немецкого языка, переводчик, имевший широкие знакомства в литературных кругах.

В. К. ХАРКЕЕВИЧ

〈Ялта. 4 декабря 1902 г.〉

Варваре Константиновне Харкеевич в день ее ангела, 4 дек〈абря〉 1902 г. от преданного Антона Чехова.

На книге: Антон Чехов. Рассказы.— Соч. А. П. Чехова, т. IV. СПб., 1901. Дом-музей Чехова в Ялте.

Варвара Константиновна *Харкеевич* (ум. в 1932 г.) была начальницей ялтинской женской гимназии.

В Отделе редких книг ЛБ хранится еще одна книга с аналогичной надписью: «Варваре Константиновне Харкеевич на добрую память от автора. Антон Чехов. 18 февраля 1904».— На книге: Каштанка. Рассказ А. П. Чехова с 55 рисунками художника Д. Н. Кардовского. СПб., 1903.

А. А. ХОТЯИНЦЕВОЙ

〈Мелихово. 30 августа 1897 г.〉

Александре Александровне Хотяинцевой. Антон Чехов. $97\frac{30}{VIII}$.

На фотографии. Гос. Лит. музей. См. воспроизведение на стр. 609.

Об Александре Александровне *Хотяинцевой* — см. в настоящем томе публикацию ее воспоминаний о Чехове.

А. И. ЧАЙКИНУ

<Пермь. 27 апреля 1890 г.>

Андрею Ивановичу Чайкину — моему спутнику путешествия по Перми. А. Чехов.

На журнале: «Северный вестник», 1888, № 3, где была напечатана повесть «Степь». Местонахождение оригинала неизвестно. Печатается по воспоминаниям А. И. Чайкина, предоставленным редакции «Лит. наследства» А. К. Шарцем.

Андрей Иванович *Чайкин* (1866—1950) — артист и журналист, житель Перми. Он разговорился с Чеховым, когда они вместе возвращались на телеге в Пермь из Мотовилихи: Чехов ездил туда осматривать завод, а Чайкин поехал, чтобы достать номер «Северного вестника» со «Степью». «Я спросил своего попутчика,—вспоминает Чайкин,— читал ли он „Степь" и каково его мнение? Мой спутник еще, мне показалось, больше смущаясь, ответил, что эту повесть он не только читал, но ее и написал.

— Позвольте,— я не говорил, я кричал,— как вы ее написали, ведь автор стоит Антон Чехов,— я быстро развернул бумагу и показал кто автор.

— Вот я и есть Антон Чехов, сейчас еду на Сахалин.

Наверно у меня было испуганное лицо и такое недоумение, что мой попутчик остановился и достал из внутреннего кармана пальто визитную карточку „Доктор А. П. Чехов" и, написав на обратной стороне карандашом „27 апреля 1890 года, Пермь. А. Чехов", передал ее мне. Я был поражен этой встречей, но не растерялся, а попросил его написать мне что-нибудь на странице журнала „Северный вестник", где начиналась повесть „Степь". Антон Павлович спросил, как меня зовут и моя фамилия, и написал „Андрею Ивановичу Чайкину — моему спутнику путешествия по Перми. А. Чехов".

Мы были у самого вокзала, я взял Антона Павловича под руку, но он вежливо освободил руку, говоря, что могут подумать, что железнодорожник ведет пойманного „зайца"...» (Собрание А. К. Шарца, Пермь).

З. В. ЧЕСНОКОВОЙ

<Мелихово. 6 января 1897 г.>

Добрынихинской узнице Зинаиде Васильевне Чесноковой от автора, страдающего мигренью. $97\frac{6}{I}$.

На книге: А. Чехов. Хмурые люди. Рассказы. Изд. 6. СПб., 1896. Собрание Э. Ф. Цицельзона (Москва). См. воспроизведение на стр. 289

Зинаида Васильевна *Чеснокова* работала фельдшерицей больницы в имении Добрынихино, соседнем с Мелиховом, и была частой гостьей Чехова, помогая ему в его врачебной практике.

М. П. ЧЕХОВОЙ

<Москва. 12 июня 1884 г.>

Другу и приятелю Марии Павловне Чеховой от собственного ее братца-автора Чехонте. $4\frac{12}{VI}$.

На книге: Сказки Мельпомены. Шесть рассказов А. Чехонте. М., 1884. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 113. См. воспроизведение на стр. 159.

В. М. ЧЕХОВУ

<Мелихово. 19 августа 1897 г.>

Владимиру Митрофановичу Чехову от автора. $97\frac{19}{VIII}$.

На книге: Антон Чехов. Рассказы. СПб., 1896. Собрание С. М. Чеховой-Вахтанговой (Тула). Опубликовано в газ. «Коммунар» (Тула), 1960, от 28 января, где воспроизведено факсимильно. Здесь же опубликованы и воспроизведены две следующие надписи В. М. Чехову (из того же собрания).

Владимир Митрофанович *Чехов* (1874—1949) — двоюродный брат писателя; учился в духовной семинарии и собирался стать священником. Но вместо этого окончил московскую зубоврачебную школу и работал зубным врачом в Таганроге, Донбассе и Туле. С 9 июля до 24 августа 1897 г. он гостил в Мелихове.

〈Мелихово. 20 августа 1897 г.〉

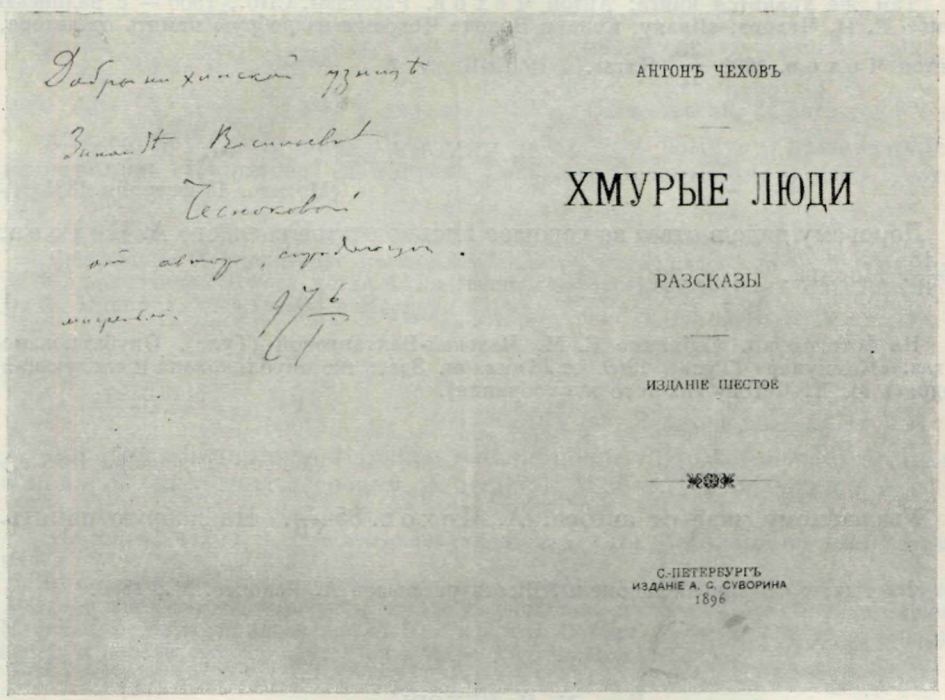
Милому Володе на память о Мелихове и Васькинских дивах. $97\frac{20}{VIII}$.

На книге: Антон Чехов. В сумерках. СПб., 1895.

〈Мелихово. 20 августа 1897 г.〉

Его высокопреподобию В. М. Чехову от А. Чехова. $97\frac{20}{VIII}$.

На книге: Антон Чехов. Дуэль. Повесть. СПб., 1895.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА СБОРНИКЕ «ХМУРЫЕ ЛЮДИ»
(СПб., 1896)
«Добрыниxинской узнице Зинаиде Васильевне Чесноковой от автора, страдающего мигренью. 97, 6/I»
Собрание Э. Ф. Ципельзона, Москва

И. П. ЧЕХОВУ

〈1886 г.〉

Протоучителю Иоанну Павловичу Чеховенскому.

На книге: А. Чехонте (Ан. П. Чехов). Пестрые рассказы. СПб., 1886. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по воспоминаниям Н. М. Ежова: Антон Павлович Чехов (опыт характеристики).— «Исторический вестник», 1909, № 8, стр. 505.

〈Москва. 16 апреля 1889 г.〉

Ивану Павловичу на добрую память, в день рождения его, от автора. А. Чехов. 89. 4. 16.

На книге: Антон Чехов. Рассказы. СПб., 1889. Таганрогский музей Чехова. В автобиографии «Жизнь Павла Чехова» («Красный архив», 1939, № 6, стр. 180) днем рождения И. П. Чехова указано 18 апреля 1861 г.

В Таганрогском музее Чехова хранятся еще четыре книги с однотипными дарственными надписями И. П. Чехову:

«Ивану Павловичу Чехову от автора А. Чехов. $90\frac{21}{IV}$». На книге: Антон Чехов. Хмурые люди. СПб., 1890;

«Ивану Павловичу Чехову от А. Чехова. $92\frac{17}{II}$». На книге: Антон Чехов. Дуэль. Повесть. СПб., 1892.

«Брату Ивану от автора Антона в Ялте 20 июня 1901». На книге: Рассказы. Соч. А. П. Чехова, т. III. СПб., <1901>.

«Брату Ивану от автора. Антон. 1901, X, 29». На книге: Антон Чехов. Повести и рассказы. СПб., 1901.

Там же хранится книга: Антон Чехов. Рассказы. СПб., 1900 — с надписью семьи И. П. Чехова: «Ивану, Соне и Володе Чеховым на добрую память от автора. Антон Чехов. 1900 $\frac{20}{II}$, Ялта».

М. Е. ЧЕХОВУ

<Москва. 18 февраля 1885 г.>

Дорогому дяде в ответ за хорошее письмо от уважающего А. Чехова. $85\frac{18}{II}$. Москва.

На фотографии. Собрание С. М. Чеховой-Вахтанговой (Тула). Опубликовано в газ. «Коммунар» (Тула), 1960, от 28 января. Здесь же опубликована и следующая надпись М. Е. Чехову (из того же собрания).

<Москва. 9 декабря 1885 г.>

Уважаемому дяде от автора. А. Чехов. $85\frac{9}{XII}$. На добрую память.

На книге: Сказки Мельпомены. Шесть рассказов А. Чехонте. М., 1884.

М. П. ЧЕХОВУ

<Москва. Июнь — июль 1884 г.>

Ученику VIII класса Михаилу Чехову от автора. А. Чехов.

На книге: Сказки Мельпомены. Шесть рассказов А. Чехонте. М., 1884. Собрание Е. Ф. Шехтель (Москва). Воспроизведено факсимильно: «Огонек», 1954, № 28, стр. 31.

О Михаиле Павловиче *Чехове* — см. в настоящем томе в сообщении Е. З. Балабановича «Чехов в письмах брата Михаила Павловича».

Л. Н. ШАПОВАЛОВУ

<Ялта. 16 декабря 1899 г.>

Льву Николаевичу Шаповалову на добрую память от А. Чехова. $99\frac{16}{XII}$. Аутка, дом, построенный Л. Н. Шаповаловым.

На фотографии. Собрание А. Л. Лесса (Москва). Факсимильно воспроизведено в сб. «Чехов в воспоминаниях современников», между стр. 432 и 433.

Лев Николаевич *Шаповалов* (1871—1954) — архитектор; см. в указанном сборнике историю его знакомства с Чеховым и строительства дачи Чехова в Ялте.

Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

⟨Москва. 15 сентября 1887 г.⟩

Другу и пациенту Францу Осиповичу Шехтель, такому же талантливому, как и я (?!?), на вечную память. 87 $\frac{15}{IX}$. А. Чехов.

На книге: Ан. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. СПб., 1887. Собрание Е. Ф. Шехтель (Москва). Воспроизведено в «Огоньке», 1954, № 28, стр. 31.

О Франце Осиповиче *Шехтеле* — см. выше в примечаниях к телеграмме Чехова к нему от 30 октября 1902 г.

А. С. ШИШКОВУ

⟨Севастополь. 21 августа 1901 г.⟩

Александру Семеновичу Шишкову на добрую память о нашей встрече на пароходе «Николай», 21 августа 1901 г. в Севастополе и Ялте. Антон Чехов.

На книге: Антон Чехов. Рассказы. СПб., 1901. Библиотека ИРЛИ.

Сведениями об Александре Семеновиче *Шишкове* мы не располагаем; по-видимому, он был попутчиком Чехова, когда Чехов возвращался из Севастополя в Ялту, проводив О. Л. Книппер, уезжавшую в Москву.

В. А. ЭБЕРЛЕ

⟨Мелихово. 4 декабря 1896 г.⟩

Дорогой имениннице Варваре Аполлоновне Эберле (певчей) посылаю в подарок сию лютую собаку. 4 декабря 1896 г. Антон Чехов.

На книге: Антон Чехов. Каштанка. Изд. 4. СПб., 1895. Библиотека Гос. Лит. музея.

До сих пор не было известно ни одно письменное обращение Чехова к Варваре Аполлоновне *Эберле* (по первому мужу Мельникова, позднее — жена Сергея Саввича Мамонтова), близкой подруге М. П. Чеховой и Л. С. Мизиновой. В. А. Эберле была певицей, а впоследствии режиссером в частной опере Мамонтова.

Ф. Ф. ЭРИСМАНУ

⟨После 1895 г.⟩

Федору Федоровичу Эрисману от глубоко уважающего и благодарного автора, врача вып⟨уска⟩ 1884 г. Антон Чехов.

На книге: Антон Чехов. Остров Сахалин. (Из путевых записок). М., 1895. Библиотека Гос. Лит. музея.

Знаменитый врач-гигиенист Федор Федорович *Эрисман* (1842—1915) до сих пор не значился в числе адресатов или корреспондентов Чехова. Однако известны отзывы Чехова об Эрисмане, профессоре Московского университета, лекции которого он слушал, содержащие высокую оценку его деятельности.

Надпись Чехова не датирована. Возникает мысль, не послал ли Чехов свою книгу Эрисману в связи с тем, что в 1896 г. этот прогрессивный ученый (впоследствии член швейцарской социал-демократической партии) был вынужден уйти в отставку? Разумеется, это не более как предположение.

А. И. ЭРТЕЛЮ

⟨Мелихово. 25 февраля 1897 г.⟩

Тамбовскому помещику ⟨!⟩ от клиента Московского земельного банка на добрую память. 97 $\frac{25}{II}$.

На книге: Ан. Ч е х о в. В сумерках. Изд. 8. СПб., 1895. Библиотека Отдела рукописей ЛБ.

Александр Иванович *Эртель* (1855—1908) — писатель. В письме к Эртелю от 26 февраля 1897 г. Чехов писал: «Вчера я послал тебе все свои книги, кроме „Сахалина" и „Каштанки"» (XVII, 33). Известны еще две надписи Эртелю, сделанные в тот же день (см. XX, 338): однако, судя по словам Чехова, книг было больше, чем три. «Помещиком» Чехов называет Эртеля в шутку: Эртель служил управляющим имением.

П. Ф. ЯКУБОВИЧУ

<Мелихово. 21 ноября 1896 г.>

Петру Филипповичу Якубовичу от его почитателя, искреннего друга его симпатичной книги Антона Ч е х о в а, 96 $\frac{21}{XI}$.

На книге: Антон Ч е х о в. Остров Сахалин. (Из путевых записок). М., 1895. Библиотека ИРЛИ.

Петр Филиппович *Якубович* (псевдоним Мельшин, 1860—1911) — писатель и революционер. Книгу «Остров Сахалин» Чехов послал в г. Курган, где Якубович жил на поселении, отбыв каторгу (приговорен по «процессу 21»). Книга Якубовича, которую упоминает Чехов,— «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника». СПб., 1896 — была вскоре же получена Чеховым, тоже с авторской надписью. Эта книга—так же, как и второй ее том, вышедший в 1898 г. и подаренный Чехову с авторской надписью,— хранится в библиотеке Чехова в Ялте. Личных встреч у Чехова с Якубовичем не было. В ответном письме от 2 декабря 1896 г. Якубович писал: «Ваша книга и сердечная надпись на ней были для меня полной неожиданностью. Говорить ли о том, как мне лестно и отрадно это внимание со стороны писателя, произведения которого всегда возбуждали во мне самый глубокий интерес».

Н. Н. ЯСИНСКОМУ

<Петербург. 7 января 1892 г.>

Иерониму Иеронимовичу Ясинскому от автора. А. Ч е х о в. 92 $\frac{7}{I}$.

На книге: Антон Ч е х о в. Дуэль. Повесть. СПб., 1892. Печатается по копии ИРЛИ.

Иероним Иеронимович *Ясинский* (1850—1930) — литератор. Чехову посвящена глава его воспоминаний «Роман моей жизни» (М.— Л., 1926, стр. 264—273), где весьма субъективно изображена политическая позиция самого Ясинского — сотрудника реакционной прессы. Личные встречи Чехова с Ясинским относятся к 1889—1893 гг.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ЧЕХОВУ

ЧЕХОВ И ПЛЕЩЕЕВ

Статья и публикация Л. С. Пустильник

1

Чехов познакомился с А. Н. Плещеевым в начале декабря 1887 г. в Петербурге, куда он приехал вскоре после первой постановки «Иванова» в московском театре Корша. Творчество молодого Чехова к этому времени уже завоевало признание не только среди широкого круга читателей, но и в литературной среде, виднейшие представители которой живо им интересовались. Во время своего пребывания в Петербурге в конце 1887 г. Чехов знакомится с Короленко, Гл. Успенским, Михайловским, Гаршиным, и эти встречи означали, что он вошел в «большую» литературу, как и предсказывал ему еще за полтора года до того в известном письме Григорович. Не в качестве робкого, начинающего беллетриста, а как признанный талант, смело и уверенно вступал Чехов в новый этап своего творчества, отмеченный вскоре созданием ряда значительных произведений, принесших ему настоящую славу.

В критико-биографических работах о Чехове этот его переход от мелких юмористических рассказов, от сотрудничества в «Осколках», «Будильнике» и других подобных изданиях к крупным социально-психологическим повестям и драмам, печатавшимся на страницах «толстых» журналов, обычно связывается с именем только Григоровича. Между тем немаловажную роль в творческой жизни Чехова в эти годы сыграло его общение с другим писателем старшего поколения — Алексеем Николаевичем Плещеевым, на что обычно не обращают должного внимания.

В конце 1880-х годов Плещеев, уже постаревший, сохранял в литературе авторитет крупного поэта и видного деятеля, связанного в прошлом с героической эпохой сороковых—шестидесятых годов.

Участник кружка петрашевцев, перенесший десятилетнюю ссылку и солдатчину, подвергнутый после ссылки надзору «без срока, секретному, строжайшему» [1], предупрежденный о «немедленной высылке в случае сближения с лицами, которые по секретным наблюдениям навлекают на себя подозрение в стремлении к ниспровержению настоящего государственного порядка» [2], Плещеев по возвращении на свободу в конце 1850-х годов сближается с руководителями революционно-демократического лагеря Чернышевским, Добролюбовым, с Салтыковым, М. Л. Михайловым [3] и Некрасовым. Их воздействие помогло поэту, возобновившему свою литературную деятельность, усилить обличение современного ему общественного уклада, основанного на социальном неравенстве,— призывать к борьбе за свободу обездоленных и угнетенных, за свободу отчизны. И хотя эти мотивы выражались в поэзии Плещеева нередко в общей и расплывчатой форме, их революционизирующее значение было несомненным.

Разносторонне образованный, обладавший тонким эстетическим вкусом, Плещеев был не только известным поэтом, но и талантливым критиком, к голосу которого прислушивались и которого ценили Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Островский и другие крупные деятели русской литературы.

Активный сотрудник «Современника», вкладчик и участник либеральной газеты «Московский вестник», позднее бессменный секретарь и, после смерти Некрасова, заведующий стихотворным отделом «Отечественных записок», Плещеев борется с реакцион-

ной печатью, с «катковщиной», с ренегатами и предателями, обличая крепостников, натянувших на себя «маску либералов» (письмо к Добролюбову от 13 мая 1860 г.— «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 149). Почти все его критические статьи, рецензии и фельетоны были анонимны или подписывались псевдонимами, но цензура тем не менее запрещала или калечила их, что обусловливалось в значительной мере подозрительным отношением властей к поэту. Недаром вплоть до 1872 г. в ежегодных отчетах полиции появлялась лаконичная запись: «...ведет себя очень скрытно и подозревается в распространении идей, не согласных с видами правительства» [4].

После закрытия в 1884 г. «Отечественных записок», Плещеев вместе с основной группой членов редакции и сотрудников этого журнала перешел в «Северный вестник», где он с 1885 по 1890 г. заведовал стихотворным и беллетристическим отделами. Не играя заметной роли в определении общественно-политического направления журнала, Плещеев принимал близко к сердцу его интересы, заботился об его успехе и прилагал много сил, чтобы поднять на высокий уровень литературно-художественные отделы журнала. Привлекая к сотрудничеству в «Северном вестнике» крупных поэтов, беллетристов и общественных деятелей, Плещеев с доброжелательным вниманием относился и к молодым литераторам. Благодаря его содействию появились в печати в разных журналах первые стихотворения И. Сурикова, С. Надсона и первый рассказ А. С. Серафимовича. Он же в известной мере помог Антоше Чехонте стать Чеховым.

Еще до знакомства с Чеховым Плещеев стал его горячим почитателем, восхищался его рассказами, которые напоминали ему тургеневские: «Как сейчас вижу благообразную, почти библейскую фигуру старца-поэта А. Н. Плещеева, беседующего со мной по поводу книжки „В сумерках“, только что выпущенной Сувориным. „Когда я читал эту книжку,— сказал Плещеев,— передо мной незримо витала тень И. С. Тургенева. Та же умиротворяющая поэзия слова, то же чудесное описание природы...“. Особенно нравился ему рассказ „Святой ночью“»,—вспоминал позднее один из современников (Н. В. Дризен. Чехов и его пьесы.— «Возрождение», Париж 1929, от 15 июля).

После первой же встречи поэт был полностью покорен талантливостью Чехова, его личным обаянием и подкупающей простотой.

Щеглов, присутствовавший при их первом знакомстве, рассказывает в своих воспоминаниях: «И вот не прошло и получаса, как милейший А. Н. был у Чехова в полном „душевном плену“ <...> Загляни кто-нибудь случайно тогда в кабинет Плещеева, он наверное бы подумал, что беседуют давние близкие друзья» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 139).

Понимая значение для «Северного вестника» сотрудничества Чехова и побуждаемый личной симпатией к нему, Плещеев тогда же пригласил Чехова написать что-либо для журнала. Ответом на это приглашение была повесть «Степь», напечатанная в мартовской книжке «Северного вестника» за 1888 г. А вслед за тем Чехов публикует на его страницах ряд новых своих произведений — «Огни», «Именины», «Скучная история» и др. Плещеев не устает напоминать Чехову о том, как нужны его произведения для журнала, подчеркивает, что от них во многом зависит успех очередной подписки на журнал. Но не только узкожурнальными соображениями руководствовался при этом Плещеев: он был искренно заинтересован в широком развитии таланта Чехова, чему могла помешать мелочная работа в газетах и ничтожных юмористических журнальчиках.

Плещеев считал, что «лейкинская работа» «губительна для дарования», и убеждал Чехова не растрачивать свой талант на мелочи, не отдавать свои рассказы «каким-нибудь паршивым газеткам, которые сегодня прочтут и завтра употребят на обертку...» («Слово», стр. 236). Особенно горячо протестовал Плещеев, когда узнал, что Суворин предложил Чехову штатное сотрудничество в редакции «Нового времени». В письме к Чехову от 31 декабря 1888 г., еще не зная о том, что предложение это и готовность Чехова принять его имели полушутливый характер (см. XIV, 279), Плещеев подчеркивал, что, хотя условия, предложенные Сувориным, «блистательны», но, как и многие уважающие талант Чехова, он не желал бы видеть писателя членом «армии нововременцев». Поэт предупреждал Чехова, что в качестве штатного сотрудника газеты ему придется писать и передовые статьи, и заметки, вследствие чего он «втянется в газетную работу, истощающую человека, высасывающую из него силы, измочаливающую

его нервы». (Здесь и далее цитаты из публикуемых ниже писем Плещеева к Чехову даются без ссылок, только с указанием даты.)

Относясь резко отрицательно к этой газете, как и к политическим взглядам ее издателя, Плещеев предостерегал Чехова от положительного ответа на предложение Суворина, считая, что подобная работа «непременно пагубно отразится на его таланте». Замечая, что появление время от времени на страницах «Нового времени» рассказов Чехова не дает оснований делать писателя «солидарным» со всем, что печатается в газете, поэт обращал внимание его на то, что, став штатным сотрудником ее, он будет нести «ответственность за всякую пакость какого-нибудь Жителя, Никольского или черт знает кого... Очень, очень будет прискорбно, если это осуществится...» (31 декабря 1888 г.).

Хотя Чехов и возразил Плещееву («Мои взгляды на дело и отношения к людям не мешают мне поступить в газету».— XIV, 279), но, как известно, он не принял предложения Суворина, и, возможно, не последнюю роль в этом отношении сыграла позиция Плещеева [5]. Плещеев не только содействовал появлению первой крупной вещи писателя — повести «Степь», — но и с удовлетворением встретил одобрительный отзыв о ней Салтыкова-Щедрина. «Я сегодня был у Салтыкова. Он редко кого хвалит из новых писателей. Но о „Степи“ Чехова сказал, что „это прекрасно“ и видит в нем *действительный талант*», — писал Плещеев своему сыну А. А. Плещееву в письме 6 апреля 1888 г.[6]

Плещеев вводит Чехова в круг передовой литературы Петербурга, знакомит его с лучшими писателями, артистами, общественными деятелями [7]. Так, у Плещеева Чехов познакомился с Гаршиным: «Милый друг Всеволод Михайлович. Завтра, 7 в〈ечера〉 в воскресенье, вечером у меня будет Чехов, который в понедельник уезжает. Вы бы сделали мне большое удовольствие, если бы пришли также»,— писал Гаршину Плещеев 12 декабря 1887 г. (ИРЛИ, ф. 70, № 115, л. 1).

Когда через несколько месяцев после этого Гаршин умер и Плещеев стал одним из инициаторов издания сборника его памяти, поэт привлекает к участию в нем и Чехова: «У нас имеется в виду несколько хороших имен: Салтыков, Короленко, Гл. Успенский,— надеемся, что и Чехов будет»,— писал он Чехову 2 апреля 1888 г.

Плещеев приглашает Чехова на публичные заседания Литературного фонда и особенно настойчиво — на собрание, посвященное памяти Гаршина: «Очень уж хочется вас 〈...〉 петербургской публике показать» (1 апреля 1888 г.).

Чехов относится с большим уважением к Плещееву как поэту и передовому общественному деятелю. «Дебютируя в толстых журналах, я хочу просить вас быть моим крестным батькой» (XIV, 23; см. также 20—21). Охотно согласившись напечатать повесть в «толстом» журнале и зная требовательное отношение Плещеева к художественному произведению, Чехов писал поэту: «...есть в моей повестушке места, которыми я угожу вам, мой милый поэт, но в общем я едва ли потрафлю» (XIV, 21).

Чехову было дорого, что Плещеев никогда не отделывался общими, ничего не значащими словами, «восхвалениями», а со всей откровенностью и прямотой высказывал свое мнение, как ни неприятно оно иногда было молодому автору. В отзывах Плещеева Чехов видел тонкого ценителя и доброжелательного, беспристрастного критика, отстаивающего лучшие традиции реалистической литературы. Вполне можно верить брату писателя Михаилу Павловичу, когда он писал, что «к А.Н. Плещееву Антон Павлович относился с глубоким уважением, дорожил его мнением» (М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923, стр. 56).

Личное отношение Чехова к Плещееву было неизменно доброжелательным, но не без оттенка трезвого скептицизма. Рассказывая в письме к Суворину о жизни на Луке, где летом 1888 г. гостил Плещеев, Чехов иронизирует над теми обитателями линтваревской усадьбы, которые глядят на поэта «как на полубога, считают за счастье, если он удостоит вниманием чью-нибудь простоквашу» (XIV, 118). Это всеобщее преклонение не могло не влиять на престарелого поэта. И Чехов с присущим ему юмором отмечает это в том же письме: «Здесь он изображает из себя то же, что и в Петербурге, то есть икону, которой молятся за то, что она стара и висела когда-то рядом с чудотворными иконами» (там же). Но хотя Плещеев и не был «чудотворной иконой», т. е. не принадлежал к числу великих деятелей сороковых — шестидесятых годов, тем не

менее он возбуждал в Чехове симпатию и искреннее уважение. Переходя в серьезный тон, он заканчивал: «Я же лично, помимо того, что он очень хороший, теплый и искренний человек, вижу в нем сосуд, полный традиций, интересных воспоминаний и хороших общих мест» (там же).

Поэтому после отъезда Плещеева из Луки Чехов писал ему: «Искренно вам говорю, что три недели, проведенные мною на Луке в вашем незаменимом обществе, составляют одну из лучших и интереснейших страничек моей биографии» (XIV, 123). И позднее, проектируя на следующее лето совместную поездку по Украине, Чехов писал ему: «Я готов отказаться от многого, чтобы только вместе с вами прокатиться в Украину» (XIV, 364). Плещеев отвечал Чехову искренней приязнью и неизменным дружеским расположением, что отразилось во многих его письмах, проникнутых душевной теплотой и вниманием к творческой работе писателя, к его здоровью и самочувствию, к людям, которые его окружали.

В отличие от многих друзей Чехова Плещеев сочувственно отнесся к его поездке на Сахалин и с напряженным интересом ожидал встречи с ним, чтобы познакомиться с впечатлениями, вынесенными им из путешествия на «каторжный остров». «Рассказов о вашем путешествии все мы, знающие вас, жаждем как манны небесной» (12 января 1891 г.). Плещеев понимал, что это путешествие, предпринятое для изучения условий жизни и быта каторжных и ссыльных, имеет большое социальное значение. «Беллетристика с этим путешествием ничего общего не имеет»,— объяснял он в письме от 2 сентября 1891 г. к П. И. Вейнбергу, который ошибочно видел смысл поездки в собирании новых тем и сюжетов, которые якобы иссякли у писателя (ИРЛИ, ф. 62, оп. 3, № 375, л. 5,6 об.). В свете сказанного нам кажется не совсем правильным утверждение К. И. Чуковского, считающего, что из «бесчисленных друзей и знакомых Чехова ни один даже отдаленно не понял ни смысла, ни цели его поездки на каторгу» (К. Чуковский. Антон Чехов. — Журн. «Москва», 1957, № 2, стр. 127).

Дружеские личные отношения между Чеховым и Плещеевым создавали благоприятную почву для их литературного общения. В письмах к Плещееву Чехов часто и охотно, с полным доверием, сообщал о своих творческих замыслах, рассказывал о тех сомнениях и трудностях, которые возникали у него при работе над новыми произведениями (см., например, XIV, 168, 176, 184—185). Плещеев, со своей стороны, так же охотно откликался на письма Чехова и подробно излагал свои мысли о новых его произведениях, высказывал общие суждения по вопросам литературы, журналистики, общественной жизни. Это и делает особенно интересной их переписку, в частности письма Плещеева, в которых, как правило, личные, бытовые темы занимают подчиненное место.

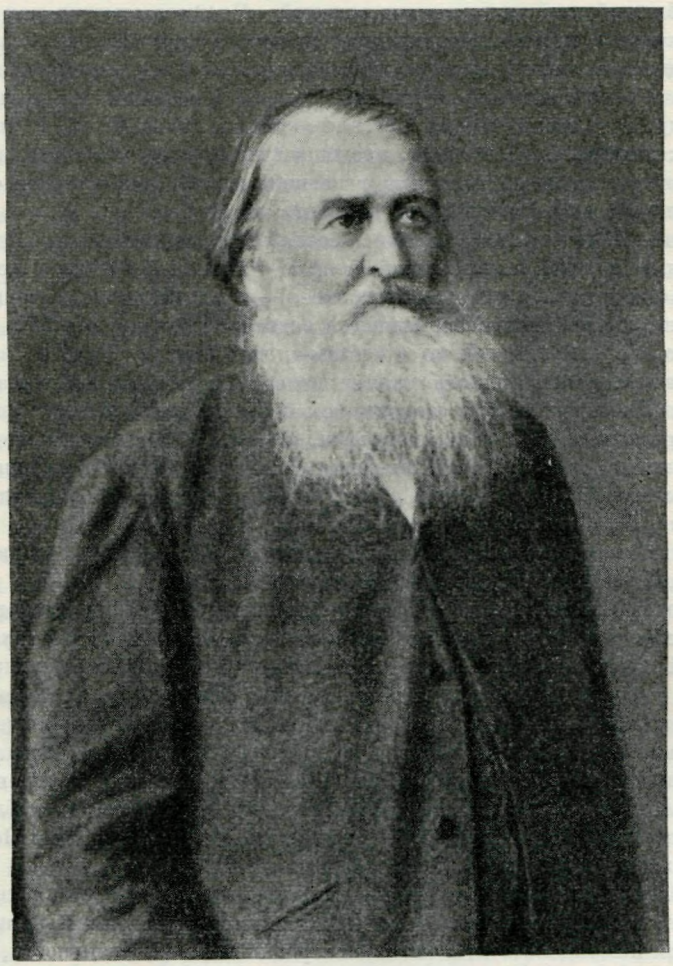
2

В противовес тем, кто считал Чехова автором незначительных «бессюжетных», «бессодержательных» рассказов, Плещеев доказывал, что Чехов — «самый большой талант из всех современных, т. е. молодых писателей». Поэт горячо отстаивал это суждение: «Если б он даже ничего, кроме маленьких рассказов, не написал, —разве объем что-нибудь значит в художественном произведении?» Даже и в этом случае, по словам Плещеева, его творчество имело бы немалое значение для русской литературы (ИРЛИ, ф. 62, оп. 3, № 375, л. 5 об. — 6).

Но особенно восторженно встретил поэт первую крупную вещь Чехова «Степь». Многие критики 1880-х годов, хотя и признавали талант Чехова, не сумели правильно оценить эту повесть. Одним из таких узких и односторонних отзывов о «Степи» был отзыв Михайловского. Не найдя в повести соответствия своим народническим воззрениям, он обвинил Чехова в безыдейности, в общественном индифферентизме, в том, что писатель идет «по дороге, не знамо куда и не знамо зачем» (письмо Михайловского к Чехову от 15 февраля 1888 г.—«Слово», стр. 216—217).

Плещеев встретил с удовлетворением отказ Чехова последовать советам народнической критики: «Я слышал, что Михайловский писал вам и что вы ему маленький отпор дали, отстаивая свою независимость. Интересно бы мне было и с этим вашим ответом познакомиться» (10 марта 1888 г.).

Еще более возмутил Плещеева отзыв о повести А. Введенского (Аристархова), ставившего в упрек молодому писателю,— что он осмелился «степь описывать, когда ее описал уже Гоголь» (1 апреля 1888 г.), утверждавшего, что Чехов не сумел «соразмерить сил своего таланта с задачею, предстоявшею ему, не сладил и с формою для выражения своей идеи» («Русские ведомости», 1888, № 89, от 31 марта).



А. Н. ПЛЕЩЕЕВ
Фотография, 1880-е гг.
Дом-музей Чехова, Ялта

Плещеев был возмущен «идиотским» суждением Введенского, обусловленным тем, что Чехов не оказал ему «должного почтения», тенденцией критика вносить в свои отзывы «личные отношения» и «литературные дрязги». Он раскрывал перед Чеховым предвзятость этого отзыва. «На вас навела хандру дурацкая статья Аристархова ... Но ведь это такая дубина, и дубина недобросовестная ⟨...⟩ Впрочем, Введенский человек невменяемый. Он давно уже страдает манией величия. Это говорили доктора, „Белинский, Добролюбов и я". Больше критиков у нас нет.— Наплюйте вы на них всех и давайте скорей повестушку в „Северный вестник"» (1 апреля 1888 г.).

Сам Плещеев видел в первой большой повести Чехова «неисчерпаемый родник» «внутреннего содержания», видел изображение прекрасной, могучей родины и народа, изнемогающего под бременем угнетения.

Внимание поэта привлек образ озорника-возчика Дымова. Для Плещеева он был выразителем огромных сил народа, гибнущих и вянущих, не находящих себе применения в тяжелых условиях современного общественного строя. Плещеев считал, что на этом герое «можно я не знаю, какую драму создать». Советовал он также продолжать «историю Егорушки». Плещеев настаивал на дальнейшей разработке мотивов «Степи», с «симпатичными фигурами» которой «жаль расставаться» («Слово», стр. 238—239).

Сам любивший природу «стороны родимой», Плещеев отметил как одно из замечательных достоинств «Степи» прекрасные пейзажи, которые можно сравнить только с тургеневскими. Эти описания природы в «Степи», как и в других произведениях Чехова, Плещеев связывал с любовью писателя к родным местам, с тем,что писателя «тянет не за границу, а на какие-нибудь русские окраины» (письмо от 21 июня 1889 г.).

Восторженный отзыв Плещеева, предвидевшего «успех» повести, как и «большую будущность» Чехова, прозвучавший в решающий момент поворота к «серьезным вещам», был опорой и поддержкой для молодого писателя.

После появления «Степи» Плещеев с неослабевающим интересом следил за работой писателя над следующей его «большой» вещью — повестью «Огни», в которой, как он знал, Чехов изображает «кое-что новенькое» — интеллигенцию, бьющуюся над решением «мучительных» вопросов. Плещеев радовался тому, что работа над «Огнями» идет успешно, что Чехов тщательно отделывает текст повести. В противовес некоторым, отождествлявшим мысли главного героя инженера Ананьева со взглядами Чехова и, тем самым, делавшим писателя сторонником пессимистической философии, поэт ощутил приговор, вынесенный этой философии. Оценивая «Огни», Плещеев назвал их «прекрасной вещицей» и в ответ на опасения Чехова, что повесть скучна, «как статистика Сольвычегодского уезда» (XIV, 96), писал ему: «Скуки я не ощутил ни малейшей, читая „Огни“. Щеглов тоже» (10 мая 1888 г.).

Отметим, что Щеглов считал недостатком «Огней» отсутствие «нравственного вывода» (там же), но Плещееву позиция Чехова была ясна.

Несомненно, Плещеев полностью разделял мнение П. Н. Островского об «Огнях», которое он сообщил Чехову в одном из своих писем: «...в „Огнях“ он находит материал для большой повести и жалеет, что вы недостаточно разработали прекрасную идею, положенную в основании их» («Слово», стр. 248). Однако в дальнейшем, высказывая свое мнение о повести «Именины», созданной вслед за «Огнями», Плещеев потребовал от Чехова большей отчетливости в выражении своих симпатий и антипатий.

В «Именинах» Плещеева привлекало правдивое, реальное воспроизведение действительности — результат прекрасного знания жизни и большой наблюдательности писателя. Удачными нашел поэт «нарисованные во весь рост» фигуры Петра Дмитриевича и его жены, верными — второстепенные лица.

Однако Плещеев не все принял в повести. Не принадлежа к тем критикам, которые, по словам Чехова, ищут в произведении «тенденции между строк» и, не найдя ее, обвиняют писателя в безыдейности, в забвении «традиций», в аполитичности, он считал все же, что в «Именинах» не видно «никакого направления».

Чуждый реакционных воззрений, цельный по своей натуре, Плещеев, как и Чехов, ненавидел фальшь как в «либералах, так и в консерваторах». Вот почему он соглашался с Чеховым и писал ему, что в лице Петра Дмитриевича осмеивается человек, «напускающий на себя модный консерватизм, повторяющий как попугай консервативные фразы, хотя он в душе вовсе не консерватор, а просто пустой человек без всякой политической окраски, без всякого убеждения; лгун и мелкая натурешка» («Слово», стр. 257).

Сходился он с Чеховым в благоговейном отношении к эпохе шестидесятых годов как «святому времени», но не одобрял насмешки над «человеком 60-х годов» (там же). Плещеев указывал Чехову на противоречия в обрисовке этого персонажа, считая, что коль писатель показывает его «искренним» в своих убеждениях, то неоправданным звучит ироническое отношение Чехова к нему. «Другое дело, если б он напускал на себя эти идеи — не будучи убежден в их справедливости, или если б, прикрываясь ими, он делал гадости» (там же, стр. 258). Точно так же Плещеев не одобрил образ «украинофила», над которым смеялся автор.

Сначала Чехов не согласился с его советом устранить из повести «украинофила» и «человека 60-х годов», и в тексте, напечатанном в «Северном вестнике», эти персонажи остались. Но, внимательно прислушивавшийся к суждениям поэта, Чехов исключил их из «Именин» при повторной публикации в 1893 г.

Согласился Чехов и с характеристикой идейного содержания повести, где «в принципиальном отношении нет ничего ни против либерализма, ни против консерватизма»; он был благодарен поэту за то, что тот «не таит, а прямо высказывает свое подозрение» (XIV, 184). Справедливыми признал писатель и замечания относительно «растянутости» повести, совпадающие и с печатными отзывами: «Вашими мнениями я дорожу〈...〉 Да, милый мой критик, вы правы! Середина моего рассказа скучна, сера и монотонна» (XIV, 183—184).

В произведениях, последовавших за «Именинами»,— в «Припадке», в «Скучной истории» — Плещеев отметил ясность авторского замысла, отчетливо ощутил симпатии и антипатии писателя. Рассказ «Припадок» был написан Чеховым по просьбе поэта, очень любившего «высокосимпатичное дарование» Гаршина, как и его «нежную глубоко гуманную натуру», эту душу, «чище, прекраснее которой он не встречал». Плещеев неоднократно беседует о нем с Чеховым, подчеркивая, что из всех «молодых писателей 〈...〉 это был, бесспорно, самый чистый, самый искренний и самый симпатичный человек».

Плещеев, а вслед за ним и Чехов, понимал, что трагическая смерть Гаршина явилась результатом столкновения чуткого, страдающего от общественного зла человека с окружающей средой. Потрясенный преждевременной гибелью Гаршина, которая явилась «огромной потерей для литературы», поэт всячески содействовал увековечению памяти Гаршина. Он обсуждает с Чеховым вопрос о сборнике, посвященном писателю, и о рассказе, предназначенном для него.

Зная, что мотив рассказа, где будет воплощен молодой человек «гаршинской закваски», явится «новым», Плещеев и Чехов опасались,пропустит ли цензура «важное» в нем (4 или 5 ноября 1888 г.). Поэт вынужден был советовать Чехову:«...пожалуйста, касайтесь щекотливых вещей, но осторожнее».На что писатель отвечал: «Описываю Соболев переулок с домами терпимости, но осторожно, не ковыряя грязи и не употребляя сильных выражений» (XIV, 215).

Плещеев был удовлетворен идейным содержанием рассказа, где раскрывался душевный мир русского интеллигента, болезненно воспринимающего порочность старого общества, но бессильного в борьбе с ним. И когда Чехов, боясь, что «рассказ 〈...〉 отдает сыростью водосточных труб» (XIV, 230), спрашивал мнения Плещеева о нем, поэт ответил: «Мне рассказ этот понравился, напротив, понравилась его серьезность, сдержанность, понравился и самый мотив» (16 ноября 1888 г.).

Плещеев волновался при прохождении сборника через цензурный комитет, и в письме к Чехову он выражает опасение, как бы цензура не вырезала рассказа: «Она не любит, чтобы касались „этого предмета“. Насчет целомудрия строга» (там же).

С неменьшим интересом ждал Плещеев появления повести «Скучная история», о которой Чехов писал ему как о произведении с «мотивами совершенно для меня новыми» (XIV, 391) и «двумя-тремя новыми лицами» (XIV, 400). Послав Плещееву рукопись, Чехов просил его высказать свое мнение о ней (XIV, 405). Поэт послал ему подробный разбор повести. Плещеев увидел в «Скучной истории» призыв к поискам «общей идеи», которая помогла бы молодому поколению определить свою цель в жизни. Вот почему поэт согласился с автором в «абсолютной новизне мотива», под которым подразумевал приговор Чехова социальному индифферентизму. Постановка этой темы, как и глубина содержания, серьезные суждения главного героя о литературе, театре, науке, в которых слышались «нотки субъективные», обусловили, по мнению Плещеева, «шаг вперед». Плещеев был убежден, что «Скучная история» — одно из самых «художественных и тонких» произведений молодого писателя, сумевшего с большой жизненной правдой обрисовать героев. В письме к Чехову поэт подробно разбирает образ старика-ученого, Кати, а также другие образы повести, вышедшие «очень живыми».

Плещеев спорил с теми, кто утверждал, что «Катя любит самого профессора», чем сглаживалась социальная направленность повести. Так, либеральный критик

А. А. Измайлов в книге о Чехове искаженно представил высказывания Плещеева о героях повести: «Плещеев <...> готов был заподозрить Катю в связи со стариком профессором» (А. Измайлов. Чехов. Жизнь, личность, творчество. М., 1916, стр. 253). А между тем Плещеев разделял мнение Чехова, считавшего эту трактовку «курьезом, который мог бы интересовать только психиатра» (XIV, 420), и в своем письме подчеркивал: «...некоторые из читавших вашу „Скучную историю", как, например, Мария Дмитриевна и Суворины, утверждают, что Катя *любит* самого старика, ведущего записки. Я положительно этого не заметил в повести» (18 октября 1889 г.). Он указал Чехову на некоторые недостатки — длинноты в рассказе о прошлом Кати, неточность двух выражений,— но это, по его мнению, не умаляло достоинств «Скучной истории», до которой у Чехова «еще не было ничего *столь сильного и глубокого*, как эта вещь» («Слово», стр. 270—273).

Чехов был очень благодарен Плещееву за тонкий и правильный анализ «Скучной истории», за его верные замечания, которые помогли ему устранить недостатки: «Если не поленитесь заглянуть в корректуру,— писал он поэту,— то увидите, что ваши указания имели подобающую силу» (XIV, 409).

Предсказывая, что «людям понимающим повесть не может не понравиться», Плещеев предвидел недоброжелательный прием критики, которая встретит произведение «в штыки» и не сумеет растолковать читателю «красоты этой вещи». Плещеева глубоко огорчало, что Чехова будут травить за его «сильные рассуждения о русской литературе, об ученых статьях» («Слово», стр. 270), и предположения его сбылись. Особенно злобными, «ехидными», по выражению Плещеева, были отзывы реакционной печати: «...говорят, вас „Московские ведомости" обругали? Я не читал и читать этого не желаю. Вероятно и вы на это плюнете» (27 декабря 1889 г.)[8].

С тем бо́льшим удовольствием встретил Плещеев положительную оценку повести широким кругом читателей: «Спешу вас порадовать, милый Антон Павлович, со всех сторон слышу восторженные похвалы вашей повести — от людей разных мнений, кружков и лагерей. Некоторые говорят даже, что это лучше всего вами до сих пор написанного. Другие, что повесть оставляет глубокое впечатление, третьи, что это совсем ново, и, наконец, что это самая выдающаяся вещь в „Северном вестнике" за весь год <...> Не могу вам сказать до какой степени это мне приятно» («Слово», стр. 275). И в другом письме к Чехову поэт сообщал о сильном впечатлении, произведенном «Скучной историей»: «Повесть ваша публике положительно нравится» (10 ноября 1889 г.). Он рассказывал Чехову, что повсюду и везде говорят о нем и его повести и он «ни от одного человека не слыхал порицания. Толкуют о ней много <...> Понимают, конечно, различно, но все одобряют» (там же).

Не меньший интерес вызывали у Плещеева и те рассказы Чехова, которые на первый взгляд представляли прелестную бытовую картинку, но где за внешней привлекательностью раскрывалась внутренне пошлая и ничтожная мещанская жизнь. Так, прочитав первую часть рассказа «Учитель словесности», напечатанную под заглавием «Обыватели», поэт высоко оценил это произведение: «Я прочел вашу вещицу <...> и она произвела на меня самое лучшее впечатление <...> сколько свежести, поэзии, правды... Все это живые лица, которых встречал, видел, знал» («Слово», стр. 277).

Очень понравился также Плещееву рассказ «Княгиня», в котором поэта привлек несомненно, образ демократического врача, обличающего пустое благотворительство ничтожной, самовлюбленной представительницы высшего круга (там же, стр. 265). Плещеев был рад сообщить Чехову о глубоком впечатлении, произведенном на всех рассказом «Гусев», особенно «удивительной фигурой „протестанта"» (письмо от 12 января 1891 г.), обличительные монологи которого были направлены против равнодушия интеллигенции к народным страданиям и бедам.

Плещеев настойчиво убеждал Чехова продолжать начатый им роман «Рассказы из жизни моих друзей». По словам Чехова, в основу его была положена «жизнь хороших людей, их лица, дела, слова, мысли и надежды» (XIV, 339). Роман остался неосуществленным, но первые написанные и оставшиеся нам неизвестными главы Чехов послал, очевидно, Плещееву (XIV, 36), и они получили его высокую оценку. «Мне жаль, что он не продолжает романа, первые три главы которого я читал. Они мне очень

понравились»,— читаем в письме Плещеева к Короленко (от 24 августа 1889 г.— ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

Поэт настаивал на необходимости закончить его: «...вашего романа я буду ждать как манны небесной ⟨...⟩ ибо считаю вас в настоящее время самой большой художественной силой в русской литературе» (26 февраля 1888 г.). Он напоминает Чехову о читателях, «возлагающих на талант ваш большие надежды и нетерпеливо ждущих от вас романа». Хорошо зная содержание произведения, а также и то, что в нем, по словам Чехова, «материал для красного карандаша богатый», он спешит обрадовать писателя известием о попытках редактора «Северного вестника» освободить журнал из-под цензуры: «...надеемся, что тогда ваш роман украсит ⟨его⟩ страницы» (2 июля 1888 г.). В марте, апреле и мае 1889 г. Чехов работал над романом наиболее интенсивно, и Плещеев пишет: «Продолжаете ли роман? Не забрасывайте вы его ради всего святого» («Слово», стр. 253).

И в другом письме Плещеева мы тоже находим упоминание о романе: «...как я рад, что вы роман продолжаете,— вы себе вообразить не можете» («Слово», стр. 260).

Восхищаясь Чеховым и считая его «талантливейшим беллетристом», Плещеев, однако, никогда не скрывал от писателя своих отрицательных суждений о тех произведениях, которые его не удовлетворяли. Откровенно говорил он Чехову, что «нельзя одобрить» его «сказку в „Петербургской газете“», что неудачной является и другая «сказка», напечатанная на страницах «Нового времени» (3 января 1889 г.). Не понравилась также поэту повесть «Дуэль», и в письме к Чехову он говорит о психологической немотивированности нравственной метаморфозы главного героя Лаевского. Плещеев обращал внимание автора «Дуэли» на «внезапную перемену в отношениях всех действующих лиц», которая не соответствует «данным положениям и характерам», как и на то, что конец рассказа «слишком произволен» («Слово», стр. 283—284). В одном из писем к П. И. Вейнбергу Плещеев сожалел о том, что «Дуэль» слабей прежних рассказов Чехова и «конец положительно неясен» (ИРЛИ, архив П. И. Вейнберга, ф. 62, оп. 27, л. 74 об.). Отрицательно отозвался поэт также и о пьесе «Леший». Но эти его высказывания должны быть рассмотрены в связи с общим отношением Плещеева к драматургии Чехова.

3

Плещеев, написавший несколько оригинальных пьес и переведший на русский язык ряд драматических произведений, поставленных на сценах Малого театра в Москве и Александринского в Петербурге, в течение всей жизни принимал деятельное участие в театральной жизни России. Еще в 1840-х годах он писал статьи о театре; после ссылки, в 1860-х годах, он был старшиной Артистического кружка в Москве, организованного Островским, и продолжал помещать в газетах до середины 1880-х годов статьи о театре и театральные рецензии.

В 1870—1880-х годах, живя в Петербурге, Плещеев — один из учредителей Общества русских драматических писателей, почетный член Общества искусства и литературы, Общества сценических деятелей, член Театрально-литературного комитета. Связанный близкими дружественными отношениями с крупными русскими артистами — Васильевым, Давыдовым, Савиной, Стрепетовой, Ермоловой, ценя их дарование, Плещеев хотел видеть их в глубоких, значительных ролях и сожалел, что им приходится губить свои силы на разыгрывание пьес Виктора Крылова, Невежина, Тихонова: «...Известно, какие пьесы у нас имеют успех — „Вторая молодость“, Крыловская дребедень и пр. ...» («Слово», стр. 277). Резко выступал Плещеев против ожививших свою «деятельность» в годы реакции — Маркевича, Мещерского и их «паскудных» драм и комедий: «Ишь расписались! Знают, что на их улице праздник, небось, прежде на сцену не выползали» (письмо к А. П. Лукину от 25 декабря 1883 г.— ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 629, лл. 1—3).

Возмущало поэта, что в управлении казенных петербургских театров лучшие пьесы Островского считались пригодными лишь для «плебса»: «Островского отдают на жертву Александринке», в то время как в Михайловском театре предпочитают «давать „чистенькие“ пьесы для бомонда»,— писал он Чехову (17 марта 1890 г.).

Преклоняясь перед талантом Чехова-беллетриста, Плещеев не мог не оценить и его «маленькие комедийки» вроде «Калхаса», которого он как член Театрально-литературного комитета помог провести через театральную цензуру (22 октября 1888 г.). Прочитав в «Новом времени» напечатанного без подписи «Медведя», Плещеев тотчас определил, что водевиль принадлежит перу Чехова: «А ведь это вы написали в „Новом времени" шутку „Медведь"? Мне кажется, на сцене она была бы забавна. Я по некоторым штришкам узнал вашу руку» (13 сентября 1888 г.). Поэт содействует одобрению этой «шутки» в Театрально-литературном комитете и извещает Чехова, что «прошел „Медведь" с фурором» (7 февраля 1889 г.). Через несколько месяцев он извещает, что «Предложение» также имело «огромный успех» (16 сентября 1889 г.).

Понимая, что сценический успех «маленьких пьес» может улучшить материальное положение Чехова, Плещеев советует ему принять предложение Боборыкина, руководившего тогда в Москве репертуарным отделом в частном театре Горевой, и продать театру право на постановку этих пьес: «Я думаю, что и вы будете не прочь от этого, так как это может дать вам лишнюю сотню или две рублей» («Слово», стр. 268). И в следующем письме: «А для театра вы все-таки напрасно не работаете. Писали бы *между делом* хоть небольшие комедийки, если лень взяться за серьезную пьесу. Очень уж хорошо оплачивается этот труд» (там же, стр. 274—275).

Большое внимание уделено в письмах Плещеева и двум крупным пьесам Чехова — «Иванову» и «Лешему». Первые его упоминания об «Иванове» связаны с предстоящей постановкой пьесы в Александринском театре, в бенефис режиссера Федорова-Юрковского и с подготовкой ее для напечатания в «Северном вестнике». «В первый день праздника приезжал ко мне режиссер и объявил, что берет „Иванова" на свой бенефис»,— извещает он Чехова 31 декабря 1888 г. и далее указывает, что пьесу, возможно, удастся поместить в марте. А через три дня он уже уверенно сообщает: «Место вашему „Иванову" в мартовской книжке найдется. Высылайте его» (3 января 1889 г.).

При содействии Плещеева пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом в начале января (XIV, 267, 295—296). Сам Плещеев еще до этого прочитал пьесу и высоко оценил ее достоинства; к тому же ему было известно, что Чехов при исправлении пьесы устранил отдельные недочеты в ней: «Конец был слаб, но теперь вы это все переделали» («Слово», стр. 259). Он понимал, что пьеса Чехова внесет в репертуар Александринского театра новую, свежую струю. Именно поэтому он не был уверен в успехе новой ее постановки: «Но впрочем, если даже она провалится, это еще ничего не значит. Публика наша слишком привыкла к шаблону, к крыловщине и нового, не рутинного не любит; особливо если это новое — тонко» (там же).

Тем более приятно было ему сообщить Чехову, что эти опасения не оправдались, что пьеса идет в театре со все возрастающим успехом. «„Иванов" идет на этой и на следующей неделе по два раза ⟨...⟩—писал он 7 февраля 1889 г.—Модест, вероятно, сообщил вам в подробности о втором спектакле. Мне же говорили актеры, что вас шибко вызывали». А через месяц, побывав на последнем перед закрытием зимнего сезона представлении пьесы, он передает Чехову свои впечатления: «Крик и гвалт был страшный после третьего акта. Автора вызывали с треском. Федоров в первый раз видел пьесу всю от начала до конца из партера и был от нее в восторге» («Слово», стр. 261).

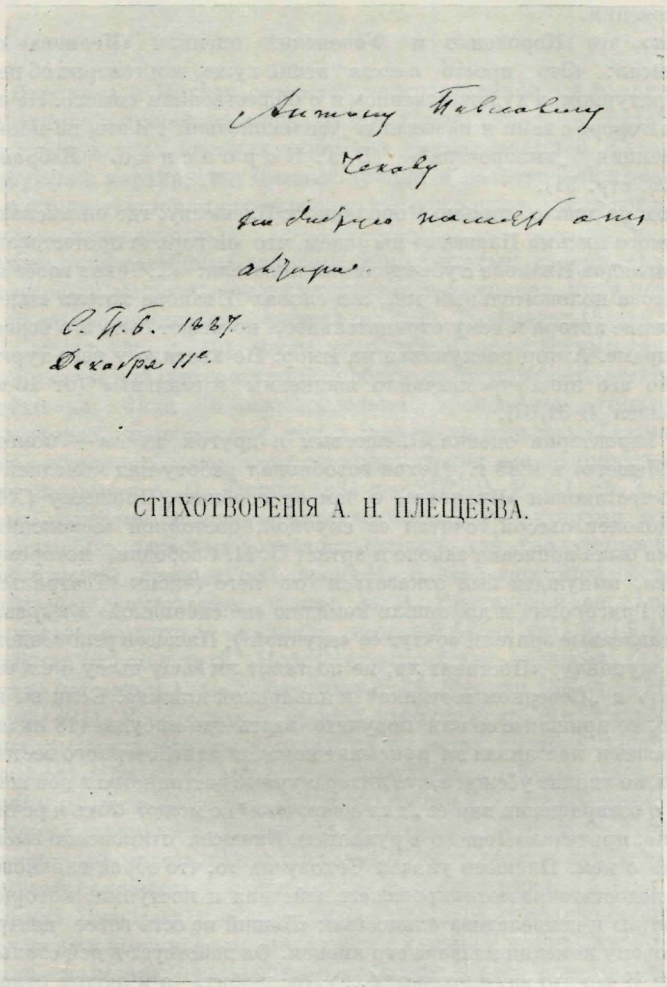
Об успехе чеховской драмы рассказывал Плещеев и в письме к Короленко: «„Иванов" его имел здесь большой успех ⟨...⟩ и возбудил большие толки. Одни превозносили пьесу до небес, другие страшно ругали. Это во всяком случае показывает, что вещь незаурядная. Я с ругателями не согласен» (от 10 мая 1889 г.— ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

Новая постановка пьесы и ее появление на страницах журнала вызвали оживленное ее обсуждение в печати. Мнения современников о ней были разноречивы.

В многочисленных отзывах отмечалась удача автора в создании оригинальной пьесы, ярких, нешаблонных образов, но почти в каждом говорилось о сценических недостатках ее и о том, что «драматическая форма ⟨...⟩ еще стесняет автора или не подчиняется ему». Поэт признавал, что «Иванов», воспринятый большинством как пьеса «свежая», производил в печати «меньше впечатления», что «все находят много таланта в деталях, и всех не удовлетворяет сам Иванов» («Слово», стр. 261). Это даже привело

Плещеева к заключению, что драматическая форма не соответствует дарованию Чехова: «Пьесы вам действительно нужно на долгое время отложить писать. Эти сценические условия связывают вас. У вас талант эпический» (там же).

Однако Плещеев не мог согласиться с толкованием критиками главного героя драмы. Он считал неверной позицию критиков, обвинявших Чехова в «идеализации



КНИГА А. Н. ПЛЕЩЕЕВА «СТИХОТВОРЕНИЯ» (1846—1886), М., 1887
На книге дарственная надпись Чехову:
«Антону Павловичу Чехову на добрую память от автора. СПб., 1887. Декабря 11-е»
Литературный музей Чехова, Таганрог

отсутствия идеалов», в проповеди необходимости замены широких задач маленьким, но полезным и честным делом [9]. Его возмущала реакционная критика, видевшая в образе Иванова «клевету на интеллигентного русского человека», утверждавшая, будто в пьесе нет правды («Сын отечества», 1889, № 32, от 2 февраля).

Более серьезным и объективным был отзыв об «Иванове» Суворина (Новое время», 1889, № 4649, от 6 февраля), который, при всей реакционности своей политической позиции, умел верно оценить художественные достоинства драматических произведений. от почему Плещеев отмечал, что рецензия его о драме «лучшая» по «своему тону»,

«множеству верных замечаний». И хотя поэт писал Чехову, что статья «понравилась» ему, он подчеркивал в то же время: «...кое с чем можно поспорить» (7 февраля 1889 г.). Вероятно, он не соглашался с утверждением Суворина, что «характер Иванова скорее чувствуется, чем понимается и осязается». Плещеев же увидел в «Иванове» выступление Чехова против бессилия и пассивности большей части интеллигенции, приговор писателя «лишнему человеку» новой формации, появившемуся в результате краха народнического движения.

Характерно, что Короленко и Успенский оценили «Иванова» отрицательно. Короленко писал: «Это просто *плохая* вещь, хуже, чем говорит об ней Успенский. Плохая в литературном, в художественном и в общественном смысле. Не знаю, помните ли вы, что в разговоре с вами я называл ее „тенденциозной". И это, по-моему, бесспорно. Только тенденция „выворочена"» (В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III. М., 1936, стр. 51).

Хотя до нас не дошло письмо Короленко к Плещееву, где он высказывался о пьесе, но из ответного письма Плещеева мы знаем, что он горячо протестовал против отождествления взглядов Иванова с убеждениями писателя: «...Чехов вовсе не имел в виду делать из Иванова положительный тип, а в словах Иванова хотели видеть убеждения автора. Отношение автора к нему отрицательное, но может быть это недостаточно ярко выразилось в драме. Автор поскупился на юмор. Не хватило у него тургеневской тонкой иронии, но все лица чрезвычайно жизненны и реальны» (от 10 мая 1889 г.— ЛБ, ф. 135, раздел II 31/67).

Не менее характерна оценка Плещеевым и другой пьесы — комедии «Леший». Задумав «Лешего» в 1888 г., Чехов возобновил работу над комедией только после петербургской постановки «Иванова», о чем он сообщил Плещееву (XIV, 407). Сам Чехов был недоволен пьесой, считая ее скучной, достойной «сожжения».

Когда пьеса была написана заново и артист П. М. Свободин, которому автор отдал ее для бенефиса, вынужден был отказаться от него (члены Театрального комитета Всеволожский, Григорович и др. нашли комедию «не сценичной» и выразили опасение, что высокопоставленные зрители сочтут ее «скучной»), Плещеев рекомендовал автору отдать «Лешего» журналу: «Поставят ли, не поставят ли вашу пьесу, но я вам предложил бы ее напечатать в „Северном вестнике" в январской книжке. Если вы ничего против этого не имеете, то пришлите ее или поручите взять где-нибудь» (18 октября 1889 г.). И позднее Плещеев настаивал на присылке комедии для «Северного вестника»: «Хоть я пьесы не читал, но вполне убежден, что литературные достоинства в ней непременно есть, и, стало быть, о возвращении вам ее „для сожжения" не может быть и речи» (13 февраля 1890 г.). Однако, прочитав «Лешего» в рукописи, Плещеев откровенно высказал отрицательное мнение о нем. Плещеев указал Чехову на то, что образ главного героя обеднен, что автор недостаточно мотивировал его действия и поступки, которые отличаются противоречивостью и непоследовательностью: «Леший не есть вовсе центральное лицо, и неизвестно почему комедия названа его именем. Он действует в ней столько же, сколько и все другие. И что это за „идеалист" ‹...› Лес любит,— а к людям относится уж далеко не человечно» (24 марта 1889 г.— «Слово», стр. 279—280. Здесь это письмо ошибочно датировано 24 апреля).

Не удовлетворила Плещеева и логика поступков других героев: «Войницкий — хоть убейте, я не могу понять, почему он застрелился! Жена Серебрякова — не внушает мне, несмотря на свое жалкое положение, никакой симпатии ‹...› Орловский сын банален,— это какое-то водевильное лицо, которое надоедает читателю своим остроумием армейского юнкера» (там же). Признавая, что в пьесе есть «два-три места более или менее удачных», Плещеев осудил ее в целом. Он отмечал, что в пьесе не чувствуется достаточной слаженности, в ней слишком много разговоров, первый акт он находил «очень скучным». Возражал поэт и против отдельных фраз, которые «странны, неправдивы или просто непонятны» («Слово», стр. 279—280).

Отрицательное отношение Плещеева к комедии обусловлено было и тем, что поэта не удовлетворяла сама идея ее. Он не мог согласиться с Чеховым, который снимал все социально-политические вопросы, перенося противоречия действительности в план морально-этический.

Чехов не только признал правоту мнения Плещеева, но, очевидно, оно-то в известной степени и укрепило его в решении никогда не печатать «Лешего»: «Эту пьесу я ненавижу и стараюсь забыть о ней» (XVIII, 244).

Характерно, что когда позднее Чехов на основе «Лешего» написал новую пьесу, он назвал ее «Дядя Ваня», признав, вероятно, справедливым замечание Плещеева, считавшего, что «Леший ⟨...⟩ не есть вовсе центральное лицо» пьесы.

4

Письма Плещеева к Чехову содержат много откликов на различные темы журнально-литературной и общественной жизни конца 1880-х — начала 1890-х годов. Наибольшее место в этих письмах занимают высказывания о «Северном вестнике», подробно рисующие картину внутренних трений и разногласий в редакции журнала, приведших, в конце концов, к его передаче в другие руки, после чего он стал органом зарождающегося декадентства.

Запрещение «Отечественных записок» было тяжелым ударом для Плещеева: «Погром „Отечественных записок" поверг меня в такое состояние, что я некоторое время не в силах был ни за что приняться» — писал он Л. Н. Трефолеву 18 мая 1884 г. (ЦГАЛИ, ф. 507, оп. 1, ед. хр. 30, л. 60). После закрытия «Отечественных записок» Плещеев остался без постоянной литературной работы и предпринял несколько неудачных попыток найти ее. Зная о подозрительно враждебном отношении к себе в официальных сферах, запретивших ему в свое время издавать «Театральный листок», редактировать журнал «Слово», поэт от предложения редактировать «Русское слово» отказался сам (письмо к А. П. Лукину 1884 г.— ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 642).

«Какие мы тяжелые времена переживаем ⟨...⟩ Редакторами журналов и газет никому из порядочных людей не дозволяют быть» — так характеризовал сам Плещеев переживаемое русской литературой время [10]. В этой тягостной обстановке Плещеев не мог не отнестись сочувственно к идее А. М. Евреиновой об издании «Северного вестника» — нового «толстого» журнала, который будет хоть и «с несколько национальным оттенком, но не в духе „Нового времени" или Аксакова, без всякого запаха постного масла» (письмо к А. С. Гацисскому от 21 февраля 1885 г.— «Русская мысль», 1912, № 4, стр. 121). И он охотно принял предложение Евреиновой о заведовании беллетристическим и стихотворным отделами журнала, который в программном предисловии от редакции заявлял: «Благо дорогой нам родины и беззаветное служение интересам и идеалам нашего народа — вот наше знамя» («Северный вестник», 1885, № 1). В состав редакции журнала и в круг его ближайших сотрудников вошли многие из критиков и писателей, участвовавших ранее в «Отечественных записках» и пытавшихся хотя бы частично сохранить в новом журнале их традиции.

Деятельность Плещеева в «Северном вестнике» не ограничивалась только областью беллетристики и поэзии, он прилагал много усилий и к тому, чтобы сделать журнал в целом «сколь возможно разнообразнее», чтобы в нем помещалось больше статей «культурного содержания, об искусстве, о литературе» (письмо к Чехову от 14 апреля 1888 г. Цитируем по подлиннику, в «Слове» эти строки опущены).

«Северный вестник» был подцензурным изданием, и редакции приходилось много терпеть от цензуры, которая калечила, а часто и совсем запрещала предназначенные для журнала произведения. Эта тема — сетования на цензурные притеснения, опасения придирок со стороны цензоров — проходит через многие письма Плещеева к Чехову как опубликованные ранее, так и печатаемые ниже в настоящем томе. В неопубликованных письмах Плещеева к другим лицам также звучат жалобы на цензуру. «Слышал я, что очень жмет „Северный вестник" цензура ⟨...⟩ Горько. Что творится!» — сочувственно писал 11 марта 1887 г. Плещееву С. А. Юрьев (ЛБ, ф. 359, п. 8227, ед. хр. 29г). И Плещеев в ответном письме рассказывал: «Цензура с нами выделывает совсем невозможные, непостижимые вещи. Даже в николаевские времена между цензорами такие идиоты, как наш цензор Косович, были в редкость.

То, что он творит — возмущает до глубины души! Боимся, что всех сотрудников отвадит писать у нас»[11].

Редактор «Северного вестника» Евреинова неоднократно обращалась к председателю Комитета по делам печати Е. М. Феоктистову по вопросу о превращении журнала в бесцензурное издание, но ее старания каждый раз оказывались безуспешными. «А нашему „Северному вестнику“ не везет: не выпускают его из-под цензуры. Евреинова на днях была у Феоктистова, и пока он тут сидит, кажется, надо отложить всякую надежду на бесцензурность»,— писал Плещеев Чехову 19 августа 1888 г. (см. также письма к нему же от 23 июня 1888 г.— «Слово», стр. 249; от 10 августа 1888 г., от 28 марта 1890 г.).

Положение журнала, помимо трудностей внешнего порядка, осложнялось и внутренними разногласиями, которые обусловливались стремлением Н. К. Михайловского к «диктаторству», его преимущественной поддержкой группы сотрудников бывшей редакции «Отечественных записок». В письмах Плещеева к Чехову нашли свое отражение многие эпизоды этой внутриредакционной распри, закончившейся ультимативным заявлением Михайловского и его выходом из редакции. Вслед за ним «Северный вестник» покинули Гл. И. Успенский, С. П. Южаков и ряд других литераторов. Эта тема освещена нами ниже в комментариях к соответствующим письмам Плещеева.

Чехов разделял с Плещеевым его скептицизм по отношению к Михайловскому, хотя оба они ценили его как талантливого литературного критика и публициста [12].

В результате распада редакции и непрекращающихся финансовых трудностей «Северный вестник» оказался в состоянии острого кризиса. Группа сотрудников вместе с Плещеевым готова была принять на себя издание журнала, и Чехов отнесся к этому проекту с полным сочувствием (XIV, 443). Однако Евреинова отвергла это предложение и передала журнал А. Л. Волынскому (Флексеру), что и привело к превращению журнала в орган нарождавшегося декадентства. Узнав от Плещеева о передаче журнала, Чехов возмущался тем, что «среди бела дня, в столице, при изобилии пишущих беспомощно и зря погибает журнал» (XV, 45). Для освещения истории этой гибели старого «Северного вестника» публикуемые ныне письма Плещеева также дают много свежего и интересного материала.

Историко-литературный интерес писем Плещеева к Чехову не исчерпывается отмеченными выше темами — откликами на произведения Чехова и на трудное положение редакции «Северного вестника». Плещеев, находившийся в центре литературной жизни Петербурга, постоянно делится с Чеховым своими мыслями о текущих явлениях в литературе, высказывает свои суждения о современных писателях и критиках, делится своими литературными планами. Имена Щедрина, Толстого, Короленко, Григоровича, Гаршина, Щеглова, Боборыкина, Михайловского, Протопопова, Мережковского и многих других неоднократно упоминаются на страницах его писем.

Заслуживают быть отмеченными отзывы Плещеева о Щедрине, свидетельствующие о глубоком уважении поэта к нему. Помимо приведенной в начале настоящей статьи оценки, которую дал Щедрин чеховской «Степи», надо указать на письмо от 13 сентября 1888 г., в котором Плещеев выражает свое восхищение поразительной энергией смертельно больного уже Щедрина: «Но, что достойно большего удивления, это деятельность Салтыкова. Человек полуразрушенный, на которого глядеть тяжело, и он в течение лета заготовил для „Вестника Европы“ материалу на шесть номеров, т. е. до февраля будущего года включительно, так что ему остается еще написать на две книжки журнала, и он кончит свою „Пошехонскую старину“, которая составит книгу листов в 50! Этот больной старик перещеголял молодых и здоровых писателей». Напомним, что именно Плещееву Чехов, только что получивший известие о смерти Щедрина, пишет письмо с замечательной оценкой великого сатирика (см. XIV, 365)

Бесспорный интерес представляет обмен мнениями обоих корреспондентов по поводу «Крейцеровой сонаты» Толстого. 13 февраля 1890 г. Плещеев рассказывает Чехову о своем впечатлении от этой повести, добавляя, что среди публики многим она не нравится: «В первой половине, в особенности, ужасно много парадоксального, одностороннего, исключительного, даже, может быть, и фальшивого». Признавая, что в «Крейцеровой сонате» «есть очень досадные недостатки» и добавляя к перечисленным

Плещеевым еще один — «смелость, с какою Толстой трактует о том, чего он не знает и что из упрямства не хочет понять».— Чехов тем не менее не соглашается с Плещеевым в общей оценке повести. «...По моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполнения. Не говоря уже о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль» (XV, 15—16). Характерно для самого Чехова письмо, посланное уже после поездки на Сахалин, в котором он отмечал, что, если раньше «Крейцерова соната» была для него «событием», то теперь она ему «смешна и кажется бестолковой» (XV, 136).

Нет сомнения, что настоящая публикация неизданных писем Плещеева к Чехову дает много полезного материала для изучения не только творчества каждого из них, но и более широкого круга проблем русской литературной жизни на рубеже 1880-х и 1890-х годов.

* * *

Переписка Плещеева с Чеховым, завязавшаяся сразу после их знакомства в 1887 г., не прекращалась до последних лет жизни поэта. До нас дошло пятьдесят девять писем Чехова к Плещееву и пятьдесят три письма Плещеева к Чехову. Из последних в сборнике «Слово» было опубликовано (со значительными пропусками) шестнадцать и еще два — в отрывках. Из остававшихся неизданными тридцати семи писем Плещеева ниже публикуются тридцать шесть (ЛБ, ф. 331, 55/44/а—е). Одно письмо (февраль 1891 г.) не включено нами в публикацию по незначительности его содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный Исторический архив Московской области. Канцелярия московского генерал-губернатора, секретное отделение, ф. 16, оп. 50, д. 33, лл. 32—34.

[2] ЦГИА, ф. 109, III Отд., 1 эксп., д. 214, ч. 43, № 520 от 26 июня 1859 г., л. 84.

[3] См. письма Плещеева к М. Л. Михайлову 1856—1861 гг.,—ЦГАЛИ, ф. 1111, оп. 2, ед. хр. 39 (публикуется нами в сборнике, подготовленном ИРЛИ).

[4] Государственный Исторический архив Московской области. Канцелярия московского генерал-губернатора, секретное отделение, ф. 16, оп. 52, д. 6, л. 84; оп. 53, д. 119, л. 30; оп. 54, д. 1, л. 85; ф. 46, оп. 1, д. 988, л. 2 об.

[5] Характерно, что позднее, в начале 1890-х годов, Чехов и сам понял, что даже эпизодическое сотрудничество в «Новом времени» не принесло ему «как литератору ничего, кроме зла» и он подчеркивал: «по убеждениям своим я стою на 7375 верст от Жителя ⟨А. А. Дьякова⟩ и К°» (XVI, 54). См. также: С. Я. Елпатьевский. Антон Павлович Чехов.— «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 460—461.

[6] ЦГАЛИ, ф. 378, оп. 1, ед. хр. 46, лл. 1—2. Это мнение Щедрина о «Степи» обычно приводят по письму сына поэта к Чехову и по его воспоминаниям, где отзыв Щедрина передан неточно, без подчеркнутых нами слов. Письмо частично опубликовано в газ. «Невод», 1907, № 1, стр. 7.

[7] «Материалы к биографии А. Н. Плещеева, составленные А. А. Плещеевым» (рукопись) — ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1558, лл. 1—5.

[8] По-видимому, Плещеев имел в виду статью Ю. Николаева (Говорухи-Отрока) в «Московских ведомостях», 1889, № 345, от 14 декабря.

[9] См., например, статью Михайловского «Об отцах и детях и г. Чехове».— «Русские ведомости», 1890, № 104, от 18 апреля.

[10] ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 406, л. 19. Письмо Плещеева к С. А. Юрьеву, без года, датируем 1884 г. по содержанию (см. также неопубликованные письма к А. П. Лукину 1884 г.— ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 649).

[11] ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 406, письмо от 21 марта ⟨1887 г.⟩ к С. А. Юрьеву, л. 5. См. также письма Плещеева к Н. К. Михайловскому — ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 534, письмо к И. А. Астафьеву — Рукописный отдел Гос. Лит. музея, осн. фонд № 968.

[12] После того как Плещеев получил в 1890 г. крупное наследство, он помог Михайловскому при основании журнала «Русское богатство», предоставив для этого 5 тысяч рублей (письмо Н. К. Михайловского к сыну поэта, А. А. Плещееву, от 4 июля 1895 г.— Рукописный отдел Гос. театрального музея им. Бахрушина. ЦТМ 77283). Следя за новым журналом, Плещеев отмечал, что Михайловский придает ему «много блеску» (письмо к В. М. Соболевскому от 12 июля 1893 г.— ЦГАЛИ, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 17, лл. 1—2); см. также письмо Плещеева к А. И. Иванчину-Писареву от 27 августа 1892 г. (ф. 114, оп. 2, № 354, л. 1). Высоко оценил Плещеев также «Воспоминания» Михайловского (письмо П. И. Вейнберга к Плещееву от 22 октября 1891 г. — ЛБ, ф. 359, п. 8225, ед. хр. 19 ж.).

ПИСЬМА ПЛЕЩЕЕВА К ЧЕХОВУ

1

Петербург. Пятница <5 февраля 1888 г.>

Дорогой Антон Павлович. Повести вашей я еще не получил, вероятно, получу сегодня. Сейчас был у меня Короленко, он не знал о том, что вы рукопись выслали, и тоже написал вам [1], чтоб вы высылали ее поскорей.

Сию минуту мне подали вашу рукопись... В журнале так торопят, что, может быть, не придется и прочесть повесть в рукописи. В феврале всего 29 дней, а книжка должна выйти к 1-му числу.

Но вот о чем я хочу сказать вам, голубчик... Вы желали бы получить 200 рублей за лист. Я знаю средства журнала. Они таковы, что эта цена за большую вещь, как ваша, — должна будет несколько отяготить бюджет журнала. У нас до сих пор высшая плата была 150 за лист. Ее получает и Короленко (исключение, впрочем, составляет Глеб Успенский, получающий 200. Но его рассказы редко превышают лист — и, кажется, никогда не превышают двух листов; но и то редакторша [2] кряхтит... Притом же тут были особенные обстоятельства, когда ему положили в первый раз эту плату; и с тех пор нельзя уже было ее уменьшить). Если я прямо заявлю редакторше, что вы желаете 200 р. за лист, то я боюсь, что повесть, хотя и возьмут, конечно, но будут относиться к вам *не столь дружелюбно*; а мне бы хотелось, чтоб было совсем противоположное. Это мое личное мнение *, и вы мне простите, голубчик, что я вам это высказываю. С другой стороны, я хорошо понимаю, как вам нужны деньги и что вам 200 р. даст сейчас «Русская мысль». А потому убедительно прошу вас *телеграфируйте* мне *сейчас же* по получении моего письма — должен ли я поставить редакции как ультиматум: 200 р., и если бы редакция не нашла возможным дать этого, — то не должен ли я возвратить вам рукопись? Пожалуйста, не замедлите ответом.

Постараюсь, чтобы аванс выслали вам тотчас по получении от вас телеграммы [3].

Крепко, крепко вас обнимаю.

Большое, сердечное спасибо за ваши хорошие письма и за ваше дружеское расположение.

Мы с Короленко проектировали сегодня поездку с вами по Волге летом. Вот если бы это осуществилось — как бы я был доволен! Опостылело мне каждое лето сидеть на петербургских дачах!

От Островского получил большое письмо [4], на которое еще не отвечал; ни минуты свободной нет. Так меня приперли к стене обстоятельства, в таком я нахожусь анафемском положении, что даже разнемогся. Нервы совсем-совсем развинтились. Не пожелал бы и врагу быть в моей шкуре. Семья моя усердно вам кланяется. Старшая дочь собирается поехать в Москву и непременно зайдет к вашим [5].

Будьте здоровы, веселы и пишите искренно и сердечно вас любящему

А. Плещееву

Бедный Леонтьев болен; и все еще не выходит. У него было воспаление в какой-то кишке, как он пишет.

Письмо помечено Плещеевым 4 апреля, однако эта дата ошибочна: письмо написано 5 февраля, на третий день после отправки «Степи» (XIV, 32); 5 февраля действительно приходилось на пятницу. Ср. также строки из публикуемого письма: «В феврале всего 29 дней...»

---

* Плод моих психологических наблюдений. — *Прим. Плещеева.*

[1] Письмо от 4 февраля 1888 г.— В. Г. Короленко. Собр. соч., т. X. М., 1956, стр. 83.

[2] Редактор «Северного вестника» — Анна Михайловна Евреинова.

[3] Эта телеграмма Чехова неизвестна.

[4] Петр Николаевич *Островский* (1839—1906)—инженер, критик-дилетант, сводный брат драматурга. Плещеев ценил критические способности Островского («Слово», стр. 238); в этом с ним соглашался и Чехов (XIV, 51). Упоминаемое письмо Островского к Плещееву неизвестно. В ИРЛИ хранится пять писем Плещеева к Островскому (ф. 123, оп. 1, № 681).

[5] Елена Алексеевна Плещеева. Чехова она, по-видимому, в этот приезд не посетила.

2

Петербург. 26 февраля <1888 г.>

Я действительно прихворнул, дорогой Антон Павлович. Сильную простуду схватил и вот уже третью неделю сижу дома. Было гриппозное состояние, и бронхит мой расходился. В первое время температура доходила даже до 39. Теперь я только чувствую некоторую слабость и жду первого дня потеплее, чтоб выйти. Но как на зло морозищи стоят анафемские и все с ветром. Сегодня редакция «Северного вестника», переехавшая на новую квартиру, празднует новоселье, на котором я, таким образом, не буду. Особенно, впрочем, об этом не скорблю. Вчера заходил ко мне Михайловский и сообщил мне, что по поводу «Степи» вступил с вами в переписку и что вы ему отвечали [1]. Островский тоже намерен, кажется, настрочить рецензийку (но, впрочем, вероятно, не для печати) в форме письма к вам [2] и нетерпеливо ждет оттиска. Книжка уже готова [3]. 1-го выйдет наиаккуратнейшим образом.

Мне любопытны эти различные мнения о «Степи», которая мне так понравилась, и Короленко тоже [4]. А вот его последняя вещь не произвела на меня особенного впечатления [5]. Да, очень бы хотелось, чтобы наша поездка по Волге осуществилась [6]. Чувствую непреодолимое стремление вырваться отсюда на лето. Мне нужен отдых и физический и нравственный. Возвратясь с Волги, я постараюсь уехать еще куда-нибудь в деревню; так, чтобы не возвращаться в Петербург до конца августа, если возможно. Но сколько мне надо побороть препятствий для осуществления этого плана, если б вы знали! Как вздумаю только о своих делах, так руки и опускаются и всякая надежда пропадает; думаешь: где уж тут вырваться... опять застрянешь в этом болоте. Во время болезни настроение духа у меня было самое скверное. Так я волновался и тревожился, что, полагаю, и болезнь затянулась отчасти от этого. Но будет об этом...

Моя старшая дочь теперь в Москве. Поехала на несколько дней погостить. У ней там есть родственники и близкие знакомые. Ужасно хотелось поехать с ней вместе. Не будете ли вы здесь как-нибудь, хоть великим постом, что ли? Здесь великий пост незаметен, — не то, что в Москве.

Щеглов поправился и навестил меня во время болезни. Похудел он. Я его в «Русскую мысль» рекомендовал театральным корреспондентом; и рассказ у него там просят, обещают деньги вперед выслать. Он не совсем в хорошем настроении, поскрипывает. Вот вы приедете — «заведете» его; а я плохой часовщик, меня самого заводить надо. Рассказец, присланный вами, прочту не сегодня-завтра и постараюсь приткнуть куда-нибудь...[7] Не удивляюсь, что вас не удовлетворил Отелло. Ни за что бы я 6 рублей не дал Ленскому. Ну, какой он Отелло![8] Меня гораздо больше интересует, как прошла ваша новая пьеска-монолог «Калхас»[9]. Я бы желал ее прочесть.

Прощайте пока, голубчик, Антон Павлович. Извините за это безалаберное, неинтересное ни в каком отношении письмо, в котором моя собственная особа занимает чересчур много места. Мои вам просят очень кланяться и благодарят за память...

Вы уж небось принялись за новый труд... Сложа руки вы никогда не сидите. Нечего говорить вам, что вашего романа я буду ждать как манны небесной...[10], ибо считаю вас в настоящее время самой большой художественной силой в русской литературе. Скажу вам по правде, что пропрославленный и не в меру превознесенный Гл. Успенский порядочно-таки надоел. Все одну и ту же нотку тянет...

Крепко жму вашу руку. Не забывайте и хоть изредка черкните несколько строк. А еще лучше — приезжайте сами. Ждем вас нетерпеливо. Подбодрите нас с Щегловым.

Ваш душевно А. П л е щ е е в

[1] Имеется в виду письмо Н. К. Михайловского к Чехову от 15 февраля 1888 г. («Слово», стр. 216—217. Датировка письма здесь ошибочна: 88.11.15). Ответ Чехова неизвестен.

[2] О получении письма от П. Н. Островского Чехов сообщил Плещееву в письме от 6 марта, отметив, что оно «в высшей степени симпатично, доброжелательно и умно» (XIV, 51). Это письмо Островского напечатано в сб. «Чехов и наш край». Ростов-на-Дону, 1935, стр. 130—133 (см. также «Записки», вып. 8, стр. 50—53).

[3] Мартовский номер «Северного вестника». Цензурное разрешение 25 февраля 1888 г.

[4] Речь идет, видимо, об устных отзывах Гаршина, П. Н. Островского, Михайловского, читавших «Степь» еще в корректуре (см. «Слово», стр. 239). Суждение Короленко о «Степи» позднее нашло отражение в его воспоминаниях о Чехове («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 103—104).

[5] «Святочный рассказ» Короленко «По пути», напечатанный в февральской книжке «Северного вестника» 1888 г. Написанный в 1886 г. для «Северного вестника» под названием «Федор Бесприютный (Из рассказов о бродягах)», рассказ к печати не был разрешен. Короленко переделал его в 1888 г. (см. «Красный архив», 1927, № 5, стр. 184—185). Изуродованный цензурой (см. письмо Короленко к Чехову от 4 февраля 1888 г.— В. Г. К о р о л е н к о. Собр. соч., т. X, М., 1956, стр. 83), рассказ во многом проиграл.

[6] Намеченная Плещеевым, Чеховым и Короленко совместная поездка по Волге летом 1888 г. не состоялась. В письме к Короленко от 24 марта 1888 г. Плещеев писал по этому поводу: «Относительно поездки по Волге — начинаю сомневаться. Чехов хочет поехать на второй день Пасхи, что для меня совсем невозможно. Не знаю, как для вас. Он имеет намерение с Волги свернуть на Кубань. Напишите, что вы думаете насчет этой поездки». См. также письмо к Чехову от 8 февраля 1888 г. («Слово», стр. 240).

[7] Речь идет о рассказе «Одиннадцатый» московского литератора Н. А. Хлопова (1852—1909), автора нескольких пьес (XIV, 49 и 55). В «Северном вестнике» рассказ напечатан не был.

[8] 23 февраля 1888 г. Чехов писал Плещееву: «Вчера смотрел я Ленского — Отелло. Билет стоил 6 р. 20 коп., но игра не стоила и рубля» (XIV, 49—50).

[9] Премьера одноактной пьесы Чехова «Калхас» в театре Корша состоялась 19 февраля 1888 г. (XIV, 39).

[10] Речь идет о романе, задуманном Чеховым в начале 1888 г. Чехов писал Плещееву, что у него «уже готовы три листа»: «Когда я напишу первую часть романа, то, если позволите, пришлю вам на прочтение» (XIV, 36; см. также стр. 150).

3

Петербург. Марта 10 <1888 г.>

Не могу понять, голубчик Антон Павлович, отчего это редакция до сих пор не выслала вам гонорара [1]. Она, кажется, на этот счет всегда аккуратна. Я получил ваше письмо [2] во вторник, — третьего дня, возвратясь домой из редакции; и не медля ни минуты, послал туда письмо, прося, чтобы распорядились скорее о высылке денег. Может быть, вы их теперь и получили уже.

Приезжайте же к нам. Блины теперь кончились, и в Москве раздается постный, унылый, жиденький звон, наводящий тоску... Здесь же как будто и не наступало никакого поста.

Когда приедете, захватите с собой критику, которой подверг вас Петр Николаевич. Мне очень любопытно ее прочесть целиком. Кое-что он мне уже писал о «Степи» [3]. Но мне хочется все прочесть. Относительно

издания критических статей отдельными книжками, я ему тоже подавал мысль, и она одно время ему улыбалась...[4] Он даже осведомлялся, сколько будет стоить напечатать известное количество листов, но потом замолк. Ведь его нужно рычагом с места сдвигать. Он было начал, давно уж это было, — статью о Глебе Успенском писать [5]; я его на это подвигнул, потому что мне хотелось ее напечатать в «Северном вестнике», в котором еще тогда не диктаторствовал Михайловский и не сотрудничал Гл. Успенский [6]. Когда обстоятельства изменились и критически относиться к Гл.

ЧЕХОВ

Фотография, 1890-е гг.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотоотпечатку

Собрание Н. И. Гитович, Москва

Успенскому стало в «Северном вестнике» невозможно, Петр Николаевич статью отложил; но у него, вероятно, остался план или конспект ее; и сочинения Гл. Успенского он проштудировал внимательнейшим образом. Вот бы на первый раз книжечка и готова была: Чехов, Гл. Успенский. Я уверен, что книжка бы заинтересовала многих. Если б в «Новом времени» не было этого мерзопакостного Буренина [7], то можно бы было пристроить туда статьи Петра Николаевича, и статьи эти не были бы уж, конечно, «общим местом», как буренинские. Не говоря уже о том, что не было бы кабацко-ярыжного тона и нечистоплотности. В одном мизинце Островского больше ума, знания и честности, нежели у большинства наших современных критиков. Я слышал, что Михайловский писал вам и что вы ему маленький отпор дали, отстаивая свою независимость [8]. Интересно бы мне было и с этим вашим ответом познакомиться...

Вчера просидел у меня вечер Щеглов. Порассказал он мне о своем житье-бытье, и я, право, не удивляюсь, что он пишет вам иногда мрачные письма. То, что ему приходится выносить дома, ради полоумной и скаредной старухи, с которой он не может развязаться и которая отравляет жизнь и

ему, и его жене, — просто может с ума свести нервного человека. Он теперь занят печатанием книжки: «Дачный муж», которую издает ему, кажется, Суворин [9]. И еще у него одно дело навертывается — практическое [10]. Но об этом пускай он сам вам расскажет. Для него практическая деятельность была бы, по-моему, спасительна... Я ему передал рассказ Хлопова. Это рассказец, написанный не без юмору, и который бы можно напечатать в «Северном вестнике», но там столько этих маленьких рассказов лежит — целый ворох, что неизвестно, когда бы он пошел [11]. Может быть, через полгода, через год — а автору это, вероятно, было бы не на руку. Вы спрашиваете, не забыл ли я о Волге. Нет, очень помню. И по мере того, как становится теплей и ощутительней делается близость весны, желание мое совершить эту поездку все усиливается, но вместе с ним усиливается и опасение, что оно не осуществится. Казалось бы, это так легко, но если б вы знали, сколько мне нужно устранить препятствий для того, чтоб исполнить это легкое, которое при ближайшем его рассмотрении окажется непременно трудным. Вот когда приедете сюда, мы подвергнем этот вопрос всестороннему обсуждению.

До свидания пока, дорогой Антон Павлович.

Сколько я похвал слышу вашей «Степи»! Гаршин от нее без ума[12]. Два раза подряд прочел. В одном доме заставили меня вслух прочесть эпизод, где рассказывает историю своей женитьбы мужик, влюбленный в жену. — Находятся, впрочем, господа, которые не одобряют... Про одного такого рассказывал Гаршин и глубоко возмущался... потому что это было явно из зависти. Это один из юных писателей и ужасно дрянненькая личность. Начали ли вы еще что-нибудь — и что именно? Или отдыхаете после «Степи»? Имеете на то полное право. Крепко жму вашу руку и нетерпеливо жду вашего приезда. Мои все шлют вам поклон.

Ваш душевно А. П л е щ е е в

Сон у меня хорош, аппетит есть — но денег нет, а я согласен бы лучше, чтобы первых двух не было, а были бы только последние.

Из письма опубликована только заключительная часть («Слово», стр. 241—242).

[1] Гонорар за повесть «Степь».

[2] Письмо Чехова от 6 марта 1888 г. (XIV, 51—53).

[3] Письмо П. Н. Островского к Чехову о «Степи» см. «Записки», вып. 8, стр. 50—53.

[4] Чехов также советовал Островскому напечатать свои статьи отдельными брошюрами (XIV, 51).

[5] Статья П. Н. Островского о творчестве Глеба Успенского неизвестна.

[6] Н. К. Михайловский начал сотрудничать в «Северном вестнике» с конца 1885 г.; он заведовал критическим и научным отделами до марта 1888 г., стремясь превратить «Северный вестник» в орган либерального народничества. Говоря о диктаторстве, Плещеев имеет в виду обыкновение Михайловского настаивать на опубликовании идейно близких ему, хотя бы и посредственных беллетристических произведений, ставя условием своего участия в журнале помещение той или иной вещи (письмо Плещеева к Михайловскому от 1888 г.— ИРЛИ, ф.181, оп. 1, ед. хр. 534, лл. 3—4). Однако Плещеев ценил критический талант Михайловского и считал важным его участие в «Северном вестнике»: «Я хорошо понимаю, что вы для журнала необходимы, и что вам он обязан большей частью своего успеха» (там же) и, всячески оберегая журнал — «только что свитое гнездо», шел неоднократно на уступки: «... мне уж несколько раз приходилось выносить довольно неприятные щелчки моему самолюбию, и только одно нежелание усиливать распри, делать скандал, заставляло меня сдерживаться, хотя не раз у меня являлось желание крупно поговорить с ним» (ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67, письмо Плещеева к Короленко от 24 марта 1888 г. См. также письмо к Чехову от 21 января 1888 г.— «Слово», стр. 237).

В письме к Чехову от 14 апреля 1888 г. Плещеев передает суждение Протопопова: «Михайловщина душила в последнее время и „Отечественные записки“ и задушила бы „Северный вестник“» (цит. по подлиннику. В «Слове», стр. 244, приведенные строки опущены).

Сотрудничество Успенского в «Северном вестнике» началось с января 1886 г. (см. Г. И. У с п е н с к и й. Полное собр. соч., т. XIII. Изд-во АН СССР, 1951, стр. 647).

[7] В начале 1860-х годов, когда Буренин начал свою литературную деятельность, он примыкал к прогрессивному лагерю. К этому времени и относятся шесть неопубликованных писем к нему Плещеева (ИРЛИ, ф. 36, оп. 2, ед. хр. 357). Однако, как только в его деятельности наметились реакционные тенденции, Плещеев прервал знакомство с Буреninым и принял активное участие в борьбе с ним (письмо Плещеева к П. И. Вейнбергу от 6/18 февраля 1893 г.— ИРЛИ, архив П. И. Вейнберга, 62/27, л. 12; письмо Плещеева к Некрасову от 26 июня 1872 г.— «Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 450).

До конца жизни Плещеев выступал против Буренина и его реакционных статей, «пустых» пьес и стихов. Когда в журнале «Беседа» был напечатан перевод Буренина из Гюго, Плещеев писал его редактору С. А. Юрьеву: «Зачем вы пустили к себе Буренина? Этот господин, действительно, имеет нечистоплотную привычку плевать в тарелку, из которой ест, и постоянно ругает журнал, куда сам лезет со своими дубоватыми стихами... „Отечественные записки" его отучили лазить к ним и даже не совсем деликатно. Он воображает, что его все печатают из боязни его журнальных заметок. Только во время совершенного упадка литературы такое ничтожество может возвышать голос и даже мнить, что он импонирует. Белинский, Добролюбов — и Буренин!» (7 сентября 1872 г.— ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 406, л. 9—9 об.).

[8] См. прим. 1 к письму 2.

[9] Книга И. Л. Щеглова «Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования» (СПб., тип. Суворина, 1888). В нее вошла и пьеса «В горах Кавказа. Картинки минеральных нравов».

[10] По-видимому, речь идет о намерении Щеглова заняться книжной торговлей (см. также ниже, письмо № 6).

[11] См. прим. 7 к письму 2.

[12] Об оценке Гаршиным «Степи» — см. В. Фаусек. Памяти В. М. Гаршина (в сб. «Памяти Гаршина». СПб., 1889, стр. 119—121).

4

Петербург. 30 марта <18>88 г.

Милейший Антон Павлович. Душевно благодарю вас за то, что вы приласкали моего беспутного офицера [1], который в полном восторге и от вас и от всего вашего семейства. Он, кажется, у вас целых два дня пропадал. И уже как он кларет хвалил!

А у нас после вашего отъезда вот какая катастрофа произошла с бедным Всеволодом Гаршиным![2] Не могу вам сказать, до какой степени смерть его огорчила и поразила меня. Из всех молодых писателей, которых вы в Петербурге видали и не видали, это был, бесспорно, самый чистый, самый искренний и самый симпатичный человек... Кто его знал, не мог его не любить. На похороны его собралась, кажется, вся литература либерального лагеря; было несколько лиц и из другого [3]. Видал там и брата вашего [4], но, кроме него, из «Нового времени» не было никого. Вот когда «Житель» [5] подохнет, так они все оросят слезами прах его. Обиднее всего было то, что речи на его могиле говорили, между прочим, и такие люди, которые заведомо его не терпели и которых он не выносил; и также люди совсем ему почти незнакомые. Недаром он всегда был против речей на могиле. В них всегда наполовину фальши и показного. Так было и тут. Те же, которые его любили и ценили, едва ли были бы в состоянии что-нибудь сказать. Слезы не дали бы им говорить.

В «Северном вестнике» — тоже катастрофа, но не исторгающая, к счастью, слез у сотрудников: ушел Михайловский и увлек за собой Гл. Успенского. Пробовал увлечь и других еще — но не совсем удачно. Предлог их ухода — подцензурность журнала, «коверкающая, якобы, их умы...» Михайловский обижается тем, что цензор *ничего не выкинул* из его последнего дневника, что, несомненно, доказывает, что он поглупел, приноравливая свои статьи к цензуре, и ему *стало страшно*! Это я не сочиняю. Это я читал собственными глазами в его письме к Анне Михайловне [6]. Но в сущности тут другая подкладка. Всё его помпадурша пилит его, находя, что он недостаточно властвует и что мало перед ним раболепствуют; а Анна Михайловна даже позволила себе громко выражать, что «Северный вестник» сух и скучен. Анна Михайловна, однако же, не падает духом. Уговаривать и удерживать его пока не высказывает ни малейшей охоты

и надеется, что журнал будет идти и без этих двух корифеев. Кажется, они втайне уповают, что им разрешат бесцензурный журнал, но горько ошибаются! А покамест Михайловский будет писать в «Русские ведомости»[7]. Он едет в Москву и, верно, будет вас также тащить... Но мы твердо веруем, что ни вы, ни Короленко от нас не уйдете. Желательно было бы слышать от вас подтверждение этого[8]. Я имею к вам поручение от редакции «Северного вестника». Мы хотим издать литературный сборник на могильный памятник Гаршина. В субботу вечером будет у нас совещание об этом. Пожалуйста, дайте хоть маленький рассказец. Все статьи будут бесплатные. Такой же сборник затеяли сотрудники «Новостей» с Баранцевичем и Лихачевым во главе[9]. Питаем надежду, что вы не отдадите им предпочтения перед нами. Известите. Щеглов написал было несколько очень искренних и теплых строк, которые хотел прочесть на могиле Гаршина — от лица молодых писателей, но должен был тоже оставить это втуне, так как представителями их явилась даже тля, подобная Леману...[10] Слышали вы об этом литераторе?

Жму вашу руку и желаю вам всякого благополучия. Мне предлагают два даровых билета 1-го класса в Ялту и назад, с тем, чтобы ехать в апреле и пробыть там maximum 6 недель. Страсть хочется этим воспользоваться. Такую потребность отдыха и физического и нравственного ощущаю, что сказать даже не могу. Усиливаюсь добыть денег, но удастся ли, не знаю.

Ваш А. П л е щ е е в

Из письма опубликовано в «Слове» только 20 строк.

[1] *Беспутный офицер* — Николай Алексеевич Плещеев, младший сын Плещеева, офицер Павловского полка. В комментариях к письму Чехова от 15 января 1889 г. ошибочно назван «старшим» сыном (XIV, 548).

[2] Трагическая кончина Гаршина, последовавшая 24 марта 1888 г. Плещеев писал Короленко 24 марта 1888 г.: «И что это за роковая случайность! 〈...〉 Человеку открылась возможность поехать на Кавказ, где мог провести лето с людьми, которые его любили и которых он любил — с семьей Ярошенко. И вот, почти накануне отъезда, он, входя к себе на лестницу, падает с высоты и получает перелом ноги и сотрясение мозга. Только первые сутки он еще говорил немного, но потом впал в бессознательное состояние, продолжавшееся трое суток и из которого он не выходил до самой смерти. И никто в Петербурге ничего не знал об этом. Я сам узнал только вчера; бросился к нему на квартиру, но уже его перевезли в больницу (хирургическое отделение Красного креста), и когда я сегодня пришел туда, то мне сказали, что он умер в 4 часа ночи! Еще так недавно он был у меня!..» (ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

О любви Плещеева к Гаршину как талантливому писателю и замечательному человеку свидетельствуют письма Плещеева к различным адресатам (см., например, письма к Надсону.— «Невский альманах». Пг., 1917, стр. 122—128), написанное поэтом стихотворение «На похоронах Всеволода Гаршина» (А. Н. П л е щ е е в. Стихотворения. Л., 1948, стр. 201—202) и анонимный некролог Гаршину («Северный вестник», 1888, № 4, стр. 1—4). Авторство Плещеева в отношении некролога устанавливается по совпадению основных мыслей с содержанием названного стихотворения.

[3] На похоронах Гаршина на Волковом кладбище 26 марта 1888 г. было много литераторов. Речи произнесли — председатель Литературного фонда профессор истории права В. И. Сергеевич, К. С. Баранцевич, И. И. Ясинский, А. И. Леман, И. И. Горбунов-Посадов. Стихотворения, посвященные памяти Гаршина, были прочитаны Н. М. Минским и С. Дрожжиным.

[4] Александра Павловича Чехова.

[5] «*Житель*» — псевдоним А. А. Дьякова, сотрудника «Нового времени».

[6] Это письмо Михайловского к А. М. Евреиновой неизвестно. О намерении Михайловского уйти из «Северного вестника» еще «весной, в марте в 86-ом, 87-ом» — см. письмо Плещеева к Короленко от 24 марта 1888 г. (ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67). Несмотря на попытки Плещеева предотвратить этот уход, Михайловский покинул журнал в марте 1888 г.

[7] После «Северного вестника» Михайловский сотрудничал некоторое время в «Русских ведомостях». Плещеев писал по этому поводу Короленко: «Михайловский найдет себе, положим, работу в „Русских ведомостях“, но в журнал ни в один его не примут на тех основаниях, на каких он в „Северном вестнике“, т. е. полнейшим диктатором» (ЛБ, ф. 135, письмо от 24 марта 1888 г.). Через некоторое время

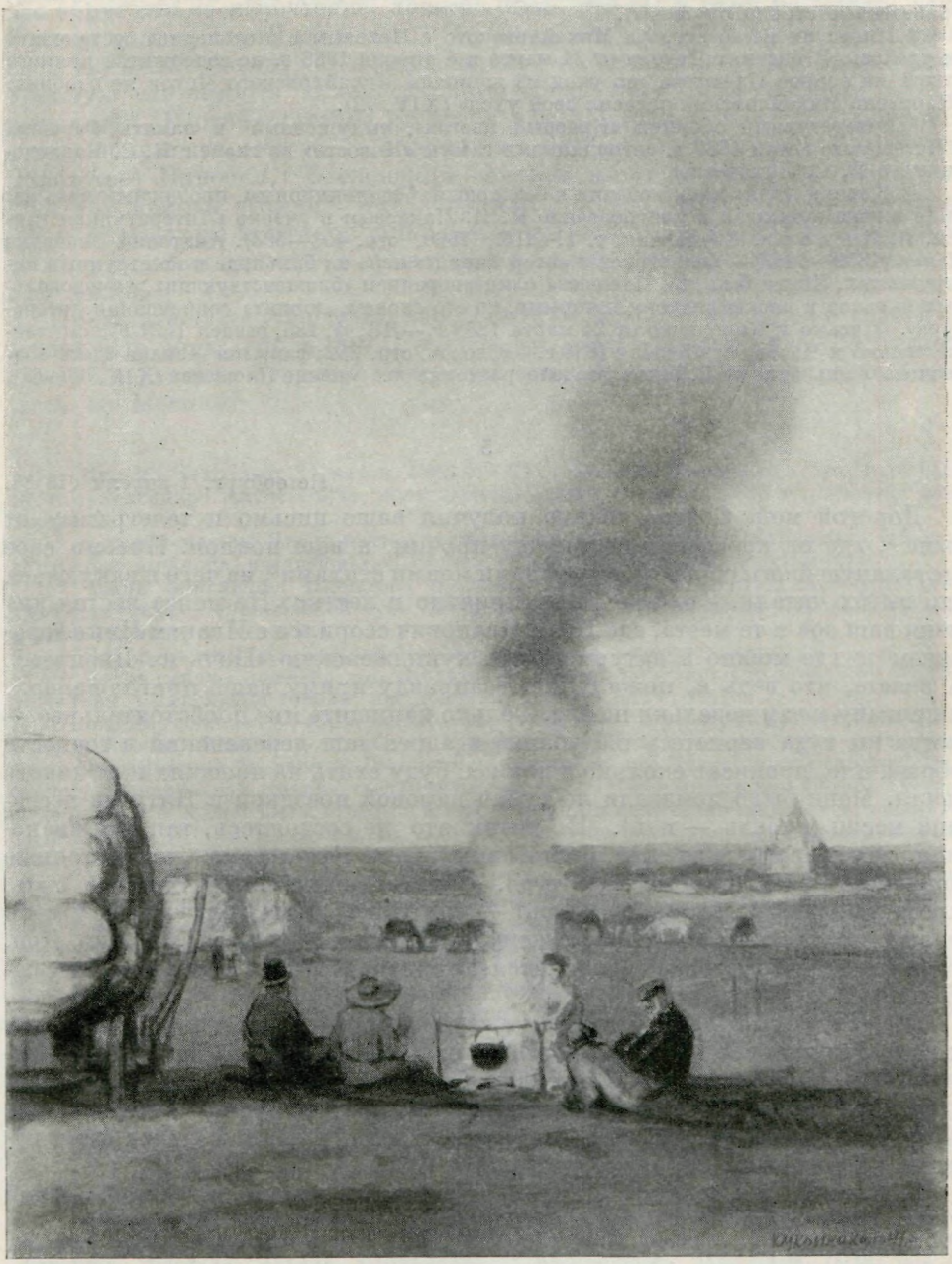


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «СТЕПЬ»
Акварель Кукрыниксов, 1941 г.
Третьяковская галерея, Москва

Плещеев сообщал Чехову о Михайловском: «Он. говорят, пробовал втереться в число пайщиков „Русских ведомостей", но потерпел фиаско, несмотря на свою дружбу с Соболевским» (письмо от 14 апреля 1888 г.— «Слово», стр. 243—246, с пропусками; приведенные строки опущены).

[8] Имела ли место встреча Михайловского с Чеховым в этот период, установить не удалось. В письмах Чехова от 31 марта и 4 апреля 1888 г. не содержится прямого ответа на вопрос Плещеева, но уход из журнала Михайловского Чехов не одобрил: «Напрасно Михайловский огласил свой уход» (XIV, 72).

[9] Литературный сборник «Красный цветок», выпущенный в память Гаршина в Петербурге летом 1889 г. сотрудниками газеты «Новости» во главе с К. С. Баранцевичем и В. С. Лихачевым.

[10] Кличка «тля» в применении к бездарным, беспринципным, продажным писакам была впервые введена в употребление И. И. Панаевым в очерке «Литературная тля» (см. И. Панаев. Сочинения, т. 1. СПб., 1860, стр. 403—533). Анатолий Иванович *Леман* (1859—1913)— беллетрист и автор книг по игре на бильярде и на струнных инструментах. Леман был для Плещеева олицетворением «блаженствующих, самодовольных нахалов и пасквилянтов», которыми, по его словам, «кишит» современная литература». Письмо к Короленко от 24 марта 1888 г.—ЛБ, ф. 135, раздел II,31/67; см. также письмо к Чехову от 15 июля 1888 г.—«Слово», стр. 252; фамилия Лемана здесь обозначена лишь буквой Л.Чехов всецело разделял это мнение Плещеева (XIV, 66—67).

5

Петербург. 1 апреля <18>88.

Дорогой мой. Сейчас только получил ваше письмо и телеграмму от сына [1], где он передает мне, между прочим, и ваш поклон. Письмо свое вы галантнейшим образом пересыпали моими стихами[2], из чего я заключаю, что вы их читали. Это мне очень приятно и лестно. Не менее лестен для меня ваш зов в те места, где Иван Иванович ссорился с Иваном Никифоровичем и где можно в натуре видеть куинджевскую «Ночь на Днепре» [3]. А знаете, что ведь я, пожалуй, и взаправду приму ваше приглашение... и прикачу к вам недельки на две. Только напишите мне пообстоятельнее — когда вы туда вернетесь с Кубани[4] и адрес ваш деревенский в точности обозначьте, прописав сколько я должен буду ехать на лошадях и от какого места. Меня было помазали по губам даровой поездкой в Ялту на весенний месяц (апрель — май). Но потом это не состоялось, так как знакомая, уступавшая мне этот билет, вынуждена была сама, по настоянию докторов, немедленно поехать туда. А уж матушку Волгу, должно быть, придется побоку. Что-нибудь одно — или Днепр, или Волга. Есть у меня и еще приглашение, в Воронежскую губернию — стало быть, на Дон. Какое богатство выбора! А кончится, вероятно, дачей в петербургских болотах.

Литературный фонд устраивает вечер в память Гаршина и посылает к вам официальное приглашение принять в нем участие. Вам и Короленко. Очень уж хочется вас обоих петербургской публике показать; а денег побольше собрать, так как половина сбора пойдет в фонд, а половина на памятник Гаршину... А что — кабы вы приехали! Какой бы вы были паинька! Короленко, вероятно, приедет [5].

Революция в «Северном вестнике» произошла неполная. Михайловский ушел, но попытка его переманить других — оказалась неудачной.

Успенский написал Анне Михайловне письмо [6], что он уходить не желает, Протопопов тоже [7]. Эта дама, настроившая Михайловского, поставила его в очень неприятное положение. Они с ней думали, что он увлечет за собой всех... а вышло, что ушел он один. И господь с ним. Но черта эта очень некрасивая — как ушел сам, так сейчас переменивать других — и гадить журналу.

Вы статейку в гаршинский сборник дайте, голубчик, *непременно*. Мы надеемся иметь и от Л. Толстого и от всех сотрудников «Северного вестника» [8]. Короленко тоже напишет. На вас навела хандру дурацкая статья Аристархова [9]... Но ведь это такая дубина и дубина недобросовест-

ная. Щеглов мне говорил, что на похоронах Гаршина (и там даже эти люди не могут своих литературных дрязг оставить) уж говорил, что хочет вас обругать; за непочтение, должно быть, что вы к нему не зашли, хотя были у кого-то внизу под ним... Серьезно. Он выражал где-то претензию свою по этому поводу. И я пари держу, что это он же настрочил на вас бранную статейку в «Еженедельном обозрении» (при котором «День» выходит)[10]. В этой статейке ставится вам в упрек — как вы осмелились степь описывать, когда ее описал уже Гоголь (!?) Как вам нравится это идиотство! Впрочем, Введенский человек невменяемый. Он давно уже страдает манией величия. Это говорили доктора. «Белинский, Добролюбов и я». Больше критиков у нас нет. — Наплюйте вы на них всех и давайте скорей повестушку [11] в «Северный вестник». Не откладывайте в дальний ящик.

Прощайте пока. Сердечно вас лобызаю. Островский ко мне совсем не пишет. Не знаю, что с ним. Спасибо вам, что ссудили моего беспутного сына [12] деньгами. Старший возвратит вам их. Когда вы собираетесь уезжать из Москвы?

[1] Письмо Чехова от 31 марта 1888 г. (XIV, 64—66). Телеграмма старшего сына поэта Александра Алексеевича, посетившего Чехова 31 марта 1888 г., остается неизвестной.

[2] В своем письме Чехов цитирует стихотворения Плещеева: «Странник», «Песня», «Есть дни: ни злоба, ни любовь», «Старик», «Вперед! без страха и сомненья».

[3] Чехов приглашал Плещеева приехать погостить в нанятую им дачу на Луке, Сумского уезда, Харьковской губ. Плещеев принял приглашение Чехова и прожил у него около трех недель.

[4] Предполагавшаяся поездка Чехова на Кубань не состоялась.

[5] Чехов писал Плещееву, что выехать из Москвы не может «по домашним обстоятельствам. Откровенно говоря, нет денег на дорогу» (XIV, 73).

Плещеев, сожалея об этом, писал 6 апреля своему старшему сыну, находившемуся тогда в Москве: «Как жаль, что он не приедет на гаршинский вечер, куда его приглашает фонд. Пускай бы взял в „Северном вестнике“ аванс. Дадут ему с радостью. Скажи ему. Я, впрочем, поговорю с членами комитета. Не возьмут ли они на себя путевые издержки. Но, может быть, этого не полагается, да и сам Чехов не захочет, пожалуй» (ЦГАЛИ, ф. 378, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1—2; частично опубликовано в газете «Невод», 1907, № 1, стр. 7). Короленко на гаршинском вечере не присутствовал.

[6] В письме к Евреиновой от 15 марта 1888 г. Успенский сообщал о своем намерении выйти из журнала, так как она якобы отозвалась о «Северном вестнике», что он сух и не захватывает живых явлений жизни. Успенский жаловался на «строгость цензуры», необходимость покоряться которой «угашает ум, мысль, талант писателя» (Г. И. Успенский. Полное собр. соч., т. 14, Изд-во АН СССР, 1954, стр. 106—107). Плещеев имеет в виду письмо Успенского к Евреиновой, относящееся к последним числам марта (там же, стр. 113—114; датировка конец марта — начало апреля неточна, так как 1 апреля Плещеев уже сообщает об этом письме Чехову).

[7] Михаил Алексеевич *Протопопов* (1848—1915) — критик. В 1877 г. выступил в «Отечественных записках» со статьей «Литературная злоба дня» под псевдонимом Н. Морозов. Сотрудничал в «Русской правде», «Слове», «Устоях», в 1890-х годах — в «Русской мысли». Отдельное издание его статей вышло в 1894 г. под названием «Литературно-исторические характеристики». Упоминаемое письмо Протопопова к А. М. Евреиновой неизвестно. Из «Северного вестника» Протопопов ушел позднее, в ноябре 1888 г.

[8] Сборник «Памяти Гаршина» (СПб., 1889), инициатором которого был Плещеев. В него вошли стихотворения Гаршина «Пленница», «Свеча», письма Тургенева к Гаршину, рассказ Чехова «Припадок», стихотворения Плещеева («На похоронах Всеволода Гаршина», «Так тяжело мне, так горько мне и больно»), Г. Успенского «Смерть В. М. Гаршина» (переработка статьи, помещенной в «Русских ведомостях»), сказка Щедрина «Ворон-челобитчик», Н. Михайловского «Из дневника читателя» и др. Л. Толстой в сборнике не участвовал.

[9] «*Аристархов*» — псевдоним Арсения Ивановича Введенского (1844—1909) — критика и библиографа, печатавшегося в «Северном вестнике», «Вестнике Европы», «Деле», «Русских ведомостях». Речь идет о его статье «Журнальные отголоски», посвященной мартовской книжке «Северного вестника» («Русские ведомости», 1888, № 89, от 31 марта). Чехов писал о ней Плещееву: «Какое лакейство перед именами и какое отечески-снисходительное бормотанье, когда дело касается начинающих!» (XIV, 66).

[10] «*Еженедельное обозрение*» — газета политическая и общественная с литературно-научным и иллюстрированным приложением «День». Плещеев имеет в виду анонимную рецензию в № 218, от 27 марта 1888 г. (см. в настоящем томе публикацию дневника Щеглова, запись о похоронах Гаршина).

[11] Повесть «Огни», которую писал в это время Чехов для «Северного вестника» (XIV, 66, 78).

[12] Николая Алексеевича Плещеева. См. о нем прим. 1 к письму 4.

6

⟨Петербург.⟩ 2 апреля ⟨1888 г.⟩

Расписался и я к вам, дорогой Антон Павлович. Никак третье письмо строчу. Но вот в чем дело. Вчера происходило у нас собрание по поводу гаршинского сборника [1]. Привлекли мы туда и Баранцевича с К⁰, заявившей о своем издании, думая слиться с ними, и из двух сборников составить один. Но мы так расходимся в плане и вообще во взглядах на этот сборник, что порешили: пускай издает каждый из двух кружков свой особый сборник. Они торопятся, чтобы как-нибудь, тяп да ляп, поскорей сварганить и пустить в продажу. Под свежим впечатлением смерти Гаршина — публика, вероятно, и раскупит их книжку. А это только и требуется. Мы намерены составить свою книжку посолиднее. У нас половину займут биография, личные воспоминания многих лиц о В. Гаршине, его письма, письма к нему Тургенева, которые он не отдал из скромности в то время, когда фонд издавал переписку Тургенева [2], критические статьи о нем и пр. и пр. Вторая половина будет состоять из беллетристических вещей (стихи и проза), и в этом отделе у нас имеется в виду несколько хороших имен: Салтыков, Короленко, Гл. Успенский, — надеемся, что и Чехов будет. А в первом отделе не теряем надежду иметь несколько страничек о Гаршине Л. Толстого.

Таким образом, нужно полагать, что хотя первое впечатление и уляжется, но хороший состав книги заставит публику ее покупать. Деньги, кажется, пойдут не на памятник, потому что жена хочет сама поставить его, а на какое-нибудь более живое дело, могущее увековечить память Гаршина, как например на стипендию или что-нибудь подобное [3]. Часть, может быть, и на памятник пойдет. А как вам теперь сделаться — очень просто: Баранцевич вчера заявил, что они «новых произведений у авторов не просят», так как не всякий может так скоро написать что-нибудь, а довольствуются напечатанным и от вас рассчитывают получить разрешение на перепечатку какого-нибудь из ваших прежних рассказов из «Петербургской газеты» [4]. Стало быть, нам вы можете дать маленький ненапечатанный рассказец, который вы успеете еще приготовить к 1 августа (крайний срок).

Короленко также разрешил Баранцевичу перепечатать его «Море» из «Волжского вестника» [5].

Короленко здесь. Был у меня вчера. Он огорчен выходом Михайловского и думает, что его трудно будет заменить по редакции научного и критического отдела. Завтра будем все сообща толковать об этом в редакции.

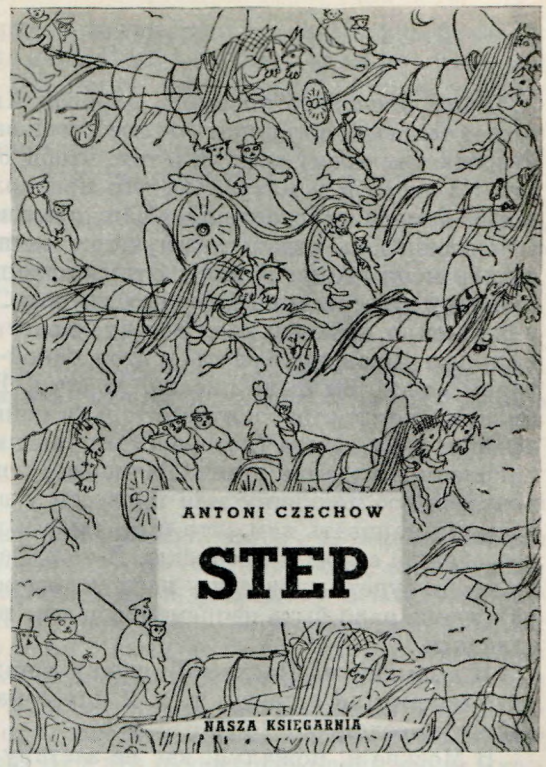
Анна Михайловна — та не унывает и, кажется, смерть рада, что освободилась от ферулы. Кланяется вам очень, равно как и Мария Дмитриевна [6]. Приедете ли вы читать в фонд? Чтение назначено в четверг, 14 апреля [7]. Короленко, кажется, не останется. У него вся семья больна, и он спешит воротиться, чтоб отвезти жену на кумыс в Самару. А, может, его и удержат на два дня. Приехать сюда так скоро побудила его революция, происшедшая в «Северном вестнике». На обратном пути будет у вас непременно [8].

Ялтой меня только по губам помазали. Ту даму, которая нам предлагала два билета, доктора «немедленно» отправили самоё туда... И она уже

ПОЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ ПОВЕСТИ «СТЕПЬ»

Обложка. Рисунок Леопольда Бучковского

Варшава, 1950



уехала, как пишет мне муж ее (Городецкий). Давыдов, Влад. Ник., принят окончательно на петербургскую сцену [9]. Пишите комедию [10].

Прощайте пока, голубчик. Щеглов хотел быть у меня сегодня вечером. Куда его затащишь летом! Он все с своей полоумной бабушкой возится. А с книжным магазином совсем покончил всякие дела. Жму крепко вашу руку.

Ваш душевно А. Плещеев

Известите меня о получении этого письма [11].

[1] См. прим. 9 к письму 4 и прим. 8 к письму 5.

[2] Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883. СПб., 1884.

[3] Деньги, вырученные от издания сборника «Памяти Гаршина», как указывалось в предисловии к нему, предназначались для учреждения народной школы имени Гаршина.

[4] В сборнике «Красный цветок» рассказ Чехова напечатан не был.

[5] Этюд Короленко «Море» («Волжский вестник», 1886, № 286, от 25 декабря) в сборник «Красный цветок» не вошел.

[6] *Мария Дмитриевна* Федорова — секретарь «Северного вестника».

[7] См. выше письмо 5 и прим. 5 к нему.

[8] Встреча Чехова с Короленко состоялась 5—6 апреля (XIV, 79), 8 апреля Короленко возвратился уже в Нижний Новгород (см. В. Г. Короленко. Полное посмертное собр. соч. Дневник, т. I. Полтава, Госиздат Украины, 1925, стр. 131).

[9] В. Н. Давыдов был принят на петербургскую сцену в 1888 г. Плещеев ценил талант Давыдова и в своих письмах неоднократно отмечал своеобразие его артистического мастерства. Давыдов был непременным участником вечеров у Плещеева, где собирались писатели, композиторы, артисты (см. А. А. Плещеев. Материалы для биографии А. Н. Плещеева.— ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1558). Давыдов также дорожил дружескими отношениями с поэтом и подчеркивал, что хотел бы их «сохранить навсегда» (Рукописный отдел Гос. театрального музея им. А. А. Бахрушина. Письма В. Н. Давыдова к Плещееву.— ЦТМ, 77440—42).

[10] Речь идет, очевидно, о первоначальном замысле «Лешего» (см. письмо Чехова к М. П. Чеховой от 22 июля 1888 г.— XIV, 136).

[11] Ответное письмо Чехова от 4 апреля 1888 г. (XIV, 72—73).

7

<Петербург.> 23 апреля <1888 г.>

Ваше последнее письмо [1], дорогой Антон Павлович, такого рода, что может человека остановить от поездки к вам. Толкуете вы в нем о комфорте, подобающем моему «чину», о том, чтобы обставить меня всякими удобствами. Из этого я усматриваю, что предположения мои были основательны и что я могу действительно вас стеснить.

Вы способны отдать мне лучшую комнату и сами с семейством тесниться для меня где ни попало. Этим вы меня совершенно свяжете, и я у вас проживу два-три дня вместо двух недель. Мне нужна маленькая комнатка, в одно окно, какая у меня всегда бывает на даче, где я живу. Нужна кровать или диван, чтоб спать, и стол какой-нибудь вроде ломберного, на котором можно бы было писать, да стул. Больше мне ничего не требуется, никаких комфортов, которые только меня конфузить будут. Был я как-то вечером у Суворина (который был так любезен, что прислал мне свое великолепное издание книги Радищева)[2], и сказал ему, между прочим, что хочу вторую половину мая провести у вас. Он расспрашивал, где это, и поручил написать вам, что и он тоже к вам приедет с тем, чтобы забрать нас обоих с собой в Феодосию. Я-то в Феодосию не поеду, а вы, вероятно, не прочь будете провести у него некоторое время [3]. Мне же в первых числах июня надо быть непременно дома, на это есть много причин весьма солидных.

Я выезжаю на Пасхе в Варшаву и надеюсь вернуться на Фоминой, так во вторник или в среду, т. е. 2 или 3 мая. Черкните мне словечко перед вашим выездом.

В Москве я, пожалуй, вас не застану, потому что раньше 7 или 8 мая не придется выехать туда. Крепко жму вашу руку.

Аванс просите; дадут. Особливо, если повесть пришлете [4].

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Письмо Чехова от 17 апреля 1888 г. (XIV, 86—87).

[2] Книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» была переиздана Сувориным в 1888 г. и воспроизводила издание 1790 г.

[3] Суворин на Луку не приехал. Чехов выехал в Феодосию 10 июля 1888 г. (XIV, 132).

[4] Повесть «Огни». Чехов отвечал Плещееву 25 апреля, что кончил «повестушку» и завтра посылает ее (XIV, 96).

8

Петербург. 10 мая <1888 г.>

Милый друг, Антон Павлович.

Леонтьев говорит, что вы пишете ему, что в июне вы не будете у себя на хуторе [1]. А я до сих пор не могу выбраться из Петербурга. Меня задерживают очень важные дела, относящиеся до редакции. Сообщу вам подробнее при свидании или напишу. Но, если я еще проживу с неделю в Москве, то к вам ехать будет уже поздно. Задерживать вас не хочу, и на неделю ехать не стоит.

Если мне можно будет отхватить еще лишнюю недельку в июне, т. е. если тогда мое присутствие здесь не будет необходимо (в редакции), то я могу теперь же прямо проехать к вам, остановившись в Москве на денек, не более. Но раньше 14-го или 15-го едва ли отсюда выберусь.

Обо всем этом я счел нужным вам сообщить.

Если захотите мне ответить, то, чтоб письмо не разошлось со мной, напишите к Островскому (Московско-Ярославская ж. д., станция Пуш-

кино. Дача По́носова). Если приеду к вам раньше, в Москве проживу подольше уже на обратном пути. Реку Псел мне здесь один приятель так нахвалил, что если я выиграю 200 тысяч, то, пожалуй, куплю усадьбу г-жи Линтваревой [2].

Крепко жму вашу руку.
Ваш сердечно П л е щ е е в

«Огни», по-моему, прекрасная вещица. Но Щеглов ею не удовлетворен, говорит, нет «нравственного вывода никакого». Почему, говорит, автор заключает словами «ничего в жизни не разберешь». Должен, говорит, разобрать. На то он психолог. Строг Щеглов? Скуки я не ощутил ни малейшей, читая «Огни». Щеглов тоже.

[1] Письмо Чехова к И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 3 мая 1888 г. (XIV, 100—101).
[2] Александра Васильевна *Линтварева*—владелица имения] Луки, где снимали дачу Чеховы в 1888—1889 гг.

9

2 июля <1888 г.> Ораниенбаум

Спасибо вам, милый друг Антон Павлович, что не забываете вашего *ex*-жильца. Описание вашей поездки — по обыкновению исполненное юмора и пересыпанное художественными штрихами[1] — доставило мне большое удовольствие, но вместе с тем и повергло в некоторое уныние: очень уж мне досадно стало, что меня с вами не было! Это действительно была, как видно, прелестная поэтическая и веселая поездка. Но вы мне не сказали, кто именно ездил из мужчин, кроме вас. Ездил ли Иван Павлович и братья Линтваревы?[2] Более шести человек, я полагаю, в дедовской коляске не могло уместиться! Вам это путешествие дало много материала, которым вы, конечно, не замедлите воспользоваться. Завидую вам. В близком будущем у вас еще несколько живописных поездок, между тем как я осужден прозябать в Ораниенбауме, где жизнь совершенно городская и где уже начали одолевать меня разные поэтессы [3].

Погода стоит скверная, один день выдастся ясный да два дождливых. Скучно мне здесь достаточно. До сих пор — разные дела заставляли меня ездить несколько раз в Петербург. Так что и за дело-то я как следует еще не мог приняться. И все мне хворается: то одышка, то головная боль. Всего хуже, что глаза у меня опять начинают побаливать, и поэтому я вечером при огне избегаю работать. А так как с 9 часов нельзя же спать завалиться, то и идешь на музыку или в театр, хотя последний плох. Завтра дают пьесу Щеглова «Театральный воробей»[4], и сам Щеглов обещал у меня обедать. Кланяйтесь от меня милейшему Баранцевичу, а «умственному» Воронцову[5] не кланяйтесь. Скучнее этой личности я не видывал. Мне сдается, что он приехал на Луку не без задней мысли. Затевает он, как я слышал, с компанией столь же «умственных» сочинителей журнал, двухнедельный, и, вероятно, ищет на это денег. Если Линтваревы дадут, то глупо сделают[6]. Не стоило для этого рубить лес Павлу Михайловичу. Что касается до понимания художественных вещей, то Воронцову, положительно, недостает этого клапана. Поэзии в нем столько же, сколько в сапожном каблуке. В «Новом времени» напечатан на днях рассказ М. Белинского «Букет цветов»[7]. Как это плохо! Таких рассказов можно по десятку в неделю изготовлять. Не понимаешь, для чего это написано. Жаль, что человек далеко не бездарный совсем разменялся на мелочь и валит с плеча все, что лезет в голову.

Гиляровский ваш передал в «Северный вестник» через Короленку рассказ [8], и Короленко оставил его на прочтение мне. Анне Михайловне очень хотелось его принять; он ей уж очень понравился (не рассказ, а сам Гиляровский).

Я прочел — и, каюсь, покривил несколько душой... принял. Короленко, должно быть, предвидел, что это плохо, но, будучи знаком с Гиляровским, не хотел ему отказывать; а с другой стороны, и помещения очерка не хотел брать на себя. Это один из тех бытовых очерков, которым имя легион; но так как он займет не более листа печатного, то уж так и быть пустим его... авось сойдет! Жаль этого Гиляровского. Дела его, говорят, не блестящи, и работа эта репортерская — каторжная.

Евреинова возобновляет хлопоты об освобождении из-под цензуры. Замечательно, что у нас в редакции многие против этого. Но я думаю, что это, напротив, лучше будет. Только едва ли ей разрешат. Если же разрешат, то надеемся, что тогда ваш роман украсит страницы «Северного вестника»[9].

Поклон мой всем вашим; сын Кока (офицер) тоже очень меня просил и от него кланяться, а кстати: сколько теперь налицо братьев Чеховых — в Луке?

Я написал недавно к Жоржиньке[10] и послал ему ноты, жаль, что он, как вы говорите, уехал в Славянск. На днях посылаю свою фотографию семейству Линтваревых, и уж на этот раз адресую Елене Михайловне[11].

Не знаете ли вы, получили ли мое письмо со стихами братья Смагины?[12] Я писал к ним по получении от них телеграммы. Но они мне не ответили.

Крепко жму вашу руку и желаю вам всего наилучшего. Напишите мне еще до отъезда в Феодосию[13].

Ваш А. Плещеев

P. S. Зачем вы клевещете на Вату[14], будто мое присутствие ее вдохновляло?

[1] Письмо Чехова от 28 июня 1888 г., в котором рассказывается о поездке в Миргородский уезд Полтавской губ. (XIV, 128—130).

[2] *Братья Линтваревы* — Егор Михайлович и Павел Михайлович, сыновья владелицы Луки.

[3] Плещеев писал об этом Короленко 10 мая 1889 г.: «Если б вы только знали, как меня одолевают поэты!.. Редкий день обходится без того, чтоб я не получил двух-трех писем, не говоря о массе стихов, которые я каждый вторник уношу из редакции и получаю лично от посещающих меня стихотворцев. Самое ужасное то, что эта масса пишущих стихи почти сплошь совершеннейшая бездарность!» (ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

[4] «*Театральный воробей*» — комедия-шутка в 2-х действиях.

[5] Василий Павлович *Воронцов* (псевдоним: В. В.) (1847—1917), экономист и публицист, теоретик народничества 1880-х—1890-х годов. В. И. Ленин подверг критике экономические и политические взгляды Воронцова в ряде своих работ. Критике взглядов Воронцова посвящена книга Г. В. Плеханова «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова». Критический этюд. СПб., 1896. Воронцов гостил у Линтваревых в Луке летом 1888 г.

[6] На это сообщение, связанное с проектом либеральных народников организовать журнал «Эпоха», Чехов откликнулся в ответном письме от 5—6 июля 1888 г. (XIV, 131—132).

[7] Рассказ И. И. Ясинского (М. Белинского) «Букет цветов» был напечатан в «Новом времени», 1888, № 4429, от 29 июня.

[8] Имеется в виду рассказ В. А. Гиляровского «На плотах», позднее напечатанный в «Русских ведомостях»; в «Северном вестнике» произведения Гиляровского не публиковались.

[9] См. прим. 10 к письму 2.

[10] Егор Михайлович Линтварев. Письмо Плещеева к нему неизвестно.

[11] Плещеев, сблизившийся как с семьей Чехова, так и с Линтваревыми, писал по возвращении из Луки:

«Я возвратился 20 июня. Три недели прожил я на юге и несмотря на то, что погода эти три недели не постоянно была хорошая, но все-таки сравнительно с нашей это была благодать 〈...〉

Как скудна и мизерна показалась мне наша зелень — после южной 〈...〉 Избаловали меня и южная природа и южные люди. Чеховы попали необыкновенно удачно. Семейство, у которого они нанимали в усадьбе флигель — превосходнейшее,— просто идеальное 〈...〉 Все молодежь, за исключением старушки-матери, очень хорошей и доброй женщины; такая сердечная, умная, честная молодежь 〈...〉 все они, не зная

меня лично, но зная по литературе и литературным чтениям в Петербурге,— вышли на вокзал ж. д. вместе с Чеховыми встречать меня, хотя усадьба находится в 2-х верстах от Сум и хотя я приехал в первом часу ночи ⟨...⟩ И в продолжение этих трех недель, которые я там прожил, меня окружали таким вниманием и участием, относились ко мне с такой сердечностью, что я был глубоко тронут. Место необыкновенно живописное; мы ездили по окрестностям, катались на лодках по реке Пселу, совершали большие прогулки, и я с большим сожалением уехал оттуда.

Не только самые владельцы усадьбы, но и приезжавшие к ним знакомые — земский доктор, студент-медик, двое родственников ⟨...⟩, все это был такой славный интеллигентный народ, с которым я отлично сошелся. Благодаря близости усадьбы от города — мы получали аккуратно газеты и журналы. Там выписывали „Вестник Европы", „Русскую мысль", „Северный вестник", „Русские ведомости". Флигель, в котором живут Чеховы, довольно запущенный, но зато окна в моей комнате выходили в старый сад с вековыми деревьями, в котором птицы задавали по утрам такие великолепные концерты, каких здесь не услышишь ⟨...⟩ Пройдешь по этому саду, подымешься в гору — и перед тобой открывается великолепный вид на реку и ее живописные берега» (письмо к М. В. Ватсон от 15 июля 1888 г.— ИРЛИ, ф. 402, архив М. В. Ватсон, оп. 2, № 429, лл. 35—36).

[12] Речь идет о стихотворении Плещеева «Антону Павловичу Чехову» («Цветущий, мирный уголок»), написанном в Луке 6 июня 1888 г. (см. Стихотворения А. Н. Плещеева. СПб., 1898, стр. 569—570). Поэт послал его также в Миргородский уезд — братьям А. И. и С. И. Смагиным — родственникам Линтваревых. Чехов писал Плещееву о нем: «Смагины ваше письмо получили. Стихотворение и до сих пор еще производит сенсацию в Миргородском уезде. Его копируют без конца» (XIV, 131).

[13] Чехов выехал в Феодосию 10 июля, последнее письмо, отправленное Плещееву перед выездом — от 5—6 июля 1888 г. (XIV, 131—132).

[14] *Вата* — Валентина Николаевна Иванова — племянница А. В. Линтваревой

10

10 августа ⟨1888 г.⟩ Ораниенбаум

Где вы и что с вами, милейший Антон Павлович?

Соскучился я без ваших писем. Черкните словечко, голубчик.

Редакция обращается к вам с убедительнейшей просьбой прислать что-нибудь к *октябрьской* книжке. Страшно нужно. Хоть волком вой с беллетристикой!! В сентябрьской книжке все идут никому неведомые имена. Очень может быть, что ничего большого у вас нет еще, — в таком случае не стесняйтесь — пришлите маленький рассказец или два — это бы было прекрасно — величиной с фельетон «Нового времени». Большое спасибо скажем вам; и денег дадим; хотя бы рассказы ваши не покрыли аванса, взятого в редакции. В октябре надо чем-нибудь блеснуть, и если будете вы да Короленко — то больше нечего и желать [1].

Мы не теряем надежды выйти из-под цензуры к новому году, а может и раньше. Хлопочем сильно.

Вчера получил послание с Луки; благодарственное за присылку карточек. Там все благополучно. Опять живет Вата с мамашей [2], и новорожденный Всеволод [3] (крестник Воронцова и «уважаемого товарища») благоденствует, питаясь молоком матери. Милый Сергей Смагин еще задолго до этого послания выслал мне свою карточку и, между прочим, писал мне забавную вещь: после того, как вы во время своей поездки к нему[4] заезжали зачем-то в аптеку в Сорочинцах, туда явился частный пристав, тот самый, который хотел заставить англичанина Моргана прогуляться по этапу, и настоятельно требовал, чтоб аптекарь сообщил ему имена тех «социялистов», которые были в аптеке, и несмотря на все уверения аптекаря, что это были Смагины и их родственники, хотел ехать в погоню за вами. Эти дураки сами себя на посмешище выставляют и потом жалуются, что власть дискредитируется.

Бедный Суворин! Все у него горе за горем, утрата за утратой [5].

Я остаюсь в Ораниенбауме до сентября, и потому пишите мне сюда.

Крепко жму вашу руку. Ответьте мне поскорей.

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Чехов намеревался прислать к октябрьской книжке «Северного вестника» рассказ «Именины», но кончить его не успел. Рассказ был прислан только к ноябрьской книжке (XIV, 153, 167—168, 175). Произведение Короленко в октябрьской книжке «Северного вестника» напечатано не было.

[2] Екатерина Васильевна Иванова — сестра А. В. Линтваревой.

[3] *Всеволод* — сын Павла Михайловича Линтварева, родившийся в июле 1888 г.

[4] Имеется в виду поездка Чехова к Смагиным, с заездом в Сорочинцы в конце июня 1888 г. (XIV, 128—130).

[5] *Утрата* — смерть сына Суворина — Валериана (XIV, 150), последовавшая вскоре после самоубийства другого его сына — Владимира.

11

19 августа ⟨18⟩88 г. Ораниенбаум

А я только что, дня два-три тому назад, отправил к вам письмо через Суворина, дорогой Антон Павлович,— как получил ваше. Вероятно, Суворин вам перешлет мое; оно вложено в письмо к нему и припечатано облаткой [1]. Я пишу ему несколько соболезновательных слов по поводу новой утраты, постигшей его. Да! беспощадна к этому несчастному человеку судьба! Я думаю, что никакое материальное благосостояние и никакое количество остающихся в живых детей не может служить утешением человеку в жизни при таких утратах.

Островский сообщает мне также в письме ужасную трагедию. Сын драматурга Островского [2], только что кончивший курс в университете и собиравшийся в августе жениться на девушке, с которой рос вместе и в которую давно влюблен был (Кашперовой), чуть не накануне свадьбы занемогает дифтеритом и умирает; а она, схоронив его, отравляется карболкой. Ее перевезли в больницу и кое-как спасли. Одновременно с этим брат ее, офицер, славный парень, товарищ детства моих сыновей, упал вместе с лошадью и расшибся. Хотя сотрясения мозга, кажется, нет, но все-таки это даром не обойдется. Недурно положение родителей, у которых в этом году только умер взрослый сын, перед тем сошедший с ума, тоже офицер![3] Действительно есть семьи, над которыми тяготеет что-то роковое.

Вот вы какой «всемирный путешественник»! Где только вы ни побывали[4]. Понимаю, голубчик, вполне понимаю, как вам не хочется переселяться в Москву. Я уж этим всем наслаждаюсь, что вас так пугает в Москве, и дурными пьесами, и плохими буфетами, и русскими мыслями... или вестниками, ведь это все равно [5].

А нашему «Северному вестнику» не везет: не выпускают его из-под цензуры. Евреинова на днях была у Феоктистова, и пока он тут сидит, кажется, надо отложить всякую надежду на бесцензурность. Он и слышать не хочет об этом. Когда же Евреинова заикнулась о «Русской мысли», где пишут те же сотрудники, он остановил ее словами: «„Русская мысль“ вполне *наша*. Она пишет, как мы желаем; во всем советуется с нами. Это лучший теперь журнал». В разговоре, между прочим, упомянул о «„Короленках и Чеховых“, о которых говорят что-то, но которых он не читал». Евреинова посоветовала ему прочесть. Вот как «Русская мысль» надувает своей бесцензурностью! Очевидно, они интригуют тайно против «Северного вестника» и, может быть, дают взятки цензорам. А у нас подписка все идет да идет.

Ради бога, голубчик, давайте что-нибудь к октябрю, хоть маленький рассказец, а если два, то еще лучше, но и один ничего. Аванс опять вам вышлем.

Не покидайте журнала в критический момент. Ведь у нас теперь по беллетристике хоть шаром покати. Короленко обещает, но даст ли? У него жена родит. Анна Михайловна вам бьет челом о том же и велит кланяться всем вашим. От меня тоже почтение Евгении Яковлевне и Марии

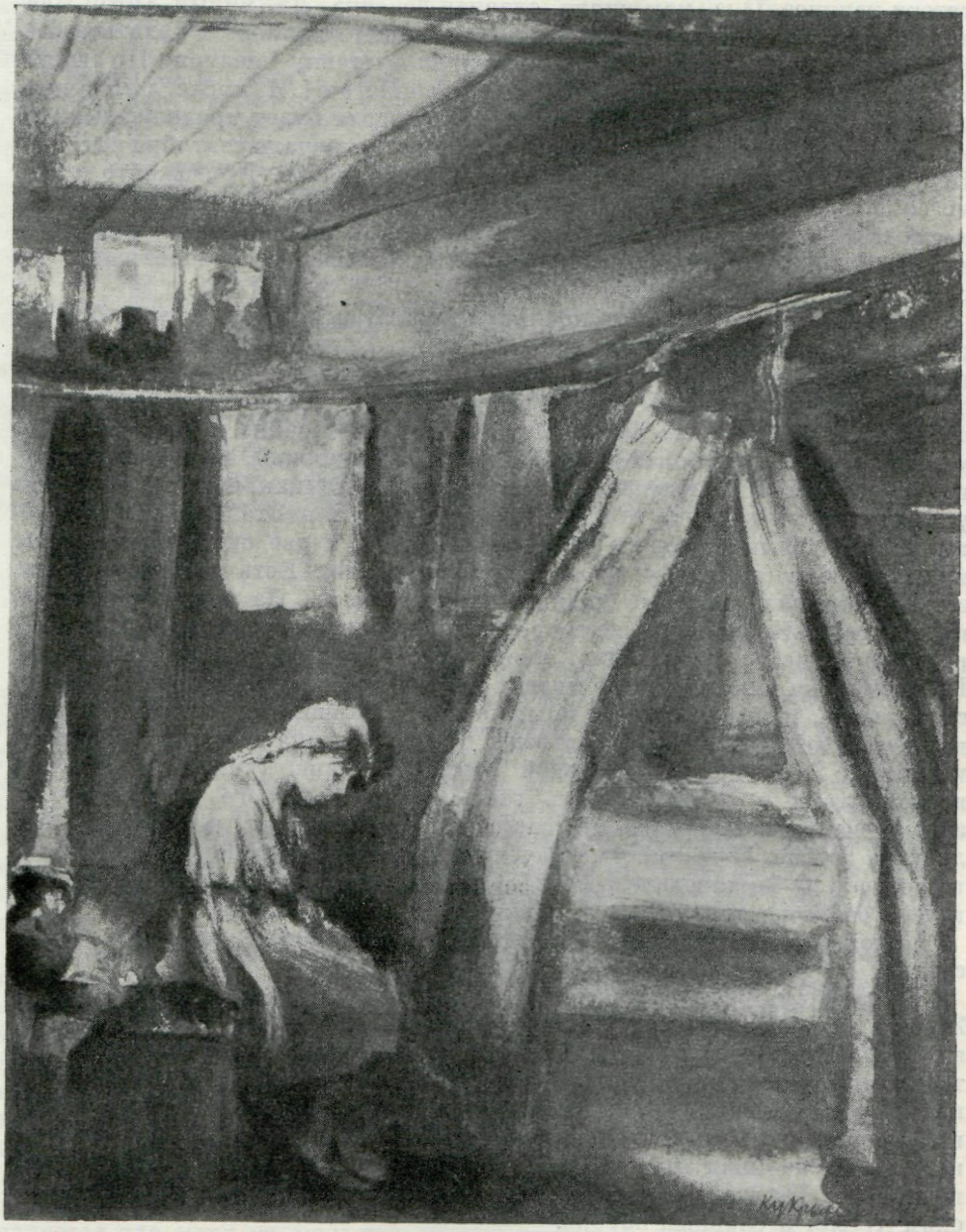


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «СПАТЬ ХОЧЕТСЯ»
Акварель Кукрыниксов, 1941 г.
Третьяковская галерея, Москва

Павловне и поклон братьям. Я получил письмо от Ваты — благодарность за высылку моей фотографической карточки, очень задушевное и институтски наивное. Она, как видно, славная девочка. Да, милый Антон Павлович, хорошо бы куда-нибудь летом в будущем году совсем уехать из Петербурга, и на юг хорошо бы, и в Париж на выставку [6] недурно. Но знаете, ведь человек предполагает, а карман располагает! Я также думаю прожить в Ораниенбауме до сентября, а если погода будет продолжаться такая, какая она стоит теперь вот уж три дня, то и начало сентября захвачу. Нетерпеливо буду ждать вас в Петербурге в ноябре. Приезжайте к дню моего рождения (22-го). Хоть и не особенно приятно праздновать его, когда тебе 63 года стукнет, но уж так заведено — обычай таков, что празднуешь. Я все считал, что мне 64 будет, и был внезапно обрадован тем, что обсчитался. Все-таки годом меньше.

Сыновья шлют вам также поклон. Старший сын у меня комедию четырехактную написал [7], читал мне и на днях отдает ее в цензуру, потом в Комитет. Я к его литературной деятельности относился всегда и отношусь «отрицательно» и не считаю его способным ⟨ни на⟩ какой серьезный литературный труд уже по тому одному, что он крайне необразован. Но у него есть прирожденный юмор, положим, неглубокий, но неожиданный, непосредственный, не деланный, не надуманный (как, например, иногда у Леонтьева), и комедия его вышла не совсем уж плоха. Главное, что мотив совсем новый, которого на сцене не было, и две очень благодарные мужские роли (любовь у него на третьем плане). Есть забавные сцены, есть выражения, которые должны вызвать смех. На сцене она может иметь успех. Конечно, о литературных достоинствах тут не может быть речи; но написана пьеса бойко, живо, хотя крайне небрежно и торопливо. По-моему, она никак не хуже многих пьес, имевших успех в Александринском театре, и между прочим крыловских [8]. Гаршинский сборник еще не двигается, потому что все в разъезде. Два художника доставили недурные картинки: Ярошенко и Дубовской [9], есть несколько стихотворений, есть воспоминания о Гаршине, есть статьи Михайловского и Успенского; а пока еще ничего другого. На вас очень рассчитывают, что вы хоть полистика дадите. Пожалуйста, голубчик. Раньше, как к ноябрю, пожалуй, не поспеем. О баранцевичевском сборнике ничего не слышно; а потому нам нечего особенно торопиться. Только бы сделать получше.

Какой-такой план у вас, касающийся меня? [10] Очень это меня интересует.

Пожалуйста, передайте мой искренний привет всем Линтваревым. Жоржу скажите, что я его очень одобряю за намерение ехать в консерваторию. Еще передайте им, что им просит очень кланяться *Фаусек* [11], только что возвратившийся с Севера, из Соловков, куда ездил с ученой целью, по поручению Географического общества. Он ждет на днях рождения наследника или наследницы. Вчера обедал у меня в Ораниенбауме и тоже рассказывал мне массу интереснейших вещей. Это большой ваш поклонник. Вы его, кажется, у меня видели. Человек с большим эстетическим чутьем и славный парень.

Прощайте пока, голубчик. Будьте здоровы. Желаю вам хорошего настроения «писательского». Жду ответа на это и на предыдущее письмо.

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Упоминаемые письма Плещеева к Чехову и Суворину неизвестны.

[2] Речь идет не о сыне, а о племяннике А. Н. Островского, сыне его брата М. Н. Островского.

[3] Имеются в виду Николай Владимирович и Андрей Владимирович Кашперовы. Последний, больной тифом, выбросился из окна в конце 1887 или начале 1888 г. (Сообщено внуком композитора В. Н. Кашперова — Алексеем Владимировичем Кашперовым.)

[4] Плещеев имеет в виду поездку, которую совершил Чехов в июле—августе 1888 г. по Крыму и Кавказу (XIV, 149).

[5] Чехову очень не хотелось уезжать из теплой Украины в Москву— с ее «холодом, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями» (XIV, 149—150). Подхватывая намек, Плещеев ставит знак равенства между журналами «Русская мысль» и «Русский вестник».

[6] Всемирная выставка открылась в Париже 6 мая 1889 г. (см. А. Л. Э ф р о н. Торжествующая Франция. СПб., 1890).

[7] Пьеса «Федот, да не тот», написанная А. А. Плещеевым (М., изд. С. Ф. Рассохина, 1888). Была поставлена на частной сцене в Петербурге.

[8] Плещеев неоднократно выступал против безыдейного репертуара Александринского театра, на сцене которого шли никчемные пьесы Невежина, Крылова и подобных им авторов (см. письма к Чехову.— «Слово», стр. 259 и 277).

[9] Николай Алексеевич *Ярошенко* (1846—1898) — художник-передвижник. Был связан с Гаршиным, Успенским, Плещеевым, автор портретов современных ему писателей. Ярошенко принимал совместно с Плещеевым активное участие в подготовке к изданию и распродаже сборника «Памяти Гаршина». В сборнике был помещен рисунок Ярошенко по его известной картине «Кочегар».

Николай Никанорович *Дубовской* (1859—1918) — художник-пейзажист. В сборнике был помещен его рисунок к рассказу Гаршина «Четыре дня».

[10] В письме к Плещееву от 13 августа 1888 г. Чехов сообщал, что предполагает пригласить Плещеева летом следующего года на Украину, где он хотел купить хутор (XIV, 150).

[11] Виктор Андреевич *Фаусек* (1861—1910) — профессор зоологии, друг Надсона и Гаршина. Летом 1888 и 1889 гг. на средства Петербургского общества естествоиспытателей и Географического общества совершил две поездки на север.

12

8 сентября <1888 г.> Ораниенбаум

Завтра переселяюсь в Петербург, голубчик Антон Павлович. Приходилось часто туда ездить, да и холодно по вечерам на даче. Ваше последнее письмо рисует такие заманчивые, приятные перспективы [1], что даже не верится, чтоб все это могло осуществиться. Конечно, я всей душой желал бы видеть вас на будущее лето хуторянином... но, смотрите, не запутайтесь с этими банками, не наживите себе забот, которые лишат вас покоя и будут мешать вашей литературной деятельности. Основание литературной колонии — мечта, делающая честь вашему альтруистическому чувству, но для осуществления которой нужно также побороть много препятствий...

Куда занесет меня судьба будущим летом — не знаю. В Крым я и сам не очень стремлюсь, хотя бы и не прочь взглянуть его. Хутор улыбается мне гораздо больше, и я заранее благодарю вас за приглашение, но для меня двинуться куда бы то ни было всегда дело очень трудное. Нынешнее лето, за исключением тех трех недель, которые я прожил у вас,— я провел самым скучным и глупым образом, как проводят все петербургские дачники. Да и хворал беспрестанно то тем, то другим. Старость дает себя знать.

Другая новость, которую вы мне сообщаете (секретно) о намерении Линтваревых соединить брачными узами Ивана Павловича с Ватой — является для меня не меньшею неожиданностью, чем первая. Но почему бы этому и не быть. Оба они, и Иван Павлович и Вата, такие симпатичные, и если только они друг другу нравятся, то нет резона думать, чтоб они могли быть несчастливы в супружестве. А Ватина мамаша, кажется, баба безвредная. Она мешать не может. Я не понимаю, почему Сергею Смагину необходимо резать скот — ради ценза? Какой и на что ему ценз?

А комедию сына Литературно-театральный комитет не пропустил [2] (хотя и не единогласно, так что он может перенести в общее собрание), протокол написали мягкий и позолотили пилюлю — некоторыми похвалами.

Все это Григорович [3] сделал из боязни, вероятно, не угодить Буренину, которого сын мой раз пытался бить.

Григорович возвратился из-за границы очень недавно; сильно постарел и осунулся. Не вылечился ни от болезни, ни от двоедушия. Привез повесть, которую мне хотелось бы получить в «Северный вестник», но Берг уже объявил, что она будет в «Русском вестнике»[4], а Григорович уверяет, что он не обещал ему положительно; и будет читать мне повесть. Я заранее уверен, что это очень плохо, как и все, что он пишет в последнее время, но у него есть имя. Только боюсь, что цену заломит большую. Боборыкин прислал нам повесть [5]. Я прочел ее, очень недурная вещь, хотя конец мне не нравится. Обещал мне роман Шеллер (Михайлов). Его романы всегда занимательны и находят себе много читателей, хотя иногда слишком тенденциозны [6]. Но где же взять беллетристов? А нам необходимо запастись на зиму чем-нибудь большим. Вашего рассказа[7] ждем нетерпеливо. Был здесь Короленко. Он все возится с «Русской мыслью», хотя обещал и нам к ноябрю. Казалось бы, прежде всего, следовало дать в журнал, где он член редакции. Очевидно, тут влияет Михайловский; я слышал недавно, что люди из его кружка говорят о «Северном вестнике»: «Вот мы перетянем у них Короленко». Если Михайловскому удастся свой журнал основать,— как он о том сильно хлопочет,— то почти наверное можно сказать, что Короленко туда совсем уйдет. Он сильно преклоняется перед авторитетом Михайловского; и даже теперь, прямо с железной дороги, по словам Анны Михайловны, явился к нему [8]. Ах! Если б вы знали, как мне надоели эти всякие кружковые дрязги. Ни в чью-то искренность нельзя верить.

Видели ли вы Островского? При свидании спросите его, получил ли он мое письмо?

Нынче только собрался ответить обер-композитору, как вы называете Жоржика.

Мой сердечный привет всем вашим. Присылайте рассказ поскорей. Один рассказ у нас выкинула цензура[9]. Вы скрасите всю книжку, а то в ней беллетристика совсем не ахтительная. А какова ругня идет у Протопопова с Скабичевским?[10]

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Письмо Чехова от 27 августа 1888 г. (XIV, 153—154).

[2] См. прим. 7 к письму 11.

[3] Д. В. Григорович был председателем Театрально-литературного комитета.

[4] Повесть Григоровича «Не по хорошу мил, а по милу хорош», напечатанная в «Русском вестнике», 1889, № 1.

[5] Повесть П. Д. Боборыкина «Изменник», напечатанная в «Северном вестнике», 1889, № 2—6.

[6] Александр Константинович *Шеллер* (1838—1900, псевдоним Михайлов) — беллетрист и автор публицистических статей. Перу Шеллера принадлежит также ряд исторических работ («Пролетариат во Франции» и др.) .С 1882 по 1900 г. Шеллер редактировал петербургский еженедельный журнал «Живописное обозрение». Плещеев относился положительно к редакторской деятельности Шеллера (см. письма Плещеева к Шеллеру конца 1880-х годов.— ЦГАЛИ, ф. 558, оп. 1, ед. хр. 30).

[7] Рассказ Чехова «Именины».

[8] Короленко был соредактором Плещеева по беллетристическому отделу «Северного вестника». Поэт относился с большим уважением к Короленко прежде всего за то, что это был «твердый, закалившийся в испытаниях человек с стойкими убеждениями» («Слово», стр. 239—240). Плещеев дорожил сотрудничеством Короленко в «Северном вестнике» и стремился привлечь его к более активному участию в редакционной жизни журнала: «Как бы хорошо и полезно было, дорогой Владимир Галактионович, если бы вы приехали сюда теперь хоть ненадолго.

Интересы журнала, если часть сотрудников собирается уйти из него, требуют непременно предварительного общего совещания и обсуждения всех сил, остающихся в нем. Урвитесь на несколько деньков!» (письмо Плещеева от 24 марта 1888 г.— ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

Содержание этого, как и других неопубликованных писем Плещеева, опровергает утверждения автора статьи «В. Г. Короленко в редакции „Северного вестника" и „Русской мысли"», Б. Д. Летова, о том, что «условия для работы Короленко в „Северном вестнике" складывались явно неблагоприятно» чуть ли не из-за изменившихся взглядов Плещеева (см. «Вестник Ленинградского университета», 1956, № 14, стр. 111—112). В действительности, главной причиной ухода Короленко из журнала была его близость к Михайловскому.

После прекращения сотрудничества последнего в «Северном вестнике» Короленко продолжал принимать участие в журнале до середины 1889 г.

Намерение Михайловского основать «свой» журнал осуществилось позднее, когда он стал во главе издававшегося в Петербурге ежемесячного литературного и научного журнала «Русское богатство», которое он превратил в орган либерального народничества. Журнал повел с этой поры борьбу с марксизмом. В беллетристическом отделе «Русского богатства» принимали участие Успенский, Мамин-Сибиряк, Горький. Короленко был деятельным сотрудником «Русского богатства», а после смерти Михайловского в 1904 г. стал редактором-издателем журнала (с перерывами до 1918 г.).

[9] О каком рассказе идет речь — неизвестно.

[10] «Ругней» Протопопова и Скабичевского Плещеев называет полемику, которая развернулась между ними в связи с выступлением Скабичевского за пересмотр «всех прежних эстетических теорий искусства», против деления его на «тенденциозное и чистое». Напечатав в апреле 1888 г. в газете «Новости» статью, посвященную разбору «Критических этюдов по русской литературе» К. К. Арсеньева, Скабичевский разделил в ней критику на три рода: историческую, представителем которой назвал Белинского, публицистическую, олицетворяемую Добролюбовым и Писаревым, эстетическую — Дружинин, Анненков, Боткин («Новости», 1888, № 111, от 21 апреля). В последовавших затем статьях Скабичевского содержались разноречивые оценки Пушкина, Гоголя, Белинского, Чернышевского, Чехова, которого он ставил рядом с Гнедичем, не видя меж ними «ни малейшей разницы», так как «по талантливости один другому ни на йоту не уступит» (там же, 1888, № 203, от 28 июля; № 210 и 230, от 4 и 25 августа).

Особенно ожесточенно спор разгорелся в связи с защитой Скабичевским Ясинского (М. Белинского) как «одного из талантливейших представителей молодой беллетристики ⟨...⟩ занимающего далеко не последнее место в нашей современной литературе» (там же, 1888, № 206, от 28 июля).

Протопопов выступил против Скабичевского на страницах «Северного вестника». Не называя фамилии критика, он обрушился на него за отсутствие критических способностей, бесцветность его статей, за то, что Скабичевский берет на себя смелость толковать о «предметах, совершенно выходящих из круга его разумения; он учит людей правилам нравственности добродетельных мещан; он с гордым видом самостоятельного мыслителя выкладывает вороха общих мест» («Северный вестник», 1888, № 9, стр. 71). Здесь же Протопопов полемизировал со Скабичевским в отношении оценки Ясинского, показывая полнейшую ничтожность его как беллетриста, называя его «пустоцветом».

Плещеев разделял суждения Протопопова, но не мог, очевидно, одобрить ту форму, в которую критик облекал их. Комментируемое письмо к Чехову было написано поэтом 8 сентября, в день появления очередной статьи Скабичевского («Литературная хроника». «Новости», № 244) и выхода сентябрьской книжки «Северного вестника» со статьей Протопопова, содержащей резкие выпады по адресу Скабичевского.

После 1888 г. полемика между Протопоповым и Скабичевским приняла еще более ожесточенный характер и продолжалась до начала 1890-х годов.

13

Сентября 13 ⟨1888 г.⟩ Петербург

Дорогой Антон Павлович.

В октябре мы думаем приступить к печатанию гаршинского сборника, но у нас еще в литературном отделе почти ничего нет, «кроме обещаний», да нескольких стихотворений. Художники — те гораздо исправнее, многое уже доставлено, и на днях ожидается еще получение нескольких вещей. Первый отдел тоже готов. Собрано много статей, писем, воспоминаний. Все дело за беллетристами. Мне поручено слезно умолять вас, чтоб вы дали что-нибудь, хоть очень коротенькое, хоть на 1/2 листика, если не можете более.

Короленко обещал непременно дать, и я ему сегодня тоже напоминаю. Пожалуйста, не откажите. Сделайте это для меня, голубчик. А другой сборник, должно быть, совсем не выйдет. Ничего пока не слыхать, кроме того, что все они перессорились будто бы. Мудреного в этом ничего нет. Это у нас часто бывает. Ради бога, известите, можно ли будет на вас рассчитывать, что вы в течение октября что-нибудь дадите?

А «Северный вестник» все ждет и надеется, хотя сегодня уже 13 число. А место для вас оставлено. Если вы не пришлете, у нас беллетристика будет опять швах. Самой интересной вещью будут двадцать писем Тургенева об искусстве [1].

Послезавтра приглашен я на слушание повести к Григоровичу [2], а завтра на именинный пирог к Горбунову. Что окажется лучше — повесть или пирог — сообщу вам.

Сын пересылает свою пьесу в общее собрание, так как протокол написал комитет в очень лестных выражениях, и сказано там, что при известных сокращениях пьеса могла бы идти. Вот уж, если общее собрание забракует, тогда баста. Тогда на апелляцию к Коршу. Вчера я смотрел «Невольниц» Островского, которые на днях шли здесь в первый раз. Играли отлично, особливо Савина и Давыдов [3]. Но какая это слабая пьеса! Представь ее кто-нибудь без имени Островского —и комитет бы ее непременно забраковал. А ведь это вы написали в «Новом времени» шутку «Медведь» [4]? Мне кажется, на сцене она была бы очень забавна. Я по некоторым штришкам узнал вашу руку.

Леонтьев свою новую пьесу отправил к Коршу. Его «В горах Кавказа» прошла летом 20 раз [5]. Но в Красном Селе александринские актеры, по его словам, провалили ее. Пьеса подверглась большим урезкам, так как шла в присутствии государя и императрицы. Кроме комедии, Леонтьев написал повесть в пять листов. Молодец!

Но, что достойно большего удивления, это деятельность Салтыкова. Человек полуразрушенный, на которого глядеть тяжело, и он в течение лета заготовил для «Вестника Европы» материалу на шесть номеров, т. е. до февраля будущего года включительно. Так что ему остается еще написать на две книжки журнала, и он кончит свою «Пошехонскую старину», которая составит книгу листов в 50! Этот больной старик перещеголял молодых и здоровых писателей.

Я перебрался с дачи только в пятницу, 9-го, и в доме у меня все еще кавардак. В обычную городскую колею я еще не втянулся и никуда не хочется идти. Да и денежные дела ужасно плохи. Вообще, тяжело живется, и предстоящая зима не сулит ничего путного. Прощайте пока. Жму руку вашу. Поклон всем вашим. Приезжайте скорее к нам.

Искренно преданный вам А. Плещеев

[1] Статья В. В. Стасова «20 писем Тургенева и мое знакомство с ним», напечатанная в «Северном вестнике», 1888, № 10, стр. 145—194.

[2] Имеется в виду повесть Григоровича «Не по хорошу мил, а по милу хорош». Свои впечатления о прослушанной повести Григоровича Плещеев изложил в письме к Чехову от 19 сентября 1888 г. («Слово», стр. 254).

[3] Пьеса Островского «Невольницы» была впервые поставлена на сцене Александринского театра 28 апреля 1883 г. В сентябре 1888 г. она была возобновлена, и первое представление состоялось 9 сентября. В этом спектакле Савина играла Евлалию, Давыдов — роль старого лакея Мирона Ипатыча.

[4] «Медведь» был напечатан в «Новом времени», 1888, № 4491, от 30 августа.

[5] Пьеса И. Л. Щеглова (Леонтьева) «Дачный муж», переделанная из юмористических очерков его «Дачный муж,его похождения, наблюдения и разочарования». См. о ней, а также о комедии «В горах Кавказа» ниже, в публикации «Из дневников И. Л. Щеглова (Леонтьева)».

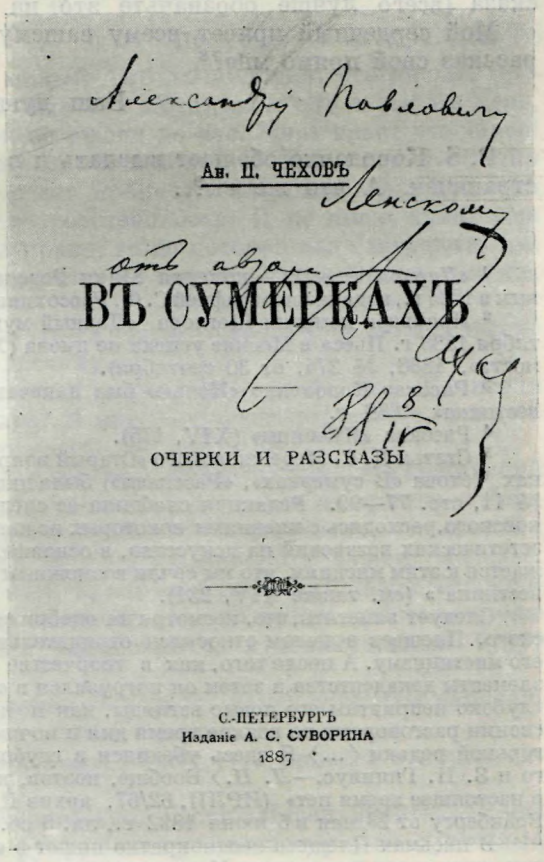
14

⟨Петербург.⟩ 2 октября ⟨1888 г.⟩

Милый Антон Павлович.

Спешу прежде всего известить вас по поводу «Медных лбов». Дирекция мне сама заказала перевод этой пьесы — не Скриба, а Эмиля Ожье — и заплатила за него 500 рублей; но вместе с тем заставила подписать условие, что я не могу ее давать ни на какой частной и даже провинциальной сцене, так как она составляет полную собственность дирекции, и только могу ее напечатать. Пьеса эта очень умная, но играть ее русским актерам очень трудно, ибо они незнакомы с этими типами, на которых лежит слишком сильный отпечаток французской культурно-политической жизни. И актеры Александринского театра ее блистательно провалили, так провалили, что она даже не была повторена. Даже Давыдов, и тот сплоховал и играл совсем не то, что нужно. Не говорю уже о том, что цензура у меня выкинула целые сцены целиком и все политические монологи обкарнала.

Это очень язвительная сатира на все политические партии и на продажную прессу. Мне говорил здесь Южин, что ее собираются ставить в Москве на Малом театре. В печати мне с ней тоже не повезло. У меня взял ее Петр Исаевич Вейнберг и половину ее уже набрали, но журнал его «Изящная литература» внезапно прекратился. Порекомендуйте, голубчик, Светлову мою переводную пьесу «Дурной человек» с немецкого [1]. Это очень веселая и остроумная по идее пьеска, нигде не игранная.


Александру Павловичу
Ленскому
от автора
Ан. П. ЧЕХОВЪ
ВЪ СУМЕРКАХЪ
88 8/IV
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1887

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА СБОРНИКЕ «В СУМЕРКАХ» (СПб., 1887):

«Александру Павловичу Ленскому от автора. А. Чехов. 88 8/IV»

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

Имел ли успех «Дачный муж» и сколько раз с Жаном была истерика?[2] Сейчас получил письмо от Короленко, он высылает повесть к 15 октября, но я думаю, что мы ее отложим до января[3]. Жирно будет пускать и вас и его в одной книжке. А там, пожалуй, на мели сядем. Ваш рассказ ждем нетерпеливо[4].

Вчера вечером пришел ко мне Мережковский и прочел небольшой этюд, который он написал о вас. Ей-богу, это лучше всего, что говорили о вас рецензенты. Мне кажется, что и вы будете довольны этой статейкой. Это свежо, молодо и крайне симпатично. Разумеется, он от вас в восторге и разбирает большую часть ваших рассказов, иллюстрируя свой рассказ выписками. Статья озаглавлена «Старый вопрос по поводу нового таланта»[5]. Вопрос в том — приносят ли пользу писатели «бестенденциозные». Ответ, разумеется, утвердительный. Но Протопопов вломиться в амбицию не может, потому что тут не отрицается и польза тенденции.

Мне хочется, чтоб этот этюдец пошел у нас. Был здесь Гольцев, и с ним я имел разговор о вас[6].

Бежецкого мне не удалось привлечь, потому что его Протопопов в нынешней книжке облаял ни за что, ни про что, что мне крайне досадно. Случилось это без моего ведома. Он пришел в редакцию и забрал там книги для рецензий — и в том числе масловские рассказы. Если б Маслов прислал книжку мне, она бы к Протопопову не попала. Я бы нашел, кому отдать ее. Я прочел рецензию, когда она была напечатана. Я уже говорил об этом с Масловым. Впоследствии я все-таки постараюсь его залучить в «Северный вестник»[7].

Крепко жму вашу руку. Напишите, нужны ли вам оттиски вашего рассказа (всего лучше обозначьте это на рукописи: столько-то оттисков).

Мой сердечный привет всему вашему семейству. Не пришлете ли вы рассказ свой прямо мне?[8]

Ваш душевно А. Плещеев

P. S. Короленко обещает выслать и в гаршинский сборник несколько страничек. А что же вы?..

[1] «*Дурной человек*» — комедия Юлия Розена, переведенная с немецкого Плещеевым в 1884 г., издана литографией С. Ф. Рассохина. Н. В. *Светлов* — артист театра Корша.

[2] Премьера комедии Щеглова «Дачный муж» состоялась в театре Корша 30 сентября 1888 г. Пьеса в Москве успеха не имела (XIV, 176; см. также «Московские ведомости», 1888, № 274, от 30 сентября).

[3] Рассказ Короленко «Ночью» был напечатан в декабрьской книжке «Северного вестника» 1888 г.

[4] Рассказ «Именины» (XIV, 175).

[5] Статья Д. С. Мережковского «Старый вопрос по поводу нового таланта» (о книжках Чехова «В сумерках», «Рассказы») была напечатана в «Северном вестнике», 1888, № 11, стр. 77—99. Редакция снабдила ее следующим примечанием: «Статья Мережковского, расходясь с мнениями некоторых из наших сотрудников лишь в подробностях эстетических воззрений на искусство, в основных своих принципах настолько приближается к этим мнениям, что мы сочли возможным дать ей место на страницах „Северного вестника“» (см. также XIV, 231).

Следует заметить, что, несмотря на одобрительный отзыв об этой статье Мережковского, Плещеев в целом относился отрицательно к его «шумным» исканиям бога, к его мистицизму. А после того, как в творчестве Мережковского вполне обозначились элементы декадентства, а затем он погрузился в «бездны» символизма, Плещееву стали глубоко неприятны его новые взгляды, как и неприятен был сам критик: «Он мне своими разговорами во всякое время дня и ночи о высоком и прекрасном надоел пуще горькой редьки ⟨...⟩ Я здесь убедился в глубоком эгоизме этой четы ⟨Мережковского и З. Н. Гиппиус.—*Л. П.*⟩ Вообще, поэтов, кроме самого Мережковского, для них в настоящее время нет» (ИРЛИ, 62/67, архив П. И. Вейнберга, письма Плещеева к Вейнбергу от 23 мая и 5 июня 1892 г., лл. 5 об., 6, 27 об.).

В письмах Плещеев неоднократно пишет о «превыспренных исканиях», издеваясь над ними и над поведением Мережковского, у которого боевой тон открывателя истин

сочетался с большой трусливостью характера: «Мережковский ужасно боится холеры, надел набрюшник,принимает касторку ⟨...⟩ и пишет статью о падении русской литературы» (там же, письмо от 25 августа, без года, датируем 1892 г., л. 40).

Когда же Мережковский через некоторое время прислал Плещееву свою книгу «О причинах упадка в современной русской литературе», последний охарактеризовал ее в письме к П. И. Вейнбергу очень резко: «Если и найдутся в ней несколько замечаний справедливых,то все они тонут в массе мистических,туманных разглагольствований,пустозвонных,ничего не выражающих фраз.Не столько в ней действительно *ума*,— сколько *умничанья*. И слишком уж щедро расточает вопли, эпитеты: мертвецов, трупов. Невольно хочется спросить его самого: да ты-то, любезный, сам, живой ли человек? В его философствованиях такая безжизненность и метафизическая туманность, такой от них веет скукой—как будто это все писали совокупно Страхов и Флексер!» (письмо из Ниццы, 1893, 18 февраля, там же, лл. 10, 12 об.).

[6] Очевидно, Плещеев говорил с Гольцевым о сотрудничестве в «Русской мысли» Чехова. Сам Чехов относился в это время к «Русской мысли» и редактору ее Гольцеву — отрицательно (см. XIV, 154 и 179—180) и начал сотрудничать в журнале только в начале девяностых годов.

[7] Об А. Н. *Маслове* (псевдоним Бежецкий) —см. выше в комментариях к письму Чехова от середины октября 1888 г. Чехов писал Плещееву о нем 30 сентября 1888 г.: «Право будет очень и очень недурно, если Бежецкий-Маслов попадет в лоно „Северного вестника". Он хороший человек и, несомненно, талантлив. Его сотрудничество было бы полезно для обеих сторон: и для „Северного вестника" и для него самого. „Северный вестник" приобрел бы талантивого беллетриста, а Бежецкий вышел бы из-под ферулы Буренина» (XIV, 172—173).

Однако привлечь Бежецкого в «Северный вестник» Плещеев не смог из-за отрицательной рецензии М. А. Протопопова на книжку его рассказов и очерков «На пути» (М., 1888), напечатанной в октябрьской книжке журнала.

[8] Чехов отослал рассказ «Именины» на адрес редакции «Северного вестника» еще до получения настоящего письма (XIV, 176).

15

⟨Петербург.⟩ 5 октября ⟨1888 г.⟩

Это, право, ужасно досадно, милый Антон Павлович, что письма пропадают на почте. Я вам написал ответ о «Медных лбах» в тот же день, как получил ваше письмо [1], и он не дошел до вас. Черт знает что такое!

Вчера о том же самом предмете писал мне сам Корш; и ему я ответил немедленно [2]. Пожалуй, и этот ответ пропадет. «Медные лбы» куплены у меня дирекцией и составляют ее собственность. Я не имею права ими распоряжаться. Да если б и имел право, то не посоветовал бы ставить им, вполне убежденный, что ее провалили бы коршевские артисты так же, как провалили казенные.

Слишком чужды им эти типы. Пьеса Ожье — сатира на политические партии и на продажную журналистику.

Радуюсь, что ваш рассказ, наконец, в «портфеле редакции». Написали ли вы Анне Михайловне о гонораре? И неужели вы подозреваете, что цензор обкарнает рассказ?[3] Ведь это просто из рук вон!

Напишите *положительно*, будет ли от вас что-нибудь в гаршинский сборник. Мы приступаем к его печатанию с тем, чтобы выпустить к Рождеству, т. е. за несколько дней до Рождества. Я вам отвечал, что сборник будет бесцензурный и что ничего не будет изменено в вашем рассказе. Беллетристики до сих пор у нас еще, кроме стихов, да рассказов Короленко и Шеллера, не имеется в виду никакой. Завтра будут приставать еще к Салтыкову. Зато — отдел биографический и художественный будут очень интересны.

Суворина по приезде его не видал. Маслова, как я уже вам написал, у нас облаял г. Протопопов без всякой причины.

Когда вы сюда приедете? Короленко пишет, что приедет в конце октября. Приехали бы и вы [4].

Очень буду рад увидать Жоржиньку. Если Павел Линтварев еще в Москве, пожмите ему от меня руку, вашему семейству мой душевный привет.

Черкните же мне несколько слов, можем ли рассчитывать хоть на 1/2 листа ваших для сборника? Да сообщите, какое из моих писем вы получили и какое пропало.

В настоящее время я переживаю очень тяжелую полосу в отношении «материальном». Обстоятельства так меня жмут, что и сказать не могу, настроение вследствие этого, как вы можете судить, далеко не жизнерадостное. Издохнуть бы рад, кажется. Обнимаю вас сердечно. Поклон мой Жану. Если верить газетам, то содержание его новой пьесы довольнотаки пошлое [5]. Этот любовник, поступающий в лакеи к мужу,— что-то совершенно французское.

Будьте здоровы и веселы.

А. Плещеев

[1] См. письмо 14.

[2] Упоминаемые письма Ф. А. Корша к Плещееву и Плещеева к Коршу неизвестны.

[3] Чехов выражал опасение, что цензура вычеркнет то место, где он описывает «председательство Петра Дмитрича» (XIV, 181). Это опасение не подтвердилось, рассказ был пропущен цензурой без изменений (см. ниже письмо 17).

[4] Это письмо Короленко к Плещееву неизвестно. В Петербург Короленко приехал только в декабре 1888 г. Чехов приехал в Петербург 3 декабря 1888 г. (XIV, 243).

[5] См. прим. 2 к письму 14.

16

<Петербург.> 15 октября <1888 г.>

Дорогой Антон Павлович.

Большая часть вашей повести уже напечатана и потому при всем желании не могу исполнить вашего требования или, правильнее сказать, нахожу исполнение его теперь бесполезным [1]. Относительно гонорара, голубчик, Анна Михайловна убедительнейше просит вас повременить несколько деньков. Со дня на день ожидается получение денег от издательницы [2]. И в редакции в настоящий момент нет ничего. Короленко тоже просит ему выслать; но редакция поставлена в необходимость и ему ответить то же самое. Разумеется, Анне Михайловне крайне тяжела такая зависимость, ставящая ее в необходимость отказывать сотрудникам, которыми она наиболее дорожит. Как только деньги получит, я постараюсь, чтоб в тот же день было вам выслано. Уж не сердитесь. Тут редакция не виновата.

Я не собрался еще ответить вам на последнее письмо [3]. Пропасть разных дел накопилась. Поздравляю вас от всей души с премией [4].

Это очень важно — для вас — не с денежной стороны, а с нравственной. Я очень этому порадовался.

Щеглов вчера вечером был у меня. Жоржиньку нетерпеливо жду. Получил письмо от Сергея Смагина. Суворина еще не видал.

Моя дочь в Москве и, вероятно, будет у вас [5]. Привет мой всем вашим.

Вы пишете, что у вас кровохарканье — что это такое? Ведь вы человек совершенно здоровый и никогда ни на что не жаловались. Это просто, должно быть, геморроидальное. Я не хочу и предполагать чего-нибудь серьезного. Желаю вам всего наилучшего и главное, разумеется, здоровья.

Приезжайте скорей сюда. Здесь и настроение ваше, авось, просветлеет.

Правда ли, что Гольцев арестован?[6] За что? Это очень странно.

Ваш А. Плещеев

АВСТРИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ
РАССКАЗА «КАШТАНКА»
Обложка. Рисунок Лео Фридриха
Вена, 1955

[1] Чехов в письме от 10 октября просил Плещеева прислать корректуру рассказа «Именины», чтобы «кое-что» исправить и вычеркнуть (XIV, 190).

[2] Издательницей «Северного вестника» была А. В. Сабашникова.

[3] Письмо Чехова от 9 октября 1888 г. (XIV, 183—186). В этом письме Чехов возражал Плещееву на его замечания о рассказе «Именины» («Слово», стр. 256—258).

[4] 7 октября 1888 г. Чехову за сборник «В сумерках» была присуждена пушкинская премия в размере 500 руб.

[5] Елена Алексеевна Плещеева посетила Чеховых, очевидно, после 20 октября (XIV, 205).

[6] В. А. Гольцев был арестован 10 октября 1888 г. во время массовых арестов в Москве. Причиной послужило, по-видимому, то, что к Гольцеву обратился в поисках работы какой-то нелегальный, скрывшийся из сибирской ссылки. В заключении Гольцев пробыл три недели и был освобожден без дальнейших последствий (сб. «Памяти Виктора Александровича Гольцева». М., 1910, стр. 52—53).

17

⟨Петербург.⟩ 22 октября ⟨1888 г.⟩

Милый Антон Павлович.

Сегодня мы вашего «Калхаса» читали и пропустили [1]. У меня дома даже переписали второй экземпляр, так как в комитет нужно было представить два.

Корректуры вашей повести отдал Суворину[2]. Между прочим, он в разговоре сказал, что присуждение вам пушкинской премии возбуждает большую зависть. Еще бы! И в Москве, я думаю, тоже. Вся тля, пишущая рассказишки не только в газетах, но и в толстых журналах, должна прийти в ярость... Ах! сколько мерзавцев в литературе... каждый день приходится разуверяться в людях, которых, положим, и не считал безупречными (хотя они таковыми и слыли в своих кружках), но все же и подлецами не считал.

Моя дочь хотела вас повидать в Москве. Заходила она к вам или нет? Жоржинька был у меня раза два-три, но вдруг исчез — и третий день не кажется.

Я успел его кое с кем познакомить из музыкального мира. Предложил ехать с ним к Рубинштейну, но он не хочет. Чего-то страшится.

Вы, небось, очень сердитесь на «Северный вестник»?

Я скажу вам по секрету, что в настоящий момент он переживает кризис весьма и весьма тяжелый. Надо во что бы то ни стало спасать журнал, потому что эта скаредная издательница готова закрыть его (при четырех тысячах подписчиков!) лишь бы не давать больше денег. Анна Михайловна энергически бьется, изыскивает всевозможные меры, и есть надежда, что дело не погибнет. Только бы подписка не уменьшилась. Поведем тогда журнал сами на свой риск и страх. При расчетливом, скромном ведении дела можно будет существовать и с четырьмя тысячами подписчиков. Пожалуйста, вы *никому* об этом не говорите, Антон Павлович. А то журналу и без того ножку все подставляют. Деньги к 1 ноября рассчитываем получить от издательницы, согласно ее обещанию, и тогда, первым делом, вышлем вам.

Один из постоянных сотрудников «Северного вестника» по областному отделу — некто Яковенко тоже за что-то арестован [3].

Боюсь, чтоб это также не бросило тень на журнал в глазах цензуры.

Прощайте пока, крепко жму вашу руку.

Цензура из вашей повести ничего ровно не выбросила.

Низкий поклон вашим.

Ваш душевно
А. Плещеев

[1] Чехов просил Плещеева содействовать в прохождении одноактной пьесы «Калхас, или Лебединая песня» через Театрально-литературный комитет (XIV, 195). Театрально-литературный комитет при дирекции императорских театров рассматривал драматические произведения, дозволенные цензурой, с точки зрения их литературных и сценических достоинств и давал разрешение для постановки их на сцене казенных театров. Плещеев был введен в этот комитет в начале 1880-х годов, и заведовал в нем вторым отделением (см. Александр Плещеев. Что вспомнилось. Актеры и писатели, т. III, СПб., 1914, стр. 138).

[2] Корректура рассказа «Именины», с которой Суворин хотел, очевидно, познакомиться до выхода в свет ноябрьской книжки «Северного вестника».

[3] В. И. *Яковенко* (1859—?) — публицист и статистик; участвовал в «Отечественных записках», «Русских ведомостях», постоянный сотрудник «Северного вестника». В октябре 1888 г. был арестован (см.письмо Плещеева к Н.С.Таганцеву. ГПБ. Архив Таганцева, без даты, датируем 1888 г. по содержанию, № 5, л. 5).

18

<Петербург. 2 ноября 1888 г.>

Милый Антон Павлович.

Вы нас губите. Что же рассказ-то для гаршинского сборника?[1] Неужели не будет? Ради всего святого поторопитесь. Большая часть материала напечатана. Все дело за беллетристикой. Да не подпишутся ли у вас кто из знакомых на несколько экземпляров?

Тогда пришлите списочек.

Ваш весь А. Плещеев

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] 3 ноября 1888 г. Чехов сообщал Плещееву, что рассказ для гаршинского сборника уже начат и просил дать ему «одну неделю сроку» (XIV, 214).

19

<Петербург. 4 или 5 ноября 1888 г.>

Милый друг Антон Павлович.

Очень вас благодарю от лица всех издателей сборника за обещание выслать рассказ через неделю. Это еще будет совсем не поздно. Вчера доставили свои рукописи Шеллер и Каронин [1]. Короленко пишет мне, что к 5-му обе его рукописи должны быть в редакции [2]. Может быть, они уже и получены. Сам он приедет также в ноябре, пробыв предварительно неделю в Москве. Нет сомнения, что он повидается с вами [3]. У него в Москве больна мать.

Очень мне грустно слышать, что обстоятельства ваши нехороши.

Не смею расспрашивать вас о семейных делах, но душевно желаю, чтоб та «неурядица», на которую вы намекаете [4], скорей прекратилась. Огорчило меня также, что в вашей повести тьма опечаток[5]. Этого я никак не ждал. Обыкновенно у нас корректуру держат тщательно. Вперед буду держать сам корректуру всех ваших вещей. От издательницы ждем денег с часу на час. Как только получатся, не медля ни минуты вышлем вам. Вчера от нее получены обещанные ею 300 рублей на гаршинский сборник. Полагаю, что и в редакции получатся не сегодня-завтра. Сегодня мне некогда было туда зайти. Если у нас в будущем году не прибавится хоть пятьсот подписчиков, то нам придется значительно сжаться и сократить расходы. (Гонорара это, однако ж, не должно касаться.) Издательница и муж ее недавно писали ко мне, и я отвечал [6], что мы сделаем все зависящее от нас, чтоб не дать делу погибнуть. Ведь, ей-богу, стыдно было бы закрывать журнал при четырех тысячах подписчиков!

Относительно баранцевичевского сборника я сильно сомневаюсь, чтоб он вышел.

Нигде нет о нем объявлений. Мы о своем довольно печатали в «Новом времени» и напечатали отдельные объявления в очень внушительных размерах. Кроме того, сами запаслись подписными книжками и раздали кому только можем.

У меня уж рублей сорок набралось, и у других, как, например, у Ярошенко и Герда [7], втрое больше. Надеемся, что подписка даст нам тысячи две.

Фототипии у нас будут бесподобные. Не прислать ли вам подписную книжку?

Меня избрали почетным членом Общества искусства и литературы. Я послал благодарственное письмо [8].

Дочь моя говорит, что она у вас посидела недолго (несмотря на то, что ваше семейство произвело на нее самое хорошее впечатление), потому что жена молодого Суворина, бывшая у вас в тот же вечер, показалась ей очень несимпатичной... и как-то свысока на нее поглядывала. А, может быть, ей это просто так почудилось.

Но, когда вы здесь будете,— непременно привозите с собой Марью Павловну.

Вы в своем рассказе, голубчик Антон Павлович, пожалуйста, касайтесь щекотливых вещей, но осторожнее, чтоб он не расходился с тоном всего сборника и чтоб не было какой прицепки в цензуре, которая, пожалуй, вырежет ваш рассказ. Мы и за Щедринскую сказку боимся[9] (цензура карательная, а не предварительная, так как сборник печатается без последней). До свидания. Крепко жму руку вашу.

Мой сердечный привет всем вашим.

Письмо датируется 4 или 5 ноября 1888 г. по содержанию.

[1] Произведения А. К. Шеллера-Михайлова «Будничные сцены» (наброски) и Н. Каронина «Счастливое открытие», включенные в сборник «Памяти Гаршина».

[2] Имеются в виду рассказы Короленко—«Ночью» (для «Северного вестника») и «На Волге» (для сборника «Памяти Гаршина»).

[3] Встреча Чехова и Короленко в Москве не состоялась.

[4] Речь идет о неприятностях, связанных с отсутствием паспорта у Николая Павловича Чехова (XIV, 215 и 223—224).

[5] Чехов сообщал Плещееву, что в «Именинах» опечаток «видимо-невидимо» (XIV, 215).

[6] Переписка Плещеева с Сабашниковыми неизвестна.

[7] Александр Яковлевич *Герд* (1841—1888) — педагог и общественный деятель, друг Гаршина. Принимал деятельное участие в подготовке сборника «Памяти Гаршина» и вместе с Плещеевым, Я. В. Абрамовым, М. Е. Малышевым, П. О. Морозовым и Н. А. Ярошенко принял на себя ведение дел по предпринятому изданию (см. предисловие к сб. «Памяти Гаршина». СПб., 1889).

[8] «Общество искусства и литературы» было учреждено в Москве в 1888 г. К. С. Станиславским, А. Ф. Федотовым и Ф.П. Комиссаржевским и ставило своей целью «способствовать развитию сценических, музыкальных, литературных и художественных талантов». Обществом устраивались театральные, музыкальные и литературные вечера, выставки картин. Им было основано музыкально-драматическое училище.

[9] Сказка М. Е. Салтыкова (Щедрина) «Ворон-челобитчик», напечатанная в сборнике «Памяти Гаршина».

20

Петербург. 16 ноября <1888 г.>

Следовало бы давно уж ответить, дорогой Антон Павлович, но, поверьте мне, такая масса у меня была разных дел, забот, чтения рукописей, что просто не мог выбрать свободной минуты.

Вдобавок ко всему — я все чаще и чаще чувствую себя нехорошо, и не далее как вчера биение сердца не дало спать мне полночи и потом все сегодняшнее утро мешало мне приняться за что-нибудь.

Все я получил, что вы мне послали: и «Медведя», который в тот же день прошел в Комитете (в отделении Григоровича, *большинством* голосов)[1], и рассказ для гаршинского сборника. Мне рассказ этот понравился, напротив, понравилась его серьезность, сдержанность, понравился и самый мотив. Но все же мы очень боимся, чтоб цензура не вырезала его из сборника. Она не любит, чтоб касались «этого предмета». Насчет целомудрия строга. Нехорошо будет, если вас да Щедрина вырежут, и выйдет сборник куцый.

Деньги вы получите переводом, по телеграфу, не сегодня-завтра. Вчера нас известили, что они отправлены — также переводом. Удивляюсь, что вам премию не выдают до сих пор.

Короленко прислал «эскиз», который уже напечатан [2], но это такая ничтожная вещь по содержанию и далеко не художественная по форме, что, кажется, точно он дал ее только затем, чтоб отделаться. Опять из детской жизни (вот уж третья детская повесть[3], и все просмотренные Короленкой) и опять *роды*. Короленко вы не прочтете, а прочтете того же Чехова, только не в оригинале, а в плохой копии. Он начал подражать вам и скверно [4]. Я полагаю, что это обилие род и детей должно вызвать глумление над нашим журналом, «издающимся женщинами».

Мережковского статья наделала тревог и хлопот редакции [5]. Протопопов стал на дыбы, написал Анне Михайловне хамское письмо и не желает больше работать в «Северном вестнике». Вот и подите! Так мне все эти дрязги, ссоры надоели, что, признаюсь вам, и самое дело начинает претить мне, тяготить меня. Если б можно было уехать куда-нибудь позабыть хоть на несколько месяцев обо всей этой журналистике, отдохнуть нравственно и физически. Тоска меня одолевает гнетущая, невыносимая. Помимо всех этих журнальных дрязг, свои дела тоже мучат. Долгов масса. Младший сын тоже так запутался, что может из полка всякий час вылететь... Хоть бы издохнуть, так уже <в> пору.

Линтварев бывает у меня, но редко. Мы как-то с ним в концерт вместе ходили. Он начал брать уроки музыки и уверяет, что работает сильно.

Моему милому Иванову — Владимиру Николаевичу Давыдову

ИВАНОВЪ

от уважающего и преданного автора

ДРАМА ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Антона Чехова.

89 1/IV.

Изъ „Сѣвернаго Вѣстника" III, 1889 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., д. № 7
1889.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА ДРАМЕ «ИВАНОВ»

(Оттиск из журнала «Северный вестник», 1889, № 3):

«Моему милому Иванову — Владимиру Николаевичу Давыдову
от уважающего и преданного автора. 89 1/IV»

В. Н. Давыдов—первый исполнитель роли Иванова

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

У него, кажется, много знакомых здесь между разными студентами-медиками, лесными и проч., а также между курсистками; у меня же ему не может быть особенно весело.

Прощайте, Антон Павлович. Поклонитесь вашим. Хорошо было бы, если бы вы сюда приехали в этом месяце.

Ваш А. Плещеев

Есть люди, которым статья Мережковского нравится (например, художнику Ярошенко и другим), а есть и такие, которые негодуют, как смел этот юнец «вторгнуться в область Протопопова». Это, преимущественно, люди кружка [6]. Из Мережковского могло бы потом выработаться что-нибудь, но он, кажется, гораздо больше придает значения своим стихам, нежели прозе. Боюсь тоже, чтоб Анна Михайловна не захвалила его. Она уже, кажется, вообразила себе, что это что-то необычайное. Он уезжает на Кавказ жениться.

[1] «Медведь» был одобрен Театрально-литературным комитетом 12 ноября (ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 6, ед. хр. 1, л. 23; см. также XIV, 221—222).

[2] Рассказ «Ночью», напечатанный в «Северном вестнике», 1888, № 12.

[3] В последних номерах «Северного вестника» 1888 г. напечатаны повести из детской жизни А.Анненской «Маленькая преступница» (в № 10) и М. Баранова «Маленькие оборванцы (из жизни заброшенных детей)» (в № 11).

[4] Роды описаны в рассказе Чехова «Именины».

[5] Статья Д. С. Мережковского о Чехове «Старый вопрос по поводу нового таланта», напечатанная в «Северном вестнике», 1888, № 11, стр. 77—99. Появление статьи вызвало возмущение постоянного сотрудника «Северного вестника», заведующего библиографическим отделом,— М. А. Протопопова, который после этого прекратил сотрудничество в журнале.

[6] Плещеев подразумевает сотрудников «Северного вестника», тяготевших к Н. К. Михайловскому.

21

<Петербург.> 31 декабря <1888 г.>

С Новым годом и вас, дорогой Антон Павлович. Дай бог вам и вашему семейству всего наилучшего. Пожалуйста, поздравьте их всех от меня. Многого вы мне нажелали [1]; хоть бы половина сбылась, и то бы хорошо. Только сомнительно. Не очень-то наши желания исполняются. Дочь мне писала, что была у вас, обедала и что все вы были с ней очень любезны. Не знаю положительно, почему вы думаете, что она осталась чем-то недовольна. Ничуть не бывало. Но она захворала и не могла вернуться сюда к Новому году. Приедет, полагаю, 2-го или 3-го.

Приехала сюда обер-офицерская вдова [2] и говорила Жоржиньке, что вы переселяетесь сюда, с семейством, так как вам Суворин предлагает место при «Новом времени» с жалованием пятьсот рублей в месяц или шесть тысяч в год [3]. Конечно, это условия блистательные, но не желал бы я (да и очень многие, уважающие вас и ваш талант) этого для вас. Иное дело помещать в «Новом времени» беллетристические рассказы и повести, иное дело записаться в армию нововременцев, состоящую в большинстве из нахалов и дряни. В «Новом времени» один только человек—Суворин, с которым можно быть близким [4]. Может быть еще Маслов. Да и не это еще одно, а за пятьсот рублей в месяц должны же вы будете писать передовые статьи, заметки и пр. и пр. Вы незаметно втянетесь в газетную работу, истощающую человека, высасывающую из него силы, измочаливающую его нервы... Это непременно пагубно отразится на вашем таланте. Поверьте мне... И все, кто только ни услышит это, говорят то же самое. Кроме того, теперь вас не считают солидарным со всем, что печатается в «Новом времени», а тогда вы будете нести ответственность за всякую пакость какого-нибудь Жителя, Никольского или черт знает кого. Очень, очень будет прискорбно, если это осуществится.

В первый день праздника приезжал ко мне режиссер и объявил, что берет «Иванова» на свой бенефис[5], просил, нельзя ли ее не печатать в *январской* книжке «Северного вестника», так как это вредит интересу в глазах публики, а, следовательно, и сбору. Я его успокоил на этот счет, сказав, что январская книжка уже лежит у меня на столе (она была готова уже 23-го), да притом у нас еще с вами и разговору не было насчет ее помещения. Я, конечно, буду рад ее напечатать, но в мартовскую книжку не знаю, можно ли будет ее включить, потому что в этой книжке должны будут идти окончания двух больших повестей — шеллеровской и боборыкинской [6]. Завтра поговорю об этом обстоятельно с Анной Михайловной. Спасибо вам большое за обещание рассказа на апрельскую книгу [7]. Только смотрите, сдержите его.

В «Новом времени», где расхвалена паскудненькая книжонка: «Красный цветок»[8], в полном смысле ничтожная,— ни слова не хотят говорить о нашем сборнике. Мало того, вчера на видном месте указали описку, сделанную в одном из примечаний к статье Абрамова: где вместо «Ревизора» поставлено «Горе от ума» [9]. Какой ни на есть Абрамов, но все же он смешать этих двух вещей не может. Не заподозрят, надеюсь, в этом и меня. Мне самому часто приходилось в разговоре вместо одного называть другое не по невежеству,— а просто оговариваться. И все это делается из-за того, что инициатива сборника приписывается «Северному вестнику».

Как это мелко, грязно, ничтожно... и как вместе с тем бездушно относительно благотворительной цели сборника. Тормозить издание из-за личных дрязг. Посылая Суворину экземпляр, за который он заплатил двадцать пять рублей, я писал ему, что за двадцать пять рублей мы ему благодарны, но хорошо бы дать о сборнике отзыв; тем более, что о «Красном цветке» был дан. Но до сих пор все-таки нет ничего. Суворина я не считал способным на это, а думал даже, что сам он скажет сочувственное слово. Он бы сделал это умно и талантливо, если б только захотел написать. Но если он поручит Буренину, то, разумеется, сборник будет опакощен [10]. «Красный цветок» потому и расхвален, что там есть его стихотворение [11]. Хоть бы вы написали Суворину...[12]

Экземпляр Гаршина в переплете я вам оставлю с удовольствием. Разошлось его еще не особенно много. Типографские расходы мы покрыли. Но еще остается покрыть до 1000 рублей (бумага, переплеты и пр.). Правда, что мы еще ничего не получали из книжных магазинов, взявших его на комиссию. Всего пока выручено 2850 рублей. Это по подписке. Но издание обошлось 3700 рублей. Я сам раздарил четыре экземпляра, истратив на это двенадцать рублей, и знаю, что другие тоже дарят, как и мы с вами. Только я дарю не в благотворительные учреждения, а разным приятелям, у которых мало денег, чтоб приобрести сборник,— или которые мне сами дарили что-нибудь. Прислать вам экземпляр по почте или ждать вашего приезда?

Подписка в «Северном вестнике» идет. Цифра совершенно почти равная с прошлогодней. Но городских подписчиков значительно прибыло. Был здесь Короленко, обещал не покидать «Северный вестник» и даже просматривать иногда рукописи безвозмездно, чтобы люди, присылающие ему их сами, а не через редакцию, не пускали слухи, что он из «Северного вестника» ушел. Это, конечно, с его стороны очень деликатно, но все-таки, мне кажется, его симпатии ближе принадлежат «Русской мысли», в которой он все или оправдывает или извиняет. Был ли он у вас в Москве?[13]

У меня была перед праздниками очень тяжелая, очень неприятная история с младшим сыном — Кокой. Рассказывать вам подробности долго. Набезобразничал страшно в компании офицеров, в Аркадии. В пьяном виде

учинил скандал, за который мог вылететь из полка. Я ездил и к Грессеру, и к полковому командиру [14]. Дело кончилось все-таки для него плохо. Кроме того, что он все праздники сидит под арестом в полку вместе с другим его товарищем по безобразию, но его из адъютантов вернули в строй. Скромный и смирный в нормальном виде, он в пьяном не помнит себя. Учиненное им безобразие не лишено некоторых комических черт. При свидании расскажу вам. Но это возвращение в строй очень будет для него чувствительно. Опять придется ходить в караул, дежурить по гошпиталям и пр., да и стыдно перед окружающими, хотя товарищи отнеслись к нему очень сочувственно, потому что его в полку любят и офицеры, и солдаты. Таким образом, я нынче встречаю Новый год с одной только половиной семьи — с старшим сыном, с Любой и Катериной Михайловной. Лена в Москве, Кока под арестом. Обещал придти ко мне Жоржинька с Петровским [15]. Авось не надуют. Выпьем стаканчик кларета за ваше здоровье.

Будьте здоровы. Жму вашу руку. Напишите, когда удосужитесь.

Ваш душевно А. П л е щ е е в

[1] См. письмо Чехова к Плещееву от 30 декабря 1888 г. (XIV, 266—267).

[2] Шутливое прозвище И. Л. Леонтьева (Щеглова).

[3] Суворин предложил Чехову стать штатным сотрудником «Нового времени». Как известно, Чехов предложение Суворина не принял и переезд его в Петербург не состоялся (XIV, 279—280). Об этом эпизоде — см. выше, во вступительной статье.

[4] Плещеев был знаком с Сувориным с 1860-х годов и в то время помог ему материально (см. Александр П л е щ е е в. Что вспомнилось, Актеры и писатели, т. III. СПб., 1914, стр. 6). С тех пор между ними установились дружеские отношения, хотя Плещеев не разделял политических взглядов и стремлений Суворина: «Нас разъединили литературные течения, и мы в некоторых вещах принципиально расходимся». (Письмо Плещеева к Суворину от 17 января 1886 г.— «Письма русских писателей к А.С. Суворину». Л., 1927, стр. 124). Плещеев отмечал также лживость Суворина, который «слову своему не хозяин» («Слово», стр. 260).

[5] Режиссер Александринского театра Федоров (настоящая фамилия Юрковский) (1842—1915) взял для постановки в свой бенефис пьесу Чехова «Иванов». В связи с этим Чехов подверг пьесу, написанную в 1887 г., доработке, причем особенно изменил роль Саши (см. письма Чехова к Плещееву от 30 декабря 1888 г. и 15 января 1889 г.— XIV, 267, 295—296). Пьеса была опубликована в мартовской книжке «Северного вестника» 1889 г.

[6] Роман А. Шеллера (Михайлова) «Победители», напечатанный в «Северном вестнике», 1889, № 1—4, и повесть П. Боборыкина — «Изменник», напечатанная в № 2—6.

[7] Обещание дать рассказ к апрельской книжке было высказано Чеховым, очевидно, в личной беседе, так как в его письмах конца 1888 г. упоминаний об этом нет. В апрельской книжке «Северного вестника», 1889, никаких произведений Чехова напечатано не было.

[8] В «Новом времени», 1888, № 4602, от 19 декабря была напечатана сочувственная заметка о сборнике «Красный цветок» Особенно неприятным для Плещеева был имевшийся в этой заметке намек на издателей сборника «Памяти В. М. Гаршина», названных «строго замкнутым кружком литераторов».

[9] В «Новом времени» была отмечена описка, допущенная Я. В. Абрамовым в его статье о Гаршине в сборнике «Памяти Гаршина». К цитате из «Ревизора» была дана ссылка на «Горе от ума».

[10] Предсказание Плещеева оправдалось. В статье о сборнике Буренин дал ему резко отрицательную оценку, охарактеризовав напечатанные в нем материалы как «обильный рудник характеристического вздора, пущенного в печать различными мнимыми приятелями и друзьями под видом почтения памяти покойного» («Критические очерки». — «Новое время», 1889, № 4632, от 20 января).

[11] В сборнике «Красный цветок» был напечатан «Отрывок из поэмы „Тиверий“» В. Буренина.

[12] В письме к Суворину от 3 января 1889 г. Чехов спрашивал: «Отчего у вас ни слова не сказали о „Памяти Гаршина“? Это несправедливо» (XIV, 282).

[13] В Москву в декабре 1888 г. Короленко не приезжал, и встреча его с Чеховым не состоялась (XIV, 281).

[14] Николай Алексеевич *Плещеев*, младший сын поэта, за учиненный в пьяной офицерской компании скандал сидел под арестом на гауптвахте. *Грессер* — петербургский градоначальник.

[15] *Петровский* — московский студент, гостивший на Луке у Линтваревых.

22

⟨Петербург.⟩ 3 января ⟨1889 г.⟩

Милейший Антон Павлович.

Место вашему «Иванову» в мартовской книжке найдется. Высылайте его. За обещание же дать рассказ к апрельской книжке большое спасибо [1]. Будем надеяться.

Сегодня была в редакции добрейшая обер-офицерская вдова [2]. Ей кто-то поручил получить гаршинский сборник по подписному билету, а у ней где-то вытащили кошелек и этот билет. Она приходила советоваться, что делать. Билет был выдан Абрамовым. Туда ее и направили.

Вчера был в «Литературном обществе». Полонский читал новую поэму. Эта не так скучна, как предыдущая [3]. Есть очень красивые места, фабула же, хотя и занятная, но какая-то странная. Там описывается, как колдун заставил пожилую богобоязненную девицу в бочку лезть голой, для того, чтобы сделать ее молодой, по ее желанию. Все его одобряли за стремление к реализму; и в печати, вероятно, превознесут,— Буренину, присутствовавшему тут же, это, конечно, подаст повод лягнуть кого-нибудь *из юных поэтов*. *Григоровича видел. Он недоволен вашей сказкой*, напечатанной в «Новом времени» [4]. От других тоже слышал отзыв, что она непонятна... как будто это прославление денег... что они всё в жизни.

Всё или не всё,— а жаль, что мы с вами нынче 200 тысяч не выиграли. Вы, впрочем, может быть и выиграли. Я не знаю.

А вот сказку вашу в «Петербургскую газету» действительно нельзя одобрить [5]. Новый год встречал у меня только Жоржинька. На другой день ходили с ним «Ревизора» смотреть. Давыдов был великолепен.

Ждем вас. Приезжайте ставить комедию свою. Ее в субботу будут читать в комитете [6].

Обер-офицерша сказала, что вы 17-го именинник, тем лучше. Выпьем кларету.

Поклон вашим. До свиданья.

А. Плещеев

P. S. А о гаршинском сборнике «Новое время» изрекло, что прекрасные рисунки вполне искупают «бессодержательность текста». Как по-вашему — это справедливо?

[1] См. прим. 7 к письму 21.

[2] См. прим. 2 к письму 21.

[3] На заседании Русского литературного общества Полонский читал свой рассказ в стихах «Анна Галдина (из преданий одного уездного городка)». (Я. П. Полонский. Полное собр. стихотворений в пяти томах, т. V. СПб., 1896, стр. 328—404). Предыдущая поэма — вероятно, «Повесть о Правде истинной и Кривде лукавой» (там же, стр. 282—327).

[4] «Сказка» Чехова опубликована в «Новом времени», 1889, № 4613, от 1 января. Позднее Чехов изменил ее заглавие на «Пари».

[5] Рассказ «Сапожник и нечистая сила», напечатанный в «Петербургской газете», 1888, № 355, от 25 декабря.

[6] Плещеев содействовал одобрению «Иванова» Театрально-литературным комитетом (XIV, 295—296). Пьеса была одобрена 8 января 1889 г. (ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 6, ед. хр. 1, л. 29).

23

⟨Петербург. 20—29 января 1889 г.⟩

Милейший Антон Павлович!

Я ужасно провинился перед вами. Сегодня сказал Полонскому, что мы с вами провели вчера вечер вместе. Я совсем забыл, что он вас вчера звал. Он хотел быть у вас. Вы ему скажите, что вы забыли, что он вас

приглашал. Он меня спрашивал, не говорили ли вы мне о том, что он звал вас; я отвечал, что ничего не говорили. *Вероятно, говорю, он забыл.* Пожалуйста, не выдайте меня. Жду вас к себе непременно сегодня вечером.

Ваш душевно А. П л е щ е е в

Письмо датируется двадцатыми числами января 1889 г. по сопоставлению с ответным письмом Чехова (см. XIV, 298). Это подтверждается также и тем, что в первых числах февраля Чехов уже находился в Москве (см. письмо его к Баранцевичу от 3 февраля 1889 г. — XIV, 299).

24

⟨Петербург. Конец января 1889 г.⟩*

Антон Павлович!

У меня сидит Леонтьев. Мы в приказчичий клуб не пойдем, потому что там нет сегодня ничего интересного. А если вы туда пойдете с «эротической» целью, то мы с Леонтьевым окажемся тут лишними; вдобавок нам обоим нездоровится. А вот если бы вы и Жоржинька пришли ко мне (до клуба) напиться чайку, очень бы меня обязали. Я сегодня один, ибо мои сегодня едут на Цукки, так как сын им достал билеты. Посидев у меня, вы можете с Жоржем ехать в клуб. У меня готовы для вас входные билеты, полученные от Базаровой — даже четыре билета. Ответьте — придете ли и, если придете, то приходите немедленно по получении этой записки.

Ваш А. П л е щ е е в

Рукою И. Л. Щеглова (Леонтьева): С подлинным верно.

Жан Щ е г л о в

Письмо датируется по сопоставлению с ответным письмом Чехова (XIV, 298).

25

⟨Петербург.⟩ 7 февр⟨аля 1889 г.⟩

Дорогой Антон Павлович.

Только сейчас принесли мне вторую половину «Иванова». Первую отдал вчера в типографию. Корректуру вышлю вам немедленно, как наберут. Анна Михайловна поручила мне спросить вас об условиях, так как вы писали мне, что возьмете за «Иванова» подешевле [1], и я тогда это ей заявлял. Теперь, как вы знаете, материальное положение журнала заставляет нас несколько сжаться и не выходить из определенного на книжку бюджета. Это, впрочем, не относится к гонорару ваших других произведений, за которые вы будете получать на прежнем основании, и вашего рассказа мы, согласно вашему обещанию [2], будем все-таки ждать.

Статья об «Иванове» Суворина мне понравилась; она очень хороша по своему тону и множеству верных замечаний, хотя в то же время кое с чем можно поспорить [3].

Как бы то ни было, это лучшая рецензия на «Иванова». В тот же вечер, как вы уехали, я присылал к вам с своей карточкой одну молодую актрису [4] (и мою куму,— я у ней крестил), которой хотели передать роль Саши, после Мичуриной, игравшей на втором представлении.

Она очень желала с вами посоветоваться о роли. Я думал, что Суворины вас удержат до следующего дня. Но, к сожалению, она уже вас не застала.

«Иванов» идет на этой и на следующей неделе по два раза. А «Медведь», которого я не видел и который прошел, говорят, с фурором, идет только

* Рукою Чехова проставлено: 89, II.

на последний день масляницы. Я пойду непременно. В понедельник весь спектакль состоял, таким образом, из Чехова.

Модест, вероятно, сообщил вам в подробности о втором спектакле [5]. Мне же говорили актеры, что вас шибко вызывали.

Что Жоржинька? Уехал или в Москве застрял?

Поклон низкий всем вашим.

Ваш душевно
А. Плещеев

Не видаетесь ли с Островским? Он уж с месяц, кажется, не писал мне. Не болен ли, или не в претензии ли на меня за что-нибудь? Буду писать ему на днях [6].

[1] Чехов 30 декабря 1888 г. писал Плещееву о напечатании «Иванова» в «Северном вестнике»: «Я с вас очень дешево возьму, так дешево, что вы удивитесь» (XIV, 267; см. также 307—308).

[2] Обещание Чехова прислать рассказ было передано Плещееву через Егора Михайловича Линтварева («Слово», стр. 261—262; см. также XIV, 296).

[3] Рецензия Суворина на пьесу «Иванов» была напечатана в «Новом времени», 1889, № 4649, от 6 февраля.

Отзыв Плещеева о суворинской статье совпал и с чеховской ее оценкой (XIV, 304).

[4] О ком идет речь, установить не удалось.

[5] Упоминаемое письмо М. И. Чайковского к Чехову неизвестно.

[6] Письмо Плещеева к П. Н. Островскому неизвестно.

П. М. СВОБОДИН

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Милому Антону Павловичу Чехову от полюбившего его П. Свободина. Петербург, 31 янв. 89 г. Первое представление „Иванова"»

Свободин исполнял в спектакле роль Шабельского

Дом-музей Чехова, Ялта

26

21 июня <1889 г.>
Шевино <под Петербургом>

Дорогой Антон Павлович.

Вчера прочел в газетах о постигшем вас и все ваше семейство горе [1].

Никак я не ожидал такой печальной и, в особенности, такой скорой развязки, хотя Елена Михайловна на днях еще писала мне, что здоровье бедного Николая Павловича становится все хуже и хуже [2]. Но ведь чахотка такая болезнь, которая года тянется. Очень грустно, что лето для вас отравлено этим горестным событием. Прошу вас передать Евгении Яковлевне и всем вашим мое душевное соболезнование.

Полагаю, что вы теперь долго не усидите в Сумах и, повинуясь «весьма мучительному свойству, охоте к перемене мест», опять пуститесь странствовать по белу́ свету [3]. Суворин, как я слышал, нанял было тоже где-то поблизости от вас, но Анна Ивановна [4] отговорила его и увлекла за границу. Вероятно, он и вас туда будет звать, хотя, сколько я мог заметить, вас всегда больше тянет не за границу, а на какие-нибудь русские окраины или на восток. Напишите, куда решитесь ехать. Я уж более месяца не имею от вас известий. Пишете ли вы что и что именно, если пишете? Окончили ли пьесу? [5]

Всего верней, что нет. Не до писанья вам было, когда у вас на руках брат умирал. Из письма Елены Михайловны узнал, что у вас гостит П. М. Свободин. Передайте ему от меня сердечный поклон, если он еще не уехал. Я живу себе мирно и тихо. Лето стоит бесподобное (для дачников, но не для крестьян и помещиков), места здесь, как я уже вам писал, тоже восхитительные, и я всего раз был в Петербурге с тех пор, как переехал.

Пробыл там два дня с половиной. Сходил в баню, сходил во французскую оперу, сходил в редакцию... словом, как говорит гоголевский Ихарев, «исполнил долг образованного человека». В редакции нового только то, что Анна Михайловна опять возвратила Протопопова «для оживления журнала», и с будущей книжки он опять начинает ругаться в библиографии [6]. Короленко писал ей недавно, что готовит кое-что для «Северного вестника», но что именно, я в точности не знаю. Что это как «Новое время» всегда ста́новится скучно с отъездом Суворина! Ничего-то в нем нет сколько-нибудь интересного — хоть шаром покати. Я здесь много читаю — не рукописей, которых, к счастью, летом поуменьшилось, но книг; и кое-что работаю. Хотелось бы мне очень что-нибудь соорудить для сцены. Лавры Щеглова меня соблазняют, а отчасти и невежинские (подумайте только — восемь тысяч! эдакую уйму денег взять за «Вторую молодость!» [7]). А теперь, кстати, еще и театральный журнал основывается, значит, есть куда сбыть пьесу, и театров частных в Москве множество [8]. Я недавно встретил одну писательницу, Назарьеву, которая свою пьесу Горевой продала за четыреста рублей, на чистые деньги [9].

Напишите, голубчик, несколько слов. Соскучился я без ваших писем. Мои все поручили вам кланяться и также Марье Павловне. Передайте ей и мой поклон. Линтваревым всем тоже и особливо милому Жоржу. Не были ли на Луке Смагины?

Если они там — сообщите мне, я к ним писать буду.

Крепко жму вашу руку. С каким бы я наслаждением прочел теперь какой-нибудь ваш рассказец. Присылайте хоть к августу. Не покидайте горемычного «Северного вестника», который все газеты, не знаю за что, ругают [10]. А подписка понемножку все идет, да идет...

Ваш душевно А. П л е щ е е в

[1] Николай Павлович Чехов скончался 17 июня 1889 г.

[2] Елена Михайловна *Линтварева* — дочь А. В. Линтваревой. Это письмо ее к Плещееву неизвестно.

[3] После смерти брата Чехов уехал в начале июля в Одессу, оттуда в Ялту, где он пробыл до конца августа.

[4] *Анна Ивановна* — жена Суворина.

[5] Пьеса «Леший» была закончена Чеховым только к концу октября 1889 г. (XIV, 407, 412).

[6] М. А. Протопопов ушел из «Северного вестника» в ноябре 1888 г. (см. прим. к письму 20). Возобновил сотрудничество в журнале в мае 1889 г., выступив в шестой книжке с некрологом М. Е. Салтыкова. «В будущей книжке у нас появится опять Протопопов, с некрологом Салтыкова, и я думаю будет продолжать и потом писать; я лично небольшой охотник до его статей, чересчур уже задорных, а порой узковато прямолинейных. Но он публикой очень читается, и в таланте, в бойкости ему не откажешь» (письмо Плещеева к Короленко от 10 мая ⟨1889 г.⟩, ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

[7] «*Вторая молодость*» — пьеса П. М. Невежина, шедшая в казенных театрах Москвы и Петербурга, а также в провинции, имела значительный успех.

[8] «Артист» — театрально-музыкальный художественный журнал, начал выходить в Петербурге с сентября 1889 г. Издатель Ф. А. Куманин, редактор А. Гиппиус.

В Москве, кроме частного театра Корша, в сезон 1889 г. функционировали частные театры А. М. Абрамовой и Е. Н. Горевой.

[9] Очевидно, Плещеев имеет в виду пьесу «Чужая», проданную К. В. Назарьевой для частного театра Е. Н. Горевой.

[10] «Новое время», 1889, № 4618, от 6 января. «Критические очерки» Буренина. В них он обрушивался на «Северный вестник» за публикацию на его страницах «20 неизданных стихотворений М. Ю. Лермонтова», называя их не более как «подготовительным уроком поэтического творчества». В другой статье («Новое время», 1889, № 4646, от 3 февраля) Буренин критикует беллетристику «Северного вестника» и, в том числе, повесть Короленко «С двух сторон». «Ругательные» отзывы о «Северном вестнике» в «Русской мысли», 1889, № 5, отд. «Библиография», стр. 211—219.

Плещеев писал по этому поводу Короленко: «...ругательства сыплются на журнал со всех сторон, начиная от „Нового времени“ и кончая „Русской мыслью“...» (письмо Плещеева от 10 мая 1889 г.—ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67). В более позднем письме ему же: «„Русская мысль“ в каждом номере с похвальнейшей аккуратностью ругает „Северный вестник“, в особенности за беллетристику, и находит все маленькие рассказы, печатаемые в нем,— крайне плохими. Конечно, у всякого свой взгляд, но неужели рассказы, помещаемые в „Русской мысли“ вроде „Красавицы Дуньки“ или романа Гр. Данилевского ⟨...⟩ можно назвать художественными произведениями? В „Вестнике Европы“ тоже не ахти какая беллетристика, и я еще ни от одного человека не слыхал похвалы роману Ольги Шапир. Где же взять, наконец, беллетристов, когда нет талантливых? Не родить же их редакциям» (письмо от 24 августа 1889 г.— там же).

27

⟨Петербург.⟩ 12 сентября ⟨1889 г.⟩

Спасибо вам, милый Антон Павлович, что хоть изредка сообщаете о себе. Простите, что несколько замедлил ответом. Только 5-го числа перебрался с дачи, и теперь еще в доме далеко не все приняло свой обычный вид. Анна Михайловна по получении вашего письма телеграфировала вам, и моя подпись фигурировала также на этой телеграмме вместо с редакторской [1]. Хотя я очень понимаю, что вам хотелось бы подольше посидеть над отделкой вашей повести [2], но не могу не просить вас — убедительнейше — пришлите ее хоть к 18-му. Мы без вас пропадем. Ведь подписка приближается, а у нас пока ничего сколько-нибудь художественного, тонкого «для знатоков» нет в беллетристике. Роман «Душевные бури» [3]— это для массы, для невзыскательных по части поэзии. Короленко хотя сам же писал Анне Михайловне, что пишет рассказ, но ничего не прислал и не отвечает на письмо, которое я написал ему. Вероятно, рассердился за статью Мережковского, которого и «Русская мысль» аккуратно в каждой книжке ругает за эту статью [4].

Но ведь эти «Два настроения» Короленки [5] действительно дерьмо, самое настоящее.

Да и рассказ его в «Русских ведомостях» [6], который я начал было читать с таким удовольствием и от которого ждал чего-то, в конце концов,

тоже не выгорел. В нем есть картинки две, много три, не лишенные поэзии, но все в целом очень швах! Знаете ли, мне кажется, что он дальше не пойдет. Сколько уж времени он все на одном месте топчется. Вы совершенно справедливо замечаете, что свежести у него уже нет[7]. Ради бога, голубчик, присылайте рассказ. Я давал читать Анне Михайловне то письмо, где вы мне писали, что у вас уже написано на 200 рублей, т. е. лист печатный, и это слово подчеркнул [8], дабы она приняла к сведению, что вам надо платить за лист именно эту цифру, и прибавил на словах,что вам нет никакого резона получать в «Северном вестнике» меньше, чем вы получаете в «Новом времени». А Суворин застрял во Франции. Да и как не застрять? Я с лихорадочным интересом слежу за тем, что там делается, и каждый день жду телеграмм о выборах [9]. Вы этого не поймете. А для нашего брата — человека второй половины 40-х гг.— Франция очень близка сердцу. Тогда во внутреннюю политику не дозволялось никому носа совать,— и мы воспитывались и развивались на французской культуре, на идеях 48 года [10].

Этого не истребишь... Во многом, конечно, пришлось разочароваться потом, но многому мы остались и верны...

Боборыкина дело, как мне сдается, не выгорит, если судить по газетным отзывам... Если исполнение плохое, то какой ни будь репертуар, толку не выйдет [11].

А он с большой горячностью отдался этому делу. Но, всего вероятней, что он сбежит. Ведь этот закулисный мир — помойная яма. Газеты прославляют театр Абрамовой [12]. Это немудрено. Она кулебякой угощала всех рецензентов и драматургов. Буренин ей тоже продал свою византийскую белиберду [13]. У него не купить она, конечно, не посмела.

Не видали ли вы Островского? Этот тоже на меня должно быть за что-нибудь прогневался... Он вообще строг.— Бог с ними со всеми!

Крепко жму вашу руку. Пишите, пожалуйста. Ужасно мне скучно без ваших писем.

Поклон сердечный всем вашим. Жорж мне не писал, и Павел не заходил еще, хотя он здесь.

Ваш душевно А. П л е щ е е в

[1] Эта телеграмма неизвестна.

[2] Повесть «Скучная история», обещанная Чеховым «Северному вестнику». В письме от 3 сентября 1889 г. Чехов писал Плещееву, что рассказ уже готов, но он предполагает несколько задержать его отсылку в редакцию: «Я хочу кое-что пошлифовать и полакировать, а главное, подумать над ним» (XIV, 391).

[3] «Душевные бури» — роман Н. А. Таль, печатался в «Северном вестнике», 1889, № 10—12.

[4] Статья Д. С. Мережковского «Рассказы Вл. Короленко» — напечатана в «Северном вестнике» 1889, № 5. Отзыв о ней см. «Русская мысль», 1889, № 8, отд. «Библиография», стр. 372.

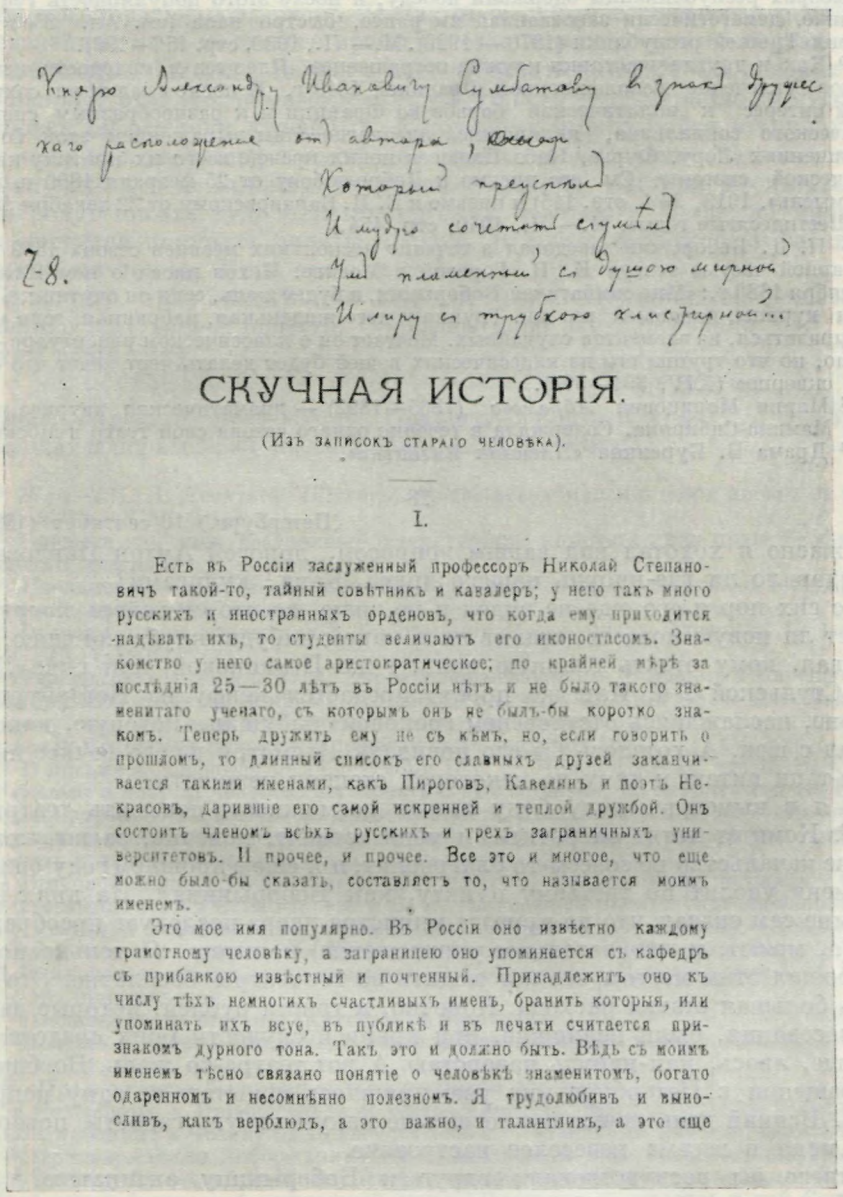
[5] «С двух сторон (Рассказ о двух настроениях)» Короленко напечатан в ноябрьской книжке «Русской мысли» 1888 г. В своей статье Мережковский отозвался отрицательно об этом рассказе.

[6] «Птицы небесные», напечатанные в «Русских ведомостях», 1889, № 224, 229, 233, 236, от 15, 20, 24, 27 августа.

[7] Чехов писал Плещееву 26 июня 1889 г.: «Короленко немножко консервативен; он придерживается отживших форм (в исполнении) и мыслит как 45-летний журналист; в нем не хватает молодости и свежести, но все эти недостатки не так важны и кажутся мне наносными извне» (XIV, 380). На это письмо Чехова и откликается здесь Плещеев. Однако Чехов не согласился с приговором Плещеева и 14 сентября писал ему о преждевременности подобных заключений о будущем писателя: «Мне хочется верить, что Короленко выйдет победителем и найдет точку опоры. На его стороне крепкое здоровье, трезвость, устойчивость взглядов и ясный, хороший ум, хотя и не чуждый предубеждений, но зато свободный от предрассудков» (XIV, 400).

[8] Письмо Чехова к Плещееву от 3 августа 1889 г. (XIV, 386—387).

[9] Всеобщим выборам в Палату депутатов (состоялись 22 сентября 1889 г.) предшествовала ожесточенная политическая борьба между республиканцами и правыми



Князю Александру Ивановичу Сумбатову в знак дружес
кого расположения от автора,
Который преуспел
И мудро сочетать сумел
Ум пламенный с душою мирной
И лиру с трубкою клистирной...

7-8.

СКУЧНАЯ ИСТОРІЯ.

(Изъ записокъ стараго человѣка).

I.

Есть въ Россіи заслуженный профессоръ Николай Степановичъ такой-то, тайный совѣтникъ и кавалеръ; у него такъ много русскихъ и иностранныхъ орденовъ, что когда ему приходится надѣвать ихъ, то студенты величаютъ его иконостасомъ. Знакомство у него самое аристократическое; по крайней мѣрѣ за послѣднія 25—30 лѣтъ въ Россіи нѣтъ и не было такого знаменитаго ученаго, съ которымъ онъ не былъ-бы коротко знакомъ. Теперь дружить ему не съ кѣмъ, но, если говорить о прошломъ, то длинный списокъ его славныхъ друзей заканчивается такими именами, какъ Пироговъ, Кавелинъ и поэтъ Некрасовъ, дарившіе его самой искренней и теплой дружбой. Онъ состоитъ членомъ всѣхъ русскихъ и трехъ заграничныхъ университетовъ. И прочее, и прочее. Все это и многое, что еще можно было-бы сказать, составляетъ то, что называется моимъ именемъ.

Это мое имя популярно. Въ Россіи оно извѣстно каждому грамотному человѣку, а заграницею оно упоминается съ кафедръ съ прибавкою извѣстный и почтенный. Принадлежитъ оно къ числу тѣхъ немногихъ счастливыхъ именъ, бранить которыя, или упоминать ихъ всуе, въ публикѣ и въ печати считается признакомъ дурного тона. Такъ это и должно быть. Вѣдь съ моимъ именемъ тѣсно связано понятіе о человѣкѣ знаменитомъ, богато одаренномъ и несомнѣнно полезномъ. Я трудолюбивъ и выносливъ, какъ верблюдъ, а это важно, и талантливъ, а это еще

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА «СКУЧНОЙ ИСТОРИИ»

(Оттиск из журнала «Северный вестник», 1889, № 11):

«Князю Александру Ивановичу Сумбатову в знак дружеского расположения от автора,

Который преуспел
И мудро сочетать сумел
Ум пламенный с душою мирной
И лиру с трубкою клистирной...»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

партиями, которые объединились вокруг генерала Буланже, политического деятеля бонапартистского толка, стремившегося к диктатуре или к восстановлению монархии. На выборах республиканцы одержали победу, и после этого популярность генерала Буланже, демагогически завоеванная им ранее, быстро пала (см. Ал. Зевакс, История Третьей республики (1870 — 1926). М.— Л., 1930, стр. 156—199).

[10] Как и другие участники кружка петрашевцев, Плещеев в молодости испытал сильное увлечение революционной Францией 1848 г. И после ссылки он сохранил живой интерес к политической борьбе во Франции и к разнообразным системам утопического социализма, являвшимся идеологическим выражением этой борьбы. В сочинениях Леру, Фурье, Кабе Плещеев ценил прежде всего их критику капиталистической системы. См. его письмо к Добролюбову от 25 февраля 1860 г. («Русская мысль», 1913, № 1, стр. 145) и письмо к Е. И. Барановскому от 22 декабря 1859 г. (Сб.«Шестидесятые годы». М.— Л., 1940, стр. 454.)

[11] П. Д. Боборыкин заведовал в течение нескольких месяцев сезона 1889 г. репертуарной частью театра Е. Н. Горевой в Москве. Чехов писал о нем Плещееву 3 сентября 1889 г.: «Мне симпатичен Боборыкин, и будет жаль, если он очутится в положении курицы, попавшей во щи. Труппа у него жиденькая, набранная, если можно так выразиться, из элементов случайных. Мечтает он о классическом репертуаре — это хорошо, но что труппа его из классических вещей будет делать черт знает что — это очень скверно» (XIV, 391—392).

[12] Мария Морицовна *Абрамова* (1865—1892) — драматическая актриса, жена Д. Н. Мамина-Сибиряка. Содержала в течение одного сезона свой театр в Москве.

[13] Драма В. Буренина «Пленник Византии».

28

<Петербург.> 16 сентября <1889 г.>

Ужасно я хохотал над вашим вопросом, дорогой Антон Павлович,— не задавило ли где-нибудь нашего друга Жана[1] кулисами?

До сих пор я его еще не видел и не знаю, во что он теперь погружен. Пишет ли новую повесть, ставит ли в каком-нибудь клубе комедию, раздумывая, кому отдать главную роль: г-же Пыжиковой или г-же Двинской-Стульской 2-й. Или же просто предается кейфу на Петербургской стороне, наслаждаясь отсутствием «роковой» бабушки, которую, наконец, скачал с шеи. А хотелось бы его повидать. Несмотря на его вечное нытье, я все-таки питаю к нему до некоторой степени нежность.

А я в нынешнем году буду лишен возможности посещать театры даром[2]. Комитет хотят сократить, и меня оставят, конечно, за штатом, ибо ко мне начальство не совсем-то благоволит, и я еще в прошлом году ожидал, что меня уволят по третьему пункту, как Боборыкина[3]. На днях Потехин мне сам сказал, что по приезде министра двора последует преобразование (а, может, и окончательное уничтожение) комитета. Я только потому и дорожил этим местом, что мог ходить во все театры бесплатно. Это ведь очень большая статья расхода. Конечно, и триста рублей, которые давали мне заседания, были нелишние, при крайней скудости моих средств. Но это еще, авось, как-нибудь наверстаю. А вот театра-то жаль. Вообще по возвращении в Петербург мне уже пришлось испытать не одну неприятность. Всякий день почти приносит мне какую-нибудь гадость, повергающую меня в весьма невеселое настроение.

Отчего вы восчувствовали вдруг к Боборыкину антипатию?[4] Может быть, он в некоторых отношениях и чудак, но человек он недурной; я люблю его за его «жизненность», за его деятельность и энергию. Никогда он не унывает, не падает духом. И все же это человек образованный и много видевший. Верьте мне, что он лучше очень многих, ругающих его и смотрящих на него свысока. Горевский театр — сам по себе, а Боборыкин сам по себе.

Я совсем не знал о вашем обмене телеграммами и письмами с Анной Михайловной[5], которую несколько дней не видал. Если дело устроилось согласно вашему желанию, то тем лучше.

Нынче нашел у себя карточку Григоровича. А Суворина все еще нет. Он все еще пишет маленькие письма из Биаррица. А я жду его нетерпеливо. Он мне очень нужен.

Про Островского никак нельзя сказать, что его взгляды на нравственность, политику и т. д. сумбурны,— и еще менее, что он мало образован... Напротив, образован он очень. Читал он массу, и взгляды его совершенно определенны, но в последнее время он стал чересчур уж консервативен,— и о некоторых вещах я не могу разговаривать с ним[6]. Он говорит чуть не с пеной у рта. Но, помимо этого, у него есть черты крайне симпатичные и человек он все-таки душевный, к которому можно пойти в трудную минуту жизни с уверенностью, что он отзовется участливо на ваше горе...

Получил я 1-ю книжку журнала «Артист». Составлена интересно[7]. Меня зовут писать туда о петербургских театрах[8]. Я бы не прочь, но если придется покупать билеты в театр, то плата пять копеек за строчку слишком ничтожна. Игра свеч не стоит.

Прощайте, голубчик. Всего вам хорошего. Поклонитесь вашим. Нетерпеливо жду вашей повести. Очень вы меня заинтересовали ею[9]. Крепко жму вашу руку.

А. Плещеев

Ваше «Предложение» имело, говорят, огромный успех[10]. В пятницу у нас идет в первый раз пьеса Боборыкина «С бою»[11].

[1] *Жан* — И. Л. Леонтьев (Щеглов). Чехов осведомился о нем в письме от 14 сентября 1889 г. (XIV, 401).

[2] Плещеев как член Театрально-литературного комитета имел право бесплатного посещения театров.

[3] Увольнение «по третьему пункту» применялось при удалении с государственной службы «неблагонадежных» лиц.

[4] О своем новом отношении к Боборыкину Чехов писал Плещееву 14 сентября 1889 г. (XIV, 401).

[5] Телеграммы Чехова к А. М. Евреиновой неизвестны. В письме к Евреиновой от 7 сентября 1889 г. Чехов сообщал, что работа над «Скучной историей» идет медленно, и поэтому отправка ее в «Северный вестник» задерживается. Ответ Евреиновой воспроизведен Чеховым в письме к Плещееву от 14 сентября 1889 г. (XIV, 400).

[6] В письме к Плещееву от 14 сентября 1889 г. Чехов отмечал, что П. Н. Островский «умный и добрый человек; беседовать с ним приятно, но спорить так же трудно, как со спиритом. Его взгляды на нравственность, на политику и проч.— это какая-то перепутанная проволока; ничего не разберешь. Такую путаницу приходится чаще всего наблюдать у людей много думающих, но мало образованных» (XIV, 401).

[7] В первой книжке Театрально-музыкального художественного журнала «Артист» были помещены: статья С. А. Юрьева и В. А. Гольцева «О целях и задачах нашего журнала», статьи и стихотворения, посвященные памяти С. А. Юрьева, «Дон Карлос» Шиллера, «Сон в летнюю ночь» Шекспира — статья И. И. Иванова, вальс «Шутка» П. И. Чайковского, «Парижские письма» П. Д. Боборыкина, «Цепи»—драма А. И. Сумбатова и др. произведения.

[8] Плещеев своих статей в «Артисте» не печатал.

[9] Повесть «Скучная история», о которой Чехов сообщал поэту в письме от 14 сентября 1889 г. (XIV, 400).

[10] «Предложение» было напечатано в «Новом времени», 1889, № 4732, от 3 мая и шло в Петербурге в Царскосельском театре 9 августа 1889 г. с большим успехом (см. письмо Свободина к Чехову от 10 августа 1889 г.— «Записки», вып. 16, стр. 195—196).

[11] Премьера пьесы Боборыкина «С бою» на сцене Александринского театра состоялась в пятницу 22 сентября 1889 г. Пьеса посвящена изображению жизни и быта московской старообрядческой купеческой семьи. Несмотря на участие в ней Савиной и Варламова, пьеса успеха не имела. Критика отмечала, что Боборыкин, задавшись целью написать «комедию нравов, вывел целый ряд несуществующих субъектов, описывая не действительность, а самую грубую карикатуру» («Сын отечества», 1889, № 256, от 24 сентября).

29

⟨Петербург. 3—4 октября 1889 г.⟩*

Добрейший Антон Павлович. Я ничего не говорил с Анной Михайловной относительно высылки вам денег сейчас же[1]. Я знаю, что она теперь находится в довольно стеснительных обстоятельствах, и сам получил

* Рукою Чехова проставлена дата получения: 89. X, 5.

в понедельник вместо следующих мне ста пятидесяти за этот месяц всего только пятьдесят, вследствие чего нахожусь в самом скверном положении, потому что с переезда в город перебиваюсь со дня на день. Давно так не бедствовал.

Получив ваше письмо, сопровождавшее рукопись [2], Анна Михайловна, кажется, поняла так, что она должна начать вам высылку денег с 1 ноября, т. е. со дня напечатания рукописи. Но если вы к ней напишете, то она, может быть, изыщет средства вам выслать. Я же вообще не люблю и не мастер вести с ней переговоры о денежных делах. Редко эти переговоры приводили к желаемому результату. Извините меня, пожалуйста. Крепко жму вашу руку.

Ваш душевно А. П л е щ е е в

[1] В письме к Плещееву от 30 сентября 1889 г. Чехов просил передать в контору журнала, чтобы ему выслали первую часть гонорара за «Скучную историю» к 1 октября (XIV, 407).

[2] Письмо Чехова к Евреиновой от 24 сентября 1889 г., посланное ей одновременно с рукописью «Скучной истории» (XIV, 403—404).

30

<Петербург.> 18 октября <1889 г.>

Что поделываете, в каком настроении обретаетесь, милый Антон Павлович? На днях видел Свободина и спрашивал о вашей пьесе. Кажется, он уж не намерен ставить в свой бенефис вашей пьесы [1], так как Всеволожский и Григорович нашли ее несценичной и выразили такое мнение, что великие князья, которые будут, без сомнения, на его бенефисе, могут найти ее скучной [2]. Я ожидал от него более самостоятельности. Он мог ответить, что хотя бы пьеса и оказалась недостаточно интересной на сцене, но раз автор отдал ему ее, он считает себя обязанным ее поставить. Никогда на этих актеров нельзя рассчитывать. Сколько раз мне приходилось быть свидетелем подобного образа действий с их стороны.

Поставят ли, не поставят ли вашу пьесу, но я вам предложил бы ее напечатать в «Северном вестнике», в январской книжке [3]. Если вы ничего против этого не имеете, то пришлите мне ее или поручите взять где-нибудь. Двоедушный Григорович, впрочем, с похвалой отозвался Суворину о втором акте вашей пьесы. Я, признаюсь, никакой цены не придаю его отзывам. На днях он читал нам (у Вейнберга) с М. Чайковским свою новую повесть [4]. Первая половина ее туда-сюда, а вторая никуда не годится. Все это так избито, истрепано, шаблонно, устарело и анекдотично. Еще о повести он иногда может высказать верное суждение, но о драматическом я от него никогда не слыхал дельного слова. Теперь, когда наш комитет похерили, его будет заменять триумвират из Всеволожского, Потехина и Григоровича (пока самого Потехина не похерят, что, говорят, тоже скоро последует). Суворин рассказывал, что Буренин читал им на днях свою новую пьесу [5] и Всеволожский все время *раскладывал пасьянс*. Это довольно характерно...

Из «Северного вестника» ушел г. Южаков [6], если хотите знать подробности этого ухода, не лишенные интереса и хорошо рисующие современного русского литератора, то спросите у Петра Николаевича, которому я писал об этом обстоятельно; повторять это долго и скучно. Скажу только, что относительно Анны Михайловны он поступил как прохвост. И весь их кружок с Михайловским во главе выказался здесь вполне с своей инквизиторской нетерпимостью. Теперь они кричат на всех перекрестках, что в «Северном вестнике» не осталось ни одного литератора и что «Север-

ный вестник» до января не дотянет. Вероятно, мы лишимся также и сотрудничества Короленко, который падает в прах перед Михайловским и Глебом Успенским и для которого Лесевичи и Южаковы также неприкосновенны [7]. Помимо моей симпатии к «Северному вестнику», я бы желал, чтоб он подольше существовал уже для того одного, чтоб показать, что журнал может идти без этой *клики* — никого и ничего не признающей, кроме своего кружка.

Прощайте пока, дорогой Антон Павлович. Вчера я долго сидел у Суворина. Много говорили о вас и вашей новой повести [8], о Луке, о Линтваревых, о театральных делах и прочем. Когда вы приедете? Пожалуй, теперь отложите надолго свой приезд? [9] Мой искренний поклон вашему семейству. Крепко вас обнимаю и лобызаю. Ответьте поскорей, если найдете свободную минутку.

Ваш А. Плещеев

P. S. Забыл сделать вам вопрос: некоторые из читавших вашу «Скучную историю», как, например, Мария Дмитриевна [10] и Суворины, утверждают, что Катя *любит* самого старика, ведущего записки? Я положительно этого не заметил в повести.

[1] Свободин хотел поставить пьесу Чехова «Леший» в свой бенефис на сцене Александринского театра в Петербурге, и в начале октября 1889 г. он приезжал в Москву за рукописью (см. письмо Чехова к Суворину от 13 октября 1889 г.— XIV, 412). Сам Свободин объяснял Чехову причину отказа от «Лешего» желанием перенести бенефис с октября — ноября на более дальний срок в связи с большим количеством бенефисов других артистов в это время (см. «Записки», вып. 16, стр. 208). В письме к В. М. Лаврову Свободин объясняет свое решение тем, что «импровизированный» театральный комитет не одобрил пьесу (см. «Летопись», стр. 242). Это же письмо показывает, что упреки Плещеева в адрес Свободина были неосновательны (см. XIV, 419).

[2] Свободин читал «Лешего» 9 октября 1889 г. «неофициальному театральному комитету», в составе Д. В. Григоровича, директора театров И. А. Всеволожского, А. А. Потехина и Н. Ф. Сазонова (ранее существовавший Театрально-литературный комитет в сентябре 1889 г. был упразднен. См. об этом «Биржевые ведомости», 1889, № 291, от 24 октября).

[3] На это предложение опубликовать пьесу в «Северном вестнике» Чехов вскоре ответил отказом (XIV, 442). Только в феврале следующего года он решил отдать пьесу Плещееву (XV, 15).

[4] По-видимому, повесть Григоровича «Рождественская ночь», опубликованную в «Русском вестнике», 1890, № 1.

[5] Очевидно, пьесу Буренина «Комедия о княжне Забаве Путятишне и боярыне Василисе Микулишне» (см. «Русский вестник», 1889, № 12; отд. изд.: М., 1890).

[6] Чехов относился к С. Н. Южакову как публицисту отрицательно и называл его статьи «сонно одуряющим средством, действительнее мухомора» (XIV, 420).

[7] В литературе, посвященной Короленко, его уход из «Северного вестника» отнесен к декабрю 1888 г. (см. В. Г. Короленко. Избранные письма в трех томах, т. III. М., 1936, стр. 13). Как следует из письма Плещеева к Чехову от 31 декабря 1888 г. и настоящего письма, Короленко продолжал принимать участие в «Северном вестнике» и в 1889 г., хотя оно было менее интенсивным. Участие Короленко в редактировании беллетристики «Северного вестника» прекратилось, очевидно, только в конце 1889 г. Произведения же свои после рассказа «Ночью», напечатанного в декабрьской книжке «Северного вестника» 1888 г., Короленко в журнале не печатал.

В. В. *Лесевич* — сотрудник «Северного вестника», либеральный народник. Вышел из «Северного вестника» вслед за Михайловским и Южаковым.

[8] *Повесть* — «Скучная история».

[9] Чехов приехал в Петербург только в начале января 1890 г. (XV, 7—8).

[10] *Мария Дмитриевна* — Федорова.

31

<Петербург.>10 ноября <1889 г.>

Милейший Антон Павлович.

У меня заведен такой обычай в «Северном вестнике», что если стихи хороши, то я их немедленно сдаю в типографию и автора о том извещаю. А если плохи, то я оные уничтожаю (ибо *никогда* стихов не возвращают)

и автору ничего знать не даю. Последнее случилось и с поэзией талантливого Н. О. [1] По всей вероятности, они оказались негодными, иначе они бы у меня сохранились. Уцелели у меня каким-то образом «навозные» стихи г. Гурлянда. Я вам их и возвращаю [2]. Жду от вас обещанного письма.

Сегодня о вас напечатан фельетон Буренина [3]. Хотя вы за многое похвалены... но все же фельетон не без ехидства написан. Повесть ваша публике положительно нравится (интеллигентной по крайней мере). Я еще ни от одного человека не слышал порицания. Толкуют о ней много... Понимают, конечно, различно, но все одобряют.

Брата вашего [4] я не видел, равно как и Анна Михайловна.

Комедию свою [5] присылайте непременно. В публике возбужден интерес к ней.

До свиданья,
ваш А. П л е щ е е в

На письме карандашная помета: 89.

[1] Чехов просил Плещеева содействовать публикации в «Северном вестнике» стихотворений врача Н. Н. Оболонского, подписанных инициалами Н. О. (XIV, 419). Эти стихотворения в «Северном вестнике» напечатаны не были, и Чехов передал их в журнал «Живописное обозрение» (XIV, 445—446).

[2] Об И. Я. *Гурлянде* — см. выше в настоящем томе в разделе «Дарственные надписи Чехова на книгах и фотографиях».

[3] Статья Буренина «Критические очерки».— «Новое время», 1889, № 4922, от 10 ноября.

[4] Михаил Павлович Чехов приехал в Петербург в ноябре 1889 г.

[5] Пьесу «Леший».

32

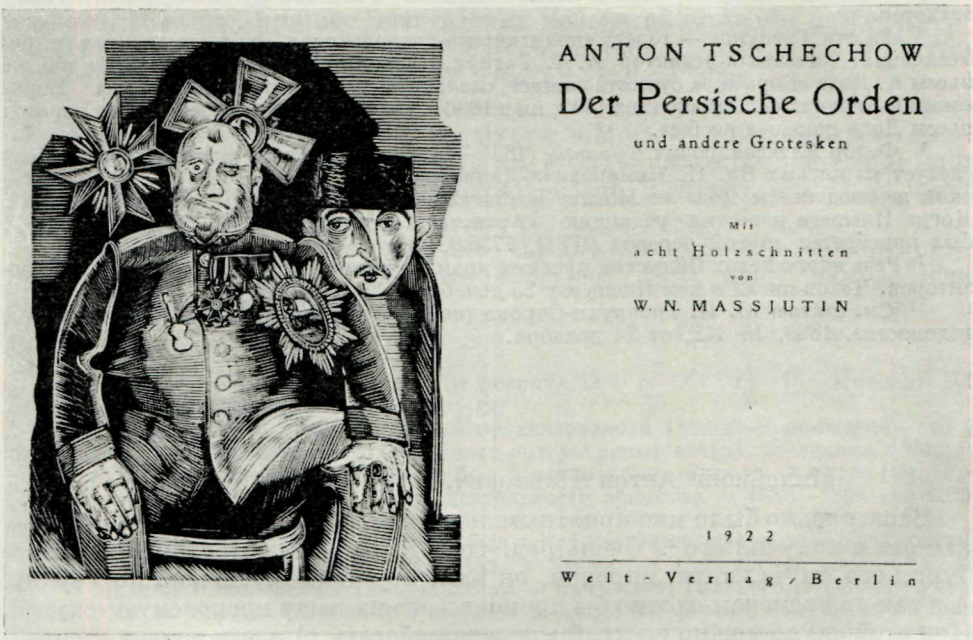
⟨Петербург.⟩ 27 декабря ⟨1889 г.⟩

Сейчас получил ваше письмо [1], милый Антон Павлович, и спешу поблагодарить вас за поздравление. В свой черед поздравляю вас с приближающимся Новым годом и душевно желаю вам и всему вашему семейству, чтоб этот год принес с собой как можно больше всяких хороших вещей, а именно, здоровья, славы, денег... и т. д. Все я вас поджидал к 18 декабря, как вы писали [2], а теперь ждать перестал. Ужасно рад, что идет ваша пьеса. Не сомневаюсь в успехе ее [3]. Если она нравится актерам, значит, они приложат старания, чтоб сыграть ее как следует и натянуть нос этому Свободину, который поспешил отречься от нее при первых неодобрительных словах начальства и Григоровича ⟨...⟩ Вы бы сделали большое одолжение редакции «Северного вестника», если б дали свою комедию к февральской книжке [4].

Хоть бы эту-то книжку подцветить именами. Мережковский сегодня поехал в Москву, хотел быть у вас и непременно пойти на представление «Лешего» — и дать мне о нем подробнейший отчет. Если этот отчет меня удовлетворит, то помещу его в «Неделе» [5], где о вашем «Иванове» была написана очень симпатичная статья, ибо критик «Недели» барон Дистерло к вам очень благоволит [6].

Что касается до моего перевода, то так он мне опостылел, так надоела возня с ним, что будет ли или не будет он поставлен у Абрамовой, мне положительно все равно [7]. Но мне несколько обидно, действительно, что даже пошлейший и глупейший перевод, шедший у Корша — и о котором мне с разных сторон говорили,что он никуда не годится,— печатается в газете Гатцука[8], а мой нигде не мог найти места. Куманин [9] поступил со мной по-хамски. Он даже не потрудился мне объяснить, почему мой перевод не пошел, и извиниться передо мной. И это после двух телеграмм с уплаченным ответом. Очевидно, этот хам не имеет элементарных понятий о веж-

ливости. Смею думать, что перевод мой во всяком случае не менее литературен, нежели Маттерновский. Наплевать на них на всех. Но мне урок. Не связываться в другой раз с разной сволочью. Мне досадно, что я причинил столько хлопот Немировичу и злоупотребил его обязательностью. На счет комитетских дел он мне тоже много писал и подобно вам жаловался на бестолочь нашего общего собрания [10]. Я был на нем недолго и приехал поздно, так что не слышал, как комитет поставил вопросы, подлежавшие нашему обсуждению. Протокол посадили писать болвана. При свидании объяснимся.



СБОРНИК РАССКАЗОВ ЧЕХОВА, ВЫШЕДШИЙ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ПОД НАЗВАНИЕМ «DER PERSISCHE ORDEN» («ПЕРСИДСКИЙ ОРДЕН»)
Титульный лист и фронтиспис с гравюрой В. Н. Масютина. Берлин, 1922

Вы не можете себе представить, что за анафемская погода стоит у нас и каким удручающим образом она действует на душу. Дня совсем нет. Тьма стоит кромешная. Я в последнее время чувствую себя совсем дурно. Одышка усилилась. Кроме того, глохну на левое ухо и стал лечиться. Это тоже действует на нервы.

Денежные дела были всю эту зиму невозможно скверные, но, к счастью, в последнее время судьба выручила, и теперь «маленечко полегчало». Приезжайте к нам и разгоните нашу хандру. Вы человек здоровый и бодрый.

Говорят, вас «Московские ведомости» обругали?[11] Я не читал и читать этого не желаю. Вероятно, и вы на это плюнете.

Крепко жму вашу руку. Искренний привет от всех нас вашему семейству.

Ваш душевно
А. Плещеев

[1] Письмо от 25 декабря 1889 г. (XIV, 455—457).
[2] В письме от 12 декабря 1889 г. Чехов писал: «Если не вырвусь из Москвы раньше 18 декабря, то приеду после Нового года» (XIV, 452).

[3] Премьера «Лешего» состоялась 27 декабря 1889 г. в Москве в частном театре Абрамовой (XIV, 456).

[4] «Леший» был послан Чеховым для «Северного вестника» 17 марта 1890 г. (XV, 37).

[5] Статья Мережковского о «Лешем» напечатана не была.

[6] В своем отзыве об «Иванове» Р. Д. Дистерло отмечал, что пьеса написана с «умом и талантом» и посвящена «разрешению сложной психологической задачи, разъяснению известного типа». Достоинством «Иванова» критик считал также и то, что, кроме главного героя, «все персонажи очерчены живо и правдиво» («Неделя», 1889, № 11, стр. 357—362; «Критические заметки» за подписью Р. Д.).

[7] Перевод пьесы А. Додэ «Борьба за существование», сделанный Плещеевым («Слово», стр. 278 и см. также XIV, 443, 451—452, 455—456). Пьеса репетировалась в театре Абрамовой. Однако поставлена не была, очевидно, в связи с тем, что 13 февраля того же года театр перешел в полное ведение Общества русских драматических артистов.

[8] «Газета Гатцука» — газета «политическо-литературная, художественная и ремесленная», издатель-редактор А. А. Гатцук. Плещеев имеет в виду перевод той же пьесы А. Додэ «Борьба за существование», сделанный для театра Ф. Корша Борисовым и Аграновым. Однако ни в 1889, ни в 1890 г. на страницах газеты Гатцука перевод пьесы Додэ помещен не был.

[9] Федор Александрович *Куманин* (1855—1896) — редактор газеты «Артист». Как следует из письма Вл. И. Немировича-Данченко от 20 декабря 1889 г., на плещеевский перевод пьесы Додэ «в Москве возлагали большие надежды, но он запоздал». Когда Плещеев известил редакцию «Артиста» о своем переводе, Куманиным уже был приобретен другой перевод (ЦТМ, 77382).

[10] Речь идет о делах Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. Чехов писал о нем Плещееву 25 декабря 1889 г. (XIV, 456).

[11] См. статью Ю. Н. Говорухи-Отрока (псевдоним Ю. Николаев).— «Московские ведомости», 1889, № 345, от 14 декабря.

33

13 февраля <1890 г.> Петербург.

Милейший Антон Павлович.

Ваше письмо было мне приятным подарком на именины, в день которых как раз я получил его [1]. Очень рад, что вы, наконец, вырвались из петербургского омута, хотя, впрочем, он вам, по-видимому, очень по сердцу. А я так по временам охотно бы променял его на вашу московскую «скуку». При этой скуке можно по крайней мере работать. А здесь нельзя положительно; и если б вы здесь постоянно жили, то, конечно, ничего бы не писали, а только бы обедали, ужинали, да дам пленяли... и еще разве изредка ездили бы «воду толочь» на Гороховую, в «Литературное общество» [2]. Вами некоторые ваши друзья остались недовольны в Петербурге (не из нововременского, конечно, кружка) и, надо сказать правду, не без основания. Я и сам мог бы отчасти быть причисленным к ним. Никому из них почти не удалось как следует побеседовать с вами. Вы ко всем заходили на краткий миг, всё торопились уйти, словно приходили по обязанности и, наконец, простились, сказав одним — что сегодня, другим — что завтра уезжаете; а потом две недели с лишком еще оставались в Петербурге [3]. Ведь это собственно, значит в переводе на человеческий язык: оставьте вы меня в покое. (Я не называю «побеседовать» — обедать или ужинать в многочисленной компании.)

Ко мне заезжал еще в то воскресенье (4-го) Галкин-Враский [4], хотя бывает у меня очень редко; не застал меня и оставил карточку. Верно, я ему на что-нибудь был нужен. А я до сих пор не собрался отдать ему визита, чем рискую навлечь на себя его гнев, до которого, впрочем, мне мало дела. Я ему скажу, что Тюремный отчет вы увезли из редакции, а то — он ждет, верно, рецензии [5].

Присылки «Лешего» будем ожидать [6] и будем вам за него много благодарны. Давно бы вам это сделать. Хоть я пьесы не читал, но вполне убежден, что литературные достоинства в ней непременно есть, и, стало быть, о возвращении вам ее «для сожжения» не может быть и речи. Я ее и читать

не стану, а прямо пошлю в типографию. Надо, чтоб она попала в апрельскую книжку. В мартовской можно бы даже заявить, что она появится в следующей книге.

Читал я «Крейцерову сонату» [7] и не скажу, чтоб она сделала на меня сильное впечатление. Толстой ее, говорят (т. е. говорит Чертков, близкий ему человек), переделал совсем; живого места не оставил, и очень сердится, что она разошлась, а, может быть, появится в переводе — в черновом виде. В этом виде он находит ее нехудожественной. В публике мнения очень разделены. Я даже больше встречал людей, которым она не нравится, чем наоборот. В первой половине, в особенности, ужасно много парадоксального, одностороннего, исключительного, даже, может быть, и фальшивого. Конечно, при его почитателях нельзя об этом рта разевать.

Видели ли вы Островского? Он меня спрашивал, когда вы вернетесь, имея к вам какое-то дело [8]. Я ему отвечал, что не знаю.

Жорж Линтварев мне рассказывал, что брат ваш Михаил писал его семейству, что вы уехали из Петербурга в Москву с Щегловым не по железной дороге, а на лошадях и что вы в Сахалин отправляетесь от министерства внутренних дел для осмотра чего-то. Для чего это он их мистифицирует?

Мои все вам кланяются усердно. Прошу вас передать мой привет вашему семейству. Присылайте же «Лешего». Жму вашу руку. Может я еще попаду в Москву постом.

Ваш А. Плещеев

[1] Письмо Чехова к Плещееву от 10 февраля 1890 г. (XV, 14—15). Именины Плещеева — 12 февраля.

[2] «Русское литературное общество» организовано в 1886 г. В помещении его на Гороховой улице устраивались публичные литературные вечера, заседания с выступлениями поэтов и писателей. Плещеев был почетным членом этого общества (см. «Русское литературное общество. Очерк деятельности общества за 1886—1894 гг.» СПб., 1894, стр. 6).

[3] В этот приезд в Петербург Чехов был занят изучением материалов по Сахалину, на что он и сослался в ответном письме к Плещееву, отводя его упрек (XV, 16).

[4] Михаил Николаевич *Галкин-Враский* — начальник Главного тюремного управления. Чехов обращался к нему с письмом и беседовал лично о получении письменного разрешения на осмотр сахалинских тюрем и промыслов. Просьба Чехова не только не была удовлетворена, но Галкиным было дано «секретное предписание не допускать Чехова до встреч с некоторыми категориями политических ссыльных и каторжников» (XV, 464).

[5] В письме к Плещееву от 15 февраля 1890 г. Чехов просил адресата сказать Галкину-Враскому, чтобы «он не очень заботился о рецензии для своих отчетов. Об его отчетах я буду пространно говорить в своей книге и увековечу имя его; отчеты не важны: материал прекрасный и богатый, но чиновники-авторы не сумели воспользоваться им» (XV, 16).

[6] Чехов сообщал 10 февраля 1890 г.: «„Леший" будет еще раз прочитан, исправлен и послан в „Северный вестник"<...> Пришлю я пьесу около 20 февраля» (XV, 15).

[7] «Крейцерова соната» Толстого была запрещена цензурой осенью 1889 г. Издательство «Посредник» оттиснуло 300 литографированных экземпляров, ходивших по рукам. Свое мнение о «Крейцеровой сонате» Чехов высказал Плещееву в ответном письме (XV, 15—16).

[8] П. Н. Островский обратился через Чехова к Суворину с предложением издать рассказы его сестры Надежды Николаевны Островской — детской писательницы (XV, 20).

34

17 марта <1890 г.> Петербург.

Давно не писал вам, добрейший Антон Павлович, и должен прежде всего сообщить вам неутешительную (для меня по крайней мере) новость: «Северный вестник» решилась Анна Михайловна закрыть, и апрельская книжка, полагать надо, не выйдет [1]. Выпускать ее не на что. Для финала я с этой дамой расстался — и будет ли, не будет ли под ее редакцией выходить журнал, я в нем не сотрудник. Она так дерзко, таким нахальным

тоном позволила себе со мной говорить, что мне стоило больших усилий не обругать ее. Я сдержался, однако же, хотя и сказал ей две-три довольнотаки крупные резкости.

Во вторник я решился, наконец, выяснить дело и спросил ее, надеется ли она обернуться и продолжать журнал (она искала 15 тысяч, но, разумеется, никто ей не давал). Она отвечала, что денег она не нашла и намерена журнал закрыть. Я стал выражать свое сожаление и сказал, что уж лучше бы она уступила его даром, но с тем, чтоб ей впоследствии выплатили известную сумму, если журнал пойдет (охотники на это были), нежели губить дело совсем. Взъелась она на меня за это страшно. Я, говорит, основала журнал, я его и закрою! Другого имени над ним не будет стоять. Вы хотите, говорит, Анну Михайловну потопить — но вам не удастся! — Ну и чем же вы удовлетворите подписчиков,— спрашиваю я.— «Другим журналом».— Но ведь и на это деньги нужны?— «Я найду денег».— Вы видите,— говорю,— как легко находить. Ведь вот не нашли же теперь.

Тут уж она из себя вышла и возразила, что она несет на себе ответственность, что она полная хозяйка, а сотрудники не имеют права вмешиваться в ее дела, что они должны помнить, что они сотрудники и т. д. В заключение сказала, что никто из сотрудников не сочувствует ей, что все хлопочут только о своем кармане, что она в литературу изверилась, и что только один сотрудник Флексер (Волынский) [2] принимает в ней участие, потому что ищет ей денег и приводил к ней уже несколько человек, которые, однако же, денег ей не дали. Я говорю ей, что таких людей, от которых, как от козла,— ни шерсти, ни молока,— я ей по двадцати в день буду водить, коли она хочет. Словом, вы поймете, что после такого разговора работать с этой бабой нельзя. Она говорит, что никогда в жизни она не передаст журнала компании Михайловского (на что я ей заметил, что как же она говорила, что дело ставит выше личных интересов). А между тем я узнал сегодня из самых верных источников, что она две недели тому назад или месяц присылала к Михайловскому этого же самого Флексера просить, чтоб тот взял журнал в полное заведование и только оставил бы ей «Областной отдел» [3]. А подпись ее под журналом останется. Но он ответил ей, что он не может иметь с ней дела, потому что *не верит ей*; что она теперь прижата к стене и потому приглашает его, а чуть оперится опять и станет делать ему неприятности. Это она, конечно, никому из нас не рассказывала. Ну, не лгунья ли она? Яковенко имел с ней такой же разговор, как и я, и был также обруган Марьей Дмитриевной, ворвавшейся в комнату, аки гиена (Демаков говорит, «как гигиена») и также ушел из журнала ⟨...⟩.

Вот вам, если не подробная, то все-таки в главных чертах реляция о последних событиях в недрах «Северного вестника». Можете себе представить, в каком завидном я нахожусь теперь положении, лишившись главного своего ресурса. Как и чем буду существовать, пока не знаю.

На Пасхе думаю побывать в Москве. Надеюсь еще застать вас там. Очень грустно, если не удастся повидать вас до отъезда.

Теперь журнала у Евреиновой не берут и даром; и, говорят, что в сентябре, если она продаст, то купят у нее. Но едва ли это состоится, хотя бы и нашли денег. Трудно им будет подыскать редактора. Никого не утвердят, особливо, как узнают, что это покупает Михайловский с компанией. Что касается до меня лично, то и работа под «начальством» Михайловского не особенно мне улыбается. Я его норов знаю. Конечно, тут не будет лганья и лицемерства, но будет многое другое — тяжелое и неприятное. Да еще бог весть, не будет ли также бабьих интриг и сплетен. На него очень часто влияют юбки.— Ах! Чего бы я не дал за то, чтоб иметь возможность уйти подальше от журналистики.

У Суворина встретился с вашим братом Михаилом и узнал, что ваши опять едут на Луку. А я поселяюсь опять в тех же местах, что и в прошлом году [4], только в другой усадьбе.

Напишите словечко,— говорят, что вы совсем погрузились в сахалинскую литературу.

В театре перемены. Ушел Потехин, ушел Федоров. Приглашен режиссером Медведев и уж подписал контракт. На русские спектакли в Михайловском театре открыт абонемент. Но этот театр предполагает давать

СБОРНИК РАССКАЗОВ ЧЕХОВА, ВЫШЕДШИЙ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ПОД НАЗВАНИЕМ: «ARIADNA. SIEBEN GESCHICHTEN VON DER LIEBE» («АРИАДНА. СЕМЬ РАССКАЗОВ О ЛЮБВИ»)

Суперобложка. Рисунок Михаэля Лиссмана

Лейпциг, 1954 г.

«чистенькие» пьесы для «бомонда» (Крылов, Тихонов, Гнедич), а Островского отдать на жертву Александринке для потехи плебсу. Комитет, кажется, останется при прежней организации, но «освежат» только личный состав. Я, как виновный в забраковании крыловской пьесы и непочтительном отношении к Погожеву, в состав этот не войду [5].

Что творится в нашем комитете? Немирович хотел приехать сюда для вразумления здешних членов насчет Кондратьева,— не передумал ли. Я просил недавно аванса, мне не дали; хотя 100 рублей, которые я брал, уже все давно покрыты, и я получил еще несколько рублей. Ужасные скоты. Возбудили бы вы в комитете вопрос об авансах. Нельзя ли это урегулировать там, чтоб члены не зависели от каприза и произвола Майкова? [6]

Жму вашу руку. Искренний привет вашим и от меня и от моего семейства. Леночка все ждала, что вы к ней зайдете. Будьте здоровы и не забывайте

преданного вам А. Плещеева

[1] Издательница «Северного вестника» А. В. Сабашникова неоднократно уменьшала сумму, предоставлявшуюся на издание журнала. С ноября 1889 г. Сабашникова совсем прекратила финансирование журнала, и с этого времени до марта 1890 г. А. М. Евреинова издавала его на свои средства.

Апрельская книжка «Северного вестника» 1890 г. была выпущена еще Евреиновой, с 5-го номера журнал издавал Б. Б. Глинский, который с 10-го номера стал издателем-редактором журнала. В середине 1891 г. издание журнала перешло к Л. Я. Гуревич.

[2] Аким Львович *Волынский* (псевдоним А. Л. Флексера — 1863—1926) — литературный критик и искусствовед идеалистического направления. После ухода из редакции «Северного вестника» Михайловского, Гл. Успенского, Южакова и других деятелей народнического направления, Волынский стал одним из основных сотрудников журнала, превратившегося при нем в воинствующий орган декадентства.

[3] «Областной отдел» «Северного вестника» имел существенное значение для журнала. Ему, по определению Плещеева, было отведено «широкое место», так как он заменял «рутинное внутреннее обозрение, очень мало читаемое в толстых журналах». В нем помещались корреспонденции «по части земства, городского управления, экономического состояния края и пр.» (см. письмо Плещеева к А. С. Гацисскому от 21 февраля 1885 г.—«Русская мысль», 1912, № 4, стр. 120—121).

[4] Летом 1889 г. Плещеев жил на даче в имении Шевнó по Варшавской ж. д., станция Преображенская.

[5] В новый состав Театрально-литературного комитета Плещеев действительно введен не был.

[6] Аполлон Александрович *Майков* (1826—1900) — славист, один из учредителей «Общества русских драматических писателей и оперных композиторов», бывший в течение многих лет его казначеем, а затем председателем.

Чехов, как и Плещеев, относился к его деятельности на этом посту отрицательно (XIV, 343).

35

⟨Петербург.⟩ 28 марта ⟨1890 г.⟩*

Милый Антон Павлович. Сегодня получил ваше письмецо и душевно рад, что вы на меня не сердитесь за мой (впрочем искренний совершенно) отзыв о «Лешем»[1]. Я могу ошибаться и выражаю только свое личное мнение, которое совпало с мнением еще двух знакомых мне лиц — и не совпало с мнением двух других[2]. Привезу его сам, если же почему-либо не поеду в Москву, то пришлю вам по почте. Завтра уезжает к себе Жорж. В Москве думает пробыть самое короткое время. Чудесный он малый. Анна Михайловна, не знаю, писал ли я вам, наговорила мне таких милых вещей, что если б даже «Северный вестник» возобновился, то я работать у ней не буду. Сегодня я сообщил ей это официально, так как она после всего, что произошло между ей и мной, направила ко мне какого-то господина с рукописью. Вчера баронесса Икскуль [3] сообщила мне, что она говорила с Михайловским о возобновлении журнала (деньги она бы нашла), но он отвечал, что подцензурного журнала он не возьмет. Она выписала к себе сегодня двоюродного брата Евреиновой, товарища министра путей сообщения [4], чтоб уговорить его похлопотать об освобождении «Северного вестника» из-под цензуры. Не знаю, какой будет результат. Сомневаюсь в его успешности.

Мне не дали аванса в обществе, и от Майкова я никакого письма не получал. Вероятно, Кондратьев [5], к которому я обращался, не нашел нужным ему сказать об этом. Я просил даже не 100 рублей. Мне следовало получить 60 рублей авторских, и я просил, чтоб *добавили 40 рублей авансом*. Но Кондратьев предпочел выслать еще 25 рублей, полученных после моей переписки с ним об авансе, а об авансе умолчал.

Но теперь, когда я по случаю закрытия «Северного вестника» остался совершенно на мели, так что, может быть, мне и в Москву не с чем будет поехать, я бы душевно был благодарен, если б мне дали аванс в 100 руб-

* На письме помета Чехова синим карандашом: 90.

лей, и обращаюсь к вам как к члену комитета [6] с просьбой об этом. Попросите от меня Немировича-Данченко и Сумбатова. Выслать его теперь к празднику уж не успели бы. Но так, приехав в Москву, я не очутился бы без гроша. На отъезд же собственно я бы здесь добыл. Вы говорите, что никакой *казначей* не отказал бы мне в сторублевом авансе. Майков мне отказывал не раз, хотя все взятые мною авансы всегда покрывались очень скоро... В последнее время нервы мои так развинтились, и я вообще чувствовал себя так плохо, что поехать было бы мне положительно полезно. Я даже, скажу вам, несколько было испугался... я стал забывать слова, имена собственные, факты самые недавние...

Подобное было несколько лет тому на моих глазах с одним знакомым моим в Москве, с покойным Родиславским, которого вскоре потом хватил паралич. Вот, думаю себе, еще, пожалуй, с ума сойдешь...

Прощайте, может быть, до близкого свидания. Жму вашу руку и низко кланяюсь всему вашему семейству.

Ваш А. Плещеев

P. S. Литературно-театральный комитет, кажется, будет состоять из тех лиц, которые его создавали: т. е. из неизбежного Григоровича, Вейнберга и Модеста Чайковского...(?). Модест, положим, отличный малый, но почему же именно он, а не Гнедич, например, или не Аверкиев и т. д.? В Москве проектировали особый комитет, но это едва ли пройдет. Всеволожский против этого [7].

[1] Письмо от 27 марта 1890 г. (XV, 45—46). Отрицательный отзыв о «Лешем» был высказан Плещеевым в письме к Чехову от 24 марта 1890 г. («Слово», стр. 279—281. Письмо ошибочно датировано Плещеевым «24 апреля»).

[2] Плещеев познакомил с пьесой В. Фаусека (см. о нем прим. 11 к письму 11) — человека «с большим эстетическим чутьем»; он, как и Плещеев, дал комедии отрицательную оценку. Д. С. Мережковский и А. И. Урусов оценили «Лешего» восторженно («Слово», стр. 280; см. также XV, 38).

[3] Варвара Ивановна баронесса *Икскуль фон Гильдебанд* — издательница книжек для народа.

[4] Григорий Алексеевич *Евреинов*.

[5] И. М. *Кондратьев* был секретарем Общества драматических писателей. Письмо Плещеева к нему неизвестно. Чехов обращался по поводу просьбы Плещеева в комитет Общества, который обязал председателя его, Майкова, ответить Плещееву. Однако последний, как видно из содержания настоящего письма, не добился ответа ни от Майкова, ни от Кондратьева (XV, 45—46).

[6] Чехов был избран членом комитета Общества драматических писателей в 1889 г.

[7] Лишь 11 сентября 1891 г. было вновь утверждено положение о преобразованном Театрально-литературном комитете при дирекции императорских театров. Комитет состоял из двух отделений — в Петербурге и Москве. В петербургское отделение вошли: Григорович (председатель), А. А. Потехин, П.И.Вейнберг, П.Н.Гнедич; в московское: Н. С. Тихонравов (председатель), Алексей Н. Веселовский, Н. И. Стороженко, Вл. И. Немирович-Данченко. Деятельность петербургского отделения возобновилась 19 октября, московского — 5 октября (см. Положение о Театрально-литературном комитете и протоколы заседаний.— ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 6, ед. хр. 2,3).

36

<Петербург.> 12 января <1891 г.>

Все ждал, дорогой Антон Павлович, что вы приедете в Петербург [1] или хоть черкнете два слова о себе. Но на днях узнал от Суворина, что вы уже не хотите сюда приехать и что-то захандрили, хотите ехать в деревню. Теперь, в эти холода, в деревню, зачем? Если вы нездоровы, там только хуже распростудитесь. Приехали бы лучше сюда, мы бы здесь постарались разогнать по мере сил вашу хандру. Мережковский говорил мне, что был у вас, но от него я ничего не мог узнать о вас обстоятельно. Полагаю, что он все разговаривал с вами об эстетике или о боге,

исканием которого он теперь занимается (некоторые говорят, чересчур шумным). Другие говорили мне, знают о вас только от Свободина, состоящего с вами в переписке и который передавал им, что вас очень тревожит болезнь Ивана Павловича [2]. Правда ли это, и чем он болен? Пожалуйста, передайте ему и всем вашим мой искренний сердечный привет и поздравление с Новым годом, с которым и вас поздравлю. А очень, очень хотелось бы повидаться и побеседовать с вами о многом.

Вы, конечно, уже слышали о той перемене, которая должна произойти в скором времени в моей судьбе, если только не возникнут какие-либо непредвиденные обстоятельства и не затормозят этого дела [3]. Вот, если сделаюсь помещиком, то затащу вас к себе, в Пензенскую губернию [4]. Намереваюсь тогда «посадить на землю» моего младшего сына — Коку, который восчувствовал большое влечение (он и прежде несколько стремился к этому) к хозяйству... Нынешний год мне самому едва ли удастся быть там, потому что думаю съездить с семьей за границу, где пробыл недавно два с половиной месяца [5]. Хотя меня и преследовало ненастье, а потом холод, но все же я этой поездкой остался доволен. При свидании расскажу вам о ней. Но, впрочем, в ней для вас, может быть, будет мало интересного. А вот рассказов о вашем путешествии — все мы, знающие вас, жаждем как манны небесной. Спасибо вам за два коротеньких письмеца с дороги.

Так мне было досадно, что я не мог вам отвечать; ужасно мне хотелось писать вам, но не знал куда. Пожалуйста, напишите мне, голубчик. Я соскучился совсем по вашим письмам. Я собираюсь и сам в Москву, но думаю, что ранее февраля не попаду. Не теряю надежды видеть вас здесь ранее. Может быть, к вам поедет Суворин, которому тоже, конечно, очень хочется вас видеть. Желаю вам здоровья, это прежде и главнее всего, и хорошего настроения. Пишете ли что-нибудь? Ваш рассказ в рождественском номере «Нового времени» здесь произвел на всех глубокое впечатление. Удивительная у вас вышла фигура этого «протестанта» [6].

Крепко жму вашу руку.

Ваш душевно А. П л е щ е е в

Адрес мой тот же: Спасская № 1.

[1] Чехов был в это время уже в Петербурге, но Плещеев не знал об этом (XV, 144—145).

[2] Иван Павлович Чехов, приехавший в Москву на рождественские праздники, заболел тифом.

[3] Речь идет о крупном наследстве, полученном Плещеевым в 1890 г. после смерти его родственника Алексея Павловича Плещеева.

[4] К Плещееву должно было перейти имение, находившееся в Пензенской губернии, Мокшанского уезда, с. Чернозерье, но на имение предъявил права некий Хвощинский, которому оно и отошло.

[5] Плещеев провел во Франции и Италии время с середины сентября до начала декабря 1890 г.

[6] Рассказ Чехова «Гусев», напечатанный в газете «Новое время», 1890, № 5326, от 25 декабря.

ЧЕХОВ И КУПРИН

Статья И. В. Корецкой
Публикация Н. И. Гитович

Переписка и личное общение с Александром Ивановичем Куприным относятся к последним четырем годам жизни Чехова. Еще в марте 1899 г. Чехов признавался Л. А. Авиловой: «Куприна я совсем не читал» (XVIII, 107). Судя по очерку Куприна «Памяти Чехова» (1904), знакомство писателей произошло в Одессе, где Чехов остановился, возвращаясь из Италии в феврале 1901 г. «Я его увидел впервые в общей зале „Лондонской" гостиницы в Одессе»,— вспоминал Куприн, передавая впечатление от внешнего облика Чехова, каким он запомнился ему в эту первую встречу [1]. А. М. Федоров, который привел в тот день Куприна к Чехову, пожелавшему видеть кого-либо из молодых беллетристов, писал, что беседа шла о начинающих и малоизвестных авторах; потом Чехов рассказывал о своем детстве (А. М. Федоров. А. П. Чехов.— Сб. «О Чехове». М., 1910, стр. 289—290). Тогда же Куприн подарил Чехову «с чувством большой робости», как гласила дарственная надпись, свою первую книгу — сборник «Миниатюры», изданный за четыре года до того в Киеве. Надпись на книге была сделана 13 февраля [2]. На другой день, 14 февраля, Куприн и Федоров провожали Чехова, уезжавшего пароходом в Ялту («Одесские новости», веч. прилож., 1901, № 5213, от 14 февраля; также: А. М. Федоров. Цит. изд., стр. 291). А 19 февраля он прислал им в подарок свои фотографические портреты (там же, стр. 301).

С весны 1901 г. имя Куприна часто мелькает в переписке Чехова. Именно с этой поры начинается то дружеское общение, о котором рассказал Куприн в очерке «Памяти Чехова» и писала позднее М. К. Куприна-Иорданская (М. К. Куприна-Иорданская. Из воспоминаний о Куприне.— «Огонек», 1948, № 38). «Куприн сидит у нас целый день, только ночует у себя»,— писал Чехов О. Л. Книппер 24 апреля 1901 г., а 2 мая сообщал: «Куприн ⟨...⟩ живет у нас» (XIX, 77 и 80).

Быстрое сближение с Куприным объяснялось не только внимательным отношением Чехова к талантливому молодому автору. Из младших современников Куприн ближе всех стоял к Чехову и по направлению своей писательской работы, и по приемам ее. Во многом был сходен с чеховским и путь Куприна в большую литературу.

Прежде чем попасть на страницы толстых журналов, Куприн, подобно молодому Чехонте, испытал тяготы газетной поденщины, писания, как говаривал Чехов, «pour manger», срочной, пестрой, полурепортерской работы. Можно указать на сходство газетных жанров у Куприна и Чехова: чеховский очерк типов Трубного рынка («В Москве на Трубной площади») предвосхищает «Киевские типы» Куприна. Примечательно, что и «восприемник от литературной купели» был у них один и тот же — Л. И. Пальмин, поэт-искровец, сотрудничавший в 1880-е годы в юмористических журналах. Заметив молодого Чехова среди «бездарной, бесцветной и жидкой бурды московской», Пальмин привел его в 1882 г. к редактору «Осколков» Н. А. Лейкину, а вскоре привлек в «Русский сатирический листок»; в 1884 г. там были напечатаны «Месть женщины» (за подписью «Анче») и «Ванька» (подписанный «А. Чехонте»). А через пять лет, в 1889 г., в этом журнале, благодаря посредничеству все того же Пальмина, увидел свет и первый рассказ девятнадцатилетнего Куприна «Последний дебют» [3]. Впоследствии, в юмореске «Первенец» Куприн вывел Лиодора Ивановича Пальмина под именем Ивана Лиодоровича Венкова. О Пальмине Чехов и Куприн беседовали в Ялте; Куприн

узнал черты быта Пальмина в описании жизни доктора Рагина из чеховской «Палаты № 6» (А. Куприн. Памяти Чехова.— «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 515).

Ко времени личного знакомства с Чеховым, т. е. к началу 1900-х годов, Куприн определился не только как писатель, идейно родственный Чехову своим демократизмом, своим неприятием действительности буржуазно-мещанской России,— но и как художник, шедший в искусстве близкими Чехову путями. После «Молоха», «Ночной смены», «Ночлега» современники справедливо считали Куприна беллетристом чеховской школы.

Уже в «Молохе» (1896) конфликт интеллигента-правдоискателя с буржуазной действительностью принял те же очертания, что и в произведениях Чехова. Инженер Бобров, испытывающий острое душевное страдание при виде тяжелого труда рабочих, близок герою «гаршинской закваски» из рассказа Чехова «Припадок» (1889). При всех различиях объекта критики, а также обстоятельств, в которых действуют Васильев и Бобров, их роднит «человеческий талант» обостренной, болезненной чуткости к социальному злу и вместе с тем полная неспособность к борьбе, та реакция «припадка», при которой вспышка негодования сменяется глубокой депрессией. И Чехов, и Куприн не скрывают ущербности такого протеста. Но обоим художникам дорог самый факт «несогласия» героя с уродливыми формами жизни, его страстный бунт среди всеобщего равнодушия к насилию и неправде.

Примечательно, что протестующие монологи героя «Молоха» близки речам чеховского студента не только по смыслу, но и по форме. Доводы Боброва, подсчитавшего, что на капиталистическом заводе «двое суток работы пожирают целого человека», напоминают рассуждения Васильева о том, что завсегдатаи домов терпимости в конечном счете «убивают вдвоем, втроем, вчетвером одну глупую, голодную женщину» [1].

Сходство героя «Молоха» с чеховским правдоискателем отнюдь не исключало самостоятельности и своеобразия Куприна в критике капитализма. В «Молохе», созданном в пору бурного размаха пролетарской борьбы, резче отразился классовый антагонизм буржуазии и рабочих. «Мир придавленной силы» (выражение И. И. Горбунова-Посадова в письме к Чехову от 5 февраля 1894 г. о рабочих в рассказе Чехова «Бабье царство») на страницах «Молоха» уже заявлял о себе грозным восстанием. Дальше Чехова пошел Куприн в изображении «хозяев жизни», воплотив в образе Квашнина типические черты идеологии и практики русского капиталиста.

Весной 1901 г. на ялтинской даче Чехова Куприн писал свой рассказ «В цирке». Чехов с интересом следил за этой работой и даже давал указания относительно симптомов заболевания героя рассказа — борца Арбузова, погибшего от профессиональной болезни—расширения сердца (М. К. Куприна-Иорданская. Из воспоминаний о Куприне.— «Огонек», 1948, № 38). По-видимому, уезжая в мае в Москву, Чехов просил прислать ему «В цирке» по выходе из печати. 29 декабря 1901 г. Куприн писал, что скоро вышлет оттиск из январского номера журнала «Мир божий». В чеховской библиотеке сохранился этот оттиск с надписью Куприна: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову автор. 8 янв. 〈1902 г.〉, СПб.» (С. Д. Балухатый. Библиотека Чехова.— Сб. «Чехов и его среда». Л., 1930, стр. 247). Чехов прочел «В цирке» «в один раз» (XIX, 368) и высоко оценил это произведение. Когда О. Л. Книппер предпочла эскиз Бунина «Осенью» (напечатанный в том же номере журнала), Чехов отвечал ей: «„Осенью“ Бунина сделано несвободной, напряженной рукой, во всяком случае, купринское „В цирке“ гораздо выше. „В цирке“— это свободная, наивная, талантливая вещь, притом написанная, несомненно, знающим человеком» (XIX, 234). А 22 января Чехов сообщил Куприну, что «повесть „В цирке“ читал Л. Н. Толстой и 〈...〉 она ему *очень* понравилась», и советовал послать Толстому сборник («Миниатюры»), подчеркнув в заглавии лучшие вещи (XIX, 229). По-видимому, о рассказе «В цирке» Чехов беседовал с Толстым незадолго до того, 17 января, когда был у него в Гаспре (XIX, 224). Куприн не решился послать Толстому «Миниатюры», в которых наряду с такими сильными вещами, как «Дознание», «Ночлег», «Allez!», было действительно «много балласту» (письмо от февраля 1902 г.). Но сообщая Л. И. Елпатьевской о письме

Чехова с отзывом Толстого, Куприн не без гордости замечал: «Я знаю литераторов, которые отдали бы очень многое за такие строчки» (ИРЛИ, Р. III, оп. 2, ед. хр. 472).

Определив «В цирке» как вещь, написанную «знающим человеком», Чехов уловил характерную особенность всей прозы Куприна — ту достоверность изображения, которая достигалась не только зоркостью писательского зрения, но и всесторонним изучением изображаемого. Как по «Молоху» можно судить о жизни индустриального юга России в годы промышленной горячки, по «Ночной смене» — изучать быт царской казармы, так из рассказа об одном матче борца Арбузова можно было узнать во всех подробностях жизнь русского цирка того времени, с характерными для него жестокими обычаями, засильем иностранных антрепренеров, тяжелой эксплуатацией артистов.

Стремление Куприна к доподлинно-точному изображению жизни импонировало Чехову, который говорил о себе, что «старался, где было возможно, соображаться с научными данными, а где невозможно — предпочитал не писать вовсе», и считал хорошую осведомленность в предмете непременным условием работы беллетриста: «...нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно ⟨...⟩, что он имеет дело со сведущим писателем» (XVIII, 244).

Больше, чем кто-либо другой из младших современников Чехова, Куприн следовал его совету «ездить в вагонах третьего класса», т. е. погружаться в самую гущу жизни. По широте охвата русской действительности послечеховской поры Куприн приближался к Горькому.

По личным впечатлениям писал Куприн и второй рассказ, одобренный Чеховым — «На покое», в котором зарисовал уходящие типы русской провинциальной сцены. Рассказ был начат в Крыму летом 1902 г., и, по-видимому, послан в редакцию «Русского богатства» в начале августа, т. е. до возвращения Чехова из Москвы в Ялту (XIX, 316). 23 сентября Куприн в письме к Н. К. Михайловскому просил прислать корректуру, так как собирался «урезать» третью главу и изменить конец (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 367). 25 сентября, когда Куприн ездил в Ялту к Чехову (XIX, 353), корректура еще не была получена; судя по письму Куприна от начала октября (письмо 5), беседа шла не о литературных, а о личных делах последнего. Только в конце октября Куприн смог послать Чехову корректуру «На покое» с просьбой указать на недостатки рассказа (письмо 6). 1 ноября Чехов ответил, что «повесть хорошая», от чтения ее он «получил истинное удовольствие» и в ней «недостатков нет» (XIX, 368). Однако письмо его содержало существенные замечания, касавшиеся трактовки образов, портретных характеристик, тона рассказа. «Героев своих, актеров,— писал Чехов,— вы трактуете по-старинке, как трактовались они уже лет сто всеми, писавшими о них; ничего нового. Во-вторых, в первой главе вы заняты писанием наружностей — опять-таки по-старинке, описанием, без которого можно обойтись. Пять определенно изображенных наружностей утомляют внимание и в конце концов теряют свою ценность. Бритые актеры похожи друг на друга, как ксендзы, и остаются похожими, как бы старательно вы ни изображали их. В-третьих, грубоватый тон, излишества в изображении пьяных...

Вот и все, что я могу сказать вам в ответ на ваш вопрос о недостатках...» (XIX, 369).

Как видно из письма Куприна от 6 декабря, он успел частично реализовать замечания Чехова перед сдачей в набор ноябрьской книжки журнала. Впоследствии текст рассказа подвергался неоднократной стилистической правке (для издания его в «Знании», «Мире божьем», «Московском книгоиздательстве», издательстве А. Ф. Маркса).

В рассказе «На покое» Куприн затронул близкую Чехову тему «актерской гибели», столь характерную для русской театральной жизни конца XIX в., с прогоравшими антрепризами, бродячими труппами, с все возраставшей зависимостью актера и театра от подачек купца-благотворителя, самодура-мецената. Конец трагика Славянова-Райского — это во многом типичный удел русского таланта, гибнувшего в неблагоприятной среде.

Есть все основания думать, что Чехов и Куприн в своих ялтинских беседах не раз говорили о театре. Оба знали русскую театральную провинцию, ее быт, колоритные фигуры. Чехов хорошо помнил таких трагиков, как Иванов-Козельский (ему

посвящен фельетон Чехова «Гамлет на пушкинской сцене», 1882) и Любский, о которых писал Куприн в рассказе «Как я был актером». По свидетельству П. Н. Орленева, Любский играл в Ялте (по-видимому, летом 1901 г.) в спектакле, организованном Чеховым в пользу туберкулезных больных (П. Н. Орленев. Мои встречи с Чеховым.— «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 426—428). Общим знакомым Чехова и Куприна был известный актер, режиссер и антрепренер Н. Н. Соловцов. Чехов, познакомившись с Соловцовым еще в Таганроге, весьма ценил его мастерство, посвятил ему водевиль «Медведь», встречался с ним в Москве в 1888—1889 гг., долго переписывался, тяжело переживал его смерть. Куприн хорошо знал Соловцова по Киеву, в 1890-е годы был частым посетителем его театра. О Соловцове вспоминал Куприн в письме к Чехову от декабря 1901 г., сравнивая его по манере держаться на сцене со Станиславским. Это купринское сопоставление Чехов потом повторил в письме к Книппер (XIX, 193).

Чехов охотно слушал рассказы Куприна (незадолго до того прослужившего год в мелкой украинской труппе) о нравах провинциального театра; один из таких рассказов он даже внес в свою записную книжку (XII, 259. Об этом эпизоде см. также в очерке Куприна «Памяти Чехова».— «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 520). По-видимому, оба сходились в своей неприязни к жизни богемы, к некультурности, отсталости театральной среды. Позже, в рассказе «Как я был актером» (1906), Куприн сочувственно повторял чеховские слова: «Более актера истеричен только околоточный. Посмотрите, как они оба в царский день стоят перед буфетной стойкой, говорят речи и плачут» (Соч., т. IV, стр. 135).

Актерские данные самого Куприна Чехов ценил настолько, что советовал ему поступить в Художественный театр (см. письмо, датируемое не ранее 9 мая 1901 г. и от 1 декабря 1901 г.). Посмотрев в Москве осенью 1901 г. «Чайку», «Дядю Ваню», «Трех сестер», Куприн в письме к Чехову детально разбирал постановку и игру «художественников». Высоко оценивая мастерство Станиславского, Москвина, Книппер, Санина, Куприн считал, что рядовому составу труппы не удалось преодолеть сценические штампы. и даже склонен был утверждать, что «прославленная реформа совсем не коснулась среднего и маленького актеров» (письмо от декабря 1901 г.). Вряд ли Чехов разделял такую оценку, но в письме к Книппер он сообщил о критическом отношении Куприна к спектаклям Художественного театра (XIX, 193). Куприн не раз выступал с публичным чтением рассказов Чехова (письма от 10 февраля 1903 г. и от мая 1904 г.), играл в любительских спектаклях роли Чубукова в «Предложении» и Астрова (письмо его к В. А. Тихонову от сентября 1907 г.— ЦГАЛИ, ф. 240, оп. 1, ед. хр. 71).

Одновременно с рассказом «На покое» осенью 1902 г. Куприн писал «Болото». Основу этого рассказа составили впечатления от поездки летом 1901 г. в лесную глушь Рязанской губернии, которыми Куприн делился в письме к Чехову (от 29 декабря 1901 г.). Герой рассказа, студент Сердюков, убежденный противник цивилизации, которого умиляет патриархальный деревенский уклад, «циклопические» орудия крестьянского труда, сталкивается с реальной жизнью мужика. Его ужасает убогий нищенский быт, суеверия, а главное — рабская покорность крестьянина своей участи. Гибнущая от болотной лихорадки семья лесника олицетворяет в его глазах судьбу всей голодной, разоренной, вымирающей деревни. «К чему эта жизнь?.. Кому нужно это жалкое, нечеловеческое прозябание?» — говорит «со страстными слезами на глазах» купринский студент.— «Какой ответ, какое оправдание может дать судьба в их страданиях?» (Соч., т. III, стр. 85).

«Болото» близко к «проблемной» новелле Чехова [5]. История купринского студента — тот же «случай из практики», когда взору честного, думающего человека внезапно открывается вопиющее противоречие жизни, которое переворачивает душу, лишает покоя. Как и в рассказах позднего Чехова, в «Болоте» несложный повествовательный материал таит глубокое содержание: конфликт здесь питают не внешние события, а тот идеологический сдвиг, то пробуждение «социальной тревоги», которое происходит в сознании героя. Куприн сам определял «Болото» как рассказ, смысл которого не в сюжете, а «в настроении» (письмо к Н. К. Михайловскому от сентября 1902 г.— ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 367).

Характеризуя замысел своего рассказа «Припадок», Чехов говорил, что хотел бы написать его так, чтобы произвести «гнетущее впечатление» (XIV, 168). Теми же словами («гнетущее впечатление, похожее на ⟨...⟩ виноватую жалость») обозначил и Куприн настроение, которое пронизывало его рассказ (Соч., т. III, стр. 80).

Как и многие чеховские лирические новеллы, «Болото» кажется незаконченным, лишенным развязки. Все так же безропотно отправляется в ночной обход Степан, по-прежнему покорно несет бремя тяжелой и опасной жизни на болоте его семья, все так

ЧЕХОВ

Рисунок Н. З. Панова, 1903 г.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится с репродукции в «Живописном обозрении», 1904, № 40

«Резко обозначились на лице складки, появились новые тени, придающие лицу сухой и озабоченный характер». (Из воспоминаний Н. З. Панова «Сеанс»)

же молчит и хмурится лес. Но сдвиг есть: беспокойная мысль уже овладела сознанием героя; протест против неправды жизни становится для него теперь главным убеждением, наряду с верой в новую, достойную человека жизнь, которая скоро озарит с «ликующим торжеством победы» тусклые берега (там же, стр. 86). Финал «Болота» с его сменой настроения, переключением в новый эмоциональный тон напоминает лирические концовки таких произведений Чехова, как «Студент», «Случай из практики», «Свирель», «Счастье», «Огни», «Гусев».

В одном из первых писем к Чехову Куприн назвал его учителем жизни. Сделанное в полушутливой форме, это признание отражало действительное положение вещей. Из публикуемых писем видно, что за помощью и советом Куприн обращался к Чехову

и в вопросах своей творческой работы, и в житейских делах. Вместе с тем письма Куприна были для Чехова в его ялтинской «ссылке» одним из источников сведений о происходящем в России. Наряду с литературными новостями значительное место в них занимают сообщения о политических событиях. Куприн пишет о готовящихся в Петербурге студенческих «беспорядках» (письмо от 29 декабря 1901 г.), рассказывает о зверском убийстве офицером студента на Невском (письмо от декабря 1901 г.), сообщает об учиненном Плеве разгоне комитета по устройству юбилея печати (письмо от начала января 1903 г.), упоминает о кишиневском погроме (письмо от 19 апреля 1903 г.). Иронически отзывается Куприн (в письмах от декабря 1901 г. и февраля 1902 г.) об организовавшемся в Петербурге религиозно-философском обществе, в котором рядом с Мережковским, Розановым, с преосвященным Сергием и «лицами иисусовой пехоты» заседает В. С. Миролюбов, прогрессивно настроенный литератор, издатель массового демократического журнала. Как известно, вступление Миролюбова в религиозно-философское общество вызвало резкую отповедь Горького и осуждение Чехова. Отзыв о членах религиозно-философского общества в письме Чехова к Миролюбову от 17 декабря 1901 г. (XIX, 195) близок мнению о них Куприна [6].

Период, к которому относится публикуемая переписка, был временем сближения Куприна с горьковским книгоиздательством «Знание». С радостью писал Куприн Чехову, что «Знание» купило у него книгу рассказов, и гордился, что сможет «выйти в свет под таким флагом» (письмо от 6 декабря 1902 г.). В том же письме Куприн сообщил, что познакомился с Горьким и слушал его рассказы «о молоканах, о духоборах, о сормовских и ростовских беспорядках» [7].

Свой первый «знаньевский» том Куприн хотел посвятить Чехову, «поставить вперед дорогое ⟨...⟩ литературное имя» (письмо, датируемое декабрем 1901 г., и от 29 декабря 1901 г.). Как видно из письма Куприна от 29 декабря 1901 г., Чехов советовал издать книгу как можно проще и оставить без посвящения. 10 февраля 1903 г. Куприн послал Чехову свой сборник, в который вошли «Молох», «Ночная смена», «Одиночество», «Ночлег», «Лесная глушь», «Дознание», «В цирке», «На покое». В библиотеке Чехова сохранился этот экземпляр с надписью рукой Куприна: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову на добрую память от вечно и неизменно преданного ему А. Куприна. 1903, 9 февр. СПб.» (С. Д. Балухатый. Библиотека Чехова. Цит. изд., стр. 247).

Мнение Чехова о первом томе рассказов Куприна в переписке Чехова не отразилось. По-видимому, оно было высказано Куприну при личной встрече, которая произошла в Ялте месяц спустя, в марте 1903 г., ибо и в эти последние годы жизни Чехов не переставал интересоваться работой Куприна и откликами на его произведения. С удовлетворением писал он Куприну о том, что отдельные его выражения (из рассказов «Ночлег» и «Булавин») входят в литературную речь и уже зафиксированы словарем русского языка, издаваемым Академией наук (XX, 39). В письме от 22 апреля 1903 г., написанном вскоре после отъезда Куприна из Крыма, Чехов сообщил ему, что Вересаев очень хвалил его рассказ «Трус» (XX, 87).

Последними произведениями, написанными Куприным при жизни Чехова и упоминавшимися в их переписке, были «Мирное житие» и «Корь».

Рассказ «Мирное житие» (1904) с его центральной фигурой гимназического учителя в отставке, держащего в страхе жителей провинциального городка, критика сравнивала с «Человеком в футляре». Однако, родственные в тематическом отношении, эти произведения различны по художественной манере. На это различие указывал В. В. Воровский: «Чехов реагирует более нервно и отвечает на пошлость ударом сарказма, Куприн же спокойнее — и самую мерзостную пошлость описывает сдержанно, чисто эпически» (В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., 1956, стр. 277).

В образе Наседкина нет сатирических красок, которыми написан Беликов. Житие реакционного мещанина Куприн рисовал здесь в подчеркнуто «мирных» тонах, постепенно обнажая прячущегося под благолепной личиной ростовщика, кляузника, «доносчика по призванию» (выражение Короленко в рецензии на второй сборник «Знания».— «Русское богатство», 1904, № 8, отд. II, стр. 148).

В центре рассказа «Корь» (1904), как и в «проблемной» новелле Чехова,— идейный спор, столкновение двух мировоззрений. Студент-репетитор Воскресенский, у которого

прорывается долго сдерживаемая ненависть против его нанимателя, заводчика Завалишина, обличает в его лице антинародную, лжепатриотическую идеологию русской буржуазии, ее «свирепое презрение к инородцам, восторг перед мощью русского кулака». Купринский студент выступает против Завалишина с такой же беспощадной резкостью, как чеховский доктор Михаил Иванович, клеймящий в споре с княгиней ее паразитическую, нечистую жизнь (рассказ «Княгиня»), или как скромный труженик Кириллов, защищающий свое достоинство от посягательств светского пошляка Абогина («Враги»). Но в «Кори», писавшейся в предреволюционной атмосфере, чеховская тема идейного спора получает интенсивную политическую окраску: Воскресенский осуждает не только паразитизм и тунеядство верхов, их фальшивую игру в демократизм (как это делает чеховский доктор в рассказе «Княгиня»), но и обличает определенную классово-политическую программу капиталиста-черносотенца, говорит о непримиримых противоречиях народа и буржуазии.

По выходе апрельской книжки «Мира божьего», где была напечатана «Корь», Чехов писал Куприну 5 мая 1904 г., что собирается познакомиться с его рассказом (XX, 280). Недовольный «Корью» и «Мирным житием», Куприн просил Чехова не читать этих вещей (письмо, датируемое маем 1904 г.). По-видимому, Чехов успел прочитать «Мирное житие», печатавшееся во втором сборнике «Знания» вместе с «Вишневым садом». К тому же времени относится и высказанная в беседе с Е. П. Карповым общая оценка Чеховым творчества Куприна как писателя, который, подобно Горькому и Андрееву, «останется в истории литературы» (Евг. П. Карпов. Две последние встречи с А. П. Чеховым. — «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 576).

* * *

Рассказывая в одном из писем о последнем прощании с Чеховым, Горький писал: «Мне страшно понравился Куприн,— на похоронах это был единственный человек, который молча чувствовал горе и боль потери. В его чувстве было целомудрие искренности. Славная душа!»[8]. Вскоре после похорон, в июле 1904 г., Куприн предложил «Знанию» выпустить сборник, посвященный Чехову. Приглашая Бунина участвовать в сборнике, Горький писал ему в июле 1904 г.: «В Москве Куприн, Пятницкий задумали издать в память Антона Павловича книгу, доход с которой ⟨...⟩ употребить на памятник ему или на что-нибудь в этом роде. ⟨...⟩ Каждый из нас напишет что-нибудь лично о Чехове — разговор с ним, первое знакомство, воспоминание о каком-нибудь дне, совместно прожитом, и, кроме того — даст рассказ. Куприн даст повесть свою „Поединок“ — большая вещь» (Архив А. М. Горького, ПГРЛ 7-8-16). Горький подчеркивал полемические цели этого объединенного выступления писателей, близких Чехову: «Нужно же создать противовес пошлости газетных „воспоминаний“, нужно по мере сил постараться показать Чехова без фальши — чистого, ясного, милого, умного. Тяжело, грубо ударила меня его смерть, хоть и ждал я ее» (там же).

По первоначальному плану, составленному Горьким и Куприным в начале июля в Москве, было решено посвятить Чехову очередной, третий сборник «Знания» (письмо Куприна к Горькому от середины августа 1904 г.— Архив А. М. Горького, КГП 41-10-1); к участию в нем, кроме Куприна, Горького и Бунина, предполагалось привлечь Скитальца и Андреева.

Оповещая Куприна о ходе работ по сборнику, Горький писал: «Дорогой товарищ, мне кажется, что в наш план сборника едва ли войдут какие-либо изменения, по крайней мере Андреев принял его целиком, т. е. напишет и рассказ, и лично об Антоне Павловиче какую-то заметку или очерк. У него должно выйти хорошо: он понимает силу пошлости и ненавидит ее всей душой[9]. От Бунина я еще не имею ответа, но жду — утвердительного, он ведь и любит Антона Павловича, и хорошо знал его. Я отдам в сборник своих „Дачников“, знаю, что у Бунина есть готовые рассказы, и думаю, он даст штуки две своих милых стихотворений. Может быть, мы поместим еще стихи Скитальца на смерть Антона Павловича, очень сильные, искренние стихи! Они теперь немножко неуклюжи, я послал ему их обратно с просьбой исправить. Так что — как видите — дело идет на лад» («Горьковская коммуна», 1946, № 151, от 27 июня). К работе над воспоминаниями Куприн приступил раньше других участников организуемого сборника. Около

20 июля он сообщал Пятницкому: «Я написал о Чехове, но храню эту статью только как схему для будущего. Вышло до нелепости по-газетному, хотя я и вместил туда все, что мне кажется важным и нужным. Вся беда в том, что невольно читаешь в газетах, что пишут о Чехове, и заражаешься этим проклятым шаблонным языком. Очевидно, надо переждать, пока это не уляжется» (Архив А. М. Горького, ф. «Знания»). Одновременно Куприн сообщал Горькому, что писать о Чехове ему «трудно, главным образом, оттого, что многое лезет в голову из газет и делает работу неприятной» (там же, КГП 41-10-1). «...что вы отложили работу над воспоминаниями об Антоне Павловиче,— писал Горький,— это хорошо. Меня постигла та же участь, что и вас: начал писать, но, вижу, получается сплошной ряд нелестных комплиментов газетчикам и публике, жестокая ругань, грубая и неясная. Нужно дать устояться впечатлениям, пускай все мутное осядет» («Горьковская коммуна», 1946, № 151, от 27 июня). Тогда же Горький писал Бунину, что целиком разделяет «полемический тон» первого варианта воспоминаний Куприна, вынужденного на время прекратить работу: «То же случилось и со мной,—впечатления похорон еще не улеглись, и пишется все больше о людях, оскорбивших Чехова своим присутствием над его могилой, чем о нем, о его светлой душе, полной любви, нежности, грусти, о его уме — тонком и остром» (Соч., т. 28, стр. 312). О пошлости и равнодушии публики, хоронившей Чехова, Горький хотел писать статью «Чудовище» (письмо Горького Е. П. Пешковой от июля 1904 г.— Там же, стр. 311).

Второй вариант воспоминаний о Чехове, писавшийся одновременно с «Поединком», Куприн закончил не позднее сентября 1904 г. «Статью о Чехове вышлю на днях,— писал он Пятницкому.— К концу сентября повесть ‹«Поединок». — *И. К.*› у меня будет непременно готова. Мне бы очень хотелось, все-таки, попасть в III том» (Архив А. М. Горького, ф. «Знания»). 23 октября он запрашивал Пятницкого о судьбе посланных ему рукописей «Памяти Чехова» и новых глав «Поединка», а также интересовался мнением о них Горького (комментарий Пятницкого к рукописи «Поединка».—ЦГАЛИ, ф. 240, оп. 1, ед. хр. 2). «Куприн очень мило написал о Чехове,— сообщил тогда же Горький Е. П. Пешковой,— кажется, сборник будет весьма интересен» (Собр. соч., т. 28, стр. 326). В конце октября Пятницкий сдал статью Куприна в печать, а с 30 января 1905 г. оттиски «Памяти Чехова» уже рассылались издательством (Архив А. М. Горького, ф. «Знания»). Тогда же статья Куприна вместе с мемуарным очерком о Чехове Бунина вышла в свет в составе третьего сборника товарищества «Знание»[10].

Купринские воспоминания были сразу же выделены критикой из потока мемуаров о Чехове. «После очерка Вл. Г. Короленко ‹...› самым значительным изо всего, напечатанного по поводу кончины Чехова, представляются нам воспоминания г. Куприна,— писал в рецензии на третий сборник «Знания» Ф. Д. Батюшков.— Из ряда метко схваченных ‹...› черт, характеризующих различные свойства Чехова ‹...› отношение к людям ‹...› приемов творчества получается крайне ценный материал для будущего биографа Чехова и исследователя его произведений» («Мир божий», 1905, № 3, «Библиографический отдел», стр. 92, 91).

Разумеется, значение воспоминаний Куприна заключалось не только в точности и разносторонности его наблюдений. В условиях обострившейся накануне 1905 г. литературной борьбы вокруг чеховского наследия особенное значение приобретало то, что Куприн выступал за правильное истолкование общественной позиции Чехова. Созданный им литературный портрет нарушал представление об аполитичном художнике, глубоко безразличном к вопросам «борьбы и протеста». Рисуя Чехова в центре «человеческого круговорота», жадно впитывавшим все, что касалось общественной жизни России, получавшим впечатления «из первых рук» благодаря неустанному личному общению с представителями самых разных социальных слоев страны, Куприн утверждал, что Чехов жил большими «жгучими вопросами современности»: «...он волновался, мучился и болел всем тем, чем болели лучшие русские люди». Для характеристики отношения Чехова к «глупостям русской действительности» (как приходилось именовать по цензурным причинам самодержавный произвол) Куприн в своем очерке впервые предал гласности письмо Чехова в Академию наук от 25 августа 1902 г. с отказом от звания почетного академика в связи с аннулированием выборов Горького. Куприн

справедливо оценивал этот документ не только как акт личного благородства, но и как свидетельство большого гражданского мужества [11].

Говоря в воспоминаниях о благожелательном и чутком отношении Чехова к молодым писателям, Куприн воспроизвел, не называя имен, историю своего общения с Чеховым в ялтинский период. Под видом писем к одному начинающему автору он опубликовал письма к нему Чехова, а также ввел в текст очерка некоторые эпизоды, о которых писал Чехову сам (в письмах от мая и декабря 1901 г.). От литературного портрета Чехова, написанного Буниным, купринские мемуары отличала особая теплота и задушевность интонации. Очерк Куприна открывался лирическим зачином, в котором отроческая грусть о разлуке с матерью перекликалась с переживаниями по поводу утраты Чехова.

В изображении Куприна Чехов предстaвал человеком широких интересов, восторженным поклонником науки, внимательно следившим «за новыми путями, прокладываемыми человеческим умом и знанием» (А. Куприн. Памяти Чехова.— «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 499). Куприну была близка чеховская тема «сада», украшения земли свободным человеком и его «мысль о красоте грядущей жизни», о гармоничном и полноценном бытии будущих людей.

В мировоззрении и творчестве Чехова Куприн подчеркнул такие близкие ему самому черты, как глубокий демократизм, уважение к маленькому человеку хорошее знание быта, психологии, языка самых различных слоев народа. Из чеховских требований к беллетристу Куприн не случайно акцентировал «объективность» письма, которая предполагает обязательное для художника уменье подняться над изображаемыми явлениями, «глядеть на них как бы с презрением, сверху вниз». Творческой манере Куприна был родствен тот «глубоко человечный объективизм», в котором Горький видел отличительную черту произведений Чехова (М. Горький. По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге».— Соч., т. 23, стр. 317).

Сборник «Знания» с воспоминаниями Куприна вышел в свет в начале 1905 г., а в июле, в день годовщины смерти писателя, была опубликована вторая статья Куприна «Памяти Чехова» (А. Куприн. Памяти Чехова.— «Наша жизнь», 1905, № 140, от 2 июля). Написанная автором «Поединка» в накаленной общественной атмосфере лета 1905 г., эта статья в яркой публицистической форме ставила вопрос о Чехове и современности. Обозревая прошедший со дня гибели Чехова «чудовищный, кровавый, бессонный и безумный» год войны, Куприн писал, что действительность подтвердила правоту социальных обобщений художника: в японской катастрофе были повинны та страшная отсталость низов и паразитизм верхов, о которых говорили произведения Чехова. «С мукденских полей и сопок бежали, топча друг друга, в безумной панике: чеховский мужик, оголодавший, одичавший, ослепленный тьмою и рабством; чеховский мещанин, развращенный жизнью городских окраин; чеховское милое, доброе, нелепое, вымирающее, слабосильное дворянство, чеховский чиновник, офицер, интеллигент, разъеденные ничегонеделанием, выпивкой, винтом, сплетней, самохвальством, пустотой и бесстыдной ленью. И это Вершинины пускали пули себе в лоб на батареях, и его Астровы сходили с ума, подавленные ужасами кровавого побоища» (там же). Чеховский социально-политический анализ Куприн уподоблял медицинскому диагнозу: «Он ⟨Чехов⟩, как врач, вооруженный громадным знанием, чуткостью, хладнокровным опытом и необычайной наблюдательностью, вдумчиво прислушивался к течению русской жизни и рассказывал нам о наших болезнях: о равнодушии, лености, невежестве, грязи, халатности, мелком зверином эгоизме, трусости, дряблости» [12].

Куприн подчеркивал, что действительность «мрачного, тупого безвременья» определила краски чеховских полотен: «Не его вина, если эта ⟨русская.— *И. К.*⟩ жизнь в художественном изображении выходила серой, тоскливой, низменной, неустроенной и дикой. Арестантского халата не напишешь кармином и берлинской лазурью». Не скрывая исторической ограниченности позиции Чехова, который *«не досказывал»*, что одряхлевшему⟨...⟩ больному всего нужнее недоступный для него свободный воздух и быстрые, сильные движения», т. е. освободительная борьба, Куприн подчеркивал социальный оптимизм Чехова, напоминал о его твердой вере в конечное торжество правды: «Мы вздохнем радостно могучим воздухом свободы и увидим над собою небо в алмазах. Настанет

прекрасная новая жизнь, полная веселого труда, уважения к человеку, взаимного доверия, красоты и добра» («Наша жизнь», 1905, № 140, от 2 июля). Именно эту свободную эру Куприн считал тем временем, когда имя Чехова станет бессмертным.

В отличие от очерка 1904 г., во второй статье о Чехове нет попыток заглянуть в творческую лабораторию писателя, раскрыть тайны его искусства. Но здесь дана общая характеристика стиля Чехова, его пейзажного мастерства, особенностей поэтической речи. Заметки о языке и стиле Чехова содержались также и в отрывках из записных книжек Куприна, опубликованных в связи с пятидесятилетием со дня рождения Чехова в 1910 г. (А. К у п р и н. О Чехове.— «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января; А. К у п р и н. Собр. соч., т. VII. СПб., 1912). По мнению Куприна, Чехов более чем кто-либо другой из классиков выявил великие возможности русского языка, не прибегая к словотворчеству, лишь благодаря постоянному собиранию и накоплению речевых богатств и упорной работе над словом. В образной форме сопоставлял Куприн стиль Толстого, эту «постройку, возводимую великанами», с «нежным плетением» прозы Чехова.

Опровергая ходячее представление о Чехове, как только о юмористе, «смешном писателе», Куприн говорил о трагической основе чеховского комизма, разделявшего общее «свойство русского юмора — таить в себе горечь и слезы». «Разве, в конце концов, не трагичен образ чиновника, который нечаянно чихнул на лысину чужого генерала и умер от перепуга, или мужика, бессознательно отвинтившего рельсовые гайки на грузила и не понимающего, зачто его судят?». Эту характеристику чеховского юмора Куприн повторил и в одной из статей 1915 г. Ставя рядом произведения Чехова и страшные своей правдой картины Глеба Успенского, Куприн писал: «Нам вовсе не смешон покойный великий Чехов: помещик купается в реке в присутствии чопорной англичанки ⟨...⟩, мужик отвинчивает железнодорожную гайку, нужную ему как рыболовное грузило ⟨...⟩, земский врач, которого, больного тифом, вызывают спешно для прекращения дамской истерики» [13].

В статьях и выступлениях о Чехове [14] Куприн не раз говорил о высоком нравственном авторитете личности Чехова, чья жизнь, как и жизнь Гаршина и Глеба Успенского, была моральным образцом, примером для русского писателя. Явления литературного разброда, падение нравов писательской среды в пору реакции после 1905 г. Куприн готов был связывать с тем, что не стало Чехова: «Точно, вот, ушел он, и вместе с ним исчезла последняя препона стыда, и люди разнуздались ⟨...⟩ Конечно, здесь нет связи, а скорее совпадение. Однако я знаю многих писателей, которые раньше задумывались над тем, что бы сказал об этом Чехов? Как поглядел бы на это Чехов?» [15].

* * *

В одной из бесед 1908 г. Толстой, противопоставляя Куприна современным писателям, которые «тужатся» и «выдумывают», говорил, что Куприн — «как бывало Чехов — возьмет и нарисует картину так, что вы и обрадуетесь и задумаетесь...»

Определяющее воздействие на творчество Куприна чеховских идейно-художественных принципов неоднократно отмечалось в критике [16].

Вопрос о преемственных связях Куприна с Чеховым интересовал В. В. Воровского. В статье «А. И. Куприн» (1910) он писал, что этот художник более других современников унаследовал «идейное настроение» Чехова, «насквозь пропитанное верой в то, что „лет через 200—300" жизнь станет прекрасной» (В. В. В о р о в с к и й. Цит. изд., стр. 274). Сопоставляя произведения обоих писателей, Воровский выявлял свойственный им пафос «освобождения человеческого чувства» от «цепей рабства и пошлости». Однако Воровский был неправ, когда ограничивал протест Чехова и Куприна только сферой «внутреннего, духовного» освобождения личности, не указывая на социальные задачи, решенные создателем «Унтера Пришибеева» и автором «Поединка». Общность Куприна и Чехова Воровский усматривал в том, что «оба они аполитики», ибо не вносят в свое творчество политических симпатий.

Неточным было и противопоставление Чехову-юмористу Куприна, который «всегда серьезен в изображении жизни», «никогда не смеется». Среди многообразных художественных форм купринской критики действительности имели место и юмористиче-

РАССКАЗ А. И. КУПРИНА «В ЦИРКЕ» (ОТТИСК ИЗ ЖУРНАЛА «МИР БОЖИЙ», 1902, № 1) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ЧЕХОВУ:

«Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову, автор. 1902. 8 янв. СПб.»

Литературный музей Чехова, Таганрог

Чехову

1902 8 янв

ВЪ ЦИРКѢ.

I.

Докторъ Луховицынъ, считавшійся постояннымъ врачомъ при циркѣ, велѣлъ Арбузову раздѣться. Несмотря на свой горбъ, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого недостатка, докторъ питалъ къ цирковымъ зрѣлищамъ острую и нѣсколько смѣшную для человѣка его возраста любовь. Правда, къ его медицинской помощи прибѣгали въ циркѣ очень рѣдко, потому что въ этомъ мірѣ лѣчатъ ушибы, выводятъ изъ обморочнаго состоянія и вправляютъ вывихи своими собственными средствами, передающимися неизмѣнно изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣроятно, со временъ олимпійскихъ игръ. Это, однако, не мѣшало ему не пропускать ни одного вечернаго представленія, знать близко всѣхъ выдающихся наѣздниковъ, акробатовъ и жонглеровъ и щеголять въ разговорахъ словечками, вывезенными изъ лексикона цирковой арены и конюшни.

Но изъ всѣхъ людей, причастныхъ цирку, атлеты и профессіональные борцы вызывали у доктора Луховицына особенное восхищеніе, достигавшее размѣровъ настоящей страсти. Поэтому, когда Арбузовъ освободившись отъ крахмальной сорочки и снявъ вязаную фуфайку, которую обязательно носятъ всѣ цирковые, остался голымъ до пояса, маленькій докторъ отъ удовольствія даже потеръ ладонь о ладонь, обходя атлета со всѣхъ сторонъ и любуясь его огромнымъ, выхоленнымъ, блестящимъ, бѣло-розовымъ тѣломъ, съ рѣзко выступающими буграми твердыхъ, какъ дерево, мускуловъ.

— И чортъ же васъ возьми какая силища! — говорилъ онъ, тиская изо всѣхъ силъ своими тонкими, цѣпкими пальцами попеременно то одно, то другое плечо Арбузова. — Это ужъ что-то даже не человѣческое, а лошадиное, ей-Богу. На вашемъ тѣлѣ хоть сейчасъ лекцію по анатоміи читай — и атласа никакого не нужно. Ну-ка, дружокъ, согните-ка руку въ локтѣ.

Атлетъ вздохнулъ и сонно покосившись на свою лѣвую руку,

ское осмеяние («На покое», «Как я был актером») и сатирическое обличение («Исполины», «Механическое правосудие», «Свадьба»).

Весьма плодотворным в статье Воровского было то, что он не только отметил общность тематики Чехова и Куприна («жизнь маленького, среднего, серого человека»), но, главное, подчеркнул их близость в *аспекте изображения* этой среды («насмешливое, но в то же время сострадательное отношение» к жертвам жизни). Это указание на чеховский аспект темы маленького человека выделяло Куприна из круга писателей-реалистов демократического направления (например, «знаньевцев»), избравших ту же тематическую сферу.

Мысль Воровского об идейно-художественной общности Чехова и Куприна может быть конкретизирована при сопоставлении проблематики их произведений.

Одной из важных тем позднего творчества Чехова была тема духовного «прозрения» среднего человека, который, задумавшись над противоречиями жизни, осознает существующий порядок вещей как несправедливый, бесчеловечный. Чехову был дорог образ демократического интеллигента, становящегося судьей паразитического, пошлого, давящего личность буржуазно-мещанского уклада.

В герое «Поединка» есть черты чеховских правдоискателей. Судьба Ромашова, томящегося в окружении таких же Федотиков и Соленых, страдающего от пошлости и бессмыслицы жизни, аналогична положению чеховского Вершинина. Родствен чеховскому и подход Куприна к своему герою. Это то «насмешливо-сострадательное» отношение (Воровский), совмещающее симпатию с иронией, которое окрашивает образы Вершинина или Пети Трофимова, близких автору своей человечностью, верой в будущую «полную, умную и смелую жизнь», но смешных и жалких своей пассивностью, неумением перейти от прекраснодушных мечтаний к делу.

Характер драматического конфликта в «Поединке», где герой сталкивается с реакционными силами своей же социальной группы, где миру несправедливости противо-

поставлен не борец, а слабый мечтатель, сходен с обычным конфликтом чеховских повестей. Такой конфликт, равно как и мотив «прозрения» среднего человека, были более типичны во времена Чехова, чем в 1905 г. Но созданный в условиях революционной ситуации «Поединок» впитал в себя черты общенародного протеста против царизма. Обличение купринским правдоискателем реакционной военной касты переросло в политически острое выступление против всего самодержавно-бюрократического порядка.

Как и в повестях Чехова, в «Поединке» важной художественной задачей явилось изображение эволюции сознания героя, вступившего в столкновение со средой. Если предметом психологического анализа Толстого являлся, как правило, духовный и душевный мир представителя «верхов», который «выламывается» из рамок своей социальной группы (Нехлюдов, Левин, отец Сергий, Безухов), то Чехов (а за ним и Куприн) распространили приемы анализа «ломающейся», меняющейся психики на внутренний мир простого человека. Ромашов, мелкий городской интеллигент в мундире подпоручика захолустного полка, человек рядовых способностей, средних интеллектуальных данных близок именно чеховским персонажам [17].

Внутренние монологи «прозревшего» героя, отрицающего уродливую действительность, задумавшегося о смысле жизни и назначении человека, в произведениях Чехова и Куприна близки не только по содержанию, но и по эмоциональной окраске, синтаксической структуре, ритмическому строю. Гуров в «Даме с собачкой», который все чаще размышляет «о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве», постепенно осознает, что его окружает непроходимая трясина обывательщины: «Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все об одном ⟨...⟩ какая-то куцая, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме, или в арестантских ротах!» (IX, 366).

Ромашов, который проникается отвращением к жизни «однообразной, как забор, и серой, как солдатское сукно», думает о ней с той же тоскливой ненавистью: «Что за жизнь! Что-то тесное, серое и грязное... Эта развратная и ненужная связь, пьянство, тоска, убийственное однообразие службы, и хоть бы одно живое слово, хоть бы один момент чистой радости. Книги, музыка, наука — где все это?» «Сегодня напьемся пьяные, завтра в роту — раз, два, левой, правой,— вечером опять будем пить, а послезавтра опять в роту. Неужели вся жизнь в этом? Нет, вы подумайте только — вся, вся жизнь!» (Соч., т. III, стр. 402, 404).

Этот пробивающийся сквозь повествование «трепещущий лиризм», который «выливается ⟨...⟩ именно в вопросе о „смысле и цели жизни“» (Е. А н и ч к о в. Литературные образы и мнения. СПб., 1904, стр. 92), сообщает прозе Куприна чеховское звучание.

Влияние Чехова наиболее ощутимо у Куприна в первой половине девятисотых годов. Между «Ночной сменой» и «Поединком» пролегает пласт рассмотренных выше произведений, в которых критика действительности и положительный идеал выражались в формах, родственных чеховским.

Революция 1905 года обозначила новый этап в творчестве Куприна. События освободительной борьбы настраивали писателя на героический лад, общение с Горьким усиливало «смелое и буйное» в его картинах. В 1905—1906 гг. Куприн не только выдвигает требование созвучного новой действительности революционного, романтически приподнятого искусства, выражающего «радость борьбы» (притча «Искусство», 1906), но и сам пытается осуществить эти новые эстетические задачи («Тост», «Сны», «Демир-кая»). Восторгаясь горьковской поэмой «Человек», Куприн склонен в этот период ограничивать значение художественной системы Чехова: «...драгоценная прелесть чеховской поэзии представляется нам далекой, бесконечно милой сказкой. И теперь, когда наступает время великих, грубых, дерзновенных слов, жгущих, как искры, высеченные из кремня, благоуханный, тонкий, солнечный язык чеховской речи кажется нам волшебной музыкой, слышанной во сне» (А. К у п р и н. Памяти Чехова.— «Наша жизнь», 1905, № 140, от 2 июля).

О своем отталкивании от «чеховской» тематики заявлял Куприн и позднее, в пору работы над неосуществившимся замыслом романтической драмы о короле из народа.

«Меня влечет к героическим сюжетам. Нужно писать не о том, как люди обнищали духом и опошлели, а о торжестве человека, о силе и власти его» («У А. И. Куприна».— «Биржевые ведомости», веч. вып., 1913, № 13764, от 21 сентября).

И хотя идеал героического искусства и нового человека не смог быть воплощен Куприным, оставшимся в эпоху пролетарской борьбы на общедемократических позициях, эти искания оплодотворили дальнейшее творчество художника. Восторг перед мужеством простого человека в его сопротивлении силам реакции («Гамбринус»), в его бесстрашном поединке с природой («Листригоны»), восхищение его благородством и красотой души («Гранатовый браслет») сообщили новые тона купринской палитре.

Взволнованный авторский лиризм, стремящийся не к «подводному», а к открытому выражению, бурно прорывающий повествовательную ткань, яркая эмоциональность, патетика чувств, сочетаясь с трезвой, документально точной, конкретной реалистической бытописью, определяли своеобразие художественной манеры Куприна, ее отличия от чеховской.

Показателен в этом отношении рассказ «Река жизни» (1906). В. В. Воровский находил в нем чеховские краски. «Безвольный, дряблый русский интеллигент нарисован здесь в чисто чеховских тонах»,— писал он, характеризуя образ студента (В. В. Воровский. Цит. изд., стр. 282). Действительно, в этом рассказе затронута тема, в свое время глубоко волновавшая Чехова: молодой человек, выросший в мещанской среде в пору реакции восьмидесятых годов, воспитанный в духе чинопочитания, подхалимства, приспособленчества, пытается вырваться из этого мира. Вместе с тем, тот путь, о котором рассказал Чехов в знаменитом письме к Суворину, оказался не под силу купринскому герою, не сумевшему «выдавить из себя по капле раба» и связать свою жизнь с передовыми общественными силами. Конец студента, который совершает политическое предательство, Куприн изображает как следствие «оподления души», отравленной «моральной заразой» мещанства. Судьба самоубийцы-студента, сына приживалки, остро ненавидящего обывательское окружение, отчасти напоминает историю гимназиста из рассказа Чехова «Володя». По-чеховски заостренно изображены в «Реке жизни» и персонажи фона, обитатели номеров «Сербия» во главе с хозяйкой и отставным поручиком. Но чеховская тема омещанивания человека получает в этом рассказе специфически купринское стилевое решение благодаря вторжению в реалистическую бытопись лирико-патетической партии студента с его монологом об «орлятах» революции и «трусливых рабах» безвременья.

Перекличка с темами и образами Чехова ощутима и в некоторых рассказах Куприна 1907—1913 гг. Это «Мелюзга», «Попрыгунья-стрекоза», «Черная молния», произведения, связанные с неосуществленным циклом Куприна об уездной России. Тема этих рассказов — взаимоотношения интеллигенции с народом, судьба носителей культуры в русской провинции и деревне. В «Мелюзге», в которой критика подчеркнула чеховские мотивы, изображено одичание сельских интеллигентов, заброшенных в деревенскую глушь. Купринский Астреин — это именно та типичная для уездной России фигура сельского учителя, о которой с болью говорил Чехов Горькому: «Наш учитель восемь, девять месяцев в году живет как отшельник, ему не с кем сказать слова, он тупеет в одиночестве, без книг, без развлечений». «Это ⟨...⟩ плохо образованный человек, который идет учить ребят в деревню с такой же охотой, с какой пошел бы в ссылку. Он голоден, забит, запуган возможностью потерять кусок хлеба ⟨...⟩ Нельзя же допускать, чтоб этот человек ходил в лохмотьях, дрожал от холода в сырых, дырявых школах, угорал, простужался, наживал себе к тридцати годам ларингит, ревматизм, туберкулез» (М. Горький. А. П. Чехов. — Соч., т. 5, стр. 417—418).

Но, близкий Чехову по теме и жизненному материалу, рассказ Куприна завершался иными идейными выводами. Перспективы сближения интеллигенции с народом Куприн в условиях наступавшей реакции оценивал пессимистически. Интеллигентская мелюзга в рассказе — жалкая, опустившаяся, не нужная народу и не верящая в него. Как и студенту в одноименном рассказе Чехова, который думает, что «и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре ⟨...⟩ была точно такая же лютая бедность, голод

〈...〉 невежество, тоска, такая же пустыня кругом» (VIII, 346), герою «Мелюзги» Россия кажется страной без истории и без будущего: «...наш народ, каким был во время Владимира Красного Солнышка, таким и остался и по сие время. Та же вера, тот же язык, та же утварь, одежда, сбруя, телега, те же знания и культура» (Соч., т. IV, стр. 238).

Чеховскому студенту общение с народом открыло правду и красоту жизни, заставило поверить в ее высокий смысл. Не то в произведениях Куприна, написанных после поражения революции 1905 г., в пору тяжелых раздумий писателя в условиях реакции. Герои рассказа «Мелюзга» подавлены отсталостью и невежеством крестьянства. Те же настроения прозвучали в лирико-философском этюде Куприна «Попрыгунья-стрекоза» (1910), в котором мотивы рассказа Чехова «Новая дача» завершались пессимистическим выводом о враждебности народа культуре и ее носителям.

Наиболее близко в эти годы соприкоснулся Куприн с идеями Чехова в рассказе «Черная молния» (1913). Герой рассказа, лесничий Турченко—патриот и общественник чеховской складки, деятельный преобразователь родной земли. В самоотверженной работе по сохранению лесных богатств Турченко движут те же общественные интересы, что и Астровым, который «каждый год сажает новые леса и 〈...〉 хлопочет, чтобы не истребляли старых» (XI, 203). Тема леса звучит в «Черной молнии» как чеховская тема созидательного труда в мастерской природы, украшения земли руками человека. Подобно Астрову, купринский лесничий печется не о своем уезде, он мыслит масштабами всей страны, заботится о благе целого народа.

Как и в произведениях Чехова, история Турченко раскрывается на фоне уездного захолустья, где «ничего нет для ума и для сердца», где местные интеллигенты «быстро опускаются, много пьют, играют в карты〈...〉 ничем не интересуются». Эта «сонная, ленивая, ко всему равнодушная, ничего не любящая, ничего не знающая провинция» изображена Куприным в острых, гротескных тонах.

Но чеховская художественная задача — возбуждать «отвращение к этой сонной, полумертвой жизни» (письмо Горького к Чехову, январь 1900 г.— Соч., т. 28, стр. 113) — была недостаточна для Куприна, современника нового этапа освободительного движения,— этапа решающих классовых битв. Однако эти требования новой эпохи не были осознаны Куприным, который в условиях нарастания пролетарской борьбы накануне Октября переживал глубокий идейный кризис, утрачивал связи с передовым искусством. «Черная молния» была одним из последних у Куприна произведений большой общественной темы. Вместе с тем этот рассказ явился и заключительным звеном в творческой перекличке Куприна с Чеховым [18].

История общения Куприна и Чехова показательна для уяснения преемственных связей в критическом реализме XX в. Сближение с Чеховым и воздействие его творчества сыграло важную роль в развитии одного из самых талантливых демократических писателей этого времени. Куприн более других «знаньевцев» приближался к Чехову и благодаря тематическому и жанровому разнообразию своей прозы, и по психологической углубленности ее, и по заостренным формам критики действительности, включавшим сатиру и гротеск. Если писатели «Знания» изображали только ту жизнь, «какая есть», то Куприн вслед за Чеховым давал почувствовать также «жизнь, которая должна быть», проносил чеховскую мечту о свободном и гармоничном человеке будущего.

В отличие от тех «знаньевцев», которые, избрав чеховскую тематику, шли к натурализму (Чириков, Тимковский) или к импрессионизму (Зайцев), Куприн продолжал традиции Чехова в русле критического реализма. Творчество Куприна от «Молоха» до «Поединка», т. е. в пору наибольшего воздействия идейно-художественных принципов Чехова,— показывало жизнеспособность искусства критического реализма, питавшегося мощным общедемократическим движением эпохи 1905 года.

Современник первой русской революции, Куприн ощущал «нужду в героическом», писал о необходимости новых, по сравнению с чеховскими, форм художественного выражения, отвечающих новой эпохе. Публицистичность, гражданственный пафос, романтические краски в прозе Куприна говорили о воздействии Горького. Однако

чеховские художественные принципы не утратили своего значения для Куприна. Став большим и самобытным писателем, Куприн не раз возвращался на своем пути к идеям и образам Чехова.

Ниже печатаются по автографам все сохранившиеся в архиве Чехова письма Куприна к нему (ЛБ, ф. 331 ед. хр. 48/80).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. Куприн. Памяти Чехова. —«Чехов в воспоминаниях современников», стр. 503. См. также ниже в настоящем томе воспоминания Л. К. Федоровой. Это указание Куприна расходится с позднейшими его воспоминаниями, написанными по возвращении в СССР, в 1937 г., где он сообщал, что познакомился с Чеховым в Ялте, «кажется<...> в 1900 году» («Известия», 1937, № 142, от 18 июня). Однако вряд ли воспоминания тридцатипятилетней давности более достоверны, чем свидетельство 1904 г. Ошибкой памяти представляется нам и упоминание М. П. Чеховой имени Куприна среди писателей, посещавших Чехова во время гастролей Художественного театра в Ялте в апреле 1900 г. (Мария Чехова. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. М., 1951). «Дядю Ваню», «Трех сестер», «Чайку» Куприн смотрел впервые осенью 1901 г. в Москве (см. письмо 2 настоящей публикации от декабря 1901 г.). В очерке 1904 г. (как и в воспоминаниях 1937г.) Куприн ничего не говорил о ялтинских постановках Художественного театра.

[2] С. Д. Балухатый. Библиотека Чехова.— Сб. «Чехов и его среда». Л., 1930, стр. 246. Отклики Чехова на сборник «Миниатюры» неизвестны. Но можно предположить, что отмеченные в воспоминаниях Куприна нападки Чехова на банальные беллетристические приемы, на претенциозные подзаголовки были высказаны именно по поводу некоторых купринских миниатюр.

[3] Этот рассказ был навеян тем же событием (самоубийство известной провинциальной актрисы Кадминой), что и написанная одновременно с ним одноактная пьеса Чехова «Татьяна Репина». Вряд ли Куприн знал пьесу Чехова (в 1899 г. она была напечатана Сувориным лишь в двух экземплярах: пьеса, изображавшая церковный обряд свадьбы, не могла быть пропущена цензурой). Но, по-видимому, ему была знакома нашумевшая драма А. С. Суворина того же названия, своеобразным продолжением которой и была чеховская пьеса.

[4] Общее в стилистике Чехова и Куприна иллюстрировал (на примере «Ночной смены» и др. рассказов) П. Бицилли в статье «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа».—«Ученые записки Петрова университета» (София), т. 38, вып. 6, 1942.

[5] Чеховские мотивы в рассказе «Болото» отмечал Бунин (в статье «Перечитывая Куприна». —«Современные записки», Париж, 1938, № 67). Бунин был склонен усматривать в ряде произведений Куприна талантливую имитацию чеховской художественной манеры.

[6] Среди писем Куприна к Чехову сохранилась газетная вырезка с рецензией на рассказ «Архиерей» («Новый рассказ А. П. Чехова». — «Биржевые ведомости», 1902, № 129, 14 мая. Подпись: А. И.). На вырезке помета Куприна: «Бирж. Вед.» и надпись его рукой: «Шлю глубокий поклон. А. Куприн». Как видно, Чехов успел получить посланную Куприным вырезку около 20 мая, до отъезда из Ялты в Москву. Автор рецензии, по-видимому, А. А. Измайлов, подписывавшийся инициалами «А. И.». В 1902 г. Измайлов не раз печатал свои рецензии в «Биржевых ведомостях». Так например, незадолго до статьи об «Архиерее», он поместил там отзыв о рассказах Скитальца («Биржевые ведомости», 1902, 8 мая, № 123). Оснований приписывать рецензию самому Куприну нет. Он не пользовался криптонимом «А. И.», в 1902 г. в «Биржевых ведомостях» не печатался (его произведения публиковались там позже, в 1913—1915 гг.). Язык рецензии также не дает оснований для такого предположения.

[7] В воспоминаниях, написанных в 1937 г., Куприн относил встречу с Горьким к более раннему времени: «Впервые я виделся с Алексеем Максимовичем в гостях у А. П. Чехова. Было это в конце девяностых годов, 1898—1899, точной даты не помню, по выходе в свет первых томов его сочинений в издательстве Дороватовского и Чарушникова» (Архив А. М. Горького, МОГ 7-15-1. Частично опубл.: «Известия», 1937, № 142, от 18 июня). По-видимому, здесь такая же ошибка памяти Куприна, что и в дате знакомства с Чеховым.

[8] Письмо Горького к Бунину от июля 1904 г.— М. Горький. Соч., т. 28, стр. 312.—О том же писал Горький в те дни и самому Куприну: «...сильно, очень сильно понравились вы мне вашей глубокой скорбью о Чехове!» («Горьковская коммуна», 1946, № 151, от 27 июня).

[9] Позже Андреев высказался против участия Куприна в сборнике («...души нет у Куприна — талант большой, но пустой»,— писал он Горькому 6 августа 1904 г.— Архив А. М. Горького, КГП 4-2-33). Но сам он своих обещаний не выполнил и воспоминаний о Чехове не написал.

[10] Специальный чеховский сборник «Знанию» издать не удалось. Воспоминания Горького о Чехове вошли в «Нижегородский сборник» (1905).

[11] А. Куприн. Памяти Чехова.—«Чехов в воспоминаниях современников», стр. 506—507. Статья Куприна о Чехове вызвала злобное раздражение реакционеров. «Августейший поэт» К. Р., познакомившись с третьим сборником «Знания», записал в своем дневнике: «Прочел еще глупую статью Куприна „Памяти Чехова", в которой скончавшийся в прошлом году литератор выставляется „великим писателем", чуть не гением, обладавшим необыкновенно прекрасным слогом, и приводятся пошленькие подробности его домашнего быта, разные его далеко не остроумные словечки». Напечатанные в третьем сборнике горьковские «Дачники» К. Р. принял... за произведение Чехова, так как «они напоминают своей несуразностью, расплывчатостью и выражением каких-то непонятных стремлений „Дядю Ваню", „Трех сестер" и „Вишневый сад"» («Из дневника Константина Романова».—«Красный архив», 1931, № 1 (44), стр. 133).

[12] То же сравнение находим у Горького, который писал, что Чехов ходил по земле, «как врач по больнице: больных в ней — много, а лекарств — нет» (письмо к А. Н. Тихонову (Сереброву) 28 марта 1933 г. М. Горький. Соч., т. 30, стр. 294).

[13] А. Куприн. Проказливый юмор (О рассказах актера Руденкова).—«Журнал журналов», 1915, № 26, стр. 10).— Примечательно, что Куприн здесь близко подошел к той характеристике, которую дал чеховскому юмору Горький: «...стоит только внимательно прочитать его „юмористические" рассказы, чтобы убедиться, как много за смешными положениями— жестокого и противного скорбно видел и стыдливо скрывал автор». «Почтеннейшая публика, читая „Дочь Альбиона", смеется и едва ли видит в этом рассказе гнуснейшее издевательство сытого барина над человеком одиноким, всему и всем чужим. И в каждом из юмористических рассказов Антона Павловича я слышу 〈...〉 безнадежный вздох сострадания к людям, которые не умеют уважать свое человеческое достоинство 〈...〉 живут, как рабы...» (М. Горький. А. П. Чехов.— Соч., т. 5, стр. 427).

[14] Кроме указанных выше статей, Куприн посвятил Чехову ряд лекций и выступлений (см. «Биржевые ведомости», 1915, № 15186, от 2 ноября; газ. «Баку», 1916, № 226, от 14 октября; «Вестник литературы», 1919, № 4, стр. 7).

[15] «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января.— Данное суждение Куприна о Чехове весьма близко к чеховской оценке роли Толстого в русской литературе. «Толстой стоит крепко,— писал Чехов в 1900 г.,— авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество 〈...〉 будут 〈...〉 глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения»; «Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются» (письмо к М. О. Меньшикову от 28 января 1900 г.— XVIII, 313). Эти слова Чехова Куприн положил в основу своей статьи «Наше оправдание», написанной 8 ноября 1910 г., на другой день после смерти Толстого.

[16] Е. Аничков. Рассказы «Знания».— В кн.: Евгений Аничков. Литературные образы и мнения. СПб., 1904; Ю. Александрович. После Чехова, т. I. М., 1908; Ю. Соболев. А. И. Куприн. — «Общестуденческий литературный сборник». М., 1910; Ф. Д. Батюшков. Чехов и Куприн.—«Северные зори», 1910, № 8, от 29 января; А. Измайлов. Александр Куприн.— Сб. «Литературный Олимп». М., 1911.

[17] Назовем хотя бы поручика Рябовича из рассказа Чехова «Поцелуй» (1887). Этот «маленький сутуловатый офицер в очках», «самый скромный и самый бесцветный человек в бригаде», погруженный в нелепые грезы,— предшественник Ромашова (каким он показан в первых главах «Поединка») и других «прапорщиков армейских» в военных рассказах Куприна. Бытовые зарисовки, эпизоды, типаж «Поцелуя», в котором, по словам современника, с «удивительной чуткостью 〈...〉 схвачен был самый дух и склад военной среды» (И. Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове.— «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 167), находят множество аналогий в таких купринских рассказах об армии, как «Поход», «Свадьба», «Прапорщик армейский», «Ночлег» и др.

[18] Правда, сам Куприн соотносил в эти годы замысел своей повести «Яма», которую он тогда заканчивал, с рассказом Чехова «Припадок». Считая, что русская литература не сказала еще своей правды о «кошмаре проституции», Куприн делал исключение лишь для образа Сонечки Мармеладовой Достоевского и для этого чеховского рассказа. Но, отмечая впечатляющую силу картин «Припадка» (Соч., т. V, стр. 226), Куприн писал, что Чехов только «подошел» к теме проституции и, не зная этой жизни, отразил лишь ее внешнюю сторону.

Недооценка рассказа Чехова на страницах «Ямы» объяснялась тем, что в этой повести Куприн стремился к натуралистической описательности, считая детализованное, документально точное воспроизведение быта непременным условием правдивости произведения. Это суженное представление о правде в искусстве (столь повредившее Куприну в его повести) повлекло за собой не только неверную оценку «Припадка», но и ошибочное суждение о недостаточном знании Чеховым крестьянской «души», которую писатель, якобы, «обошел стороной» (там же, стр. 73).

ПИСЬМА КУПРИНА К ЧЕХОВУ

1

<Ялта. Середина мая 1901 г.>*

Многоуважаемый Антон Павлович!

Оказалось, что вы уехали совсем не вовремя[1]: погода стала прекрасной, ветра нет, а в воде утром 14—15°, а вечером 16—17° R. Про воду я собственно к тому, что начал сегодня купаться и докупался до головной боли.

Четверть часа тому назад я встретил на набережной архитектора Секавина, который, помните, доезжал вас целые три часа. Он, правда, мой старый знакомый, т. е. мы были знакомы мальчиками, когда мне было лет 15, а ему 20. Я его спросил, зачем он к вам тогда приходил. Он очень обрадовался и снова рассказал мне эту идиотскую историю. Но как я ни старался ему объяснить нелепость его поступка (даже прибегал к разным сравнениям), он остался непоколебим. «У нас только и есть в России два либеральные писателя — Чехов и Потапенко, которые не побоятся высказать правду в глаза печатно». Жена у него удивительно, до смешного похожа на него, а сын — бледный мальчишка с разинутым ртом и оттопыренными ушами[2].

Может быть,вы хотите знать ялтинские новости? Альтшуллер[3] уезжает в Америку, а мать-дьяконица в Петербург. Она теперь все жалуется, что ее никто не понимает, а она «то есть это теперь должна скрывать в себе которые идеальные чувства», а если и полюбит, то «мужчину непременно инергического, то есть который мужчина полный инергии». Из этого видно, что наши розовые планы окончательно разрушены. Людмила Сергеевна Кулакова[4] тоже уехала к себе в имение, потому что воротился ее муж. Она в последнее время все ко мне приставала: как о ней думает Антон Павлович и какой он ее находит. Грешный человек — каюсь — я от вашего имени наговорил ей такую бездну лестных вещей, что и она ко мне стала гораздо благосклоннее.

У нас устраивается спектакль, где и я приму участие в роли Чубукова в «Предложении». Испрашиваю издали вашего благословения. Кстати о театре. Не поленитесь, Антон Павлович, написать мне, с убеждением ли советовали вы мне поступить в Художественный театр? Заранее говорю (может быть, это вам немного и не понравится), что как вы положите, так я и сделаю. В этом смысле и по отношению *только к вам*, я похож на тех курсисток, которые приставали к Горькому с вопросом — «учитель, как нам жить?» Не сердитесь на меня за это.

Если вы меня почтите ответом (адресовав его на вашу же дачу), это будет для меня праздник. Время от времени я захожу к вам. Евгения Яковлевна работает, а я раскладываю пасьянс.

И, пожалуйста, не бойтесь, что, получив от вас несколько строчек, я начну осаждать вас письмами. Я знаю, как вы заняты. Ваш всегдашний слуга

А. Куприн

P. S. Благодарю вас за пьесы и особливо за надпись на них[5].

[1] Чехов уехал из Ялты в Москву 9 мая 1901 г.

[2] О визите этого архитектора к Чехову Куприн подробно рассказал в своих воспоминаниях о Чехове: «Было хорошее, но жаркое, безветренное летнее утро. А. П. чувствовал себя на редкость в легком, живом и беспечном настроении. И вот появляется, точно с неба, толстый господин (оказавшийся впоследствии архитектором), посылает Чехову свою визитную карточку и просит свидания. А. П. принимает его. Архитектор входит, знакомится и, не обращая никакого внимания на плакат: „Просят не курить", не спрашивая позволения, закуривает вонючую огромную рижскую сигару. Затем, отвесив как неизбежный долг несколько булыжных комплиментов хозяину, он приступает к приведшему его делу.

* Рукою Чехова карандашом проставлено: 1901, V.

Дело же заключается в том, что сынок архитектора, гимназист третьего класса, бежал на днях по улице и по свойственной мальчикам привычке хватался на бегу рукой за все, что попадалось: за фонари, тумбы, заборы. В конце концов он напоролся рукой на колючую проволоку и сильно оцарапал ладонь. „Так вот, видите ли, глубокоуважаемый А. П.,— заключил свой рассказ архитектор,— я бы очень просил вас напечатать об этом в корреспонденции. Хорошо, что Коля ободрал только ладонь, но ведь это — случай! Он мог бы задеть какую-нибудь важную артерию — и что бы тогда вышло?".—„Да, все это очень прискорбно,— ответил Чехов,— но, к сожалению, я ничем не могу вам помочь. Я не пишу, да и никогда и не писал корреспонденций, я пишу только рассказы".—„Тем лучше, тем лучше! Вставьте это в рассказ,— обрадовался архитектор.— Пропечатайте этого домовладельца с полной фамилией. Можете даже и мою фамилию проставить, я и на это согласен...Или нет... все-таки лучше мою фамилию не целиком, а просто поставьте литеру: господин С. Так, пожалуйста... А то ведь у нас только и осталось теперь два настоящих либеральных писателя — вы и господин П." (И тут архитектор назвал имя одного известного литературного закройщика.) Я не сумел передать и сотой доли тех ужасающих пошлостей, которые наговорил оскорбленный в родительских чувствах архитектор, потому что за время своего визита он успел докурить сигару до конца и потом долго приходилось проветривать кабинет от ее зловонного дыма. Но едва он, наконец, удалился, А. П. вышел в сад совершенно расстроенный, с красными пятнами на щеках. Голос у него дрожал, когда он обратился с упреком к своей сестре Марии Павловне и к сидевшему с ней на скамейке знакомому:

— Господа, неужели вы не могли избавить меня от этого человека? Прислали бы сказать, что меня зовут куда-нибудь. Он же меня измучил!» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 507—508).

[3] Об И. Н. *Альтшуллере* — см. выше в примечаниях к письму Чехова к нему от 27 ноября 1898 г.

[4] Людмила Сергеевна *Кулакова* (ныне — Врангель) — дочь С. Я. Елпатьевского. В настоящее время живет во Франции. В 1960 г. редакцией «Литературного наследства» были получены от нее 24 письма к ней А. И. Куприна, которые переданы в Отдел рукописей ЛБ.

[5] Очевидно вышедший в январе 1901 г. том пьес Чехова в издании А. Ф. Маркса. Надпись на книге неизвестна.

2

<Петербург. Декабрь 1901 г.>*

Многоуважаемый Антон Павлович!

Приехав осенью в Москву, я хотел было, по вашему совету, попробовать поступить в Художественный театр, но когда увидел, сколько туда нахлынуло к этому времени особ обоего пола, жаждущих того же самого, то сконфузился и испугался своей смелости. Нечто подобное я видел только один раз в своей жизни — именно на экзамене в Академию Генерального штаба, где на 60 вакансий явилось около 1000 человек.

Зато я основательно смотрел и слушал три ваши пьесы. Я их так люблю и так в них вчитался, что на сцене Художественного театра они меня совсем не удовлетворили. Я и в самом деле думал, что у них идет реформа сценического искусства, а реформа эта, оказывается, коснулась только чисто внешней стороны, декоративной. Правда, в этом много сделано прекрасного: столовая в III действии «Чайки» поставлена до того хорошо, что при поднятии занавеса внезапно чувствуешь, как будто ты сам в ней сидишь. В последнем действии в «Дяде Ване» стук уезжающих экипажей, а в «Трех сестрах» пожар за сценой — великолепны **. И многое другое. Но и здесь кое-где есть пересол. Так, например, в «Чайке» суматоха при отъезде Нины, Аркадиной и Тригорина в дверях до того преувеличена, что производит водевильное впечатление. Паузы в последнем акте «Дяди Вани» слишком длинны: даже выдержанная и выдрессированная публика Художественного театра начинает кашлять и двигаться на стульях; в «Чайке» (в первом действии) артисты без всякой нужды предоставляют публике удовольствие любоваться ракурсами их спин в сидячем, ходячем и стоячем положении (мне кажется, что в этом можно наблюдать некото-

* Рукою Чехова карандашом было проставлено: 1901, XII.

** Что, например, за прелесть они сделали изофицера академии, который только показывается на сцене, не говоря ни слова! — *Прим. Куприна.*

рую умеренность и вовсе не стесняя свободу актера двигаться, как ему угодно, на сцене). И так далее.

Совершенно неправильно ходячее мнение, будто режиссерская власть Художественного театра, повышая игру маленьких актеров и кладя узду на больших, стремится дать общее, среднее, ровное впечатление. Талант все-таки выделяет роль из общего фона. Астров-Станиславский прямо

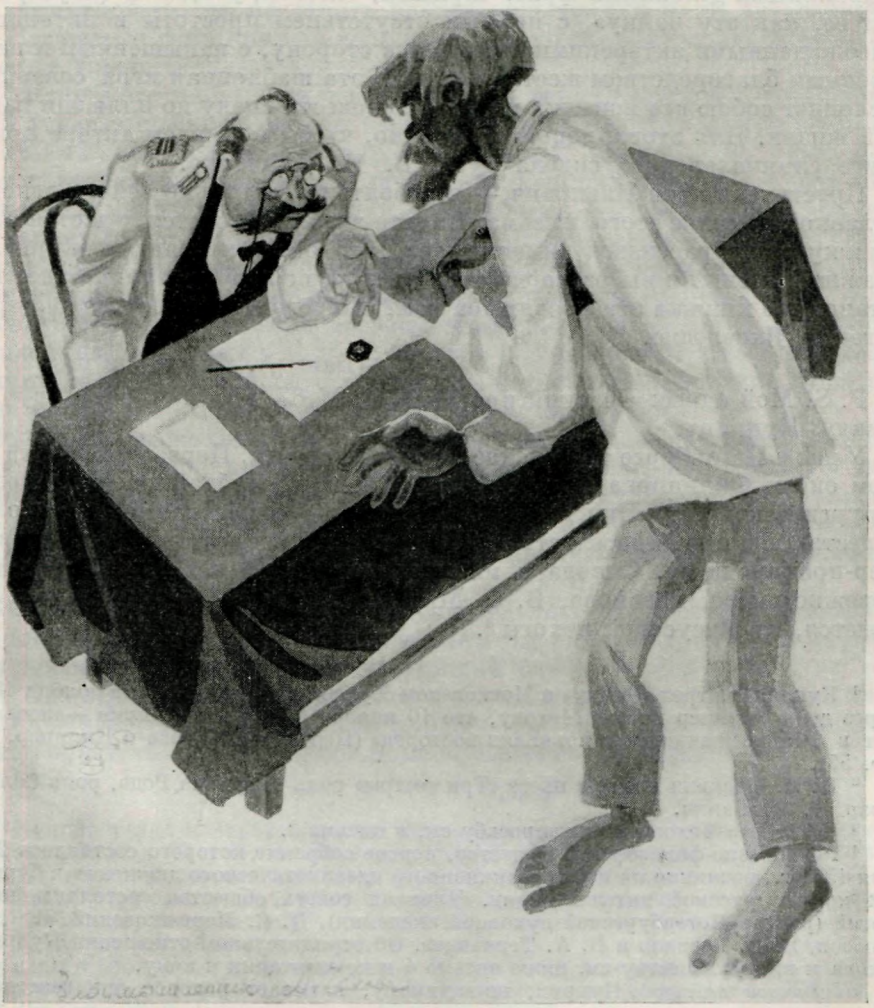


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ЗЛОУМЫШЛЕННИК»
Акварель К. П. Ротова, 1929 г.
Литературный музей, Москва

удивителен (хотя, замечу в скобках, в его манере держаться на сцене есть что-то явно хозяйское, что я почти в такой же мере наблюдал у другого властного администратора — Н. Н. Соловцова, артиста и человека несравненно менее культурного, чем Станиславский). О. Л. Книппер в «Чайке» превосходит все, что можно требовать и ожидать от артиста[1]. Москвин из маленькой роли артиллерийского офицерика делает чудо: именно такой милый, веселый, картавый подпоручик есть во всякой артиллерийской бригаде. Очень хорош Соленый[2].

Но самое-то главное в том, что прославленная реформа совсем не коснулась среднего и маленького актеров. Видно, что они стараются, дай им бог доброго здоровья; я готов верить и тому, что на репетициях для них чертят мелом на полу кружки, куда становиться ногами. Но, в конце концов, они остались теми же актерами, каких много и на сцене императорских театров, и в Харькове, и в Проскурове. Та же актерская читка, с неправильными делениями фраз: «пришел, человек, увидел и (пауза) погубил ее, как эту чайку», с полным отсутствием простоты в интонациях, с неожиданными актерскими вздохами в сторону, с напыщенным и неестественным благородством жестов и т. д. И эта шаблонная игра совершенно заслоняет собою все попытки новаторов довести сцену до иллюзии настоящей жизни. Для этого, вероятно, нужно, чтобы в каждом актере при таланте Станиславского сидела душа В. И. Данченко.

Простите, Антон Павлович,— я заболтался и только сейчас вспомнил о главной причине этого письма. Видите ли: мне, кажется, удастся издать книжку моих рассказов (именно тех, что были в толстых журналах). Скажите, очень ли вы рассердитесь, если на первой странице будет напечатано, что книжка эта посвящена вам? [3] Передайте мой сердечный привет Евгении Яковлевне.

Ваш А. Куприн

P. S. Мой адрес: Невский проспект, д. № 67, кв. 5. Александру Ивановичу Куприну.

У нас в Петербурге теперь две горячие новости. Первая та, что на Невском около Филиппова офицер Миллер зарубил саблей студента медико-хирургической академии Петрова, а другая — образование Религиозного общества под председательством преосвященного Сергия, с благословения обер-прокурора св. Синода и митрополита и при непременном участии Мережковского, Розанова, В. С. Миролюбова и еще каких-то двух лиц, кажется, из Иисусовой пехоты [4].

А. К.

[1] Куприн смотрел «Чайку» в Московском Художественном театре 9 ноября 1901 г. Через день Книппер писала Чехову, что 10 ноября был у нее Куприн —«последний был в „Чайке" накануне и изъявлял восторги» (Переписка Чехова и Книппер, т. II, стр. 55).

[2] И. М. Москвин играл в пьесе «Три сестры» роль поручика Роде, роль Соленого играл А. А. Санин.

[3] Об ответе Чехова на эту просьбу см. в письме 3.

[4] Религиозно-философское общество, первое собрание которого состоялось 27 ноября 1901 г., возникло на почве реакционного идеалистического движения в буржуазных кругах русской интеллигенции. Членами совета общества состояли: епископ Сергий (ректор Петербургской духовной академии), Д. С. Мережковский, В. С. Миролюбов, В. В. Розанов и В. А. Тернавцев. Об отрицательном отношении Куприна и Чехова к этому обществу см. ниже письмо 4 и комментарии к нему.

«*Иисусовой пехотой*» Куприн, по-видимому, называет рядовое духовенство.

3

⟨Петербург.⟩ 29 XII ⟨1901 г.⟩*

Многоуважаемый Антон Павлович!

Поздравляю вас с Новым годом, и, хотя знаю — вы не любите общих фраз, но не могу удержаться от обыкновенной читательской фразы, которую произносят потирая руки и сладко улыбаясь: «Надеемся, что в этом году вы порадуете нас новыми прекрасными произведениями вашего талантливого пера!»

Вы думали, что я постригся в монастырь. А было нечто более необыкновенное. Уехав из Ялты, я попал в лес, в Рязанскую губернию и четыре месяца занимался там землемерной работой [1]: снимал при помощи инстру-

* Рукою Чехова карандашом проставлено: 1901.

мента, называемого теодолитом, крестьянские леса — всего урочищ около ста с самыми удивительными названичми, от которых веет татарской и даже половецкой древностью. Кстати, шатаясь по деревням, я собрал целую тетрадь идиотизмов рязанского говора. Для любителя они были бы прямо находкой.

Следуя вашему совету о том, что книжка должна быть издана как можно проще, я ее оставлю без посвящения, хотя — признаюсь — мне всегда была приятной мысль поставить вперед дорогое для меня литературное имя. Впрочем и сама книжка только в проекте, и, значит, об этом теперь нечего и говорить [2].

В Петербурге тепло, и дует ветер с моря, такой влажный и тревожный, какой у нас в средней полосе бывает только в начале весны, а здесь это всякий раз, как только чуточку потеплеет. Я езжу все на верхушках конок и говорю ваше словечко: «чудесно!». Говорят, что к 8 февраля готовятся среди молодежи беспорядки. Очень жаль, если все выйдет по прошлогоднему [3]. Кстати о университетских забастовках: в Томске студенты, не вошедшие в число забастовавших (собственно говоря смешно применять это слово к младенцам, сосущим молоко мудрости из сосцов науки), стали требовать от правительства всевозможных подачек — льгот, стипендий, поблажек на экзаменах и т. п., а на днях дошли до того, что потребовали от администрации университета лошадей, которые их привозили бы на лекции и отвозили обратно. Вот люди с широкими вкусами.

Исполняя ваше желание, я вышлю вам оттиск рассказа, который пойдет в январской книжке «Мира божьего»[4]. Мне бы очень хотелось услышать от вас два-три веских, хотя бы и жестких слова об этом рассказе. Для того, чтобы вам не разыскивать моего адреса — всего лучше мне писать на редакцию «Журнала для всех», где я — сам не знаю, временно или совсем — делаю разного рода работу [5].

Вы, Антон Павлович, могли бы мне сделать прекрасный новогодний подарок, прислав что-нибудь ваше, хотя бы «Три сестры» с автографом. Но я не решаюсь вас беспокоить лишний раз — у меня и так уже есть ваши «Пьесы» и том, начинающийся с «Злоумышленника». Обе книжки — в отличных переплетах, и я ими дорожу как настоящими сокровищами. Прошу передать мой глубокий поклон Евгении Яковлевне.

Ваш А. Куприн

[1] Куприн уехал в Зарайский уезд Рязанской губернии на землемерные работы. Он писал оттуда в Ялту Л. И. Елпатьевской: «Я взял нечто вроде подряда обмерить около 600 десятин крестьянского леса в Зарайском уезде и составить планы лесного хозяйства. С утра раннего до глубокой ночи занят делом, не дающим мне ⟨...⟩ буквально ни одной минуты свободной ⟨...⟩ Когда еще темно, бегу с рабочими в лес. А весь вечер сижу, не разгибаясь, и заношу все снятое днем на план» (Э. Ротштейн. Материалы к биографии А. И. Куприна.— В кн.: «А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения». Пенза, 1950, стр. 282. Оригинал в Отделе рукописей ИМЛИ).

[2] См. письмо 2.

[3] Студенческие демонстрации в Петербурге действительно произошли 8 февраля и 4 марта 1902 г. (последняя — в годовщину разгона демонстрации на Казанской площади 4 марта 1901 г.). См. в настоящем томе статью А. Н. Дубовикова «Письма к Чехову о студенческом движении 1899—1902 гг.».

[4] Рассказ Куприна «В цирке». О нем см. выше, в статье «Чехов и Куприн».

[5] С декабря 1901 г. Куприн начал работать в редакции «Журнала для всех» в качестве заведующего беллетристическим отделом.

4

⟨Петербург. Февраль 1902 г.⟩*

Большое спасибо вам, глубокоуважаемый Антон Павлович, за ваше милое письмо. Вы, конечно, знаете, как приятно мне было услышать через

* Рукою Чехова синим карандашом проставлено: 1902, II.

вас отзыв Л. Н. Толстого о моем произведении [1]. Но при всем желании я все-таки не решаюсь послать Л. Н. свою книжку. Уж очень много в ней балласту, который может произвести удручающее впечатление, да и по своей внешности, с этой нелепой женщиной под пальмами на обложке, она имеет слишком уж легкомысленный вид [2]. Не лучше ли будет, если я пошлю ему ту книжку, об издании которой я теперь думаю? Она будет издана просто, солидно, без всяких претензий, и, кроме того, в нее войдут исключительно журнальные рассказы, т. е., по моему мнению, лучшие [3].

3 февраля я женился на М. К. Давыдовой [4] и теперь «безумно счастлив!», как говорит мой друг Федоров [5], произнося это восклицание в нос. Застану ли я вас в Ялте, если приеду туда в марте или в начале апреля? Мне бы вас очень, очень хотелось видеть и познакомить с вами мою жену.

Именно по случаю женитьбы я оставил занятия в «Журнале для всех», не знаю — на время, или навсегда. Виктор Сергеевич переживает теперь (впрочем, это между нами) какое-то странное время. Его религиозные наклонности тянут его к Религиозно-философскому обществу, но в этом обществе он находит только одно мракобесие отцов церкви, истерические кривлянья Мережковского и ехидное смирение Розанова, и все это, повидимому, волнует Виктора Сергеевича и не дает ему того душевного спокойствия, которого он ищет [6]. Но журнал идет своим чередом, и в этом году подписка обещает быть очень значительной.

Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Евгении Яковлевне. Крепко жму вашу руку.

Преданный вам А. Куприн

СПб. Преображенская 34, кв. 2.

[1] Чехов написал Куприну 22 января 1902 г.: «... сим извещаю вас, что вашу повесть „В цирке“ читал Л. Н. Толстой и что она ему *очень* понравилась» (XIX, 229).

[2] Речь идет о книжке Куприна «Миниатюры (Очерки и рассказы)». Киев, 1897. Чехов в своем письме рекомендовал Куприну послать «Миниатюры» Л. Н. Толстому (XIX, 229).

[3] Имеется в виду сборник рассказов Куприна, который готовило издательство «Знание».

[4] Мария Карловна *Давыдова* (ныне Куприна-Иорданская) — дочь издательницы журнала «Мир божий» А. А. Давыдовой.

[5] А. М. *Федоров* — писатель, см. о нем ниже, в воспоминаниях Л. К. Федоровой.

[6] По поводу участия Миролюбова в Религиозно-философском обществе, Чехов писал ему еще 17 декабря 1901 г.: «Читал в „Новом времени“ статью городового Розанова, из которой между прочим узнал о вашей новой деятельности. Если б вы знали, голубчик мой, как я был огорчен! Мне кажется, вам необходимо уехать из Петербурга теперь же — в Нерви или Ялту, но уехать. Что у вас, у хорошего, прямого человека, что у вас общего с Розановым, с превыспренно хитрейшим Сергием, наконец с сытейшим Мережковским? Мне хотелось бы написать много, много, но лучше воздержаться, тем более, что письма теперь читаются главным образом не теми, кому они адресуются» (XIX, 195).

5

<Петербург. Начало октября 1902 г.>*

Многоуважаемый Антон Павлович!

Не знаю, застанет ли вас это письмо в Ялте. У меня к вам большая просьба: этими месяцами пойдут мои три рассказа в «Русском богатстве», «Мире божьем» и «Журнале для всех»[1], так вот, мне бы очень хотелось послать вам номера или верстанные корректуры, чтобы услышать, что вы о них скажете. Правда, следовало бы это сделать раньше, еще

* Письмо написано на бланке журнала «Мир божий»; рукою Чехова проставлено: X, 1902.

в рукописи, дабы иметь время воспользоваться вашими указаниями, но, во-первых, боюсь вас затруднять, во-вторых, помню ваш совет не бояться ошибок, а писать только побольше, а в-третьих, знаю, что когда учатся ходить, то без шишек на лбу дело не обходится.

Самая свежая литературная новость это та, что Л. Андреев уже больше не русский писатель, а немецкий. Он, видите ли, заключил с какой-то немецкой фирмой условие, по-которому все его рассказы появляются сначала по-немецки, а спустя два месяца могут печататься и в русских изданиях. Не понимаю, кому и какой интерес будет в России печатать его, если всегда можно его перевести? Помните, Тургенев сделал нечто подобное, и тотчас же его перевели с французского и перевели так скверно, что он на другой раз закаялся [2].

Теперь в Петербурге Федоров. Ставит на императорской сцене — «Стихию». Я от души желаю ему успеха, так как мужчина он прекрасный и душевный, но пьеса мне не нравится, пахнет д'Аннунцио [3]. Федоров удивительно интересно рассказывает о том, как он ездил на Дальний Восток, как его «трепал тайфун», причем «судно дрейфовало», и как он потерпел крушение. Рассказывает он несравненно лучше, чем пишет, хотя и пишет, надо отдать ему справедливость, все-таки хорошо, а, главное, какой он деятельный, неутомимый работник!

Жена вам шлет поклоны и притом самые сердечные. В декабре мы ждем. Я до сих пор помню и никогда, вероятно, в моей жизни не забуду того вечера, когда я заходил прощаться с вами и когда вы говорили со мною о родах и о прочих сюда относящихся вещах. Я читал где-то, что Додэ называл себя «продавцом счастья» в том смысле, что он умел глубоко проникать в человеческое горе и утешать [4]. К вам, конечно, не идет это определение, потому что оно, по-французски, манерно и приторно. Но от вас я ушел тогда успокоенный и ободренный, почти умиленный.

У нас льет дождик, туманы, холод. Жалею я теперь о Крыме, который, помните, мы с вами вместе ругали. Получили ли обезьянок, и не сломались ли они в дороге? [5]

Ваш А. Куприн

[1] Имеются в виду рассказы Куприна: «На покое» («Русское богатство», 1902, № 11), «Болото» («Мир божий», 1902, № 12) и «Трус» («Журнал для всех», 1903, № 1).

[2] Л. Андреев в 1902 г. для закрепления авторских прав на переводы своих произведений за границей заключил договора с зарубежными издательствами Марклевского (Штутгарт), Дица и Ладыжникова (Берлин). Этими договорами предусматривалось, что переводы будут выходить в свет после напечатания соответствующего произведения в России. Однако в некоторых случаях издание переводов опережало появление русского текста.

Случай с Тургеневым, также не совсем точно переданный Куприным, имел место в 1877 г. в связи с публикацией «Рассказа отца Алексея». До напечатания этого рассказа в «Вестнике Европы» во французском журнале «La République des Lettres» был опубликован его перевод на французский язык, на что Тургенев дал свое согласие. Воспользовавшись этим фактом, Суворин тотчас же напечатал в «Новом времени» обратный перевод рассказа, что вызвало резкий протест Тургенева (подробнее об этом см. И. С. Тургенев. Собр. соч., т. VIII. М., 1956, стр. 579—580).

[3] Пьеса А. М. Федорова «Стихия» шла в Александринском театре.

Габриэль *д'Аннунцио* (1863—1928) — буржуазный итальянский писатель, в произведениях которого преобладали темы чувственной любви.

[4] Имеются в виду воспоминания о А. Додэ его сына, писателя Леона Додэ. В воспоминаниях о Чехове Куприн пишет: «Сын Альфонса Додэ в своих воспоминаниях об отце упоминает о том, что этот талантливый французский писатель полушутя называл себя „продавцом счастья". К нему постоянно обращались люди разных положений за советом и за помощью, приходили со своими огорчениями и заботами, и он, уже прикованный к креслу неизлечимой, мучительной болезнью, находил в себе достаточно мужества, терпения и любви к человеку, чтобы войти душой в чужое горе, утешить, успокоить и ободрить» (см. «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 521—522).

[5] См. прим. 1 к письму 7.

6

<Петербург. Середина октября 1902 г.>*

Посылаю вам, многоуважаемый Антон Павлович, вместе с этим письмом корректурный оттиск моего рассказа «На покое», который появится в «Русском богатстве» в ноябрьской книжке. Если у вас хватит досуга и охоты пробежать его, то не откажите в большой милости написать в двух словах: какое он на вас произведет впечатление, главное — в отрицательном смысле [1].

Я заходил засвидетельствовать свое глубокое почтение Евгении Яковлевне и Марии Павловне, но застал из них только первую и был очень рад узнать, что из Ялты вы уехали здоровый и в бодром настроении [2]. У нас в Петербурге очень много говорят о новом помещении Художественного театра[3], уверяют, что такого театра нет чуть ли не во всей Европе. Редактор нашего журнала Ф. Д. Батюшков собирается даже в Москву со специальной целью посмотреть его.

У меня идут переговоры об издании моих рассказов в «Знании». Все теперь зависит от Горького, к которому Пятницкий поедет на днях в Москву. Если дело выгорит, я буду очень счастлив. Я все-таки послушался вашего совета,— посвящения в книжке не будет, как мне этого ни хотелось [4]. Но не теряю надежды сделать это впоследствии.

Жена вам кланяется. Прошу передать от меня искренний и сердечный привет Ольге Леонардовне.

Весь ваш А. Куприн

[1] Чехов ответил Куприну по поводу рассказа «На покое» 1 ноября 1902 г.: «Повесть хорошая, прочел я ее в один раз, как и „В цирке“, и получил истинное удовольствие. Вы хотите, чтобы я говорил только о недостатках, и этим ставите меня в затруднительное положение... В этой повести недостатков нет, и если можно не соглашаться, то лишь с особенностями ее некоторыми» (XIX, 368—369). Подробнее об этом см. выше, в статье «Чехов и Куприн».

[2] Чехов уехал из Ялты в Москву 12 октября 1902 г.

[3] Здание Московского Художественного театра (переделка б. Театра Омона) было построено к началу театрального сезона 1902 г.

[4] См. выше, письма 2 и 3.

7

<Петербург. 6 декабря 1902 г.>**

Вы меня очень обрадовали, многоуважаемый Антон Павлович, написав, что обезьянки вам понравились [1]. Мне приятно будет думать, что благодаря им вы, может быть, лишний раз вспомните о человеке, который предан вам всей душой.

Жена очень вам кланяется. Время ей в середине декабря, но можно ожидать со дня на день. Она к этому готовится спокойно и радостно, но временами на нее находит страх, и тогда она поплакивает. Сегодня ночью она во сне стонала, и я разбудил ее нарочно. Оказывается, ей снилось, будто в редакцию ворвалась какая-то худая, высокая, черная женщина с огромными, в пол-лица, страшными глазами. У нее были длинные руки, и она все смеялась и мяла жене живот, а когда ее вытолкнули за дверь, то она опять смеялась и грозила пальцем. Я успокоил жену, но сам не мог заснуть, а вот теперь под утро пишу вам.

Дела мои литературные так хороши, что боюсь сглазить. «Знание» купило у меня книгу рассказов[2]. Не говоря уже об очень хороших, сравнительно, материальных условиях,— приятно выйти в свет под таким

---

* Письмо написано на бланке журнала «Мир божий»; рукою Чехова карандашом проставлено: X, 1902.

** Рукою Чехова карандашом проставлено: 1902.

флагом. Кстати я познакомился с Горьким,— он у нас обедал вместе с Пятницким. Знаете, в нем есть что-то аскетическое, суровое, проповедническое. Все рассказывает о молоканах, о духоборах, о сормовских и ростовских беспорядках, о раскольниках и т. д. И при этом глаза у него смотрят точно не от мира сего. Не совершается ли в нем тот переворот, который толкает многих русских писателей на путь подвижничества, пророчества и чудачества?

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДОМ С МЕЗОНИНОМ»
Акварель Д. А. Дубинского, 1954 г.
Третьяковская галерея, Москва

Большое впечатление произвело в Петербурге ваше письмо в Академию[3]. О нем нет разногласия: все единодушно находят его чрезвычайно сдержанным и очень сильным. На днях в одном обществе, где был и Боборыкин, это письмо читали вслух. Маститый романист, говорят, чувствовал себя при этом не совсем ловко.

Мне бы очень интересно было, Антон Павлович, чтобы вы прочитали два моих рассказа: один в декабрьской книжке «Мира божьего», а другой в январе в «Журнале для всех»[4]. Если бы позволили, я прислал бы оттиски. То, что вы писали мне о рассказе «На покое»,— очень верно, хотя и прискорбно для меня.

Кое-что, сообразно с вашим взглядом, я исправил, только этого очень мало и впечатление остается то же [5].

Был здесь в Петербурге Федоров. Кажется, не повезло ему, бедному, с пьесами в этом году [6]. И это очень жаль. Он такой милый, искренний и пылкий человек и славный товарищ. И особенно меня трогает его глубокая привязанность к вам.

Знаю, что вы не любите, но не могу удержаться, чтобы не спросить: не пишете ли чего? Такой праздник, когда вас читаешь!

Ваш А. Куприн

6 декабря.

[1] 1 декабря 1902 г. Чехов писал Куприну: «Ваш подарок — обезьяна — великолепен, я только теперь рассмотрел его как следует и нахожу, что штучка сия совсем хороша, художественна вполне. Большое вам спасибо!» (XIX, 377—378).

[2] См. прим. 1 к письму 10.

[3] Письмо-заявление на имя председателя Отделения русского языка и словесности Академии наук А. Н. Веселовского от 25 августа 1902 г.— отказ от звания почетного академика в связи с аннулированием выборов М. Горького в академики. Это письмо Чехова было напечатано в зарубежном журнале «Освобождение» (Штутгарт), 1902, № 10.

[4] Рассказы «Болото» и «Трус».

[5] См. выше в статье «Чехов и Куприн» (стр. 365), а также письмо 6 и прим. 1 к нему.

[6] Имеются в виду постановки пьес А. М. Федорова «Старый дом» и «Стихия» в Александринском театре, не имевшие успеха.

8

(ТЕЛЕГРАММА)

〈Петербург. 5 января 1903 г.〉

Поздравляем Новым годом. Желаю счастья. 3 января жена родила девочку. Куприн

9

〈Петербург. Начало января 1903 г.〉*

Спасибо вам, многоуважаемый Антон Павлович, за ваше милое приветствие меня и жены с Новым годом[1]. Если вы получили мою телеграмму, то знаете из нее, что 3 января у нас родилась девчонка. Она появилась на свет божий $8^3/_4$ фунтов весу и с самой монгольской физиономией. Теперь орет, спит и ест с невероятной жадностью, или, как говорит наша акушерка, «жакает». Ну, вот я и pater familias**, что и требовалось доказать. А назовем ее Лидией. Это имя мне не особенно нравится, но таково было желание покойной А. А. Давыдовой, не хотевшей и слышать о мальчишке[2].

Вас, вероятно, уже известили, что Комитет по устройству юбилея печати распался[3]. Сначала Плеве призывал Н. К. Михайловского, а Лопухин[4] — Фальборка и Чарнолусского[5], и — представьте!— Василия Ивановича Немировича и внушал им, что за всякое поползновение устроить банкет или что-нибудь напоминающее протест он будет уже не высылать, а ссылать. Потом к каждому из членов комитета явился поочередно очень вежливый околодочный с университетским значком в петлице и заявил буквально следующее:

— Его превосходительство, господин градоначальник, просили вас не беспокоиться о каких бы то ни было торжествах. Их не будет вовсе.

Так все и кончилось. Но все-таки, по-моему, такой конец лучше, чем то начало юбилея, которое было в Москве, когда журналисты упрекали друг друга в шантаже, вымогательстве, краже биллиардных шаров и т. д.

Подписка на журнал «Мир божий» идет великолепно сверх всякого ожидания. Уже теперь можно наверно рассчитывать на количество подписчиков больше семнадцати тысяч. Вы, конечно, догадываетесь, что члены нашей редакции давно подговаривают меня, дабы я написал вам слезницу... Но,— «ничего, ничего, молчание!..»[6]

Кончаю пожеланием вам и всем, кто дорог вашему сердцу, счастья, здоровья, удачи, веселья и мира на этот 〈*нрзб.*〉 1903 год.

Весь ваш А. Куприн

---

* На последнем листе рукою Чехова красным карандашом проставлено: 1903, I.

** отец семейства (лат.).

[1] В письме Куприну от 30 декабря 1902 г. (XIX, 408).
[2] Лидия Александровна *Куприна* — старшая дочь Куприна (ум. в 1921 г.). — А. А. *Давыдова* — мать жены Куприна, умерла в марте 1902 г.
[3] Юбилей двухсотлетия русской печати.
[4] А. А. *Лопухин* — директор Департамента полиции.
[5] Г. А. *Фальборк* и В. И. *Чарнолусский* — литераторы и общественные деятели по народному образованию.
[6] Цитата из повести Гоголя «Записки сумасшедшего».

10

⟨Петербург.⟩ 10 февраля 1903

Посылаю вам, многоуважаемый Антон Павлович, мою книгу, только что вышедшую в «Знании»[1]. Если она вам понравится, я буду счастлив, если же нет, то мне не будет ни обидно, ни стыдно, потому что следующую книгу я напишу лучше. На днях на одном вечере, посвященном исключительно вашим произведениям, я читал «Событие»[2]. Меня сбили с толку: «Ванька» гораздо более нравится публике, которая к тому же любит слушать вещи, ею однажды уже слышанные,— но мне внушили читать именно «Событие». И покамест я читал о деревянной лошади, о жизни котят на даче, я чувствовал, что публика согревается, но трагический конец котят подействовал расхолаживающим образом. Тем не менее, как ни груба вообще наша публика, хотя бы и избранная, никто не засмеялся, когда лакей заявил, что собака съела котят, только внизу, подо мной, в оркестре пожарных музыкантов, кто-то хихикнул. Меня заставляли бисировать и хотя я раньше наметил на этот случай кое-что, но мысль, что я *именно вас* представил не так, как бы мне хотелось, до того удручила меня, что я больше не читал. Успех вечера был большой и очень теплый, задушевный. У меня сохранилась одна программа, чрезвычайно изящно исполненная. Не прислать ее вам?

Если вам не лень, напишите о себе, о своем здоровье, о том, где будете весною? Это последнее меня интересует потому, что думаю весной быть в Крыму — очень бы хотелось вас хоть бы на минутку увидеть[3].

Ваш А. Куприн

[1] 9 февраля 1903 г. вышла в свет книга рассказов Куприна в издании т-ва «Знание». См. о ней выше, стр. 368.
[2] Куприн выступил с чтением рассказа Чехова «Событие» на литературном вечере в Институте гражданских инженеров в Петербурге, 27 января 1903 г.
[3] Куприн жил в Крыму, в Мисхоре, в марте и апреле 1903 г. и встречался с Чеховым.

11

⟨Петербург. 19 апреля 1903 г.⟩

На днях, дорогой Антон Павлович, я отослал вам 75 р., которые взял у вас на дорогу. Надеюсь, вы их уже получили. Остается еще за мною мелочь за телеграмму, но это, с вашего позволения, я думаю можно отнести в долгосрочный кредит?

В редакции[1] на меня накинулись с расспросами: успел ли я в моем ходатайстве перед вами относительно какого-либо из ваших будущих произведений. Я ответил, что повесть вы обещали дать наверное, но срока никакого не положили; относительно же пьесы не сказали ничего определенного. Надеюсь, что против такого ответа вы ничего не имеете?

Вчера Ф. Д. Батюшков и я заезжали к Ольге Леонардовне (Мойка, 61), но, к сожалению, не застали ее дома[2]. Я однако написал на карточке, что привез поклоны из Ялты. Может быть, удастся еще повидать О. Л. перед ее отъездом (театр уезжает 23—24 апреля) у нее дома или на обеде, который петербургские журналисты собираются устроить у Контана в честь труппы Художественного театра.

Петербург кислый и мокрый. Говорят больше всего о кишиневском погроме [3] и о спектаклях Художественного театра [4]. А у нас в Мисхоре теперь уж наверно ловятся бычки и кефаль!

Жена шлет вам сердечный привет. Она только что видела «Дядю Ваню» и вернулась из театра в полном восторге.

Желаю вам всякого счастия.

Ваш А. Куприн

1903, 19 апреля. СПб.

[1] В редакции журнала «Мир божий».

[2] О. Л. Книппер-Чехова была в Петербурге во время гастролей Московского Художественного театра с 5 по 24 апреля 1903 г.

[3] Имеется в виду организованный черносотенцами еврейский погром в Кишиневе

[4] На петербургских гастролях Московского Художественного театра были поставлены пьесы: «На дне» и «Дядя Ваня». Было организовано еще чеховское утро в пользу Литературного фонда.

12

<Петербург. Конец мая 1903 г.>*

Дорогой Антон Павлович!

Ф. Д. Батюшков заинтриговал меня вашим письмом. Зная, что вы никогда напрасно не говорите и всегда попадаете в самую центру, мне остается только сгорать от нетерпеливого любопытства [1] (фраза вышла в прутковском стиле). Что имеете вы приятного для меня? Напишите поскорее, будьте благодетелем!

У нас белые ночи. Знаете ли, Антон Павлович, даже мне иногда гнусно становится, так они раздражают. Час ночи, а светло, как днем, люди по улицам ходят, точно утром после попойки или точно весь Петербург заболел бессонницей, ляжешь в постель, и все думаешь, что уже время вставать. Зато острова прекрасны. Зелень такая сочная, мокрая, яркая, и всё в воде вверх ногами.

Мы с женой были как-то в цирке и видели номер, который называется The Looping of Loop **. Представьте себе такого рода петлю: <см. стр. 391>. Она составлена из досок и в середине завивается спиралью, а по ней вдоль нарисована черная черта. Ширина ее — аршин. Начало на высоте сажень 6-ти, а диаметр спирали — 3 саж. И вот по ней с самого верха катит на велосипеде американец. Один момент он находится в таком положении, что голова его смотрит вниз, а ноги вверх. Но всего сильнее действуют на зрителей приготовления к этому номеру. Просят публику не шуметь, не аплодировать и не кричать. Потом выходит американец. Он одет очень просто: коричневый велосипедный костюм, темная жокейская шапочка, на руках черные перчатки. Он долго и тщательно проверяет установку всего инструмента и шаг за шагом выходит на самый верх, где скрывается в маленькой темной дверце под самым куполом. Через минуту из этой дверцы начинает что-то поблескивать, это руль машины. Этот момент, должно быть, нарочно длят, и он самый жуткий. Внимание так напрягается, что секундами глаза почти перестают видеть. И вдруг американец на велосипеде появляется из дверцы, с грохотом летит вниз по наклону градусов в 60, в какую-нибудь четверть секунды описывает круг,— и все кончено. Трудно передать восторг и рев публики. Конечно, в наше просвещенное время стыдно признаваться в любви к цирку, но у меня на это хватает смелости.

Будьте добры, Антон Павлович, передайте мой сердечный привет глубокоуважаемой Ольге Леонардовне. Жена очень жалеет, что так и

* Рукою Чехова карандашом проставлено: «1903, V».

** «Мертвая петля» (англ.).

Дорогой Антон Павлович!

О. З. Батюшков рассердился на меня [illegible] письмом. Знаю, что Вы никогда не сердитесь и говорите, что [illegible] в самую цитадель, меня огорчает [illegible] мелкого самолюбия (вроде [illegible] Ваш искренний [illegible]. Что делается? Как чувствуете? Напишите пожалуйста, Ваше [illegible]!

У нас [illegible] Антон Павлович, [illegible] Ваш Куприн

[illegible] Вверху. На всех [illegible] [illegible] [illegible]

не успела с О. Л. познакомиться во время ее пребывания в Петербурге[2] и винит в этом меня. А я просто был не уверен, помнит ли меня О. Л.; правда, я убедился в этом после оказанного мне милого приема, но тогда было уже поздно, О. Л. на другой день уехала в Москву.

Не знаю, застанет ли вас мое письмо в Москве. Я слышал, что вы едете в Швейцарию[3]. Желаю здоровья и «доброго гумóру».

Ваш всем сердцем А. Куприн

[1] В письме Ф. Д. Батюшкову от 23 мая 1903 г. Чехов писал: «Александру Ивановичу поклонитесь и скажите, что я напишу ему тотчас же, как только узнаю свой летний адрес. У меня есть для него кое-что приятное» (XX, 99). Что имел в виду Чехов, не выяснено, так как ближайшее письмо его Куприну неизвестно.

[2] См. прим. 2 к письму 11.

[3] Чехов предполагал поехать летом 1903 г. в Швейцарию, но провел лето на даче под Москвой.

13

<Петербург.> 18 октября 1903 г.

Многоуважаемый Антон Павлович.

Самая лучшая и самая дорогая гостиница — это Европейская (угол Невского и Михайловской), но — предупреждаю — цены самые зверские. Несколько дешевле и все-таки очень респектабельна — Английская гостиница на Исаакиевской площади. Там все на английский лад: «брекфасты», «ленчи», «фейфоклоки». Там останавливается проездом из Мадрида на Шпицберген неувядаемый Вас. Ив. Немирович-Данченко.

Если приедете в Петербург [1], пожалуйста, не забудьте, что своим посещением вы доставите много радости Марии Карловне. О себе уже не говорю.

Ваш А. Куприн

[1] В Петербурге осенью 1903 г. Чехов не был.

14

<Петербург.> 1 января 1904 г.

Дорогой Антон Павлович.

Тысячу раз благодарю вас, что вспомнили обо мне. Сегодня, в первый день Нового года (и притом года, начавшегося при самых кислых предзнаменованиях), ваше письмо было для меня настоящим праздничным подарком — так оно меня растрогало и обрадовало [1]. Поздравляю вас с Новым годом! От всей души желаю вам провести его бодро, легко и счастливо. Одним словом — «желаю, чтоб...», как говорит одно известное вам лицо [2].

У меня, правда, был тиф, брюшной, и даже с рецидивом, но это совсем пустяшная болезнь, досадно только, что человека, находящегося в здравом уме и твердой памяти, притом с нормальной температурой и с собачьим аппетитом, заставляют чересчур долго лежать в постели и кормят бульоном. Но утешаюсь, что, выздоровев, стану кудрявым, как первый любовник в светской комедии на Конотопском театре.

Пожалуйста, Антон Павлович, не поленитесь написать мне, когда вы приедете в Петербург, о чем я уже давно слышу. Если скоро, то, так как мне очень бы хотелось успеть хоть на минутку увидеть вас в Петербурге, я замедлил бы свой отъезд. Если же вы еще долго останетесь в Москве[3], то я, заехав туда дня на два, успел бы побывать у вас, а также и посмотреть

«Вишневый сад». Прошу вас, пожалуйста, уведомьте меня, а то я бог весть когда увижу вас, потому что в Крыму летом не буду и вообще начинаю кочевую жизнь.

Передайте Ольге Леонардовне мои пожелания всяких земных благ. Жена и дочка поздравляют вас и О. Л. с Новым годом.

Ваш А. Куприн

[1] В письме Куприну от 31 декабря 1903 г. Чехов поздравил его с Новым годом и просил сообщить о здоровье, так как до него дошли слухи о болезни Куприна.
[2] О ком идет речь — не выяснено.
[3] Чехов пробыл в Москве с 4 декабря 1903 г. до 15 февраля 1904 г.

15

<Москва. 15 января 1904 г.>

Многоуважаемый Антон Павлович!

Я все-таки приехал в Москву на «Вишневый сад»[1] как по собственному почину, так и по поручению редакции. Я один. Ужасно прошу вас: приткните меня куда-нибудь на 1-е представление[2],— куда угодно — от верхнего ряда галереи до глубины суфлерской будки.

Ваш А. Куприн

P. S. Я потому прошу непременно на первое представление, что к 21-му должен послать статью[3].

Визитная карточка.

[1] Куприн приехал в Москву 15 января 1904 г.
[2] На первое представление пьесы Чехова «Вишневый сад» в Московском Художественном театре 17 января 1904 г.
[3] Статью о спектакле «Вишневый сад» для журнала «Мир божий». Статья эта не была написана, так как Куприн не смог быть на премьере «Вишневого сада» (см. ниже письма 16 и 17).

16

<Москва.> 16 января 1904 г.

Многоуважаемый Антон Павлович!

По некоторым неотложным делам я должен был внезапно уехать в Сергиев Посад и потому извиняюсь, что не был в назначенное вами время в театре[1]. К моему великому огорчению, я не в состоянии быть на первом представлении. Я об этом телеграфировал третьего дня в редакцию, просил уведомить Федора Дмитриевича [2], что его присутствие на спектакле очень желательно.

Ваш слуга А. Куприн

[1] Куприн узнал от находившихся в Москве Горького и Пятницкого, что второй сборник «Знания» на днях сдается в набор. Ему пришлось выехать немедленно в Сергиев Посад (ныне г. Загорск) для работы над рассказом «Мирное житие», который должен был печататься в этом сборнике (Э. М. Ротштейн. Материалы к биографии А. И. Куприна — в кн.: «А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения». Пенза, 1950, стр. 286).
[2] Ф. Д. Батюшкова.

17

<Петербург. Май 1904 г.>*

Дорогой Антон Павлович!

Разве может быть какой-нибудь разговор о том, что я рассердился? Ни капельки. Мне просто послышалось, что вы предложили мне балкон, а я несколько близорук и не особенно остро слышу,— для меня многое бы

* Рукою Чехова карандашом проставлено: 1904, V.

пропало, а потому я и решил пойти уже не для отзыва, а для самого себя когда-нибудь в другой раз, тем более, что меня действительно тогда отозвали в Троицу по очень интересному и важному для меня делу. Если же я и досадовал, то на обстоятельства. Видел вас расстроенным, взволнованным, скучным,— измученным постановкой «Вишневого сада». Ольга Леонардовна, которой, по ее словам, приходилось в это время быть буфером между автором и режиссером, тоже находилась не в очень приятном расположении. А тут я еще пристал с просьбой о месте,— главное, с просьбой, с которой вам, вероятно, до меня надоедали сотни знакомых, из которых каждый, конечно, думал, что именно для него-то вы и похлопочете. Словом, я сердился на самого себя, что попал не вовремя, да еще имел бестактность настаивать. Вот и все.

Очень хотелось мне писать о «Вишневом саде»! Именно потому, что это ваше. Может быть, я это сделал бы не так основательно, как присяжные театральные критики, но знаю, что писал бы с большой любовью и с нежной осторожностью. А тут, точно назло, так сложились обстоятельства, что я даже в Петербурге никак не мог попасть на «Вишневый сад». Положительно: все ваши пьесы видел — и маленькие, и большие, даже монолог «О вреде табака» читал в Коломне, в клубе [1], а «Вишневый сад» пропустил. Пропустил потому именно, что в последнее время жена нездорова, у нее идет часто кровь горлом. Осенью доктора велят ехать в Крым.

Жду теперь с нетерпением II тома «Сборника», чтобы прочитать вашу пьесу[2]. Скажу вам, что многое из нее входит уже в разговорную речь. Был я недавно на Волхове в одном запущенном старом дворянском гнезде. Хозяева разоряются и сами над собой подтрунивают: «у нас „Вишневый сад"!»

Был бы очень вам признателен, Антон Павлович, если бы вы не читали — ни моего рассказа в «Мире божьем», ни рассказа во II томе «Сборника»[3]. Оба они жидкие рассказы.

Видел я И. А. Бунина. Он теперь, должно быть, в Москве. Если увидите его, попросите рассказать о путешествии с Найденовым в Ниццу и особенно о венских впечатлениях. Только не выдавайте меня, так как я связан обетом молчания.

Прошу передать поклоны от Марии Карловны и от меня — Ольге Леонардовне и Марии Павловне. Крепко жму вашу руку.

Ваш А. Куприн

P. S. На войну меня взять не могут, я в отставке, но корреспондентом, тысячи на полторы в месяц, я бы сейчас же поехал.

Ответ на письмо Чехова от 5 мая 1904 г. (XX, 280—281): «Милый Александр Иванович, мне передавали, что вы сердитесь на меня за то, что я не дал вам билета на „Вишневый сад" (17 января) или пообещал место, которое показалось вам чуть не галереей. Уверяю вас честным словом, у меня до последнего момента хранился для вас билет 2-го (или даже, кажется, 1-го) ряда, что я ждал вас и очень пожалел, когда мне сказали, что вы уехали в Троицкую лавру по какому-то делу, внезапно вас туда потребовавшему. Галереи я не мог предложить вам, я мог предложить только партер или место в первом ряду бель-этажа.

Я приехал в Москву, нездоров! Собираюсь читать ваш рассказ в „Мире божьем". Не собираетесь ли вы на войну? Может ли случиться, что вас возьмут туда? Крепко жму руку, будьте здоровы и благополучны. Ваш А. Чехов» (XX, 280—281).

[1] В сентябре 1901 г. Куприн был в Коломне, где на вечере в местном клубе читал водевиль Чехова «О вреде табака».

[2] «Вишневый сад» был напечатан во втором сборнике т-ва «Знание» (вышел в свет в конце мая 1904 г.).

[3] Рассказ «Корь» в № 4 «Мира божьего» 1904 г. и рассказ «Мирное житие» во втором сборнике «Знание».

ЧЕХОВ И БУНИН

Статья А. К. Бабореко
Публикация Н. И. Гитович

Бунин познакомился с Чеховым 12 декабря 1895 г. в Москве. До этого, с 1891 г. они переписывались. После первого знакомства, несколько случайного и мимолетного, новая встреча состоялась весной 1899 г. в Ялте. Между ними установились близкие дружественные отношения, продолжавшиеся в течение четырех лет.

Время этой поездки Бунина к Чехову точно определяется по его письмам *. 6 апреля 1899 г. он сообщал брату Юлию Алексеевичу с парохода в Черном море, что едет в Ялту «увидаться с Миролюбовым, Чеховым и Горьким». А 14 апреля, «только что» вернувшись в Одессу, где он жил в то время, писал: «В Крыму видел Чехова». Были там в то время М. Горький, В. С. Миролюбов, М. Н. Ермолова, издательница журнала «Мир божий» А. А. Давыдова с дочерью Марией Карловной, С. Я. Елпатьевский, художник Г. Ф. Ярцев и др. В дальнейшем их встречи происходили ежегодно — в Ялте или в Москве — вплоть до последнего отъезда Чехова за границу в 1904 г.

Первое время отношения между ними, хотя и были дружественными, но «оба были сдержанны» (И. А. Бунин. О Чехове. Нью-Йорк, 1955. См. в настоящем томе воспоминания Бунина о Чехове. В дальнейшем, при ссылках на эту книгу указываются страницы настоящего тома). Бунин охотно общался с приезжавшими в Ялту литераторами и актерами, иногда проводил время с Горьким, но все же выделял из всех Чехова. При том большом уважении, какое он питал к Чехову, он боялся быть навязчивым и оставался у Чеховых только по их настойчивым просьбам. 28 мая 1900 г. Бунин писал Н. Д. Телешову из деревни Огневки Орловской губ. о своем пребывании в апреле и мае в Крыму, куда приезжал Художественный театр и где в это время находились Горький и Станюкович: «В Ялте я закружился ⟨...⟩ Я перезнакомился со всеми актерами и некоторые из них оказались действительно славными людьми. С Горьким очень часто ездили то туда, то сюда ⟨...⟩ Был несколько раз у Чехова по его настойчивой просьбе — рано по утрам и думаю, что между нами установились бы очень хорошие отношения».

В январе и феврале 1901 г. Бунин, по возвращении из заграничной поездки, снова жил в Крыму, на даче Чехова,— сам Чехов был еще в Ницце и приехал в Ялту только 15 февраля; Бунина пригласила Мария Павловна. Она недели через две уехала, и Бунин остался вдвоем с матерью Чехова, Евгенией Яковлевной, с которой, по его признанию, подолгу вел разговоры об «Антоше». Он писал Юлию Алексеевичу 12 января 1901 г.: «Сегодня уехала Марья Павловна в Москву,— она очень хорошая и умная, и мы с ней очень подружились. Тут осталась мать Чехова и попросила меня

---

* Автографы писем Бунина, которые используются в статье, хранятся в следующих архивах: письма к М. П. Чеховой—в ЛБ, ф. 331, карт. 87, ед. хр. 49—53; к Н. Д. Телешову — в Отделе рукописей ИМЛИ, шифр 1730, 1745, 1764, 1765; к Ю. А. Бунину — ЦГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19; к И. А. Белоусову — там же, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534; к А. М. Федорову—там же, ф. 97 с/519, оп. 2-с, ед. хр. 2.
Письма М. П. Чеховой к Бунину цитируются по автографам, находящимся у автора настоящей статьи.

побыть у них,— зачем вам, мол, съезжать в гостиницу. Мамаша одна боится. Я, конечно, рад этому». По отъезде Марии Павловны Бунин, сообщая ей о здоровье «милой и кроткой Евгении Яковлевны», с которой у него была «большая дружба», писал, что Антон Павлович в письмах из Ниццы «опять повторяет, что скоро, очень скоро приедет»; при этом он прибавлял: «Как это ни дико, но я еще у вас! ⟨...⟩ Опишите представление „Трех сестер“» (письмо от 22 января 1901 г.).

Атмосфера творческих интересов и творческого труда на даче у Чехова, природа, действовавшая успокаивающе и вдохновляюще, привлекали Бунина. Здесь он написал некоторые свои стихотворения и рассказы («Сосны», «Туман на море») и «бился» над «Белой смертью». «Дни мои протекают,— писал он А. М. Федорову,— в каком-то поэтическом опьянении. Там, на горах, многое творится,— и снег, и бури, и туманы, и мрачные тучи, а у нас большей частью солнце, бирюзовое, радостное небо и залив моря вдали. Если бы ты знал, какой у меня вид из окон! Мы живем почти у самого Учан-Су. А в кабинете Антона Павловича огромнейшее полукруглое окно тройное и верх — из цветных стекол. Как тут в солнечные дни, можешь вообразить! Антон Павлович здоров и работает. Семья его очаровательная. Сегодня проводил в Москву своего большого друга,— его сестру Марью Павловну. Редкая девушка! В городе бываю почти каждый день,— тут у меня много знакомых, много пишу стихов, много-много начинаю рассказов, читаю ... обычно. И мечтаю».

Жизнь Чехова, его здоровье привлекали пристальное внимание Бунина. В конце января 1901 г. он писал Марии Павловне: «Все благополучно и хорошо, от Антона Павловича было несколько открыток — жив, здоров, собирается скоро сюда, Евгения Яковлевна здорова. Пишу вам завтра поподробнее». 6 февраля опять ей пишет: «Все благополучно и по-прежнему. Очень ждали от вас подробностей о „Трех сестрах“». Готовясь к отъезду в Одессу, Бунин пишет брату 4 февраля, что если бы остался еще в Ялте, то «только не у Чехова, конечно, потому что я ему все-таки не брат и не сват ⟨...⟩ Больше жить у Чехова стесняюсь». Неожиданно было получено известие о скором приезде Чехова, переменившее ближайшие планы Бунина.

«Дорогая Марья Павловна!— писал он из Ялты 18 февраля 1901 г. — 13 февраля во вторник я выбыл из Аутки на пароход, но на набережной увидел чрезвычайное волнение моря, и поэтому, дабы не докучать своей возней Евгении Яковлевне, отправился в гостиницу „Ялта“, где живу и до сего времени. Во вторник же Варвара Константиновна ⟨Харкеевич⟩ получила телеграмму из Одессы от Антона Павловича, что он едет. Значит, сложилось все чудесно, мы беспокоились только, что Антона Павловича будет качать. В четверг ночью он приехал, а в пятницу утром позвонил мне в телефон и позвал к себе. Был я у него и в пятницу, и в субботу, и сегодня — по целым дням, конечно, по его желанию, а не вследствие нахальства, присущего мне. Был он со мной очень ласков, а мне было очень приятно быть с ним. Он задержал меня здесь,— этим и объясняется то, что я еще здесь. Но в Аутку не переезжаю, ибо я все-таки на отлете. В Одессу все-таки еду, а затем в Москву.

Антон Павлович имел сперва немного утомленный вид, но сегодня был хорош, дай ему бог тысячу лет здоровья. Милая Евгения Яковлевна счастлива и здорова.

Что вы, милая Мафа? Желаю вам всего лучшего и целую ваши ручки. Напишите мне в Одессу: Софиевская ул., д. № 5 — побольше напишите. „Женская гимназия“ взяла меня в полон — очень милый и гостеприимный. Бываю каждый день.

Погода стала славная, но свежая — градусов 6—8 тепла — в тени, конечно.

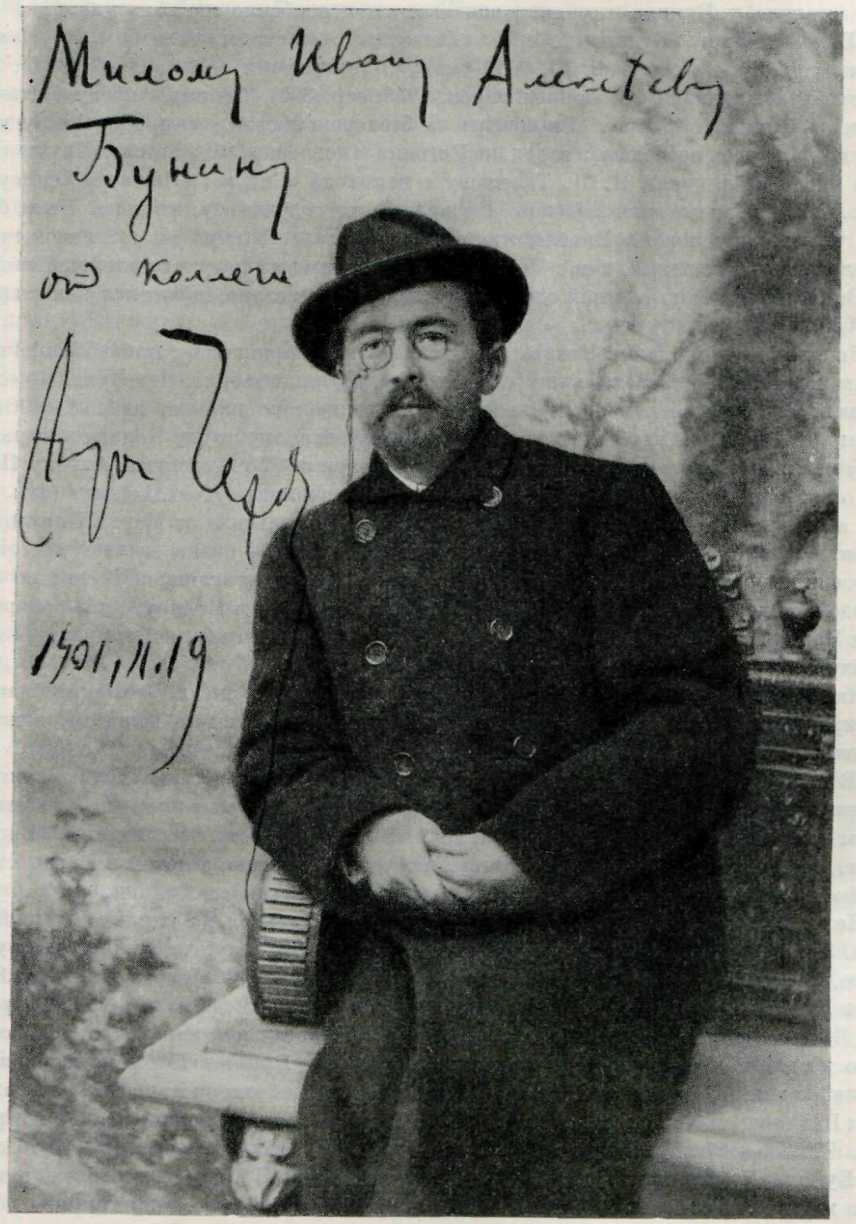
Многое поручил мне Антон Павлович написать вам, но потом решил написать сам.

Ну, пока до свидания, милая Амаранта.

Ваш Ив. Бунин

Поклон Книппершиц... Впрочем она в Птб?»

Чехов выражал желание, чтобы Бунин бывал в его доме с утра каждый день. Бунин, по его словам, рассказывал о деревне,— смешно при этом изображая в лицах мужиков и помещиков,—о своем увлечении толстовством и о жизни в Полтаве; Чехов—



ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Милому Ивану Алексеевичу Бунину от коллеги. Антон Чехов. 1901, II.19»

Собрание В. Н. Буниной, Париж

о жизни на Луке, вспоминал гоголевские места на Украине, которой восхищался. Говорить о литературе было для них «любимым делом». Неделя, проведенная с Чеховым, оставила у Бунина глубокое впечатление и особенно их сблизила.

В доме Чехова Бунин, по его признанию, стал своим человеком. «У Чеховых я как родной»,— писал он Ю. А. Бунину в это время («На родной земле. Литературно-художественный сборник». Орел, 1958, стр. 305). Самому Антону Павловичу сообщал 30 января 1901 г.: «Не сочтите за бесцеремонность мое пребывание у вас до сих пор,— я хотел переехать в город, но Евгения Яковлевна обижается». После отъезда он писал 22 февраля Н. Д. Телешову с парохода «Батум»: «Плыву в Одессу. Задержал в Ялте приехавший Чехов. Провел с ним неделю изумительно. Если бы ты знал, что это за человек!» Впоследствии он вспоминал: «У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший» (стр. 650).

Еще в первом письме к Чехову (январь 1891 г.), обращаясь с просьбой прочитать его произведения и сказать о них свое мнение, Бунин говорит, что Чехов — «самый любимый 〈...〉 из современных писателей». Позднейшие письма, за 1901—1904 гг., проникнуты чувством глубокого уважения к писательскому труду Чехова и выражают благоговейное отношение к его личности. 13 января 1901 г., сообщая Антону Павловичу о своем пребывании в Ялте, он пишет о «величайшем удовольствии» быть в его доме, в кругу родных, где все напоминало его самого; «слышал от Марьи Павловны,— говорит он в заключение письма,— что вы работаете,— очень желаю настоящего настроения и равновесия». В письме от 20 марта Бунин приглашал Чехова по своем приезде из Одессы в Ялту вместе отправиться «на север»— в Москву, куда собиралась также Мария Павловна. «Все это — и переезд по морю и свидание с ней и с вами — очень заманчиво»,— пишет он.

Надеясь побывать в Ялте в сентябре 1901 г., Бунин писал Чехову 12 августа: «С искренним удовольствием думаю о встрече с вами и со всеми вашими», и дальше спрашивал, когда Чехов поедет в Москву.

В письмах к Чехову Бунин обычно сообщал о своих творческих делах, замыслах и личных планах, в случае возможности — согласовывал свои обычные и частые переезды с места на место с тем, где жил Чехов, чтобы чаще встречаться с ним. 11 ноября 1901 г., сообщая из Москвы о предстоящей поездке в деревню, а потом в Крым, пишет: «Издаю новый том стихов, написал два маленьких рассказа».

Чехов в письмах,относящихся к этому времени, отзывался о Бунине с большой теплотой. 8 января 1901 г. он писал матери: «Очень радуюсь тому,что Бунин гостит у нас, жалею,что меня нет дома» (XIX, 15). В письме к Книппер от 20 февраля 1901 г. из Ялты: «Здесь Бунин, который, к счастью, бывает у меня каждый день» (XIX, 40). Присутствие Бунина поднимало дух Чехова, как это видно из воспоминаний Станиславского. Никто из писателей не умел так смешить Чехова, как Бунин. «Когда истощался личный запас юмора, Бунин читал Чехову его собственные юмористические рассказы, и Антон Павлович смеялся так, как будто это были чужие произведения» (А. Ф е д о р о в. А. П. Чехов.— В кн. «О Чехове. Сборник воспоминаний». М., 1910, стр. 285). По отъезде Бунина Чехов иногда жаловался на одиночество. 23 февраля этого же года он писал жене из Ялты: «Был Бунин здесь, теперь он уехал — и я один».

Будучи в Одессе, Бунин вспоминал, «как мил и сравнительно здоров и весел был дорогой Антон Павлович», «искренне радуясь» успеху Художественного театра при постановке «Трех сестер». Говоря об этом в письме к Марии Павловне (от 3 марта 1901 г.), Бунин прибавлял: «Антон Павлович все называл меня „Букишопом“. Правда — хорошо?»

Состояние здоровья Чехова было, однако, угрожающим. Это особенно беспокоило родных в связи с его женитьбой. Мария Павловна писала Бунину 6 июня 1901 г.: «Что вам написать, дорогой Иван Алексеевич? Настроение убийственное, все время чувствую никчемность своего существования. Причина этому отчасти женитьба брата. Случилось это неожиданно. Я оставила брата в Москве совершенно больным. Ординатор Остроумова, выслушав его, нашел процесс и в другом легком, послал его на ку-

мыс. 25 мая получаем телеграмму, что венчается. Я долго волновалась, все спрашивала себя: к чему Олечке понадобилась вся эта трепка для больного, да еще в Москве? Но, кажется, дело обошлось благополучно. Я получаю теперь от них хорошие письма. После кумыса молодые приедут в Ялту. Вот ваш экспромт — „У Антоши в кабинете", пожалуй, и пригодится. Конечно, боюсь, чтобы наши отношения с Книппиц не изменились. Начала думать даже о своем замужестве и потому прошу вас, Букишончик, найдите мне жениха побогаче и чтобы был щедрый. Писать не охота, а поговорила бы с вами с большим удовольствием. Пишите вы мне побольше. Скучаю очень по Антоше и по Олечке».

Кое-что мог узнать Бунин в эту пору о Чехове от своих одесских друзей, А. М. Федорова и несколько позднее от П. А. Нилуса. Федоров писал ему 14 февраля 1901 г. после встречи в Одессе с Чеховым, возвращавшимся из Италии в Ялту: «Я влюбился в Чехова. Он изумительно сливается с своими произведениями ⟨...⟩ Познакомился и Куприн с Чеховым. Он очень хочет тебя видеть. Приезжай же скорей» (Музей И. С. Тургенева в Орле).

Весной 1901 г. Чехов снова пригласил Бунина к себе. По этому поводу Бунин писал брату Юлию Алексеевичу 27—28 марта: «Получил от Чехова страшно ласковое письмо,— прямо горячо просит приехать. Получил нынче кроме ⟨того⟩ телеграмму о том же». Бунин ответил Чехову 28 марта телеграммой: «От души благодарю. На днях буду». Он уехал из Одессы вместе с Куприным и пробыл в Ялте до 15 апреля.

По отъезде в деревню (Ефремовского уезда, Тульской губ.) он «опять с большой любовью вспоминал Ялту», Марию Павловну, Книппер и «Антошу», который в это время должен был приехать в Москву (письмо от 28 апреля к М. П. Чеховой).

Чехов хлопотал о присуждении Бунину пушкинской премии Академии наук за стихи, писал в связи с этим в мае 1901 г. А. Ф. Кони (XIX, 83). В это время Бунин собирался в Москву, надеясь увидеть Чехова. «Он мне писал,— сообщает Бунин Марии Павловне 28 мая 1901 г.,—но начал письмо так: „Милый, душеспасительный Иван Алексеевич, господин Букишон!.." За „душеспасительного" я чуть не обиделся».

Новое приглашение приехать в Ялту Чехов послал Бунину 30 июня. Отвечая на его письма, Бунин спрашивал в письме от 12 августа 1901 г.: «Можно ли Нилусу приехать рисовать вас? Если можно, то когда удобнее?» Отправился вместе с писателем и художником П. А. Нилусом в начале сентября, но работа над портретом была начата позднее. «Третьего еду с Нилусом в Ялту, меня зовет Чехов,— писал он Юлию Алексеевичу 31 августа 1901 г. из Одессы.— Приеду числа 20 сентября в Москву с Чеховым». Уехал он в Ялту, однако, 2 сентября (письмо к Телешову от 1 сентября 1901 г.). На этот раз они собирались вместе в Гурзуф, но Чехов должен был побывать у Толстого в Гаспре, и поездка не состоялась. «Конечно, по его возвращении,— пишет Бунин,— я уже был у него в Аутке и с жадностью слушал рассказы о Толстом» (стр. 656).

15 сентября Чехов уехал в Москву и прожил там до 26 октября; бывал на репетициях «Трех сестер» и «остался доволен» (стр. 657). Бунин не раз приходил к нему на Спиридоновку.

Бунин собирался из Москвы в Крым в конце 1901 или в начале 1902 г., но вынужден был по делам поехать в Петербург, а потом в Одессу. «Теперь сижу, прикованный к месту корректурой,— пишет Бунин Чехову 11 января 1902 г.,— выпускаю томик новых стихотворений, книжку рассказов и 2-е издание „Гайаваты". Издает „Знание" ⟨...⟩ Приедет ко мне в конце января или февраля Андреев с молодой женой, и тогда мы вместе отправимся в Крым».

Апрель 1902 г. прошел для Чехова среди близких людей, было много оживленных разговоров, остроумных шуток и смеха. Приехали в Ялту Телешов, Горький, Куприн, Елпатьевский, собирались по вечерам у Чехова. Прибыли из Одессы Бунин и Нилус, который должен был писать портрет Чехова. Отправились они в Ялту в конце марта: «Еду туда 25—27»,—сообщал Бунин Телешову 21 марта.

По просьбе Чехова на сеансах присутствовал Бунин. Собиравшиеся на аутской даче писатели иногда упрашивали его читать рассказы Чехова, который, слушая, «буквально трясся от хохота в своем мягком кресле, но молча, стараясь сдержаться»

(Н. Д. Телешов. Записки писателя. М., 1948, стр. 76). «Разговор шел обо всем,— вспоминал потом Нилус: — и о литературе, и о критиках, об издателях и о том, как нужно писать. О ценах на землю, о будущности „открыток", которые тогда стали входить в моду, о революции, о новом читателе и о том, как нужно себя держать с приятелем, приехав на извозчике, желая уклониться от платежа... и т. д., и т. д.» («Речь», 1914, № 177, от 2 июля).

10 апреля прибыла из Петербурга больная Книппер, писание портрета, конечно, прекратилось. Вскоре находившиеся в Ялте писатели разъехались. 24 апреля 1902 г. Бунин сообщает Телешову из Ялты: «Нилус уехал, не дописавши портрета — привезли Книппер больную. Пиши мне, пожалуйста, на Чехова». Портрет был закончен Нилусом через несколько лет после смерти Чехова — «по наброску и фотографиям» (там же).

Чехов и Книппер уехали в Москву. Мария Павловна сообщала Бунину 12 июня 1902 г. из Ялты: «В настоящую пору мой знаменитый брат с не менее знаменитой супругой в Москве. Супруга все еще больна и сильно, она уезжает в Франценсбад, и Антоша отправляется в путешествие по Каме, по Волге и потом в Ялту приедет в начале июля».

Серьезно болен был тогда и Чехов, о чем узнал Бунин из письма Марии Павловны (от 25 августа 1902 г.): «Антоша вернулся домой, настроение у него хорошее, но здоровье — не ахти! Было в Москве два раза кровохарканье. Теперь кормлю его и ухаживаю за ним и грущу, что 4-го надо уезжать, в Москве, значит, буду 6-го. Заверните, если будете в Москве».

Побывавши в деревне Огневке, Бунин отправился в Москву. В середине октября прибыл туда Чехов и через Найденова запиской известил Бунина, «что он здесь». В конце ноября Чехов из Москвы уехал, ждал Бунина в Ялте; Мария Павловна писала ему 1 января 1903 г.: «Антоша жалеет, что вы не приехали, ждет вас все-таки».

В 1903 г. Бунин бывал у Чехова в феврале или марте, по его просьбе ездили в Ореанду; потом встречались в мае, в Москве, на Петровке. Чехов после этого пожил некоторое время в Наро-Фоминске и 9 июля приехал в Ялту, где писал «Вишневый сад». В начале декабря Чехов приехал в Москву. Был здесь и Бунин. «Ежедневно по вечерам,— вспоминал он потом,— я заходил к Чехову, оставался иногда у него до трех-четырех часов утра, то есть до возвращения Ольги Леонардовны домой ⟨...⟩ И эти бдения мне особенно дороги» (стр. 665). Оставаясь вдвоем, Бунин старался развлечь Чехова, рассказывал о себе, — говорили и о братьях Чехова, Николае и Александре — образованном и, по словам Антона Павловича, необыкновенно талантливом человеке. Этот раз они особенно сблизились.

Бунин присутствовал на премьере «Вишневого сада», состоявшейся 17 января 1904 г. С постановкой пьесы он был уже отчасти знаком по репетициям; многое ему не понравилось, о чем он, конечно, никому не говорил, из опасения, что это может стать известным Чехову и взволнует больного писателя.

Виделись они последний раз в Москве; сперва — на заседании «Среды» у Н. Д. Телешова 11 февраля 1904 г., где были также Горький, Андреев, Вересаев, Белоусов, М. П. Чехова; а потом ненадолго Бунин заезжал на квартиру к Чехову, который 15-го отбыл в Ялту.

Смерть Чехова потрясла Бунина. О его кончине он узнал в начале июля 1904 г. в Лукьянове, Тульской губ., Ефремовского уезда, куда приезжал на почту: «...взял там газеты и письма и завернул к кузнецу перековать лошади ногу ⟨...⟩Я развернул газету, сидя на пороге кузнецовой избы,— и вдруг точно ледяная бритва полоснула по сердцу» (стр. 668). Вернувшись поздно, по вечерней заре, домой, он не мог успокоиться: ездил среди хлебов и плакал.

В письме к Марии Павловне от 9 июля 1904 г. он говорит: «Дорогой, горячо любимый друг, я буквально как громом поражен. А тут еще горе — у матери крупозное воспаление легких, а ей под семьдесят лет. Не мог и не могу поэтому приехать в Москву, — прошу вас только помнить, что все ваши страдания в эти дни я переживаю с вами с невыразимой болью. Посылаю самый сердечный и горячий привет всем

вашим и прошу вас — если будете в состоянии — напишите мне хоть слово о себе. Преданный вам всей душой И. Б у н и н». 17 июля 1904 г. Бунин писал поэту Белоусову: «Дорогой друг, извини за молчание — у меня тяжело больна мать, — так тяжело что я не знаю, чем все это кончится. А тут еще смерть Чехова!..» В письме от того же числа к А. М. Федорову он говорит: «Дорогой друг, я переживаю ужасные дни. Смерть Чехова потрясла меня необыкновенно, а на другой день мама, которая все прихварывала, слегла в постель от крупозного воспаления легких».

Вскоре, после поездки по Кавказу, Бунин начал писать воспоминания «Памяти Чехова» и 24 октября 1904 г. прочитал их в Обществе любителей российской словесности, на торжественном заседании памяти Чехова (дата стоит на гранках воспоминаний.— ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 18). Второй раз он их читал в Художественном театре по просьбе В. И. Немировича-Данченко, который писал Бунину 11 января 1910 г.: «Художественный театр к вам с низкой просьбой: прочесть 17-го утром о Чехове. Немного. Минут 15—20» (там же, ед. хр. 165). Это выступление явилось событием в литературно-театральной жизни Москвы.

«Художественный театр,— писал Бунин,— отметил пятидесятилетие со дня рождения Антона Павловича литературным утренником, на котором выступал я со своими воспоминаниями. Это было 17 января 1910 года. Театр был переполнен. В литерной ложе с правой стороны сидели родные Чехова: мать, сестра, Иван Павлович с семьей, вероятно, и другие братья,— не помню.

Мое выступление вызвало настоящий восторг, потому что я, читая наши разговоры с Антон Павловичем, его слова передавал его голосом, его интонациями, что произвело потрясающее впечатление на семью: мать и сестра плакали.

Через несколько дней ко мне приезжали Станиславский с Немировичем и предлагали поступить в их труппу» (стр. 668). Станиславский предлагал Бунину роль Гамлета в новой постановке трагедии Шекспира («Русские новости», Париж, 1959, № 731, от 5 июня).

Чеховское утро,— писала «Речь» (1910, № 17, от 18 января) привлекло «цвет московского общества. На утре присутствовали: Л. Андреев с женой, художник Серов, композитор Скрябин и многие другие. Артисты Художественного театра разместились на сцене за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Среди них была госпожа Книппер. В. И. Немирович-Данченко предложил почтить память покойного вставанием; затем произнес речь о роли Чехова в Художественном театре и попутно дал характеристику Чехова как человека». «Новое время» (1910, № 12160, от 18 января) сообщало: «Госпожа Книппер и господа Качалов, Станиславский, Москвин и Леонидов в своих платьях, без грима прочли на память первый акт из „Иванова". Зрительный зал наградил их шумными рукоплесканиями. Во втором отделении почетный академик И. А. Бунин прочел личные воспоминания о Чехове. Он познакомил аудиторию с напечатанными в журнале <!> „Знание" воспоминаниями, которые он облек в более сжатую форму. Своему реферату Бунин предпослал небольшое заявление, что он с особенным удовольствием читает о Чехове в этом театре, который столько сделал, чтобы дать русскому обществу ясное понимание Чехова. Свои воспоминания г. Бунин прочитал сильно взволнованным голосом. Так как для большинства публики эти воспоминания были очевидно мало знакомы, то чтение слушалось с большим интересом и автор имел шумный успех. Вслед за тем г-жи Книппер, Лилина, Раевская и Самарова и гг. Вишневский, Станиславский, Лужский и Артем прочитали на память третий акт из „Дяди Вани". О чтении Бунина «Речь» писала 19 января: «Прекрасно, искренне и взволнованно произнесенная речь в взволнованной обстановке сегодняшнего праздника произвела большое впечатление. Переполненная зала то гремела смехом, когда приводились милые чеховские шутки, то сидела, притаив дыхание, когда обозначалось скорбное, благородное и прекрасное лицо Чехова».

Через день, 19 января, состоялось «чеховское утро» в университете; было много профессоров и представителей литературного мира; среди присутствующих находились И. П. Чехов и Н. Н. Златовратский. С чтением чеховских произведений выступали И. М. Москвин и В. И. Качалов. Бунин «познакомил собравшихся со своими воспоминаниями» («Речь», 1910, № 19, от 20 января) и прочитал рассказ Чехова

«В усадьбе» («Итоги юбилея».— В кн.: «О Чехове. Сборник воспоминаний». М., 1910, стр. 337).

Поэт А. С. Черемнов писал Бунину 12 июля 1914 г. по поводу его новых записей о Чехове, напечатанных в «Русском слове» («О Чехове. Из записной книжки».— 1914, № 151, от 2 июля): «Я читал недавно в газете ваши воспоминания о Чехове, и они мне очень понравились. Взглянув на А. П. через десять лет, сквозь призму вашей богатой души и сквозь мелкий налет раздражения на современников, которых „бог дал мне в товарищи", вы прибавили много ценных черт к 〈...〉 Чехову». «Радуюсь я вашей манере письма, этому искреннему, раздраженному тону. Из всех „товарищей" вы один, пожалуй, подбавляете к чернилам крови сердца» (автограф неопубликованного письма Черемнова хранится у К. П. Пушешниковой).

Впоследствии воспоминания «Памяти Чехова» и «О Чехове. Из записной книжки» Бунин объединил и переработал для зарубежных изданий, озаглавив «Чехов». В. Н. Муромцева-Бунина в своей книге «Жизнь Бунина» (Париж, 1958), пишет: «Перед смертью ему попалась эта книга „Сборник памяти Чехова" 〈одно из следующих изданий: Сборник товарищества «Знание» за 1904 г., кн. 3. СПб., 1905. «Посвящается памяти А. П. Чехова»; или «Памяти А. П. Чехова». М., Общество любителей российской словесности. 1906.— *А. Б.*〉. Он прочел первую свою редакцию воспоминаний и написал на книге: „Написано сгоряча, плохо и кое-где совсем неверно, благодаря Марье Павловне, давшей мне, по мещанской стыдливости, это неверное. И. Б."».

Не совсем верным он считал данное им ранее освещение личности Чехова. В книге «Чехов в воспоминаниях современников» (М., Гослитиздат, 1947) он прочитал впервые опубликованные воспоминания Л. А. Авиловой. И эти воспоминания, «написанные с большим блеском, волнением, редкой талантливостью и необыкновенным тактом», были для него «открытием» и помогли лучше понять присущие Чехову оригинальные черты. «Прочтя ее воспоминания,— пишет Бунин,— я и на Чехова взглянул иначе, кое-что по-новому мне в нем приоткрылось» (И. А. Бунин. О Чехове. Нью-Йорк, 1955, стр. 135).

Авилову Бунин хорошо знал, и ему в ней что-то напоминало Чехова,— говорил он об этом еще тогда, когда не мог и подозревать о бывших между ними отношениях.— В 1917 г. Н. А. Пушешников, племянник Бунина, переводчик Киплинга и Тагора, записал 25 мая 1917 г., будучи в селе Глотове (в имении Васильевском) Орловской губ.: «Ночью гроза. Иван Алексеевич почему-то, когда распахивалось небо от молний, вспомнил писательницу Авилову и сказал про нее:

— Она принадлежит к той породе людей, к которой относятся Тургеневы, Чеховы. Я говорю не о талантах,— конечно, она не отдала писательству своей жизни, она не сумела завязать тот крепкий узел, какой необходим писателю, она не сумела претерпеть все муки, связанные с литературным искусством, но в ней есть та сложная таинственная жизнь. Она как переполненная чаша».

В июне того же года снова говорил про Авилову: «Я помню ее в юности. Вся бледная, с белыми волосами, с блестящими глазами 〈...〉 Молодая девушка с розами на щеках. Она обладает таким тактом, таким неуловимым чутьем, каким не обладает ни один из моих товарищей по перу». (Записи Н. А. Пушешникова хранятся у К. П. Пушешниковой).

По приглашению Общества деятелей периодической печати Бунин участвовал в открытии комнаты Чехова в санатории Н. А. Вырубова и А. Г. Хрущева, близ станции Крюково, Николаевской железной дороги 24 декабря 1909 г. Здесь были Иван Павлович и Мария Павловна Чеховы, писатели и театральные деятели: С. С. Голоушев, Б. К. Зайцев, Н. Е. Эфрос, А. И. Сумбатов, С. С. Мамонтов, Вл. И. Немирович-Данченко, П. А. Сергеенко, О. Л. Книппер и др.

Бунин вел переговоры с Марией Павловной и с Книппер об издании писем Чехова в Издательстве «Знание», стараясь получить от них автографы, писал об этом 4 ноября 1904 г. Горькому («Новый мир», 1956, № 10, стр. 201). Попытка эта не имела успеха. Письма Чехова были напечатаны значительно позднее — в 1912—1916 гг.— под редакцией М. П. Чеховой, в шести томах, «Книгоиздательством писателей в Москве». При подготовке их к изданию Мария Павловна просила Бунина написать предисловие,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «НЕВЕСТА»

Рисунок В. М. Конашевича, 1929 г.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроводится с негатива Литературный музей. Москва

и он согласился. 3 мая 1911 г. он сообщал ей из Москвы: «Дорогая Мария Павловна, обещание свое помню, предисловие,— если оно удастся мне,— дам с великим удовольствием, сообщите только, как мне получить письма для прочтения 〈...〉 Надо ехать в деревню. Верно, побываю летом в Крыму, но когда — еще не знаю. А посему — не лучше ли всего присылать мне письма в корректуре?»

Бунин заболел и в Крым не попал, поэтому «потолковать о деле, о письмах» с Марией Павловной ему не пришлось, и он просил прислать их тексты в Москву. «Правда, то, что будет в первом томе, я читал, но мне необходимо еще раз прочитать и сделать заметки для себя» (письмо от 12 августа 1911 г.).

Переговоры о предисловии закончились письмом Бунина 25 сентября 1911 г. из Москвы к Марии Павловне: «Письма Антона Павловича брал у Сытина и, мгновенно перечитав, снова возвратил ему для набора. Письма восхитительны и могли бы дать материала на целую огромную статью. Но тем более берет меня сомнение: нужно ли мне писать вступление к ним? Крепко подумавши, прихожу к заключению, что не нужно. Ибо что я могу сказать во вступлении? Похвалить их? Но они не нуждаются в этом. Они — драгоценный материал для биографии, для характеристики Антона Павловича, для создания портрета его. Но уж если создавать портрет, так надо использовать не один том их, а все, да многое почерпнуть и из других источников. А какой смысл во вступительной заметке?»

Мария Павловна после этого просила Бунина написать к письмам заметку от редактора и советовалась с ним о подготовке издания. «Я все-таки надеюсь,— писала она 1 октября 1911 г., — что вы напишете что-нибудь для первой книги, хотя бы как будто от меня — выразили бы мою цель обнародования этих писем. Мне бы очень хотелось самой что-нибудь написать, но ведь я же не умею! Приеду я в Москву 1 ноября, повидаюсь с вами и посоветуюсь о многом. Раньше не выпущу книги, чем сама не буду чувствовать, что все хорошо 〈...〉 Хочется интересное заглавие устроить из тех сокращений, которые я сделала из писем. Возьмите у Сытина материал для второй книги и прочтите, там очень много писем к Суворину. Остальной материал я привезу и дам вам.

Думается, не сократить ли письма количественно и оба первых тома соединить в одну книгу? Все это, когда я приеду, решим».

Из писем Марии Павловны становится известным и то, что с Буниным велись переговоры о биографии Чехова для его собрания сочинений, выходившего приложением к журналу «Нива». 27 апреля 1911 г. она сообщала Бунину: «Зимою ездила по делам в Петербург, там П. В. Быков (из „Нивы“) просил меня указать, кто бы мог написать для издания Маркса биографию Чехова. Я указала на вас и отвергла предложенного им Айхенвальда. Если бы вы согласились и позволили написать Быкову?!» Бунин ответил 3 мая, что «сообщением о Быкове очень заинтересован,— напишите ему, пожалуйста!» 3 августа Мария Павловна переслала Бунину письмо Быкова и спрашивала: «В чем должно заключаться мое посредничество между вами и Быковым?» Однако по вине издательского товарищества биография Чехова Буниным не была написана. «Жаль,—писала Мария Павловна 1 октября 1911 г.,— что вы не сошлись с m-me Маркс, конечно, насчет биографии. Очень жаль, я так мечтала, что вы напишете». В соответствии с кабальным договором «m-me Маркс» требовала от Марии Павловны «посмертных произведений покойного брата» (письмо М. П. Чеховой к Бунину от 9 июня 1906 г.).

Интерес Бунина к Чехову был постоянный. Думал он о нем и в последние дни своей жизни. По воспоминаниям М. Алданова, когда больному Бунину читать стало трудно, «читала вслух жена, Вера Николаевна. 7 ноября читала ему до полуночи (он скончался через два часа после этого) письма Чехова; он просил делать в некоторых местах отметки: готовил о Чехове книгу. О нем всегда говорил с нежностью; а о Льве Толстом с благоговением,— с ним никого и сравнивать нельзя» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1953, кн. 35).

Чехов со своей стороны ценил литературный талант Бунина, и видел в молодом еще тогда писателе взыскательного художника. О рассказе «Сосны», оттиск которого он получил от Бунина в 1902 г., писал как об «очень новом, очень свежем и очень хорошем» (XIX, 222). «Великолепными», по его мнению, являются другие рассказы Бунина тех лет — «Сны» и «Золотое дно», напечатанные в сборнике «Знание» 1903 г. под *общим заглавием* «Чернозем»: «... *есть места просто* на удивление» (письмо к А. В. Амфитеатрову от 13 апреля 1904 г.— XX, 268).

По воспоминаниям Телешова, Чехов перед отъездом за границу, в свои предсмертные дни, выражая пожелание успеха товарищам Телешова по «Среде», сказал: «А Бунину передайте, чтобы писал и писал. Из него большой писатель выйдет. Так и скажите ему это от меня. Не забудьте (Н. Д. Телешов. Записки писателя. М., 1948, стр. 86). Еще в 1900 г. Чехов подарил Бунину свой портрет с надписью: «Ивану Алексеевичу Бунину с восторгом и благоговением».

Их сближало, кроме взаимной личной симпатии, одинаковое отношение к современной литературе, общее понимание ее реалистических задач, любовь к художественному слову. «Выдумывание художественных подробностей и сближало нас, может быть, больше всего,— вспоминал Бунин.— Он был жаден до них необыкновенно, он мог два-три дня подряд повторять с восхищением художественную черту, и уже по одному этому не забуду я его никогда, всегда буду чувствовать боль, что его нет» (И. А. Бунин. О Чехове. Нью-Йорк, 1955, стр. 210).

Оба благоговели перед Толстым и холодно относились к Достоевскому, а к «модернистам» и «декадентам» — с неприязнью, считая «новое» искусство вздором. Чехову «смешны и противны были» декаденты (там же, стр. 210). И для Бунина «акмеисты, адамисты, модернисты, символисты» были «беспочвенным, наносным и вредным явлением в нашей литературе», знаменуя ее упадок. «Странным и непонятным для меня,— говорил Бунин корреспонденту одной из одесских газет весной 1912 г.,— являются серьезные статьи об Игоре Северянине — об этой слишком мелкой величине в литературе. Зачем рассуждают о них так глубоко и серьезно ⟨...⟩ К чему говорить о людях, которые несут вздор или по недостатку ума или по лукавым соображениям?»

У Чехова, ненавидевшего «высокие» слова и «поэтические красоты», Бунин находил образцы простоты, краткости и сжатости речи, новое, беспощадно правдивое изображение деревни. «„В овраге“,— по его словам,— одно из самых замечательных

произведений не только Чехова, но во всей всемирной литературе» (И. А. Бунин. О Чехове. Нью-Йорк, 1955, стр. 124).

Критика того времени, преувеличивая чеховское влияние на Бунина, нередко писала о сходстве мотивов и образов в произведениях обоих писателей.

В. Л. Львов-Рогачевский в статье «Символисты и наследники их» развивал нелепую мысль о Чехове и Бунине как зачинателях модернизма: «Здесь чувствуются зачатки нового реализма, который использует огромную работу поэтов-символистов» («Современник», 1913, № 7, стр. 307).

Наиболее прямолинейно писал о чеховском влиянии на Бунина А. А. Измайлов («Юбилей И. А. Бунина».— «Биржевые ведомости», веч. вып., 1912, № 13218, от 27 октября): «О Бунине нельзя говорить, не беспокоя прекрасной тени Чехова. Бунин больше, чем „его школы". Он плоть от плоти и кровь от крови чеховского поколения, чеховского настроения, чеховских симпатий. Всего какая-нибудь десятилетняя разница хронологически лежала между ними.

Если искать в русском стихе чеховских настроений,— Бунин будет здесь первым и самым значительным и интересным. Если искать в прозе чеховских переживаний, но не наигранных, не подражательных и однако же моментами прямо, до буквальных слов, до тождественных тем, совпадающих с чеховскими настроениями и темами,— опять Бунину придется отдать первенство». По его словам, «яд рассудительности медика, который тек в жилах Чехова, как бы разлит и в крови Бунина».

Критик газеты «Утро России» (1910, № 119-86, от 2 марта), познакомившийся с повестью Бунина «Деревня» до ее опубликования, по корректуре (отрывок был напечатан в «Утре России» под заглавием «Утро»,— 1909, № 34-1, от 15 ноября), утверждал, что Тихон Ильич Красов «замешен из того же теста», что и чеховский Лопахин. Бунин на это отвечал в интервью газете «Одесский листок» (1910, № 58, от 12 марта): «Это неверно. Лопахин — купец; Красов — мужик. Благополучие свое он основал не столько 〈...〉 на развалинах разорившейся дворянской усадьбы „Дурновки", сколько, главным образом,— на деревенской бедноте».

Чеховским традициям в творчестве Бунина в значительной мере посвящена статья Д. Л. Тальникова «При свете культуры. (Чехов, Бунин, С. Подъячев, Ив. Вольный)» («Летопись», 1916, январь). В отличие от тех, кто писал о прямом влиянии Чехова на автора «Деревни» и чуть ли не о подражании Чехову, Тальников говорит о преемственности критического изображения деревенской жизни — «чуждой идеализации, суровой в своей строгой правде — и в каких совершенных художественных формах!» По словам критика, «под пером двух мастеров совершилась переоценка всего, что до сих пор определяло наше отношение к деревне — отношение, в котором больше всего уделялось места барской жалостливости и совестливости». По его мнению, Бунин в «Деревне» «дал перевес не личности, как это у Чехова, а почве, устоям, но это не значит, чтобы эти устои не находили в его картине своего конкретного художественного выражения, главным образом в лицах и фигурах. И Бунин приходил к личности, к самому мужику, носителю вековых устоев» (стр. 284—285).

Стремясь уложить своеобразный талант Бунина в привычные рамки, критики писали не только о чеховском влиянии на его творчество, но наряду с этим изображали Бунина продолжателем Тургенева, находя у него «поэзию запустевшей усадьбы 〈...〉 тихие слезы русского барина, последнего барина в литературе» («Внук Тургенева».— «Приазовский край», Ростов-на-Дону, 1912, № 283, от 28 октября).

Как о представителе «заветов Тургенева» в современной литературе писала газета «Саратовский вестник» (Л. Клод. Певцу Листопада.— «Саратовский вестник», 1912, № 237, от 28 октября). «Верным учеником» Чехова и Тургенева представлялся Бунин А. А. Измайлову («Русское слово», 1913, № 249, от 28 октября).

Отвечая критикам, говорившим о подражании Тургеневу и Чехову, Бунин писал: «Решительно ничего ни тургеневского, ни чеховского у меня не было» (Собр. соч. Изд. «Петрополис», т. I, стр. 22). Более подробно говорил об этом Бунин корреспонденту газеты «Одесские новости» (1914, № 9398 от 2 (15) июля): «Имел ли на меня, как на писателя, Чехов влияние? Нет. Я был поглощен, восхищен им, но не испытывал желания: вот бы так именно написать, как написал Чехов. Для меня был богом

Л. Н. Толстой. Конечно, как умный благородный человек, с которым я имел счастье встречаться, Чехов имел на меня влияние, но влияние это было не непосредственное».

Утверждения рецензентов о «чеховских настроениях» у Бунина вызывали насмешку у самого Чехова. «Критики,— пишет Бунин в книге «О Чехове»,— еще боялись высказывать обо мне мнение, старались найти, кому я подражаю. Случалось, что во мне находили „чеховское настроение". Оживляясь, даже волнуясь, он восклицал с мягкой горячностью:

— Ах, как это глупо! Ах, как глупо! И меня допекали „тургеневскими нотами". Мы похожи с вами, как борзая на гончую. Вы, например, гораздо резче меня» (стр. 651).

Бунин восхищался Чеховым, считал его и Толстого наиболее замечательными русскими писателями второй половины XIX и начала XX в., воспринял у него, как и у других русских классиков, простоту и точность языка и стремление к реалистическому изображению жизни, но не подражал — даже в молодые годы, когда его писательская манера только складывалась. Автор «Степи» был также близок Бунину своей любовью к жизни. Он возражал тем, кто называл Чехова «хмурым» писателем, певцом «сумеречных настроений», «больным талантом», человеком, смотрящим на все безнадежно и равнодушно. Для Бунина Чехов — натура глубокая, чуждая той односторонности, которую приписывали ему иногда мемуаристы.

В интервью корреспонденту газеты «Одесские новости» (1902, № 5844, от 29 декабря) К. И. Чуковскому Бунин говорил: «Вообще о Чехове составилось совершенно неправильное представление, как о холодном, наблюдающем, „постороннем" человеке,—это задушевнейшая, открытая натура, чуждая всякой лжи и притворства, артистически чуткая и восприимчивая ⟨...⟩ В прошлом году я гостил у него с художником И. А. Нилусом—так мы за все время нашего пребывания только и делали, что хохотали. Говорят, когда Антон Павлович был гимназистом,—не было такого веселого и беззаботного мальчика.

— Беззаботного! — удивился я, — пишет Чуковский. — Неужели и теперь в его смехе есть беззаботность? Откуда же берется трагический дух его рассказов? Откуда это серьезное и благоговейное отношение к жизни, как к чему-то огромному, значительному и торжественному?

— Видите ли, это слишком сложная натура, для того, чтобы ее можно было определить каким-нибудь одним словом. Его отношения к людям проникновенны и глубоки. Он вкладывает слишком много сердца в каждое самомалейшее отношение, он необычайно требователен и к себе и к другим, но все это тонет у него в художественной роскоши его большого характера, в его вдумчивой и нежной любви ко всякому проявлению жизни».

Бунин говорил Н. А. Пушешникову в конце 1911 или в начале 1912 г., когда они жили на Капри: Чехов был «твердый и неуступчивый в некоторых вещах человек! Я и не запомню другого такого. А его рисуют всегда слащаво, каким-то женственным, нежным, беспомощным». В другой раз, в октябре 1911 г., он сказал также, что Чехов — это «такой большой, такой одаренный, такой замечательный человек, художник и поэт» Он постепенно преодолел свойственное более ранним произведениям некоторое однообразие стиля: «Вечер. На столе горит лампа. Земский врач... и т. д.» ⟨...⟩ В своих «последних вещах он отошел от этой манеры. В них он действительно достиг большого совершенства. „Архиерей" написан, например, изумительно. Только тот, кто занимается сам литературой и сам испытал эти адские мучения, может постигнуть всю красоту этого произведения. Критики, кстати сказать, обошли молчанием».

По словам Бунина, Чехов — «один из самых замечательных русских писателей».

Ниже печатаются по автографам все сохранившиеся в архиве Чехова (ЛБ, ф. 331, 37/54) письма Бунина к нему — 17 писем и телеграмм. Письма 1 и 3 были ранее опубликованы в журнале «Новый мир», 1956, № 10; письмо 4 — в сб. «На родной земле». Орел, 1958.

ПИСЬМА БУНИНА К ЧЕХОВУ

1

<Елец. Начало января 1891 г.>

Многоуважаемый Антон Павлович!

Начинающие «писатели» имеют обыкновение ужасно надоедать различным редакторам, поэтам, беллетристам, более или менее известным, и очень многим другим с просьбами прочесть их произведения, сказать «беспристрастное» мнение и т. д. и т. д.,— я принадлежу к этим господам, сознаю, что подобные просьбы иногда даже нетактичны и невежливы и... все-таки предлагаю их. К гг. редакторам обращаться считаю, впрочем, излишним, почему — понятно. Обратиться поэтому решился к какому-либо писателю. Так как вы самый любимый мной из современных писателей и так как я слыхал от некоторых моих знакомых (харьковских), знающих вас, что вы простой и хороший человек,— то «выбор» мой «пал» на вас. К вам я решился обратиться с следующей просьбой: если у вас есть свободное время для того, чтобы хоть раз обратить внимание на произведения такого господина, как я,— обратите, пожалуйста. *Ответьте мне, ради бога, могу ли когда-нибудь прислать вам два* или три моих (печатных) рассказа и прочтете ли вы их когда-нибудь от нечего делать, чтобы сообщить мне несколько ваших заключений. Простите меня за назойливость, глубокоуважаемый Антон Павлович, и будьте снисходительны к просьбе

искренно уважающего вас
Ив. Бунина

Адрес: «Елец, Орловской губ. Ивану Алексеевичу Бунину».

P. S. Стихи я печатал в «Неделе», «Северном вестнике» и еще кое-где, а рассказы в местной газете, в «Орловском вестнике».

Первые произведения Бунина появились в 1887 г.: стихотворение «Над могилой С. Я. Надсона» (журнал «Родина», 1887, № 8, от 22 февраля) и «Деревенский нищий» (там же, № 20, от 17 мая).

Ко времени написания этого письма, помимо стихотворений в «Неделе», «Наблюдателе», «Северном вестнике», Бунин напечатал несколько рассказов, статей о писателях, театральных рецензий и много передовых статей в газете «Орловский вестник», где он некоторое время сотрудничал.

На письмо это Чехов ответил Бунину 30 января 1891 г.: «Простите, что я так долго не отвечал на ваше письмо. Я был в Петербурге и только сегодня вернулся в Москву.

Очень рад служить вам, хотя, предупреждаю, я плохой критик и всегда ошибался, особенно когда мне приходилось быть судьею начинающих авторов. Присылайте мне ваши рассказы, но только не те, которые уже были напечатаны» (XV, 157—158).

Предложение Чехова посылать ему только новые рассказы в рукописи, очевидно, и является причиной того, что печатных произведений своих Бунин так и не послал Чехову.

2

<Москва.> 11 декабря 1895

Ив. Ал. Бунин и Конст. Дм. Бальмонт очень хотели видеть вас.

Если ваше желание совпадает с нашим, не будете ли вы добры написать (Тверская, «Лувр», 25, К. Д. Бальмонту), когда можно вас видеть.

Искренно преданные вам
К. Бальмонт
Ив. Бунин

Записка, оставленная Чехову в Большой Московской гостинице, где он остановился по приезде из Мелихова.

О первой встрече с Чеховым Бунин рассказал в своих воспоминаниях о Чехове (см. «Чехов в воспоминаниях современников», изд. 1954 и 1960). Произошла она 12 декабря 1895 г. (см. В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. 1870—1906. Париж, 1958, стр. 95). 14 декабря датирована надпись на подаренном Чехову оттиске очерка «На хуторе»: «Антону Павловичу Чехову в знак глубокого уважения и искреннего сердечного расположения. Ив. Бунин. Москва. 14 дек. 95 г.» (хранится в Таганрогском музее А. П. Чехова).

3

Ялта. 13 января 1901

Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Вчера узнал, что вы 17-го именинник, и посылаю вам поздравление. Дай вам бог всего самого наилучшего,— это мое постоянное желание относительно вас. Собирался вам написать и помимо этого случая, чтобы поблагодарить и вас за гостеприимство. После Москвы я был в деревне у себя, нашел там северный полюс, занесенный снегом, и метели, сквозь которые тускло видно желтоватое металлическое солнце в широком, морозном кругу, заскучал, задохнулся без воздуху в натопленном доме (гулять совсем нельзя — обжигает лицо) и опять уехал в Москву, тем более, что встретились кое-какие дела. А потом, опять получивши от Марьи Павловны приглашение, с величайшим удовольствием уехал в Ялту. Здесь очень тихо, погода нежная, и я чудесно отдохнул за эти дни в вашем доме [1]. Не нарадуюсь на синий залив в конце вашей долины. Утром моя комната полна солнца. А у вас в кабинете, куда я иногда заходил погулять по ковру,— еще лучше: весело, просторно, окно велико и красиво, и на стене и на полу — зеленые, синие и красные отсветы, очень сильные при солнце. Я люблю цветные окна, только в сумерки они кажутся грустными, и в сумерки кабинет пуст и одинок, а вы далеко. Мы с Марией Павловной часто вспоминали вас. Мария Павловна и Евгения Яковлевна очень беспокоились, не получая от вас писем. Вчера Мария Павловна уехала и, так как я решил побыть в Ялте еще, попросила меня не переезжать в Ялту, а побыть пока у вас. И вот я пока у вас еще. Сегодня Евгения Яковлевна получила письмо от вас и очень рада[2]. На дворе у вас идет работа,— турки утрамбовывают его камнем. Слышал от Марии Павловны, что вы работаете[3],— очень желаю настоящего настроения и равновесия. Я тоже кое-что скребу и читаю. А за всем тем живу тихо и благородно. Кланяюсь вам, крепко жму руку

Ив. Бунин

Письмо в Ниццу, где Чехов жил с 14 декабря 1900 г.

[1] Бунин, приехавший в Ялту, остановился у Чеховых (см. стр. 395—396).

[2] Вероятно, письмо от 4 января 1901 г. (XIX, 10—11).

[3] В письме к О. Л. Книппер из Ниццы от 17 декабря 1900 г. Чехов писал: «...в Африку я не поеду теперь, а буду работать» (XVIII, 425).

4

Ялта. 30 янв⟨аря⟩ 1901

Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Будьте добры — передайте, пожалуйста, прилагаемую записочку Софье Павловне Бонье[1]. Я не знаю ее адреса. Так как знаю от Евгении Яковлевны, что вы живы, здоровы, работаете и в тепле, то не спрашиваю вас, как вы живете, а только желаю вам и впредь всего лучшего. Но на днях я уезжаю в Одессу и буду очень рад получить от вас хоть несколько слов:

Софиевская, 5. Не сочтите за бесцеремонность мое пребывание у вас до сих пор,— я хотел переехать в город, но Евгения Яковлевна обижается. Несколько дней была бурная зима,— совсем как у нас в темные мартовские дни, когда «сын за отцом приходит», т. е. валит мокрый снег. Теперь уже стаяло — солнечный прохладный день. Но горы, точно в Швейцарии.

И. А. БУНИН

Фотография с дарственной надписью: «Милой, великолепной, прелестной Марье Павловне Чеховой от Ив. Букишона»

Дом-музей Чехова, Москва

У вас здесь все благополучно. Евгения Яковлевна жива, здорова и радуется вашим письмам. Все кажется ей, что вдруг вы приедете с пароходом. Даже несколько раз оставляла вам супу.

Крепко жму вашу руку, от всей души — дай вам бог всего лучшего.

И. Бунин

[1] О Софье Павловне *Бонье* — см. выше в прим. 2 к письму Чехова к Е. Я. Политковской от 12 января 1902 г. 22 января С. П. Бонье уехала из Ялты в Ниццу, где должна была встретиться с Чеховым.

5

<Одесса. 11 марта 1901 г.>

Глубокоуважаемый Антон Павлович, посылаю вам низкий поклон и самые лучшие пожелания, равно как и Евгении Яковлевне. Будьте добры написать мне два слова: где С. П. Бонье? Мне нужен ее адрес[1]. Чрезвычайно буду благодарен, если исполните мою просьбу, а кроме того, сообщите, как поживаете? Я пробуду в *Одессе* еще с полмесяца: Софиевская, 5. Покорно благодарю за пересылку писем. Горячо преданный вам

Ив. Бунин

Письмо в Ялту, куда Чехов вернулся 15 февраля. Датировано по почтовому штемпелю.

[1] В письме от 14 марта 1901 г. Чехов сообщил Бунину адрес С. П. Бонье, жившей в это время в Курске (XIX, 61).

6

<Одесса.> 20 марта 1901
Софиевская, 5

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович, очень благодарен вам за исполнение просьбы и очень рад вашему хотению жениться [1]. А что касается «Скорпиона», то, ей богу, я никак не ожидал от него неряшливости, — иначе не позволил бы себе приглашать вас. Серьезно, я вчера испытал весьма неприятные минуты. Но все-таки я убежден, что это вышло как-то нечаянно. Ведь они были страшно рады вашему рассказу, вообще же относятся к вам с необыкновенным уважением. Этим и объясняется то, что они поставили вас на первом месте в объявлении и уж, конечно, не желанием рекламировать «Северные цветы»,—в этом могу поручиться [2].

Затем передаю вам то, что меня просили передать вам: не разрешите ли вы скульптору Эдвардсу слепить ваш бюст? [3] Если позволите, он приедет в Ялту и поработает. Говорит, что с год тому назад вы разрешали ему это через Ярцева [4]. Что скажете вы теперь? Будьте добры написать мне об этом два слова.

От милой Марии Павловны получил письмо — сообщает, что 23-го выезжает в Ялту и зовет меня в Крым. Все это — и переезды по морю и свидание с ней и с вами — очень заманчиво, так что, может быть, я приеду. А затем вместе на север,— может быть, и вы с нами? Это было бы очень хорошо. Но, с другой стороны, совестно мне лодырничать, и я подумываю удрать в деревню.

От Горького давно не имею писем — с начала марта. Не знаете ли чего-нибудь? Ходят всякие слухи и т. д. [5]

В Одессе наступила весна. Ночи пошли «ддивные»—как говорит Федоров. Бедный автор «Бурелома» немного захворал на днях. Куприн, который просит меня низко поклониться вам, бьет баклуши и ничего с ним не поделаешь. А какой редко милый, умный и талантливый человек! [6]

Кланяюсь вам с искренней любовью и уважением к вам, кланяюсь Евгении Яковлевне, бабушке и Арсению, а кроме того, и ялтинским знакомым.

Уж будьте добры написать два слова о Эдвардсе.

Преданный вам Ив. Бунин

[1] Ответ на письмо Чехова, в котором он сообщал адрес С. П. Бонье, а о себе писал: «Поживаю я недурно, так себе, чувствую старость. Впрочем, хочу жениться» (XIX, 61).

[2] По просьбе Бунина Чехов дал в альманах издательства «Скорпион» свой рассказ «Ночью» (переделанный из старого рассказа «В море»). 8 марта 1901 г. в газете «Русские ведомости», № 66, было напечатано крикливое объявление о выходе альма-

наха (см. ниже прим. 1 к письму 8). В письме от 14 марта 1901 г. Чехов писал Бунину: «От „Скорпиона“ получил корректуру, но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует „Скорпион“ о своей книге тоже неряшливо, выставляя меня первым — и я, прочитав это объявление в „Русских ведомостях“, дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами» (XIX, 61).

[3] Борис Васильевич *Эдвардс* (р. 1861). В письме от 25 марта 1901 г. Чехов просил Бунина передать Эдвардсу: «не найдет ли он удобным отложить сеанс до сентября», когда он будет дома, в Ялте. Насколько известно, Эдвардс не осуществил свой замысел.

[4] Григорий Федорович *Ярцев* (1858—1918) — художник, ялтинский знакомый Чехова.

[5] Слухи об аресте М. Горького.

[6] Незадолго до этого Чехов, бывший в Одессе 12—14 февраля 1901 г., познакомился с А. М. Федоровым и А. И. Куприным.

7

(ТЕЛЕГРАММА)

<Одесса. 28 марта 1901 г.>

От души благодарю. На днях буду. Бунин

Бунин приехал в Ялту в начале апреля 1901 г.

8

Почт. ст. Лукьяново, Тульской губ.
Ефремовск. уезда. 30 апреля 1901

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович! Убедительно прошу вас — не сердитесь на меня. Только сейчас получил ваше письмо и тотчас отвечаю вам, потому что чувствую себя неприятно. Альманах вышел дурацкий, но мог ли я предполагать, что «Скорпионы» поступят так по-мальчишески, составят его чуть не из пародий и будут даже объявления составлять нелепо [1]. Ведь издавали они пока все чудесные вещи. Альманах хотели сделать на редкость... Наговорили мне с три короба... Я, ей-богу, ничего подобного не ожидал! Я напишу им, чтобы они хоть ваше имя оставили в покое. Пожалуйста, не сердитесь.

Я уже, как видите, в деревне. Холод у нас собачий. Теперь льет дождь—тоже холодный. Однако сад зеленеет, и поет соловей... От жены Горького получил письмо — Горький сидит. Но вы, вероятно, уже знаете это... А больше у меня и новостей нет. Живу, совершенно как в скиту, и на душе очень чисто, и радуюсь, что много пишу стихов. Дай бог, не сглазить. Убедительно прошу — хотя изредка пишите мне. От всей души желаю вам всего хорошего,— так, как мог бы себе пожелать. Поклонитесь вашим.

Преданный вам Ив. Бунин

P. S. Посылаю вам книгу стихов на соискание пушкинской премии. Потрудитесь, дорогой Антон Павлович, послать, куда следует — я решительно не знаю [2]. «Песнь о Гайавате» вам будет тоже на днях доставлена. Не сочтите все это за нахальство и простите за беспокойство. Если вам неприятно это — оставьте втуне.

[1] В письме к Бунину от 20 апреля 1901 г., в которое была вложена газетная вырезка с объявлением альманаха «Северные цветы»:

Новый рассказ
А. П. Чехова

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ

Альманах к-ва «Скорпион». Ц. 1 р. 50 к.,

Чехов писал: «Во-первых, я никогда не писал рассказа „Северные цветы", а во-вторых, зачем вы ввели меня в эту компанию, милый Иван Алексеевич? Зачем? Зачем?» (XIX, 74).

[2] Бунин прислал Чехову свою книгу «Листопад. Стихотворения». М., изд. «Скорпион», 1901. В день получения книги, 6 мая 1901 г., Чехов писал А. Ф. Кони: «Сегодня я получил от поэта И. А. Бунина книгу стихов с просьбою послать ее на пушкинскую премию. Будьте добры, научите меня, как это сделать, по какому адресу послать. Сам я когда-то получил премию, но книжек своих не посылал» (XIX, 83).

За книгу «Листопад» и стихотворный перевод поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате» Бунину была присуждена половина пушкинской премии в октябре 1903 г. Рецензия на эти книги была дана поэтом А. А. Голенищевым-Кутузовым (1848—1913). См. «Пятнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1903 года. Отчет и рецензии I—IX». СПб., 1904, стр. 7—9 и 59—62.

9

Лукьяново. <Июнь 1901 г.>*

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович, шлю поклон и самые лучшие пожелания вам и Ольге Леонардовне. Как поживаете? Напишите как-нибудь хоть немножко. Я тихо — в деревне и за работой. В начале августа собираюсь в Одессу — отдохнуть и покупаться.

Адрес мой прежний: Почт. ст. Лукьяново Тульской губ.

Крепко-крепко жму вашу руку

Ив. Бунин

Письмо в Аксеново Уфимской губ., где Чехов был в санатории вместе с О. Л. Книппер.

10

Под Одессой, дача Гернет. 12 августа 1901

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович! Как поживаете? Посылаю вам и супруге вашей, равно как и матушке вашей и Марии Павловне, нижайший поклон. Я под Одессой, на даче, купаюсь и ничего не делаю. Но в деревне у себя много трудился, и поэтому решил немного погулять, надеясь закончить прогулку Ялтой. С искренним удовольствием думаю о встрече с вами и со всеми вашими. Марье Павловне писал,— она ни звука. Где она? Передайте ей, что очень жалею, что не увижу ее в Ялте: ведь она теперь уже на отлете? А я думаю быть в начале сентября. Когда вы в Москву и когда Ольга Леонардовна? У меня новостей, интересных для вас, кажется, нет. Вот разве только про Федорова — возвратился из Швейцарии очень бедный, но полный надежд, дописывает новую драму [1]. Правда ли, что вы снова дадите что-то для Художественного театра? Впрочем, вы, вероятно, не напишете мне об этом. Поэтому напишите хоть пару слов, как поживаете. Искренно, по-прежнему люблю вас и остаюсь

вашим Ив. Буниным

Можно ли Нилусу приехать рисовать вас? Если можно, то когда удобнее? [2]

Адрес: *Одесса*, Большой Фонтан, 13-я станция трамвая, дача Гернета, для меня.

[1] Эту пьесу (озаглавленную потом «Обыкновенная женщина») Федоров послал Чехову 25 октября 1901 г.: «Посылаю вам, Антон Павлович, пьесу, только что переписанную. Судите по всей строгости законов. Каждое ваше слово драгоценно для меня. Каждый ваш совет приму, как заповедь... Не посоветуете ли как назвать ее? Будьте крестным отцом ей».

[2] На это письмо Чехов ответил 17 августа 1901 г.:

«1) Маша уезжает в Москву 1 сентября, а Ольга Леонардовна — 20 августа.

* Рукою Чехова проставлено: Июнь 1901.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДОМ С МЕЗОНИНОМ»
Акварель Д. А. Дубинского, 1954 г.
Третьяковская галерея, Москва

2) Для Художественного театра я не написал ничего, не садился писать и не скоро сяду, должно быть, не раньше как года через два.

3) Я теперь пишу, занят целые дни и т. д. и т. д.,— а посему не найдет ли возможным художник Нилус отложить писание портрета до будущего года?» (XIX, 117). О работе Нилуса над портретом Чехова — см. выше, стр. 399—400.

11

(ТЕЛЕГРАММА)

<Одесса. 31 августа 1901 г.>

Приеду вторник. Будьте добры передать Бонье. Б у н и н

Бунин приехал в Ялту 4 сентября 1901 г.

12

<Москва.> 11 ноября 1901

Дорогой Антон Павлович, низко кланяюсь вам за хлопоты и прошу извинения, что отвечаю вам так поздно. Хотя я и не гуляю больше на юбилеях, но дни идут по-прежнему ужасно быстро, и многого не успеваешь сделать [1]. Хотелось бы повеселить вас новостями, но ведь все общеинтересное вы, конечно, знаете? О Горьком, значит, тоже, за исключением разве того, что, проводив его, мы с Шаляпиным пили до 6 часов утра [2]. Новая квартира ваша в Звонарском переулке очень хороша [3], я был в ней уже два раза (один раз с Куприным), и мы занимались тем, что зажигали и тушили электричество: это очень занимает вашу супругу и сестрицу. Обе они в добром здоровье и уже воспользовались близостью бань. В четверг, 15-го, я уезжаю в деревню на месяц (адрес мой, впрочем, остается тем же — «Вестник воспитания»[4]), а в конце декабря приеду в Крым. Издаю новый том своих стихов[5], написал два маленьких рассказа [6]. Желаю вам всего лучшего и прошу вас передать мой поклон вашей матушке и всем, кто меня помнит.

Преданный вам Ив. Б у н и н

[1] Ответ на письмо Чехова от 30 октября 1901 г., в котором он писал: «...деньги ваши вытребованы обратно одесским банком, и их в ялтинском банке уже нет. Посылаю вам обратно и телеграмму и марки.

Как вы поживаете, господин Букишон? Что пописываете, на чьих юбилеях гуляете?» (XIX, 154).

[2] В сентябре 1901 г. Министерство внутренних дел постановило «водворить Пешкова под гласный надзор полиции в Нижегородской губернии, вне Н.-Новгорода». Местом ссылки был определен г. Арзамас. Получив это постановление, Горький подал прошение о разрешении ему до весны жить в Крыму. Ему было дано разрешение «жить в Крыму, кроме Ялты, до апреля». 7 ноября Горький выехал из Нижнего-Новгорода. По пути в Крым Горький должен был пробыть в Москве с утреннего поезда до вечернего, но полиция, напуганная нижегородскими проводами, пропустив семью Горького в Москву,его задержала на товарной станции и пересадила в вагон, в котором он был переправлен с Нижегородской дороги на Курскую. В ожидании поезда на Крым Горький был высажен в Подольске. Скоро об этом стало известно в Москве, и к Горькому в Подольск выехали Телешов, Бунин, Пятницкий, вскоре приехал туда и Шаляпин.

Об этом Горький подробно написал в письме к В. А. Поссе, после 14 ноября 1901 г. (см. Соч., т. 28, стр. 196—197, а также «Записки писателя» Н. Д. Телешова.—Избранные сочинения, т. III. М., 1956, стр. 103—107, и статью В. И. Ленина «Начало демонстраций».—Сочинения, т. 5, стр. 295—296).

[3] Новая квартира была снята в доме Гонецкой на Неглинном проезде, угол Звонарского пер., рядом с Сандуновскими банями.

[4] Это был адрес (Арбат, Староконюшенный, 32) брата И. А. Бунина, Юлия Алексеевича, фактического редактора журнала «Вестник воспитания».

[5] Книга «Новые стихотворения» (М., 1902) была затем подарена Чехову, с надписью: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову искренно его любящий Ив. Бунин».

13

Одесса. 11 января 1902 г.
Софиевская, 5

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович!

Как поживаете? Не писал вам и Марии Павловне потому, что все собирался из Москвы прямо в Крым, но пришлось по делам снова ехать в Петербург, а затем ехать сюда. Теперь сижу прикованный к месту корректурой — выпускаю томик новых стихотворений [1], книжку рассказов [2] и 2-е изд. «Гайаваты»[3]. Издает «Знание». Здесь после Москвы очень приятно — точно начало апреля в России. Приедет ко мне в конце января или в феврале Андреев с молодой женой [4], и тогда мы вместе отправимся в Крым. Напишите мне о себе — буду очень рад. Поклон вашей матушке.

Сердечно любящий вас Ив. Бунин

P. S. По городу всюду развешаны большие афиши, извещающие, что в «Южном обозрении» пишут отныне Горький и Чехов. Что это значит?! [5]

[1] См. прим. 5 к письму 12.
[2] И. А. Бунин. Рассказы, т. I. СПб., изд. «Знание», 1902.
[3] Перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате». СПб., изд. «Знание», 1903.
[4] Л. Н. Андреев с женой приехали в Ялту и были у Чехова 18 марта 1902 г. Бунин приехал позднее. См. прим. к письму 14.
[5] В одесской газете «Южное обозрение», 1902, № 1701, от 8 января, в отделе «Одесской хроники», напечатано сообщение: «Антон Павлович Чехов изъявил свое согласие принимать участие в „Южном обозрении“ и обещал в непродолжительном времени прислать свой рассказ». С этого же номера, ежедневно, по 22 января, печатались объявления, в которых крупным шрифтом извещалось, что в 1902 г. в газете принимают участие Горький, Короленко и Чехов.
15 января 1902 г. Чехов ответил Бунину: «На приглашение „Южного обозрения“ я ответил, что ничего не имею против, но в настоящее время, ничего не пишу, прошу извинить, а когда напишу, то пришлю. Я всем отвечаю так» (XIX, 222).
Произведения Чехова в это время и позднее в «Южном обозрении» не появлялись. (Чехов печатался в этой газете в 1898—1900 гг.).

14

(ТЕЛЕГРАММА)

<Одесса. 29 марта 1902 г.>

Будем вторник. Бунин. Нилус

Бунин и Нилус приехали в Ялту 31 марта.

15

<Одесса. До 29 марта 1902 г.>

Дорогой Антон Павлович! Рекомендую вам подателя сего как человека вполне порядочного [1]. Я его не знаю, но это близкий человек С. И. Лысенко (бывший секретарь Черниговской земской управы), которому я безусловно доверяю и который просит меня об этой рекомендации. Желаю вам всего лучшего, кланяюсь вашей матушке.

Ваш душой Ив. Бунин

На визитной карточке Бунина.

[1] О ком идет здесь речь — не выяснено. На карточке написано рукою Чехова: «1902, III. Милютинская ул., д. Окунева, против д. Бонье. Николай Христофович Фосс».

16

<Константинополь.> 12 апреля 1903

Низко кланяюсь вам, дорогой Антон Павлович, из Константинополя. Поездкой пока очень доволен, хотя качало немилосердно!

Ваш Ив. Бунин

17

<Ницца.> 4 января 1904

Дорогой Антон Павлович, поселились в Ницце [1]. Погода переменчивая. Вчера — чисто июньский день, сегодня — сыровато, пасмурно, точно у нас в середине августа.

Познакомились с Вальтером [2]. Милый человек. Были в Больё, — там негде гулять.

Доро́гой или здесь — простудился. Чувствую себя неважно. Напишите пожалуйста, как вы? Правда ли, что собираетесь в Ниццу? Когда «Вишневый сад»? [3] Не отложили до будущего года?

Юрасова еще не видали, он хворает [4].

Кланяюсь всем вашим и пребываю горячо любящим вас

Ив. Буниным

P. S. Найденов, конечно, тоже шлет поклон.

Адрес наш — Poste-restante. Все меняем отели. Жили, между прочим, в отеле «Виктория», где теперь Боборыкин.

[1] Бунин приехал в Ниццу вместе с драматургом С. А. Найденовым.

[2] В. Г. *Вальтер* — врач-бактериолог, живший в Ницце. Писал рассказы (под псевдонимами: Вл. Томатов и Вл. Вольный), которые при содействии Чехова изредка печатались в русских газетах.

[3] Премьера «Вишневого сада» состоялась в Художественном театре 17 января.

[4] О Н. И. *Юрасове* — см. выше, прим. 6 к письму Чехова М. М. Ковалевскому от 20 января 1898 г.

ЧЕХОВ И МЕЙЕРХОЛЬД

Статья Э. А. Полоцкой
Публикация Н. И. Гитович

Среди актеров Московского Художественного театра, с которыми Чехов познакомился 9 сентября 1898 г. в помещении Охотничьего клуба на Воздвиженке, был Всеволод Эмильевич Мейерхольд, принятый в труппу театра вместе с О. Л. Книппер, М. Г. Савицкой, Е. М. Мунт и другими учениками Немировича-Данченко из музыкально-драматического училища Московского филармонического общества. Мейерхольд был одним из наиболее способных и культурных учеников Немировича-Данченко, настоящим интеллигентным актером — в том смысле, как понимал это Чехов, пленившийся сразу же «неактерским» характером труппы Художественного театра. Но даже в ансамбле Художественного театра, как вспоминает современник его первых спектаклей, Мейерхольд выделялся «чем-то очень неактерским, в высшей степени интеллектуальным» (А. Р. Кугель. В. Э. Мейерхольд.— В его кн.: «Профили театра». М., 1929, стр. 66). Он принадлежал к тому типу актера, о котором основатели будущего театра говорили 22 июня 1897 г. в «Славянском базаре»:

«— На этого советую обратить ваше внимание.

— Почему?

— У него есть идеалы, за которые он борется; он не мирится с существующим. Это человек идеи» (К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве.— Собр. соч. в восьми томах, т. I. М., 1954, стр. 182).

В Художественный театр Мейерхольд пришел с осознанным желанием бороться за осуществление новых театральных принципов. Воспитанник Немировича-Данченко, он понимал, что репертуар — сердце всякого театра, и мечтал о постановке произведений лучших, наиболее чутких, по его мнению, к общественным настроениям современных драматургов — Чехова и Гауптмана.

Мейерхольд знал и любил творчество Чехова еще до поступления в филармоническую школу. Одним из первых публичных выступлений Мейерхольда-актера, еще в гимназические годы, было исполнение роли Луки в чеховском «Медведе», поставленном пензенским кружком любителей драматического искусства в начале 1890-х годов. Тогда же он читал «Дуэль», «Палату № 6», «Черного монаха». «С этими рассказами,— скажет он позднее.— связаны воспоминания юности, печальной, но светлой. Опять сдавленные слезы, ласки поэзии и трепетное ожидание лучшего будущего...» (письмо Чехову от конца декабря 1901 г.). Прочитав в начале 1896 г., уже студентом юридического факультета Московского университета, рассказ «Ариадна», напечатанный в декабрьской книжке «Русской мысли» 1895 г., Мейерхольд писал в одном из писем к своей невесте О. М. Мунт: «Вещь идейная и чудно написанная» (цит. по кн.: Н. Д. Волков. Мейерхольд, т. I. М., 1929, стр. 58). Эта лаконичная характеристика единства формы и содержания чеховского рассказа выразила отношение Мейерхольда к творчеству Чехова на несколько десятилетий...

Два года занятий в школе под руководством Немировича-Данченко укрепили и углубили его любовь к Чехову. Именно в школе открылась перед ним поэзия «Чайки», и к восхищению Мейерхольда Чеховым-прозаиком прибавилось преклонение перед Чеховым-драматургом. Увлеченный талантом Чехова, Немирович-Данченко сумел заразить учеников своей мечтой о новой постановке и «реабилитации» «Чайки». «И уже

наш третий курс волновался пьесой Чехова „Чайка",— вспоминала О. Л. Книппер последний год пребывания в школе,— уже заразил нас Владимир Иванович своей трепетной любовью к ней, и мы ходили неразлучно с желтым томиком Чехова, и читали, и перечитывали, и не понимали, как можно играть эту пьесу, но все сильнее и глубже охватывала она наши души тонкой влюбленностью, словно это было предчувствие того, что в скором времени должно было так слиться с нашей жизнью и стать чем-то неотъемлемым, своим, родным» (О. Л. Книппер-Чехова. Из воспоминаний.— «Ежегодник МХАТ 1949—1950 гг.».М., 1952, стр. 283). Мейерхольд, бывший в группе учеников Немировича-Данченко, по словам последнего, «заводилой», особенно активным «в направлении общей дружной работы», таким был и в увлечении Чеховым. «Чехова-поэта Мейерхольд чувствовал лучше других»,— вспоминал Немирович-Данченко в своей книге «Из прошлого» (М.— Л., 1936, стр. 127); эта оценка тем весомее, что исходит от «первооткрывателя» Чехова в Художественном театре, режиссера, раньше и тоньше многих почувствовавшего своеобразие чеховской драматургии.

Приступая во второй половине августа 1898 г. в Пушкине к беседам и считкам «Чайки», театр хотел получить авторские указания для работы над пьесой. Актеры, не знакомые с Чеховым, но уже полюбившие его по рассказам Немировича-Данченко и почувствовавшие в авторе «Чайки» человека поэтичного и душевно чуткого, хотели видеть его. «Мне тебя до зарезу надо!— писал еще 5 августа Чехову Немирович-Данченко.— 〈...〉 Ради всех святых, приезжай в Пушкино (по Ярославской дороге), дача Архипова, где происходят наши репетиции и где тебя встретят *все*, как ты того заслуживаешь» («Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I, М., 1946, стр. 108). Мейерхольд, бывший в эти дни по делам театра в Москве, боясь, что встреча с Чеховым произойдет в его отсутствие, телеграфировал в Пушкино: «Поручите Немировичу задержать Чехова если приедет» (телеграмма к А. А. Санину от 4 августа 1898 г.— Архив Музея МХАТ).

Но знакомство с Чеховым произошло только через месяц, уже в Москве, на «черновой» репетиции «Чайки». Этой встречей было положено начало систематическому творческому общению театра с Чеховым на репетициях его пьес.

Актер «чеховской группы» Художественного театра, участник спектаклей «Чайка» и «Три сестры», Мейерхольд надолго сохранил воспоминания о первых годах своей работы в театре, овеянных радостью общения с Чеховым. Почти через десять лет после первой постановки «Чайки» он писал, что секрет чеховского искусства был открыт актерами через «влюбление» в автора «Чайки», что, присутствуя на репетициях своих пьес, Чехов «обаянием своей личности, как и частыми беседами с актерами, влиял на их вкус, на их отношение к задачам искусства» («Театр (К истории и технике)».— Сб. «Театр. Книга о новом театре». СПб., «Шиповник», 1908, стр. 149). С репетиций «Чайки» началось и непосредственное влияние Чехова на «вкус» и «отношение к задачам искусства» самого Мейерхольда. Но восприятие Мейерхольдом указаний Чехова, оставивших глубокий след на всей его творческой деятельности, было, как мы увидим дальше, крайне противоречивым.

Интерес Мейерхольда к Чехову был в большей степени интересом режиссера и теоретика театра, чем актера.

В Мейерхольде вообще бился пульс режиссера даже тогда, когда он был еще только актером. Как исполнитель роли Треплева он присутствовал во время беседы Чехова с актерами 11 сентября 1898 г., но по-режиссерски, схватив самую сущность постановочных принципов, он записал в своем дневнике: «А. П. Чехову, пришедшему всего второй раз на репетицию „Чайки" (11 сент〈ября〉 〈18〉98 г.) в Московском Художественном театре, один из актеров рассказывает о том что в „Чайке" за сценой будут квакать лягушки, трещать стрекозы, лаять собаки.

— Зачем это? — недовольным голосом спрашивает Антон Павлович.

— Реально,— отвечает актер.

— Реально,— повторяет А. П., усмехнувшись, и после маленькой паузы говорит.— Сцена — искусство. У Крамского есть одна жанровая картина, на которой великолепно изображены лица. Что, если на одном из лиц вырезать нарисованный нос и вставить живой? Нос „реальный", а картина-то испорчена.

Кто-то из актеров с гордостью рассказывает, что в конце 3-го акта „Чайки" режиссер хочет ввести на сцену всю дворню, какую-то женщину с плачущим ребенком.

Антон Павлович говорит:

— Не надо. Это равносильно тому, что вы играете на рояле pianissimo, а в это время упала крышка рояля.

— В *жизни* часто бывает, что в pianissimo врывается forte совсем для нас неожиданно,— пытается возразить кто-то из группы актеров.

— Да, но сцена,— говорит А. П.,— требует *известной условности*.— У вас нет четвертой стены. Кроме того, сцена — искусство, сцена отражает в себе квинт-эссенцию жизни, не надо вводить на сцену ничего лишнего» («В мире искусств», 1907, № 11-12, стр. 24).

Мейерхольда поразило то, что именно Чехов, внесший на сцену подлинную жизнь, высказал мысль об известной условности театрального искусства — и в нашем распоряжении нет более раннего свидетельства о внимании Мейерхольда к этому вопросу, ставшему в течение многих лет основным в его режиссерских исканиях.

Но пока эта запись хранилась в дневнике, ожидая времени, когда она станет оружием, направленным против ведущих принципов Художественного театра, обвиняемого в натурализме, ее автор принимал самое горячее участие в работе театра над чеховскими пьесами, особенно над «Чайкой», в которой ему была поручена роль Треплева. Уважение Чехова к Мейерхольду как актеру, которого он видел только в роли Шуйского на репетиции «Царя Федора Иоанновича» (и похвалил в письме к А. С. Суворину от 8 октября 1898 г.), могло сложиться из наблюдений над работой Мейерхольда в «Чайке», во время которой проявились вдумчивое отношение актера к роли, его пытливость в общих вопросах искусства, его «интеллигентность». Именно эти черты привлекали в Мейерхольде-актере Чехова, заставляя с интересом следить за его сценическим развитием (см. воспоминания О. Л. Книппер-Чеховой в газете «Советское искусство», 1934, № 6, от 5 февраля «Желанная встреча. О путях сближения театральных культур») и в кн.: Н. Д. Волков. Мейерхольд, т. I. М., 1929, стр. 125). Первая же творческая встреча писателя и актера, таким образом, определила их взаимные симпатии и интерес друг к другу.

Роль Треплева в «Чайке» была первой и наиболее удавшейся Мейерхольду ролью в чеховском репертуаре не только Художественного театра, но и других театров, в которых он работал. И Немирович-Данченко, и Станиславский, указывая лучших исполнителей первой постановки «Чайки», после Лилиной и Книппер, имевших выдающийся успех, отмечали единодушно Лужского и Мейерхольда. Чехов, возмущавшийся исполнением ролей Нины Заречной и Тригорина, не умолчал бы и об исполнении роли третьего основного героя пьесы, если б оно его не удовлетворяло.

В образе Треплева, созданном Мейерхольдом, отчетливо выступили черты надлома и внутренней тревоги, что было отмечено уже первыми рецензентами спектакля (см. рецензии С. Глаголя и А. И. Урусова.— «Курьер», 1898, № 349, от 19 декабря и 1899, № 3, от 3 января). То, с чем Чехов не хотел мириться в сценическом образе Нины Заречной, очевидно, не казалось ему противоречащим облику Треплева. «Треплев не имеет определенных целей, и это его погубило» (XII, 288),— с этим суровым приговором автора герою могла вполне ужиться и мейерхольдовская трактовка образа, подчеркивавшая обреченность Треплева.

Первоначальный рисунок роли, с которым актер приступил к репетициям, был значительно резче. После второй репетиции в присутствии Чехова Немирович-Данченко писал Станиславскому о мизансценах, по которым шла работа над пьесой: «Отменили мы только две-три мелочи, касающиеся интерпретации Треплева. И то не я, а Чехов ⟨...⟩ Мейерхольд ушел сначала в резкость и истеричность, что совсем не отвечает замыслу Чехова. Теперь смягчил и пошел по правильной дороге. Главный недостаток был тот, что он с первого действия начал играть четвертое. Понимаете?» (письмо от 12 сентября 1898 г.— В кн.: Вл. И. Немирович-Данченко. Избранные письма. М., «Искусство», 1954, стр. 140). Это значило, что актер начинал играть Треплева уже человеком издерганным, потерявшим веру в свои силы. Между тем в первом действии Треплев еще полон и жизни, и надежд, и творческих планов.

Сценическая трактовка образа в первых действиях была смягчена Мейерхольдом благодаря указаниям Чехова и Немировича-Данченко, который всегда требовал от актеров, игравших в чеховских пьесах, сдержанности и *скрытого* драматизма. После премьеры Немирович-Данченко с удовлетворением сообщал Чехову о мейерхольдовском Треплеве: «Был мягок, трогателен и несомненный дегенерат» («Ежегодник МХАТ 1944 г.». т. I. М., 1946, стр. 115. Имя Мейерхольда в публикации опущено).

«Превосходен Костя-Мейерхольд, нервный, молодой, трогательный», — писала Чехову после спектакля и Т. Л. Щепкина-Куперник, первая сообщившая ему об успехе «Чайки» (письмо от 17 декабря 1898 г.— ЛБ). П. А. Сергеенко, также бывший на премьере «Чайки», писал Чехову о соответствии исполнения роли Треплева авторскому замыслу: «Костя (Мейерхольд) был вполне приличен и вспыхивал и кипел именно столько, сколько ему отпущено автором серы и селитры» (письмо от 25 декабря 1898 г.— ЛБ).

Роль Треплева, таким образом, создавалась Мейерхольдом при определенном сдерживающем влиянии Чехова— непосредственном и через Немировича-Данченко.

Успеху Мейерхольда в этой роли способствовала и внутренняя близость актера своему герою. Биограф Мейерхольда Н. Д. Волков справедливо сближает образ Треплева с реальной личностью актера — Мейерхольда. Сокровенным стремлениям Мейерхольда, рано почувствовавшего призвание к театру и критически настроенного по отношению к современной театральной культуре, отвечали мысли Треплева об отсталости, «рутинности» театра, о необходимости новых форм. Близка оказалась Мейерхольду, отстраненному перед «Чайкой» от роли царя Федора, над которой он так горячо и серьезно работал, и драма непризнанности Треплева.

И как личность Мейерхольд, с его угловатостью в отношениях с людьми, вспыльчивостью, страстной увлеченностью вопросами искусства, легко «укладывался» в образ любимого героя. Если в последующих чеховских ролях, сыгранных Мейерхольдом в разных театрах, ему не хватало чего-то существенного (в Астрове — обаяния и широты натуры, в Тузенбахе — душевной просветленности и уменья быть «счастливым», в Трофимове — простой человечности «вечного студента»), то в роли Треплева такого существенного, органического недостатка не было. Мейерхольд не играл, а жил в этой роли, как и подобало артисту театра, объявившего войну лжи и фальши в театральном искусстве. Поэтому так естественно для него было желание в трудные минуты жизни поплакать вместе с О. Л. Книппер — Аркадиной в третьем акте «Чайки» (см. письмо к Чехову от 1 сентября 1903 г.). Удача лучших исполнителей «Чайки», в том числе и Мейерхольда — Треплева, дала Станиславскому первый конкретный материал для его будущего утверждения, что в пьесах Чехова нельзя играть, представлять, а надо быть, т. е. жить, существовать.

В следующем чеховском спектакле театра — «Дяде Ване»— Мейерхольду выступать не пришлось. Отвергая его как возможного исполнителя роли Войницкого, Немирович-Данченко писал Чехову, что это «был бы старый Треплев» (записка к Чехову, май 1899 г.— «Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I, М., 1946, стр. 118. Имя Мейерхольда в публикации опущено). Не подошел Мейерхольд и к роли Серебрякова. С тем бóльшим нетерпением Мейерхольд ждал новую пьесу, обещанную Чеховым театру, — «Три сестры». Отражая общее настроение в театре осенью 1900 г., он писал Чехову 4 сентября: «Неужели может случиться, что вы не дадите нам вашей пьесы в этом году!? Для меня это будет большое огорчение. Я все-таки, видите ли, рассчитываю получить рольку в вашей пьесе». Роль Тузенбаха в спектакле «Три сестры» была второй — и последней — ролью Мейерхольда в чеховском репертуаре Художественного театра. Но мейерхольдовский Тузенбах оказался менее удачным, чем его Треплев — и именно потому, что напоминал его. «Мейерхольд уж очень *мрачен*, очень напоминает Треплева»,— писал Чехову А. Л. Вишневский, сообщая о ходе репетиций «Трех сестер» (письмо от 12 января 1901 г.— ЛБ. Подчеркнуто Вишневским). Опасение Немировича-Данченко, высказанное им по поводу роли Войницкого, оправдалось в роли Тузенбаха. В исполнении этой роли Мейерхольдом, в прошлом которого было пять лет актерской деятельности в Пензе, сказались остатки «привычек, заимствованных у провинции», отмеченные Немировичем-Данченко еще в отзыве о нем как об ученике вто-

рого курса (Архив Музея МХАТ). О трудностях, с какими по этой причине давалась Мейерхольду роль Тузенбаха, Чехов знал из письма Немировича-Данченко от 22 января 1901 г.: «Мейерхольд выжимает, бедный, все свои соки из себя, чтобы дать жизнерадостность и отделаться от театральной рутины» («Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I. М., 1946, стр. 134. Имя Мейерхольда в публикации опущено). О «жесткости» и сухости, об отсутствии бодрости, крепости и жизни у Тузенбаха в исполнении Мейерхольда писали во время репетиций и О. Л. Книппер, и Станиславский. Оттенок резонерства, содержащийся отчасти в самой роли, в исполнении Мейерхольда необычайно усилился, и перед зрителем предстал добродетельный, но скучнейший барон-интеллигент, по меткому замечанию А. Р. Кугеля (в указанной выше статье о Мейерхольде). Такое впечатление о мейерхольдовском Тузенбахе сохранил надолго и очевидец первых спектаклей «Трех сестер» Н. Е. Эфрос, упрекавший впоследствии актера за подчеркивание педантической сухости и раздражительности в своем герое. «Почерствела ирония Тузенбаха и потускнела лирика»,— писал он в монографии о спектакле (Н. Е. Эфрос. «„Три сестры". Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра». Под ред. В. И. Немировича-Данченко. Пб., 1919, стр. 67).

Мейерхольдовская трактовка образа Тузенбаха должна быть учтена в числе причин, в силу которых первые спектакли «Трех сестер» были восприняты прессой как «тоскливая песнь о *бесцельности* жизни» (см. рецензию Я. А. Ф—ина.— «Курьер», 1901, № 34—36, от 3, 4 и 5 февраля). Подобными отзывами о спектакле было вызвано настойчивое желание Чехова присутствовать на репетициях пьесы перед началом второго сезона. К сожалению, мы не знаем, относится ли к Мейерхольду «авторское внушение», сделанное «кое-кому» Чеховым во время репетиций осенью 1901 г., о котором он писал Л. В. Средину 24 сентября (XIX, 140). Как бы то ни было — несоответствие мейерхольдовского Тузенбаха чеховскому прошло незамеченным на фоне спектакля, бывшего, по характеристике Немировича-Данченко, лучшим достижением Художественного театра «по ансамблю, по дружности исполнения и по зрелости формы» (см. его предисловие к кн.: Н. Е. Эфрос. «„Три сестры". Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра». Пб., 1919, стр. 11). Чехов с удовлетворением отмечал в упомянутом письме к Средину, что «пьеса, как говорят, теперь идет лучше, чем в прошлый сезон», идет «великолепно, с блеском». Именно этот «прорежиссированный слегка» автором вариант спектакля и вызвал в чутком зрителе — молодом Леониде Андрееве — острое чувство тоски по настоящей жизни и привел его к заключению, что «Три сестры» — вовсе не пессимистическая, а «светлая, хорошая пьеса» (Дж. Линч. «Три сестры».—«Курьер», 1901, № 291, от 21 октября).

Исполнение роли Тузенбаха с 1902 г. Качаловым, сумевшим, в отличие от Мейерхольда, показать жизнелюбие своего героя, усилило в спектакле звучание мечты о будущем. «Отсутствие Мейерхольда незаметно,— писал Чехов Л. А. Сулержицкому о первом сезоне после ухода Мейерхольда из Художественного театра,— в „Трех сестрах" он заменен Качаловым, который играет чудесно» (XIX, 371).

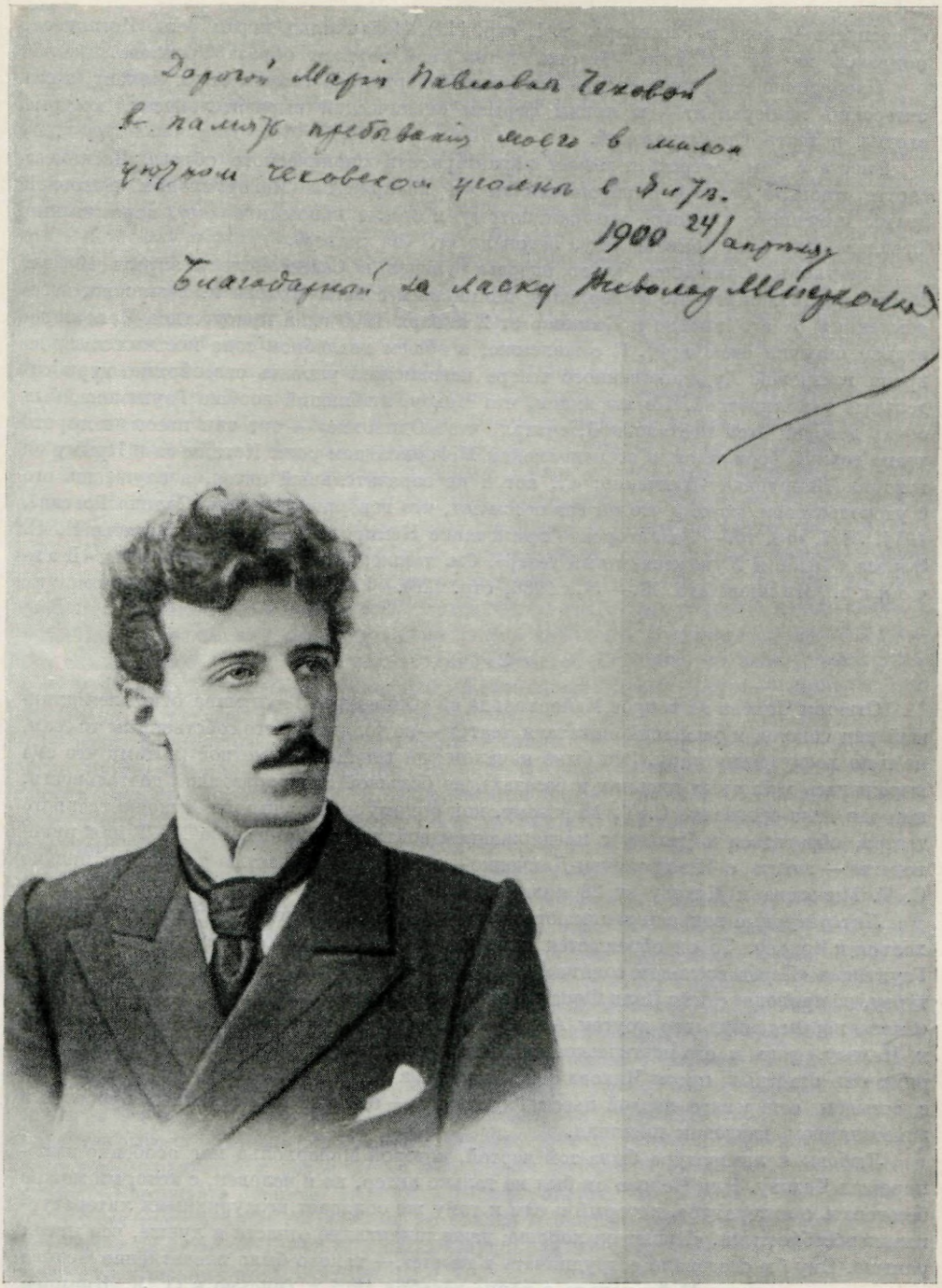
Третьей ролью Мейерхольда в Художественном театре, близкой содержанием к чеховским ролям и оставившей след во взаимоотношениях Чехова с актером, была роль Иоганнеса в «Одиноких» Гауптмана, которая ему была поручена в сентябре 1899 г. Обрадованный получением этой роли, Мейерхольд даже не очень огорчился тем, что оказался вне спектакля «Дядя Ваня», который театр готовил почти одновременно с «Одинокими». Но именно Чехову он сообщил о своей новой работе и обратился с просьбой помочь ему разобраться в характере Иоганнеса. «Напишите, что вы требуете от исполнителя роли Иоганнеса. Каким рисуется вам Иоганнес? Напишите хоть в общих чертах»,— писал он Чехову. Этим письмом от 29 сентября 1899 г. началась переписка Чехова и Мейерхольда, длившаяся до самой смерти писателя. Ответ Чехова Мейерхольду характеризует, с одной стороны, глубокое понимание Чеховым социального смысла драмы немецкого писателя, и, с другой стороны, те постоянные эстетические коррективы, которые вносил Чехов в искусство Художественного театра. Не имея под рукой текста пьесы, Чехов дает, однако, почти исчерпывающий анализ характера главного героя пьесы, отмечает и его внутреннюю культуру, и его манеру держаться с разными людьми, и даже своеобразие его отношения к жене. Переходя

к тому, как актер должен показать духовную драму такого человека, Чехов пишет: «Не следует подчеркивать нервности, чтобы невропатологическая натура не заслонила, не поработила того, что важнее, именно одинокости, той самой одинокости, которую испытывают только высокие, притом здоровые (в высшем значении) организации». «Я знаю,—пишет он далее,— Константин Сергеевич будет настаивать на этой излишней нервности, он отнесется к ней преувеличенно, но вы не уступайте» (см. выше письмо Чехова от начала октября 1899 г., стр. 227—228).

Если сопоставить этот совет с целым рядом других указаний Чехова актерам и режиссерам театра—с советом актрисе, исполнявшей роль Сони, быть сдержанной в третьем акте «Дяди Вани», его недовольством оканьем актеров в пьесах Горького и еврейским акцентом Шейлока в «Венецианском купце» Шекспира и т. д.— станет ясным, что призывы Чехова отказаться от всего несущественного, хотя внешне и выразительного, должны были способствовать углублению социального и философского смысла сценического произведения.

Трагедия личного и общественного одиночества человека духовно здорового, хотя и нервного, социально острее трагедии человека слабого духом, легко поддающегося власти истерии и теряющего управление собой. Вместе с тем это было предостережение актеру от увлечения натуралистическими деталями, почти неизбежного в театре, отстаивавшем в борьбе с театральными штампами каждую жизненную подробность. Указания Чехова были направлены к освобождению сценических образов от всего нехарактерного, несущественного, разрушающего их типичность. Жизненная деталь, не оправданная идеей пьесы, могла вступить в противоречие как раз с тем принципом правдивости, который так отстаивал театр. Уступка ненужной, случайной, хотя и «жизненной» и яркой, детали была во вред реалистической правде в высшем смысле. В указаниях Мейерхольду и в пояснениях, сделанных по этому поводу Чеховым в известном письме к О. Л. Книппер от 2 января 1900 г., он через третьих лиц продолжает спор с режиссерскими увлечениями Станиславского, начатый им через третьих же лиц на первых беседах о «Чайке», зафиксированных Мейерхольдом. Замечательно, что, возражая против бытовых излишеств, Чехов исходит из самого главного, общего для него и обоих режиссеров театра критерия — жизненности и правдивости. «Страдания выражать надо так,— пишет он О. Л. Книппер в названном письме,— как они выражаются в *жизни*,— т. е. не ногами и не руками, а тоном, взглядом; не жестикуляцией, а грацией». И далее: «Вы скажете: условия сцены. Никакие условия *не допускают лжи*» (XVIII, 292.— Курсив наш.— *Э. П.*). Иными словами, напоминая актерам об известной условности сцены, писатель отвергает ее, как только она вступает в противоречие с правдой жизни. Этого обстоятельства не учитывал Мейерхольд и позднее, когда призывал Чехова в свои союзники, отстаивая условность театрального искусства и забывая, что Чехов имел в виду *известную* условность искусства.

С ограничениями Чехова не согласился внутренне Мейерхольд и как исполнитель роли Иоганнеса, хотя благодарил Чехова за указания и намеревался дать образ «изящного, здорового, но вместе с тем глубоко печального» интеллигента. Актерской индивидуальности Мейерхольда вообще были свойственны резкость и характерность, что сказалось, в частности, и на образе Иоганнеса. Судя по рецензиям, актер изображал этого героя отнюдь не по чеховскому совету. Чрезмерно импульсивный, нервный и развинченный, мейерхольдовский Иоганнес не вызывал большого сочувствия, и причина его страданий, казалось, заключалась только в его болезненной дряхлости,— таков был упрек, брошенный актеру рецензентом И. Игнатовым в «Русских ведомостях» (1899, № 349, от 18 декабря). Другой рецензент писал, что Мейерхольд изобразил «одинокого» ученого «вечно кричащим, не в меру суетящимся пациентом больницы для душевнобольных» («Петербургский листок», 1901, № 50, от 21 февраля.— Рецензия Н. Р-ского на спектакль Художественного театра во время петербургских гастролей). Выражаясь чеховским языком, Мейерхольд в роли Иоганнеса именно метался по сцене и хватал себя за голову, прибегал к жестикуляции, а не к грации. После премьеры «Одиноких» О. Л. Книппер, имея в виду прием спектакля зрителями, писала Чехову: «Мейерхольд потратил много труда, много нервов и сделал много, но его укоряют за резкость, за суетливость, излишнее нервничанье» (письмо от 22—26 декабря 1899 г.—



В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Фотография с дарственной надписью:
«Дорогой Марии Павловне Чеховой в память пребывания моего в милом уютном чеховском уголке в Ялте. 1900, 24 апреля. Благодарный за ласку Всеволод Мейерхольд»

Дом-музей Чехова, Ялта

«Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 111). Мейерхольд играл роль Иоганнеса, опираясь не на указания Чехова, а на свой вариант образа Треплева.

Пробудившиеся режиссерские интересы Мейерхольда тянули его к Чехову, а его актерский темперамент — к ярким формам сценической выразительности, которые вводил в театр Станиславский.

Вместе с тем, острота и резкая характерность сценического образа Иоганнеса соответствовала остроте и прямолинейности восприятия Мейерхольдом духовной драмы немецкого ученого, которая потому и могла напомнить ему переживания Треплева, что была близка ему, задевала его «за живое».

Спектакль «Одинокие» Чехов впервые увидел в Севастополе в апреле 1900 г. Можно предположить, что Мейерхольд, помнивший советы Чехова и, возможно, осведомленный о его письме к Книппер от 2 января 1900 г., в присутствии Чехова невольно смягчил свою игру. К сожалению, в общем хвалебном тоне местных газет во время гастролей Художественного театра невозможно уловить своеобразие игры отдельных исполнителей. Но мы знаем, что Чехов, любивший вообще Гауптмана, был очень доволен этой постановкой, считал, что «Одинокие» — тот тип пьесы, которого театр должен держаться, а об исполнении Мейерхольдом роли Иоганнеса в Крыму он говорил Немировичу-Данченко: «... вот и не заразительный актер, а слушаешь его с удовольствием, потому что он все понимает, что говорит» (Альбом «Солнце России», 1914, № 7, стр. 10.— Редакторское примечание Немировича-Данченко к статье Н. Е. Эфроса «Чехов и Художественный театр». См. также: Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М.— Л., 1936, стр. 126).

2

Ответом Чехова на вопрос Мейерхольда об «Одиноких» Гауптмана открылся длинный ряд советов и указаний писателя театру — не только по его собственным пьесам, но и по всему репертуару. Это было началом той внешне незаметной (потому что она выражалась в частных письмах и беседах), но большой и плодотворной деятельности, которая дала основание С. Т. Морозову, как одному из директоров Художественного театра, обратиться к Чехову с предложением войти в товарищество МХТ для руководства — вместе с Немировичем-Данченко — литературной частью театра (см. письмо С. Т. Морозова к Чехову от 28 января 1902 г.— ЛБ).

Литературные вопросы занимают заметное место и в последующих письмах Мейерхольда к Чехову. То он обращается с просьбой дать отзыв о своем переводе пьесы Гауптмана «Перед восходом солнца», зная любовь Чехова к Гауптману как драматургу, то приводит стихи Поля Фора, то обещает прислать новую пьесу Пшибышевского «Снег», переведенную его другом А. М. Ремизовым *. Со всем этим он обращается к Чехову, веря в его поэтическое чутье и хороший вкус. Отсутствие в нашем распоряжении ответных писем Чехова с откликами на литературные вопросы, в частности с отзывом о переводе первой пьесы Гауптмана,— один из существенных пробелов в эпистолярном наследии писателя.

Любовь к литературе была той чертой, которой Мейерхольд мог особенно импонировать Чехову. Для Чехова он был не только актер, но и человек, с которым можно беседовать о литературе, который и сам к тому же обладает незаурядными литературными способностями. «Пишет он хорошо, даже талантливо отчасти и лучше, чем писал раньше. Ему бы следовало сотрудничать в газете»,— таково было впечатление Чехова по получении письма Мейерхольда в конце декабря 1901 г. (письмо к О. Л. Книппер от 31 декабря 1901 г.; цит. по автографу.— ЛБ). Словно следуя совету Чехова (безусловно, переданному ему Ольгой Леонардовной), Мейерхольд меньше чем через пол-

* Через несколько лет, уже во время работы в Херсонском театре, Мейерхольд пришлет Чехову на отзыв рукопись первых оригинальных рассказов этого будущего писателя-символиста и вернет их автору не одобренными Чеховым (А. М. Ремизов. Ответ на анкету о Чехове.— «Иллюстрированная жизнь» (Париж), 1934, № 18, от 12 июля, стр. 2).

года успешно дебютирует в московской газете «Курьер» со своими впечатлениями об итальянской жизни («Милан. Миланская жизнь. Народный университет. Артистическая биржа. Корреспонденция „Курьера“». — «Курьер», 1902, № 144, от 26 мая). Литературное дарование Мейерхольда сказалось и в его переводах, и, особенно, в его многочисленных работах по вопросам театра.

Но не только как к литературному авторитету и не только за консультациями обращается Мейерхольд в письмах к Чехову. Для него, как и для многих других корреспондентов писателя, Чехов — умный, вдумчивый и благожелательный собеседник, друг, которому можно высказать многое... Жалуясь на свое нездоровье и тяжелый характер, выражая глубокую неудовлетворенность жизнью, Мейерхольд замечает: «Вообще, не понимаю, зачем пишу вам все это. Должно быть, оттого, что вы сумеете прочитать между строк» (письмо от 21 января 1900 г.). Чехов не оставался равнодушным к таким жалобам. Неизвестно, ответил ли он самому Мейерхольду на это письмо,— приближалась встреча в Крыму весной,— но сестре своей он поручил: «Повидайся с Мейерхольдом и убеди его провести *все* лето где-нибудь южнее Москвы. Лучше всего ему прожить лето в Крыму и на Кавказе. Иначе он истреплет свое здоровье» (XVIII, 333). Тот же совет он передал актеру через О. Л. Книппер (там же, 328).

Выражение нежности и глубокой любви—мотив, характерный для многих писем, обращенных к Чехову,— присуще и письмам Мейерхольда, искренним и лирически взволнованным. Какое большое место занимал Чехов в жизни Мейерхольда, особенно видно из его письма от 18 апреля 1901 г., в котором он пишет о своем мировоззрении и душевном разладе. «...Неужели вы могли подумать, что я забыл вас. Да разве это возможно? Я думаю о вас всегда-всегда. Когда читаю вас, когда играю в ваших пьесах, когда задумываюсь над смыслом жизни, когда нахожусь в разладе с окружающим и с самим собой, когда страдаю в одиночестве...». Сам того не зная, Чехов стал для Мейерхольда «богом» («Бледный Мейерхольд своему богу»,— недаром так подписана фотография, подаренная им Чехову).

Среди корреспонденции, получаемой Чеховым из театра, письма Мейерхольда, после писем Немировича-Данченко, Книппер и Станиславского, были наиболее содержательными. В письмах А. Л. Вишневского живое описание театральной жизни часто снижалось мелкостью комментариев их автора, упоенного своими актерскими успехами; письма А. А. Санина и других актеров были слишком редки и случайны. С большинством же актеров Чехов не переписывался.

Первое же письмо (от 29 сентября 1899 г.), сообщающее о начале работы над «Одинокими», вводит Чехова в кипучую жизнь театра. Эпизод с несостоявшимся молебном в театре, обстоятельства, при которых были составлены приветствия московскому генерал-губернатору, с одной стороны, и Чехову и Гауптману, с другой,— все эти подробности, о которых умолчали другие корреспонденты писателя, вводили его в московскую обстановку, живо рисовали ему воодушевление актеров накануне открытия второго сезона. Начиная с фразы в этом письме: «Мы вас ждем к первому представлению „Дяди Вани“»,— в письмах Мейерхольда сильно чувствуется ожидание приезда Чехова в Москву, ставшее почти постоянным для всего шестилетнего общения театра с драматургом. Подхватив слух, что в декабре 1899 г. Чехов собирается в Москву, Мейерхольд радуется и зовет его от имени всех актеров и читателей, любящих его талант: «Приезжайте скорее! Не бойтесь холода. Знайте, что любовь к вам бесчисленных ваших почитателей согреет вас не только в Москве, но и на северном полюсе» (письмо от 23 октября 1899 г.). Или, цитируя Сорина: «Приезжайте „и все. Ну, что, право...“» (письмо от 1 октября 1900 г.).

Особенно интересны для Чехова в письмах Мейерхольда должны были быть описания репетиций и постановок его пьес. Мейерхольд, побывавший на первой генеральной репетиции «Дяди Вани», поспешил сообщить ему свои впечатления. Из писем Немировича-Данченко и Книппер Чехов знал о трудностях работы над пьесой, о спорах относительно образов Астрова и Елены Андреевны, о «соринках», которые приходилось постепенно удалять из спектакля. Мейерхольд же, не участвовавший в спектакле и мало знакомый с подготовительными работами, мог смотреть на него как на завершенное уже произведение искусства. Его письмо о «Дяде Ване» было для

Чехова первым отзывом зрителя, притом зрителя, искушенного в режиссерских вопросах. Помня замечания Чехова на репетициях «Чайки», Мейерхольд в новой постановке театра подчеркивает художественную меру, отсутствие ненужных внешних деталей «Рампа (обстановка) не заслоняет собою картины,— как бы предупреждает Мейерхольд возможное недовольство Чехова.— Идейная существенная сторона последней не только бережно сохранена, т. е. не завалена ненужными внешними деталями, но даже как-то ловко отчеканена» (письмо от 23 октября 1899 г.). Интересны в письме и характеристики отдельных исполнителей, и замечание о равновесии двух режиссерских начал в спектакле. Это письмо раскрывает конкретный смысл известной высокой оценки спектакля «Дядя Ваня», данной Мейерхольдом, навсегда сохранившим воспоминания о нем, как об одной из лучших работ Художественного театра (см. Н. Д. Волков. Мейерхольд, т. I, М., 1929, стр. 129).

Перед началом следующего, третьего сезона Художественного театра Мейерхольд, сообщая о новой работе театра — постановке «Снегурочки» Островского, восхищается ею, передает восторги Горького и зовет Чехова на премьеру «этой прелести» (письма от 18 августа и 4 сентября 1900 г.). О необыкновенной красочности спектакля писали и Горький, и Книппер, и М. П. Чехова, о присутствии которой на одной из репетиций сообщал Чехову Мейерхольд. Но причины неудачи спектакля попытался проанализировать только Мейерхольд, быстро остывший к красотам спектакля. Чуткий к восприятию зрителей, оставшихся равнодушными к «Снегурочке», он писал Чехову: «Очевидно, при „современной смуте", на развалинах строя всей нашей жизни — мало призыва к одной лишь красоте» (1 октября 1900 г.).

Как известно, Чехов еще до премьеры «Снегурочки» скептически относился к этой постановке и, обращаясь с обычной просьбой к Книппер сообщить ему, как пройдет спектакль, писал: «...напиши непременно, как у вас *сойдет* Снегурочка» (XVIII, 392. Курсив наш.— *Э. П.*). А узнав о полууспехе спектакля, вновь высказал свою точку зрения, что Художественный театр должен ставить пьесы не типа «Снегурочки», хотя бы они и имели успех, а типа «Одиноких», т. е. пьесы о жизни современной интеллигенции. «Снегурочка» могла понравиться публике, могла и не понравиться — не это волновало Чехова: его не удовлетворяло самое обращение театра к пьесе-сказке, и линия фантастики в репертуаре Художественного театра была им отвергнута при самом ее зарождении. Чехова и Мейерхольда объединяло, таким образом, отрицательное отношение к постановке «Снегурочки», возникшее из общей ориентировки на современный репертуар Художественного театра (у Чехова такое отношение сложилось еще до спектакля, у Мейерхольда — только после фактической неудачи постановки, на которую в театре возлагалось столько надежд).

Другая пьеса, о которой вслед за этим сообщает Мейерхольд Чехову, «Доктор Штокман» Ибсена, имела на сцене Художественного театра, наоборот, успех, превзошедший ожидания режиссеров,— и как раз потому, что ее сценическое воплощение удивительно отвечало настроениям публики, возбужденной предреволюционной атмосферой. В письме от 18 апреля 1901 г. Мейерхольд рассказывает о бурной реакции зрительного зала во время спектакля 4 марта 1901 г. в Петербурге, в день избиения полицией демонстрации у Казанского собора. Он пишет о полицейском произволе и о настроении петербургской молодежи, о своем желании «пламенеть духом времени». Это письмо с мечтой о будущем всеобщем освобождении, о роли театра в объединении всех классов и партий, с наивным желанием «каждому руководиться своей моралью, безвредной другим и всем понятной, как проявление родственного духа», очень характерно для эпохи «подготовки» первой русской революции, сплотившей в едином чувстве ненависти к царизму людей самых различных политических, религиозных и философских убеждений. В нем чувствуется общественный темперамент будущего режиссера, автора лозунга «Театрального Октября».

Петербургские политические события, о которых Чехов знал из писем Горького и других лиц, из рассказов М. П. Чеховой и О. Л. Книппер, приехавшей после петербургских гастролей в Ялту, в письме Мейерхольда предстали в свете переживаний типичного представителя русской демократической интеллигенции. В потоке сведений, поступивших к Чехову из разных городов о революционной атмосфере начала 1900-х

годов, волновавших писателя в его «теплой Сибири», поднимавших в конечном итоге общественный тонус его творческого настроения, определенное место занимали и факты, описанные Мейерхольдом. Написанное по горячим следам событий, встревоживших полицию, письмо Мейерхольда было подвергнуто перлюстрации (см. статью Независимого «Еще о перлюстрации». — «Утро России», 1913, № 170, от 24 июля).

Следующей постановкой, нашедшей отражение в письмах Мейерхольда, был спектакль «В мечтах». Чехов познакомился с пьесой до премьеры (она состоялась 21 декабря 1901 г.), во время своего пребывания в Москве осенью 1901 г. Его замечания о пьесе в письмах к О. Л. Книппер содержат как будто похвалу, но как-то странно высказанную. «Пьеса Немировича будет иметь успех ⟨...⟩ Только следовало бы одновременно репетировать и „Мещан", а то после Рождества нечего вам будет играть, кроме Немировича»; «... пьеса Немировича будет иметь успех; он московский автор, и все, что он ни пишет, как раз по москвичам». После получения телеграмм о спектакле: «Успех был шумный? Ведь пьеса шумная, трескучая» (XIX, стр. 178, 182 и 202).

Уже в этих фразах чувствуется, что Чехов, когда-то предвещавший Немировичу-Данченко будущность большого драматурга, возможный успех его новой пьесы связывал не с подлинной ценностью ее содержания, а с какими-то внешними факторами. «Немирович имел успех, я очень рад, это привяжет его к театру еще сильнее. Провал его пьесы, мне кажется, был бы провалом театра»,— пишет он (XIX, 205), вновь игнорируя достоинства самой пьесы. Всегда напоминавший актерам и режиссерам о важности переворота, «учиненного» ими в театральном деле, вселявший в Немировича-Данченко веру в правоту общего дела Художественного театра, когда тот в трудные минуты начинал падать духом, Чехов более других был уверен в прочности общественной репутации, завоеванной театром и его режиссерами.

Того страшного провала, которого боялись актеры, не случилось благодаря именно этой репутации. Это сознавал и сам автор пьесы, писавший Чехову, что это был успех театра и его прежний, т. е. успех автора «Нового дела», «Цены жизни» и других пьес (см. «Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I. М., 1946, стр. 142). Прогноз Чехова оправдался.

Сама же пьеса не могла удовлетворить зрителя МХТ, воспитанного на репертуаре Чехова, Гауптмана, Ибсена. Стремление автора показать в пьесе жизнь и страдания современных русских людей потонуло в надуманном сюжете, построенном на замысловатых взаимоотношениях героини с мужем и с талантливым ученым, в эффектных декорациях и костюмах, в массе живописных деталей, характеризующих тридцать два персонажа (не считая учеников и учениц певицы Занковской — матери героини, публики разных возрастов и положений, метрдотелей, официантов, телеграфистов). В пьесе есть князья, ученый-философ, режиссер, оперные певцы, видный политический деятель из иностранцев, жена крупного капиталиста—и мало простых людей.

Понимая, однако, что после Чехова, перевернувшего представление о сценическом и несценическом, нельзя строить пьесу на таких основах и, вольно или невольно, подражая Чехову, Немирович-Данченко ввел в пьесу ряд мотивов, как бы выхваченных из жизни, описанной Чеховым. Здесь и рассуждения типа вершининских («Русский человек проявляет свой гений, только когда ему есть нечего, а сытый он лежит на боку и мечтает»,— говорит певец Яхонтов), и разговоры о музыке, политике, любви, и неожиданные вульгаризмы в речи интеллигентных людей («Жениха не подцепила?» — спрашивает главная героиня свою двоюродную сестру, приехавшую из-за границы; «Хотел бы пошляться по свету»,— говорит Костромской, ученый), и Марфа Филатовна с самоваром и заботами по хозяйству, и стук льда, скалываемого дворником, и слезы героини в конце на фоне пения и слов князя о том, что «солнце непременно выглянет».

Но все это так же далеко от подлинного содержания чеховских пьес, как далек Костромской, с его холодноватым, рационалистическим складом ума и теорией жизни «в мечтах», от Астрова, или княгиня Вера, с ее желанием властвовать над человеческими душами, от чеховских трех сестер или даже Елены Андреевны.

Тонкий ценитель внутреннего драматизма чеховских пьес, умевший почувствовать в «Чайке» пульс современной русской жизни, оказался все-таки в плену внешних эффектов. И это не могло не отразиться на спектакле, подготовка которого принесла много страданий и автору, и режиссеру (Станиславскому), и актерам.

«Довелось мне видеть „В мечтах“,— писал Чехову П. И. Куркин в январе 1902 г.— Много блеска. Пьеса залита светом. Сцена нарядна, как никогда. После сумерек и будничной прозы чеховских пьес попадаешь совсем в иной мир, как-то необычный для этой сцены. Нужно, чтобы сначала глаза привыкли к этому блеску юбилея, Эрмитажа и княжеской квартиры» (ЛБ). И когда в марте 1902 г. в газетах появились рецензии, писавшие о чеховском влиянии в пьесе, Чехов возмущался: «Какой вздорище»,— писал он (XIX, 259).

Об отношении актеров к пьесе, о трудностях, с какими шли репетиции, и о среднем успехе спектакля в целом много писала Чехову О. Л. Книппер, сразу почувствовавшая, что пьеса не понравится Чехову и будет ему чужда (см. ее письмо от 2 сентября 1901 г., автограф.— ЛБ). Мейерхольд, сидевший с «сухой физиономией» на чтении пьесы 29 августа 1901 г. (письмо О. Л. Книппер к Чехову от 30 августа 1901 г.— «Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 440), очевидно понял, что постановка этой пьесы уводит театр от его настоящего пути; он оказался в числе тех оппозиционно настроенных по отношению к режиссуре актеров, которые стали поговаривать, что пьесе не место в Художественном театре, и осведомлялись у О. Л. Книппер, не пишет ли Чехов обещанную комедию, т. е. будущий «Вишневый сад» (см. письмо О. Л. Книппер к Чехову от 18 декабря 1901 г., автограф.— ЛБ).

Вскоре после премьеры, на которой, во время первого действия, в зрительном зале слышались протесты, Мейерхольд был заподозрен в том, что подсадил в зал лиц, «ошикавших» пьесу (см. письмо Мейерхольда к Станиславскому от конца января 1902 г., в котором он протестует против такого подозрения. — Архив Музея МХАТ). О солидарности Мейерхольда с той частью публики, которая была недовольна пьесой «В мечтах», свидетельствует его письмо к Чехову, написанное в конце декабря 1901 г., сразу же после премьеры. Основные недостатки пьесы, по мнению Мейерхольда,— безразличное отношение автора к буржуазии (точнее было бы сказать — увлечение внешней красотой буржуазно-мещанской жизни) и пестрота и красочность при незначительности содержания. Публика увидела в авторе пьесы ученика Боборыкина и была обижена за своих любимцев — Чехова и Гауптмана — таково место, отведенное пьесе Мейерхольдом в современной литературе. «... Получилось нечто похожее на роман г. Боборыкина — пестро, пожалуй, красочно, но поверхностно»,—писал и рецензент П.Р-с-в в «Русском листке» (1901, № 352, от 23 декабря).

В характеристике пьесы Немировича-Данченко, данной Мейерхольдом, есть все, что по существу сказал, только в отрывочных замечаниях, сам Чехов (между прочим литературные достоинства именно этого письма были отмечены Чеховым в письме к О. Л. Книппер). «Пестро, красочно»,— писал о пьесе Мейерхольд; «шумной и трескучей» — назвал ее Чехов. Чехов отметил и мещанский характер пьесы (XIX, 335) и, как мы видели, чуждость этого произведения его собственной драматургии.

Но в отличие от Мейерхольда Чехов понимал, что эта постановка — только эпизод в большом и сложном пути Художественного театра; и действительно, дальнейшее развитие театра определилось не этим спектаклем, а сближением театра с драматургией Горького (работа над «Мещанами» началась через неделю после премьеры «В мечтах») и постановкой «Вишневого сада». Мейерхольд же воспринял постановку пьесы Немировича-Данченко как измену театра Чехову и прежним идеалам. Поэтому так многозначительно звучат его слова в начале письма: «Пускай другие меняют свои увлечения художниками, как пиджаки,— тысячи таких, как я, останутся верными вам, Антон Павлович, навсегда».

Примечательна разница между первым и последним письмами Мейерхольда, написанными из Художественного театра. В первом — радостное ощущение своего единства с театром, связавшим свое творчество с творчеством величайших драматургов современности («Наш театр», «мы вас ждем» — обращается он к Чехову). В последнем же — ни слова о планах театра или о своих личных работах в театре. Не случайно «информационная» часть этого письма, кроме характеристики спектакля «В мечтах», обращена во внешнюю, нетеатральную жизнь. Возмущение пьесой Немировича-Данченко заслонило все остальные театральные впечатления, и Мейерхольд не сообщил Чехову ни о начале репетиций «Мещан», ни о роли Петра, порученной ему в этой пьесе. Зато

сильны в письме глубоко личные признания Мейерхольда: «Я вами живу теперь, я должен поблагодарить вас за поддержку»,— пишет он, перечитывая произведения Чехова в издании Маркса, давая восторженную оценку его творчеству. От умевшего читать между строк Чехова не могло ускользнуть одиночество Мейерхольда в театре.

Критические нотки по отношению к режиссуре, характерные для Мейерхольда с самого начала его работы в театре, особенно усилились в этом последнем для Мейерхольда сезоне Художественного театра. Упрек (устами Чехова) в увлечении показом бытовых деталей в «Чайке», разочарование в «Снегурочке», недовольство товарищами-актерами, будто бы в отличие от него далекими от политики и общественных задач искусства, и, наконец, ощущение чуть ли не морального падения режиссуры в связи с постановкой «В мечтах» — все это носило характер принципиального расхождения с театром. Немирович-Данченко, тяжело переживая трудную полосу в жизни МХТ в конце 1901—начале 1902 г., был вынужден признать ряд направлений в театре, и в их числе — мейерхольдовское (см. Вл. И. Немирович-Данченко. Избранные письма. М., 1954, стр. 225).

Внутренний отход Мейерхольда от театра усилился его неудовлетворенностью своей личной работой, в частности незначительной загруженностью в ролях. Особенно тяжелы для него были месяцы, предшествовавшие реорганизации театра в новое товарищество пайщиков. Реорганизация, о которой было объявлено в газетах 17 февраля 1902 г., готовилась в исключительно нервной обстановке, усугубленной трудностями репетиционных работ над пьесой «В мечтах». «Вообще как-то тяжело в театре. Переживаем тяжелую полосу»,— писала О. Л. Книппер Чехову 18 ноября 1901 г. после одной из репетиций пьесы («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 78). В отличие от прежних лет новое «Товарищество деятелей Московского Художественного театра» предусматривало включение по выбору дирекции в число пайщиков актеров, что вызвало среди последних не только радость, но и тревогу. Разговоры о будущих переменах в театре особенно беспокоили «не основных», мало загруженных в репертуаре актеров.

Душевное равновесие Мейерхольда, чувствовавшего, что его актерская деятельность в Художественном театре подходит к концу, было настолько нарушено, что он, боясь нервного припадка на сцене, просил 5 февраля отменить «Три сестры». А 12 февраля, в день баллотировки «сомнительных» членов труппы (среди которых он не значился, но было уже известно, что и в число пайщиков он не включен), он вместе с А. А. Саниным сделал официальное заявление об уходе из театра.

Чехов был в курсе всех этих событий благодаря письмам О. Л. Книппер и отчасти М. П. Чеховой. Его сразу же взволновала этическая сторона вопроса о пайщиках. «Ты пишешь, что в театре масса недовольных по поводу перемены; и это понятно, нельзя обижать одних и гладить по головке других, когда нет поводов к тому. Надо было делать пайщиком всякого желающего из тех, кто служит в театре с самого начала»,— писал он сестре 8 февраля (XIX, 243). В те же дни он послал Немировичу-Данченко письмо (не сохранившееся), о котором писал О. Л. Книппер: «Немировичу я написал, что театр на паях — это хорошо, но устав их ни к чёрту не годится. Почему пайщиками Стахович, я, а нет Мейерхольда, Санина, Раевской? Нужны тут не имена, а правила» (XIX, 244). А 17 февраля, убедившись из газет, что в число пайщиков не попали некоторые актеры, служившие в театре с его основания, Чехов упрекнул театр в письме к О. Л. Книппер: «А Художественный театр напрасно не сделал пайщиками Мейерхольда и Санина. За что их обижать? Чем они, как артисты, хуже других?» (XIX, 249).

3

Уходом Мейерхольда из Художественного театра не прервались ни переписка его с Чеховым, ни их личные дружеские отношения. Узнав, что Мейерхольд уехал в Херсон, чтобы основать там вместе с А. С. Кошеверовым собственную труппу, Чехов писал О. Л. Книппер: «Я бы хотел повидаться с Мейерхольдом и поговорить с ним, поддержать его настроение; ведь в Херсонском театре ему будет не легко! Там нет публики для пьес, там нужен еще балаган. Ведь Херсон — не Россия и не Европа» (письмо от 13 марта 1902 г., цит. по автографу. — ЛБ).

Чехов действительно поддерживал Мейерхольда в трудные годы его самостоятельной режиссерской работы в Херсоне. Из телеграммы Мейерхольда Чехову от 18 октября 1902 г. мы узнаем, что в начале сезона он послал в Херсон какое-то «милое письмо», за которое его благодарила вся труппа. Он пишет рекомендательное письмо своему севастопольскому знакомому А. К. Шапошникову с просьбой помочь Мейерхольду снять севастопольский театр на весенний сезон 1902—1903 гг. Не забывает пожелать счастья к новому 1903 и потом 1904 году. Обещает выслать и высылает рукопись «Вишневого сада». Пишет, сам тяжело больной, бодрое письмо больному Мейерхольду в Чаадаевку.

Все это было продиктовано не только душевной чуткостью Чехова, но и его сочувствием ко всему новому и свежему в области искусства, каким обещало быть дело, предпринятое Мейерхольдом. Как умел понять Чехов своеобразие артистического пути Комиссаржевской, Орленева, Садовской в годы самого тесного своего сближения с Художественным театром, так он с интересом следил и за молодым актером, получившим впервые возможность самостоятельной режиссерской работы.

В первый год существования херсонской труппы—и в этом была основная причина ее успеха у публики — и репертуар, и его воплощение, иногда даже в деталях, отразили на себе влияние той школы, которую руководители труппы прошли в Художественном театре. Сезон открылся 22 сентября 1902 г. спектаклем «Три сестры», сразу ошеломившим херсонских зрителей невиданной для них поэзией. В этот день Чехов получил телеграмму, подписанную Мейерхольдом и Кошеверовым: «Сегодня состоялось открытие сезона вашей пьесой „Три сестры". Громадный успех. Любимый автор печальных настроений! Счастливые восторги даете только вы» («Театр и искусство», 1902, № 41, от 6 октября, стр. 741). Закрыв сезон этой же чеховской пьесой, труппа, как пишет Н. Д. Волков, «как бы признавала над собой духовный протекторат Чехова».

В первую херсонскую зиму был поставлен весь чеховский репертуар Художественного театра и, кроме того, «Иванов» и «Медведь». Во всех этих пьесах, кроме «Медведя», Мейерхольд выступал и как актер, исполняя в «Трех сестрах» и «Чайке» свои старые роли, в «Иванове» — роль главного героя, в «Дяде Ване» — Астрова.

О том, как были поставлены Мейерхольдом его пьесы, Чехов знал из писем Б. А. Лазаревского, который видел спектакли херсонской труппы во время двухмесячных гастролей в Севастополе в апреле — июне 1903 г.

По письмам Лазаревского Чехов мог представить себе и энтузиазм Мейерхольда как руководителя труппы, и высокую культуру театрального дела в его руках, и постановку своих пьес в духе Художественного театра. После первого же спектакля, увиденного Лазаревским 13 апреля, — «Чайки»—он писал Чехову, что «веяло порой Художественным театром», что спектакль напомнил ему те дни, когда и Чехов и Художественный театр были в Севастополе. Об актерской игре Мейерхольда в этом спектакле писал: «Мейерхольд, видимо, любит роль Треплева» (письмо от 14 апреля 1903 г. —ЛБ).

Сблизившись с Мейерхольдом, Лазаревский почувствовал постоянство этого особого отношения Мейерхольда к роли Треплева. «Когда хандрит,— писал он о Мейерхольде,— то говорит, что возьмет и застрелится на самом деле, в роли Треплева в последнем акте...» (письмо от 3 июня 1903 г.— ЛБ).

Но Треплева и Тузенбаха в исполнении Мейерхольда Чехов знал хорошо по Художественному театру. А вот каков был мейерхольдовский Астров — это было ему интереснее. И Лазаревский вполне удовлетворил его интерес в восторженном отзыве о «Дяде Ване». «Лучшего Астрова, чем Мейерхольд,— писал он 17 апреля,— и желать трудно: изнервничавшийся, замученный, не могущий забыть об умершем под хлороформом больном, озленный на судьбу за то, что она дает „профессорам в жены таких девушек, какою была Елена и мать дяди Вани"». Было ясно, что Мейерхольд внес в роль Астрова много субъективного и сыграл ее в духе *своего* одинокого интеллигента.

После первого херсонского сезона состоялись последние встречи Чехова и Мейерхольда в Крыму; как видно из писем Мейерхольда к Чехову, это могло быть дважды — до 8 апреля 1903 г. в Ялте и 22 апреля 1903 г. в Севастополе, когда Чехов проезжал

через Севастополь в Москву. Именно в это время Мейерхольд мог передать на просмотр Чехову рукописи А. М. Ремизова, о которых говорилось выше.

Во втором херсонском сезоне чеховский репертуар звучал более приглушенно, хотя Мейерхольд и писал, что «труппа сохранила чеховский тон» (письмо от 1 сентября 1903 г.). Как известно, «Товарищество новой драмы», возглавляемое теперь Мейерхольдом совместно с А. М. Ремизовым, стало решительнее проводить идею условного, «надбытового» театра, чем в первом сезоне. Теперь яснее наметился последующий режиссерский путь Мейерхольда — все бóльший отход от реалистических принципов, воспринятых им когда-то в Филармоническом училище и в Художественном театре, в сторону абстрактно-символического искусства. Но херсонская публика, которой нужен был «еще балаган», по замечанию Чехова, все же осталась холодна к «новобалаганным», символическим элементам театра, уже нащупываемым тогда Мейерхольдом. К тому же поспешность и небрежность в подготовке некоторых спектаклей вызвала резкую критику в местной газете «Юг», в результате чего между Мейерхольдом и корреспондентами газеты испортились отношения, и театр лишился поддержки печати (см. фельетон Де Линя «Силуэты».— «Юг», 1904, № 1678, от 18 января).

Среди этих и других трудностей херсонской антрепризы Мейерхольд минутами с болью вспоминал о прошлом: «Театр, которому я отдавал так много души, пролитые слезы в вашей „Чайке“, ваша ласка ко мне, все, все, все... Хорошо было прежде...»,— словно цитировал он из четвертого акта «Чайки» (письмо от 23 сентября 1903 г.).

Большие надежды он возлагал на новую пьесу Чехова «Вишневый сад», которая должна была, как ему казалось, всколыхнуть и труппу, и зрителей. Большая часть сезона для Мейерхольда прошла под знаком ожидания этой пьесы. В эти тягостные месяцы Мейерхольдом был поставлен, между прочим, чеховский «Юбилей» (без его актерского участия).

Премьера «Вишневого сада» состоялась 4 февраля 1904 г., а 8 февраля третьим представлением этой пьесы «Товарищество новой драмы» закрыло сезон в Херсоне. Мейерхольд исполнял роль Трофимова. «Вашу пьесу „Вишневый сад“ играем хорошо»,— с гордостью писал Мейерхольд Чехову уже после окончания гастролей из Лопатина (8 мая 1904 г.). Этому письму было суждено заключить переписку Чехова с Мейерхольдом. Через два месяца в Лопатине же Мейерхольда застигает весть о смерти писателя. Охваченный горем, он посылает телеграммы Ольге Леонардовне и Марии Павловне (хранятся в ЛБ). «Любимого писателя оплакивает драматическая труппа Мейерхольда»,— такова была надпись на венке, посланном Мейерхольдом на похороны Чехова («Новости дня», 1904, № 7578, от 10 июля).

Завершая переписку Мейерхольда с Чеховым, его последнее письмо является итоговым и по содержанию. В последний раз здесь Мейерхольд дает анализ чеховского спектакля Художественного театра, подводя итог своим шестилетним раздумьям о Чехове и Художественном театре. Суждения Мейерхольда о своеобразии драматургического искусства Чехова, высказанные в этом письме, тонки и проницательны. Он чувствует «неповторимость» чеховского стиля, легко улавливает его ритмичность и угадывает неизбежность влияния Чехова на западную драматургию. Его наблюдения над музыкальностью строения «Вишневого сада» во многом верны и соответствуют композиции чеховской пьесы. Но музыкальность формы «Вишневого сада» Мейерхольд гиперболизирует и воспринимает как сущность пьесы. Отсюда и его отношение к постановке «Вишневого сада» в Художественном театре. Не случайно Мейерхольд не хотел писать Чехову о своей постановке «Вишневого сада», прежде чем не увидел эту пьесу на сцене Художественного театра: ему хотелось противопоставить свое понимание пьесы пониманию московского театра. И оценивая спектакль Художественного театра после бурного года работы над созданием условного театра с репертуаром из произведений Ибсена, Метерлинка, Пшибышевского, Шницлера, Мейерхольд не мог и не хотел принять его.

Ему кажется, что в «Вишневом саде» Художественный театр теряет ключ к пониманию Чехова, потому что новая пьеса требует иного подхода, чем прежние. Меряя своей эволюцией эволюцию Чехова, он видит в «Вишневом саде» произведение условно-символического характера. Он рассматривает пьесу как единое музыкальное целое

с наивысшим напряжением в третьем акте,—как симфонию Чайковского. Темп этого акта основан, по его мнению, на чередовании темы внутренней беспечности Раневской и ее окружения с темой их обреченности:

«В третьем акте на фоне глупого «топотанья» ⟨...⟩ незаметно для людей входит Ужас:

„Вишневый сад продан". Танцуют. „Продан". Танцуют. И так до конца. Когда читаешь пьесу, третий акт производит такое же впечатление, как тот звон в ушах больного в вашем рассказе „Тиф". Зуд какой-то. Веселье, в котором слышны звуки смерти».

Таким образом, «Вишневый сад» Мейерхольду представляется как некая мистическая пьеса, требующая новой режиссерской трактовки.

Такое понимание пьесы для Чехова не было ново. Еще в февральском номере «Весов» он мог читать о «Вишневом саде»: «Вот сидят измученные люди, стараясь забыть ужасы жизни, но прохожий идет мимо ⟨...⟩ Где-то обрывается в шахте бадья. Всякий понимает, что здесь—ужас. ⟨...⟩Как страшны моменты, когда рок неслышно подкрадывается к обессиленным». И специально о третьем акте: «В третьем действии „Вишневого сада" как бы кристаллизованы приемы Чехова: в приемной комнате происходит семейная драма, а в задней, освещенной свечами, исступленно пляшут маски ужаса: вот почтовый чиновник вальсирует с девочкой, не чучело ли он? Может быть, это палка, к которой привязана маска, или вешалка, на которой висит мундир? А начальник станции? Откуда, зачем они? Это все воплощения мирового хаоса. Вот пляшут они, манерничая, когда свершилось семейное несчастие» (А. Белый. «Вишневый сад».— «Весы», 1904, № 2, стр. 47 и 48).

Нет никакого сомнения, что Чехов, упрекавший Художественный театр за превращение его «комедии» в тяжелую драму, не принял бы мистической постановки своей пьесы. Мейерхольд, правильно отметивший как недостаток медленность темпа третьего акта в Художественном театре, в понимании пьесы в целом оказался близок к символистам — Белому, Мережковскому и др. Неудивительно, что «Вишневый сад» вызвал у символистов чувство мистического ужаса. Реакция символистов на пьесу Чехова была в конечном счете продиктована страхом старого общества перед грядущими историческими изменениями, о которых так настойчиво говорила пьеса. Гибель вишневого сада напоминала им о неотвратимости этих изменений. И, ослепленные своим испугом, они не заметили, что прощание с уходящим в прошлое миром неотделимо в пьесе от устремленности к светлому будущему России. Восприняв содержание пьесы субъективно, символисты так же восприняли ее форму и расценили появление «Вишневого сада» как проникновение писателя в тайны символического искусства.

Гораздо менее органическим такое восприятие пьесы было для Мейерхольда, который в силу своего политического радикализма не мог так трагически воспринимать гибель старого мира. Характерно, что, сходясь с А. Белым в общем понимании «Вишневого сада», Мейерхольд расходился с ним в некоторых существенных деталях. Свой тезис о мистической силе «Вишневого сада» А. Белый последовательно доводит до идеи мирового хаоса, якобы отраженного в пьесе. Именно поэтому А. Белый, говоря о героях пьесы, оперирует такими понятиями, как «маски ужаса», «чучело», «вешалка», Мейерхольд же говорит о *людях*, которые беспечны. Не случайно он целиком принимает трактовку образов Епиходова и Гаева в Художественном театре. В оценке «Вишневого сада» Мейерхольда сближала с Андреем Белым не солидарность с его социальной позицией, а лишь увлечение ирреалистической эстетикой символизма, под знаком которой развивалась в эти годы его режиссерская деятельность. Только таким неорганическим характером мистико-символической трактовки пьесы Мейерхольдом и можно объяснить то, что сама херсонская постановка «Вишневого сада» вовсе не была мистической. И рецензии, отмечавшие водевильный фон спектакля (см. Н. Д. Волков. Мейерхольд, т. I, М. 1929, стр. 174), и режиссерские замечания Мейерхольда на полях машинописной копии пьесы, сохранившейся в его архиве (ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 184), свидетельствуют о том, что спектакль был осуществлен в духе прежних чеховских постановок херсонской труппы и, следовательно,

в духе постановок Художественного театра. Простое и ясное содержание чеховской пьесы не поддавалось переводу на язык условного театра. Это было поражение Мейерхольда как режиссера-создателя условного театра (хотя он и не хотел признаться в этом), но это была и его победа как художника, понимавшего и любившего Чехова.

Для всей последующей режиссерской деятельности Мейерхольда характерно такое же противоречие. С одной стороны, он ссылается на высказывания Чехова для подтверждения своей теории условного театра. Не случайно из всех писем Чехова к нему Мейерхольд публикует именно письмо об «Одиноких» Гауптмана с дорогой для него мыслью об освобождении сцены от всего случайного, от «акцента», и с предостережением Мейерхольду как актеру, чтобы он не поддавался влиянию Станиславского. Выводит на свет он, наконец, и свою запись в дневнике от 11 сентября 1898 г., напечатав ее под многозначительным заглавием «А. П. Чехов о натурализме на сцене» в журнале символистов «В мире искусств» (1907, № 11-12). На эту беседу Чехова с актерами он вновь ссылается в своей программной работе «Театр (К истории и технике)» («Театр Книга о новом театре». СПб., 1908, стр. 123—176). В тех случаях, когда ему удается нащупать слабое место противника, он дает блестящие образцы полемики; такова его критика с позиций чеховских эстетических требований возобновленной в 1905 г. Художественным театром «Чайки». Развивая мысли о «Вишневом саде», изложенные в его последнем письме к Чехову, Мейерхольд делает верное замечание о сложности и продолжительности сцены с фокусами Шарлотты в спектакле «Вишневый сад».

Защищая недосказанность и «власть тайны» в театре, Мейерхольд с именем Чехова на своем знамени борется против искусства Художественного театра. Но с другой стороны, в пору самых горячих увлечений реформами театра Мейерхольд ни разу не поставил произведений Чехова в условной манере — ни в театре Комиссаржевской, ни в Александринском, ни в других театрах. Особенно показателен в этом отношении последний сезон «Товарищества новой драмы» летом 1906 г. в Полтаве: наряду со спектаклями, характерными для модернистского искусства, Мейерхольд возобновил к чеховской годовщине спектакли «Дядя Ваня» и «Вишневый сад». Но именно возобновил, а не поставил заново. Местные рецензенты, почувствовавшие в стиле «Товарищества новой драмы» столкновение «станиславщины» (т. е. реализма) и «мейерхольдовщины» (т. е. условного стиля), относили за счет «станиславщины» и успех «Вишневого сада», и неудачу «Дяди Вани». В первом случае в понравившемся зрителям спектакле отмечалась его жизненность, особенно в сцене приезда Раневской в первом акте (рецензия за подписью П. В. Станис... — «Полтавщина», 1906, № 90, от 6 июля); во втором случае одной из причин слабого исполнения пьесы считалось то, что она «слишком реалистична» и потому не в духе режиссерского репертуара Мейерхольда, который, мол, вместо «реальной правды» стремится к «художественной правде» (рецензия за подписью Профан— «Полтавщина», 1906, № 85, от 29 июня). Естественно, что в список своих самостоятельных режиссерских работ, приложенный к книге «О театре» (СПб., 1913), Мейерхольд не включил ни чеховские спектакли, ни остальной репертуар «Товарищества новой драмы», продолжавший творческие принципы Художественного театра.

Уже после второго херсонского сезона Мейерхольд мог бы прийти к тому выводу, который сделала В. Ф. Комиссаржевская, поставив в своем театре три чеховские пьесы: «Я не вижу возможности исполнения пьес Чехова на сцене в другом толковании, чем толкует его Художественный театр. Он вполне проникся духом чеховских пьес, и о постановках их в этом театре можно сказать, что они совершенны» (Н. В. Туркин (Дий Одинокий). В. Ф. Комиссаржевская в жизни и на сцене. М., 1910, стр. 158). Правда, Комиссаржевская — не без влияния Мейерхольда — считала, что Художественный театр игнорирует мистическую сторону «Вишневого сада». И именно поэтому Комиссаржевская и Мейерхольд могли прийти к мысли о новой постановке «Вишневого сада», о чем свидетельствует альбом мизансцен Мейерхольда в театре Комиссаржевской за 1906 г., на одной из страниц которого сохранилась общая планировка этого спектакля (ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 190). Замысел остался неосуществленным.

Не сумев подчинить чеховские пьесы законам условно-символического театра, Мейерхольд заговорил об устарелости Чехова-драматурга. Одна из заключительных мыслей его статьи «Театр» — о том, что условный театр избегает настроений чеховской драматургии, якобы приучающей актера к пассивности. А определяя место театра Чехова в русской драматургии XIX в., он пришел к выводу, что «металл чеховского звена» в цепи русской драматургии оказался годным лишь на одно десятилетие.

Мейерхольд, считавший когда-то, что «чеховского человека сыграть так же важно и интересно, как шекспировского Гамлета» (см. письмо от 4 сентября 1900 г.), теперь с укоризной обращает внимание на то, что «индивидуальности» у Чехова расплываются в группу лиц без центра, и тоскует о театре, который возобновил бы старинное противопоставление героя и «хора» (В. Э. Мейерхольд. О театре. СПб., 1913, стр. 139). Мейерхольд отходил от Чехова и Художественного театра не тогда, когда он ставил пьесы Чехова или играл в них (любопытно, что даже в 1910 г. его исполнение роли Тузенбаха в Александринском театре было отмечено, как «простое, жизненное и правдивое» — см. «Ежегодник императорских театров», 1910, вып. 6, стр. 167), а тогда, когда, опираясь на высказывания Чехова, пытался опровергнуть реалистический театр и построить свой театр на абстрактно-символических основах.

Но то, что, начиная с спектакля «Три сестры», Мейерхольд периода «Товарищества новой драмы» фактически продолжал традиции Художественного театра в чеховском репертуаре, было объективным признанием правоты Художественного театра как истолкователя Чехова. И то что в своем дальнейшем дореволюционном режиссерском творчестве Мейерхольд не сумел изменить «театру Чехова» в постановках пьес Чехова, было самым убедительным доказательством его величайшего уважения и любви к писателю, память о котором он пронес через всю свою жизнь.

Понадобилось еще много лет работы Мейерхольда в области условного театра для того, чтобы он решился подойти к творчеству Чехова вполне самостоятельно. В 1935 г., в связи с семидесятипятилетием со дня рождения Чехова, Мейерхольд поставил в театре своего имени спектакль «33 обморока», объединивший водевили «Юбилей», «Медведь» и «Предложение». Нужно полагать, что не только мысль об устарелости больших пьес Чехова, но и понимание невозможности избежать при их постановке влияния Московского Художественного театра предопределили выбор Мейерхольдом для юбилейного чеховского спектакля именно водевилей.

Спектакль «33 обморока» был поставлен в стиле «условного реализма», по терминологии самого Мейерхольда. Но анализ идейного содержания этого спектакля, внесшего в водевили Чехова тяжелый, несвойственный им дух ненависти, средств сценической выразительности, своеобразия ансамбля и техники актерской игры, роли музыки в спектакле,— анализ всего этого вывел бы нас далеко за пределы эпохи, в которую встречались и переписывались Чехов и Мейерхольд, один — в конце жизненного пути, другой — в преддверии своего бурного режиссерского творчества.

* * *

Из публикуемых ниже восемнадцати писем и телеграмм Мейерхольда к Чехову (1899—1904 гг.) девять относятся к периоду пребывания Мейерхольда в Московском Художественном театре, остальные — ко времени его режиссерской деятельности в Херсоне. Все письма, за исключением последнего, публикуются впервые по автографам, сохранившимся в архиве Чехова (ЛБ, ф. 331, 51/49); письмо от 8 мая 1904 г. было впервые опубликовано в газете «Советское искусство», 1934, № 32, от 11 июля. Не включены в настоящую публикацию две незначительные по содержанию телеграммы: от 8 апреля 1903 г. из Севастополя и от 17 января 1904 г. из Херсона (поздравительная). Письма Чехова к Мейерхольду, за исключением одного, не сохранились. Их, судя по письмам Мейерхольда, должно было быть не менее десяти.

ПИСЬМА МЕЙЕРХОЛЬДА К ЧЕХОВУ

1

Москва, 29 сент<ября> 1899

Уважаемый и дорогой Антон Павлович!

Обращаюсь к вам с маленькой просьбой, заранее извиняясь, если она покажется вам нескромной. Дело вот в чем. Роль Иоганнеса в «Одиноких» Гауптмана поручена мне [1]. Прошу вас, помогите мне в работе моей над изучением этой роли. Напишите, что вы требуете от исполнителя роли Иоганнеса. Каким рисуется вам Иоганнес? Напишите хоть в общих чертах и только в том случае, если это не утомит вас. Репетиции начнутся на будущей неделе.

Вчера вся труппа наша собралась на молебен, но молебна не было, так как митрополит не разрешил «служить» в театре. И отлично. Может быть, благодаря этому (по крайней мере отчасти) собрание наше [2] было особенно торжественным, свободным и сильным. Мы, как боэры *, отстаиваем свою независимость. Константин Сергеевич прочитал молитву, мы пропели молитву. Владимир Иванович благодарил в короткой речи труппу за тот труд, который она несла в течение семи месяцев. Затем пили чай. Торжественность дополнялась еще тем, что собрание было почему-то особенно тихим, сосредоточенным. Никаких речей, ни одного банального слова! Владимир Иванович предложил послать телеграмму московскому генерал-губернатору. Некоторые громко крикнули «просим», большинство промолчали. Предложение же послать телеграммы вам и Гауптману было принято не только единодушно, но и неистово [3].

Давно я не был в таком повышенном настроении духа, как вчера. И я знаю, отчего так. Театр наш понял и открыто заявил, что вся сила его в зависимости от тесной связи с величайшими драматургами современности. Я счастлив, что скрытая мечта моя наконец-то осуществляется!

Мы вас ждем к первому представлению «Дяди Вани» [4].

Жду скорого ответа (пишите на театр).

Ваш почитатель, глубоко уважающий вас Вс. Мейерхольд

P. S. Окончание статьи о вас в августовской книжке «Жизни» прочитал с наслаждением [5].

[1] Пьеса «Одинокие» готовилась к постановке в Московском Художественном театре с начала сезона 1899/1900 г. Первое представление было 16 декабря 1899 г.

[2] Собрание в связи с открытием театрального сезона.

[3] 30 сентября 1899 г. Чехов получил приветственную телеграмму Московского Художественного театра: «Перед открытием второго сезона встали прекрасные воспоминания прошлого. Вновь живы прежние восторги. Вся труппа единодушно потребовала послать привет дорогому другу нашего театра. С пожеланием поскорее видеть его среди нас Алексеев. Немирович-Данченко».

[4] На премьере «Дяди Вани», состоявшейся 26 октября 1899 г., Чехов не был.

[5] В августовской книжке журнала «Жизнь» напечатаны гл. III и IV статьи Е. А. Соловьева (Андреевича) «Антон Павлович Чехов».

2

Москва, 23 октября 1899

Дорогой, уважаемый Антон Павлович!

19 октября в первый раз играл Грозного [1]. К этому спектаклю пришлось усиленно готовиться. Приближение спектакля волновало так сильно, что я не мог ни над чем сосредоточить своего внимания. Вот почему так долго не отвечал на ваше милое, любезное письмо [2].

Крепко жму вашу руку, Антон Павлович, и благодарю за присланную характеристику Иоганнеса. Хоть вы и коснулись только общих черт ее,

* Т. е., как буры.

но сделано это с таким мастерством, что образ Иоганнеса вырисовался совершенно ясно. В данное время у меня нет под руками ни лишней рукописной роли, ни лишней пьесы, не то воспользовался бы вашим любезным предложением и прислал бы вам то или другое. Впрочем, все, что вы набросали в письме своем об Иоганнесе даже в общих чертах, само по себе наталкивает на целый ряд подробностей, таких, которые вполне гармонируют с основным тоном образа одинокого интеллигента, изящного, здорового, но вместе с тем глубоко печального.

К репетициям «Одиноких» до сих пор не приступали, так как все свободное время посвящается срепетовке «Дяди Вани», первое представление которого назначено на вторник 26 октября.

Все это время играл чуть не каждый вечер, по утрам бывал утомлен и простых репетиций «Д⟨яди⟩ Вани» (а они бывали чаще всего по утрам) не посещал.

Недавно был на 1-ой генеральной и смотрел первые два акта (других два, которые репетировались без декораций, не смотрел, чтобы не нарушать цельности впечатлений) [3].

Пьеса поставлена изумительно хорошо. Прежде всего отмечаю художественную меру в общей постановке, которая (художественная мера) выдержана от начала до конца. Впервые два режиссера слились вполне: один — режиссер-актер с большой фантазией, хотя и склонный к некоторым резкостям в постановках, другой — режиссер-литератор, стоящий на страже интересов автора. И кажется, последний заметно доминирует над первым. Рампа (обстановка) не заслоняет собою картины. Идейная существенная сторона последней не только бережно сохранена, т. е. не завалена ненужными внешними деталями, но даже как-то ловко отчеканена.

Из исполнителей больше всего нравятся О. Л. Книппер (Елена), К. С. Алексеев (Астров), А. Р. Артем (Телегин) и М. П. Алексеева [4] (Соня). О. Л. Книппер с поразительной правдивостью обрисовывает чеховскую нудную натуру. О Вишневском (Дяде Ване) не могу ничего сказать, не посмотрев третьего акта.

Пьесе, которая поставлена еще старательнее «Чайки», предсказываю громадный успех.

До нас долетел слух, что в декабре вы собираетесь в Москву. Приезжайте скорее! Не бойтесь холода. Знайте, что любовь к вам бесчисленных ваших почитателей согреет вас не только в Москве, но и на северном полюсе.

А я все-таки не знаю, где теперь Марья Павловна. Если в Ялте, передайте мой привет.

Вся труппа шлет вам поклон и пожелания успеха. До *скорого* свидания!

Любящий вас Вс. Мейерхольд

[1] Трагедия А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» была впервые поставлена в Московском Художественном театре 29 сентября 1899 г. Роль Иоанна Грозного исполнял Станиславский. С 19 октября его дублировал Мейерхольд.

[2] См. в настоящем томе письмо Чехова к Мейерхольду от начала октября 1899 г.

[3] Первая генеральная репетиция «Дяди Вани» состоялась 20 октября 1899 г.

[4] М. П. Лилина (Алексеева).

3

⟨Москва.⟩ 21 января 1900

Уважаемый и дорогой Антон Павлович!

С Новым годом!

Крепко жму вашу руку и благодарю за оригинальную «визитную карточку» [1].

Простите, что я не поздравил вас в день вашего рождения. Не знал.

ЧЕХОВ

Фотография, 1897—1898 гг.

Литературный музей, Москва

Давно собирался черкнуть вам, да не мог: был сильно занят. А вот теперь собрался, а пишу с трудом, так как чувствую себя отвратительно. Болит голова, сильно кашляю, знобит. Недели две тому назад простудился и до сих пор не могу поправиться, несмотря на то, что лечусь усиленно.

Настроение ужасное.

Не понимаю, отчего так тяжело живется.

Вероятно, у меня тяжелый характер. А, может быть, неврастения [2].

Вообще, не понимаю, зачем пишу вам все это. Должно быть, оттого, что вы сумеете прочитать между строк.

Не знаю, получили ли вы мое письмо, ответное на ваше об «Одиноких».

Еще раз благодарю за любезность.

Крепко жму вашу руку.

Уважающий вас Вс. Мейерхольд

[1] Эта «визитная карточка» неизвестна.

[2] По поводу письма Мейерхольда Чехов писал О. Л. Книппер 10 февраля 1900 г.: «Мейерхольд тоже жалуется на скуку жизни. Ай-ай! Кстати о Мейерхольде. Ему надо провести в Крыму все лето, этого требует его здоровье. Только непременно все лето» (XVIII, 328). См. также письмо Чехова к сестре (XVIII, 333).

4

Москва, 18 августа 1900

Дорогой Антон Павлович!

Если вас не затруднит, прошу вас помочь мне советом в деле такого рода. Летом я перевел с немецкого драму Гауптмана (в 5-ти актах) «Vor Sonnenaufgang» («Перед восходом солнца»). Приехав в Москву, прежде всего дал ее Владимиру Ивановичу для прочтения, рассчитывая, что театр поставит ее. Владимир Иванович прочитал пьесу, нашел ее интересной, хоть и написана она еще неопытной рукой (это первая его пьеса). Он боится, что пьеса не пройдет через специальную драматическую цензуру. Он находит ее слишком смелой для воспроизведения на сцене, благодаря своей ультранатуралистической окраске. Пьеса написана, очевидно, под влиянием увлечения Золя.

Он советует мне напечатать ее сначала.

Посоветуйте, Антон Павлович, как мне поступить. Пьесу можно, по-моему, пристроить только в два места: или в «Жизнь» [1] (для этого журнала она подходяща своим содержанием, касающимся вопросов социальных), или в собрание сочинений Гауптмана, редактируемое Бальмонтом [2].

Может быть, прислать ее сначала вам? А вы, прочитав, отошлете ее куда-нибудь по своему усмотрению. Прошу вас помочь мне в этом. Может быть, найдете возможным теперь же написать Бальмонту, чтобы кто-нибудь не предупредил представлением ему другого перевода [3].

Жду от вас ответа с большим нетерпением.

Лето провел хорошо, но поправляюсь очень туго, не могу разобрать, что со мной. Хотелось летом написать вам, но все не находил подходящего настроения, чтобы говорить с вами, не наскучив с первого слова.

Приехал в Москву 31 июля.

Репетиции начались 1 августа. Теперь репетируются: «Снегурочка», «Штокман» и «Когда мы мертвые воскресаем» [4].

В двух последних пьесах я занят на выходе и сильно утомляюсь.

Все с безумным нетерпением ждут вашей пьесы [5]. Когда же, наконец, вы нам ее пришлете, Антон Павлович? Пишете?

Собираетесь ли приехать в Москву?

Шлю привет вашей матушке и Марии Павловне.

Крепко жму вашу руку.

Любящий вас Всеволод Мейерхольд

Адрес: Божедомский пер.,
Воскресенский проезд, д. Васильева, кв. 2.

[1] «Жизнь» — литературный, научный и политический журнал, выходивший в Петербурге в 1897—1901 гг. под редакцией В. А. Поссе. С декабря 1898 г.— орган «легальных марксистов».

[2] Готовившееся к печати собрание сочинений Г. Гауптмана в переводе под ред. К. Бальмонта начало выходить в Москве, в 1902 г., в издании С. А. Скирмунта.

[3] См. прим. 1 к письму 6.

[4] «Снегурочка» — сказка А. Н. Островского; «Доктор Штокман» и «Когда мы мертвые пробуждаемся» — пьесы Г. Ибсена.

[5] Чехов писал пьесу «Три сестры». Закончил ее в конце октября 1900 г.

5

Москва, 4 сентября 1900

Большое спасибо, дорогой Антон Павлович, за то участие, какое вы приняли в планах моих относительно напечатания переведенной пьесы! — Сегодня отослал вам ее для прочтения. Если вы углубились в работу свою над новой пьесой, не читайте присланного. Успеется. А если на досуге откроете ее, прошу читать с карандашом и отмечать всякую стилистическую неловкость или неясно выраженный смысл. Если в этом месяце действительно приедете сюда, — обратно пьесы не пересылайте почтой, а привезите с собой. Думаю, что это стеснит вас менее, чем пересылка, сопряженная все-таки с известными хлопотами. Вообще мне страшно неловко перед вами. Мне кажется, что я мешаю вам работать...

В театре нашем идет большая спешка. Репетиции утром и вечером. Много народу, оживление. «Снегурочка» почти слажена. Поставлена пьеса изумительно. Столько красок, что, кажется, их хватило бы на десять пьес. Гречанинов, написавший музыку к «Снегурочке», перещеголял Римского-Корсакова наивной простотой и стильным колоритом [1]. Есть в музыке места, когда публика вдруг разражается гомерическим хохотом. И заметьте, такое впечатление на публику производят не слова, а только музыка. Постарайтесь приехать к открытию (20 сентября), чтобы послушать эту прелесть [2].

В Москве у нас теперь гостит Максим Горький. Он не пропускает ни одной репетиции и в полном восторге [3].

На одной из репетиций была и Мария Павловна. Сегодня в 5 ч. вечера собираюсь к ней чаевничать. Сговорился с Ольгой Леонардовной. Будет и М. Горький. Напишу вам, как провели вечер.

В Москве ужасный холод. Так и ждем, что выпадет снег. Досадно. Это может задержать вас в Ялте.

Неужели может случиться, что вы не дадите нам вашей пьесы в этом году!? Для меня это будет большое огорчение. Я все-таки, видите ли, рассчитываю получить рольку в вашей пьесе [4]. Сознаюсь. Уж очень тоскливо без дела, во-первых, а во-вторых, сыграть чеховского человека так же важно и интересно, как сыграть шекспировского Гамлета.

Желаю вам успеха!

До свидания! До скорого свидания!

Любящий вас Вс. Мейерхольд

[1] А. Т. Гречанинов написал музыку к «Снегурочке» специально для спектакля Художественного театра. Н. А. Римским-Корсаковым была написана в 1881 г. опера на сюжет «Снегурочки».

[2] Первое представление «Снегурочки» состоялось 24 сентября 1900 г. Чехов был тогда еще в Ялте.

[3] Горький писал Чехову в первой половине сентября 1900 г. о своем впечатлении от репетиций «Снегурочки»: «А вот „Снегурочка"— это событие! Огромное событие — поверьте! Я хоть и плохо понимаю, но почти всегда безошибочно чувствую красивое и важное в области искусства. Чудно, великолепно ставят художники эту пьесу, изумительно хорошо! Я был на репетиции без костюмов и декораций, но ушел из Романовской залы очарованный и обрадованный до слез. Как играют Москвин, Качалов, Грибунин, Ольга Леонардовна, Савицкая! Все хороши, один другого лучше, и — ей-богу — они как ангелы, посланные с неба рассказывать людям глубины красоты и поэзии» (М. Горький. Собр. соч., т. 28, стр. 130). М. П. Чехова в письме к Чехову от 5 сентября 1900 г. писала: «Горький с Сулержицким помешались на Художественном театре и торчат на репетициях целые дни» (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954, стр. 159—160).

[4] В пьесе Чехова «Три сестры» Мейерхольд исполнял роль Тузенбаха.

6

Москва. 1 октября 1900

Дорогой Антон Павлович!

Простите, что так долго не отвечал на ваше письмо. Много волновался, и к столу совсем не тянуло. Рукопись свою получил. Большое спасибо, что вы так или иначе разрешили мучивший меня вопрос о судьбе ее. Жаль, конечно, что никуда нельзя ее пристроить [1]. Но... что делать?

Прошла неделя, как начался наш театральный сезон. «Как мало прожито, как много пережито»... «Снегурочка», на которую потрачено безумное количество артистических сил, столько напряжений, режиссерской фантазии и столько денег, — провалилась. Все участвующие пали духом и продолжают свою работу с болью в душе и уныло... Публика, равнодушная и к красоте пьесы, и к тонкому юмору ее, критиканствует, повторяя мнения разных «ведомостей» и «листков» [2]. Сборы уже начинают падать. Все чувствуют себя неловко... В чем дело?

Очевидно, «Снегурочка» отжила свой век. Очевидно, при «современной смуте», на развалинах строя всей нашей жизни — мало призыва к одной лишь красоте...

Или это — каприз развинченной публики, или это слепое ее доверие к прессе? Как понять?.. М. Горький почему-то считает невежественными и публику, и прессу [3].

Наши рецензенты невежественны, конечно. А публика? Правда, она легковерна, но чутья она не потеряла. Разве неверно, что пьеса мелка, хоть и красива?

Часть вины пусть примет на себя наш главный режиссер: опять перемудрил. Если приедете, увидите. Всего не напишешь.

А ведь мы вас ждем непременно.

Вчера шел ваш «Дядя Ваня». Это в первый раз ваша пьеса в этом сезоне. Несмотря на то, что вчера была суббота, публики собралось гораздо больше, чем на другие возобновленные пьесы («Одинокие» и «Смерть Грозного»). Все играли превосходно, публика принимала и пьесу, и актеров восторженно.

В четверг идет «Чайка». Наконец-то. Соскучились.

На прошлой неделе я сыграл две прежних роли: Иоганнеса и Грозного. Последнюю сыграл почему-то с большим подъемом. Зато и устал здорово.

Не хочется писать, поговорил бы с большим удовольствием. Приезжайте «и все. Ну, что, право...»

До свидания! Да?

Крепко жму вашу руку

Любящий вас Вс. Мейерхольд

Все ждут и шлют привет!!

[1] В т. II собрания сочинений Г. Гауптмана, под редакцией К. Бальмонта (М., 1902) пьеса Гауптмана «Vor Sonnenaufgang» была напечатана в переводе В. Саблина, под заглавием «Перед восходом солнца». Перевод, сделанный В. Э. Мейерхольдом с шестого немецкого издания и озаглавленный «До восхода солнца», вышел в московском литографском издательстве «Театральная библиотека М. А. Соколовой» в июле 1903 г.

[2] «Снегурочка» не имела такого успеха, которого ожидал театр. Рецензии, появившиеся на другой день после спектакля, отмечали внешний эффект постановки и

ПРИЕЗД ЧЕХОВА В СЕВОСТОПОЛЬ В СВЯЗИ С ГАСТРОЛЯМИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Фотография, 10 апреля 1900 г.
Чехова встречают: В. Э. Мейерхольд (первый слева) и В. И. Немирович-Данченко (третий слева)
Музей Художественного театра, Москва

недостатки исполнения: «Исполнение отдельных ролей значительно ниже и общего замысла постановки и ее удивительной внешности. Внешность тут давит актера, вот почему впечатления игры точно тонут в бездне внешней красоты» («Московский листок», 1900, № 268, от 25 сентября).

«Исполнение не поднимается на высоту» постановки. Декорации задуманы очень интересно и полны живописности... Но всюду много вычуры, ненужных затей, они отвлекают внимание от пьесы и тяжелят ее. Вымученность фантазии, взвинченность выдумки умаляют простоту, наивность и поэтичность „Снегурочки". Зритель более поражается, чем очарован» («Новости дня», 1900, № 6231, от 25 сентября).

«Отсутствие простоты и излишняя склонность к внешним эффектам» («Русские ведомости», 1900, № 268, от 26 сентября). Об отношении Чехова и Мейерхольда к спектаклю «Снегурочка» см. выше, на стр. 426.

[3] Горький писал Чехову о спектакле «Снегурочка» в начале октября 1900 г.: «„Снегурочкой" — очарован» (М. Горький. Собр. соч., т. 28, стр. 132).

7

<Москва. 31 марта 1901 г.>[1]

Дорогой Антон Павлович!

Шлю вам привет!

Простите, что так давно не писал вам. Если вы не приедете сюда весной, напишу вам обстоятельное письмо. Хочется знать, как вы себя чувствуете, что поделываете. Мы соскучились по вас ужасно. Не забывайте любящего вас

Вс. Мейерхольда

Москва, 1901, апрель.

[1] Дата установлена по почтовому штемпелю (Москва — 31 марта, Ялта — 3 апреля).

8

Москва, 18 апреля 1901

Дорогой Антон Павлович!

Вы пишете: «спасибо, что вспомнили». Если я не писал вам так давно, неужели вы могли подумать, что я забыл вас. Да разве это возможно? Я думаю о вас всегда-всегда. Когда читаю вас, когда играю в ваших пьесах, когда задумываюсь над смыслом жизни, когда нахожусь в разладе с окружающим и с самим собой, когда страдаю в одиночестве...

Если я не писал вам и тем не дал реального доказательства моих постоянных дум о вас, то только потому, что сознаю свою негодность к жизни, сознаю, что все мои переживания никому неинтересны.

Я раздражителен, придирчив, подозрителен, и все считают меня неприятным человеком.

А я страдаю и думаю о самоубийстве. Пускай меня все презирают. Мне дорог завет Ницше «Werde der du bist»*.

Я открыто говорю все, что думаю. Ненавижу ложь не с точки зрения общепринятой морали (она сама построена на лжи), а как человек, который *стремится к очищению своей собственной личности.*

Я открыто возмущаюсь полицейским произволом, свидетелем которого был в Петербурге 4 марта [1], и не могу спокойно предаваться творчеству, когда кровь кипит и все зовет к борьбе.

Мне хочется пламенеть духом своего времени. Мне хочется, чтобы все служители сцены пришли к сознанию своей великой миссии. Меня волнуют мои товарищи, не желающие подняться выше кастовых, узких интересов, чуждые интересов общественности.

Да, театр может сыграть громадную роль в перестройке всего существующего! Недаром петербургская молодежь так старательно подчеркивала свое отношение к нашему театру. В то время как на площади и в церкви ее, эту молодежь, бессердечно, цинично колотили нагайками и шашками, в театре она могла открыто выражать свой протест полицейскому произволу, выхватывая из «Штокмана» фразы, не имеющие к идее пьесы никакого отношения, и неистово аплодируя им. «Справедливо ли, чтобы глупцы управляли людьми просвещенными»; «когда идешь защищать правду и свободу, не следует одевать лучшей пары» — вот какие фразы Штокмана вызывали демонстрацию [2]. Театр объединил в себе все классы, различные партии, заставляя всех страдать одним горем, выражать один восторг, протестовать против того, что всех одинаково возмущает. Этим театр заявил свою беспартийность и намекнул нам на то, что его стены защитят со временем от нагаек тех, кто захочет управлять страной во имя всеобщего освобождения.

Общественное движение последних дней приподняло мое настроение, возбудило во мне такие желания, о каких я и не мечтал. И мне снова хочется учиться, учиться, учиться.

* Будь тем, кто ты есть (нем.).

Мне нужно знать, совершенствовать ли личность, или идти на поле битвы за равенство.

Мне хочется знать: неужели нельзя стать равными и в то же время каждому руководиться своей моралью, безвредной другим и всем понятной, как проявление родственного духа.

Потом, мне кажется: нельзя стать «господином», когда социальная борьба ставит тебя в ряды «рабов».

Я мечусь и жажду знаний.

А когда я смотрю на свои худые руки, я начинаю ненавидеть себя, потому что кажусь себе таким же беспомощным и вялым, как эти руки, которые никогда не сжимались в сильные кулаки.

Жизнь моя представляется мне продолжительным, мучительным кризисом какой-то страшной затяжной болезни. И я только жду и жду, когда этот кризис разрешится, так или иначе. Мне будущее не страшно, лишь бы скорее конец, какой-нибудь конец... Ну, довольно об этом.

Скорее приезжайте к нам, милый Антон Павлович! Согрейте нас своею лаской. А вас согреет природа. У нас хорошо. Весна с каждым днем распускается все больше и больше. И тянет на воздух, в недра природы. Недавно мы любовались в Петровско-Разумовском закатом солнца. Потом смотрели, как сгущались тени, как на фоне бледного неба постепенно вырастали силуэты деревьев, тем выше, чем становилось темнее. Воздух холодел, на небе зажигались звезды, а в душе сгущались тени, как в природе. Хотелось быть в этой таинственной обстановке всю ночь, пережить тысячу дум, чтобы хоть чуть-чуть ближе приблизиться к уяснению непостижимого смысла бытия...

Горячо любящий вас
Всеволод Мейерхольд

Черкните до приезда! Поклон вашей матушке.

[1] О демонстрации 4 марта 1901 г. и других эпизодах студенческого движения этого времени см. в настоящем томе статью А. Н. Дубовикова «Письма к Чехову о студенческом движении 1899—1902 гг.».

[2] Пьеса Г. Ибсена «Доктор Штокман» шла в Художественном театре во время гастролей театра в Петербурге.

9

<Москва. Конец декабря 1901 г.>*

С Новым годом, дорогой Антон Павлович!

Хотелось бы кому-нибудь молиться, чтобы вы были здоровы, совсем здоровы, бодры, веселы... Тем, кто обожает ваше творчество, такая молитва нужна, нужна...

Опять перечитываем вас, Антон Павлович! [1] Опять «Дуэль», «Палата № 6», «Черный монах», «По делам службы»... С этими рассказами связаны воспоминания юности, печальной, но светлой. Опять сдавленные слезы, опять ласки поэзии и трепетное ожидание лучшего будущего... С вами легче жить, потому что вы внушаете веру в лучшее будущее и заставляете терпеть.

Пускай другие меняют свои увлечения художниками, как пиджаки, — тысячи таких, как я, останутся верными вам, Антон Павлович, навсегда.

Я никогда никого не чувствовал так, как чувствую вас.

Вы привыкли к похвалам, вам наскучили такие письма. Пускай. Я вами живу теперь, я должен поблагодарить вас за поддержку. Крепко жму вашу руку и, если позволите, целую.

Любящий вас Вс. Мейерхольд

Привет Марии Павловне и вашей матушке.

* На первой и второй страницах рукой Чехова проставлено карандашом: «1901,XII».

Новости:

Рабочие и студенты готовятся к выражению негодования по адресу Ванновского, обманувшего их ожидания [2].

Пьеса Немировича-Данченко возмутила публику [3]. Отношение автора к ненавистной ей (особенно молодежи) буржуазии — безразлично. Пестро, красочно, но не значительно и не искренне. Узнали в авторе ученика Боборыкина и обижены за любимцев — Чехова и Гауптмана, обижены, что автор старался втиснуть их настроения в винегрет плохого вкуса. Внешние фокусы на первом плане. Для чего столько труда, столько денег?!

Вышел «Красный петух» Гауптмана [4]. Превосходная пьеса.

В литературно-художественном клубе по вторникам читаются рефераты. После — обсуждения. Недавно какой-то доктор читал о «Записках врача» Вересаева [5]. Реферат вызвал оживленные прения. Собрание выразило сочувствие Вересаеву в его искреннем порыве высказать исповедь врача.

Здесь сыро и туманно.

[1] В связи с выходом томов собрания сочинений Чехова в издании А. Ф. Маркса.
[2] См. об этом в названной статье А. Н. Дубовикова в настоящем томе.
[3] «В мечтах». Первое представление состоялось в Художественном театре 21 декабря 1901 г.
[4] Трагикомедия в 4-х действиях Г. Гауптмана «Красный петух» вышла в переводе Ю. Балтрушайтиса и В. Саблина в конце 1901 г.
[5] Доклад М. А. Членова о «Записках врача» В. В. Вересаева состоялся в Литературно-художественном кружке 18 декабря 1901 г.

10

(ТЕЛЕГРАММА)

<Херсон. 18 октября 1902 г.>

Отсутствием времени не писал. Труппа благодарит за милое письмо. Просит вас рекомендательной телеграммой на имя севастопольского городского головы помочь снять театр весенний сезон.

Мейерхольд

11

(ТЕЛЕГРАММА)

<Херсон. 2 января 1903 г.>

Поздравляем дорогих Марию Павловну Антона Павловича с Новым годом, благодарю за память.

Мейерхольд

12

<Севастополь. Апрель 1903 г.>*

Посылаю вам, дорогой Антон Павлович, квитанцию: телеграмму отослал тогда же, ночью [1]. Может быть, вы дали мне денег больше, чем стоит телеграмма? Я не посмотрел, сколько вы дали.

Очень жалею, что не удалось мне еще раз поговорить с вами [2]. Но я надеюсь, что скоро опять увижу вас, а потом... долго-долго не увижу. Прошу вас, не забывайте меня, потому что я привязан к вам, как верный пес.

Сообщите — когда будете проезжать через Севастополь [3].

И напишите хоть два слова.

Будьте здоровы!

Любящий вас Всеволод Мейерхольд

* Рукою Чехова карандашом проставлено: «1903, IV».

[1] Вероятно, телеграмму Чехову от 8 апреля 1903 г.: «Билеты записаны пятницу мужское дамское международным. Мейерхольд».
[2] Мейерхольд, очевидно, был в Ялте, где виделся с Чеховым.
[3] Чехов был в Севастополе проездом в Москву 22 апреля 1903 г.

13

Херсон (театр), 1 сентября 1903 г.

Дорогой Антон Павлович!

С большой просьбой к вам. Не найдете ли возможным прислать экземпляр вашей новой пьесы так скоро после постановки ее на сцене Художественного театра, чтобы не нужно было дожидаться выхода ее в печати [1]. Так посылали вы «Трех сестер» покойному Н. Н. Соловцову [2]. Надеюсь, что дадите возможность поставить вашу пьесу возможно скорее. Если «Правительственный вестник» не успеет объявить пьесу в списке безусловно разрешенных, тогда попрошу выслать «скрепленный» экземпляр. Все расходы беру, конечно, на себя.

Дорогой Антон Павлович! Мне кажется, что вы за что-то сердитесь на меня. Скажите откровенно. Почему так кажется? Вот вы ответили Лазаревскому на наше послание (фотографическая карточка) [3], а мне ни строчки.

Мне очень больно.

Мы закипели. 16 сентября открываем сезон. Ставим в открытие «На дне».

Будем ждать вашу пьесу, потому что труппа сохранила чеховский тон.

Если вы видели «Новый путь», последнюю книжку, то, может быть, заметили стихи Поля Фора в переводе Бальмонта? [4] Хочется вам сообщить их, в случае пропустили. Хочется возместить бессодержательность моего письма.

Она умерла, умерла, умерла, от любви умерла
С рассветом ее унесли, и за гробом немногие шли.
Ее схоронили одну, одну, как она умерла,
Ее схоронили одну, как она перед смертью была.
И с песней вернулись они: «Кому суждено, так умрет».
И пели, и пели они: «Для каждого есть свой черед».
Она умерла, умерла, она умерла от любви.
Ее унесли, и опять работать, работать пошли.

Шлю привет Ольге Леонардовне, которая меня, конечно, забыла. Я бы зашел к ней в Москве, если бы был только уверен, что не в тягость. А как мне хочется поплакать с ней в вашей «Чайке» [5]. Господи, как хочется. Неужели она забыла обо мне? Нет, не может быть! Милый Антон Павлович, напишите мне хоть два слова.

Горячо любящий вас Всеволод Мейерхольд

[1] Чехов в это время заканчивал пьесу «Вишневый сад».
[2] В декабре 1900 г., до напечатания, Чехов послал Н. Н. Соловцову текст пьесы «Три сестры» для постановки в Киевском театре.
[3] Мейерхольд и Лазаревский послали Чехову из Севастополя в мае 1903 г. фотографию, на которой они были сняты вдвоем. На фотографии надпись Мейерхольда: «Бледный Мейерхольд своему богу». Эта фотография находится в кабинете Чехова в ялтинском Доме-музее А. П. Чехова. Упоминаемое письмо Чехова Лазаревскому, в котором он благодарит за присланную фотографию,— см. XX, 102.
[4] Стихотворение Поля Фора в переводе Бальмонта напечатано в августовской книжке журнала «Новый путь» 1903 г.
[5] Мейерхольд имеет в виду сцену Аркадиной и Треплева в третьем акте «Чайки». В первой постановке «Чайки» Художественным театром Мейерхольд исполнял роль Треплева.

14

Херсон, 23 сентября 1903

Дорогой Антон Павлович!

Пьесу вашу ждем с большим нетерпением. Сезон открыли 15-го, а играть нечего: хороших пьес так мало, так мало... Труппа скучает, потому что нечем увлечься. Надо, чтобы вы всколыхнули нашу стоячую воду! Ждем, ждем, ждем...

Я так рад, что вы не сердитесь. Простите, что я высказал вам свое подозрение. По-прежнему такой подозрительный. Известие, что Ольга Леонардовна собирается написать, обрадовало меня. И скажите ей, что буду ждать. Всплывает так много хороших воспоминаний о вас и о ней... Театр, которому я отдавал так много души, пролитые слезы в вашей «Чайке», ваша ласка ко мне, все, все, все... Хорошо было прежде...

Так значит вы пришлете «Вишневый сад». Не забудьте, дорогой Антон Павлович!

Еще просьба: *черкните в Ростов н/Д. о нас тому вашему знакомому, от которого зависит сдача театра на будущий зимний сезон.* Хотелось бы выбраться из этой ямы — Херсона. Холостой выстрел! Работаем много, а результат... Буду присылать отзывы печати о нашем деле, чтобы вы знали, кому даете рекомендацию. Впрочем, в Севастополе, вы знаете, мы оправдали доверие к нам. Еще раз благодарю за то, что написали о нас тогда Шапошникову [1]. Простите за беспокойство. Будьте счастливы и здоровы.

Примите братский поцелуй.

Горячо любящий вас Вс. Мейерхольд

[1] А. К. *Шапошников* — знакомый Чехова, служащий севастопольского банка. Упоминаемое письмо к нему Чехова неизвестно. По-видимому, Чехов обратился к нему по поводу аренды севастопольского театра труппой Мейерхольда.

15

Херсон, 16 ноября 1903

Дорогой Антон Павлович!

Простите, что надоедаю.

Хочется напомнить о себе. Теперь особенно. Заболел. Лежу в постели. Недавно хлынула горлом кровь. Переутомился. Говорят, легкие в порядке. Усиленная деятельность сердца выбила кровь. Предписан покой. Вот уже больше недели как не выхожу из дому. Без дела скучаю.

Много думал о вас. Как вы поживаете? Вспоминаете ли меня?

Все жду и жду от вас письмеца. Не в укор. Знаю, что вы заканчивали «Вишневый сад» [1]. Кстати, могу ли рассчитывать получить пьесу в этом сезоне?

Правда ли, что пьеса изложена была в «Новостях дня» неверно? [2]

Как поживает Ольга Леонардовна?

Да... Недавно возобновили «Одиноких». Лежа в постели не совсем-то приятно было читать ругань московских газетчиков по моему адресу.

А как поживает Мария Павловна?

Скоро я пришлю вам новую пьесу Пшибышевского «Снег» (перевод моего друга Ремизова) [3]. Вам пьеса очень понравится. Мне кажется.

Слыхать — Горький основывает свой театр в провинции. Что такое? [4]

Как же мне с Таганрогом или Ростовом? [5]

Пора бы... Впрочем, тысяча планов... Скорее бы определилось мое будущее. О Москве скучаю. Да, скучаю...

Напишите, пожалуйста.

Вас горячо любящий Вс. Мейерхольд

Херсон, Городской театр.

[1] Пьесу «Вишневый сад» Чехов закончил и выслал в Художественный театр 14 октября 1903 г.

[2] В «Новостях дня», 1903, № 7315, от 19 октября, появилась статья Н. Е. Эфроса (без подписи) «Вишневый сад», в которой содержание пьесы было изложено с искажениями.

[3] Драма в 4-х актах Станислава Пшибышевского «Снег» в переводе А. Ремизова и С. Ремизовой вышла в издании «Театральной библиотеки М. А. Соколовой» (М., 1903). Представлена в первый раз в Херсоне труппой Мейерхольда 19 декабря 1903 г. С этого второго театрального сезона, 1903/1904 г. труппой руководил Мейерхольд один, без покинувшего театр А. С. Кошеверова. В состав труппы был приглашен в качестве литературного консультанта писатель А. М. Ремизов. С этого сезона театр получил название: «Товарищество новой драмы». О роли Ремизова в этом театре — см. выше, на стр. 431.

[4] В Нижнем Новгороде по инициативе местной интеллигенции, при активном участии Горького был создан Народный дом, открытие которого состоялось в декабре 1903 г. В театральную труппу Народного дома вошли некоторые артисты Художественного театра и ученики его студии. Режиссером был артист МХТ И. А. Тихомиров. Но театр этот просуществовал недолго, так как администрация чинила ему всякие препятствия. Он не мог поставить ни одной пьесы Горького, в то время как Городской театр свободно ставил «На дне». Театр Народного дома понес большие убытки и уже в мае 1904 г. был закрыт.

[5] Мейерхольд предполагал провести следующий сезон своего театра в Ростове-на-Дону (см. письмо 14) или в Таганроге.

16

(ТЕЛЕГРАММА)

〈Херсон. 1 января 1904 г.〉

Спасибо любезное письмо. Не отвечал. Занят. Скоро напишу. Поздравляю Новым годом вас, Ольгу Леонардовну. Умоляю прислать этом сезоне цензурованный Вишневого сада. Мейерхольд

17

(ТЕЛЕГРАММА)

〈Херсон. 17 января 1904 г.〉

Еще раз прошу прислать мне цензурованный Вишневого сада. Выручите преданного вам Мейерхольда

18

〈Лопатино.〉 8 мая 1904.

Дорогой Антон Павлович!

Большое спасибо за ваше любезное письмо, которое вы прислали мне, узнав о моей болезни, и на которое я — бессовестный — так долго молчал. Простите.

Здоровье мое улучшилось, как только приехал в Москву, оставив занятия. Посоветовался с врачом. Весной и летом играть не разрешили. В легких не нашел ничего. Сердце переутомлено. Послал в деревню. И вот с Пасхи живу в глуши Саратовской губернии. Здесь сосновый лес, вода и почта только два раза в неделю.

От антрепризы отказаться не могу. Слишком много вложил в нее. Если придется по необходимости, что делать. А так трудно.

Звала меня к себе Комиссаржевская [1], испугал Петербург. Кроме того, она собиралась взвалить на меня *только* режиссерский труд. Как ни интересен труд режиссера, актерская работа куда интереснее. В моем деле режиссура интересует меня постольку, поскольку вместе с поднятием художественного тона всего дела — она помогает совершенствоваться моей артистической личности.

В будущем году труппа моя будет играть в Тифлисе. Приезжайте посмотреть нас, потому что мы подросли в художественном смысле. Вашу пьесу «Вишневый сад» играем хорошо. Когда я смотрел ее в

Художественном театре, мне не стало стыдно за нас. Мне не совсем нравится исполнение этой пьесы в Москве. В общем.

Так хочется сказать. Когда какой-нибудь автор гением своим вызывает к жизни свой театр, этот последний постигает секрет исполнения его пьес, находит ключ... Но если автор начинает совершенствовать технику и в творчестве своем поднимается в высоты, театр, как совокупность нескольких творцов, следовательно творец более тяжеловесный, начинает терять этот ключ. Так, например, потерял ключ к исполнению пьес Гауптмана «Deutsches Theater» в Берлине (неуспех великолепной трагикомедии «Красный петух», «Шлюк и Яу», «Бедный Гейнрих»). Так, мне кажется, растерялся Художественный театр, когда приступил к вашему «Вишневому саду».

Ваша пьеса абстрактна, как симфония Чайковского. И режиссер должен уловить ее слухом прежде всего. В третьем акте на фоне глупого «топотанья» — вот это «топотанье» нужно услышать — незаметно для людей входит Ужас:

«Вишневый сад продан». Танцуют. «Продан». Танцуют. И так до конца. Когда читаешь пьесу, третий акт производит такое же впечатление, как тот звон в ушах больного в вашем рассказе «Тиф». Зуд какой-то. Веселье, в котором слышны звуки смерти. В этом акте что-то метерлинковское, страшное. Сравнил только потому, что бессилен сказать точнее. Вы несравнимы в вашем великом творчестве. Когда читаешь пьесы иностранных авторов, вы стоите оригинальностью своей особняком. И в драме Западу придется учиться у вас.

В Художественном театре от третьего акта не остается такого впечатления. Фон мало сгущен и мало отдален вместе с тем. Впереди: история с кием, фокусы. И отдельно. Все это не составляет цепи «топотанья». А между тем ведь все это «танцы»: люди беспечны и не чувствуют беды. В Художественном театре замедлен слишком темп этого акта. Хотели изобразить скуку. Ошибка. Надо изобразить беспечность. Разница. Беспечность активнее. Тогда трагизм акта сконцентрируется.

В частности: плохо играют Лопахина, лакея, Дуняшу, Варю, Аню [2].

Великолепны: Москвин и Станиславский [3].

Фирс [4] совсем не тот.

Поразителен пейзаж второго акта в декоративном отношении.

Черкните что-нибудь о себе.

Передайте Ольге Леонардовне мое извинение, что не зашел к ней. Был в Москве недолго, а дел было очень много.

Горячо любящий вас Вс. Мейерхольд

Адрес: Почтовая станция Чаадаевка Саратовской губернии [5].

[1] В. Ф. Комиссаржевская основала в 1903 г. в Петербурге свой драматический театр. Позднее, с августа 1906 г., Мейерхольд работал в театре Комиссаржевской в качестве главного режиссера и актера. Но уже весной 1907 г. он ушел из театра по предложенью Комиссаржевской, которая написала ему, что они по-разному смотрят на задачи театра, что его искания ведут к чуждым ей принципам театра марионеток, что по этому пути они вместе идти не могут.

[2] Эти роли исполняли: Лопахина — Л. М. Леонидов, лакея Яшу — Н. Г. Александров, Дуняшу — С. В. Халютина и А. Ф. Адурская, Варю — М. Ф. Андреева, Аню — М. П. Лилина.

[3] И. М. Москвин играл Епиходова и К. С. Станиславский — Гаева.

[4] Роль Фирса исполнял А. Р. Артем.

[5] В это время Мейерхольд отдыхал в имении своей жены Лопатине, близ станции Чаадаевка.

ПИСЬМА К ЧЕХОВУ О СТУДЕНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 1899—1902 гг.

Статья А. Н. Дубовикова*

1

Многие из мемуаристов, вспоминающие о встречах с Чеховым в последние годы его жизни, рассказывают о том новом, что появилось в его взглядах и настроениях под влиянием все явственнее обозначавшегося общественного подъема, бывшего предвестием первой русской революции. Об этом говорят как близкие знакомые Чехова, длительно и постоянно общавшиеся с ним, так и люди, чье знакомство с писателем ограничивалось немногими случайными встречами. Широко известны и часто цитируются в работах о Чехове воспоминания Вересаева: «Для меня очень был неожидан острый интерес, который Чехов проявил к общественным и политическим вопросам 〈...〉. Теперь это был совсем другой человек; видимо, революционное электричество, которым в то время был перезаряжен воздух, встряхнуло и душу Чехова» (В. В. Вересаев. Сочинения, т. IV. М., 1948, стр. 504—505). С этим перекликается более обстоятельное свидетельство Елпатьевского, постоянно жившего в то время в Ялте и имевшего возможность часто видеть Чехова и дружески откровенно беседовать с ним.

Характерная для первого этапа их знакомства «временная отчужденность» («мешала политика. Антон Павлович был более чем равнодушен к тому, что волновало меня») в дальнейшем исчезла без следа, как исчезло и равнодушие Чехова к «политике», «не стало прежнего Чехова»: «И случилось это как-то вдруг, неожиданно для меня. Поднимавшаяся бурная русская волна подняла и понесла с собой и Чехова. Он, отвертывавшийся от политики, весь ушел в политику, по-другому и не то стал читать в газетах, как и что читал раньше. Пессимистически и во всяком случае скептически настроенный Чехов стал верующим. Верующим не в то, что будет хорошая жизнь через двести лет, как говорили персонажи его произведений, а что эта хорошая жизнь для России придвинулась вплотную, что вот-вот сейчас перестроится вся Россия по-новому, светлому, радостному» (С. Я. Елпатьевский. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929, стр. 305).

Известный врач М. А. Членов, встречавшийся в эти годы с Чеховым во время приездов последнего в Москву, в своих воспоминаниях пишет, что Чехов «в последние годы уже с необычайной для него страстностью, не перенося никаких возражений, 〈...〉 доказывал, что мы — „накануне революции“» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 552).

В воспоминаниях Сергея Мамонтова, тогда молодого драматурга, которому привелось лишь дважды встретиться с Чеховым, мы находим рассказ о беседе с ним в июне 1903 г. в подмосковной местности Наре, где Чехов жил в то лето: «Знаете,— сказал

---

* Первоначальная подготовка к печати использованных в статье писем Н. В. Алтухова и П. А. Базилевича была произведена Н. И. Гитович.

он,— торопитесь писать для театра. Общество будет интересоваться театром всего два, много — три года. А там ему будет уже не до театра. Настанут в России такие события, которые все перевернут вверх дном. Мы переживаем такое же время, какое переживали наши отцы накануне Крымской кампании. Только нас ожидает еще худшее испытание. Я это знаю наверняка» (С. Мамонтов. Две встречи с Чеховым.— «Русское слово», 1909, № 150, от 2 июля). Чтобы не множить цитат, ограничимся еще ссылкой на аналогичные свидетельства режиссера Александринского театра Е. П. Карпова («Две последние встречи с Ант. Пав. Чеховым».— «Рампа и жизнь», 1910, № 24, стр. 391—392) и врача В. И. Киселева, в прошлом студента Киевского университета, участника студенческого движения, который в 1901 г. познакомился с Чеховым в санатории в Аксенове («В Андреевском санатории (Из воспоминаний о Чехове)».— «Орджоникидзевская правда», г. Ворошиловск, 1940, № 162, от 14 июля).

Тезис о решительных сдвигах в сознании Чехова в предреволюционные годы прочно утвердился в советской литературе,— трудно найти сейчас статью или книгу о нем, где не было бы уделено большего или меньшего внимания этому тезису и его обоснованию примерами из последних произведений писателя — «Три сестры», «Невеста», «Вишневый сад» и свидетельствами мемуаристов. Однако до сих пор в литературе о Чехове почти не было сделано попытки конкретизировать общие положения о влиянии на писателя «атмосферы, полной революционного электричества», надвигающейся «революционной бури» и т. п. [1]

До сих пор остается неисследованным вопрос о том, какие именно факты русской общественной жизни, предвещавшие эту «бурю», доходили до Чехова, какими путями и из каких источников получал он информацию об этих фактах, как их воспринимал и какие делал из них выводы. Известно, что Чехов был всегда, а в последние годы особенно, внимательным читателем газет, что он получал их великое множество — как столичных, так и провинциальных. Даже при заведомой неполноте, а в большинстве случаев и тенденциозности газетной информации о политической жизни страны, она все же давала читателю известное представление о происходящих в стране событиях.

Несомненно, что газеты не были единственным источником осведомленности Чехова о фактах оживления и роста революционного движения в стране: газетная информация восполнялась, а в иных случаях, конечно, и корректировалась живыми свидетельствами людей, встречавшихся с Чеховым или состоявших с ним в переписке. С этой точки зрения еще не было предпринято систематическое обследование огромного фонда писем к Чехову, сохраненных им в своем личном архиве (в дальнейшем мы пользуемся ими без ссылок на шифры Отдела рукописей ЛБ).

Не претендуя на полное освещение этой темы, мы в настоящей работе ограничиваемся систематизацией и анализом писем к Чехову, в которых содержатся те или иные отклики на события, связанные со студенческим движением конца 1890-х — начала 1900-х годов. Некоторые из этих писем в разное время были опубликованы (полностью или в выдержках), но в большей своей части они до сих пор остаются ненапечатанными и их введение в научный оборот является давно назревшей задачей.

2

Началом нового и необычайно сильного подъема студенческого движения на рубеже нового века явились февральские события 1899 г. в Петербурге. 8 февраля — день основания Петербургского университета — студенты по традиции отмечали всегда шумно, беспорядочно и весело. По окончании торжественного акта они всей массой направлялись к Невскому, нарушая чинное спокойствие столицы нестройными возгласами и пением. В предыдущие годы этот день нередко отмечался инцидентами, в которых участвовали студенты. В 1899 г. решено было все это предотвратить. По указанию властей, ректор университета проф. Сергеевич объявил о недопущении беспорядков в праздничный день, причем сделал это в оскорбительной для студентов форме, угрожая неподчинившимся наказаниями по статьям уголовного уложения. На годичном акте 8 февраля ректор был встречен шумом и свистом. По окончании

акта студенты, несколько успокоившись, вышли из университета, но увидели, что полиция преградила им путь к Дворцовому мосту, через который они хотели пройти на Невский. Конная полиция, действовавшая по заранее отданному приказу, ответила на попытку студентов пройти за Неву ударами нагаек. Произошло столкновение, закончившееся победой полиции.

Негодующие и возмущенные грубым насилием, студенты решили прекратить посещение лекций и потребовали гарантий их личной неприкосновенности. На последовавшие за этим полицейские репрессии учащиеся всех высших учебных заведений Петербурга ответили решением также прекратить занятия в знак солидарности со студентами университета. Волна возмущения быстро распространилась за пределы Петербурга, студенческая забастовка охватила многие русские города. По имеющимся данным, в забастовке приняло участие более 25 тысяч учащейся молодежи («История Московского университета», т. I. М., 1955, стр. 500).

Так, стихийно возникшие «беспорядки» в Петербургском университете переросли в событие общеполитического значения, явившись, по выражению современного нам историка, «началом периода „бури и натиска“» (В. И. О р л о в. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, стр. 321). Однако на этом этапе основная масса студенчества еще не осознавала ясно связи между своей борьбой за гражданские права, за академические свободы и общим процессом нарастания классовой борьбы в стране. Революционное сознание еще не овладело умами большинства студентов, а революционно мыслящая часть студенчества была слишком невелика и не могла играть руководящей роли. К тому же студенческие организации во имя ложного принципа сохранения единства всего студенчества, всех его группировок проводили умеренную, приспособленческую тактику уступок буржуазным и отсталым слоям студенчества. Тем не менее события 1899 г. явились для многих студентов школой политической борьбы, усилили влияние на них социал-демократических элементов, послужили подготовительным этапом к дальнейшему развертыванию политически более зрелого движения последующих годов.

Первые сведения о событиях в Петербурге Чехов получил от брата Александра. В письме от 16 февраля 1899 г. Ал. П. Чехов писал ему: «У нас великое брожение умов по поводу студенческого волнения умов. Виновата полиция. Студенты ведут себя великолепно, сдержанно и с тактом. Все высшие учебные заведения — технологи, инженеры, лесники, даже духовная академия солидарно прекратили лекции по собственной инициативе, пока студентам не дадут гарантии, что их полиция не будет бить по мордам арапниками 〈...〉 Подробностей так много, что можно написать целый том. Киевские и дерптские студенты прислали депутации о солидарности и тоже забастовали. Ждут, что студенческий пожар разольется по всем университетам. Что-то будет? Студенты поражают всех своим удивительно тактичным поведением. Будет время — напишу подробнее 〈...〉»

В приписке к письму Александр добавлял: «Сейчас получено известие, что и морской корпус примкнул к студентам, и через пять минут сообщено по телефону, что женские педагогические курсы (и бабы туда же!) подали своему попечителю великому князю Константину Константиновичу петицию, к коей приложена жалоба студентов и изложены их нужды и требования» (Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939, стр. 382).

В следующем письме (от 26 февраля) Александр очень подробно излагает ход событий 8 февраля и последующих дней (там же, стр. 383—386). Газетный репортер, связанный с академическими кругами, сотрудник редакции «Нового времени», Ал. П. Чехов располагал, конечно, обширной информацией, как официальной, так и неофициальной, что позволило ему дать брату более полное представление о происходящем, чем тот мог почерпнуть из газет, которые, кстати сказать, вскоре вынуждены были на основании специального циркуляра прекратить печатное обсуждение студенческих волнений.

Так, в письме от 26 февраля Александр подробно рассказывает о закулисной борьбе в правительстве, разгоревшейся вокруг студенческой истории, которой воспользовался Витте для дискредитации министра народного просвещения Боголепова

и министра внутренних дел Горемыкина. Вместе с тем в освещении Александра явственно звучат либеральные ноты: слегка иронизируя над «Rex'ом» *, он в то же время одобряет его действия (осуждение рвения полиции и смещение петербургского градоначальника Клейгельса), возлагает надежды на комиссию генерала Ванновского, «считающегося абсолютно честным и беспристрастным человеком». В таком же духе он расценивает поведение студентов, подчеркивая их политическую благонамеренность и готовность приветствовать царя: «... он велел кучеру ехать по Дворцовому мимо университета, где в это время Клейгельс грозил толпе студентов у запертого полицией университета сослать всех в Сибирь, колесовать и повесить. Завидев экипаж царя, бунтовщики сняли шапки и радостно заорали ура» (там же; последнюю фразу, выпущенную в публикации письма, восстанавливаем по автографу).

Студенческие волнения живо заинтересовали Чехова, и в ответном письме к брату от 4 марта он писал: «Буду ждать от тебя письма — продолжения насчет студенческих беспорядков» (XVIII, 97). Чехову нужны были новые и новые факты, чтобы полнее представить себе картину происходящих событий и правильнее понять их объективный смысл и значение. И он получал эти факты от брата, а также от других корреспондентов.

Заканчивая цитированное выше письмо от 26 февраля, Александр высказал предположение, что студенческая история подходит к финалу: «Теперь все тихо, общественное брожение улеглось, и по городу ходят под секретом только фотографии, снятые из окон академии художеств и изображающие избиение студентов арапниками. Ждут теперь, что скажет комиссия Ванновского» (Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939, стр. 387). Однако уже через неделю он извещает брата о дальнейшем развитии событий: «Студенты начали было ходить на лекции, но вчера полиция арестовала нескольких курсисток, и сегодня они снова забастовали» (письмо от 4—5 марта.— Там же, стр. 387). Эти факты грубого произвола подействовали даже на скептический ум Александра. «В воздухе носится что-то такое скверное, а что — определить не могу»,— замечает он далее в том же письме.

Страх перед надвигающимся призраком революции толкал правительство на новые репрессии, которые вызывали ответную волну возмущения учащейся молодежи. 17 марта последовало решение о временном закрытии Петербургского и Московского университетов и о массовом увольнении из них всех студентов. Обратному приему подлежали студенты, о которых будет дан благоприятный отзыв охранного отделения. Несколько сот человек было выслано в прежние места жительства. В Москве более чем тысяче студентов было отказано в обратном приеме, около 700 человек было выслано из Москвы [2].

В письмах к Чехову многие из этих фактов также нашли свое отражение. И. И. Орлов, видный земский врач и общественный деятель, приятель Чехова, писал ему 23 марта 1899 г. о разных неприятностях своей повседневной жизни, а затем продолжал: «А впрочем, все это пустяки! Вы не думайте, что я очень удручен всеми этими глупыми житейскими фактами. Есть более важные явления в нашей действительно общественной жизни, каковою проявилась действительно сверх всякого чаяния жизнь наших студентов: ведь это целая Волга, против которой оказываются бессильными все фараоновские запруды Угрюм-Бурчеевых. Со дня на день жду возвращения своей дочери-курсистки из Питера; и бестужевки с 20 марта опять забастовали, как раз в первый день, когда был назначен у дочери третьекурсный экзамен. Наверное и их всех исключат, как исключили всех студентов Петербургского и Московского университетов».

В это же время Чехов получил два письма из Москвы: одно от Н. М. Ежова с лаконическим сообщением: «Московский университет *закрыт*. Говорят, не всех студентов вернули, поэтому в будущем ожидаются еще большие беспорядки» (17 марта 1899), другое — от московского коммерсанта и издателя М. М. Зензинова, выражавшего тревогу за судьбу причастных к волнениям студентов. «Здесь все поглощено университетской историей. Тяжело становится жить при таких условиях, в особенности

* Т. е. царем (лат.).

у кого в семье есть студент. Наш пока в Москве и, вероятно, выслан не будет. Он техник, а Техническое, кажется, не закроют, в начале апреля уже экзамены. Сколько, подумаешь, будет исковерканных молодых жизней, и все из-за чего?» (24 марта 1899).

Гораздо более интересным и значительным было еще одно письмо, полученное Чеховым из Москвы и помеченное 18 марта. Автором его был не сторонний наблюдатель, как Ежов или Зензинов, а юноша, окрыленный открывшимися перспективами борьбы с произволом, воодушевленный смелыми мечтами о будущей свободе. Письмо

ЧЕХОВ
Фотография, 1900 г., Ялта
Литературный музей, Москва

было написано Михаилом Лавровым, сыном издателя «Русской мысли» В. М. Лаврова. Он писал Чехову:

«В Московском университете с субботы 13 началась забастовка, все исключены и подписывают покаяние. Как только откроется университет — опять начнется забастовка, и так далее, пока не будут удовлетворены требования студентов. В Питере тоже начались волнения. Студенты рады — начальство сбито с толку, введен новый способ борьбы, в руках новое свое оружие, и марксисты приветствуют торжество осуществления практической программы Маркса. Пока фактов нет, полиция захватывает студенческие собрания, переписывает, но — высочайшее распоряжение не вмешиваться в академические дела ставит ее в положение кошки, любующейся воробьем. Вообще получился кавардак. Появились подложные шуточные воззвания от ректора и насмешка проникает в университет. Над «Московскими ведомостями» громко и без злости хохочут. Настроение хорошее и веселое. Понятно, отцы сумрачны и, как всегда, рассудительны. Сочувствия со стороны общества не заметно, да и не нужно — никто не требует. Пора бросить эти костыли благодушной опеки! Пора провести границу между практической мудростью и верой в широкие теории будущего. Пора сознать необходимость гибели, так как только при этом сознании возможно жить для далекого будущего,

раскрашивая и идеализируя гибнущих. Мало студентов, которые хорошо понимали бы всю важность настоящих событий, еще меньше найдете вы этих понимающих в обществе. А это только дает уверенность, радость и сознание своей непобедимости. Наступает время, когда жить становится наслаждение. Таков новый век».

Как бы иллюстрацией к мысли Лаврова о «гибнущих» явилось нашумевшее самоубийство в тюрьме студента-нижегородца Г. Ливена. Об этом Чехов узнал из письма Горького, который писал ему из Нижнего 23 апреля:

«Здесь публика возмущена смертью студента Ливена, который сжег себя в тюрьме. Я знал его, знаю его мать, старушку. Хоронили здесь этого Ливена с помпой и демонстративно, огромная толпа шла за гробом и пела всю дорогу» (М. Горький. Собр. соч., т. 28, стр. 77) [3].

Как уже было упомянуто выше, Чехов с неослабевающим интересом следил за развитием студенческих волнений и имел возможность составить себе довольно полную и точную картину происходящих событий. Подтверждением этого служит и письмо Чехова к И. И. Орлову от 18 марта 1899 г. «Получаю много писем по поводу студенческой истории — от студентов, от взрослых; даже от Суворина три письма получил. И исключенные студенты ко мне приходили ⟨...⟩ Кое-какие письма покажу вам при свидании» (XVIII, 114) [4].

Следует обратить внимание на засвидетельствованный здесь самим писателем факт посещения его уволенными за участие в «беспорядках» студентами. Можно думать, что их рассказы о массовом исключении «неблагонадежных» студентов из разных университетов и других учебных заведений существенно дополняли то, что было ему известно из скудных газетных сообщений и из частных писем. А самое главное, в этих встречах Чехов мог наблюдать живых людей, представляющих передовую студенческую молодежь, мог непосредственно почувствовать их настроение, познакомиться с их мечтами и надеждами.

Существенным для нашей темы является вопрос не только о том, каковы были объем и формы доходившей до Чехова информации, но и о том, как же он сам расценивал эти события, на чьей стороне были его сочувствие и симпатия.

В самом раннем из дошедших до нас откликов Чехова на «студенческую историю»— в письме к И. И. Орлову от 22 февраля 1899 г.— сильнее всего звучит нота скептицизма: «Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры» (XVIII, 88). Несомненно, к этому же периоду надо отнести и сходные мысли Чехова, переданные в воспоминаниях С. Я. Елпатьевского: «В другой раз, по поводу беспорядков в Петербургском университете, в которых деятельное участие принимал мой сын, Чехов стал говорить, что эти бунтующие студенты завтра станут прокурорами по политическим делам, а когда я заметил, что в массе эти студенты, несомненно, будут больше подсудимыми, чем прокурорами, он пренебрежительно махнул рукой и не продолжал разговора» (С. Я. Елпатьевский. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929, стр. 304) [5].

Очевидно, Чехов в февральских событиях 1899 г., возникших по случайному поводу и весьма неопределенных по целям, не увидел глубокого общественного содержания, способного поколебать усвоенное им еще в печальной памяти восьмидесятые годы неверие «в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую» (XVIII, 89). Для Чехова на этом этапе еще остаются скрытыми глубинные процессы вызревания революционных элементов, происходившие в народных массах — крестьянских и пролетарских. И он еще продолжает исповедовать утопическую веру во всемогущество науки, культуры и в силу отдельных личностей, которым суждено будет изменить строй русской жизни. В том же письме к Орлову он отчетливо декларировал эту веру: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям,— интеллигенты они или мужики,— в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они

не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д. и т. д.,— и все это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров *, помимо интеллигенции en masse и несмотря ни на что» (XVIII, 89).

В студенческих волнениях 1899 г. Чехов увидел однако и другую сторону: ему было понятно, что затяжной характер и размеры этих событий были вызваны в значительной мере грубым и деспотическим поведением властей, безудержным произволом полиции, страхом самодержавия перед призраком революции. В уже цитированном письме к Орлову от 18 марта он писал: «По-моему, взрослые, т. е. отцы и власть имущие, дали большого маху; они вели себя как турецкие паши с младотурками и софтами, и общественное мнение на сей раз весьма красноречиво доказало, что Россия, слава богу, уже не Турция» (XVIII, 114).

О том же Чехов писал Суворину 2 апреля 1899 г.: «В Харькове публика устраивает на вокзале проезжающим студентам овации; в Харькове же возбуждение по поводу дела Скитских[6]. Гони природу в дверь, она влетит в окно; когда нет права свободно выражать свое мнение, тогда выражают его задорно, с раздражением и часто, с точки зрения государственной, в уродливой и возмутительной форме. Дайте свободу печати и свободу совести, и тогда наступит вожделенное спокойствие, которое, правда, продолжалось бы не особенно долго, но на наш век хватило бы» (XVIII, 127).

За месяц до этого, откликаясь в письме к Суворину на напечатанные в «Новом времени» его «Маленькие письма», вызвавшие сильное возмущение в обществе, Чехов осудил эти «Письма», исходя опять-таки из мысли о царящем в России произволе: «Получаются письма из Петербурга, настроение в пользу студентов. Ваши письма о беспорядках не удовлетворили,— это так и должно быть, потому что нельзя печатно судить о беспорядках, когда нельзя касаться фактической стороны дела. Государство запретило вам писать, оно запрещает говорить правду, это произвол, а вы с легкой душой по поводу этого произвола говорите о правах и прерогативах государства,— и это как-то не укладывается в сознании. Вы говорите о праве государства, но вы не стоите на точке зрения права. Права и справедливость для государства те же, что и для всякой юридической личности. Если государство неправильно отчуждает у меня кусок земли, то я подам в суд, а сей последний восстановит мое право; разве не должно быть то же самое, когда государство бьет меня нагайкой, разве я в случае насилия с его стороны не могу вопить о нарушенном праве?» (XVIII, 98) [7].

Чем дальше развивались события, тем больше нарастал в сознании Чехова внутренний протест против произвола и деспотизма правящих кругов. Это, в конце концов, стало определяющим мотивом в его оценке «студенческой истории». Подтверждение этого, выраженное одним художественным штрихом, мы находим в письме его к Суворину от 19 августа того же 1899 г. из Москвы: «Недавно я ходил в университет к ректору просить, чтобы приняли студента из другого округа; студенту отказали, и сам я был принят чрезвычайно нелюбезно. Приемная ректора и его кабинет и швейцар напомнили мне сыскное отделение. Я вышел с головной болью» (XVIII, 207). Таким своеобразным итогом заканчиваются имеющиеся в нашем распоряжении извлеченные из переписки Чехова материалы, относящиеся к событиям 1899 г.

3

29 июля 1899 г. царским правительством были опубликованы «Временные правила об отдаче студентов в солдаты за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных». Этой мерой самодержавие возвращалось к временам Николая I, рассчитывая угрозой солдатчины подавить студенческое движение и восстановить спокойствие в университетах. Но эти расчеты были опрокинуты жизнью в самом скором времени, при первом же применении «Временных правил».

---

* В контексте данного письма «гувернеров» означает: «губернаторов».

В течение лета и осени 1900 г. в различных университетах начался новый подъем студенческого движения. Первыми сигналами к этому явились арест участников общестуденческого съезда в Одессе (в июне 1900 г.) и события в Киевском университете в октябре—декабре того же года. По случайному поводу — студенчество было возмущено недостойным поведением в ресторане двух студентов-белоподкладочников — киевские студенты организовывали сходки, привлекавшие все больше участников.

Запретительные меры против этих сходок и репрессии против некоторых их участников вызвали волнение среди студентов, требовавших уничтожения карцера и оставления в университете исключенных. Особенно бурная и многочисленная сходка состоялась 7 декабря, на ней присутствовало около 400 человек. На следующий же день министр народного просвещения телеграммой предложил попечителю Киевского учебного округа применить к участникам сходки 7 декабря «Временные правила». Это указание министра было выполнено специально созванным особым совещанием из представителей университетской администрации, жандармского управления и прокуратуры. 11 января 1901 г. было опубликовано правительственное сообщение о беспорядках в Киевском университете и об отдаче в солдаты ста восьмидесяти трех студентов. Вслед за тем в Петербурге были приговорены к солдатчине двадцать семь студентов.

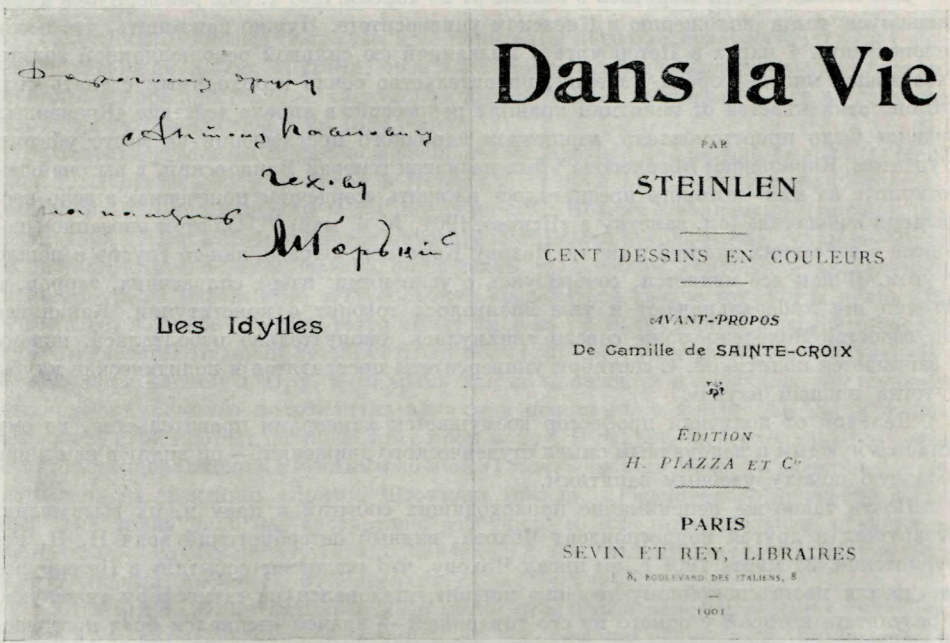
Студенчество ответило на это забастовками и крупными политическими демонстрациями (19 февраля и 4 марта в Петербурге, 11 марта в Киеве, 23—26 февраля в Москве, 19 февраля в Харькове) [8]. Новым для этого этапа студенческого движения было: заметное размежевание различных группировок внутри студенчества; выделение сильного революционного ядра, в котором руководящую роль играли социал-демократы; установление связей с рабочими массами и с местными организациями РСДРП; поддержка рабочими студенческой борьбы, совместное участие студентов и рабочих в демонстрациях. Широкое освещение фактов студенческого движения 1901 г. и последующих годов давала ленинская «Искра», начиная с первого номера. Серьезное политическое значение вновь начавшейся борьбе студентов придавал В. И. Ленин, в работах которого за 1901—1903 гг. имеется много откликов на студенческое движение, в том числе две статьи, целиком посвященные этой теме: «Отдача в солдаты 183-х студентов» (Сочинения, т. 4, стр. 388—393) и «Начало демонстраций» (там же, т. 5, стр. 295—298).

В первой из названных статей Ленин следующим образом оценивал расправу правительства со студентами: «Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственно достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29 июля 1899 года» (там же, т. 4, стр. 391). Далее Ленин говорит о необходимости оказать широкую поддержку студентам: «И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации ⟨...⟩. Студент шел на помощь рабочему — рабочий должен придти на помощь студенту» (там же, стр. 391—392).

Последующее развитие студенческой борьбы 1901 г. показало, как эти указания Ленина воплощались в жизнь и как само студенческое движение выходило за пределы требований академических свобод, выдвигая лозунги общеполитической борьбы с самодержавием. Подводя в декабре того же года некоторые итоги прошедшим событиям, указав на возобновившиеся демонстрации «в Нижнем, и в Москве, и в Харькове», Ленин писал: «Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, *а за свободу всего народа, за политическую свободу*. Харьковский союзный совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева,

Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю „бессмысленность мечтаний“ об академической свободе при беспросветном рабстве народа» (там же, т. 5, стр. 296).

Эти ленинские оценки фактов студенческого движения 1901 и последующих годов помогут нам в дальнейшем правильнее понять характер тех сведений, которые получал Чехов от корреспондентов, в большинстве своем не принадлежавших к революционным кругам русского общества. Самые статьи Ленина и номера «Искры» с материалами о студенческом движении не попадали непосредственно в поле зрения Чехова. Но мы



КНИГА РИСУНКОВ СТЕЙНЛЕНА (PARIS, 1901), ПОДАРЕННАЯ ГОРЬКИМ ЧЕХОВУ С НАДПИСЬЮ: «ДОРОГОМУ ДРУГУ АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЧЕХОВУ НА ПАМЯТЬ М. ГОРЬКИЙ»
Дом-музей Чехова, Ялта

имеем основание думать, что взгляды русской революционной социал-демократии на студенческое движение и на его связи с общереволюционным подъемом в стране в какой-то степени могли быть известными Чехову через посредство Горького, к оценке роли которого в этом вопросе мы обратимся несколько позже.

Первое за 1901 г. известие о студенческих делах мы находим в письме к Чехову академика Н. П. Кондакова от 2 января из Петербурга: «Вы спрашиваете, что здесь нового. Много и мало. Много пустого вздора, сутолоки, шума и мало толку. В университете 50 студентов исключено, хотя немногие совсем, на этот раз только за сходки. В Киеве исключено до 500 человек, в основании неприличный студенческий скандал на Крещатике. Затем сходки и пр. И теперь ожидают сходок и опять исключений. Когда этому конец, ты, господи, веси!»

Крупный византинист и знаток древнерусского искусства, Кондаков был, разумеется, чрезвычайно далек от политики, и потому, естественно, в его сообщении звучит брюзгливое раздражение непонятными для него происшествиями. Однако факты, им сообщенные, были достоверны: о киевских событиях, приведших вскоре к отдаче ста восьмидесяти трех человек в солдаты, мы уже упоминали выше; в Петербурге еще до того, как развернулись киевские события, было исключено из университета более

30 студентов, 12 других были подвергнуты «выговору с карцером» (см. «Красный архив», 1936, № 2, стр. 84).

Наибольшего напряжения события, вызванные сообщением 11 января о киевских студентах, достигли в конце февраля — начале марта. За это время среди писем к Чехову мы находим только одно короткое упоминание о студентах. 23 февраля профессор Киевского университета А. А. Коротнев, близкий знакомый Чехова по Ницце, в приписке к письму коротко сообщал: «Студенты затихли и, увы! эта тишина есть выражение крайней апатии, не шумят, но и не учатся».

Два месяца спустя Коротнев в письме от 20 апреля 1901 г. еще раз вернулся к создавшемуся тогда положению в Киевском университете. Нужно напомнить, что после демонстрации 4 марта в Петербурге и вызванной ею сильной революционной волны, охватившей многие города империи, правительство сочло необходимым сделать вид, что оно отказывается от политики крайних репрессий: в апреле действие «Временных правил» было приостановлено, министром народного просвещения на место убитого студентом Карповичем Боголепова [9] был назначен генерал Ванновский, в высочайшем рескрипте на имя которого предлагалось вложить «сердечное попечение» в дело воспитания юношества (см. заметку в «Искре», 1901, № 4, май) [10]. Об этом внезапном повороте в действиях властей и писал Чехову Коротнев: «Право, как-то гнусно и пошло кругом. И как все меняется, сообразуясь с условиями: вчера солдатчина, террор, а сегодня все либеральничают и уже вполголоса говорят о конституции. Какая все это гадость! Молодежь тоже совсем свихнулась, окончательно изболталась, почему и занимается политикой. С сентября университеты превратятся в политические клубы и тогда прощай наука».

Далекий от политики профессор возмущается маневрами правительства, но ему остается чуждым и непонятным смысл студенческого движения,— он видит в нем лишь досадную помеху учебным занятиям.

Почти такое же непонимание происходящих событий и причин, их вызвавших, обнаружил и другой корреспондент Чехова, видный петербургский врач Н. Н. Реформатский. 31 марта 1901 г. он писал Чехову, что «недавние события» в Петербурге «не давали места спокойному течению жизни», жаловался на «атмосферу тяжелую», в результате которой у одного из его товарищей — врачей «появился бред преследования», а у какой-то девицы, служащей в Думе, «при виде солдат, действующих нагайками», «был случай острого помешательства». Размышляя над причинами «всех недавних историй», этот гуманно настроенный врач приходил к выводу, что «раздражение молодежи создавалось искусственно, намеренно. Можно было бы иначе сделать, и не было бы печальных картин». И он возлагает надежды на то, что правительство действительно откажется от применения силы, чем и достигнет умиротворения. Заканчивая свое сообщение, он писал: «Теперь все в уповании, что Ванновский утихомирит дело студенческое, надеются на новый университетский устав, в котором будет изъято временное правило об отдаче в солдаты <...> Анрепа [11] и Мещанинова называют товарищем министра и их одобряют» [12]. Заметим, что названный здесь Мещанинов, до этого занимавший должность начальника тюремного управления, был действительно назначен товарищем министра народного просвещения. По поводу этого «Искра» иронизировала, что помогать бравому генералу Ванновскому в проведении политики «сердечного попечения» будет бывший тюремщик.

Гораздо более содержательными и значительными были те письма, которые Чехов получал от людей, близких к революционным кругам, глубже понимавших смысл происходивших событий, непосредственных свидетелей или даже участников их. 4 марта произошла демонстрация у Казанского собора и массовое избиение ее участников полицией и казаками. 6 марта в газетах было напечатано официальное сообщение об этом. А уже 8 марта недавно познакомившийся с Чеховым через Горького редактор журнала «Жизнь» В. А. Поссе писал Чехову из Петербурга:

«Спешу ответить, глубокоуважаемый Антон Павлович, на ваше милое письмо. На душе так тревожно, мысли несутся в голове с такой лихорадочной быстротой, что трудно написать связное письмо. Серьезное теперь время, очень серьезное! Масса

сосредоточенного страдания. Горький здесь и страшно волнуется. Сегодня уезжает в Нижний. Театр отступил на задний план, но все же ваши „Три сестры" смотрятся с захватывающим интересом.

Сквозь все волнения, надежды и опасения нередко прорывается нетерпение поскорее прочитать ваш рассказ, предназначенный для „Жизни". Да, но о литературе говорить теперь трудно. Правительственному сообщению не верьте. Все было совсем иначе и несравненно ужаснее». И дальше Поссе коротко упоминает о нескольких убитых студентах и об избиении ряда литераторов (Н. Ф. Анненского и др.). В заключение он обещает в другой раз написать о всех этих событиях подробнее — «теперь не в силах».

Обещанного письма Поссе так и не написал: в качестве лица, находящегося в связях с революционными кругами, он в числе ряда других «подозрительных» литераторов был вскоре арестован,— следующее письмо Чехову он послал 7 мая из дома предварительного заключения на Шпалерной.

Непосредственным свидетелем расправы на Казанской площади был В. Э. Мейерхольд, находившийся в то время в Петербурге с труппой Художественного театра на гастролях. По возвращении в Москву он написал Чехову взволнованное письмо (18 апреля 1901 г.), в котором выразил страстное стремление «пламенеть духом своего времени». «Я открыто возмущаюсь полицейским произволом, свидетелем которого был в Петербурге 4 марта, и не могу спокойно предаваться творчеству, когда кровь кипит и все зовет к борьбе ⟨...⟩ Да, театр может сыграть громадную роль в перестройке всего существующего! Недаром петербургская молодежь так старательно подчеркивала свое отношение к нашему театру. В то время как на площади и в церкви ее, эту молодежь, бессердечно, цинично колотили нагайками и шашками, в театре она могла открыто выражать свой протест полицейскому произволу». И дальше Мейерхольд рассказывает ставший позднее широко известным по книге Станиславского эпизод о реакции зрительного зала на спектакль «Доктор Штокман» Ибсена. «Общественное движение последних дней приподняло мое настроение, возбудило во мне такие желания, о каких я и не мечтал»,— заключает эту тираду Мейерхольд (см. полный текст этого письма выше, в публикации писем В. Э. Мейерхольда к Чехову) [13].

Хотя в письме Мейерхольда и не могло отразиться ясное понимание складывавшейся в стране революционной ситуации, но покоряющая искренность овладевшего им порыва и сила охватившего его негодования превращали это письмо в документ большого значения, к которому Чехов не мог отнестись равнодушно. Чуткий художник и внимательный наблюдатель русской жизни должен был ощутить в нем нечто новое, необычное. К сожалению, письма Чехова к Мейерхольду остаются почти полностью неизвестными, и мы не знаем, что и как он ответил своему корреспонденту.

В число тех лиц, от которых Чехов получал информацию о мартовских событиях 1901 г., мы должны включить и двух близких ему людей — О. Л. Книппер и М. П. Чехову. В связи с гастролями Художественного театра Книппер в те трагические дни также находилась в Петербурге. Хотя по кругу своих интересов она была далека от проблем, которые волновали студенчество, и хотя в чужом для нее городе она не имела прочных связей (что не могло не ограничивать ее осведомленность), тем не менее в ряде ее писем к Чехову интересующая нас тема нашла свое отражение.

В письме от 2 марта она, очевидно, еще ничего не зная о готовящихся в Петербурге событиях, передает Чехову дошедшие до нее слухи из Москвы: «В Москве студенты мутят сильно, и я из дому ничего не получаю, начинаю беспокоиться» («Переписка Чехова и Книппер», т. 1, стр. 341). В день 4 марта Книппер с другими артистами театра была на писательском обеде. На другой день она пишет Чехову и, рассказав об обеде, продолжает:

«После 12-ти часов мы своей компанией поехали еще к Палкину пить чай и кофе и обсуждали все случившееся за день. Здесь страшные студенческие беспорядки, опять казаки, нагайки, убитые, раненые, озверелые, все, как быть должно. Эти мрачные события, конечно, омрачали и наше торжество. Настроение в обществе ужасное. В Москве тоже кровопролитие почище здешнего, говорят; жду завтра письма от Володи.

Хочется спать, милый, прошлую ночь не спала, прости, что только сухо описываю события. Расскажу все с своей окраской, ведь скоро увидимся, только в Ялту не поеду» (там же, стр. 347).

Книппер все же поехала в Ялту и пробыла там с 30 марта до 14 апреля. Нужно думать, что она сдержала свое обещание и подробно рассказывала «с своей окраской» о том, что же в действительности происходило в Петербурге. Прямым подтверждением этого служит ее письмо,посланное 19 апреля,после ее возвращения в Москву: «В театре без конца спрашивают о тебе, как ты смотришь на студенческие волнения, что ты думаешь о Ванновском, как смотришь на нашу поездку в Питер в будущем сезоне, etc.» (там же, стр. 385).

Не менее убедительными для Чехова были, конечно, и сведения, полученные от сестры. 8 марта Мария Павловна писала брату из Москвы: «В Москве творится что-то странное — студенты, рабочие, Толстой — страшно ходить по улицам. Стало тише. Приеду — расскажу» (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954, стр. 176). Мы можем не сомневаться, что по приезде в Ялту она также рассказывала брату о московских событиях, развертывавшихся на ее глазах, и, кроме того, конечно, и о том, что произошло в Петербурге. Об этом она знала со слов Горького, проезжавшего через Москву на обратном пути из Петербурга в Нижний. 11 марта Мария Павловна сообщала Чехову: «Милый Антоша, сейчас я виделась с Горьким. Он ужасы рассказывает про Петербург. Он собирается тебе писать об этом» (там же, стр. 178).

На протяжении двух-трех дней в письмах, полученных Чеховым, дважды прозвучало в непосредственной связи с последними событиями имя Горького,— его назвал сначала В. А. Поссе, а затем — сестра. Да, именно Горький мог рассказать ту правду, которая была ему так необходима, которую упорно замалчивали или искажали газеты, которой не понимали его знакомые из среды либеральной интеллигенции. Горький собирается писать ему, — об этом сообщает сестра,— надо поторопить его, напомнить ему о тягостном положении ялтинского «изгнанника». И 18 марта Чехов написал Горькому короткое письмо, в котором между сообщением о начавшейся в Крыму весне и приветами жене и Максимке мы находим завуалированные ради осторожности строки, смысл которых должен был быть понят адресатом: «Я слышал, что в Петербурге и потом в Москве вы были невеселы. Напишите же, в чем дело, я мало, почти ничего не знаю, как и подобает россиянину, проживающему в Татарии, но предчувствую очень многое. Итак, позвольте ждать от вас письма» (XIX, 64).

И Горький не замедлил с ответом: между 21 и 28 марта (письмо не имеет точной даты) он отправляет Чехову большое письмо, в котором страстный негодующий рассказ о петербургских событиях сопровождается их революционным истолкованием и предвидением неизбежных в будущем новых схваток с самодержавием.

«Я давно собирался написать вам, дорогой и любимый Антон Павлович, да теперь, видите ли, такое у меня настроение, что я решительно не могу сосредоточиться на чем-либо. Каждый день напряженно ждешь чего-нибудь нового, каждый день слышишь невероятные разговоры и сообщения, нервы все время туго натянуты, и каждый день видишь десяток, а то и больше, людей столь же возбужденных, как и сам ты. Вчера наш губернатор привез из Питера несколько точных известий: Вяземский выслан, против 43-х и 39-ти литераторов, подписавших письмо, осуждающее действия полиции 4 марта, предполагается возбудить дело о подстрекательстве к сопротивлению властям, в войсках гвардии сильное недовольство последними распоряжениями, а особенно участием отряда лейб-гвардии казаков в бою 4-го 〈...〉

Вообще, надо сказать по совести, офицерство ведет себя очень добропорядочно. При допросе арестованных за 4-е число их спрашивали главным образом о том, какую роль в драке играл Вяземский и кто те два офицера, которые обнажили шашки в защиту публики и дрались с казаками. Одного из этих офицеров я видел в момент, когда он прорвался сквозь цепь жандармов. Он весь был облит кровью, а лицо у него было буквально изувечено нагайками. О другом очевидцы говорят, что он бил по башкам казаков обухом шашки и кричал: бейте их, они пьяные! они не имеют права бить нас, мы публика! Какой-то артиллерист-офицер на моих глазах сшиб жандарма с коня

ударом шашки (не обнаженной). Во все время свалки офицерство вытаскивало женщин из-под лошадей, вырывало арестованных из рук полиции и вообще держалось прекрасно. То же и в Москве, где офицеры почти извинялись перед публикой, загнанной в манеж, указывая на то, что они-де обязаны повиноваться распоряжениям полиции вследствие приказа командующего войсками, а не по воинскому уставу.

Роль Вяземского такова: в то время когда Н. Ф. Анненский бросился на защиту избиваемого Пешехонова, Вяземский тоже бросился за ним и закричал Клейгельсу, чтобы он прекратил это безобразие. А когда избитый Анненский подошел к нему

МОСКВА. СТАРОЕ ЗДАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА
Фотография из альбома «Виды Москвы...» 1880-е гг.

Вяземский подвел его к Клейгельсу и наговорил последнему резкостей, громко упрекая в зверстве, превышении власти и т. д. Туган и Струве из тюрьмы выпущены. Арестованных из Питера высылают [14]. На Пасхе в Петербурге ждут новых беспорядков. Того же ожидают в Киеве, Екатеринославе, Харькове, Риге и Рязани, где публика, вкупе с высланными студентами, устроила уже скандал, во время молебна о здравии Победоносцева. У нас тоже возможны беспорядки. Здесь до 70 человек иногородних студентов, полуголодных, битых, возбужденных и возбуждающих публику. Очень прошу вас, дорогой Антон Павлович, пособирайте деньжат для голодающих студентов, ибо здесь источники иссякают. Теперь в Ялте съезд, собрать сотню другую, я думаю, можно. В Москве и Питере собрано много, туда посылать бесполезно.

〈...〉 Несмотря на репрессии и благодаря им — оппозиционное настроение сильно растет.

Следственное производство по делу о 4 марта установило точные цифры избитых: мужчин —62, женщин—34, убито —4; технолог Стеллинг, медик Анненский, курсистка и старуха задавлены лошадьми. Полиции, жандармов и казаков ранено 54. Это за время минут 30—40, не больше! Судите же сами, какая горячая была схватка! Я во веки не забуду этой битвы! Дрались — дико, зверски, как та, так и другая

сторона. Женщин хватали за волосы и хлестали нагайками, одной моей знакомой курсистке набили спину, как подушку, досиня, другой проломили голову, еще одной — выбили глаз. Но хотя рыло и в крови, а еще неизвестно, чья взяла <...>

Вообще у начальства хлопот много. Надеюсь — будет еще больше. Жизнь приняла характер напряженный, жуткий. Кажется, что где-то около тебя, в сумраке событий, притаился огромный черный зверь и ждет и соображает, кого пожрать. А студентики — милые люди, славные люди! Лучшие люди в эти дни, ибо бесстрашно идут, дабы победить или погибнуть. Погибнут или победят — не важно, важна драка, ибо драка — жизнь. Хорошо живется!» (М. Горький. Собр. соч., т. 28, стр. 157—159).

Нет никаких сомнений, что письмо Горького произвело на Чехова глубокое впечатление, вызвало какие-то ответные мысли, которыми он хотел бы поделиться с Горьким. Но в их дальнейшей переписке тема студенческого движения отсутствует — и по вполне понятным причинам. В ночь на 16 апреля Горький был арестован, его переписка строго контролировалась жандармами не только во время его пребывания в тюрьме, но и после освобождения. В немногих дошедших до нас письмах к Чехову Горький неоднократно предупреждает его об этом.

Об аресте Горького и о событиях в Нижнем, предшествовавших этому аресту, Чехов узнал из письма нижегородского врача Н. И. Долгополова от 7 мая 1901 г.: «Поводом к аресту, надо полагать, послужило распоряжение из Питера — как мера „предупредительная" для устранения демонстрации 1 мая, с 17-го по 18-е были сильные аресты в Питере, Саратове, Нижнем и Москве. Местная же причина тоже, может быть, была толчком для взрыва арестов в Нижнем. Нужно вам сказать, в Нижнем 7 апреля было необычайное событие. С разрешения губернатора в зале Всесословного клуба была сходка студентов и местных общественных деятелей, приглашенных студентами. На этой сходке был Алексей Максимович — говорил речь. Цель этой сходки была такова: решали, устраивать ли демонстрацию 8-го, в годовщину смерти студента Ливена, покончившего жизнь самоубийством в тюрьме в Москве в 1899 г.,— студент этот нижегородец, и его демонстративно похоронили в Нижнем. На сходке было решено демонстрацию не устраивать, а подать на имя министра народного просвещения петицию с определенными требованиями на счет освобождения киевских студентов от солдатчины и разбора дела о 4 марта. Петиция эта была редактирована по поручению собрания Алексеем Максимовичем. Вот эта местная причина».

В настоящее время материалы переписки Горького (см. Собр. соч., т. 28 и «Архив А. М. Горького», т. V. М., 1955) и архивных документов (см. статью А. Свободова «М. Горький и студенческое движение 1901 г.» — «Каторга и ссылка», № 35, 1927, стр. 68—77) дают достаточно полную картину того, насколько прочными и многообразными были связи Горького с революционным студенчеством, которое все решительнее становилось на путь общеполитической борьбы, далеко выходящей за пределы узкоакадемических требований. В то же время Горький был тесно связан с растущим революционным подъемом в рабочих массах.

Среди близких Чехову людей Горький был, пожалуй, единственным человеком, который ясно представлял себе перспективу неизбежного нарастания революционной борьбы, приобретавшей общенародное значение. И если в письмах он не мог касаться этих тем, то не приходится сомневаться, что во время свидания 26 мая 1901 г., когда Чехов с женой побывали у него в Нижнем по пути в Аксеново, они говорили и о том, что волновало и интересовало их обоих,— о надвигающейся буре революции. Можно думать, что Чехов воспользовался этой встречей также для того, чтобы исполнить просьбу Горького о денежной помощи пострадавшим от репрессий студентам. Как мы увидим ниже, Чехов не раз оказывал такую помощь студенческой революционной молодежи.

Следующая встреча Чехова с Горьким состоялась в Ялте в ноябре 1901 г. Она была не столь мимолетной, как предыдущая. Известно, что Горький остановился у Чехова и прожил у него с 12 по 19 ноября, после чего переселился в Олеиз. Общение двух писателей не прекращалось вплоть до весны 1902 г. Горький приехал в Ялту обогащенный

новыми впечатлениями от развертывающегося в стране движения. Воспоминания о мартовских событиях и их последующем развитии не только не остыли в нем, но, наоборот, они с новой силой овладели им после прощальной демонстрации учащейся молодежи при его отъезде из Нижнего, после возмутительного поведения властей, не допустивших Горького в Москву, после демонстрации, устроенной харьковской учащейся молодежью в честь любимого писателя, преследуемого самодержавием.

О том, что произошло на Харьковском вокзале и как это потрясло Горького, мы можем судить по его письму к В. А. Поссе, написанному во второй половине ноября из Олеиза:

«В Харькове мне предложили не выходить из вагона на вокзал. Я вышел. Вокзал — пуст. Полиции — куча. Пред вокзалом — большая толпа студентов и публики, полиция не пускает ее. Крик, шум, кого-то, говорят, арестовали. Поезд трогается. Час ночи, темно. И вдруг мы с Пятницким, стоя на площадке вагона, слышим над нами, во тьме, могучий, сочный такой, знаешь, боевой рев. Оказывается, что железный мост, перекинутый через станционный двор, весь усыпан публикой, она кричит, машет шапками — это было хорошо, дружище! Мост высоко над поездом, и крик был такой бурный, дружный, бодрый.

Все сие рассказывается тебе, товарищ, не ради возвеличения Горького в твоих глазах, а во свидетельство настроения, которым *все более* проникается лучшая часть русской публики» (Собр. соч., т. 28, стр. 197—198).

Нельзя себе представить, чтобы при встрече с Чеховым Горький умолчал о том, что так волновало его и что было так значительно для нового этапа в развитии русского общества. Косвенное подтверждение этому мы находим в одной из записей (от 29 ноября 1901 г.) неизданного дневника зятя Л. Н. Толстого М. С. Сухотина, которая свидетельствует о том, что в беседе с Толстым Горький подробно рассказывал о демонстрации 4 марта и о других фактах студенческого движения (выдержки из дневника Сухотина публикуются Л. Н. Кузиной в очередном томе «Литературного наследства», посвященном Толстому).

В длительном общении с Чеховым в этот период Горький выступал не в качестве беспристрастного информатора — он был, несомненно, и страстным истолкователем фактов, имевшим возможность обобщить их в широкую картину решительных изменений в русской жизни. В его беседах с Чеховым не могли не отразиться и те оценки современного этапа революционного движения, которые были характерны для русской революционной социал-демократии,— ведь Горький был внимательным читателем ленинской «Искры».

Все сказанное позволяет сделать вывод, что значительную роль в том сдвиге, который так единодушно отмечают мемуаристы в Чехове начала 1900-х годов, сыграл именно Горький, дружеским общением с ним как через письма, так и при личных встречах. Характерно, что сам Горький уже в ноябре 1901 г. подметил разительную перемену, происходящую в Чехове. В цитированном выше письме к В. А. Поссе из Олеиза он следующим образом выразил свои наблюдения: «А. П. Чехов пишет какую-то большую вещь и говорит мне: „Чувствую, что теперь нужно писать не так, не о том, а как-то иначе, о чем-то другом, для кого-то другого, строгого и честного". Полагает, что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом ежедневно будут драться на улицах и лет через десять — пятнадцать додерутся до конституции. Путь не быстрый, но единственно верный и прямой. Вообще, А. П. очень много говорит о конституции и ты, зная его, разумеется, поймешь, о чем это свидетельствует. Вообще — знамения, все знамения, всюду знамения. Очень интересное время...» (Собр. соч., т. 28, стр. 199).

Придавая большое значение общению Чехова с Горьким и влиянию последнего, мы не собираемся утверждать, что оно было единственным фактором, воздействовавшим на общественное сознание Чехова. Для полноты обзора имеющихся в нашем распоряжении материалов мы должны вернуться несколько назад, к лету 1901 г.

В Андреевском санатории, куда Чехов приехал после встречи с Горьким в Нижнем, он вскоре познакомился со студентом Киевского университета В. И. Киселевым, который находился на излечении в том же санатории. В 1940 г. были опубликованы воспоминания Киселева, в лице которого Чехов встретил тогда непосредственного

участника студенческого революционного движения: «До прибытия в санаторий я за политическую деятельность сидел в тюрьме, а затем был выслан из пределов рабочих пунктов и университетских городов. Обо всем этом я рассказывал Антону Павловичу. Он слушал меня внимательно.

— Но, ничего, Василий Иванович, уже веет теплом, уже заря свободы наступает, рассеется тьма, не будет у нас полицейских, появятся школы во всех уголках России. И не будет этих темных медвежьих уголков. Не будет попов, народ будет дышать свободно и выскажет свою волю. Вот чего я жду, и это будет!» («Орджоникидзевская правда», Ворошиловск, 1940, № 162, от 14 июля). Разумеется, что, воспроизводя через сорок лет эту беседу, Киселев не мог в точности передать сказанные тогда Чеховым слова. Но в целом его воспоминания вполне правдоподобны.

Ряд корреспондентов Чехова на протяжении осени 1901 г. сообщал ему о примечательных фактах студенческого движения. 24 ноября постоянный корреспондент Чехова М. А. Членов писал ему: «Перехожу к московским новостям. В Москве был Ванновский и оставил дурное впечатление: теперь для всех ясно, что университетам нечего ждать. Он принял, правда, депутацию от студентов, но больше разговаривал с ней о том, какие надо носить галстуки, а не о реформах. В университете брожение».

Сообщенный здесь факт имел место в Москве 4 ноября. На него тогда же откликнулась «Искра», которая писала (1901, № 13, от 20 декабря): «Студенческое движение опять начинает принимать боевой характер. Борьба за академическую свободу опять расширяется до открытой, вплоть до уличной схватки, борьбы за политическую свободу. Ввиду этого ознакомление с ходом развития движения приобретает особую важность. Начнем с Москвы, где пресловутый генерал Ванновский лично ответил на студенческие требования <...> Брожение среди студенчества сильно возросло. А „лукавый царедворец“ еще подлил масла в огонь, когда (4 ноября) ответил *категорическим отказом* на требования, предъявленные ему депутацией студентов (в числе 21 студента, пришедших к Ванновскому в Лоскутную гостиницу) <...> Отказ министра и его наглые заявления о неверности „слухов“ (!), будто он весной что-то обещал, возмутили и самых мирных. На совет министра-лакея „успокоиться“ депутаты „ответили гробовым молчанием“ <...> В результате этих бесед получилась прокламация, в которой студенты призывают к более широкой борьбе уже не за академическую свободу, которая несовместима с деспотизмом, а за *свободу политическую*».

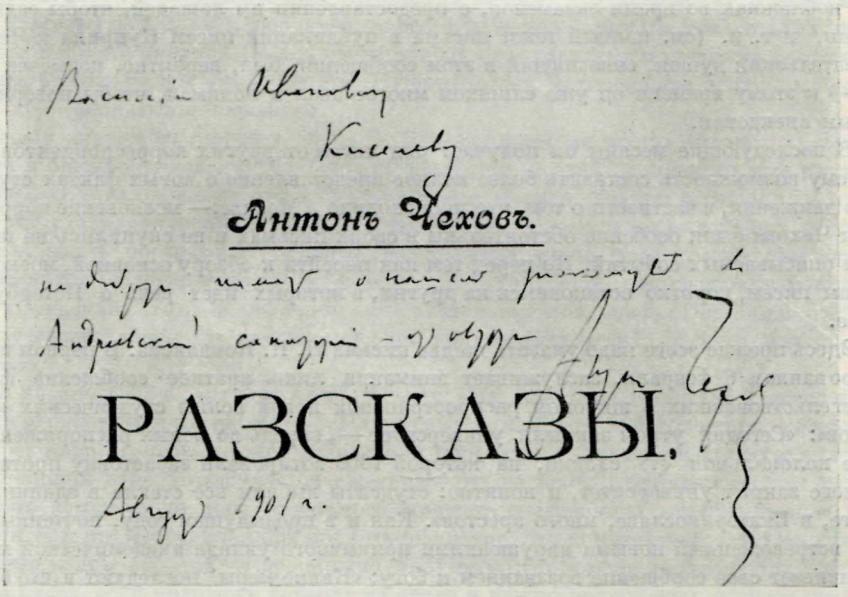
Знаменательный факт перерастания студенческого движения в общеполитическую борьбу и его сближения с борьбой рабочих масс нашел некоторое отражение и в кратком сообщении, полученном Чеховым из Москвы от Мейерхольда накануне нового, 1902 г.: «Новости: рабочие и студенты готовятся к выражению негодования по адресу Ванновского, обманувшего их ожидания».

4

1901 год в истории студенческого движения заканчивался явными предвестиями бовых бурных событий. Отказ правительства от политики уступок нашел свое выражение во «Временных правилах» Ванновского, опубликованных 22 декабря 1901 г. Требования студентов, предъявленные во многих высших учебных заведениях и включавшие такие пункты, как свобода сходок и собраний, отмена ограничений при приеме в университеты, возвращение студентов, исключенных по политическим мотивам, независимость университетов от действий полиции и т. д., были этими правилами полностью отклонены. Взамен этого новые «Временные правила» «разрешали только курсовые или факультетские собрания с количеством присутствующих не более 300 человек. Эти собрания должны были проходить только с разрешения начальства, по утвержденной последним программе и в присутствии профессора или лица из „административного персонала“, которым вменялось в обязанность „не ограничиваться одним наблюдением того, что происходит на собрании“» («История Московского университета», т. I, М., 1955, стр. 510).

Студенчество ответило на это усилением организованной борьбы и новой волной протестов. В январе 1902 г. состоялся Всероссийский студенческий съезд, который в сво-

ем манифесте, напечатанном в «Искре» (1902 г., № 18, от 10 марта), провозгласил, что «студенческое движение есть движение политическое», что «борьба за права студенчества неизбежно является борьбой против правительства». Съезд указал в этом манифесте на желательность тесной связи студенческих революционных организаций с местными комитетами РСДРП (там же). В конце января в Киеве студенты Политехнического института, а затем и университета вынесли решение о забастовке; в первых числах февраля волнения произошли в Петербурге, Москве, Харькове, Томске, Одессе, Риге и в других городах. Массовые сходки, уличные демонстрации с участием



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА СБОРНИКЕ «РАССКАЗЫ» (СПб., 1901)

«Василию Ивановичу Киселеву на добрую память о нашем знакомстве в Андреевской санатории — от автора. Антон Чехов. Август 1901 г.»

Местонахождение книги неизвестно. Воспроизводится по фотографии из собрания Н. А. Роскиной, Москва

студентов и рабочих, столкновения с полицией были наиболее ярким выражением этой волны протеста.

В письмах корреспондентов Чехова многие из этих событий нашли свое отражение— в одних случаях краткое и весьма субъективное по освещению, в других — более полное, яркое и правдивое.

Отдельные упоминания о студенческих делах встречаются по-прежнему в письмах О. Л. Книппер. «Молодежь в Москве опять мутит из-за еврейского вопроса и печати»,— писала она Чехову 31 октября 1901 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 25). 6 февраля следующего года она коротко передает содержание своей беседы с Сувориным, только что приехавшим из Петербурга и навестившим ее: «... он говорил очень много о теперешнем смутном настроении, о студентах. Сегодня ему сообщили по телефону из Питера, а может и иначе, что Петербургский университет закрыт» (там же, стр. 310).

Еще до получения этого письма Чехов обращался к жене с просьбой извещать его о происходящих событиях: «Тут ходят разные слухи о Петербурге, о Москве. Смотри, если что случится, напиши» (10 февраля 1902 г.— XIX, 245). В февральских письмах Книппер отклика на эту просьбу нет. Но 4 марта, в день годовщины демонстрации на Казанской площади, Книппер в связи с гастролями театра приехала в Петербург. И в тот же день она сообщала Чехову о том, что ей пришлось увидеть и услышать: «Вот

я и в Питере, дусик милый, родной мой! Самочувствие скверное. Вчера ходила как ошалелая от усталости и новизны обстановки. Ехала с вокзала и ревела. На улицах шли большими партиями городовые и жандармы по всем направлениям и, как потом слышала, побоище было опять здоровое» («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 340).

29 декабря 1901 г. Куприн писал Чехову из Петербурга: «Говорят, что к 8 февраля готовятся среди молодежи беспорядки. Очень жаль, если все выйдет по-прошлогоднему. Кстати о университетских забастовках...» — и дальше он передает явно анекдотические слухи о якобы выставленных бастующими студентами в Томске требованиях о поблажках во время экзаменов, о предоставлении им лошадей, чтобы ездить на лекции, и т. п. (см. полный текст письма в публикации писем Куприна к Чехову). Обывательский душок, сквозивший в этом сообщении, был, вероятно, подмечен Чеховым,— к этому времени он уже слишком многое знал и понимал, чтобы поверить подобным анекдотам.

В последующие месяцы он получает ряд писем от других корреспондентов, и это дает ему возможность составить более полное представление о новых фактах студенческого движения, в частности о том, что происходило в Москве,— московские корреспонденты Чехова были особенно обстоятельны в своих письмах и не скупились на подробности описываемых событий. Но перед тем как перейти к обзору основной, московской группы писем, коротко остановимся на других, в которых идет речь о Петербурге и Киеве.

Здесь прежде всего надо указать на два письма Н. П. Кондакова. В первом из них, датированном 6 февраля, заслуживает внимания лишь краткое сообщение фактов, свидетельствовавших о широком распространении новой волны студенческих «беспорядков»: «Сегодня утром закрыли университет — „впредь до новых распоряжений“ — после колональной <!> сходки, на которой 1600 вотировали забастовку против 200. В Киеве закрыт университет, и понятно: студенты выбили все стекла в здании. Там, в Риге, в Екатеринославе, много арестов». Как и в предыдущем году, почтенный ученый, встревоженный новыми нарушениями привычного уклада академической жизни, заканчивает свое сообщение воззванием к богу: «Какие меры последуют и что будет с университетами, ты, господи, веси!» — и наивным предположением, что влияние в правительстве «приверженцев крутых мер» будет недолгим: «Однако, по-моему, это перед началом столь же сильного движения либерального или даже радикального в самом правительстве». Студенческим делам посвящена также часть следующего письма Кондакова, от 18 марта: «...здесь новости день ото дня хуже и безотраднее. Решительно не знаешь, до чего мы дойдем скоро. Завтра ожидается манифестация, т. е. избиение. В университете всех вожаков 80—100 человек, но их не берут, почему? Между тем, аресты кругом, и конца этому не видно. В Москве изгнаны сотни, здесь хотят сделать то же, несмотря на просьбы профессоров и правления. Распространилось мнение, что оппозиция коренится в политехниках, и вот слухи, что в Петербурге даже не откроют институт. И пр. и пр.».

Кондаков был, несомненно, хорошо осведомлен — называемые им факты подтверждаются почти полностью: университет в Петербурге был действительно закрыт 6 февраля, тогда же произошло закрытие Киевского университета — оба эти факта были отмечены на страницах «Искры», в № 17 от 15 февраля; соответствовало действительности и сообщение об аресте сотен студентов в Москве (см. об этом ниже). Но точка зрения Кондакова, приписывавшего все волнения лишь влиянию немногих зловредных «вожаков», была совершенно ложной,— и это не мог не понимать Чехов, уже более глубоко понимавший причины непрекращающихся студенческих волнений. Отсюда и возникали его споры с Кондаковым, который «осуждал и власть и профессуру, но очень бранил и студентов», в то время как Чехов «защищал последних» (об этих спорах см. в настоящем томе воспоминания о Чехове И. Н. Альтшуллера).

Из писем Кондакова Чехов не мог составить ясного представления о положении дел в Петербурге. Столь же недостаточной была и полученная им информация из Киева — а киевские студенты продолжали идти в авангарде движения, и там развертывались серьезные столкновения с властями. В письмах Коротнева 1902 г. мы находим лишь

короткое упоминание об одном из случаев обструкции, устроенной студентами какому-то профессору, не захотевшему считаться с решением студентов о забастовке и пытавшемуся продолжать чтение лекций (письмо от 11 марта 1902 г.); рассказ о «драке» киевских студентов с полицией содержится также в несколько более позднем письме Л. А. Сулержицкого от 25 ноября 1903 г. [16]

Московские университетские дела должны были особо интересовать Чехова — по его давним и прочным связям с Москвой и Московским университетом. Это подтверждается, в частности, запросом, который был им обращен к М. А. Членову в письме от 13 февраля 1902 г.: «Напишите мне, что нового в Москве, что происходит, о чем слышно, о чем мечтают» (XIX, 247). Вероятно, адресат не понял скрытого смысла этих вопросов, так как в его письмах 1902 г. мы не находим отклика на нашумевшие февральские события в Московском университете. Нужный ответ Чехов нашел в письмах других своих корреспондентов-москвичей.

Еще 7 января знакомый врач В. В. Бурейко извещал его из Москвы: «В средине января в Москве ожидаются большие студенческие сходки, к которым уже идут подготовки». О накаленной до предела атмосфере в Москве свидетельствовало и письмо Н. В. Алтухова, сокурсника Чехова по университету, занимавшего теперь в университете должность прозектора. Дельный врач-анатом, автор ряда специальных статей, печатавшихся в медицинских журналах, Алтухов был человеком демократических убеждений, хотя и далеким от революционных идей. Постоянно общаясь по роду своей работы со студентами, он пользовался с их стороны уважением и любовью *.

28 января 1902 г. Алтухов писал Чехову: «Ну, как ваше здоровье? Хорошо ли вам в Ялте и работается ли на досуге? Наша работа, как вам не безызвестно, каторжная: idem per idem. Теперь же, при „сердечном попечении", это еще более чувствуется,— в лекционном зале вывешивается ежедневно по несколько прокламаций от революционного комитета, от исполнительного комитета соединенных землячеств и т. д. Говорится там, что наступила пора поднять движение, что комитет опирается на „сформированные кадры рабочих" и пр. Можно подумать, что это так грозно и внушительно. И беда будет, если молодежь поверит на слово и начнет волноваться в ожидании „кадров рабочих", которые ждут только сигнала из главной квартиры и штаба „Исполнительного комитета". Почему-то ждут февраля и, кажется, 19 февраля».

Вопреки скептическим замечаниям автора письма сообщенные им факты свидетельствовали о многом: они подтверждали, что революционная часть студенчества действительно шла по пути сближения с рабочими и стремилась опереться на силу пролетариата. Это была та линия, которую намечала в своих обращениях к студенческому вопросу ленинская «Искра» (см. текст одной из прокламаций Исполнительного комитета соединенных землячеств Московского университета в «Искре», 1902 г., № 16 от 1 февраля; та же прокламация и ряд других воспроизведены в публикации «Студенческие волнения в 1901—1902 гг.» — «Красный архив», 1938, № 4-5, стр. 277—284). И ожидания студентов были вовсе не так наивны, как это казалось Алтухову: когда 9 февраля началась студенческая демонстрация и в дело вмешалась полиция, московские рабочие готовы были выступить, и только предпринятые властями заранее меры — оцепление большинства крупных московских фабрик и заводов — помешали этому. Дальнейший ход событий привел в Москве к ряду активных выступлений рабочих, о чем не без недоумения сообщал Чехову тот же Алтухов в следующем письме от 6 марта.

---

* Г. И. Россолимо в воспоминаниях приводит запись из своего дневника о встрече с Чеховым на похоронах Алтухова (он умер 16 декабря 1903 г.), которого провожали в последний путь его многочисленные ученики: «Погребальное шествие подходило к воротам кладбища, а его конец терялся во мглистой дали зимних сумерек; над головами толпы молодежи качался гроб; впереди несли венки, и первым — венок из свежих цветов от „учеников"; его высоко держали студент и курсистка с гордо поднятыми головами, с решительным хотя и грустным взором. Невольно вырвалось: „Какой простор!" — „Вот они те, — сказал Чехов, — которые хоронят старое и, вместе с ним, вносят в царство смерти живые цветы и молодые надежды..."» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 586).

Письмо это было ответом на просьбу Чехова навести в канцелярии университета справку, числился ли там в последние годы студент-медик Гриневич (XIX, 251). Просьба эта была вызвана появлением в Ялте некоего Гриневича, который называл себя московским студентом и поведение которого дало повод подозревать его в шпионстве. Алтухов быстро и точно навел требуемую справку, о чем и сообщал Чехову в начале названного письма:

«Ваше поручение навести справки о существовании некоего студента пятого курса Гриневича исполнено в точности, похвальной даже с точки зрения полицейского сыска. В 1899—1900 г. имелся в Московском университете на четвертом курсе естественного факультета студент Гриневич Яков из потомственных почетных граждан Петербурга, окончивший Косперовскую гимназию. По окончании курса сей Гриневич получил место, на котором состоит и ныне. Что же касается медицинского факультета, то никакого Гриневича за последние десять лет на этом факультете не числилось. Администрация, или, вернее, инспекция, университета точно, однако, осведомлена, что на юге появился какой-то проходимец, ныне находящийся в Ялте, за которым числится уже много художеств, совершенных в других городах и весях России. Неизвестно, с какою целью эта личность выдает себя за студента пятого курса, и Гриневич ли он в действительности, сомнительно. Весьма возможно, что сей проходимец — служитель Синедриона, а посему опасаться его должно! По моему мнению, и студентов следует поставить в известность, какого полета сия птица, не так ли?»

Последующие страницы этого большого письма почти полностью посвящены рассказу о революционных, в том числе о рабочих, выступлениях в Москве за истекший месяц, а также о событиях 9—10 февраля в университете:

«Теперь у всех на языке Москва, студенческие волнения, разграбление квартиры одного из приват-доцентов, учиненное якобы студентами, изгнание четырехсот двух студентов дедушкой Ванновским навсегда из университета, паломничество рабочих (по данным полиции, пятьдесят тысяч, для точности нужно разделить эту цифру на пять—шесть) к памятнику Александру II, возложение венков, кидание в воздух „чепчиков“ (19 февраля), а затем забастовка студентов и, наконец, бунт рабочих на Даниловской мануфактуре Мещерякова (1 и 2 марта), где шесть тысяч рабочих разрушили все вдребезги, пряжу, ткани, материю и весь товар свезли на Москву-реку, где и свалили все это в прорубь. Странная российская логика — 19-го числа кричат „ура“ и шапки бросают в воздух, а через полмесяца после того разрушить до основания фабрику и где?— в православной Москве! Студенты последнее время начали ходить на лекции и на практические занятия, так что, нужно думать, забастовка окончилась. Сильно поредели их ряды: все, что было лучшего и дельного,— забрано. В общем, считая арестованных на улицах, на квартирах, на сходке, забрано больше полутора тысяч, масса студентов взяли отпуски и поехали по домам. Словом — неблагополучно. Пятьсот восемнадцать человек, арестованные в актовом зале в ночь с 9 на 10 февраля (402 студента+66 девиц+воспит⟨анники⟩ других высших учебных заведений), погибали было от голода и жажды, так как полиция никого не пропускала, даже из числа живущих, на улицу за хлебом и провизией. К счастью для них, актовый зал сообщался с моей квартирой, студенты прибегали ко мне, я отдал им все съестное до последней крошки, поставил около девяноста самоваров. В настоящее время некоторые из честных интеллигентов подают Ванновскому прошение о смягчении участи этих quasi-заговорщиков и, в противовес полицейским сведениям о разграблении квартиры Чистякова, указывают, с моего согласия, на то обстоятельство, что студенты у меня в квартире вели себя вполне корректно. Хорош тоже и Чистяков, заявивший, что после студентов у него пропала шуба, шитые серебром туфли и много белья, и получивший от университета в возмещение убытков и пр̀оторей семьдесят пять рублей. Когда студенты послали к нему делегатов, чтобы он подтвердил им факт разграбления квартиры студентами, сей франт все это свалил на полицию. Не думаю, чтобы ему все это даром прошло! Этак и я мог бы просить от университета пособия за то, что я уступил, конечно, даром студентам все съестное, весь обед и т. п. Нет спора, что Чистяков поступил гнусно, и теперь, понятное дело, он не знает, как вывернуться: полиции говорит одно, студентам — другое! Курьезнее всего то, что оставшиеся на сходке студенты решили ночевать в актовом

зале и ждать наутро с фабрик рабочих, которые, по их соображениям, должны были бы освободить студентов и во главе с ними двинуться с манифестациями по улицам. Но надеждам студентов не дали осуществиться — ночью, в три часа, казаки с берданками и нагайками взломали двери, вошли в помещение, занимаемое студентами, и без всякого сопротивления их всех забрали. Никого не били, кроме лишь одного студента, который, пока их вели в манеж, зычно пел „дубинушку", „марсельезу", — его, правда, избили в кровь! Многое можно было бы еще написать, но... Эти знаки вам известны?»

К сожалению, в письме Алтухова, не только сочувствовавшего, но и помогавшего осажденным студентам, не были изложены требования, во имя которых собирались демонстрировать рука об руку с рабочими собравшиеся в актовом зале на сходку студенты. Эти требования были выражены в принятой на сходке резолюции: «Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований, глубоко убежденные, что для правильного хода общественной жизни необходимо пересоздание всего социального и политического строя на началах признания за личностью публичных прав. Мы уверены, что без этого русская жизнь не двинется ни на шаг вперед, что лучшие будут периодически вырываться из среды общества, что позорное топтание на одном месте не прекратится. Мы требуем: 1) неприкосновенности личности, 2) свободы печати, 3) свободы совести, 4) свободы собраний и организаций, 5) непосредственной ответственности административных лиц, 6) общедоступности образования, 7) допущения женщин в университет, 8) уравнения прав национальностей. Вместе с рабочими мы требуем: 9) восьмичасового рабочего дня и 10) права стачек.

Не признавая настоящее правительство способным к реорганизации общественного строя на этих началах, мы обращаемся ко всей мыслящей России, считающей себя политически зрелой, с указанием о своевременности созвания Учредительного собрания. Общеполитическая программа заставляет нас вынести наш протест на улицу, где мы вместе с кадрами рабочих обществ готовы силой поддерживать наши требования» («Красный архив», 1938, № 4-5, стр. 279).

Остается гадательным, узнал ли Чехов о содержании этих требований,— во всяком случае они могли дойти до него либо через Горького, либо через студентов, с которыми общался Чехов в Ялте и среди которых было немало причастных к «беспорядкам» и исключенных из университетов за это. И уже твердо можно сказать, что о судьбе арестованных студентов — содержание их в Бутырках, объявленная ими голодовка, последующий приговор (ссылка в Восточную Сибирь — для одних, тюрьма, с отправкой на крайний Север, в Архангельск,— для других)— обо всем этом он был достаточно осведомлен, причем на этот раз информация исходила из самих студенческих кругов или от лиц, к ним очень близких [17].

Почти одновременно с цитированным только что письмом Алтухова Чехов получил из Москвы письмо от студента четвертого курса естественного отделения физико-математического факультета Петра Андреевича Базилевича, который обратился к писателю от имени группы студентов, озабоченных оказанием помощи товарищам, отправляемым в ссылку и тюрьму. Вот текст этого примечательного письма:

«Москва, 5 марта 1902. Многоуважаемый Антон Павлович! Вам, вероятно, известно, что почти уже месяц в Московской Бутырской тюрьме сидят около восьмисот человек студентов и курсисток высших учебных заведений г. Москвы, до четырехсот человек сидит при частях и других тюрьмах нашей столицы. Четыреста два человека уже официально исключены из университета без права поступления в высшие учебные заведения, а также с воспрещением педагогической деятельности. Но этого мало! Очень и очень многим из исключенных предстоит ссылка в более или менее отдаленные места Азиатской или Европейской России. Официально это еще не известно, но в этом никто не сомневается.

Терпят сильный недостаток в деньгах уже теперь в тюрьме (говорят, у курсисток от дурной пищи появилась цинга), можете себе представить, в каком положении очутится большая часть арестованных, если их вышлют.

Нам, оставшимся на работе товарищам, удалось собрать небольшие средства для временной помощи пострадавшим, теперь же, ввиду возможной скорой высылки, хотелось бы дать беднейшей части арестованных хоть понемногу денег на первое время ссылки. Однако собранных сумм не хватает даже для помощи теперь, а о дальнейшей нельзя даже и думать. По возникшей среди нас мысли, мы решили обратиться к некоторым артистам и писателям, не найдут ли и они, с своей стороны, возможным помочь пострадавшим теми или иными находящимися в их распоряжении способами. Осмеливаюсь обратиться с таковой же просьбой и к вам, многоуважаемый Антон Павлович.

Предлагая вам мысль, мы будем одинаково благодарны, если вы захотите помочь и через другое лицо, более вам известное, чем пищущий эти строки. Студент Московского университета П. Базилевич. Адрес: Патриаршие пруды, дом Дедушкина, кв. 17, Петру Андреевичу Базилевичу, г. Москва».

Чехов не замедлил откликнуться на просьбу студентов. Его ответ Базилевичу не дошел до нас, но самый факт ответа и оказанной им помощи ссылаемым студентам подтверждается вторым письмом Базилевича: «Москва, 21 марта 1902. Многоуважаемый Антон Павлович! Спешу вам выразить благодарность за ваш ответ на мое письмо и просьбу. Вчера я все получил, еще раз благодарю. Вчера же все передано по назначению, так как последняя партия в тридцать два человека отправлена в Иркутск сегодня рано утром. Искренне уважающий вас П. Базилевич».

Можно не сомневаться, что эта денежная помощь, оказанная Чеховым, была для него самого не простым актом благотворительности, а выражением глубокого сочувствия лучшей части русской демократической молодежи, выступившей на борьбу за свободу и ставшей жертвой самодержавного деспотизма. И студенты оценили и надолго запомнили благородный поступок писателя. Об этом, в частности, свидетельствует более позднее письмо московского студента Ярослава Владимировича Сорнева, который обратился к Чехову 26 февраля 1904 г. с аналогичной просьбой:

«Многоуважаемый Антон Павлович! В один из тяжких моментов, весною 1902 г., мои товарищи — студенты Московского университета — обратились к вам за помощью, и вы тогда своим взносом поддержали очень многих, оставшихся без всяких средств. Тяжелое время переживается и теперь. Нуждаются весьма многие. Поэтому обращаюсь к вам с усиленной просьбой: помогите!

Личность моя может быть удостоверена кем-либо из ваших московских друзей. То же лицо получит сведения о распределении пожертвованных средств. Прошу адресовать: Москва, Долгоруковская, дом 16, кв. 15, Е. И. Орловой, для С. С уважением студент Ярослав Владимирович Сорнев»[18].

Последнее из обнаруженных нами в архиве Чехова писем, связанных со студенческим движением, также содержит просьбу о помощи жертвам деспотизма. Но содержание этого письма в целом выходит далеко за пределы этой частной темы. Безвестная русская женщина, Ольга Николаевна Покотилова, взволнована до глубины души не только судьбой своего названного сына-студента, сосланного в Восточную Сибирь: сердце ее полно тревоги за всех юных и смелых, поднявшихся на борьбу за освобождение народа. Не юношеская запальчивость и безрассудство, а глубоко осознанное понимание невозможности дальнейшего рабского существования, неизбежности новых выступлений и новых схваток с дикой силой самодержавия отражается в ее письме. И если проект организации через ее посредство широкой общественной помощи ссыльным юношам и девушкам был, возможно, несколько утопичен, то самая идея такой помощи рисует автора письма человеком, у которого жизненный опыт не отнял силы и смелости души, готовности идти на самопожертвование во имя благородной идеи помощи борцам за свободу. Приводим полный текст этого замечательного письма:

«27 марта. Москва, Малая Бронная, дом Гирш, № 84. Ольга Николаевна Покотилова *.

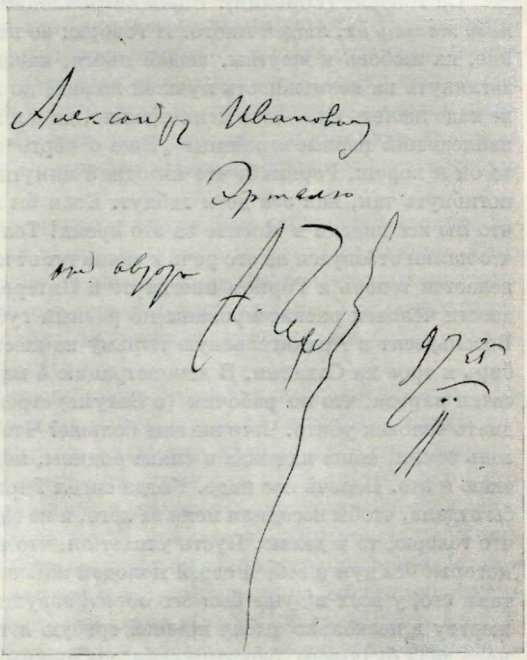
Уважаемый Антон Павлович. М. М. (!) Дроздова была так добра, что взялась передать это письмо вам. Последние события, вероятно, не безызвестны (вам как писате-

* Сверху, карандашом, рукою Чехова поставлен год: 1902.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА СБОРНИКЕ «РАССКАЗЫ» (СПб., 1896):

«Александру Ивановичу Эртелю от автора. А. Чехов. 97 25/II»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



лю, следящему за жизнью своей родины, загнали моего сына, мальчика 22-х лет, в Восточную Сибирь на три года. Три жизни подрезаны — моего мальчика, моя и его невесты. Оставить его там одного, без помощи и любви я не могу. Угнали его (как и многих) без вещей и без свидания прощального с нами, так как я прав на него законных не имею, я не родная его мать, а только мать его невесты, которую любит он три года. Близких людей у него нет никого, кроме нас, есть отец, акцизный ревизор, человек совсем не подходящий к нему, и мачеха, которая, я думаю, рада от него избавиться, так как имеет своих детей и женщина дрянная и жестокая, так что оттуда помощи ему ждать нечего. Я имею маленькую землишку, которую хочу заложить за 2000 рублей. Об ней после. Надо сделать это скорей и ехать к нему. Живу я среди молодежи, знакомых у меня нет денежных — нет никого, кроме товарищей моего сына и дочерей, которые не могут помочь мне в этом деле. Буду ходить ко всем, про кого ходят слухи, что он добрый человек; но трудно верится, чтобы только добрый человек помог мне, для этого надо быть не только добрым, но и глубоко чувствующим и понимающим и жизнь, и последнее движение среди учащейся молодежи. Стоит помочь тем людям, что, не задумываясь ни на минуту, несут свои молодые, жаждущие жизни и счастья головы под нагайки и штыки казаков и жандармов. Стоит помочь детям, учащим своих родителей-трусов, как надо бороться за жизнь и счастье униженных и угнетенных. Нам, старшим, стыдно смотреть на это воинство малолетних, лучших сил страны, не задающих себе даже вопроса: а ведь, может быть, если откажемся от того, что требовали, и будет облегчена участь. Из шестисот с лишком человек только двадцать три подали заявление, что они готовы дать показание. Остальные все поголовно отказались от допроса, и девяносто четыре пошли в Восточную Сибирь, а более пятисот в Архангельскую тюрьму. Как жили они в Бутырках, как морили себя голодом, желая ускорения приговора и протестуя против дурного обращения с девушками, к которым приставили часовых, подсматривающих, как они раздевались, и отпускали милые шуточки по этому поводу, вам, верно, уже известно. Я была в тюрьме раньше, когда не пошли страшные строгости, и видела моего мальчика, который после трех суток голодовки еле держался на ногах, а других многих водили под руки. Барышни выдержали шестисуточную голодовку. Не давши оправиться, детей отправили в Сибирь и многих без вещей. Там было наших очень много. Это дело для меня кровное, и я все знаю о пребывании их в тюрьме.

Он говорит (Горький): Важно стремление к истине, не надо останавливать их, *не надо жалеть их*, людей много. Я говорю: не надо останавливать их, важно их стремление, их любовь и жертвы, людей много, каждое такое движение поднимает дух, дает заглянуть на возможность лучшей жизни, но я, старая женщина, время гордых слов: не надо жалеть их,— для меня прошло, да я и ни одной минуты не верила ему, человек, написавший первые страницы „Еще о чёрте", сам себя обманывает, говоря так. Тем-то он и хорош, Горький, что ни одной минуты не сомневаешься, что он может, жалея, погибнуть так, как эти дети гибнут. Если бы мне только увидеть его, рассказать ему, что мы все видели в Москве за это время! Только он, Горький, может это описать, так что камни отзовутся на его речь и заплачут от жалости к этим погибающим жизням. Что делается теперь в Горном институте в Питере, вы, верно, знаете, скажу коротко, что двести человек раскассированы по разным губерниям, кто на один, два ⟨года⟩ и т. д. Восемьдесят в Архангельскую тюрьму на шесть месяцев, двенадцать в Восточную Сибирь и трое на Сахалин. В демонстрацию 4 марта избивали (не до смерти, а калечили) сотни народа, что по рабочим (в Батуме) стреляли, по официальным сведениям тринадцать человек убито. Чего же еще больше? Что сказать вам еще, чтобы вы, все вы, наша соль земли, наша надежда и слава родины, поднялись, помогли? Руки связаны у вас, знаю я это. Беречь вас надо. Когда сидел Горький в Нижнем в тюрьме, больной, я все бы отдала, чтобы посадили меня за него, и не одна я, нас много. Слов я не умею говорить, что говорю, то и делаю. Пусть узнает он, что все те дети, потому что они дети по летам, которые без дум о себе и своей молодой жизни шли и подставляли свои головы, все читали его, у всех в душе был его образ, зовущий на борьбу и жертву. За эту огромную жертву в несколько тысяч жизней требую я помощи, жалости. Живите для громадного дела будущего, берегите себя, вы нужны и полезны как мстители за погибающих, но жалейте этих гибнущих, этого мы можем требовать от вас всячески: и материальной помощью, и защитой в печати.

Я не желаю пользоваться общественными средствами и могу этого не желать. Я имею землишку, 64 десятины, со стройкой, страхуемой в 1200 рублей. Я ни одной копейки не прошу даром, все окупится моей землей, но и для этого дела надо просить и молить, надо мне скорей кончить, получить деньги и уехать. Сделайте мне это, и вы спасете не только меня и мою семью, но дадите помощь сибирякам. У меня в Сибири будет фонд, вся помощь, корреспонденция пойдет через мои руки. Только одна женщина едет в Сибирь со своим мужем и его братом, сосланными на четыре года, но она носит фамилию сосланного, и у нее руки связаны, на нее нельзя будет возложить помощь. Я ношу фамилию неприкосновенную к делу, и поэтому все для них могу и хочу сделать. Прочтите это письмо Горькому (я не знаю его адреса, да ведь это все равно, это письмо всем хорошим людям пишется) и Андрееву. Скажите Андрееву, что я хорошо знаю Водикова, его однокашника; думаю, что не может к нему относиться без уважения. Отвечайте мне скорей, скорей. Время дорого, наши едут на нужду и страдания, а меня нет с ними. Уважающая вас Ольга П о к о т и л о в а.

P.S. Если бы я смела послать вам список лиц, пострадавших за 9 и 14 февраля, я бы послала вам, и если вам нужен он, я пришлю. Прошу вас передать это письмо Горькому и Андрееву, говорят, что они тоже в Ялте».

Фактическая достоверность и точность письма Покотиловой не подлежит сомнению: в неоднократно использованной уже нами публикации в «Красном архиве» напечатаны документы, подтверждающие сообщаемые ею факты о положении арестованных студентов в Бутырках, об объявленной ими голодовке и т. д. (1938, № 4-5, стр. 283—284). Таким образом, и с точки зрения информационной содержательности оно является одним из наиболее значительных в рассмотренной нами серии писем. В связи с этим представляется необходимым остановиться здесь на характеристике личности Покотиловой и коротко рассказать о ее дальнейшей судьбе.

О. Н. Покотилова по рождению принадлежала к одной из многочисленных ветвей рода Толстых; ее отец, Николай Николаевич Толстой, владел небольшим имением где-то за Волгой. Она, по-видимому, рано порвала с семьей и вообще с дворянским кругом. Выйдя замуж за некоего Покотилова, она вскоре разошлась с ним, как можно думать, на почве идейной розни. К началу 1900-х годов она жила в Москве, воспитывая трех

дочерей. Она снимала довольно большую квартиру на Малой Бронной улице,— как известно, это был район старой Москвы, где селилась по преимуществу студенческая молодежь. Сама она с дочерьми занимала меньшую часть квартиры, а остальные комнаты сдавала студентам, что и давало ей средства к существованию. Среди ее молодых жильцов в 1900—1902 гг. находился и студент физико-математического, а затем историко-филологического факультета В. П. Волгин, ныне действительный член Академии наук СССР, который любезно поделился с автором настоящей статьи своими воспоминаниями об О. Н. Покотиловой.

В квартире Покотиловой было всегда шумно и людно, у ее жильцов постоянно собиралась студенческая молодежь, звучали песни, велись беседы, горячие споры. Сама Покотилова, живя среди молодежи, принимала близко к сердцу ее интересы, разделяла их надежды и стремления. Не будучи связанной с революционной деятельностью, она во многом сочувствовала революционным воззрениям, которые все более овладевали умами передового студенчества.

Тот план помощи сосланным в Восточную Сибирь студентам, который намечала Покотилова в письме к Чехову, не был пустой фразой. Она сумела хотя бы частично осуществить его. Собрав некоторую сумму денег (по-видимому, ей удалось заложить имение недалеко от Брянска, которым она владела), она приехала в том же 1902 г. в Нижнеудинский уезд Иркутской губернии, где вместе с многими товарищами отбывал ссылку ее названный сын. Поселившись там, она оказывала посильную материальную помощь ссыльным юношам и старалась облегчить их судьбу своей материнской заботой и вниманием. И что самое примечательное, она привезла с собой целую библиотеку, включавшую книги по разным отраслям знания, которыми широко пользовались сосланные. Книги эти она перед отъездом собрала путем обращения к ряду профессоров и ученых.

В 1903 г. высланным в Сибирь за участие в студенческом движении юношам было разрешено проживание в Европейской части России за исключением университетских городов и фабричных районов. Вследствие этого дальнейшее пребывание Покотиловой в Сибири оказывалось ненужным, и она решила покинуть ее. Во время долгой и утомительной дороги она простудилась, тяжело заболела и вскоре, летом того же 1903 г., умерла. Такова была судьба этой самоотверженной русской женщины.

В письме Покотиловой нельзя не обратить внимания еще на одну деталь. Адресованное и пересланное с надежной оказией Чехову, оно было обращено одновременно и к Горькому. Это объединение обоих писателей, от которых надо ждать и требовать не только материальной помощи, но и защиты в печати, вряд ли отражало одни лишь личные взгляды автора письма. Надо думать, что в сознании революционной части русской интеллигенции к началу 1900-х годов уже созрело и достаточно распространилось представление о том, что не только Горький, но и Чехов близок их стремлениям и надеждам. Позволим себе в подтверждение этого сослаться на выразительный пример, взятый из биографии одного из замечательных русских революционеров-марксистов, рано скончавшегося Александра Гусева (1880—1903). В марте 1900 г. он писал близкому другу из Твери, где он вел революционную работу: «Пришлите вашу карточку Горького, только хорошую — чтобы переснять, непременно, *я вас очень прошу*. Если можете, пришлите и Чехова» (Н. Гусева-Архипова. Александр Иванович Гусев.— «Каторга и ссылка», 1928, № 45-46, стр. 213).

* * *

К сожалению, мы располагаем далеко не всеми ответными письмами Чехова его корреспондентам, сообщавшим ему новости о студенческом движении и делившимся с ним своими мыслями о происходящих в русской жизни переменах. Не сохранились письма Чехова к Коротневу, Сорневу, Бурейко и ряду других. В тех же случаях, когда мы располагаем письмами Чехова (к Орлову, Алтухову, Кондакову и др.), они далеко не всегда — особенно это относится к письмам 1901—1902 гг.— содержат отклики на интересующую нас тему. Было бы неверно объяснять это равнодушием Чехова к политической жизни страны — приведенные нами в статье материалы достаточно убедительно свидетельствуют о глубокой заинтересованности писателя растущим револю-

ционным движением и другими событиями, предвещавшими, в его глазах, коренное обновление русской жизни. Правильнее было бы объяснить молчание Чехова его осторожностью, нежеланием навлечь на своих корреспондентов неприятности. Напомним в этой связи характерное место из письма Чехова к Миролюбову от 17 декабря 1901 г.: «Мне хотелось бы написать много, много, но лучше воздержаться, тем более что письма теперь читаются, главным образом, не теми, кому они адресуются...» (XIX, 195). О том, что эти опасения Чехова не были лишены основания, говорит, например, факт перлюстрации письма к нему Мейерхольда от 18 апреля 1901 г. (см. выше, стр. 427).

Но, несмотря на известную в этом смысле неполноту собранных нами в настоящей статье материалов, они представляют значительный интерес для изучения Чехова. Они позволяют конкретно понять, какими путями и в каком объеме притекали к писателю с разных сторон сведения об общественной и политической жизни страны, как этот поток размывал и разрушал казалось бы прочно усвоенное Чеховым отвращение к «политике», его отчужденность от дела освободительной борьбы. Тем самым давно уже принятый советским литературоведением тезис о решительном повороте в сознании Чехова в последние годы его жизни получает дополнительное обоснование и подкрепление.

Как преломились бы в творчестве писателя новые черты русской жизни накануне первой революции, мы не знаем — смерть оборвала его жизнь на пороге того нового, в приход которого с такой светлой и непреклонной убежденностью он верил. Мы не знаем, подошел ли бы Чехов в своих последующих произведениях к теме революционного подвига, героической жертвы, к теме борьбы за свободу. Но и те отдельные мотивы предчувствия надвигающейся бури, порыва к чему-то новому, светлому, страстного желания «перевернуть жизнь», которые нашли свое выражение в произведениях писателя последних лет («Три сестры», «Невеста», «Вишневый сад»), имеют для понимания творчества Чехова огромное значение. Думается, что собранные нами материалы во многом помогут глубже понять ту реальную почву, из которой вырастали эти мотивы, понять те явления действительности, которые помогали внимательному и зоркому наблюдателю жизни создать образы Саши и Нади в «Невесте» или Ани и студента Трофимова в «Вишневом саде». Связь последнего образа с нашей темой выступает, пожалуй, особенно наглядно и выразительно. Вспомним, как Чехов в письме к жене комментировал для артистов и режиссеров Художественного театра этот образ: «Ведь Трофимов то и дело в ссылке, его то и дело выгоняют из университета, а как ты изобразишь сии штуки?» (XX, 158). И если революционное начало в образе Трофимова оказалось, по необходимости, скрытым, то все же именно в его уста Чехов вложил полные надежды и веры в прекрасное и уже близкое будущее слова: «Здравствуй, новая жизнь!..».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Этой теме посвятил несколько страниц Ю. В. Соболев в книге «Чехов». М., 1934 (глава «Рост общественного и политического сознания», стр. 245—249). Упоминая о «серьезных волнениях среди студенчества» в 1899 г., автор отмечает осведомленность Чехова, который «был в курсе всех событий».

[2] Самодержавие не впервые применяло подобные методы: аналогичные меры были приняты Александром II во время студенческих волнений 1861 г.

Приведем некоторые данные об отражении в русской печати 1899 г. правительственных репрессий против студенчества. В «Сыне отечества» (№ 70, от 14 марта), в «Известиях из Томска» сообщено о закрытии Томского университета с 4 марта; в «Русских ведомостях» (№ 90, от 1 апреля) напечатано объявление рижского Политехнического института об увольнении всех студентов; там же (№ 93, от 4 апреля) помещено объявление киевского, подольского и волынского генерал-губернатора о воспрещении уличных демонстраций и об увольнении всех студентов первых трех курсов Новороссийского университета, а также о приостановке занятий в высших учебных заведениях Харькова — в университете, технологическом и ветеринарном институтах; там же (№ 96, от 7 апреля) напечатано объявление ректора Киевского университета о прекращении занятий на последних курсах.

[3] История трагической гибели Ливена нашла отклик и в одном из зарубежных русских изданий, где она была изложена следующим образом: «Он ⟨Г. Ливен⟩ сидел в Бутырской пересыльной тюрьме с 14 февраля в одиночном заключении, и за все время заточения к нему никого не допускали. Мать его напрасно добивалась свидания с сыном. Ей дали разрешение на свидание лишь 6 апреля, но было уже поздно. При-

шедший в отчаяние юноша покончил с собою единственным доступным ему способом: он облил себя керосином из лампы и поджег затем себя; через два дня он умер в тюремной больнице от тяжелых ожогов, и матери досталось увидеть лишь обгорелый труп сына» (Г. М. Либанов. Студенческое движение 1899 г. С документальными приложениями. Лондон, 1901, стр. 76).

Студенческим волнениям 1899 г. были посвящены и другие брошюры, изданные за пределами России: «Студенческое движение 1899 года». Сборник под ред. А. и В. Чертковых. Изд. «Свободное слово». Purleigh, England, 1900; В.М. Грибовский. К истории студенческого движения 1899 года. Берлин, 1901. За указание на эти брошюры автор выражает благодарность А. В. Храбровицкому.

[4] Из этих слов Чехова («Получаю много писем») следует, что не все письма о студенческом движении сохранились в архиве писателя. Очевидно, кроме использованных нами выше писем Ал. П. Чехова, Н. М. Ежова и М. В. Лаврова, Чеховым до 18 марта были получены и другие письма, авторы которых, за исключением Суворина, остаются неизвестными. Подобные встречи с учащейся молодежью, принимавшей участие в университетских «беспорядках», бывали у Чехова и раньше: в апреле 1897 г. его посетили в Мелихове два студента Московского университета, с которыми он беседовал о студенческих волнениях, о литературной работе, о желательности издания студенческой газеты (А. «У А. П. Чехова в Мелихове». — «Русские ведомости», 1909, № 150, от 2 июля).

[5] В воспоминаниях журналиста М. Гальперина, встречавшегося с Чеховым в Ницце в декабре 1900 г., переданы аналогичные его высказывания. В беседе о молодежи, о студенческих волнениях Чехов заметил, что «бунтующие теперь либералы сделаются по окончании университета серенькими чиновниками, жаждущими теплого местечка» («Киевлянин», 1904, № 186, от 7 июля).

[6] В марте 1899 г. в Харьковской судебной палате по протесту прокурора вторично слушалось дело по обвинению братьев Скитских в убийстве секретаря Полтавской духовной консистории А. Комарова (за год до этого, в марте 1898 г., обвиняемым был вынесен оправдательный приговор). Дело Скитских вызвало на Украине большое общественное возбуждение.

[7] В настоящей статье мы не имеем возможности подробно останавливаться на эпизоде с «Маленькими письмами» Суворина, оставившем много откликов в переписке Чехова 1899 г. (XVIII, 112, 134, 140, «Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова». М., 1939, стр. 386—391; «М. Горький и А. Чехов. Сборник материалов. Переписка, статьи, высказывания». М., 1951, стр. 38—41). Эта тема может быть предметом самостоятельного рассмотрения.

[8] Официальное сообщение об этих «беспорядках» было тогда же перепечатано из «Правительственного вестника» многими газетами (см., напр.,«Русские ведомости», 1901, № 65, от 7 марта). См. также публикацию «Студенческое движение в 1901 г.»— «Красный архив», 1936, № 2 (75), стр. 83—112.

[9] Министр народного просвещения Н. П. Боголепов, ненавистный студенчеству, умер после выстрела в него, совершенного 14 февраля 1901 г. исключенным из Петербургского университета студентом П. В. Карповичем. Суд над Карповичем был назначен на 3 марта, и к этому дню студентами была приурочена демонстрация. Но суд был отложен, и демонстрацию перенесли на 4 марта (см. «Искра», 1901, № 2).

[10] Здесь и ниже материалы из «Искры» цитируются по изданию: «„Искра“, 900—1903». Л., 1925—1929.

[11] Анреп был директором Петербургского женского медицинского института. После подавления студенческих волнений в Петербурге он в мае 1899 г. был назначен попечителем Харьковского учебного округа.

[12] Значительно более трезво судил о перспективах ожидаемых от нового министра народного просвещения академических реформ В. С. Миролюбов, который писал Чехову 22 июня 1901 г.:«Сейчас прочитал в „Новом времени“ перепечатку из „Одесских новостей“, что министр Ванновский просил попечителя Одесского учебного округа вновь рекомендовать сочинения М. Н. Каткова для приобретения в фундаментальные библиотеки учебных заведений и в бесплатные народные библиотеки в виду высокорелигиозного, нравственного и патриотического их направления. 1-е предложение попечителям было сделано Мин. нар. просв. в сентябре 98 г. Вдова Каткова довела до сведения министра, что далеко не все учебные заведения приобрели сочинения ее мужа. Министерство теперешнее, думающее (?) дать автономию университетам, предлагает попечителям распространять сочинения автора, который с пеною у рта ратовал в последние годы за то, чтобы заковать университетскую жизнь в бюрократические цепи. Такова везде у нас последовательность! И можно ли верить в предполагаемые реформы?!»

[13] О поведении молодежи на спектакле «Доктор Штокман» Чехов еще до письма Мейерхольда узнал от О. Л. Книппер: «Вчера мне в театре говорила редакторша „Женского дела“, что будто арестовали Л. Толстого и с жандармами отправили за границу —мне кажется это чудовищным и пока не верю <...> Здесь на выставке молодежь убрала цветами его портрет (Репина) и сильно шумела и аплодировала. На Штокмане у нас происходило ужас что благодаря смутному времени. Не давали

говорить Штокману — зала была наэлектризована,— беснование было полное» («Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 371).

[14] О продолжающейся высылке из Петербурга писателей и общественных деятелей, участвовавших в подписании протестов против бесчинств полиции в день 4 марта, сообщал Чехову и Миролюбов: «Из Петербурга продолжают высылать. Скоро, кажется, никого не останется из тех, кто подписал какую-нибудь из ходивших в это время петиций и обращений.

Сегодня объявили Пешехонову, Чирикову. Несколько дней тому назад Фальборку, Чарнолусскому, Диксону, Кранихфельду и др. Только и слышишь одни неприятности. На душе тяжело» (письмо от 25 июня 1901 г.).

[15] Как твердо был убежден Горький в том, что революционное начало будет неизбежно усиливаться в сознании Чехова, рассказывает один из мемуаристов. По его свидетельству, Горький 17 января 1904 г., на премьере «Вишневого сада», сказал Чехову: «Озорную штуку вы выкинули, Антон Павлович. Дали красивую лирику, а потом звякнули со всего размаха топором по корневищам: к черту старую жизнь! Теперь, я уверен, ваша следующая пьеса будет революционная» (В. Тройнов. Московские встречи.— «Литературная газета», 1938, № 18, от 30 марта).

[16] Ноябрьские события 1903 г. в Киеве, которые имеет в виду Сулержицкий, нашли свое отражение в местных газетах, материалы которых перепечатывались в столичной прессе. См. в «Русских ведомостях», 1903, № 329, от 30 ноября заметку о том, что в киевских газетах опубликовано постановление губернатора об аресте от трех месяцев до одной недели 45 студентов, задержанных 19 ноября возле университета во время уличных беспорядков. В «Новом времени», № 9957, от 22 ноября было перепечатано сообщение киевских газет о приостановлении занятий в университете св. Владимира на 19 и 20 ноября.

[17] Кроме того, в середине марта в большинстве газет было перепечатано из «Правительственного вестника» правительственное сообщение, в котором указывалось, что волнения молодежи высших учебных заведений в конце минувшего 1901 г. приняли «явно противоправительственный характер». Далее шло изложение событий в Москве, имевших место 9 февраля и 17 февраля, и приводилось «высочайшее повеление» по делу о 682 участниках беспорядков в Москве. 95 человек высылались под надзор полиции в пределы Иркутского генерал-губернаторства на срок от двух до пяти лет; 567 человек (в том числе 537 студентов Московского университета) были подвергнуты тюремному заключению на срок от трех до шести месяцев, с отбыванием наказания во временной Архангельской тюрьме.

[18] В архиве Чехова сохранилось еще несколько писем от отдельных студентов, подвергавшихся репрессиям за участие в волнениях. В большинстве из них содержатся просьбы о денежной помощи, в некоторых — просьбы о разрешении встретиться для беседы или о присылке книг с произведениями писателя (письмо Александра Воронца, 1890-е годы, с карандашной пометой Чехова: «Послано 3 р.»; Н. А. Чудова от 21 декабря 1899; А. Н. Ерофеева от 17 августа 1900; В. И. Евтихиева от 1 июня 1901; Н. Китаевича от имени административно-ссыльных в г. Киренске, 1902; б. студента Лембергского политехникума, февраль 1904).

ЧЕХОВ
В НЕИЗДАННЫХ ДНЕВНИКАХ СОВРЕМЕННИКОВ

ИЗ ДНЕВНИКА И. Л. ЩЕГЛОВА (ЛЕОНТЬЕВА)

Публикация Н. Г. Розенблюма

Публикуемые ниже извлечения из дневника беллетриста и драматурга И. Л. Леонтьева (псевд.— Ив. Щеглов) (1856—1911) являются ценным дополнением к его известным воспоминаниям о Чехове (см. «Чехов в воспоминаниях современников») и к его многолетней переписке с писателем и дают возможность восстановить с достаточной полнотой историю их взаимоотношений.

Щеглов дебютировал в печати почти одновременно с Чеховым, в 1881 г., военными рассказами, появившимися в «толстых» журналах — «Новое обозрение», «Вестник Европы», «Отечественные записки» и др. Его первые произведения вызвали положительную оценку не только у читателей, но и у такого строгого ценителя, как Салтыков-Щедрин. Роман Щеглова «Гордиев узел» (1886) и пьеса «В горах Кавказа» (1887) имели у публики шумный успех. В последующие годы Щеглов пишет преимущественно для театра, но его новые пьесы оказываются неудачными. Он изредка возвращается к беллетристике, но это также не приносит ему успеха. Постепенно его значение как писателя сходит на нет.

Личное знакомство с Чеховым и его семьей сильно расположило Щеглова к молодому собрату по литературе. Однако в отзывах о Чехове на страницах дневника Щеглова то и дело начинают проскальзывать ревнивые нотки, по которым легко угадывается уязвленное самолюбие и зависть Щеглова при виде далеко обогнавшего его и преуспевающего художника. Щеглову кажется, что Чехова несправедливо «превозносят за всякий водевильный пустяк», что «Чехову легко дался успех» («а я с бою каждый шаг брал»,— с горечью добавляет Щеглов). В полном противоречии с истиной, Щеглов утверждает, что Чехов — эгоист, «живет, как птица небесная, и изъял из своего обихода употребление часов и толчков сердца — и потому покоен и успевает много работать» (запись 1893 г.; в публикацию не включена), что он безучастен, «не смотрит корректуры — нечего просматривать, переживать: написал и с плеч долой» (запись в «Обиходном словаре» 1889 г.; в публикацию не включена).

Между тем письма Чехова к Щеглову полны теплоты и дружеского расположения. Чехов в скромном даровании Щеглова видел «настоящий талант» и старался его убедить целиком отдаться художественной прозе, отказавшись от эфемерных успехов в области драматургии. Щеглов не придавал, по-видимому, значения этим советам своего друга, а личное его отношение к Чехову продолжало оставаться недоброжелательным.

Только смерть Чехова заставила Щеглова осознать, что из всех писателей-современников Чехов был его единственным доброжелателем, единственным настоящим другом. Уже 3 июля 1904 г. Щеглов писал Измайлову: «Я как давнишний друг А. П. решительно пришиблен этой утратой... сейчас не в состоянии измерить и передать всю глубину моего личного, душевного несчастья!» (ИРЛИ, ф. 115, оп. 3. ед. хр. 378, л. 1—1 об.). «Неумолимая тоска, глубокое одиночество», — записывает он в своем дневнике. «Смерть Чехова точно дала новое зрение, переродила меня морально и укрепила волю на служенье долгу». Он, не откладывая, приступает к работе над мемуарами о Чехове, в которых в сильной мере преувеличивает свою близость с покойным писателем и совершенно не упоминает о том извилистом пути, который привел его, в конце концов, к глубокому и искреннему признанию художествен-

ных достоинств творчества Чехова и безгранично высокой оценке его личности. Воспоминания Щеглова выходят в свет в 1905 г. В 1910 г. он принимается писать новые воспоминания о Чехове, которые довести до конца ему, по-видимому, не пришлось. Среди бумаг его сохранились весьма интересные заметки, которые он, вероятно, намерен был использовать в этих мемуарах. Мы печатаем эти заметки вслед за выдержками из дневников, в виде приложения.

Печатается по автографу ИРЛИ (1407 VI М 2; 1416 IV с 28, лл. 59 об., 68 об., 86 об., 97, 99, 99 об., 114 об., 115 об., 118 об., 120—121 об., 136, 139, 146 об.— 149, 161 об., 212, 214; 1417 IV с 28, л. 1; 1418 IV с 29, лл. 8, 36, 44—47, 57, 59, 80, 86 об., 87, 88 об., 89 об., 90, 100, 125; 1420 V с 1, лл. 18 об., 36, 50 об., 82 об.; 1422 V с 3, лл. 34, 62, 76 об., 77 об., 83, 85 об., 86; 1434 V с 14—лл. 10—11, 65—71, 75; 1436 V с 16, лл. 37, 42, 44—45, 48, 50, 67, 97; 1445 VI с 2, лл. 65—66 и 1295 X б 15).

1886

Ноября 13—14. Растленные перья «Нового времени» и крайность — пресные клерки «Вестника Европы». Жестокий вопрос о падении художественности (Чехов, М. Белинский и К°). Я давно его поднимал, но мой голос остался гласом вопиющего в пустыне [1].

1887

8 декабря по 15. Путаюсь с Антоном Чеховым. В среду 9 декабря познакомился с ним в гостинице «Москва» и проговорили до 1 часу ночи — и с тех пор пошло [2].

11 декабря. У «Палкина» [3] с Плещеевым и с Чеховым. Импровизации Чехова. [Роман: Ночью в лесу о собственности, описание похорон (смерть фант.). Реальная любовь. Рассказ ужасный «Философ»... «Лишняя кладь». Бес на пути монашьем и т. д.] Водевиль «Сила гипнотизма» Чехова [4] и т. д. «Бес» (Монахи). Взял с меня слово написать к ⟨*нрзб.*⟩ номеру ⟨«Нового времени»⟩: «Миньону» [5].

15 декабря. Знакомство с Ник. Алекс. Лейкиным (Дворянская улица, д. № 14). «7000 раз написал, пьяный на карачках доползу, а напишу». Приказчик от литературы. Проводы Чехова.

1888

15 марта. Приезд Чехова и путаница [6].

21 марта. Проводы Чехова.

26 марта. Похороны Всеволода Гаршина [7] ⟨...⟩ Под пение «Со святыми упокой» отблески нашей литературной жизни: 1. Введенский за руку: «Какого вы мнения о Чехове? Скоро ему дадут острастку» [8].

17 сентября. Приехал в Москву ⟨...⟩ «Большая Московская» № 70 ⟨...⟩ Милая Чехия [9] (Евгения Яковлевна — мать, Мария Павловна — сестра, Николай Павлович, Михаил Павлович и Иван Павлович, Иваненко).

7 октября. Чехов получил премию от Академии наук [10].

5—9 декабря. Приезд Антуана Чехова [11]. Немного ожил. Что за талант, что за чуткость, что за симпатичная личность, этот проклятый Антуан!

9 декабря. Вечеринки у Плещеева, у Давыдова (Янов [12], Васильев, Чехов, Плещеев, Чайковский М. И.).

⟨*Без даты*⟩. Чехов талант, но не учитель — для этого нужно желание + нравственность, одушевляющая общая идея.

1889

25 января. Обед у Лейкина. Чехов [13], А. Н. Плещеев, Билибин, я. Идея мелодрамы.

26 января. 3-е представление «Господ театралов» [14] прошло с шиком. Феноменальный успех в Москве «Татьяны Репиной». Суворин попал в жилу, отметив первую психопатку. В каждой современной женщине сидит хоть кусочек Татьяны Репиной [15].

Чехов и всякие восторги [16].

31 января. «Иванов» Чехова на Александринской сцене. Удивительно свежо, но именно вследствие этой свежести много есть в пьесе «сквозняков», объясняющихся сценической неопытностью автора и отсутствием художественной выделки. Ансамбль чудесный. Овации милейшему Федорову [17]. Вызовы автора, хотя не без протестов [18].

2 февраля. У Чехова. Визиты Григоровичу, ⟨М. И.⟩ Чайковскому, Федорову-Юрковскому. Газетные гимны «Иванову». Проводы и гусь Соковнина [19]. Разъехался. Скучно без Чехова. В любительском кружке! ⟨...⟩ Визит Н. И. Стороженко: «Чехов талант, но у него нет „бога в душе“» [20].

6 сентября. «Иванова» же раздул ⟨Суворин⟩ невольно, прозрел как художник между строк наброски и черновики драмы. «Иванов» — должен был быть романом или повестью, как «Молотов», «Рудин» и т. п.

⟨1⟩ октября. Вечером смотрел в Немецком клубе шутку Антуана Чехова «Трагик поневоле», превосходно разыгранную *Бибиковым.* «Трагик поневоле» — подражание *моему* «Дачному мужу». Не по-товарищески, Антуан!! [21]

Боборыкин и *Чехов* — два крайние представителя нашей общественной расшатанности: первого при всяком появлении зря ругают на чем свет, а второго — превозносят за всякий водевильный пустяк.

1890

7 января. Ужин запоздал. Были (места за столом): 1) я, 2) Ефремов, 3) Долгорукий, 4) Колчин, 5) Приоров, 6) Паль⟨ников⟩, 7) Ур⟨ьева⟩, 8) жена, 9) Солов⟨ьев-Несмелов⟩, 10) Баранцевич, 11) Чехов, 12) Билибин. Разошлись в 3 часа по-полуночи [22].

13 января (у Плещеева) — Фаусек, нотариус Иванов с женой, Линтварев, Ладыженский [23], Чехов, Вейнберг П. И. *Разошлись в 3 часу.* О Антуан!

14 января. Вечер у Лейкина, замечательно веселый и дружный: *Чехов, Билибин, Баранцевич, Михневич* [24]. Разошлись в четвертом часу. О Антуан! («Власть тьмы» у Приселковых) [25].

26 января. У Ив. Ив. Горбунова. Владимир Григорьевич и Анна Константиновна Чертковы.

О Чехове: 1) «Разбогател — никуда не поеду, жаль будет своего богатства»; 2) «Что за охота всякого принимать, — еще залезет сапожник»; 3) «Противна вещь — раз написал»; 4) «Водевиль надо писать пошлее, — толпа любит. Модный герой... не моего романа».

Суворин распустил Чехова, его надо бы в щедринские клещи. Мягкие все, умоляют печатать.

1 июля. Чехову легко дался успех, а я с бою каждый шаг брал.

28 октября. Во всем, в поэзии, в театре — прежде всего искренность. Надсон убил Минского, Мережковского своей искренностью ⟨...⟩ Чехова «Предложение» убивает тысячу пьес В. Александрова [26].

1891

7 января. Мои именины ⟨...⟩ Чехов прихварывает (тост).

8 января. Утром пришли чиновники от Грессера... — Чехов и Свободин [27]. Переполох. Обед у Свободина. Несостоявшееся опять свидание с музыкантиком. У Суворина. Крюшон у Долгорукова. Чехов: 1) «Театр как церковь — должен быть одинаков и для мужика и для генерала»;

2) «Вам сначала мешала бабушка, теперь жена, потом будут столы мешать» и т. д.; 3) «Вам надо увлечься смуглой женщиной»; 4) «В „Новом времени", кроме Суворина самого, не работники, а помещики ‹...›» *Рассказ Суворина о Куинджи и Орловском.*

Воспоминания Чехова о Сахалине. Обед у Ландсберга в первый день. «Чтобы не бояться — бросился в море купаться за толстяком. У вас хороший скелет и легкие, а я кашляю».

11 января. Обед у помещика с гусем. Чехов, Свободин, Арапов В. А. [28].

15 января. Вечер. Именины Свободина. Tout Pétersbourg [29].

16 января. 45-летний юбилей Жулевой. Grand concert у Долгорукова ‹...› С приездом Чехова сошел с рельсов.

17 января. Именины Чехова в «Малом Ярославце» [30]. Я, А. Н. Плещеев, сын Плещеева (офицер), М. Чайковский, Свободин, Баранцевич и Чехов. Кулебяки и тосты. Засиделись до 11. Рассказы о Сахалине. («Велие пьянство. Парии под дождем. Дымок парохода покажется — лучше пищи царя. Бронзовую женщину под пальмой ‹...›»). Горбунов чует Россию и изображает, как художник. Хлопоты Чехова о приюте для арестантов. Тип Кундасовой («Вы большой человек, — это вас обязывает, пишите губернатору» и т. д.).

Запутал меня Антуан, но оставляет по себе свежую, оздоровляющую струю.

Баранцевич — глуповат, Чехову нужно путешествовать ‹*нрзб.*›, — а Альбов сидит в конуре, ничего не видит — а великий художник, божья искра! Человек — заведи орган. В пьянстве — горд. Одна правда — сторониться общества, а то оно втянет в водоворот увеселений обязательно и тогда погиб.

18 января. У Н. А. Лейкина (Чехов, Вл. Тихонов, Билибин).

1—6 мая. «Чехов принадлежит, по-видимости, к типу русских талантов вроде Некрасова: не попади он в литературу, он бы сделался богатым купцом или выдающимся стратегом. Если хотите, даже несчастье, что он попал в литературу, ибо, не отдаваясь ей весь (нервами и кровью), он бы еще больше прославился на другом поприще» (фальсификаторы Чехова — Тихонов и Филиппов) [31].

21 мая. 2-е представление «Мамая». Явный успех ‹...› Чехов находит, что «Мамай» плох, неживые лица [32]. С высшей точки зрения, он, разумеется, прав, но ежели с нее же судить самого Чехова — много ли останется от него?.. Две, четыре безделки, действительно, безупречные, на что жить всеконечно нельзя.

Август. В одном маленьком рассказе Чехова больше чуется *Россия*, чем во всех романах Боборыкина.

25—26 ноября. Повесть Чехова. Повесть «Дуэль» талантливее, художественнее всех этих Потапенок и К°, но не совсем еще обработана, выпадает часть из тона [33].

23 декабря. Обед у Алексея Сергеевича. Котляревский. Заговорился до 1 часу ночи. Пробел моей жизни — Ольга Петровна Кундасова (след. литер. ‹*нрзб.*›): 1) «школа изуродовала женщину», 2) «брак лишь возможен при солидарности убеждений, ботаник должен жениться на ботаничке, механик на механичке и т. п.», 3) «ученый устал, а она потребует ласки» ‹...› А. С.—«Г-жа Кундасова... (на ухо) Годится для описания!..» (самоуверенность Чехова... бестолковость благотворительности Суворина, всюду компромиссы).

30 декабря. Приехал Чехов. Вечером Дузе — «Нора».

31 декабря. Встреча нового года у Суворина. Чехов, Л. К. Попов [34] и т. д. Рассказы Горбунова.

ЧЕХОВ

Фотография Ф. О. Опитца, 1901 г.

Музей Художественного театра, Москва

1892

7 января. Необыкновенно удачные именины. Прибыли (по порядку): 1) Ар. Ив. Введенский, 2) В. Э. Форсалес, 3) М. О. Меньшиков («Неделя»), 4) А. И. Корзухин, 5) А. А. Лаур, 6) В. П. Бобровский, 7) Ф. Ф. Фидлер (Герольд) [35], 8) В. А. Тихонов («Север»), 9) Н. А. Лейкин, 10) А. П. Чехов, 11) П. М. Свободин, 12) Д. С. Мережковский, 13) К. С. Баранцевич, 14) Н. А. Котляревский, 15) я, 16) жена.

(Психозы) 1. *Введенский.* «Назарьева дура, М. — идиот и т. д.». «Какой я представляю интерес для такой сверкающей знаменитости, как А. Чехов». 2. *Тихонов* (Чехову): «Рыдал над „Пестрыми рассказами“».

8 января. Проводы Чехова. Обед у Лауров (Воронежский прожект) [36].

15 марта. Александров, Ясинский и К°. Чехов — это «Суворинская содержанка»! И вся эта сплетня, разумеется, из зависти к его слепому успеху. Фу, какие ⟨...⟩ свиньи!![37]

⟨*Москва.*⟩ *19 ноября.* Ужин у «Тестова» с Ив⟨аном⟩ Чеховым. Антуан, видимо, «заелся». Гм??!

1893

25 января. Ж. Занд, Бальзак, Диккенс, В. Скотт — вот истинные светочи человечества! Прав Надсон — это не литература Чехов и К°, а

Наш муравейник бесполезный,
Наш мир пигмеев, не людей![38]

13 июня. Окончил одноактную комедию-шутку «Лакей знаменитости». Едва ли когда-нибудь напишу что-нибудь более уморительное! (Задумано в приемной врача московского Корсакова. По совету Чехова, озаглавил «Доктор принимает») [39].

Москва, понедельник 29 ноября. 4 короля авансов — Потапенко, Чехов и Сергеенко [40].

7 декабря. В «Лоскутной» [41] у Боборыкина (с новыми не схожусь). Чехов («Влюбитесь в актрису, живите, как птица небесная!»).

1894

8 июля. Получил милую весточку от Чехова из *его* имения [42]. Хотя и по *праву*, но как завидно счастливо устроился!!

9 июля. Послал Чехову чересчур откровенное письмо о своем нищенстве [43].

1895

26—27 января. Жестокий мороз, худое пальтишко, безденежье, а тут знай себе пиши юмористический роман! ⟨...⟩ Решительно надо сделаться *эгоистом* вроде Чехова — и только тогда успеешь что-нибудь сделать!!

Москва. 9 октября. Чехов обрадовал письмом [44].

1896

25—26 июля. У литераторов, кроме Чехова, нет «мастерства» (Чехов один).

26—30 июля. В моей нелепой и полунищенской жизни душевно радуюсь за Чехова — он один устроился толково и сообразно достоинству известного писателя (вернее, ему одному судьба помогла так устроиться!!).

22 августа. Еще обед у Суворина (Сигма). Суворин мой общий лейб-медик с Чеховым. А. С. ⟨Суворин⟩: «Чехов — кремень-человек и жестокий талант по своей суровой объективности. Избалован, самолюбие огромное».

1897

⟨Москва.⟩ 9 февраля. Свидание с Чеховым в «Большой московской гостинице» [45].

⟨Москва.⟩ 23 марта. Закрытие съезда ⟨...⟩ Чудесная речь Савиной [46]. Вечер с Сувориным и Чеховым в «Славянском базаре» (№ 40). Хорошо на душе, как давно не было!

⟨Москва.⟩ 6 апреля. У Антуана Чехова в Остроумовской клинике, палата № 14 [47].

Увы, и он, наш номер первый, зачислен в «инвалиды», шлют на кумыс. Небось, ни един московский туз не подарит ему на «отдых и лечение» тысяч пяток! Что им интересы русской литературы? ⟨...⟩

Удивительно тонко замечание Чехова о Кугеле: «Он похож на хорошенькую женщину, у которой изо рта пахнет, вот почему при таланте — неприятно читать».

1904

2 июля. Тревожная ночь на пятницу. Утро... Все утро невыразимая, непонятная сердечная тревога и тоска!!

3 июля. Вот она — непонятная душевная тревога: потрясающее известие о смерти (2 июля) доброго Антуана Чехова! Последнее утешение в жизни (повидаться) — исчезло!.. Мягкий, сияющий вечер... Брожу потерянно по улицам и думаю про себя: «А Чехова нет, а Чехова нет!» После гибели «Петропавловска» [48] не знаю впечатления более подавляющего!

4 июля. Разборка со слезами писем Чехова. Как ни как, но *до «его»* смерти я не мог считать себя «одиноким»!.. А теперь приходится доживать жизнь забытым стариком среди литературной самонадеянности, нахальства, невежества и т. д.

5 и 6 июля. До сих пор нет панихиды по Чехове. Литературный фонд, Академия наук, «Нива»??.. Горько и оскорбительно!!

7 июля. В память Антона Чехова отправил помощь в деревню из последних (50 рублей).

8 июля. Собирался на «проводы похоронные Антона Чехова», но неожиданно явился от моего *приятеля* кн. Н. Долгорукова адвокат для уплаты по векселю и собрал последние гроши.

8—11 июля. «Чеховская неделя»... Впервые «война» поглощена интересом литературы! Лично я ни о чем не могу ни думать, ни говорить, ни писать как только о Чехове. Решил бросить все свои дела и заняться исключительно Чеховым.

12 июля. Много я в жизни выносил, но «гроба Чехова» не могу вынести! Это свыше сил! После смерти матери и деда Клодта [49] — это третий смертельный удар в самое сердце... Но раз суждено господом «пережить» Чехова, вырастает долг,— все лучшее сказать о нем, что скопилось в душе,— сказать, не откладывая... Смерть Чехова точно дала новое зрение, переродила меня морально и укрепила волю на служенье долгу...

Неумолимая тоска, глубокое одиночество. На моих глазах «ушли» Плещеев, Надсон, Свободин, Страхов, Влад. Соловьев... но до смерти Антона Чехова я не мог считать себя одиноким!

13 июля. Полусердечная беседа с А. С. Сувориным о Чехове (были посторонние!)

16 июля. У А. С. Суворина. Сердечная беседа о Чехове.

22 июля. Аудиенция у генерала А. С. Суворина ⟨...⟩ А. С. о Чехове: «Певец среднего сословия! Никогда большим писателем не был и не будет...» Видимо, А. С. начинает остывать.

〈Москва.〉 4 ноября. 〈...〉 Отправился в Новодевичий монастырь, на могилу Чехова. Скромный крест «с фонариком» Ант. Чехова.

Вечером (в 44-й раз) «Вишневый сад» Чехова в театре Станиславского. Типы: Станиславский (Гаев), Качалов (вечный студент) и Муратова (гувернантка). Особенно захватывающее впечатление произвел третий акт — тонкая картина «базара житейской суеты и пустоты»... Чувствуется, что не только вишневый сад опустошен, но и интеллигентные души также опустошены и должны погибнуть... Исполнение, однако, далеко до идеального — и Раневская (Чехова), и Лопахин (купец), и Аня (Косминская) могли бы быть увлекательнее...

Гм! Продажа «Вишневого сада»... гнетущее ощущение... Не есть ли символизированное ощущение самого Чехова при продаже своего Мелихова?!

1905

18 марта. В «Новом времени» появились письма Чехова к Плещееву. С откровенностью, свойственной Чехову, ставит меня рядом с Короленко [50]. До слез тронут посмертными строками дорогого «Антуана»!!!..

19 марта. Продолжаю писание «мемуаров» об А. П. Чехове, сильно душевно меня расстраивающее [51]. Прогулка по кладбищу среди любимых могил — прогулка не из веселых!

28—31 марта. Дописываю «мемуары» о Чехове! Страшное, тяжелое ощущение — точно пишешь, имея перед глазами на письменном столе мертвую голову. «Мемуары» своего рода «memento mori» для автора их.

8 апреля. Неуместное глумление Буренина над больным Горьким, только что выпущенным из тюрьмы (и *несправедливое*: «Воспоминания Горького о Чехове» — самые любопытные из появившихся до сих пор) [52]. И на кого же, спрашивается, устремляются отравленные стрелы нововременского Терсита — на самых любимых детей земли русской: Надсона, Чехова, Горького [53].

16 апреля. Одинокий разговелся... Пасхальный стол — бедный, неряшливый, сиротливый... Нельзя сказать, чтоб был утешительный итог жизни... Чехов в зрелую пору куда был счастливее и в «семейной» обстановке!

24 мая. Сдал «письма» Чехова К. П. Пятницкому... для просмотра М. Горькому... Игра судьбы! Думал ли когда-нибудь, что моя горькая «участь» (материальная поддержка для летнего отдыха) будет зависеть от Горького?!..[54]

P. S. 24 июня получил от Горького сухой отказ [55].

1 сентября. Открытие театра Комиссаржевской. «Чайка» Чехова. «Succès d'estime»*, невзирая на тусклую игру. Очевидно, за девять лет [56] публика научилась почитать мертвых писателей! Будем ждать, когда научатся уважать... живых!!

1910

17 января. 50 лет со дня рождения Чехова. Петербург остался верен себе: нигде не было отслужено панихиды!! 〈...〉

Невыразимая грусть обволакивает сегодня все мое существование... Будь *он* жив, разве я был бы так томительно одинок, так унизительно нищ и так пренебрежительно загнан в литературе? Он бы этого не допустил!!..

О, все было бы иначе, если бы он был жив!

Перечитываю его письма и точно из гроба слышу его доброе, товарищеское ободрение. Это «посмертное» одобрение одно поддерживает меня.

* «Успех из уважения» (франц.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

«МАТЕРИАЛЫ» (О ЧЕХОВЕ)

* * *

Чехов и Суворин. Исключительная симпатия к Чехову. Чехов останавливается в Петербурге у Суворина. Раз Чехов вернулся, выпивши. Суворин со свечкой попечительно проводил его до комнаты. Сцена Суворина Карпову после неудачного представления «Чайки» на Александринской сцене [57].

* * *

Джером в бытность свою в Петербурге в 1899 году, узнав с моих слов о значении в русской литературе Чехова, лучшего юмориста нашего времени, сделал на своей фотографии надпись для передачи Чехову. На вечере, где это происходило, какая-то интеллигентная барышня утащила из-под моего носу эту самую карточку, которую я хотел послать Чехову в Ялту. Я знал, что это его бы очень обрадовало, и крайне досадовал, что пришлось отправить другую карточку, уже без надписи [58].

* * *

Если вдуматься, то сочинения Чехова имеют гораздо бóльшую связь с весной Святополк-Мирского [59], чем речи Гольцева, Вейнберга и К°.

* * *

«Я должен много ездить». В этих четырех словах вся творческая гигиена Чехова и, когда все вспомнишь, целый курс самой правильной литературной гигиены.

* * *

Чехов нес целых три бремени, три тяжких бремени: бремя долгов, бремя болезней и самое тяжкое бремя — бремя ответственности за свое громкое имя, заставлявшее его писать медленно, тщательно ⟨...⟩

* * *

Я думаю, когда Чехов говорил о религии Сергеенке и другим, он как художник мог говорить даже против себя, чтоб вызвать известные ноты в другом, ноты ему нужные как художнику. Наконец, Чехов мог даже к религии относиться как художник и был объективен как сама природа и объективнее рассматривать религиозное ощущение на других. В конце концов, на деле Чехов был много религиознее считающих себя таковыми [60].

* * *

Когда говорят о болезни писателя, забывают про надрыв в начале деятельности и про то потрясение, которое производит самый процесс творчества.

* * *

Мой разговор с Чеховым о конституции и Вейнберге [61].

* * *

Сотрудничество Чехова в «Артисте». Тогда не поняли, какая чудная вещь его «Черный монах». В особенности профессора обнаружили поразительную близорукость и неблагодарность [62].

* * *

Юмор Чехова и чтение Ермилова.

* * *

Трахтенберг, Виктор Крылов и Персиянинова нашли место в Малом театре, а Чехову не нашлось. Счастье, что нашел свой театр. Чайка — символ.

* * *

Самый правдивый писатель. Мнение Суворина. Умен, как Некрасов. Наиболее популярные писатели в среднем кругу.

* * *

«Я очень люблю Суворина, очень, но знаете ли, Жан, бесхарактерные люди подчас в серьезные минуты жизни бывают вреднее злодеев» [63].

* * *

Простота Чехова. Рассказ о бане (пальто Василия) ⟨...⟩

* * *

Чехов и театр. Кулиса задавила. Чехов казак. «Жизнь за царя» посмотреть под старость.

* * *

Вместе на представлении Дузе. Помещик С⟨оковнин⟩. Письмо Плещееву о смерти брата. Письмо Григоровичу с благодарностью [64].

* * *

«У каждого писателя свой Вафангоу и Тюренчен» [65].

* * *

Водобоязнь художника.

* * *

Обстоятельства задержали ехать с Чеховым и Сувориным в Италию [66].

* * *

Халатность Александрова и «Палата № 6» («Русское обозрение») [67]. Писать пьесу надо в ста верстах от театра.

* * *

Клиника и розовый неврастеник (Вам нужно увлечься смуглой женщиной).

* * *

Убитая Чайка явилась символом возрождения. Москва ничего не сделала, хотя Чехов мечтал о Малом театре.

* * *

Больной Чехов у Суворина в «Славянском базаре». Болен «Чайкой» [68].

* * *

Для меня он слишком был высок. Вот все недоразумение. Толпа разделила.

На Курской станции. Встреча с Чеховым. Девочка из «Аквариума». Рюмочка и среда. Ходынка [69].

* * *

Чеховская шинель сороковых годов. В костюме Горького в Одесском театре. Раненые офицеры лечатся в Ницце, а когда лечился Надсон, подняли злорадный шум. Судьба нас разделяла: я — в Петербурге, а Че-

хов — в Москве, я — во Владимире, Чехов — в Мелихове, я — опять в Петербурге, Чехов — в Ялте. Поездки Чехова на Кавказ и за границу.

* * *

Суворин никогда не увенчивал здания, только умел давать толчки и давать повод другим богатеть. Книжный магазин. Малый театр. Чехов и так далее.

* * *

Роман не давался ему, как все же искусственная форма.

* * *

Судьба разделяла,— я стал выздоравливать от душевной болезни. а он заболел.

* * *

Чехов называл меня дорогим писателем в том смысле, что моя тема и его укладывались в пол-листа, а Шеллер ту же тему уложит в 10 листах.

* * *

Как никак, несмотря на многие потери, до смерти Чехова я не мог считать себя одиноким.

* * *

Интересно сравнить черновики Чехова: его неудачного «Лешего» и его шедевр «Дядю Ваню».

* * *

Сколько известно, Яворская была одна из слабостей Чехова (доклад у Суворина. Княгиня Барятинская и вздох Чехова).

* * *

Тайники творчества Чехова. Лаур о чахотке Надсона (Иванов). Осколок зеркала на плотине (Тригорин в «Чайке»). Дьякон на ужине, сомневающийся в боге («Дуэль»).

* * *

Чехов в редакции «Артиста» Куманина. Вместо «Доктор-самозванец» Чехов дает заглавие моему водевилю «Доктор принимает».

* * *

Мне было бы крайне досадно, если б в моих мемуарах увидели что-либо постороннее, кроме признательности Чехову. Сколько я ему в самом деле обязан сохранением своей самостоятельности и его посмертному голосу в письмах настойчиво следовать по своему руслу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Среди статей Щеглова подобного суждения найти не удалось. Не исключено, что он в этой записи имел в виду свои словесные высказывания.

[2] Чехов пробыл в Петербурге с 30 ноября по 14 декабря 1887 г. В своих воспоминаниях Щеглов подробно описывает знакомство с Чеховым и встречи с ним в Петербурге («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 137—144).

[3] Ресторан Палкина в Петербурге.

[4] В своих воспоминаниях Щеглов приводит некоторые из импровизаций Чехова («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 141—142). «*Сила гипнотизма*»— водевиль, который Чехов собирался написать; намерение это осуществлено не было. После смерти Чехова Щеглов, использовав чеховский сюжет, выпустил в свет водевиль «„Сила гипнотизма", шутка в 1 действии Антона Чехова и Ивана Щеглова» (СПб., 1910). 21—23 июля 1910 г. Щеглов занес в свою записную книжку: «Чуть-чуть забылся, набрасывая водевиль, внушенный Чеховым („Сила гипнотизма")...» (ИРЛИ, 1445 VI с 2, л. 136)

[5] Рассказ Щеглова «*Миньона*» появился в № 4248 «Нового времени» от 25 декабря 1887 г. 1 января 1888 г. Чехов писал автору рассказа: «„Миньона“— прелесть. Браво! Бис! Щеглов, вы положительно талантливы! Вас читают! Пишите!» (XIV, 7).

[6] Чехов пробыл в Петербурге с 15 по 21 марта 1888 г.

[7] Всеволод Михайлович Гаршин умер 24 марта 1888 г.

[8] 1 апреля 1888 г. Плещеев писал Чехову: «Щеглов мне говорил, что он ⟨Введенский⟩ на похоронах Гаршина (и там даже эти люди не могут своих литературных дрязг оставить) уж говорил, что хочет вас обругать за непочтение,— должно быть, что вы к нему не зашли, хотя были у кого-то внизу под ним» (XIV, 487. См. там же, стр. 79).

[9] 14 октября 1888 г. после возвращения Щеглова в Петербург Александр Чехов писал брату, что Щеглов-Леонтьев «в восторге от патриархальности нашей семьи» («Письма к А. П. Чехову его брата Александра Чехова», стр. 219). «Милая Чехия»— выражение А. Н. Плещеева (см. «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 145).

[10] Пушкинская премия (в половинном размере) была присуждена Чехову Академией наук за сборник рассказов «В сумерках» 7 октября 1888 г. 10 октября Чехов писал по этому поводу Суворину, что «Жан Щеглов толкует о литературных Яго и о пятистах врагах, каких я приобрету за 500 руб.» (XIV, 188).

[11] Чехов пробыл в Петербурге с 3 по 15 декабря 1888 г.

[12] Александр Степанович *Янов* — художник, товарищ Н. П. Чехова. Чехов познакомился с ним в 1886 г.

[13] Чехов приехал в Петербург в связи с постановкой «Иванова» и пробыл там с 19 января по 2 февраля 1889 г.

[14] «*Господа театралы*»— комедия Щеглова.

[15] «*Татьяна Репина*» — известная пьеса А. С. Суворина. Чехов содействовал ее постановке в Малом театре. Премьера ее в Москве состоялась 16 января 1889 г. Отзыв о ней Чехова — XIV, 119, 233—234, 257—258.

[16] По возвращении в Москву Чехов писал Баранцевичу 3 февраля 1889 г.: «Я бежал из Питера. Одолел угар. Изнемог я, да и стыдно все время было» (XIV, 299).

[17] «Иванов» шел в бенефис режиссера Ф. А. Федорова-Юрковского.

[18] Любопытно сравнить публикуемую запись с позднейшими воспоминаниями Щеглова о постановке «Иванова». Там он пишет о восторженной овации, устроенной Чехову, а о «протестах» публики совсем не упоминает («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 153).

[19] Николай Михайлович *Соковнин* — помещик, «ярый поклонник Чехова», по выражению Щеглова, описавшего в своих воспоминаниях «блины» и «банкет» у Соковнина («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 149 и 153—154).

[20] В. П. Горленко писал Щеглову 21 февраля 1889 г. по поводу отзыва Стороженко: «С его определением Чехова я не согласен. Кто так умеет передавать жизнь и природу, у того есть в душе нечто большее, чем фонограф» (ИРЛИ, 769 III М 3, л. 82).

[21] «Трагик поневоле» (из дачной жизни) был переделан Чеховым из собственного рассказа «Один из многих», но сходство в названии и тематическое сходство с пьесой Щеглова «Дачный муж» (в свою очередь переделанной из его юмористических очерков «Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования») вызвали у Щеглова мысль, что Чехов ему подражает. В ответ на его упреки Чехов шутливо писал ему 21 октября: «Милая, трагическая Жанушка! За браконьерство, за охоту по дачным мужьям в вашем лесу я уже достаточно наказан роком: мой „Леший“ хлопнулся и лопнул. Успокойте ваши щеглиные нервы, и да хранит вас небо» (XIV, 418).

[22] 7 января Щеглов праздновал именины. На них присутствовал Чехов, приехавший в Петербург в связи с предстоявшей поездкой на Сахалин. Упомянутые в записи лица: С. И. *Ефремов* — знакомый Щеглова; Николай Петрович *Долгоруков* — служащий Государственного банка; *Колчин* — вероятно, Михаил Андреевич (р. 1855), сотрудник «Русской старины»; Дмитрий Николаевич *Приоров* (1835—1901) — воспитатель 2-го Кадетского корпуса в Петербурге, посаженый отец на свадьбе Щеглова; Сергей Александрович *Пальников* — воспитатель Псковского кадетского корпуса; Александра Аполлоновна *Урьева* — подруга жены Щеглова; Анисья Тимофеевна *Леонтьева* — жена Щеглова; Николай Алексеевич *Соловьев-Несмелов* (1847—1901) — литератор, сотрудник детских журналов.

[23] Виктор Андреевич *Фаусек* (1861—1910) — зоолог, автор воспоминаний о Гаршине; Иван Иванович *Иванов* — петербургский нотариус; Георгий Михайлович *Линтварев* (1865—1943) — пианист, позднее земский деятель, член первой Государственной думы, сын А. В. Линтваревой, владелицы имения «Лука»; Владимир Николаевич *Ладыженский* (р. 1859) — литератор и земский деятель, приятель Чехова, автор воспоминаний о нем.

[24] Владимир Осипович *Михневич* (1841—1899) — журналист.

[25] «Власть тьмы» Толстого была исполнена 10 января 1890 г. труппой любителей в петербургском доме А. В. и В. Н. Приселковых. Режиссером спектакля был В. Н. Давыдов. Вероятно, запись о «Власти тьмы», сделанная под 14-м числом, относится к 10 января, так как вечер 14 января был проведен и Щегловым и Чеховым у Лей-

кина. 28 января Чехов писал Сумбатову-Южину: «Видел и „Власть тьмы„ у Приселковых. Хорошо» (XV, 12).

[26] В. *Александров* — псевдоним драматурга Виктора Александровича Крылова (1838—1906).

[27] Под именем «чиновников от Грессера» (петербургского градоначальника) просили доложить о себе пришедшие в гости к Щеглову Чехов и Свободин, чем сильно его напугали. (См. об этом в воспоминаниях Щеглова.—«Чехов в воспоминаниях современников», стр. 160).

[28] «*Помещик с гусем*» — Н. М. Соковнин (см. о нем выше, прим. 19). Виктор Александрович *Арапов* — родственник Свободина, пристав Василеостровской части в Петербурге. (О нем как о «любителе литературы» и «почитателе Чехова» см. в воспоминаниях Щеглова.—«Чехов в воспоминаниях современников», стр. 153).

[29] На именинах Свободина был и Чехов — см. XV, 150.

[30] «*Малый Ярославец*»— петербургский ресторан, в котором были отпразднованы именины Чехова (см. XV, 152).

[31] Сергей Никитич *Филиппов* (1863—1910)—литератор; отрицательный отзыв о нем как о театральном рецензенте см. в письме Чехова к Суворину, 1889 (XIV, 449).

[32] «*Мамай*»—«Мамаево нашествие» — комедия-шутка в трех действиях Щеглова. Чехов в письме к Суворину от 18 мая 1891 г. дал убийственную оценку пьесы (XV, 205).

[33] «Дуэль» Чехова печаталась в «Новом времени» с 22 октября по 27 ноября 1891 г. 20 декабря того же года Щеглов писал Чехову: «Ваша „Дуэль"— очень явный и очень знаменательный шаг вперед в развитии вашего творчества» («Летопись», стр. 304).

[34] Лазарь Константинович *Попов* (псевдоним Эльпе, р. 1851) — сотрудник «Нового времени», который вел «научный фельетон»; Чехов высмеял его в письмах к брату Александру и Суворину (XIII, 361 и XIV, 366).

[35] Виктор Эдуардович *Форсалес* (Фирсов) — сотрудник кассы взаимопомощи литераторов; Алексей Иванович *Корвухин* (1835—1894) — художник, академик живописи; Александр Алексеевич *Лаур* (1854—1901) — врач-гомеопат, журналист, драматург; Владимир Павлович *Бобровский* — приятель Щеглова; Федор Федорович *Фидлер* (1859—1918) — педагог, литератор и переводчик.

[36] По-видимому, обсуждалась предстоящая поездка Чехова с Суворинным в Воронежскую губернию для оказания помощи голодающим.

[37] Еще 14 января 1891 г. Чехов писал своей сестре из Петербурга: «Меня окружает густая атмосфера злого чувства, крайне неопределенного и для меня непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть. За что? Черт их знает» (XV, 148—149). См. также письма Чехова к Суворину от 29 августа и 11 сентября 1888 г., в которых он высказывает опасения, что его работа в «Новом времени» может породить сплетни, будто он печатается «слишком часто ради частой мзды» (XIV, 159—160, 165).

[38] Из стихотворения С. Я. Надсона: «О, неужели будет миг...» (1885).

[39] «*Доктор принимает*» — одноактная пьеса Щеглова.

[40] Под четвертым «королем авансов» Щеглов подразумевал себя.

[41] «*Лоскутная*» — гостиница в Москве. Чехов поселился в ней в конце ноября — начале декабря 1893 г. и прожил до 23 декабря («Летопись», стр. 351—352).

[42] Письмо Чехова от 5 июля 1894 г. (XVI, 153—154).

[43] Письмо Щеглова к Чехову от 9 июля 1894 г.

[44] Письмо от 5 октября 1895 г. (XVI, 267—268).

[45] Чехов приехал в Москву 6 февраля 1897 г. Накануне, 5 февраля, он писал Щеглову из Мелихова: «Трудно будет уехать, но я все-таки постараюсь урвать два-три дня, этак около 12—15-го и поехать в Москву, чтобы кутнуть с вами» (XVII, 11).

[46] Речь идет о съезде сценических деятелей в Москве. М. Г. Савина выступила в день закрытия съезда. Чехов был на съезде с Суворинным накануне — 22 марта.

[47] Щеглов, вызванный открыткой Чехова от 5 апреля 1897 г. (XVII, 58), на следующий день навестил его в клинике. 16 апреля Чехов писал М. О. Меньшикову: «В клинике у меня был И. Л. Щеглов. Он стал лучше, точно выздоравливает. Переезжает в Петербург» (см. XVII, 64). О посещении Чехова Щеглов подробно рассказывает в своих воспоминаниях («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 161—164).

[48] «*Петропавловск*»— эскадренный броненосец, подорвавшийся 31 марта 1904 г. на японской мине. На «Петропавловске» погибли командующий флотом С. О. Макаров, художник В. В. Верещагин и шестьсот сорок человек команды.

[49] Дед Щеглова (по матери) — барон Владимир Карлович *Клодт фон Юргенсбург* (1803—1887), генерал от артиллерии.

[50] В письме к Плещееву от 5 февраля 1888 г. Чехов писал: «Жажду прочесть повесть Короленко. Это мой любимый из современных писателей〈...〉Хорош и Леонтьев... Этот не так смел и красив, но теплее Короленко, миролюбивее и женственней 〈...〉 У вас в Питере не любят Короленко, у нас не читают Щеглова, но я сильно верю в будущность обоих» (XIV, 32).

[51] Воспоминания Щеглова о Чехове были впервые опубликованы в ежемесячных «Литературных приложениях» к «Ниве», 1905, кн. 6 и 7. Перепечатаны: «Чехов в воспоминаниях современников».

В дневнике Щеглова 1905 г. имеется запись от 13 апреля: «...получил малую толику (100 р.) для окончания „Мемуаров о Чехове" („Груба жизнь",— как говорит Нина Заречная в „Чайке"). Л. Ф. Маркс находит, что мои мемуары интересны и деликатны,— „душевно деликатны, почти нежны" (и как я мог иначе писать о Чехове!!)» (ИРЛИ 1436 V с 16, л. 48).

[52] «А. П. Чехов» Горького впервые напечатан в «Нижегородском сборнике», изд. «Знание», 1905.

[53] Щеглов подразумевает фельетоны Буренина в «Новом времени» от 7 и 21 ноября 1886 г. и 16 января 1887 г., в которых Буренин, мстя Надсону за статью в киевской газете «Заря», которой он был задет, клеветнически обвинял умирающего Надсона, жившего в Ницце, в том, что он «недугующий паразит, представляющийся больным, калекой, умирающим, чтобы жить на счет частной благотворительности».

Чехов в письме к брату Александру назвал эту травлю «убийством Надсона» (XIII, 285). Нападки Буренина на Чехова не прекращались после разрыва последнего с «Новым временем».

[54] С 1900 г. во главе издательства «Знание» стояли Пятницкий и М. Горький. Вероятно, Щеглов намерен был напечатать в «Знании» письма к нему Чехова.

[55] Письмо Горького к Щеглову остается неизвестным. Не исключено, что отказ был передан устно через Пятницкого или через какое-нибудь третье лицо.

[56] Щеглов имеет в виду девять лет от премьеры «Чайки» в Александринском театре (1896 г.).

[57] В своем дневнике Суворин 18 октября 1896 г. записал: «Сегодня был у Карпова, говорил о „Чайке" Чехова, просил его сделать репетицию и изменить mise en scène» («Дневник А. С. Суворина». М. — Пг., 1923, стр. 126).

[58] Дарственная надпись известного английского писателя Джерома Клапки Джерома Чехову на фотокарточке остается неизвестной.

[59] Непродолжительное пребывание кн. П. Д. Святополк-Мирского на посту министра внутренних дел (с августа 1904 г. по январь 1905 г.), сопровождавшееся некоторым смягчением режима, получило в то время название «весны Святополк-Мирского».

[60] Это утверждение Щеглова противоречит высказываниям самого Чехова. Так, 12 июля 1903 г. Чехов писал С. П. Дягилеву: «...я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего» (XX, 119).

[61] Куприн в своих воспоминаниях о Чехове писал: «Кто из знавших его близко не помнит этой обычной излюбленной его фразы, которую он так часто, иногда даже совсем не в лад разговору, произносил вдруг своим уверенным тоном: „Послушайте, а знаете что? Ведь в России через десять лет будет конституция"» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 507). О том же свидетельствует Горький в письме к В. А. Поссе после 14 ноября 1901 г.: «Вообще А. П. очень много говорит о конституции, и ты, зная его, разумеется поймешь, о чем это свидетельствует. Вообще — знамения, все знамения, всюду знамения. Очень интересное время» (Горький. Собр. соч., т. 28, стр. 199).

[62] В своей статье «Обида непонимания» Щеглов привел слова редактора «Артиста» Ф. А. Куманина о «Черном монахе» Чехова, впервые появившемся в этом журнале: «Вещь не из важных, очень водянистая и неестественная» («Биржевые ведомости», веч. вып., 1910, № 11517).

[63] Запись Щеглова не датирована. Судя по ее окончанию, она относится к второму десятилетию знакомства Чехова с Сувориным.

[64] Письма Чехова к А. Н. Плещееву от 26 июня 1889 г. (XIV, 379—381) и Д. В. Григоровичу от 28 марта 1886 г. (XIII, 191—194).

[65] Неудачные для русских войск бои произошли под Тюренченом 18 апреля 1904 г. и под Вафангоу 1—2 июня того же года.

Запись заключена в кавычки. Возможно, что сравнение это под свежим впечатлением последнего неудачного боя было сделано Сувориным, которого Щеглов посетил 13, 16 и 22 июля 1904 г.

[66] Щеглов подразумевает поездку Чехова в Италию в марте—апреле 1891 г.

[67] «Палата № 6» была отдана Чеховым в «Русское обозрение», но через некоторое время он взял рукопись обратно и напечатал рассказ в «Русской мысли». О причинах, задержавших печатание повести в «Русском обозрении» — см. признания редактора журнала А. А. Александрова.— «Летопись», стр. 326.

[68] Речь идет о пребывании Чехова после сильного легочного кровоизлияния (случившегося 22 марта 1897 г. в ресторане «Эрмитаж») в гостинице «Славянский базар», куда его увез Суворин. Под словами «болен „Чайкой"» Щеглов подразумевает впечатление от провала «Чайки» в Александринском театре.

[69] Упоминание об «Аквариуме» и Ходынке свидетельствует о том, что встреча Щеглова с Чеховым на Курском вокзале состоялась летом 1896 г. Чехов был в это время в Москве трижды: 31 мая — 2 июня, 13 июля и 19—20 августа.

ИЗ ДНЕВНИКА В. А. ТИХОНОВА

Публикация Н. И. Гитович

Владимир Алексеевич Тихонов (1857—1914) — беллетрист и драматург. В молодости был офицером, профессиональным актером, агентом торговой фирмы. С 1882 г. занимался только литературной деятельностью. Им был написан ряд пьес, рассказов, повестей и романов, посвященных, главным образом, проблемам семьи и брака. В апреле 1888 г. Тихонов послал Чехову том своих «Комедий» (СПб., 1888) с надписью: «Антона Павловича Чехова прошу принять эту книгу, как знак моего горячего и искреннего уважения к его чудесному таланту».

В конце того же года произошло его знакомство с Чеховым, о котором, как и о дальнейших встречах с Чеховым, Тихонов рассказал в воспоминаниях, напечатанных в «Руси», 1904, № 208 и 232; «Новой иллюстрации», 1905, № 26; «Мире божьем». 1905, № 8; «Петербургской газете», 1910, № 16; «Чеховском юбилейном сборнике». М.,1910, и в сборнике «О Чехове». М., 1910.

В личной библиотеке Чехова были также книги Тихонова: «В наши дни. Повести и рассказы». СПб., 1892; «Военные и путевые очерки и рассказы». СПб., 1892; «Разбитые кумиры. Повести и рассказы». СПб., 1898; «Пустоцвет. (В деревне)». СПб., 1899, с теплыми авторскими надписями.

В 1891—1893 гг. Тихонов был редактором еженедельного литературно-художественного журнала «Север», в котором был напечатан рассказ Чехова «Попрыгунья» (1892, № 1 и 2).

После ухода Тихонова из «Севера», в начале 1894 г., Чехов писал Ал. П. Чехову: «Получил от Владимира Тихонова уведомление, что он уже не состоит редактором „Севера“. Жаль. Это был пьющий, привирающий, но весьма и весьма толковый редактор. У него был талант—приставать. Приставал до такой степени, что трудно было не дать ему рассказа» (XVI, 142). 9 мая 1894 г. Чехов писал о Тихонове А. С. Суворину: «Тихонов, редактор „Севера“, перестал быть редактором и теперь бедствует. Это немножко кутила и немножко Хлестаков, но честный, справедливый и добрый парень, а редактором он был очень недурным. Не найдется ли у вас в редакции или в магазине для него какого-нибудь места? Я прошу за него очень охотно. Сегодня я получил от него письмо, в котором он пишет, что стесняется сам заговорить с вами о бедственном положении и возлагает это на меня» (XVI, 146).

С 1894 г. Тихонов начал работать в «Новом времени» в качестве постоянного фельетониста (под псевдонимом: Мордвин). В 1899 г. он перешел в газету «Россия», где редактировал «Иллюстрированное приложение».

Тихонов в течение ряда лет переписывался с Чеховым. Письма к нему Чехова сохранились только частично.

В дневниках Тихонова, особенно за ранние годы, значительное место занимают записи чисто личного характера. В более поздних записях встречается все больше страниц с впечатлениями от встреч с различными деятелями, среди которых много писательских имен.

О некоторых беседах с писателями, о ряде фактов, в том числе и о знакомстве с Чеховым, Тихонов сделал записи не сразу, а некоторое время спустя, по воспоминаниям.

Возобновляя после длительного перерыва свой дневник, Тихонов открыл его новую тетрадь записью от 21 февраля 1888 г., которая показывает, что он придавал теперь дневнику не столько личное, сколько широкое, общественно-литературное значение: «Тысячу раз я начинал, бросал, опять начинал и бросал вести дневник. Начинаю опять и, на этот раз, надеюсь надолго. Прежде мои дневники имели интерес только для меня, т. е. по ним я мог следить за моим развитием. Теперешний мой дневник может иметь даже общественное значение. Дело в том, что общество, в котором я теперь вращаюсь,— общество, стоящее далеко выше среднего уровня. В числе моих знакомых есть люди с огромными именами (И. Е. Репин, Д. В. Григорович и др.). Есть люди, имена которых хотя и не так громки, но во всяком случае не заглохнут в неизвестности, а некоторые из них, может быть, и прогремят впоследствии. Наконец, есть и просто интересные люди. Кто знает, может быть, и эта тетрадка когда-нибудь сослужит скромную службу для какого-нибудь историографа,— выловит он из нее две-три строчки о моих современниках и передаст их нашим потомкам».

Публикуемые выдержки из дневников Тихонова свидетельствуют о том, что он глубоко ценил выдающийся талант молодого Чехова, «самого свежего, самого талантливого из всех современных беллетристов», и предсказывал ему великое будущее еще в те годы, когда только немногие понимали подлинное значение Антоши Чехонте. С чувством законной гордости отмечает впоследствии Тихонов на страницах своего дневника, что его предсказания оправдались и «могучая, чисто стихийная сила» Чехова становится общепризнанной. Тихонов характеризует в своем дневнике ту атмосферу зависти и недоброжелательства, которая окружала Чехова в петербургских литературных кругах и о которой неоднократно упоминает в своих письмах и сам Чехов.

Что же касается самого Тихонова, «маленького чернорабочего» в литературе, как он характеризовал себя, то его отношение к Чехову отличалось не только восторженным преклонением перед его талантом, но и глубокой симпатией к нему как к человеку.

Выдержки из дневников Тихонова печатаются по автографу ИРЛИ (ф. 567, ед. хр. 2—5).

1888

27 марта. Альбов очень и очень не глуп и симпатичен, замечания его всегда умны и даже новы. Одно мне показалось странным: он отрицает Ан. Чехова и считает его образчиком вырождения нашей литературы. Т. е., конечно, он отрицает Чехова не так, как Бибикова, что ли, нет, но он говорит, что это знамение нашего растленного времени. Не разберусь [1].

16 апреля. Сейчас у меня сидел И. Л. Леонтьев (Щеглов), и мы с ним беседовали об Ант. Пав. Чехове. Про талант Чехова я уж и не говорю,— это, во всяком случае, самый свежий, самый яркий, самый талантливый из всех современных беллетристов; но Леонтьев характеризовал мне его как человека, и я положительно заочно влюбляюсь в Чехова: в нем есть именно все то (по словам Леонтьева), что я так люблю в человеке [2].

Какая великая будущность ждет Чехова! Это я неустанно твержу с 1883 года (тогда впервые я познакомился с его произведениями), и как мне было обидно, когда его не понимали или не хотели понять. Соймонов [3] и я вечно твердили, что у Чехова — громадная будущность. Наши предсказания сбываются, и мы торжествуем. И ко всему этому еще и прекрасный человек. Да что же это за восторг!

1889

20 января. Пересмотрел его ⟨свой дневник⟩ наскоро и... увидал, что за мной накопилось много недоимок. Знакомство с Чеховым, смерть Соймонова...

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ТОСКА»
Акварель Кукрыниксов, 1941 г.
Третьяковская галерея, Москва

Чехов тоже явление интересное и Соймонову совершенно противоположное.

8 сентября... Он ⟨Плещеев⟩ даже за современной молодежью так же ухаживает и к ней так же подлаживается, чуть кто *поизвестнее* становится, он уж тут как тут: за Надсоном ухаживал, около Ан. Чехова так и вьется. И ведь не то чтобы он сам умел найти и оценить талант — нет, на это он не способен,— он прямо на готовенькое льнет. Вот А. С. Суворин прозрел талант в А. Чехове и привязался к нему всей своей русской широкой, но безалаберной душой. Так, Суворин сначала оценил действительно огромный талант Чехова, а привязался уже к нему как необычайно симпатичному человеку.

И Фофанова Суворин оценил, но любить его так не может — не располагает Фофанов к нежности. Плещеев же не то: А. Чехов прославился (вот что для него важно), и он едет к нему в деревню гостить, делает ему первый визиты [4].

11 сентября. А помню я еще, как Соймонов, явясь ко мне, сообщил, что тупоголовая редакция «Стрекозы» (И. Ф. Василевский-Буква, П. В. Быков и проч.) забраковали рассказ какого-то Ан. Чехонте, уверяя меня, что ничего более талантливого в «Стрекозе» еще не появлялось [5]. А когда Ан. Чехонте стал печататься в «Петербургской газете» [6], с какой любовью следил за ним Соймонов, какую славную будущность предрекал он этому никому неизвестному «Чехонте». И вот теперь Ан. Пав. Чехов ярко светится между нами своим симпатичным, своим свежим талантом ⟨...⟩ Головой выше стоит он своих худосочных современников. «Маститые» ухаживают за ним... А Соймонов в могиле и не может порадоваться... не может убедиться, что он прав был, когда в неизвестном Чехонте прозрел будущую силу, не может вполне увериться, что его никогда не обманывало его тонкое художественное чутье.

11 ноября. Григорович, например, уж тем хорош, что искренно и неутомимо отыскивает молодые таланты, как, например, он отыскал Чехова...

1890

24 июля. Какая могучая, чисто стихийная сила — Антон Чехов. Кигн как-то мне сказал про него: «Да, с ним хорошо, он подбадривает, *за ним* не страшно!» Уж подлинно, что не страшно. Вот он теперь уехал на Сахалин и пишет с дороги свои корреспонденции [7], прочтешь и легче станет: не оскудели мы, есть у нас талант, сделавший честь всякой бы эпохе. Да и в сороковых годах он не затерялся бы. Публика его знает, но чтит еще мало, далеко не по заслугам. Что же делать, придет время — поймут! А сколько завистников у него между литераторами завелось: Альбов, Шеллер, Голицын [8], да мало ли! И не видят они, что этим только себя роняют. А некоторые из них, например мой брат, мне просто ненавистен за эту зависть и вечное хуление имени Чехова. Он-то уж никаких прав на эту зависть не имеет, да, казалось бы, и не в характере она у него. Но кто мне всех противнее в этом отношении, так это И. Л. Леонтьев (Щеглов): ведь в самой преданной дружбе перед Чеховым рассыпался, а теперь шипеть из-за угла начал. Бесстыдник! И чему завидует-то — успехам Чехова как драматурга, а ведь сам, будучи очень талантливым беллетристом, прекрасный драматург, так нет, вот зачем другие успех имеют. Уж не от этого ли он и ко мне холоден (если не больше?). Мне-то завидовать уж совсем смешно: я не Чехов, а так, маленький чернорабочий. Вот Ясинский не то,— он, может быть, и завидует, но не высказывает. Умнее ли он их или у него выдержки больше,— не знаю. А вот такая действительно талантливая натура, как Кигн — не только признает Чехова, но всегда рад сказать ему: «Честь и место!» [9]

1891

5 февраля. С легкой руки Ан. Чехова рассказчиков расплодилось чертова прорва, только Чехов-то талантлив, а эти-то «ежевисты», производя от одного из последователей Чехова — Ежова, довольно вялого, бесцветного и скучного поставщика «рассказного материала». Нет, пора бросить.

1896

16 февраля. Взрослые люди — те же дети, только успевшие наделать большие глупости. А литераторы — *дети* по преимуществу: сочиняя чужие жизни, они никогда не успевают задуматься над своей и устроить ее как следует 〈...〉

(О Ясинском — просто дрянной мальчик, о Шеллере — мещанский мальчик, о Баранцевиче — тоже мещанский мальчик, но мальчик хороший, честный, добрый...)

А вот Чехов — умный мальчик, умный и, кажется, хитрый мальчик. Ах, у меня хитрость и ум всегда как-то не вязались вместе, но на этот раз я должен их связать: Чехов умен и не без хитрости. Ох, не без хитрости! А жаль: хитрость-то ведь живет на счет ума, и будь Чехов поменьше хитер, он бы был еще умнее и умом своим шире и глубже, и таланту его, свежему и прекрасному, больше простору было.

(Потапенко — хитрый и сметливый мальчик, Немирович Вас.— смешной мальчик, Лейкин — мальчик-дурак и способный, я — *глупый*, очень глупый мальчик).

19 февраля. 12 января 1893 года Антон Чехов (бывший в Петербурге), С. Атава и Ясинский затеяли сыграть квартет... тьфу! не то совсем. Затеяли устроить обед беллетристов в ресторане «Малый Ярославец». Обед, т. е. еда, оказался прескверным, но прошел очень оживленно и весело. Уезжая в Москву, Чехов сказал мне: «Поддержите эти обеды беллетристов, они могут иметь будущность» [10]. Через месяц я, при помощи Гнедича, устроил второй обед беллетристов, но на этот раз уже в ресторане «Донон». Все удалось как нельзя лучше. Народу собралось много, все были довольны, благодарили меня и избрали старостой этих обедов. Я попросил мне в помощь П. П. Гнедича, и «обеды беллетристов» основались. Два года заправлял я этими обедами и не то, что устал, не то, что надоело мне, а поостыл немного и передал бразды правления С. Н. Сыромятникову (Сигме) [11]. Обеды здравствуют и поныне. Но там теперь царит А. С. Суворин. Он поит своих молодцов шампанским (умеренно) и издевается над стариком Д. Л. Мордовцевым. Молодцы гогочут в угоду своему хозяину — Кит Китычу, а бедный Даниил Лукич отшучивается как может! Опять рисуется мне картина Прянишникова [12]: пляшет бедный старенький чиновник — Мордовцев — перед сытым купчиной Суворинym. Сигма наигрывает на гармонике, а Потапенко строит старику сзади рожки. Даже Буренин и тот возмутился этим постоянным гостинодворским зубоскальством,— он мне сам говорил, что именно поэтому ему противно посещать обеды беллетристов.

Теперь и я редко бываю на них.

28 марта. Последнее время я не веду ни с кем переписки 〈...〉 Да и не с кем. Знакомых много — друзей нет. А были? Были, кажется. Соймонов — умер, Ульянов — умер. С Чеховым переписка не клеилась, да и какой он мне друг.

1 апреля. В настоящее время нет самого крошечного кружка писателей-беллетристов,— все особняком. Чехов — один. В качестве адъютанта возит иногда с собой Потапенку, но это только потому, что Чехов не может без адъютанта.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Свое мнение о Чехове М. Н. Альбов высказал в беседе с Тихоновым, К. С. Баранцевичем и Н. А. Соловьевым-Несмеловым 26 марта 1888 г.

[2] Об отношениях И. Л. Леонтьева (Щеглова) с Чеховым — см. выше, в публикации выдержек из его дневника. В воспоминаниях о Чехове Тихонов следующим образом изложил свою беседу с Щегловым:

«Однажды встретился я с И. Л. Щегловым и разговорился о Чехове

— Да ведь я лично с ним знаком,— сказал И. Л.

— Да неужто? — воскликнул я, с завистью поглядывая на этого счастливца.

— Ну, что? Что он такое? Что он из себя представляет?

Щеглов даже зажмурился.

— Это, батенька, такой, такой человек, каких я, кажется, никогда в жизни не видал: простота, мягкость, обаяние! Да вы сами поезжайте к нему и познакомьтесь.

— То есть как поезжайте? Куда?

— Да в Москву. Я вам и адрес дам. Не бойтесь. Он примет вас очень радушно. Смело идите к нему» (сб. «О Чехове». М., 1910, стр. 222).

[3] Михаил Николаевич *Саймонов* (1851—1888) — поэт, печатавшийся в «Русском богатстве», «Наблюдателе», «Севере», «Всемирной иллюстрации» и других изданиях.

[4] А. Н. Плещеев гостил у Чеховых в усадьбе Линтваревых летом 1888 г. Письма Плещеева к Чехову (см. их публикацию в сб. «Слово» и в настоящем томе) убедительно свидетельствуют об искренней приязни поэта к Чехову и о высокой оценке его таланта. Таким образом, суждение Тихонова о Плещееве следует признать пристрастным, а потому неверным.

[5] Чехов посылал свои произведения в «Стрекозу» в 1880 и начале 1881 гг. Большинство из них было редакцией забраковано. В «Почтовом ящике» «Стрекозы» 1880 г. были напечатаны следующие ответы Чехову: в № 7, от 17 февраля о рассказе «Прошение»: «Прошение длинно и натянуто»; в № 14, от 6 апреля о рассказе, заглавие которого не названо: «Избитость эпистолярной формы не искупается новизною или юмором содержания»; в № 18, от 4 мая о рассказах «Ничего не начинай» и «Легенда»: «Несколько острот не искупают непроходимо пустого словотолчения»; в № 44, от 2 ноября о рассказе «Портрет»: «Портрета не поместим, он до нас не касается. Вы, очевидно, писали его для другого журнала»; в № 48, от 30 ноября и в № 51, от 21 декабря о рассказах, заглавия которых не названы: «Очень длинно и бесцветно: нечто вроде белой бумажной ленты, китайцем изо рта вытянутой» и «Не расцвев— увядаете. Очень жаль. Нельзя ведь писать без критического отношения к своему делу». 25 марта 1881 г. редактор «Стрекозы» И. Ф. Василевский (Буква) известил Чехова письмом, что присланный им рассказ не будет напечатан в «Стрекозе» ввиду значительности объема.

[6] См. ниже прим. 23 к дневнику Н. А. Лейкина.

[7] Имеются в виду очерки Чехова с пути на Сахалин «Из Сибири» и «По Сибири», напечатанные в «Новом времени», № 5142—5147, 5168, 5172, от 24—29 июня и 20 и 24 июля 1890 г.

[8] Дмитрий Петрович *Голицын*, кн. (псевдоним — Муравлин) (1860—1917) — беллетрист, позднее крупный чиновник.

[9] В журнале «Север», № 15 от 12 апреля 1892 г. напечатана статья В. Л. Кигна-Дедлова (за подписью: «Д») о Чехове, в которой он утверждал, что Чехову свойственны творческая свежесть и бодрость, что он выработал собственную манеру письма и форму творчества и является не только художником, но и мыслителем. При совокупности этих качеств,— писал Кигн,— Чехов занимает бесспорно первое место среди своих сверстников-писателей.

[10] Первый «обед беллетристов» с участием Чехова Тихонов описал впоследствии в своих воспоминаниях (сб. «О Чехове». М., 1910, стр. 244—245).

[11] Сергей Николаевич *Сыромятников* (псевдоним — Сигма) (р. 1860—?)— журналист, сотрудник «Нового времени».

[12] Тихонов имеет в виду известную картину И. М. Прянишникова «Шутники» (1865), на которой изображены купцы из Гостиного двора, издевающиеся над стариком-чиновником.

ИЗ ДНЕВНИКА Н. А. ЛЕЙКИНА

Публикация Н. И. Гитович

Николай Александрович Лейкин (1841—1906) — писатель-юморист. В 1860-х годах сотрудничал в «Искре», «Библиотеке для чтения» и «Современнике». С начала 1870-х годов — постоянный сотрудник «Петербургской газеты». С 1882 г.— редактор-издатель журнала «Осколки». В «Петербургской газете» и в «Осколках» напечатано огромное количество юмористических рассказов, очерков и «сценок» Лейкина. Отдельными изданиями вышли десятки его романов, повести и сборники рассказов.

С Чеховым Лейкин познакомился в октябре 1882 г. через поэта Пальмина. Об этом знакомстве Лейкин рассказывает в своем дневнике, в записи от 3 июля 1904 г. (дневник за этот год неизвестен. Запись приведена в статье NN «Безобидный юморист» — см. книгу «Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб., 1907, стр. 242—243): «В полдень привезли с почты газеты. Я развернул „Новое время" и поразился. Умер Антон Чехов! С А. П. Чеховым я был очень близок, пока он жил в Москве и в своем подмосковном именьице. При наезде в Москву я бывал у него. Приезжая в Петербург, он останавливался у меня, а затем, познакомившись с Сувориным, уж у Суворина. Все его петербургские литературные знакомства произошли через меня. *И как писателя Чехова — я отыскал.* У меня в „Осколках" и начал он свою деятельность. Даже в первый раз в Петербург приехал Чехов из Москвы со мной. А отыскал я в Москве Чехова так. Приехал я в Москву для продажи моих книг. Кажется, это было в 1885 г., в третий год моего редактирования „Осколков" 〈Лейкин ошибается. Знакомство, как указано выше, произошло в октябре 1882 г.〉 Поэт Л. Пальмин, тогда уже постоянный сотрудник журнала, познакомил меня с Чеховым. Знакомство это было очень оригинальное. Я обедал с Пальминым у Тестова и затем поехал к Пальмину пить чай. Было это зимой, под вечер, но засветло. Пальмин тогда жил на Собачьей площадке, на Арбате. Я просил Пальмина, чтобы он приглашал иногда кое-кого из московской пишущей братии для писания в „Осколках". Он обещал. А когда мы подъезжали с ним к его квартире, сказал мне, указывая на тротуар:

— Да вот два даровитые брата идут: один художник, а другой писатель. У него очень недурной рассказ был в „Развлечении".

Это были два брата Чеховы! Николай — художник и Антон. Я встрепенулся.

Так познакомь меня поскорей с ними, Лиодор Иванович! — сказал я Пальмину.— Остановимся! Мы вылезли из саней. Пальмин окликнул Чеховых и познакомил нас. Мы вошли в ближайшую портерную и за пивом я пригласил сотрудничать в „Осколках" и Антона и Николая Чеховых. Антон Чехов сейчас же стал присылать из Москвы в „Осколки" свои рассказы. Николай Чехов, ныне давно умерший, очень даровитый художник, к сожалению, мало работал в журнале. Он прислал за все время всего пять-шесть рисунков.

Антон Чехов впоследствии называл себя моим литературным крестником. У меня есть и книга его рассказов с надписью: „Моему литературному крестному батюшке"».

Этой записи, сделанной Лейкиным через много лет по памяти, несколько противоречит сохранившееся письмо Л. И. Пальмина к Чехову, написанное в конце октября 1882 г. (ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 311):

Милостивый государь Антон Павлович!

На днях был проездом в Москве приятель мой, Николай Александрович Лейкин, редактор и издатель «Осколков». Он жалуется, что в Москве совсем нет хороших, талантливых сотрудников для его журнала (конечно, исключая меня!!!). Я указал ему на вас, так как читал некоторые ваши хорошенькие, остроумные вещицы, на которые обратил внимание среди действительно бездарной, бесцветной и жидкой бурды московской. Он просил меня познакомить его с вами хотя заочно, так как он сам пробыл в Москве всего сутки с небольшим. Свою карточку, лично им загнутую, просил он мне передать вам в знак того, что как будто он сам лично был у вас и просил меня пригласить вас сотрудничать в «Осколках». В материальном отношении, конечно, много нельзя заработать в «Осколках», так как журнал по объему ограничен, но плата в высшей степени аккуратная и добросовестная. О гонораре вы спишитесь лично. Это уже не мое дело. Журнал честный, с хорошим либеральным направлением, в цензурном отношении там несколько легче дышится, чем здесь, что вы, вероятно, уже могли видеть, если когда-нибудь проглядываете «Осколки». Пишите туда рассказцы, повести, очерки, заметочки, всякую всячину, по величине все небольшое, но количеством чем больше, тем лучше. Печататься вы будете скоро. Адрес Лейкина: С.-Петербург, угол Николаевской и Свечного переулка, дом № 48—15. Н. А. Лейкину. Я живу еще в деревне в Богородском (на деревню, дом Евдокимовых).

Уважающий вас Л. Пальмин

Адрес ваш я узнал у Хрущева.

Возможно, конечно, что письмо это было заготовлено по просьбе Лейкина еще до его отъезда. Сотрудничество Чехова в «Осколках» началось в первой половине ноября 1882 г.

Лейкин вел дневник в течение сорока шести лет, начав его в 1859 г. и закончив менее чем за месяц до смерти (последняя запись сделана 11 декабря 1905 г.).

Как сообщает NN в той же статье «Безобидный юморист» (см. цит. изд., стр. 195), «в первой тетради своих дневников, начатой тотчас после окончания курса в петербургском реформатском училище, Н. А. изо дня в день описывает свое времяпрепровождение».

Так же аккуратно, почти каждый день, Лейкин делал записи и в последующие годы. В дневниках зафиксированы политические, общественные, литературные и театральные события и, иногда, их оценки Лейкиным. Его суждения о Чехове нередко были поверхностны и даже просто неверны (характеристика «Дамы с собачкой»). В других же случаях, как, например, в суждениях о «Чайке», Лейкин проявил и проницательность критика и дружеские чувства к Чехову.

К сожалению, удалось обнаружить дневники Лейкина только за 1892—1901 гг. (ЦГАЛИ) и 1905 г. (ИРЛИ). Таким образом, годы наибольшего общения Лейкина с Чеховым, т. е. годы сотрудничества Чехова в «Осколках» (с конца 1882 — по 1887 г.), в публикуемых ниже выписках из дневников Лейкина совершенно отсутствуют.

Печатается по автографам: ЦГАЛИ (ф. 289, оп. 3, ед. хр. 1, 2 и 3) и ИРЛИ (ф. 149, оп. 1, ед. хр. 74).

1892

20 июля. Получил от Ан. П. Чехова письмо. Пишет, что поступил в санитарные врачи Серпуховского уезда, что окончательно отбило его от литературной работы [1].

25 декабря. Читал рождественские рассказы в «Петербургской газете», в «Новом времени» и в «Новостях». И как все эти рассказы плохо написаны, какие притянутые за волосы сюжеты! Мой рассказец, без хвастовства скажу, все-таки недурен среди всей этой дребедени [2]. В рассказе Чехова в «Новом времени» виден хороший мастер. Рассказ называется «Страх», но название это, по-моему, совсем тут не причем. Хорошо, впрочем, вы-

веден несколькими удачными штрихами тип пропойцы по деревенскому прозванью «Сорок мучеников».

27 декабря. Вечером были гости. Собралось более сорока человек. Из пишущей братии были Ан. Чехов, Ясинский, Арс. И. Введенский, Фруг, Чермный [3]. Этого молодого писателя (Чермного) привел ко мне Чехов и представил мне...

30 декабря. У Ф. Ф. Фидлера на вечере. Это учитель немецкого языка в женских учебных заведениях, обруселый немец, родившийся и воспитавшийся в Петербурге. Год тому назад жена моя крестила с ним сына у К. С. Баранцевича. Фидлер—переводчик множества стихотворений наших умерших и живущих поэтов на немецкий язык. Переводы его изданы книжками в Лейпциге. Он дружит с литературным миром и так ⟨как⟩ стоит вне партий, то его очень многие из пишущих и посещают. Были: Н. К. Михайловский, А. П. Чехов, К. С. Баранцевич, И. И. Ясинский и приехавший из Москвы Н. Н. Златовратский. С Златовратским я встретился в первый раз. Собеседник он не из интересных. Очень удивляется, что встретил столько пишущей братии вместе. Жалуется, что в Москве нет ни одного дома, где бы можно было встретиться с тамошними писателями. Рассказчики из московских газет собираются в трактирах, но этот народ ему не нравится. Златовратский имеет вид попа, одетого в светское платье Ан. Чехов встретился с ним тоже в первый раз и, уходя со мною от Фидлера домой, прямо выразился, что в писатели Златовратский попал по ошибке и ему непременно следовало бы быть попом. В самом деле, у него все ухватки поповские: подходя к столу с закуской, он держит руку на желудке, берет что-либо со стола — нежно, тремя пальцами, говорит медленно, с частыми глубокими вздохами и т. п.

Михайловский пробыл у Фидлера всего час, держал себя ученым философом среди непросвещенных, только отвечал на вопросы, а сам не говорил, и удалился, ни с кем не простясь. Была писательница одна — Ю. И. Безродная [4] — разъехавшаяся жена поэта Минского (Виленкина). Эта начала было из себя изображать что-то вроде синего чулка, но, видя, что на нее никто не обращает внимания, понизила тон и после ужина стала даже танцевать кадриль.

1893

2 января. Всё литературные вечеринки. Вечером у И. И. Ясинского. Собрались Вас. И. Немирович-Данченко, Ан. Чехов, Чермный. Этот молодой писатель, написавший книжку «Море и моряки», сделался адъютантом Чехова и по пятам следует за ним повсюду. Кроме того, был редактирующий «Север» В. А. Тихонов, какой-то поэт из «Севера» Сафонов [5] и С. Н. Атава-Терпигорев. Ясинский нынче по примеру Терпигорева переселился в дачные места и живет близ Каменноостровского моста в Лопухинской улице, в доме Евреиновой, ci-devant * Громовой. Просидели часов до двух. Мороз трескучий, 28 градусов.

12 января. В 6 часов в ресторане Малый Ярославец обед беллетристов. Инициатива этого дела принадлежит Ясинскому и Терпигореву. Обедали семнадцать человек: Григорович, Максимов, Ясинский, Вас. Немирович-Данченко, Мамин-Сибиряк, Терпигорев, Дедлов (Кигн), Чехов, Баранцевич, Горбунов, Чермный, я, Ежов, Суворин, Гнедич, князь Волконский, Вл. Тихонов. Горбунов рассказывал свои воспоминания об Островском и П. М. Садовском. Пили мало, но обед прошел крайне оживленно, и мы засиделись за столом до 11 часов вечера. Решили собираться ежемесячно [6].

---

* бывший (франц.).

5 апреля. Сегодня получил от Ан. П. Чехова письмо. Пишет, что у них (он живет под Москвой в своем имении) выпал снег чуть не на аршин, хотя полное весеннее бездорожье ⟨...⟩[7].

Посылаю ему завтра в Москву двух такс щенков. Люди Худекова повезут завтра худековских птиц с птичьей выставки в деревню в Рязанскую губернию и кстати доставят, по дороге, и такс Чехову в Москву. Такс отправил уже к Худекову сегодня вечером.

18 апреля. Апрель, а на дворе лютая осень с дождем холодным и мокрым снегом. Ан. Чехов пишет, что и под Москвой то же самое. В лесу и в оврагах множество снега. Ан. Чехов благодарит за такс, которые добрались до него благополучно[8].

10 августа. Получил от Ан. Чехова письмо из Серпуховского уезда, в котором он, между прочим, сообщает, что в его имении под Москвой нынешним летом вызревают арбузы на открытом воздухе,—вот до чего теплое лето у них стоит. Также пишет он, что привел в порядок свой материал по путешествию на Сахалин и его «Сахалин» будет напечатан в X, XI и XII книжках «Русской мысли». Он и в нынешнем году санитарный земский врач, но холера у них в уезде еще не появлялась[9].

1895

7 марта. Сегодня утром прибыл в Москву ⟨...⟩ В Москве писательница-дилетантка Лидия Алексеевна Авилова. Она уехала из Петербурга на прошлой неделе...

Также заезжал в редакцию «Русская мысль» и узнал, что Антон Чехов у себя в имении в Серпуховском уезде. В пятницу поеду на денек к нему. Со мной едут и Лазарев с Ежовым.

9 марта. От Горбунова⟨-Посадова⟩ поехал в библиотеку Страхова на Плющиху, где остановилась Л. А. Авилова, и пил у ней чай. Она в горе, она десять дней тому назад писала из Москвы Чехову письмо в имение и звала его в Москву, а он ни сам не приехал и не ответил, она справилась в «Русской мысли», в имении ли он теперь, а ей ответили, что уехал в Таганрог, а я сообщил ей, что мне в «Русской мысли» сказали, что он в имении, ждет меня и я завтра еду к нему. Вот ее и горе. Чехов теперь в деревне работает, пишет, в Москву ему ехать — терять время — вот он и просил в «Русской мысли», чтобы вообще всем его поклонницам (а Авилова из их числа) говорили, что он уехал в Таганрог[10]. ...Завтра в 11 ч. 50 м. дня еду по Курской дороге к Чехову, а от него по той же дороге в Киев. К Чехову со мной едут Ежов и Грузинский.

11 марта. У Антона Чехова. Приехали вчера около 4 ч. дня.

От станции Лопасня (по Курской дороге) до с. Мелихова, где находится усадьба Чехова, ехали при страшной метели. Еле можно было различать вехи дороги. Ветер завывал с ужасающей силой, пел, свистал, пробовал сдувать нахлобученную шапку, забирался под плед, в который я закутался. И хорошо, что я перед самым отъездом купил себе плед у Поповых под Лоскутной гостиницей, иначе бы я окоченел в дороге в одном ватном пальто. Ехали в двух санях. Я впереди, Ежов и Лазарев позади. В моих санях пара лошадей была запряжена гуськом. Дорога была буквально заметена. Ехал я, прислушиваясь к вою метели, и вспоминался мне последний рассказ графа Льва Толстого «Хозяин и работник», где так художественно описана метель и который я только что прочитал на прошлой неделе[11]. Хорошо еще, что было только три-четыре градуса мороза. От станции до Чехова двенадцать верст, как сообщил мне мой возница. К Чехову приехали мы засыпанные снегом, с сосульками в бороде и на висках в волосах. У меня даже ресницы обледенели и лицо было красно, как вареный рак, до того избил его ветер и снег.

В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКАЯ

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Антону Павловичу Чехову на память о Клерхен из „Гибели Содома" и обо мне. В. Комиссаржевская, 1900 г.»

Дом-музей Чехова, Ялта

Чехов встретил нас с полным радушием, вышел даже на крыльцо с прислугой. Две горничные совсем молоденькие, круглые, как кубышки, девушки с лицами в виде полной луны схватили наши саквояжи и пледы, я рассчитался с возницами и рад-рад был, что, наконец, вступил в теплые комнаты.

Дом у Чехова прекрасный, светлые комнаты, весь обновленный красками и обоями, просторный, с уголком для каждого члена семьи и даже с таким комфортом, которого и в некоторых московских квартирах не найдешь. Приятно видеть, что наш брат писатель перестал, наконец, бедствовать (я говорю о даровитых) и пошел в гору благосостояния. В комнатах встретила нас его мать и брат Михаил, податной инспектор, приехавший к нему погостить на несколько дней из Углича, где он служит. Вертелись под ногами две собаки таксы, и я чуть не вскрикнул: «Пип! Динка!» — до того они похожи на моих такс. Впрочем, этих такс я и подарил Чехову щенками от моих собак. Но надо же было вылиться такими похожими на своих родителей. Зовут их Бром и Хина. Как врач, Чехов дал им названия лекарств.

Нас ждали уже к обеду. Сейчас сели за стол. И так приятно было после такого трудного пути выпить рюмку водки! После обеда повел меня Чехов осматривать постройки на дворе и службы. Службы ветхие, но стоят уже рубленые конюшня, хлев, сарай. Строится баня. Выстроен флигелек для приезда гостей в две комнаты и обмеблирован и поставлены три кровати с принадлежностями. Домик, прелесть какой. В этом домике и ночевали Ежов и Лазарев, а я спал у Чехова в кабинете на диване.

Сегодня утром в 7 часов Ежов и Лазарев уехали обратно в Москву, а я остался еще на один день...

9 апреля. Получил письмо от Ан. Чехова от 7 апреля. Пишет, что под Москвой в Серпуховском уезде стоит еще зима. Снегу в полях на аршин, а в лесу еще больше, езда на санях [12].

11 мая. Получил от Ан. Чехова письмо, в котором он пишет, что московский художник Сухов соглашается в конце мая приехать ко мне, чтобы писать с меня портрет масляными красками...[13] Написал Чехову, что с нетерпением жду к себе Сухова.

20 мая. Сегодня получил два письма: от художника Сухова и от Ан. Чехова... Чехов, которого я приглашал приехать ко мне в половине июня, чтобы ехать в Валаам, отвечает, что на Валаам его не тянет, боится он качки в Ладожском озере и холода ладожского, а в свою очередь приглашает меня ехать в Кемерн, 40 верст от Риги, покупаться в море и уж оттуда хочет приехать ко мне в усадьбу. В Кемерн он хочет ехать с терапевтическими целями. Пишет, что его перебои сердца и кашель одолели [14]. Что ж побываю с ним в Кемерне. Мне только бы прокатиться.

4 июня. Получил от Ан. Чехова письмо от 31 мая. Пишет, что, по случаю отъезда сестры на Кавказ, в Кемерн может ехать только еще в июле месяце, когда вернется сестра и примет от него хозяйственные бразды правления по имению. Пишет также, что вследствие усиливающегося кашля колеблется еще, куда ему в июле держать путь: к Балтийскому морю или к Черному [15]. К Черному морю уж, разумеется, я ему не буду сопутствовать. В такое дальнее путешествие я не рассчитывал ехать.

12 июля. Забыл записать. Вчера узнаю в заседании Совета от Карпова, что в Петербурге Ан. П. Чехов и остановился у Суворина, а между тем только еще два дня тому назад я получил от него письмо из какой-то деревни близ станции Бологое по Николаевской железной дороге, и он пишет мне, между прочим, что пробудет там еще недели полторы. Еду к Суворину и застаю Чехова дома. Оказывается, что приехал по телеграмме Суворина на один день и уже вчера собирался уезжать [16]. Я звал его ко мне в Ивановское хоть на один день — ни за что. Говорит, что 12-го ему нужно быть к 6 часов вечера у себя в усадьбе. Худ, желт, покашливает и имеет нездоровый вид. Спрашивал его, у кого он был в Бологово. Оказывается, гостил в семействе Турчанинова, нашего помощника градоначальника. Рассказывал, что у Турчанинова очень хорошенькие дочери-девицы. Ко мне все-таки собирается приехать в августе.

1896

31 января. Сегодня у меня обедал Ан. П. Чехов, несколько дней тому назад приехавший из Серпуховского уезда [17].

17 октября. Сейчас вернулся из Александринского театра с первого представления новой пьесы Ан. П. Чехова «Чайка», которая шла в бенефис Е. И. Левкеевой. Пьеса успеха не имела, завтра, пожалуй, раззвонят во всех газетах, что пьеса провалилась [18]. Рецензенты с каким-то злорадством ходили по коридорам и буфету и восклицали: «Падение таланта», «Исписался». Пьесе даже шикали, когда после второго акта раздалось несколько голосов, требовавших автора [19]. По-моему, в том, что дал для сцены Чехов, нет пьесы, но есть совершенно новые типы и характеры, хотя и не особенно ярко намеченные. Это набросок пьесы — и только. Видно также, что Чехов стремился быть как можно более оригинальным. Ни банальностей, ни общих мест никаких, а публика Александринского театра любит банальности и общие места. Дай эту рукопись Чехова хоть самому заурядному драматическому писателю и он, накачав в нее эффектных банальностей и общих мест, сделает пьесу, которая понравится.

Друзья Чехова ушли из театра опечаленные. Мне самому было жалко его за неуспех. Н. А. Худекова и ее сестра Л. А. Авилова так даже негодо-

вали на публику, что она не поняла Чехова [20]. Неуспеху пьесы способствовали и актеры. Бледно играла главную роль новая актриса Комиссаржевская, актриса без фигуры и без миловидности. Недурно сыграли Сазонов и Давыдов, но ансамбля не было. Писарев и Панчин, Аполлонский почему-то паузили. Играй Савина за Комиссаржевскую, она выдвинула бы некоторые места пьесы, но она от роли отказалась [21].

Сегодняшний бенефис дан был Е. И. Левкеевой за 25-летнюю ее службу. Сама она в пьесе Чехова не участвовала, но выступила в старой пьесе Соловьева «Счастливый день»! После пьесы Чехова Левкееву чествовали на сцене при поднятом занавесе 〈...〉

18 октября. Сегодня во всех газетах, кроме «Нового времени», торжественно заявляется о провале чеховской «Чайки», прямо торжественно и притом с каким-то особенным злорадством. Точь-в-точь будто поймали волка, который до поимки его задрал много скотины. А уж как допустила подобный тон по отношению к пьесе Чехова «Петербургская газета»,— я просто удивляюсь. Ее театральный рецензент 〈...〉 Кугель (Homo novus) просто скачет от радости на столбцах газеты и авторитетно ругается [22]. А Чехов так много когда-то работал в «Петербургской газете», так много поместил там своих талантливых рассказов и, между прочим, свой лучший рассказ «Егерь» [23].

Написал я на завтра сценки — «Чайка», где стараюсь устами действующих лиц, присутствующих на представлении, указать на достоинства «Чайки» как литературного произведения, может быть, ошибкой попавшего на сцену, и доказать публике, что если пьеса действительно провалилась, то нечего из-за этого свергать Чехова с его пьедестала беллетриста [24]. И у Золя проваливались его пьесы, а Золя как беллетрист по-прежнему высок [25] 〈...〉

20 октября. Целый день дома. К обеду пришел А. Н. Будищев. Толковали о провале пьесы Чехова на первом представлении. Будищев его очень жалеет.

22 октября. Сегодня получил письмо от Ан. Павл. Чехова. Не писал с великого поста и теперь пишет. Пишет из деревни, куда он, как я узнал от Суворина, уехал на другой день после первого представления своей пьесы [26]. Письмо странно. В нем он просит, чтобы я, находящийся в добрых отношениях с К. В. Назарьевой, обратился к ней и попросил выслать ему ее роман «Надорванные силы». Для чего ему понадобился ее роман, который он мог бы выписать из книжного магазина Суворина — неизвестно. В письме он сообщает, что простудился, что у него насморк, кашель, жар. О пьесе ни слова. Как будто бы и не шла его «Чайка». Но из письма видно, что книга Назарьевой только предлог [27], чтобы написать мне письмо после долгого своего молчания и вызвать меня на ответное письмо, где я сообщил бы ему о своих впечатлениях на первом представлении «Чайки» и утешил бы его. Дело в том, что в настоящий его приезд в Петербург он ни разу не заехал ко мне, а я тоже не съездил к нему и нигде не виделся с ним. Второе представление «Чайки» происходило вчера при полном сборе, никто не шикал, исполнителей вызывали после каждого акта, и пьеса имела успех. Даже автора вызывали, и вышедшего на сцену помощника режиссера, сообщившего, что автора в театре нет, при первом появлении приняли за автора и стали аплодировать. Сам я в театре не был, но обо всем этом сообщил мне сегодня в заседании Совета Русского театрального общества главный режиссер Е. П. Карпов [28]. Я всегда говорил, что публика первых представлений совсем не похожа на публику последующих представлений. Публика первых представлений прямо подрывается под автора и ищет только одни слабые стороны.

29 октября. И переполошил же Чехов Назарьеву! Сегодня она пишет мне, что романа «Надорванные силы», который он просил прислать ему,

у ней нет, что он никогда не был издан отдельно, но ей так лестно поднести его Ан. П. Чехову, что она поехала искать по букинистам журнал «Наблюдатель», где роман печатался, вырвет листы, переплетет их и пошлет Чехову [29].

1897

16 апреля. Л. А. Авилова рассказывает, что в бытность ее в Москве в двадцатых числах марта она узнала, что Ан. П. Чехов лежит в больнице в клинике профессора Остроумова. Она отправилась туда его навестить, но доктор хотя и допустил ее к Чехову, но не дозволил с ним разговаривать. Говорить ему было запрещено, и он лежал на спине на кровати, не шевелясь [30]. Чехов, оказывается, приехал в Москву с кровотечением из горла и лег в клинику. Кровохарканьем, впрочем, он страдает уже давно.

По словам Авиловой, Чехов в настоящее время должен уже быть не в клинике. На вербной неделе он писал ей из клиники в Петербург, что ему лучше, припадки кровотечения прекратились, и он надеется, что врачи дозволят ему на Пасху уехать в его усадьбу в Серпуховский уезд [31].

26 апреля. Утром получил письмо от Антона Чехова. Благодарит за посланные ему мои новые книги, говорит, что лежал в великом посту в клинике профессора Остроумова, лечась от кровотечения горлом, но со страстной недели уже у себя в Серпуховском уезде. Пишет: «Считал бы себя теперь совсем здоровым, если бы не медикаменты, прописанные мне врачами. Да и кровотечения из горла трудно вылечить навсегда. Это склонность волосных сосудов лопаться, хрупкость их». Сообщает, что и в Москве ранняя весна [32].

31 мая. Получил письмо от Ан. П. Чехова. Пишет, что совсем хорошо себя чувствует, и просит оставить ему вместо одной две лайки — мальчика и девочку [33].

9 июля. Получил от Ан. Чехова письмо. Пишет, что чувствует себя вполне здоровым. Около 15 июля приедет в Петербург и будет у меня [34].

25 июля. И. В. Еремеев, однокашник Чехова по Московскому университету, спрашивал меня, приехал ли в Петербург А. П. Чехов. Он тоже ждет его приезда [35] 〈...〉

Вернувшись вечером в Ивановское, нашел у себя на столе письмо от Ан. П. Чехова. Он сообщает мне, что 24 июля приехал в Петербург, остановился у Суворина и в субботу 26-го или в воскресенье 27 июля будет у меня в Ивановском [36].

26 июля. Ан. П. Чехов тоже не приезжал сегодня и я послал ему телеграмму, что жду его завтра.

27 июля. Сегодня в 11-м часу утра на первом пароходе приехал ко мне Чехов. Очень много говорили и писали про его болезнь (кровотечение горлом), но, на мой взгляд, вид он имеет бодрый и цвет лица недурной. Он даже поотъелся, на мой взгляд, и несколько потолстел. Аппетит его также недурен. Он отлично ел у меня за обедом, хотя я его всегда знал за малоешку. Я полагал, что он приедет ко мне, по крайней мере, на сутки, но он побыл у меня всего только четыре часа, так как сегодня же в 7 часов вечера должен ехать домой и завтра непременно быть в Москве, где у него назначено свидание с каким-то врачом-профессором [37]. Я, однако, успел ему показать все свое хозяйство и кое о чем переговорить с ним. Оказывается, что врачи советуют ему осенью ехать на юг и провести зиму за границей, где-нибудь в Греции, в Корфу, на Мальте или, в крайнем случае, на Ривьере. Он едет за границу в сентябре, но где именно усядется на зиму, пока еще не решил. Я и жена тоже поедем в сентябре за границу, будем в Биаррице, и он обещал с нами там встретиться.

Л. Б. ЯВОРСКАЯ

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Дорогому Антону Павловичу за его истинно дружеское отношение ко мне, которое я чувствую даже на туманном севере. Лидия Яворская»

Дом-музей Чехова, Ялта

Чехову я подарил пару щенков-лаек. С собой он их, однако, не взял. За ними приедет лакей Суворина Василий и отвезет к Чехову в имение, так как едет на днях в Коломну и будет проездом в Москве. В Москве Василий сдаст щенков брату Ивану, а тот уже препроводит их в именье к Ан. П. Чехову. В 2 часа дня я проводил Чехова на лодке на пароходную пристань, и мы расстались.

В Петербург Чехов приезжал к Суворину посчитаться в книжном магазине «Нового времени» насчет своих изданий. Два дня он провел у Суворина в Петербурге, но вчера Суворин уехал за границу, в Биарриц, где семья его живет около месяца.

20 сентября (*2 октября*). ⟨Биарриц.⟩ Идем мимо галереи морских купален. Вдруг окликает меня кто-то по имени. Смотрю — подходит ко мне Ан. П. Чехов. Он уже около двух недель здесь, живет в Hôtel Victoria и послезавтра собирается уже уезжать в Ниццу [38]. Едет он с редактором «Русских ведомостей» Соболевским. От Чехова я узнал, что здесь был старик Суворин, но уехал отсюда, уже дней пятнадцать. Чехов встретился с ним в Париже, когда ехал сюда, в Биарриц. Чехов не купается здесь, а только пользуется морским воздухом. По-моему, он совсем поправился. От моря он взбирался с нами на крутой берег, и одышки у него не было. Он проводил нас до нашей гостиницы и пошел к себе, так как обещался обедать у себя в гостинице с Соболевским.

21 сентября (*3 октября*). Виделся опять с Чеховым. Чехов познакомил меня с В. М. Соболевским.

22 сентября (*4 октября*). На пляже опять встретился с Чеховым и распростился с ним. В 2 часа дня он уехал в Ниццу, где пробудет до 1 ноября нашего стиля и затем отправится в Россию.

28 октября. Перед обедом приехал домой и застал у себя Л. А. Авилову. Прекрасная женщина, простая, люблю я ее, хотя она и писательница. Рассказывала, что получила из Ниццы письмо от Чехова Антона. Сообщает ей, что остановился в Русском пансионе, который я рекомендовал ему в Биаррице, и чувствует себя хорошо [39].

1899

24 декабря. Вчера прочел новый рассказ Ан. Чехова «Дама с собачкой», помещенный в последней книжке «Русской мысли». Небольшой этот рассказ, по-моему, совсем слаб. Чеховского в нем нет ничего. Нет тех картин природы, на которые он был такой мастер в своих первых рассказах. Действие в Ялте. Рассказывается, как один пожилой уже приезжий москвичловелас захороводил молоденькую, недавно только вышедшую замуж женщину, и которая отдалась ему совершенно без борьбы. Легкость ялтинских нравов он хотел показать, что ли!

Антон Чехов переехал теперь из Ялты, где у него дом, в Ниццу. Мы около года уже не писали друг другу, но сведения о его пребывании в Ницце я получил от его брата Александра, живущего в Петербурге [40]. На днях я послал Антону Чехову в Ниццу мою новую только что вышедшую книгу «На побывке» и вот, по всем вероятиям, переписка возобновится [41].

25 декабря. Рождество. Газеты «Новое время» и «Петербургская газета» переполнены так называемыми рождественскими рассказами, есть и мой — «Настюшкино горе». Рассказы плохи, неинтересны, и я с гордостью скажу, что мой рассказ всех лучше, даже лучше рассказа Антона Чехова, хотя писан наскоро [42].

1905

18 марта. Читаю газеты и перечитываю рассказы Антона Чехова.

24 апреля. Публика несколько отдохнула на трех сценках Чехова, переделанных из его рассказиков. Игра актеров во всех пьесах заурядная. Ничего выдающегося. Очень может быть оттого, что и ролей выдающихся не было [43].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо к Лейкину от 13 июля 1892 г. (XV, 407).

[2] В «Петербургской газете», № 355, от 25 декабря 1892 г., помимо рассказа Лейкина «Накануне Рождества», напечатаны рассказы: Homo novus. Под сенью елки; И. Ясинский. Тайна портрета; А. Грузинский. Вьюга; К. В. Назарьева. Memento mori; Н. Ракшанин. Ночь видений; Н. Худекова. Ожидание. В «Новом времени», № 6045 от 25 декабря 1892 г.: Антон Чехов. Страх (Рассказ моего приятеля); Ник. Ежов. Лунатик; А. Седой. Сочельник в снежном заносе. В «Новостях и Биржевой газете», № 356, от 25 декабря 1892 г.: В. П. Желиховская. Невидимый щит; Марк Басанин. Христославы; Н. П—в. На гуся (Из жизни чиновной мелюзги).

[3] Семен Григорьевич *Фруг* (1860—1916) — поэт; *Чермный* — псевдоним писателя А. Н. Чермана (? — 1911).

[4] *Безродная* — псевдоним писательницы Юлии Ивановны Яковлевой (1859—1910), печатавшейся в журналах: «Вестник Европы», «Мир божий», «Русская мысль» и др.

[5] Сергей Александрович *Сафонов* (1867—1904) — писатель, печатавшийся в «Севере», «Ниве», «Всемирной иллюстрации» и других изданиях под псевдонимом Сергей Печерин.

[6] Инициатива организации этих обедов принадлежала Чехову, что видно из письма его брату М. П. Чехову от 13 января 1893 г. (XVI, 10). См. также об этом выше, в дневнике Тихонова.

[7] Письмо Чехова от 1 апреля 1893 г. (XVI, 52).

[8] Письмо Чехова от 16 апреля 1893 г. (XVI, 57).

[9] Письмо Чехова от 4 августа 1893 г. (XVI, 77).

[10] В своих воспоминаниях об этом эпизоде Авилова не упоминает.

[11] Рассказ Толстого «Хозяин и работник» напечатан в «Северном вестнике», № 3, вышедшем в свет 5 марта 1895 г.

[12] Письмо Чехова от 7 апреля 1895 г. (XVI, 237).

[13] Письмо Чехова от 8 мая 1895 г. (XVI, 244—245).

[14] Письмо Чехова от 16 мая 1895 г. (XVI, 245—246).

[15] Письмо Чехова от 31 мая 1895 г. (XVI, 248—249).

[16] О приезде Чехова в Петербург 11 июля сообщил Лейкину режиссер Александринского театра Е. П. Карпов в заседании Совета Русского театрального общества. В течение шести дней, с 5 по 10 июля Чехов прожил в имении Турчаниновых Горки, на ст. Тройца Рыбинско-Бологовской ж. д., куда его вызвала А. Н. Турчанинова к ранившему себя И. И. Левитану. В письме от 1 июля она писала Чехову: «...обращаюсь к вам с большой просьбой по настоянию врача, пользующего Исаака Ильича. Левитан страдает сильнейшей меланхолией, доводящей его до ужасного состояния. В минуту отчаяния он желал покончить с жизнью 21 июня. К счастью, его удалось спасти. Теперь рана уже не опасна, но за Левитаном необходим тщательный, сердечный и дружеский уход. Зная из разговоров, как вы дружны и близки Левитану, я решилась написать вам, прося немедленно приехать к больному. От вашего приезда зависит жизнь человека. Вы один можете спасти его и вывести из полного равнодушия к жизни, а временами бешеного решения покончить с собой. Исаак Ильич писал вам, но не получил ответа. Пожалейте несчастного. Будьте добры немедленно ответить мне. Я вышлю за вами лошадей» (ЛБ). Упомянутое письмо Чехова к Лейкину от 5 июля 1895 г. (XVI, 252).

[17] Чехов приехал в Петербург 24 января 1896 г.

[18] См. прим. 22.

[19] Об этом писал в своей статье автор, подписавшийся инициалами С. Т.:

«Первое представление новой комедии Ант. Чехова „Чайка" явилось единственным, в своем роде, представлением в летописи Александринской сцены <...> Это было какое-то издевательство над автором и артистами, какое-то неистовое злорадство некоторой части публики, словно зрительный зал переполнен был на добрую половину злейшими врагами Чехова. Представление „Чайки" шло буквально под аккомпанемент шиканья, свистов, хохота, криков „довольно", неуместных поддакиваний артистам, все это смешивалось с тирадами и речами исполнителей. И весь этот протест (если только такое поистине безобразное поведение некоторой части публики можно назвать протестом) не был общим приговором публики в конце пьесы: безобразие началось чуть не с первых слов комедии <...> Неистовство публики росло с каждым актом: она, очевидно, вошла во вкус» («Театрал», 1896, № 95, стр. 76).

[20] В «Петербургской газете», № 290, от 20 октября напечатано «Письмо в редакцию» Л. А. Авиловой (за подписью: Л. А — ва) по поводу «Чайки», в котором дана высокая оценка пьесы.

[21] Упоминаемые здесь артисты исполняли в «Чайке» роли: В. Ф. Комиссаржевская — Заречную, Н. Ф. Сазонов — Тригорина, В. Н. Давыдов — Сорина, М. И. Писарев — Дорна, А. С. Панчин — Медведенко, Р. Б. Аполлонский — Треплева, М. Г. Савина отказалась от роли Заречной, находя, что эта роль более подходит Комиссаржевской (см. в «Петербургской газете», 1910, № 16, от 17 января: «Почему Савина отказалась играть в „Чайке"»).

[22] 18 и 19 октября в петербургских газетах напечатаны рецензии, отмечающие провал спектакля и резко отрицательно оценивающие пьесу. В «Петербургском листке», № 288, от 18 октября рецензент писал о «Чайке»: «Это очень плохо задуманная, неумело скомпанованная пьеса, с крайне странным содержанием или, вернее, без всякого содержания. От каждого действия веяло отчаянной скукой, фальшью, незнанием жизни и людей. „Чайка"— это какой-то сумбур в плохой драматической форме». В «Биржевых ведомостях», № 288, от 18 октября, И. И. Ясинский писал, что общее впечатление от спектакля было «сумбурное и дикое», что пьеса не «Чайка», а «просто дичь». В газете «Новости и Биржевая газета», № 289, от 19 октября, рецензент Селиванов писал, что «Чехов нагородил в своей пьесе массу глупостей, пошлостей, мерзостей», в «Петербургской газете», № 288, от 18 октября Кугель (Homo novus) писал, что «Чайка» произвела «удручающее впечатление», что во всех действующих лицах пьесы «чувствуется какая-то декадентская усталость жизни».

[23] Чехов сотрудничал в «Петербургской газете» с 6 мая 1885 г. по 25 декабря 1888 г., поместив в ней за это время сто двенадцать рассказов. «Егерь» напечатан в «Петербургской газете» 18 июля 1885 г.

[24] Упоминаемая сценка Лейкина «Чайка» напечатана в «Петербургской газете», № 289, от 19 октября.

[25] Э. Золя был автором нескольких пьес — как написанных специально для сцены («Наследники Рабурдена», «Розовый бутон»), так и переделанных из его романов. Буржуазная публика и пресса резко враждебно встречали появление на сцене произведений Золя, разоблачавших неприглядный быт господствовавшего класса.

Известный знаток французского театра А. И. Урусов в статье «Натурализм и драматическое искусство» писал: «Золя — автор нескольких павших и освистанных произведений. Только одна его драма, переделанная им самим из романа „Тереза Ракен", имела относительный успех. Но и она так противоречила всем требованиям театральной „приятности", что удержаться в репертуаре не могла. Что же касается до комедий „Les héritiers Rabourdin", „Le bouton de rose", то они пали со скандалом» («Порядок», 1881, от 5 марта).

[26] Чехов уехал из Петербурга 18 октября в 12 часов дня товаро-пассажирским поездом. 19 октября в письме А. И. Сувориной он так объяснил причину своего отъезда: «Дело в том, что после спектакля мои друзья были очень взволнованы; кто-то во втором часу ночи искал меня в квартире Потапенки; искали на Николаевском вокзале, а на другой день стали ходить ко мне с девяти часов утра, и я каждую минуту ждал, что придет Давыдов с советами и выражением сочувствия 〈...〉 Одним словом, у меня было непреодолимое стремление к бегству» (XVI, 367—368).

[27] Просьба Чехова в письме к Лейкину от 20 октября 1896 г. (XVI, 368—369), конечно, не была «предлогом», как это думал Лейкин. Роман Назарьевой просил Чехова выслать в Таганрогскую городскую библиотеку П. Ф. Иорданов.

[28] Второй спектакль «Чайки» в Александринском театре состоялся 21 октября, с небольшими купюрами и измененными ремарками, сделанными А. С. Суворины и Е. П. Карповым.

О большом успехе этого спектакля Чехову телеграфировал И. Н. Потапенко: «Большой успех. После каждого акта вызовы, после четвертого — много и шумно. Комиссаржевская идеальна, ее вызывали трижды. Звали автора. Объявили, что нет. Настроение прекрасное. Актеры просят передать тебе их радость» (ЛБ). В этот же день писала Чехову Комиссаржевская: «Сейчас вернулась из театра. Антон Павлович, голубчик, наша взяла! Успех полный, единодушный, какой должен был быть и не мог не быть. Как мне хочется сейчас вас видеть, а еще больше хочется, чтобы вы были здесь, слышали единодушный крик: „Автора". Ваша, нет, наша „Чайка", потому что я срослась с ней душой навек, жива, страдает и верует так горячо, что многих уверовать заставит» (ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 215).

[29] Роман этот с надписью: «Глубокоуважаемому художнику—писателю Антону Павловичу Чехову от поклонницы его дарования. К. Назарьева» был послан Чехову 30 октября 1896 г. Книга хранится в Таганрогском музее А. П. Чехова.

[30] Л. А. Авилова посетила Чехова в клинике 25 и 26 марта 1897 г.

[31] Письмо к Авиловой от 28 марта 1897 г. (XVII, 52).

[32] Письмо Чехова от 24 апреля 1897 г. См. его выше в настоящем томе.

[33] Письмо Чехова от 21 мая 1897 г. (XVII, 88).

[34] Письмо Чехова от 4 июля 1897 г. (XVII, 107—108).

[35] Встреча И. В. Еремеева с Чеховым в Петербурге, по-видимому, не состоялась.

[36] Письмо Чехова от 24 июля 1897 г. (XVII, 113).

[37] О ком идет здесь речь — не выяснено.

[38] Чехов уехал за границу 1 сентября. В Биаррице он жил с 8 до 22 сентября, после чего уехал в Ниццу.

[39] Письмо к Авиловой от 6 октября 1897 г. (XVII, 146).

[40] Лейкин получил неверные сведения. В Ниццу Чехов уехал только через год.

[41] В личной библиотеке Чехова была книга Н. А. Лейкина «На побывке. Роман из быта питерщиков в деревне». СПб., 1900, посланная Чехову 25 января 1900 г., с надписью: «Антону Павловичу Чехову. Н. Лейкин. 25 янв. 1900. СПб.». Находится в Таганрогском музее А. П. Чехова.

[42] В «Петербургской газете», 1899, № 354, от 25 декабря напечатаны рассказы: Одиссей. Рождественская гостья; В. Г. Авсеенко. Чертовщина; П. Н. Краснов. Двойник; Н. Репин. Нечистая сила; Н. А. Лейкин. Настино горе. В приложении к «Петербургской газете» («Наше время»), № 52, от 25 декабря напечатан старый рассказ Чехова «Художество», с сокращениями и изменениями (впервые этот рассказ был напечатан в «Петербургской газете», 1886, № 5, от 6 января).

[43] Лейкин был на спектакле Московского Художественного театра, гастролировавшего в Петербурге. Поставлены были пьесы Метерлинка: «Слепые» и «Там внутри», в переводе К. Д. Бальмонта и «Миниатюры» (инсценировки рассказов Чехова: «Злоумышленник», «Хирургия», «Унтер Пришибеев»).

ИЗ ДНЕВНИКА В. А. ТЕЛЯКОВСКОГО

Публикация А. Э. Фриденберга

Владимир Аркадьевич Теляковский (1861—1924) был в молодости кавалерийским офицером, окончил Академию генерального штаба, к тридцати шести годам имел уже чин полковника. В 1898 г. его военная карьера прервалась — он был назначен управляющим московской конторой императорских театров. В 1901 г. его перевели в Петербург на должность директора императорских театров; занимал он ее до весны 1917 г. Дельный и энергичный администратор, Теляковский способствовал поднятию художественного уровня казенных театров Москвы и Петербурга, привлекал новые артистические силы (Шаляпина, Собинова, Неждановy и др.), приглашал для оформления спектаклей выдающихся художников (К. Коровина, А. Головина).

Дневник Теляковский начал вести в первые же месяцы управления московскими театрами и вел его изо дня в день до конца службы, т. е. около двадцати лет. В предисловии к своим воспоминаниям он писал: «Никакой определенной формы для дневника мною выработано не было. Форма записей бесконечно менялась, но, однако, всегда каждый день имел, так сказать, два отдела. В первом помещались заметки о всем том, что произошло за день; во втором — о виденном вечером во время спектаклей в театрах. Записи велись непременно ежедневно — ночью, перед тем, как идти спать. Часть записей делалась и днем. Так как ежедневно записывать обратилось в привычку, то записи эти велись не только в служебные и праздничные дни, но и тогда, когда я путешествовал, бывая в заграничных командировках, или отдыхал в деревне,— словом, всегда и везде... Записано было самого разнообразного материала около шестнадцати тысяч страниц, не считая массы разных приложений: газетных и других статей, карикатур и т. п.» (В. А. Теляковский. Воспоминания. 1898—1917. Пг., 1924, стр. 8—9).

Дневники Теляковского представляют собой единственную в своем роде по полноте хронику московских и петербургских театров за два предреволюционных десятилетия. Читатель этих дневников находит здесь многочисленные записи встреч и разговоров с писателями, художниками, актерами, живые и меткие характеристики видных деятелей русского искусства и театральных постановок. Автор, наделенный даром наблюдательности и несомненным литературным талантом, рассказывает о бюрократической рутине, царившей в системе управления императорскими театрами, и о своих попытках борьбы с нею. В последние годы жизни Теляковским на основе дневника были написаны цитированные выше «Воспоминания». После его смерти были опубликованы написанные им книги: «Мой сослуживец Шаляпин» (Л., 1927) и «Императорские театры в 1905 год» (Л., 1926). В этих книгах, как и в дневнике, Теляковский, несмотря на свое официальное положение и тесные связи с дворянско-бюрократическими верхами царской России (что нашло отражение во многих его оценках и суждениях), сумел рассказать о многом из жизни русского театра.

В настоящее время дневники Теляковского — пятьдесят томов — хранятся в Государственном театральном музее им. А. А. Бахрушина. Ниже публикуются в хронологической последовательности записи из дневника, относящиеся к Чехову, его пьесам и к их постановкам на сцене. Записи после 1902 г., менее значительные по содержанию, в публикацию не включены.

1898

19 ноября. Смотрел ⟨...⟩ «Медведь», водевиль посредственный и играли посредственно Щепкина, Подарин и Рябов (последний удачнее других) [1].

1899

4 февраля. Представление «Чайки» в театре Эрмитаж [2]. Пьеса поставлена хорошо, и режиссерская часть много вложила. Вообще постановка интересная и очень своеобразная.— Главное внимание обращено на форму. Пьеса, несмотря на малые ее достоинства, делает впечатление. Надо обратить внимание на подобные постановки и что для нас годится — взять.

1 марта. В час дня собрались артисты драматической труппы для чтения новых пьес [3] (Лаппа, Садовский, Южин, Рыбаков, Правдин, Садовская, Ермолова, Лешковская и Кондратьев). Прочли пьесу Чехова «Дядя Ваня», пьеса всем понравилась и решено по просмотре ее Комитетом литературно-театральным внести в репертуар будущего сезона [4].

⟨*13 или 14*⟩ *апреля.* Заходил сегодня А. Чехов говорить по поводу «Дяди Вани» и забраковки этой пьесы комитетом. Чехов просил не подымать шума из-за этого факта. Переделывать он ничего не хочет, ибо пьеса эта издана уже пять лет назад [5]. Обещал написать для Малого театра новую пьесу к осени. Вообще жаль, что комитет театральный вместо помощи управляющему делает затруднения. «Дядя Ваня» была единственная пьеса, которую выбрал я и артисты к постановке в этом году, и эту-то пьесу и забраковали.

22 ноября. Присутствовал в Художественном театре на представлении пьесы Чехова «Дядя Ваня» [6]. Общее впечатление от пьесы получилось крайне тяжелое. Невольно приходила в голову мысль, для чего такая пьеса ставится и какой конечный вывод из нее можно сделать. Публика сидит тихо, слушает внимательно, притаив дыхание, и все ждет — что будет. В третьем акте чувствуется сильное напряжение, раздаются два выстрела,—выстрелы все-таки нелепые, особенно второй, когда дядя Ваня среди всех гонится за профессором, как за зайцем, и на виду у всех стреляет в него. В зрительном зале одновременно делается истерика у трех дам, которых мужья (?) тащат на руках по рядам кресел. Публика в восторге — довольна, что ее пробрало: наконец, поставили такую пьесу, что нервы не выдерживают, а не выдерживают — значит, пьеса особенная, а особенная — значит, хорошая — стоит смотреть. Утром идут смотреть панораму Голгофы, поставленную в цирке,— вечером «Дядю Ваню», а остальное все приелось. И Голгофа и «Дядя Ваня» делают полные сборы. Классические пьесы пустуют, Муне-Сюлли играет при пустом театре [7]. Что замечательно — это, что все нынче называется художественным: театр — художественный; клуб, где все собираются,— художественный; афиша, оборванная и с литографированным счетом на масло и молоко,— художественная; отсутствие игры на сцене — игра художественная; изображение на сцене некрасивых углов комнаты, которые хороший хозяин старается спрятать, на сцене подчеркивается, потому что это художественная постановка. Артист бросает окурок и на него плюет слюнями настоящими,— все это именуется художественным. Да что же это, в самом деле, за качество «художественность», неужели все, что реально, все отправления организма — все это художественность? Какая же тогда разница между художником и обыкновенным человеком? Или, может быть, все люди живущие — художники. Наконец, когда уже никто ничего не может понять, то говорят: «Да, оно непонятно, зато есть настроение».

Но в чем же смысл и настроение «Дяди Вани»? Пьеса эта изображает современную жизнь — жизнь нервных и расстроенных людей. Сам дядя Ваня в конце XIX столетия всю жизнь свою посвящает работе не детям

своим, не родителям, не государству, а крайне антипатичному профессору, потом, когда тот предлагает продать имение, он, т. е. дядя Ваня, в него стреляет, а потом, настрелявшись вдоволь, обещает ему опять работать и высылать ему то, что раньше выделял из доходов по имению.

А. Л. ВИШНЕВСКИЙ

Фотография с дарственной надписью Чехову:
«Если в обществе любят артистов и относятся к ним иначе, чем, например, к купцам, то это в порядке вещей, это — идеализм. „Чайка". А. Чехов. „Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется". Наша встреча, дорогой Антон Павлович, останется для меня на всю жизнь самым светлым и отрадным воспоминанием. Горячий поклонник Вашего глубокого таланта. Александр Вишневский. Москва. 15/IV 99 г.»

А. Л. Вишневский — участник первых представлений пьес «Чайка» и «Дядя Ваня» в Художественном театре, исполнитель ролей Шамраева и Войницкого

Литературный музей, Москва

Кроме того, дядя Ваня работает не даром и не во имя какой-нибудь идеи, а работает за жалованье 500 рублей в год, ждет от профессора благодарности, укоряет его за то, что он ему ничего не прибавил и ни разу не благодарил и потом после стрельбы опять принимается за прежний, в сущности, бесплодный и не удовлетворяющий его труд и тут, говорят, получается замечательное настроение, когда после всей этой бури и стрельбы

все оканчивается возвращением к прежней бесплодной деятельности. Что же за тип дядя Ваня? У него хватает силы стрелять в своего родственника среди белого дня — и не хватает энергии что-нибудь переменить в своей жизни. Что такое представляет из себя жена профессора Елена Андреевна? Неизвестно, что ее побудило выйти замуж за профессора, но известно, что его она не выносит, а художествами готова заниматься со всеми мужчинами,— и почему-то все в нее влюбляются, и все ее мнут и жмут и, намявшись и нажавшись, она решает, что пора уезжать. Доктор Астров, занимаясь медициной и наблюдением за лесами, тоже влюбляется в Елену Андреевну и, будучи натура цельная,— ее мнет, Соню симпатичную не замечает и, в конце концов, разрешив все задачи жизни, с дядей Ваней напивается. Телегин уже ничего из себя не представляет, это компаньон, чтобы напиваться. Таким образом, среди этих, по-видимому, умных, думающих и хороших людей — дяди Вани, Астрова и Сони, работающих честно и в дружбе — довольно было появиться глупому профессору и самке-жене молодой, чтобы всех сбить с панталыку. Где же сила и мощь России — в ком из них? — Чем все это объяснить — силой глупости профессора или слабостью всех других, непонятно.

Вообще появление таких пьес — большое зло для театра. Если их можно еще писать,— то, не дай бог, ставить в наш и без того нервный и беспочвенный век. Публика радуется, валит валом,— мало того, хотела еще по праздникам своих детей водить смотреть. Но публика в данном случае сама похожа на детей и не смотреть пьесу ходит в театр, а тешиться развлечением и в порыве восторга себя же оплевывает, хваля пьесу. Пороки на сцене хорошо выводить, но массе, присутствующей в театре, должен быть преподнесен и вывод,— автор должен возвышать слушателей и порок карать. А кого в этой пьесе карают, глупого профессора только. Да важно ли это, что профессор, когда глуп, так приносит с собой горе, велик ли подобный вывод, когда рядом все типы симпатичные гибнут по недостатку воли и когда все их недостатки — отсутствие воли, запивание вином, расправа револьвером — вызывают у зрителя симпатии (даже пьяному помещику, приживалке, и тому автор дал в руки гитару, чтобы веселить публику)? Выходит, что все они правы, когда пьют, когда жмут чужих жен, когда стреляют в родственника, наконец, когда при появлении заурядной женщины теряют голову.

На таких пьесах публику театр не воспитывает, а развращает [8], потому что к массе неразрешенных и жгучих вопросов прибавляет еще новые и притом не общие, а исключительные — вопросы случайной семьи и случайной обстановки. Где уже театру заниматься такими вопросами, когда за отсутствием религии, уважения к долгу и собственности, общество не знает, как решать и как поступать в тех простых вопросах, на которые у наших родителей были воспитанием подготовлены, может быть, и тупые, но определенные ответы, ответы, спокойно дававшие им возможность не только защищать то, во что они верили, но и умирать за правду. При этих готовых ответах человек был спокоен, имел ничем не смущенную волю — эту волевую силу, отсутствием которой так страдает современное поколение, убивающее свой ум, здоровье и нервы на разбор сумбура понятий и правил жизни. Эту волевую силу, которая одна в состоянии бороться с денежным веком и его рабами. Только веря в дело, которым занимаешься, и можно быть сильным, только такой человек и может принести обществу пользу, а господа Немировичи и Станиславские, повесившие вывеску над своим театром «Художественный и общедоступный» и увлекающиеся постановкой подобных пьес, принесут не пользу, а вред обществу, притом яд этот, прикрытый вывеской, вероятно долгое время еще публика не разберет, особенно покуда театр будет давать сборы. Ох, уж эти сборы! Музеи, библиотеки, академии художеств, картинные

К. А. ВАРЛАМОВ

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Антону Павловичу Чехову от полюбившего его К. Варламова. Сентября 29-го 1889 года»

К. А. Варламов исполнял роль Лебедева в пьесе «Иванов» (1889 и 1897 гг.), и роли Шамраева (1896 г.) и Сорина (1902 г.) в «Чайке», в постановках Александринского театра

Дом-музей Чехова. Москва.

галереи,— никто из них, подвигая вперед искусство, не обязан считаться с сборами, и никто их по сборам не оценивает, одни театры подлежат этой нелепой оценке, оценке цифровой, к которой по неведению с таким доверием относится публика. А печать, печать-то, где же ее роль, что она проповедывает в таких вопросах, как выбор пьес для постановки в театрах? Ведь если на деньги перевести, так, кажется, одинаково платят за строку разврата или истины. Да, со строки-то та же плата, да добавочные деньги не те. Надо протежировать того, кто платит и кто больше платит.

Переходя теперь к самой постановке пьесы, надо сознаться, что режиссерская часть Художественного театра работает много и внимательно и может нам во многом быть полезна, как модель. Все обдуманно и размеренно, и все, что выдвинуть можно,— выдвинуто, хотя и не обходится без преувеличения значения деталей постановки. Постановка в Художественном театре стоит как бы отдельным спортом и часто не раму пьесы составляет, а что-то иногда даже важнее пьесы и артистов. И странное от этого получается впечатление. Публика увлекается различными звукоподражаниями и перестает слушать пьесу, да иногда даже и пьеса прекращается на время, чтобы дать публике возможность слушать, например, свист сверчка. Получается ничем не объяснимая пауза, и в партере слышны голоса: «Слышите, сверчок», «Опять сверчок», «Слышите, как долго колокольчики звонят на одном месте?» — и как же им долго не звонить, когда звон

этот дирекция старается продолжить, чтобы напомнить публике, что мы, мол, представляем тройку, которая едет: «Слышите, все еще едет», а может кто не заметил, так мы еще позвоним, и в результате выходит, что сначала казалось действительно, что за сценой ехала тройка, а потом все убедились, что Немирович бежал с бубенчиками, добежал до рампы, а дальше нельзя, да и немудрено — ведь проселочной дороги нет кругом театра, а только на сцене. Часы тоже били двенадцать, ну и хорошо, все довольны, но вдруг через десять минут опять бьют. Немирович думает, что хорошо, а публика говорит, как часы у них врут, надо к Буре [9] отправить. То же самое во время грозы, грянул гром и довольно хорошо, нетаки стали бить сильнее и били до тех пор, пока не стало ясно слышно, что это не гром, а барабан с телячьей шкурой. Ветер колыхнул занавеску, впечатление получилось правдивости, но когда этот же ветер стал колыхать ее часто и все одну и ту же, я догадался, что это не ветер был, а дули нарочно, ибо другая половина занавески, подверженная тому же ветру, оставалась висеть покойно, потом сдуло с подоконника горшок и как раз тот, который стоял у спокойной занавески. Вообще не следует увлекаться подражанием стихии — особенно при желании это подчеркнуть — стихиями управлять не по плечу даже Немировичу — как раз смудришь и выйдет смешно, а смешно потому, что это нарочно подчеркнули. А ведь как подчеркивают, подымут занавес да и наводят это самое настроение, наводят и наводят, а пьеса ни с места. Публика, не имея перед собой главного, т. е. игры и таланта артистов, начинает выслеживать правильность боя часов, игры стихии и т. п. деталей, составляющих раму картины. И ведь странно, на выставках картин не показывают ведь раньше одну раму, в концертах не показывают сначала отдельно инструментов, вот, мол, рояль, смотрите — а через пять минут на нем будет играть Рубинштейн.

Очень хороши декорации и постановка 2, 3 и 4-го действий, 1-е действие, где много зелени и деревьев, слабее. Во 2-м действии столовая с белыми толстыми колоннами и лестницей в верхний этаж очень жизненна: подклейка же разных обой — преувеличена. В 3-м действии зала с хорами белая — очень типична, мебель в чехлах суровых, часы, закоулки — все это красиво и необыкновенно. Хороша также 4-я картина — комната с печью посередине.

На представлении «Дяди Вани» присутствовали великий князь с великой княгиней...[10]

А может быть, я по поводу пьесы «Дядя Ваня» ошибаюсь. Может быть, это действительно современная Россия,— ну, тогда дело дрянь, такое состояние должно привести к катастрофе. Надо еще раз посмотреть пьесу — немного погодя.

24 ноября. Говорил с великим князем и великой княгиней пред началом спектакля о пьесе, игранной в Художественном театре, «Дядя Ваня», и высказал я свое мнение по поводу постановки этой пьесы.

1902

13 марта. Присутствовал в Михайловском театре на представлении «Три сестры» Чехова [11]. В театре были государь император, госуд. императрица и вел. кн. Владимир и Сергей Александровичи, вел. кн. Елизавета Федоровна, Ксения Александровна и Мария Георгиевна. Спектакль прошел очень хорошо. Театр был полон. Прекрасно пьеса разыграна и особенно поставлена — режиссерская часть очень хороша. ⟨...⟩

15 ноября. Присутствовал в Александринском театре на первом представлении «Чайки». Спектакль прошел весьма порядочно. Случилась необыкновенная история в летописях театра. Вызывали режиссера *Дар-*

ского,— это второй случай этот год. Санин и Дарский,— в этом вся важность настоящего спектакля. До этого года режиссера в Александринском театре не было и даже не считалось нужным его иметь. Вызывали и аплодировали лишь артистам-исполнителям и иногда авторам. По всему видно, что задуманный мною план обратить главное внимание на режиссеров оказался правильным. Лишь заручившись ими, я могу открыть

«ВИШНЕВЫЙ САД» НА ПОЛЬСКОЙ СЦЕНЕ
(КАРТИНА ИЗ 2 АКТА)

Постановка Государственного театра Польской армии
Лодзь, 1949 г.

борьбу с первачами Александринской сцены, которые здесь всегда распоряжались по-своему и потакали вкусу публики. Селиванова [12] имела выдающийся успех,— и заставила забыть публику о Комиссаржевской, которую считали незаменимой в ее амплуа,— это второй гвоздь спектакля. Странное дело, но менее всего роль удалась Савиной[13],— и это я считаю третьим гвоздем. Она не хотела слушать режиссера, играла по-своему, и выходил у нее водевиль, а не пьеса Чехова. Варламов играл трагическую роль, но его появление вызвало смех[14], — это четвертый гвоздь и поделом — таланты свои эти первачи разменивали годами на пошлость.

17 ноября. На представлении «Чайки» в пятницу присутствовали вел. кн. Михаил Николаевич, Сергей Михайлович и Андрей Владимирович. После представления я заходил в царскую ложу. Вел. кн. Михаил Николаевич мне сказал, что находит пьесу очень плохой и скучной и особенно ему не нравится, что Ходотов и Селиванова так тихо говорят. Вообще Чехов не нравится всем старикам. Вел. кн. Сергей Михайлович, напротив, сказал, что пьеса прекрасно разыграна. Вот мнения прежнего и теперешнего поколения.

18 ноября. Присутствовал в Александринском театре на представлении «Чайки». Сбор был неполный, несмотря на то, что «Чайка» шла только второй раз ⟨1 слово *нрзбр.*⟩. Селиванова положительно нравится публике. Савина играла больной.

30 декабря. Присутствовал в Александринском театре на представлении «Чайки». На представлении был и министр двора [15], который приехал один и позвал меня к себе в ложу, так что я просидел с ним весь вечер. По болезни Савиной играла Морева и играла очень плохо,— вся роль ее совершенно пропала. Селиванова была мила.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В 1898 г. водевиль «Медведь» на сцене Малого театра шел с участием А. П. Щепкиной (Попова), Н. М. Подарина (Смирнов) и П. Я. Рябова (Лука).

[2] Художественный театр впервые поставил «Чайку» 17 декабря 1898 г. в помещении театра «Эрмитаж», где театр давал представления до перехода в собственное здание.

[3] Этот порядок был незадолго до того введен Теляковским, решившим привлечь ведущих актеров Малого театра к составлению репертуара (см. В. А. Теляковский. Воспоминания, 1898—1917. Пг., 1924, стр. 163—165).

[4] В состав московского отделения Театрально-литературного комитета, обязанностью которого было утверждать пьесы для репертуара императорских театров, в 1899 г. входили Н. И. Стороженко и Алексей Веселовский, критик И. И. Иванов и В. И. Немирович-Данченко. Комитет рассмотрел «Дядю Ваню» на заседании 8 апреля 1899 г. и признал эту пьесу «достойной постановки при условии изменений и вторичного представления в Комитет» (выписка из протокола опубликована Теляковским —«Воспоминания», стр. 168—170). В связи с отказом Чехова от переделки пьесы постановка ее на сцене Малого театра не состоялась. Чехов тогда же передал пьесу Художественному театру.

[5] В действительности пьеса «Дядя Ваня» была впервые напечатана в сборнике пьес Чехова, изд. Суворина, вышедшем в мае 1897 г.

[6] Теляковский был на одном из первых спектаклей «Дяди Вани» (премьера состоялась 26 октября 1899 г.).

[7] Муне-Сюлли гастролировал в России в 1894 и 1899 гг.

[8] Эти и предшествующие суждения Теляковского о пьесе Чехова свидетельствуют, что он тогда вовсе не был горячим сторонником ее постановки в Малом театре, как это рассказано им в позднейших «Воспоминаниях».

[9] *Буре* — известная часовая фирма.

[10] Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и его жена.

[11] В Михайловском театре в Петербурге шли в это время гастрольные спектакли Художественного театра.

[12] Селиванова играла роль Нины Заречной.

[13] М. Г. Савина исполняла в «Чайке» роль Аркадиной.

[14] К. А. Варламов исполнял в «Чайке» роль Сорина.

[15] Министром двора в это время был барон В. Б. Фредерикс.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК В. С. МИРОЛЮБОВА

Публикация Н. И. Гитович

Виктор Сергеевич Миролюбов (1860—1939) до 1897 г. был артистом Московского Большого театра, где выступал под фамилией Миров. В сентябре 1898 г. он стал редактором-издателем ежемесячного литературного и научно-популярного «Журнала для всех», в котором сотрудничали Чехов, Горький, Андреев, Куприн, Мамин-Сибиряк, В. О. Ключевский и др. Журнал этот пользовался большой популярностью благодаря общедоступной цене (1 рубль в год) и демократическому направлению.

С Чеховым Миролюбов познакомился в Ялте в 1894 г., неоднократно встречался с ним в последующие годы и до самой смерти писателя состоял с ним в переписке.

В публикуемых ниже записях Миролюбов приводит ряд интересных высказываний Чехова о Горьком, Л. Н. Толстом, Мопассане и других писателях, об отношении к Чехову критики в начале его творческого пути, а также высказывание Толстого о Чехове. Заключительные записи Миролюбова вызваны известием о смерти Чехова, после которой, как он пишет, «русский читатель стал еще более одинок».

Печатается по автографу ИРЛИ (ф. 185, оп. 1, ед. хр. 3, 5, 22).

〈1891—1892〉

〈*Без даты.*〉 Никто не знает настоящей правды [1], говорит Чехов. Не знает ее и он. Правда горячего чувства, правда глубокого убеждения, правда философского стройного мировоззрения не захватывает его настолько, чтобы дать веру на место сомнения и неверия и заполнить пустоту, порождаемую вопросами, вечно стоящими перед его наблюдательными очами.

1900

〈*Март, после 16-го.*〉 «У Горького,— говорил Толстой,— есть что-то свое, а у Чехова часто нет идеи, нет цельности, не знаешь зачем писано. Рассказ „Мужики“ — это грех перед народом. Он не знает народа...[2] Не знал его и Успенский, я не могу его читать».

Чехов говорит, что Горький не хочет кончать «Мужика». «Я прочитал начало,— все говорят одним языком, надо ему бросить такого рода писание. Критика наша не понимает и хвалит, хвалит» [3].

〈*30—31 марта.*〉 Если моя жена нечестная, непорядочная женщина,— то какое-то наслаждение изменить ей, — говорил А. П. Чехов.

Уезжая, В. А.[4] говорил, что ему с Толстым и Чеховым легче, чем с Горьким: они проще.

6 апреля. Дорн в «Чайке» говорит: «Что-то есть». Что-то есть? Он мыслит образами, рассказы его красочны, ярки, и я их сильно чувствую. Жаль только, что он не имеет определенных задач. *Производит* впечатление, и больше ничего, а ведь на одном впечатлении далеко не уедешь.

〈*Май.*〉 А. П. Чехов говорит, что Анна Васильевна — фальшивейший, нехороший человек, и только с таким человеком, как Александр В.[5], она может жить.

1903

5 апреля. Вот успех: не помешал ему ни неоконченный «Мужик», ни литературные недостатки,— говорил Чехов [6]. Пройдет двадцать лет, и Горький будет рассказывать, какой он имел успех. «Ему бы нужно развивать его живописный талант, чтобы все не говорили у него одинаковым языком».

«Читаю слова Толстого о боге[7], и кажется мне, что все это он говорит из старческой ненависти: не могу читать его проповедей».

«Федоров все пытается мне рассказать о своем горе, а я уклоняюсь. Отчего? Но ведь не поможешь, а будешь чувствовать как будто тебе дали 1000 рублей, а ты отплатить не можешь и будешь обязан. Нет, нет, не нужно этого». При этом нужно добавить, что у меня он спрашивал два раза о причинах слез Ф. и один раз настойчиво. Стало быть интересно, а пожалеть нечем.

«Вот как мы живем с женой: она мне пишет, что взять в дорогу, летом едем в Швейцарию» [8].— «Что же, такая брачная жизнь лучше, чем холостая?» — спросил я.— «Что же, мы друг другу не причинили никакого вреда. Она служит на сцене, как и раньше служила. Все зависело от меня, я потребовал, чтобы она не бросала сцены. Что бы она тут делала в Ялте?»

«Вересаева рассказы мне не нравятся» [9].

«Горький в своих рассказах великан перед Андреевым: у последнего видна натуга, напряжение, нет легкости той, когда кажется, что рассказ написан в четверть часа. А у Горького, например, „Мой спутник“ — прелесть: я не говорю про „Гордеева“ и „Троих“: больших вещей его нельзя читать» [10].

«Федоров — плохой беллетрист, посредственный драматург и хороший, а иногда и превосходный поэт» [11].

«Теперь уже Гаршина нельзя читать, а про Потапенку и говорить не стоит. Мопассан сделал огромный переворот в беллетристике. После него все это так старо, что кажется чем-то отжившим их манера писания».

〈*Апрель.*〉 Чехов говорил: «И чего Нил ругается, за что он их ругает, не понимаю» [12].

Пьесы. 6 т. Ничего, кроме дачи. Приложение произведений Чехова. Что дало ему выпущенное издание? [13]

1/14 июля. «Никуда нельзя было выйти,— говорил Чехов [14],— всюду пренебрежительное отношение. Помню в одном доме разговорились о только что вышедших рассказах Короленко [15]. „Да,— говорит NN,— это вещь („Сон Макара“). Умеет писать не так, как иные прочие“, и весьма красноречивый взгляд на меня. Только надежда на медицину меня поддерживала. Думал, брошу литературу и отдамся медицине. „Сахалин“ я хотел выпустить как докторскую диссертацию [16]. Помню — Скабичевский, который сравнивал меня с клоуном в литературе, выделывающим разные курбеты на потеху публике: „Мы жалеем г-на Чехова, пройдя свой быстрый клоунский путь, он покончит где-нибудь под забором“ [17]. Тяжело было жить от всего этого. Нет, уж справлять юбилея не буду. Этого свинства, которое со мной было сделано, забыть нельзя».

— Ну что же, вы бросали писать хоть на время? — спросил я.

— Нет, надо было зарабатывать на семью, проживали много, и я писал и писал. Бывали и отрадные случаи. Помню, получаю письмо Гри-

горовича. Я тогда писал в «Петербургской газете». Письмо было с самыми лучшими пожеланиями, самое сердечное...[18] Становилось на время легче...

— Бывали же случаи доброго отношения?..

— Бывали, но мало. А потом опять... Да что тут говорить. Вы сами отлично знаете.

1904

Июль. Чехов умер, и русский читатель стал еще более одинок. Он знал, что где-то около Ялты живет чуткая, нежная душа, болеющая неисцелимой болью по горю людскому, по неустройству, по оброшенности нашей родины. Да знали ли мы это? Или нам стало это ясным только тогда, когда его не стало? Необходимо погаснуть любимым очам, чтобы наши глаза сделались более зрячими? Да, смерть. Если б мы видели это, мы бы его любили, горячо любили, и только чувство наше можно *

...тайна открывает тайны и слепых делает зрячими. «Долгие, долгие годы мы вместе и никогда не видим друг друга», говорит слепой Метерлинка[19]. Лучше ли видим мы, зрячие?

Мы ничего не знали.

Да, он не жаловался, он не любил жаловаться, и чем меньше говорил он о болезни, тем яснее мы должны были видеть, что ему хуже. Такие люди, когда им невыносимо тяжело, молчат, они знают цену человеческому, слишком человеческому страданию. Он ни на что не жаловался.

Да, он никогда не жаловался. Только раз это было. Мы сидели на его террасе близ Ялты. Я просидел у него целый день[20]. Разговор делался все искреннее. Заговорили о готовящихся юбилеях.

— В будущем году и ваш юбилей,— сказал я.— Справим.

— Что справим?

— Да ведь в декабре 1904 года двадцать пять лет!

— Так что же? Праздновать? Справлять? Нет, этого не будет. Слишком много было тяжелого.— И необычное волнение охватило его.— Да знаете ли вы, как я начинал? Да и до сих пор...**

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Слова Лаевского в повести Чехова «Дуэль». Напечатана в «Новом времени», 1891, в одиннадцати номерах с 22 октября по 27 ноября. В 1892 г. вышла отдельным изданием.

[2] Мнение Толстого о «Мужиках» Чехова приводит А. С. Бутурлин в письме к П. А. Строеву из Ясной Поляны от 15 сентября 1902 г.: «Говоря о Чехове, я забыл упомянуть об очень любопытном отзыве Льва Николаевича о „Мужиках" Чехова. Лев Николаевич ими недоволен. „Из ста двадцати миллионов русских мужиков,— сказал Лев Николаевич,— Чехов взял одни только темные черты. Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать" («Лит. наследство», т. 22-24, 1935, стр. 779).

[3] Две первые главы повести Горького «Мужик» напечатаны в журнале «Жизнь», 1900, № 3 и 4. Окончание «Мужика» в печати не появилось. Горький прервал работу над повестью под влиянием оценки этого произведения его литературными друзьями. Сохранившаяся в рукописи третья глава повести, названная Горьким «Добыча», опубликована в кн.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. II, Л., 1936.

[4] Вероятно, Владимир Александрович Поссе.

[5] Кто это — установить не удалось.

[6] 5 апреля 1903 г. записаны высказывания Чехова во время беседы с Миролюбовым в Ялте 1—2 апреля того же года.

[7] Чехов читал, вероятно, «В чем моя вера?» и «Так что же нам делать?» Толстого, которые вышли в конце 1902 г. в Англии, в издании «Свободное слово».

---

* Фраза не окончена

** На этом запись обрывается.

[8] Предполагавшаяся поездка Чехова с женой в Швейцарию не состоялась.

[9] Отрицательный отзыв Чехова о рассказах Вересаева имеется и в письме его к Л. А. Авиловой от 26 февраля 1899 г. (XVIII, 94), но позднее, 1 июля 1903 г., в письме А. С. Суворину Чехов высказал другое мнение: «...почитайте, кстати, рассказы Вересаева. Начните со второго тома, с небольшого рассказа „Лизар". Мне кажется, что вы останетесь очень довольны. Вересаев врач, я познакомился с ним недавно; производит он очень хорошее впечатление» (XX, 117).

[10] По поводу повестей Горького «Фома Гордеев» и «Трое» имеются высказывания в ряде писем Чехова. Так, например, 29 февраля 1900 г. он писал В. А. Поссе: «„Фома Гордеев" написан однотонно, как диссертация. Все действующие лица говорят одинаково; и способ мыслить у них одинаковый. Все говорят не просто, а нарочно; у всех какая-то задняя мысль; что-то не договаривают, как будто что-то знают; на самом же деле они ничего не знают, а это у них такой façon de parler *— говорить и не договаривать. Места в „Фоме" есть чудесные. Из Горького выйдет большущий писателище, если только он не утомится, не охладеет, не обленится» (XVIII, 343). 28 декабря Чехов писал О. Л. Книппер: «„Трое"— хорошая вещь, но написана по-старому и потому читается нелегко людьми, привыкшими к литературе. И я тоже еле дочитал до конца» (XVIII, 436). См. также его письма к В. А. Поссе от 3 марта 1901 г. (XIX, 50) и к О. Л. Книппер от 7 декабря 1901 г. (XIX, 186).

[11] Чехову понравилось стихотворение А. М. Федорова «Шарманка за окном на улице поет...», о чем он писал О. Л. Книппер 17 декабря 1902 г. (XIX, 394).

[12] В письме к Горькому от 22 октября 1901 г. Чехов рекомендовал не противопоставлять Нила Петру и Татьяне: «... пусть он сам по себе, а они сами по себе, все чудесные, превосходные люди, независимо друг от друга. Когда Нил старается казаться выше Петра и Татьяны и говорит про себя, что он молодец, то пропадает элемент, столь присущий нашему рабочему порядочному человеку, элемент скромности» (XIX, 225).

[13] А. Ф. Маркс, издавший в 1899—1901 гг. собрание сочинений Чехова, выпустил его вторым изданием в виде приложения к журналу «Нива» на 1903 г. За это повторное издание Чехов не получил гонорара.

[14] Записана беседа с Чеховым, состоявшаяся в апреле 1903 г. в Ялте.

[15] Книга В. Г. Короленко «Очерки и рассказы», изд. «Русской мысли». М., 1887.

[16] О желании Чехова, чтобы его книга «Остров Сахалин» была принята как диссертация, см. в воспоминаниях Г. И. Россолимо («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 589), а также в настоящем томе, прим. 30 к воспоминаниям И. Н. Альтшуллера.

[17] Имеется в виду рецензия А. М. Скабичевского на сборник Чехова «Пестрые рассказы» («Северный вестник», 1886, № 6).

[18] Письмо Д. В. Григоровича от 25 марта 1886 г., в котором он дал высокую оценку таланту Чехова («Слово», стр. 199—201).

[19] В пьесе Метерлинка «Слепые».

[20] Эта встреча Чехова с Миролюбовым произошла в Ялте в апреле 1903 г.

* манера речи (франц.).

ИЗ ДНЕВНИКА В. Г. КОРОЛЕНКО

Публикация А. В. Храбровицкого

С 1881 г., со времени якутской ссылки, и до конца жизни (в 1921 г.) — в течение сорока лет — Владимир Галактионович Короленко вел дневник. Дневник Короленко имеет не только биографическое, историко-литературное значение; это летопись общественной и политической жизни России за четыре десятилетия.

Во время предсмертной болезни Короленко говорил своим близким: «Издадите дневники, думаю, много будет в них любопытного»[1]. В 1925—1928 гг. вышли в свет четыре тома «Дневника» Короленко, охватывающие 1881—1903 гг. (Харьков, Госиздат Украины). Дневники за последующие годы остались неизданными.

В неизданных дневниках Короленко, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, имеются две записи, посвященные Чехову. Одна из них — от 6 июля 1904 г.—публиковалась, но с большими сокращениями; нами она печатается полностью. Вторая запись — от 4 декабря 1916 г.— публикуется впервые.

СМЕРТЬ ЧЕХОВА[2]

<Джанхот.> 6 июля <1904 г.>

Вчера из Новороссийска мне прислали телеграмму: в Баденвейлере (Шварцвальд) умер от чахотки А. П. Чехов[3]. Я знал Чехова с 80-х годов и чувствовал к нему искреннее расположение. Думаю, что и он тоже. Он был человек прямой и искренний, а иные его обращения ко мне дышали именно личным расположением[4]. В писательской среде эти чувства всегда очень осложняются. Наименее, пожалуй, сложное чувство (если говорить не о самых близких лично и по направлению людях) было у меня к Чехову, и чувство, которое я к нему испытывал, без преувеличения можно назвать любовью. Но встречались мы мало[5], ходили по разным дорогам; наши личные связи помещались в литературных лагерях прямо враждебных: он был лично близок с Сувориным и до конца отзывался о нем хорошо, хотя и... несколько презрительно. Он характеризовал его как психопата и истерика, часто страдающего от того, что́ пишут в «Новом времени», неглубокого, возмущающегося сегодня тем, что завтра его уже не волнует. Чехов рассказывал мне (кажется в 1896 и 1897 году), как Сигма-Сыромятников, тогда служивший в каком-то департаменте, выкрал из типографии «Нового времени» оригинал какой-то заметки, неприятной «департаменту», и представил ее туда в доказательство того, что автор — не он, а другой. Этот другой, зять Шубинского, редактора «Исторического вестника» (кажется Лебедев), был уволен со службы. Шубинский в присутствии Суворина (и, кажется, самого Чехова) не подал руки Сыромятникову и объяснил, в чем дело. Суворин тоже возмутился страшно, и даже в чиновничьем мире заговорили. Шубинский написал министру (кажется, Витте) о том, что в таком-то департаменте принята по службе мера, исходившая из похищения рукописи в газете. Дело шло о «Новом времени», и Витте сделал директору департамента (кажется, Кабат) выговор («Вы

меня ссорите с печатью»). Возможно, что чиновничьи сферы дали бы какое-нибудь удовлетворение, но (Чехов говорил об этом с презрительным негодованием по адресу «слабохарактерности» Суворина) — вскоре в той же газете появились, как ни в чем не бывало, фельетоны Сигмы. Очевидно, «пресса» сама смотрит на выкрадывание документов довольно легко... Канцелярии успокоились [6].

Я думаю, что общество Сувориных и нововременцев принесло Чехову много вреда. Под конец своей жизни он сильно отошел от них, а в «Новом времени» уже не помещал ни строчки.

№. Мои воспоминания о Чехове должны быть напечатаны в июльской книге «Русского богатства» (1904)[7].

〈Полтава.〉 4 декабря 〈1916 г.〉

Отвечал на письмо Б. А. Лазаревского. Бедняга рвет и мечет. Почерк, вероятно, от нервности, совсем неразборчив. Пишет о «новой газете», о том, что в нее пошел Андреев. «Разве им не ясно, что жалованья в 40 тысяч — это подкуп». «Амфитеатров за деньги готов на все, но Андреев...». «И кудлатый Брусянин... является ко мне и заявляет, что ему там положено жалованье 3600 р., так вообще... Может, что и напишет...» [8].

Это, действительно, характерно и похоже на подкуп литературы: отказаться потом от привычного оклада — трудно. Струя золота пущена обильно и соблазнительно. Лазаревскому кажется, что по всему этому и жить нельзя. Тем более, что вот его и других те же люди обвиняли за то, что они работали в «Лукоморье» Суворина [9]. И что он написал статью «об интереснейшем и честнейшем юноше великом князе Олеге Константиновиче» [10].

Отвечая на это письмо, я припомнил маленький характерный эпизодик о Чехове. Когда-то (давно!) он при мне получил письмо от Баранцевича. Речь шла о сборнике в память Гаршина. Предполагалось два сборника, но потом захотели их слить в один. Шли переговоры между двумя редакциями — на одной Герд, личный друг Гаршина, Ярошенко, редакция «Северного вестника» с Михайловским, Плещеевым, Успенским и т. д. На другой Альбов, Баранцевич и Лихачев (поэт). Переговоры ни к чему не привели. Дело довольно простое: вышло два сборника, один поменьше (Баранцевича) вышел ранее, другой — объемистее. Но Баранцевичу показалось, как будто, что тут есть повод для трагедии, точно мир раскололся: на одной стороне свет и одна редакция, на другой — тьма и редакция другая. В этом тоне он и написал Чехову. Вспоминаю еще такое место: «Зачем там Короленко... Он не *их,* он наш» и т. д. [11] Протягивая мне это письмо, Чехов сказал: «Посмотрите, какой ложноклассицизм».

У него не было ни капли ложноклассицизма, и потому у него выходило хорошо все,— даже сношения с Суворины, с которым он дружил сначала и разошелся потом. И все ясно до прозрачности: почему дружил и почему разошелся [12]. Не то, что у Мережковского, например. Он с ложноклассическим пафосом скорбел по поводу сношений с Суворины и называл это в Чехове «смердяковщиной». Оказалось, что сам он переписывался с Суворины, да еще по поводу денежных антреприз литературного свойства, уверял Суворина, что «мы понимаем друг друга», и т. д. В этом все неискренность, все «ложноклассицизм» — и попытка сойтись с Суворины, и осуждение этого в Чехове...

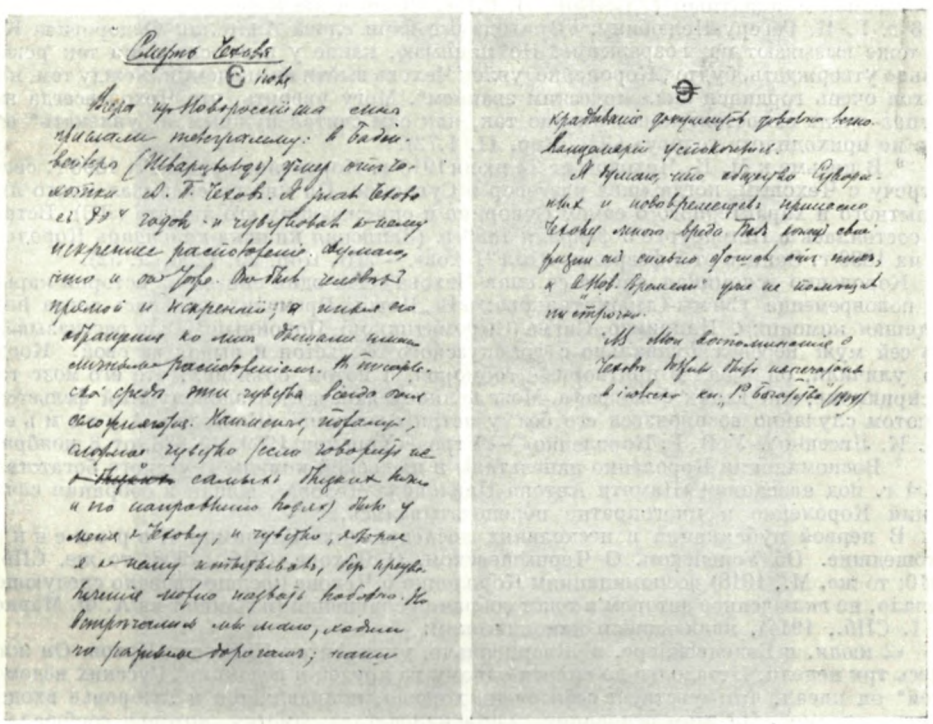
Когда-то мне нравился Мережковский, в котором я видел как раз... искренность!..[13]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Владимир Короленко. Полное собр. соч., т. I. Харків, 1922, стр. 8.

[2] Извлечение из этой записи впервые было опубликовано в примечаниях к «Избранным письмам» В. Г. Короленко, т. II. М., 1932, стр. 182. Более полно, с добавлением нескольких фраз напечатано в кн. В. Г. Короленко. Воспоминания о писателях. М., 1934, стр. 171, а также в Собр. соч. Короленко, т. VIII. М., 1955, стр. 468—469. Вторая половина записи, начиная со слов «Чехов рассказывал мне...»— кончая словами «Канцелярии успокоились», в печати не появлялась.

[3] В письме от 4 июля 1904 г. Короленко писал из местечка Джанхот близ Геленджика: «Сейчас принесли мне из Новороссийска телеграмму: Грозинский извещает



ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ В. Г. КОРОЛЕНКО ОТ 6 ИЮЛЯ 1904 г., ОЗАГЛАВЛЕННАЯ «СМЕРТЬ ЧЕХОВА»

Листы первый и четвертый

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

о смерти Чехова. Как неожиданно и как печально. Еще на днях я прочел в „Русских ведомостях" успокоительные известия об его здоровье. Не хочется верить, но... На всех нас здесь легла точно какая тень» (В. Г. Короленко. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пб., 1922, стр. 266).

[4] 29 июля 1903 г., сообщая о приветствиях, полученных им в связи с пятидесятилетием, Короленко писал Н. Ф. Анненскому: «Чехов, кроме подписи на телеграмме „Русской мысли", прислал отдельно: „Дорогой, любимый товарищ, превосходный человек. Сегодня с особенным чувством вспоминаю вас. Я обязан вам многим. Большое спасибо. Чехов". Это одна из особенно приятных для меня телеграмм, потому что я его давно люблю... А человек он правдивый» (В. Г. Короленко. Собр. соч. в десяти томах, т. X. М., 1956, стр. 379).

Для характеристики отношения Чехова к Короленко интересно также следующее свидетельство Ф. Д. Батюшкова: «Помню один разговор с А. П. Чеховым, который очень любил Короленко, хвалил его, но не во всем одобрял. Это было за год до кончины Чехова. Мы шли, беседуя, ночью по Невскому, взад и вперед, между Литейным и Надеждинской, и как будто Чехов все хотел что-то досказать. Наконец, он высказал — это было по поводу сдержанного и недоверчивого отношения Л. Н. Толстого к Короленко, как к писателю. „Но я нашел чем победить его предубеждение,— поспешил заявить Антон Павлович.— Вы помните, конечно, очерки „У казаков"... Там есть

сцена в трактире... Превосходная... Я дал ее прочесть Льву Николаевичу... Никакой выдумки, все верно, правдиво, ярко...". В последние годы жизни Толстой, действительно, иначе относился к Короленко, чем раньше» (Ф. Батюшков. Поэзия вымысла и правда жизни в произведениях Вл. Гал. Короленко.—«Современная иллюстрация», 1913, № 7, от 14 июля, стр. 100).

[5] Последняя встреча Чехова и Короленко состоялась 24 мая 1902 г. в Ялте, куда Короленко приехал для совещания с Чеховым об «академическом инциденте». В литературе, в частности в книге Н. Шаховской «В. Г. Короленко» (М., 1912, стр. 125), утверждалось, что Короленко склонил Чехова к отказу от звания почетного академика в связи с кассацией выборов Горького. Короленко писал Н. Д. Шаховской 10 июля 1913 г.: «Чехова я к отказу от звания академика не склонял, а счел только нужным, как и других академиков, ознакомить с своим заявлением. Он вышел по собственной инициативе» (ЛБ; Кор. II. 9.17). Об этом же Короленко писал 11 марта 1918 г. Г. К. Гегеру-Нелюбину: «Приводимые вами слова Анатолия Федоровича Кони тоже вызывают на возражение. Не понимаю, какие у него основания так решительно утверждать, будто „Короленко увлек Чехова выйти из академии, между тем, как Чехов очень гордился академическим званием". Могу уверить, что Чехов всегда поступал очень самостоятельно, именно так, как сам считал нужным, и „увлекать" его мне не приходило в голову» (ЛБ, Кор. II. 1.72).

[6] В письме к М. П. Чеховой от 22 июня 1913 г. Короленко относит к 1896 г. свою встречу с Чеховым, когда «шел разговор о Суворине. Он мне рассказывал много любопытного и характерного о самом Суворине и окружающих его людях» (ЛБ). Встреча состоялась в Петербурге 5 февраля 1896 г. (Записная книжка-календарь Короленко на 1896 г. Запись от 5 февраля: «Был Чехов».— ЛБ, Кор. 20, 1296, л. 52).

Короленко вспоминал, также со слов Чехова, еще один эпизод из истории карьеры нововременца Сигмы-Сыромятникова: «В „Новом Времени" собралась тогда подходящая компания. Например, Сигма (Сыромятников). Покойный Чехов рассказывал, что сей муж перевел буквально с французского фельетон и выдал за свой. Когда его уличили, он упал в притворный обморок, а потом объяснил, что его мозг так восприимчив, как валик фонографа. Мозг целиком запечатлел злополучный фельетон, а потом случайно воспроизвел его без участия сознания» (Вячеслав Артемьев <В. К. Лисенко>. У В. Г. Короленко.— «Утро», Харьков, 1909, № 888, от 8 ноября).

[7] Воспоминания Короленко напечатаны в июльской книжке «Русского богатства» 1904 г. под названием «Памяти Антона Павловича Чехова», вошли в собрания сочинений Короленко и многократно перепечатывались.

В первой публикации и нескольких последующих (Владимир Короленко. Отошедшие. Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове. СПб., 1908; то же, СПб., 1910; то же, М., 1918) воспоминаниям Короленко о Чехове предшествовало следующее начало, не включенное автором в текст собрания сочинений (издание т-ва А. Ф. Маркс, т. I. СПб., 1914), являющийся каноническим:

«2 июля, в Баденвейлере, в Шварцвальде, умер Антон Павлович Чехов. Он жил здесь три недели. Незадолго до смерти одному из друзей в редакции „Русских ведомостей" он писал, что чувствует себя очень хорошо, поправляется и „здоровье входит в него пудами". На этом основании газета напечатала заметку, которая сообщала о здоровье Чехова самые успокоительные известия. Но это было лишь обманчивое самочувствие, нередкое у чахоточных. Вскоре процесс в легких обострился, питание начало падать, вес тела быстро понижался. Во вторник (29 июня) без видимой причины появилось ослабление деятельности сердца. Приходилось прибегать к возбуждающим средствам. В час ночи на 2 июля больной проснулся от сильного удушья, а к трем часам утра умер „без агонии", на руках у жены.

Так быстро и неожиданно закончилась эта жизнь. Чехов умер только 44 лет от роду, в расцвете таланта... Несомненно, что смерть эта отзовется в тысячах сердец щемящей грустью и, может быть, особенно потому, что и жизнь его в последние годы была тоже обвеяна какою-то неутолимою печалью, к которой, силою огромного „заразительного" таланта, он сумел приобщить своих читателей... А между тем этот человек начинал свою литературную карьеру таким же заразительным, сверкающим и ярким весельем и смехом...

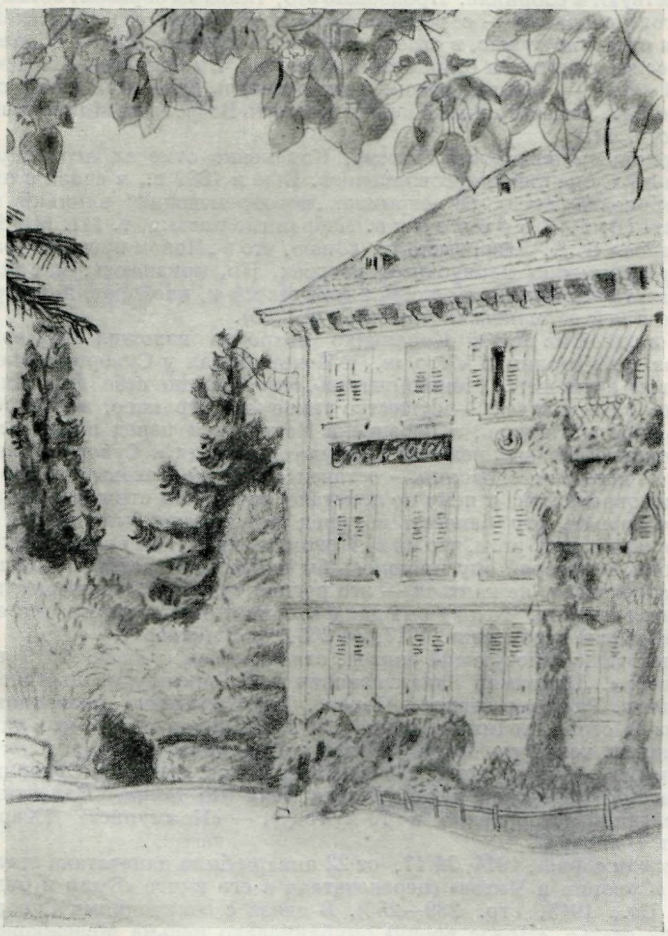
Какая парадоксальная судьба!..» («Русское богатство», 1904, № 7, стр. 212 второй пагинации).

В первой публикации воспоминания имели следующее окончание: «Читатель простит мне эти, может быть, бессвязные и беспорядочные строки, лишенные претензии разобраться до конца в характере и размерах понесенной русскою литературою утраты. Разбираться придется еще много, и процесс этот большой и сложный. Эти строки продиктованы лишь непосредственным ощущением тяжелой потери...» («Русское богатство», 1904, № 7, стр. 223 второй пагинации). В сборниках «Отошедшие» последняя фраза была следующей: «Эти строки продиктованы только личными воспоминаниями о встречах, которым уже не суждено повториться».

На смерть Чехова Короленко откликнулся также следующей телеграммой, посланной из Геленджика в адрес редакции «Русской мысли»: «Глубоко потрясенный

известием о смерти достойного Антона Павловича, прошу передать родным выражение искреннего сочувствия их горю» («Русское слово», 1904, № 194, от 14 июля).

[8] Письмо Б. А. Лазаревского от 7 ноября 1916 г., в котором он пишет о «газете Гаккебуша» (имеется в виду газета «Русская воля»), хранится в фонде Короленко в ЛБ. На письме — пометка Короленко: «Отв. 4/XII—1916». О газете «Русская воля»—см. публикацию Ю. Г. Оксмана «„Русская воля", банки и буржуазная литература»—«Лит. наследство», т. 2, 1932, стр 165—186.



ЗДАНИЕ ГОСТИНИЦЫ В БАДЕНВЕЙЛЕРЕ, В КОТОРОЙ УМЕР ЧЕХОВ

Рисунок М. В. Добужинского, 1929 г. Сделан в связи с двадцатипятилетием со дня смерти Чехова

Музей Художественного театра, Москва

Из-за неразборчивости почерка Лазаревского, Короленко неверно прочитал одно место его письма. Вместо «является ко мне» следует читать «является Маныч». О литераторе Маныче, «злом гении Куприна», Лазаревский пишет и в следующем письме к Короленко от 12 декабря 1916 г.

[9] «Лукоморье» — еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал, выходивший в Петрограде в 1914—1917 гг. Редактором-издателем был М. А. Суворин.

[10] Статья Бориса Лазаревского «Светлой памяти князя Олега Константиновича» была напечатана в иллюстрированном приложении к «Новому времени», № 14212, от 3 октября 1915 г.

[11] Письмо К. С. Баранцевича к Чехову от начала апреля 1888 г., о котором вспоминает Короленко, сохранилось в архиве Чехова и частично опубликовано (XIV, 489); ответ Чехова на это письмо см. там же, 81—82). О разногласиях между составителями обоих сборников в память Гаршина — см. выше в письмах Плещеева к Чехову и в комментариях к ним.

Отголоски этих разногласий слышатся и в предисловии «От издателей», которым Альбов, Баранцевич и Лихачев открыли изданный ими сборник. В предисловии говорится: «Мы считаем нашу цель не вполне достигнутою: далеко не все силы русской литературы участвуют в сборнике. Произошло это, главным образом, потому, что явилось издание другого сборника — с решительным намерением его издателей довести это дело до конца отдельно от нас, в строго замкнутом кружке. Таким образом, случилось то, чего мы всеми средствами старались избегнуть, что является неизлечимой язвой в литературной семье,— явилась рознь, и мы остались одни, при своих слабых силах» («Красный цветок». Литературный сборник в память Всеволода Михайловича Гаршина. СПб., 1889, стр. III).

[12] Подчеркивая искренность Чехова, Короленко отмечал неоднократно вредное влияние на него Суворина и нововременцев. Еще в 1889 г., в связи с пьесой Чехова «Иванов», Короленко писал об «отрыжке „нововременских" влияний на молодой и свежий талант» (В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III. М., 1936, стр. 51). В 1915 г. он писал Б. А. Лазаревскому: «Знаю, что в „Новом времени" работал Чехов, а Чехов был несомненно порядочный человек. Но, признаюсь, мне было не совсем приятно встречать его имя на страницах этой газеты и, наоборот, я был рад, когда его имя перестало в ней появляться» (там же, стр. 235).

В 1917 г. в одной из статей Короленко подробно изложил свой взгляд на отношения Чехова с Сувориным: «Что ж, и Чехов бывал у Суворина, и ему случалось писать в „Новом времени"... Можно считать, что само по себе это было неприятное недоразумение... Но человек — существо такое многогранное, многоцветное и сложное... Теперь, когда и жизнь, и переписка Чехова вся перед нами,— мы видим, что этот необыкновенно цельный человек, и дружески входя к Суворину вначале и, под конец, уходя от него в негодовании,— оставался тем же Чеховым, которого мы любим и ценим. От нововременства к нему не пристало ничего: он отряхнулся, как лебедь, и попытки использовать эту близость во вред его памяти были жалки и бессильны.

Но надо сказать при этом, что ни в „Новом времени", ни вне его Чехов не написал ни одной строки, в которой ему пришлось бы каяться, от которой пришлось бы отрекаться... Не отрекаться, не каяться — это редкая судьба, выпадающая на долю писателя. Она дается не всем. Чехову она далась, может быть, потому, что он был только художник» («Русские ведомости», 1917, № 265, от 3 декабря).

Характерен также следующий эпизод, относящийся к июню 1919 г., о котором писал В. Катаев: «...Владимир Галактионович с особенным удовольствием и жаром говорил о прошлом. Разговор зашел о Чехове. Тут Короленко разволновался совсем. Он вставал из-за стола, ходил по комнате и все говорил о том, что никак не может понять и оправдать того, что Чехов работал у Суворина.

— Удивляюсь, как мог такой человек, как Чехов, писать у Суворина? Такой деликатный, мягкий, передовой человек? Для меня это тайна» (Валентин Катаев. Один из последних (Короленко в 19-м году). — «Коммунист» (Харьков), 1922, № 298/593, от 1 января).

[13] В «Русском слове», 1914, № 17, от 22 января была напечатана статья Д. С. Мережковского «Суворин и Чехов» (перепечатана в его книге «Было и будет. Дневник. 1910—1914». Пг., 1915, стр. 239—253). В связи с обличениями Суворина, находящимися в этой статье, «Новое время» опубликовало письма Мережковского к Суворину, содержащие различные просьбы, в том числе денежные («Новое время», 1914, № 13606, от 27 января; № 13607, от 28 января; № 13608, от 29 января). В письме от 11 ноября 1903 г. Мережковский писал Суворину: «Мне чувствуется, что между нами есть взаимное понимание» (Из писем г-на Д. Мережковского к А. С. Суворину. «Новое время», 1914, № 13607, от 28 января).

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВЕ

Н. П. ЧЕХОВ. ‹ДЕТСТВО›[1]

Публикация С. М. Чехова

Воспоминания брата писателя, художника Николая Павловича Чехова (1858—1889) о раннем детстве сохранились в черновой рукописи, конец которой утерян. Они написаны, по всей вероятности, весной 1889 г. в усадьбе Линтваревых на Луке, незадолго до смерти. Этим и объясняется, почему эти документы остались в семье Чеховых, а не у гражданской жены Николая Павловича — А. А. Ипатьевой-Гольден. В них Н. П. Чехов описывает события, имевшие место «двадцать три года назад», то есть, вероятно, в 1866 г., когда детям Чехова было: Александру 11 лет, Николаю — 9, Антону — 6 и Ивану — 5.

Воспоминания находились у М. П. Чехова, а ныне хранятся в собрании С. М. Чехова.

Ниже печатается текст черновой рукописи; в примечаниях печатается текст неоконченного письма Н. П. Чехова к дяде, Митрофану Егоровичу Чехову, где также набросаны воспоминания раннего детства.

I

Я помню себя с того времени, когда я жил в маленьком одноэтажном домике [2] с красной, деревянной крышей, домике, украшенном репейниками, крапивою, куриной слепотой и вообще такою массою приятных цветов, которая делала большую честь серому палисаднику, обнимавшему эти милые создания со всех сторон. Нет ничего легче, как пробраться в этот трехоконный домик: стоит только перелизнуть через забор и готово, брать в руки щеколду. Если кто-либо, движимый рычагом цивилизации, захотел проникнуть во двор, минуя указанный выше способ доставки своей особы через забор, то должен был сначала обеими руками взяться за кольцо калитки и, понатужившись, стараться повернуть его вправо, затем, видя, что кольцо не поддается даже после чрезмерных усилий, цивилизованному человеку нужно отереть пот, посмотреть на забор, ворота, на палисадник с его милыми цветами, окрашенными лунным светом, посмотреть на луну и опять приняться за трудную работу.

Ни улица, поросшая какими-то небывалыми, но прекрасными кустиками, которых так любовно ласкает луна, ни воздух, в котором чувствуется вся поэзия южной ночи, ни абсолютнейшая тишина, ничто, ничто в мире не привлечет внимания цивилизованного человека, он занят, он, все еще пыхтя, борется с кольцом. Бывали нередко случаи, когда подобная операция имела счастливый успех, и счастливец был поощряем. Ужаснейший выстрел свидетельствовал, что калитка была отворена, это может подтвердить даже та стая псов, которая с громким лаем обыкновенно несется к месту катастрофы. Счастливец закрывает калитку с приятной улыбкой и любовно смотрит через палисадник на открытые пасти псов, с большой энергей грызущих частокол, и их дикое рычанье производит на него отрадное впечатление, в нем он слышит хвалебную песню его особе за его... Но не в том дело. В этом домике пять комнат и затем три ступеньки вниз ведут через кухню к тому святилищу, где возлежат великие мужи,

хотя самый старый из них немножко перешагнул аршин. Комната, в которой почивают еще великие мужи, очень просторна, она разрослась в вышину на три аршина и в ширину на пять. Она выбелена и раскрашена под мрамор. Злые языки утверждают, что она только выбелена, что же касается до раскраски, то это, как говорят они, не что иное, как «последствия совершенного насилия над слабым индивидуумом и к тому же впоследствии убитым». Но я не согласен с их мнением, есть очень много мраморных стен, но неужели каждая носит на себе печать убийства... какие пустяки!..

Хотя я и не стою за это мнение, но тем не менее его и не отрицаю.

Гаснущая лампадка указывает на иконы какого-то неопределенного цвета, между тем умирающий луч ее скользит по лицам и одеялу спящих, обрисовывая четыре рядом лежащие фигуры малолетних юнцов. Лампадка со скрипом тухнет, и комната погружается во мрак. Из кухни слышится храп, и кажется, что этим аппетитным храпом просопел весь город. На улицах темно, пусто, дико; луна не знает, за какое облачко ей спрятаться, потому что не нашла в городе ни одного поэта, хотя бы помещающего свои талантливые произведения в почтовом ящике. Наконец, самолюбие луны берет верх, она прячется и уж больше не показывается. Где-то крикнувший петух захлопал крыльями, где-то зевнула собака, и все смолкло. Это таганрогская ночь.

II

Назойливый луч солнца прошел сквозь щель ставни и разбудил меня. Прищурившись, я посмотрел на него и повернулся в сторону *. ⟨Он⟩ осветил по очереди всю спящую компанию и, играя на лице каждого, как бы думал, вызовет ли эта игра эффект или нет.

Все в комнате было мертво, всюду раздавалось тонкое сопенье, покрываемое толстым храпом из кухни, но была и жизнь. Жил один только дымчатый луч солнца, нечаянно пробравшийся сквозь щель ставни и замерший на первой попавшейся ему фигуре, принадлежащей Ивану. Он поласкал ее, обнюхал, но Иван счел за нужное перевернуться на другой бок, чем должно быть очень оскорбил достоинство луча, так как сейчас же последний остановился на давно уже бодрствующей фигуре Антона. В то самое время, когда луч осветил его нос, Антон, обхватив колена руками, глубокомысленно рассуждал, что больше, кит или кашалот, но тот же луч, сев ему на правый глаз, помешал его мозгам привести свои мысли к какому-либо положительному результату. Все знания эквилибристики были пущены в ход: ослепленный Антон заболтал руками и ногами зараз, точно хотел сказать: «А ведь мы еще не умерли, мы спим»; и если и не прикрыл свои глаза ладонью вроде козырька, то только потому, что был слишком увлечен своим занятием гимнастикой. По-видимому, он обиделся за прерванную цепь его научных рассуждений. Я не знаю, хотел ли он свои соображения подвести под научную категорию, но, насколько помнится, ни одна академия наук не признала его своим членом. Обиженный луч делает свое дело: он идет дальше и освещает мою особу, которая трудится над разрешением важного вопроса: из чего делается смычок для скрипки. Утомив свой мозг над решением трудной задачи, я вдавался в область астрономии. Желая изощрить свое зрение, я пристально вглядывался в луч, как бы желая отыскать в нем законы физического спектра, но — увы! Я пал жертвою науки: я сделался косым [3]. Надоедливый

---

* *Здесь рукою Н. П. Чехова написаны отдельные слова:* Хотя. Лишь только. *Затем рукою Чехова написано:* Зембулатов. *Далее снова рукою Н. П. Чехова:* Дурак Антоша.

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКОВ «БУДИЛЬНИКА»

Рисунок Т. Симова

За столом (в центре) Н. П. Чехов, рядом (справа) М. М. Чемоданов (Лилин)

«Будильник», 1885, № 12

луч расхаживал и по лицу Александра; сначала Александр отмахивался от него как от мух, затем проговорил что-то вроде «меня сечь, за что?», потянулся и сел. Три старших брата сидели рядом в одной и той же позе и глубокомысленно молчали. Кинув в сторону философские рассуждения, Антон вытащил из-под подушки какую-то деревянную фигурку, которая, по его мнению, должна была олицетворять некоего мифического «Ваську». Взяв деревяшку за то место, где, по его мнению, должна быть голова, он начал проделывать с ним самые уморительные штуки: сначала «Васька» прыгал у него на коленях, затем вместе с Антоном он пополз по мраморной стене. Я и Александр смотрели с большим наслаждением на все похождения «Васьки», до тех пор, пока Антон, оглянувшись, не спрятал его самым быстрым образом обратно под подушку [4]. Дело в том, что проснулся Иван. «Где моя палочка, отдайте мою палочку»,— запищал он и далее поднял такой страшный рев, на который сбежалась прислуга и встревоженная мать. В то самое время, когда мать утешала Ивана, умоляла нас, ребятишек, отдать ему палочку, Иван переставал реветь и с большей энергией нюхал воздух, чувствуя себя кровно обиженным. Антон, желая удостовериться, нет ли под подушкой палочки, прятал под нее как можно дальше своего «Ваську».

Уже давно три старших брата бегают на дворе по крыше погреба, а крик в комнате все еще продолжается. Одному из них у погреба удалось найти знаменитую палочку, и сразу все трое с громким криком, царапаясь и невозможно подставляя синяки друг другу, принялись оспаривать право на владение палочкой. Неистовый шум от погреба перешел к тому самому окну, в котором показалась фигура капризнейшего из смертных. С ловкостью пантеры он перескочил за окно, подбежал к воюющей компании, зажмурил глаза, открыл рот и принялся с большою ловкостью наносить удары направо и налево. В конце концов он остался победителем и, завладев трофеем, самодовольно удалился в комнаты, с наслаждением шморгая носом.

У меня до сих пор живет еще в памяти «моя палочка». Дело в том, что 23 года назад брат моей матери Иван Яковлевич [5] от нечего делать нашел камышинку, из которой он состряпал нечто вроде палки для людей в пол-аршина ростом, верхушку которой он ухитрился так загнуть, что любой кузнец, загибая подковы, позавидовал бы искусству дяди Вани. Дядя был, как говорится, молодцом на все руки. Он торговал в Таганроге в рядах на новом базаре бакалейным товаром, но так как покупатели его мало жаловали, то он свободное время посвящал великому искусству. Плодом его творчества было изображение атаки какой-то мифической крепости, нарисованное на громадном листе бумаги в добрую простыню. Это художественное произведение вместо ширмы отделяло магазин от той каморки, в которой он по природной доброте угощал всякого встречного чаем. Когда занятие искусством его утомляло, то он обращался к своему столу с мраморной доской и делал на нем превкусные конфекты или же клеил из картона какую-либо церковь, весьма затейливого характера. Иногда он забегал и к нам только разве для того, чтобы сказать моей матери: «Ну, Евочка, не умереть твоему Сашке своею смертию, он непременно подавится». Это было в тот период детства старшего из нас, Александра, когда он жил у сестры матери Федосьи Яковлевны [6], которая, горячо любя племянника, сильно его баловала. Любовно смотрела на Александра и бабушка [7], уже четыре года разбитая параличом, лежавшая в той самой комнате, где сидел на полу Александр, уписывая разложенные перед его особой лакомства.

Помнится мне, один раз мать была сильно перепугана. Влетает к ней Федосья Яковлевна и со слезами, едва переводя дух, заявляет матери, что «Сашечка подавился». Через пять минут мать была уже на месте

происшествия и застала Александра ревущим во все лопатки и держащим что-то во рту, за левой щекой. Около него суетилась прислуга, всхлипывала, хлопая ладонями тетка, и даже бабушка перестала улыбаться. Мать посмотрела пристально на Александра, топнула ногой и закричала:

П. Е. ЧЕХОВ

Рисунок М. П. Чеховой, конец 1880-х гг.

Надпись «В вагоне» сделана рукой М. П. Чеховой. Помета «П. Е. Чехов» принадлежит С. М. Чехову

Собрание С. М. Чехова, Москва

«что у тебя во рту? Вынь, сейчас же, подлый мальчишка!» Невозможно описать изумления и радости присутствующих, когда Александр, перестав реветь, открыл рот и вынул оттуда большой волошский орех.

Мы редко видели рыженькую бородку дяди Вани, он не любил бывать у нас, так как не любил моего отца, который отсутствие торговли у дяди объяснял его неумением вести дела. «Если бы высечь Ивана Яковлевича,— не раз говорил мой отец,— то он знал бы, как поставить свои дела». Дядя Ваня женился по любви, но был несчастлив. Он жил в семье своей жены и тут тоже слышал проклятое «высечь». Вместо того, чтобы поддержать человека, все придумывали для него угрозы одна другой нелепей, чем окончательно сбили его с толку и расстроили его здоровье. Тот семейный очаг, о котором он мечтал, для него более не существовал. Иногда, не желая натолкнуться на незаслуженные упреки, он, заперев лавку,

не входил в свою комнату, а оставался ночевать под забором своей квартиры в росе, желая забыться от надоедливого «высечь», «высечь».

Помнится мне, раз как-то он забежал к тетке и попросил уксусу растереться и, когда она спросила его о чем-то, со слезами на глазах, дядя махнул рукой и быстро выбе...*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В рукописи текст не озаглавлен. Заглавие «Детство» дано редакцией в соответствии с письмом Н. П. Чехова к М. Е. Чехову, текст которого приводим:

Детство

Я помню себя с того времени, когда мы жили в вашем доме, в той комнате с затхлым воздухом, где слева стоит кухня со своими запахам бурака, недоваренного супа и пролитого на плиту подсолнечного масла, от которого идет дым и ужасный специфический запах, причиной которого... но причин не существует: все это сделалось «так» или «нечаянно»; по крайней мере так объяснили, да и теперь объясняют кухарки, для которых *пролить* что-нибудь доставляет, по-видимому, высшее наслаждение.

В этой в высшей степени пахучей комнате лежало четверо будущих мужей: Александр, я, Антон и Иван. Лежали мы на общей перине «поперек», тесня, давя друг друга, и если луч солнца проглянет когда-либо в щель ставни, то разве только для того, чтобы сказать: «ребята, вы бы разбрелись, и без вас воздух испорчен». Но мы, ребята, спим безмятежным сном, тем сном, который теперь всецело поглотить нас не может и который и в будущем нам не покажется. Прощай, детство! Ты спишь спокойно, хотя, засыпая, чувствуешь розги, уготованные тебе на завтра за твои якобы великие преступления. Теперь совсем не то. Ну, бог с ним, я уклонился. Продолжаю. Утро. Антон обыкновенно просыпался раньше всех, глубокомысленно рассуждая, что больше, кит или кашалот. Не знаю, хотел ли он свои соображения подвести под научную категорию, но, как я помню, ни одна академия наук не признала его своим членом. Затем просыпался астроном; желая изощрить свое зрение, для пользы науки, он пристально вглядывался в луч, скользящий сквозь щелку ставни, как бы желая отыскать в нем законы физического спектра,—но увы! Он пал жертвою науки: он сделался косым. Далее просыпался капризнейший из всех, с вопросом: «где моя палочка?» Это был Иван. Он до того неистово кричал и бил всех своими слабыми, но цепкими ручонками, что просыпалась мать и приходила мирить всю увлекшуюся компанию. Но Иван обыкновенно не сдавался, так что не мудрено, если отцу его иной раз хотелось выбросить за окошко. У нас до сих пор еще живет в памяти «моя палочка».

Дело в том, что двадцать три года назад дядя Иван Яковлевич от нечего делать нашел камышинку, из которой он состряпал нечто вроде палки для людей (в пол-аршина ростом, верхушку которой он ухитрился так загнуть, что любой кузнец, загибая подковы, позавидовал бы. Это в скобках). Ухватятся все за палочку, ну и пошла канитель, явится на крик мать, Курилиха [8] и еще кто-нибудь. Палочка всегда оставалась за Иваном. Что делать, все сдавались, иначе и Иван прибьет и высекут за неповиновение. Затем наступило какое-то затишье, Иван Яковлевич умирает, мать плачет, тетка тоже. Все забывается, покрывается туманом и передо мною являются новые образы, новая жизнь.

[2] Имеется в виду домик деда, Егора Михайловича Чехова, в Таганроге на углу Конторской улицы и Донского переулка (ныне ул. Розы Люксембург, № 75). Этот домик и земельный участок, на котором он стоит, Егор Михайлович первоначально записал на свою жену Ефросинью Емельяновну. Позже он подарил все домовладение своим сыновьям Павлу и Митрофану, причем землю разделил надвое, каждому по участку.

В 1854 г. Павел Егорович Чехов женился на Евгении Яковлевне Морозовой, и первый год брачной жизни они прожили у ее матери, Александры Ивановны Морозовой. По возвращении из станицы Больше-Крепинской, куда вся семья в 1855 г. бежала от англо-французской бомбардировки и где родился первенец Александр, Павел Егорович вновь поселился в доме деда, где в 1857 г. родился второй сын — Николай. В 1859 г., в связи с женитьбой брата Митрофана, Павел Егорович выехал из этого дома с семьей и поселился в маленьком домике на Полицейской улице (ныне Чеховская улица, № 69); здесь у него в следующем году родился сын Антон. В 1866 г. вся семья Павла Егоровича вновь поселилась в доме Митрофана Егоровича, видимо, не надолго (только на летнее время).

Самые ранние воспоминания Н. П. Чехова о жизни в доме деда относятся, вероятно, к 1859 г., когда ему шел третий год.

* На этом рукопись обрывается.

[3] Н. П. Чехов имел привычку щурить один глаз, за что братья награждали его прозвищами: «Косой», «Мордокривенко», «Косой лебедь», «Косая знаменитость» и т. п.

[4] «Васька» долго продолжал быть любимой игрушкой мальчика-Чехова. Александр Павлович в письме от 17 января 1886 г. напоминает Антону Павловичу: в моисеевском доме «я дружил с тобою. У нас был опешенный всадник „Василий" и целая масса коробочек, похищенных из лавки. Из коробок мы устраивали целые квартиры для Васьки, возжигали светильники и по вечерам по целым часам сидели, созерцая эти воображаемые амфилады покоев, в которых деревянному наезднику Ваське с растопыренными дугою ногами отводилось первое место. Ты был мыслителем в это время и вероятно рассуждал на тему: „У кашалота голова большая?" Я был в это время во втором классе гимназии». Александр перешел в 3-й класс весною 1869 г. В моисеевский дом Чеховы переехали, по данным П. Д. Карпуна, в 1869 г. Следовательно, описанный здесь эпизод можно отнести к первым месяцам 1869 г., когда Чехову было уже девять лет.

[5] Иван Яковлевич *Морозов* — старший брат Евгении Яковлевны, родился около 1823 г. в деревне Фофаново, Шуйского уезда.

Мальчиком и юношей он сопровождал отца — Якова Герасимовича в его торговых поездках по югу России и помогал вести торговое дело в Ростове-на-Дону, которое тот открыл, после того как в 1833 г. разорился в Моршанске. В 1841 г. в Ростове познакомился с Павлом Егоровичем Чеховым, которого его отец, выкупившись на волю, временно определил приказчиком к Якову Морозову (сообщено М. Т. Колодочко). В 1847 г. И. Я. Морозов поступил в приказчики к ростовскому купцу Байдалакову и вскоре лишился отца, внезапно умершего в Новочеркасске от холеры. Через несколько лет переселился в Таганрог, где служил приказчиком у купца Кобылина, прогнавшего его за отказ продавать протухшую икру. Женившись на Марфе Ивановне Лободиной, открыл в 1863 г. на ее приданое в Таганрогских «рядах» собственную лавку и через полтора года прогорел, так как даром раздавал товар беднякам. Умер от чахотки около 1866 г. Был всесторонне одаренным человеком. Играл на скрипке, трубе, барабане и флейте, владел многими языками, рисовал портреты, писал красками и был гримером, мастерил движущиеся игрушки, цветные фонари, модели кораблей, чинил часы, пек пироги, из которых вылетали птицы, делал пирожные и халву, изобрел удочку «Самопал», которая сама вытаскивала рыбу. Никогда ни у кого ничего не просил и ни перед кем не заискивал, дружил с мальчиками Чеховыми.

[6] Федосья Яковлевна *Морозова* — старшая сестра Евгении Яковлевны, родилась в деревне Фофаново в 1829 г. В юности жила в Шуе, а в 1847 г., после смерти отца поселилась с матерью и сестрой в Таганроге. В 1855 г. вышла замуж за торговца красным товаром Алексея Борисовича Долженко. 3 апреля 1865 г. у нее родился сын Алексей.

В 1874 г. А. Б. Долженко умер от брюшного тифа, после чего, по настоянию Евгении Яковлевны, Федосья Яковлевна поселилась в семье Чеховых. Она обладала кротким и спокойным характером. Будучи одарена чувством юмора и фантазией, она рассказывала мальчикам Чеховым интересные истории, которыми заслушивался юный Антон Павлович. Переселившиеся в Москву, Чеховы летом 1878 г. выписали Федосью Яковлевну с сыном Алешей к себе и она поселилась в их доме, где и умерла в октябре 1891 г. от туберкулеза.

[7] Александра Ивановна *Морозова*, урожденная Кохмакова — бабушка Чехова, родилась в 1803 или 1804 г. в деревне Сергеево, близ Палеха. Ее отец Иван Матвеевич Кохмаков был потомственным иконописцем и офеней. В большом двухэтажном доме у него была иконописная мастерская. В 1820 г. Александра Ивановна, живя в Шуе у сестры Марии Ивановны, познакомилась с Яковом Герасимовичем Морозовым, за которого вышла замуж 4 июля 1820 г. Супруги поселились на родине мужа — в деревне Фофаново, Шуйского уезда, на берегу р. Тезы. Здесь у них родилось трое детей — Федосья, Иван и Евгения. Во время длительных отъездов мужа по торговым делам Александра Ивановна жила с дочерьми в Шуе у своей сестры Марии Ивановны. 11 августа 1847 г. большим пожаром в Шуе было уничтожено 68 домов, в том числе и дом Марии Ивановны. Непосредственно за этим пришло известие о смерти Якова Герасимовича в Новочеркасске от холеры. Взяв дочерей, Александра Ивановна поехала на юг и поселилась в Таганроге в доме генерала Папкова, который был связан с Яковом Морозовым торговыми делами. В 1864 г. ее разбил паралич, а в 1868 — она скончалась, пролежав без движения четыре года.

[8] Сестры Мария Никитична и Анастасия Никитична Куриловы — знакомые семьи Чеховых. Они были очень похожи одна на другую, и братья Чеховы часто их путали. Мать Куриловых содержала «пансион благородных девиц», в котором в конце 1840-х годов обучались «грамоте, манерам и танцам» сестры Морозовы — Евгения Яковлевна и Федосья Яковлевна.

М. Д. ДРОССИ-СТЕЙГЕР. «ЮНЫЙ ЧЕХОВ»

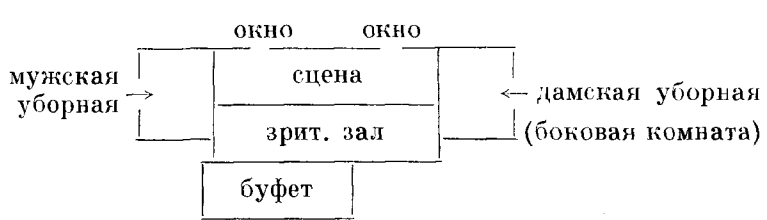
Публикация Н. А. Роскиной

Мария Дмитриевна Дросси (по первому мужу Сиротина, по второму — Стейгер) была сестрой гимназического товарища Чехова Андрея Дросси. Отец их, хлебный торговец, выделялся среди таганрогского купечества своей культурностью. В гостеприимном доме Дросси музицировали, ставили любительские спектакли. Надо думать, что в свои невеселые гимназические годы Чехов дорожил этим знакомством: семья Дросси, по-видимому, была единственным местом, где могли проявиться артистические способности юного Чехова.

Публикуемые воспоминания записаны А. И. Роскиным со слов М. Д. Стейгер в Таганроге в январе 1935 г. Работая над биографией Чехова для детей (А. Роскин. Чехов. М.—Л., 1939), а позднее — над первой частью задуманной им обширной биографии Чехова («Антоша Чехонте». М., 1940), А. И. Роскин широко использовал — среди других неопубликованных архивных материалов — записанные им воспоминания Стейгер, относящиеся к малоизученным годам жизни Чехова (см. «Антоша Чехонте», стр. 34—36, 58). Непритязательные, литературно необработанные, собственно, даже не воспоминания, а отдельные мемуарные заметки Стейгер отличаются непосредственностью и достоверностью. Некоторые сообщенные ею факты через «Антошу Чехонте» вошли в литературу о Чехове. Однако источник их до сих пор оставался неизвестным: рукопись хранилась в личном архиве А. И. Роскина. По этой рукописи мы и публикуем воспоминания Стейгер. Рукопись носит характер почти стенографической записи рассказа мемуаристки. Поэтому в случаях явной стилистической неправильности мы позволили себе внести небольшие исправления.

Чехов был близким товарищем моего брата Андрея Дросси (Андрей был одним классом младше Чехова) [1] и моим другом. Он очень часто бывал в нашем доме. Особенно хорошо помню Антошу гимназистом 4—5 класса. Он вспоминается мне наблюдательным и скрытным. Никогда не видала его очень веселым. В домашних спектаклях очень предпочитал роли неудачников и меланхоликов. В «Лесе» он играл Несчастливцева.

Спектали происходили в гостиной:



Публике выдавались нумерованные билеты, белые — в партер, серые — на галерку (передняя). Чехов всегда заботился о том, чтобы вся прислуга приглашалась на спектакли. Приходили бывшие дворовые люди моей ма-

тери — любимая горничная Анна Федосеевна (умерла только лет семь назад в глубокой старости), не решавшаяся раздеваться в комнате, если в ней висела фотография барыни; повар Степан, который, подобно Фирсу, называл старую барыню «барышней»: «Барышня, посмотрите меню...»; кучера, мальчики на побегушках и другие.

На посетителей галерки спектакли производили большое впечатление. Когда однажды кто-то из нашей «труппы» декламировал «Белое покрывало» [2], с дочерью кухарки — Лизой сделалась истерика. Взволнованный Антоша прибежал к моей матери: «Дайте скорей капель!» Их не оказалось,— и Антоша побежал в аптеку. Этот мелкий случай, между прочим, хорошо характеризует отношение Антоши к прислуге — подлинное человеческое участие. В нашем доме Антоша был всеобщим любимцем прислуги, и все они радовались его приходу. Звали ласково Антошей. С кучерами его связывал интерес к лошадям. Нередко Антоша, являясь к нам, первым делом уходил на конюшню и с интересом наблюдал, как кучер Филипп ходит за лошадью, запрягает ее и т. д. Приходя потом к нам, Антоша обдавал нас запахом конюшни.

Моя мать Ольга Михайловна Дросси, урожд. Калита, владела имением в Миргородском уезде Полтавской губ., богатом вишневыми садами. После освобождения крестьян мать с бывшими крепостными приехала в Таганрог. Мать любила Антошу и отличала его среди гостей-гимназистов. Она часто беседовала с Антошей и между прочим рассказывала ему об этих вишневых садах, и когда много лет спустя я прочла «Вишневый сад», мне все казалось, что первые образы этого имения с вишневым садом были заронены в Чехове рассказами матери. Да и крепостные Ольги Михайловны в самом деле казались прототипами Фирса. Так, например, был у нее дворецкий Герасим,— он стариков называл молодыми людьми.

У нас в доме часто музицировали. Когда к нам приходил гимназист Илюша Данилов — виолончелист (на правой руке у него не хватало одного пальца), составлялись ансамбли. Брат играл на скрипке, Данилов на виолончели, наша гувернантка Полина Петровна Гепферт — на рояле. Наш знакомый гимназист Левицкий (одноклассник Андрея) также играл на скрипке. Мы вдвоем с Антошей слушали. Музыку Антоша любил.

Полина Петровна была старая дева, очень жеманная, непрестанно оправлявшая на себе платье и красневшая по всякому поводу. Антоша изумительно копировал ее манеры. Бывало, Антоша ее передразнивает, а она потом входит,— и трудно было удержаться от смеха. Но Полина Петровна любила Антошу и часто специально для него покупала в кондитерской, которую держал ее дядя, сладкий пирог — «Александркухен».

Среди других гостей, товарищей или знакомых Антоши, у нас бывали Камышанский (гимназист, одноклассник Андрея), Евлампия и братья Гончаровы, Савельев Дмитрий, Мельцарик, сестра Филевского, Кацевариги (гимназист, мать — русская, отец — грек).

Я любила немного пококетничать и покапризничать. Бывало, придет Антоша, а я его не пускаю к себе в комнату:

— Принеси монпансье на 20 копеек, тогда пущу!

И Антоша покорно приносил. Только в случае особого расположения я пускала за 10 копеек. С семьей Чеховых меня связывала еще дружба с Марией Чеховой.

Нередко Антоша проявлял ко мне трогательное внимание. Однажды он сидел у нас, а я была в гимназии. Шел снег, поднялась метель. Антоша забеспокоился: надо поехать за Маней! И сам отправился в женскую гимназию и привез меня домой.

Еще о домашнем театре: на спектакли приходило много знакомых, соседей. Некий Брусали в енотовой шубе, три барышни Караспасовы,

одна из которых вышла замуж за учителя Островского. Волнующие приготовления к спектаклю: зажигали «театральные» лампы, у которых часто лопались стекла. Занавес был из кретона, с наклеенными попугаями и жар-птицей. В буфетной комнате стояли два стенных шкафа, хранивших театральный гардероб и реквизит — старые шпоры, парики, и здесь же стояли пирожные и пирожки. Андрей Дросси, ставший по окончании гимназии корнетом и затем гусаром, пожертвовал ментик, в котором выступила Филевская в «Дочери второго полка» [3]. Она пела:

Полк, за мной,
Полк, за мной!

Мальчики увлекались играми во дворе нашего дома — лаптой и воздушными змеями. Чехов играл в лапту отлично. Меня часто мальчики обижали за неудачный запуск змея, Антоша — никогда и всегда утешал, если я подвергалась обиде.

Часто гуляли мы в городском саду, где была «гимназическая аллея». Играли в бег наперегонки с Антошей, Левицким, Камышанским. Среди гимназистов ходило про меня следующее стихотворение:

Передо мной проносится игриво
Оркестр и шумный сад,
С своею чудною косою
Маруся с шляпкою в руках.
И всяк воркует ей — Маруся,
Я вас боюсь, я вас страшуся

С братом часто Антоша отправлялись на прогулки в Дубки или Карантин, а также и в городской театр на галерку.

У Дросси жил гимназист Исаак Борисович Срулев (еврей). Антоша дружил с ним и любил его. Вместе давали урок у шлагбаума, получая три рубля в месяц. Впоследствии Срулев уехал в Харьков в университет, где и умер еще студентом (он был болезненный мальчик).

У брата была литературная жилка; он, например, сочинял эпиграммы.

Братья Чехова у нас не бывали.

Чехов отца не любил. Никогда не называл его папой, всегда — отец. Однажды я пошла вместе с Антошей в лавку Павла Егоровича. У него были тетради по 5 и 3 копейки. Я заплатила 3 копейки, а взяла тетрадь за 5 копеек. Павел Егорович с бранью догнал меня на улице и отобрал тетрадку.

У нас в женской и мужской гимназии были общие учителя: Цабель (немецкий язык), Покровский. Голос у Покровского был дивный, служба его в церкви превращалась в оперный спектакль. Он любил насмешливые прозвища — брата называл Дросос[4].

В доме Стейгер до сих пор сохранилось многое от обстановки тех времен. Канделябры, позолоченные настольные часы под стеклянным колпаком. Антоша любил очень заводить эти часы и слушать их мягкий бой. Иногда он щелкал по колокольчику...

Павел Егорович Чехов у нас в доме не бывал. Но Митрофан Егорович посещал. На нас, детей, он — с его поклонами, крестами, бородой, истовостью и фразой «если бог благословит» — производил впечатление чего-то не вполне обычного, почти «изуверского» *.

У меня были письма Чехова и его записочки,— все это потерялось...[5]

Спустя много лет Чехов встретился с Андреем Дросси на какой-то железнодорожной станции. Выпили и вспомнили детские годы. А моя

---

* Здесь в смысле «фанатического». — *Ред.*

последняя встреча с Чеховым произошла так[6]: я ехала с мужем в коляске. Видим, какой-то человек стоит на берегу и смотрит на море. Потом, обернувшись к нам, погрозил мне пальцем. В первый момент мы подумали, что это сумасшедший. Чехов сделал этот жест, вспомнив, как мой отец когда-то имел привычку грозить мне пальцем. Я познакомила Чехова с моим мужем Стейгером[7].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В пятом классе Чехов остался на второй год, следовательно, Андрей Дросси должен был стать одноклассником Чехова.

[2] «*Белое покрывало*» — стих. Морица Гартмана (1821—1872). Существуют два его перевода, А. Н. Апухтина и М. Л. Михайлова.

[3] «*Дочь второго полка*» — переделка комической оперы Доницетти «Дочь полка».

[4] Как известно, именно законоучитель Ф. П. Покровский и дал Чехову прозвище Чехонте, ставшее его знаменитым псевдонимом.

[5] М. Д. Стейгер была замужем первым браком за товарищем Чехова по гимназии В. А. Сиротиным (племянником поэта Н. Ф. Щербины), впоследствии военным. В ЛБ сохранилось семнадцать писем Сиротина и одно письмо А. Д. Дросси к Чехову; ни одно письмо Чехова к этим корреспондентам, а также к М. Д. Стейгер, до нас не дошло.

[6] Вероятно эта встреча состоялась в 1899 г., когда Чехов приезжал в Таганрог.

[7] В распоряжении редакции «Литературного наследства» был еще один вариант воспоминаний М. Д. Дросси-Стейгер, записанный М. Т. Колодочко. В этой записи имеется еще одна любопытная деталь: «А. П. рисовал много карикатур, писал надписи к ним, часто в форме четверостиший. Его карикатуры были очень метки, так что каждый сразу узнавал себя в них».

З. Е. ПИЧУГИН.
ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ. А. П. ЧЕХОВ

Публикация П. С. Попова

Захар Ефимович Пичугин (1862—1942) — художник. В 1878 г. поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, которое окончил с званием классного художника в 1883 г. Выполнял художественные работы для литографий. Был сотрудником журналов: «Волна», «Москва», «Радуга», «Будильник», «Развлечение», «Сатирический листок», «Артист», «Россия», «Искры», «Вокруг света», «Солнце России» и др. Писал декорации совместно с Коровиным, Левитаном и Симовым для частной оперы (Мамонтова), а также у Лентовского в Эрмитаже. На Всемирной Парижской выставке 1900 г. получил медаль.

Воспоминания художника Пичугина, относящиеся к самому началу 1880-х годов, рисуют непринужденную обстановку жизни Чехова после переселения в Москву. Но и для того периода показательны внимание и уважение, которые оказывали домашние Чехова труду молодого автора. Чехов не чуждался веселого времяпрепровождения, характерно в этом отношении бурное празднование Татьянина дня; при всем том он своей вдумчивостью составлял контраст шумливому Николаю,—эти черты метко зафиксированы мемуаристом.

Публикуемые воспоминания Пичугина написаны в 1928 г. Рукопись хранится в ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 346.

Не запомню месяца, но отлично знаю, что было это в 1882—83 гг. Проживал я с товарищем художником Т. в одной из квартир углового дома по Волхонке, против «Пересыльного замка» (теперь на этом месте — Музей изобразительных искусств). Забота о средствах существования часто отвлекала нас от науки и чистого искусства,— приходилось «халтурить». (Тогда мы были еще учениками Училища живописи, ваяния и зодчества.)

Мой товарищ в тот день работал над портретом Александра III, в то время это был ходовой товар,— только давай!.. Я тоже был чем-то занят. Стук в дверь, шум, голоса, и старуха прислуга докладывает:— «Вас спрашивают!..» — А, здорово! — Насилу вас нашли,— шумно приветствовал нас Николай Павлович Чехов* [1].

— А вот брат мой Антон! — Знакомимся.

С первого же знакомства Антон Павлович произвел на меня неотразимое впечатление. Он очень интересовался нашим бытом и работой и довольно остроумно и удачно делал замечания к портрету и прочим нашим работам, расположенным на стенах и мольбертах. Тогда он был еще студентом, кончавшим университет[2]. Николай и Антон — два противоположных характера: первый часто нервный и восторженный, иногда шумливый, тогда как второй отличался спокойным, вдумчивым и уверенным в своих силах взглядом на окружающее. Достаточно было нескольких минут беседы с ним, и я уже был навсегда очарован и увлечен им.

---

* Художник Н. П. Чехов был нашим товарищем по школе. — *Прим. автора.*

Спустя несколько времени я был у Чеховых. Жили они тогда на Сретенке, в Головином переулке, дом Елецкого, на 2-м этаже. Антон Павлович познакомил меня с семейством: отцом Павлом Егоровичем, матерью Евгенией Яковлевной, сестрой Марией Павловной и, наконец, с младшим братом Михаилом Павловичем, тогда еще гимназистом. Замечательное семейство! Попадая в него, вы становились тотчас же «своими». Непринужденность и радушие были свойством каждого из них. Подводя меня к отцу, Антон Павлович спросил — «не правда ли, мой батя похож на римского сенатора?» В то время семейство Чеховых было увлечено работой Николая Павловича,— он кончал картину «Мессалина» и потому понятно было сравнение.

Однажды, нуждаясь в заработке, я вспомнил о Чеховых, которые в то время работали в журналах — «Будильник», «Свет и тени», а также петербургских — «Стрекоза» и «Осколки». При свидании Антон Павлович с радостью взялся познакомить меня с редактором «Будильника» — Н. П. Кичеевым, через которого потом я и получил работу. Рекомендуя ту или иную работу по издательству, Антон Павлович непременно добавлял: безотлагательно, батенька, берите,— надо бичевать людские пороки!

Как-то раз я зашел к Чеховым и, приветствуя родителей Антона Павловича, услышал: — «Антоша работает...» — сказал как-то таинственно Павел Егорович.— «Антоша работает...» — добавила Евгения Яковлевна, причем сделала жест, показывая на дверь его комнаты.

Прохожу далее: — «Антоша работает...» — тихо сказала Мария Павловна. Иду в комнату Николая Павловича — «а, здорово, батенька!.. а Антон работает...» — приглушенным баском подтвердил он.

Все опасались нарушить тишину, и чувствовалось большое уважение к творческим минутам писателя.

Как-то перед рождеством приходит ко мне Михаил Павлович Чехов и подает визитную карточку Антона Павловича. Читаю: — «Дорогой Захар Ефимович, непременно приходите в первый день праздника к 2 ч. дня,— брат Иван привез теленка,— будем обжираться. Ваш Антоша Чехонте» (привожу текст по памяти,— карточка затерялась).

Конечно, я к назначенному часу явился и здесь познакомился с Иваном Павловичем Чеховым, народным учителем г. Воскресенска [3]. За обильным столом много смеялись остроумным шуткам Антона Павловича над теленком брата Ивана, который, кстати, оказался приготовленным очень вкусно. Конечно, выпили, и при общем веселом настроении Николай Павлович сыграл на фортепиано несколько вещей очень недурно и даже виртуозно... Был у Чеховых еще один член семьи — Александр Павлович Чехов, с ним я в первый раз встретился в редакции журнала «Волна», где он помещал свои произведения.

В то время «Татьянин день» (12 января) проводился студентами университета торжественно и пьяно... Антон Павлович предложил мне совместно провести этот вечер в «Эрмитаже», как требовала традиция того времени. Я согласился, и мы втроем — Антон Павлович, Николай Павлович и я — отправились. Я был в ресторане впервые, и, действительно, зрелище было потрясающее: поднимаясь по лестнице, я был ошеломлен страшным шумом множества голосов, выкриков, звоном разбивающейся посуды. Поднявшись наверх,— еще более поразился: что-то неописуемое творилось здесь,— сплошной хаос!.. Толпа сходилась и расходилась. Вон там в стороне кого-то качают... поют «Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus»* [4],— ее перебивали: — «Вот настанет черед и проснется народ,— разогнет он могучую спину и на бар и врагов в заповедных

* Будем неизменно веселиться, пока мы молоды (лат.).

лесах приберет он покрепче дубину...». Кое-где на столах — ораторы, а под столами — упившиеся люди... Здесь целуются, пьют на брудершафт, а там укоряют друг друга в чем-то... И все это покрыто густыми волнами табачного дыма.

Андреева-Бурлака [5] прижали к стене, крича — «качать его!..» — Я уже накачался! — кричит, высвобождаясь, Бурлак. Несколько студентов обступили какого-то профессора и просят выпить с ними... Мы насилу нашли столик. Антон Павлович заказал себе обед, а мы с Николаем Павловичем — коньяку с закуской. К нам подходили знакомые и, выпивши по рюмке, отходили дальше, чтобы проделать то же в другом месте. Встретил я проф. Роберта Юрьевича Виппера [6] и познакомил его с Антоном Павловичем, потом выпили. Под конец я освоился и стал наблюдать за отдельными группами. Проходя зал, в конце я увидел поражающую сцену: между столами, на полу валялось несколько упившихся, около них, наклоняясь и как бы приводя их в сознание, копошились их товарищи: один нащупывал пульс, другой старался услышать биение сердца и, потеряв равновесие, ложился рядом,— и один произносил «надгробное слово».

— Куда же отправят их? — спросил я подошедшего Антона Павловича.— «Пустяки,— тут все свои, администрация ресторана примет свои меры и к утру „их" протрезвят»,— ответил Антон Павлович. Оставляя зал, я заметил в стороне у стены горько плачущую фигуру, всхлипывая произносящую — «и никто-то меня — не — пони-мает... о... о... ох... все вы...». Дальше было неразборчиво... Мы ушли. Но вечер еще не кончился. Антон Павлович предложил продлить его в Татарском ресторане (Петровские линии). Надо же отдохнуть после такого шума!.. Не помню, как это случилось, но мы оказались в приятной компании с тремя хорошо знакомыми дамами (без кавычек). Взяли отдельный кабинет, дамы потребовали вина и закусок, говоря, что они сегодня угощают нас по случаю того же праздника, одна из дам была курсисткой-медичкой. Ну, конечно, пили, пели, требовали тапера, но такового свободного не оказалось, и Николай Павлович наигрывал на пианино, импровизируя довольно удачно. Было шумно, весело, рассказывали и читали стихи. В это время Антон Павлович под шумок в сторонке напевал «русскую дубинушку», «На Кузнецком девки модны, по три дня сидят голодны...» и т. п. Но всему бывает конец, как и нашему веселью. Рассчитываясь с «человеком», Антон Павлович прихватил с собой бутылку коньяку для опохмеления, доказывая право за уплоченный товар. Конечно, никто не возражал. По выходе из ресторана сели на извозчиков, и я заметил обгоняющую нас фигуру, показывающую вид пьющего из горлышка бутылки... Это подшучивал над нами Антон Павлович, проезжая мимо...

Но праздник кончился, наступили длинные будни, в которые Антон Павлович работал не покладая рук. Обращаясь ко мне, Антон Павлович говорил: «Дайте мне тему, и я напишу рассказ», я указывал на обилие сюжетов в его записной книжке, но он просил: «Что-нибудь интересное!..» и потом: «очень жалею, что не владею иностранными языками,— по крайней мере я увеличил бы свой заработок не менее 100 рублей в месяц...» Я предложил ему работу в журнале «Радуга», издание Метцль [7].— «Узнайте оплату строки»,— просил Антон Павлович. На следующий день я говорил с Мансфельдом — редактором «Радуги» [8]. К огорчению нашему, редактор согласен был только на 5 коп. за строку, и Антон Павлович, конечно, отверг предложение [9].

Второе предложение,— написать что-либо для журнала «Волна»[10],— Антон Павлович ответил: «О нет, батенька, я уже проучен: там со мной расплатились фальшивым купоном!»

Проходя по Сретенке, я счел своим долгом навестить Чеховых. На

двери квартиры уже красовалась дощечка, на которой было: «Доктор А. П. Чехов». Я, конечно, поздравил Антона Павловича и спросил: «Почему — „доктор"?»

—А как же иначе,— ведь тогда мои пациенты не поймут названия «врач» и не пойдут ко мне,— смеясь сказал Антон Павлович.

ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Павлу Александровичу Гайдебурову от искренно уважающего Антона Чехова»

Из альбома, подаренного П. А. Гайдебурову во время его юбилея в декабре 1892 г.

Собрание А. Л. Лесса, Москва

Все же врачебная практика была у него небольшая. Он посвятил себя литературе, но не отказывал и во врачебной помощи нуждающимся в ней. Лично я неоднократно испытал на себе благотворную помощь его врачебного искусства. В последний раз он привел с собой врача-консультанта и всегда отвергал докторский гонорар. Благодаря врачебной помощи его большая семья моей квартирной хозяйки излечилась от какой-то опасной болезни.

Однажды художник Левитан тяжко заболел,— я сообщил об этом Антону Павловичу, и он тотчас же отправился к нему, невзирая на спешную работу у себя на дому. Трудно перечесть подобные случаи,— так много их было, и всегда помощь подавалась безвозмездно.

За беседой у него в кабинете я заметил на столе колоду маленьких игральных карт. Спрашиваю: — Зачем вам это? — Иногда раскладываю пасьянс, да и в дороге они сокращают подчас скучный однообразный путь,— невозмутимо молвил Антон Павлович.— Не подумайте, что и эти свинки,— показывая на ящик с морскими свинками,— служат мне забавой,— нет, я их держу для более высокой цели.

Все описанное здесь относится ко времени проживания семьи Чеховых на Сретенке, в Головином переулке.

Однажды я встретил Антона Павловича на Садовой улице, и после приветствия он сообщил мне, что уже переехал на Кудринскую площадь, куда и просил меня заходить.

31/I 28 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Николай Павлович Чехов учился в Училище живописи, ваяния и зодчества с 1875 г. по 1888 г. Он иллюстрировал несколько рассказов Чехова: «Зеленая коса», «Кривое зеркало», «Сара Бернар», «Шведская спичка», «Летающие острова», «Жены артистов». Известны четыре карикатуры Николая Чехова на брата. Кисти Николая принадлежит портрет Антона Павловича начала 1880-х годов. См. в кн.: А. Р о с к и н. Чехов. Биографическая повесть. М., 1939. Там же воспроизведено большое количество рисунков Николая Чехова.

[2] Чехов окончил университет в 1884 г.

[3] 25 декабря, отпразднованное Чеховым вместе с Пичугиным, следует приурочить к 1883 г., а описанный Пичугиным ниже Татьянин день (12 января) — к 1884 г. В январе 1885 г. И. П. Чехов уже не был связан с Воскресенском и служил в Москве.

[4] Старинная студенческая песня, пользовалась большой популярностью у русского студенчества.

[5] Василий Николаевич *Андреев-Бурлак* (1843—1888) — актер и чтец.

[6] Роберт Юрьевич *Виппер* (1859—1955), известный ученый, историк; с 1943 г. академик.

[7] Л. Метцль был издателем журнала «Радуга» с 1884 г.

[8] О «психопате» Мансфельде, который «скупает для своей „Радуги" драмы и трагедии», Чехов писал в «Осколках» 22 декабря 1884 г.

[9] Еще в 1883 г. Чехов получал 8 копеек за строку (см. письмо к Ал. П. Чехову от 25 января 1883 г. — XIII, 43).

[10] Еженедельный художественно-литературный журнал, выходивший в 1884—1886 гг. под редакцией И. И. Кланга. В № 12 «Волны» 1884 г. Чехов напечатал «Жизнеописание достопримечательных современников» (III, 488—490).

К. А. КОРОВИН. ИЗ МОИХ ВСТРЕЧ С А. П. ЧЕХОВЫМ

Публикация И. С. Зильберштейна

Константин Алексеевич *Коровин* (1861—1939) принадлежал к числу выдающихся представителей русского изобразительного искусства. Это был яркий, своеобразный и многогранный художник, «блестящий живописец», по отзыву Левитана. Влияние Коровина испытали многие русские художники,— в том числе его сверстники и близкие друзья — Левитан и Серов. Вот что записал в своем дневнике 7 февраля 1894 г. художник В. В. Переплетчиков: «Я люблю иногда зайти к К. Коровину, посидеть у него в мастерской и поговорить. Очень талантливый, многообещающий человек — он идет впереди многих, но картины его, при несомненном колорите, плохо нарисованы. Он чудесно начинал; пейзажи его, которые он выставлял на ученических выставках, были удивительны по чувству и простоте. И. И. Левитан, надо ему отдать справедливость, порядочно-таки у него заимствовал. Теперь он более самостоятелен» («И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания». М., 1956, стр. 164). Серов до конца своей жизни «очень высоко ценил» талант Коровина (В. С. Мамонтов. Воспоминания о русских художниках. 2-е изд. М., 1951, стр. 63). А вот другое авторитетное свидетельство по тому же поводу: «Серов относился к указаниям Коровина с большим вниманием и считал его лучшим другом. Влияние Коровина было несомненно благотворно для Серова. Коровин обладал поразительным вкусом и в этом отношении мог быть незаменимым наставником» (А. Я. Головин. Встречи и впечатления. Л., 1940, стр. 21). Весьма значителен вклад Коровина в отечественную пейзажную живопись: с полным основанием тот же мемуарист причисляет Коровина, наравне с Левитаном, Серовым и Нестеровым, к числу «настоящих поэтов русской природы» (там же, стр. 13). А в том расцвете, которого достигла в первые десятилетия нашего века русская декорационная живопись, в том всемирном признании, которое она тогда получила, Коровин безусловно сыграл огромную роль. Вот почему у его близкого друга Ф. И. Шаляпина были все основания считать Коровина «одним из обновителей русской сценической живописи» («Федор Иванович Шаляпин», т. I. М., 1957, стр. 326).

Искусству Коровина были присущи свежесть колорита, поразительная виртуозность, предельная жизнерадостность. Об этом проникновенно писал незадолго до своей смерти К. Ф. Юон: «Живопись Константина Коровина — образное воплощение счастья живописца и радости жизни. Его манили и ему улыбались все краски мира. Его меткий глаз и его темперамент художника больше пленялись первичной свежестью живописи, чем холодом завершающего этапа творчества» (К. Ф. Юон. О художниках и художестве.— «Советская культура», 1958, № 41, от 5 апреля). Но именно в этом была и одна из отрицательных сторон большого таланта Коровина: его часто захлестывала стихия формальной живописности, в жертву которой приносились все остальные элементы подлинно художественного произведения. Поэтому нередко удачно начатое им полотно никак не становилось картиной, а оставалось всего лишь этюдом. Отмечая в статье «Мастерство живописца» присущие Коровину недостатки, Б. В. Иогансон пишет: «Но есть другой Коровин—нужный нам, во многом могущий быть нам полезным. Это Коровин — художник, до самозабвения увлеченный природой, преклоняющийся перед ней, как перед единственной и самой надежной наставницей. У такого Коровина можно и нужно учиться. И мы действительно учились, и, смею

думать, кое-чему научились». Давая в той же статье общую характеристику творческой личности Коровина, Иогансон пишет: «Это был человек исключительной одаренности, настоящий профессионал, крупный мастер живописи, наделенный исключительно чутким живописным видением» («Искусство», 1958, № 10, стр. 10—12).

Коровин был щедро наделен от природы и другими талантами. Так, хорошо знавшие художника в один голос вспоминают о нем, как о первоклассном рассказчике, помнят они его также, как превосходного имитатора, как человека редкого остроумия. Вот одно из таких свидетельств: «Коровин был замечательным рассказчиком-импровизатором. Правда и вымысел переплетались в его красочных, блестящих рассказах. Они настолько были увлекательны, художественны и остроумны, что никого не интересовало распознание истины от игры фантазии» (О. В. Серова. Воспоминания о моем отце Валентине Александровиче Серове. М., 1947, стр. 64). Как рассказчика ценил Коровина и Чехов: «Два дня подряд приходили и сидели подолгу художники Коровин и бар. Клодт; первый говорлив и интересен, второй молчалив, но и в нем чувствуется интересный человек»,— писал Чехов 7 апреля 1904 г. О. Л. Книппер (XX, 262).

В 1923 г. Коровин уехал за границу, где, утратив связь с родиной и перепевая свои прежние творческие достижения, оказался никому ненужным и в одиночестве бесславно влачил нищенское существование: почти в семидесятилетием возрасте он взялся за перо, чтобы вспомнить о своих учителях, о спутниках своей блистательной молодости, о своих триумфах на родной земле. И тогда стало ясно, что в этом уже одряхлевшем человеке живет превосходный писатель-мемуарист. С конца двадцатых годов в разных эмигрантских периодических изданиях стали появляться его воспоминания о Саврасове и Поленове, Репине и Серове, Левитане и Врубеле, подробные воспоминания о С. И. Мамонтове; после смерти Ф. И. Шаляпина (в апреле 1938 г.) Коровин создает книгу «Шаляпин. Встречи и совместная жизнь». И лишь отрывки из этой книги, включенные в недавно изданный двухтомник «Федор Иванович Шаляпин», известны широкому читателю, другие же многочисленные мемуарные произведения Коровина остаются неведомыми даже специалистам-искусствоведам (например, составителям вышедшего в 1956 г. сборника «И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания», куда вошли даже краткие и малосодержательные мемуарные отрывки, остались неизвестными интересные воспоминания Коровина о Левитане).

Тридцать лет назад Коровин напечатал (в парижской газете «Россия и славянство», 1929, № 33, от 13 июля) очерк «Из моих встреч с А. П. Чеховым», который также до сих пор оставался вне поля зрения исследователей,— не знал его автор «Описания мемуаров о Чехове», выпущенного в 1930 г., не знали и составители вышедшего в недавние годы тремя изданиями сборника «Чехов в воспоминаниях современников». Между тем из всех обнародованных воспоминаний о Чехове, принадлежащих перу художников, мемуарный очерк Коровина едва ли не наиболее интересен.

Знакомство Коровина с Чеховым восходит к молодым годам их жизни. Уже в середине семидесятых годов в московском Училище живописи, ваяния и зодчества встретились юноши Коровин, Левитан и Николай Павлович Чехов, и с того времени их связала тесная дружба: в картине «Осенний день. Сокольники», исполненной Левитаном в 19-летнем возрасте в 1879 г. и через несколько месяцев приобретенной П. М. Третьяковым на 2-й ученической выставке Училища живописи, женскую фигуру «приписал» — как утверждает М. В. Нестеров — Николай Чехов. В августе того же 1879 г. в Москву для поступления в университет приехал Антон Павлович, вскоре началось его сотрудничество в юмористических журналах. Николай Павлович познакомил брата с Левитаном и Коровиным. Характерно, что когда Николай Павлович в 1883 г. работал над портретом брата, одновременно с ним портрет Антона Павловича писал и Левитан (см. «Двенадцать портретов русских писателей». Вступительная статья И. С. Зильберштейна. М., 1940, стр. 21 и 29). Встречи молодого писателя с молодыми художниками были в те годы весьма частыми. Об этом, как об обычном тогда явлении, вспоминает художник В. А. Симов, который в конце 1884 г. вместе с Коровиным, Левитаном и Николаем Чеховым в декорационной мастерской на 1-й Мещанской писал декорации к открытию «Частной оперы» С. И. Мамонтова.

Рассказ Симова хорошо передает атмосферу живого и дружеского общения Антона Павловича с молодыми художниками, показывает, каким желанным гостем в этой мастерской был молодой писатель («Чехов давно и крепко завоевал наши симпатии»), с каким удовольствием после тяжелой и напряженной работы слушали художники его импровизации, смешные «миниатюры», которых «не пропустила бы тогдашняя цензура»; весьма охотно Антон Павлович принимал участие и в обмене мнениями по поводу исполненных ими декораций («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 89—94).

«ОСЕНЬ»
Картина маслом И. И. Левитана
Слева внизу надпись: «И. Левитан — Л. Мизиновой на добрую память. 1892»
Частное собрание, Москва

Зная все это, легко понять, почему Коровин и Левитан решили провести праздничный для них день окончания Училища именно с Антоном Павловичем. В первой части воспоминаний Коровина и идет речь об этом весеннем дне 1883 года. Хорошему настроению способствовало и то, что на торжественном акте выпускникам выдали по сто рублей (об этом Коровин рассказывает в других своих воспоминаниях, отрывок из которых приведен ниже, в прим. 2); ведь Коровин и Левитан в те годы находились в большой нужде. Воспоминания Коровина были написаны спустя сорок пять лет после описываемых событий, и хотя в них имеются отдельные неточности (мы исправляем их в примечаниях к публикации), в целом же мемуарист дает яркую и, очевидно, верную картину памятного для него дня, проведенного в обществе Чехова и Левитана. В такой же степени, по-видимому, правильно передает Коровин разговор об «убеждениях», который тогда произошел между Чеховым и «большими спорщиками» — студентами. Антону Павловичу, столь враждебному всякому доктринерству и дидактике, был, конечно, чужд узко-утилитарный подход к явлениям искусства и он видел всю незрелость взятых на веру «убеждений» и «программ» этих неоперившихся юнцов, совсем еще не знавших жизни. Из рассказа Коровина совершенно очевидно, что Чехов отвечал на нападки студентов иронически, не желая вступать в спор, хотя, как свидетельствуют его письма начала 1880-х годов (особенно, письма к братьям), он

уже обладал в ту пору сложившимися этическими и эстетическими взглядами. Взгляды эти он настойчиво разъяснял своим корреспондентам. А через несколько лет он скажет: «Осмысленная жизнь без определенного мировоззрения — не жизнь, а тягота, ужас» (XIV, 242). Не удивительно поэтому, что после беседы со студентами Чехов с большой симпатией и вместе с тем не без юмора отозвался об их «приверженности идеям»: «Эти студенты будут отличными докторами... Народ они хороший... И я завидую им, что у них головы полны идей...»

Во второй части очерка Коровин рассказывает об одном посещении им Чехова в Ялте весной 1904 г. Здесь опять-таки есть неточность: Коровин приходил тогда к Чехову по крайней мере дважды (см. цитируемое выше письмо Чехова к О. Л. Книппер). То были последние недели жизни писателя,— и Коровин рисует на фоне домашней обстановки облик Чехова, уже тяжело больного, обреченного на смерть. Дань глубокого уважения, которое замечательный художник питал к великому писателю, можно видеть в следующем факте: хотя театр Чехова не мог быть близок Коровину, тем не менее в следующем году он берет на себя исполнение эскизов декораций для постановки «Вишневого сада» в Александринском театре в Петербурге, проявляя большую заботу об оформлении спектакля (П. П. Гнедич. Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. Л., 1929, стр. 310—311; воспроизведения декораций Коровина к первому, второму и третьему актам «Вишневого сада» — см. в «Ежегоднике императорских театров», сезон 1905/1906, стр. 5, 9 и 12).

Воспоминания Коровина печатаются по имеющейся в нашем распоряжении вырезке газетной публикации с авторскими исправлениями,— все они оговорены нами в примечаниях.

I

Это было, если не ошибаюсь, в 1883 году.

В Москве, на углу Дьяковской и Садовой, была гостиница, называемая «Восточные номера» — почему «восточные», неизвестно... Это были самые захудалые меблированные комнаты. У «парадного» входа, чтобы плотнее закрывалась входная дверь, к ней приспособлены были висевшие на веревке три кирпича...

В нижнем этаже жил Антон Павлович Чехов, а наверху, на втором этаже — И. И. Левитан, бывший в то время еще учеником Училища живописи, ваяния и зодчества.

Была весна. Мы вместе с Левитаном шли из школы, с Мясницкой,— после третного, последнего, экзамена по живописи, на котором получили серебряные медали: я — за рисунок, Левитан — за живопись...[1]

Когда мы вошли в гостиницу, Левитан сказал мне:

— Зайдем к Антоше (т. е. Чехову)...

В номере Антона Павловича было сильно накурено, на столе стоял самовар. Тут же были калачи, колбаса, пиво. Диван был завален листами, тетрадями лекций,— Антон Павлович готовился к выпускным экзаменам в университете, на врача.

Он сидел на краю дивана. На нем была серая куртка, в то время много студентов ходили в таких куртках. Кроме него, в номере были незнакомые нам молодые люди — студенты.

Студенты горячо говорили, спорили, пили чай, пиво и ели колбасу. Антон Павлович сидел и молчал, лишь изредка отвечая на обращаемые к нему вопросы.

Он был красавец. У него было большое открытое лицо с добрыми смеющимися глазами. Беседуя с кем-либо, он иногда пристально вглядывался в говорящего, но тотчас же вслед опускал голову и улыбался какой-то особенной, кроткой улыбкой. Вся его фигура, открытое лицо, широкая грудь внушали особенное к нему доверие,— от него как бы исходили флюиды сердечности и защиты... Несмотря на его молодость, даже юность, в нем уже тогда чувствовался какой-то добрый дед, к которому хотелось

прийти и спросить о правде, спросить о горе, и поверить ему что-то самое важное, что есть у каждого глубоко на дне души. Антон Павлович был прост и естественен, он ничего из себя не делал, в нем не было ни тени рисовки или любования самим собою. Прирожденная скромность, особая мера, даже застенчивость — всегда были в Антоне Павловиче.

Был весенний, солнечный день... Левитан и я звали Антона Павловича пойти в Сокольники.

Мы сказали о полученных нами медалях. Один из присутствовавших студентов спросил:

— Что же, на шее будете носить? Как швейцары?

Ему ответил Левитан:

— Нет, их не носят... Это просто так... Дается в знак отличия при окончании школы....

— Как на выставках собаки получают...— прибавил другой студент[2].

Студенты были другие, чем Антон Павлович. Они были большие спорщики и в какой-то своеобразной оппозиции ко всему.

— Если у вас нет убеждений,— говорил один студент, обращаясь к Чехову,— то вы не можете быть писателем...

— Нельзя же говорить, что у меня нет убеждений,— говорил другой,— я даже не понимаю, как это можно не иметь убеждений.

— У меня нет убеждений,— отвечал Антон Павлович.

— Вы говорите, что вы человек без убеждений... Как же можно написать произведение без идеи? У вас нет идей?..

— Нет ни идей, ни убеждений...— ответил Чехов.

Странно спорили эти студенты. Они были, очевидно, недовольны Антоном Павловичем. Было видно, что он не отвечал какой-то дидактике их направления, их идейному и поучительному толку. Они хотели управлять, поучать, руководить, влиять. Они знали всё — всё понимали. А Антону Павловичу все это, видимо, было очень скучно[3].

— Кому нужны ваши рассказы?.. К чему они ведут? В них нет ни оппозиции, ни идеи... Вы не нужны «Русским ведомостям», например. Да, развлечение и только...

— И только,— ответил Антон Павлович.

— А почему вы, позвольте вас спросить, подписываетесь Чехонте?.. К чему такой китайский псевдоним?..

Чехов засмеялся.

— А потому,— продолжал студент,— что когда вы будете доктором медицины, то вам будет совестно за то, что вы писали без идеи и без протеста...

— Вы правы...— отвечал Чехов, продолжая смеяться.

И прибавил:

— Поедемте-ка в Сокольники... Прекрасный день... Там уже цветут фиалки... Воздух, весна.

И мы отправились в Сокольники.

От Красных ворот мы сели на конку и проехали мимо вокзалов, мимо Красного пруда и деревянных домов с зелеными и красными железными крышами. Мы ехали по окраине Москвы...

Дорогой Левитан продолжал прерванный разговор:

— Как вы думаете?..— говорил он.— Вот у меня тоже так-таки нет никаких идей... Можно мне быть художником или нет?..

— Невозможно,— ответил студент,— человек не может быть без идей...

— Но вы же крокодил!..— сказал студенту Левитан.— Как же мне теперь быть?.. Бросить?..

— Бросить...

Антон Павлович, смеясь, вмешался в разговор:

— Как же он бросит живопись?.. Нет! Исаак хитрый, не бросит... Он

медаль на шею получил... Ждет теперь Станислава... А Станислав, это не так просто... Так и называется: Станислав, не бей меня в морду...

Мы смеялись, студенты сердились.

— Какая же идея, если я хочу написать сосны на солнце, весну...

— Позвольте... сосна — продукт, понимаете?.. Продукт стройки... Понимаете?.. Дрова — народное достояние... Это природа создает для народа... Понимаете?..— горячился студент, — для народа...

— А мне противно, когда рубят дерево... Они такие же живые, как и мы, и на них поют птицы... Они — птицы — лучше нас... Я пишу и не думаю, что это дрова. Это я не могу думать... Но вы же крокодил!..— говорил Левитан.

— А почему это птицы певчие лучше нас?.. Позвольте...— негодовал студент.

— Это и я обижен,— сказал Антон Павлович,— Исаак, ты должен это доказать.

— Потрудитесь доказать...— серьезно настаивал студент, смотря на Левитана своими острыми глазами с выражением чрезвычайной важности.

Антон Павлович смеялся.

— Глупо...— отрезал Левитан.

— Вот скоро Сокольники, мы уже подъезжаем...

Сидевшая рядом с Левитаном какая-то тетка из мещанок протянула ему красное пасхальное яйцо и сказала:

— Съешь, красавчик... (Левитан был очень красив.) Батюшка мой помер... Нынче сороков... Помяни его...

Левитан и Чехов рассмеялись. Левитан взял яйцо и спросил, как звали отца, чтобы знать кого поминать...

— Да ты што, красавчик, нешто поп?

Баба была немножко навеселе.

— Студенты, студенты... А народ — под мышкой книжка, боле ничего... тоже...

Мы приехали к кругу в Сокольники.

Выходя из вагона, баба, ехавшая с нами, обернувшись к Левитану, сказала на прощание:

— Помяни родителя... Звали Никита Никитич... А как семинарию окончишь, волосы у тебя будут хороши... Приходи в Печатники... Анфису Никитишну все знают... Накормлю... Небось голодные, хоша ученые...

Антон Павлович смеялся, студенты были серьезны. У студентов была какая-то придавленность. Казалось, что забота-старуха по пятам преследовала их. Они были полны каких-то навязчивых идей. Что-то тяжелое и выдуманное тяготело над ними, как какая-то служба, сковывающая их молодость. У них не было простоты и уменья просто отдаться минуте жизни. А весна была так хороша! Но когда Левитан, указывая на красоту леса, говорил: «Посмотрите, как хорошо»,— один из студентов ответил: «Ничего особенного... просто тоска... Лес, и черт с ним!.. Что тут хорошего...»

— Ничего-то вы, цапка, не понимаете! — повторил Левитан.

Мы шли по аллее.

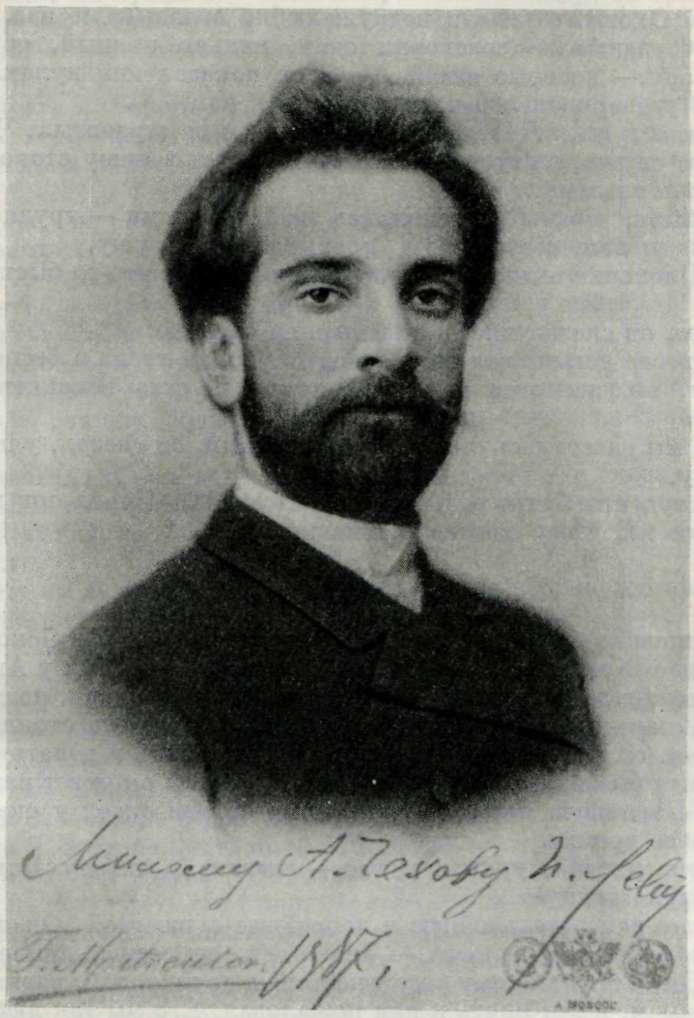
Лес был таинственно прекрасен. В лучах весеннего солнца верхушки сосен красноватыми огнями сверкали на глубоком темно-синем небе. Без умолку свистели дрозды, и кукушки вдали таинственно отсчитывали, сколько кому осталось лет жизни на этой нашей тайной земле[4].

Студенты, с пледами на плечах, тоже оживились и запели:

Выпьем мы за того,
Кто «Что делать?» писал,
Выпьем мы за него
За его идеал...

Антон Павлович и Левитан шли рядом, а впереди шли студенты... Издали видно было, как большие их волосы лежали на их пледах, что было модно тогда[5].

— Что это там летит?..— крикнул один из них, обращаясь к Левитану.



И. И. ЛЕВИТАН

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Милому А. Чехову И. Левитан. 1887 г.»

Дом-музей Чехова, Ялта

— Это, вероятно, сокол...— пошутил Антон Павлович.

Летела ворона!

— А в Сокольниках, должно быть, и нет больше соколов...— прибавил Чехов.— Я никогда не видал, какой сокол... Сокол ясный... О чем задумались, соколики... Должно быть, сокола и охота с ними были распространены на Руси...

Мы подошли к краю леса. Перед нами была просека, где лежал путь железной дороги. Показались столы, покрытые скатертями. Много

народа пило чай... Самовары дымились... Мы тоже сели за один из столиков,— чаепитие было принято в Сокольниках. Сразу же к нам подошли разносчики...

Булки, сухари, балык, колбаса копченая наполняли их лотки...

— Пожалуйте, господа хорошие...

Около нас за другим столом разместились сильно подвыпившие торговцы типа Охотного ряда и недружелюбно оглядывали нас.

— Вы студенты...— заговорил один, сильно пьяный, обращаясь в нашу сторону,— которые ежели...— и он показал нам кулак.

Другой уговаривал его не приставать к нам.

— Не лезь к им... Чево тебе... Мож, они и не студенты... Чево тебе...

— Слуга служи, шатун шатайся...— говорил в нашу сторону пьяный с осовелыми глазами...

Видно было, что мы не нравились этой компании — трудно понимаемая вражда к нам, «студентам», прорывалась наружу.

Антон Павлович вынул маленькую книжечку и что-то быстро записал в ней.

И помню, он сказал мне, когда мы шли обратно:

— А в весне есть какая-то тоска... Глубокая тоска и беспокойство... Все живет, но, несмотря на жизнь природы, есть непонятная печаль в ней.

А когда мы расстались с нашими студентами, он сказал, улыбаясь мне и Левитану.

— Эти студенты будут отличными докторами... Народ они хороший... И я завидую им, что у них головы полны идей...[6]

II

Много прошло времени после этой прогулки нашей в Сокольниках[7], и по приезде в Крым, в Ялту — весной 1904 года — я был у Антона Павловича Чехова в доме его в Верхней Аутке. На дворе дачи, когда я вошел в калитку, передо мной, вытянув шею, на одной ноге стоял журавль. Увидев меня, он расправил крылья и начал прыгать и делать движения, танцуя — как бы показывая мне, какие выкрутасы он умеет разделывать.

Антона Павловича я застал в его комнате. Он сидел у окна и читал газету «Новое время».

— Какой милый журавль у вас,— сказал я Антону Павловичу,— он так забавно танцует...

— Да, это замечательнейшее и добрейшее существо... Он любит всех нас,— сказал Антон Павлович.— Знаете ли, он весной прилетел к нам вторично. Он улетал на зиму в путешествие в другие, там, разные страны, к гиппопотамам, и вот опять к нам пожаловал. Его мы так любим, Маша (сестра) и я...— не правда ли, странно это и таинственно?..— улететь и прилететь опять... Я не думаю, что это только за лягушками, которых он в саду здесь казнит... Нет, он горд и доволен еще тем, что его просят танцевать. Он — артист, и любит, когда мы смеемся на его забавные танцы. Артисты любят играть в разных местах и улетают. Жена вот улетела в Москву, в Художественный театр...

Антон Павлович взял бумажку со стола, свернутую в короткую трубочку, закашлялся и плюнув в нее, бросил в банку с раствором.

В комнате Антона Павловича все было чисто прибрано, светло и просто — немножко, как у больных. Пахло креозотом. На столе стоял календарь и веером вставленные в особую подставку много фотографий — портреты артистов и знакомых. На стенах были тоже развешаны фотографии— тоже портреты, и среди них — Толстого, Михайловского, Суворина, Потапенки, Левитана и других.

В комнату вошла Марья Павловна и сказала, что прислуга-кухарка заболела, лежит, что у ней сильная головная боль. Антон Павлович сначала не обратил на это внимания, но потом внезапно встал и сказал:

— Ах, я и забыл... Ведь я доктор... Как же, я ведь доктор... Пойду, посмотрю, что с ней...

И он пошел на кухню к больной. Я шел за ним и, помнится, обратил внимание на его подавшуюся под натиском болезни фигуру; он был худ, и его плечи, остро выдаваясь, свидетельствовали об обессиливавшем его злом недуге...

Кухня была в стороне от дома. Я остался на дворе с журавлем, который опять танцевал и так развеселился, подпрыгивая, что расправил крылья, полетел ввысь, сделал круг над садом и опять опустился передо мной.

— Журка, журка!..— позвал я его, и он близко подошел ко мне и боком смотрел своим острым глазом, вероятно, дожидаясь награды за искусство. Я подал ему пустую руку. Он посмотрел и что-то прокричал... Что? Вероятно — «мошенник!» или еще что-нибудь худшее, так как я ничего ему не заплатил за представление.

После я показал Антону Павловичу бывшие со мной только что написанные в Крыму свои вещи, думая его немножко развлечь... — это были ночью спящие большие корабли... Он попросил меня оставить их у себя.

— Оставьте... Я еще хочу посмотреть их, один...— сказал он...

Антон Павлович собирался ехать в Москву. Я не советовал ему делать этого — он выглядел совсем больным и сипло кашлял. За обедом он говорил мне:

— Отчего вы не пьете вино?.. Если бы я был здоров, я бы пил... Я так люблю вино...

На всем лежала печать болезни и грусти.

Я сказал ему, что хочу купить в Крыму маленький кусочек земли и построить себе здесь мастерскую, но не в Ялте, а где-нибудь около.

— Маша,— сказал он сестре,—знаешь что, отдадим ему свой участок... Хотите, в Гурзуфе, у самых скал... Я там жил два года, у самого моря... Слушай, Маша, я подарю эту землю Константину Алексеевичу... Хотите?.. Только там очень море шумит, «вечно»[8]... Хотите?..— И там есть маленький домик. Я буду рад, что вы возьмете его...

Я поблагодарил Антона Павловича, но и я у самого моря не смог бы жить,— я не могу спать так близко от него, и у меня всегда сердцебиение...

Это была последняя моя встреча с А. П. Чеховым[9].

После я жил в Гурзуфе и построил себе там мастерскую. И из окна моего был виден домик у скалы, где когда-то жил Антон Павлович. Этот домик я часто воспроизводил в своих картинах. Розы... и на фоне моря интимно выделялся домик Антона Павловича. Он давал настроение далекого края, и море шумело около бедного домика, где жила душа великого писателя, плохо понятого своим временем.

— Меня ведь женщины не любят... Меня все считают насмешником, юмористом, а это не верно...— не раз говорил мне Антон Павлович.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В этом отрывке две неточности. Одна — в гостинице «Восточные номера» жил Николай Чехов, а Антон Павлович часто приходил туда заниматься, так как обстановка дома не давала ему возможности готовиться к экзаменам. Другая неточность — заканчивая Училище живописи, Левитан представил в Совет преподавателей картину на соискание большой серебряной медали, но одобрения Совета его картина не получила.

[2] В воспоминаниях, посвященных пребыванию в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, Коровин так рассказывает о встрече с Чеховым после получения медали.

«Вскоре я получил серебряную медаль за живопись. Левитан тоже. В Училище состоялся торжественный годичный акт. <...> Мы тотчас поехали к Антону Павловичу Чехову — звать его в Сокольники. А. П. Чехов посмотрел на наши медали и сказал:

— Ерунда! Ненастоящие.

— Как ненастоящие! — удивился Левитан.

— Конечно. Ушков-то нет. Носить нельзя. Вас обманули — ясно.

— Да их и не носят,— уверяли мы.

— Не носят!.. Ну вот. Я и говорю, что ерунда. Посмотрите у городовых, вот это медали. А это что? — обман» (Константин К о р о в и н. Случай с Аполлоном.— «Возрождение», Париж, 1931, № 2252, от 2 августа).

[3] Затем в печатном тексте имеются слова: «и он на настойчивые вопросы отвечал отдельными словами, повторяя, что у него нет убеждений, нет идей», отчеркнутые в имеющейся у нас газетной вырезке рукою Коровина, а на полях им поставлен знак вопроса и написано: «Это уже редакция исправила, прибавила, но не так, не в тон».

[4] В печатном тексте слово «темной» исправлено рукой Коровина на: «тайной».

[5] В печатном тексте эта фраза заканчивается словами: «своеобразно красиво», которые зачеркнуты Коровиным и исправлены на: «модно тогда».

[6] В печатных воспоминаниях Коровина рассказано еще об одном эпизоде из его встреч с молодым Чеховым. Этому эпизоду посвящен мемуарный очерк «Апельсины», опубликованный в газете «Возрождение», 1930, № 1916, от 31 августа. В нем идет речь о прогулке Николая и Антона Чеховых, Левитана, Коровина и некоего Новичкова в Петровское-Разумовское, во время которой Антон Павлович из озорства купил за три рубля полный лоток апельсинов, а затем начал продавать их по дешевке. Затея эта кончилась тем, что вся молодая компания угодила в участок. Приводим отрывок из этих воспоминаний, в котором Коровин излагает одно суждение Чехова:

«Слева протянулось большое поле Ходынское. Мы подходили к Петровскому дворцу. Я любовался архитектурой. Такие формы бывают на старых фарфоровых вазах, где пейзажи и все дышит радостью, обещанием чего-то восхитительного, фантастического...

О своем впечатлении я сказал Антону Павловичу.

— Да,— ответил он,— вся жизнь должна быть красивой, но у красоты, пожалуй, больше врагов, чем даже было у Наполеона. Защиты красоты, ведь, нет».

[7] В дальнейшем (с 1883 г. до весны 1904 г.) Коровин, быть может, встречался с Чеховым, но документальных свидетельств об этом нет. Дружеские же чувства к Чехову он, несомненно, продолжал питать,— это подтверждается следующим эпизодом: 3 декабря 1902 г. в Большом театре состоялся бенефис Шаляпина, после которого Коровин вместе с друзьями отправился ужинать в ресторан Тестова, откуда была послана приветственная телеграмма Чехову; вместе с Шаляпиным, Горьким, Серовым, М. П. Чеховой, Буниным, Ключевским и др. ее подписал Коровин (М. П. Ч е х о в а. Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954, стр. 213).

[8] Скрытая цитата из стихотворения Пушкина «Талисман» («Там, где море вечно плещет...»).

[9] 17 апреля 1904 г. Чехов писал О. Л. Книппер: «Художник Коровин, страстный рыболов, преподал мне особый способ рыбной ловли, без насадки» (XX, 273). Без сомнения именно тогда (а не в связи с премьерой «Вишневого сада» в январе 1904 г., как пишет в своих воспоминаниях К. С. Станиславский) Коровин сделал Чехову «чудесный подарок» — удочку («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 389).

Через несколько дней после последней встречи с Чеховым, Коровин и художник Н. А. Клодт, возвращаясь в Москву, оказались в одном вагоне с М. П. Чеховой. Она писала брату 13 апреля 1904 г. по приезде в Москву: «Ехать было чрезвычайно весело, дурили и хохотали всю дорогу. Коровин сидел с орденом Почетного легиона, барон все время острил. Уже в Севастополе у них не оказалось денег, они шарили друг у друга по карманам. У меня были мамашины деньги, и я предложила им взаймы. Они обрадовались и взяли у меня. Коровин 3 руб. и барон 10 руб. На эти деньги они кормились до Москвы, подолгу сидели в вагоне-буфете. Завтра их жду к себе, обещали приехать — буду рада повидать их еще. Коровин написал еще много мелких этюдов, которые показал мне в вагоне. Есть два очень интересных этюда гурзуфских около нашей дачи» (М. П. Ч е х о в а. Письма к брату А. П. Чехову, стр. 226).

Н. В. ГОЛУБЕВА.
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ

ТРИ ВСТРЕЧИ С НИМ В 1887, 1893 и 1899 гг.

Публикация П. С. Попова

Надежда Владимировна Голубева, урожд. Бегичева (1853—около 1940) — писательница. Отдельными изданиями опубликованы следующие ее произведения: «Лиза». Рассказ. 1892; «На мельнице». «Таможня». Рассказы Н. Бегичевой. 1898 и «Путевые заметки от Одессы до Иерусалима». СПб., 1898. Была замужем за Валентином Яковлевичем Голубевым (1846—1920?), служившим одно время агентом от Министерства финансов при Берлинском дворе. В начале 1890-х годов Голубев был членом Совета Министерства финансов и членом Комитета Добровольного флота. Благодаря знакомству с Голубевым Чехов пересылал книги ссыльным на Сахалин.

В письмах Чехова имеются неоднократные упоминания о Голубевой, главным образом, в связи с семьей Киселевых,— она была родной сестрой М. В. Киселевой (XIII, 248; XV, 12; XVII, 365; XVIII, 99). Голубева однажды была в Бабкине при Чехове и позднее виделась с Чеховым в Петербурге. В печатаемых главах не вызывает сомнения ее присутствие в день именин ее отца в Бабкине в 1887 г.; интересны сообщения о гувернантке Елизавете Александровне, прозвище которой «Вафля» использовано Чеховым в «Дяде Ване»; любопытны отдельные детали описания жизни в Бабкине, недостаточно освещенной мемуаристами. Наряду с правдивым изложением большинства эпизодов, мемуары Голубевой страдают известными недостатками. Многое Голубева знала лишь понаслышке от Киселевых, между тем она искусственно сконцентрировала все, что ей было известно о семье Чеховых, при описании тех нескольких дней, которые она провела у сестры. Многое при этом передано ею неточно и небрежно. Явные ошибки мы исправили, не оговаривая, по отношению к ряду сцен и обстоятельств мы даем ниже в примечаниях уточнения, пользуясь главным образом указаниями покойной М. П. Чеховой, любезно прочитавшей по нашей просьбе рукопись Голубевой.

Во второй главе Голубева описывает свою встречу с Чеховым в Петербурге в 1893 г. Голубева дала свой рассказ «Лиза» на отзыв Чехову, предварительно написав ему в январе 1890 г. следующее письмо: «Многоуважаемый Антон Павлович, с замиранием сердца решаюсь воспользоваться любезным предложением вашим прочесть мою первую слабую пробу пера. Со страхом и трепетом препровождаю мою рукопись на ваш строгий, но откровенный суд,— признаюсь, до произнесения которого я буду в положении мыши, которую слегка прикрыла кошкина лапка. Я уже и сейчас волнуюсь, а что же это будет, когда буду знать, что она у вас и что вы, читая эту длинноту, зеваете, но длиннота будет тянуться и, наконец, может быть, вы пожелаете застрелить меня из револьвера, как ту даму, которая четыре часа читала свое произведение голодному и усталому редактору. Думая о таких ужасах, казалось бы, лучше не подвергаться опасности быть застреленной, да русский авоська смущает! —Я так в себе мало уверена, что всякому приговору поверю; в оценке моих произведений я совсем младенец... Присланный мой рассказ я и не мечтаю печатать — я сама вижу, что техники в нем нет, ни-ни-ни, но, прочтя его, вы как художник почувствуете, есть ли искорка у меня того, что дает право писать... Говорят, что следующие три рассказа уже гораздо лучше

написаны, может быть, это и правда. Еще раз извиняюсь за труд и скуку, которым вы подвергаетесь, читая рассказ „Лиза". Черкните, когда я могу вас ждать к нам обедать. Мы обедаем в пять часов».

Рассказ «Лиза» был опубликован под инициалами «Н. Б.» в сентябрьской книжке «Русского вестника» за 1892 г.,— по-видимому, не без содействия Чехова.

Третья встреча, описанная в главе четвертой, подтверждается письмом Чехова к М. П. Чеховой от 4 марта 1899 г. (XVIII, 99).

Мемуары Н. В. Голубевой печатаются в сокращенном виде по рукописи: ЦГАЛИ, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2.

Глава 1

Село Бабкино Звенигородского уезда находится в 25 верстах от станции Крюково и в 4 верстах от Нового Иерусалима.

Зять мой, Алексей Сергеевич Киселев, купил это имение для его больной жены, моей родной сестры, которой доктора предписали деревенский воздух или же предложили ехать за границу, но отнюдь не оставаться в Москве. Зятю моему очень улыбался переезд в деревню, но поездка за границу приводила в ужас! Он был русский человек, по определению Чехова был настоящий «русопет»...

Так что, когда Алексею Сергеевичу кто-то указал на продающееся маленькое имение Бабкино, он опрометью отправился в Бабкино и купил его за 19 тысяч у владевшего им немца...

Из рук немца Киселев получил дачку как игрушечку, без копейки долга.

Помню неописуемый восторг зятя, когда вернулся он к нам в Москву с купчею крепостью в руках. В это время, т. е. в 1874 году, я вышла замуж и уехала с мужем в Петербург, а Киселевы переехали в Бабкино.

Письма с описанием бабкинских красот природы и всех прелестей деревенской жизни очень долго не прекращались.

Меня усиленно звали приехать в гости, но я не могла исполнить их желания по независящим от меня причинам и только в 1887 году в первый раз посетила Бабкино.

В письмах сестры промелькнула как-то фамилия Чеховых, сестра писала, что к своей дочери, семилетней Саше, пригласила земского учителя Ивана Павловича Чехова [1]. Эта фамилия мелькнула в голове и пропала. Чехов ли, Иванов ли— в то время разницы не имело для меня.

В 1886 году Киселевы отстроили стоявший при немце заколоченным большой дом и переехали в него. А флигель по просьбе Ивана Павловича Чехова на летнее время сдали многочисленной семье Чеховых, состоявшей из отца, матери, пяти братьев и одной сестры.

Об этом обстоятельстве сестра мне сообщила с большим восторгом, отзываясь с похвалой о своих новых жильцах. Тогда об Антоне Павловиче как о писателе еще не было слышно ничего.

В 1887 году я жила с детьми под Боровичами у станции Угловка; так как это было по той же линии и недалеко от Крюкова, я решилась поехать в Бабкино на именины к отцу 15 июля. Это лето отец проводил свой отпуск в Бабкине.

В этот день было первое мое свидание с Антоном Павловичем Чеховым *.

Налево красивой декорацией темнел Дарагановский лес, точно нарисованный живописными штрихами кистью художника. Направо и прямо виднелись села с их садами и избушками, издали казавшимися маленькими, как грибки, разбросанные на зеленой полянке.

---

* Далее пропуск в рукописи.

В очень ясную погоду из-за линии темных лесов можно было разглядеть вооруженным глазом золотые купола Нового Иерусалима; подернутые легкой дымкой знойного воздуха, они как бы тонули в синеве неба.

Несмотря на очень сильную головную боль, я не отрывала бинокля от глаз, глядя на чарующую картину, такую богатую тенями, светом и красками.

С одной стороны на реке стояла хорошо оборудованная купальня, с другой — в сторону леса, перекинуты были лавы и виднелась протоптанная тропинка к Дарагановскому лесу. Тропинка эта имела очень привлекательный вид, теряясь в строевом Дарагановском лесу.

Я смотрела в бинокль,— вдруг на опушке мелькнула голубая рубашка с грибным кузовом в руках, быстро мелькнув по тропинке, по лавам, ⟨она⟩ точно провалилась куда-то. Как только фигура эта мелькнула, сестра моя, Мария Владимировна, быстро надела на нос пенсне, поискав глазами голубую рубашку, с кокетливой довольной улыбкой произнесла: «С пустой корзиной!.. Отлично! Я так и знала... Пари он проиграл». Отец и зять на это ей что-то ответили, но что, я не поняла, не зная о ком даже идет речь.

Я сидела на низком кресле с распущенными волосами, сестра поминутно давала мне что-то нюхать, прикладывала кусочки лимона к вискам, но все это мало мне помогало.

Кроме нашей семьи, на балконе сидел еще старик Владиславлев, когда-то знаменитый тенор Большого московского театра. Я не принимала никакого участия в разговоре, а сестра вполголоса рассказывала мне про разные домашние дела и про гувернантку, которую я в первый раз увидела за обедом. Она так поразила меня своею уродливостью, что я старалась не смотреть в ее сторону. Лицо ее было исковырено оспой... Когда она ушла,— хороша? — спросила меня сестра. Я ничего не успела сказать сестре, а она продолжала: А очень дельная и умная девушка, но самодурка ужасная, иногда бывает невыносима своим обожанием нас, а семью Чеховых (это наши квартиранты) ненавидит, тогда как это прелестная семья. Больше же всех она ненавидит Антона Павловича...

— За что же? Может быть он над ее красотой подтрунил?

— Ну, нет, как это можно, у нас все ее жалеют. Ненавидит она его и их только за то, что они любят нас, мы очень подружились с ними, они так же увлекаются лесом, как я и она. Нас она любить никому не позволяет, считая, что это право принадлежит только ей одной.

— Но ведь это же смешно!

— Конечно, даже глупо, но она ведь старая институтка, так ею и останется на весь век. А ты знаешь, что Антон Павлович писатель? Хотя еще неизвестный, но очень талантливый.

— Тебе, тоже писательнице,— сказала я,— такое знакомство очень приятно...

— Мы с Антоном Павловичем большие друзья, хотя ссоримся каждый день.

— Ссоритесь? За что же?

— Ах, это у нас серьезное дело! Во-первых, трунит надо мной как над писательницей, всегда величает меня знаменитостью — это раз; второе, всегда мои излюбленные грибные места, которые я скрываю от всех, он непременно найдет и всё соберет, за это ему очень достается от меня. А еще всегда уверяет всех, что я, поймав двух пескарей, иду с победоносным видом будто наловила сотню. За это и злюсь на него. Не ссоримся мы с ним только, когда на пруду ловим карасей, тут у нас бывают самые задушевные разговоры на темы литературные. Он удивительно талантливый, тонко все понимающий человек. С громадным запасом юмора и с удивительно поэтической грустью, с глубоким пониманием души

человеческой, но ведь он еще так молод, он только что кончил медицинский факультет[2].

— Значит он доктор? — перебила я.

— Да, доктор. А вот тут-то я его и извожу, доказывая, что я лучше доктор, чем он; ко мне идут крестьяне за советом и за лекарствами, а его боятся.

— Практикует он?

— Нет. Вызывали его несколько раз куда-то на вскрытие. Это он очень не любит.

— А ты по-старому увлекаешься лечением?

— Еще как! Только недавно вышел у нас с сестрой Антона Павловича, с которой я очень дружна, маленький гаденький случай. Антон Павлович на нас кричал и хотел привлекать к ответственности. Знаешь, вспомнить страшно,— продолжала она.— Попали в такую грязную историю, после того и охота лечить пропала.

— Если не секрет,— скажи, в чем дело?

— Секрет этот только от Алеши, если бы он узнал, что бы тогда было!.. Дело, видишь ли, было очень серьезное,— она даже для чего-то надела пенсне и деловито начала:

— Ты, знаешь, как я удачно лечила?

— Как же, знаю, своим пациентам ты касторки не жалела, а теперь вдруг завелся настоящий доктор и отбил у тебя практику. Конечно, досадно, я тебя понимаю.

— Вздор! — рассердилась она.—Доктор тут совсем ни при чем, от него нам досталось только за то, что мы с Марией Павловной сделали операцию его инструментами.

— Ах! — воскликнула я,— и сумасшедшие же вы две!

— Да уж случай такой вышел, что операция необходима была,— сказала она очень серьезно. А он, вообрази, так озлился, что кричал нам: «А теперь за вашу же глупость пойдете под суд; вы вскрывали нарыв тем самым ланцетом, которым работал я при вскрытии трупа. Ваш больной наверное умрет от заражения крови».

— Можешь себе представить, что стало с нами? Было уже около 10 часов вечера, Алеша и отец были в Москве, а Антон Павлович только что вернулся,— это мы в его отсутствие распорядились. Услыхав такую ужасную вещь, мы ночью же хотели бежать в Никулино спасать оперированного мальчика, но дождь лил и было так темно, что идти одним, без фонаря, было совсем невозможно. Просили, умоляли Антона Павловича пойти с нами и помочь в нашей беде. Не захотел. Мы не спали всю ночь и чуть свет побежали в деревню. Каково же было наше удивление, когда мальчишка наш встретил нас на ногах, со словами: «Спасибо вам, тетеньки, что меня хорошо порезали». Тут только мы поняли, что Антон Павлович хотел нас напугать, будто инструменты после вскрытия не были прокипячены. Когда мы вернулись домой, то с гордостью заявили ему, что операция вполне удалась. Вот тут-то мы его заподозрили в зависти к нашему успеху, так как он все резал мертвецов, а мы спасли человека. Мы были очень горды, целый день не обращали на него никакого внимания и без него ушли за цветами в Дарагановский лес.

— Ну, что же? После этой операции вы уже не решались кого-либо резать?

— После этого случая, который нас напугал, мы не дотрагиваемся до его шкатулки...[3]

— Вот я тебе рассказала все наши бури в стакане воды. Скажи же и ты, как ты живешь? Что поделываешь?

— Я, да? Как я живу? — вот голова все болит, знаешь, мне полежать бы немножко, она бы прошла.

— Отлично, подожди, сейчас я все устрою.

Она ушла.

В это время на дорожке, к которой я сидела спиной, послышались шаги, отец повернул голову и произнес:

— А! Это вы, Антон Павлович, вы что?!

Послышался ответ:

— Я за червями,— и юркнул под балкон.

ДОМ В УСАДЬБЕ КИСЕЛЕВЫХ «БАБКИНО» БЛИЗ ВОСКРЕСЕНСКА. В БАБКИНЕ ЧЕХОВ ПРОВЕЛ ЛЕТО 1885—1887 гг.

Акварель Н. П. Чехова

Дом-музей Чехова, Ялта

Через пять минут по той же дорожке опять послышались шаги, появился второй брат Чехова, и ему тоже понадобились черви.

И так все братья, один за другим, шли за червями, а потом куда-то скрывались. Сидевшие на балконе улыбнулись, кто-то сказал:

— Это уж новое баловство Антон Павлович придумал.

В это время пришла сестра... и сообщила мне, что семья Чехова собирается устроить бал в честь именинника и в честь приезжей.

— А ты вон такая кислятина.

Я пообещала выздороветь. Она ушла, а я заснула.

Глава 2

БАЛ

В Бабкине в пять часов подавался чай. Это был час, когда все те, кто хотел видеть хозяев, мог пожаловать. С часу же дня, т. е. от обеда до пяти, всем было известно, что отдыхали хозяева и все служащие.

Потребовать какой-либо маленькой услуги от служащих во время их отдыха строго-настрого запрещалось.

В пять часов дом оживал и наполнялся гостями.

К чаю меня сестра разбудила. Голова моя прошла, но заплести свои громадные волосы я боялась. Не предполагая найти в столовой посторонних и не зная бабкинского режима и обычая, я вышла в таком русалочьем виде в столовую. Там оказалось уже масса народу. Я было назад, но меня не пустили. Я была очень поражена, увидя стол накрытый, как в самый большой праздник: с тортами, с бабками, с массой варенья и конфект. Меня познакомили с доктором Архангельским [4] и его женой [5], были еще какие-то люди из Воскресенска, а я именно думала, что если гости, то уж никто другой, как только Чеховы.

После чая мы с отцом сели на угловом диванчике под чудными олеандрами в цвету. К нам подсел доктор Архангельский, интересовался причиной моих головных болей, дал несколько советов, прописал рецепт и сам ушел с зятем. Все куда-то разошлись.

Подсел к нам Владиславлев и стал очень забавно рассказывать эпизоды из куриной жизни. Он был большой куровод...

Стало уже темнеть, зажгли лампы, вдруг в коридоре, разделявшем гостиную от столовой, послышался сильный шум, гам, точно ввалилась туда толпа каких-то азиатов. Я не успела выразить даже моего удивления, как в столовую вошли ряженые. На каком-то ящике сидел страшный турок, ящик несли четыре черных эфиопа и — о, ужас! — шли прямо на меня. Турок выхватил кинжал и занес надо мной, я вскрикнула и, как безумная, вскочила на стол, который затрещал и собрался упасть, едва успел отец меня подхватить. Вышло и смешно, и глупо, и неловко. Ряженые смутились не меньше меня, но турок, ловко соскочив с ящика, галантно представился: «Художник Левитан». Эфиопы, сняв маски, представились: «Четыре брата Чеховы». Среди них был и Антон Павлович.

Шарада, которую собирались разыграть, благодаря моему малодушному поступку расстроилась. В чем она заключалась, так и осталось неизвестным. За пианино села гувернантка, прозванная моею сестрою «Вафля», потешно огрызаясь на Антона Павловича; он, невозмутимый, серьезный, давал ей такие реплики, что удержаться от смеха было невозможно. Смеялись все, но только не он сам.

Дирижируя танцами, Антон Павлович придумывал такие фокусы, что танцующие умоляли дать передышку. Смеху, переодеваний было так много, что даже не оставили моего старика-отца и зятя. На них напялили студенческие мундиры, узкие до невозможности: им приходилось танцевать с распростертыми, как крылья, руками.

Я была больше зрительницей, чем участницей общего веселья. Антон Павлович поражал меня своей захватывающей веселостью, таким хорошим молодым задором, изобретательностью всякого рода шуток и затей; как под волшебную флейту, заставлял он всех веселиться. Ровно в 11 часов он остановился посреди комнаты и безмолвно, но торжественным жестом, указал на часы... Мигом из залы исчезло все, чему не полагалось быть, ряженых и гостей точно ветром сдуло.

Посреди комнаты остался сам Антон Павлович со щеткой в руках, подметая пол. Ибо всем было известно, что в доме Алексея Сергеевича

после девяти часов прислугу беспокоить не разрешалось. Зная это, Антон Павлович и взялся сам за щетку. Около пианино оставалась только одна «Вафля», приготовлявшая ноты для пения.

Антон Павлович, приведя в порядок зал, поставил стулья на места, сел в уголок около двери, взъерошил свою кудрявую шевелюру и сидел в ожидательной позе.

Вышел петь старик Владиславлев... он исполнял глинковский репертуар. Чехов сидел в уголке, подперев голову руками и как будто уйдя совершенно в другой мир.

Владиславлев пел чудесно; когда он кончил, только через минуту послышался вздох и шорох в комнате. Чехов встал, как-то выпрямился весь, глаза его сияли, как звезды, казалось, что искры летели из них, лицо его было бледно и вдохновенно. Он молча крепко пожал руку Владиславлеву и опять сел на свое место, взъерошил волосы, откинул голову.

Я наблюдала за ним из-за большой олеандры. Мысль его витала где-то далеко-далеко, и такая глубокая грусть лежала на его лице, еще не так давно сиявшем беззаботною юношеской веселостью.

Запела моя сестра, ученица Даргомыжского, «Мне грустно потому, что весело тебе...» (романс Даргомыжского). Чехов закрыл глаза рукой и так сидел все время. Потом спела она романс: «Русая головка...» (его же) и, наконец, любимейшую вещь «Ехали бояре с Нова города...».

Восторг от пения сестры был совершенно другой, чем от пения Владиславлева. Чехов аплодировал, кричал так, как кричат только в театрах, вызывая примадонну. На лице его опять появился задор и какое-то опьянение. Сестра спела по требованию всех нас еще «Ивушку...». Наша публика бесновалась, чуть ли не ломала стулья. В это мгновение кто-то погасил лампу.

Мигом все стихло.

Я не поняла, зачем погасили лампу, оказывается, концертное отделение заканчивалось всегда «Лунной сонатой» Бетховена, которую «Вафля» исполняла в совершенстве, но только всегда при лунном свете.

Антон Павлович ушел на крыльцо и сел на нижнюю ступеньку, по-видимому, это место им было абонировано. Я предложила было идти туда же, но отец сказал: «Антон Павлович любит быть там всегда один».

Соната в таком исполнении и в такой обстановке произвела на меня сильное впечатление.

По окончании ее все разошлись, не прощаясь и не произнеся ни слова... Когда я была в своей комнате, ко мне зашел зять и сестра и тут они много рассказали о семье Чехова... Зять хвалил Чеховых за их культурность, за их большую деликатность.

Чеховы занимали флигель, по наружному виду очень некрасивый, но удобный и поместительный.

При первых разговорах о сдаче флигеля зять очень долго колебался, сдавать им флигель или нет; боялся пустить к себе такую ораву молодежи, тем более, что во флигеле с черного хода две комнаты занимал раненый офицер, которого моя тетка, сестра милосердия, извлекла из мертвецкой (1877 г.), куда его бросили, приняв за мертвого. Он был весь искалечен под Рущуком, где работала моя тетка. В Бабкино его привезли еле живого... Об его существовании узнали только от тетки, обратившейся к Киселевым с просьбой приютить одинокого молодого калеку-мученика.

Киселевы по своей необыкновенной доброте не только приняли чужого им больного человека, но и приложили все заботы и старания, чтобы ему было как можно лучше и покойнее. Ему отвели две комнаты и кухню, стены и пол обили войлоком и коврами, чтобы никакой шум не долетал до больного. А тут вдруг соседи и в таком размере и в таком возрасте, когда

от молодежи трудно требовать тишины и покоя... Из этих соображений Алексей Сергеевич долго не соглашался на просьбу Ивана Павловича уступить им флигель. Но, наконец, сдал флигель.

Однако деликатность семьи превзошла все ожидания Киселева, и бедняга больной скоро с ними подружился. Антон Павлович прозвал его: «Тышечка в шапочке». Фамилия офицера была Тышко, Эдуард Иванович, а «в шапочке» потому, что часть черепа у Тышко была вдавленной, и он носил черную шелковую шапочку... [6]

Антон Павлович высоко ценил моего зятя за его исключительно гуманное отношение к прислуге и за такое нежное отцовское отношение к чужому больному и очень капризному человеку.

Отец и мать Чехова были в Москве; я с ними не познакомилась. Моя сестра восхищалась Марией Павловной, сестрой Чехова, в то время совсем молодой девушкой, которую почему-то прозвали: «Мапа, ай, ай, ай». Почему ее прозвали так, я не знаю, но она сердилась и краснела.

Очень много слышала я восторженных отзывов по адресу Антона Павловича как о милейшем, талантливейшем весельчаке. Говорили и об Николае Павловиче, это был художник-карикатурист, очень умный и талантливый, но пьяница. Про других не говорили ничего, так как они еще были молоды.

На другой день я встала очень рано. В доме была полная тишина; предполагая, что никто еще не встал, я вышла на маленький балкончик, которым заканчивался широчайший и очень длинный коридор, разделявший дом на две половины. Балкончик очень живописно зарос вьюнками и диким виноградом так густо, что на него солнечные лучи не попадали. Я несколько минут посидела на ступеньках, ведущих в парк. Парк при утреннем освещении еще горел алмазами утренней росы, но так как речки отсюда не было видно, я пошла по дорожке, которую в Бабкине называли набережной. ⟨Она⟩ шла по берегу и имела несколько висячих балкончиков, с которых шли лесенки прямо к реке Истре, через которую были перекинуты лавы на другой берег.

Невдалеке от лав начинался Дарагановский лес, излюбленное место бабкинских обывателей. Об этом лесе говорили как о месте, полном таинственных чар и несметного богатства ягод, цветов и грибов.

Пройдя несколько шагов, я остановилась,— на самом повороте берега я увидела громадный серый зонт, а под ним спиной ⟨ко мне⟩ сидел художник Левитан и что-то усердно зарисовывал. Я тихонько свернула влево от набережной, предо мною открылась чудесная лужайка с красивыми купами кленов. Сделав несколько шагов, я наткнулась на другого художника, Николая Павловича, он, лежа на ковре, тоже что-то зарисовывал в альбом. Мне не хотелось, чтобы он меня увидел, и я свернула куда-то назад в чащу, т. е. туда, где дорожки уже не расчищались. Пройдя некоторое пространство, я вдали заметила реку, только что хотела свернуть к реке, как между деревьями мелькнула голубая рубашка. С нахмуренным лбом Антон Павлович быстро ходил взад и вперед, что-то обдумывая. Вдруг он остановился, поднял голову, глянул по направлению реки и бегом побежал к берегу. Я пошла по тому же направлению, голубая рубашка, мелькнув предо мною несколько раз, куда-то исчезла, а я вышла к балкончику с лесенкой и тут только увидела, что Антон Павлович не шел, а летел по направлению к лавам, к которым подходила моя сестра с полной корзиной грибов. Повязанная желтым деревенским платком, с подоткнутой юбкой от лесной сырости, на фоне свежей зелени, залитая лучами солнца, вся фигура ее была очень живописна. Встретились они посреди лав, Чехов преградил ей дорогу, и как будто между ними начался крупный спор; она прятала корзину за спину, а он кипятился и наступал на нее,

и я нашла, что оба они похожи на индейских петухов, собирающихся драться. Я села на балкончик и стала ждать, чем кончится это представление. Видна была мимика столкнувшихся неприятелей. Заметив меня, они стали подниматься на балкончик, где сидела я. Поднявшись, имея в качестве публики только меня, разыграли импровизированный водевиль («грибное дело»). Исполнение вполне было достойно Художественного театра. К сожалению, передать эту импровизацию не могу. Да она вышла бы бледна без действующих лиц...

Суть этого грибного дела заключалась в том, что сестра чуть свет потихоньку пошла в лес и будто бы все до единого гриба собрала, тем обездолив семью Чеховых. Но преступнее с ее стороны было еще то, что она провела даже собственного мужа, вместо себя положив на постель чучело.

До обеда наступала тишина в доме. Гостям предоставлялось занимать самих себя, и каждый мог делать, что ему вздумается.

Сестра, утомившись утренней прогулкой, спала. Я занесла кое-что в дневник, дети не дали мне покоя, потащили меня с ними гулять. В их болтовне третьим словом был Антон Павлович. Они мне рассказали, что недавно вечером он объявил детям, что завтра он именинник, очень серьезно добавив: «Прошу позаботиться о подарках». Сашу он почему-то называл «Василиса», а Сережу — «Финик». И вот весь дом поднялся на ноги, придумывая достойно его чину и званию подарки. Из всех проектов остановились на одном — подарить ему пуговицу для пьедесталов (брюк) будущего знаменитого писателя. Положили эту пуговицу в крошечную коробочку, эту в другую коробочку, эту другую коробочку в третью, десятую, сотую. Так дело дошло до ящика десятифунтовой посылки. Ящик в ящик, коробка в коробку, последняя была спичечная коробка,

ТРЕПЛЕВ С ЧАЙКОЙ

Гравюра из американского издания пьес Чехова («The Plays of Tchekhov»)

Нью-Йорк, 1935

в которую была положена пуговица, завернутая в розовый клякспапир.

Делом этим занимались дети, взрослые, гости и прислуга. В назначенный день для именин ему торжественно поднесли этот ящик. Говорят, надо было видеть мимику Антона Павловича, когда он открывал эти коробки и пока не дошел до последней с подарком.

У детей был целый альбом, где Чехов посвящал детям юмористические стихи с рисунками. Это был шедевр остроумия. К сожалению, альбом этот не сохранился.

После обеда хозяин отправился с визитом к мадам «Храповицкой», попросту сказать — спать.

Сестра, отдохнувшая до обеда, предложила мне, Антону Павловичу, Левитану и Мапа отправиться гулять, чтобы показать мне достопримечательности Бабкина и его окрестностей.

Прежде всего мы отправились в лес через лавы, издали казавшиеся прелестным мостиком. Вблизи же полное разочарование; лавы ходят ходуном, трещат, щели в них в ладонь. Лгуну совсем опасно проходить по ним. Если бы мне не стыдно было обнаружить свое малодушие, я бы с удовольствием вернулась домой. Но делать было нечего, вздохнув, пошла, зажмуря глаза.

Лес, правда, очень декоративен, очень таинственен. Усевшись на лужайке под высокими соснами, Антон Павлович дал волю своему красноречию, пришлось смеяться до слез. Меня немного коробили шутки по адресу Левитана, а тот, как говорится, и ухом не вел, точно и не про него говорили. Лежал на животе и объедался красной, сочной земляникой.

Все они привыкли прыгать по кочкам и корням, я же быстро устала. Пришлось сократить прогулку. На возвратном пути зашли в мастерскую Левитана, помещавшуюся в бывшей бане. Предбанник служил ему очень уютной и кокетливо убранной спальней, баня — мастерской.

Она имела три окна, около которых были сделаны широкие полки наравне с подоконниками, на них лежали груды этюдов, заваленные гипсовыми фигурами, руками, ногами, черепами. Стены сплошь увешаны видами Бабкина и красовалась сегодняшняя сценка на лавах в красках; так художественно воспроизведены, так похожи были действующие лица, что мы невольно ахнули от восторга.

Но тут же чуть не произошла катастрофа. Среди рисунков, красок и бумаг, валявшихся в беспорядке на полках, лежал и револьвер. Мария Павловна, которую немного поддразнивали неравнодушием к Левитану, увидев револьвер, вскрикнула: «Это еще что такое?» С этими словами порывисто взяла револьвер в руки. Раздался выстрел, и пуля пролетела мимо уха Левитана.

Оказалось, что курок был зачем-то поднят. Выстрел произошел мгновенно. Мария Павловна чуть не упала в обморок. Чехов напустился на сестру, а я с сестрой на Левитана, который стоял бледный, прижимая рукой вздувшееся ухо [7].

Сестра моя сейчас же повела Левитана в дом для подачи первой помощи, а Антон Павлович с сестрой, страшно взволнованные, отправились домой. День был испорчен.

После чаю сестра с «Вафлей» пошли ловить карасей. Я села на балкончик, чтобы еще раз полюбоваться чудным видом. На другой день я должна была уезжать. Совершенно неожиданно ко мне подошел Антон Павлович и сел рядом. Поговорив на злобу сегодняшнего дня о происшествиях в бане, мы совершенно незаметно перешли на литературу. Он жаловался, как трудно бывает добиться, чтобы его печатали, что свою профессию доктора он не любит, не чувствует призвания, тогда как литература, музыка,

пение и природа его захватывают. Тема для разговора была необъятная, и мы оба, сами не замечая, увлеклись ею. Но как-то совсем незаметно перешли на Бабкино и его обитателей.

Между прочим, Антон Павлович выразился так: «Бабкино — это золотые россыпи для писателя. Первое время мой Левитан чуть не сошел с ума от восторга от этого богатства материалов. Куда ни обратишь взгляд,— картина; что ни человек,— тип. Конечно,— вздохнул он,— не моему таланту охватить все, тут и Тургенева мало, сюда бы Толстого надо». И он стал перебирать всех обитателей Бабкина, начиная с Алексея Сергеевича.

— Это такая цельная, русская, прекрасная натура,— сказал он про него,— его все существо ярко излучает всю его внутреннюю красоту. Что касается Марии Владимировны, я боюсь об ней распространяться, как бы не поняли меня иначе, скажу только, что я стою перед ней, как язычник пред кумиром, готов сжигать фимиам пред ее алтарем. У ней, что ни слово — бриллиант, что ни движение — штрих художника, а пение ее? — это я уж и определить не могу, тут восторга мало, тут нужны слезы.

Он встал, взволнованно прошелся, потом, остановясь против меня, продолжал тем же повышенным тоном.

— Ну, а ваш родитель, Владимир Петрович?! Этот прямо с Олимпа пожаловал на землю; ему даны все качества олимпийских богов. Мы часто с ним беседуем. Придем в его храмину, соберемся все, сколько нас есть, сидим у его ног на полу, слушаем музыку его голоса...

Чехов опять вскочил, глаза его заблестели каким-то особенным огнем!— Нет, это такое понимание души человеческой, души художника, он насквозь ее видит всю, как есть в линиях и в красках. Это удивительно, для нас, смертных, он кажется чем-то сверхъестественным.

Заметя мою улыбку:— Что? Вы находите, что я преувеличиваю?

— Нет, нет,— ответила я,— я просто вспомнила олимпийского бога вчера в мундире вашего брата.

Чехов так и покатился со смеху, а он очень редко смеялся.

— А что вы скажете о «Вафле»? — решилась спросить я.

— Тип, очень яркий тип! Девушка без роду, без племени, перезревшая в стенах института, да еще... Такое уродство! Несчастная! А как талантлива, как музыкальна! Вы знаете, надо войти в ее шкуру, чтобы понять драму жизни, ведь с таким лицом могли взять к себе в дом только Киселевы и так относиться к ней, как относятся они.

— Значит ее ненависть к вам вас не беспокоит?

— Ничуть. Все люди, — продолжал он,— как люди, а она урод страшный; как может она смотреть равнодушно на всех окружающих, может ли она верить той ласке, которую ей уделяют люди. Конечно, нет, но сама она горячо, безумно обожает Киселевых, сестру вашу и несчастного «Тышку»; ненавидит же всех тех, кто смеет питать хорошие чувства к этим лицам.

— Знаете,— продолжал он,— скажу по секрету, я, грешный человек, иногда по утрам подсматриваю, когда Алексей Сергеевич — это человек-уникум,— сказал он как бы в скобках,— разбирает разные домашние дела. Для нашего брата это такой драгоценный материал — зарисовывать с натуры такие сценки. Например, начинается с того: утром хозяин встал, в халате прогулялся несколько раз по столовой, заварил кофе, полил цветы. Первая к нему является Лилиша: — вот тип, да какой драгоценный! Я уже набросал рассказ о Лилише, только еще вчерне.

— Ну, что же дальше? — заинтересовалась я.— Знаете, Лилиша ведь еще пострашнее «Вафли»,— сказала я.

Чехов засмеялся.

— Она мертвый череп на палке, на которую прицеплен кринолин.

— Алеше было три года, когда она была ⟨его⟩ нянькой,— подсказала я,— и она до сих пор с ним не расставалась и ухаживает за ним, как за трехлетним. Называет его до сих пор «маленьким», а ему, слава богу, сорок лет.

— Ну, да, слушайте дальше. Вот он наливает чашку вроде купели и показывает ей место около себя, говорит: «Садись и пей!» Она захихикает, повертит руками перед ним, покачает головой, произнеся: «Ишь, маленький, маленький».

Это означает: «что с него взять, дурачек еще, сажает меня с собой рядом». Одна и та же история происходит каждый день. Она берет чашки и уходит в буфетную. Потом как-то вижу: стоит Киселев на крыльце, она несколькими ступенями ниже, треплет носовой платок в руках и кричит на него: «Бесстыдник, бессовестный эдакий». Оказывается, он вытер платком что-то не носовое. Его фигура походила на сильно провинившегося школьника второго класса. — «Вот подожди, я тебя!» — и с негодованием уходит. Она признает только его, на его добре лежит, как свирепый волкодав.

Марию Владимировну и детей она не замечает. Когда Алексея Сергеевича дома нет, она на стол не подает, что полагается, т. е. вино, водку, закуски.

И вот раз Мария Владимировна, чтоб показать мне весь этот курьез, оставила меня обедать. Сели за стол, на столе нет ни вина, ни водки, ни закуски; нет и самой Лилиши. Мария Владимировна нарочно мне громко говорит: «Будьте добры, Антон Павлович, позовите Лилишу, да скажите ей, что она забыла подать водку, вино и закуску».

Я пошел, смотрю, она сидит в буфетной, сидит подгорюнившись, на меня не смотрит. Я передал поручение, не двинулась, удивленно спросила только: «Чево?» — махнула рукой, произнеся: «Иди, батюшка, с чем пришел, потому у тебя кишка еще тонка». Так и не дала ничего.

Сама выпить любит. Хватит глоток — другой и уже готова. Идет, шатается и поет: «Моя русая коса — всему городу краса», а на голове ни одного волоса. Голова на шее, как на тонкой палке мотается. Кринолин как-то вбок торчит,— потеха!

Смеяться же над Лилишей никто не смеет: потому Алексей Сергеевич такую бучу поднимет. Как только услышит он «Моя русая коса...», сейчас летит к ней, возьмет ее тихонько за плечи, поведет ее и сам уложит.

— Знаете, это прямо трогательно. А дальше? — спросила я.

— Дальше?! Потеха! — Чехов махнул рукой.— Дверь с шумом открывается и влетает «Вафля», злая, красная, седые волосы клочьями висят. Алексей Сергеевич испуганно оглядывается, как бы ища, куда ему спрятаться. Она не говорит и не кричит, а визжит и ругательски ругает Алексея Сергеевича, называя его скверным хозяином, что кто-то что-то украл и ее любимой корове чего-то не додали.

— Мерзавцы, воры, разбойники,— визжит она,— а вы, вы? Ну какой вы хозяин? Не можете приказать, чтобы моей чернавке давали бы отрубей...

— Пирожного, мороженого прикажете,— живо перебивает ее хозяин, разозлясь окончательно.

— Это преступно, это ужасно относиться так к скотине.

— А к человеку можно?

— Вы ничего не понимаете в хозяйстве, вам все смешно, потому что вы просто глупы!

При этих словах Киселев делает большие глаза, подбирает полы халата, произнося: «Ты ошалела, друг мой, поди выпей воды, а я пока...» — он быстро выскакивает в коридор, захлопнув дверь за собой, точно кто-то

ТРИ СЕСТРЫ

Гравюра из американского издания пьес Чехова («The Plays of Tchekhov»)

Нью-Йорк, 1935

его ловит; потом, приоткрыв дверь, по-мальчишески весело говорит: «Пожалуйста, не ходите, куда я иду, мы можем там встретиться — это будет неприлично».

Не сразу поняв, в чем дело, она смолкает, потом, послав ему вслед дурака, начинает хохотать. Успокаивается и как ни в чем ни бывало идет заниматься.

— Значит,— говорю я,— лейденская банка разрядилась.

— Вот именно. Не наскандалив, не облая кого-нибудь, за дело она не может приняться. Если бы вы только знали, какие тут были стычки из-за «Тышки», на которого она, между прочим, молится.

— В чем же дело, если она его так любит?

— Очень просто, если у нее попросили денег для «Тышки», она бы дала, а то занял Алексей Сергеевич у кого-то, ну и скандал, кричит: «Киселев разоряется из-за „Тышки“». Тот в обиду!

— А как же это потом все уладилось?

— Алексей Сергеевич серьезно на нее рассердился и задал ей такого фефера, что она три дня к обеду не выходила. Собиралась уезжать, но через три дня стала шелковая... «Тышка» долго дулся, я трунил над ним, предлагал ему сделать ей предложение и жениться на ней, доказывая, что она бесится от любви к нему.

— А я нахожу, что в конце концов это кончится не веселым водевильчиком.

— У других кончилось бы тем, что кто-нибудь кого-нибудь повесил, но у Киселевых все обойдется прекрасно. Все это происходит у нее от болезненного обожания Киселевых, обласкавших, приголубивших ее, ее, от которой невольно отворачивался каждый.

— Сестра рассказывала, какие она злобные словечки изрыгает.

— О, да. Настоящая ракета. Стоит только поднести спичку, взорвется, взлетит к небу и оттуда рассыпается самыми ядовитыми словами. Ведь она очень не глупая, дельная и музыкантша великолепная. Но — истеричка.

В это мгновение с хохотом и шумом подлетели к нам дети. Повисли на шее Антона Павловича и начали, перебивая друг друга, рассказывать про новую глупость любимца Антона Павловича, Ивана.

Чехов преобразился, слушая детей. Они рассказали, что задали Ивану такой вопрос: что такое звезды? При чем дети уморительно копировали заикающегося Ивана. На вопрос детей он ответил так:

— Лес знаешь?..— «Знаешь»,— отвечал маленький Сережа.

— Мох знаешь? — «Знаешь».

— Светлячков знаешь?

Дети с хохотом ответили: «Знаем».

— Во мху видал натыканных светлячков? Вот тебе и звезды.

Дети так и покатились со смеху.

— Да, он у нас астроном,— сказал Чехов, причем схватил Сережу и начал подкидывать, как мячик.

Саша прыгала от восторга и визжала. Чехов бросился ловить ее. Дети умчались. Они прервали нашу беседу, и мы тоже пошли к дому. По дороге мы встретили «Вафлю» и сестру, очень довольных.

Чехов скорчил такую смешную физиономию, укоряя их, что они похитили его карасей. Это возмутительно, его ноги больше не будет на пруде.

День, как и вчера, кончился музыкой и пением...

На другой день я уехала из Бабкина.

Глава 3

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Вторая встреча с Антоном Павловичем произошла в 1893 году в Петербурге у меня на квартире, на Шпалерной улице. Чехов приехал по делам в Петербург. Заехал ко мне на минутку утром, говорил, что очень занят. Я пригласила его в тот же день обедать — долго колебался, но все-таки дал слово быть.

Боже, как изменился он за эти шесть лет!...— подумала я. Прежнего милого, веселого, шаловливого Чехова и помину не было. Одет он был корректно, по-столичному. Шапки вьющихся волос не стало; они не были характерно взъерошены, как прежде, они были гладко зачесаны и только на лбу один непокорный завиток напоминал прежнее. Лоб стал больше. Глаза глубже и больше. Весь облик носил печать жизненных передряг. Так что первый визит произвел на меня очень грустное впечатление.

К обеду он, конечно, опоздал. К счастью, моего мужа, с которым он был знаком только понаслышке, не было дома: он был в командировке.

В гостиную Чехов взошел очень застенчиво, извиняясь, что опоздал. Он окинул гостиную быстрым взглядом; я поняла его взгляд и поспешила сообщить ему, что муж мой не будет с нами обедать, так как он в отъезде.

Чехов вдруг просветлел и брякнул по-прежнему:

— Ах, как я рад! Знаете, Надежда Владимировна, ведь у меня таких хороших манер, как у вашего мужа, нет. Мой папаша и мамаша селедками торговали.

Обедали мы с ним вдвоем. За обедом Чехов старался держать себя по-столичному и был очень натянут, чем ставил меня в некоторое затруднение.

Я раньше много слыхала о его странностях и рассеянности, но тут, за обедом, я никак не ожидала их. И вдруг я вижу, что Чехов удивительно

странно вертит салфетку, будто она его страшно раздражает, он ее мял, крутил, наконец положил за спину. Сидел как на иголках. Я не могла понять, что все это значит?

Вдруг он опять выпалил:

— Извините, Надежда Владимировна, я не привык сидеть за обедом, я всегда ем на ходу.

Я не ожидала такого признания и сама почему-то сконфузилась.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, гуляйте, я забыла про эту вашу привычку.

— Вас я не стесняюсь, а вот ваш лакей меня стесняет,— сказал он мне тихо.

— Он сейчас уйдет.

Чехов стал ходить взад и вперед, подходил к столу, на минутку садился, как бы торопясь, ел и снова начинал ходить, произнося:

— Ничего не поделаешь, привычка.

Я постаралась кончить поскорее обед и перейти в гостиную, где было очень уютно и пылал камин.

Видимо, Антон Павлович был очень утомлен, я усадила его в покойное кресло. Сев в него, он произнес своим прежним тоном:

— Вот это я понимаю — хорошо! Люблю сидеть у огня. Вот бы еще сюда «Вафлю» за рояль.

Мы пили кофе, и разговор мало-помалу наладился на приятельский тон... Видимо, он отдохнул, был доволен, что никто не входил: камин так приятно разливал тепло. Мне очень хотелось спросить его, читал ли он мой рассказ и каково его мнение о нем...

— Как же, читал и слышал много отзывов.

— Верно ругали меня? — вырвалось у меня, и я страшно покраснела.

— Зачем? За что вас ругать? Напротив, хвалили, это нашего брата, работающего из-за куска хлеба, поносят. Вы, ведь, пишете так, «пурселепетан»*.

— Вы так думаете? — немного обиделась я.

— Не думаю, а говорю так потому, что уверен. Вы и ваша сестра, вы обе брызжете талантами, но, простите, из вас никогда ничего не выйдет потому что вы сыты и не нуждаетесь. Вы никогда не переступали порога редакции, куда наш брат ходит, как на пытку, стоит, как нищий с протянутой рукой, держа плод своих мучительных трудов. Чаще всего в его руку кладут камень, а не деньги, из-за недостатка которых он корчится и крутится, как дождевой червяк.

— Простите,— сказала я,— ведь так страдают бездарности, а не таланты же.

— Таланты?! — Он горько усмехнулся и очень серьезно продолжал: — Для того, чтобы вас признали талантом, чтобы печатали и поставили на путь славы, случай играет гораздо бóльшую роль, чем талант. Были писатели совершенно без таланта, которые сначала сумели попасть в тон, работая без устали, не смущаясь тем, что их произведения беспощадно им возвращали; упорным трудом научились писать по-литературному, и такие добивались цели и становились писателями не первоклассными, может быть, но заслуживающими внимания публики. С талантом без труда ничего сделать нельзя.

— Почему же вы, как друг моей сестры, ничего не говорили ей, не удержали ее от выступлений на литературном поприще?

— Как не говорил? Говорил, много, много раз говорил, ссорились. Она три дня не ловила карасей, чтобы не встретиться со мной. Я, правда, немножко пересолил, сказав, что она похожа на курицу, которая снесет

---

* Искаженное французское выражение: для препровождения времени.

яйцо и возвещает о своем произведении всему миру. Так, впрочем, делают и все женщины. Она ужасно рассердилась.

— И я бы рассердилась,— ответила я...— Знаете, Антон Павлович, вы очень изменились, прямо до неузнаваемости.

— Удивительного ничего нет. За эти шесть лет я постарел на двадцать лет.

— Неужели писательство на вас так дурно повлияло?

— Ах, знаете, давайте говорить лучше о чем-либо другом...— Он перевел разговор на Бабкино, куда он уже два года не ездил. Киселевых видел редко. С Марией Владимировной сначала переписывался очень часто, потом реже почему-то, сам не знаю, почему перестал писать. Думаю, что просто лень обуяла...

Он сказал:

— Как хорошо сидеть у вас в этих креслах. Я отдохнул. За день я набегался, почему-то стал быстро утомляться. Сегодня надо еще сделать кое-что. Завтра уеду в Москву.

Мы простились. Во всей его фигуре видна была такая усталость! Я подумала: весна его жизни миновала, лета не было, наступила прямо осень.

Он ушел. Я долго сидела одна, и было мне ужасно грустно. Такой короткий срок, такая невероятная перемена!

Глава 4

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

В 1899 году я зиму проводила в Крыму, в Алупке. В аптеке я случайно услышала, что Антон Павлович Чехов живет в Ялте. Это известие меня очень обрадовало.

В Алупке зимует народу мало, самое большее — семейств пять, шесть с тяжело больными... И вдруг имеется возможность повидать свежего человека, да еще кого же? Антона Павловича!

Бегом неслась я в гору к себе домой. Послала за моей верховой лошадью и поскакала в Ялту. День был свежий, но чудный. Море было, как летом: покойное, тихое и приветливое. Чехова дачу я нашла очень скоро. И, должна сознаться, что не без трепета подала в дверь свою карточку открывавшей мне дверь прислуге. Я чувствовала, что Антон Павлович уже не тот; про него кричит вся Ялта, за ним толпами бегают дамы, в окно бросают цветы. Стоит ему появиться только на музыке, его окружают поклонницы, воспевают ему фимиамы, льстят ему, пишут признания в любви, но он, по обыкновению, как мне говорили, идет и никого не замечает.

Все это рассказала мне знакомая, встретившая меня в Ялте. Рассказала, что он очень болен, что у него чахотка. Под впечатлением всех этих рассказов я была в большом волнении: примет он меня или нет. Ожидать пришлось очень долго. Положение становилось неловким. Наконец, явилась прислуга со словами: «Просят подождать в гостиной».

Зашла в гостиную с полузакрытыми ставнями. Целый час я просидела в гостиной... Но вот дверь открылась и вышел незнакомый человек с лицом, похожим на пергамент.

— Верно, доктор,— мелькнуло у меня в голове,— оттого и ждать пришлось.

Вошедший остановился как бы в нерешительности, я тоже сидела на своем месте, как вдруг он обеими руками схватился за голову и надорванным голосом произнес:

— Ах, черви, милые черви! Ведь я не хотел вас принять. Я знал, что вы всколыхнете во мне... прошлое.

Он сильно закашлялся.

Я стояла перед ним, не зная, что делать, что сказать.

— Ну, здравствуйте же! — сказал он. Взял мою руку, крепко поцеловал два раза. Потом сел опять, закрыв лицо руками и помолчав, сказал:

— О, как вы мне напомнили счастливые дни в Бабкине!

Голос у него дрогнул... Я растерялась и не знала, что сказать. Совсем неожиданно для себя я спросила:

— Антон Павлович, какие черви? Я не понимаю.

Не отрывая рук от лица, он проговорил:

— Да, да, этого вы ведь не знаете. Это когда мы делали вам смотрины и лазили под балкон по очереди за червями.

Я засмеялась. Он посмотрел на меня так хорошо, пристально, по-старому произнеся:

— Но... вы, вы больны?

— Да, лечу пятое воспаление легких,— ответила я.

Он покачал головой, посмотрел куда-то вдаль, лицо было какое-то грустное, голос хрипловатый, глаза с лихорадочным блеском. Перекинулись несколькими пустыми словами... Опять молчание.

— Какая у вас хорошенькая дачка,— сказала я, чтобы что-нибудь сказать.

— Я еще другую купил.

— Вот как. Где же? В Ялте же?

Он назвал местечко за Лименами. Я несколько раз туда ездила верхом, но дорога там так ужасна, что верхом трудно проехать. Я удивилась и сказала:

— Ведь там же ничего нет, кроме одного домика, стоящего одной ногою в море.

— Вот, вот, его-то я и купил.

— Вот фантазия! — возмутилась я.— Что же, будете жить там как рак-отшельник?

— Хотел.

— Туда же ведь и дороги нет,— приходится ехать чуть не по крышам саклей!

— Это-то мне и нравится. Я уже начал его обставлять — везу туда несколько чайных чашек.

— Какой вы чудак! — сказала я.

— Поневоле станешь чудаком, когда все потеряно и жизнь гаснет, как свеча.

Он начал часто кашлять. Вид у него был больного человека. Мне казалось, что разговор мой его утомляет... Я встала, встал и он.

— Когда поедете на вашу новую дачу, заезжайте ко мне, ведь мимо.

— Заеду,— проговорил он, смотря на меня такими грустными глазами, что казалось вот-вот у него покатятся слезы. У меня они уже подступали к горлу. Взял мою руку, поцеловал и как-то судорожно отбросил ее, повернулся и молча ушел. Ушла и я, давясь слезами...

До самой Алупки я ехала шагом, вспоминая мельчайшие подробности нашей встречи. Эти страдальческие глаза, эти глубокие морщины точно на пергаментном лбу!..

О бабкинских ни о ком ни слова... Меня мучила мысль, почему же о бабкинских ни слова, главное, о моей сестре, которую он так глубоко уважал и любил. Загадка эта стала мне понятна, когда я случайно узнала от знакомых, что между сестрой и Чеховым пробежала черная кошка из-за дружбы с Суворином, которую она осуждала, о чем и написала ему откровенно [8], но он ей не ответил. Так их переписка и кончилась, и больше они не видались.

Больше не видалась и я.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И. П. Чехов не был земским учителем, а служил в продолжение 1880—1884 гг. в приходском училище, построенном фабрикантом Цуриковым в Воскресенске.

[2] Чехов окончил университет в 1884 г.

[3] По устному рассказу М. П. Чеховой этот эпизод описан у Голубевой неверно. Вскрывали нарыв у девочки из Бабкина. Мария Павловна сказала Киселевой, что хорошо бы вскрыть нарыв, так как он совсем назрел. Антона Павловича не было. Мария Владимировна и Мария Павловна взяли у него два скальпеля и стали вскрывать, но скальпель оказался тупым, и сразу не удалось сделать разрез. Когда нарыв был вскрыт, то Мария Павловна вспомнила, что Антон Павлович рассказывал, как он недавно вскрывал труп и как это было трудно тупым скальпелем; невольно пришло в голову, что если это тот же скальпель, то девочку могли заразить трупным ядом. Мария Павловна помнит, как она ходила по парку и мучилась. Приехал Антон Павлович и рассеял все сомнения: он пользовался другим скальпелем.

[4] Павел Арсеньевич *Архангельский* (ум. 1914 г.) — врач Чикинской земской больницы, в двух верстах от Воскресенска; будучи студентом, Чехов работал у Архангельского. В архиве Чехова имеется три письма к нему Архангельского. Им опубликованы мемуары: «Из воспоминаний об А. П. Чехове».— «Отчет благотворительного общества при Воскресенской земской больнице за 1910 г.». М., 1911, стр. 28—32.

[5] Мария Морицовна Архангельская (ум. 1901 г.).

[6] Быть может, первоначально Тышко и нашел приют у Киселевых, но в 1885—1887 гг. он жил в Воскресенске и при Чеховых только бывал в Бабкине. 27 февраля 1886 г. Киселев писал Чехову: «Сейчас еду к Тышёнку... кушать заливное, самим им приготовленное».

[7] Рассказ этот, по-видимому, неточен. М. П. Чехова эпизод с Левитаном и револьвером передает так. Однажды Левитан, никого не предупредив, приехал под Воскресенск и поселился в Максимовке близ Бабкина. Братья Чеховы направились к нему. Приходят, оказывается Левитан стрелял в себя, но попал в стену. На него находили припадки тоски, или, как выразилась Мария Павловна, — мерлехлюндии. Однако версия М. П. Чеховой в свою очередь расходится с рассказом М. П. Чехова, который сообщает, что о приезде Левитана узнали очень поздно, шел дождь, тем не менее отправились в Максимовку. Левитан уже спал; Чеховы, не постучавшись, «вломились» в избу и направили на постель Левитана фонарь, он схватил револьвер и решил защищаться («Вокруг Чехова», стр. 141).

[8] Мемуаристка передает неверную версию ссоры Чехова с Киселевой. Письма М. В. Киселевой о Суворине нет в архиве Чехова. Переписка с Киселевыми была и в 1900 г. Эта переписка подлежит изучению, так как связь с Киселевыми и впечатления от Бабкина имели многообразное значение для творчества Чехова. Укажем на три факта, не известных в литературе о Чехове.

24 сентября 1886 г. Киселев писал Чехову: «Раздражает меня вконец Елизавета Александровна. Финал всему, что она решительно нас покидает. Вопрос теперь в том — как с ней расплатиться? Заглянув в книжку, я подвел итог, вышло должен Елизавете Александровне 536 руб. 40 копеек. А я все-таки придумал — посадил мою литераторшу и заставил ее написать слезливое письмо пензенской тетушке, выручай, дескать, меня, мужа и детей, избавь нас от кикиморы-шипелы». Также в письме от 6 октября того же года: «Судьба наша в руках пензенской тетушки, если нам улыбнется, то ставлю две бутылки настоящего Редерер». В пьесе «Вишневый сад» надежды Гаева и Раневской на ярославскую тетушку, которая должна была прислать десять тысяч, чтобы выкупить вишневый сад, опираются на бабкинские разговоры и письма о пензенской тетушке. Советы Лопахина и споры о том, как спасти вишневый сад, представляют живой отклик на обстоятельства бабкинской жизни. Киселев писал Чехову 4 февраля 1900 г.: «Жаль только, что мы решились окончательно проститься с Бабкиным, должны продать и как можно скорей, чтобы развязаться с долгами, которые измучили нас вконец. Предполагали продать половину Бабкина, ту часть, которая к лесу и по дороге к Ефимонову, под выстройку дач, в виду скорого открытия Виндавской жел. дор., но такая продажа не может состояться по простой причине, что нет охотников строиться». Бабкино перед революцией принадлежало известной в Москве фирме Колесниковых, державших в Бабкине обширную белошвейную мастерскую.

Есть еще одна фигура в бабкинском окружении, которую следует отметить в связи с творчеством Чехова. Княгиня в одноименном рассказе Чехова и описание ее поездок в монастырь близко напоминает кн. Веру Николаевну Лобанову-Ростовскую, проживавшую верстах в шести от Бабкина и в десяти — от Нового Иерусалима в своем имении «Горки», где дом был обставлен с исключительной роскошью, находившейся в резком контрасте с окружающей бедностью. 1 октября 1886 г. Киселев писал Чехову: «Третьего дня был у кн. Лобановой, завтра опять еду на целый день и вечер, а может и ночь захвачу. Хороша собой и богата, а я сижу без гроша». В следующем письме Киселев снова писал о Лобановой.

К. А. КАРАТЫГИНА. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ

КАК Я ПОЗНАКОМИЛАСЬ С АНТОНОМ ПАВЛОВИЧЕМ

Публикация Е. М. Хмелевской

Клеопатра Александровна Каратыгина (урожд. Глухарева, 1848—1934), актриса, выступавшая во многих провинциальных театрах, затем в Малом, Александринском и других столичных театрах. Муж ее, Антон Андреевич Каратыгин (1840—1874), был племянником знаменитого русского трагика В. А. Каратыгина.

За год до смерти она написала автобиографию, которая была передана в 1941 г. в ИРЛИ вместе с письмами Чехова к Каратыгиной и публикуемыми ниже «Воспоминаниями». Автобиография посвящена главным образом годам учения и поступлению на драматическую сцену. Пять писем Чехова к Каратыгиной вошли в Полное собрание сочинений. В ЛБ находится тридцать семь писем, записок и телеграмм Каратыгиной к Чехову за годы: 1889—1892, 1894—1896, 1898, 1899, 1901, 1904 (ф. 331, 47/13[а, б, в]).

Публикуемые ниже «Воспоминания» печатаются по рукописи, хранящейся в ИРЛИ (РІ, оп. 12, № 327). Написаны они в 1926 г. Обладая прекрасной памятью, Каратыгина воскресила в них некоторые забытые эпизоды из жизни Чехова, передала свои беседы с писателем, описала его московский кабинет и т. д. Достоверность «Воспоминаний» не вызывает сомнений, так как в тех случаях, когда Каратыгина говорит об уже известных фактах, они подтверждаются другими источниками. Некоторые допущенные ею мелкие ошибки исправлены в примечаниях.

Центральное место в «Воспоминаниях» отведено пребыванию Чехова в Одессе в июле 1889 г. среди артистов Малого театра. Об этом еще раньше писал в своих воспоминаниях «О Чехове» П. А. Сергеенко: «Летом 1889 г. мне пришлось ехать из Мариуполя в Одессу и познакомиться на пароходе с труппой из артистов московского Малого театра: К. Каратыгиной, Пановой, И. Н. Грековым, О. Правдиным, А. П. Ленским и другими. У нас оказались общие знакомые в Москве и, между прочим, Антон Павлович Чехов. Он в это время переживал тяжелый период — утрату своего любимого брата Николая. Кто-то подал мысль, как бы хорошо было залучить Чехова в Одессу, где он никогда не был. Это могло бы его развлечь, а мы вместе посильно постарались бы облегчить его горе. Помню, А. П. Ленский так и загорелся от этого плана: он очень любил Чехова и бесподобно читал его очерки.

— Отлично! Превосходно! Надо написать ему. А еще лучше: послать депешу.

Все согласились. Была составлена депеша, даже, кажется, в стихах,— и послана Чехову. С телеграммой, как это часто бывает, вышла какая-то путаница. Но в заключение все окончилось к общему удовольствию. Чехов извещал, что приедет в Одессу. И, действительно, через несколько дней он приехал с своим меньшим братом, народным учителем Иваном Павловичем» («Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива“», 1904, X, стб. 211—212).

В ответ на приглашение Чехов послал Сергеенко 25 июня 1889 г. следующую телеграмму: «Если Ленского зовут Александром Павловичем, то выеду вторник. Телеграфируй, какой остановиться гостинице. Чехов» (XIV, 378).

Очевидно путаница, о которой вспоминал Сергеенко, произошла с именем Ленского. Чехов писал 2 июля 1889 г. А. С. Суворину о своем намерении ехать в Одессу после

вторника, т. е. после 4 июля (см. XIV, 391), а 16 июля 1889 г. он писал И. П. Чехову уже с парохода «Ольга», по дороге из Одессы в Ялту. Следовательно, в Одессе Чехов был от 5 до 15 июля 1889 г. В этом письме к И. П. Чехову, который, очевидно, уехал из Одессы раньше, Чехов рассказывает о своем житье в Одессе и об окружающих его там лицах. Письмо Чехова во многом комментирует «Воспоминания» Каратыгиной и вместе с тем подтверждает их правильность (см. XIV, 381—383).

Прошло 22 года смерти, преждевременной, жестокой смерти, похитившей Чехова в самый расцвет его яркого таланта, и не можешь забыть его ни как писателя, ни как человека.

Когда я кой-кому рассказывала о моей встрече и знакомстве с ним, меня убеждали напечатать воспоминания об этом. Решаюсь дебютировать, ибо убеждена, что Антон Павлович поощрил бы эту мою попытку. Как-то раз я, увлеченная его произведениями, выдумала кой-что из них соединить и инсценировать и спросила на то его разрешения и одобрения, он ответил: «Валяйте! Благословляю!» Но я убоялась и осталась при намерении. Теперь отваживаюсь. Свое калечить не так ответственно, да и намерение мое благо. Авось не ошикают 79-тилетнюю дебютантку. Итак...

С 1883 г. по 1900 г. я неизменно участвовала во всех артистических летних поездках драматической труппы императорского Московского Малого театра, где несла ответственный репертуар характерных, комических старух и гранд-дам. Душою дела и управляющим был Осип Андреевич Правдин [1]. В состав труппы переменно входили артистки и артисты, подобных которым не было и нет: Ермолова, Федотова, Медведева, Садовская, Никулина, Лешковская, А. Яблочкина, А. П. Ленский, Горев, М. Садовский, Рыбаков, Н. Музиль, Макшеев, Багров, Рыжов. Репертуар: «Укрощение строптивой», «Гамлет», «Орлеанская дева», «Мария Стюарт», «Бешеные деньги», «Дон Жуан», «Медея» [2] и «Последняя воля» [3], «Горе от ума», «Цепи» [4] и т. п.

Города: Одесса, Тифлис, Варшава, Киев, Волга и все крупные города России.

Мы любили посещать Одессу, тогда еще красивую, благодаря городскому голове Маразли [5], где был чудный большой театр и море и где публика нас хорошо принимала.

В 1889 г. с нами поехал Ал. Павл. Ленский. Гамлет, Дон Жуан, Сюлливан и проч.[6] Был, конечно, Правдин, Греков[7],— все с женами.

Между ними шли оживленные толки о Чехове, который находился около умирающего брата, художника Николая. Затем, говорят, брат скончался. Усиленный разговор о том, чтобы выписать Антошу Чехова с тем, чтобы его развлекать.

О Чехове тогда уже много говорили как о яркой восходящей звезде и интересном литературном таланте. Я многое его читала и, конечно, «Пестрые рассказы» [8], от которых пришла в восторг. Позднее Антон Павлович взял у меня этот экземпляр для переиздания и даже шутя дал расписку, что возвратит этот именно том (расписку берегу), но возвратил переизданный. От старого тома у меня осталась только курьезная виньетка с подписью Чехонте [9]. При разговорах о Чехове и слухах о его приезде у меня, как говорится, были ушки на макушке. Работа в поездках, по крайней мере у меня, была каторжная. Каждый день репетиции, спектакли. Часто сегодня в одном городе, завтра в другом. Ночью укладка костюмов на машину, в пять утра с машины на пароход. В четыре часа дня приезжаем в гостиницу чужого города, разбор костюмов, а в восемь спектакль. И мы были счастливы, когда добирались до Одессы, до морского купанья!! Это был у нас сравнительный отдых.

И вот выдался денек полной свободы, и мы компанией отправились на «Большой Фонтан». Мужчины кончили купанье, вышли на верхнюю площадку и с кем-то оживленно беседуют. Смотрю, молодой человек, стройный, изящный, приятное лицо, с небольшой пушистой бородкой; одет в серую пару, на голове мягкая колибрийка «пирожком», красивый галстух, а у сорочки на груди и рукавах плоенные брыжжи. В общем, впечатление элегантности, но... о ужас!! держит в руках большой бумажный картуз (по-старинному «фунтик») и грызет семечки... (привычка южан). Спрашиваю: «Кто это?» — «Разве не знаете?! Это Чехов!» — Чехов??! Грызет семечки? Звезда... Литератор... с фунтиком!.. Чувствую, облака подо мной опускаются... Ленский кричит: «Антон Павлович, идите сюда! позвольте вас представить нашей Клеопатре, которая не верит, что вы Чехов, потому что вы грызете семечки». Чехов живо подошел, раскланялся. «Я самый и есть. Выписан сюда на гастроли. Не угодно ли?» — предлагает мне семечек. Презирая это занятие, огорченная, разочарованная, я смущенно помотала головой, а так как почти стемнело и мы собрались ехать, то он предложил мне руку и, продолжая грызть ненавистные семечки, сел со мной на извозчика, всю дорогу убеждал меня погрызть, болтал и смешил.

Я была спасена. Он вывел меня из отчаянного положения. Я вообще из диких, мало общительна, говорить не умею, а тут пришлось внезапно познакомиться с восходящей звездой, литератором, значит существом особенным, да еще молодым — того гляди, на смех подымет. С таким существом и разговор должен быть особенный, мало того, что умный, но еще и стильный и уже во всяком случае сверхграмотный... Словом, сидела я на гвоздях и кляла и Ленского, и себя, и «счастливый случай». Но Чехов учуял мое несчастное положение, сумел втянуть меня в разговор, и я всю дорогу болтала и хохотала. Вернувшись домой в Одессу в нашу «Северную гостиницу», мы отправились всей компанией ужинать. Антон Павлович был так мил, так прост, так пленил своим юмором, что я была положительно очарована. С этого дня мы с ним подружились.

Наша артистическая компания делилась на три разряда: к первому принадлежали люди обеспеченные и в Москве, и в поездке большим жалованием, они могли есть, что хотели, и делать интересные покупки. Понынешнему, их назвали бы буржуями. Второй разряд хотя работал много и хорошо, но получал значительно меньше. Ведь и прежде была, да и теперь есть, система *не подносить два гриба на ложке*. А раз получали меньше, то соответственно и расходовать могли меньше. Но мы, особенно женщины, старались иметь определенный угол и какое-то хозяйство в складчину. Гнездо, как у старшей, было у меня, компаньонками моими по хозяйству были: Г〈лафира〉 В〈икторовна〉 П〈анова〉, молоденькая, только начавшая свой артистический рост девушка, уехавшая в первый раз от папаши и мамаши и всего конфузившаяся. Позднее она вышла замуж за артиста Арбенина и теперь бабушка-красавица [10]. Вторая компаньонка была Е. П. А., немного уже видевшая свет и раньше знакомая с Чеховым [11]. И она теперь замужем и мать семейства. Иногда к нам присоединялся М. Ф. Багров [12].

Отдых наш был после спектакля, когда мы могли и попить чайку, и поесть, и наболтаться вдосталь. Сборный пункт был всегда у меня в № 48, в четвертом этаже «Северной гостиницы». Комната эта стала с этих пор исторической.

Раз блаженствуем мы после спектакля за самоварчиком, стук в дверь. — «Кто? Войдите!!» Вдруг в приотворенную дверь лезет белое длинное узкое полено. «Ай! Ой! Что это? Что это?» — «Это мы!» Смотрим, вылезает из двери держащий в руках полено (оказавшееся длиннейшим белым французским хлебом) длинный худой мужчина с черной головой и за ним

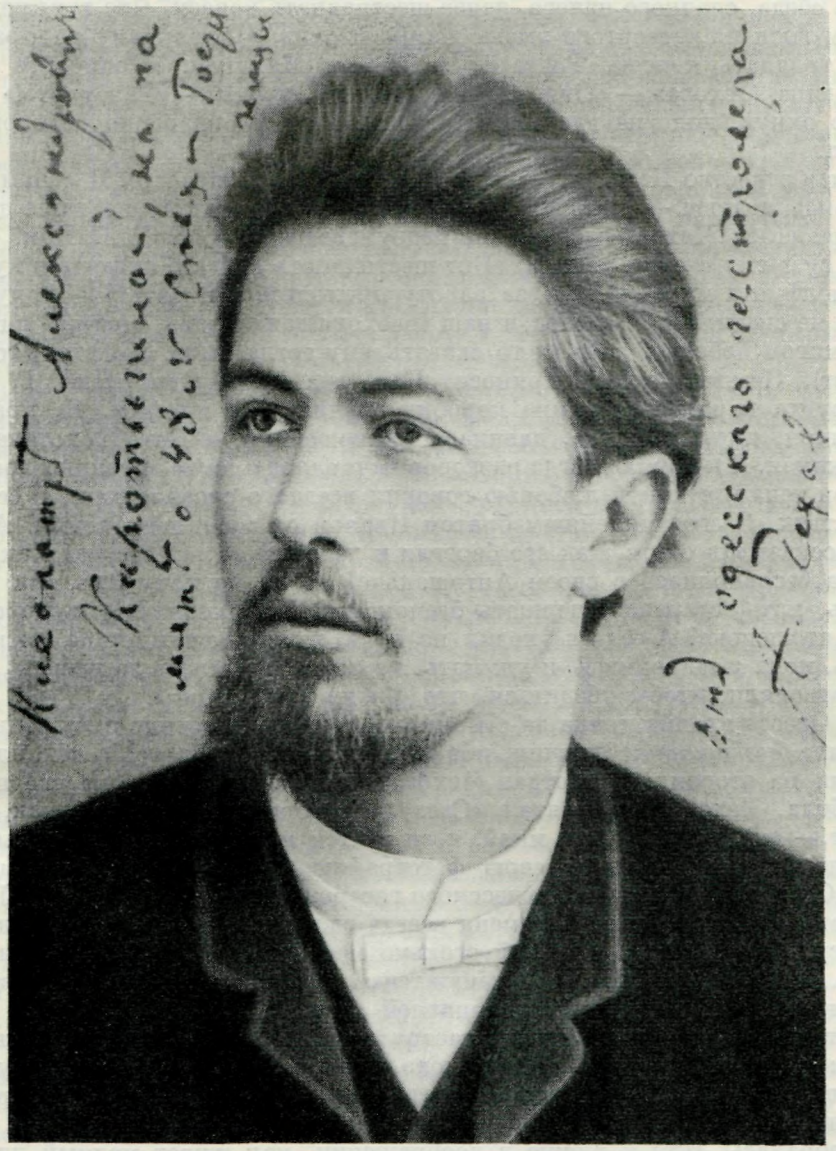
Антон Павлович Чехов. «Ради бога, простите, не гоните и напоите чайком! Вот это хлеб-соль, это дыня, это сосиски, и это Сергеенко! [13] Мужчина смирный, но курящий. Разоружайся!» — обратился он к Сергеенко, который стоял с булкой, как солдат с ружьем. Поднялась суматоха: куда девать булку? Комната небольшая, стол тоже. Решили разрезать ее на три части, подостлав на сундуке газеты. Я была сконфужена и даже обижена приношением, но объявили: иначе нельзя, складчина! Позвонили еще стаканов! Их принес старый лакей Михайло, несмотря на позднее время одетый во фрак и белые нитяные перчатки. У нас были два лакея, оба Михайлы. Этого мы прозвали Михаил Архангел, ибо он был важен, строг и часто читал нам нравоучения. Второго мы прозвали Михайло Маленький, хотя он был с сединой, имел пятерых детей и жена его, Марья, была постоянно беременна.

Чехов начал передо мной извиняться за несвоевременное посещение. «Подумайте только, выписали меня ваши управляющие с тем, чтобы меня развлекать, а придешь к ним, вечно ставни закрыты, сидят раздетые, едят и считают и пишут. Считают и едят. Щелканье счетов, табак, соусом пахнет... У вас, слышу, смех, жизнь даже после усталости от спектакля. Думаю, сунусь, авось приютят?» — Ну и, конечно, приютили с восторгом! С этого дня пошло у нас с чаепитием такие веселье и смех, какие мог возбудить только Чехов [14]. И кто бы мог предполагать, что этот жизнерадостный человек, умевший благодаря своему сверкающему юмору заставлять вас забывать ваши невзгоды, кто мог бы предполагать, что он уже обречен.

Беседы наши длились часов до двух, до трех. Эти вечера Сергеенко в своих воспоминаниях о Чехове (приложение «Нивы») назвал «беседы Антония и Клеопатры». Как теперь помню Сергеенко: необыкновенно тихий, спокойный человек, чересчур даже. Полный контраст со всегда подвижным и оживленным Чеховым. Его место за моим небольшим столом находилось около ниши, где за занавеской висели мои костюмы. Он всегда что-то повествовал таинственным голосом, размахивая рукой, в которой была папироса, и я умирала, что он заронит огонь и сожжет мои туалеты. Он почти не расставался с Чеховым, и мы прозвали их «молодой дуб и павилика».

На другой день Антон Павлович принес мне том своих «Рассказов», где была напечатана «Тина». Я, конечно, была в восторге от его любезности. Чехов слышал, что я исколесила всю Россию и Сибирь с Кяхтой и Сахалином, и по этому случаю надписал на книге: «Великой Артистке Земли Русской» [15]. Я говорю: «Что за надпись? Зачем издеваетесь? Никому нельзя будет похвастать вашим подарком, будут смеяться». — «А зачем,— говорит,— вы называете меня нарядным литератором? [16] Будут смеяться? А пускай покатаются с ваше и по вашему да потом и смеются». Стала я читать «Тина», смотрю подчеркнута. Спрашиваю, намеренно подчеркнули? Говорит: «Да!» Почему? — «С живой списано». Через несколько дней он принес мне «В сумерках» с такой же надписью [17]. Да позднее и в письмах так же величал.

Помню, застал он меня как-то в слезах и злую ужасно. «В чем дело?» — Да как же, работаю и так, как лошадь, прошу, чтобы избавили меня от роли «Смерти» в «Дон-Жуане», нет, ни за что! Мне омерзительно натягивать на себя костюм скелета, а Правдин заставляет, потому что, говорит, «худей тебя человека нет». Тогда Чехов серьезно говорит: «Мадам, вы знаете, я доктор? Дайте мне листок бумаги, вот, закажите в аптеке и покончите с ними разом». Читаю: «яд для отравления Правдина и Грекова». Я, в раже не прочитав рецепта, решив, что можем попасть под суд, сдуру разорвала рецепт и этим лишила себя курьезной памятки. Так ⟨как⟩ я была и есть очень вспыльчива и болезненно мнительна, то Чехов прозвал



ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Клеопатре Александровне Каратыгиной, на память о 48 № Северной гостиницы от одесского гастролера. А. Чехов»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

меня «Самоедкой» в буквальном смысле этого слова. Помню, как-то, все в той же Одессе, собрались мы втроем — Е. А., Г. П.[18] и я — пить чай после обеда, сладкого ничего, денег шестнадцать копеек. Что тут купишь? Самим идти из четвертого этажа жарко и лень. Посыльному надо заплатить тридцать копеек. Тогда Е. А. звонит Михайле: «Попросите сюда господина Чехова».— «Они *сплиям* (значит *спят*)».— «Разбудите!» Михайло охнул, дико на нас посмотрел, покачал укоризненно головой, но пошел.

Зная озорство Кати, я заахала: «Катя, что вы затеваете? Я с ним едва знакома» и проч.— «Молчите,— говорит,— гувернантка, не ваше дело».

Прибегает Чехов, заспанный, недоумевающий — ??? Что? Как? Что? Катя сует ему в руки медяки: «Вот шестнадцать копеек, сходите и купите нам полфунта мармелада, а за работу приходите чай пить!» — Я чуть со стула не скатилась от ужаса, а наш «восходящая звезда», «модный литератор» мигом побежал вниз (и то сказать, ему тогда было, кажется, только 29 лет). Немного погодя приносит Кате два фунта мармелада, Г. П.— два фунта карамелек, а мне коробку английского печенья. Я, красная как пион, чуть не плача, давилась приношением, а Катя хохотала как одержимая. И я помню, когда разговор начинался о семье, о родных вообще, как он тепло, с какой любовью говорил всегда о своей матери, о сестре, о братьях. С его милейшим братом Иваном он меня познакомил. А как он рассказывал о том, как его берегли и лелеяли мать и сестра! Как мать всегда беспокоилась о своем Антошеньке! «Если не хочу есть или задумаюсь, мать, стараясь сдержать беспокойство, подходила: уж здоров ли ты, Антошенька? А если я уходил из дома, то они до тех пор не ложились спать, пока я не вернусь, и уж мать, наверно, пряталась за дверью, пока мне отворяли, чтобы убедиться, что я жив и невредим».

В Одессе прачка драла за стирку, что хотела, особенно с мужчин, холостых, *беззащитных* мужчин, ибо мы, женщины, грызлись с нею или отдавали на сторону. Вот отдал Чехов чесучовую пару, и она его прямо ограбила. Чехов счет спрятал. «Свезу,— говорит,— маменьке, как,— говорит,— она заахает надо мной, я ей счет и покажу...». Перед отъездом из Одессы он подарил мне свою фотографию с надписью: «На память о 48 № Северной гостиницы от одесского гастролера. А. Чехова»[19]. Когда я смотрю на этот портрет, у меня всегда сжимается сердце. Возмутительная судьба. Человек, который столько мог бы еще создать для литературы, лежит в могиле, а мы вынуждены питаться иногда прямо сверхъестественной и совершенно непонятной дрянью.

Итак, одесские наши летние гастроли (18)89 г. кончились, и мы поехали по домам. Он взял с меня слово, что я в Москве обязательно у него побываю. По приезде в Москву встретились как-то в театре, потом пришел ко мне, принес торт и сделал выговор, зачем не иду к нему.

Собралась. Иду и рисую в воображении, как живет модный литератор... Нашла дом. Сколько помню, на Садовой, дом Фирганг против Вдовьего дома [20]. И вот, не без волненья и трепета, звоню и попадаю, наконец, в кабинет его.

А вот каков был рабочий кабинет у «восходящей звезды». Из двери направо по стенке — рабочий стол, на нем направо — рукопись, чернильница, перья, карандаши и несколько фотографий знаменитых писателей без рамок. Над столом — картина его любимца Левитана — грустная серая река в грустных серых берегах; по другой стене — открытый ломберный стол и на нем фотографии без рамок, в углу — печка. Несколько стульев. На полу — две малороссийских плахты. Напротив входной двери — еще дверь, и над ней прибиты веером шесть деревянных круглых красных ложек. Налево от входной двери — два окна. Вот и все. Вот, где тогда работал Чехов. Вот, где он нам писал такие чудесные вещи. Вот, когда оправ-

далась пословица: «не красна изба углами, а красна пирогами». А вкусные и занятные пироги пек нам Чехов. За дверью в другую комнату я услыхала шорох. «Там,— говорит,— моя тайная канцелярия. Там мой братишка Миша переписывает мое писание». Антон Павлович не предупреждал меня, когда у него свободные часы, и боюсь, что я ввалилась во время его работы. «Вот,— говорит,— пишу большую вещь, заставляют. Восемьдесят листов. Говорят, надо писать большое, не закисать на мелочи. Боюсь. Что-то выйдет из этого» [21]. Я позволила себе сказать ему: «Но ваши мелкие вещи так ярки и так образны, не забрасывайте их». В разговоре я спросила его: «Не рассердитесь, если я задам вам вопрос?» Пошутил: «Дерзайте, живы останетесь». «Отчего, скажите, несмотря на то, что в большей части ваших рассказов вы можете мертвого рассмешить, везде у вас звенит какая-то скорбная струна?» Тогда он серьезно сказал: «А что же на свете веселого, сударыня моя, покажите пальчиком». Он все подводил меня к картине Левитана. Сделает из руки трубочку и любуется. «Посмотрите, посмотрите! Какая красота!». А на меня от этой картины веяло грустью и смертью.

В этот сезон в Москве он бывал у меня довольно часто. Мы с сестрой моей, артисткой Н. А. Гусевой [22], нанимали у немцев две комнаты. Моя была параднее, но в стороне, и ход через немецкую гостиную мимо двух страшно злющих охотничьих собак, которых и я, и Чехов страшно боялись. Сестрина комната была ближе к входной двери. Обстановка очень скромная, и мы конфузились принимать его там, но он ее предпочитал. «Тут,— говорит,— пятки по крайней мере целы будут». Комната сама по себе была длинная и такая узкая, что вытягивая руки и раскачиваясь, он касался стен, и это страшно его забавляло. Бывало не посидит, а все ходит и говорит, говорит. И ведь не скучал же он у нас. А раз показали мы ему поближе нашу служанку: огромную мужского роста деревенскую девку, босоногую, с тонкой косичкой, перевязанной тряпкой, в страшно коротком старом красном сарафане и плисовой когда-то черной кофте, которая на ее монументальном бюсте порыжела и протиралась,— при виде ее его удовольствию не было границ. Попросил ее принести стакан воды. Конечно, принесла в руках. Я сделала ей замечание: «Что это? Разве так вежливо, Дорина?» Девка разобиделась, окрысилась: «Я не Дорина, да никогда еще ей и не была. Может, ваши питерские Дорины, а я не таковская и не смеете стрямить...» — хлопнула дверью и ушла, а мы все трое чуть не попадали от этого дивертисмента, как назвал это происшествие Чехов, который хохотал до слез.

Раз пришел он в мою комнату. День был ясный. Стоит у окна с книгой. «Вот, великая артистка земли русской, вот вам моя „Скучная история", читайте на здоровье!» [23] Я была очень тронута его вниманием. Я глядела на него, я и теперь ярко помню его лицо, выражение его глаз. Они вообще были у него такие ясные, такие лучистые, но в эту минуту в них было какое-то особенное выражение. Он смотрел куда-то вдаль и улыбался. Я уверена, что в эти минуты он думал о своем славном будущем и был неизмеримо счастлив... Я молчала, не шевелилась, не смела нарушить его дум... По-моему, это было самое лучшее его время. О нем начали много говорить и писать, слава его росла [24], и тогда он был еще здоров...

Помню, как-то позднее он мне прислал журнал, где он на рисунке был изображен в красках, русским мужичком, стоящим на телеге, которую везут Иванов, Леший и Медведь [25]. Дальше мы виделись урывками, у него было много работы. В 1890 г. он собирался в Сибирь и на Сахалин [26]. Суворин горячо этому содействовал. И вот, конечно, это путешествие по отчаянным дорогам, в распутицу, на лодках между льдинами или пешком по колено в ледяной воде, под дождем и снегом, все это, а также

и напряженная литературная работа, несомненно, укокошили его. Стоит прочитать в его «Сахалине» страницы 5, 117 до 121 в томе XV [27], так не надо другого доказательства причин его преждевременной гибели.

Пред отъездом в Сибирь он был у меня раза три; веселье его куда-то исчезло, я сказала бы скорей, что он был мрачен. Из путешествия он мне написал два большие письма [28]. По возвращении он написал свой «Сахалин», много пьес, блестящих рассказов. Он был выбран почетным членом императорской Академии наук (но отказался от этого звания). В ⟨18⟩91 г. ездил за границу. Потом с ⟨18⟩92 г. купил имение Мелихово, где он до ⟨18⟩97 г. жил с семьей и наезжал в Москву и Питер, строился и работал, писал, писал... и был нарасхват. Его самого, его талант, его славу любили — кто эгоистически, кто искренно. Носились с ним, его чествовали, но все время подгоняли: работай, твори! Подгоняли, правда, кнутиком из роз и лавров, но подгоняли, не давая передышки... Кто-то выразился: «кто любил, тот и убил», повторилась сказка о курице, несшей золотые яйца. Но милее всего то, что те же люди, которые прежде крепко держали его в своих объятиях, много лет спустя после его смерти трунили над ним в газетных статейках. Есть пословица: «лежачего не бьют», вероятно, из опаски, что лежачий отлежится, да как встанет, сам хватит. Ну, а мертвого, почему не лягнуть, безопасно... [29].

Да! После возвращения с Сахалина слава его росла не по дням, а по часам, но в это же время болезнь нещадно прогрессировала, и смерть протягивала за ним свою проклятую костлявую руку. Но окрыленный успехом, Чехов всячески отбивался и бодрился, хотя настроение его делалось мрачнее и он как врач чувствовал, что с ним творится.

Раньше, пока он жил в Лопасне, он очень звал меня туда в гости, но я по дикости своей не поехала.

Не один раз он еще дарил мне свои произведения, а раз из-за границы он привез мелкие подарки всем своим сожителям в Лопасню, и мне подарил записную книжку. «Больше,— говорит,— как по одной штуке не пропускают». Помню, как Чехов злился на одну из наших дам, которая задумала женить его на прелестной, молоденькой, скромной артистке из хорошей, честной семьи, Г. П.: «И что эта Л.[30] сует свой нос куда не следует! Никогда артисты, художники не должны соединяться браком. Каждый художник, писатель, артист *любит лишь свое искусство, весь поглощен лишь им*, какая же тут может быть взаимная любовь супружеская?»

Помню, с 1895/96 г. Литературно-художественное общество перенесло свою театральную деятельность в театр на Фонтанку, 65. Было несколько содиректоров (из которых благополучен по сие время, кажется, только один А. Р. Кугель). В состав труппы вступила и я. О чем я уже раньше знала из письма Чехова. В труппе были такие величины, как Стрепетова, Далматов. Дело было поставлено солидно и красиво. Во главе был Алексей Сергеевич Суворин [31].

Старик любил дело, но был безмерно груб и лют. Я старалась избегать с ним всяких встреч и столкновений, ибо сама человек горячий.

Давали раз «Бедность не порок» с Мих. Ад. Михайловым [32]. Чудный был артист и человек. Суворина, который его очень любил, он изводил тем, что иногда, как только огромная ответственная роль, он приезжал с блинов. В названном выше спектакле Любовь Гордеевну играла Пасхалова [33]. Я была свободна, Чехов был в театре. Поймал меня за кулисами — потащил: «Пойдем смотреть!» Говорю: «Мест нет». «Пойдемте в директорскую ложу». Я упираться. Потащил. Спектакль был начат. Побежали кругом по коридору. Капельдинера, конечно, не было, Чехов все время держал меня под руку, метался, отворял разные двери и вдруг... Ах!!.. Оба сконфузились... Наконец, попали. В передней ложе сидит перед нами

Суворин в пальто, шапке и с палкой. Стучит, бурчит, я предчувствовала дикую выходку и умоляла Чехова меня выпустить, но он уверял, что будет занятно, и убеждал сидеть. Пасхалова по ходу пьесы сидела на авансцене спиной к ложе Суворина. Слышим: «Мишка! проклятый Мишка! Ну, погоди ж ты!.. Ах мерзавка, ах мерзавка! Чего она головой вертит? Сейчас схвачу ее за косу!» Чехов успел схватить его за рукав пальто... Я струсила, вылетела из ложи, и потом мы так с Чеховым хохотали, что он уверял, что у него селезенка лопнет.

У МОГИЛЫ ЧЕХОВА
Фотография
Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится с негатива Литературный музей, Москва

Чехов в это время уже был хозяином Мелиховки (‹18›92—‹18›97 гг.). Писал, волновался, понемногу сгорал. Ездил в ‹18›97 г. опять за границу, по совету врачей, конечно, больше на юг. Потом в ‹18›98 г.[34], после смерти отца купил имение в Ялте. Строился. Помогал устроить санаторию для чахоточных. В Ялте, как и в Мелиховке, он был не только землевладельцем, но и врачом и общественным деятелем. Я в это время служила в императорском Московском Малом театре. Виделись с ним очень редко. Все-таки встречалась с ним опять в Одессе и на Кавказе, на группах: Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск. Жара и духота были адские, мы не находили себе места, даже Чехов сомлел! «Вот,— говорит,— место, куда людям приезжать от тоски вешаться. Батюшки! Что бы придумать?! Ну, пойдемте в фотографию, я вас всех троих сниму, или бросимся компанией в северный источник, окаменеем там и потом нашу группу будут продавать по четвертаку». Пока мы для фотографии прихорашивались, он топтался и бурчал, как старая брюзга — подменили нам нашего Чехова. Мы обижались тогда на его расположение духа, но, видит бог, и в уме у нас не было, как он болен. Снял нас, а потом

трунил, что я вышла на фотографии с трагическим выражением Медеи или человека, у которого пришли описывать имущество; я думаю в 50 градусов лицо, растаявшее от жары, могло и совсем не выйти на снимке [35].

Слухи ходили о его болезни упорнее и упорнее. Явилось известие (октябрь <18>98 г.), что у него пошла кровь горлом [36]. Я дала осторожную телеграмму, получила ответ. Даю *подлинную орфографию*: «*Совиршено* здоров *благопалучен* кланяюсь благодарю. Ч е х о в». Он ли пошутил, или телеграфист по обыкновению исказил — не знаю. Эта телеграмма в данную минуту передо мной [37].

В Ялте он обвенчался с артисткой московского Художественного театра О. Л. Книппер [38]. Из Ялты же имею 2 письма [39]. Хоть ему работа была ядом, но он все-таки писал, и строился, и лечил, и имел в Ялте массу хлопот с санаторией, и поклонницы и начинающие писатели ему дышать не давали, а он по доброте своей и отзывчивости не отказывал никому в своем содействии [40]. В столицах и провинции давали его пьесы и публика зачитывалась его произведениями. Это, конечно, его удовлетворяло, тем не менее он сгорал... Росла его слава, росла его болезнь. Почти в последний год его жизни, во время представления «Чайки» ему устроили бурную овацию в Москве в Художественном театре [41], но уж перед публикой стоял не наш жизнерадостный весельчак Антон Павлович, а тень его, живой труп. Мне не довелось быть на этом вечере, но мне рассказывали, что, глядя на него, хотелось плакать и кричать. Вести затем были удручающие. Наконец, доктора потребовали его отъезда. И Россия его потеряла навсегда. Уехал он в Баденвейлер. Через знакомых и по газетам узнавала о его последних муках на чужбине, в чужом углу, вдали от матери, которую он так любил. Слышим: безнадежен... Умер... Сгорел человек. Закрылись ясные глаза. Ушел навеки человек со светлой душой. Высокодаровитый, оригинальный писатель. Вечная тебе память, Антон Павлович! Спасибо тебе за золотые минуты незабвенных бесед. Двадцать два года прошло, и я еще теперь помню нашу первую встречу и его ясные смеющиеся глаза.

Когда он скончался в 1904 <году>, я уже была переведена из Москвы в Петербург, на Александринский театр. Узнала, когда должны были везти из-за границы его тело. По какому-то недоразумению народа на перроне не было. Человек десять, в том числе я. Вагон открыли, я бросилась к гробу и горько плакала над безвременно погибшим. Мне чудилось, что из гроба звенела скорбная струна, и я вспомнила слова Чехова: «А что же есть на свете веселого?» Взяла цветок с его гроба, и он до сих пор сохраняется на том портрете, что подарил мне Антон Павлович. В вагоне 1-го класса находились вдова Антона Павловича, Ольга Леонардовна, и Алексей Сергеевич Суворин. Я повидалась с ними и потом пошла служить панихиду... [42]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Осип Андреевич *Правдин* (1847—1921) — артист Малого театра с 1878 по 1921 г. видный театральный педагог.

[2] «*Медея*» — драма А. С. Суворина и В. П. Буренина.

[3] «*Последняя воля*» — комедия В. И. Немировича-Данченко.

[4] «*Цепи*» — драма А. И. Южина-Сумбатова.

[5] Григорий Григорьевич *Маразли* (1831—1907) был городским головой в Одессе с 1878 по 1894 г. и много заботился о культурных учреждениях города.

[6] Перечисление ролей, исполнявшихся Ленским. *Сюлливан* — герой комедии Мелевиля «Любовь и предрассудок».

[7] Иван Николаевич *Греков* (1849—1919) — артист Малого театра (1879—1891 и 1901—1909).

[8] Сборник «Пестрые рассказы», издание журн. «Осколки», вышел в середине мая 1886 г.

[9] Сохранилась ли расписка Чехова, данная Каратыгиной, — неизвестно, в ИРЛИ она не поступила. Виньетка для сборника «Пестрые рассказы» выполнена Ф. О. Шехтелем, она изображает художника перед мольбертом, на котором натянуто полотно с надписью: «А. Чехонте. Пестрые рассказы».

[10] Глафира Викторовна *Панова* — артистка Малого театра с 1887 по 1895 г. В 1895 г. перешла в Александринский театр. В 1897 г. оставила сцену. Николай Федорович *Арбенин* (1863—1906) — артист Малого театра с 1884 по 1896 г. С осени 1896 г. перешел в Александринский театр.

[11] *Е. П. А.* — возможно, Екатерина Петровна Александрова (ум. в 1906), артистка Малого театра с 1886 по 1906 г.

[12] Михаил Федорович *Багров* — артист Малого театра (1883—1898).

[13] О П. А. *Сергеенко* — см. выше в примечаниях к письму Чехова к нему от 30 декабря 1901 г.

[14] В воспоминаниях «О Чехове» Сергеенко описывал этот визит несколько иначе: «Однажды мы с Чеховым получили приглашение от артистки К. Каратыгиной, которая жила под самой крышей и у которой собиралась молодежь Малого театра. Небольшая комната с низким потолком через несколько минут после нашего прихода наполнилась оживленным говором и шутками. Чехову очень понравилось это чаепитие, и постепенно наши бельэтажные чаепития начали переноситься в скромное помещение „наших меньших братьев", как в шутку говорил Чехов. Чаепития эти скоро приняли кличку: чая с диалогами Антония и Клеопатры (Чехов и г-жа Каратыгина)» («Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива"», 1904, X, стб. 218—219).

[15] Антон Чехов. Рассказы. СПб., изд. А. С. Суворина, 1888, стр. 255—285. Местонахождение книги с надписью неизвестно. «Великой артисткой земли русской» Чехов называет Каратыгину в письмах от 16 февраля 1894, 13 и 26 февраля 1896 и др. (XVI, 124, 306, 308—309). И она, рассказывая в письмах к Чехову о своей многотрудной жизни, обычно с горечью заканчивала их словами: «Великая артистка земли русской К. Каратыгина».

[16] В письмах к Чехову Каратыгина часто называла его «нарядным» и «адски нарядным литератором» (письма от 13 сентября, 28 октября 1889, от 10 февраля 1894, от 8 июня 1895).

[17] Ан. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. СПб., изд. А. С. Суворина, 1887. Местонахождение книги с надписью неизвестно.

[18] См. прим. 10 и 11.

[19] Фотография хранится в Литературном музее ИРЛИ (ф. 2, № 58294).

[20] Чехов жил тогда в Москве на Малой Дмитровке в доме Фирганг (ныне ул. Чехова, № 29).

[21] Речь идет о «Скучной истории».

[22] Наталия Александровна *Гусева* (Глухарева) — драматическая актриса. Играла в Москве, в театре Корша, а потом в Петербурге, в Народном доме.

[23] Очевидно, это был номер «Северного вестника», где была напечатана «Скучная история» (1889, № 11, стр. 73—130).

В письме от 6 декабря 1889 г. Каратыгина писала: «И зачем вы написали вашу проклятую „Скучную историю"? Хотя мое дело не было так велико и почтенно, как деятельность вашего профессора, но все-таки я ему отдала всю жизнь и что же теперь?.. Да, жизни нет. Счастья нет, бога нет. Надо скорей околевать».

[24] 22 декабря 1889 г. Каратыгина писала Чехову: «В одном доме был о вас разговор и находили, что „у г. Чехова слишком много скромности, что он должен выше носить свою голову", а я сплетничаю вам...».

[25] Карикатура помещена в журнале «Осколки», 1889, № 45; рисовал М. М. Далькевич.

[26] Чехов выехал на Сахалин из Москвы 21 апреля 1890 г. и вернулся пароходом в Одессу 1 декабря того же года. Узнав о намерении Чехова посетить Сахалин, Каратыгина написала ему 1 марта 1890 г. длинное и подробное «письмо-книгу» о своем путешествии по Сибири и Сахалину, давая писателю советы и наставления к предстоящему путешествию.

[27] Полное собр. соч. Ант. П. Чехова, т. XV, «Остров Сахалин». Изд. 2. СПб., А. Ф. Маркс, 1903. На указанных страницах рассказывается о «небольшой прогулке», «которая, однако, от начала до конца была обставлена такими неудобствами, что вышла у нас не прогулка, а как будто пародия на экспедицию» (стр. 117).

[28] Эти письма неизвестны.

[29] Каратыгина имеет в виду статью Н. Ежова «Антон Павлович Чехов. (Опыт характеристики)», напечатанную в «Историческом вестнике», 1909, № 8, стр. 499—519. В этой статье автор обвинял писателя в самомнении, зазнайстве, в скупости, неблагодарности и т. д. Отмечая, что «чеховский талант — небольшой и чисто подражательный», Ежов снисходительно называл его «недурным юмористом», находя, что он «рубит дерево не по плечу, надорвался и выбился из последних сил» и что похвалы ему «преувеличенны». Эта статья вызвала бурю возмущения у русских читателей, и Ежову пришлось напечатать объяснение, в котором он пытался оправдаться

и полемизировать со своими многочисленными противниками («Моя статья о Чехове».— «Исторический вестник», 1909, № 11, стр. 595—607).

[30] *Г. П.* — возможно, Глафира Викторовна Панова. См. прим. 10. *Л.*— вероятно, Лидия Николаевна Ленская, жена А. П. Ленского, которая также в 1889 г. была в Одессе.

[31] Первоначально театр назывался «Театром Литературно-артистического кружка». Театр арендовал у графа Апраксина помещение Малого театра на Фонтанке, д. 65, и начал свою деятельность 17 сентября 1895 г. спектаклем Островского «Гроза». Председателем дирекции театра был Суворин, его помощником — П. П. Гнедич. 15 декабря 1899 г. Литературно-артистический кружок был переименован в Литературно-художественное общество, и театр стал называться «Театром Литературно-художественного общества». Суворин оставался председателем Общества до самой своей смерти 11 августа 1912 г. После его смерти театру было присвоено его имя (5 сентября 1912 г.). В 1895 г. в дирекцию театра входили Г. К. Градовский, А. П. Коломнин, А. Р. Кугель (1864—1928), П. Д. Ленский (князь Оболенский), А. Н. Маслов, Н. И. Холева. Режиссером был приглашен Е. П. Карпов. При основании театра в составе труппы были артисты: А. А. Пасхалова, З. В. Холмская, Л. Б. Яворская, А. П. Никитина, К. А. Каратыгина, П. К. Красовский, М. А. Михайлов и др. П. А. Стрепетова (1850—1903) и В. П. Далматов (1845—1912) поступили в театр позднее (см. «Двадцатилетие театра имени А. С. Суворина. Бывш. театр Литературно-художественного общества. 1895—1915». Составил Н. Долгов. Пг., 1915; Е. П. Карнов. А. С. Суворин и основание театра Литературно-артистического кружка.— «Исторический вестник», 1914, № 8, стр. 449—470; № 9, стр. 873—902).

[32] Михаил Адольфович *Михайлов* (Дмоховский) (ум. в 1914) — актер театра Литературно-артистического кружка с 1895 по 1905 и с 1907 по 1912 г.

[33] А. А. *Пасхалова* — актриса театра Литературно-артистического кружка с 1895 г.

[34] В подлиннике ошибочно: 1897 г.

[35] Чехов был в Одессе в 1894 и 1901 г., в Кисловодске — в 1896 г. Фотография, о которой пишет Каратыгина,— неизвестна.

[36] 29 ноября 1898 г. Чехов писал А. С. Суворину: «У меня пять дней было кровохаркание и вот только сегодня отпустило. Но это между нами, не говорите никому. Я совсем не кашляю, температура нормальная, и моя кровь пугает других больше, чем меня» (XVII, 369).

[37] 27 октября 1898 г. Каратыгина послала Чехову следующую телеграмму: «Дорогой друг, приятель Антон Павлович, не смейте хворать, приезжайте скорей в Москву на гастроли, похохочем, Клеопатра Каратыгина». Текст телеграммы изобилует ошибками, возможно, что Чехов нарочно ввел в свой ответ (подлинник неизвестен) характерные для телеграмм искажения.

[38] Ошибка: Чехов венчался в Москве.

[39] Из этих писем известно одно, от 25 ноября 1901 г. (XIX, 176—177).

[40] Каратыгина сама несколько раз обращалась к Чехову с разными просьбами — то помочь ей устроиться на работу, то дать ей взаймы денег, и Чехов всегда отзывался на ее просьбы. Последнее письмо Каратыгиной к писателю от 14 мая 1904 г. полно отчаяния и горя. Она умоляла Чехова помочь ее брату Константину Александровичу Глухареву, больному туберкулезом, и дать деньги на его лечение и поездку в Финляндию. Письмо кончается следующими словами. «Простите нахальство, готова зарезать кого-нибудь. Каторжная жизнь. Ваша великая артистка земли Русской Кл. Каратыгина. Как вы живете, милый нарядный литератор?» На это письмо Чехов, по-видимому, не смог ответить: в конце апреля он уехал из Ялты в Москву, где его здоровье резко ухудшилось, весь май он пролежал в постели, а 3 июня выехал в Баденвейлер.

[41] Каратыгина ошиблась. 17 января 1904 г. в Московском Художественном театре Чехова чествовали по случаю первой постановки «Вишневого сада» и двадцатипятилетия его литературной деятельности.

[42] Заключительную страницу воспоминаний, не имеющую отношения к Чехову, мы опускаем.

М. К. ЗАНЬКОВЕЦКАЯ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Статья А. М. Борщаговского
Публикация Н. И. Гитович

Исследователи жизни и творчества выдающейся украинской актрисы Марии Константиновны Заньковецкой (Адасовской) (1860—1934) давно уже отметили ее знакомство и кратковременную дружбу с Чеховым. Основанием для этого служили воспоминания Заньковецкой, записанные Н. М. Лазу́рской (отрывок из них был опубликован в журнале «Силуэты», Одесса, 1922, № 1. Текст воспоминаний печатается ниже), а также единственное сохранившееся письмо Чехова к Заньковецкой от 12 января 1892 г. (см. его выше в настоящем томе). Со слов ряда близких Заньковецкой, прежде всего ее многолетнего друга и биографа Н. М. Лазурской и киевского журналиста В. А. Чаговца, было известно, что Чехов написал после отъезда Заньковецкой из Москвы в 1892 г. несколько писем к ней. Но эти письма сгорели во время пожара старого дома Адасовских в с. Заньки на Черниговщине, и исследователям оставалось только в самой общей форме ссылаться на факт переписки Чехова с Заньковецкой.

Если биографы актрисы — даже при очевидной скудности материалов — не могли обойти молчанием ее знакомство и дружбу с Чеховым, то биографы писателя вообще не останавливали на этом эпизоде своего внимания. Воспоминания Заньковецкой, затерянные на страницах одесских «Силуэтов», не вошли в основной фонд мемуарной литературы о Чехове; не подкрепленные чеховскими свидетельствами, они, быть может, вызывали и некоторое недоверие. Игнорировалось и письмо Чехова к Заньковецкой,— оно не вошло́ даже в свод его писем в Полном собрании сочинений. Заньковецкой в жизни писателя как бы не существовало.

Вместе с тем в Полном собрании сочинений (тт. XIII, XIV и XV) были впервые опубликованы письма Чехова к разным лицам, неопровержимо свидетельствующие о его дружбе с Заньковецкой, об увлечении ее талантом, об исключительно высокой оценке скупым на похвалы Чеховым самобытного искусства Заньковецкой. Благодаря этим письмам словно оживают, приобретают новый смысл и известные ранее немногие документы, которые до сих пор не выходили за рамки украинского театроведения. Все это создает возможность более полно охарактеризовать короткую по времени историю взаимоотношений Чехова и Заньковецкой.

Мария Константиновна Заньковецкая, дочь мелкопоместного дворянина К. К. Адасовского, родилась в 1860 г. в селе Заньки, Нежинского уезда на Черниговщине. Стремление к сцене рано охватило Марию Адасовскую. «Еще в пансионе,— писала она в «Автобиографии» (1921), — я участвовала в ученических спектаклях и обратила на себя внимание всех учителей, которые советовали мне просить моих родителей отдать меня в театральную школу, но по существовавшим тогда взглядам и тенденциям традиционных дворян на актеров об этом не могло быть и речи» («М. К. Заньковецька. Збірник», Київ, 1937, стр. 16).

Все препятствовало будущей актрисе: сословные предрассудки, воля отца, просьбы и угрозы братьев, опасавшихся, что сестра-актриса помешает их служебной карьере, мольбы и настояния первого мужа Марии Константиновны, с которым она

переехала в крепость Бендеры. «Взгляды мужа, — вспоминала Заньковецкая,— ничем не отличались от взглядов родителей, и мне лишь разрешалось, и то редко, играть в любительских спектаклях, в которых я имела чрезвычайный успех. Я обожала искусство, любовь к сцене стала моей жизнью. Я не могла больше бороться со своей любовью и, порвав со всеми своими, поступила на сцену» (там же).

Так Мария Адасовская стала Заньковецкой, по имени родного села Заньки, в котором прошли ее детство и юность. Именно там, в селе на Черниговщине, Заньковецкая глубоко впитала богатейшие впечатления, которые помогали ей на протяжении многих лет создавать столь правдивые и выразительные образы героинь из народа.

Сценический успех Заньковецкой необычаен даже для таких великих актрис, какой была она. В 1882 г., в глубокой провинции России, на сцене Елисаветградского театра впервые засверкал ее талант в «Наталке Полтавке» Котляревского, а спустя четыре года, в 1886 г., ей рукоплескал Петербург, покоренный свежестью и народной самобытностью ее искусства.

Украинский театр той поры, объединявший таких выдающихся художников, как М. Кропивницкий, М. Заньковецкая, Н. Садовский, П. Саксаганский, И. Тобилевич, Г. Затыркевич,— был неожиданным и новым явлением для Петербурга и Москвы и по своему репертуару. Разрешенный, наконец, царским правительством, после долгих лет полного запрета, украинский театр все же подвергался чрезвычайным полицейским и цензурным преследованиям. Было запрещено играть по-украински классические пьесы — западные и русские,— а также пьесы из жизни интеллигенции. Быт народных «низов», жизнь послереформенной украинской деревни — такова была сфера, за пределы которой не разрешалось тогда выходить украинской драматургии. Это накладывало известные ограничения на драматургию, но вместе с тем позволило наиболее талантливым художникам, выходцам из народа, создать ряд выдающихся драм и комедий, проникнутых социальным протестом, демократическими идеалами, защищавших «униженных и оскорбленных», которые страдали в мире чистогана, насилия и зла.

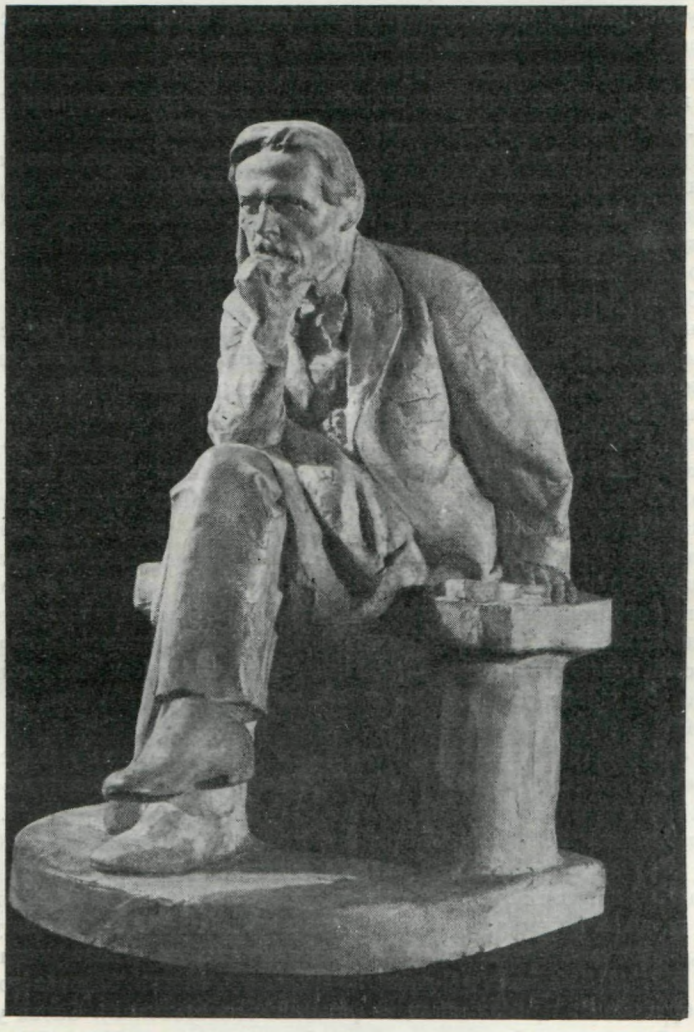
Известно, что Заньковецкая своим исполнением в Петербурге и Москве роли Харитины («Наймычка» Тобилевича) и главных женских ролей в пьесах «Бесталанная» Тобилевича, «Кулак, или паук», «Пока солнце взойдет — роса очи выест», «Дай сердцу волю — заведет в неволю» Кропивницкого произвела огромное впечатление на Л. Н. Толстого, И. Е. Репина, И. П. Павлова, В. В. Стасова, М. В. Нестерова, написавшего тогда же портрет Заньковецкой, и на многих других передовых людей того времени.

Впервые Чехов увидел Заньковецкую на сцене в Москве в октябре 1887 г., вероятнее всего 9 или 10 октября, когда театральная Москва, включая и прославленных мастеров Малого театра, аплодировала молодой актрисе в ее лучшей роли — Харитины-наймычки. В письме к Г. М. Чехову от 11 или 12 октября Чехов передавал свое впечатление от игры Заньковецкой: «Заньковецкая — страшная сила! Суворин прав. Только она не на своем месте» (XIII, 373).

Чехов мог видеть Заньковецкую в эти дни октября в роли Харитины или Олены («Кулак, или паук»),— кстати, именно в этой последней роли Заньковецкая произвела сильное впечатление на Толстого,— а значит слова «страшная сила!» неотделимы от того гражданского содержания, какое заключалось в трагических судьбах Харитины или Олены. В чеховской оценке Заньковецкой выразилась цельность и последовательность театральных взглядов Чехова. Он, ниспровергавший европейского кумира Сару Бернар, отворачивавшийся от всего искусственного (даже в мастерском исполнении), манерного, ложно-приподнятого или погрязшего в натуралистических мелочах и подробностях, откликался на искусство страстное, искреннее, эмоционально захватывающее и поэтически окрыленное. Фраза Чехова, что Заньковецкая «не на своем месте», не случайна для него. Спустя четыре года, в январе 1892 г., познакомившись и сдружившись с артисткой, Чехов убеждает ее перейти на русскую сцену.

Значит ли это, что Чехов присоединил свой голос к довольно громкому хору «обрусителей» из петербургских и московских «салонов», настоятельно рекомендовавших Заньковецкой перейти на императорскую сцену? «На все попытки оставить меня на императорской сцене,— писала Заньковецкая в автобиографии,— на приглашения, *принудительные даже* (курсив наш. — *А. Б.*), гг. Суворина в его театре, Корша — в его

и еще многих других, невзирая на эти выгодные предложения и чрезвычайные ставки, каких до того времени почти никто не получал, невзирая на положение высокостоящего в то время русского театра, невзирая на все это,— я осталась на своей милой, хотя тогда еще совсем бедной и репертуаром, и положением, и отношением к ней со стороны правительства украинской сцене <...>» («М. К. Заньковецька. Збірник». Київ, 1937, стр. 19).



ЧЕХОВ
Проект памятника работы Н. А. Андреева, гипс, 1930—1931 гг.
Третьяковская галерея, Москва

В этих словах Заньковецкой нет и тени рисовки, в них выразились глубокие убеждения артистки, пронесенные ею через всю ее творческую жизнь. Те же мысли она изложила в докладе на Первом всероссийском съезде сценических деятелей в 1898 г. и в знаменитом письме в редакции киевских газет от 19 января 1908 г., в котором она выражала свою веру «в лучшую будущность родного народа», в то, что «вольный гений этого народа создаст свое новое, свободное, национальное искусство», что «это искусство будет находиться в глубокой органической связи с интересами народных масс, будет помогать их разностороннему развитию, их борьбе за лучшее будущее, за красивого

духовно и сильного человека» (там же, стр. 157). Все это доказывает, что Заньковецкая была не только замечательным художником, но и мужественным общественным деятелем, сознательным борцом за развитие украинского демократического театра.

Именно эта твердость и постоянство убеждений давали Заньковецкой силу и мужество для отпора различным «обрусителям», презиравшим украинский народ. Но порой советы испробовать свои силы на русской сцене исходили от искренних друзей Заньковецкой — таких, как Нестеров или Чехов. Несомненно, что эти советы, даже в устах друзей, ранили Заньковецкую, вызывали ее протест. Ведь эти советы давали люди, которые, при всем желании, не могли до конца понять положение украинского актера, постичь его просветительскую миссию, проникнуться чувствами человека, гонимого и преследуемого царскими сатрапами, генерал-губернаторами Дрентельнами и Зелеными. Это были хотя и дружеские, но советы со стороны.

Однако для нас важно то, что побудительные мотивы Чехова в корне отличались от реакционных и корыстных мотивов Суворина и других господ, третировавших украинский язык и культуру. Заньковецкая не преувеличивала, когда писала о «принудительных даже» приглашениях на русскую сцену. В ход пускалось все, вплоть до материального давления, упреков в неблагодарности, скрытых угроз оставить украинский театр без поддержки и протекции.

А друзья Заньковецкой сетовали на «бедность репертуара», в чем сознавалась и сама актриса, мечтали увидеть ее в пьесах Островского, в лучших ролях мирового классического репертуара, строжайше запрещенного украинскому театру. Их увлекала возможность увидеть Заньковецкую в новых ролях, которые дали бы ее огромному таланту возможность еще ярче развернуться. Заньковецкая — Лауренсия, Заньковецкая — Катерина, Заньковецкая — героиня шекспировских пьес,— вот о чем мечтали они. У Чехова, вероятно, были и свои затаенные творческие мечты, ибо Заньковецкая-актриса была рождена для чеховского театра — простая, правдивая, страстная и мягкая, без тени аффектации, с редкостным умением поддерживать единство и цельность сценического настроения. Чехов и в ту пору, когда он только начинал писать для театра, не мог не почувствовать этого. А украинский язык нисколько не мешал ему: обещая Заньковецкой написать пьесу, он спешит предупредить ее, что роль для нее будет «написана исключительно по-украински». Это чрезвычайно важное принципиальное обстоятельство, кладущее резкую грань между советами Чехова и настояниями «обрусителей».

В свете сказанного мы можем по достоинству оценить и неоспоримое свидетельство М. П. Чеховой в письме к Лазурской: «М. К. Заньковецкая очень интересовала покойного брата и своим талантом заставила его любить украинский театр» (С. М. Дурилін. Марія Заньковецька, 1860—1934. Життя й творчість. Київ, 1955, стр. 290).

Талант Заньковецкой произвел настолько глубокое впечатление на Чехова, что он вспоминает об актрисе в разной связи на протяжении всего следующего года. Так, 30 мая 1888 г., живя в Сумах, в усадьбе Линтваревой, он пишет Суворину: «Что касается хохлов, то все женщины напоминают мне Заньковецкую, а все мужчины — Панаса Садовского» (XIV, 118.— Здесь у Чехова, по-видимому, описка: Садовского звали Николаем, а его брат Панас принял на сцене фамилию Саксаганский). Снова упоминает он о Заньковецкой в письме к Суворину от 2 октября того же года (XIV, 174).

С началом личного знакомства Заньковецкая занимает еще более значительное место в жизни и переписке Чехова. Письма Чехова к А. И. Смагину и Н. М. Линтваревой позволяют точно установить дату их знакомства — 3 января 1892 г.

В письме к Смагину от 4 января 1892 г. Чехов сообщает: «Вчера до четырех часов утра я ездил по всяким Аркадиям и наливал себя шампанским; со мной,— добавляет он, переходя на шутливый тон,— ездила хохлацкая королева Заньковецкая, которую Украйна нэ забудэ. Она очень симпатична» (XV, 303). Спустя две недели, 18 января 1892 г., из деревни Белой, Нижегородской губернии, куда Чехов ездил для оказания помощи голодающим, он писал Н. М. Линтваревой: «Можэтэ себэ представить, я познакомился с хохлацкой королевой Заньковецкой, которую Украйна нэ забудэ. Она тоже хлопочет насчет хутора — хочет, чтоб я купил около нее, в Черниговской губернии. Барыня веселая» (XV, 308). Несмотря на озорное подделывание под украинскую

речь и на бойкое замечание — «барыня веселая», это письмо говорит о большом интересе Чехова к Заньковецкой. Их дружба выросла так быстро, за каких-нибудь десять дней, что уже родилась идея покупки хутора на Украине где-нибудь по соседству с Заньками.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДАМА С СОБАЧКОЙ»
Акварель Кукрыниксов, 1945—1946 гг.
Третьяковская галерея, Москва

Воспоминания Заньковецкой, печатаемые ниже, восполняют короткие упоминания в письмах Чехова и рисуют более подробно картину ее знакомства с Чеховым и позднейшей встречи в конце 1892 г. Ее слова, сказанные о себе самой,—«я была молода, сама любила иногда „бесшабашное веселье“»— полностью согласуются с шутливой характеристикой в письме Чехова — «барыня веселая». И в целом эти воспоминания нужно считать вполне правдивыми и достоверными.

Автору этих строк приходилось в 1937 г., в пору работы над сборником «М. К. Заньковецька», вышедшим в Киеве, встречаться с Н. М. Лазурской и не раз убеждаться в ее исключительной точности и научной добросовестности, в ее скромности и правдивости. В еще большей мере это можно отнести к самой Заньковецкой. Кто бы ни писал

о ней, неизменно отмечал ее исключительную искренность и скромность, доходившую порой до умаления собственных заслуг, до самоотречения. Для иллюстрации достаточно вспомнить ее письмо 1922 г. к администрации Государственного Народного театра, письмо, которым она решительно и навсегда оборвала свою артистическую работу. «Нет уже у меня былых энергии, силы и работоспособности,— писала она с редкой для актрисы прямотой,— а заставлять моих colleg по амплуа играть, кроме своей, и мою очередь в спектаклях, злоупотреблять их терпением и лаской,— считаю впредь недопустимым и нахожу нужным положить наконец предел ⟨...⟩ Простите и прощайте!» («М. К. Заньковецька». Збірник. Київ, 1937, стр. 156).

Эти строки были написаны 1 марта 1922 г., за девять месяцев до опубликования в «Силуэтах» отрывка из воспоминаний Заньковецкой. Оба документа принадлежат одному и тому же чистому, мужественному уму и сердцу, неспособному к лукавству и расчетливости. Мы имеем право утверждать, что в воспоминаниях о встречах с Чеховым, записанных Лазурской и скрепленных именем Заньковецкой, не могло быть ни слова неправды.

* * *

В публикации «Силуэтов» текст воспоминаний был напечатан с небольшими купюрами и редакторскими поправками, несколько меняющими авторскую интонацию.

Воспоминания М. К. Заньковецкой печатаются нами по рукописи ее биографии, написанной Н. М. Лазурской (лл. 81—87). Рукопись в настоящее время хранится в архиве семьи покойной Н. М. Лазурской, в Киеве.

— Я познакомилась с Чеховым у Суворина в Петербурге и очень подружилась с ним. Тогда он был еще совершенно здоров, широкоплеч, высок ростом. Ни за что бы не поверила тогда, что он погибнет от туберкулеза.

Однажды Анна Ивановна Суворина пригласила меня к себе и стала жаловаться на однообразно-утомительную обстановку их жизни: «Всё умные разговоры с утра до вечера и с вечера до утра. Всё журналисты, литераторы, литераторские споры. Ужасно хочется встряхнуться, хочется бесшабашного веселья. Вы можете помочь мне в этом, Мария Константиновна. Скажите Алексею Сергеевичу, что вам хочется посмотреть ледяные горы, и для вас он бросит всякую работу и поедет — он так любит вас». Что же, я была молода, сама любила иногда «бесшабашное веселье» и обещала Анне Ивановне «завести» Алексея Сергеевича. Пока же он был еще занят делами редакции, Анна Ивановна попросила меня прочесть вслух монолог Луизы из пьесы Шиллера «Коварство и любовь». Относительно ледяных гор Анна Ивановна говорила почти шепотом, а прочесть монолог просила так подозрительно громко, что я невольно оглянулась: ее уютная гостиная была далеко от жилых комнат, двери завешены портьерами. Я взяла книгу, пробежала глазами монолог и начала читать вслух. Едва я окончила, как раздались аплодисменты и из-за портьер выкатилась целая группа литераторов, как оказалось нарочно подсаженная послушать меня в классическом монологе на русском языке. Среди вошедших был и Чехов. Ему тоже понравилось. Все окружили меня, представлялись, восхищались моим дарованием, советовали переходить на русскую сцену. Я возражала им, говоря, что я не хочу изменять своему молодому украинскому делу, что мой южный акцент всегда будет меня стеснять.

— Мы будем специально для вас писать пьесы, где ваш южный акцент будет необходим,—говорили мне.

— Да вот, отчего бы вам не сыграть Марьицу в «Каширской старине»,— обратился ко мне какой-то старик.

— Нет, это невозможно.

— Но почему?

— «Каширская старина» написана каким-то «перековеркиевским языком»,— заявила я, не соображая, что со мною говорит сам автор пьесы, почтенный Аверкиев.

Общий хохот оглушил меня. И Аверкиев хохотал больше всех.

— Каким, каким языком? «Перековеркиевским»? Ха-ха-ха! Слышите, господа? Ну, хорошо. Я переработаю язык пьесы по вашим указаниям, дорогая Мария Константиновна.

Я смутилась и просила извинить чересчур смелую провинциалку. Однако компания развеселилась и, когда я стала расспрашивать Суворина о катанье с ледяных гор,— он моментально предложил всей компании ехать, чтобы показать «дорогой гостье» горы. Все охотно согласились, и к великому удовольствию Анны Ивановны мы отправились. Я никогда не каталась с гор и не представляла себе, насколько ошеломляюще это ощущение действует на новичков.

Моим спутником был Чехов, и когда наши саночки ухнули в ледяную бездну, сердце у меня замерло, и я вскрикнула не своим голосом — звонко и дико. Это очень понравилось Суворину.

— Ах, как она вскрикнула! Нет, это какой-то особенно красивый крик.

И Суворин сам стал спускаться со мной с гор, а я кричала ему в ухо, что есть мочи, уже для того, чтобы доставить удовольствие старику...

— Мурочка,— перебила я ее,— Суворин увлекался тобою? [1]

— Нет, как женщиною не увлекался. Он просто любил меня дружески. Любил, по его словам, «как дорогое дитя» и как артистку — и любовь эту сохранил ко мне навсегда. Когда в 1899 г. я приезжала в Петербург участвовать в юбилейном вечере Котляревского, Суворин меня просто сконфузил: по окончании спектакля «Наталка Полтавка» я вышла в костюме в зал, а Суворин, не обращая внимания на окружающую публику, подошел ко мне, поклонился до земли, поцеловал руку и сказал: «Вот самая талантливая, самая скромная и самая мной любимая артистка».

Вот и Чехов очень хорошо ко мне относился, дорожил моим обществом, но не кавалерствовал и не влюблялся. Я потом часто видалась с ним в Москве. Он любил беседовать со мною, навещал меня, когда я тосковала. Говорил, что у меня «красивая душа» и много милого, задушевного, чеховского. Как-то он зашел ко мне, а я была очень расстроена. Ему захотелось развлечь меня, и так как у меня был свободный вечер, он уговорил пойти к Омону. Пошли. Едва только начали выходить шансонетки, разводить ручками и подымать ножки, мне еще тяжелее стало, я как зареву. Антон Павлович совсем растерялся, уговаривает меня, а у самого по лицу слезы текут. Потом, когда вышли оттуда и успокоились, он долго подтрунивал над тем, как Заньковецкая с Чеховым отправились развлечься к Омону и что из этого вышло.

Он тоже уговаривал меня перейти на русскую сцену, а я в свою очередь стыдила его, что он, сам украинец, а подговаривает меня к измене [2]. Журила его, что он не пишет на родном языке. А он мне возражал, что грешно зарывать талант, что на русской сцене дорога шире. Обещал написать пьесу, в которой для меня будет одна роль исключительно на украинском языке.

Потом как-то говорил, что уже пишет такую пьесу, но о дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю: наши пути разошлись; он начал хворать, ему приходилось жить то в Крыму, то за границей, и больше я с ним не встречалась, а удивительной чистоты душевной был человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь Н. М. Лазурская внесла в запись вопрос, заданный ею Заньковецкой

[2] Называя Чехова украинцем, Заньковецкая допустила ошибку.

А. С. ФЕЛЬДМАН.
ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ

Публикация Н. И. Гитович

Воспоминания «Чехов на Сахалине», напечатанные в херсонской газете «Юг», 1904, № 1817, от 14 июля, являются единственными относящимися к периоду пребывания писателя на о. Сахалине. Записаны сотрудником газеты «Юг» де-Линь со слов бывшего сахалинского служащего Алексея Степановича Фельдмана, который в 1891 г. уехал с Сахалина и поселился в Херсоне.

Воспоминания относятся к моменту пребывания Чехова в Дуэ (на Северном Сахалине), где он посетил Дуйскую и Воеводскую тюрьмы, смотрителем которых был в то время А. С. Фельдман. Оценка состояния этих тюрем, данная в «Острове Сахалине», свидетельствует, что Чехов был о Фельдмане весьма нелестного мнения.

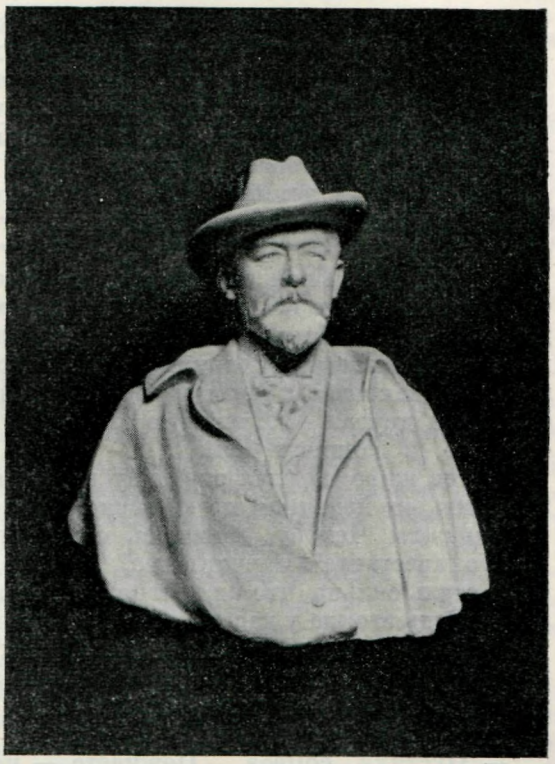
О деятельности Фельдмана впоследствии неодобрительно отозвался в своих фельетонах и В. М. Дорошевич, также побывавший на Сахалине. Фельдман обвинил Дорошевича в клевете. В 1898 г. по этому делу в качестве свидетеля привлекался Чехов (это видно из сохранившейся в ЛБ повестки с вызовом на допрос к судебному следователю по Ялтинскому уезду). См. также в настоящем томе телеграмму Чехова Дорошевичу от 30 апреля 1900 г. и примечания к ней.

О писательской деятельности Чехова на Сахалине до сих пор ничего не было известно. В той же газете «Юг», 1904, № 1811, от 7 июля была напечатана заметка, вероятно, со слов А. С. Фельдмана или его сына С. А. Фельдмана, бывшего в 1889—1890 гг. секретарем Корсаковского окружного полицейского управления. (По приезде на Южный Сахалин в Корсаковск Чехов жил на квартире у С. А. Фельдмана — см. X, 151, 152, 191.) В заметке сообщалось, что Чехов, будучи на Сахалине, написал рассказ из жизни беглых и трехактную комедию, озаглавленную «Генерал Кокет», в которой вывел одно видное служившее некогда на Сахалине лицо. В заметке сказано, что пьесу эту Чехов читал своим сахалинским знакомым, а в 1892 г. писал одному из них, что она совершенно готова, но что издание ее сопряжено с некоторыми трудностями. Написать об этом Чехов мог Д. А. Булгаревичу или С. А. Фельдману, с которыми он в 1892 г. переписывался.

Других прямых данных о написании Чеховым этой пьесы не имеется, но в письме Е. П. Егорову от 26 января 1892 г. Чехов писал: «Увы! Пьеса моя поставлена не будет» (XV, 313). О какой пьесе шла речь, не установлено. В 1893 г. слухи о том, что Чехов написал пьесу из сибирской жизни, проникли в печать. На одном из писем к Чехову Л. Я. Гуревич наклеена газетная вырезка: «Известный беллетрист Антон Чехов только что кончил новую комедию, героем которой является один из сосланных в Сибирь известных петербургских дельцов». Из какой газеты сделана вырезка — не установлено.

Д. А. Булгаревич в письме к Чехову от 5 июня 1891 г. называет начальника острова Сахалина генерала В. О. Кононовича — «кокет»: «По получении кредита 4000 р. на содержание школ наш кокет нашел более удобным возложить заведование на каждого в своем округе начальника». Так же назвал Кононовича в одном из писем к Чехову и С. А. Фельдман.

ЧЕХОВ
Бюст работы Н. Шлейфера, установленный в 1908 г. в Баденвейлере
Фотография с подписью скульптора
Литературный музей, Москва



Один из членов сахалинской администрации, ныне проживающий в Херсоне, поделился со мной своими воспоминаниями о Чехове.

Воспоминания эти не лишены некоторого интереса.

— Живо помню мою первую встречу с Чеховым,— говорил мой собеседник.— Было серенькое, осеннее холодное утро. Возвращаясь из тюрьмы, я встретил нашего тюремного доктора, шедшего с каким-то незнакомым мне молодым человеком.

— А мы только что были у вас! — еще издали крикнул мне доктор.— Вот рекомендую: Чехов, Антон Павлович. Приехал ревизовать вашу тюрьму.

Доктор весело захохотал, а Чехов, протягивая мне руку, смущенно бормотал:

— Уж и ревизовать!..

Мне, помню, сразу понравилось лицо Чехова: славное, открытое, студенческое молодое лицо. Глаза умные, мягкие, ласковые и чуть-чуть грустные.

— Мне хочется осмотреть вашу тюрьму. Можно?.. У меня имеется разрешение начальника острова,— поспешно добавил он, заметив мою нерешительность.

В тюрьме Чехов подолгу беседовал с каторжниками. Он сумел расположить их к себе, и они относились к нему на редкость доверчиво. Мы диву давались. Каторжане в большинстве хитры, подозрительны и лживы. Случайным посетителям тюрьмы они рассказывают самые невероятные истории, обнаруживая при этом редкую изобретательность, но с Чеховым они беседовали необычайно просто и правдиво.

— Душевный человек, их высокородие Антон Павлыч,— говорили арестанты.

Был у нас в тюрьме бессрочнокаторжный Кириан Блоха[1]. Угрюмый, необщительный, жестокий и хитрый, но даже он в разговоре с Чеховым изменялся до неузнаваемости, и тогда в его интонациях слышались такие нотки, каких мы и не предполагали в этом человеке-звере.

Когда каторжники уходили на работы, Чехов переносил свои наблюдения на детей каторжан и поселенцев.

Чехов любил детей какой-то особенной, трогательной любовью. Он обладал исключительным умением постигать их психологию и говорить с ними.

И дети с большой охотой шли к «дяде Павлычу». В его присутствии они играли в свою обычную игру «в бродяги». Игра эта состоит в том, что дети, подражая бродягам, делают сначала приготовления к побегу. Запасаются спичками, сухарями, солью, водой и оружием. Когда все приготовления закончены, дети разбиваются на две партии: одна изображает бродяг, а другая — береговую стражу и гиляков. «Стража» нападает на «бродяг», и закипает бой...

Чехов живо передал эту игру в одном из сахалинских очерков, к сожалению, не изданном по «независящим обстоятельствам»[2].

Однажды Чехову пришлось присутствовать при наказании розгами одного арестанта[3]. Впечатление, произведенное этой сценой на Чехова, было столь сильно, что он долго не мог вспомнить о ней без дрожи в голосе.

— Ведь это же ужасно, поймите,— говорил он с тоской и нервно ломал руки, хрустя пальцами.— Когда розга со свистом впилась в тело наказуемого, во мне что-то оборвалось и застонало тысячью голосов...— рассказывал он тюремному доктору.

Весельчак-доктор смеялся и отвечал:

— Пустяки, collega... Поживете — попривыкнете...

Вечером того же дня Чехов описал сцену наказания. Увы, и этот очерк постигла участь многих сахалинских рассказов...

В квартире доктора, где жил и Чехов, часто собирались по вечерам сахалинские служащие и их семьи.

Когда Чехов бывал «в ударе», он читал этой немногочисленной аудитории юморески из жизни сахалинских чиновников. Эти юморески не предназначались для печати. И тут же, по прочтении, они безжалостно уничтожались.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О каторжном Блохе Чехов упоминает в книге «Остров Сахалин», гл. XXII.

[2] В главе XVII «Острова Сахалина», в которой Чехов написал о положении детей на Сахалине, имеется несколько строк и об играх сахалинских детей: «Играют они в солдаты и в арестанты. Мальчик, выйдя на улицу, кричит своим товарищам: „равняйсь!“ „отставить!“ Или же он кладет в мешок свои игрушки и кусок хлеба и говорит матери: „Я иду бродяжить“.—„Гляди-кось, часом солдат подстрелит“,— шутит мать; он идет на улицу и бродяжит там, а товарищи, изображающие солдат, ловят его. Сахалинские дети говорят о бродягах, розгах, плетях, знают, что такое палач, кандальные, сожитель».

[3] О присутствии (вместе с доктором и смотрителем тюрьмы) при наказании плетьми арестанта в посту Дуэ, 13 августа 1890 г., Чехов вспоминает в гл. XXI «Острова Сахалина».

А. С. ЯКОВЛЕВ.
А. П. ЧЕХОВ. ВОСПОМИНАНИЯ.

Публикация Ю. И. Масанова

Публикуемые воспоминания о Чехове были впервые напечатаны в московской газете «Русский листок» 1904, № 200, от 21 июля и № 201, от 22 июля под псевдонимом Язон и до настоящего времени оставались вне поля зрения исследователей жизни и творчества А. П. Чехова, если не считать разысканий библиографа И. Ф. Масанова, который установил, что автором воспоминаний является Анатолий Сергеевич Яковлев, малоизвестный журналист и беллетрист, сын владельца типографии в Москве, сенатора и камергера Сергея Павловича Яковлева (см. «Чеховиана»).

В 1880-х годах, как это и рассказывает автор воспоминаний, Чехов был его учителем и готовил Яковлева по русскому языку к экзамену в гимназию. После встречи Яковлева с Чеховым в Серпухове на любительском спектакле в 1897 г. знакомство их возобновилось и далее не прерывалось до смерти Чехова.

Вступив в конце 1890-х годов на путь журналиста, Яковлев неоднократно обращался за помощью к Чехову, который всегда охотно откликался на запросы своего бывшего ученика, читал его рассказы, давал советы и помогал ему печатать его произведения.

Яковлев сотрудничал в «Русских ведомостях», «С.-Петербургских ведомостях», «России», «Новом времени» и некоторых других периодических изданиях 1890—1900-х годов. Здесь он напечатал несколько рассказов, повестей, фельетонов и корреспонденций. В конце 1890-х годов Яковлев был чиновником особых поручений при самарском губернаторе, а в 1900-х годах недолгое время состоял редактором неофициальной части «Орловских губернских ведомостей».

С 1897 г. между Яковлевым и Чеховым существовала довольно большая и продолжительная переписка. Письма Яковлева к Чехову и затрагивают, главным образом, вопросы литературной работы самого Яковлева.

В 1898 г. Яковлев несколько раз обращается к Чехову по поводу своих рассказов, и Чехов дает ему рекомендательное письмо к Суворину, о чем свидетельствует письмо Яковлева к Чехову от 16 февраля 1898 г. из Самары: «Многоуважаемый Антон Павлович! Посылаю вам мой маленький рассказ „Ад“ и очень прошу вас, если только найдете его достойным, послать его в „Новое время“. К моему большому сожалению, я не мог воспользоваться вашим рекомендательным письмом к Суворину, так как приехал в Питер за день до моей свадьбы и чувствовал себя нездоровым». Прочитав этот рассказ Яковлева, Чехов в неизвестном нам письме к Яковлеву сделал ему несколько указаний и советовал рассказ «почистить». 20 мая 1898 г. Яковлев писал Чехову: «Очень благодарен вам за ваше милое письмо. „Ад“ мой я „почищу“ и в исправленном виде пришлю вам через несколько дней. Если это только вас не затруднит, то пошлите, пожалуйста, рассказ в „Новое время“. Говоря совершенно откровенно, я очень стеснен в материальном отношении, а в „Новом времени“ платят сотрудникам, кажется, лучше. У меня почти готов еще один рассказ, и, как мне ни совестно, а я буду просить вас принять в судьбе его ваше любезное участие».

Вероятно, именно о рассказе Яковлева «Ад» идет речь в письме Чехова Суворину от 12 июня 1898 г. из Мелихова: «Простите, посылаю вам рассказ одного молодого человека, некоего Анатолия Яковлева, моего ученика, который уже у вас печатался.

Прочтите, пожалуйста, и если можно, напечатайте. Рассказ недурной. Этого Яковлева (сына камергера С. П. Яковлева) я когда-то приготовлял в гимназию, и он, глядя на меня наивными глазами, спрашивал: „Ваш папаша камергер?“ А теперь он уже женат и служит чиновником особых поручений у самарского губернатора. Бежит время, бежит!» (XVII, 273). Другие письма Яковлева к Чехову, относящиеся к 1898 г., также полны просьбами о просмотре его рассказов и содействии в их публикации.

В воспоминаниях о Чехове Яковлев приводит четыре отрывка из ответных писем Чехова: отрывок из письма от 27 марта 1897 г. с просьбой навестить его в клинике проф. Остроумова; отрывок из письма от начала апреля 1897 г. с советами по поводу рассказа Яковлева (в воспоминаниях Яковлев скрывает себя под инициалами А. С.); отрывок из письма от 26 или 27 октября 1898 г. из Ялты, с просьбой похлопотать об Иване Павловиче Чехове; отрывок из письма конца декабря 1902 г. в Калугу, где в это время жил Яковлев. Обоснование датировок этих писем и пояснения к ним мы даем в примечаниях. Воспоминания Яковлева, а также его письма к Чехову, часть которых мы приводим в выдержках, говорят о том, что существовали и другие, не дошедшие до нас письма Чехова к Яковлеву и о нем. Так, например, с полной уверенностью можно сказать, что у Яковлева были следующие письма Чехова: 1898 г., февраль. Рекомендательное письмо Чехова о Яковлеве к Суворину; 1898 г., май. Письмо Чехова к Яковлеву с советом «почистить» рассказ «Ад»; 1898 г., июль. Письмо Чехова к Яковлеву с отзывом о рассказе «Пожертвование»; 1898 г., октябрь. Письмо Чехова к Яковлеву с советом встретиться с Сувориным в театре.

Нет сомнения, что и в следующие годы Яковлев получал письма от Чехова, которые, очевидно, нужно считать утерянными.

Мы с братом сидели в классной комнате, и наш гувернер-француз monsieur Jaque вдохновенно повторял нам, что цель грамматики заключается в том, чтобы научить нас правильно читать и писать по-французски, когда вошел отец. За ним следовал молодой, бедно одетый человек.

— Вот ваши ученики,— проговорил отец.— Это, дети, ваш учитель русского языка.

Мы шаркнули ногами. Молодой человек сконфуженно протянул нам руку и спросил наши имена.

— А меня зовут Антоном Павловичем Чеховым.

Худой, с ласковой улыбкой и добрыми серыми глазами, он сразу очаровал нас. Исподволь, не прибегая к наказаниям или принуждениям, он начал учить нас русскому языку, и эти уроки всегда доставляли нам большое удовольствие.

Прошло около двух месяцев. Как-то за обедом отец, обращаясь к одному из гостей, отвечал:

— Да, я с вами совершенно согласен: у Чехова несомненный талант. Я убежден, что он, со временем, займет видное положение в литературе.

Мы узнали, что наш любимый учитель — писатель.

Для нас, зеленой молодежи, готовившейся поступить в лицей, слова «писатель», «поэт» и «артист» казались священными; а люди, носившие эти звания,— людьми необыкновенными.

И мы невольно стали относиться к Чехову совершенно иначе: прекратились самые невинные шалости и проказы, уроки выучивались назубок, мы смотрели на учителя с благоговением.

Чуткий Антон Павлович не мог не заметить этой сдержанности и с обычной ласковой улыбкой спросил:

— Что это вы, господа, стали важничать?.. Уж не выдержали ли вы экзамена?.. Но, в таком случае, почему вы не в блестящих лицейских мундирах?..

Мы объяснили ему, в чем дело.

— Вот как,— равнодушно протянул Чехов.— Друзья мои, ваш батюшка слишком снисходителен. Никакого таланта у меня нет, а пишу я

потому, что нужно писать, иначе вашему прекрасному учителю нечего будет кушать, а кушать ведь хочется каждый день. Правда? Спасибо, что есть такие добрые редакторы, которые печатают Антошу Чехонте.

Встретился я с «Антошей Чехонте» много лет спустя, и вот при каких обстоятельствах.

В Москве в 1897 году существовал тесный кружок любителей драматического искусства, в котором и я принимал участие. Душою кружка являлась О. Н. Ш-ва, талантливая любительница [1].

Однажды я получил от нее приглашение ехать «на гастроль» в Серпухов и играть в пользу земской школы.

День нашего приезда в Серпухов совпал со днем открытия цирка. Когда мы, артисты-любители, поехали со станции в город, обыватели провожали нас восклицаниями:

— Это артисты из цирка!.. Это клоуны!..

Мы остановились в довольно невзрачном помещении клуба, где должен был состояться спектакль. Клубный буфет был заперт, всем нам страшно хотелось есть, но нельзя было достать даже чаю. Хорошо, что предусмотрительная О. Н. Ш-ва привезла с собой бутербродов.

Перед началом спектакля я пошел в кассу, чтобы справиться, как идет продажа билетов.

У кассы стоял господин в pince-nez. Я внимательно посмотрел на него: лицо положительно знакомое. Через несколько минут я убедился в том, что передо мной милый учитель русского языка, А. П. Чехов. Та же добрая улыбка, те же добрые глаза... Только лицо обросло небольшой бородкой и носило следы утомления.

Я назвал себя, и мы горячо обнялись.

Оказалось, что Антон Павлович состоит попечителем той земской школы, в пользу которой мы играли.

Пошли обычные расспросы.

— Как поживаете? — спросил я.

— Скриплю помаленьку. Чувствую себя плоховато, хотя веду наиприличнейший образ жизни. Я живу около Лопасни, в собственном имении. Итак, перед вами уже не бедняга-студент Антоша Чехонте, а помещик, или, вернее, нечто вроде старинного однодворца. Знаете что: дайте мне слово, что приедете ко мне в Мелихово?

После спектакля отправились на вокзал, где Антон Павлович угостил всех нас прекрасным ужином, и этот ужин вознаградил нас за все дневные лишения [2].

Я совсем собрался ехать в Мелихово, как вдруг в феврале получаю от Чехова письмо.

«Я немножко захворал,— писал Антон Павлович,— заарестован доктором и лежу теперь в клинике профессора Остроумова. У меня кровохаркание. Хуже всего то, что меня отсюда не выпустят раньше Пасхи, а мне хотелось уговорить вас дать еще один спектакль в Серпухове на святой неделе и хотелось самому взять на себя обязанности бутафора и декоратора. Пишу лежа. Навестите меня» [3].

На другой же день я поехал в клинику.

— Могу ли я видеть Антона Павловича Чехова? — спросил я сестру милосердия и сказал свою фамилию.

— Антон Павлович вас ожидает, но доктор просил предупредить, чтобы вы более десяти минут не сидели в палате и не заставляли Чехова долго говорить. Перед вами приезжал граф Л. Н. Толстой, пробыл у Антона Павловича полчаса, и после этого свидания Чехов очень ослабел.

Когда я увидел Антона Павловича Чехова, одетого в серый больничный халат, я был поражен его видом: он страшно похудел и побледнел.

— Что это вы вздумали болеть?

— И не говорите,— махнул он рукой.— Кровохаркание совсем замучило. Здесь мне душно. Скорее бы в Мелихово!..[4]

Я попросил Чехова оказать поддержку одному моему приятелю, который начинал писать, и Антон Павлович обещал дать ему рекомендательное письмо к А. С. Суворину.

Быстро прошли узаконенные десять минут, о чем напомнила сестра милосердия.

— Пришлите-ка мне рассказ вашего приятеля,— сказал на прощанье Чехов.— Я его здесь прочту.

Через несколько дней Антон Павлович вернул мне рассказ вместе с письмом к Суворину и просил передать А. С. (инициалы моего приятеля) следующий ответ:

«Не мешало бы А. С. пока написать другой рассказ. Если он хочет заниматься литературой не как дилетант, а по-настоящему, то, пока молод, пусть пишет непрерывно, не дожидаясь ответов от редакций и независимо от этих ответов. Один хорошенький рассказ, написанный на пространстве целого года, не делает из него литератора, как один гвоздь, вбитый им в стену, не делает еще из него плотника. Пусть А. С. не смущается, если на первых порах потерпит неудачу: это так же обыкновенно и естественно, как если бы он свалился, севши на велосипед первый раз в жизни» [5].

После выхода из клиники Чехов находился в грустном, подавленном состоянии: очевидно, его беспокоила болезнь.

Но к осени его настроение стало другим, что видно из письма:

«Вы можете оказать мне услугу или протекцию, и мы будем квиты до самого страшного суда. Буде найдете это удобным, возьмите на себя труд похлопотать насчет И. П.[6], который состоит на службе учителем уже почти 20 лет и давно хочет примазаться к какому-нибудь казенному училищу ради чинопроизводства — и никак не может. Как бы ему в конце концов получить коллежского регистратора? Увы, он так же, как и я, не имеет никакого чина. И. П. не кончил ни в университете, ни в гимназии, так как свою педагогическую карьеру начал чуть ли не с 18 лет. Но зато он считается заслуженным и образцовым педагогом. Он получил много наград, и грудь его подобна иконостасу: у него медалей, как у фельдфебеля, и если бы служба была государственной, то давно бы уже его произвели, по крайней мере, в статские советники. Здоровье мое недурно, погода редко бывает плохой, работать я, по-видимому, уже начал, так что живется пока ничего себе. Кем вы состоите в министерстве земледелия? И я тоже не чужд вашему министерству, я состою корреспондентом отдела сельскохозяйственной статистики, состою уже давно, так давно, что, кажется, уже имею право на ношение установленного знака (пустой коробки из-под сардин), но правом этим из вольнодумства не пользуюсь» [7].

На следующий год Антон Павлович опять приехал в Москву, которую он очень любил. Он остановился у своей сестры, Марии Павловны, в Дегтярном переулке, где я его навестил.

Антон Павлович провел меня в свой кабинет, очень просто меблированный. На двери и на стене висели плакаты «Просят не курить». На столе лежало много рукописей.

— А вы как будто помолодели,— заметил я.

— Это верно. Угадайте, в чем секрет моей молодости? Я вставил зубы.

И, действительно, вставные зубы помолодили Чехова.

— Ну-с, —весело произнес он,— наступает конец моим лишениям. Кажется, продажа моих сочинений Марксу состоится на днях.

— На каких же условиях вы сошлись?

— В том-то и дело, что в условиях мы пока не сходимся. Маркс предлагает за все то, что я написал и напишу, 75 тысяч. А я хочу, чтобы он купил то, что уже мною написано, за 75 тысяч и заключил бы со мной следующий договор: все, что я напишу еще, я имею право печатать где мне угодно, а затем Маркс обязан включить новое произведение в собрание моих сочинений и платить мне в первое пятилетие по 250 руб. за печатный лист, во второе пятилетие 500 руб., в третье —750 руб. и в четвертое — 1000 руб. Маркс пришел от этих условий в ужас и сказал, что я его разорю, что для того, чтобы заплатить мне и 75 тысяч, он должен занять, так как у него свободных денег нет. Но я готов дать ему расписку, написанную собственною кровью, что не проживу и трех лет. Да и вы знаете, я пишу теперь очень мало. Должно быть исписался. Впрочем, и написал я немало. Страшно устал, хочется отдохнуть, как следует.

— Разве вам мало приносят ваши сочинения, изданные Сувориным?

— Суворину некогда заниматься своим книжным магазином, а потому там такая путаница, что сам черт ногу сломает... Дело у него, с первого взгляда, поставлено широко, а в результате книжный магазин едва ли дает 7%... И потом я хочу сразу получить капитал в руки.

— Мне кажется,— заметил я,— что вы делаете большую ошибку.— Вам нужно самому издать собрание ваших сочинений и, конечно, вы получите не 75 тысяч, а несравненно больше.

— Не говорите, не говорите. Издание сочинений — это страшная возня. Где мне, больному человеку, брать на себя такую обузу. И 75 тысяч — большие деньги. Повторяю вам, мне осталось жить очень недолго.

— Полноте, Антон Павлович.

— Друг мой, вы забываете, что я хоть и плохой, но все же доктор. Меня никакие медицинские светила не надуют: дело мое плохо, и капут не за горами... Бросим говорить об этом... Скорее бы покончить с Марксом... Зажил бы покойно, отдохнул бы.

— Скажите, пожалуйста,— спросил я,— ваш первый рассказ был напечатан в «Будильнике»?

— Нет, первый рассказ вышел в «Стрекозе» [8].

В 1900 году Антон Павлович приезжал в Москву ненадолго и, кажется, в этот приезд он и женился. Я был у него в «Дрездене»: он занимал очень скромный номер.

— А я опять нездоров,— сказал он.— Кровохарканье прошло, теперь мучит геморрой. Проклятая болезнь... Чудное средство от приступов геморроя — это Дорошевич. Молодец, Влас!.. Удивительно разнообразное остроумие!.. Вчера я до слез хохотал, читая его последний фельетон.

Он вообще очень любил Дорошевича и считал его одним из самых талантливых фельетонистов. Несколько лет спустя, когда один из гостей заметил, что Дорошевич исписался, Антон Павлович ответил:

— Нет. Дорошевич тот же, а мы к нему привыкли. Вот в чем дело.

Я заговорил и о другом фельетонисте, который начал входить в моду.

— Ну, это бездарность,— произнес Чехов.— Я как-то говорю ему, что, несомненно, придет время, когда не нужно будет паспортов и когда люди не будут бояться смертной казни. На это он, представьте себе мое изумление, спросил: «Значит тогда всякий может резать на улице кого угодно?»

Антон Павлович был в духе, рассказывал много анекдотов, строил планы насчет будущего.

— Хочу,— говорил он,— посетить все петербургские и московские тюрьмы. Меня интересует тюремный вопрос. Думаю, что министр

юстиции разрешит. Я в прошлом году встретил Н. В. Муравьева [9] на набережной: он шел и нес в руках моих «Мужиков». Авось, «Мужики» составят мне протекцию.

Я должен был уехать из Москвы и поселиться в Калуге и два года не виделся с Чеховым [10]. За это время здоровье его сильно пошатнулось, и в конце декабря 1902 г. он писал:

«Калуга, вероятно, скучнейший из всех русских городов, но все же это лучше Крыма и Ялты, и потому позвольте позавидовать вам. Я целый месяц был нездоров, шла кровь горлом, ослабел. Теперь, по-видимому, дело пошло на поправку» [11].

В конце прошлого года [12] я виделся с Антоном Павловичем в последний раз.

Я нашел, что он сильно постарел и как-то осунулся.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Скверно. Надо скорее бежать за границу, а денег совсем нет. От марксовских 75 тысяч осталось одно неприятное воспоминание... Да, вы были когда-то правы: надо было самому издавать сочинения... Но разве я мог предполагать, что протяну еще пять лет?.. Тогда 75 тысяч казались мне неисчерпаемым богатством... Теперь, если бы не гонорар за пьесы, мне совсем нечего было бы есть!.. А, знаете, меня считают богатейшим человеком; вот, сегодня я получил два письма: в одном просят у меня взаймы 500 р., в другом — 750. Не правда ли, злая ирония? ...Я никогда ни одного письма не оставлял без ответа, но на эти не отвечу; не то, чтобы мне было стыдно сознаться в своей бедности, а я уверен, что этой бедности не поверят!..

Чехов говорил, сидя на диване и сложив руки на коленях (его любимая поза во время беседы).

— «Вишневый сад» тоже меня не радует,— продолжал он с грустью в голосе.— Не могу разобраться: или пьеса никуда не годится, или артисты меня не понимают, или, наконец, они утомились после «Юлия Цезаря» и не могут сосредоточиться. Так, как идет у них пьеса теперь, «Вишневый сад» ставить нельзя.

Антон Павлович часто останавливался на полуслове, задумывался, и хотя прекрасная, одному ему свойственная улыбка изредка озаряла его лицо, но это была уже грустная улыбка, которая быстро исчезала, и на смену ей между бровями появлялась новая складка, указывавшая на то, что этот человек или сильно страдает, или думает о чем-нибудь очень важном...

Это последнее свидание произвело на меня тяжелое впечатление.

Замечательные черты в характере Чехова были: редкая для нашего черствого во всех отношениях времени — доброта и скромность.

Вот уж, правда, человек, который исключительно жил для других.

Студентом он бегал по урокам, писал рассказы, сам платил за право слушания лекций и еще помогал своим родным. И затем, когда его талант был уже признан, он опять-таки все отдавал своим близким, а на себя тратил гроши.

Чехов очень любил свое Мелихово, но там от несчастного случая (кажется, понесли лошади) скончался его отец [13]. Матери и самому Антону Павловичу было очень грустно оставаться в имении. Мелихово продали. Здоровье Чехова становилось все хуже и хуже. Как раз в это время был заключен договор с Марксом, у Чехова появились деньги: он купил дачу в Крыму.

Произведенный в генералы от литературы, Антон Павлович до самой смерти оставался милым, симпатичным добряком: не было ни одного начи-

нающего литератора или журналиста, которому он не помог. Он снабжал их рекомендательными письмами, хлопотал за них у редакторов и издателей, и, когда произведение было напечатано, он ликовал.

Обладая идеально добрым сердцем, Чехов всегда находил доброе сердце и у своего ближнего.

Рекомендуя начинающего, он неизменно писал:

«...Это очень хороший и добрый человек...»

Отказывая себе подчас даже в необходимом, Антон Павлович не торопился написать какой-нибудь рассказ и послать его в любую редакцию, хотя отлично знал, что все, что бы он ни написал, будет тотчас напечатано.

Замечательно и бескорыстие Антона Павловича. Чеховский рассказ, напечатанный в «Ежемесячных литературных приложениях к „Ниве“», оплачивался по 1000 руб. за печатный лист. Тем не менее, он отдавал свои произведения и в другие издания, потому что он считал своим долгом выполнить обязательство перед подписчиками: его имя стояло в числе сотрудников, следовательно, в течение года он должен был что-нибудь написать. И последний его рассказ по этим соображениям был напечатан в «Журнале для всех», где ему платили не 1000, а 500 рублей. А лишние 500 руб., ах, как они были нужны Антону Павловичу!..

Вспоминаю и такой случай.

К Чехову приехал при мне редактор молодого журнала.

— Антон Павлович, спасите: журнал погибает, денег нет.

— Я сам погибаю, у меня тоже денег нет,— отвечает Чехов.

— Ради бога, дайте мне маленький рассказ. Он спасет мой журнал.

Антон Павлович задумался.

— Гм!.. У меня готов рассказ, но я уже его обещал... Впрочем, возьмите...

— Господи!.. Антон Павлович!..— радостно воскликнул редактор.— Спасибо, от души спасибо!..

— Не за что, не за что... Буду очень рад, если, действительно, помогу вам.

— А ваши условия?

— От этого увольте. Что можете — заплатите. Если денег у вас сейчас нет, подожду.

— 250?..— нерешительно проговорил редактор.

— За глаза довольно.

— Вот-с, извольте.

Когда редактор, рассыпавшийся в благодарностях, ушел, я не мог удержаться и сказал:

— Это бог знает, что такое!.. Вам дорога каждая копейка, вы хотели послать рассказ Марксу и вместо тысячи берете 250 рублей.

— Ну, полно!..— проговорил Чехов.— Разве вы не слышали, что у него дела плохи. Не погибать же нам вместе...

Я поклонился могиле моего дорогого, незабвенного учителя, и здесь, на кладбище, мне вспомнились его слова:

...«здесь его колыбель, где нет жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную. От плит и увядших цветов, вместе с осенним запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем» [14].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь Яковлев ошибается в инициалах. Имеется в виду Елена Михайловна Шаврова (1874—1937), беллетристка, готовившаяся к сценической карьере, занималась в музыкально-драматическом училище Московского общества литературы и искусства.

[2] Яковлев был участником Московского кружка любителей драматического искусства. В конце февраля 1897 г. кружок выезжал в Серпухов для постановки спектакля в пользу местной земской школы, попечителем которой состоял Чехов. Были поставлены комедия Гнедича «Брак» и одноактная пьеса Бибикова «Приличия». Инициатором спектакля был Чехов.

[3] Письмо это написано не в феврале, а в марте, не ранее 25-го, когда Чехов лег в клинику Остроумова.

[4] Яковлев навестил больного Чехова в клинике проф. Остроумова в тот же день, когда у Чехова был Л. Н. Толстой. Это было 28 марта 1897 г.

[5] Под инициалами А. С. здесь скрывается сам Яковлев, о чем убедительно говорят приведенные нами в предисловии к публикации выдержки из его писем к Чехову.

Приведенный текст совета Чехова по поводу рассказа А. С. является, очевидно, несколько видоизмененным письмом Чехова к Яковлеву, возможно, в ответ на письмо Яковлева к Чехову от 6 апреля 1897 г., которое мы цитировали в предисловии.

[6] Ивана Павловича Чехова.

[7] Настоящее письмо Чехова к Яковлеву можно датировать 26 или 27 октября 1898 г. (Ялта). В хлопотах об Иване Павловиче Чехове Антон Павлович надеялся на влиятельного отца адресата — сенатора Сергея Павловича Яковлева. Ответное письмо Яковлева Чехову датировано 30 октября 1898 г.: «Не знаю, как и благодарить вас, милый и дорогой Антон Павлович, за все ваши хлопоты. Большое, сердечное вам спасибо! Брата вашего, Ивана Павловича, можно произвести в чин и без службы в благотворительном обществе: это может сделать Министерство в награду за полезную деятельность. Я говорил об этом кое с кем. Теперь необходимо иметь нечто вроде curriculum vitae вашего брата. Интересно знать: 1) все ли 20 лет прослужил он в Московской думе; 2) получал ли какие-нибудь награды; 3) выдавали ли ему денежные пособия; 4) где кончил он курс. В свободную минуту ответьте мне, пожалуйста, на эти вопросы. Просьбу вашу исполню непременно: буду стараться, насколько сил хватит. Уверен, что не позже начала будущего года мы (т. е. я и министр народного просвещения) произведем Ивана Павловича в чин коллежского регистратора».

Получив это письмо, Чехов, вероятно, послал запрос И. П. Чехову. В письме к М. П. Чеховой (13 ноября 1898 г., Ялта) читаем: «Ивану поклон. Скажите, что я жду от него формулярного списка; мне не нужно точной копии, пусть вспомнит и сам напишет по памяти» (XVII, 356). 16 ноября 1898 г. Чехов писал Ивану Павловичу из Ялты: «Милый Иван, я сегодня 16-го получил бумаги и уже послал их» (там же, стр. 358).

4 декабря 1898 г. Яковлев сообщал Чехову: «Дорогой Антон Павлович! Бумаги вашего брата я получил и переслал моему отцу. Ивану Павловичу необходимо, как я уже вам писал, представиться Сергею Павловичу, который примет его очень хорошо и сделает все, что только возможно. Лучше было бы, если бы ваш брат навестил отца в праздник. Отец по праздникам свободнее».

13 декабря 1898 г. Чехов писал Ивану Павловичу: «До отъезда непременно побывай у Сергея Павловича. Если теперь не пойдешь, то придется ждать до конца будущего года, так как представления бывают только к январю» (XVII, 387).

Очевидно ко второй половине декабря 1898 г. относится следующее письмо Яковлева к Чехову:

«Я только что отправил мое письмо вам, дорогой Антон Павлович, как получил письмо от отца. Сергей Павлович сообщает мне, что ваш брат у него был и что производство его в чин возможно только в том случае, если Иван Павлович поступит на государственную службу по учебной части. В ведении Человеколюбивого общества, председательствующим которого состоит в Москве мой отец, находится Набилковское мужское училище. Отец предложил Ивану Павловичу „прикомандироваться" к сему училищу... Одновременно с этим письмом посылаю вам № „СПб. Вед.", в котором напечатано мое „Пожертвование"».

[8] Речь идет о рассказе «Письмо к ученому соседу» («Стрекоза», 1880, № 10 от 9 марта). Был ли этот рассказ первым напечатанным рассказом Чехова или ему предшествовали более ранние — не установлено.

[9] Николай Валерианович *Муравьев* (1850—1908)—крупный чиновник-юрист; с 1894 по 1905 г. был министром юстиции.

[10] По условиям службы Яковлев переезжал из города в город. В Калугу он переехал в 1901 г. Отсюда он сообщал Чехову в одном из своих писем: «Как я уже писал вам, я обретаюсь в Калуге, где познакомился с вашими старыми искренно любящими вас друзьями — Киселевыми. Что за симпатичные и милые люди! Я часто бываю у них, и каждый раз мы вспоминаем вас... Не попадался ли вам номер „России" от 7 ноября, в котором был напечатан рассказ „Поручение"?»

[11] Кроме приводимого Яковлевым отрывка из письма Чехова от конца декабря 1902 г., вероятно, существовали и другие письма Чехова к Яковлеву в Калугу, где последний находился с 1901 г. и откуда он писал Чехову еще в 1901 г. (см. прим. 10).

[12] Т. е. 1903 г.

[13] Отец Чехова скончался не от несчастного случая, а от неудачной операции.

[14] Из рассказа «Ионыч» (IX, 293).

А. А. ХОТЯИНЦЕВА. ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ

Публикация П. С. Попова

Александра Александровна Хотяинцева (1865—1942) — художница, внучка декабриста Ивана Николаевича Хотяинцева (1785—1863), не сосланного в Сибирь благодаря тому, что близкий друг его Пестель успел перед своим арестом уничтожить компрометирующие Хотяинцева документы. А. А. Хотяинцева сообщила, что у нее хранился альбом ее деда, декабриста, в котором находились стишки, очень понравившиеся Антону Павловичу:

Мило с милым веселиться,
Мило с милой слезы лить,
Мило сердцем с ней делиться,
Мило с милой милым быть.

А. А. Хотяинцева училась в Училище живописи, ваяния и зодчества, где получила медаль. Занималась у Репина в Академии художеств, также в Париже в студии Merson и Collin; по образцу подобных свободных студий учредила в Москве Художественную мастерскую, где преподавали В. А. Серов, К. А. Коровин и Н. П. Ульянов. В 1923 г. совместно с Т. Л. Сухотиной-Толстой организовала подобную же студию, где преподавал К. Ф. Юон. Участвовала в московских и петербургских выставках. В чеховском доме в Ялте имеется ее картина «Вишневый сад»(см. на стр. 659) и акварель-автокарикатура.

Известно 13 писем Чехова к А. А. Хотяинцевой. В архиве Чехова писем Хотяинцевой не сохранилось. Автограф мемуаров находится в собрании П. С. Попова.

А. А. Хотяинцева была не только талантливой художницей, но владела и пером. Ее воспоминания, пересыпанные шутками и юморесками, которыми она обменивалась с Чеховым, живо передают атмосферу непринужденности и жизнерадостности, столь характерную для Чехова.

Конец декабря 1897 года.

Моросит теплый дождь. Море, пальмы, запах желтофиолей...

— Ницца! [1]

Rue Gounod, Pension russe,— веселый голос Антона Павловича:

— Здравствуйте! Хорошо, что вы приехали, за обедом здесь pintade * [2] подают! Завтра в Монте-Карло поедем, на рулетку! (Я приехала из Парижа, в письме Антон Павлович обещал приготовить мне комнату) [3].

— Комнаты в большом доме все заняты, вам дают в dépendance — маленьком флигеле, во дворе. Здесь живет человек сорок русских, никто из них никогда не слыхал обо мне, никто не знает, кто я! Впрочем, одна дама смутно подозревает, что я пишу в газетах.

Через несколько дней, однако, появились какие-то молодые супруги из Киева, очевидно, знавшие, кто такой Чехов.

Комната их была рядом с комнатой Антона Павловича, и через тонкую стенку было слышно довольно ясно, как они по очереди читали друг другу рассказы Чехова. Это забавляло Антона Павловича. Иногда сразу нельзя было догадаться, какой именно рассказ читается, тогда автор прикладывал ухо к стене и слушал.

---

* Цесарку (франц.).

ЧЕХОВ
Рисунок А. А. Хотяинцевой
Внизу надпись рукою художницы: «Чехов мечтает об Книппер» и «Ася после бани в художественном экстазе. 1899 г. 22 января»
Литературный музей, Москва

— А... «Свадьба»... нет, нет... Да, «Свадьба»!

Я нарисовала на это карикатуру и пугала, что он простудит ухо [4].

Публика в пансионе была в общем малоинтересная. За табльдотом рядом с Чеховым сидела пожилая сердитая дама, вдова известного педагога Константина Дмитриевича Ушинского. Про нее Антон Павлович говорил:

— Заметили вы, как она особенно сердится, когда мне подают блюдо и я накладываю себе на тарелку? Ей всегда кажется, что я беру именно ее кусок.

Напротив сидела старая толстая купчиха из Москвы, прозванная Антоном Павловичем «Трущобой» [5]. Она была постоянно недовольна всем и всеми, никуда не ходила, только сидела в саду, на солнышке. Ее привезли в Ниццу знакомые и здесь оставили. Ни на одном языке, кроме русского, она не говорила, очень скучала, мечтала о возвращении домой, но одна ехать не решалась.

Чехов пожалел ее и вскоре — надо было видеть ее радость — объявил ей:

— Собирайтесь, едут мои знакомые, они доставят вас до самой Москвы!

В виде благодарности «Трущоба» должна была отвезти кому-то в подарок от Антона Павловича две палки. Вообще всем, возвращавшимся в Россию, давались поручения. Антон Павлович очень любил делать подарки, предметы посылались иногда самые неожиданные, например — штопор...

Рядом с «Трущобой» сидели и, не умолкая, болтали две «баронессы» [6], мать и дочь, худые, высокие, с длинными носами, модно, но безвкусно одетые. Клички давать не пришлось, ярлычок был уже приклеен! Но как-то раз дочка явилась с большим черепаховым гребнем, воткнутым в высокую прическу; гребень был похож на рыбий хвост. С тех пор моло-

дая баронесса стала называться «рыба хвостом кверху». В моих карикатурах начался «роман» — Чехов ухаживает за «рыбой». Старая баронесса препятствует — он беден; она заметила, что в рулетку он всегда проигрывает. Чехов в вагоне, возвращается из Монте-Карло с большим мешком золота, с оружием — штопором — в руке, охраняет свое сокровище, а баронессы сидят напротив и умильно на него смотрят. Чехов в красном галстуке — у него было пристрастие к этому цвету — делает предложение. Встреча в Мелихове: родители, сестра, домочадцы и собаки... Чехов тащит на плече пальму.

— Хорошо бы такую в Мелихове посадить!— говорил он, любуясь какой-нибудь особенно высокой ⟨пальмой⟩.

Свадьба, кортеж знакомых... молодые уезжают на собственной яхте [7].

Антону Павловичу нравились мои рисунки, он шутил:

— Вы скоро будете большие деньги загребать, как мой брат Николай! Всегда будете на извозчиках ездить!

От других лиц остались в памяти только прозвища: «дама, которая думает, что она еще может нравиться», «дорогая кукла». Прозвища устанавливались твердо. Если я спрашивала: пойдем сегодня к «Кукле»? Антон Павлович непременно поправлял: к «Дорогой кукле». Эта дама была женой какого-то губернатора. Она была больна, лежала в постели всегда в очень нарядных белых кофточках, отделанных кружевами и яркими бантиками, каждый раз другого цвета. Она скучала и очень просила приходить к ней по вечерам. Чехова *читала* [8].

По утрам Антон Павлович гулял на Promenade des Anglais и, греясь на солнце, читал французские газеты. В то время они были очень интересны — шло дело Дрейфуса, о котором Чехов не мог говорить без волнения [9].

ЧЕХОВ

Рисунок А. А. Хотяинцевой

Внизу надпись рукою художницы: «Чехов смотрит на Дроздову. 25 мая 98»

Литературный музей, Москва

Из России получалось «Новое время». Прочитав номер газеты, Антон Павлович никогда не забывал заклеить его новой бандеролью с адресом Menton. Maison Russe [10] и опустить в почтовый ящик. По утру же неизменно перед домом появлялись, по выражению Антона Павловича, «сборщики податей» — певцы, музыканты со скрипкой, мандолиной, гитарой. Антон Павлович любил их слушать и «подать» всегда была приготовлена.

Однажды пришла совсем незнакомая девочка-подросток и так серьезно и энергично потребовала, чтобы Чехов позировал ей для фотографии, что ему пришлось согласиться и быть «жертвой славы»! На другой день был прислан большой букет цветов, вероятно от нее, но фотографии не было.

Писем Антон Павлович получал много, и сам писал их много, но уверял, что не любит писать писем.

— Некогда, видите, какой большой писательский бугор у меня на пальце? Кончаю один рассказ, сейчас же надо писать следующий...Трудно только заглавие придумать, и первые строки тоже трудно, а потом все само пишется... и зачем заглавия? Просто бы № 1, 2 и т. д.

Однажды, взглянув на адрес, написанный мной на конверте, он накинулся на меня:

— Вам не стыдно так неразборчиво писать адрес? Ведь вы затрудняете работу почтальона!

Я устыдилась и запомнила.

Даже в таких мелочах проявлялась та действенная и неустанная любовь к людям, которая так поражает и трогает в Чехове. И как его возмущали обывательская некультурность и отсутствие любознательности!

Рассказывал... Люди обеспеченные, могут жить хорошо. В парадных комнатах все отлично, в детской — грязновато, в кухне — тараканы! А спросите их, есть ли у них в доме Пушкин? Конечно, не окажется.

Между завтраком и обедом публика пансиона ездила в Монте-Карло, разговоры за столом обыкновенно касались этого развлечения. Ездил и Чехов и находил, что там очень много интересного [11]. Один раз он видел, как проигравшийся англичанин, сидя за игорным столом с очень равнодушным лицом, изорвал в клочки свое портмонэ, смял и скрутил металлический ободок, и потом только, очень спокойно, пошел.

По вечерам очень часто приходил приятель Антона Павловича, доктор Вальтер [12], и мы втроем пили чай в комнате Чехова; в пансионе чай вечером не полагался, но мы, по русской привычке, не обходились без него. Вспоминали и говорили о России. Антон Павлович очень любил зиму, снег и скучал о них, «как сибирская лайка».

Впоследствии, когда ему пришлось устраивать свой сад в Ялте, где в садах много вечнозеленых растений, он насадил деревья с опадающей листвой, чтобы «чувствовать весну». Он очень любил цветы. В Мелихове он разводил розы, гордился ими. Гостьям-дачницам из соседнего имения (Васькина) он сам нарезал букеты. Но срезал «спелые» цветы, те, которые нужно было срезать по правилам садоводства, и «чеховские» розы иногда начинали осыпаться дорогой, к большому огорчению дачниц, особенно одной, поклонницы Чехова, которую Антон Павлович прозвал «Аделаидой». Звали ее совсем иначе.

— Она похожа на Аделаиду [13],— говорил он.

Тут же около роз находился огород с любимыми «красненькими» (помидоры) и «синенькими» (баклажаны) и другими овощами.

Раз я рисовала флигелек Антона Павловича с красным флажком на крыше, означавшим, что хозяин — дома и соседи-крестьяне могут приходить за советом. Хозяин, разговаривая со мной, прохаживался по дорожке за моей спиной, и неизменные его спутники таксы: «царский вагон», или Бром, и «рыжая корова», или Хина, сопровождали его. Кончаю рисовать, поднимаюсь, стоять не могу! Моя туфля-лодочка держалась

только на носке, а в пятку Антон Павлович успел всунуть луковицу! Трудно было даже предположить, что Чехов тяжело болен, так он был весел и жизнерадостен.

— И я и Левитан не ценили жизни, пока были совершенно здоровы, теперь только, когда мы оба серьезно заболели, мы поняли ее прелесть!

ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Александре Александровне Хотяинцевой. Антон Чехов. 97 $\frac{30}{VII}$.»
Дом-музей Чехова, Москва

В то время, когда я была в Мелихове, Антон Павлович собирал для издания все свои рассказы, напечатанные в юмористических журналах. Его брат разбирал эти старые журналы и вслух читал рассказы. Чехов заливался смехом:

— Это мой рассказ? Совсем не помню! А смешно...

В ходу были всякие домашние словечки, забавные прибаутки. Антон Павлович поддразнивал меня и, если я попадалась,— утешал:

БАРОНЕССЫ ДЕРШАУ, ОБИТАТЕЛЬНИЦЫ РУССКОГО ПАНСИОНА В НИЦЦЕ

Карикатура (акварель) А. А. Хотяинцевой, Ницца, 1897 г.

Дом-музей Чехова, Москва

— Говорить глупости — привилегия умных людей!

Себя называл Потемкиным:

— Когда я еду мимо церкви, всегда звонят, так было с Потемкиным.

Я усомнилась. Дня через два, рано утром, мы поехали на станцию. Проезжаем через село, равняемся с церковью — зазвонили колокола.

— Слышите?! Что я вам говорил?— И тут же спросил,— неожиданные вопросы были ему свойственны: — А вы играли в моем «Медведе»? Нет? Очень приятно, а то каждая почти барышня начинает свое знакомство со мной: «А я играла вашего „Медведя“!»

Кроме Мелихова, общие воспоминания у нас были и о Богимове, где Чеховы провели лето и куда я попала через несколько лет после них. В гостиной с колоннами все так же еще стоял большой старинный диван карельской березы; на спинке его было написано братом Антона Павловича такое стихотворение:

На этом просторном диване,
От тяжких трудов опочив,
Валялся здесь Чехов в нирване,
Десяток листов исстрочив.
Здесь сил набирался писатель,
Мотивы и темы искал.
О, как же ты счастлив, читатель,
Что этот диван увидал!

В соседнем имении вокруг сада шла, совсем необычно, аллея из елок. Отсюда она попала в «Дом с мезонином» [14].

Так в воспоминаниях о России проходило вечернее чаепитие у Антона Павловича в Ницце. Он норовил его затянуть, но д-р Вальтер не позволял ему поздно ложиться спать.

Приблизительно около десяти часов где-то по соседству кричал осел, и каждый раз, несмотря на то, что мы знали об этом, так громко и неожиданно, что Антон Павлович начинал смеяться. Ослиный крик стал счи-

таться сигналом к окончанию нашей вечерней беседы. Д-р Вальтер и я желали Антону Павловичу покойной ночи и уходили. Помню одно исключение — встречу Нового 98 года — ровно в полночь.

Весной 98 года Антон Павлович приехал в Париж. Максим Максимович Ковалевский [15] и я встретили его на вокзале. Приехал бодрый и веселый. Нашу небольшую компанию русских художниц раскритиковал:

— Живете как на Ваганькове! Скучно, нельзя же все только работать, надо развлекаться, ходить по театрам. Непременно посмотрите в Folies bergères новую пьесу, очень смешная: «Nouveau jeu»,— и несколько позже спросил: «Послушались, посмотрели смешную пьесу?».

Чехов говорил, что «Кармен» самая любимая его опера. Цирк он тоже очень любил. Осенью 98 г. перед отъездом из Москвы он пригласил меня пойти в цирк с ним и Алексеем Сергеевичем Сувориным.

В цирке я скоро устала и захотела уйти одна, но мои спутники решили тоже уйти. Была чудесная звездная ночь, после жары и духоты в цирке дышалось легко. Я выразила свое удовольствие по этому поводу, и Антон Павлович сказал:

— Так легко наверно дышится человеку, который выходит из консистории, где он только что развелся!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. А. Хотяинцева приехала в Ниццу из Парижа, где она жила с конца октября 1897 г. О своем приезде она уведомляла М. П. Чехову в письме от 26 декабря 1897 г.: «Спешу сообщить вам приятное: сегодня утром приехала в Ниццу и застала Антона Павловича в хорошем виде и настроении. Мне пришла в голову бриллиантовая идея вместе встретить Новый год, вот я и прикатила. Ницца встретила меня дождем и сыростью, но все-таки пальмы и апельсины взаправду растут на воздухе, а море хорошо даже при таком сыром небе, как сегодня. Мы уже два раза гуляли по набережной. Я приехала раньше, чем написала, так что Антон Павлович только собирался идти меня встречать. В промежутки прогулок завтракали, за табльдотом. Дамы все идолицы, в особенности одна баронесса похожа на рыбу. Я, по-видимому, буду их шокировать

ЗА ТАБЛЬДОТОМ В РУССКОМ ПАНСИОНЕ В НИЦЦЕ
Карикатура (акварель) А. А. Хотяинцевой, Ницца, 1897 г.
Дом-музей Чехова, Москва

ЧЕХОВ В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ ПЕРЕД СВОИМ ПОРТРЕТОМ, НАПИСАННЫМ И. Э. БРАЗОМ

Шарж (акварель) А. А. Хотяинцевой, 1898 г.

Дом-музей Чехова, Москва

моим поведением и отсутствием туалетов. Здесь ведь считается неприличным пойти в комнату к мужчине, а я все время сидела у Антона Павловича. Комната у него славная, угловая, два больших окна (здесь ведь окна до полу), на кровати и окнах белые занавеси. Он сказал мне, что послал вам цветы, интересно, как они дошли. Передо мной сейчас стоит букет роз, но мы все-таки решили, что мелиховские гораздо лучше» (ЛБ).

[2] В настоящем томе на стр. 219 воспроизведена карикатура Хотяинцевой — Чехов в раздумье над меню в русском пансионе в Ницце.

[3] См. письмо Чехова от 19/31 декабря 1897 г. (XVII, 197—198).

[4] Эта карикатура не сохранилась.

[5] Мария Антоновна Житкова (см. XVII, 210, 211, 216, 220).

[6] Мать и дочь *Дершау* (см. XVII, 179, 218, 220, 225, 249).

[7] Одна из карикатур на «баронесс» сохранилась и воспроизведена на стр. 610.

[8] Чехов писал Хотяинцевой в феврале 1898 г.: «У дорогой куклы бываю каждый вечер и пью у нее чай со сдобной булкой» (XVII, 225).

[9] В том же письме Чехов писал о деле Дрейфуса: «Вы спрашиваете меня, все ли я еще думаю, что Золя прав. А я вас спрашиваю: неужели вы обо мне такого дурного мнения, что могли усумниться хоть на минуту, что я не на стороне Золя?» (там же).

[10] В Ментоне в то время жила художница Е. М. Мартынова.

[11] 1 января 1898 г. Чехов писал сестре: «Вчера возил я А. А. Хотяинцеву в Монте-Карло и показывал ей рулетку, но она, как вообще женщины, лишена того хорошего любопытства, которое так двигает мужчин, и на нее ничто не производит впечатления. Одета она в то же платье, в каком была в Мелихове. Среди русских, обедающих в Pension russe, она самая интеллигентная, даже сравнивать нельзя» (XVII, 206).

[12] Живший в Ницце врач-бактериолог Владимир Григорьевич Вальтер.

[13] Одно время у владельца имения «Васькино» Семенковича на даче жила семья директора Московского кадетского корпуса Шатилова. А. А. Хотяинцева и дочь директора другого Московского кадетского корпуса, приехав к Чеховым, привели в Мелихово свою знакомую Шатилову с сыном мальчиком и гувернером Майо. Шатилова оказалась большой поклонницей таланта Чехова. Однажды, забыв ее имя, Антон Павлович назвал ее Аделаидой. Это имя очень к ней подошло, и с той поры это имя за ней так и осталось (указание М. П. Чеховой, сделанное 31 мая 1941 г.).

[14] Даньково, имение Крюковых. См. фотографию «пней от еловых аллей в Даньково» на стр. 11 брошюры С. Самойловича «По Ферзиковскому району». Калуга, 1930.

[15] О М. М. Ковалевском см. выше, стр. 216.

Е. П. ПЕШКОВА.
ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ *

В 1898 г. мы с Алексеем Максимовичем и полугодовалым сынишкой вернулись в Нижний Новгород. Нам посчастливилось найти квартиру в первом этаже дома, который стоял в глубине двора, окнами в сад, незаметно переходивший в овраг, густо заросший деревьями. Казалось, что живешь не в шумном городе. А Ильинка, улица, на которой стоял этот дом, была действительно шумной, с нее шел спуск в нижнюю часть города. Помню, что как раз на этой квартире почти каждый вечер мы читали Чехова.

Алексей Максимович, бывая в редакции «Нижегородского листка», где получалось много газет и журналов, следил — не появится ли новый рассказ Антона Павловича. Потом приносил его домой, и мы читали и перечитывали его.

Обыск и арест 6 мая 1898 г. прервали нашу тихую жизнь. Алексея Максимовича увезли в Тифлис, я с сынишкой вернулась к матери в Самару.

Только осенью 1898 г. мы вновь приехали в Нижний, и тут Алексей Максимович послал Антону Павловичу свое первое письмо и свои книжки.

Целый год продолжалась их переписка. Алексей Максимович послал Антону Павловичу свою карточку с маленьким сыном на плечах и получил от Антона Павловича его фотографию, сделанную Леонидом Валентиновичем Срединым.

Лишь 19 марта 1899 г., приехав на лечение в Ялту, Алексей Максимович познакомился с Чеховым.

Через два-три дня он мне писал: «Живу. Чехов — человек на редкость. Добрый, мягкий, вдумчивый. Публика страшно любит его и надоедает ему. Знакомых у него здесь — конца нет. Говорить с ним в высокой степени приятно, и давно уже я не говорил с таким удовольствием, с каким говорю с ним...»

Все время пребывания Алексея Максимовича в Ялте в 1899 г. он часто видится с Чеховым. То они встречаются в книжном магазине Синани — своего рода клубе для приезжих писателей, художников, артистов,— то сидят на скамье у этого магазина, любуясь морем. В одном из писем из Ялты Алексей Максимович пишет: «Какой одинокий человек Чехов и как его плохо понимают. Около него всегда огромное количество поклонников и поклонниц, а на печати у него вырезано: „одинокому — везде пустыня“, и это не рисовка. Он родился немножко рано». В письме от 23 марта 1899 г. Алексей Максимович пишет мне тоже из Ялты: «Всю ночь, до шести утра, просидел у Чехова. Как он интересен и хорош! Но здоровье его в очень опасном положении, процесс у него кровоточивый, медленный, но верный. Он не знает этого, хотел к Пасхе ехать в Москву, но, кажется, его не пустят отсюда».

---

* Воспоминания написаны Е. П. Пешковой по просьбе редакции для настоящего тома «Литературного наследства».

А в другом письме через несколько дней после этого Алексей Максимович сообщает: «Будет вечер в пользу голодающих: Чехов, Елпатьевский и я будем читать...»

Алексей Максимович был совершенно пленен Антоном Павловичем. Заглазно и я была под его обаянием. Познакомилась я с Антоном Павловичем лишь весной 1900 г., когда мы вместе с А. М. приехали в Ялту и поселились в квартирке над гостиницей «Ялта», в уличке, ведущей на Дарсану. Туда вместе с Буниным, если не ошибаюсь, зашел к нам Антон Павлович.

После этого и я несколько раз была с А. М. в доме Антона Павловича, говорила с ним мало, так как в те годы была болезненно застенчива и краснела по всякому поводу. Очень тепло встретила меня, заметив это, матушка Антона Павловича — Евгения Яковлевна — «мамаша», как он ее ласково называл.

В эту весну в Ялте собралось много литераторов: Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк со своей дочкой Аленушкой, Константин Михайлович Станюкович, Александр Иванович Куприн, завсегдатай дома Чеховых Иван Алексеевич Бунин, Евгений Николаевич Чириков, Сергей Яковлевич Елпатьевский с семьей — все они бывали у Чехова.

Вскоре приехали артисты Художественного театра. И тихий дом Антона Павловича ожил — с утра до вечера там бывали артисты, и в доме и в саду царило веселое настроение.

Вскоре после их отъезда Антон Павлович участвовал в поездке на Кавказ, на которую его вдохновил Алексей Максимович своими восторженными рассказами о величественных красотах Кавказа. В этой поездке участвовали, кроме Алексея Максимовича и Антона Павловича,— Виктор Михайлович Васнецов, доктор Александр Николаевич Алексин и Леонид Валентинович Средин.

11 июня 1900 г. они вернулись из этой поездки, я на время их путешествия оставалась с сыном в Ялте. Через несколько дней после их возвращения мы уехали в Мануйловку, село Полтавской области, куда Алексей Максимович очень звал приехать Антона Павловича.

Поселились в окруженном парком доме, где было пять комнат. Одна из комнат этого домика сразу была предназначена для Антона Павловича.

Когда Алексей Максимович осматривал старый барский дом в том же парке, у него явилась мысль поместить Антона Павловича в одной из комнат этого дома. Он стоял недалеко от нашего.

Вот что пишет, приехав в Мануйловку, Антону Павловичу — Алексей Максимович:

«Хорошо в этой Мануйловке, очень хорошо. Тихо, мирно, немножко грустно. И немножко неловко, странно видеть кучи людей, которые совсем не говорят о литературе, театре и о всем „прекрасном и высоком", до чего им совсем нет дела. Все-таки хохлы — славный народ,— мягкий, вежливый, я очень их люблю. Устроились мы недурно... А рядом с нами, на большой липе живет семейство сычей. В пруде — лягушки, а у малорусских лягушек такие мелодичные голоса. Неподалеку от нас церковь; сторож на колокольне бьет часы. Собаки лают. Настоящая украинская луна смотрит в окно. Думается о боге и еще о чем-то таинственном и хорошем. Хочется сидеть неподвижно и только думать.

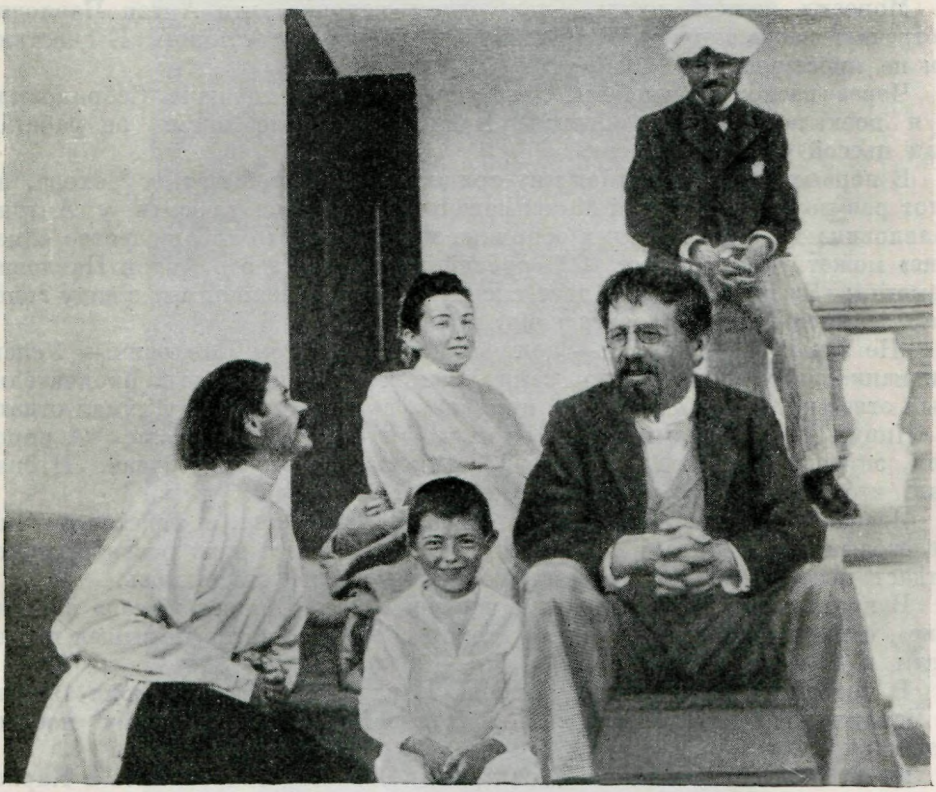
Приезжайте-ка сюда. Мы поместим вас в школе, в том же парке, неподалеку от нас. Комната у вас будет большая, никто не помешает вам. Тихо будет. Я начал купаться в милой реке Псле, где ходят огромные щуки. Красивая река...»

Ждали мы, ждали Антона Павловича, а он так и не приехал.

26 мая 1901 года, на другой день после свадьбы, Антон Павлович с Ольгой Леонардовной, по дороге на кумыс в Аксеново, заехали в

Нижний Новгород к нам. Были недолго, как раз в этот день у меня родилась девочка Катюша. Дверь в нашу квартиру им открыл полицейский, который дежурил в прихожей. В это время Алексей Максимович — после ареста и тюрьмы — по болезни был под домашним арестом.

11 ноября 1901 г., в вечер нашего приезда в Ялту, Алексею Максимовичу пришлось остановиться у Антона Павловича. Ему разрешено было пребывание в Крыму, «кроме Ялты». Дача Чехова находилась в деревне Аутка и тогда была за чертой города Ялты. На даче Чехова



ЧЕХОВ И ГОРЬКИЙ

Фотография. Снята на даче Чехова в Ялте, 1900 г. Рядом с Чеховым его племянник Володя Чехов; сзади Ив. П. и С. В. Чеховы

Музей А. М. Горького, Москва

в Аутке и был прописан Горький. Прожил он у Антона Павловича с неделю, потом переехал в Олеиз, когда мы нашли там дачу. На даче «Нюра» Антон Павлович неоднократно бывал.

Еще живя у Чехова, Горький вместе с ним ездил навестить Льва Николаевича Толстого в Гаспре. Позднее несколько раз, собираясь к Льву Николаевичу, Антон Павлович заезжал к нам в Олеиз, чтобы вместе с Алексеем Максимовичем ехать к Толстому, а иногда он просто извещал Алексея Максимовича по телефону, что собирается в Гаспру, и они встречались там. Алексей Максимович пешком подымался к дому С. В. Паниной в Гаспре, где жил Лев Николаевич.

Мне запомнился один приезд Антона Павловича, когда они вместе с Алексеем Максимовичем сидели у моря в цветущей миндальной роще, расположенной против дачи «Нюра», и Антон Павлович рассказывал

о своей семье, о жизни в Таганроге, о своем нерадостном детстве. Пожалуй, это было только единственный раз, когда мне пришлось услышать рассказ Чехова о себе.

Осенью 1903 г. мне пришлось одной, без Алексея Максимовича, ехать с детьми в Ялту, так как у меня заболела девочка. До Москвы нас проводил Алексей Максимович и телеграммой просил Чехова задержать нам номер в гостинице. От Севастополя ехали пароходом. Когда пароход приставал к молу, я заметила на берегу Антона Павловича под большим зонтом, зябко кутавшегося в пальто.

Моросил мелкий дождь. Стало очень неловко, что Антон Павлович встречает нас в такую погоду. Он проводил нас до гостиницы. К счастью, он не простудился.

Через несколько дней мы сняли две комнаты на даче Себряковых, и я поехала навестить Антона Павловича. В это время он работал над пьесой «Вишневый сад».

В первых числах октября мне пришлось вновь побывать у Чехова, на этот раз по делу. Алексей Максимович поручил мне просить у Антона Павловича дать рассказ для сборника и сказать, что товарищество «Знание» может уплатить ему 1000 рублей за лист. На это Антон Павлович заметил: «Ну, мне и Маркс дает тысячу за лист» (Чехов имел в виду гонорар за лист нового произведения).

«Не знаю, что дать им,— подумав, сказал Антон Павлович.— Успею ли написать рассказ? Теперь занят драмой». Обещал дать окончательный ответ к 20 октября. Затем, помолчав, сказал, что драму думал отдать в «Ниву». В сборнике печатать ее неудобно — скучно читать. «А впрочем, спросите Алексея Максимовича. Рассказ было бы лучше». И сказал, что числа 20-го напишет Алексею Максимовичу.

Извещая об этом разговоре Алексея Максимовича, я советовала ему телеграфировать Антону Павловичу: если не успеет дать рассказ, пусть отдаст пьесу,— ведь размерами сборника вы не стесняетесь.

В конце переговоров Антон Павлович отдал «Вишневый сад» в «Знание», и пьеса была напечатана во втором сборнике, который вышел из печати в 1904 г.

В последний раз я видела Антона Павловича в начале июня 1904 г. в Берлине, где он остановился по пути в Баденвейлер, чтобы посоветоваться с проф. Эвальдом.

Из-за болезни детей я тоже застряла в Берлине, направляясь в Карлсбад. Антон Павлович и Ольга Леонардовна узнали об этом еще в России, и по приезде в Берлин Ольга Леонардовна разыскала меня. Мы с ней поехали в гостиницу, где нас ждал Антон Павлович.

Вошли в просторный номер. Налево — два окна на улицу, у стены против двери — диван с овальным столом перед ним, два мягких кресла. Облокотившись на правую ручку дивана, сидел Антон Павлович. Он привстал, я поспешила ему навстречу. Поздоровались. Села в кресло около него. Антон Павлович стал расспрашивать о детях, о том, как их лечат.

— Ведь я же врач, мне интересно.

Рассказала ему, как меня испугал врач, когда он, взяв мокрую простыню, обернул ею Максима, а у него была температура за сорок, и он был весь красный от коревой сыпи. Но после этой процедуры мальчик перестал бредить и заснул.

— Здоровое надо иметь сердце,— сказал Антон Павлович,— но способ неплохой.

Заговорил Чехов о впечатлениях от Берлина, где все «чересчур» удобно и где у женщин огромные ноги, а у Вертхейма замечательные егеровские фуфайки... Рассказал, что был в Зоологическом саду, ездил по городу.

Антон Павлович был бледный, похудевший, но он был оживлен, ласковой иронией светились его глаза.

Казалось, что поездка в Баденвейлер всколыхнула в нем надежду на жизнь.

Настроения безнадежности, «пути навстречу смерти», которое бросилось в глаза одному из его друзей в Москве перед отъездом, в нем

Е. П. ПЕШКОВА

Фотография с дарственной надписью Чехову:
«Дорогому Антону Павловичу. Ек. Пешкова». 1900—1903 гг.

Дом-музей Чехова, Ялта

совсем не было. Наоборот, он говорил, что вероятно поправится и после Баденвейлера поживет на озерах в Италии.

Когда я сказала, что после лечения на курорте собираюсь на лето с детьми в Швейцарию, он заметил, что, быть может, и они с Ольгой Леонардовной после Баденвейлера, пока в Италии жарко, поживут конец лета в Швейцарии.

Мы сговорились списаться, чтобы устроиться в одном месте.

Пробыла я у Антона Павловича недолго, боялась его утомить, да и дома были больные дети.

Позднее из Баденвейлера Ольга Леонардовна писала мне с «Виллы Фредерика» 14/27 июня 1904 г.:

«Вот и мы водворились, милая Екатерина Павловна.

Здесь очень хорошо, зелено, мягко, бархатисто, птиц масса, леса кругом, виды чудесные. И погода была жаркая, да вот зарядил дождь, хмурится погода и Антон Павлович ворчит. Он целый день должен лежать на солнце, ест он много и все спать хочет...»

Не было тревожного тона в этом письме, и хотелось верить, что дело с поправкой идет на лад.

И вдруг, вскоре, на немецком курорте Эмсе, где я жила с детьми, бегут мальчики-газетчики и кричат, размахивая газетой: «Умер Чехов, умер великий русский писатель Чехов!»

Это событие заслонило собою все. Такая печаль охватила!..

Послала телеграмму Ольге Леонардовне в Баденвейлер. Телеграмма пришла обратно с пометкой: «Адресат выбыл в Петербург».

А через несколько дней получила письмо от Алексея Максимовича, он в это время был в Петербурге. Привожу выдержки из этого письма:

«Смерть Чехова очень подавила и огорчила меня. Кажется, что я никогда еще не чувствовал ни одной смерти так глубоко, как чувствую эту. Жалко, обидно, тяжело. Я давно был уверен в том, что Антон Павлович — не жилец на этом свете, но не ожидал, что его смерть так тяжело ляжет на душу. Жалко и литературу нашу, она лишилась первоклассного художника и вдумчивого писателя, который еще мог бы много раз ударить по сердцам...»

И в следующем письме: «...еду в Москву на похороны...»

А в ночь с 9 на 10 июля, после похорон Антона Павловича, я получила из Москвы следующую телеграмму:

«Похоронили. Возвращаемся в Петербург. Напишу подробно. Будь здорова. Алексей».

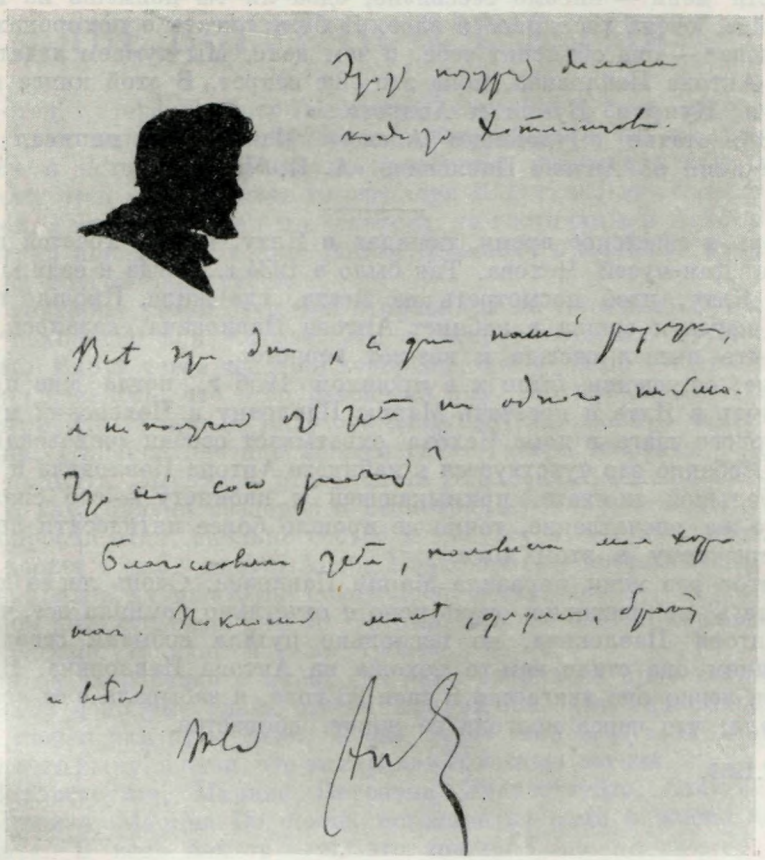
Затем, уже 11 июля из Петербурга он писал мне в Эмс:

«Вот и похоронили мы Антона Чехова, дорогой мой друг. Я так подавлен этим похоронами, что едва ли сумею толком написать тебе о них,— хожу, разговариваю, даже смеюсь, а на душе — гадко, кажется мне, что я весь вымазан какой-то липкой, скверно пахучей грязью, толстым слоем облепившей и мозг и сердце.

Этот чудный человек, этот прекрасный художник, всю свою жизнь боровшийся с пошлостью, всюду находя ее, всюду освещая ее гнилые пятна мягким, укоризненным светом, подобным свету луны, Антон Павлович, которого коробило все пошлое и вульгарное, был привезен в вагоне „для перевозки свежих устриц“ и похоронен рядом с могилой вдовы казака Ольги Кукареткиной. Это — мелочи, дружище, да, но когда я вспоминаю вагон и Кукареткину,— у меня сжимается сердце, и я готов выть, реветь, драться от негодования, от злобы. Ему — все равно, хоть в корзине для грязного белья вези его тело, но нам, русскому обществу, я не могу простить вагон „для устриц“. В этом вагоне — именно та пошлость русской жизни, та некультурность ее, которая всегда так возмущала покойного. Петербург — не встретил его прах так, как бы следовало,— меня это не задевает. Я предпочел бы на похоронах такого писателя, как Антон Чехов, видеть десяток искренно любивших его людей — я видел толпу „публики“, ее было, м. б., 3—5 тысяч, и — вся она для меня слилась в одну густую, жирную тучу торжествующей пошлости.

От Николаевского вокзала до Художественного театра я шел в толпе и слышал, как говорили обо мне, о том, что я похудел, не похож на портреты, что у меня смешное пальто, шляпа обрызгана грязью, что я напрасно ношу сапоги, говорили, что грязно, душно, что Шаляпин похож на

пастора и стал некрасив, когда остриг волосы; говорили обо всем — собирались в трактиры, ко знакомым — и никто ни слова о Чехове. Ни слова, уверяю тебя. Подавляющее равнодушие, какая-то незыблемая, каменная пошлость и — даже улыбки. Когда я стоял около театра во время панихиды, кто-то сзади меня вспомнил о рассказе „Оратор" — помнишь — человек говорит над гробом речь о покойнике, а, оказывается, покойник жив, стоит рядом с ним. Это единственное, что вспомнили.



ЧЕХОВ

Силуэт, сделанный А. А. Хотяинцевой на листе, позднее использованном Чеховым для письма к О. Л. Книппер от 23 августа 1901 г.

Сверху рукою Чехова: «Этот портрет делала когда-то Хотяинцева».

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Над могилой ждали речей. Их почти не было. Публика начала строптиво требовать, чтобы говорил Горький. Везде, где я и Шаляпин являлись, мы оба становились сейчас же предметом упорного рассматривания и ощупывания. И снова — ни звука о Чехове. Что это за публика была? Я не знаю. Влезали на деревья и — смеялись, ломали кресты и ругались из-за мест, громко спрашивали: „Которая жена? А сестра? Посмотрите — плачут!" — „А вы знаете — ведь после него ни гроша не осталось, все идет Марксу". — „Бедная Книппер!" — „Ну, что же ее жалеть, ведь она получает в театре 10 000" — и т. д.

Все это лезло в уши, насильно, назойливо, нахально. Не хотелось слышать, хотелось какого-то красивого, искреннего, грустного слова, и никто не сказал его. Было нестерпимо грустно. Шаляпин — заплакал и стал ругаться: „И для этой сволочи он жил, и для нее он работал, учил, упрекал". Я его увел с кладбища. И когда мы садились на лошадь, нас окружила толпа, улыбалась и смотрела на нас. Кто-то — один на тысячи!— крикнул: „Господа, уйдите же! Это неприлично!" Они, конечно, не ушли.

Прости меня — письмо бессвязно, едва ли ты поймешь из него мое настроение, очень тоскливое и злое. Я буду писать о похоронах статью „Чудовище" — она объяснит тебе, в чем дело. Мы думаем издать книгу памяти Антона Павловича, пока это еще секрет. В этой книге напишут только я, Куприн, Бунин и Андреев...»

Вместо статьи «Чудовище» Алексей Максимович написал позднее воспоминания об Антоне Павловиче «А. П. Чехов».

Теперь, в советское время, попадая в Ялту, всегда хочется поскорее посетить Дом-музей Чехова. Так было в 1934 г., когда я ездила из Тессели в Ялту, чтоб посмотреть на места, где жила. Прошло тридцать лет, но когда я вошла в кабинет Антона Павловича, казалось, что он только что вышел отсюда и вот-вот вернется.

То же ощущение было и в прошлом 1956 г., когда мне пришлось 1 мая быть в Ялте и посетить Марию Павловну и Чеховский музей.

С первого шага в доме Чехова охватывает особая «чеховская» атмосфера. Особенно это чувствуется в кабинете Антона Павловича и в узенькой небольшой комнате, примыкающей к кабинету — его спальне. И опять то же впечатление, точно не прошло более пятидесяти лет — так все по-прежнему в этом доме.

На этот раз меня поразила Мария Павловна. Очень легко и быстро подымалась по лестнице, очень ясно и отчетливо помнила все, что касалось Антона Павловича, но несколько путала события сегодняшнего дня. Лицом она стала чем-то похожа на Антона Павловича. Видя как быстро и легко она двигается в свои 93 года, я забывала о ее возрасте и не думала, что через полгода ее жизнь оборвется.

15.V.1957.

А. П. СЕРГЕЕНКО.
ДВЕ ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ

Мой отец, литератор Петр Алексеевич Сергеенко, знал Антона Павловича Чехова с юных лет. Они учились вместе в одной и той же гимназии, в Таганроге и потом поддерживали дружеские отношения всю жизнь.

Поэтому отец мой, приехав 10 сентября 1900 г. в Ялту с моею сестрой и со мной, тотчас позвонил по телефону из гостиницы к Антону Павловичу, желая повидаться с ним. Антон Павлович предложил отцу прийти к нему на другой день утром.

И 11 сентября утром отец мой отправился на Верхнюю Аутскую улицу, где находился дом Чехова. Мы с сестрой остались в «Московской гостинице». Вдруг через час отец возвращается не один, а с Антоном Павловичем. Оказалось, что отец рассказал ему, что приехал в Крым ради моей сестры. Ей 16 лет, по виду она цветущего здоровья, а чем-то серьезно больна. Никакое лечение не помогает. Теперь надежда на действие южного климата. Выслушав отца, Антон Павлович предложил посмотреть сестру. И сам, будучи нездоров и несмотря на жару, пришел к нам, по дороге спросив отца, сколько сестре и мне лет и как нас зовут.

Они вошли к нам в номер. Антон Павлович был почти высокого роста, в пенсне, красив, худощав, мне показалось, совсем молод — не более 30 лет, а на самом деле ему было уже 40. Он был опрятно одет, в хорошем темно-сером костюме. В руке держал трость.

Когда он здоровался с нами, его лицо озарилось приветливой улыбкой, умные и добрые глаза слегка сощурились. Он, пристально глядя на нас, пожал нам руки своею белою, очень теплою рукою. Я подумал, нет ли у него жару, я знал, что он страдал болезнью легких.

— Здравствуйте, Марина Петровна! Здравствуйте, Алексей Петрович!.. Пришел, Марина Петровна, поговорить с вами о вашем здоровье. Разрешите? Я ведь доктор — вы это знаете?

Отец и я вышли из комнаты, предполагая, что он будет осматривать и выслушивать сестру. Но он, как потом рассказывала сестра, только поговорил с ней, не спуская с нее во время разговора ни на одну минуту глаз и этим способом словно исследуя ее.

Он спросил ее, на что она жалуется. Она сказала, что у нее болит то под ложечкой, то в боку, то тошнит, то ей делается как-то очень не по себе и кружится голова, даже бывают обмороки.

После ее ответов он долго, молча смотрел на нее и спросил:

— Так у вас бок болит?

— Да, болит.

Он опять молча посмотрел на нее и сказал:

— И у меня болит бок... Вы кашляете?

— Да.

Он помолчал и сказал:

— И я кашляю.

Он, очевидно, желал этим внушить сестре, что ничего особенного нет в том, что болит бок и что бывает кашель.

— Вы вегетарьянствуете?— спросил он.

— Да.

— И я тоже вегетарьянствую... Вы что же, круглый год живете в деревне?

— Да.

— Не скучаете?

— Нет.

— Ну, а в театр вас не тянет? Вы любите театр?

— Нет, не люблю.

— Что вы! Полноте! Вам только шестнадцать лет... Вам надо веселиться, наслаждаться жизнью.

Антон Павлович сидел в кресле у стола, а сестра возле стены. Он вдруг встал и подошел к ней. У нее к кофточке была приколота роза.

— А кто вам эту розу преподнес?— спросил он, точно и это его интересовало как врача.

— Папа.

— Папа!— шутливо повторил он и опять продолжительно и молча смотрел на сестру. Мы тогда с ней не могли понять, для чего он спрашивал о розе, а впоследствии поняли, что этим вопросом он хотел узнать, не ухаживает ли уже кто-либо за ней и сама она не увлекается ли. По-видимому, диагноз стал ему ясен, и он попросил войти в комнату отца и меня.

Он попрощался с сестрой, опять приветливо улыбаясь, прищурив свои ласковые глаза, и вместе с нами вышел из «Московской гостиницы».

Он сказал отцу:

— По-моему, никаких болезней у нее нет. Плохое необъяснимое самочувствие бывает в таком переходном возрасте... Все пройдет само собой.

Впоследствии так и оказалось.

Отец спросил Антона Павловича, не знает ли он какого-либо помещения, которое можно было бы снять для нас в Ялте. Антон Павлович сказал, что знает и, удивив меня своей готовностью помочь нам, предложил сейчас же пойти посмотреть это помещение.

Пока мы шли на Верхнюю Аутскую улицу, мы встречали много знакомых Антона Павловича: дам, мужчин, барышень, молодых людей, детей, и все они радостно восклицали:

— Здравствуйте, Антон Павлович! Антон Павлович, доброго здоровья! Здравствуйте, здравствуйте, Антон Павлович!

И он всем кланялся, всех называл по имени или имени и отчеству и снимал свою серую фетровую шляпу, приветливо улыбаясь своей особой, казавшейся мне очаровательной улыбкой.

Подошел к нему молодой красивый татарин с бронзовым от загара лицом и белоснежными зубами. Отведя Чехова в сторону, он стал ему быстро и страстно что-то говорить, возбужденно жестикулируя. Антон Павлович спокойно, сосредоточенно его слушал, правой рукой опираясь на трость, а левой покручивая ус. Когда татарин окончил свой рассказ, Антон Павлович сказал ему, как мне показалось, что-то утешительное, от чего татарин просиял, оскалив свои белоснежные зубы, и, тряся Антону Павловичу руку, прокричал:

— Спасибо, Антон!.. Спасибо, Чехов! Так и будет!

Антон Павлович, сняв свою шляпу, поклонился ему и подошел к нам. Мы пошли дальше. Отец мой стал рассказывать ему о разных петербургских и московских новостях. Антон Павлович молча слушал, слегка наклонив голову. Равномерно шагая, он переставлял в такт шагов свою трость. Время от времени он, покручивая усы, негромко произносил:

— Гм, гм!.. Вот что... Это интересно... Скажи, пожалуйста!

ЧЕХОВ и П. А. СЕРГЕЕНКО
Фотография А. П. Сергеенко, 1900 г.
Собрание А. П. Сергеенко, Москва

Несколько раз пытливо посматривал на меня, как мне казалось, желая понять, что я собою представляю.

Иногда Антон Павлович на ходу тростью откидывал прочь с дороги камешки. Отец по этому поводу один раз вопросительно взглянул на него. Антон Павлович проговорил:

— Магометане учат — убирать с дороги камни, чтобы они не мешали прохожим.

Помещение, которое мы шли осматривать, оказалось уже сданным, и мы повернули обратно. Мы дошли до дома Антона Павловича и стали прощаться. Лицо его опять осветилось улыбкой, и он со всем благожелательством пожал нам руки своею холеною, очень теплою рукой.

Когда я вернулся в гостиницу и увидел сестру, то подумал — уж не сбылись ли слова Антона Павловича о ней?

Она была всегда меланхолична и молчалива, а сейчас весела и напевала арию из «Кармен». На мой вопрос, почему у нее так изменилось настроение, она ответила, что на нее так подействовал Антон Павлович.

— Ну, какой же он чудный, ласковый, обаятельный!

Мы уехали в тот же день из Ялты, а через восемнадцать дней, 29 сентября 1900 г. мне пришлось вторично увидеть Антона Павловича. Мы пришли к нему с отцом. Опять он поздоровался со своей обычной манерой: доброжелательно, улыбаясь, прищуривая глаза, внимательно вглядываясь. При первом свидании он со мною ни о чем не говорил, а в этот раз, по-видимому, решил узнать меня лучше.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте! — говорил он мне.—Рад ближе познакомиться. Какой высокий! Неужели только четырнадцать лет? И как похож на тебя,— сказал он отцу.— Алексей Петрович?— спросил он меня.

— Да,— ответил я и покраснел от смущения, так как никто еще в жизни меня так не именовал.

— Петр Алексеевич, пожалуйста, садись! Алексей Петрович, садитесь!— сказал он.

Мне льстило, что он так называл меня. Должно быть, Антон Павлович своим зорким глазом заметил это и продолжал проявлять ко мне особое внимание.

— Где же вы, Алексей Петрович, учитесь и кем хотели бы быть?

Я ответил, что учусь пока дома, а о том, кем быть, еще не думал.

— Да, это я пустой вопрос задал. В самом деле, это придет потом само собой... Так что делается в «Ниве»?— обратился он к моему отцу. У А. Ф. Маркса, издателя «Нивы», печатались его сочинения, что было устроено моим отцом.

Они заговорили об издательских делах, которые меня не интересовали, и я, не прислушиваясь к их разговору, занялся, не вставая со своего стула, осмотром кабинета Антона Павловича и висевших на стенах картин. Разговаривая с отцом, Антон Павлович то и дело поглядывал на меня.

Слушая отца, Антон Павлович часто покручивал свои усы. Он как бы все «наматывал себе на ус», все примечал, все изучал, все запоминал.

Я разглядывал его и еще раз убедился, какое у него красивое, интеллигентное лицо — с небольшой бородкой, со спокойными и несколько грустными глазами, какие изящные манеры. Одно лишь было неприятно, что он, покашливая, подносил носовой платок ко рту и, отплюнув мокроту, рассматривал ее и, иногда, очевидно, заметив в мокроте кровь, огорченно покачивал головою.

Я глядел на картину, на которой был изображен уголок южной деревни.

— Алексей Петрович, а знаете, кто эту картину написал?— вдруг весело спросил меня Антон Павлович.

— Антон Павлович, ну что ты все зовешь его Алексеем Петровичем. Ну, какой же он тебе Алексей Петрович,— сказал мой отец.

— Нет, он уже вполне Алексей Петрович,— шутливо с настойчивостью ответил Антон Павлович.— Так знаете, Алексей Петрович, кто написал эту картину?

Я ответил, что не знаю.

— Прекраснейший от природы художник-самоучка,— со своей милой улыбкой и образовавшимися вокруг глаз лучистыми морщинками говорил Антон Павлович и протянул руку в сторону моего отца.— Вот этот художник.

Я удивился.

— Да, да, Петр Алексеевич мог бы быть превосходнейшим художником, если бы учился... Эти твои «Хатки»— прелестнейшая вещь. Я никогда их не снимаю и всегда любуюсь.— Вам, Алексей Петрович, плохо оттуда видно, вы встаньте, подойдите ближе. Ну, как, нравится?— спросил он меня, точно для него что-либо значило мое мнение.

— Да, очень нравится.

— Ну вот, я же тебе говорил,— радуясь своей правоте, произнес Антон Павлович, а я еще больше подивился, что он считался с моим отзывом.

Прищурив глаза, Антон Павлович вгляделся в картину и проговорил:

— Да, превосходно. Превосходно исполнено. И Левитан это всегда признавал.

— А что, второй том своих сочинений ты уже получил?— спросил мой отец.

— Да, получил, один экземпляр еще есть. У тебя его нет? Хочешь, подарю?— и Антон Павлович, встав и подойдя к шкафу, достал с полки книгу. Сев за стол, он раскрыл книгу и, обмакнув перо в чернильницу, хотел что-то написать на ней, но отец мой сказал ему:

— Ты уж лучше подари Алеше.

— Ах да, конечно,— спохватившись, проговорил Антон Павлович и, сделав надпись, подал мне книгу. На ней стояло: «Милому Алексею Петровичу Сергеенко на добрую память. Ялта, 29 сентября 1900 года. А. Чехов».

Немало меня удивило, что и в надписи он назвал меня по имени и отчеству, как называл в течение всего разговора.

Со мною был маленький трехрублевый фотографический аппарат «Кодак». Отец сказал Антону Павловичу:

— А Алеша мечтает тебя снять.

— Пожалуйста, Алексей Петрович, ничего не имею против,— проговорил Антон Павлович.

— Антон Павлович, да уж очень право комично, что ты все величаешь его Алексеем Петровичем...

— А это из чувства уважения.

— Но ему же приятнее, чтобы ты звал его просто, как все, Алешей.

— Ах, если приятнее, то пожалуйста...Так что же, Алеша, снимайте.

— Здесь уже очень темно. Надо бы на солнце,— решился сказать я.

— На солнце, так на солнце. Мы выйдем на балкон. Пожалуйста!— предложил Антон Павлович. И добавил:— Да вы, Алеша, распоряжайтесь мною, как хотите. Все, что нужно, исполню. Пожалуйста, не стесняйтесь.

Вышли на балкон. Я приладил к перилам аппаратик. Антон Павлович стал у противоположной стороны.

— Хорошо так?— спросил он.

Я удовлетворился принятой им позой и хотел уже снять, как он, посмотрев на отца, спросил:

— А ты, Петр Алексеевич, что же не становишься? Я один не буду. Мне одному как-то неловко.

Отец стал возле него, и я снял их. На фотографии Антон Павлович стоит, облокотившись о перила и поэтому изогнувшись; кисть его руки красиво свесилась вниз. После этого я спросил у Антона Павловича разрешение снять его дом. Он ответил:

— Да, пожалуйста, Алеша, сделайте одолжение. Снимайте все, что вам угодно.

Мы стали прощаться. Антон Павлович захотел нас проводить до гостиницы. Мы шли татарским поселком. Нам встретилась молодая, высокая, красивая, стройная татарка, нарядно одетая, с сотнями монет, навешанных на груди.

— Вот бы ее снять,— сказал мне отец, когда она прошла мимо нас.

— Так что же, хочешь — я с ней заговорю, я с ней знаком,— проговорил Антон Павлович, уже оборачиваясь назад, чтобы позвать татарку. И меня опять удивило, до какой степени он был готов сделать другому какое-либо одолжение.

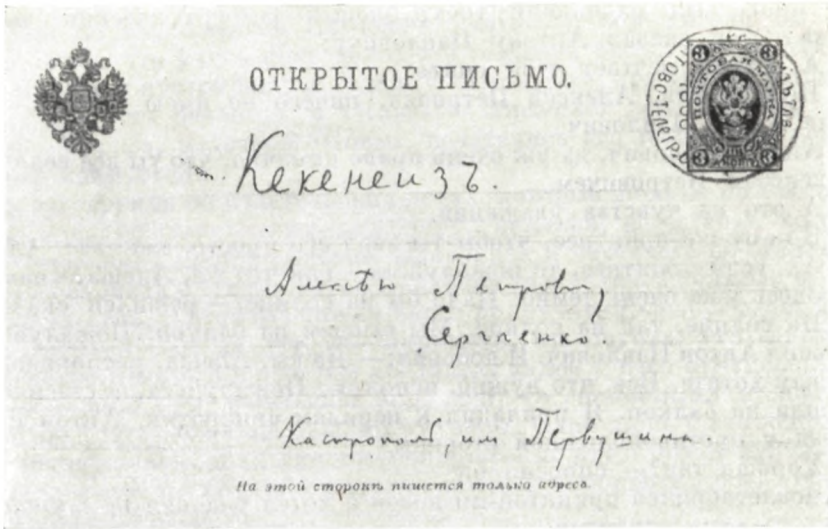
— Да нет, пленки, кажется, уже все израсходованы,— ответил отец, и мы пошли дальше.

Когда мы прощались с Антоном Павловичем, он мне сказал:

— Ну, спасибо, Алеша, что навестили меня. Благодарю и за фотографирование.

В его голосе, взгляде и рукопожатии чувствовалось, что это было сказано вполне искренне. Когда мы ушли от него, отец спросил меня, понравился ли он мне. Я ответил, что он «замечательный человек» и что мне хотелось бы что-нибудь для него сделать. Отец сказал, что если это желание у меня серьезно, то оно вполне осуществимо, только от меня потребуется много труда. Антон Павлович мечтает иметь заграничное издание романа Толстого «Воскресение», которое отец привез из Ясной Поляны и показывал Антону Павловичу, но отец должен этот экземпляр вернуть. Я мог бы, пока мы находимся в Крыму, выписать на пишущей машине из заграничного издания все, что выпущено цензурой в русском издании. Отец был уверен, что Антона Павловича порадует такой подарок.

По приезде домой я тотчас принялся за работу, которая оказалась огромной. Из-за нее я не совершал прогулок и совсем не наслаждался красотами Крыма, но охотно приносил эту жертву для Антона Павловича.


ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.

Кекенеиз.

Алексѣю Петровичу
Сергѣенко.

Кастрополь, имѣ Первушина.

На этой сторонѣ пишется только адресъ.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ОТКРЫТКИ, НА КОТОРОЙ НАПИСАНО ПИСЬМО ЧЕХОВА К А. П. СЕРГЕЕНКО ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1900 г.
Собрание А. П. Сергеенко, Москва

Вскоре мы должны были уехать из Крыма. Опасаясь, что я не успею выслать Антону Павловичу в Ялту до нашего отъезда свою работу, я написал ему об этом и приложил сделанные мною снимки с него и с его дома. Он мне ответил: «Милый Алеша, большое вам спасибо за фотографии, а главное за память. В Ялте я пробуду, вероятно, до 21 октября, а затем, т. е. после 21-го, мой адрес такой: Москва, Малая Дмитровка, дом Шешкова.

Желаю вам всего хорошего.

Передайте мой поклон и привет Петру Алексеевичу и вашей сестре.

Искренно вас уважающий А. Чехов. 9 октября 1900 г.»*.

Меня обрадовало, что в письме Антон Павлович назвал меня тоже Алешей, а не по имени и отчеству. Значит, он помнил, что мне, как сказал ему отец, это приятнее. Порадовало и то, что он оценил мое отношение к себе, так как пишет: «Спасибо за фотографии, а главное *за память*».

Антон Павлович просил нас захватить в Москву для его матери и сестры корзину винограда, когда мы будем уезжать из Крыма. Я исполнил это поручение и видел Евгению Яковлевну, его мать, и Марию Павловну, сестру его. Они закидали меня вопросами о нем. «Антоша, Антоша» не сходило с их уст. Чувствовалось, как безгранична их любовь к нему. Когда я сообщил об этом моему отцу, он сказал: «Они боготворят его, прямо молятся на него». И отец говорил, что Антон Павлович заслуживает такого отношения, потому что он очень хороший сын и брат. Он всегда заботится о всех своих семейных. После этого, конечно, мой восторг перед Антоном Павловичем еще больше усилился, а в последующие годы все, что я узнавал про него, подтверждало мое представление о нем, как о прекрасном человеке.

---

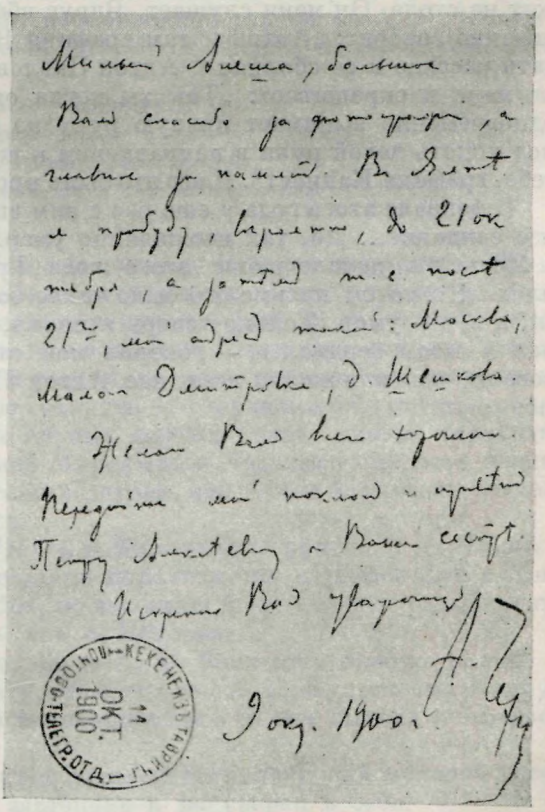
* Автограф хранится у адресата. На обороте открытки — рукою Чехова: «Кекенеиз. Алексею Петровичу Сергеенко. Кастрополь, имение Первушина».

И когда он внезапно скончался 2 июля 1904 г., это показалось мне более страшным несчастием, чем происходившая в то время русско-японская война. Я плакал о нем навзрыд.

Отец мой переносил кончину Чехова мучительно тяжело. По вечерам вся наша семья собиралась к общему чаю и в течение недели отец нам рассказывал об Антоне Павловиче. Его рассказы я тогда же записывал в свой дневник. Приведу некоторые из них:

«Я с ним учился,— рассказывал отец,— в Таганроге года четыре. У него тогда было мешковатое, толстое лицо и всегдашняя улыбка. Когда вспоминаю его мальчиком, прежде всего вижу эту его милую улыбку... Потом мы расстались. Через несколько лет у нас была странная встреча, он потом вспоминал ее всю жизнь. Это было в 1878 году. Я стоял на станции Крестной Донецкой железной дороги. Подходит поезд, и прямо рядом со мною и против меня останавливается вагон, и у окна стоит такой стройный, красивый юноша, с пробивающейся растительностью, с прелестной улыбкой (у него и впоследствии всегда была эта улыбка). Он смотрит на меня, должно быть, не вполне узнавая меня, а я смотрю на него и думаю: „Где я видел это лицо?“— и только когда поезд отошел, вспомнил: „Да ведь это Чехов!“ Мы потом часто с ним вспоминали эту встречу, и он говорил: „И чего это мы с тобой тогда друг с другом не заговорили?“

Прошло много лет. Я, проездом в Петербург, заехал в Москву и встретил наших общих с Чеховым приятелей: Белозерского, Чемоданова, доктора Савельева и других — человек десять. И они говорят, что „здесь Чехов“. А я слышал уже о нем. Он стал тогда печататься под псевдонимом „Чехонте“, как мы его звали в гимназии. Так как я нигде не остановился, то я позвал всех в ресторан Тестова и, увидя Чехова, пригласил



АВТОГРАФ ПИСЬМА ЧЕХОВА
К А. П. СЕРГЕЕНКО
ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1900 г.
Написано на открытке
Собрание А. П. Сергеенко, Москва

и его. Он очень обрадовался и сказал: „Непременно приду". И тут он меня очаровал. Веселый, молодой, жизнерадостный, остроумный, красивый. У него тогда вышел первый сборник „Сказки Мельпомены", и он подарил мне его. Рассказчик он был превосходный, но расходился лишь в очень интимном кругу, а вообще больше молчал. Был очень скромен, всегда держал себя с большим тактом, не искал популярности. Он обладал удивительной способностью быть со всеми в хороших отношениях, и все у него были друзья — и Тихомиров, и Немирович-Данченко, и Гольцев, и Полонский. Между тем он вовсе ни к кому не подлаживался и вел себя со всеми независимо. Он шутник, школяр был всегда невозможный. Получаю, например, письмо, на конверте которого незнакомым мне почерком написано: „От банкирского дома Генриха Блока". Почему от Генриха Блока? Какое я к этому банкирскому дому отношение имею? В полном недоумении распечатываю конверт, а в нем оказывается письмо, подписанное „А. Чехонте". Или напишет на конверте: „Доктору философии" и еще что-нибудь в этом роде. А один раз мы шли по бульвару в Москве целой компанией. Я отошел немного в сторону, вдруг слышу Чехов кричит: „Говоруха-Отрок! Говоруха-Отрок!" А тогда писатель был такой неприличный — Говоруха-Отрок, не то, что неприличный, а сотрудничал он в ретроградной, отвратительной газете „Московские ведомости" и все мы, молодые литераторы, его презирали. Я оглянулся. Оказывается, что Чехов мне кричит: „Говоруха-Отрок, Говоруха-Отрок". Все на меня с удивлением смотрят, а я не знаю, куда мне деваться.

Таким школяром он оставался, несмотря на свой жестокий недуг, до конца своих дней. Ведь еще полгода не прошло, как я был у него в Москве — в феврале этого года. Сидим мы с ним за столом друг против друга, разговариваем. У него правая рука опущена в карман брюк, а левая лежит на столе. Он меня слушает. Вдруг вбегает его жена, шопотом взволнованно говорит: „Антоша, там графиня Каннист приехала, просит тебя дать рассказ в ее сборник". Антон Павлович ничего не отвечает, смотрит на меня и спрашивает: „Так ты когда опять в Москву приедешь?" — и одновременно вынимает правую руку из кармана брюк, подсовывает ее под локоть левой руки в направлении к жене и делает кукиш. „На, мол, тебе, графиня Каннист". И все это было проделано с серьезнейшим видом...

В феврале этого года я еще раз с ним виделся, и это было наше последнее свидание... Да, так неожиданно умер. Хотя в последний мой приезд в Москву в начале июня этого года Грековы говорили, что он очень плох. Но потом письмо его было такое бодрое. Казалось, что он вернется, и вот — умер. Только теперь я понял, какое он огромное место занимал в моем сердце...», — говорил мой отец, и мы, слушая его, чувствовали, что и в жизни всех нас Антон Павлович занимал очень большое место.

Л. К. ФЕДОРОВА. А. П. ЧЕХОВ

Публикация Н. А. Роскиной

Лидия Карловна Федорова — жена писателя А. М. Федорова. Как вспоминает вдова И. А. Бунина, это была женщина, «умевшая работать и держать дом» и помогавшая мужу в его литературной работе (В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. 1870—1906. Париж, 1958, стр. 99). Воспоминания самого Федорова о Чехове напечатаны в сб. «Памяти Чехова», 1906 г.

В публикуемых ниже воспоминаниях Федорова упоминает о своем участии в революционном движении (отвозила нелегальную литературу в Ялту). Однако надо полагать, что это участие было случайным и эпизодическим.

Публикуемые воспоминания были написаны Л. К. Федоровой, жившей перед войной в Одессе, в 1936 г., по просьбе А. И. Роскина. Авторская машинопись была тогда же передана Роскину вместе с рядом других документов. Ныне эти материалы хранятся у Н. А. Роскиной.

«А. П. Чехов». Под таким заглавием я нашла листки среди бумаг А. М. Федорова. Очевидно, это начало неоконченной статьи об А. П. Чехове.

Под заголовком четыре строки из стихотворения Федорова «Памяти Чехова»:

Его я часто вспоминаю,
Вот и сейчас передо мной
Стоит он, точно, как живой,
Таким, каким его я так люблю и знаю.

«Когда я его увидал в первый раз рядом с бывшим издателем „Журнала для всех“ В. С. Миролюбовым, которого прыткие репортеры одесские прозвали „Шлагбаум“ за длинную прямую фигуру, а главное, за то, что он ревниво оберегал от их назойливости больного писателя, Антон Павлович показался мне невысок ростом, на самом деле он был роста выше среднего. В движениях и манере говорить — сдержан и благородно прост. Мягкий и располагающий при первых звуках голос, иногда переходящий в басок, но глубокая октава Миролюбова, бывшего оперного певца, покрывает тихие, низкие ноты голоса Чехова, как густая бархатная волна».

На этом обрывается запись.

В 1900 году, весной А. П. Чехов и Миролюбов приехали из Ниццы в Одессу по пути в Крым. В ожидании парохода они остановились в Лондонской гостинице, и Миролюбов, по желанию А. П., пошел разыскивать Федорова, чтобы познакомить его с Чеховым [1].

Я хорошо помню этот день, когда А. М. Федоров, возбужденный и взволнованный, вбежал в комнату, где я сидела с А. И. Куприным. Куприн говорил о той тревоге, которая не покидает его со дня выхода его первой книжки рассказов.

— Что такое критик? Это кровожадный тигр, любящий молодое мясо.

Куприн тогда был молод, застенчив и не уверен в себе.

— Вы тут спокойно разговариваете и не подозреваете, кто в Одессе! В Одессе Чехов!

— Ла-а-дно,— недоверчиво протянул Куприн.— Чехов за границей.

— Был, а со вчерашнего дня он здесь. Миролюбов отыскал меня в редакции «Одесских новостей», чтобы пригласить меня к Чехову. Я у него был, мы вместе гуляли по бульвару, по улицам, заходили в магазины.

— Счастливец!— искренно позавидовал Куприн.

— Напрасно завидуешь. А. П. просил меня привести тебя к нему сегодня вечером.

— Ну-у!? Это невозможно!

— Почему? Ты разве не знаешь, как Чехов всегда приветлив к молодым писателям? А тут еще козырь: вышла твоя первая книжка.

Куприн вскочил и схватился за голову.

— Да понимаешь ли, что ты говоришь? А вдруг он ее читал!

Это так было неожиданно, смешно, что мы расхохотались.

— Да перестаньте!— закричал А. И.

Зная обидчивость Куприна, мы замолчали.

— Вы посмотрите на мои ботинки! Разве можно в таких ботинках идти к Чехову? Тебе хорошо — ты после «Бурелома» твоего стал богат, а я — нищий.

— Скоро будешь и богат и славен. А пока ты нищий, а я богат, как Крез, я могу купить тебе ботинки. Мы по дороге заедем в магазин обуви на Екатерининской к Безиковичу, там ты оставишь свои старые ботинки и наденешь новые, вот и все. Идет?

— Нет.

В одиннадцать часов вечера они вернулись от Чехова хорошо и весело настроенные и начали делиться со мной впечатлениями.

— Я ведь знал Чехова только по портретам, и он мне показался совсем не тем, каким я его представлял по фотографиям. Даже портрет Браза не передает истинного образа Чехова.

— А ты заметил, что он, отхаркивая, плюет в бумажный фунтик и бросает его в печь?

— Можно ли сразу сказать, взглянув на Чехова, что это выдающийся человек? — спросила я.

И оба согласились в том, что при первом взгляде такого впечатления, может быть, и нет, но после даже самой краткой беседы с ним, даже о самых обыкновенных вещах — по тону его речи, по выражению его глаз, а особенно по этой печальной светлой улыбке — чувствовалось, что это человек необыкновенный.

Уходя, Куприн шутливо погрозил Федорову:

— Никогда тебе не прощу купленных мне ботинок.

Не могу не вспомнить сейчас моего разговора с Куприным — спустя много лет, когда уже и Чехова не было на свете. Как-то случилось, что я осталась вместе с Куприным после большого между ним и Федоровым спора и спросила его:

— Почему, Александр Иванович, и в спорах, и в мирных беседах у вас всегда чувствуется неприязнь к Федорову?

— Потому, что он мне купил ботинки, когда мы в первый раз ехали к Чехову.

На другой день после своего знакомства с Чеховым А. М., взяв с собой меня и сына, отправился на пароход, на котором А. П. ехал в Ялту.

— Ну, вот, смотри,— сказал А. М., когда мы подъезжали на извозчике к пароходу.— Вот стоит Чехов. В пенсне, в пальто с бархатным воротником, рядом с высоким, в шубе.

Я помню, что я очень волновалась.

Взяв за руку своего трехлетнего сына Витю, я поспешно поднималась по трапу за А. М. на палубу.

Нас познакомили.

Чехов подал холодную худую руку. Приветливо взглянул через пенсне и тотчас перевел глаза на Витю. Опустил ласково руку на его плечо и, добро покачивая головой из стороны в сторону, сказал:

— Хорош сын! Вы А. М. не обманули.— Потом склонился к самому лицу мальчика.— Ну и повезло же тебе, братик. Ты видишь вон стоят большие бочки?

— Вижу.

Я не знаю, видел ли Витя бочки: он не спускал глаз с Чехова.

— А за бочками видишь большие железные клетки?

— Вижу.

— Вот в этих клетках сидят всякие звери. Идем, посмотрим.

Он взял ручку Вити, который совершенно спокойно доверился ему и побежал рядом с А. П. вниз к клеткам.

С палубы парохода я все время следила, как А. П. переходил от клетки к клетке, что-то, склоняясь к Вите, объяснял ему, чему-то смеялся и, заботливо держа за плечо его рукой, охранял от слишком большой близости к клеткам.

Когда А. П. шел обратно, держа за руку Витю, я поспешила навстречу, видя, что и самому А. П. нелегко подниматься.

— Ну, рассказывай маме, с какими зверьми ты познакомился.

— С обезьянкой... с волком...

— Волк произвел на него большое впечатление. Видите, у него до сих пор расширены зрачки.

— Я волка не боюсь. Я лева тоже не боюсь.

— Вот как! Какой ты храбрый! Где же ты видел «лева»?

— Во сне,— пояснила я.

— Я пришел в ванну, а в ванне сидит лев.

А. П. расхохотался. Схватил Витю под локотки и поднял вверх, глядя на него лучистыми нежными глазами, и стал приближать его к себе, как будто желая поцеловать, но вдруг отстранил и поставил бережно на пол.

Мы ходили взад и вперед по палубе. А. П. спросил меня:

— Вы ведь, кажется, раньше были актрисой? Почему вы оставили сцену?

Я коротко рассказала, что заставило меня отойти от театра.

А. П. знал от мужа, что мы собираемся за границу, и спросил, куда именно едем.

— Меня с юных лет тянет в Рим... Египет...

— Ну, еще бы! Пирамиды... сфинксы... А в Риме: Колизей. Термы Каракаллы...

Мне показалась едва уловимая насмешка в этих словах. Лицо мое залилось краской.

— Вот извольте видеть,— заговорил муж.— Мне хочется на Восток, а ей подавай Рим. И ничего не поделаешь: приходится уступать.

— Не надо было, батенька, жениться на актрисе. Это такой народ...

А. П. оборвал, коротко рассмеялся, и мы тоже улыбнулись этой безобидной шутке.

Впоследствии было получено письмо от А. П., которое начиналось так:

«Дорогой Александр Митрофанович.

Представьте, я женюсь и представьте — на актрисе» [2].

А. П. искоса взглянул на меня и совсем просто, по-дружески сказал:

— Езжайте во Флоренцию. Вот город! [3]

— Из того, что вы видели, Антон Павлович, какие города вам больше всего нравятся?— спросил А. М.

— Трудно, батенька, сказать так сразу. Ну, первое могу сказать, что больше всего мне нравится Москва.

— Москва!— вырвалось у меня изумленно.

— Да-с, сударыня, Москва. Другого такого города вам не найти на земном шаре. Ну, хорош Париж. Значит, собственно, три: Москва, Флоренция, Париж.

Было досадно, что сын то и дело бежал к борту и я должна была следовать за ним. Он был заинтересован чайками, которые носились в сыром туманном воздухе и выхватывали всякие отбросы, плавающие на поверхности моря.

Один раз, побежав за мальчиком, я услышала разговор двух дам, стоявших у борта спиной к морю. Они смотрели в сторону нашей группы.

— Вот это Чехов. Знаешь, тот, что сочинил «Три сестры».

— Который?

— Вот этот — в пальто и мягкой шляпе.

— Это-от! — протянулось пренебрежительное разочарование. — А я думала тот — в енотовой шубе.

Я поспешила к Чехову.

— Антон Павлович, вот эти дамы говорят о вас.

— Что же, я им нравлюсь?

— Нет. Кажется, наоборот.

— Как так?— с забавной серьезностью произнес А. П.

— Одна из них думает, что вы не вы, а вы — вон тот,— указала я глазами на Миролюбова,— в богатой енотовой шубе.

— Ну-у! Я сам бы хотел быть им!

Сын опять очутился у железных перил борта и уже начал просовывать головку в пролеты. Я бросилась к нему. А. П. поспешил за мной.

Витя спросил:

— Мама, это загорожено, чтобы люди не падали?

— Да, братик мой. Это сделано так, чтобы люди не падали, а мальчики падали. Ну, а если бы,— обратился А. П. ко мне,— сын ваш упал бы в воду, что бы вы сделали?

— Я бросилась бы за ним.

— А плавать умеете?

— Нет,— покраснев, созналась я.

— Я и то бросился бы, — тихим низким голосом проговорил А. П.

Я взглянула в глубину этих поразительных в своей доброте глаз и не усомнилась: несмотря на то, что А. П. болен, что он харкает кровью, что если бы он и не пошел ко дну, для него это было бы все равно смертельно. Сердце мое дрогнуло. Я всегда была полна любви к этому исключительно прекрасному, благородному, изысканному писателю, но тут я вдруг почувствовала особенную нежность к этому больному человеку.

С тех пор прошло 35 лет, но эта нежность не изжита мной.

А. П., как мне показалось, задержал на мне пытливый взгляд, помолчал, а потом, взяв Витю за руку, сказал:

— Ну, хорошо... Пойдемте пить чай. Там уже наверно все приготовили.

Когда мы вошли в кают-компанию, действительно, на конце большого стола был сервирован чай. За другим столом сидела пара и завтракала. Небольшого роста бритый мужчина в клетчатом пальто и такой же кепи, шея его была замотана белым фланелевым шарфом, и нарядная дама. Возле них на полу вертелась маленькая простая собачонка.

А. П. зашептал Вите:

— Смотри хорошенько, это папаша тех зверей.

Витя ничуть не удивился.

— И волка?

— Ну, конечно, и волка.

А. П. явно благоволил к нашему мальчику. Он посадил его рядом с бой, налил ему на блюдечко чай и протянул ему тарелку с пирожными. альчик тронул одно, другое.

— Витя!— укоризненно остановила я.

А. М. ФЕДОРОВ

Фотография, 1900-е гг.

«Сейчас смотрю я на его портрет, стоящий на моем письменном столе. Мелким, четким почерком чернеют сбоку портрета несколько строк, написанных рукою Чехова, и эта характерная линия его росчерка, идущая вниз. 1901 г., II, 19 — стоит дата на этом портрете». (Из воспоминаний А. М. Федорова о Чехове. — Нынешнее местонахождение упоминаемого Федоровым портрета Чехова неизвестно)

Собрание Н. А. Роскиной, Москва

— Выбирай сперва глазками, а потом уже бери ручкой,— шутливо ставительно говорил А. П.,— так всегда благовоспитанные мамаши ат деток.

Дуров, очевидно, знал А. П.[4], и наверно умышленно слышно шепнул ене, что это — Чехов; следом послышалось: «Каштанка». Затем он иплым голосом начал приказывать своей известной Заплетайке делать азные штучки.

А. П. понимал, что представление для него, но Вите, посмеиваясь, ворил:

— Это, приятель мой, все для тебя.

Но спектакль скоро был прерван. Вбежал служащий Дурова и заявил, о верблюд ехать в Севастополь не хочет; что капитан сердится — это держивает пароход, что верблюд стоит у сходней, недвижим, как статуя.

Дуров тотчас же пошел наверх.

— Пойдемте и мы,— предложил А. П.— Это ведь очень забавно.

У мокрых скользких сходней стояла толпа, а впереди громадный рыжий верблюд. Его тянули на веревке спереди, заманивали сахаром, толкали сзади, а он, действительно, стоял, как «статуй».

Дуров метался у борта и надрывался, стараясь кричать сиплым голосом, и извинялся в сторону Чехова:

— Я простужен. Верблюд не узнает моего голоса,— наконец, выйдя из терпения, неистово хрипло закричал:— На лебедку его!

И вот через несколько минут лебедка вздернула это чудовище наверх.

А. П. поставил Витю впереди себя, указывал ему на все смешное и сам от души наслаждался этим зрелищем.

Когда верблюд с глазами, полными трагического ужаса, вздернутый на лебедке, мотал беспомощно своей кроткой мордой, а ноги, как четыре оглобли, торчали, как бы упираясь в воздух, во всех углах на палубе и на пристани переливался всеми тонами хохот.

А. П., обхватив себя обеими руками, закатился заразительным смехом. Перед ним звенел детский голосок Вити, а рядом гудел бас Миролюбова.

— Вот образина! Вот чудище! — повторял, смеясь до слез, Чехов. Когда же опустили на палубу совершенно обалдевшего, с жалким видом верблюда, у А. П. смех перешел в затяжной кашель.

Миролюбов тревожно следил за ним.

Я боялась взглянуть на него.

Кашель утих. А. П. вынул носовой платок из кармана и сплюнул в него. На платке заалело пятнышко.

Пароход вышел из рейда, стал почти незаметен в тумане, а перед моими глазами неотступно алело пятнышко на платке.

В воздухе же, едва доходя до сознания, звучали детские вопросы:

— А почему волк поехал на пароходе?

— А почему этот дядя «такой» поехал с волком?

— А чей сын верблюд?

На обратном пути я сказала мужу, что, действительно, с первых же слов беседы сразу чувствуется, что это за человек.

А. М. ответил:

— Да ведь и скрипка Страдивариуса узнается не по форме и не по окраске, а по нежности и ясности тона. Достаточно заставить хотя бы случайно прозвучать одну-две ее струны, и благородство драгоценного инструмента сейчас скажется.

Да, именно такое благородство тона было у А. П. Он сразу вызывал к себе доверие, хотя умышленно для этого ничего не делал и, может быть, именно потому, что нарочитого в нем ничего не было. И тут же как-то даже мне, мало видевшей и знавшей его, чувствовалось, что он все же не являлся перед вами с открытой душой.

Я вспоминаю, как много позже, когда отношения между А. П. и мужем более определились, он неоднократно мне рассказывал, что никто даже из близких ему людей не видел Чехова, так сказать, «при открытых дверях».

Никто, или, если хотите, все. Но это уже не при личных с ним встречах, а заочно, по его произведениям. Здесь душа Чехова являлась во всей своей глубокой одаренности и тонкости.

Как-то Федоров описывал мне свой визит к Чехову и свою беседу в отсутствии его с Марией Павловной, обожавшей своего брата. Она с нежностью рассказывала об А. П., какой в ранней молодости он был большой шутник и забавник; и таким он был до самой своей болезни. Она охотно рассказывала это и другим знакомым, к которым А. П. относился с симпатией, о разных проделках и выдумках в то счастливое, хотя и нелегкое для самого А. П. и всей семьи его время.

Знакомство Федорова с А. П. произошло за три года до его смерти, когда сознание своей тяжкой болезни уже сказывалось в нем. Но и при этом временами прежняя шутливость вспыхивала у него веселыми искрами.

В записной книжке Федорова я нашла запись первого его свидания с Чеховым в Лондонской гостинице.

«Во время разговора А. П. отвернулся от нас, сплюнул мокроту в бумажный „фунтик" и бросил в печь.

— Антон Павлович!— прогудел, как шмель, своей низкой октавой Миролюбов.

Но Чехов, медленно и скорбно ходивший по диагонали комнаты, желая, очевидно, сгладить наше от его кашля впечатление, с торжественной серьезностью сказал Миролюбову:

— Прошу обращаться ко мне сообразно моему чину и званию. Я-с— почетный академик, значит, генерал-с, и потому требую-с величать меня— ваше превосходительство.

Но тут же, чтобы от его неожиданной шутки не осталось хотя бы фамильярности, Чехов, усмехавшийся сквозь усы и продолжая ходить по диагонали, заложив руки на спину, серьезно обращается к Миролюбову:

— Да, так что вы хотели сказать, Виктор Сергеевич?

— Нет, я так ... собственно, я хотел напомнить, что вам время принять лекарство.

— Виктор Сергеевич, аккуратность — достоинство королей, я же — доктор,— отшучивается Чехов.

Он часто не договаривал фразы или, наоборот, неожиданно вступал, иногда даже как будто некстати, с продолжением мысли, которую он обдумывал про себя. Но потом оказывалось, что его слова вмещались в то, что говорилось во время его молчания, как самые красочные камни в мозаичный узор».

Раз при мне Федоров с Буниным говорили о том, как фамильярность совершенно не вяжется с представлением о Чехове. С людьми, которые были симпатичны Чехову, он допускал тон, близкий к интимности, и все же это была не интимность.

Федоров, написав пьесу «Старый дом», прежде, чем она была представлена на Александринской сцене, послал ее на суд Чехову. И вот письмо Чехова в ответ Федорову[5]:

«<Ялта.> 25 марта 1901

Дорогой Александр Митрофанович, книгу я сам получил недавно, пьесу же давно прочел, не написал же вам, как обещал, потому что все собирался и откладывал; в лености житие мое иждих...

Что касается пьесы, то она мне очень понравилась и, по-моему, будет иметь солидный успех. Вы талантливый человек, и это уже не должно подлежать ни малейшему сомнению. Нам бы повидаться, чтобы поговорить, в письме же не напишешь всего, да и не сумеешь изложить свое мнение вкратце. Давайте повидаемся хоть осенью в Москве или в Петербурге, там поговорим обстоятельно. Пока укажу на два пункта: 1) лица у вас не новы, трактуются без малейшей потуги на оригинальность; например, нянька. 2) Чувствуется сильное пристрастие к эффектам, эффект опережает мысль, и порой кажется, что сначала автор придумал эффекты, а около них уже потом стал лепить мало-помалу и пьесу. Первое, как мне кажется, есть продукт скорописания, второе же со временем само угаснет мало-помалу. Ну, да что, в письме всего не скажешь, не поместится все то, что хотелось бы сказать. Подождем осени.

Поклонитесь Италии милой. Если вы едете за границу первый раз, то скоро вас потянет домой обратно, но вы не обращайте внимания на тоску

по родине, заставляйте себя набираться впечатлений, так чтобы потом на всю зиму хватило воспоминаний. Италия удивительно хорошая страна.

Передайте мой поклон и привет вашей жене и мальчику. Желаю им счастливой дороги.

Крепко жму вам руку.
Ваш А. Чехов

Обещанных книжек жду. Ваша пьеса, повторяю, будет иметь большой успех.

Пьеса успеха не имела. Совершенно потрясенный провалом, Федоров был у Чехова, о чем писал мне:

«А. П. с тонкой деликатностью, сидя со мной бок о бок на диване, стал рассказывать о провалах своих пьес и этим отожествлением своих былых авторских переживаний с моим облегчил мне горе больше, чем каким бы то ни было утешением.

— Ведь Немирович вел с вами по поводу этой пьесы серьезные переговоры и даже писал вам о том, что берет ее для Московского Художественного театра,— закончил Чехов.— Напрасно вы поспешили отдать пьесу Савиной. В Художественном театре пьеса ваша имела бы успех, как я вам предсказывал».

И А. М. говорил о той растрогавшей его задушевности тона, с которым вел по этому поводу А. П. разговор с ним, и добавил:

— Не знаю не только я, но и близкие ему люди вряд ли знают что-нибудь больше такой задушевности.

Перечитав все, что писалось о Чехове, я не могу не задаться вопросом: дружил ли А. П. с кем-нибудь настолько, чтобы раскрыть свою душу кому бы то ни было и позволить взглянуть в ее тайники?

В книге интимных писем Чехова к своей жене О. Л. Книппер сама избранница его жалуется на то, что его письма ее не удовлетворяют, что его душа неизменно замкнута для нее. А. П. чаще всего шутливо отвечает на эти упреки,— уверяет, что не понимает, чего она от него хочет, что он любит ее и верит в нее, но, даже со стороны, многие строки его не кажутся убедительными. В этих же письмах упоминается множество имен и есть множество отзывов о знакомых, известных большею частью лицах, которых принято считать его друзьями, потому что он с ними снимался, с ними работал в литературе, и в театре, и в жизни, но ни одно имя, ни одно лицо не вызывает намека даже на дружеское чувство к ним у Чехова. Самое большее — это расположение или внимание к таланту того или другого писателя или артиста...Но и эти отзывы в большинстве сдержанны, а иногда и неожиданны по своей суровости и иронии.

Признаюсь, я встревожилась, когда среди других имен мне бросилось в глаза имя Федорова, а потом название его пьесы «Стихия».

«Получил от Федорова том пьес. Между прочим, „Стихия“. Мне сия пьеса нравится, она в миллион раз талантливее всего Тимковского» [6].

Вероятно, это был ответ на похвалы О. Л. известному в то время даровитому автору пьес, шедших на сцене императорских театров; указывая на писательские недостатки Федорова, снова отмечает его способность в технике драмы и т. п.

Об этой четырехактной драме А. П. писал:

Дорогой Александр Митрофанович.

Спасибо вам за милое письмо, за то, что вспомнили. Пьесы ваши прочел. «Стихия» произвела на меня сильное впечатление. Это интересная совсем новая, живая вещь, делающая честь вашему таланту. Пожалуй,

это лучшая ваша пьеса. Когда увидимся, поговорим обстоятельней, в письме же не передать всего.

В пьесе мне все понравилось, и то, о чем я буду сейчас говорить, не есть недостатки, это только мое мнение, которое, быть может, изменится после того, как мы увидимся и поговорим.

Во-первых, название «Стихия» не достаточно просто, в нем чувствуется претенциозность. Кое-где выползает мастерство, а не искусство: так, подделка под декаданс не французский и не бельгийский, а российский декаданс, например, хоть страница 112—113.

Лидия художница, очень талантлива, а потому и холодна, у вас же она кое-где истерична, истерична в своем страдании, в манерах. Что Арина Ивановна пьет — это очень хорошо: она у вас удалась вполне: только прискучает кабачками фаршированными и синими баклажанами, кушаньями, кстати сказать, для российского уха безразлично скучными, неинтересными.

Ну, да поговорим, когда увидимся. А теперь поклонитесь Куприну и его жене и будьте здоровы. Пьесу передам Немировичу завтра. Сегодня ее читает жена.

Желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов[7]

Письма А. П. Чехова к Федорову нигде не напечатаны. Он не решался печатать потому, что в них попадались похвалы, опубликования которых он боялся, чтобы не было принято за рекламу с его стороны [8].

«Мало ли что иногда пишется в письмах автору из любезности, деликатности — по доброте или иным соображениям».

Но доказательства искренно хорошего отношения А. П. к Федорову были в передаваемых беседах о нем с другими лицами.

Так, Найденов, автор «Детей Ванюшина», сидя у нас, говорил, что Чехов считает Федорова прирожденным драматургом.

В одном из писем ко мне А. М. писал: «Сегодня я обедал вместе с Дорошевичем, и он мне передал, что Чехов с величайшей похвалой отозвался обо мне как о драматурге и как о личности. Зная строгость Чехова к людям и писателям, мнением Чехова я дорожу больше, чем чьим-либо другим, и в его искренность и беспристрастие глубоко верю».

В 1903 г. мне было сделано поручение отвезти нелегальную литературу в Ялту. Направляясь по назначению, я хранила в себе тайную надежду увидеть Чехова.

Я остановилась у Елпатьевских, и хотя мое пребывание тоже было нелегально, я все же просила С. Я. Елпатьевского пойти со мной к Чехову.

— Да уж так и быть, крамольница, я бы решился с вами пойти, но, к огорчению, А. П. болен очень и всякие лишние разговоры ему вредны.

В 1904 г. летом к нам на террасу спешно вошел за статьей местный журналист и сказал:

— Умер Чехов!

У нас одновременно без слов вырвался стон. И стало так тихо, точно умер Чехов здесь, за нашей стеной. Через некоторое время послышались рыдания Федорова и скорбные неудержимые слезы полились по моим щекам.

В архиве Федорова было порядочно писем А. П. Чехова, но, к моему страшному огорчению, по разным неблагоприятно сложившимся обстоятельствам бóльшая часть архива Федорова была расхищена. Из него довольно большое количество эпистолярной литературы поступило от меня в Московский Центральный литературный музей. Туда же отданы и два письма Чехова, содержания которых не помню. Даже портрет Чехова

с надписью Федорову был похищен у меня со стола, вероятно поклонником Чехова. Когда я осведомила об этом Федорова, он написал мне:

«Эта утрата горше всех других утрат, потому что вместе с ними, особенно на закате жизни, погибают последние нити, которые к этой жизни привязывают. Образ А. П. Чехова и умершего — живет и угасшего — светит. Воспоминания стоят действительности и иногда бывают и дороже ее. В них оправдание прошлого и опора настоящего».

И образ А. П. Чехова будет светить вечным неугасимым светом и в будущем. Он провидел его своим взглядом огромного могущественного таланта.

«Но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле» [9].

8/VI—36 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Л. К. Федорова ошиблась: это было не весной 1900 г., а в феврале 1901 г.

[2] Это письмо Чехова Федорову остается неизвестным.

[3] По письмам известны другие — отрицательные — отзывы Чехова о Флоренции.

[4] Чехов и Владимир Леонидович Дуров (1863—1934) были лично знакомы и встречались еще в 1887 году. В книге «Мои звери» (1927) Дуров пишет: «Ее ⟨Каштанки⟩ история послужила содержанием для знаменитого рассказа А. П. Чехова — „Каштанка", написанного автором с моих слов» (стр. 59).

[5] Следует текст письма Чехова от 25 марта 1901 г., автограф которого был передан, вместе с текстом воспоминаний, А. И. Роскину и ныне хранится в ЛБ (ф. 331, 70/25): текст его опубликован в «Записках», вып. 16, стр. 183—184. Книга, о которой идет речь в письме,— третий том собрания сочинений Чехова. Федоров просил прислать ее в своем письме от 21 марта 1901 г.

[6] Письмо Чехова к О. Л. Книппер от 22 февраля 1903 г. (XX,52). В подлиннике воспоминаний Федоровой эта цитата дана неточно.

[7] Это письмо, которое датируется октябрем 1902 г., ранее не было известно. В архиве А. И. Роскина сохранилось письмо А. М. Федорова к Л. К. Федоровой, где полностью приведен чеховский текст; местонахождение автографа Чехова неизвестно.

«Сегодня у меня радостный день,— писал Федоров жене.— Я получил письмо от Чехова, которое воспроизвожу дословно...» Далее следует текст публикуемого письма, вплоть до подписи, имитирующей подпись Чехова. Далее Федоров пишет: «Понимаешь ли, как это хорошо. Я почти не сомневаюсь теперь, что пьеса пойдет у Немировича тем более, что у них совсем теперь нет новых пьес. Даже Горький взял свою пьесу назад. Я не понимаю несколько подчеркнутой мною фразы в письме Чехова, не то это его субъективное мнение о характере таланта, а может быть я не совсем понял его» (Федоров подчеркнул в письме Чехова фразу: «Лидия художница, очень талантлива, а потому и холодна»). Это письмо Чехова — ответ на следующее письмо Федорова: «Глубокоуважаемый Антон Павлович. Куприн передал мне ваш привет. Спасибо за память. Отзываюсь на это моими пьесами „Обыкновенная женщина" и „Стихия". Первую вы знаете в первоначальной редакции. Для книги я ее очень изменил и переработал. „Стихия" для вас новая вещь. Прочтите ее и сообщите свой приговор. Ваш суд мне всегда дороже, чем отзывы всех критиков вместе ⟨...⟩. Когда прочтете „Стихию", передайте ее Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко. Может быть, хоть с этой повезет в Художественном театре». Письмо без даты, но на нем пометка Чехова: 1902. X. В письме от 17 февраля 1903 г., посылая Чехову книгу своих пьес (СПб., 1903; кроме «Обыкновенной женщины» и «Стихии», в книгу вошли пьесы «Старый дом» и «Бурелом»), Федоров писал: «Получил я от Немировича письмо относительно „Стихии". Много очень лестных похвал, но касательно постановки в Художественном театре ничего определенного не пишет».

[8] В Полном собрании сочинений Чехова напечатаны два письма А. М. Федорову; итак, всего в настоящее время известны полностью четыре письма и отрывок из пятого (см. его выше). Несомненно, что их было значительно больше: писем Федорова к Чехову сохранилось десять.

[9] Цитата из четвертого действия пьесы «Три сестры» (монолог Ольги).

И. А. БУНИН. ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОЙ КНИГИ О ЧЕХОВЕ

Публикация Н. И. Гитович

В последний год жизни И. А. Бунин работал над литературным портретом Чехова. Эта книга, оставшаяся незаконченной и недоработанной, после смерти Бунина издана вдовой писателя В. Н. Буниной с ее вступлением и предисловием М. А. Алданова: И. А. Бунин. О Чехове. Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955.

Мысль написать о Чехове возникла у Бунина еще в 1911 г., когда М. П. Чехова обратилась к нему с просьбой дать предисловие к готовящемуся изданию «Писем А. П. Чехова» (см. об этом выше, в статье А. К. Бабореко «Бунин и Чехов»). Тогда же Бунин дал согласие и издательству Маркса написать биографический очерк о Чехове. Но и от этого предложения Бунин отказался, но по другим мотивам — ссылаясь на то, что ему дали слишком короткий срок — 1 ноября 1911 г. (см. письмо Бунина М. П. Чеховой от 9 сентября 1911 г.—ЛБ).

И только в 1952 г., когда, живя за границей, Бунин познакомился с письмами Чехова по Полному собранию сочинений и писем, выпущенному Гослитиздатом, а также с изданным Гослитиздатом сборником «Чехов в воспоминаниях современников», он снова решил писать о Чехове.

В. Н. Бунина пишет во вступлении к книге Бунина:

«В 1953 году нам, наконец, удалось приобрести советское издание „Письма А. П. Чехова" (кроме двух первых томов). Мы их перечитывали. Иван Алексеевич, указывая мне, что нужно выписать, испестрил книги своими надписями и пометками.

Перечитал он в те времена все, что можно было достать в Париже о Чехове...»

В эту незаконченную книгу вошли воспоминания о Чехове, известные по предыдущим публикациям (см.: сб. «Знание», кн. 3. СПб., 1905; И. Бунин. Собр. соч., т. VI. СПб., изд. Маркса, 1915.— То же в сб. «Чехов в воспоминаниях современников», изд. 1954 и 1960 гг. и в книге: И. Бунин. Собр. соч., т. 5. М., изд. «Правда», 1956), дополненные не известными ранее отрывками. Как сообщает В. Н. Бунина, «в бессонные ночи Иван Алексеевич,— в последний год жизни он почти лишился сна,— делал заметки на обрывках бумаги, иногда даже на папиросных коробках, — вспоминал беседы с Чеховым».

В книгу включены также материалы, собранные Буниным для своей работы:

1) Выписки из нескольких книг о Чехове, к которым имеются критические замечания Бунина, сделанные им на полях этих книг: Л. Шестов. Творчество из ничего. Пб., 1908. М. Курдюмов. Сердце смятенное. Нью-Йорк, 1934. З. Н. Гиппиус. Живые лица, т. II (глава «Благоухающие седины»). Прага, 1925. П. Бицилли. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа. София, 1942.

2) Выписки из писем Чехова.

3) Выписки из сборника «Чехов в воспоминаниях современников».— М., 1952, также с замечаниями Бунина на полях сборника. Лучшими из воспоминаний Бунин находил воспоминания Потапенко, Тихонова (Сереброва), Авиловой. Последние произвели на него сильное впечатление. Они перепечатаны в книге почти целиком и дополнены письмами Авиловой к И. А. и В. Н. Буниным, посланными из Чехословакии, где

Авилова жила в 1922—1923 гг. В них нет ничего о Чехове и даны они только для характеристики Авиловой.

Сделаны выписки из воспоминаний Симова, Короленко, Лазарева-Грузинского, Щеглова, Щепкиной-Куперник, Станиславского, Немировича-Данченко, Телешова, Вересаева, Елпатьевского, Карпова, Гарина, Россолимо. К этим отрывкам даны краткие замечания Бунина, большей частью отрицательного характера.

Отрицательно оценивает Бунин воспоминания Горького. Имя Горького в книге упоминается несколько раз, и все эти упоминания носят явно злобный характер, даже в тех местах книги, где Бунин вспоминает годы своей дружбы с Горьким.

Из первой части книги мы печатаем первую главу, которая, по-видимому, наиболее законченна и дает некоторое представление о характере задуманной Буниным работы, и главы третью и четвертую, в которых, наряду с известными отрывками из записных книжек Бунина, имеются новые страницы. Печатаются также некоторые выдержки мемуарного характера из второй части книги. Цитаты, приводимые Буниным из писем Чехова, воспоминаний о нем и т. п., сверены и встречающиеся в них неточности устранены.

Воспоминания Бунина, близко знавшего Чехова в последние годы его жизни, несомненно занимают одно из первых мест в мемуарной литературе о Чехове. О том, что Бунин очень тонко понимал Чехова, писала М. П. Чехова в письме к П. В. Быкову от 10 мая 1911 г.: «Вы просили меня указать вам кого-нибудь, кто бы мог написать биографию покойного моего брата, и, если вы помните, я советовала вам Ив. Ал. Бунина. И теперь советую его же и даже прошу. Лучше его никто не напишет, он очень хорошо знал покойного, понимал его и может беспристрастно к этому делу приступить... Повторяю, мне бы очень хотелось, чтобы биография соответствовала действительности и была бы написана И. А. Буниным» (ИРЛИ, ф. Быкова, № 273).

О ЧЕХОВЕ

Из части первой

I

Мы сидели, как обычно, в кабинете Антона Павловича и почему-то заговорили о наших крестных отцах:

— Вас крестил генерал Сипягин, а вот меня купеческий брат Спиридон Титов. Слыхали такое звание?

— Нет.

И Антон Павлович протянул мне метрическое свидетельство. Я прочел и спросил:

— Можно мне переписать его?

— Пожалуйста.

«Запись в метрической книге Таганрогской соборной церкви:

„1860 года месяца Генваря 17-го дня рожден, а 27-го крещен Антоний; родители его: таганрогский купец третьей гильдии Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна; восприемники: таганрогский купеческий брат Спиридон Титов и таганрогского третьей гильдии купца Дмитрия Сафьянопуло жена“».

— Купеческий брат! удивительное звание! — никогда не слыхал!

В метрическом свидетельстве указано, что Чехов родился 17 Генваря.

Между тем Антон Павлович в письме к сестре пишет (16 января 1899 г.):

«Сегодня день моего рождения: 39 лет. Завтра именины, здешние мои знакомые барышни и барыни (которых зовут антоновками) пришлют и принесут подарки».

Разница в датах? Вероятно, ошибся дьякон [1].

* * *

Я спрашивал Евгению Яковлевну (мать Чехова) и Марью Павловну:
— Скажите, Антон Павлович плакал когда-нибудь?
— Никогда в жизни,— твердо отвечали обе.
Замечательно [2].

* * *

Чехов родился на берегу мелкого Азовского моря, в уездном городе, глухом в ту пору, и характер этой скучной страны не мало, должно быть, способствовал развитию его прирожденной меланхолии. Печальная, безнадежная основа его характера происходила еще и от того, что в нем, как мне всегда казалось, было довольно много какой-то восточной наследственности,— сужу по лицам его простонародных родных, по их несколько косым и узким глазам и выдающимся скулам. И сам он делался с годами похож на них все больше и состарился душевно и телесно очень рано, как и подобает восточным людям. Чахотка чахоткой, но все же не одна она была причиной того, что, будучи всего сорока лет, он уже стал похож на очень пожилого монгола своим желтоватым, морщинистым лицом. А детство? Мещанская уездная бедность семьи, молчаливая, со сжатым ртом, с прямой удлиненной губой мать, «истовый и строгий» отец, заставлявший старших сыновей по ночам петь в церковном хоре, мучивший их спевками поздними вечерами, как какой-нибудь зверь; требовавший с самого нежного возраста, чтобы они сидели по очереди в качестве «хозяйского ока» в лавке. И чаще всего страдал Антоша,— наблюдательный отец сразу отметил его исполнительность и чаще других засаживал его за прилавок, когда нужно было куда-нибудь ему отлучиться. Единственное оправдание — если бы не было церковного хора, спевок, то и не было бы рассказов ни «Святой ночью», ни «Студента», ни «Святых гор» [3], ни «Архиерея», не было бы, может быть, и «Убийства» без такого его тонкого знания церковных служб и простых верующих душ. Сидение же в лавке дало ему раннее знание людей, сделало его взрослей, так как лавка его отца была клубом таганрогских обывателей, окрестных мужиков и афонских монахов. Конечно, кроме лавки, помогло еще узнать людей и то, что он с шестнадцати лет жил среди чужих, зарабатывая себе на хлеб, а затем в Москве еще студентом много толкался в «мелкой прессе», где человеческие недостатки и даже пороки не очень скрываются. Он назвал эту среду «кичеевщиной», по фамилии Петра Кичеева, «типичного представителя продажной мелкой прессы» [4]. Помогла и профессия врача. Он чуть ли не с первых курсов стал летом работать в земских больницах в Новом Иерусалиме, в Воскресенске. Его брат, Иван Павлович, получил место учителя в церковно-приходской школе, квартира была из четырех комнат, и семья Чеховых на лето приезжала к нему.

Потом они снимали флигель на летние месяцы в Бабкине, имении Киселевых, с которыми они очень сдружились. Это — была уже подмосковная. Отец М. В. Киселевой, Бегичев, был директором Малого театра, а потому у Киселевых вечно бывали актеры, музыканты, певцы, художники. У них Чехов вошел вместе с Марьей Павловной, которая очень подружилась с М. В. Киселевой, в артистическую среду, часто много слушал там у них серьезную музыку.

При его восприимчивости и наблюдательности, семь лет в этих местах дали ему как писателю очень много. Ведь и «Унтер Пришибеев» оттуда, и «Дочь Альбиона», и «Егерь», и «Злоумышленник», и «Хирургия», и «Налим»...

И странно, как много дали его произведений подмосковные места, так ничего не дал Псел, где он прожил два лета 88, 89, хотя восторгался этими местами выше меры, но в литературе его они не отразились.

ЧЕХОВ и И. А. БУНИН

Фотография 1902 или 1903 г. Местонахождение оригинала неизвестно. Печатается по пересъемке

«На карточке любительской, не помню, кем снятой, — в его кабинете мы сидим — он в кресле, а я на ручке кресла — у него смеющееся лицо, у меня злое, осовелое...» (Из воспоминаний И. А. Бунина)

Собрание В. Н. Буниной, Париж

* * *

Меня поражает, как он моложе тридцати лет мог написать «Скучную историю», «Княгиню», «На пути», «Холодную кровь», «Тину», «Хористку», «Тиф»... Кроме художественного таланта, изумляет во всех этих рассказах знание жизни, глубокое проникновение в человеческую душу в такие еще молодые годы. Конечно, работа врача ему очень много дала в этом отношении. Он всегда говорил мне и профессору Россолимо, что благодаря ей область его наблюдений расширилась и обогатила его знаниями, настоящую цену которых для него, как писателя, может понять только врач. «Знание медицины меня избавило от многих ошибок, которых не избег и сам Толстой, например, в „Крейцеровой сонате“»[5].

И, конечно, если бы не туберкулез, он никогда бы медицины не бросил. Лечить он очень любил, звание врача ставил высоко,— недаром в паспорте Ольги Леонардовны он написал: «жена лекаря»... [6]

Писание же в «Будильниках», «Зрителях», «Осколках» научило его маленькому рассказу: извольте не переступить ста строк!

Меня научили краткости стихи.

* * *

У Чехова в характере все было от матери. Одно наставительство от отца, взять хотя его некоторые письма к братьям.

Еще гимназистом он пишет младшему брату Мише по поводу того, что тот назвал себя «ничтожным и незаметным братишкой», когда Антоше было всего 17 лет, а Мише — 12:

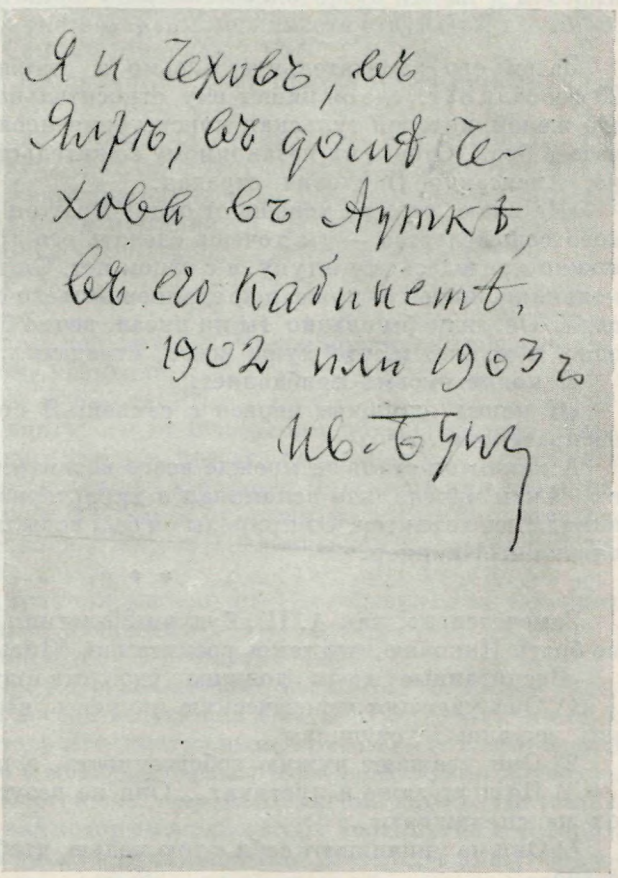
«Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое сознавай, знаешь где? Перед богом, пожалуй, пред умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну, и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность. Не смешивай „смиряться" с „сознавать свое ничтожество"» [7].

* * *

Моим друзьям Елпатьевским Чехов не раз говорил:

— Я не грешен против четвертой заповеди... [8]

И действительно, еще гимназистом в письме от 29 июля 1877 года Антоша писал своему двоюродному брату М. М. Чехову, которого называли Чохов, прототип Печаткина в повести «Три года». (Это он, ударяя по воздуху рукой, говорил «кроме» и заказывал в трактире так: «Принеси мне главного мастера клеветы и злословия с пюре». Оторопелый половой, подумав, догадался и принес порцию языка с пюре. И в этом есть что-то чеховское): «Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни, готовит им мягкий и короткий путь, в который они веруют и надеются так, как немногие» [9].



ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ФОТОГРАФИИ, ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ ЧЕХОВА и И. А. БУНИНА

Надпись И. А. Бунина: «Я и Чехов, в Ялте, в доме Чехова в Аутке в его кабинете. 1902 или 1903 г. Ив. Бунин»

* * *

С самых первых лет студенчества А. П. взял на свои плечи всю семью.

* * *

Со второго семестра первого курса он начал работать в юмористических журналах, куда его провел брат Александр, который еще в пору таганрогской жизни Антоши помещал его остроты в «Будильнике» [10].

Чехов редкий писатель, который начинал, не думая, что он будет не только большим писателем, а даже просто писателем. А ведь 6 августа 1883 года он послал в «Осколки» «Дочь Альбиона», рассказ совсем не юмористический...

* * *

Писать же приходилось вот при каких условиях:

«Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совести, в соседней комнате кричит детинын приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери вслух „Запечатленного ангела"... Кто-то завел шкатулку, и я слышу „Елену Прекрасную"... Хочется удрать на дачу, но уже час ночи... Для пишущего человека гнусней этой обстановки и придумать трудно...» [11]

И только с 1885 года, когда Чеховы переселились на Якиманку и А. П. стал врачом, у него оказалась отдельная комната, кабинет с камином.

Живость, работоспособность его поразительна,— ведь среди всех писаний он окончил самый трудный факультет.

* * *

Затем его замечательное письмо к старшему брату Александру от 20 февраля 83 г., где он пишет ему относительно его незаконного брака с его женой, которой тульская консистория после развода запретила вступать в брак. Отец к их незаконному сожительству относился отрицательно, Александр Павлович страдал.

«Не знаю, чего ты хочешь от отца? Враг он курения табаку и незаконного сожительства — ты хочешь сделать его другом? С матерью и теткой можно проделать эту штуку, а с отцом нет. Он такой же кремень, как раскольники, ничем не хуже, и не сдвинешь ты его с места. Это его, пожалуй, сила. Он, как бы сладко ты ни писал, вечно будет вздыхать, писать тебе одно и то же, и, что хуже всего, страдать...».

В конце письма прибавляет:

«Я, каюсь, слишком нервен с семьей. Я вообще нервен. Груб, часто несправедлив...» [12]

А каким он стал: он прежде всего воспитывал себя, а потом уже своих. И как многие, кто вспоминал и характеризовал его, неправильно понимали его характер. От природы он был вспыльчив, как он пишет в одном письме к Книппер.

* * *

Замечательно, как А. П., будучи 26-летним врачом, объясняет в письме брату Николаю, что такое воспитание. (Письмо помечено мартом 1886.)

«Воспитанные люди должны удовлетворять следующим условиям:

1) Они уважают человеческую личность, всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы...

2) Они уважают чужую собственность, а потому платят долги.

3) Не лгут даже в пустяках... Они не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают...

4) Они не уничижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие...

5) Они не суетны. Их не занимает рукопожатие пьяного Плевако.

6) Если имеют в себе талант, то уважают его... Они жертвуют для него всем. Они брезгливы.

7) Они воспитывают в себе эстетику... Им нужна от женщины не постель... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не <...>, а матерью...

Тут нужны беспрерывные дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час.

Брось я сейчас семью на произвол судьбы, я старался бы найти себе извинение в характере матери, в кровохарканье и проч.» [13].

Да, это письмо интересно не только, как назидательное, но из него можно понять, как А. П. сам себя воспитывал, как он был строг к себе.

* * *

В ноябре 1884 года он с помощью Лейкина устроился корреспондентом «Из зала суда» от «Петербургской газеты» по «Скопинскому делу» [14]. Отчеты его были блестящи, с художественными характеристиками. Мнения независимы, например, Плевако ему не понравился [15]. Кончилось все печально — длительным кровохарканьем, к которому он отнесся легкомысленно, и в голову не пришло, что оно чахоточное [16].

* * *

В 1885 году поездка в Петербург. До этого времени из настоящих писателей он был знаком только с Лесковым, которого любил и который в Москве в 1883 году, когда они возвращались вместе откуда-то, где много пили, его «помазал, как Самуил Давида»... [17]

Познакомился Чехов в Петербурге в этот приезд с Сувориным, Григоровичем и Бурениным [18].

Вернувшись в Москву, он переменил квартиру,— она оказалась сырой, и он побоялся, что опять будет кровохарканье, снял напротив прежней на той же Якиманке, квартира находилась под помещением, которое кухмистер сдавал под свадьбы и поминки. А. П. писал:

«В обед — поминки, ночью — свадьбы... смерть и зачатие» [19].

* * *

1886 года 15 февраля под подписью А. Чехов появился впервые рассказ «Панихида» в «Новом времени».

21 февраля — письмо от Суворина [20].

Лейкин решил издать книгу его произведений под заглавием «Пестрые рассказы» (я эту книгу прочел в поезде, не отрываясь, купив ее в Ельце, на вокзале, в 16 лет, и пришел в восторг. Виньетку для нее нарисовал Шехтель, друг Николая Чехова, в будущем известный архитектор. Я был знаком с ним, встречался у Марьи Павловны в Москве. Милый, талантливый толстяк).

В конце марта Чехов получил письмо от Григоровича, заставившее его задуматься о себе, как о писателе [21].

20 марта 86 года Антон Павлович ответил ему:

«...Если у меня есть дар, который следует уважать, то, каюсь перед чистотою вашего сердца, я доселе не уважал его. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным... Все мои близкие всегда относились снисходительно к моему авторству и не переставали дружески советовать мне не менять настоящее дело на бумагомаранье... Не помню я ни *одного* своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря», который вам понравился, я писал в купальне! Как репортеры пишут заметки о пожарах... машинально, полубессознательно, нимало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом...».

Кстати сказать, мне «Егерь» не нравится, — нахожу его слабым рассказом.

Далее Чехов признается, что «писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал».

«Первое, что толкнуло меня к самокритике, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я начал собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки веры в собственную литературную путевость у меня не было» [22].

Удивительный был человек! Удивительный писатель! — прибавлю я.

* * *

В том же 86 году 26 октября в «Новом времени» была напечатана его повесть «Тина». Чехов послал ее своей близкой знакомой М. В. Киселевой, владетельнице Бабкина, где Чеховы проводили лето в 85, 86, 87 годах.

Ответ он получил в конце года, возмущенный. Письмо полно негодования:

«...Присланный вами фельетон мне совсем не нравится, хотя я убеждена, что к моему мнению присоединятся весьма и весьма немногие. Написан он хорошо, читающие мужчины пожалеют, что судьба не натолкнула их на подобную Сусанну, которая сумела бы распотешить их разнузданность, женщины втайне позавидуют ей, но большая часть публики прочтет с интересом и скажет: „Бойко пишет этот Чехов, молодец!“ Может быть, вас удовлетворяют 115 руб. и эти отзывы, но мне лично досадно, что писатель *вашего сорта* *, то есть не обделенный от бога, показывает мне только одну „навозную кучу“. Грязью, негодяями, негодяйками кишит мир, и впечатления, производимые ими, не новы, но зато с какой благодарностью относишься к тому писателю, который, проведя вас через всю вонь навозной кучи, вдруг вытащит оттуда жемчужное зерно,— зачем же тогда одна куча? Дайте мне зерно, чтобы в моей памяти стушевалась вся грязь обстановки, от вас я вправе требовать этого, а других, не умеющих отстоять и найти человека между четвероногими животными — я и читать не стану... Может быть, было бы лучше промолчать, но мне нестерпимо хотелось ругнуть вас и ваших мерзких редакторов, которые так равнодушно портят ваш талант. Будь я редактором,— я, для вашей же пользы, вырезала бы ваш этот фельетон... фельетон ваш все-таки препротивный. Предоставьте писать подобные (по содержанию!) разным нищим духом и обездоленным судьбою писакам: Окрейц, Альбову и тутти кванти бездарностям».

Только через три недели Чехов написал ответ:

«...У меня, и у вас, и у критиков всего мира нет никаких прочных данных, чтобы иметь право отрицать эту литературу. Я не знаю, кто прав: Гомер, Шекспир, Лопе де Вега, вообще древние, не боявшиеся рыться в „навозной куче“, но бывшие гораздо устойчивее нас в нравственном отношении, или же современные писатели, чопорные на бумаге, но холодно-циничные в душе и в жизни? Я не знаю, у кого плохой вкус: у греков ли, которые не стыдились воспевать любовь такою, какова она есть на самом деле в прекрасной природе, или же у читателей Габорио, Марлита, Пьера Бобо (П. Д. Боборыкина.— *И. Б.*)? <...> Ссылка на Тургенева и Толстого, избегавших „навозную кучу“, не проясняет этого вопроса. Их брезгливость ничего не доказывает: ведь было же раньше них поколение писателей, считавшее грязью не только „негодяев с негодяйками“, но даже описание мужиков и чиновников ниже титулярного... Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такою,

* Курсив здесь, как и в дальнейшем тексте, И. А. Бунина. — *Ред.*

ДОМ ЧЕХОВА В ЯЛТЕ
Фотография, около 1900 г.
Литературный музей, Москва

какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная. Суживать ее функции такою специальностью, как добывание „зерен" так же для нее смертельно, как если бы вы заставили Левитана рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы... Для химиков на земле нет ничего нечистого. Литератор должен быть так же объективен, как химик, он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые» [23].

А М. В. Киселева была писательницей, дом их был культурный, у них бывали и художники, и музыканты, и актеры. Чехов любил эту семью, и они были дружны.

Через пятьдесят лет, после выхода в свет моих «Темных аллей», я получал подобные письма от подобных же Киселевых и приблизительно некоторым из них отвечал так же. Действительно все повторяется.

III

Весною 1900 года, когда в Крыму играл Художественный театр, я тоже приехал в Ялту. Встретился тут с Маминым-Сибиряком, Станюковичем, Горьким, Телешовым, Куприным [24]. Привезены были четыре пьесы: «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокие» Гауптмана и «Гедда Габлер» Ибсена. Спектакли шли сначала в Севастополе, потом в Ялте.

Все были оживлены, возбуждены, Чехов чувствовал себя сравнительно хорошо. Мы с утра отправлялись в городской театр, ходили по сцене, где шли усиленные приготовления к спектаклю, а затем всей компанией направлялись к Чехову, где проводили все свободное время.

Чехов в те дни увлекался «Одинокими», много об этом говорил, считал, что Художественный театр должен держаться подобных пьес.

* * *

Станиславский вспоминает об этих днях:

«Приезжали, уезжали. Кончался один завтрак, подавали другой, Марья Павловна разрывалась на части, а Ольга Леонардовна, как верная подруга или как будущая хозяйка дома, с засученными рукавами деятельно помогала по хозяйству.

В одном углу литературный спор, в саду, как школьники, занимались тем, кто дальше бросит камень, в третьей кучке И. А. Бунин с необыкновенным талантом представляет что-то, а там, где Бунин, непременно стоит Антон Павлович и хохочет, помирает от смеха. Никто так не умел смешить Антона Павловича, как И. А. Бунин, когда он был в хорошем настроении».

«Горький со своими рассказами об его скитальческой жизни, Мамин-Сибиряк с необыкновенно смелым юмором, доходящим временами до буффонады, Бунин с изящной шуткой, Антон Павлович со своими неожиданными репликами, Москвин с меткими остротами — все это делало одну атмосферу, соединяло всех в одну семью художников. У всех рождалась мысль, что все должны собираться в Ялте, говорили даже об устройстве квартир для этого. Словом, весна, море, веселье, молодость, поэзия, искусство — вот атмосфера, в которой мы в то время находились» [25].

— Мало ли о чем мечтают русские люди, когда им хорошо,— прибавлю я.

* * *

И вот среди всего этого оживления подошел ко мне известный в Москве адвокат, Иван Николаевич Сахаров, один из тех, кто всегда вертится около актеров, писателей, художников, и сказал:

— Иван Алексеевич, уезжайте отсюда...

— Почему? — удивился я.

— Вам, конечно, очень тяжело здесь среди таких знаменитостей, как Горький, например...

— Нисколько,— сказал я сухо,— у меня иной путь, чем у Горького, буду академиком... и неизвестно, кто кого переживет...

Он с глупой улыбкой, пожав плечами, отошел. Я же продолжал бывать и в театре и у Чеховых.

Прощальный завтрак давала на широкой крыше дома Фанни Карловна Татаринова, пригласившая на него всех артистов, писателей и друзей театра. Было шумно, оживленно, многолюдно. Вот тут-то и поднялся разговор об устройстве квартир для таких приездов.

Начался разъезд. Уехал и я.

После избрания меня почетным академиком в 1909 году Сахаров, встретившись со мной в Литературном кружке, напомнил мне с нескрываемым удивлением наш разговор в Крыму...

* * *

В конце 1900 года я вернулся из заграничной поездки с Куровским [26] в Одессу и вскоре отправился в Ялту. Антона Павловича не было, он проводил зиму в Ницце. Марья Павловна пригласила меня жить у них «до возвращения Антоши» [27]. Я согласился, некоторое время мы жили втроем, а потом я остался вдвоем с Евгенией Яковлевной.

Теперь я из письма Чехова к матери узнал, что Антон Павлович был доволен, что я гощу у них [28].

Жить в аутской даче мне было приятно. Пробовал писать, делал заметки о нашем с Куровским путешествии. Много читал. Подолгу вел разговоры с матерью Чехова.

С Марьей Павловной мы иногда откровенно беседовали. Она, добродушно хохоча, много рассказывала о Левитане, который называл ее Ма-Па, хорошо его изображала: он как-то пришепетывал. Рассказывала и о Бабкине, где Левитан тоже проводил свое летнее время, о его психических недомоганиях. Вот в эти-то дни она и сообщила мне об увлечении Антона Павловича Ликой. Теперь, когда для меня многое выяснилось [29], я понимаю, что никакого увлечения Ликой (Лидией Стахиевной Мизиновой) у Антона Павловича не было. Она была влюблена в него. Он это видел. Ему же не нравился ее характер, о чем он писал сестре, писал, что у нее нет вкуса [30]. При взаимной любви этого не бывает. А о том, что она была задета Чеховым, можно понять из ее письма, где она объясняет Чехову свое увлечение Потапенкой: «А причина этому вы»... [31]

Ездили мы с Марьей Павловной на водопад Учан-су, в Гурзуф.

Она мне рассказала, что из-за брата не вышла замуж.

— Когда мне было сделано предложение,— добавила Марья Павловна,— я сказала об этом Антоше. Он сдержанно поздравил меня, но по лицу я поняла, что ему тяжело... и отказала.

* * *

Да, в январе 1901 года я все еще жил у Чеховых. Сохранилась у меня даже запись тех времен:

Крым, зима 1901 года на даче Чехова.

Чайки, как картонные, как яичная скорлупа, как поплавки, возле клонящейся лодки. Пена, как шампанское.

Провалы в облаках — там какая-то дивная неземная страна. Скалы известково-серые, как птичий помет. Бакланы. Суук-Су. Кучукой. Шум внизу, солнечное поле в море, собака пустынно лает. Море серо-лиловое, зеркальное, очень высоко поднимающееся. Крупа, находят облака.

Красавица Березина (!) [32].

* * *

31 января было первое представление «Трех сестер» [33], конечно, Марья Павловна и «мамаша», как мы все звали Евгению Яковлевну, очень волнуются. К Синани должна была придти телеграмма из театра. Их слуга Арсений посылается к Синани. Марья Павловна просит из города позвонить по телефону.

Минут через двадцать Арсений взволнованным голосом сообщает:

— Успех аграмадный...

Собрались гости: местная начальница гимназии В. К. Харкеевич, С. П. Бонье, Средины; конечно, выпили по этому случаю.

В начале февраля Марья Павловна уехала в Москву, а я остался до приезда Антона Павловича с мамашей, с которой у меня была большая дружба и которая мне много рассказывала об Антоше.

В каждом ее слове чувствовалось обожание.

* * *

В середине февраля,— как я теперь вижу по письмам,— Антон Павлович вернулся домой. Я переехал в гостиницу «Ялта», пережил очень неприятную ночь,— рядом в номере лежала покойница... Чехов, поняв, что я перечувствовал за эту ночь, слегка надо мной подшучивал...

Он настаивал, чтобы я бывал у него ежедневно с самого утра. И в эти дни мы особенно сблизились, хотя и не переходили какой-то черты,— оба были сдержанны, но уже крепко любили друг друга. У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший,— я почти на одиннадцать лет моложе его,— но в то же время никогда не давал чувствовать свое превосходство и всегда любил мое общество,— теперь я могу это сказать, так как это подтверждается его письмами к близким: «Бунин уехал — и я один...» [34]

По утрам пили чудный кофе. Потом сидели в садике, где он всегда что-нибудь делал в цветнике или около плодовых деревьев. Шли разговоры о деревне, я представлял в лицах мужиков, помещиков, рассказывал о жизни своей в Полтаве, об увлечении толстовством, а он о жизни на Луке в имении Линтваревых, оба мы восхищались Малороссией (тогда так называлась Украина). Мы оба бывали в Святогорском монастыре, в гоголевских местах[35].

Наедине со мной он часто смеялся своим заразительным смехом, любил шутить, выдумывать разные разности, нелепые прозвища; как только ему становилось лучше, он был неистощим на все это.

Иногда мы выдумывали вместе рассказы: то о захудалом чиновнике-деспоте, а то чувствительную повесть с героинями по имени Ирландия, Австралия, Невралгия, Истерия — все в таком роде,— блеска у него было много. Иногда я представлял пьяного. На карточке любительской, не помню кем снятой,— в его кабинете мы сидим — он в кресле, а я на ручке кресла,— у него смеющееся лицо, у меня злое, осовелое,— я изображаю пьяного.

Иногда я читал ему его старые рассказы. Он как раз готовил их к изданию, и я часто видел, как он перемарывал рассказ, чуть не заново его писал.

Как-то я выбрал и начал вслух читать его давнишний рассказ, написанный в 1886 году, «Ворона» [36].

Сначала Антон Павлович хмурился, но по мере того как развивалось действие, делался все благодушнее, понемногу стал улыбаться, смеяться. Правда, пьяных я умел изображать.

Иногда мы сидели и молчали, просматривая газеты и журналы. Смеялись и над некоторыми рецензиями о его рассказах, а особенно о моих. Критики еще боялись высказывать обо мне мнение, старались найти, кому я подражаю. Случалось, что во мне находили «чеховское настроение». Оживляясь, даже волнуясь, он восклицал с мягкой горячностью:

— Ах, как это глупо! Ах, как глупо! И меня допекали «тургеневскими нотами». Мы похожи с вами, как борзая на гончую. Вы, например, гораздо

Е. Я. ЧЕХОВА
Акварель А. А. Хотяинцевой
Дом-музей Чехова, Ялта

резче меня. Вы вон пишете: «море пахнет арбузом»... Это чудесно, но я бы так не сказал. Вот про курсистку — другое дело...

— Про какую курсистку?

— А помните, мы с вами выдумывали рассказ: жара, степь за Харьковом, идет длиннейший поезд... А вы прибавили: курсистка в кожаном поясе стоит у окна вагона третьего класса и вытряхивает из чайника мокрый чай. Чай летит по ветру в лицо толстому господину, высунувшемуся из окна...

* * *

В другой раз в сумерках я читал ему «Гусева», дико хвалил его, считая, что «Гусев» первоклассно хорош, он был взволнован, молчал. Я еще раз про себя прочел последний абзац этого рассказа:

— «А наверху в это время, где заходит солнце, скучиваются облака;

одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы»... — как он любит облака сравнивать с предметами,— мелькнуло у меня в уме.— «Из-за облаков выходит зеленый луч и протягивается до самой середины неба; немного погодя рядом с этим ложится золотой, потом розовый... Небо становится нежно сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке назвать трудно».

— Увижу ли я когда-нибудь его? — подумал я.— Индийский океан привлекал меня с детства...— И неожиданно глухой тихий голос:

— Знаете, я женюсь...

И сразу стал шутить, что лучше жениться на немке, чем на русской, она аккуратнее, и ребенок не будет по дому ползать и бить в медный таз ложкой...

Я, конечно, уже знал о его романе с Ольгой Леонардовной Книппер, но не был уверен, что он окончится браком. Я был уже в приятельских отношениях с Ольгой Леонардовной и понимал, что она совершенно из другой среды, чем Чеховы. Понимал, что Марье Павловне нелегко будет, когда хозяйкой станет она. Правда, Ольга Леонардовна — актриса, едва ли оставит сцену, но все же многое должно измениться. Возникнут тяжелые отношения между сестрой и женой, и все это будет отзываться на здоровье Антона Павловича, который, конечно, как в таких случаях бывает, будет остро страдать то за ту, то за другую, а то и за обеих вместе. И я подумал: да это самоубийство! хуже Сахалина,— но промолчал, конечно.

* * *

За обедом и ужином он ел мало, почти всегда вставал из-за стола и ходил взад и вперед по столовой, останавливаясь около гостя и усиленно его угощая и все с шуткой, с метким словом. Останавливался и около матери и, взяв вилку и ножик, начинал мелко-мелко резать мясо, всегда с улыбкой и молча.

Постепенно я все более и более узнавал его жизнь, начал отдавать отчет, какой у него был разнообразный жизненный опыт, сравнивал его со своим и стал понимать, что я перед ним мальчишка, щенок... Ведь до тридцати лет написаны «Скучная история», «Тиф» и другие, поражающие житейским опытом его произведения.

Я вижу Чехова чаще бодрым и улыбающимся, чем хмурым, раздраженным, несмотря на то, что я знавал его в течение четырех лет наших близких отношений в плохие периоды его болезни. Там, где находился больной Чехов, царили шутка, смех и даже шалость.

Никогда не видал его в халате, всегда он был одет аккуратно и чисто. У него была педантическая любовь к порядку — наследственная, как настойчивость, такая же наследственная, как и наставительность.

* * *

По берегам Черного моря работало много турок, кавказцев. Зная то недоброжелательство, смешанное с презрением, какое есть у нас к инородцам, он не упускал случая с восхищением сказать, какой это трудолюбивый, честный народ.

* * *

Он мало ел, мало спал, очень любил порядок. В комнатах его была удивительная чистота, спальня была похожа на девичью. Как ни слаб бывал он порой, ни малейшей поблажки не давал он себе в одежде.

Руки у него были большие, сухие, приятные.

* * *

Точен и скуп на слова был он даже в обыденной жизни. Словом он чрезвычайно дорожил, слово высокопарное, фальшивое, книжное действовало на него резко: сам он говорил прекрасно — всегда по-своему, ясно, правильно. Писателя в его речи не чувствовалось, сравнения, эпитеты он употреблял редко, а если и употреблял, то чаще всего обыденные и никогда не щеголял ими, никогда не наслаждался своим удачно сказанным словом.

* * *

Случалось, что собирались у него люди самых различных рангов: со всеми он был одинаков, никому не оказывал предпочтения, никого не заставлял страдать от самолюбия, чувствовать себя забытым, лишним.

* * *

Помню его молчание, покашливание, прикрывание глаз, думу на лице, спокойную и печальную, почти важную. Только не «грусть», не «теплоту».

Крымский зимний день, серый, прохладный, сонные густые облака на Яйле. В чеховском доме тихо, мерный стук будильника из комнаты Евгении Яковлевны. Он, без пенсне, сидит в кабинете за письменным столом, не спеша, аккуратно записывает что-то. Потом встает, надевает пальто, пляпу, кожаные мелкие калоши, уходит куда-то, где стоит мышеловка. Возвращается, держа за кончик хвоста живую мышь, выходит на крыльцо, медленно проходит сад вплоть до ограды, за которой татарское кладбище на каменистом бугре. Осторожно бросает туда мышь и, внимательно оглядывая молодые деревца, идет к скамеечке среди сада. За ним бежит журавль, две собачонки. Сев, он осторожно играет тросточкой с одной из них, упавшей у его ног на спину, усмехается: блохи ползут по розовому брюшку... Потом, прислонясь к скамье, смотрит вдаль, на Яйлу, подняв лицо, что-то думая. Сидит так час, полтора.

* * *

В письме к О. Л. Книппер от 20 февраля он пишет: «Здесь Бунин, который, к счастью, бывает у меня каждый день». А 23 февраля ей же: «Был Бунин здесь, теперь он уехал — и я один» [37].

После моего отъезда мы изредка переписывались. В письме от 14 марта он возмущается «Скорпионом»: «От „Скорпиона" получил корректуру, но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует „Скорпион" о своей книге тоже неряшливо, выставляя меня первым — и я, прочитав это объявление в „Русских ведомостях", дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами.

А когда мы увидимся? После Пасхи, вероятно, приеду в Москву ненадолго, остановлюсь в „Дрездене"» [38].

Я получил от 25 марта 1901 года письмо от Антона Павловича, где он просит, чтобы скульптор Эдварс, мой приятель, который хотел его лепить, отложил сеансы до сентября.

«Идет дождь. Чудесный дождь. Бабушка и Арсений благодарят за поклон и за память о них, а мать была растрогана» [39].

Неожиданно для него приехала на Страстной Ольга Леонардовна [40]. Приехал и я. Чехов в эти дни был особенно оживлен, чувствовал он себя хорошо. Был в Ялте и Куприн.

Чехов и при Ольге Леонардовне настаивал, чтобы я проводил все дни у него.

Часто я уезжал поздно вечером, и он говорил:

— Приезжайте завтра пораньше.

Он на некоторых буквах шепелявил, голос у него был глуховатый, и часто говорил он без оттенков, как бы бормоча: трудно было иногда понять, серьезно ли говорит он. И я порой отказывался. Он сбрасывал пенсне, прикладывая руки к сердцу с едва уловимой улыбкой на бледных губах, раздельно повторял:

— Ну, убедительно вас прошу, господин маркиз Букишон! Если вам будет скучно со старым забытым писателем, посидите с Машей, с мамашей, которая влюблена в вас, с венгеркой Книпшиц... Будем говорить о литературе...

После отъезда Ольги Леонардовны мы втроем, Марья Павловна, Антон Павлович и я, поехали в Суук-Су, где очень весело затракали, я тоже хотел платить, но Чехов сказал, что мы рассчитаемся дома, — он подаст счет; и подал шуточный:

Счет господину Букишону (французскому депутату и маркизу). Израсходовано на вас:

1 переднее место у извозчика	5 р.
5 бычков а ла фам о натюрель	1 р. 50 к.
1 бутылка вина экстра сек	2 р. 75 к.
4 рюмки водки	1 р. 20 к.
1 филей	2 р.
2 шашлыка из барашка	2 р.
2 барашка	2 р.
Салат тирбушон	1 р.
Кофей	2 р.
Прочее	11 р.
Итого	27 р. 75 к.

С почтением Антон и Марья Чеховы, домовладельцы.

Букишоном он стал называть меня потому, что в какой-то газете он увидал портрет какого-то маркиза, который был на меня похож.

* * *

20 апреля я получил от него укоризненное письмо:

«Новый рассказ

А. П. Чехова

Северные цветы

Альманах к-ва „Скорпион". Ц. 1 р. 50 к.»

Во-первых, я никогда не писал рассказа «Северные цветы», а во-вторых, зачем вы ввели меня в эту компанию, милый Иван Алексеевич? Зачем? Зачем?

Ваш А. Чехов[41]

20 апр.

* * *

В письме от 22 апреля он пишет Книппер уже о венчании, а в конце: «Минутами на меня находит сильнейшее желание написать для Художественного театра 4-актный водевиль или комедию. И я напишу, если ничто не помешает, только отдам в театр не раньше конца 1903 года» («Вишневый сад» — никогда он не думал о нем как о драме...)[42]

В письме к Книппер от 26 апреля 1901 года он пишет:

«Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, — то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться. Из церкви укатить бы не домой, а прямо в Звенигород. Или повенчаться в Звенигороде...»[43]

Как я его понимаю!

* * *

В Москве обратился к доктору Щуровскому. Его диагноз:

«Притупление и слева и справа, справа большой кусок под лопаткой,... немедленно ехать на кумыс в Уфимскую губ., если же кумыса я не буду переносить, то — в Швейцарию»[44].

* * *

25 мая Антон Павлович послал извещение матери: «Милая мама, благословите, женюсь... Уезжаю на кумыс. Адрес: Аксеново, Самаро-Златоустовской. Здоровье лучше. А н т о н»[45].

Венчание произошло тайно от всех; кто были свидетелями, я не знаю [46].

* * *

30 июня я получил письмо от Антона Павловича, в котором он просит написать поздравление с законным браком уже в Ялту. «Вы уезжаете в Одессу? Не забывайте, что от Одессы до Ялты рукой подать, приехать нетрудно». В этом письме он подписался: «Аутский мещанин» [47].

ЧЕХОВ И ТОЛСТОЙ

Рисунок И. К. Крайтора, 1902—1904 гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

Воспроизводится с фотографии

* * *

В Аксенове чувствовал он себя сносно, прибавил 12 фунтов, а в Ялте начал кашлять. Как сократил жизнь себе Антон Павлович, живя у моря!.. Если проследить по письмам его здоровье, то увидишь, что ему почти всегда в Ялте было хуже, чем где-либо. И ни один врач не посылал его в снег, в Швейцарию! Только Щуровский условно, если «не поможет кумыс»...

Получил я письмо от Антона Павловича в Одессе, в августе: — ответы на мои вопросы. Узнал, что Книппер уезжает в Москву 20 августа, Марья Павловна — 1 сентября.

Сообщает, что много пишет, по целым дням, и просит, чтобы художник Нилус отложил писать с него портрет до будущего года.

Далее шутит: «...буду ожидать вашего приезда с нетерпением. Буду (с первого сентября) день и ночь сидеть на пристани и ожидать парохода с вами. Очень возможно, что в Ялту приедет Горький.

...Не обманите же, приезжайте. Поживем в Ялте, а потом вместе в Москву поедем, буде пожелаете» [48].

Я уже 5 сентября обедал у Чехова с каким-то прокурором. Антона Павловича нашел в плохом состоянии.

* * *

9 сентября Антон Павлович пишет жене: «Теперь я здоров... Ходит ко мне каждый день Бунин» [49].

И опять начались бесконечные разговоры. Когда я приехал, он чувствовал себя весьма нехорошо.

Много рассказывал Антон Павлович о кумысе, где он поправился, а вернувшись в Ялту, «опять захирел, стал кашлять и в июле даже поплевывал кровью», восторгался степью, лошадьми, туземцами; только уж очень была серая публика и никаких удобств! Вкус кумыса похож на квас и непротивный, но, конечно, надоедает.

Через несколько дней ему стало лучше. Он в сентябре решил ехать в Москву, вероятно, уже скучал без жены.

Читал он в эти дни свои старые рассказы, некоторые почти писал заново, так, по его мнению, они были слабы.

До моего приезда в Ялте жили Дорошевич, умом которого восхищался Чехов, и артист Орленев, которого он считал талантливым, но беспутным; последнего я застал [50].

Жаловался на газету «Курьер»: «Чуть не в каждом номере пишет про меня всякое вранье и пошлости...»

Ему хотелось поехать в Москву до репетиций «Трех сестер», чтобы сделать некоторые указания и, может быть, изменения.

Как я теперь узнал из письма к Книппер, Чехов обо мне ей на другой день моего приезда писал: «Бунин жизнерадостен»...[51] На меня почти всегда Антон Павлович действовал возбуждающе.

* * *

Собрались тогда мы было поехать в Гурзуф, да пришлось отменить: Чехов должен был ехать к Льву Николаевичу Толстому.

Конечно, по его возвращении я уже был у него в Аутке и с жадностью слушал рассказы о Толстом. Как всегда, он восхищался ясностью его головы и тут сказал: «Знаете, что меня особенно восхищает в нем, это его презрение к нам как писателям. Иногда он хвалит Мопассана, Куприна, Семенова, меня... Почему? Потому что он смотрит на нас как на детей. Наши рассказы, повести и романы для него детская игра, поэтому-то он в один мешок укладывает Мопассана с Семеновым. Другое дело Шекспир: это уже взрослый, его раздражающий, ибо он пишет не по-толстовски...»

* * *

А мне Илья Львович Толстой говорил в 1912 году, что у них в доме на писателей смотрели «вот как», и он нагибался и держал руку на высоте низа дивана, и когда он мне это рассказывал, я вспомнил эти слова Чехова.

* * *

Мне все кажется, что несмотря на то, что Чехов стоял в литературе уже высоко, занимая свое особое место, он все же не отдавал себе отчета в своей ценности.

* * *

15 сентября он уехал в Москву. Чеховы поселились на Спиридоновке в доме Бойцова, во флигеле. Я у них бывал.

В Москве он прожил с 17 сентября до 26 октября.

Он бывал на репетициях своей пьесы «Три сестры». Остался доволен.

В этот сезон шли разговоры о постройке нового театра, в Каретном ряду. Художественному театру было уже неудобно и тесно. Но еще ни к чему определенному не пришли [52].

В октябре здоровье его стало хуже. Почему его не отправили в швейцарскую санаторию?

Вернувшись в Ялту, он жил с матерью, по целым дням читал корректуру.

* * *

5 декабря Чехов пишет А. Н. Веселовскому:

«Имею честь предложить на имеющиеся вакансии почетных академиков следующих кандидатов: Михайловский Николай Константинович, Мережковский Дмитрий Сергеевич, Спасович Владимир Данилович, Вейнберг Петр Исаевич» [53].

* * *

В это же время Горький получил разрешение жить в Крыму. Чехов жене сообщает: «Дача у него на хорошем месте... но в доме суета сует, дети, старухи, обстановка не писательская».

Пишет, что читал конец повести Горького «Трое»: «Что-то удивительно дикое. Если бы написал это не Горький, то никто бы читать не стал...» [54]

Ольга Леонардовна пообещала, что приедет на рождество в Ялту, Чехов очень обрадовался, но это ей не удалось, и он стал нервничать: «Одни доктора говорят, что мне нужно в Москву, а другие, что совсем нельзя, а оставаться здесь я не могу!»

10 декабря началось опять кровохарканье и продолжалось несколько дней. Антона Павловича уложили в постель. Конечно, Евгении Яковлевне трудно было вести дом и ухаживать за больным, да он и не допускал мать до ухода за собой. Отчасти это кровохарканье произошло из-за волнений за Толстого, который прибыл к дочери в Ялту и заболел.

Слава богу, на рождество приехала к брату Марья Павловна, и уход за ним стал настоящий, как и еда, — она была прекрасная хозяйка.

* * *

15 января 1902 г. я получил от Антона Павловича письмо. Поздравление с Новым годом и пожелания: «Прославиться на весь мир, сойтись с самой хорошенькой женщиной и выиграть 200 тысяч рублей по всем трем займам», а у меня и одного не было... Сообщает, что он хворал месяца полтора. Затем:

...«Писал ли я вам насчет „Сосен“?.. — это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона.

Итак, будем ждать вас!! Приезжайте поскорее; буду рад очень» [55].

В январе во время болезни Толстого Антон Павлович за жизнь Льва Николаевича очень боялся. Лечил Толстого Альтшуллер и держал Чехова в курсе его болезни.

7 февраля Толстому было особенно тяжело, плохо работало сердце. Чехов волнуется: «не выживет» [56].

В это время на короткий срок, чуть ли на два-три дня, Ольга Леонардовна приезжала в Ялту на первой неделе поста, на второй неделе Художественный театр уже должен был играть в Петербурге — «Три сестры», «В мечтах», «Мещане»... [57].

* * *

Волновался в эти дни Антон Павлович еще потому, что Горького не утвердили академиком. Он запрашивал Кондакова, Короленко, хотя как можно было возмущаться тем, что не утвердили выбранного в почетные академики Горького, который находился под судом! Чехов, вероятно, не знал регламента, не знал, например, что всякий почетный академик мог, приехав в какой угодно город, потребовать в какое угодно время — для пользы просвещения — зал для лекции — и без всякой цензуры. Можно себе представить, как бы стал пользоваться этим правом Горький?.. Ведь Куприна не избрали в почетные академики, несмотря на то, что несколько раз поднимался этот вопрос, только потому, что он под влиянием вина мог злоупотреблять где-нибудь в провинции этим правом 〈...〉

Нужно отметить, что Чехов, когда посылал А. Н. Веселовскому список своих кандидатов, Горького не выставил, будучи человеком умным и трезвым. Но, когда его не утвердили, заволновался... Такое уже было время! А мотивировка отказа Антона Павловича от звания почетного академика слабая:

«В газетах было напечатано, что, ввиду привлечения Пешкова к дознанию по ст. 1035, выборы признаются недействительными. При этом было точно указано, что извещение исходит от Академии наук, а так как я почетный академик, то это извещение исходило и от меня. Я поздравил сердечно, и я же признал выборы недействительными, — такое противоречие не укладывается в моем сознании, примирить с ним свою совесть я не мог».

Эту просьбу о снятии с него звания почетного академика Чехов послал А. Н. Веселовскому 25 августа 1902 года [58]. Он волновался несколько месяцев, переписывался и с Кондаковым, и с Короленко, который тоже «просил снять с него звание почетного академика» [59].

* * *

Весною я приехал в Ялту. Толстому стало лучше, и как-то при мне Чехов собирался его навестить. Волновался сильно: менял брюки и, хотя все время шутил, но все же с трудом подавлял свое волнение.

— Боюсь Толстого. Ведь подумайте, ведь это он написал, что Анна сама чувствовала, видела, как у нее блестят глаза в темноте. Серьезно, я его боюсь, — говорил он, смеясь и как бы радуясь этой боязни.

И чуть не час решал, в каких штанах поехать к Толстому. Сбросил пенсне, помолодел и, мешая по своему обыкновению шутку с серьезным, все выходил из спальни то в одних, то в других штанах:

— Нет, эти неприлично узки!! Подумает: щелкопер!

И шел надевать другие и опять выходил, смеясь:

— А эти шириною с Черное море! Подумает: нахал!

* * *

Вернувшись, он сказал:

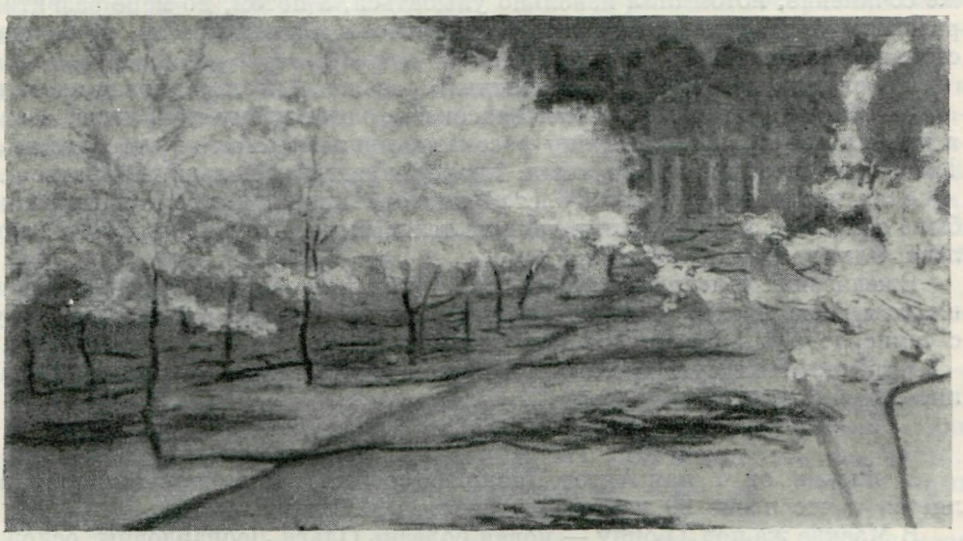
— Знаете, это какое-то чудо, нечто невероятное! Лежит в постели старик, телесно вполне едва живой, краше в гроб кладут, а умственно не только гениальный, сверхгениальный!

Говорить о литературе было нашим любимым делом: без конца Антон Павлович восхищался Мопассаном, Флобером, Толстым, «Таманью» Лермонтова.

— Вот умрет Толстой, все пойдет к черту! — повторял он не раз.

— Литература?

— И литература.



ВИШНЕВЫЙ САД
Акварель А. А. Хотяинцевой
Дом-музей Чехова, Ялта

Но тут он ошибался, литература уже начала идти «прахом» и при жизни Толстого.

* * *

К концу марта приехал из Москвы Телешов, а из Одессы прибыл Нилус, который начал писать портрет Антона Павловича. Чехов был в хорошем настроении, ожидая приезда из Петербурга Ольги Леонардовны.

Я привез «Дети Ванюшина» [60].

— Единственный настоящий драматург, — говорил Чехов.

* * *

Он часто говорил:

— Какие мы драматурги! Единственный настоящий драматург — Найденов; прирожденный драматург, с самой что ни на есть драматической пружиной внутри. Он должен теперь еще десять пьес написать и девять раз провалиться, а на десятый опять такой успех, что только ахнешь!

И помолчав, вдруг заливался радостным смехом:

— Знаете, я недавно у Толстого в Гаспре был. Он еще в постели лежал, но много говорил обо всем и обо мне, между прочим. Наконец, я встаю, прощаюсь. Он задерживает мою руку, говорит: «Поцелуйте меня», и, поцеловав, вдруг быстро суется к моему уху и этакой энергичной старческой скороговоркой: «А все-таки пьес ваших я терпеть не могу. Шекспир скверно писал, а вы еще хуже!»

* * *

По вечерам иногда собирались к ужину гости: Телешов, Горький, Нилус, после ужина заходил Елпатьевский, и меня упрашивали иногда прочесть тот или другой рассказ Чехова. Об этом вспоминает Телешов: «Антон Павлович сначала хмурился, неловко ему казалось слушать свое же сочинение, потом стал невольно улыбаться, а потом, по мере развития рассказа, буквально трясся от хохота в своем мягком кресле, но молча, стараясь сдержаться» [61].

Прослушав как-то свой «осколочный» рассказ, Антон Павлович сказал:

— Вам хорошо теперь писать рассказы, все к этому привыкли, а это я пробил дорогу к маленькому рассказу, меня еще как за это ругали... Требовали, чтобы я писал роман, иначе и писателем нельзя называться...

Всех нас радовало, что Толстой выздоравливал. Словом, настроение было самое хорошее. И вдруг пришла телеграмма, что в Петербурге заболела Ольга Леонардовна [62].

Ежедневные телеграммы. Пять дней ожидания ее прибытия, и наконец в первый день пасхи, 10 апреля, ее на руках перенесли с парохода на дачу с температурой 39 градусов под мышкой.

Конечно, Нилусу пришлось бросить портрет, и скоро мы все разъехались.

* * *

В письме от 4 мая Антон Павлович сообщает мне, что жена поправляется и что после 20 мая они приедут в Москву [63].

В Москве же под Троицу — новая болезнь Ольги Леонардовны, осложнившаяся перитонитом, которая чуть не кончилась операцией. Чехов измучился и душевно и физически. Чтобы отдохнуть, 17 июня он с С. Т. Морозовым отправляется в его имение на Урал до 5 июля, а Ольга Леонардовна осталась с матерью.

* * *

Очень интересный разговор произошел в имении Морозова [64] между Чеховым и Серебровым (Тихоновым). Тихонов в то время был студентом Горного института и работал, как тогда говорилось, на практике.

У меня бывало чувство, что, когда я передавал некоторые мнения и суждения Чехова, то многие думали, что я приписываю ему свое, поэтому мне было очень приятно прочесть воспоминания Сереброва, которые подтверждают то, что и мне много раз высказывал Антон Павлович. На Урале он, вероятно, был слишком откровенен потому, что это было перед сильным горловым кровотечением.

«Вечером Чехов пригласил меня пить чай на террасу, — рассказывает Серебров.— Речь зашла о Горьком. Тема была легкая. Я знал, что Чехов любит и ценит Горького, и не поскупился на похвалы автору „Буревестника“.

— Извините... Я не понимаю... — оборвал меня Чехов с неприятной вежливостью человека, которому наступили на ногу.— Вот вам всем нравятся его „Буревестник“ и „Песнь о соколе“... Я знаю, вы мне скажете — политика! Но какая же это политика? „Вперед без страха и сомненья!“ — это еще не политика. А куда вперед — неизвестно?! Если ты зовешь

вперед, надо указать цель, дорогу, средства. Одним „безумством храбрых" в политике никогда и ничего еще не делалось.

От изумления я обжегся глотком чая.

— „Море смеялось", — продолжал Чехов, нервно покручивая шнурок от пенсне. — Вы конечно, в восторге!.. Вот вы прочитали — „море смеялось" и остановились. Вы думаете, остановились потому, что это хорошо, художественно. Да нет же! Вы остановились просто потому, что сразу не поняли, как это так: море — и вдруг смеется?.. Море не смеется, не плачет, оно шумит, плещется, сверкает... Посмотрите у Толстого: солнце всходит, солнце заходит... птички поют... Никто не рыдает и не смеется. А ведь это и есть самое главное — простота...

— Вот вы сослались на „Фому Гордеева", — продолжал он, сжимая около глаз гусиные лапки морщин. — И опять неудачно! Он весь по прямой линии, на одном герое построен... И все персонажи говорят одинаково на «о»... Романы умели писать только дворяне. Нашему брату — мещанам, разнолюду — роман уже не под силу... Вот скворешники строить, на это мы горазды. Недавно я видел один такой: трехэтажный, двенадцать окошечек!.. Чтобы строить роман, необходимо хорошо знать закон симметрии и равновесия масс. Роман — это целый дворец, и надо, чтобы читатель чувствовал себя в нем свободно, не удивлялся бы и не скучал, как в музее. Иногда надо дать читателю отдохнуть и от героя, и от автора. Для этого годится пейзаж, что-нибудь смешное, новая завязка, новые лица... Сколько раз я говорил об этом Горькому, не слушает... Гордый он — а не Горький!..

С Горьким мне явно не повезло. Я попробовал отыграться на Художественном театре.

— Ничего — театр, как театр, — опять погасил мои восторги Чехов.— По крайней мере актеры роли знают. А Москвин — даже талантливый. В других театрах и этого нет. Я помню, в Александринском театре ставили мою „Чайку". Под суфлера! Боже мой, что только они там говорили!..

Как утопающий за соломинку, я ухватился за „декадентов", которых считал „новым течением в литературе".

— Никаких декадентов нет и не было, — безжалостно доканал меня Чехов.— Откуда вы их взяли?.. Во Франции — Мопассан, а у нас — я стали писать маленькие рассказы, вот и все новое направление в литературе... Жулики они, а не декаденты! Гнилым товаром торгуют... Религия, мистика и всякая чертовщина!.. Это всё они нарочно придумали... Вы им не верьте. И ноги у них вовсе не „бледные", а такие же как у всех волосатые...

— Ну какой же Леонид Андреев писатель? Это просто помощник присяжного поверенного, которые все ужасно как любят красиво говорить...

— Студенты бунтуют, чтобы прослыть героями и легче ухаживать за барышнями...».

* * *

«— До чего мы ленивый народ... Даже природу заразили ленью. Вы поглядите только на эту речку, до чего же ей лень двигаться! Вон она какие колена загибает, а все от лени. И вся наша пресловутая „психология", вся эта достоевщина, тоже ведь от этого. Лень работать, ну вот и выдумываем».

* * *

Опять за чаем на террасе:

«— Вот меня часто упрекают, даже Толстой упрекал, что я пишу о мелочах, что нет у меня положительных героев: революционеров,

Александров Македонских или, хотя бы как у Лескова, просто честных исправников... А где их взять?..

— Жизнь у нас провинциальная, города немощеные, деревни бедные, народ поношенный... все мы в молодости восторженно чирикаем,... а к сорока годам — уже старики и начинаем думать о смерти... Какие мы герои!..

— Вот вы говорите, что плакали на моих пьесах... Да и не вы один... А ведь я не для этого их написал, это их Алексеев сделал такими плаксивыми. Я хотел другое... Я хотел только честно сказать людям: „Посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живете!..“ Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда они это поймут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь... Я ее не увижу, но я знаю, она будет совсем иная, не похожая на ту, что есть... А пока ее нет, я опять и опять буду говорить людям: «Поймите же, как вы плохо и скучно живете!» Над чем же тут плакать?.. — И, вставая со стула, грустно докончил: — ...Пойдемте спать... Гроза будет...» [65].

А во время грозы у него потекла горлом кровь.

* * *

По возвращении они с Ольгой Леонардовной поселились в Любимовке по Ярославской железной дороге, в усадьбе матери Станиславского, Е. И. Алексеевой. (Она предоставила им флигель.) Любимовка лежала на Клязьме, где Чехов удил рыбу. Прожили они вместе до середины июля, затем он один уехал в Ялту. Вероятно, за время болезни у Ольги Леонардовны расстроились нервы, она скучала и в письмах к мужу стала его упрекать, что он не взял ее с собой, упрекала и его родных.

Он отвечает: «Ты сердита на меня, а за что — никак не пойму. За то, что я уехал от тебя? Но ведь я с тобой прожил с самой Пасхи... и не уехал бы, если бы не дела и не кровохарканье» [66].

* * *

От 11 сентября я получил от него коротенькое письмецо: упрек, что я не послал ему своих «Новых стихотворений», которые были изданы А. А. Карзинкиным — большим любителем поэзии и моим другом — в старинном стиле [67].

* * *

В середине октября 1902 года Чехов приехал в Москву и чуть ли не в первый день написал записочку Найденову, прося его известить меня, что он здесь [68].

Конечно, на следующий день я был у него. В письме от 18 октября он пишет Куприну, что виделся с Буниным и что тот «в меланхолическом настроении, собирается за границу» [69].

А 26 октября я получил от него открытку: «Милый Жан! Укрой свои бледные ноги!» без подписи [70].

* * *

Из Москвы Антон Павлович уехал в конце ноября. В Ялте в это время выпал снег...

В письме от 20 декабря он пишет жене: «Думал о том, что тебе нужен сынишка, который занимал бы тебя, наполнял бы твою жизнь. Сынишка или дочка будет у тебя, родная, поверь мне, нужно только подождать, прийти после болезни в норму. Я не лгу тебе, не скрываю ни одной капли из того, что говорят доктора, честное слово» [71].

Я же в это время жил еще в Москве, бывал запросто у Ольги Леонардовны и иногда заставал ее в слезах, — ей было тяжело, хотя она и не жаловалась.

* * *

В письме от 27 декабря Чехов сообщает ей из Ялты: «Ждем Бунина и Найденова, которые, по газетным известиям, уехали в Константинополь»...[72] Последнее было вранье.

В письме от 1 января 1903 года Антон Павлович извещает жену, что «Бунин и Найденов теперь герои в Одессе. Их там на руках носят» (мы жили в это время с Найденовым в «Крымской гостинице») [73].

Гославскому же пишет: «На днях в Ялте будет Бунин» (из Одессы я собирался поехать в Крым). «Я поговорю с ним и, если он посвятит меня в тайны „Знания", то я тотчас же напишу Горькому или Пятницкому, не медля...» [74].

13 января в день отъезда Марьи Павловны он почувствовал себя плохо. ...А в Ялте был туман, погода как раз для туберкулезного.

5 февраля Шаповалов привез Чехову от Станиславского «орден» «Чайки» (такой же самый я получил от Художественного театра вместе с адресом на свой двадцатипятилетний юбилей. Его у меня украли вместе со всеми ценными вещами во время нашего пребывания в Софии в 1920 году, после бегства из Одессы).

16 февраля он в письме к жене удивляется: «Бунин почему-то в Новочеркасске?» [75] А я там был у матери, жившей тогда у моей сестры Марьи Алексеевны Ласкаржевской.

Из Новочеркасска я отправился в Ялту.

Вот в этот-то приезд Чехов шутя приставал ко мне, что́ именно напишу я о нем в своих воспоминаниях. Я иногда отбрехивался, что это он будет писать обо мне, но он уверял, что я проживу до ста лет, что я «здоровенный» мужчина, и все в таком роде. Наконец, я сказал:

— Я напишу прежде всего, как и почему я познакомился с вами в Москве. Это было в 95 году, в декабре. Я не знал, что вы приехали в Москву. И вот, сидим мы однажды с одним поэтом в Большом Московском, пьем красное вино, слушаем машину, а поэт все читает свои стихи, все больше и больше собой восторгаясь. Вышли мы очень поздно, и поэт был уже так возбужден, что и на лестнице продолжал читать. Так, читая, он стал свое пальто на вешалке искать. Швейцар ему нежно: «Позвольте, господин, я сам найду...» «Как, негодяй? Значит я чужое пальто беру?» — «Так точно, чужое-с». — «Молчать, негодяй, это мое пальто!» — «Да нет же, господин, это не ваше пальто!» — «Тогда говори сию же минуту, чье?» — «Антона Павловича Чехова». — «Врешь, я убью тебя за эту ложь на месте!» — «Есть на то воля ваша, только это пальто Антона Павловича Чехова». — «Так, значит, он здесь?» — «Всегда у нас останавливаются...» И вот мы чуть не кинулись к вам знакомиться в три часа ночи. Но, к счастью, удержались и пришли на другой день, и на первый раз не застали — видели только ваш номер, который убирала горничная, и вашу рукопись на столе. Это было начало «Бабьего царства» [76].

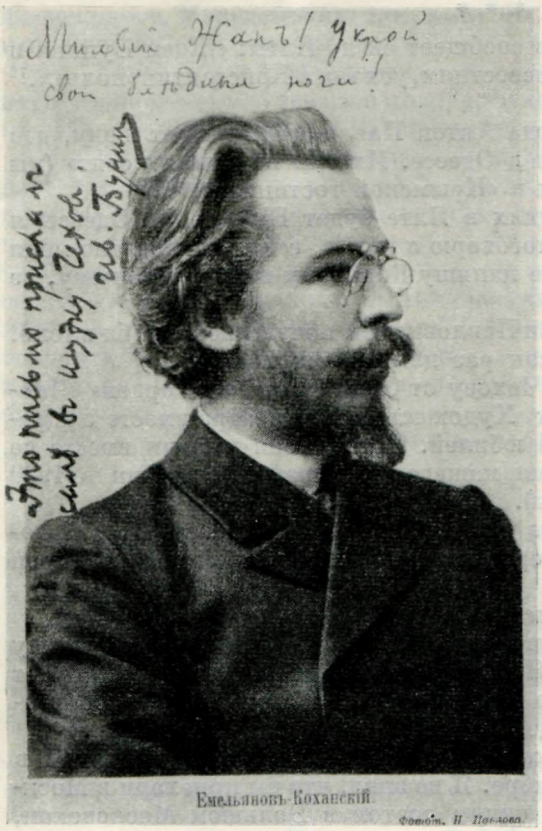
— Кто этот поэт, догадываюсь, Бальмонт, конечно. А откуда вы узнали, какая именно рукопись лежала у меня на столе? Значит, подсмотрели?

— Простите, дорогой, не удержались.

— А жалко, что вы не зашли ночью. Это очень хорошо — закатиться куда-нибудь ночью, внезапно. Я люблю рестораны.

* * *

Да, это правда, рестораны он любил. Всех друзей звал всегда или пообедать, или поужинать. И ему доставляло удовольствие их угощать. Нравилось ему мое понимание в винах, любовь к закускам и к тонким блюдам, это ценила во мне и Евгения Яковлевна, которая была большая мастерица в кулинарном искусстве и тоже очень любила угощать.



ШУТОЧНОЕ ПИСЬМО ЧЕХОВА к И. А. БУНИНУ от 26 ОКТЯБРЯ 1902 г.

Слева рукою И. А. Бунина: «Это письмо прислал мне в шутку Чехов. Ив. Бунин»

Написано на открытке с портретом писателя Емельянова-Коханского.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Ни с одним писателем я не был в таких отношениях: мог часами, сидя вместе в кабинете, молчать, а с Чеховым мы иногда проводили так целые утра.

Иногда мне казалось, что все-таки я мешаю ему, и вечером при прощанье, выдумывал, что мне утром нужно куда-то, в этом случае он трогательно настойчиво начинал приглашать и шутя говорил: если вам не скучно со старым писателем...

В этот приезд я уже останавливался в лучшей гостинице в Ялте, в «России». И он туда как-то вечером позвонил и сказал, чтобы я нанял извозчика и приехал за ним, чтобы ехать кататься. Я стал отговаривать, но он настоял. Правда, ночь была теплая, лунная. И мы поехали в Ореанду. Вот тут-то он и сказал, что его будут читать еще только семь лет, а жить ему осталось еще меньше — всего шесть. В обоих случаях ошибся: жить ему осталось меньше — всего год и три месяца, а читают его уже больше пятидесяти лет, и, вероятно, будут читать еще долго.

Из Крыма я поехал в Москву, заглянул ненадолго к брату, в деревню, а в мае бывал у Чеховых на Петровке и удивлялся, как они могли так высоко снять квартиру, на третьем, то есть по-заграничному на четвертом этаже*, у него уже была одышка, ему очень тяжело было подыматься.

В этот приезд он показался профессору Остроумову, который увидел, что его левое легкое в исключительно плохом состоянии и, сказав, что он «калека», запретил ему жить зимою в Ялте, запретил и поездку в Швейцарию, где он с Ольгой Леонардовной хотели провести лето.

---

* Здесь Бунин ошибся: третий этаж, по русскому счету, соответствует второму этажу, по счету, принятому в Западной Европе.

А на лето они поселились в имении Якунчиковой в Наро-Фоминском [77].

Недель шесть они прожили там. Антон Павлович удил рыбу, купался, — это Остроумов ему разрешил, но Чехов томился окружающей бездельной жизнью, высокопоставленными гостями, и, не выдержав, в десятых числах июля вернулся в Ялту, нарушив приказание Остроумова.

Он работал над своей последней пьесой — «Вишневым садом».

В письме к жене от 29 сентября он пишет между прочим: «... скажи Бунину, чтобы он у меня полечился, если нездоров; я его вылечу» [78].

Здоровье Чехова, как всегда в Ялте, особенно с наступлением холодных дней, ухудшилось.

* * *

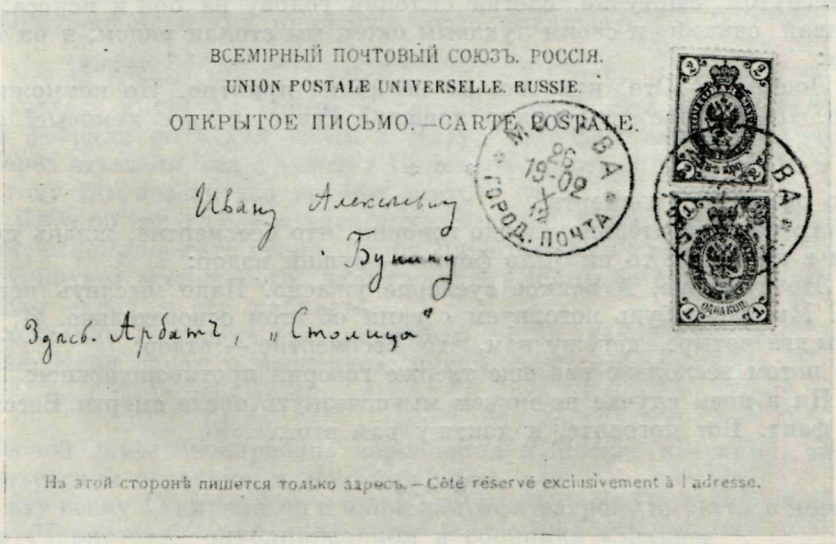
В начале декабря Антон Павлович приехал в Москву. Я тоже был там, — мы с Найденовым готовились к поездке за границу. Ежедневно по вечерам я заходил к Чехову, оставался иногда у него до трех-четырех часов утра, то есть до возвращения Ольги Леонардовны домой.

Чаще всего она уезжала в театр, но иногда отправлялась на какой-нибудь благотворительный концерт. За ней заезжал Немирович во фраке, пахнущий сигарами и дорогим одеколоном, а она в вечернем туалете, надушенная, красивая, молодая, подходила к мужу со словами:

— Не скучай без меня, дусик, впрочем, с Букишончиком тебе всегда хорошо... До свиданья, милый, — обращалась она ко мне. Я целовал ее руку, и они уходили. Чехов меня не отпускал до ее возвращения. И эти бдения мне особенно дороги.

Он иногда мыл себе голову. Я старался развлекать его, рассказывал о себе, расспрашивал о семье. Он много говорил о своих братьях, Николае, Александре, которого он ставил очень высоко и бесконечно жалел, так как он иногда запивал, — этим он объяснял, что из него ничего не вышло, а одарен он был щедро.

Александр Павлович был человек редко образованный: окончил два факультета — естественный и математический, много знал и по медицине,



ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ОТКРЫТКИ, НА КОТОРОЙ НАПИСАНО ШУТОЧНОЕ ПИСЬМО ЧЕХОВА К И. А. БУНИНУ от 26 ОКТЯБРЯ 1902 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Хорошо разбирался и в философских системах. Знал много языков. Но ни на чем не мог остановиться. А как он писал письма! Прямо на удивление. Был способен и на ручные работы, сам сделал стенные часы. Одно время был редактором пожарного журнала. Над его кроватью висел пожарный звонок, чтобы он мог всегда знать, где горит. Он был из чудаков, писал только куриными перьями. Любил разводить птицу и сооружал удивительные курятники, словом, человек на редкость умный, оригинальный. Хорошо понимал шутку, но последнее время стал тяжел: когда был трезв, то мучился тем, каким он был во хмелю, а под хмелем действительно был тяжел.

Я спросил Антона Павловича:

— А не мучается ли он, что вы заслонили его, как писателя?

Он улыбнулся своей милой улыбкой и ответил:

— Нисколько, ведь и пишет он между делом, так чтобы лишнее заработать. Да я и не знаю, что его больше интересует: литература, философия, наука или куроводство? Он слишком одарен во многих отношениях, чтобы отдаться чему-нибудь одному... Вот и брат Михаил служил в финансовом ведомстве, бросил, работает по книжному делу у Суворина. Пишет рассказы, но никаких усилий не делает, чтобы стать настоящим писателем. У нас ведь нет такого честолюбия, как у многих писателей нынешних. У нас, у всех есть любовь к тому делу, над каким мы трудимся.

* * *

Расспрашивал Антон Павлович меня и о первом представлении пьесы Горького «На дне» [79] и об ужине, который стоил 800 рублей, и что за такую цену подавали?

Я, изображая Горького, говорил:

— Рыбы первым делом и какой-нибудь этакой, черт ее дери совсем, чтобы не рыба была, а лошадь.

Чехов очень смеялся, а особенно замечанию профессора Ключевского, который был беспечно спокоен, мирно весел, чистенький, аккуратный, в застегнутом сюртучке, слегка склонив голову на бок и искоса, поблескивая очками и своим лукавым оком, мы стояли рядом, и он тихо сказал:

— Лошадь! — Это, конечно, по величине приятно. Но немножко и обидно. Почему же непременно лошадь? Разве мы все ломовые?

* * *

Что думал он о смерти?

Много раз старательно твердо говорил, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме — сущий вздор:

— Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело. Мы как-нибудь потолкуем с вами об этом основательно. Я, как дважды два четыре, докажу вам, что бессмертие — вздор.

Но потом несколько раз еще тверже говорил противоположное:

— Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт. Вот погодите, я докажу вам это...

* * *

Последнее время часто мечтал вслух:

— Стать бы бродягой, странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре среди леса, у озера сидеть летним вечером на лавочке возле монастырских ворот...

* * *

Его «Архиерей» прошел незамеченным — не то что «Вишневый сад» с большими бумажными цветами, невероятно густо белевшими за театральными окнами. И кто знает, что было бы с его славой, не будь «Мужиков», Художественного театра!

* * *

Мы с Найденовым уже были в конце декабря на отлете[80]. Чехов рассказывал мне о своем пребывании в Ницце, о М. М. Ковалевском, о консуле Юрасове, давал советы относительно здоровья и, как всегда, уверял, что я проживу до глубокой старости, так как я «здоровенный мужчина», и опять в который раз уговаривал писать ежедневно, бросить «дилетантство», а нужно относиться к писанию «профессионально»...

И не думал я в те дни, что они — наше последнее свидание.

Часа в четыре, а иногда и совсем под утро возвращалась Ольга Леонардовна, пахнущая вином и духами...

— Что же ты не спишь, дуся?.. Тебе вредно. А вы тут еще, Букишончик, ну, конечно, он с вами не скучал!

Я быстро вставал и прощался.

* * *

Перед Рождеством мы с Найденовым уехали за границу.

В Ниццу Чехов прислал мне поздравление с Новым годом, но тон письма был невеселый, он сообщал, что его пьеса еще не шла, и неизвестно, когда пойдет, а письмо помечено 8 января. В письме чувствуется нежность, забота, спрашивает, что я ем? рекомендует есть цыплят и голубей, сокрушается, что судака Кольбер там нет. Кончает: «Целую вас и обнимаю», а после подписи: «А у нас сегодня солонина и индейка!» [81]

* * *

В день его ангела была премьера «Вишневого сада», театр устроил ему чествование, которое его, конечно, утомило [82]. Он не переносил никаких чествований, ненавидел быть центром внимания. Воображаю, сколько пошлостей ему пришлось тогда выслушать.

* * *

Началась японская война. В письмах она у него не отразилась.

15 февраля он уехал опять в Ялту, нарушая запрет Остроумова.

Перед отъездом был с женой в Царицыне, смотрел дачу, чтобы в будущем году там поселиться на всю зиму.

В Ялте он застал брата Александра с семьей. Его племянник, будущий артист, вспоминает это время. Антон Павлович был с ним нежен, подарил «Каштанку» и «Белолобого», дарил мелкие вещицы со своего стола, когда он тихо сидел в его кабинете.

Александр Павлович все время был «трезв, добр, интересен, вообще утешает меня своим поведением», пишет он своей жене [83].

* * *

Весной Ольга Леонардовна переменила в Москве квартиру, сняла в Леонтьевском переулке, в доме был лифт.

В эту весну 13 апреля он и написал Амфитеатрову из Ялты о моем рассказе «Чернозем», опубликованном в сборнике «Знание» [84].

3 мая он в Москве.

Сообщает матери: «всю дорогу» нездоровилось, но в Москве «полегчало» [85].

Рассказывают, что он по приезде в Москву, на другой день, поехал в Сандуновские бани и простудился. В письме Куприну он сообщает от 5 мая:

«Я приехал в Москву, нездоров!» А 10 мая Гольцеву: «...нездоров, лежу в постели, каждый день ходит доктор...» [86].

В письме к сестре от 21 мая сообщает, что «третьего дня ни с того ни с сего меня хватил плеврит... Как бы там ни было, на 2 июня заказаны билеты... в Шварцвальд...» [87].

Меня всегда мучает вопрос, почему его повезли за границу в таком состоянии. Сам он Телешову сказал: «Еду умирать». Значит, понимал свое положение. У меня иногда мелькает мысль, что, может быть, он не хотел, чтобы его семья присутствовала при его смерти, хотел избавить всех от тяжелых впечатлений, а потому не возражал. Конечно, порой он надеялся, как большинство чахоточных, что поправится. Замечательно, что сестре он стал из Москвы писать нежнее.

Он и мне в последнем письме, которое не попало в собрание его писем, писал в середине июня, что «чувствую себя недурно, заказал себе белый костюм...» [88]

4 июля 1904 года я поехал верхом в село на почту, взял там газеты и письма и завернул к кузнецу перековать лошади ногу. Был жаркий и сонный степной день, с тусклым блеском неба, с горячим южным ветром. Я развернул газету, сидя на пороге кузнецовой избы, — и вдруг точно ледяная бритва полоснула по сердцу [89] <...>

IV

Художественный театр отметил пятидесятилетие со дня рождения Антона Павловича литературным утренником, на котором выступал я со своими воспоминаниями. Это было 17 января 1910 года.

Театр был переполнен. В литерной ложе с правой стороны сидели родные Чехова: мать, сестра, Иван Павлович с семьей, вероятно, и другие братья, — не помню.

Мое выступление вызвало настоящий восторг, потому что я, читая наши разговоры с Антон Павловичем, его слова передавал его голосом, его интонациями, что произвело потрясающее впечатление на семью: мать и сестра плакали.

Через несколько дней ко мне приезжали Станиславский с Немировичем и предлагали поступить в их труппу.

Вскоре после этого утренника мы были приглашены к Марье Павловне, где были и Чеховы, живущие в Москве, а среди них и сын Александра Павловича, Михаил, молодой ученик школы Художественного театра, поразивший нас талантливостью жестов: они с сыном Ивана Павловича, студентом Володей, прощаясь в прихожей, что-то манипулировали со шляпами так забавно, что мы из столовой, глядя на них, очень смеялись.

Кто-то сказал:

— Это совершенно по-чеховски! Новое поколение.

А через несколько лет я видел Мишу в Первой студии Художественного театра в пьесе, переделанной из рассказа Диккенса «Сверчок на печи», и его игра меня взволновала до слез.

В 1915 году, 14 декабря видел его второй раз в «Потопе»; играл тоже с большим талантом.

Евгения Яковлевна за пять лет очень состарилась. Мы обрадовались друг другу как родные. Она всегда меня любила. Стала бранить Ялту, с восторгом вспоминать Московскую губернию:

— Здесь лучше, леса, можно по грибы ходить, их тут много, а там что... одно море...

И до чего она была очаровательна в своей наивности.

* * *

Ездил я и на открытие «Комнаты имени Антона Павловича Чехова» для туберкулезного литератора в санатории по Николаевской дороге, кажется, вблизи станции Крюкова, забыл какого доктора.

Ехал я туда в вагоне с Иваном Павловичем, его женой, милой женщиной, и сыном.

ЧЕХОВ

Портрет маслом работы П. А. Нилуса

Портрет был начат в 1902 г. Закончен уже после смерти Чехова

Дом-музей Чехова, Москва

Иван Павлович напоминал покойного брата одним жестом. Он был очень хозяйственный человек, сейчас раскрыл погребец, угостил водочкой и какой-то закуской, и мы незаметно доехали до санатории, где был «пир горой».

* * *

«Литературное ханжество — самое скверное ханжество», — сказал мне Чехов (писал он об этом и Суворину) [90].

* * *

Отлично писал Горькому: «У вас так много определений... понятно, когда я пишу: „Человек сел на траву...“ Наоборот, неудобопонятно, если я пишу: „Высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь“» [91].

* * *

Чехов говорил:

«Писателю надо непременно в себе выработать зоркого, неугомонного наблюдателя... Настолько, понимаете, выработать, чтоб это вошло прямо в привычку... сделалось как бы второй натурой».

* * *

У Чехова каждый год менялось лицо.

* * *

Благородство Чехова — цветы, животные, благородство людских поступков.

* * *

Со всеми он был одинаков, какого бы ранга человек ни был.

* * *

Всеволод Гаршин, которого, несмотря на краткое знакомство, он успел полюбить всей душой, весной 1888 года кончает самоубийством. <...>

* * *

Ехал из Ельца. Купил на станции «Пестрые рассказы» Чехова в 1887 году, читал, не отрываясь.

* * *

Однажды он сказал (по своему обыкновению, внезапно):

— Знаете, какая раз была история со мной?

И, посмотрев некоторое время в лицо мне через плечо, принялся хохотать:

— Понимаете, поднимаюсь я как-то по главной лестнице московского Благородного собрания, а у зеркала, спиной ко мне, стоит Южин-Сумбатов, держит за пуговицу Потапенко и настойчиво, даже сквозь зубы, говорит ему: «Да, пойми же ты, что ты теперь первый писатель в России!»

И вдруг видит в зеркале меня, краснеет и скороговоркой прибавляет, указывая на меня через плечо: «И он...»

* * *

В его записной книжке есть кое-что, что я слышал от него самого. Он, например, не раз спрашивал меня (каждый раз забывая, что уже говорил это, и каждый раз смеясь от всей души):

— Послушайте, а вы знаете тип такой дамы, глядя на которую, всегда думаешь, что у нее под корсажем жабры?

Не раз говорил:

— В природе из мерзкой гусеницы выходит прелестная бабочка, а вот у людей наоборот: из прелестной бабочки выходит мерзкая гусеница...

— Ужасно обедать каждый день с человеком, который заикается и говорит глупости...

— Когда бездарная актриса ест куропатку, мне жаль куропатку, которая была во сто раз умнее и талантливее этой актрисы...[92].

Иногда говорил:

— Писатель должен быть нищим, должен быть в таком положении, чтобы он знал, что помрет с голоду, если не будет писать, будет потакать своей лени. Писателей надо отдавать в арестантские роты и там принуж-

дать их писать карцерами, поркой, побоями... Ах, как я благодарен судьбе, что был в молодости так беден!

Как он восхищался Давыдовой! [93]

— Придет, бывало, к ней Мамин-Сибиряк: «Александра Аркадьевна, у меня ни копейки, дайте хоть пятьдесят рублей авансу». — «Хоть умрите, милый, не дам. Дам только в том случае, если согласитесь, что я запру вас сейчас у себя в кабинете на замок, пришлю вам чернил, перо, бумаги и три бутылки пива и выпущу тогда, когда вы постучите и скажете мне, что у вас готов рассказ».

А иногда говорил совсем другое:

— Писатель должен быть баснословно богат, так богат, чтобы он мог в любую минуту отправиться в путешествие вокруг света на собственной яхте, снарядить экспедицию к истокам Нила, Южному полюсу, в Тибет и Аравию, купить себе весь Кавказ или Гималаи... Толстой говорит, что человеку нужно всего три аршина земли. Вздор — три аршина земли нужно мертвому, а живому нужен весь земной шар. И особенно — писателю...

* * *

Замечательная есть строка в его записной книжке:

— Как я буду лежать в могиле один, так в сущности я и живу один [94].

* * *

Про московских «декадентов», как тогда называли их, он однажды сказал:

— Какие они декаденты, они здоровеннейшие мужики! Их бы в арестантские роты отдать...

* * *

Однажды он, в небольшой компании близких людей, поехал в Алупку и завтракал там в ресторане, был весел, много шутил. Вдруг из сидевших за соседним столом поднялся какой-то господин с бокалом в руке:

— Господа! Я предлагаю тост за присутствующего среди нас Антона Павловича, гордость нашей литературы, певца сумеречных настроений...

Побледнев, он встал и вышел.

* * *

Я приезжал, и случалось, что мы, сидя у него в кабинете, молчали все утро, просматривая газеты, которых он получал множество. Он говорил: «Давайте газеты читать и выуживать из провинциальной хроники темы для драм и водевилей».

Иногда он вдруг опускал газету, сбрасывал пенсне и принимался тихо и сладко хохотать.

— Что такое вы прочли?

— Самарский купец Бабкин, — хохоча, отвечал он тонким голосом, — завещал все свое состояние на памятник Гегелю.

— Вы шутите?

— Ей богу, нет, Гегелю.

А то, опуская газету, внезапно спрашивал:

— Что вы обо мне будете писать в своих воспоминаниях?

— Это вы будете обо мне писать. Вы переживете меня.

— Да вы мне в дети годитесь.

— Все равно. В вас народная кровь.

— А в вас дворянская. Мужики и купцы страшно быстро вырождаются. Прочтите-ка мою повесть «Три года». А потом вы же здоровеннейший мужчина, только худы очень, как хорошая борзая. Принимайте

аппетитные капли и будете жить сто лет. Я пропишу вам нынче же, я ведь доктор. Ко мне сам Никодим Палыч Кондаков обращался, и я его вылечил. А в воспоминаниях обо мне не пишите, что я был «симпатичный талант и кристальной чистоты человек».

— Это про меня писали, — говорил я, — писали будто я симпатичное дарование.

Он принимался хохотать с тем мучительным удовольствием, с которым он хохотал тогда, когда ему что-нибудь особенно нравилось.

— Постойте, а как про вас Короленко написал?

— Это не Короленко, а Златовратский. Про один из моих первых рассказов. Он написал, что этот рассказ «сделал бы честь и более крупному таланту».

Он со смехом падал головой на колени, потом надевал пенсне и, глядя на меня зорко и весело, говорил:

— Все-таки это лучше, чем про меня писали. Только вот вам мой совет, — вдруг прибавлял он: — перестаньте быть дилетантом, сделайтесь хоть немного мастеровым. Это очень скверно, как я должен был писать — из-за куска хлеба, но в некоторой мере обязательно надо быть мастеровым, а не ждать все время вдохновенья.

Потом, помолчав:

— А Короленке надо жене изменить, обязательно, чтобы начать лучше писать. А то он чересчур благороден. Помните, как вы мне рассказывали, что он до слез восхищался однажды стихами в «Русском богатстве» какого-то Вербова или Веткова, где описывались «волки реакции», обступившие певца, народного поэта, в поле, в страшную метель, и то, как он звучно ударил по струнам лиры, что волки в страхе разбежались? Это вы правду рассказывали? [95]

— Честное слово, правду.

— А кстати, вы знаете, что в Перми все извозчики похожи на Добролюбова?

— Вы не любите Добролюбова?

— Нет, люблю. Это же порядочные были люди. Не то, что Скабичевский, который писал, что я умру под забором от пьянства, так как у меня «искры божьей нет».

— Вы знаете,—говорил я, — мне Скабичевский сказал однажды, что он за всю свою жизнь не видал, как растет рожь, и ни с одним мужиком не разговаривал.

— Ну, вот, вот, а всю жизнь про народ и про рассказы из народного быта писал!

* * *

Необыкновенно радовался он однажды, когда я рассказал ему, что наш сельский дьякон до крупинки съел как-то на именинах моего отца фунта два икры. Этой историей он начал свою повесть «В овраге».

Он любил повторять, что если человек не работает, не живет постоянно в художественной атмосфере, то, будь он хоть Соломон премудрый, все будет чувствовать себя пустым, бездарным.

Иногда вынимал из стола свою записную книжку и, подняв лицо и блестя стеклами пенсне, мотал ею в воздухе:

— Ровно сто сюжетов! Да-а, милсдарь! Не вам, молодым, чета! Работник! Хотите, парочку продам!

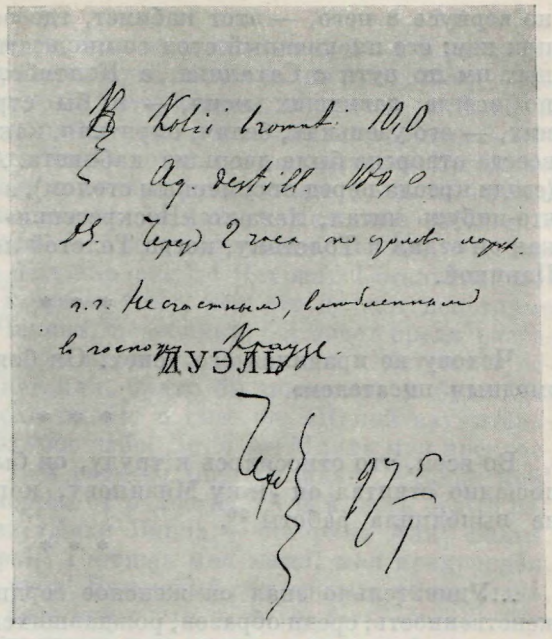
* * *

Иногда он разрешал себе вечерние прогулки. Раз возвращаемся с такой прогулки уже поздно. Он очень устал, идет через силу,— за последние дни много смочил платков кровью, — молчит, прикрывает глаза.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА
А. Л. СЕЛИВАНОВОЙ-КРАУЗЕ
НА ОТДЕЛЬНОМ ИЗДАНИИ
«ДУЭЛИ» (СПб., 1895)

«Rp. Kalii bromati 10,0
Aq. destill. 180,0
D. S. Через 2 часа по столовой ложке
гг. Несчастным, влюбленным
в госпожу Краузе. Чехов 97—5/I»

Литературный музей, Москва



Проходим мимо балкона, за парусиной которого свет и силуэты женщин. И вдруг он открывает глаза и очень громко говорит:

— А слыхали? Какой ужас! Бунина убили! В Аутке, у одной татарки!

Я останавливаюсь от изумления, а он быстро шепчет:

— Молчите! Завтра вся Ялта будет говорить об убийстве Бунина!

* * *

Один писатель жаловался: «До слез стыдно, как слабо, плохо начал я писать!»

— Ах, что вы, что вы! — воскликнул он. — Это же чудесно — плохо начать! Поймите же, что, если у начинающего писателя сразу выходит все честь честью, ему крышка, пиши пропало!

И горячо стал доказывать, что рано и быстро созревают только люди способные, то есть не оригинальные, таланта в сущности лишенные, потому что способность равняется умению приспособляться и «живет она легко», а талант мучится, ища проявления себя.

⟨Из части второй⟩

В 1905 году, с конца сентября и до 18 октября, я в последний раз гостил в опустевшем, бесконечно грустном ялтинском доме Чехова, жил с Марьей Павловной и «мамашей», Евгенией Яковлевной. Дни стояли серенькие, сонные, жизнь наша шла ровно, однообразно — и очень нелегко для меня: все вокруг — и в саду, и в доме, и в его кабинете — было, как при нем, а его уже не было! Но нелегко было решиться и уехать, прервать эту жизнь. Слишком жаль было оставлять в полном одиночестве этих двух женщин, несчастных сугубо в силу чеховской выдержки, душевной скрытности; часто я видел их слезы, но безмолвно, тотчас преодолеваемые; единственное, что они позволяли себе, были просьбы ко мне побыть с ними подольше: «Помните, как Антоша любил, когда вы бывали или гостили у нас!» Да и мне самому было трудно покинуть этот уже ставший чуть ли не родным для меня дом, — а я уже чувствовал, что больше никогда

не вернусь в него, — этот кабинет, где особенно *все* осталось, как было при нем: его письменный стол со множеством всяких безделушек, купленных им по пути с Сахалина, в Коломбо, безделушек милых, изящных, но всегда давивших меня, — я бы строки не мог написать среди них, — его узенькая, белая, опрятная, как у девушки, спальня, в которую всегда отворена была дверь из кабинета. А в кабинете, в нише с диваном (сзади кресла перед письменным столом), в которой он любил сидеть, когда что-нибудь читал, лежало «Воскресение» Толстого, и я все вспоминал, как он ездил к Толстому, когда Толстой лежал больной в Крыму, на даче Паниной.

* * *

Чехову не нравился его успех. Он боялся своей славы, боялся стать «модным писателем».

* * *

Во всем, что относилось к труду, он был суров, непримирим: как беспощадно отчитал он Лику Мизинову, когда она, взявшись за перевод, не выполнила работы [96].

* * *

...Удивительно знал он женское сердце, тонко и сильно чувствовал женственность, среди образов, рождавшихся в его мечте, есть образы пленительные, много было любивших его, и редко кто умел так, как он, говорить с женщинами, трогать их, входить с ними в душевную близость...

* * *

Очень зоркие глаза дал ему бог!

* * *

Из Воронежа родители увезли меня в свое орловское имение. Вот с этой поры я и начинаю помнить себя. Там прошло мое детство, отрочество.

В те годы уже завершалось пресловутое дворянское «оскудение», — под таким заглавием написал когда-то свою известную книгу ныне забытый Терпигорев-Атава [97]. После него называли последним из тех, которые «воспевали» погибающие дворянские гнезда, меня, а затем «воспел» погибшую красоту «вишневых садов» Чехов, имевший весьма малое представление о дворянах-помещиках, о дворянских усадьбах, о их садах, но еще и теперь чуть не всех поголовно пленяющий мнимой красотой своего «Вишневого сада». Я Чехова за то очень многое, истинно прекрасное, что дал он, причисляю к самым замечательным русским писателям, но пьес его не люблю, мне тут даже неловко за него, неприятно вспоминать этого знаменитого Дядю Ваню, доктора Астрова, который все долбит ни к селу, ни к городу что-то о необходимости насаждения лесов, какого-то Гаева, будто бы ужасного аристократа, для изображения аристократизма которого Станиславский все время с противной изысканностью чистил ногти носовым батистовым платочком — уж не говорю про помещика с фамилией прямо из Гоголя: Симеонов-Пищик. Я рос именно в «оскудевшем» дворянском гнезде. Это было глухое степное поместье, но с большим садом, только не вишневым, конечно, ибо, вопреки Чехову, нигде не было в России садов *сплошь* вишневых: в помещичьих садах бывали только *части* садов, иногда даже очень пространные, где росли вишни, и нигде эти части не могли быть, опять-таки вопреки Чехову, *как раз возле* господского дома, и ничего чудесного не было и нет в вишневых деревьях, совсем некрасивых, как известно, корявых, с мелкой листвой, с мелкими цветочками в пору цветения (вовсе не похожими на то, что так крупно, рос-

кошно цветет как раз под самыми окнами господского дома в Художественном театре); совсем невероятно к тому же, что Лопахин приказал рубить эти доходные деревья с таким глупым нетерпением, не давши их бывшей владелице даже выехать из дому: рубить так поспешно понадобилось Лопахину, очевидно, лишь затем, что Чехов хотел дать возможность зрителям Художественного театра услыхать стук топоров, воочию увидеть гибель дворянской жизни, а Фирсу сказать под занавес: «Человека забыли...» Этот Фирс довольно правдоподобен, но единственно потому, что тип старого барского слуги сто раз был написан до Чехова. Остальное, повторяю, просто несносно. Гаев, подобно тому, как это делают некоторые персонажи и в других пьесах Чехова, постоянно бормочет среди разговора с кем-нибудь чепуху, будто бы играя на бильярде: «Желтого в середину... Дуплет в угол...» Раневская, будто бы помещица и будто бы парижанка, то и дело истерически плачет и смеется: «Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо! Детская! Милая моя прекрасная комната! (плачет). Шкапик мой родной? (целует шкап). Столик мой! О, мое детство, чистота моя! (смеется от радости). Белый, весь белый сад мой!» Дальше — точно совсем из «Дяди Вани», — истерика Ани: «Мама, мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя... я благословляю тебя! Вишневый сад продан, но не плачь, мама! Мы насадим новый сад, роскошнее этого, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама!» А рядом со всем этим студент Трофимов, в некотором

КИТАЙСКОЕ ИЗДАНИЕ РАССКАЗА «КАШТАНКА»
Обложка
Шанхай, 1953

роде «Буревестник»: «Вперед! — восклицает он, — мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там, вдали! Вперед! Не отставай, друзья!».

Раневская, Нина Заречная... Даже и это: подобные фамилии придумывают себе провинциальные актрисы.

* * *

Многим это покажется очень странным, но это так: он не любил актрис и актеров, говорил о них так:

— На семьдесят пять лет отстали в развитии от русского общества. Пошлые, насквозь прожженные самолюбием люди. Вот, например, вспоминаю Соловцова...

— Позвольте, — говорю я, — а помните телеграмму, которую вы отправили Соловцовскому театру после его смерти?

— Мало ли что приходится писать в письмах, телеграммах. Мало ли что и про что говоришь иногда, чтобы не обижать...

И, помолчав, с новым смехом:

— И про Художественный театр...

* * *

Весной 1901 г. мы с Куприным были в Ялте (Куприн жил возле Чехова в Аутке). Ходили в гости к начальнице Ялтинской женской гимназии Варваре Константиновне Харкеевич, восторженной даме, обожательнице писателей. На Пасхе мы пришли к ней и не застали дома.

Пошли в столовую к пасхальному столу и, веселясь, стали пить и закусывать.

Куприн сказал: «Давай напишем и оставим ей на столе стихи». И стали, хохоча, сочинять, и я написал на скатерти (она потом вышила):

В столовой у Варвары Константиновны
Накрыт был стол отменно-длинный,
Была тут ветчина, индейка, сыр, сардинки —
И вдруг ото всего ни крошки, ни соринки:
Все думали, что это крокодил,
А это Бунин в гости приходил.

Чехов несколько дней смеялся и даже выучил наизусть.

* * *

У Чехова каждый год менялось лицо:

В 1879 г. по окончании гимназии: волосы на прямой ряд, длинная верхняя губа с сосочком.

В 1884 г.: мордастый, независимый; снят с братом Николаем, настоящим монголом.

В ту же приблизительно пору портрет, писанный братом: губастый, башкирский малый.

В 1890 г.: красивость, смелость умного живого взгляда, но усы в стрелку.

В 1892 г.: типичный земский доктор.

В 1897 г.: в каскетке, в пенсне. Смотрит холодно в упор.

А потом: какое стало тонкое лицо!

Самый лучший портрет его приложен к книге «Чехов в воспоминаниях современников».

* * *

Жизнь его, с детства и до последних лет, была перегружена страданиями, лишениями, тяжелыми трудностями.

* * *

Чехов жил небывало напряженной внутренней жизнью.

* * *

Среди видений, посещавших его, была темная, грязная лестница, в пролет которой бросился Гаршин, которого он любил.

* * *

...описание воскресного торга у Чехова (в Москве на Трубной площади): «Копошатся, как раки в решете, сотни тулупов, бекеш, меховых картузов, цилиндров. Слышно разноголосое пение птиц, напоминающее весну».

Хорошо.

* * *

А «Убийство» все-таки необыкновенно замечательный рассказ.

* * *

Лучшие, по моему мнению, произведения Чехова.

1883 — Дочь Альбиона.
1884 — Жалобная книга. Устрицы.
1885 — Ворона.
1886 — Святой ночью. Тина. На пути. Хористка.
1887 — Беглец. Холодная кровь. Тиф. Каштанка. Враги.
1888 — Степь. Припадок. Пари (?). Красавицы (первая). Именины (?). Скучная история.
1889 — Княгиня.
1890 — Гусев.
1891 — Дуэль.
1892 — Попрыгунья (рассказ хорош, но ужасное заглавие). Жена. Палата № 6. В ссылке (напечатано во «Всемирной иллюстрации»).
1893 — Рассказ неизвестного человека. Володя большой и Володя маленький.
1894 — Учитель словесности. Черный монах. Бабье царство. Студент. Рассказ старшего садовника.
1895 — Три года. Убийство. Белолобый. Супруга. Ариадна (хороша женщина).
1896 — Чайка. Дом с мезонином.
1897 — Печенег.
1898 — Ионыч. О любви. Душечка.
1899 — Дама с собачкой. На святках.
1900 — В овраге.
1902 — Архиерей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется еще второе письмо, дающее основание предполагать, что днем рождения Чехова следует считать не 17, а 16 января 1860 г.—16 января 1898 г. Чехов писал М. П. Чеховой: «Мне стукнуло уже 38 лет» (XVII, 215). Первое письмо см. XVIII, 20.

[2] Это наблюдение подтверждается рядом других свидетельств. См., например, письмо Ал. П. Чехова к отцу, написанное 19 июня 1889 г., после возвращения с похорон Н. П. Чехова: «На душе скверно и слезы душат. Ревут все. Не плачет только один Антон, а это скверно» (ЛБ, ф. 331, 31/1/34).

[3] Рассказа под заглавием «Святые горы» у Чехова нет. Бунин, очевидно, имел в виду рассказ «Перекати-поле».

[4] В письме к Ал. П. Чехову от 20-х чисел февраля 1883 г. (XIII, 51) Чехов назвал «кичеевщиной» среду газетчиков мелкой прессы. Взятая в кавычки фраза из примечания к этому письму (XIII, 426).

[5] Сравн. слова из автобиографии Чехова, посланной в письме к Г. И. Россолимо от 11 октября 1899 г. (XVIII, 243—244).

[6] В письме к О. Л. Книппер от 4 сентября 1901 г. Чехов писал о получении для нее паспорта: «Хотел я сначала сделать тебя „женою почетного академика", но потом решил, что быть женою лекаря куда приятнее» (XIX, 129—130).

[7] См. письмо Мих. П. Чехову от 6—8 апреля 1879 г. (XIII, 29). 1877 годом это письмо датировано в т. I «Писем Чехова».

[8] О почитании родителей говорит пятая заповедь.

[9] Цитируется письмо Чехова от 29 июля 1877 г. (XIII, 26).

[10] 23 ноября 1877 г. Ал. П. Чехов писал Ант. П. Чехову: «Анекдоты твои пойдут. Сегодня я отправлю в „Будильник" по почте две твоих остроты: „какой пол преимущественно красится" и „бог дал" (детей). Остальные слабы. Присылай поболее коротеньких и острых. Длинные бесцветны» («Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова». М., 1939, стр. 47—48). В «Будильнике» эти остроты не напечатаны. Принадлежат ли Чехову какие-нибудь из печатавшихся в «Будильнике» «анекдотов» — не установлено.

[11] Из письма Чехова Лейкину от 21—24 августа 1883 г. (XIII, 74).

[12] См. XIII, 49 и 51.

[13] См. XIII, 194—198. Письмо цитируется Буниным с большими пропусками и не всегда точно.

[14] В ноябре — декабре 1884 г. в Московском окружном суде слушалось дело Скопинского банка. Чехов присутствовал на всех заседаниях суда и посылал корреспонденции «из зала суда» в «Петербургскую газету», где они напечатаны в шестнадцати номерах с 24 ноября по 10 декабря за подписью Рувер (III, 494—533).

[15] Чехов писал о выступлении известного адвоката Ф. Н. Плевако: «Речь его ровна, мягка, искренна. Образных выражений, хороших мыслей и других красот многое множество, но... слишком уж поверхностно и витиевато! Дикция лезет прямо в душу, из глаз глядит огонь, но соловья не накормишь пластическими устарелостями вроде „храмина", „скрижаль", „начертание", „логовище"..., которыми пестрит его речь, не накормишь его и общими местами... Речь продолжается час с четвертью, и г. Плевако, отходя от пюпитра, оставляет какое-то странное, смешанное впечатление. Публика долго не верит, что он уже кончил... Ждет она еще чего-то, ибо мало того, что изрек г. златоуст, до того мало, что в голове после его речи не остается ничего, кроме отдельных выражений и афоризмов» (III, 524—525).

[16] Кровохарканье началось 7—8 декабря 1884 г. 10 декабря Чехов писал Лейкину: «Вот уже три дня прошло, как у меня ни к селу ни к городу идет кровь горлом. Это кровотечение мешает мне писать, помешает поехать в Питер 〈...〉 причина сидит, вероятно, в лопнувшем сосудике» (XIII, 119).

[17] Об этом Чехов писал Ал. П. Чехову 15—20 октября 1883 г. (XIII, 79).

[18] Чехов ездил в Петербург в декабре 1885 г. Об этой поездке писал Ал. П. Чехову 4 января 1886 г. (XIII, 156—158).

[19] Из письма к Лейкину от 19 января 1886 г. (XIII, 166).

[20] Письмо это неизвестно. О получении его Чехов пишет Суворину 21 февраля 1886 г. (XIII, 178).

[21] Письмо это опубликовано с небольшими купюрами в сб. «Слово», кн. 2. М., 1914. Полностью — в «Летописи», стр. 130—132.

[22] Чехов ответил Григоровичу не 20-го, а 28 марта 1886 г. (XIII, 191—194).

[23] Чехов ответил М. В. Киселевой 14 января 1887 г. (XIII, 261—265).

[24] Здесь, по-видимому, ошибка, встречающаяся и у других мемуаристов (К. С. Станиславский, М. П. Чехова, Е. П. Пешкова и др.). О дате знакомства Чехова с Куприным см. выше, на стр. 377.

[25] См. воспоминания К. С. Станиславского в сб. «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 365—366.

[26] Художник Куровский, в доме которого в Одессе жил Бунин.

[27] Чехов жил за границей с 14 декабря 1900 г. до 9 февраля 1901 г.

[28] Бунин имеет в виду письмо Чехова к матери от 8 января 1901 г. (XIX, 15).

[29] Бунин имеет в виду отношения Чехова к Авиловой, о которых он узнал из воспоминаний Авиловой, напечатанных в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников».

[30] Имеется в виду письмо Чехова к М. П. Чеховой от 9 января 1898 г., в котором он писал «Что Лика и как ее мастерская? 〈Мизинова писала Чехову, что хочет открыть мастерскую шляп〉. Она будет шипеть на своих мастериц, ведь у нее ужасный характер. И к тому же она очень любит зеленые и желтые ленты, и громадные шляпы, а с такими пробелами во вкусе нельзя быть законодательницей мод и вкуса» (XVII, 211).

[31] Имеется в виду письмо Л. С. Мизиной Чехову от 20 сентября 1894 г., в котором она писала: «Я очень, очень несчастна. Не смейтесь. От прежней Лики не осталось следа и, как я думаю, все-таки не могу не сказать, что виной всему вы!..» (XVI, 470).

[32] О. М. Соловьева (Березина), ялтинская знакомая Чехова, владелица имения Суук-Су в Крыму.

[33] 31 января 1901 г. в Московском Художественном театре.

[34] В письме к О. Л. Книппер от 23 февраля 1901 г. (XIX, 44).

[35] В 1888 г., когда Чехов жил на Луке возле г. Сумы Харьковской губ., он ездил по Украине с 14 по 19 июня. 21 июня 1888 г. он писал Лейкину: «Был в Лебедяне, в Гадяче, в Сорочинцах и во многих прославленных Гоголем местах» (XIV, 124). В Святогорском монастыре Чехов жил 6—8 мая 1887 г.

[36] Этот рассказ написан в 1885 г. Напечатан в журнале «Осколки», 1885, № 22, от 1 июня, под заглавием: «Павлин в вороньих перьях». В собрание сочинений включен под заглавием «Ворона».

[37] См. письма к О. Л. Книппер от 20 и 23 февраля 1901 г. (XIX, 40 и 44).

[38] Письмо Бунину от 14 марта 1901 г. (XIX, 61).

[39] См. XIX, 67.

[40] О. Л. Книппер была в Ялте с 30 марта до 14 апреля 1901 г.

[41] Письмо от 20 апреля 1901 г. (XIX, 74). Об этом эпизоде см. выше в публикации писем Бунина к Чехову (прим. 2 к письму 6).

[42] См. письмо от 22 апреля 1901 г. (XIX, 76).

[43] См. письмо от 26 апреля 1901 г. (XIX, 78).

[44] Из письма Чехова к М. П. Чеховой от 20 мая 1901 г. (XIX, 88).

[45] См. XIX, 92.

[46] Венчание Чехова с О. Л. Книппер произошло в Москве 25 мая 1901 г. в церкви Воздвижения на Овражке в Воздвиженском переулке на Плющихе. Присутствовали на венчании только четыре необходимых свидетеля, шафера: Вл. Л. Книппер, А. И. Зальца — брат и дядя О. Л. Книппер, студент-юрист Ф. И. Зейферт и студент-химик Д. В. Алексеев. После венчания Чехов и Книппер, посетив мать последней, тотчас отправились на вокзал и уехали на кумыс в Уфимскую губ.

[47] 30 июня 1901 г. — день отправления этого письма Чехова Бунину (XIX, 108).

[48] Письмо от 17 августа 1901 г. (XIX, 117).

[49] Письмо от 9 сентября 1901 г. (XIX, 133).

[50] В. М. Дорошевич и П. Н. Орленев были в Ялте в августе 1901 г.

[51] Письмо от 6 сентября 1901 г. (XIX, 131).

[52] Новое здание Художественного театра было отстроено к сезону 1902/1903 г.

[53] Письмо от 5 декабря 1901 г. (XIX, 184).

[54] Из писем к О. Л. Книппер от 6 декабря и 7 декабря 1901 г. (XIX, 185 и 186).

[55] Письмо от 15 января 1902 г. (XIX, 222).

[56] 7 февраля 1902 г. Чехов писал О. Л. Книппер: «Толстой, вероятно, не выживет, сегодня Альтшуллер говорил по телефону, что сердце у старика работает плохо» (XIX, 241).

[57] О. Л. Книппер была в Ялте с 22 по 28 февраля 1902 г. и оттуда уехала в Петербург, где гастролировал Художественный театр.

[58] См. XIX, 325.

[59] В. Г. Короленко послал А. Н. Весёловскому письмо с отказом от звания почетного академика 25 июля 1902 г.

[60] Пьесу Найденова «Дети Ванюшина» Бунин привез Чехову в конце марта 1902 г.

[61] См. воспоминания Н. Д. Телешова в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников», стр 443—444.

[62] Телеграмма о болезни О. Л. Книппер была получена Чеховым 5 апреля 1902 г. 14 апреля ее привезли в Ялту.

[63] См. XIX, 281.

[64] О пребывании Чехова в пермском имении С. Т. Морозова Всеволодо-Вильве см.: А. Ш а р ц. Чехов на Урале (газета «Молодая гвардия», Молотов, 1954, № 82).

[65] Этот и предшествующие два отрывка (от слов: «Вечером Чехов пригласил меня...») представляют собой выписку из воспоминаний о Чехове А. Н. Сереброва (Тихонова) — см. сб. «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 559—566. Помимо мелких неточностей, исправленных нами, Бунин сделал в тексте Сереброва ряд купюр, которые иногда носят тенденциозный характер. Так им выпущено заключительное суждение Чехова о Горьком: «Вы совсем не то цените в Горьком, что надо. А у него действительно есть прекрасные вещи. „На плотах", например. Помните? Плывут в тумане... ночью... на Волге... Чудесный рассказ! Во всей нашей литературе я знаю только еще один такой, это „Тамань" Лермонтова...»

[66] Чехов с О. Л. Книппер прожили в Любимовке до середины августа. Упоминаемое письмо Чехова к О. Л. Книппер от 24 августа 1902 г. (XIX, 323).

[67] XIX, 338.

[68] XIX, 363.

[69] XIX,364.

[70] «О, закрой свои бедные ноги»—однострочное стихотворение В. Я. Брюсова служившее предметом насмешек противников символизма.

[71] XIX, 395—396.

[72] XIX, 404.

[73] XX, 9.
[74] Письмо от 10 января 1903 г. (XX, 15).
[75] XX, 48.
[76] Бунин ошибся. Это была, вероятно, рукопись рассказа «Дом с мезонином», который Чехов писал в декабре 1895 г. Повесть же «Бабье царство» была в это время уже напечатана (в январской книжке «Русской мысли» 1894 г.).
[77] Чехов был у проф. Остроумова 24 мая 1903 г. В этот день он писал М. П. Чеховой: «Сегодня был у проф. Остроумова, он долго выслушивал меня, выстукивал, ощупывал, и в конце концов оказалось, что правое легкое у меня весьма неважное, что у меня расширение легких (эмфизема) и катарр кишок — и проч. и проч. Он прописал мне пять рецептов, а главное запретил жить зимою в Ялте, находя, что ялтинская зима вообще скверна, и приказал мне проводить зиму где-нибудь поблизости Москвы, на даче. Вот тут и разберись! Как бы то ни было, надо искать теперь для зимы убежище ⟨...⟩ за границу я не поеду, останусь под Москвой и буду жить у Якунчиковой на Наре, куда уезжаю завтра» (XX, 101).
[78] XX, 141.
[79] Первое представление состоялось 18 декабря 1902 г.
[80] Бунин и Найденов собирались ехать в Ниццу.
[81] XX, 206.
[82] 17 января 1904 г.
[83] В письме от 8 марта 1904 г. (XX, 244).
[84] В письме от 13 апреля 1904 г.: «...прочел и великолепный рассказ Бунина „Чернозем". Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его вашему вниманию» (XX, 268).
[85] В письме от 4 мая 1904 г. (XX, 280).
[86] XX, 280 и 281.
[87] В письме от 22 мая 1904 г. (XX, 285).
[88] Последнее из опубликованных писем Чехова к Бунину относится к 8 января 1904 г. (XX, 206). Упоминаемое здесь письмо от середины июня 1904 г. остается неизвестным.
[89] Делая эту запись в 1914 г., Бунин ошибся в дате. Живя в июле 1904 г. в деревне, он о смерти Чехова узнал с запозданием. В письме к М. П. Чеховой от 5 июля он еще спрашивал ее о здоровье Чехова: «... напишите мне, пожалуйста, как здоровье Антона Павловича и где он? Я слышал, что он нездоров и мне это очень грустно» (ЛБ). Отклик его на смерть Чехова в письме к М. П. Чеховой от 9 июля см. выше, на стр. 400—401.
[90] В письме от 5 февраля 1893 г. (XVI, 20).
[91] В письме от 3 сентября 1899 г. (XVIII, 221).
[92] Записи на страницах 53, 92, 118 и 120 первой записной книжки Чехова (XII, 223, 244, 263).
[93] А. А. Давыдова — издательница журнала «Мир божий».
[94] Запись на стр. 121 первой записной книжки Чехова (XII, 266).
[95] Имеется в виду стихотворение Н. Ведкова «В ожидании утра», напечатанное в журнале «Русское богатство», 1899, № 5 (8), август.
[96] Имеется в виду письмо к Л. С. Мизиновой от 27 июля 1892 г. (XV, 412).
[97] Роман С. Н. Терпигорева (Атавы) «Оскудение» в 2-х томах (1881—1882).

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕР. ЕЩЕ О ЧЕХОВЕ

Публикация Н. И. Гитович

Впервые воспоминания врача Исаака Наумовича Альтшуллера о Чехове появились в газете «Русские ведомости», 1914, № 151, от 2 июля, под заглавием: «Отрывки из воспоминаний об А. П. Чехове». Более полные воспоминания были им написаны в 1930 г. и опубликованы в зарубежном журнале «Современные записки», Париж, 1930, XLI. Собираясь писать эти воспоминания, Альтшуллер обратился к М. П. Чеховой со следующим письмом (19 июля 1929 г.): «Ко мне теперь, по поводу годовщины, пристают с просьбами написать воспоминания об Антоне Павловиче. С одной стороны, я бы это сделал с удовольствием, так как ведь, сколько о нем ни написано, но ведь почти всегда что-нибудь новое находится у каждого. С другой стороны, мне, как бы это сказать, немного страшно, что ли. Мне ведь в последние годы его жизни пришлось очень близко быть около него, иногда, когда других наблюдателей и не было. Да и по положению я мог видеть и наблюдать многое, что недоступно посторонним, то, что, пожалуй, знаете только вы, хотя мы почти никогда или только очень редко и только вскользь касались этих тем. Исчезнем мы и немногие другие и, мне кажется, об Антоне Павловиче останется у потомства неверное, точнее не полное, представление. Как вы об этом думаете? Напишите мне об этом непременно».

В воспоминаниях 1930 г. Альтшуллер полнее и глубже, чем в 1914 г., осветил некоторые стороны последних лет жизни Чехова. Но «историю болезни Чехова и ее связь с событиями последних лет жизни» Альтшуллер изложил полностью только в последнем, публикуемом ниже, тексте воспоминаний. Впервые эти воспоминания напечатаны в «Новом журнале», Нью-Йорк, 1943, кн. IV.

Мне приходилось уже делиться отрывками своих воспоминаний о Чехове в печати, в последний раз в 1930 году, по случаю исполнившегося двадцатипятилетия со дня его смерти [1]. Сестра Чехова, Мария Павловна, писала мне тогда: «Воспоминания о брате пишите обязательно; вы *должны* это сделать»[2]. Как единственный в сущности врач, наблюдавший в последние 5—6 лет (а раньше ведь он вообще не лечился) течение его болезни, как человек, имевший при этом возможность наблюдать многое, обычно от постороннего глаза скрытое, я и сам чувствовал, что на мне лежит долг рассказать об этой части моих воспоминаний, но тогда, в 1930 году, я по разным соображениям считал неудобным подробно на этом останавливаться. В настоящее время я хочу это сделать, изложить историю его болезни и ее связь с событиями последних лет его жизни. Позволю себе и здесь рассказать о начале нашего с ним знакомства, так как оно наложило известный отпечаток и на наши дальнейшие отношения.

В конце сентября 1898 года, я, спасаясь от гнилой северной осени, приехал на короткое время в Ялту, которой раньше не знал. Здесь я познакомился с доктором С. Я. Елпатьевским[3], который только незадолго перед этим переселился окончательно из Н.-Новгорода в Ялту, строил себе, как говорил Чехов, «с аппетитом» дачу и был влюблен в южный берег Крыма. Он очень красноречиво и настойчиво доказывал необходимость и мне покинуть север и в подкрепление своих доводов сообщил, что вот

и Чехов приехал недавно [4] и уже решил перекочевать сюда. И вот как-то, когда мы проходили через городской сад, Елпатьевский увидел на одной из скамеек Чехова, подошел к нему, познакомил нас, затем вскоре ушел, и мы остались вдвоем. Разговорились, и выяснилось, что мы в некотором роде товарищи по несчастью. У Чехова, как известно, туберкулез легких был, так сказать, официально констатирован весной 1897 года[5], и следующую осень и зиму он провел в Ницце [6]. Поздней весной того же, 1897 года заболел остро и я, продолжал работать, но осенью был в довольно скверном состоянии отвезен в Ментону. Значительно уже поправившись, я познакомился с наезжавшим в Ментону из Ниццы вице-консулом Юрасовым, питавшим большую слабость к литературе и литераторам, необыкновенно сердечным и милым старичком; и вот он меня все уговаривал переехать из скучной Ментоны в Ниццу, где имеется Pension russe «с настоящим русским самоваром и настоящей кулебякой», а главное — в этом пансионе проживает и необыкновенно интересный, веселый и прекрасный писатель А. П. Чехов. Было это очень соблазнительно, но не укладывалось в намеченный мною план лечения и занятий, и видеть Чехова тогда мне так и не пришлось. И вот теперь, оба опять спасаясь от северной осени, мы встретились. Выяснилось также, что у нас много общих приятелей и друзей среди земских, главным образом, московских врачей. Случилось так, что на следующий же день приехал в отпуск один из них, известный земский врач И. И. Орлов [7], и как-то вышло, что, ничем не занятые, стали мы втроем проводить значительную часть дня вместе. Осень в тот год выдалась исключительная даже для Крыма. Чехов был в прекрасном настроении, в каком никогда потом я его уже не видел. Ему было 38 лет; он тогда имел еще довольно бодрый вид и, несмотря на то, что ходил несколько сгорбившись, в общем представлял стройную фигуру. Только намечавшиеся складки у глаз и углов рта, порой утомленный взгляд и, главное, на наш врачебный глаз заметная одышка, особенно при небольших даже подъемах, обусловленная этой одышкой степенная медленная походка и предательский кашель говорили о наличии недуга. Тщательно избегал говорить о последнем только сам больной. Он тогда очень много рассказывал о своем детстве; вспоминал гимназические и студенческие годы, жизнь в Таганроге, особенно тепло говорил про покойного брата художника Николая. Рассказывал про начало своего писательства и как тогда, вначале, легко писалось: «Бывало стынешь на лестнице в купальне, рассказец и напишешь, а потом по дороге его в почтовый ящик опустишь». Рассказывал о встречах с разными писателями, о жизни в его усадьбе Мелихове и т. д. При этом воодушевлялся, лучистые глаза весело искрились, правый указательный палец беспрерывно расправлял правый ус, и рассказ часто прерывался его характерным смехом. Время от времени делалась пауза, чтобы сделать два-три глотательных движения для подавления позывов на кашель, так как кашлять и при нас не полагалось.

Приняв решение переселиться в Ялту окончательно, он приступил к постройке дачи на приобретенном участке [8]. В значительной мере под влиянием Чехова придя, в конце концов, также к заключению о необходимости покинуть север, я снял в Ялте квартиру, и так как раньше конца года семья моя не могла переехать, то Чехов перебрался на время ко мне[9].

С первого же дня нашего знакомства я поддался его обаянию и крепко к нему привязался. Когда по приезде в Торжок для ликвидации своих дел я рассказывал о нем моим товарищам и друзьям, то они, смеясь, утверждали, что это у меня «курортное увлечение» Помню, я и сам вначале старался разобраться, не играет ли в этом увлечении роль некоторый гипноз от близкого общения с писателем, популярноеть которого тогда была уже велика и все возрастала, однако вскоре убедился, что обаяние его личности основано было исключительно на редких качествах его души и ори-

гинального блестящего ума. И в последующие шесть лет, до самой его смерти, находясь в постоянном общении с ним, я ни разу не имел повода усомниться в правильности этого заключения.

Я имел возможность в разное время близко наблюдать отношение к Чехову многих тогдашних и уже известных и только начинающих писателей. Я уже в другом месте отметил совершенно исключительное, я бы сказал, нежное отношение Л. Н. Толстого к Антону Павловичу, как ни к кому другому из писателей, притом не только как к художнику, но и как к человеку [10]. Но и старый, хворый, сильно сдавший и раздражительный Станюкович, с нескрываемым пренебрежением и даже враждебностью относившийся к младшему поколению писателей; и оригинальный, красочный Мамин-Сибиряк, тоже очень критически относившийся к некоторым выдвинувшимся молодым «мелкопитающим миазмам», и Короленко, и народник, врач, писатель и публицист, деликатный, но очень строгий и принципиальный в вопросах общественных и моральных Елпатьевский, и только что из Н.-Новгорода в большой свет пустившийся и сразу вознесенный Горький; и Бунин; и жизнерадостный Потапенко, и только что появившийся и жадно упивавшийся новой жизнью Куприн; и железнодорожный инженер, очаровательный рассказчик и собеседник Гарин-Михайловский, и Чириков, и Скиталец, и Вересаев — все эти столь различные по духовному облику и по политическим тяготениям люди поддавались обаянию личности Чехова и как-то особенно почтительно и бережно держались по отношению к нему. Конечно, тут играли роль и его уже всеми признанный талант (хотя ведь и среди писателей профессиональная ревность — явление не редкое), и в известной степени его болезнь, но прежде всего это была невольная дань его моральному облику человека необыкновенно доброго, тонкого, чуткого, с грустью и незлобивым юмором, неотразимо к себе привлекавшего. Доброта его, желание быть чем-нибудь полезным, помочь в мелочах и в крупном были совершенно исключительны.

В годы нашего общения Чехов был вообще, особенно с людьми мало знакомыми, мало разговорчив; замечалась какая-то особенная сдержанность в его манере, какая-то настороженность. Но ко всем одолевавшим его посетителям относился он одинаково внимательно, и я часто поражался его выдержке и терпению. Он одинаково терпел и от незадачливого сочинителя в лице захолустного фельдшера, специально приехавшего посоветоваться с ним, так как «вы ведь нашего медицинского персонала», и от вновь назначенного начальника главного тюремного управления Саломона, посетившего его для обмена мнениями по поводу предположенной им реформы Сахалинской тюрьмы, просидевшего полдня, но о каторге только вскользь упомянувшего, а с увлечением говорившего о литературе, читавшего наизусть стихи, в том числе и латинские из «Энеиды» [11]. А у Чехова в это время была очень срочная работа. Ему приходилось много времени тратить на прочтение присылаемых рукописей; и к этому он относился чрезвычайно добросовестно и всегда отвечал авторам. Я не знал ни одного писателя, который бы так сердечно и доброжелательно относился к товарищам по перу, как Чехов, и искренне приветствовал появление всякого нового таланта, всякой новой талантливой, по его мнению, вещи, и всегда спешил поделиться своим открытием. Известно, как он сразу высоко оценил Горького, и еще до личного знакомства вступил с ним в переписку, хотя и отметил, что это «залихватский, несдержанный талант, что в нем нет грации и что он некоторых своих героев никогда в жизни не видал» [12], но был уверен, что это пройдет, что он от этого отделается. Известно, как он уговаривал его писать пьесы, как давал ему практические в этом отношении указания и советы и какое участие принимал в устройстве его пьес в Художественном театре.

Он любил делиться впечатлениями от прочитанного. Определения его часто заканчивались меткой, образной характеристикой. Как-то я застал его за чтением нового рассказа Елпатьевского, к которому он вообще относился очень хорошо. «Ну что, нравится вам?» — «Хорошо, это вообще хорошо, что он пишет, тяжеленько и все-таки хорошо. Знаете, как тарантас: тряско и неудобно, а по нашим дорогам без него никак нельзя». Потом, помолчав немного, прибавил: «Вот только жаль, что про любовь ему писать нельзя, а без любви писать рассказы трудно». И на мой вопросительный взгляд докончил: «Жена про любовь не позволит» (конечно, не в жене тут было дело). И в литературных произведениях, как и в жизни, он не выносил фальши и иногда говорил: «Очень хорошо написано, только выдумано, не видел он этого никогда».

Только оставаясь в кругу близких, людей ему приятных, и когда он бывал в хорошем настроении, и в период лучшего физического самочувствия, он выходил из своей замкнутости, вел длинные оживленные беседы на самые разнообразные темы, шутил, смеялся своим особым, чеховским, заразительным смехом. Но и тут всегда чувствовалось, что всех даже близких людей он держал на некотором расстоянии от себя, за некоторым барьером, куда никто не допускался. И в этом смысле я согласен с И. А. Буниным, что «никогда ни с кем не был он дружен по-настоящему». Поэтому, когда читаю о его особенной «крепкой и нежной» любви к кому-нибудь, то думаю, что это понимать нужно очень условно.

При всем его добродушии были, однако, категории людей, которых он выносил с трудом; сюда прежде всего относились репортеры. Во время моей отлучки на север для ликвидации своих дел я в московской газете прочитал о тяжком заболевании Чехова, очень встревожился, но, приехав в Ялту, нашел его в прежнем состоянии. Он, негодуя, рассказал мне следующее. За неделю до моего отъезда, когда он еще жил у меня, как-то раз рано утром, когда мы еще не вставали, раздался стук в дверь (прислуга куда-то ушла), и на наш вопрос выяснилось, что пришли две дамы приглашать Чехова участвовать в благотворительном литературном вечере. Он, чтобы отвязаться, в щелку двери объяснил, что должен отказаться из-за недавно бывшего у него кровохарканья. «И вот,— продолжал Чехов,— барыня рассказала знакомому, прибавив „частые“ кровохарканья; знакомый телеграфировал в одесскую газету, где прибавили кашель; петербургские „Новости“ перепечатали телеграмму, прибавив лихорадку; московские „Новости дня“ — „мучительный кашель“ и т. д., и вот представьте себе дома встревожились и вышло безобразие. Говорил же я вам, что одесские репортеры ужасные люди». — «Но позвольте, причем же одесские репортеры в прибавках столичных газет?» — «Вы уж поверьте мне, я их знаю, это всё одесские репортеры». «Одесские репортеры» имели, по-видимому, в его устах особый, символический смысл.

Очень много писалось о равнодушии Чехова к общественным вопросам, о его «холодной крови» [13]. Как-то, рассказав о прочитанной статье Михайловского, где указывалось, что он, Чехов, вступил в новый, третий период, он комически развел руками и прибавил: «да, то совсем не было периодов, а теперь вдруг три»[14]. Но даже и в этом третьем периоде, когда самые строгие критики не находили уже, что «даром (понимать надо в общественном смысле.— *И. А*). пропадает такой талант», в эти последние годы его жизни приходилось иногда наблюдать в отношениях к нему некоторых левых писателей и общественников какую-то, правда очень сдержанную, но все-таки снисходительность. Если это было курьезно и тогда, то совсем непонятно через 25 лет после его смерти в посвященной ему очень теплой статье П. Б. Струве читать как основное положение, что «миросозерцание Чехову не было дано» [15]. Я Чехова знал в его «третьем периоде», как человека с очень определенным миросозерцанием, но оно не родилось в этот

ЧЕХОВ

Одна из последних фотографий писателя

Собрание А. Л. Лесса, Москва

третий период. Конечно, Чехов по натуре своей совершенно не был активным борцом, он сам неоднократно это повторял, и я не могу себе никак представить его, например, активным членом какой-нибудь политической партии. Он был для этого, между прочим, и слишком большим скептиком. Чехов и не принадлежал также к тем, которые уже с гимназической скамьи приобщаются к общественным интересам. Этому не способствовала и среда, в которой он вырос, и условия жизни. Детские и юношеские годы он провел в Таганроге. Домашняя обстановка была во многом тяжелая; отец заставлял сыновей, в том числе и Антона, петь на клиросе, заменять его в мелочной лавке, и главное, бил и часто порол их, и этого последнего Антон Павлович никогда не мог забыть и простить. В конце концов отец разорился, семья переехала в Москву, а Антон Павлович остался в Таганроге репетитором у нового владельца их дома. Когда по окончании гимназии он приехал в Москву и, благодаря таганрогской стипендии, поступил в университет, то застал семью в крайней бедности. И он, и его брат, художник Николай, своими грошевыми гонорарами в «Стрекозе», «Будильнике», «Зрителе» должны были ее содержать. В редакциях этих тогдашних юмористических журналов, где он проводил и все свое свободное от занятий время, менее всего занимались общественными вопросами. Но вот, будучи уже на последнем курсе, он проводит летние каникулы у брата Ивана в Воскресенске Звенигородского уезда, где тот учительствует, соприкасается здесь впервые с незнакомой до того средой, преимущественно земской, и в частности земско-медицинской, и его общественные интересы и симпатии получают совершенно определенный уклон. Этими новыми настроениями вызвана была, несомненно, в значительной степени и его поездка в 1890 году на Сахалин, по его определению, «место невыносимых страданий, где мы сгноили в тюрьмах миллионы людей»[16]. А в мелиховский период (Мелихово приобретено было в 1892 г.) он принимает деятельное участие в местной земской и общественной жизни. Едет на голод в Воронежскую и Нижегородскую губернии; с появлением холеры в 1892 году берет на себя заведование холерным участком. Заведует постройкой нескольких школ в Серпуховском уезде и одну из них, в Мелихове, строит на свои собственные средства. Состоит членом земского санитарного совета в своем уезде, попечителем двух земских школ, а затем и гласным земского собрания; служит посредником между крестьянами и земством по страхованию скота; очень серьезно относится к принятой на себя обязанности помогать по наблюдению за народным образованием в уезде. Устраивает у себя в усадьбе бесплатный прием больных крестьян, причем они по возможности и лекарствами снабжались — тоже, конечно, даром. Принимает на себя заведование участком во время народной переписи 1896 года[17]. Нужно помнить, что все это относится к 90-м годам, когда земство было одним из немногих мест, где могла проявляться, да и то со всякими препятствиями, прогрессивная общественная работа. Известно также, сколько внимания, забот и труда он посвятил просветительным учреждениям своего Таганрога. О том, что Чехов во всех этих «малых делах», значение которых для того времени было неизмеримо больше, чем это может казаться теперь, держал себя безукоризненно с точки зрения общественной, может быть, лучшим доказательством может служить отношение к нему передовых московских земцев и в особенности московских земских врачей, организации в общественных вопросах очень строгой. А они окружали его необыкновенным уважением и любовью и связь его с ними никогда не прерывалась. В 1902 году в Москве собрался очередной Пироговский съезд. В Татьянин день Художественный театр устроил для участников съезда торжественный спектакль «Дяди Вани»[18], и съезд приветствовал Чехова трогательной товарищеской телеграммой; отдельно

послали телеграмму земские врачи [19]. Театру, кроме того, поднесен был портрет Чехова.

Много ему попадало за Суворина и «Новое время». Он навсегда запомнил, как Суворин вместе с Григоровичем, Плещеевым и Полонским помогли ему выбраться из «Осколков» и «Будильника» и сохранил к Суворину благодарность как за это, так и за его личные неизменно до конца дружеские отношения. И, однако, при всем этом, он, который когда-то утверждал, что «будет печатать там, куда занесет ветер и свобода», уже с начала 90-х годов перестает печататься в «Новом времени», а после процесса Дрейфуса, возмущенный отвратительным поведением «Нового времени», он резко и навсегда порвал с редакцией и не мог потом хладнокровно говорить о ней [20]. Он стал, как известно, своим человеком в «Русской мысли» и «Русских ведомостях». Но лично с Сувориным он сохранил, хотя и несколько охладевшие отношения до конца. Объясняется это в значительной степени тем, что в своей интимной переписке с Чеховым Суворин бывал часто не Сувориным «Нового времени». И о студенческих беспорядках и даже о процессе Дрейфуса и о многих других тогдашних явлениях русской жизни он в своих письмах писал так, что когда Чехов передавал их содержание или изредка читал некоторые отрывки из писем этих, то не верилось, что автором был Суворин. Вообще обнародование этих писем представляло бы громадный общественный интерес. К сожалению, этого никогда не случится. Вскоре после смерти Чехова я раз срочно был вызван Марией Павловной, и она рассказала мне, что утром прямо с парохода явился к ней Суворин, специально для этого приехавший из Феодосии, и долго убеждал ее вернуть ему его переписку с Антоном Павловичем. Она этим уговорам поддалась, о чем потом очень жалела, а Суворин письма, конечно, уничтожил[21]. Между прочим, Суворин аккуратно снабжал Чехова нелегальным «Освобождением» [22].

В ялтинский период интерес Чехова к общественным вопросам был велик и, я сказал бы, все возрастал. Кажется, не было ни одного относящегося сюда явления, на котором он не остановился бы в наших беседах, и «миросозерцание» его было часто много левее среднепрогрессивного. При этом я заметил, как много своих мыслей он вкладывал в уста некоторых своих героев, а впоследствии из обнародованной его переписки увидал, что развитие его миросозерцания и «выдавливание из себя по каплям раба»[23] шло в неизменном направлении задолго до «третьего периода». В дневнике Чехова мы находим запись по поводу банкета в годовщину освобождения крестьян: «Скучно и нелепо. Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т. п. в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, а на улицах, на морозе ждут кучера,— это значит лгать святому духу» [24]; и этих же тем, почти в тех же выражениях он неоднократно касался и в разговорах. И. А. Бунин приводит слова Антона Павловича: «я терпеть не могу русских студентов». Это были, конечно, слова, брошенные в пылу полушуточного разговора. Я помню его горячий спор с академиком Н. П. Кондаковым, который по поводу петербургских студенческих беспорядков осуждал и власть и профессуру, но очень бранил и студентов, и как Чехов защищал последних, а когда Кондаков ушел, заметил: «Вот оттого и бунтуют молодые, что такие старики». Он особенно горячо всегда хлопотал о помощи учащимся, и сам оказывал им посильную материальную поддержку. Он только и тут не допускал фальши и не закрывал глаз на то, что и в их среде попадаются всякие и что случается, что радикальный студент потом делает в качестве прокурора карьеру на политических процессах. Между прочим, того же Кондакова он однажды долго и серьезно убеждал провести в академики Михайловского [25]. Когда в 1902 году были отменены выборы Горького в Академию, он, как

известно, послал свой мотивированный отказ от этого почетного звания. А чтобы оценить этот поступок, нужно, между прочим, вспомнить, с каким отвращением он относился ко всякого рода публичным выступлениям и демонстрациям.

Чехов говорил, как и писал, необыкновенно просто и не выносил пышных, надуманных, искусственных фраз. Как-то сидела у него передовая дама, говорила долго обо всяких высоких материях. Он молча слушал ее, а когда она вышла, расхохотался и определил: «Ну и шарманка», и так шарманкой она и осталась. И с каким юмором он рассказывал, как одна наша общая знакомая, тогда убежденная эсдечка [26], доказывала ему, что после «Мужиков» и «Оврага» и участия его в журнале «Жизнь» [27] он ведь уже стал настоящим марксистом, но только еще сам этого не осознал.

Во всей биографии Чехова нельзя найти и намека на какой-нибудь антиобщественный или некорректный поступок. И когда в последний год своей жизни он не раз убежденно кончал разговор словами: «Вот увидите, скоро у нас будет конституция», то это была не фраза, а выражение искреннего убеждения.

Чехова отличало, я бы сказал, благоговейное отношение к науке. О Горьком и других вышедших из народа писателях-самоучках (их называли «подмаксимками») он говорил: «вот бы им только подучиться, а то без образования нельзя». Он верил, что безостановочный прогресс науки облагородит человечество. И тут он, глубокий скептик во всем остальном, становился энтузиастом [28].

Антон Павлович был, как известно, врачом и очень любил медицину. Студентом и первое время по окончании не собирался бросать ее. Еще во второй половине 80-х годов он писал, что «медицина моя законная жена, а литература — любовница» или «я врач и по уши втянулся в свою медицину» [29]. По окончании курса он заменял одно время врача Звенигородской земской больницы и уездного врача. И в Москве занимался частной практикой. По-видимому, собирался писать и какую-то специальную работу. Надо думать, он и на свой Сахалин смотрел, как на медико-статистическую работу. Готовясь к поездке, очень серьезно, тщательно сам разработал регистрационную карточку, и там, на Сахалине, проделал громадную статистическую работу, в течение трех месяцев обошел всю каторгу с севера на юг, лично опросил всех каторжан и заполнил 10 000 индивидуальных карточек. В Мелихове до перехода своего на положение больного, т. е. в течение 5—6 лет, он принимал до 1000 обращавшихся к нему больных крестьян в год. Где-то я даже читал, что Чехов выражал желание, уже после поездки на Сахалин, «взять» приват-доцентуру по внутренним болезням, но это, конечно, вздор [30], как и заявление, что в его книжном шкафу в Ялте был значительный отдел медицинских книг. Там было несколько старых учебников и лекций Захарьина, и никогда я не видел и не слышал от него, чтобы он в эти книги заглядывал. С 97-го года он от медицины совсем отошел. Правда, из редакции «Русской мысли» ему аккуратно пересылали еженедельник «Русский врач», но он в нем просматривал только хронику и иногда мелкие «Заметки из практики» и любил поражать вычитанными «новыми средствами». И на письменном столе на определенном месте, как впрочем всё на этом столе, всегда лежали молоточек, трубочка и медицинский календарь Риккера за текущий год. Он принимал всегда деятельное консультативное участие в лечении своих домашних, любил давать советы приятелям. Но обычно это оканчивалось указанием, что надо серьезно лечиться и обратиться к врачу... Любил писать рецепты. О своей работе в земской среде он всегда вспоминал и рассказывал с теплым чувством. Связь с ней он не порывал до конца жизни. Он не раз повторял, что медицина не только значительно продвинула об-

ласть его наблюдений, обогатила знанием, но и считал, что, в частности, она имела серьезное влияние и на его литературную деятельность [31]. Естественно, что он хорошо знал врачебную среду,— и ни у одного автора не было выведено столько типов врачей, как у Чехова. Тема о врачах в произведениях Чехова может служить темой интересного исследования.

Тем обстоятельством, что Чехов был врач, объясняются и некоторые особенности истории его болезни. Как это ни странно, но как раз врачи чаще других впадают в две возможные крайности: или они переоценивают свои болезненные ощущения и симптомы и относят к себе все наиболее неблагоприятное, что знают из книг или практики про свою болезнь, или, наоборот, недооценивают того, что есть, отмахиваются от самых, казалось бы, убедительных симптомов, опять-таки стараясь обосновать свое отношение специально медицинскими доводами и соображениями. Много писалось и о специальной психике туберкулезных. Но и среди последних можно наблюдать такие же разнообразные характеры и типы, как и среди страдающих другими болезнями. Только здесь под влиянием некоторых особенностей течения болезни, ее часто медленного развития и длительности и созданных этими особенностями особых условий указанное выше ненормальное отношение к болезни сказывается особенно резко. Чехов является ярким примером длительного и упорного игнорирования, казалось бы, ясных и бесспорных явлений.

Я уже указывал, что в первое время нашего знакомства о его болезни разговора не было и осторожные мои и доктора Орлова попытки коснуться этого вопроса успеха не имели; и во время нашей короткой совместной жизни он нередко обращал внимание на мой кашель и серьезно советовал мне серьезно заняться своим здоровьем, но тщательно избегал касаться своего недуга. 27 ноября, вскоре после моего возвращения из краткой отлучки на север, мне рано утром подали доставленную от Чехова в запечатанном конверте записку: «Cher monsieur, auriez vous l'obligeance de venir chez moi. Je garde le lit. Votre dévoué A. Tsch.» и после этих изысканных французских строк по-русски: «захватите с собой, товарищ, стетоскопчик и ларингоскопчик» [32]. Ларингоскопчика я не захватил, поняв, что это лишнее, но поспешил к нему и застал его в постели с порядочным кровохарканьем. И с этого дня он становится уже моим пациентом. Когда через несколько дней после остановки кровохарканья я мог детально его исследовать, то был поражен найденным. Я нашел распространенное поражение обоих легких, особенно правого, с явлениями распада легочной ткани, следы плевритов, значительно ослабленную сердечную мышцу и отвратительный кишечник, мешавший поддерживать должное питание. Приходилось читать, что Чехов заболел, блуждая осенью 1896 года целую ночь по Петербургу, после провала «Чайки». Это одна из легенд. При этом нашем первом медицинском разговоре он начал летоисчисление с года поездки на Сахалин (1890), когда у него еще по дороге туда случилось кровохарканье, но впоследствии выяснилось, что оно появлялось уже в 1884 году [33] и потом нередко, иногда по несколько раз в год повторялось. 15-ти лет от роду он перенес какое-то острое длительное лихорадочное заболевание, после того как выкупался в ледяной воде, и провалялся тогда некоторое время в еврейской корчме в степи (впоследствии им описанной) и затем еще довольно долго и дома [34]. И в студенческие годы, как я узнал потом от товарища его, студентом проживавшего у Чеховых, он много кашлял, нередко лихорадил, объясняя это простудой, никогда не лечился, не давал себя выслушивать, чтобы «чего-нибудь там не нашли». Суворин, имевший возможность близко наблюдать Чехова во время их совместных путешествий и частых встреч, настаивал на необходимости лечиться, и Чехов в своих письмах к нему, хотя и подтверждает наличность кашля и кровохарканий, и признает, что последние пугают его, так как «в крови,

текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве», но тут же наставительно, как врач, поучает, что «чахотка или иное серьезное легочное страдание узнается только по совокупности признаков, а у меня-то именно нет этой совокупности» [35]. И в другом письме: «Если бы кровотечение, какое у меня случилось в окружном суде (в 1885 году на знаменитом процессе скопинского банка), было симптомом чахотки, то я давно уже был бы на том свете, вот моя логика» [36]. В 1889 году умер от туберкулеза брат его Николай, художник, но и это не подействовало, и в 1891 году он пишет: «Я продолжаю тупеть, чахнуть и кашлять. Впрочем, все это от бога. Лечение и забота о своем физическом существовании внушает мне что-то близкое к отвращению. Лечиться не буду. Вóды и хину принимать буду, но выслушивать себя какому-нибудь врачу не позволю»[37]. И не позволял себя выслушивать и не обращался к врачам до весны 1897 года (почти 15 лет!), когда хлынувшая за обедом с Сувориным в «Славянском базаре» обильная кровь и вмешательство Суворина и врача заставили его лечь в клинику профессора Остроумова, где был диагносцирован активный процесс в обоих легких. На этот раз Чехов понял и уже на следующий день из клиники писал: «Для успокоения больных им говорят, что кашель желудочный, а кровь геморроидальная. У меня кровь идет из правого легкого, как у брата и другой родственницы, тоже умершей от чахотки» [38]. Затем лето в деревне, осень и зима на Ривьере, где он живет, но не лечится, и уехал оттуда в Париж, уже в середине марта, в самое неподходящее время, когда многие как раз спасаются на Ривьеру. Сестра и брат его отмечают, что по возвращении его из-за границы летом в Мелихове по обыкновению было много гостей, друзей, но он уже не шутил, был задумчив и стал мало разговаривать. И вот теперь в Ялте ему опять пришлось обратиться к врачу. Однако мои тогдашние старания убедить Чехова в необходимости приняться серьезно за лечение сначала опять оставались без особого результата. Он упорно повторял, что лечиться, заботиться о здоровье внушает ему отвращение. И ничто не должно было напоминать о болезни, и никто не должен был ее замечать. Поэтому и выработал он такую манеру говорить, не повышая голоса, медленно, и если уж приходилось кашлять, то мокрота по возможности незаметно отплевывалась в маленький заранее приготовленный бумажный фунтик, тут же спрятанный где-нибудь за книгами и отправляемый потом в камин. И не только с посторонними не любил он говорить о своей болезни, но от своих домашних скрывал свои немощи, никогда не жаловался и на вопрос: «Как себя чувствуешь?» — отвечал: «Сейчас хорошо, почти здоров, только вот кашель».

Так как, пользуясь современной терминологией, мой блицкриг не удался, то я повел медленное наступление, и постепенно, с трудом, но добился относительных успехов, так что к 1901 году он перешел уже на положение настоящего пациента и сам уже иногда предлагал: «Давайте, послушаемтесь». Трудно было ему привыкнуть к Ялте, к «теплой Сибири», как он ее называл, или после процесса Дрейфуса еще «Чертовым островом». Трудно ему было примириться с оторванностью от привычной литературной среды, привычной обстановки, скучно «без культуры, без московского звона», последнее особенно. Его привязанность к Москве была исключительной и иногда выражалась в курьезных формах. Так он аккуратно выписывал из Москвы почтовую бумагу, конверты, *w*-бумагу, калоши, колбасу, утверждая, что только в Москве можно найти такие, как ему требуются, хотя само собой все это можно было получить и в ялтинских магазинах того же качества и даже тех же фирм. Но переубедить его в этом не было никакой возможности.

В Ялте он себя в первое время чувствовал как «заштатный поп». Но в известной степени так себя чувствовали в первое время многие из вы-

нужденных обитателей Ялты, тоже вырванные из привычной среды. Большинство из них, однако, через более или менее короткое время приспособлялись к новым условиям жизни, вживались. Привык бы и Чехов. Да он и писал впоследствии жене (осенью 1903 года), когда это вовсе уж не могло вызвать радостной реакции у адресата, что «к Ялте уже начинаю

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕР
Фотография, 1900-е гг.
Собрание Л. И. Альтшуллера, Москва

привыкать, пожалуй, научусь здесь работать» [39]. Да он ведь и не переставал в сущности работать. За первые полтора-два года его ялтинской жизни многое как будто бы и облегчало это приспособление к новому месту. Постройка собственной уютной дачи, переезд матери и частые наезды сестры, продажа сочинений Марксу на условиях, тогда казавшихся очень выгодными и во всяком случае обеспечивавших его материальное положение, выборы в почетные академики в начале 1900 года. Среди примечаний Дермана к изданию переписки Антона Павловича с О. Л. Книппер, вообще очень ценных и внимательно составленных, есть одно, где он говорит о том, что к выборам в академию Чехов отнесся «в лучшем случае безразлично, вернее отрицательно» [40]. Это неверно. Чехов, правда, отметил, что

просто в равноправные члены академии ученые не решились избирать людей не из своей среды, но все-таки был очень доволен, и не только потому, что «врачи московские радуются», но, главным образом, потому, что видел в этом признание русского писателя. Он был в хорошем настроении, читал из присланной книжки описание парадного академического мундира и, смеясь, рисовал картину, как в солнечный ясный день по ялтинской набережной понесут открытый гроб с ним в белых штанах и парадном мундире, спереди крышка гроба со шпагой и треуголкой, а еще впереди торжественно буду шествовать я, неся подушку со всеми его орденами: медалью за перепись и Станиславом 3-й степени, полученным им как попечителем школы. Далее, весной того же 1900 года в Ялту специально для него приезжала труппа Художественного театра. Наконец, это время совпало как раз с периодом расцвета Ялты и южного берега Крыма, который все больше начинал играть роль русской Ривьеры, и сюда приезжали в большом числе представители и литературы и науки и искусств. Среди них было много «беспокойщиков», но было и много лиц ему приятных, как раз хоть отчасти заменявших пробелы в привычной среде. И я начинал надеяться, что понемногу он займется и правильным лечением и здоровье его наладится. Правда, как это ни странно, было много обстоятельств, зависевших от окружавшей его дома обстановки, мешавших правильному его лечению. Для таких больных одним из главных условий последнего является правильный режим, в частности пищевой. Чехов был очень привязан к семье, но особенно нежно любил свою мать, окружая ее трогательной заботливостью, и последние слова в его письме-завещании на имя сестры были: «береги мать» [41]. И Евгения Яковлевна платила своему Антоше той же исключительной нежностью. Но что могла сделать эта милая всеми любимая старушка! Разве могла она что-нибудь провести или на чем-нибудь настоять! Кухней заведовала древняя-древняя старушка Марьюшка, привезенная из Мелихова. И выходило так, что, несмотря на все предписания, пищу давали ему часто совершенно неподходящую, а компрессы ставила неумелая горничная, и о тысяче мелочей, из которых состоит режим такого больного, некому было позаботиться. Сестра его Мария Павловна, очень всегда заботившаяся о матери и о брате Антоне, и духовно больше всех близкая ему, когда выяснилось положение, была совсем уже готова покинуть Москву, где она учительствовала в частной женской гимназии, и переехать совсем в Ялту, и я не сомневаюсь, что вдвоем мы в конце концов побороли бы сопротивление Антона Павловича, но после его женитьбы план этот по психологически понятным причинам отпал. С этого времени условия его жизни резко изменились, и исключительно с чисто врачебной точки зрения я должен сказать, что изменения эти, к сожалению, не могли способствовать ни лечению, ни улучшению его здоровья.

Одному известному французскому специалисту по туберкулезу принадлежит афоризм: «чахоточные должны забыть о лаврах». И судьба Чехова этот афоризм как будто подтверждает. Его несчастьем было счастье, выпавшее на его долю к концу жизни и оказавшееся непосильным для него: женитьба и Художественный театр. Я помню, как волновался Чехов перед первой постановкой его «Чайки» в Художественном театре, как этого волнения он не мог скрыть и как оно выражалось между прочим в подробных рассказах о провале этой пьесы в Александринке, и помню, в каком длительном радостном возбуждении он находился после торжества и одержанной в Москве победы. И он, давший себе раньше слово порвать с театром и не писать больше пьес, пишет новые пьесы уже специально для этого театра, и Художественный театр становится театром Чехова, и очень много содействует увеличению его популярности. И затем женитьба. Когда я летом 1901 года в Лозанне из «Русских ведомостей» узнал об их

браке, это не явилось полной неожиданностью, так как о их близости окружающие догадывались давно. Но мне почему-то вспомнилось тогда, как в приезд Ольги Леонардовны к Чеховым в Ялту весной 1900 года я как-то застал группу: она с Марией Павловной на верху лестницы, а внизу, беседуя с ними, стоял Антон Павлович. Она в белом платье, радостная, сияющая здоровьем и счастьем, в начале блестящей карьеры, первая актриса Художественного театра, в центре внимания не одной только Москвы, с огромными возможностями в будущем, и он, всего лет на десять старше ее, но осунувшийся, худой, пожелтевший, быстро стареющий, безнадежно больной.

От Чехова, когда он бывал в особенно хорошем настроении, приходилось иногда слышать, как он с приятелями, случалось, в молодости веселился. У него были приятельницы среди писательниц, артисток, художниц, но я никогда ни от него самого, ни от других его близких, не слышал ни про одно его серьезное увлечение. С Ольгой Леонардовной он познакомился осенью 1898 года, когда по дороге в Крым бывал в Москве на репетициях «Царя Федора» и «Чайки» в только что организовавшемся Художественном театре, и с первой же встречи их потянуло друг к другу.

Ольга Леонардовна вскоре затем знакомится с его сестрой, и между ними установились очень дружеские отношения. Весной 1899 года Чехов, по горло ушедший в постройку дачи, уезжает неожиданно на север, как будто в Мелихово, «по всяким делам» [42], но я тогда не догадался, по какому главному делу; он обещал вести себя там разумно, но застрял в Москве и писал мне: «Посетителей тьма-тьмущая, разговоры бесконечные, — и на второй день праздника (Пасхи) от утомления я едва двигался и чувствовал себя бездыханным трупом. Вчера был у Федотовой на ужине, который продолжался до 2-х часов ночи. Это я на зло вам» [43]. Затем Ольга Леонардовна едет в Мелихово [44]; затем случайная встреча в Батуме и совместная поездка морем в Ялту. В Ялте она гостит в семье знакомого доктора [45]. Весной следующего 1900 года Художественный театр приезжает в Ялту, специально чтобы показать Чехову свои новые постановки. Но Ольга Леонардовна приезжает раньше и живет у Чеховых, а после спектаклей Антон Павлович провожает ее в Москву [46]. В июле Ольга Леонардовна гостит опять у Чеховых в Ялте и в августе уезжает в Москву уже его невестой (тайно для всех) [47]. Поздно осенью в самую скверную погоду он опять в Москве (кончает «Трех сестер»); затем зимой в декабре уезжает за границу [48], в Ниццу, Рим, собирался с М. М. Ковалевским в Африку, но эта поездка не состоялась, так как в феврале от скверной тамошней погоды он поспешил обратно в Ялту. В Риме он, между прочим, говорит Ковалевскому: «как врач знаю, что жизнь моя будет коротка» [49]. Трудно представить себе образ жизни менее подходящий для лечения туберкулезного больного. Все эти поездки, связанные с ними переутомление, переживания совершенно не вяжутся с его лечением и заметно отражаются на его здоровье, которое быстро ухудшается. В начале лета 1901 года он опять в Москве, здесь из-за обострения показывается д-ру Щуровскому, и тот советует ему ехать на кумыс [50]. Назначение, тогда очень меня удивившее, так как ни кумыс, ни вся тамошняя обстановка совершенно Чехову не подходили. Щуровский потом мне объяснил свое назначение тем, что Чехов многое от него скрыл, в частности и состояние своего кишечника. «На кумыс ехать одному скучно. Женился бы, да документов нет; они в Ялте, в столе»,— пишет он сестре 24 мая [51], а на следующий день они венчаются, не предупредив никого из родных, и из-под венца уезжают на кумыс. Я никогда не сомневался и не сомневаюсь в настоящей глубокой любви Ольги Леонардовны к Чехову, как убежден, что и Антон Павлович переживал первое в жизни серьезное чувство по-своему, по-чеховски, и здесь, как

увидим, сохраняя барьер между собой и, казалось бы, самым близким человеком. Но фатальные последствия этого брака для его здоровья не могли заставить себя ждать. Она должна была оставаться в Москве; он без риска и вредных последствий не мог покидать своей «теплой Сибири», и, зная Чехова, можно было вперед сказать, чем это кончится. У меня сохранилось письмо Ольги Леонардовны от 9 января 1902 года, когда у Чехова было обострение с значительным кровохарканьем, где она между прочим пишет: «Меня все время сильно беспокоит здоровье Антона Павловича, и хотя я знаю все, что с ним было, так как и он мне пишет каждый день и Мария Павловна писала, но я все-таки обращаюсь к вам с большой просьбой: расскажите мне все, все о здоровье Антона. Я знаю, что вы его слушали и лечили. Я должна все знать. Только об одном прошу — говорите мне все, как человеку, а не как женщине, не снисходите якобы до моего понимания. Вы меня мало знаете, но не примеривайтесь ко мне, пишите все просто и ясно, не преувеличивая и не скрывая ничего ⟨...⟩ Мне очень тяжела эта зима. Только что занята очень сильно, — это помогает. Такая разлука немыслима. Я все-таки думала, что здоровье Антона Павловича в лучшем состоянии, чем оно есть, и думала, что ему возможно будет провести хотя бы три зимние месяца в Москве. Ведь январь и февраль плохи в Ялте. Но теперь я об этом, конечно, и не заикаюсь в своих письмах ⟨...⟩ В таком одиночестве я еще никогда не жила; да еще вечная душевная тревога» [52]. Я в своем ответе просто и ясно обрисовал положение вещей. Она впоследствии и мне и Чехову говорила, что если это необходимо, она бросит сцену и переселится совсем в Ялту, но, конечно, это было бы несчастьем для обоих, если бы осуществилось. В письмах он ей по этому поводу писал: «Занимайся своим делом, а пожить вместе еще успеем» и «Не твоя вина, что бог вложил в тебя любовь к искусству, а в меня бациллы» [53]. И Ольга Леонардовна писала ему, что «привязана к сцене, как дура», и в другой раз: «без дела я совсем надоем тебе. Я не такая уж молодая, чтобы в одну секунду сломать то, что мне досталось так трудно» [54]. И вот начинаются постоянные переезды Антона Павловича из Ялты в Москву и обратно. Почти после каждой поездки в Москву он расплачивается либо плевритом, либо кровохарканьем, либо длительными повышениями температуры. И иногда сознательно обманывает себя, но чаще просто не говорит того, что думает, когда, принимая следствие за причину, указывает, что «вот в Москве было недурно, а как в Ялту вернулся, так опять расхворался». Или пишет: «Мое здоровье в Москве было лучше, т. е. не здоровье, а желудок». Зимы 1901—1902 и 1902—1903 годов он почти все время плохо себя чувствует, проделывая те или другие обострения. К концу этого периода он очень изменился и внешне. Цвет лица приобрел сероватый оттенок, губы стали бескровны, он еще больше похудел и заметно поседел. Деятельность сердца все ухудшалась, процесс в легких все расползался. В соответствии с этим стала все резче проявляться одышка, появились симптомы и туберкулезного поражения кишек.

Сознавал ли сам Антон Павлович в глубине души свое положение? Я уже приводил выше слова, сказанные им М. М. Ковалевскому в начале 1901 года. В марте этого же года, т. е. еще до венчания, Антон Павлович писал Ольге Леонардовне: «Да и здоровье мое становится, по-видимому, совсем стариковским, так что ты в моей особе получишь не супруга, а дедушку, так сказать» [55]. Старый друг чеховской семьи, прекрасно всех их знавшая Т. Л. Щепкина-Куперник в своих воспоминаниях описывает свое посещение в Москве, относящееся к осени 1902 года: «Я изумилась происшедшей в нем перемене ⟨...⟩ Он горбился, зябко кутался в какой-то плед и то и дело подносил к губам баночку для сплевывания мокроты ⟨...⟩ В этот вечер Ольга Леонардовна участвовала в каком-то концерте. За ней приехал корректный В. И. Немирович во фраке с безупречным

белым пластроном. Ольга Леонардовна вышла в нарядном туалете, повеяло тонкими духами, ласково и нежно простилась с Антоном Павловичем, сказав ему на прощанье какую-то шутливую фразу, чтобы он без нее не скучал и „был умником“ — и исчезла. Антон Павлович поглядел ей вслед, сильно закашлялся и долго кашлял ⟨...⟩ и когда прошел приступ кашля, сказал без всякой видимой связи с нашим разговором, весело вертевшимся около воспоминаний Мелихова, прошлого, общих друзей: „Да, кума... помирать пора“»[56].

Эти последние годы мое положение как врача очень затруднилось. Мне приходилось бороться не только с бациллами, но и с Москвой. И силы были неравны.

Весной 1902 года Ольга Леонардовна из Петербурга, где гастролировал Художественный театр, приехала в Ялту серьезно больной, и спустя несколько недель поехала долечиваться в Москву ⟨...⟩[57]. Она стала в это время очень нервной, болезненно подозрительной, ревновала Антона Павловича к его семье, особенно к сестре Марии Павловне. Все это, о чем тогда можно было частично догадываться, стало общеизвестным после обнародования переписки Антона Павловича с Ольгой Леонардовной. В 1922 году я, приехав в Берлин, застал там Художественный театр, часто виделся с Ольгой Леонардовной. И вот однажды она сообщила мне, что в издательстве «Слово» находятся в печати письма к ней Антона Павловича, и дала мне для просмотра несколько присланных ей корректурных листов, прибавив: «Напрасно вам даю, вам будет неприятно кое-что читать». Познакомившись с содержанием, я ей советовал их пока не печатать, хотя бы потому, что многие из лиц, там поименованных, еще живы. Она ответила, что уже поздно, что она и деньги от издательства уже получила[58]. Много позже, всего несколько лет тому назад эти письма вышли в Москве вместе с письмами к нему Ольги Леонардовны в прекрасном издании, под редакцией и с примечаниями Дермана.

Письма Чехова к жене стоят совершенно особняком в его богатом эпистолярном наследстве. Насколько вообще письма его исключительно интересны по содержанию, блещут умом, стилем, остроумием, настолько эти бесцветны, и, за исключением всего, относящегося к театру и постановкам, серы и неинтересны и могут дать совершенно ложное представление об их авторе, значительно уступая в интересе письмам Ольги Леонардовны, дающим не только богатый материал по истории Художественного театра первых лет его существования, но и касающимся часто разных сторон московской и петербургской жизни. В одном из своих писем ей он замечает: «Жене своей пишу только о касторке, пусть она простит своего старого мужа»[59]. И это почти верно. Читая эти письма, я часто задавал себе вопрос, почему он в них так скучен, так неинтересен, явно и упорно избегая касаться вопросов общих, даже литературных. Это особенно непонятно потому, что его корреспондентской являлась женщина очень умная, с многообразными интересами, исключительно занимательная собеседница. И для меня так и осталось непонятным и неразрешенным, почему барьер как раз в этом случае оказался особенно высоким и непроницаемым.

Он много пишет об умывании, о чистке зубов, мытье головы, шеи, о перемене белья, чистке платья, и можно подумать, что это неопрятный замухрышка, которого обучают хорошим манерам и приводят в благопристойный вид. Конечно, у него было, вероятно, не мало привычек старого холостяка, и Ольга Леонардовна, вероятно, вносила в обиход много своего, женского, но я знал его как щепетильно-опрятного, необыкновенно аккуратного даже в мелочах, и у него всегда во всем царил образцовый порядок. Я никогда не видел у него кабинет неубранным

или разбросанные части туалета в спальне; и сам он был всегда просто, но аккуратно одет; ни утром, ни поздно вечером я никогда не заставал его по-домашнему, без воротничка, галстука. В этом сыне мелкого лавочника, выросшем в крайней нужде, было много природного аристократизма, не только душевного, но даже и внешнего, и от всей его фигуры веяло благородством и изяществом.

Ольга Леонардовна в своих письмах все время звала его в Москву. Я всячески старался этому противодействовать. Отсюда ее старания по возможности мое влияние устранить. И Антон Павлович в письмах старается ее в этом отношении успокоить, жертвуя часто правдой. Он скрывает мои посещения, пишет иногда, что я стал редко бывать, хотя за последние годы вряд ли проходило 2—3 дня без того, чтобы я не заехал к нему. Пишет, что я не лечу его, а приезжал так, посидеть. И часто себе в этом отношении противоречит. В другой раз пишет: «Приходил А., требует от меня послушания; требует настойчиво и завтра явится выслушивать меня; опротивело мне все это»[60]. Она отвечает: «Если тебе нужно, если тебе хорошо, умоляю, оставайся в Ялте; а что дальше будет, увидим»[61]. Он ей сообщает: «Кровохарканья здесь в Ялте не было ни разу, а в Любимовке (дача Алексеевых под Москвой, где они жили летом, и откуда он, чувствуя себя плохо, приехал один) оно было почти каждый день»[62]. На это Ольга Леонардовна отвечает: «Оставайся в Ялте совсем, на всю осень; это тебе будет очень хорошо и А. будет доволен. Напиши, что он тебе сказал»[63]. «Третьего дня явился ко мне твой, как ты его называешь, враг А.». «Вчера А. был у меня и все поддразнивал, и я подозреваю, что ты подкупила его, чтобы он подольше удерживал меня в Ялте»[64]. Пишет, что я был, но выслушать он мне не позволил. Но я ведь вообще выслушивал его, только когда это требовалось. И Ольга Леонардовна это знала. В 1929 году она в статье «Последние дни Чехова» в «Литературной газете» пишет: «Антон Павлович обыкновенно тяготился визитами врачей настолько, что даже наш постоянный врач и друг И. Н. А. всегда старался, и это ему удавалось, маскировать свои врачебные визиты к Антону Павловичу»[65].

Как я указал выше, во время и после своей болезни она в письмах, иногда в очень обидной форме, нападает и на Марию Павловну, единственную мою союзницу; негодует, почему только когда ее нет в Ялте, Антон Павлович лечится, чувствует себя хорошо, настроен хорошо; почему от Марии Павловны он принимает уход, заботы, а ее не допускает.

Отвечая в 1929 году на мой вопрос, читала ли она письма Чехова к Ольге Леонардовне (берлинское издание), Мария Павловна мне писала: «Письма к Ольге Леонардовне я не читала и даже книги у меня нет. Это издание заграничное, и у нас в СССР его не имеется. Я думаю, это хороший такт со стороны Ольги не давать мне читать этих писем. Я боюсь их читать: тяжело».

Думаю, что в письмах и настроениях Ольги Леонардовны за это время играли роль не одна только болезнь и вызванная ею нервозность. Как женщина умная, она прекрасно понимала ненормальность создавшихся отношений. Ольга Леонардовна вышла из совсем другой среды, из чопорной немецкой семьи, и она очень скоро и крепко вошла в чеховскую, слилась с ней, в частности полюбила и подружилась с Марией Павловной. Еще в 1900 году она писала Чехову: «Я совсем отвыкла от своих; это ужасно, но это так»[66]. И поэтому она особенно болезненно чувствовала и переживала сдержанность, замкнутость Чехова. Еще до их брака она ему пишет: «Поболтай со мной попроще, поткровенней; право, будет лучше, чем играть в молчанку»[67]. И уж в 1902 г. опять: «Ты со мной ничем решительно не делишься, а еще называешь подругой». «Ты рассказал Маше о пьесе, которую задумал („Вишневый сад"), а мне

даже не намекнул». «Отчего мы не встретились молодыми? иными? Эх, Антон, Антон!» [68]. Под влиянием болезни и вынужденной невозможности совместной жизни, как ей хотелось, это только все обострилось. Должен сказать, что все эти настроения оказались преходящими и были забыты, и дружба, связывавшая Марию Павловну с Ольгой Леонардовной, осталась такой же крепкой, и связь Ольги Леонардовны с семьей Антона Павловича после его смерти стала, пожалуй, еще крепче. Насколько мне известно, вдова его брата Ивана после смерти мужа совсем

ЧЕХОВ СРЕДИ СВОИХ ЯЛТИНСКИХ ЗНАКОМЫХ

Стоят (слева направо): начальница женской гимназии В. К. Харкеевич и М. Н. Харкеевич. Сидят: Н. М. Белинская и В. Н. Харкеевич

Фотография, 1899 г.

Литературный музей, Москва

переехала к ней [69]. Точно так же и мои дружеские отношения с Ольгой Леонардовной ничем не нарушались за многие годы, прошедшие после смерти Антона Павловича. В свои частые, хотя бы и краткие, наезды в Москву я всегда старался повидать ее, у нее дома или в Художественном театре, и потом за границей мы всегда встречались, как старые друзья. Только часто вспоминая в наших беседах Антона Павловича, мы как-то никогда не касались его болезни и лечения.

Летом 1903 года во время пребывания Чехова в Москве он показался проф. Остроумову [70], в клинике которого лежал в 1897 году. И Остроумов, который, как известно было, не одобрял ялтинского климата зимой, высказался за переезд его на зимние месяцы куда-нибудь в окрестности Москвы. Только строго запретил всякие заграничные поездки: «так как ты калека». Когда по возвращении в Ялту Чехов мне об этом рассказал, я всячески запротестовал, и он пишет Ольге Леонардовне: «Вчера А. долго говорил со мной о моей болезни и весьма

неодобрительно отзывался об Остроумове, который позволил мне жить зимой в Москве. Говорил, что Остроумов был выпивши»[71]. Последние слова Антон Павлович прибавил от себя, вероятно, для крепости, потому что, я уверен, сам понимал нецелесообразность этого совета, не только и не столько с точки зрения климатической, сколько принимая во внимание условия его московской жизни. Он писал тогда Вересаеву: «Не знаю, кого мне теперь слушать, что делать»[72]. Осенью 1903 года он не перестает лихорадить, один плеврит следует за другим, трудно поддающиеся лечению расстройства кишечника. Он уже не скрывает своего плохого самочувствия. Впервые не избегает говорить о своей работе, как трудно ему дописывать и переписывать пьесу «Вишневый сад». Он мог это делать только урывками. А Художественный театр, увлеченный своими задачами, связанный планом, все торопит скорейшей присылкой пьесы. И Ольга Леонардовна почти в каждом письме пишет о том же. Он ей отвечает: «За пьесу не сердись; медленно переписываю, потому что не могу писать скорее»[73], и в другой раз: «Ты делаешь мне выговор за то, что у меня не готова еще пьеса. Моя лень тут ни причем. Если бы я был в силах, то написал бы не одну, а 25 пьес»[74].

И в отношениях Художественного театра к Чехову менее всего можно, конечно, допустить пренебрежительность, недостаточно внимательное отношение к его здоровью. Все участники труппы, начиная с главных персонажей, любовно относились к Чехову, который по их настоянию стал и пайщиком товарищества Художественного театра и которого они считали своим близким человеком. В надписи на фотографии, подаренной мне в 1922 году в Берлине К. С. Станиславским, имеются, между прочим, и следующие слова: «Мы вместе любили Чехова, радовались ему и оплакивали его», и это, несомненно, очень искренние слова. Но увлеченные созданием нового, непохожего на другие, театра, целиком отдавшиеся этой задаче, горевшие ею, они, считая новую пьесу чрезвычайно важною частью их намеченного плана, не замечали остального.

Повторяю, то, что случилось, при сложившихся обстоятельствах стало неизбежным, фатальным. Но, когда в одном из писем Чехова к жене мы читаем: «Реши ты (дело идет о его поездке в Москву), ибо ты человек занятой, рабочий, а я болтаюсь на этом свете, как фитюлька»[75], то мы, читатели и почитатели Чехова, согласиться с этим никак не можем. И когда в другом письме, указывая на то, что во вновь снятой в Москве квартире на третьем этаже лестница высокая и лифта нету, и что ему трудно будет с его одышкой подниматься, он кончает словами: «Ну да ничего, как-нибудь взберусь»[76], то я, врач, не могу не думать о том, какое роковое влияние эта лестница должна была оказать на его и так уже ослабевшее сердце.

В конце 1903 года он везет, наконец, законченный и переписанный «Вишневый сад» в Москву[77]. Здесь по 3—4 часа в день он, волнуясь, принимает живое участие во всех репетициях пьесы. Это как раз разгар сезона, и по вечерам он нередко опять в театре на спектаклях. Все же свободное от театра время толкутся посетители; совершаются прогулки по Москве; был и в бане... 17 января, в день его рождения и именин, премьера «Вишневого сада» и чествование Чехова на открытой сцене после третьего акта. «А он,— пишет в своих воспоминаниях К. С. Станиславский,— мертвенно бледный и худой, стоя на авансцене, не мог унять кашля <...> Из зрительного зала ему крикнули, чтобы он сел» и прибавляет: «от юбилея отдавало похоронами»[78]. И Ольга Леонардовна в 1929 году, вспоминая этот день, пишет («Прожектор», № 28): «Было беспокойно, в воздухе висело что-то зловещее. Не было поры чистой радости в этот вечер 17 января; это верно».

В начале февраля Ольга Леонардовна везет его в Царицыно под Москвой осматривать усадьбу. На обратном пути опоздали к поезду и верст 30 проехали на лошадях в довольно сильный мороз. И Ольга Леонардовна, говоря об этой поездке в предисловии к переписке, отмечает: «Антон Павлович наслаждался. Точно судьба решила его побаловать и дала ему в последний год жизни все те радости, которыми он дорожил: и Москву, и зиму, и постановку „Вишневого сада", и людей, которых он любил»[79]. После вышеприведенных замечаний о чествовании эти слова являются несколько неожиданными.

В середине февраля Антон Павлович вернулся в Ялту в значительно худшем состоянии, чем уехал, но оживленно рассказывал про чествование, речи, показывал многочисленные поднесенные ему в этот вечер подарки и комически жаловался, что кто-то, должно быть, нарочно, чтобы досадить ему, распустил слух о том, что он любитель древностей, а он их терпеть не может. Среди подношений действительно были модель древнего русского городка, старинный ларчик и между прочим чернильница XVIII в. На мое замечание, что все это красиво и что, в частности, чернильница мне очень нравится, он ответил: «Да что вы, ведь теперь песочком не посыпают, есть пропускная бумага, и гусиных перьев тоже нет». Потом с милой улыбкой прибавил: «Ну вот, если очень нравится, я распоряжусь, чтобы в наказание вам эту чернильницу после моей смерти и вручили». Как он ни был плох, я тогда все-таки не мог предполагать, что чернильница уже через несколько месяцев действительно перейдет ко мне. Он пробыл в Ялте до конца апреля; здоровье, если и стало чуть лучше, то во всяком случае внушало мало надежды. Временами он оживлялся, строил всякие планы на будущее, мечтал засесть за работу, говоря, что в голове многое уже созрело. Собирался, если поправится как следует, с наступлением тепла поехать на войну, из-за которой очень волновался, и поехать именно врачом, «так как врач может больше видеть»[80]. Но чаще бывал молчалив, сосредоточенно задумчив, и он, никогда раньше не жаловавшийся на здоровье, говорил, что устал, что хочет по-настоящему отдохнуть, набраться сил. Все чаще заставал я его сидящим в кресле или в нише на диване без газеты, без книги в руках. О чем он думал? Я уверен, что не только о литературе и житейском.

В конце апреля в довольно скверном общем состоянии он, как и было условлено, уехал в Москву, куда должен был вернуться из Петербурга и Художественный театр. В дороге простудился, получил резкое обострение, плеврит с необычно высокой для него температурой, и немедленно по приезде слег и не вставал до самой поездки в Баденвейлер, куда направил пользовавший его в это время в Москве д-р Таубе, врач семьи Книппер. Ни один из знавших и лечивших его раньше врачей не был привлечен, ни д-р Щуровский, ни проф. Остроумов. Последний ведь еще раньше решительно высказался против всяких заграничных поездок [81].

Перед отъездом Антон Павлович уговаривал меня в начале моего отпуска в конце мая заехать в Москву, чтобы, шутя прибавил он, «спасти его от немцев». Но я в тот год не мог оставить Ялту раньше середины июня, да и все равно считал свою поездку бесполезной. В последнем полученном мною от него из Москвы письме, от 26 мая, он пишет, что, как приехал в Москву, так ни разу еще не одевался, что 3 июня уезжает за границу, а в августе будет в Ялте. «Теперь лежу на диване и по целым дням от нечего делать все браню Остроумова и Щуровского. Большое удовольствие» [82]. Ольга Леонардовна впоследствии с возмущением мне рассказывала, как в Берлине в Савой-отель к Чехову приехал приглашенный известный клиницист проф. Эвальд. Внимательно исследовав больного, он развел руками и, ничего не сказав, вышел. Это, конечно, было

жестоко, но развел он руками наверно в справедливом недоумении, зачем и куда такого больного везут.

Когда 3 июля в пасмурное дождливое утро на Рижском взморье мне подали телеграмму с извещением о смерти Антона Павловича, я не о том подумал, что Россия потеряла любимого своего писателя в самом расцвете его творческого дара, а остро и болезненно почувствовал, что ушел из жизни человек большой душевной красоты и исключительного обаяния. Чуткий к чужой беде и чужому горю и всегда всем старавшийся помочь, он сам кротко, безропотно и молча переносил свои недуги и печали. И больно угнетало сознание, что эта преждевременная смерть не была неизбежной, а в значительной мере явилась следствием неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Напечатаны в журнале «Современные записки», Париж, 1930, XLI, под заглавием: «О Чехове. Из воспоминаний».

[2] М. П. Чехова написала эти слова в ответ на письмо Альтшуллера от 19 июля 1929 г. (см. его текст выше, в предисловии к настоящей публикации).

[3] Сергей Яковлевич *Елпатьевский* (1854—1933) — писатель, врач.

[4] Чехов приехал в Ялту 18 сентября 1898 г.

[5] Диагноз был поставлен в клинике проф. Остроумова, где Чехов лежал с 25 марта по 10 апреля 1897 г.

[6] В Ницце Чехов прожил с 23 сентября 1897 г. по 12 апреля 1898 г.

[7] Иван Иванович *Орлов* (1851—1917). Заведовал лечебницей Московского губернского земства близ Подсолнечной (ныне г. Солнечногорск).

[8] Чехов приступил к постройке дачи на приобретенном им участке в Аутке в середине ноября 1898 г.

[9] Чехов жил у Альтшуллера на даче Иванова две недели, в октябре 1898 г.

[10] Об отношении Толстого к Чехову писал также Л. А. Сулержицкий (неизданное письмо к Чехову из Лиона, январь 1901 г.): «Лев Николаевич ⟨...⟩ очень хотел вас видеть и поджидал вас все время к себе; он говорит, что несколько раз собирался быть у вас, и зашел бы непременно, но его останавливало то, что ему показалось, когда он был у вас, что его посещение было вам как-то стеснительно. „Но непременно передайте ему, что я его очень люблю и всегда был бы рад его видеть“».

[11] А. П. Саломон, ездивший в 1898 г. на Сахалин, посетил Чехова в Ялте в 1899 г. О своей беседе с ним Саломон вспоминает в письме к Чехову в 1902 г.

[12] См. письма Чехова Л. А. Авиловой от 26 февраля 1899 г. (XVIII, 94), А. М. Горькому от 3 января 1899 г. (XVIII, 11), В. А. Поссе от 3 марта 1901 г. (XIX, 50).

[13] Имеется в виду статья Н. К. Михайловского о сборнике рассказов Чехова «Хмурые люди», напечатанная впервые в «Русских ведомостях», 1890, № 104, от 18 апреля, в которой автор писал: «Чехову все едино — что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца... Нет, не „хмурых людей“ надо бы поставить в заглавие всего этого сборника, а вот разве „Холодная кровь“ ⟨заглавие одного из рассказов Чехова⟩. Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает».

[14] Вероятно, имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Литература и жизнь. Кое-что о Чехове» в «Русском богатстве», 1900, № 4, стр. 119—140.

[15] Это высокомерное суждение, повторяющее ранние высказывания Михайловского, взято Альтшуллером из статьи Струве «Скорбь (Памяти А. П. Чехова)», напечатанной в эмигрантской газете «Россия и славянство» (Париж, 1929 г., № 33, от 13 июля).

[16] Из письма Чехова к А. С. Суворину от 9 марта 1890 г. (XV, 28—31).

[17] Всероссийская перепись населения состоялась в январе 1897 г.

[18] Этот спектакль состоялся 11 января 1902 г.

[19] Чеховым были получены две телеграммы: «Врачи товарищи, члены VIII Пироговского съезда русских врачей, присутствующие сегодня в Художественном театре на представлении „Дяди Вани“, шлют горячо любимому автору, своему дорогому товарищу выражение глубокого уважения и пожелание здоровья»; «Земские врачи глухих углов России, видевшие в исполнении художников произведение врача-художника, приветствуют товарища и навсегда сохранят память об 11 января».

[20] Печататься в «Новом времени» Чехов прекратил еще в конце 1892 г. Затем позиция «Нового времени» по отношению к делу Дрейфуса заставила Чехова порвать и с Сувориным. Именно с этого времени дружба их прекратилась. Были еще редкие письма, было несколько встреч, когда Суворин приезжал в Ялту, но Чехов считал уже их переписку прекратившеюся. Так, например, в письме М. П. Чехову от 3 декабря 1899 г. Чехов писал: «С Сувориным давно уже прекратил переписку (дело Дрейфуса)» (XVIII,

275), о том же писал Н. И. Коробову 23 ноября 1903 г.: «С Сувориным я давно уже не переписываюсь» (XX, 191).

[21] М. П. Чехова сообщала, что Суворин передал ей письма к нему Чехова, поставив условием возвращение его писем, сохранившихся в архиве Чехова.

[22] «*Освобождение*» — русский журнал, выходивший два раза в месяц, под редакцией П. Б. Струве, сперва в Штутгарте, затем в Париже. Просуществовал с июля 1902 г. по 18/31 октября 1905 г.

[23] Из письма Чехова к Суворину от 7 января 1889 г. (XIV, 289—291).

[24] См. XII, 335.

[25] Кандидатуру Михайловского в почетные академики Чехов выдвигал и в письмах к А. Н. Веселовскому от 5 декабря 1901 г. (XIX, 184).

[26] Имеется в виду М. И. Водовозова, заведующая беллетристическим отделом журнала «Начало», органа «легальных марксистов» (1899).

[27] В журнале «Жизнь», 1900 г., № 1, была напечатана повесть Чехова «В овраге».

[28] Об этом же писал Куприн, вспоминая свою беседу с Чеховым в начале 1900-х годов: «Обратите внимание,— говорил он,— что все более и более редкими становятся преступления вроде убийства, насилия и воровства между людьми интеллигентных профессий: докторами, инженерами, адвокатами, учителями... Следовательно, человеческое образование содействует прогрессу в нравственном смысле» («Последние известия», Ревель, 1922, № 3, от 4 января).

[29] Из писем к Суворину от 11 сентября 1888 г. (XIV, 165) и к Григоровичу от 28 марта 1886 г. (XIII, 192).

[30] Здесь Альтшуллер ошибается, так как Чехов действительно, в беседе с Г. И. Россолимо, выражал желание получить кафедру частной патологии и терапии и развернуть этот курс по своеобразнейшей программе, где «весь центр тяжести лежал бы в освещении субъективной стороны болезненных явлений при различных страданиях». Россолимо ставил перед деканом медицинского факультета проф. И. Ф. Клейном вопрос о возможности посчитать «Остров Сахалин» диссертационной работой, чтобы дать Чехову право преподавать в университете, но предложение Россолимо было отклонено (см. воспоминания Россолимо о Чехове в сб. «Чехов в воспоминаниях современников»).

[31] Строки из автобиографии Чехова, посланной им в письме к Россолимо, от 11 октября 1899 г., для альбома врачей выпуска 1884 г. (XVIII, 243—244).

[32] См. эту записку в разделе «Письма Чехова».

[33] У Чехова было кровохарканье в декабре 1884 г. (см. письмо Чехова Н. А. Лейкину от 10 декабря 1884 г.— XIII, 119).

[34] Об этом заболевании Чехов писал А.Н.Плещееву 9 февраля 1888 г.: «...я в дороге однажды заболел перитонитом (воспаление брюшины) и провел страдальческую ночь на постоялом дворе Мойсея Мойсеича» (XIV, 37). Вспоминает также М. П. Чехов: «В 1875 году Антон тяжело заболел ⟨...⟩ Иван Парфентьевич пригласил к себе погостить Антона. По дороге в имение потный Антоша выкупался в холодной реке и захватил перитонит в самой тяжкой форме» («Вокруг Чехова», М.—Л., 1933, стр. 51, и «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 71).

[35] Из письма Суворину от 14 октября 1888 г. (XIV, 193).

[36] См. выше примечание 16 к воспоминаниям Бунина.

[37] В письме Суворину от 18 ноября 1891 г. (XV, 263—264).

[38] Чехов это сказал в беседе с Сувориным. См. запись в «Дневнике А. С. Суворина». М.—Пг., 1923, стр. 150.

[39] В письме к Книппер от 21 октября 1903 г. (XX, 159).

[40] См. «Переписку Чехова и Книппер», т. I, стр. 126.

[41] Письмо-завещание написано 3 августа 1901 г. (XIX, 114—115).

[42] У Чехова в это время были и дела: постройка школы в Мелихове и продажа имения.

[43] См. в настоящем томе письмо Чехова к Альтшуллеру от 24 апреля 1899 г.

[44] Книппер гостила у Чеховых в Мелихове три дня в мае 1899 г.

[45] Встреча не в Батуми, а в Новороссийске и совместная поездка морем в Ялту состоялась в июле 1899 г. В Ялте Книппер жила в семье д-ра Л. В. Средина.

Встреча в поезде Тифлис — Батум была в июне 1900 г.

[46] Книппер приехала в Ялту вместе с М. П. Чеховой в первых числах апреля 1900 г., но уехала в Москву вместе со всеми артистами 24 апреля. Чехов же приехал в Москву 6 мая 1900 г.

[47] Книппер гостила у Чехова в Ялте с конца июня до 5 августа 1900 г.

[48] Чехов приехал в Москву 23 октября 1900 г. и 11 декабря 1900 г. уехал за границу.

[49] Об этом писал М. М. Ковалевский в воспоминаниях о Чехове: «Когда я вспоминаю о Чехове, мне живо приходит на ум ночь, проведенная с ним в одном поезде по дороге в Рим (ночь с 30 на 31 января 1901 г.). Нам обоим не спалось. Мы разговорились о своих планах и надеждах. „Мне трудно,— сказал он,— задаться мыслью о какой-нибудь продолжительной работе. Как врач, я знаю, что жизнь моя будет коротка“» («Биржевые ведомости», 1915, № 15185, 2 ноября).

[50] Чехов приехал в Москву 9 мая 1901 г., а 17 мая был у доктора Щуровского.

[51] Из письма к М. П. Чеховой не от 24, а от 20 мая 1901 г.

[52] Подлинник этого письма Книппер к Альтшуллеру передан в 1959 г. его сыном Григорием Исааковичем Альтшуллером (США) в Рукописный отдел ЛБ. В выдержке из этого письма, приведенной у Альтшуллера, нами исправлен по подлиннику ряд неточностей.

[53] В письме от 27 сентября 1900 г. (XVIII, 399).

[54] В письмах от 12 января 1902 г. и 4 декабря 1901 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 236 и 127).

[55] Письмо от 16 марта 1901 г. (XIX, 61—62).

[56] См. эти воспоминания в сб. «Чехов в воспоминаниях современников».

[57] Заболевшую Книппер привезли из Петербурга в Ялту 14 апреля 1902 г. В Москву Чехов и Книппер уехали 25 мая 1902 г.

[58] Эта книга вышла в Берлине, в издательстве «Слово», в 1924 г.

[59] Из письма к Книппер от 25 февраля 1903 г. (XX, 56).

[60] Из письма к Книппер от 18 августа 1902 г. (XIX, 317).

[61] Вероятно, это не совсем точная выдержка из письма Книппер от 23 августа 1902 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 458).

[62] Из письма к Книппер от 22 августа 1902 г. (XIX, 322).

[63] Из письма Книппер от 23 августа 1902 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 458).

[64] Из писем к Книппер от 25 сентября 1903 г. (XX, 138), от 14 марта 1903 г. (XX, 68) и от 29 августа 1902 г. (XIX, 329).

[65] См. «Литературную газету», 1929, № 13, от 15 июля.

[66] В письме от 23 августа 1900 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 169).

[67] В письме от 21 апреля 1901 г. (там же, стр. 390).

[68] Из писем Книппер от 14 и 15 января и от 16 марта 1902 г. (там же, т. II, стр. 242, 245 и 382).

[69] С. В. Чехова переехала к Книппер в 1922 г. после смерти И. П. Чехова.

[70] У проф. Остроумова Чехов был 24 мая 1903 г. В этот день он писал М. П. Чеховой об этом посещении: «...он долго выслушивал меня, выстукивал, ощупывал, и в конце концов оказалось, что правое легкое у меня весьма неважное, что у меня расширение (эмфизема) и катар кишек и проч. и проч. Он прописал мне пять рецептов, а главное — запретил жить зимою в Ялте» (XX, 101).

[71] Из письма от 2 октября 1903 г. (XX, 143).

[72] Из письма от 5 июня 1903 г. (XX, 106).

[73] Из письма от 3 октября 1903 г. (XX, 144).

[74] Из письма от 4 марта 1903 г. (XX, 62—63).

[75] Из письма от 6 марта 1903 г. (XX, 64).

[76] Из письма от 11 апреля 1903 г. (XX, 82).

[77] Чехов не «повез» «Вишневый сад», а послал его из Ялты 14 октября 1903 г. В Москву он приехал 4 декабря.

[78] См. книгу К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», гл. «Вишневый сад».

[79] Чехов ездил в Царицыно смотреть продававшуюся там зимнюю дачу 14 февраля 1904 г. Об этой поездке Книппер вспоминает в предисловии к книге «Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 43.

[80] Чехов писал А. В. Амфитеатрову 13 апреля 1904 г.: «Если буду здоров, то в июле или августе поеду на Дальний Восток не корреспондентом, а врачом. Мне кажется, что врач увидит больше, чем корреспондент» (XX, 268).

[81] Чехов выехал в Москву 1 мая 1904 г., а 3 июня он и Книппер уехали за границу, в Баденвейлер. Живший в Ялте двоюродный брат Чехова, Г. М. Чехов писал в конце июня 1904 г. в Таганрог А. Б. Тараховскому, что доктор Альтшуллер, «хорошо знавший легкие и сердце Чехова», с возмущением отзывался о процессе лечения Чехова в мае и июне докторами Таубе и Шверером: «Отнимут у него лишний год жизни. Погубят Чехова» («Приазовская речь», 1910, № 42).

[82] См. это письмо в разделе «Письма Чехова».

ЧЕХОВ ЗА РУБЕЖОМ

ЧЕХОВ ВО ФРАНЦИИ

Обзор Софи Лаффит (Париж) *

Чехов популярен во Франции. Среди широкой публики эту популярность он приобрел недавно, главным образом, благодаря необычайному успеху его пьес. Но лучшая часть французской интеллигенции давно любит и ценит Чехова-рассказчика не меньше, чем Чехова-драматурга — автора «Чайки», «Дяди Вани», «Трех сестер» и «Вишневого сада».

Творчество Чехова — психологично в такой же мере, как и творчество французских классиков. По своей архитектонике его рассказы скорей приближаются к музыке, чем к собственно повествовательному искусству. Они одновременно расплывчаты и ясны. Их композиционные линии можно уподобить сложным геометрическим кривым, вычисленным с величайшим искусством и точностью.

Однако четкость манеры его письма завуалирована, смягчена и, пожалуй, даже ослаблена обилием поэтических, лирических деталей. Вот почему новеллы Чехова, несмотря на их нарочитый прозаизм, представляют собой подлинные поэмы, в которых пейзажи и душевное состояние действующих лиц сливаются в некое полифоническое единство. Зачастую это подлинно музыкальные фрагменты, в которых писатель прежде всего обращается к чувству читателя и действует силой внушения.

Как в музыке и лирической поэзии, здесь самое главное — не развитие действия, не описываемые события, а душевная настроенность автора, которую ему удается передать читателю благодаря силе убеждения, свойственной крупным лирическим поэтам.

Рассказы такого рода, эти своеобразные «лирические монолиты» нельзя ни рассечь, ни разбить на отдельные эпизоды, ибо каждый из этих эпизодов зависит от целого и определяется им. «Тамань» Лермонтова, которую Чехов так любил, предвосхищает эту лирическую композицию новеллы, близкую Чехову. Но в «Тамани» воздух более прозрачен и холоден, тона более ярки и резки, чем те, которые характерны для меланхоличного мира Чехова.

1

В 1895 г. в Париже вышла книга «В русской стране» («Au pays russe»), автор которой, известный французский славист Жюль Легра, подробно описывал свои поездки по России. В этой книге, получившей известность во Франции и за ее пределами и увенчанной премией Французской Академии, мы находим воспоминания Легра о посещении им Чехова в Мелихове и характеристику литературной деятельности этого «молодого выдающегося писателя». «Ч⟨ехов⟩,— пишет Легра,— перешел к литературе от медицины. Он доктор, но прилагает свои знания только летом в деревне, где лечит крестьян ⟨...⟩ В продолжение нескольких лет он работает над вопросами и задачами, которые предлагает ему жизнь ⟨...⟩ Он еще, кажется, не писал романов: его творчество проявляется в форме рассказов. Я не думаю, чтобы это было верное проявление усовершенствованного таланта, но тем не менее в этой области он занимает завидное место.

---

* Перевод с французского Я. З. Лесюка и О. В. Моисеенко.

Обладая необычайно острой наблюдательностью и веселым юмором, Чехов поразительно метко схватывает черты повседневной жизни. Он начал свою литературную деятельность этими рассказами 〈...〉 Ч〈ехов〉 обладает изумительной силой и меткостью выражений. Несмотря на веселый смех, в его произведениях чувствуется острая горечь, что и оставляет далеко не жизнерадостное впечатление. Я знаю мало из его рассказов, которые не заставляют чувствовать убийственную монотонность жизни. Он не перестает описывать однообразное существование мелкого люда, их узкие интересы и никому не известную скорбь наболевших сердец. Если бы немного сгустить краски его описаний, то впечатление было бы слишком уж сильно, но он пишет со своим обычным юмором, как бы бросая сразу яркий луч света на те или иные стороны скромного существования, а когда все снова погружается во мрак, что-то говорит нам, что эта жизнь будет течь по-прежнему без миражей и обольщений и серые будни потянутся опять вплоть до конечного предела — могилы. Вот что ярко чувствуется в творчестве Антона Павловича» [1].

По всей вероятности, приведенные выше строки являются первой во Франции и, разумеется, весьма односторонней характеристикой Чехова.

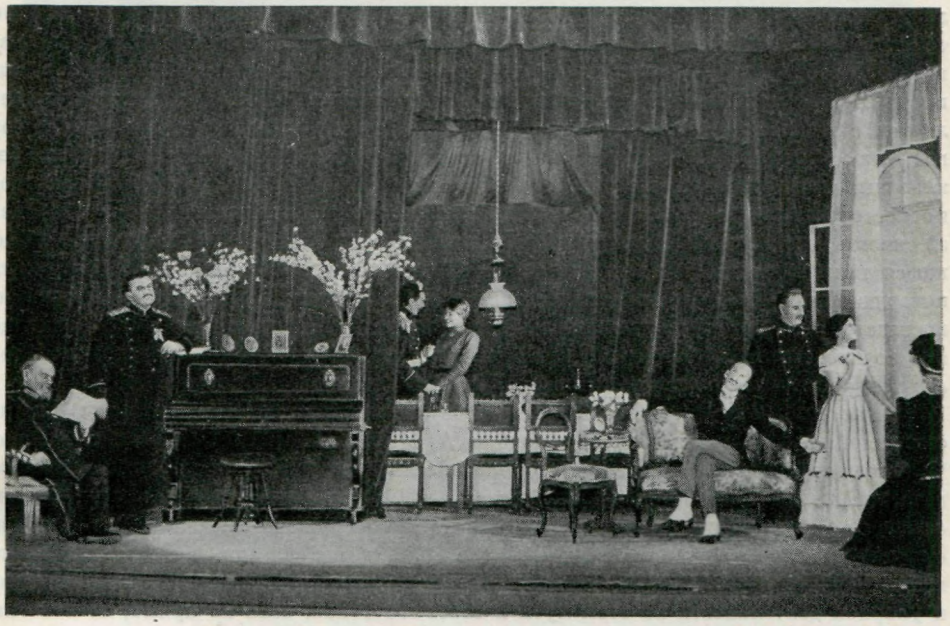
К концу 1890-х годов относится отзыв о Чехове, данный К. Валишевским в его «Истории русской литературы» (2-е издание вышло в Париже в 1900 г.). Чехову в этой книге посвящена целая глава. Утверждая, что современная русская литература якобы переживает период глубокого упадка, Валишевский называет Чехова звездой новой литературной школы, отличающейся «мелкостью взгляда и отсутствием широкого горизонта». Чехов, по его словам, проявил себя до сих пор «отличным художником в низшем жанре». Заявляя, что первые опыты Чехова, «напечатанные в мелких петербургских газетах, свидетельствовали о поисках простоты, о естественном даре придавать форме гармонию с сюжетом, о досадном влечении к грубому комизму», Валишевский подвергает придирчивому и несправедливому разбору рассказы Чехова зрелого периода, не пощадив даже «Степь», в которой он видит «одни только эскизы, беглые, наскоро закрепленные заметки 〈...〉, смутные силуэты». Главным недостатком Чехова Валишевский считает «отсутствие естественной, органичной связи между персонажами», и «между действием и развязкой его рассказов». Не отрицая, что в «Мужиках» Чехов с редкой мощью изобразил грубость и дикость крестьянских нравов, автор книги упрекает его в том, что рисуемые им сцены отвратительны. Резко отрицательно отзывается Валишевский и о пьесах Чехова — «Иванов» и «Чайка», персонажи которых являются, по его словам, «невропатами, сумасбродами, полуповрежденными» (стр. 256 и 421—428).

В первые годы XX в., еще при жизни Чехова, в Париже выходит несколько отдельных его книг на французском языке: «Мужики» («Les moujiks», 1901 г., перевод Д. Роша), в которую вошли, помимо этой повести,— «В овраге», «Свирель», «Ванька», «Тоска», «Княгиня», «У предводительши», «На чужбине», «Перекати-поле», «Тиф» и «Палата № 6»; «Дуэль» («Le duel», 1902 г., два издания, перевод Широля) и «Убийство» («Le meurtre», 1902 г., перевод Клэр Дюкрё)[2]; в последнюю книгу включены рассказы: «Убийство», «Мужики», «Студент», «Учительница» («На подводе»). В предисловии к этому сборнику один из наиболее вдумчивых истолкователей творчества Чехова Андре Бонье следующим образом охарактеризовал писателя: «Чехов не обладает яркой выразительностью и чудесным лиризмом Горького, он не обладает, пожалуй, и поэтическим обаянием и мечтательной нежностью Короленко, но его изящная и точная манера письма, четкость рисунка, строгая и смелая простота стиля, глубокое сочувствие к своим героям, немногоречивое, но благодаря этому еще более волнующее,— все это вместе взятое, при всей своей скромности, образует ярко выраженный, необыкновенно благородный и заслуживающий интереса облик писателя. Антон Чехов — необычайно *самобытен*, его нельзя ни с кем спутать, и глубоко ошибались те, кто хотел видеть в нем подражателя Мопассану 〈...〉 Каждый народ страдает по-своему, и я не знаю писателя, которому удалось бы лучше, чем Чехову, описать русскую печаль, сотканную из тоски, гордости, фатализма и усталости 〈...〉

Есть и другие писатели — пессимисты, чей пессимизм сильнее и ожесточеннее. Но, осуждая нынешний порядок вещей, они почти всегда позволяют нам верить в воз-

можность лучшей организации общества, в осуществимость прогресса, в неминуемость благодетельного возрождения людей. Их взгляд на настоящее отличается трезвым и беспощадным реализмом, но на будущее они смотрят как идеалисты, порою не лишенные провидения. Ничего похожего у Чехова. Он не допускает, что действия отдельных людей или масс могут когда бы то ни было привести к смягчению горькой участи человека. Мне кажется, что он вообще не видит возможности счастья на земле. Он даже ничем не возмущается: к чему? Вместе с тем он и не призывает к смирению. Он просто констатирует, что его родина, как туманом, окутана беспредельной печалью, и что это неизбежно, неотвратимо» [3].

В том же 1902 г. на страницах авторитетного парижского журнала «Revue des Deux Mondes» выступил с большой статьей «Антон Чехов» известный специалист в области русской литературы, популяризатор Толстого и Тургенева во Франции, академик



«ТРИ СЕСТРЫ» НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 1-го АКТА)
Постановка Саши Питоева в «Théâtre de l'Oeuvre» (театре «Творчество»), Париж, 1954 г.

Мельхиор де Вогюэ. Статья эта не принадлежит к числу удачных работ Вогюэ и свидетельствует о том, что он не сумел сколько-нибудь верно и проницательно оценить творчество такого новатора, каким был Чехов.

В полном соответствии с установившимися в это время шаблонами Вогюэ называет Чехова «подражателем Мопассана». Не отрицая, что талант Чехова «гибок и необычайно продуктивен», что Чехов «интересен разнообразием своих наблюдений, часто их точностью», что «он собирает дань со всех классов общества, со всех обстоятельств провинциальной жизни», Вогюэ тем не менее утверждает, будто Чехов дает в своих рассказах только «силуэты, положения, моменты», хотя и этими ограниченными средствами успевает возбудить у читателя нужные впечатления.

Вогюэ откровенно сознается, что не понимает отрицательного отношения новейших русских писателей и их персонажей к современной российской действительности. Ему кажется, что с отменой крепостного права, которое оправдывало «насмешки Гоголя, гнев Некрасова, меланхолические замечания Тургенева или Достоевского», от русских писателей можно было ожидать «радостного расцвета мысли», между тем произошло обратное действие,— мысль за последние сорок лет омрачилась, недовольство окружающей действительностью стало еще сильней.

Пьесам Чехова Вогюэ отказывает в каких-либо достоинствах. Восторженный прием «Трех сестер» в России кажется ему загадочным. «Преклоняюсь перед неизъяснимым»,— иронически восклицает Вогюэ. «У нас подобный сюжет,— пишет он далее по поводу «Трех сестер»,— едва ли бы годился для водевиля: я опасаюсь, как бы не поднялся бешеный смех над тремя сестрами, плачущими при виде того, как уходят их военные». Читатель увидит из дальнейшего обзора, насколько мало оправдались пророчества почтенного академика [4].

В XXX томе Большой французской энциклопедии («Grande Encyclopédie»), вышедшем в свет еще при жизни Чехова, напечатана статья о нем уже упомянутого Жюля Легра. Биографическая часть статьи изобилует фактическими ошибками. Легра дает, в основном, весьма высокую оценку Чехову. «Трудно охарактеризовать, в нескольких словах,— пишет он,— творчество этого писателя, которого русские критики ставят на самое первое место среди романистов его поколения. Это объясняется тем, что его талант, внешне однообразный, является на самом деле весьма разносторонним, а также тем, что Чехов много работал и существенно менялся в процессе своего творческого развития». «Вообще же,— пишет далее Легра,— впечатление, остающееся после чтения произведений Чехова,— это впечатление о значительности таланта, который проявляется, с одной стороны, в форме его сочинений, всегда тщательно обработанной, с другой,— в остроте зрения. Творчество этого писателя представляет нам в сжатом виде бесконечные типы современного русского общества от простых крестьян до литераторов, профессоров, представителей духовенства, купечества, мелких чиновников и т. п. Нельзя сказать, что в этой пестрой галерее выделяются отдельные неизгладимо запоминающиеся типы из различных классов общества; но взамен этой типической истинности, которую может нам открыть только гений в часы вдохновения, мы находим здесь непосредственную историческую правду, очень мрачную в сущности по своим тенденциям, но представляющую нам по крайней мере увлекательную картину русской действительности и те полутона, которые с таким трудом удается уловить».

Вдумчивый и проницательный исследователь творчества Чехова, Иван Странник (псевдоним талантливой русской женщины А. М. Аничковой) в первой, посвященной Чехову главе книги «Современная русская мысль» («La pensée russe contemporaine»), вышедшей в свет еще при жизни Чехова, в 1903 г., пишет: «Пессимизм Чехова освещен зыбким светом надежды〈...〉 Да, ныне все погружено в печаль. Но в нем живет смутная вера, что в отдаленном будущем все же наступит спасение человечества. И этому гадательному идеалу приносит себя в жертву нынешнее поколение. К терпеливой и упорной деятельности на этом пути и зовет его Чехов, если не прямо, то косвенно 〈...〉 Писатель видит свою роль не в том, чтобы призывать массы к коллективному действию, он стремится пробудить добрую волю в каждом отдельном человеке. В любом из его произведений рассматриваются усилия человека на протяжении его жизни; и пусть эти усилия даже терпят неудачу, Чехов продолжает упорно верить в их плодотворность — если не для сегодняшнего дня, то для грядущих времен.

Итак, единственно возможное средство — *личная энергия*. Утверждение собственной личности необходимо не только для счастья, но и для достоинства человека, равно как и для прогресса».

Приведенное нами высказывание Ивана Странника вполне соответствует тому, что мы теперь знаем о самом Чехове. Непрестанные усилия, энергия, несравненное душевное мужество, ясное и трезвое приятие жизни — все это как нельзя лучше характеризует и облик писателя, и то, что можно было бы назвать его философией. Но большинство современных ему критиков не сумели разглядеть, какая глубина таится за простотой, за удивительной скромностью Чехова.

20 августа 1904 г., через полтора месяца после смерти Чехова, в распространенном еженедельнике «L'Illustration» появилась некрологическая заметка, автор которой писал: «Вместе с Горьким и Короленко недавно умерший Чехов был одним из самых славных представителей молодой школы в русской литературе; вместе с ними он служит решительным опровержением необоснованно распространившегося мнения, будто после Достоевского, Тургенева и Толстого русская литература оскудела талантами. Творчество Чехова богато и разнообразно. Он начал как автор юмористических рассказов,

веселых водевилей, грустных новелл и безнадежных драм. Наиболее известная из его книг носит название „Убийство“; это—жестокая картина жизни крестьян, поразительное по глубине исследование веры и психологии народа. Существует прекрасный перевод этой книги на французский язык. Он принадлежит Клэр Дюкрё и был опубликован издателями „Revue Blanche“ с весьма любопытным предисловием Андре Бонье, в котором рассматривается творчество Чехова. Среди лучших новелл писателя следует назвать также „Учительницу“ и „Студента“; эти новеллы представляют собой законченные произведения, проникнутые чисто русской печалью. У других писателей пессимизм отличался большей силой и ожесточением, у Чехова же он весь

«ТРИ СЕСТРЫ» НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 4-го АКТА)
Постановка Саши Питоева в «Théâtre de l'Oeuvre» (театре «Творчество»), Париж, 1954 г.

проникнут фатализмом. Именно это и придает такое своеобразие его произведениям; глубоко ошибались те, кто желал видеть в нем лишь подражателя нашему Мопассану».

Заметка эта подписана инициалами *А. Б.* Судя по ее содержанию и отдельным текстуальным совпадениям с предисловием к книге «Убийство», процитированным нами выше, она принадлежит перу Андре Бонье или же представляет собой изложение его предисловия.

В сентябрьской книжке журнала «Revue des Etudes franco-russes» за 1904 г. появилась статья о Чехове Дени Роша, одного из первых и лучших его переводчиков. Рассказывая о сильнейшем впечатлении, произведенном смертью Чехова в России, Рош писал: «Творчество Антона Павловича, так же, как и его нравственные качества 〈...〉 заслуживали той страстной любви, которую питала к нему русская публика 〈...〉 Чехов никогда не являлся неисправимым и закоренелым пессимистом. Он постоянно, вопреки всему сохранял своеобразие, добродушие, улыбку и верность далекому идеалу. Он исповедовал веру в лучшее будущее человечества: „Приложим наши силы в поисках добра, наши сыновья будут счастливей, чем мы“».

Дени Рош завершает статью выразительными воспоминаниями о своей единственной встрече с Чеховым. «Мы обменялись с Чеховым несколькими письмами, но никогда с ним не встречались: я жил в Париже, он — в России. В прошлом году, приехав

в Москву, я узнал, что и он находится в этом городе, почти от всех скрываясь, отлучившись как всегда ненадолго из Ялты с тем, чтобы посмотреть в Художественном театре (иногда называемом театром Чехова) и свою жену, г-жу Книппер, и свои собственные пьесы, в которых она играла. Он был очень болен, но все же назначил мне свидание. Что за горестное свидание! Впалые щеки 〈...〉 от тела осталась одна оболочка 〈...〉 Он кашлял почти при каждой фразе. И несмотря на все это — как он был мил. Как невыразимо привлекателен 〈...〉 С какой добротой, с какой искренностью говорил он о своих новых произведениях, о том, что „мне следовало бы прочесть", о том, что ему вообще следовало бы сделать и что он „не смог" сделать, как увлекательно говорил об интересовавшем меня русском искусстве, о своем друге Левитане, который работал почти бок о бок с ним и которого он весьма высоко ставил; как охотно дал он мне ряд превосходных указаний, всю ценность которых я осознал, когда воспользовался ими. С какой непосредственностью и любезностью готов он был помочь мне завязать нужные, но малодоступные знакомства, устроить мне возможность присутствовать на представлении одной из его пьес 〈...〉 Теперь меня изумляет то, как много им было мне сказано, а между тем я так недолго пробыл у него, какие-то краткие минуты, взволнованный состоянием, в котором его видел, терзаясь тем, что заставляю его тратить силы, опасаясь утомить его. Он был восхитителен в течение всей нашей встречи, незабываем... „До свидания в Париже, весной, в нынешнем году", — сказал он, пожимая мне руку. В этом „До свидания, весной, в Париже" было огромное мужество, вера, надежда, радость, и г-жа Чехова, казалось, разделяла все эти чувства... Бедный Чехов» [5].

На редкость непроницательным критиком проявил себя автор объемистого тома «Психология русских романистов XIX века» брюссельский профессор литературы Осип Лурье. Он утверждал, что «Чехов видит лишь одну сторону русской жизни, он схватывает ее и воссоздает, ничем не расцвечивая и не одушевляя. Он зарисовывает, набрасывает карикатуры или просто делает мгновенные, беглые, но точные фотографии, причем почти всегда сумеречные. Здесь нет и следа искусства большого взлета 〈...〉 Муза Чехова тяжеловесна: у нее неловкие руки. Его творчество обильно, но однообразно, серо и хмуро. Его персонажи едва отличаются один от другого. Если вам знаком хоть один рассказ Чехова, вы уже знаете все остальные 〈...〉 Этого писателя отличает отсутствие глубины» («La psychologie des romanciers russes du XIX siècle». P., 1905).

Нам представляется бесполезным продолжать: непонимание нашего «психолога» просто поразительно. Его способность к критическому мышлению и эстетическое чувство были явно недостаточны для решения труднейшей задачи — глубокого анализа столь тонкого, сложного и совершенного творчества, как творчество Чехова.

В 1912 г. Серж Перский, получивший известность благодаря своим трудам о великих русских писателях, в частности о Льве Толстом, предпринял попытку углубленного изучения творчества Чехова: «Чехов,— пишет он,— словно берет читателя за руку и ведет его за собой туда, где он может показать ему людей и картины, характерные для жизни современного русского общества: он ведет его в деревню, на фабрику, в княжеский дом, на почту, на большую дорогу и т.д. ... Впрочем, он нигде долго не задерживается. Повсюду он остается лишь столько времени, сколько необходимо для того, чтобы описать в нескольких точных словах душевное состояние человека или объяснить какой-нибудь его поступок. Можно подумать, что он спешит показать всю жизнь целиком во всем многообразии ее отдельных проявлений. Вот почему его рассказы коротки; зачастую в них нет даже развязки, она только угадывается. И куда, в какие углы и закоулки славянской жизни ни заглянет читатель, следуя за этим проницательным чичероне, у него почти всегда остается после этого одно господствующее ощущение — ощущение горестного одиночества русского человека 〈...〉 В последних произведениях Чехова пессимистические настроения постепенно слабеют. Кажется, что писатель преодолел некий душевный кризис, порожденный конфликтом между владевшей им прежде безнадежностью и возникшими теперь надеждами. В ту пору и само русское общество начало освобождаться от апатии, и это пробуждение подействовало как освежающий поток на страдающую душу художника и одновременно открыло ему новые горизонты. Эта вторая сторона таланта Чехова нашла яркое проявление в его новелле „Студент" 〈...〉

С иронией и своеобразными приемами, присущими только ему одному, Чехов описывает жизнь главным образом в ее пассивных или негативных проявлениях. И все же его нельзя назвать сатириком, особенно если иметь в виду общий характер его творчества, где так много человеческой нежности, что уже не чувствуется сатиры. Писатель не насмехается над своими персонажами, не пригвождает их к позорному столбу в порыве негодования. У него содержание естественно сочетается с формой; талант его отличается спокойствием, вдумчивостью, наблюдательностью, но иногда кажется, что это спокойствие, это мнимое безразличие писателя — лишь маска. Один критик, говоря о Чехове, заметил: „У него мягкий карандаш". Трудно было бы подобрать более удачное определение. Нежность тонов, расплывчатость контуров, законченность отдельных деталей, причудливая незавершенность других — все это характерные черты чеховского таланта».

Утверждая, что Чехов является «истинным порождением русской литературы, растением, выросшим на родной почве, вскормленным соками родной земли», что «у него чисто русский юмор» и что его творчество носит на себе печать «необыкновенно своеобразного таланта», Перский продолжает:

«При жизни Чехова его литературный облик казался загадочным. Некоторые считали его человеком равнодушным, потому что не находили в его произведениях революционных веяний, ощутимых почти во всех произведениях современных ему писателей. Другие видели в нем пессимиста ⟨...⟩ Смерть Чехова, побудившая критиков заняться изучением его творчества в целом, а в особенности появление его переписки, опубликованной в последнее время, обнаружили истинный характер писателя, и он предстал перед нами таким, каким и был в действительности: писателем, который по самой природе своего таланта испытывал неодолимое тяготение к беспристрастному изучению внутренней жизни человека и оставался поэтому врагом всех религиозных и философских догм, способных только помешать ему как исследователю ⟨...⟩ И тогда стало ясно, что этот *независимый* художник, глубоко ненавидевший ложь и насилие, но не принадлежавший ни к какой политической партии, был либералом в самом благородном и высоком понимании этого слова. Стало ясно также и то, что он не был пессимистом, как это принято было думать; что он страдал за свои идеалы и своими произведениями пробуждал в людях стремление выйти из сумерек жизни, описанных им ⟨...⟩ Но если Чехов не сомневался в прогрессе, то страдал от пессимизма высшего порядка, от того, если можно так выразиться, мирового пессимизма, перед которым разум бессилен и который облекается в форму безнадежной печали перед лицом нелепости жизни и неизбежности смерти ⟨...⟩ Эта мировая скорбь, это отчаяние, вызванное пошлостью существования, особенно наглядной в свете безжалостных уроков смерти, о которой Чехов говорит с ужасом и с содроганием, встречается почти во всех произведениях наиболее известных русских поэтов и художников» (Serge P e r s k y. Les maîtres du roman russe contemporain. P., 1912).

Исследование Перского — наиболее серьезное и убедительное из всего, что было написано о творчестве Чехова до появления работ Шарля Дю Боса, о котором мы будем говорить ниже.

2

Имя Чехова выходит за узкие пределы литературных кругов и впервые становится предметом суждений широкой публики только в 1921—1922 гг.

Огромную роль в пропаганде Чехова и его творчества во Франции сыграл известный театральный деятель, создатель и руководитель замечательного театрального коллектива, выходец из России — Жорж Питоев.

15 апреля 1921 г. он познакомил Париж с пьесой Чехова «Дядя Ваня». Спектакль этот, поставленный на сцене «Théâtre du Vieux Colombier», был встречен восторженными отзывами критики: «Жорж Питоев впервые открыл Чехова французскому зрителю. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с большим писателем, который самыми скупыми средствами, не прибегая ни к исключительным положениям, ни к исключительным характерам, мягкими и верными штрихами умеет создать особую атмосферу, оживить целый мир. Мы лишний раз убедились, что *прекрасный, правдивый театр* требует

минимального действия. „Дядя Ваня" привел бы в восторг Флобера»,— писал Клод Роже Маркс в «Comœdia Illustré», от 17 апреля 1921 г.

4 апреля 1922 г. «Дядя Ваня» был возобновлен Питоевым в театре «Comédie des Champs-Elysées», а 25 апреля впервые появилась на сцене того же театра «Чайка».

«Чайка» имела большой успех. Вот что писал о ней анонимный театральный критик газеты «Le Temps»: «Нам уже знакома пьеса А. Чехова „Дядя Ваня", поставленная г-ном Питоевым в прошлом году и воспринятая нами как своего рода шедевр. „Чайка" вызывает не меньший интерес ⟨...⟩ Нас особенно пленяет в этом произведении то, что оно написано не по привычным канонам, что контуры его расплывчаты. В этой пьесе нет ни начала, ни конца, она представляется куском жизни, окруженным мраком. Она возникает из ночи и уходит в ночь. Итак, нас привлекает не столько сама драма, сколько ее необычный характер, сколько тот колеблющийся свет, который освещает души неведомых нам людей. Удовольствие, которое мы получаем от этой пьесы, нельзя сравнить с тем впечатлением, какое она может произвести на русского зрителя. То, что испытываем мы,— более редкостно и необычно. Наблюдая за людьми, которые движутся перед нами по сцене, мы их сравниваем с собой, мы противополагаем свою уверенность их тревоге, свою ясность их смятению, свою активность их апатии ⟨...⟩

Посмотрев „Чайку", зритель запоминает не сюжет, а общую картину и несколько типических образов ⟨...⟩ Но важнее всего в пьесе то, что невозможно передать в столь беглом обзоре: я имею в виду *атмосферу*, которая окутывает всех этих жалких героев и давит на них, глухую тревогу, тягостное течение жизни, подавленные порывы, неясные и беспорядочные стремления и нависшую над всем этим Тоску, безжалостную Тоску» («Le Temps», от 1 мая 1922).

В статье «„Чайка" — русская, очень русская пьеса» («Bonsoir», от 28 апреля 1922) известный французский критик Альфред Савуар писал: «Вся прежняя, а быть может, и нынешняя Россия заключена в этой четырехактной пьесе. Вы найдете там томление и тоску славянской души, какую-то неуверенность, страстность и беспорядочность, задумчивость и апатию. В этой пьесе есть что-то пророческое: она предвещает бурю и объясняет ее».

Того же мнения придерживался и сам Питоев: «Чехов заставляет нас полюбить общество, состоящее из людей незначительных, из представителей большинства широких слоев населения. Однако эти люди, предвестники великих потрясений, носят в душе зародыши веры, пылких устремлений, таланта, самоотречения. Они только внешне незначительны, их пожирает внутренний огонь. Они — братья и сестры персонажей Достоевского» (Georges P i t o ë f f. Notre théâtre. Textes et documents réunis par Jean de Rigault. P., 1949).

Переводчики повестей Чехова «Три года» и «Палата № 6», изданных в виде отдельной книги в 1922 г., С. Мосткова и А. Ламбло писали в предисловии к этому изданию: «В двух публикуемых ниже новеллах можно обнаружить все качества величайшего из русских мастеров рассказа: глубокий психологический анализ, природный дар гармоничного сочетания формы и сюжета, беглые и переданные в приглушенных тонах впечатления, вызванные великой драмой бытия, лаконичные описания, красочные наброски и, главное — поэзию, поэзию, сотканную не из слов и предложений, но пропитывающую, словно аромат, все его произведения. Такой поэзии Чехов достигает сознательной недоговоренностью, расплывчатыми определениями, особыми ракурсами; подобно Карьеру [6], он предоставляет нас самим себе и позволяет нам по собственному выбору, отталкиваясь от того главного, что он рисует — будь то человеческий образ, обстоятельства или пейзаж,— домысливать и дорисовывать множество второстепенных деталей, делать множество частных выводов, намечать множество различных дополнительных точек, образующих своеобразный поэтический круг, центром которого служит главная тема».

С июня 1922 г. один из самых пламенных «чеховистов» во Франции, просвещенный и вдумчивый критик Шарль Дю Бос начинает вносить в свой дневник, опубликованный в 1948—1949 гг., систематические записи, посвященные любимому писателю. Впоследствии записи эти легли в основу публичных лекций о Чехове, прочитанных Дю Босом летом 1924 г. в Париже.

Дю Бос наблюдал по поручению издателя Плона за выпуском полного собрания сочинений Чехова в переводе Дени Роша; в связи с этим он писал в дневнике 24 мая 1923 г.: «В первом томе, озаглавленном „Палата № 6“, две последние новеллы (по лаконизму — это истинные шедевры Чехова) произвели на меня впечатление, какое я постоянно испытываю при чтении произведений этого писателя: это сама жизнь! При сравнении с ним кажется, что все другие писатели, за исключением одного лишь Толстого, даже наиболее объективные, предлагают нам не столько описание самой жизни, сколько свое суждение о ней, пусть искусно завуалированное, или, во всяком случае, определенную идею, определенный взгляд на описываемую жизнь. У Чехова — совсем иное: самое большее... что мы можем услышать — это как Чехов вздыхает с бесконечной кротостью — и увидеть на его устах ту добрую, печальную улыбку, о которой писал Горький и которая словно говорит: „*Да, это так*“. Да, именно это он и говорит, но говорит удивительно ненавязчиво; он никогда не прибавит, подобно лучшим из французских писателей: „Вы только обратите внимание, до какой степени это так“, или подобно Самюэлю Батлеру [7]: „Ну и умен же я, ведь это я сумел открыть!“ Я сказал З. ⟨жена Дю Боса.— *С. Л.*⟩, что самое удивительное в Чехове — это нежность, которая струится в его творчестве, напоминающем беспросветную в своей неподвижности гладь озера. Творчество Чехова беспросветно, но только те, кто, в противоположность Марри [8] и мне, не умеют разглядеть, сколько жизненной энергии таится под этой беспросветностью, могут именовать его певцом отчаяния.

Это очень существенный нюанс: человек, впавший в отчаяние, стоит на позитивных позициях; величие же Чехова заключается в том, что он остался на негативных позициях, потому что не ощущал в себе достаточной веры и не находил достаточно разумных доводов, чтобы перейти к каким-либо положительным взглядам; и все же он излучает спокойную и ничем не возмутимую силу⟨...⟩

З. вполне справедливо противопоставила Чехова Прусту, заметив примерно следующее: „У кого еще можно найти более полное, более точное, и, если угодно, более беспощадное воспроизведение жизни, нежели у Чехова? И при этом вы не найдете у него даже намека на пошлость“. В сущности мы оба согласны, что в конечном счете все отступает на задний план перед манерой чувствовать. Этот критерий, хотя он и не поддается доказательству (и как раз это обстоятельство говорит, по-моему, в его пользу), представляется мне единственно разумным. Взгляните на таких писателей, как Констан, Стендаль, Достоевский или Чехов; у вас создается впечатление, что не существует такой грязи, которой они не могли бы коснуться, прикрываясь, как щитом, чистотой чувства.

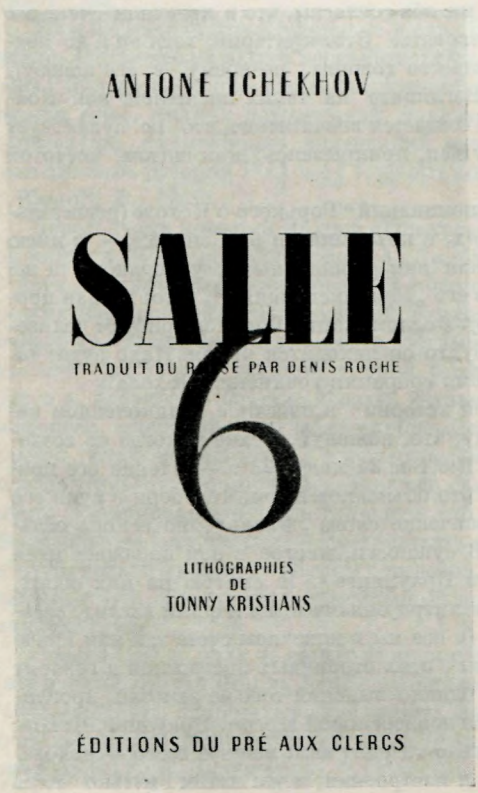
Я прочел З. несколько отрывков из „Воспоминаний“ Горького о Чехове (решительно, воспоминания Горького о великих людях, с которыми он был знаком, — я имею в виду Толстого и Чехова,— являются в наши дни уникальными: у Горького та же необыкновенная зоркость, что и у Карлейля в его „Реминисценциях“, и тот же дар проникновения, но без предвзятости последнего). Воспоминания Горького рисуют человека настолько отчетливо, что нам кажется, будто он находится рядом. Надо будет добиться, чтобы их перевели для последнего тома собрания сочинений Чехова!»

«Я только что прочел З. начало „Скучной истории“ в поистине великолепном переводе Дени Роша, и мы оба пришли к выводу, что, пожалуй, Чехов никогда не создавал ничего более прекрасного,— записывает Дю Бос 24 мая 1923 г.— Чтение его произведений почти всегда глубоко потрясает, и это объясняется тем, что, беря в руки его книгу, думаешь, будто хорошо понимаешь значение слова „жизнь“, но вскоре обнаруживаешь, что вовсе его не понимал ⟨...⟩ В сущности, многое в нем поражает меня даже сильнее того главного, что поражает в Браунинге [9]. Я смотрю на них обоих, как на людей, которые, сталкиваясь с самыми хитроумными и, на первый взгляд, весьма солидными теоретическими построениями (а все мы в конечном счете так или иначе создаем их), срывают все иллюзорные покровы с этих вторичных построений и говорят нам: „Да, все это прекрасно и замечательно, однако вы, сами того не замечая, проглядели нечто куда более важное, то, что является первоосновой всего“. Браунинг, Чехов. Толстой, каждый на свой лад, как бы постоянно твердят вам: важнее всего — человеческая природа, жизнь, извечные чувства и настроения, а уж потом только идут

различия, обусловленные местом и временем, национальностью и т. д. 〈...〉 Но когда вы по-настоящему остаетесь наедине с самим собой, вы обнаруживаете, что приходите к тому же, что сталкиваетесь с теми же устремлениями и трудностями, как и всякий другой человек. Вот почему такие люди, как Браунинг и Чехов, были бы особенно нужны Франции в настоящее время, когда мы стали склонны забывать, сколько у нас общего с другими 〈...〉».

В апреле 1924 г. Дю Бос снова берется за свой дневник, и в нем все чаще появляются записи, посвященные Чехову: «Почему это *просветленное отчаяние* неизменно представляется мне *важнейшим тонизирующим средством*? И я настолько отчетливо это ощущаю, что сила влияния Чехова на меня почти полностью объясняется именно этим 〈...〉 Моралист, в сущности, целиком связан с учением, которое он проповедует 〈...〉 Мы хотим показать, что своеобразное величие Чехова как раз и состоит в том, что он сумел избегнуть этого правила, что он даже никогда не призывал к той целомудренной скромности, которую, по словам Горького, излучал уже одним своим присутствием. Основной пафос Толстого и близких ему писателей состоит в доказательстве того 〈...〉, что нужно во что бы то ни стало найти ответ на вопрос (время не ждет, нужно найти ответ тотчас же, не найдя ответа, нельзя жить — Толстой). И этот ответ, получаемый почти всегда ценою частичного отказа от доводов разума (на что никогда не согласились бы ни Леонардо, ни Валери [10], ни Чехов), тотчас же начинают проповедовать, доказывать его всеобщую значимость; на его основе стремятся поучать и обращать в свою веру. Стремление поучать чаще всего признак слабости ума и силы темперамента; отказ от поучения — подлинная сила, принимающая обличье слабости в глазах тех, кто ничего не понимает в людях, следующих велению разума».

24 апреля 1924 г. Дю Бос записывает: «Я страшно устал от всех крайностей, настолько, что становлюсь нетерпимым к любому виду пафоса, в том числе и к интеллектуальному пафосу, и мне хотелось бы показать, что Чехов, как никто другой, свободен от всякого пафоса 〈...〉



ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ «ПАЛАТЫ № 6» ПЕРЕВОД ДЕНИ РОША, ЛИТОГРАФИИ ТОНИ КРИСТИАНС
Париж, 1945

ЛИТОГРАФИЯ ТОНИ КРИСТИАНС
К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ
«ПАЛАТЫ № 6»
Париж, 1945

2 мая 1924 г.: Чехов обладает удивительной способностью терпеливо ждать, пока не получит возможности удостовериться в каждом из приводимых им фактов: кажется, что он владеет особым даром сохранять самообладание и достоинство во всех жизненных положениях ⟨...⟩

Именно уважение к самому себе стоит для Чехова на первом месте. Ах, эта „целомудренная скромность", которая у французов вызывает представление либо о показной добродетели, либо о скрытой чувственности; „was ziemt" *, о чем говорил Гете, в равной степени далеко и от целомудренной скромности Чехова и от нашего понятия (уже почти архаического) о благопристойности; дело в том, что благопристойность куда более связана с поведением в обществе, чем с уважением к самому себе; для француза наиболее важным остается мнение окружающих. Чехова же уважение других интересует лишь как производное от уважения к самому себе; для французского моралиста, даже для моралиста XVII века, это не совсем одно и то же; в обоих случаях результат практически будет тем же самым, но, с точки зрения французов, исходным является *внешнее окружение*, с точки зрения Чехова,— *внутренний мир*, внутренняя чистота человека, которая распространяется на все ⟨...⟩

Никто не обладал более утонченной скромностью, чем Чехов: он полагал, что человек должен следовать своему внутреннему пониманию приличий, которое значительно шире общепринятых правил поведения ⟨...⟩ ⟨Никто не обладал таким⟩ удивительным, единственным в своем роде характером, свободным от всякой религиозности ⟨...⟩ Ибо основное, что мне хотелось бы показать на примере моего Чехова,— это то, чего может достигнуть человек без помощи религии и, больше того, даже без какой бы то ни было формы *духовной драматизации*» ⟨...⟩

19 мая 1924 г. Дю Бос записал в своем дневнике: «Главное сходство между Чеховым и Гарди [11] заключается в отказе обоих *от какого бы то ни было принижения разума* ⟨...⟩ Перечитав „Агафью", я несколько глубже понял те мотивы, по которым во многих новеллах Чехова отсутствует развязка, понял, почему его новеллы иногда даже резко обрываются, ставя этим в тупик читателя: мне теперь кажется, что Чехов

* что приличествует (нем.).

обрывает повествование тогда, когда все, что можно было бы еще добавить, уже не будет ни новым, ни истинным (именно в этом и состоит присущее Чехову тонкое умение сочетать между собою правду и новизну). Он уважает своего читателя так, как уважают своего соседа, и он никогда не станет задерживать его внимание на том, что читатель сам может домыслить или вообразить».

Запись от 21 мая 1924 г.: «Я думаю, что для точного определения общей позиции и индивидуальных особенностей Чехова надо было бы найти термин, представляющий собою нечто среднее между понятиями мудрости и святости: в самом деле в Чехове невозможно обнаружить даже крупицы снисходительности, которая обычно неотделима от мудрости; вместе с тем он абсолютно чужд той крайней нетерпимости, которая неизменно сопутствует святости, и больше того, он резко осуждает такую нетерпимость. Между Чеховым и Марком Аврелием так много общего, что я даже поставил их сочинения на одну полку в моей библиотеке ⟨...⟩ Однако Чехов отличается от Марка Аврелия отсутствием всякой видимости грусти. И в самом деле — на лице Марка Аврелия, которое сохранили нам его бюсты и барельефы, сквозит усталость и его восприятие жизни выставлено напоказ; да, именно напоказ: у Марка Аврелия оно было выставлено напоказ, и он хотел до конца оставаться таким. Но все это создает впечатление, что умудренность придавала его чертам выражение какой-то величественной грусти. Чехов же никогда не рисуется, он всегда естествен, всегда остается самим собою».

24 мая того же года Дю Бос делает следующую запись: «Вчера состоялась моя первая лекция о Чехове⟨...⟩В заключение я прочел конец его новеллы „Дама с собачкой“ и почувствовал, что аудитория полностью разделяет мое волнение ⟨...⟩ Начав чтение, я почувствовал, как с первых же слов меня охватил трепет, трепет, который предшествует высшему озарению, и мой голос сам собой перешел, как мне хотелось, на регистр leise* ⟨...⟩ Мне кажется, что пьянящему бальному залу, которому уподобляется жизнь в произведениях Толстого, я начинаю предпочитать глубокие и спокойные воды чеховского пруда, они мне ближе».

Шесть публичных лекций, посвященных Чехову, были прочтены Дю Босом летом 1924 г. Но и впоследствии Дю Бос сохранил неизменно привязанность к писателю, которого он называл «непревзойденным».

Запись от 17 января 1925 г.: «Говоря о творчестве Чехова, следует помнить, что сам писатель не подвержен депрессии; во всяком случае, если в нем и таится предрасположение к депрессии, то его удивительное и проникновенное душевное равновесие побеждает это предрасположение; подвержены депрессии его персонажи, а это — совсем другое: именно тут следует искать объяснение тому, что автор, обладающий нормальным жизненным тонусом и, главное, волей к сохранению этого тонуса, автор, прячущийся за своими героями, добивается того, что его произведения действуют на читателя, как тонизирующее средство; ⟨...⟩ между тем Гарди сам подвержен депрессии, он типичный ипохондрик и наделяет своих персонажей своей собственной депрессией, особенно тех, которые к ней предрасположены (это, кстати,— одно из наиболее уязвимых мест Гарди, из-за этого ему никак не удается оставаться беспристрастным, и Чехов превосходит его благодаря своей беспристрастности)».

«Трудности, которые таит перевод произведений Чехова,— записывает Дю Бос 31 марта 1926 г.,— почти не поддаются определению. Весь Чехов (я имею в виду его средства выразительности) — в этом ровном течении воды, в этой равнодушной покорности, которые представляют собой характерные черты самой жизни. Переводчику ни разу не удается схватиться врукопашную с неподатливым, но ясным текстом, не удается вступить в борьбу, в которой он может потерпеть поражение, но зато он отчетливо знает, с чем имеет дело; перед переводчиком Чехова трудностей как будто нет, а на самом деле — они повсюду, на каждом шагу. К счастью, едва ли найдется другой гениальный писатель, которому так мало бы вредило несовершенство перевода (в этом Чехов также сходен с Толстым): я не знаю другого примера высокого искусства, так мало зависящего от формы, в которую оно облечено; здесь язык являет собой такой же живой процесс, как это было в эпоху, предшествовавшую дифференциации языков ⟨...⟩

* тихо (нем.).

Я говорил Шлецеру ⟨переводчику Чехова.—*С. Л.*⟩, что ни один писатель не может сравниться с Чеховым в даре вливать в жилы каждого из своих персонажей некую дозу чего-то своего, „чеховского"; при этом все эти персонажи вовсе не утрачивают автономии, независимости от автора: напротив, она благодаря этому только возрастает. Герой „Скучной истории" (о котором нам известно из письма самого Чехова, что писатель в глубине души его осуждал) изображен с такой беспристрастностью, что читатель никогда не теряет из виду то, в чем герой прав. Да, это произведение — выше всякой критики, это — истинный шедевр, и будь я новеллистом или романистом, оно приводило бы меня в отчаянье, ибо я понимал бы бесплодность всякой попытки соревноваться с ним. *С этим соперничать нельзя*» (Charles Du B o s. Journal. P., 1946—1949. — В дневниках Дю Боса французский язык часто сменяется английским. Эта особенность не получила отражения при переводе на русский язык).

Известный французский критик и романист Эдмон Жалу также отдал дань уважения великому русскому писателю; в связи с выходом в свет первых томов собрания сочинений Чехова, издаваемого Плоном, Жалу писал:

«Антона Чехова постигла во Франции весьма странная судьба.

Открытый лет двадцать назад, в частности г-ном Андре Бонье, он не имел никакого успеха. В ту пору во Франции только что начинали любить великих русских писателей — Достоевского, Толстого, Тургенева,— и этот новичок казался рядом с ними весьма тщедушным. К тому же это совпало с резкой реакцией против всего, что казалось простым „воспроизведением жизни", и сам Мопассан много потерял в глазах людей просвещенных. Чехов же казался всего лишь Мопассаном из русских степей, несколько менее сильным, несколько менее решительным.

Но с тех пор в Англии появился перевод произведений Чехова, благодаря которому и многие французы начали понимать писателя; а г-н и г-жа Питоевы покорили публику своими смелыми и очень талантливыми постановками „Чайки" и „Дяди Вани" — двух пьес, которые могут быть, пожалуй, названы шедеврами. Для Чехова настала пора широкой известности, и вот, под мудрым и проницательным наблюдением г-на Шарля Дю Боса, Плон в свою очередь осуществляет издание полного перевода произведений великого русского прозаика.

Чехов долго был знаменит, но только теперь ⟨в 1925 г.⟩ к нему пришла истинная слава ⟨...⟩ Совершенно очевидно, что сейчас мы вычитываем в произведениях Чехова нечто такое, чего не замечали или, по крайней мере, не умели еще распознать его современники. Нас привлекает отнюдь не его пессимизм и не изображения стольких ущербных существований, несчастливых судеб, которые он нам рисует. Нет, этого у нас и у самих достаточно ⟨...⟩ Но Чехов как бы приносит нам подлинные свидетельские показания, и эти показания глубоко трогают и поражают.

Читая лучшие произведения французской литературы, мы ясно чувствуем, что истина в них, за очень редким исключением, искажена в угоду неожиданным эффектам и заранее придуманным положениям: это нравится, но мешает видеть. Возьмем, к примеру, Мопассана; совершенно бесспорно, что его великолепный дар рассказчика и наблюдателя сказался бы еще сильнее, если бы все его усилия не были направлены к тому, чтобы дать эффектный финал — комический, трагический или просто неожиданный ⟨...⟩

Вот чем нас безмерно восхищает Антон Чехов: он ничего не приносит в жертву риторике, он показывает жизнь почти такой, какова она в действительности, он не пользуется своим даром наблюдательности ни для того, чтобы удивлять нас, ни для того, чтобы исторгать у нас слезы или вызывать взрывы смеха, ни для того, чтобы выискивать выспренные и пустые формулы, которые только щекочут нервы своей красивостью, оставляя холодными сердце и ум. Чехов, как никто из известных мне писателей, свободен от всякой вульгарности; в этом он — настоящий классик; впрочем все его важнейшие качества — качества *классика* ⟨...⟩

Я не только никогда не поверю в то, что Чехов может сетовать на отсутствие сюжета, больше того: я вижу, что он всегда находит сюжеты самые значительные, самые существенные для описания человеческой жизни, во всяком случае, той жизни, которую он хочет описать. В любом из его рассказов меня восхищают и выбор мельчайших

деталей и общее расположение сцен; но самое главное — это то, что в его произведениях ничто не бьет на эффект. Чехов не только никогда не пускается в досужие россказни, он в скупых выражениях описывает лишь самое важное в изображаемой им ситуации, останавливается на самых главных сторонах жизни, которую он стремится разъяснить ⟨...⟩ Больше всего меня пленяет в Чехове то, что его искусство служит изображению тончайших нюансов; развитие сюжета в его произведениях никогда не нарушает законов правды, он не гонится за неправдоподобными интригами, чтобы внезапно пробудить задремавшего было читателя ⟨...⟩

Каждое новое его произведение, появляющееся у Плона ⟨...⟩, увеличивает интерес, испытываемый нами к творчеству этого замечательного рассказчика, и в то же время заставляет нас лучше почувствовать то таинственное и неуловимое, что присуще его таланту.

Долгое время Чехова считали реалистом и в каком-то смысле лучшим учеником Ги де Мопассана; я против этого не спорю. Две первых трети такой новеллы, как „Дама с собачкой", вполне могли бы принадлежать перу Мопассана ⟨...⟩ Но у Антона Чехова есть также нечто, решительно отличающее его от Мопассана, и это „нечто" мы и хотим попытаться сделать явственным и ощутимым».

Подвергнув анализу «Скучную историю» («один из шедевров Чехова»), Жалу переходит к рассказу «Володя»: «Чехов ⟨...⟩ предлагает нашему вниманию одни лишь факты, но факты, полные такого глубокого смысла, что вся трагическая история, о которой они повествуют, словно встает перед нашими глазами, и мы без труда прослеживаем все ее перипетии. Я не думаю, что найдется другое столь же сжатое изображение, так верно и точно показывающее все терзающие юношу волнения, весь его внутренний мир.

Отсюда становится понятным различие между Чеховым и Мопассаном. У Мопассана рассказчик целиком занят тем, о чем он повествует. У Чехова мы все время ощущаем присутствие чего-то полускрытого под тем, о чем он повествует. И это невысказанное, пожалуй, самое важное ⟨...⟩

Эта тревога и тоска составляют основу творчества Чехова. Его искусство заключалось, главным образом, в том, чтобы найти способ выразить эту тревогу и тоску не в лирических излияниях и отступлениях, как у Некрасова и Надсона, но в самых невзрачных, самых неприкрашенных картинах повседневной жизни; чтобы, приближая к нашим глазам грошовое зеркало этой жизни, заставить нас почувствовать то общее, значительное и общечеловеческое, что содержится в ней. Вот почему Антон Чехов занимает особое место, вне литературных направлений, вне времени. Его лучшие произведения обладают таким же неувядаемым совершенством, как и произведения Мериме и Мопассана, которые нередко приходят на память, когда читаешь Чехова. Произведения Чехова могут удовлетворить требованиям самых придирчивых исследователей и психологов, так глубоко проникновение писателя в самые сокровенные тайники человеческой личности, представляющие столь соблазнительную загадку для наших современников. Этим и объясняется огромный успех Чехова в Англии; мы надеемся, что Чехов вскоре будет пользоваться таким же успехом во Франции, где его сейчас только по-настоящему начинают читать и ценить» (Edmond J a l o u x. Figures étrangères, Ire série. Anton Tchékhov. P., 1925).

Молодой врач из Монпелье Анри Бернар Дюкло, горячий почитатель Чехова, под глубоким впечатлением от пьес, поставленных Питоевым, посвятил свою докторскую диссертацию теме «Антон Чехов — врач и писатель». «Медицина занимала важнейшее место в жизни русского писателя,— утверждает Дюкло.— Во всем, что он пишет, чувствуется ее влияние. А так как Чехов с каждым днем приобретает все больше репутацию писателя, которого несравненный его талант делает одним из лучших представителей русской мысли и украшением человечества, настало время заняться вопросом о месте, занимаемом медициной в его творчестве ⟨...⟩ В произведениях Чехова поражает обилие медиков и больных ⟨...⟩ Однако медицина и медицинская наука не сделали его ни скучным, ни *докторальным* ⟨...⟩

Я вспоминаю, как на первом представлении „Дяди Вани" в Париже, несколько лет тому назад, я был потрясен образом Астрова, человека, заслуживающего лучшего уде-

ла, чем ужасный удел деревенского врача, и который тем не менее покоряет вас своим героическим отречением, чередующимся у него со вспышками бунтарства, неожиданными порывами к идеалу, придающими ему дикую красоту. И я узнавал в нем многих врачей, состарившихся в наших провинциальных городишках, врачей, отдававших всю душу, все силы своим пациентам, и умевших сохранить при этом неожиданную в них гордость, и лишенную иллюзий доброту, остроту суждений, беспощадное понимание других и самих себя — словом, тот привлекательный и сложный характер, присущий только одним врачам (будь то французы или русские), характер, который Чехов так мастерски умел воссоздать. Друзья писателя утверждают, впрочем, что он придал образу Астрова много собственных черт ⟨...⟩ В творчестве Чехова множество больных, есть и описания отдельных случаев и клинические наблюдения. Но нас интересуют не патологические и эпидемиологические подробности, а то уменье, с каким Чехов несколькими штрихами, несколькими словами, даже не прибегая к научным терминам, дает возможность читателю-медику распознать симптомы болезни и поставить диагноз. Если бы автор сам не был врачом, он поступал бы прямо противоположным образом: он называл бы болезнь, не вдаваясь в подробности, или взял бы какое-нибудь руководство по патологии и выписывал оттуда различные симптомы, ничего в них не понимая, как это делал Золя ⟨...⟩ Писателю недостаточно видеть людей, он должен уметь наблюдать и схватывать их важнейшие черты. Так именно и поступает Чехов, который, стремясь изгнать из своих произведений всякую дидактику, избегает приводить диагноз болезни и чаще всего заменяет медицинскую терминологию выражениями, почерпнутыми из бытовой речи. В этом сказывается манера Чехова: объективное и точное описание характерных деталей без явного показа авторского отношения. Но сама действительность, свободная от лишних комментариев, является для зоркого художника гораздо более могучим источником эмоций. Вот почему уму и сердцу врача статистические данные говорят больше, нежели иная социальная драма. По мнению Чехова, каждый сюжет уже несет в себе трагедию, „литература" тут не нужна ⟨...⟩

Чехов считал, что занятия медициной играют для него роль регулирующего начала. Человеку, изучавшему физиологию, известно, в какой теснейшей связи находятся между собой все органы и какое страшное потрясение организма вызывает малейшее нарушение функций любого из них. Тому, кто постиг величие жизни, истинную цену страдания и суетность мелочных интересов, тому особенно очевидна красота душевного равновесия — доброты без гипертрофии жалости, милосердия без мании всепрощения, тому свойственно широкое понимание причин происходящего и меры ответственности. Вот почему Чехов, которого его соотечественники считают одним из самых русских среди русских писателей, кажется нам, французам, самым близким, самым *западным* из них. Чувство достоинства без тени высокомерия, мужественное приятие жизни без тени нигилизма, внутренняя дисциплина, которой Чехов обязан медицине,— все это пленяет нас в этом русском писателе, чей гений отмечен к тому же совершенным знанием человеческого сердца и поэтическим восприятием мира» (Henri-Bernard D u c l o s. Anton Tchékhov, le médecin et écrivain. P., 1927).

Исследования, посвященные Чехову, появляются в эти годы одно за другим. В своей работе о наиболее выдающихся европейских писателях А. Даниэль-Ропс посвящает целый раздел Чехову. Он неизменно опирается на нашумевшую в свое время статью Льва Шестова «Творчество из ничего», написанную в 1905 г. и вошедшую в его сборник «Начала и концы» (СПб., 1908). Статья эта, переведенная на французский язык Борисом Шлёцером, была позднее опубликована в сборнике избранных работ Шестова. Называя Чехова, вслед за Шестовым, «певцом безнадежности», «тревоги», находя в нем «безнадежность этическую, метафизическую, философскую», Ропс отмечает все же в своей статье: «Антона Чехова (и это применимо к большинству великих русских романистов) невозможно сразу постичь: для того, чтобы понять его и оценить скрытое богатство его творчества, нужно вжиться в мир, который он создал. Во Франции такой писатель, как Пруст, требует от своих читателей того же самого ⟨...⟩ Отдадим прежде всего должное строгости стиля Чехова, его непринужденной манере, точности его кисти — качествам, которые превращают писателя одновременно в одного из лучших пейзажистов и в одного из наиболее проницательных наблюдателей в русской литературе.

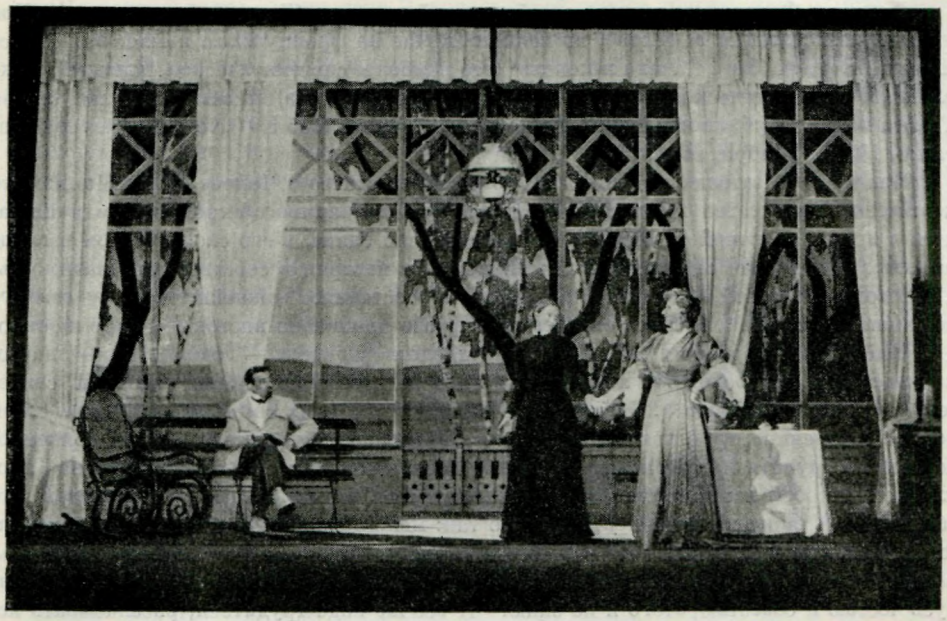
Чехов-пейзажист умеет в нескольких словах дать целую картину местности: ни один из русских писателей не способен лучше, чем он, передать настроение... Чехов-психолог нередко изображает явления в ракурсе, не превращая впрочем это в систему. В той сжатой манере, с которой он описывает персонажей, есть доля лукавства — ему одному присущий юмор, но нет жестокости: Чехов жалеет своих героев. Жалеет, но не умиляется〈...〉 Он никогда не поступится тонкостью анализа, который придает такую глубину его искусству, позволяет ему при изображении внешних проявлений чувств подкреплять это интуитивным проникновением в область подсознательного человеческой души; вот почему мы считаем Чехова одним из своих учителей, наряду с другими писателями, которые предпочитают ребяческим литературным забавам раскрытие человеческого сердца. Именно в силу этого Чехов так прочно сохраняет и поныне свою оригинальность, остается актуальным.

Чехов принадлежит к числу тех наиболее крупных писателей старой России, которых величайшие потрясения революции не отбросили в небытие 〈...〉 Глубоко русский, он в то же время и европеец в силу того нового, что он внес в изучение души, в силу того духовного сродства, которое сближает его с величайшими писателями; человек своего времени, он сумел выйти за его пределы и пойти навстречу нашему времени 〈...〉 Можно без преувеличения сказать, что Чехов был пророком революции: он предвещал ее, пожалуй, не столько теоретическими положениями, почти полностью отсутствующими в его творчестве, сколько тем, что выражал наиболее сокровенные чаяния русского народа, который был так хорошо ему известен. Чехов знал, что Россия — это рождающийся мир, мир в становлении 〈...〉

Творчество Чехова, сохраняя свою актуальность с европейской точки зрения и, можно сказать, с точки зрения исторической, не менее актуально и для России 〈...〉

Если бы даже Чехов был совершенно лишен своего *удивительного таланта рассказчика*, который позволяет ему, взяв за основу какой-нибудь пустячный случай, а то и вовсе обходясь без него, ткать тончайшую ткань произведения, таланта, который

«ВИШНЕВЫЙ САД» НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 2-го АКТА)
Постановка Жана-Луи Барро в театре Marigny (Мариньи), Париж, 1954 г.



«ЧАЙКА» НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 2-го АКТА)
Постановка Андре Барзака в «Théâtre de l'Atelier» (театре «Мастерство»), Париж, 1955 г.

обеспечивает ему долгую славу, то и тогда он заслуженно сохранился бы в памяти людей как один из наиболее проницательных исследователей человеческого сердца. Мы обнаруживаем в нем чувство человечности, а без него, по нашему мнению, не может быть великого писателя. Он принадлежит к числу тех учителей, влиянию которых мы охотно подчиняемся, которые способствуют *углублению нашего „я"*, помогают нам лучше разобраться в душевных безднах, учат нас *не верить обманчивой внешности*. Все, что несет на себе хотя бы малейшие следы *искусственности*, Чехов безжалостно отбрасывает: он снимает все покровы» (H. Daniel-Rops. Carte d'Europe (Strindberg, Conrad, Tchékhov, Unamuno, Pirandello, Duhamel, Rilke). P., 1928).

Владимир Познер писал в том же 1928 г. в своей статье «Антон Чехов»: «Чехов не мог простить своей эпохе ее безнадежной пошлости. Это — царство тоски, где не встретишь значительного человека, где жизнь груба, уродлива, тривиальна 〈...〉 Для нас важнее всего установить, был ли Чехов *летописцем* своего поколения, описывал ли он несостоятельность современной ему интеллигенции или же он видел свою задачу в изображении человека вообще, точнее говоря — в изображении того, как жизнь засасывает человека.

В своих произведениях Чехов показывает различные этапы этого засасывающего влияния жизни. Особенно ясно отдаешь себе в этом отчет, читая „Ионыча" и пьесу „Три сестры", где внешние условия жизни героев остаются без изменения, между тем как сами герои неизбежно претерпевают изменения. Они мало-помалу окостеневают, становятся рабами собственных прихотей, привычек и причуд 〈...〉 Тургенев и Гончаров могли противопоставить своим образам „лишних людей" — Обломову, Шубину, Рудину — образы людей действия — Штольца, Инсарова, Базарова 〈...〉 У Чехова нет этого утешения. Его герои погрязают в житейской тине и ничего не добиваются, потому что в сущности в жизни нечего делать и невозможно ничего достичь. Сильные терпят неудачу так же быстро, как и слабые (Львов, фон Корен — добропорядочные ничтожества, чья деятельность оказывается бесполезной, а порою даже приносит вред). И в самом деле, можно добиться благосостояния, но не счастья, известности, но не бессмертия» (W. Pozner. Anton Tchékhov.— «Revue Hebdomadaire», 1928, № 28).

Доминик Фернандез, также не избежавший влияния Шестова, утверждает: «Два лучших исследования о Чехове, во всяком случае на французском языке, это — эссе Шестова в его работе „Начала и концы“ (это наиболее систематическое, пожалуй, даже слишком систематическое исследование творчества Чехова) и замечательная статья Томаса Манна, опубликованная в „Table Ronde“ в июне 1955 г.» («Nouvelle Revue Française», 1955, 1 ноября, стр. 975).

Напомним читателю, что́ писал в упоминаемой статье о Чехове Томас Манн: «Это поэтическое творчество околдовало меня: столько молчаливого скромного величия таится в иронии, с какой он относится к собственной славе, в его скептическом взгляде на смысл и значение собственной деятельности, в неверии в собственную значимость. „Недовольство собой,— сказал он однажды,— составляет важнейшую черту всякого подлинного таланта“. Каждое слово в этой фразе пропитано настоящей скромностью. „Черпай удовлетворение в собственной неудовлетворенности,— говорил он,— она доказывает твое превосходство над теми, кто доволен собой, и служит, пожалуй, свидетельством твоего величия“. Но при всей искренности своих сомнений, при всей своей неудовлетворенности, Чехов, *вопреки всему*, продолжает трудиться, самоотверженно, неутомимо трудиться, трудиться до конца, сознавая при этом, что ответить на „проклятые“ вопросы все-таки невозможно и испытывая угрызения совести, чувствуя, что обманываешь ожидания читателя. Да, это так: можно забавлять различными историями *мир заблудившихся людей, но нельзя направить их на стезю спасительной деятельности*. На вопрос бедной Кати: „Что мне делать?“, можно ответить только одно: „Клянусь честью и совестью, этого я не знаю!“ И все же надо трудиться, рассказывать истории, облекать истину в доступные формы и доставлять этим радость миру обездоленных, сохраняя смутную надежду, почти веру в то, *что истина, облеченная в жизнерадостную форму, оказывает, без сомнения, освобождающее влияние на человеческую душу и* может подготовить мир к лучшей жизни, более прекрасной, более справедливой, более разумной» («Table Ronde», 1955, № 89) [12].

Все это уже весьма далеко от беспощадного пессимизма Шестова и его узкого, тенденциозного и лишенного художественного чутья подхода к творчеству Чехова.

Мы позволим себе привести теперь прекрасную страницу из статьи Пьера Сувчинского «Горизонт Чехова», которая может послужить лучшим ответом на утверждения Шестова: «Персонажи Чехова, особенно персонажи его своеобразных драм-комедий (даже сам автор затруднялся порою определить что́ это: драма или комедия, трагедия или фарс) *не действуют, а подчиняются* обстоятельствам, и в их подчинении столько целомудрия и печали, что оно внушает к себе уважение; это подчинение обладает также магической способностью видоизменяться и *приобретать характер и значение высокой трагедии*. Стремясь к будущему, призывая всеми силами души то неведомое, которое должно прийти и все изменить, предчувствуя надвигающуюся катастрофу, эта среда, состоящая из людей честных и чистых, но бесконечно усталых и обессиливших под бременем повседневных забот, становится прибежищем даже для страстных сторонников действия и возмущения. Эта исповедальня, где люди жалуются, оплакивают прошлое и настоящее и клянут жизнь, *становится местом очищения и передышки*, местом, где слабость оборачивается силой, растерянность превращается в веру; *и вот — перед нами мир, где все неразумное, все нелепое преобразуется и каким-то чудом преодолевается*. Слабость и покорность вполне извинительны в этом мире, где слово *любить* тождественно слову *жалеть*. Все это может показаться весьма заурядным, беспомощным и наивным (Чехову в какой-то мере присуще „резонерство“, он — один из наследников этой традиции русской литературы, берущей свое начало еще в XVIII веке; отличительная ее черта — любовь к рассуждениям на различные темы, нередко общепринятые и не требующие рассуждения), но существует еще само *искусство* Чехова, присущая его творчеству поистине гениальная выразительность, которая занимает своеобразное промежуточное положение между общепринятым натурализмом и импрессионизмом, необыкновенно действующим на чувства и воображение импрессионизмом, о котором, быть может, сам писатель и не подозревал; существуют неповторимые чеховские интонации, его простые и точные слова, которые порою кажутся колдовскими и пророческими; и, наконец, самое главное: то, что все у Чехова — *правда*.

Но важней всего то, что вера Чехова в своей основе трагическая, но приносящая умиротворение и бодрость, не есть вера идеалистическая и абстрактная, в ней нет ничего ни от философии, ни от этики, она обладает, если можно так выразиться, всеми атрибутами, всей святостью веры в бога, в реально существующего бога, которого он именует истинным богом, но который *насквозь пронизан светским духом*. Думая о Чехове, невольно приходишь к мысли, что представление о боге есть (или может быть) представление в высшей степени *светское*» (Pierre Souvtchinsky. L'Horizon de Tchékhov.— «Cahiers de la Compagnie Madeleine Renaud — J.-L. Barrault», VI. P., 1954).

«Трагическая в своей основе», но «приносящая умиротворение и бодрость» — такова вера, такова мысль Чехова. И как это правильно, что мир Чехова — это мир, где «все неразумное, все нелепое преобразуется и каким-то чудом преодолевается!» Во всяком большом искусстве есть элемент тайны: вот почему такие понятия, как «реализм» и «импрессионизм» в применении к Чехову, хотя и правильны, но не позволяют полностью раскрыть характер его творчества, дать исчерпывающее объяснение тому, что оно собой в действительности представляет.

Этот неуловимый элемент ускользает от умов неповоротливых, угрюмых, склонных к поучениям, от людей, слишком убежденных в абсолютном и неоспоримом примате разума над чувством или попросту погрязших в тривиальности, которая является одним из самых больших пороков литературных критиков. Он ускользает от всех этих критиков, которые зачастую обладают большой эрудицией и солидными познаниями в области истории литературы и философии, но только в виде исключения вкусом и художественным чутьем. И подобные люди, не «чувствующие» искусства, не умеющие различить мелодии, звучащей в произведении, как не умел этого Шестов, берутся судить о творчестве такого утонченного, такого неповторимо своеобразного художника, как Чехов! Впрочем, Чехов вовсе не был чужд идей, он понимал то, что ныне именуют «идейной позицией» или «социальным заказом»; всем этим текст произведений Чехова, можно сказать, в какой-то мере пропитан, порою писатель слегка касается этих тем, но делает это ненавязчиво, намеками, никогда ничего не растолковывая. Нужно уметь анализировать всю лексическую *ткань* его прозы, а не отдельные *слова*, которыми Чехов пользуется необыкновенно бережливо, причем каждое из них занимает свое определенное, незыблемое место в канве повествования. Пожалуй, во всей русской и мировой литературе не существует другого писателя, чье творчество было бы столь продумано, столь искусно построено, столь тщательно отделано, столь изящно выражено и при этом — столь поэтично.

3

Двадцать пятая годовщина со дня смерти Чехова была отмечена в Париже постановкой «Трех сестер» труппой Питоевых. Премьера пьесы состоялась 26 июня 1929 г. в «Théâtre des Arts».

Дочь Жоржа Питоева — Анюта Питоева рассказывает о том подъеме, с каким проходили репетиции пьесы: «Труппа работает над „Тремя сестрами“ с необыкновенным увлечением: женщины забыли о косметике, мужчины сосредоточенны и молчаливы <...>

Они верят в свое дело. Жорж Питоев готовит постановку чеховского шедевра, движимый любовью к Антону Чехову, которая живет в нем еще с отроческих лет. Все стремятся бережно воспроизвести эту столь правдивую и глубоко реалистическую картину русского общества восьмидесятых годов XIX века. Ведь надо суметь передать тоску, характерную для таких неудавшихся, загубленных существований, каким было существование чеховских трех сестер, чья жизнь сводилась исключительно к тому, чтобы подготовлять будущее для грядущих поколений<...>

Он умел озарять создания русских писателей тем светом, которым были освещены у себя на родине герои этих пьес — слегка поблекшие люди недавнего прошлого; выходя на сцену, они начинали говорить и внезапно останавливались, умолкали, словно о чем-то задумывались; они растерянно переводили взгляд с предмета на предмет,

голос у них был приглушен от волнения, чувствовалось, что из их глаз готовы хлынуть потоки слез, но они усилием воли сдерживали их, и в их голосе, несмотря ни на что, звучали нотки надежды. Да, когда раздвигался голубой занавес, мужчины и женщины, которых Жорж Питоев воссоздавал на сцене, были именно такими, какими их создали Толстой, Горький, Чехов» (Aniouta P i t o ë f f. Ludmilla, ma mère. P., 1955).

«Три сестры» — один из самых прекрасных спектаклей, поставленных Питоевым. Много самых простых людей приходило по вечерам в его ложу, чтобы поделиться с ним и его женой, Людмилой Питоевой, тем глубоким впечатлением, которое произвел на них Чехов. Критика очень тепло встретила спектакль.

«Надо воздать должное Жоржу Питоеву,— писал выдающийся театральный деятель, режиссер, актер и критик Андре Антуан.— Если бы не он, то многие великие произведения зарубежных писателей оставались бы для нас неизвестными ⟨...⟩ На этом спектакле я увидел то, чего мы до сих пор во Франции никогда не видали: движение актеров, мизансцены, использующие все сценическое пространство и дающие такую свободу — все это удивительно живо и ново...» (Цит. по книге Aniouta P i t o ë f f, p. 179).

«Три сестры» прошли с триумфом. Правда, глубоко новаторская драматургия Чехова, быть может, не была еще до конца понята: это произойдет лишь позднее, в 1954 г., когда слава великого русского драматурга достигнет своего апогея и такие постановщики, как Ж. Л. Барро, и такие специалисты в области русского театра, как Нина Гурфинкель, разъяснят широкой публике новизну чеховских воззрений на театр.

Но так или иначе, в хвалебных отзывах недостатка не было!.. «Постановка просто великолепна⟨...⟩ Говорят: „Тут раскрывается русская душа; это — картина довоенной, дореволюционной жизни". Но приходя в театр, забываешь обо всех этих умных вещах, попросту думаешь: „Вот — истинный шедевр человечности и поэзии"» («Paris-Midi», от 26 января 1929).

Жозеф Кессель с глубоким волнением писал в статье «Редкий вечер»: «Я отлично знаю все, что можно сказать против пьесы Антона Чехова ⟨...⟩ Я все это знаю, но меня это нисколько не смущает. Когда речь идет о таком своеобразном, проникновенном и нежном таланте, как у Чехова, все возражения, которые казались бы уместными, если бы речь шла о посредственном или даже вполне уважаемом авторе, здесь кажутся просто ребяческими ⟨...⟩ Какое счастье — безоглядно подчиняться великому писателю! Критический ум умолкает перед столь простой драмой ⟨...⟩

Растянутость, неопределенность завязки? Но ведь это необходимо, чтобы верно живописать людей, у которых нет другого выхода из окружающей их душной атмосферы, как только мечтать, говорить! Медленное развитие действия верно передает медленный темп их сумеречной жизни ⟨...⟩ И с каким волнением мы смотрим эту пьесу, написанную лет тридцать назад и ставшую ныне, в результате русской революции, исторической пьесой ⟨...⟩

Произведение, отмеченное печатью вдохновения, всегда говорит само за себя, оно обогащается, вбирая в себя, казалось бы, противоречивые элементы, что для любого другого произведения, менее совершенного, было бы губительным. „Три сестры" не нуждаются в защите. Разве надо защищать чистую и печальную мелодию, прекрасную жалобную песнь, стихотворение, исполненное безнадежности? ⟨...⟩ Весь талант Чехова соткан из неподдающихся анализу элементов. Здесь не место говорить о его повестях и рассказах. Но необходимо, во всяком случае, помнить, что Чехов — один из величайших писателей России, которая дала миру писателей несравненных ⟨...⟩ Больше всего чарует в нем глубокая меланхолия и необычайная нежность. В его таланте есть что-то от музыки, от сероватого неба, от сумерек. И чудо состоит в том, что вся эта тонкость и мягкость, вся пронизывающая чеховское творчество задушевность не блекнут и не тускнеют под безжалостным светом театральной рампы. Чехов не делает ни малейшей уступки пресловутому „драматургическому видению". Он сохраняет присущую его стилю гибкость и пластичность, он не торопится, не стремится к прямолинейным конфликтам. И все же он трогает, убеждает и потрясает. Я не берусь объяснять причины его влияния: его сила таится в очаровании, а очарование не поддается анализу. Его на-

до испытать ⟨...⟩ Зритель уходит из театра опьяненный каким-то непередаваемым чувством, необыкновенно чистым, в котором сливается воедино покорность, печаль, тоска и боль. Это чувство не позволяет нам смешивать пьесы Чехова с примитивными натуралистическими „кусками жизни", ибо натурализм исключает поэзию» («Gringoire», 1929, № 1-2).

А вот что писал критик Эдмон Сэ: «Господин Питоев знакомит нас сегодня ⟨...⟩ с наиболее суровой, меланхолической и проникнутой, если можно так выразиться, чисто русским отчаянием, комедией знаменитого писателя. Это одновременно и глубоко волнующий, исполненный сарказма очерк провинциальных нравов, и некая горестная „романтическая поэма" о неудавшейся жизни ⟨...⟩ Герои пьесы Чехова ⟨...⟩ жертвы или собственные палачи, и я готов биться об заклад, что они остались бы такими же

«ИВАНОВ» НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 2-го АКТА)
Постановка Жака Моклера в «Théâtre d'Aujourd'hui» («Современном театре»), Париж, 1956 г.

в любых других обстоятельствах и в любом другом месте (только, разумеется, в России). Именно это и придает комедии типичность, обобщающее значение, именно поэтому она остается одним из наиболее примечательных и характерных произведений, отражающих душу страны, в которой она была создана.

С точки зрения психологической и драматургической эта пьеса представляется выдающимся явлением» («Oeuvre», от 27 января 1929).

Столь же высоко оценили пьесу Чехова и другие французские критики—например Робер Кемп в «Liberté», от 27 января 1929 г. и Поль Ребу в «Paris-Soir», от того же числа. Но в общем хвалебном хоре временами слышались и диссонансы. Так, в статье критика Люсьена Дюбека мы читаем:

«То, что мы видим у Питоева, так страшно, что в силу контраста все прочее кажется отрадным — ведь мы заглянули в бездонную пропасть человеческой души.

Мы заглянули в славянскую душу. Не знаю, как у вас, но у меня от этого зрелища кружится голова ⟨...⟩ Невольно спрашиваешь себя: не трафарет ли это, возможно ли, чтобы целый народ был до мозга костей пропитан нигилизмом, объят отчаянием и жаждой разрушения? Затем все же приходится признать, что и в области искусства, и в области политики все свидетельства сходятся между собой, подтверждают друг друга⟨...⟩ Как ни отличаемся мы от русских, общего у нас с ними гораздо больше, чем

различий. Поразительно, насколько мы одновременно и далеки от них и близки, и невольно испытываешь удивление, ужас, симпатию. К тому же, что за поразительные художники эти прирожденные анархисты!»

Утверждая, что отличительной чертой «Трех сестер» является полное отсутствие действия, Дюбек пишет далее: «Ни один из персонажей не доволен своей судьбой. И каждый выражает это по-разному, в зависимости от особенностей своего характера, схваченного и переданного с изумительной жизненной правдой: только это и есть в удивительной пьесе Чехова, но зато в этом ей уже нельзя отказать. Если бы в России не существовало миллионов таких людей, можно было бы и впрямь заключить, что все русские писатели сговорились обманывать нас <...> Понравится ли пьеса французской публике? Неизвестно. Во всяком случае, ее постановка — удача для любителей копаться в чужой душе!» («Candide», от 31 января 1929).

Убогие и смехотворные суждения о пьесе Чехова высказали даже некоторые пользующиеся известностью критики. Люсьен Декав, например, писал в «L'Intransigeant», от 27 января 1929 г.: «У Чехова все действующие лица кажутся неврастениками, они произносят бессвязные речи, заговариваются и повторяют одно и то же в течение целых трех часов... Говорят, будто это пророческая драма и в ней слышится похоронный звон по старому русскому обществу. Возможно. Нам же пьеса скорее напоминает Анри Монье [13], приправленного икрой».

Пьер Вебер писал в тот же день в «Le Petit Journal»: «Я прочел очень любопытные рассказы Чехова. Не имея ни размаха, ни силы Горького, он великолепно владеет изобразительным мастерством, и я собирался провести приятный вечер в театре на „Трех сестрах". Должен признаться, я был разочарован. В этой четырехактной пьесе нет ничего, решительно ничего, и надо много снобизма и снисходительности, чтобы восхищаться этой длинной вещью, в которой отсутствует даже намек на действие».

Есть глаза, которые не умеют видеть, есть уши, которые не умеют слышать. Всякий спор тут бесполезен. Всегда были и всегда будут существовать люди, неспособные выйти за пределы своего узкого мирка. В данном случае, это мирок, строго ограниченный Большими парижскими бульварами.

В том же 1929 г. юноша, ставший впоследствии выдающимся критиком и театральным деятелем, Жан Непвё-Дега, полюбил раз и навсегда автора «Трех сестер». Он мастерски рассказывает об этом «уже далеком вечере»; о волнении, охватившем тогдашнего лицеиста, не знавшего не только произведений Чехова, но даже «имени» писателя; об откровении, которым была для него эта «странная пьеса»; о неизменных «бархатных драпировках», сопутствовавших Питоеву во всех его странствиях по Парижу и по Европе; о сцене, задрапированной этим бархатом, об окне с белыми прозрачными занавесками, сквозь которые вливался в комнату дневной свет, о скромной мебели и столе, вокруг которого хлопотала старуха-няня. «Как передать впечатление даже от этой первой сцены? Мы почувствовали, что нас ввели не в какой-то дом вообще, а именно в дом Прозоровых, о которых мы ничего не знали, но которых отныне уже не могли отделить от этой обстановки. Мы сразу восприняли всю поэзию домашнего уюта, всю насыщенность времени, сотканного из привычек, горестей и радостей, которое течет час за часом, минута за минутой. И юный читатель Пруста уже предчувствовал, что тайные нити должны протянуться между „поисками утраченного времени", которые он, в свою очередь, собирался предпринять по страницам книги, и миром безысходности, открывавшимся ему в пьесе <...> Странная пьеса,— говорили мы. Короткие фразы срываются с губ действующих лиц, словно продолжение внутреннего монолога, а перекрещивающиеся реплики создают мало-помалу чрезвычайно плотную и упругую драматургическую ткань.

Композиционный прием Чехова напоминает музыкальный прием, игру контрапунктов, резонансы. Переплетение комического и патетического выходит за пределы драматургического жанра, и все же каждое слово, каждый штрих пьесы глубоко правдив. Это подлинное отображение жизни, той жизни, которая развертывается ежедневно у нас перед глазами, но потребовался талант поэта, чтобы с такой полнотой раскрыть наши, до сих пор смутные, ощущения этой жизни, чтобы выявить всю правду, все величие окружающего.

Вот что сообщало этой мучительной, а местами даже гнетущей пьесе скрытый, утешительный смысл. Она говорила нам, что для того, кто умеет видеть, жизнь стóит того, чтобы ее прожить: преобразование жизни путем искусства — подобно откровению Пруста. Более того, пьеса говорила нам, что для людей самых одиноких, самых обездоленных, самых забитых судьбой, всегда остается надежда, и если они сохранили любовь, любовь к ближним, любовь к самой этой жизни, которая их преследует, ничто еще не потеряно <...>

И юноша, присутствовавший в тот вечер на пьесе Чехова, прочел впоследствии одну за другой все книги писателя, все сборники его сочинений, где короткие рассказы перемежались с длинными повестями. Он открыл в них богатый мир чеховских героев <...> Позднее, тот же самый читатель нашел упоминания о Чехове в „Дневнике" Кэтрин Мэнсфилд, в „Дневнике" Шарля Дю Боса, в высказываниях многих французских и иностранных писателей, которые не раз отмечали влияние чеховского творчества, чеховского своеобразия на их манеру видеть и чувствовать. Плеяда родственных по духу людей, не знающих искусственных границ! Но каждый раз, встречая фамилию Чехова на титульном листе книги, он мысленно возвращался к первому спектаклю „Трех сестер". Он вспоминал далекий вечер, когда при помощи нескольких метров ткани, кое-какой мебели, волшебства освещения и колдовских чар своих голосов Жорж и Людмила Питоевы распахнули перед собравшимися двери в тайное царство человеческой нежности, не исключающей ни трезвого взгляда на вещи, ни своего рода мужества, в то царство, символом и путеводной звездой которого Чехов навсегда остался для них» (Jean N e p v e u - D e g a s. Message de Tchékhov. — «Cahiers de la Compagnie Madeleine Renaud — J.-L. Barrault», VI, 1954).

4

В наши дни популярность Чехова продолжает расти. Происходит нечто, напоминающее процесс медленного созревания; поэзия чеховского творчества незаметно добивается признания, завоевывает читателей, но только мирным, вполне мирным путем. Писатель не оказывает на нас прямого влияния, он скорее распахивает окно в какой-то неведомый мир; новая манера чувствовать, а быть может, даже писать, проникает мало-помалу во французскую литературу. Произошла еле заметная перемена настроений, которой мы были отчасти обязаны тревожной предвоенной обстановке и ощущению неизбежной катастрофы, тяготевшей над Европой в памятные 1937—1939 годы. Воздух был насыщен электричеством, небо покрыто тяжелыми грозовыми тучами.

За несколько месяцев до начала второй мировой войны и незадолго до своей смерти Жорж Питоев (он умер 17 сентября 1939 г.) в последний раз поставил «Чайку». Премьера ее состоялась 17 января 1939 г.

Спектакль имел невиданный успех. Пьеса «поминутно вызывает у зрителей возгласы удивления и восторга,— писал Жан Ришар Блок.— Весь Париж, все зрители аплодировали Чехову и Питоевым. В течение нескольких месяцев пьеса шла в переполненном театре. Было что-то необычное в волнении, охватившем парижскую публику, словно потерявшую чувство меры, уравновешенность, критическое чутье» (цит. по книге: Aniouta P i t o ë f f. Ludmilla, ma mère. P., 1955, p. 232).

«Надо посмотреть „Чайку",— писал Пьер Бриссон.— Редкое произведение вызывало такой отклик. Это поэма, мелодия и урок» (цит. по книге: André F r a n k. Georges Pitoëff. P., 1958, p. 118).

Урок заключался, во-первых, в приобщении к новому автору. Благодаря Питоевым Чехов стал во Франции наиболее любимым и уважаемым из иностранных драматургов. Во-вторых, своим ясным взглядом на вещи, внутренней смелостью, мужественной, благородной нежностью и поэзией пьеса создавала новое настроение. И, в-третьих, это была дверь, открытая в новый мир, где мы увидели неизвестных нам людей, перед которыми, несмотря на их отдаленность от нас и на своеобразие некоторых форм их жизни, стоят те же проблемы, что и перед остальным человечеством.

Затем разразилась война. Мрачные военные годы принесли новые страдания, открыли неведомые до сих пор «бездны». Искалеченные, измученные, встревоженные

всеми пережитыми ужасами, люди более чем когда-либо нуждались в ободрении, жаждали реабилитации человеческой личности. Кто лучше Чехова мог посочувствовать, понять и незаметно успокоить? Здесь я позволю себе привести выдержку из своей собственной книги:

«Тысячелетнее бессилие человечества обуздать живущего в нем зверя, извечное главенство низменного начала, животных инстинктов над разумом, постоянное торжество жестокости, глупости и порока — таков в глазах Чехова мрачный смысл человеческой комедии. Этой правде научило Чехова не только непосредственное соприкосновение с жизнью, но и его любимые писатели: Бальзак, Флобер, Золя, Мопассан. Безрадостные выводы, к которым приходит французский роман XIX века, не могли не оказать влияния на Чехова, так как до странности совпадали с его собственными наблюдениями, с его собственным опытом. Но не в характере писателя было примиряться, склонять голову. Здесь проявляется его глубокий, неистребимый оптимизм, его страстная любовь к жизни, к тому, что в ней есть или может быть положительного и прекрасного. Он не кричит, как Гоголь: „Соотечественники, страшно!“, не сходит с ума, как Мопассан, не пытается потопить свою тоску в вине, как Глеб Успенский, не кончает жизнь самоубийством, как Гаршин. Прирожденная мудрость и уравновешенность подсказывают ему, что не бывает света без тени, что повсюду в мире жизнь — только чередование контрастов. Врачебный опыт, неподкупный взгляд беспристрастного наблюдателя, интуиция психолога учат его, что человек не только страдающее существо, то слабое и униженное, то грубое и жестокое, то жертва, то палач, но что есть в нем и область, недоступная холодному рассудку и подчиненная совершенно особой логике — логике сердца. На грани опыта, блужданий и сомнений Чехова живет последняя и успокоительная уверенность, что в глубине человеческого сердца кроется залог спасения, который он зовет „талантом человечности“, подразумевая под этим дар деятельной любви — ту активную жалость, которая составляет цель и оправдание жизни. С этой точки зрения всякая надежда на личное счастье — лишь детская мечта ⟨...⟩

И он победил свое отвращение к человеку благодаря этому утонченному нравственному чувству, внушившему ему слова: „Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой“ ⟨XII, 218⟩ или в другой раз: „Мы все только говорим и читаем о любви, но сами мы мало любим!“ ⟨там же, стр. 217⟩. Таковы плоды размышлений Чехова над жизнью, такова главная его сила. Исключительно одаренный художник, человек с поразительно ясным и точным умом, Чехов не был крупным мыслителем. Из его произведений нельзя извлечь новых философских взглядов, цельной системы ⟨...⟩ Мы не найдем в его творчестве ни метафизических откровений, ни новых блестящих идей, а лишь простую, бесхитростную, выстраданную мудрость, мудрость человека проницательного, глубокого, честного и бесконечно доброго. Мудрость повседневную, непосредственную, действенную, которую умеет высказать, а, в особенности, применить на деле с неизменной и безмятежной скромностью лишь писатель большой души. Совершенство художественной формы придает его простым наставлениям огромную убедительную силу и красоту. Творчество Чехова убаюкивает и утешает. Читая Чехова, выносишь впечатление, словно в этом мире что-то смягчено, сглажено, прощено» (Sophie L a f f i t t e. Tchékhov par lui-même. P., 1955, p. 150—154).

Последнее десятилетие принесло окончательное признание Чехову, который считается теперь во Франции (наряду с Достоевским) наиболее популярным из великих русских писателей.

Новое собрание сочинений Чехова выпускается издательствами Plon и Editeurs Français Réunis. Появляется ряд книг и множество статей, посвященных Чехову. Театры ставят его пьесы, даже наименее известные.

С июля по декабрь 1952 г. «Дядя Ваня» шел с триумфом в «Théâtre de Poche», где пьеса была поставлена и сыграна Сашей, Светланой и Кармен Питоевыми. В предыдущем году та же труппа с успехом сыграла «Дядю Ваню» в «Studio des Champs-Elysées». Усилия молодого поколения Питоевых достойны всяческих похвал: располагая весьма ограниченными средствами, недостаток которых они, по примеру родителей, восполняют талантом, любовью к театру и благородным бескорыстием, молодые Пи-

тоевы лишний раз доказали, что деньги в искусстве — вещь второстепенная. Пьеса в их постановке жизненна, правдива, поэтична, трогательна. Париж не ошибся на этот счет, он горячо принял молодых исполнителей и тотчас же признал их. Вот несколько отзывов, появившихся в печати.

«В тот вечер, когда я смотрел „Дядю Ваню", „Théâtre de Poche" оказался слишком тесен, чтобы вместить всех поклонников Чехова и Питоевых,— писал Марсель Капрон.— Прием публики предвещает, что театр будет тесен и в дальнейшем, хотя театральный сезон подходит к концу. Такому успеху можно только порадоваться. Вот поистине благородный театр и с точки зрения выбора автора и с точки зрения игры актеров. И может ли быть более заслуженный, более ободряющий, успех, чем успех, основанный на чистой любви к искусству и на желании служить ему» («Combat», от 27 июля 1952).

«Я редко видел, чтобы публика следила с таким напряженным вниманием за игрой актеров, которые все до одного полны неподдельного воодушевления. Признаюсь, я был взволнован»,— писал Андре Давид в «L'Information», от 23 августа 1952 г., называя «Дядю Ваню» «одним из подлинных шедевров русского репертуара».

В 1954 г., когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Чехова, пьеса «Три сестры» в исполнении труппы Питоевых вызвала столь же безоговорочное признание:

«В искусстве есть такие жемчужины, что невольно испытываешь страх, как бы неловкие руки не испортили их своим прикосновением,— писал Пак (Puck).— Мне кажется, что „Три сестры" принадлежат именно к разряду этих мировых шедевров, столь редких, столь совершенных, что я долго-долго колебался, прежде чем решился посмотреть пьесу в театре „Oeuvre", где ее исполняли Саша Питоев и его труппа ⟨...⟩ Но вся постановка так совершенна и так глубоко волнует, что испытываешь чуть ли не угрызение совести, отделяя исполнителя от исполняемой роли, в которой никогда нет ни фальши, ни переигрываний. Каждое слово, каждое лицо, каждая сцена напоминают по своей прозрачности и по чистоте звука кристалл» («Aspects de la France», от 25 февраля 1955).

В год пятидесятилетия со дня смерти писателя слава его во Франции достигла своего апогея.

Андре Вюрмсер в статье «Знаменитый писатель России», напечатанной в дни чеховских торжеств, писал: «Исполнилось ровно полстолетия со дня смерти одного из самых великих наших писателей, и мы, люди XX века, с ясным сознанием все вместе думаем о нем — будь то в Париже или Москве. Весь этот 1954 год — ибо это год Чехова, подобно тому как 1952 год был годом Виктора Гюго,— мы перечитываем его, вспоминаем его, стараемся измерить его значимость. Прогрессивные еженедельники и журналы — „Lettres Françaises" и „Europe" — посвящают Чехову специальные номера. Критики, педагоги, театральные деятели, драматурги, актеры славят в них его память ⟨...⟩ В отличие от своих современников-натуралистов Чехов изображает действительность в темных тонах не по личному вкусу и не потому, что таков его метод. Он окрашивает мир в цвет времени, в цвет скуки и горя. Но у Чехова есть и другой цвет. Мир произведений Чехова предсказывает будущий мир». Отмечая, что в Париже недавно вышел том полного собрания сочинений Чехова с его драматическими произведениями, «наконец переведенными языком, в котором звучит поэзия», Вюрмсер замечал: «...нельзя любить и почитать Антона Павловича Чехова, не понимая, что Россия, им описанная, что русские, несчастье которых он показал в своих произведениях, должны были превратиться в эту новую страну, в этих новых людей, которых мы видим сейчас» («Правда», от 16 июля 1954).

Андре Вюрмсеру принадлежит также статья о Чехове в специальном номере еженедельной газеты «Lettres Françaises», выпущенном в свет к пятидесятилетию со дня смерти писателя. Статья посвящена только что вышедшему тогда (в издании Les Editeurs Français Réunis) тому собрания сочинений Чехова, содержащему драмы. Чехов,— говорит Вюрмсер,— считал свои пьесы водевилями и недоумевал, почему на представлении этих пьес зрители не смеются, а плачут. По мнению Вюрмсера, Чехов хотел сказать людям: «„Посмотрите, как вы плохо живете" и, когда они поймут это, они, конечно, создадут для себя совсем другую, лучшую жизнь. Есть ли тут о чем плакать?» «Да,

ОБЛОЖКА
ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ
РАССКАЗА «КАШТАНКА»
Рисунок Натали Парэн
Париж, 1934

разумеется,— пишет Вюрмсер,— быть обреченным, жить плохо в мире, в котором *еще нельзя* жить хорошо, об этом можно плакать, но вместе с тем это и пробуждает сознание». Чеховская драматургия, ставя вопрос, могут ли люди, которые живут сейчас плохо,— жить лучше, дает на это положительный ответ. И убедительность этого ответа достигается тем, что Чехов не вкладывает его в уста персонажей своих произведений, а дает его в подлинном реалистическом изображении действительности. Перед зрителем проходят живые люди во всей оригинальности их духовного облика, лишенные малейшей карикатурности, показанные в их подлинной социальной среде, «такими, словом, какими их делает повседневная жизнь определенного класса, определенной страны в определенный исторический момент».

Сила Чехова в том и состоит, что он изображает пошлость и трагизм своих героев, не изолируя их от окружающей среды. Его занимает не «„судьба Человека“, а участь людей, живущих в обществе, которое они сами для себя создали и которое могут преобразовать» [14].

В 1954—1956 гг. почти все чеховские пьесы были поставлены в Париже. Чехов стал у нас наиболее популярным драматургом. Можно подумать, что произошел своеобразный процесс кристаллизации, и Чехов, этот при всей кажущейся своей простоте столь сложный писатель, был, наконец, понят во Франции. Симфоническая структура его драм, их многопланность, скрывающаяся за монологами, а в особенности за немыми сценами, стали теперь очевидными. Достаточно просмотреть критические статьи о «Дяде Ване», «Вишневом саде», «Трех сестрах», «Чайке», «Иванове» и «Платонове», и станет ясно, что французский зритель увидел, наконец, подлинное лицо Чехова.

Самые авторитетные критики говорят о «новизне» Чехова и посвящают длинные статьи анализу его сценических приемов.

Жан Луи Барро в статье «Почему „Вишневый сад“?» объясняет, что побудило его поставить именно эту пьесу.

«Я считаю „Вишневый сад“ шедевром Чехова. Среди четырех больших пьес, написанных им для театра, „Вишневый сад“ легче всего поддается обобщению ‹...›

Дело в том, что, уходя корнями в молчание, пьеса говорит исключительно о *настоящем*. А театр и есть именно искусство настоящего. „Вишневый сад“ сценичен по самой своей *сущности*. Настоящее всего труднее уловить в жизни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что „Вишневый сад“ тоже неуловим. Таким образом, действие пьесы развертывается, собственно говоря, среди молчания, и, кроме тирад-поэм, которые стоят как-то особняком, диалоги существуют, словно в музыке, лишь для того, чтобы заставить звучать молчание‹...› Это пьеса о времени, которое проходит. И поэтому не все ли равно, русский или японский у нее сюжет. Это интернациональное произведение. Вот почему наравне с произведениями Шекспира и Мольера оно входит в мировую сокровищницу искусства ‹...› Русский человек по натуре лучше других приспособлен для восприятия настоящего. Разве русский народ не находится на стыке Востока и Запада, как и настоящее — на стыке будущего и прошедшего? Но, несмотря на весь интернационализм „Вишневого сада“, мы должны все же отдать дань русской душе, открывшей нам через эту пьесу путь к проникновенному восприятию неуловимо проходящего времени ‹...›

Драматическая структура пьесы, построенной на молчании и живущей полностью в настоящем, по существу своему *музыкальна*: это едва намеченные темы, которые тотчас же исчезают, точно испаряясь ‹...› В результате этой очень искусной сценической композиции, внушенной музыкой, получается, что темп драматического действия очень трудно уловить; это прежде всего *медленный* темп ‹...›

Темп драматического произведения лишь тогда эффективен, когда каждая минута заполнена ‹...› В „Вишневом саде“ действие никогда не ослабевает, оно напряжено, плотно, ибо, повторяем, каждая минута его заполнена. Каждое мгновение обладает собственной насыщенностью, но это насыщенность не диалогами, а *молчанием, самой жизнью, которая проходит*».

Дав анализ содержания пьесы и охарактеризовав ее основных персонажей, Барро пишет далее: «Социальные вопросы, столь острые для нашего поколения, развиты автором с тактом и чувством меры, вызывающим восхищение самых требовательных наших сограждан ‹...› Социальный тезис „Вишневого сада“ дан без всякого нажима.

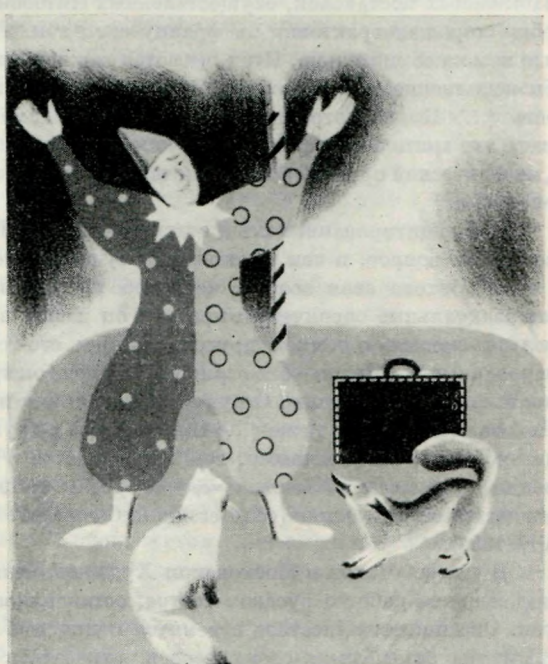


ИЛЛЮСТРАЦИЯ
ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ
РАССКАЗА «КАШТАНКА»
Рисунок Натали Парэн
Париж, 1934

И однако он имеет большую силу воздействия: подобно уколам иглы в китайской медицине, он оказывает на зрителя огромное влияние, выходящее за пределы типично „русского случая". Этот тезис касается каждого из нас одновременно и в пространстве (все люди на земле чувствуют себя затронутыми) и во времени (каждый из нас чувствует, что данное положение справедливо для всех эпох). И все это потому, что *социальные рамки преодолены* ⟨...⟩

В нас постоянно живут три человека, которых Чехов изобразил на сцене: Гаев, постепенно уходящий в прошлое, Лопахин, который призван его заменить, и Трофимов, уже идущий на смену Лопахину. Один — прошлое, другой — настоящее, третий — будущее. Извечная поляризация человеческой личности ⟨...⟩

Чехов „подлинный художник" еще и потому, что он дает нам урок такта, чувства меры, словом, *целомудрия* в творчестве. Вне целомудрия нет крупного художника ⟨...⟩ Не следует, однако, смешивать целомудрие с жеманством. Он учит нас также *экономии* изобразительных средств. Из „Вишневого сада" абсолютно ничего нельзя вычеркнуть. Все там максимально сжато ⟨...⟩ „Давать на сцене лишь самое необходимое",— говорил наш учитель Расин» («Cahiers de la Compagnie Madeleine Renaud — J.-L. Barrault», VI, 1954) [15].

«Вишневый сад» в постановке труппы Мадлен Рено — Ж. Л. Барро уже долгое время не сходит со сцены. Если критика не всегда хвалебно отзывалась об исполнении и постановке, сама пьеса была единодушно признана шедевром:

«„Вишневый сад",—писал академик Габриэль Марсель,— шедевр, это совершенно очевидно, и я не стану спорить с тем, кто вздумал бы отрицать это, как и не стану защищать Шопена или Дебюсси в разговоре с людьми, лишенными слуха. В самых общих чертах „Вишневый сад" (как, впрочем, и вся драматургия Чехова) является, пожалуй, важнейшей вехой в истории мирового театра, занимая место между крупными драмами Ибсена и, скажем, „Шестью героями в поисках автора" (Пиранделло)⟨...⟩ Каждое действующее лицо пьесы имеет особый, ему одному присущий склад, свои странности, отчасти забавные, отчасти трогательные. Таким образом, вся пьеса похожа на *симфонию* в том смысле, в каком это слово применяется к картинам Джорджоне ⟨...⟩ Я уже говорил по поводу „Дяди Вани", что французский язык, французская дикция плохо вяжутся с такой драматургией, как драматургия Чехова. Так и кажется, что слова следует выговаривать с другим ударением. Мы почувствовали это еще во время незабываемых постановок, осуществленных Питоевыми. Встает вопрос, возможна ли вообще хорошая трактовка на французском языке такой пьесы, как „Вишневый сад", что весьма сомнительно. Итак, имеются важные причины общего порядка для того, чтобы исполнение, о котором идет речь, оказалось посредственным, и в целом оно так и есть ⟨...⟩ Но, несмотря на сказанное, необходимо посмотреть „Вишневый сад". Я думаю, что зритель с достаточно чутким слухом сумеет восстановить то, что я назвал бы „мелодической правдой" этой замечательной пьесы» («Nouvelles littéraires», от 28 октября 1954).

В уже цитированной нами статье «Горизонт Чехова» Пьер Сувчинский пытался ответить на вопрос, в чем заключается сущность чеховского «комизма»:

«У Чехова своя особая, четко обозначенная драматургическая техника, сугубо индивидуальные сценические приемы; он нашел в театре новый мир чувств; его язык нельзя смешать с языком другого автора; его герои живут в замкнутом мире как зачарованные⟨...⟩Чехов—это отрицание Ницше, он противоположен Достоевскому и почти противоположен Гоголю. Структурный принцип и театральный механизм драматургии Чехова всегда одни и те же ⟨...⟩ Причем и тот и другой могут показаться с первого взгляда простыми, схематичными. Они заключаются в сочетании, точнее, в противопоставлении *комического элемента* и *чего-то другого*, но это „что-то" очень важно и с трудом поддается определению» («Cahiers de la Compagnie Madeleine Renaud — J.-L. Barrault», VI, 1954).

В статье «Чехов в Московском Художественном театре» Нина Гурфинкель, автор выдающихся работ о русском театре, останавливается на проблемах новой драматургии. Она пишет: «Писатель стремится полностью избавиться от динамизма, построить драму на *бездействии* своих героев, отказаться от каких-либо перипетий, сосредо-

точив все внимание на развитии чувств. Убедительное подтверждение правильности своих позиций он находит в западной драматургии <...> Ибсен <...> Гауптман, Зудерман. Чехов очень сочувственно относится к этому направлению. Он настолько ценит Зудермана, что собирается переложить его пьесы для русской сцены. Ибсен его „любимый автор". Не подлежит сомнению, что Чехов обязан ему рядом стилистических приемов. Но Чехов восприимчив и к более передовым формам: „Читаю Метерлинка <...> Все это странные, чудные штуки, но впечатление громадное, и если бы у меня был театр, то я непременно бы поставил „Les aveugles" <XVII, 112>» («Revue d'histoire du Théâtre», 1954, № 4).

5

Одновременно с «Вишневым садом» огромным успехом пользовались в Париже новые постановки двух других пьес Чехова: «Чайки» (режиссер Андре Барзак, декоратор Андре Бакст) и «Трех сестер» (постановщик Саша Питоев).

«Эти три спектакля („Вишневый сад", „Чайка" и „Три сестры"), очень горячо принятые публикой, показывают, что можно по-разному играть Чехова,— писал 6 мая 1955 г. театральный критик газеты «Progrès de Lyon».— Ж. Л. Барро сделал упор на Чехове-классике, отбросив то, что есть типично русского в „Вишневом саде". Он старался оттенить общечеловеческую сущность пьесы и не захотел играть ее в слишком медленном темпе. Он выбрал французский, а не русский „ритм" и, на мой взгляд, был совершенно прав. Саша Питоев, напротив, пожелал прежде всего передать специфически русскую атмосферу „Трех сестер", что ему прекрасно удалось, и это скрадывает недостатки исполнения многих актеров его труппы. Андре Барзак как бы объединил в своей постановке „Чайки" достоинства обоих указанных спектаклей. Его актеры не уступают в мастерстве актерам, играющим в „Вишневом саде", а атмосфера почти такая же русская, как и в „Трех сестрах"».

В интервью, данном корреспонденту еженедельника «Arts», постановщик «Чайки» Барзак заявил, что для него грусть, покорность судьбе и кажущееся поражение героев Чехова «лишь видимость. В сущности все спасено. Чехов утешает, более того, он вдохновляет» («Arts», от 27 апреля 1955).

27 апреля 1955 г. Робер Кемп в «Le Monde», а Жан Жак Готье в «Figaro» дали восторженные отзывы о спектакле «Чайка», «столь волнующем для тех, кто имел возможность видеть этот шедевр при его первом появлении на нашей сцене и слышать голоса, теперь уже смолкшие. Безупречный вкус, поразительная чуткость, поэтичность, славянская задумчивость — все качества, о которых можно только мечтать, оказались собраны здесь воедино. Это идеальный спектакль» (Робер Кемп). «Пьесу слушаешь, как музыку. Впрочем, это и есть музыкальное произведение<...>Редкая пьеса производит такое впечатление» (Жан Жак Готье).

Жак Лемаршан, говоря о «Чайке» в «Figaro Littéraire», от 14 мая 1955 г., отмечает: «Хотя все действующие лица в пьесе неудачники и оканчивается она душераздирающей сценой и самоубийством, уходя из театра, чувствуешь, что у тебя на сердце тепло. Ты провел все четыре действия в обществе эгоистов, смешных, слабых и пустых людей, а тебе кажется, что здесь говорилось о любви с большей чуткостью и нежностью, чем когда-либо в театре <...> Спектакли „Чайки" в „Atelier" оставят по себе память как об одной из лучших театральных постановок за последние десять лет».

А вот что пишет, посмотрев «Чайку», известный романист и драматург Франсуа Мориак: «Для меня Чехов олицетворяет театр, как Моцарт олицетворяет музыку. Я готов поклясться, что в зале не было ни одного человека, сохранившего в душе мелкие чувства <...> Чеховский театр служит лучшим из всех известных ответов на проблему, поставленную Руссо. Нет, человек не добр по природе, он скуп, черств, тщеславен, чувствен, эгоистичен и подл. Но в чеховской драматургии, несмотря на убожество человеческой природы, глубокие узы нежности и страдания связывают всех людей»(«Express», № 101, от 26 апреля 1955).

Под датой 2 мая 1955 г. Франсуа Мориак записал в своем блокноте: «Я был в таком восторге от „Чайки", что, узнав о новых постановках „Вишневого сада" в театре

Мариньи и „Трех сестер" в театре „Oeuvre" поспешил посмотреть обе эти пьесы и не был разочарован. Трудно себе представить более совершенное комедийное исполнение, чем то, которого достигла труппа театра Мариньи, и мне кажется, что игра Мадлен Рено, Пьера Бертена и Дессайи вполне удовлетворила бы Чехова, вовсе не считавшего „Вишневый сад" драмой.

Возможно, что у менее опытных актеров театра „Oeuvre", которых продолжает вдохновлять невидимое присутствие Питоевых, есть „нечто большее", но ведь „Три сестры" и как пьеса—иная, она идет дальше „Вишневого сада" в изображении всего ужаса провинциальной жизни, медленно засасывающей людей.

Помню, что в годы моего детства и отрочества, проведенные в провинции, мы говорили о „трагизме будней". Это и есть чеховский театр. И не являюсь ли я сам одним из персонажей Чехова, вовремя переселившимся из Таганрога в Москву?» (François Mauriac. Bloc-notes. P., 1958).

А вот с противоположного берега доносится до нас голос Веркора: «Вряд ли существует в наши дни хоть один французский романист, который решился бы утверждать, что не испытал на себе прямого или косвенного влияния Чехова ⟨...⟩ А как велико было влияние чеховского творчества на мировую литературу его времени! Такой мастер рассказа, как, например, английская писательница Кэтрин Мэнсфилд, обязана ему решительно всем. Остальные писатели также обязаны ему в большей или меньшей степени, и, во всяком случае, Чехов произвел в свое время коренной переворот в жанре рассказа. А так как среди современных писателей очень мало или, вернее, совсем нет людей, не сохранивших связей с одним или несколькими представителями старшего поколения, я уверен, что в жилах каждого романиста наших дней есть хоть капля „писательской крови" Чехова.

А если говорить о себе, то я прекрасно знаю, что не будь Чехова, я не писал бы так, как пишу. Художественные приемы, использованные в моем рассказе „Морское безмолвие", восходят к приемам англосаксонских романистов начала века, а те, в свою очередь, восходят к приемам Антона Чехова. Разумеется, мои произведения похожи на произведения Чехова не более, чем бывает похож ребенок на одного из своих многочисленных предков, но литературовед без труда мог бы обнаружить в них то, что ведет начало от Чехова. Это, мне кажется, относится и к большинству современных писателей. Вот почему каждый из нас должен питать к Антону Чехову не только чувство глубокого восхищения, но и сыновней любви» (Vercors. L'Influence de Tchékhov.— «Europe», 1954, август — сентябрь).

Приведенные выдержки заимствованы из статьи Веркора, которой открывается специальный номер журнала, посвященный Чехову и выпущенный в свет в связи с пятидесятилетием со дня смерти писателя. В том же номере журнала помещена интереснейшая статья Мишеля Кадо, озаглавленная «Чехов — мнимый пессимист». Опровергая распространенный взгляд на Чехова, как на пессимиста, автор подчеркивает жизнеутверждающий характер миросозерцания Чехова. Свои выводы он убедительно подкрепляет ссылками на сочинения и письма Чехова и на факты его биографии.

«Французской публике,— пишет Кадо,— Чехов известен либо как автор грустных пьес ⟨...⟩, либо как рассказчик, по своему пессимизму близкий Мопассану. Глубокое различие обоих писателей остается обычно незамеченным. Мопассан, как и Чехов, дает правдивое изображение общества, в котором он живет, но ему и в голову не приходит, что это общество может претерпеть какое-то изменение, быть разрушено, а жизнь людей стать лучше ⟨...⟩ Чехов же, несмотря на всю свою меланхолию, несмотря на то, что он еще менее, чем Мопассан, склонен строить иллюзии относительно своих современников ⟨...⟩ по самой сути своей писатель жизнерадостный. Он хочет наслаждаться искусством, любовью, природой, непоколебимо верит в будущее и прогресс ⟨...⟩ Пусть нынешнее поколение и обречено, его ошибки пойдут на пользу последующему». «Эта тема,— говорит Кадо,— подлинный лейтмотив творчества Чехова».

Уточняя, что именно он подразумевает под оптимизмом Чехова, Кадо пишет: «Совершенно очевидно, что этот писатель, живший в один из самых мрачных периодов XIX века, вся молодость которого прошла в борьбе с многочисленными опасностями,

угрожавшими развитию его юного таланта, не мог изображать жизнь в радужных красках ⟨...⟩ И если ограничиться картиной действительности, нарисованной Чеховым,— в нем можно видеть писателя-пессимиста. Нам хотелось, однако, показать, что в течение всего своего творческого пути Чехов стремился, чтобы в его голосе слышалось нечто иное, чем отчаяние перед настоящим и ⟨...⟩ тоска о прошлом ⟨...⟩

Оптимист ли Чехов? Да. Но оптимизм его — это трезвый оптимизм, не забывающий о трудностях, которые надо преодолеть, опирающийся на непоколебимую веру в действенность труда и не смущающийся тем, что счастье людей ⟨...⟩ лишь удел грядущих поколений ⟨...⟩ С годами Чехов все более и более укрепляется в этой надежде и в его последних вещах местами звучат почти радостные ноты»[16].

В книге «Чехов и его жизнь», сопоставляя Чехова с Мопассаном, Пьер Бриссон отдал все преимущества русскому писателю, характеризуя Мопассана как антипода Чехова (Pierre B r i s s o n. Tchékhov et sa vie. P., 1955).

Эльза Триоле в «Истории Антона Чехова» рассказывает о том, как еще в детстве она читала, перечитывала Чехова, вживалась в него, *бредила* им: «Я училась по этой любимой мной азбуке—азбуке жизни. Чеховские рассказы, то короткие, то длинные, в которых так же мало сентиментальности, как влаги в осеннем листе, эти четкие, точные зарисовки, эти наглядные уроки, неоспоримые в своей лучезарной ясности, где юмор служит якорем спасения для сердца, проникают в вас помимо воли, словно жара или холод. Они проходят сквозь кожный покров, достигают нервных точек, учат вас чувствовать. Если бы я без конца не читала Чехова, разве бы я видела так отчетливо те потрясающие образы, которые всё еще живы в моей памяти? Его книги сливались с жизнью, жизнь брала приступом книги, водораздел между вымыслом и действительностью исчезал, и в своих воспоминаниях я уже переставала отличать реальных людей от тех, что живут на этих страницах ⟨...⟩ Огромная, всепоглощающая жалость, людская солидарность, глубокая обида, нанесенная человеку, нравственное уродство и глупость попеременно накатывались на меня, как валы в сновидениях, вздымающиеся выше самого высокого небоскреба» (Elsa T r i o l e t. Histoire d'Anton Tchékhov. P., 1954).

Такие же глубоко личные, такие же задушевные чувства пробуждает чародей-Чехов и в романисте Анри Труайа, авторе книг о Пушкине, Лермонтове и Достоевском.

«Чехов говорит со мною шепотом. Это дружественный писатель. Я не ищу у него ни ошеломляющих откровений Достоевского, ни горького смеха Гоголя, ни удручающего величия Толстого, но ищу очарования более скромного, более умиротворяющего и более грустного. Его искусство отличается сдержанностью, которая с трудом поддается анализу. Он описывает жизнь, протекающую среди тоскливого однообразия ⟨...⟩ И несколькими как бы невзначай брошенными словами подсказывает нам, что за этой серой пеленой скрывается головокружительная тайна. Он указывает пальцем на человека-муравья, и все устройство мира подвергается осуждению. Бессмысленность „будней" бросается читателю в глаза без всякой попытки со стороны автора обосновать свой тезис. В творчестве Чехова нет ни защитительных, ни обвинительных речей. Читатели должны сами судить о его произведениях. Им показывают картину. Вот и все. Но каждый штрих, каждый мазок на этой картине нанесен с таким искусством, что невозможно отрицать трагическое значение целого. Глаз Чехова так же верен, как фотографический аппарат ⟨...⟩ „Моментальные снимки" Чехова, их нервная эстетика противоположны творческой манере Тургенева» (Henri T r o y a t. Tchékhov.— В книге «Sainte Russie. Souvenirs et réflexions». P., 1956).

Клод Руа в «Критических описаниях» пишет о Чехове: «Наряду с Толстым, Чехов является, пожалуй, именно тем дореволюционным русским писателем, благодаря которому повсюду в мире стали лучше понимать и больше любить его народ. Чехов умер 50 лет тому назад, за это время в России произошли небывалые в истории перемены, но, как это ни удивительно, а писатель помогает нам понять и нынешнюю Россию. Путями сердца Чехов дает нам почувствовать, насколько революция была необходима, что ее призывала вся живая, страдающая, мыслящая Россия ⟨...⟩ Можно иронизировать по поводу банальных определений русской литературы, по поводу трафаретных высказываний о *русской душе*, по поводу *завета*, оставленного нам в наследство великими

русскими писателями от Пушкина до Горького. Но в конечном счете все они действительно повторяют, каждый на свой лад, что человек, жалкий от рождения, еще более униженный обществом, все же достоин восхищения. „Человек, это звучит гордо",— пишет Горький. Его предшественники говорят то же самое ⟨...⟩

То, о чем рассказывает Чехов, незабываемо. Он говорит, что знает людей, что они одновременно злы и бессильны, жестоки и пусты, глубоко несчастны и безжалостны. Казалось, его творчество не могло не быть безнадежным, глубоко *мрачным*, и логически это было бы вполне оправдано. И однако оно лучезарно. Чехов не поучает, не навязывает нам произвольного символа веры. Он никогда не проповедует, он показывает. И сквозь зловещую серость этого точного отчета о „человеческом существовании" пробивается немеркнущий свет веры в человека, которую никакой опыт не может уничтожить ⟨...⟩ Этот скромный врач в своем неизменном пенсне, не веривший ни в бога, ни в черта, ни на минуту не переставал верить, что „*человек есть будущее человека*"» (Claude R o y. Descriptions critiques. IV. La main heureuse ⟨Tchékhov⟩.P., 1958, pp. 226—233).

6

В 1956 г. Париж познакомился с двумя чеховскими пьесами, до тех пор совершенно неизвестными во Франции. Премьера первой из них, переведенной Полем Кентеном — «Ce fou de Platonov» («Безумец Платонов»), состоялась в «Théâtre National Populaire», руководимом Жаном Виларом, 8 ноября 1956 г. До этого пьеса была показана на фестивале в Бордо 17 мая 1956 г. Театральный сезон 1954/1955 г., целиком посвященный Чехову, получил таким образом оригинальное и неожиданное продолжение.

Еще до издания на французском языке «Безумец Платонов» послужил темой для статьи Экмана в «Revue des Etudes Slaves».

«Внимательно вчитываясь в „Платонова",— пишет он,— мы с удивлением замечаем: несмотря на перегрузку деталями, слабость построения, длинноты, обилие патетических и драматических событий, это первое сколько-нибудь значительное из сохранившихся произведений Чехова свидетельствует о выдающемся драматургическом мастерстве, о поразительном использовании сценических возможностей, о прекрасном умении владеть диалогом, в ряде случаев здесь очень удачным и живым,— словом, мы замечаем, что пьеса уже отличается всеми характерными для Чехова чертами ⟨...⟩

Мы видим, таким образом, что „пьеса без названия" оказала влияние на все последующие драматические произведения Чехова ⟨...⟩ Совершенно очевидно также, что этот юношеский опыт имел огромное значение для чеховского творчества в целом. Ведь пьеса была не поверхностной пробой пера, а отзвуком глубоких движений души начинающего писателя ⟨...⟩ Может показаться странным, что „Иванов", появившийся через шесть лет после „Платонова", был написан на ту же тему и что между обеими пьесами много сходства, но этот факт вполне объясним. Удивительно другое: в последний год жизни и почти через четверть века после создания своей первой пьесы, Чехов вновь вернулся к „Платонову", позаимствовав у него содержание, умонастроение действующих лиц и даже некоторые детали, хотя не раз заявлял до этого, что нам „требуется новое", что необходимо написать веселую, радостную пьесу и передать в ней „новые веяния", появившиеся в русском обществе» («Revue des Etudes Slaves», т. XXXI, вып. 1—4. P., 1954).

Жак Лемаршан пишет о «Платонове» вскоре после фестиваля в Бордо: «Достаточно видеть пьесу в течение первых десяти минут, чтобы убедиться, что она принадлежит перу Чехова, точнее молодого Чехова ⟨...⟩ Для Чехова достаточно одной сцены, чтобы полностью выявить себя. Великие мастера драматургии не умеют сохранять инкогнито; они предлагают трудную задачу фальсификаторам и ставят в смешное положение подражателей. Трагедия это или комедия? Комический элемент превалирует в пьесе, по крайней мере, я так думаю ⟨...⟩ В комизме Чехова много гибкости, и он доходит до зрителей, в одних случаях смягчая тяжесть создавшегося положения, в других — придавая особое звучание малозначущей сцене и отрывочным речам. В этом отношении первое действие „Платонова" может служить великолепным образцом ⟨...⟩ Пьеса вдруг начинает (прошу простить это сравнение, но оно кажется мне наиболее правиль-

ным) „подходить“, да, „подходить“, как тесто, которое казалось нам неудавшимся: действие сразу захватывает нас, и мы с напряженным вниманием следим за каждым героем намечающейся драмы, словно это давно знакомые нам люди. В этом, пожалуй, заключается *секрет чеховского мастерства*, довольно схожий с секретом пуантилизма,

«ПЛАТОНОВ» НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 2-го АКТА)
Постановка Жана Вилара в Théâtre National Populaire (Народном национальном театре), Париж, 1956 г.

и мы чувствуем его уже в первой юношеской пьесе, в целом плохо построенной, грешащей повторением сценических приемов и драматических ситуаций, но такой пленительной, когда отдаешься ее течению ⟨...⟩ Реализм Чехова, окутывающий дымкой поэзии все его творчество, складывается из мелких точечек, и кажется, что они противостоят друг другу, никогда не сливаясь, что они нанесены случайно и сами по себе ничего не значат; но достаточно немного отойти от полотна, чтобы кропотливый, уверенный труд человека-творца предстал перед вами как цельное, гармоничное и законченное произведение. В „Платонове“ эта композиционная работа носит, конечно, менее осознанный характер, чем в последующих крупных произведениях Чехова. Тем интереснее познакомиться с ее зарождением» («Nouvelle Revue Française», от 1 июля 1956).

Через несколько недель после парижской постановки «Платонова», 22 декабря 1956 г., состоялась премьера «Иванова» (в «Théâtre d'Aujourd'hui»).

Превосходный французский перевод «Иванова» принадлежит Нине Гурфинкель и Жаку Моклеру. В своей работе они исходили из принципа, что «язык пьесы должен быть не столько литературным, сколько театральным, и перевод пьесы сделан в соответствии с непосредственными требованиями театрального действия. Переводчики предпочли быть верными не букве, а духу пьесы, ее „подтексту", как называл Станиславский эллипсисы, намеки, умолчания и резонансы, составляющие всю прелесть чеховского мастерства»(комментарий к «Иванову» Нины Гурфинкель и Жака Моклера в брошюре Anton T c h é k h o v. Ivanov. P., 1956). Результат получился поразительный, как, впрочем, была поразительна и вся постановка «Иванова». Я лично считаю, что это был лучший парижский спектакль, посвященный Чехову. Не потому, конечно, что «Иванов» выше «Чайки», «Трех сестер» или «Вишневого сада»! Нет, но глубоко продуманная постановка, тщательный выбор исполнителей, блестящая игра актеров и превосходные, мастерски оркестрованные «массовые» сцены, представляющие подлинно чеховскую смесь комизма, неожиданности и тонкой поэзии,— все это было Искусством с большой буквы.

Спектакль «Иванов» Жака Моклера был награжден первой премией 1956 г., присуждаемой за лучшую постановку драматического произведения.

«Я никогда не видел ни в Париже, ни где либо еще, чтобы Чехова играли с таким проникновением. Я никогда еще не был так уверен, что его нельзя лучше понять и передать. Мне никогда не случалось глубже погружаться в атмосферу чеховских пьес»,— писал Жан Жак Готье в «Figaro», от 27 декабря 1956 г.

«Из всех иностранных драматургов бесспорно в Париже чаще всего ставится Чехов〈...〉 Жак Моклер обнаружил при постановке „Иванова" сокровища ума и сердца»,— говорит рецензент журнала «Cette semaine» в номере от 9 января 1957 г. «После каждого чеховского спектакля, если только он был дан с талантливостью и чуткостью, на которые Чехов имеет право, выносишь впечатление, что присутствовал на самой прекрасной, пленительной и многогранной из всех его пьес, о которой, пожалуй, никогда не надоест вспоминать,— писал Жак Лемаршан в «Figaro Littéraire», от 5 января 1957 г.— По крайней мере, такое впечатление я испытал, увидев впервые „Платонова". Такое же впечатление произвел на меня и „Иванов".

Теперь, после премьеры „Иванова", состоявшейся на этой неделе в „Théâtre d'Aujourd'hui", можно с уверенностью сказать, что за последние месяцы в Париже были показаны все пьесы Чехова: „Вишневый сад" у Барро, „Чайка" у Барзака, „Дядя Ваня" и „Три сестры" у Саши Питоева, „Платонов" у Вилара. Никогда еще Чехов не был так популярен, а одобрение публики так единодушно, и это решительно во всех парижских театрах. С не меньшим успехом, чем „La Cérisaie" * в Париже, шел тогда же „Cherry Orchard" ** в Нью-Йорке. Чехов-драматург становится „европейским" классиком. Почему? Ведь что может быть менее театрального, менее революционного, менее поучительного, чем эти сценки из провинциальной жизни России в последней четверти XIX века? А чеховские пьесы изображают именно эту жизнь, они являются как бы фрагментами одной и той же пьесы, и никто не удивился бы, если бы какой-нибудь чеховский герой перешел из одной пьесы в другую, если бы Иванов, например, встретился с Астровым или с дядей Ваней 〈...〉 Но как только занавес поднимается, мы сразу же попадаем во власть той мелодии, которая слышится во всех пьесах Чехова и которую однажды Франсуа Мориак сравнил, кажется, с музыкой Моцарта, и мы тотчас оказываемся плененными и очарованными».

По мнению Лемаршана, «актуальность и немеркнущая правда чеховских пьес заключается в том, что автор ничего не хочет доказать и никого не обвиняет», что он «не мудрствует, но честен, честен сердцем».

«Только чувство сохраняет произведение искусства в веках,— пишет Пьер Бриссон в начале своей небольшой книжки о Чехове.— В „Иванове" и „Трех сестрах" мы

---

* «Вишневый сад» (франц.).
** «Вишневый сад» (анг.).

слышали подлинный голос чувства. Анализ здесь доведен до конца с безжалостной проницательностью, но он всегда динамичен: все действующие лица Чехова — невежды, не знающие собственного сердца, а чаще всего знающие его ровно настолько, чтобы убедиться, что они его не знают. Но они постепенно раскрываются перед нами и в то же время начинают понимать себя, совершая последние и бесполезные усилия, чтобы победить судьбу, которая ведет их к гибели. Когда после хорошего чеховского спектакля, как, например, после пьесы „Иванов", которая идет сейчас в исполнении труппы Жака Моклера, занавес падает, ваше сердце переполняет грусть, но грусть счастливая, служащая источником силы, что всегда бывает, когда встречаешь в искусстве правду жизни. Это чудо возможно лишь потому, что Чехов является вместе с тем великим драматургом, удовлетворяющим современным требованиям. В его пьесах ничто не происходит, они протекают в очень замедленном темпе. Но за этой вялостью скрывается железная конструкция, особая композиция, напоминающая своей многоплановостью и освещением живопись, а повторами и переплетением тем — музыку».

По мнению критика Роберта Кантерса, чеховский театр — «единственный театр, который можно выносить после кино», ибо в ряде случаев кино тоже хочет служить школой жизненной правды (Robert K a n t e r s. Pourquoi aimons-nous Tchékhov? — «Express», от 28 декабря 1956).

Под впечатлением от «Иванова» Франсуа Мориак записал в своем «Блокноте» 4 января 1957 г.: «Что бы ни говорили, а признаки возврата к человечности должны нас всех уберечь от отчаяния. Тот факт, что в наши дни Моцарт — всеми любимый музыкант, а Чехов неизменно привлекает зрителей, где бы ни шли его пьесы, показывает с достаточной убедительностью, в каких истолкователях жизни нуждается современный человек. Он ищет прибежища у художников, рассказывающих ему повесть, весьма отличную от той, которая развивается под знаком экономики и техники. По правде сказать, он всегда прибегал к ним. Он вечно ищет бесценную жемчужину, похищенную у него, а поэт или музыкант погружаются в пучину и порой извлекают на мгновение оттуда эту жемчужину» (François M a u r i a c. Bloc-notes. P., 1958).

7

В июне 1958 г. Московский Художественный театр показал во время гастролей во Франции три чеховских пьесы: «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад».

Критика в основном восторженно оценила эти постановки, хотя время от времени в печати раздавались скептические голоса, утверждавшие, что молодой состав исполнителей не идет ни в какое сравнение с изумительными актерами старшего поколения, гастролировавшими в Париже в 1922 г. и оставившими по себе незабываемую память.

Приведем несколько отзывов, появившихся в парижской прессе.

Жан Непвё-Дега писал в «France-Observateur», от 26 июня 1958 г.:

«Спектакли, которые дает сейчас в парижском Театре наций Московский Художественный театр, является в отношении драматического искусства одним из самых поучительных событий текущего сезона.

Могла ли эта труппа, продолжательница одной из самых блестящих традиций в истории европейского театра первой половины XX века, сделать лучший выбор, предложив нашему вниманию несколько первоклассных чеховских пьес, создание которых совпало с зарождением Художественного театра, чей своеобразный вклад в искусство неразрывно связан с именем Станиславского, обновившего мастерство, театральную психологию и даже, если хотите, театральную мораль.

Эти гастроли имеют еще и то неоспоримое преимущество, что они пришлись ко времени. Необычайный размах, с которым отмечалось четыре года тому назад во Франции и во всем мире пятидесятилетие со дня смерти Чехова, углубленное знакомство с его прозой и драматургией, появление множества новых переводов Чехова и исследований о его творчестве — все это позволило установить контакт между русским писателем и нашими зрителями и бесчисленными читателями; они научились ценить своеобразное дарование этого рассказчика и драматурга, свойственное его произведениям неповторимое соединение юмора и нежности, целомудрия и приподнятости, это беспримерное

искусство полутонов и контрапунктов, которое, приобретя массу последователей с тех пор как Чехов его открыл, стало еще более неподражаемым ⟨...⟩

Каково содержание „Вишневого сада"? История распада семьи из-за ослепления и беспечности старших и ухода молодых, которые тянутся к чему-то „иному", что манит их в силу контраста с окружающим и стремления идти вперед. Содержание „Трех сестер"? История нескольких людей, которых ждет крушение надежд на счастье и удачу, явившееся результатом случайности или каких-то незначительных причин. Но этот крах ведет их, несмотря на пережитые страдания, к новой надежде, и эти пережитые страдания становятся не только необходимой ее основой, но как бы трамплином для более обширных связей с людьми.

Можно было предположить, что по прошествии пятидесяти лет последователи Станиславского сочтут себя вправе приписать Чехову точку зрения, ставшую ведущей под влиянием событий, которые наступили вскоре после смерти писателя, и всего того, что началось с тех пор. Певец отчаяния, которое охватило людей, смутно ощущавших надвигающуюся катастрофу, Чехов призывал к перестройке общества, но он не ставил себе задачей намечать планы этой перестройки и не в его характере было предвосхищать сопутствующие ей обстоятельства, хотя он и признан в теперешней России провозвестником рождения нового мира. Следовало ли ввиду этого давать другой ракурс основным мыслям его произведений, менять освещение, усиливать некоторые оттенки и превращать свидетельское показание писателя здесь в обвинительный акт, там в заранее подготовленную защитительную речь? Воздадим должное нашим уважаемым гостям: в их трактовке чеховских пьес нет ни тени предвзятости, ни излишнего субъективизма. Их уважение к миросозерцанию Чехова безупречно; изумительным качеством постановки и исполнения они словно хотели нас заверить в том, что, несмотря на громадные исторические сдвиги, им удалось сберечь преемственность в искусстве.

Жалость Чехова к представителям старшего поколения, прикованным к своей духовной и жизненной рутине, уважение, с которым он относится к некоторым из их воззрений, уже опрокинутым, как он сам показывает, непреодолимым ходом эволюции, и даже доверие, которое он приглашает нас оказать искренности и великодушию их еще неясных надежд на будущее,— все указания писателя добросовестно переданы исполнителями ⟨...⟩

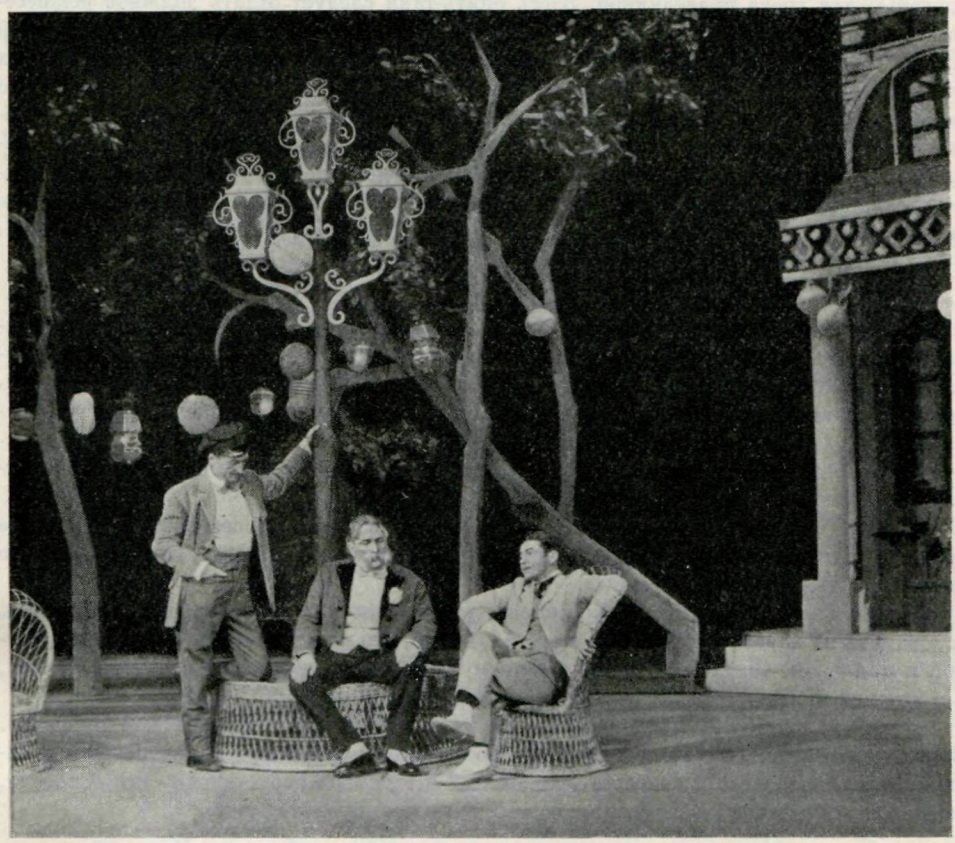
Я не стану приводить здесь список исполнителей и говорить о том, какую долю внес каждый актер, режиссер, художник и бутафор в цепь этих сплошных удач. Мне хочется лишь передать нашу общую благодарность всем участникам этих волнующих и благородных спектаклей, всем тем, кто так проникновенно и горячо отозвался на требования чеховских пьес, донес до нас голос одного из величайших поэтов сцены, гордости своей страны, ибо он впитал в себя все лучшее, что кроется в глубоком характере породившего его народа, все самое сердечное и дружеское».

Робер Кемп, разбирая пьесу «скромного, но гениального Чехова», сравнивает постановку «Вишневого сада» Ж. Л. Барро с постановкой москвичей: «Труппа Московского Художественного театра, или Театра Станиславского, подтвердила вчера вечером показом превосходной, захватывающей пьесы Чехова, что ее ⟨труппы⟩ громкая известность вполне заслужена. Дисциплина, согласованность, разнообразие приемов, тщательная отделка деталей, безукоризненный вкус, естественность и сценическое мастерство⟨...⟩ Мне кажется, что русские актеры обладают всеми этими блестящими качествами. Нас особенно поразили сдержанность и строгость их игры. Полное отсутствие приемов, бьющих на эффект, никакой дешевки, никакого стремления во что бы то ни стало вызвать смех или слезы. Этот „народный театр" отличается стилем поистине „аристократическим", пленяющим своей утонченностью» («Le Monde», от 20 июня 1958).

Клод Саррот безоговорочно предпочитает «Трех сестер» «Вишневому саду»: «Следует пожалеть, что мы не видели „Трех сестер" раньше „Вишневого сада". В этом спектакле строже соблюдены традиции Константина Станиславского, и сама пьеса *менее дидактическая*, *менее „воинствующая"*, чем предыдущая; она даст нам о Чехове представление, почти соответствующее тому облику, который мы себе создали. Очевидно, было довольно трудно извлечь из этой драмы (так назвал, в конце концов, свой „воде-

виль" Чехов, присоединившись ко всеобщему мнению) тот важный социальный урок, которому в наши дни „Вишневый сад" обязан своим успехом в России.

Как бы то ни было, в „Трех сестрах" (1901), написанных за три года до „Вишневого сада", предчувствие новой жизни, лучшего будущего, служащее финальным аккордом этой четырехактной пьесы, еще не получило такого яркого утверждения, отличающего, как говорят, второе произведение, которое, пожалуй, можно было бы назвать заветом писателя» («Le Monde», от 24 июня 1958).



«ПЛАТОНОВ» НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 2-го АКТА)
Постановка Жана Вилара в Théâtre National Populaire (Народном национальном театре), Париж, 1956 г.

Робер Кемп восторженно отзывается в той же газете о «Дяде Ване»: «Поездка в Анжер помешала мне видеть „Трех сестер" в исполнении московских актеров, говорят, это изумительный спектакль ⟨...⟩ Но я побывал на „Дяде Ване", другом шедевре, он настолько исполнен тоски и горечи, что заражает зрителя и лишает его желания жить. А как превосходно играют актеры Художественного театра! Какая простота, сколько правды в каждом слове, в каждом жесте! И как поразительно соответствует каждой роли облик ее исполнителя, начиная от роста, лица и кончая бородой и волосами! Обидно только, что не понимаешь языка Чехова, что не можешь следить за словами, неразрывно связанными с чувствами, которые они выражают ⟨...⟩ Пьеса очаровательна даже в переводе, какова же она должна быть в оригинале?

Остается пожалеть себя и всех французских зрителей, которые слышат актеров, не понимая их, не различая тончайших оттенков диалога ⟨...⟩

Мы живем одной жизнью с персонажами Чехова, делим их горести и вместе с ними погружаемся в болото бездействия. Мы перестаем быть зрителями, превращаемся

в невидимых и безмолвных актеров; нам хотелось бы ласково утешать этих людей, взять их под руку. Душа Чехова, скорбная и примирившаяся, живет здесь во всем; она совсем близко, рядом с нами. Она присутствует в каждом слове, витает в комнате и цветет с цветами в саду, испускающими еле уловимый погребальный аромат» («Le Monde», от 3 июля 1958).

Доминик Фернандез писал о постановке пьес Чехова в Художественном театре: «Чехов не ополчается на людей, которые по своей слабости или подлости могли бы стать мишенью для гнева праведников. Здесь опять-таки следует отдать должное режиссерам и актерам Художественного театра: они бережно относились к художественной правде Чехова, даже в тех случаях, когда эта правда противоречила их доктрине, их убеждениям. Не было ничего легче, как представить брата и сестру из „Вишневого сада" в сатирической манере, отнестись к ним с негодованием! Вот они старые безвольные эгоисты — помещики, которые неспособны даже управлять своим имением, последние представители класса, обреченного на исчезновение! Но для Чехова они олицетворяют также равнодушие и инертность этого уходящего мира, его поэзию, а также бесполезность, ненужность этой поэзии» («Nouvelle Revue Française», от 1 августа 1958).

* * *

Чехов знал и любил Францию. В лучшей французской биографии писателя, принадлежащей перу Ирен Немировской, вполне справедливо отмечено, что русский писатель «питал самую горячую симпатию к Франции и, по-видимому, понимал и чувствовал ее нравственные достоинства лучше, чем большинство европейцев» (Irène N e m i r o v s k y. La vie de Tchékhov. P., 1946, p. 206).

Да и могло ли быть иначе, ведь эти «достоинства» он не только чувствовал и понимал, но и разделял всем своим сердцем.

Между Чеховым и французским народом неоспоримо существует глубочайшее сродство, а именно их поистине гуманистическое отношение к жизни, их вера в то, что «человек есть будущее человека».

Чехов, как и французы, *любил жизнь*, устроенную для человека, и в этой жизни, основанной на хорошо выполненной работе, все то, что может сделать ее красивой, легкой и приятной. Он любил, по собственному признанию, красоту во всех ее формах, а в истории человечества он выше всего ценил *культуру*.

Это был подлинный гуманист. Он верил в достоинство человеческой личности. Всем сердцем верил, что счастливое будущее ожидает людей. Справедливость или, иными словами, равенство и свобода — таков был его символ веры. Между тем «Свобода, равенство и братство» — лозунг, рожденный на французской земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитируется по русскому переводу, напечатанному в сб. «О Чехове». М., 1910, стр. 147—149. В архиве Чехова (ЛБ) сохранилось 11 писем к нему Жюля Легра за 1892—1895 гг.— на французском, немецком и русском языках. Они свидетельствуют о большой симпатии Легра к молодому русскому писателю и глубоком интересе, который он питал к его творчеству. Легра перевел на французский язык рассказ Чехова «Володя большой и Володя маленький», о чем он сообщал Чехову.

[2] Издание «Le Meu tre» открывалось письмом Чехова к издателям «La Revue Blanche» от 7/20 мая 1902 г., в котором он дает весьма высокую оценку переводу. (Текст этого письма был полностью написан профессором русского языка в Париже Полем Буайе — см. его письмо к Чехову от 13 мая 1902 г.— и только авторизован Чеховым. — ЛБ, ф. 331, 37/18. — *Ред.*).

[3] Предисловие А. Боньо было переиздано впоследствии в его книге: André B e a u n i e r. Éloges. P., 1909.

[4] На русском языке статья де Вогюэ о Чехове вышла в 1902—1903 гг. в Москве отдельной брошюрой в двух разных переводах и выдержала несколько изданий. Цитаты приведены нами по одному из этих изданий: «Антон Чехов. Критический очерк Е.-М. де В о г ю э, дополненный мнениями русских критиков. С портретом. Перевел с французского и дополнил Н. Васин». М., 1903. См. рецензию в «Русской мысли», 1902, № 11, стр. 372—374.

[5] В ЛБ хранится 11 писем Д. Роша к Чехову и одно к Александру Чехову.

[6] Эжен *Карьер* (1849—1906) — французский художник.

[7] Самюэль *Батлер* (1612—1680) — английский поэт-сатирик.

[8] Джон Миддлтон *Марри* — английский литературный критик, муж писательницы Кэтрин Мэнсфилд, находившейся под сильным влиянием Чехова. См. ниже в настоящем томе подборку высказываний Марри о Чехове.

[9] Роберт *Браунинг* (1812—1889) — английский поэт-романтик.

[10] Поль *Валери* (1871—1945) — французский поэт.

[11] Томас *Гарди* (1840—1928) — английский писатель-реалист.

[12] См. русский перевод статьи Т. Манна в «Новом мире», 1955, № 1, стр. 212—226.

[13] Анри *Монье* (1805—1877) — писатель, актер и карикатурист, создатель типического образа Жозефа Прюдома — пошлого, самовлюбленного мещанина.

[14] Андре Вюрмсеру принадлежит еще одна статья о Чехове в «Lettres Françaises», № 513, от 23—29 апреля 1954 г. Она посвящена ранней прозе Чехова, в связи с выходом в свет третьего тома собрания сочинений писателя. На страницах «Lettres Françaises» за 1954 г. встречаются и другие материалы и статьи о Чехове, как, например, статья Марка Бейгбедера «Гуманизм Мольера и Чехова» (№ 522, от 24 июня — 1 июля), Эльзы Триоле «Чехов во Франции» (№ 538, от 14—21 октября) и т. д.

[15] 11 декабря 1954 г. в Сорбонне, на вечере, посвященном памяти Чехова, Ж. Л. Барро охарактеризовал Чехова как «драматурга с мировым именем».

[16] Помимо приведенных статей Веркора и Мишеля Кадо, в специальном номере «Europe», посвященном Чехову, напечатаны: исследование Мари Анн Комнен о родственных элементах в творчестве Чехова и Пиранделло; воспоминания Анюты Питоевой о благородной деятельности ее родителей, создавших во Франции театр Чехова; статьи Пьера Абраама и Веры Вольман о различных сторонах творчества русского драматурга; переводы с русского воспоминаний о Чехове А. Куприна и Л. Авиловой, речи Л. Леонова, произнесенной в связи с девяностолетием со дня рождения Чехова, и др. материалы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ЧЕХОВ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕРЕВОДОВ

Собрания сочинений

Oeuvres complètes d'Anton Tchékhov, trad. du russe par Denis Roche (seule traduction autorisée par l'auteur). Paris, Plon, 1922—1956, 18 vol., in-16°. Collection d'auteurs étrangers, publiée sous la direction de Charles Du Bos.

Tome I — «La salle № 6», etc.— 1922
» II — «Les moujiks», etc.— 1923.
» III — «Une banale histoire», etc.— 1923.
» IV — «Ma femme», etc.— 1924.
» V — «Trois ans», etc.— 1925.
» VI — «Ma vie», etc.— 1923.
» VII — «Le moine noir», etc.— 1928.
» VIII — «Le duel», etc.— 1927.
» IX — «Le jour de fête», etc.—1926.
» X — «La steppe», etc.— 1925.
» XI — «Récit d'un inconnu», etc.— 1926.
» XII — «Voisins», etc.—1927.
» XIII+ — «Un cas de pratique médicale», etc.—1929.
» XIII++ — «L'homme à l'étui», etc.—1930.
» XIV — Théâtre. I («L'oncle Vania», «Une demande en mariage», «La cerisaie»)— 1922.
» XV — Théâtre. II («La mouette», «L'ours», «Les trois soeurs») — 1923.
» XVI — Théâtre. III («Ivanov», «Sur la grand' route», «Le tragique malgré lui», «Les méfaits du tabac», «Une noce», «L'anniversaire de la fondation», «Le chant du cygne (Calkhas)») — 1925.
» XVII — Correspondance (1876—1890) —1934.
» XVIII — Correspondance (1890—1896) —1956.

A. Tchékhov. Oeuvres, publiées sous la direction de Jean Pérus. Trad. de Madeleine Durand et Edouard Parayre. Paris, Les Editeurs Français Réunis, 1952—1958. 9 vols. in-16°. <До 1958 г. из 14 томов вышли в свет тт. 3—10, 14.>

A. Tchékhov. Oeuvres (Théâtre) («La mouette», «L'oncle Vania», «Les trois soeurs», «La cerisaie»). Trad. et présent. par Elsa Triolet. Paris, Les Editeurs Français Réunis, 1954. In-16°, 451 p.

Переписка Горького с Чеховым

Correspondance Gorki — Tchékhov, présentée par Jean Pérus. Paris, B. Grasset, 1947. In-16°, 185 p.

Издания отдельных произведений

Les conteurs russes modernes. Recueil de nouvelles. Trad. de Melle Julie Zagoulaieff. Paris, Ollendorf, 1895. In-16°, 263 p. (Tchékhov. «Ennemis»).

Anton Tchékhov. «Les moujiks». Traduit du russe avec l'autorisation de l'auteur, par D. Roche. Paris, Perrin, 1901. In-16°, 263 p. («Les moujiks», «Dans le bas-fond», «Le pipeau», «Vanka», «La détresse», etc.).

Le livre des bêtes. Trad. par L. Golschmann et E. Jaubert (Léon Tolstoï, N. Tchédrine, Anton Tchékhov, Avenarius, etc.). Illustr. de Marius Léger. Paris, Ollendorf, 1901. In-4°, 319 p. (Tchékhov. «Mimi a des petits», «Pensionnaires», «Angoisse»).

Anton Tchékhov. «Un duel». Trad. par H. Chirol. Paris, Perrin, 1902. In-16°, 251 p.

Anton Tchékhov. «Un meurtre». Trad. par Mlle Claire Ducreux. Préface de M. André Beaunier. Paris. Ed. de la Revue Blanche, 1902. In-16°, 271 p. (Préface, «Un meurtre», «Paysans», «L'étudiant», «La maîtresse d'école»).

Anton Tchékhov. «Valet de chambre», récit d'un terroriste. Trad. par G. Savitch et E. Jaubert. Paris, Calmann-Lévy, 1911. In-12°, VIII, 343 p. (Avant-propos, «Valet de chambre», «Le moine noir», «Tête à l'évent (Poprygounia)»).

Anton Tchékhov. «Une demande en mariage», comédie en 1 acte. Trad. par A. Chaboseau. Paris, Collection nouvelle de la France dramatique, 1922. In-8°, 11 p., fig.

Anton Tchékhov. «Trois années», suivi de «La salle № 6». Trad. avec un avant-propos par C. Mostkova et A. Lamblot. Paris, Rieder, 1922. In-16°, 281 p.

Anton Tchékhov. «Le choc», nouvelle inédite. Trad. par Denis Roche. Paris, A. Fayard, 1925 (Les oeuvres libres, LXIV).

Anton Tchékhov. «Une morne histoire». Trad. par B. de Schloezer. Paris, La Pléiade, 1926. In-8°, 145 p.

Anton Tchékhov. «Le bourbier», nouvelle inédite. Trad. par D. Roche. Paris, A. Fayard, 1927. (Les oeuvres libres, LXXIII).

Maurice Dekobra et Don Aminado. «Le rire dans la steppe (Humour russe)». Paris, Baudinière, 1927. In-16°, 255 p. (Tchékhov. «Le candélabre», «L'obligation à lot»).

De Pouchkine à Tolstoi. Contes et nouvelles. Trad. par Hélène Iswolsky, Henri Mongault et Boris de Schloezer. aris, La Pléiade, 1930. In-8°, 289 p. (Tchékhov. «Volodia»).

Anton Tchékhov. «La steppe». Trad. par D. Roche. Paris, Plon, 1933. In-16°, 256 p. («La steppe», «Le pétchénègue», «Au pays natal», «En chariot», «De service», «Le conseiller privé»).

Anton Tchékhov. «Châtaigne». Dans la trad. de Denis Roche. Illustr. de Nathalie Parain. Paris, Gallimard, 1934. In-8°, 61 p., figs.

Anton Tchékhov. «Un drame à la chasse». Trad. par D. Roche. Paris, Plon, 1936. In-16°, 255 p.

Anton Tchékhov. «Roussette», «Le beau voyage». Adapt. de M. Alexandre. Illust. de Pierre Rousseau. Paris, Delagrave, 1937. In-8°, 64 p., figs.

Anton Tchékhov. «Les irascibles», par Léon Chancerel, d'après «La demande en mariage». Trad. de Denis Roche, 2-ème éd. Paris, La Hutte, 1938. In-8°, 16 p., figs. (Répertoire des comédiens-routiers, publ. sous le direction de Léon Chancerel <Изд. 1 появилось в серии Jeux, tréteaux et personnages, cahier LI, 15 Juillet 1935>.

Anton Tchékhov. «La traversée de la Sibérie». Lettres inédites. Trad. par Denis Roche. Paris, A. Fayard, 1939 (Les oeuvres libres, CCXX).

Antone Tchékhov. «Salle 6». Trad. par Denis Roche. Lithogr. de Tonny Kristians. Paris, Editions du Pré aux Clercs, 1945. In-fol., 141 p., pls.

Antone Tchékhov. «Les feux», nouvelle inédite. Trad. par Denis Roche. Paris, A. Fayard, 1945 (Les oeuvres libres, CCXXXII).

Anton Tchékhov. «Le moine noir», six nouvelles choisies. Trad. par Gabriel Arout. Préface de Daniel-Rops. Paris, Editions de Flore, 1946. In-16°, XVI+ 299 p. (Les grandes oeuvres étrangères).

Anton Tchékhov. «L'ours», farce en 1 acte. Adapt. de Paul Achard et Jacques-Henri Duval. <Paris, Théâtre de l'Odéon, 8 Décembre 1944.> Paris, Billaudot, 1946. In-16°, 32 p. <Переиздано в 1951.>

Anton Tchékhov. Théâtre. I («L'oncle Vania», «Une demande en mariage», «La cerisaie»). Trad. par Denis Roche. Paris, Plon, 1954. <Перепечатано из т. XIV, Oeuvres complètes, trad. par Denis Roche.>

Anton Tchékhov. «Les méfaits du tabac», scène-monologue en 1 acte. Adapt. française de Paul Achard. Paris, Librairie Théâtrale, 1954. In-8°, 10 p. (Collection «Education et Théâtre» — Theâtre de répertoire. 19).

II. ЧЕХОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИКЕ

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ И СТАТЕЙ О ЧЕХОВЕ

Jules L e g r a s. Au pays russe. Paris, Armand Colin, 1895; La littérature en Russie. Paris, Armand Colin, 1929.

K. W a l i s z e w s k i. L'histoire de la littérature russe. Paris, Armand Colin, 1900.

Ivan S t r a n n i k. La pensée russe contemporaine. Paris, Armand Colin, 1903.

Ossip L o u r i é. La psychologie des romanciers russes du 19e siècle. Paris, Alcan, 1905.

Serge P e r s k y. Les maîtres du roman russe contemporain. Paris, Delagrave, 1912.

Edmond J a l o u x. Figures étrangères. 1-ère série. Paris, Plon, 1925.

H. B. D u c l o s. Anton Tchékhov, le médecin et l'écrivain (Thèse Montpellier). Paris, Bernard Grasset, 1927.

H. D a n i e l - R o p s. Carte d'Europe. Paris, Perrin, 1928.

Charles D u B o s. Journal. ⟨I—IV; 1921—1928.⟩ Paris, Corréa, 1946—1949.

Nina G o u r f i n k e l. Le théâtre russe contemporain. Paris, La Renaissance du Livre, 1931 (Bibliothèque de l'Amateur du Théâtre. II).

M. H o f m a n n, G. L o z i n s k i et C. M o t c h o u l s k i. Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris, Payot, 1934.

Irène N é m i r o v s k y. La vie de Tchékhov. Avant-propos de J. J. Bernard. Paris, Albin Michel, 1946.

S. M i c h e l s o n. Les grands prosateurs russes. Préface de Stanislas Fumet. Paris, La Jeune Parque, 1946.

Marcelle E h r h a r d. La Littérature russe. Paris, Presses Universitaires de France, 1948 (Collection «Que sais-je?»).

Charles C o r b e t. La Littérature russe. Paris, Armand Colin, 1951 (Collection Armand Colin).

Elsa T r i o l e t. L'Histoire d'Anton Tchékhov. Paris, Les Editeurs Français Réunis, 1954.

«Europe», 1954, Août-Septembre. ⟨Номер, специально посвященный Чехову.⟩

Anton Tchékhov et «La cerisaie» (Cahier de la Compagnie Madeleine Renaud — J.-L. Barrault. VI). Paris, Julliard, 1954.

Sophie L a f f i t t e. Tchékhov par lui-même. Paris, Le Seuil, 1955 (2-ème éd. — 1957). (Collection «Ecrivains de toujours»).

Pierre B r i s s o n. Tchékhov et sa vie. Paris, André Sauret, 1955.

Aniouta P i t o ë f f. Ludmilla, ma mère. Vie de Ludmilla et Georges Pitoëff. Paris, Julliard, 1955.

Henri T r o y a t. Sainte Russie, souvenirs et réflexions. Paris, B. Grasset, 1956.

Rose C e l l i. L'art de Tchékhov. Essai. Paris, Del Duca, 1958 («Le Demi-siècle des idées»).

André F r a n k. Georges Pitoëff. Paris, l'Arche, 1958 (Collection «Le Théâtre et les Jours»).

Claude R o y. Descriptions critiques. La main heureuse. Paris, Gallimard, 1958.

III. ЧЕХОВ НА СЦЕНЕ ПАРИЖСКИХ ТЕАТРОВ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ СПЕКТАКЛЕЙ*

1921 г.

15 апреля. «Дядя Ваня». Впервые во Франции. Théâtre du Vieux Colombier (Театр «Старой голубятни»). Постановка приезжавших из Женевы Питоевых.

1922 г.

Январь. Питоевы переезжают в Париж.

4 апреля. Возобновление постановки «Дяди Вани». Comédie des Champs-Elysées (Театр «Комедии Елисейских полей»).

25 апреля. «Чайка». Там же.

1929 г.

26 января. «Три сестры». Théâtre des Arts («Художественный театр»). Постановка Питоевых.

---

* Перечень включает лишь наиболее значительные постановки и не является исчерпывающим.— *Ред.*

1939 г.

17 января. «Чайка». Théâtre des Mathurins (Театр Матюрен). Возобновленная постановка Питоевых.

17 сентября. Смерть Жоржа Питоева.

1944 г.

Осень. «Предложение». Théâtre Pigalle (Театр Пигаль).

1944—1945 гг.

«Вишневый сад» и «Медведь». Théâtre de l'Odéon (Театр «Одеон»). Постановка Поля Абраама (Abraham).

1945 г.

«Лебединая песня». Comédie Française (Театр Французской комедии). На литературном утреннике, посвященном русской литературе.

1951 г.

«Дядя Ваня». Studio des Champs-Elysées (Студия Елисейских полей). Постановка Саши Питоева.

1952 г.

Август— декабрь. «Дядя Ваня». Théâtre de Poche («Карманный театр»). Постановка Саши Питоева.

1953 г.

«Три сестры» в исполнении актеров Centre dramatique de l'Ouest (Центрального драматического театра Западного района). Théâtre des Variétés (Театр «Варьете»). Постановка Юбера Жинью (Hubert Gignoux).

1954 г.

«Утро литератора»,— переделка для сцены Тани Балашевой нескольких рассказов Чехова. Théâtre de la Huchette (Театр Юшет).

Июнь. «Чайка». Théâtre Hébertot (Театр Эберто). Шла в исполнении актеров Centre de l'Est (Центрального театра Восточного района). Постановка Мишеля Сен-Дени (Saint-Denis). Переделка и инсценировка госпожи Сурии Мажито (Suria Magito).

Ноябрь. «Три сестры». Théâtre de l'Oeuvre (Театр «Творчество»). Постановка Саши Питоева (150 представлений).

«Вишневый сад». Théâtre Marigny (Театр Мариньи). Постановка Жана Луи Барро (Barrault).

1955 г.

«Трагик поневоле» и «Лебединая песня». Théâtre de la Huchette (Театр Юшет).

Апрель. «Чайка». Théâtre de l'Atelier (Театр «Мастерская»). Постановка Андре Барзака (Barsacq).

1956 г.

8 ноября. «Безумец Платонов». Théâtre National Populaire (Народный национальный театр). Постановка Жана Вилара (Vilar).

22 декабря. «Иванов». Théâtre d'Aujourd'hui (Современный театр). Постановка Жака Моклера (Mauclair).

1957 г.

«Вишневый сад» в исполнении актеров Union théâtrale (Театрального союза). Постановка Сильвена Домма (Dhomme). Шел в парижских пригородах.

1958 г.

«Предложение». Studio des Champs-Elysées (Студия Елисейских полей). Возобновленный спектакль. Переделка Андре Барзака.

ЧЕХОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Обзор Ш. Ш. Богатырева

Русская художественная литература с ее отличительными чертами — правдивым изображением жизни, высокой идейностью, близостью к насущным вопросам эпохи, глубокой связью с передовыми направлениями общественной мысли — уже давно признана и высоко оценена в зарубежных славянских странах, в том числе и в Чехословакии. Многие произведения Пушкина, Гоголя, Герцена, Островского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева и других переводились на чешский язык вскоре после их выхода в России. Особенно широко произведения русских писателей переводились в Чехии и пропагандировались на страницах чешской печати в конце XIX — начале XX вв.

В порабощенных Австро-Венгрией чешских землях, с их высоким уровнем промышленного развития, этот период — период перехода капитализма в империалистическую стадию развития — характеризуется обострением национальной и классовой борьбы, в которой наиболее активное участие принимает пролетариат. Наглядным свидетельством возросшей активности масс, их классовой сознательности была описанная Я. Нерудой первомайская демонстрация 1890 г. в Праге.

Усиление классовой борьбы получило отражение и в чешской художественной литературе, в которой, как и в других областях искусства, шла напряженная борьба между реализмом, поддерживаемым прогрессивными кругами чешского общества, и антиреалистическими течениями, включающими в себя всевозможные разновидности буржуазного декаданса. В этой борьбе передовые чешские деятели опирались на лучшие произведения русской литературы, видя в них образцы художественного реализма, в которых вера в народ, его светлое будущее сочеталась с беспощадной критикой темных сторон жизни. Без преувеличения можно сказать, что большинство чешских писателей и критиков реалистического направления испытывало в то время влияние русской реалистической литературы и критики.

В этой связи характерно выступление Зденека Неедлы на съезде чешских писателей 6 марта 1949 г. Указывая, что литература должна обратиться к жизни и служить народу, и призывая учиться этому у русской литературы, он говорил: «Я принадлежу к поколению, которое в молодости выросло на классическом *русском романе*. Мы его не только читали, но по-настоящему жили им — от Гоголя до Чехова и молодого в то время Горького. И жило этим все наше поколение, писатели и не писатели. И в первую очередь этот роман научил нас понимать и любить жизнь. Это было в буквальном смысле слова лекарство против декаданса, надвигавшегося уже в то время с Запада <...> А во-вторых, русский роман научил нас пониманию человека. Никакая наука, никакая иная литература не научили нас так глубоко понимать чистые человеческие стремления, радости и страдания человека, как русский роман, русская литература. И если о моем поколении говорится — и справедливо говорится — что в его лице у нас впервые <...> выросло поколение с совершенно новым пониманием социальных проблем человека и человечества,— то в немалой степени в этом была заслуга русской литературы, русского романа» (Zdeněk N e j e d l ý. O úkolech naší literatury. Praha, 1949, str. 11).

Среди упоминаемых проф. Неедлы русских писателей, у которых представители передовой чешской интеллигенции учились понимать жизнь и человека, мы находим и имя Чехова.

И действительно, количество переводов Чехова, постановок его пьес, критических отзывов о нем в Чехословакии значительно больше, чем во многих других зарубежных странах. И что самое главное, велико общее влияние его творчества на развитие чешской и словацкой литературы. В настоящем обзоре мы ставим задачей ознакомить читателя с основными фактами проникновения и утверждения творчества Чехова в Чехословакии до 1954 г. включительно [1].

1

Первые переводы произведений Чехова и статьи о нем стали появляться в чешской печати еще на заре его писательской деятельности, почти одновременно с изданием в России сборников «Пестрые рассказы» (1886) и «В сумерках» (1887). Впервые имя Чехова упоминается в сентябрьском номере журнала «Rozhledy literární» за 1886 г., в сообщении об издании в России «Пестрых рассказов». Более подробно знакомит чешского читателя с этой книгой помещенная в журнале «Východ» (1887, č. 4) статья переводчика и критика К. Штепанека «Русская литература в 1886 г.», в которой автор исходит из высказываний русской печати.

Другим критиком, информировавшим тогда чешскую общественность о творчестве Чехова, был деятель славянофильского толка Яромир Грубы. Он жил долгое время в России и имел возможность непосредственно ознакомиться с творчеством многих русских писателей, о которых он поместил ряд статей на страницах чешской печати 1880-х годов. В обзоре русской литературы за 1887 г. Грубы пишет: «На двух-трех страницах Чехов рисует какую-нибудь картинку или сцену, рисует коротенькими, как бы небрежными штрихами, а между тем перед читателем из-за этих штрихов проступает чуть не целая жизненная драма, целая поэма, взятая прямо из жизни. Чехов черпает сюжеты отовсюду, из быта всех сословий — купеческого, крестьянского, помещичьего, военного, но он везде как дома, всегда его наблюдения одинаково глубоки, правдивы, его кисть неизменно уверенна, краски живые, яркие. У него мало таких вещей, которые производили бы впечатление надуманных, искусственных; во всем чувствуется авторская индивидуальность <...> Одно из преимуществ Чехова в том, что он умеет как бы на лету схватить, казалось бы, незначительные впечатления и пробудить в читателе чувства, переживаемые им самим» («Osvěta», 1888, č. 8, str. 706—707).

Наряду с информацией о Чехове начинают появляться в чешской печати и переводы его произведений. Первый из них напечатан в газете «Moravská Orlice», 1886, № 245 и 246, от 26 и 27 октября. Это рассказ «Пассажир 1-го класса», незадолго до того опубликованный в «Новом времени» (№ 3765, от 23 августа). В 1887 г. был переведен рассказ «Дома», напечатанный в газете «Národní listy», № 140, от 23 мая. В 1888 г. количество переводов произведений Чехова в чешской печати резко возрастает. Они печатаются в журнале «Východ» («Без заглавия»), в приложении к журналу «Vyšehrad» — «Svatvečer» («Встреча»), в газетах «Národní listy» («Счастье»), «Hlas Národa» («Страшная ночь», «Свирель», «Письмо», «Задача»), в переводах К. Штепанека, Н. Мрштика, Ф. Враны [2].

В следующие годы талант Чехова и его возраставшая слава все более привлекают внимание чешских критиков и переводчиков. Последние обращаются непосредственно к писателю с просьбой высылать им свои произведения для перевода [3]. Чехов аккуратно отвечал на письма переводчиков и выполнял содержавшиеся в них просьбы.

Первое из имеющихся в нашем распоряжении писем к Чехову датировано 22 октября 1889 г. [4]; его отправитель — чешский писатель и переводчик Кирилл С. Мудры (Cyrill S. Moudrý. 1859—1892).

Мудры сообщает, что он уже перевел на чешский язык рассказы и повести Л. Толстого, Короленко, Достоевского, Гнедича, Баранцевича, Цебриковой и др., которые были одобрены чешской публикой. Он выражает надежду, что Чехов также позволит ему перевести «свои прелестные рассказы» на чешский язык, и просит прислать ему «Невинные речи», «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Рассказы»,— в особенности «Степь» и «Огни», о которых он прочитал прекрасные отзывы в русской печати [5].

Интерес чешской общественности к творчеству писателя отчетливо проявляется в письме к нему чешского критика и переводчика Августина Врзала (A. Vrzal. 1864—1930) от 23 июня 1890 г. [6]

Как и Мудры, Врзал в основном обращается к Чехову за разрешением переводить его произведения на чешский язык. «Я приобрел, пишет он,— сборники ваших замечательных рассказов: „Невинные речи", „В сумерках", „Рассказы", „Детвора", на которые обратил мое внимание Яр. Грубы. Некоторые из них мне настолько понравились, что я перевел их на чешский язык и кое-что уже опубликовал в печати (под псевдонимом А. Г. Стин), как-то: „Поцелуй" (в „Златой Праге"), „Тиф" (в „Моравской Орлице"), „Ванька" (там же), „Агафья" (там же). Другие рассказы имеются у меня в рукописном переводе. Я хочу отобрать ваши рассказы для издания отдельной книгой и покорнейше прошу вас дать мне разрешение на перевод (авторизация), так чтобы я мог указать, что переводы эти выполнены с разрешения автора <...> Заодно я намереваюсь написать на чешском языке критико-биографическую статью о вас: не были бы вы так любезны сообщить мне некоторые биографические данные? В „Критических этюдах" К. К. Арсеньева [7], где он говорит о вас, биографических сведений нет. Будьте добры прислать мне хотя бы открытку, если соблаговолите дать разрешение на перевод. Рассказы чехам очень нравятся».

Письмо Врзала не застало Чехова. Он уже больше двух месяцев совершал свое путешествие «с препятствиями», пробирался на Сахалин сквозь «грязь, дождь, злющий ветер, холод...» (XV, 80). Вернулся он в Москву лишь в декабре и тогда же ответил Врзалу открыткой, в которой дал разрешение на авторизованный перевод своих произведений. Однако автобиографические сведения он выслал не сразу. В январе 1891 г. он уехал в Петербург, а с марта по апрель путешествовал за границей (Вена, Венеция, Флоренция, Рим, Монте-Карло, Париж). Не дождавшись от Чехова биографических сведений, Врзал обратился за ними к Суворину, сообщив, что Чехов разрешил ему переводить и издавать его сочинения [8]. Через книжный магазин «Нового времени» Чехов был уведомлен об этой просьбе, и 14 августа 1891 г. он кратко сообщил о себе, а также предложил Врзалу обменяться книгами. «Когда выйдет в свет моя книга о Сахалине,— пишет он,— я пришлю ее вам, и вы мне за это пришлите ваш перевод моих рассказов» (XV, 232).

Следующим по времени корреспондентом Чехова, обратившимся к нему за разрешением переводить его произведения на чешский язык, является переводчица Елизавета Била (E. Bilá). В письме от 21 апреля 1895 г. Била проявляет интерес не только к его рассказам, но и к драматическим произведениям и просит разрешения перевести их для постановки в Национальном театре (ответное письмо Чехова — см. в настоящем томе, стр. 195).

После этого Била еще несколько раз обращалась к Чехову. «Мне особенно хочется,— писала она 6 мая 1896 г.,— ознакомить нашу публику с *вашими* произведениями. Пока я перевела для разных чешских газет почти все рассказы из вашей книжки („Орден", „Детвора" и др.), и „Черного монаха"»[9]. Перевод «Черного монаха» Била посылает автору и просит сообщать ей о его новых произведениях. Она спрашивает, в частности, каким образом можно было бы получить его новый рассказ «Ариадна».

Чехов послал Биле рассказ «Ариадна», о чем мы узнаем из ее письма от 3 июня 1896 г.: «Она <„Ариадна"> мне ужасно понравилась, скоро примусь за перевод и немедленно вышлю вам чешский экземпляр».

Известный интерес представляют письма к Чехову переводчицы Эльзы Голлер (E. Goller). Правда, она переводила Чехова на немецкий язык, но печатала свои переводы главным образом в пражской газете «Politik» и тем самым также способствовала ознакомлению чешской общественности с творчеством Чехова. Сохранилось 48 писем Голлер к Чехову (подлинники на французском языке). Переписка их продолжалась с 1898 г. до самой смерти писателя.

Голлер сообщала Чехову о своих переводах его произведений (среди них: «Страх», «Счастье», «Бабы», «Моя жизнь», «Недоброе дело», «Скучная история» и др.). Эти переводы она посылала Чехову и просила выслать вновь вышедшие его произведения. Часто Голлер обращалась к писателю за советами, касающимися ее переводческой

работы, жаловалась на сложность чеховского текста. «Иногда,—пишет она,—вы употребляете такие тонкие выражения (jolies expressions), которых нет в словаре, и тогда я руководствуюсь лишь своим чутьем» (письмо от 5 июля 1898 г.).

Чехов был внимателен к просьбам Голлер и неизменно выполнял их. Так, из писем переводчицы мы узнаем, что Чехов посылал ей свои произведения и дважды — в 1898 и 1901 гг.— фотографии. В письме от 9 августа 1899 г. Голлер благодарит Чехова за присылку его «Очерков и рассказов» (речь идет, по-видимому, о сборнике «В сумерках. Очерки и рассказы», 12-е и 13-е издания которого вышли в 1899 г.). «Это было очень мило с вашей стороны,— пишет она,— что вы написали мне несколько строк на книгах, которые являются для меня драгоценным подарком».

Голлер нередко обращалась к Чехову и как его читательница. Она делится впечатлениями, с восторгом отзывается о прочитанном. «Это прекрасно!» «Это великолепно!» — подобными восклицаниями пестрят ее письма. Она утверждает, что Чехов «самый изящный» из современных русских писателей, что «немногие из них доставляют читателю такую радость» (письмо от 13 января 1901 г.). «„Скучная история“ мне так нравится, что я забываю обо всем, что вокруг меня происходит» (письмо от 29 марта 1900 г.). А в письме от 13 января 1901 г. она с восторгом добавляет: «Перечитывая перевод вашей „Скучной истории“, я почувствовала желание побежать к вам, пожать вам руку и благодарить за то, что вы ее написали».

Письма Голлер к Чехову не всегда носят деловой характер. В них она нередко делится своими настроениями, впечатлениями от своего пребывания у Э. Золя, посылает Чехову свои произведения [10] и неизменно выражает так и неисполнившееся желание хоть раз повидать Чехова.

Наибольшего внимания заслуживает переписка между Чеховым и переводчиком Б. Прусиком (Bořivoj Prusík. 1872—1928) [11], охватывающая период с 1896 по 1904 г. Не все письма дошли до нас; приводимые здесь составляют лишь часть обширной переписки.

В мае 1896 г. Прусик обратился к Чехову со следующим письмом: «Баронесса Била просила меня как главного своего сотрудника выслать вам еще раз один экземпляр „Черного монаха“, и я спешу исполнить ее желание. Кроме того, я позволю себе сообщить вам, глубокоуважаемый господин писатель, что ваша „Дуэль“ только что мною переведена и ждет печати. Кроме того, „Попрыгунья“ и др. рассказы вышли в моем переводе в беллетристическом журнале „Lumír“. Масса ваших маленьких рассказов („Драма“ и др.) в переводе баронессы Билы появилась в ежедневных газетах „Národní Politika“, „Hlas Národa“ и др. Вообще будьте уверены, многоуважаемый господин писатель, что так, как вас, мало кого у нас любят из современных русских писателей».

Чехов ответил на письмо Прусика и, вероятно, послал ему некоторые из своих произведений. Это видно из письма Прусика от 6 июня 1896 г., где он благодарит «за незаслуженный сюрприз».

Со своей стороны, Прусик посылает Чехову номера журнала «Lumír», в которых были помещены переводы его рассказов, обещает прислать перевод «Дуэли», как только он выйдет в свет, а также сообщает, что в конце июля он будет проездом в Москве и сочтет за счастье повидать Чехова.

Прусик приезжал в Россию в августе 1896 г., главным образом для ознакомления с Нижегородской промышленной и художественной выставкой. У него было также намерение встретиться с Чеховым, однако побывать у Чехова в Мелихове Прусику так и не удалось, хотя он проезжал на поезде мимо Лопасни.

«Мне осталось лишь,— писал об этом Прусик,— смотреть с досадой на вокзальную постройку с надписью „Лопасня“, на деревья позади нее, за которыми мне мерещилось — бог знает почему — какое-то озеро, а на берегу озера — дача Чехова... Затем в Москве поглотили меня другие дела, недомогание, спешная поездка в Нижний Новгород,— и так эта заманчивая глава, которая была бы названа „Чехов дома“, осталась ненаписанной» («Květy», 1897, č. 10, str. 491).

Единственное, что Прусик успел, это написать Чехову из Москвы 9 августа 1896 г.: «Так как недостаток времени не позволил искреннему вашему почитателю покло-

ниться вам лично и поблагодарить вас за высокое удовольствие, которое вы доставляете мне как читателю, и за любезность, которую вы мне оказываете как переводчику,— то прошу хотя бы в форме письма принять выражение моей благодарности. Прошу вас позволить мне и в дальнейшем переводить ваши сочинения. Спешу сообщить вам, что в „Лумире" печатается в моем переводе ваш рассказ „Отец", и что баронесса Била перевела ваш „Дом с мезонином" для „Златой Праги"».

«Только что прочел в газетах,—пишет он далее,— про новую вашу пьесу „Чайка". Пожалуйста, не откажите в любезности сообщить мне, у какого издателя она выйдет, чтобы я сейчас же мог ее выписать и, с вашего разрешения, перевести».

Текст ответного письма Чехова нам неизвестен, но содержание его без труда угадывается из письма Прусика от 4 сентября 1896 г. Чехов, видимо, ответил, что «Чайка» еще не напечатана, а также сообщил о предполагаемой поездке за границу (она состоялась лишь через год) и о своем намерении посетить Прагу.

«Возвратившись в Прагу,— пишет Прусик,— я нашел любезное ваше письмо и спешу поблагодарить вас за него. Я буду очень рад, если буду иметь честь показать вам нашу Прагу и познакомить вас ближе и с духовной ее жизнью. Искренне желаю, чтобы это было уже скорее! Что касается „Чайки", то очень прошу вас, как только она будет напечатана, позволить мне перевести ее для нашей публики. Первый экземпляр перевода, конечно, вышлю вам».

Письмо Прусика к Чехову от 8 ноября 1896 г. еще раз повторяет просьбу о «Чайке». Из письма видно, что Прусик внимательно следил за спектаклями «Чайки» на сцене Александринского театра и возмущался отрицательным отношением к ней петербургской публики.

Чехов не замедлил выслать Прусику «Чайку» после выхода ее из печати.

«Возвратившись домой,— пишет Прусик 7 марта 1897 г.,— нашел я между письмами вашу „Чайку" и спешу поблагодарить вас искренно за нее! Верьте, что я с чрезвычайным удовольствием возьмусь за ее перевод».

О том, что между Прусиком и Чеховым велась регулярная переписка и что между ними не прекращались деловые отношения, говорят и другие письма Прусика. Так, в письме от 20 мая 1897 г. Прусик пишет: «Спешу поблагодарить вас за любезно высланную мне книгу, которая доставила мне *большую* радость! Наконец-то вышла ваша „Дуэль", будьте столь любезны принять высланную книжку на добрую память. Если сочините что-нибудь новое — рассказы или пьесы, то прошу вас, глубокоуважаемый Антон Павлович, сообщите мне об этом и позвольте перевести. У нас вас так любят, верьте!» Других писем Прусика и ответов на них Чехова мы здесь не будем касаться, так как они приводятся или цитируются в другом разделе настоящего тома («Письма Чехова»).

Из переписки между Чеховым и чешскими переводчиками видно, что еще в последнем десятилетии прошлого века произведения Чехова многократно переводились на чешский язык и пользовались у чешских читателей всеобщей любовью.

Когда Чехов в письме от 22 февраля 1892 г. (XV, 321) писал В. Тихонову, что чехи «одобряют» его произведения, он едва ли представлял себе отчетливо, насколько он был тогда уже известен и любим в Чехии. В 1892 г. это было засвидетельствовано в чешской энциклопедии: «На чешский язык его произведения много переводятся, так что из молодого поколения русских писателей Чехов является у нас самым известным» («Ottův Slovník Naučný», díl V. Praha, 1892, str. 893).

С каждым годом количество переводов Чехова возрастало. Вначале произведения Чехова появлялись лишь в периодической печати [12], но вскоре они начали выходить и отдельными изданиями. Первым из них был рассказ «Тайный советник» в переводе В. Мрштика (Библиотека «Светозора», 1892, № 26). С того времени до 1914 г. в Чехии вышло 53 отдельных издания сочинений Чехова (не считая повторных изданий), из которых 37 составляли сборники рассказов. Спрос на произведения Чехова особенно увеличился после смерти писателя, глубоко взволновавшей чешскую общественность. К 1910—1911 гг. Чехов был переведен почти полностью, так что стало возможным издание собрания его сочинений, к подготовке которого в это время приступили два крупнейших чешских издательства.

К сожалению, переводы произведений Чехова часто делались небрежно и ремесленно и по своим художественным достоинствам были весьма далеки от оригинала. Для примера мы кратко остановимся на переводах Б. Прусика, пользовавшихся в то время хорошей репутацией и почти неизменно сопровождаемых пометкой: «авторизованный перевод».

В начале своей переводческой деятельности в одном из первых писем к Чехову Прусик жаловался на трудности, с которыми сопряжено издание его перевода чеховской «Дуэли»: «Те неприятности, которые имеете вы с казенными цензорами, имеем и мы с неофициальными цензорами, нашими издателями, которые боятся пропустить для нашей фарисейски моральной публики самую здорово-реалистическую русскую вещь! И выражения надо для них смягчать, а этим, конечно, портится типичность. Ну, что с ними делать, они страх как упрямы» (письмо от 4 сентября 1896 г.).

А два с половиной месяца спустя Прусик сообщал: «Спешу выслать вам первый номер вашей „Дуэли", которая, наконец, появилась в моем переводе (Щербинский — мой обычный псевдоним). Как только выйдет целая книжка, сейчас вышлю. Но прошу вас, будьте снисходительны к моему переводу, верьте мне, что старался как мог, но вы не поверите, как боятся у нас самого малейшего реализма. Пришлось переменять, а то бы совсем не печатали. Поэтому простите, если останетесь недовольны» (письмо от 20 ноября 1896 г.)[13].

Весьма вероятно, что Прусик вынужден был по требованию издателя сделать в тексте повести купюры, пожертвовать иными выражениями и мыслями, которые могли прийтись не по вкусу мещанской публике. Однако наряду с этим перевод Прусика пестрит грубыми ошибками и искажениями чеховского текста, произвольными пропусками и дополнениями, которые никак нельзя объяснить уступками давлению извне. Причиной этого были и небрежность переводчика, и его недостаточное знание русского языка, и, очевидно, неверное во многом понимание творчества Чехова. Сокращениями и искажениями чеховского текста грешат и другие переводы Прусика.

Так, выбросив, например, в первом акте «Дяди Вани» весь разговор о лесах, Прусик обеднил образ Астрова. То же произошло и с образом Вершинина в «Трех сестрах» из-за значительного сокращения его философских рассуждений. А как много теряет образ Вершинина от искажения его реплики: «У меня в жизни не хватало именно вот таких цветов» (XI, 254), которая в переводе Прусика звучит: «У меня в жизни никогда не было денег на цветы».

Еще больше пострадал образ Маши. Вот некоторые примеры:

У Чехова	В переводе Прусика
Ольга. Ты сегодня не веселая, Маша.	Ольга. Ты сегодня веселая, Маша!
Маша. Я уйду... Сегодня я в мерлехлюндии, невесело мне, и ты не слушай меня.	Маша. Уже иду. (Остальное выпущено.)
Маша (*Соленому*). Что вы хотите этим сказать, ужасно страшный человек?	Маша. Что вы хотите этим сказать? Вы страшный человек!
Маша (*Ирине*). Ты похудела... (*Насвистывает.*) И помолодела, и на мальчишку стала похожа лицом.	Маша. Ты похудела... (*Насвистывает.*) А я помолодела, и на мальчишку стала похожа лицом.
Маша <...> Дайте же мне сесть!	Маша <...> Дайте мне есть.
Маша. Это во всяком случае возмутительно.	Маша. Это во всяком случае печально.
Маша <...> (*Останавливаясь.*) Я не пойду в дом, я не могу туда ходить...	<Пропущено.>

Обзорный характер настоящей статьи заставляет нас ограничиться этими немногими примерами. Остается лишь добавить, что Прусик пользовался репутацией опытного переводчика и что переводы Чехова иных его собратьев по профессии страдали еще бóльшими недостатками.

1901

MEZIAKTÍ.

Číslo 167.

DIVADELNÍ VEČERNÍK. ❀ ČÍSLO 20 HALÉŘŮ. ❀ V PRAZE, 20. DUBNA.

VYDÁVÁ SPOLEČNOST NÁRODNÍHO DIVADLA. — REDIGUJE JAN LADECKÝ.

INSERÁTY A PŘEDPLATNÉ (1 ZL. = 2 K MĚSÍČNĚ PŘIJÍMÁ ADMINISTRACE »MEZIAKTÍ« V ÚČTÁRNĚ NÁRODNÍHO DIVADLA V PRAZE.

INSERÁTY MIMO TO PŘIJÍMÁ VŠEOBECNÁ INSERTNÍ KANCELÁŘ V NOVÉM BAZARU NA PŘÍKOPECH.

KRÁL. ČESKÉ ZEMSKÉ NÁRODNÍ DIVADLO V PRAZE.

V sobotu dne 20. dubna 1901. Odpoledne o 3. hod.

Prodaná nevěsta.

Komická zpěvohra o třech dějstvích. Hudbu složil Bedřich Smetana. Text napsal K. Sabina.

Večer 187. hra (3. čtvrtka) v předpl.

Strýček Váňa.

Obrazy z vesnického života o čtyřech dějstvích. Rusky napsal A. P. Čechov. Přeložil Bořivoj Prusík.

(Program divadelní na zadní straně)

❀

Anton Pavlovič Čechov a jeho „Strýček Váňa".

Dnešní hrou, již ruský dramatik skromně nazval »obrazy ze života na vsi«, vstupuje na jeviště Národního divadla A. P. Čechov poprvé s větší svou prací.

Jakkoli se zdá, že čínská zeď jakási táhne se po hranicích Ruska a ostatní Evropy, tak že jen velm zřídka něco z moderní a nejmodernější ruské belletrie k nám na západ zaletí, přece jen slavné ono trojhvězdí Tolstoj, Čechov a Gorkij bohudíky již i u nás vešlo v širokou známost. Ano, Čechov bývá dnes jmenován hned po Tolstém, on stojí hned po jasnopoljanském filosofu i skutečnou cenou literární i oblibou u ruského i cizího obecenstva.

A přece jest mužem poměrně mladým, když narodil se r. 1860 v Taganrogu na břehu bouřlivého moře Azovského. Životopis Čechova — jak mi jej kdysi sám sdělil — dá se říci několika slovy: vystudoval gymnasium v rodišti, medicinskou fakultu v Moskvě, cestoval na východ (hlavně po ostrově Sachalinu), provozoval lékařskou praxi v útulné vesničce Lopasni u Moskvy, kde si zakoupil stateček, plicní chorobou byl nucen odebrati se do krajin s mírnějším klimatem, léčil se v Nizze, až usadil se trvale na Krymu v Jaltě, kdež prodav provozovací právo k vydání svých spisů za 80.000 rublů, zakoupil si vlastní villu. A v tomto tichém přístavu tráví svůj život, zde na březích luzného Černého moře v božsky krásné Jaltě pracuje jeho geniální duch.

Bohužel je toho, co Čechov napíše, velice málo. Odmítí se na celou řadu měsíců a pak teprve zas v jeho oblíbeném časopise »Russkaja mysl« objeví se nová jeho povídka, nové drama. Ale co novinka, to perla. A s jakou

A. P. ČECHOV.

dychtivostí čeká ruské obecenstvo na vše, co Čechov píše! Není to, věřte, frasí, řeknu-li, že každá nová práce Čechovova jest hotovou literární událostí dne.

Pravil jsem, že Čechov jest lékařem. To praví velmi mnoho. Spisovatelé lékaři vždy jevili neobyčejnou odvahu k pevným, hlubokým zářezům, oni vždy věrněji a s realistickou upřímností označovali pravý stav věcí. A známky ty jevi se v silné míře i u Čechova.

Čechov jest realistou, napíše vše tak, jak to jeho duševní oko ve skutečnosti nalezlo, pevně a jistě cítí

ПРАЖСКИЙ ЖУРНАЛ «MEZIAKTÍ» ОТ 20 АПРЕЛЯ 1901 г. СО СТАТЬЕЙ Б. ПРУСИКА «АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ И ЕГО „ДЯДЯ ВАНЯ"» И ПОРТРЕТОМ ЧЕХОВА

Страница первая

Портрет был прислан Прусику Чеховым в 1897 г.

Чешский критик и переводчик Яромир Поездны писал по этому поводу: «Чехова переводят у нас, пожалуй, больше всего, а в воскресных приложениях к ежедневным газетам его имя из русских писателей встречается особенно часто. Многие его произведения перепечатываются, многие переводятся по нескольку раз, но в общем Чехов остался бы недоволен. Часто стирается изящный язык Чехова, у которого каждое словечко, каждый элемент предложения, каждый штришок имеет свое значение, и внимательный переводчик должен всячески стараться понять это. Непростительно, когда кто-либо делает пространным, многословным конспективный, сжатый способ выражения Чехова или вовсе опускает непонятные слова, фразы и обороты речи. Никто не смеет исправлять такого художника, как Чехов. Чехова часто можно переводить почти дословно, так как он не употребляет длинных, запутанных периодов, выражается просто, но всегда изящно и тонко. Переводчик должен подходить к Чехову с величайшим благоговением перед каждым его словом, должен помнить, что он переводит любимца всей России, великого трагика русской жизни, должен чувствовать за его смехом тоску и горечь слез» («Slovanský přehled», 1911, č. 2, str. 98—99).

Все же, несмотря на погрешности, которыми страдали многие переводы, они сделали свое дело — вызвали у чешского читателя любовь к творчеству великого русского писателя, содействовали его популяризации. В десятитомном собрании сочинений Чехова, выходившем с 1910 по 1920 г., переводы были пересмотрены заново и многие ошибки и недостатки устранены.

2

Наряду с прозой Чехова, рассказами и повестями, большое распространение получили в Чехии и его пьесы.

Непосредственное знакомство чешской общественности с Чеховым-драматургом относится к 17 октября 1889 г., когда в чешском театре г. Брно состоялась премьера «Медведя». Однако он шел всего дважды, после чего исчез из репертуара. Несколько лучше была принята другая шутка Чехова «Предложение», поставленная режиссером Франтишеком Коларом на сцене Пражского Национального театра (премьера 30 мая 1890 г.). Публика встретила ее одобрительно, причем особенно понравилась роль Ломова в исполнении замечательного актера Индржиха Мошны. Отзывы же критики в основном были отрицательными, что отчасти объяснялось неудачным переводом.

Известный поэт Ярослав Врхлицкий упрекал автора в целом ряде художественных погрешностей, но при всем этом его захватило неподдельное веселье чеховской шутки. Он считал, что имеется мало пьес, где зритель так смеялся бы от всей души. «Русский юмор,— писал он,— действительно великолепен, может быть,— я не боюсь этого богохульства,— великолепнее, чем русский пафос. Не знаю почему, но во время представления этой пьески Чехова мне вспомнилось знаменитое определение русского смеха, которое дает Гоголь в „Мертвых душах“...» («Hlas Národa», 1890, № 151, от 3 июня). «Удивительная это была комедия,— вспоминал позднее рецензент газеты «Národní listy».— Кто-то на сцене страдал, корчился от боли, а весь театр смеялся» (1901, № 111, от 22 апреля).

«Предложение» и «Медведь» быстро привились на чешской почве и органически вошли в репертуар чешских театров [14]. Этого нельзя сказать об основных пьесах Чехова, хотя переводчики всячески добивались их постановки. Безуспешно хлопотал о постановке «Чайки» в Пражском Национальном театре Прусик. Сообщая Чехову, что он окончил перевод «Чайки» и посылает его «драматургу» (так именовался заведующий репертуарной частью Национального театра), Прусик в то же время выражает сомнение в том, что пьеса будет принята: «Вы не знаете, какое у нас несчастье с драматургами: прошлый не знал другого автора как Сарду, сам из него переводил, и „Madame Sans-Gêne“ триумфировала почти целые два года. Этот опять тащит на сцену старые французские фарсы, которые смешили не только наших отцов, но даже наших дедов. Идет ли что-нибудь из славянских пьес, так это обыкновенно только такая, про которую в „Illustrierte Zeitung“ читали, что в Берлине или Мюнхене игралась. Но все-таки попробую» (письмо от 16 июня 1897 г.).

Попытки Прусика добиться постановки «Чайки» на сцене ведущего чешского театра не увенчались успехом. Рукопись перевода пролежала два с половиной года у «драматурга», после чего последовал ответ, что театр не может ставить пьес, у которых «так мало поклонников и столько недоброжелателей» (см. статью И. Сватоневой в сб. «Čtvero setkání s ruským realismem». Praha, 1958, str. 305).

По всей вероятности, нежелание театра поставить чеховскую пьесу было в известной мере обусловлено ее провалом в Александринском театре, о чем довольно подробно сообщала и чешская печать (например, «Osvěta», 1898, č. 1, str. 223—226). Но главная причина заключалась в самой пьесе. Глубина ее проблематики, сложность композиции, наличие двух художественных планов, реализм, возвышающийся «до одухотворенного и глубоко продуманного символа» (Горький),— вся эта новаторская сущность «Чайки» была чужда репертуарной политике Национального театра.

Прусик прилагал усилия к тому, чтобы поставить «Чайку» в других театрах, и некоторые из них даже принимали пьесу к постановке, но потом под разными предлогами отказывались от нее. Лишь труппа театра Шванды на Смихове (предместье Праги) решила поставить «Чайку». Но премьера, состоявшаяся 26 декабря 1898 г., не имела успеха, «потому что пьеса не театральна»,— утверждал рецензент журнала «Thalie» (1898, č. 22, str. 172). «Впрочем,— писал он далее,— у интеллигентного зрителя она могла вызвать немало горячих восторгов, тем более у литературно образованного слушателя, если не сказать прямо литератора ⟨...⟩ Конечно, литератор тоже не удовлетворен произведением как театральной пьесой, но, как я уже говорил, в „Чайке" есть что-то такое, над чем мы могли бы задуматься».

Кое-кто из рецензентов верно уловил некоторые особенности драматургии «Чайки», но отнесся к ним отрицательно, исходя из привычных драматургических канонов, глубоко укоренившихся в чешском театре и критике. Вот что, например, писал рецензент журнала «Čas» (1899, č. 3, str. 36): «Писатель построил пьесу так, что в ней отчетливо переплетается несколько драматических линий. Автор, полагаю, хочет сказать: такова жизнь, вы думаете, что жизненную драму переживает только несколько человек, ваши „герои и героини", а все остальные существуют на свете лишь как аксессуар!? Но присмотритесь ближе! Смотрите, как *каждый* из них мучительно переживает свою жизненную драму ⟨...⟩ всюду обнаруживаешь человеческие раны и страдания. Начало и конец пьесы? Это, пожалуй, старомодные слова! Ведь поток жизни течет беспрерывно... Жизнь для всех людей — драма, и как драму ее и должен был бы запечатлеть драматург. Эстетические взгляды Чехова, конечно, неверны, хотя и интересны. Художественное произведение, будь его автор даже самым заядлым натуралистом, всегда результат субъективного восприятия действительности, непроизвольно схваченной и воспроизведенной под определенным углом зрения ⟨...⟩ При этом, хочешь, не хочешь, одни судьбы и лица выдвигаются на передний план, а другие остаются на положении статистов».

Значительно больше ставился на чешской сцене «Дядя Ваня», переведенный Б. Прусиком в 1900 г. В Пльзеньском Городском театре 4 января 1901 г. состоялась премьера пьесы. В том же году она шла в национальных театрах Праги и Брно, а также на любительской сцене в гг. Градец Кралове, Нимбурк, Часлав, Брно. К сожалению, уровень большинства этих постановок был невысок, и пьеса не была понята ни артистами, ни публикой.

Касаясь постановки «Дяди Вани» в Пльзеньском Городском театре, рецензент газеты «Plzeňský obzor» (1901, № 5, от 10 января) жаловался на то, что автор как бы нарочно уклонился от более сильного акцентирования основной линии пьесы, тем самым лишив актеров возможности проявить свой темперамент и заработать аплодисменты. Критик журнала «Divadelní listy» (1901, č. 6, str. 127) писал: «Действительно ли в нас осталось так мало славянского, что Чехова не понимают ни публика, ни актеры? Публика удивлялась, не верила, скучала— а исполнители не знали, что делать. Тот, кто был верен автору, не был понят, а кто пытался „оживить действие" ходячими приемами игры, неизбежно совершал неловкость. В результате сразу же после премьеры из репертуара исчезла необычайно остроумная, психологически на редкость глубокая вещь».

Самой значительной как по режиссуре, так, особенно, по актерскому составу явилась постановка «Дяди Вани» в Пражском Национальном театре (премьера 20 апреля 1901 г.), вызвавшая наибольший интерес в чешских театральных кругах. Критика положительно оценила режиссерскую работу, сыгранность ансамбля, она отметила прекрасную игру ряда актеров, в частности Вояна — Астрова, Грегровой — Сони, Шмаги — Серебрякова, Мошны — Телегина. Однако не все оценки постановки и актерского исполнения следует признать бесспорными, ибо понимание самой критикой проблематики чеховской пьесы и ее образов было во многом неверным. Отсюда и противоречивость суждений, которая встречается в рецензиях на этот спектакль «Дяди Вани».

Очень высоко оценила критика исполнение Вояном роли Астрова. Рецензент газеты «Čas» И. Водак писал, что чешский артист играет Астрова «с подлинным вдохновением,— в каждой его фразе, в каждом движении, в улыбке или выражении лица, в звуке голоса — вся его душа, вдумчивая, проницательная...» Но в то же время критик отмечал, что Воян не всю роль провел одинаково хорошо, что в первом акте «было еще много натянутости», а в других актах в ряде сцен артист стремился «обогатить» роль, но так, что создалось «впечатление вычурности и дисгармонии» (Jindřich V o d á k. Eduard Vojan. ⟨Praha, 1945⟩, str. 72).

Разноречивыми были мнения критиков об исполнении роли Серебрякова. Рецензент журнала «Osvěta» утверждал, что «Шмага понял Серебрякова весьма отлично от замысла автора, так что действовал в пьесе как инородный элемент» (1901, č. 6, str. 561). Но в чем выразилось это, критик не пояснил. Конкретнее писал рецензент журнала «Divadelní listy» (1901, č. 11, str. 251): «Серебряков Шмаги не казался нам смешным, скорее было жаль его». Однако, по-видимому, ближе к правде были те критики, которые писали, что артист дал образ «противного профессора», что он «подчеркивал отрицательные стороны его характера, себялюбие и заносчивость, капризничанье и нытье, становящиеся все более отталкивающими» («Národní politika», 1901, № 110, от 22 апреля).

Видимо, не совсем удачным было исполнение А. Седлачеком роли Войницкого. Особенно это показала центральная сцена третьего акта. «Гибель жизненных иллюзий дяди Вани,— пишет рецензент журнала «Osvěta» (1901, č. 6, str. 560),— вызвала такую внезапную и страшную внутреннюю бурю, что это производит — прямо скажу — впечатление, словно пьеса Чехова вдруг понеслась как бешеный конь: ⟨дядя⟩ Ваня стреляет в профессора за кулисами и на сцене совершенно неожиданно, без подготовленной и мотивированной внутренней необходимости».

Как видно даже из этих примеров, игра ведущих артистов Национального театра была далеко не совершенной. Тем не менее, пражская постановка «Дяди Вани» явилась крупным событием. Чешская театральная общественность очутилась «лицом к лицу с произведением, которое не имеет ничего общего с обычными драмами, господствующими на современной сцене» («Česká revue», r. IV, 1901, č. 9, str. 1117). Особенности «Дяди Вани», построение и образы вызвали у ряда критиков недоумение, но в то же время и глубокий интерес к пьесе, желание проанализировать ее, определить ее место в мировой драматургии.

Указывая на то, что пьеса Чехова не отвечает «ходячим представлениям о технике и задачах драмы», установленным нормам и требованиям «мерно постукивающего сценического механизма», рецензент журнала «Rozhledy» (1901, č. 5, str. 140—141) спрашивает: «Неужели г. Чехов менее умудрен в театральном искусстве из-за того, что он на несколько градусов восточнее нашего живет от Парижа? Быть не может. Неужели он, мастер новеллистической техники, не осилил бы того, что умеет у нас любой захудалый кандидат на драматургические лавры, если бы он только захотел и если бы вообще дорожил этим? Дело просто в том, что он — сын страны, у которой не только свои, трудно для нас постижимые политические и социальные порядки, но и свои специфические понятия об искусстве, о его задачах и ценностях. Его страна продемонстрировала это в романе таким великолепным способом, что сумела преодолеть все предубеждения остальной Европы».

Как «благородное и прекрасное начинание» охарактеризовал постановку «Дяди Вани» рецензент журнала «Česká revue» (1901, č. 9, str. 1116). «Наша публика,— пи-

сал он,— видела немного произведений, в которых бы так игнорировалось все, что называется техникой, в которых внешне было бы так мало действия и которые тем не менее так сильно приковывали бы к себе внимание зрителя и потрясали его до глубины души. Изумительная простота, искренность и правдивость сочетаются в этой пьесе с совершенным психологическим мастерством и потрясающей силой характеристик».

Восторженно звучит отзыв Иозефа Куффнера, рецензента газеты «Národní listy» (1901, № 111, от 22 апреля).

«Чехов,— писал он,— является несравненным живописцем жизни, ее трагических и комических сторон, ее вечно тянущегося однообразия и ее поэзии. Наконец-то явился поэт, который не боится будничности, волшебник, который руду повседневности умеет обращать в сверкающее золото <...> Какая волнующая картина, полная жизненной глубины! Сколько приходится другим искать, трудиться, чтобы стать ближе к жизни! Чего только ни выдумают, ни нагородят, чтобы казаться занимательным, глубоким! А тут является автор, который равнину современной повседневности превращает в гору, а под ней, смотрите, какие головокружительные глубины открываются нашему взору! <...> Пьеса А. П. Чехова предстает как классический образец современного сценического реализма. Здесь нет ничего туманного, сомнительного, искусственно построенного, все просто, ясно, как в обыденной жизни, и однако же все — поэтично...»

Серьезное для того времени понимание чеховской пьесы обнаружил Ярослав Кампер, рецензент журнала «Obzor literární a umělecký» (1901, č. 7, str. 109—110). «„Дядя Ваня“,— писал он,— несомненно одно из лучших произведений, написанных для театра за последние десять лет. Во всей современной драматической литературе я не знаю пьесы, которая так пренебрегала бы всем показным, манерным, вычурным, которая с помощью, казалось бы, наипростейших средств производила бы такое глубокое и незабываемое впечатление, как это произведение. Появившись на сцене Московского театра „Эрмитаж“ каких-нибудь полтора года назад, оно вызвало громадное волнение. „Дядя Ваня“ производит впечатление чего-то совершенно нового, чуждого всяких шаблонов, впечатление вещи, с которой нужно свыкаться постепенно, но которую вы тем горячее полюбите потом».

Как образец чеховского мастерства Кампер приводит сцену второго действия — разговор Сони с Астровым. «Какая глубокая печаль, какая мука и душевная боль звучат в этой сцене, свободной от мелочных трюков и рафинированных приемов, составляющих силу западных драматургов». В качестве другого примера Кампер указывает на конец пьесы, который «захватывает своей безыскусственной простотой».

С большим сочувствием Кампер относится к Войницкому и Соне, судьба которых глубоко волнует и трогает его: «Наш интерес все время прикован к пьесе, где таким изумительно простым, но правдивым и захватывающим способом изображается бесплодная тоска двух „лишних людей“, прикипевших к нашему сердцу. Дядя Ваня, угловатый, окрестьянившийся человек простого, чистого сердца, и Соня, тихая, добрая душа, привыкшая работать и жертвовать собой для других, жестоко отвергаемая со своей тоской,— как можно было бы позабыть эти две фигурки, вылепленные с таким мастерством!»

Некоторые чешские критики отмечали характерную для этой пьесы (как и для всей русской классической драматургии) особенность — то, что она дает картину движения общественных идей в России и ставит вопросы о смысле и цели человеческой жизни («Osvěta», 1901, č. 6, str. 559—560).

Рецензент газеты «Právo lidu» (1901, № 111, от 23 апреля), критиковавший пьесу за то, что она якобы не отвечает требованиям современной сцены, на вопрос: «Чем же объяснить, что такое произведение переводится, играется и даже производит сильное впечатление?» — отвечает: «Просто тем, что оно обладает чем-то таким, что волнует даже при крупных драматургических недостатках: сильным, прямо-таки стихийным чувством действительности, ее горечи и страданий».

Если взять отзывы о пражской постановке «Дяди Вани» в целом, то нетрудно увидеть, что чешская критика была еще очень далека от верного понимания пьесы. Критика так и не смогла уловить чеховского подтекста, не увидела главного — чеховской мечты о человеческом счастье, так вдохновенно прозвучавшей в последнем

монологе Сони. Тем не менее эти отзывы свидетельствуют о том, что за время, прошедшее от постановки «Чайки» в театре Шванды, взгляды чешских театральных деятелей на драматургию Чехова приобрели бóльшую глубину. Это видно, например, из приведенной выше рецензии Иозефа Куффнера, который два с половиной года назад, будучи одним из руководителей пражской драматической труппы, забраковал как несценичную и отказался поставить «Чайку», предложенную Б. Прусиком. Процесс постепенного освоения в Чехии драматургии Чехова наблюдается и в последующие годы.

В начале 1904 г. в чешской печати появились сообщения о постановке в Московском Художественном театре новой пьесы Чехова «Вишневый сад» и о чествовании писателя на ее премьере («Zvon», 1904, č. 21, str. 295; «Osvěta», 1904, č. 4, str. 363), а несколько позднее и об огромном успехе спектакля во время гастролей Художественного театра в Петербурге («Slovanský přehled», r. VI, 1904, č. 8, str. 364—365). Тогда же к Чехову обратился Прусик с просьбой выслать ему экземпляр «Вишневого сада» для перевода. Осенью пьеса уже была переведена и вскоре, по инициативе «Кружка чешских писателей», поставлена на сцене театра Шванды на Смихове (премьера 30 ноября 1904 г.).

Эта постановка была плохо оформлена (были использованы декорации чешской пьесы, шедшей на сцене в тот же вечер), в ней отсутствовал полноценный ансамбль, некоторые роли были сыграны неудачно, что не удивительно, так как среди участников преобладали любители. Все это, видимо, затрудняло правильное восприятие чеховской пьесы и в известной степени сказалось на отзывах критики. (См., например, рецензию в журнале «Zvon», 1904, č. 15, str. 220.) Однако в целом, несмотря на отмеченные недостатки, постановка была принята весьма положительно как публикой, так и критикой.

«Это так великолепно,— писал рецензент газеты «Národní listy»,— так овеяно духом подлинно чеховского изображения жизни, ее радости и печали, юмора и меланхолии, изображения неизменно поэтического и неизменно правдивого! Сущий король Мидас — этот Антон Павлович! До чего он ни коснется вокруг себя, все превращает он своим волшебством в золото поэзии! Действующие лица — сплошь оригинальные типы. Чисто русские и вместе с тем общечеловеческие!» (1904, № 333, от 2 декабря).

В январе 1905 г. «Вишневый сад» успешно шел и на сцене Национального театра в г. Брно. Критика отмечала эстетическое и воспитательное значение чеховской пьесы, как и пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь», поставленной театром в том же месяце. «На опыте этих двух пьес,— писал рецензент журнала «Hlidka» (1905, č. 3, str. 259) Станислав Фиала,— театральная дирекция могла убедиться, что и нашу публику можно было бы воспитать в более высоких воззрениях на драматическую литературу и что нет нужды преподносить ей одни лишь пьесы авантюрного содержания».

Касаясь вопроса о новаторстве Чехова и отличительных особенностях его драматургии, Фиала писал: «А. П. Чехов в своих драмах впервые ввел новые приемы и культивировал новый, непривычный художественный метод, последовательно проведенный в „Вишневом саде". Отказавшись от „героев и героинь", он дает течение жизни, как она есть, не стараясь выдумывать для пущего драматизма всякие волнующие сцены и эффекты; каждый у него переживает свою житейскую драму по-своему, „жизнь каждого человека для него драма". И кусок жизни, вырезанный из панорамы человеческих судеб, предстает перед нами в своей психологической тонкости, со своим грустным юмором и бесконечным сочувствием к физическим и духовным страданиям русского человека, которого он умеет обрисовать такими выразительными штрихами...»

Однако идейное содержание «Вишневого сада» чешская критика в целом оценивала приблизительно в том же духе, что и русская печать того времени. Здесь мы находим и указание на тему разорения, умирания дворянского гнезда («Osvěta», 1904, č. 4, str. 363), и стремление зачислить Чехова в разряд идеологов буржуазии — он якобы воплотил свои чаяния в образе Лопахина — будущего хозяина новой России («Divadlo», 1905, č. 14, str. 296; č. 15, str. 318), и иронические насмешки над студентом Трофимовым, образ которого является будто бы сатирой на нравственную немощь русской молодежи, и т. д. и т. п.

Против искажения смысла пьесы выступил в журнале «Rozhledy» (1904, č. 10, str. 302—303) критик К. Кольман. Стремясь помочь чешским читателям разобраться в пьесе, понять ее главных героев, Кольман широко цитирует и излагает статью А. В. Амфитеатрова, опубликованную в «С.-Петербургских ведомостях» (1904, № 191, от 15 июля), в которой последний резко обрушился на критиков, высмеивавших свежие, искренние речи Пети Трофимова и энтузиазм Ани, их мечты о новой жизни [15].

К теме «Вишневого сада» К. Кольман вернулся в другой статье, напечатанной в газете «Hlas Národa», от 4 декабря 1904 г.: «В этой пьесе ⟨...⟩ драматург так остро характеризует среду и так верно рисует образы, что глубокое содержание волнует даже там, где, исходя из наших обычных представлений, драматургическая нить рвется или дробится; вернее, пьеса становится драматичной по-иному ⟨...⟩ Опасения, что лишь надуманный театральный эффект дойдет до публики, исчезают под впечатлением этой драмы, для которой самые прекрасные эффекты — это простые фразы, органически связанные с образами и средой. Любовь Андреевну, ее дочерей Варю и Аню, ее брата, Петю Трофимова, бывшего домашним учителем ее сына Гриши,— всех их вытесняет из фамильного имения приобретатель Лопахин, помещик, вышедший из мужиков; в этом обстоятельстве кроется глубокий, очень тонко выраженный писателем смысл общественного положения русских помещиков, на которых писатель здесь наводит зеркало, нисколько не поддаваясь влиянию волнующих картин, в которых изображали русскую деревню, в частности помещиков, пионеры и пророки благородного реализма. Но даже это простое действие никак не завязывается. Все здесь так далеко от интриг, которые служат основой для декадентских драм и без которых мы почти не можем представить себе пьесу. Притягательную силу чеховской пьесы следует искать в другом — в том, как по-разному смотрят на Вишневый сад представители одного и того же столетия. Это миниатюра большого русского сада, по которому русские люди до сих пор не умеют разумно ходить».

* * *

Вскоре в пражской театральной жизни произошло крупное событие, глубоко всколыхнувшее чешскую общественность и сыгравшее большую роль в дальнейшей популяризации драматургии Чехова. Мы имеем в виду гастроли в Праге труппы Московского Художественного театра (6—9 апреля 1906 г.), давшей четыре спектакля — «Дядя Ваня», «На дне» и «Царь Федор Иоаннович» (дважды).

Чехи восхищались и стройностью всего ансамбля, и замечательной игрой отдельных артистов, их способностью глубоко проникать в тайники драматического творчества, и великолепной режиссурой, и художественным оформлением спектаклей. Впечатления от Художественного театра не были мимолетными, связанными лишь с пребыванием русских артистов в Праге. Напротив, интерес чешских зрителей и театральных деятелей к искусству русских артистов был более продолжительным, чем предполагали даже самые оптимистически настроенные критики.

Много лет спустя чехи с чувством великой благодарности вспоминали эти первые гастрольные спектакли Художественного театра, которые «были восприняты в Праге как откровение», вспоминали, как перед величием и оригинальностью русских гостей единодушно склонились тогда критики, режиссеры, художники, артисты — все крупнейшие представители чешского театра, которые не находили слов, чтобы выразить свой восторг.

«В нашем поколении,— пишет режиссер Ян Бор,— и старики не припомнят, чтобы театральная Прага была когда-либо захвачена и воспламенена таким чувством любви и восхищения ⟨...⟩ Только на представлениях москвичей мы увидели тот длинный путь, который нам нужно пройти в развитии чешского театра, чтобы приблизиться к уровню Художественного театра» (Jan B o r. Cestou k jevišti. Praha, 1927, str. 268).

Нет ни одной области чешского театрального искусства, будь то актерское исполнение, режиссура, оформление спектакля и т. д., на которой Художественный театр не оставил бы заметного следа. Однако главное значение гастролей Художественного

театра заключалось в том, что он убедительно продемонстрировал идейное богатство русской литературы, впервые и по-настоящему показал чехам, как нужно трактовать произведения русской драматургии, открыл перед ними подлинную русскую жизнь, о которой западноевропейские читатели и зрители зачастую имели искаженное представление. «Перед нами,— писал Ярослав Квапил,— настежь распахнулись ворота в русскую жизнь; мы видели не только русские пьесы и русских актеров, а весь русский мир, это был театр, в котором в изумительной гармонии сливались традиция и новаторство. В этом новом режиссерском, актерском и постановочном искусстве не было ни капли условности, и вместе с тем оно глубоко коренилось не только в своей национальной почве, но и в замечательной театральной школе, подымалось ввысь из земных недр и старинных истоков» (Jaroslav K v a p i l. O čem vim. Praha, 1932, str. 381).

Во время гастролей Художественного театра в Праге чешские критики воочию убедились в ограниченности своего прежнего понимания драматургии Чехова.

«Мы встретились и познакомились с людьми, о которых читали долгие годы. Мы думали, что имеем хотя бы приблизительное представление об основных персонажах пьесы ‹«Дядя Ваня»›, но когда они один за другим проходили перед нашим взором, мы поняли, что прежние наши представления были лишь бледными тенями»,— писал рецензент газеты «Kurýr» (8 апреля 1906 г.).

«Мы восхищались тем, как они умеют передать дыхание самой жизни, немое, тихое, каким оно бывает иногда в тяжкую минуту, когда во всех углах притаилась тоскливая жуть! Как они с помощью своего технического мастерства умеют создавать волшебные сцены, как будто бы заговорила сама тишина, а смысл ее слов понятен»,— писал рецензент газеты «Národní listy» (1906, № 99, от 10 апреля).

Однако только немногие критики могли в какой-то степени анализировать спектакль. Большинство из них выражало свое отношение к нему статьями, полными восторженных излияний и славословия.

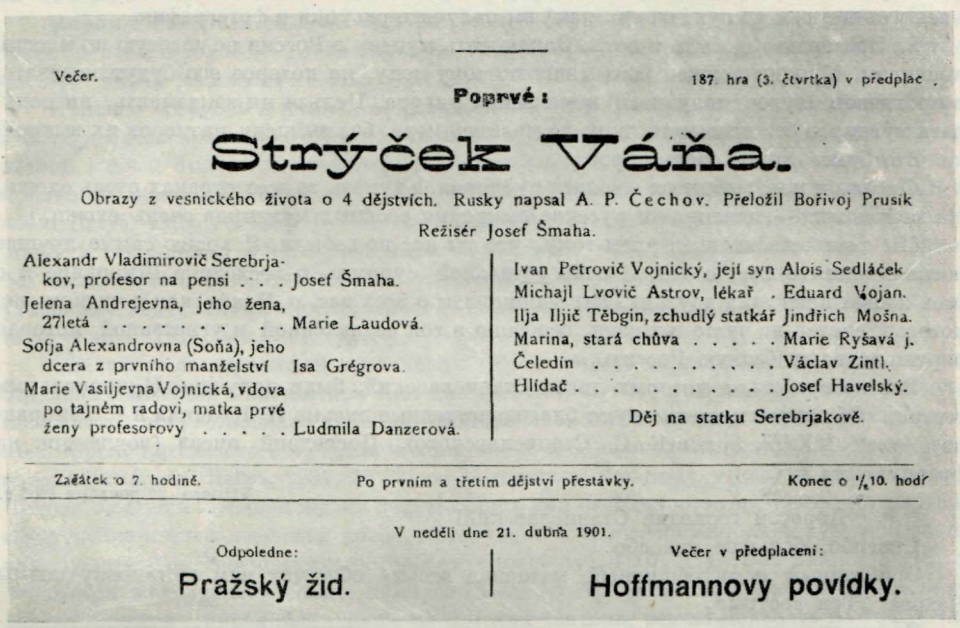
Под влиянием постановки «Дяди Вани» Художественным театром руководство Пражского Национального театра решило включить в репертуар одну из пьес Чехова. Выбор пал на «Три сестры» — пьесу, которая еще не ставилась на чешской сцене и которую ведущие деятели театра (директор Густав Шморанц, главный режиссер Ярослав Квапил, артистка Гана Квапилова) видели в Берлине, куда специально ездили, чтобы ознакомиться с искусством Художественного театра.

Равняться на Художественный театр — таков был девиз Национального театра, когда он приступил к работе над «Тремя сестрами». Руководство театра решило обратиться за помощью к Станиславскому. «Будьте любезны выслать нам эскизы мизансцен „Трех сестер“»,—телеграфировал ему Г. Шморанц 10 ноября 1906 г. (Музей МХАТ, архив К. С. Станиславского). Через три дня, 13 ноября, к Станиславскому обратился и Я. Квапил:

«Уже очень скоро мы будем ставить „Три сестры“, которые так превосходно играла ваша труппа в прошлом году в Берлине. Я не думаю, чтобы нам удалось поставить драму так, как это сделали вы, но я не могу, например, представить себе mise-en-scéne иными, чем у вас. Было бы очень желательно, чтобы вы одолжили нам 1) эскизы декораций, если возможно, с планом. Если существуют репродукции в каком-нибудь театральном журнале, напишите, пожалуйста, название и адрес журнала. 2) Прошу ваших разъяснений относительно костюмов, в первую очередь военных. Если имеется серия открыток к „Трем сестрам“, так, как это было к „Дяде Ване“, будьте любезны, также пришлите. Может быть, существует какая-нибудь книга с рисунками военных форм: напишите, как она называется, и я закажу ее у наших книготорговцев. 3) Прошу также сообщить напевы и мелодии к пьесе. Что касается военных форм, то нельзя ли прямо заказать их в России (подержанные), у кого и где? Я был бы вам очень благодарен, если бы вы помогли нам во всех этих и других мелочах, относящихся к пьесе, и прошу вас возможно скорее ответить, потому что мы собираемся поставить пьесу уже в конце ноября (к 15-му по вашему стилю)» (Музей МХАТ, архив К. С. Станиславского. В цитате нами исправлены некоторые грамматические и стилистические ошибки).

О готовности, с которой Станиславский поспешил помочь Квапилу, свидетельствует его ответное письмо (подлинник хранится в Праге, в архиве Я. Квапила; цитируем по полученной нами фотокопии).

«Я и все мои товарищи очень счастливы представившемуся случаю оказать вам услугу как знак нашей бесконечной благодарности за тот братский прием, который вы оказали нам в милой Праге. Эти воспоминания, вместе со всеми милыми и гостеприимными людьми,— очень дороги нашим сердцам. Вот почему мы с особым вниманием отнеслись к вашей просьбе и желали бы исполнить ее как можно лучше.



Večer. 187. hra (3. čtvrtka) v předplac.

Poprvé:

Strýček Váňa.

Obrazy z vesnického života o 4 dějstvích. Rusky napsal A. P. Čechov. Přeložil Bořivoj Prusik

Režisér Josef Šmaha.

Alexandr Vladimirovič Serebrjakov, profesor na pensi . . . Josef Šmaha.
Jelena Andrejevna, jeho žena, 27letá . . . . . Marie Laudová.
Sofja Alexandrovna (Soňa), jeho dcera z prvního manželství Isa Grégrova.
Marie Vasiljevna Vojnická, vdova po tajném radovi, matka prvé ženy profesorovy . . . . . Ludmila Danzerová.
Ivan Petrovič Vojnický, její syn Alois Sedláček
Michajl Lvovič Astrov, lékař . Eduard Vojan.
Ilja Iljič Těbgin, zchudlý statkář Jindřich Mošna.
Marina, stará chůva . . . . . Marie Ryšavá j.
Čeledín . . . . . Václav Zintl.
Hlídač . . . . . Josef Havelský.

Děj na statku Serebrjakově.

Začátek o 7. hodině. Po prvním a třetím dějství přestávky. Konec o ½10. hodř

V neděli dne 21. dubna 1901.

Odpoledne: Pražský žid.

Večer v předplacení: Hoffmannovy povídky.

ПРОГРАММА ПЕРВОГО СПЕКТАКЛЯ ПЬЕСЫ «ДЯДЯ ВАНЯ» НА СЦЕНЕ ПРАЖСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА, 20 АПРЕЛЯ 1901 г.

Перевод пьесы сделан Б. Прусиком

Постановка Иозефа Шмаги

Тотчас по получении телеграммы от господина Шморанца я ответил ему. Надеюсь, что он получил мой ответ.

Во исполнение телеграммы мы отменили ближайшую репетицию для того, чтобы снять все декорации и костюмы.

Все декорации и обстановка были принесены на сцену и сняты. Актеры также надели костюмы и загримировались.

Как на зло, в этот день был сумрачный день, и поэтому многие снимки при дневном свете, кажется, не выйдут. Эти снимки предназначались для костюмов и гримов, но и на этот случай, котрый мы предвидели, были вызваны художники. Они должны были зарисовать все, что они могли бы успеть сделать за день.

Надеюсь, что все вместе взятое даст хороший материал.

Однако самое важное — это mise-en-scène. Она у нас оказалась незаписанной.

Под моим руководством все мои помощники взялись за дело и восстанавливают чертежи и описания постановки.

К сожалению, в их распоряжении очень мало времени, поэтому работа хоть и подвигается, но не так быстро, как бы хотелось.

По мере изготовления материала мы будем высылать его вам и будем очень торопиться, тем не менее было бы очень хорошо, если бы вы могли хоть немного задержать постановку „Трех сестер".

Теперь отвечаю по пунктам на ваше письмо:

1. Фотографии декораций и план сцены будут вам высланы. Ввиду того, что мы не снимались в „Трех сестрах",— никаких снимков в журналах не было помещено, за исключением немецкой газеты (берлинской). Если не ошибаюсь, снимок „Трех сестер" магнией, по окончании одного из спектаклей в Берлине, был помещен в приложении к „Lokal Anzeiger".

2. Рисунки костюмов в красках готовят наши художники. Открытых писем, как уже сказано выше,— нет.

Вероятно, есть издания военных форм, но я их не знаю, и они очень дороги. Думаю, что они вам не нужны, так как* вы получите рисунки и фотографии.

3. Постараюсь добыть и ноты. Заказывать мундир в России не советую по многим причинам. Мундир должен быть сшит по тому телу, на которое его будут надевать, в противном случае получится комическая фигура. Нельзя ни заказывать, ни покупать мундиров без примерки, или, по крайней мере, без выписки размеров их выкройки. Это будет стоить очень дорого.

Фасоны и манеры шитья военных мундиров, я думаю, во всех странах очень схожи. На мой взгляд — немецкие и русские выкройки военных мундиров очень схожи.

Мы очень счастливы и рады тому, что вы нас не забыли. Я храню самые лучшие воспоминания о вас, о вашей очаровательной супруге, о господине Шморанце и о всех наших пражских друзьях. Мы вспоминаем о всех вас, о Праге, как о чудном сне, который снится не часто в жизни, особенно в той задавленной и угнетенной, которая окружила нашу бедную Россию...»

Все материалы, о которых писал Станиславский, были получены Национальным театром. Об этом свидетельствуют благодарственные письма Я. Квапила и Г. Шморанца (Музей МХАТ, архив К. С. Станиславского). Последний писал (подлинник на французском языке):

«Прага. 20 декабря 1906 г.

Дорогой господин Станиславский!

Спасибо, большое спасибо!

Присланный вами обширный материал весьма облегчит нам постановку поэмы Чехова „Три сестры".

Появление впервые на нашей сцене этого истинно русского произведения, полного печальной поэзии, будет для всех нас праздником искусства. И хотя эта поэзия терзает мне душу, я все больше и больше люблю ее. Все больше и больше увлекаются ею и артисты, которым поручены роли в пьесе.

Что скажет публика? Не знаю. Увидим. Я сообщу вам о впечатлении от спектакля.

Премьера состоится между 10 и 15 января. Моему другу и нашему драматургу Ярославу Квапилу поручена режиссура. Он просит меня передать вам привет от себя лично и от имени своей жены. Весь наш театр шлет привет вашему коллективу, оставившему по себе такие прекрасные и возвышенные воспоминания. Все желают вам веселого Рождества и счастливого Нового 1907 года.

Весь ваш Г. Ш м о р а н ц».

О том, как «сильно полюбились» и с каким «огромным удовольствием» репетировались «Три сестры» в Национальном театре, вспоминает исполнительница роли Ирины, ныне народная артистка Чехословацкой Республики, Леопольда Досталова («Svobodné slovo», 1957, № 17, от 19 января), об этом же писали Гана Квапилова, игравшая Машу, писательница Ружена Свободова, директор театра Шморанц и др.

Помощь Станиславского и упорная работа всего коллектива принесли свои результаты. «Вчера премьера „Трех сестер". Представление великолепное, впечатление глубокое»,— сообщал Шморанц Станиславскому телеграммой 20 января 1907 г. (Музей МХАТ, архив К. С. Станиславского). Если в начале работы над чеховской пьесой кое-кто в Праге, помня спектакли Художественного театра, скептически относился

---

* *В подлиннике письма описка*: так что

к этому начинанию Национального театра, то после премьеры все единодушно признали успех постановки, прекрасное исполнение актеров.

Машу, Ирину и Ольгу играли Квапилова, Досталова и Данцерова — «каждая по-своему волнующе». Под впечатлением их игры рецензент газеты «Národní listy» писал: «Душа человеческая живет себе и живет ни в чем неповинная, но вдруг утихнет говор и смех,— испуганная и беззащитная глядит она, как житейский поток отрывает от нее кусочек за кусочком и уносит надежду на жизнь! И все это выражено с такой простотой, мимоходом, сыграно, так сказать, между строк!» (1907, № 22, от 22 января).

Мария Гюбнерова создала выразительный образ Наташи с ее «колючими ядовитыми глазами и голосом. Даже мороз по коже пробегает — так она умеет задеть и уязвить»,— писал рецензент газеты «Čas» (1907, № 22, от 22 января).

Надолго осталась в памяти современников игра Ганы Квапиловой в роли Маши; этот образ сама артистка считала лучшим из всего, что создала на сцене. Крупной творческой удачей было исполнение роли Вершинина Эдуардом Вояном, создавшим, по признанию критики, «один из самых светлых, душевно благородных образов» («Národní listy», 1921, № 135). Особенно сильное впечатление произвела сцена прощания Маши и Вершинина в четвертом акте. «Эта сцена, сыгранная Квапиловой и Вояном без слов,— самое значительное, что вообще дало современное актерское искусство»,— утверждал театральный критик Ярослав Горачек (Jaroslav H o r á č e k. Hana Kvapilová. Praha, 1911, str. 59).

Однако успех пражской постановки «Трех сестер» определялся не исполнением отдельных актеров, а ансамблем. Как явствует из отзывов критики, труппа Национального театра почувствовала глубокий реализм чеховской пьесы, в которой «нет ни главного героя, ни сюжета с началом и концом», а есть «целый поток жизни, жизнь всего и всех» («Národní listy», 1907, № 22, от 22 января). Режиссер и актеры поняли, что у Чехова «события внешней жизни действующих лиц отходят на второй план в сравнении с внутренне-психологической нотой, которую он с непревзойденным искусством заставил звучать в настроениях своих героев» («Rozhledy», 1907, č. 10, str. 242).

Когда в следующем сезоне (в апреле 1908 г.) Пражский Национальный театр, по договоренности с дирекцией одного из венских театров, решил показать на гастролях в Вене три наиболее удачные постановки, Квапил, руководивший подготовкой к этим гастролям, избрал чешскую пьесу братьев Мрштик «Мариша», «Гамлета» Шекспира и «Трех сестер» Чехова — спектакли, которые могли свидетельствовать о высоком уровне чешского театрального искусства.

Эти гастроли не состоялись, так как реакционные, шовинистически настроенные венские круги провели клеветническую кампанию против Национального театра. В подъеме чешской национальной культуры они видели опасность для существования австро-венгерской монархии. Несмотря на протесты прогрессивной части общества, реакционеры настояли на том, чтобы австрийские власти запретили гастроли и заставили дирекцию венского театра порвать контракт с Национальным театром. Названные постановки, в том числе и «Три сестры», Национальный театр с большим успехом показал собравшимся в Праге представителям венского театрального мира и журналистам.

В 1907 г. в Праге открылся Виноградский театр. Заведующий литературной частью этого театра Ярослав Кампер намеревался поставить «Вишневый сад». По примеру Национального театра он также решил обратиться к Станиславскому за помощью и советом. Он, видимо, действовал через переводчика пьесы Б. Прусика, так как в архиве последнего был найден чешский перевод ответного письма Станиславского (опубликован И. Сватоневой в журнале «Sovětská literatura», 1954, č. 4, str. 520—521). Так как оригинал письма утрачен, даем его в обратном переводе на русский язык.

«Москва. 25. IX. 1907.

Милостивый государь.

Прошу извинить меня за поздний ответ: я лишь недавно возвратился в Москву.

Я с большой радостью удовлетворил бы вашу просьбу, но, к сожалению, в данный момент это выше моих сил, так как до тех пор, пока зимний сезон не будет в разгаре,

я буду очень занят. Постараюсь уговорить кого-нибудь из наших молодых режиссеров, чтобы он взял на себя труд разработать сценарий „Вишневого сада". Это будет нелегко, ибо не существует ни фотографий, ни записи мизансцен. Однако же я приложу все усилия и буду счастлив, если смогу выполнить вашу просьбу. Человек, который возьмется за эту работу, спишется с вами.

Примите мой сердечный привет и передайте его в Праге всем нашим сердечным друзьям, о которых у нас остались самые теплые воспоминания.

Готовый к услугам
К. Алексеев (Станиславский)».

В эти годы популярность Чехова-драматурга в Чехии еще больше возросла. В Пражском Национальном театре (1906—1907) и в Народном театре Пиштека (1907) идет «Свадьба», в Национальном театре г. Брно — «Иванов» (1907), в театре Шванды — «Юбилей» (1907) и «Иванов» (1908), в Пльзеньском театре — «Дядя Ваня» и «Предложение» (1908—1909), а также «Три сестры» (1913), в Народном театре Пиштека — «Медведь» (1911) и т. д.

3

В период чехословацкой буржуазной республики (1918—1939 гг.) творчество Чехова привлекало гораздо меньше внимания. В 1918—1923 гг. вышло 10 сборников. При этом основная часть вышедших книг явилась завершением изданий сочинений Чехова, начатых еще в 1910 и 1911 гг., или же повторными изданиями довоенных переводов. В 1924—1930 гг. количество изданий резко сократилось — вышло всего лишь несколько отдельных рассказов и один сборник (1925). А в 1931—1939 гг. вообще не вышло отдельным изданием ни одного перевода произведений Чехова

Ненамного лучше дело обстояло с постановками пьес Чехова. В первые годы буржуазной республики драматургия Чехова представлена на сцене «Чайкой» в Виноградском театре (премьера 8 апреля 1919 г.) и «Вишневым садом» в Национальном театре (премьера 2 мая 1919 г.), а позднее драматическим этюдом «На большой дороге», поставленным на чешской рабочей сцене в начале января 1921 г.

Если драматический этюд имел «внимательную и благодарную публику», то этого нельзя сказать о двух первых постановках, которые были приняты буржуазной публикой и критикой холодно, а порой и резко враждебно. Великий драматург изображался в чешской печати как «певец тоскливой серой атмосферы», как выразитель русской пассивности и меланхолии. Критики писали о расплывчатости и несценичности «Вишневого сада», об импрессионизме «Чайки», приписывали Чехову многое, что было вызвано произвольной трактовкой чеховских пьес, искажавшей их идейное содержание, и плохой сыгранностью ансамблей, неудачным исполнением ряда ролей (Нина Заречная, Гаев, Раневская, Аня).

Названные недостатки отражали общее состояние чешского театра, переживавшего в те годы глубокий кризис. И это хорошо почувствовал Станиславский в 1922 г. во время пражских гастролей Художественного театра.

«В Праге,— писал он,— как и повсюду, происходит в театральных сферах метание. Старое — надоело, а новое не найдено ⟨...⟩ Как и всюду, не понимая природы театра и актера, и там мечутся и спорят не по существу. Реализм, условность, футуризм, площадки, конструкции и там не сходят с уст так называемых новаторов. Задаваясь сложнейшими, вычурными задачами, непосильными для отставшего косного искусства актера, попадают в допотопные приемы игры. Новаторы в декорациях и постановках толкают искусство актера в далекие времена» (К. С. Станиславский. Собрание сочинений, т. VI. М., 1959, стр. 131—132).

В этих условиях свежей, оздоровительной струей для чешского театра явились спектакли Художественного театра. В 1921 г. в Праге и других городах Чехословакии длительное время гастролировала так называемая качаловская группа [16], в репертуаре которой важнейшее место занимали пьесы Чехова: «Вишневый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня», а также инсценировки рассказов «Хирургия», «Забыл!!», «Хороший конец». В октябре 1922 г. в Праге выступала основная труппа Художественного

театра во главе со Станиславским, которая среди других пьес также ставила «Три сестры» и «Вишневый сад».

Артисты Художественного театра приехали, и разговоры о несценичности и расплывчатости чеховских пьес сменились восторженными отзывами о замечательной игре московских артистов. «Их искусство,— вспоминал позднее народный артист Зденек Штепанек,— нас просто ошеломило своей правдивостью, своей человеческой простотой, монолитностью ансамбля, захватывающим мастерством артистов и гениальной режиссерской работой Станиславского. Вспоминается, что мы были не только зрителями, а непосредственными участниками действия, сидели, затаив дыхание. Казалось, будто лавина обрушилась на зрительный зал» («Rudé právo», 1956, № 257, от 14 сентября).

Незабываемыми остались чеховские спектакли Художественного театра для пропагандистки советской культуры Ярмилы Гаасовой-Нечасовой: «Еще до этого я знала классические произведения русской литературы, но впечатление, которое произвели на меня представления чеховских пьес „Вишневый сад" и „Три сестры", до сих пор не изгладилось из памяти. До сих пор я слышу слова „В Москву! Москва, Москва, Москва!", которые с тоской произносит Ирина в конце второго акта. Это в равной мере была мечта уйти от мелочей личной жизни в мир великих деяний, мечта о взлете, которая жила тогда и в нас» (Сб. «Náš Gorkij». Praha, 1952, str. 37).

«Я должен признаться,— писал по этому же поводу писатель Иржи Марек,— что именно постановка МХАТ, которую я имел счастье видеть, сказала мне о нем 〈о Чехове〉 все. Я никогда не забуду того вечера, когда передо мною ожили герои „Трех сестер" и когда я не только как зритель, но и как человек, с героями великой драмы переживал глубокий трепет человеческой души» («Литературная газета», 1954, № 84, от 15 июля).

Однако споры вокруг творчества Чехова отнюдь не прекратились. Наоборот, теперь более четко, чем когда-либо раньше, определились и противостояли друг другу разные точки зрения, разное восприятие и толкование пьес Чехова. Наиболее отчетливо это видно на примере «Вишневого сада». Реакционная чешская критика в один голос с русскими белоэмигрантами горько оплакивала гибель старого, безвозвратно ушедшего мира, разражаясь проклятиями и клеветой по адресу большевиков. Другие же критики, стоявшие на идейных позициях победившей чешской буржуазии, пересматривают свои взгляды на пьесу и резко осуждают мир Раневских и Гаевых.

«Совершенно невозможно, чтобы, например, „Вишневый сад" мы теперь воспринимали так, как раньше,— писал И. Водак («Čas», 1921, в номере от 4 мая). — Когда мы в настоящее время видим вялость и легкомыслие помещиков, способных лишь вздыхать, но не действовать, тех, кто в парижских забавах проматывает отцовское имение, выставляя себя при этом в трогательном свете, мы не можем удержаться от упрека, что автор был к ним слишком мягок и снисходителен, что он должен был осудить их гораздо более решительно и гневно. К чему вообще так много заниматься ими, уделять им столько внимания? Зачем из-за них затемнять образы деятельных людей, купцов Лопахиных? Зачем их связывать с образом прекрасного вишневого сада, который каждому жаль? Было бы гораздо важнее 〈...〉 показать рождающиеся, возникающие течения, которые устремляются к новым формам жизни, показать нечто большее, чем недоучившийся студент Трофимов и молоденькая нежная Аня».

Лишь прогрессивно настроенная часть театральных деятелей и зрителей сумела правильно оценить подлинный гуманизм Чехова, его жизнеутверждающее начало, глубокую веру писателя в торжество справедливости на русской земле.

Их взгляды выразила в рецензии на спектакль Художественного театра «Вишневый сад» Мария Майерова в газете «Rudé právo» (1921, № 103, от 4 мая): «Так, именно так сгинула вся паразитическая Россия〈...〉 Лежите и не вставайте, помещики и помещицы 〈...〉 Мир вам, грубые и ленивые лакеи, и вам, старые слуги, верные, ослепшие и согнувшиеся от рабского усердия и даже в последние минуты все еще думающие об удобствах своего господина. Спи спокойно, вишневый сад! Туманная будущность молоденькой дочери, твоей наследницы, становится ныне прекрасной действительностью».

После гастролей Художественного театра пьесы Чехова несколько лет не ставились на чешской сцене. В журнале «Жизнь искусства» (1924, № 44, стр. 24) сообщалось, что Национальный театр в г. Брно включил в репертуар сезона 1924—1925 гг. «Три сестры», однако постановка эта, видимо, не была осуществлена, во всяком случае сведений об этом ни в русской, ни в чешской печати найти не удалось.

В начале 1928 г. под условным названием «Бесполезный человек Платонов» была переведена на немецкий язык и поставлена на немецкой сцене новонайденная ранняя пьеса Чехова [17]. С немецкого она вскоре была переведена на чешский язык (переводчик Павел Эйснер), и 28 января 1929 г. состоялась ее премьера в Виноградском театре.

Однако, как отмечал рецензент газеты «Právo lidu» (30 января 1929 г.) Отокар Фишер, постановка этой пьесы была не совсем удачной. Режиссура в основном работала ощупью, не зная, как трактовать ее — в интимно-лирическом или ироническом плане, и это, конечно, не могло не отразиться на спектакле в целом.

Касаясь художественных достоинств пьесы, Фишер писал: «Драматической сосредоточенности, которую обычно считают необходимым условием сценического произведения, мы здесь не найдем. Но ее, как известно, нет и в зрелых пьесах Чехова. Конечно, в этом отношении „Человек Платонов" лишь яснее показывает, как из *реалистической наблюдательности* Чехова вырастает его реалистическая драма, что ставит ее в один ряд с его замечательными рассказами и юморесками. Но стремление к широкому охвату действительности уже здесь, в авторском дебюте, дополнено редким даром — умением видеть человека, схватить его в выразительной позе и речи. В самом действии еще много наивного и натянутого, но эти недостатки окупаются тем напряженным и мучительным вниманием, которое дебютант уделил своей центральной проблеме и с которым он всматривался в своего „героя" — героя действительно в кавычках, трагикомического учителя, обладавшего бог весть какой притягательной силой для целого сонма красавиц и ими же затравленного потом» (цитируется по статье И. Сватоневой в журнале «Sovětská literatura», 1954, č. 5, str. 639).

9 января 1932 г. в Пражском Национальном театре состоялась премьера «Трех сестер», пьесы, которая на этой же сцене 25 лет назад была столь блестяще поставлена Я. Квапилом.

Как было заявлено в программной статье, опубликованной в журнале «Národní a Stavovské divadlo», театр обратился к этой пьесе, чтобы показать актуальное звучание, действенность чеховской мечты и в новых, современных исторических условиях. В «Трех сестрах»,— писал автор статьи,— «мы видим лихорадочное стремление к тому, чтобы человеческая душа была наполнена каким-то положительным жизненным содержанием, чтобы человек вышел из состояния бездействия и обрел цель жизни, страстное желание трудиться, быть свободным, слиться с народом, в котором и заложена сила. Здесь говорят вещи, которые мы сегодня (после русской революции) воспринимаем как пророческий взгляд в будущее. Здесь преобладает ощущение бренности жизни. Вершинин говорит совершенно ясно: жизнь, мол, нынче тяжелая и печальная, но, возможно, уже последнее поколение ведет такую печальную жизнь и так жестоко лишено способности действовать.

У трех сестер звучит мечта о свободе, о Москве, у Тузенбаха и Вершинина — мечта о будущности освобожденного народа, о труде и творческой деятельности. Поэтому пьеса „Три сестры" является не только выражением мировоззрения, но и картиной болезни, подтачивавшей больной организм русского общества, которое чувствовало, как мчится гигантская колесница истории» (1932, č. 17, str. 2).

О созвучности чеховской тематики современной эпохе говорится также в статье, помещенной в номере 19 цитируемого журнала (стр. 1): «В чем мы видим актуальность „Трех сестер"? Сравним „Три сестры" с современной чешской и мировой лирикой, которая всегда является чувствительным сейсмографом настроения эпохи. Что мы в этой лирике находим? Тяжкую печаль, нигилизм, безнадежность, мировую скорбь, глубокую тоску, страстное желание освободиться от состояния депрессии. Такие, как Галас, Заградничек, Завада, Незвал, Зейферт и другие, все отчетливее видят причину этой печали в том, что современные люди по своему душевному складу рождены для нового, будущего мира человеческой и общественной справедливости и свободы, а

жить вынуждены в этом неустроенном, угнетенном мире, который доживает свой век в условиях разложения, кризиса, человеческого упадка. Причиной этой великой депрессии, которая выражена в современной чешской и мировой лирике, ⟨...⟩ является несогласие души и сердца с эпохой тьмы и декаданса, в которой так медленно пробивает себе дорогу новый человеческий нравственный и общественный строй. Ну, а что же мы видим в „Трех сестрах"? То же положение: люди приходят в отчаяние от настоящего

«ДЯДЯ ВАНЯ». БРОШЮРА НА ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ, ВЫПУЩЕННАЯ К ГАСТРОЛЯМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА В ПРАГЕ, АПРЕЛЬ 1906 г.

Обложка с портретом О. Л. Книппер в роли Елены Андреевны

и мечтают о новом строе, когда человек уже будет знать, зачем он живет и за что страдает ⟨...⟩ Здесь мы находим определенные точки соприкосновения. Глубинное течение чувств роднит нашу современность и Чехова».

Не все статьи, признающие актуальность чеховского творчества, говорят о прогрессивности их авторов. Нередко высказывания, изобилующие фразами о гуманизме Чехова, о его светлой мечте, об устремлении в будущее и т. д., представляли собой лишь набор громких слов или же преследовали цель приспособить Чехова к идеологии буржуазии, изобразить его поборником буржуазной морали. Именно в этом духе была написана упомянутая выше программная статья к постановке «Трех сестер». О позиции автора статьи лучше всего говорит его же утверждение, что Чехов будто бы «испытывал ужас от возможной гибели буржуазного общества» и что «именно в „Трех сестрах" этот ужас прозвучал сильнее всего» («Národní a Stavovské divadlo», 1932, č. 17, str. 2).

Что же в действительности представляла собой постановка «Трех сестер» и в чем выражалась ее так громко декларированная актуальность?

Судя по отзывам критики, постановщик В. Новак мало заботился о том, чтобы дать верное сценическое воплощение «Трех сестер»: у пьесы было отнято «то устремление вперед, которым так ценен и силен Чехов». Она исполнялась так, что «у зрителя осталось впечатление жанровой картинки, рисующей провинциальную ограниченность и беспомощность недоучек, притворные чувства, прикрывающие внутреннюю пустоту» («Центральная Европа», Прага, 1932, № 3, стр. 172).

Резкую критику этого спектакля дал в газете «Rudé právo» (1932, № 9, от 12 января) передовой деятель чешского театра Франтишек Шпитцер:

«Русский писатель и драматург Антон Павлович Чехов 〈...〉, „Три сестры" которого были ныне вновь поставлены в Пражском Национальном театре, имеет для нас, работников пролетарского театра, особое значение. Влияние Чехова, главным образом благодаря усилиям выдающегося режиссера Станиславского, утвердилось и в современном рабочем и крестьянском театральном творчестве Советского Союза 〈...〉 Еще более ощутимо влияние Чехова на театры народов СССР 〈...〉 Пражский Национальный театр, и в особенности чешский коллега Станиславского г. Войта Новак, режиссер „Трех сестер", не только не понял, что́ именно в Чехове является прогрессивным и способным к диалектическому развитию, но даже умышленно затушевал этот характер его творчества 〈...〉 В сцене первого акта, где Тузенбах говорит о своей тоске по труду и о надвигающейся сильной буре, которая „скоро сдует с нашего общества лень равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку", во всех тех местах пьесы, где зритель должен был бы слышать „скрип колесницы истории", г. Новак непременно дает „игру на рояле" и тому подобное, чтобы слова не были поняты; то, что не стер переводчик, зачеркнул режиссер; во время заключительных слов Ольги сцена обставляется всяким мебельным хламо́м, чтобы зритель не мог сконцентрировать свое внимание на словах г-жи Досталовой; г-жа Досталова должна была теребить локоть своей партнерши, чтобы то, что она говорит, не производило сильного впечатления 〈...〉

Верная постановка „Трех сестер" могла бы оказать творческое влияние на жалкое состояние современной драматургии. Постановка г. Новака является пустым жестом, которым Национальный театр хочет прикрыть кризис идеологии буржуазного класса»

Таким образом, попытки уложить Чехова в прокрустово ложе буржуазной идеологии не дали и не могли дать положительных результатов. Видимо, это поняли и сами буржуазные театральные деятели, так как в последующие годы Чехов явно не входил в круг их интересов. В 1934 г. исполнилось тридцать лет со дня смерти, а в 1935 г.— семьдесят пять лет со дня рождения Чехова, однако в Чехословакии эти даты прошли почти незамеченными.

По этому поводу на страницах газеты «Rudé právo» (1935, № 52, от 2 марта) вновь выступил Франтишек Шпитцер:

«У нас нет слишком большого культа А. П. Чехова, дореволюционного писателя и драматурга. Господа из Национального объединения [18] вообще не любят литературу, их „славянство" исчерпывается преклонением перед Гитлером и пением „Гей, славяне!" Но еще больше, чем национально-объединенные славяне, вынуждены сторониться Чехова господа реформисты. Не потому, чтобы Чехов был революционер. Ничуть. А потому, что он как раз непримиримый обличитель всякого реформизма, всякой половинчатости. Чехов является мастером в показе несоответствия между словами людей и их поступками, между фразами и скрывающимися за ними действительными интересами людей. В нынешнем году Чехову исполнилось бы 75 лет. Однако, судя по репертуару крупных театров, не видно, чтобы этот факт кого-нибудь особенно беспокоил. Только радио недавно организовало вечернюю передачу „Чайки", а г. Пероутка [19] в журнале „Přítomnost" уныло разговорился о Чехове, но не для того, чтобы воскресить его, а, скорее, чтобы окончательно похоронить 〈...〉 Хоть кто-нибудь нашелся бы среди теперешних так называемых авангардных писателей, кто сумел бы так потрясающе раскрыть празднословие нашего времени, как это умел делать Чехов. По всей вероятности, эти писатели должны были бы начать с себя и разобраться в своих же собственных фразах».

Шпитцер прилагал усилия, чтобы некоторые пьесы Чехова были поставлены театральными коллективами, входящими в руководимый им Союз рабочих любительских

театров Чехословакии (DDOČ). «В воскресенье мы будем играть две одноактные пьесы Чехова — „Предложение“ и „Свадьбу“. Летом мы собираемся вернуться к Чехову в Лесном театре на Модржанах»,— писал он в этой же статье.

Союз DDOČ рекомендовал любительским рабочим труппам также сценические переделки рассказов Чехова. В 1936 г. Союз вместе с прогрессивным чешским издательством П. Прокопа выпустил сборник пяти одноактных пьес, предназначенных для вечеров советско-чехословацкой дружбы и для самодеятельных драматических театров; в числе пьес, вошедших в сборник, были и две инсценировки рассказов Чехова — «Хористка» и «Лошадиная фамилия».

В 1938 г. крупнейший чешский переводчик с русского языка Богумил Матезиус (Bohumil Mathesius) перевел «Лебединую песню» и «Юбилей». Вместе с «Игроками» Гоголя они были поставлены на сцене Виноградского театра (премьера 25 мая 1938 г.). Положительную оценку этот вечер одноактных пьес получил в рецензии Юлиуса Фучика, напечатанной в газете «Rudé právo» (1938, № 124, от 27 мая).

«„Лебединая песня“, — пишет Фучик, — это творческий эксперимент. Этот свой „драматический этюд“ Чехов построил на двух персонажах — на актере Светловидове, который произносит получасовой монолог, и на суфлере Никитушке, который молчит на сцене [20]. Обе роли представляют трудную задачу для исполнителя. Смелость драматурга требует здесь такой же смелости актера и необычайного богатства выразительных средств, способных удерживать внимание зрителей в течение весьма длительного времени. И большим достижением Франтишека Коваржика было то, как он — один из самых честных художников — пропел лебединую песню Светловидова, используя весь свой многогранный талант, перевоплощаясь в опустившегося старика и вдохновенного артиста-творца, в Отелло, Гамлета и Сирано. Не часто Коваржику представляется такой случай развернуть свой самобытный, сильный талант. Жаль. Ведь не так часто услышишь выражение ужаса и старческого отчаяния, сконцентрированное так сильно в единственном, все повторяемом слове „тьма, тьма!“, как это мы слышали у Светловидова-Коваржика. А сколько скорби сумел тут выразить Вл. Главаты одной только позой и склоненной головой ⟨...⟩

После этого „драматического“, а в действительности трагического этюда, театр развеселила чеховская шутка о банковском юбилее. Это было безупречно и в режиссерском замысле, и в остроумном оформлении, и в ярких, остро типичных фигурах, особенно в знаменитом Кузьме, которого исполнял Вл. Ржепа, в живой карикатуре Фр. Крейцмана на председателя правления и в образе Мерчуткиной — Марты Майовой с ее колоритной болтовней».

Как видно, прогрессивные чешские деятели культуры и прежде всего коммунисты, глубоко понимали значение Чехова и всячески пропагандировали его творчество. Однако, несмотря на то, что передовая печать, в особенности газета «Rudé právo», выступала с боевыми статьями в защиту Чехова и помещала переводы его рассказов, общая картина отношения к Чехову в буржуазной Чехословакии была мало утешительной: буржуазная печать относилась к нему с явной неприязнью, а порой и резко враждебно, его произведения редко издавались и ставились на сцене, они или замалчивались или же приспосабливались ко вкусам буржуазно-мещанской публики.

4

Новую жизнь творчество Чехова начинает в народно-демократической Чехословакии. В первые три послевоенных года (1945—1948) количество изданий произведений Чехова и их постановок еще не было велико. В 1945 г. вышла «Каштанка», в 1946 г.— «Медведь», а также сборник рассказов, горячо принятый читателями и критикой.

В театрах ставились «Чайка» (Учебный студенческий театр (DISK), 1946), «Вишневый сад» (Виноградский театр, 1946), «Три сестры» (Словацкий камерный театр, 1947), одноактные пьесы «Предложение», «Трагик поневоле», «Медведь» и некоторые инсценировки рассказов Чехова.

Хотя по сравнению с последним десятилетием буржуазной республики наметилось известное оживление в издании и постановках произведений Чехова, все же распространение и пропаганда чеховского творчества велись тогда еще крайне недостаточно и не могли удовлетворить запросы чешской и словацкой общественности. Существенный сдвиг в этом отношении происходит в народно-демократической Чехословакии после 1948 г., что находится в прямой связи с теми изменениями, которые произошли в политической, хозяйственной и культурной жизни страны после знаменательных февральских событий, когда явные и скрытые враги чехословацкого народа, перешедшие в открытое наступление с целью повернуть вспять колесо истории, были разгромлены, и страна под руководством Коммунистической партии вступила на путь успешного строительства социализма.

В соответствии с задачами, стоящими перед страной, Коммунистическая партия и правительство Чехословакии предприняли широкие меры в области культуры, литературы и искусства, направленные на то, чтобы удовлетворить возросшие духовные запросы нового общества. Наряду с произведениями современных авторов, в большом количестве и небывалыми прежде тиражами выпускаются сочинения чешской, словацкой и мировой классики, в том числе и произведения выдающихся русских писателей. Среди них большое место занимает творчество Чехова. С 1948 по 1953 г. вышло 23 издания сочинений Чехова, из них 15 сборников рассказов и пьес. Ряд изданий и сборников выходит в Словакии. За один 1953 год в Чехии и Словакии вышло в свет 7 сборников. В 1951 г. было начато издание на чешском языке собрания сочинений Чехова в десяти томах. а в 1953 г. на словацком — в пяти томах.

Выход в свет сборников произведений Чехова неизменно вызывал горячие отклики на страницах чехословацкой печати, служил поводом для характеристики и анализа творчества Чехова. Мы не будем останавливаться на этих статьях и рецензиях, так как трактовка в них творчества Чехова во многом совпадает с трактовкой советских литературоведов. Особенно большое влияние на чешских критиков оказали книги В. В. Ермилова о Чехове, переведенные на чешский язык в 1948 и 1952 гг. и одобрительно встреченные чехословацкой литературной и театральной общественностью.

Значительно возросло в этот период и количество постановок пьес Чехова. За время с 1948 по 1953 г. состоялось девятнадцать премьер чеховских пьес: «Дядя Ваня»— девять раз, «Три сестры» — четыре, «Вишневый сад» — два, «Чайка» — один раз, вечера одноактных пьес — три раза. Кроме этого, с большим успехом демонстрировались советские фильмы («Свадьба», «Маска» и др.).

В 1954 г. прогрессивная мировая общественность, по постановлению Всемирного Совета Мира, отмечала пятидесятилетие со дня смерти Чехова. В подготовке к этой дате принимали участие Чехословацкий комитет защиты мира, Союз чехословацко-советской дружбы и Союз чехословацких писателей. Чеховские торжества начались в сентябре и длились до конца года. Они открылись 24 сентября торжественным заседанием в Пражском Национальном театре. С речами выступили президент чехословацкой Академии наук проф. Зденек Неедлы и известный славист проф. Юлиус Доланский. Отрывки из произведений Чехова читали артисты — Зд. Штепанек, Я. Пруха, С. Нейман, О. Крейча, Ф. Филиповский, В. Матула и Л. Пешек. Торжественное заседание состоялось также 28 сентября в Братиславе в концертном зале Дома культуры. С докладом выступил академик Андрей Мраз; произведения Чехова («Несчастье», «Хамелеон») читали артисты Братиславского Национального театра Г. Валах и Фр. Дибарбора.

В ряде городов Чехословакии были устроены выставки, посвященные жизни и творчеству Чехова. Три большие выставки были открыты в Праге. На одной из них фотовитрины знакомили посетителей с чеховскими местами, с портретами писателя и его друзей, с его книгами и иллюстрациями к ним выдающихся художников, с постановками пьес Чехова и кадрами из фильмов, снятых по его рассказам. На другой — экспонировались его произведения, вышедшие на чешском языке, отзывы на них чешской критики, а также документы и материалы о влиянии писателя на чешскую литературу. Третья выставка была посвящена постановкам пьес Чехова на чешской сцене.

Как отмечал сотрудник пражской университетской библиотеки Отон Берконец в журнале «Knihovna» (1954, č. 9, str. 268), «чешский библиотекарь и библиограф, устраивая книжные выставки в связи с пятидесятилетием со дня смерти А. П. Чехова, действительно может гордиться чешским читателем и многими десятками изданий переводов сочинений Чехова. И с особенной радостью выставляет он переводы, вышедшие после освобождения его родины Советской Армией, потому что это свидетельствует о том, насколько творчество Чехова проникло сегодня в широкие массы нашего трудового народа».

Выставка, посвященная Чехову и его влиянию на словацкий театр и литературу, была устроена в фойе Братиславского Национального театра; на открытии выставки с докладом выступил крупнейший словацкий режиссер Янко Бородач, много ставивший Чехова на словацкой сцене и в 1953 г. удостоенный государственной премии за постановку «Трех сестер» в Национальном театре в г. Кошице.

В других городах и селениях Чехословакии чеховские торжества проходили при участии краевых и окружных комитетов защиты мира, чехословацкого общества по распространению политических и научных знаний и ряда других массовых организаций. В домах культуры, заводских клубах проводились лекции и беседы о Чехове.

Государственные издательства выпустили ряд новых сборников произведений Чехова. Вышли очередные тома десятитомного собрания сочинений Чехова. Был опубликован ряд брошюр и статей о творчестве Чехова и т. д.

«Мастерские рассказы Чехова выходят у нас на чешском и словацком языках во все новых и новых изданиях, его драмы живут на сцене наших театров»,— с гордостью пи а а газета «Rudé právo» (1954, № 197, от 18 июля).

Впрочем, в отношении постановок пьес Чехова в Чехословакии мнения критиков расходились. Некоторые из них неоднократно утверждали, что Чехов будто бы мало ставится на сцене, что он «незаслуженно обойден чешским театром» («Kulturní politika», 1949, č. 28, str. 7). Особенно много писали об этом в 1954 г.

«В газетах, журналах, на учебных занятиях довольно много говорят о значении Чехова для театра, для драматургов, но в репертуарах театров его пьесы не числятся»,— писал критик М. Сметана в сентябрьском номере журнала «Divadlo» (1954, č. 9, str. 802).

Однако за время, прошедшее от написания этих слов до их опубликования, на чешской сцене появился ряд новых постановок пьес Чехова, так что редакция журнала «Divadlo» в примечании к статье должна была внести соответствующую поправку.

Подобную же картину мы наблюдаем и в Праге, где к памятной дате шли всего лишь две пьесы Чехова: «Иванов» в Камерном театре и «Дядя Ваня» в Учебном студенческом театре (DISK). В связи с этим в рецензии на состоявшийся в Праге спектакль Братиславского Национального театра «Дядя Ваня» критик Ян Конецкий писал:

«Пьеса „Дядя Ваня“ напомнила нам, что в годовщину Антона Павловича Чехова современный пражский репертуар обошелся без главных пьес великого драматурга. Правда, в Камерном театре идет „Иванов“, и этот факт заслуживает внимания, но по-другому воспринимался бы „Иванов“, если одновременно с ним ставились бы и некоторые действительно великие произведения Чехова ⟨...⟩ Братиславские артисты напомнили нам о нем „Дядей Ваней“. И публика оба вечера заполняла театр до отказа — такой интерес проявляет она к автору. И актеры, бесспорно, мечтают о великолепных ролях чеховского репертуара. Отчего же такая нерешительность в Праге? В Братиславе идут и „Три сестры“. А сравните число театров в обоих городах!» («Divadlo», 1955, č. 1, str. 16).

Впрочем, вскоре пражские зрители увидели также «Три сестры» в Национальном театре и «Дядю Ваню» в театре Буриана «Д-34» — спектакли, которые также предназначались к чеховской годовщине, но были показаны зрителям с опозданием (в 1955 г.).

В целом итог этого чеховского года на чехословацкой сцене таков: «Иванов» — одна постановка (Камерный театр, Прага); «Дядя Ваня» — четыре постановки (Пражский учебный театр, областные театры Бенешова, Йиглавы, Национальный театр в Братиславе); «Три сестры» — две постановки (областной театр в Пардубице, Национальный театр в Братиславе); «Вишневый сад» — пять постановок (театры

в Остраве, Оломоуце, Зволене, Карловых Варах, а также пражское радио и телевидение). Кроме этого, в ряде театров ставились одноактные пьесы, например в Национальном театре Кошице, в Государственном и областном театрах Брно, в областном театре Чешских Будейовиц и т. д.

Количество изданий и постановок произведений Чехова убедительно говорит о популярности его в Чехословакии, о том, что Чехов, наряду с лучшими представителями чешской и мировой классической литературы, явился мощным союзником в борьбе за нового человека и его творческий созидательный труд, против уродливых пережитков капитализма, буржуазной морали, бюрократизма, мещанской безыдейности, пошлости и равнодушия.

«С любовью будем мы вновь и вновь возвращаться к творчеству Чехова, будем учиться у него узнавать мещанство, которое еще не исчезло из нашей действительности, и вообще видеть все то, что стоит на пути к прекрасной жизни, достойной свободного человека нашей родины»,— писал Ян Иша (Dr. Jan J i š a. A. P. Čechov — bojovnik za krasu života. Praha, 1954, str. 20—21).

«Чехов нужен нам потому, что он показывает теневые стороны прошлого и выражает мечту честных сердец о новой человеческой жизни»,— утверждал Ян Копецкий («Literární noviny», 1954, č. 46, str. 4).

А уже цитированный нами критик М. Сметана писал в журнале «Divadlo» (1954, č. 9, str. 802):

«Пьесы Чехова имеют для нас сегодня великое, подлинно актуальное значение. Тем более, что на нашей сцене очень мало пьес о современности, в которых целеустремленно и глубоко была бы разработана тема духовного перевоспитания людей, ставились бы важные проблемы морали и чувства. А в наших театрах необходимо играть такие пьесы, волновать зрителя переживаниями чеховских героев, которые бредут еще ощупью, но всем своим существом тянутся к свету, к правде, к познанию человеческого счастья, смысла жизни. Необходимо заразить зрителя чеховской мечтой о красоте, вывести многих людей из состояния духовной (и эмоциональной) индифферентности и поверхностности, научить молодое поколение размышлять о жизни, глубоко и честно подходить ко всем ее важным вопросам. Одним словом, наш театр не имеет права не играть пьес Чехова, не знакомить своих зрителей с наследием великого писателя и мыслителя. Ведь именно наше поколение осуществляет все то, о чем лишь с грустью мечтал Чехов».

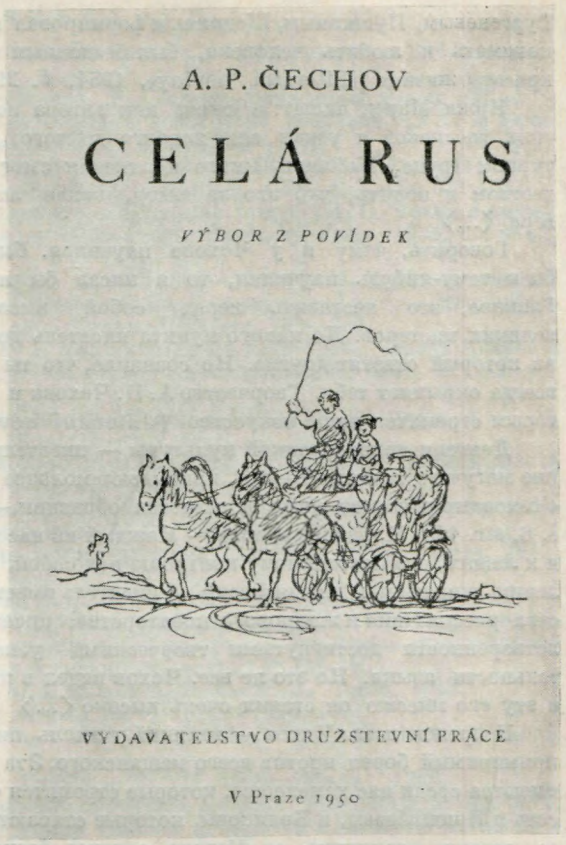
* * *

Некоторые деятели культуры задумывались над вопросом, в чем причина огромной популярности Чехова у чехословацкой общественности. «Нет ничего удивительного в том,— писал Зд. Неедлы,— что Чехов так сразу и так сильно захватил нашего читателя. Из великих русских реалистов он во многих отношениях особенно нам близок. Мы неизменно восхищаемся человечностью замечательных образов Тургенева, Толстого, Достоевского, но, разумеется, не можем не чувствовать, что помещичий мир Тургенева, аристократическая среда Толстого и — в противоположность этому — пестрый калейдоскоп людей, оказавшихся на дне человеческого общества, у Достоевского — это мир, которого у нас не было, в который нам, следовательно, нужно было вживаться, что, конечно, при большом искусстве этих мастеров слова было нетрудно. Но когда появился Чехов, он не мог не повлиять уже одним тем, что был нам близок и изображаемой им социальной средой. Его мелкая буржуазия, его интеллигенция и нам хорошо известны, часто они словно взяты из нашей жизни.

Да, Чехов как будто бы прямо касался темы, которая у нас, в схожей социальной среде, еще до него прозвучала в одном из классических произведений чешской литературы, в „Малостранских повестях" Неруды. Только у Чехова эта тема развернута гораздо шире, чем у Неруды, так как мир русской буржуазии и интеллигенции, изображаемый Чеховым, был значительно шире, чем мир нерудовских малостранских трактиров. Но есть тут похожая, если не такая же, любовь к этим маленьким, с виду незначительным людям, о которых история никогда слова не скажет, но которые тем не менее тоже были частью народа, а в определенный период истории даже очень суще-

ЧЕШСКОЕ ИЗДАНИЕ «ИЗБРАННЫХ РАССКАЗОВ» ЧЕХОВА

Обложка; Рисунок Властимила Рады Прага, 1950 |



ственной частью народа. Поэтому Чехов с его рассказами попал у нас не в чужую среду. Его демократизм находился в полном соответствии с демократическим духом чешской реалистической литературы» (Zdeněk N e j e d l ý. O literatuře. Praha, 1953, str. 804—805).

На общность Чехова и Неруды, хотя и в несколько ином аспекте, указывает также Ян Штерн. «Когда я перечитываю Чехова и когда читаю о его жизни, я невольно вспоминаю о Неруде. Не потому, что их годовщины почти совпали по времени, и не потому, что речь идет о художниках одинакового типа и одинакового социального происхождения. Обе эти замечательные личности роднит тот бесстрашный протест против подлости, мещанства и угнетения, которым проникнуты их произведения, роднит бесконечная душевная мягкость, благородство и в то же время мужественность их характеров, свободных от какого бы то ни было самодовольства и цинизма〈...〉 И Антон Павлович, и Неруда являются личностями великой нравственной силы, высокой идейности, честными тружениками» («Tvorba», 1949, č. 29, str. 677).

Вот почему Чехов, как и Неруда, стал учителем для многих чешских и словацких писателей, что неоднократно отмечалось критиками и литературоведами. Из чешских писателей под влиянием Чехова находились Алоис Ирасек, Ярослав Гашек, Франтишек Гельнер, Иржи Маген, Франя Шрамек и др. (см. Zdeněk N e j e d l ý. O literatuře. Praha, 1953, str. 806, а также статью М. Благи в журнале «Praha — Moskva», 1955, č. 1, str. 93—94). Из словацких писателей влияние Чехова испытали особенно Иозеф Грегор-Тайовский и Янко Есенский (см. статью А. Мраза в газете «Kultúrny život», 1954, č. 29, str. 1) [21].

На творчестве Чехова воспитывалось и продолжает учиться также поколение современных чехословацких писателей. «Антон Павлович Чехов — это был любимый автор нашей молодости,— пишет Т. Сватоплук.— Это он вместе с Толстым,

Тургеневым, Пушкиным, Щедриным формировал нашу духовную жизнь, учил глубоко понимать и любить человека, был бездонным кладезем человечности и источником красоты жизни» («Literární noviny», 1954, č. 29, str. 8).

Иржи Марек пишет: «Чехова как автора незабываемых коротких юмористических рассказов я узнал еще задолго до того, как вообще стал думать о литературном труде. Но лишь много позднее я смог познакомиться со всем его творчеством и понять, что́ это за юмор, какая за ним скрывается скорбь — и какая вера ⟨...⟩

Говорить, чему я у Чехова научился, было бы неуместно и нескромно. Если бы я чему-нибудь научился, то я писал бы несравненно лучше, чем пишу ⟨...⟩ Главное, это поставить перед собой высокую цель — овладеть искусством великих мастеров. До какого пункта писатель дойдет по пути к этой цели — вопрос, на который ответят другие. Но сознание, что ты направляешься к самым вершинам, всегда окрыляет тебя. Творчество А. П. Чехова и является одной из тех вершин, к которым стремится наше искусство» («Literární noviny», 1954, č. 29, str. 8).

Деятели чехословацкой культуры — писатели, критики — все, кто ощутил обаяние могучего таланта Чехова, призывают молодое поколение писателей учиться у него: «Чехов продолжает жить и остается образцом,— пишет в журнале «Tvorba» (1950, č. 6, str. 143) Н. Слабигоудова.— Каждый из нас может учиться у него любви к труду и к людям, его постоянному контролю над собой, самокритике, его упорству в преодолении жизненных препятствий. А писатель имеет в его лице великий образец мастерства рассказчика и жанрового новаторства, писательской скромности, вечной неудовлетворенности достигнутыми творческими успехами, заботы о стиле и выразительности языка. Но это не все. Чехов видел в писателе также воспитателя человека и эту его миссию он ставил очень высоко ⟨...⟩

И прежде всего Чехов — великий учитель писателей (и не только писателей), непримиримый борец против всего мещанского. Эта борьба не окончена, и сегодня еще имеются среди нас хамелеоны, которые стремятся обмануть жизнь и греться на солнце, есть и Пришибеевы, и Беликовы, которые стараются ее не замечать или же остановить ее течение, задушить ее. Нужно с ними беспощадно воевать так, как это делал в своих сочинениях Антон Павлович Чехов».

Говоря о нравственном долге и обязанностях работника культуры, чехословацкие критики часто ставят в пример Чехова, цитируют его письмо к брату Николаю от марта 1886 г. (XIII, 194—198).

«Это не слова старомодной морали,— писал критик Ян Штерн,— это настойчивый голос сознательного работника литературы, голос, на который должны были откликнуться все наши деятели искусства. Чехов по-своему говорит здесь то, чего мы требуем от каждого сознательного работника: любить свой труд, не противопоставлять частную жизнь общественной деятельности, быть скромным и гордым, стремиться к тому, чтобы между честными людьми существовали подлинно товарищеские отношения ⟨...⟩, чтобы жизнь человека отвечала его принципам. Ибо как может быть просветителем народа, как может быть инженером человеческих душ человек, который сам ведет гнилую, мещанскую жизнь? Как человек живет, так он и мыслит, а как мыслит, так и говорит. Как может писать о новых людях и о нашем строительстве человек, который сам этим не живет? Неискренность обязательно выйдет наружу». Приводя далее высказывание Чехова о том, что в человеке должно быть все прекрасно, и отмечая, что отношение Чехова к собственному труду неразрывно связано с его высокой идейностью, с его ненавистью к равнодушию и т. д., Ян Штерн в заключение писал: «Любить и понимать этого великого работника передовой литературы значит всем сердцем усвоить эти принципы» («Tvorba», 1949, č. 29, str. 677).

К усвоению этих принципов и стремятся писатели народно-демократической Чехословакии, получившие широкие возможности для успешной творческой деятельности. Честно служить народу, творить для народа, формировать духовный облик нового человека — строителя социализма, идейно воспитывать его — таков девиз работников культуры Чехословацкой республики, вдохновляемых и руководимых Коммунистической партией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По вопросу о Чехове в Чехословакии имеется уже ряд статей и публикаций. Приводим их перечень.

Ilja Svatoňová. Korespondence A. P. Čechova a některých členů MChATu s dr. B. Prusíkem ⟨Переписка А. П. Чехова и некоторых деятелей МХАТ с д-ром Б. Прусиком⟩.— «Sovětská literatura», 1954, č. 4, str. 516—521.

Она же. A. P. Čechov na pražských jevištích v letech 1890—1938 ⟨А. П. Чехов на пражской сцене в 1890—1938 гг.⟩. — «Sovětská literatura», 1954, č. 5, str. 625—643.

Она же. A. P. Čechov v naší literatuře a divadelní tvorbě ⟨А. П. Чехов в нашей литературе и театральном творчестве⟩.— «Poznáváme Sovětský svaz», 1954, č. 43-44, str. 19—22.

Она же. A. P. Čechov na českých scenách 1889—1914 ⟨А. П. Чехов на чешской сцене в 1889—1914 гг.⟩. — В сб. «Čtvero setkání s ruským realismem. Přispěvky k dějinám rusko-českých literárních vztahů». Praha, 1958, str. 293—345.

Она же. Ohlas Čechovovy prózy u české kritiky do roku 1914 ⟨Проза Чехова в отзывах чешской критики до 1914 г.⟩.— «Československá rusistika», 1948, č. 2-3, str. 149—161.

Julius Dolanský. Čechov v Čechách ⟨Чехов в Чехии⟩.— «Literární noviny», 1954, č. 31, str. 8—9; č. 32, str. 9; č. 33, str. 8—9.

Otakar Fencl. A. P. Čechov a Národní divadlo ⟨А. П. Чехов и Национальный театр⟩.— «Národní divadlo», 1954, č. 5, str. 3—18.

В. Д. Савицкий. Произведения А.П. Чехова в Чехословакии.—«Институт славяноведения АН СССР. Краткие сообщения», № 16, 1955, стр. 67—74.

Ш. Богатырев. К истории русско-чешских связей.— «Новый мир», 1957, № 1, стр. 302—304.

А. И. Игнатьева. Переписка А. П. Чехова с его чешскими переводчиками.— «Институт славяноведения АН СССР. Краткие сообщения», № 22, 1957, стр. 49—59.

Дополнительно приводим здесь перечень библиографий переводов произведений Чехова, вышедших на чешском языке отдельными изданиями (до 1954 г.).

Jaromir K. Pojezdný. Úvod k dilu Ant. P. Cechova. Jihlav, 1912.

Soupis československé literatury za leta 1901—1925. Praha, 1931.

«Dilo Antona Pavloviče Čechova v českých překladech». — «Praha — Moskva», 1954, č. 7, str. 64—71.

Сб. «Anton Pavlovič Čechov, 17. I. 1860 — 2. VII. 1904» ⟨Praha⟩, 1956.

В этих указателях имеются отдельные пропуски, а также неточности; в частности, почти все они приписывают Чехову роман «Жизнь прекрасна!», автором которого в действительности был его брат Александр. Эта ошибка ввела в заблуждение и некоторых исследователей (см., напр., статью: Julius Dolanský. Čechov v Čechách.— «Literární noviny», 1954, č. 32, str. 9).

[2] Данные о первых чешских переводах произведений Чехова, как и упомянутые выше сведения о сборнике «Пестрые рассказы», почерпнуты нами из статьи И. Сватоневой в журнале «Československá rusistika», 1958, č. 2-3, str. 153.

[3] В ЛБ (ф. Чехова) хранится около 50 писем к Чехову чешских переводчиков и писателей. В дальнейшем эти письма будут нами приводиться без указаний на место хранения.

[4] Письма чешских переводчиков датированы по новому стилю.

[5] Письмо Мудры, написанное ломаным русским языком, не могло вызвать у Чехова доверия к нему, как к переводчику. Чехов ответил на письмо Мудры (см. XIV, 396), но на этом их переписка закончилась. Среди известных нам переводчиков Чехова его имя не встречается.

[6] А. Врзал переводил произведения Горького, Короленко, Мамина-Сибиряка, Лескова и др., находился в переписке со многими русскими писателями и критиками. В его архиве имеются письма П. Гнедича, С. Гусева-Оренбургского, С. Елеонского (Миловского), А. Измайлова, В. Короленко, М. Крестовской, А. Круглова, Д. Мамина-Сибиряка, Г. Мачтета, Д. Мордовцева, Л. Оболенского, А. Скабичевского, Н. Страхова, А. Тихонова-Лугового, А. Эртеля и др. В ЛБ (ф. Чехова) находятся три письма Врзала к А. И. Эртелю. Письмо Врзала к Чехову написано на чешском языке.

[7] Врзал имеет в виду кн.: К. Арсеньев. Критические этюды по русской литературе, т. II. СПб., 1888, стр. 232—243.

[8] Из письма Врзала к Суворину сохранился лишь отрывок, который находится в ЛБ (ф. Чехова). Дата не указана. Судя по более позднему письму Чехова к Врзалу, письмо последнего к Суворину следует отнести к 1891 г.

[9] Это письмо Е. Билы, как и используемые ниже письма Б. Прусика, написанные по-русски, цитируются нами с исправлениями грубых грамматических и стилистических ошибок.

[10] В Таганрогском музее А. П. Чехова находится книжка стихов Э. Голлер. На чистом листе перед титулом — следующая надпись: «Милостивый государь, Антон Павлович Чехов, acceptez je vous prie ce petit livre comme un signe de ma profonde,

simpathie et de ma sincére amitié. Bien à vous Эльза Антоновна Голлер. Brünne, Bohême. 2. 9. 1901» (примите, прошу, эту маленькую книгу в знак моей глубокой симпатии и искренней дружбы. Преданная вам).

[11] Подробнее о Прусике см. в настоящем томе в комментарии к письму Чехова от 26 или 27 мая 1897 г.

[12] Если за 1886—1889 гг. в чешской периодике было напечатано всего 11 его рассказов, то с 1890 г. до первой мировой войны, как подсчитала И. Сватонева (эти данные, на наш взгляд, отнюдь не исчерпывающие), их ежегодно публиковалось в среднем 13 названий, причем на 1890-е годы приходится по 9, а на 1900—1914 гг.— по 17 рассказов в год. Многие произведения Чехова переводились по нескольку раз и часто перепечатывались в периферийных периодических изданиях и в рабочей печати. Так, чаще всего переводились следующие рассказы: «Спать хочется» (6 раз), «Детвора» (5 раз), «Смерть чиновника», «Анюта», «Тиф» (4 раза), «Недоброе дело», «Верочка», «Пересолил», «Месть», «Произведение искусства», «Пары», «Ванька», «Зиночка», «Егерь», «Устрицы», «Беглец», «Агафья», «Без заглавия» (3 раза). А более крупные произведения Чехова дважды — «Мужики», «Палата № 6», «В овраге», «Тоска» и «Степь» («Československá rusistika», 1958, č. 2-3, str. 153).

[13] Этот чешский перевод «Дуэли» («Souboj») с надписью: «Глубокоуважаемому Антону П. Чехову на добрую память от чешского поклонника д-ра Б. Ф. Прусика-Щербинского» находится в Ялте, в Доме-музее А. П. Чехова.

[14] «Предложение» еще несколько раз ставилось в Национальном театре (в 1900, 1905, 1907 гг.), неизменно с любимцем публики Мошной в роли Ломова. Часто пьеса шла в провинции, на профессиональной и любительской сцене. Еще большей популярностью пользовался «Медведь», который, по утверждению газеты «Prager Abendblatt» (от 7 апреля 1906 г.), «обошел сцены даже самых маленьких театров и своим специфическим звучанием находил везде широкий отклик». Об этом же пишет Зденек Неедлы в статье, посвященной творчеству Чехова и его влиянию на чешскую литературу: «Знаменательно то, что уже в первые годы проникновения Чехова к нам шутка „Медведь" после Национального театра получила распространение и в провинции, где наши любительские кружки с увлечением играли ее в городах и деревнях, даже недостаточно сознавая, что играют произведение иностранного автора» (Zdeněk N e j e d l ý. O literatuře. Praha, 1953, str. 806).

[15] Чехословацкие исследователи, цитируя эти высказывания, обычно приписывают их перу К. Кольмана, который на самом деле выступает здесь лишь в качестве переводчика. См. статьи: Ю. Доланского («Literární noviny», 1954, č. 32, str. 9) и И. Сватоневой («Sovětská literatura», 1954, č. 5, str. 630—631; «Čtvero setkání s ruským realismem». Praha, 1958, str. 321—322).

[16] *Качаловская группа* — группа артистов Художественного театра, отрезанная в 1919 г. на Кавказе белогвардейцами и вынужденная в годы гражданской войны скитаться на чужбине.

[17] Переводчик Рене Фюлоп-Миллер, поставлена в театре г. Гера, режиссер — Гельмут Эббс. Подробнее об этой постановке см.: P. A. O t t e. Tschechoff-Uraufführung in Gera «Der unnütze Mensch Platonoff».— «Das Theater», Jhrg. IX, 1928, Heft 7, April, S. 182.

[18] *Национальное объединение* (Národní sjednocení) — фашистская организация, созданная в октябре 1934 г. из нескольких реакционных партий, известная своими террористическими выступлениями, в особенности против Коммунистической партии Чехословакии.

[19] Фердинанд *Пероутка* — реакционный чешский журналист, ныне эмигрант, ярый враг народно-демократического строя. Еще в 1914 г. он резко выступал против Чехова, искажал его взгляды, следуя за реакционными высказываниями русской критики, в частности Мережковского («Besedy Času», 1914, č. 31, str. 249—260). В том же духе Пероутка писал о Чехове и в 1935 г.

[20] Это расходится с содержанием чеховской пьесы, где у суфлера Никиты Ивановича немало реплик. Возможно, что они были сокращены чешским переводчиком Б. Матезиусом. Если это так, то это была отнюдь не единственная его вольность. Так, ради усиления актуальности пьесы и приближения ее к чешскому читателю и зрителю в число цитируемых Светловидовым отрывков он включил текст из романтической поэмы выдающегося чешского поэта Карела Гинека Махи «Май», в которой звучат бунтарские мотивы (см. статью И. Сватоневой в журнале «Sovětská literatura», 1954, č. 5, str. 642).

[21] Приведенные нами в настоящем обзоре отдельные факты, касающиеся темы «Чехов в Словакии», не претендуют на сколько-нибудь полное ее освещение. Эта тема, богатая фактическим материалом, должна быть предметом специального рассмотрения.

ЧЕХОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Обзор Томаса Г. Виннера
*(Мичиганский университет)**

1

С Чеховым читателей стран английского языка впервые познакомил американский литературный журнал, издававшийся в Нью-Йорке — «Short Stories. A Magazine of Fact and Fancy». В октябре 1891 г. на страницах этого журнала появился рассказ Чехова «Дома» [1] в переводе Изабел Хепгуд. На протяжении последующих одиннадцати лет рассказ «Дома» был единственным образцом чеховского искусства в Соединенных Штатах. Лишь в 1902 г. тот же самый журнал предложил своим читателям еще одно произведение Чехова — «Страшная ночь» [2] в переводе Грейс Элдредж. После того как были напечатаны эти два перевода, дальнейшее издание чеховских произведений подвигалось туго. В 1906 г. были переведены «Спать хочется» [3] и «Произведение искусства» [4]. В следующем году появляется вторично «Страшная ночь» [5].

Надо, однако, отметить, что энтузиазм тех, кто был знаком с творчеством Чехова, значительно опередил медленный темп переводов его произведений. Первый разбор творчества Чехова появился в 1899 г. в нью-йоркском журнале «Forum», опубликовавшем статью Абрама Кагана [6], известного деятеля рабочего движения, писателя и журналиста, писавшего на английском и еврейском языках. Каган хвалил Чехова за «совершенную естественность» его слога, называя его «величайшим мастером русского рассказа после Толстого». Тремя годами позже Каган вновь возвращается к этой теме в статье с характерным названием «Мантия Толстого», в которой он говорит о Чехове как о «Толстом русского рассказа» и отмечает, что «он один обладает искусством придавать своим героям и окружающей их обстановке поразительную, захватывающую реальность ⟨...⟩ Не будучи обременен какой-либо „общей идеей", а всего лишь изображая горькие комедии и трагедии, которые ему приходится наблюдать в жизни, он одерживает победу чисто литературную, без малейшей примеси дидактического элемента, заменяющего политику в такой стране, как Россия» [7].

В том же году появляется еще одна статья [8], в которой американскому читателю предлагается анализ творчества Чехова. Автор статьи, Р. Лонг, хвалит Чехова за его умение из кажущейся пустоты жизни создавать «панораму ярчайших красок и разнообразнейших форм». По мнению Лонга, Чехов не пессимист, а блестящий сатирик, которого можно сравнить со Свифтом; Лонг считает Чехова более объективным и менее общечеловеческим писателем, чем английский сатирик. Чехова, как отмечает Лонг, занимает «неисправимое легкомыслие человеческого духа перед лицом величайших жизненных кризисов». Автор упоминает, что Чехов «также опубликовал том пьес», но что они значительно ниже его рассказов. «Трудно понять...— пишет он,— в чем — если отвлечься от обаяния имени автора — привлекательная сила этих пьес. Мелочность мотивов, движущих героями, однообразие обстановки, полнейшее отсутствие героического — все то, что так увлекает нас в анатомическом театре аналитика-беллетриста — в драме теряет всякий смысл».

---

* Перевод с английского Т. М. Литвиновой.

Если в 1902 г. Лонг писал для публики, которая пьес Чехова не читала и не видела, то после 1908 г. положение резко меняется. Первой пьесой, предложенной вниманию американского читателя, оказался «Вишневый сад», напечатанный в драматургическом отделе студенческой газеты Йельского университета — «Yale Courant» [9]. Через год появилась комедия «Медведь» [10] и, наконец, в 1912 г.— первый сборник чеховских пьес в переводе Мэриан Фелл [11], содержащий «Дядю Ваню», «Иванова», «Чайку» и «Лебединую песню». Еще через год в бостонском журнале появился новый перевод «Чайки» [12]. С этого времени новые переводы отдельных пьес и рассказов появлялись чуть ли не каждый год. В 1914 г. были напечатаны «Предложение» [13] и «Клевета». В следующем году вышло четыре сборника рассказов [14] и одна пьеса [15], а еще через год — четыре сборника рассказов [16], вторая серия пьес [17], в которую входили «Вишневый сад», «Три сестры», «На большой дороге», «Предложение», «Свадьба», «Медведь», «Трагик поневоле», и, кроме того, отдельным изданием «На большой дороге» [18]. Из сборников рассказов Чехова, выпущенных в 1916 г., два сборника вышли в переводе Констанс Гарнетт. Это были первые два тома тринадцатитомного издания «Рассказов Чехова», предпринятого Констанс Гарнетт и вышедшего одновременно в Лондоне и Нью-Йорке; изданию этому, не являющемуся полным собранием прозы Чехова, долгие годы суждено было служить основным источником, по которому американцы могли изучать Чехова. К. Гарнетт предприняла также перевод чеховских пьес. Стиль как повествовательных, так и драматических ее переводов часто страдает напыщенностью, иногда бывает громоздким и неуклюжим. Однако, несмотря на неудовлетворительные переводы, интерес к Чехову продолжал возрастать. В 1917 г. вышло четыре томика чеховских рассказов [19], два из которых продолжали упомянутое выше издание К. Гарнетт; один рассказ — «Душечка» — был напечатан в журнале [20]. В течение последующих двух лет вышло еще четыре сборника рассказов [21], причем два из них опять в издании Гарнетт; кроме того, были опубликованы выдержки из писем Чехова [22].

В 1910—1922 гг. печаталось не только все больше и больше переводов чеховских произведений, но также появлялись и всевозможные статьи критического характера, в которых обсуждалось творчество Чехова и разбиралось качество переводов. Большинство из этих статей являлось рецензиями на выходящие издания Чехова. Тон критики 1910—1920-х годов был задан журналом «Nation» [23], который, комментируя первый сборник чеховских пьес, назвал их «унылыми», «наводящими тоску» и «бесцельными». Ясно, что критик, обвинявший чеховских героев в том, что они совершают «ничем не мотивированные» поступки, еще не разобрался в своеобразии Чехова-драматурга. Уже через год-другой критик, разбирая тот же сборник пьес [24], восхищается юмором, грустью и иронией, которые он находит в пьесах, а также отсутствием в них прямой нравоучительности. И все же господствующей в американской критике второго десятилетия нашего века была мысль о том, что пьесы Чехова являются пьесами о сумерках общества. К тому же многих критиков раздражала революционность драматургической техники Чехова, они не понимали его метода «косвенного комментария» с помощью шумов за сценой, музыкальных фрагментов, сопоставлений как бы случайных обрывков разговора. Так, один рецензент пишет, критикуя пьесу «Три сестры»: «В довершение к сюжетной путанице и психологической путанице и самый фон, на котором происходит действие,— путаный: сотня досадных, не имеющих никакого отношения к действию мелких эпизодов, назойливо стремится занять центральное место в нашем сознании» [25].

Такое неприятие чеховского драматургического метода, продолжавшееся до середины 1930-х годов, может быть в какой-то мере отнесено за счет ранних переводов, которые подчас вовсе не передавали тонкостей чеховского стиля. Главное же не только в том, что мнения эти складывались на основании неудовлетворительных переводов пьес, но также и в том, что никто этих пьес не видел на сцене — их только читали. За исключением любительского спектакля «Чайка», данного труппой Washington Square Players в Нью-Йорке в 1916 г. [26], до 1923 г., когда Художественный театр приехал на гастроли в Соединенные Штаты и привез «Три сестры», «Вишневый сад», «Дядю Ваню» и «Иванова», ни одна из пьес Чехова не шла на американской сцене. Нельзя пройти без внимания мимо того факта, что единственная рецензия на пьесу, точнее на

ее постановку в Художественном театре, рисует совершенно другую картину. Вот что писала Гертруд Бесс Кинг из России по поводу спектакля «Вишневый сад»: «Я вдруг поняла, что это вовсе не „пьеса". Передо мной проходили люди, которые держали себя в высшей степени по-человечески, совсем не так, как те, что перед огнями рампы изображают невероятные страсти 〈...〉 Тут уже видишь, что человек призван не для того, чтобы какое-то короткое время покривляться на сцене, а для того, чтобы играть свою роль в многовековой истории человечества, в присутствии мировых планет. Чехов не желает преувеличивать значение минуты, у него гостит сама Вечность» [27].

Рассказы Чехова, более доступные пониманию американской публики, чем его пьесы, встретили соответственно и более теплый прием у критики, которая увидела в них новый род реализма, оценила их тонкость и юмор. Была отмечена убийственная ненависть Чехова ко всему пошлому и некрасивому. Так, «New York Times» [28] писала, что Чехов «является страстным поклонником красоты. Иначе он бы не мог с такой силой ненавидеть все уродливое». Р. Биркмайр, рецензируя собрание чеховских писем, опубликованных в 1919 г., назвал Чехова «очень человечным и чувствительным художником, имеющим несчастье обладать натурой тонкой и нервной 〈...〉 Разница между Толстым и Чеховым, это разница между Гете и Гейне. Один — олимпиец, другой — смертный 〈...〉 Если Чехов напоминает Мопассана по художественным своим устремлениям, то он также напоминает Бернса своей богатой и пламенной человечностью 〈...〉 Духовно он, может быть, был больше сродни Бернсу, нежели Гейне. Он ничуть не походил на Мопассана, с которым его сближает лишь конкретность, с какой он строит рассказ 〈...〉 „Любите друг друга" — вот девиз, который он мог бы с успехом провозгласить...» [29].

2

Популярность Чехова в Соединенных Штатах в 1920-е годы все возрастала. Гастроли Художественного театра в Америке дали толчок американским театрам, которые начали ставить пьесы Чехова. Появилось много изданий его пьес и рассказов, и в суждениях критиков уже не наблюдалась первоначальная наивность. В это десятилетие увидело свет тринадцатитомное собрание повестей и рассказов в переводе Констанс Гарнетт, опубликовано в периодике значительное число отдельных рассказов [30], частично изданы письма Чехова и его записные книжки [31], вышел сборник избранных сочинений [32], появилось несколько новых переводов отдельных пьес [33], а также два сборника пьес в переводе К. Гарнетт и Дженни Кован [34]. В это же десятилетие вышла первая книга, в которой была попытка дать американскому читателю портрет Чехова. Это книга Уильяма Джерхарди «Антон Чехов, критический этюд» [35]. Биографическая часть этого труда основана главным образом на рассказах о Чехове М. П. Чехова, критическая же является несколько импрессионистическим пересказом сюжетов и регистрацией наиболее характерных особенностей ряда чеховских рассказов.

В 1920-е годы на американской сцене начали ставить пьесы Чехова. Американская театральная публика полюбила их. Интерес к сценическим постановкам чеховских пьес, безусловно, в большой степени был возбужден гастролями Художественного театра в Соединенных Штатах в 1923—1924 гг. Знаменитая русская труппа начала свои гастроли в Нью-Йорке в Jolson's 59-th Street Theatre в январе 1923 г. спектаклем «Три сестры» с участием О. Л. Книппер-Чеховой. Так как спектакль шел на русском языке, широкая публика должна была довольствоваться одним лишь зрительным впечатлением, вследствие чего рецензенты мало что могли сказать о собственно литературных достоинствах пьесы и ограничивались восторгами по поводу актерского мастерства гостей, особенно отмечая в спектакле «Три сестры» игру Книппер-Чеховой [36]. В том же году Художественный театр показал пьесы «Иванов» и «Вишневый сад», которые критик из «New York Times», наперекор общепринятому в Соединенных Штатах взгляду на чеховские пьесы как на унылые трагедии, объявил «отличнейшими комедиями» [37]. На следующий год гастрольный репертуар Художественного театра пополнился пьесой «Дядя Ваня». Вот что писал об этих постановках Старк Янг,

«ДЯДЯ ВАНЯ» НА АМЕРИКАНСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 1-го АКТА)
Постановка Джеда Харриса в «Cort Theatre», Нью-Йорк, 1930 г.

впоследствии переведший все пьесы Чехова заново гораздо лучше, чем Констанс Гарнетт: «„Вишневый сад", „Три сестры", „Иванов"—все пьесы Чехова вдруг ожили в моем сознании: мягкая, трепетная жизнь, линии, полные неопределенности, застенчивая улыбка, сквозящая через все трагические неурядицы человеческой натуры, изученные во всей их комичности и неизбежности» [38].

Профессор русской литературы в Калифорнийском университете Александр Каун тоже говорит о чеховской «улыбке» и оптимизме: «Мягкий, терпеливый, добродушный, снисходительный 〈...〉 Антон Чехов производил впечатление оптимиста 〈...〉 В „Дяде Ване", „Трех сестрах", как и во многих других его пьесах и рассказах, звучит чеховский мотив надежды на лучшее будущее» [39]. Civic Repertory Theatre (Городской Репертуарный театр) в Нью-Йорке осуществил первую американскую постановку на английском языке осенью 1926 г., поставив «Три сестры». Актерский состав спектакля был тщательно подобран, особое значение имело участие Ив Ле Гальенн (Eve Le Gallienne), которой впоследствии суждено было сделаться одной из ведущих актрис и режиссеров чеховских спектаклей в Америке. Спектакль был принят публикой хорошо [40]. Впрочем, по-настоящему театральная и литературная критика оживилась после постановки в том же театре «Вишневого сада» (через три года после «Трех сестер»). Постановка эта, осуществленная при участии Ив Ле Гальенн, вдохновила Джозефа Вуд Кратч написать статью «Величие Чехова»: «Суть его метода всегда сводилась к тому, чтобы избегать искусственной драматичности, и он мудро решил придерживаться этого метода и тогда, когда принялся писать драмы. Как и в рассказах его, фабула в „Вишневом саде" играет второстепенную роль; вместо того, чтобы нанизывать размышления и эмоции на сюжетный остов, он создает нужные ему настроения и высказывает свои мысли походя, как бы невзначай. Четкие характеристики, блестки юмора и неожиданно яркие мазки встречаются как бы случайно, и вместе с тем каким-то непонятным образом получается картина незабываемая. Конечно, все в этой мнимой безыскусственности пронизано искусством 〈...〉

Нигде, ни у кого ⟨...⟩ проникновение не сочеталось с такой мягкостью. Проницательность его не щадит никого, а вместе с тем она никого и не ранит серьезно. Безжалостно разоблачая своих героев, он при этом находит жалость для каждого из них ⟨...⟩ смех и слезы, сатира и чувствительность — казалось бы, что может быть тошнотворней? Однако сочетание это называется „Чехов", а Чехов — велик» [41].

Театральный критик «New York Times» Брукс Аткинсон писал о «Вишневом саде»: «Несмотря на печальный конец, Чехов был прав, утверждая, что написал комедию. Это, безусловно, апофеоз чеховской драматургии, она тоньше и глубже, чем „Три сестры" — в ней мириады оттенков света и тени человеческой сущности ⟨...⟩ Какая завершенность в этой постепенно замирающей концовке! В последней своей пьесе Чехов запечатлел целую эпоху» [42].

Критик Уайэт (V. R. Wyatt), сотрудничающий в католической прессе, писал с неменьшим энтузиазмом: «Если мы прежде недостаточно горячо относились к русской драме, то теперь мы спешим откровенно признаться, что „Вишневый сад" оказался одним из самых значительных событий нынешнего сезона ⟨...⟩

Чеховский „Вишневый сад" — национальная комедия. Подобно тому как Синг в своем „Западном повесе" изобразил в драматической форме величие и глупость кельтского воображения, а Шекспир показал силу и слабость англосаксонского идеализма в „Гамлете", Чехов нарисовал фатализм, долготерпение и философский темперамент славянина» [43].

В конце следующего года американскими актерами впервые была представлена «Чайка»; Ив Ле Гальенн режиссировала спектакль, а также исполняла роль Маши. Эта постановка также была осуществлена в Городском Репертуарном театре, основанном Гальенн, которая пыталась, и, как оказалось, безуспешно, ввести репертуарную систему в американский театр [44]. Если «Вишневый сад», поставленный Ив Ле Гальенн,

«ВИШНЕВЫЙ САД» НА АМЕРИКАНСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 4-го АКТА)
Постановка Ив Ле Гальенн в «Amsterdam Theatre», Нью-Йорк, 1933 г.

вызвал дискуссии о пьесе и о Чехове вообще, то после ее постановки «Чайки» интерес к нему еще больше возрос. Брукс Аткинсон восторженно хвалил пьесу, называя ее «олицетворением красоты сострадания», «квинтэссенцией человеческой жизни», «этюдом игры на обертонах», «с приглушенными красками, но величественной» [45]. Обсуждая «Чайку», многие американские критики затрагивали проблему, вытекающую из противоречия между заявлением Чехова, утверждавшего, что он написал комедию, и мнением Станиславского, который настаивал на том, что пьеса заключает в себе все элементы подлинной трагедии. Так, рецензент «Nation» отмечал: «Обычно отправной точкой для Чехова является комизм гротескных несоответствий нелепого образа жизни. Если юмор этот и оказывается трагическим, то происходит это оттого, что острый глаз Чехова замечает не исключительное, но именно обыкновенное и заурядное. Чехов настаивал на том, что „Вишневый сад" является комедией. Станиславский, отвергнув авторскую трактовку пьесы, представил ее в виде трагедии. Кто же из них прав? Вероятно, оба ⟨...⟩ Чехов не несет какой-то особой идеи в мир, не преследует каких-нибудь определенных целей. Он показывает жизнь такой, какая она есть, во всей ее нелепости, и лишь изредка предлагает неизбежный вывод о том, что так жить невозможно и не должно» [46].

А Джозеф Вуд Кратч писал, что хотя в пьесе имеются все элементы трагедии, Чехов не навязывает зрителю традиционной трагической схемы, ибо считает, что определенные трагические схемы повторялись уже так часто и так бессмысленно (в том обществе, которое Чехов изображает в своей пьесе), что в конце концов сделались уже комичными ⟨...⟩ Героический жест утерял убедительность, самый героический мотив обветшал. Трагедия осталась, но сквозь нее просвечивают сомнение, скептицизм и бессилие, обращающие ее в комедию» [47].

Многие говорили о реализме этой чеховской пьесы. Старк Янг отмечал близость чеховского реализма к реализму, который можно найти в американской литературе, и называл чеховский мир «наиболее доступным для нас по существу». По его мнению, американским драматургам есть чему поучиться у Чехова, так как «что́ нам может дать Чехов — очевидно. Бóльшая тонкость восприятия, большее переплетение тем, больше оттенков чувства, больше остроты, искренности и честности намерений. Для нынешнего драматурга Америки его влияние было бы неоценимо» [48].

По мере увеличения числа переводов чеховской прозы возросло и число критических отзывов о ней в Америке. Критики единодушно давали самую высокую оценку чеховским повестям и рассказам. Некоторые рецензенты терялись, не зная, к какому из многочисленных литературных направлений причислить Чехова. Его называли «натуралистом ⟨...⟩, у которого восприятие мира вызывает страдание, а соприкосновение с ним — боль» [49], его также называли и экспрессионистом [50]. Однако чаще американские критики пытались определить своеобразие Чехова в сопоставлении его с американскими писателями.

Так, Уильям Лайон Фелпс сравнивал Чехова с О. Генри, так как имена обоих неразрывно связаны с жанром короткого рассказа, причем он основывал свое сравнение больше на сходстве биографических фактов, нежели на литературном родстве [51]. Роберт Литтел, сравнивая Чехова с современной школой американского реализма, обнаружил, что «лучшие произведения Шервуда Андерсона, Ринг Ларднера и Эрнеста Хемингуэя ближе по духу к Чехову, чем к О. Генри.

Но Чехов, подобно всем великим творцам, никогда не вызывает ощущения унылости, тоски и брюзгливости. Какой бы безнадежной и серой ни была описываемая им жизнь, реальность его героев, красота быстрых, уверенных ударов, выявляющих типическое и оставляющих тайное, неприкосновенное в человеческой личности в тени, волнуют и трогают чрезвычайно. „Беббит", „Главная улица" и в особенности „Эльмер Гентри" производят гораздо более угнетающее впечатление, чем Чехов, ибо девяноста девяти процентов страниц этих книг не коснулась волшебная палочка жизни. Но все же тема этих произведений, так же как и тема большей части современной беллетристики, та же, что у Чехова: жизнь обыкновенных обывателей провинциальных городков, с которыми ничего не случается. Только у Чехова это „ничего" почему-то оказывается интересным, у нас же отчет об этом „ничего" становится вдвойне скучным от

чрезмерной убежденности автора в том, что само изображаемое им явление неинтересно (...)

Если бы какой-нибудь архичеховец, хорошо владеющий литературным ремеслом, вздумал бы разложить перед собой с полдюжины знаменитых рассказов об обывателях русской провинции, заменить имена героев и американизировать диалог (он сильно англизирован в переводе Гарнетт), перенести место действия в какой-нибудь Ошкош, Спрингфилд, Фервю или Мейплхерст, оставив при всем этом нетронутой тонкую ткань рассказов, он мог бы без труда въехать в славу по чистым, но несколько узким каналам тонких журналов» [52].

Есть отзывы также и на записные книжки и письма Чехова, частично опубликованные в 1920-е годы. Уильям Лайон Фелпс отмечает «жизнерадостность и избыток энергии» и «игривый и ласковый юмор» Чехова, о которых дают представление его письма, а также воспоминания Горького, Куприна и Бунина [53], в то время как Роберт Морзе Ловетт отмечает чувство реальности в письмах, которое роднит их с духом чеховской прозы [54].

В общем же, можно сказать, что хотя количество изданий чеховских произведений в эти годы резко увеличилось, а наиболее известные из его пьес шли на американской сцене впервые, серьезной критической оценки творчества Чехова американские критики тогда еще не дали. Чехов все еще представлял загадку для американской критики и значительно более сложную, нежели Толстой, Тургенев и Достоевский, с которыми американская читающая публика была гораздо лучше знакома. По этой-то причине многие критики ограничились попыткой объяснить Чехова путем сопоставлений.

Здесь следует еще раз подчеркнуть, что трудности, которые испытали американские критики в оценке Чехова, надо по крайней мере частично искать в малоудовлетворительном качестве переводов К. Гарнетт, которые до последнего времени фигурировали в большинстве американских изданий пьес, рассказов, а также записных книжек и писем Чехова.

3

Популярность Чехова, начавшаяся в 1920-е годы, сохранялась также и позже. Появлялись новые издания чеховских повестей и рассказов [55]. Переиздавались пьесы, отдельно и в сборниках, и выдвинулся новый переводчик — Старк Янг [56].

Увидела свет монография Н. Тумановой о Чехове — одна из первых напечатанных докторских диссертаций по русской литературе. Однако критические суждения автора мало интересны [57].

Сколько-нибудь значительных высказываний о чеховской прозе в это десятилетие почти не встречается. С другой стороны, живо обсуждаются новые переводы пьес, а также шесть постановок, осуществленных в 1930-е годы.

В январе 1930 г. American Laboratory Theatre (Американский Экспериментальный театр) в Нью-Йорке поставил спектакль «Три сестры», который рецензент «New York Times» охарактеризовал как любительский [58]. Спектакль шел недолго. В апреле 1930 г. в нью-йоркском театре Cort Theatre был поставлен «Дядя Ваня». Режиссировал спектакль Джед Харрис (Jed Harris), в заглавной роли выступал Уолтер Конноли (Walter Connolly), Астрова играл Осгуд Перкинс (Osgood Perkins), Соню — Джоанна Рус (Joanna Roos), Серебрякова — Юджин Пауэрс (Eugene Powers), Елену Андреевну — Лилиан Гиш (Lilian Gish), Войницкую — Изабел Вернон (Isabel Vernon). Спектакль шел двенадцать недель в Нью-Йорке, а затем его повезли в Бостон, Балтимору, Филадельфию, Питтсбург и Чикаго, где он шел с неизменным успехом [59]. В ноябре он вновь пошел в Нью-Йорке [60].

Брукс Аткинсон, написавший первую рецензию на постановку, указал на ярко выраженный комедийный характер пьесы, подчеркнув важность понимания комического элемента в этом произведении, которое принято было трактовать как олицетворение «мрака безнадежности». Находя, что эту пьесу оценить труднее, чем прочие крупные пьесы Чехова, он, однако, в заключение говорит, что «для тех, кто имеет

терпение выслушать его, Чехов исполнен глубокой содержательности и правды. Пьеса пронизана нежной блеклой красотой и юмором» [61].

С суждением Аткинсона согласился Старк Янг. Он нашел, что эту пьесу ставить труднее, чем «Три сестры» и «Вишневый сад», что большая часть высказываний героев и в значительной мере вся атмосфера пьесы трудно постижима для нерусской аудитории. Он отметил, что характер самого дяди Вани более чужд американскому восприятию, нежели характер любого действующего лица из «Вишневого сада» или «Чайки»,— из пьес, которые он назвал «более доступными». Впрочем, отдельные достоинства пьесы американская аудитория могла не только понять, но и оценить. Он писал: «Удивительная безыскусственная поэтичность пьесы понятна всем — плавные переплетения линий, мягкий юмор, сквозящий в ней, несмотря на всю трагичность, ощущение безнадежности, которое вместе с тем не есть безнадежность, и, главное, чеховская тема: за всей этой лихорадочной суетой скрывается настоящая человеческая жизнь ⟨...⟩ Все эти мысли, анализы, разглагольствования, словом, все эти лирические отступления, столь частые у Чехова, каким-то образом роднят Чехова с Шекспиром» [62].

Многие из рецензентов, отмечая, что «Дядя Ваня» является наиболее трудной пьесой для американского зрителя, вместе с тем с восторгом отзываются о ее тогком комизме и нежном сострадании, которым она пронизана [63].

Новый чеховский спектакль на американской сцене появился лишь три года спустя. В марте 1933 г. Ив Ле Гальенн выступила в качестве постановщика и режиссера в «Amsterdam Theatre» («Амстердамском театре») (Нью-Йорк) со спектаклем «Вишневый сад». В главных ролях выступали: Доналд Камерон (Donald Cameron) — Лопахин, Сейер Кроули (Sayre Crawley) — Фирс, Алла Назимова — Раневская, Пол Лейсэк (Paul Leysac) — Гаев, Ив Ле Гальенн—Варя. Брукс Аткинсон лишь вскользь упомянул о постановке в связи с премьерой, однако дал ей высокую оценку [64]. Другие рецензенты характеризовали спектакль более пространно.

Может быть, самая интересная рецензия, которая представляла собой одновременно оценку самой пьесы и Чехова-драматурга, была написана Джоном Мейсоном Брауном, режиссером, театральным критиком, пишущим для газеты «New York Evening Post». Вот что писал Браун: «В отличие от большинства пьес, написанных специально для театра, как и все прочие крупные пьесы Чехова, „Вишневый сад“ можно смотреть сколько угодно раз и каждый раз со все более глубоким наслаждением ⟨...⟩ Подобно всем другим чеховским активно-пассивным драмам, пьеса живет какой-то собственной жизнью, богатой и содержательной.

Я подозреваю, что тут дело в том, что в „Вишневом саде“, как и в других своих драмах, Чехов обращается со сценой так, как ни один драматург до него с ней не обращался. Пренебрегши общепринятыми сценическими трюками девятнадцатого столетия, ⟨...⟩ он имел смелость понять, что каждый человек представляет для себя самого наиболее животрепещущую проблему ⟨...⟩ Не так легко сформулировать основную идею Чехова. Она так же сложна, как и герой, устами которого Чехов ее высказывает. Потому-то „Вишневый сад“ и расцветает заново всякий раз, когда смотришь его ⟨...⟩

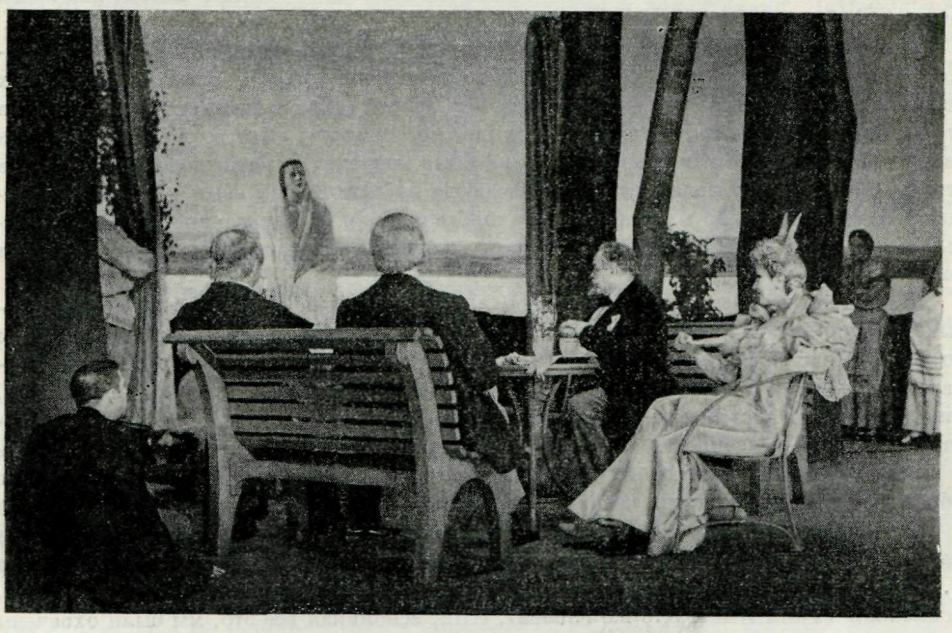
Первая постановка „Вишневого сада“, осуществленная Ив Ле Гальени еще в 1928 г., была чрезвычайно удачна ⟨...⟩ Это не был мхатовский Чехов. Сравнительно с тем, что дал Станиславский, это был Чехов третьего сорта. Вместе с тем, это был Чехов и, что еще важнее, Чехов на английском языке ⟨...⟩

Настоящая постановка — тоже еще не Чехов Станиславского. Да и никогда им не станет. Но это уже Чехов второго сорта,⟨...⟩за что мы должны быть благодарны режиссеру Ив Ле Гальенн ⟨...⟩

Мы обязаны благодарить не только Ив Ле Гальени, но и самого Чехова. Все актеры, даже те, кому достались самые маленькие роли в его пьесе, могут считать себя счастливыми. Созданные им персонажи таковы ⟨...⟩, что актерам поневоле хочется раствориться в них. До конца в них не проникнешь за одну-две репетиции, за год, за три года. У каждого из них тайна, которая раскрывается лишь тому, кто обладает достаточным мужеством, умом, талантом и упорством, чтобы до нее добраться. В них заключена возможность бесконечного развития. Не удивительно, что актеры Московского Художественного театра с удовольствием играли в пьесах Чехова двадцать лет

подряд и что Чехов занимает в современном театре такое место, какого не занимал ни один драматург» [65].

В течение последующих пяти лет Чехова на сцене не ставили, хотя, как уже упоминалось, в это время вышло несколько изданий его пьес. В марте 1938 г. в Балтиморе состоялась премьера «Чайки» в новом переводе Старка Янга. Здесь впервые прославленный актерский дуэт — Лин Фонтэн и Альфред Лант (Lynn Fontanne, Alfred Lunt) выступили в ролях Аркадиной и Тригорина. В этом спектакле были заняты также: Ричард Уорф (Richard Whorf) — Треплев, Сидни Гринстрит (Sydney Greenstreet) — Сорин, Юта Хейген (Uta Hagen) — Нина, Маргарет Уэбстер (Margareth Webster), и актриса и одновременно режиссер, — Маша. После десяти спектаклей в Балтиморе труппа выступала в Нью-Йорке, на Бродвее, в «Schubert Theatre». Пьеса вызвала



«ЧАЙКА» НА АМЕРИКАНСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 1-го АКТА)
Постановка Маргарет Уэбстер в «Schubert Theatre», Нью-Йорк, 1938 г.

несколько рецензий, посвященных как постановке, так и новому переводу, сделанному Старком Янгом. И на этот раз первым откликнулся Брукс Аткинсон. Он раскритиковал Лин Фонтэн за то, что она «внесла дешевку в образ Аркадиной своей назойливой и чересчур развязной игрой». По его мнению, постановка не раскрывает тонкого аромата чеховской пьесы и лишь поверхностно передает ее содержание [66].

Джон Мейсон Браун, которому постановка в целом понравилась, согласился с Аткинсоном, критикующим трактовку роли, предложенную Лин Фонтэн [67].

Критик Гринвил Вернон (Greenville Vernon) говорит о присущем Чехову мастерском владении диалогом и о чеховском приеме подтекста (не употребляя этого специфического термина), отмечая, что за чеховским диалогом скрыт «триумф невысказанного <...>, непроизнесенный диалог». Называя Чехова одним из немногих современных драматургов, «которым дано это волшебное свойство», он пишет, что «во всей драматургии, написанной на английском языке, только в пьесах ирландских драматургов, да иногда у О'Нейла и Андерсона можно встретить подобный диалог с двойным смыслом» [68].

Почти все критики отметили новый перевод Старка Янга и его выгодное отличие от более ранних переводов Констанс Гарнетт, на которые стали уже смотреть как на

одно из препятствий, помешавших американским актерам и зрителям оценить по достоинству чеховские шедевры *. Так, Брукс Аткинсон замечает, что «долгое время после его <Чехова> смерти <...> театр в странах английского языка не был в состоянии понять его метода <...> В его терпеливой объективности мы видели просто путаницу <...> В прошлых наших заблуждениях частично виноваты плохие переводы (теперь благодаря превосходным переводам мистера Янга положение это изменилось)» [69].

Эдит Айсэкс писала в «Theatre Arts»: «Между Чеховым и нами <...> долгое время существовала еще одна, мнимая, пропасть, созданная неудачным переводом. Она более не существует благодаря новому переводу, представленному специально для этой постановки Старком Янгом; он пытается как можно проще и буквальней передать точный смысл чеховского слова, одновременно сохраняя свободное дыхание чеховского сценичного ритма, который является таким же важным элементом пьесы, как и сам текст <...>»[70]

Интерес представляют также заметки самого Старка Янга по поводу своего перевода. В предисловии к более позднему изданию чеховских пьес[71] Янг говорит о своих переводах и сравнивает суровую красоту чеховского стиля с цветистыми переводами его на английский язык, которые до сих пор преобладали: «Изо всех драматургов на свете к Чехову менее чем к кому бы то ни было подходит та разношерстная путаница стилей, которую ему навязывают при переводе на английский язык,— то замысловатый, то возвышенный, или мрачно-психологичный, или напыщенно-экзальтированный, или совсем уже плоский, в котором не ощущается поэтичности или выпадает юмор <...>»

Последняя чеховская постановка в 1930-е годы была осуществлена группой молодых актеров, так называемыми Surry Players, которые поставили «Три сестры». Судя по убийственно-остроумной рецензии Дж. М. Брауна, постановка эта полностью провалилась: «Surry Players не только не подняли Чехова к высотам, „где парит искусство", они даже не удосужились прочитать его в „кухне жизни" <...> Только при четком понимании взаимосвязанности частей, только при режиссере, который способен понять и выявить скрытый замысел, если режиссеру в этом помогают актеры, умеющие строить образ изнутри, только тогда чеховские пьесы на сцене не покажутся путаными <...>

Большинство из нас <...> невольно вспомнили достоинства постановки той же пьесы, сделанной мисс Гальенн, вспомнили Американский Экспериментальный театр <...>, вспомнили великие и незабываемые чудеса мхатовских спектаклей, а главное, вспомнили самый текст. Кто же виноват, если, вспоминая все это, мы были охвачены чувством негодования?»[72].

4

В 1940-х годах можно отметить относительную вялость в издании чеховских произведений, а также и работ о Чехове. В течение этого десятилетия издан всего лишь один сборник рассказов [73], но ни один из помещенных в нем переводов не явился новым для американского читателя. Также сократилось число отдельных рассказов, печатающихся в периодической прессе: в 1930-е — их было тринадцать, в 1940-е годы — всего шесть[74]. Вышло два сборника пьес [75] в старых переводах и один сборник [76] — довольно увесистое издание, в которое вошло двадцать девять рассказов и повестей, «Медведь», «Вишневый сад» и девятнадцать писем. Значительным событием этого десятилетия явился выход в свет пьес Чехова «Три сестры» и «Вишневый сад» в новом переводе Старка Янга[77]. Был также издан сборник, в который вошли избранные письма Чехова, его записные книжки за 1892—1904 гг. и дневники с 1896 по

* Отрицательные суждения Т. Виннера и других американских критиков о переводах К. Гарнетт противоречат установившейся в Англии ее репутации одного из лучших переводчиков прозаических произведений русских писателей. Возможно, что неудовлетворенность в США переводами К. Гарнетт следует объяснить ставшим уже значительным расхождением двух ветвей английского литературного языка — собственно английской и американской. Нужно также иметь в виду, что с течением времени переводы художественных произведений стареют, что, очевидно, произошло и с переводами Гарнетт. — *Ред.*

1903 г.[78] Кроме того, чеховские произведения вошли в несколько антологий[79]. Монографий о Чехове за это время не появлялось, однако вышел ряд статей, в которых рассматривалась чеховская проза и драматургия[80] и, кроме того, русские материалы — работа Корнея Чуковского[81] и воспоминания Горького, Куприна и Бунина вместе с перепиской Чехова и Горького[82].

В 1940-е годы, так же, как в 1930-е, американская критика ограничивалась главным образом обсуждением чеховских пьес и рецензиями на те постановки — их было всего три,— которые были осуществлены в это десятилетие. В 1940 г. театральный критик Джон Гасснер опубликовал работу о выдающихся представителях мировой драматургии[83], в которой дает беглую характеристику чеховского метода. Гасснер указывает на глубокий оптимизм и человечность Чехова и утверждает, что Чехов отошел от концепции трагичности, принятой классиками и романтиками. Чехов, по мнению Гасснера, видит трагедию не в столкновении личностей, а в том постоянном трении и износе, которым жизнь подвергает человека, не умеющего с ней справиться. В своих пьесах он «грустит, прощаясь с жизненным укладом, полным красоты и очарования 〈...〉 Вместе с тем он сознает, что жизнь идет вперед, и признает очистительную силу за этим неизбежным процессом ломки; с каждым ударом топора, подрубающего деревья вишневого сада, созидается творческий мир будущего»[84].

Нельзя, однако, сказать, чтобы Гасснер, при всем своем восхищении драматургическим мастерством Чехова, сумел подобрать ключ к его пониманию.

В этом же десятилетии появилась еще одна работа, в ней мы находим более глубокое проникновение в суть эстетики чеховской драматургии. Эта работа, «Сущность театра»[85], принадлежит Фрэнсису Фергюсону и впоследствии вышла дешевым изданием[86], благодаря чему приобрела широкое распространение. Одна из глав этой книги заключает в себе разбор «Вишневого сада» и является едва ли не наиболее серьезной критической работой, посвященной чеховской драматургии, из всех, какие были до сих пор опубликованы в Америке. Фергюсон, который одновременно с работой над этой книгой руководил семинаром литературной критики в Принстонском университете, называет Чехова художником реалистической драмы в чистейшем ее виде. В заключительном своем анализе Фергюсон рассматривает реалистические пьесы и систему Станиславского как части единого творческого направления.

Свой анализ Чехова Фергюсон разрабатывает, опираясь на аристотелевскую эстетику, пользуясь ее терминологией и применяя ее концепции к искусству современной драматургии. Выбрав из «Вишневого сада» одно явление, он подвергает его подробнейшему разбору, причем в поле его зрения попадают не только действие и диалог, но и все авторские ремарки и указания. «Полная свобода от механической интриги, от рассудочной последовательности,— заключает Фергюсон,— доказывает совершенство чеховского реалистического искусства, в то время как эпизоды, кажущиеся случайными, на самом деле являются результатом тонкого и сознательного мастерства»[87].

Анализируя структуру пьесы, Фергюсон обращает внимание на особый прием, к которому прибегает Чехов,— в основу каждого действия класть какое-нибудь торжественное событие (встречи, проводы, юбилеи), вовлекающее так или иначе всех действующих лиц; прием, как замечает Фергюсон, роднящий Чехова с Генри Джеймсом и служащий у обоих писателей одной и той же цели — не раздроблять внимание и не фиксировать его на частных целях того или иного героя[88].

В своем подробном разборе одного явления «Вишневого сада» Фергюсон пользуется новым переводом Старка Янга, подчеркивая высокое его качество, благодаря которому вся музыкальность и поэтичность чеховского текста впервые получили свое воплощение на английском языке[89].

Говоря о влиянии Чехова на современное искусство, Фергюсон в первую очередь называет Московский Художественный театр, в котором современный реализм нашел свое совершенное воплощение. Творчество Чехова и школа Московского Художественного театра, требующие от актера одновременно точности передачи авторского замысла и напряженной работы воображения, оказали огромное влияние на мировое искусство. Новый творческий метод, найденный МХАТ'ом, дает возможность,—

«ТРИ СЕСТРЫ» НА АМЕРИКАНСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 1-го АКТА)
Постановка Гатри Мак Клинтика в «Ethel Barrymore Theatre», Нью-Йорк, 1942 г.

говорит Фергюсон,— не только приблизиться к реализму в искусстве. Вооружившись этим методом, актер находит подход к драматургии всех времен. Кроме того, реализм Чехова несет в себе залог дальнейшего развития, «ибо приводит искусство к его исконным корням, из которых могут вырасти новые побеги» [90].

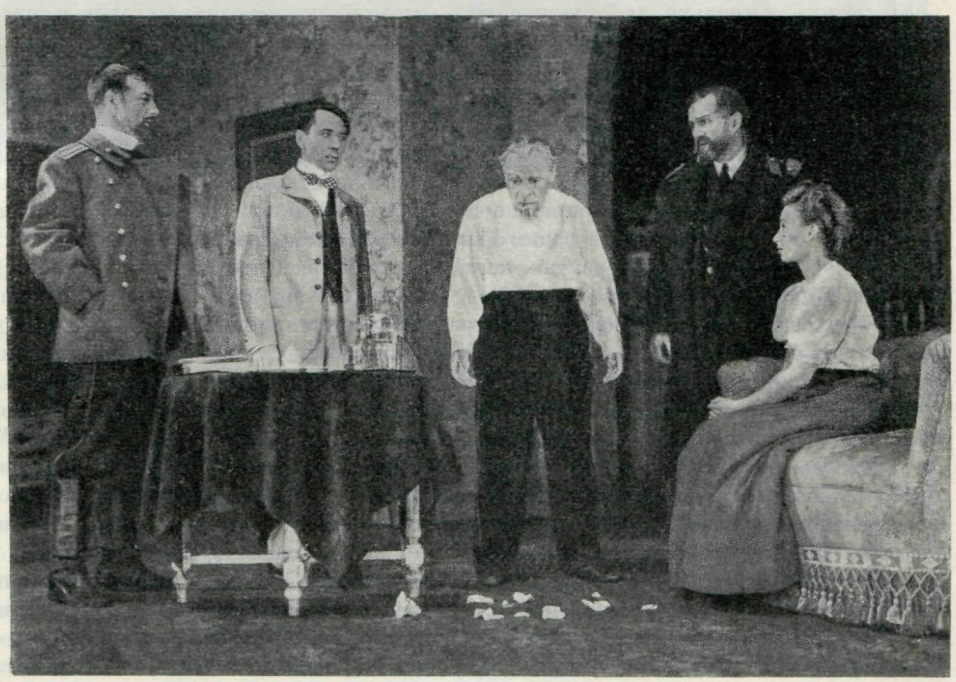
Если подход Фергюсона и страдает некоторой недооценкой интеллектуальной значимости чеховских пьес, то, с другой стороны, мы находим у него проникновенный и подлинно эстетический отклик на творчество Чехова, поэтическая красота которого нуждается в тонком художественном анализе. Такой анализ необходим, ибо помогает американскому читателю и зрителю оценить пьесы Чехова как произведения высокого искусства.

В 1942 г., через год после того, как Америка вступила в войну — режиссер Гатри Мак Клинтик (Guthrie McClintic) поставил «Три сестры». Кэтрин Корнел (Katherine Cornell) играла Машу, известная трагическая актриса Джудит Андерсон (Judith Anderson) — Ольгу. Остальные роли были распределены следующим образом: Гертруд Масгроув (Gertrude Musgrove)— Ирина, Александр Нокс (Alexander Knox) — Тузенбах, Мак Кей Моррис (McKay Morris)—Соленый, Эдмунд Гуэн (Edmund Gwenn)— Чебутыкин, Деннис Кинг (Dennis King) — Вершинин, Эрик Дреслер (Eric Dressler) — Андрей и Рут Гордон (Ruth Gordon) — Наташа. Премьера была дана в военном лагере под Нью-Йорком, в Fort Meade, где солдаты проходили военную подготовку, причем весь реквизит для спектакля был сделан руками солдат. Солдаты приняли спектакль с исключительным энтузиазмом[91]. После этого состоялась премьера в Ethel Barrymore Theatre (Нью-Йорк), вызвавшая восторженные отзывы в печати. Многие из критиков поспешили отметить элемент безнадежности, характеризующий пьесу, указывая на контраст между чеховскими героями и их потомками, которые в это время отстаивали Сталинград[92]. Уолкотт Гибб, театральный критик журнала «New Yorker», назвал спектакль «одним из художественных триумфов всего сезона», но вместе с тем высказал опасение, что для большей части американских зрителей пьеса может оказаться малопонятной из-за специфически русских проблем, в ней затронутых, и типично-русской настроенности ее[93]. Однако режиссер спектакля Мак Клинтик возражал Гиббу, говоря, что чеховские герои являются не только специфически русскими, но и «общечеловеческими типами и по существу не принадлежат одной какой-либо стране, либо эпохе»[94].

В 1944 г. на американской сцене появилась новая чеховская постановка, осуществленная Ив Ле Гальенн совместно с Маргарет Уэбстер (Margareth Webster),— «Вишневый сад»; премьера состоялась 25 января 1944 г. в National Theatre с участием Ив Ле Гальенн — Раневская. Джозефа Шилдкраут (Joseph Shildkraut) — Гаев, Стивена Шнэйбл (Stephan Schnabel) — Лопахин, Лойс Холл (Lois Hall) — Аня, Кэтрин Эмери (Katherine Emery) — Варя, А. Г. Эндрюс (A. G. Andrews) — Фирс, Эдуарда Фрэнз (Eduard Franz) — Трофимов, Рекс О'Мэли (Rex O'Malley) — Епиходов и Лины Робертс (Leona Roberts) — Шарлотта. Пьеса шла в новом переводе Ирины Скарятиной[95].

Брукс Аткинсон в первой своей рецензии, помещенной в «New York Times», называет «Вишневый сад» «пьесой побежденной эпохи в России» и хвалит постановку[96]; в следующей рецензии он отмечает, что она передает чеховский юмор[97]. Старк Янг, который три года спустя перевел эту пьесу, хвалил перевод Скарятиной, говоря, что он намного превосходит более ранние переводы, в которых «Чехов оказывается странным и суровым чудовищем, совершенно неузнаваемым для русских». Он заметил лишь, что некоторые реплики, главным образом, Гаева и Трофимова, в переводе потеряли плавность[98]. Янг нашел, что постановка, в целом превосходная, иногда грешит чрезмерным упрощением, излишними купюрами и «подчас недостаточным вниманием к драматическим акцентам». Последнее, по его мнению, является особенно досадной ошибкой, когда дело идет о чеховской пьесе, ибо «в этом суть чеховского метода. Непоследовательность и ирония идут изнутри, глубоко человечны и составляют единый поток. И внешне их надо представить, как нечто цельное, живое, бьющее ключом. Когда этого недостает в режиссерской работе, получаются слишком внезапные скачки от трагического к комическому, от комического к трагическому»[99].

Это была последняя чеховская постановка, осуществленная американцами в 1940-х годах. Однако в мае 1946 г. труппа лондонского театра Old Vic, приехавшая на гастроли в Нью-Йорк, привезла с собой спектакль «Дядя Ваня», с Лоренсом Оливье (Laurence Olivier) в роли Астрова и Ральфом Ричардсоном (Ralph Richardson) в роли Войницкого. Некоторым критикам не понравилась сама пьеса, другим—постановка.



«ТРИ СЕСТРЫ» НА АМЕРИКАНСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 3-го АКТА)
Постановка Гатри Мак Клинтика в «Ethel Barrymore Theatre», Нью-Йорк, 1942 г.

Уолкотт Гибб [100] писал, что «пьеса вряд ли избежит легкомысленной критики, ибо подчас ⟨...⟩ она воспринимается как нарочитая и злая пародия на всю русскую драматургию» с ее обескураженными героями и беспросветным пессимизмом. С другой стороны, Гибб признает, что «намерения у автора были очевидно тоже юмористические. Впрочем, если собственные герои и казались ему смешными, то только с точки зрения юмора самого мрачного, наподобие юмора Домье, когда он рисует своих изможденных». Впрочем, не все критики были согласны с этим мнением. Так, Джон Мейсон Браун похвалил английскую труппу за то, что она увидела в «Дяде Ване» трагикомедию,— а по его мнению, все крупные пьесы Чехова трагикомедии: «Облачать их в траур — на сцене ли, или в критической статье — значит ровно ничего не понять. Это значит отказать им в той широте, в том всеобъемлющем и неизменном величии их, которое и дает им право на исключительное положение в современном театре» [101].

5

В 1950-е годы в Америке наблюдается значительное оживление интереса к Чехову, отчасти вызванное пятидесятилетием со дня смерти Чехова, которое отмечалось в 1954 г. Было напечатано довольно большое количество книг и статей о Чехове; многие из его произведений, не переводившиеся ранее, были переведены на английский язык; появились новые переводы и новые постановки чеховских пьес. Совсем недавно вышли дешевым изданием три сборника основных чеховских пьес [102]. Режиссерский план постановки «Чайки», осуществленной Станиславским в Московском Художественном театре, был напечатан в переводе, сделанном английским переводчиком и биографом Чехова, Дэвидом Магаршаком (David Magarshak) [103]. За первые восемь лет истекшего десятилетия вышло пять сборников рассказов и повестей [104], а также была переиздана чеховская антология Ярмолинского [105]. Значительным вкладом в дело публикации чеховских материалов в Америке явился тщательно изданный под редакцией Лилиан Хеллман сборник избранных писем Чехова [106], несколько монографий о Чехове [107] и, кроме того, перевод воспоминаний Лидии Авиловой о Чехове [108].

Появилось несколько любопытных высказываний по поводу рассказов и писем Чехова. Эдмунд Уилсон пытается определить причину, почему Чехов представляется более трудным для восприятия читателя Запада, чем другие русские писатели. Критик утверждает, что в Англии и Соединенных Штатах Чехова читают «в определенных литературных кругах, где создался своеобразный культ его и где на него смотрят как на мастера искусства столь исключительного, столь далекого от общепринятых тем и точек зрения, что единственно, с чем можно сравнить их отношение к Чехову, это с отношением, которое царило среди определенной части публики к Генри Джеймсу в период, когда он еще не сделался одним из столпов американского пантеона ⟨...⟩. Положение Чехова с того времени, когда его стали убеждать отнестись к себе серьезно, как к писателю, имеет кое-что общее с положением Марка Твена, когда он, напечатав „Гекльберри Финна", должен был преодолевать взгляд публики на себя как на присяжного развлекателя. Некоторые из ранних чеховских рассказов— „Лошадиная фамилия", например, — имели успех такого же порядка, как твеновская „Знаменитая скачущая лягушка из Кальвераса", хотя юмор „Лошадиной фамилии" основан на психологической правде, такого порядка, какого ⟨...⟩ в „Лягушке" мы не найдем» [109].

Главное же препятствие, по мнению Уилсона, — в том, что в большинстве выходивших до сих пор изданий Чехова на английском языке (а он имеет в виду в основном переводы Констанс Гарнетт) рассказы Чехова «свалены в кучу ⟨...⟩ без указания дат, когда они написаны ⟨...⟩ без какой бы то ни было последовательности» [110].

Уилсон развивает эту мысль дальше в своем интересном предисловии к сборнику чеховских повестей и рассказов, им же и составленному: «Вот эта искаженная картина развития Чехова и является одной из причин частых жалоб английских и американских критиков на то, что они не могут понять основной тенденции Чехова. Как бы могли мы расценить творчество Марка Твена, если бы прямо вслед за „Таинственным незнакомцем" нам предложили бы читать „Знаменитую скачущую лягушку из штата Кальверас"? ⟨...⟩

Почти во всем, что писал Чехов в последние годы своей жизни (с 1894 по 1903), и в прозе, и в пьесах его ощущается желание дать анализ русского общества, создать своего рода миниатюрную „Человеческую комедию". Просматривая советское издание Чехова, где его рассказы и повести напечатаны в хронологическом порядке, приходишь к убеждению, что эта заключительная серия его начинается с рассказа, озаглавленного „Бабье царство" ⟨...⟩. В каждой из последующих его повестей мы находим изображение семьи или небольшого круга людей, типичных для какой-либо определенной социальной группы ⟨...⟩ Таким образом, если читать повести и рассказы последнего

«ЧАЙКА» НА АМЕРИКАНСКОЙ СЦЕНЕ (КАРТИНА ИЗ 4-го АКТА)
Постановка Норриса Хаутона в «Phoenix Theatre», Нью-Йорк, 1954 г.

периода вместе с поздними его пьесами, то можно получить представление об анатомической структуре русского общества конца девятнадцатого века и накануне революции 1905 года в восприятии и оценке Чехова» [111].

Разбор чеховских пьес и рассказов, главным образом с точки зрения влияния Чехова на западных писателей, можно найти в интересной книге профессора английской литературы при Колумбийском университете в Нью-Йорке — Дороти Брюстер. В своей работе [112] Брюстер рассматривает литературные взаимоотношения между Россией и Западной Европой, а также влияние Чехова на американских драматургов. По мнению Дороти Брюстер, пьесы Поля Грина и Клиффорда Одетс перекликаются с пьесами Чехова, и в качестве примера она сравнивает концовку «Потерянного рая» Одетса с финалом «Вишневого сада». «Неудивительно, что и „Дом Коннели" Поля Грина и „Потерянный рай" Одетса, изображающие упадок семьи, принадлежащей к среднему сословию, называют „чеховскими пьесами". Точнее же говоря, с тех пор, как Чехова узнали в Америке, как театры стали ставить его, а критики толковать, чеховская драма, рисующая постепенное разложение определенного сословия и отпадение традиций, с ним связанных, сделалась эталоном для американского драматурга,

имевшего возможность наблюдать подобные же явления в Нью-Йорке или на Юге» [113].

В 1954 г. по случаю пятидесятилетия со дня смерти Чехова заметки Брюстер были перепечатаны в журнале «Masses and Mainstream» [114], в том же номере, в котором шла статья советского критика В. Ермилова о Чехове [115]. Через несколько месяцев этот же журнал опубликовал статью Джона Лоусона «Драматургия Чехова — вызов драматургам» [116]. Автор дает в ней главным образом социологический анализ творчества Чехова. Лоусон утверждает, что влияние Чехова на американский театр было основано на ложном толковании Чехова как пессимиста. По мнению же Лоусона, вся чеховская драматургия основана на убеждении, что в человеке заложено стремление к общественно-полезной деятельности и что сам Чехов был настроен оптимистически относительно будущего общества, в котором человеческой личности суждено достигнуть полного расцвета. Лоусон отмечает влияние Чехова на ряд американских драматургов, в особенности на Клиффорда Одетс («Проснись и песни пой!» и «Потерянный рай») и С. Н. Бермана («Конец лета»).

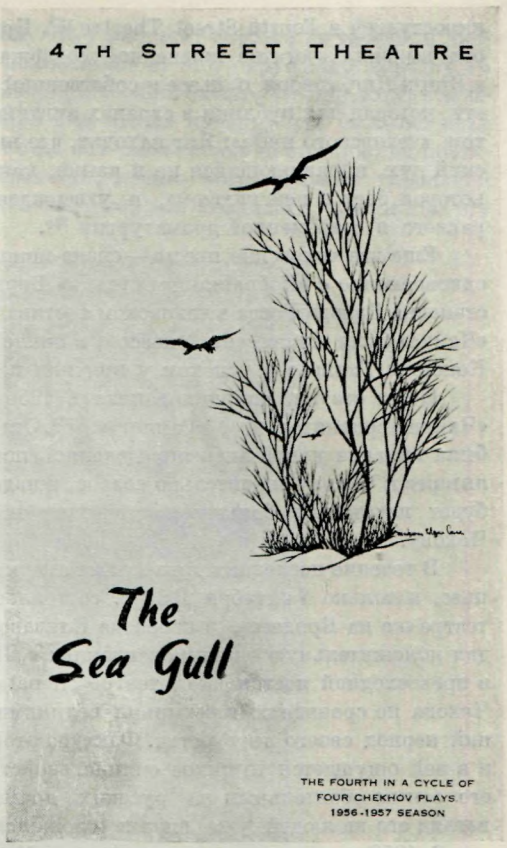
В пятидесятых годах появилось много новых чеховских постановок. 11 мая 1954 г. в нью-йоркском театре Phoenix состоялась премьера «Чайки», поставленной Норрисом Хаутон (Norris Houghton), театральным деятелем, уже много лет проявлявшим интерес к русскому театру и опубликовавшим серьезный труд о советском театре 1930-х годов. Перед спектаклем Норрис Хаутон заявил, что в своей постановке он пытался дать американскому зрителю новую трактовку пьесы, основанную на трактовке Магаршака [117], не той, что была общепринята на английской и американской сцене, а также в ранних постановках Московского Художественного театра, где Чехова понимали как пессимиста, а пьесы его — как трагедии. Традиционное деление на трагедию и комедию,— сказал Хаутон,— неприменимо к «Чайке», ибо она не принадлежит ни к тому, ни к другому жанру. «Она соткана из той же материи, что и сама жизнь. И как в жизни, в ней смех и слезы распределены более или менее поровну» [118].

Брукс Аткинсон, рецензировавший спектакль, не дал особенно высокой оценки игре актеров, зато пришел в восторг от самой пьесы, сравнивая ее с «Гамлетом» по силе выражения общечеловеческих свойств, по изображению «нерешительности и морального паралича, поразившего современного человека» [119]. Многие критики, впрочем, остались недовольны трактовкой, предложенной Хаутоном; так, Джон Мейсон Браун нашел, что в этой постановке отсутствует связность и пропадают тонкие чеховские нюансы [120], а Уолкотт Гибб назвал постановку «собранием причудливо враждующих между собой стилей», производящим подчас впечатление «чудовищной пародии» [121].

Может быть, наиболее чуткая и значительная оценка пьесы принадлежит перу Джона Мейсона Брауна, который писал: «Надо полагать, что в жизни люди никогда не говорят, как чеховские персонажи. Хотя фразы, которыми они обмениваются, встречаются и в обыденной речи, в пьесе они служат иным целям и строятся по иному плану. Глазом клинициста Чехов схватывает все, что лежит на поверхности, однако интересует его лишь то, что скрыто в глубине. Реализм на сцене всегда был иллюзией. Когда Чехов стал к нему прибегать, реализм сделался иллюзией иллюзии. Собственно говоря, он преобразовался в новую форму ⟨...⟩ Реализм этот был нов и по самим явлениям, которые вскрывались, и по подходу к ним, он был новым по заключенной в нем поэзии, маскировавшейся под прозу; нов по стилю и масштабам» [122].

В 1955 г. в одном из театров «не на Бродвее» открылся «чеховский цикл». Режиссер Дэвид Росс (David Ross) использовал переводы Старка Янга, задумав этот цикл как своего рода чеховский фестиваль, в котором он намеревался нанести удар тому, что он называл «американской чеховской традицией», т. е. взгляду на пьесы Чехова, как на «драму, насыщенную кисло-сладким русским мраком ⟨...⟩ с непременным добавлением высокой символики, обычно недоступной пониманию публики» [123]. Цикл открылся 25 февраля новой постановкой «Трех сестер». Брукс Аткинсон писал, что и пьеса, и постановка, и новый перевод, который ему понравился, показывают «чеховское отношение к жизни, легковесность иллюзий, бездейственность, победу буржуазного цинизма над дворянской деликатностью, пустоту расплывчатых мечтаний о будущем, бессмысленность дворянского кодекса чести, жестокость бездумных общественных отношений

«ЧАЙКА»
Программа спектакля в «4-th Street Theatre», Нью-Йорк, 1956—1957 гг.



〈...〉 И вместе с тем у Чехова было представление о том, какой прекрасной могла бы быть жизнь, если бы люди научились думать» [124].

Эрик Бентли (Eric Bentley), профессор драматической литературы в Колумбийском университете, давший рецензию на постановку в журнале «New Republic», пришел в восторг от самой пьесы: «Современность не знает более прекрасной пьесы, чем „Три сестры“ 〈...〉 О Чехове можно сказать, как о Шекспире, что он был человеком „открытой и щедрой души“ — а такую формулу никому не пришло бы в голову применить ни к нашим второстепенным драматургам, ни даже к таким, как Ибсен и Стриндберг. Чехов представляется мне единственным настоящим демократом среди крупных современных драматургов 〈...〉 Мне кажется, что изо всех них один он умел вкладывать в изображение „маленьких людей“ глубокую, романтическую и страстную любовь к ним, а следовательно, относиться к ним без явного, а также и без косвенного презрения, которое так часто принимает форму абстрактного догматического восхищения ими» [125].

Вслед за постановкой «Трех сестер» был поставлен «Вишневый сад» с новым составом актеров. Брукс Аткинсон дал высокую оценку постановке, а также новому переводу Старка Янга, отмечая как достоинство отсутствие в переводе архаизмов и говоря, что Росс «лучше, чем кто-либо другой, способен освободить Чехова от риторики» [126]. Эрик Бентли не согласен с Аткинсоном, ему кажется, что постановка искажает текст и не передает нюансов и что из-за этих двух недостатков спектакль оказался «стихийным бедствием» [127].

1956 год начался спектаклем «Дядя Ваня» в переводе Янга и постановке Дэвида Росса; спектакль этот был продолжением чеховского фестиваля. Премьера состоялась 31 января и пьеса не сходила со сцены до июля того же года включительно. Постановка была экранизирована под руководством Мэрион Парсонет (Marion Parsonnet) в Лонг Айленд Сити, так что актеры, занятые в спектакле, все это время метались между

киностудией и Fourth Street Theatre [128]. Брукс Аткинсон хвалил постановку за то, что она выявила «богатое жизненное содержание» и высокий юмор пьесы Чехова [129], а Старк Янг, говоря о пьесе и собственном переводе, подчеркивал отсутствие мрачности, которая для публики в странах английского языка являлась непременным элементом «чеховского мифа»; Янг находит, что пьесе в известном смысле присущ шекспировский дух, проявляющийся не в языке, каким она написана, а «в жизнерадостности, которая бьет в ней ключом», и утверждает, что чеховское мастерство не имеет себе равного в современной драматургии [130].

Еще две чеховские пьесы — сцена-монолог «О вреде табака», которую показывали одновременно с «Избранником судьбы» Бернарда Шоу [131], и «Чайка» — последняя постановка Дэвида Росса в чеховском фестивале — были показаны в Нью-Йорке в 1956 г. «Чайка» была единственной пьесой, в цикле постановок Росса, которая шла в переводе Констанс Гарнетт и успехом у критики не пользовалась [132].

Наша статья, опубликованная в 1956 г., посвящена исследованию композиции «Чайки» сравнительно с «Гамлетом» [133]. Эта статья является критическим этюдом и не была вызвана какой-либо определенной постановкой пьесы. В академических кругах интерес к Чехову значительно возрос, и надо ожидать, что в скором времени в Америке будет печататься больше критических и исследовательских трудов, посвященных Чехову.

В течение последних двух лет на американской сцене не шла ни одна из чеховских пьес, и только 7 октября 1958 г. состоялась премьера новой постановки «Иванова» в театре «не на Бродвее», в переводе Елизаветы Фен (Elizaveta Fen). Брукс Аткинсон дал положительную оценку спектаклю: «„Иванов“, которого мы смотрели во вторник в превосходной постановке в театре „Renata“, принадлежит к второстепенным пьесам Чехова по сравнению с четырьмя великими пьесами, которыми он заключил последний период своего творчества. Фактура этой пьесы грубее, стиль менее изыскан. Но и в ней ощущается то тихое сияние, свойственное чеховским пьесам, которые делают его самым обаятельным из русских драматургов. К 1887 году, когда он писал ее, взгляд его на людей уже вполне сложился» [134].

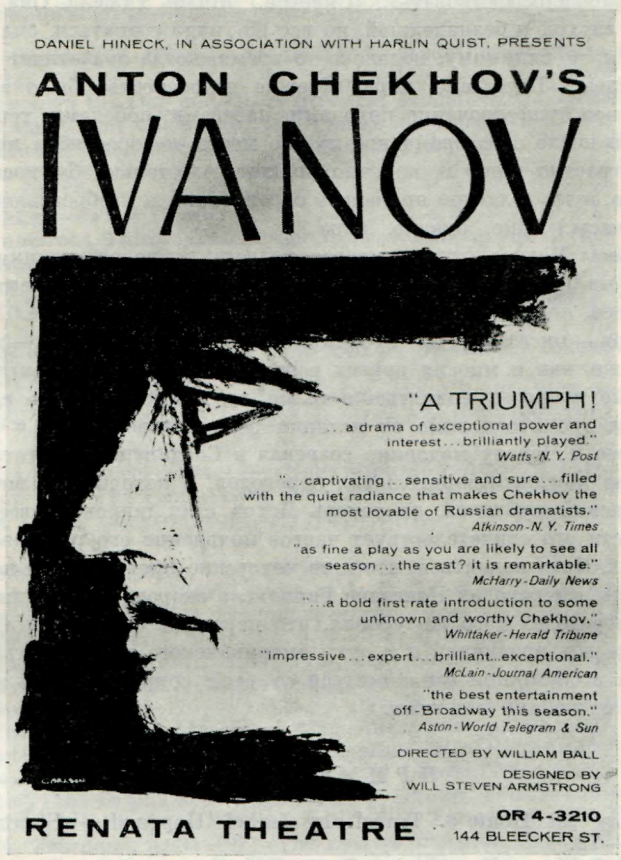
В 1958 г. появилась статья Артура Миллера «Тени богов, критический обзор американского театра», помещенная в «Harper's Magazine». В ней автор высказывает ряд интересных мыслей о драматургии Чехова:

«Трудно представить себе драматурга, у которого не вызвало бы зависти одно свойство чеховских пьес. Свойство это — чувство равновесия (balance). В этом Чехов, по-моему, ближе к Шекспиру, чем кто бы то ни было другой. Неизбежные искажения, вызываемые самой природой театра с его условно-сжатым временем сценического действия, у Чехова не так бросаются в глаза, у него меньше подтасовки, меньше боязни показаться смешным, меньше боязни пафоса. Его художественная манера полна мягкости, он смотрит на мир взглядом добрым, настолько добрым, что наш театр принял его за какого-то сентиментального добряка, пишущего элегические постскриптумы уходящей эпохе. Чехов пишет о своих героях так, словно он с ними кровно связан, но в этом смысле он, надо сказать, не является исключением среди русских писателей и, отмечая эту его особенность, необходимо одновременно уметь отделять Чехова от его героев.

Чехов приобретает особое значение для нас потому, что его именем пользуются для борьбы с двумя полярно-противоположными направлениями театральной мысли. Иным, — таким, как Уолтер Керр, например, — кажется, что Чехов вдохновляет на преувеличенный самоанализ, даже на жалость к самим себе. Тем, кто придерживается такой точки зрения, Чехов представляется поэтом бездействия, упорного самокопания, мрачного уныния. В 30-е годы многие из „левых“ осуждали его за отсутствие боевого духа. Чехова отождествляли с его героями.

Я думаю, что пьесы его останутся. Однако как образец для подражания он для нас так же бесполезен, как фрачная пара и конный экипаж. Мы живем в эпоху гораздо более жесткую, чем эпоха Чехова, и стремиться воссоздать чеховское мироощущение — значит искажать свое собственное. Главное же, на мой взгляд, это то, что жизнь его героев со всеми их злоключениями проходит на фоне определенного жизненного

уклада, причем герои отдают себе отчет в том, что уклад этот обречен на гибель, и личную свою судьбу воспринимают как нечто неотделимое от этого крушения дорогих им традиций. Правы они или нет, объективно говоря, неважно; важно, что они могут вспомнить время, когда кучер был молод и доволен тем, что он кучер, когда была большая семья, пустившая корни глубоко в землю, когда все члены семьи постепенно на протяжении медленно текущих лет достигали зрелости, время, когда жизнью управляли человеческие отношения. А теперь — если позволено, для краткости, свести всю эту



«ИВАНОВ»
Афиша спектакля в «Renata Theatre», Нью-Йорк, 1958 г.

сложную ситуацию к схеме — теперь вишневый сад вырубается агентом по недвижимому имуществу и очень может быть, что агент — славный малый, но земля все-таки нужна для дела. Ближе всех в трактовке темы крушения традиционных устоев подошел к Чехову Теннеси Уильямс. Его герой — эмигрант и бродяга — возвращается с плантации в нашу цивилизацию лет через 80 после уничтожения самой плантации. Мы не можем воспроизводить Чехова ⟨...⟩ хотя бы потому, что для нас давно прошло то время, когда мы верили, что экономическая необходимость должна подчиняться человеческим взаимоотношениям. То, что во времена Чехова еще вызывало ожесточенную борьбу, для нас перестало существовать как проблема. Мы считаем — или, во всяком случае, это у нас само собой подразумевается, — что всякий раз, когда человеческие отношения вступают в конфликт с необходимостью, победа — не только неизбежная, но и желанная с точки зрения общественного прогресса, — выпадает на долю необходимости.

Главное, что мне хотелось бы подчеркнуть, говоря о нашем театре,— сводится к тому, что в то время как чеховское умение проникнуть во внутренний мир своих героев безгранично, в то время, как интерес свой он сосредоточивает прежде всего на их духовной жизни, его широкий взгляд художника простирается далеко за пределы индивидуальной психологии героев. Вот, например, монолог — один из многих, которые никак не вяжутся с распространенным мнением, будто в чеховских пьесах самое главное — реалистические портретные характеристики и углубленный самоанализ. Вершинин в „Трех сестрах" говорит (действ. 4): „Что же еще вам сказать на прощание? О чем пофилософствовать?.. (Смеется.) Жизнь тяжела. Она представляется многим из нас глухой и безнадежной, но все же, надо сознаться, она становится все яснее и легче, и, по-видимому, недалеко то время, когда она станет совсем светлой. (Смотрит на часы.) Пора мне, пора! Прежде человечество было занято войнами, заполняя все свое существование походами, набегами, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить; человечество страстно ищет и, конечно, найдет. Ах, только бы поскорее! (Пауза.) Если бы, знаете, к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие. (Смотрит на часы.) Мне, однако, пора..."

Словом, пьесы Чехова отнюдь нельзя назвать психологическими этюдами. Они выражают весьма критическую точку зрения, точку зрения, характеризующую не только его героев, но и социальную среду, в которой они живут (...)

Когда Чехов — писатель, чья субъективность стала легендой,— заставляет Вершинина — так же, как и многих других героев своих пьес,— объективно рассматривать социальные вопросы, поднятые в пьесе, он просто-напросто следует великой традиции. Искусство неотделимо от истории рода человеческого...» [135].

Если интерес к Чехову медленно созревал в Соединенных Штатах — в большой степени по вине неудовлетворительных переводов, в которых он впервые предстал перед американской публикой, то теперь Чехов стал широко известен в Америке и о популярности его свидетельствует частое появление его рассказов и пьес в дешевых изданиях. Надо надеяться, что и те чеховские произведения, которые имеются до сих пор лишь в переводах Констанс Гарнетт, в скором времени появятся в более совершенных переводах того же уровня, что переводы Старка Янга, которые одновременно ближе и к оригиналу и к духу американского языка. Тогда американские читатели будут в состоянии ознакомиться со всей сокровищницей искусства Чехова, которое уже любимо многими.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Philosophy „at Home"». Transl. by Isabel Hapgood.— «Short Stories», 1891, October, p. 64—72.

[2] «Fugitive Coffins». Transl. by Grace Eldredge.— «Short Stories», 1902, July p. 50—53.

[3] «Sleepy-eye».— «Cosmopolitan Magazine», 1906, v. 41, p. 151—156.

[4] «A Work of Art; the Story of a Gift». Transl. by Archibald J. Wolfe.— «Short Stories», 1906, January, p. 53—56.

[5] «A Terrible Night».— «Current Literature», 1907, v. 42, p. 112—114.

[6] A. C a h a n. The Younger Russian Writers.— «Forum», 1899, September, v. 28, p. 119—128.

[7] A. C a h a n. The Mantle of Tolstoy.— «The Bookman» (N. Y.), 1902, v. 16, p. 328—333.

[8] R. E. C. L o n g. Anton Tchekhoff.— «Living Age», 1902, № 234, p. 720—732.

[9] «The Cherry Garden, a Comedy in Four Acts». Transl. from the original Russian by Max S. Mandell. New Haven, Connecticut, 1908.

[10] «A Bear, a Comedy in One Act». Transl. by Roy Temple House. N. Y., 1909.

[11] «Plays. First series». Transl. from the Russian, with an introduction by Marian Fell. N. Y., C. Scribner's Sons, 1912.

[12] «The Seagull». Transl. by Fred Eisemann.— «Poet Lore», 1913, v. 24, p. 1—2.

[13] «A Marriage Proposal». Transl. by Hilmer Bankage and Barrett Clark. N. Y., S. French, 1914.

[14] «Stories of Russian Life». Transl. by Marian Fell. N. Y., Scribners, 1915; «Russian Silhouettes. More Stories from Russian Life». Transl. by Marian Fell. N. Y., Scrib-

ners, 1915; «The Bet and Other Stories». Transl. by S. Koteliansky and J. M. Murray. Boston, J. W. Nice & Co, 1915; «The Kiss and Other Stories». Transl. by R. E. C. Long, N. Y., I. A. Stoker Co, 1915.

[15] «The Boor». Transl. by Hilmar Bankage. N. Y., S. French, 1915. <Словом «The Boor» — грубиян — в переводе озаглавлена пьеса-шутка «Медведь».>

[16] «The Steppe and Other Stories». Transl. by Adeline Lister Kay. N. Y., Scribners, 1916; «The Darling and Other Stories». Transl. by Constance Garnett. N. Y., McMillan, 1916; «The Black Monk and Other Stories». Transl. by R. E. C. Long. N. Y., F. A. Stokes Co, 1916; «The Duel and Other Stories». Transl. by Constance Garnett. N. Y., McMillan, 1916.

[17] «Plays. Second Series». Transl. with introduction by Julius West. N. Y., Scribners, 1916.

[18] «On the Highways». Transl. by David A. Modell.— «Drama» (Chicago), 1916, № 22, p. 294—322.

[19] «The Lady with the Dog and Other Stories». Transl. by C. Garnett. N. Y., McMillan, 1917; «The Party and Other Stories». Transl. by Garnett. N. Y., McMillan, 1917; «Rotchild's Fiddle and Other Stories». N. Y., Boni and Liveright, 1917; «The House with the Mezanine and Other Stories». Transl. by S. S. Koteliansky and Gilbert Cannan. N. Y., Scribners, 1917.

[20] «Dushitchka».— «The Pagan» (N. Y.), 1917, v. 2, № 5, p. 3—11.

[21] «Nine Humorous Tales». Transl. by Isaac Goldberg and Henry T. Schnittkind. Boston, The Stratford Co, 1918; «The Witch and Other Stories». Transl. by C. Garnett. N. Y., McMillan, 1918; «The Wife and Other Stories». Transl. by C. Garnett., N. Y., McMillan, 1918; «The Bishop and Other Stories». Transl. by C. Garnett. N. Y., McMillan, 1919.

[22] Robert B i r k m e y e r. The New Letters of Anton Tchekov.— «Fortnightly Review» (N. Y.), 1919, new series, v. 105, p. 434—445.

[23] «Plays by Anton Tchekoff».— «The Nation», 1912, v. 95, 21 November, p. 482.

[24] Neith B o y c e. Tchekov's Plays.— «Harpers Weekly», 1913, 27 December, p. 22—23.

[25] G. B. K i n g. Three Sisters.— «New Republic», 1916, 8 July, p. 206—208.

[26] См. обзор P. L i t t l e. — «New Republic», 1916, 17 June, p. 175.

[27] G. B. K i n g. Chekhov's «Cherry Orchard».— «New Republic», 1915, 26 June, p. 207.

[28] «New York Times», 1917, 9 September, p. 22.

[29] R. B i r k m e y e r e. New Letters of A. Tchekov.—«Living Age», 1919, 12 April.

[30] «The Bet».— «The Golden Book Magazine», 1925, v. 1, May, p. 651—654; «The Slanderer».— Ibid., 1925, v. 1, March, p. 437—438; «Darling».— Ibid., 1926, v. 4, July, p. 61—66; «Happy Man».— Ibid., 1926, v. 3, June, p. 845—847; «Big Volodia and Little Volodia».— «Living Age», 1927, 15 November, p. 910—917; «Happy Ending».— Ibid., 1928, v. 7, February, p. 168—170; «Vanka». — «World Review», Mt. Morris, Illinois, v. 7, № 3, p. 41; «The Kiss».— «Golden Book Magazine», 1929, v. 10, July, p. 27—34.

[31] «The Notebooks of Anton Tchekov, together with Reminiscences of Chekhov by Maxim Gorky». Transl. by S. S. Koteliansky and Leonard Woolf. N. Y., 1921; «Letters on the Short Story, the Drama and Other Literary Topics». Select. and ed. by L. S. Friedland. N. Y., 1924; «Letters about Plays and Players». Transl. by L. S. Friedland.— «Theatre Arts», 1924, February, p. 91—97; «The Letters of Anton Pavlovich Tchehov to Olga Leonardovna Knipper». Transl. by C. Garnett. N. Y., 1925; «The Life and Letters of Anton Tchekhov». Transl. and ed. S. S. Koteliansky and Phillip Tomlinson. N. Y., 1925.

[32] Selected Works. N. Y., 1929.

[33] «Uncle Vanya». Transl. by F. A. Saphro.— «Poet Lore», 1922, September, p. 317—361; «Ivanoff». Transl. by Marian Fell. N. Y., 1923; «Tobacco Evil». Transl. by H. J. Forman.— «Theatre Arts», 1923, January, p. 77—82; «The Boor». Transl. by H. Bankage.— «Golden Book Magazine», 1925, November, p. 654—660; «The Wood Demon». Transl. S. S. Koteliansky. N. Y., 1926.

[34] «Plays from the Russian». Transl. C. Garnett. 2 vols. N. Y., 1924; «The Moscow Art Theatre. Series of Russian Plays», ed. Oliver Sayler, v. 5 («Cherry Orchard», «Three Sisters», «Uncle Vanya»). Transl. Jenny Covan N. Y., 1922.

[35] W. G e r h a r d i. Anton Chekhov, a critical study. N. Y., 1923.

[36] John C o r b i n.— «New York Times», 1923, 30 January, p. 12.

[37] John C o r b i n.— «New York Times», 1923, 23 January.

[38] Stark Y o u n g. Tea with Madame Tchehov.— «New Republic», 1923, 23 May, p. 343—344.

[39] A. K a u n. Chekhov's Smile.— «Bookman», 1923, March.

[40] Ср. Brooks A t k i n s o n.— «New York Times», 1926, 27 October, p. 1; 1926, November, отд. VIII, p. 1.

[41] J. W. K r u t c h. The Greatness of Chekhov.— «Nation», 1928, 31 October, p. 461.

[42] «Quoted in Literary Digest».— «New York Times», 1928, 8 December, p. 27.

[43] «Catholic World», 1929, № 128, p. 79—80.

[44] Попытки Ив Ле Гальенн не увенчались успехом, и в США до сих пор практикуется система, при которой театр играет одну и ту же пьесу в течение целого сезона, иногда даже дольше, после чего ставит следующую.

[45] «New York Times», 1929, 17 November, p. 34.

[46] «Nation», 1929, 2 October, p. 366—367.

[47] I. W. K r u t c h. Tragic Comedy of Chekhov.— «Nation», 1929, 22 May, p. 626—627.

[48] «New Republic», 1929, 9 October, p. 205.

[49] «Nation», 1920, 10 June, p. 48.

[50] C. W i l l i a m s o n. The Ethics of Three Russian Novelists.— «The International Journal of Ethics», 1925, № 35.

[51] W. L. P h e l p s. The Life and Art of Chekhov.—«The Yale Review», 1922, № 11.

[52] R. L i t t e l l. Chekhov. Miscellany.— «New Republic», 1927, 22 June, p. 124—125.

[53] P h e l p s. Life and Art of Chekhov.— «The Yale Review», 1922, № 11.

[54] R. M. L o v e t t. Tchekhov.— «New Republic», 1925, 4 November, p. 286—287.

[55] Отдельные рассказы: «The Bet».— «The Mentor», 1930, April, p. 44—46; «The Safety Match».— «Golden Book Magazine», 1930, May, p. 40—49; «Naughty Boy». — Ibid., 1931, April, p. 56—57; «Second Bet».— Ibid., 1931, August, p. 15—17; «A Work of Art».— Ibid., 1931, December, p. 402—404; «Lottery Ticket».—Ibid., 1932, April, p. 312—315; «The Chorus Girl».—Ibid., 1932, August, p. 113—116; «Trifle from Life».—Ibid., 1933, September, p. 235—238; «First Class Passenger».— Ibid., 1933, February, p. 131—136; «Kalkhas».— «American Mercury», 1934, August, p. 394—397; «Requiem».— «Golden Book Magazine», 1934, August, p. 303—306; «Sleepy».— Ibid., 1934, December, p. 709—714; «Zinotchka».— Ibid., 1935, April, p. 331—334. Сборники рассказов: «The Stories of Anton Tchekov». N. Y., Modern Library, 1932; «Tales from Chekhov». Transl. C. Garnett. N. Y., 1938.

[56] Отдельные пьесы: «The Proposal».—«Golden Book Magazine», 1931, February, p. 70—75; «The Cherry Orchard». Transl. Hubert Butler. Boston, Baker International Play Bureau, 1934; «The Seagull». Transl. Stark Young. N. Y., 1939. Сборники пьес: «Plays of Anton Tchekhov». Transl. C. Garnett. N. Y., Modern Library, 1930; «Plays». N. Y., 1935; «Cherry Orchard and Other Plays». N. Y., 1936; «Plays and Stories». N. Y., 1938; «Five Famous Plays». Transl. by Marian Fell. N. Y., 1939.

[57] N. N. T o u m a n o v a. Anton Chekhov. The Voice of Twilight Russia. N. Y., Columbia Univ. Press., 1937.

[58] «New York Times», 1930, 9 January, p. 22.

[59] Ср. «New York Times», 1930, 21 July, 20 : 2 (в этом условном обозначении первая цифра указывает страницу, вторая — столбец); 1930, 21 September, 30 : 3; 1903, 16 November, отд. VIII, 2 : 3—4.

[60] «New York Times», 1930, 18 November, 28 : 7.

[61] «New York Times», 1930, 16 April, 26 : 5—6.

[62] «New Republic», 1930, 30 April, p. 299—300.

[63] Ср. «Commonweal», 1930, 30 April; «Catholic World», 1930, June.

[64] «New York Times», 1933, 7 March, 20 : 4.

[65] John Mason B r o w n.—«New York Evening Post», 1933, 18, 20 March (cited in B r o w n. Two on the Aisle. Ten Years of the American Theatre in Performance. N. Y., 1938, p. 84—88).

[66] «New York Times», 1938, 29 March, 19 : 2.

[67] «New York Evening Post», 1938, 2 April (cited in B r o w n. Two on the Aisle . . ., p. 240—241).

[68] «Commonweal», 1938, 15 April, p. 692.

[69] «New York Times», 1931, 3 April, отд. XI, 1 : 1—2.

[70] Edith J. R. I s a a c s.—«Theatre Arts», 1938, May, p. 327—328.

[71] «Best Plays by Chekhov». Transl. and with introd. by Stark Young. N. Y., Modern Library, 1956, p. VIII—XI.

[72] John Mason B r o w n.—«New York Evening Post», 1939, 16 October.

[73] «Selected Tales». Transl. by Constance Garnett. N. Y., McMillan, 1948.

[74] «The Bet».—«South Atlantic Quarterly», 1941, v. 40, № 4, p. 397—400; «The Night before the Trial». Transl. Anna Heifetz.—«American Mercury», 1946, December, p. 684—688; «The Siren». Transl. A. Yarmolinsky.— Ibid., 1947, March, p. 354—358; «An Encounter». Transl. A. Yarmolinsky.— «Tomorrow», 1947, v. 9, № 11, p. 12—17; «At the Mill». Transl. A. Yarmolinsky.— «Chicago Jewish Forum», 1947, v. 5, № 4, p. 245—248; «A Lottery Ticket». Transl. B. G. Guerney.—«Encore», v. 12, № 64, p. 70—73.

[75] «The Plays of Anton Chekhov». Transl. by C. Garnett. N. Y., 1946; «Six Famous Plays». Transl. Julius West and Marian Fell. N. Y., 1949.

[76] «The Portable Chekhov», ed. and with introd. by A. Yarmolinsky. N. Y., 1947.

[77] «The Three Sisters». Transl. S. Young. N. Y., 1941; «The Cherry Orchard». Transl. S. Young. N. Y., 1947.

[78] «The Personal Papers of Anton Chekhov». N. Y., 1948.

[79] Douglas Bement and Ross M. Taylor. The Fabric of Fiction. N. Y., 1943; Cleanth Brooks and R. P. Warren. Understanding Fiction. N. Y., 1943; Whit Burnett, ed. The Sea of God. Great Stories of the Human Spirit. Philadelphia—N. Y., 1944; John Cournos, ed. A Treasury of Russian Life and Humor. N. Y., 1943; N. D. Fabricant and Heinz Werner. A Treasury of Doctor Stories. N. Y., 1946; B. G. Guerney, ed. A Treasury of Russian Literature. N. Y., 1943; Edward H. Weatherly, A. Pelzer Wagener, Edwin H. Zeydel and Avrahm Yarmolinsky, eds. The Heritage of European Literature. 2 vol. Boston, 1949; Willard H. Wright, comp. and ed. The Great Detective Stories. N. Y., 1942; A. Yarmolinsky, ed. A Treasury of Great Russian Short Stories from Pushkin to Gorki. N. Y., 1944.

[80] The Modern Short Story. A Critical Survey. London — N. Y., 1942. ‹Гл. 4: «Tchehov and Maupassant»›; John Mason Brown. Broadway in Review. N. Y. 1940.

[81] Kornei Chukovski. Chekhov the Man. Transl. by Pauline Rose. London — N. Y., 1945.

[82] «Reminiscences of Anton Chekhov, by Maxim Gorky, Alexander Kuprin and I. A. Bunin». N. Y., 1946.

[83] John Gassner. Masters of Drama. N. Y., 1940, p. 495—520.

[84] Op. cit., p. 520.

[85] Francis Ferguson. The Idea of a Theatre. The Art of Drama in Changing Perspective.— «Princeton Univ. Press», 1949.

[86] N. Y. Anchor Books, 1953.

[87] Op. cit., p. 175.

[88] Op. cit., p. 177.

[89] Op. cit., p. 179.

[90] Op. cit., p. 190.

[91] «New York Times», 1942, 14 December, 18 : 3.

[92] Lewis Nichols.— «New York Times», 1942, 22 December, 31 : 1—2; editorial.— «New York Times», 1942, 27 December, отд. IV, 10 : 4.

[93] Wolcott Gibb. The Three Sisters Retreat from Moscow.— «New Yorker», 1943, 2 January, p. 32.

[94] G. McClintic. Directing Chekhov. How I Came to Tackle «The Three Sisters».— «Theatre Arts», 1943, April.

[95] Отдельно этот перевод не печатался, однако машинописный суфлерский экземпляр (хранящийся в Публичной Библиотеке в Нью-Йорке) был перепечатан в «The Heritage of European Literature», by Weatherly, Wagener, Zeidel and Yarmolinsky, eds., v. 2.

[96] «New York Times», 1944, 26 January, 22 : 1—3.

[97] «New York Times», 1944, 6 February, отд. II, 1 : 2.

[98] «New Republic», 1944, 7 February, p. 180.

[99] Ibid., 1944, 14 February, p. 211.

[100] «New Yorker», 1946, 25 May.

[101] John Mason Brown. Chekhov on Avon.— «Saturday Review of Literature», 1946, 1 June, p. 32—33.

[102] «Plays». N. Y., Permagiant, 1950; «Plays». N. Y., Doric Books, 1950; «Best Plays by Chekhov». Transl. and introd. by Stark Young. N. Y., Modern Library, 1956.

[103] «The Seagull. Production score for the Moscow Art Theatre by K. S. Stanislavsky». Introd. by S. D. Balukhaty. N. Y., Theatre Arts, 1952.

[104] «The Duel and Other Stories». Transl. by C. Garnett. N. Y., 1950; «The Unknown Chekhov». Transl. with an introd. by Avrahm Yarmolinsky. N. Y., 1954. ‹В это издание входят два варианта «О вреде табака» и др.›; «Woman in the Case and Other Stories». Transl. by A. F. Lyon and K. Zinovieff. N. Y., British Book Center, 1954; «Peasants and Other Stories», ed. E. Wilson. N. Y., Anchor Books, 1956.

[105] «Portable Chekhov», ed. A. Yarmolinsky. N. Y., 1955.

[106] «Selected Letters», ed. Lillian Hellman. N. Y., 1955.

[107] R. Hingley. Chekhov. N. Y., 1950; W. H. Bruford. Anton Chekhov. New Haven, Connecticut, 1957. (Поскольку обе эти работы английского происхождения и написаны англичанами, мы не можем разбирать их в этой статье.)

[108] L. A. Avilova. Chekhov in My Life. Transl. D. Magarshak. N. Y., 1950.

[109] E. Wilson. Seeing Chekhov Plain.— «New Yorker», 1952, 22 November, p. 180.

[110] Ibid.

[111] «Peasants and Other Stories», p. VII—IX.

[112] Dorothy Brewster. East-West Passage. London, 1953.

[113] Op. cit., p. 241.

[114] «Masses and Mainstream», 1954, July, p. 35—41.

[115] V. Ermilov. Chekhov the Realist.— Ibid., p. 24—34.

[116] Ibid., 1954, October, p. 11—26.

[117] D. Magarshak. Chekhov the Dramatist. London, 1952.
[118] «New York Times», 1954, 9 May, отд. II, 2 : 1—3.
[119] «New York Times», 1954, 23 May.
[120] J. M. Brown. The Seagull.— «Saturday Review of Literature», 1954, 29 May, p. 22—23.
[121] W. Gibb. — «The New Yorker», 1954, 22 May, p. 70.
[122] J. M. Brown.— «Saturday Review of Literature» 1954, 29 May, p. 22.
[123] «New York Times», 1955, 2 October, отд. II, 3 : 7—8.
[124] «New York Times», 1955, 20 March, отд. II, 1 : 1—3.
[125] «New Republic», 1955, 21 March, p. 22.
[126] «New York Times», 1955, 19 October, 38 : 1—3.
[127] «New Republic», 1955, November, p. 30.
[128] «New York Times», 1956, 24 June, отд. II, 5 : 3.
[129] «New York Times», 1956, 1 February, 25 : 2—4.
[130] «New York Times», 1956, 29 January, отд. II, 1 : 3.
[131] «New York Times», 1956, 26 April, 38 : 1.
[132] Ср. B. Atkinson. — «New York Times», 1956, 23 October, 38 : 1.
[133] T. G. Winner. Chekhov's Seagull and Shakespeare's Hamlet. A Study of a Dramatic Device.— «The American Slavic and East European Review», 1956, February, p. 103—111.
[134] Brook Atkinson. — «New York Times», 1958, 8 October, 44 : 1.
[135] Arthur Miller. The Shadows of the Gods. A critical view of the American Theater.— «Harper's Magazine», 1958, August, p. 38—40.

АНГЛИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ О ЧЕХОВЕ

Публикация М. А. Шерешевской*

Интерес к Чехову в Англии является широко известным фактом. Чехов — один из наиболее популярных русских писателей в сегодняшней Англии. Его пьесы прочно вошли в репертуар английских театров.

Английская литература XX в. многим обязана Чехову. Его влияние испытали на себе английские новеллисты — Мэнсфилд, Кошард, Бейтс, Бауэн и др. У него учились такие крупнейшие английские драматурги, как Шоу, Синг, О'Кейси. Критика отмечала также значение Чехова для английского романа. Неудивительно поэтому, что Чехову уделено значительное место в высказываниях английских писателей и критиков. Более ста работ — специальные исследования, обзорные статьи, рецензии — написано о Чехове в Англии[1]. Высоко оценивая творчество русского писателя, английские критики стремятся определить основные черты чеховского художественного метода и пытаются использовать его творческий опыт.

Настоящая работа ставит своей целью ознакомить читателя с наиболее характерными высказываниями английских писателей о Чехове, в которых отразилась история восприятия его творчества в Англии.

* * *

Англия познакомилась с творчеством Чехова намного позже, чем другие страны Европы. В то время как во Франции и Германии его рассказы неоднократно переводились и были уже известны широкому читателю, в Англии о нем знали лишь немногие ценители русской литературы. Первые упоминания о Чехове (впервые его имя было упомянуто в очередном обзоре русской литературы в журнале «Athenaeum» за 1889 г.)[2] носили случайный и беглый характер. Только в 1903 г. вышел первый сборник рассказов Чехова в переводе на английский язык Р. Е. К. Лонга, а в 1908 г. в переводах того же автора был издан второй сборник[3].

Сборники эти сразу же возбудили интерес к Чехову в английской литературной среде, где уже более двух десятилетий с восхищением читали Тургенева, Толстого и Достоевского. Одним из первых с оценкой Чехова выступил Арнольд Беннет, напечатавший рецензию на сборник его рассказов в литературно-художественном еженедельнике «New Age»[4]. Восхищаясь мастерством Чехова, Беннет указывал на новизну реалистической формы его рассказов. В этот же период с рассказами Чехова знакомится и Джон Голсуорси, который сразу же объявляет Чехова одним из выдающихся писателей мира.

Незадолго до первой мировой войны Англия познакомилась с драматургией Чехова. В 1912 г. пьесы Чехова почти одновременно вышли в переводах Мэриан Фелл[5] и Джорджа Колдерона[6]. Первые постановки пьес Чехова состоялись в Глазго, где в 1911 г. были сыграны «Вишневый сад», а позднее «Иванов» и «Чайка» (в переводах Джорджа Колдерона). В Лондоне первая постановка состоялась в том же 1911 г. —

* Редакция переводов Т. М. Литвиновой.

Обществом любителей сцены был представлен «Вишневый сад». Постановка прошла незамеченной. В 1912 г. Общество актеров «Адельфи» поставило «Чайку», а в 1914 г. Общество любителей сцены — «Дядю Ваню». После этих спектаклей Чехов-драматург оказался в центре внимания литературного и театрального Лондона. В числе горячих поклонников драматургии Чехова выступили не только такие писатели, как Арнольд Беннет, Морис Беринг, Фрэнк Суиннертон, но и крупнейший драматург Англии — Бернард Шоу. В 1919 г. Шоу опубликовал свою пьесу «Дом, где разбиваются сердца», над которой начал работать еще в 1913 г. В этой пьесе Шоу развивал «чеховскую», по его мнению, тему — тему интеллигенции. Шоу был первым в тот период и единственным английским критиком Чехова, указавшим на исключительно важное для литературы Европы социальное звучание его драматургии.

В послевоенные годы творчество Чехова становится в Англии очень популярным. С 1916 по 1923 г. выходит собрание рассказов Чехова в тринадцати томах [7], в переводах Констанс Гарнетт, уже хорошо известной английскому читателю переводами Тургенева, Толстого и Достоевского. В 1920 г. Гарнетт опубликовала переводы избранных писем Чехова [8]. В следующем году вышли «Записные книжки» Чехова [9]. В 1923 г. Гарнетт закончила переводы пьес Чехова, которые были изданы в том же году в двух томах [10].

В 1920-е годы пьесы Чехова часто ставятся на английской сцене. В 1920 г. в Лондоне с большим успехом идут «Три сестры» (Court Company Theatre) и «Вишневый сад» (Arts Theatre). В 1921 г. идет «Дядя Ваня» (Court Company Theatre). В 1926 г. на сценах лондонских театров шли уже пять пьес Чехова: «Вишневый сад» и «Чайка» (Little Theatre), «Иванов» (Общество любителей сцены), «Дядя Ваня» (Duke of York's Theatre) и «Три сестры» (Barnes Theatre). Спектакль «Вишневый сад», в котором роль Трофимова исполнял известный английский актер Джон Гилгуд, выдержал более ста пятидесяти представлений подряд.

Исключительный интерес к творчеству Чехова, наблюдавшийся в этот период в Англии, в частности в литературных кругах, не был случайным. Война обострила внутренние противоречия в жизни Англии, усилила и углубила кризис мировоззрения английской буржуазной интеллигенции. В английской литературе и театре этот кризис сказался в поисках новых форм искусства, которые позволили бы глубже отразить внутренний мир человека. Для художников-гуманистов, представлявших реалистическое направление в искусстве, война, уничтожившая миллионы человеческих жизней, с еще большей силой поставила вопрос о ценности человека со всем богатством его духовного мира.

Именно как художника-гуманиста приветствуют Чехова критики Дж. М. Марри [11] и Э. Гарнетт [12]. Оба они придают особое значение его самоотверженной любви к человеку, «чистоте души» Чехова, которую считают основой его видения мира и его творческого метода. «Беспристрастная объективность современного ученого и глубокая человечность <...> восприимчивого художника» определяют, по мнению Гарнетта, особенности чеховского реализма.

С тех же позиций, что Марри и Гарнетт, воспринимает Чехова писательница Кэтрин Мэнсфилд. Познакомившись с его рассказами еще по сборникам переводов Лонга [13], она впоследствии начинает видеть в Чехове своего учителя. Тщательно изучая его творческий метод, Мэнсфилд в своих рассказах стремится идти путями, указанными Чеховым. Ее рассказы, воспринятые в Англии как чеховские, положили начало новому этапу в развитии этого жанра. Значительным влиянием Чехова отмечено также творчество другого крупного английского писателя А. Е. Коппарда. Для Коппарда, как и для Мэнсфилд, «величайшее мастерство русского реалиста» заключается в его способности раскрыть существенное и основное на незначительнейших мелочах жизни, на обыденной жизни человека.

Однако у многих английских писателей требование глубокого анализа духовного мира человека и поиски новых форм по существу оказывались требованием ревизии и уничтожения реализма. Представители антиреалистического течения, так называемого неопсихологизма, особенно активизировавшегося в 1920-е годы, объявили Чехова «своим». Среди писателей и критиков, входивших в так называемую группу «Блумс-

бери» (Вирджиния Вульф, Леонард Вульф, Дезмонд Маккарти) и близких им (У. Джерхарди), был создан настоящий культ Чехова как писателя, будто бы наиболее близкого творческим принципам неопсихологизма.

В 1923 г. вышла первая английская монография о Чехове [14]. Автор этой книги У. Джерхарди изображал мировоззрение Чехова как философский релятивизм и видел величайшее достижение Чехова как художника в том, что он якобы открыл новую форму бесфабульного рассказа и бесфабульной драмы. Эта новая форма, по мнению Джерхарди, была следствием того, что Чехов углубился во внутренний мир человека — в его психологию. Для Вирджинии Вульф Чехов был писателем, интерес которого целиком сосредоточен на «неизведанных сторонах психологии», на больной душе современного человека [15]. По мнению Вульф, Чехов связывает душевный недуг современного человека не с социальными условиями его жизни, а всецело с извечными и непостижимыми свойствами психологии. Отсюда атмосфера грусти в его пьесах и рассказах. Поэт утраченных иллюзий и неизбежного одиночества, «художник прощаний: прощаний с молодостью, с прошлым, с надеждами, с любовью», — таким рисует Чехова театральный критик Дезмонд Маккарти, откликавшийся почти на все постановки Чехова в Лондоне, начиная с 1914 г.

И Джерхарди, и Вульф, и Маккарти высказали немало горячих похвал в адрес Чехова. Но их любовь и преклонение относились не к настоящему Чехову. Они, по меткому определению английского литературоведа Г. Фелпса, «не сумев оценить основные свойства Чехова — его реализм, его здоровый взгляд на мир и здоровые цели,— создали культ Чехова, поклоняясь в нем божеству, которое они создали по своему образу и подобию и которое мало чем походило на Чехова» [16].

Во второй половине 1920-х годов и в 1930-е годы интерес к Чехову не уменьшился, и спор о нем продолжался. В 1932 г. в защиту Чехова от представителей литературы неопсихологизма, «которая так перечеховила Чехова, что теперь и сама уже не узнает собственного отца», выступил Дж. Голсуорси [17]. Чехов продолжал оказывать сильнейшее влияние на английскую прозу и драматургию. На это вновь указывал писатель Г. Е. Бейтс в книге «Современная новелла» [18]. В своих рассуждениях о Чехове Бейтс опирается на трактовку, данную его творчеству в статьях Гарнетта и Марри.

В годы после второй мировой войны и по наши дни рассказы и пьесы Чехова продолжали и продолжают пользоваться широкой популярностью у английского читателя. За последнее десятилетие произведения Чехова неоднократно переиздавались, а его пьесы шли на сценах английских театров. Переведены ряд рассказов Чехова (преимущественно раннего периода) и писем, до тех пор не известных английскому читателю. Вышел полный перевод пьесы Чехова, условно называемой «Платонов» (в английском переводе «Русский Дон-Жуан»)[19].

Английская критика по-прежнему уделяет Чехову много внимания. За последнее десятилетие в Англии было опубликовано восемь монографий, посвященных Чехову — из них пять принадлежат перу английских авторов [20], остальные — переводы с французского и русского [21].

Новые работы английских критиков о Чехове отличаются не только большей полнотой материала и глубиной анализа его творчества, но и более верным истолкованием русского писателя. Авторы новых книг — Бруфорд, Хингли, Магаршак — опровергают «легенду» о Чехове, созданную блумсбернйскими критиками. В значительной мере опираясь на работы советских исследователей Чехова, эти английские литературоведы рассматривают творчество Чехова в неразрывной связи с развитием русского реализма. В сознании передовых деятелей современной Англии Чехов стоит в первых рядах активных борцов за счастье и величие человека. В поэтических строках, написанных о Чехове ирландским драматургом и романистом Шоном О'Кейси, эта новая в Англии точка зрения на Чехова и на значение его творчества нашла свое наиболее полное выражение.

С большой силой подтверждает это последнее высказывание О'Кейси о Чехове, опубликованное в юбилейные дни в «Литературной газете» (1960, № 12, от 28 января):

«В чем для меня значение творчества Чехова? Он мой друг, он великий писатель, великий драматург, великий человек. Время от времени он приходит ко мне, усаживается рядом, и мы начинаем беседовать. Он присоединяется к Шекспиру, Шоу, Уитмену и другим, и я отлично провожу время в их обществе. Подсаживаются к нам и ученые, мужчины и женщины, давшие нам знания, избавившие нас от многих болезней. Великих людей среди нас немного. Но мы знаем их, наслаждаемся ими, радуемся тому, что они сливаются с нами воедино. Чехов неизменно находится в центре. Вот уж кто поистине родился в сорочке. Поэт, как и Уитмен, драматург, как и Шекспир, великий человек, как и все они, он словно совместил в себе всех. Но Чехов еще больше. Он друг».

Ниже публикуются наиболее характерные высказывания крупнейших английских писателей и критиков о Чехове, ярко свидетельствующие о той значительной эволюции, которая произошла в отношении к Чехову в Англии с первых дней знакомства с ним английских читателей и по наши дни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Наиболее полную библиографию переводов сочинений Чехова и критических исследований о нем в Англии и Америке до 1949 г.— см. A. H e i f e t z. Chekhov in English. A list of works by and about him. Ed. and with a Foreword by Avrahm Yarmolinsky, compiled by Anna Heifetz. N. Y., 1949.

[2] «Athenaeum», 1889, 6 July, p. 26—28.

[3] Anton T c h e k h o f f. The Black Monk and Other Stories, transl. from Russian by R. E. C. Long. L., Duckworth, 1903; Anton T c h e k h o f f. The Kiss and Other Stories, transl. from the Russian by R. E. C. Long. L., Duckworth, 1908.

[4] «New Age», 1909, 18 March (перепеч. в кн.: A. B e n n e t. Books and Persons, Being Comments on a Past Epoch. 1908—1911. L., 1927).

[5] Anton T c h e k h o f f. Plays (Uncle Vanya, Ivanoff, The Seagull, The Swan-Song). Transl. from the Russian with an Introduction by Marian Fell. L., 1912.

[6] T c h e k h o f f. Two Plays. The Seagull. The Cherry Orchard. Transl. with an introd. and notes by George Calderon. L. 1912.

[7] A. P. T c h e h o v. Tales of Tchehov, v. 1—13. From the Russian by Constance Garnett. L., Chatto and Windus, 1916—1923.

[8] A. P. T c h e h o v. Letters from Anton Tchehov to his family and friends. With a biographical sketch. Transl. by C. Garnett. N. Y. McMillan, 1920.

[9] Anton T c h e k h o v. The Note-Book of Anton Thekhov. Transl. by S. S. Koteliansky and Leonard Woolf. L., Hogarth Press. 1921.

[10] A. P. T c h e h o v. Complete Plays from the Russian by Constance Garnett. 2 vs. N. Y., 1923.

[11] J. M. M u r r y. The Humanity of Tchehov.—«Athenaeum», 1920, N 4688, 5 March, p. 298—299.

[12] Edward G a r n e t t. Tchehov and his Art.— «London Quarterly Review», 1921, v. 236, № 469, p. 257—269.

[13] См. El. S c h n e i d e r. Katherine Mansfield and Tchehov.— «Modern Language Notes», 1955, vol. 5, p. 394—397.

[14] W. A. G e r h a r d i. Anton Chekhov; a Critical Study. N. Y., 1923.

[15] V. W o o l f. The Russian Point of View. В кн.: V. W o o l f. The Common Reader. L., 1925, p. 222—225.

[16] G. P h e l p s. The Russian Novel in English Fiction. L., Hutchinson's Univ. Library, 1956, p. 188.

[17] John G a l s w o r t h y. Four Novelists in Profile; an Address.— «English Review», 1932, v. 55, p. 485—500.

[18] H. E. B a t e s. The Modern Short Story, a Critical Survey. L., 1942 (гл. IV: Tchehov and Maupassant).

[19] «Don Juan in the Russian manner». English version by Basil Ashmore. L., 1952.

[20] W. H. B r u f o r d. Chekhov and his Russia, a Sociological Study. L., 1948; R. H i n g l e y. Chekhov. A Biographical Critical Study. L., 1950; D. M a g a r s h a k. Chekhov, the Dramatist. L., 1952; D. M a g a r s h a k. Chekhov, a Life. L., 1952; W. H. B r u f o r d. Anton Chekhov (Studies in Modern European Literature and Theatre). L., 1957.

[21] I. N e m i r o v s k y. Life of Chekhov. L., 1950; L. A v i l o v a. Chekhov in my Life. L., 1950.

ДЖОРДЖ КОЛДЕРОН

Английский драматург Джордж Колдерон (George Calderon, 1888—1915), уделявший много внимания изучению славянских языков и литератур, был одним из первых переводчиков и комментаторов Чехова в Англии. В 1905 г. он включил имя Чехова в обзор «Красоты русской литературы» (Beauties of Russian Literature.— «Anglo-Russian Literary Society Proceedings», 1905, № 43, p. 5—23). В 1912 г. Колдерон выпустил переводы пьес Чехова «Чайка» и «Вишневый сад», снабдив их предисловием и комментариями (T c h e k h o f f. Two plays. The Seagull. The Cherry Orchard. Tr. with an Introduction and notes by George Calderon. L., 1912). Краткая характеристика драматургии Чехова имеется также в статье Колдерона «Русская сцена» («The Russian Stage».— «Quarterly Review», 1912, v. 217, № 432, p. 21—42). Колдерону принадлежала инициатива первых постановок пьес Чехова в Англии.

Однако, интерпретируя творчество Чехова, в особенности его драматургию, Колдерон приписывал Чехову свойственные ему самому философский релятивизм и пессимизм. Эта интерпретация впоследствии легла в основу чеховской «легенды», созданной группой Блумсбери.

Ниже приводятся отрывки из предисловия Колдерона к его переводам пьес Чехова и из статьи «Русская сцена».

Вот, в общих словах, наиболее характерные черты чеховских пьес: интерес, ими вызываемый, носит характер «центробежный», а не «центростремительный»; внимание в них направлено на жизнь, протекающую за пределами пьесы, а события, представленные на сцене, служат всего лишь иллюстрациями к этой жизни; поведение действующих лиц, их страдания рассчитаны не на то, чтобы мы вместе с ними печалились и радовались,— их судьбы возбуждают в нас и смех и жалость тем преувеличенным значением, какое они сами приписывают всему, что с ними происходит, и мы утешаемся, взирая на всеобщую комедию Жизни, в которой растворяются их личные трагедии.

Вступительная статья к кн.: T c h e k h o f f. Two Plays. The Seagull. The Cherry Orchard, p. 8.

Хотя каждый человек невольно вовлечен в окружающую его жизнь, он, прежде всего, занят собственными мыслями и живет своей одинокой жизнью. Эта человеческая разобщенность ‹...› ведет к трогательно ироническим диссонансам и решениям.

Сидя за ломберным столом, Тригорин и доктор, не обращая ни на кого внимания, ведут между собой разговор о писательской судьбе Константина; госпожа Аркадина, которую никто не слушает, хвалится своими успехами в Харькове и букетами, которые предподносили ей студенты; и во все это врезывается резкий голос Маши, которая, внимательно следя за ходом игры в лото, выкликает цифры.

Там же, стр. 12.

Жизнь никогда не бывает только комедией или только трагедией. Старость всегда жалка, а подчас и смешна. Вселенная не останавливается в своем движении, пораженная нашими успехами или неудачами.

Чехов обладал тончайшим чувством комического, благодаря которому он остро реагировал на несоответствие между существующим в мире беспорядком и скрытым за ним порядком. Стремясь направить наш взор вовне, оторвать его от частных судеб, обнаружить их зависимость от окружающей жизни, он любит смешивать трагедию (картина Жизни вблизи) с комедией (картина Жизни на расстоянии). Пьесы его—трагедии, сотканные из нитей комического.

Там же, стр. 13.

Подобно Достоевскому, Чехов ни к чему и ни к кому не питал ненависти. Повстречавшись с фарисеями, он не воскликнул бы: «Горе вам!» — а написал бы рассказы, чтобы объяснить их жизненную позицию.

Там же, стр. 16.

Само собой разумеется, что если у Чехова нет злодеев, то у него нет и героев. Его драма не является драмой борющихся сил. Он не побуждает вас встать на ту или другую сторону. Все его герои, даже тогда, когда они находятся в разных лагерях, выступают против общего врага — Жизни.

Там же, стр. 16.

Может показаться, что герои ⟨пьес Чехова⟩ разговаривают, на самом же деле они только сидят рядом и думают вслух

Там же, стр. 20.

Даже тогда, когда человек пылко стремится к достижению ближайшей цели, он слышит негромкий иронический голос, напоминающий ему, что, в конечном счете, любая надежда обманчива ⟨...⟩ Именно эта мысль лежит в основе пьес Чехова. Разочарование — вот его основная тема.

«The Russian Stage». — «Quarterly Review», 1912, v. 217, № 432, p. 27.

АРНОЛЬД БЕННЕТ

Когда в 1909 г. А. Беннет (Arnold Bennett, 1867—1931), всегда внимательно следивший за развитием литературы других стран, познакомился с рассказами Чехова, он уже пользовался широкой литературной известностью как автор ряда социально-бытовых романов и считался одним из крупнейших писателей Англии этого периода. Он первым в Англии отозвался на книгу рассказов Чехова в переводах Лонга. Рецензия на эту книгу была помещена им в журнале «New Age», 18 марта 1909 г., и затем перепечатана в книге А. Беннета «Книги и лица» («Books and Persons, Being Comments on a Past Epoch». 1908—1911. L., 1915). На одну из первых постановок Чехова в Англии, осуществленную Обществом любителей сцены в мае 1911 г. в Лондоне (постановка «Вишневого сада»), Беннет откликнулся рецензией в журнале «New Age», 8 июня 1911 г., затем перепечатанной в той же книге. Мысли о Чехове содержатся и в дневниках А. Беннета («The Journal of A. Bennett 1896—1928». L. and N. Y., 1933).

Ниже приводятся наиболее интересные высказывания Беннета о Чехове.

Говоря между прочим о Чехове, он ⟨Томас Гарди⟩ принялся развивать теорию, что некоторые из его рассказов неубедительны, так как в них не сообщается ничего необычного. Рассказ, утверждал он, должен быть необычным, а его герои — интересными людьми.

Из записей за 1917 г. — «The Journal of A. Bennett 1896—1928», p. 632.

Ночью я долго читал «Скучную историю». Я уже и раньше читал ее, один или два раза. Сейчас эта повесть показалась мне совершенно новой, полной свежей силы и красоты, по-моему, это одно из самых прекрасных произведений, какие мне когда-либо приходилось читать.

Запись 28 апреля 1918 г.— Там же, стр. 660.

Рассказы Чехова поистине замечательны. Если бы кто-нибудь из наших авторитетных критиков заявил, что Чехов стоит в одном ряду с великими светилами русской литературы — Достоевским, Тургеневым, Гоголем и Толстым — я бы не стал спорить ⟨...⟩ Сила воздействия его рассказов, как это ни удивительно, — в их бесхитростности. Конечно, на самом деле они отнюдь не бесхитростны, а в высшей степени продуманы и отделаны. Прогресс всякого искусства — это, очевидно, движение от условности к реализму.

На самом деле искусство в основе своей всегда остается условным, но по мере своего развития оно создает все более и более утонченные приемы, приближающие жизнь к условностям искусства или, если угодно, условности искусства к жизни.

Рассказы Чехова знаменуют собой решительную победу в этой давней борьбе. Читая их, представляешь, как он, вероятно, говорил себе: «По мне жизнь хороша и так. Я ничего не стану в ней менять. Буду изображать ее такой, какая она есть» <...>

Он, кажется, достиг предельного реализма <...> Кульминация в его рассказах никогда не бывает вымученной; в них нет никакой идеализации, никакой сентиментальности, ничего неземного; здесь правда отражена во всей ее цельности, а не частично, ни одна сторона правды не преувеличена за счет другой. Здесь нет какой-либо особой ловкости, головокружительной виртуозности. Все звучит просто, искренне, почти по-детски.

Воображаю, как редактор одного из наших популярных журналов возвращает Чехову рукопись с дружеским напутствием, — автор, мол, подает надежды, ему нужно всего лишь набить руку, научиться хватать читателя за глотку,— и тогда с ним можно будет разговаривать. Чехов никогда не хватает читателя за глотку. И тем не менее он кладет его на обе лопатки. Под внешней простотой в его произведениях кроется огромное мастерство, та искусность, которая неотделима почти от всякого великого искусства. Всем нам, английским прозаикам, следует изучать сборники «Поцелуй» и «Черный монах». Они доставят удовольствие всякому, кто обладает тонким вкусом, а для художника в них заключен глубокий урок. Ни у нас, ни во Франции нет и никогда не было такого писателя, который умел бы материалу жизни, ничуть при этом не искажая его, придавать такую сложную и бесконечно прекрасную форму. Прочтите эти книги, и вы по-настоящему многое узнаете о России, вас омоет целый океан грусти, жестокой и задумчивой, грусти русской жизни, вы познакомитесь с прекрасным <...> Кто не читал эти два тома, не имеет права называть себя образованным человеком. Я ничуть не преувеличиваю <...>

Цит. по кн.: A. B e n n e t t. Books and Persons, p. 117—119 («Tchekhoff»).

По естественности пьеса <«Вишневый сад»> безусловно превосходит всякую другую, какую мне приходилось видеть или которую вообще когда-либо ставили в Англии. Она натуральна до дерзости. Автор, не задумываясь, представляет своих героев такими же нелепыми, какими они были бы в жизни. В этом он отличается от всех известных мне драматургов <...> Он намного приблизил художественную условность драматургии к действительности и поднялся еще на одну ступень в общем развитии драмы.

Цит. по кн.: A. B e n n e t t. Books and Persons, p. 323 («A Play of Tchekhoff's»).

БЕРНАРД ШОУ

Джордж Бернард Шоу (George Bernard Shaw, 1856—1950) впервые познакомился с драматургией Чехова в 1914 г. Присутствуя на спектакле «Дядя Ваня» (Общество любителей сцены), он уверял своих собеседников, что теперь ему придется оставить драматургию (П. К е р ж е н ц е в. «Дядя Ваня» на английской сцене. — «День», 1914, № 130). В этот период Шоу работал над пьесой «Дом, где разбиваются сердца», которую закончил в 1917 г. Пьеса, по мысли Шоу, была написана в «чеховской» манере. Высказывания Шоу о Чехове приведены также в воспоминаниях его современника Пирсона «Б. Шоу. Его жизнь и личность» (H. P e a r s o n. «B. Shaw. His Life and Personality», L., 1942).

Ниже даются отрывки из предисловия Шоу к пьесе «Дом, где разбиваются сердца» («Heartbreak House, Great Catherine and Playlets of the War.», L., 1929) и из книги Пирсона, а также отзыв о Чехове, написанный специально для газеты «Литература и искусство» (1944, № 29, от 15 июля).

Вы знакомы с пьесами Чехова? Вот это драматург! — человек, у которого чувство театра доведено до совершенства. Рядом с ним я чувствую себя новичком.

H. P e a r s o n. B. Shaw. His Life and Personality, p. 336.

Откуда взялся Дом, где разбиваются сердца? «Дом, где разбиваются сердца» — это не только название пьесы, к которой написано это предисловие. Это — культурная, праздная Европа перед войной. Пьеса была начата, когда не раздалось еще ни одного

выстрела; только профессионалы-дипломаты и немногие любители, коньком которых является внешняя политика, знали, что орудия уже заряжены. Русский драматург Чехов создал четыре увлекательных драматических этюда Дома, где разбиваются сердца. Из них три — «Вишневый сад», «Дядя Ваня» и «Чайка» — были поставлены в Англии. Толстой в своих «Плодах просвещения» тоже показал этот Дом в свойственной ему жестокой, презрительной манере. Толстой не питал никакой симпатии к его обитателям: для него это был Дом, где задыхалась душа Европы; он знал, что наша чрезмерная нервозность и беспомощность в тепличной атмосфере гостиных отдавали мир во власть хитрого невежества и бездушной силы, которые и привели сейчас к столь страшным последствиям для всего мира. Толстой не был пессимистом: он не желал оставить Дом стоять, раз мог свалить его на головы приятных и любезных празднолюбцев, обитавших в нем; и он энергично взялся за кирку. Он обращался с обитателями Дома так, как поступают при отравлении опиумом, когда, грубо схватив пациента, трясут его до тех пор, пока он не проснется. Чехов в большей мере фаталист; он не очень-то верил, что его обаятельные герои выпутаются сами. Они неизбежно будут проданы с торгов, думал он, а затем их пустят по миру судебные приставы; однако без колебания он эксплуатировал их обаяние и даже льстил ему.

Обитатели. Пьесы Чехова, будучи менее доходными, чем качели и карусели, выдержали в Англии, где театры представляют собой обычные коммерческие предприятия, всего несколько представлений в Сценическом обществе. Мы изумлялись и говорили: «Как это по-русски!» Но меня поразило другое. Как и пьесы Ибсена, типично норвежские пьесы, в точности удовлетворяющие вкусам средней буржуазии всех пригородов Европы, эти произведения, столь насыщенные русской жизнью, отражали бытие усадеб всех европейских стран, где наслаждение музыкой, искусством, литературой и театром заменило охоту, стрельбу, рыбную ловлю, флирт, еду и питье. Те же милые люди, та же совершенная жизненная непригодность.

Эти милые люди любили читать, некоторые умели даже писать; они представляли собой единственных стражей культуры, которые могли встречаться с нашими политиками, общественными деятелями и владельцами газет и даже обладали правом участвовать в их делах и влиять на них. Но они сторонились этих встреч, ненавидели политику. Они не желали претворить в действительность Утопию ради блага простых людей; они хотели лишь воплотить в собственной жизни любимые вымыслы и поэмы; и когда могли, то жили без угрызения совести на свои доходы, хотя ровно ничего не сделали, чтобы заработать их. В молодости женщины этого круга стремились походить на невичек варьетэ, но потом, остепенившись, приобретали тот тип красоты, который был создан художниками предшествующего поколения. Обитатели Дома представляли собой ту часть общества, где имелся досуг для высокой культуры, и жизнь их стала экономической, политической и моральной пустотой, а поскольку природа не терпит пустоты, они заполнили ее чувственными и другими рафинированными удовольствиями: в лучшем случае это общество было очаровательным местом для недолгого отдыха. В другое время оно оказывалось гибельным. Для премьер-министров и им подобных оно представлялось истинной Капуей.

Манеж. Где же, как не здесь, пришлось обосноваться тем, кто занимал первые скамьи в парламенте? Дому, где разбиваются сердца, они противопоставили Манеж, состоящий из тюрьмы для лошадей и пристройки для леди и джентльменов, которые прогуливаются верхом, гоняют лошадей, обсуждают их достоинства, занимаются куплей и продажей и уделяют им девять десятых своей жизни, разделяя оставшуюся одну десятую между благотворительностью, хождением в церковь (что заменяет им религию) и устройством консервативных выборов (что заменяет им политику). Правда, два эти круга порой слегка соприкасались. Но изгнанники из библиотек, музыкальных залов и картинных галерей скучали и тосковали, попав в конюшни, а отважные амазонки, засыпавшие при первых звуках Шумана, были совершенно не на месте в садах Клингзора. Правда, попадались иногда лошадники и люди с разбитыми сердцами, которые отлично чувствовали себя и в той и в другой среде. Как правило, однако, два эти мира были отдалены и очень мало знали друг о друге; поэтому премьер-министры и иже с ними вынуждены были сделать выбор между варварством и Капуей. И трудно сказать

какое из этих двух настроений являлось более губительным для руководства государственной деятельностью.

Революция на полке. Дом, где разбиваются сердца, был довольно близок к революционным идеям, но только на бумаге. Он старался быть передовым и свободомыслящим. Мало кто из его обитателей посещал церковь и соблюдал воскресенье, хотя и любил повеселиться в конце недели. Если бы вам довелось погостить там с пятницы до вторника, то вы могли бы найти на полке в своей спальне не только поэтов и романистов, но даже революционных биологов и экономистов. По крайней мере, без нескольких моих пьес и пьес Гренвиля Баркера, а также рассказов Уэллса, Арнольда Беннета и Джона Голсуорси этот Дом почувствовал бы себя в стороне от прогресса. Среди поэтов можно было найти книги Блейка, рядом с ним— Бергсона, Батлера, Скотта Хольдейна, стихотворения Мередита и Томаса Гарди, короче говоря, всю литературу, необходимую для формирования ума современного социалиста и творческого эволюциониста.

Было чрезвычайно любопытно провести воскресенье, углубившись в чтение этих книг, а в понедельник утром прочитать в газетах, что страна приведена на край бездны анархии, потому что новый министр внутренних дел или начальник полиции, у которого в голове завелись такие идеи, каких постеснялась бы даже его прабабушка, отказался «признать» какой-нибудь могущественный профсоюз, как будто утлый челнок может не признавать океанский миноносец...

Короче власть и культура были отделены друг от друга. Варвары не только громоздились в седлах, но и занимали передние скамьи палаты общин, где их неописуемое невежество в области современного мышления и политических наук исправить было некому — разве что выскочкам из банковских контор, которые всю жизнь занимаются тем, что наполняют свои карманы, а не головы. Впрочем и те и другие имеют большой опыт в обращении с деньгами и людьми, насколько это требуется для добывания одних и для эксплуатации других; и хотя это — столь же неблаговидное занятие, как грабежи средневековых баронов, однако те, кто этим занимается, умеют вести дела или управлять имением по старинке, не вникая в существо вопроса, так же как портные и лавочники с Бонд-Стрита, лакеи и камердинеры поддерживают светское общество без особых познаний в социологии.

«Вишневый сад». Люди из Дома, где разбиваются сердца, ничего этого делать не хотели и не умели. Им столь же хорошо были известны предчувствия Уэллса, насколько нашим правителям были неизвестны слова Эразма или Томаса Мора, и потому обитатели Дома отказывались от тяжелой поденщины политиков, да вряд ли у них и вышло бы что-нибудь, если бы даже они изменили свои намерения. Им бы и не позволили вмешаться, так как в наше время всеобщего избирательного права только тот попадает в парламент, кто оказывается наследственным пэром, если при этом ему не воспрепятствует его культурный багаж. Однако благодаря привычке обитателей Дома жить в безвоздушном пространстве они все равно оказались бы беспомощными и неактивными в общественных делах. Даже в частной жизни они бывали часто, подобно героям чеховского «Вишневого сада», беспомощными расточителями своего наследства. И те из них, кто жил по средствам, в действительности находились под опекой своих стряпчих и агентов, будучи не в состоянии сами ни управлять имениями, ни вести дела без постоянной подсказки со стороны тех, кто должен уметь это, или умирать с голоду.

То, что называется Демократией, не могло изменить подобное положение дел. Говорят, что каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает. Правильнее было бы сказать, что каждое правительство имеет круг избирателей, которого оно заслуживает, так как ораторы с передней скамьи могут по желанию наставлять или развращать невежественных избирателей, как им захочется. Таким образом, наша Демократия вращается в порочном кругу взаимных вознесений и низвержений.

B. Shaw. Heartbreak House, Great Catherine and Playlets of the War, p. VII—XI. Печатается по тексту перевода, опубликованному в «Литературной газете», 1956, № 88, от 26 июля.

В плеяде великих европейских драматургов — современников Ибсена — Чехов сияет, как звезда первой величины, даже рядом с Толстым и Тургеневым.

Уже в пору творческой зрелости я был очарован его драматическими решениями темы никчемности культурных бездельников, не занимающихся созидательным трудом.

Под влиянием Чехова я написал пьесу на ту же тему и назвал ее «Дом, где разбиваются сердца. — Фантазия в русской манере на английские темы».

Это не самая худшая из моих пьес, и, надеюсь, она будет принята моими русскими друзьями, как знак безусловного искреннего преклонения перед одним из величайших среди их великих поэтов-драматургов.

«Литература и искусство», 1944, № 29, от 15 июля.

ДЖОН ГОЛСУОРСИ

Джон Голсуорси (John Galsworthy, 1867—1933), для творческого развития которого русская литература, в особенности произведения Тургенева и Толстого, имела большое значение, познакомился с рассказами Чехова по сборникам Лонга. Интерес Голсуорси к Чехову отражен в его переписке с его другом и критиком Эдуардом Гарнеттом (J. G a l s w o r t h y. Letters from John Galsworthy 1900—1932, ed. by Edw. Garnett. L., 1933). В 1932 г. Голсуорси выступил со статьей «Силуэты четырех писателей» («Four Novelists in Profile». — «English Review», 1932, v. 55), перепечатанной в сборнике: J. G a l s w o r t h y. Candelabra, Selected Essays and Addresses. L., 1933. В этой статье он говорит о ложном понимании сути чеховского творчества и о появившемся среди некоторых молодых писателей так называемой неопсихологической школы увлечении этим мнимым чеховским методом, который на их взгляд заключался в отказе от фабулы и сводился к простой регистрации «потока сознания».

Ниже приводятся отрывки из указанной статьи Голсуорси и из его писем. Кроме названного сборника писем к Гарнетту, использована кн.: John G a l s w o r t h y. Glimpses and Reflections. L., 1937.

Кончил читать «Сыновья и любовники». Не могу не похвалить глав, в которых говорится о матери, об отце, о сыновьях. Но те, где речь идет о любви, помимо похвал, вызывают у меня также много возражений <...>

Тело само по себе ничего не стоит, и чем скорее Лоуренс поймет это, тем лучше. Писатели, на которых мы молимся — Толстой, Тургенев, Чехов, Мопассан, Флобер, Франс,— знали эту великую истину. Они говорили о теле — но не слишком часто и только для того, чтобы раскрывать душу.

Из письма к Эд. Гарнетту, 13 апреля 1914 г. — J. G a l s w o r t h y. Letters from John Galsworthy 1900—1932, p. 218.

«Сыновья и любовники» («Sons and Lovers», 1913) — роман английского писателя Д. Г. Лоуренса (1885—1930).

Только тогда создадите то, что вам хочется, когда будете писать из глубины вашего сердца, поверяя каждое слово собственным чувством и самой жизнью <...> Я советую вам читать русских писателей, в особенности Толстого, Тургенева и Чехова <...> Если вы уже читали их, прочтите еще раз и постарайтесь проникнуться искренностью, которой дышат их книги.

Из письма к мисс Н., 1 августа 1912 г. — John G a l s w o r t h y. Glimpses and Reflections, p. 317.

Что касается Чехова, я бы сказал, что его рассказы на первый взгляд не имеют ни начала, ни конца, они — сплошная середка, вроде черепахи, когда она спрячет хвост и голову. Однако подражатели его подчас забывали, что и хвост и голова все же имеются, хоть и втянуты внутрь. Точно так же, для того чтобы чувствовать и писать, как Чехов, мало считать его метод интересным и новым. Только одна молодая современная писательница — Кэтрин Мэнсфилд — явилась безусловным исключением из

этого довольно общего правила. И вовсе не потому, что она лучше других копировала Чехова, а потому, что ей была свойственна такая же глубокая и печальная душевная взволнованность, какая была присуща Чехову, она мыслила и чувствовала, как Чехов, и умерла — увы — от того же ужасного недуга.

Я бы сказал, что во многих странах за последние двадцать лет Чехов был самым мощным магнитом для молодых писателей. Это очень большой писатель, но его влияние оказалось в основном пагубным. Потому что метод, которым он так непринужденно пользовался, кажется легким, но в действительности он очень труден для Запада. К тому же Западная Европа познакомилась с его творчеством в период, когда писателями овладело беспокойство и когда им очень хотелось выйти в люди, не затрачивая особых усилий ⟨...⟩

Чехов показался именно тем, что требовалось — «кратчайшим путем», и вряд ли будет преувеличением сказать, что бóльшая часть его последователей так ни к чему и не пришла. Его метод был для них словно блуждающий огонек. Эти писатели, должно быть, думали, что достаточно в точности пересказать все будничные события одного дня и у них получится такой же чудесный рассказ, как у Чехова. Увы! ⟨...⟩

Все это вовсе не означает, что я равнодушен к усилиям и достижениям нашей «новой» литературы, которая так перечеховила Чехова, что теперь и сама уже не узнает собственного отца ⟨...⟩ Я восхищаюсь их предприимчивым усердием, несмотря даже на некоторую рисовку и позу. Но вместе с тем мне невольно приходит в голову — а ну, как они, отбросив искусно и смело всякий намек на форму, на логическую последовательность, утратят при этом и то, что составляет самую суть человеческой жизни? ⟨...⟩

Никто из русских писателей старшего поколения не обладал таким глубоким пониманием русского ума и русской души и таким интуитивным проникновением в типично русский характер ⟨как Чехов⟩ ⟨...⟩

Стиль ⟨Чехова⟩ похож на однообразные, ровные степи его родины. Его победа в том, что он сделал это однообразие волнующим, таким же волнующим, какой представляется прерия или пустыня тому, кто вступает в нее впервые ⟨...⟩

Его пьесы еще ни разу не были должным образом представлены на английской сцене. Отчасти потому, что они написаны для русских актеров, равных которым, вероятно, на свете нет; отчасти в силу особенностей его метода и темперамента. Английские актеры не в силах передать атмосферу чеховской пьесы. А именно благодаря атмосфере — будь то в пьесе или рассказе — так запоминаются его произведения ⟨...⟩

Чехов обладает исключительным достоинством: он показывает нам душу великого народа, показывает ее, не прибегая к ложным эффектам и пафосу.

Цит. по кн.: J. G a l s w o r t h y. Candelabra, Selected Essays and Addresses, p. 229—233 («Four Novelists in Profile»).

ФРЭНК СУИННЕРТОН

Фрэнк Суиннертон (Frank Swinnerton, p. 1884) — автор ряда романов, посвященных преимущественно изображению жизни английской бедноты. Он впервые познакомился с драматургией Чехова в 1911 г., когда, еще начинающим писателем, посетил спектакль «Вишневый сад» в постановке Общества любителей сцены. В качестве литературного консультанта издательства Chatto & Windus он способствовал изданию переводов Чехова, выполненных Констанс Гарнетт.

В 1920 г. Суиннертон выступил с критикой спектакля «Вишневый сад» в «Arts Theatre». В рецензии на спектакль («The Cherry Orchard». — «Nation», 1920, vol. 27, № 16) Суиннертон, высоко оценивая пьесу Чехова, признавал постановку ее неудачной, говоря, что режиссер и актеры не поняли замысла пьесы. Ниже приводятся отрывки из этой рецензии и из воспоминаний Суиннертона по книге: «Background with Chorus. A Footnote to Changes in English Literary Fashion between 1901—1917». L., 1956.

В пьесе «Вишневый сад» одна из героинь говорит Гаеву, пожилому человеку: «Вам надо бы молчать. Молчите себе и всё», а другая добавляет: «Если будешь молчать,

то тебе же самому будет покойнее». А вот этого-то как раз люди, выведенные в пьесах Чехова, и не умеют. Они не умеют молчать <...> Они раскрывают перед нами свою душу, и мы заглядываем в нее. Мы видим, чем одержима каждая душа. Вот почему то, что в пьесах Чехова на первый взгляд кажется вовсе не относящимся к делу, сливается в одно поразительное целое. Его герои, чьи реплики производят на нас столь ошеломляющее с непривычки впечатление, на самом деле просто думают вслух. Чехов в своих пьесах подводит нас к самым сокровенным тайнам душевных движений человека — ближе подойти к ним вряд ли и возможно <...>

Наши режиссеры склонны подчеркивать в пьесах Чехова их якобы основополагающую философию, которой в них вовсе нет, и поэтому заставляют актеров придавать больше значения молчанию героев, чем их речам.

Это — безусловное искажение духа Чехова, который был и художником и юмористом. Свою задачу он видел не в том, чтобы наклеивать ярлыки «ничтожество», «трагедия» и тому подобное, то есть создавать штампы, а в том, чтобы перевести на язык убедительных образов свое сочувствие человеческой природе в ее многообразных проявлениях. Он ничего не проповедовал и не был сентиментален <...> Если бы мы могли хотя бы на мгновение увидеть настоящего Чехова, его сдержанность, его юмор, его умение изображать человеческую одержимость, не осуждая ее, мы бы полюбили его пьесы за то, что в них действительно есть, а не за то, что о них выдумано.

Мы в настоящее время толкуем Чехова как сверхутонченного писателя <...> Он действительно был тонким художником, потому что глубоко проникал в свой предмет. Но он старался подходить к людям без всякой предвзятой мерки, и именно поэтому сумел раскрыть их лучше, чем любой другой писатель, вооруженный куда более грозным пером. Употребляя старое военное выражение, Чехов не «подвергает осаде» человека, чтобы захватить его тайну. Он создает его в своем воображении и сам становится этим человеком. И он передает эту тайну такими простыми словами, что нам не верится, как можно передать так много столь малыми средствами.

«The Cherry Orchard». — «Nation», 1920, v. 27, № 16, p. 498—499.

И вот в один воскресный вечер 1911 года (а именно 28 мая) Общество любителей сцены <...> поставило пьесу под названием «Вишневый сад», переведенную с русского Констанс Гарнетт. Во всем Олдвичском театре не было и полдюжины зрителей, сколько нибудь представлявших себе, что их ожидает <...> После второго акта неогеоргианские снобы, раздраженные и недоумевающие, стали уходить из театра. После третьего в зале остались только люди, подобные мне, и мы сидели, как завороженные, среди пустых кресел. Совсем недавно покоренные ирландским театром и новой драмой, мы должны были теперь признать совершенным этого драматурга, чье имя изображалось по-английски четырьмя различными способами (Tchekhoff, Tchehkoff, Tchekhof и Tchehov).

Fr. S w i n n e r t o n. Background with Chorus..., p. 142.

Ирландский театр. — Речь идет о драматургии Синга, Йетса и других ирландских драматургов. *«Новая драма».*— Имеется в виду драматургия Ибсена и английских драматургов Б. Шоу, Дж. Голсуорси, Дж. Ханкина, которая своим глубоким социальным содержанием противостояла общему потоку развлекательных пьес. В начале XX в. «новая драма» не пользовалась успехом у буржуазного зрителя.

Я принялся искать другие произведения автора «Вишневого сада» и обнаружил, что он писал также и рассказы и что две книги его рассказов под названием «Черный монах» (1903) и «Поцелуй» (1908) были переведены на английский язык Р. Е. К. Лонгом и опубликованы издательством Дукворт, которое мне рекомендовал Эдуард Гарнетт. В продаже не оказалось ни той, ни другой, но мне посчастливилось раздобыть потрепанный библиотечный экземпляр второго сборника. И так же, как «Вишневый сад» показался мне совершенством в драматическом жанре, так и «Поцелуй» показался мне совершенством в жанре новеллы.

Там же, стр. 144.

— Моя жена собирается перевести некоторые из рассказов Чехова, — сказал Гарнетт.

— Я видел несколько ее переводов в «New Weekly».

— Да?— он помолчал.— Хейнеман как раз решает вопрос об их издании. Он как будто не проявляет большого энтузиазма. Если он откажется, может быть, ваша фирма...

— Конечно,— ответил я. Впрочем, я, кажется, выразился более осторожно: «Пожалуй».

Вот и все <...> Хейнеман отказался издавать рассказы Чехова. Нам стоило некоторого труда убедить нашего шефа отважиться на эксперимент и выпустить чеховский двухтомник. Лично он считал рассказы «трудным товаром», но, питая большое доверие к моим суждениям, в конце концов перестал возражать.

Там же, стр. 173—174.

«*New Weekly*» — еженедельный литературно-художественный журнал, выходивший в Лондоне в 1914 г.

ДЖОН МИДДЛТОН МАРРИ

Джон Миддлтон Марри (John Middleton Murry, p. 1889) начал свою литературную деятельность в 1911 г. как редактор литературно-критического журнала «Rhythm», (1911—1913), резко критиковавшего современную английскую литературу за недостаточно глубокое и обобщенное изображение жизни. Марри с особенным вниманием изучал русскую литературу, в частности творчество Достоевского, Толстого и Чехова, которые, по собственному его замечанию, познакомили его «с более радикальной критикой жизни, чем это было принято у англичан моего поколения». В 1916 г. Марри опубликовал монографию о Достоевском (J. M. M u r r y. Fyodor Dostoevsky, a Critical Study. L., 1916).

В 1920 г., будучи редактором литературно-критического журнала «Athenaeum», Марри выступил со статьей о Чехове «Гуманность Чехова» («The Humanity of Tchehov».— «Athenaeum», 1920, vol. 152, p. 299—301), посвященной первому изданию избранных писем Чехова на английском языке в переводах Констанс Гарнетт. На эту статью, в которой Марри пытался определить значение творчества Чехова для английских читателей 1920-х годов, впоследствии опирались Э. Гарнетт и Г. Е. Бейтс в своих статьях о Чехове (см. ниже). В двух других работах о Чехове — «Мысли о Чехове» («Thoughts on Tchehov») из книги «Литература с разных точек зрения» («Aspects of Literature». N. Y., 1920, p. 76—80) и «Антон Чехов» («Anton Tchehov») из книги «Исследования. Очерки по литературной критике» («Discoveries. Essays on Literary Criticism». L., 1924, p. 84—101)— Марри повторяет и расширяет основные положения статьи «Гуманность Чехова». В последний из названных сборников статей Марри вошла также статья «Значение русской литературы» («The Significance of Russian Literature»), в которой он также говорит о Чехове.

Ниже приводятся отрывки из статей «Гуманность Чехова», «Значение русской литературы» и «Антон Чехов».

Чехова, его жизнь и творчество нужно изучать и изучать, потому что он единственный великий писатель среди современных прозаиков <...> Когда западная литература, будучи не в силах определить характер собственного недуга, с жаром бросалась из одного тупика в другой, в России неизвестный Западу Чехов ясно видел и понимал, какие избрать пути. Сегодня мы начинаем чувствовать, насколько Чехов близок нам, завтра, возможно, мы поймем, как бесконечно он опередил нас <...>

Чехов, как мы уже сказали, принадлежит нашему поколению <...> Он весь пропитан разочарованиями, которые мы считаем исключительной особенностью нашего поколения; и все то, что характерно для нашей эпохи повышенной чувствительности, отразилось в нем. И все же — чудо из чудес — он был великим художником. Он не тер себе щек, чтобы вызвать поддельный румянец; не проповедовал веры, которой не имел сам;

не стремился снискать себе репутацию мудрейшего из смертных и не баюкал себя сладостными мечтами о золотом веке, в котором все, однако, подчинялось бы ему одному ⟨...⟩ Он не был, да и не хотел быть чем-то особенным; и все же, по мере того как мы читаем его письма, в нас постепенно растет убеждение, что он был героем, более того — что он и есть подлинный герой нашего времени.

Знаменательно, что, читая его письма, мы забываем, что имеем дело с художником. С первых же строк мы очарованы Чеховым-человеком ⟨...⟩ Многие мучительные вопросы осаждали его, но он не пытался примкнуть к какой-либо группе, чтобы от них избавиться, не искал спасения в какой-нибудь системе, в которую не верил ⟨...⟩ Он подвергался злобным нападкам за свое равнодушие к политике, а вместе с тем сделал больше добра ближнему, отдал больше здоровья и сил, чем все прекраснодушные проповедники либерализма и социальных реформ. В 1890 г. он предпринял нечеловечески трудное путешествие на Сахалин, чтобы исследовать жизненные условия каторжников и ссыльных; в 1892 г. он бóльшую часть года проработал земским врачом в своем уезде, осуществляя профилактические мероприятия против холерной эпидемии, и, хотя в это время он не имел времени писать, он отказался от казенного жалованья, чтобы сохранить за собой свободу действий; он стал душой и организатором помощи голодающим в районе Нижнего-Новгорода. С раннего детства и до самой смерти он был единственной поддержкой своей семьи. Если приложить к нему мерку христианской морали, Чехов был святым. Его самопожертвование было безграничным ⟨...⟩

Он был гуманистом во всем. Он смело смотрел в глаза действительности, но не забывал при этом и о собственной душе. Для него не существовало антагонизма между наукой и литературой или между наукой и человеческой природой. Для него все это были положительные явления. Люди, и только люди, враждуют между собой. А если бы они научились проявлять друг к другу чуть больше любви и доброты, жизнь стала бы намного лучше. И потому художник обязан прежде всего быть честным человеком ⟨...⟩

Чистота души — вот то преобладающее впечатление, которое оставляет Чехов. Он сознательно добивался и достиг душевной красоты, и именно в этом ⟨...⟩ кроется секрет его величия как художника и его значения для нас сегодня.

«The Humanity of Tchehov». — «Athenaeum», 1920, v. 152, p. 299—301.

Мне стыдно признаться, до каких размеров доходит мое восхищение Чеховым. Я обожаю Чехова.

J. M. Murry. Discoveries..., p. 76 («The Significance of Russian Literature»).

Перед нами писатель, который роднее и ближе нам всех других, его правда есть наша собственная правда; он не требует особых толкований, не нуждается ни в каких скидках. И тем не менее его произведения кажутся нам чем-то совершенно новым, и не то, чтобы новыми в одном аспекте и старыми в другом, например новыми по форме, но старыми по содержанию. Нет, они просто новые, в полном смысле этого слова ⟨...⟩

Именно это качество непостижимой простоты, с какой Чехов изображает жизнь, и мешает нам вначале увидеть скрытую под этой простотой глубину понимания жизни. Кажется, он не только понимал жизнь такой, какая она есть, но понимал также неизбежность того, что она такова ⟨...⟩ Он принимал жизнь как нераздельное целое. Из тысячи, казалось бы, неразрешимых противоречий, которые осаждают нас в нашей жизни, он не исключил ни одного. Напротив, именно туда, где противоречия наиболее остры, где жизнь так запуталась, что ее, кажется, по гроб не распутать, устремляет он свой взор прежде всего и — о чудо! — там воцаряется гармония.

Простота Чехова — очень мудрая и зрелая простота. Он достиг ее ценою глубокого знания и непревзойденной внутренней честности.

J. M. Murry. Discoveries..., p. 86—90 («Anton Tchehov»).

ЭДУАРД ГАРНЕТТ

Эдуард Гарнетт (Edward Garnett, 1868—1937) —критик и драматург — своими статьями и книгами о русских писателях способствовал популяризации русской литературы в Англии. Ему принадлежат монографии о Толстом («Tolstoy, his Life and Writings». L., 1914) и Тургеневе («Turgenev, a Study».L.,1917) и ряд статей по русской литературе, в том числе об Островском («Ostrovsky's „The Storm"».—«Friday nights. Literary Criticisms and Appreciations». First series. L., 1929, p. 111—116) и Чехове. Э. Гарнетт и его жена Констанс Гарнетт (1862—1946) —переводчица Толстого, Тургенева, Гоголя, Гончарова и Чехова — были хорошо осведомлены не только в классической, но и в современной им русской литературе. Находясь в дружеских отношениях с С. М. Степняком-Кравчинским во время его пребывания в Лондоне, они поддерживали связь с русской политической эмиграцией. Близкий друг таких крупнейших писателей Англии, как Дж. Голсуорси, Дж. Конрад, Д. Г. Лоуренс и др., Гарнетт сыграл значительную роль в более широком знакомстве их с русской литературой.

Статья «Чехов и его искусство» («Tchehov and his Art»), выдержки из которой приводятся ниже, была опубликована в журнале «London Quarterly Review», 1921, v. 236, № 469, p. 257—269, и в следующем году перепечатана в сборнике критических статей Гарнетта «Пятницы» («Friday Nights. Literary Criticisms and Appreciations». N. Y., 1922, p. 41—62).

Если английские читатели хотят получить достаточно точное представление о Чехове, они не должны рассматривать его в отрыве от всей русской культуры. Чистота души присуща всей русской литературе. Эта чистота, не менее чем искренность ума, является духовной традицией великих русских писателей. Конечно, и в России тщеславие и глупость, самодовольство и претенциозность встречаются подчас в литературе, как плевелы во ржи; однако уже на протяжении двух поколений до Чехова русский гений выражал свой двойной идеал: беспощадную искренность и огромную, идущую от сердца человечность. От Пушкина (1799—1837) до Чехова (1860—1904) мы встречаемся с этим двойным идеалом, воодушевлявшим Пушкина, Гоголя, Белинского, Аксакова, Григоровича, Тургенева, Достоевского, Толстого, Щедрина, Эртеля, Короленко, Гаршина и Горького. Все диалоги и характеры в произведениях крупнейших русских писателей носят отпечаток этих идеалов.

Возродив и подчеркнув этот принцип гуманизма, Чехов явился истинным духовным потомком своих великих предшественников в литературе и их полномочным представителем в девяностые годы 〈...〉

Чехов — это «последнее слово» в современной критике жизни 〈...〉 В чем же его особая «современность»? Гибкий и поразительно независимый ум в сочетании с беспощадностью научного подхода к действительности — вот что дало ему возможность постичь и судить современную жизнь с новых позиций. В видении Чехова, в котором отразились изменения умственного кругозора и вся сложность социального организма в новой России, слиты воедино беспристрастная объективность современного ученого и глубокая человечность, психологическая проницательность, ласковая нежность и веселый юмор впечатлительного художника 〈...〉

«Если не ошибаешься в главном, то ошибаешься в частностях», «никто не знает настоящей правды», — такова мораль Чехова. И голос этой скептической совести человека науки звучит в рассказе «Дуэль», усиливая свойственное Чехову типично русское требование милосердия к человеку. Его научные познания вносят коррективы и обостряют обычное восприятие жизни, а присущая ему человечность в свою очередь корректирует ограниченность чисто научного подхода. В Англии, Америке и во всей Европе люди науки склонны замыкаться в узких рамках своей специальности, ограничивать себя только ею. Их научный кругозор не распространяется на общественные науки. Но у Чехова естественные науки расширяют возможности наук гуманитарных, и те и другие находят общий язык с искусством 〈...〉

В произведениях Чехова процесс жизни очень сложен, а рисунок ее почти неуловим. В повести «Моя жизнь» перед нами развертывается удивительно богатая картина

человеческой сутолоки, в которой тревога, печаль, жестокость и обман переплетаются с надеждой, радостью и относительной удачей. Здесь следует указать, что одна из наиболее существенных черт искусства Чехова, как и его великих предшественников, заключается в том, что нарисованные им картины почти всегда овеяны дыханием безбрежного людского океана, крестьянских масс; это прозрение сокровенных глубин возвышает его творчество над мелочными классово-ограниченными произведениями западноевропейской беллетристики ⟨...⟩ Именно этот фон, это безбрежное, беспокойное море человеческой жизни, трогательное и трагичное, порождает русскую широту кругозора и русский размах эмоционального проникновения и нравственных оценок, столь отличных от наших ⟨...⟩

В массе люди везде, во всех классах общества, одинаковы. Глупость, жестокость и обман делают свое дело равно среди журналистов, государственных деятелей и крестьян, и всему этому злу, существующему в человеческой жизни, можно только противопоставить «любовь и работу, науку и силу воли». Самое существенное — это научиться понимать, а дело художника — показывать людей такими, каковы они есть.

«Tchehov and his Art». — «London Quarterly Review», 1921, v. 236, № 469, p. 257—269.

КЭТРИН МЭНСФИЛД

Писательница Кэтрин Мэнсфилд (Katherine Mansfield, 1888—1923) была прозвана в Англии английским Чеховым. Сама она считала себя ученицей Чехова. На протяжении всей своей литературной деятельности она не переставала изучать рассказы, пьесы и письма Чехова и учиться у него мастерству. В ее переписке с мужем Дж. М. Марри и друзьями, в ее дневнике и записных книжках, изданных посмертно, высказывания о Чехове и выписки из его рассказов и писем занимают значительное место. Чехову посвящены последние страницы ее дневника и записных книжек. В 1919—1920 гг. Мэнсфилд совместно с С. С. Котелянским работала над переводами избранных писем Чехова.

Мэнсфилд не обладала свойственной Чехову широтой кругозора, и даже в лучших рассказах ей так и не удалось достичь исключительной глубины и силы социальных обобщений, присущих рассказам Чехова. Но тем не менее изучение творчества русского писателя оказало значительное воздействие на ее художественный метод и во многом определило направление ее творчества.

Ниже приводятся наиболее характерные выдержки из писем, дневников и записных книжек К. Мэнсфилд: «The Letters of Katherine Mansfield, ed. by J. Middleton Murry».2 vols.,L., 1928; «Journal of Katherine Mansfield 1914—1922, ed.by J. Middleton Murry». L., 1929; «The Scrapbook of Katherine Mansfield, ed. by J. Middleton Murry». N. Y., 1942; «K. Mansfield's Letters to J. Middleton Murry. 1913—1922». L., 1951.

У Чехова есть одно очень интересное письмо ⟨...⟩ Задача писателя не решать вопросы, а ставить их. Самое главное — правильно поставить вопрос. Тут-то, по-моему, и проходит черта, отделяющая писателя подлинного от лжеписателя.

Из письма к В. Вульф, май 1919 г. — «The Letters of Katherine Mansfield», p. 163.

Интересное письмо. — Мэнсфилд имеет в виду письмо Чехова к А. С. Суворину от 27 октября 1888 г. (XIV, 208).

Я перечла «Степь». Что тут можно сказать? Это просто одно из самых великих произведений мировой литературы — своего рода «Илиада» или «Одиссея». Я, кажется, выучу это путешествие наизусть. Есть вещи, о которых говоришь — они бессмертны ⟨...⟩

Пожалуйста, пришлите мне, *как можно скорее*, еще Чехова, и как можно больше ⟨...⟩

Из письма к С. С. Котелянскому, 21 августа 1919 г.— Там же, стр. 173—174.

Самуил Соломонович *Котелянский* (S. S. Koteliansky, 1880—1955) — английский переводчик Чехова, Горького, Достоевского и других русских писателей. Совместно с Мэнсфилд работал над переводами писем Чехова и воспоминаний Горького о Леониде Андрееве.

Он ⟨Шоу⟩ нечто вроде привратника в доме литературы — сидит в своей застекленной будке, все видит, обо всем знает, просматривает письма, подметает лестницу, но не участвует в окружающей его жизни. Когда я написала эти строки, то подумала — да, но кто же действительно живет в этом доме, в полном значении этого слова? Достоевский, Чехов, Толстой и Гарди. Никого другого я не знаю. ¶

Из письма к Дж. М. Марри, 13 декабря 1922 г.— Там же, стр. 230.

Современная английская литература не удовлетворяла Кэтрин Мэнсфилд. Ее критика английских реалистов начала века в известной мере совпадала с высказываниями писателей, принадлежавших к школе неопсихологизма (Джойс, Вульф и др.). Однако для Мэнсфилд, даже в период ее наибольшего увлечения психологизмом, социальные связи не утрачивали своего значения. В приводимом отрывке Мэнсфилд противопоставляет драматургии Шоу, которая с ее точки зрения отражает только внешнюю сторону психики, творчество писателей, сумевших отразить жизнь во всех ее сложных внутренних противоречиях.

О как *чисты* художники — чисты духом и правдивы. Вспомни Чехова ⟨...⟩

Из письма к Дж. М. Марри, март 1920 г.— Там же, стр. 250.

И все же, как ни противно соглашаться со всеми этими глупыми критиками, я должна сказать, что Чехов в самом деле представляется мне изумительным писателем. Я убеждена, что такие рассказы, как «В ссылке» и «Беглец», попросту ни с чем нельзя сравнить.

Из письма к С. Шиф, 1 декабря 1920 г.— Там же, стр. 292.

Глупые критики. — Мэнсфилд имеет в виду увлечение Чеховым в кругах английской снобистской интеллигенции, ставшее в 1920-х годах модой. Подобных обожателей Чехова она высмеяла в рассказе «Счастье» («The Short Stories of Katherine Mansfield». N.-Y., 1937, p. 345).

Ваша книга о Чехове очень интересует меня. Сейчас как раз подходящий момент для такой книги. На прошлой неделе я прочла «Пятницы» Эдуарда Гарнетта, куда вошла длинная статья о Чехове. Гарнетт, по-видимому, придает очень большое значение тому, что Чехов получил медицинское образование, имея в виду не косвенное, а прямое значение его для Чехова. В качестве доказательства он цитирует «Именины» и письмо Чехова, в котором тот пишет: «Право, не дурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь. Дамы говорят, что роды описаны верно».

Однако, вопреки письму Чехова, совсем не обязательно быть врачом, чтобы написать этот рассказ. В нем нет ничего такого, чего не мог бы описать любой, наделенный достаточной восприимчивостью писатель, не имея при этом врачебного диплома. Истинное «значение» медицинского образования для Чехова-художника требует более тонкого определения.

Вообще Чехова понимают очень плохо. Его все время рассматривают под каким-нибудь одним углом зрения, а он из тех, к кому нельзя подходить только с одной стороны. Нужно охватить его со всех сторон — увидеть и почувствовать его целиком ⟨...⟩

Но, право, мне нельзя писать о Чехове. О нем я могла бы писать и писать ⟨...⟩ без конца.

Из письма к У. Джерхарди, 10 июля 1922 г.— Там же, стр. 395—396.

Ваша книга о Чехове... — книга Джерхарди «Антон Чехов, критическое исследование» (W. Gerhardi. Anton Chekhov, a Critical Study. N.-Y. 1923), выдержки из которой см. ниже. В момент написания письма Джерхарди еще работал над этой книгой, которая опубликована уже после смерти Мэнсфилд.

«*Пятницы*» — название сборника критических статей Э. Гарнетта (E. Garnett. Friday Nights. Literary Criticisms and Appreciations. N.-Y., 1929).

«*Право, не дурно быть врачом...*» — цитата из письма Чехова к А. С. Суворину от 15 ноября 1888 г. (XIV, 233).

Возможно, вы согласитесь со мной, что все мы, писатели, в какой-то степени взаимно поглощаем тех, кого мы любим (само собой разумеется, что вы любите Чехова). Анатоль Франс сказал бы, что мы пожираем друг друга, но, пожалуй, правильнее сказать — питаем друг друга. Например, рассказ Толстого «Смерть Ивана Ильича» питал талант Чехова. Весьма возможно, что Чехов никогда не писал бы так, как он писал, если бы не читал этого рассказа. Между рассказами, написанными им до того, как он познакомился с этим произведением, и написанными после, лежит резкая грань.

Из письма к Арнольду Гиббонсу, 13 июля 1922 г. — Там же, стр. 397.

Я отдала бы все, что написал Мопассан,— все до единого слова — за один рассказ Чехова.

Из письма к Дж. М. Марри, 1 декабря 1920 г.— «K. Mansfield's Letters to J. M. Murry», p. 608.

Чехов ошибался, думая, что, если бы у него было больше времени, он бы писал подробнее, описал бы дождь и как доктор с акушеркой пьют чай. На самом деле в рассказ нельзя вместить всего, и всегда чем-то приходится жертвовать. Приходится опускать многое из того, что знаешь и хочешь использовать. Почему? Не знаю, но это так.

Из записи 17 января 1922 г.— «Journal of Katherine Mansfield».

Чехов ошибался... — Имеется в виду письмо Чехова к А. С. Суворину от 27 октября 1888 г. (XIX, 208).

По всем существующим законам
Эта книга должна принадлежать мне.
Кроме того, ты несомненно согласишься,
Что я являюсь английским Антоном Ч⟨еховым⟩

(Надпись, сделанная в 1917 г. на книге рассказов Чехова, принадлежащей Дж. М. Марри.)

Прости мне, Чехов, мою дерзость.

Запись 12 декабря 1920 г.— «The Scrapbook of Katherine Mansfield», p. 189.

О милый Чехов! Мне было так плохо сегодня вечером — я была больна, несчастна, подавлена,— а ты заставил меня смеяться ⟨...⟩ и обо всем забыть, мой неоценимый друг.

Из записи 16 декабря 1920 г.— Там же, стр. 190.

Мне не было бы жаль, если бы сгорели все до единого французские рассказы, но остался один этот рассказ («Тоска»). Это один из мировых шедевров.

Из записей за 1921 г.— Там же, стр. 223.

АЛЬФРЕД ЭДГАР КОППАРД

Писатель Альфред Эдгар Коппард (Alfred Edgar Coppard, 1878—1957), начавший свою литературную деятельность в 1920-е годы, испытал на себе несомненное воздействие Чехова, который был одним из его любимых писателей.

В 1923 г. Коппард, уже известный читателю по трем сборникам рассказов, выступил со статьей о Чехове («Anton Chekhov».—«Spectator», 1923, № 4980). Эта статья была откликом на книгу Джерхарди «Антон Чехов, критическое исследование» (W. Gerhardi. Anton Chekhov, a Critical Study. N.-Y., 1923), о которой Коппард в целом отозвался положительно. Однако центральное место в статье занимает не оценка книги, а собственные высказывания Коппарда о Чехове. Ниже приводятся наиболее характерные выдержки из указанной статьи Коппарда, отзыв о Чехове из его автобиографической книги «Это я. О боже» («It's me. O, Lord». L., 1957), а также высказывание о Чехове из его заметки «Приветствуем съезд», присланной в «Литературную газету» в связи с открытием Второго Всесоюзного съезда писателей 16 декабря 1954 г.

Секрет поразительной силы Чехова, как мне кажется, отчасти заключается в том, что он вызывает у читателя такую глубокую любовь к себе, как ни один другой писатель; это не восхищение — нет, хотя им можно без конца восхищаться, и не одно только чувство наслаждения искусством, хотя нет сомнения, что его талант это чувство вызывает,— но именно любовь, простая человеческая любовь к самому автору как к человеку. Ибо каждое его слово дышит не только обогащающим нас чувством наслаждения природой, но и глубоким состраданием к человеку, который своими слабыми руками тщетно пытается удержать счастье...

Он ⟨Чехов⟩ расширяет наш духовный мир. Но расширяет его не в области научных знаний или абстрактных идей. «Художник наблюдает, выбирает, догадывается, компанует» — такова простая формула Чехова. Чехов — реалист, но его обыкновенные люди, — а его герои всегда обыкновенны,— предстают перед читателем в какой-то значительный момент в своей жизни, когда на короткое мгновение они *приобретают* всеобщий *интерес*. В этой способности делать значительными незначительнейшие мелочи жизни Чехов не имеет себе равных в литературе; художник и человек были в нем едины ⟨...⟩

Между ними ⟨Мопассаном и Чеховым⟩ есть много общего как в стилистических приемах, так и в тематике. Оба они обладали исключительной наблюдательностью и всегда умели ловить на лету неприметные мелочи, чтобы потом ввести эти детали в свои рассказы. В их записных книжках огромное количество мгновенно и вместе с тем превосходно схваченных впечатлений и поразительно верно подслушанных разговоров.

Из этих-то запасов они и брали в основном материал для своих рассказов. Любимыми героями обоих писателей были крестьяне и мелкие чиновники. Еще одна черта сходства — оба писателя как будто избегают делать выводы, оба это подчеркивают, и тем не менее в их творчестве ясно звучит сочувствие к людям бедным, к чудакам и неудачникам. Однако юмор, страстность и величайшее мастерство русского писателя были недоступны Мопассану.

«Anton Chekhov». — «Spectator», 1923, № 4980.

«*Художник наблюдает, выбирает, догадывается, компанует*» — цитата из письма Чехова к Суворину от 27 октября 1888 г. (XIV, 207).

Четыре великих русских писателя — Чехов, Тургенев, Толстой и Достоевский, прекрасно переведенные Констанс Гарнетт,— покорили меня своим высочайшим мастерством. В этом великом квартете Чехов всегда занимал для меня первое место.

A. E. Coppard. It's me. O, Lord. L., 1957, p. 223,

Вот уже сорок лет рассказы и пьесы Чехова оказывают влияние на английский роман и новеллу, глубоко воздействуют на английский театр.

«Литературная газета», 1954, № 149, от 16 декабря.

УИЛЬЯМ ДЖЕРХАРДИ

Уильям (Александр) Джерхарди (William (Alexander) Gerhardi, p. 1895) вырос в России, где его отец — крупный английский фабрикант — представлял свою фирму. В 1922 г., возвратившись в Англию, Джерхарди опубликовал свой первый роман «Тщетность» («Futility». L., 1922) написанный, по мысли автора, в духе Чехова. В романе имеются ссылки на Чехова.

В 1923 г. Джерхарди опубликовал книгу о Чехове — «Антон Чехов, критическое исследование» («Anton Chekhov, a Critical Study». N.-Y., 1923), в которой наиболее полно было раскрыто то понимание Чехова, которое сложилось у писателей неопсихологистов, в частности в группе «Блумсбери». Считая творчество Чехова новым словом в развитии реализма, Джерхарди связывает новаторский характер этого творчества с особенностями мировоззрения писателя. Однако это мировоззрение трактуется автором как релятивизм, который, по мнению Джерхарди, дает возможность Чехову отказаться от старых форм построения романа или новеллы — от фабулы и прямого

выражения авторской точки зрения. Объективизм и бесфабульность («поток сознания») были основными и программными особенностями психологического романа Джойса, Ричардсон, Вульф и других неопсихологистов. Несмотря на неправильную в целом концепцию творчества Чехова, книга Джерхарди содержит ряд интересных конкретных наблюдений над стилем произведений русского писателя. До 1950 г. она оставалась единственной монографией о Чехове в Англии и выдержала несколько изданий.

Ниже приводятся выдержки из 2-й и 3-й глав этой книги Джерхарди.

Чехов не был ни пессимистом, ни оптимистом. Жизнь не кажется ему ни безобразной, ни счастливой, он ощущает ее как нечто неповторимое, неуловимое, прекрасное и в то же время страшное.

W. G e r h a r d i. Anton Chehov, a Critical Study, p. 22.

Представьте себе, что один и тот же человек вмещает в себе революционера и схимника, и что оба они разом кричат: «Вперед!» — и тогда вы поймете, почему Чехов предпочитал оставаться на месте.

Представьте себе, что в сознании человека постоянно полемизируют два ловких адвоката, полностью нейтрализуя один другого,— и тогда вы поймете, отчего Чехов никогда не спешил вынести приговор себе подобным 〈...〉

Там же, стр. 35—36.

Во всякой неправде Чехов видел скрытую за ней правду. Жизнь приводила его в замешательство, потому, что, подходя к каждому явлению индивидуально, он всегда видел вытекающую из совокупности всех обстоятельств неизбежность любого поступка, и скрытая за неправдой правда возбуждала в нем сострадание. Именно это и делало его великим художником 〈...〉

Чехов писал и святых и грешников одной и той же сочувственной кистью. Инстинктивно он ставил себя на место каждого человека, которого изображал. Понимая все побуждающие причины, Чехов за всякой неправдой видит скрытую в ней правду — и неправда перестает быть неправдой. Единственная неправда — это неумение вникнуть, понять 〈...〉

Там же, стр. 58—59.

Затем встает вопрос о реализме. Реализм Чехова есть естественное развитие реализма Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого, его отличие от старого реализма в том, что Чехов нашел для него новую и более подходящую форму.

Реализм, термин, которым столько злоупотребляли, означает, если он вообще что-нибудь означает, что художник извлекает из жизни характерные черты (ибо жизнь сама по себе расплывчата, бесформенна, хаотична, как море, как изображение не в фокусе) и располагает эти черты таким образом, чтобы, поместив их в фокус художественного восприятия, они представляли собой эту самую жизнь — расплывчатую, бесформенную, хаотичную, как море. Реалист — это тот, кому в рамках художественной формы (без которой не может быть и речи об искусстве) удалось передать то, что собственно формы не имеет, бесформенное. Другими словами, в лице Антона Чехова реалисту действительно удалось, в виде исключения, схватить этого дикого зверя джунглей — действительность — и более того, показать его нам, не в зоологическом саду, не в клетке, а на свободе, в родных зарослях: впервые за всю историю реалистического искусства клетка (форма) оказалась совершенно невидимой 〈...〉

Там же, стр. 102—103.

Существенное различие между старой традицией и новой (пионером которой является Чехов) заключается в том, что представители старой традиции игнорировали неуловимую текучесть жизни 〈...〉 Иногда они уничтожали поток жизни ради того, чтобы придать ему форму, чтобы заострить фабулу, между тем как для Чехова именно текучесть жизни составляла одновременно и форму и содержание его рассказов 〈...〉

Там же, стр. 105.

Как он этого достигает? Отнюдь не отбрасывая фабулу, но используя фабулу совершенно иного рода, основная ткань которой, как и в жизни, лежит под поверхностью событий и образует нашу судьбу. Таким образом Чехов всего лишь отказывается от фабулы, построенной на умышленно созданной последовательности событий, и более того, события в его рассказах столь же случайны, как и в действительной жизни. Реализм дочеховский был не более как условность. По мере того как писатели стали уверенней вводить в литературу незначительные случайности, характерные для живой жизни, реалистическая литература стала больше походить на живую жизнь. Однако даже Флобер, даже Тургенев, даже сам Толстой придерживались старой традиционной формы — крепко сколоченной фабулы ⟨...⟩

Там же, стр. 107.

Для Чехова литература — это жизнь, ставшая понятной благодаря тому, что была открыта ее форма — форма, в самой жизни невидимая, но которую можно увидеть, если мысленно отодвинуться на некоторое расстояние, чтобы получше разглядеть жизнь. Жизнь в ее беспредельной многогранности кажется расплывчатой и лишенной формы. А так как литература должна иметь форму, а жизнь бесформенна, реалисты прошлого полагали, что невозможно изображать жизнь во всей ее совокупности и сохранять в то же время необходимую для литературы форму. Поэтому они считали, что в каждом отдельном случае можно изображать только одну какую-нибудь сторону жизни. И вот у Чехова возникла совершенно новая точка зрения — он стал изображать жизнь во всей ее совокупности; эта-то совокупность и есть форма его произведений ⟨...⟩

Там же, стр. 109.

Со времени Достоевского так называемая психологическая литература сделала значительный шаг вперед, обогатившись методом такого писателя, как Чехов ⟨...⟩ Во-первых, он нашел для нее соответствующую художественную форму. Во-вторых, заставляя нас непрестанно чувствовать значимость психологического переживания, он не увлекается отображением всех переживаний на протяжении 24 часов в сутки, а, подчеркнув только некоторые отдельные реакции, он придает психологии форму. И в-третьих, психологические переживания, которые он рисует, всегда значительны — тревожны или приятны, или то и другое вместе.

Там же, стр. 124.

ВИРДЖИНИЯ ВУЛЬФ

Вирджиния Вульф (Virginia Woolf, 1882—1941) — одна из виднейших представительниц неопсихологизма в Англии, глава группы «Блумсбери». В своих теоретических высказываниях она неоднократно подчеркивала преклонение перед русскими писателями — Достоевским, Толстым и особенно Чеховым. Критикуя английских реалистов — Уэллса, Голсуорси, Шоу и Беннета — за социальный характер их творчества, Вульф противопоставляла им русских писателей, в творчестве которых внутренний мир человека якобы раскрыт как нечто самодовлеющее.

Ниже приводятся отрывки из статей Вирджинии Вульф «Современная литература» («Modern Literature») и «Русская точка зрения» («Russian Point of View»), опубликованных в сборнике ее программных статей «Обыкновенный читатель» («The Common Reader», 1-st series. L., 1925).

Интерес писателей нового направления сосредоточен на темных сторонах психологии. Поэтому в их произведениях акценты распределяются по-новому: все то, что до сих пор обходили вниманием, приобретает у них значение, и поэтому сразу же появляется необходимость в новой форме, которая для нас трудна, а для наших предшественников, вероятно, была уже совсем непостижимой. Только писатель нового направления и только русский писатель, пожалуй, мог заинтересоваться ситуацией, из которой Чехов извлек рассказ, названный им «Гусев». Несколько больных русских солдат лежат на палубе корабля, везущего их назад, в Россию. Мы слышим обрывки

их разговоров и узнаем несколько разрозненных мыслей. Потом один из них умирает, и его уносят, а остальные продолжают еще некоторое время разговаривать, пока не умирает сам Гусев, и его, похожего «на морковь или редьку», бросают за борт. Автор расставляет акценты в таких неожиданных местах, что вначале нам кажется, что в его рассказе ничто не выделено, и только, когда глаза привыкнут к полумраку и начнут различать отдельные предметы, мы заметим, как, в полном согласии со своим видением мира, Чехов отобрал одно, другое, третье и, поместив их вместе, создал нечто совершенно новое. Но невозможно сказать «это комично» или «это трагично». Мы даже не уверены в том, можно ли вообще назвать рассказом этот расплывчатый и незавершенный отрывок,— ведь нас всегда учили, что неотъемлемым признаком рассказа является краткость и завершенность.

Даже в самых беглых заметках о современной английской литературе едва ли можно обойтись без упоминания о русском влиянии, а коль скоро мы упоминаем русских писателей, неизбежно возникает чувство, что писать о всякой другой литературе, кроме русской,— пустая трата времени.

V. W o o l f. The Common Reader, p. 192—193 («Modern Literature»).

При первом знакомстве Чехов отнюдь не кажется нам простым, скорее он вызывает замешательство. Какой во всем этом смысл? Почему он написал об этом рассказ? — спрашиваем мы себя, читая рассказ за рассказом. Мужчина влюбился в замужнюю женщину, они расстаются, сходятся вновь, и рассказ обрывается на том, что они размышляют о создавшемся положении и думают, каким образом могли бы они высвободиться из «этих невыносимых пут».

« — Как? Как? — спрашивал он, хватая себя за голову.— Как?

И казалось, что еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко, и что самое сложное и трудное только еще начинается». Вот и все. Почтальон везет студента на станцию, и всю дорогу студент пытается вовлечь почтальона в разговор, но тот упорно молчит. Наконец, он неожиданно заявляет: «Посторонних возить с почтой не велено», и потом со злобой на лице шагает взад и вперед по платформе. «На кого он сердился? На людей, на нужду, на осенние ночи?» — И на этом рассказ кончается. Неужели это конец? — спрашиваем мы. И у нас создается впечатление, что мы, по-видимому, не заметили сигнала и проскочили остановку, или, другими словами, что мелодия как-то оборвалась без привычного заключительного аккорда. Вероятно, только прочитав очень много рассказов, мы почувствуем <...> что Чехов не просто бессвязно перескакивает с предмета на предмет, но намеренно трогает то одну, то другую струну, чтобы полностью выразить свою мысль.

Чтобы правильно раскрыть основной смысл, заключенный в этих странных рассказах, нам приходится вдумываться в них. Сам Чехов указал нам правильное направление для поисков. «У родителей наших был бы немыслим такой разговор, как вот у нас теперь,— говорит он.— По ночам они не разговаривали, а крепко спали, мы же, наше поколение, дурно спим, томимся, много говорим и все решаем, правы мы или нет».

Из этих дурных снов и бесконечных разговоров родилась наша литература — и социальная сатира и утонченный психологизм. И все же между Чеховым и Генри Джеймсом, между Чеховым и Бернардом Шоу существует огромное различие. В чем оно заключается? Чехов не менее других отдает себе отчет в существовании зла и несправедливости в обществе; его ужасает положение крестьян, но при всем этом он не обладает темпераментом реформатора. Нет, это еще не тот сигнал, по которому нам следует остановиться. Человеческое сознание сильно интересует его. Он самый тонкий, самый проницательный исследователь человеческих отношений. Но и это еще не все, и это еще не конец <...> Душа больна, душа излечена, душа не излечена. Вот что самое важное в его рассказах.

V. W o o l f. The Common Reader, p. 222—225 («The Russian Point of View»).

«*—Как? Как?— спрашивал он...*» — Цитата из рассказа Чехова «Дама с собачкой» (IX, 272).

«*Почтальон везет студента...*» — Имеется в виду рассказ «Почта» (1887).

«*У родителей наших...*» — Цитата из рассказа Чехова «Случай из практики» (VIII, 349).

Генри *Джеймс* (Henry James, 1843—1916) — американский писатель, автор психологических романов, ставивший своей целью исследование тончайших нюансов психологии.

ДЕЗМОНД МАККАРТИ

Английский критик Дезмонд Маккарти (Desmond Mac Carthy, p. 1878) на протяжении ряда лет (с 1914 по 1938 г.) рецензировал постановки пьес Чехова в различных лондонских театрах. Его рецензии, публиковавшиеся в журналах «New Statesman» и «New Statesman and the Nation», способствовали популяризации драматургии Чехова в Англии. В своей общей концепции творчества Чехова Маккарти в значительной мере опирался на воззрения группы «Блумсбери».

Ниже приводятся наиболее характерные отрывки из рецензий Маккарти.

У нас был свой, английский Чехов; его звали Джордж Гиссинг. «Три сестры» напомнили мне одну из героинь романа «Лишние женщины». Длинные романы Гиссинга—и по духу своему и по социальному содержанию напоминают мне короткие рассказы Чехова. Та же настойчивость в изображении смертельной схватки между утонченной чувствительностью и нищетой; обоих глубоко сокрушает то, что лучшие свойства человека зачастую и делают его беспомощным и несчастным; оба они питают беспредельное сочувствие к возвышенному порыву на подрезанных крыльях, оба сознают, что черствая душа — самый верный щит в жизни, и не хотят, однако, мириться с этим и не становятся циниками — напротив, им это очень горько; оба они, по-видимому, склонны обвинять в этом нашу цивилизацию, и вместе с тем считают, что причина лежит глубже, в самой ткани жизни, <...> оба они видят, как родственные души — люди, способные живо чувствовать все несовершенство бытия,— стремятся друг к другу, и как их неминуемо разъединяет случай; оба писателя понимают всю бессмысленную терпкость последнего «прости»; у обоих надежда — это оцепенелая, почти мертвая куколка бабочки — но только тронь ее, и она зашевелится в своем неподвижном сне <...>

Когда после «Трех сестер» упал занавес и я бросился за шляпой, в моей памяти вдруг на мгновение возникла одна картина. Мне вспомнился переполненный кабак. Воздух душен и мутен; словно монеты на дне сосуда с мыльной водой, сквозь табачный дым от трубок и дешевых сигар маячат блестящие медно-красные лица. Исполняется песенка по заказу, и ее то и дело прерывает то звон разбиваемого стакана, то визг притиснутой в углу девки. У расстроенного громыхающего пианино стоит девушка. Она поет. У нее болезненное изжелта бледное лицо, покатые плечи и добрые выпуклые глаза. Она поет о любви, которую ей не суждено узнать: еще два года такой работы и такой пищи — конфеты и маринованные огурцы,— и она превратится в угрюмую, беззубую, анемичную неряху.

Почему именно эта сцена так живо предстала передо мной? Благодарю вас, друзья мои, за помощь. Разве не воплотился в этой картине путь человеческой души, по Чехову? И вот еще что: в героях этой пьесы нет ничего специфически русского — я их прекрасно знаю, хотя никогда и не бывал в России.

«The Three Sisters».— «New Statesman», 1920, v. 14, № 361, p. 676—677.

Джордж *Гиссинг* (George Gissing, 1858—1903) — английский писатель, натуралист, автор романов, отражающих жизнь лондонских трущоб. Гибель художника в борьбе с нуждой при полном равнодушии или враждебности окружающей его среды — одна из тем, часто встречающихся в романах Гиссинга.

«*Лишние женщины*» («Odd Women», 1893) — роман Джорджа Гиссинга.

Чехов назвал своего «Дядю Ваню» «*сценами из деревенской жизни*». Ему хотелось, чтобы с самого начала было совершенно ясно, что он пишет пьесу, непохожую на произведения Скриба, Сарду или Александра Дюма-сына. Он писал свой «Миддлмарч», но только писал его для театра <...> Пьесу Чехова никак не назовешь несценичной,

ибо она захватывающе интересна, но сценична она не потому, чтобы в ней имелась продуманная интрига или герои ее действовали по правилам сценического искусства, но потому, что в моментальных снимках обыденной жизни, которые показал нам Чехов, мы с горечью узнаем то, что сами ежедневно наблюдаем в жизни ⟨...⟩

Сопоставление всех персонажей именно в этих жизненных обстоятельствах и разговоры, которые они ведут между собой, открывают широкий простор мыслям и чувствам. Посмотрев пьесу, мы знаем всю жизнь этих семи или восьми людей. Нам известно их прошлое, хотя они говорили о нем очень мало, мы догадываемся об их будущем. Более того, хотя они принадлежат России, и к точно определенному периоду русской истории ⟨...⟩ этих людей мы можем встретить в любой стране. Лондон кишит ими, они, верно, были и в зрительном зале во время спектакля.

Кто из нас не встречал дяди Вани? Он исполнен добрых намерений и чуть подкисших идеалов; храбр на словах, малодушен на деле; легко впадает в отчаяние и льет слезы, а если сильно рассердить его, способен даже выпалить из револьвера, никого при этом не задев. Нам знакома и молодая жена профессора, Елена, чувственная, безнравственная женщина, разыгравшая роль этакого ангела-хранителя, безобидной Цирцеи, которая для таких мужчин, как Астров и дядя Ваня, куда опаснее настоящей Цирцеи с ее золотыми кудрями и хрюкающим стадом свиней. Все мы встречали и Соню, простенькую, невзрачную, добрую племянницу, которая любит без взаимности и остается дома, чтобы привести в порядок дядюшкины счета. Однако, скажет нам читатель, если мы так хорошо, чуть ли не наизусть знаем всех этих людей, если перед нашими глазами вновь проходят герои Джордж Элиот и других романистов, в чем же оригинальность Чехова-драматурга? А оригинальность его заключается вот в чем: он не только вывел на сцену живых людей — это делали многие драматурги со времен Аристофана и до Сент Джона Ханкина,— он вынес на сцену то, что во всех других пьесах происходит между действиями, а уж этого до него не делал никто. Иными словами, все мы знаем, что, когда страстные любовники скажут друг другу «прощай» и когда все будет кончено, обычная жизнь героев, несмотря ни на что, пойдет своим чередом: им придется одеваться и раздеваться, завтракать, пить чай и ужинать, и после того как все уже окончательно попрощаются, наступит минута, когда кто-нибудь должен будет сказать: «карета подана», и эта карета подъедет к крыльцу, гости сядут в нее и уедут, а хозяин останется дома. Чехов показывает все это — как гости уезжают, и как хозяева остаются. Мы слышим, как унылый механизм повседневности продолжает привычно, по-старому скрипеть.

Это впечатление совсем ново и неописуемо трогательно, особенно если пьеса представлена на сцене с должным тактом. Тут, безусловно, очень многое зависит от игры актеров.

«Tchekhov and the Stage Society».—«New Statesman», 1921, v. 18, № 451, p. 454—455.

«*Миддлмарч*» («Middlemarch», 1871—1872) — роман английской писательницы Джордж Элиот (1819—1880), описывающий быт и нравы сельской Англии. Роман имеет подзаголовок: «Картина провинциальной жизни».

Ст. Джон *Ханкин* (St. John Hankin, 1869—1909)— английский драматург.

Чехов идет по стопам Тургенева; его излюбленная тема — разочарование ⟨...⟩ Он любит изображать ту же обстановку, что и Тургенев: летние леса, усадьбу, где живут интеллигентные люди, которые всё говорят, говорят — подлинное nue nichée des gentilhommes*. Вы встретите здесь идеалиста, умиляющегося собственной бесполезности, и девушку, которая стремится все сильнее сковать себя повседневными заботами, чтобы не думать об ускользающей молодости, и умного человека, который не нашел цели в жизни и сделался слезливым циником, и пожилого мужчину, который вдруг спохватился, что еще и не начинал жить, и старуху, которой хочется только одного — чтобы жизнь покойно катилась по знакомой избитой колее. Дни их текут медленно; они дышат воздухом, душным от не нашедшей себе выхода энергии; изредка разражаются истерические бури, но они никого не освежают. Это

* Дворянское гнездо (франц.).

атмосфера вздохов, зевков, самообвинений, водки, грез, бесконечных чаепитий и нескончаемых споров. Люди эти — словно некрепко связанные между собой щепочки и соломинки, которые вяло кружатся в медленном водовороте. Каждый из них страстно хочет оторваться от других и умчаться в стремительном потоке, несущемся мимо ⟨...⟩ Когда-нибудь, через триста, пятьсот лет, жизнь, может быть, будет *жизнью* ⟨...⟩

Таким, в целом, рисуется чеховский мир. Что же общего, спросите вы, между этими людьми и нами? Почему их судьба так глубоко волнует нас, нас — потомков Робинзона Крузо, людей воздержанных и с хорошим пищеварением? А я не вполне уверен, что в конце концов у многих из нас не окажется гораздо больше общего с этими людьми, чем может показаться на первый взгляд. Правда, у нас больше выдержки и меньше склонности к истерике, но ведь и наша жизнь, если вглядеться в нее попристальнее,— это жизнь мухи, попавшей в мухоловку.

Герои Чехова оплакивают не только крушение личных надежд, но и неизбежное разочарование в жизни вообще. И хотя критики считают эту особенность творчества Чехова результатом определенной фазы, определенного периода русской истории, именно она делает его произведения вечно живыми.

Entbehren sollst du! Sollst entbehren.
Das ist der ewige Gesang*.

Это тема, которая не может устареть.

Чехов — художник прощаний: прощаний с молодостью, с нашим прошлым, с надеждами, с любовью ⟨...⟩

И тем не менее, из этих воззрений на жизнь, которые можно было бы назвать «унынием», Чехов создает произведение искусства, которое волнует и возвышает нас, словно прекрасная музыка. Нет, не с чувством уныния выходим мы из театра после «Трех сестер». Как это верно, что хорошая пьеса должна звучать, как музыка! Логической согласованностью фактов она должна взывать к разуму, но на наши чувства она должна действовать, как поток музыки, не поддающейся анализу. И снова и снова переплетаются между собой два основных мотива: надежда для человечества в целом и отчаяние отдельного человека ⟨...⟩

Бывали драматурги, у которых диапазон был шире, а рука уверенней, чем у Чехова, но никто еще не подходил к оценке человеческого характера с таким тонким чувством справедливости.

«Tchehov».— «New Statesman», 1926, v. 26, № 671, p. 645—646.

Драма Чехова — это радуга во время дождя, это улыбка, сияющая сквозь слезы. В английских постановках его пьес слишком обильно лил дождь и слишком редко сияло солнце.

В драме Чехова — и в этом главный источник и ее прелестного юмора и ее горькой печали — впервые во всем своем значении прозвучала тема одиночества. Каждый из его героев живет в скорлупе своего эгоизма и только в редкие минуты они ломают эту скорлупу и выходят навстречу друг другу. Эта нота слышится уже в самом начале пьесы — в разговоре между Дуняшей и Аней. Обе рады встрече, но каждая хочет говорить только о своем, а не слушать другую ⟨...⟩ Эта тема естественного всеобщего эгоизма — тема, по существу, комическая. Она отнимает у страдания его ореол возвышенности. Поэтому Чехов главным образом юморист, а не трагический художник. Но когда в то же время Чехов, как это умеет делать только он, отдает должное человеческому сердцу, то в результате перед нами предстает волнующая нас действительность — трагикомедия, а она-то, как бы там ни было, и является тем видом драматического произведения, который наиболее приемлем для современного человека.

«The Cherry Orchard».—«New Statesman and the Nation», 1933, v. 6, № 139, p. 481—482.

---

* Отказывай себе, смиряй свои желанья,— вот песня вечная...
Гете. Фауст, ч. 1, ст. 1549—1550. Перев. А. Струговщикова, 1856.

ДЖОН БОЙНТОН ПРИСТЛИ

Романист, драматург и критик Джон Бойнтон Пристли (John Boynton Priestley, р. 1894) познакомился с произведениями Чехова в самом начале своей литературной деятельности — в 1920-х годах. В 1925 г. он выступил со статьей «Чехов как критик» («Chekhov as Critic». — «Saturday Review», 1925, Oct. 17, p. 446), в которой подчеркивал значение творчества Чехова для современной литературы, особенно для жанров рассказа и драмы.

В дальнейшем, будучи уже зрелым писателем, Пристли уделяет много внимания изучению драматургии Чехова.

Ниже приводится (с некоторыми сокращениями) статья «Чехов как критик», заметка о Чехове, присланная Пристли для газеты «Литература и искусство» в 1944 г., и отрывок из его книги «Искусство драматурга» (J. B. P r i e s t l e y. «The Art of the Dramatist». L., 1957).

Мысль — отобрать из обширной переписки Чехова письма, посвященные литературе и театру, и издать их отдельной книгой — безусловно очень удачна. Влияние Чехова всегда было огромно, и оно отнюдь не кончилось. Лучшие из наших современных новеллистов охотно признают, что они многим обязаны Чехову — постоянно и с неизменным восторгом перечитывая его, они, с одной стороны, черпают вдохновение в его мастерстве, с другой, изучают его критические замечания об искусстве рассказа. В драме его роль до сих пор была менее значительной. Однако, я думаю, что именно в этом жанре его влияние со временем окажется даже бóльшим, чем в рассказе,— хотя бы потому, что в «Трех сестрах» и «Вишневом саде» его достоинства еще более удивительны, чем в его лучших рассказах. В этом самом неподатливом из всех жанров искусства он, как мне кажется, совершил больше чудес, чем в жанре короткого рассказа. Возможно, что в рассказе он показал себя более совершенным художником, но как новатор, как писатель, оказывающий влияние, Чехов-драматург еще затмит Чехова-новеллиста. Если в пьесе такого драматурга, как Бернард Шоу, который значительно старше Чехова, намного опытнее его в театральном деле и гораздо более известен, ощущалось явное влияние Чехова (пьеса «Дом, где разбиваются сердца»), то можно с уверенностью сказать, что это влияние отнюдь не кончилось. Напротив, оно только еще начинается ⟨...⟩

Безусловно, во всей книге самый ценный раздел тот, который озаглавлен: «Искусство рассказа» и в котором собраны различные письма Чехова к писателям. Всякому, кто когда-либо пытался писать рассказы, и просто читателю, который хочет научиться понимать современный рассказ, знать, как шло развитие этого жанра, необходимо познакомиться с этими письмами. В них все — хлеб.

Обратите хотя бы внимание на такое замечание: «Да! Как-то писал я вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление». Или на адресованное годом позже той же корреспондентке: «Вы делаете большие успехи, но позвольте мне повторить совет — писать холоднее. Чем чувствительнее положение, тем холоднее следует писать и тем чувствительнее выйдет». Для каждого пишущего это замечание — просто неисчерпаемый клад. Почему пафос, свойственный многим писателям, даже таким великим писателям, как Диккенс и Стерн, не только не трогает нас, но даже отталкивает? Да потому, что они так открыто дают волю собственным чувствам, так явно наслаждаются своей чувствительностью. Но когда автор не только не впадает в чувствительность, а, напротив, обращается со своим материалом с подчеркнутой холодностью, то именно вследствие этой его холодности наши чувства и доходят до высокого накала. Чехов догадался перенести этот прием на сцену. В пьесе нет рассказчика, который оставался бы подчеркнуто безучастным в наиболее патетических моментах. Зато тут сталкивается несколько героев. Предположим, что один из них охвачен каким-нибудь глубоким переживанием, целиком погружен в свои сокровенные мечты. И вот, если другой герой или герои, за-

нятые собственными мыслями и делами, относятся к нему с невниманием и равнодушием, то на зрителей это произведет тот же эффект, что и видимое равнодушие автора в рассказе. Если на сцене никто не будет проявлять интерес, не будет растроган, то зрители проявят интерес, будут растроганы <...>

В чем же суть совета, который Чехов так охотно дает своим товарищам по перу? Каков же его художественный метод? Коротко его можно было бы характеризовать как субъективное, превращенное в объективное. Чехов называл себя объективным писателем (он любил это слово), но это не совсем так.

Как человек своего времени, он стремится к субъективному, иначе говоря, его интересуют не поступки, а душевное состояние героя. Однако в отличие от многих современных нам писателей, он не считал нужным описывать душевные состояния. Описывает же он и притом предельно кратко (он всегда настаивает на краткости, на простой констатации фактов) внешние события, поступки и разговоры, благодаря которым мы и заключаем о чувствах его героев. «Когда я пишу,— заметил он однажды,— я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам». Таким образом, он очень далек от большинства наших модернистов, которые с первой и до последней главы копаются в душе своих героев. Метод Чехова несомненно и есть тот метод, которым создается подлинно художественная проза, рассказ, как таковой, и именно этот метод, или во всяком случае, близкий, будет применяться в лучших творениях художественной литературы ближайшего будущего. Джойсы нашей литературы не открывают новой эпохи, как это думают многие. Они замыкают собой старую эпоху. Они представляют собою бурное логическое завершение и последнее слово — «finis». Метод Чехова, где кажущаяся простая объективность положения служит тончайшей субъективности автора, дается нелегко. Под него нельзя подделаться. Тут нужен гений, подлинное воображение. Писатель должен весь проникнуться своей темой, жить ею всем своим существом так, чтобы, наконец, выделить в ней существенное, и тогда его изложение, которое будет казаться простой констатацией фактов, обретет могучую силу будить мысль и чувства <...>

То, что этот метод прививается в современной литературе,— самое большое счастье для нее.

«Chekhov as Critic».—«Saturday Review», 1925, Oct. 17, p. 446.

«*Мысль... издать их отдельной книгой...*» Имеется в виду кн.: A. Chekhov. Letters on the Short Story, the Drama and other literary Topics selected and edited by Louis S. Friedland. L., 1924.

«*Да! Как-то писал я вам...*» Цитата из письма Чехова к Л. А. Авиловой от 29 апреля 1892 г. (XV, 375).

«*Вы делаете большие успехи...*»—Цитата из письма Чехова к Л. А. Авиловой от 10 марта 1893 г. (XVI. 35).

«*Когда я пишу...*»—Цитата из письма Чехова к А. С. Суворину от 1 апреля 1890 г. (XV, 51).

Джойсы нашей литературы. — Имеются в виду Дж. Джойс, Д. Ричардсон, В. Вульф и другие писатели, принадлежавшие к школе неопсихологического романа.

В связи с сороковой годовщиной со дня смерти Чехова мне хочется выразить свое восхищение Чеховым как драматургом.

Чехов больше, чем любой другой современный драматург, имеет влияние на серьезный театр Англии. Я никогда не забуду первого впечатления от его пьес, которые я видел у нас на сцене лет двадцать назад.

В особенности меня поразил его шедевр «Вишневый сад». Для меня это было откровение. Меня очаровала новая тонкая техника, разнообразие настроений, яркая всесторонняя характеристика действующих лиц, естественное ритмичное течение действия, юмор и пафос, нежность и поэтичность. Все другие пьесы по сравнению с «Вишневым садом» казались деревянными, искусственными. Здесь на сцене была подлинная жизнь, дыхание жизни, страдания, надежды, смех и слезы.

Своим магическим даром Чехов освободил современного драматурга от цепей старых условностей. Более того, он принес в театр свое великое предвидение, горячую надежду на человечество, глубокое, неиссякаемое чувство сострадания.

Россия должна гордиться своим удивительно даровитым сыном, чьи замечательные пьесы и герои волнуют людей во всем мире.

И я верю, что Чехов сейчас глубоко гордился бы своей любимой Россией, стремящейся воплотить в жизнь все его надежды.

«Литература и искусство», 1944, № 27, от 1 июля.

Возьмем как пример натуралистической традиции в ее наивысшем развитии постановки пьес Чехова в Московском Художественном театре, в котором сам Чехов имел не последнее слово. Режиссеры этих постановок, которые мне довелось видеть, положили немало труда, чтобы дать картину окружающего мира, находящегося за пределами сцены. Для этого они охотно прибегали к звуковым эффектам — пение и крик птиц, грохотание далекого поезда, музыка за сценой, стук топора по деревьям. Зачем все это понадобилось Чехову и Станиславскому? Только ли для того, чтобы быть реалистичными, чтобы спрятать театр за таким-то количеством видовых и звуковых эффектов? Можно ли считать, что перед нами простое стремление режиссера убедить зрителей, что перед нами вовсе не спектакль? По-моему, это не так. Цель Чехова (так как инициатива исходила от него) заключалась в том, чтобы расширить и, так сказать, оркестровать некоторые эффекты, которые были вполне реалистическими, но предназначались, главным образом, для создания атмосферы, для повышения эмоциональности действия. Когда, например, в четвертом акте «Трех сестер» мы слышим как где-то вдали играет полковой оркестр, то он играет здесь не потому, что полк обычно покидает город под звуки марша и что в этом заключается реализм — постепенно затихающая вдали музыка сразу же расширяет и углубляет пустоту и отчаяние, царящие в саду трех сестер.

J. B. Priestley. The Art of the Dramatist, p. 8—9.

СОМЕРСЕТ МОЭМ

Известный беллетрист — романист, новеллист и драматург — Уильям Сомерсет Моэм (William Sommerset Maugham, p. 1874) изучил русский язык, чтобы читать в подлиннике произведения Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова и других русских писателей, с которыми он вначале знакомился по французским и английским переводам.

Считая, что писатель должен только развлекать и занимать своих читателей, Моэм выступил противником чеховской новеллы, впервые сформулировав свои возражения в книге «Подводя итоги» («The Summing up». L., 1938). С тех же позиций он характеризует новеллу Чехова в предисловии к составленному им сборнику «Величайшие рассказы всех времен» («Introduction to the Greatest Stories of all Times». Tellers of Tales. N. Y., 1947) и в книге «Записная книжка писателя» («A Writer's Notebook». L., 1949).

Высказывания Моэма о Чехове вызвали критические отклики как в Англии (см. ниже Бейтс), так и в Америке. (Caroline Gordon. Notes on Chekhov and Maugham.— «Sewanee Review». Tennessee, 1949, v. 55, № 3, p. 401—410).

Впоследствии Моэм изменил свое отношение к Чехову, о чем свидетельствуют его высказывания в книге «Точки зрения» («Points of View. Essays». L., 1958).

Ниже приводятся отрывки из книг: «Подводя итоги», «Величайшие рассказы всех времен», «Записная книжка писателя» и «Точки зрения». Отрывки из последней книги любезно предоставлены редакции «Лит. наследства» для опубликования Л. В. Никулиным и даются в его переводе.

Именно потому, что направлять интерес — нелегкая задача, особенно трудно писать то, что принято называть пьесами настроения. (Наиболее известны из них, разумеется, пьесы Чехова.) Поскольку интерес здесь сосредоточен не на двух или трех персонажах, а на целой группе и поскольку тема пьесы — их отношения друг с другом

и с их средой, автору приходится все время бороться с естественной склонностью публики уделять все свое внимание одному или двум персонажам за счет остальных. При таком распылении интереса есть опасность, что ни одного из персонажей зритель не примет близко к сердцу, а поскольку автор должен постоянно остерегаться, как бы одна линия в пьесе не перевесила и не заслонила остальных, все эпизоды звучат приглушенно, в минорной тональности. Тут очень трудно не дать зрителям заскучать: и оттого, что ни один характер, ни один эпизод не оставил у них яркого впечатления, они зачастую уносят из театра чувство растерянности. Опыт показал, что такие пьесы можно смотреть только в безупречном исполнении.

«The Summing up.» Цит. по русск. изд.: В. Сомерсет Моэм. Подводя итоги. М., 1957, стр. 98.

Мне не повезло в том смысле, что я всерьез взялся за жанр рассказа в такое время, когда лучшие писатели Англии и Америки подпали под влияние Чехова ⟨...⟩ Сложилось мнение, что всякий одаренный человек, который хочет писать рассказы, должен писать так, как Чехов. Несколько писателей создали себе имя тем, что пересаживали русскую тоску, русский мистицизм, русскую никчемность, русское отчаяние, русскую беспомощность, русское безволие на почву Сарри или Мичигана, Бруклина или Клепэта. Нужно признать, что подражать Чехову нетрудно ⟨...⟩ Чехов превосходно писал рассказы, но талант его не был универсален, и он благоразумно держался в пределах своих возможностей. Он не умел построить сжатую драматическую новеллу из тех, что можно с успехом рассказать за обедом, как «Ожерелье» или «Наследство» ⟨Мопассана⟩. Человек он был, видимо, бодрый и энергичный, но творчество его отмечено унынием и грустью, и ему, как писателю, претил насыщенный действием сюжет и всякое излишество. Его юмор, зачастую такой горестный,— это реакция болезненно чувствительного человека на непрестанное, мучительное раздражение. Он видел жизнь в одном цвете. Персонажи его не отличаются резко выраженной индивидуальностью. Как люди они его, видимо, не очень интересовали. Может быть, именно поэтому он способен создать впечатление, будто между ними нет четких границ и все они сливаются друг с другом как некие мутные пятна; способен внушить вам чувство, что жизнь непонятна и бессмысленна. В этом и состоит его неповторимое достоинство. И этого-то как раз не уловили его подражатели.

Там же, стр. 156—157.

В Чехове Беннет нашел нечто такое, что его несомненно поразило. Будучи сам автором рассказов, он увидел в поразительных достижениях Чехова новую жизнь для этого истощившего себя жанра. С тех пор и поныне влияние русских писателей, в особенности Чехова, было огромно. Оно значительно изменило не только самое новеллу, но и понятие о новелле ⟨...⟩ Сегодня большинство молодых писателей, питающих честолюбивые помыслы, подражают Чехову, и даже выходят специальные журналы, чтобы знакомить читателей с их творчеством. Однако, когда я начинаю размышлять над рассказами Чехова (а это неизбежно, потому что они оказали самое большое влияние на современных авторов), чтобы точнее определить, в чем же именно состоят их достоинства, я оказываюсь в затруднении ⟨...⟩ У Чехова нет разнообразия характеров. Он беспрестанно описывает одни и те же типы. Мне, право, кажется, что он питал слишком мало интереса к человеческой личности, как таковой, чтобы видеть ее со всей отчетливостью. Сам рассказ — я сейчас употребляю это слово в значении последовательного хода событий — также не представляется значительным. Ему редко удавалось напасть на эпизод, который был бы сам по себе интересен. Он не обладал талантом излагать такого рода истории, которые можно бы пересказать за обедом, и мы знаем, что он и не стремился к этому. И тем не менее, лучшие его рассказы остаются в памяти дольше, чем многие из тех, в которых есть захватывающая фабула и ярко индивидуальные характеры. Почему? Затрудняюсь сказать.

Введение к кн.: «The Greatest Stories of all Times», p. XXII—XXIII.

То, что я открыл при чтении Чехова, мне пришлось по душе. Передо мною был настоящий писатель — не какая-то дикая сила, как Достоевский, который потрясает, изумляет, воспламеняет, ужасает и ошеломляет,— а писатель, с которым можно быть близким. Я чувствовал, что он, как никто другой, раскроет предо мной тайну России. Он обладал широким кругозором и непосредственным знанием жизни ⟨...⟩

Когда читаешь Чехова, кажется, что это вовсе и не рассказы.

Они совершенно безыскусственны, и можно подумать, что их способен был бы написать любой, если бы не тот факт, что такие рассказы никому, кроме него, не удавались. У писателя возникло то или иное чувство, и он умеет так выразить его словами, что оно передается вам. Вы как бы становитесь его соавтором. К рассказам Чехова невозможно применить избитое выражение — кусочек жизни; кусочек жизни — это что-то отсеченное, а когда читаешь Чехова, то создается совсем другое впечатление; перед нами увиденная как бы сквозь сетку сценка, и хотя мы видим только часть, мы знаем, что действие будет еще продолжаться.

W. Sommerset M a u g h a m. A Writer's Notebook, p. 144.

Когда К. Гарнетт опубликовала тринадцать небольших книжек своих переводов Чехова, английские писатели заинтересовались им. С тех пор престиж русских писателей и особенно Чехова стал грандиозным. Его рассказы оказали огромное влияние на жанр рассказа и на оценку этого жанра вообще. Настроенные критически читатели с безразличием отвернулись от «хорошо сделанных» рассказов и по сей день остаются совершенно безразличны к творчеству авторов этих рассказов, рассчитанных на широкие круги читателей, не придавая им никакого значения ⟨...⟩.

Ранние рассказы Чехова были по большей части юмористическими. Он писал их легко, очень просто, как он говорил сам, писал, как поют птицы. Он стал смотреть серьезно на свой труд только после первой поездки в Петербург, когда обнаружил, что он — обещающий и талантливый автор ⟨...⟩ Он учился писать свои рассказы, добиваясь законченного мастерства. «Мужики» Чехова построены так же изысканно, как «Мадам Бовари» Флобера. Чехов учился писать просто, ясно, убедительно и достиг стиля высокой красоты.

Чехов был очень внимателен к технике рассказа, и он мог сказать о ней много интересного. Он требовал, чтобы в рассказе не было ничего лишнего. «Все, что не имеет никакого отношения к рассказу, должно быть выброшено»,— писал он.— «Если в первой главе вы говорите, что ружье висит на стене, во второй или третьей главе оно должно выстрелить». Это кажется достаточно убедительным; убедительными кажутся его требования, чтобы описания природы были краткими и точными. Он сам умел в двух-трех словах дать читателю яркое представление о летней ночи, когда поют соловьи, или о холодном сиянии беспредельных степей под зимним солнцем.

Это — бесценный дар ⟨...⟩

Чехов считал образцом для себя произведения Мопассана. Если бы он не сказал об этом сам, я бы никогда этому не поверил, так как цели и методы обоих писателей кажутся мне абсолютно различными. В целом Мопассан стремился драматизировать свои рассказы и, чтобы добиться этого, был готов жертвовать правдоподобием. Я склонен думать, что Чехов умышленно избегал драматизма в сюжете.

Он изображал обыкновенных людей, живущих обыкновенной жизнью. Люди не отправляются на Северный полюс бороться с айсбергами, писал он в одном из своих писем, они ходят на службу, ссорятся со своими женами и едят щи из капусты. На это можно справедливо возразить, что люди отправляются и на Северный полюс бороться с плавучими льдами и даже если они этого не делают,— они проходят через не менее рискованные испытания, и нет такой причины, почему бы автор не должен писать о них хорошие рассказы. Очевидно все-таки недостаточно того, что люди ходят на службу и едят щи; чтобы у рассказа была завязка, они должны подделывать, подчищать счета в конторских книгах, брать взятки, изменять женам и бить их, а когда они едят щи — это должно символизировать либо счастливую семейную жизнь, либо муки неудавшейся жизни.— Сомневаюсь, чтобы Чехов думал обратное ⟨...⟩

Я подозреваю, что русские читатели чеховских рассказов находили в них удовольствие совершенно другого свойства, чем западные читатели. Они слишком хорошо знали условия жизни народа, которые он так ярко описывал. Английские же читатели находили в его рассказах нечто новое, необыкновенное, часто ужасающее и подавляющее, но изображенное правдиво, и это было выразительно, чарующе и даже романтично. Только очень простодушные люди могут думать, что в прозаических произведениях они могут найти ответ на те жизненные темы, которые помогут им оценить жизнь ⟨...⟩

Действительная цель прозаика не направлять, а доставлять удовольствие ⟨...⟩

Принято считать, что Чехов оказал влияние на Кэтрин Мэнсфилд. Близкие ее друзья это отрицают. Они утверждают, что она точно так же написала бы свои рассказы, если бы никогда не читала Чехова. По-моему, в этом они не правы. Конечно, она бы писала рассказы — она была прирожденной писательницей,— но я думаю, что не будь влияния Чехова, ее рассказы были бы совсем другими.

W. Sommerset M a u g h a m. Points of View, p. 159—168.

ГЕРБЕРТ ЭРНЕСТ БЕЙТС

Романист и новеллист Герберт Эрнест Бейтс (Herbert Ernest Bates, p. 1905), в отличие от Моэма, с которым он полемизирует в статье «Артишоки и спаржа» («Artichokes and sparagus».— «Life and Letters Today». L., 1941, vol. 41, pp. 4—21), является горячим сторонником «чеховской новеллы». Новеллы самого Бейтса, продолжающие реалистические традиции, отмечены влиянием Чехова.

В своей книге «Современная новелла» («Modern Short Story». L., 1942) Бейтс уделяет значительное место оценке творчества Чехова (гл. «Чехов и Мопассан») и его воздействия на английскую новеллу 1920-х годов (гл. «Мэнсфилд и Коппард»). Вслед за Марри и Гарнеттом, на которых он ссылается, Бейтс считает основой творчества Чехова его гуманизм.

Ниже приводятся отрывки из главы «Чехов и Мопассан» книги Бейтса «Современная новелла».

В Чехове я нашел для себя много поучительного ⟨...⟩

Именно благодаря этому качеству чуткой терпимости, тому, что окончательный *приговор выносит сердце*, а не рассудок—рассказ Чехова «Душечка» производит впечатление лучезарности и необыкновенного проникновения в суть вещей ⟨...⟩

Действительно, подобно Бернсу, Мопассан и Чехов в своем творчестве исходили из признания того, что человек слаб, и считали, как отметил Э. Гарнетт, что «люди не могут быть иными, чем они есть». Чехов мог как угодно трактовать эту слабость, но он никогда не впадал в цинизм; его толкования отличаются чуткостью и терпимостью, своеобразным, полным юмора мудрым пониманием, он относится к человеческому несовершенству с чувством, которое было названо «чистотой души» и которое присуще всем великим русским писателям от Пушкина до Горького ⟨...⟩

И по сей день Чехов продолжает оказывать действенное влияние на рассказ; в этом жанре он значительно опередил нас, и никому, даже самому Мопассану, за ним не угнаться ⟨...⟩

Чехов излагает правду такой, какой вы сами ее видите и чувствуете, без всяких подделок и трюков, и поэтому правда его не стареет от того, что меняются моды и вкусы, она всегда остается правдой ⟨...⟩

Говорят, что в рассказах Чехова ничего не происходит. Это неверно. На самом деле у Чехова происходит очень многое: но не всегда событие у него имеет место в самом рассказе или во время действия его пьес, не всегда оно в настоящем. Часто оно только подразумевается; оно происходит за пределами его произведений; о нем говорится косвенно, а не прямо, и, главное, оно не прекращается и после того как рассказ уже закончен ⟨...⟩

Поэтому Чехов возлагает на читателя очень большую ответственность. И если читатель наделен достаточно тонкой чувствительностью, восприимчивостью и пониманием, он справляется с возложенной на него задачей.

H. E. Bates. The Modern Short Story. A Critical Survey, p. 72—89 («Tchehov and Maupassant»).

ШОН О'КЕЙСИ

В творчестве Шона О'Кейси (Sean O'Casey, p. 1880) — драматурга, романиста и публициста — в особенности в его драматургии, наблюдается воздействие художественного метода Чехова. Шону О'Кейси принадлежит приводимая ниже проникновенная оценка творчества Чехова, с которой он выступил в 1954 г. в журнале «National Affairs» (Sean O'Casey. On Tchekhov. «National Affairs», 1954, v. 11, p. 19—20).

Когда поэт и драматург испустил свой последний вздох на этой земле, я был молодым человеком двадцати четырех лет, рабочим в Дублине. Тогда я ничего не знал об этом поэте, и, подобно свету далекой звезды, голос Чехова-драматурга шел ко мне целых пятнадцать лет. Это была звезда первой величины. Чехов пришел в Ирландию, туда, где я жил, и нашел широко открытой дверь каморки бедняка, его приняли с ирландским радушием и усадили на лучшее место у камина.

Немногое можно сказать о Чехове с уверенностью — он так велик, так многогранен, что к нему нельзя подходить с обычной меркой. Он освещает свой путь собственным светом, и мы можем лишь видеть его и слушать его кроткий голос, в котором звучит музыка милосердия и правды. Человек из народа, он знал его язык и дела, знал чего он хочет и чего боится, и сложил из всего этого песни и пустил их по белу свету, ибо рассказы его это песни, и пьесы его — песни, волшебная негромкая музыка.

Но при всей своей кротости и милосердии, он был так же стоек, как прекрасная русская береза. Он обладал мужеством, да, великим мужеством, которое выдерживало нападения, сломить его было невозможно, и вокруг него в течение всей его жизни сиял свет надежды. И он был пророком: «Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недосягаемо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину».

Хотя Чехов принадлежит всем нам, сам он остается русским, как родная его Волга — не та бурная река — символ великого Толстого; не та скованная льдом Волга, что с наступлением весны с шумом и грохотом взламывает свой покров — символ великого Горького; не та быстрая полноводная Волга, неудержимо стремящаяся вперед — символ Пушкина, но Волга — глубокая и кроткая, осененная множеством печальных теней и нет-нет да покрывающаяся рябью чистого тихого смеха и несущая воды свои с глубоким и ласковым журчанием.

Сочувственным смехом и страстной тоской проникнуто его творчество; тихая насмешка над русской жизнью, в которой и жили-то лишь в полсилы, и страстная тоска по великой России будущего. Москва, о, Москва! Тогда этот город казался единственным местом, где возможны свет и яркие краски и смелые дела. Сегодня Москва приобрела неизмеримо большее значение, и не только для России, но для всего мира.

И все же в некотором смысле, пожалуй, даже во многих смыслах, Москва сейчас уже не имеет такого значения для России, потому что сегодня в Советском Союзе имеется уже не одна Москва, а много городов, где ярко играют краски, где люди счастливы множеством предстоящих дел и вносят свой смелый вклад в наше общее дело мира. Надежда, жившая в душе Чехова, во многом осуществилась.

И вот здесь, сегодня, сердце ирландца приветствует Чехова, не того, который, говорят, умер, а Чехова, который жив и вечно будет жить в сердцах всех, кто, благодаря тому, что он сделал для человечества, благодаря его чудесным рассказам и чудесным пьесам, научились чутко и великодушно относиться к человеку.

«On Tchekhov».—«National Affairs», 1954, v. 11, p. 19—20.

«*Человечество идет вперед...*» — Цитата из второго действия «Вишневого сада» (монолог Пети Трофимова) (XI, 333).

СООБЩЕНИЯ
И БИБЛИОГРАФИЯ

ЧЕХОВ В РАБОТЕ НАД РУКОПИСЯМИ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Сообщение и публикация П. С. Попова

В повседневной жизни Чехова большое место занимало общение с молодыми, начинающими писателями, которые приносили и присылали ему на просмотр свои рукописи. Уже в 1880-х годах Чехов помогает своим товарищам по литературе. Он читает рукописи, делает замечания, правит, посылает их в редакции — иногда даже от своего имени, вообще энергично старается продвинуть в литературно-журнальную среду всякого мало-мальски способного к писательству человека. Произведения М. В. Киселевой, Н. М. Ежова, А. С. Лазарева (Грузинского), А. Н. Маслова (Бежецкого), Л. А. Авиловой, Е. М. Шавровой и многих других прозаиков и драматургов прошли через руки Чехова.

Чехов был щедр на отзывы, по страницам его писем рассеяно множество литературных советов и указаний. Этот огромный материал дает исследователям широкую возможность изучить и оценить отзывы Чехова на произведения, появлявшиеся в современной ему печати. Однако, когда речь идет о произведениях, в печати не появлявшихся, задача эта усложняется: рукописи их, как правило, не сохранились. И уж совсем вне поля зрения исследователей остается такая обширная область чеховской литературной практики, как непосредственное, с карандашом в руках, редактирование чужих произведений.

Работу эту Чехов делал, не только помогая лично тому или иному знакомому. Чехов брал также на себя просмотр рукописей по поручению редакций для журналов или газет, в которых он печатался, в частности для газеты «Новое время». В этой работе он находил для себя интерес и занимался ею с удовольствием. 23 октября 1889 г. он писал Суворину: «Если бы я жил в Петербурге, то напросился бы к вам в редакторы беллетристического отдела. Я бы чистил и шлифовал все одобренные вами и Бурениным рассказы и протежировал бы тем, по-видимому, никуда негодным вещам, из которых путем сокращения наполовину и путем корректуры можно сделать сносные рассказы. А я наловчился корректировать и марать рукописи. Знаете что? Если вас не пугает расстояние и скука, то пришлите мне заказной бандеролью все то беллетристическое, что имеется у вас под руками и вами забраковано» (XIV, 421—422).

Суворин воспользовался предложением Чехова. Месяц спустя Чехов вновь писал: «...продолжайте высылать. Чтение рассказов и поправки отнимают у меня каждый раз не более $^1/_2$—1 часа и развлекают меня. Гимнастика для ума некоторым образом» (там же, 441). По возвращении с Сахалина Чехов напомнил: «По примеру прошлых лет, присылайте мне рассказы для шлифовки. Мне это занятие нравится» (письмо к Суворину от 24 декабря 1890 г.— XV, 138).

Известно, что Чехов редактировал ряд рассказов, среди других — «Мытарство грешной души» Е. Ф. Кони (XIV, 583), рассказ В. И. Бибикова (XIV, 437), рассказ Н. М. Ежова «Леля» (XIV, 521), рассказ своего брата Александра «Цепи, или Сочельник под снегом» (XV, 593) и др. Иногда в письмах к Суворину Чехов уточнял, в чем состояла его правка; так, он писал 20 ноября 1889 г.: «В „Певичке“ я середину сделал началом, начало серединою и конец приделал совсем новый. Девица, когда прочтет, ужаснется» (XIV, 438).

В письме от 17 июня 1903 г. Чехов, сообщая о переменах в редакции «Русской мысли» в связи с болезненным состоянием Лаврова, писал Суворину: «...меня пригласили

в заведующие беллетристическим отделом» (XX, 113). Чехову не пришлось по болезни систематически работать в журнале,—к тому же и в Москве он бывал обычно недолго. Сохранились лишь скудные и случайные сведения о том, какие именно рукописи просматривались Чеховым. Так, 11 августа 1903 г. сын Лаврова, работавший в конторе журнала, писал Чехову: «Посылаю вам рукописи: 1) Семенов А. К. В чем причина, 2) Аннин Е. П. Перед жизнью (рассказ), 3) Богдан Лупа (Таврошевич Антон) а) История о малолетнем котенке, б) Филантропия».

В письме к Гольцеву от 18 августа 1903 г. Чехов выделил из них лишь рассказ Семенова, признав его хорошим и годным для напечатания (XX, 125). Несколько месяцев спустя он послал Гольцеву другой рассказ, также выправленный,— рассказ А. С. Писаревой (о нем см. ниже). Странно, что ни один из этих одобренных Чеховым рассказов в «Русской мысли» не появился (остальные рассказы были им забракованы. Ср. письмо Чехова Гольцеву от 22 января 1904 г. — XX, 230).

В марте и апреле 1904 г., вернувшись в Ялту после постановки «Вишневого сада», Чехов продолжал просматривать рассказы, присылавшиеся редакцией «Русской мысли». Из этих рассказов Чеховым были одобрены к печати три. Из них два были опубликованы в «Русской мысли»: «Тайна Вихровской степи» Вас. Брусянина (1904, № 8) и «Картинки петербургской бедноты» Д.М. Герц-на (1904, № 12). Этими двумя рассказами ограничивается то, что было фактически напечатано в «Русской мысли» после редакционной правки Чехова.

Многие рассказы, как, например, упомянутая выше «Певичка», остаются неизвестными. Не разыскан рассказ некоего Овсянникова; этот рассказ сначала правил Буренин, потом Чехов, вычеркнувший поправки Буренина и выкинувший «немножко меньше половины» (XIV, 448), и многие другие. Но даже в тех случаях, когда твердо установлено, какое именно произведение правил Чехов (например, «Мытарство грешной души» Кони, «Леля» Ежова), это не дает надлежащего материала для изучения характера редакторской правки Чехова,— ведь нет соответствующих данных, чтобы сравнить текст до правки и после правки.

Один интересный пример такого редактирования, впрочем, был ранее известен. Это своеобразная работа, сделанная Чеховым на печатном тексте рассказа Короленко «Лес шумит» (см. С. Балухатый. Библиотека Чехова.— В сб. «Чехов и его среда». Л., 1930, стр. 243—245). Но ни одна из рукописей начинающих писателей, выправленных Чеховым,— а их насчитывались десятки,— до сих пор не была известна. Поэтому большой интерес приобретают две сохранившиеся и печатаемые ниже рукописи — Е. М. Шавровой и А. С. Писаревой с редакторской правкой Чехова.

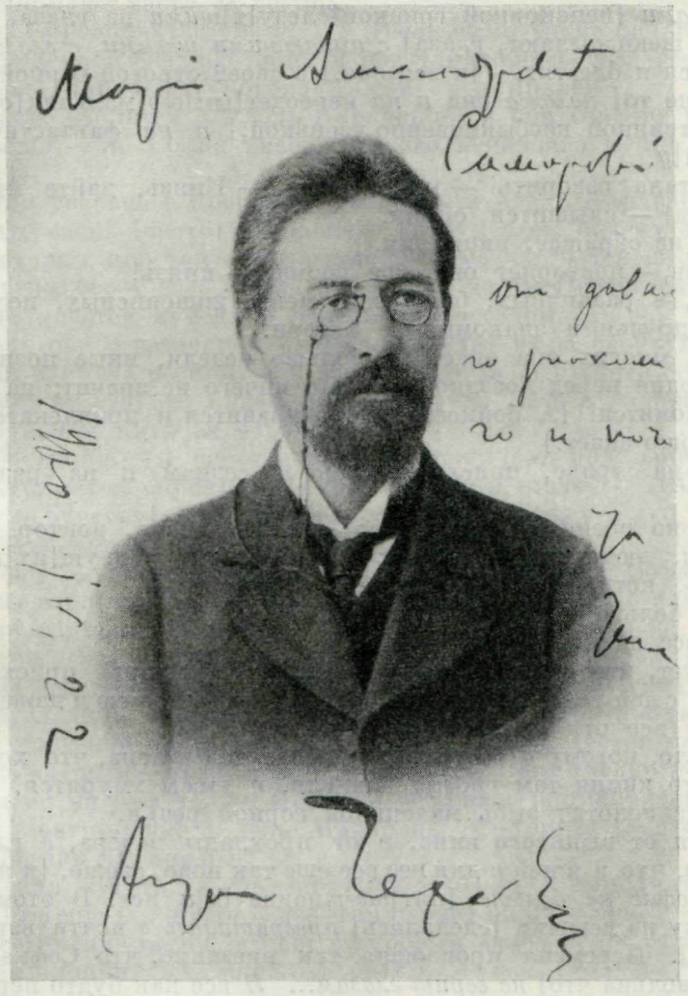
I. РАССКАЗ Е. М. ШАВРОВОЙ «СОФКА»

Сохранился подлинник рассказа Е. М. Шавровой «Софка», выправленный Чеховым (ЦГАЛИ, ф. 549, оп.1, ед. хр. 206, лл. 1—13). Е. М. Шаврова в своих неопубликованных мемуарах (собрание П. С. Попова) описывает, как пятнадцатилетней девочкой она, едва познакомившись в Ялте с Чеховым, передала ему, встретившись на набережной, свой рассказ, который был им одобрен, проредактирован, переслан Суворину и вскоре напечатан в «Новом времени» (№ 4846, от 26 августа 1889 г.).

Редактируя рукопись, Чехов значительно сократил рассказ, откинув повторения, устранив неудачные эпитеты и маловыразительные обороты. Внес он и радикальное изменение в концовку рассказа: по тексту Шавровой князь рассказывает Софке о своей любви к другой женщине, как бы маскируя свои чувства к Софке; в тексте, исправленном Чеховым, объяснение в любви обращено к самой Софке.

Чехов открыл перед Шавровой писательский путь. Всего два года спустя после ее первого опыта Чехов писал по поводу нового ее рассказа «Замуж»: «Только что прочел ваш рассказ в корректуре, Елена Михайловна, и паки нахожу, что он очень хорош. Прогресс большущий. Еще год-два, я и не буду сметь прикасаться к вашим рассказам и давать вам советы» (XV, 147).

Из писем Чехова к Шавровой мы знаем, что и дальнейшие свои литературные опыты она давала ему на просмотр. К некоторым из них Чехов относился очень взыскательно и строго. Так, например, по поводу одного из ее рассказов он писал ей 16 сентября 1891 г.:«Это не рассказ и не повесть, не художественное произведение, а длинный ряд тяжелых угрюмых казарм. Где ваша архитектура, которой вы вначале так очаровали



ЧЕХОВ
Фотография с дарственной надписью: «Марии Александровне Самаровой от давнего знакомого и почитателя. Антон Чехов. 1900, IV, 22».
Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

вашего покорного слугу? Где легкость, свежесть, грация?» (XV, 243—244). Всего через руки Чехова прошло около двадцати рассказов Шавровой.

В публикуемой ниже рукописи рассказа Шавровой вычеркнутые Чеховым слова заключены в квадратные скобки; слова, им вписанные, выделены курсивом. Квадратные скобки внутри текста, уже заключенного в квадратные скобки, показывают, что Чехов сначала предполагал опустить несколько слов, а затем вычеркнул больший кусок текста. Курсив внутри квадратных скобок выделяет слова, вписанные ранее Чеховым.

СОФКА

(Кисловодская идиллия)

Она сид[ела]*ит* [на снятом с лошади] *на траве*, *на* мужском седле и [капризно] покачива[лась]*ется* на нем. Тоненькая, *узенькая*, стройная, с волос[ы]*ами* [непокорной гривкой] лезу[т]*щими* на глаза, [выбились за ушами, щеки пылают, глаза] *с пылающими щеками*, *с глазами*, *которые* щурятся и блестят,— [и вся она,] в своей строгой черной амазонке, [кажется не то] *похожа она и на* переодет[ым]*ого* мальчик[ом]*а* [не то какой-то странной необыкновенно узенькой,] *и на* фантастическ[ой]*ую* женщин[ой]*у*.

— Я устала говорить! — кричит она. — Князь, дайте мне пить!

— Софка! — слышится окрик.

Но она не обращает внимания.

— Князь,— повторяет она еще громче,— князь!

Кругом, в различных, более или менее живописных, позах расположились друзья и знакомые ее матери.

Правда, многих она знает не больше недели, иные познакомились только сегодня перед поездкой. Но это ничего не значит; на водах так скоро знакомятся! [А бойкость всегда нравится и привлекательна. Это Софка хорошо знает.]

Лежат на траве, прислонившись к седлам и на разостланных бурках.

Несколько военных, есть актер, два помещика, доктор на отдыхе и, наконец, люди неопределенных профессий, живущ[их]*ие* «своим капиталом», которых на водах всегда много.

Эти все больше наряжены горцами.

Софке все равно.

Ее радует, что она с мамой * и Адель Карловной приехала сюда, в горы, что с ней говорят, как с взрослой, любуются ею и даже как будто ухаживают все эти смешные усатые люди.

Ей весело, потому что трава в ущелье так зелена, что хочется примять ее, что камни там грозно нависли, и утесы хмурятся, и молодой серп месяца золотит зыбь маленькой горной речки.

Весело и от выпитого вина, и от прохлады вечера, а главное, весело оттого, что и в ней и для нее все еще так ново, свежо, [и неизвестно] странно. Софке *не больше* [пят]*шест*надцат[ь]*и* лет. В этом году она как-то сразу из девочки [сделалась] *превратилась в* почти взросл[ой]*ую* [барышней]. Перемена произошла так внезапно, что Софка сама смущена и [довольна что] *не верит глазам... И* все как будто переменилось вокруг нее...

Возле нее генерал [бодрящийся видимо.] — громадная гора жира и мяса в белом кителе, проевш[ий]*ая* два состояния ** на своем веку и оканчивающ[ий]*ая теперь* третье.

Черные масляные глазки смеются, он любуется девочкой и не прочь подпоить ее немножко.

Софка видит, что [она] имеет успех между этими знакомыми мамы больше Адель Карловны и даже больше самой мамы.

Адель Карловна подруга мамы. Софка помнит ее еще [тогда] *с того времени*, когда [была крошкой] *ходила* в короткой юбочке, [и всегда голыми загорелыми] *с голыми* ру[ч]ками и но[жк]ами, *темными от за-*

---

* *Здесь и далее всюду Чехов исправил:* Мама *на* мама.

** *Рукою Чехова над словами проставлены цифры:* 1, 2, *чтобы фраза читалась так:* проевшая на своем веку два состояния

гара. И *тогда* также они * переезжали с вод на воды, [и] *то* за границу, [и] *то* в Крым, и здесь *живали*. И Софке кажется, что иначе жить невозможно.

Адель Карловна и мама мало изменились с тех пор. Знакомые постоянно менялись, они же все оставались такими же высокими, полными и красивыми дамами.

[Их принимают часто за сестер.

Но Софка предпочитает маму. У [нее] *мамы* такие большие томные глаза и утомленное бледное лицо, и она так хорошо одевается, гораздо лучше Адель Карловны, которая любит все яркое.

Мама часто ссорится с Адель Карловной, и они говорят друг другу ужасные вещи,— но Софка знает, что это ненадолго и что они опять помирятся.]

Софка так уверена в превосходстве мамы и Адель Карловны, особенно мамы, что очень [часто] удивлена и недоумевает, почему е[й]*ю*, Софкой, с некоторых пор так восхищаются. Мама часто теперь недовольна Софкой и реже берет ее с собой. Но Софка не задумывается, ей некогда и всегда хочется думать о чем-нибудь веселом.

[И теперь она с затаенной радостью следит из-за своих густых [загибающихся кверху] ресниц, как все бросаются исполнять ее желание.]

Один держит стакан, князь наливает вино, и все наперерыв лезут чокаться с ней и пить за ее здоровье.

— Не барышня — а шампанское! — восклицает полковник Иванов [,привычным жестом опрокидывая свой стакан в горло].— И Софка улыбается ему *и* чувству[я]*ет*, что [это высшая похвала в его устах.] *она и в самом деле похожа на шампанское.*

И все они с удовольствием и радостью наблюдают Софку. Она забавляет этих взрослых людей, как редкий зверек, которого и подразнить, и погладить одинаково приятно.

Князь, *богатый грузин*, совсем еще мальчик, [богатой грузинской фамилии, и] недавно выпущенный в офицеры. Он такой [сам] хорошенький, *такой* гладкий, свежий [и крепонькой], и все *на нем* так [и блестит на нем новизной и свежестью, что он ярко выделяется между всеми остальными военными] ярко, ново и свежо, что** его трудно не заметить, в какой бы он ни был толпе. Он мало обращает внимания на дам, несмотря на заигрывание Адель Карловны и томные взгляды мамы. [Софки — Марии Ивановны.]

Он приехал кутить, и старается добросовестно выполнить все, что [требуется] *нужно* для этого. С азартом входит он*** в роль,— хмурится, напевает осетинские песни, и пьет с суровым видом *знатока и* [закаленного в боях] вояки, *закаленного в боях*.

Он кутит.

[Нужно проделать всю пантомиму, все, чтобы уверить себя и других, что они отчаянно кутят и очень, очень веселятся.]

Все [располагаются в непринужденных позах на траве, и] пьют, рассказывают друг другу веселые анекдоты и пьют. [— Потом нужно расстегнуться, надеть фуражку на затылок и опять пить].

[Варить] Делают**** шашлык и е[сть]*дят* его без [помощи] ножей и вилок, [а рвать мясо] *прямо* руками, как [это делают] *истые* горцы. *И всем это нравится, и все думают, что это нужно.* Князек берет бутылку кахетинского и говорит, что выпьет залпом без передышки. *Ему не*

---

* *Рукою Чехова проставлены цифры*: 1, 2, *чтобы фраза читалась так:* и тогда они также

** *Первоначально далее было:* он резко

*** *Первоначально*: Он с азартом входит

**** *Первоначально:* Делать

верят, *потом* все смотрят. Он [с]хват[ыв]ает бутылку *в* обе[ими] рук[ам]*и*, запрокидывает *назад* голову и [начинает быстро пить] *пьет*. [Он] Широко расстави[л]*в* ноги, [в узких рейтузах и все больше] *он* наклоняется назад *все больше и больше*, а бутылка под[ы]*нимается* все выше *и выше*. Наконец [он] торжественно с налитым кровью лицом, *он* показывает пустую бутылку и, нахмурившись, [лихим] *сделав лихой* жест[ом, хочет перебросить] *бросает* ее через плечо. Жест не удается, и князек [мрачно бросается] *садится* на землю возле [Марьи Ивановны.] мамы.

Та сейчас начинает что-то говорить ему, взглядывая на него своими прекрасными глазами. Ее желтоватое, цыганско[го]*е* [типа] лицо с длинным носом и бле[кл]*дн*ыми губами улыбается.

[Князек ей, видимо, нравится.]

«Давайте петь!» — кричит Адель Карловна. [все хором и генерал тоже.]

[Адель Карловна совершенно] *Она* лежит на белой бурке и курит. Белая папаха и башлык придают ей воинственный вид. Возле нее расположились поклонники. Между ними есть и [очень смелые и] видавшие виды, как, например, полковник Иванов, есть [также] и робкие юноши вроде корнета [Закаспийского] *Степанова*, который [телячьими глазами взирает] *по-телячьи глядит* на нее и немеет от восторга.

Софка довольна, что *сейчас* будут петь. Она вскакивает с места и начинает предлагать, что петь.

Нужно такое, чтобы все знали, что-нибудь цыганское: «Милая», или «Ночи», или «Месяц плывет»,— это наверное все знают,— да, да это лучше всего!

И все поют. Немного нестройно, но зато все уверены, что петь следует, и потому [чувствуют удовлетворение.] *довольны*.

Тучный генерал [особенно] усердно выводит басовые ноты и качается в такт, хотя *и* не знает, что поют.

Актер принимает позы, прижимает для чего-то руку с большим бирюзовым перстнем к полосатой жилетке и косится на дам. Полковник Иванов изящно дирижирует бутылкой.

[Приехавшая раньше] Сидящая поодаль компания, *приехавшая раньше*, состоящая почти из одних барышень и дам, чопорно поджимается и спешит уехать.

— Итак, Софочка, вы не хотите нам рассказать, отчего вы убежали из института? — спрашивает генерал.

Софка смеется, ее тоненький нос морщится,[и] глаза *лукаво* щурятся... [от лукавства.]

— Вам очень хочется знать? Мама не любит, когда я рассказываю, да и ничего нет тут интересного. Ну, ушла потому, что мне там тесно [было и меня притесняли], а я люблю свободу!

И Софка, очень довольная [своей] последней фразой, которую она часто слышит от мамы, старается *скорее* замять [этот] неприятный для ее самолюбия разговор.

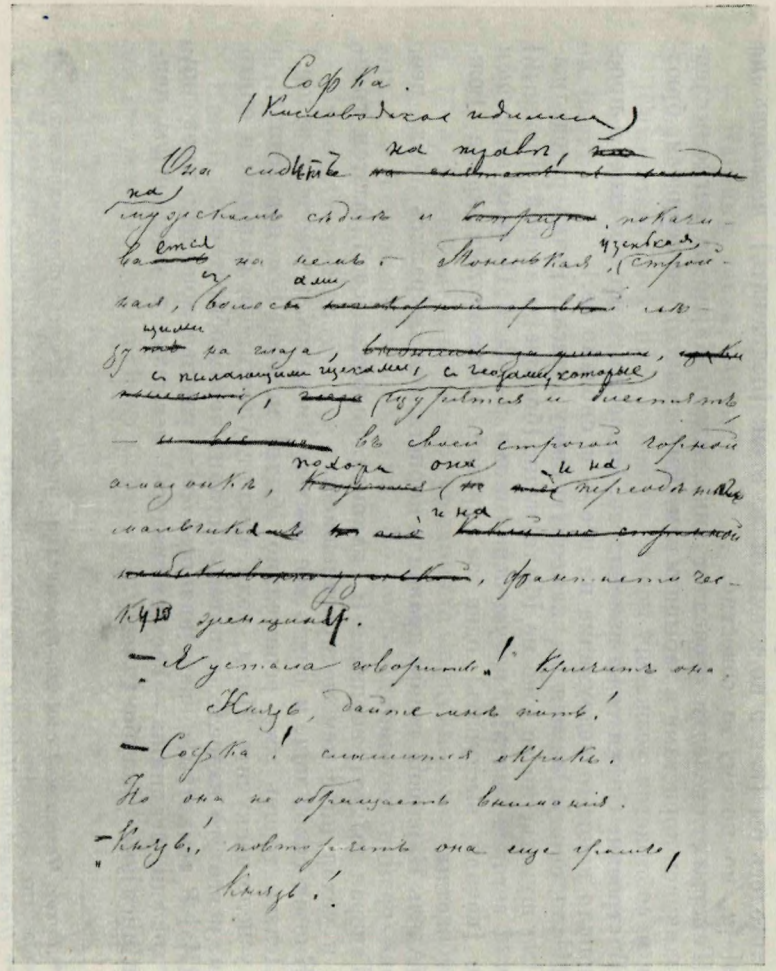
— Петр Петрович, продекламируйте нам что-нибудь, пожалуйста! — говорит она актеру и теребит его за рукав.— Ну — пожалуйста!

[Рассказы тоже входят в репертуар веселья и Софка это знает.—] Все просят.

Актер становится в позу. [Мария Ивановна] *Мама* внезапно проникается своими материнскими обязанностями и указыва[я]*ет* глазами на Софку, прос[ит]*я** этим выбрать *для рассказа* что-нибудь менее пикантное. [из его рассказов.]

---

* *Первоначально далее было:* взглядом



Софка.

(Киевская идиллия)

Она сидит на ходах, на
на
на

Актер ищет чего-то в пространстве и вдруг разражается чем-то очень непонятным и возвышенным. Он то кричит и разводит руками, то говорит совсем шепотом. Потом, видя, что всем скучно и что Адель Карловна [даже уединилась с одним из поклонников и] *и один из ее поклонников* завел[а]*и* свой разговор, он [быстро оканчивает и] начинает [нечто более игривое] *читать что-то другое;* в стихах. Все смеются, и Софка тоже, хотя плохо понимает, что тут собственно смешно.

Потом все опять пьют и [снова оживляются] *и снова пьют и без конца хохочут.* Адель Карловн[а]*е* [хочет] *приходит охота* взлезть на высокий серый камень. Она подымается по горке, цепляется за кустарники руками, путается в амазонке и наконец *сердито* кричит вниз:

— Господа, какие вы невежи и лентяи,— помогите же мне!

Господа помогают.

[Раздается хохот, визг. Особенно старается полковник Иванов.

Пока продолжается эта занимательная игра, Марья Ивановна] *А в это время мама* старается овладеть князьком. [Он сумрачно с] *С* отяжелевшей от вина головой сидит *он* ниже ее на пригорке, охватив колена руками, *и мрачно глядит исподлобья.*

Лицо [ее слегка порозовело, омертвевшие очертания лица оживились. Она изредка кладет свои длинные пальцы, унизанные кольцами на руку князя и наклоняясь что-то убедительно говорит ему.] *мамы розово,* глаза глубокие, страстные устремлены на [хорошенькое лицо] князя...

— Поймите, нужно пользоваться жизнью пока живем, брать все, [все] что она может дать...[— и любить как можно больше, как можно сильнее. — В этом только счастие, в этом весь смысл жизни, только в этом, поверьте,]— слышится Софке ее тягучий страстный шепот.

[Ее мать] Всем красивым молодым людям *ее мать* говорит всегда одно и то же [самое], и Софке *почему-то* это кажется* верхом изящества. Ей хотелось бы [как *и* во всем] и в этом [подражать] *походить на* мам[е]*у,* но почему-то совестно.

[Генерал отяжелел и осовел от вина. Адель Карловна легкомысленно занялась корнетами и забыла о нем. Ему завидно, он сердится, брюзжит и собирается уезжать.

Настроение Софки тоже изменилось. Стало не то что грустно, а просто нашло какое-то недоумение на нее — и сковало ее.]

Месяц скры[л]*вается* за каменную стену утеса. Речка продолжа[ла]*ет* шуметь, но ее уже не [было] видно [больше], и легкий, [нежный] *свежий* ветерок [задул]** *подувает* из ущелья. [— Зато] На темн[ом]*еющем* небе [начали выступать] одна за другой *показываются* яркие [южные] звезды.

[Адель Карловна теперь дразнила корнета, все собрались возле нее, и она громко хохотала.

Генерал пыхтел, сердился и, наконец, подозвал свой фаэтон тройкой и уехал ни с кем не простившись.

Князек снова пил, и опять все чему-то смеялись и говорили вздор.]

Делать теперь *уже* решительно [было] нечего. Все переделали, и все успело наскучить. Пили, пели, врали глупости, ели шашлык и опять пили, и все это надоело, и потому [стали] *пора* собираться.

[Из] *В* темнот[ы]*е* разд[авалось]*ается* ржанье лошадей; проводники, лошади, всадники — все [смешалось] *мешается* в темн[ый]*ую* движущ[ийся]*уюся* [клубок] *массу.*

---

* *Рукою Чехова над словами проставлены цифры:* 1, 2, *чтобы фраза читалась так:* кажется это.

** *Первоначально Чеховым было вписано:* дует

[Не узнавали друг друга, отыскивали лошадей. Адель Карловну общими *] усилиями усаживали на лошадь, и опять поднялся гам. *Не узнают друг друга, отыскивают лошадей... Шум, визг, сердитые голоса...*

[Софка отыскала свою маленькую гнедую лошадку под красным бархатным седлом.] — Князь держ[ал]*ит* [ее] *Софкину* лошадь под уздцы [и, что-то нежно бормоча про себя, обнимал ее за шею и, прижимаясь к ней], нежно цел[овал]*ует* ее в ноздри и голову *и что-то бормочет.* Лошадь смирно сто[яла]*ит* [под этими ласками] и только изредка переступа[ла]*ет* с ноги на ногу.

— Позвольте,— и человек в длинной черкеске [подошел к] *вырастает из земли перед* Софк[е]*ой.*

И прежде чем она успе[ла]*вает* опомниться, он ловко [схватил] *хватает* ее на руки, [посадил] *сажает* на лошадь, и в ту же минуту она [почувствовала] *чувствует*, как *его усатое* лицо [близко придвинулось к ней] *касается ее лица* и *как* он [грубо поцеловал] *целует* ее прямо в губы. [Она только удивилась, так внезапно это произошло и не могла] *Происходит это так внезапно, что она не может* понять, действительно ли это [было], или ей показалось только. Неприятное *брезгливое* чувство [брезгливости поднялось в ней, ей] *овладевает ею*, хо[телось]*чется ей* ударить [его] *нахала* хлыстом, но его уже [не было] *нет возле*, и она не зна[ла]*ет*, кто он.

А князь все цел[овал]*ует* лошадь, *целует без конца, и* [а] черные силуэты всадников уже переезжа[ли]*ют* речку.

— Князь, пора! где вы, князь? Едемте! — [звала Марья Ивановна, забывая теперь совершенно о существовании Софки.] *зовет* ** *мама.*

— Марья Ивановна, я ревную, что это в самом деле? [вы] Всё князь, да князь! — Князь, голубчик, не откликайтесь!

— Что же, давайте перегоняться!

— Ну нет, силы не равные! [потому что ваша и моя лошадь — большая разница. Потому что ваша лошадь это...]

— Нагайку давай, Ассан!

[Адель Карловна, это измена, я ее кавалер, а она изменяет!

«Сердце красавицы!» — напевает актер.]

[Слышится] Смех, шум каменьев, плеск воды в свежеющем воздухе. Эхо отчетливо повторяет все это, и гул стоит между каменными стенами балки.

Князь [сел] *садится* на своего иноходца, смешную мохнатую лошаденку.

Софка дер[нула]*гает* за повод [гнедого, который запрял ушами и насторожился] *Едут.*

[Все, что сейчас с ней было, ошеломило Софку, недоумение еще больше сковало ее.] *Софка ошеломлена и в недоумении.* Ребенком она привыкла к непрошенным поцелуям. Но тогда целовали все [, и она не обижалась,— и целовали] *и* при всех. Но сегодня?

Проводник чей-нибудь или один из «них», гостей мамы?

— Как гадко, противно. И сказать некому [, и еще самою будут бранить],— *засмеют и бранить будут.*

Ей хочется плакать.

Княз[ь]*ек* едет рядом и [, повернувшись к ней, почти стоя в стременах, без умолку рассказывает ей про свою любовь; чистую, высокую, святую к одной проезжей петербургской grande-dame. Князь] *изо всех сил старается* увер[яет]*ить* Софку, что она одна может понять его и

---

* *Правка не доведена до конца.*

** *Первоначально Чеховым было вписано:* кричи<т>

что ему страстно хочется все, все высказать ей о своей [особенной] *необыкновенной*, им одним изведанной, неземной любви.

[«Вы поймите, она так хороша, так необыкновенно, чудно хороша, что не любить ее нельзя.

Да вы видели ее, она жила на горе с своими детьми.

Для нее * я готов на все, на что хотите. И я мучаюсь, что не могу ничем доказать, как люблю ее и сознаю, что ей это вовсе не нужно.

И голос князя дрожит и прерывается.]

— Когда я увидел [ее в первый раз, то] *вас*, я понял, что не жил до этого. Что-то особенное со мной *произошло* ** [сделалось, и я был счастлив только, когда был возле нее. Что я для нее? Ничтожный мальчишка, ненужный и неинтересный! а она все-таки не пренебрегала мной, не гнала прочь, а утешала, говоря, что все это со временем пройдет.

Она уехала,— продолжал он,—и, конечно, уже теперь забыла, что я существую, а] Мне тяжело, и вот я пью, и езжу сюда, в горы, с этой пьяной компанией, и мне не легче...

[Софка слушала его и забывала свое горе, так необыкновенно сильна казалась ей любовь князя. Она немного гордилась даже, что он поверял ей свои тайны, хотя он, может быть, те же слова шептал, обнимая ее лошадь. Она также не обиделась, когда он упомянул о пьяной компании. Ведь это была правда, и больше ничего.] *Голос князя дрожит и прерывается.*

— Я поеду за [ней] *вами* в Петербург, [и грозные звуки слышатся в его голосе, молодом и звенящем.] — *бормочет он.* Не пустят, все равно уеду! [потому что] Я не могу, не могу так жить! Поймите, ну, нельзя так жить. Ну, сопьюсь, застрелюсь, все равно,— но терпеть я больше не [могу!] *в состоянии*!

И он [снова] начинает рассказывать Софке, какие *у нее* глаза [у его княгини], и как он любит ее, и как ему *будет* тяжела разлука... [и опять в его голосе слышатся глухие рыдания.]

Софка слуша[ла]*ет* молча и вдруг неожиданно *начинает* [за-]плака[ла]*ть*, вся содрогаясь своим худеньким телом. Ей ста[ло так]*новится* жал[ко]ь этого хорошенького мальчика, жаль себя, жаль еще чего-то, чего она не могла бы [никому] объяснить словами, но что особенно больно муч[ало]*ает* ее в эту светлую ночь и заставля[ло]*ет* плакать.

Они е[хали]*дут* близко друг [от] *к* друг[а]*у* по пыльной дороге.

Теперь совсем вызвездило.

Звезд — миллионы; [смотрели на них с высоты;] изредка одна звезда срыва[лась]*ется* и, описав яркую линию, исчеза[ла]*ет* куда-то с темного неба.

Князь цел[овал]*ует* руку Софке, благодарил *** ее и все говори[л]*т* о своей любви. [И все было так искренно и казалось так просто и трогательно.] *говорит, говорит, говорит...*

А кругом расстила[лась]*ется* серая волнистая степь, а там вдали сквозь молочный туман проступа[ли]*ют* очертания зданий, высоких тополей. Сверка[ли]*ют*, огоньки станицы.

[Вы милая, хорошая, вы поняли, я люблю вас,— повторял князь.]

— Еще одна,— [сказала] *говорит* Софка, влажными глазами следя за падающей звездой.

---

* *Первоначально Чехов предполагал вычеркнуть лишь два предыдущих абзаца и начал править* (*изменил* нее *на* вас), *но затем вычеркнул и этот абзац.*

** *Рукою Чехова над словами проставлены цифры:* 1, 2, *чтобы фраза читалась так:* Со мной произошло что-то особенное

*** *Правка не доведена до конца — нужно:* благодарит

II. РАССКАЗ А. С. ПИСАРЕВОЙ «СЧАСТЬЕ»

Рассказ А. С. Писаревой был, как сказано выше, одобрен Чеховым, отправлен Гольцеву, но по неизвестным причинам в «Русской мысли» напечатан не был.

Сведения об А. С. Писаревой крайне скудны; остаются неизвестными даже ее имя и отчество. С Чеховым она находилась в переписке, но письма к ней Чехова неизвестны. Впервые она обратилась к Чехову по поводу другого своего рассказа; печатаем это письмо полностью, поскольку в нем содержатся единственные дошедшие до нас биографические данные о Писаревой как писательнице.

«Многоуважаемый Антон Павлович!

У меня так же мало надежды получить ответ от вас, как у бедняка, который пишет Ротшильду; но несмотря на эту безнадежность, вероятно, каждый год несколько таких мечтателей посылает свои письма куда ⟨-нибудь⟩ „в Нью-Йорк“ или „в Америку“, не узнав даже хорошо адреса, и просят о помощи.

И я такой же мечтатель. Я посылаю вам, многоуважаемый Антон Павлович, мою повесть „Капочкина свадьба“*. Мне 26 лет, я напечатала только три рассказа и не знаю, что выйдет из этого; повесть, которую вам посылаю, была в редакции „Русское богатство“. В. Г. Короленко не принял ее, найдя ее (его слова) интересной и живо написанной в деталях, но интересной лишь в бытовом отношении. В общем отзыв его был мягок и кончался словами: „быть может, она найдет себе место в другом журнале“. Мне хочется надеяться, что повесть будет прочтена вами и что в отрицательном или положительном смысле вы отзоветесь о ней, хочется надеяться, потому что это слишком интересно и важно. Мой адрес: Петербург, Лиговка д. 11 (До 1 сент. Ст. Мустамяки, Ф. ж. д., дача Березина).

Вас издали уважающая и любящая А. Писарева».

О судьбе рассказа «Капочкина свадьба» далее ничего неизвестно. Одобрен и прередактирован Чеховым был другой рассказ Писаревой «Счастье», о чем Чехов после правки рассказа сообщил Гольцеву 22 февраля 1904 г. в следующих выражениях: «А. Писаревой, авторше „Счастья“ я написал, рукопись ее тебе посылаю» (XX, 230).

Рассказ написан неопытной рукой; особых признаков художественного мастерства он не выявляет, но в нем есть искренность и теплота при изображении чувств. Описывается молодая мать, охваченная переживанием счастья. Ребенок записан как «незаконнорожденный»; роженицу посещает в больнице отец ребенка, преподаватель университета, равнодушный, усталый человек, считающий, что любить своих детей больше чужих — несправедливо. От его речей в ясной душе героини возникает смутное чувство, точно в спокойную воду пруда бросили камень, и по ней заходили, разбегаясь, волны. Но все же молодая мать отдается своим мечтам,— и «мечты эти будут неопределенные, глупые, детские, вроде того, что у девочки черные глазки». Вот и весь сюжет рассказа.

Чехов не менял композиции рассказа, ничего не вставил от себя. Его редакторская правка свелась к тому, что он сделал весь рассказ компактнее, упрощая текст в тех местах, где предложения были слишком усложнены, жертвуя при этом отдельными деталями. Впрочем, многие детали ему, очевидно, представлялись лишними и независимо от громоздкого построения фраз. Так, он устранил сообщение о том, как был записан на билете отец незаконнорожденной девочки, замечание, что роженица была курсисткой-бестужевкой. Устранены также вульгаризмы в речи больной Тимофеевой, лишние эпитеты; отдельные неудачные выражения сглажены.

Кроме того, Чехов изъял некоторые фразы, представляющие собою как бы прямое авторское высказывание по поводу изображаемого. Такова, например, последняя фраза, прямолинейно передающая основную мысль автора: «Да и не в том ли счастье, чтобы обманываться и не знать будущего?» Эта правка очень характерна для

---

* В кн. «Архив А. П. Чехова. Аннотированное описание писем к А. П. Чехову» название рассказа приведено неверно: «Колечкина свадьба» вместо «Капочкина свадьба» (вып. II. М., 1939).

художественных приемов Чехова, который избегал прямых авторских высказываний и советовал другим авторам не писать «о себе» (см., например, выше в настоящем томе публикацию писем Чехова к Р. Ф. Ващук). В свое время Чехов писал так: «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем. Я слышал беспорядочный, ничего не решающий разговор двух людей о пессимизме и должен передать этот разговор в том самом виде, в каком слышал, а делать оценку ему будут присяжные, т. е. читатели» (XIV, 118—119).

В публикуемом тексте рукописи А. С. Писаревой (ЛБ, ф. 331, 27/17) слова, вычеркнутые Чеховым, заключены в квадратные скобки; слова, вписанные им,— выделены курсивом, авторские подчеркивания—разрядкой.

СЧАСТЬЕ

Посвящается дорогой А. К. Острогорской

— К Тимофеевой пришли. Кто Тимофеева? — спросила, входя в платную палату № 17, дежурная акушерка*.

— Сюд[ы]*а*, сюд[ы]*а*! Мы — Тимофеевы, к нам! — ответила, приподнимая голову с подушки, крупная рыжая женщина [, широкоплечая, с большим поднимавшим одеяло животом, точно она не родила вчера, а только должна была родить двойню.] Лежавшая ближе к дверям молоденькая больная [курсистка-бестужевка], казавшаяся совсем девочкой рядом со своей соседкой, с любопытством посмотрела на дверь. Вошла старая женщина в большом платке и темном подтыканном платье; [за] *а с* ней [шла, отставая и оглядывалась на первую кровать и на акушерку,] маленькая закутанная девочка. Женщина остановилась в нескольких шагах от кровати; [и] глядя на больную с тем выражением, с каким смотрят на мертвого, [молча] *она* сморщила лицо и всхлипнула.

— Ну, здравствуй! Чего плачешь-то? Да поди поближе!

— Вот тебе булочек...— почти шепотом, сквозь слезы сказала посетительница.

[Да куды их? Думаешь, здеся нету? «Полосатка»] Феня в розовом платье и красным бантиком на шее, с [преобладающим у нее] выражением глупой радости на лице, принесла ширмы и закрыла от молоденькой больной соседей, *а с ними* и светлое окно, [с видневшимся в него] *в которое видно было* голуб[ым]*ое* осенн[им]*ее* небо[м].

Елена Ивановна (в отделении [как-то] не знали ее фамилии, ребенок был незаконнорожденный [и отца его записали в билете для посетителей первой попавшейся фамилией Петров или Иванов]) была одна из самых симпатичных [всем] больных, что редко бывает между платными. Она вела себя «первой ученицей», как выразился о ней молодой доктор немец, приходивший в палату каждое утро. Это название так и осталось за ней.

Два дня тому назад без криков, почти молча она родила крошечную [живую] девочку. Было что-то торжественно-радостное, хорошее и достойное уважения в этих молчаливых родах; и это сознавала и акушерка, добродушная маленькая некрасивая женщина, и стоявшие полукругом молоденькие ученицы, и молодой доктор, державший больную за руку и глядевший на нее с какой-то грустной нежностью. Когда же [это молчаливое страданье] *роды* окончил[о]*ись*, и раздалось сначала точно кряхтенье, а потом тоненький, но живой крик: «Ла-а! Ла-а!», и акушерка виноватым голосом сказала: «Девочка!» (она знала, что Елене Ивановне хотелось мальчика [, и было как-то совестно за эти терпеливые роды

---

* *Рукою Чехова над словами проставлены цифры:* 1, 2, 3. *чтобы фраза читалась так:* спросила дежурная акушерка, входя в платную палату № 17.

не наградить ее так, как ей хотелось]),— все придвинулись к кровати, и у всех было одно желание — сказать больной что-нибудь хорошее [и], ласковое.

— Да неужели конец?—.спросила Елена Ивановна слабым радостным голосом; и выражение ее коричневых сиявших радостью глаз и всего лица с нежно разгоревшимися щеками было такое, [точно] *как будто* она не страдала, а пережила что-то хорошее, к чему хотела бы вернуться.— Мне было совсем не трудно!

Одна из учениц, толстенькая розовая девушка [купеческого типа] со множеством браслеток и с нарядными золотыми часиками поверх халата, не выдержала и расплакалась.

— Милая, милая вы моя,— сказала она, лаская тонкую руку Елены Ивановны.

И после родов больная слушалась доктора, не просила лечь на бок, не беспокоила дежурных звонками, на все вопросы отвечала, что ей хорошо и ничего не нужно. И то, что ей было хорошо, и она действительно не нуждалась не только в лекарствах, но вообще ни в чем [внешнем], чувствовалось без слов при одном взгляде на нее, спокойно лежавшую на спине под белым одеялом, в белой казенной слишком широкой [ей] кофточке, с вытянутыми поверх одеяла тонкими руками без колец и глубоко-спокойным, задумчивым и нежным лицом.

Назавтра после родов Елены Ивановны, рано утром, когда «полосатки» еще мыли полы и в коридорах, борясь с дневным полусветом, желтовато-красными пятнами горели лампы,— по лестнице и в коридоре раздалось тяжелое топанье и затем двое огромных мужиков внесли на носилках новую больную; [за ними] *потом* ученица внесла ребенка. Платных рожениц не кладут по двое, и акушерка долго объясняла Елене Ивановне, что это отступление от правил были вынуждены сделать, так как мест мало, извинялась, убеждала, что лежать вдвоем еще лучше, веселее, а Елена Ивановна терпеливо слушала ее и [после каждого нового убедительного периода] повторяла, что она очень рада и что ей никто не помешает.

Новая больная Тимофеева была жена портного [; у нее были вторичные очень трудные роды, и она ц].*Ц*елый день до прихода мужа *она* рассказывала Елене Ивановне, как ей дома в с т у п и л о [, «в живот — в поясницу, в живот — в поясницу»], как было трудно рожать, как один доктор не позволил ей походить, а другой позволил... [и «кабы не он — умереть бы мне и с ребеночком».] До двух часов она только и делала, что поминутно кормила свою крупную крикунью-девочку; а после двух к ней начали приходить посетители: муж, очень скромный веселый человек, [низко кланявшийся в сторону кровати Елены Ивановны,] и целая толпа родственниц в платочках, с кульками булок и винограду, боявшихся швейцара и не решавшихся садиться на венские стулья; они ходили до самого крайнего срока приема, а вечером уже после 8 снова пришел муж «на одну минуточку» и тоже принес винограду.

К Елене Ивановне в этот день не пришел никто. И только ученицы, бывшие при ее родах [, и другие, которым о ней рассказывали], забегали в палату № 17 и подолгу говорили с [Еленой Ивановной] *ней*. Они заставали ее всегда все в той же спокойной позе, с задумчивым счастливым лицом, и снова желание сказать что-нибудь ласковое, приятное [больной] являлось у каждой, с кем *только* говорила Елена Ивановна *.

Уже после восьми в палату вошла Поля — ш в е й ц а р к а, полная, важная женщина, получавшая очень много на чаи; [и став в полу-

* *Рукою Чехова над словами проставлены цифры* 1, 2, 3, 4, *чтобы фраза читалась так*: у каждой, с кем только говорила Елена Ивановна, являлось желание сказать что-нибудь ласковое, приятное.

оборот к кроватям небрежно спросила:] — «В [17-ую] *семнадцатую* палату Петров звонили *в телефон*,— *сказала она*,— к кому это?» Елена Ивановна [(] — она в это время кормила девочку [)] — вспыхнула и [слегка двинув головой к двери, точно этим движением она могла через палаты, коридоры и через весь огромный город, разделявший двух людей, говоривших по телефону, приблизиться к тому человеку,] ответила:

— Это ко мне.

— Спрашивают, как здоровье?

— Скажите, что здорова... и...

Она остановилась, посмотрев на девочку, которая, перестав сосать, вдруг полуоткрыла мутный темный глазок и сердито, точно предостерегая, взглянула на мать,— почти шепотом прибавила:

— Больше ничего.

Так прошел первый день. Сегодня солнце светило особенно радостно и празднично. Елена Ивановна лежала, повернув голову ко входной двери, и невольно слушала разговоры за ширмами.

— Дохтур, милый, говорю я ему, дозвольте мне разочек пройтиться, моченьки моей нету! Нет, говорит, нету такого правила!

— Положить бы тебя рожать, так ты бы узнал!

— Да как же можно! Ну, известно, немец, нехристиянская душа. Другой пришел, старенький, тот и дозволил, дай ему бог здоровья!

[— Ишь какую принесла (в добрый час сказать, в худой промолчать) большую, белую!

— А гла́зы-то, черные, в папа́ньку! У нас ведь и у мужа черные глаза, это у моей природы белые... Кушай, матушка, кушай, динечка!

О чем бы ни говорили женщины, через несколько минут разговор снова попадал на прежнюю колею, и опять жена портного подробно и с какой-то любовью описывала свои роды.] Эти разговоры * не надоедали Елене Ивановне, не раздражали ее, — наоборот, ей была понятна и близка радость этой женщины; [ее негодование против доктора, ее полная жалости любовь к ребенку; ей было понятно все это не только потому, что она сама пережила нечто подобное, а еще и оттого, что] все существо ее было теперь полно какими-то новыми хорошими чувствами, [какой-то] любовью ко всем людям. И [сейчас] она думала о том, как будет она теперь жить с этими новыми прекрасными чувствами? Как сделать, чтобы огромная любовь к ребенку и еще к одному человеку не помешала ей [быть справедливой] *относиться справедливо* ** ко всем другим людям? [И как согласить переполнявшую ее душу любовь и желание счастья с тем злом, которое существовало и, вероятно, будет существовать и в ней и кругом нее? В детстве она переживала такое состояние после исповеди. Да, есть зло, есть несчастные больные забытые люди, есть сильные и слабые,] *И* как же *вообще* быть [с этим], когда так хорошо, светло, так небесно-радостно на душе? Елена Ивановна [глубоко вздохнула и] готова была почему-то заплакать, но в это время в маленькой кроватке под белым пологом послышалось кряхтенье, и готовые навернуться слезы мгновенно исчезли [куда-то. Елена Ивановна]. *Она* подняла голову и чутко прислушалась — кряхтенье затихло.

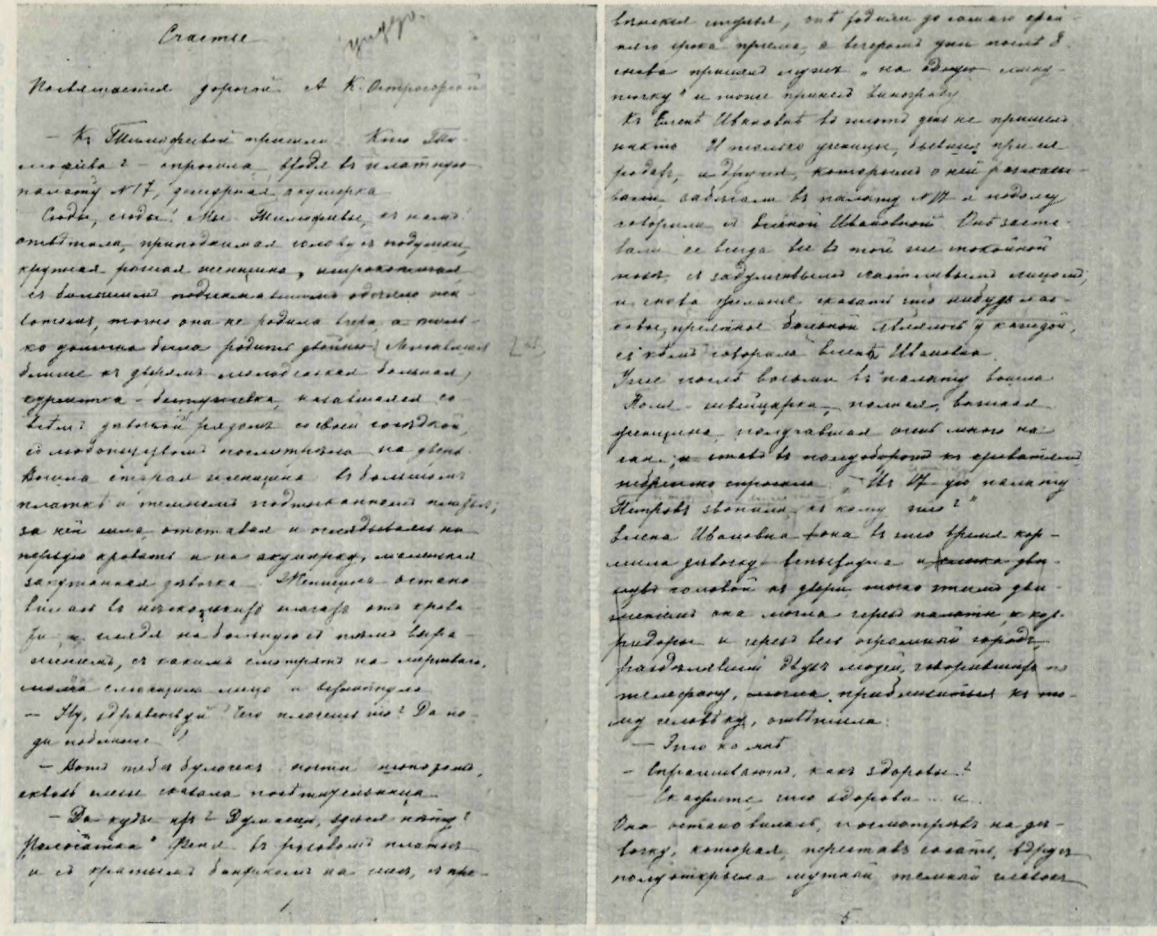
За ширмами прощались.

— [Да] Выписывайся поскорее! Дома-то все лучше.

---

* *Рукою Чехова над словами проставлены цифры:* 1, 2, *чтобы фраза читалась так:* Разговоры эти

** *Первоначально Чехов написал:* хорошо, любовно, *но затем вачеркнул эти слова и написал:* справедливо



Счастье

Железнодорожная повесть А. С. Писаревой

— К Шелкоуровой приехали Анна Семеновна[2] — спросила Дуня в платяную палату № 17, доверяя дворнику.

Слова, слова! Ах, Шелкоурова, от нечего ответила, приподнимая голову из подушек, крупная, рослая женщина, измученная в большинстве подобных случаев болезнью, хотя она не видела еще, а только должна была родить двойню. Анна Семеновна, стройная, интересная, с правильными чертами девичьего лица, с любопытством посмотрела на двух больных, стоявших в большой палате с тяжелой подушкой посредине, за которой они, отставая и оглядываясь на первую дорогу и на аудиторию, увидели заплаканную девочку. Женщина остановилась в изголовье кровати, отошла в сторону, и, сделав на больную и плачущую взрослую, с какими смотрят на мертвых, сказала спокойно, мягко и вразумительно:

— Ну, довольно! Что плачешь-то? Да не надо плакать!

— Хотя тебя будочник почти изнасиловал, сказав плохо сказала посетительница.

— Да будет тебе! Думаешь, будет плакать! Рассказала! Время в грязной палате и с грязными больными на нас, и не-

больные стены, от родов до самого срока прошло, а вечером уже пошла в сени принимать пищу — на двор — пошла, и после приехал доктор.

К Елене Ивановне в тот день не приехали никто. И только девушек, бывших приемных, и Дуню, которые с ней разговаривали, забыли в палату № 17 и подолгу говорили с Еленой Ивановной. Они ее видели не в том ее покойной позе, а забрызганной кашей, мокрой, и снова принесли ее назад в ее кровать, приняв больную, лежавшую у каждой, с которой говорила Елена Ивановна.

Далее пошел больной в палату больной — инвалидной, пожилой, больной урожденной, подлавливал очень много на сани, и снова в полудорогой он оставался недружно спрашивал. — Из 17 до палаты Петров звонил, от кого они?

Елена Ивановна тоже в свою время кормила девочку — воспитанницу и часто двери полной из двери много этой девчонки она любила горько плакать в коридоре и через все огромное здание больницы. Двух людей, говорившую по телеграфу, многих привлекательных и тонких чувств, отличила.

— Это кто мать

— Беременная, как здоровье?

— Говорите, что здорова — и...

Она тогда внимательно, с отчаянием на девочку, которая, перестав плакать, Дуня полуоткрыла и, думая, темная головка

РУКОПИСЬ РАССКАЗА А. С. ПИСАРЕВОЙ «СЧАСТЬЕ», ВЫПРАВЛЕННАЯ ЧЕХОВЫМ

Листы первый и пятый. Все исправления сделаны рукой Чехова

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

— Да как же можно! Одно слово— дома! Опять и мальчишки у нас, сама знаешь, Гриша в лавку уйдет, они балуются, не работают. Беспременно проситься стану.

— Прощай, Зинушка!

— Прощай, тетушка!

Минут десять и в коридоре и в палате было тихо. Жена портного убаюкивала девочку, Елена Ивановна дремала, закрыв глаза. И вдруг среди этой тишины она уловила звуки, которые [с]охватили ее [за сердце] до боли острым, почти невыносимым чувством счастья: по длинному коридору кто-то шел мягкими медленными шагами. Елена Ивановна приподнялась на кровати, коричневые глаза ее *за*сияли, по худому нежному лицу разлился горячий румянец.

— Палата [№ 17?] *номер семнадцатый*? — спросил тихий голос.

— Самая последняя направо.

В комнату вошел высокий господин в черном длинном сюртуке и в pince-nez, красивый, бледный, с[о странно неподходящими для такого визита] печальными усталыми глазами.

— Сережа! — сказала Елена Ивановна задыхающимся голосом.

Она засмеялась, и в то же время глаза ее заблестели *от* слез[ами]. Она взяла его руку и потянула к себе доверчивым любящим движением, ожидая, *что он* поцелу[я]*ет ее*. Гость отвел ее руку и опустился на стул.

— Нет, Лелик, я не могу, тут чужие! — сказал он мягко [, но решительно], и его печальные глаза без слов попросили у нее извинения за этот отказ. —Ну, что же, как ты себя чувствуешь?

— Сережа, посмотри ее! Ма-аленькая! Посмотри, она там спит. Ах, Сережа, Сережа! Как много надо бы сказать тебе!..

Он подошел к маленькой кроватке, поднял полог и все с тем же печальным выражением долго смотрел на маленькое серьезно-спокойное личико, повязанное белым платочком и от этого казавшееся совсем стареньким. Что думал он — неизвестно! Елена Ивановна с кровати тоже смотрела на ребенка, но ее глаза сияли одной только ясной радостью. Потом он опустил полог и сел на стул около кровати. [Он сидел в позе усталого человека, подперев голову рукой.]

— Что же, Лелик, ты очень страдала?

— Представь, Сережа, не очень,— с оживлением заговорила Елена Ивановна, — я не поверила, когда все кончилось, все время можно было терпеть... И потом все это произошло так быстро!

— Да, разумеется! Рассказы об этих муках преувеличены. Нормальные женщины почти не страдают.

Елена Ивановна посмотрела на него пристальным слегка потухшим взглядом и опустила глаза. Она много готова была перенести для ребенка и действительно ожидала худшего [чем это было на самом деле], но слова Сергея [задели ее.] *почему-то не понравились ей.*

Помолчали.

— Сережа, а как мы ее назовем? Что ты так смотришь на меня? [— перебила она себя.]

— Ничего.

Елена Ивановна была хороша и миловидна в эту минуту; глаза ее, щеки, рот — все горело возбуждением, [точно] какой-то внутренний огонь зажегся за этим лицом и освещал его своим светом. Но он своим мужским взглядом *уже* [видел] *приметил* ту перемену, [котор]*какую* налагают на женщину первые роды: [что-то] молодое, чувственно[е] - задорное исчезло с[о знакомого] *ее милого* лица, [и] появилось взамен этого [нечто] *что-то* новое, духовное, что в эту минуту красило лицо, но в то же время и старило его.

Елена Ивановна почувствовала значение этого взгляда.

— Нет, скажи мне, отчего ты так странно посмотрел на меня? — покраснев повторила она *.

— Я сказал, что ничего, и оставим это.

Они опять замолчали, но на этот раз в молчанье почувствовалось что-то жесткое, недоброе, точно замолчали они для того, чтобы не сказать друг другу неприятного.

— Что же, скоро домой? — начал он.— Здесь так неприятно, точно в тюрьме. И потом, отчего ты не одна?

— Нет, уверяю тебя, Сережа, здесь хорошо. Так все внимательны, добры, и за нее я спокойна. А соседка мне нисколько не мешает, она такая интересная, типичная!

— Ну, меня бы это страшно стесняло... [на твоем месте. Мне и теперь неприятно.]

— Отчего? Она очень славная, так мучилась, бедная! Ребенок вдвое больше нашей, зовут ее Лелей. А как же мы нашу назовем, Сережа?

— Да не все ли равно?

Елена Ивановна мечтательно посмотрела на маленькую кроватку. Тут, за белым пологом лежало [то] существо, которое пробуждало в ней какие-то новые надежды, новые ожидания; и от этих ожиданий жизнь, начавшая одно время казаться ей изжитой, слишком понятной, состоящей из отдельных мелочей,— опять стала представляться загадочной, цельной, новой — одним словом, такой, какой она всегда кажется в своем начале.

— Ты будешь ее любить,— тихонько сказала она, и нельзя было понять, задавала ли она вопрос или просто мечтала вслух.

— Я вообще люблю детей,— ответил он,— что за несправедливость любить своих детей больше чужих.

Елене Ивановне хотелось сказать, что тогда и любовь к взрослому — несправедливость; [но это возражение замерло в ней:] несколько минут она смотрела на его бледное лицо с устало прищуренными глазами, стараясь видом этого дорогого лица усмирить протест в своей душе; она знала, что для этого ей нужно было посмотреть на его висок с вьющимися седеющими волосами, почему-то этот висок всегда вызывал в ней особенную любовь и жалость.

— Ты устал, Сережа? — спросила она. [а глаза ее договорили остальное, что пряталось в душе.]

— Да... впрочем я как-то привык к усталости; и больше физической усталости меня тяготит этот недостаток свободы, эта необходимость делать не то, что хочется.

Елена Ивановна подавила вздох и слегка отвернулась.

— В университете опять неспокойно,— заговорил он.—Наше положение самое дурацкое, пока ничего не выяснилось, мы, разумеется, читаем, а уже начинаются враждебные взгляды, свистки...

Елена Ивановна [оторвалась от своих мыслей,] посмотрела на него, стараясь проникнуть в настоящий, не внешний смысл его слов и, точно проснувшись, переспросила:

— Что ты сказал? Ах, да, об университете! Расскажи, пожалуйста, что у вас там?

[И разговор перешел на общие темы.]

Часы в коридоре гулко пробили пять.

— Ну, Лелик, я должен идти, надо пообедать, потом заседание. И завтра я придти не могу.

---

* *Рукою Чехова над словами проставлены цифры*: 1, 2, *чтобы фраза читалась так*: повторила она, покраснев.

Она испуганно смотрела на его протянутую к ней руку, не веря, что он уже прощается.

— Разве нельзя еще немного? — слабым голосом произнесла она.

— Не могу, Лелик, ты же знаешь... Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Потом подошел к маленькой кроватке и, подняв полог, опять молча посмотрел на маленькое пушистое личико. И затем так просто, как будто тут не было ничего особенного, он взял шляпу и вышел...

После его ухода Елена Ивановна несколько минут лежала неподвижно. В ее счастливой ясной душе что-то смутилось, точно в спокойную воду пруда бросили камень, и по ней заходили, разбегаясь, волны... [Такие же неспокойные волны задрожали в ней...] Стемнело, в коридоре уже зажгли лампы, а в палате № 17 было полутемно. Жена портного тихонько напевала:

Тебя серенький волчок,
Он ухватит за бочок.

Откуда-то доносился [звонкий] звук перемываемой металлической посуды, сквозь который прорывались голоса и смех. Дневная жизнь в палате и коридоре кончалась, вечерняя еще не началась. А в этом затишье, которое приносят с собою сумерки, всегда сильнее говорят темные мысли...

«Полосатка» Феня внесла лампу и в другой руке поднос с чайниками.

— Чайку вам испить,— сказала она, расплываясь в своей обычной праздничной улыбке.

— Вот, Феня, это отлично, что вы принесли чай,— сказала Елена Ивановна, радуясь свету, от которого мгновенно стало светло и на душе.

— Спит? — спросила Феня [, у которой твердо установился шаблон разговора с матерями].

— Да, Феня, и давно уже, с половины второго,— ответила Елена Ивановна, принимаясь за кружку с молоком [,которую Феня поставила ей на грудь:];—я уж соскучилась даже.

— Придеть время — и встанеть, — поддерживала разговор Феня.

— Твоя-то хошь время знает,— заговорила жена портного, говорившая ты всем в палате, начиная с докторов и кончая полосатками,— а моей только и дела что [на сиське висеть] *сосет*... Что, Феня, матушка, чайку-то даешь?

— Сию минутую.

Феня приняла кружку у Елены Ивановны и, налив ей ча[й]*ю*, ушла за ширмы.

— Што это дохтурши сегодня не было? — спросила у ней Тимофеева.

— В п е р ц и о н н о й были, женщине одной там руку резали.

— Ах ты, страсти! Уж операции эти — беда одна!

— Так что же! Порежут это, а потом и заживеть,— объясняла Феня, воспитанная в духе уважения к хирургии.

— Заживет! Моя знакомая одна от операции в сырую землю пошла. Не спите? — обратилась она к Елене Ивановне.

— Нет, нет!

Елена Ивановна протянулась под полотняной свежей холодящей простыней и, сознавая снова всю полноту и ясность своего счастья, своего вновь пришедшего в равновесие настроения, приготовилась слушать рассказы Тимофеевой. Не все ли равно, что та станет говорить? Елена Ивановна будет слушать, изредка вставляя вопросы, *будет* смотреть на белый потолок, на ясный круг [на нем] от лампы, на маленькие кроватки под белыми пологами. Может быть, будет слушать, а, может быть, просто помечтает [под монотонные рассказы], и мечты эти будут не-

определенные, глупые, детские, вроде того, что у девочки черные глазки [, и, верно, ей пойдет красный капор]...

— А что же у вашей знакомой было? — спросила она.

— Рак.

— Отчего?

— От неприятности. Немцы они; ну, конечно, и приехала к ней сестра гостить из-за границы. Он это и поиграй с ней маленько, а она и увидай в замочную скважину. От этого с ней и случилось. А стали резать и зарезали до смерти.

— Еще станете? — спросила Феня.

— Нет, видно убирай, больше не стану.

Феня унесла чайники.

— Да, дохтора хоть кого так залечат,— продолжала Тимофеева, зевая.— А вот, кажется, и простое дело от пьянства вылечить, а ведь не могут! Вот и мой-то, как я замуж за ево вышла, два года пил.

— Теперь бросил?

— Бросил. Дохтора ничего ему помочь не могли; а приехал странник один, я и стала его просить, чтобы к нам пришел, уговорил бы е[в]го. Ну, он стал говорить: нехорошо, мол, Гриша, люди вы молодые и должны вы из-за этого друг друга потерять. Стал ему писание читать, в церковь его водить почаще. Говел с ним раза четыре. Ну, потом Гриша и бросил. [Почесть семь лет жил у нас странник этот, обували мы, одевали его на свой счет.]

Тимофеева опять зевнула и продолжала рассказывать о своем первом ребенке, который умер, о мастерской мужа, о том, как в с т у п и л о... Елена Ивановна закрыла глаза и тотчас же задремала. Действительность смешалась со сном. Тимофеева еще говорила, а ей отвечал Сережа.

— Тесно у нас,— говорит Тимофеева.— Тут и мастерская, тут и спальня, такое стесненье!

— Нельзя стеснять свободы,— возражает Сережа.

— Я и не буду стеснять,— говорит уже Елена Ивановна. — Но ведь о н а маленькая, как же ты ей объяснишь?

— Теперь поздно говорить об этом,— говорит Сережа. Елена Ивановна не видит его лица, но чувствует, какое оно должно быть недовольное в эту минуту.

— Спите?— раздается над ней молодой голос, который тотчас же покрывается тоненьким живым криком: «Ла-а! Ла-а!» Елена Ивановна просыпается всем существом, сон мгновенно отлетает. Над ней стоит стриженая молоденькая бледная девушка * в белом переднике [со смешно падающими как у мужика волосами]. В руках у нее маленький аккуратно сделанный сверточек, издающий крики.

— Покормите-ка своего птенца,— важно говорит барышня, встряхивая короткими прямыми волосами.

Она следит за тем, как Елена Ивановна взяла девочку, как она, волнуясь, устраивала ее у груди, пока та сердито тыкалась в мягкую грудь, сопя носиком, и когда наконец нежная щечка стала мерно вздуваться и опускаться от сосанья, а Елена Ивановна подняла на дежурную свои сияющие глаза,— та невольно спросила ее:

— Ну, что, хорошо?

— Да.

— А не скучно?

— Нет, нисколько,— почти шепотом ответила ей Елена Ивановна, кося глаза на девочку.

---

* *Рукою Чехова над словами проставлены цифры:* 1, 2, *чтобы фраза читалась так:* молоденькая девушка, бледная

— А то попросили бы разрешение у доктора, я бы вам достала что-нибудь порядочное почитать — «Воскресение», например.

Елена Ивановна представила себе читанный ею роман, и он показался ей теперь таким невыносимо-трогательн[о]*ым* прекрасным, что слезы сжали ей горло. Она отрицательно покачала головой: [и, сдержавшись, ответила:]

— Нет, спасибо, мне право не скучно.

— Я у вас нынче дежурю. Насытится, так позвоните меня.

И дежурная вышла в коридор.

Елена Ивановна осталась одна со своим счастьем. Если бы она не стеснялась выражать свою любовь, [она бы] *то* глядя на пушистое маленькое личико, с волосатым лобиком и приподнятыми вверх закрытыми глазками, такое нежное, крошечное [, что казалось невероятным то, что она может каждую минуту поцеловать его],—она бы тоже, как соседка, говорила [ей]: «Голубчик мой беленький, желанная моя! Скоро домой поедем, ро́дная. Папа ванночку купит, колясочку!» Но вместо этого бесконечного ряда ласковых [имен] *слов* она только шепчет: «Дружочек мой...» и не может продолжать, потому что, скажи она еще одно слово — слезы хлынут у нее из глаз неудержимым потоком. Она замолкает, и только [сияющие] *сияющие* коричневые глаза говорят о всей ее любви и нежности. Елена Ивановна смотрит на плавно поднимающуюся и опускающуюся щечку, это мерное движение убаюкивает ее, и через несколько минут она дремлет, прислонясь щекой к маленькой черной головке. Одна рука ее обхватила маленькое тельце, другая лежит на одеяле. На белой подушке резко выделяются темные волнистые волосы, нежное лицо и темная тень ресниц. Лицо ее спокойно и счастливо, дыхание мерно и ровно.

Жизнь — несправедливая, беспощадная, платящая за месяцы счастья годами серых дней и не[сча]*на*стья,— забыта, и только прекрасное, как рассвет нового дня, настоящее грезится ей.

[Да и не в том ли счастье, чтобы обманываться и не знать будущего?..]

ЧЕХОВ В ПИСЬМАХ БРАТА МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА

Сообщение Е. З. Балабановича

В обширной эпистолярной части архива Чехова переписка членов его семьи занимает сравнительно небольшое место. Многие из писем родных Чехова давно утрачены. Между тем письма тех, кто жил рядом с великим писателем и повседневно общался с ним, представляют значительный интерес не только для исследователей, но и для читателей Чехова. В них запечатлены драгоценные для нас эпизоды жизни писателя и черты его личности.

К числу таких биографических документов относятся письма младшего брата писателя, Михаила Павловича (1865—1936), к двоюродному брату Георгию Митрофановичу Чехову. До 1942 г. эти письма бережно хранил Георгий Митрофанович, живший в Ростове-на-Дону. В 1942 г. он скончался. Рядом с ним, старым и больным человеком, не было никого из близких, и письмам, как и всему архиву Г. М. Чехова, в трудное время войны и гитлеровской оккупации, грозило уничтожение. Однако по счастливой случайности рукописные материалы уцелели. Когда окончилась война, документы были разысканы братом покойного Владимиром Митрофановичем, после смерти которого его вдовой, Софьей Михайловной Чеховой, они были переданы в Государственный Литературный музей, где и хранятся поныне.

Пятьдесят пять писем М. П. Чехова охватывают большой промежуток времени — с 1888 по 1936 г. Основная их часть относится к концу 1880-х — началу 1890-х годов, когда Михаил Павлович жил вместе с Чеховым сначала в Москве, потом на Украине и, наконец, в Мелихове.

Начиная с юношеских лет, Михаил Павлович помогает Чехову в литературной работе, являясь его своеобразным секретарем,— переписывает произведения, выполняет различные поручения по связям с редакциями. Младший Чехов—литератор, его произведения появились в печати еще в 1880-х годах. Он выступал как беллетрист, детский писатель, редактор журнала для детей. В 1907 г. второе издание его книги «Очерки и рассказы» получило пушкинскую премию Академии наук (почетный отзыв).

В большом по объему литературном наследии М. П. Чехова особое место занимают мемуары и работы биографического характера. В 1905—1910 гг. им были опубликованы воспоминания о Чехове, в 1912—1916 гг. — вступительные биографические очерки к шести томам писем Чехова под редакцией М. П. Чеховой. Написанные в основном на материале личных воспоминаний, эти вводные статьи давно вошли в число необходимых источников для изучения биографии Чехова.

Особенно широко развернулась работа мемуариста после Октябрьской революции. В 1923 г. появилась книга «Антон Чехов и его сюжеты», в 1924 г.— «Антон Чехов, театр, актеры и „Татьяна Репина“», в 1929 г. были опубликованы воспоминания «Антон Чехов на каникулах» (о летнем отдыхе писателя), в 1933 г. напечатана книга «Вокруг Чехова», явившаяся итогом многолетней работы мемуариста.

Воспоминания М. П. Чехова, написанные с большой правдивостью и теплотой, представляют значительную биографическую ценность. Они воссоздают многие черты жизни писателя и его семьи на протяжении нескольких десятилетий, рисуют людей, окружавших Чехова, описывают места, связанные с жизнью и творчеством писателя.

В последние годы жизни Михаил Павлович был научным сотрудником и консультантом Дома-музея Чехова в Ялте. Здесь, при участии Марии Павловны, им была написана книга «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте» (каталог). Это не обычный сухой перечень музейных материалов. Здесь рассказана «биография» каждого экспоната, его происхождение, связь с событиями жизни Чехова.

Если имя Михаила Павловича знакомо читателям, то об его корреспонденте знают только по коротким упоминаниям в письмах Чехова. Поэтому на личности и обстоятельствах жизни двоюродного брата писателя следует остановиться несколько подробнее.

Среди довольно большой родни Чехова имелись сверстники Антона Павловича и его братьев. Судьбы этих людей сложились по-разному, но почти все не очень благоприятно. Трудные материальные условия не позволили им получить высшее и даже среднее образование. Их природные дарования не могли развиться. Так сложилась и жизнь Георгия, сына любимого дяди Чехова, Митрофана Егоровича.

С ранних лет мечтавший об учении, любивший книгу Георгий Чехов вынужден был шестнадцатилетним юношей начать трудовую жизнь в конторе Таганрогского общества пароходства и торговли. Работать приходилось с пяти часов утра до восьми-девяти часов вечера с небольшим перерывом. Все свое свободное время он отдавал чтению и был страстным поклонником творчества Чехова. По-видимому, он обладал и литературным даром. Антон Павлович восхищался задушевностью его писем.

Конечно, Чехов хорошо понимал, какое значение для юноши-провинциала имеет моральная поддержка двоюродного брата — москвича, старшего по возрасту и притом писателя. Чехов ласково откликался на письма Георгия Митрофановича, исполнял его маленькие просьбы, касавшиеся, главным образом, присылки книг, журналов и газет, в том числе тех, где были напечатаны произведения писателя. По словам родных, Георгий Митрофанович был любимцем Чехова.

Особенно близок был Георгий Митрофанович с М. П. Чеховым. Они подружились во время поездки Михаила Павловича в Таганрог в 1888 г. Возвратившись домой, Михаил Павлович писал Георгию: «Благодарю тебя за твои добрые отношения ко мне, за твою великую ко мне расположенность. Еще большей расположенностью я плачу тебе за нее. Мы не долго прожили вместе, но слишком скоро сошлись. А сошлись мы потому, что у меня никогда не было младшего брата, а у тебя — старшего. Наша встреча восполнила этот недостаток,— и расставаться было уже тяжело» (13 июня 1888).

Сразу же после таганрогских встреч между Михаилом и Георгием Чеховыми завязалась переписка, продолжавшаяся почти полвека. К сожалению, неизвестно, сохранились ли встречные письма Г. М. Чехова. В Отделе рукописей ЛБ есть лишь одно письмо (приписка карандашом к письму Е. Я. Чеховой).

Вполне понятно, что младший брат Чехова писал прежде всего о самом себе, о своих переживаниях, мыслях, делах, о том, что, как ему казалось, могло заинтересовать его корреспондента. Наряду с этим, во многих письмах отражены события, происходившие в большой и дружной чеховской семье, в центре которой стоял Антон Павлович. Молодому человеку было многое недоступно в сложном душевном мире Чехова. Часто он проходил мимо того, что не оставил бы без внимания более зрелый человек. Но его письма, ценные своей непосредственностью, правдиво запечатлели некоторые черты жизни семьи Чеховых.

Михаил Чехов испытал на себе благотворное влияние старшего брата, рано созревшего духовно. В лице Антона Павловича юноша видел повседневный пример самоотверженного творческого труда, благожелательного отношения к людям, ненависти ко всяческой неправде, веселого и мужественного преодоления трудностей. И можно без преувеличения сказать, что Антон Павлович был воспитателем младшего брата.

Михаила воспитывал и весь трудовой уклад жизни чеховской семьи, где царило взаимное уважение, внимание друг к другу. А общий тон непринужденности, юмора подчеркивал бодрость, душевное здоровье писателя и его близких. Как всякий хороший воспитатель, Чехов знал, какое большое направляющее значение может иметь вовремя сказанное слово, подтвержденное моральным авторитетом человека.

Читателям Чехова памятно замечательное письмо Антона Павловича 1886 г. брату-художнику о том, каким условиям должен удовлетворять воспитанный человек.

Не менее интересно письмо гимназиста восьмого класса Антона Чехова четырнадцатилетнему брату Михаилу, где находим слова: «Среди людей нужно сознавать свое достоинство» (XIII, 29), ставшие потом одним из важнейших слагаемых личности Чехова.

Письма Михаила Павловича к Георгию Митрофановичу сохранили еще один пример такого воспитательного воздействия Чехова. На этот раз дело было связано с увлечением Михаила Павловича низкопробными спектаклями оперетты, которые могли испортить вкус и дурно повлиять на формирующийся характер юноши.

«Ты теперь испытываешь то же самое, что в твои годы испытывал и я,— пишет Михаил Павлович.— Едва только я почувствовал себя взрослым, как негодная оперетка так вскружила меня, что я чуть голову не потерял. Спасибо, Антоша вовремя предостерег меня тогда и объяснил мне, что оперетка в сущности и есть не что иное, как развращение толпы. Посуди сам, для чего устраиваются театры? — для того, чтобы *воспитывать* народ, *смягчать* грубые нравы, показать публике, что́ хорошо и что́ дурно,— одним словом, театр должен идти рука об руку со школой. А воспитывает ли народ оперетка? Конечно, нет! Она учит его только зубоскалить, показывает ему голые руки и ноги, угощает его ломаниями, кривляниями и похабными куплетами,— и только! Тебе, мой милый, мои слова покажутся странными; точно так же и мне казались странными слова Антона. Но прошел год, другой,— и я сам убедился в том, что говорил мне Антон. То же случится и с тобой» (1 января 1889).

Самый факт, что Михаил Павлович передает своему корреспонденту нравственный урок, полученный им в свое время от старшего брата, говорит о том, как глубоко вошло в его сознание многое, сказанное Чеховым.

Ряд писем М. П. Чехова отражает жизнь семьи Чеховых в Москве, на Садовой-Кудринской улице, в доме Корнеева, где писатель жил в 1886—1890 гг. В это время Чехов создает свои первые пьесы, которые увидели сцену. В ноябре 1887 г. состоялась премьера пьесы «Иванов» в театре Корша. В апреле 1888 г. там же впервые была поставлена шутка «Медведь». В январе 1889 г. с большим успехом на сцене Александринского театра прошел «Иванов». Большой поклонник театра, Михаил Павлович особенно живо откликается в письмах на постановки пьес брата. Театралом был и Г. М. Чехов, игравший на любительской сцене и впоследствии, как он сам говорил, выучивавший наизусть монологи из «Трех сестер». Приглашая его приехать в Москву зимой 1888/89 г., Михаил Павлович писал: «Теперь в театре идет новая пьеса Антона „Медведь“, за которую публика всякий раз вызывает автора и рукоплещет ему с азартом. Приезжай, посмотришь. А посмотреть стоит!» (5 ноября 1888).

О том, с каким триумфом прошла пьеса на сценах театров Москвы и провинции, говорят другие письма Михаила Павловича. Наивно, по юношески гордясь успехом брата-драматурга, Михаил Павлович сообщал: «Антошиного „Медведя“ ставили у себя на домашних сценах министр финансов и министр иностранных дел; говорят, что весь высший свет от души хохотал, глядя на пьесу Антона. На той неделе „Медведь“ пойдет на императорской сцене, а сейчас уже в 11-й раз его жарят в Русском Драматическом театре в Москве. Приезжай, увидишь, как пошел Антоша в гору» (14 декабря 1888). Пьесу «стали играть не только в театрах, но даже и в театральных школах. Значит, роли Поповой и Смирнова — замечательные, что на них учиться стали!» (5 апреля 1889). И позднее, 12 сентября того же года: «У нас теперь *три* драматических театра: 1. Горевой, 2. Абрамовой и 3. Корша. Четвертый — императорский (Малый). Смотри — не хочу! Во всех трех каждый день жарят Антошины пьесы: у Горевой — „Предложение“, у Абрамовой — „Медведь“, а у Корша — „Иванов“... Вышел еще новый водевиль Антона „Трагик поневоле“ — страшно смехотворный».

В письме от 12 марта 1889 г. содержится перечень городов, где были поставлены первые пьесы Чехова, очевидно, подготовленный Михаилом Павловичем по не дошедшим до нашего времени материалам архива писателя. Оказывается, что пьесу «Медведь» играли тогда в Москве, Харькове, Калуге, Полтаве, Новочеркасске, Таганроге, Ревеле, Кронштадте, Томске, Киеве, Туле, Тифлисе, Казани, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме, Симбирске. «Иванов» получил сравнительно меньшую популярность, но все же, помимо Москвы и Петербурга, по свидетельству Михаила

Павловича, он шел в Харькове, Екатеринославе, Ярославле и Ростове-на-Дону. Эти сведения со всей наглядностью говорят о том, что уже к началу 1889 г. первые драматические произведения Чехова завоевали прочное положение на русской сцене.

Пьесы Чехова были поставлены и на сцене Таганрогского театра. 12 марта 1889 г. Михаил Павлович передавал Георгию просьбу старшего брата: «Антоша просит тебя очень убедительно выслать ему или афишку „Медведя" или тот № „Таганрогского вестника", где о нем говорится».

Ростовский антрепренер Черкасов выписал от автора экземпляр пьесы «Иванов» и собирался ее ставить в Таганрогском театре. Эта постановка также привлекла внимание Чеховых, и 18 октября 1889 г. Михаил Павлович обращался к Георгию с новой просьбой: «Пожалуйста, напиши про „Иванова". Это всех нас очень интересует. Воображаю, как в вашем театре дурака ломать будут».

Постановки пьес помогли Чехову освободиться от хронического безденежья и дали ему возможность более спокойно и сосредоточенно заняться литературной работой. Получение значительного по тому времени гонорара было событием в жизни Чехова, о чем извещались таганрогские родственники. Так, 20 февраля 1889 г. Михаил Павлович писал двоюродному брату: «Сегодня прислали Антоше из Петербурга счет за „Иванова". Оказывается, что за пять представлений ему придется получить с театральной дирекции 1004 рубля. Вот молодчина!».

В период нужды в доме писателя не бывало подчас даже пятидесяти копеек, чтобы уплатить почтальону за доставку книг. Приходилось закладывать в ломбарде вещи, часы и семейную реликвию—золотую монету (об этой монете см. в настоящем томе в воспоминаниях Н. В. Голубевой). В письме к Г. М. Чехову от 21 марта 1889 г., вскоре после получения гонорара за «Иванова» Михаил Павлович сообщал: «Ходил я как-то в Ссудный банк выкупать Антошины драгоценности,— помнишь, в тот самый банк, куда мы ходили вместе с тобой и где служат за решеткой всё дамы».

Даже во время самой напряженной литературной работы Чехов, ставший известным писателем, не оставлял медицинской практики: «Пишу, пишу, немножко лечу, опять пишу»,— сообщал Антон Павлович своему товарищу по профессии, врачу Е. М. Линтваревой (XIV, 238). Как и художественное творчество, занятия медициной отвечали глубокой внутренней потребности Чехова, еще больше приближали его к людям. Порой медицинская практика брала у Чехова очень много душевных и физических сил. Но, по долгу врача и человека, он с предельным вниманием и ответственностью относился к своим пациентам. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Михаила от 5 апреля 1889 г.: «Антоша в день два раза ездит навещать больного пациента, который живет так далеко, что на одни разъезды тратится по 4 часа в день. Бедный, истомился весь и не успевает еще при этом как следует отдохнуть».

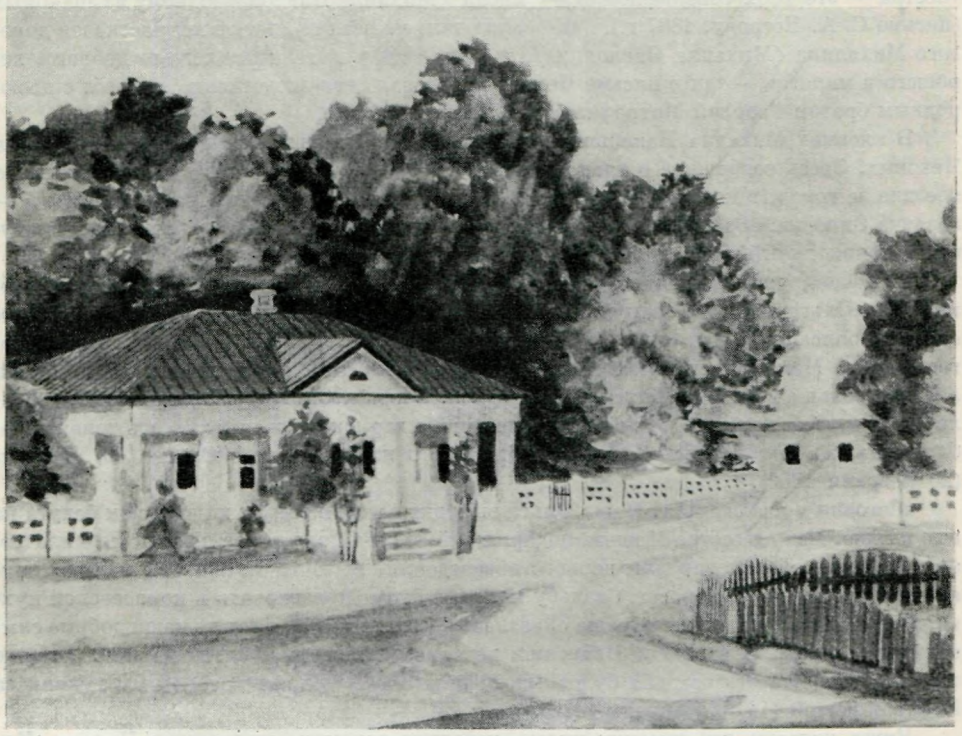
«У нас по-прежнему тьма народу». Эта короткая фраза из письма Михаила Павловича говорит об обычном оживлении в доме на Садовой-Кудринской. Здесь бывали начинающие литераторы, актеры, художники, музыканты, педагоги, студенты, курсистки — друзья и знакомые Чеховых.

Михаил Павлович не раз упоминает о частых посетителях их дома — музыкантах А. И. Иваненко и М. Р. Семашко. Первый из них — флейтист, участник симфонического оркестра тогдашнего популярного дирижера П. А. Шостаковского, второй —виолончелист, позднее, по рекомендации П. И. Чайковского, ставший артистом оркестра Большого театра. Михаил Павлович сообщает о концерте, который дал Семашко в гостиной у Чеховых. «Как жаль, что ты не слышал его»,— добавляет он, обращаясь к Георгию Митрофановичу.

У себя дома Михаил Павлович видел многих замечательных деятелей русской литературы и искусства. Но в его письмах есть упоминание только об одной из таких памятных встреч — о посещении Чехова П. И. Чайковским. Этот значительный эпизод биографии писателя был тогда отражен только в нескольких строках писем Антона Павловича (XIV, 414, 415). Их дополняет тоже очень краткое сообщение М. П. Чехова, сделанное под живым впечатлением встречи: «Был у нас третьего дня в гостях Петр Ильич Чайковский, автор „Евгения Онегина". Ну, что за милый чело-

век! Совсем не похож на брата. Такой приветливый, добрый и, главное, не пищит и не суетится» (18 октября 1889). Эта оценка прямо перекликается с впечатлением самого Чехова от его первой встречи с Чайковским в январе того же года: «Он хороший человек и не похож на полубога» (XIV, 276).

Упоминаемый в письме Михаила Павловича брат композитора — это, очевидно, Ипполит Ильич Чайковский, живший в 1880-х годах в Таганроге. Он был управляющим агентства Русского общества пароходства и торговли, где работал Г. М. Чехов.



УСАДЬБА ЛИНТВАРЕВЫХ ЛУКА ПОД СУМАМИ, ГДЕ ЧЕХОВЫ ПРОВОДИЛИ ЛЕТО в 1888—1889 гг.
Флигель, в котором жил Чехов
Акварель М. П. Чехова
Дом-музей Чехова, Москва

Интересно, что Георгий Митрофанович также познакомился с П. И. Чайковским, приезжавшим в Таганрог навестить своего брата. Г. М. Чехов рассказал об этом в письме Антону Павловичу, посланном на остров Цейлон, где писатель находился по пути с Сахалина. Это письмо не сохранилось. Несколько позднее, в декабре 1890 г., Георгий Митрофанович писал Чехову о братьях Чайковских: «Это дивные люди».

Из писем Михаила Павловича вырисовывается картина жизни сплоченной семьи, где отношения были проникнуты родственной теплотой, где иногда были непрочь беззлобно подшутить друг над другом. Вот, например, не без юмора нарисованная сценка послеобеденного отдыха в гостиной:

«Сейчас же после обеда, когда Машета, утомленная разливанием супа да раскладыванием по тарелкам жаркого, разваливается на своей кушетке, а Антоша и Ваня садятся напротив нее у горячей печки и начинают раскуривать свои папиросы,— я хватаю милого Иваненку за бока, усаживаю его за пианино и под его аккомпанемент начинаю петь. Иваненко играет и морщится. Антон улыбается, а Машета умоляет

меня перестать.— „Надоел! Просто душу на части рвет твой гадкий голос!“ —кричит она из своей комнаты, а я все пою и пою. Пою до тех пор, пока с натуги не начнут ныть глаза.— Ну, голос! — говорит Иваненко, глядя мне в глаза и укоризненно, по-хохлацки, мотает головой» (20 февраля 1889).

Верным помощником писателя была сестра Мария Павловна. Художник по натуре, она обладала вместе с тем истинно чеховской деловитостью, умением вникать во все мелочи сложного быта семьи. В сущности, она была настоящей хозяйкой дома Чеховых. Братья Чеховы с нежностью относились к своей единственной сестре. «Сестра — это верх совершенства»,— писал Михаил Павлович одному из знакомых (письмо С. А. Петрову, 1887 г.). «Я заключил из всех симпатичных рассказов дорогого Михалика ⟨Михаила Павловича⟩, что она есть у вас богиня чего-то доброго, хорошего и милого»,— так в письме Чехову передавал свое впечатление от бесед с двоюродным братом Георгий Митрофанович (30 апреля 1888).

В письмах Михаила Павловича зафиксированы выразительные детали быта дома Чеховых. Здесь сообщение о традиционном катании на лошадях в дни масленицы, о поездке за город, в которой принимала участие гостья — племянница домохозяина — казачка Зиночка. Здесь рассказывается и о том, как в пасхальную ночь Чеховы слушали колокольный звон на Каменном мосту возле Кремля.

В числе других домашних новостей писатель сообщал брату Александру о горничной: «Ольга выходит замуж» (XIV, 320). В письмах Михаила Павловича это же событие описано очень подробно: «Наша Ольга сосватана. На днях было благословение. Мамаша и панаша были ее посаженными отцом и матерью, оба плакали, а Ольга больше всех. На Пасхе будет свадьба. Вчера к Ольге приходил жених, собрались гости, и на кухне до поздней ночи пиликала гармоника и раздавалось топанье каблуками; бал был в полном разгаре. Приданого жених берет с Ольги 45 рублей» (20 февраля 1889).

«Сегодня у нас свадьба. Наша Ольга выходит сегодня замуж и ревет как белуга на всю кухню. Мать и сестра Машета подарили ей от себя прелестное подвенечное платье, отец подарил ей самовар для первого обзаведения, Антоша отвалил ей малую толику,— а она все ревет и ревет. Свадьбу молодые будут праздновать в корнеевской кухне, а не в нашей, потому что наша оказалась мала... Все мы, а также наши добрые симпатичные друзья Семашко и Иваненко, вечерком пойдем поглядеть на них. Уверяю тебя заранее, что эта свадьба будет много приличнее той, на которой мы гуляли за Москвой-рекой» (14—15 апреля 1889).

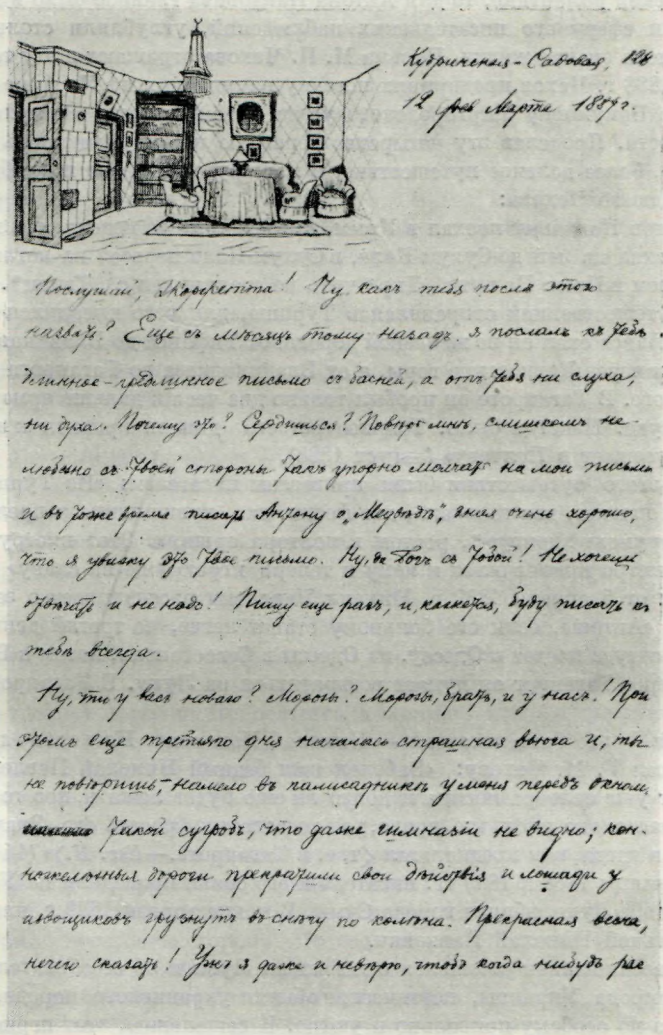
Когда читаешь эти кусочки писем, невольно вспоминаешь рассказ Чехова «Кухарка женится», написанный несколько ранее, в 1885 г.

Михаил Павлович всячески стремился приблизить своего корреспондента к жизни дома на Садовой-Кудринской. Не ограничиваясь словесными описаниями, он украсил некоторые письма миниатюрными рисунками, изображающими внешний облик дома и его интерьеры. Рисунки сделаны пером и, за исключением одного, раскрашены акварелью. Это очень ценные биографические документы—ведь у нас нет других изображений—фотографий или зарисовок—внутреннего вида дома Корнеева. Графически четкие, эти миниатюры со всей конкретностью воссоздают вид дома и обстановку квартиры писателя: темно-вишневый дом Корнеева («цвет дома либеральный, т. е. красный»,— писал Антон Павлович.— XIII, 369); уголок кабинета писателя с открытыми книжными полками и мягкой мебелью в белых чехлах; спальня Чехова со студенчески-простой железной кроватью и маленьким письменным столом; гостиная с овальным столом и пианино, взятым напрокат; столовая с чинно расставленными на столе приборами, точно ожидающими членов семьи к обеду или ужину.

Рисунки Михаила Павловича стали основным документом для восстановления мемориальных комнат писателя в московском Доме-музее А. П. Чехова. О том, с какой точностью зафиксированы на этих миниатюрных акварелях интерьеры чеховской квартиры, говорит, например, такая деталь. При воссоздании обстановки кабинета писателя надо было определить, где именно висела картина Левитана «Река Истра», подаренная художником Чехову. Рассмотрение в лупу миниатюры М. П. Чехова показало, что на стене, изображенной на рисунке, висит картина, композиция которой

(две горизонтально расходящиеся полосы, напоминающие реку) полностью совпадает с композицией картины Левитана. Таким образом вопрос был решен.

В письмах М. П. Чехова зафиксирован и пейзаж, открывающийся из окон дома на Садовой-Кудринской. «Ну, что у вас нового?— спрашивает Михаил Павлович двоюродного брата в письме от 12 марта 1889 г. — Морозы? Морозы, брат, и у нас! При этом



Кудринская-Садовая, 128
12 дня Марта 1889 г.

Послушай, Жорфетта! Ну, какъ тебя послѣ этого назвать? Еще съ мѣсяцъ тому назадъ я послалъ къ тебѣ длинное-предлинное письмо съ басней, а отъ тебя ни слуха, ни духа. Почему это? Сердишься? Повѣрь мнѣ, слишкомъ не любезно съ твоей стороны такъ упорно молчать на мои письма и въ тоже время писать Антону о „Медвѣдѣ", зная очень хорошо, что я увижу это твое письмо. Ну, да Богъ съ тобой! Не хочешь отвѣчать и не надо! Пишу еще разъ, и, кажется, буду писать къ тебѣ всегда.

Ну, ты у васъ новаго? Морозы? Морозы, братъ, и у насъ! При этомъ еще третьяго дня началась страшная вьюга и, ты не повѣришь,— намело въ палисадникѣ у меня передъ окномъ ~~[illegible]~~ такой сугробъ, что даже гимназіи не видно; конножелѣзныя дороги прекратили свои дѣйствія и лошади у извозчиковъ грузнутъ въ снѣгу по колѣна. Прекрасная весна, нечего сказать! Ужъ я даже и невѣрю, чтобъ когда нибудь рас

ПИСЬМО М. П. ЧЕХОВА к Г. М. ЧЕХОВУ ОТ 12 МАРТА 1889 г.

Лист первый

На рисунке — кабинет Чехова в его квартире на Садовой-Кудринской (ныне Дом-музей Чехова)

Литературный музей, Москва

еще третьего дня началась страшная вьюга и,— ты не поверишь,— намело в палисаднике у меня перед окном такой сугроб, что даже гимназии ⟨напротив дома Чеховых была 4-я женская гимназия — *Евг. Б.*⟩ не видно: конножелезные дороги прекратили свои действия и лошади у извозчиков грузнут в снегу по колена».

Наступили теплые дни ранней весны, и тесноватые комнаты корнеевского дома стали тяготить младшего Чехова. Даже примелькавшийся уличный вид вызывал

раздражение. «Эта женская гимназия торчит перед глазами. Даже вечно шмыгающие перед нашими окнами конножелезные вагоны и те стали тоску нагонять!» (14 апреля 1889).

Братьев Антона и Михаила Чеховых соединяла любовь к путешествиям. «Ах, будь у меня лишних 200—300 руб.... Я бы весь мир изъездил!» — писал Чехов в 1887 г. (XIII, 325). Если у младшего Чехова стремление к неизведанным местам было данью юношеской романтике, то для Антона Павловича главное было в другом: поездки расширяли сферу его писательских наблюдений, углубляли столь необходимое художнику слова знание жизни. Письма М. П. Чехова отражают и эту тему.

В июне 1888 г. Чехов предпринял поездку на лошадях по Украине из Луки Сумского уезда в Бакумовку Миргородского уезда — так сказать, из «чеховских» в «гоголевские» места. Проделав эту четырехсотверстную поездку, писатель в июле предпринял новое, более далекое путешествие, о маршруте которого подробно рассказано в письме младшего Чехова:

«Наш Антон Павлович поехал в Крым, пробыл там две недели, сел в Феодосии на „Юнону", доехал на ней до Сухум-Кале, в Сухум-Кале пересел на поганого „Дира" и приплыл на нем в Поти. На пути „Дир" чуть не столкнулся с „Твиди". Погостивши в Поти, наш путешественник отправился в Турцию, для чего высадился в Батуме. Из Батума до Тифлиса ехал он по железной дороге, от Тифлиса до Владикавказа на лошадях переезжал через Кавказские горы, а от Владикавказа до Таганрога ехал снова по железной дороге. В Таганроге он пробыл только два часа и дальше ярмарочного двора не ходил никуда. Некогда было. Только третьего дня он приехал к нам в Сумы и скоро опять уезжает в Полтаву» (август 1888).

«Трофеи» этого путешествия были привезены писателем: «Из Турции он привез две огромных папахи, два кинжала, две фески, два кувшинчика и прелестный музыкальный инструмент „чонгур", ростом в полтора аршина. Этот инструмент он подарил мне. Я быстро приловчился к нему и теперь играю уже на славу» (август 1888).

В письме от 5 апреля 1889 г. Михаил Павлович рассказывает о замысле нового путешествия: «Антоша, если его больному станет легче, на третий день Пасхи выезжает в Киев, оттуда поедет в Одессу, из Одессы в Севастополь, потом в Батум, Тифлис и, наконец, через Таганрог он думает возвратиться на Луку. В Таганроге мы решили встретиться».

«Больной» — это брат писателя — Николай Павлович. Несколько позже Михаил Павлович писал Г. М. Чехову: «Заболел наш бедный Николай Павлович брюшным тифом, лежит уже полтора месяца и долго ли еще будет лежать, про то знает Аллах. Он, бедный, настолько плох, что, право, как-то совестно бросать его. Значит, я не увижусь с тобой и тогда, как предполагал ⟨т. е. в Таганроге.—*Евг. Б.*⟩» (14 апреля 1889).

Летние месяцы 1888 и 1889 гг. писатель и его семья проводили на Украине, в живописной усадьбе Луке, вблизи города Сумы. В конце апреля 1889 г. на Луку был перевезен и больной Николай Павлович.

Чехов с восхищением отзывался о пейзажах Луки и об ее обитателях. Писателю нравилась природа Украины, поэтические обычаи украинского народа, и здесь ему жилось как-то по особому привольно и уютно. К сожалению, этот период биографии писателя еще недостаточно обследован. Письма Михаила Павловича дополняют наше представление о жизни семьи Чехова на Украине.

Чехов перебирался на Луку после многих месяцев напряженного труда, после волнений, связанных с первыми постановками пьес. Умевший упорно и плодотворно работать, писатель умел хорошо пользоваться отдыхом, набираясь новых впечатлений, наслаждаясь жизнью среди природы, в окружении близких людей. Письма Михаила Павловича доносят до нас живые черты этой жизни.

«Если б ты знал, как хороши наши вечера, то ты бросил бы все, и дачу, и семью, и тотчас бы приехал к нам!— пишет Михаил Павлович.— Ты и представить себе не можешь, как хорошо здесь, когда в воздухе так тихо, что даже лист не шелохнется, и когда Псёл — как зеркало. Прибавь к этому еще запах цветущей липы, бузины и жасмина, да аромат от только что скошенного сена, которым усеяна наша терраса ради Троицы, да еще луну, точно блин висящую как раз над головой,— и ты будешь иметь

полное представление о наших вечерах. Таков вечер и сейчас, когда я пишу тебе это письмо. Сейчас я на террасе. Справа у меня — наш дом, слева — огромный дикий сад, поднимающийся в гору; как раз передо мной сквозь листву и кое-какие постройки блещет Псёл и видно желто-розовое, но еще не успевшее потемнеть небо. Откуда-то издалека тянутся звуки гармоники и хохлацкой свистюльки. Рядом со мной сидит Маша, только что возвратившаяся из Полтавы, а немного подальше симпатичный Иваненко. Оба читают. В открытое окно из комнат доносятся разговоры Суворина, приехавшего к нам гостить, <...> и Антона. Оба с жаром толкуют о том, какова была погода в Петербурге и Москве, когда дня три тому назад на всю Россию вдруг напали холода... Завтра ожидаем на Луку Свободина <...> к 3-му — Ваню, к 7-му — нашего милого виолончелиста Семашко<...> Семашко нанял у нас комнату на все лето, и значит мы будем все лето наслаждаться музыкой» (29 мая 1889).

В музыкальных вечерах на Луке участвовал и пианист Георгий Михайлович Линтварев, страстный поклонник Чайковского. Часто музыка дополнялась живым словом. А. Н. Плещеев читал свои стихи, рассказывал о прошлом. Большое оживление в жизнь Луки вносил и артист Свободин. Видный деятель русского театра, человек большой культуры, Свободин выступал перед обитателями Луки в излюбленных ролях своего репертуара: «Каждый вечер артист Свободин кого-нибудь на Луке представляет: или Плюшкина, или банкира Зонненштейна <персонаж популярной в то время пьесы Суворина «Татьяна Репина».— *Евг. Б.*>, или кого-нибудь из героев Островского (Счастливцева)»,— сообщает Михаил Павлович (1889).

В одном из писем младший Чехов так повествует о дне, проведенном с Чеховым, Свободиным и другими обитателями Луки: «...*прелестная погода, так было в воздухе ароматно, что мы решили воспользоваться этим днем вполне, и чего только мы не делали! Раков ловили сотнями; отрывали у них шейки и на эти шейки ловили рыбу. Свободин для курьеза надел фрак и ловил во фраке... <После обеда> мы все, сколько нас было, снарядили флотилию и поплыли вверх по реке. Плыли до заката солнца... После купанья мы с песнями возвратились домой...

Но этого еще мало: Антоша, Ваня, Маша, я, Наташа и Георгий Линтваревы, доктор Глаголев, профессор Тимофеев, <...> Свободин и восемнадцатилетний кадет, которого Антон прозвал „полковником“,—все отправились пехтурой в городской сад. Сад такой, что плюнуть и полно́. Половину сада занимает театр с пресмешной труппой. Ролей никто не учит. Так, один актер выпалил такие две фразы: „Я знаю, почему вы любите мою дочь! Вы любите ее потому, что она *красивая* и *хорошенькая*!“, „Да, мой друг, с того времени прошло много *время*!“. В саду мы пробыли чуть не до утра... Кстати, о труппе. Когда мы пригласили всех актеров ужинать, они, бедные, так обрадовались, что *честное слово* не оставили от цыплят даже костей. А один из актеров то и дело выкрикивал: „Человек! *Самую большую* рюмку водки!“» (1889).

Во встрече с сумскими актерами автор письма, по молодости лет, увидел только комическую, чисто жанровую сторону. Но ведь за этим ощущается нечто другое, более серьезное — та нищета и бескультурье дореволюционного провинциального актера, которую не раз изображал Чехов в своих рассказах.

В одном из писем Михаила Павловича рассказано о встрече с бродячими музыкантами. «Пришел сейчас к нам на Луку странствующий оркестр и стал играть из „Боккачио“ <оперетта Зуппе.— *Евг. Б.*>. Мы его наняли на целый день за 2 рубля, и теперь он играет в саду... Сейчас играет вальс „Дунайские волны“. Бегу слушать» (6 августа 1889). Не ожили ли эти впечатления через много лет, когда Чехов писал сцену бала в 3-м действии пьесы «Вишневый сад»?

Сообщая Плещееву о своем путешествии на лошадях по Украине, Чехов восторженно пишет: «Какие свадьбы попадались нам на пути, какая чудная музыка слышалась в вечерней тишине...» (XIV, 129). Писатель не мог быть равнодушен к лирически-грустной или задорной украинской народной песне. Об одной из таких песен, популярных на Луке, сообщает в письме от 6 августа 1889 г. Михаил Павлович:

---

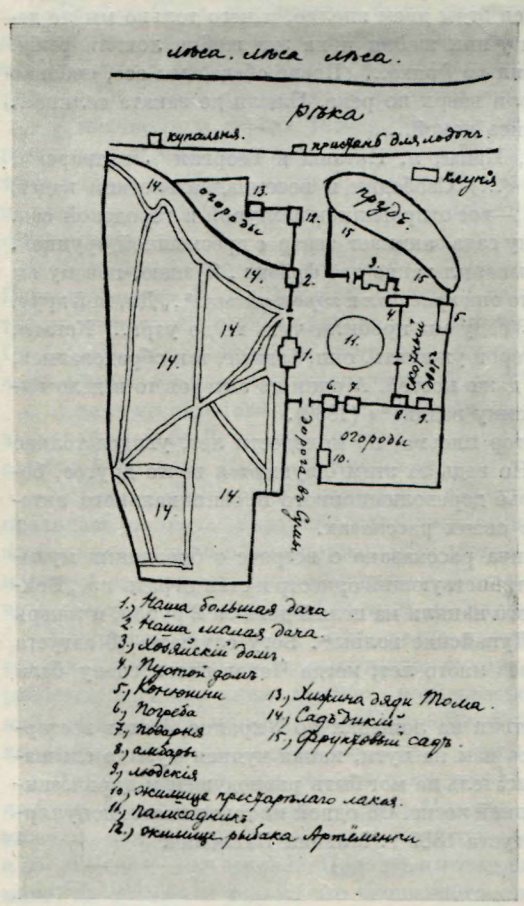
* Начало письма утрачено.

«Здесь в ходу прелестная песенка:

Баламут, ты выйди з хаты!
Хочешь мене закохаты,
Закохаты та й забуты.
Вси вы, хлопцы, баламуты!
Дотиль в свити я и жила,
Поки тебе не любила,
А тепер що дня я плачу,
Поки тебе не побачу!»

Возвращаясь из поездки в Таганрог, Михаил Павлович с нетерпением ожидает встречи со старшим братом: «Вот уже в голубой дали сверкнули Сумы, вот уж и Лука. Поезд скачет мимо нее и останавливается только за две версты. Всё знакомые места... Раздается свисток, столбы крытой платформы мелькают в глазах. Я присматриваюсь к гуляющей по дебаркадеру публике и вижу среди нее Антона. Удивление с обеих сторон: он меня не ожидал, а я не ожидал встретить на вокзале его. Он приехал на вокзал, на паре в дышле, чтобы опустить в почтовый вагон письмо. Я воспользовался случаем, и мы покатили. Первый вечер прошел незаметно. С раннего утра я и Антон уже плавали по реке, ловили раков, ставили в камышах верши для рыбы, потом слушали музыку, два раза купались, потом опять пошли раков ловить и только к вечеру успокоились» (17 мая 1889).

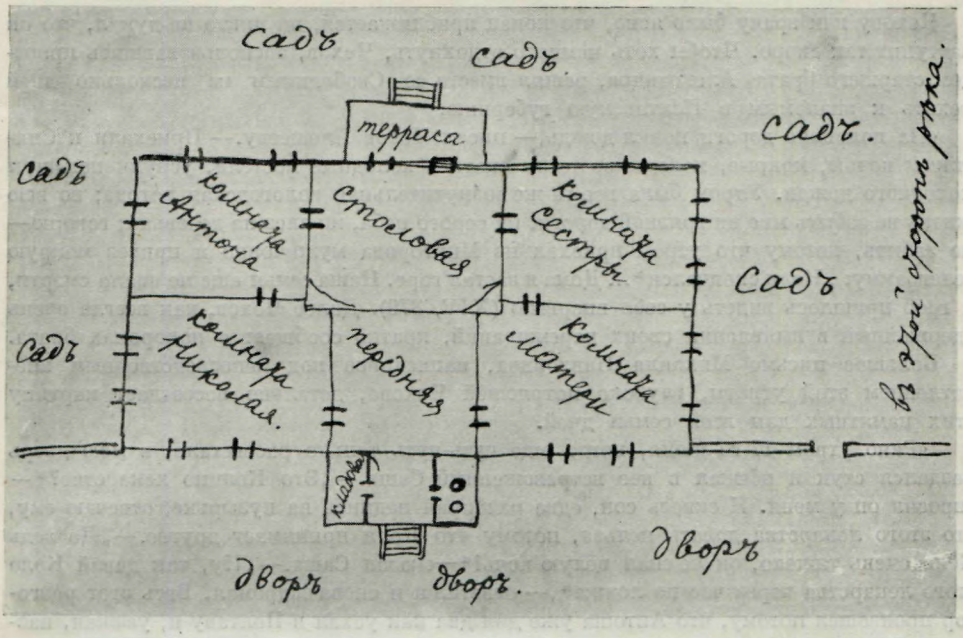
Как и раньше, Михаил Павлович хочет возможно ближе посвятить своего корреспондента в жизнь семьи. Со свойственной ему любовью к точности, в письме от 29 мая



ПЛАН УСАДЬБЫ ЛУКИ, ГДЕ в 1888—1889 гг. ПРОВОДИЛИ ЛЕТО ЧЕХОВЫ

Рисунок в письме М. П. Чехова к Г. М. Чехову от 29 мая 1889 г.

Литературный музей, Москва



ПЛАН ФЛИГЕЛЯ № 1 В УСАДЬБЕ ЛУКЕ, КОТОРЫЙ ЛЕТОМ 1889 г. ЗАНИМАЛИ ЧЕХОВЫ

Рисунок в письме М. П. Чехова к Г. М. Чехову от 29 мая 1889 г.

Литературный музей, Москва

1889 г. он запечатлел места, где жили Чеховы, в подробном плане усадьбы и ее ближайших окрестностей. Этот план значительно более подробный, чем схема-рисунок Чехова в письме от 8—9 мая 1888 г. (XIV, 104).

«Большая» и «малая» дачи — это флигели, где в 1889 г. жили Чеховы. Из писем Чехова известно, что в 1888 г. семья писателя занимала только один флигель — домик с колоннами (№ 1 на плане). В 1889 г. писатель снял у Линтваревых и второй, меньший флигель (№ 2), где раньше помещалась временная камера мирового судьи, кухня и где жила кухарка. Михаил Павлович воспроизводит детальную планировку обоих флигелей.

К плану флигеля № 1 дано такое пояснение:

«Это наша „большая дача". Здесь мы обедаем, пьем чай, подолгу разговариваем, здесь принимаем гостей, и едва только наступает полночь, все, кому предназначены в этом доме комнаты, остаются здесь, а меня и гостей выгоняют в другой дом, принадлежащий к нашей же даче и очень удобный для нашего холостяцкого житья. Этот дом находится недалеко от большого и точно так же, как и он, выходит окнами во двор и сад» (29 мая 1889).

В письмах из Луки получила отражение и смерть Николая Павловича Чехова. Писатель горячо любил брата— спутника детства и юности, сердечного, доброго человека. Чехов высоко ценил «хороший сильный русский талант» художника и с глубоким огорчением переживал бытовую и творческую неустроенность жизни Николая. Несмотря на то, что писатель был несколько моложе брата, он испытывал к нему чувство, похожее на отеческое — Чехов опекал художника, заботился о нем, больном и беспомощном, лечил его.

Михаил Павлович сообщает в Таганрог о состоянии здоровья больного, и перед нами возникает картина медленного умирания художника. В первый месяц пребывания на Луке Николай Павлович мог еще выходить и много времени проводил на воздухе, но скоро он совсем ослабел и лежал у себя в комнате. Почти беспрерывный кашель лишал покоя самого больного, окружавших его и особенно писателя, комната которого, как это видно на плане, находилась рядом с комнатой Николая.

Чехову как врачу было ясно, что конец приближается, но никто не думал, что он наступит так скоро. Чтобы хоть немного отдохнуть, Чехов, воспользовавшись приездом старшего брата Александра, решил вместе со Свободиным на несколько дней уехать к знакомым в Полтавскую губернию.

«На половине дороги полил дождь,— писал Чехов Плещееву.— Приехали к Смагиным ночью, мокрые, холодные, легли спать в холодные постели, уснули под шум холодного дождя. Утром была все та же возмутительная вологодская погода; во всю жизнь не забыть мне ни грязной дороги, ни серого неба, ни слез на деревьях; говорю— не забыть, потому что утром приехал из Миргорода мужичонко и привез мокрую телеграмму: „Коля скончался"... Дома я застал горе. Наша семья еще не знала смерти, и гроб пришлось видеть у себя впервые» (XIV, 379). Далее Чехов, как всегда очень сдержанный в выявлении своих переживаний, кратко сообщает о похоронах брата.

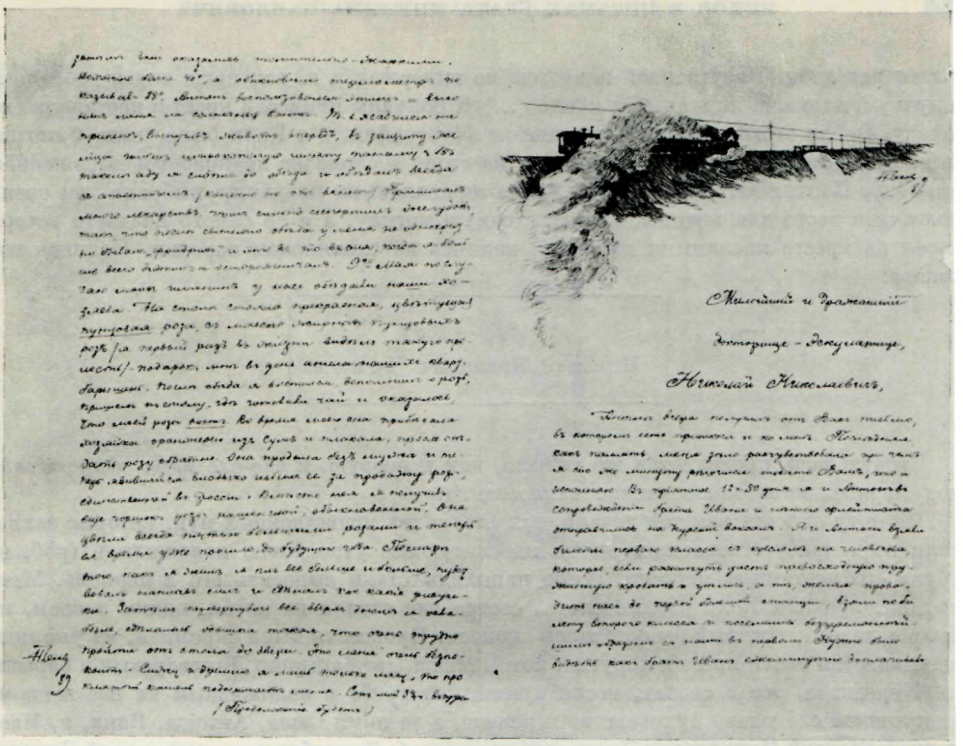
Большое письмо Михаила Павловича, написанное под непосредственным впечатлением этой утраты, глубоко потрясшей Чехова, детально воссоздает картину этих памятных для всей семьи дней.

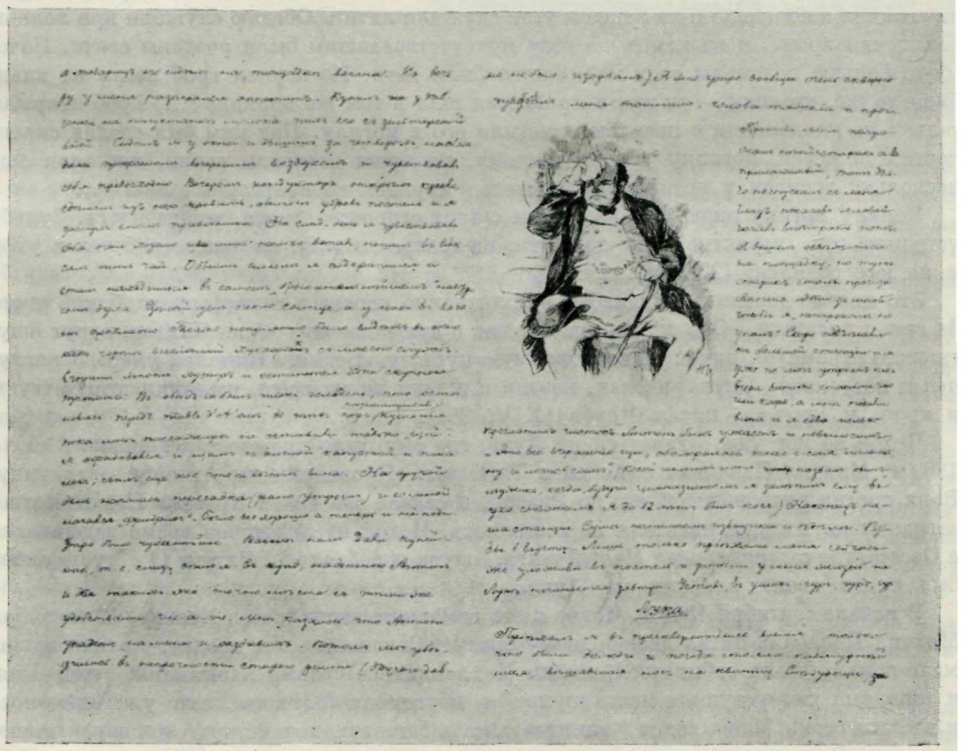
«Рано утром 17-го июня, когда еще чуть-чуть только рассветало, в мою дверь раздался стук и вбежал в нее встревоженный Саша.— „Это Колино лекарство?" — спросил он у меня. Я сквозь сон, едва разбирая надпись на пузырьке, отвечаю ему, что этого лекарства давать нельзя, потому что Коля принимает другое.— „Да ведь Коле очень тяжело, он не спал целую ночь!"—сказал Саша.— „Ну, так давай Коле этого лекарства через час по ложке",— ответил я и снова задремал. Весь этот разговор произошел потому, что Антоша уже дня два как уехал в Полтаву и, уезжая, назначил Коле порошки и строго-настрого приказал нам, если Коле станет хуже, давать ему ту микстуру, с которой прибежал ко мне Александр.

Потом, уже попозже, прибегает ко мне Саша снова и, плача, говорит мне, что Коли не стало. Я быстро одеваюсь, бегу через весь двор в наш дом, застаю в нем каких-то неизвестных мне людей, доктора, каких-то старушек, плакавших навзрыд, а когда отворил дверь в комнату мамы, я увидел мать и сестру в горьких слезах, около них стояли Линтваревы, тоже вытиравшие платком глаза. Я бросился утешать мать и, глотая слезы и боясь как бы не расплакаться самому, стал говорить ей ласковые слова.— „Не мешай мне плакать! — говорила мать.— Дай мне выплакать свое горе!". Я оставил мать и сестру на попечении Линтваревых и пошел к Коле. Здесь уже происходило обмывание. Коля лежал на полу, сухой, как щепка, с ввалившимися щеками и желтый, как воск. Приготовив ему одежду и почему-то боясь за мать и за отца, я написал телеграммы Антону и отцу, отправил их на телеграф, а сам пошел к матери и сестре и снова стал утешать их. Добрые Линтваревы все заботы о похоронах взяли на себя, быстро зазвонили в церкви по покойнике, кто-то поскакал в город заказывать гроб, кто-то пригласил батюшку с причетником. Елена Михайловна принесла сколько-то денег, думая, что мы в них стеснены. Хорошие они люди!

В 11 часов утра Колю обставили и осыпали цветами и в первый раз отслужили по Коле панихиду. Народу набралось много, и при пении «вечная память» плакали все: и чужие, и свои, и господа, и мужики. После панихиды ушли все, и у гроба осталась только одна мать, в черном платье. Она смотрела безмолвно на Николая и иногда горько-горько плакала. Она становилась на колени, касалась лбом пола и, рыдая, подолгу оставалась в такой позе. Часто я входил к ней, старался утешить ее, но, чувствуя, что мои утешения не в силах уменьшить ее материнского горя и, боясь как бы не расплакаться самому, выходил из комнаты. Раз как-то я вышел так на крыльцо, смотрю— Саша заказывает плотнику крест, и это еще более убедило меня в том, что Коля умер: раньше я как-то не верил, да не верилось и маме и сестре(...)Николай же лежал на столе с прекраснейшим выражением лица, точно и не умирал и точно сбоку его и не раздавались рыдания. Ночью причетник читал псалтырь, какие-то старушки вполголоса разговаривали между собой, мать чуть не каждый час входила к Коле, а сестру я насильно отправил ночевать к Линтваревым. Я перешел из своего флигеля на ночь к матери.

На следующее утро приехали из Полтавы Антоша и Ваня, печальные и расстроенные. Антоша при виде трупа кое-как крепился, чтобы не беспокоить мать, а Ваня





ПИСЬМО Н. П. ЧЕХОВА К ДОКТОРУ Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ ОТ МАЯ 1889 г. ИЗ ЛУКИ

Рисунки сделаны Н. П. Чеховым и отражают его дорожные впечатления от поездки из Москвы в Луку

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

рыдал как дитя. На утренней панихиде не выдержал и я, вся наша семья собралась в кучку и плакала, плакала без конца <...> К полудню принесли крест и поставили его в саду. Около этого времени я съездил за фотографом, и с Коли была снята фотография. На карточке он вышел лежавшим на столе и с тем же прекрасным выражением лица<...> После вечерней панихиды мама отправилась на кладбище, выбрала там очень поэтичное место для могилы, заказала самую могилу, а я до самого позднего вечера писал на кресте масляными красками надпись на славянском наречии. Надпись вот какова:

1858 — 1889
Николай Павлович Чехов

Вторую ночь провели так же тяжело, как и первую, и еле-еле мама задремывала под мерное, монотонное чтение псаломщика.

Не могу описать вам той печали, тех слез и тех нравственных мук, которые захватили всех присутствовавших, когда на следующее утро Колю положили в гроб, и, убрав его цветами и венками, после панихиды стали выносить его в церковь. Мать рыдала, кричала Коле разные слова, сестра еле стояла на ногах, одним словом, не было человека, который бы оставался спокоен. Процессия была скромная, но умиляющая: впереди несли крест и хоругви, потом Маша, две барышни Линтваревых и барышня Курганова, все в слезах, несли крышку от гроба с положенным на нее венком; за крышкой следовало духовенство и певчие, а за ними Саша, Антоша, Ваня, я, Иваненко и Георгий Михайлович Линтварев несли гроб. За гробом под руку с г-жей Линтваревой шла наша бедная мать, а за ними многочисленная толпа. Во всю дорогу к церкви звонили в колокола и на каждом угле служили литии. Обедню служили при полном освещении храма, и на панихиде всем присутствовавшим были розданы свечи. Почему-то больше половины всех молящихся были дети. Из церкви гроб несли на кладбище те же, крышку — те же, и процессия шла в том же порядке <...> Гроб закрыли только на кладбище и с печалью опустили его в могилу. Над ним был сделан склеп, поставлен крест, могилку убрали цветами, на крест повесили венки, постояли еще несколько времени у могилки и с тяжелым сердцем возвратились домой <...>

Колину могилу видно за две версты с трех сторон: с севера, запада и юга. Судьба устроила это, вероятно, для того, что на севере он жил, на западе работал и умер и на юге родился» (22 июня 1889).

Это письмо-дневник правдиво и взволнованно передает атмосферу глубокой скорби семьи писателя. Оно словно вводит нас в душевное состояние Чехова, вдруг ощутившего огромную, ничем не восполнимую пустоту. «Бедняга Николай умер. Я поглупел и потускнел. Скука адская, поэзии в жизни ни на грош, желания отсутствуют и проч. и проч.»,— писал Чехов (XIV, 381).

Чехов не мог уже оставаться на Луке, где ему было прежде так хорошо. 3 июля 1889 г. Михаил Павлович сообщал в Таганрог: «Проводили мы Антошу за границу. Ваня поехал сопровождать его до Одессы, и сейчас оба они в Киеве». Как известно, заграничная поездка писателя не состоялась. Чехов на некоторое время задержался в Одессе, где гастролировал Малый театр, оттуда перебрался в Ялту и 11 августа снова был среди своих близких на Луке.

В начале сентября 1889 г. Чехов и его домашние вернулись в Москву. 12 сентября Михаил Павлович писал двоюродному брату: «Основались мы вполне. Дачная жизнь мало-помалу стала забываться, милая Хохландия со своими каштанами, виноградом и тополями уже уступила место шумной и неугомонной Москве, лето уже кончилось и настала осень. Маша ходит в гимназию, мать бегает по хозяйству, Антоша все пишет и пишет. Ваня учительствует и, одним словом,— все вошло в свою колею и ничуть не изменилось с того времени, как ты гостил у нас. Точно лета и не существовало. Дождь льет, как из ведра: страшный ветер свистит в вентиляцию в печке и невольно задаешься вопросом: куда делось лето? Где теперь Лука?»

РАССКАЗ М. П. ЧЕХОВА «ПОЛТОРАСТА ВЕРСТ». ОТТИСК ИЗ ЖУРНАЛА «РОДНИК» (1889, № 7)

С дарственной надписью: «Антону Павловичу Чехову от автора, 5-го сентября 89 г.»

Собрание С. М. Чехова, Москва

Антону Павловичу Чехову
от автора
5-го Сент 89.

ПОЛТОРАСТА ВЕРСТЪ.

(Исторія одного путешествія.)

Ученикъ 1-го класса Сумской Александровской гимназіи Павелъ Дорошенко сидѣлъ на урокѣ латинскаго языка и безсознательно глядѣлъ на висѣвшую передъ нимъ карту Африки, какъ вдругъ отворилась дверь и въ ней показался инспекторъ.

— Дорошенко! сказалъ онъ. — Подите сюда!

У бѣднаго гимназиста точно сердце оборвалось; онъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и, оправляясь, подошелъ къ двери.

— Берите свой ранецъ и отправляйтесь въ пріемную!

Дорошенко взялъ свои книги и, все еще боясь и недоумѣвая, пошелъ въ пріемную. Онъ ожидалъ строгаго директорскаго выговора и со страхомъ и трепетомъ добрелъ до дверей пріемной; но ни директора, ни даже надзирателя онъ здѣсь не встрѣтилъ. Онъ увидалъ только на стулѣ какъ будто громадный черный узелъ и, приглядѣвшись къ нему, узналъ въ немъ свою тетку Аграфену Ивановну.

— Тетенька! Миленькая! взвизгнулъ онъ, подбѣгая къ узлу.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! заговорила Аграфена Ивановна, приподнимаясь. — Здравствуй, Пашенька, красавецъ мой!.. Ухъ, какой большой выросъ!

Паша повисъ у тетки на шеѣ и сталъ ее цѣловать.

— 153 —

В конце 1889 — начале 1890 г. Чехов, совершенно неожиданно для окружающих, стал собираться на Сахалин. Впервые он уезжал в такой далекий путь и так надолго. Родные с тревогой провожали его. В письме младшего Чехова, датированном 25 апреля 1890 г., сказано коротко: «Тягостные проводы Антона в кругосветное путешествие». Как видно из следующих писем, это не обмолвка,— Чехов действительно собирался вернуться домой через Америку.

В письмах Михаил Павлович мысленно следит за маршрутом брата. 25 июня 1890 г. он сообщает в Таганрог из опустевшей Луки, где семья Чеховых проводила третье лето: «Антоша плывет теперь по Амуру, Ване не дали отпуска, Саша в Питере, Маша вот уже месяц как в Крыму... Дома только я, да мать. Ну, конечно, скучаем».

Следующее упоминание о Чехове в письме от 4 августа: «Антон — на Сахалине, здоров, приедет через Америку в декабре и таким образом объедет вокруг света». 1 ноября, очевидно, после получения телеграммы от Чехова, он пишет: «Антон сейчас в Гонг-Конге по пути домой. Пароход „Петербург“. 10 декабря пьем с ним в Москве шампанское». О радостной встрече со старшим братом после восьмимесячной разлуки мы знаем из позднейших воспоминаний Михаила Павловича.

Известно, что по приезде в Москву Чехов уже не вернулся в дом на Садовой-Кудринской: в отсутствие писателя его семья переменила квартиру и поселилась на Малой Дмитровке (ныне улица Чехова) в доме Фирганг.

Поездка на Сахалин, широко раскрывшая перед Чеховым жизнь России, несомненно была толчком, ускорившим стремление писателя жить «среди народа». Еще в конце 1880-х годов писатель начинает думать о том, чтобы надолго поселиться в деревне, и письма Михаила Павловича также свидетельствуют об этом.

В марте 1889 г. Чехов совершил поездку в район Харькова, где продавался хутор, но покупка не состоялась, так как, по словам Михаила Павловича, «показалось ему

место очень многолюдным, а он ищет, кажется, места потише, поуединенней» (21 марта 1889). Ранней весной 1892 г. семья Чеховых поселилась в селе Мелихове. В начале 1890-х годов произошли большие перемены в жизни Михаила Павловича. После окончания университета он некоторое время служил в Московской казенной палате, а потом был назначен податным инспектором в город Ефремов Тульской губернии, оттуда его перевели по службе в Алексин.

Служба, связанная с разъездами по району, позволила Михаилу Павловичу часто навещать родных. Летние месяцы 1892 г. он провел почти безвыездно в Мелихове.

В ноябре 1892 г. Михаил Павлович добился перевода по службе в Серпухов. Мелихово, находившееся в Серпуховском уезде, теперь стало одним из пунктов деятельности податного инспектора. Однако в Мелихове Михаил Павлович не стал просто гостем или дачником, пользующимся всеми благами отдыха среди природы. Юрист по образованию, никогда до того времени не занимавшийся сельским хозяйством, он с увлечением принялся за полевые работы и скоро стал признанным руководителем довольно сложного мелиховского хозяйства. «Миша превосходно хозяйничает... Без него я ничего бы не сделал»,— писал Чехов (XV, 380).

Письма Михаила Павловича отражают увлечение членов семьи писателя сельским хозяйством. У Чеховых, предки которых были крестьянами, точно проснулась скрытая до времени страсть к земле. С наивной гордостью новоиспеченного хозяина Михаил Павлович писал двоюродному брату:

«Ну, что сказать тебе о Мелихове. Приезжай сам — увидишь. У меня там шесть лошадей, будем кататься верхом, я повожу тебя по нашим дремучим лесам, где верст пять все идешь и идешь, а вся земля *наша*. Рожь у меня прекрасная, но овсы и травы выгорели от жары и засухи, а огород сестры — загляденье; одной капусты у нее 800 кочней. Сено уже скосили... и если бы ты видел, как въезжали во двор возы с сеном и как вершили его в стог! Прелесть, что за время! Через неделю, вероятно, начну жатву... Рига уже готова к принятию снопов и молотьбы, и сортировка готовится к работе: настает хорошее горячее время, когда день и ночь будем убирать рожь. Вообще прелестная вещь сельское хозяйство! С утра до вечера в поле и в лесу — а в голове все планы, планы, планы... Войдешь в конюшню, выведешь *своего* коня, оседлаешь и марш в лес на покос... А там, гляди, издалека доносятся звонки: к нам это или не к нам? нет, к нам? нет, не к нам! „А, здравствуйте“ и т. д. и т. д. А вечером прогулки целой компанией к лесу... Гуляем мы до поздней ночи, а просыпаемся вместе с солнцем» (26 июня 1892). Осенью, когда прекращались работы в поле, огороде, в саду и в усадьбе, становилось совсем тихо. Гости теперь реже навещали Чеховых, и Антон Павлович все свое внимание отдавал творческому труду. Неугомонные отец и мать писателя проводили дни в хлопотах, занимаясь подготовкой к надвигавшейся зиме.

«Папаша здоров, ходит по хозяйству, от амбара до риги, от риги до погреба и все хлопочет и хлопочет,— писал Михаил Павлович дяде Митрофану Егоровичу.—Он целые дни проводит на дворе, на воздухе и своим румянцем и бодростью духа, право, любого молодца заткнет за пояс. Мамаша тоже хлопочет: капуста, голодовка собак, в которую только она одна и верит, потому что у нее голодают все: и мы, съедающие чуть ли не два обеда сразу, и собаки, жрущие походя, — одним словом, все ее хлопоты заключаются в заботах о всех и нерадении о самой себе».

Письмо заканчивается картиной осеннего вечера, когда наступали часы отдыха писателя и его домашних. «Сейчас, когда я при лампе и при свече пишу ⟨...⟩, она ⟨мать.— *Евг. Б.*⟩ сидит против меня и после трудов праведных раскладывает пасьянс,— сообщает Михаил Павлович.— А ветер гудит и гудит. Антоша сидит у себя в комнате, заперся, топит печку, печка греет, а он зябнет. Позябнет, позябнет, а потом выйдет и скажет: „Ну, погодочка! Мама, не пора ли поужинать?“ А мать в ответ: „Сейчас, сейчас!“ Ей жаль бросить пасьянс, а я спешу кончать это письмо» (7 октября 1892 г.).

В 1894 г. Михаил Павлович расстался с Мелиховом, так как был переведен по службе в Углич. В 1898 г. он переехал в Ярославль, а с 1901 г. поселился в Петербурге. Встречи с писателем стали редкими, и немногие упоминания о нем в позднейших письмах не представляют интереса.

ТОЛСТОЙ О ЧЕХОВЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Лев Толстой высоко ценил Чехова-художника и горячо любил его как человека. Об этом имеются десятки документальных свидетельств. «... Ни к кому из современных писателей Толстой не относился с такой симпатией, как к Чехову,— вспоминал П. А. Сергеенко.— Даже когда Л. Н. только заговаривал о Чехове, то у него лицо принимало особенный теплый отсвет» (П. А. Сергеенко. Толстой и его современники. М., 1911, стр. 225). Толстому был близок реализм Чехова, правдивость и искренность его творчества, но вместе с тем он находил, что у Чехова отсутствует «своя определенная точка зрения» и неоднократно отмечал это. Однако художник брал в Толстом верх над моралистом, и подавляющее большинство известных нам его отзывов о рассказах Чехова содержит их положительную оценку. Как свидетельствуют современники, Толстой любил читать вслух новые вещи Чехова в кругу друзей и родных.

Впервые с Чеховым-писателем Толстой познакомился в 1888 г., по-видимому, по сборнику рассказов «В сумерках». 15 марта 1889 г. он записал в дневнике: «Я читал хорошенькие вещицы Чех⟨ова⟩. Он любит детей и женщин, но этого мало», а 17 марта: «Весь вечер сидел один, читал Чехова. Способность любить до художеств⟨енного⟩ прозрения, но пока незачем» (Полн. собр. соч. Толстого. Юбилейное издание, т. 50-51. М., 1952, стр. 52—53.— В дальнейшем указываем только том и страницу).

То же впечатление вынес Толстой и от личной встречи с Чеховым, проведшим несколько дней в Ясной Поляне в августе 1895 г. «Чехов был у нас, и он понравился мне,— писал Толстой сыну Льву Львовичу 4 сентября.— Он очень даровит, и сердце у него, должно быть, доброе, но до сих пор нет у него своей определенной точки зрения»(т. 68-69, с. 158; ср. выше запись В. С. Миролюбова в марте 1900 г. слов Толстого о Чехове: «нет идеи, нет цельности, не знаешь зачем писано» — стр. 517 настоящ. тома). В дневнике Толстого от 21 декабря 1897 г. новая запись: «Сейчас прочел рассказ Чех⟨ова⟩ „На подводе“. Превосходно по изобразительности, но риторика, как только он хочет придать смысл рассказу» (т. 53 с. 172). В январе 1899 г. вышел в свет рассказ Чехова «Душечка», ставший любимым произведением Толстого. Известны многочисленные отзывы Толстого о «Душечке» и его послесловие к рассказу, помещенному в I томе «Круга чтения» (М., 1906). Образ Душечки, созданный Чеховым, Толстой поставил в ряду бессмертных образов мировой литературы, рядом с героями Шекспира и Сервантеса. В его дневнике от 20 марта 1905 г. сделана запись: «Тургенев написал хорошую вещь: Гамлет и Дон Кихот и в конце присоединил Горацио. А я думаю, что два главные характера это Дон Кихот и Горацио, и Санхо Пан⟨са⟩, и Душечка. Первые большею частью мужчины; вторые—большей частью женщины» (т. 55, с. 129.—Анализ восприятия Толстым образа Душечки см. в статье В. Лакшина «Чехов и Лев Толстой».— «Новый мир», 1960, № 1, стр. 238—242).

До конца жизни Толстой не изменил своего отношения к прозе Чехова. «Читаю Чехова второй день и восхищаюсь»,—записал он 20 марта 1907 г. (т. 56, с. 189). Об этом же свидетельствуют и публикуемые записи в дневнике 1905—1910 гг. его домашнего врача Д. П. Маковицкого. В дневнике Маковицкого приведены отзывы о рассказах «Злоумышленник» и «Попрыгунья», оценка которых Толстым до сих пор не была известна.

Но, ценя Чехова-прозаика, Толстой полностью отрицал его как драматурга. Ни одна из пьес Чехова не нашла положительного отклика у Толстого. Известно немало его высказываний на эту тему. Характерные для него суждения приведены ниже в неизданных письмах А. А. Санина, П. П. Гнедича и в дневнике Д. П. Маковицкого (записи от 26 ноября 1905 г., 13 августа 1909 г., 31 января 1910 г.).

К. Богаевская

* * *

В настоящей публикации документы №№ 1—4 сообщены Н. И. Гитович № 5 — Н. Г. Розенблюмом; № 6 — Н. Н. Гусевым.

После смерти Чехова в газете «Русь» (1904, № 212, от 15 июля) появилась статья А. Зенгера «У Толстого», в которой приводится беседа с Толстым о Чехове. Эти высказывания Толстого до сих пор полностью не перепечатывались; мы даем их под № 7.

1

Т. Л. ТОЛСТАЯ — А. П. ЧЕХОВУ

⟨Москва. 30 марта 1899 г.⟩

Уважаемый Антон Павлович,

я оттого до сих пор не отвечала вам, что ваше письмо пришло в Москву, когда я была в Ясной Поляне, и мой отец мне его не переслал, а сам исполнил ваше поручение, послав г-ну Чумикову для перевода свою статью «Об искусстве» в полном виде, без цензурных вымарок[1].

Мне очень жаль, что вы не пишете мне о вашем здоровии. Судя по вашим работам — надо думать, что вы в полном обладании всех ваших сил. Ваша «Душечка»[2] — прелесть! Отец ее читал четыре вечера подряд вслух и говорит, что поумнел от этой вещи. У меня стол был набит номерами «Семьи», и я насилу сохранила себе один экземпляр. Меня всегда удивляет, когда мужчины писатели так хорошо знают женскую душу. Я не могу себе представить, чтобы я могла написать что-либо о мужчине, что́ похоже было бы на действительность. А в «Душечке» я так узнаю себя, что даже стыдно. Но все-таки не так стыдно, как было стыдно узнать себя в «Ариадне»[3]. Папа прочел нам также рассказы в сборнике Белинского[4], которые тоже очень ему понравились, так же как и всем нам. Особенно хорош «Керосин»[5]. Ну, а вот вам ложка дегтю: видела «Чайку», которая имела тут огромный успех, и она все-таки не вошла в число моих любимиц. Простите, что все это пишу вам — вам наверное это совсем все равно. Но меня так близко трогает всякое ваше произведение, что я не удержалась от того, чтобы вам об этом не написать.

До свиданья. Будьте здоровы.

Толстая

30 марта 99.
Москва.

Автограф. ЛБ, ф. 331, 60/43. Цитировалось — XVIII, 463.

[1] Речь идет о письме Чехова от 8 марта 1899 г. по поводу просьбы переводчика В. А. Чумикова получить разрешение Толстого перевести на немецкий язык статью «Что такое искусство?» (XVIII, 105—106).

[2] Рассказ «Душечка» напечатан в журнале «Семья», 1899, № 1.

[3] Рассказ «Ариадна» напечатан в «Русской мысли», 1895, № 12.

[4] В сборнике «Памяти В. Г. Белинского» (М., 1899) напечатаны рассказы Чехова «Оратор», «Неосторожность» и «В бане».

[5] Рассказ «Неосторожность».

2

А. А. САНИН — А. П. ЧЕХОВУ

〈Москва. 12 марта 1900 г.〉

...Кстати, известно ли вам, что у нас был этой зимой Толстой, смотрел «Ваню» и «Одиноких»[1], и с высоты олимпийского величия свое суждение изрекал... Должен вам сказать, что я на Толстого зол, имею зуб, и сейчас изолью «всю желчь и досаду» — а вы меня простите, дорогой Антон Павлович, за мое «еретичество» и будьте моим судьей... Толстому не понравился мой любимый «Дядя Ваня», хотя он очень чтит и ценит вас как писателя. «Где драма?! — вопил гениальный писатель,— в чем она, пьеса топчется на одном месте!..» Вот за это спасибо! За этот синтез благодарю Толстого!.. Он как раз говорит о том, что мне в «Дяде Ване» дороже всего, что я считаю эпически важным, глубоким и драматическим, говорит о болезни нашего характера, жизни, истории, культуры, чего хотите, о «славянском топтании» на одном месте... Да, в чем же действительно наша драма, наше горе?! — Затем Толстой заявил, что Астров и дядя Ваня — дрянь люди, бездельники, бегущие от дела и деревни как места спасения... На эту тему он говорил много... Говорил еще о том, что «Астрову нужно взять Алену, а дяде Ване — Матрену, и что приставать к Серебряковой нехорошо и безнравственно»...

Автограф. ЛБ, ф. 331, 58/15.

Александр Акимович *Санин* (Шенберг. 1869—1955), актер и режиссер. Был помощником Станиславского по режиссуре еще в Обществе искусства и литературы, в спектаклях которого принимал также участие и в качестве актера — сначала под фамилией Бежин, потом — Санин. С основания Художественного театра работал в нем как актер и режиссер. После 1902 г. Санин был режиссером в петербургских театрах — Александринском и Малом. В 1917 г. вернулся в Художественный театр и окончательно ушел из него в 1919 г. Впоследствии находился в эмиграции.

[1] Толстой смотрел в Художественном театре «Дядю Ваню» 24 января и «Одиноких» Гауптмана — 16 февраля 1900 г. 27 января он записал в дневнике: «Ездил смотреть „Дядю Ваню“ и возмутился» (54, 10). Высказывания Толстого о «Дяде Ване» — см. в письме Вл. И. Немировича-Данченко к Чехову от февраля 1900 г. («Ежегодник Московского Художественного театра, 1944 г.», т. I. М., 1946, стр. 129).

3

Л. А. СУЛЕРЖИЦКИЙ — А. П. ЧЕХОВУ

Лион. 〈Январь 1901 г.〉

...Лев Николаевич был очень огорчен, когда узнал, что вы уехали. Он очень хотел вас видеть и поджидал вас все время к себе, он говорит, что несколько раз собирался быть у вас, и зашел бы непременно, но его останавливало то, что ему показалось, когда он был у вас, что его посещение было вам как-то стеснительно[1]. «Но непременно передайте ему, что я его очень люблю и всегда был бы рад его видеть» — «как же, как же...», прибавил он несколько раз про себя уже.

И мне досадно, что этого не вышло. Я всегда стесняюсь в таких случаях говорить что-нибудь, чтобы не сделаться этакой свахой какой-то писательской, мне это противно... А между тем я сам отлично знаю, что он был бы очень рад вас видеть. Он всегда с большой похвалой говорит о ваших работах и считает вас лучшим писателем. Кстати: прочел он „Трое“ Горького и говорит: «Теперь уж стар стал и хочется читать больше, чем когда-либо, а вот не мог дочитать „Троих“[2]. Неинтересно просто. Вот этого никогда не бывает с чеховскими вещами. Всегда, даже если вещь не нравится по содержанию, всегда прочтешь всю с большим интересом. Большой художник...»

Автограф. ЛБ, ф. 331, 59/79.

[1] Вероятно, здесь имеется в виду посещение Толстым Чехова в Москве 22 апреля 1899 г. Об этом посещении Чехов писал М. О. Меньшикову 27 апреля 1899 г.: «Был у меня Л. Н. Толстой, но поговорить с ним не удалось, так как было у меня много всякого народу, в том числе два актера, глубоко убежденные, что выше театра нет ничего на свете» (XVIII, 140).

[2] К этому времени Толстой мог прочесть только начало повести Горького «Трое» в журнале «Жизнь», 1900, № 11 и 12.

4

В. С. МИРОЛЮБОВ — А. П. ЧЕХОВУ

⟨Петербург.⟩ 14 октября ⟨1902 г.⟩

...Был в Ясной Поляне, старик бодр и благостен. Хвалит «Архиерея» и расспрашивал о вас. Я провел у него время превосходно: задушевно и содержательно...

Автограф. ЛБ, 331, 52/10. Год определен по почтовому штемпелю.

Рассказ «Архиерей» напечатан в «Журнале для всех», 1902, № 4.

5

П. П. ГНЕДИЧ — Л. О. ГНЕДИЧ

Париж. ⟨Весна 1903? г.⟩

...Что «Три сестры» ты едва досидела — это понятно, Толстой даже дочитать не мог. Помнишь, он сказал мне претонкую вещь: «Если пьяный лекарь будет лежать на диване, а за окном идти дождь, то это, по мнению Чехова, будет пьеса, а по мнению Станиславского — настроение; по моему же мнению, это скверная скука, и, лежа на диване, никакого действия драматического не вылежишь...»

Автограф. ИРЛИ, ф. 73, ед. хр. 122, л. 25.

Лина Осиповна *Гнедич*—жена П. П. Гнедича. О том, что Толстой «искренно любя Чехова, не любил его пьес»,— вспоминает П. П. Гнедич и в своей «Книге жизни» (Л., 1929, стр. 180; ср. там же, стр. 178—181).

6

ИЗ ДНЕВНИКА Д. П. МАКОВИЦКОГО

26 ноября 1905 г. Чехов — несомненный талант, но пьесы его плохие. В них не решаются вопросы, нет содержания: внешняя техника выработана.

1 марта 1906 г. «Злоумышленник» — превосходный рассказ,— сказал Л. Н. — Я его раз сто читал. Тоже судьи.

29 марта 1907 г. Л. Н. прочел вслух «Попрыгунью» Чехова. Две трети прочел сам — так живо, что я воображал себе всю историю, как если бы происходило у меня на глазах... Читая, Л. Н. сначала очень смеялся и восхищался рассказом: «С таким тонким юмором написано!.. Это мне удовольствие предстоит, это я перечту всего Чехова».

13 августа 1909 г. Л. Н. видел в Художественном театре «Дядю Ваню». Играли Книппер, Андреева... — «Это бог знает что»,— сказал Л. Н. про «Дядю Ваню».

8 сентября 1909 г. Л. Н. прочел «Беглеца» Чехова.— «Как это хорошо читать! — сказал он. — Я иногда, когда трогательно или смешно, волнуюсь».

31 января 1910 г. Кн. Долгоруков хвалил пьесы Чехова, говорил, что на сцене Художественного театра они производят больше впечатления, чем «Анфиса»[1] и проч.

«Если в противовес андреевским драмам, тогда это очень „хорошо“», — сказал Л. Н.

Автограф. Архив Гос. Музея Л. Н. Толстого.

[1] «Анфиса» — пьеса Л. Н. Андреева.

7

У ТОЛСТОГО

«Так, скончался Антон Павлович... Хорошие похороны, говорите, были? Ну отлично... Речей не было? По его желанию? Прекрасно, это прекрасно. Не надо речей... Я именно поэтому и не принимал никакого участия в его похоронах... Я противник всяких демонстраций... Даже и Тургеневу еще — он нарочно ко мне приезжал приглашать на пушкинские торжества — отказал тогда по тем же соображениям; потому что это мой давнишний взгляд: не надо демонстраций никаких, особенно посмертных... Но вот, раз вы заехали, я могу вам высказать то, что думаю о Чехове〈...〉

...Чехов, видите ли, это был несравненный художник... Да, да... Именно несравненный... Художник жизни... И достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное. Я как-то читал книгу одного немца, и там вот молодой человек, желая сделать своей невесте хороший подарок, дарит ей книги, и чьи? Чехова... Считая его выше всех известных писателей... Это очень верно, я был поражен тогда...

Он брал из жизни то, что видел, независимо от содержания того, что видел.

Зато если уж он брал что-нибудь, то передавал удивительно образно и понятно, до мелочей ясно... То, что занимало его в момент творчества, то он воссоздавал до последних черточек... Он был искренним, а это великое достоинство, он писал о том, что видел и как видел...

И благодаря искренности его, он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма, подобных которым я не встречал нигде! Его язык — это необычный язык. Я помню, когда я его в первый раз начал читать, он мне показался таким странным, „нескладным“, но как только я вчитался, так этот язык захватил меня.

Да именно благодаря этой „нескладности“ или, не знаю, как это назвать, он захватывает необычайно и, точно без всякой воли вашей, вкладывает вам в душу прекрасные художественные образы...

...Я повторяю, что новые формы создал Чехов и, отбрасывая всякую ложную скромность, утверждаю, что по технике он, Чехов, гораздо выше меня!.. Это единственный в своем роде писатель...

〈...〉Я хочу вам сказать еще, что в Чехове есть еще большой признак: он один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать,— я это знаю по собственному опыту...

...Одно могу сказать вам — смерть Чехова это большая потеря для нас, тем более что, кроме несравненного художника, мы лишились в ней прелестного, искреннего и честного человека... Это был обаятельный человек, скромный, милый...» Последние слова Толстой произносит сердечно и задумчиво...

«Русь», 1904, № 212, от 15 июля.

ЧЕХОВ НА XXVIII ПЕРЕДВИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ 1900 г.

(ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНИЙ И. А. НОВИКОВА)

Сообщение М. П. Сокольникова

С юных лет Чехов находился в близком общении с миром изобразительного искусства. На его глазах развивался незаурядный талант брата Николая, живописца, иллюстратора и карикатуриста. Писатель мог наблюдать все стадии творческого труда своего брата, и «кухня» работы живописца и графика была ему хорошо известна. На примере Николая Чехов воочию постигал трагедию художника, ставшего жертвой богемы и забывшего об общественном назначении искусства. Николай был одним из первых иллюстраторов Чехова. Через него писатель познакомился со многими тогдашними художниками, в частности с воспитанниками Московского училища живописи, ваяния и зодчества, в котором учился Николай.

В иллюстрированных журналах, где началась литературная деятельность Чехова, в «Будильнике», «Зрителе» и многих других еженедельниках он всегда работал совместно с художественной братией. Здесь было много дарований, растраченных в угоду мещанскому вкусу и обывательскому острословию. Но попадались и таланты подлинные, яркие, осознающие свое призвание.

Известны товарищеские отношения Чехова с Левитаном, столь близким ему по творческим приемам и лирическому ощущению красоты природы. Напомним о знакомстве Чехова со многими передвижниками, с Виктором Васнецовым, о пиэтете его к Репину, о признании заслуг Крамского. В последние годы среди его знакомых — Серов, Константин Коровин и многие другие представители новой живописи.

В рассказах, повестях, очерках, в пьесах Чехова можно найти десятки персонажей, представляющих типы художников. Проникновение в мир их чувств и мыслей и знание профессиональных особенностей их труда поражает, так же как и чеховское глубокое понимание искусства. В произведениях Чехова встречаются и описания отдельных полотен художников, и интересные мысли о назначении изобразительного творчества. Внимательный читатель найдет у Чехова немало чисто профессиональных выражений, относящихся к труду живописцев, терминов, определяющих специфику их творческого процесса. В описаниях явлений жизни человека и природы Чехов нередко прибегает к сравнениям, заимствованным из области живописного мастерства. Тема «Чехов и изобразительное творчество» давно уже ждет своего исследователя и может дать огромнейший и интереснейший материал.

Примечательно, что, рисуя облагораживающее воздействие произведений искусства на эстетические вкусы общества и на культуру быта, Чехов вместе с тем жестоко бичевал проникающую в искусство пошлость. Безвкусные статуэтки, аляповатые вазы, канделябры, картины с игривым изображением обнаженной женской натуры — все это появляется в произведениях Чехова там, где писатель рисует духовное убожество своих героев и власть пошлости. Вспомним хотя бы описание обстановки нового дома в последнем чеховском рассказе «Невеста» с наиболее бросающейся в глаза деталью — дебелой голой женщиной на картине.

Чехов любил произведения живописи, реалистически изображающие человека и природу, выражающие гуманные стремления художника, раздумья над смыслом человеческой жизни, поэтически рисующие мир простых русских людей.

Мы хотим в данном сообщении напомнить об одном эпизоде из жизни Чехова, который, на наш взгляд, хорошо определяет отношение писателя к задачам живописного искусства. Эпизод этот до сих пор оставался нерасшифрованным.

Чехов был постоянным посетителем художественных выставок. Об этом говорят его письма, воспоминания встречавшихся с ним лиц. В повести «Три года» писатель оставил описание посещения Лаптевым московской выставки и тонко показал психологию восприятия живописи героями повести. Об одном из посещений Чеховым художественной выставки рассказал в своих воспоминаниях о нем покойный И. А. Новиков. При этом И. А. Новиков, сам большой и тонкий художник, подчеркивает чуткость Чехова к произведению искусства: «живой, исполненный настоящего человеческого тепла» интерес к социальной действительности, изображенной художником.

«Я увидел Чехова на одной из выставок картин в Москве. Он был один, но я не подходил к нему, стесняясь напомнить о нашем случайном знакомстве, однако он сам, взглянув и помедлив секунду, узнал меня.

— Да, хорошо написано,— сказал он о портрете какого-то генерала, перед которым как раз я стоял,— но кому это нужно, зачем?

Портрет привлекал общее внимание, и мастерство художника было налицо. Но Чехов не захотел углубить свою мысль, и она приобрела всю свою значительность лишь в порядке противопоставления.

— Вы это еще не видали?

Не рассеянно, но очень быстро прошел он ряд других полотен и надолго остановился затем перед одной небольшой картиной.

— Вот,— сказал он,— вот что я хотел вам показать. Это хорошо.

Я не помню, чья это была картина, но передо мной встают и теперь — фабричные задворки, вечер, лиловатая мгла и молодой рабочий с ребенком на руках; он держит его очень неловко и очень бережно, со скуповатою, может быть, чуть-чуть стыдливою, нежностью, которую не хотел бы показать. Чем-то родственно этому сочетанию чувств было и само восприятие Чехова, и молчание его было для меня выразительно полно: сам он писал не потому лишь, что умел отлично писать и хорошо знал человека, но и потому, что он человека любил и жалел и думал по-своему об устроении его неустроенной жизни» (И. А. Новиков. Две встречи.— Сб. «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 548—549).

Чья же была эта картина, привлекшая внимание Чехова, где она была выставлена, как называлась?

В 1900 г., т. е. как раз в то время, о котором вспоминает Новиков, на 28-й Передвижной выставке появилась написанная в 1899 г. картина «В гости», принадлежавшая кисти молодого художника Михаила Семеновича Пырина (род. 1874), тогда еще ученика Училища живописи, ваяния и зодчества. Примеров показа работ учеников, хотя бы и в качестве экспонента (т. е. не члена общества), в художественной практике Передвижных выставок было немного. Однако маленькая картина Пырина так заинтересовала художников, что ее приняли на выставку единогласно. Она имела большой и заслуженный успех, ее отмечали в печати. Пыринская картина «В гости» несомненно и была тем полотном, которое так понравилось Чехову. Других картин с фигурой молодого рабочего, несущего на руках ребенка, в те годы не появлялось.

На основании изучения творчества Пырина и бесед с художником о его работе над своими произведениями я могу сообщить о картине «В гости» следующее. По своему содержанию и композиции эта работа Пырина очень близка к жанру его первого учителя Вл. Маковского (позднее Пырин занимался у Серова). Сюжет ее чисто бытовой, мотив демократический. Это в сущности сценка,— в ней всего две фигуры, пейзажное окружение самое простое.

Посмотрим на картину. Вдоль каменной стены — окраинный бульвар. Летний день зноен, но время уже забежало за полдень, и сейчас жара спадает. Молодая пара— рабочий и его жена — идут по бульвару.

Здесь читатель может сделать вполне резонное замечание: при чем тут «пара», когда Новиков рассказывает лишь об одной фигуре отца? Но ведь не надо забывать, что, вспоминая события тридцатилетней давности, автор передавал главное, что он запомнил из содержания картины. Детали он мог забыть или опустить. А главным персонажем картины является молодой рабочий, бережно несущий ребенка. Новиков мог неточно обозначить и время действия в картине («вечер, лиловая мгла»), но фабричные задворки ему ясно запомнились.

Пырин говорил мне, что молодых родителей для картины «В гости» он высмотрел в Сокольниках. Художник долго наблюдал за гуляющими и выбрал именно такую натуру. Начался процесс пристального вглядывания в позирующих, длительные сеансы работы, чисто пыринское «умозрение» натуры.

«Он» изображен художником спиной к зрителю, в простой рабочей паре, в картузе. В руках его — завернутый в белое ребенок. Отец бережно, хотя и неумело, держит дитя. Новиков правильно отмечает, что эта бережность сочеталась у молодого рабочего «со скуповатою, может быть, чуть-чуть стыдливою, нежностью».

Жена идет слева от мужа и тоже внимательно посматривает на ребенка. Она — в косынке, на ней мещанского вида кофта. В одной руке она держит жакетку, а другой приподнимает юбку, чтобы не запачкать подол. Как типичен ее наряд, движение руки, как пластически правдиво взаимодействие обеих фигур и как выразителен язык художника при передаче образов рабочих людей в бытовой обстановке! Пырин сам прошел тяжелый жизненный путь, много видел слез и горя; до поступления в Училище живописи он работал котельщиком и сердцем постигал, как свят праздничный отдых бедного человека и какую радость несет он рабочей семье.

Вполне понятно, что жизненная правда, раскрытая в картине Пырина с такой задушевностью и пластической ясностью, подкупила Чехова. Скромный сюжет ее, рисующий бытовую сценку на московской окраине конца прошлого века, приобрел в глазах зрителей типическое значение.

Картина «В гости» — подлинно реалистическое произведение, она вводит зрителя в свой сюжет, как насыщенная большим содержанием повесть. В ней «читается» не только изображенная сцена — рабочая семья идет в гости,— глядя на нее, мы легко представляем себе и обстановку скромной квартиры, из которой вышла молодая пара с ребенком, и самые сборы их, одевание и осмотр себя перед тусклым зеркалом в простой раме, и выход на улицу через тесный дворик, под любопытными взглядами соседей. Пыринская картина очень понравилась Серову и Остроухову, и по их предложению она была приобретена в Третьяковскую галерею. Она находится в ее экспозиции и в наши дни, в одном зале с полотнами Касаткина, Бакшеева, Малютина, С. Коровина, Степанова. После появления картины на Передвижной выставке в Училище живописи, ваяния и зодчества вынесли решение: зачесть «В гости» как дипломную работу и присвоить Пырину звание классного художника. Сверх этого дипломант награждался заграничной поездкой имени П. М. Третьякова. Так блистательно сдал экзамен на художественную зрелость и начал самостоятельный творческий путь один из беднейших учеников школы живописи на Мясницкой улице.

Но было бы неверным весь успех картины Пырина сводить к ее сюжету, столь родственному полотнам Вл. Маковского. Говоря о пыринском произведении: «Это хорошо»,— Чехов несомненно имел в виду и качество ее исполнения, то «новое», что почувствовали зрители в мастерстве молодого художника.

Пырин сумел найти для воплощения своего сюжета свежие живописные средства. Он показал себя в этой картине тонким мастером жанра, остро передающим световую среду. Живопись ее была светлой, живой, трепетной по цветовым нюансам. Чехов почувствовал в молодом художнике мастера, умеющего выразить глубину содержания через «настроение», через свой душевный строй. Новиков верно подмечает, что в творческой манере картины Чехову были родственны «сочетание конкретности и дали, живого быта и длительного раздумья».

Пырин обращался к бытовому жанру и до картины «В гости». Заслуживает внимания его полотно «Приготовление обеда», созданное еще в 1896 г. и находящееся ныне в Курском художественном музее.

По возвращении из заграничной командировки Пырин жил в Москве, был постоянным участником выставок Союза русских художников. Его работы имели успех в художественной среде и отличались колористическими качествами; однако широкого общественного резонанса картины Пырина уже не получали. Круг его жизненных наблюдений суживался, в манере стала заметна дробность мазка, пуантилизм.

«В ГОСТИ»

Картина маслом М. С. Пырина (1899)

Эта картина привлекла внимание Чехова на XXVIII Передвижной выставке (1900 г.)

Третьяковская галерея, Москва

Но Пырин до конца своих дней не изменял искусству. В советское время, прожив шестнадцать лет в деревне, он обогащает свою живопись мотивами трудовой крестьянской жизни.

Последние десять лет художник жил и работал в городе Иванове, где наряду с творческой деятельностью вел большую преподавательскую работу. Он воспитал в местном художественном училище целую группу талантливых молодых живописцев и оставил по себе самую светлую память. В новых его картинах и портретах преобладала советская тематика и чувствовался пафос современности.

В 1940 г. в Москве была устроена большая выставка произведений Пырина, подытоживавшая 40 лет его служения родному искусству. Выставка имела успех и помогла популяризации творчества художника и признанию его заслуг как крупного советского живописца и портретиста. Умер Пырин в Иванове, в 1943 г.

ДОПОЛНЕНИЯ К «ПИСЬМАМ ЧЕХОВА»*

А. Н. ВЕСЕЛОВСКОМУ

<Ницца. 23 декабря 1897 г.>

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Рассказ я пришлю непременно, с удовольствием.

Поздравляю вас с праздником и с Новым годом, с новым счастьем. Это письмо — вместо визитной карточки.

Желаю всего хорошего и жму руку.

Преданный А. Чехов

97 $\frac{23}{XII}$

На обороте: Алексею Николаевичу Веселовскому.

Москва, Чистые Пруды, д<ом> Балашевой.

Moscou. Russie

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 220.

Алексей Николаевич *Веселовский* (1843—1918) — профессор Московского университета, почетный академик, историк западноевропейской литературы. В 1894—1901 гг. был временным председателем Общества любителей российской словесности, в 1903—1904 гг. — председателем Общества. Чехов познакомился с Веселовским в середине 1890-х гг. и переписывался с ним. Известно два письма Чехова к Веселовскому 1903—1904 гг. (XX, 197—198 и 219—220).

Публикуемое письмо Чехова является ответом на письмо Веселовского от 17 (29) декабря 1897 г., в котором он просил писателя дать рассказ для сборника, издававшегося Обществом любителей российской словесности в пользу Женского медицинского института. В 1898 г. Веселовский вновь дважды обращался к Чехову с этой же просьбой. 21 октября 1898 г. Чехов писал В. М. Соболевскому: «Веселовский (А. Н.) взял у меня слово, что я дам рассказ для сборника в пользу медицинских курсов. Я обещал. Теперь же оказывается, что сборник редактирует не сам А.Н., а M-me Веселовская ... Но рассказ все-таки придется послать» (XVII, 333). Однако, по всей вероятности, Чехов так и не послал рассказ Веселовскому.

Н. М. КОЖИНУ

<Москва.> 17 янв<аря 1890 г.>

Милостивый государь Николай Матвеевич!

В ответ на ваше почтенное письмо от 14 января имею честь известить вас, что пьеса моя «Предложение» не может идти в Москве, так как она отдана г-же Горевой[1] на весь текущий сезон.

Прошу вас принять уверение в совершенном почтении.

А. Чехов

Автограф. Музей МХАТ.

Николай Матвеевич *Кожин* — секретарь правления Московского Общества искусства и литературы.

Публикуемое письмо Чехова является ответом на письмо Кожина от 14 января 1890 г., где он просил писателя разрешить постановку пьесы «Предложение» на товарищеском вечере членов Общества 2 февраля этого года.

[1] Елизавета Николаевна *Горева* (1859—1917)—драматическая артистка, имевшая в 1889—1891 гг. частный театр в Москве.

---

* Настоящие два письма Чехова поступили в редакцию перед подписанием тома к печати. Письмо к А. Н. Веселовскому публикуется В. П. Нечаевым, письмо к Н. М. Кожину — Ф. Н. Михальским.

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСПОМИНАНИЙ О ЧЕХОВЕ

Составила Э. А. Полоцкая

Тридцать лет назад вышла в свет отдельным изданием работа Л. М. Фридкеса «Описание мемуаров о Чехове» (М.— Л., «Academia», 1930; тираж 2070 экз.). На долю автора этого справочного пособия выпала вся тяжесть первоначальной работы по собиранию и отбору воспоминаний, рассеянных по многочисленным периодическим изданиям, сборникам, посвященным Чехову и другим писателям, забытым книгам мемуаристов и т. д. Следует учесть, что книга Л. М. Фридкеса готовилась к печати почти одновременно с обширной библиографией И. Ф. Масанова «Чеховиана» (М., 1929), данные которой, очевидно, не удалось полностью учесть автору «Описания мемуаров о Чехове».

Благодаря библиографии Л. М. Фридкеса, аннотированной и снабженной алфавитным и даже тематическим указателями, исследователю стали легко доступны первоисточники воспоминаний о Чехове. Указатель Л. М. Фридкеса стал незаменимым пособием для биографов и исследователей творчества писателя.

Но со времени выхода в свет этого указателя мемуарная литература о Чехове значительно обогатилась. Воспоминания о Чехове таких выдающихся деятелей литературы и искусства, как Бунин, Горький, Короленко, Куприн, Станиславский, были неоднократно переизданы. Наиболее интересные и достоверные воспоминания вышли в серии мемуарной литературы, выпускаемой Гослитиздатом («Чехов в воспоминаниях современников». М., 1947, 1952 и 1954 гг.).

Во многих случаях переизданные тексты оказались значительно шире публикаций, указанных Л. М. Фридкесом. Часто в подготовке переизданий мемуаров о Чехове участвовали сами авторы, дополнявшие свои старые воспоминания, редактировавшие их заново и представлявшие в результате для издания новые тексты. Таково происхождение последних, наиболее обширных воспоминаний А. С. Лазарева-Грузинского «А. П. Чехов», рукопись которых, написанная в 1910 г., была пересмотрена автором около 1925 г. и впервые опубликована в таком виде в 1947 г. в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников».

По вновь написанным рукописям (авторы которых использовали свои старые воспоминания о Чехове) были опубликованы в этом же сборнике воспоминания Т. Л. Щепкиной-Куперник, Л. А. Авиловой, Г. И. Россолимо. Используя свои старые воспоминания, работал над книгой «Друзья и встречи», вышедшей в 1934 г., и В. А. Гиляровский. Именно этот вариант главы о Чехове вошел впоследствии в его книгу «Москва и москвичи» (1955). Свои воспоминания о брате, частью уже известные по прежним публикациям, отмеченным Л. М. Фридкесом, собрал и снабдил общими биографическими сведениями о писателе Михаил Павлович Чехов («Вокруг Чехова». М.— Л., 1933). В 1952 г. был опубликован последний, наиболее полный вариант воспоминаний О. Л. Книппер-Чеховой («Ежегодник МХАТ 1949—1950 гг.»). В течение последних десятилетий неоднократно выступала в печати с воспоминаниями о Чехове и его сестра М. П. Чехова, раньше мало и редко писавшая о брате. Наиболее полно ее воспоминания были опубликованы в 1957 г. в первых трех номерах журнала «Дон». Это были главы из задуманной ею большой книги воспоминаний о Чехове.

За эти годы были изданы книги воспоминаний театральных и литературных деятелей, знавших Чехова. Иногда в таких мемуарах Чехову уделялось большое внимание. Такой была в первую очередь книга В. И. Немировича-Данченко «Из прошлого» (М.— Л., 1936), в которой известный ранее материал — по публикациям в «Чеховском юбилейном сборнике», М., 1910 г., в журнале «Солнце России», 1914, № 7, и в работах Н. Е. Эфроса о Художественном театре — составлял лишь небольшую часть разделов о Чехове. Дополнил свои старые воспоминания о Чехове, записанные еще в 1910-х годах Л. А. Сулержицким, и Л. М. Леонидов в мемуарах «Прошлое и настоящее» (опубликованных в 1946 г. в «Ежегоднике МХАТ 1944 г.»). В 1937 г. вышла книга воспоминаний А. Я. Гламы-Мещерской, участницы постановки пьесы «Иванов» в театре Корша в 1887 г.— первого сценического воплощения чеховской драматургии; несколько страниц своих воспоминаний актриса посвящает Чехову. В книгах других актеров чеховского времени — Н. Н. Ходотова («Близкое — далекое». М.— Л., 1932) и Ю. М. Юрьева («Записки», т. II. М.— Л., 1945) также оказались интересные фактические сведения о театральных связях Чехова — о его взаимоотношениях с Александринским театром во время подготовки двух постановок «Чайки» — 1896 и 1902 гг.

Воспоминания актеров о Чехове — один из наиболее многочисленных разделов мемуарной литературы о писателе; они свидетельствуют о большой и тесной дружбе, которая связывала драматурга с исполнителями ролей в его пьесах. Кроме тех, кого мы упомянули, о встречах с Чеховым вспоминали и М. Ф. Андреева, описывая поездку Художественного театра в Крым весной 1900 г.; и А. Р. Артем, рассказавший С. Н. Дурылину о любимом драматурге и человеке; и Н. Ф. Скарская — сестра В. Ф. Комиссаржевской и спутница П. П. Гайдебурова в его театральных скитаниях, встретившаяся с Чеховым в Художественном театре, где она недолго служила; и сама В. Ф. Комиссаржевская, в творчестве которой исполнение роли Нины Заречной оставило неизгладимый след.

После выхода указателя Л. М. Фридкеса появился ряд мемуаров, освещающих взаимоотношения Чехова с другими писателями. В связи с юбилеями Чехова в 1939 и 1944 гг. выступили с воспоминаниями об отношении Толстого и Лескова к Чехову сыновья великих писателей — С. Л. Толстой и А. Н. Лесков.

К семидесятипятилетию со дня рождения Чехова были напечатаны также воспоминания о нем писателей А. Н. Тихонова (Сереброва) и С. Г. Петрова (Скитальца). О встречах Чехова с Н. Г. Гариным-Михайловским в Ялте написала мемуары Ф. Ф. Вентцель, тогда начинающая писательница.

Появились и воспоминания, рассказывающие о встречах Чехова с деятелями музыкального искусства — С. В. Рахманиновым, А. А. Спендиаровым, Ф. И. Шаляпиным.

Воспоминания о Чехове написали лица, знавшие писателя в различные периоды его жизни,— то близкие друзья и родные, то случайные спутники его многочисленных путешествий. О детстве Чехова рассказали его родственники и сверстники, бывшие ученики таганрогской гимназии — их воспоминания записали и опубликовали М. М. Туркин в сборнике «А. П. Чехов и наш край» (Ростов-на-Дону, 1935) и А. И. Роскин в своих работах о Чехове.

Об отношениях Чехова с населением Сахалина рассказал бывший конюх М. Л. Нюнюков, сопровождавший писателя в его поездке по Тымовскому округу. Близкая приятельница семьи Чеховых художница М. Т. Дроздова, гостившая не раз в Мелихове и хорошо знакомая с его бытом, написала воспоминания об этом периоде жизни писателя. О пребывании Чехова с женой в Андреевском санатории Уфимской губернии рассказано в воспоминаниях бывшего киевского студента-медика В. И. Киселева, участника движения революционного студенчества, вызвавшего, очевидно, расположение к себе писателя. О поездке Чехова вместе с Горьким в Тифлис летом 1900 г. вспомнил А. М. Калюжный, друг Горького. О том, как строилась дача Чехова в Аутке, рассказал архитектор Л. Н. Шаповалов (воспоминания в записи А. Л. Лесса).

Большое количество переизданий старых воспоминаний, теперь снабженных научным аппаратом (библиографическими сведениями, комментариями и т. д.), публика-

ции расширенных вариантов старых воспоминаний и воспоминаний новых авторов — все это вызвало необходимость учета и систематизации мемуаров о Чехове, вышедших после 1930 г. Этой главной цели и служит настоящая библиография, составленная как продолжение библиографии Л. М. Фридкеса.

* * *

Работа над мемуарной литературой выявила также целый ряд воспоминаний, не вошедших в указатель Л. М. Фридкеса, хотя и напечатанных до 1930 г. Пропуски были обнаружены уже среди воспоминаний, напечатанных в 1904 г., сразу после смерти Чехова.

Так, в библиографию Л. М. Фридкеса не попали ответы петербургских актеров П. М. Медведева, Л. Н. Шуваловой, Л. Б. Яворской и др. на анкету «Новостей и Биржевой газеты»; беседа актера В. Н. Давыдова с корреспондентом «Одесских новостей»; воспоминания бывшего сахалинского чиновника С. А. Фельдмана — в херсонской газете «Юг»; бывшего ученика Чехова А. С. Яковлева — в «Русском листке»; знакомого Чехова по Нижнему Новгороду Ф. Щербины — в одесских «Южных записках»; томского журналиста В. А. Долгорукова — в «Сибирском наблюдателе»; сотрудницы «Смоленского вестника» Е. Поливановой — в «Прибалтийском крае». Отсутствует в книге Л. М. Фридкеса и указание на первоначальные варианты некоторых воспоминаний (Бунина, Россолимо, Телешова и др.). Опущены также воспоминания Ал. П. Чехова о детстве писателя, печатавшиеся в «Вестнике Европы», 1907 и 1908 гг., и воспоминания Б. А. Лазаревского в «Русской мысли», 1906 г. Не учтены Л. М. Фридкесом и ответы ряда лиц (среди них — И. Е. Репин, А. И. Куприн, В. А. Тихонов, А. А. Плещеев, художник Л. С. Бакст, адвокат Н. П. Карабчевский и др.) на анкету «Одесских новостей», организованную газетой в связи с пятидесятилетием со дня рождения Чехова, исполнившимся в январе 1910 г.; работа П. И. Куркина «Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для биографии (1892—1894 гг.)», опубликованная в журнале «Общественный врач», 1911 г.; воспоминания известного историка П. В. Безобразова в газете «Приднепровский край», 1914 г. и переводчика Е. П. Семенова — в «Петербургском курьере» того же года. Из важнейших воспоминаний, появившихся в печати уже в советское время, не учтены воспоминания М. К. Заньковецкой, П. Н. Орленева и некоторых других.

Таким образом, возникла вторая цель нашей библиографии — учесть пропущенные в свое время Л. М. Фридкесом воспоминания о Чехове. Мы включили в библиографию и варианты воспоминаний, приведенных в указателе Л. М. Фридкеса (кроме совсем кратких вариантов и простых перепечаток). В большинстве случаев эти варианты нами аннотированы, так как в них исследователь может найти новый факт или иное освещение известного факта или новый штрих по сравнению с воспоминаниями, учтенными Л. М. Фридкесом (см., например, воспоминания Д. Н. Анучина, В. М. Дорошевича, Е. П. Муратовой, а также ранние варианты воспоминаний Немировича-Данченко, извлеченные нами из книг Н. Е. Эфроса о чеховских постановках Художественного театра).

В дополнение к указанным Л. М. Фридкесом записям о Чехове в дневниках его современников — Лейкина и Суворина — мы отмечаем соответствующие записи в дневниках Короленко, Толстого, Гольденвейзера, Брюсова, сибирского журналиста И. В. Багашева и во впервые публикуемых в настоящем томе «Литературного наследства» дневниках И. Л. Леонтьева-Щеглова, В. А. Тихонова, В. А. Теляковского, В. С. Миролюбова, В. Г. Короленко (в неизданных ранее частях дневника).

Указатель Л. М. Фридкеса не отразил одной интересной особенности мемуарной литературы о Чехове: о встречах с Чеховым начали писать воспоминания, оказывается, еще при его жизни — как это случилось с Толстым, Горьким — писателями, величие которых было признано современниками. Самые ранние упоминания о Чехове мемуарного характера мы нашли в «Историческом вестнике», 1895, № 12 (здесь опубликован ранний вариант воспоминаний писателя А. В. Круглова «Из альбома беллетриста») и 1896, № 8 («Воспоминания пропащего человека» Н. И. Свешникова).

В 1903 г. в «Ежемесячных приложениях» к «Ниве» (№ 9) в статье А. И. Яцимирского «Русские писатели в роли руководителей поэтов из народа» были приведены воспоминания писателя-самоучки А. Н. Савастьянова и бывшего официанта Большой Московской гостиницы С. И. Бычкова об их встречах с Чеховым.

В январе 1904 г. редактором газеты «Петербургский дневник театрала» А. А. Плещеевым было опубликовано последнее «интервью» с Чеховым — беседа с писателем во время его пребывания в Москве перед постановкой «Вишневого сада».

Мы учли также воспоминания очевидцев похорон писателя. Этот раздел мемуаров о Чехове, очевидно, сознательно был опущен Л. М. Фридкесом, как не имеющий непосредственного отношения к характеристике личности писателя. Включая все же мемуары С. А. Венгерова, Б. Д. Флита («Незнакомца»), А. Ростовцева, С. Любоша и др. лиц, встречавших поезд с телом Чехова и участвовавших в его похоронах, мы имели в виду привлечь внимание биографов Чехова к той реакции разных слоев русской и иностранной публики на смерть писателя, которая отражена в воспоминаниях.

Во всех остальных случаях мемуары, не содержащие сведений о непосредственных встречах авторов с Чеховым, не учитываются (таковы, например, отрывки из воспоминаний В. В. Зелененко «Таганрогская гимназия времен А. П. Чехова», опубликованные П. С. Поповым в книге «А. П. Чехов. Сборник статей и материалов». Ростов н/Д, 1959, стр. 347—380).

В целях большего обогащения библиографии фактическими сведениями о Чехове мы включили в библиографию и воспоминания, в которых имя Чехова отмечено лишь кратким упоминанием. Такова книга М. В. Нестерова «Давние дни» (1941), или статья «Старого журналиста» О. Л. Оршера «Около имени А. П. Чехова» в «Приднепровском крае», 1914 г., или воспоминания Г. И. Чулкова о Брюсове, опубликованные в 1925 г. в журнале «Искусство», или книга Ф. И. Шаляпина «Маска и душа» и др. Мы полагаем, что и самый факт посещения Чеховым больного Левитана в окружении художников, среди которых был М. В. Нестеров, и знакомство его в редакции «Будильника» с известным фольклористом Д. Н. Садовниковым (в статье О. Л. Оршера), и чтение чеховских рассказов Москвиным в присутствии Шаляпина, и характеристика салона В. А. Морозовой (в воспоминаниях Г. И. Чулкова) и т. д.— все это не может не заинтересовать исследователей, занимающихся соответствующими разделами писательской биографии Чехова, и не должно ускользнуть от их внимания.

Как и указатель Л. М. Фридкеса, наша библиография не учитывает писем, содержащих сведения мемуарного характера, каким, например, является известное письмо Ал. П. Чехова к писателю от 17 января 1886 г., которое было опубликовано С. Д. Балухатым под заглавием «Самые ранние воспоминания о Чехове» («Литературный Ленинград», 1934, № 32, от 14 июля).

В виде исключения мы поместили в перечень отрывки из писем Горького к разным лицам, вошедшие в сб. «Горький и Чехов» (1951), и воспоминания современников Чехова в письмах к исследователям советского времени (к И. М. Гейзеру, Д. И. Малинину, И. В. Федорову). Возможно, что эпистолярного происхождения и воспоминания о пребывании Чехова в Ницце, которые приводит М. П. Чехов в книге «Антон Чехов и его сюжеты» (1923; в библиографии см.: «Неизвестный»): это мог быть ответ знакомого писателя по Ницце на вопрос М. П. Чехова о встречах с братом.

Общее описание мемуарной литературы в нашей библиографии дается по тому же принципу, что и в библиографии Л. М. Фридкеса, т. е. по алфавиту мемуаристов. При наличии нескольких воспоминаний одного автора они даются в хронологическом порядке (учитывается дата первой публикации). Основные пункты описания мемуаров— те же, что и в книге Л. М. Фридкеса: название основного источника и указание на первоначальную публикацию данных воспоминаний; даты событий, о которых идет речь в мемуарах (по годам); содержание — т. е. аннотация приводимых воспоминаний. При аннотировании учитывается лишь фактический материал, имеющий непосредственное отношение к Чехову.

В тех случаях, когда мы располагаем сведениями о дате написания мемуаров, хотя бы приблизительной, мы ее приводим (см. воспоминания А. Я. Гламы-Мещерской; Л. М. Леонидова, А. А. Долженко и др.).

Дополнительные пункты описания мемуаров в указателе Л. М. Фридкеса — «Имена» и «Письма» из нашей библиографии исключены по следующим соображениям. Имена приведены в самой аннотации, в связи с фактами, к которым они относятся. Лишь в тех случаях, когда описываются воспоминания, повторяющие широко известные по другим воспоминаниям факты, как, например, воспоминания М. П. Чеховой в журнале «Дон», во многом повторяющие книгу М. П. Чехова «Вокруг Чехова»,— аннотация сокращается и, следовательно, опускаются некоторые имена. Что касается писем, то выделение упоминаний о них в специальный раздел теперь не целесообразно, так как подавляющее большинство писем Чехова вошло в Полное собрание его сочинений и писем в двадцати томах. В тех же немногих случаях, когда в воспоминаниях цитируется или упоминается неизвестное письмо (см. воспоминания М. Т. Дроздовой, А. В. Круглова, С. А. Найденова, Г. И. Россолимо, Н. Н. Ходотова и др.), это отмечается в самой аннотации. Упоминания о письмах к Чехову и других документальных материалах также указаны в аннотации.

Если при переизданиях воспоминаний, учтенных Л. М. Фридкесом, текст приведен с незначительными сокращениями, это отмечается (как, например, воспоминания Ал. П. Чехова «Антон Павлович — лавочник» и И. Л. Щеглова-Леонтьева «Из воспоминаний об Антоне Чехове» в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников»); переиздания же с более значительными сокращениями первоначального текста не учитываются вовсе (как, например, воспоминания И. Н. Потапенко и М. А. Члепова в том же сборнике). По той же причине не учтена нами и книга С. Л. Толстого «Очерки былого» (М., 1956), более бедная интересующим нас материалом, чем воспоминания того же автора, напечатанные в журнале «Октябрь», 1944 г.

Помещая в библиографию новые издания воспоминаний, известных по указателю Л. М. Фридкеса, мы их не аннотируем, а ссылаемся на соответствующий № этого указателя. Заново проаннотированы лишь расширенные варианты воспоминаний (в том числе и воспоминания Горького, заключительная часть которых, опубликованная в берлинском журнале «Беседа», 1923 г., осталась неизвестной Л. М. Фридкесу). Проаннотированы также вновь переизданные воспоминания актеров Московского Художественного театра, записанные Л. А. Сулержицким, так как в работе Л. М. Фридкеса они охарактеризованы общей аннотацией, не удобной для пользования.

Аннотирован также «Дневник А. С. Суворина», на который ссылается Л. М. Фридкес для сравнения с его «Маленькими письмами».

Если воспоминания, включенные в нашу библиографию, перепечатаны из забытых изданий в настоящем томе «Литературного наследства», аннотация заменяется ссылкой на соответствующие страницы тома. Не было смысла аннотировать и комментарии М. П. Чеховой в сборнике писем к Чехову, содержащие слишком мелкий и разнородный мемуарный материал, не поддающийся обобщению и сокращению. Не аннотируются также многочисленные воспоминания крестьян бывшего Серпуховского уезда, ссылки на которые собраны нами в № 75 библиографии.

В нашей библиографии учтены также воспоминания Н. П. Чехова, З. Е. Пичугина, Н. В. Голубевой, Е. П. Пешковой и других лиц, впервые печатающиеся в этом томе (со ссылками на соответствующие публикации).

В приложении к библиографии дается список воспоминаний, рукописи которых не были опубликованы, но которые известны по упоминаниям (иногда — по обширным цитатам) в работах советских исследователей; в каждом случае указывается место хранения подлинника.

Основная работа по учету мемуарных публикаций для настоящей библиографии была закончена в декабре 1959 г.

За деятельную помощь в работе над этой библиографией выражаю глубокую благодарность И. С. Зильберштейну. Много ценных указаний сделала Н. И. Гитович, за что приношу ей сердечную благодарность. За отдельные дополнения к моей работе благодарю также Н. А. Роскину, Н. А. Сысоева, И. В. Федорова, А. В. Храбровицкого.

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСПОМИНАНИЙ О ЧЕХОВЕ

1. *Абрикосов* Алексей Иванович (1875—1955), врач, приятель брата Станиславского — В. С. Алексеева, впоследствии — крупный советский ученый, патолого-анатом.

〈Воспоминания о Чехове в передаче А. Л. Лесса.〉 Ал. Лесс. Ответ Чехова.— «Здоровье», 1959, № 6, стр. 22.

Год: 1902.

Содержание. Абрикосов, тогда ординатор Старо-Екатерининской больницы, и В. С. Алексеев встречаются с Ч-вым в поезде. Ч. среди гостей Алексеевых в Любимовке. Резкий ответ Ч-ва на вопрос молодого франта о выборе профессии (требования Ч-ва к профессии врача).

2. *Авилова* (урожд. Страхова) Лидия Алексеевна (1865—1943).

А. П. Чехов в моей жизни.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 186—254. Первоначально: Чехов в воспоминаниях современников, 1947, стр. 323—395; отрывок — в «Лит. газете», 1940, №42, от 4 августа (под заглавием: «Последнее свидание»); частично — см. Фридкес, № 4 и 5.

Годы: 1889—1904.

Содержание. Знакомство с Ч-вым в доме С. Н. Худекова. Внешний облик Ч-ва. Недовольство Ч-ва артистами Александринского театра перед постановкой «Иванова»; решение больше не писать для театра. Ч. о специфике художественного творчества. Встреча Авиловой с Ч-вым на праздновании 25-летия «Петербургской газеты». Нелюбовь Ч-ва к Петербургу. Начало переписки Ч-ва с Авиловой. Литературные советы Ч-ва. Следующая встреча у Худековых. Обязанности Ч-ва по отношению к семье. Мысли Ч-ва о ненормальности семейной жизни. Ч. на масленице у Лейкина. Настроение Ч-ва. Ч. советует Авиловой писать роман; требование им правды жизни в художественном произведении. Ч. в гостях у Авиловой. Ч. о «Сыне отечества» и С. Н. Кривенко. Желание Ч-ва помочь Авиловой напечатать ее произведения (упом. В. П. Буренин). Критика Ч-вым ее рассказов «Власть» и «Ко дню ангела». Посланный ею Ч-ву брелок с надписью. Разговор Авиловой с Ч-вым на маскараде в театре Суворина. Провал «Чайки» в Александринском театре. Ненависть «литературно-журналистской братии» к Ч-ву. Ч. отвечает Авиловой со сцены (эпизод с медальоном, подаренным Ниной Заречной Тригорину). Ч. в театре Суворина. Несостоявшаяся встреча Авиловой с Ч-вым в Большой Московской гостинице. Авилова у Ч-ва в клинике А. А. Остроумова. Записка Ч-ва с просьбой принести корректуру «Мужиков» из редакции «Русской мысли». Второе посещение Авиловой больного Ч-ва; интерес Ч-ва к статьям Л. Н. Толстого. Толстой о своем отношении к Ч-ву. Ч. о «Забытых письмах» Авиловой.

Письмо Авиловой к Ч-ву в связи с появлением рассказа «О любви» (подлинник не сохранился); ответ Ч-ва. Просьба Ч-ва выявить его старые рассказы, напечатанные в «Петербургской газете», для собрания сочинений, издаваемого А. Ф. Марксом. Хлопоты Авиловой о покупке дома для Ч-ва. Встреча с Ч-вым на вокзале в Москве. Дружба Ч-ва с детьми. Отношение Ч-ва к задуманному Авиловой благотворительному сборнику в пользу раненых. См. также стр. 259—261 настоящего тома.

3. *Аганьев* Николай Федорович, учитель греческого языка в Таганрогской гимназии в 1870—1875 гг.

〈Воспоминания в записи П. Г.〉 П. Г. «Школьные годы Чехова».— «Московская газета», 1912, № 176, от 20 февраля (в статье указаны лишь инициалы автора воспоминаний: Н. Ф. А-в. Фамилия сообщена нам П. Д. Карпуном).

Годы: 1870-е.

Содержание. Посредственные успехи Ч-ва-гимназиста по классическим языкам. Отзыв учителя-словесника о его литературных способностях. Ч. в кружке гимназистов 6-го класса, занимавшихся чтением книг, в том числе и неодобренных гимназическим начальством. Цитируется письмо Ч-ва к автору воспоминаний (б. д.).

4. *Азов* (Ашкинази) Владимир Александрович, журналист.

Вагон для перевозки устриц. — «Иллюстрированная Россия» (Париж), 1929, № 29, от 13 июля, стр. 8—9.

Год: 1904.

Содержание. Чествование Ч-ва в Художественном театре на премьере «Вишневого сада». Врач Н. Н. Баженов о скорой кончине Ч-ва. Ожидание поезда с прахом Ч-ва вокзале в Москве; поезд прибывает на товарную станцию. Вместо траурного ваго-вагон для перевозки устриц.

5. *Альтшуллер* Исаак Наумович (1870—1943), ялтинский врач.

1) О Чехове (Из воспоминаний). — «Современные записки» (Париж), 1930, кн. стр. 470—485.

Годы: 1898 — 1904.

Содержание. Ч. за чтением критической статьи о нем. Знакомство Альтшуллера Ч-вым (упом. С. Я. Елпатьевский, И. И. Орлов); внешность и настроение Ч-ва. Не-

любовь Ч-ва к разговорам о его здоровье и его литературной работе. Отношение И. А. Синани к Ч-ву. Ч. покупает участок для дачи в Верхней Аутке. Ч. в доме Альтшуллера. Недовольство Ч-ва своей популярностью. Обед у приятеля Синани. Генеральша Иловайская и ее хлопоты о женитьбе Ч-ва. Практические советы Ч-ва. Первоначальное отношение Ч-ва к договору с А. Ф. Марксом. Хлопоты Ч-ва о чужих людях; активность его в создании санатория для нуждающихся. Покупка земли в Кучук-Кое и Гурзуфе; желание купить домик в Москве и дачу под Москвой. Любовь Ч-ва к природе, к животным. Аккуратность Ч-ва. Частые и тягостные посещения Ч-ва молодым писателем, жившим вне Ялты ⟨Б. А. Лазаревским⟩. Случайные гости, мешавшие работать. Деликатность Ч-ва. Отношения Ч-ва с Сувориным; письма Суворина к Чехову. Отказ Ч-ва от звания почетного академика. Отношение Толстого и Ч-ва друг к другу; отзыв Толстого о произведениях Ч-ва (упом. «Три сестры»). Ч. на именинах дочери Д. Н. Мамина-Сибиряка (упом. К. М. Станюкович, С. Я. Елпатьевский). Чтение Ч-вым газет и журналов (упом. «Северный край», «Гражданин», «Исторический вестник», «Вестник иностранной литературы», «Новый путь»). Ч. посылает газеты С. Н. Щукину и частному приставу Гвоздевичу. Вопрос об атеизме Ч-ва. Отношение Ч-ва к своей медицинской профессии. История болезни Ч-ва; сопротивление его врачебным осмотрам. Неблагоприятность условий жизни Ч-ва для его здоровья: частые поездки в Москву, волнения из-за постановки «Чайки» в Художественном театре, женитьба. Письмо Книппер Альтшуллеру о здоровье Ч-ва (цитируется). Сильное ухудшение самочувствия Ч-ва весной 1903 г. Ч. рассказывает Альтшуллеру о чествовании его на премьере «Вишневого сада» и подарках, преподнесенных ему. Планы Ч-ва на будущее. Последнее письмо Ч-ва Альтшуллеру от 26 мая 1904 (приведен текст). Визит проф. Эвальда к Ч-ву в Берлине (по рассказу О. Л. Книппер).

2) Еще о Чехове.— «Новый журнал» (Нью-Йорк), 1943, № 4, стр. 332—356.

См. публикацию воспоминаний Альтшуллера в настоящем томе.

6. *Альтшуллер* Лев Исаакович (р. 1894), сын ялтинского врача И. Н. Альтшуллера, врач-рентгенолог.

⟨Воспоминания в передаче А. Л. Лесса.⟩ А. Л. Лесс. Вокруг Чехова (раздел: «Шесть неопубликованных писем»).— Антон Павлович Чехов. Сборник. Статьи, исследования, публикации. Ростов н/Д, 1954, стр. 82.

Годы: 1900-е.

Содержание. Сердечные отношения Ч-ва с семьей Альтшуллеров. Подарок Ч-ва детям И. Н. Альтшуллера — «Каштанка», с надписью (книга не сохранилась). Упом. шесть писем Чехова к И. Н. Альтшуллеру 1898—1904 (см. их публикацию в настоящем томе).

7. *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862—1923), писатель.

1) Записная книжка. Об Антоне Чехове.— «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января.

Ср.: Фридкес, № 9 (в «Одесских новостях» — первоначальная публикация отрывков, вошедших в позднейшие работы А. В. Амфитеатрова).

2) Антон Чехов и А. С. Суворин. Ответные мысли.— А. В. Амфитеатров. Соч. (Свет и сила), т. XXXV. Пг., б. г., стр. 211.

Год: 1897.

Содержание. Встреча Амфитеатрова с Ч-вым и Вас. И. Немировичем-Данченко в Петербурге. Бегство Ч-ва с суворинского «четверга». Ч. о Суворине как о собеседнике.

3) Мои перво-редакторы.— «Иллюстрированная жизнь» (Париж), 1934, № 13, от 7 июня, стр. 3 и 10.

Годы: начало 1880-х.

Содержание. Ч. и Амфитеатров — основные сотрудники журнала «Будильник» в 1883 г. (упом. издатель «Будильника» В. Д. Левинский). Умение Ч-ва находить сюжеты для рассказов. Пародии Ч-ва на Мавра Иокая, Габорио, Шкляревского — «Ненужная победа» (опечатка: «Не изжить победу») и «Драма на охоте». Редактор «Будильника» А. Д. Курепин (в первом упоминании его имени — опечатка: «А. Д. Куртин»)— «первооткрыватель» таланта Ч-ва. Курепиным отредактирована часть «Пестрых рассказов» Ч-ва (?). Ч. о Курепине. Личность Курепина. «Будильник» в руках В. Д. Левинского.

Перечислены сотрудники Ч-ва и Амфитеатрова по «Будильнику».

8. *Андреева* Мария Федоровна (1872—1953), актриса Московского Художественного театра, впоследствии — директор Дома ученых в Москве.

Поездка в Крым.— «Лит. газета», 1938, № 59, от 26 октября. Ср.: Из воспоминаний М. Ф. Андреевой.— «Литература и жизнь», 1960, № 12, от 27 января.

Год: 1900.

Содержание. Ч. и Горький на спектакле «Гедда Габлер» во время гастролей Художественного театра в Севастополе. Встречи писателей и артистов в Ялте. Реакция

Ч-ва на резкие выпады Бунина и Чирикова против Горького. Горький на спектакле «Дядя Ваня» в Москве. Первое представление «Чайки» в 1898 г.

9. *Анучин* Дмитрий Николаевич (1843—1923), профессор Московского университета, антрополог, редактор «Русских ведомостей».

Из встреч с Л. Н. Толстым.— «Русские ведомости», 1908, № 199, от 28 августа. Ср. первоначальный вариант: Фридкес, № 59 (за подписью: «Д»).

Годы: 1890—1891 и 1902.

Содержание. Давнее знакомство Анучина с Ч-вым. Дом в Аутке. Болезнь Ч-ва и его жены. Ч. о здоровье Толстого. Разговор о литературе (упом. Найденов, Л. Андреев, Горький, Толстой, Тургенев). Ч. о восприятии публикой новых явлений литературы и о значении творчества Горького. Надежда Ч-ва, что Горького восстановят в звании почетного академика. Разговор о записках бывшего государственного деятеля (упом. И. Ф. Горбунов). Чтение Толстым «Архиерея».

10. *Артем* (Артемьев) Александр Родионович (1842—1914), актер Московского Художественного театра.

〈Воспоминания в передаче С. Н. Дурылина.〉 С. Дурылин. Любимый актер Чехова. Этюд к сценическому портрету А. Р. Артема.— «Театр и драматургия», 1935, № 2, стр. 23. Ср.: С. Н. Дурылин. Артем. Станиславский. Чехов.— К. С. Станиславский. Материалы. Письма. Исследования. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 432—434.

Годы: 1901 и 1902.

Содержание. Ч. об Артеме в роли Чебутыкина. Недовольство Ч-ва выступлением Артема в пьесе Ибсена «Дикая утка». Переживания Артема в связи с газетной критикой его игры в роли Акима («Власть тьмы» Л. Н. Толстого); «чеховский способ» чтения отрицательных рецензий.

11. *Багашев* Иван Васильевич (1843—ок. 1917), сибирский журналист.

〈Из дневника.〉 Е. Дмитриев (Е. Д. Петряев). А. П. Чехов и Забайкалье.— «Забайкалье» (Чита), 1954, кн. 7, стр. 208 (запись от 20 июня 1890 г.).

Год: 1890.

Содержание. Знакомство Багашева с Ч-вым в гостинице «Даурия» в Нерчинске (упом. содержатель гостиницы Мокеев). Расспросы Ч-ва о Нерчинске и Каре, о местных врачах и т. д.

12. *Бакст* (Розенберг) Лев Самойлович (1866—1924), художник, деятель «Мира искусства».

Ответ на анкету «Одесских новостей».— «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января.

Год: 1886.

Содержание. Знакомство Бакста с Ч-вым в Петербурге у владельца «мастерской учебных пособий и игр» А. Канаева. Внешность Ч-ва. Бакст читает Ч-ву наизусть рассказ «Хамелеон». Упом. «Пестрые рассказы».

13. *Баландин* А. Н., преподаватель таганрогской гимназии.

〈Воспоминания в передаче А. И. Роскина.〉 А. И. Роскин. Жизнь А. П. Чехова.— А. П. Чехов. Избранные произведения. М.—Л., Детгиз, 1938, стр. 10 (без указания имени мемуариста). Первоначально: А. П. Чехов. Избранные произведения. М., 1935, стр. 9 (в биографическом очерке А. И. Роскина).

Годы: конец 1860-х — начало 1870-х.

Содержание. Беседы о литературе на уроках закона божьего в таганрогской гимназии. Ф. П. Покровский внушает гимназистам любовь к Щедрину.

14. *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867—1943).

Имени Чехова.— «Россия и славянство» (Париж), 1929, № 33, от 13 июля.

Годы: конец 1890-х — начало 1900-х.

Содержание. Встречи Бальмонта с Ч-вым в Москве и Крыму. Ч., Бальмонт и Горький в Гаспре у Толстого. Ч. о Горьком. Ч. в многолюдной компании.

15. *Баранцевич* Казимир Станиславович (1851—1927), писатель.

На лоне природы.— «Биржевые ведомости», 1905, № 8904, от 2 июля.

См. Фридкес, № 14 (в «Биржевых ведомостях» — первоначально).

16. *Батюшков* Федор Дмитриевич (1857—1920), историк литературы и критик, в 1902—1906 гг.— редактор журнала «Мир божий».

Поэзия вымысла и правда жизни в произведениях Вл. Гал. Короленко (В лаборатории творчества).— «Современная иллюстрация», 1913, № 7, от 14 июля, стр. 100.

Год: 1903.

Содержание. Ч. рассказывает Батюшкову о том, как он победил предубеждение Толстого по отношению к таланту Короленко (упом. очерки Короленко о казаках).

17. *Безобразов* Павел Владимирович (1859—1919), магистр всеобщей истории, византинист.

Из моих воспоминаний.— «Приднепровский край» (Екатеринослав), 1914, № 5177, от 2 июля.

Годы: 1897—1904.

Содержание. Знакомство Безобразова с Ч-вым на вилле М. М. Ковалевского под Ниццой. Скромность Ч-ва в обществе. Противоположность натур Ч-ва и П. Д. Боборыкина. Ч. жалуется, что не может писать за границей. Недолгое увлечение Ч-ва рулеткой. Творчество Тургенева в оценке Ч-ва. Ч. отрицает историческую драму в стихах как литературную форму и предпочитает короткий рассказ роману. Отказ Ч-ва от постановки пьес в казенных театрах после случая с «Дядей Ваней» в Театрально-литературном комитете (упом. Н. И. Стороженко). Болезненный вид Ч-ва в последние месяцы жизни. Чествование Ч-ва во время премьеры «Вишневого сада». Похороны Ч-ва.

18. *Белоусов* Иван Алексеевич (1863—1930), писатель.

Чехов-рыболов. Из воспоминаний.— «Тридцать дней», 1929, № 7, стр. 78—79. Ср.: 〈Воспоминания И. А. Белоусова в передаче Н. Ловцова.〉 Н. Ловцов. С Антоном Павловичем Чеховым за карасями.— «Рыбоводство и рыболовство», 1958, № 1, стр. 33—34.

Годы: 1888—1900.

Содержание. Ч. о рыбной ловле (по письмам и воспоминаниям других лиц). Ч. на даче В. М. Лаврова в Малеевке.

19. *Браз* Иосиф Эммануилович (1872—1936).

〈Воспоминания в передаче корреспондента «Красной панорамы».〉 Новое о Чехове.— «Красная панорама», 1927, № 16, стр. 12.

Год: 1898.

Содержание. Ч. и Браз ловят рыбу в мелиховском пруду. Любовь Ч-ва к мистификациям; его желание казаться веселым человеком. Ч. позирует Бразу в Ницце. Левитан о бразовском портрете Ч-ва.

20. *Брендер* Владимир Александрович, журналист.

Именины А. П. Чехова.— «Утро России», 1914, № 13, от 17 января (за подписью: Вл. Б.).

Год: 1904.

Содержание. Именины Ч-ва 17 января 1904 г. (упом. Е. Я., М. П. и И. П. Чеховы, О. Л. Книппер, Вишневский, Леонид Андреев, Скиталец, Горький, Куприн и др.). Волнения Ч-ва в связи с предстоящим спектаклем «Вишневого сада». Чествование Ч-ва в театре. Ужин в честь Ч-ва в ресторане Большой Московской гостиницы без его участия. Недовольство Ч-ва его чествованием. Ч. в цирке Саламонского 18 января.

21. *Брюсов* Валерий Яковлевич (1873—1924).

Дневники. 1891—1910. Подготовила к печати И. М. Брюсова. Прим. Н. С. Ашукина. М., изд М. и С. Сабашниковых, 1927, стр. 101 и 107 (записи за февраль — март и октябрь 1901 г.).

Год: 1901.

Содержание. Участие Ч-ва в альманахе «Северные цветы» (рассказ «Ночью»). Организаторы альманаха пытаются встретиться с Ч-вым на его квартире в Москве.

22. *Бунин* Иван Алексеевич (1871—1953).

1) Чехов. 2) Из записной книжки.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 473—495.

См. Фридкес, № 23 и 24.

Первоначально (частично): «Русское слово», 1904, № 297, от 25 октября, под общим заглавием «Памяти А. П. Чехова» (выступление Бунина в актовом зале Московского университета). Ср. переработанный и сокращенный автором вариант: И. А. Бунин. Собр. соч., т. V. М., Б-ка «Огонек», 1956, стр. 265—281 (под общим заглавием: «Чехов»); в этом виде первоначально: И. А. Бунин. Собр. соч., т. X. Берлин, «Петрополис», 1935, стр 211—240.

3) Шаляпин.— Журн. «Дон» (Ростов н/Д), 1957, № 10, стр. 160 (приложено к статье: Л. В. Никулин. Иван Бунин о Федоре Шаляпине). Написано в 1938 г. Первоначально: «Иллюстрированная Россия», 1938, № 19, стр. 3 («О Шаляпине»).

Год: 1898 (?).

Содержание. Знакомство Шаляпина с Ч-вым через Бунина. Восторженное отношение Шаляпина к Ч-ву.

4) О Чехове. Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955.

См. публикацию отрывков мемуарного характера из этой книги в разделе «Воспоминания о Чехове» в настоящем томе.

23. *Бычков* Семен Ильич, официант Большой Московской гостиницы.
〈Воспоминания, записанные В. Е. Ермиловым.〉 А. И. Яцимирский. Русские писатели в роли руководителей поэтов.—«Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива" на 1903 г.», № 9, стр. 94—95. Ср. Фридкес, № 211.
Годы: 1890-е.
Содержание. Отношение Ч-ва к Бычкову. Сочинения Ч-ва, подаренные им Бычкову. Шутки Ч-ва. Пробуждение у Бычкова под влиянием Ч-ва любви к чтению и литературным занятиям. Текст стихотворения, посвященного Бычковым Ч-ву.

24. *Васюков* Семен Иванович (1854—1908), беллетрист и публицист.
Былые дни и годы.— «Исторический вестник», 1908, № 9, стр. 857—858; № 10, стр. 113—114.
Годы: 1880-е и середина 1890-х.
Содержание. Знакомство Ч-ва (через Л. И. Пальмина) с сотрудниками редакции журнала «Россия». Выход номера журнала «Свет и тени» с очерком, в котором Ч. высмеял сотрудников «России». Расспросы статистика-народника И. П. Боголепова о Ч-ве у крестьян Серпуховского уезда; отзыв Боголепова о «Мужиках».

25. *Венгеров* Семен Афанасьевич (1855—1920), историк литературы.
Вагон для устриц.— «Солнце России», 1914, июнь, № 228/25.
Год: 1904.
Содержание. Венгеров, тогда временный председатель Литературного фонда, встречает гроб с телом Ч-ва на Варшавском вокзале в Петербурге (упом. Книппер и М. П. Чехова). Постепенный рост толпы на вокзале. Панихида у вагона для устриц (упом. А. Ф. Маркс, Суворин, семья Ал. П. Чехова).

26. *Вентцель* (по первому мужу Ярошевская, по второму Кулжинская) Фанна Филипповна (род. 1870), писательница.
Из моих воспоминаний. II. Чехов.— «Звезда», 1943, № 5-6, стр. 205—206.
Годы: 1900-е.
Содержание. Предложение Н. Г. Гарина-Михайловского автору — начинающей писательнице — познакомиться с Ч-вым. Гарин-Михайловский и Вентцель у Ч-ва на ялтинской даче. Рассказ Ч-ва о поэтессе Х. 〈И. А. Гриневской〉, расстроившей его бестактными заботами о его здоровье (приведено письмо Гриневской к Ч-ву). Отношение Гарина-Михайловского к Ч-ву.

27. *Вересаев* (Смидович) Викентий Викентьевич (1867—1945).
А. П. Чехов.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 526—528.
См. Фридкес, № 26.

28. *Волькенштейн* Лев Филиппович, адвокат, товарищ Чехова по таганрогской гимназии.
А. П. Чехов. Воспоминания.— «Иллюстрированная Россия» (Париж), 1934, № 28, от 7 июля. Отрывок из этих воспоминаний под заглавием «Сами себя выращивали» (публикация Н. И. Гитович) см.: «Учительская газета», 1960, № 12, от 28 января.
Годы: 1870-е и вторая половина 1890-х.
Содержание. Ч. в кружке «земских врачей» — старшеклассников таганрогской гимназии (упом. Савельев, Зембулатов, Зиберов, Краса; неточность: Кукушкин медицинского факультета не кончал). Скромность Ч-ва-гимназиста; дар юмориста — рассказчика и имитатора; хорошее знание священного писания. Ч. вспоминает в 90-х годах о тройке, поставленной ему за сочинение учителем словесности А. Мальцевым. Встреча Ч-ва, Волькенштейна и А. Л. Вишневского в Художественном театре и в Большой Московской гостинице; воспоминания о трудной юности в Таганроге. Ч. о литературной работе П. А. Сергеенко.
Переговоры Ч-ва с И. Ф. Чернявским в связи с покупкой участка в Ялте. Погибшие письма Ч-ва к Волькенштейну. Рассказы «Каштанка» и «Унтер Пришибеев» с дарственными надписями Ч-ва. *Примечание*: Слова Григоровича о Ч-ве (стр. 2) не могли быть сказаны в 1883 г.

29. *Волынский* (Флексер) Аким Львович (1863—1926), критик и искусствовед, декадент.
Александр Иванович Урусов.— Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М., 1907, т. III, стр. 282—283.
Год: 1896.
Содержание. Заседание шекспировского кружка, под председательством Спасовича, посвященное обсуждению «Чайки». Выступления Вейнберга, Мережковского, Боборыкина, Урусова. Письмо Урусова к автору воспоминаний о «Лешем» (неверно отнесено к «Дяде Ване»).

30. *Гайдебуров* Павел Павлович (род. 1877), актер и режиссер.
Полвека с Чеховым. Из блокнота актера.— Театральный альманах. Сборник статей и материалов, кн. VII. М., 1948, стр. 304—305.
Год: Сезон 1899/1900.
Содержание. Постановка «Чайки» в Александринском театре. Замечания Ч-ва артистке Н. Ф. Скарской, заменявшей М. П. Лилину на репетициях в Художественном театре роли Сони в пьесе «Дядя Ваня». Своеобразие авторских указаний Ч-ва.

31. *Гарин-Михайловский* Николай Георгиевич (1852—1906).
Памяти Чехова.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 578—580.
См. Фридкес, № 34.

32. *Ге* Григорий Григорьевич (1867—1940?), артист Александринского театра.
〈Воспоминания.〉 — «Новости и Биржевая газета», 1904, № 232, от 23 августа (под заглавием «Артисты о Чехове. Воспоминания, встречи и впечатления»).
Ср. Фридкес, № 35.

33. *Гиляровская* Надежда Владимировна (р. 1886), дочь В. А. Гиляровского, театровед.
〈Воспоминания в передаче А. Л. Лесса.〉 Ал. Лесс. В квартире дяди Гиляя...— «Нева», 1956, № 12, стр. 173—174.
Годы: 1880-е — 1904.
Содержание. Кресла для чтения газет, изготовленные по рисунку Ч-ва. Последнее посещение Ч-вым Гиляровского перед отъездом в Баденвейлер. *Примечание*: Остальная часть воспоминаний Н. В. Гиляровской основана на рассказах ее отца (см. № 34).

34. *Гиляровский* Владимир Алексеевич (1855—1935), журналист и писатель.
1) Москва и москвичи. М., «Московский рабочий», 1959, стр. 347—373 (глава: «Жизнерадостные люди»). Первоначально в таком виде, без заключительных абзацев со словами Ч-ва «Все люди будут сильными»: В. А. Гиляровский. Друзья и встречи. М., 1934, стр. 25—59 (глава: «Антоша Чехонте»). Глава написана на основе старых воспоминаний автора о Ч-ве (см. Фридкес, № 36—40), расширенных автором.
Годы: 1880 — 1900-е.
Содержание. Отношение автора к таланту Ч-ва (упом. «Каштанка», «Степь»). Первые встречи. Ч.— член Гимнастического общества. Совместная работа в юмористических журналах (репортеры по делу Скопинского банка и т. д.). Рисунок Ч-ва «Вид имения Гурзуф Петра Ионыча Губонина», сделанный в альбоме автора (упом. Н. П. Чехов, Левитан). Гиляровский в гостях у Ч-ва на квартире в Головином пер. Один из источников «Каштанки» — рассказ актера В. Григорьева. Рождение сюжета «Злоумышленника». Ч. у Гиляровских. Рассказ И. П. Чехова о премьере «Иванова» в театре Корша. Отношение Ч-ва к цензурному запрету «Трущобных людей» Гиляровского. Шутки Ч-ва. Описание дома Ч-ва в Мелихове (покупка Мелихова датируется ошибочно 1880-ми годами); гостеприимность чеховской семьи. Происхождение фотографии с изображением Ч-ва в тачке. Редкие встречи с Ч-вым во время его пребывания в Ялте. Не полученная Ч-вым открытка Гиляровского 1900 г. Эпизод из жизни поэта С. Епифанова, заинтересовавший Ч-ва. Мысли Ч-ва о будущем России. Родословная Ч-ва (по рассказам П. Е. Чехова и его детей). Поэтические стороны натуры П. Е. Чехова (любовь к степной природе, увлечение церковным пением). Отдельные штрихи из детства Ч-ва. Гости в доме на Садовой-Кудринской (М. Р. Семашко, В. Г. Короленко, Гиляровский). Н. Е. Эфрос в доме Ч-ва. Гиляровский у Ч-ва в Ялте. Докторский «гонорар» Ч-ва — стихи Гиляровского о Бабакае. Ч. о запорожцах — героях Гиляровского. Последняя встреча с Ч-вым перед отъездом писателя в Баденвейлер (упом. Ю. Р. Таубе, О. Л. Книппер). «Все люди будут сильными». На стр. 373 — факсимиле дарственной надписи Ч-ва на фотографии, подаренной Гиляровскому 17 июля 1902 г.
2) 〈Воспоминания в передаче Н. Ловцова.〉 Н. Ловцов. Рассказ дяди Гиляя.— «Рыбоводство и рыболовство», 1958, № 2, стр. 44—46. Рассказано Н. Ловцову в 1928 г.
Ср. Фридкес, № 37.

35. *Гламa-Мещерская* (рожд. Барышева), Александра Яковлевна (1856—1942), артистка театра Корша, впоследствии — артистка Александринского театра.
Воспоминания. М.— Л., 1937, стр. 257—260. Литературная обработка Н. Д. Носкова (гл. VIII. «У нового Корша»). Написано после 1933 г.
Годы: 1887 и 1888.
Содержание. Знакомство с Ч-вым на репетиции «Иванова» в театре Корша. Авторская скромность Ч-ва. Благодарность Ч-ва Гламе-Мещерской за исполнение роли Сарры (упом. книга «В сумерках» с надписью Ч-ва). Обмен фотографиями.

Беспокойство Ч-ва в связи с постановкой «Медведя» в театре Корша (упоминаемое письмо Ч-ва к Гламе-Мещерской относится не к 1888, а к 1889 г.).

36. *Гнедич* Петр Петрович (1855—1927), писатель.

1) Мои цензурные мытарства. Из «Книги жизни».— «Ежегодник петроградских государственных театров», сезон 1918—1919», 1922, стр. 211.

Годы: 1892 и 1893.

Содержание. Мысль Ч-ва об освобождении художественной литературы от «сценической условности и беллетристической сухости» (в связи с переделкой Гнедичем своей пьесы «Венецейский истукан» в повесть).

2) Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. Ред. и прим. В. Ф. Боцяновского. Л., «Прибой», 1929, стр. 82, 112, 195, 200, 235—236, 240, 243—244 и 295 (на стр. 178—185 — то же, что и в «Историческом вестнике», 1911, № 1. См. Фридкес, № 45).

Годы: 1890-е — 1900-е.

Содержание. Ч. о В. В. Стасове. Договор Ч-ва с А. Ф. Марксом; отказ Суворина уплатить Ч-ву больше, чем ему предлагал Маркс. Ч. соглашается участвовать в «Пушкинском сборнике». Толстой о Ч-ве как драматурге. Ч. на заседаниях «Русского литературного общества» (упом. Кони, Урусов, И. Ф. Горбунов и др.). Благодарность Ч-ва Гнедичу за статью в «Новом времени» 1899 г. о постановке «Чайки» в Художественном театре. Отношение Суворина к Ч-ву. Ч. о недостатках романа Гнедича «Купальные огни» (упом. В. С. Соловьев, Суворин). Ч. на крещенском вечере в Петербурге у Гнедича (упом. Вас. И. Немирович-Данченко, В. А. Тихонов, М. Н. Волконский, Соломко). Посещение Исаакиевского собора. Встреча Ч-ва, Н. Н. Оболонского и Гнедича в мае 1893 г. (упом. пародия «Жестокий барон»). Ч. протестует против постановки «Чайки» в Александринском театре в 1902 г.

37. *Голубева* (рожд. Бегичева) Надежда Владимировна (1853 — около 1940), писательница.

Воспоминания об А. П. Чехове.

См. публикацию этих воспоминаний в настоящем томе.

38. *Гольденвейзер* Александр Борисович (род. 1875), пианист, педагог и композитор.

1) Вблизи Толстого. (Записки за пятнадцать лет), т. I. М., 1922, стр. 70 и 79 (записи от 13 сентября 1901 и 1 января 1902).

Годы: 1901 и 1902.

Содержание. Ч. в Гаспре у Толстого. Плохой вид Ч-ва. Его манера говорить (упом. Е. Я. Чехова). Отношение Толстого к Ч-ву. Намерение Ч-ва (не осуществившееся из-за болезни) посетить Толстого в начале нового 1902 г. Высказывания Толстого о Ч-ве как писателе см. также по алфавитному указателю.

2) Встречи с Чеховым.— «Театральная жизнь», 1960, № 2, стр. 18. Сокращенный вариант см.: А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 392—394 («О Чехове»).

Годы: вторая половина 1890-х—1902.

Содержание. Ч. на обеде у Толстого в Москве; скованность Ч-ва. Отношение Толстого к творчеству Ч-ва (упом. «Душечка», «Без заглавия», «Скучная история», «В овраге»). Разговор Гольденвейзера с Ч-вым в ялтинском городском саду. Отношение Ч-ва и Толстого друг к другу. Толстой у Ч-ва в клинике Остроумова и в доме Шешкова. Горький, Шаляпин и Гольденвейзер отправляются из Олеиза в гости к Ч-ву (упом. Бунин). Болезнь Ч-ва (упом. врачи И. Н. Альтшуллер и В. А. Щуровский).

39. *Горбунов-Посадов* Иван Иванович (1864—1940), главный редактор издательства «Посредник» (с 1897 г.).

О моих учителях и товарищах по работе.— «Сорок лет служения людям». Сборник статей, посвященных общественно-литературной и книгоиздательской деятельности И. И. Горбунова-Посадова. Под ред. Н. Н. Гусева и М. В. Муратова. М., 1925, стр. 163.

Годы: 1890-е—1904.

Содержание. Симпатии Ч-ва к деятельности «Посредника» (предложение редактировать переводы для изданий «Посредника», распространение «Сельского календаря» в Мелихове и Крыму и т. д.). Последняя встреча Горбунова-Посадова с Ч-вым накануне отъезда писателя в Шварцвальд. Слабость Ч-ва. Горбунов-Посадов на похоронах Ч-ва.

40. *Городецкий* Даниил Михайлович, ялтинский издатель, литератор.

Между «Медведем» и «Лешим» (Из воспоминаний о Чехове).— «Биржевые ведомости», 1904, № 364, от 18 июля.

Ср. Фридкес, № 48.

41. *Горький* Алексей Максимович (1868—1936).

1) А. П. Чехов.— М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. М., Гослитиздат, 1951, стр. 126—144; то же: Чехов в воспоминаниях современников,

стр. 455—472 и М. Горький. Литературные портреты. Предисловие Е. Б. Тагера, прим. М. Петровой. М., Гослитиздат, 1959, стр. 43—60.

Составлено из двух работ, появившихся первоначально: «Нижегородский сборник», изд. т-ва «Знание», 1905, стр. 11—24 (А. П. Чехов. Отрывки из воспоминаний) * и «Беседа» (Берлин), 1923, № 2, стр. 20—28 (Из дневника, гл. I). История создания воспоминаний Горького о Чехове освещена в упомянутой кн.: Литературные портреты, 1959 (стр. 480—481) и в работе: Н. В. Николаев. О творческой истории очерка М. Горького «А. П. Чехов».— «Уч. зап. Черновицкого гос. ун-та», т. XXIX, серия филологических наук, вып. 5, 1958, стр. 37—49.

В указателе Л. М. Фридкеса (№ 50) аннотирована лишь первая часть воспоминаний, опубликованная в «Нижегородском сборнике».

Годы: 1900-е.

Содержание. Беседа с Ч-вым в Кучук-Кое. Ч. о положении сельских учителей в России. Влияние Ч-ва на окружающих, уменье «опрощать людей» (вариант разговора Ч-ва с дамами, приведенный Горьким в записной книжке начала 1930-х годов — о Гоголе и «Миргороде»,—см. в кн.: Литературные портреты. М., 1959, стр. 480—481). Ненависть Ч-ва к пошлости и лени. Ч. о своих критиках (упом. А. М. Скабичевский). Общественный смысл ранних рассказов Ч-ва: гуманность автора «Дочери Альбиона». «Трагизм мелочей жизни» в творчестве Ч-ва. Герои Ч-ва: «душечка»; Раневская, Трофимов, Варя и др.; Ольга, Вершинин, Соленый, Тузенбах; Иванов; Треплев. «Скверно вы живете, господа!»

Похороны Ч-ва; вагон «для устриц», пошлость публики.

Роль «борьбы за существование» в жизни Ч-ва и понимание им поэзии труда. Ч. о монологе Васьки Буслаева из пьесы Горького. Замысел произведения об учительнице-атеистке. Приступы мрачного настроения Ч-ва во время болезни. Отношение Ч-ва к Толстому и Сулержицкому. Толстой о «Душечке». Горький о «Степи».

2) Издалека.—М. Горький и А. Чехов, 1951, стр. 161. Первоначально: «Современник» (в книге ошибочно указан «Современный мир»), 1912, № 11, стр. 59—60

Год: 1901.

Содержание. Разговор Толстого с Ч-вым о назначении литературы (упом. Тургенев, Рёскин). Толстой о языке Ч-ва.

3) Лев Толстой.— М. Горький и А. Чехов, 1951, стр. 165—167.

См. Фридкес, № 51.

4) Люди наедине сами с собою.— М. Горький и А. Чехов, 1951, стр. 167—168. Первоначально: «Беседа» (Берлин), 1923, № 1, стр. 192—193 (под заглавием «Заметки... 2) Смешное»).

Годы: 1901 и 1902.

Содержание. Ч. за «ловлей» солнечного луча в ялтинском саду (упом. К. Д. Бальмонт).

5) Из письма к А. К. Виноградову (8 мая 1928).— М. Горький и А. Чехов, 1951, стр. 173. Первоначально: «Печать и революция», 1928, № 6, стр. 74.

Годы: 1901 или 1902.

Содержание. Беседа Толстого с Ч-вым на литературные темы (упом. Ламартин и Казимир Делавинь).

6) Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать.— М. Горький и А. Чехов, 1951, стр. 173—174. Первоначально: отд. изд. М., Гиз, 1928, стр. 39.

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Ч. указывает Горькому на ошибку в описании внешности Медынской в «Фоме Гордееве». Ч. о Лескове как писателе, которому он многим обязан.

7) О женщине.—М. Горький и А. Чехов, 1951, стр. 175. Первоначально: «Наши достижения», 1930, № 3, стр. 7. В сборнике неверно указаны название статьи («Ответ») и ее первая публикация.

Годы: 1900-е.

Содержание. Ч. и Горький в Кучук-Кое (упом. больной учитель Доброклонский или Доброхотский, начинающий писатель).

8) Из письма к Е. П. Пешковой (после 9 июля 1904).— М. Горький и А. Чехов, 1951, стр. 156—158.

Год: 1904.

Содержание. Описание похоронной процессии, провожавшей тело Ч-ва на Новодевичье кладбище. Панихида у здания Художественного театра. Пошлые разговоры в публике. Шаляпин на похоронах. Желание Горького описать похороны в статье «Чудовище». Намерение Горького и других писателей издать сборник памяти Ч-ва.

9) Из письма к Д. Н. Овсянико-Куликовскому (конец февраля 1912).— М. Горький и А. Чехов, 1951, стр. 161.

Годы: конец 1890-х или начало 1900-х.

Содержание. Ч. о значении для него творчества Слепцова.

* Эти воспоминания были Горьким прочитаны 21 ноября 1904 г. в зале Тенишевского училища в Петербурге — содержание их, с обильными цитатами, изложено в «Новостях и Биржевой газете», 1904, 2 изд., № 324, от 23 ноября (Сторонний наблюдатель <В. В. Быховский>. Горький о Чехове).

10) Из письма к А. Н. Тихонову (Сереброву) (28 марта 1933).— М. Горький и А. Чехов, 1951, стр. 178.

Годы: 1900-е.

Содержание. Внешность Ч-ва. Отношение С. Т. Морозова к Ч-ву.

42. *Грушецкий* Александр Павлович, гимназист, бывавший в доме Чехова в Москве.

〈Воспоминания в записи В. Ф. Ржиги.〉 В. Ф. Ржига. Страница из воспоминаний о Чехове.— Творчество А. П. Чехова. Сборник статей. Пособие для учителя. М., Учпедгиз, 1956, стр. 379—380.

Годы: 1888 и 1889.

Содержание. Сережа Киселев в доме на Садовой-Кудринской. Подтрунивание Ч-ва над Киселевым и его товарищем. Рассказ «Милитриса Кирбитьевна», записанный Ч-вым в альбом Саши Киселевой.

43. *Давыдов* Владимир Николаевич (Горелов Иван Николаевич) (1849—1925).

〈Беседа с корреспондентом «Одесских новостей».〉 У В. Н. Давыдова.— «Одесские новости», 1904, № 6362, от 12 июля (за подписью: ъ).

Годы: 1887 и 1888.

Содержание. Ч. дает Давыдову, актеру театра Корша, рукопись пьесы «Иванов». Нарушение Ч-вым законов архитектоники старой драматургии. Давыдов уговаривает Ч-ва поставить пьесу в театре Корша.

44. *Долгоруков* (псевдоним «Всеволод Сибирский») Всеволод Алексеевич, редактор-издатель журнала «Сибирский наблюдатель».

〈Воспоминания.〉— «Сибирский наблюдатель» (Томск), 1904, № 7-8, стр. 216—217.

Год: 1890.

Содержание: Ч. в Томске. Общение его с редакцией «Сибирского вестника» (упом. редактор газеты В. П. Картамышев). Хлопоты о покупке экипажа для дальнейшего путешествия Ч-ва на Сахалин. Шутка Ч-ва. Здоровый вид Ч-ва.

45. *Долженко* Алексей Алексеевич (1864—1942), двоюродный брат Чехова по матери.

Воспоминания родственника об Антоне Павловиче Чехове. Публикация П. С. Попова.— А. П. Чехов. Сборник статей и материалов. Ростов н/Д, 1959, стр. 335—345.

Написано в 1938 г.

Годы: 1860-е — 1900-е.

Содержание: Дети Е. Я. Чеховой в гостях у ее сестры Ф. Я. Долженко. После смерти отца семья Долженко переселяется к Чеховым в дом Моисеева. Купанье детей в Азовском море. Антон — инициатор детских игр. Ловля тарантулов и рыбы. Неудавшаяся шутка Антона с черепом и другими наглядными пособиями, принесенными из гимназии. Переезд семьи Чеховых и Долженко в Москву. Чеховы и Чоховы. Долженко и П. Е. Чехов служат у купца Гаврилова. Именины П. Е. Чехова в Бабкине (упом. В. П. Бегичев и М. П. Владиславлев). Артисты театра Ф. А. Корша — Градов-Соколов, Киселевский, Давыдов и др. в доме Чехова на Садовой-Кудринской во время подготовки спектакля «Иванов». Слова Ч-ва о недостатке «жизненных инстинктов» у актеров. Успех спектакля. Первый гонорар Чехова как врача. Встреча Чехова в поезде с графиней, будто бы бывавшей у «писателя Чехова». Вечера у Чехова на Садовой-Кудринской (упом. Левитан, Шехтель, Гиляровский, Щепкина-Куперник). Последняя встреча Долженко с Ч-вым в доме Катык в Москве. Чехов понимает близость смерти.

46. *Дорошевич* Влас Михайлович (1864—1922).

Десять лет.— «Русское слово», 1914, № 13, от 17 января. Ср. Фридкес, № 60.

Год: 1904.

Содержание. Ч. на первом представлении «Вишневого сада» в Художественном театре; чествование Ч-ва (ошибка: словами «Дорогой, многоуважаемый Антон Павлович...» начал свое приветствие не Немирович-Данченко, а Гольцев). Малый театр на чествовании (упом. режиссер А. М. Кондратьев). Встреча Дорошевича с Ч-вым в редакции «Русского слова» 19 января; воспоминания Ч-ва о сотрудничестве в «Будильнике». Несостоявшееся возобновление сотрудничества Ч-ва в «Будильнике». Обращение группы писателей во главе с Л. Н. Андреевым к А. Ф. Марксу о расторжении договора с Ч-вым (ошибка: обращение не было послано не из-за смерти писателя, а по его просьбе.— См. «Горький и Чехов». М., 1951, стр. 249).

47. *Дроздова* Мария Тимофеевна (1871—1960), художница, приятельница Чеховых.

1) Из воспоминаний об А. П. Чехове.— «Новый мир», 1954, № 7, стр. 211—222.

Написано в 1951 г.

Годы: 1895—1904.

Содержание. Гл. I. Чехов в Мелихове. Поездка Дроздовой и М. П. Чеховой в Мелихово. Простота Ч-ва. Поэзия деревенской жизни в Мелихове. Мелиховские зарисовки Дроздовой и М. П. Чеховой. Творческая работа Ч-ва в деревне. Кабинет Ч-ва.

Помощь Ч-ва Дроздовой в выборе книг (упом. Лермонтов, Тургенев, Флобер); советы ей стать писательницей. Отношение Ч-ва к участию Дроздовой в сборе средств для строительства школ. Внимание Ч-ва к душевному состоянию больных крестьян. Деревенские дети у Чеховых. Эпизод с крестьянином, пришедшим к Ч-ву с жалобой на жену. Любовь Ч-ва к путешествиям. Поклонники и поклонницы Ч-ва. Обилие гостей в Мелихове. Приезды Л. С. Мизиновой, В. А. Эберле и др. в Мелихово. Отношение Ч-ва к сельским учителям. Настроение в доме после провала «Чайки» в Александринском театре. Переезд Чеховых в Ялту. Гл. II. Ч. в Ялте и в Москве. Дача в Ялте. Одиночество Ч-ва в зимние месяцы. Посещения И. Н. Альтшуллера и С. Я. Елпатьевского. Художественный театр в Крыму. Дружба Ч-ва с одиннадцатилетним братом М. Т. Дроздовой (упом. «Каштанка» с дарственной надписью Ч-ва). Последние годы жизни Ч-ва в Москве. Вступление Книппер в семью Ч-ва. Связь Ч-ва с Художественным театром. Ч. на премьере «Вишневого сада». Последняя встреча с Ч-вым перед его отъездом в Баденвейлер. Известие о смерти Ч-ва.

2) Воспоминание о Чехове. — «Советская культура», 1960, № 8, от 19 января и № 10, от 23 января.

Годы: 1895 — начало 1900-х.

Содержание: Знакомство Дроздовой с Ч-вым через М. П. Чехову. Простота и изящество внешнего облика Ч-ва. Моральное влияние Ч-ва на окружающих. Гости в Мелихове (упом. Анна Марковна из Петербурга). Шутки Ч-ва. Отношение Ч-ва к сельскому учителю, приехавшему для встречи с ним; портрет Ч-ва, написанный этим учителем по фотографии. Ч. помогает Дроздовой освободиться от тягостной жизни в качестве учительницы в аристократической семье (упом. неизвестное письмо Ч-ва к Дроздовой).

Переезд Чеховых в Ялту. Квартира М. П. Чеховой в Москве на Спиридоновке (упом. этюды Левитана, пейзажи М. П. Чеховой). Приезды Ч-ва и его братьев Ивана Павловича и Михаила Павловича. Книппер и др. актеры Художественного театра у Чеховых в Москве. Гости в ялтинском доме Ч-ва (среди упоминаемых лиц — архитектор Шехтель). Интерес Ч-ва к рассказу Дроздовой о собрании революционной молодежи в Кисловодске. Появление Горького среди многочисленных гостей Ч-ва (упом. Л. Андреев, Бунин, Бальмонт, Гиляровский, Балтрушайтис, актеры Художественного театра); шутка Ч-ва над Горьким и Дроздовой. Разговор Ч-ва с Горьким об интеллигенции. Ч. дает возможность Дроздовой встретиться у него с Толстым. Отношение Ч-ва к Толстому.

48. *Дуров* Владимир Леонидович (1863—1934).

Мои звери. Предисловие Ал. Алтаева. М., «Молодая гвардия», 1927, стр. 59.

Год: 1887.

Содержание. История первой дрессированной собаки Дурова, рассказанная им Ч-ву (упом. «Каштанка»). *Примечание*. Эпизод с собакой, легший в основу рассказа «Каштанка», часто неверно связывают с именем А. Л. Дурова. См. рассказ его сына — А. А. Дурова — в передаче В. Демченко: История «Каштанки».— «Таганрогская правда», 1956, № 138, от 10 июля.

49. *Е. К.*

Два воспоминания о Чехове.— «Ялтинский вестник», 1910, № 125, от 4 февраля.

Годы: 1898—1900.

Содержание. Смущение Ч-ва перед публикой после окончания спектакля «Чайка» в Ялтинском театре во время гастролей МХТ. Ч. в приемной казначейства (в Ялте?)

50. *Елпатьевский* Сергей Яковлевич (1854—1933).

Антон Павлович Чехов.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 529—539. Составлено — с незначительными сокращениями — из двух работ: «Антон Павлович Чехов»; «Горький, Чехов и Толстой. По личным воспоминаниям» (Раздел: «Антон Павлович Чехов»).

См. Фридкес, № 65 и 66.

51. *Зайцев* Борис Константинович (р. 1881), писатель.

1) Крестный (Из литературных воспоминаний).— «Перезвоны» (Рига), 1926, № 26, стр. 808.

Год: 1900.

Содержание. Зайцев, тогда студент Горного института, в ялтинском доме Ч-ва. Кабинет Ч-ва. Внешность Ч-ва; его спокойный и «прохладный» тон. Ч. предлагает Зайцеву писать повесть (вместо дневника). Ответ Ч-ва на вопрос Зайцева о процессе его литературной работы. Расспросы Ч-ва о жизни Зайцева. Упом. встречи Зайцева с Ч-вым на «среде» у Телешова и похороны Ч-ва.

2) Чехов. Литературная биография. Нью-Йорк, изд. имени Чехова, 1954, стр. 174—176, 239—240, 242.

Годы: 1899 и 1904.

Содержание. Первая встреча Зайцева с Ч-вым в Москве на Малой Дмитровке. Внешность Ч-ва. Внешний повод визита Зайцева — переговоры в связи с продажей Мелихова. Ч. на ужине после заседания участников «среды» у Телешова (упом. Андреев,

Бунин, Вересаев, Тимковский, Белоусов, Книппер). Больной вид Ч-ва; его неразговорчивость в этот вечер. Ч. перед отъездом в Баденвейлер передает поклон участникам «сред», понимая близость своей смерти. Зайцев на похоронах Ч-ва.

52. *Заньковецкая* (Адасовская) Мария Константиновна (1860—1934).
〈Воспоминания в передаче Н. Лазурской.〉 Нат. Лазурская. Заметы памяти (разделы: «У Суворинных»; «Перековеркиевский язык»; «Встречи с Чеховым»).— «Силуэты», 1922, № 1, стр. 6—7.
См. публикацию воспоминаний Заньковецкой в настоящем томе.

53. *Зевакин* Николай Андреевич, врач.
〈Воспоминания в передаче Е. Б. Мене.〉 Е. Б. Мене. Страницы из жизни А. П. Чехова. Харьков, 1959, стр. 75—76. Рассказано в 1938 г.
Годы: начало 1900-х.
Содержание. Болезнь Ч-ва.

54. *Зеленин П.*
Об А. П. Чехове и его семействе.— «Приднепровский край» (Екатеринослав), 1914, № 5177, от 2 июля.
Годы: 1880-е.
Содержание. Знакомство с Ч-вым в гостинице «Восточные номера» в Москве. Н. П. Чехов о таланте писателя. Скромность Ч-ва. Его отказ брать деньги за лечение брата Зеленина. Характеристика М. П. Чеховой и Ал. П. Чехова. Зеленин, Ч. и его товарищ-врач посещают публичный дом с целью изучения причин, толкавших женщин на проституцию.

55. 〈*Иловайская* Капитолина Михайловна〉, владелица ялтинской дачи «Омюр», в которой жил Чехов до постройки своей дачи.
〈Воспоминания в передаче Ил. Соломина.〉 Ил. Соломин. А. П. Чехов в обыденной жизни.— «Воронежский телеграф», 1914, № 147, от 3 июля (имя мемуаристки не названо).
Годы: 1898 и 1899.
Содержание. Ч. в быту. Скромность Ч-ва. Любовь его к молодежи. Отношение Ч-ва к обычаю дарить автографы и фотографии.

56. *Ильков* Михаил Иванович (род. 1870), журналист и актер.
Забытый писатель.— «Таганрогская правда», 1934, № 214, от 17 сентября.
Годы: 1870-е.
Содержание. Ч. и его одноклассник Исай Маркович Гутмахер (псевдоним: Александр Гущин). Рассказ Гущина «Порывы», одобренный Ч-вым. Встречи Ч-ва с Гущиным в Таганроге и Москве.

57. *И-н О.*
Две встречи. (К предстоящему 50-летию со дня рождения А. П. Чехова).— «Кинематограф», 1910, № 1, стр. 12—13.
Год: 1904.
Содержание. Встреча с Ч-вым на премьере «Вишневого сада». Новодевичье кладбище в день похорон Ч-ва.

58. *Калюжный* Александр Мефодиевич, бывший народоволец, друг Горького.
Старый друг 〈об А. М. Горьком〉. — «Известия ВЦИК'а», 1938, № 73, от 28 марта.
Год: 1900.
Содержание. Ч., Горький, В. М. Васнецов, Л. В. Средин и А. Н. Алексин (ошибка: «Алексинский») в «Северной гостинице» в Тифлисе. Грустное настроение Ч-ва. Его мысли об отсталости России, о необходимости увеличить население страны и развить промышленность.

59. *Камбурова* Анна Павловна.
См. № 160.

60. *Каменский* Анатолий Павлович (род. 1877), писатель.
〈Ответ на анкету «Одесских новостей».〉—«Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января (под заглавием: «На его могилу»).
Год: 1904.
Содержание: Встреча Каменского с Куприным в день публикации в газетах сообщения о смерти Ч-ва. Куприн рассказывает Каменскому о Ч-ве как человеке.

61. *Карабчевский* Николай Платонович (1851—1925), адвокат.
〈Ответ на анкету «Одесских новостей».〉 — «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января.
Годы: 1900-е.
Содержание. Карабчевский в ялтинском кабинете Ч-ва. Больной вид писателя. Ч. бросает в камин записи, использованные в последних произведениях. Понимание им своего близкого конца.

62. *Каратыгина* (рожд. Глухарева) Клеопатра Александровна (1840—1934).
Воспоминания о Чехове.
См. публикацию воспоминаний Каратыгиной в настоящем томе.

63. *Карпов* Евтихий Павлович (1857—1926), режиссер и драматург.
1) Две последние встречи с А. П. Чеховым.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 570—577.
См. Фридкес, № 77.
2) Провал «Чайки» на сцене Александринского театра.— Литературно-художественный сборник «Красной панорамы», 1929. № 6, стр. 34—40.
Ср. Фридкес, № 78 и 79.

64. *Качалов* (Шверубович) Василий Иванович (1875—1948).
1) ⟨Воспоминания⟩— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 418—421. То же, с пропусками: Василий Иванович Качалов. Сборник статей, воспоминаний, писем. Сост. и ред. В. А. Виленкин. М., 1954, стр. 48—50. См. Фридкес, № 173.
Годы: 1900-е.
Содержание: Отзыв Ч-ва о рукописи статиста Художественного театра. Ч. против чествования его на премьере «Вишневого сада» (упом. Г.— Гольцев). Ссора Горького с Миролюбовым в присутствии Ч-ва. Визитная карточка с телефонными номерами. Ч. об игре Качалова в «Трех сестрах» и «Чайке». Медицинские советы Ч-ва. Нелюбовь Ч-ва к овациям.
2) Пьесы М. Горького в МХТ, встречи с М. Горьким, моя работа над ролями.— Василий Иванович Качалов. Сборник статей, воспоминаний, писем. М., 1955, стр. 41—43. Первоначально: «Ежегодник МХАТ 1943 г.». М., 1945, стр. 198—202; ср. «Встречи с Горьким».— «Прожектор», 1928, № 13, стр. 10—11 и «Чехов и Горький в Художественном театре».— «Правда», 1938, № 289, от 19 октября.
Год: 1904.
Содержание. Чествование Ч-ва на первом представлении «Вишневого сада». Речь Немировича-Данченко. В уборной Качалова перед последним актом пьесы (упом. Горький, Миролюбов, Вишневский, Андреев, Бунин); Горький о публике, утомившей Ч-ва. Ссора Горького с Миролюбовым в присутствии Ч-ва (о том же — в кн. Чехов в воспоминаниях современников). Горький и Е. Я. Чехова на похоронах Ч-ва.

65. *Киселев* Василий Иванович, врач, знакомый Чехова по Уфимской губ.
В Андреевском санатории (Из воспоминаний о Чехове).— «Орджоникидзевская правда» (Ворошиловск), 1940, № 162, от 14 июля.
Год: 1901.
Содержание. Ч. и Книппер в Андреевском санатории Уфимской губ. Нежелание Ч-ва сближаться с студентами-«белоподкладочниками». Беседы Ч-ва с Киселевым, сыном бывшего крепостного, студентом Киевского университета. Интерес Ч-ва к судьбе Киселева, сидевшего в тюрьме за политическую деятельность. Ч. о следивших за ним сыщиках. Намерение Горького приехать в санаторий (упом. неизвестное письмо Горького к Ч-ву; возможно, что это ошибка мемуариста). Ч. дарит Киселеву фотографию и сборник «Хмурые люди» с надписью.

66. *Китаевский* В. К., знакомый Чехова по Богимову.
⟨Воспоминания в письме к Д. И. Малинину от 2 сентября 1929 г. и в пересказе Д. И. Малинина.⟩ Д. И. Малинин. А. П. Чехов в Богимове б. Тарусского уезда. Калуга, 1931, стр. 11—12, 13, 16—17, 26—27.
Год: 1891.
Содержание. Китаевский предлагает Ч-ву купить имение Даньково близ Богимова. Гости Е. Д. Былим-Колосовского — «социалисты»: сестры Е. Д. Вагнер и А. Д. Маркова, трое поднадзорных студентов. Прогулки Ч-ва в Спешиловку и Воронцово (упом. владелица Спешиловки Раковская, ее племянник и племянница Тимофеевские, владелец Воронцова А. Г. Браун). Отзвуки в рассказе «Дом с мезонином» упреков М. П. Чеховой Е. Д. Былим-Колосовскому в праздности; племянница Раковской — возможный прототип Мисюсь.

67. *Книппер-Чехова* Ольга Леонардовна (1870—1959).
1) ⟨Беседа с корреспондентом «Виленского вестника».⟩ Полещук. Маленький фельетон. Чехов в Вильне.— «Виленский вестник», 1904, № 324, от 9 июля.
Год: 1904.
Содержание. Поезд с телом Ч-ва на вокзале в Вильне. Книппер о равнодушии Ч-ва к своему материальному положению (упом. Суворин, В. М. Дорошевич). Трудности, с которыми вдова Ч-ва добилась разрешения перевезти его прах в Россию.
2) ⟨Воспоминания в передаче Н. Е. Эфроса.⟩ Николай Эфрос. «Вишневый сад». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра. Под ред. В. И. Немировича-Данченко. Пг., 1919, стр. 44.
Год: 1902.
Содержание. Ч. сообщает жене по секрету название будущей пьесы — «Вишневый сад».

3) 〈Воспоминание в передаче Н. Д. Волкова.〉 — Н. Д. Волков. Мейерхольд, т. I. М., 1929, стр. 125.

Годы: 1898—1902.

Содержание. Ч. об интеллигентности Мейерхольда как актера.

4) Желанная встреча. О путях сближения театральных культур.— «Советское искусство», 1934, № 6, от 5 февраля.

Годы: 1898—1902.

Содержание. Интерес Ч-ва к сценическому росту Мейерхольда. Советы Ч-ва Мейерхольду по поводу его здоровья.

5) Об А. П. Чехове.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 591—612. Первоначально: «Ежегодник Московского Художественного театра 1949—1950 гг.». М., 1952, стр. 281—298 («Из воспоминаний. Гл. I. О А. П. Чехове»); с незначительным пропуском и иной композицией текста — Переписка Чехова и Книппер, т. I, стр. 21—48 («Несколько слов об А. П. Чехове. 1898—1904»). Написано в 1921—1933 гг.

О первых, более кратких вариантах см.: Фридкес, № 81. Ср. также: Последние годы. К тридцатилетию со дня смерти А. П. Чехова.— «Известия ВЦИК'а», 1934, № 162, от 14 июля; «О Чехове и о театре».— «Театр и драматургия», 1935, № 2, стр. 14—16 (см. здесь о разногласиях Ч-ва с режиссерами Художественного театра по поводу декораций «Вишневого сада»).

Годы: 1898—1904.

Содержание. Трудное начало сценического пути Книппер. Впечатления учеников Вл. И. Немировича-Данченко по филармоническому училищу от «Чайки». Репетиции Чайки в Пушкине. Тревога М. П. Чеховой за судьбу спектакля (ср. с воспоминаниями М. П. Чеховой.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 342). Первая встреча Книппер с Ч-вым 9 сентября 1898 г. Внутренний смысл кратких указаний Ч-ва актерам. Ч. на репетиции пьесы «Царь Федор Иоаннович». Премьера «Чайки»; ее необычайный успех. Отмена следующих спектаклей из-за болезни Книппер. Недовольство Ч-ва закрытым спектаклем «Чайки» (упом. фотография Ч-ва с участниками спектакля). Знакомство Книппер с М. П. Чеховой. Ч. с Книппер на выставке картин Левитана. Нравственное влияние Ч-ва на людей. Книппер в гостях у Ч-ва в Мелихове. Начало переписки Ч-ва и Книппер. Встреча в Ялте. Ч. наблюдает за постройкой дачи. Взаимная симпатия Ч-ва и И. А. Синани. Поездка Ч-ва и Книппер на лошадях через Ай-Петри. Постановка «Дяди Вани». Восприятие чеховских пьес зрителями. Приезд Книппер с М. П. Чеховой в Ялту перед гастролями Художественного театра. Первая весна в саду Ч-ва. Гастроли театра и прощальный обед на крыше дачи Ф. К. Татариновой. Следующие встречи с Ч-вым до его приезда в Москву с пьесой «Три сестры» (упом. Горький, В. М. Васнецов, А. Н. Алексин, А. И. Книппер). Первое впечатление артистов после чтения Ч-вым новой пьесы. Волнение Ч-ва в Ницце за судьбу спектакля. Отношение Ч-ва к репертуару Художественного театра. Поездка после женитьбы в Андреевский санаторий (упом. Горький); остановка в «Пьяном бору». Возвращение по Волге. Поездка в Царицыно в поисках усадьбы. Трудность работы театра над «Вишневым садом». Чествование Ч-ва во время первого представления «Вишневого сада». Шутки Ч-ва. Содержание рассказа, задуманного писателем накануне смерти. Замысел новой пьесы. Последние минуты Ч-ва.

6) 〈Воспоминания в передаче И. М. Гейзера.〉 И. М. Гейзер. Чехов и медицина. М., Медгиз, 1954, стр. 127.

Год: 1904.

Содержание. Ч. обдумывает маршрут возвращения из Баденвейлера в Россию.

7) 〈Воспоминания в передаче Е. Б. Меве.〉 Е. Б. Меве. Страницы из жизни А. П. Чехова. Харьков, 1959, стр. 72, 98, 102—103. Рассказано в 1940 г.

Годы: 1901 и 1904.

Содержание: Ч. тяготится пребыванием в Андреевском санатории. Осмотр Ч-ва доктором Эвальдом в Берлине. Последние дни Ч-ва в Баденвейлере.

68. *Ковалевский* Максим Максимович (1851—1916).

〈Выступление на вечере памяти Чехова в Петрограде 31 октября 1915 г.〉— «Речь», 1915, № 301, от 1 ноября (в передаче корреспондента «Речи»). Ср. Фридкес, № 82.

Годы: 1897—1898.

Содержание. Постепенное сближение Ч-ва и Ковалевского. Как представлял себе Ч. будущее России. Задатки выдающегося ученого в Ч-ве.

69. *Ковтун* Вера Аникеевна. (р. 1894)

«Дядя Антоша».— «Литература и жизнь», 1960, № 13, от 29 января.

Годы: начало 1900-х.

Содержание: Дружба Ч-ва с детьми из Верхней Аутки. Подарок Ч-ва В. А. Ковтун — «Русские сказки», с дарственной надписью. Отъезд Ч-ва из Ялты за границу. Весть о смерти Ч-ва. Упом. барон Штейнгель.

70. *Комиссаржевская* Вера Федоровна (1864—1910).

〈Воспоминания, записанные Ж. Питоевым.〉 Н. Комиссаржевский.

Комиссаржевская и Чехов. Из истории чеховских постановок.—«Театр и драматургия», 1935, № 2, стр. 29—30.

Годы: 1896 и 1900.

Содержание. Встреча Ч-ва и Комиссаржевской в Крыму. Нина Заречная — любимая роль Комиссаржевской. Ч. о глазах своей героини.

71. *Кони* Анатолий Федорович (1844—1927), судебный деятель.

А. П. Чехов. (Отрывочные воспоминания).— А. Ф. Кони. Избранные произведения, т. II. Воспоминания. М., 1959, стр. 340—348.

См. Фридкес, № 83.

72. *Коровин* Константин Алексеевич (1861—1939).

1) Из моих встреч с А. П. Чеховым.— «Россия и славянство», 1929 (Париж), № 33, от 13 июля.

См. публикацию воспоминаний Коровина в настоящем томе. В предисловии и в примечаниях И. С. Зильберштейна к этим воспоминаниям приведены также отрывки из других воспоминаний Коровина, опубликованных в парижской газете «Возрождение» (см. ниже).

2) Апельсины.— «Возрождение» (Париж), 1930, № 1916, от 31 августа.

Годы: 1880-е.

Содержание. Ч. и его друзья — студенты на прогулке в Петровском-Разумовском (упом. художники Н. П. Чехов и Левитан, филолог Новичков). Слова Ч-ва о красоте, вызванные видом Петровского дворца. Записная книжка Ч-ва. Ч. покупает у разносчика корзинку апельсинов и продает их ради шутки; арест студентов (в том числе Ч-ва) по жалобе разносчика. Полицейский пристав интересуется творчеством Ч-ва. Ошибка: в «Восточных номерах» жил не Ч., а его брат Николай.

3) Случай с Аполлоном.— «Возрождение» (Париж), 1931, № 2252, от 2 августа.

Год: 1883.

Содержание. Шутка Ч-ва по поводу медалей, полученных Коровиным и Левитаном за окончание Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

73. *Короленко* Владимир Галактионович (1853—1921).

1) Антон Павлович Чехов.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 97—109.

То же: В. Г. Короленко о литературе. М., 1957, стр. 103—116; В. Г. Короленко. Собр. соч., т. VIII. М., 1955, стр. 81—94.

См. Фридкес, № 84. *Примечание*: В первоначальной публикации («Русское богатство», 1904, № 7, стр. 212—223) тексту воспоминаний Короленко предшествовало несколько абзацев, исключенных впоследствии автором (см. стр. 526 настоящего тома).

2) ⟨Воспоминания в передаче В. Артемьева.⟩ Вяч. Артемьев (В. К. Лисенко). У В. Г. Короленко.—«Утро» (Харьков), 1909, № 888, от 8 ноября.

Годы: 1890-е.

Содержание: Ч. рассказывает Короленко о плагиате Сигмы (Сыромятникова), сотрудника «Нового времени».

3) Дневник 1898—1903 гг.— В. Г. Короленко. Полное посм. собр. соч. ⟨Полтава⟩, Гос. изд. Украины, 1928, т. IV, стр. 172, 221 и 307 (записи от 24 июля 1899, 5 марта 1901 и 30 апреля 1902).

Годы: 1899 и 1902.

Содержание. Ч. об отношении Суворина к «Новому времени».

Намерение Ч-ва отказаться от звания почетного академика в апреле 1902 г.

4) ⟨Из неизданных дневников.⟩

См. публикацию записей из дневника Короленко в настоящем томе.

74. *Крайтор* Иван Кондратьевич (1880—1957), художник.

⟨Воспоминания в передаче С.⟩ Из беседы с художником Крайтором.—«Русские новости» (Париж), 1954, № 476, от 16 июля.

Годы: 1900 и 1903.

Содержание. Ч. в художественном магазине Дациаро на Кузнецком мосту (упом. посмертная выставка картин Левитана). Согласие Ч-ва на издание его портрета в серии портретов замечательных людей работы Крайтора (упом. фотограф Шейн). Ч. хвалит Крайтора за чтение монолога Бориса Годунова на экзамене в Художественном театре. Издание портрета Ч-ва работы Крайтора. История создания Крайтором четырех вариантов картины «Толстой и Чехов» (упом. П. А. Сергеенко).

75. *Крестьяне бывшего Серпуховского уезда.*

Примечание. Ниже указываются издания, в которых опубликованы записи воспоминаний крестьян бывшего Серпуховского уезда (из деревень Мелихово, Талеж, Васькино и др.), ныне колхозников Чеховского района Московской области. Основные факты, изложенные в этих воспоминаниях, передаваемых от поколения к поколению, повторяются: это материальная и медицинская помощь Чехова крестьянам, его

внимательное и теплое отношение к крестьянским детям (большинство вспоминающих было тогда детьми), постройка школ и т. д.

1) К. М. Виноградова. Чехов в Мелихове. М., 1959, стр. 29, 32, 37, 39, 41, 61, 142—145, 147—148. Первоначально (более кратко): К. М. Виноградова. Чехов в Мелихове. М., 1956, стр. 20, 21, 22, 23.

Буланова Акулина Александровна, жительница с. Талеж; *Журавлев* Андрей Александрович, мелиховский колхозник; *Лисенков В.* и другие, не названные по фамилии колхозники; *Симанов* Андриан Афанасьевич, отец бывшего старосты Мелихова П. А. Симанова (записано в конце 1930-х гг.); *Симанов* Михаил Прокофьевич (род. 1885), сын бывшего старосты Мелихова П. А. Симанова, ныне смотритель музея Чехова в Мелихове; *Симанов* Прокофий Андрианович, бывший староста Мелихова; *Шакина* (Журавлева) Мария Тимофеевна, бывшая кухарка в семье Чехова в Мелихове.

2) Ю. К. Авдеев. Памяти М. П. Чеховой.— А. П. Чехов. Сборник статей и материалов. Ростов н/Д, 1959, стр. 314.

Симанов Василий Прокофьевич, мелиховский крестьянин, сын бывшего старосты Мелихова П. А. Симанова.

3) Ю. Степанов. Они знали Чехова.— «Советская Россия», 1960, № 26, от 31 января, под заглавием «Красная роза».

Борисова-Журавлева Ирина Тимофеевна, мелиховская крестьянка (первоначально: «Юность» (Ярославль), 1960, № 11, от 26 января, под общим заглавием: «Рассказы о Чехове»; в этой записи рассказ ведется от имени В. И. Чуфаровой); *Журавлев* Андрей Александрович.

4) И. Зуйков и Ю. Степанов. Рассказы о Чехове (под заглавием: «В саду»).— «Юность» (Ярославль), 1960, № 11, от 26 января.

Шакина (Журавлева) Мария Тимофеевна.

5) «Драгоценный подарок».— «Знамя» (Калуга), 1960, № 23, от 28 января.

Журавлев Андрей Александрович.

6) Ю. Степанов. Услуга за услугу.—«Огонек», 1960, № 4, стр. 15.

Симанов Михаил Прокофьевич.

7) Ю. Степанов. Разговор по душам. «Орловский комсомолец», 1960, № 20, от 29 января.

Скотникова Анна Ивановна, дочь жителя деревни Васькино.

76. *Круглов* Александр Васильевич (1853—1915), писатель.

Из альбома беллетриста. VIII. Памяти Чехова.— «Голос Москвы», 1912, № 156, от 7 июля. Первоначально частично: «Исторический вестник», 1895, № 12, стр. 795 и 800—801 (о сотрудничестве Ч-ва в «Зрителе» и «Будильнике»)

Годы: 1883 и 1904.

Содержание. Знакомство Круглова с Ч-вым в редакции журнала «Зритель». Жизнерадостность Ч-ва. Отношение А. Д. Курепина к таланту Ч-ва. Ч. в гостях у Круглова в меблированных комнатах «Мир». Гипнотические сеансы (упом. А. А. Навроцкий, Хрущов-Сокольников, Гиляровский и др.). Желание Ч-ва долго жить. Простота Ч-ва в обращении с людьми. Эпизод с носильщиком-татарином на пароходе в Ялте (рассказано, очевидно, по воспоминаниям Куприна). Цитируется неизвестное письмо Ч-ва к Круглову от 24 января 1904 г.

77. *Куприн* Александр Иванович (1870—1938).

1) Памяти Чехова.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 496—525. То же: А. И. Куприн. Собр. соч., т. VI. М., Гослитиздат, 1958, стр. 542—574. См. Фридкес, № 87.

2) О Чехове. (Из записной книжки).— «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января.

Годы: 1900-е.

Содержание. Язык Ч-ва. Ч. о конституции в России. Его мысли о театре будущего (ср. с соответствующим местом статьи Куприна «Памяти Чехова»). Реплика Ч-ва о спиритизме и телеграфе.

3) ⟨Выступление на вечере памяти Чехова в Петрограде 31 октября 1915 г.⟩ — «Речь», 1915, № 301, от 1 ноября (в передаче корреспондента «Речи»).

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Ч. о вечности жизни и художественного творчества. Куприн наблюдает Ч-ва в минуты творчества.

4) А. И. Ландрю.—«Последние известия», (Ревель), 1922, № 3, от 4 января.

Годы: Начало 1900-х.

Содержание: Мысль Ч-ва о том, что развитие образования содействует нравственному прогрессу человечества (ср. с соответствующим местом статьи «Памяти Чехова»).

5) ⟨Ответ на анкету «Иллюстрированной жизни»⟩.— «Иллюстрированная жизнь», (Париж), 1934, № 18, от 12 июля. Ср. с публикацией в «Одесских новостях».

Годы: начало 1900-х.

Содержание: Язык Ч-ва. Ч. о конституции в России. Фотография, на которой Ч. снят вместе с Л. Толстым.

6) 〈Воспоминания в передаче М. К. Куприной-Иорданской.〉 — Чехов в воспоминаниях современников, стр. 641. Первоначально: Из воспоминаний о Куприне.— «Огонек», 1948, № 38, стр. 19.

Год: 1901.

Содержание. Работа Куприна на ялтинской даче Ч-ва над рассказом «Цирк». Чуткость Ч-ва. Ч. дает Куприну литературные советы. Медицинские знания Ч-ва.

7) 〈Воспоминания в передаче Вержбицкого.〉 Ник. Вержбицкий. Встречи с Куприным (глава «В зимний вечер»).— «Звезда», 1957, № 5, стр. 127—128. Ср. с предыдущими воспоминаниями Куприна.

Годы: 1901 и 1904.

Содержание. Куприн пишет рассказ «Цирк» в ялтинском доме Ч-ва. Забота Ч-ва об условиях работы Куприна. Ч. проверяет по медицинским справочникам верность изображения смерти купринского героя. Разговор Ч-ва с садовником о будущей жизни. Беседа Ч-ва с извозчиком. Обида Куприна на Ч-ва из-за билета на премьеру «Вишневого сада».

78. *Куркин* Петр Иванович (1858—1934).

Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для биографии (1892—1894 гг.).— «Общественный врач», 1911, № 4, стр. 66—69 (подпись: К.).

Годы: 1892—1894.

Содержание. Интерес Ч-ва к земской медицине. Организация им медицинского участка в селениях близ Мелихова в связи с приближением эпидемии холеры. Ч. исполняет обязанности земского врача. Медицинские отчеты по Мелиховскому участку, написанные Ч-вым. Отражение деятельности Ч-ва как земского врача в ежегодных обзорах Серпуховской земской санитарно-врачебной организации. Значение этих лет для создания произведений «Мужики» и «В овраге».

79. *Лаврова* Софья Федоровна, жена В. М. Лаврова, редактора-издателя «Русской мысли».

〈Воспоминания, записанные А. И. Роскиным.〉— А. П. Чехов. Забытое и несобранное. Составил А. И. Роскин. М., «Правда», 1940, стр. 39—40, 42.

Годы: 1890-е и 1900-е.

Содержание. Ч. в Малеевке. Ч. о лечении больных крестьян. Молодежь в ялтинском доме Ч-ва. Рассказ Ч-ва о гимназистке, пришедшей к нему за советом о том, как ей жить после окончания гимназии.

80. *Ладыженский* Владимир Николаевич (1859—1932?), литератор и земский деятель.

Из книги «Далекие дни».— «Россия и славянство» (Париж), 1929, № 33, от 13 июля.

Годы: 1880-е — 1900-е.

Содержание. Первая встреча с Ч-вым; разговор о литературе. Ч. о Суворине. Поездка Ч-ва и Ладыженского из Петербурга в Москву; Ч. о жизни в глухих уголках России (неосуществленный сюжет). Ладыженский читает Ч-ву по его просьбе черновик пьесы «Три сестры». Ч. и Ладыженский на улице в Ялтинском городском саду; Ч-ва стесняет его популярность. Договор с А. Ф. Марксом (упом. П. А. Сергеенко).

81. *Лазарев* (псевдоним Грузинский) Александр Семенович (1861—1927).

1) А. П. Чехов (глава из неизданной кн.: Литературная Москва 80-х и 90-х годов).— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 112—136. Первоначально: Чехов в воспоминаниях современников, 1947, стр. 435—460. Написано около 1925 г., на основе старых воспоминаний. См. Фридкес, № 56, 57 и 95, отчасти — № 52 и 53.

Годы: 1886 (31 дек.)— 1890-е.

Содержание. Знакомство с Ч-вым в доме на Садовой-Кудринской. Описание дома. Личная библиотека Ч-ва. Книжные источники произведений: «Жены артистов», «Предложение», «Свадьба с генералом» и «Свадьба». Равнодушие товарищей Ч-ва по университету к его литературной работе. Отзывчивость Ч-ва; содействие Лазареву-Грузинскому в сотрудничестве в «Петербургской газете». Спор о сборнике «Пестрые рассказы» (упом. «О вреде табака»). Ч. — редактор рассказов Лазарева-Грузинского. «Искусство вычеркивать плохо написанное». Ч. о художественности и тенденциозности. Внешность Ч-ва. Жизнерадостность Ч-ва. А. И. Левитан об общительности Ч-ва в студенческие годы. Ч. читает друзьям «Медведя» в рукописи. Терпеливость Ч-ва по отношению к назойливым людям (С. Н. Филиппов и др.). Коллективные замыслы: водевиль «Гамлет, принц датский»; первоначальный план пьесы 〈«Леший»〉; коллективный роман, задуманный А. Д. Курепиным. Ч. мечтает о далеких путешествиях. Неосуществленные замыслы: рассказ о впечатлениях деревенского парня в столице; роман 1888 г. Лазарев-Грузинский опровергает ошибочные сведения в мемуарах Н. М. Ежова и И. Н. Потапенко, в книге А. А. Измайлова «Чехов». М., 1916 (упом. «Беззаконие»). Обстоятельства, при которых были созданы рассказы «Сирена», 〈«Без заглавия»〉. Записная книжка Ч-ва. Московские сплетни вокруг рассказов «Попрыгунья» и «Ариадна»

(упом. С. П. и Д. П. Кувшинниковы, И. И. и А. И. Левитаны, В. С. Васильева, Л. Б. Яворская). Разговорный язык Ч-ва. Эпизод в лесу близ Бабкина.

2) Чехов и театр.— «Театр», 1914, № 1532, от 1 и 2 июля.

Годы: конец 1890-х — начало 1900-х.

Содержание. Любовь Ч-ва к театру. Его требовательность к актерам. Ч. о Станиславском, Артеме, Лужском. Восхищение Ч-ва даром имитации Лужского. Ч. советует автору воспоминаний писать водевили и пьесу для Художественного театра (упом. В. Н. Давыдов, П. М. Свободин).

82. *Лаваревский* Борис Александрович (1871—1919), военный юрист, писатель.

1) А. П. Чехов (Материалы для биографии).— «Русская мысль», 1906, № 11, стр. 91—99.

Годы: 1900-е.

Содержание. Высказывания Ч-ва о невежественных людях и литературных неудачниках, о новых формах в поэзии (упом.: Бальмонт, Некрасов, Кольцов, Ляпунов, N — Белоусов). Встреча Лазаревского с Ч-вым и Книппер осенью 1903 г. в Ялте (упом. рассказ «Гусев»; газ. «Новое время»). Портрет Ч-ва работы Н. Панова. Неприязнь Ч-ва к узким литературным группировкам. Его доброжелательное отношение к маленьким писателям; анонимная помощь чахоточному журналисту. Чуткость Ч-ва.

2) ⟨Ответ на анкету «Одесских новостей».⟩— «Одесские новости», 1910, № 8023, от 23 января (под заглавием: «Думы о Чехове»).

Годы: конец 1890-х — начало 1900-х.

Содержание. Разговор Ч-ва и Лазаревского о евреях. Ч. о людях, не понимающих искусства, но рассуждающих о нем (упом.: N — сослуживец Лазаревского; Художественный театр). Игра актрисы, приводившая в восторг Лазаревского, в оценке Ч-ва. Абсурдность воспоминаний Ежова и книги Фидель о писателе.

3) ⟨Автобиография.⟩ — Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., кн-во т-ва И. Д. Сытина, 1911 (под заглавием: «Борис Александрович Лазаревский»), стр. 7, 9 и 10.

Годы: конец 1890-х — начало 1900-х.

Содержание. Влияние личного знакомства с Ч-вым на творческое развитие молодого Лазаревского. Возвращение Ч-ву «Дуэли» «Вестником Европы» в 1891 г. Язык героев Лазаревского в оценке Ч-ва. Ч. советует Лазаревскому написать пьесу.

83. *Лейкин* Николай Александрович (1841—1906).

Из дневника.

См. публикацию дневника Лейкина в настоящем томе.

84. *Ленин* (Игнатюк) Михаил Францевич (1880—1951), актер Малого театра. Пятьдесят лет в театре. М., ВТО, 1957, стр. 16 и 127.

Год: 1902.

Содержание. Знакомство с Ч-вым в Москве в доме сестер Жеребцовых, переводивших сочинения Ч-ва на английский язык. Манера Ч-ва держаться. Ч. о постановке «Дяди Вани» в театре Соловцова (упом. А. Л. Вишневский). Желание А. П. Ленского поставить пьесы Ч-ва в Малом театре (упом. «Дядя Ваня»).

85. *Леонидов* Леонид Миронович (1873—1941).

Прошлое и настоящее. Из воспоминаний.— «Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I. М., 1946, стр. 463—464. То же: Прошлое и настоящее. Из воспоминаний. М., 1948, стр. 101—104. Написано в 1939—1941 гг. (?). Ср. первоначальное: «Театр художественной правды» — «Правда», 1938, № 273, от 3 октября; частично — Фридкес, № 173; «Мои первые спектакли».— «Советское искусство», 1937, № 2, от 11 января.

Год: 1904.

Содержание. Артисты Художественного театра у Ч-ва в Москве. Скупые ответы Ч-ва на расспросы актеров о ролях в «Вишневом саде» (упом. Е. П. Муратова). Замечания Ч-ва автору воспоминаний об исполнении им роли Лопахина. Волнение Ч-ва на премьере «Вишневого сада»; чествование его в антракте. Интерес Ч-ва к жизни Художественного театра (упом. «В мечтах» Вл. И. Немировича-Данченко). Подарок Ч-ва Леонидову — фотография с надписью: «17 января 1904». Известие о смерти Ч-ва.

86. *Лесков* Андрей Николаевич (1866—1953), сын Н. С. Лескова.

Воспоминания.— «Лит. газета», 1939, № 39, от 15 июля.

Годы: ⟨1883⟩ и начало 1899.

Содержание. Отзывы Н. С. Лескова о Ч-ве: цитаты из его статьи в «Новостях и Биржевой газете», 1886, № 151, от 4 июня, из писем к М. О. Меньшикову от 29 июня 1893 и к А. И. Фаресову от 16 сентября 1893; беседа Лескова с Фаресовым (приведен текст, с грубой ошибкой: в беседе не могли упоминаться «Дядя Ваня» и «Три сестры», появившиеся уже после смерти Лескова). Поездка Лескова с Ч-вым по ночной Москве; слова Лескова о библейском Самуиле, помазавшем елеем Давида. Автор воспоминаний и Ч. на новогоднем ужине в Ялте (упом. В. К. Харкеевич). Ч. о Суворине и его окружении (упом.: В. П. Буренин, Б. В. Гей, А. Н. Маслов, С. Н. Сыромятников). Ч. о бо-

лезни Лескова. Встреча А. Н. Лескова с Ч-вым у К. М. Иловайской (упом. бывший актер Большого театра Д. А. Усатов). Ч. у А. Н. Лескова. Хлопоты Ч-ва о сценической карьере А. Н. Лескова, совет писать пьесы. Простота и сердечность Ч-ва.

87. *Л у ж с к и й* (Калужский) Василий Васильевич (1869—1932).
Из воспоминаний.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 414—417.
См. Ф р и д к е с, № 102.

88. *Л ю б о ш* С.
Как хоронили Чехова.— «Современное слово», 1910, № 732, от 17 января.
Год: 1904.
Содержание. Встреча тела Ч-ва на Николаевском вокзале в Москве. Похоронная процессия. Литии у зданий Художественного театра и редакции «Русской мысли» (упом.: Горький, Гольцев).

89. *М а к л а к о в* Василий Алексеевич (1870—1957).
1) ⟨Воспоминания в передаче В. Е. Ермилова.⟩ В. Е р м и л о в. Маклаков о Чехове.— «Раннее утро», 1909, № 201, от 2 сентября.
Годы: 1890-е и 1900-е.
Содержание. Знакомство Маклакова с Ч-вым в Москве (упом. Д. Н. Доброхотов). Толстой о творчестве Ч-ва (упом. «Хмурые люди»). Ч. в Ясной Поляне в 1895 г. Недовольство Толстого «Островом Сахалином». Скромность Ч-ва. Ч. и Книппер в Дергайкове (имении Маклакова) и в имении С. Т. Морозова; страсть Ч-ва к рыбной ловле.
2) Из воспоминаний. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1954, стр. 174—175.
Годы: 1890-е.
Содержание. Образы Рассудиной и Ярцева в повести «Три года» и их прототипы — О. П. Кундасова и астроном Ф. А. Бредихин (упом. М. Г. Комиссаров). Черты А. С. Киселева в рассказе «Налим» и в пьесе «Вишневый сад» (образ Гаева). Ч. в Ясной Поляне в 1895 г. Толстой упрекает Ч-ва за то, что он не изобразил природных богатств Сибири (в связи с разговором о поездке Ч-ва на Сахалин). Впечатления Толстого и Ч-ва друг о друге (ошибка: Толстой не мог читать «Душечку» Чехова до знакомства с ним, так как рассказ вышел только в 1899 г.).

90. *М е д в е д е в* Петр Михайлович (1837—1906), театральный деятель, актер Александринского театра.
⟨Воспоминания в записи Л. Львова.⟩ Л. Л ь в о в. Артисты о Чехове. Воспоминания, встречи и впечатления *. — «Новости и Биржевая газета», 1904, № 237, от 28 августа.
Годы: 1888 и 1896.
Содержание. Знакомство с Ч-вым на спектакле «Иванов» в Александринском театре. Ч. одобряет игру Медведева в роли Лебедева. Необщительность и скромность Ч-ва. Ч. за кулисами театра на первом представлении «Чайки». Причины провала «Чайки» в 1896 г. Возобновление «Чайки» в Александринском театре в 1902 г.

91. *М е с с а р о ж* П. И. *и другие товарищи Чехова по таганрогской гимназии.*
⟨Воспоминания в передаче М. М. Андреева-Туркина.⟩ М. М. А н д р е е в-Т у р к и н. Чехов в Таганроге.— А. П. Чехов и наш край. Ростов н/Д, 1935, стр. 38—39, 42.
Годы: 1870-е.
Содержание. Очерки Ч-ва «Из семинарской жизни» и «Сцена с натуры» (второй очерк принадлежит Ч-ву предположительно) в гимназическом журнале «Досуг», издававшемся под редакцией С. П. Борисенко. Внешность Ч-ва-гимназиста. Посещение театра с товарищами — В. А. Сиротиным, А. Д. Дросси, М. Рабиновичем, Д. Т. Савельевым, А. Л. Вишневским (упом. спектакли: «Ограбленная почта», «Маменькин сынок», «Лев Гурыч Синичкин», «Гамлет», «Ревизор», «Горе от ума» и — ошибочно —«Без вины виноватые»).

92. *М и р о л ю б о в* Виктор Сергеевич (1860—1939).
Из записных книжек.
См. публикацию записных книжек Миролюбова в настоящем томе.

93. *М о р о з о в а* (урожденная Лобода) Марфа Ивановна (1845—1923), тетка Чехова.
⟨Воспоминания в передаче М. М. Андреева-Туркина.⟩ Еще о Чехове.— «Приазовская речь» (Таганрог), 1910, № 66, от 11 февраля.
Годы: 1860-е или начало 1870-х.

---

* Кроме П. М. Медведева, дали ответы «Новостям и Биржевой газете» Г. Г. Ге, Л. Н. Шувалова, Л. Б. Яворская (см. №№ 32, 177, 184 настоящей библиографии), а также Р. Б. Аполлонский, В. А. Мичурина-Самойлова и Ю. М. Юрьев (в № 234 и 239, от 25 и 30 августа), высказывания которых мы не включили в библиографию, так как в них отсутствует мемуарный материал.

Содержание. Ч.-мальчик и Морозова в таганрогском дворце Александра I. Изображение таганрожцев в рассказе «Свадьба». Судьба писем Ч-ва к Морозовой.

94. *Муратова* Елена Павловна (1874—1921), актриса Московского Художественного театра.

〈Беседа с К., корреспондентом «Голоса Москвы».〉 — «Голос Москвы», 1914, № 13, от 17 января. Ср. Фридкес, № 173.

Годы: 1903—1904.

Содержание. Приезд Ч-ва в Москву на репетиции «Вишневого сада». Считки пьесы на квартире у больного Ч-ва. Скупость его авторских указаний. Чествование Ч-ва на премьере «Вишневого сада». Адреса и приветствия, обращенные к Ч-ву.

95. *Найденов* (Алексеев) Сергей Александрович (1869—1922), драматург.

Чехов в моих воспоминаниях. (Публикация А. А. Чернышева.)—«Театральная жизнь», 1959, № 19, стр. 25.

Написано в 1922 г.

Годы: 1901—1902.

Содержание. Ч. на спектакле в Московском Художественном театре «Три сестры» 21 сентября 1901 г. (приведена запись из дневника Найденова). Первое посещение Ч-ва Найденовым в Ялте (упом. неизвестное письмо Ф. А. Корша к Ч-ву с просьбой разрешить поставить «Свадьбу»).

96. *Неизвестный.*

〈Рассказ о Ч-ве в передаче В. В. Беренштама. Ответ В. В. Беренштама на анкету «Одесских новостей».〉 — «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января.

Годы: конец 1890-х или 1900-е.

Содержание. Встреча приятеля Беренштама с Ч-вым в Ялте у Е. Иронические замечания Ч-ва о ялтинской природе и о своей популярности в Ялте.

97. *Неизвестный.*

〈Воспоминания в передаче М. П. Чехова.〉 М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923, стр. 134.

Годы: 1897—1898.

Содержание. Пребывание автора воспоминаний вместе с Ч-вым в русском пансионе в Ницце. Беседы Ч-ва с Вас. И. Немировичем-Данченко и В. И. Якоби. Ч. лечит дочь автора воспоминаний.

98. *Немирович-Данченко* Владимир Иванович (1858—1943).

Из прошлого. М., Гослитиздат, 1938. Разделы: «Чехов», «Рождение нового театра», «Горьковское в Художественном театре» (стр. 185—189); см. также о Чехове по именному указателю. Первоначально: Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М.—Л., «Academia», 1936. Частично содержание воспоминаний Немировича-Данченко о Чехове было известно по прежним публикациям: 1) Фридкес, № 117 и 118 — о взаимоотношениях Ч-ва с Художественным театром и о Ч-ве в жизни; 2) Московский Художественный театр. Пьесы А. П. Чехова «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», «Иванов».— Альбом «Солнца России». СПб., 1914, № 7, стр. 10, 17, 23, 31, 41, редакционные заметки без подписи — о взаимоотношениях Ч-ва с Художественным театром в связи с постановкой каждой его пьесы и отзыв писателя об игре Мейерхольда в «Одиноких» Гауптмана; 3) Николай Эфрос. «Три сестры». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра. Под ред. В. И. Немировича-Данченко. Пг., 1919, стр. 7—8 и 11 — о работе Ч-ва над рукописью «Трех сестер»; 4) Николай Эфрос. «Вишневый сад». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра. Под ред. В. И. Немировича-Данченко. Пг., 1919, стр. 11—14.— Ч. на репетициях и постановке «Вишневого сада».

Годы: 1880-е — 1904.

Содержание. Гл. I. Три портрета Ч-ва-писателя (Антоша Чехонте; Ч. в 1890-е годы — признанный талант; Ч. в Художественном театре). Отзывы о Ч-ве Толстого, Григоровича, Боборыкина. Знакомство Немировича-Данченко с Ч-вым в кружке московских писателей (упом.: Н. П. Кичеев, В. А. Гольцев). Внешность Ч-ва. Критики С. В. Флеров-Васильев и П. И. Кичеев об «Иванове» в театре Корша. Тогдашнее мнение Немировича-Данченко об этой пьесе. Семья Чеховых; отношение Ч-ва к отцу, матери и сестре. Забота о деньгах. Нелюбовь Ч-ва к «громким» словам и диспутам. Своеобразное отношение Ч-ва к своей драматургической деятельности. Непонимание публикой и старым театром главных достоинств чеховской драматургии («Иванов» в театрах Корша и Александринском). Гл. II. Причины расхождения Ч-ва с казенными театрами. Соотношение литературной и врачебной деятельности Ч-ва. Ч. о П. П. Гнедиче. Отношение Ч-ва к Достоевскому (упом. «Преступление и наказание») и Мопассану. Внутренняя изящность и немногословность Ч-ва. «Леший» в постановке труппы Абрамовой. Гл. III. Появление «Дяди Вани» в печати; постановка пьесы в труппе Н. Н. Соловцова. Ч. в Обществе драматических писателей. Противоположность взглядов Ч-ва и Южина на искусство (спор о писательском таланте Немировича-Данченко). Возвращение Ч-ва к драматургии для театра под влиянием разговоров

с Немировичем-Данченко и Южиным. Гл. IV. Черты мелиховской жизни в «Чайке». Типичность образов Тригорина и Нины Заречной. Письмо Л. А. Авиловой к Немировичу-Данченко об истории медальона Нины Заречной. Ч. с рукописью «Чайки» у Немировича-Данченко. Фраза о заряженном ружье, которое должно выстрелить. А. П. Ленский о драматургическом таланте Ч-ва (ошибка на стр. 152: письмо Ленского к Ч-ву относится не к «Чайке», а к «Лешему».— См. «Театр», 1940, № 1, стр. 130—131). Ч. и редакция «Русской мысли». Ужины у В. М. Лаврова. Двойственное отношение Ч-ва к Суворину. Репетиции «Чайки» в Александринском театре. Провал пьесы; рецензии. Решение Ч-ва отказаться от драматургии и театра. Гл. V. Намерение Немировича-Данченко отказаться от премии за пьесу «Цена жизни» в пользу «Чайки». Переезд Ч-ва в Ялту. Гл. VI. Встреча Немировича-Данченко и Станиславского в «Славянском базаре». Симпатии Станиславского к классическому репертуару и его равнодушие к драматургии Ч-ва. Гл. VII. Подготовка к открытию Художественно-общедоступного театра. Отношение Ч-ва к драматургии Гауптмана и Ибсена. Ч. об игре Мейерхольда в «Одиноких» Гауптмана. Гл. VIII. Ч. долго не дает согласия на постановку «Чайки» в Художественном театре. Старания Немировича-Данченко возбудить в Станиславском любовь к пьесам Ч-ва. Гл. IX. Репетиции «Чайки» в Художественном театре. Исполнители ролей «Чайки». Сходство устремлений Ч-ва с общими устремлениями режиссеров Художественного театра; трудность постановки чеховских пьес. Влюбленность артистов в «Чайку». Стихийное (на первых порах) соответствие режиссерских принципов Станиславского своеобразию чеховской драматургии. Гл. X. Ч. на репетициях «Чайки» в Охотничьем клубе. Настроение Ч-ва. Воспоминания Книппер об этой встрече. Впечатления Ч-ва от репетиций «Царя Федора Иоанновича». Гл. XI. Нервозность актеров перед премьерой «Чайки». Просьбы М. П. Чеховой отменить спектакль (ср. ее опровержение в кн.: Чехов в воспоминаниях современников, стр. 342). Письма и телеграммы к Ч-ву об успехе «Чайки». Гл. XII. Сдержанность Ч-ва при выслушивании похвал его произведениям. Его ревнивое отношение к сценической жизни своих больших пьес (отказ Яворской и Александринскому театру в постановке «Чайки» и «Дяди Вани»). Сближение Ч-ва с Художественным театром. Ч. в Москве весной 1899 г. (упом. фотография Ч-ва с артистами театра). Несостоявшаяся постановка «Дяди Вани» в Малом театре. Благородство, вкус, правдолюбие Ч-ва. «Чеховское мироощущение» среди актеров. Сближение Ч-ва с Книппер. Успех чеховских спектаклей. Записная книжка Ч-ва и его работа над пьесами. Создание «Трех сестер». Настроение Ч-ва во время переписывания пьесы набело в Москве. Актеры не понимают слов Ч-ва о водевильности его пьес. Лаконичность чеховских разъяснений; его забота о верности бытовой правде во время репетиций «Трех сестер». Ч. учитывает особенности дарования актеров. Ч. в Ницце в декабре 1900 г.; известия о результатах премьеры. Отношение Немировича-Данченко к публикации писем Ч-ва к Книппер. Женитьба Ч-ва. Замысел «Вишневого сада». Трудности работы над пьесой. Одиночество писателя в Ялте. Дом Ч-ва в Ялте. Простота и ясность образов «Вишневого сада». Ч. на репетициях пьесы. Волнения за судьбу пьесы. Премьера «Вишневого сада». Чествование Ч-ва. Слова Немировича-Данченко, обращенные к Ч-ву. Настроение Ч-ва по отъезде в Ялту. Постановка «Вишневого сада» в Петербурге во время русско-японской войны. Письма Книппер к Немировичу-Данченко из Баденвейлера о состоянии здоровья Ч-ва; ее телеграмма о смерти Ч-ва. Памятник в Баденвейлере. Гл. XIII. Поездка Художественного театра в Ялту. Дом писателя во время гастролей театра. Успех молодого Горького. Отношения Ч-ва и Горького; эпизод в Художественном театре во время представления чеховской пьесы в сезон 1900—1901 гг.

99. *Нестеров* Михаил Васильевич (1862—1942), художник.

Давние дни. Встречи и воспоминания. М., изд. Гос. Третьяковской галереи, 1941, стр. 79 (в главе: «И. И. Левитан»).

Годы: первая половина 1880-х.

Содержание. Ч. у больного Левитана в номерах «Англия» на Тверской улице в Москве.

100. *Новиков* Иван Алексеевич (1877—1959), писатель.

Две встречи.—Чехов в воспоминаниях современников, стр. 547—549. Ср. первоначальное: Памяти А. П. Чехова.—«Киевские отклики», 1904, № 183, от 4 июля.

См. Фридкес, № 120.

См. сообщение М. П. Сокольникова на стр. 869—872 настоящего тома.

101. *Нюнюков* Михаил Лаврентьевич, член колхоза «Советский Сахалин», бывший старший конюх каторжной тюрьмы в Тымовском округе на Сахалине.

1) ⟨Воспоминания в передаче Г. Малиновского.⟩ Г. Малиновский. Чехов на Сахалине. Из воспоминаний очевидца М. Л. Нюнюкова.— «Советский Сахалин», 1935, № 25, от 30 января.

Год: 1890.

Содержание. Тревога сахалинской администрации в связи с приездом Ч-ва. Оперирование Ч-вым больных в лазаретах. Смещение фельдшера Григорьева с должности врача. Поездки Ч-ва по Тымовскому округу (упомин. начальник округа

Бутаков). Интерес Ч-ва к жизни гиляков (упом. его записная книжка). Душевность Ч-ва. Ч. собирает камни, растения и т. д. Возмущение Ч-ва порядками на Онорской дороге. Отмена наказания каторжников плетьми генералом Гродековым после отъезда Ч-ва. Внешность Ч-ва. Лечение больных и денежная помощь ссыльным.

2) Чехов на Сахалине. 〈Беседа с корреспондентом «Известий».〉 — «Известия ВЦИК'а», 1935, № 25, от 30 января. Ср. с предыдущим вариантом.

Год: 1890.

Содержание. Уважение к Ч-ву со стороны сахалинских чиновников. Легенда о Ч-ве среди каторжников. Отмена наказания каторжников плетьми. Простота и душевность Ч-ва. Помощь чухонцу Эндрику, татарину Чебоксарову, Нюнюкову. Борьба Ч-ва против бесчинств тюремной администрации (упом.: фельдшер Григорьев, надзиратель Климов).

Примечание. Сахалинское население надолго сохранило воспоминание о приезде Чехова. Один из бывших ссыльно-каторжных уже в 1916 г. рассказал о своей встрече с Чеховым и о материальной помощи, оказываемой им ссыльным. Этот рассказ опубликован в статье Е. Федорова «Заветный подарок (Рассказ старого сахалинца)».— «Советская культура», 1960, № 11, от 26 января. Фамилия рассказчика — «Дяди Гриши» — не названа.

102. *Орленев* (Орлов) Павел Николаевич (1869—1932), актер.

1) Мои встречи с Чеховым. (Из воспоминаний).— Чехов в воспоминаниях современников. стр. 422—430. Первоначально: «Искусство», 1929, № 5-6, стр. 30—35.

Годы: 1893—1904.

Содержание. Знакомство с Ч-вым на представлении водевиля Д. А. Мансфельда «С места в карьер» в постановке Орленева; использование в спектакле детали из рассказа Ч-ва «Беглец». Желание Ч-ва написать водевиль, который кончался бы самоубийством. Отношение Ч-ва к актерскому таланту автора (упом.: Станиславский, Книппер; «Привидения» Ибсена). Автор на гастролях в Ялте. Анекдоты из актерского быта, рассказанные Орленевым Ч-ву. Болезнь Ч-ва. Знакомые Орленева у Ч-ва: редактор «Правительственного вестника» С. С. Трубачев, актер Виктор Бежин (упом.: артисты П.В.Самойлов и И. М. Шувалов в спектакле «Дядя Ваня»). Ч. помогает устроить в гимназию мальчика-еврея, родственника аптекаря Левентона (упом. инспектор Одесского учебного округа Сольский). Смешливость Ч-ва (упом. Горький). Ч. просит Орленева поставить спектакль в пользу санатория для туберкулезных больных. Спектакль с участием актера А. К. Любского; Ч. о Любском и об актерах вообще. Отметки Ч-ва в записной книжке во время разговоров с Орленевым. Долг Орленева Ч-ву (упом. актер Зичи). Орленев покупает участок по совету Гарина-Михайловского и Ч-ва. Запись Ч-ва в записной книжке Орленева. Ч. на спектакле «Привидения» с участием Орленева. Мысль Ч-ва о создании пьесы под названием «Орленев».

2) Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. Предисловие А. В. Луначарского. Ред. И. С. Ежова и Д. Л. Тальникова. Прим. Э. А. Старка. М.— Л., «Academia», 1931.

Годы: 1900-е.

Содержание. (Аннотируем только то, что дополняет предыдущую публикацию.) Орленев и Горький в гостях у Ч-ва в Ялте. Сожаление Суворина о разрыве с Ч-вым. Ч. возвращает Суворину квитанцию на «Новое время» в 1901 г. Встреча Суворина с Ч-вым в Ялте. Ч. об интеллигентности Орленева как актера.

103. *Петров* (псевдоним Бич-Булат), Александр Адрианович (1877—1944), журналист.

Максим Горький и А. П. Чехов. (Из воспоминаний Бич-Булата). «День печати», 1919, 3 марта, однодневная газета.

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Петров у Ч-ва в Ялте. Ч. протестует против посвящения ему стихотворения в прозе Петрова «Народное горе».

См. отрывки из воспоминаний Петрова в примечаниях к письму Чехова к нему, датированному концом ноября — началом декабря 1901 г., в настоящем томе.

104. *Петровский И. Т.*, сын пономаря греческой церкви в Таганроге.

〈Воспоминания в передаче М. М. Андреева-Туркина.〉 М. М. Андреев-Туркин. Чехов в Таганроге.— А. П. Чехов и наш край. Ростов н/Д, 1935, стр. 33.

Год: 1868.

Содержание. Жестокие нравы в школе при греческой церкви, где обучался И. Т. Петровский одновременно с Ч-вым (упом. Н. С. Вучина).

105. *Пешкова* Екатерина Павловна (род. 1878), жена А. М. Горького.

А. П. Чехов в Ялте.

См. публикацию воспоминаний Пешковой в настоящем томе.

106. *Пичугин* Захар Ефимович (1862—1942).

Из моих воспоминаний.

См. публикацию воспоминаний Пичугина в настоящем томе.

107. *Плещеев* Александр Алексеевич (1859—1918), сын А. Н. Плещеева.

1) У Ан. П. Чехова.— «Петербургский дневник театрала», 1904, № 1, от 4 января ‹Беседа А. А. Плещеева с Ч-вым›.

Год: 1903.

Содержание. Встреча А. А. Плещеева с Ч-вым в Москве перед постановкой «Вишневого сада» в Художественном театре. Неверное изложение в газетах содержания пьесы. Ч. на репетициях и спектаклях Художественного театра. Желание поехать в Ниццу (упом. Монте-Карло). Симпатии Ч-ва к вице-консулу Ментоны Ник. Ив. Юрасову. Ч. о литературной конвенции (упом. Рокшанин). Ч. опровергает слухи о своем скором юбилее. Происхождение фотографии, на которой Ч. снят вместе с Сувориным, В. Н. Давыдовым и П. М. Свободиным. Ч. об «узеньких» актрисах. Разговор о переводных пьесах. Обещание Ч-ва дать новую небольшую пьесу для «Петербургского дневника театрала». Фотография Ч-ва, подаренная им А. Н. Плещееву с дарственной надписью, приведена в этом же номере газеты.

2) ‹Ответ на анкету «Одесских новостей».› — «Одесские новости», 1910, № 8022, от 20 января.

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Ответы Ч-ва на вопросы знакомых о том, кто «открыл» его талант (упом. Лейкин). Ч. о новых формах в литературе; чтение им работ Амфитеатрова и Дорошевича.

3) Что вспомнилось (за 50 лет). Париж, 1931, стр. 179—195 (глава: «А. П. Чехов»). Ср.: Фридкес, № 135—137 и воспоминания А. А. Плещеева, указанные нами выше.

Годы: 1890-е — 1904.

Содержание: Ч. и Лейкин, Григорович, Суворин. Отношение Ч-ва к актерам. Равнодушие его к своей популярности. Встреча А. А. Плещеева с Ч-вым в Москве (упом. «Фауст» Гуно). Ялтинский кабинет Ч-ва. Прогулка Ч-ва и Плещеева в Гурзуф. Встреча Ч-ва и Плещеева с Н. И. Пастуховым. Ч. и В. М. Дорошевич. Ч. в парижском отеле «Мирабо» у А. Н. Плещеева во время путешествия с Сувориным. Желание Ч-ва осмотреть самый низший слой парижской жизни. Ч. в Москве во время репетиций «Вишневого сада» (в дате — неточность: Ч. приехал в Москву не в сентябре, а в декабре 1903 г.). Недовольство Ч-ва перетасовкой ролей в спектакле. Первая постановка «Чайки» в Александринском театре (упом.: В. Ф. Комиссаржевская, М. М. Читау). Рассказ В. Н. Давыдова о том, как был написан «Иванов», и о постановках этой пьесы в театре Корша и в Александринском театре. Намерение Ч-ва написать к январю 1905 г. для «Петербургского дневника театрала» водевиль или рассказ.

108. *Плотов* М. Е., бывший учитель щеглятьевской школы, близ Мелихова.

Большое сердце.— «Комсомольская правда», 1944, № 164, от 12 июля.

Годы: 1892—1898.

Содержание. Ч. заведует медицинским пунктом в с. Щеглятьеве. Внешность Ч-ва. Прием больных. Медицинские советы Ч-ва Плотову; хлопоты Ч-ва о средствах для поездки Плотова в Крым (упом. гр. М. В. Орлова-Давыдова; цитируемое письмо местного благочинного адресовано к мелиховскому священнику Н. Ф. Некрасову). Плотов пользуется мелиховской библиотекой писателя (упом. запрещенные издания письма Белинского к Гоголю и «Мелочей архиерейской жизни» Лескова). Разговорный язык Ч-ва. Подарки Ч-ва Плотову-охотнику. М. П. Чехов (ошибочно назван И. П. Чехов) руководит хозяйством во время отъездов Ч-ва из Мелихова. Ч. на открытиях школ в соседних с Мелиховым селах. Наблюдательность Ч-ва.

109. *Подъячев* Семен Павлович (1865—1934), писатель.

Моя жизнь. М., «Советская литература», 1934, стр. 100—102. Первоначально: С. П. Подъячев. Моя жизнь, кн. 1. М.—Л., ЗИФ, 1930, стр. 109—111.

Годы: середина 1880-х.

Содержание. Подъячев (тогда секретарь издателя журнала «Россия» И. И. Пашкова) в доме Ч-ва на Садовой-Кудринской. Приветливость и общительность Ч-ва; его внешность. Полуобещание Ч-ва в ответ на просьбу редакции дать новый рассказ; насмешливые интонации в его словах о «России».

110. *Поливанова* Е., сотрудница «Смоленского вестника».

Памяти Ант. Павл. Чехова.— «Прибалтийский край» (Рига), 1904, №148, от 5 июля.

Год: 1889.

Содержание. Просьба Ч-ва к редакции «Смоленского вестника» помочь семье писателя П‹утяты›. Встреча автора с Ч-вым в Москве. Разговор о шестидесятых годах. Ч. о своих героях, о невозможности создания образов «торжествующих героев идеи». Литературные планы Ч-ва в связи с поездкой на Сахалин.

111. *Поссе* Владимир Александрович (1864—1940).

Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917). М.—Л., ЗИФ, 1929, стр. 159, 170—177 (ср. первоначальное: Фридкес, № 140). В книге «Мой

жизненный путь» — больше подробностей в характеристике Чехова и его высказываний.

Годы: 1900-е.

Содержание. Стремление Горького добиться постоянного сотрудничества Ч-ва в «Жизни». Встречи с Ч-вым в Ялте (упом. Горький, Миролюбов). Заботы Ч-ва о чахоточном студенте. Ч. о любви. Разное отношение Ч-ва и Горького к рассказу Синани об опереточном баритоне. Поведение Суворина во время дела Дрейфуса в оценке Ч-ва (происхождение образа «виноватой спины»). Горький рассказывает Поссе о том, как Ч. импровизировал на тему «Черный кот». Строгое отношение Ч-ва к своим произведениям. Горький, Поссе и Ч. на «Чайке» в Художественном театре. Ч. недоволен исполнением роли Тригорина Станиславским. Несостоявшееся сотрудничество Ч-ва в «Жизни» после перенесения журнала за границу.

112. *Потапенко* Игнатий Николаевич (1856—1929).

〈Ответ на анкету «Одесских новостей».〉— «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января.

Годы: 1896 и 1897.

Содержание. Хлопоты Потапенко в связи с постановкой «Чайки» в Александринском театре. Реплика Дорна, сокращенная впоследствии автором («Люди скучны, 90 процентов неумны, а остальные несчастны»). Ч. и Потапенко на вокзале в Монте-Карло (упом. высокопоставленная особа из России).

113. *Рабинович* М. А., товарищ Чехова по таганрогской гимназии.

〈Воспоминания в передаче М. М. Андреева-Туркина.〉 М. М. Андреев-Туркин. Чехов в Таганроге.— А. П. Чехов и наш край. Ростов н/Д, 1935, стр. 34, 38, 44.

Годы: конец 1860-х — 1870-е.

Содержание. Майские гулянья гимназистов в Дубках. Ч. в хоре гимназистов. Участие Ч-ва в рукописном журнале, издававшемся под редакцией ученика старшего класса — Грахольского (четверостишие об инспекторе гимназии А. Ф. Дьяконове, написанное Ч-вым в 4-м классе). Шутки Ч-ва на уроках истории у преподавателя П. Отношение Ч-ва к животным. Роль Ч-ва в обратном приеме в 8-й класс уволенного гимназиста-еврея Волькенштейна.

114. *Рахманинов* Сергей Васильевич (1873—1943).

1) 〈Воспоминания в передаче Альфреда и Екатерины Суан.〉 Альфред и Екатерина Суан. Воспоминания о Рахманинове. Пер. с английского К. Данько.— Воспоминания о С. В. Рахманинове, т. II. М., Музгиз, 1957, стр. 245—246 (состав. З. Апетян). Первоначально: «Советская музыка», сб. 4. М., 1945, стр. 128.

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Рассказ Рахманинова Ч-ву о посещении им Толстого; реакция Ч-ва. Скромность Ч-ва. Рахманинов о чеховских письмах. *Примечание.* Фраза Ч-ва о том, как его посетили Толстой и Горький, должна оканчиваться на слове «фоторепортер», следующие слова о воспоминаниях Горького о Толстом не могут принадлежать Ч-ву; Кроме того, это не цитата из письма Ч-ва, а, очевидно, его слова, сказанные Рахманинову.

2) 〈Воспоминания в передаче В. Н. Муромцевой-Буниной〉.— В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. Париж, 1958, стр. 130—131.

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Ч. предсказывает Рахманинову будущность большого музыканта.

115. *Ремизов* Алексей Михайлович (1877—1958), писатель-символист.

〈Ответ на анкету «Иллюстрированной жизни».〉— «Иллюстрированная жизнь» (Париж), 1934, № 18, от 12 июля, стр. 2 (под общим заглавием: «Наши писатели о Чехове»).

Годы: 1903 (?).

Содержание. Просмотр Ч-вым рукописи Ремизова (упом. В. Э. Мейерхольд).

116. *Репин* Илья Ефимович (1844—1930).

〈О встречах с Чеховым.〉— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 110—111. Первоначально: 〈Ответ на анкету «Одесских новостей».〉— «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января.

Годы: 1887 (?) и 1895.

Содержание. Встреча с Ч-вым в студии Репина в Петербурге. Ч. рассказывает о своей работе земским врачом. Сдержанность Ч-ва. Упом. набросок портрета Ч-ва работы Репина (не сохранился).

Примечание. В тексте книги «Чехов в воспоминаниях современников», помимо стилистических расхождений с первой публикацией, выпущена фраза о зарисовках, сделанных Репиным в «Литературном обществе» с разных лиц.

117. *Россолимо* Григорий Иванович (1860—1928).

Воспоминания о Чехове.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 581—590. Первоначально: Чехов в воспоминаниях современников, 1947, стр. 461—471.

Написано в 1924 г., с использованием старых воспоминаний автора (см. Фридкес, № 149 и 150); частично — «Русский врач», 1904, № 51, от 18 декабря — содержание выступления Россолимо на заседании студенческого медицинского общества при Московском университете 3 декабря 1904 г., посвященном памяти писателя.

Годы: 1879—1904.

Содержание. Ч.— студент медицинского факультета. Его поведение во время студенческих волнений. Кураторская история болезни, составленная Ч-вым на V курсе. Дружба Ч-ва с В. Зембулатовым и Д. Савельевым. Встреча Россолимо и Ч-ва в 1893 г. (упом. В. А. Гольцев). Последующие встречи в Москве. Ч. об особенностях своей литературной работы (о работе над музыкальностью фразы; о значении медицинских знаний для его творчества). Намерение Ч-ва участвовать в праздновании 15-летнего юбилея медиков выпуска 1884 г. Ч. у Россолимо 2 мая 1900 г.; чтение А. Б. Фохтом рассказов В. А. Слепцова. Ч. и Россолимо на похоронах Н. В. Алтухова. Ч. о молодежи (приведена запись в дневнике автора воспоминаний). Встреча автора с Ч-вым перед его отъездом в Баденвейлер (упом. неизвестная записка Ч-ва к Россолимо конца мая или 1—2 июня 1904 г.). Удовлетворение Ч-ва лечением доктора Ю. Р. Таубе. Расспросы Ч-ва об однокурсниках и о поездке Россолимо за границу. Прежние встречи автора с Ч-вым, их случайность. Чуткость Ч-ва по отношению к врачам —товарищам по университету (упом. Н. И. Коробов, Д.— В. К. Данилов, И. Г. Витте). Хлопоты о писательнице О. Ф. Жихаревой. Прототип фельдшера Курятина в рассказе «Хирургия». Отношение Ч-ва к больным. Мысли Ч-ва о необходимости учитывать субъективные ощущения больного. Неудавшееся ходатайство автора о присуждении Ч-ву степени доктора медицины (упом. И. Ф. Клейн). Отношение Ч-ва к своей болезни.

118. *Ростовцев* Андрей.

Вагон с устрицами.—«Лит. Ленинград», 1934, № 32, от 14 июля; ср. первоначальное: Памяти Чехова.— «Обозрение театров», 1914, № 2484, от 2 июля.

Год: 1904.

Содержание. Встреча гроба с телом Ч-ва на вокзале в Петербурге. Полевые цветы, прикрепленные к вагону. Шпик на вокзале. О. Л. Книппер и М. П. Чехова, сопровождавшие гроб. Малочисленность публики, встречавшей тело Ч-ва. Путаница с почетным караулом, предназначенным для гроба с телом начальника генштаба ген. Обручева. Венок от миллионера, издателя «Биржевой газеты» Проппера. Рост толпы. Панихида. Прощание молодежи с телом Ч-ва. Наряд полицейских и жандармерии на вокзале. *Примечание.* Автор воспоминаний не был секретарем проф. С. А. Венгерова, как говорится в публикации; возможно, что это был ученик Венгерова по Петербургскому университету (сообщ. А. Л. Слонимским).

119. *Рош* Дени (Denis Roche), французский писатель, переводчик Чехова.

Tchékhov.— «Revue des études franco-russes» (Paris), 1904, 1-er septembre, pp.344—360.

Отрывки из мемуарной части статьи Дени Роша в переводе на русский язык см. на стр. 709—710 настоящего тома.

120. *С. К.*, корреспондент газеты «Новости дня».

Встреча с А. П. Чеховым.— «Новости дня», 1898, № 5452, от 4 августа.

Год: 1898.

Содержание. Ч. в Москве во время переговоров с Немировичем-Данченко в связи с постановкой «Чайки» в Художественном театре. Скромность Ч-ва несмотря на его огромную популярность. Здоровый вид Ч-ва. Намерение Ч-ва провести зиму в Монте-Карло и Париже и вернуться в Мелихово. Привязанность Ч-ва к своей усадьбе. Ч. о своем участии в земской деятельности. Разговор об успехе пьес Ч-ва в провинциальных театрах (упом. «Иванов», «Предложение», «Медведь»). Ч. говорит, что «Дядя Ваня» написан лет 10 назад. Ч. о себе как о случайном драматурге и о репортере театров (упом. Островский). Отношение Ч-ва к открытию Художественного театра (упом. Немирович-Данченко и Станиславский).

121. *Савастьянов* А. Н., писатель-самоучка из крестьян.

〈Воспоминания, записанные А. И. Яцимирским.〉 А. И. Яцимирский. Русские писатели в роли руководителей поэтов из народа.— «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива“ на 1903 г.», № 9, стр. 94.

Годы: около 1893.

Содержание. Теплый прием, оказанный Савастьянову в Мелихове; Ч. расспрашивает о его занятиях, советует, в какие редакции обращаться с произведениями.

122. *Садовников* Дмитрий Николаевич (1847—1883), поэт и фольклорист.

〈Рассказ о Ч-ве в передаче О. Л. Оршера.〉 Около имени А. П. Чехова. (Из моих воспоминаний).—«Приднепровский край» (Екатеринослав), 1914, № 5177, от 2 июля (подпись: Старый журналист).

Годы: начало 1880-х.

Содержание. Знакомство Садовникова с Ч-вым в редакции «Будильника».

123. *Самуэльсон* Семен Васильевич (р. 1872), пианист.
<Воспоминания в передаче А. Б. Дермана.> — Переписка Чехова и Книппер, т. II, стр. 110.
Годы: 1900-е.
Содержание. Ч. на концертах, устраиваемых проф. Бобровым в пользу детского санатория близ Алупки. Ч. просит Самуэльсона исполнить ноктюрн Шопена C-dur.

124. *Свешников* Николай Иванович (1839—1899), букинист.
Воспоминания пропащего человека. Ред., пред. и прим. Л. Б. Модзалевского и С. П. Шестерикова. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 304 и 307. Первоначально: «Исторический вестник», 1896, № 8, стр. 354, 356.
Год: 1889.
Содержание. Свешников у Ч-ва в Москве. Ласковый прием, оказанный ему Ч-вым. Ч. о его рукописи.

125. *Селиванова-Краузе* Александра Львовна, племянница Г. П. Селиванова, подруга детства Ч-ва.
<Воспоминания в передаче М. М. Андреева-Туркина.> М. М. Андреев-Туркин. Чехов в Таганроге.— А. П. Чехов и наш край. Ростов н/Д, 1935, стр. 32.
Годы: 1860-е—1870-е.
Содержание. Детские проказы Ч-ва.

126. *Семенов* Е. П., переводчик, друг Золя.
Чехов и Золя.— «Петербургский курьер», 1914, № 159, от 2 июля (подпись: Е. С.).
Год: 1897.
Содержание. Ч. в Париже проездом на юг Франции. Просьба к нему Общества русских студентов приехать на литературно-музыкальный вечер. Расспросы Ч-ва о Золя. Привет от Золя Ч-ву, не переданный Семеновым.

127. *Сергеенко* Алексей Петрович (род. 1886), сын П. А. Сергеенко.
Две встречи с Чеховым.
См. публикацию воспоминаний А. П. Сергеенко в настоящем томе.

128. *Сергеенко* Петр Алексеевич (1854—1930), литератор.
Первое знакомство. К 25-летию В. А. Гиляровского.— «Русское слово», 1908, № 279, от 2 декабря (подпись: Старый литератор).
Годы: конец 1880-х.
Содержание. Ч. в кругу знакомых писателей на даче в Мазилове (упом. Мамин-Сибиряк, Потапенко, Гиляровский, хозяйка дачи — секретарша журн. «Детское чтение»).

129. *Симов* Виктор Андреевич (1858—1935), художник.
1) Из воспоминаний о Чехове.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 89—94. Первоначально: Чехов в воспоминаниях современников, 1947, стр. 93—98.
Годы: 1884—1885.
Содержание. Ч. в декорационной мастерской Частной оперы в Москве (упом. Левитан, Н. П. Чехов, Коровин, маляр Москвичев). Его деликатность. Ч. импровизирует юмористические рассказы из жизни крестьян, духовенства и уездной полиции; его талант рассказчика. Близость этих устных рассказов к произведениям художников-«передвижников».
2) <Воспоминания в записи П. А. Стефановского.>— Чехов в воспоминаниях современников, 1947, стр. 488.
Годы: 1898 и 1899.
Содержание. Встреча с Ч-вым на репетиции <«Чайки»> в Художественном театре. Ч. и Симов вспоминают о вечерах в декорационной мастерской. Книжка рассказов («Мужики» и «Моя жизнь» в изд. Суворина, 1899), подаренная Ч-вым Симову.

130. *С-кий* Б. П.
<Воспоминания в передаче А. Дросси.> А. Дросси. А. П. Чехов и студенты. (Из воспоминаний).— «Приазовский край» (Ростов н/Д), 1914, № 173, от 4 июля.
Год: 1901.
Содержание. Ч. и Книппер на прогулке в парке сельскохозяйственного института в Петровском-Разумовском. Неудачная попытка студентов торжественно приветствовать Ч-ва.

131. *Скарская* Надежда Федоровна (1869—1958), актриса, жена режиссера П. П. Гайдебурова.
Н. В. Скарская и П. П. Гайдебуров. На сцене и в жизни. М., 1959, стр. 183—184. Первоначально <в передаче А. Л. Лесса>: Ал. Лесс. Рассказы народного артиста.— «Москва», 1958, № 5, стр. 200—201.
Год: Сезон 1899/1900.
Содержание. Знакомство с Ч-вым в Художественном театре. Ч. о Комиссаржевской. Совет Ч-ва Скарской, репетировавшей роль Сони в «Дяде Ване» во время болезни М. П. Лилиной (упом. Станиславский).

132. *Скиталец* (Петров) Степан Гаврилович (1868—1941).

Чехов. Встречи.— Чехов в воспоминаниях современников, 1947, стр. 282—290. То же: Скиталец. Избранные произведения. М., 1955, стр. 554—562 («Чехов. Встречи»). Первоначально: «Красная новь», 1935, № 3, стр. 189—193.

Годы: 1902 и 1904.

Содержание. Ужин у Ч-ва в Ялте (упом. Бунин, Телешов, Белоусов, Найденов, Елпатьевский, В. Н. Ладыженский). Разговор о Толстом и Горьком. Ч. о необходимости издания нового журнала. Болезнь Ч-ва; понимание им близости смерти. Чествование Ч-ва на премьере «Вишневого сада». Указания Ч-ва участникам спектакля «Вишневый сад» в присутствии Скитальца. Мягкость в обращении Ч-ва с женой. Нежелание его ехать за границу. Подарок Ч-ва Скитальцу — сборник «Хмурые люди» с надписью. Забота Ч-ва о начинающих писателях.

133. *Соболевский* Сергей Иванович (род. 1864), советский ученый-филолог, с 1892 г. — профессор Московского университета.

〈Воспоминания в передаче А. Л. Лесса.〉 Ал. Лесс. Штрихи к портрету (раздел «Встречи на вечеринке»).— «Москва», 1960, № 1, стр. 186—187.

Годы: 1890-е?

Содержание. Встреча Ч-ва с Соболевским у общих знакомых. Ч. записывает латинские пословицы и афоризмы, сообщенные ему Соболевским.

134. *Спендиарова* Марина Александровна, дочь композитора А. А. Спендиарова.

Спендиаров в Ялте.— «Курортная газета» (Ялта), 1956, № 197, от 6/X. Написано по воспоминаниям В. Л. Спендиаровой, жены композитора, и. В. Е. Голубининой.

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Спендиаров у Ч-ва в ауткинском доме. Встречи Ч-ва в Ялте с Спендиаровым и Горьким (упом. магазины Синани и Пфейфера).

135. *Станиславский* (Алексеев) Константин Сергеевич (1863—1938).

1) А. П. Чехов в Московском Художественном театре.— К. С. Станиславский. Собр. соч. в восьми томах, т. V. М., 1958, стр. 329—360. Первоначально: «Ежегодник МХАТ 1943 г.». М., 1945, стр. 95—148; частично — см. Фридкес, № 173. Написано в 1907 г. (?)

Годы: конец 1880-х—1903.

Содержание. Незначительность первых встреч с Ч-вым. Впечатление надменности и неискренности Ч-ва. Встречи в книжном магазине Суворина, в театре Корша. Оживленность Ч-ва во время обсуждения проекта Народного дома в редакции «Русской мысли». Ч.— один из первых пайщиков Художественного театра. Тревожное настроение в театре перед премьерой «Чайки». Просьбы М. П. Чеховой отменить спектакль (ср. ее опровержение в кн.: Чехов в воспоминаниях современников, стр. 342). Огромный успех пьесы. Описание квартиры Ч-ва в доме Шешкова на Малой Дмитровке. Гости: Левитан, Бунин, Немирович-Данченко, Вишневский, Сулержицкий, незнакомые посетители и др. Долгое отсутствие простоты в отношениях Ч-ва и Станиславского. Свидание Ч-ва с чиновником Малого театра по поводу «Дяди Вани». Образные и краткие отзывы Ч-ва об игре артистов Художественного театра на закрытом спектакле «Чайки» 1 мая 1899 г.; суровая оценка исполнения 〈М. Л. Роксановой〉 роли Заречной. Ненависть Ч-ва к пошлости в театре. Встреча театра с Ч-вым в Севастополе; сцена фотографирования Ч-ва на сходнях парохода (упом. «Три сестры»). Ухудшение здоровья Ч-ва. Ч. на спектакле «Дядя Ваня» в Севастополе. Ч. лечит А. Р. Артема. Беседа Ч-ва с актерами; отзывы его о Художественном театре. Замечания Ч-ва об Астрове в «Дяде Ване», об «Одиноких» Гауптмана и о «Гедде Габлер» Ибсена. Отъезд Ч-ва в Ялту до окончания гастролей в Севастополе. Необычайная оживленность Ч-ва во время пребывания театра в Ялте. Литераторы и артисты в доме Ч-ва. Шутки Бунина. Влюбленное отношение Горького к Ч-ву. Ч. предлагает литераторам писать пьесы для Художественного театра. Бегство Ч-ва за кулисы во время вызовов. Мать Ч-ва на спектакле «Дядя Ваня». Прощальный завтрак у Ф. К. Татариновой. Медленность работы Ч-ва над пьесой «Три сестры». Ч. на чтении пьесы в театре. Неуменье его говорить о своих произведениях; спор о жанре его пьес. Приглашение военного специалиста на репетиции «Трех сестер». Ч.— «театральный человек». Добавления и изменения к пьесе, присылаемые Ч-вым из Ниццы. Средний успех первых спектаклей пьесы. Венчание Ч-ва с Книппер без свадебной помпы. Ч. на репетициях «Дикой утки» Ибсена и «Микаэля Крамера» Гауптмана. Мысль Ч-ва о пьесе с ролями для Артема и Вишневского; постепенные изменения деталей задуманной пьесы («Вишневый сад»). Попытка Ч-ва «улучшить» звучание набата в спектакле «Три сестры». Уменье Ч-ва угадать по лицу собеседника его настроение. Оптимизм Ч-ва. Болезнь Книппер в 1902 г. Переезд ее в Ялту во время болезни. Расспросы Ч-ва о Москве. Подготовка собрания сочинений и работа над «Вишневым садом». Ч. ухаживает за больной женой в Москве. Рассказ Ч-ва о шутке Гиляровского с «бомбой». Сближение Станиславского и Ч-ва в дни болезни Книппер. Переезд Ч-ва с женой в Любимовку.

2) 〈Воспоминания в передаче Н. Е. Эфроса.〉 Николай Эфрос. «Вишневый сад». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра. Под ред. В. И. Немировича-Данченко. Пг., 1919, стр. 44.

Год: 1903.

Содержание. Ч. показывает Станиславскому первые черновики пьесы «Вишневый сад».

3) Моя жизнь в искусстве.— К. С. Станиславский. Собр. соч. в восьми томах, т. I. М., 1954. Главы: «Перед открытием Московского Художественного театра» (стр. 199—201); «Линия интуиции и чувства»; «Приезд Чехова.— „Дядя Ваня"»; «Поездка в Крым»; «Три сестры»; «Вишневый сад».

См. Фридкес, № 169.

136. *Стейгер* (рожд. Дросси, по первому мужу Сиротина) Мария Дмитриевна, сестра товарища Чехова по таганрогской гимназии — А. Д. Дросси.

1) 〈Воспоминания в записи М. М. Андреева-Туркина.〉 М. М. Андреев-Туркин. Чехов в Таганроге.— А. П. Чехов и наш край. Ростов н/Д, 1935, стр. 40.

Годы: 1870-е.

Содержание. Домашние спектакли в доме Дросси. Пьесы, написанные Ч-вым для этих спектаклей. Шаржи Николая Чехова с подписями Антона.

2) 〈Воспоминания в передаче А. И. Роскина.〉 А. И. Роскин. Антоша Чехонте.— А. И. Роскин. Статьи о литературе и театре. Антоша Чехонте. М., «Советский писатель», 1959, стр. 261—264. Первоначально: А. И. Роскин. Антоша Чехонте. Ростов н/Д, 1939, стр. 59—69; частично: А. П. Чехов. Избранные произведения. М., Детгиз, 1935, стр. 12 (в биографическом очерке Роскина).

Полный текст воспоминаний М. Д. Стейгер, записанный А. И. Роскиным («Юный Чехов»), см. в настоящем томе.

137. *Суворин* Алексей Сергеевич (1834—1912).

1) 〈Примечания к письму А. Ф. Маркса в «Новое время» по поводу продажи сочинений Чехова.〉 — «Новое время», 1904, № 10183 и 10184, от 8 и 10 июля.

Годы: конец 1890-х — начало 1900-х.

Содержание: Отношение Ч-ва к договору с А. Ф. Марксом; намерение Ч-ва изменить условия договора.

2) Дневник. Ред., пред. и прим. Мих. Кричевского. М.—Пг., 1923, стр. 36, 80, 82, 110, 112, 121, 122, 124, 125, 128, 147, 150—153, 164—165, 179, 180, 199, 204, 215, 220, 234, 246, 280, 294—295, 297.

Годы: 1893, 1896—1902.

Содержание: 1) 9 IV 1893.— Ч. жалуется О. П. 〈Кундасовой, а не Книппер, как сказано в прим. на стр. 384〉 на расстроенные нервы. 2) 16 II, 23 III, 30 V, 9 VI, 3 и 13 IX, 12, 13, 17, 21 X 1896.— Ч. и Суворин у Толстого в Москве (упом. Б. Н. Чичерин, С. А. Толстая, Н. Н. Страхов); разговор о декадентах. Толстой обещает дать Ч-ву рукопись «Воскресения» после переделки. Ч. и Суворин в Александро-Невской лавре и на Ваганьковском кладбище. Приезд Ч-ва из Кисловодска в Феодосию; разговор с Суворинym о смерти. Ч. в Москве перед постановкой «Чайки» в Александринском театре. Ужин с В. Н. Давыдовым и Сувориным; Давыдов критикует мизансцены Е.П. Карпова к «Чайке». Беспокойство писателя перед спектаклем. Тяжелые переживания в связи с провалом «Чайки». Суворин и Мережковский о «Чайке». Второе представление «Чайки» в Александринском театре. 3) 11 II, 24—26 и 29 III, 23 VII 1897.— Толстой о «Чайке» и о драматургии Чехова (упом. «Моя жизнь»). Кровохарканье Ч-ва за обедом в «Эрмитаже». Ч. в клинике А. А. Остроумова. Ч. задумывает издавать газету вместе с В. А. Гольцевым (со слов И. Л. Щеглова). Н. Н. Оболонский (опечатка на стр. 151: «Оболенский») о болезни Ч-ва. Отказ Ч-ва ехать за границу летом вместе с Сувориным. Намерение Ч-ва переводить Мопассана. Мысли писателя о смерти, дружбе, любви и т. д. 4) 27 IV и 2 V 1898. — Встреча Ч-ва с Сувориным в апреле в Париже. Как принимали Ч-ва в Союз писателей (упом.: Короленко; «Мужики»). Ч. рассказывает о русском шпионе. Ч. и Суворин на обеде у И. И. Щукина в Париже (упом. А. Ф. Онегин, Скальковский, Боткин и де-Роберти). Отъезд Ч-ва из Парижа (упом. А. В. Сабашникова и А. М. Евреинова). 5) 26 IV и 30 X 1899. — Тетрадь Ч-ва, в которой были записаны эпиграммы В. П. Буренина (неизвестна). Ч. считает «маловыразительным» объяснение Суворина суду чести (имеется в виду напечатанное отдельным оттиском объяснение Суворина суду чести, на который его вызвал Комитет Союза взаимопомощи русских писателей в связи с его выступлениями против студентов в «Новом времени».— См. Чехов, т. XVIII, стр. 137 и 485). Ч. советует Суворину написать большой роман. Болезнь Ч-ва. Слухи о его предполагаемой женитьбе на Книппер; 6) 23 I, 14 III, 15 V и 28 XI 1900.— Суворин посылает Ч-ву свою комедию «Героиня». Встречи Ч-ва и Суворина в Москве. Посещение могил Гоголя и П. Е. Чехова. Отношение Ч-ва к договору с А. Ф. Марксом. Ч. о Горьком (упом. «Мужик» Горького). Разница лет между Ч-вым и Сувориным (в записи от 14 III неверно цитируется письмо Ч-ва от 10 III). 7) 1 II, 4 и 26 IX 1902.— Обмен телеграммами между Ч-вым и Сувориным в связи с болезнью Толстого.

Суворину Ч-ва в Ялте (упом.: П. Н. Орленев, Горький). Ч. сообщает о своем намерении отказаться от звания почетного академика. Ч. о «слабости» Толстого как человека.

138. *Сулержицкий* Леопольд Антонович (1872—1916), режиссер и театральный деятель.

〈Воспоминания в передаче Old Boy.〉 Отзыв А. П. Чехова о Горьком. (Интервью с режиссером Художественного театра Л. А. Сулержицким).— «Утро России», 1909, № 5, от 20 ноября.

Годы: начало 1900-х.

Содержание: Ч. о писательском призвании Горького — разрушать мещанство во всех его видах.

139. *Сумбатов* (псевдоним Южин) Александр Иванович (1857—1927).

1) Три встречи 〈о Л. Н. Толстом〉.— А. И. Южин-Сумбатов. Записи. Статьи. Письма. Ред., вступ. статья и коммент. В. А. Филиппова. Изд. 2, перераб. М., «Искусство», 1951, стр. 427.

См. Фридкес, № 174.

2) 〈О Чехове.〉— Там же, стр. 561—562.

См. Фридкес, № 154.

140. *Сурат* Александр Иванович, учитель.

〈Воспоминания в передаче Т. Ардова.〉 Т. Ардов (В. Тардов). Отражения личности. Критические опыты. М., кн-во «Сфинкс», 1909, стр. 222—229 (глава: «Живой оригинал „Перекати-поле“»).

Ср. Фридкес, № 72 (здесь в беседе с Г. Зарницыным мемуарист назван Алексеем Николаевичем Сур-овым).

Год: 1887.

Содержание. Сурат — сосед Ч-ва по номеру гостиницы в Святогорском монастыре близ Славянска. Ч. выручает Сурата, оставшегося без обуви. Деликатность Ч-ва. Лечение Ч-вым богомолок в монастыре. Разговор о литературе (упом.: Гл. Успенский, Н. И. Наумов). Соотношение содержания рассказа «Перекати-поле» с действительными фактами.

141. *Тараховский* Абрам Борисович, журналист, редактор газеты «Приазовский край».

1) Арабески.— «Приазовский край» (Ростов н/Д), 1904, № 178, от 7 июля (подпись: Шиллер из Таганрога).

Годы: 1890-е — 1900-е.

Содержание. Забота Ч-ва о культурно-просветительных учреждениях Таганрога и о быте таганрожцев (помощь туберкулезным больным, устройство водопровода и т. д.). Систематическое чтение Ч-вым таганрогских газет.

2) Арабески.— «Приазовская речь» (Таганрог), 1910, № 41, от 16 января (подпись: Шиллер из Таганрога). Ср. «Приазовский край» (Ростов н/Д), 1914, № 171, от 2 июля («Таганрожцы и А. П. Чехов»).

Годы: 1890-е — 1900-е.

Содержание. Приезды Ч-ва в Таганрог. Ч. о разном отношении к его приезду в северных городах и в Таганроге. Скромность Ч-ва. Посещение Ч-вым своих любимых мест в Таганроге. Внимание Ч-ва к нуждам таганрожцев. Автор у Ч-ва в Ялте. Жалобы Ч-ва на бестактность ялтинцев.

142. *Телешов* Николай Дмитриевич (1867—1957).

1) А. П. Чехов.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 436—454. Текст, исправленный автором. Первоначально (частично): У Н. Д. Телешова.— «Раннее утро», 1909, № 246, от 27 октября (подпись: Ю. Б).

См. Фридкес, № 178.

2) 〈Воспоминания в передаче И. М. Гейзера.〉 И. М. Гейзер. Чехов и медицина. М., Медгиз, 1954, стр. 43—44.

Годы: 1890-е — 1900-е.

Содержание. Медицинская помощь Ч-ва мелиховским крестьянам. Ч. с успехом лечит Телешова (в Ялте).

143. *Теляковский* Владимир Аркадьевич (1861—1924).

Дневник 1899—1902 гг.

См. публикацию записей из дневника Теляковского в настоящем томе.

144. *Тимирязев* Аркадий Климентьевич (1880—1955), сын К. А. Тимирязева

〈Воспоминания в передаче И. В. Федорова.〉 И. В. Федоров. А. П. Чехов и К. А. Тимирязев. (К истории их взаимоотношений и совместного похода за науку).— «Наука и жизнь», 1944, № 9, стр. 22—23.

Годы: 1890-е.

Содержание. Встреча Ч-ва с К. А. Тимирязевым на обеде, устроенном редакцией «Русской мысли». Рассказ Ч-ва о том, как был написан фельетон «Фокусники» (тут же

приведено письмо К. А. Тимирязева к М. П. Чеховой 1916 г., комментирующее взаимоотношения Ч-ва и Тимирязева в связи с этим событием).

145. *Тихонов* (псевдоним Серебров) Александр Николаевич (1880—1956).

О Чехове.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 553—569. Первоначально: Чехов в воспоминаниях современников, 1952, стр. 468—484; частично — «Год XVIII», альманах, кн. VII. М., 1935, стр. 326 — 339; А. Серебров. Время и люди. М., 1949 (глава «О Чехове» и отрывок из главы «Социальный парадокс»).

Год: 1902.

Содержание. Приезд Ч-ва в имение С. Т. Морозова на Урале. Осмотр спиртного завода, новой школы, парка. Ч. о Ялте. Ч-в во время обеда у Морозова. Ч. о Горьком (упом. «Буревестник», «Песнь о Соколе», «Фома Гордеев», «На плотах»), о Художественном театре, о декадентах. Парадоксальность суждений писателя об Андрееве, Суворине, о студенческом движении. Желание Ч-ва смягчить перед автором-студентом тяжелое впечатление от разговора. Меткое замечание Ч-ва о критике. Отношение Ч-ва к Морозову. Ч. об Апухтине. Адрес, поднесенный Ч-ву в связи с освящением школы, названной его именем. Нелюбовь Ч-ва к пышности и торжественности. Второй разговор Ч-ва с автором воспоминаний о литературе — о невозможности лжи в искусстве; об отсутствии положительных героев в творчестве Ч-ва; о непонимании Станиславским смысла пьес Ч-ва. Страдания больного Ч-ва во время ночной грозы. Ч. и Горький на новогоднем балу 31 декабря 1903 г. в Художественном театре (упом. Станиславский, Левитан).

146. *Тихонов* (псевдоним Луговой) Алексей Алексеевич (1853—1914).

Суд толпы. Из театральных воспоминаний.—«Ежегодник императорских театров», 1911, вып. VII, стр. 12—13.

Год: 1896.

Содержание. Впечатления Ч-ва от генеральной репетиции «Чайки» в Александрийском театре.

147. *Тихонов* Владимир Алексеевич (1857—1914).

1) Из личных воспоминаний об А. П. Чехове.— «Биржевые ведомости», 1905, № 8904, от 2 июля.

См. Фридкес, № 182.

2) <Ответ на анкету «Одесских новостей».>— «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января.

Год: 1892.

Содержание. Ч., Билибин и Тихонов в ресторане «Малый Ярославец» в Петербурге. Ч. собирает средства в пользу голодающих Нижегородской губ.

3) Из дневника.

См. публикацию записей из дневника Тихонова в настоящем томе.

148. *Толстой* Лев Николаевич (1828—1910).

1) Дневники и записные книжки 1895—1899.— Л. Н. Толстой. Полное собр. соч. Юбилейное издание. Серия вторая. Дневники, т. 53. М., Гослитиздат, 1953, стр. 51 (запись от 7 сентября 1895).

Год: 1895.

Содержание. Толстой читает рукопись «Воскресения» А. М. Олсуфьевой, С. И. Танеева, Ч-ву.

2) Дневник, записные книжки и отдельные записи 1900—1903. Там же, т. 54. М., 1935, стр. 113, 191, 294 (записи от 29 ноября 1901, 17 января 1902 и 8 сентября 1903).

Годы: 1901—1903.

Содержание. Отношение Толстого к Ч-ву и Горькому. Разговор Толстого с Б. А. Лазаревским о Ч-ве как художнике. Ч. и И. Н. Альтшуллер навещают больного Толстого.

Заметки Толстого о творчестве Ч-ва в дневниках см. также по алфавитному указателю (тт. 53—57).

149. *Толстой* Сергей Львович (1863—1947), сын Л. Н. Толстого.

Воспоминания об А. П. Чехове. — «Октябрь», 1944, № 7-8, стр. 144—145. Написано вскоре после смерти Ч-ва.

Годы: 1890-е — 1904.

Содержание. Ч. у Толстого в Хамовниках; его внешность. Посещения Ч-вым Толстого в Гаспре в 1901 и 1902 гг. Разговоры между ними на литературно-общественные темы. Взаимная симпатия Ч-ва и Толстого. Скептическое отношение Ч-ва к взглядам Толстого. Автор воспоминаний на даче у Ч-ва в Аутке. Ч. о здоровье Толстого. Последняя встреча С. Л. Толстого с Ч-вым в Москве (упом. Книппер). Отношение Ч-ва к московским демонстрациям; его вера в грядущую революцию. Ч. о Николае II. Реакция Толстого на смерть Ч-ва. Два «сорта» чеховских рассказов, отмеченные Толстым; Толстой о «Степи», «Мужиках», «Палате № 6», «Черном монахе». Толстой читает вслух рассказы Ч-ва. Толстой о значении творчества Ч-ва. Рассказы доктора Шверера о смерти Ч-ва.

150. *Тройное* В.

Встречи в Москве. Из воспоминаний.— «Литература и искусство», 1944, № 29, от 15 июля. Ср. первоначальное: «Лит. газета», 1938, № 18, от 30 марта («Московские встречи»).

Годы: 1903—1904.

Содержание. Ч. сознает неизлечимость своей болезни. Ч. в Москве во время подготовки спектакля «Вишневый сад». Общественная атмосфера этих лет. Возбужденный веселый тон Ч-ва. Белоусов, Тройнов и Ч. в ресторане. Ч. о необходимости живого ощущения действительности для художника. Ч. предлагает собеседникам тему литературного произведения (о скрипаче, который сфальшивил в оркестре ресторана). Ч. о переводах Белоусова из Бернса. Чуждость чеховского дарования переводам. Разговоры Ч-ва с Горьким в присутствии автора о предстоящей постановке «Вишневого сада». Впечатления Горького после премьеры «Вишневого сада»; его слова о том, что следующая пьеса Ч-ва будет революционной. Шутки Ч-ва. Ч. радуется быстрому росту русской литературы; его вера в счастливое будущее родины.

151. *Туношенский* Владимир Владимирович (ум. 1910), драматург.

На похоронах А. П. Чехова (Впечатления).— «Петербургский дневник театрала», 1904, № 29, от 18 июля.

Год: 1904.

Содержание. Проводы гроба с телом Ч-ва от Николаевского вокзала к Новодевичьему монастырю. Студенты на похоронах Ч-ва (упом.: Книппер, Немирович-Данченко, Гольцев, Е. Я. и М. П. Чеховы).

152. *Узенбаш* Идия, жительница Аутки, близ Ялты.

〈Воспоминания в передаче Е. Б. Меве.〉 Е. Б. Мева. Страницы из жизни А. П. Чехова. Харьков, 1959, стр. 36. Рассказано в 1940 г.

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Медицинская помощь Ч-ва бедным татарам.

153. *Уральские рабочие и служащие.*

〈Воспоминания в передаче А. Шарца.〉 А. Шарц. Чехов на Урале.— «Молодая гвардия» (Пермь), 1954, № 82, от 11 июля. Ср. его же: 1) Вторая поездка А. П. Чехова в Пермь. — «Боевой путь» (п. Александровский, Пермской области), 1954, № 75, от 27 июня; 2) Чехов на Западном Урале. — «Звезда» (Пермь), 1954, № 155, от 2 июля; 3) А. П. Чехов на Урале. — «Уральский рабочий» (Свердловск), 1954, № 166, от 15 июля; 4) Чехов на Урале.— «Молодая гвардия» (Пермь), 1960, № 12, от 29 января.

Годы: 1890 и 1902.

Содержание. Ч. осматривает Пермь и Мотовилихинский завод. Пребывание Ч-ва в имении С. Т. Морозова Всеволодо-Вильве. Ч. о Морозове. Взаимоотношения Ч-ва с рабочими. Открытие школы имени Ч-ва. Упом. неопубликованные воспоминания И. Г. Остроумова. *Примечание.* В статье «А. П. Чехов на Урале» («Уральский рабочий», Свердловск, 1954, № 166, от 15 июля), возражая А. Н. Тихонову (Сереброву), писавшему о подавленном настроении Ч-ва во Всеволодо-Вильве (см. № 138 нашей библиографии), А. Щарц ссылается на рассказы о Чехове П. И. Медведева, управляющего имением Морозова, и В. В. Аликина, служащего Всеволодо-Вильвенского завода.

154. *Фаусек* Вячеслав Андреевич, журналист.

Мое знакомство с А. П. Чеховым.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 175—185.

См. Фридкес, № 187.

155. *Федорова* Лидия Карловна, жена писателя А. М. Федорова.

Чехов, Куприн и Федоров.

См. публикацию воспоминаний Федоровой в настоящем томе.

156. *Фельдман* Алексей Степанович, бывший смотритель сахалинских тюрем, Дуйской и Воеводской.

〈Воспоминания в передаче де-Линя.〉 1) «Силуэты».— «Юг» (Херсон), 1904, № 1811, от 7 июля и 2) «Чехов на Сахалине».— Там же, № 1817, от 14 июля.

См. публикацию статьи «Чехов на Сахалине» и характеристику заметки «Силуэты» в настоящем томе, стр. 594.

157. *Фидлер* Федор Федорович (1859—1917).

Литературные силуэты. Очерк. Гл. VII. Н. С. Лесков.— «Новое слово», 1914, № 8, стр. 35

Год: 1892.

Содержание. Ч. осматривает больного Лескова незадолго до его смерти.

158. *Флит* Борис Давидович (псевдоним: Незнакомец), корреспондент «Одесских новостей».

Мелочи жизни.— «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января (за подписью: Незнакомец).

Год: 1904.

Содержание. Заметка о смерти Ч-ва в газете «Frankfurter Zeitung». Русские студенты встречают гроб с останками писателя на вокзале в Дармштадте. Венок с надписью «Кому повем печаль мою».

159. *Ходотов* Николай Николаевич (1878—1932), артист Александринского театра.

Близкое — далекое. Предисловие Г. Адонца. Ред. А. М. Брянского. М.— Л., «Academia», 1932, стр. 212—221.

Годы: 1896 и 1902 (?).

Содержание. Знакомство Ходотова с Ч-вым, его сестрой и братом (Ал. П. или Мих. П.) в семье А. А. Санина в Петербурге. Мысли Ч-ва об искусстве. Постановка «Чайки» в Александринском театре в 1896 и 1902 гг. Л. С. Санина (Мизинова) о биографической стороне «Чайки». Упом. неизвестная телеграмма Ч-ва П. П. Гнедичу о роли Треплева в «Чайке».

160. *Хомиченко* Ольга Павловна и *Камбурова* Анна Павловна, родственницы Чехова (сестры Людмилы Павловны, жены М. Е. Чехова).

〈Воспоминания в передаче М. М. Андреева-Туркина.〉 М. М. Андреев-Туркин. Чехов в Таганроге.— А. П. Чехов и наш край. Ростов н/Д, 1935, стр. 28—32.

Годы: 1860-е — 1870-е.

Содержание. Антоша в доме М. Е. Чехова. Доброта тетки Людмилы Павловны. Сказки няни Иринушки. Уменье Ч-ва в детстве давать прозвища (упом. А. Л. Селиванова, семья Огурцовых). Антоша — «головань». Проказы Антоши в отсутствие родителей.

161. *Хотяинцева* Александра Александровна (1865—1942).

Встречи с Чеховым.

См. публикацию воспоминаний Хотяинцевой в настоящем томе.

162. *Чангели-Чайкин* Ф. П., приятель П. Е. Чехова.

〈Воспоминания в передаче М. М. Андреева-Туркина.〉 М. М. Андреев-Туркин. Чехов в Таганроге.— А. П. Чехов и наш край. Ростов н/Д, 1935, стр. 32.

Годы: 1860-е — 1870-е.

Содержание. Уменье Ч-ва в детстве смешить окружающих. Ч. изображает встречу братьев П. Е. и М. Е. Чеховых.

163. *Чехов* (псевдоним Седой) Александр Павлович (1855—1913).

1) Пасхальная заутреня во дворце императора Александра I в Таганроге.— «Исторический вестник», 1901, № 8, стр. 567—581.

Годы: 1870-е.

Содержание. Ч. и его братья Александр и Николай в любительском хоре, организованном в Таганроге П. Е. Чеховым. Выступления хора в Александровском дворце (неточность: во дворце чеховский хор выступал без кузнецов).

2) А. П. Чехов в греческой школе.— «Вестник Европы», 1907, № 4, стр. 545—571. Написано в 1906 г.

Годы: 1860-е (до 1868); 1904.

Содержание. Условия, в которых протекало детство Ч-ва. Характеристика Таганрога как торгового города. П. Е. Чехов, его торговля и общественные должности. Споры в семье Чеховых о будущем сыновей. Греческая церковь и школа при ней. Первое посещение школы Антоном и Николаем. Страх мальчика-Ч-ва перед новой обстановкой. Порядок обучения в классе Н. С. Вучины. Изобретательность Вучины в наказании провинившихся учеников. Помощник Вучины — Спиро. Безуспешность обучения братьев греческому языку. Поступление Ч-ва в приготовительный класс гимназии. Воспоминания Ч-ва в Ялте о греческой школе. Перевод произведений Ч-ва на греческий язык (вероятно, речь идет о сборнике, составленном П. С. Лефи).

3) 〈Из детских лет Чехова.〉 — Чехов в воспоминаниях современников, стр. 25—65. Составлено из двух статей, появившихся первоначально: А. С-ой. Антон Павлович — лавочник.— «Вестник Европы», 1908, № 11, стр. 192—224 (эта статья приведена в сборнике с пропусками) и А. С-ой. А. П. Чехов — певчий.— Там же, 1907, № 10, стр. 825—834. Ср.: А. Седой (Чехов). Из детства Антона Павловича Чехова. СПб., 1912 (ч. I. За прилавком; ч. II. На клиросе).

Годы: 1868—1876.

Содержание. Быт и нравы в бакалейной лавке П. Е. Чехова. Ч.-гимназист за прилавком. Плохая успеваемость его в гимназии. Дружба с мальчиками-лавочниками Андрюшей и Гаврюшей. Посетители лавки: греки, афонские монахи и т. д. Характеристика отца и матери писателя. Освящение деревянного масла в лавке П. Е. Чехова (упом. о. Федор Покровский). Причины разорения П. Е. Чехова; его религиозность. Ч. в церковном хоре, организованном отцом. Пение в монастыре и таганрогском дворце

(фактическая неточность, допущенная автором в рассказе о выступлениях хора во дворце, исправлена в кн.: М. П. Чехов. Вокруг Чехова. М.— Л., 1933, стр. 45—46). Влияние условий жизни в детстве на здоровье писателя. «В детстве у меня не было детства». Отзвуки впечатлений детских лет в произведениях: «Спать хочется», «Детвора», «Степь», «Свадьба», «Канитель».

4) В гостях у дедушки и бабушки. Страницы из детства А. П. Чехова. СПб., 1912. Написанный на основе личных впечатлений, но в сильной степени беллетризованный рассказ.

Годы: 1871 или 1872; 1904.

Содержание. Лавка П. Е. Чехова в Таганроге; Антон и Александр за прилавком; заступничество матери перед отцом за детей. Семейные рассказы о дедушке и бабушке, мечта Антона и Александра о поездке к ним в Крепкую. Неожиданная «оказия» в Крепкую. Сборы в дорогу; молитва П. Е. «о странствующих, путешествующих и сущих в море и далече...». Машинист графини Платовой и возница Ефим. Дорога по степи в июльскую жару. Остановка в кабаке. «Воробьиная ночь» в степи. Лечение продрогших гимназистов в еврейском кабаке. Чаепитие в малороссийской слободе. Купанье братьев в реке. Спор братьев о мести машинисту за оскорбленье. В конторе графского имения. Разжалованный офицер Смиотанко; новый управляющий в Крепкой. Разочарование Антона и Александра в «обетованной земле». Барский дом. Украинская речь бабушки Ефросиньи Емельяновны. Жители Княжой об «аспиде» Егоре Михайловиче, управляющем в Княжой. Реакция Антоши на разорение воробьиных гнезд. Недовольство дедушки воспитанием внуков. Ночь в пустом барском доме; грустная песня из-за реки. На голубятне и в конюшне. Рассказ Гараськи о доброте Егора Михайловича. В кузнице. Притча о воробьях. Ловля рыбы простыней. Сцена на дворе у управляющего в субботу. Страшные рассказы у водяной мельницы. Воспоминания бабушки о детстве ее сыновей Павла и Митрофана и о вспыльчивости и жестокости Егора Михайловича. Служебное рвение Е. М. Чехова; черты бывшего крепостного в нем. Бегство братьев в Крепкую. Уженье рыбы с деревенскими мальчуганами. Возвращение домой. Воспоминания Ч-ва о поездке в Княжую накануне отъезда в Баденвейлер.

164. *Чехов* Михаил Павлович (1865—1936).

1) Антон Чехов на каникулах.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 66—88. Первоначально: Чеховский сборник. М., 1929, стр. 94—128 (ср. с его же кн.: Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923, стр. 22—84; Вокруг Чехова. М. 1959, стр. 45—226).

См. Фридкес, № 196.

2) Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923 (ср. с его же кн.: Вокруг Чехова. М., 1959).

Годы: 1860-е — 1904.

Содержание. Происхождение Ч-ва. Характеристика деда, отца, матери. Недостаток сведений о пребывании Ч-ва в греческой школе. «Талант в нас со стороны отца, а душа со стороны матери». Воспитание детей. Пение и богослужение (упом. «Святою ночью», «У предводительши»). Причины разорения П. Е. Чехова. Биографические мотивы «Моей жизни». Подвижность и веселость Антоши; домашние представления и импровизации (упом. «Письмо к ученому соседу» Ч-ва и «Москаль-чарівник» Котляревского). Рассказы няни Агафьи Александровны (упом. «Счастье»). Таганрогские впечатления в произведениях: «Человек в футляре», «Ионыч», «Моя жизнь», «Холодная кровь». Недостаточность биографических сведений о жизни Ч-ва в доме Г. П. Селиванова; утрата многих писем Ч-ва к родным. Впечатления от поездки на хутор к Кравцову в «Огнях» и «Степи». Посещение театра. Чтение (Шпильгаген, Георг Борн, Гюго). Судьба «Безотцовщины» и водевиля «Не даром курица пела». Переселение Чеховых в лучшую квартиру. Автобиографические мотивы в повести «Три года». Письмо Е. М. Чехова как материал для рассказа Ч-ва «Письмо к ученому соседу». Гимназическое сочинение Ч-ва «Киргизы». Ч.— глава семьи. На даче в Воскресенске. Семья Маевских (упом. «Детвора», «Три сестры»). Знакомство Ч-ва с Лейкиным через Пальмина. Сюжеты и образы, навеянные Ч-ву пребыванием в Воскресенске и Звенигороде («Беглец», «Токарь», «Горе»?), «Хирургия», «Мертвое тело», «На вскрытии» (?), «Сирена», «Экзамен на чин»). Бабкино, семья Киселевых. Рассказы В. П. Бегичева о своей жизни (упом. «Смерть чиновника» и «Володя»). Тенор Владиславлев. «Тень» Болеслава Маркевича. Бабкинские мотивы в рассказах «Дочь Альбиона», «Налим», «Скорая помощь», «Верочка». День Ч-ва в Бабкине. Мотивы рассказов «Ведьма» и «Недоброе дело». Литературно-музыкальные вечера в доме Киселевых. Надпись Ч-ва на рисунке Левитана: «Вид кипариса перед вами, Василиса». Шуточные сцены с участием Ч-ва, Левитана, А. С. Киселева. Безденежье. Кровохарканье Ч-ва в 1886 г. Начало сотрудничества в «Новом времени». Письмо Григоровича Ч-ву. Поездка в Святые горы Харьковской губ. (упом. «Святою ночью» и «Перекати-поле»). Реакция публики на первые постановки пьесы «Иванов». Ранние драматургические опыты Ч-ва (упом. М. Н. Ермолова). Создание «Иванова» по предложению Ф. А. Корша. Спектакли «Медведь» и «Леший» с участием Н. Н. Соловцова; история создания «Лешего», недовольство Ч-ва пьесой. Судьба большого романа, над которым Ч. работал в конце 1880-х годов. Дом Чеховых на

Садовой-Кудринской. Студент С. А. Петров. Значение встреч Ч-ва с Петровым — отцом Сергием в Ялте для рассказа «Архиерей» (ср.: М. П. Чехова. Из далекого прошлого.— «Дон», 1957, № 3, стр. 149); происхождение образа иеромонаха Сисоя в том же рассказе. Литературная плодовитость Ч-ва в конце 1880-х годов; создание «Степи». Душевный подъем Ч-ва. Григорович, Суворин, Плещеев, Лейкин, Чайковский у Ч-ва на Садовой-Кудринской. Первое кровохарканье Ч-ва в 1884 г. Настроение Ч-ва во время приступов болезни. Отражение в рассказе «Попрыгунья» отношений Левитана с С. П. и Д. П. <Кувшинниковыми>; размолвка Левитана с Ч-вым. Чеховы на Луке. Приезд А. Н. Плещеева, К. С. Баранцевича, А. С. Суворина, П. М. Свободина. Последующие отношения Ч-ва с Сувориным. Незначительное отражение жизни на Украине в творчестве писателя. Незавершенное путешествие Ч-ва с А. А. Сувориным на Кавказ. Отношение Ч-ва к Москве и Петербургу; мечта о хуторе на юге. Поездка в «гоголевские места»; семья Линтваревых и братья Смагины; отражение этой поездки в рассказах «В родном углу» и «Крыжовник». Ч. в Одессе. Настроение Ч-ва в связи со смертью брата Николая. Неожиданность для родных Ч-ва его решения поехать на Сахалин. Ч. о равнодушии государства к преступникам. Подготовка к поездке (упом. работы Дюмон-Дюрвиля, Лаперуза, Кеннана). Убежденность Ч-ва в необходимости этой поездки. Ч. на Сахалине. Трудности в пути. Фляжка с коньяком доктора <Д. П. Кувшинникова>. Возвращение через Индийский океан. Мангусы. Литературные результаты сахалинского путешествия («Остров Сахалин», «Гусев», «В ссылке», «Убийство», «Воры», «По Сибири»). Связь поездки Ч-ва с реформами правительства в области каторги и ссылки. Ч. на вокзале в Туле (упом. Е. Я. Чехова, отец Ираклий, мичман Глинка и др.). Жизнь Ч-ва в доме Фирганг в Москве. Отношение петербургских литераторов к Ч-ву после поездки. Впечатления Ч-ва от первого путешествия за границу. Долг А. С. Суворину в 1000 руб. Неудобство дачи под Алексином. Переезд в имение Е. Д. Былима-Колосовского (упом. Мизинова и Левитан). Работа в Богимове над «Дуэлью» и «Островом Сахалином». Отражение богимовских впечатлений в «Доме с мезонином». Внешний вид Ч-ва. Любовь Ч-ва к Москве; слушание пасхального звона на Каменном мосту. Ч. собирает пожертвования в пользу голодающих в 1892 г. Поездка в Нижегородскую губ. (упом. Е. П. Егоров). Поездка вместе с Сувориным в Воронежскую губ. Желание Ч-ва поселиться в деревне. Покупка Мелихова. Хозяйственные работы. Ч. за посадкой деревьев. День Чеховых в Мелихове. Ежедневная врачебная помощь Ч-ва крестьянам; посещение больных на дому. Первая весна в Мелихове. Таксы Бром и Хина. Ч.— член Серпуховского санитарного совета; широкая общественная деятельность Ч-ва. Сотский Бавыкинского волостного правления (упом. «По делам службы» и «Три сестры»). Ч. заведует холерным участком. Перестройка мелиховской усадьбы. Слова Ч-ва о том, что будет через двести-триста лет. Суровая зима 1893 г. Рабочие часы Ч-ва в Мелихове. Мизинова и Потапенко в Мелихове. Реальные источники рассказа «Черный монах» (сон Ч-ва о черном монахе; «Валахская легенда» Брага; рассказы А. И. Иваненко о своем отце; споры о преломлении лучей солнца и о миражах). А. И. Иваненко— прототип Епиходова в «Вишневом саде». Ч. в «Татьянин день» 1893 г. в Петербурге; «обеды беллетристов». Ч.— отставной чиновник медицинского департамента. Поездки Ч-ва с друзьями в Давидову пустынь близ Мелихова. Новые постройки в Мелихове; флигель, в котором написана «Чайка». Поездка в Крым в 1894 г. Ухудшение здоровья Ч-ва. Ч.— земский гласный. Что сделано Ч-вым для местного населения Ч.— присяжный заседатель. Жажда жизни, мечты о путешествии в Алжир или на Канарские острова. Моменты из жизни Левитана, использованные в «Чайке». Ч. в Ясной Поляне у Толстого. Создание рассказа «Супруга». Угличские впечатления М. П. Чехова, использованные в отдельных деталях рассказа «Убийство». Чуткость Ч-ва к людям и его щедрость (упом. «Хирургическая летопись»). Ч. в Ярославле летом 1896 г.; записка Ч-ва жене М. П. Чехова: «Папаша приедить у субботу». Второе путешествие Ч-ва на Кавказ. Обострение болезни после провала «Чайки» в Александринском театре. Роль Ч-ва в создании Таганрогской общественной библиотеки. Участие Ч-ва в переписи 1897 г. (в книге указан 1896 г., когда велась только подготовка к переписи). Изыскание средств для постройки трех сельских школ. Ч.— член училищного совета. Открытие школы в Новоселках.Проект устройства в Москве Народного дома. Создание повести «Мужики». Кровотечение горлом за обедом в «Эрмитаже». Записка Ч-ва сестре, навестившей его в клинике: «Пожалуйста, ничего не рассказывай матери и отцу». Ч. в клинике (по рассказам М. П. Чеховой). Жизнь Ч-ва в Ницце (по рассказу знакомого Ч-ва — см. № 97 библиографии). Мысли о поездке в Африку и на о. Корсику (упом. М. М. Ковалевский). Здоровье Ч-ва после Ниццы. Охлаждение Ч-ва к Суворину в связи с делом Дрейфуса. Знакомство с М. М. Антокольским в Париже (упом. скульптуры «Петр I» и «Последний вздох»), посылка французских книг в Таганрог. Решение поселиться в Ялте. Постройка дачи в Аутке под непосредственным наблюдением Ч-ва Покупка земли в Кучук-Кое. Неудобство получения денег по договору с А. Ф. Марксом в рассрочку. Ч. тоскует по северу; поиски домика вблизи Курского вокзала. Общественная деятельность Ч-ва в Ялте. Участие в постановке сцены из «Бориса Годунова» с Н. П. Кондаковым в роли Пимена. Поездки Ч-ва летом 1899 г. в Москву, Мелихово, Петербург, Таганрог и т. д. Продажа Мелихова. Переселение всей семьи в Ялту. Быстрое ухудшение здоровья Ч-ва. Сахалинские и мелиховские впечатления в повести

«В овраге». Хлопоты Ч-ва перед приездом Художественного театра в Ялту. Поездка за границу в декабре 1900 г. Новые планы поездки в Африку. Поспешное возвращение в Ялту из-за холодов. Продолжение в Ялте общественной работы (упом. таганрогская картинная галерея). Неожиданность женитьбы Ч-ва. Лечение в Андреевском санатории в Уфимской губ. Литературное окружение Ч-ва в Ялте осенью 1901 г. (Толстой, Куприн, Бунин, Горький, Елпатьевский). Отношение Ч-ва к исключению Горького из числа почетных академиков. Беспокойная жизнь Ч-ва в последние годы, частые перемены климата. Встреча с А. Ф. Марксом в Петербурге в апреле 1903 г. Поиски дачи в Царицыне или Звенигороде. Окончание пьесы «Вишневый сад». Ч. на репетициях Художественного театра и на премьере спектакля. Тяжелое состояние здоровья Ч-ва перед поездкой в Баденвейлер. Смерть Ч-ва; многочисленность похоронной процессии.

3) М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М., 1959. Предисловие Е. З. Балабановича. Прим. С. М. Чехова. Первоначально: М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. Ред., вступ. статья и коммент. М. П. Сокольникова. М.— Л., «Academia», 1933 (рец. А. Б. Дермана.— «Лит. критик», 1933, № 5, стр. 144—146). Ср. с его же кн.: Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923.

Годы: 1860-е — 1904.

Содержание. Гл. I. Характеристика дяди писателя — М. Е. Чехова. История его женитьбы; его письма к П. Е. Чехову. Отражение в рассказах Ч-ва отдельных сторон быта семьи М. Е. Чехова. Протоиерей Ф. П. Покровский и его мнение о детях П. Е. Чехова. Происхождение псевдонима «Антоша Чехонте». Ч. посылает Покровскому «Пестрые рассказы». Религиозность П. Е. Чехова, его любовь к искусству (упом. его картина «Иоанн Богослов»). Сведения о прадедах и дедах с отцовской и материнской стороны; легенда о чешском происхождении писателя. История женитьбы П. Е. Чехова на Е. Я. Морозовой. Недостатки мемуаров Ал. П. Чехова о Ч-ве. Художественное и музыкальное дарование Н. П. Чехова. Гл. II. Жильцы в доме Чеховых на Монастырской улице. Биография И. Я. Павловского; его приезд в Мелихово. Описание дома Чеховых на Елизаветинской улице. Ираида Савич и стихотворение Ч-ва «О поэт заборный в юбке...». День семьи Чеховых. Торговля П. Е. Чехова. Поездка всей семьей в слободу Криничку и к дедушке в Княжую. Отсутствие у Ч-ва в детстве склонности к ручному труду; обучение его портняжному ремеслу. Ч. в домашних спектаклях (упом. «Ревизор»). Болезнь Ч-ва в 1875 г. во время поездки к И. П. Селиванову; отражение этого события в «Степи». Мечты Ч-ва о Дерптском университете (упом. гимназический доктор Штремпф). Няня Агафья Александровна. Отъезд старших братьев и отца в Москву. Ч. помогает матери по хозяйству. Жизнь Ч-ва в доме Г. П. Селиванова и поездка в донецкую степь (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923; в дополнение здесь упом. «Вишневый сад» и «Страхи»). Саша Селиванова; ее приезды в Москву и Мелихово. Сведения о самостоятельной жизни Ч-ва в Таганроге: поездка к В. И. Зембулатову, посещение театра, первые драматургические опыты, журнал «Заика». Эпизод с девочкой у колодца (в передаче А. С. Суворина). Гл. III. Жизнь Чеховых в Москве в подвале на Грачевке. Нужда. Письма Ч-ва из Таганрога; приезд на каникулы (ошибка: Ч. приехал впервые в Москву не в 1876, а лишь на пасхальные каникулы 1877 г.). Московские впечатления Ч-ва. Ч. знакомится с двоюродным братом М. М. Чеховым. Подруги М. П. Чеховой: Е. И. Юношева, О. П. ⟨Кундасова⟩. Внешние черты Кундасовой в образе Рассудиной («Три года»). Частые переезды семьи. Приезд Ч-ва в 1879 г. и некоторое облегчение материального положения Чеховых. Нахлебники В. И. Зембулатов, Д. Т. Савельев, Н. И. Коробов. Переезд в дом Савицкого на Грачевке. Авторитет Ч-ва в семье. Студенческая стипендия Ч-ва. Начало литературной деятельности. Знакомые Н. П. Чехова: К. И. Макаров, М. М. Дюковский. Прототипы рассказа «Салон де Варьетэ». Несостоявшееся участие Ч-ва в литературном сборнике «Бес». Братья Чеховы в журнале «Зритель»; основатель журнала В. В. Давыдов. Гастроли Сарры Бернар в Москве. Сатира Ч-ва на «Зритель» — «Храм славы». Барон Галкин (А. М. Дмитриев). Факты, отраженные в рассказе «Иван Матвеевич». Гл. IV. Редакция «Будильника»; А. Д. Курепин и Н. П. Кичеев. Пьеса Ч-ва ⟨«Без заглавия»⟩ у М. Н. Ермоловой. Близость Ч-ва с Ф. Ф. Попудогло. М. Евстигнеев, составитель лубочных книг. Библиотека Попудогло (упом. книга, давшая материал для образа Ревунова-Караулова из «Свадьбы».— Ср. с воспоминаниями А. С. Лазарева-Грузинского: Чехов в воспоминаниях современников, стр. 114). Отношения Ч-ва с П. А. Сергеенко и Л. И. Пальминым. Надпись Пальмина на книге «Цветы и змеи». В. А. Гиляровский у Чеховых. Возвращение Ч-ва вместе с Телешовым, Гиляровским и др. со свадьбы Белоусова. Сотрудничество Ч-ва в журнале «Москва»; рисунки Н. П. Чехова «Гулянье в Сокольниках», «Он выпил», иллюстрации к «Зеленой косе» Ч-ва. «Медицинское свидетельство», данное Ч-вым автору воспоминаний. История создания романа «Ненужная победа». Сотрудничество Ч-ва в журналах «Новости дня», «Свет и тени», «Мирской толк», «Сверчок» (упом.: «Цветы запоздалые», «Невинные речи»). Характеристика Н. Л. Пушкарева и братьев Вернер. Гл. V. На даче в Воскресенске (о том же — в кн.: Антон Чехов его сюжеты, 1923; в дополнение здесь упом. Э. И. Тышко, Е. П. Егоров; «Зеленая коса»). Ч. на Всероссийской выставке 1880 г. «Кукуевская катастрофа». Знакомство Ч-ва и Н. Чехова с дирижером П. А. Шостаковским (упом. «Два скандала»). Сборники рассказов Ч-ва: «Сказки Мельпомены», ⟨«На досуге»⟩. Ч.—студент IV курса

в Воскресенске. Встречи местной интеллигенции у доктора П. А. Архангельского (упом. врачи: В. Н. Сиротинин, Д. С. Таубер, М. П. Яковлев). Увлечение этого кружка Щедриным, Тургеневым, Некрасовым. Ч.— врач Чикинской больницы. Воскресенские и звенигородские впечатления в рассказах Ч-ва (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). Знакомство Ч-ва с врачом П. Г. Розановым. Смерть двух пациенток Ч-ва. Решение его стать писателем-профессионалом. Сестры «Яшеньки». Ч. в Бабкине (о том же — в кн.: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). П. И. Чайковский в доме Чеховых на Садовой-Кудринской; замысел оперы «Бэла»; надпись на фотографии П. И. Чайковского, подаренной писателю (на стр. 142—144—ошибки: 1) Чайковский не принес, а прислал свою фотографию после визита к Ч-ву.— См. И. Р. Э й г е с. Музыка в жизни и творчестве Чехова. М., 1953, стр. 28; 2) первое письмо Григоровича было получено Ч-вым в конце марта 1886 г., т. е. еще в доме Клименкова на Якиманке — на Садовую-Кудринскую Чеховы переехали лишь в конце августа 1886 г.). Надпись на портрете Григоровича, подаренном Ч-ву. Первая поездка Ч-ва в Петербург. Оживленные вечера в доме Чеховых; появление среди гостей Григоровича (упом. также Л. Мизинова, Д. Мусина-Пушкина, В. Эберле). Ч. и Левитан в Бабкине (о том же в кн.: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). Содружество художников Н. П. Чехова и Левитана. Внешность Левитана. Вечера у С. П. Кувшинниковой. Слухи вокруг рассказа «Попрыгунья». Роль Т. Л. Щепкиной-Куперник в примирении Ч-ва с Левитаном. Отражение в «Чайке» случая, происшедшего с Левитаном (ошибка на стр. 154: «Софья Петровна умерла, еще раньше умер ее муж, а Левитан еще долго продолжал свои романы».— С. П. Кувшинникова умерла в 1907 г., пережив Левитана на семь лет). Гл. VI. Дом Чеховых на Якиманке. «Журфиксы» по вторникам. Новые приятели Чеховых: М. Р. Семашко, Б. М. Азанчевский, В. С. Тютюник, А. И. Иваненко (упом. Епиходов из «Вишневого сада»). Первая поездка в Сумы. Незначительность украинской тематики в творчестве Ч-ва. А. Н. Плещеев у Чеховых на Луке; рассказ его о петрашевцах. Другие гости у Чеховых на Украине (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). Взаимоотношения Ч-ва и Суворина. А. Ф. Кони о Ч-ве. П. М. Свободин и В. Ф. Тимофеев на Луке; шутки Ч-ва и Свободина. Ч. переделывает (в Мелихове) романы Александра Дюма; карикатура Свободина на Ч-ва. Ч. читает Свободину «Рассказ неизвестного человека» в рукописи. Создание пьесы «Иванов» и премьера ее в театре Корша. Реакция публики. Предложение В. Крылова быть соавтором пьесы. Отношение Ч-ва к И. Щеглову как человеку и писателю. Ч.— «Потемкин». Ч. и П. М. Невежин на спектакле «Вторая молодость» в Малом театре. Открытие театра Ф. А. Корша; его успех. Гл. VII. Вторая поездка Чеховых на Луку в 1889 г. Смерть Н. П. Чехова. Отъезд Ч-ва. Пребывание его в Одессе одновременно с труппой Малого театра (упом. Г. Панова). Знакомство с сестрами Шавровыми в Ялте. Дружба Ч-ва с Е. М. Шавровой. Любительский спектакль в Серпухове с участием сестер О. М. и Е. М. Шавровых. История написания пьесы «Леший». Неудачная постановка ее Н. Н. Соловцовым в театре Абрамовой. Болезнь Ч-ва; первое кровохарканье в 1884 г. во время репортерства Ч-ва по делу Рыкова. Описание дома на Садовой-Кудринской. Лика Мизинова в семье Чеховых. А. П. Ленский и В. Н. Давыдов в гостях у Ч-ва. Чтение Давыдовым «Власти тьмы» Толстого. «Иванов» и «Калхас» в театре Корша с участием Давыдова. Лейкин в доме Чеховых. Характеристика Лейкина. Встреча автора книги с Лейкиным после смерти Ч-ва. Лесков у Ч-ва на Садовой-Кудринской (упом. «Стальная блоха» — подарок Ч-ву и др. произведения Лескова). Круг знакомых Ч-ва в Москве: Т. Л. Щепкина-Куперник, Л. Б. Яворская, М. А. Саблин, В. А. Гольцев, проф. А. И. Чупров. Ч.— «Авелан». Критический талант П. Н. Островского в оценке Ч-ва. Письмо П. Н. Островского к Ч-ву с критикой «Степи». Приезд Короленко; рассказ его о своих скитаниях. Последующие встречи Ч-ва и Короленко. Гл. VIII. Сборы Ч-ва на Сахалин. Хлопоты о свободном доступе во все места острова (упом. М. Н. Галкин-Враский). Поездка Ч-ва на Сахалин и отражение поездки в художественных произведениях (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). Дом Фирганг на Малой Дмитровке. Гипсовые скульптурки с изображениями сахалинских каторжан. Рассказы Ч-ва о путешествии. Первая поездка Ч-ва за границу и жизнь в Богимове (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). Комната Ч-ва в Богимове. Дебаты с зоологом В. А. Вагнером. Инсценировки чеховских рассказов детьми художника А. А. Киселева. Гости в Богимове: Суворин, Н. М. Линтварева. Гл. IX. Покупка Мелихова. Хозяйство семьи Чеховых. Дневник П. Е. Чехова. Мелиховские крестьяне. Народные издания Сытина в Мелихове. Жизнь Ч-ва в Мелихове (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). Приезд в Мелихово летом 1892 г. П. А. Сергеенко и И. Н. Потапенко. Творчество Ч-ва в первую мелиховскую зиму. Мелихово летом. Процесс литературной работы у Ч-ва и Потапенко. Мелиховские впечатления в рассказе «Черный монах» (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). Ухудшение здоровья Ч-ва. Многочисленность гостей. Приезд М. О. Меньшикова; его деятельность в «Неделе» и «Новом времени». Негласный надзор над Ч-вым в Мелихове. Поездки в Давидову пустынь (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). И. Э. Браз в Мелихове. Происхождение картограммы Астрова в пьесе «Дядя Ваня». П. И. Куркин и И. Г. Витте. Новые постройки в Мелихове. Земская деятельность Ч-ва; участие Ч-ва в помощи голодающим в 1892 г. (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). Характеристика нижегородского губернатора Н. М. Баранова. Поиски Ч-вым средств для оборудования холерного участка

(упом. гр. М. В. Орлова-Давыдова, фабриканты Толокопниковы и др.). Скромность Ч-ва. Жюль Легра в Мелихове; описание им встречи с Ч-вым в книге «Au pays russe». Ч. в Ясной Поляне (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). К происхождению рассказов «Супруга» и «Убийство» (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923). Недовольство Ч-ва репетициями Александринского театра перед премьерой «Чайки». Провал спектакля (по рассказам М. П. Чеховой). Ч. посылает книги в Таганрог. Ф. О. Шехтель и его связи с чеховской семьей. Участие Ч-ва в переписи 1897 г.; проект Народного дома; заболевание в марте 1897 г.; Ч. в Ницце и Париже (о том же: Антон Чехов и его сюжеты, 1923; здесь в дополнение упом. В. М. Соболевский, Вас. И. Немирович-Данченко, В. И. Якоби, И. Н. Потапенко и А. И. Сумбатов-Южин). Возвращение в Мелихово в мае 1898 г. Смерть П. Е. Чехова. Покупка участка в Аутке под Ялтой и постройка дачи. Ч. помогает нуждающимся больным. Ч.— почетный академик. Художественный театр в Крыму. Бунин, Горький, Куприн, Елпатьевский, Чириков, артисты Художественного театра у Ч-ва. Случайные посетители, мешавшие работать Ч-ву. Женитьба Ч-ва. Известие о его смерти. Молодежь на похоронах Ч-ва. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте.

165. *Чехов* Николай Павлович (1858—1889).

〈Детство〉.

См. публикацию воспоминаний Н. П. Чехова в настоящем томе.

166. *Чехова* Мария Павловна (1863—1957).

1) Из далекого прошлого. (Отрывок из воспоминаний). Литературная запись Н. Сысоева.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 336—347. Первоначально: «Русское слово», 1910, № 13, от 17 января (под общим заглавием: «О Чехове» — краткий вариант начала воспоминаний, преимущественно о постановке «Чайки» в Александринском театре. См. Фридкес, № 153); 2) «Лит. газета», 1948, № 85, от 23 октября («Незабываемое» — краткий вариант середины воспоминаний о премьере «Чайки» в Художественном театре); 3) Чехов в воспоминаниях современников, 1952, стр. 297—303 (первая часть воспоминаний, кончающаяся описанием триумфа «Чайки» в МХАТ 17 декабря 1898). Ср.: М. П. Чехов. Вокруг Чехова, стр. 262—263.

Годы: 1896, 1898—1900.

Содержание. Настроение Ч-ва перед первым спектаклем «Чайки» в Александринском театре (упом. Комиссаржевская). Отражение в пьесе отношений Мизиновой с Потапенко. М. П. Чехова и Мизинова на спектакле. Петербургская публика. Провал спектакля. Исчезновение Ч-ва после спектакля (упом. А. С. и А. И. Суворины). Поспешный отъезд Ч-ва в Мелихово. Ухудшение здоровья. Попытки Немировича-Данченко получить от Ч-ва через сестру разрешение на постановку «Чайки» в Художественном театре. Левитан о спектакле «Царь Федор Иоаннович» в этом театре. Беспокойство Ч-ва и родных накануне премьеры «Чайки» в Художественном театре. М. П. Чехова возражает Станиславскому и Немировичу-Данченко, вспоминавшим о ее посещении театра накануне спектакля. Необычайный успех первой постановки «Чайки». Впечатления М. П. Чеховой от спектакля в письмах к брату. М. П. Чехова — посредник между Художественным театром и Ч-вым, жившим в Ялте. Ч. передает пьесу «Дядя Ваня» из Малого театра в Художественный. М. П. Чехова на втором представлении «Дяди Вани». Толстой на спектакле «Дядя Ваня» 24 января 1900. Приезд театра в Ялту; оживленность Ч-ва в эти дни. Глубокая связь Ч-ва с Художественным театром.

2) 〈Воспоминания в передаче Н. Е. Эфроса.〉 Николай Эфрос. «Вишневый сад». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра. Под ред. Вл. Ив. Немировича-Данченко. Пг., 1919, стр. 46.

Год: 1902.

Содержание. Ч. по секрету сообщает сестре название будущей пьесы — «Вишневый сад».

3) Мои воспоминания.— М. Чехова и С. Чехов. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. М., Гослитмузей, 1949, стр. 5—25.

Годы: 1870-е — 1904.

Примечание. Эти наиболее широкие (по охвату лет) воспоминания М. П. Чеховой содержат сведения, более подробно отраженные в других ее работах. О детстве писателя — в кн.: Антон Павлович Чехов. Сборник. Статьи, исследования, публикации. Ростов н/Д, 1954; о жизни в Москве — в журнале «Дон», 1957, № 1—3; о жизни в Ялте — в предисловиях к мемуарным каталогам-путеводителям Дома-музея А. П. Чехова в Ялте (см. соответствующие аннотации).

4) Из воспоминаний о прошлом.— М. П. Чехова. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Мемуарный каталог-путеводитель. Изд. 6. Симферополь, Крымиздат, 1957, стр. 5—19. Первоначально: Мария и Михаил Чеховы. Дом-музей А.П.Чехова в Ялте. Мемуарный каталог-путеводитель. Изд. 1. М., Госкультпросветиздат, 1950, стр. 3—14; краткие первоначальные варианты: 1) А. П. Чехов в Крыму.—«Красный Крым» (Симферополь), 1929, № 157, от 14 июля; 2) Из воспоминаний о былом.— «Курортные известия» (Ялта), 1937, № 38, от 15 июля; 3) Чехов в воспоминаниях современников, 1947, стр. 125—131. Ср. ее же: Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Рис. С. М. Чехов. М., 1951 (изд. «Искусство») и М., 1954 и 1958 (Изогиз).

Годы: 1897—1904.

Содержание. Встреча М. П. Чеховой с братом в марте 1897 на станции в Лопасне. Ч. в клинике Остроумова. Резкое изменение образа жизни Ч-ва после выхода из клиники. Покупка участка под Ялтой; залог в банке. Договор с А. Ф. Марксом. Ч. на постройке своей дачи. Ч. сажает деревья. Помощь Ч-ва больным и бедным; организация санатория Яузлар (упом. Горький и Елпатьевский). Школа в Мухалатке. Гости Ч-ва в Ялте (Горький, Куприн, Бунин, Мамин-Сибиряк, Елпатьевский, Короленко, Левитан, Шаляпин). Труппа Художественного театра в Ялте (упом. Станиславский, Немирович-Данченко, Книппер).

Дом Ч-ва после его смерти. Учреждение Советским правительством в 1921 г. музея Чехова. Посетители музея и их записи в книге отзывов о музее. *Примечание.* См. также в этой книге комментарии М. П. Чеховой к «Перечню и описанию предметов дома-музея» (на стр. 29—115). Описывая мебель, картины, фотографии, книги и т. д., М. П. Чехова рассказывает историю этих вещей, дает сведения о лицах, имеющих к ним отношение, цитирует письма, приводит надписи на фотографиях и книгах.

5) Гоголь в нашей семье (Из воспоминаний).— «Сталинское знамя» (Ялта), 1952, № 46, от 4 марта.

Годы: 1870-е — 1880-е.

Содержание. Ч. и его братья Николай и Иван ставят сцены из повестей Гоголя. В числе домашних спектаклей — «Ревизор» и «Старосветские помещики».

6) ⟨Воспоминания.⟩ Комментарии к кн.: М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. М., Гослитиздат, 1954.

Годы: 1876—1904.

Примечание. В комментариях к каждому своему письму М. П. Чехова вспоминает о событиях и людях, упомянутых в нем.

7) ⟨Из письма к И. Р. Эйгесу, б. д.⟩
И. Р. Э й г е с. Музыка в жизни и творчестве Чехова. М., Музгиз, 1953, стр. 18.

Годы: 1880-е.

Содержание. Музыкальные произведения, исполнявшиеся при Чехове (упом. Н. П. Чехов, М. Р. Семашко, Е. А. Ефремова, Г. М. Линтварев).

8) ⟨Из письма к Л. Зингер, от 27 мая 1954 г.⟩ Л. З и н г е р. Прижизненные портреты А. П. Чехова.— «Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования», т. II. М., «Советский художник», 1958, стр. 191 и 192.

Годы: 1900—1902.

Содержание. Портреты Чехова работы П. Нилуса и В. Серова.

9) ⟨Письмо к И. М. Гейзеру от 6 октября 1953 г.⟩ — В кн.: И. М. Г е й з е р. Чехов и медицина. М., Медгиз, 1954, стр. 43.

Годы: 1890-е.

Содержание. Ч. перевозит все свои медицинские книги и лекции из Мелихова в Ялту. Постоянство его интереса к практической медицине.

10) Детство. (Отрывок из воспоминаний). Антон Павлович Чехов. Сборник. Статьи, исследования, публикации. Ростов н/Д, 1954, стр. 3—10.

Годы: 1860-е — 1876.

Содержание. Характеристика П. Е. Чехова; М. П. Чехова защищает его от обвинений в деспотизме и считает мемуарные свидетельства Ал. П. Чехова недостоверными. Письмо П. Е. Чехова к Ал. П. Чехову от 8 апреля 1875 г. Ч. о родителях. Домашние спектакли с участием Ч-ва (упом. «Ревизор» и «Ночь перед рождеством»; пьеса «Чепруниха»). Ч. пародирует знакомых, выдумывает меткие прозвища; его проказы по дороге в церковь. Отъезд старших братьев в Москву. Разорение отца. Письмо П. Е. Чехова сыновьям Александру и Николаю от 18 августа 1875 г. Переезд всей семьи Чеховых в Москву.

11) ⟨Воспоминания в передаче Б. Степанова.⟩ Б. С т е п а н о в. Рассвет наступил (Некоторые страницы жизни А. П. Чехова).— «Кабарда» (Нальчик), 1954, кн. 6, стр. 172, 177.

Год: 1900.

Содержание. Недостаток сведений о поездках Ч-ва на Кавказ. Маршрут последней поездки (упом. Горький, В. М. Васнецов и А. Н. Алексин).

12) Из далекого прошлого (Литературная запись Н. А. Сысоева).— «Дон», 1957, № 1, стр. 125—131; № 2, стр. 130—141; № 3, стр. 145—156. Ср. М. П. Ч е х о в. Вокруг Чехова. М., 1959, главы III—VIII.

Годы: 1876—1892.

Содержание. № 1: Комната Чеховых в полуподвальном этаже на Грачевке в Москве. Частая смена квартир, нужда (упом.: Ф. О. Шехтель, Е. Я., Ал. П., Н. П. и Мих. П. Чеховы). Антон продает вещи в Таганроге. Приезд Ч-ва в Москву весной 1877 г. Флигель Чеховых в Даевом переулке. Первые московские впечатления Ч-ва. Новая жизнь семьи после переезда Ч-ва в Москву. Квартира в доме Савицкого на Грачевке. Ч.— глава семьи. Отношение семьи к первому произведению Ч-ва, появившемуся в печати. Ученическое сочинение, написанное Ч-вым для сестры (приведены тексты М. П. Чеховой и Ч-ва). Судьба дарований Николая и Александра (упом.

рассказ Ч-ва «Забыл»). Подруги М. П. Чеховой: Е. И. Юношева, О. П. Кундасова, Е. И. Эфрос и др. Ч. оканчивает университет. Переломный год в жизни Ч-ва (1886).

№ 2: Чеховы в Воскресенске и Бабкине. Рыбная ловля. Врачебная деятельность Ч-ва в Чикинской земской и Звенигородской больницах. Отражение чикинских и звенигородских наблюдений в рассказах «Хирургия», «Беглец», «На вскрытии» 〈?〉, «Мертвое тело», «Экзамен на чин» и др. Семья полковника Б. И. Маевского в Воскресенске (упом. «Три сестры», «Детвора»). Ч. «улаживает» сватовство поручика Е. П. Егорова к М. П. Чеховой. Знакомство Чеховых с семьей М. В. Киселевой. Первое лето в Бабкине. Знакомство с Левитаном в начале 1880-х годов в Москве. «Ссудная касса купца Левитана» в Бабкине. Другие шутки Ч-ва и Левитана. Музыка в доме Киселевых. Воспоминания В. П. Бегичева из театральной жизни (упом. «Смерть чиновника»). Импровизации Ч-ва, близкие темам его будущих рассказов. Собака-«фальшивомонетчик». Ч. вместе с сестрой и М. В. Киселевой лечит больных. Ч. предостерегает сестру от увлечения Левитаном. Размолвка и примирение Левитана с Ч-вым в связи с рассказом «Попрыгунья». Беспокойство Левитана о здоровье Ч-ва в 1897 г. Письмо Левитана М. П. Чеховой 1897 г. (публикуется полностью; упом. «Мужики»). Приезд Левитана в Ялту. Смерть Левитана. Судьба писем Ч-ва к Левитану. Дети Киселевых (упом. «Сапоги всмятку», «Милого Бабкина яркая звездочка...»). Отражение бабкинских впечатлений в рассказах «Ведьма», «Недоброе дело», «Налим», «Иванов» (образ Шабельского). Картина Левитана «Река Истра». Жизнь Чеховых в доме Лебедева и в доме Клименкова на Якиманке. Прогулки пасхальной ночью по Москве. Ч. в Храме Христа Спасителя (среди художников, расписывавших стены на хорах, — Н. П. Чехов). Григорович в доме Ч-ва на Садовой-Кудринской. Письмо Ал. П. Чехова к сестре (от 8 июля 1888) об отношении Григоровича к Ч-ву и его критикам (публикуется выдержка; упом. «Рассказы», «Степь», «Огни»). Короленко у Ч-ва в 1887 г.; его рассказы о Сибири. Совместный отказ Ч-ва и Короленко от звания почетных академиков. Запись в дневнике Короленко после смерти Ч-ва.

№ 3: Музыка Чайковского в доме Чеховых. Встреча Ч-ва с композитором в Петербурге у М. И. Чайковского. П. И. Чайковский у Ч-ва 14 октября 1889 (рассказано со слов А. П. и по воспоминаниям М. П. Чехова). Взаимные оценки Ч-ва и Чайковского. Встреча М. П. Чеховой с композитором на симфоническом концерте. Гости Чеховых: Н. А. Лейкин, сестры Яновы, А. П. Ленский и его жена, В. Н. Давыдов, П. Н. Островский. Запись Лейкина в книжечке-альбоме Ч-ва от 28 октября 1891 г. о своем знакомстве с Ч-вым. Размолвка с Ленскими из-за «Попрыгуньи». Встреча М. П. Чеховой с Ленским в 1899 г. Взаимоотношения Ч-ва с Давыдовым (упом. «Иванов», «Калхас», стих. Я. П. Полонского «У двери»). Ч. о П. Н. Островском (упом. «Степь» и «Дуэль»). Хозяин дома Чеховых Я. А. Корнеев. Студент С. А. Петров — отец Сергий (упом. «Архиерей».— Ср.: М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923, стр. 47). О. П. Кундасова и ее отношение к Ч-ву (упом. Рассудина из повести «Три года»). Обаяние молодого Ч-ва. Первое путешествие Ч-ва за границу. Дача под Алексином. Переезд в Богимово. Гости Ч-ва в Богимове: А. С. Суворин, Н. М. Линтварева. Семья художника А. А. Киселева. Зоолог Вагнер (упом. фон Корен из повести «Дуэль»). История создания фельетона «Фокусники». Встреча Ч-ва с К. А. Тимирязевым в редакции «Русской мысли». Письмо Тимирязева к М. П. Чеховой 1916 г. Характеристика хозяина Богимовской дачи Е. Д. Былима-Колосовского. Анимаиса Орестовна («Аменаиса Эрастовна»). Уменье Ч-ва веселиться и смешить других. Домашние спектакли, устраиваемые детьми А. А. Киселева (инсценировка рассказа Ч-ва «Размазня»). Пояснения М. П. Чеховой к рецензии-пародии Ч-ва на один из спектаклей. Покупка имения на Украине (упом. Линтваревы и Смагины). Ч. собирает пожертвования в пользу голодающих в Нижегородской губ. (упом. Е. П. Егоров). Участие М. К. Заньковецкой в поисках хутора в Черниговской губ. Покупка Мелихова у художника Н. П. Сорохтина. Банковский долг Ч-ва. Переезд в Мелихово 5 марта 1892 г.

13) Моя подруга Лика.— «Москва», 1958, № 6, стр. 211—214.

Годы: 1880-е — 1904.

Содержание. М. П. Чехова знакомится с Ликой Мизиновой — учительницей женской гимназии Ржевской в Москве. Первая встреча Мизиновой с Ч-вым в доме на Садовой-Кудринской. Мизинова на даче под Алексином и в Мелихове. Отношения Ч-ва и Мизиновой; их переписка. Письмо Мизиновой к М. П. Чеховой из Парижа. Отражение романа Мизиновой и Потапенко в «Чайке»; черты жены Потапенко в чеховской Аркадиной. Мизинова на спектаклях «Чайки» в Александринском и Художественном театрах. Фотография Мизиновой с надписью Ч-ву от 11 октября 1898 г. Мизинова в день похорон Ч-ва.

14) 〈Воспоминания в записи Ю. К. Авдеева.〉 Ю. К. Авдеев. Памяти М. П. Чеховой.— А. П. Чехов. Сборник статей и материалов. Ростов н/Д, 1959, стр. 314—315.

Годы: 1892—1899.

Содержание. Быт и хозяйство в Мелихове. Огород «юг Франции». Ч. сажает розы под окнами своего кабинета. Песня мелиховских девушек (упом. «Мужики»). Мелиховский пейзаж работы И. Э. Браза. Одни из последних вечеров в Мелихове.

15) <Воспоминания в передаче Е. Б. Меве.> — Е. Б. Мева. Страницы из жизни А. П. Чехова. Харьков, 1959, стр. 65. Рассказано в 1940 г.

Год: 1900.

Содержание. Больной учитель из-под Таганрога, приехавший к Ч-ву в Ялту для лечения (упом. доктор Гоффбаум).

16) Из далекого прошлого. (Литературная запись Н. А. Сысоева).— «Учительская газета», 1960, № 12, от 28 января.

Годы: 1897—1899.

Содержание: Участие М. П. Чеховой в постройке Мелиховской школы (упом. Левитан, Е. Коновицер). Денежный вклад Ч-ва. Отношение Ч-ва к детям. Обучение грамоте горничных в доме Чеховых (цит. мелиховский дневник П. Е. Чехова). Советы Ч-ва С. И. Бычкову в связи с его попытками заняться литературой. Участие Ч-ва в переписи населения. Шутка Ч-ва о получении им ордена Станислава 3-й степени.

167. *Чириков* Евгений Николаевич (1864—1932), писатель.

1) Девушка с цветами. (Из воспоминаний о Чехове).— «Сполохи» (Берлин), 1922, № 12, стр. 38—40. Ср.: Встречи с Чеховым и другими писателями. Отрывки воспоминаний.— «Сегодня» (Рига), 1927, № 14, от 19 января.

Ср. Фридкес, № 199.

2) Мое участие в группе «Знание». (Отрывки воспоминаний).—«Сегодня» (Рига), 1927, № 15, от 20 января.

Год: 1898.

Содержание. Ч. дарит Чирикову две свои книжки с автографом (неизвестны).

3) Перелом в моем творчестве. (Отрывки воспоминаний).— «Сегодня» (Рига), 1927, № 20, от 26 января.

Ср. Фридкес, № 200.

168. *Читау-Кармина* (по сцене Читау 2-я) Мария Михайловна (род. 1861), актриса Александринского театра.

Премьера «Чайки». Из воспоминаний актрисы.— «Звено» (Париж), 1926, № 201.

Год: 1896.

Содержание. Распределение ролей «Чайки» в Александринском театре (упом. А. С. Суворин и актеры: Савина, Дюжикова 1-я, Абаринова, Давыдов, Варламов, Аполлонский, Сазонов). Ч. телеграфирует, что не может быть на считке пьесы (тел. неизвестна). Отказ Савиной от роли Нины Заречной. Попытки Давыдова давать указания актерам до приезда Ч-ва. Интерес актеров к тому, как публика примет монолог Нины Заречной в исполнении Комиссаржевской. Недоразумения в период подготовки спектакля. Работа Комиссаржевской над ролью. Приезд Ч-ва за несколько дней до спектакля. Ч. не делает никаких указаний актерам. Слухи перед началом спектакля об отрицательном отношении молодежи к Ч-ву за его аполитичность и дружбу с Сувориным. Провал спектакля. Зрители аплодируют только Комиссаржевской. Ч. в уборной Левкеевой во время спектакля; его поспешный отъезд из Петербурга. Вызовы автора и актеров после второго представления «Чайки».

169. *Чулков* Георгий Иванович (1879—1940), поэт и беллетрист.

В. Я. Брюсов. Воспоминания 1900—1907 гг.— «Искусство», 1925, № 2, стр. 242—243.

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Ч. в числе посетителей литературного салона В. А. Морозовой.

170. *Шаляпин* Федор Иванович (1873—1938).

Маска и душа. Главы из книги.— Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство. Письма. И. Шаляпина. Воспоминания об отце, т. 1. М., 1957, стр. 323. Первоначально: Ф. И. Шаляпин. Маска и душа. Париж, 1932, стр. 159.

Годы: начало 1900-х.

Содержание. Ч. в присутствии Шаляпина слушает свои рассказы в исполнении Москвина.

171. *Шаляпина* Ирина Федоровна, дочь Ф. И. Шаляпина.

Воспоминания об отце.— Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство. Письма. И. Шаляпина. Воспоминания об отце, т. I. М., 1957, стр. 625 и 650 (написано по рассказам Шаляпина).

Год: 1898 (?).

Содержание. Бунин знакомит Шаляпина с Ч-вым. Отношение Шаляпина к Ч-ву. Знакомство Шаляпина с О. П. Кундасовой у Ч-ва.

172. *Шамкович* Александр Исаакович (псевдоним Сергей Званцев), писатель, сын товарища Чехова по Таганрогской гимназии.

Дело Вальяно. Рассказы о чеховском Таганроге. Ростов н/Д, 1959, стр. 3—5.

Годы: вторая половина 1890-х.

Содержание. Приезд Ч-ва в Таганрог. Внешность Ч-ва. Консилиум в составе врачей: И. Я. Шамковича, Шимановского, Лицына не разрешает Ч-ву переезжать в Таганрог. Простота обращения Ч-ва с людьми.

173. *Шамкович* Исаак Л., таганрогский врач, товарищ Чехова по таганрогской гимназии.

Мои воспоминания.— «Таганрогская правда», 1939, № 160, от 15 июля. Первоначально (частично): «Таганрогский вестник», 1914, № 17, от 19 января (под общим заглавием «Памяти А. П. Чехова») — содержание публичного выступления Шамковича в здании Городского музея и библиотеки в Таганроге 17 января 1914 г. Ср. Фридкес, № 114.

Год: 1879.

Содержание. Здоровый вид Ч-ва-гимназиста. Формальное отношение его к занятиям в гимназии. Участие Ч-ва в выпуске ученического журнала.

174. *Шаповалов* Лев Николаевич (1871—1954), архитектор, построивший дачу Чехова в Ялте.

Как был построен дом Чехова в Ялте.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 431—435.

Годы: 1898—1900.

Содержание. Знакомство с Ч-вым в лавке Синани в Ялте. Простота Ч-ва. Ч. просит Шаповалова построить для него дом. Обсуждение проекта с участием М. П. Чеховой. Участок для дома. Заявление Ч-ва в Ялтинскую уездную земскую управу (приведен текст). Постройка дома и посадка деревьев. Автограф Ч-ва на фотографии, подаренной Шаповалову. Гости в доме Ч-ва. Камин с картиной Левитана «Стога сена в лунную ночь».

175. *Шебуев* (псевдоним Н. Георгиевич) Николай Георгиевич.

Последнее произведение. (Из встреч с А. П. Чеховым).— «Раннее утро», 1909, № 150, от 2 июля (подпись: Н. Георгиевич).

Год: 1904.

Содержание. Встреча с Ч-вым в Художественном театре. Грустная шутка Ч-ва о последнем своем произведении — чахотке.

176. *Шмелев* Иван Сергеевич (1873—1950), писатель.

Как я встречался с Чеховым.— Ив. Шмелев. Избранные рассказы. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1955, стр. 9—41 (в беллетристической форме). Рассказы: «За карасями»; «Книжники... но не фарисеи»; «Веселенькая свадьба». Первоначально: «Возрождение» (Париж), 1934, № 3343, 3354 и 3392, от 29 июля, 9 августа и 16 сентября.

Годы: начало 1880-х.

Содержание. I. «За карасями»: Встреча Шмелева — двенадцатилетнего гимназиста с Ч-вым на рыбной ловле в Мещанском саду в Замоскворечье (упом. И. П. Чехов — надзиратель гимназии). Ч. улаживает конфликт с гимназистами из-за места у пруда. Шутки Ч-ва о карасях. Простота обращения Ч-ва с мальчиками. Упом. записная книжка Ч-ва и рассказ ⟨«Мальчики»⟩. II. «Книжники... но не фарисеи». Дьякон Сергей Яковлевич рассказывает Шмелеву-мальчику о своей встрече с Ч-вым у инспектора гимназии И. П. Веревкина; остроумие Ч-ва за обедом; «Сказки Мельпомены» — дар Ч-ва библиотеке гимназии, где служил И. П. Чехов. Шмелев и его друг Е. Пиуновский встречаются с Ч-вым в доме Веревкина. Ч. и его брат И. П. в гимназической библиотеке. Воспоминания Ч-ва о таганрогской библиотеке (упом. Тургенев, Диккенс, Костомаров). Ч. проверяет начитанность Шмелева и Пиуновского (упом. Жюль Верн, Густав Эмар, Фенимор Купер, Майн-Рид, Загоскин, «Русский Робинзон» Лицына, и т. д.). Ч. обещает устроить Шмелева старшим библиотекарем Румянцевского музея. Встреча Шмелева с Ч-вым в букинистической лавке Соколова на Калужской улице; Ч. спрашивает «Четьи-минеи» и книги о святых. Позднейшие произведения Ч-ва напоминают Шмелеву впечатления о его встречах с писателем. III. «Веселенькая свадьба». У подъезда дома Клименкова в Москве, где жил Ч. Надписи у входа в дом: «Для свадеб и балов» и «Антон Павлович Чехов, врач». Ч. наблюдает мещанскую свадьбу.

177. *Шуваловa* Л. Н., актриса Александринского театра.

⟨Воспоминания в записи Л. Львова.⟩ Л. Львов. Артисты о Чехове. Воспоминания, встречи и впечатления.— «Новости и Биржевая газета», 1904, № 236, от 27 августа. (В публикации инициалы Шуваловой указаны неправильно: А. П.).

Годы: середина 1890-х.

Содержание. Встреча с Ч-вым на юбилейном обеде у актрисы Е. Н. Жулевой. Скромность и простота Ч-ва. Неожиданность провала «Чайки» в Александринском театре для почитателей таланта Ч-ва. Отец мемуаристки о Ч-ве (неточность: пьеса «Дядя Ваня» не была напечатана до постановки «Чайки» в Александринском театре).

178. *Щеглов* (Леонтьев) Иван Леонтьевич (1856—1911).

1) Письмо в редакцию. ⟨Комментарий к письмам Чехова к И. Л. Щеглову, опубликованным в «Петербургском дневнике театрала», 1904, № 29, от 18 июля.⟩— «Петербургский дневник театрала», 1904, № 30, от 25 июля.

Год: 1888.

Содержание. Рукопись пьесы Щеглова «Дачный муж» у Ч-ва. Ч. с семьей на первом представлении этой пьесы в театре Корша. Советы Ч-ва по переделке пьесы, учтенные Щегловым при ее переиздании под названием «На летнем положении».

2) Из воспоминаний об Антоне Чехове.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 137—174. Опущены две заключительные главы, бывшие в первоначальной публикации, но не содержащие фактических сведений (гл. V. «Чехов в письмах и беседах» и гл. VI. «На могиле Чехова»).

См. Фридкес, № 206. Вариант части воспоминаний со сведениями о «Силе гипнотизма» см. в кн.: Ив. Щеглов. Жизнь вверх ногами. Новые веселые рассказы. СПб., 1911, стр. 215—217 (предисловие к водевилю, «реставрированному» мемуаристом).

3) ⟨Автобиография.⟩ — Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911 (под заглавием: «Иван Леонтьевич Щеглов (Леонтьев)»), стр. 101.

Год: 1904.

Содержание. Тяжелая полоса в жизни Щеглова, наступившая в связи со смертью Ч-ва.

4) Из дневника.

См. публикацию дневника Щеглова в настоящем томе.

179. *Щепкина-Куперник* Татьяна Львовна (1874—1952).

1) ⟨Автобиография.⟩ — Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911 (под заглавием: «Татьяна Львовна Щепкина-Куперник»), стр. 72.

Годы: 1890-е.

Содержание. Духовная поддержка Ч-вым Щепкиной-Куперник в ее литературной юности.

2) О Чехове.— Чехов в воспоминаниях современников, стр. 301—335. То же: Т. Л. Щепкина-Куперник. Из воспоминаний. М., ВТО, 1959, стр. 337—367. Первоначально: Чехов в воспоминаниях современников, 1947, стр. 197—233. Написано в 1945 г. на основе старых воспоминаний (см. Фридкес, № 208). Ср. Т. Л. Щепкина-Куперник. Театр в моей жизни. М.— Л., 1948, стр. 304—331 (глава: «А. П. Чехов»).

Годы: 1890-е — 1904.

Содержание. Знакомство Щепкиной-Куперник через Мизинову с семьей Чеховых. Литературная жизнь Москвы того времени. Приезды Ч-ва — «Авелана» — в Москву. Встречи в редакциях «Артиста», «Русских ведомостей», «Русской мысли» (упом. Ф. А. Куманин, М. А. Саблин, В. А. Гольцев, Д. И. Тихомиров, фотограф Трунов). Фотография с изображением Ч-ва, Щепкиной-Куперник и Л. Б. Яворской. Брелок с надписью: «Одинокому весь мир — пустыня». Любовь Ч-ва к садоводству. Дневник П. Е. Чехова (приведены записи). Ч. в Москве и Мелихове. Поездки автора в Мелихово. Положение П. Е. Чехова в семье. Рассказы Е. Я. Чеховой о молодости Ч-ва. Дружба Ч-ва с сестрой. Братья Иван и Михаил. Проводы Ч-ва за границу. Ч. и природа. Врачебная деятельность Ч-ва в Мелихове. Лечение от тифа В. Я. Зеленина. Ч.—студент. Слава о врачебном искусстве Ч-ва за пределами Мелихова. Ч. собирает средства для санитарного участка во время приближения холеры. Рецепты Ч-ва. Ч. советует Щепкиной-Куперник изучать медицину. Впечатления А. Ф. Кони от книги «Остров Сахалин»; влияние этого произведения на сахалинские порядки. Поездка Ч-ва в Нижегородскую губ. во время голода. Помощь Ч-ва населению Лопасненского округа и Таганрога. Скупые высказывания Ч-ва о своей литературной работе. Шутки Ч-ва. Монолог, написанный им, для пьесы «День писательницы». Импровизация Ч-ва — замысел водевиля, кончающегося смертью героя. Выражение «мутный источник» в семье Чеховых. Таксы Бром и Хина. Литературные советы Ч-ва Щепкиной-Куперник. Отсутствие у Ч-ва чувства профессиональной зависти. Ч. читает «Чайку» в гостиной у Л. Б. Яворской. Непонимание слушателями пьесы (отзыв Ф. А. Корша); впечатление автора воспоминаний от пьесы. Черты, взятые с натуры, в образах Аркадиной, Маши, Нины Заречной. Ссора и примирение Ч-ва с Левитаном в связи с рассказом «Попрыгунья». Рассказ Щепкиной-Куперник «Старшие», изображающий взаимоотношения Левитана с Кувшинниковыми. Премьера «Чайки» в Художественном театре и телеграмма Щепкиной-Куперник Ч-ву (упом. Н. Е. Эфрос). Ч. об игре артистов в пьесе «Три сестры». Настроение Ч-ва в письмах из Ялты. Заграничные впечатления Ч-ва (отзыв о природе Аббации). Крайности в эстетических представлениях Ч-ва (упом. М. Н. Ермолова). Любовь Ч-ва к музыке (упом. Бетховен, Чайковский, Глинка). Серенада Брага в исполнении Мизиновой. Последняя встреча с Ч-вым в Москве (упом. Книппер и Немирович-Данченко). Ч. о будущей судьбе своих произведений.

180. *Щербина* Ф.

Кавказские письма. А. П. Чехов о казаках.— «Южные записки» (Одесса), 1904, № 44, от 10 октября.

Год: 1892.

Содержание. Знакомство с Ч-вым ⟨в Нижегородской губ.⟩ во время голода. Медицинские советы Ч-ва больному Щербине. Их совместная работа по оказанию помощи

голодающим крестьянам. Взгляды Ч-ва на крестьянство. Отсутствие ложного пафоса в его суждениях о бедности крестьян. Широта социальных интересов Ч-ва; знание им жизни мещан, дворовых, казаков и т. д. Особый интерес Ч-ва к положению казаков. Его беседа с Щербиной о кубанском и донском казачестве.

181. *Щукин* Сергей Николаевич (1873—1931), священник и литератор.

〈Беседа с А. Рудиным.〉 — «Ялтинский вестник», 1914, № 1433, от 2 июля. Ср. Фридкес, № 210.

Годы: 1898 — 1900-е.

Содержание. Щукин, в то время учитель церковно-приходской школы в Ялте, знакомится с Ч-вым в доме Иловайской. Ч. собирает деньги в пользу голодающих. Доброта и внимание Ч-ва к Щукину. Участие Ч-ва в судьбе незнакомых лиц (имеется в виду просьба учителя Ялтинского городского училища Г. П. Неклюкова — см. XX, 433; упом. Альтшуллер, Харкеевич, Горький).

182. *Эфрос* Николай Ефимович (1867—1923), театральный критик.

1) Детство Художественного театра (Из воспоминаний и бесед).— «Московский Художественный театр. Исторический очерк его жизни и деятельности», т. I (1898—1905 гг.). Изд. 2. М., 1914, стр. 28—30, 32.

Годы: 1899—1900-е.

Содержание. Ч. на спектакле «Чайка», поставленном для него Художественным театром в помещении театра «Парадиз» (со слов актеров). Актеры чувствуют в нем «театрального человека». Станиславский рассказывает Эфросу о замечании, сделанном Ч-вым ему как исполнителю роли Тригорина. Ч. об интеллигентности актеров Художественного театра. Радостные воспоминания Ч-ва об исполнении Комиссаржевской роли Нины Заречной и недовольство его игрой М. Л. Роксановой в этой роли. Чтение пьесы «Дядя Ваня» в присутствии автора и его указания по поводу внешности Войницкого. Станиславский о «сверчках» в «Дяде Ване». Ч. на спектаклях Художественного театра в Севастополе («Дядя Ваня», «Чайка», «Гедда Габлер», «Одинокие»). Станиславский о значении спектакля «Одинокие» для драматургии Ч-ва.

2) «Три сестры». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра. Под ред. В. И. Немировича-Данченко. Пг., 1919, стр. 40—41.

Годы: 1903—1904.

Содержание. Негодование Ч-ва по поводу заметки Эфроса о «Вишневом саде» в газете 〈«Новости дня»〉. Ошибка в заметке — не по вине Эфроса. Возобновление теплых отношений между Ч-вым и Эфросом.

3) «Вишневый сад». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра. Под ред. В. И. Немировича-Данченко. Пг., 1919, стр. 63—75 (глава: «Чествование А. П. Чехова»).

Год: 1904.

Содержание. Ч. во время чествования его в Художественном театре 17 января. Адреса, прочитанные в этот вечер — от Общества любителей российской словесности, от «Русских ведомостей», «Русской мысли», 〈«Детского чтения»〉 и Малого театра. (упом. А. Н. Веселовский, В. А. Гольцев, Д. И. Тихомиров, Г. Н. Федотова). Речь Немировича-Данченко. Впечатления Ч-ва. Все выступления цитируются.

4) В. И. Качалов. Фрагмент. Пг., 1919, стр. 46.

Год: 1900.

Содержание. Ч. на одной из первых репетиций пьесы Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Знакомство с Качаловым. Трудности в работе Качалова над ролью Рубека. Ч. чувствует в Качалове будущего большого актера.

183. *Юрьев* Юрий Михайлович (1872—1948), артист Александринского театра.

Записки. М.—Л., «Искусство», 1948, стр. 425—432 (в главе «В. Ф. Комиссаржевская»). Первоначально: Ю. М. Юрьев. Записки, т. II. М.—Л., 1945, стр. 300 — 308; частично: «Театр», 1939, № 8, стр. 128—131 (Первый спектакль «Чайки»).

Год: 1896.

Содержание. Ч. на репетициях «Чайки» в Александринском театре. Авторская скромность Ч-ва. Знакомство Юрьева с Ч-вым на обеде у актрисы Е. Н. Жулевой; простота и обаятельность Ч-ва. Впечатление Ч-ва от игры Комиссаржевской на генеральной репетиции. Ч. об игре В. Н. Давыдова и К. А. Варламова в спектакле «Иванов». Реакция публики на спектакль «Чайка». Суворин среди зрителей. Предложение Ч-ва прекратить спектакль после первого акта. А. А. Тихонов (Луговой) о впечатлениях Ч-ва от генеральной репетиции «Чайки» в Александринском театре (см. № 146). Известие о болезни Ч-ва в связи с провалом пьесы. Успех второго спектакля «Чайки» в Александринском театре и статья Суворина о пьесе.

184. *Яворская* (по мужу Барятинская) Лидия Борисовна (1872—1921).

〈Воспоминания в записи Л. Львова.〉 Л. Львов. Артисты о Чехове.— «Новости и Биржевая газета», 1904, № 240, от 31 августа.

Годы: первая половина 1890-х.

Содержание. Приезды Ч-ва — «Авелана» — в Москву. Ч. в большом обществе и в интимном кружке. Объяснение Ч-ва, почему он предпочитает рассказы пьесам.

Ч. критикует современную сцену и драматургию; мысль об изображении картин обыденной жизни на сцене. Причины провала «Чайки» в Александринском театре. Упом. «Иванов».

185. *Яковлев* Анатолий Сергеевич.
А. П. Чехов. (Воспоминания).—«Русский листок», 1904, № 200 и 201, от 21 и 22 июля (за подписью: Язон).
См. публикацию воспоминаний Яковлева в настоящем томе.

186. *Ялтинские жители.*
〈Устные воспоминания, в передаче А. Порошина.〉 А. Порошин. На Крымской ривьере. II. Ялта и Чехов. Могила Мачтета.—«Южные записки» (Одесса), 1904, № 33, от 25 июля.
Годы: конец 1890-х—начало 1900-х.
Содержание. Многочисленные и разнообразные просьбы жителей Ялты к Ч-ву

Упоминания о рукописях воспоминаний, хранящихся в архивах СССР и у частных лиц

1) *Бучинская* З. Н. Воспоминания о Чехове. ЦГАЛИ.— Летопись, стр. 514.
2) *Зембулатов.* И. В. Воспоминания. Собрание И. В. Федорова (Москва). — И. В. Федоров. А. П. Чехов и его университетские товарищи в их взаимоотношениях и переписке.—А. П. Чехов. Статьи. Исследования. Публикации. Ростов н/Д, 1954, стр. 51.
3) *Ковалевский* М. М. Воспоминания. Архив АН СССР.— Летопись, стр. 486, 500, 645—646 и 653.
4) *Коварский* И. М. Воспоминания. ЦГАЛИ.— Сборник документов и материалов, 1947, стр. 228.
5) *Куркин* П. И. А. П. Чехов в моей жизни. Собрание Н. И. Гитович (Москва).— Летопись, стр. 89, 579, 809.
6) *Лядова* (*Терентьева*) Ю. И. Воспоминания. ЛБ.— Летопись, стр. 39—40.
7) *Малинин* Д. Н. А. П. Чехов в Богимове. ЦГАЛИ.— Летопись, стр. 292.
8) *Малышев* Д. С. Воспоминания. ЛБ.— Летопись, стр. 522.
9) *Морозова* З. Г. Воспоминания о Чехове. ЦГАЛИ.— Летопись, стр. 641 и 754.
10) *Остроумов* И. Г. Воспоминания. Собрание А. Шарца (?) (Пермь). А. Шарц. Чехов на Урале. — «Молодая гвардия» (Пермь), 1954, № 82, от 11 июля.
11) *Перевухин* М. К. Воспоминания о Чехове. ЦГАЛИ.— Летопись, стр. 628.
12) *Плотов* М. Е. Воспоминания о Чехове. Гос. Литературный музей.— К. М. Виноградова. Чехов в Мелихове. М., 1959, стр. 63—64.
13) *Розанов* П. Г. Антон Павлович Чехов в 80-х годах. ЦГАЛИ.— 1) И. В. Федоров. Новые материалы о Чехове. Воспоминания П. Г. Розанова.— «Огонек», 1945, № 46-47, стр. 22; 2) Летопись, стр. 89 и 109.
14) *Сахарова* Е. К. Воспоминания о Чехове. ЦГАЛИ.— 1) И. В. Федоров. Воспоминания современников.— «Огонек», 1943, № 25-26, стр. 11; 2) М. Л. Семанова. Чехов в школе. Изд. 2. Л., 1954, стр. 23; 3) Летопись, стр. 99 и 111.
15. *Сериков* С. М. Мои воспоминания о знакомстве с Антоном Павловичем Чеховым. ЦГАЛИ.— Летопись, стр. 478 и 484.
16) *Серповский* Н. Г. Знакомство и встречи с покойным писателем Антоном Павловичем Чеховым. ЦГАЛИ.— 1) И. В. Федоров. Воспоминания современников.— «Огонек», 1944, № 25-26, стр. 11; 2) Летопись, стр. 137.
17) *Шаврова* Е. М. Воспоминания об Антоне Павловиче Чехове. ЛБ.— Летопись, стр. 235—237.
18) *Шамкович* И. Л. А. П. Чехов-гимназист (имеется в виду более подробный вариант, чем опубликованный, см. № 173 нашей библиографии). ЦГАЛИ.— М. Л. Семанова. Чехов в школе. Изд. 2. Л., 1954, стр. 17.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Все ссылки на тексты Чехова даются по изданию: А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. I—XX. М., Гослитиздат, 1944—1951, с указанием только томов (римскими цифрами) и страниц (арабскими).

«Архив А. П. Чехова», вып. I и II — «Архив А. П. Чехова». Краткое аннотированное описание писем к А. П. Чехову, вып. I. М., Соцэкгиз, 1939; вып. II. М., Госполитиздат, 1941.

«Вокруг Чехова» — М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М.—Л., 1933.

М. Горький. Соч.— М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. М., Гослитиздат, 1949—1956.

«Записки», вып. 8, 16, 17 и 21 — «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 8. М., 1941; вып. 16. М., 1954; вып. 17. М., 1955; вып. 21. М., 1959.

А. Куприн. Соч.— А. И. Куприн. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1957—1958.

В. И. Ленин. Сочинения — В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4.

«Летопись» — Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., Гослитиздат, 1955.

«Описание мемуаров» — Л. Фридкес. Описание мемуаров о Чехове. М.—Л., «Academia», 1929.

«Переписка Чехова и Книппер» — Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер. Ред. и прим. А. В. Дермана, т. I. М., изд. «Мир», 1934; т. II. М., Гослитиздат, 1936.

Письма Чехова — Письма А. П. Чехова. Под ред. М. П. Чеховой, т. I — VI. М., 1912—1916.

Полное собрание сочинений Чехова — А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. I — XX. М., Гослитиздат, 1944—1951.

«Сборник документов и материалов», 1947.— А. П. Чехов. Сборник документов и материалов. Под редакцией А. Б. Дермана. М., Центрархив, 1947.

«Слово»— «Слово». Сборник 2. М., 1914.

Собр. соч. 1929— А. П. Чехов. Собрание сочинений в 12 томах. Приложение к журналу «Огонек». М., 1929.

Собр. соч. 1930—1933 — А. П. Чехов. Полное собрание художественных произведений в 12 томах. ОГИЗ, 1930—1933.

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

ГПБ — Государственная Публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИМЛИ — Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив (Москва).

ЦТМ — Центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина (Москва).

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

I. ПОРТРЕТЫ ЧЕХОВА

Чехов. Фото 1885 г. с дарственной надписью И. И. Левитану. ДЧМ — стр. 163.
Чехов. Фото с дарственной надписью К. А. Каратыгиной 1889 г. ИРЛИ — стр. 579.
Чехов. Фото с дарственной надписью П. А. Гайдебурову 1892 г. Собр. А. Л. Лесса, Москва — стр. 545.
Чехов. Портрет маслом Н. И. Кравченко, 1895 г. ИРЛИ — стр. 191.
Чехов. Фото с дарственной надписью А. А. Хотяинцевой, 1897 г. ДЧМ — стр. 609.
Чехов. Фото 1897—1898 гг. ГЛМ — стр. 437.
Чехов. Рис. А. А. Хотяинцевой, 1898 г. ГЛМ — стр. 607.
Чехов. Репродукция с портрета маслом работы И. Э. Браза 1898 г. Экземпляр с дарственной надписью художника М. П. Чеховой. ГЛМ — стр. 203.
Чехов. Рис. А. А. Хотяинцевой, 1899 г. ГЛМ — стр. 606.
Чехов. Фото, 1890-е годы. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспр. с фотоотпечатка из собр. Н. И. Гитович, Москва — стр. 311.
Чехов. Силуэт, сделанный А. А. Хотяинцевой в конце 1890-х годов на листе, использованном Чеховым для письма к О. Л. Книппер 23 августа 1901 г. ЛБ — стр. 619.
Чехов. Фото 1900 г. Ялта. ГЛМ — стр. 453.
Чехов. Фото 1900 г. с дарственной надписью И. А. Бунину 1901 г. БП — стр. 397.
Чехов. Фото с дарственной надписью М. А. Самаровой 1900 г. ЦТМ — стр. 837.
Чехов. Фото с дарственной надписью К. С. Станиславскому 1900 г. МХТ — стр. 5.
Чехов. Фото Ф. О. Опитца, 1901 г., МХТ — стр. 49.
Чехов. Фото Ф. О. Опитца, 1901 г., МХТ — стр. 483.
Чехов. Фото Ф. О. Опитца с дарственной надписью А. Л. Вишневскому 1902 г. Собр. А. А. Вишневского, Москва — стр. 269.
Чехов. Фото Ф. О. Опитца, 1901 г., с дарственной надписью Л. М. Леонидову 1904 г. Собр. Ю. Л. Леонидова, Москва — стр. 275.
Чехов. Акв. В. А. Серова, 1901—1902 гг. ДЧМ — стр. 155.
Чехов. Портрет маслом работы П. А. Нилуса, начат в 1902 г.—окончен после смерти писателя. ДЧМ — стр. 669.
Чехов. Рис. Н. З. Панова, 1903 г. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспр. с репродукции — «Живописное обозрение», 1904, № 40— стр. 367.
Чехов. Фото 1903 г. Собр. А. Л. Лесса, Москва — стр. 685.
Чехов. Рис. И. К. Крайтора, 1902—1904 гг. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспр. с фотогелиогравюры — стр. 91.
Чехов. Бюст работы Н. Шлейфера, установленный в Баденвейлере в 1908 г. Фото с подписью скульптора. ГЛМ — стр. 595.
Чехов. Проект памятника (гипс) работы Н. А. Андреева, 1930—1931 гг. ГТГ — стр. 589.

---

* Список условных сокращений:

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва — ЛБ.
Государственная Публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград — ГПБ.
Государственная Третьяковская галерея, Москва — ГТГ.
Государственный Исторический музей, Москва — ГИМ.
Государственный Литературный музей, Москва — ГЛМ.
Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва — ЦТМ.
Дом-музей А. П. Чехова в Москве (филиал Государственного Литературного музея) — ДЧМ.
Дом-музей А. П. Чехова в Ялте (филиал Библиотеки СССР им. В. И. Ленина) —МЧЯ.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград — ИРЛИ.
Литературный музей А. П. Чехова в Таганроге — МЧТ.
Музей Московского Художественного академического театра им. А. М. Горького — МХТ.
Собрание В. Н. Буниной, Париж — БП.
Центральный Государственный архив литературы и искусства, Москва — ЦГАЛИ.

ГРУППОВЫЕ ПОРТРЕТЫ

«Редакционный день „Будильника“» (Чехов среди сотрудников редакции «Будильника»). Рис. М. М. Чемоданова (Лилина).— «Будильник», 1885, № 12 — стр. 113.

Чехов среди своих ялтинских знакомых. Фото 1899 г. Изображены также: Н. М. Белинская (учительница ялтинской женской гимназии), В. К. Харкеевич (начальница той же гимназии), В. Н. и М. Н. Харкеевич (муж и невестка В. К. Харкеевич). ГЛМ — стр. 697.

Чехов и Горький. Фото 1900 г., снято на даче Чехова в Ялте. Изображены также: И. П. и С. В. Чеховы и их сын Володя Чехов. Музей А. М. Горького, Москва — стр. 615.

Приезд Чехова в Севастополь в связи с гастролями Художественного театра в Крыму. Фото 10 апреля 1900 г. Изображены также: В. Э. Мейерхольд и Вл. И. Немирович-Данченко. МХТ — стр. 441.

Чехов и П. А. Сергеенко. Фото А. П. Сергеенко, 1900 г. Собр. А. П. Сергеенко. Москва — стр. 623.

Чехов и И. А. Бунин. Фото с надписью (на обороте) И. А. Бунина, удостоверяющей, что снимок был сделан в ялтинском доме Чехова в 1902 или 1903 гг. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспр. по пересъемке. БП — стр. 642, 643.

Чехов и Толстой. Рис. И. К. Крайтора, 1902—1904 гг. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспр. с фото, принадлежащего А. К. Крайтор, Москва—стр. 655.

II. АВТОГРАФЫ ЧЕХОВА

«Моя жизнь». Корректурный лист из «Литературных приложений к „Ниве“», 1896, № 10, с восстановленными рукой Чехова цензурными купюрами. ЦГАЛИ — стр. 211.

«Дама с собачкой». Черновая рукопись, 1899 г. Последний лист с пометой И. А. Бунина. ЛБ — стр. 135.

Письмо к Борживою Прусику от 8 января 1900 г., написано на почтовой открытке. Лит. архив Национального музея в Праге — стр. 226, 227.

Письмо к А. П. Сергеенко от 9 октября 1900 г. Написано на почтовой открытке. Собр. А. П. Сергеенко, Москва — стр. 626, 627.

«Три сестры». Беловая рукопись. Лист с началом второго акта; лист с отрывком из четвертого акта, ноябрь — декабрь 1900 г. МХТ — стр. 35, 75.

«Три сестры». Адрес на конверте, в котором была прислана Чеховым в Художественный театр рукопись четвертого акта пьесы, 24 декабря 1900 г. МХТ — стр. 13.

Шуточное письмо к И. А. Бунину от 26 октября 1902 г., написано на почтовой открытке с портретом писателя А. Н. Емельянова-Коханского. ЦГАЛИ — стр. 664, 665.

Письмо к П. А. Сергеенко от 30 июня 1903 г., написано на почтовой открытке с видом Таганрога. ЦГАЛИ — стр. 253.

«Невеста». Беловая рукопись, 1903 г. Листы первый, четвертый и восьмой. ЛБ — стр. 95.

«Вишневый сад». Беловая рукопись добавлений ко второму акту, январь 1904 г. Листы первый и первый об. МХТ — стр. 143.

Письмо к В. А. Маклакову от 26 марта 1904 г., написано на почтовой открытке с видом Таганрога. ГИМ — стр. 257.

III. КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ЧЕХОВА

«Каштанка». Отдельное издание рассказа (СПб., 1897) с дарственной надписью Леле Бессер от 12 марта 1898 г. Собр. В. Г. Лидина, Москва — стр. 271.

«Три сестры». Оттиск из «Русской мысли», 1901, № 2 с дарственной надписью А. Л. Вишневскому. Собр. А. А. Вишневского, Москва — стр. 53.

«Пьесы» (СПб., 1897) с дарственной надписью В. А. Гольцеву от 6 июля 1899 г. Собр. Ю. С. Гольцевой, Москва — стр. 231.

«Иванов». Оттиск из «Северного вестника», 1889, № 3 с дарственной надписью В. Н. Давыдову от 1 апреля 1889 г. ЦТМ — стр. 339.

«Рассказы» (СПб., 1901) с дарственной надписью В. И. Киселеву от августа 1901 г. Местонахождение книги неизвестно. Воспр. с фото из собр. Н. А. Роскиной, Москва — стр. 465.

«Пестрые рассказы» (СПб., 1895) с дарственной надписью И. И. Левитану от 22 августа 1897 г. ГЛМ — стр. 277.

«В сумерках» (СПб., 1887) с дарственной надписью А. П. Ленскому от 8 апреля 1888 г. Собр. Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва — стр. 331.

«Повести и рассказы» (М., 1894) с дарственной надписью Н. Н. Оболонскому от 7 октября 1896 г. ГЛМ — стр. 197.
«Дуэль» (СПб., 1892). Первое отдельное издание повести с дарственной надписью П. М. Свободину от 4 февраля 1892 г. Собр. В. Г. Лидина, Москва—стр. 181.
«Дуэль» (СПб., 1895). Отдельное издание повести с дарственной надписью А. Л. Селивановой-Краузе от 5 января 1897 г. ГЛМ — стр. 673.
«Рассказы» (СПб., 1901) с дарственной надписью С. Г. (Петрову) Скитальцу от 3 июня 1902 г. ЦГАЛИ — стр. 285.
«Скучная история». Оттиск из «Северного вестника», 1899, № 11, с дарственной надписью А. И. Сумбатову-Южину. Собр. И. С. Зильберштейна, Москва — стр. 349.
«Хмурые люди» (СПб., 1896) с дарственной надписью З. В. Чесноковой от 6 января 1897 г. Собр. Э. Ф. Ципельзона, Москва — стр. 289.
«Сказки Мельпомены» (М., 1884) с дарственной надписью М. П. Чеховой от 12 июня 1884 г. ЦГАЛИ — стр. 159.
«Рассказы» (СПб., 1896) с дарственной надписью А. И. Эртелю от 25 февраля 1897 г. ЛБ — стр. 471.

IV. КНИГИ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ЧЕХОВА И ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Куприн А. И. Рассказ «В цирке». Отдельный оттиск из «Мира божьего», 1902, № 1, с дарственной надписью автора Чехову. МЧТ — стр. 373.
Лейкин Н. А. Повесть «Записки Полкана» (СПб., 1897) с дарственной надписью автора Чехову от 25 февраля 1897 г. МЧТ — стр. 207.
Плещеев А. Н. «Стихотворения 1846—1886 гг.» (М., 1887) с дарственной надписью автора Чехову от 11 декабря 1887 г. МЧТ — стр. 303.
Steinlen. Dans la vie (Paris, 1901) с дарственной надписью Горького Чехову. МЧЯ — стр. 457.
Чехов А. П. «Иванов» (М., 1887). Литографированное издание. Цензурный экземпляр. Титульный лист с надписью Чехова и разрешением цензора к постановке от 8 декабря 1887 г. ЦТМ — стр. 171.
Чехов А. П. «Три сестры». Цензурный экземпляр. Титульный лист с разрешением к постановке от 18 декабря 1900 г. МХТ — стр. 25.
Чехов А. П. «Три сестры» (СПб., 1901). Первое отдельное издание. Обложка с портретами участников первого представления пьесы — стр. 39.
Чехов М. П. Рассказ «Полтораста верст». Оттиск из журнала «Родник», 1889, № 7 с дарственной надписью автора Чехову от 5 сентября 1889 г. Дом-музей Чехова в Мелихове. Ранее в собр. С. М. Чехова, Москва — стр. 869.

V. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ЧЕХОВА

Вишневый сад. Акв. А. А. Хотяинцевой на мотивы пьесы Чехова, 1890-е годы. МЧЯ — стр. 659.
«Дама с собачкой». Акв. Кукрыниксов, 1945—1946 гг. ГТГ — стр. 138, 139, 591.
«Дом с мезонином». Акв. Д. А. Дубинского, 1954 г. ГТГ — стр. 387, 413.
«Женевьева Брабантская. Буффонада в 4-х действиях и 9 картинах». Рис. Н. П. Чехова.— «Зритель», 1883, № 10 — стр. 120—122.
«Злоумышленник». Акв. К. П. Ротова, 1929 г. ГЛМ — стр. 381.
«Калиостро, великий чародей, в Вене». Рис. Н. П. Чехова.— «Зритель», 1883, № 3 — стр. 119.
«Каштанка». Рис. Натали Парэн. Французское издание рассказа. Париж, 1934 — стр. 731.
«Моя семья». Рис. неизв. художника.— «Зритель», 1883, № 19 — стр. 124—128.
«Невеста». Акв. Д. А. Дубинского, 1952—1953 гг. ДЧМ — стр. 101.
Рис. В. М. Конашевича, 1924 г. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспр. с негатива ГЛМ — стр. 403.
«Палата № 6». Литогр. Тони Кристианс. Французское издание рассказа. Париж, 1945 — стр. 715.
«Спать хочется». Акв. Кукрыниксов, 1941 г. ГТГ — стр. 325.
«Степь». Акв. Кукрыниксов, 1941 г. ГТГ — стр. 315.
«Тоска». Акв. Кукрыниксов, 1941 г. ГТГ — стр. 495.
«Три сестры». Грав. из американского издания «The Plays of Tchekhov», N. Y., 1935 — стр. 569.
«Чайка». Грав. из американского издания «The Plays of Tchekhov», N. Y., 1935 — стр. 565.

VI. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЧЕХОВА И РАБОТЫ О ЧЕХОВЕ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

«Ариадна». «Ariadna. Sieben Geschichten von der Liebe» («Ариадна. Семь рассказов о любви»). Leipzig, 1954. Суперобложка с рис. Михаэля Лиссмана — стр. 359.
«Дядя Ваня». A. P. Čechov. Strýček Váňa. Praha, 1906. Брошюра на чешском языке, выпущенная к гастролям Московского Художественного театра в Праге, апрель 1906 г. Обложка с портретом О. Л. Книппер в роли Елены Андреевны — стр. 767.
Избранные пьесы Чехова. Best plays by Chekhov. The Sea Gull. Uncle Vanya. The Three Sisters. The Cherry Orchard. New York, 1956. Американское издание. Обложка — стр. 71.
Избранные пьесы Чехова. A. P. Čehov. Teatru. Pescăruşul. Unchiul Vania. Trei Surori. Livada de vişini. Bucureşci, 1956. Румынское издание. Обложка и шмуцтитул к «Трем сестрам» с грав. С. Сандуловичи — стр. 81, 83.
Избранные рассказы Чехова. A. P. Čechov. Celá rus. výbor z povidek. V Praze, 1950. Чешское издание. Обложка с рис. Властимила Рады — стр. 773.
«Каштанка». Kaschtanka. Erzählung von A. P. Tschechow. Wien, 1955. Австрийское издание.
Обложка с рис. Лео Фридриха — стр. 335.
«Каштанка». Китайское издание. Шанхай, 1953. Обложка—стр. 675.
«Каштанка». Chataigne, Paris, 1934. Французское издание. Обложка с рис. Натали Парэн — стр. 730.
«Лев и Солнце» Anton Tschechow. «Der Persische Orden» und andere Grotesken. («Персидский орден»). Berlin, 1922. Сборник рассказов Чехова на немецком языке. Титульный лист и фронтиспис с грав. В. Н. Масютина — стр. 355.
«Палата № 6». Salle № 6. Paris, 1945. Французское издание. Титульный лист — стр. 714.
«Степь». Antoni Czechow. Step. Nasza księgarnia. Warszawa, 1950. Польское издание. Обложка с рис. Леопольда Бучковского — стр. 319.
Чешский журнал «Meziakti» от 20 апреля 1901 г. со статьей Б. Прусика о Чехове. Первая страница с портретом писателя — стр. 753.

VII. ЧЕХОВ НА ЗАРУБЕЖНОЙ СЦЕНЕ

«Вишневый сад»
Amsterdam Theatre, Нью-Йорк, 1933 г. Сцена из 4-го акта — стр. 781.
Государственный театр польской армии, Лодзь, 1949 г. Сцена из 2-го акта—стр. 517.
Театр Marigny, Париж, 1954 г. Сцена из 2-го акта — стр. 720.
«Дядя Ваня»
Программа первого представления пьесы в Пражском Национальном театре, 20 апреля 1901 г.— стр. 761.
Cort Theatre, Нью-Йорк, 1930 г. Сцена из 1-го акта, стр. 780.
«Иванов»
Théâtre d'Aujourd'hui, Париж, 1956 г. Сцена из 2-го акта — стр. 725.
Афиша спектакля в Renata Theatre, Нью-Йорк, 1958 г., стр. 795.
«Платонов»
Théâtre National Populaire, Париж, 1956 г. Сцены из 2-го акта — стр. 737, 741.
«Три сестры»
Ethel Barrymore Theatre, Нью-Йорк, 1942 г. Сцены из 1-го и 3-го актов—стр. 788, 789.
Театр им. Ю. Словацкого, Краков, 1949 г. Сцена из 1-го акта — стр. 79.
Théâtre de l'Oeuvre, Париж, 1954 г. Сцены из 1-го и 4-го актов — стр. 707, 709.
«Чайка»
Schubert Theatre, Нью-Йорк, 1938 г. Сцена из 1-го акта — стр. 785.
Phoenix Theatre, Нью-Йорк, 1954 г. Сцена из 4-го акта — стр. 791.
Théâtre de l'Atelier, Париж, 1955 г. Сцена из 2-го акта — стр. 721.
Программа спектакля пьесы в 4-th Street-Theatre, Нью-Йорк, 1956—1957 гг.— стр. 793.

VIII. ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ ЧЕХОВА

Авилова Л. А. Фото, начало 1880-х годов. Собр. Н. С. Авиловой, Москва — стр. 259.
Альтшуллер И. Н. Фото, 1900-е годы. Собр. Л. И. Альтшуллера, Москва — стр. 691.
Билибин В. В. Фото с дарственной надписью Чехову 1901 г. ГЛМ — стр. 167.
Бунин И. А. Фото с дарственной надписью М. П. Чеховой, начало 1900-х годов. ДЧМ — стр. 409. (Портрет Бунина см. также в группе с Чеховым.)
Варламов К. А. Фото с дарственной надписью Чехову 1889 г. ДЧМ — стр. 515.
Вишневский А. Л. Фото с дарственной надписью Чехову 1899 г. ГЛМ — стр. 513.
Книппер О. Л. Фото с дарственной надписью Чехову 1900 г. МЧЯ — стр. 223. То же — 1903 г. МЧЯ — стр. 57.

Комиссаржевская В. Ф. Фото с дарственной надписью Чехову 1900 г. МЧЯ — стр. 503.
Левитан И. И. Фото с дарственной надписью Чехову 1887 г. МЧЯ — стр. 553.
Мейерхольд В. Э. Фото с дарственной надписью М. П. Чеховой 1900 г. МЧЯ — стр. 423. (Портрет Мейерхольда — см. также в группе с Чеховым.)
Москвин И. М. Фото с шутливой дарственной надписью Чехову 1904 г. ГЛМ — стр. 145.
Немирович-Данченко В. И. Фото с дарственной надписью Чехову 1901—1904 гг. МЧЯ — стр. 29.
Пешкова Е. П. Фото с дарственной надписью Чехову, 1900—1903 гг. МЧЯ — стр. 617.
Плещеев А. Н. Фото, 1880-е годы. МЧЯ — стр. 297.
Репин И. Е. Рис. М. П. Чеховой, конец 1880-х годов. Дом-музей Чехова в Мелихове. Ранее в собр. С. М. Чехова, Москва — стр. 281.
Савицкая М. Г. Фото с дарственной надписью Чехову 1904 г. ГЛМ — стр. 67.
Свободин П. М. Фото с дарственной надписью Чехову 1889 г. МЧЯ — стр. 345.
Станиславский К. С. Фото с дарственной надписью Чехову 1902 г. МЧЯ — стр. 21.
Федоров А. М. Фото, 1900-е годы. Собр. Н. А. Роскиной, Москва — стр. 633.
Чехов П. Е. Рис. М. П. Чеховой, конец 1880-х годов. Дом-музей Чехова в Мелихове. Ранее в собр. С. М. Чехова, Москва — стр. 535.
Чехова Е. Я. Акв. А. А. Хотяинцевой, конец 1890-х — начало 1900-х годов. МЧЯ — стр. 651.
Чехова М. П. Фото, 1890-е годы. ДЧМ — стр. 235.
Шаляпин Ф. И. Фото с дарственной надписью Чехову 1902 г. МЧЯ — стр. 247.
Яворская Л. Б. Фото с дарственной надписью Чехову, 1890-е годы. МЧЯ — стр. 507.

ГРУППОВЫЕ ПОРТРЕТЫ

«Мастерская художников „Будильника"». Чехов Н. П. и Чемоданов (Лилин) М. М. среди художников журнала «Будильник». Рис. Т. Симова.— «Будильник», 1885, № 12 — стр. 533.
Е. Я. и М. П. Чеховы и О. Л. Книппер. Фото М. Т. Дроздовой, 1900 г. Собр. В. П. Дроздовой, Москва — стр. 239.

IX. АВТОГРАФЫ СОВРЕМЕННИКОВ ЧЕХОВА

Короленко В. Г. Запись в дневнике от 6 июля 1904 г., озаглавленная «Смерть Чехова». Листы первый и четвертый. ЛБ — стр. 525.
Куприн А. И. Письмо к Чехову от конца мая 1903 г. ЛБ — стр. 391.
Писарева А. С. Рукопись рассказа «Счастье». Листы первый и пятый с правкой Чехова, 1904 г. ЛБ — стр. 849.
Станиславский К. С. и Тихомиров И. А. Тексты вклеек к режиссерскому экземпляру «Трех сестер», 1900 г. МХТ — стр. 45.
Тихомиров И. А. Правка на листах режиссерского экземпляра «Трех сестер», 1900 г. МХТ — стр. 61.
Чехов М. П. Письмо к Г. М. Чехову от 12 марта 1889 г. Лист первый с рис. московского кабинета Чехова в его квартире на Садовой-Кудринской (теперь Дом-музей Чехова). ГЛМ — стр. 861.
Чехов Н. П. Письмо к Н. Н. Оболонскому от мая 1889 г. с рис. Н. П. Чехова. ЛБ — стр. 867.
Шаврова Е. М. Рукопись рассказа «Софка» 1889 г. Листы первый и пятый с правкой Чехова. ЦГАЛИ — стр. 841.

X. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

Дом в усадьбе Киселевых «Бабкино» (близ Воскресенска), где Чехов проводил летние месяцы 1885—1887 гг. Акв. Н. П. Чехова. МЧЯ — стр. 561.
Флигель в усадьбе Линтваревых Луке под Сумами, где летом 1889 г. жил Чехов. Акв. М. П. Чехова. ДЧМ — стр. 859.
План усадьбы Луки. Рис. М. П. Чехова в письме к Г. М. Чехову от 29 мая 1889 г. ГЛМ — стр. 864.
План флигеля № 1 в усадьбе Луке, в котором летом 1889 г. жил Чехов. Рис. М. П Чехова в письме к Г. М. Чехову от 29 мая 1889 г. ГЛМ — стр. 865.
Москва. Кузнецкий мост
Охотный ряд
Садовая улица
Университет.
Фото 1880-х годов из альбома: «Москва. Вид некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений». Музей истории и реконструкции Москвы — стр. 177, 187, 461.

Дача Чехова в Ялте. Акв. строителя дачи архитектора Л. Н. Шаповалова с его дарственной надписью А. Л. Лессу, 1954 г. Собр. А. Л. Лесса, Москва—стр. 243.
Дом Чехова в Ялте. Фото, около 1900 г. ГЛМ — стр. 647.
Баденвейлер. Гостиница, в которой умер Чехов. Рис. М. В. Добужинского, 1929 г. Сделан в связи с двадцатипятилетием со дня смерти писателя. МХТ — стр. 527.
У могилы Чехова на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве. Фото 1909—1914 гг. Местонахождение оригинала неизвестно. Воспр. с фотоотпечатка ГЛМ — стр. 583.

XI. КАРТИНЫ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

«Осень». Картина маслом И. И. Левитана с дарственной надписью художника Л. С. Мизиновой, 1892 г. Частное собр., Москва — стр. 549.
«В гости». Картина маслом М. С. Пырина (1899 г.), привлекшая внимание Чехова на XXVIII Передвижной выставке, 1900 г. ГТГ — стр. 879.

XII. КАРИКАТУРЫ А. А. ХОТЯИНЦЕВОЙ

Прогулка на извозчике в Ницце. Изображены: Чехов, М. М. Ковалевский и сама художница.
Чехов в раздумье над меню в русском пансионе в Ницце.
Баронессы Дершау, обитательницы русского пансиона в Ницце.
За табльдотом в русском пансионе в Ницце.
Акварели, 1897 г. ДЧМ — стр. 215, 219, 610, 611.
Чехов в Третьяковской галерее перед своим портретом, написанным И. Э. Бразом, Акв., 1898 г. ДЧМ —стр. 612.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила И. Е. Гитович

А.— 475.
А. Б. — см. Бонье, Андре.
А. С. — см. Яковлев, Анатолий Сергеевич.
Ал. Ген. (псевд.) — см. Альмединген, Алексей Николаевич.
Арс. Г. (псевд.) — см. Гурлянд, Илья Яковлевич
Абай (Ибрагим) Кунанбаев — XI.
Абаринова, Антонина Ивановна — 230, 231, 924.
Абраам, Поль — 746.
Абраам, Пьер — 743.
Абрамов, Яков Васильевич — 338, 341—43.
Абрамова, Мария Морицевна — 347,348, 350, 354, 356, 857, 904, 920.
Абрикосов, Алексей Иванович — 886.
Авдеев, Юрий Константинович — 900, 923.
Авенариус, Василий Петрович — 744.
Аверкиев, Дмитрий Васильевич — 361, 592, 593.
Авилова, Лидия Алексеевна — 149, 150, 205, 259—61, 363, 402, 502, 504—06, 508—10, 522, 639, 640, 678, 700, 743, 790, 799, 804, 827, 835, 881, 886, 905.
Авилова, Наталья Сергеевна — 259, 260.
Авсеенко, Василий Григорьевич — 510.
Агали, Олимпиада Дмитриевна — 265, 267.
Аганьев, Николай Федорович — 886.
Агафопод (псевд.) — см. Чехов, Александр Павлович.
Агранов, переводчик — 356.
Адасовская, Мария Константиновна — см. Заньковецкая, М. К.
Адасовский, Константин Константинович — 587.
Адасовские, семья — 587.
Адонц, Гайк Георгиевич — 916.
Адурская, Антонина Федоровна — 448.
Азанчевский, Б. М., композитор — 920.
Азов (псевд.) — см. Ашкинази, Владимир Александрович.
Айсэкс, Эдит — 786.
Айхенвальд, Юлий Исаевич — 404.
Аксаков, Иван Сергеевич — 165, 166, 815.
Аксаков, Сергей Тимофеевич — 305.
Алданов, М. (Ландау, Марк Александрович) — 404, 639.
Александр I — 904, 916.
Александр II — 468, 474.
Александр III — 542.
Александр В.—520
Александр Македонский — 662.
Александров, Анатолий Александрович — 488, 492.
Александров, В. (псевд). — см. Крылов, Виктор Александрович.
Александров, Николай Григорьевич — 448.
Александрова, Екатерина Петровна — 577, 580, 585.
Александрович, Ю. (Потеряхин, Александр Николаевич) — 378.
Алексеев, Владимир Сергеевич — 886.
Алексеев, Дмитрий Викторович — 679.
Алексеев, Константин Сергеевич — см. Станиславский, К. С.
Алексеева, Елизавета Васильевна — 662.
Алексеева, Мария Петровна — см. Лилина, М. П.
Алексеевы, семья Станиславского — 696, 886.
Алексей, сторож редакции «Зритель» — 109.
Алексин, Александр Николаевич — 614, 896, 898, 922.
Аликин, Василий Васильевич — 915.
Алоэ (псевд.) — см. Чехов, Александр Павлович.
Алтаев, Ал. (Алтаева-Ямщикова, Маргарита Владимировна) — 895.
Алтухов, Николай Владимирович — 244, 265, 267, 449, 467 — 69, 473, 909.
Альбов, Михаил Нилович — VIII, 149, 152, 161, 166, 189, 263, 482, 494, 496, 498, 524, 528, 646.
Альмединген, Алексей Николаевич — 174.
Альтшуллер, Григорий Исаакович — 223, 702.
Альтшуллер, Исаак Наумович — XIV, 149, 152, 221, 222, 224—26, 234, 250, 258, 284, 379, 380, 466, 522, 658, 679, 681—702, 886, 887, 892, 895, 914, 927.
Альтшуллер, Лев Исаакович — 691, 887.
Альтшуллер, Мария Абрамовна — 224, 225.
Альтшуллеры, семья — 225, 234, 887
Амфитеатров, Александр Валентинович — 404, 524, 667, 702, 759, 887, 907.
Андерсон, Джудит — 788.
Андерсон, Шервуд — 782, 785.
Андреев, Леонид Николаевич — 87, 149, 150, 152, 210, 249, 369, 377, 385, 399—401, 415, 421, 472, 519, 520, 524, 620, 661, 817, 874, 875, 888, 889, 894, 895, 897, 914.

Андреев, Николай, Андреевич —589.
Андреев-Бурлак, Василий Николаевич — 110, 544, 546.
Андреев-Туркин, Михаил Михайлович — 201, 903, 906, 908, 910, 912, 916.
Андреева (рожд. Виельгорская), Александра Михайловна — 399, 415.
Андреева, Мария Федоровна — 39, 252, 448, 874, 882, 887.
Андрушкевич, Александр Петрович — 265, 267.
Анисимова, Александра Максимовна (в письмах Чехова — Александра Ивановна) — 220.
Аничков, Евгений Васильевич—374, 378.
Аничкова (псевд. Иван Странник), Анна Митрофановна — 708, 745.
Анна Васильевна, знакомая Чехова — 520.
Анна Марковна, знакомая Чеховых — 895.
Анна Федосеевна, горничная в доме Дросси — 539.
Анненков, Павел Васильевич — 329.
Анненская, Александра Никитична — 340.
Анненский, Николай Федорович — 459, 461, 525.
Анненский, студент-медик — 461.
Аннин, Е. П., писатель — 836.
Аннин, Павел Абрамович — 183, 187.
д'Аннунцио, Габриэль — 385.
Анреп, Василий Константинович — 458, 475.
Ансеров, Александр Алексеевич — 265, 267.
Антаев, Макс (Максим) (псевд.) — см. Ремезов, Митрофан Нилович.
Антокольский, Марк Матвеевич — 918.
Антонов, Александр Николаевич — 184.
Антуан, Андре — 724.
Анучин, Дмитрий Николаевич —883,888.
Апетян, Заруи Апетовна — 908.
Аполлонский, Роман Борисович — 505, 509, 903, 924.
Апраксин, Антон Степанович—586.
Апухтин, Алексей Николаевич — 541, 914.
Арапов, Виктор Александрович—482,491.
Арбенин, Николай Федорович — 118, 577, 585.
Ардов, Т. (псевд.) — см. Тардов, Владимир Геннадиевич.
Аристархов (псевд.) — см. Введенский Арсений Иванович.
Аристофан — 824.
Арсений — см. Щербаков, Арсений Ефимович.
Арсений Г. (псевд.) — см. Гурлянд, Илья Яковлевич.
Арсеньев, Константин Константинович — 329, 749, 775.
Артем (Артемьев), Александр Родионович— 401, 436, 448, 882, 888, 902, 911.
Артемьев, Вяч. (Лисенко, Вячеслав Константинович) — 526, 899.
Архангельская, Мария Морицевна —562, 574.
Архангельский, Павел Арсентьевич — 149, 562, 574, 920.
Архангельский, Петр Александрович — 180, 181.
Архипов, дачевладелец — 418.
Астафьев, Иван Александрович — 307.
Атава, Сергей (псевд.) — см. Терпигорев, Сергей Николаевич.
Аткинсон, Брукс — 781—86, 789, 792—94, 800.
Ауэзов, Мухтар Омарханович—XI— XII.
Афанасьев, Николай Иванович — 175.
Ашкинази (псевд. Азов), Владимир Александрович — 886.
Ашукин, Николай Сергеевич — 889.

Бабкин, самарский купец — 671.
Бабореко, Александр Кузьмич — 395 — 406, 639.
Багашев, Иван Васильевич — 883, 888.
Багров, Михаил Федорович — 576, 577, 585.
Баженов, Николай Николаевич — 886.
Бажина, Серафима Никитична — 185.
Базаров, Владимир Алексеевич — 175.
Базарова, жена В. А. Базарова — 344.
Базилевич, Петр Андреевич — 449, 469, 470.
Байдалаков, ростовский купец — 537.
Байрон, Джордж Гордон — 184.
Бакст, Андре — 733.
Бакст (Розенберг), Лев Самойлович — 883, 888.
Бакшеев, Василий Николаевич — 878.
Балабанович, Евгений Зенонович — 194, 290, 855—70, 919.
Баландин, А. Н. — 888.
Балашева, Таня — 746.
Балашева, домовладелица — 880.
Балтрушайтис, Юргис Казимирович — 149, 152, 256, 444, 895.
Балухатый, Сергей Дмитриевич — 17, 364, 368, 377, 799, 836, 884.
Бальзак, Оноре де — 6, 14, 42, 43, 484, 728, 791.
Бальмонт, Константин Дмитриевич — 407, 438, 439, 441, 445, 510, 663, 888, 893, 895, 902.
Баранов, Алексей Григорьевич — 183.
Баранов, М. И., писатель — 340.
Баранов, Николай Михайлович — 920.
Барановский, Егор Иванович — 350.
Баранцевич, Казимир Станиславович — VIII, IX, 149, 152, 166, 229, 240, 314, 316, 318, 321, 326, 337, 344, 481, 482, 484, 490, 497, 498, 501, 524, 528, 748, 888, 918.
Барзак, Андре — 721, 733, 738, 746.
Баркер, Гренвиль, — 809.
Барро, Жан Луи — 720, 724, 730—33, 738, 740, 743, 746.
Бартенев, Александр Михайлович — 188.
Барятинская, Мария Владимировна — 245, 489.
Басанин, Марк (Леман, Лидия Алексеевна) — 508.
Батлер, Сэмюэл — 713, 743, 809.
Батюшков, Федор Дмитриевич — 215—17, 265, 267, 268, 370, 378, 386, 389, 390, 392, 393, 525, 526, 888.

Бауэн, Элизабет — 801.
Бегичев, Владимир Петрович — 558—60, 562, 567, 641, 894, 923.
Бегичева, Надежда Владимировна — см. Голубева, Н. В.
Бежецкий, А. (псевд.) — см. Маслов, Алексей Николаевич.
Бежин, Виктор — 906.
Безикович, владелец магазина — 630.
Безобразов, Павел Владимирович — 883, 889.
Безродная, Юлия (псевд.) — см. Яковлева, Юлия Ивановна.
Бейгбедер, Марк — 743.
Бейтс, Герберт Эрнест — 801, 803, 804, 813, 828, 831, 832.
Бекетов, Андрей Николаевич — 171.
Беккер, Карл Фридрихович — 184.
Беленовская, Мария Дормидонтовна — 410, 653, 692.
Белецкий, писатель — 184.
Белинская, Н. М., учительница ялтинской гимназии — 697.
Белинский, Виссарион Григорьевич — 23, 297, 313, 317, 329, 815, 872, 907.
Белинский, Максим (псевд.) — см. Ясинский, Иероним Иеронимович.
Белозерский — 627.
Белоусов, Иван Алексеевич — 398,400, 401, 889, 896, 902, 911, 915, 919.
Белый, Андрей (Бугаев, Борис Николаевич) — 432.
Бельская, артистка театра Лентовского— 118.
Беннет, Арнольд — 801, 802, 804, 806, 807, 809, 821, 829.
Бентли, Эрик — 793.
Берг, сотрудник «Русского вестника» — 328.
Берг, дачевладелец — 225.
Бергсон, Анри — 809.
Березин, дачевладелец—845.
Березина, Ольга Михайловна, см. Соловьева, О. М.
Беренштам, Владимир Вильямович — 904.
Беринг, Морис — 802.
Беркопец, Отон — 771.
Берман, Сэмюэл Н. — 792.
Бернар, Сара — 546, 588, 919.
Бернс, Роберт — 779, 831, 915.
Бертен, Пьер — 734.
Бесс, Кинг Гертруд — 779.
Бессер, Леля — 265, 268, 271.
Бесчинский, Александр Яковлевич — 233.
Бетховен, Людвиг ван — 563, 926.
Бибергаль — 218.
Бибиков, Виктор Иванович — 481, 494, 604, 835.
Бизе, Жорж — 611, 623.
Била, Елизавета — 149, 151, 152, 195, 749 — 51, 775.
Билибин, Виктор Викторович — 111—115, 149—52, 157, 162—73, 190—92, 219, 234, 235, 263, 275, 480—82, 914.
Билибин, управляющий имением — 170.
Билибина, Анна Аркадьевна — 191, 192, 219, 234.
Биркмайр, Роберт — 779, 797.
Бирюков, В. П. — 254.
Бицилли, Петр Михайлович — 377, 639.
Бич-Булат (псевд.) — см. Петров, Александр Адрианович.
Бичер-Стоу, Гарриет Элизабет — 188.
Блага, М.— 773.
Благосветлов, Григорий Евлампиевич — 157.
Блейк, Уильям — 809.
Блок, Жан Ришар — 727.
Блох, Генрих — 628.
Блоха, Кириан — 596.
Боборыкин, Петр Дмитриевич —302, 306, 328, 341, 342, 348, 350, 351, 387, 416, 428, 444, 481, 482, 484, 646, 889, 890, 904.
Бобров, Александр Алексеевич — 910.
Бобровский, Владимир Павлович — 484, 491.
Богаевская, Ксения Петровна — XIV, 872.
Богатов, Николай Алексеевич — 110.
Богатырев, Шоэль Шулимович — 2, 149, 152, 195, 210, 240, 747—76.
Богдан, Лупа (Таврошевич, Антон) — 836.
Богданов, Николай Алексеевич — 110.
Богемский, М. (псевд.) — см. Чехов, Михаил Павлович.
Боголепов, Иван Павлович — 890.
Боголепов, Николай Павлович — 451, 456, 458, 475.
Богораз (псевд. Шайтан), Владимир Германович — 110.
Бойцов, Петр Самойлович — 238, 657.
Бойцова, домовладелица — 238.
Бонье, Андре — 217, 706, 707, 709, 717, 742, 744.
Бонье, Софья Павловна — 201, 245, 408—10, 414, 415, 650.
Бор, Ян — 759.
Борисенко, С. П., таганрогский гимназист — 903.
Борисов, переводчик — 356.
Борисова-Журавлева, Ирина Тимофеевна — 900.
Борн, Георг — 917.
Бородач, Янко — 771.
Борщаговский, Александр Михайлович — 587—92.
Боткин, Василий Петрович — 329.
Боткин, Сергей Петрович — 162.
Боткин, неустановленное лицо — 912.
Боцяновский, Владимир Феофилович — 892.
Брага, Гаэтано — 918, 926.
Браз, Иосиф Эммануилович — 149, 152, 203, 207—09, 218, 612, 630, 889, 920, 923.
Браун, А. Г., помещик — 897.
Браун, Джон Мейсон — 784—786, 790, 792, 798—800.
Браунинг, Роберт — 713, 714, 743.
Бредихин, Федор Александрович — 903.
Брендер, Владимир Александрович — 262, 889.
Бриссон, Пьер — 727, 735, 738, 739, 745.
Брусали, знакомый семьи Дросси — 539
Брусянин, Василий Васильевич — 524, 836.

Бруфорд, Уолтер Орас — 799, 803, 804.
Брюсов, Валерий Яковлевич — 679, 883, 884, 889, 924.
Брюсова, Иоанна Матвеевна — 889.
Брюстер, Дороти — 791, 792, 799.
Брянский (Попов, Александр Михайлович) — 916.
Буайе, Поль — 742.
Будищев, Алексей Николаевич — 505.
Буква (псевд.) — см. Василевский, Ипполит Федорович.
Буланже, Жорж Эрнест — 350.
Буланова, Акулина Александровна — 900.
Булгаревич, Даниил Александрович — 183—87, 197, 594.
Бунин, Иван Алексеевич — VIII, XIV, 135, 137, 188, 260, 261, 265, 268, 364, 369, 370, 371, 377, 394—416, 556, 614, 620, 629, 635, 639—80, 683, 684, 687, 701 783, 787, 799, 881, 883, 888, 889, 892, 895—97, 908, 911, 919, 921, 922, 924.
Бунин, Юлий Алексеевич — 395, 396, 398, 399, 414.
Бунина-Муромцева, Вера Николаевна — XIV, 266, 268, 397, 402, 404, 408, 629, 639, 642, 908.
Бунина (рожд. Чубарова), Людмила Александровна — 400, 663.
Бунины, родители И. А. Бунина — 674.
Бурджалов, Георгий Сергеевич — 228.
Бурейко, Василий Васильевич — 467, 473.
Буренин, Виктор Петрович — 110, 311—13, 327, 333, 341—43, 347, 348, 350, 352—54, 486, 492, 497, 576, 584, 645, 835, 836, 886, 902, 912.
Буриан, Эмиль Франтишек — 771.
Бурцев, Александр Евгеньевич — 130.
Бутаков, Арсений Михайлович — 186, 187, 197, 906.
Бутурлин, Александр Сергеевич — 521.
Бучинская, З. Н., учительница — 928.
Бучковский, Леопольд — 319.
Быков, Петр Васильевич — 404, 496, 640.
Былим-Колосовский, Евгений Дмитриевич — 897, 918, 923.
Быховский, Владимир Владимирович (псевд. Сторонний наблюдатель) — 893.
Бычков, Семен Ильич — 265, 268, 884, 890, 924.

Вагнер, Владимир Александрович — 920, 923.
Вагнер, Екатерина Дмитриевна — 897.
Валах, Густав — 770.
Валери, Поль — 714, 743.
Валишевский, Казимир Феликсович — 706, 745.
Вальтер, Владимир Григорьевич (псевд. Вл. Томатов, Вл. Вольный) — 416, 608, 610—12.
Вальц, артист театра Лентовского — 117.
Вальяно, Григорий Ставрович —117, 123.
Вальяно, артист театра Лентовского — 924.
Ванновский, Петр Семенович — 444, 452, 458, 460, 464, 468, 475.
Варламов, Константин Александрович — 351, 515, 517, 518, 924, 926.
Василевский, Ипполит Федорович — 168, 169, 496, 498.
Василий, работник Суворина — 488, 507.
Василий Феодорович, священник — 265, 268.
Васильев, владелец книжного магазина — 110.
Васильев, знакомый Чехова — 480.
Васильев, Николай Иосифович — 301.
Васильев, Яков Иванович — 439.
Васильева, Вера Сергеевна — 902.
Васин, Н., переводчик — 742.
Васнецов, Виктор Михайлович — 614, 876, 896, 898, 922.
Васюков, Семен Иванович — 890.
Ватсон, Мария Валентиновна — 185, 187, 323.
Ващук (в замужестве Нейштадт), Римма Федоровна — 149, 150, 152, 205, 206, 846.
Введенский, Арсений Иванович — 297, 316, 317, 480, 484, 490, 501.
Вебер, Пьер — 726.
Ведков, Н., поэт — 672, 680.
Вейнберг, Петр Исаевич — 296, 301, 307, 313, 331—333, 352, 361, 481, 487, 657, 890.
Венгеров, Семен Афанасьевич — 884, 890, 909.
Венцель (Ярошевская-Кулжинская) Фаина Филипповна — 882, 890.
Вербов — см. Ведков Н.
Веревкин, И. П., инспектор гимназии — 925.
Вересаев (Смидович), Викентий Викентьевич — 89, 90, 368, 400, 444, 449, 520, 522, 640, 683, 698, 890, 896.
Верещагин, Василий Васильевич — 491.
Вержбицкий, Николай — 901.
Вериков, автор «Военной гимнастики» — 183.
Веркор (Брюллер, Жан) — VI, 734, 743.
Верн, Жюль — 925.
Вернер, бр. (Евгений и Михаил Антоновичи) — 919.
Вернон, Гринвил — 785.
Вернон, Изабел — 783.
Вертхейм, владелец магазина — 616.
Веселовская, Александра Адольфовна — 880.
Веселовский, Александр Николаевич — 388, 657, 658, 679, 701.
Веселовский, Алексей Николаевич — 361, 518, 880, 927.
Вечеслов, Михаил Георгиевич — 149, 151, 152, 213—15.
Вилар, Жан — 736—38, 741, 746.
Виленкин, Виталий Яковлевич — 897.
Вильчинский, Всеволод Пантелеймонович — 149, 152.
Виннер, Томас Г.— XIV, 777—800.
Виноградов, Анатолий Корнилиевич — 893.
Виноградова, Клавдия Михайловна — 133—40, 900, 928.
Винчи, Леонардо да — 714.

Виппер, Роберт Юльевич — 544, 546.
Виргилий (правильно Вергилий) — 286, 683.
Висновская, Мария, артистка — 188.
Витте, Иван Германович — 225, 226, 909, 920.
Витте, Сергей Юльевич — 451, 523.
Вишневский, Александр Александрович — 53, 266, 268—70.
Вишневский (Вишневецкий), Александр Леонидович — 53, 149, 152, 228, 239, 250, 251, 265, 266, 268—70, 401, 420, 425, 436, 513, 889, 890, 897, 902, 903, 911.
Владимиров, А., журналист — 165.
Владимиров, Александр Ефимович — 224.
Владимирская, Алла Рудольфовна — 1 — 80, 141—46.
Владиславлев, Михаил Петрович — 559, 562, 563, 894, 917.
Вогюэ, Эжен Мельхиор де — 707, 708, 742.
Водак, Индржих — 756, 765.
Водиков, знакомый Л. Н. Андреева — 472.
Водовозова, Мария Ивановна — 225, 226, 688, 701.
Волгин, Вячеслав Петрович — 473.
Волжина, Мария Александровна — 613.
Волков, Николай Дмитриевич — 417, 419, 420, 426, 430, 432, 434, 898.
Волконский, Михаил Николаевич — 501, 892.
Вологдин, И. С., сахалинский чиновник — 149, 152, 189.
Волховской, артист театра Лентовского — 118.
Волынская, артистка Нового театра — 117, 118.
Волынский (Флексер), Аким Львович — 306, 333, 358, 360, 890.
Волькенштейн, Лев Филиппович — 890, 908.
Вольман, Вера — 743.
Вольный (Вольнов), Иван Егорович — 405.
Вольтер (Аруэ, Мари Франсуа) — 11, 55.
Воровский, Вацлав Вацлавович — VIII, 368, 372, 373, 375.
Воронец, Александр, студент — 476.
Воронцов (псевд. В. В.), Василий Павлович — 321—23.
Воскресенский, С. (псевд.) — см. Щукин, Сергей Николаевич.
Воян, Эдуард — 246, 756, 763.
Врана, Франтишек — 748.
Врзал, Августин — 749, 775.
Врубель, Михаил Александрович — 548.
Врхлицкий, Ярослав — 754.
Всеволожский, Иван Александрович — 304, 352, 353, 361.
Вульф, Вирджиния — 803, 804, 816, 817, 820—23, 827.
Вульф, Леонард — 797, 803.
Вучина, Николай Степанович — 906, 916.
Вырубов, Николай Алексеевич — 402.
Вюрмсер, Андре — VI, 729, 730, 743.
Вяземский, Леонтий Дмитриевич — 460, 461.
Вязмитин, И. (псевд.) — 110.
Гаасова-Нечасова, Ярмила — 765.
Габорио, Эмиль — 646, 887.
Гаврилов, Иван Егорович — 894.
Гайдебуров, Павел Александрович — 265, 270, 545, 882.
Гайдебуров, Павел Павлович — 891, 910.
Гаккебуш (псевд. Горелов, М.), Михаил Михайлович — 527.
Галас, Франтишек — 766.
Галилей, Галилео — 185.
Галкин-Враский, Михаил Николаевич — 186, 188, 198, 356, 357, 920.
Гальенн, Ив Ле — 780, 781, 784, 786, 789, 798.
Гальперин, Марк, журналист — 475.
Гарди, Томас — 715, 716, 743, 806, 809, 817.
Гарин-Михайловский, Николай Георгиевич — 640, 683, 882, 890, 891, 906.
Гарнетт, Констанс — 778—80, 783, 785, 786, 790, 794, 796—99, 802, 804, 811—13, 815, 819, 830.
Гарнетт, Эдуард — 802, 803, 804, 810, 812, 813, 815—17, 831.
Гаррис, Джед — 780.
Гартман, Мориц — 539, 541.
Гаршин, Всеволод Михайлович — 178, 188, 208, 293, 295, 299, 306, 310, 312—14, 316—19, 326, 327, 332, 333, 336—38, 341—43, 372, 480, 490, 520, 524, 528, 670, 677, 728, 815.
Гасснер, Джон — 787, 799.
Гатцук, Алексей Алексеевич — 354, 356.
Гауптман, Гергарт — 150, 227, 228, 240, 417, 421, 422, 424, 425, 427, 428, 433, 435, 436, 438—41, 444, 446, 448, 648, 733, 873, 904, 905, 911.
Гацисский, Александр Серафимович — 305, 360.
Гашек, Ярослав — 773.
Гвоздевич, Михаил Михайлович — 887.
Ге, Григорий Григорьевич — 891, 903.
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих — 671.
Гегер-Нелюбин, Георгий Карлович — 526.
Гедеонов, Степан Александрович — 116, 117.
Гей (Гейман), Богдан Вениаминович — 902.
Гейзер, Исай Моисеевич — 884, 898, 913, 922.
Гейне, Генрих — 779.
Гельнер, Франтишек — 773.
Гепферт, Полина Петровна — 539.
Герасим, дворецкий в доме Дросси — 539.
Гербач, Василий Степанович — 183.
Герд, Александр Яковлевич — 337, 338, 524.
Гернет, дачевладелец — 412.
Герсон, Александр Максимович — 110.
Герцен, Александр Иванович — 747.
Герценштейн, Давид Маркович (псевд. Герц-н, Д. М.) — 836.
Герье, Владимир Иванович — 275.
Гете, Иоганн Вольфганг — 184, 779, 825.
Гибб, Уолкот — 788, 790, 792, 799, 800.
Гиббонс, Арнольд — 818.
Гилгу, Джон — 802.

Гиляровская, Надежда Владимировна — 891 .
Гиляровские, семья — 891.
Гиляровский, Владимир Алексеевич — 321, 322, 881, 891, 894, 895, 900, 910, 911, 919.
Гимельфарб, Анна Марковна — 241.
Гиппиус, А. — 347.
Гиппиус, Зинаида Николаевна — 332, 639.
Гирш, домовладелец — 470.
Гиршман, Леонард Леопольдович — 233.
Гиссинг, Джордж — 823.
Гитович, Ирина Евгеньевна—265.
Гитович, Нина Ильинична — 109—12, 114, 115, 130—32, 149, 152, 265, 276, 311, 363, 379—95, 407—17, 435—49, 493—510, 519—22,587, 591—96, 639—56, 673—88, 872, 885, 890,928.
Гиш, Лилиан — 783.
Главаты, Владимир — 769.
Глаголев, врач — 863.
Глаголь, Сергей (псевд.) — см. Голоушев, Сергей Сергеевич.
Глама-Мещерская (рожд. Барышева), Александра Яковлевна — 882, 884, 891, 892.
Глебов, Федор Глебович — 156.
Глинка, Григорий Николаевич — 918.
Глинка, Михаил Иванович — 130, 131, 563, 926.
Глинский, Борис Борисович — 360.
Глухарев, Константин Александрович — 586.
Гнедич, Лина Осиповна — 874.
Гнедич, Петр Петрович — 329, 359, 361, 497, 501, 550, 586, 604, 748, 775, 872, 874, 892, 904, 916.
Говоруха-Отрок (псевд. Ю. Николаев), Юрий Николаевич — 307, 356, 628.
Гоголь Николай Васильевич — IX, X, 4, 42, 185, 188, 210, 218, 297, 316, 317, 329, 341—43, 346, 389, 493, 674, 679, 707, 728, 732, 735, 739, 747, 754, 769, 806, 815, 820, 863, 893, 907, 912, 919, 922.
Голенищев-Кутузов, Арсений Арсеньевич — 412.
Голике, Роман Романович — 164—66, 169, 180, 234, 265, 270, 271.
Голицын (псевд. Муравлин), Дмитрий Петрович — 496, 498.
Голлер, Эльза Антоновна — 749, 750, 775, 776.
Головин, Александр Яковлевич — 511, 547.
Голоушев (псевд. Сергей Глаголь), Сергей Сергеевич — 402, 419.
Голсуорси, Джон — VI, 801, 803, 804, 809—12, 815, 821.
Голубев, Валентин Яковлевич — 557, 570.
Голубева (рожд. Бегичева), Надежда Владимировна — XIV, 557—74, 858, 885, 892.
Голубевы, дети Н. В Голубевой — 558.
Голубинина, Вера Ефимовна — 911.
Голубчик, ялтинская жительница — 224.
Гольденберг, Александр Иванович — 183.
Гольденвейзер, Александр Борисович — 883, 892.
Гольцев, Виктор Александрович — 1, 133, 140, 149, 152, 193, 215, 216, 220, 230, 231, 265, 272, 332—35, 351, 487, 628, 668, 836, 845, 894, 897, 903, 904, 909, 912, 915, 920, 926, 927.
Гольцева, Юлия Сергеевна — 231, 266, 272.
Гомер — VI, 646, 816.
Гонецкая, домовладелица — 244, 246, 414.
Гончаров, Иван Александрович — IX, 208, 721, 815.
Гончарова, Евлампия — 539.
Гончаровы, братья — 539.
Гораций, Квинт Флакк — 286.
Горачек, Ярослав — 763.
Горбунов, Иван Федорович — 330, 501, 888, 892.
Горбунов-Посадов, Иван Иванович — 314, 330, 364, 481, 482, 502, 892.
Гордон, Рут — 788.
Горев Федор Петрович — 576.
Горева, Елизавета Николаевна — 302, 346, 347, 350, 857.
Горемыкин, Иван Логинович — 452.
Горленко, Василий Петрович — 490.
Городецкая, жена Д. М. Городецкого — 318, 319.
Городецкий, Даниил Михайлович — 318, 319, 892.
Горький (Пешков), Алексей Максимович — VII—IX, XI,1, 210, 225,226, 230, 236, 240, 242, 246, 248, 260,264, 266, 329, 365, 368—71, 374—79, 386—88, 390, 393, 395, 399, 400, 402, 410, 411, 414, 415, 422, 426—28, 439—42, 445—47, 454, 457—63, 469, 472, 473, 475, 476, 486, 488, 492, 519—22, 556, 613—16, 618—20, 638, 640, 648, 649, 656—58, 660, 661, 663, 666, 669, 676, 679, 683, 687, 688, 700, 706, 708, 713, 714, 724, 726, 736, 744, 747, 755, 759,765,775, 783, 787, 797, 799,815, 817, 831, 832, 873, 874, 881—84, 887, 889, 892, 893, 895—98, 903, 906, 908, 911—15, 919, 921, 922, 927.
Гославский, Евгений Петрович — 663.
Готье, Жан Жак — 733, 738.
Гофбаум, врач — 924.
Градов-Соколов, Леонид Иванович — 165, 166, 174, 894.
Градовский, Григорий Константинович — 586.
Грант, Аллен — 185.
Грахольский, ученик таганрогской гимназии — 908.
Грегор-Тайовский, Иозеф — 773.
Грегрова, Иза — 756.
Греков, Иван Николаевич — 575, 576, 578, 584.
Греков, Иван Сергеевич — 151, 189.
Грековы — 628.
Грессер, Петр Аполлонович — 342, 481, 491.
Гречанинов, Александр Тихонович — 439, 440.
Грибовский, Вячеслав Михайлович — 475.
Грибоедов, Александр Сергеевич — 184, 186, 341, 342, 576.

Грибунин, Владимир Федорович — 440.
Григорович, Дмитрий Васильевич — 165, 166, 172, 173, 208, 293, 304, 306, 328, 330, 338, 343, 350, 352—54, 361, 481, 488, 492, 494, 496, 501, 520—22, 645, 678, 687, 701, 815, 890, 904, 907, 917, 918, 920, 923.
Григорьев, В., артист — 891.
Григорьев, врач — 905, 906.
Гриельская, Мария Павловна — 149, 152, 265.
Грин, Поль — 791.
Гриневич, студент (?) — 244, 468.
Гриневич, Яков, студент — 468.
Гриневская, Изабелла Аркадьевна—890.
Гринстрит, Сидни — 785.
Гродеков, Николай Иванович — 906.
Грозинский, Порфирий Дмитриевич — 525.
Громова, домовладелица — 501.
Грубы, Яромир — 748, 749.
Груздев, Илья Александрович — 266, 271.
Грузинский, А. (псевд.) — см. Лазарев-Грузинский, Александр Семенович.
Грушевская, Мария Сильвестровна — 241.
Грушевский, Михаил Сергеевич — 241.
Грушецкий, Александр Павлович —894.
Грюнберг, Юлий Осипович — 16.
Губонин, Петр Ионович — 891.
Гуляев, Л. И., сотрудник журнала «Зритель» — 110.
Гумбольдт, Александр — 185.
Гуно, Шарль Франсуа — 907.
Гуревич, Любовь Яковлевна — 360, 594.
Гурлянд (псевд. — Арс. Г.; Арсений Г.; Арсений Гуров), Илья Яковлевич — 265, 272, 354.
Гуров, Арсений (псевд.) — см. Гурлянд, Илья Яковлевич.
Гурфинкель, Нина Лазаревна — 724, 732, 733, 738, 745.
Гусев, Александр Иванович — 473.
Гусев, Николай Николаевич — 872, 892.
Гусев-Оренбургский, Сергей Иванович — 775.
Гусева (рожд. Глухарева), Наталья Александровна — 581, 585.
Гусева-Архипова, Н. А. — 473.
Гуцевич, Владимир Петрович — 267.
Гутмахер (псевд. Гущин, Александр), Исай Маркович — 896.
Гуэн, Эдмунд — 788.
Гюбнерова, Мария — 763.
Гюго, Виктор — 185, 313, 729, 917.

Д.— см. Кигн (Дедлов), Владимир Людвигович.
Давид, Андре — 729.
Давыдов, Всеволод Васильевич — 109, 110, 919.
Давыдов, Владимир Николаевич (Горелов, Иван Николаевич) — 114, 265, 272, 301, 319, 330, 331, 339, 343, 480, 490, 505, 509, 510, 883, 894, 902, 907, 912, 920, 923, 924, 927.
Давыдова, Александра Аркадьевна — 384, 388, 389, 395, 671, 680.
Давыдова, Мария Карловна — см. Куприна-Иорданская, М. К.
Далматов, Василий Пантелеймонович — 582, 586.
Даль, Владимир Иванович — 208.
Далькевич, Мечислав Михайлович — 585.
Данилевский, Всеволод Григорьевич—262.
Данилевский, Григорий Петрович — 184, 347.
Данилов, Владимир Константинович — 909.
Данилов, Илья, таганрогский гимназист— 539.
Даниэль-Ропс, А. — 719—21, 744, 745.
Данте, Алигиери — 185.
Данцерова, Людмила — 763.
Данько, К., переводчик — 908.
Дарвин, Чарлз — 170, 171, 185.
Даргомыжский, Александр Сергеевич — 563.
Дарский (Псарьян), Михаил Егорович — 516, 517.
Дациаро, Иосиф Александрович — 110, 899.
Де Линь (псевд.), журналист — 431, 594, 915.
Дебюсси, Клод Ашиль — 732.
Дедлов (псевд.) — см. Кигн, Владимир Людвигович.
Дедушкин, домовладелец — 470.
Декав, Люсьен — 726.
Делавинь, Казимир Жан Франсуа — 893.
Демаков, Василий Федорович — 358.
Демченко, В., журналист — 895.
Дерман, Абрам Борисович — 109, 691, 695, 910, 919.
Дершау (мать и дочь), ниццские знакомые Чехова — 606, 607, 610—12.
Десницкий, Василий Алексеевич — 263.
Дессайи, французский артист — 734.
Дефо, Даниель — 188.
Джаншиев, Григорий Аветович — 202.
Джеймс, Генри — 787, 790, 822, 823.
Джером, Клапки Джером — 487, 492.
Джерхарди, Уильям — 779, 797,803, 804, 817—21.
Джойс, Джеймс — 817, 820, 827,
Джорджоне — 732.
Дибарбора, Франтишек — 770.
Диккенс, Чарлз — 184, 185, 484, 668, 826, 875, 925.
Диксон, Константин Иванович — 476.
Дистерло, Роман Александрович — 354, 356.
Диц, книгоиздатель — 385.
Дмитриев, Андрей Михайлович (псевд. Барон Галкин) — 110, 919.
Дмитриев (псевд.) — см. Петряев, Евгений Дмитриевич.
Доброклонский (Доброхотский), учитель — 893.
Добролюбов, Николай Александрович — 11, 23, 293, 294, 297, 313, 317, 329, 350, 672.
Доброхотов, Д. Н. — 903.
Добужинский, Мстислав Валерьянович— 527.
Доде, Альфонс — 356, 385.
Доде, Леон — 385.
Доланский, Юлиус — 770, 775, 776.
Долгов, Николай Николаевич — 586.

Долгополов, Нифонт Иванович — 462.
Долгоруков, Всеволод Алексеевич — 883, 894.
Долгоруков, Николай Петрович — 481, 482, 485, 490.
Долгоруков, Павел Дмитриевич — 874.
Долженко, Алексей Алексеевич — 537, 884, 894.
Долженко, Алексей Борисович — 537, 894.
Долженко (рожд. Морозова), Федосья Яковлевна — 153,534—37, 644, 690, 894.
Долинин, Аркадий Семенович — 201.
Домбровский, Бронислав — 79.
Домм, Сильвен — 746.
Домье, Оноре — 790.
Доницетти, Гаэтано — 540, 541.
Дороватовский, Сергей Павлович — 377.
Дорошевич, Влас Михайлович — 149, 152, 231, 232, 248, 594, 601, 637, 656, 679, 883, 894, 897, 907.
Досталова, Леопольда — 762, 763, 768.
Достоевский, Федор Михайлович—IX, XI, 184, 208, 210, 378, 404, 707, 708, 712, 713,717, 728,732, 735, 748, 772, 783, 801, 802, 805, 806, 813, 815, 817, 819—21, 828, 830, 904.
Дрейфус, Альдфред — 607, 612, 687, 690, 700, 908, 918.
Дрентельн, Александр Романович — 590.
Дреслер, Эрик — 788.
Дризен, Николай Васильевич — 294.
Дрожжин, Спиридон Дмитриевич —314.
Дроздов, брат М. Т. Дроздовой — 895.
Дроздова, Валентина Павловна — 239.
Дроздова, Мария Тимофеевна — 239, 470, 607, 882, 885, 894, 895.
Дросси, Андрей Дмитриевич — 538—41, 903, 910, 912.
Дросси, Дмитрий, отец А. Д. и М.Д. Дросси— 538.
Дросси (в замужестве Сиротина, по второму браку Стейгер), Мария Дмитриевна — XIV, 538—41, 912.
Дросси, Ольга Михайловна — 539.
Дросси, семья — 912.
Дружинин, Александр Васильевич — 329.
Дубинский, Давид Александрович — 101, 387, 413.
Дубовиков, Алексей Николаевич — 244, 267, 383, 443, 444, 449—76.
Дубовской, Николай Никанорович — 326, 327.
Дузе, Элеонора — 482, 488.
Дунаева, Елена Николаевна — 149, 152.
Дуров, Анатолий Анатольевич — 895.
Дуров, Анатолий Леонидович — 895.
Дуров, Владимир Леонидович — 632—34, 638, 895.
Дурылин, Сергей Николаевич — 262, 590, 882, 888.
Дурылина, Ирина Алексеевна — 262.
Дучинский, Николай Полиевктович — 149, 152, 240, 252.
Дьяков (псевд. Житель), Александр Александрович—295, 307, 313, 314, 340.
Дьяконов, Александр Федорович — 908.
Дюбек, Люсьен — 725, 726.
Дю Бос, Шарль — 711—17, 727, 743, 745.
Дюжикова, Антонина Михайловна — 924.
Дюкло, Анри Бернар — 718, 719, 745.
Дюковский, Михаил Михайлович — 265, 272, 919.
Дюкрё, Клэр — 706, 709, 744.
Дюма, Александр — 920.
Дюма, Александр (сын) —823.
Дюмон-Дюрвиль, Жюль Себастьян Сезар — 918.
Дягилев, Сергей Павлович — 492.
Дядя Гриня, бывший сахалинец — 906.

Е.— 904.
Е. К.— 895.
Е. П. А.— см. Александрова, Е. П.
Евдокимовы, домовладельцы — 500.
Евреинов, Григорий Алексеевич — 360, 361.
Евреинова, Анна Михайловна — 149, 152, 178, 179, 305, 306, 308, 309, 313, 314, 316—18, 321, 322, 324, 328, 333, 334, 336, 338, 340, 341, 344, 346—48, 350—52, 354, 357, 358, 360, 501, 912.
Евстигнеев, Михаил Е. — 919.
Евтихиев, В. И., студент — 476.
Евтушевский, Андрей Павлович — 149, 152, 200, 201, 273.
Евтушевский, Василий Андрианович — 183.
Евтушевский, Вениамин Андреевич — 150, 200, 201, 265, 266, 273.
Егоров, Евграф Петрович — 594, 918, 919, 923.
Единицын, А. (псевд.) — см. Чехов, Александр Павлович.
Ежов, Иван Степанович — 88, 906.
Ежов, Николай Михайлович — 111, 191, 198, 199,289, 452, 453, 475, 497, 501—03, 508, 585, 586, 835, 836, 901, 902.
Екатерина II — 184.
Елеонский (Миловский), Сергей Николаевич — 775.
Елецкий, Павел Захарович — 154, 156, 543.
Елпатьевская, Людмила Ивановна — 364, 383.
Елпатьевская Людмила Сергеевна — см. Кулакова, Л. С.
Елпатьевские, семья — 614, 637, 643.
Елпатьевский, Сергей Яковлевич — 149, 152, 244, 245, 307, 380, 395, 399, 449, 454, 614, 637, 640, 660, 681—84, 700, 886, 895, 911, 919, 921, 922.
Емельянов-Коханский, Александр Николаевич — 664.
Епифанов, Сергей Алексеевич — 891.
Еремеев, Иван Васильевич — 172, 506, 510.
Ермилов, Владимир Владимирович — 4, 770, 792, 799.
Ермилов, Владимир Евграфович — 263. 487, 890, 903.
Ермолова, Мария Николаевна — 301, 395, 512, 576, 917, 919, 926.
Ерофеев, А. Н., студент — 476.
Есенский, Янко — 773.
Ефим, возница — 917.
Ефремов, С. И. — 481, 490.
Ефремова, Елизавета Александровна— 557, 559, 562, 563, 566—71, 574, 922.

Жалу, Эдмон — 717, 718, 745.
Жбанков, Дмитрий Николаевич — 244, 245.
Желиховская, Вера Петровна — 508.
Жеребцовы, сестры — 902.
Жинью, Юбер — 746.
Житель (псевд.)—см. Дьяков, Александр Александрович.
Житкова, Мария Антоновна — 606, 612.
Жорж, театральный афишер в Таганроге — 270.
Жулева, Екатерина Ивановна — 482, 925, 926.
Журавлев, Андрей Александрович — 900.

З., жена Шарля Дю Боса — 713.
Забавин, Николай Иванович — 265, 273.
Завада, Вилем — 766.
Загоскин, Михаил Николаевич — 925.
Заградничек, Ян — 766.
Зайцев, Борис Константинович — 376, 402, 895, 896.
Зальца, Александр Иванович — 679.
Зальца, Карл Иванович — 255, 256.
Занд, Жорж (Дюдеван, Аврора) — 484.
Заньковецкая (Адасовская), Мария Константиновна — XIV, 149, 152, 190, 587—93, 883, 896, 923.
Зарницын, Г.— 913.
Затыркевич, Ганна Петровна — 588.
Захарьин, Григорий Антонович — 114, 688.
Званцев, Константин Иванович — 264.
Зевакин, Николай Андреевич — 896.
Зеваэс, Ал. (Бурсон, Александр) — 350.
Зейферт, Федор Иванович — 679.
Зейферт, Ярослав — 766.
Зелененко, Василий Васильевич — 884.
Зеленин, Владимир Яковлевич — 926.
Зеленин, П. Я., знакомый Чехова — 896.
Зеленый, Павел Александрович — 590.
Зембулатов, Василий Иванович — 532, 890, 909, 919, 928.
Земсков, Владимир Федорович — 266, 274.
Зенгер, Алексей Владимирович —872.
Зензинов, Михаил Михайлович — 452, 453.
Зиберов, врач, товарищ Чехова по таганрогской гимназии — 890.
Зильберштейн, Илья Самойлович — 149, 152, 175, 208, 265, 349, 547—56, 885, 899.
Зингер, Леонид Семенович — 208, 922.
Зиночка, племянница Я. А. Корнеева — 860.
Зичи, артист — 906.
Златовратский, Николай Николаевич — 401, 501, 672.
Золя, Эмиль — 169, 438, 505, 509, 510, 612, 719, 728, 750, 910.
Зудерман, Герман — 733.
Зуйков, И.— 900.
Зуппе, Франц — 863.

И-н, О.— 896.
Ибсен, Генрик — 240, 426, 427, 431, 438, 439, 442, 443, 459, 475, 476, 482, 648, 732, 733, 793, 808, 809, 812, 888, 905, 906, 911, 927.
Иван Странник (псевд.)— см. Аничкова, Анна Митрофановна.
Иваненко, Александр Игнатьевич — 149, 152, 244, 480, 858—60, 863, 868, 918, 920.
Иванов, Андрей — 204.
Иванов, Иван Иванович, критик — 351, 518.
Иванов, Иван Иванович, нотариус — 481, 490.
Иванов, Константин Пименович — 149, 152, 220.
Иванов, врач — 186.
Иванов, дачевладелец — 700.
Иванов, домовладелец — 224—25.
Иванов-Козельский, Митрофан Трофимович — 365, 366.
Иванова, Валентина Николаевна — 322, 323, 326, 327.
Иванова, Екатерина Васильевна — 323, 324, 327.
Иванчин-Писарев, Александр Иванович— 307.
Иванюков, Иван Иванович — 217, 276.
Игнатов, Илья Николаевич — 422.
Игнатьева, А. И.— 775.
Измайлов, Александр Александрович — 299, 300, 377, 378, 405, 479, 775, 901.
Измайлов (псевд. Икс), Илья Николаевич — 110.
Икскуль фон Гильдебанд, Варвара Ивановна — 185, 187, 360, 361.
Иловайская, Капитолина Михайловна — 887, 896, 903, 927.
Ильков, Михаил Иванович — 896.
Инбер, Вера Михайловна — 14.
Иоанн Грозный — 375, 435, 441.
Иогансон, Борис Владимирович — 547, 548.
Иогансон, Софья Михайловна — 280.
Иокай, Мор — 887.
Иорданов, Павел Федорович — 200, 510.
Ипатьева-Гольден, Анастасия Александровна — 531.
Ираклий, священник — 918.
Ирасек, Алоис — 773.
Ирина, няня в семье М. Е. Чехова — 193, 194, 916.
Иша, Ян — 772.

Йетс, Уильям Батлер — 812.

К. Р.— см. Романов, К. К.
Кабат, директор департамента (?) — 523
Кабе, Этьен — 350.
Каган, Абрам, американский критик — 777, 796.
Кадмина, Евлалия Павловна — 377.
Кадо, Мишель — 734, 735, 743.
Кайгородов, Дмитрий Никифорович — 184.
Калиостро, Александр (Бальзамо, Иосиф)— 116—18.
Кальфа, Бабакай Осипович — 891.
Калюжный, Александр Мефодиевич — 882, 896.
Камбурова, Анна Павловна — 896, 916.
Каменский, Анатолий Павлович — 896.
Камерон, Доналд — 784.

Каморский, тюремный инспектор — 186, 188.
Кампер, Ярослав — 757, 763.
Камышанский, гимназист — 539, 540.
Канаев, Александр Николаевич — 186, 888.
Кантерс, Роберт — 739.
Капнист, Василий Васильевич — 184.
Капнист, графиня — 628.
Капрон, Марсель —729.
Карабчевский, Николай Платонович — 883, 896.
Карамзин, Николай Михайлович — 184.
Караспасовы (сестры), знакомые Чехова— 539, 540.
Каратыгин, Антон Андреевич — 575.
Каратыгин, Василий Андреевич — 575.
Каратыгина (рожд. Глухарева), Клеопатра Александровна — XIV, 149, 150, 221, 265, 273, 575—86, 897.
Кардовский, Дмитрий Николаевич — 287.
Карзинкин, Александр Андреевич— 662.
Карлейль, Томас —713.
Карнович, Евгений Петрович — 184.
Каронин (Петропавловский), Николай Елпидифорович — 337.
Карпенко-Карый (Тобилевич), Иван Карпович — 588.
Карпов, Евтихий Павлович — 176, 262, 369, 450, 487, 492, 504, 505, 509, 510, 586, 640, 897, 912.
Карпович, П. В., студент — 458, 475.
Карпун, Петр Давыдович — 537, 886.
Картамышев, В. П., редактор газеты «Сибирский вестник» — 894.
Карьер, Эжен — 712, 743.
Касаткин, Николай Алексеевич — 878.
Катаев, Валентин Петрович — 528.
Катков, Михаил Никифорович — 475.
Каткова, Софья Петровна — 475.
Катык, домовладелец — 894.
Каун, Александр — 780.
Кацеваригн, таганрогский гимназист — 539.
Качалов (Шверубович), Василий Иванович — 251, 265, 273, 401, 421, 440, 486, 897, 927.
Кашперов, Алексей Владимирович—326.
Кашперов, Андрей Владимирович — 324, 326.
Кашперов, Владимир Николаевич — 326.
Кашперов, Николай Владимирович— 324, 326.
Кашперова, Софья Владимировна — 324.
Квапил, Ярослав — 2, 246, 760—63, 766.
Квапилова, Гана — 760, 762, 763.
Кемп, Робер — 725, 733, 740—742.
Кеннан, Джордж — 918.
Кентен, Поль — 736.
Керженцев (Лебедев), Платон Михайлович — 807.
Кёрнер, Теодор —185, 187.
Керр, Уолтер — 794.
Кессель, Жозеф — 724, 725.
Кетриц, Бернард Эрнестович — 182, 183, 187, 188.
Кигн (псевд. Дедлов), Владимир Людвигович — 212, 496, 498, 501.
Киевский (Александрович, Николай Филиппович) — 110.
Кинг, Гертруд Бесс — 779, 797.
Кинг, Денис — 788.
Киплинг, Джозеф Редиард — 402.
Киреев, Николай Петрович — 110.
Киселев, Александр Александрович — 920, 923.
Киселев, Алексей Сергеевич—265, 273, 274, 558—60, 562—65, 567—69, 574, 903, 917.
Киселев, Василий Иванович — 265, 274, 450, 463—65, 882, 897.
Киселев, Сергей Алексеевич (Сережа) — 565, 566, 568, 570, 894, 923.
Киселева, Александра Алексеевна (Саша) — 558, 565, 566, 568, 570, 894, 923.
Киселева (рожд. Бегичева), Мария Владимировна — 265, 273, 274, 557—59, 561—74, 641, 646, 648, 678, 835, 923.
Киселевский, Иван Платонович—180, 894.
Киселевы, семья А. А. Киселева — 917—920, 923.
Киселевы, семья А. С. Киселева — 179, 557, 558, 561 563, 567, 569, 574, 604, 641, 648, 922, 923.
Китаевич, Н., студент — 476.
Китаевский, В. К., знакомый Чехова по Вогимову — 897.
Кичеев, Николай Петрович — 543, 904, 919.
Кичеев, Петр Иванович — 641, 904.
Кланг, Иван Иванович — 546.
Клейгельс, Николай Васильевич — 452, 461.
Клейн, Иван Федорович — 701, 909.
Клименков, домовладелец — 920, 923, 925.
Климов, Д. С., тюремный надзиратель на Сахалине — 906.
Клод, Л., журналист — 405.
Клодт, Николай Александрович — 548, 556.
Клодт фон Юргенсбург, Владимир Карлович — 485, 491.
Клюкин, Максим Васильевич — 265, 274.
Ключевский, Василий Осипович — 519, 556, 666.
Книппер, Анна Ивановна—256, 265, 274, 660, 679, 898.
Книппер, Владимир Леонардович — 459, 679.
Книппер, Константин Леонардович — 149, 152, 225, 255, 256.
Книппер, Лев Константинович — 255, 256.
Книппер-Чехова, Ольга Леонардовна — XIII, 1, 9, 13, 15, 39, 57, 149, 152, 223, 225, 228, 236, 237, 239, 243, 244, 249—52, 255, 256, 258, 274, 279, 291, 363, 364, 366, 381, 382, 386, 389, 390, 392—94, 396, 398—402, 408, 412, 414, 417—22, 424—29, 433, 436, 438—40, 445—48, 459, 460, 462, 465, 466, 475, 476, 486, 522, 526, 548, 550, 556, 584, 606, 614, 616—19, 628, 636—38, 642, 644, 648, 652—60, 662 — 65, 667—69, 678, 679, 691, 693—99, 701, 702, 710, 767, 779, 797, 874, 880, 881, 887—91, 895—98, 902, 903, 905, 906, 909—12, 914, 915, 922, 926.
Кобылин, купец — 537.

Ковалевский, Максим Максимович — 149, 152, 215—18, 233, 416, 611, 612, 667, 693, 694, 701, 889, 898, 918, 928.
Кован, Дженни — 779, 797.
Коваржик, Франтишек — 769.
Коварский, И. М.— 928.
Ковтун, Вера Аникеевна — 898.
Кожин, Николай Матвеевич — 880.
Коковцев, Владимир Николаевич — 186, 188.
Колар, Франтишек—754.
Колдерон, Джордж — 801, 804—06.
Колесниковы — 574.
Колесов, Федор Иванович — 212.
Колодочко, Михаил Трофимович — 149, 152, 265, 537, 541.
Коломнин, Алексей Петрович — 586.
Колумб, Христофор — 27.
Колчин, Михаил Андреевич — 481, 490.
Кольман, Карел — 759, 776.
Кольцов, Алексей Васильевич — 902.
Кольчугин, владелец книжного магазина — 110.
Комаров, А.—475
Комиссаржевская, Вера Федоровна — 265, 274, 433, 447, 448, 486, 503, 505, 509, 510, 517, 882, 898, 899, 907, 910, 921, 924, 927.
Комиссаржевский, Н.— 898.
Комиссаржевский, Федор Петрович — 338.
Комиссаров, М. Г.— 903.
Комнен, Мари Анн — 743.
Конашевич, Владимир Михайлович — 403.
Кондаков, Никодим Павлович — 457, 466, 473, 658, 672, 687, 918.
Кондратьев, Алексей Михайлович — 512, 894.
Кондратьев, Иван Максимович — 149, 152, 245, 246, 359—61.
Кони, Анатолий Федорович — 186, 188, 399, 412, 526, 892, 899, 920, 926.
Кони, Евгений Федорович — 835, 836.
Конноли, Уолтер — 783.
Коновицер (рожд. Эфрос), Евдокия Исаковна — 164, 254, 265, 275, 276, 924.
Коновицер, Николай Ефимович — 275, 276.
Кононович, Владимир Осипович — 149, 152, 182—88, 198, 594.
Конрад, Джозеф (Корженевский, Теодор Иозеф Конрад) — 721, 815.
Констан, Бенжамен — 713.
Конфуций — 185.
Коншина, Елизавета Николаевна — 87—108, 149, 152, 252.
Коперник, Николай — 27.
Копецкий Ян — 771, 772.
Коппард, Альфред Эдгар — 801, 802, 818, 819, 831.
Корецкая, Инна Витальевна — 363—78.
Корзухин, Алексей Иванович — 484, 491.
Корнеев, Яков Алексеевич — 149, 152, 198, 199, 286, 857, 860, 861, 923.
Корнеева, Мария Яковлевна — 198, 199.
Корнел, Кэтрин — 788.
Коробка, Николай Иванович — 190.
Коробов, Николай Иванович — 224, 701, 909, 919.
Коробова, Екатерина Ивановна — 224.
Коровин, Александр Михайлович — 250.
Коровин, Константин Алексеевич — XIV, 511, 542, 547—56, 605, 876, 899, 910.
Коровин, Сергей Алексеевич — 878.
Короленко, Владимир Галактионович — XIV, 164, 178, 185, 188, 230, 293, 295, 301, 302, 304, 306, 308—10, 312, 314, 316—19, 321—24, 328—30, 332—34, 337, 338, 341, 342, 346—48, 353, 368, 370, 415, 486, 491, 520, 522—28, 640, 658, 672, 679, 683, 706, 708, 748, 775, 815, 836, 845, 881, 883, 888, 891, 899, 912, 920, 922, 923.
Коротнев, Алексей Алексеевич — 217, 458, 466, 473.
Корсаков, Николай Сергеевич — 255, 484.
Корф, Андрей Николаевич — 197.
Корш, Нина Федоровна — 250.
Корш, Федор Адамович — 166, 174—76, 180, 250, 272, 281, 293, 330, 333, 334, 347, 354, 356, 588, 857, 882, 891, 894, 904, 917, 920, 926.
Косминская, Любовь Александровна, 486.
Косович, Смарагд Игнатьевич — 305.
Костомаров, Николай Иванович — 185, 925.
Котелянский, Самуил Соломонович — 797, 804, 816, 817.
Котляревский, Иван Петрович — 588, 593, 917.
Котляревский, Нестор Александрович — 482, 484.
Кох, Роберт — 188.
Кохмаков, Иван Матвеевич — 537.
Кохмакова, Мария Ивановна — 537.
Коцюбинский, Михаил Михайлович — X.
Кочетков, Степан Егорович — 192, 193.
Кошеверов, Александр Сергеевич — 429, 430, 447.
Кошелев, Александр Иванович — 112.
Кравцов, Алексей Гаврилович — 153, 154.
Кравцов, Гавриил Павлович — 116, 149, 152—54, 917.
Кравцов, Павел Гаврилович — 153.
Кравцов, Петр Гаврилович — 153, 154.
Кравцова, Зоя Гавриловна — 153, 154.
Кравцова, Наталья Парфентьевна — 153, 154.
Кравцова Нина Гавриловна —153, 154.
Кравченко, Николай Иванович — 191, 194.
Крайтор, Иван Кондратьевич — 91, 655, 899.
Крамарев, Соломон — 262.
Крамской, Иван Николаевич — 185, 208, 418, 876.
Кранихфельд, Владимир Павлович —476.
Краса, Марк — 890.
Краснов, Петр Николаевич — 510.
Красовский, Петр Кузьмич — 586.
Кратч, Джозеф Вуд —780, 782, 797, 798.
Крашевский, Иосиф Игнатий — 109, 110.
Крейцман, Франтишек — 769.
Крейча, Отомар — 770.
Крестовская, Мария Всеволодовна —775.
Кривенко, Сергей Николаевич — 886.

Кристианс, Тони —714, 715, 744.
Кричевский, Михаил — 912.
Кропивницкий, Марко Лукич — 588.
Кроули, Сейер — 784.
Круглов, Алексей Васильевич — 110, 775, 883, 885, 900.
Крылов, Виктор Александрович — 110, 301, 326, 327, 359, 481, 484, 488, 491, 920.
Крылов, Иван Андреевич — 185.
Крымский Агафангел Ефимович — 149, 152, 241, 242.
Крюковский, Аркадий Федорович —175, 179.
Крюковы, владелицы имения Даньково — 612.
Кувшинников, Дмитрий Павлович — 902, 918, 920, 926.
Кувшинникова, Софья Петровна — 130, 265, 276, 902, 918, 920, 926.
Кугель (псевд. Homo Novus), Александр Рафаилович — 262, 417, 421, 485, 505, 508, 509, 582, 586.
Кузина, Лия Николаевна — 463.
Кузьминская, писательница — 185.
Куинджи, Архип Иванович — 316, 482.
Кукареткина, Ольга — 618.
Кукрыниксы (Куприянов, Михаил Васильевич, Крылов, Порфирий Никитич, Соколов, Николай Александрович) — 138, 139, 315, 325, 495, 591.
Кукушкин, М. Д., товарищ Чехова по таганрогской гимназии —890.
Кулаков, муж Л. С. Кулаковой — 379.
Кулакова (рожд. Елпатьевская, по второму мужу — Врангель), Людмила Сергеевна — 379, 380, 383.
Куманин, Федор Александрович —210, 347, 354, 356, 489, 492, 926.
Кумская, Агафья Александровна — 917, 919.
Кундасова, Ольга Петровна — 194, 195, 482, 903, 912, 919, 923, 924.
Купер, Фенимор — 925.
Куприн, Александр Иванович — VIII, XIV, 240, 363—94, 399, 410, 411, 414, 466, 492, 519, 527, 614, 620, 629, 630, 637, 638, 648, 653, 656, 658, 662, 668, 676, 678, 683, 701, 743, 783, 787, 799, 881, 883, 889, 896, 900, 901, 915, 919, 921, 922.
Куприна, Лидия Александровна — 388, 389, 393.
Куприна-Иорданская (рожд. Давыдова), Мария Карловна — 363, 364, 384—86, 388—90, 392—95, 637, 901.
Курганова, знакомая Чеховых по Луке — 868.
Курдюмов, М.—639.
Куренин, Александр Дмитриевич — 887, 900, 901, 919.
Курилова, Анастасия Никитична — 537.
Курилова, Мария Никитична — 537.
Курилова, мать А. Н. и М. Н. Куриловых — 536, 537.
Куркин, Петр Иванович — 428, 883, 901, 920, 928.
Куровский, Владимир Павлович — 649, 678.
Куффнер, Иозеф — 757, 758.
Кювье, Жорж — 185.
Лавров, Вукол Михайлович — 15, 149, 152, 193, 204, 205, 220, 265, 276, 353, 453, 475, 835, 836, 889, 901, 905.
Лавров, Михаил Вуколович—453, 454, 836.
Лаврова, Софья Федоровна — 205, 901.
Ладыженский, Владимир Николаевич — 232, 265, 276, 481, 490, 901, 911.
Ладыжников, Иван Павлович — 385.
Лазарев-Грузинский, Александр Семенович — 111, 191, 265, 266, 277, 278, 502, 503, 508, 640, 835, 881, 901, 902, 919.
Лазаревский, Борис Александрович — 149, 151, 152, 252, 254, 262, 430, 434, 445, 524, 527, 528, 883, 887, 902, 914.
Лазурская, Наталья Михайловна — 587, 590, 591—93, 896.
Лакшин, Владимир Яковлевич — 871.
Ламартин, Альфонс — 893.
Ламбло, А.— 712, 744.
Ландрю, А. И., журналист — 900.
Лансберг, Карл Христофорович — 482.
Ланский, Леонид Рафаилович — XIV.
Лант, Альфред — 785.
Лаперуз, Жан Франсуа — 918.
Лаппа-Старженецкий, Владимир Павлович — 512
Ларднер, Ринг — 782.
Ласкаржевская, Мария Алексеевна — 663.
Лаур, Александр Алексеевич — 484, 489, 491.
Лаффит, Софи — XIV, 705—746.
Леббок, Джон — 184.
Лебедев, Александр Игнатьевич — 110.
Лебедев, Кирилл Иванович — 923.
Лебедев (?), зять Шубинского, редактора «Исторического вестника» — 523.
Левенсон, Александр Александрович — 158.
Левентон, ялтинский аптекарь — 906.
Левинский, Владимир Дмитриевич — 265, 278, 887.
Левитан, Адольф Ильич — 901, 902.
Левитан, Исаак Ильич — 130, 161, 163, 207, 208, 246, 265, 266, 277, 278, 509, 542, 546—56, 562, 564, 566, 567, 574, 580, 581, 609, 624, 648, 649, 710, 860, 861, 876, 884, 889, 891, 894, 895, 898, 899, 902, 905, 910, 911, 914, 917, 918, 920—26.
Левицкий, таганрогский гимназист — 539, 540.
Левкеева, Елизавета Ивановна — 504, 505, 924.
Легра, Жюль — 705, 706, 708, 742, 745, 921.
Лейкин, Николай Александрович —IX, 111, 149, 151, 152, 155—63, 165—69, 172, 179, 180, 195, 196, 207, 209, 210, 234, 262, 263, 363, 480—82, 484, 490, 491, 497—510, 645, 678, 679, 701, 883, 886, 902, 907, 917, 918, 920, 923.
Лейкин, Федор Николаевич (Федя) — 158, 180, 196, 209.
Лейкина, Прасковья Никифоровна — 180, 196, 209, 501, 506.
Лейкснер, Отто — 184.
Лейсэк, Пол — 784
Леман, Анатолий Иванович — 314, 316.
Лемаршан, Жак — 733, 736, 738.

Ленин, Владимир Ильич — 214, 322, 414, 456, 457, 463, 467.
Ленин (Игнатюк), Михаил Францевич — 902.
Ленская, Лидия Николаевна — 582, 586, 923.
Ленский (Вирвициотти), Александр Павлович — 176, 182, 265, 278, 309, 310, 331, 575—77, 584, 586, 902, 905, 920, 923.
Ленский (Оболенский), Павел Дмитриевич — 586.
Лентовский, Михаил Валентинович — 116, 117, 542.
Леонидов (Вольфензон), Леонид Миронович — 117, 118, 265, 275, 278, 279, 401, 448, 486, 882, 884, 902.
Леонидов, Юрий Леонидович — 266, 275, 279.
Леонов, Леонид Максимович — 743.
Леонтьев, Иван Леонтьевич — см. Щеглов, И. Л.
Леонтьева, Анисья Тимофеевна — 481, 484, 490.
Леонтьева, Полина Яковлевна — 111, 112.
Лермонтов, Михаил Юрьевич — IX, 12, 78, 347, 659, 679, 705, 735, 895.
Леру, Пьер — 350.
Лесевич, Владимир Викторович — 353.
Лесков, Андрей Николаевич — 882, 902, 903.
Лесков, Николай Семенович — IX, 184, 208, 645, 662, 775, 882, 893, 902, 903, 907, 915, 920.
Лесман, Моисей Семенович — 262.
Лесс, Александр Лазаревич — 243, 265, 270, 290, 545, 685, 882, 886, 887, 891, 910, 911.
Лессинг, Готхольд Эфраим — 185.
Лесюк, Яков Залманович — 705—46.
Летов, Борис Дмитриевич — 329.
Лефи, Павел Спиридонович — 149, 152, 256, 257, 916.
Лешковская, Елена Константиновна — 512, 576.
Либанов Г. М.— 475.
Либкнехт, Карл — 214.
Ливен, Герман — 454, 462, 474, 475.
Ливен, мать Германа Ливена — 454.
Ливий, Тит — 286.
Лидин, Владимир Германович — 181, 266—68, 271, 273, 283.
Лилина (рожд. Перевощикова, в замужестве Алексеева), Мария Петровна — 252, 265, 279, 401, 419, 436, 448, 910.
Линкольн, Авраам — 185.
Линней, Карл — 185.
Линтварев, Всеволод Павлович — 323, 324.
Линтварев, Георгий (Егор) Михайлович — 321, 322, 326, 328, 333, 334, 336, 338, 340, 342—46, 348, 353, 357, 481, 490, 863, 868, 922.
Линтварев, Павел Михайлович — 321, 322, 324, 333, 348.
Линтварева, Александра Васильевна — 321, 323, 324, 347, 490, 590, 868.
Линтварева, Елена Михайловна — 322, 346, 347, 858, 866, 868.
Линтварева, Наталья Михайловна — 590, 863, 868, 920, 923.
Линтваревы (семья) — 321—23, 326, 327, 346, 353, 498, 531, 650, 865, 866, 868, 918, 923.
Линч, Дж. (псевд.) — см. Андреев, Леонид Николаевич.
Липскеров, Александр Яковлевич — 159, 160.
Лисенков, В., мелиховский колхозник — 900.
Лиссман, Михаэль — 359.
Литвинова, Татьяна Максимовна — 777—801, 805—32.
Литтел, Роберт — 782, 798.
Лихачев, Владимир Иванович — 162.
Лихачев, Владимир Сергеевич — 314, 316, 524, 528.
Лицын, врач — 924.
Лицын, писатель — 925.
Лобанова-Ростовская, Вера Николаевна — 574.
Лобачев, Кузьма Григорьевич — 192.
Лободина (Лобода), Марфа Ивановна — см. Морозова, М. И.
Ловетт, Роберт Морзе — 783, 798.
Ловцов, Николай Алексеевич — 889, 891.
Лойола, Игнатий — 185.
Ломоносов, Михаил Васильевич — 184.
Лонг, Р.— 777, 778, 796, 797, 801, 802, 804, 806, 810, 812.
Лонгфелло, Генри Водсворт — 399, 411, 412, 415.
Лопе де Вега Карпьо, Феликс — 646.
Лопухин, Алексей Александрович — 388, 389.
Лоуренс, Д. Г.— 810, 815.
Лоусон, Джон — 792.
Луговой (Тихонов), Алексей Алексеевич — 265, 279, 496, 775, 914, 927.
Лужский (Калужский), Василий Васильевич — 39, 228, 265, 279, 401, 419, 902, 903.
Лукин, Александр Петрович — 301, 305, 307.
Луначарский, Анатолий Васильевич — 17, 906.
Лурье, Осип — 710, 745.
Лу Синь — VI.
Лысенко, С. И., земский деятель — 415.
Львов, Л., журналист — 903, 925, 927.
Львов-Рогачевский, Василий Львович — 249, 405.
Любимова, Е. В., учительница — 220.
Любош, С. (Любошиц, Семен Борисович) — 884, 903.
Любский, Анатолий Клавдиевич — 366, 906.
Люксембург, Роза — 214.
Лядов, Иван Иванович — 265, 279.
Лядова (в замужестве Терентьева), Юлия Ивановна — 149, 265, 279, 928.
Ляпунов, Вячеслав Дмитриевич — 902.

М. С.— 254.
Магаршак, Дэвид — 790, 792, 799, 800, 803, 804.
Маген, Иржи — 773.
Маевские, семья — 917.
Маевский, Болеслав Игнатьевич — 923.
Мажито, Сурия — 746.

Майерова, Мария — 765.
Майков, Аполлон Александрович — 359—61.
Майков, Аполлон Николаевич — 208.
Майн Рид — см. Рид, Томас Майн.
Майо, гувернер — 612.
Майова, Марта — 769.
Мак Кей, Моррис — 788.
Мак Клинтик, Гатри — 788, 789, 799.
Макаров, К. И., учитель рисования — 919.
Макаров, Степан Осипович — 491.
Маккарти, Дезмонд — 803, 823—825.
Маклаков, Василий Алексеевич — 149, 152, 251, 257, 258, 903.
Маклакова, Мария Алексеевна — 257.
Маклаковы, семья — 251.
Маковицкий, Душан Петрович — 871, 872, 874, 875.
Маковский, Владимир Егорович — 877, 878.
Максимов, Сергей Васильевич — 501.
Макшеев (Мамонтов), Владимир Александрович — 576.
Малинин, Дмитрий Иванович — 884, 897, 928.
Малиновский, Г., журналист — 905.
Малютин, Сергей Васильевич — 878.
Малышев, Дмитрий Сергеевич — 928.
Малышев, инспектор училищ — 182, 183.
Малышев, Михаил Егорович — 338.
Мальцев, А., таганрогский учитель — 890.
Мамин-Сибиряк, Дмитрий Наркисович — 230, 240, 329, 350, 501, 519, 614, 648, 671, 683, 775, 887, 910, 922.
Мамина, Елена Дмитриевна (Аленушка) — 614, 887.
Мамонтов, Всеволод Саввич — 547.
Мамонтов, Савва Иванович — 542, 548.
Мамонтов, Сергей Саввич — 291, 402, 449, 450.
Мамонтов, владелец книжного магазина — 110.
Манн, Томас — VI, 722, 743.
Мансфельд, Дмитрий Августович — 544, 546, 906.
Мантейфель, Александр Петрович — 149, 226.
Манучаров, Давид Львович — 149, 151, 152, 196—98.
Манучаров, Иван Львович (Манучарьянц, Ованес Асланович) — 151, 196, 197.
Манучарова, Екатерина Давидовна — 196, 198.
Маныч, Петр Дмитриевич — 527.
Маразли, Григорий Григорьевич — 576, 584.
Марек, Иржи — 765, 774.
Марк Аврелий — 716.
Маркевич, Болеслав Михайлович — 301. 917.
Марклевский, книгоиздатель — 385.
Маркова, Анна Дмитриевна — 897.
Маркс, Адольф Федорович — 16, 234, 239, 250, 270, 404, 444, 522, 601—03, 616, 619, 624, 691, 886, 887, 890, 892, 894, 901, 912, 918, 919, 922.
Маркс, Карл — 453.
Маркс, Клод Роже — 711, 712.
Маркс, Лидия Федоровна — 404, 492.
Марлинский (Бестужев), Александр Александрович — 184.
Марлит, Евгения — 646.
Марри, Джон Миддлтон — 713, 743, 797, 802—04, 813, 814, 816—18, 831.
Марсель, Габриэль — 732.
Мартынова, Елизавета Михайловна — 612.
Масанов, Иван Филиппович — 174, 597, 881.
Масанов, Юрий Иванович — 597—604.
Масгроув, Гертруд — 788.
Маслов (псевд. Бежецкий), Алексей Николаевич — 149, 152, 174—76, 178, 332, 333, 340, 586, 835, 902.
Масютин, Василий Николаевич — 355.
Матезиус, Богумил — 769, 776.
Маттерн, переводчик — 355.
Матула, В.— 770.
Маха, Карел Гинек — 776.
Мачтет, Григорий Александрович — 775, 928.
Меве, Евгений Борисович — 896, 898, 924.
Медведев, Павел Иванович — 915.
Медведев, Петр Михайлович — 359, 883, 903.
Медведева, Надежда Михайловна — 576.
Мейерхольд, Всеволод Эмильевич — XIV, 149, 150, 152, 227, 228, 417—48, 459, 464, 474, 475, 898, 904, 905, 908.
Мелевиль (Дюверье, Анн Оноре) — 576, 584.
Мельцарик, таганрогский гимназист (?) — 539.
Меморский, Михаил Федорович — 186.
Менделевич, Родион Абрамович — 265, 280.
Меньшиков, Михаил Осипович — 230, 231, 248, 249, 378, 484, 491, 874, 902, 920.
Мередит, Джордж — 809.
Мережковский, Дмитрий Сергеевич — 306, 332, 333, 338, 340, 347, 348, 354, 356, 361, 368, 382, 384, 432, 481, 484, 524, 528, 657, 776, 890, 912.
Мериме, Проспер—718.
Мессарож, Петр Иванович — 903.
Метерлинк, Морис — 431, 448, 510, 521, 522, 733.
Метцель, Людвиг Морицевич — 544, 546.
Мешанинов, Иван Васильевич — 458.
Мещерский, Владимир Петрович — 301.
Мещеряков, фабрикант — 468.
Мизинова (в замужестве Санина), Лидия Стахиевна — 264—66, 280, 291, 549, 649, 674, 678, 680, 895, 916, 918, 920, 921, 923, 926.
Миллер, Артур — VI, 794, 800.
Миллер офицер — 382.
Минаев, Дмитрий Дмитриевич — 110.
Минский (Виленкин), Николай Максимович — 314, 481, 501.
Миркина, Юлия Михайловна — 149, 152.
Миролюбов (сценическая фамилия Миров), Виктор Сергеевич — 87, 88, 95, 224, 225, 249, 368, 382, 384, 395, 474, 475, 476, 519—22, 629, 630, 632, 634, 635, 874, 883, 897, 903, 908.

Миролюбов (Ювачев), Иван Павлович — 198.
Михаил (Михаил Архангел), лакей — 578.
Михаил (Михайло маленький), лакей — 578, 580.
Михайлов, Алексей Антонович — 149, 152, 204, 264.
Михайлов, Михаил Адольфович — 582, 583, 586.
Михайлов, Михаил Ларионович — 293, 307, 541.
Михайлов (псевд.) — см. Шеллер, Александр Константинович.
Михайлова, Лидия Федоровна — 192.
Михайлова, Мария Алексеевна — 204, 264.
Михайловский, Николай Константинович — 293, 296, 306, 307, 309—14, 316—18, 326, 328, 329, 340, 352, 353, 358, 360, 365, 366, 388, 501, 524, 554, 657, 684, 687, 700, 701.
Михальский, Федор Николаевич — 2, 880.
Михневич, Владимир Осипович — 481, 490.
Мицкевич, Адам — 185.
Мичурина (Самойлова), Вера Аркадьевна — 344, 903.
Модзалевский, Борис Львович — 525.
Модзалевский, Лев Борисович — 910.
Моисеев, домовладелец — 894.
Моисеенко, Ольга Владимировна — 705—46.
Мокеев, содержатель гостиницы — 888.
Моклер, Жак — 725, 738, 739, 746.
Мольер (Поклен, Жан Батист) — 576, 578, 731, 743.
Монье, Анри — 726, 743.
Моод, А. Ф., сотрудник журнала «Зритель» — 110.
Монассан, Ги де — 519, 520, 656, 659, 661, 706, 707, 717, 718, 728, 734, 735, 779, 799, 804, 810, 818, 819, 829—32, 904.
Мор, Томас — 809.
Мордвин (псевд.) — см. Тихонов, Владимир Алексеевич.
Мордовцев, Даниил Лукич — 497, 775.
Морева, Вера Ивановна — 518.
Моревы, домовладельцы — 244.
Мориак, Франсуа — VI, 733, 734, 738, 739.
Морозов, Иван Яковлевич — 280, 534—37.
Морозов, Петр Осипович — 338.
Морозов, Савва Тимофеевич — 424, 660, 679, 894, 903, 914, 915.
Морозов, Яков Герасимович — 537.
Морозова (рожд. Кохмакова), Александра Ивановна — 534—37.
Морозова, Варвара Алексеевна — 218, 221, 884, 924.
Морозова, Евгения Яковлевна — см. Чехова, Е. Я.
Морозова, Зинаида Григорьевна — 928.
Морозова (рожд. Лобода), Марфа Ивановна — 265, 280, 537, 903, 904.
Морозова, Федосья Яковлевна — см. Долженко, Ф. Я.
Москвин, Иван Михайлович — 145, 251, 366, 381, 382, 401, 440, 448, 648, 661, 884.
Москвичев, маляр — 910.
Мосткова, С., переводчица — 712, 744.
Моцарт, Вольфганг Амадей — VI, 733, 738, 739.
Мошна, Индржик — 246, 754, 756, 776.
Моэм, Уильям Сомерсет — 828—31.
Мраз, Андрей — 770, 773.
Мрштик, бр. (Вилем и Алоис) — 763.
Мрштик, Вилем — 751.
Мрштик, Норберт — 748.
Мудры, Кирилл С.— 748, 749, 775.
Музиль, Николай Игнатьевич — 576.
Муне-Сюлли, Жан — 512, 518.
Мунт, Екатерина Михайловна — 471.
Мунт, Ольга Михайловна — 417.
Муравьев, Николай Валерианович — 601, 602, 604.
Муратов, Михаил Васильевич — 892.
Муратова, Елена Павловна — 252, 486, 883, 902, 904.
Муромцева-Бунина, Вера Николаевна — см. Бунина-Муромцева, В. Н.
Мусин-Пушкин, граф, домовладелец — 110.
Мусина-Пушкина, Дарья Михайловна — 920.
Мчеделов, Вахтанг Леванович — 2.
Мэнсфилд, Кэтрин — VI, 727, 734, 743, 801, 802, 804, 810, 811, 816—18, 831.
Мясницкий (Барышев), Иван Ильич — 110.

Н. Б.— см. Голубева, Надежда Владимировна.
Н. О.— см. Оболонский, Николай Николаевич.
Навроцкий, Александр Александрович — 900.
Надсон, Семен Яковлевич — 185, 294, 314, 327, 407, 481, 484—86, 488, 489 491, 492, 496, 718.
Назарьева, Капитолина Валериановна — 346, 347, 484, 505, 506, 508, 510.
Назимова, Алла — 784.
Найденов (Алексеев), Сергей Александрович — 394, 400, 416, 637, 659, 662, 663, 665, 667, 679, 680, 885, 888, 904, 911.
Наполеон I, Бонапарт — 556.
Наумов, Иван Сергеевич — 262.
Наумов, Николай Иванович — 913.
Невежин, Петр Михайлович — 110, 301, 327, 346, 347, 920.
Неедлы, Зденек — 747, 770, 772, 773, 776.
Нежданова, Антонина Васильевна — 511.
Незвал, Витезслав — 766.
Незнакомец (псевд.) — см. Флит, Борис Давидович.
Неизвестный — в передаче В. В. Беренштама — 904.
Неизвестный — в передаче М. П. Чехова — 904.
Нейман, Станислав — 770.
Неклюков, Григорий Петрович — 927.
Некрасов, Николай Алексеевич — 208, 293, 313, 482, 488, 707, 718, 747, 902, 920.
Некрасов Николай Филиппович — 907.
Немирович-Данченко, Василий Иванович — 110, 186, 388, 392, 497, 501, 887, 892, 904, 921.

Немирович-Данченко, Владимир Иванович — VIII, 1, 2, 13—15, 29, 141, 193, 222, 229, 238—40, 252, 265, 266, 268, 280, 355, 356, 359, 361, 382, 401, 402, 417—21, 424, 425, 427—29, 435, 438, 441, 444, 514, 516, 518, 576, 584, 628, 636—38, 640, 658, 665, 668, 694, 695, 873, 882, 883, 894, 897, 898, 902, 904, 905, 909, 911, 912, 915, 921, 922, 926, 927.
Немировская, Ирен — 742, 745, 804.
Непвё-Дега, Жан — 726, 727, 739.
Неруда, Ян — 747, 772, 773.
Нестеров, Михаил Васильевич — 547, 548, 588, 590, 884, 905.
Нечаев, Вячеслав Петрович — 149, 152, 265, 880.
Нечаев, Егор Ефимович — 242.
Никитина, Анна Павловна — 586.
Николаев, Н. В.— 893.
Николаев Ю. (псевд.) — см. Говоруха-Отрок, Юрий Николаевич.
Николай I — 455.
Николай II — 452, 516, 914.
Николай Макарыч — 224.
Никольский, сотрудник «Нового времени» — 295, 340.
Никулин, Лев Вениаминович — 828, 889.
Никулина, Надежда Алексеевна — 576.
Нилус, Петр Александрович — 399, 400, 406, 412, 414, 415, 656, 659, 660, 669, 922.
Ницше, Фридрих — 442, 732.
Новак, Войта — 768.
Новиков, Иван Алексеевич — 876—79, 905.
Новичков, студент — 556, 899.
Нокс, Александр — 788.
Носков, Николай Дмитриевич — 891.
Нотович, Осип Константинович — 166, 168.
Нюнюков, Михаил Лаврентьевич — 882, 905, 906.

Оболенский, Леонид Егорович — 775.
Оболонский, Николай Николаевич — 149, 152, 192, 197, 229, 264, 265, 280, 281, 354, 867, 892, 912.
Обручев, Николай Николаевич — 909.
Овидий, Публий Назон — 286.
Овсянико-Куликовский, Дмитрий Николаевич — 893.
Овсянников, писатель — 836.
О'Генри (Портер, Уильям Сидни) — 782.
Огурцовы, таганрогские знакомые Чеховых — 916.
Одетс, Клиффорд — 791, 792.
Одиссей (псевд.) —510.
Ожье, Эмиль — 331, 333.
О'Кейси, Шон — VI, 801, 803, 804, 832.
Окрейц, Станислав Станиславович — 646.
Оксман, Юлиан Григорьевич — 150, 152, 157, 160, 164—66, 169, 170, 173, 182, 196, 219, 234, 263, 527.
Окунев, домовладелец — 415.
Оливье, Лоренс — 789.
Олсуфьева, Анна Михайловна — 914.
Ольга, горничная Чеховых — 860.
О'Маэли, Рекс — 789.
Омутова, Евгения Викторовна — 265, 281.
Онегин (Отто), Александр Федорович — 912.
О'Нейл, Юджин — 785.
Опитц, Франц Осипович — 49, 270, 483.
Орленев (Орлов), Павел Николаевич — 366, 430, 433, 656, 679, 883, 906, 913.
Орлов, Василий Иванович — 451.
Орлов, Дмитрий Дмитриевич — 172, 173.
Орлов, Иван Иванович — 225, 226, 452, 454, 455, 473, 682, 689, 700, 886.
Орлов, Н. П., писатель — 110.
Орлова-Давыдова, М. В.— 907, 921.
Орлова, Е. И., квартирохозяйка — 470.
Орловский, Владимир Донатович — 482.
Оршер, Осип Львович — 884, 909.
Осетров, артист театра Лентовского — 117.
Островская, Надежда Николаевна — 357.
Островский, Александр Николаевич —X, 208, 246, 293, 301, 309, 324, 326, 330, 359, 426, 429, 438—41, 501, 538, 576, 582, 586, 590, 747, 815, 863, 880, 909.
Островский, Михаил Николаевич — 326.
Островский, Петр Николаевич — 298, 308—12, 317, 320, 324, 328, 345, 348, 351, 352, 357, 920, 923.
Островский, сын М. Н. Островского — 324, 326.
Островский, таганрогский учитель— 540.
Острогорская, А. К. — 846.
Острогорский, Виктор Петрович — 157, 185, 187.
Остроумов, Алексей Алексеевич — 205, 206, 258, 267, 398, 485, 506, 598, 599, 604, 664, 665, 667, 680, 690, 697—700, 702, 886, 892, 912, 922.
Остроумов, Иван Григорьевич—915, 928.
Остроухов, Илья Семенович — 878.

П. Г.— 886.
П-в, Н.— 508.
Павленков, Флорентий Федорович — 185, 187.
Павлов, Иван Петрович — 588.
Павловский, Исаак (Иван) Яковлевич — 199—200, 919.
Пак, критик — 729.
Пальм, артист театра Лентовского — 117.
Пальмин, Лиодор Иванович — 110, 156—58, 162—66, 168, 170, 363, 364, 499, 500, 890, 917, 919.
Пальмина, Пелагея Евдокимовна — 156.
Пальников, Сергей Александрович — 481, 490.
Панаев, Иван Иванович — 316.
Панина, Софья Владимировна —615, 674.
Панов, Николай Захарович — 367, 902.
Панова, Глафира Викторовна — 575, 577, 580, 582, 585, 586, 920.
Панчин, Александр Семенович — 505, 509.
Папков, генерал — 537.
Парсонет, Мэрион — 793.
Парэн, Натали — 730, 731, 744.
Пассек, Вера Сергеевна — см. Тюфяева-Чеглокова, В. С.

Пассек, Сергей Владимирович — 249.
Пассек, Татьяна Петровна — 249.
Пастухов, Николай Иванович — 907.
Пасхалова, Анна Александровна — 582, 583, 586.
Пашков, И. И., издатель журнала «Россия» — 907.
Пауэрс, Юджин — 783.
Первухин, Михаил Константинович — 149, 152, 233, 928.
Первушин, владелец имения в Кастрополе — 626.
Переплетчиков, Василий Васильевич — 547.
Перкинс, Осгуд — 783.
Перов, Василий Григорьевич — 110, 208.
Пероутка, Фердинанд — 768, 776.
Персиянинова, Н. Л. (Рябова, Наталья Львовна) — 488.
Перский, Серж — 710, 711, 745.
Пестель, Павел Иванович — 605.
Петина, Мариус Мариусович — 174, 176.
Петр I — 184, 375.
Пстрарка, рабочий в Таганрогском театре — 270.
Петров, студент — 382.
Петров — см. Скиталец (Петров), Степан Гаврилович.
Петров (псевд. Бич-Булат, Молодой Ельчанин), Александр Адрианович — 149, 152, 242, 906.
Петров, Степан Алексеевич (о. Сергий) — 860, 918, 923.
Петрова, Мирра Геннадиевна — 893.
Петровский, И. Т., соученик Чехова по греческой школе — 906.
Петровский, студент — 342.
Петряев (псевд. Дмитриев), Евгений Дмитриевич — 888.
Пешек, Ладислав — 770.
Пешехонов, Алексей Васильевич — 461, 476.
Пешков, Максим Алексеевич — 460, 613—17.
Пешкова, Екатерина Алексеевна — 615 — 17.
Пешкова (рожд. Волжина), Екатерина Павловна — XIV, 370, 411, 460, 613—20, 678, 885, 893, 906.
Пешкова-Толиверова, Александра Николаевна — 230, 249.
Пигарев, Кирилл Васильевич — 262.
Пильгук, Иван Иванович — 241.
Пиранделло, Луиджи — 721, 732, 743.
Пирсон — 807.
Писарев, Александр Иванович — 329.
Писарев, Модест Иванович — 505, 509.
Писарева, А. С., писательница — 836, 845—54.
Писемский, Алексей Феофилактович — 208.
Питоев, Жорж — 711, 712, 717, 718, 723—27, 743, 745, 746, 898.
Питоев, Саша — 707, 709, 728, 729, 733, 738, 746.
Питоева, Анюта — 723, 724, 727, 743, 745.
Питоева, Кармен — 728, 729.
Питоева, Людмила — 717, 724, 727, 743, 745.
Питоева, Светлана — 728, 729.
Питоевы, семья — 723, 732, 734, 745, 746.
Пиуновский, Е., гимназист — 925.
Пичугин, Захар Ефимович — XIV, 150, 542—46, 885, 906.
Пиштек, Ян — 764.
Платов, Матвей Иванович — 170.
Платова, графиня — 917.
Плевако, Федор Никифорович — 188, 251, 257, 258, 644, 645, 678.
Плеве, Вячеслав Константинович — 368, 388.
Плеханов, Георгий Валентинович — 322.
Плещеев, Александр Алексеевич — 262, 295, 296, 307, 316, 317, 319, 326, 327, 330, 336, 342, 344, 883, 884, 907.
Плещеев, Алексей Николаевич — XIII, 178, 179, 188, 262, 293—362, 480—82, 485, 486, 488, 490—92, 496, 498, 524, 528, 687, 701, 863, 866, 907, 918, 920.
Плещеев, Алексей Павлович — 362.
Плещеев, Николай Алексеевич — 313, 314, 317, 318, 322, 326, 338, 341, 342, 362, 482.
Плещеева, Екатерина Михайловна — 342.
Плещеева, Елена Алексеевна — 308, 309, 334—37, 340, 342, 359.
Плещеева, Любовь Алексеевна — 342.
Плон, издатель — 713, 717, 718.
Плотов, Михаил Егорович — 907, 928.
Победимская, Марианна Федоровна — 149, 152, 249, 250.
Победоносцев, Константин Петрович — 461.
Погожев, Владимир Петрович — 359.
Подарин, Николай Михайлович — 512, 518.
Подорольский, Николай Александрович — 109.
Подъячев, Семен Павлович — 405, 907.
Поездны, Яромир К.— 754, 775.
Познер, Владимир Соломонович — 721.
Покотилов, муж О. Н. Покотиловой — 472.
Покотилова, Ольга Николаевна — 470—73.
Покровский, Федор Платонович —265, 282, 540, 541, 888, 916, 919.
Поленов, Василий Дмитриевич — 130, 131, 548.
Поливанова, Е., журналистка — 883, 907.
Политковская, Екатерина Яковлевна — 149, 245, 409.
Полонский, Яков Петрович — 208, 343, 344, 628, 687, 923.
Полоцкая, Эмма Артемьевна — 149, 152, 265, 417—34, 881—928.
Поляков, Сергей Александрович — 256.
Помяловский, Николай Герасимович — 481.
Попов, Александр Николаевич — 112.
Попов, Д. Н., владелец книжного магазина — 110.
Попов (псевд. Эльпе), Лазарь Константинович — 482, 491.
Попов, Павел Сергеевич — 193, 263, 542—46, 557—60, 569—74, 605—12, 835—54, 884, 894.
Попудогло, Федор Федосеевич — 919.

Порошин, А., журналист — 928.
Поссе, Владимир Александрович — 16, 414, 439, 458—60, 463, 492, 519, 521, 522, 760, 907.
Потапенко, Игнатий Николаевич — 185, 193, 218, 240, 379, 482, 484, 497, 510, 520, 554, 639, 649, 670, 683, 885, 901, 908, 910, 918, 920, 921, 923.
Потехин, Алексей Антипович — 350, 352, 353, 359, 361.
Платон — 109.
Правдин, Осип Андреевич — 512, 575, 576, 578, 584.
Привалов, Борис Авксентьевич — 150, 195, 199, 202.
Преснов, Денис Иванович — 110.
Приоров, Дмитрий Николаевич — 481, 490.
Приселковы, Аполлон Васильевич и Вера Николаевна — 481, 490, 491.
Пристли, Джон Бойнтон — VI, 826—28.
Протасов, артист театра Лентовского — 117.
Протопопов, Михаил Алексеевич — 306, 312, 316, 317, 328, 329, 332, 333. 338, 340, 346, 347.
Профан (псевд.)— 432.
Прусик (псевд. Щербинский), Борживой (Борис Федорович)— 149 151, 152, 210, 212, 221, 222, 226, 227, 229, 230, 232, 236, 238—40, 242—44, 246, 257, 258, 750—55, 758, 761, 763, 775, 776.
Пруст, Марсель — 713, 719, 726, 727.
Пруха, Ярослав — 770.
Прюдом, Жозеф — 743.
Пряшников, Илларион Михайлович — 497, 498.
Пустильник, Любовь Семеновна — 293—362.
Путята, Николай Аполлонович — 907.
Пуцикович, Ф. Ф., автор учебника по географии — 183.
Пушешников, Николай Алексеевич — 402, 406.
Пушешникова, Клавдия Петровна — 402.
Пушкарев, Николай Лукич — 919.
Пушкин, Александр Сергеевич — IX, 112, 130, 131, 184, 188, 210, 329, 412, 556, 608, 735, 736, 744, 747, 774, 799, 815, 831, 832, 875, 899, 918.
Пфейфер, Моисей Дмитриевич — 911.
Пшеничников, автор учебника по закону божьему — 183.
Пшибышевский, Станислав — 424, 431, 446, 447.
Пыляев, Михаил Иванович — 184, 185.
Пырин, Михаил Семенович — 877—79.
Пятницкий, Константин Петрович — 369, 370, 386, 387, 393, 414, 463, 486, 492.

Р. Д.— см. Дистерло Р. А.
Р. М.— см. Балтрушайтис, Юргис Казимирович.
Р- с-в, П.— 428.
Р-ский, Н.— 422.
Рабинович, М. А., товарищ Чехова по таганрогской гимназии — 903, 908.
Рада, Властимил — 773.
Радищев, Александр Николаевич — 320.
Раевская (Иерусалимская), Евгения Михайловна — 401, 429.
Размадзе, Александр Соломонович — 110.
Раковская, помещица — 897.
Ракшанин, Николай Осипович — 508, 907.
Расин, Жан — 732.
Рассохин, Сергей Федорович — 129, 149, 152, 190.
Рахимов, артист театра Лентовского — 117.
Рахманинов, Сергей Васильевич—882,908.
Рачков, Николай Ефимович — 110.
Ребу, Поль — 725.
Ремезов, Митрофан Нилович — 110,193.
Ремизов, Алексей Михайлович — 424, 431, 446, 447, 908.
Ремизова, С., переводчица — 447.
Рено, Мадлен — 723, 732, 734.
Репин, Илья Ефимович — 208, 265, 266, 281, 282, 467, 475, 494, 548, 588, 605, 645, 876, 883, 908.
Репин, Н., писатель — 510.
Рёскин, Джон — 893.
Реформатский, Николай Николаевич — 458.
Ржепа, Владимир — 769.
Ржига, Вячеслав Федорович — 894.
Рид, Томас Майн — 169, 925.
Риккер, Карл Леонтьевич — 688.
Римский-Корсаков, Николай Андреевич — 439, 440.
Ричардсон, Джойс — 820, 827.
Ричардсон, Ральф — 789.
Роберти, Евгений Валентинович — 912.
Робертс, Лина — 789.
Родиславский, Владимир Иванович — 361.
Родон, артист театра Лентовского — 123.
Розанов, Василий Васильевич — 368, 382, 384.
Розанов, И., директор «Русского агентства в Ницце» — 217.
Розанов, Павел Григорьевич — 149, 152, 162, 920, 928.
Розеп, Юлий — 331, 332.
Розенблюм, Николай Германович — 479—82, 484—92, 872.
Розинер, Александр Евсеевич — 16.
Роксанова (Петровская), Мария Людомировна — 911, 927.
Романов, Андрей Владимирович, в. к.— 518.
Романов, Владимир Александрович, в. к.— 516.
Романов, Константин Константинович, в. к.— 378, 451.
Романов, Михаил Николаевич, в. к.— 518.
Романов, Олег Константинович, в. к.— 524, 527.
Романов, Сергей Александрович, в. к.— 516, 518.
Романов, Сергей Михайлович, в. к.— 518.
Романова, Александра Федоровна — 516.
Романова, Елизавета Федоровна, в. к.— 516, 518.
Романова, Ксения Александровна, в. к.— 516.
Романова, Мария Георгиевна, в. к.— 516.

Роскин, Александр Иосифович — 205, 274, 276, 277, 283, 538, 546, 629, 638, 882, 888, 901, 912.
Роскина, Наталья Александровна — XIV, 129, 149, 152, 190, 259—61, 265—76, 465, 538—41, 629—38, 885.
Росс, Дэвид — 792—94.
Россолимо, Григорий Иванович — 265, 282, 467, 522, 640, 642, 678, 701, 881, 883, 885, 908, 909.
Ростан, Эдмон — 769.
Ростовцев, Андрей (Блауберг, Генрих Богданович) — 884, 909.
Ротов, Константин Петрович — 381.
Ротштейн, Эммануил Маркович — 383, 393.
Рош, Дени — 217 706, 709, 710, 713, 714, 742—44, 909.
Руа, Клод — 735, 736, 745.
Рубинштейн, Антон Григорьевич — 336, 516.
Рубинштейн, Николай Григорьевич — 246.
Рубцов, Иван Васильевич — 220.
Руденков, артист — 378.
Рудин, А. (Потапов, Александр Иванович) — 927.
Рус, Джоанна — 783.
Руссо, Жан Жак — 733.
Рыбаков, Константин Николаевич —512, 576.
Рыбчинская, Наталья Дмитриевна — 281.
Рыжов, Иван Андреевич — 576.
Рыков, Иван Гаврилович — 117, 920.
Рыльский. Максим Фадлеевич — VIII — X.
Рюбан, артистка театра Лентовского — 118.
Рябов, Павел Яковлевич — 512, 518.

С. К.— 909.
С. Т.— 509.
С-кий, Б. П.— 910.
С-ой, А. (псевд.)— см. Чехов, Александр Павлович.
Сабашников, муж А. В. Сабашниковой — 337, 338.
Сабашникова, А. В.— 334—39, 360, 912.
Саблин, Владимир Михайлович — 194, 195, 441, 444.
Саблин, Михаил Алексеевич — 194, 195, 920, 926.
Савастьянов, А. Н., писатель— 884, 909.
Савельев, Дмитрий Тимофеевич — 189, 539, 627, 890, 903, 909, 919.
Савина, Мария Гавриловна — 117, 301, 330, 351, 485, 491, 505, 509, 517, 518, 636, 924.
Савицкая (Бурджалова), Маргарита Георгиевна — 39, 67, 417, 440.
Савицкий, Владимир Дмитриевич — 775.
Савицкий, домовладелец — 919, 922.
Савич, Ираида — 919.
Саврасов, Алексей Кондратьевич — 548.
Савуар, Альфред — 712.
Садовников, Дмитрий Николаевич — 884, 909.
Садовская, Ольга Осиповна — 430, 433, 512, 576.
Садовский, Михаил Провыч — 110, 512, 576.
Садовский (Тобилевич), Николай Карпович — 588, 590.
Садовский, Пров Михайлович — 501.
Сазонов, Николай Федорович — 353, 505, 509, 924.
Саксаганский (Тобилевич), Панас Карпович — 588, 590.
Саломон, Александр Петрович — 683, 700.
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович — VIII—X, 208, 293, 295, 306, 307, 317, 318, 330, 333, 337, 338, 347, 452, 479, 481, 744, 747, 774, 815, 888, 920.
Саллюстий, Гай Крисп — 286.
Самарова, Мария Александровна — 265, 282, 401, 837.
Самойлов, Павел Васильевич — 906.
Самойлович С. И.— 612.
Самуэльсон, Семен Васильевич— 910.
Сандуловичи, С., румынский художник — 83.
Санин (Шенберг), Александр Акимович — 262, 265, 282, 366, 381, 382, 418, 425, 429, 517, 872, 873, 916.
Санина, Лидия Стахиевна — см. Мизинова, Л. С.

Саргин, Давид Иванович — 110.
Сарду, Викторьен — 754, 823.
Саркизов-Серазини, Иван Михайлович — 150, 226, 232, 264.
Саррот, Клод — 740, 741.
Сарсе, Франциск — 216.
Сафонов (псевд. Сергей Печерин), Сергей Александрович — 501, 508.
Сафьянопуло, Дмитрий — 640.
Сафьянопуло, жена Д. Сафьянопуло — 640.
Сахаров, Иван Николаевич — 149, 152, 182, 183, 187, 648, 649.
Сахаров, Михаил Алексеевич — 685.
Сахарова, Елизавета Константиновна — 928.
Сацердотов, Борис Петрович — 87.
Сватонева, Иля —210, 755, 763, 766, 775, 776.
Сватоплук, Т. (Турек, Сватоплук) — 773.
Светлов, Николай Владимирович — 331, 332.
Свешников, Николай Иванович — 883, 910.
Свифт, Джонатан — 185, 777.
Свободин (Козиенко), Павел Матвеевич — 181, 265, 266, 283, 304, 345, 346, 351—54, 362, 481, 482, 484, 485, 491, 863, 866, 902, 907, 918, 920.
Свободов, Александр Николаевич — 462.
Свободова, Ружена — 762.
Святополк-Мирский, Петр Дмитриевич — 487, 492.
Себряковы, дачевладельцы — 616.
Северянин, Игорь (Лотарев, Игорь Васильевич) — 404.
Седегов, Виталий Дмитриевич — 265.
Седлачек, Алоис — 756.
Седой, А. (псевд.) — см. Чехов, Александр Павлович.
Секавин Коля — 379, 380.

Секавин, ялтинский архитектор — 379, 380.
Селиванов, рецензент — 509.
Селиванов, Гавриил Парфентьевич — 153, 283, 910, 917, 919.
Селиванов, Иван Парфентьевич — 701, 919.
Селиванова, Любовь Васильевна—517,518.
Селиванова-Краузе, Александра Львовна — 154, 265, 266, 283, 673, 910, 916, 919.
Семанова, Мария Леонтьевна — 928.
Семашко, Мариан Ромуальдович — 265, 283, 858, 860, 863, 891, 920, 922.
Семенкович, Владимир Николаевич — 149, 152, 199, 200, 212, 221, 612.
Семенкович, Евгения Михайловна — 200, 212.
Семенов, А. К., писатель — 836.
Семенов, Евгений Петрович — 883, 910.
Семенов, Сергей Терентьевич — 656.
Сен-Дени, Мишель — 746.
Серафимович (Попов), Александр Серафимович — 294.
Сервантес де Сааведра, Мигель — 871.
Сергеевич, Василий Иванович — 314, 450.
Сергеенко, Алексей Петрович — 149, 150, 233, 265, 284, 621—28, 910.
Сергеенко, Марина Петровна — 621—23, 626.
Сергеенко, Петр Алексеевич — 149, 152, 244, 251, 252, 253, 402, 420, 484, 487, 575, 577, 578, 585, 621—28, 668, 871, 890, 899, 901, 910, 919, 920.
Сергей Яковлевич, дьякон — 925.
Сергий, епископ — 368, 382, 384.
Сергий, отец — см. Петров, Степан Алексеевич.
Серебров, А.— см. Тихонов, Александр Николаевич.
Сериков, Сергей Митрофанович — 928.
Серов, Валентин Александрович — 155, 208, 209, 401, 547, 548, 556, 605, 876, 877, 878, 922.
Серова, Ольга Валентиновна — 548.
Серповский, Николай Григорьевич — 928.
Сеченов, Иван Михайлович — 171.
Сибирякова, А. М.— 179.
Сигма (псевд.) — см. Сыромятников, Сергей Николаевич.
Симанов, Андрей Афанасьевич — 900.
Симанов, Василий Прокофьевич — 900.
Симанов, Михаил Прокофьевич — 900.
Симанов, Прокофий Андрианович — 900.
Симиренко, Лев Платонович — 263.
Симов, Виктор Андреевич — 542, 548—60, 640, 910.
Симов, Т., художник — 533.
Синани, Исаак Абрамович — 237, 268, 613, 650, 887, 898, 908, 911, 925.
Синг, Джон Миллингтон — 781, 801, 812.
Сипягин, генерал — 640.
Сиротин, Владимир Александрович — 541. 903.
Сиротинин, Василий Николаевич — 920.
Скабичевский, Александр Михайлович — 328, 329, 520, 522, 672, 775, 893.
Скальковский, Константин Аполлонович — 912.
Скарская, Надежда Федоровна — 882, 891, 910.
Скарятина, Ирина, переводчица — 789.
Скафтымов, Александр Павлович — 16, 129.
Скирмунт, Сергей Аполлонович — 439.
Скиталец (Петров), Степан Гаврилович — 265, 284, 285, 369, 377, 683, 882, 889, 911.
Скитские, бр.— 455, 475.
Скотникова, Анна Ивановна — 900.
Скотт, Вальтер — 484.
Скриб, Эжен — 331, 823.
Скрябин, Александр Николаевич — 401.
Слабигоудова, Надежда — 774.
Слепцов, Василий Алексеевич — 893, 909.
Слонимский, Александр Леонидович — 909.
Смагин, Александр Иванович — 322, 323, 590.
Смагин, Сергей Иванович — 322, 323, 327, 334.
Смагины, семья — 323, 324, 346, 918, 923.
Сметана, Милош — 771, 772.
Смиотанко, офицер — 917.
Смирнов-Сокольский, Николай Павлович — 266, 278, 331.
Смольянинов, Геннадий Алексеевич —286.
Собинов, Леонид Витальевич — 511.
Соболев, Юрий Васильевич — 378, 474.
Соболевский, Василий Михайлович — 218, 221, 276, 307, 316, 507, 880, 921.
Соболевский, Сергей Иванович — 911.
Соймонов, Михаил Николаевич — 494, 496—98.
Соковнин, Николай Михайлович — 481, 488, 490, 491.
Соколов, владелец книжного магазина — 925.
Сокольников, Михаил Порфирьевич — 262, 876—79, 905, 919.
Соловцов, Николай Николаевич — 366, 381, 445, 676, 902, 904, 917, 920.
Соловьев, Владимир Сергеевич — 276, 485, 892.
Соловьев, Иван Яковлевич — 505.
Соловьев (псевд. Андреевич), Евгений Андреевич — 435.
Соловьев-Несмелов, Николай Алексеевич — 481, 490, 498.
Соловьева, Александра Ивановна — 265, 284.
Соловьева, Анна Ивановна — 265, 284.
Соловьева (Березина), Ольга Михайловна — 649, 679.
Соломин, Ил., журналист — 896.
Соломко, Сергей Сергеевич — 892.
Солоникио, домовладелец — 223.
Солонина, П. Н., автор методических пособий — 184.
Сольский, Хрисанф Петрович — 906.
Сорнев, Ярослав Владимирович — 470, 473.
Сорохтин, Николай Петрович — 192, 923.
Софья Павловна (?) — 264.
Спасович, Владимир Дмитриевич — 657, 890.

Спендиаров, Александр Афанасьевич — 882, 911.
Спендиарова, В. Л., жена А. А. Спендиарова — 911.
Спендиарова, Марина Александровна — 911.
Средин, Леонид Валентинович — 225, 226, 265, 284, 285, 421, 613, 614, 693, 701, 896.
Средины, семья — 650.
Срулев, Исаак Борисович — 540.
Стадлинг, Ионас — 151, 213—15.
Станис..., П. В., журналист — 433.
Станиславский (Алексеев), Константин Сергеевич — VIII, X, 1—3, 5, 12, 14, 21, 45, 141, 228, 265, 279, 285, 338, 366, 381, 382, 398, 401, 417, 419, 420—22, 424, 425, 427, 428, 433, 435, 436, 448, 459, 486, 514, 556, 640, 648, 662, 663, 668, 674, 678, 698, 702, 738—40, 760—65, 768, 782, 784, 787, 790, 799, 828, 873, 874, 881, 886, 888, 902, 905, 906, 908—12, 914, 921, 922, 927.
Станюкович, Константин Михайлович — 149, 152, 157, 185, 201, 240, 395, 614, 648, 683, 887, 888.
Старицкий, Михаил Петрович — 190.
Старк, Эдуард Александрович — 906.
Старов, Владимир Дмитриевич — 265, 286.
Стасов, Владимир Васильевич — 330, 588, 892.
Стахович, Алексей Александрович — 251, 429.
Стейгер, Мария Дмитриевна — см. Дросси, М. Д.
Стейгер, муж М. Д. Дросси-Стейгер — 541.
Стейгер, семья — 540.
Стейнлен, Теофиль — 457.
Стеллинг, студент — 461.
Стендаль Фредерик (Бейль, Анри Мари) — 713.
Степан, повар в доме Дросси — 539.
Степанов, Алексей Степанович — 878.
Степанов, Борис Дмитриевич — 922.
Степанов, Николай Иванович — 265, 286.
Степанов, Ю.— 900.
Степняк-Кравчинский, Сергей Михайлович — 815.
Стерн, Лоуренс— 826.
Стефановский, Павел Александрович — 910.
Стивенсон, Роберт Луи — 184.
Стин, А. Г. (псевд.) — см. Врзал, Августин.
Стороженко, Николай Ильич — 361, 481, 490, 518, 889.
Страдивариус, Антонио — 634.
Страхов, Николай Николаевич — 333, 485, 775, 912.
Страхов, Федор Алексеевич — 502.
Стрелец, Нина (Аменаида) Орестовна — 923.
Стрепетова, Полина Антиповна — 301, 582, 586.
Стрешнев, артист театра Лентовского — 118.
Стриндберг, Август — 256, 721, 793.
Строев, Павел Александрович — 521.
Струве, Петр Бернгардович — 461, 684, 700, 701.
Струговщиков, Александр Николаевич — 825.
Стружкин, Николай Сергеевич — 110.
Стулли, Федор Степанович — 170, 171.
Суан, Альфред — 908.
Суан, Екатерина — 908.
Суворин, Алексей Алексеевич — 337, 918.
Суворин, Алексей Сергеевич — IX, 165, 166, 168, 169, 176, 181, 183, 184, 186, 188—90, 192, 196, 216, 264, 287, 294, 295, 303, 304, 312, 320, 323, 324, 326, 333—36, 340—42, 344—46, 348, 350, 352, 353, 357, 359, 361, 362, 375, 377, 385, 403, 419, 454, 455, 465, 475, 481, 482, 484, 485, 487—93, 496, 497, 499, 501, 504—07, 510, 518, 522—24, 526, 528, 554, 573—75, 581—86, 588, 590, 592, 593, 597, 598, 600, 601, 611, 645, 646, 666, 669, 678, 687, 689, 690, 700, 701, 749, 775, 816—19, 827, 835, 836, 863, 883, 885—87, 890, 892, 897, 899, 901, 902, 905—08, 911—14, 918—21, 923, 924, 927.
Суворин Валерьян Алексеевич — 324.
Суворин, Владимир Алексеевич — 324.
Суворин, Михаил Алексеевич — 527.
Суворина, Анна Ивановна — 346, 347, 510, 592, 593, 921.
Суворина, Евгения Константиновна — 337.
Суворины, семья — 300, 344, 353, 524, 896.
Суворов, Александр Васильевич — 114.
Сувчинский, Петр Петрович — 722, 723, 732.
Суиннертон, Фрэнк — 802, 811—13.
Сулержицкий, Леопольд Антонович — 149, 421, 440, 467, 476, 700, 873, 874, 882, 885, 893, 911—13.
Сумбатов-Южин, Александр Иванович — 176, 182, 262, 265, 286, 331, 349, 351, 361, 402, 491, 512, 584, 670, 905, 913, 921.
Сурат, Александр Иванович — 913.
Суриков, Иван Захарович — 242, 294.
Сур-ов, Алексей Николаевич — см. Сурат, Александр Иванович.
Сухов, Владимир Дмитриевич — 504.
Сухотин, Михаил Сергеевич — 463.
Сухотина-Толстая, Татьяна Львовна — 605, 882.
Сыромятников (псевд. Сигма), Сергей Николаевич — 484, 497, 498, 523, 524, 526, 899, 902.
Сысоев, Николай Александрович — 885, 921, 922, 924.
Сысоева (рожд. Альмединген), Екатерина Алексеевна — 149, 152, 173, 174.
Сытин, Иван Дмитриевич — 149, 152, 247, 248, 265, 286, 403, 920.
Сэ, Эдмон — 725.

Т., художник — 542.
Таганцев, Николай Степанович — 336.
Тагер, Евгений Борисович — 893.
Тагор, Рабиндранат — 402.
Таль, Н. А. (Утина, Наталья Иеронимовна) — 347, 348.
Тальников, Давид Лазаревич — 405, 906.
Танеев, Сергей Иванович — 914.

Тараховский, Абрам Борисович — 702, 913.
Тардов(псевд. Т.Ардов), Владимир Геннадиевич — 913.
Тарле, Евгений Викторович — 262.
Татаринова, Фанни Карловна — 649, 898, 911.
Таубе, Юлий Романович — 699, 702, 891, 909.
Таубер, Д. С., врач — 920.
Твен, Марк (Клеменс, Сэмюэл Ленгхорн)— 184, 790.
Телешов, Андрей Николаевич — 262.
Телешов, Николай Дмитриевич — 2, 262, 395, 398—400, 404, 414, 640, 648, 659, 660,668,679,883, 895, 911, 913, 919.
Теляковский, Владимир Аркадьевич — XIV, 511—18, 883, 913.
Теплинский, Марк Вениаминович — 149, 152.
Тернавцев, Валентин Александрович — 382.
Терпигорев (псевд. Атава, Сергей), Сергей Николаевич — 110, 497, 501, 674, 680.
Тимирязев, Аркадий Климентьевич — 913.
Тимирязев, Климент Аркадьевич — 913, 914, 923.
Тимковский, Николай Иванович — 376, 636, 896.
Тимофеев, Владимир Федорович — 863, 920.
Тимофеевские, знакомые Чехова по Богимову — 897.
Титов, Спиридон — 640.
Тихомиров, Дмитрий Иванович — 183—85, 187, 926, 927.
Тихомиров, Иосаф Александрович —2, 45, 61, 447.
Тихомиров (?) — 628.
Тихонов (псевд. Серебров), Александр Николаевич — 378, 639, 660, 661, 679, 882, 894, 914, 915.
Тихонов (псевд. Луговой), Алексей Алексеевич — см. Луговой, А. А.
Тихонов, Владимир Алексеевич — 130, 278, 279, 301,359, 366, 482, 484,493—98, 501, 508, 751, 883, 892, 914.
Тихонравов, Николай Саввич — 361.
Тобилевич, Иван Карпович — см. Карпенко-Карый, И. К.
Толоконникова, Ольга — 199, 200.
Толоконниковы, фабриканты — 199, 200, 921.
Толстая (рожд. Берс), Софья Андреевна — 912.
Толстая, Татьяна Львовна — см. Сухотина-Толстая, Т. Л.
Толстой, Алексей Константинович —208, 419, 420, 435, 436, 440, 693, 759, 898, 905, 921.
Толстой, Илья Львович — 657.
Толстой, Лев Львович — 871.
Толстой, Лев Николаевич — VI, VIII—XI, 186, 188, 195, 196, 208, 210, 214, 215, 223, 236,261, 282, 306, 307,316—18, 357, 364, 365, 372, 374, 378, 384, 399, 404—06, 460, 463, 475, 481, 490, 491, 502, 509, 519, 21, 525, 526, 554, 567, 588, 599, 604, 615, 625, 642, 646, 655—61, 668, 671, 674, 679, 683, 693, 700, 707, 708, 710, 713, 714, 716, 717, 724, 735, 744, 748, 772, 773, 777, 779, 783, 796, 801, 802, 806, 808—10, 813, 815, 817—21, 828, 832, 871—75, 882, 883, 886—88, 892, 893, 895, 899, 900, 903, 904, 908. 911—14, 918—21.
Толстой, Николай Николаевич — 472.
Толстой, Сергей Львович — 882, 885, 914.
Толстые, семья — 472.
Травин, Петр Александрович — 242.
Трахтенберг, Александр Германович — 488.
Третьяков, Павел Михайлович — 208, 209, 548, 878.
Трефе, Этьен — 116.
Трефолев, Леонид Николаевич — 168, 169, 305.
Триоле, Эльза Юрьевна — 735, 743, 745.
Тройнов, Виктор Петрович — 476, 915.
Труайа, Анри — 735, 745.
Трубачев, Сергей Семенович — 906.
Трунов, Георгий Васильевич — 926.
Трутовский, Константин Александрович — 110.
«Трущоба» — см. Житкова, Мария Антоновна.
Туган-Барановский, Михаил Иванович — 461.
Туманова, Н. Н., критик — 783, 798.
Туношенский, Владимир Владимирович — 915.
Тургенев, Иван Сергеевич — IX, XI, 116, 208, 294, 317—19, 330, 385, 399, 402, 405, 481, 567, 646, 651, 707, 708, 717, 721, 735, 747, 772, 774, 783, 801,802, 806, 809, 810, 815, 819—21, 824, 828, 871, 875, 888, 889, 893, 894, 920, 925.
Туркин, Никандр Васильевич (псевд. Дий Одинокий) — 433.
Турлыгин, Яков Прокофьевич — 110.
Турнефор, учитель французского языка— 170.
Турчанинов, Иван Николаевич — 504, 509.
Турчанинова, Анна Николаевна — 509.
Тышко, Эдуард Иванович — 563, 564, 567, 569, 574, 919.
Тютюник, Василий Саввич — 920.
Тюфяева-Чеглокова, Вера Сергеевна — 149, 152, 230, 231, 248, 249, 265, 287.

Уайэт, американский критик — 781.
Узенбаш, Идия — 915.
Уилсон, Эдмунд — 790.
Уильямс, Теннесси — 795.
Уитмен, Уолт — 804.
Ульянов, знакомый В. А. Тихонова — 497.
Ульянов, Николай Павлович — 605.
Уорф, Ричард — 785.
Урусов, Александр Иванович — 149, 152, 201, 361, 419, 510, 890, 892.
Урьева, Александра Аполлоновна — 481, 490.
Усатов, Дмитрий Андреевич — 903.
Усков, домовладелец — 198.

Успенский, Глеб Иванович — 185, 188, 230, 293, 295, 304, 306, 308, 310—13, 316 — 18, 326, 327, 329, 353, 360, 372, 519, 524, 526, 728, 913.
Ушинская, Надежда Семеновна — 606.
Ушинский, Константин Дмитриевич — 606.
Уэбстер, Маргарет — 785, 789.
Уэллс, Герберт — 809, 821.

Ф-ин, Я. А.— 421.
Фальборк, Генрих Адольфович — 388, 389, 476.
Фаресов, Александр Иванович — 902.
Фаусек, Виктор Андреевич — 313, 326, 327, 361, 481, 490.
Фаусек, Вячеслав Андреевич — 915.
Федин, Константин Александрович — V—VII.
Федор Глебыч — см. Глебов, Ф. Г.
Федоров, Александр Митрофанович —8, 149, 150, 234, 247, 302, 363, 384, 385, 387, 388, 395, 396, 398, 399, 401, 410—12, 520, 522, 629—38, 915.
Федоров, Виктор Александрович — 630—34, 636.
Федоров, Е. А.— 906.
Федоров, Иван Васильевич — 149, 152, 265, 286, 884, 885, 913, 928.
Федоров, Михаил Павлович — 175.
Федоров (Юрковский), Федор Александрович — 302, 341, 342, 359, 481, 490.
Федорова, Лидия Карловна — 150, 234, 247, 377, 384, 629—38, 915.
Федорова, Мария Дмитриевна — 178, 179, 300, 318, 319, 353, 358.
Федотов, Александр Филиппович — 338.
Федотова, Гликерия Николаевна — 224, 265, 287, 576, 693, 927.
Фелл, Мэриан — 778, 796—98, 801, 804.
Фелпс, Г.— 803.
Фелпс, Уильям Лайон — 782, 783, 798.
Фельдман, Алексей Степанович — 232, 594—96, 883, 915.
Фельдман, Осип Ильич — 149, 152, 194, 197.
Фельдман, Степан Алексеевич — 594.
Фелье, Альфонс — 186.
Фен, Елизавета — 794.
Феоктистов, Евгений Михайлович — 306, 324.
Фергюсон, Френсис — 787, 788, 799.
Фернандес, Доминик — 722, 742.
Фиала, Станислав — 758.
Фидель, автор книги о Чехове — 902.
Фидлер, Федор Федорович — 265, 287, 484, 491, 501, 902, 915, 926.
Филевская, сестра П. П. Филевского — 539, 540.
Филевский, Павел Петрович — 539.
Филипп, кучер Дросси — 539.
Филиппов, Владимир Александрович — 913.
Филиппов, Сергей Никитич — 149, 181, 263, 482, 491, 901.
Филипповский, Франтишек — 770.
Фирганг, Владимир Карлович — 190, 580, 585, 869, 918, 920.
Фишер, Отокар — 766.
Флексер — см. Волынский, Аким Львович.
Флеров (псевд. Васильев С.), Сергей Васильевич — 904.
Флит (псевд. Незнакомец), Борис Давидович — 884, 915, 916.
Флобер, Гюстав — 659, 712, 728, 810, 821, 830, 895.
Флоринский, Василий Маркович — 184.
Фонвизин, Денис Иванович — 184.
Фонтэн, Лин — 785.
Фор, Поль — 424, 445.
Форсалес (псевд. Фирсов, В.), Виктор Эдуардович — 484, 491.
Фосс, Николай Хрисанфович — 415.
Фофанов, Константин Михайлович — 496.
Фохт, Александр Богданович — 909.
Франс, Анатоль (Тибо, Жак Анатоль) — 810, 818.
Фредерикс, Владимир Борисович — 518.
Фрэна, Эдуард — 789.
Фриденберг, Александр Эрнестович — 511—18.
Фридкес, Лев Моисеевич — 881—95, 897—905, 907, 909, 911—15, 917, 921, 924—27.
Фридрих, Лео — 335.
Фруг, Семен Григорьевич — 501, 508.
Фурман, Петр Романович (?) — 184.
Фурье, Шарль — 350.
Фучик, Юлиус — 769.
Фюлоп-Миллер, Рене — 776.

Хализев, Валентин Евгеньевич — 149, 152.
Халютина, Софья Васильевна — 448.
Ханкин, Сент Джон — 812, 824.
Харкеевич, Варвара Константиновна — 237, 238, 265, 287, 396, 650, 676, 697, 902, 927.
Харкеевич, Язон Николаевич — 697.
Харкеевич, Манефа Николаевна — 697.
Харрис, Джед — 780, 783.
Харузин, Николай Николаевич — 254.
Харченко, Андрей — 916.
Харченко, Гавриил — 201, 916.
Хаутон, Норрис — 791, 792.
Хвощинский, родственник Плещеева — 362.
Хейген, Юта — 785.
Хейнеман, лондонский издатель — 813.
Хеллман, Лилиан — 790, 799.
Хемингуэй, Эрнест — 782.
Хемницер, Иван Иванович — 184.
Хепгуд, Изабел — 777, 796.
Хингли, Р.— 799, 803, 804.
Хлестунов, Борис Данилович— 116, 149, 152.
Хлопов, Николай Афанасьевич — 310, 312.
Хмелев, Николай Николаевич — 149, 152, 254, 255, 258, 262.
Хмелевская, Екатерина Митрофановна — 575—86.
Ходотов, Николай Николаевич — 518, 882, 885, 916.
Холева, Николай Иосифович — 586.
Холл, Лойс — 789.

Холмская, Зинаида Васильевна — 586.
Хольдейн, Скотт — 809.
Хомиченко, Ольга Павловна — 916.
Хотяинцев, Иван Николаевич — 605.
Хотяинцева, Александра Александровна — XIV, 208, 215, 219, 265, 287, 605—12, 619, 651, 659, 916.
Храбровицкий, Александр Вениаминович — 475, 523—28, 885.
Хрущев, А. Г., владелец санатория — 402.
Хрущов-Сокольников, Гавриил Александрович — 110, 500, 900.
Хрущова-Сокольникова, Анна Ивановна — 644.
Худеков, Сергей Николаевич — 172, 180, 502, 886.
Худекова, Надежда Алексеевна — 180, 504, 508.
Худековы, семья — 886.

Цабель, учитель немецкого языка — 540.
Цветковы, соседи Кравцовых — 153.
Цебрикова, Мария Константиновна — 748.
Цезарь, Гай Юлий — 166.
Цицельзон, Эммануил Филиппович— 262, 266, 268, 288, 289.
Цицерон, Марк Туллий — 217, 286.
Цукки, Вирджиния—344.
Цуриков, фабрикант —574.

Чаговец, Всеволод Андреевич — 587.
Чайкин, Андрей Иванович — 265, 388.
Чайковский, Ипполит Ильич — 859.
Чайковский, Модест Ильич — 345, 352, 361, 480—82, 923.
Чайковский, Петр Ильич — 351, 432, 448, 858, 859, 863, 918, 920, 923, 926.
Чангли-Чайкин, Ф. П.— 916.
Чарнолусский, Владимир Иванович — 388, 389, 476.
Чарушников, Александр Петрович —377.
Чебоксаров, сахалинский житель — 906.
Челышев, Борис Дмитриевич — 116—28, 149, 152—5.
Чемоданов (псевд. Лилин), Михаил Михайлович — 113, 149, 152, 202, 533, 627.
Червинский, Федор Алексеевич — 149, 152, 181, 182.
Черемнов, Александр Сергеевич — 402.
Черкасов, антрепренер — 858.
Черман (псевд. Чермный), Аполлон Николаевич — 501, 508.
Чермный — см. Черман, А. Н.
Чернов, артист театра Лентовского—123.
Чернышев, Андрей Александрович — 904.
Чернышевский (псевд. Н. Андреев), Николай Гаврилович — 230, 293, 329, 526, 552.
Чернявский, И. Ф.— 890.
Черский (псевд. Чих) — 191, 192.
Чертков, Владимир Григорьевич — 357, 475, 481.
Черткова, Анна Константиновна — 475, 481.
Чеснокова, Зинаида Васильевна — 265, 288, 289.
Чехов, Александр Павлович — 110, 157, 161, 164, 171, 262, 263, 266, 286, 313, 314, 400, 451, 452, 475, 490—93, 508, 531, 534—37, 543, 546, 644, 665—68, 677, 678, 686, 742, 775, 835, 860, 866, 868, 869, 883—85, 896, 916, 917, 919, 922, 923.
Чехов, Владимир Иванович (Володя) — 213, 290, 615, 668, 669.
Чехов, Владимир Митрофанович — 193, 194, 265, 288, 289, 855.
Чехов, Георгий Митрофанович — 149, 152, 193, 194, 201, 282, 588, 702, 855—66, 868—70.
Чехов, Егор Михайлович — 536, 537, 917, 919.
Чехов, Иван Павлович — 149, 152, 158, 183, 193, 213, 224, 225, 263, 265, 289, 290, 321, 327, 362, 401, 402, 480, 484, 507, 531, 532, 534, 536, 543, 546, 558, 564, 570, 574—76, 580, 598, 600, 604, 615, 641, 668, 669, 686, 697, 702, 859, 863, 866, 868, 869, 889, 891, 895, 907, 922, 925, 926.
Чехов, Митрофан Егорович — 194, 200, 265, 290, 531, 536, 540, 856, 870, 916, 917, 919.
Чехов, Михаил Александрович — 667, 668.
Чехов, Михаил Михайлович — 238, 643, 919.
Чехов, Михаил Павлович — 109, 174, 194, 200, 265, 272, 281, 290, 295, 354, 357, 359, 480, 503, 508, 531, 543, 581, 642, 643, 666, 678, 690, 700, 701, 779, 855—66, 868—70, 881, 884, 885, 895, 904, 907, 916—23, 926.
Чехов, Николай Павлович — XIV, 110, 119—22, 153, 161, 208, 246, 272, 281, 338, 346, 347, 400, 480, 490, 499, 531—37, 542—44, 535—37, 542—44, 546, 548, 555, 556, 561, 564, 575, 576, 607, 644, 645, 665, 676, 677, 682, 686, 690, 774, 862, 865, 866—68, 876, 885, 891, 896, 899, 910, 912, 916, 918—23.
Чехов, Павел Егорович—149, 152, 153, 205, 273, 278, 289, 535—37, 540, 543, 570, 583, 602, 604, 607, 640—44, 677, 686, 866, 870, 891, 894, 904, 912, 916—22, 924, 926.
Чехов, Сергей Михайлович — 281, 531—37, 869, 919, 921.
Чехова, Александра Митрофановна — 193, 194.
Чехова, Анна Ивановна — 237, 238.
Чехова (рожд. Морозова), Евгения Яковлевна — 149, 152, 153, 202, 213, 229, 232, 237, 239, 324, 346, 379, 382—84, 386, 395, 396, 398, 401, 408—10, 412, 414, 415, 439, 443, 480, 503, 534—37, 543, 570, 580, 584, 602, 607, 614, 626, 640—44, 649—51, 653—55, 657, 663, 667, 673, 678, 692, 856, 866, 868—70, 889, 892, 894, 897, 904, 911, 917—19, 922, 926.
Чехова, Елена Митрофановна — 193, 194.
Чехова, Елизавета Михайловна — 237.
Чехова, Ефросинья Емельяновна — 536, 917.
Чехова, Людмила Павловна — 193, 194, 200, 916.

Чехова, Мария Павловна — IX, XIII, 87, 149, 150, 152, 153, 159, 171, 172, 195, 203, 212, 213, 224, 225, 229, 232, 235—39, 244, 257, 260, 261, 263—65, 267, 275, 281, 288, 291, 319, 324, 326, 337, 346, 377, 380, 386, 394—96, 398—404, 408—10, 412, 414, 415, 423, 426, 429, 431, 436, 439, 440, 443, 444, 446, 459, 460, 480, 491, 504, 526, 535, 539, 543, 554—58, 560, 564, 566, 574, 580, 590, 600, 604, 607, 611, 612, 619, 620, 626, 634, 639—41, 645, 648—50, 652, 654, 656, 657, 663, 668, 673, 677—82, 687, 690, 692—97, 700—02, 855, 856, 859, 860, 863, 866, 868, 869, 881, 885, 889, 890, 894—98, 900, 904, 905, 909, 911, 914—16, 918, 919, 921—24, 925, 926.
Чехова, Ольга Германовна — 918.
Чехова, Ольга Леонардовна — см. Книппер-Чехова, О. Л.
Чехова, Софья Владимировна — 193, 213, 290, 615, 668, 669, 697, 702, 918.
Чехова (Вахтангова), Софья Михайловна — 288, 290, 855.
Чеховы, семья Ал. П. Чехова — 667, 890.
Чеховы, семья И. П. Чехова—401.
Чеховы, семья — 200, 322, 323, 326, 332, 333, 539, 542, 558, 559, 561—63, 644, 649, 652, 668, 865, 868, 870, 894, 919.
Чеховский, Василий Григорьевич — 267.
Чириков, Евгений Николаевич — 262, 376, 476, 614, 683, 888, 921, 924.
Чистяков, Иван Иванович — 468.
Читау (Кармина), Мария Михайловна — 907, 924.
Чичерин, Борис Николаевич — 912.
Чих (псевд.) — см. Черский.
Членов, Михаил Александрович — 149, 152, 238, 444, 449, 464, 467, 885.
Чудов, Н. А., студент — 476.
Чуковский, Корней Иванович — VIII, 296, 406, 787, 799.
Чулков, Георгий Иванович — 884, 924.
Чумиков, Владимир Александрович — 872.
Чупров, Александр Иванович — 920.
Чуфарова, В. И., мелиховская крестьянка — 900.

Ш-ва, О. Н.— см. Шаврова, Елена Михайловна.
Шаврова (в замужестве Юст), Елена Михайловна — 149, 152, 193, 599, 603, 835—44, 920, 928.
Шаврова, Ольга Михайловна — 920.
Шайтан (псевд.) — см. Богораз, Владимир Германович.
Шакина (Журавлева), Мария Тимофеевна — 900.
Шаляпин, Федор Иванович — 149, 247, 248, 414, 511, 547, 548, 556, 618, 619, 882, 884, 889, 892, 893, 922, 924.
Шаляпина, Ирина Федоровна — 150, 248, 924.
Шамкович, Александр Исаакович (псевд. Сергей Званцев) — 924.
Шамкович, Исаак Львович— 924, 925, 928.
Шапир, Ольга Андреевна — 347.
Шапиро, Константин Александрович — 178, 286.
Шаповалов, Лев Николаевич — 243, 265, 290, 663, 882, 925.
Шапошников, Александр Константинович — 430, 433, 446.
Шарц, Александр Кузьмич — 265, 288, 679, 915, 928.
Шатилов, директор кадетского корпуса — 612.
Шатилов, Павел — 612.
Шатилова, «Аделаида» — 608, 612.
Шаховская, Наталья Дмитриевна — 526.
Шванда, Павел — 223, 230, 755, 758, 764.
Шверер, врач — 702, 914.
Шебуев (псевд. Н. Георгиевич), Николай Георгиевич — 925.
Шевченко, Тарас Григорьевич — 241.
Шейн, фотограф — 899.
Шекспир, Вильям — VI, 11, 55, 184, 185, 187, 351, 401, 422, 433, 439, 576, 590, 602, 646, 656, 660, 731, 758, 763, 769, 781, 784, 792—94, 800, 804, 871.
Шелгунов, Николай Васильевич — 230.
Шеметов, Александр Филиппович — 241.
Шеллер (псевд. Михайлов), Александр Константинович — 328, 333, 337, 341, 342, 489, 496, 497.
Шерешевская, Мария Абрамовна — 801—832.
Шеромов, артист театра Лентовского — 118.
Шестериков, Сергей Петрович — 910.
Шестов (Шварцман), Лев Исаакович — 639, 719, 722, 723.
Шехтель, Екатерина Федоровна — 290, 291.
Шехтель, Франц (Федор) Осипович — 164, 208, 246, 265, 291, 585, 645, 894, 895, 921, 922.
Шехтель-Тонкова, Вера Федоровна — 150, 246.
Шешков, Акиндин Алексеевич — 224, 225, 626, 892, 911.
Шилдкраут, Джозеф — 789.
Шиллер, Иоганн Фридрих — 184, 185, 187, 351, 576, 592.
Шимановский, таганрогский врач — 924.
Шимачек, Богуслав — 240.
Широль, переводчик — 706, 744.
Шиф, С.— 817.
Шишков, Александр Семенович — 265, 291.
Шкляревский, Александр Андреевич — 887.
Шкулев, Филипп Степанович — 242.
Шлейфер, Николай Георгиевич — 595.
Шлецер, Борис — 717, 719, 744.
Шмага, Иозеф — 756, 761.
Шмелев, Иван Сергеевич — 925.
Шморанц, Густав — 760—62.
Шнейбл, Стивен — 789.
Шницлер, Артур — 431.
Шопен, Фридерик — 732, 910.
Шопенгауэр, Артур — 185.
Шостаковский, Петр Адамович — 858, 919.
Шоу, Джордж Бернар — 794, 801, 802, 804, 807—10, 812, 817, 821, 822, 826.
Шпильгаген, Фридрих — 917.

Шпитцер, Франтишек — 768, 769.
Шрамек, Франя — 773.
Штейнгель, барон — 898.
Штепанек, Зденек — 765, 770.
Штепанек, Карел — 748.
Штерн, Адольф Эрнст — 184.
Штерн, Ян — 773, 774.
Штраус, Иоганн — 116.
Штремпф, доктор — 919.
Шубинский, Сергей Николаевич — 523.
Шувалов, Иван Михайлович — 906.
Шувалова, Любовь Николаевна — 883, 903, 925.
Шуман, Роберт — 808.

Щеглов (Леонтьев), Иван Леонтьевич — 175, 176, 180, 262, 294, 298, 306, 308—14, 317—22, 326, 330, 332, 334, 340, 342—44, 346, 350, 351, 357, 378, 479—92, 494, 496, 498, 640, 883, 885, 912, 920, 925, 926.
Щеголев, Павел Елисеевич — 175.
Щедрин, Н. (псевд.) — см. Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович.
Щепкина, Александра Петровна — 512, 518.
Щепкина-Куперник, Татьяна Львовна — 420, 640, 694, 881, 894, 920, 926.
Щербаков, Арсений Ефимович — 410, 650, 653.
Щербина, Николай Федорович — 541.
Щербина, Ф., нижегородский знакомый Чехова — 883, 926, 927.
Щербинский (псевд.) — см. Прусик, Борживой.
Щукин, Иван Иванович — 912.
Щукин (псевд. Воскресенский), Сергей Николаевич — 230, 887, 927.
Щуровский, Владимир Андреевич — 258, 398, 655, 656, 693, 699, 702, 892.

Эббс, Гельмут — 776.
Эберле, Варвара Аполлоновна — 265, 291, 895.
Эберто — 746.
Эвальд, проф.— 616, 699, 887, 898.
Эдвардс, Борис Васильевич — 410, 411, 653.
Эзоп — 184.
Эйгес, Иосиф Романович — 920, 922.
Эйснер, Павел — 766.
Экман, Т.— 736.
Элдредж, Грейс — 777, 796.
Эллиот, Джордж (Эванс, Мария Анна) — 824.
Эмар, Гюстав — 925.
Эмери, Кэтрин — 789.
Эндрик, ссыльный на Сахалине — 906.
Эндрюс, А. Г.— 789.
Эразм Роттердамский — 809.
Эриксон, И. М., офицер — 197.
Эрисман, Федор Федорович — 265, 291.
Эртель, Александр Иванович — 265, 291, 292, 471, 775, 815.
Эфрон, А. Л.— 327.
Эфрос, Дмитрий Исаакович — 149, 152, 228, 254.
Эфрос, Евдокия Исааковна — см. Коновицер, Е. И.
Эфрос, Наталья Давыдовна — XIV, 265.
Эфрос, Николай Ефимович — 402, 421, 424, 447, 882, 883, 891, 897, 904, 912, 921, 926, 927.

Ю. Б.— см. Балтрушайтис, Юргис Казимирович.
Южаков, Сергей Николаевич — 306, 352, 353, 360.
Южин — см. Сумбатов-Южин, Александр Иванович.
Юношева, Екатерина Ивановна — 919, 923.
Юон, Константин Федорович — 547, 605.
Юрасов, Николай Иванович — 217, 218, 233, 416, 682, 907.
Юрьев, Сергей Андреевич — 305, 307, 313, 351.
Юрьев, Юрий Михайлович — 882, 903, 927.
Юшет — 746.

Яблочкина, Александра Александровна — 576.
Яворская (Барятинская), Лидия Борисовна — 489, 507, 586, 883, 902, 903, 905, 920, 926—28.
Язон (псевд.) — см. Яковлев, Анатолий Сергеевич.
Якоби, Валериан Иванович — 216, 233, 904, 921.
Яковенко, Валентин Иванович — 336, 358.
Яковенко, Владимир Иванович — 149, 152, 192—95, 199, 200, 202.
Яковенко, Надежда Федоровна — 194, 195.
Яковлев (псевд. Язон), Анатолий Сергеевич — XIV, 149, 150, 206, 209, 222, 249, 597—604, 883, 928.
Яковлев, брат А. С. Яковлева — 598.
Яковлев, М. П., врач — 920.
Яковлев, Петр Александрович — 254, 255.
Яковлев, Сергей Павлович — 597, 598, 604.
Яковлева (псевд. Ю. Безродная), Юлия Ивановна — 501, 508.
Якубович (псевд. Мельшин), Петр Филиппович — 265, 266, 292.
Якунчикова, Мария Федоровна — 251, 665, 680.
Янг, Старк — 779, 782—87, 789, 792—94, 796—99.
Янжул, Иван Иванович — 215, 216.
Янов, Александр Степанович — 172, 173, 480, 490.
Яновы, сестры («Яшеньки») — 920, 923.
Ярмолинский, Абрам — 790, 798, 799, 804.
Ярон, Марк Григорьевич — 110, 159, 160.
Ярошенко, Николай Васильевич — 314, 326, 327, 337, 338, 340, 524.
Ярцев, Григорий Федорович — 395, 410, 411.
Ясинский (псевд. М. Белинский), Иероним Иеронимович — 265, 266, 292, 314, 321, 322, 329, 480, 484, 496, 497, 501, 508, 509.
Яцимирский, Александр Иванович — 884, 890, 909.

Achard, Paul — 744.
Alexandre, M.— 744.
Anderson, Judith — см. Андерсон, Джудит.
Andrews, A. G.— см. Эндрюс, А. Г.
Arout, Gabriel — 744.
Atkinson, Brooks — см. Аткинсон, Брукс.

Bankage, Hilmer — 796, 797.
Barrault, J.-L.— см. Барро, Жан Луи.
Barrett, Clark — 796.
Barsacq, André — см. Барзак, Андре.
Bates, Herbert Ernest — см. Бейтс, Герберт Эрнест.
Beaunier, André — см. Бонье, Андре.
Bement, Douglas — 799.
Bennett, Arnold — см. Беннет, Арнольд.
Bentley, Eric — см. Бентли, Эрик.
Bernard, J.-J.— 745.
Bilá, E.— см. Била, Елизавета.
Birkmeyer, Robert — см. Биркмайр, Роберт.
Bor, Jan — см. Бор Ян.
Boyce, Neitch — 797.
Brewster, Dorothy — см. Брюстер, Дороти.
Brisson, Pierre — см. Бриссон, Пьер.
Brooks, Clenth — 799.
Brown, John Mason — см. Браун, Джон Мейсон.
Bruford, Walter Horace — см. Бруфорд, Уолтер Орас.
Burnett, Whit — 799.
Butler, Hubert — 798.

Cahan, A.— см. Каган, Абрам.
Calderon, George — см. Колдерон, Джордж.
Cameron, Donald — см. Камерон, Дональд.
Cannan, Gilbert — 797.
Celli, Rose — 745.
Chaboseau, A.— 744.
Chancerel, Léon — 744.
Chirol, H.— см. Широль.
Connolly, Walter — см. Конноли, Уолтер.
Conrad, Joseph — см. Конрад, Джозеф.
Coppard, Alfred Edgar — см. Коппард, Альфред Эдгар.
Corbet, Charles — 745.
Corbin, John — 797.
Cornell, Katherine — см. Корнел, Кэтрин.
Cournos, John — 799.
Covan, Jenny — см. Кован, Дженни.
Crawley, Sayre — см. Кроули, Сейер.

Daniel-Rops, H.— см. Даниель-Ропс, А.
Dekobra, Maurice — 744.
Dhomme — см. Домм, Сильвен.
Dolansky, Julius — см. Доланский, Юлиус.
Don Aminado (Дон Аминадо — псевдоним Аминада Петровича Шполянского) — 744.
Dressler, Eric — см. Дреслер, Эрик.
Du Bos, Charles — см. Дю Бос, Шарль.
Duclos, Henri-Bernard — см. Дюкло, Анри Бернар.
Ducreux, Claire—см. Дюкрё, Клэр.
Duhamel, Georges — 721.
Durand, Madeleine — 743.
Duval, Jacques-Henri — 744.

Ehrhard, Marcelle — 745.
Eisemann, Fred — 796.
Eldredge, Grace — см. Элдредж, Грейс.
Emery, Katherine — см. Эмери, Кэтрин.

Fabricant, N. D.— 799.
Fell, Marian — см. Фелл, Мэриан.
Fen, Elizaveta — см. Фен, Елизавета.
Fencl, Otakar — 775.
Ferguson, Francis — см. Фергюсон, Френсис.
Fontanne, Lynn — см. Фонтэн, Лин.
Forman, H. J.— 797.
Frank, André — 727, 745.
Franz, Eduard — см. Фрэнз, Эдуард.
Friedland, Louis S.— 797, 827.
Fumet, Stanislas — 745.

Galsworthy, John — см. Голсуорси, Джон.
Garnett, Constance — см. Гарнетт, Констанс.
Garnett, Edward — см. Гарнетт, Эдуард.
Gassner, John — см. Гасснер, Джон.
Gerhardi, William (Alexander) — см. Джерхарди, Уильям (Александр).
Gibb, Wolcott — см. Гибб, Уолкотт.
Gignoux, Hubert — см. Жинью, Юбер.
Gish, Lilian — см. Гиш, Лилиан.
Gissing, George — см. Гиссинг, Джордж.
Goldberg, Isaac — 797.
Goller, Else — см. Голлер, Эльза.
Golschmann, L.— 744.
Gordon, Caroline — 828.
Gordon, Ruth — см. Гордон, Рут.
Gourfinkel, Nina—см. Гурфинкель, Нина Лазаревна.
Greenstreet, Sydney — см. Гринстрит, Сидни.
Guerney, B. G.— 798, 799.
Gwenn, Edmund — см. Гуэн, Эдмунд.

Hagen, Uta — см. Хейген, Юта.
Hall, Lois — см. Холл, Лойс.
Hankin, St. John — см. Ханкин, Сент Джон.
Hapgood, Isabel — см. Хепгуд, Изабел.
Harris, Jed — см. Харрис, Джед.
Hébertot — см. Эберто.
Heifetz, Anna — 798, 804.
Hellman, Lilian — см. Хеллман, Лилиан.
Hingley, R.— см. Хингли, Р.
Hofman, M.— 745.
Homo novus (псевд.) — см. Кугель, Александр Рафаилович.
Horáček, Jaroslav — см. Горачек, Ярослав.
Houghton, Norris — см. Хаутон, Норрис.
Huchette — см. Юшет.

Isaacs, J.-R.— 798.
Iswolsky, Hélène — 744.
Ivan Strannik (псевд.) — см. Аничкова, Анна Митрофановна.

Jaloux, Edmond — см. Жалу, Эдмон.
Jaque, гувернер Яковлевых — 598.
Jaubert, E.— 744.
Jimes, Henry — см. Джеймс, Генри.
Jiša, Jan — см. Иша, Ян.

Kanters, Robert — см. Кантерс, Роберт.
Kaun, A.— 797.
Kay, Adeline Lister — 797.
King, Dennis — см. Кинг, Денис.
King, G. B. — см. Кинг, Гертруд Бесс.
Knox, Alexander — см. Нокс, Александр.
Koteliansky, S. S.— см. Котелянский, Самуил Соломонович.
Kristians, Tony — см. Кристианс, Тони.
Krutch, Joseph Wood — см. Кратч, Джозеф Вуд.
Kvapil, Jaroslav — см. Квапил, Ярослав.
Kvapilova, Hana — см. Квапилова, Гана.

Laffitte, Sophie — см. Лаффит, Софи.
Lamblot, A. — см. Ламбло, А.
Léger, Marius — 744.
Legras, Jules — см. Легра, Жюль.
Leysac, Paul — см. Лейсэк, Пол.
Littell, Robert — см. Литтел, Роберт.
Little P.— 797.
Long, R. E. C.— см. Лонг, Р.
Lourié, Ossip — см. Лурье, Осип.
Lovett, R. M.— см. Ловетт, Роберт Морзе.
Lozinski, G. (Лозинский, Григорий Леонидович) — 745.
Lunt, Alfred — см. Лант, Альфред.
Lyon, A. F.— 799.

MacCarthy, Desmond — см. Маккарти, Дезмонд.
MacClintic, G.— см. Мак Клинтик, Гатри.
MacKay, Morris — см. Мак Кей, Моррис.
Magarshak, David — см. Магаршак, Дэвид.
Magito, Suria — см. Мажито, Сурия.
Mandell, Max S.— 796.
Mansfield, Katherine — см. Мэнсфилд, Кэтрин.
Mathesius, Bohumil — см. Матезиус, Богумил.
Mauclair, Jaques — см. Моклер, Жак.
Maugham, William Sommerset — см. Моэм, Уильям Сомерсет.
Maupassant, Guy de — см. Монассан, Ги де.
Mauriac, François — см. Мориак, Франсуа.
Michelson, S.— 745.
Miller, Arthur — см. Миллер, Артур.
Modell, David A.— 797.
Mongault, Henri — 744.
Mostkova, C.— см. Мосткова, С.
Motchoulski, C. (Мочульский, Константин Васильевич) — 745.
Moudry, Cyrill S. — см. Мудры, Кирилл С.
Murry, John Middleton — см. Марри, Джон Миддлтон.
Musgrove, Gertrude — см. Масгроув, Гертруд.
N.— см. Белоусов, Иван Алексеевич.
N. N.— 499, 500.
Nejedlý, Zdeněk — см. Неедлы, Зденек.
Nemirovsky, Irène — см. Немировская, Ирен.
Nepveu-Degas, Jean — см. Непвё-Дега, Жан.
Nichols, Lewis — 799.

O'Casey, Shean — см. О'Кейси, Шон.
Old Boy (псевд.) — 913.
Olivier, Laurence — см. Оливье, Лоренс.
O'Malley, Rex — см. О'Маэли, Рекс.
Otte, P. A.— 776.

Parayre, Edouard — 743.
Parsonnet, Marion — см. Парсонет, Мэрион.
Pearson, H.— см. Пирсон.
Perkins, Osgood — см. Перкинс, Осгуд.
Persky, Serge — см. Перский, Серж.
Pérus, Jean — 743, 744.
Phelps, G.— см. Фелпс, Г.
Phelps, W. L. — см. Фелпс, Уильям Лайон.
Pirandello, Luigi — см. Пиранделло, Луиджи.
Pitoëff, Aniouta — см. Питоева, Анюта.
Pitoëff, Georges — см. Питоев, Жорж.
Pitoëff, Ludmilla — см. Питоева, Людмила.
Plon — см. Плон.
Pojezdný, Jaromir K.— см. Поездны, Яромир К.
Powers, Eugene — см. Пауэрс, Юджин.
Pozner, W.— см. Познер, Владимир Соломонович.
Priestley, John Boynton — см. Пристли, Джон Бойнтон.
Prusík, Bořivoj (Boris) — см. Прусик, Борживой.
Puck — см. Пак.

Renaud, Madeleine — см. Рено, Мадлен.
Richardson, Ralph — см. Ричардсон, Ральф.
Rigault, Jean de — 712.
Rilke, Erich Maria — 721.
Roberts, Leona — см. Робертс, Лина.
Roche, Denis — см. Рош, Дени.
Roos, Joanna — см. Рус, Джоанна.
Rose, Pauline — 799.
Ross, David — см. Росс, Дэвид.
Rousseau, Pierre — 744.
Roy, Claude — см. Руа, Клод.

Saint-Denis, Michel — см. Сен-Дени, Мишель.
Saphro, F. A.— 797.
Savitch, G.— 744.
Sayler, Oliver — 797.
Schloezer, Boris —см. Шлецер, Борис.
Schnabel, Stephan — см. Шнейбл, Стивен.
Schneider, El.— 804.
Schnittkind, Henry T.— 797.
Shaw, George Bernard—см. Шоу, Джордж Бернар.

Shildkraut, Joseph — см. Шилдкраут, Джозеф.
Sirout — 166.
Souvtchinsky, Pierre — см. Сувчинский, Петр Петрович.
Stadling, J.— см. Стадлинг, Ионас.
Strindberg, August — см. Стриндберг, Август.
Svatoňevá, Ilja — см. Сватонева, Иля.
Swinnerton, Frank — см. Суиннертон, Фрэнк.

Taylor, Ross M.— 799.
Tomlinson, Phillip — 797.
Toumanova, N. N.— см. Туманова, Н. Н.
Triolet, Elza — см. Триоле, Эльза.
Troyat, Henri — см. Труайа, Анри.

Unamuno, Miguel de — 721.

Vercors — см. Веркор.
Vernon, Greenville — см. Вернон, Гринвил.
Vernon, Isabel — см. Вернон, Изабел.
Vilar, Jean — см. Вилар, Жан.
Vodák, Jindřich — см. Водак, Индржих.
Vojan, Eduard — см. Воян, Эдуард.
Vrzal, A.— см. Врзал, Августин.

Wagener, A. Pelzer — 799.
Waliszewski, K.— см. Валишевский, Казимир Феликсович.
Warren, R. P.— 799.
Weatherly, Edward H.— 799.
Webster, Margareth — см. Уэбстер, Маргарет.
Werner, Heinz — 799.
West, Julius — 797, 798.
Whorth Richard — см. Уорф, Ричард.
Williamson, C.— 798.
Wilson, E.— 799.
Winner, T. G.— см. Виннер, Томас Г.
Wolfe, Archibald J.— 796.
Woolf, Leonard — см. Вульф, Леонард.
Woolf, V.— см. Вульф, Вирджиния.
Wright, Willard H.— 799.
Wyatt, V. R.— см. Уайэт.

Yarmolinsky, Avrahm — см. Ярмолинский, Абрам.
Young, Stark — см. Янг, Старк.

Zagoulaieff, Julie — 744.
Zeybel, Edwin H.— 799.
Zinovieff K.— 799.

УКАЗАТЕЛЬ
УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И ПРИЖИЗНЕННЫХ ИЗДАНИЙ ЧЕХОВА*

Составила И. Е. Гитович

«Агафья» — 715, 749, 776.
«Анна на шее» — VIII.
«Анюта» — 776.
«Ариадна» — 359, 417, 677, 749, 872, 901.
«Архиерей» — VIII, 377, 406, 641, 667, 677, 797, 874, 888, 918, 923.

«Бабы» — 749.
«Бабье царство» — 364, 663, 677, 680, 791.
«Барон» — 158.
«Беглец» — 677, 776, 817, 874, 906, 917, 923.
«Без заглавия» — 748, 776, 892, 901.
«Беззаконие» — 901.
* «Безотцовщина» — 917.
«Безумец Платонов» — см. ⟨Пьеса без названия⟩.
«Белолобый» — 667, 677.
«Бесполезный человек Платонов» — см. ⟨Пьеса без названия⟩.
«Брожение умов» — 158.
** ⟨«Бэла»⟩ — 920.

«В бане» — 872.
«В вагоне. Разговорная перестрелка» — 161.
«В море» — 410, 411, 654, 889.
«В Москве на Трубной площади» — 363, 677.
«В овраге» — VIII, X, XII, 268, 285, 371 404, 405, 672, 677, 688, 701, 706, 744, 776, 892, 901, 919.
«В потемках» — IX.
«В родном углу» — 215, 744, 918.
«В ссылке» — 677, 817, 918.
«В сумерках», изд. 1 (1887) — 171, 271—73, 277, 278, 286, 291, 294, 331, 332, 335, 578, 585, 748—750, 891.
» изд. 3 (1889) — 271, 272, 287.
» изд. 8 (1895) — 276, 289, 292.
«В усадьбе» — 402.
«Ванька» (1884) — 160, 363.
«Ванька» (1886) — 241, 389, 706, 744, 749, 776, 797.
«Ведьма» — 170, 171, 797, 917, 923.
«Верочка» — 776, 917.
«Весной» — 172, 173.
«Винт» — 241.
«Вишневый сад» — IX, XII, XIII, 141—46, 252, 254—58, 369, 373, 378, 393, 394, 400, 405, 416, 428, 431—33, 445—48, 450, 474, 486, 517, 539, 550, 556, 574, 586, 602, 605, 616, 654, 659, 665—67, 674—76, 696, 698, 699, 702, 705, 720, 730—34, 738—46, 758, 759, 763—65, 769—71, 778—82, 784, 786, 787, 789, 791, 793, 796—98, 801, 802, 804—09, 811, 812, 825—27, 832, 836, 863, 884, 886, 887, 889, 893—98, 901—05, 907, 911, 912, 915, 918—21, 927.
«Володя» — 375, 718, 744, 917.
«Володя большой и Володя маленький» — 261, 677, 742, 797.
«Ворона» — 650, 677, 679.
«Воры» — 918.
«Враги» — 369, 372, 677.
«Встреча» — 748.
«Выигрышный билет» — см. «Lottery Ticket» и «Obligation à lot».

«Гамлет на пушкинской сцене» — 366.
** «Гамлет, принц датский» — 901.
* «Генерал Кокет» — 594.
«Горе» — 917.
«Гриша» — 172, 173.
«Гусев» — 300, 362, 367, 651, 652, 677, 821, 822, 902, 918.

«Дама с собачкой» — XIII, 133—40, 268, 270, 285, 374, 500, 508, 591, 677, 716, 718, 797, 822.
«Дачные правила» — 157.
«Два скандала» — 158, 919.
«Детвора» — 776, 917, 923.
«Детвора», сб. (1889) — 184.
» »(1890) — 287, 749.
«Дом с мезонином» — 231, 387, 413, 610, 677, 680, 751, 797, 897, 918.
«Дома» — 241, 748, 777, 796.
«Дочь Альбиона» — VIII, 372, 378, 641, 644, 677, 893, 917.
«Драма» — 750.
«Драма на охоте» — 744, 887.
«Душечка» — 677, 778, 797, 831, 871, 872, 892, 893, 903.
«Дуэль» — 181, 190, 210, 212, 276, 278, 279, 283, 287, 289, 290, 292, 301, 417,

* Звездочкой отмечены произведения Чехова, не дошедшие до нас. Двумя звездочками — задуманные, в том числе начатые, но незаконченные произведения (также не дошедшие до нас).

443, 482, 489, 491, 521, 673, 677, 706, 743, 744, 750—52, 776, 797, 799, 815, 902, 918, 923.
«Дядя Ваня» — IX, XII, 228, 232, 236, 244, 246, 249, 250, 279, 280, 305, 366, 371, 376—78, 380, 389, 390, 401, 420—22, 425—27, 430, 433—36, 440, 489, 512—16, 518, 557, 648, 674, 675, 686, 700, 705, 711, 712, 717—19, 728—30, 732, 739, 741, 743—46, 752, 753, 755—61, 764, 767, 770, 771, 778—80, 783, 784, 789, 790, 793, 797, 802, 804, 807, 808, 823, 824, 873, 874, 888—91, 898, 902, 904—06, 909—12, 920, 921, 925, 927.

«Егерь» — 505, 509, 641, 645, 646, 776.

«Жалобная книга» — 677.
«Жена» — 677, 743, 797.
«Женевьева Брабантская» — 118, 120—23, 154.
«Жены артистов» — 158, 546, 901.
«Жизнеописания достопримечательных современников» — 546.
«Житейская мелочь» — см. «Trifle from Life».

«Забыл!!» — 764, 923.
«Задача» — 748.
«Зеленая коса» — 546, 919.
«Зиночка» — 776, 798.
«Злой мальчик» — см. «Naughty Boy».
«Злоумышленник» — 241, 372, 383, 508, 510, 641, 871, 874, 891.

«Иван Матвеич» — 919.
«Иванов» — 171, 178—80, 232, 272, 275, 281, 286, 293, 302—04, 339, 341—45, 354, 356, 401, 430, 434, 481, 489, 490, 515, 528, 581, 706, 725, 730, 736, 738, 739, 743, 746, 764, 771, 778—80, 794, 795, 797, 801, 802, 804, 857, 858, 882, 886, 891, 893, 894, 903, 904, 907, 909, 917, 920, 923, 928.
* «Из семинарской жизни» — 903.
«Из Сибири» — 496, 498, 744.
«Именины» — 287, 294, 298, 299, 324, 328, 332—38, 340, 677, 797, 817.
«Ионыч» — VIII, X, 603, 604, 677, 721, 917.

«К сведению мужей (Научная статья)» — 164, 165.
«Калиостро, великий чародей, в Вене (в „Новом театре" М. и А. Л.)» — 117—19, 154.
«Канитель» — 241, 917.
«Каштанка» — 241, 268, 271, 284, 287, 291, 292, 335, 633, 667, 675, 677, 730, 731, 744, 769, 887, 890, 891, 895.
«Керосин» — см. «Неосторожность».
«Киргизы» — 917.
«Клевета» — 778.
«Княгиня» — 300, 369, 547, 642, 677, 706.
«Кошмар» — 172, 173.
«Красавицы» — 677.
«Кривое зеркало» — 546.
«Крыжовник» — 220, 221, 918.

«Лебединая песня (Калхас)» — 243, 244, 280, 302, 309, 310, 335, 336, 743, 746, 769, 778, 798, 804, 920, 923.
«Лев и солнце» — 355.
* «Легенда» — 498.
«Летающие острова» — 546.
«Леший» — 301, 302, 304, 305, 319, 346, 347, 352—54, 356, 357, 360, 361, 489, 490, 581, 797, 890, 892, 901, 904, 905, 917, 920.
«Лошадиная фамилия» — 769, 790.

«Мальчики» — 925.
«Маска» — 770.
«Медведь» — 180, 202, 302, 330, 338, 340, 344, 366, 417, 430, 434, 512, 518, 581, 610, 743, 744, 746, 754, 764, 769, 776, 778, 786, 796, 797, 857, 858, 892, 901, 909, 917.
«Мертвое тело» — 917, 923.
«Месть» — 158, 776.
«Месть женщины» — 160, 363.
«Милого Бабкина яркая звездочка...» — 923.
«Моя жизнь» — 151, 211, 213, 214, 217, 241, 603, 743, 749, 815, 912, 917.
«Моя семья» — 124—28.
«Мужики» — VIII, XII, 214, 241, 284, 519, 521, 602, 667, 688, 706, 743, 744, 776, 799, 830, 886, 890, 901, 912, 914, 918, 923.
«Мужики» и «Моя жизнь», сб. (1899) — 910.
«Мысли и отрывки» — см. «Пестрые сказки».

«На большой дороге» — 743, 764, 778, 797.
«На вскрытии» — см. «Мертвое тело».
** «На досуге», сб. — 919.
«На мельнице» — см. «At the Mill».
«На подводе» — 202, 706, 709, 744, 871.
«На пути» — 642, 677, 744.
«На реке» — 172, 173.
«На святках» — 677.
«На чужбине» — 706.
«Налим» — 641, 917, 923.
«Нахлебники» — см. «Pensionnaires».
«Не даром курица пела» — 917.
«Невеста» — XIII, 87—108, 250, 252, 403, 450, 474, 603, 876.
«Невидимые миру слезы» — 160.
«Невинные речи», сб. (1887) — 272, 748, 749, 919.
«Недоброе дело» — 749, 776, 917, 923.
«Ненужная победа» — 887.
«Неосторожность» — 872.
«Неприятность» — см. «Encounter».
«Несчастье» — 770.
* «Ничего не начинай» — 498.
«Новая дача» — VIII, 376.
«Ночь перед судом» — см. «Night before the Trial».
«Ночью» — см. «В море».

«О вреде табака» (1886) — 165, 166, 169, 170, 394, 901.
«О вреде табака» (1903) — 166, 743, 744, 794, 797.
«О любви» — 220, 221, 260, 677, 886.

«О мае» — 161.
«О марте» — 161.
«О подписке на иллюстрированный и юмористический журнал „Зритель“ на 1882 г.» — 109, 110.
«Об апреле» — 161.
«Об июне и июле» — 161.
«Обыватели»—см. «Учитель словесности».
«Огни» — 294, 298, 318, 320, 321, 367, 744, 748, 917, 923.
«Один из многих» — 490.
«Он и она» — 158.
«Оратор» — 619, 872.
«Орден» — 749.
«Осколки московской жизни — 160, 161.
«Остров Сахалин» — 188, 198, 266, 267, 274, 278, 280, 287, 291, 292, 502, 520, 522, 582, 596, 903, 918, 926.
«Отец» — 751.

«Павлин в вороньих перьях» — см. «Ворона».
«Палата № 6» — 264, 279, 282, 287, 364, 417, 443, 488, 492, 677, 706, 712—15, 743, 744, 776, 914.
«Панихида» — 165, 166, 645, 798.
«Пари» — 301, 343, 677, 776, 797, 798.
«Пассажир 1-го класса» — 748, 798.
«Перекати-поле» — 641, 677, 706, 913, 917.
«Пересолил» — 776.
«Персидский орден» — см. «Лев и солнце».
«Пестрые рассказы», сб., изд. 1 (1886) — 158, 163, 166, 180, 270, 273, 281, 284, 289, 484, 522, 584, 585, 645, 670, 748, 887, 888, 901, 919.
«Пестрые рассказы», изд. 2(1891)—277.
» » » 4(1893)—274.
» » » 7(1895) — 277, 278, 279, 284.
«Пестрые сказки» — 111—15, 166.
«Печенег» — VIII, 215, 677, 744.
«Письмо» — 748.
«Письмо к ученому соседу» — 601, 604, 917.
«Платонов» — см. ⟨Пьеса без названия⟩.
«По делам службы» — 443, 744, 918.
«По Сибири» — 496, 498, 744, 918.
«Повести и рассказы», изд. Сытина (1894) — 195, 197, 268, 278, 287.
«Попрыгунья» — XIII, 130—32, 276, 677, 744, 750, 871, 874, 901, 918, 920, 923, 926.
* «Портрет» — 498.
«Поцелуй» — 378, 749, 797, 804, 807, 812.
«Почта» — 822, 823.
«Праздничная повинность» — см. «Jour de fête».
«Предложение» — 176, 302, 351, 366, 379, 434, 481, 743, 744, 746, 754, 764, 769, 776, 778, 796, 798, 857, 901, 909.
«Припадок» — 299, 317, 337, 338, 364, 367, 378, 677, 744.
«Произведение искусства» — 241, 744, 776, 777, 796, 798.
* «Прошение» — 498.
⟨Пьеса без названия⟩ — 730, 736—38, 741, 746, 766, 803, 804, 919.
«Пьесы», изд. Суворина (1897) — 231, 272, 282, 286.
«Размазня» — 923.
** ⟨Рассказ о впечатлениях деревенского парня, впервые попавшего в город⟩ — 901.
«Рассказ неизвестного человека» — 677, 743, 744, 920.
«Рассказ старшего садовника» — 677.
«Рассказы: 1. Мужики. 2. Моя жизнь» (1897) — 151, 213, 219, 282, 284.
«Рассказы», сб., изд. 1 (1888) — 273, 332, 578, 585, 923.
«Рассказы», изд. 1, 2 или 3 (1888 или 1889)— 748, 749.
«Рассказы», изд. 2 или 3 (1889) — 287, 289.
» изд. 3 (1889) — 271, 280.
» изд. 10 (1896)—471.
» изд. 10 или 11 (1896 или 1897) — 273, 284, 288.
** «Рассказы из жизни моих друзей» ⟨Роман⟩ — 300, 301, 310, 901, 917.
** ⟨Роман⟩ — 480.
«Роман с контрабасом» — см. «Woman in the Case».

«Салон де Варьете» — 919.
«Сапоги всмятку» — 923.
«Сапожник и нечистая сила»—343.
«Сара Бернар» — 546.
«Свадьба» — 743, 764, 769, 770, 778, 901, 904, 917.
«Свадьба с генералом» — 606, 901, 919.
«Свирель» — 367, 706, 744, 748.
«Святою ночью» — 294, 641, 677, 917.
«Святые горы» — см. «Перекати-поле».
** «Сила гипнотизма» — 480, 489.
«Сирена» — 798, 901, 917.
«Сказка» — см. «Пари».
«Сказки Мельпомены», сб. (1884) — 157—59, 272, 278, 288, 290, 628, 919, 925.
«Скоморох—театр М.В. Л.»—116, 117, 154.
«Скорая помощь» — 917.
«Скрипка Ротшильда» — см. «Rotchild's Fiddlle».
«Скучная история»—274, 280, 294, 299, 300, 347—49, 351 — 54, 581, 585, 642, 652, 677, 713, 717, 718, 722, 743, 744, 749, 750, 806, 892.
«Случай из практики» — 367, 743, 822, 823.
«Смерть чиновника» —372, 776, 917, 923.
«Событие» — 389, 744.
«Сон» — см. «Sleepy».
«Соседи» — 270, 743.
Сочинения, изд. Маркса, т. 1 (1899) —273.
Сочинения, т. 2 (1900) — 273, 284, 290.
» т. 3 (1901)—274, 290, 383, 638.
» т. 4 (1901) — 287.
» т. 5 (1901) — 274, 285.
» т. 7 (Пьесы) (1901) — 383.
» т. 7 (Пьесы), 2 доп. изд. (1902)—2, 129.
Сочинения (том не указан) (1901) — 290, 291, 465.
Сочинения, изд. Маркса, 2-е, т. 15 (прил. к «Ниве», 1903) — 585.
«Спать хочется» — 325, 776, 777, 796, 917.
«Степь» —VI, IX, X, XII, 174, 288, 294—98, 306—09, 310—13, 315, 319, 406, 677, 743, 744, 748, 776, 797, 816, 891, 893, 914, 917—20, 923.

«Страх» — 500, 508, 749.
«Страхи» — 919.
«Страшная ночь» — 748, 777, 796.
«Студент» — 367, 375, 376, 641, 677, 706, 709, 710, 744.
«Супруга» — 677, 918, 921.
* «Сцена с натуры» (?) — 903.
«Счастливчик» — см. «Happy Man».
«Счастье» — 367, 748, 749, 817, 917.

«Татьяна Репина» — 377, 855.
«Тайный советник» — 744, 751.
«Театральный разъезд» — см. «Пестрые сказки».
«Тина» — 578, 642, 646, 677, 744.
«Тиф» — 448, 642, 652, 677, 706, 749, 776.
«Токарь» — см. «Горе».
«Тоска» — 241, 495, 706, 744, 776, 818.
«Трагик» — 158.
«Трагик поневоле» — 481, 490, 743, 746, 769, 778, 857.
«Три года» — 195, 643, 671, 677, 712, 743, 744, 877, 903, 917, 919, 923.
«Три сестры» — VIII, IX, XII, XIII, 1—86, 232, 239, 240, 268, 270, 366, 371, 373, 377, 378, 380—83, 396, 398, 399, 418, 420, 421, 427, 429, 430, 433, 434, 439, 440, 445, 450, 459, 474, 516, 569, 632, 638, 650, 656—58, 693, 705, 707, 708, 709, 721, 723, 724, 726, 727, 729, 730, 733, 734, 738—41, 743, 745, 746, 752, 760—71, 778—80, 783, 784, 786, 788—90, 792, 793, 796—99, 802, 823, 825, 826, 828, 857, 874, 887, 888 893, 897, 901, 902, 904, 905, 911, 912, 917, 918, 923, 926, 927.

«У знакомых»—217.
«У предводительши» — 706, 917.
«Убийство» — 641, 677, 706, 709, 742, 744, 918, 921.
«Унтер Пришибеев» — 372, 510, 641, 797, 890.
«Устрицы» — 677, 776.
«Учитель» — см. «Mentor».
«Учитель словесности» — 300, 677.
«Учительница» — см. «На подводе».

«Фокусники» — 913.

«Хамелеон» — 770, 888.
«Хирургия» — 508, 510, 641, 764, 909, 917, 923.
«Хмурые люди», сб. изд. 1 (1890) — 274, 287, 290, 700, 903.
«Хмурые люди», изд. 3 (1891) — 283.
» изд. 6 (1896) — 267, 282, 288, 289.
«Хмурые люди» (?) — 274.
«Холодная кровь» — 200, 642, 677, 700, 917.
«Хористка» — 642, 677, 769, 798.
«Хороший конец» — 764, 797.
«Храм славы» — 919.
«Художество» — 508, 510.

«Цветы запоздалые» — 919.

«Чайка» — IX, X, XII, 17, 221, 222, 229—31, 264, 266, 270, 279, 280, 366, 377, 380—82, 417—20, 422, 424—26, 428—30, 433, 434, 436, 440, 445, 446, 486—89, 492, 500, 504, 505, 509, 510, 512, 513, 515—19, 565, 584, 648, 661, 676, 677, 689, 692, 693, 705, 706, 712, 717, 721, 727, 730, 733, 738, 743, 745, 746, 751, 754, 755, 758, 764, 768—70, 778, 781, 782, 784, 785, 790—94, 796, 798—802, 804, 805, 808, 872, 882, 886—88, 890—93, 895, 897—98, 903—05, 907—12, 916, 918, 920, 921, 923—28.
«Человек в футляре» — 221, 368, 743, 917.
«Человек Платонов» — см. ⟨Пьеса без названия⟩.
** ⟨«Черный кот»⟩ — 893, 908.
«Черный монах» — 217, 417, 443, 487, 492, 677, 743, 744, 749, 750, 797, 804, 807, 812, 914, 918.

«Шведская спичка» — 546, 798.
«Шуточка» — 173.

«Экзамен на чин» — 917, 923.

«Юбилей» — XIII, 129, 190, 431, 434, 743, 764, 769.

«Ярмарочное „итого“» — 160.

«Angoisse» — см. «Тоска».
«Anniversaire de la fondation» — см. «Юбилей».
«Ariadna» — см. «Ариадна».
«At the Mill» («На мельнице») — 798.
«Au pays natal» — см. «В родном углу».

«Banal histoire» — см. «Скучная история».
«Bear» — см. «Медведь».
«Beau voyage» — см. «На пути».
«Bet» — см. «Пари».
«Big Volodia and Little Volodia» — см. «Володя большой и Володя маленький».
«Bishop» — см. «Архиерей».
«Black Monk» — см. «Черный монах».
«Boor» — см. «Медведь».
«Bourbier» — см. «Тина».

«Candélabre» — см. «Произведение искусства».
«Cas de pratique médicale» — см. «Случай из практики».
«Ce fou de Platonov» — см. ⟨Пьеса без названия⟩.
«Cérisaie» — см. «Вишневый сад».
«Chant du cygne (Calkhas)» — см. «Лебединая песня (Калхас)».
«Chataigne» — см. «Каштанка».
«Cherry Garden» — см. «Вишневый сад».
«Cherry Orchard» — см. «Вишневый сад».
«Choc» — см. «Припадок».
«Chorus Girl» — см. «Хористка».
«Conseiller privé»—см. «Тайный советник».

«Dans le bas-fond» — см. «В овраге».
«Darling» — см. «Душечка».
«De service» — см. «По делам службы»

«Demande en mariage» — см. «Предложение».
«Détresse» — см. «Тоска».
«Don Juan in the Russian manner» — см. ⟨Пьеса без названия⟩.
«Drame à la chasse»—см. «Драма на охоте».
«Duel» — см. «Дуэль».
«Dushitchka» — см. «Душечка».

«En chariot» — см. «На подводе».
«Encounter» («Неприятность») — 798.
«Etudiant» — см. «Студент».

«Feux» — см. «Огни».
«First Class Passenger» — см. «Пассажир 1-го класса».
«Fugitive Coffins» — см. «Страшная ночь».

«Happy Ending» — см. «Хороший конец».
«Happy Man» («Счастливчик») — 797.
«Homme à l'étui» — см. «Человек в футляре».
«House with the Mezanine» — см. «Дом с мезонином».

«Irascibles» («Тяжелые люди») — 744.
«Ivanoff» — см. «Иванов».
«Ivanov» — см. «Иванов».

«Jour de fête» («Праздничная повинность») — 743.

«Kalkhas» — см. «Лебединая песня (Калхас)».
«Kiss» — см. «Поцелуй».

«Lady with the Dog» — см. «Дама с собачкой».
«Lottery Ticket» («Выигрышный билет») — 798.

«Ma femme» — см. «Жена».
«Ma vie» — см. «Моя жизнь».
«Maîtresse d'école» — см. «На подводе».
«Marriage Proposal» — см. «Предложение».
«Méfaits du tabac» — см. «О вреде табака».
«Mentor» («Учитель») — 798.
«Meurtre» — см. «Убийство».
«Mimi à des petits» — см. «Событие».
«Moine noire» — см. «Черный монах».
«Morne histoire» — см. «Скучная история».
«Mouette» — см. «Чайка».
«Moujiks» — см. «Мужики».

«Naughty Boy» («Злой мальчик») — 798.
«Night before the Trial» («Ночь перед судом») — 798.
«Noce» — см. «Свадьба».

«Obligation à lot» («Выигрышный билет») — 744.
«On the Highways» — см. «На большой дороге».
«Oncle Vania» — см. «Дядя Ваня».
«Ours» — см. «Медведь».

«Party» — см. «Именины».
«Paysans» — см. «Мужики».
«Peasants» — см. «Мужики».
«Pensionnaires» («Нахлебники») — 744.
«Pétchénègue» — см. «Печенег».
«Philosophy at Home» — см. «Дома».
«Pipeau» — см. «Свирель».
«Proposal» — см. «Предложение».

«Récit d'un inconnu» — см. «Рассказ неизвестного человека».
«Requiem» — см. «Панихида».
«Rotchild's Fiddle» («Скрипка Ротшильда») — 797.
«Roussette» — см. «Каштанка».

«Safety Match» — см. «Шведская спичка».
«Salle 6» — см. «Палата № 6».
«Seagull» — см. «Чайка».
«Second Bet» — см. «Пари».
«Siren» — см. «Сирена».
«Slanderer» — см. «Унтер Пришибеев».
«Sleepy» («Сон») — 798.
«Sleepy-eye» — см. «Спать хочется».
«Steppe» — см. «Степь».
«Sur la grande route» — см. «На большой дороге».
«Swan-Song» — см. «Лебединая песня (Калхас)».

«Terrible Night» — см. «Страшная ночь».
«Tête à l'évent (Poprygounia)» — см. «Попрыгунья».
«Three Sisters» — см. «Три сестры».
«Tobacco Evil» — см. «О вреде табака» (1903).
«Tragique malgrè lui» — см. «Трагик поневоле».
«Traversée de la Sibérie» — см. «По Сибири».
«Trifle from Life» («Житейская мелочь») — 798.
«Trois ans» — см. «Три года».
«Trois sœurs» — см. «Три сестры».

«Uncle Vanya» — см. «Дядя Ваня».

«Valet de chambre» — см. «Рассказ неизвестного человека».
«Vanka» — см. «Ванька» (1886).
«Voisins» — см. «Соседи».

«Wife»— см. «Жена».
«Witche» — см. «Ведьма».
«Woman in the Case» («Роман с контрабасом») — 799.
«Wood Demon» — см. «Леший».
«Work of Art» — см. «Произведение искусства».

«Zinotchka» — см. «Зиночка».

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ЧЕХОВЕ. Конст. Федин V

ЧЕХОВ-ХУДОЖНИК. Максим Рыльский VIII

СВЕТЛАЯ ВЕРШИНА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Мухтар Ауэзов . . . XI

ОТ РЕДАКЦИИ XIII

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И РУКОПИСИ ЧЕХОВА

ДВЕ РАННИЕ РЕДАКЦИИ ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ»
Статья и публикация А. Р. Владимирской 1

БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ РАССКАЗА «НЕВЕСТА»
Статья и публикация Е. Н. Коншиной 87

РАННИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЧЕХОВА

ШУТОЧНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ЗРИТЕЛЬ»
Публикация Н. И. Гитович 109

«ПЕСТРЫЕ СКАЗКИ». ДВА ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ФЕЛЬЕТОНА ЧЕХОВА И В. В. БИЛИБИНА
Публикация Н. И. Гитович 111

ЮМОРЕСКИ ИЗ ЖУРНАЛА «ЗРИТЕЛЬ»
Приложение: «Моя семья» — предполагаемый фельетон Чехова
Публикация Б. Д. Челышева 116

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЕ РУКОПИСИ ЧЕХОВА

БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ ПЬЕСЫ-ШУТКИ «ЮБИЛЕЙ»
Сообщение Н. А. Роскиной 129

БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ РАССКАЗА «ПОПРЫГУНЬЯ»
Сообщение Н. И. Гитович 130

СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ РАССКАЗА «ДАМА С СОБАЧКОЙ»
Сообщение К. М. Виноградовой 133

АВТОГРАФ ДОБАВЛЕНИЙ КО ВТОРОМУ АКТУ «ВИШНЕВОГО САДА»
Сообщение А. Р. Владимирской 141

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЧЕХОВА

НОВОНАЙДЕННЫЕ И НЕСОБРАННЫЕ ПИСЬМА ЧЕХОВА

М. Н. Альбову, И. Н. Альтшуллеру, Л. Н. Андрееву, П. А. Архангельскому, Ю. К. Балтрушайтису, К. С. Баранцевичу, Елизавете Биле, В. В. Билибину И. Э. Бразу, Р. Ф. Ващук, М. Г. Вечеслову, А. Л. Вишневскому, И. С. Вологдину, В. А. Гольцеву, В. М. Дорошевичу, Н. П. Дучинскому, А. М. Евреиновой, А. П. Евтушевскому, С. Я. Елпатьевскому, М. К. Заньковецкой, А. И. Иваненко, К. П. Иванову, К. А. Каратыгиной, К. Л. Книпперу, О. Л. Книппер, М. М. Ковалевскому, И. М. Кондратьеву, В. О. Кононовичу, Я. А. Корнееву, Г. П. Кравцову, А. Е. Крымскому, В. М. Лаврову, Б. А. Лазаревскому, Н. А. Лейкину, П. С. Лефи, Ю. И. Лядовой, В. А. Маклакову, А. П. Мантейфелю, Д. Л. Манучарову, А. Н. Маслову (Бежецкому), В. Э. Мейерхольду, А. А. Михайлову, Н. Н. Оболонскому, М. К. Первухину, А. А. Петрову, М. Ф. Победимской, Е. Я. Политковской, Борживою Прусику, С. Ф. Рассохину, П. Г. Розанову, И. Н. Сахарову, В. Н. Семенковичу, А. П. Сергеенко, П. А. Сергеенко, К. М. Станюковичу, Л. А. Сулержицкому, Е. А. Сысоевой, И. Д. Сытину, В. С. Тюфяевой, А. И. Урусову, А. М. Федорову, О. И. Фельдману, С. Н. Филиппову, Н. Н. Хмелеву, М. М. Чемоданову, Ф. А. Червинскому, Г. М. Чехову, И. П. Чехову, М. П. Чеховой, П. Е. и Е. Я. Чеховым, М. А. Членову, Е. М. Шавровой, Ф. И. Шаляпину, Д. И. Эфросу, В. И. Яковенко, А. С. Яковлеву, неустановленному лицу, Серпуховской уездной переписной комиссии

Публикация Ш. Ш. Богатырева, В. П. Вильчинского, Н. И. Гитович, М. П. Гриельской, Е. Н. Дунаевой, И. С. Зильберштейна, М. Т. Колодочко, Е. Н. Коншиной, Ю. М. Миркиной, В. П. Нечаева, Э. А. Полоцкой, Н. А. Роскиной, М. В. Теплинского, И. В. Федорова, В. Е. Хализева, Б. Д. Хлестунова, Б. Д. Челышева 149

Приложения: I. Письмо Чехова в записи Л. А. Авиловой 259
II. Новонайденные автографы опубликованных писем Чехова . . 261
III. Другие автографы Чехова 263

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ И ФОТОГРАФИЯХ

О. Д. Агали, Н. В. Алтухову, А. П. Андрушкевичу, А. А. Ансерову, Ф. Д. Батюшкову, Леле Бессер, И. А. Бунину, С. И. Бычкову, Василию Феодоровичу, А. Л. Вишневскому, П. А. Гайдебурову, Р. Р. Голике, В. А. Гольцеву, И. Я. Гурлянду, В. Н. Давыдову, М. М. Дюковскому, В. А. Евтушевскому, Н. И. Забавину, К. А. Каратыгиной, В. И. Качалову, М. В. Киселевой, А. С. Киселеву, В. И. Киселеву, М. В. Клюкину, А. И. Книппер, В. Ф. Комиссаржевской, Е. И. Коновицер (Эфрос), С. П. Кувшинниковой, В. М. Лаврову, В. Н. Ладыженскому, А. С. Лазареву-Грузинскому, В. Д. Левинскому, И. И. Левитану, А. П. Ленскому, Л. М. Леонидову, М. П. Лилиной, А. А. Луговому, В. В. Лужскому, И. И. и Ю. И. Лядовым, Р. А. Менделевичу, Л. С. Мизиновой, М. И. Морозовой, В. И. Немировичу-Данченко, Н. Н. Оболонскому, Е. В. Омутовой, Ф. П. Покровскому, И. Е. Репину, Г. И. Россолимо, М. А. Самаровой, А. А. Санину (Шенбергу), П. М. Свободину, А. Л. Селивановой-Краузе, М. Р. Семашко, А. П. Сергеенко, Серпуховской земской библиотеке, С. Г. Скитальцу, А. И. и Ал. И. Соловьевым, Л. В. Средину, К. С. Станиславскому, В. Д. Старову, Н. И. Степанову, А. И. Сумбатову-Южину, И. Д. Сытину, Таганрогской городской библиотеке, В. С. Тюфяевой, Г. Н. Федотовой, Ф. Ф. Фидлеру, В. К. Харкеевич, А. А. Хотяинцевой, А. И. Чайкину, З. В. Чесноковой, М. П. Чеховой, В. М. Чехову, И. П. Чехову, М. Е. Чехову, М. П. Чехову, Л. Н. Шаповалову, Ф. О. Шехтелю, А. С. Шишкову, В. А. Эберле, Ф. Ф. Эрисману, А. И. Эртелю, П. Ф. Якубовичу, И. И. Ясинскому

Предисловие и примечания Н. А. Роскиной 265

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ЧЕХОВУ

ЧЕХОВ И ПЛЕЩЕЕВ
ПИСЬМА ПЛЕЩЕЕВА К ЧЕХОВУ
Статья и публикация Л. С. Пустильник 293

ЧЕХОВ И КУПРИН
ПИСЬМА КУПРИНА К ЧЕХОВУ
Статья И. В. Корецкой 363
Публикация Н. И. Гитович 379

ЧЕХОВ И БУНИН
ПИСЬМА БУНИНА К ЧЕХОВУ
Статья А. К. Бабореко 395
Публикация Н. И. Гитович 407

ЧЕХОВ И МЕЙЕРХОЛЬД
ПИСЬМА МЕЙЕРХОЛЬДА К ЧЕХОВУ
Статья Э. А. Полоцкой 417
Публикация Н. И. Гитович 435

ПИСЬМА К ЧЕХОВУ О СТУДЕНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 1899—1902 гг.
Статья А. Н. Дубовикова 449

ЧЕХОВ В НЕИЗДАННЫХ ДНЕВНИКАХ СОВРЕМЕННИКОВ

ИЗ ДНЕВНИКА И. Л. ЩЕГЛОВА (ЛЕОНТЬЕВА)
Публикация Н. Г. Розенблюма 479

ИЗ ДНЕВНИКА В. А. ТИХОНОВА
Публикация Н. И. Гитович 493

ИЗ ДНЕВНИКА Н. А. ЛЕЙКИНА
Публикация Н. И. Гитович 499

ИЗ ДНЕВНИКА В. А. ТЕЛЯКОВСКОГО
Публикация А. Э. Фриденберга 511

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК В. С. МИРОЛЮБОВА
Публикация Н. И. Гитович 519

ИЗ ДНЕВНИКА В. Г. КОРОЛЕНКО
Публикация А. В. Храбровицкого 523

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВЕ

Н. П. ЧЕХОВ. <ДЕТСТВО>
Публикация С. М. Чехова 531

М. Д. ДРОССИ-СТЕЙГЕР. <ЮНЫЙ ЧЕХОВ>
Публикация Н. А. Роскиной 538

З. Е. ПИЧУГИН. ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ. А. П. ЧЕХОВ
Публикация П. С. Попова 542

К. А. КОРОВИН. ИЗ МОИХ ВСТРЕЧ С А. П. ЧЕХОВЫМ
Публикация И. С. Зильберштейна 547

Н. В. ГОЛУБЕВА. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ
ТРИ ВСТРЕЧИ С НИМ В 1887, 1893 И 1899 ГГ.
Публикация П. С. Попова 557

К. А. КАРАТЫГИНА. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ
КАК Я ПОЗНАКОМИЛАСЬ С АНТОНОМ ПАВЛОВИЧЕМ
Публикация Е. М. Хмелевской 575

М. К. ЗАНЬКОВЕЦКАЯ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Статья А. М. Борщаговского 587
Публикация Н. И. Гитович 592

А. С. ФЕЛЬДМАН. ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ
Публикация Н. И. Гитович 594

А. С. ЯКОВЛЕВ. А. П. ЧЕХОВ. ВОСПОМИНАНИЯ
Публикация Ю. И. Масанова 597

А. А. ХОТЯИНЦЕВА. ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ
Публикация П. С. Попова 605

Е. П. ПЕШКОВА. ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ 613

А. П. СЕРГЕЕНКО. ДВЕ ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ 621

Л. К. ФЕДОРОВА. А. П. ЧЕХОВ
Публикация Н. А. Роскиной 629

И. А. БУНИН. ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОЙ КНИГИ О ЧЕХОВЕ
Публикация Н. И. Гитович 639

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕР. ЕЩЕ О ЧЕХОВЕ
Публикация Н. И. Гитович 681

ЧЕХОВ ЗА РУБЕЖОМ

ЧЕХОВ ВО ФРАНЦИИ
Обзор Софи Лаффит (Национальная библиотека, Париж) . . . 705

ЧЕХОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ
Обзор Ш. Ш. Богатырева 747

ЧЕХОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ
Обзор Томаса Г. Виннера (Мичиганский университет) 777

АНГЛИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ О ЧЕХОВЕ
Публикация М. А. Шерешевской 801

СООБЩЕНИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

ЧЕХОВ В РАБОТЕ НАД РУКОПИСЯМИ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ. I. РАССКАЗ Е. М. ШАВРОВОЙ «СОФКА». II. РАССКАЗ А. С. ПИСАРЕВОЙ «СЧАСТЬЕ»

Сообщение и публикация П. С. Попова 835

ЧЕХОВ В ПИСЬМАХ БРАТА МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА

Сообщение Е. З. Балабановича 855

ТОЛСТОЙ О ЧЕХОВЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ 871

ЧЕХОВ НА XXVIII ПЕРЕДВИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ 1900 г.

(ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНИЙ И. А. НОВИКОВА)

Сообщение М. П. Сокольникова 876

ДОПОЛНЕНИЯ К ПИСЬМАМ ЧЕХОВА

ПИСЬМА К АЛЕКСЕЮ Н. ВЕСЕЛОВСКОМУ И Н. М. КОЖИНУ 880

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСПОМИНАНИЙ О ЧЕХОВЕ

Составила Э. А. Полоцкая 881

Список условных сокращений 929

Указатель иллюстраций 930

Именной указатель

Составила И. Е. Гитович 936

Указатель упоминаемых произведений и прижизненных изданий Чехова

Составила И. Е. Гитович 965

В ТОМЕ 205 ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Литературное наследство, том 68. Чехов

*

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. Г. Богословский*

РИСО АН СССР № 1—108В. Сдано в набор 30/XI 1959 г.
Подписано к печати 30/IV 1960 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 62=84,94 усл. печ. л., 88,4 уч.-изд. л. Тираж 12000 экз
Т- 03084. Изд. № 4162. Тип. зак. № 2491.

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 18.
Телефон Г 5-29-66

Цена 50 руб. С 1/I 1961 г. цена 5 руб.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Цена 50 р.
с 1/I-1961 г. 5 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР